

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ВЪ 1798 ГОДУ.

Съ гравюры Дункортона, сдѣланной съ портрета Щукина.

дозв. ценз. 25 іюня 1901 г. спб.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXXV

1901

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1901 года).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ІЮЛЬ, 1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ, 1901 г.

См. слѣд. стр.

НА ЧУЖБИНѢ [1].

Записки эмигранта.

Романъ.

(Посвящается Льву Николаевичу Толстому).

XVI.

АПРѢЛЯ 15-го. Я—въ Равсонѣ. Первое, что я сдѣлалъ, было сходить на почту. На мое имя оказалось два письма. Одно—отъ Васи. Онъ пишетъ, что мечтаетъ пріѣхать къ намъ, что жить дома съ отцомъ и Кнопомъ безъ меня стало еще тяжелѣе, сообщаетъ, что Гвоздиковъ въ концѣ ноября скончался отъ бѣлой горячки, и проситъ крѣпко-крѣпко обнять «прекраснаго добраго моего Андрея Семеновича». «А васъ я тоже люблю и обнимаю, и вы тоже прекрасный и добрый», заключаетъ онъ.

Милый бѣдный, мальчикъ!

Посланіе Петрова живо напомнило мнѣ его. Оно наполнено совѣтами мнѣ и Лѣвшѣ, какъ хозяйничать, строиться и т. д. и т. д., и планами, болѣе или менѣе блестящими, составленными имъ для себя и Кнопа. Но писать больше не могу. Пуньильгуэ теребитъ меня за рукавъ и умоляетъ купить ему платье. Отправляемся.

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIV, стр. 839.

6-е мая. Равсонъ. Сегодня произошло событіе, которое я долженъ записать.

Я прожилъ въ Равсонѣ около мѣсяца и уже готовился выѣзжать, но меня задерживала только необходимость исполнить кой-какія формальности касательно утвержденія земельныхъ плановъ и титулоса, какъ здѣсь называютъ купчую крѣпость. Мнѣ наконецъ рѣшительно сказали, что всѣ документы я получу послѣзавтра. Дѣлать было нечего. Оставалось бродить по городу.

Равсонъ—довольно большой и чистенькій городокъ съ населеніемъ по официальнымъ даннымъ около пятидесяти тысячъ, богатый и бойко торгующій. Несмотря на то, что цѣны на нѣкоторые продукты, благодаря его отдаленности отъ центра, несообразно высоки, въ немъ живется, повидимому, привольно. Трудъ оплачивается щедро, а такія заведенія, какъ кондитерскія, разныя мастерскія, даютъ отличный доходъ.

И такъ я бродилъ по городу, останавливался у оконъ магазиновъ, разсматривалъ выставленныя вещи и дѣлалъ небольшія закупки, когда, выходя изъ одной лавки, я услышалъ, какъ меня окликнулъ женскій голосъ:

— Александръ Петровичъ, вы ли это? Какъ вы сюда попали?

Недоумѣвая, я обернулся и увидѣлъ Басю. Она очень измѣнилась, похудѣла и постарѣла. Прежняго пухлаго личика съ ямочками на щекахъ не было и въ поминѣ. Вся она стала какъ-то выше и суше; но выраженіе лица ея было осмысленнѣе и серіознѣе, и я тутъ же сказалъ себѣ, что такою она мнѣ нравится больше, чѣмъ прежде.

— Боже мой, Бася!—воскликнулъ я.—А вѣдь мнѣ сказали у Вульфсоновъ, что вы бѣжали въ Европу.

— Въ Европу?—переспросила она и вдругъ густо покраснѣла.— Нѣтъ. Но постойте, Александръ Петровичъ, пойдемте куда нибудь, не стоять же тутъ на улицѣ. Мнѣ столько надо разсказать вамъ.

Видно было, что она очень обрадовалась встрѣчѣ со мной.

— Пойдемте ко мнѣ,—волнуясь, говорила она,—вы посмотрите, какъ я живу. Я здѣсь служу. Но пойдемте же, пойдемте.

Я послѣдовалъ за нею. Ея радостное волненіе передалось и мнѣ. Идя съ нею, я припоминалъ нашу встрѣчу и чувствовалъ, что сердце мое полно дружескаго участія къ этому одинокому, заброшенному и несчастному существу. Ея простой, скромный и непритязательный нарядъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе. Ничѣмъ не покрытая по здѣшней модѣ голова ея была гладко причесана. Простенькое сѣрое платье съ бѣлымъ передникомъ очень шло къ ней, и я невольно залюбовался ея стройной фигурой.

Мы шли недолго, и, пройдя улицы двѣ, вошли въ маленькій хорошенькій домикъ въ мавританскомъ стилѣ.

Бася провела меня на внутренній патіо, а отсюда въ кухню.

— Ужъ вы извините, Александръ Петровичъ,—сказала она и опять покраснѣла.—Я здѣсь и за кухарку, и за горничную, и за портниху, весь домъ на мнѣ.

— Полноте, Бася,—сказалъ я,—мнѣ ли вы это говорите? Развѣ мнѣ не случалось видѣть нужду? Приходилось быть и поденщикомъ и чангадоромъ (носильщикомъ).

— Мало ли что,—проговорила она, суетливо прибирая кухню и освобождая столъ.—Вотъ садитесь сюда къ столу, Александръ Петровичъ. Вѣдь я думаю, мате вы не любите, такъ я васъ чаемъ угощу, и мясо вамъ изжарю не по-здѣшнему, а по-нашему—по-русски.

— Не хлопочите такъ, Бася, я и мате полюбилъ. Тамъ у насъ на кампѣ не приходится роскошествовать.

— На кампѣ? Развѣ вы не здѣсь живете?

— Ахъ, да вы вѣдь не знаете всего, что съ тѣхъ поръ со мной случилось!

Тутъ я разсказалъ Басѣ обо всемъ, что со мной было съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ. Она слушала, полная внимательнаго участія, не переставая хлопотать о моемъ угощеніи, и къ тому времени, какъ я кончилъ, передо мной уже стояла тарелка съ прекраснымъ дымящимся бифштексомъ и стаканъ дешеваго краснаго мендозскаго вина.

— Ну, а вы, Бася, какъ жили? Разскажите мнѣ, какъ вы ушли отъ Вульфсоновъ?

— Да вѣдь вамъ тамъ разсказывали,—неохотно возразила она.

— Ничего я не знаю. Говорили про какого-то матроса.

Она присѣла къ столу.

— Это съ которымъ я бѣжала-то? Какой онъ матросъ! Онъ былъ штурманомъ. Пароходъ ихъ стоялъ что-то не то двѣ, не то три недѣли въ Буэносъ-Айресѣ. Вотъ онъ какъ-то къ намъ и заглянулъ, да съ того раза и повадился. Какъ вечеръ, ужъ онъ тутъ и все со мной, ни съ кѣмъ больше и говорить не хотѣлъ. Ревекку помните? Такъ на ту, бывало, и не глядитъ. Ну, и ходилъ онъ такъ съ недѣлю или больше. Онъ мнѣ не очень нравился, а все-таки лучше другихъ гостей. Такой деликатный и добрый, молодой, красивый. И ужъ не знаю, какъ вамъ сказать, Александръ Петровичъ, а мы точно подружились съ нимъ. Я ему про себя, а онъ мнѣ про себя разсказываетъ. Сидимъ какъ-то разъ вечеромъ за столикомъ, угощаемся, гостей много, Ревекка поетъ, а онъ мнѣ вдругъ и говоритъ, вотъ не хуже, какъ вы тогда—помните?—да зачѣмъ же вамъ здѣсь оставаться, если не хотите?—А куда я дѣнусь?—говорю я.—Да завтра на разсвѣтѣ,—говоритъ онъ мнѣ,—наша «Эстрелья» уходитъ въ Байю-Блянку, такъ хочешь, я тебя съ собой увезу?—И ужъ не знаю, отчаянность что ли на меня тогда напала,—хорошо, говорю я,—увезите.—Согласна?—Согласна,—говорю я.—Ну,

такъ завтра въ четыре часа утра будь на углу улицы, тамъ, гдѣ альмасенъ, я буду ждать тебя.—И что-жъ вы думаете, Александръ Петровичъ? Какъ ушелъ онъ,—должно быть, ужъ такъ около часу, гостей еще было много,—сказала я, что у меня голова болитъ, и пошла къ себѣ. Лежу и не сплю и все, знаете ли, мечтаю, какъ-то я отсюда уйду, и ужъ навсегда, и будетъ совсѣмъ новая жизнь. Мечтаю такъ, да нѣтъ, нѣтъ, и думаю себѣ: а вѣдь онъ меня надуетъ и не подумаетъ прійти. Уѣдетъ себѣ въ море, только я его и видѣла. И нисколько мнѣ его самого не жаль, а только себя жаль, что вотъ лежу я, все это придумываю, да воображаю, и ничего-то этого не будетъ.

Она встала съ табурета, на которомъ сидѣла около меня у стола, и въ волненіи быстро заходила по комнатѣ.

— Ничего этого не будетъ, а наступитъ завтра, и начнется та же, прежняя проклятая, ненавистная жизнь. Вотъ лежу я такъ, слышу, голоса стали утихать: ни пѣнія, ни музыки. Наконецъ и все затихло. Вскочила я, взглянула на часы: полчаса четвертаго. Въ головѣ у меня такъ и застучало. Что тутъ со мной сдѣлалось, и сама не знаю. Сбросила я съ себя платье, въ которомъ я была, надѣла самое простое черное, голову косынкой повязала, десять рублей, что у меня были спрятаны въ чулкѣ подъ матрасомъ тайкомъ отъ старой Сарры, завязала въ уголокъ платка и на цыпочкахъ, не дыша, пробралась къ двери. Смотрю, заперта, на ключъ, а ключа нѣтъ. Сердце у меня такъ и захолонуло, чувствую, что ноги мои подкашиваются подо мной, а сама по стѣнамъ обѣими руками шарю, не попадется ли ключъ, хоть и знаю, что ключъ всегда или оставлялся въ скважинѣ, или Мойше его къ себѣ въ карманъ бралъ. Вспомнила я это, иду назадъ, и одна только мысль у меня: уйти поскорѣй. Вхожу въ кухню, темь такая, что ничего не видать, только слышно, какъ Мойше храпитъ. Шарю по немъ руками,—въ ногахъ платье валяется, всѣ карманы вывернула—нѣтъ ключа. Ну, думаю, теперь одна надежда, сунула руку къ нему подъ подушку, тутъ ключъ. Схватила его и бѣжать. И вотъ странно, Александръ Петровичъ! Нужды нѣтъ, что темно, а я такъ бѣгомъ до двери и добѣжала, не задѣла ни за что, не наткнулась, точно какая меня сила несетъ. Отворила дверь, вышла на улицу и стою. Постояла такъ, подумала, выдернула ключъ съ той стороны, прихлопнула дверь, да и заперла ее снаружи, чтобы не сразу хватились. Ключъ бросила тутъ же на улицѣ. Иду на назначенное мѣсто. Смотрю, морякъ мой тутъ. Я такъ и вскрикнула отъ удивленія. До самой послѣдней секундочки мнѣ такъ и не вѣрилось, что онъ придетъ, и шла я, куда глаза глядятъ, только бы уйти. Буду, молъ, итти, пока силъ хватитъ, а тамъ видно будетъ. Смотрю, стоитъ экипажъ. Какъ я сѣла въ него, какъ поѣхала, и что мнѣ говорилъ мой морякъ и куда привелъ меня,—ничего не помнила. Морякъ

мой толкнулъ меня въ какую-то темную каморку и приказалъ мнѣ сидѣть смирно и молчать. Оглядѣвшись, я увидѣла, что я въ каютѣ. Въ крошечное, круглое окно видно только было воду, да черный корпусъ другого большого корабля. Должно быть, отъ волненія и усталости я заснула, а когда проснулась, то поняла, что мы уже плывемъ въ морѣ. Немного времени спустя, щелкнулъ замокъ, и вошелъ онъ.

— Ну, теперь мы въ морѣ,—сказалъ онъ мнѣ.—Я сказалъ про тебя лейтенанту, только лучше тебѣ не показываться, а то можетъ дойти до капитана, и выйдетъ исторія. Я буду приносить тебѣ сюда обѣдъ и ужинъ, а черезъ три дня мы будемъ въ Байѣ-Блянкѣ.

Такъ я и сидѣла все время, какъ птица въ клѣткѣ. Наконецъ пришли въ Байю-Блянку. Морякъ самъ вывелъ меня на берегъ и повезъ меня въ гостиницу. Въ ней прожила я недѣлю, пока стояла «Эстрелья». Каждый день пріѣзжалъ онъ ко мнѣ, обѣдалъ со мной, а потомъ посидитъ недолго и уѣдетъ, ниразу не оставался ночевать. А черезъ недѣлю онъ мнѣ сказалъ: «Завтра «Эстрелья» уходитъ въ море. Я тебя съ собой взять не могу».—Да я и сама не поѣхала бы съ нимъ. — «Изъ вертепа я тебѣ помогъ выбраться, ты—добрая и хорошая дѣвушка. Вотъ тебѣ сто песовъ. Далъ бы больше, да у самого нѣтъ. Устраивай свою жизнь, какъ хочешь, и не поминай меня лихомъ, а я всегда скажу, что ты—славная дѣвушка. Прощай». — Я обняла и поцѣловала его на прощанье и сказала, что никогда не забуду того, что онъ для меня сдѣлалъ. И сто песовъ у него взяла съ радостью. Потому что, подумайте, Александръ Петровичъ, что бы я сдѣлала безъ денегъ? Все-таки хоть на первое время, а деньги могли мнѣ понадобиться. Въ гостиницѣ онъ за меня заплатилъ, и я въ тотъ же день ушла оттуда и рѣшила искать хоть какой нибудь работы. Цѣлый день я проходила по городу. Заходила въ лавки, магазины, въ кухмистерскія. Наконецъ хозяйка одного альмасена, узнавъ, что я русская, охотно согласилась взять меня къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы помогала ей по хозяйству, присматривала за двумя дѣтьми, а если случится, то торговала бы и въ лавкѣ. Жалованье она мнѣ назначила восемь песовъ. Я хоть и знала, что въ Южной Америкѣ европейская прислуга получаетъ очень дорого, но мнѣ было некуда итти и не изъ чего было выбирать, да и хозяйка мнѣ понравилась: она была такая добрая и простая, къ тому же вдова. Такъ я и поселилась у нея. Потомъ мѣсяца черезъ три она сама нашла мнѣ мѣсто на хорошее жалованье въ двадцать пять песовъ, и жить мнѣ тамъ было хорошо, хоть и немножко трудно. Семья была богатая, настоящая аргентинская. Въ цѣлый день никто палецъ о палецъ не ударитъ, и за каждымъ-то прибери, каждому подай, особенно барышнямъ. Ихъ было три, всѣ невѣсты. Разрядятся, на-

румянятся, набѣлятся и пойдутъ гулять. А придутъ, все пошвыряютъ кое-какъ, надѣнутъ капоты и развалятся въ креслахъ-качалкахъ съ книжкою въ рукѣ. И невѣжды же онѣ были! Старшая еще еле-еле писала, а вторая и младшая и писать не умѣли. Зато каждый день ходила француженка и учила говорить ихъ по-французски да читала съ ними французскіе романы. Барыня была толстая, добрая, цѣлый день, бывало, сидитъ и сосетъ мате. Ко мнѣ она относилась очень хорошо. А жить у нихъ мнѣ все-таки было нельзя. Отъ мужчинъ мнѣ просто проходу не было. И отецъ и оба сына,—одинъ еще въ коллегіи учился, а другой ужъ давно и учиться бросилъ,—такъ, бывало, и увиваются около меня. И до того мнѣ это противно стало, что я взяла, да и ушла отъ нихъ. Они уговаривали меня остаться и рекомендовали меня въ другой домъ къ своимъ знакомымъ. Эти меня увезли сюда въ Равсонъ. Только и отъ нихъ пришлось мнѣ на время уйти, заболѣла я. А теперь опять живу у нихъ. Хозяева мои добрые люди и со средствами, а все-таки нѣтъ, нѣтъ, да скучно станетъ. Думаю я, Александръ Петровичъ, накопить денегъ да завести какое нибудь дѣло.

Въ это время Басю позвали. Былъ уже одиннадцатый часъ, но домъ только еще начиналъ просыпаться. Когда Бася вернулась, я сталъ прощаться.

Она вдругъ ужасно заволновалась.

— Ахъ, Александръ Петровичъ! Да какъ же это такъ? Неужели уходите? Боже мой! Мнѣ столько еще надо сказать вамъ. Вы не зайдете больше?

И на глазахъ ея показались слезы.

— Непремѣнно зайду, Бася,—горячо сказалъ я:—не уѣду, не простясь съ вами. Если хотите, приду завтра.

— Ну, погодите, я хоть провожу васъ. Смотрите же, Александръ Петровичъ, приходите завтра непремѣнно, а то грѣхъ вамъ будетъ.

— Приду, Бася, вы знаете, что приду.

Мы уже вышли на улицу. Я пожалъ ея руку и уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по тротуару, какъ до меня донесся крикъ Баси, исполненный мольбы, почти отчаянія.

— Александръ Петровичъ, вернитесь ради всего святого?

Я поспѣшно бросился къ ней.

Она взяла меня за руку и повлекла за собой.

Мы прошли передній дворъ, какъ и въ первый разъ, и вступили на другой, но Бася не повела меня въ кухню, а отворила стеклянную завѣшанную изнутри дверцу, и я очутился въ маленькой комнаткѣ, или, скорѣе, въ чуланчикѣ.

Въ глубинѣ стояла желѣзная кровать, — я понялъ, что это — комната Баси,—а у стѣны ближе къ двери колыбелька.

Она подвела меня къ ней и отдернула пологъ.

Я увидѣлъ бѣлую чистенькую постельку и крошечную, утопающую въ подушкѣ бѣлокурую головку.

— Мальчикъ,—радостно прошептала Бася.

Сердце мое тревожно и сладко забилось, я самъ не зналъ почему.

— Чье это дитя, Бася?—шопотомъ не то отъ охватившаго меня вдругъ волненія, не то изъ боязни разбудить малютку спросилъ я, съ изумленіемъ смотря на ея освѣщенное радостной улыбкой, смущенное и милое мнѣ лицо.

— Это—мой сынъ, Александръ Петровичъ,—пролепетала она:—мой. Посмотрите, какой хорошенькій. Ему только три недѣли.

— Бася! Такъ это и мой сынъ?—вскричалъ я.

Она продолжала улыбаться, но губы ея вдругъ дрогнули, и изъ глазъ закапали крупныя слезы.

Я обнялъ ее и поднесъ къ губамъ ея руку.

— Бася, и ты не сказала мнѣ этого сразу? А если бы я уѣхалъ?

— А развѣ вы не уѣдете?—робко спросила она.

— Уѣду непремѣнно и скоро, но ты, Бася, и мой сынъ, вы должны ѣхать со мной. Съ этого дня ты—моя жена, и мы не разстанемся больше.

Она вдругъ зарыдала такъ горько, такъ неудержимо, что я растерялся, не зная, что сказать ей и чѣмъ утѣшить.

Но проснулся ребенокъ, и она отерла слезы и начала возиться съ нимъ.

Я благоговѣйно поцѣловалъ маленькій сморщенный лобикъ моего сына и простился съ Басей, сказавъ ей, что завтра приду, и чтобъ она готовилась къ отъѣзду.

Оставаться дольше я не могъ. У меня кружилась голова. Мое сердце разрывалось отъ волновавшихъ меня неожиданныхъ чувствъ, и я внѣ себя выбѣжалъ на улицу.

12-е мая. Завтра на разсвѣтѣ мы выѣзжаемъ. Бася съ головой ушла въ сборы и закупки. Денегъ у меня она не захотѣла взять, сказавъ, что деньги намъ очень нужно беречь, и что у нея есть свои накопленные двѣсти песовъ, изъ которыхъ она постарается истратить возможно меньше. Я предоставилъ ей дѣйствовать по ея усмотрѣнію. Деньги намъ надо дѣйствительно беречь, пока чакра не даетъ дохода, хотя жизнь наша на ней обезпечена. Трехсотъ пятидесяти песовъ, что я захватилъ съ собой, мнѣ едва хватило.

Изъ двухсотъ пятидесяти, оставшихся послѣ того, какъ я внесъ въ уплату за чакру сто, я употребилъ другіе сто на покупку аламбры, на первое время ограничившись 1000 метровъ, по 10 центавовъ за метръ. Остальные сто пятьдесятъ всѣ разошлись на покупки.

Я купилъ:

Ружье для Чофу	12 пес.—песо—75 к.
Брошь, серьги и шпильки для Пурковенъ .	1 » 25 цент.
Плугъ англійскій съ сошниками	16 » —
5 мѣшковъ триго, или пшеницы	25 » по 5 песо мѣш.
3 мѣшка маиса	15 » » 3 » »
10 кило—1¹/₂ фунта—стеариновыхъ свѣчей .	2 » » 20 центавовъ кило-песо 100 цент.
5 кило бразильскаго кофе	3 по 60 цент. кило.
5 » цейлонскаго чая	3 пес. 75 цент. по 75 цент. кило.
20 кило тукуманскаго сахара	4 по 20 цент. кило.
1 » табаку для стараго индѣйца . . .	1 пес 20 цент.
2 жеребенка	3 песо.
Консервовъ, крючковъ для рыбы, спичекъ, жестянку оливковаго масла, веревокъ толстыхъ и тонкихъ, уксусу, сухого печенья, перцу, хлѣба, всего на	16 песовъ.
Кромѣ того, я купилъ въ первый же день платье для Пуньильгуэ за	5 »
Пороху, пуль, патроновъ, дроби	8 »
5 паръ альпаргатъ по 25 цент.	1 песо 25 цент.
1 мясничій ножъ для свѣжеванья животн . .	3 »
1 бутылку чернилъ	40 цент.
¹/₂ стопы бумаги	2 песо.
Подержанный экземпляръ «Voyage d'un naturaliste» Чарльза Дарвина	1 » 35 цент.
«La Prenz»'у за шесть мѣсяцевъ въ табачной лавочкѣ	2 »
Лѣвшѣ для коллекцій и гербарія клею, камфары, тонкихъ, длинныхъ булавокъ, шелковыхъ нитокъ, кисеи для сѣтокъ, стеклышекъ на	4 »
Оконныхъ стеколъ, нарѣзанныхъ на куски отъ ¹/₄ арш. въ квадратѣ, на	7 песовъ 25 цент.
Кокосоваго масла, іодоформа, карболовой кислоты, спирту, всего на	5 »
Гвоздей, скобокъ, винтовъ и т. п. мелочей .	2 песо.
Одѣяльце и шапочку для ребенка	7 песовъ.
Значитъ, всего на . . .	149 песовъ 70 цент.

Что купила Бася, я не знаю. Но и она что-то много накупила.

У Баси такой сіяющій видъ, что, глядя на нее, я спрашиваю себя: неужели и у меня такое же радостное и свѣтлое лицо, какъ

у нея? Потому что, правду сказать, я всѣмъ существомъ ощущаю, что въ сердцѣ моемъ поселилось счастіе. Да, я счастливъ. Теперь я не буду себя чувствовать такимъ одинокимъ бобылемъ. Есть существо, которому я дорогъ, и которое дорого мнѣ. А нашъ мальчикъ? Да, я—не одинъ, у меня есть семья. Какъ легка покажется мнѣ жизнь на чакрѣ! Бѣдный Андрей Семеновичъ!

Бася говоритъ, что привыкла звать сына Алехандро, въ честь меня, но я попросилъ ее назвать его лучше Андреемъ, въ честь Лѣвши, и хоть этимъ показать ему, что мы любимъ и цѣнимъ его. Она съ готовностью согласилась. Я вижу по ея глазамъ, по милой улыбкѣ, что ей пріятно, чѣмъ только возможно, угодить мнѣ. Но я и самъ не противорѣчу ей ни въ чемъ и съ наслажденіемъ соглашаюсь съ нею. Мы счастливы.

Но есть человѣкъ, повидимому, еще счастливѣе насъ. Это—Пуньильгуэ. Невозможно безъ смѣха смотрѣть на его лицо, исполненное важности и достоинства, которымъ противорѣчитъ не покидающая его широкая, наивная улыбка. Онъ въ восторгѣ отъ подареннаго мною ему костюма, люстриновыхъ бамбачей, парусиноваго пиджака, розовой ситцевой рубашки съ отложнымъ воротникомъ и обшлагами съ мѣдными запонками, краснаго шейнаго платка и альпаргатъ на босу ногу. Убѣдить его надѣть носки я не могъ. Онъ рѣшительно объявилъ, что это лишнее, и надѣвать двѣ такія прекрасныя вещи на ноги не стоитъ. Особенно восхищаетъ его шейный платокъ. Онъ выпячиваетъ грудь, безпрестанно поправляетъ его и, не умѣя самъ завязывать его бантомъ, надоѣдаетъ Басѣ, которая съ ангельскимъ терпѣніемъ по нѣскольку разъ въ день завязываетъ ему то такъ, то этакъ.

— Сеньоръ,—сказалъ онъ мнѣ наконецъ,—я думаю снять рубашку, мнѣ тѣсно въ ней, и повязать одинъ галстукъ. И такъ будетъ хорошо.

Мнѣ удалось отговорить его не безъ труда отъ этого намѣренія. Зато онъ рѣшительно объявилъ, что дома уберетъ весь этотъ костюмъ, а по праздникамъ будетъ повязывать одинъ галстухъ.

Мы съ Басей много смѣялись надъ нимъ.

Но какъ онъ ни наивенъ, онъ намъ очень полезенъ. Между прочимъ по его совѣту, я купилъ жеребятъ совсѣмъ еще маленькихъ, такъ называемыхъ сосунковъ, вмѣсто пары лошадей, которыя мнѣ оказались просто не по карману. Кромѣ того, онъ отлично умѣетъ обращаться съ волами и знаетъ дорогу, или, вѣрнѣе, чувствуетъ себя въ пустынѣ, какъ дома. Съ нимъ я не боюсь ни за Басю, ни за ребенка и увѣренъ, что довезу ихъ благополучно.

Что-то скажетъ Андрей Семеновичъ, когда я явлюсь съ женой и сыномъ? То-то удивится. Ахъ, какъ хочется мнѣ поскорѣе увидѣть его, какъ хочется пріѣхать поскорѣе домой и зажить уже не попрежнему, а по-семейному!

Милая моя Бася! Какое счастіе, что я нашелъ ее! Ея прошлое не пугаетъ меня, равно какъ не представляется важнымъ и то, что я — христіанинъ, а она — еврейка. Какое до этого дѣло въ странѣ, гдѣ бракъ гражданскій имѣетъ такое же значеніе, какъ и церковный, и гдѣ для его законности достаточно, чтобы обѣ стороны въ присутствіи двухъ свидѣтелей подтвердили, что они— мужъ и жена. А мои собственные взгляды на жизнь и на людей такъ измѣнились, что я часто спрашиваю себя, да какъ же это я раньше считалъ серьезнымъ и важнымъ то, что было пошло, ничтожно и даже просто глупо?

Я представляю себѣ себя и Басю въ Европѣ. О, конечно, тамъ я не женился бы на ней, и все, все было бы тамъ иначе.

Но тамъ моими совѣтчиками были бы не яркое, благодатное солнце, не розово-палевыя зори, не величавое, безоблачное, зовущее отъ земного къ небесному небо, не черные, какъ ночь, то таинственно-молчаливые, то грозно-шумящіе, непроходимые безъ конца-края лѣса, не просторъ полей, не ясное, обагренное золотомъ денницы утро, не тихій, алѣющій въ мерцаніи зари вечеръ. Нѣтъ, ими были бы каменныя, бездушныя громады съ ихъ безсмысленными очами-окнами, мертво и тупо глядящими на закованную всюду въ камень и желѣзо, бѣдную, задавленную, загаженную и безплодную землю, да люди, какъ тараканы въ щель, набравшіеся въ нихъ, забитые, голодные, жалкіе и больные, съ волей, ищущей опереться на приказаніе, съ умомъ, что съ ужасомъ гонитъ отъ себя всякую свѣжую мысль, съ сердцемъ, сжавшимся въ комокъ и застывшимъ безъ солнца и ласки, опутанные съ головы до ногъ хитросплетенной, но ветхой и отвратительной сѣтью мелкихъ расчетовъ, жалкихъ усилій, ничтожныхъ самолюбій, гнусныхъ поползновеній, наглой робости, заносчивой трусости, унизительной зависти, оскорбительныхъ и пошлыхъ условностей и приличій, гдѣ не спрашиваютъ ума и не слушаютъ сердца,—всей той грязи и накипи, въ которой полузадохшійся въ желѣзныхъ объятіяхъ нужды, обезумѣвшій отъ страха человѣкъ пресмыкается ради насущнаго хлѣба, захватаннаго нечистыми пальцами тысячъ протянувшихся къ нему рукъ, замѣшаннаго на потѣ и крови однихъ, облитаго слезами другихъ и вырваннаго изъ голоднаго рта третьихъ.

И это и мое прошлое! И я еще былъ въ прекрасныхъ сравнительно условіяхъ. Какъ невыносимы показались бы они мнѣ теперь! И то, что я такъ цѣнилъ раньше, теперь мнѣ кажется далеко не столь цѣннымъ. А еще такъ недавно не я ли хвалилъ Васѣ городскую жизнь и говорилъ о людяхъ, объ обществѣ, о всѣхъ ихъ приманкахъ, какъ о вещахъ, почти необходимыхъ? Театры, картинныя галлереи, даже рестораны — все считалъ я вещами, безъ которыхъ и трудно и жаль обойтись.

Но какая драма заставитъ такъ дрогнуть мое сердце и такъ потрясетъ меня, какъ могучій грохотъ страшной великолѣпной грозы, мгновенно раздирающей черную пелену вверху и полнеба зажигающей ослѣпительнымъ пламенемъ? И какая самая чувствительная декламація вызоветъ на глаза мои благоговѣйныя слезы, что вызываетъ первая улыбка любимаго дитяти? Гдѣ тѣ полотна, тѣ созданія искусства, которыя не только бы сравнились, а хоть чуточку приблизились бы къ тѣмъ явленіямъ природы, къ тѣмъ божьимъ картинамъ, что ежедневно, ежеминутно въ самыхъ удивительныхъ, всегда неизъяснимо прекрасныхъ сочетаніяхъ красокъ, съ самыми неожиданными перспективами и свѣтовыми эффектами, до которыхъ не додуматься человѣку, развертываются передо мной? И какой искусной пѣвицѣ со всѣми ея руладами и трелями станетъ внимать съ тѣмъ умиленіемъ и тихой радостью человѣкъ, съ какими онъ, въ сумракѣ ли едва просыпающаго утра, въ розовомъ ли мерцаніи угасающаго дня, прислушивается къ щебетанью лѣсной пѣвуньи?

26-е мая. Имѣніе Чужбинка.

Путешествіе наше затянулось. Надо было очень беречь быковъ, а главное жеребята скоро уставали, и съ ними было немало возни. Два раза мы останавливались на цѣлый день съ двумя ночевками. Хорошо еще, что Бася и Андрюша чувствовали себя прекрасно и не устали, зато мы потратили много времени и только двадцать четвертаго мая къ вечеру подъѣхали къ границѣ нашей чакры.

Вотъ и низенькая жалкая мазанка, которую мы своими руками сложили съ Лѣвшой, и огородъ, и садъ. Какъ пышно разрослись въ немъ кусты, какъ высоко вытянулись деревья! Должно быть, насъ замѣтили, потому что я вижу у аламбры нѣсколько неподвижныхъ фигуръ, которыя смотрятъ въ нашу сторону. Но вотъ мы подъѣзжаемъ ближе—это Лѣвша, старый индѣецъ Нагуэль и его младшій сынъ. Вотъ они узнаютъ насъ, и всѣ три человѣка разомъ испускаютъ радостный крикъ.

Я слѣзъ съ каро, помогъ сойти Басѣ съ ребенкомъ и, указывая на нее пораженному Лѣвшѣ, сказалъ:

— Моя жена.

Бася протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ съ такой рыцарской вѣжливостью, что я даже и не ожидалъ отъ него. Всѣ мы обнялись, перецѣловались и вошли въ домъ. Лѣвша шелъ впереди, и лицо его выражало странную смѣсь большой радости и непреодолимаго смущенія, что придавало такое странное выраженіе его загорѣлому, суровому и вмѣстѣ доброму лицу. Я понималъ, что онъ очень обрадовался мнѣ, но что его такъ смущаетъ, и отчего у него такой сконфуженный видъ, представлялось для меня загадкой. Впрочемъ она скоро объяснилась.

Когда мы вошли въ первую комнату, изъ-за полога изъ шкуръ гуанако, которой была завѣшена узенькая дверь въ другую половину, выглянуло широко-улыбающееся, сверкая рядомъ прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ, лицо Пурковенъ и тотчасъ же скрылось.

Я вопросительно взглянулъ на Лѣвшу.

Онъ сконфуженно улыбнулся, сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой и скрылся за пологомъ. Черезъ мгновенье онъ появился снова, держа за руку молодую индіанку. Пурковенъ слегка упиралась, но лицо ея продолжало улыбаться. Я замѣтилъ, что она принаряжена. Голова, шея и руки ея были украшены множествомъ пестрыхъ лоскутковъ, раковинъ и рыбьихъ зубовъ. Длинные, густые волосы ея, переплетенные нанизанными раковинами и лоскутками, спускались до пояса, а часть ихъ была собрана на макушкѣ, завязана въ короткій торчащій прямо кверху пучекъ, въ который вѣеромъ воткнуто было съ десятокъ страусовыхъ перьевъ. На ней надѣто было что-то въ родѣ юбки и кофты, кое-какъ сшитыхъ изъ толстой шерстяной матеріи, въ которой я узналъ пледъ Лѣвши. Ноги, какъ и всегда, были босы.

— А я вотъ безъ васъ,—запинаясь и ища словъ, заговорилъ Лѣвша, глядя куда-то въ сторону:—взялъ ее къ намъ. Безъ женщины въ домѣ невозможно: она и за печкой посмотритъ, и птицъ покормитъ. А какъ она умѣетъ жарить асаду и варить пучеро, вы себѣ и представить не можете.

Мнѣ было жаль смотрѣть на него, до того онъ былъ смущенъ, и, отъ души желая ободрить его, я сказалъ:

— Это очень хорошо, я очень радъ, Андрей Семеновичъ, право, отлично.

Между тѣмъ Пурковенъ вырвала у него свою руку и, подбѣжавъ къ Басѣ, съ наивнымъ восторгомъ и любопытствомъ дикарки, стала разсматривать ея платье, мантилью, кое-какія бездѣлушки, бывшія на ней, робко дотрогиваясь руками до ея рукъ, волосъ и платья. Должно быть, лицо Баси показалось ей очень бѣлымъ и розовымъ, потому что она вдругъ приложила палецъ къ ея щекѣ и тихонько провела по ней. Улыбка не сходила съ ея лица, и она все время тихонько смѣялась.

Бася вывела насъ всѣхъ изъ смущенія и неопредѣленнаго положенія тѣмъ, что вдругъ обняла и поцѣловала Пурковенъ и объявила, что ужасно рада, что видитъ ее здѣсь, и что отнынѣ она ее считаетъ своей сестрой.

Лѣвша такъ и просіялъ.

Женщины ушли обѣ за перегородку.

Воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, Лѣвша сказалъ мнѣ:

— А я таки подумывалъ, Александръ Петровичъ, что-то вы скажете, какъ увидите, что я водворилъ у себя Пурковенъ. Ну, по крайней мѣрѣ, не я одинъ васъ удивилъ, а и вы меня. Да еще

какую красавицу привезли! Счастливецъ вы, право! Однако вамъ съ дороги надо покушать.

И онъ закричалъ по-испански:

— Разведи-ка огонь, Пурковенъ!

Черезъ нѣсколько минутъ на очагѣ весело трещалъ огонь, и около него ловко и проворно суетились обѣ женщины.

Чофу освѣжевалъ убитую имъ утромъ на охотѣ дикую козу. Часть ея мяса нарѣзали тонкими кусками и изжарили на рѣшеткѣ. А мы къ этому блюду присоединили привезенные нами съ Басей консервы и хлѣбъ, и у насъ вышелъ такой роскошный ужинъ, которымъ бы можно было похвастаться и не въ пустынѣ.

За ужиномъ Лѣвша предложилъ назвать чакру Чужбинкой. Мы съ Басей нашли, что онъ отлично придумалъ.

28-е мая. Мы рѣшили строить новый домъ. Я не желаю стѣснять Лѣвшу, хотя онъ и говоритъ, что мы прекрасно можемъ жить всѣ вмѣстѣ. Да и построить домъ нетрудно. У насъ есть два драгоцѣнныхъ помощника. Братья Пурковенъ хотя и продолжаютъ жить въ лѣсу въ своемъ шалашѣ и категорически отказались перейти на нашу чакру, охотно взялись намъ помочь.

Съ завтрашняго дня принимаемся за стройку.

2-е іюня. 14 по Цельзію.

Бася удивила меня своей хозяйственной запасливостью. Я поглядѣлъ вещи, которыя она накупила, и понялъ, что значитъ женщина въ домѣ.

Она привезла прекрасную ручную мельницу, на которой можно молоть маисъ, пшеницу, кофе. Значитъ, у насъ своя будетъ мука, и мы можемъ печь хлѣбъ. Затѣмъ мясорубку, благодаря которой у насъ подаются прекрасныя котлеты, терку, два чугунныхъ большихъ котла, одинъ, какъ объяснила она, для кипяченья бѣлья, другой для супа, маслобойку, духовой утюгъ, три сковороды, дюжину эмальированныхъ тарелокъ глубокихъ и мелкихъ, по полдюжинѣ ножей, вилокъ и ложекъ столовыхъ и чайныхъ, чайный фарфоровый сервизъ, двѣ скатерти, дюжину салфетокъ, мыла и еще множество мелочей, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ. Мы съ Лѣвшой просто блаженствуемъ,—такой порядокъ и благоустройство завелись въ нашемъ домѣ. Бася—отличная хозяйка и сумѣла привязать къ себѣ Пурковенъ, изъ которой сдѣлала себѣ прекрасную помощницу.

Онѣ очень подружились. Бася начала съ того, что подарила Пурковенъ кусокъ краснаго ситцу на платье и сама сшила ей юбку и кофту, а также передѣлала для нея одно изъ своихъ платьевъ.

Теперь Пурковенъ и узнать нельзя. Бася научила ее заплетать волосы въ косы, ежедневно заставляетъ ее чесаться и умываться и возится съ ней, какъ съ малымъ ребенкомъ.

Пурковенъ исполняетъ всѣ ея требованія безпрекословно и смотритъ на нее, какъ на существо высшее. Братья ея раздѣляютъ этотъ взглядъ и относятся къ Басѣ съ почтительностью, граничащей съ благоговѣніемъ. На своемъ образномъ языкѣ они зовутъ ее Че-май-пу, что значитъ: тѣнь иной страны.

Въ нашей маленькой колоніи царятъ дружба и миръ.

Но кому хорошо, такъ это Андрюшѣ. Это общій баловень и любимецъ. Андрей Семеновичъ зоветъ его своимъ крестникомъ, няньчитъ, поетъ ему пѣсни, чѣмъ совершенно покорилъ сердце Баси. Она увѣряетъ, что любитъ Лѣвшу, какъ родного, и не знаетъ человѣка лучше него.

— А я?—спрашиваю я ее при этомъ.

— Ты не въ счетъ.

Дни становятся, однако, понемногу холоднѣе. Особенно свѣжи утренники. Но мы не боимся холода. Въ домѣ у насъ тепло, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вставили стекла, приладили на петляхъ дверь и закрыли ее съ внутренней стороны шкурой гуанако.

Мѣсто для нашего дома, кажется мы выбрали очень удачное. Онъ стоитъ на холмѣ выше перваго, ближе къ лѣсу, у подошвы холмистой гряды, защищающей его отъ вѣтровъ. Пока заложенъ только фундаментъ, но по всему видно, что дѣло пойдетъ быстро. Работниковъ много, и есть ужъ нѣкоторый опытъ. Несомнѣнно, что домъ этотъ выйдетъ куда лучше того, притомъ же онъ будетъ вдвое больше. И порядокъ стройки у насъ теперь другой. Мы складываемъ сначала печку, а потомъ ужъ будемъ выводить стѣны, чтобъ можно было ежедневно топить печь и такимъ образомъ дать возможность стѣнамъ лучше обсыхать. Это важно на случай дождя.

Но пока погода стоитъ прекрасная, хоть и свѣжая.

7-е іюня. 9° по Цельзію.

Стало еще холоднѣе. Домъ нашъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Планъ его очень простъ. Какъ и въ первомъ, въ немъ будетъ только двѣ комнаты. Одна — большая, въ которую выходитъ печь и очагъ,—мастерская, столовая, рабочій кабинетъ,—назовите, какъ угодно,—въ двѣ сажени въ длину и въ три въ ширину, и другая—маленькая за печью, шириной въ сажень, гдѣ будутъ спать Бася съ Андрюшей, и гдѣ имъ и зимой будетъ тепло, такъ какъ вся стѣна будетъ нагрѣваться печью.

Лѣтомъ проектируется придѣлать къ большой комнатѣ террасу. А пока мы торопимся закончить маленькую комнату. Я хочу вывести въ ней стѣны и сдѣлать надъ ней крышу, а потомъ ужъ не спѣша кончать остальное, потому что Бася страшно торопитъ меня съ домомъ. Ей все кажется, что мы стѣсняемъ Лѣвшу, да и самой не терпится поскорѣе перейти въ «нашъ домъ».

Я думаю, что недѣли черезъ полторы, если не пойдутъ дожди, мы можемъ перебраться въ меньшую половину.

Въ промежуткѣ между постройкой дома и неотложными работами, мы съ Лѣвшой занимаемся изготовленіемъ мебели. Мы надѣлали табуретовъ и скамеекъ, обили ихъ звѣриными шкурами, соорудили нѣсколько столовъ и даже шкафъ для посуды.

Послѣдній предметъ обстановки привелъ въ положительный восторгъ и Басю и Пурковенъ. Но самое главное мы соорудили нѣсколько кроватей, и теперь никто изъ насъ не будетъ спать на полу.

Въ этомъ дѣлѣ инициіатива всецѣло принадлежитъ Лѣвшѣ, который безъ ума отъ Баси и не знаетъ, чѣмъ и какъ угодить ей.

Но, угождая Басѣ, онъ не забываетъ и Пурковенъ, къ которой искренно и нѣжно привязался.

Трогательно видѣть, съ какой предупредительностью, съ какой сердечностью относится онъ къ ней, какъ старается развить и образовать ее.

Онъ учитъ ее читать, писать и говорить по-испански, толкуетъ съ ней о Богѣ, научилъ ее молиться, разсказываетъ ей по-арауканскіи сказки. А какъ мягко онъ обращается къ ней! Да и насъ всѣхъ какъ онъ любитъ! Только теперь я вижу, какое у этого человѣка золотое, любвеобильное сердце.

Въ холодные вечера, когда стужа загоняетъ насъ рано въ домъ, мы иногда поочереди читаемъ вслухъ, и всякій дѣлаетъ какое нибудь дѣло.

У Лѣвши есть нѣсколько многотомныхъ ученыхъ сочиненій на русскомъ и другихъ языкахъ и библіотечка русскихъ писателей.

Послѣднихъ мы охотно перечитываемъ. Сколько родныхъ, милыхъ воспоминаній будятъ они въ насъ, какъ живо, какъ ярко встаютъ въ воображеніи картины далекой знакомой жизни!

Впрочемъ только я да отчасти Бася чувствуемъ еще кровную близость съ покинутой родиной и болѣемъ по ней душой.

Лѣвша же, я вижу, успѣлъ отвыкнуть отъ Россіи, и какъ ни бранитъ онъ аргентинцевъ, а любитъ ихъ, привязался къ странѣ и теперь въ этой новой, раньше неизвѣстной обстановкѣ чувствуетъ себя легко. Онъ очень поздоровѣлъ, загорѣлъ и даже помолодѣлъ. А охотникъ изъ него вышелъ такой, что индѣйцы и тѣ отдаютъ ему дань удивленія.

На-дняхъ онъ принялся за новый, большой литературный трудъ на испанскомъ языкѣ «Флора и фауна Аргентины». Онъ говоритъ, что языкъ пріютившей его страны долженъ стать его языкомъ, и что, если ужъ судьба сулила ему дожить вѣкъ свой въ Аргентинѣ, то и перомъ своимъ онъ будетъ служить ей и ея интересамъ.

17-е іюня. 12° по Цельзію. Вчера похоронили отца Пурковенъ. Старикъ умеръ спокойно отъ глубокой старости. Вечеромъ онъ еще дремалъ, сидя на корточкахъ у костра, а утромъ сы-

новья нашли его мертвымъ. Мы присутствовали на его похоронахъ. Молодые индѣйцы убрали голову покойнаго страусовыми перьями, надѣли на шею ожерелье изъ рыбьихъ зубовъ и раковинъ, завернули его въ лучшую звѣриную шкуру, какая только нашлась у насъ, а въ правую руку его вложили чусо, то самое копье, которое много-много лѣтъ служило ему и, если не было въ его рукѣ, то, воткнутое въ землю передъ входомъ въ его шалашъ, охраняло его домашній очагъ. На грудь ему они положили его лукъ и стрѣлы, которые передъ тѣмъ, какъ опустить его въ землю, старшій братъ взялъ себѣ.

Но что особенно заинтересовало меня, такъ это то, что къ щиколоткамъ его ногъ они сухими воловьими жилами прикрѣпили два крыла цапли.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете?—спросилъ я.

Младшій изъ братьевъ даже не обратилъ вниманія на мой вопросъ, но старшій серіозно сказалъ:

— Ему придется такъ далеко летѣть.

Потомъ они взяли у Пурковенъ яркій, пунцовый шелковый платокъ, который подарила ей Бася, и туго завязали имъ глаза мертвецу.

— Для того,—сказалъ мнѣ опять Пуньильгуэ:—чтобы, приблизившись къ солнцу, онъ не раскрылъ вдругъ глазъ и не ослѣпъ.

Затѣмъ они вырыли глубокую узкую яму, не болѣе квадратнаго аршина, и, опустивъ его туда стоя, закидали сухими листьями, землей, крѣпко затоптали ногами и наконецъ приволокли огромный камень, который положили на могилу для того, чтобы дикіе звѣри не разрыли ея и не съѣли трупа. Послѣ этого молодые индѣйцы до основанія разнесли свой прежній шалашъ и перешли на нашу чакру.

Они замѣтно цивилизовались. Стали носить одежду такую же, какъ и мы, перестали ѣсть сырое мясо, утратили суевѣрный страхъ къ ружью, даже оба сдѣлались порядочными стрѣлками. Единственно, къ чему они не могутъ привыкнуть, это—спать въ домѣ, и, какъ бы ни была плоха погода, въ дождь и холодъ, они предпочитаютъ, укрывшись звѣриными шкурами, оставаться подъ открытымъ небомъ. Благодаря имъ, мы загнали къ себѣ въ потреро до восьмисотъ головъ различнаго скота, изъ котораго большинство составляютъ дикія козы, которыя впрочемъ весьма быстро привыкаютъ къ человѣку.

Глядя на тѣ деревья, которыя мы посадили съ Андреемъ Семеновичемъ, когда только что пріѣхали на нашу чакру, мы можемъ убѣдиться, какая здѣсь благодатная и благодарная почва. Только немногія изъ нихъ не принялись, и, вѣроятно, по нашей же винѣ. Остальныя же успѣли значительно вырасти, покрылись густой листвой, а на абрикосахъ, лимонахъ и апельсинахъ пока-

зались уже цвѣты, которые мы впрочемъ оборвали, боясь, чтобы деревца не истощились. Индѣйцы увѣряютъ, что они къ веснѣ зацвѣтутъ снова. Огородъ нашъ тоже процвѣтаетъ, и всѣ посѣянные нами коренья дали прекрасный урожай. Мы уже переживаемъ на нашей чакрѣ вторую зиму и прожили лѣто и на опытѣ могли убѣдиться, въ какую благодатную страну мы попали, и какъ правъ былъ Лѣвша, остановивъ свой выборъ на этой мѣстности. Большихъ холодовъ здѣсь не бываетъ, зима безснѣжная и переносится легко, а лѣто, хотя и жаркое, но далеко не такое, какое, напримѣръ, въ Энтреріосѣ, да даже и въ сѣверной части провинціи Буэносъ-Айресъ.

28-е іюня. Утромъ было всего 7° по Цельзію, днемъ 12°. Ночи становятся очень холодны. Но намъ не страшна грядущая зима. Домъ у насъ теплый, звѣриныхъ шкуръ вволю.

Басина половина почти готова. Но работы еще предстоитъ много. Ей даже не предвидится конца. Выстроится домъ, надо распространять аламбру, сдѣлать загонъ для скота, сарай для орудій, подвалъ, постоянно сажать молодыя деревья, а также заботиться о запасѣ угля и дровъ.

Но въ самомъ сознаніи, что работы такъ много, есть что-то бодрящее, подымающее духъ и силы и наполняющее жизнь смысломъ.

Женщины намъ не уступаютъ, онѣ стираютъ, шьютъ, дѣлаютъ запасы провизіи. Бася, которая никакъ не могла помириться съ здѣшнимъ способомъ предоставлять скотъ самому себѣ, отчего онъ всегда остается дикимъ, помѣстила его около дома и приручила трехъ коровъ, сама ежедневно кормитъ и доитъ ихъ и вмѣстѣ съ Пурковенъ постоянно заботится о томъ, чтобы у нихъ всегда былъ кормъ. Прежде онѣ никого не подпускали къ себѣ, а теперь стали кротки и даютъ много молока. Бася требуетъ, чтобъ возможно скорѣе былъ поставленъ коровникъ.

Словомъ дѣла такъ много, что сидѣть, сложа руки, не приходится.

А ужъ пора подумать о посѣвѣ и приняться за пахоту. Всѣ мы съ утра до ночи трудимся.

Это не мѣшаетъ намъ быть всегда здоровыми, веселыми и бодрыми. Никто изъ насъ ни разу не пожаловался на нездоровье. Андрюша растетъ такимъ крѣпышемъ, что любо взглянуть. Большая часть и его и нашей жизни проходитъ на воздухѣ и, несмотря на зимнее время — впрочемъ такой погоды дай Богъ въ Петербургѣ лѣтомъ — мы ежедневно купаемся.

Бася порозовѣла и очень пополнѣла. Изъ нея вышла ретивая хозяйка и хорошая, умная мать.

Мы живемъ съ ней душа въ душу.

Вчера она очень удивила и меня и Андрея Семеновича. Зашла рѣчь о томъ, какую же религію будетъ исповѣдывать Андрюша.

Лѣвша предложилъ крестить его, говоря, что въ виду обстоятельствъ крестить разрѣшается всякому, и что ему наконецъ обидно считаться крестнымъ отцомъ только номинально.

Я тоже высказался въ томъ смыслѣ, что онъ будетъ православнымъ.

Но Бася вдругъ рѣшительно возстала и объявила, что онъ долженъ быть католикомъ.

— Да, да, непремѣнно католикомъ!—говорила она.—Разъ Аргентина будетъ его родиной, пусть онъ и религію исповѣдуетъ, господствующую въ Аргентинѣ.

— Ну, на религію здѣсь не больно обращаютъ вниманіе,—возразилъ Лѣвша.

— Нѣтъ, нѣтъ!—съ жаромъ подтвердила Бася.—Государственная религія въ Аргентинѣ—католическая, и вы сами знаете, Андрей Семеновичъ, что президентомъ въ Аргентинѣ можетъ быть только католикъ.

— Это правда!—согласился Лѣвша.

— Вотъ видите.

— А вы такъ увѣрены, что сынъ вашъ попадетъ въ президенты?—спросилъ Лѣвша.

— Вѣрнѣе всего, что онъ имъ не будетъ. Но если бы такъ случилось, я, по крайней мѣрѣ, въ правѣ буду сказать себѣ, что хоть одно изъ тѣхъ условій, отъ которыхъ зависѣло его избраніе, мною было принято во вниманіе.

Мы съ Андреемъ Семеновичемъ только переглянулись, а когда Бася вышла, онъ мнѣ сказалъ:

— Вы слышали? Это — разсужденіе матери, и только мать и можетъ такъ разсуждать и такъ смотрѣть на вещи. Все для нея имѣетъ значеніе постольку, поскольку это можетъ служить для счастья ея сына. Она уже видитъ его будущую жизнь, заранѣе намѣчаетъ его жизненный путь и живетъ имъ и для него. Про нее можно сказать, что у нея дѣйствительно есть цѣль важная и значительная.

4-е іюля. Первый морозъ. Рано утромъ на травѣ и кустахъ лежалъ иней. Къ полудню стало тепло.

Мы съ Басей перешли наканунѣ въ свой домъ. Онъ далеко еще не готовъ, но Басина половина закончена, а въ большой комнатѣ хотя стѣны и выведены, крыша забрана только въ одинъ рядъ на скорую руку, окна не вставлены, и снаружи стѣны не обложены камышомъ и не обмазаны глиной. Все это мало-по-малу сдѣлается.

Андрей Семеновичъ съ Пурковенъ и ея братьями пришли къ намъ послѣ дневныхъ трудовъ праздновать новоселье.

Бася угостила насъ прекраснымъ паштетомъ изъ дикой козы и жареной рыбой.

Затѣмъ мы пили чай и въ честь торжества выпили по полъ рюмки коньяку.

Банкетъ нашъ затянулся до поздней ночи.

Лѣвша былъ необыкновенно оживленъ и разсказалъ множество интересныхъ эпизодовъ изъ своей горемычной скитальческой жизни.

Долго разговаривали мы, вспомнили Петрова, Васю, Кнопа, бѣднаго Гвоздикова.

Ужъ поздно ночью, когда совсѣмъ стемнѣло, и на темномъ небѣ встала яркая золотая луна, наши гости разошлись, и мы съ Басей остались у себя дома одни.

Утомленные мы поспѣшили лечь спать.

Не знаю, долго ли спалъ я.

Меня разбудилъ плачъ ребенка. Я хотѣлъ было тотчасъ же встать къ нему, но услыхалъ, что Бася уже вскочила и подошла къ нему.

Заснуть мнѣ не удалось. Долго съ раскрытыми глазами лежалъ я, вглядываясь въ предразсвѣтный сумракъ. Наконецъ поднялся и быстро сталъ одѣваться.

За перегородкой Бася укачивала Андрюшу и тихонько, чуть слышно, пѣла, должно быть, думая, что я сплю.

Въ ея тихомъ голосѣ звучала странная торжественность.

Я подошелъ къ перегородкѣ и прислушался.

Она пѣла аргентинскій народный гимнъ.

Oid, mortales, el grito sagrado:
  Libertad! Libertad! Fraternidad!
Oid el ruido de rotas cadenas,
  Ved en trono la noble igualdad!
Se levantà a la faz de la tierra
  Una nueva y gloriosa nacion,
Coronado su sien de laureles
  Y a sus plantos rendido un leon.

Sean eternos los laureles
  Que supimos conseguir!
Coronados de gloria vivamos,
  O juremos con gloria vivir!

Потомъ ту же строфу она запѣла по-русски въ моемъ переводѣ, который я сдѣлалъ для нея.

Внимайте, смертные, священному кличу:
  Свобода, свобода и братство!
Гремя, спадаютъ порванныя цѣпи.
  И равенство вѣнчается на царство!
Встаетъ предъ лицомъ всей вселенной
  Новый и славный народъ.
Увѣнчанный лавромъ побѣднымъ,
  Онъ льва подъ пятою гнететъ.

Да будутъ вѣчны побѣдные лавры,
Что сумѣли себѣ мы стяжать!
Будемъ жить, увѣнчанные славой,
Иль поклянемся со славой умирать!

Должно быть, ребенокъ заснулъ. Она вдругъ умолкла.

Мгновеніе спустя, она, совсѣмъ одѣтая, вышла изъ дому и остановилась на крыльцѣ.

Я тихо подошелъ къ ней и сталъ позади.

Она стояла, глубоко задумчивая, неподвижная, и, не отрываясь, смотрѣла прямо передъ собою туда, гдѣ уже загоралось солнце.

Пышное, великолѣпное, все розовое, побѣдоносное, вставало оно, струя не жгучіе, но уже горячіе золотые лучи свои на дремавшую еще землю.

Подъ ними таяли туманы, и убѣгали тѣни ночи.

Я обнялъ жену и сказалъ:

— Скажи, Бася, тебѣ бываетъ скучно здѣсь? Ты грустишь?

Она повернула ко мнѣ блѣдное, серьезное и кроткое лицо и, указывая на пылающій востокъ, пропѣла:

Свобода! Свобода и братство!

Я понялъ ее и нѣжно поцѣловалъ въ ея чистый, умный лобъ.

Мы еще постояли немного, а потомъ вмѣстѣ, обнявшись, вошли въ домъ, и оба склонились надъ колыбелью нашего сына.

Онъ крѣпко спалъ, богатырски разметавъ загорѣлыя, сильныя, полныя ручонки.

На пухлыхъ щечкахъ игралъ яркій румянецъ, полураскрытыя, алыя губки улыбались счастливой улыбкой.

Мы, молча, переглянулись, безъ словъ понимая другъ друга, и принялись за обыденный трудъ.

Бася начала хозяйничать. Я пошелъ въ садъ окучивать молодыя деревья.

Копая землю, я вдругъ почувствовалъ, что лицо мое мокро. Это были слезы. Невольно и неудержимо, вслѣдъ моимъ думамъ, катились онѣ по моимъ щекамъ.

— Прощай, прощай,—говорилъ я себѣ:—прощай, великая, родная, далекая Россія! Для меня вѣчно милая, вѣчно незабвенная, вѣчно дорогая родина, но для сына моего уже чужая, уже ненужная, непонятная ни въ своемъ великомъ, ни въ своемъ маломъ страна. Прощай!

Прощай и ты, жизнь для себя—пустая, праздная, безполезная,—жизнь напоказъ, на людяхъ. Прощай!

Здравствуй, трудъ! Большой, тяжелый и неустанный трудъ для тѣхъ, кто пожнетъ плоды его, когда меня уже не будетъ, для новыхъ людей, для молодого поколѣнія. Для него нужно поднять эту

дѣвственную почву, для него засѣять ее, для него засадить деревьями степь, развести постройки, расчистить лѣса, ему облегчить жизненный путь.

Здравствуй и ты, солнце свободы! Сіяй и мнѣ, прекрасное, вѣчно желанное! И, можетъ быть, печальный закатъ дней моихъ въ этой глубокой, чужой мнѣ пустынѣ, озаренный огнемъ лучей твоихъ, будетъ не такъ безотраденъ.

Маркъ Басанинъ.

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА [1].

XIX.

Мой первый визитъ къ Alexandrine и знакомство съ ея мужемъ.—Обѣдъ у нея и нашъ tête-à-tête.—Исповѣдь Alexandrine.—Дальнѣйшія свиданія и горничная Катя.—Моя глубокая любовь къ Alexandrine.

ПО ВОЗВРАЩЕНІИ въ домъ дѣда, мы застали у Лизаветы Ивановны Alexandrine,—еще красивѣе, еще «пышнѣе», чѣмъ я видѣлъ ее въ первый разъ. Лизавета Ивановна меня «представила» ей, и я въ миломъ, умномъ, очаровательномъ ея разговорѣ скоро забылъ и недавнее мое свиданіе съ П—ой и всю свою на нее досаду.

Alexandrine на прощанье, подавая мнѣ свою руку, сказала:

— Надѣюсь, знакомство наше не прекратится однимъ свиданьемъ. Вы посѣтите меня!

Я, молча, поклонился. Захлебнувшись отъ удовольствія, не нашелъ словъ благодарить ее.

Минута эта рѣшила мою участь, а женщина эта измѣнила совершенно мою будущность.

Въ первое, затѣмъ, воскресенье я отправился къ Alexandrine. Въ сѣняхъ швейцаръ, отворяя мнѣ дверь, отдалъ «честь» своей булавой; въ оффиціантской высокій, красивый лакей въ кафтанѣ съ аксельбантомъ, красномъ жилетѣ, обшитомъ тонкимъ позумен-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», LXXXIV, стр. 864.

томъ, и въ штанахъ гороховаго цвѣта, съ такими же штиблетами на ногахъ, снявъ съ меня шинель, дернулъ одинъ разъ за ручку колокольчика. Впослѣдствіи, познакомившись короче въ домѣ, я узналъ и порядки, въ немъ заведенные. Одинъ ударъ колокольчика означалъ пріѣздъ мужчины, и тогда хозяинъ дома не удостоивалъ подыматься съ мѣста для пріема посѣтителя; два удара возвѣщали визитъ дамы: хозяинъ выходилъ къ дверямъ залы и тамъ встрѣчалъ пріѣзжую гостью.

Съ сильнымъ замираніемъ сердца я подымался по широкой, чугунной лѣстницѣ, устланной ковромъ и уставленной экзотическими растеніями со статуями по угламъ. Вся эта роскошная обстановка сильно мнѣ не нравилась. Мнѣ казалось, что за нею я не могу найти простого любящаго сердца, а встрѣчу женщину, напыщенную своимъ богатствомъ, положеніемъ въ свѣтѣ, утонченную въ свѣтскихъ приличіяхъ. . . . и что далѣе черты, опредѣленной этимъ приличіемъ, хозяйка дома не переступитъ... Съ такими мыслями я вошолъ въ обширный залъ въ два свѣта и хорами для музыкантовъ. Вездѣ бросались мнѣ въ глаза хрусталь и бронза; въ огромныхъ, цѣльныхъ зеркалахъ я поминутно встрѣчалъ свое отраженіе, пока по мягкому половику подходилъ къ гостиной, откуда на встрѣчу мнѣ неслись голоса разговаривающихъ.

Въ гостиной я нашелъ, кромѣ хозяйки дома, какихъ-то двухъ дамъ и троихъ мужчинъ. При моемъ появленіи Alexandrine, привставъ съ дивана, подала мнѣ руку, затѣмъ позвала мужа. На зовъ ея, одинъ изъ трехъ мужчинъ, отдѣлившись отъ прочихъ, подошелъ ко мнѣ: то былъ невысокаго роста, лысый старичокъ съ морщинами на лицѣ и двумя звѣздами на обоихъ бортахъ фрака.

Подавъ мнѣ въ свою очередь руку, старичокъ съ сладенькой улыбкой сказалъ:

— Очень радъ съ вами познакомиться. Жена мнѣ говорила о васъ. Я самъ старый уланъ и люблю всѣхъ молодыхъ уланъ.

Затѣмъ, усадивъ меня около себя, онъ почти все время исключительно занимался только мною, какъ бы стараясь короче узнать меня. Черезъ полчаса откланявшись, я отправился къ двери. Князь, провожая меня, на прощанье еще разъ пожалъ мнѣ руку, прибавивъ:

— Надѣюсь скоро увидѣть васъ!

Такимъ образомъ, совершенно «не думано и не гадано», сдѣлался я вхожъ въ одинъ изъ лучшихъ аристократическихъ домовъ въ Москвѣ.

На другой день утромъ, когда я возвратился съ манежной ѣзды, мнѣ подали визитную карточку князя, при чемъ передали, что князь самъ пріѣзжалъ и велѣлъ передать мнѣ свое желаніе видѣть меня какъ можно чаще.

Дѣдъ, не знавшій дотолѣ князя и по желанію послѣдняго принявшій его, познакомился съ нимъ, найдя въ немъ милаго, любезнаго старика своего времени.

Въ послѣдующій затѣмъ мой пріѣздъ къ Alexandrine я не засталъ мужа ея дома, но отъ этого мнѣ было не легче; она была не одна, ее окружали несносные гости, и я едва успѣлъ перекинуться къ ней нѣсколькими ничего незначащими словами. Въ третій мой пріѣздъ повторилось то же самое. Я началъ приходить въ отчаяніе, думалъ, что никогда не удастся мнѣ остаться съ ней вдвоемъ. По свойственному мнѣ «чутью», о которомъ я уже говорилъ, для меня было ясно, что нравлюсь ей; сердце мое давно ей принадлежало. Но судьба за мое терпѣнье готовила мнѣ награду. Однажды рано утромъ я получилъ отъ князя прелюбезную записку, которой онъ приглашалъ меня въ тотъ же день къ 7-ми часамъ вечера на обѣдъ «запросто».

Я не могъ скрыть своей радости и въ напыщенныхъ выраженіяхъ благодарилъ князя за приглашеніе.

Само собою разумѣется, что я не преминулъ имъ воспользоваться и въ $6^1/_2$ часовъ отправился на обѣдъ. Предчувствіе не обмануло меня: у нихъ не было никого изъ постороннихъ, и мы втроемъ сѣли за столъ. Разговоръ не умолкалъ ни на минуту. Какъ легко ведется онъ въ присутствіи любимой женщины и когда легко на сердцѣ! Подали шампанское, и мы пили за здоровье другъ друга. По окончаніи обѣда князь, отирая салфеткой свои жирныя губы, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Я съ вами безъ церемоніи, молодой человѣкъ! Прошу васъ, останьтесь побесѣдовать съ женою, а я тѣмъ временемъ часокъ, другой сосну.

По его уходѣ, Alexandrine, взявъ меня за руку, сказала:

— Пойдемте въ мой будуаръ. Тамъ намъ будетъ свободнѣе. Въ немъ я принимаю только друзей,—и свела меня въ нижній этажъ дома.

Будуаръ этотъ отдѣланъ былъ, какъ игрушка, но съ большимъ вкусомъ. Чего-чего не было въ немъ: и мебель разныхъ фасоновъ, и письменный столъ, и этажерки стоящія и висячія, и шкафъ съ книгами. Вездѣ были разставлены и разложены разныя бездѣлушки, столь цѣнныя и столь необходимыя для каждой свѣтской женщины. Все это освѣщалось мягкимъ полусвѣтомъ китайскаго фонарика, висящаго на потолкѣ.

Разговоръ, столь оживленный на верху, теперь какъ-то не вязался... мы оба чувствовали какую-то неловкость. Я всталъ, чтобъ взять шапку и уйти, но Alexandrine, какъ бы очнувшись, схватила меня за руку и, усаживая около себя на отоманкѣ, проговорила:

— Куда? Не отпущу! Мужъ, по своему обыкновенію, поѣдетъ вечеромъ въ англійскій клубъ, и мнѣ одной будетъ скучно. Прошу васъ, останьтесь.

Все это она проговорила прерывающимся голосомъ, торопясь, какъ бы робѣя. Я понялъ, что настала минута, о которой мечталъ, которую ожидалъ такъ давно; понялъ, что слѣдуетъ высказаться или теперь или никогда. При томъ выпитое мною шампанское вторично сослужило мнѣ службу, придавъ мнѣ смѣлости.

Усаживаясь около Alexandrine и не выпуская ея руки, которой она удержала меня, я началъ:

— Зачѣмъ вы удерживаете меня, княгиня? Какое удовольствіе или развлеченіе я могу доставить вамъ собою?

— Ну! это предоставьте рѣшить мнѣ самой.

— Да. А между тѣмъ рѣшеніе ваше,—продолжалъ я, скромно потупивъ глаза,—дорого мнѣ обходится. Пощадите меня!

— Это почему?

— Вы не разсердитесь?

— Нѣтъ! Только говорите правду, одну правду.

— Вы очень хорошо должны знать, что видѣть васъ часто и подолгу нельзя безъ того, чтобъ не увлечься вами, не полюбить васъ, не привязаться къ вамъ всей силой души.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Не притворяйтесь! Не играйте мной! Вы не можете не понимать, какое обаяніе производите на меня. Вашимъ любезнымъ, ласковымъ обращеніемъ, если только оно не притворно, можете свести меня съ ума... Повторяю, не губите меня и, пока еще время, позвольте мнѣ удалиться.

Alexandrine пристально уставила на меня свои большіе глаза, обыкновенно голубые, но въ ту минуту сдѣлавшіеся синими, какъ бы желая заглянуть ими въ самую глубь души моей и прочесть, что тамъ происходитъ.

Промолчавъ съ минуту въ видимой борьбѣ сама съ собою, она съ грустью въ голосѣ произнесла навсегда памятныя для меня слова:

— Милый ребенокъ! Но кто сказалъ тебѣ, что я сама и давно не погубила себя, полюбивъ тебя... И съ этимъ вмѣстѣ руки ея обвились около моей шеи... слезы брызнули изъ ея глазъ... и нашъ общій вздохъ слился въ одинъ долгій, долгій поцѣлуй!.. Я онѣмѣлъ отъ радости и нечаянности такого полнаго счастья... Alexandrine, какъ женщина, первая совладала съ собой. Отшатнувшись отъ меня, чтобъ выйти изъ очарованнаго круга, въ который я втягивалъ ее своими объятіями, она сказала:

— Теперь ты знаешь мою тайну. Дорого она обошлась мнѣ за то, что хранила ее! Не ты, а я умоляю тебя, не погуби меня.

Я бросился цѣловать ея руки, плечи, голову, уши... клялся любить ее вѣчно. Остановивъ мои порывы, она продолжала:

— Не клянись! Останься честнымъ человѣкомъ, и ты поймешь, чего стоитъ мнѣ мое настоящее признаніе! Поймешь и оцѣнишь его.

Что далѣе происходило, не помню. Есть минуты въ жизни, которыя можно чувствовать, но не описать... Душа моя плавала въ восторгѣ; самъ я былъ въ какомъ-то чаду, забытьи...

Вдругъ раздавшійся гдѣ-то вблизи колокольчикъ рѣзкимъ звукомъ отрезвилъ меня. Удивленными глазами я посмотрѣлъ на Alexandrine, какъ бы требуя поясненія. Она поняла мой взглядъ и сказала:

— Не тревожься! Мужъ проснулся и звонитъ камердинера. Сейчасъ онъ придетъ сюда. Будь благоразуменъ! Сядь вонъ тамъ,— и она указала на дальнее кресло.

Нѣсколько минутъ спустя, вошелъ князь. Вслѣдъ за нимъ внесли чайный приборъ, и Alexandrine принялась хозяйничать. Разговоръ шелъ самый обыкновенный: я болталъ безъ умолку, смѣшилъ старика до слезъ своими разсказами и не понималъ самъ, откуда во мнѣ явилась такая словоохотливость.

Вошедшій слуга доложилъ, что экипажъ стоитъ у подъѣзда. Старикъ всталъ, почтительно поцѣловалъ руку у жены, потомъ подошелъ ко мнѣ и съ чувствомъ сказалъ:

— Всей душой я полюбилъ васъ, молодой человѣкъ. Прошу навѣщать насъ какъ можно чаще.—И затѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Для него во все время нашего знакомства я остался «молодымъ человѣкомъ». Онъ, кажется, не помнилъ ни имени моего, ни отчества.

По отъѣздѣ князя, я было хотѣлъ подсѣсть къ Alexandrine, но она, уклоняясь отъ моихъ объятій, сказала:

— Нѣтъ, милый мой! Сядь противъ меня. Я буду смотрѣть на тебя и въ глазахъ твоихъ искать спокойствія и силы передать исповѣдь моего сердца.

Облокотясь на столъ и подперевъ рукой свою чудную головку, она молчала нѣсколько минутъ, углубившись въ себя и приготовляясь къ предстоящему разсказу. Потомъ начала исторію своей любви.

— Ты, можетъ быть, знаешь уже, что я выдана была замужъ противъ своего желанія, и потому я перейду прямо къ моей семейной жизни. Обыкновенно на лѣто мы уѣзжаемъ въ наши саратовскія имѣнія. Прошлымъ лѣтомъ какая-то невѣдомая сила удержала меня въ Москвѣ. Мнѣ очень не хотѣлось ѣхать въ деревню, между тѣмъ какъ прежде я всегда стремилась туда, чтобы отдохнуть на свободѣ отъ этой свѣтской суеты, которую я ненавижу, подышать чистымъ воздухомъ полей и рощъ, которыя я такъ люблю. Когда я сказала мужу о своемъ нежеланіи оставить Москву, онъ очень обрадовался. Не любя сельскихъ занятій, онъ постоянно скучалъ въ деревнѣ и жилъ въ ней только въ угоду мнѣ, предпочитая го-

родъ. Въ Москвѣ у него своя родина, англійскій клубъ, который онъ посѣщаетъ каждый вечеръ, если только свободенъ отъ занятій.

Потомъ спросила меня:

— Ты вѣришь въ предопредѣленіе?

— Смотря потому, кто представляетъ это предопредѣленіе, и я вѣрю ему съ тѣхъ поръ, какъ узналъ тебя.

— Не смѣйся, милый ребенокъ, и не шути! Я серіозно вѣрю и говорю, что есть предопредѣленіе, иначе чѣмъ объяснить мой послѣдующій разсказъ?

Затѣмъ продолжала:

— Это-то предопредѣленіе и остановило меня, безъ моего вѣдома, въ Москвѣ и указало мнѣ тебя, не знаю, какъ будущее ли мое счастье, котораго я до 24-хъ лѣтъ не испытала еще, или...—но я не далъ договорить ей и жаркимъ поцѣлуемъ остановилъ слова на ея губахъ.

Улыбнувшись какъ-то грустно, она продолжала:

— Говорятъ, полное счастье не подъ силу человѣку, оно убиваетъ его... Неужели и мнѣ готовится такая же участь? Неужели я, только что узнавшая, извѣдавшая все наслажденіе любви, должна пасть подъ ея ударами?

Я бросился къ ней, умолялъ отогнать отъ себя такія черныя мысли, просилъ не тревожить ни себя ни меня такими грустными предчувствіями, и когда же? Когда мы только что начинаемъ жить!

Приласкавъ меня рукой, Alexandrine сказала:

— Ну, хорошо! Только не прерывай меня, а то я никогда не кончу своей исповѣди. Мнѣ хочется высказать тебѣ все, что я перенесла и испытала, полюбивъ тебя. Слушай.

— Какъ-то въ концѣ іюля мужъ сказалъ мнѣ, что у него сейчасъ былъ Нейдгартъ, вашъ корпусный командиръ, и сказалъ, что назавтра назначенъ на Ходынкѣ какой-то смотръ,—какъ у васъ тамъ это называется? церемонный маршъ, что ли?—и предлагаетъ намъ пріѣхать посмотрѣть на войска. Я охотно согласилась, чтобы чѣмъ нибудь поразнообразить лѣтнюю монотонную жизнь города, при томъ же я никогда не видала конницы въ парадѣ. Наступилъ и счастливый и несчастный вмѣстѣ для меня день, который я и благословляю за то, что увидѣла тебя, и кляну, что узнала тебя!

Замѣтивъ мое движеніе прервать ее, она жестомъ руки остановила меня, сказавъ:

— Хорошо, хорошо, молчи! Знаю, что ты хочешь сказать. Я сама себѣ тысячу разъ повторяла то же.

— Нейдгартъ заѣхалъ за нами, и мы вмѣстѣ отправились на Ходынку. Стройность и красивость кавалеріи пріятно поразила глаза мои, въ особенности мнѣ понравились ваши пики съ флюгерами. Нейдгартъ приказалъ своему адъютанту поставить коляску нашу на самомъ лучшемъ мѣстѣ, чтобъ мы могли васъ видѣть, а самъ

поѣхалъ къ полкамъ. Адъютантъ указалъ намъ мѣсто, которымъ я сначала осталась не довольна: мнѣ показалось, что оно очень отдалено отъ васъ; но вы сдѣлали какое-то движеніе и очутились вблизи нашей коляски. Нейдгартъ подъѣхалъ и сталъ около насъ. Раздалась команда, вы тронулись стройными рядами подъ звуки роговой музыки, которую я такъ люблю. Первымъ шелъ вашъ полкъ; за нимъ послѣднимъ ѣхалъ ты одинъ. Въ первый разъ я мелькомъ взглянула на тебя, залюбовавшись твоею красивою лошадью, которая какъ-то плясала подъ тобой. Но когда вы проходили во второй разъ, я пристально всмотрѣлась въ тебя... Тогда совершилось со мною что-то странное, непонятное... Мнѣ казалось, что гдѣ-то, когда-то еще въ дѣтствѣ моемъ я видѣла тебя, конечно, въ мечтахъ. Ты взглянулъ на меня, и взглядъ твой какъ будто прожогъ меня насквозь. Какое-то чувство сказало мнѣ: вотъ человѣкъ, котораго ты полюбишь!.. Но, скоро очнувшись, я разсмѣялась такому ребяческому, какъ я думала, ощущенію; я рѣшилась бравировать собою, и если ты еще разъ проѣдешь мимо меня, прямо и дерзко взглянуть тебѣ въ глаза, какъ дѣлаетъ смѣлый мужчина съ призракомъ, его испугавшимъ. Ты проѣхалъ третій разъ, пронесся мимо меня и въ четвертый во весь духъ, какъ метеоръ. Съ каждымъ появленіемъ твоимъ я чувствовала, какъ вся моя сила воли, которую я призывала на помощь себѣ, постепенно оставляла меня, и я подчинялась какому-то невѣдомому страху. Во всемъ этомъ строю я видѣла только тебя одного, и когда ты пронесся мимо меня въ послѣдній разъ, сердце во мнѣ сжалось, я встревожилась за тебя. Моему испуганному воображенію представилось, что ты въ этой бѣшеной скачкѣ упалъ и, раздавленный, окровавленный, умираешь. Отъ страха я была близка къ обмороку... Зажмуривъ глаза, мысленно обратилась къ Богу и шептала: «Господи! спаси его! Спаси моего милаго незнакомца!» Изъ моего тревожнаго забытья вывелъ меня голосъ Нейдгарта, спросившаго: «хорошо ли вамъ было видно?» Не отвѣчая на его вопросъ и находясь подъ вліяніемъ тяготившей меня мысли, я спросила:

— Никто не упалъ? Никто не ушибся?

— Никто. А что?

— Такъ, я спросила. Видя эту скачку, я думала... что... можетъ быть, кто нибудь упалъ!

Нейдгартъ, разсмѣявшись, сказалъ:

— Вы — жена кавалериста, а не знаете, что скачки нѣтъ на смотрахъ, а есть аллюръ, называемый: карьеръ или маршъ-маршъ.

— Благодарю васъ, я запомню.

— Довольны ли вы остались смотромъ?

— О! очень, очень, генералъ! — отвѣтила я съ поспѣшностью, которая не могла бы укрыться отъ болѣе зоркаго вниманія. — Мнѣ такъ понравилось, что я попрошу васъ доставить мнѣ подобное удовольствіе еще разъ.

— Для васъ собственно на-дняхъ назначу новый смотръ и не премину извѣстить васъ о томъ.

Послѣ этого мы разстались.

Остановившись въ своемъ разсказѣ, Alexandrine спросила меня:

— Ну, а ты, злой ребенокъ, скажи: чувствовалъ ли ты, что среди тысячи людей, смотрѣвшихъ на васъ, было одно сердце, которое билось только для тебя и за тебя?

Взявъ ее за руку и съ чувотвомъ поцѣловавъ ее, я отвѣтилъ:

— Обманывать не хочу. Я не только ничего не предчувствовалъ, но даже не замѣтилъ тебя.

Такой откровенный отвѣтъ заслужилъ мнѣ горячій долгій поцѣлуй отъ Alexandrine.

Затѣмъ, опустившись на колѣни и сложивъ пальцы рукъ, какъ на молитвѣ, она съ чувствомъ сказала:

— Одной милости прошу у тебя! Умоляю всѣмъ священнымъ для тебя: никогда ни въ чемъ не обманывай меня. У меня такой характеръ: мнѣ легче выслушать правду, какъ бы она горька ни была, чѣмъ прикрашенную ложь; ее я ненавижу.

Получивъ мое обѣщаніе свято выполнить ея волю, она усѣлась около меня и продолжала:

— Съ того времени образъ твой неотступно преслѣдовалъ меня. Была ли я одна, или въ обществѣ, днемъ или ночью, — ты, какъ живой, стоялъ передъ моими глазами. Я потеряла сонъ и аппетитъ, стала худѣть, оставила всѣ свои привычки, не заглядывала въ свои любимыя книги. И мужъ и знакомые замѣтили происшедшую во мнѣ перемѣну, тревожились, терялись въ догадкахъ... Во мнѣ самой происходила страшная борьба чувства долга съ сильной привязанностью, которая всецѣло овладѣла мною—къ кому? и сама не знала, не зная еще тогда, кто ты мой милый незнакомецъ... Нейдгартъ далъ знать о днѣ назначеннаго имъ второго смотра и обѣщалъ заѣхать за мной. Сначала я рѣшилась было не ѣхать, думая ослабить тѣмъ впечатлѣніе, тобой на меня произведенное, и придумала благовидный къ отказу предлогъ; но, промучившись цѣлую ночь, утромъ назначеннаго дня я сама торопила мужа, чтобъ намъ не опоздать и не заставить дожидать себя Нейдгарта. На этотъ разъ тебя ужъ не было на прежнемъ мѣстѣ — позади всѣхъ. Сначала я было огорчилась, думая, что ты не присутствуешь на смотру; но вскорѣ отыскала тебя впереди солдатъ. Все съ такой же гордой, красивой осанкой ты сидѣлъ на своей красивой лошади. Сердце мое упало. Каждый разъ, какъ ты проѣзжалъ мимо меня, я сильно напрягала зрѣніе, думая магнетизмомъ привлечь на себя твой взоръ. Все напрасно. Ты, неблагодарный, и на этотъ разъ не обратилъ на меня никакого вниманія!.. Послѣ смотра Нейдгартъ сказалъ, что болѣе подобныхъ не будетъ, а будутъ производиться только одни полковыя ученья, нѣкоторыя изъ нихъ

съ пальбой, и если я желаю на нихъ присутствовать, то онъ доставитъ мнѣ расписаніе, когда и въ какіе часы они будутъ производиться. Я поблагодарила и не отказалась отъ его любезнаго предложенія. Получивъ расписаніе, я положила его на свой письменный столъ и заглядывала въ него чаще, чѣмъ въ свой молитвенникъ. Расписаніе дней и часовъ вашихъ ученій служило и мнѣ порядкомъ моей жизни, по немъ бился пульсъ моего сердца. Разъ въ одно утро я съ мужемъ отправилась на Ходынку, но сильно была разочарована... Тебя я не видала, да и трудно было видѣть. Вы то свертывались въ массу, то развертывались; скакали вправо, влѣво; опять собирались, опять разсыпались, то исчезали изъ глазъ, то вновь появлялись. На мой вопросъ, что вы дѣлаете,—мужъ отвѣчалъ: «фланкируютъ». Съ досадой я вернулась домой. Нейдгартъ не понялъ меня; онъ думалъ, что я желала видѣть всѣхъ васъ, тогда какъ мнѣ нуженъ былъ одинъ—ты.

Помолчавъ съ минуту, Alexandrine продолжала:

— Измучившись въ напрасной борьбѣ сама съ собой, я, чтобъ заглушить впечатлѣніе, тобой сдѣланное, прибѣгла къ молитвѣ, думая въ ней найти и защиту себѣ и помощь. Не смѣйся надо мной! Мать моя была женщина благочестивая, набожная. Она научила меня, во всѣхъ тяжкихъ случаяхъ, въ борьбѣ съ невзгодами жизни, обращаться за помощью къ Богу, искать утѣшенія въ молитвѣ. Я давно хотѣла посѣтить Троице-Сергіевскую лавру. Мужъ зналъ это и потому нисколько не удивился, когда я сказала ему, что желаю исполнить свое намѣреніе. Но прежде я предполагала ѣхать въ лавру; теперь наложила на себя добровольно искусъ и отправилась пѣшкомъ. Для виду экипажъ слѣдовалъ за мной. Со слезами на глазахъ и въ сердцѣ, припавъ къ ракѣ св. Сергія, молилась я о своемъ спасеніи; служила молебны объ избавленіи меня отъ искушенія и соблазна... все было напрасно! Въ самую горячую минуту моей молитвы, глядя на ликъ Святителя, я видѣла въ немъ изображеніе тебя... Страсть моя къ тебѣ была сильнѣе всѣхъ убѣжденій, всѣхъ вѣрованій, всѣхъ укоровъ совѣсти... Тогда въ своемъ безсиліи я поняла, что любовь моя есть предопредѣленіе свыше, и что въ борьбѣ съ ней не помогутъ никакія человѣческія усилія. Я рѣшилась болѣе не сопротивляться ей и предоставить жизнь мою теченію потока, ее увлекающаго!.. Но кто же былъ ты, мой милый незнакомецъ? Напрасно я искала тебя въ собраніяхъ и театрахъ; искала на всѣхъ общественныхъ удовольствіяхъ. Ты нигдѣ не показывался!.. Впослѣдствіи я узнала, что тебя не было въ Москвѣ. Итакъ мнѣ оставалось самое главное: узнать, кто ты? и имѣешь ли здѣсь кого родныхъ или знакомыхъ? Первое мнѣ было легко, доступно; второе—труднѣе. Въ числѣ моихъ знакомыхъ были и родственники офицеровъ твоего полка. Къ нимъ первымъ я обратилась съ своими разспросами. Мнѣ легко было указать на тебя

по твоему отличительному признаку: ты одинъ въ полку, какъ я замѣтила еще прежде, носилъ очки, и я узнала не только фамилію, но и имя моего искусителя! Посмотри на кіотъ, образъ твоего Святителя занимаетъ въ немъ первое мѣсто. Ему я молюсь за тебя!.. Оставалось узнать: есть ли у тебя здѣсь родные или знакомые? Эту вторую часть моей программы было, какъ я сказала, выполнить труднѣе; но чего не сдѣлаетъ любящая женщина, когда она того пожелаетъ? Послѣ разныхъ разспросовъ, весьма осторожныхъ, чтобъ не возбудить преждевременно разныхъ предположеній и догадокъ, я узнала, что ты имѣешь дѣда, который, къ несчастью, тогда еще не былъ знакомъ съ мужемъ; узнала, что онъ имѣетъ дочь; какого она происхожденія?—для меня это было все равно. Узнала, что я и она имѣемъ одну общую знакомую Catherine Забѣлину. Къ послѣдней я прибѣгла съ просьбой познакомить меня съ Лизаветой Ивановной и дать мнѣ знать, когда та посѣтитъ ее. Все случилось, какъ я желала, и я увидала тебя. Благословляю судьбу, вложившую въ твое сердце взаимность ко мнѣ. Что будетъ далѣе? Не знаю, да и знать не желаю... Я живу, я счастлива! Болѣе мнѣ ничего не нужно... Теперь ты знаешь все! я твоя!.. Дѣлай со мной, что хочешь!

И, разведя свои руки, Alexandrine обвила ихъ около моей шеи... Такія минуты блаженства два раза не переживаются!..

. . . .

Успокоившись, Alexandrine сказала:

— Не сердись на меня за то, что я еще скажу тебѣ,—не волнуйся. Ты самъ видишь: довольна ли я? счастлива ли я?.. Но повторю, что я упомянула тебѣ. Въ самую лучшую минуту жизни, когда я узнала, что любишь меня, — меня не покидала мысль, что полное счастье не подъ силу мнѣ, что оно убьетъ меня...

— Если такъ, то и я не вынесу его! Что же? Поживемъ... а тамъ... отвѣчалъ я съ жаромъ.

Alexandrine прервала меня:

— Нѣтъ, милушка. Ты—мужчина; тебѣ не въ первый разъ любить женщину!.. Полное счастье можетъ, такъ сказать, помять тебя, но не убить. Для меня же, какъ женщины, въ первый разъ узнавшей всю сладость—любить и быть любимой, съ моей восторженной душой, моимъ впечатлительнымъ характеромъ... я боюсь за себя! Мнѣ не выдержать напора этой любви, этого блаженства!..

Несмотря на всѣ мои увѣренія въ противномъ и на ласки, лицо Alexandrine сохранило на себѣ печать грусти; она смѣялась, но смѣхъ ея былъ подавленъ слезами!.. Увы! предчувствіе не обмануло ея.

. . . .

Въ слѣдующій пріѣздъ мой къ Alexandrine мы условились, какъ устроить наши тайныя свиданія, не возбуждая ни въ комъ подо-

зрѣній. Моя «счастливая звѣзда любви» и въ этомъ мнѣ помогла. Домъ Alexandrine устройствомъ своимъ и расположеніемъ, какъ нельзя лучше, способствовалъ нашимъ намѣреніямъ. Задній «черный дворъ», всегда заставленный запасомъ дровъ, выходилъ въ глухой переулокъ и имѣлъ въ задней стѣнѣ калитку, постоянно запертую на замокъ, ключъ отъ котораго хранился у управителя дома. Далѣе шелъ «чистый» дворъ, на которомъ были выстроены жилыя и холодныя помѣщенія. Съ лѣвой стороны отъ входа высокій брандмауеръ отдѣлялъ отъ сосѣдей. Отъ брандмауера, отступя сажени на двѣ, шли вдоль стѣны конюшни и погреба, входными дверями своими смотрѣвшіе на «чистый» дворъ. Всѣ эти строенія немного не доходили до лѣваго крыла самаго дома, въ которомъ устроены были сѣни и «черная» лѣстница ведущая на женскую половину въ верхній этажъ. Но особенное счастье заключалось въ томъ, что выходная дверь изъ будуарной прямо вела въ сѣни, о которыхъ я говорилъ выше. Въ дверь эту никто не входилъ, и она изнутри была заставлена шкафомъ. Съ моимъ появленіемъ въ домѣ шкафъ переставили на другое мѣсто, а дверь скрыли портьерой.

Alexandrine нисколько не задумалась сдѣлать повѣренной нашихъ тайныхъ свиданій свою любимую горничную — Катю. Катя эта была «двойникъ» Полиньки моей матери: также безпредѣльно была предана своей барынѣ, да и судьба ихъ была сходна. Какъ и Полинька, Катя съ малолѣтства была назначена въ горничныя къ Alexandine, вмѣстѣ играли въ куклы, вмѣстѣ и выросли. Эта-то Катя и служила мнѣ путеводителемъ въ моихъ тайныхъ посѣщеніяхъ...

Подъ благовиднымъ предлогомъ былъ вытребованъ отъ управителя ключъ отъ калитки; по немъ слесарь сдѣлалъ такой же. Настоящій былъ возвращенъ по принадлежности, а поддѣльный остался въ рукахъ Кати. Временемъ моихъ тайныхъ пріѣздовъ было назначено 9-ть часовъ вечера, когда вся дворня вмѣстѣ садилась за ужинъ. Знакомъ же, что ничто не препятствуетъ нашему свиданію, служило освѣщеніе. Если по главному фасаду дома окна 2-го этажа горѣли огнями, значило собраніе гостей, и слѣдовательно свиданіе наше откладывалось до другого болѣе удобнаго времени; если же напротивъ въ домѣ царилъ мракъ, и свѣтъ мерцалъ лишь въ окнѣ будуара сквозь спущенныя изъ толстой, густой матеріи занавѣски, это означало, что меня ждутъ. На наши свиданія я всегда ѣздилъ на извозчикѣ, изъ предосторожности, чтобы и свои люди не знали мѣста моихъ вечернихъ посѣщеній. Переодѣтый въ штатское платье, я останавливался на углу улицы, отпускалъ извозчика и далѣе шелъ пѣшкомъ. Увидя, что въ верхнемъ этажѣ дома нѣтъ освѣщенія, и слѣдовательно нѣтъ препятствія къ нашему свиданію, я повертывалъ въ переулокъ и слегка стучалъ три

раза въ калитку. Она тотчасъ же отворялась, и Катя вела меня между сложенными дровами. Потомъ мы входили въ простѣнокъ, образуемый брандмауеромъ и холодными строеніями, круто поворачивали за уголъ и поспѣшно пробѣгали небольшое открытое пространство до сѣней. Изъ сѣней я прямо входилъ въ будуаръ и бросался въ объятія ожидавшей меня Alexandrine.

Изъ этого описанія видно, что опасное мѣсто, которое мнѣ предстояло проходить, было только отъ угла холоднаго строенія до сѣней; весь же прочій путь былъ совершенно закрытъ отъ постороннихъ глазъ. Во всѣ мои посѣщенія мы только одинъ разъ попались на встрѣчу высокому, красивому лакею, который снялъ съ меня шинель въ первый мой пріѣздъ къ князю, и попались на переходѣ отъ угла строенія къ дому. Но вся опасность ограничилась подозрѣніемъ въ безукоризненной репутаціи Кати. Случай этотъ былъ зимой. На мнѣ была надѣта партикулярная шуба и теплая шапка. Завидя лакея, я поднялъ воротникъ шубы и, закрывшись имъ, прошелъ неузнаннымъ. Лакей принялъ меня за любовника Кати, котораго она ведетъ къ себѣ въ свое помѣщеніе, совершенно отдѣльное отъ другихъ. Лакей ухаживалъ за Катей, но безуспѣшно. Завидя ее съ мужчиной, онъ принялъ меня за счастливаго себѣ соперника, но не смѣлъ явно укорять Катю, зная, какъ любитъ ее барыня, и что ему «крѣпко» достанется, если на него «пожалуются».

Я и Alexndrine много смѣялись надъ Катей и сожалѣли о ея погибшей репутаціи честной дѣвушки.

Въ началѣ мая эскадронъ ушелъ въ Коломну, но я, благодаря протекціи князя, получилъ дозволеніе начальника дивизіи остаться въ Москвѣ до прихода полка на маневры, т. е. до половины іюля. Бѣдный слѣпой мужъ! Онъ привязался ко мнѣ душой и скучалъ, если долго не видалъ меня.

Я зажилъ новой, вполнѣ счастливой жизнью, черпалъ въ ней наслажденіе полной рукой. Ни одно облачко не затѣняло свѣтлаго, яснаго горизонта нашей любви! Я «катался, какъ сыръ въ маслѣ».

Въ обществѣ Alexandrine держала себя превосходно; со всѣми была одинаково ровна въ обращеніи, при другихъ мнѣ не оказывала никакого предпочтенія. Смотря на эту красивую, гордую женщину, съ такимъ достоинствомъ поддерживающую свое видное положеніе въ свѣтѣ, нельзя было и заподозрѣть, что есть счастливый обладатель такого неоцѣненнаго сокровища!.. Часто я наединѣ высказывалъ ей свое удивленіе къ такому необыкновенному такту. Смѣясь она всегда отвѣчала мнѣ:

— Милый ребенокъ! Ты еще не знаешь, на что способна женщина, которая любитъ такъ сильно, какъ я. Трудное для другихъ — для меня игрушка!

Вся жизнь моя сосредоточилась въ этой сферѣ, свѣтиломъ которой была Alexandrine. Внѣ этой сферы я прозябалъ, жилъ какъ-то вяло, лѣниво! Весь я былъ проникнутъ однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ быть достойнымъ блаженства, мнѣ даруемаго. Ни одна продолжительная мысль, ни одинъ дурной помыселъ не волновали меня, не имѣли во мнѣ мѣста; и я, очищенный, освященный любовью, жилъ только воспоминаніями отъ одного свиданія до другого...

Чѣмъ далѣе мы подвигались по пути нашей любви, тѣмъ болѣе Alexandrine теряла свое благоразуміе, бывшее предметомъ моего удивленія. Она начала тяготиться свѣтскими приличіями, мѣшающими нашимъ частымъ свиданьямъ наединѣ; тяготиться маской равнодушія, которую она должно была носить при другихъ въ отношеніи ко мнѣ. Стала вести жизнь болѣе уединенную; пренебрегать своимъ многочисленнымъ знакомствомъ. Я видѣлъ, что воспріимчивое воображеніе ея наэкзальтировано прочитанными французскими романами, которые подъ блестящимъ лоскомъ занимательности слога скрываютъ въ себѣ тонкій ядъ, незамѣтно вливающійся въ душу и развращающій воображеніе, видѣлъ, что изъ сильной привязанности ко мнѣ, она готова на всѣ безразсудства, готова пренебречь спокойствіемъ семейной жизни, мнѣніемъ свѣта, что при ея видномъ положеніи въ обществѣ не могло не отразиться съ полнымъ для нея вредомъ, и потому на мнѣ лежала обязанность оберегать ея доброе имя, отстранить и самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ ея поступковъ; и я дѣлалъ все, что могъ, чтобъ охранить мое сокровище отъ неблагоразумія и рѣшительныхъ дѣйствій, которыя могли бы заслужить ей укоръ отъ другихъ.

XX.

Гулянье въ Петровскомъ паркѣ. — Моя поѣздка туда съ дѣдомъ. — Alexandrine амазонкой. — Корпусный командиръ Нейдгартъ. — Московскій оберъ-полицеймейстеръ Цинскій. — Полковникъ Верещагинъ. — Приказаніе Цинскаго арестовать меня, отмѣна этого приказанія и жалоба на меня корпусному командиру. — Мой разговоръ съ начальникомъ дивизіи. — Домашній арестъ, посѣщеніе меня мужемъ Alexandrine и его заступничество. — Отправленіе полка на маневры. — Смотръ и присутствіе на немъ Alexandrine.

Наступило 1-е іюля, — день, стоившій Alexandrine слезъ, пролитыхъ въ первый разъ изъ-за меня; но такія слезы пріятны для любимаго человѣка.

1-го іюля Москва праздновала тезоименитство императрицы Александры Θеодоровны и собиралась для вечерняго гулянья въ Петровскій паркъ.

Дѣдъ мой имѣлъ близъ парка дачу, въ то время еще не вполнѣ отстроенную. Отправляясь на гулянье не столько для развлеченія, сколько для осмотра работъ на дачѣ, онъ и меня пригласилъ съ собой. Я тоже собирался въ паркъ, но собственно для гулянья, зная, что на немъ будетъ Alexandrine, и потому съ благодарностью принялъ предложеніе дѣда; вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился, чтобы туда же пріѣхалъ мой экипажъ, и привели моего «Брильянта», такъ какъ на загородныхъ прогулкахъ дозволено было ѣздить верхомъ.

Пріѣхали мы въ паркъ довольно рано; была толпа народа, но лучшее высшее московское общество еще не собралось. Пока я съ дѣдомъ ходилъ по постройкамъ, привели «Брильянта». Напившись чаю, я верхомъ отправился въ паркъ. Былъ часъ 9-й вечера. Солнце садилось. Изъ рощи вѣяло сырой прохладой, смѣшанной съ запахомъ скошенной травы. Наступила настоящая пора аристократическаго гулянья. По пути къ парку мнѣ стали попадаться блестящіе экипажи съ не менѣе блестящими въ нихъ дамами. Но между ними не было Alexandrine. Въѣхавъ въ главную аллею, я издали еще увидѣлъ группу всадниковъ, состоящую изъ амазонокъ и ихъ кавалеровъ. Ничего не предчувствуя и отыскивая только свою Alexandrine, я не обратилъ вниманія на эту кавалькаду и ѣхалъ преравнодушно, шагомъ, осматриваясь направо и налѣво и ища въ гуляющихъ пѣшеходахъ мое сокровище. Приблизившись къ кавалькадѣ, я былъ пораженъ, услыша слишкомъ знакомый мнѣ голосъ, произнесшій:

— Здравствуйте!

Поднявъ глаза, я остолбенѣлъ. Передо мной на лошади была Alexandrine, одѣтая въ костюмъ амазонки. Никогда, ни прежде, ни послѣ, я не видалъ ее, обыкновенно столь красивую, — прелестнѣе тогдашняго... Амазонка, изъ какой-то матеріи стальнаго цвѣта, ловко и красиво обтягивала ея граціозную, гибкую талію, отчетливо обозначая всѣ ея роскошные контуры. На головѣ сѣрая, пуховая мушкетерка, съ откиднымъ вуалемъ и длиннымъ страусовымъ перомъ: все подъ цвѣтъ амазонки, — надѣта была нѣсколько на бокъ. Ея мягкіе свѣтлорусые волосы спереди были заплетены въ косички и окаймляли ея розовое личико. Миндалевидные глаза ея какъ-то пріятно въ оконечностяхъ своихъ суживались, образуя мягкія складки на вискахъ. Маленькій ротикъ сложился въ улыбку, подсмотрѣнную и перенятую ею у Психеи; блеснули ея ровные, жемчужные зубы. Розовыя ноздри правильнаго греческаго профиля ея носика нѣсколько раздулись отъ скорой верховой ѣзды. Ея маленькая ручка въ перчаткѣ граціозно держала поводья, и самая ея лошадь, какъ бы понимая всю цѣну своей всадницы, гордо загнула шею и била отъ нетерпѣнья, что стоитъ на мѣстѣ, копытомъ о землю. Вся фигура Alexandrine была

такъ изящна, такъ воздушна, что при видѣ ея я едва-едва не измѣнилъ себѣ, у меня готово было вырваться восклицаніе: «Прелесть моя! Божество мое! Преклоняюсь передъ тобой!» Но, вмѣсто этого поэтическаго восторга, вышла изъ меня пресмѣшная фигура, пораженная ея красотой и сдержанная въ границахъ приличія окружающей ее толпой. Вмѣсто колѣнопреклоненія передъ моимъ идоломъ я весьма прозаично поклонился ей по-военному, т.-е. приложилъ руку къ козырьку своей шапки...

Alexandrine приготовила мнѣ этотъ сюрпризъ. Наканунѣ сказавъ, что увидитъ меня на гуляньѣ, она не сказала, что будетъ одѣта амазонкой; я же и не подозрѣвалъ, что она ѣздитъ верхомъ: въ разговорахъ нашихъ никогда и помину не было о томъ. Какъ женщина, Alexandrine не могла не знать, какъ она очаровательна въ этомъ костюмѣ! Какъ кокетка, но, спѣшу оговориться, какъ кокетка въ благородномъ смыслѣ этого слова: кокетство для женщины то же, что самолюбіе мужчины,—она скрыла отъ меня свое намѣреніе, чтобы поразить нечаянностью, и вполнѣ достигла своей цѣли. Въ глазахъ ея, выраженіе которыхъ я изучилъ до мельчайшихъ подробностей, прочелъ и радость встрѣчи, и довольство произведеннымъ на меня впечатлѣніемъ, и завѣреніе, что все это предпринято было для меня, только для одного меня...

Отрезвившись нѣсколько отъ обаянія красоты Alexandrine, я увидѣлъ, что въ числѣ всадниковъ, ее окружающихъ, находился нашъ корпусный командиръ, Нейдгартъ. Присутствіе его въ такую минуту сильно меня стѣсняло, сдерживая въ почтительномъ отдаленіи отъ существа, столь мнѣ дорогого. Въ то время военная дисциплина была развита до величайшихъ размѣровъ. Уваженіе къ начальству должно было оказываться не только во фронтѣ или вообще по службѣ, но вносилось и въ общество. При входѣ, напримѣръ, начальника въ гостиную офицеръ долженъ былъ встать съ мѣста и садился не иначе, какъ съ его разрѣшенія.

Князь, бывшій тоже верхомъ, но стоявшій нѣсколько поодаль, не вмѣшиваясь въ толпу, окружавшую его жену, подъѣхалъ ко мнѣ и со своей сладенькой, старческой улыбкой пожалъ мою руку. Вся кавалькада, между тѣмъ, тронулась; вслѣдъ за нею и я съ княземъ. Милая, дорогая Alexandrine безпрестанно оборачивалась къ мужу, чтобы сказать ему что нибудь; но я очень хорошо понималъ, что все это дѣлалось съ единственной цѣлью — выказать мнѣ все ея вниманіе. То говорили мнѣ ея глаза, вскользь устремлявшіеся на меня.

Опасаясь, съ одной стороны, чтобы такое необыковенное «вниманіе» къ мужу не возбудило въ немъ подозрѣній; съ другой — наскучивъ упрямымъ присутствіемъ Нейдгарта, котораго я думалъ переждать; и видя, что нѣтъ никакой возможности приблизиться къ Alexandrine, я съ скрытой досадой распростился съ обществомъ.

Такъ какъ на гулянье меня привело только присутствіе Alexandrine, то, потерпѣвъ неудачу въ своихъ ожиданіяхъ, я повернулъ свою лошадь по направленію къ дачѣ дѣда, гдѣ и просидѣлъ съ нимъ до 11-ти часовъ ночи.

Дѣдъ, отъѣзжая въ Москву, просилъ меня остаться — посмотрѣть за людьми, чтобы при укладкѣ чайнаго прибора не заронили огня въ валявшіяся вездѣ и еще не убранныя стружки отъ постройки.

Уложивъ при себѣ всѣ вещи и отпустивъ людей, я и самъ поѣхалъ въ Москву. Было 12 часовъ ночи. Гулянье хотя еще и не прекратилось вполнѣ, но горѣвшія плошки мѣстами уже погасли; жандармы, смотрѣвшіе за порядкомъ, стягивались изъ всѣхъ мѣстъ и строились, чтобы слѣдовать въ свои казармы. Видимо было, что гулянье приходило къ концу.

Путь мой лежалъ по главной аллеѣ, гдѣ еще кружились запоздалые экипажи съ публикой. Въѣхавъ въ «веревку», то-есть, кругъ, образуемый экипажами, я потянулся за ними шагомъ и на поворотѣ, ведущемъ въ Москву, сказалъ своему кучеру:

— Налѣво!

— Не смѣть! — отозвался начальническимъ тономъ голосъ изъ группы всадниковъ, которыхъ за темнотой я сначала и не примѣтилъ.

Не обращая вниманія на произнесенныя слова, я повторилъ кучеру громко приказаніе:

— Возьми налѣво.

И когда онъ, исполняя мой приказъ, свернулъ налѣво, изъ темноты послышался вновь голосъ:

— Стой!

Вмѣстѣ съ тѣмъ передъ моими дрожками очутились два жандарма и преградили мнѣ путь. Послышался скокъ лошадей, и вскорѣ я очутился лицомъ къ лицу съ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, свиты его императорскаго величества генералъ-майоромъ Цинскимъ.

Съ крикомъ онъ спросилъ меня:

— Какъ ваша фамилія?

Въ то время у военныхъ существовало недоброжелательство, какая-то непріязнь къ полиціи вообще. Непріязнь эта высказывалась при малѣйшемъ столкновеніи съ послѣдней.

Оскорбленный громкимъ голосомъ Цинскаго, я отвѣтилъ:

— Генералъ! Если вы спросите меня, я скажу вамъ мою фамилію, не видя причины скрывать ее; но если вы будете кричать на меня, то ничего не узнаете.

— Какъ вы смѣете нарушать полицейскій порядокъ?

— Чѣмъ?

— Вы выѣхали самовольно изъ «веревки».

— Да, я выѣхалъ изъ веревки, только «не самовольно», какъ вы выразились, но съ полнымъ сознаніемъ моего права. Возвращаясь домой, я попалъ въ «веревку», слѣдовалъ ей, пока не доѣхалъ до поворота. Видя, что путь открытъ, я свернулъ на него, когда вы остановили меня. Изъ этого вы видите, что дѣло происходило довольно просто, безъ всякаго своевольства съ моей стороны.

— Вы еще разсуждаете?

— Да. Вы сами вызвали меня на то. Я только отвѣчаю на ваши вопросы.

Тогда Цинскій, обратившись къ одному изъ полицеймейстеровъ, его окружавшихъ, сказалъ:

— Полковникъ Верещагинъ! Отвезите офицера въ комендантскую и скажите, что вслѣдъ за вами и я прибуду.

Верещагинъ, добрый старикъ, какимъ мы всѣ знали его, слѣзъ съ лошади и, садясь въ свой экипажъ, пригласилъ меня сѣсть съ собой, а моимъ дрожкамъ приказалъ слѣдовать за нами.

Я, молча, повиновался. Когда мы тронулись, Верещагинъ сказалъ:

— И-ихъ, молодой человѣкъ! Цинскій нашъ «горячка», напрасно вы раздражили его вашими отвѣтами. Сказали бы свою фамилію,—тѣмъ бы дѣло и кончилось! А теперь завязалась исторія, за которую вамъ, навѣрно, достанется отъ начальства.

— Спроси меня, я бы сказалъ ему мою фамилію, — отвѣчалъ я.—Но кричать на себя кому бы то ни было я не позволю. Что же касается до моего начальства, то я вполнѣ спокоенъ: оно разсудитъ насъ. А вотъ вы лучше объясните мнѣ: по какому праву вашъ Цинскій арестовалъ меня? Я не квартальный, въ полиціи не служу и ему никакъ не подчиненъ. Что онъ носитъ генеральскіе эполеты и состоитъ въ свитѣ государя? Но это самое и налагало на него обязанность — знать порядокъ службы, и если находилъ меня въ чемъ либо виновнымъ, то о взысканіи съ меня долженъ былъ отнестись къ моему начальству, а не самому распоряжаться моимъ наказаніемъ. Вы сами человѣкъ военный, понимаете меня!

Не знаю, что готовился отвѣтить мнѣ Верещагинъ, но послышавшійся торопливый скокъ лошадей остановилъ его слова. Насъ догналъ жандармскій офицеръ и передалъ Верещагину приказаніе Цинскаго отпустить меня, такъ какъ онъ узналъ мою фамилію. Сохраняя доселѣ хладнокровіе, я болѣе не выдержалъ. Моя горячая натура взяла верхъ надъ самообладаніемъ. Обращаясь къ Верещагину, я сказалъ:

— Нѣтъ, полковникъ! Дѣла этого такъ оставить нельзя! Везите меня или въ комендантскую, или назадъ къ Цинскому.

Верещагинъ, покачавъ головой, приказалъ кучеру своему повернуть назадъ. Вскорѣ мы очутились передъ Цинскимъ, все еще сидѣвшимъ на лошади и окруженнымъ своими клевретами.

Выйдя изъ экипажа и приблизясь къ Цинскому, я сильно взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Зачѣмъ, генералъ, вы перемѣнили ваше распоряженіе? Не думали ли вы только напугать меня? Не приняли ли меня за мальчика, или, что еще хуже, за игрушку? Ошибаетесь! Офицеръ русской арміи никому не позволитъ играть собой безнаказанно.

При этомъ я сдѣлалъ невольное движеніе впередъ, безъ всякой задней мысли или злого умысла.

Цинскій, битый нѣсколько разъ и студентами, и своими квартальными, въ моемъ движеніи, вѣроятно, видѣлъ для себя нѣчто угрожающее. Не говоря ни слова, онъ быстро повернулъ свою лошадь и ускакалъ.

. . . .

Утро слѣдующаго дня готовило мнѣ большую непріятность.

Отъ сладкихъ грезъ, навѣянныхъ на меня вчерашнимъ очаровательнымъ свиданіемъ, я былъ пробужденъ моимъ слугой, подавшимъ мнѣ конвертъ. Въ немъ заключалось приказаніе явиться въ 11 часовъ утра къ начальнику дивизіи. Такой необыкновенный приказъ удивилъ меня. Я догадался, что тутъ есть Цинскій, и не ошибся.

Начальникъ дивизіи всегда ко мнѣ ласковый, встрѣтилъ меня съ строгимъ выраженіемъ въ лицѣ и спросилъ:

— Что вы тамъ надѣлали на гуляньѣ 1-го іюля? Я получилъ отъ корпуснаго командира рапортъ къ нему Цинскаго, въ которомъ послѣдній доноситъ, что вы нарушили полицейскій порядокъ, были одѣты не по формѣ и въ нетрезвомъ видѣ наговорили ему дерзостей.

Отъ послѣднихъ словъ я вспыхнулъ: такая наглая ложь возмутила меня. Объяснивъ, въ чемъ, по мнѣнію Цинскаго, заключалось нарушеніе мной порядка, я прибавилъ:

— Отступленіе отъ формы состояло въ томъ, что я возвращался съ гулянья въ фуражкѣ, на что я имѣлъ право, такъ какъ торжество дня уже кончилось, и офицерамъ за городомъ дозволено носить фуражки. Что же касается до моего нетрезваго состоянія, то это чистая ложь. Удивляюсь, какъ не стыдно генералу Цинскому прибѣгать къ такой низкой клеветѣ? Ссылаюсь на васъ самихъ, ваше превосходительство! Видѣли ли, или слышали ли вы что нибудь обо мнѣ подобное! Я имѣю много недостатковъ, но и самый злѣйшій мой врагъ не скажетъ, чтобъ я предавался пьянству. Ссылаюсь и на свидѣтельство моего полкового командира: онъ навѣрно не покроетъ моей слабости, если я имѣю ее. Г. Цинскій, понимая всю неправоту своего со мной поступка и сознавая неумѣстность своего первоначальнаго распоряженія относительно отправки въ комендантскую, думаетъ, вѣроятно, что ваше превосходительство признаете справедливымъ не вступаться за офицера, уронившаго достоинство свое пьянствомъ.

— Ну, а въ чемъ состояла ваша грубость? Скажите мнѣ всю правду.

Я передалъ весь происшедшій разговоръ.

Гельфрейхъ продолжалъ:

— Больше ничего не было?

— Ничего, ваше превосходительство!

— Честное слово?

— Честное слово!

— Я такъ и думалъ. Корпусный командиръ предписываетъ васъ отправить подъ арестъ на главную гауптвахту, но я беру на себя отмѣнить такое распоряженіе и назначаю состоять вамъ подъ «домашнимъ арестомъ», впредь до особаго приказанія. Вотъ возьмите рапортъ Цинскаго, напишите скорѣе противъ него объясненіе. Отправляйтесь въ казармы.

Я забылъ сказать, что въ началѣ моихъ свиданій съ Alexandrine я оставилъ домъ дѣда подъ тѣмъ предлогомъ, что ученья наши производятся рано утромъ, и выѣздами моими на нихъ я буду безпокоить его, въ сущности же для того, чтобы скрыть мои почти ежедневныя вечернія свиданія. Отъ прозорливости дѣда, какъ опытнаго «ходока» въ подобныхъ дѣлахъ, трудно было бы утаить причину моихъ ночныхъ отлучекъ; при томъ одного моего переодѣванья въ штатское платье было слишкомъ достаточно, чтобы возбудить въ немъ подозрѣнія. А мнѣ всячески хотѣлось скрыть отъ нескромнаго взгляда постороннихъ мои похожденія.

Возвратясь въ казармы, я нашелъ у себя посланнаго князя съ приглашеніемъ отобѣдать у него въ тотъ же день. Написавъ въ отвѣтъ, что по рапорту на меня Цинскаго я арестованъ и потому, къ сожалѣнію, не могу воспользоваться его любезнымъ приглашеніемъ, и, отправивъ посланнаго, принялся за свое объясненіе. Переписавъ набѣло, я послалъ его начальнику дивизіи и сталъ ожидать окончанія дальнѣйшей своей участи.

Вечеромъ передъ поѣздкой въ клубъ князь заѣхалъ ко мнѣ, чтобы узнать въ подробности мое столкновеніе съ Цинскимъ, о которомъ я слегка упомянулъ въ моей къ нему утренней запискѣ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, и выругавъ Цинскаго непечатными словами, князь на прощаньѣ, пожимая мнѣ руку, сказалъ:

— Ты, mon cher, не тревожься! какъ нибудь да отстоимъ тебя!

Вслѣдъ за его отъѣздомъ явилась ко мнѣ вѣрная Катя съ запиской отъ Alexandrine и, передавая ее, объявила, что барыня «заливается слезами».

Читая записку, я не узнавалъ своей Alexandrine. Она, обыкновенно выражавшая свои мысли такъ ясно, такъ краснорѣчиво, писала безъ всякой связи, сбивчиво. Замѣтно было, что въ каждомъ ея словѣ проглядывали: сильная душевная тревога, опасеніе и страхъ за меня. На нѣкоторыхъ мѣстахъ записки виднѣлись слѣды ея

слезъ. Она умоляла позволить ей самой прiѣхать ко мнѣ, и что она сдѣлала бы это и сама, но боится такимъ рѣшительнымъ поступкомъ «разсердить» меня. Въ этомъ словѣ она вполнѣ высказала свое любящее сердце! Она не побоялась своимъ прiѣздомъ навсегда погубить себя въ мнѣнiи свѣта, потерять значенiе и вѣсъ, которые она имѣла въ обществѣ, и остановилась только изъ «боязни разсердить меня».

Успокоивая ее въ своемъ отвѣтѣ, насколько могъ, я писалъ, что вѣрю въ свою «счастливую звѣзду», надѣюсь на благопрiятный исходъ своего поступка, и настоящее наказанiе мое несу терпѣливо, крѣпкiй ея привязанностью. Но умолялъ оставить свое безразсудное намѣренiе навѣстить меня, какъ слишкомъ рискованное; въ противномъ случаѣ, грозилъ не только разсердиться, но и не принять ея.

Прошелъ еще день моего ареста, и вечеромъ вѣрный посланный Катя подала мнѣ новую записку. Называя меня жестокимъ, укоряя меня въ холодности и какомъ-то, по ея мнѣнiю, разсчитанномъ эгоизмѣ за то, что я не согласился на ея прiѣздъ ко мнѣ, Alexandrine писала, что болѣе не въ силахъ переносить такихъ мученiй, что она близка къ сумасшествiю... Катя съ своей стороны добавила, что барыня ея слегла въ постель, съ ней начинался жаръ и бредъ, въ которомъ она безпрестанно призываетъ меня. Положенiе становилось опаснымъ. Неосторожныя слова, сказанныя въ забытьи и подслушанныя посторонними, могли открыть то, что доселѣ сохранялось съ такимъ искусствомъ и старанiемъ, могли и навсегда лишить насъ обоюднаго счастья. Не менѣе того, во мнѣ было сильное желанiе взглянуть на Alexandrine.

Я рѣшился!

. . . .

Два дня спустя, начальникъ дивизiи прiѣхалъ на Колымажный дворъ. Потребовавъ меня въ манежъ, онъ объяснилъ, что арестъ мой конченъ, а самое дѣло обо мнѣ «предано забвенiю, во вниманiе сильнаго за васъ ходатайства»,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

Впослѣдствiи я узналъ, что Alexandrine пристала къ мужу, посылая его къ корпусному командиру просить за меня, на что князь согласился тѣмъ охотнѣе, что самъ принималъ во мнѣ горячее участiе, за что и получилъ поцѣлуй отъ жены прямо въ свои толстыя губы, чего не случалось ни разу съ тѣхъ поръ, какъ Alexandrine полюбила меня.

Нейдгартъ, выслушавъ энергическое заступничество за меня князя, отвѣчалъ, что еще прежде ходатайствовалъ обо мнѣ Гельфрейхъ, и что, вполнѣ понимая придирку ко мнѣ Цинскаго, онъ ради приличiя и только для виду оставитъ меня подъ домашнимъ арестомъ, который, впрочемъ, окончится завтра же, и дѣло мое дальше не пойдетъ.

. . . , ...

Въ половинѣ іюля полкъ нашъ пришелъ на «маневры», и я долженъ былъ уѣхать въ свой 8-й эскадронъ, расположенный въ селеніи верстахъ въ 10-ти отъ Москвы. Наши «тайныя» свиданія прекратились до болѣе благопріятнаго времени.

. . . .

Наканунѣ смотра, вѣрный своему обѣщанію, я отправился къ Alexandrine съ «офиціальнымъ», какъ я называю, визитомъ, т.-е. днемъ я входилъ въ домъ не украдкой и прикрытый полумракомъ ночи, но смѣло, явно. По приглашенію князя я остался у нихъ обѣдать. За столомъ я, какъ бы мимоходомъ, вскользь, упомянулъ въ разговорѣ, что назавтра назначенъ намъ смотръ.

Князь сказалъ, что Нейдгартъ предупредилъ уже ихъ о томъ, при чемъ, запивая виномъ пулярдку, начиненную трюфелями, прибавилъ:

— Я вѣдь старая военная косточка; люблю парады. Молодѣю, когда посмотрю на кавалерію. Но я чему радъ? Alexandrine тоже находитъ съ нѣкотораго времени удовольствіе въ смотрахъ. Завтра мы непремѣнно поѣдемъ. Не правда ли, Alexandrine?

Та въ отвѣтъ только кивнула головой. Я взглянулъ на нее: при добродушномъ замѣчаніи мужа, на концахъ ея маленькаго ротика съ сжатыми губами играла коварная улыбка.

Мужъ, ничего не примѣчая и обращаясь ко мнѣ, продолжалъ:

— Но я радъ еще болѣе, что въ ней пропала охота къ деревенской жизни. А то посудите сами! По нашимъ сквернѣйшимъ дорогамъ, грязнымъ, дурно устроеннымъ гостиницамъ, въ которыхъ и поѣсть порядочно нельзя, тащимся въ дальныя Саратовскія степи. «Въ глушь, Саратовъ!»—по мѣткому выраженію Грибоѣдова! Вѣдь это подвигъ! Въ нѣкоторомъ смыслѣ значитъ «походъ сломать».

Я вполнѣ съ нимъ согласился.

Послѣ обѣда князь, по обыкновенію, ушелъ къ себѣ отдыхать. Я, тоже по обыкновенію, спустился съ Alexandrine внизъ, въ ея всегда уютный, свѣтлый, уставленный рѣдкими цвѣтами будуаръ.

. . . .

На другой день, къ назначенному времени, полки дивизіи собрались на Ходынкѣ. Время было ясное, прохладное; шедшій цѣлую ночь дождь прибилъ пыль, освѣжилъ воздухъ. Казалось, сама природа пріумылась и принарядилась къ предстоящему смотру. Передъ началомъ смотра нашъ полковой командиръ, князь Ливенъ, какъ бы отгадавъ мое тайное желаніе, назначилъ меня въ «замокъ» полка, или, какъ говорила Alexandrine, на своемъ оригинальномъ языкѣ, «поставилъ меня послѣднимъ человѣкомъ». Для незнающихъ кавалерійской службы поясню, что въ «замо́къ полка» всегда ставятъ лучшихъ офицеровъ, чтобы послѣднее впечатлѣніе, производимое полкомъ, было для него благопріятно. Такого почета я часто удо-

стоивался не столько за свое искусство верховой ѣзды, сколько благодаря моему «Брильянту». По своему «высокому» красивому ходу онъ дѣйствительно бросался въ глаза, какъ брильянтъ!

Глаза мои вперились на дорогу, ведшую изъ Москвы. Вотъ показалась знакомая мнѣ коляска... подъѣхала... остановилась... Но что за чудо? Изъ нея вышелъ корпусный командиръ. Раздалась команда: «смирно!». Но гдѣ же князь? и кто эта дама, оставшаяся въ экипажѣ, черты лица которой, за дальностью разстоянія, я не могъ разсмотрѣть? Неужели Alexandrine пріѣхала одна?.. Дальнѣйшія мои размышленія и догадки были прерваны движеніями построенія полка.

Начался церемоніальный маршъ.

Приближаясь къ коляскѣ, около которой сталъ Нейдгартъ... всматриваюсь... да, дѣйствительно, то — Alexandrine? Но гдѣ же князь?

Поровнявшись съ Alexandrine, я слегка поклонился ей. При видѣ меня, она своими маленькими рученками въ перчаткахъ захлопала въ ладоши. Милое ея личико просіяло улыбкой...

Я проѣхалъ.

Аллюры въ церемоніальныхъ маршахъ при проходѣ полка передъ начальникомъ обыкновенно слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: шагомъ, рысью, иногда удвоенной рысью, галопомъ и въ карьеръ, т.-е. маршъ-маршъ.

На настоящемъ смотру начальникомъ моимъ была Alexandrine, и я парадировалъ, проходя мимо нея, на всѣхъ аллюрахъ. При движеніи рысью и въ галопъ взоры наши каждый разъ встрѣчались, и мы обмѣнивались улыбкой; но когда я пронесся мимо нея на карьерѣ, она закрыла глаза обѣими руками.

По окончаніи смотра подбѣжалъ ко мнѣ знакомый красивый лакей ея, Василій, и проговорилъ:

— Ея сіятельство приказали просить васъ подъѣхать къ нимъ верхомъ на лошади.

Испросивъ позволеніе полкового командира отлучиться отъ своего мѣста, я, подобравъ своего коня, на курцъ-галопѣ подъѣхалъ къ коляскѣ. Словами Alexandrine выразила мнѣ свое удовольствіе, доставленное ей смотромъ, болѣе ничего она не могла сказать мнѣ въ присутствіи кучера и подошедшаго лакея, но взглядъ ея говорилъ мнѣ много... Высунувшись изъ коляски, она своей маленькой рученкой гладила и трепала по шеѣ «Брильянта», а онъ, негодяй, видя ея сѣрыхъ въ яблокахъ лошадей, по своей скверной привычкѣ, такъ и рвался, чтобы вцѣпиться въ нихъ.

На прощаньѣ, подавая мнѣ руку, Alexandrine сказала по-французски:

— Ce soir, viens me voir immanquablement; j'ai à te parler.

Возвратясь къ полку, я былъ окруженъ офицерами съ разспросами: кто эта дама?

Москвичи, знавшіе Alexandrine, ее назвали.

Послышались возгласы: какая хорошенькая! какой ты счастливчикъ! и т. п. Самъ князь Ливенъ, прислушавшись къ говору, несмотря на свою обычную важность, улыбаясь, сказалъ мнѣ:

— Я не зналъ, что вы знакомы съ княгиней. Въ первый разъ, какъ ее увижу, передамъ ей, что она бросила между офицерами яблоко раздора.

Сердце во мнѣ прыгало отъ радости.

. . . .

XXI.

Мои столкновенія съ московской полиціей.—Я и мой товарищъ Забѣльскій на купеческомъ свадебномъ балѣ. — Картежный вечеръ. — Непріятное происшествіе. — Адъютантство у полковника Воробьева.—Царскій смотръ.—Простуда.—Внимательность мужа Alexandrine.—Видѣніе.—Мое безпокойство о здоровьѣ Alexandrine.

1836 годъ былъ «очень удаченъ» для пріобрѣтенія моей, своего рода, популярности въ средѣ московской полиціи. Началомъ тому, съ легкой руки, послужила моя исторія съ Цинскимъ.

У меня была «тройка» гнѣдыхъ «казанокъ». Извѣстно свойство этихъ «степныхъ» лошадей. Бѣгутъ онѣ спокойно 10—15 верстъ, а потомъ вдругъ безъ всякой, повидимому, причины начинаютъ «бить». Такъ было и со мной. По праву ѣздить по Москвѣ на «тройкѣ», предоставленному офицерамъ, квартирующимъ за городомъ, я въ концѣ іюля пріѣхалъ въ Москву на дрожкахъ, запряженныхъ «тройкой» моихъ казанокъ. Побывавъ во многихъ мѣстахъ города, гдѣ мнѣ было нужно, я направился къ дѣду. Лошадки все время бѣжали очень смирно; но на поворотѣ изъ Леонтьевскаго переулка на Большую Никитскую, вѣрныя своей природѣ, понесли. Остановить ихъ могли только тѣмъ, что пристяжныя, вскочивъ на тротуаръ, повлекли за собой дрожки, и передняя ось уперлась въ чугунную тумбу. Пока кучеръ оправлялъ сбрую, явилась по обыкновенію толпа любопытныхъ, остановившихся «поглазѣть» на даровое зрѣлище. Между ними очутился квартальный, какъ бы выросшій изъ земли.

Подойдя ко мнѣ, онъ очень вѣжливо спросилъ:

— Позвольте узнать вашу фамилію?

— Зачѣмъ вамъ?

— А какъ же-съ! Случилось съ вами происшествіе: разбили лошади. Я обязанъ донести начальству, для свѣдѣнія оберъ-полицеймейстера.

— Нечего вамъ дѣлать, если вы занимаетесь такими пустяками.

— Что дѣлать-съ! Наше дѣло подначальное! Что прикажутъ, то и исполняемъ.

— Фамилія моя Мамаевъ.

— Ахъ! Такъ это вы будете господинъ Мамаевъ! Мы васъ знаемъ.

— Чему я обязанъ такой честью?—спросилъ я съ усмѣшкой.

— А вашей исторіи съ Цинскимъ!—затѣмъ внушительно прибавилъ:—напрасно вы его тогда не поколотили!

— Вотъ какъ!

— Онъ намъ всѣмъ больно солонъ. Самъ беретъ «тысячами», а если нашъ братъ-бѣднякъ сорветъ съ кого рубль, онъ его душитъ.

Все это было сказано въ присутствіи любопытныхъ зрителей, изъ толпы которыхъ раздался дружный смѣхъ на послѣднія слова квартальнаго.

Раскланявшись вѣжливо, мы разстались.

Не прошло послѣ этого событія недѣли, какъ опять новое столкновеніе съ полиціей, на этотъ разъ болѣе серьезное, но кончившееся очень комично.

Ожидали царя въ Москву 1-го августа. На «Царской площади», что въ Кремлѣ, противъ стараго (нынѣ) дворца производилась «репетиція развода», въ которомъ «парадировать» былъ назначенъ я. Пока происходила репетиція, обѣдня въ Успенскомъ соборѣ кончилась, и народъ, высыпавъ и изъ другихъ церквей, наводнилъ собой Кремль. Привлеченный зрѣлищемъ нашего «развода», онъ составилъ изъ себя «живую стѣну» Царской площади, запрудивъ всѣ изъ нея выходы.

По окончаніи «репетиціи», я приказалъ старшему унтеръ-офицеру вести команду въ казармы, а самъ остался на площади повидаться съ знакомыми офицерами другихъ полковъ нашей дивизіи. Казармы наши (какъ я уже сказалъ) помѣщались на Колымажномъ дворѣ, что на Моховой, слѣдовательно, путь моему взводу съ площади лежалъ не черезъ главный выходъ, а боковой къ Боровицкимъ воротамъ Кремля. Замѣтивъ, что выходъ этотъ заставленъ народомъ, и что мои солдатики по одиночкѣ съ трудомъ пробираются между людьми, несмотря на присутствіе тутъ же квартальнаго, я остановилъ команду и, обращаясь къ послѣднему, дерзко сказалъ:

— Вы что тутъ дѣлаете? Развѣ не видите, что народъ мѣшаетъ итти командѣ? Извольте сейчасъ же очистить дорогу!

Квартальный бросился исполнять мое приказаніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня за спиной раздались слова:

— Кто смѣетъ распоряжаться?

Обернувшись на голосъ, я встрѣтился «носъ съ носомъ» съ частнымъ приставомъ, котораго прежде и не замѣтилъ. Достоин-

ство его обозначалось «шитымъ» воротникомъ, котораго простые квартальные надзиратели не имѣли.

Его грубыя слова взорвали меня, и я спросилъ:

— А ты что за фигура?

— А такая фигура, что не позволю тебѣ здѣсь распоряжаться,— отвѣчалъ частный приставъ.

— Да знаешь ли ты, что я безнаказанно могу выпустить кишки изъ твоего толстаго брюха?—вспылилъ я.

Дѣйствительно, существуетъ регламентъ Петра Великаго: если воинская команда встрѣтитъ на пути своего слѣдованія препятствіе, какого бы то рода ни было, можетъ проложить себѣ дорогу оружіемъ.

При этихъ словахъ подошелъ вовсе мнѣ незнакомый офицеръ нашей конной артиллеріи и, шепнувъ мнѣ на ухо: «Займите его, чтобы выиграть время! Мы его отдѣлаемъ по-своему»,—скрылся.

Пока у меня съ приставомъ происходили «пререканія», въ родѣ приведеннаго разговора, я замѣтилъ, что команда моя вернувшись заходитъ и справа и слѣва, подъ предводительствомъ артиллерійскаго офицера, шепнувшаго мнѣ свои слова. Я тотчасъ смекнулъ его планъ. Видимо, онъ хотѣлъ окружить, отдѣлить отъ народа меня и пристава и дать послѣднему «встрепку». Какъ я ни былъ «разгоряченъ», но понялъ, что «самоуправство» не поведетъ къ добру. Доселѣ въ дѣйствіяхъ моихъ все право было на моей сторонѣ; но если мы поколотимъ частнаго пристава, то я останусь виноватымъ и могу дорого за то поплатиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилъ объ Alexandrine, вспомнилъ, чего стоила ей моя исторія съ Цинскимъ... Я плюнулъ на сапогъ пристава и, пожавъ молча руку моему неожиданному помощнику, артиллерійскому офицеру, выстроилъ свою команду и самъ повелъ ее по совершенно на этотъ разъ очищенному пути, между «шпалеръ», образуемыхъ народомъ.

Исторія эта не пошла далѣе: вѣроятно, частный приставъ понялъ, что онъ былъ не правъ, и потому не принесъ жалобы,—но кончилась очень комично. Чтобы описать ея конецъ, я опережу событія.

Въ ту зиму я нанималъ квартиру вмѣстѣ съ офицеромъ нашего полка, А. И. Забѣльскимъ, на Моховой, во флигелѣ Иванчина-Писарева. Забѣльскій постоянно покупалъ офицерскія вещи въ магазинѣ Алексѣева. Такое постоянство доставило ему особое уваженіе со стороны хозяина магазина.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ является къ намъ Алексѣевъ, объявляетъ, что онъ женитъ своего меньшого брата, и съ низкими поклонами проситъ насъ своимъ пріѣздомъ «осчастливить» ихъ свадебный балъ.

Я видалъ купцовъ и ихъ дочекъ въ купеческомъ клубѣ, но совершенно не былъ знакомъ съ ихъ семейнымъ бытомъ. Заинтере-

сованные любезнымъ приглашеніемъ Алексѣева, я и Забѣльскій дали слово непремѣнно посѣтить ихъ свадьбу.

Въ назначенный вечеръ мы отправились на Басманную, въ домъ Алексѣева, стоящій противъ церкви «Стараго Пимена». Церковь эта замѣчательна историческимъ событіемъ, кромѣ того, она одна изъ числа «сорока-сороковъ» имѣетъ на главѣ своей подъ крестомъ «царскую корону».

Преданіе говоритъ, что императрица Елисавета Петровна вѣнчалась въ ней съ графомъ Разумовскимъ и въ память этого событія приказала помѣстить корону на главѣ церкви.

Домъ Разумовскаго принадлежалъ въ настоящее время Алексѣеву, куда мы и пріѣхали. Поднявшись по широкой лѣстницѣ, уставленной плодовыми деревьями, мы были встрѣчены въ дверяхъ при входѣ въ залъ отцемъ и матерью новобрачнаго. Отецъ, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, окладистой бородой, въ длиннополомъ сюртукѣ и лакированныхъ сапогахъ, надѣтыхъ сверхъ панталонъ, держалъ въ рукѣ откупоренную бутылку съ шампанскимъ. Мать — полная женщина, съ «двойнымъ» подбородкомъ, отдувшимися щеками, маленькими, узкими, заплывшими отъ жира глазами, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ; но вся въ дорогихъ кружевахъ, богатой, роскошной шали, унизанная брильянтами, держала въ рукахъ серебряный, массивный подносъ съ бокалами. При нашемъ приближеніи отецъ, наливая бокалы, проговорилъ:

— Прошу покорно!

А мать, низко кланяясь, повторяла за нимъ:

— Откушайте! На побрезгуйте!

Таково было первое намъ привѣтствіе: оно замѣнило наше представленіе хозяевамъ дома.

Выпивъ за здоровье молодыхъ, мы отправились далѣе, ведомые новобрачнымъ, а старики остались на своихъ мѣстахъ встрѣчать тѣмъ же порядкомъ слѣдующихъ гостей. Войдя въ залъ, мы нашли многочисленное общество мужчинъ, повидимому, изъ купеческаго званія и ни одной женщины. Такое отсутствіе «прекраснаго пола» на балу крайне меня удивило, но, когда я прошелъ въ гостиную, загадка объяснилась. Всѣ дочки съ своими маменьками чинно и молча сидѣли полукругомъ около дивана, на которомъ помѣщалась «молодая». Подойдя къ ней, мы привѣтствовали ее поздравленіями. Поднявшись съ мѣста и вспыхнувъ вся, «какъ уголекъ», она, опустивъ гзаза, не проронила ни слова, только кланялась намъ и потомъ опять усѣлась на свое мѣсто, не смотря ни на кого. «Молодая» была не дурна собой, лѣтъ 22-хъ, вся, буквально, залитая брильянтами. Когда она кланялась, то при каждомъ ея движеніи свѣтъ огней, переливаясь въ ея брильянтахъ, освѣщалъ ее всю блескомъ разныхъ цвѣтовъ.

Въ гостиной царило глубокое молчаніе. Постоявъ немного и видя неподвижность и молчаливость всѣхъ этихъ «живыхъ» существъ, сходныхъ болѣе съ изящными куклами, я вернулся въ залъ и занялся разсматриваніемъ всего меня окружающаго. Изъ военныхъ мы были только двое,—всѣ остальные статскіе. Между ними было много «чиновнаго люда»; но преобладающее число составляли купцы. Тятеньки, одѣтые, по большей части, какъ и хозяинъ дома, въ длиннополыхъ сюртукахъ, разсѣвшись группами по разнымъ угламъ, вели разговоры о своихъ коммерческихъ дѣлахъ. Сынки ихъ, одѣтые по послѣдней модѣ, во фракахъ, бѣлыхъ жилетахъ, нѣкоторые даже въ башмакахъ, отдѣльными группами расхаживали по залу, толкуя больше о рысакахъ и скаковыхъ лошадяхъ. Въ нѣкоторыхъ кучкахъ слышался даже боязливый шепотъ объ актерахъ, но такъ, чтобы «тятенька не услыхалъ».

Потолкавшись между ними и не видя для себя возможности къ кому либо «примкнуться», я занялся разсматриваніемъ убранства комнатъ. Вездѣ было богатство, даже много богатства, но нигдѣ я не встрѣтилъ роскоши. Я дѣлаю различіе между богатствомъ и роскошью. Богатство доказываетъ капиталиста — и только; роскошь—человѣка развитаго. Богатствомъ можно блеснуть, броситься въ глаза; роскошь доставляетъ удобства жизни, комфортъ.

Все, что видѣлъ я, были очень цѣнныя вещи, но выбранныя безъ всякаго вкуса и выставленныя, какъ бы въ магазинѣ, на показъ, въ строгомъ симметрическомъ порядкѣ. Не было той небрежности въ ихъ разстановкѣ, того кажущагося безпорядка, которые доказываютъ утонченный вкусъ просвѣщеннаго хозяина и его умѣнье жить. Какая громадная разница съ убранствомъ дома Alexandrine! Тамъ тоже куча цѣнныхъ вещей; но все это размѣщено просто, безъ всякой разсчитанности на аффектацію; глазъ пріятно скользитъ по нимъ, видя довольство хозяевъ и комфортъ для посѣтителей.

Потомъ мысли мои приняли другое направленіе; отъ настоящаго перенеслись къ недавнему прошлому. Я думалъ о странной судьбѣ этого дома. Въ стѣнахъ своихъ онъ видѣлъ императрицу, Разумовскаго, вельможъ, дворъ, а теперь... нить моихъ размышленій была прервана бальной музыкой. При первыхъ ея звукахъ, изъ гостиной посыпались маменьки съ своими дочками и усѣлись по стѣнамъ на стульяхъ, такъ же молча и чинно. Онѣ только перемѣнили мѣста.

Балъ открылся неизбѣжнымъ польскимъ. Глядя на проходившія мимо меня пары, я могъ разсмотрѣть костюмы дамъ. Всѣ они были безукоризненно сшиты по послѣдней модной картинкѣ; но вездѣ то же богатство: кружева, брильянты и полное отсутствіе вкуса.

За польскимъ слѣдовалъ вальсъ. Сдѣлавъ нѣсколько туровъ,

я могъ убѣдиться, что дамы мои танцуютъ легко; впрочемъ, я это зналъ и прежде, танцуя въ купеческомъ клубѣ.

Ангажированная мной на кадриль дама или дѣвица — не знаю, оказалась очень молчаливой. На всѣ мои слова она, потупивъ взоръ, отвѣчала только: да, нѣтъ, не знаю, съ неизбѣжнымъ прибавленіемъ къ каждому слову частицы съ и больше ничего. Видя, что нѣтъ возможности одушевить мою Галатею, я отказался отъ попытки продолжать разговоръ, и мы молча доканчивали танецъ. Къ довершенію моего мученія, дама моя сильно надушилась «пачули», — духами, бывшими тогда въ большой модѣ, но отъ которыхъ всегда меня тошнило. Вообще я не люблю никакихъ духовъ, а пачули — въ особенности. Радъ, несказанно былъ радъ, когда кончилась эта несносная кадриль.

Старшій братъ, Алексѣевъ, подойдя ко мнѣ, пригласилъ «покурить». Мы отправились на верхъ, въ мезонинъ. Комната, въ которую мы вошли, была полна табачнаго дыма, и люди въ густотѣ его мелькали, какъ тѣни. Никого нельзя было разсмотрѣть въ лицо. При входѣ нашемъ я замѣтилъ, что какая-то тѣнь, отдѣлившись отъ прочихъ, быстро скользнула мимо меня въ дверь. Покуривши, я вернулся въ залъ, гдѣ и нашелъ разгадку мелькнувшей тѣни.

Въ залѣ я встрѣтился лицомъ къ лицу съ моимъ частнымъ приставомъ Царской площади. Передъ тѣмъ временемъ много было исторій, заключавшихся въ томъ, что и офицеры, и студенты, гдѣ то было возможно, вездѣ «колотили полицію». Мой частный приставъ, увидя меня входящимъ въ курительную комнату, гдѣ онъ дотолѣ расположился, и, вѣроятно, предположивъ, что я пришелъ туда съ враждебнымъ противъ него умысломъ, бѣжалъ въ залъ.

Подойдя къ нему, я сказалъ:

— Ба! Старый знакомый!

Поклонившись мнѣ вѣжливо, но сухо, онъ молча отошелъ отъ меня.

Такъ разыгралась моя исторія, начатая подъ такими грозными предзнаменованіями на Царской площади, въ Кремлѣ.

Соскучившись на этомъ, буквально блестящемъ, но неимовѣрно монотонномъ балѣ и видѣвъ все, что меня могло интересовать, я незамѣтно отъ хозяевъ уѣхалъ домой.

На первомъ затѣмъ свиданіи съ Alexandrine я въ живыхъ краскахъ передалъ ей впечатлѣнія этого бала и роль Пигмаліона, которую я принялъ на себя, для одушевленія моей Галатеи. Alexandrine много смѣялась комичности моего разсказа, но вдругъ, сдѣлавъ «серьезное» лицо, спросила;

— А много было хорошенькихъ?

— Не знаю, не замѣтилъ! — отвѣтилъ я совершенно правдиво.

— То-то!

И, грозя мнѣ пальчикомъ, прибавила:.

— Смотри, не заглядывайся на другихъ! Глаза выцарапаю!

Въ первый еще разъ она выказала свою ревность.

На замѣчаніе мое о неумѣстности и смѣшной сторонѣ ея подозрѣнія она отвѣтила памятной мнѣ съ того времени французской фразой: «La jalousie c'est le baromètre de l'amour: plus on aime, plus on est jaloux!»

Моя счастливая, вполнѣ спокойная жизнь была нарушена очень непріятнымъ происшествіемъ, послѣдствія котораго могли быть для меня пагубны.

Въ нашу дивизію много и заразъ произвели въ офицеры изъ юнкеровъ кирасирскаго его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича полка. Одинъ изъ нихъ, Штемпель, назначенный въ Кіевскій (что нынѣ герцога Лейхтенбергскаго) полкъ, устроилъ пирушку, на которую пригласилъ и меня. Въ тотъ вечеръ я не могъ видѣться съ Alexandrine: у нея были гости, и потому, отъ нечего дѣлать и чтобы какъ нибудь убить время, я поѣхалъ къ Штемпелю.

Въ залѣ его квартиры я нашелъ хоръ цыганъ, поющихъ свои пѣсни съ свойственной имъ только манерой. Въ гостиной самъ хозяинъ металъ банкъ, окруженный понтерами. Вездѣ стояли недопитые стаканы съ виномъ, опорожненныя бутылки, на полу—разорванныя карты, пепелъ изъ трубокъ; словомъ, царствовалъ безпорядокъ холостой офицерской вечеринки. Подавали чай. Взявъ свой стаканъ чая, я отправился въ залъ слушать дикіе взвизги, притопываніе, приплясываніе этой орды дикихъ демоновъ, стоившихъ не одному молодому человѣку не только всего его состоянія, но иногда и жизни. Вдругъ пѣніе цыганъ было нарушено громкой бранью, раздавшейся въ гостиной, затѣмъ послышались ударъ чего-то металлическаго и паденіе тѣла на полъ. Войдя на шумъ, я увидалъ Ингерманландскаго (что нынѣ герцога Саксенъ-Веймарскаго) гусарскаго полка поручика Телепнева, блѣднаго, съ всклоченными волосами и серебрянымъ подсвѣчникомъ въ рукѣ, стоящимъ надъ Штемпелемъ, распростертымъ на полу, съ раной на головѣ, изъ которой сочилась кровь.

Оказалось, что нашъ «милый» хозяинъ былъ «шуллеръ» и мастерски передергивалъ карты. Ему при метаніи банка въ одномъ «пассѣ» искусство какъ-то измѣнило, и Телепневъ, подмѣтивъ его продѣлку, схватилъ стоявшій на столѣ подсвѣчникъ и ударилъ имъ со всего размаху Штемпеля.

Сначала думали, что Штемпель убитъ наповалъ, но при оказаніи надлежащей помощи привели его въ чувство. Всѣ мы, не участвовавшіе въ катастрофѣ и съ цыганами вмѣстѣ, разлетѣлись, какъ испуганныя вороны, въ разныя мѣста. Къ счастью, что Штемпель остался живъ; въ противномъ случаѣ были бы: смерто-

убійство, попойка, цыганы, карты... произведенное слѣдствіе открыло бы присутствіе другихъ, въ томъ числѣ и меня. Какъ увѣрить, что я не принималъ никакого участія въ происшедшемъ, а былъ только простымъ зрителемъ? Моему оправданію, конечно, не дали бы вѣры, и репутація моя, доселѣ чистая отъ всякихъ нареканій, много бы пострадала...

Когда случай этотъ я разсказалъ Alexandrine, она осталась вполнѣ увѣрена, что судьба послала мнѣ за нее наказаніе. По ея мнѣнію, я не долженъ былъ посѣщать холостыхъ пирушекъ, тѣмъ менѣе, на которыхъ присутствуютъ цыганки. Послѣднее обстоятельство мнѣ было вмѣнѣно еще въ большее преступленіе.

Кончились наши смотры и ученья. Полки потянулись на свои зимнія квартиры. Въ Москвѣ осталось только по эскадрону каждаго полка дивизіи для содержанія карауловъ. Командиромъ этихъ сводныхъ эскадроновъ былъ назначенъ нашего полка полковникъ Я. Я. Воробьевъ. Воробьевъ предложилъ мнѣ состоять при немъ за адъютанта. Можно представить, съ какой радостью я ухватился за его предложеніе! Оно давало мнѣ полную возможность остаться въ Москвѣ еще на нѣкоторое время и слѣдовательно обезпечивало мои свиданія съ Alexandrine. Дѣйствительно, есть божекъ для влюбленныхъ!

Въ октябрѣ пріѣхалъ въ Москву царь. Начались разводы, смотры. На первый разводъ я былъ назначенъ парадировать со взводомъ. Съ нами вмѣстѣ участвовалъ баталіонъ Ряжскаго пѣхотнаго полка. Оставшись недоволенъ выправкой и маршировкой пѣхоты, царь сказалъ, что онъ пошлетъ ее учиться маршировкѣ къ намъ, въ кавалерію. Насъ же благодарилъ. Такимъ образомъ день этотъ для службы прошелъ благополучно; но не такимъ онъ былъ для моего здоровья. Время было ясное, но холодное. На «Царской площади», какъ на мѣстности возвышенной и открытой, былъ полный просторъ рѣзкому вѣтру. Онъ прохватилъ меня, бывшаго въ одномъ мундирѣ, и я, по возвращеніи на квартиру, почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо.

На слѣдующій затѣмъ день назначенъ былъ «церемоніальный маршъ» въ экзерцизгаузѣ. Моя легкая простуда не помѣшала мнѣ ѣхать на смотръ, хотя былъ холодъ съ сильнымъ вѣтромъ. Я понадѣялся на свою крѣпкую натуру и на то, что намъ дозволено было накинуть шинели. Подойдя къ экзерциргаузу, мы на открытомъ воздухѣ, подъ вѣтромъ, дожидались нашей очереди, такъ какъ царь смотрѣлъ пѣхоту. Тутъ я былъ свидѣтелемъ, до чего въ нашемъ простомъ народѣ простирается обожаніе царя. Какой-то, повидимому, мѣщанинъ, подойдя къ коляскѣ, въ которой пріѣхалъ царь, полой своей чуйки отеръ верхній конецъ обода ко-

леса и поцѣловалъ его, предварительно перекрестясь, какъ бы прикладываясь къ святынѣ...

Но вотъ растворились обѣ противоположныя двери экзерциргауза: въ однѣ выходила пѣхота, въ другія вступали мы. Начальство некстати поусердствовало: истопило печи, да и пѣхота понагрѣла собой; все это вмѣстѣ съ нашими движеніями на рысяхъ произвело во мнѣ сильную испарину. По окончаніи смотра, когда мы вышли изъ манежа, рѣзкій переходъ отъ тепла на холодный вѣтеръ съ мелкимъ дождемъ, въ однихъ мундирахъ (шинели были убраны), сломилъ меня окончательно. Придя на квартиру, я долженъ былъ лечь въ постель. Къ вечеру у меня открылась горячка... На счастіе, первое и самое опасное время моей болѣзни легко можно было скрыть отъ Alexandrine. Императоръ Николай пріѣхалъ въ Москву съ императрицей и наслѣдникомъ (нынѣшній государь) [1]). Начались безпрерывные балы: во дворцѣ, въ Дворянскомъ собраніи, у вельможъ, театры и т. п. На всѣхъ этихъ вечерахъ должна была участвовать Alexandrine по тому высокому мѣсту, которое занималъ мужъ ея въ обществѣ. Тайныя свиданія наши и безъ моей болѣзни не могли болѣе имѣть мѣста. Но, съ отъѣздомъ царской фамиліи, Alexandrine, прождавъ меня напрасно и не видя меня, догадалась, что со мной случилось что нибудь необыкновенное. За справками она обратилась къ дочери дѣда; та, не подозрѣвая нашихъ сношеній и думая, что отвѣчаетъ на простой, изъ свѣтскаго приличія сдѣланный вопросъ, «брякнула», что я серіозно боленъ. На слѣдующій же день навѣстилъ меня князь, привезъ съ собой своего домашняго доктора, окружилъ меня возможными удобствами. Еще до посѣщенія его я началъ поправляться отъ болѣзни; послѣ его вниманія выздоровленіе приближалось ко мнѣ быстро. Но меня мучила мысль объ Alexandrine. Я вполнѣ понималъ ея безпокойство, которое еще усиливалось невозможностью нашихъ прямыхъ сношеній. Зная, что я квартирую не одинъ, а съ Забѣльскимъ, она не могла даже посылать ко мнѣ своей вѣрной Кати.

Получивъ значительное облегченіе, я началъ вставать съ постели и бродить по комнатѣ, когда явился мнѣ призракъ.

Однажды вечеромъ, съ думой объ Alexandrine и ея тревогѣ, я заснулъ. Кровать моя стояла около окна, выходившаго на дворъ. У изголовья моего стоялъ стулъ, далѣе помѣщался столъ. Ночью разбудилъ меня необыкновенный визгъ моей лягавой собаки, спавшей всегда со мной на постели, въ ногахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, собака спрыгнула на полъ и спряталась подъ кровать. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что луна полнымъ свѣтомъ врывалась ко мнѣ въ окно, а на стулѣ у моего изголовья ясно, отчетливо обозначалась жен-

---

[1]) Императоръ Александръ II-й.

ская фигура въ сидячемъ положеніи, съ наклоненной головой, вся покрытая чѣмъ-то бѣлымъ... Первымъ моимъ движеніемъ было удостовѣриться: не обманываетъ ли меня зрѣніе? Приподнявшись на локоть, я правой рукой дотронулся до призрака, но рука моя не встрѣтила никакого препятствія, а только по воздуху разрѣзала бѣлую фигуру на-двое. Обѣ части, заволновавшись какъ дымъ, начали отдѣляться одна отъ другой, свиваться въ клубы пара и расходиться по комнатѣ... Я разбудилъ Забѣльскаго, спрашивая: не видалъ ли онъ чего подобнаго; но онъ, съ досадой прерваннаго сна отвѣтивъ, что я брежу, перевернулся на другой бокъ и вновь заснулъ.

Забѣльскій сказалъ, что я брежу! Но былъ ли то бредъ? Положимъ: визгъ собаки и потомъ прятаніе ея подъ кровать можно еще объяснить тѣмъ, что во снѣ я могъ толкнуть ее ногой. Но отъ чего же ни прежде, ни послѣ ничего подобнаго не было съ собакой? Если допустить, что это былъ единственный случай, то почему же случай этотъ совпадалъ именно съ моимъ видѣніемъ? Явленіе это нельзя приписать и воображенію, ослабленному болѣзнью. Присутствіе во мнѣ всѣхъ способностей доказывается тѣмъ, что при видѣ призрака въ моей головѣ сейчасъ явилось соображеніе испытать или удостовѣриться въ его существованіи осязаніемъ. Нѣтъ, я не бредилъ!..

Есть міръ, для насъ еще невѣдомый, есть состояніе человѣка, еще не изслѣдованное, когда для души нашей не существуетъ ни преградъ, ни времени, ни пространства, когда она, встрѣчая другую сочувственную ей душу и вступая съ ней въ сообщеніе, является глазамъ человѣка въ тѣхъ матеріальныхъ формахъ, которыя онъ видитъ въ окружающей его природѣ... Я заснулъ съ мыслью объ Alexandrine, и вотъ явился мнѣ призракъ не въ какой иной формѣ, а въ видѣ женщины. Я думалъ о ея душевной тревогѣ, и душа ея какъ бы явленіемъ своимъ приготовляла меня къ страшной потерѣ, которую готовило мнѣ близкое будущее...

Въ подтвержденіе моихъ предположеній передамъ еще нѣкоторые случаи, изъ которыхъ объ иныхъ я упоминалъ уже выше. Отецъ мой видѣлъ тѣнь, предвѣстницу ожидавшей его потери. Съ первой же почтой послѣ этого онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своей матери, а моей бабки... Тѣнь дѣвушки, заколотой Есиповымъ, постоянно являлась людямъ, прося отъ нихъ честнаго себѣ погребенія. Выискалась мужественная женщина, въ лицѣ А. Ѳ. Каховской, которая похоронила ее, и тѣнь убитой успокоилась, перестала являться людямъ.

Приведу еще примѣръ. Мой двоюродный братъ С. П. Мамаевъ служилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Командуя ротой и стоя въ лагерѣ, онъ въ одинъ вечеръ занимался составленіемъ рапортички. Вдругъ отпахивается пола его палатки, и во входѣ

обрисовывается фигура его отца. Поклонившись три раза, видѣніе исчезло. Взглянувъ на часы, братъ записалъ часъ и минуту явленія призрака. Вскорѣ онъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца, жившаго въ своемъ имѣніи, въ Костромской губерніи, и именно въ то самое время, когда являлся ему призракъ; онъ узналъ впослѣдствіи, что послѣднія слова его отца были: «Прощай, Сергѣй!», при чемъ три раза кивнулъ головой, что такъ вѣрно повторила явившаяся ему тѣнь...

Ограничусь этими случаями.

Горячка оставила меня, но съ того времени я началъ страдать ревматизмомъ.

Окрѣпнувъ нѣсколько силами, я «полетѣлъ» на наше свиданіе. Но, Боже мой, что сталось съ моей Alexandrine? Она была неузнаваема! Куда дѣлась эта легкая, пріятная для глазъ, полнота тѣла?.. Эта завидная дѣвственная бѣлизна лица?.. Она похудѣла болѣе, чѣмъ я. Подъ глазами—темные круги. Румянецъ лица смѣнился желтизной. Кашель ея, прекратившійся было, усилился съ какимъ-то глухимъ рокотаніемъ въ груди... Видно было, что она изстрадалась моей болѣзнью, съ тою только разницею, что болѣзнь ея была душевная, и слѣдовательно несравненно сильнѣе моей...

Завидя меня, Alexandrine со слезами бросилась ко мнѣ и, повиснувъ на шеѣ, долго не могла отъ рыданій, душившихъ ее, произнести ни одного слова. Успокоившись нѣсколько, первымъ ея движеніемъ было опуститься на колѣни передъ кіотомъ и въ горячей молитвѣ благодарить Бога за мое исцѣленіе...

Тогда я понялъ всю силу, всю глубину любви ко мнѣ этой несравненной женщины...

Окончивъ свою молитву, она видимо успокоилась, отерла слезы и, взявъ меня за обѣ руки, усадила противъ себя, устремила на меня все еще чудные глаза свои, казавшіеся еще болѣе отъ худобы ея лица. Мнѣ было страшно видѣть эти глаза: они блестѣли какимъ-то зеленоватымъ, фосфорическимъ свѣтомъ... Увы, сквозь нихъ смотрѣла на меня ея смерть...

Прочтя на лицѣ моемъ испугъ и удивленіе, она, лаская меня, слабымъ голосомъ говорила:

— Ничего, мой милый ребенокъ! Не тревожься за меня! Я видѣла тебя. Теперь я скоро поправлюсь!

И дѣйствительно замѣтно начала поправляться.

Обязанный вниманіемъ князя во время моей болѣзни, я сталъ чаще дѣлать мои «офиціальные» визиты въ его домъ. Часто случалось, что я видѣлъ Alexandrine по два раза въ день: утромъ въ гостиной, вечеромъ въ будуарѣ...

6-е декабря, день тезоименитства государя, праздновался баломъ въ Дворянскомъ собраніи. На балу этомъ я увидѣлъ свою Alexandrine, снова блистающую свѣжестью и красотой. Увы, то

былъ послѣдній расцвѣтъ нѣжнаго, роскошнаго растенія... Я сдѣлалъ съ Alexandrine нѣсколько туровъ вальса; какъ я гордился, несясь по залѣ съ такой милой, легкой ношей. Съ ней же танцовалъ одну кадриль и мазурку.

Наступилъ роковой для меня 1837 годъ. Ослѣпленный своимъ счастіемъ, убаюканный наслажденіемъ, ласками этой чудной женщины, я и въ мысляхъ не допускалъ какой либо потери, а между тѣмъ смерть неслышными стопами приближалась къ намѣченной заранѣе своей жертвѣ.

Январь, февраль и до послѣднихъ чиселъ марта я оставался въ Москвѣ и блаженствовалъ въ полномъ значеніи этого слова. Alexandrine, повидимому, совершенно оправилась, даже кашель ее оставилъ.

Ко всякому продолжительному счастію можно привыкнуть, и повтореніе одного и того же теряетъ для насъ обаяніе первой новизны. По крайней мѣрѣ, я все это перечувствовалъ въ жизни, любя другихъ женщинъ. Но въ отношеніи волшебницы Alexandrine со мной было не то! Въ каждое тайное наше свиданіе я всегда открывалъ въ ней что либо новое, дотолѣ мнѣ невѣдомое. Не знаю, приписать ли это ея игривому обширному уму? Или неистощимой любезности? Или чарующей ея красотѣ? Или умѣнію разнообразить жизнь нашу до безконечности? Или же тайному, неисповѣдимому въ цѣляхъ своихъ Провидѣнію, давшему мнѣ возможность оцѣнить Alexandrine въ виду скорой ея потери?.. Знаю только, что чѣмъ чаще видѣлъ ее, тѣмъ все болѣе и болѣе привязывался къ ней. Во мнѣ не было ни одной мысли, которая не была бы посвящена ей!

. . . .

XXII.

Отъѣздъ въ Коломну. — Встрѣча на почтовой станціи съ семействомъ Куроѣдовыхъ. — Мое столкновеніе съ комиссаріатскимъ чиновникомъ.— Снисходительное отношеніе ко мнѣ кн. Ливена.—Письма Alexandrine.—Прекращеніе переписки.— Кончина Alexandrine. — Мое душевное состояніе. — Мой отъѣздъ на предстоящій смотръ въ городъ Вознесенскъ, Херсонской губ. — Моя выходка на почтовой станціи въ Харьковѣ. — Губернаторъ кн. Трубецкой.— Жизнь въ молдаванскомъ селеніи «Александровская слобода» и молдаванская «хата». — Великій кн. Михаилъ Павловичъ вызываетъ меня.—Разговоръ со мной генерала Философова.— Пріѣздъ въ Вознесенскъ государя Николая Павловича, августѣйшаго семейства и иностранныхъ принцевъ. — Царскій смотръ.— Корпусный командиръ Никитинъ.

Въ то время отъ Москвы до Коломны не только не было желѣзной дороги, но даже простого шоссе. На перекладной почтовой телѣжкѣ, гдѣ по грязи, гдѣ по черепу (т. е. остаткамъ обледенѣлаго снѣга), часу въ 7-мъ вечера, я дотащился до первой

станціи, села Островцы, принадлежащаго графу Шереметеву. Здѣсь я остановлюсь, чтобы занести въ свою лѣтопись оригинальный отвѣтъ крестьянъ, принадлежащихъ графу Шереметеву. На спросъ: чьи вы? они отвѣчали коротко: «графскіе!» какъ будто существуетъ только одинъ графъ Шереметевъ, и каждый долженъ о томъ знать.

Подъѣхавъ къ станціи, я увидѣлъ у подъѣзда распряженными дорожный дормезъ и двѣ почтовыхъ телѣги.

Вышедшій знакомый мнѣ смотритель объявилъ, что ледъ, тронувшійся на рѣкѣ Москвѣ, у Боровскаго перевоза, прекратилъ всякое сообщеніе, и что комиссаріатскій чиновникъ и какія-то дамы, экипажи которыхъ я вижу, вернулись отъ перевоза за невозможностью ѣхать далѣе. Поворчавъ на такое неожиданное препятствіе, я вошелъ въ отдѣльную комнату верхняго этажа почтовой станціи и спросилъ себѣ самоваръ.

Усѣвшись на лавку, я закурилъ трубку, какъ отворилась дверь, и вошелъ ко мнѣ незнакомый молодой человѣкъ, лѣтъ 18-ти, пріятной наружности. Въ весьма любезныхъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ онъ передалъ мнѣ, что его мать проситъ меня въ свою комнату напиться вмѣстѣ чаю. Я съ радостью ухватился за предстоящій мнѣ случай: не быть одному. Тоска по разлукѣ съ Alexandrine грызла меня, и я послѣдовалъ за молодымъ человѣкомъ.

Меня встрѣтила не старая еще женщина, съ двумя молоденькими дѣвушками. То была г-жа Куроѣдова, мать одной изъ дѣвушекъ, и тетка—другой. Послѣ обмѣна свѣтскихъ приличій Куроѣдова объяснила, что ѣдетъ въ Коломну опредѣлять своего сына къ намъ въ полкъ, но, не зная тамъ никого и, какъ женщина, не имѣя понятія о порядкѣ поступленія на службу, она благословляетъ судьбу, доставившую ей мое знакомство; въ заключеніе просила меня не оставить ея сына совѣтами и устроить такъ, чтобы онъ поступилъ въ мой взводъ.

Такая просьба очень льстила моему самолюбію. Принявъ на себя важный видъ, я обѣщалъ «свое покровительство» ея сыну. Да простится мнѣ такая самонадѣянность! Мнѣ шелъ 22-й годъ, слѣдовательно я самъ былъ не многимъ старѣе ея сына, а меня уже просятъ о покровительствѣ, спрашиваютъ моихъ совѣтовъ. Кто устоитъ противъ такого искушенія, чтобы не порисоваться?.. И я обѣщалъ все, что отъ меня зависѣть будетъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на другіе предметы; такимъ образомъ время прошло для меня незамѣтно. Разставаясь, мы условились путь нашъ продолжать вмѣстѣ.

На другой день, часу въ 6-мъ утра, смотритель разбудилъ меня извѣстіемъ, что если я желаю ѣхать, то чтобы поспѣшилъ: ему дали знать, что рѣка отъ льда очистилась и не препятствуетъ перевозу. Собравшись наскоро, я пошелъ предупредить о томъ же

своихъ дамъ. Онѣ были уже готовы; къ намъ присоединился комиссіонеръ, везшій въ нашъ полкъ деньги на жалованье и другія потребности, и мы всѣ отправились въ путь.

Подъѣхавъ къ перевозу, мы увидѣли, что рѣка дѣйствительно очистилась, но вдали виднѣлась густая масса льда, грозившая вновь прервать сообщеніе. Надо было спѣшить переѣздомъ. Вода начала уже выливаться изъ береговъ, паромъ не могъ подойти къ сухому мѣсту. Черезъ воду были положены мостики, и мы начали перебираться по нимъ на паромъ. Первымъ всталъ комиссіонеръ, за нимъ—я; тогда онъ закричалъ, чтобы отчаливали паромъ. Тогда я подошелъ къ нему и очень вѣжливо сказалъ:

— Вы видите, милостивый государь, что съ нами ѣдутъ дамы? Надо ихъ подождать.

Но комиссіонеръ дерзко отвѣтилъ:

— Я не могу дожидаться. Я везу казну.

Такой отвѣтъ началъ уже «кипятить» меня, но присутствіе дамъ удерживало меня отъ «вспышки», и я, сохраняя наружное спокойствіе, продолжалъ:

— Это ровно ничего не значитъ. Вы видите вдали ледъ? Пока я съ вами переѣду на ту сторону, онъ можетъ вновь запрудить рѣку, и тогда дамамъ придется ждать неопредѣленное время.

Но мой комиссіонеръ, не внимая ничему, только одно и кричалъ:

— Знать ничего не хочу. Отчаливай!—и съ тѣмъ вмѣстѣ всталъ на мостки, желая помѣшать дормезу, который начали уже надвигать на паромъ.

Доселѣ я сохранялъ еще наружное хладнокровіе, но, видя такую грубую выходку комиссіонера, болѣе не выдержалъ. Вспыхнувъ, я сказалъ ему:

— Я тебя, комиссіонерская крыса, заставлю быть вѣжливымъ.

Схвативъ его за воротникъ шинели, я сильно дернулъ, отчего онъ спрыгнулъ въ воду, приказавъ въ то же время ставить дормезъ на паромъ. Я сказалъ уже, что вода только что начала выливаться изъ береговъ, и потому глубина ея въ этомъ мѣстѣ была не болѣе четверти аршина. Мой комиссіонеръ, соскочившій такъ для себя неожиданно въ воду, замочилъ только сапоги. Влѣзая на паромъ и отряхиваясь, онъ ворчалъ что-то подъ носъ, видимо озадаченный всѣмъ, съ нимъ случившимся.

Дормезъ былъ поставленъ на паромъ; я предложилъ руку Куроѣдовой, чтобы перевести ее черезъ мостки, и мы всѣ вмѣстѣ отчалили отъ берега. Дамы мои не находили словъ, какъ благодарить меня. Отклоняя отъ себя всякую личную заслугу происшедшаго, я скромно увѣрялъ, что каждый на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое, просилъ ихъ извинить невѣжливость комиссіонера, ради его невѣжества, при чемъ покосился на него. Комис-

сіонеръ, видимо сердитый, мрачный, насупившись стоялъ въ углу парома и смотрѣлъ на воду.

Только что мы успѣли пристать къ противоположному берегу, какъ ледъ, какъ бы остановившійся дотолѣ, чтобы пропустить насъ, вновь тронулся массой и въ одно мгновеніе покрылъ собой рѣку.

Посадивъ своихъ дамъ въ дормезъ, я подошелъ къ комиссіонеру и, указывая ему на рѣку, сказалъ:

— Теперь вы видите, что я былъ правъ, говоря, что ледъ вновь прекратитъ сообщеніе.

На что тотъ сквозь зубы процѣдилъ мнѣ:

— Кто изъ насъ правъ, разберетъ начальство.

По пріѣздѣ въ Коломну я поспѣшилъ явиться къ командиру полка; у него я засталъ своего полкового адъютанта Альберта. Зная благородное качество характера князя Ливена извинять шалости молодости, когда шалости эти не заключаютъ въ себѣ ничего унизительнаго или подлаго, и когда сознаніе въ нихъ сопровождалось чистосердечнымъ, откровеннымъ разсказомъ, и напротивъ — всякое отпирательство, извороты, желаніе оправдать себя возмущали рыцарскія понятія его о чести и правдѣ, и тогда, горе виновному, онъ преслѣдовалъ его, и какъ начальникъ, и какъ честный человѣкъ,—я разсказалъ ему мою продѣлку съ комиссіонеромъ и обстоятельства, вызвавшія меня на такой поступокъ.

Ливенъ, выслушавъ меня, улыбнувшись сказалъ:

— Ну, такъ, такъ! Узнаю вашъ характеръ! Нельзя безъ того, чтобы не пошумѣть, не сдѣлать скандала. Который это разъ?— спросилъ онъ, намекая тѣмъ на мои столкновенія съ полиціей.

— Ваша свѣтлость! Я вступился за дамъ, онѣ меня просили...

— Знаю, знаю. Вы — славный защитникъ «угнетенной невинности».—Потомъ прибавилъ:—ну, хорошо, ступайте!

Спускаясь отъ него съ лѣстницы, я столкнулся съ своей жертвой, съ комиссіонеромъ.

Альбертъ разсказалъ мнѣ сцену, происшедшую у полкового командира послѣ моего ухода.

Явившійся комиссіонеръ, сдавъ отчетъ и деньги князю Ливену, обратился къ нему со словами:

— Ваша свѣтлость! Я имѣю жалобу на вашего офицера.

Князь, не моргнувъ глазами, какъ бы ничего не зная о происшедшемъ, спросилъ:

— На кого?

— На Мамаева.

— У меня ихъ два. На котораго же?

— Онъ уходилъ отъ васъ, когда я явился къ вамъ.

— А! Ну, что-жъ онъ сдѣлалъ?

— Онъ ѣхалъ съ какими-то дамами и на перевозѣ черезъ рѣку Москву столкнулъ меня въ воду.

— Гм!.. А за что?

— Боясь запоздать съ деньгами, я приказалъ отчаливать парому, но Мамаевъ воспрепятствовалъ этому, пока не поставили экипажа дамъ. Когда я настаивалъ на своемъ намѣреніи, онъ столкнулъ меня въ воду.

— И только?

— Только, ваша свѣтлость!

— Ну-съ, я вамъ вотъ что скажу. Мамаевъ столкнулъ только въ воду, а я бы утопилъ васъ! Прощайте!—и съ этими словами повернулся къ нему спиной.

Тѣмъ и кончилось мое донъ-кихотское похожденіе.

Имѣя въ виду скорый сборъ полка «на кампаментъ», я испросилъ себѣ позволеніе ожидать прибытія своего эскадрона въ Коломнѣ, при этомъ я имѣлъ другую цѣль: скорѣе получать письма моей несравненной Alexandrine. Каждую почту, т. е., два раза въ недѣлю, я получалъ отъ нея полные два листа почтовой бумаги, исписанные ея красивымъ почеркомъ, иногда даже «въ клѣтку», т. е. въ перекрещенныхъ строчкахъ. Всѣ они были наполнены теплыми душевными изліяніями ея сильной любви ко мнѣ, завѣреніями въ скоромъ свиданіи. Такъ какъ она письма свои писала въ родѣ дневника, то я имѣлъ возможность всегда слѣдить за ней и знать, что въ какое время она думала и дѣлала. Изъ предосторожности, я не отвѣчалъ ей. Такъ продолжалось недѣли три! Вдругъ прекратились ея письма. Пришла почта... другая... третья—нѣтъ никакихъ извѣстій отъ Alexandrine. Я началъ сильно безпокоиться! Меня не радовало и производство мое въ поручики... Наконецъ, на четвертой почтѣ я получилъ письмо отъ дочери дѣда, она писала, что по порученію Alexandrine извѣщаетъ меня о ея легкой простудѣ, что у нея лихорадка, и присовокупляла, чтобы я не тревожился, опасности никакой нѣтъ и т. п. Мое безпокойство было такъ сильно, что я и не подумалъ тогда, какимъ образомъ тетка могла узнать о сношеніяхъ моихъ съ Alexandrine... На слѣдующихъ двухъ почтахъ Лизавета Ивановна писала мнѣ тоже, обнадеживая, что Alexandrine сама скоро напишетъ мнѣ. Затѣмъ вдругъ прекратились и эти извѣстія! Прошла недѣля, другая—ни отъ кого нѣтъ ни вѣсточки о томъ, что меня такъ сильно занимало... Тоска и тайный мучительный страхъ обуяли меня. Я не выдержалъ долѣе, пожелалъ во что бы то ни стало узнать причину такого продолжительнаго молчанія и рѣшился самъ ѣхать въ Москву, хотя бы и не получилъ отпуска.

На другой день, утромъ, когда я пристегивалъ саблю, вошелъ ко мнѣ братъ и спросилъ:

— Ты куда?

— Къ полковнику.

— Зачѣмъ?

— Проситься въ Москву.

— Ты знаешь, что отпуски теперь невозможны?

— Я имѣю уважительную причину и поѣду, несмотря на запрещеніе!

— Какая это причина?

— Мнѣ нужно!

— Это не отвѣтъ.

— Можетъ быть, но повторяю, мнѣ крайняя надобность побывать въ Москвѣ, хотя на нѣсколько часовъ.

— Не ѣзди.

— А что?—спросилъ я, въ свою очередь, трепещущимъ голосомъ. Сердце мое какъ-то болѣзненно сжалось отъ темнаго предчувствія.

— Такъ! Не ѣзди!

— Да отъ чего же не ѣхать? Скажи.

— Такъ. Напрасно проѣдешься!

— Какъ напрасно?—приставалъ я.—Ты что нибудь да знаешь? Говори.

— Будь мужчиной!—и съ тѣмъ вмѣстѣ подалъ мнѣ письмо къ нему Лизаветы Ивановны.

Развернувъ дрожащими руками, я быстро пробѣжалъ письмо, читая черезъ 3—4 строчки, но и этихъ скачковъ было слишкомъ достаточно, чтобы понять, что моя милая, дорогая Alexandrine болѣе не существуетъ...

Письмо выпало изъ рукъ, я какъ бы окаменѣлъ. Вся кровь во мнѣ прилилась къ сердцу. Схватившись за грудь, гдѣ меня кольнуло что-то, я помутившіеся глаза свои устремилъ на брата, не говоря ни слова... Тотъ страшно испугался. Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что, видя меня блѣднаго, трепещущаго, главное, при видѣ моихъ мутныхъ глазъ, безжизненно устремленныхъ на него, онъ подумалъ, что я сошелъ съ ума...

Уложивъ меня въ постель, братъ послалъ за докторомъ. Тотъ нашелъ во мнѣ сильное сотрясеніе всей нервной системы; приказалъ мои окоченѣвшія ноги и руки растирать щетками. Возстановивъ естественную теплоту тѣла, далъ мнѣ успокоительныхъ капель. Я смотрѣлъ «во всѣ глаза», но ничего не чувствовалъ, не понималъ, что дѣлали со мной, безсознательно повинуясь всѣмъ распоряженіямъ. . . . .

Судьба, такъ баловавшая меня дотолѣ, поразивъ меня, послала мнѣ и на этотъ разъ новую, скорую помощь, чтобы ослабить силу удара, меня постигшаго: я получилъ командировку ѣхать въ городъ Вознесенскъ, Херсонской губерніи, для представленія на высочайшій смотръ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ.

Приготовленія къ поѣздкѣ, новый край, новые люди, ихъ жизнь, обычаи—все это должно было занять меня и отрывать отъ постоянной мысли о постигшемъ меня горѣ.

Въ концѣ іюня я отправился къ мѣсту назначенія и проѣздомъ остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ. Тамъ отъ дочери моего дѣда я узналъ всѣ подробности кончины моего ангела! . . . .

Убитый горемъ, ошеломленный постигшимъ меня несчастьемъ, я съ растерзаннымъ сердцемъ, въ какомъ-то забытьи отправился въ дальнѣйшій путь.

Во всѣхъ сильныхъ душевныхъ потрясеніяхъ лучшимъ облегченіемъ страданій служатъ намъ или слезы, или какой нибудь нравственный ударъ, внѣ насъ самихъ, который бы возбудилъ въ насъ чувство самосознанія. Такъ и въ моемъ тогдашнемъ положеніи. Слезы, душившія меня, подступали къ глазамъ, снова падали всей своей тяжестью внутрь меня. Мнѣ нуженъ былъ сильный нравственный толчекъ, который бы пробудилъ меня изъ усыпленія, вывелъ бы изъ пассивнаго состоянія, придалъ бы мнѣ энергію для проявленія жизненной силы. Такой толчекъ я получилъ въ Харьковѣ.

Поздно ночью пріѣхавъ въ городъ, я, по обыкновенію, на почтовой станціи тотчасъ же потребовалъ себѣ лошадей, чтобы отправиться далѣе. Станція помѣщалась въ большой комнатѣ; въ переднемъ углу стоялъ столъ, на которомъ горѣвшая сальная свѣча едва освѣщала ближнее пространство, оставляя въ совершенной темнотѣ прочія мѣста комнаты.

Смотритель очень вѣжливо объявилъ мнѣ, что путь до слѣдующей станціи довольно длиненъ и при томъ дорога песчаная; въ виду этихъ неудобствъ, онъ прикажетъ мнѣ запрячь тройку лошадей, тѣмъ болѣе, что насъ ѣдетъ двое: я и мой слуга, несмотря на то, что по подорожной мнѣ слѣдуетъ давать только пару, при чемъ прибавилъ:

— Не будетъ ли милости прибавить прогоновъ, хотя на полъ-лошади.

— Ни на хвостъ!—отвѣчалъ я грубо.

— Дѣлать нечего, — продолжалъ смотритель,—третью лошадь придется вамъ такъ дать.

— А я не дамъ!—раздался голосъ изъ противоположнаго темнаго угла.

Обернувшись на голосъ, я увидѣлъ въ нѣсколькихъ отъ себя шагахъ приближающагося человѣка, котораго прежде за темнотой я и не замѣтилъ. Отъ его дерзкихъ словъ убитая горемъ душа моя встрепенулась, потребовала проявленія энергіи, обычная вспыльчивость моя вернулась ко мнѣ, и я, подойдя къ незнакомцу,

со всего размаха руки ударилъ его по щекѣ, желая какъ бы тѣмъ возстановить нарушенное равновѣсіе.

Незнакомецъ, съ крикомъ: «какъ? драться»? подбѣжалъ къ столу, схватилъ лежавшую на немъ мою подорожную и быстро скрылся въ дверь.

На мой вопросъ: что это за фигура? смотритель отвѣтилъ: почетный купеческій сынъ Котляровъ, содержатель почтовыхъ лошадей.

Былъ часъ 3-й ночи. Мою подорожную искать было негдѣ. Узнавъ, что во второмъ этажѣ дома, занимаемаго почтовой станціей, помѣщается гостиница для пріѣзжающихъ, я поднялся наверхъ и, занявъ номеръ, залегъ спать. Отъ Москвы до самаго Харькова я нигдѣ не останавливался, почти не вылѣзалъ изъ телѣжки. Физическая усталость взяла свое, и я въ первый еще разъ послѣ потери Alexandrine спалъ такъ долго и такъ крѣпко. Нужно было сильное сотрясеніе всего моего организма, парализированнаго дотолѣ горемъ, чтобы получить возможность вернуться къ своему нормальному состоянію и житейской потребности.

Проснувшись довольно поздно, я сидѣлъ у окна и пилъ чай, когда за дверью моего номера послышался звонъ шпоръ и звяканье сабли. Вошедшій жандармъ объявилъ, что меня требуетъ къ себѣ военный губернаторъ, князь Трубецкой.

Начинался первый актъ драмы, затѣянной моими побоями содержателя почтовыхъ лошадей. Надѣвъ эполеты на сюртукъ и прицѣпивъ саблю, я въ фуражкѣ отправился въ сопровожденіи жандарма на квартиру губернатора, совершенно равнодушный къ предстоящей мнѣ встрѣчѣ съ лицомъ административнымъ, не потому, чтобы я былъ спокоенъ за послѣдствія своего поступка, но потому, что, идя дорогой, я обдумалъ свое положеніе и приготовился къ отвѣтамъ. Въ залѣ начальника губерніи я нашелъ просителей, между ними стоялъ и Котляровъ.

Дежурный адъютантъ, при моемъ входѣ, не спрашивая меня,— видно было, что причина моего появленія была ему извѣстна,— пошелъ съ докладомъ въ кабинетъ губернатора. Вскорѣ появился и самъ князь Трубецкой. Не обращая ни на кого вниманія, онъ прямо подошелъ ко мнѣ, и громкимъ голосомъ сказалъ:

— Вы зачѣмъ сюда пожаловали? Буянить? Я разбойничать вамъ не позволю. Я представлю о васъ рапортомъ!

На это я отвѣчалъ:

— Рапортомъ представить меня, ваше сіятельство, можете, но задерживать меня не имѣете права. Я слѣдую по высочайшему повелѣнію.

Слова мои, сказанныя спокойнымъ тономъ, имѣли на него дѣйствіе вылитаго ушата холодной воды. Значительно понизивъ голосъ, князь продолжалъ:

— Какъ по высочайшему повелѣнію?—удивился онъ. Затѣмъ, обратясь къ адъютанту, приказалъ взять изъ канцеляріи и принести мою подорожную.

Пока ходили за ней, губернаторъ занялся прочими просителями.

Между тѣмъ, принесли и подали ему мою подорожную. Прочитавъ и подавая ее, князь Трубецкой прибавилъ:

— Можете ѣхать. Но о вашемъ поступкѣ я донесу вашему начальству.

— Благодарю ваше сіятельство за позволеніе ѣхать,—отвѣчалъ я съ ироніей.—Я, съ своей стороны, тоже донесу своему начальству, что былъ задержанъ болѣе полсутокъ въ Харьковѣ безъ всякой причины.

— Какъ безъ причины? А вашъ поступокъ съ Котляровымъ?

— Мой поступокъ, если онъ и былъ, требовалъ изслѣдованія, но не давалъ никому права задерживать меня, какъ посланнаго по повелѣнію государя императора.

— Я не зналъ этого.

Этихъ неосторожно сказанныхъ словъ и тона, какимъ они были произнесены, достаточно было, чтобы показать, что роли наши перемѣнились: я изъ обвиняемаго самъ становился на почву обвинителя, и что сила на моей сторонѣ. Столь гордый и грозный за минуту, князь снизошелъ какъ бы до оправданія въ своемъ поступкѣ. Все это придало мнѣ смѣлости, и я продолжалъ:

— Ваше сіятельство могли не знать, кѣмъ я былъ посланъ, хотя одного мимолетнаго взгляда на мою подорожную было бы для того достаточно, и—смѣю думать—это должно было быть вашимъ первымъ движеніемъ, прежде чѣмъ рѣшиться принять противъ меня какія либо мѣры. Но ваше сіятельство, сами человѣкъ военный, еще болѣе образованный, не могли не знать, что на офицеровъ русской арміи нельзя кричать, какъ на лакеевъ, какъ поступили вы въ отношеніи меня, тѣмъ еще менѣе—обзывать ихъ разбойниками.

— Я васъ не называлъ разбойникомъ.

— Извините меня, ваше сіятельство. Я не возьму на себя обязанности доказывать, что употребленное вами выраженіе «не позволю разбойничать», по формѣ глагола, предполагаетъ существительное: разбойникъ. При возвращеніи моемъ въ Москву и явкѣ къ корпусному командиру, А. И. Нейдгарту, я доложу его высокопревосходительству, что въ его корпусѣ служатъ, по мнѣнію вашего сіятельства, офицеры-разбойники.

Прочитавъ эту мораль, выслушанную безъ малѣйшаго возраженія, я поклонился князю и вышелъ изъ залы.

Вернувшись въ гостиницу, я, не заходя въ свой номеръ, прямо отправился на почтовую станцію и потребовалъ книгу для записи жалобъ проѣзжающихъ. Въ нее я вписалъ, что, слѣдуя по высо-

чайшему повелѣнію въ г. Вознесенскъ для представленія на смотръ государя безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, я прибылъ такого-то мѣсяца и числа, въ такомъ-то часу, въ городъ Харьковъ, гдѣ и былъ задержанъ начальствомъ, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, до такого-то часа другого дня, т. е., болѣе 14-ти часовъ, о чемъ считаю обязанностью заявить, дабы не подвергнуться взысканію на случай моего замедленія въ прибытіи къ мѣсту назначенія. Затѣмъ подписался названіемъ полка, чина, фамиліи.

Этихъ немногихъ словъ было слишкомъ достаточно, чтобы поднять ту бурю, которая разразилась впослѣдствіи,—и не на мнѣ одномъ,—и послужила окончаніемъ моей драмы.

По прибытіи въ г. Вознесенскъ, всѣмъ офицерамъ нашего полка: штабсъ-ротмистру Повало-Швейковскому и поручикамъ Дубровину, Насѣкину и мнѣ, отвели одну общую хату, стоявшую съ края молдаванскаго селенія «Александровская слобода»,—первую отъ въѣзда изъ Вознесенска, верстахъ въ 10-ти отъ послѣдняго.

Хозяевъ нашихъ квартиръ, молдаванъ, мы почти совсѣмъ не видали. Отъ большого накопленія войскъ на незначительномъ пространствѣ они были вытѣснены изъ своихъ жилищъ. Уйдя въ степь со всѣми своими домашними и даже скотомъ, обыватели совершенно покинули свои дома въ полное наше распоряженіе и изрѣдка только появлялись, чтобы взять провизію изъ своихъ запасовъ, и снова уходили въ степь, гдѣ жили въ устроенныхъ землянкахъ.

Наша обыденная жизнь дѣлилась: на служебную, частную и домашнюю. Девятымъ, или резервнымъ эскадрономъ нашего полка, постоянно квартировавшимъ въ военныхъ поселеніяхъ Харьковскаго округа и состоящимъ въ составѣ резервнаго кавалерійскаго корпуса, командовалъ ротмистръ Пистолькорсъ, очень любезный, обходительный господинъ. Нашимъ же эскадрономъ, составленнымъ изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, командовалъ старшій изъ насъ, штабсъ-ротмистръ Повало-Швейковскій. Лошадей подъ офицеровъ и рядовыхъ набрали залишнихъ изъ всѣхъ полковъ поселенной кавалеріи и разсортировали ихъ по мастямъ. Разумѣется, полковые командиры не дали въ чужія руки хорошихъ лошадей, а отпустили «бракъ». Мнѣ досталась лошадь довольно красивая на видъ и доброй выѣздки, но разбитая на всѣ четыре ноги. Какъ часто, сидя на ней и видя ее, спотыкающуюся почти на каждомъ шагу, я вспоминалъ моего «Брильянта».

Разъ или два въ недѣлю производились репетиціи ученій и смотровъ, въ ожиданіи пріѣзда государя. Полки сходились на огромное пространство, находящееся подъ самымъ городомъ Вознесенскомъ. Чтобы прійти на сборное мѣсто, мы дѣлали болѣе 7-ми верстъ. Общая картина нашихъ движеній была очень красива. Тутъ были и гусары, и кирасиры, и драгуны, и конная артилле-

рія. Было и нѣсколько частей пѣхоты, но онѣ съ нами не участвовали.

Немало было хлопотъ и возни съ безсрочными нижними чинами, чтобы хотя нѣсколько пріучить ихъ къ фронту. Многіе изъ нихъ за плугомъ и другими полевыми работами не только совершенно отстали отъ военной службы и порядковъ, но утратили даже и самый видъ солдата. Надо было ихъ «подтягивать», наѣзжать, чтобы сдѣлать мало-мальски годными къ фронтовой службѣ и правильной ѣздѣ.

Погода почти все время стояла жаркая, удушливая. Утро нашего дня начиналось тѣмъ, что Пистолькорсъ рано заѣзжалъ за нами въ своей плетушкѣ, какъ мы ее называли, и мы всѣ отправлялись купаться. Плетушка состояла изъ четырехугольнаго продолговатаго глухого ящика, изъ ивовыхъ прутьевъ, сплетеннаго на манеръ корзинки и стоявшаго на дрогахъ, запряженныхъ парой лошадей, въ дышло. Плетушка на одной изъ своихъ продольныхъ стѣнъ имѣла дверцы, въ которыя мы и влѣзали внутрь, размѣщаясь кто какъ могъ, такъ какъ экипажъ, кромѣ плетенаго дна, не имѣлъ никакихъ лавокъ для сидѣнья; и мы въ халатахъ, но въ форменныхъ фуражкахъ отправлялись на рукавъ р. Буга, называемый Мертвоводъ. Берега Мертвовода состояли изъ каменныхъ скалъ, въ расщелинахъ которыхъ мы часто видали змѣй, называемыхъ «мѣдяницами», вѣроятно, по своему изжелта-зеленоватому цвѣту кожи. Любуясь ихъ медленными движеніями на солнцѣ, мы были очень осмотрительны въ водѣ, чтобы не имѣть ихъ вблизи себя. Говорили, что укушеніе ихъ смертельно.

По возвращеніи съ купанья пили чай, занимались охотой на тарантуловъ, обильно населявшихъ нашу хату. Послѣ обѣда, когда палящій жаръ нѣсколько «спадалъ», производились конныя или пѣшія ученья, изрѣдка—офицерская ѣзда, и тѣмъ заканчивался нашъ день. Книгъ никакихъ не было, да и достать ихъ невозможно, и потому офицеры въ свободное время «дулись» въ карты.

Иногда офицеры разнообразили свое препровожденіе времени охотой за дрофами. Дрофа, птица, очень схожая видомъ своимъ съ индѣйскими курами, по своему ли природному свойству, или по ожирѣнію отъ привольнаго корма, не знаю, не могла прямо подняться съ мѣста, а должна прежде разбѣжаться, чтобы летѣть. Офицеры, возвращаясь съ ученья, завидя дрофу въ степи, прижавшуюся въ высокой травѣ, вскачь пускались на нее. Дрофа при видѣ своего врага подымалась съ мѣста и, распустивъ крылья, пускалась въ бѣгъ; при этомъ, къ довершенію ея несчастья, довольно длинными своими ногами путалась въ травѣ, называемой ковыль, или «перекати поле». Офицеры скоро догоняли ее и зарубали саблями. Нерѣдко можно было видѣть всадника, возвращающагося домой съ притороченной къ сѣдлу птицей.

Наша поѣздка на купанье однажды стоила намъ небольшой непріятности. Въ нашемъ экипажѣ и въ халатахъ мы попались на глаза проѣзжавшему начальнику дивизіи, барону Дмитрію Ероѳеичу Остенъ-Сакену. Разсмотрѣвъ сквозь плетушку ѣдущихъ офицеровъ въ такихъ татарскихъ костюмахъ, онъ всѣхъ насъ, не исключая и обоихъ эскадронныхъ командировъ, отправилъ прямо подъ арестъ на гауптвахту. Къ счастью нашему, на другой день назначенъ былъ высочайшій смотръ, на который нельзя было вывести эскадроны безъ начальниковъ и офицеровъ, поэтому вскорѣ освободили изъ-подъ ареста сначала Пистолькорса и Повало-Швейковскаго, а затѣмъ и насъ, прочую мелюзгу.

Начало съѣзжаться высшее начальство и иностранные принцы, приглашенные на маневры; пріѣхалъ и великій князь Михаилъ Павловичъ.

Однажды, вечеромъ, сидя на заваленкѣ своей хаты, со стаканомъ чая въ рукѣ, я смотрѣлъ вдаль, прямо передъ собой, ничего не видя. На меня напала какая-то грусть, тоскливо припомнилось пережитое мной счастье, потеря навсегда милой Alexandrine, другое время, другія мѣста... Слезы готовы были закапать изъ глазъ... Вдругъ окружавшую меня тишину нарушилъ звонъ почтоваго колокольчика и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилъ меня отъ моихъ мечтаній. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что прямо передо мной, по дорогѣ изъ Вознесенска, мчится въ облакахъ пыли тройка лошадей. Когда телѣжка подъѣхала ближе, я увидѣлъ сидящаго въ ней фельдъегеря, но не обратилъ на то особаго вниманія, такъ какъ черезъ нашу слободу проходила большая почтовая дорога, и нерѣдко случалось видѣть мчавшихся по ней курьеровъ. На этотъ разъ случилось иначе. Фельдъ-егерь, завидя меня, приказалъ остановиться, вылѣзъ изъ телѣжки, подошелъ ко мнѣ и, вынувъ изъ своей сумки лоскутъ бумаги, прочелъ ее и, обратясь ко мнѣ, вѣжливо спросилъ:

— Позвольте узнать, гдѣ здѣсь квартируетъ Оренбургскаго уланскаго полка поручикъ Мамаевъ?

— Я Мамаевъ, котораго вы отыскиваете! Что вамъ угодно?

— Пожалуйте сейчасъ же вмѣстѣ со мной къ великому князю.

— Дайте мнѣ время надѣть форму.

— Приказано васъ привезти въ сюртукѣ.

Я очень спокойно принялъ это извѣстіе, вернулся въ хату, поставилъ на столъ свой не допитый чай, пристегнулъ саблю и, накинувъ на себя шинель, отправился съ фельдъегеремъ, ничего не подозрѣвая о томъ, что меня ожидало.

Мое спокойствіе духа происходило отъ того, что передъ тѣмъ между офицерами распространился слухъ, что великій князь желаетъ видѣть офицеровъ, бывшихъ въ образцовомъ полку. Братъ мой, въ чинѣ поручика, былъ прикомандированъ къ образцовому

полку, и я предположилъ, что меня приняли, вѣроятно, за брата, и мнѣ предстоитъ объяснить недоразумѣніе. Не тутъ-то было!

Фельдъегерь прямо подвезъ меня къ крыльцу дома, занимаемаго великимъ княземъ. Войдя въ пріемный залъ, я увидѣлъ толпу людей, состоящихъ изъ генераловъ, полковыхъ командировъ, дежурныхъ по карауламъ и другихъ должностныхъ лицъ—всѣхъ одѣтыми въ приличную форму.

Вечерняя заря была уже «пробита», и потому всѣ эти лица явились кто за полученіемъ приказаній, кто съ вечернимъ рапортомъ. Мое появленіе между ними одного въ простомъ сюртукѣ и фуражкѣ, въ сопровожденіи фельдъегеря, произвело видимое изумленіе. Всѣ они обратили на меня глаза, разсматривая меня съ любопытствомъ.

Одинъ генералъ въ артиллерійской формѣ, отдѣлившись отъ прочихъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Ваша фамилія Мамаевъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

Въ спрашивающемъ меня генералѣ я узналъ Философова, часто видѣннаго мной, въ бытность мою въ Петербургѣ, девять лѣтъ тому назадъ.

Всматриваясь пристально въ меня, Философовъ продолжалъ:

— Лицо ваше мнѣ какъ будто знакомо. Гдѣ я могъ прежде васъ видѣть?

— Въ Петербургѣ, у Анны Сергѣевны Телепневой.

— А! Теперь припоминаю! Вы были кадетомъ горнаго корпуса.

Взявъ меня за руку и отведя къ дальнему отъ присутствующихъ окну, онъ вполголоса продолжалъ:

— Разскажите мнѣ, но ничего не скрывая, какъ честный человѣкъ, что у васъ за исторія была въ Харьковѣ?

Теперь я только понялъ настоящую причину призыва меня къ великому князю. Оторопѣвъ отъ нечаянности такого вопроса, я скоро, однакожъ, оправился и разсказалъ все, какъ было, не утаивъ и двухъ пощечинъ, данныхъ мною содержателю почтовыхъ лошадей, и причины, ихъ породившей.

Философовъ, выслушавъ меня внимательно до конца, сказалъ:

— Извините меня! Я долженъ вамъ сдѣлать еще одинъ довольно щекотливый вопросъ! Тогда вы... вы... вы не были пьяны?

Несмотря на затруднительность своего положенія, я улыбнулся и отвѣчалъ:

— Если-бъ я имѣлъ этотъ недостатокъ, то, конечно, не находился бы здѣсь въ Вознесенскѣ, не проѣзжалъ бы Харьковъ и не имѣлъ бы на отвѣтственности этой глупой исторіи. Вашему превосходительству лучше, чѣмъ кому либо, извѣстно, что было приказано командировать на предстоящій смотръ лучшихъ офицеровъ

изъ полковъ. Неужели въ нашемъ полку при полномъ комплектѣ офицеровъ не нашлось бы другихъ, болѣе меня достойныхъ?

— Великому князю донесли, что вы были въ нетрезвомъ видѣ.

— Не знаю, кто могъ донести его высочеству такую нелѣпицу. Если князь Трубецкой, то онъ видѣлъ меня, спустя полсутки послѣ происшедшаго, а въ такой промежутокъ времени, если-бъ я былъ и дѣйствительно пьянъ, то успѣлъ бы отрезвиться.

— Вѣрю вамъ, вѣрю вашему благородному слову. Дожидайтесь меня здѣсь; я пойду и предупрежду великаго князя. Затѣмъ Философовъ скрылся за дверь, находившуюся прямо передо мной. Оставшись одинъ, я нисколько не боялся предстоящей мнѣ встрѣчи съ Михаиломъ Павловичемъ, хотя и зналъ, что онъ строго взыскиваетъ за упущенія по службѣ. Наглая клевета, взведенная на меня, меня сильно возмутила, подавивъ во мнѣ всякое другое чувство страха, и я, крѣпкій своей невинностью, ожидалъ спокойно конца.

Появился Философовъ и сказалъ мнѣ громко:

— Пожалуйте къ великому князю.

И когда я поравнялся съ нимъ, то шепнулъ мнѣ:

— Ничего! Не робѣйте! Все обойдется благополучно.

Войдя въ слѣдующую комнату, которая, повидимому, служила кабинетомъ, я остановился у двери. Прямо предо мной посреди комнаты стоялъ письменный столъ, за которымъ великій князь, сидя, что-то писалъ, не подымая головы; такъ продолжалось минуты три. Въ это время я пристально разсматривалъ Михаила Павловича, котораго дотолѣ видалъ только издали. Наружность его извѣстна: его клинообразная голова, широкій затылокъ, прочія принадлежности лица воспроизведены вѣрно на всѣхъ современныхъ его портретахъ. Одѣтъ онъ былъ въ сюртукъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, безъ эполетъ и безъ всякихъ видимыхъ знаковъ отличій его достоинства.

Докончивъ писать, великій князь поднялъ голову и, окинувъ меня взглядомъ съ ногъ до головы, устремилъ пристально на меня свои голубые изсѣра глаза. Нѣсколько нахмуривъ брови, онъ строгимъ голосомъ сказалъ:

— Ты что тамъ набуянилъ въ Харьковѣ?

— Виноватъ, ваше императорское высочество, погорячился.

— То-то, погорячился. А вотъ, какъ я тебя засажу въ крѣпость мѣсяца на четыре, такъ остынешь! Ступай на свое мѣсто!

Повернувшись по-военному налѣво кругомъ, я вышелъ изъ кабинета. Завидя Философова, я подошелъ къ нему и горячо благодарилъ его за заступничество. Пожавъ мнѣ руку, онъ сказалъ, что очень былъ радъ услужить мнѣ, вполнѣ довѣряя моему правдивому разсказу, радъ тѣмъ болѣе, что могъ вывести наружу обманъ и гнусную клевету.

Когда я возвращался съ тѣмъ же фельдъегеремъ въ свою хату, мнѣ дорогой невольно припомнилась другая моя исторія съ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, Цинскимъ; припомнились и обстоятельства этой встрѣчи. При этомъ, сопоставляя прежній случай съ настоящимъ, я думалъ: два генерала и оба желали повредить мнѣ ложью, и обоимъ не удалось достичь своихъ намѣреній. Видимо, есть Богъ правды, не допускающій низкой клеветѣ вредить мнѣ!.. Въ оба раза онъ послалъ мнѣ заступничество за меня: въ первомъ случаѣ въ лицѣ мужа Alexandrine, во второмъ—въ лицѣ Философова.

Въ Вознесенскъ пріѣхалъ царь съ своимъ семействомъ и въ сопровожденіи многихъ иностранныхъ принцевъ, между которыми выдѣлялся своею красивою наружностью и молодцеватостью герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, будущій мужъ великой княжны Маріи Николаевны.

Назначенъ первый день смотра. На обширномъ полѣ, вблизи Вознесенска, собрались войска резервнаго кавалерійскаго корпуса: гусары, уланы, кирасиры, драгуны, отрядъ, составленный изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, конная артиллерія; всего, я думаю, до 80.000 человѣкъ. Войска заняли свои мѣста, по заранѣе составленному расписанію, на ровной мѣстности, простиравшейся на далекое пространство. День былъ ясный, жаркій, солнце палило немилосердно, хотя то былъ конецъ августа. Войска представляли собою величественный видъ; русскому царю можно было ими гордиться. Начали съѣзжаться начальники; пріѣхалъ и великій князь Михаилъ Павловичъ; собралъ около себя кучку офицеровъ и, находясь въ веселомъ настроеніи духа, сыпалъ каламбурами и смѣшилъ разсказами. Въ памяти у меня остался одинъ изъ его разсказовъ. Онъ говорилъ, что прямо къ смотру вернулся изъ Берлина, гдѣ прусскій король сдѣлалъ его шефомъ какого-то изъ своихъ кирасирскихъ полковъ. Нужно было представляться съ полкомъ королю и для этого надѣвать латы. Во всемъ Берлинѣ не могли отыскать латъ по таліи великаго князя: всѣ были малы. При этомъ Михаилъ Павловичъ смѣясь прибавилъ:

— Это оттого, что пруссаки не ѣдятъ русской гречневой каши.

Завидя меня въ толпѣ окружавшихъ его офицеровъ, онъ погрозилъ мнѣ пальцемъ и сказалъ:

— А! дружище, здорово!

Наконецъ, подъѣхалъ царь, сѣлъ на подведенную верховую лошадь; но все еще не раздается обычная команда, предшествующая всякому смотру. Мы терялись въ догадкахъ, но скоро разъяснилось наше недоумѣніе. Отъ Вознесенска показались придворные экипажи (линейки). Въ первомъ сидѣли императрица съ великой княжной Маріей Николаевной, около которой у колеса вертѣлся принцъ Лейхтенбергскій.

При приближеніи Александры Θеодоровны раздалась команда «смирно!». Царь сталъ на правый флангъ колонны и, вынувъ шпагу, привѣтствовалъ императрицу. Весь кортежъ тронулся по рядамъ войскъ и проѣзжалъ очень тихо. Тутъ я имѣлъ случай поочереди разсмотрѣть близко всѣхъ членовъ царской семьи и ихъ свиту. Въ линейкѣ, слѣдующей за императрицей, сидѣли великая княгиня Елена Павловна съ дочерьми. Она обращала на себя вниманіе своимъ непрерывнымъ смѣхомъ. Далѣе, за нею слѣдовали линейки съ придворными дамами. Въ одной изъ такихъ линеекъ помѣщались фрейлины, штукъ шесть; но, Боже мой! что это были за лица! На подборъ одна хуже другой: длинноносыя, худыя, плоскогрудыя, что еще болѣе было замѣтно, такъ какъ всѣ онѣ были одѣты decoltée.

Начался церемоніальный смотръ. Войска проходили мимо императрицы, около которой царь стоялъ все время съ опущенной шпагой, какъ бы представляя ей движущіяся войска. На этомъ смотру мнѣ въ первый разъ удалось видѣть понтоны. Забавно было видѣть, какъ лодки и прочія принадлежности, везомыя на поддѣланныхъ колесахъ, проходили церемоніальнымъ маршемъ, равняясь, какъ люди!

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни началось ученье, маневры.

Вознесенскъ, дотолѣ дрянной городишко, украсился построенными къ смотру нарочно дворцами и домами, представлялъ собой необыкновенное оживленіе. Были обѣды и балы при дворѣ, породившіе много анекдотовъ, ходившихъ тогда въ разсказахъ между офицерами. Говорили, что корпусный командиръ, генералъ Никитинъ, не получившій свѣтскаго образованія, но «ломавшій» походы съ Суворовымъ, отъ котораго много позаимствовалъ въ оригинальности, отличался своей наивностью и простотой въ отвѣтахъ. Такъ онъ, между прочимъ, всѣмъ молодымъ офицерамъ ставилъ въ вину ихъ свѣтское воспитаніе и называлъ ихъ не иначе, какъ «бонжурчиками». Но онъ не понималъ: что было извиняемо Суворову, какъ генію, то казалось смѣшнымъ въ немъ, его подражателѣ. Къ этому-то Никитину однажды за большимъ придворнымъ столомъ государь обратился съ вопросомъ:

— Какъ правильнѣе сказать: Пиллеръ-фонъ-Пильхау, или Пильшау?

Пиллеръ-фонъ-Пильхау командовалъ какой-то кирасирской бригадой.

Никитинъ, не задумавшись, отвѣчалъ:

— Это, ваше величество, все равно, какъ бы сказать, что Донъ-Кихотъ, что Донъ-Кишотъ! Какъ ни назовите, а все останется одинъ и тотъ же человѣкъ.

Царь остался очень недоволенъ такой, болѣе чѣмъ неумѣлой шуткой; дѣло шло объ одномъ изъ его генераловъ, при томъ, по происхожденію, изъ нѣмцевъ. Извѣстно, что нѣмцы при Николаѣ были въ большомъ фаворѣ и занимали видныя мѣста, имѣя во всемъ преимущество передъ русскими.

Пиллеръ-фонъ-Пильхау, присутствовавшій на обѣдѣ, длинная и и сухая фигура, со злости, услыша отвѣтъ Никитина, вытянулся еще длиннѣе.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОДНА ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ДРАМЪ

I.

ОКТЯБРЬ 1828-го года приближался къ концу. Надъ раскинувшейся на правомъ берегу рѣки Кубани Н—скою станицею и ея окрестностями стояли чудесные дни бабьяго лѣта: ни одно облачко не нарушало чистоты ярко голубого съ зеленоватымъ отблескомъ небеснаго свода; иногда высоко въ лазури проносились стайки дикихъ гусей и утокъ, спѣшившихъ отъ грядущихъ холодовъ въ теплыя страны, на не замерзающія воды. Нѣкоторыя изъ нихъ по временамъ опускались у оттаивающихъ еще отъ утреннихъ заморозковъ болотъ, чтобы отдохнуть и запастись новыми силами для дальнѣйшаго полета. Въ поляхъ нескошенная, пожелтѣлая трава печально клонилась къ землѣ. По ночамъ морозъ посылалъ уже своихъ развѣдчиковъ, которые пошаливали съ запоздавшими укрыться подъ кровъ путниками, проникая имъ подъ платье и заставляя прибавлять шагу и плотнѣе закутываться въ бурки. Замерзавшія по утрамъ лужицы доставляли величайшее удовольствіе маленькимъ обитателямъ станицы, съ разбѣгу катавшимся по нимъ на подошвахъ своихъ, а иногда и отцовскихъ, сапогъ. Но нельзя сказать, что и на взрослыхъ станичниковъ послѣднее обстоятельство производило такое же радостное впечатлѣніе. Напротивъ, сильно чѣмъ-то озабоченные казаки хмурили свои брови, а бабы меньше стали дергать за чупрыны ребятъ и меньше потчевать ихъ подзатыльниками.

Взглянетъ бывало казакъ за несущую мирно свои воды мимо станицы Кубань, и взоръ его сверкнетъ ненавистью, а рука невольно хватается за рукоятку кинжала или шашки, видно, чуетъ его сердце какую-то бѣду съ той стороны. А бѣда дѣйствительно приходила всегда оттуда.

Пока рѣка не замерзала, станичники спали спокойно, но едва ледъ крѣпнулъ настолько, что могъ выдерживать тяжесть лошади, покой покидалъ ихъ; каждый день тогда можно было ждать непрошенныхъ гостей-черкесъ, нѣсколько ауловъ которыхъ раскинулись за Кубанью недалеко отъ Н—ской станицы.

Рѣка служила естественной защитой отъ внезапныхъ нападеній, но ледъ уничтожалъ ее, и казакамъ приходилось напрягать все вниманіе, чтобы бѣда не настигла врасплохъ. Зазѣваются сторожевые, и камня на камнѣ не оставятъ черкесы отъ станицы. Мужчины поголовно будутъ перерѣзаны, а жены съ дѣтьми уведены въ плѣнъ и проданы въ рабство туркамъ, большимъ охотникамъ до славившихся красотой своей кубанскихъ казачекъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней, изъ дверей опрятно выбѣленной мѣломъ хаты, стоявшей на окраинѣ станицы, вышелъ бравый на видъ, старый казакъ съ отвисшими по-малороссійски сѣдыми усами и чисто выбритымъ подбородкомъ. Это былъ типъ настоящаго запорожца, но только въ туземномъ кавказскомъ костюмѣ, т. е. въ бешметѣ и черкескѣ, опоясанной кинжаломъ. Бѣленькій офицерскій Георгіевскій крестъ скромно выглядывалъ изъ-за простыхъ, чернаго рога, газырей (полая съ обоихъ концовъ деревянная трубка, куда съ одной стороны насыпался зарядъ пороху, а съ другой клалась пуля; газыри носятся на груди въ пришитыхъ къ черкескѣ гнѣздахъ), служившихъ ему, какъ и вообще всѣмъ носившимъ въ тѣ времена такой костюмъ, для зарядовъ пороха и пуль.

Батько, Никола Андреевичъ Хоменко, такъ звали старика, былъ въ станицѣ атаманомъ.

Родился онъ на одномъ изъ хуторовъ Полтавской губерніи еще во время процвѣтанія на Днѣпрѣ Запорожской сѣчи, куда, едва лишь стукнуло ему шестнадцать лѣтъ, и бѣжалъ изъ родительскаго дома.

Послѣ уничтоженія сѣчи генераломъ Текелли, Хоменко, вмѣстѣ со многими запорожцами, не пожелалъ, какъ это сдѣлали другіе, «утичь въ Туретчину за синій Дунай», а предпочелъ выселиться на подаренныя войску императрицей Екатериной II земли, сначала на рѣкѣ Бугѣ, а потомъ на Кубани.

25-го августа 1792 года, Забугскіе казаки (бывшіе запорожцы), переименованные въ Черноморскихъ, подъ предводительствомъ кошевого атамана своего, Харько Чепеги, двинулись въ невѣдомый Черкесскій край.

Привычные къ опасностямъ, они смѣло заняли облюбованные участки вражеской земли, построили по берегу Кубани рядъ ку-

реней, обнесенныхъ землянымъ валомъ, увѣнчаннымъ иногда палисадомъ, и, быстро освоившись съ дикими сосѣдями, твердою ногою стали на новыхъ мѣстахъ, закрывъ такимъ образомъ грудью своею русскія владѣнія съ этой стороны отъ набѣговъ свирѣпыхъ черкесскихъ племенъ. Черезъ годъ къ черноморцамъ прибыли ихъ жены, и съ тѣхъ поръ тѣ курени, гдѣ поселились семейные казаки, стали называться станицами.

Одна изъ партій, гдѣ былъ и Хоменко, основала Н—скую станицу.

Не буду перечислять тѣхъ битвъ, набѣговъ, стычекъ и т. п., въ которыхъ принималъ участіе и отличался лихой казакъ Хоменко, а разскажу только одинъ эпизодъ изъ его жизни въ пороховомъ дыму, имѣющій связь съ описываемымъ мною событіемъ.

Когда Хоменкѣ стукнуло 40 лѣтъ, онъ все еще не былъ женатъ, да врядъ ли и думалъ о женитьбѣ. Полная боевыхъ тревогъ жизнь поглощала всецѣло его силы и помыслы.

Къ упомянутому времени онъ имѣлъ уже всѣ степени знаковъ отличія военнаго ордена, восемь ранъ на тѣлѣ и чинъ хорунжаго, почему и считалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Узы Гименея не привлекали его. Но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ»!

Въ этотъ годъ Хоменкѣ пришлось участвовать въ набѣгѣ противъ сосѣдняго съ Н—ской станицею черкесскаго племени, во главѣ котораго стояли извѣстные своей богатырской силой и необыкновенной отвагой предводители, Бекъ-Мурза и сынъ его Элескандеръ Бековъ. Часть владѣній ихъ лежала какъ разъ противъ станицы, на противоположномъ берегу Кубани.

Отрядъ нашъ, переправившись черезъ рѣку по Волчьему броду, въ восьми верстахъ ниже станицы, неожиданно напалъ на главное гнѣздо хищниковъ, аулъ Кин-чка.

Часть мужского населенія, по тогдашнему обычаю, была перебита, но часть, а самое главное со своими вожаками, успѣла бѣжать и скрылась въ лѣсистыхъ горахъ, гдѣ кавалерія наша, бросившаяся было ихъ преслѣдовать, не могла съ ними ничего подѣлать и съ потерей нѣсколькихъ убитыхъ возвратилась къ отряду. Тревога между тѣмъ быстро охватила край, и со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ черкесамъ конныя и пѣшія подкрѣпленія, вслѣдствіе чего отрядъ, захвативъ съ собою женъ и дѣтей вліятельныхъ жителей аула заложниками, сталъ отходить назадъ къ переправѣ.

Въ числѣ другихъ женщинъ была взята любимѣйшая изъ женъ самого Бекъ-Мурзы, семнадцатилѣтняя Керимать.

Едва только черкесы замѣтили наше отступленіе, какъ тотчасъ же бросились преслѣдовать отрядъ и нѣсколько разъ пробовали, бѣшено бросаясь въ шашки, отбить свои семьи, но бывшія при

отрядѣ орудія картечнымъ огнемъ всякій разъ останавливали отчаянные ихъ натиски, производя въ нестройныхъ толпахъ страшное опустошеніе, и этимъ скоро вынудили черкесъ держаться въ почтительномъ разстояніи отъ отряда.

Видя безуспѣшность своихъ попытокъ, Бекъ-Мурза и Элескандеръ, то одинъ, то другой, подъѣзжая довольно близко къ войскамъ, стали вызывать желающихъ на единоборство, прибѣгая при этомъ къ всевозможнымъ насмѣшкамъ надъ трусостью русскихъ.

Только строжайшее запрещеніе начальника отряда удерживало многихъ жаждавшихъ сразиться съ хвастунами нашихъ бойцевъ принять вызовъ. Однажды Элескандеръ, гарцуя передъ сотней черноморцевъ, которыми командовалъ въ этомъ походѣ Хоменко, по обыкновенію вызывалъ на поединокъ, но видя, что никто не отзывается на его насмѣшки, назвалъ между прочимъ казаковъ старыми трусливыми бабами.

Не стерпѣлъ Хоменко такой кровной обиды. Забывъ о распоряженіи начальника, ударилъ онъ плетью своего скакуна и помчался на обидчика.

Отрядъ невольно остановился. Всѣ глаза впились въ противниковъ, а тѣ, выхвативъ шашки, неслись другъ противъ друга...

«Ну, пропалъ Хоменко»,—думалъ каждый изъ зрителей, видя атлетически сложенную фигуру Элескандера.

Однако Хоменко былъ «себѣ на умѣ». Видя, что не осилить ему противника въ столкновеніи грудь съ грудью, онъ сталъ, приближаясь къ врагу, полегоньку сдерживать своего коня, а Элескандеръ напротивъ бѣшено мчался на закусившемъ удила великолѣпномъ кабардинцѣ.. Вотъ, вотъ совсѣмъ ужъ близко... Сейчасъ раздавитъ смѣльчака... Занесъ уже свою кривую турецкую шашку, готовясь разрубить Хоменка на двѣ части... Да не тутъ-то было! Хоменко вдругъ скокъ съ сѣдла... Могучій ударъ и пришелся по воздуху, отчего всадникъ, потерявъ равновѣсіе, со всего размаху шлепнулся на землю, а Хоменко и насѣлъ на него, да и прирѣзалъ кинжаломъ, какъ барана. Потомъ, вскочивъ на свою лошадку и прихвативъ остановившагося въ недоумѣніи отъ неожиданной потери вѣса кабардинца Элескандера, во весь духъ помчался къ къ отряду, встрѣтившему побѣдителя единодушнымъ «ура»...

За этотъ подвигъ Хоменко получилъ строгій выговоръ отъ начальства, офицерскій Георгіевскій крестъ и въ свою собственность красавицу Кериматъ, которую ему предоставлено было право возвратить за хорошее вознагражденіе мужу ея Бекъ-Мурзѣ. Однако, влюбившись въ свою плѣнницу самъ, онъ этого не сдѣлалъ.

Полюбился лихой казакъ и Кериматъ...

Ровно черезъ годъ она приняла христіанство и вышла за своего господина замужъ.

Еще черезъ годъ у нихъ родилась дочь, названная Оксаной, похожая лицомъ на мать, но съ отцовскими синими глазами... Несмотря на разницу лѣтъ, супруги зажили душа въ душу.

Хоменко былъ назначенъ въ свою родную Н—скую станицу атаманомъ. Оксана, на радость нечаявшихъ въ ней души родителей, росла не по днямъ, а по часамъ и къ эпохѣ моего дальнѣйшаго повѣствованія расцвѣла пышной красою счастливаго сочетанія лучшихъ сторонъ двухъ національностей.

За этотъ промежутокъ времени Бекъ-Мурза неоднократно пытался отнять у Хоменки свою бывшую жену и отомстить ему за смерть убитаго сына. Почти каждый годъ онъ являлся къ станицѣ съ полчищами черкесъ, но каждый разъ бывалъ съ большимъ урономъ отражаемъ нашими отрядами, поспѣвавшими на помощь осажденнымъ казакамъ.

Зорко слѣдилъ за нимъ Хоменко, не давая захватить себя врасплохъ.

О всякомъ задуманномъ Бекъ-Мурзою набѣгѣ онъ своевременно узнавалъ черезъ лазутчиковъ, почему всегда и успѣвалъ своевременно дать знать ближайшимъ къ станицѣ войскамъ о нападеніи. Зналъ Хоменко, что и въ настоящемъ году, какъ только станетъ Кубань, не избѣжать станицѣ посѣщенія Бекъ-Мурзы, тѣмъ болѣе, если вѣрить словамъ приходившаго на-дняхъ лазутчика, что на этотъ разъ Бекъ-Мурза рѣшилъ взять станицу во что бы то ни стало.

Узнавъ о необыкновенной красотѣ дочки своего смертельнаго врага, Бекъ-Мурза поклялся не пожалѣть всего своего народа, а добыть Оксану, чтобы сдѣлать ее своей наложницей и тѣмъ отомстить Хоменкѣ за Кериматъ.

Это-то послѣднее обстоятельство особенно сильно волновало стараго рубаку.

При видѣ замерзшихъ лужицъ, по которымъ съ такимъ восторгомъ катались казачата, недоброе предчувствіе щемило его неустрашимое въ другихъ случаяхъ сердце.

— Вотъ еще напасть!—думалъ Хоменко, направляясь къ станичной церкви.—Какъ на зло, отряды всѣ на этотъ разъ далеко, а своихъ людей слишкомъ мало осталось дома: молодые въ походѣ или на пикетахъ, часть казаковъ ушла съ обозомъ въ Екатеринодаръ за солью... Когда-то вернутся!.. Холодунъ же (вѣтеръ при сильномъ морозѣ) можетъ хватить каждый день... Что-то сильно на то похоже... Не дай Богъ бѣды!.. и двухъ сотенъ защитниковъ не наберешь. А ужъ шайтанъ (чортъ) Бекъ-Мурза навѣрно пронюхалъ наше положеніе и, конечно, случая не упуститъ... Какъ приведетъ съ собою тысячъ десять?... Что тогда будемъ дѣлать?..—безнадежно развелъ онъ руками. Вспомнивъ же опять слова кунака (пріятеля, друга) о клятвѣ Бекъ-Мурзы, онъ, хрустнувъ въ отчаяніи суста-

вами пальцевъ, въ полголоса воскликнулъ:—Ахъ, Оксанушка! Оксанушка! Да неужели же на этотъ разъ твоему старому отцу не удастся спасти тебя отъ когтей злого коршуна!.. Нѣтъ, скорѣе зарѣжу ее самъ, но не позволю, пока еще живъ, погаными лапами прикоснуться къ бѣлой лебедушкѣ!..

— Эй, вы, пострѣлята!—прерывая тяжелыя думы, сердито обратился онъ вдругъ къ катавшимся по льду дѣтямъ.—Маршъ, зови къ церкви отцовъ, у кого они дома, а коли нѣтъ — матерей. Атаманъ молъ кличетъ по важному дѣлу.

Какъ воробьи отъ выстрѣла, во всѣ стороны, со всѣхъ ногъ бросились казачата исполнять грозный приказъ атамана, крича пискливыми голосами:

— Никола Андреичъ зоветъ къ церкви по важному дѣлу, всѣ выходи... и...

Пока зовъ на сходку облетѣлъ такимъ образомъ станицу, Хоменко, подойдя къ стоявшей посерединѣ селенія на площади квадратнаго очертанія небольшой каменной церкви, обнесенной высокой каменной же оградой съ продѣланными въ ней бойницами (церковь, въ случаѣ взятія противникомъ станицы, служила для защитниковъ редюитомъ для послѣдняго отчаяннаго сопротивленія врагу; сюда же во время штурмовъ собирались казачьи жены съ дѣтьми и съ имуществомъ поцѣннѣе) для стрѣльбы изъ ружей и съ массивными дубовыми входными воротами, вошелъ черезъ калитку въ ограду, снялъ папаху, опустился на церковной паперти на колѣна и, глядя съ мольбою на врѣзанный надъ главными дверьми въ стѣну образъ Николая Чудотворца, принялся горячо молиться:

— Святитель Никола, услыши недостойнаго раба твоего! Вознеси молитву грѣшника предъ престолъ Всевышняго, Царя Небеснаго... Моли Бога о насъ! Моли о спасеніи кроткой голубицы, не дай злодѣю насмѣяться надъ ней... Да не покараетъ милосердный Богъ за грѣхи наши неповинныхъ отроковицъ и младенцевъ, и не пошлетъ имъ горькой сиротской судьбинушки!.. Милостивецъ! не оставь насъ своимъ покровительствомъ!..

Горячая молитва облегчила тяжелое состояніе его души. Ударивъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и перекрестившись въ послѣдній разъ, онъ вышелъ на площадь, гдѣ уже собрались станичники.

Подойдя къ нимъ и поздоровавшись за руку со стариками, Хоменко, ставъ въ серединѣ собравшихся, заговорилъ:

— Дѣтки, сами видите, что приближаются для насъ дни испытаній! Скоро, вѣроятно, ударятъ морозы, рѣка покроется льдомъ, и шайки черкесъ начнутъ рыскать около станицы... Но милосердіе Бога и заступничество покровителя нашего Чудотворца еще не изсякли! Мы, какъ и въ прошлые годы, съ помощью ихъ отра-

зимъ всѣ попытки непріятеля. На случай же большого нападенія у насъ достаточно есть для нихъ пороху и свинцу... Войска съ артиллеріей не далеко отъ станицы,—уклонился онъ отъ истиннаго положенія дѣлъ,—въ особой бѣдѣ выручатъ. Съ завтрашняго дня примемся за исправленіе укрѣпленій: ты, Жукъ, — обратился онъ къ одному изъ старыхъ казаковъ,—собери пушкарей и осмотри свои «цапли»... (цаплями казаки называли старинныя, вывезенныя еще изъ сѣчи пушки, которыя были распредѣлены по станицамъ для артиллерійской ихъ обороны). Исправны ли лафеты? Сосчитай, сколько зарядовъ есть на каждую, если мало, приготовь еще, да не забудь картечь облить саломъ, чтобы не поржавѣла... А вы, молодцы!—перевелъ онъ глаза на другихъ казаковъ,—осмотри хорошенько кремни на ружьяхъ, у кого плохи—перемѣни... У меня запасъ большой есть. Бабамъ и дѣвкамъ тоже найдемъ работу... Приходите завтра къ пороховому погребу, насыпай полные подолы гостинцевъ для черкесъ, если они изволятъ пожаловать къ намъ, ручныхъ гранатъ... Да смотрите, берегите ихъ въ хатахъ около печей, а то еще лучше, суньте въ самыя печи, вѣдь у бабъ, говорятъ, «волосъ долгъ, да умъ коротокъ»! Вѣрно ли говорю?—

Такими шутками сталъ пересыпать Хоменко свои распоряженія, чтобы какъ нибудь не выдать слушателямъ дѣйствительной опасности положенія. Казаки любили своего атамана и вѣрили вполнѣ его боевой опытности: «шутитъ Никола Андреевичъ, значитъ, опасность не велика».

Въ самыхъ серіозныхъ случаяхъ Хоменко шуткою иногда достигалъ гораздо бо̀льшихъ результатовъ, чѣмъ бы онъ достигъ самымъ строгимъ приказомъ; шуткою онъ въ битвахъ подбадривалъ сражавшихся товарищей и сплошь да рядомъ успѣвалъ возстановить порядокъ среди замѣшавшихся подъ натискомъ врага казаковъ и тѣмъ спасалъ во многихъ случаяхъ боевой жизни своей славу непобѣдимости черноморцевъ.

— На валу,—продолжалъ онъ свою рѣчь къ бабамъ,—приготовьте котлы для варки щей изъ смолы, да не забудьте, когда нужно будетъ, присолить, чтобы дорогимъ гостямъ по вкусу пришлось...

II.

Н—ская станица расположена въ полуверстѣ отъ берега Кубани, на небольшомъ эллипсообразномъ холмѣ, возвышающемся отъ уровня воды въ рѣкѣ футовъ на двадцать, что̀, однако, вполнѣ предохраняло ее отъ затопленія при весеннихъ разливахъ Кубани.

Выборъ такого расположенія станицы много облегчилъ основателямъ ея устройство обороны: по окраинѣ вершины холма, вокругъ всѣхъ построекъ тянулся земляной, довольно сильной

профили валъ, увѣнчанный сплошнымъ палисадомъ изъ толстыхъ, заостренныхъ къ верху бревенъ съ прорѣзанными въ нихъ бойницами для ружейной и пушечной обороны.

Къ сторонѣ Кубани и въ противоположномъ концѣ палисадъ примыкалъ къ массивнымъ въѣзднымъ воротамъ съ мостами черезъ наружный ровъ.

На каждомъ почти дворѣ были вырыты глубокіе колодцы, снабжавшіе при осадахъ станицы со всѣхъ сторонъ обывателей ея прекрасной водою, такъ что въ этомъ отношеніи защитники никогда не терпѣли нужды.

Для отбитія нападеній имѣлись кремневыя ружья по нѣскольку у каждаго казака: для себя и жены, ибо въ тѣ времена женскій полъ владѣлъ ружьемъ такъ же хорошо, какъ и ухватомъ, а если сами не стрѣляли, то заряжали и подавали мужьямъ во время защиты родного гнѣзда.

Десять старинныхъ пушекъ, вывезенныхъ еще изъ сѣчи и называемыхъ черноморцами «цаплями», составляли артиллерійскую оборону станицы.

Стрѣляли изъ пушекъ этихъ преимущественно картечью. «А ну-ка, цапля, долбани»...—поощрялъ казакъ во время штурма свою пушку, прикладывая зажженный фитиль къ затравкѣ, и цапля добросовѣстно изрыгала массу картечи въ упоръ нападающимъ.

Порохъ, свинецъ и картечь казаки въ изобиліи получали изъ правительственныхъ складовъ.

Жилыя хаты строились по одному образцу изъ крупныхъ глиняныхъ (смѣсь глины съ мелко рубленой соломой-саманъ) сырцовыхъ кирпичей и покрывались камышевыми, смазанными такимъ же составомъ, крышами.

Каждая хата имѣла дворикъ, обнесенный глиняной стѣнкою.

Ставни на окнахъ и двери дѣлались обыкновенно двойными изъ толстыхъ досокъ и запирались внутренними желѣзными болтами: они имѣли назначеніе предохранять обитателей хатъ отъ залетающихъ во время осадъ пуль, а въ обыкновенное—отъ неожиданныхъ нападеній злоумышленниковъ изъ числа мирныхъ черкесъ, занимавшихся грабежами въ ночное время подъ видомъ нападеній немирныхъ своихъ земляковъ.

Хата атамана, отличаясь отъ другихъ только значительно большими размѣрами, имѣла два двора съ многочисленными хозяйственными постройками и небольшой, но густой фруктовый садикъ.

Чтобы проникнуть во дворы къ Николаю Андреевичу, надо было постучать въ ворота желѣзнымъ, повѣшеннымъ тутъ же кольцомъ.

На стукъ первыми откликались пять громадныхъ собакъ-овчарокъ, а потомъ только появлялся лѣтъ двѣнадцати казачекъ съ палкою, отгонялъ надрывавшихся отъ лая собакъ и, предвари-

тельно опросивъ стучавшаго, отворялъ калитку, приглашая тѣмъ заходить.

При тогдашнихъ условіяхъ жизни особенно трудно было постороннему человѣку проникнуть въ самыя хаты.

Но, наконецъ, преодолѣвъ всѣ трудности, входимъ черезъ главное крыльцо въ просторныя сѣни (есть еще одинъ выходъ, секретный, извѣстный только однимъ хозяевамъ), направо двери ведутъ въ кунацкую горницу (пріемная), которая сообщается еще съ двумя; налѣво въ кухонную, а противъ—въ кладовую.

Кунацкая, или пріемная, большая, свѣтлая комната, поражаетъ бѣлизной своихъ выбѣленныхъ мѣломъ стѣнъ; полъ, правда, глиняный, но утрамбованный до гладкости и твердости паркета, покрытъ твердыми паласами издѣлія хозяекъ.

Въ переднемъ углу рѣзной, изъ орѣховаго дерева, задрапированный вышитыми полотенцами кіотъ съ образами, откуда изъ позолоченныхъ и, какъ жаръ, горящихъ ризъ, привѣтливо глядятъ темные лики святыхъ, слабо освѣщаемые лампадкой изъ свѣтлаго стекла, висящей передъ кіотомъ на серебряной цѣпочкѣ.

Въ простѣнкѣ между двухъ оконъ массивный обѣденный столъ, покрытый чистой и бѣлой, какъ снѣгъ, скатертью.

Для отопленія хаты, кромѣ общей на три комнаты голландской печи, по серединѣ одной изъ стѣнъ устроенъ каминъ съ прямою трубой. Украшенные всевозможнымъ оружіемъ и рогами представителей мѣстной дикой фауны стѣны, съ широкими скамьями вокругъ, покрытыми такими же, какъ и полъ, паласами, и нѣсколько деревянныхъ табуретовъ вокругъ обѣденнаго стола завершали убранство и обстановку кунацкой горницы семьи Хоменки.

Изъ этой комнаты двѣ двери вели: одна — въ спальню супруговъ, а другая—въ дѣвичью комнатку Оксаны.

Но такъ какъ, по обычаямъ казаковъ, постороннему взгляду туда проникать строго-настрого воспрещалось, то и я, сохраняя святость этого обычая, не буду ихъ описывать.

Въ описываемый моментъ въ кухонномъ помѣщеніи, такъ же чисто выбѣленномъ, какъ и кунацкая, у большой русской печи возилась съ горшками высокая, пожилая, но хорошо сохранившая еще свою былую красоту казачка.

Достаточно было взглянуть на лицо ея, особенно же на черные, какъ ночь, глаза, чтобы узнать въ ней туземное происхожденіе. Присутствіе же ея въ хатѣ Николая Андреевича сразу позволяло рѣшить, что это и есть жена его, Марья Алексѣевна, бывшая Керимать.

На другомъ концѣ комнаты, у растянутаго на пяльцахъ неоконченнаго паласа, хлопотала, наклонившись къ работѣ, молодая дѣвушка — дочь Хоменки и Маріи Алексѣевны — Оксана, вылитый портретъ матери, но только пышущей юной свѣжестью своего воз-

раста и глазами вмѣсто черныхъ свѣтло-синими, изъ которыхъ теперь нѣтъ-нѣтъ, да и упадетъ на работу крупная, какъ дождевая капля въ лѣтнюю пору, слезинка.

Около Оксаны, на скамьѣ, съ рукой на перевязи сидѣлъ молодой казачій полковникъ, женихъ ея, Лука Михайловичъ Баклановъ.

Баклановъ, командовавшій однимъ изъ полковъ терскаго казачьяго войска, три мѣсяца тому назадъ участвуя въ стычкѣ нашего отряда съ черкесами, былъ раненъ пулею въ лѣвое плечо на вылетъ. Раненаго привезли въ ближайшую отъ мѣста стычки Н—скую станицу, гдѣ и помѣстили въ домѣ атамана.

Благодаря хорошему уходу, рана его скоро стала подживать, а сосѣдство такого чуднаго цвѣтка, какимъ была его терпѣливая сестра милосердія Оксана, сдѣлало то, что Баклановъ безумно влюбился въ нее.

Наблюдая жизнь и поступки Оксаны и вникая въ ея кроткую душу, свѣтившуюся въ каждой линіи дѣйствительно божественно-прекраснаго личика и въ каждомъ взглядѣ синихъ большихъ глазъ, Баклановъ пришелъ къ убѣжденію, что въ этой дивной по красотѣ оболочкѣ воплощенъ одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Богу ангеловъ. Да, впрочемъ, не одинъ Баклановъ былъ увѣренъ въ томъ! Всѣ, кто зналъ Оксану хоть сколько нибудь, думали о ней то же самое, и никто не ошибался.

Душа Оксаны была такъ же безукоризненно чиста, какъ физическая ея красота безупречна.

Ни грубость нравовъ окружавшихъ ее полудикарей, считавшихъ убійство даже обезоруженнаго врага святымъ дѣломъ, ни сама жизнь среди ужасовъ битвъ и пожаровъ не коснулись своей безпощадной рукой до этого чуднаго творенія Создателя.

Здравыя разсужденія горячо любимаго ею отца и природная вдумчивость научили Оксану понимать жизнь и людей, а безконечно доброе сердечко и чтеніе единственной въ домѣ книги — Евангелія—развили въ ней міровоззрѣніе эпохи первыхъ христіанъ. Ученіе Спасителя о всепрощеніи, любви къ ближнему и милосердіи стало для нея жизненнымъ идеаломъ, котораго она вполнѣ и достигла.

Враговъ у нея не было. Не только люди, но и животныя и птицы чувствовали въ ней своего друга. Смѣло она подходила къ свирѣпому цѣнному псу, знавшему и позволявшему такую вольность только своему хозяину и готовому разорвать всякаго другого; стражъ склонялъ передъ ней мохнатую голову и ласковымъ помахиваніемъ пушистаго хвоста выражалъ свое удовольствіе. Стоило ей только показаться на дворѣ, какъ всѣ бывшія тамъ птицы окружали ее, и каждая чѣмъ только могла выражала ей свою любовь: воробьи и голубки безъ всякаго страха и опасенія садились ей на руки и плечи; гуси, утки, куры и другія домашнія птицы

радостно гоготали, крякали и кудахтали при видѣ Оксаны. Всѣ несчастные, страждущіе, убитые какимъ либо горемъ, осиротѣвшіе, шли въ домъ Хоменки искать утѣшенія въ ласковомъ словѣ его дочки.

Знали Оксану даже многіе изъ смертельныхъ враговъ станицы черкесы, и искренно считали ее, при всемъ своемъ презрѣніи къ лучшей половинѣ рода человѣческаго, достойной сдѣлаться въ раю гуріей, чтобы услаждать тамъ взоръ самого Магомета.

Вотъ причины, почему Баклановъ, сынъ знатныхъ родителей, получившій прекрасное воспитаніе и образованіе, стоявшій на блестящей дорогѣ военной карьеры, полюбивъ всѣми силами души своей простую казачку, считалъ за величайшее счастіе для себя, когда, набравшись, наконецъ, смѣлости и страстно изливъ передъ Оксаной свои чувства, умоляя ее выйти за него замужъ, получилъ ея согласіе.

Съ этого дня молодая дѣвушка нашла въ своемъ неисчерпаемомъ для любви сердечкѣ новый источникъ привязанности къ своему жениху-паціенту, силы котораго стали возвращаться гигантскими шагами.

Совершенно почти теперь здоровый, Лука Михайловичъ, сидя около невѣсты и помогая ей въ работѣ, всевозможными ласковыми словами, любовно заглядывая въ заплаканные глазки, старался утѣшить ея скорбь.

— Не горюй, моя дорогая голубка, Оксанушка, Богъ милостивъ! Минуетъ зима благополучно, черкесы не осмѣлятся напасть на насъ. Весною же обвѣнчаемся мы съ тобой, и я увезу васъ всѣхъ къ себѣ въ имѣніе, гдѣ не увидишь ты болѣе крови и страданій людскихъ, а я всю свою жизнь отдамъ тебѣ одной... Беречь и ласкать буду свою ненаглядную женушку...

— Перестань же, Оксана,—заговорила и Марія Алексѣевна.

— Еще и зима не настала, о черкесахъ ничего не слыхать, а ты уже тоскуешь о неосиротѣвшихъ сиротахъ. Что подумаетъ о такой плаксѣ Лука Михайловичъ? Онъ любить тебя перестанетъ.

— Нѣтъ, мама, по лицу батюшки я вижу, что опасность для станицы велика и близка. Не задумывался бы онъ такъ, если бы ничего не было... Давеча я спросила его объ этомъ, а онъ не слыхалъ даже моего вопроса и ушелъ осматривать укрѣпленіе... Опять сколько слезъ и страданій увидимъ! О, зачѣмъ, зачѣмъ люди рѣжутъ и мучатъ другъ друга! Развѣ имъ тѣсно жить на землѣ?..

Послѣднее восклицаніе услышалъ вошедшій въ это время въ комнату Хоменко.

— Нѣтъ, моя дочурка,—заговорилъ онъ, гладя Оксану рукой по волосамъ:—не тѣсно людямъ жить на землѣ, мѣста хватило бы для всѣхъ... А ужъ такая натуришка наша пакостная!.. За истребленіе себѣ подобныхъ насъ хвалятъ и прославляютъ, называя

героями. Если именемъ твоимъ сосѣди дѣтей пугаютъ, тѣмъ болѣе чести, почета и славы тебѣ отъ своихъ... Вотъ что, моя дочурка, привлекаетъ людишекъ больше всего, и скоро на другой ладъ ихъ не передѣлаешь. Такія, какъ ты, Оксанушка, рѣдко посылаются на грѣшную землю, это особая милость людямъ отъ Господа... Такъ-то, моя бѣдная скорбница за не стоящее одной слезинки твоей человѣчество!.. Ну, однако, соловья баснями не кормятъ! Жинка! Мечи на столъ, что есть въ печи. Я думаю, и Лука Михайловичъ проголодался, какъ волкъ зимой.

Марія Алексѣевна энергичнѣе застучала горшками, повеселѣвшая Оксана побѣжала въ кунацкую накрывать на столъ, а Хоменко съ Баклановымъ пошли смотрѣть двухъ молодыхъ жеребцовъ, приведенныхъ недавно изъ табуна для выѣздки.

Выйдя на дворъ, Баклановъ сейчасъ же заговорилъ:

— А что, Николай Андреевичъ, какъ по-твоему, скоро ли Кубань станетъ?

— Вѣроятно, скоро, что-то перелетныя птицы заспѣшили... Вѣрный признакъ морозовъ,—отвѣчалъ Хоменко.

— Ну, а что слыхать о Бекъ-Мурзѣ?—продолжалъ разспрашивать Баклановъ.

— Э, старый шайтанъ (чортъ) ждетъ—не дождется холодуна. До смерти не забудетъ мнѣ женитьбы на Керимать и пораженія его сына Элескандера... Вотъ уже девятнадцатый годъ съ тѣхъ поръ пошелъ, а собака все еще надѣется доканать меня и станицу... Разъ одиннадцать пробовалъ, да не солоно хлебавши уходилъ, авось, и на этотъ разъ Богъ поможетъ отбиться!

— А много ли казаковъ у тебя?

— Сотни полторы на мѣстѣ наберу, да полсотни съ пикетовъ дальнихъ прискачутъ... Хлопцы, что ушли въ Екатеринодаръ, вотъ, вотъ подоспѣютъ, тогда и достаточно будетъ, а то бабы съ дѣвками помогутъ управиться.

— А далеко ли отряды?

— То-то и бѣда, Лука Михайловичъ, что далеко, въ дней шесть раньше и поспѣть не могутъ. Это-то меня, правду сказать, и безпокоитъ. Черкесы привалятъ вѣдь силой несмѣтной... Знаю я повадку Бекъ-Мурзы!... Старъ становится... «Подохну, молъ, а Хоменко жить останется»... Вотъ этого-то, по его, никакъ и нельзя допустить... Ну, да еще посмотримъ, чья возьметъ! Кто изъ насъ раньше попадетъ къ бѣсу въ лапы?.. Вишь шустрыя бестіи какія!—перемѣнилъ онъ вдругъ разговоръ, указывая пальцемъ на прыгавшихъ, вырывавшихся изъ рукъ конюха жеребцовъ.

— Маловаты ростомъ малость, а то бы совсѣмъ славные кони были.

— Нѣтъ, по-моему и росту достаточно,—утѣшилъ старика Баклановъ.—Вы ужъ, Николай Андреевичъ, одного, вотъ этого, прибавьте

къ приданому дочки...—улыбаясь попросилъ онъ, указывая пальцемъ на одного изъ жеребятъ.

— Голубчикъ ты мой! Жизнь мою возьми, только будь счастливъ съ моей Оксанушкой!—воскликнулъ растроганный до слезъ шуткою Бакланова Хоменко.

— Ну, теперь веди ихъ въ конюшню,—приказалъ онъ слугѣ,— а мы пойдемъ обѣдать, вѣроятно, готово, и старая уже ворчитъ на меня: «самъ нашумѣлъ, а теперь не идетъ». Гайда!..

III.

Не ошибся Хоменко, предсказывая близкіе морозы. Загудѣлъ, засвисталъ свирѣпый холодунъ; затрещали въ станицѣ высокіе тополи, склоняя вершины свои подъ напоромъ могучаго вѣтра: рои сухихъ листьевъ понеслись по дорогамъ и улицамъ; перекати поле, быстро, какъ зайцы отъ борзыхъ собакъ, покатились по степи, подхватывая на пути сорванные вѣтромъ стебельки травъ... Въ борьбѣ за свободу, клокоча и яростно вздымая волны, закипѣла Кубань бѣлой пѣной, обдавая берега замерзавшими на лету брызгами. Но напрасно стонала рѣка! Безпощадный сильный врагъ сжималъ ее въ объятіяхъ своихъ съ каждымъ днемъ все крѣпче и крѣпче, пока, наконецъ, она не смирила подъ ледяною корой непокорную грудь...

Ужъ нѣсколько дней, какъ закончены въ станицѣ всѣ приготовленія къ встрѣчѣ врага: вычищенныя и смазанныя пушки разставлены на валу; котлы со смолою приготовлены; негодныя палисадины замѣнены новыми; ровъ расчищенъ; участки для обороны распредѣлены между защитниками, и распорядителями на нихъ назначены казаки изъ числа опытнѣйшихъ... Однимъ словомъ, сдѣлано было все, чтобы Бекъ-Мурза не засталъ станицу врасплохъ.

Николай Андреевичъ, узнавъ отъ своего кунака, черкеса изъ мирныхъ, Абдулъ-Кадыра, смертельнаго врага Бекъ-Мурзы, что тотъ уже скликаетъ народъ для набѣга, поспѣшилъ послать объ этомъ донесеніе командующему линіей и, прося помощи, разсчитывалъ держаться въ станицѣ во всякомъ случаѣ до прихода отряда.

— Милости просимъ теперь, дорогой гость,—думалъ онъ, заглядывая во всѣ уголки укрѣпленій.

— Посчитаемся мы съ тобой, быть можетъ, въ послѣдній ужъ разъ. Чья возьметъ, братъ, одному Богу извѣстно!.. Молодецъ Абдулъ-Кадыръ, разнюхалъ таки затѣю Бекъ-Мурзы... Вѣдь если бы не онъ, какъ пошлешь просить помощи, не зная ничего навѣрно? Ну, а теперь все же на сердцѣ спокойнѣе... Пока черкесы соберутся, наши-то и подоспѣютъ... А воображаетъ старый волкъ, что не ждемъ его... Хе, хе, хе, хе,—засмѣялся Хоменко, представляя бѣшенство Мурзы, когда тотъ узнаетъ, что и на этотъ разъ планы

его открыты.—Эй, Еременко!—окликнулъ онъ входившаго въ это время въ ворота пожилого казака:—что, показалъ мѣсто ребятамъ на Волчьемъ бродѣ?

— Показалъ, Никола Андреичъ. Хлопцы надежные, не прозѣваютъ,—отвѣчалъ тотъ.

— А смотрѣлъ, достаточно ли соломы на бродной фигурѣ?

— Будьте покойны, въ три ночи не сгоритъ,—сказалъ Еременко, ходившій указывать двумъ подросткамъ, назначеннымъ на эту ночь въ секретъ, мѣсто засады въ камышахъ на берегу Кубани у Волчьяго брода, гдѣ предполагалась переправа черкесъ [1]).

Въ случаѣ появленія враговъ, одинъ изъ нихъ долженъ былъ скакать въ станицу дать знать атаману, а другой на ближайшую вышку, чтобы зажечь фигуру (вѣха съ пукомъ просмоленной соломы, которую зажигали для передачи сигнала тревоги: своеобразный телеграфъ).

Въ тѣ времена по всей линіи, гдѣ можно было ожидать прорыва въ наши владѣнія черкесскихъ полчищъ, строились сторожевыя вышки, или пикеты. Около нихъ становились сигнальныя фигуры съ такимъ расчетомъ, чтобы огонь съ одного былъ виденъ на слѣдующемъ пикетѣ, гдѣ сейчасъ же тоже зажигалась фигура. Такимъ образомъ при неожиданныхъ набѣгахъ противника удавалось въ самое непродолжительное время поднимать тревогу по всей линіи, предупреждая тѣмъ населеніе станицъ и войска о грозившей опасности.

Днемъ вышка служила мѣстомъ для сторожевыхъ казаковъ, наблюдавшихъ за непріятельскимъ берегомъ, въ ночное же время весь пикетъ обыкновенно залегалъ секретомъ въ прибрежномъ камышѣ.

При тревогѣ на одной изъ вышекъ казаки зажигали свой сигналъ и спѣшили въ ближайшую станицу для защиты ея въ случаѣ нападенія.

Всѣ указанныя мѣропріятія, какъ мы видѣли, были сдѣланы и Хоменкомъ.

Онъ самъ заглядывалъ на ближайшую вышку и съ безпокойствомъ всматривался въ даль: то грозившей стороны, то въ сторону всѣхъ своихъ упованій, т. е., туда, откуда ожидалъ помощи.

— И зима какая-то выдалась необыкновенная въ этомъ году. Такой и старожилы не запомнятъ,—говаривалъ онъ часто Бакланову, совѣтуясь съ нимъ насчетъ обороны станицы.—Снѣгу нѣтъ, а морозы крѣпчаютъ съ каждымъ днемъ; ледъ на рѣкѣ—хоть заго-

---

[1]) Несмотря на то, что Кубань замерзала въ холодныя зимы толстымъ слоемъ льда по всему пространству, переправлявшіеся большими массами всегда предпочитали совершать переправу на мѣстахъ бродовъ: во-первыхъ, потому, что сюда вели всѣ дороги, а, во-вторыхъ, ледъ на мелкихъ мѣстахъ бывалъ надежнѣе, да и въ случаѣ провала больше имѣлось шансовъ благополучно выбраться на берегъ.

товляй на лѣто... Право, въ полъ-аршина уже будетъ, тутъ. хоть артиллерію пускай — не проломится! Везетъ окаяннымъ! Кормовъ много... Конные будутъ непремѣнно... Если даже и попадутъ въ ловушку, ускачетъ много проклятыхъ, а жаль... Положимъ, коли подоспѣетъ отрядъ, то и теперь имъ зададимъ хорошаго трезвону, а все-таки не то!.. Вотъ кабы снѣжку, или бы оттепель во время... славно бы ихъ поучили... Ты ужъ извини старика, Лука Михайловичъ,—мѣнялъ онъ свой злобный тонъ на безпокойный, начиная волноваться.— Я тебя не пущу во время обороны на валъ. Не дай Богъ, какъ наши дѣла сложатся, а ужъ ты, голубчикъ, будь съ Оксаной, береги ее пуще глаза своего...

Прошло еще нѣсколько дней томительныхъ ожиданій.

Морозъ поослабѣлъ, и Хоменко сталъ надѣяться, что отогрѣется ледъ на Кубани, и переправа черкесъ станетъ невозможной, а за это время успѣютъ подъѣхать хотя тѣ казаки, которые ушли въ Екатеринодаръ. Цѣлая сотня молодцевъ для него много значила.

Но напрасно онъ разсчитывалъ! Черезъ два дня опять подулъ холодунъ, и начавшій было отходить ледъ вновь окрѣпъ, по выраженію Хоменки же самого: «хоть артиллерію пускай».

IV.

Закупили черноморцы въ родномъ городѣ войска, Екатеринодарѣ, все необходимое для зимнихъ нуждъ Н—ской станицы. Погрузили тяжелые возы пудовъ по тридцати пяти на каждый и потянулись обратно.

Мѣрно раскачивая толстыми выями, медленно тянутъ крупные волы возъ за возомъ по степной, чуть замѣтной въ травѣ дорогѣ... Тутъ же, понукая ихъ характернымъ «цобъ-цобе», шагъ за шагомъ идутъ казаки-возчики, зорко посматривая по сторонамъ и пристально слѣдя за появляющимися иногда на горизонтѣ движущимися силуэтами. У каждаго за плечами рушница (ружье). Впереди, съ боковъ и сзади, конные станичники тщательно осматриваютъ каждую встрѣчную балку или кусты, чтобы не попасть въ засаду...

Пройдутъ волы верстъ двадцать и сами останавливаются. Видятъ казаки, что и имъ тутъ привалъ, развѣ до воды не доѣхали— такъ погонятъ еще немного до перваго родника. Составятъ возы по широкому кругу (вагенбургъ), распрягутъ воловъ и тутъ же связанныхъ попарно пускаютъ въ степь кормиться отъ щедротъ Господнихъ.

На ближайшемъ пригоркѣ становится сторожевой казакъ, а остальные: кто лѣзетъ въ возы, достаетъ мѣшки съ мукою и котлы; кто собираетъ сухіе стебли растеній и кизякъ [1]),

[1]) Сухой навозъ рогатаго скота.

разводитъ костеръ, устанавливаетъ двѣ деревянныя вилки съ перекладиной изъ стараго ружейнаго шомпола, чтобы повѣсить надъ огонькомъ котелокъ съ водою; а кто, кому нѣтъ работы, тащитъ изъ необъятныхъ кармановъ широчайшихъ шароваръ кисетъ съ махоркою, а иногда и съ турецкимъ зельемъ, изъ голенища сапогъ завѣтную люльку съ огнивомъ и, выбивъ изъ кремня искру, закуриваетъ, лѣниво разваливаясь во весь ростъ на разостланной буркѣ въ ожиданіи галушекъ съ чеснокомъ, которыя варятъ казаки помоложе.

Случалось, что не бывали такъ спокойны станичники, останавливаясь на привалахъ. Какой либо шумъ или другое что покажется имъ подозрительнымъ, и тогда конные спѣшатъ развѣдать, не грозитъ ли транспорту опасность, подводчики загоняютъ воловъ въ середину вагенбурга, а сами залегаютъ за возы, приготовляясь встрѣтить врага свинцовымъ гостинцемъ.

На этотъ разъ всѣ тревоги оказывались фальшивыми. Въ большей части вызывали ихъ мелькавшія иногда въ степи стада дикихъ козъ.

Двѣ недѣли такимъ образомъ шли казаки, не нарадуясь на отсутствіе всякихъ препятствій: погода стояла великолѣпная, дорога сухая, черкесъ или бродячихъ шаекъ ногайцевъ и помину не было. Чего же лучше?

Но въ началѣ третьей недѣли подулъ холодунъ, и ударили вдругъ морозы.

Встревожились сердца путниковъ. Энергичнѣе стали они погонять своихъ воловъ... У каждаго думка въ головѣ.

— А какъ станетъ Кубань, да нападутъ на нашихъ черкесы. Маловато вѣдь народу осталось въ станицѣ... Успѣемъ ли подойти на помощь? Могутъ проклятые и насъ задержать.

И при этомъ еще дружнѣе цокаютъ на воловъ...

А морозъ крѣпчаетъ да крѣпчаетъ...

Идутъ казаки и днемъ и ночью, только самый необходимый отдыхъ для животныхъ заставляетъ ихъ останавливаться. Спятъ по очереди на ходу на возахъ... Наконецъ-то и станица не далеко. Сутокъ двое ходу осталось... Стали казаки поспокойнѣе.

— Ну, славу Богу, теперь поспѣемъ. Что-то тамъ батька Хоменко? Чай всѣ глаза просмотрѣлъ, идемъ ли.

Еще прошелъ день благополучно, миновала и ночь, но къ вечеру слѣдующаго дня прискакалъ одинъ изъ передовыхъ казаковъ и встревоженнымъ голосомъ сообщилъ неожиданную вѣсть.

— Братцы, маяки горятъ! Вѣрно, черкесинъ перешелъ рѣку.

Заволновались станичники, не жалѣютъ палокъ и ружейныхъ прикладовъ погонщики... Зачуяли бѣду, видно, и сами волы, охотно прибавили шагу...

Звенятъ и гремятъ тяжелые возы по замерзшей, какъ камень, дорогѣ. Конные ускакали всѣ впередъ, да и повозкамъ уже недалеко...

— Завтра къ утру будемъ. Ой, ребятушки, кажись, первая-то фигура загорѣлась на нашей сторонѣ... Не даромъ, значитъ, Никола Андреевичъ просилъ насъ скорѣе возвращаться... Ну, да милостивъ Чудотворецъ! Отобьются, пока мы поспѣемъ... Эй, вы, бисово отродье, что стали!.. Цобъ, цобе!..

V.

Надъ резиденціей Бекъ-Мурзы, ауломъ Кин-чка, стоялъ несмолкающій гулъ голосовъ и шумъ отъ прибывающихъ со всѣхъ сторонъ партій конныхъ черкесъ.

Само селеніе составляли нѣсколько сотенъ тѣсно прижавшихся другъ къ другу глинобитныхъ съ плоскими крышами сакель[1]), прилѣпившихся къ крутому берегу одного изъ многочисленныхъ притоковъ рѣки Кубани съ лѣвой ея стороны.

Южнѣе аула степь постепенно начинаетъ переходить въ волнистую мѣстность, которая незамѣтно сливается съ главнымъ хребтомъ кавказскихъ горъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія и дальше къ горамъ начинались густые строевые лѣса, служившіе для населенія края мѣстомъ убѣжища на случай нападенія враговъ.

Черкесы въ своихъ лѣсахъ были не только неуязвимы, но случалось даже и такъ, что, разбитые на голову въ степяхъ, они успѣвали въ свою очередь, заманивъ преслѣдователей за собою въ лѣса, разбить, а иногда и совсѣмъ уничтожить неосторожнаго противника.

Въ описываемый моментъ всѣ сакли были переполнены черкесами, собравшимися на зовъ своего главнаго предводителя Бекъ-Мурзы. Запоздавшимъ партіямъ приходилось, несмотря на сильный морозъ, останавливаться въ полѣ.

Чтобы укрыться отъ пронизывающе-холоднаго вѣтра, не помѣстившіеся въ домахъ располагались въ сосѣднемъ лѣсу, гдѣ, несмотря на запрещеніе Бекъ-Мурзы, разводили костры, вслѣдствіе чего въ ночное время огромное зарево освѣщало окрестности Кин-чка.

Какъ запертый въ клѣтку левъ, ходилъ изъ угла въ уголъ по своей саклѣ недовольный этимъ Бекъ-Мурза. Около ярко пылавшаго камина тутъ же сидѣли, поджавъ по восточному обычаю ноги, главнѣйшіе вожаки собравшихся въ набѣгъ партій. На нихъ всѣхъ были надѣты, поверхъ бешметовъ на бараньемъ мѣху, изъ стальной проволоки кольчуги въ видѣ рубахъ; голова, шея и плечи покрывались такой же сѣткой; на голову поверхъ сѣтки надѣвался еще чашкообразный желѣзный шлемъ.

Вооруженіе составляли: кривая турецкая шашка, кинжалъ, ружье и нѣсколько кремневыхъ пистолетовъ.

---

[1]) Сакля—туземное жилище—домъ.

Такой же костюмъ и вооруженіе, но только богаче отдѣланные серебромъ и золотомъ, были и на Бекъ-Мурзѣ.

— Какъ же мы можемъ,—говорилъ онъ гнѣвно предводителямъ:— застать врасплохъ эту хитрую лисицу, Хоменко, когда ваши люди не исполняютъ моихъ приказаній? Они развели цѣлое пожарище въ лѣсу, видное, я думаю, за сто верстъ. Отъ того-то мы и не можемъ вотъ уже сколько лѣтъ уничтожить гяурское логовище... Много ли воиновъ привели?

Старшины стали подсчитывать каждый своихъ людей. Оказалось, что собралось около пяти тысячъ конныхъ черкесъ.

Бекъ-Мурза, когда ему отвѣтили на вопросъ, засверкавъ злобно глазами и бѣшено хватаясь за кинжалъ, воскликнулъ:

— Совершенно достаточно! Запомните же хорошенько мои слова: клянусь именемъ пророка Магомета и самого Аллаха, что если на этотъ разъ я не уничтожу станицы и не перерѣжу поганыхъ гяуровъ, я перестану называться Бекъ-Мурзою! Я выпущу у себя всю кровь капля по каплѣ и заставлю нечистыхъ псовъ лизать ее. Пусть шайтанъ за это возьметъ мою душу... Камня на камнѣ не оставлю отъ гнѣзда врага моего! О, если Хоменко при этомъ попадетъ въ мои руки живымъ... Изобрѣту для него такія муки, отъ которыхъ вздрогнетъ самъ страшный богъ ада!.. Распорю животы беременнымъ женщинамъ и выброшу поганый ихъ плодъ на съѣденіе шакаламъ.

— Аллахъ, Аллахъ!—продолжалъ онъ, простирая руки къ небу:— пошли счастія отомстить, наконецъ, за поруганное имя покорнаго Твоего сына! Пошли насладиться хоть передъ смертью мученіями отступницы Керимать или ея исчадія! Клянусь, что отдамъ ихъ въ жертву Твоимъ вѣрнымъ воинамъ... Пусть же издохнутъ позорной смертью насилія. Мою клятву передайте народу и скажите, что всѣ богатства отдамъ имъ, если возьмутъ станицу. Табуны мои получитъ тотъ, кто доставитъ мнѣ Керимать или ея дочь. Передайте, что казаки не ждутъ насъ: часть ихъ ушла въ Екатеринодаръ съ обозомъ, а русскіе отряды далеко и не успѣютъ прійти на помощь. Остались въ станицѣ только бабы да старики... Въ походъ двинемся на разсвѣтѣ завтра и пойдемъ камышами, чтобы насъ не замѣтили на пикетахъ во-время.

Покачивая одобрительно головами, слушали вожаки слова Бекъ-Мурзы.

Всѣмъ имъ было хорошо извѣстно, за что онъ такъ сильно ненавидѣлъ Хоменку.

Ненависть же вообще къ русскимъ, а къ казакамъ въ особенности, отбиравшимъ у нихъ шагъ за шагомъ родную землю, они вполнѣ раздѣляли, и каждый готовъ былъ всѣми силами помочь Мурзѣ истребить ненавистныхъ гяуровъ.

Одно только смущало ихъ—это боязнь помощи станицѣ со стороны отрядовъ.

Они не вѣрили послѣднимъ словамъ Бекъ-Мурзы, припоминая, что то же самое онъ говорилъ и передъ прошлогоднимъ набѣгомъ, а оказалось, что едва они перешли Кубань, какъ наткнулись на русскихъ съ пушками и едва въ половинномъ числѣ успѣли бѣжать назадъ. Правда, на этотъ разъ неожиданно наступившіе морозы давали нѣкоторую надежду на успѣшность затѣваемаго предпріятія.

Слуги внесли ужинъ. Большой мѣдный котелъ съ пловомъ былъ поставленъ посерединѣ сакли.

Проголодавшіеся предводители поспѣшили воспользоваться приглашеніемъ хозяина отвѣдать и, усѣвшись вокругъ котла, дружно принялись за ѣду, выбирая руками жирную баранину, а послѣ пригоршнями же рисъ.

Самъ Бекъ-Мурза не прикасался къ пищѣ. Бушевавшая въ душѣ его ненависть отбила аппетитъ.

По окончаніи трапезы, обтеревъ руки о полы бешметовъ и громко рыгнувъ по нѣскольку разъ въ видѣ благодарности за угощеніе, беки, замѣнивъ головные уборы папахами, прилегли тутъ же вздремнуть до разсвѣта.

Не легъ только одинъ Бекъ-Мурза. Разъяренный, какъ дикій звѣрь, продолжалъ онъ ходить по комнатѣ, мечтая о тѣхъ мукахъ, которымъ онъ подвергнетъ своихъ враговъ, если возьметъ станицу. Разсвѣтъ засталъ его въ томъ же положеніи.

Разбудивъ гостей своихъ, онъ приказалъ имъ итти поднимать людей къ походу.

Снова закипѣла жизнь вокругъ аула: просыпавшіеся воины спѣшили сѣдлать лошадей и совершить утренній свой намазъ (молитву), послѣ чего стали собираться толпами вокругъ вожаковъ.

Къ дому Бекъ-Мурзы подвели рослаго кабардинца. Сѣвъ на коня и заставивъ его ударомъ плети сдѣлать нѣсколько бѣшеныхъ скачковъ, послѣ чего, сильной рукой осадивъ его на заднія ноги, онъ шагомъ направился за околицу аула, гдѣ ожидали его уже готовые къ походу черкесы.

Молча проѣхавъ черезъ разступавшіеся ряды, Бекъ-Мурза взялъ направленіе къ камышу, тянувшемуся широкою полосой по берегу рѣчки. Вслѣдъ за предводителемъ двинулись гуськомъ и остальные...

Какъ стая волковъ къ добычѣ, тихо крадутся черкесы къ Кубани. Къ вечеру выѣхали они на опушку. Далѣе скрываться нельзя, ибо оставшіяся до Волчьяго брода три версты шли по открытому пространству, а за рѣкою еще верстахъ въ восьми и Н—ская станица.

Бекъ-Мурза, рѣшивъ итти дальше только съ наступленіемъ ночи, приказалъ остановиться.

Послѣзавъ съ лошадей, хищники притаились въ густой заросли, стараясь ничѣмъ не выдать своего присутствія.

Нѣтъ, нѣтъ, да и приникнетъ изъ нихъ кто нибудь ухомъ къ землѣ, чтобы послушать, не слыхать ли со стороны станицы ка-

кого либо подозрительнаго шума... Вотъ одному изъ нихъ показалось, что слышитъ онъ какой-то отдаленный подъ землею гулъ.

— Ослышался, думаетъ, вѣрно, кабанъ по близости пробѣжалъ.

Приникъ опять...

— Нѣтъ, положительно не ошибся! Гулъ слышенъ. Будто гдѣто далеко войска идутъ, да еще и съ артиллеріею...

Шепчетъ объ этомъ сосѣду. Тотъ тоже внимательно слушаетъ и подтверждаетъ предположеніе. Вѣсть переходитъ отъ одного къ другому все дальше и дальше... Невольно закрадывается робость въ сердца. А вдругъ это помощь идетъ къ казакамъ?..

Боятся передать о слышанномъ Бекъ-Мурзѣ. Знаютъ, что, пожалуй, изрубитъ онъ на куски такого вѣстника...

Вотъ Мурза, окончивъ послѣднія свои распоряженія, встаетъ и приказываетъ садиться на коней.

Неохотно подимаются черкесы... Вяло исполняютъ приказаніе. Неохотно двигаются за своими вожаками...

Едва выѣхали изъ камышей, какъ загорѣлся на той сторонѣ Кубани маякъ, за нимъ другой, третій... и запылали огни, неся тревогу по всей линіи.

Но дѣлать ужъ нечего, надо спѣшить, чтобы хотя Н—скую станицу застать врасплохъ.

Ударили черкесы плетьми лошадей, понеслись къ броду; проскакали рѣку по льду и мчатся тучею къ станицѣ, но чѣмъ ближе... рука невольно начинаетъ сдерживать ретивость коней, и, не доскакавъ до станицы полъ-версты, они совсѣмъ остановились...

Мертвая тишина на чернѣющемъ валу крѣпости дѣйствуетъ удручающе.

Не рѣшается и Бекъ-Мурза ночью атаковать станицу, видя, что защитники приготовились къ оборонѣ.

Охвативъ укрѣпленіе спѣшенными людьми, онъ рѣшилъ штурмовать ее на разсвѣтѣ сразу со всѣхъ сторонъ, надѣясь, что за малочисленностью гарнизона можно гдѣ нибудь прорваться.

Прильнулъ къ землѣ ухомъ наконецъ и онъ, но, какъ ужаленный, сейчасъ же вскочилъ, услыша совершенно ясный теперь и не далекій подземный гулъ и звонъ колесъ.

— Пронюхалъ таки опять проклятый!—съ отчаяніемъ думалъ онъ:—ясно, что идутъ къ нимъ на помощь пѣхота съ артиллеріей. Только бы другіе не услышали...

Со страхомъ всматривается Бекъ-Мурза въ лица окружающихъ его предводителей, а грудь такъ и разрывается отъ безсильной злобы; зубы невольно стучатъ, и нервная дрожь потрясаетъ все тѣло...

Чудится ему, что видитъ онъ на лицахъ тревогу и робость...

— Аллахъ, Аллахъ! За что караешь Ты меня такъ жестоко!.. Услышали... Робѣютъ уже... Все, все пропало! Десятокъ старухъ прогонятъ такихъ воиновъ...

Не выдержалъ старый волкъ охватившей его душевной муки. Повалился на землю и съ пѣною у рта въ неистовыхъ конвульсіяхъ рветъ на себѣ одежду и царапаетъ ногтями тѣло.

Смотрятъ на него со страхомъ окружающіе, и робость охватываетъ ихъ больше и больше. Какъ электрическій токъ, передается она отъ одного къ другому.

Вдругъ Бекъ-Мурза вскочилъ на ноги и съ бѣшенствомъ воскликнулъ:

— Бѣгите же, бѣгите, трусливые зайцы! Одинъ я останусь здѣсь, и пусть рука перваго гяура размозжитъ мою сѣдую голову. Не хочу болѣе видѣть позорнаго бѣгства когда-то неустрашимыхъ воиновъ! Ступайте же, скажите своимъ храбрецамъ, чтобы уносили, пока есть время, свои шкуры, а то казачьи дѣвки проколютъ ихъ вилами!..

Мрачно слушали его угрюмые вожаки, не двигаясь съ мѣста.

— Что же вы стоите?—немного успокоившись, съ горечью въ голосѣ продолжалъ Бекъ-Мурза. — Развѣ не слышите, что идутъ войска на помощь станицѣ?

Тѣ въ отвѣтъ на послѣднія слова его, выхвативъ, какъ одинъ, свои шашки, воскликнули съ воодушевленіемъ:

— Гдѣ твоя, Бекъ-Мурза, голова, тамъ и наши. Всѣ умремъ съ тобою, а пока подоспѣетъ отрядъ, станицу возьмемъ!

Но это была послѣдняя искра, зажженная Бекъ-Мурзою.

На разсвѣтѣ, воодушевляемые своими старшинами, дѣйствительно дружно бросились со всѣхъ сторонъ черкесы на валъ, но, встрѣченные чугуннымъ и свинцовымъ дождемъ, отхлынули назадъ.

Между тѣмъ гулъ и звонъ колесъ былъ уже слышенъ каждому, и... никакіе уговоры предводителей не могли заставить вторично итти въ атаку.

Вдали показались скакавшіе во весь опоръ передовые казаки мнимаго отряда, а далѣе сталъ виденъ столбъ пыли, поднятый ногами спѣшившей пѣхоты.

Постепенно, но неудержимымъ потокомъ, стала разливаться среди нападающихъ паника; мозги быстрѣе стали работать; картина прошлогодняго, ужаснаго погрома яркими красками обрисовывалась въ памяти... Только напряженіемъ всей силы воли удавалось еще удерживаться черкесамъ отъ инстинктивнаго стремленія назадъ. Разумъ и животное чувство самосохраненія боролись въ нихъ пока еще съ равными силами... Но вотъ слабые люди не выдержали борьбы чувствъ и, вскочивъ на лошадей, поскакали къ переправѣ. Этого оказалось достаточно, чтобы вся масса, охваченная непреодолимымъ ужасомъ, бросилась вслѣдъ за ними.

VI.

Еще не совсѣмъ стемнѣло.

Двое подростковъ казачатъ съ ружьями за плечами слѣзли со сторожевой вышки и, углубившись въ густой камышъ, залегли на опушкѣ у самаго берега Кубани. Сюда же привели они своихъ осѣдланныхъ лошадей.

Пристально всматриваются они въ даль; особенное ихъ вниманіе привлекаетъ виднѣющаяся на той сторонѣ полоса камыша.

Казачата шепотомъ переговариваются:

— Ой, Петька! Что-то подозрительный нынче тотъ камышъ былъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ, показывая рукой за рѣку.

— Право, то не вѣтеръ шумѣлъ и гнулъ такъ верхушки... Да и топотъ я слышалъ. Если это свиньи, то черезчуръ ужъ ихъ, значитъ, много было. А, вотъ, вотъ слушай самъ!.. Опять гудитъ.

Оба казака, приложивъ уши къ землѣ, стали внимательно слушать.

— Э! да какъ еще сильно-то гудитъ!—воскликнули разомъ оба, вскакивая на ноги.

— Петька, смотри, вона они!.. Говорилъ тебѣ, что черкесы? Скачи скорѣе въ станицу докладывать атаману, а я зажгу маякъ, да и за тобою... Да и сколько же ихъ!.. Чай тысячъ сорокъ будетъ,—опредѣлилъ казачекъ дрогнувшимъ голосомъ.

Зоркіе глаза мальчиковъ теперь уже ясно видѣли выдѣлившуюся изъ камыша черную массу черкесъ, скакавшихъ къ берегу Кубани.

Скачетъ, сломя голову, одинъ изъ нихъ въ станицу прямо къ хатѣ Хоменка.

— Батька, Микола Андреевичъ!—кричитъ онъ испуганно:—непріятель валитъ видимо-невидимо, тысячъ сорокъ будетъ!

— Брешешь, собачій сынъ! Со страху вамъ съ Ѳомкою показалось,—прикрикнулъ Хоменко на докладчика.

— Право, вѣрно. Сами послушайте, какъ гудитъ-то земля,—оправдывался казаченокъ.

— Ну, ну, разговаривай мнѣ много, вражій пострѣленокъ... Я тебя вотъ за чупрыну... Бѣги скорѣе на колокольню, звони набатъ, да смотри, не болтай языкомъ по-пустому.

Казачекъ поскакалъ къ церкви.

Хоменко хотя и прикрикнулъ на него за неправдоподобное извѣстіе, но тревожно екнуло его сердце при этомъ.

Не вѣрилъ онъ, конечно, сорока тысячамъ, однако тысячъ десять, по его мнѣнію, Бекъ-Мурза могъ собрать.

Прильнулъ и онъ къ землѣ, и опытное ухо сейчасъ же стало различать среди топота многочисленной кавалеріи стукъ и звонъ колесъ, катящихся по мерзлой землѣ.

— Неужели же и пушки съ собой везетъ?..—со страхомъ подумалъ Хоменко.

— Коли помощь теперь скоро не поспѣетъ, не сдобровать намъ... Боже Милосердный! Спаси и помилуй насъ грѣшныхъ! — воскликнулъ онъ вставая и, перекрестившись нѣсколько разъ, быстро пошелъ къ укрѣпленію.

Въ это время загудѣлъ съ колокольни набатъ.

Казаки и казачки стали выскакивать изъ хатъ, и всѣ бѣжали на валъ, гдѣ Хоменко уже твердымъ голосомъ отдавалъ свои распоряженія.

— Ну-ка, дѣтушки, тащи сюда цаплю... Заряжай картечью... А ты что зазѣвалась, ворона!—прикрикнулъ онъ на оторопѣвшую казачку.—Подпали же скорѣе костеръ подъ котломъ.

— Смотрите же, ребята, не палить попустому. Подпусти къ самому рву, чтобы пуля даромъ не пропадала, — подбадривалъ онъ устраивавшихся поудобнѣе за палисадомъ у бойницъ казаковъ.

— Эй, вы, бабы, сороки! Пока вашъ чередъ не наступилъ еще помогать, ступайте по домамъ, тащи всѣхъ ребятъ въ церковь, пусть тамъ поспятъ эту ночь, пока мы управимся съ черкесами, а потомъ, у кого дома мужья, возвращайся во дворы, сѣдлай коней и веди ихъ ко вторымъ воротамъ... Вылазка будетъ. Ну, маршъ живѣе!

Пока черкесы не подскакали къ станицѣ совсѣмъ уже близко, Хоменко ходилъ по всему укрѣпленію, вездѣ самъ распоряжался, подбадривалъ, наставлялъ, указывалъ и съ такимъ хладнокровіемъ, что его спокойствіе невольно передавалось и другимъ защитникамъ, вселяя въ нихъ непоколебимую увѣренность въ отраженіи всякихъ попытокъ врага. Какихъ же усилій и напряженія силы воли стоило ему это кажущееся спокойствіе духа, только зналъ про то Богъ да самъ Хоменко.

Болѣло и ныло его неустрашимое въ битвахъ сердце за участь ненаглядной своей голубки Оксанушки. Приближающійся топотъ скачущихъ черкесовъ, а особенно слышанный имъ звонъ колесъ, какъ и онъ предположилъ, непріятельскихъ орудій заставляли трепетать его отважную отъ природы натуру.

Отчаяннымъ сопротивленіемъ приготовлялись черноморцы встрѣтить своихъ заклятыхъ враговъ, толпы которыхъ лентой стали опоясывать станицу.

Однако штурмовать черкесы почему-то медлили.

— Поджидаютъ пушки свои,—думалъ Хоменко.

— Боятся начинать безъ нихъ... Поумнѣлъ, видно, за послѣднее время старый коршунъ... Хоть бы разсвѣта ужъ подождали... По крайней мѣрѣ, виднѣе бы было, гдѣ что...

Замерли за своимъ палисадомъ станичники, томятся ожиданіемъ нападенія...

Черкесы же какъ нарочно чего-то ждутъ, а безконечно долгая зимняя ночь тянетъ медленно, медленно свои часы, какъ бы наказывая людей адской пыткой страшныхъ ожиданій за ихъ нетерпѣніе скорѣе начать истреблять другъ друга: нервы напрягаются до крайнихъ предѣловъ, желчь капля по каплѣ разливается по жиламъ и, вызывая неопредѣленную злость, отравляетъ послѣднія минуты жизни бойцовъ, которымъ, быть можетъ, роковою судьбою предназначено въ эту ночь сложить свои буйныя головушки.

Наконецъ началъ блѣднѣть горизонтъ на востокѣ, сначала чуть замѣтно, а потомъ все больше и больше охватывая темный сводъ неба; звѣзды одна за другою стали гаснуть, казалось, будто легіоны свѣтлыхъ точекъ, сплотившись въ дружную массу, шли съ востока на западъ, тѣсня передъ собою черную завѣсу ночи...

Чтобы начать кровавую тризну, люди только этого и ждали.

Какъ морская волна на прибрежныя скалы во время прибоя, хлынули черкесы со всѣхъ сторонъ на станицу, но, встрѣтивъ на пути чугунный и свинцовый градъ, съ воплемъ отпрянули назадъ, забрызгавъ кровью своею землю вокругъ укрѣпленій.

Снова заряжены ружья, снова грозно выставили откатившіяся было цапли свои готовыя изрыгнуть страшный градъ навстрѣчу нападавшимъ жерла.

Ждутъ съ напряженнымъ вниманіемъ казаки новой волны, но видятъ: что-то необычайное творится въ станѣ противниковъ.

Смотритъ Хоменко и глазамъ своимъ не вѣритъ, переполохъ идетъ среди непріятельскихъ полчищъ: вотъ одинъ поскакалъ назадъ, потомъ другой, за нимъ третій, наконецъ цѣлыя толпы понеслись по направленію къ броду... Видитъ, что нѣкоторые, вѣроятно, предводители, бросились съ шашками наголо на бѣгущихъ и рубятъ ихъ направо и налѣво.

Вздохъ облегченія вырвался у всѣхъ защитниковъ. Какъ камень тяжелый свалился съ души, рука невольно творитъ крестное знаменіе...

Въ это время прибѣжалъ съ противоположной стороны вала запыхавшійся казакъ, радостно крича:

— Братцы, отступаютъ черкесы! Наши идутъ. Впереди, совсѣмъ ужъ близко, казаки скачутъ, а сзади пылитъ пѣхота съ пушками...

Все теперь стало ясно Хоменкѣ.

— Вотъ оно, звонъ да гулъ, что принялъ я за несмѣтную вражью силу!—воскликнулъ онъ, хлопая себя ладонью по лбу.

— На коня, молодцы! —громовымъ голосомъ отдалъ онъ приказаніе...

Всю ночь Баклановъ боролся съ желаніемъ пойти туда, гдѣ ожидалась съ минуты на минуту кровавая схватка неравныхъ силъ, но данное старику Хоменкѣ слово не покидать Оксану и слезы послѣдней, скорбящей о будущихъ жертвахъ злобы людской, удерживали его въ хатѣ.

Къ разсвѣту утомленная страшными ожиданіями и трепетавшая, какъ испуганная птичка, Оксана наконецъ задремала, склонивъ головку свою на плечо жениху.

Положивъ ее бережно на скамью, гдѣ они сидѣли, и, подложивъ ей подъ головку мягкую шаль, Баклановъ, поручивъ беречь ея покой Маріи Алексѣевнѣ, вышелъ на улицу и быстро побѣжалъ на укрѣпленіе.

Въ это время раздался первый залпъ, и онъ въ нѣсколько прыжковъ былъ уже на валу, но принять участіе въ отраженіи перваго штурма все-таки онъ не успѣлъ, зато когда раздался приказъ Хоменки: «на коня», Баклановъ, забывъ о своей еще не совсѣмъ зажившей ранѣ, вскочилъ на первую попавшуюся осѣдланную лошадь и рядомъ съ атаманомъ впереди сотни казаковъ помчался за уходившими въ безпорядочномъ бѣгствѣ черкесами.

Случилось рѣдкое явленіе въ исторіи войнъ: сотня смѣльчаковъ гнала передъ собою пятитысячную толпу извѣстнаго своей отвагой народа, охваченнаго паническимъ страхомъ вслѣдствіе созданной разгоряченнымъ воображеніемъ мнимой опасности.

Только небольшая группа непотерявшихся вожаковъ, во главѣ съ Бекъ-Мурзою, бросилась навстрѣчу казакамъ, и на берегу Кубани около Вольчяго брода произошла жестокая схватка противниковъ.

Кто бы остался побѣдителемъ, трудно сказать, но прискакавшіе на помощь къ своимъ отъ подходившаго къ станицѣ обоза казаки рѣшили дѣло.

Справа и слѣва ударили они во фланги отчаянно рубившихся панцырниковъ, и побѣда стала клониться на сторону черноморцевъ...

Не сдавались и черкесы живыми. Одинъ за другимъ падали они подъ ударами станичниковъ.

Встрѣтились въ сѣчи наконецъ и Хоменко съ Бекъ-Мурзою и съ бѣшенымъ крикомъ ринулись другъ на друга.

Отпарировалъ Хоменко первый могучій ударъ врага, но шашки обоихъ не выдержали и разлетѣлись въ куски.

Тогда, соскочивъ съ коней, они съ кинжалами въ рукахъ сцѣпились грудь съ грудью.

Надѣтая на Мурзѣ кольчуга дала ему перевѣсъ. Тщетно наносилъ удары Хоменко, ища открытаго мѣста. Кинжалъ его всюду встрѣчалъ сталь и желѣзо, между тѣмъ другая рука, впившаяся въ руку Мурзы и не дававшая послѣднему нанести смертельный ударъ, ослабѣла...

Изловчился Бекъ-Мурза, вырвалъ руку и съ торжествующимъ воплемъ вонзилъ кинжалъ свой по самую рукоятку въ незащищенную ничѣмъ грудь казака.

Однако недолго торжествовалъ и побѣдитель. Подскочившій въ это время Баклановъ сильнымъ ударомъ сабли разрубилъ вмѣстѣ со шлемомъ ему и голову...

Смерть, наконецъ, примирила враговъ, поваливъ ихъ рядомъ. Съ послѣднимъ вздохомъ обоихъ понеслись двѣ благодарственныя молитвы къ одному и тому же Богу.

— Благодарю тебя, Создатель, за то, что не далъ злому коршуну насмѣяться надъ чистою голубицею,—прошептали уста Хоменки.

— Аллахъ, благодарю Тебя за то, что далъ мнѣ счастіе отомстить собственноручно ненавистному гяуру, — прошептали уста Бекъ-Мурзы.

Поголовнымъ истребленіемъ всѣхъ вожаковъ и потерей нѣсколькихъ сотъ воиновъ, частью перебитыхъ пулями, частью потонувшихъ подо льдомъ, проломившимся подъ тяжестью безпорядочно бѣгущихъ людей, заплатили черкесы за смерть Николая Андреевича. Остервенѣвшіе казаки не давали никому пощады. Ни одного плѣннаго не было взято. Всѣ, кто не успѣлъ живымъ перебраться за рѣку, были изрублены. Еще болѣе бы было жертвъ этой ужасной рѣзни, если бы ледъ провалился не подъ послѣдними бѣглецами... Поглотившая ихъ рѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ, не дала возможности и казакамъ продолжать преслѣдованіе на той сторонѣ.

Во всякомъ случаѣ такого погрома черкесы давно не испытывали, и это страшное избіеніе надолго обезпечило спокойствіе обывателей Н—ской и другихъ окрестныхъ станицъ.

Въ добычу казакамъ осталось около шестисотъ лошадей и масса всякаго оружія, но все это не могло пополнить для нихъ жестокую потерю любимаго атамана и двадцати опытнѣйшихъ старыхъ земляковъ.

Положивъ убитыхъ и раненыхъ товарищей на пріѣхавшія изъ станицы телѣги, казаки послѣ одержанной блестящей побѣды печально двинулись обратно.

Отъ мала до велика вышли на валъ встрѣчать побѣдителей всѣ жители.

Многимъ пораженіе врага принесло радость, но зато сколько же горя и страданія для несчастныхъ матерей, женъ и дѣтей-сиротъ убитыхъ казаковъ принесла эта блестящая побѣда. Сколько душу раздирающихъ сценъ пришлось видѣть участникамъ славной для оружія черноморцевъ битвы.

Вышли навстрѣчу печальной процессіи и Марія Алексѣевна съ Оксаной.

Съ сжавшимся отъ невыразимой муки сердцемъ подъѣхалъ къ нимъ Баклановъ, не рѣшаясь сообщить роковую вѣсть.

— А гдѣ же Николай Андреевичъ?—обратились онѣ къ нему разомъ и видя, что Баклановъ замялся и не отвѣчаетъ на ихъ вопросъ, а только на лицѣ его еще больше разлилась грусть, обѣ страшно поблѣднѣли.

Оксана, пронзительно вскрикнувъ, какъ подкошенная, повалилась на руки, успѣвшаго во время подхватить ее, Бакланова.

Тщетно вмѣстѣ съ Маріей Алексѣевной и нѣсколькими другими казачками Лука Михайловичъ принялся хлопотать, чтобы привести въ чувство сраженную великимъ горемъ свою невѣсту.

Его познанія въ области медицины не приводили къ желаннымъ результатамъ: Оксана не приходила въ себя. Отнесли ее домой въ обморочномъ состояніи, и только часа черезъ два она наконецъ ожила, но тотчасъ же впала въ безпамятство.

Ни материнскій нѣжный уходъ пораженной двойнымъ горемъ Маріи Алексѣевны, ни горячія мольбы Бакланова, не отходившаго шагу отъ постели больной, не поправили дѣла.

Медленно стала угасать жизнь чуднаго цвѣтка, только что распустившагося полною силой божественной красоты своей. Нѣжный стебелекъ надломился, не выдержавъ налета жестокой житейской бури, коснувшейся его первый разъ.

Въ наказаніе людямъ за ихъ звѣрства Господь отзывалъ теперь назадъ своего ангела, воплощеннаго, хотя въ подобную имъ, но несравненную по внѣшнему облику, оболочку...

Ни днемъ, ни ночью не покидалъ Баклановъ слабѣвшую съ каждымъ днемъ Оксану. Онъ не пошелъ на похороны Хоменки и другихъ павшихъ въ битвѣ казаковъ; онъ даже не обращалъ вниманія на раскрывшуюся отъ нравственныхъ и физическихъ потрясеній свою рану.

— О, Боже Милосердный! Возьми и мою никому не нужную жизнь,—со стономъ и въ истерическихъ рыданіяхъ молился онъ, то прося, то требуя у Бога и себѣ смерти.

И Богъ сжалился надъ нимъ, и услышалъ его страстныя мольбы...

Черезъ двѣ недѣли послѣ достопамятной битвы тихо угасла, не приходя въ себя, Оксана, а еще черезъ недѣлю отъ развившейся вслѣдствіе отсутствія всякаго ухода за раной гангрены скончался въ страшныхъ мученіяхъ, но радостно, и Лука Михайловичъ.

Какъ могла пережить и пережила потерю всей своей семьи несчастная Марія Алексѣевна, не берусь описывать, такъ какъ передать ея великое горе у меня не хватитъ силъ... Могу лишь сказать, что, по словамъ очевидцевъ, со словъ которыхъ написанъ этотъ разсказъ, она со смерти дочери въ одну ночь превратилась

въ совершенную старуху. На похоронахъ Оксаны ее никто не могъ узнать: вмѣсто Маріи Алексѣевны Хоменко за гробомъ вели потерявшую образъ человѣческій, сѣдую, сгорбленную старуху, вырывавшуюся съ дикими, изступленными вскрикиваніями изъ рукъ двухъ силачей казаковъ.

Похоронены были всѣ убитые черноморцы въ общей братской могилѣ, Оксана же и Баклановъ—нѣсколько впереди рядомъ другъ съ другомъ.

По общему желанію станичниковъ и при денежномъ содѣйствіи вдовы Хоменко и родныхъ Бакланова, надъ могилами въ томъ же году воздвигнута часовня съ неугасаемой лампадой передъ образомъ Спасителя, а нынѣ въ память славной побѣды черноморцевъ на этомъ мѣстѣ, общими силами всего войска, построена церковь во имя Николая Чудотворца.

Марія Алексѣевна, къ довершенію несчастій, влачила безотрадное существованіе свое цѣлыхъ еще двадцать лѣтъ. Единственнымъ утѣшеніемъ ея была ежедневная молитва на дорогихъ могилахъ и забота, чтобы передъ образомъ не погасла какъ нибудь лампада.

Наконецъ 24-го мая 1848 года скончалась и она.

Да! и не одна семья, подобно Хоменкиной, погибала такимъ образомъ въ тѣ не столь отдаленныя отъ нашихъ дней времена, когда земля на Кавказѣ орошалась непрерывно человѣческой кровью и слезами!

Мужчины добывали себѣ и отечеству славу, а жены и дѣти страдали въ тоскѣ и тревогѣ за близкихъ ихъ лицъ и сплошь да рядомъ тоже гибли подъ ударами неумолимой судьбы, каравшей за звѣроподобныя отношенія людей другъ къ другу вмѣстѣ съ одними и другихъ.

Если вдуматься хорошенько и вникнуть въ любую, самую славную исторію развитія государства и жизни какой хотите національности, созданную всегда на кровавой и скорбной подкладкѣ, невольно, прямо отъ всего сердца, повторишь восклицаніе Оксаны: «О, люди, люди! Неужели же тѣсно вамъ жить на землѣ?».

А. Г. Кодинецъ.

ВЪ ДНИ ТРЕВОГИ.

(Изъ найденныхъ записокъ офицера).

I.

НЕЗАДОЛГО до объявленія послѣдней войны ко мнѣ въ роту назначенъ былъ субалтернъ-офицеромъ подпоручикъ Матьянскій, только что передъ этимъ переведенный въ полкъ. Всеволодъ Сергѣевичъ своей наружностью и манерами производилъ странное впечатлѣніе. Блондинъ съ голубыми глазами, необыкновенной бѣлизны и съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, Матьянскій походилъ скорѣе на изящную дѣвушку, чѣмъ на молодого человѣка. Только небольшіе усики, которые онъ закручивалъ, обличали въ немъ мужчину. Въ манерѣ говорить и вообще относиться къ людямъ также было что-то необычное. Матьянскій растягивалъ немного свою рѣчь, ласково улыбался и слегка покачивалъ головой, какъ бы закрѣпляя этимъ истину своихъ словъ. Но пѣвучесть его рѣчи не была фатовствомъ, а скорѣе проявленіемъ какой-то воздушности, что совершенно не совмѣщалось съ идеей о войнѣ. На солдатъ онъ не имѣлъ никакого вліянія. Они дѣлали ему подъ козырекъ, но говорили съ нимъ развязнымъ тономъ, какъ будто видя передъ собой не начальника, а мальчика, призваннаго совсѣмъ не для того, чтобъ командовать и распоряжаться.

Совершенно иного сорта былъ другой мой «субалтернъ», Иванъ Петровичъ Лугавинъ. Средняго роста, видный брюнетъ, плотно сло-

женный, съ волосами, нѣсколько нависшими на лобъ, онъ любилъ военную службу по принципу и съ особеннымъ умѣньемъ относился къ солдатамъ.

— Ребята, что вы глядите на этого прохвоста? — ораторствовалъ онъ.—На прошломъ смотру всѣ пули пустилъ гулять по бѣлу свѣту, на церемоніальномъ маршѣ никогда не равняется, а васъ за это ругаютъ. Надо бъ поискать, какое у него ребро пищитъ.

Солдатики хихикали и были довольны, что съ ними такъ запросто обращается офицеръ.

Къ своему сотоварищу Матьянскому Иванъ Петровичъ за глаза относился иронически и никогда иначе не называлъ, какъ «Купидонъ» или доморощенный «Адонисъ». Къ этимъ прозвищамъ прибавилось и третье: за то, что Всеволодъ Сергѣевичъ, идя передъ фронтомъ, не шелъ прямо, а нѣсколько изгибался въ таліи, товарищи окрестили его «трепещущей лиліей».

Однако, этотъ цвѣтокъ, вызывавшій насмѣшки, сдѣлался вскорѣ многимъ солонъ.

Говорятъ, что женщины увлекаются мужчиной, когда онъ мужественъ, но это не всегда. Часто еще бо́льшимъ магнитомъ для нихъ является юноша съ нѣжной кротостью и той неуловимой воздушностью, которою надѣленъ былъ Всеволодъ Сергѣевичъ. Когда онъ шелъ по улицѣ, то молодыя дѣвушки, а въ особенности среднихъ лѣтъ дамы, съ жадностью впивались въ него глазами. Это очень не нравилось любовнымъ бойцамъ, до прибытія Матьянскаго не знавшимъ конкурентовъ.

Я такъ и ожидалъ, что появленіе «миндальнаго красавца» вызоветъ какую нибудь, если не трагическую, то, во всякомъ случаѣ, пикантную исторію. Такъ оно и случилось.

Обыкновенно, когда воинскія части сходились на тѣсные сборы, офицеры по большей части столовались у своихъ ротныхъ командировъ. У меня это было удобно потому, что мой денщикъ Клеменчукъ отлично стряпалъ и отличался добросовѣстностью. Онъ велъ расходъ, и въ концѣ каждой недѣли мы производили учетъ.

Такимъ образомъ, Матьянскій и Лугавинъ встрѣчались каждый день, но мнѣ не приходило въ голову, что это два заклятыхъ врага, пока разъ вечеромъ Клеменчукъ, снимая съ меня платье, таинственно не сообщилъ:

— Ваше благородіе, какъ бы грѣха не вышло.

— Какого грѣха? — съ удивленіемъ спросилъ я. — О чемъ ты говоришь?

— Насчетъ ихъ благородій. Вчера чуть одинъ другого не лязганули.

— Кто? Кого? Да отвѣчай ты толкомъ, оселъ!

— Да его благородіе поручикъ Лугавинъ его благородіе подпоручика Матьянскаго.

— За что же?

— Да все за барышню.

— Какую барышню?

— Хозяйскую дочку, что въ домѣ проживаетъ. Допрежъ того поручикъ Лугавинъ въ кавалерахъ былъ, а нонѣ подпоручикъ силу забралъ, вотъ у нихъ и вышла кондра. Вчера слышу у калитки: «я, говоритъ, васъ, Купидонъ проклятый, отважу». Тутъ подпоручикъ и взгомозись: «да какое вы, говоритъ, имѣете полное право меня такъ называть?» И пошло, и пошло...

Сообщеніе, сдѣланное Клеменчукомъ, заставило меня призадуматься. Не рѣшаясь говорить о щекотливомъ дѣлѣ съ кѣмъ нибудь изъ соперниковъ, я обратился къ Мышникову, также командовавшему ротой. Тотъ махнулъ рукой и со смѣхомъ отвѣтилъ:

— Да, да, не подѣлили дѣвицы. Я вчера и то говорю Лугавину: «Ванька, не балуйся, а то Данила Степановичъ велитъ кучеру отвязать оглоблю и тебѣ перешибить ноги».

То было еще блаженное время. Хотя желѣзные засовы съ воротъ были уже сняты, собаки во дворѣ не спускались съ цѣпей, но дѣвицы-красавицы не сидѣли уже въ теремахъ, а, почуявъ свободу, стали заявлять о своихъ правахъ и въ этой борьбѣ нерѣдко поступали, очертя голову.

Это именно и случилось въ семьѣ моего хозяина Даннлы Степановича, занимавшагося хлѣбной торговлей. Любочкинъ, сухощавый мужчина, сорока семи лѣтъ, съ черной бородкой и рѣзкими чертами лица, ходилъ въ картузѣ, длинномъ сюртукѣ и большихъ сапогахъ. Отецъ его, какъ мелкій прасолъ, скупалъ у заставы привозимое изъ деревень зерно и этимъ составилъ небольшое состояніе. Сынъ, кое-чему учившійся, шокируясь пріемами своего родителя, не захотѣлъ мокнуть на дождѣ и мерзнуть на морозѣ, а сталъ ѣздить по уѣздамъ и пріобрѣтать хлѣбъ у землевладѣльцевъ, которые и доставляли его въ городъ. Такими оборотами онъ увеличилъ свой достатокъ и пріобрѣлъ домъ съ флигелемъ.

Жена Данилы Степановича была типичнѣйшая уѣздная купчиха, съ одутловатымъ лицомъ, ежедневно ругалась съ кухарками, опивалась чаемъ и каждый праздникъ, принарядившись, ходила къ обѣднѣ. Въ остальномъ она не принимала никакого участія и, какъ тупая, малограмотная женщина, не имѣла ни малѣйшаго вліянія на дѣтей. А ихъ у Любочкиныхъ было трое.

Михаилъ Даниловичъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, съ безцвѣтной наружностью, гордясь достаткомъ отца, важничалъ, желая этимъ поддержать семейный престижъ. Луша была еще дѣвочкой тринадцати лѣтъ, а Сашѣ, изъ-за которой загорѣлся сыръ-боръ, минуло девятнадцать.

Она была дѣйствительно очень мила. Черты ея лица отличались классической правильностью. Отъ глубокихъ, синеватыхъ

глазъ вѣяло чѣмъ-то таинственнымъ, свѣтло-каштановые волосы копной лежали на изящной головѣ. Но что особенно было привлекательно—это общее выраженіе лица. Въ немъ виднѣлась врожденная интеллигентность, составлявшая полный контрастъ съ лицами ея родителей. Смотря на прелестное существо, поневолѣ приходилось преклониться передъ тайной природы, совершившей такое чудо. Саша училась у «мамзели» и въ три года сдѣлала огромные успѣхи; она бойко читала по-французски и по-нѣмецки, съ помощью лексикона могла хорошо переводить, знала четыре правила ариѳметики и имѣла понятіе объ исторіи и географіи. Дѣвушка желала учиться далѣе, но отецъ категорически объявилъ:

— Будетъ съ тебя. Не въ ученыя итти, а дѣтей рожать ума большого не надо.

Тѣмъ ученье и кончилось.

Сообщивъ мнѣ эти біографическія свѣдѣнія, Мышниковъ вздохнулъ и добавилъ:

— А вѣдь какая дѣвушка! Пусти-ка такую въ большой свѣтъ— въ княгини или графини попала бы. Такъ что-жъ удивляетесь, что господа офицеры стоятъ изъ-за нея другъ противъ друга съ оскаленными зубами. Еще, пожалуй, отколошматятъ одинъ другого. Вы бы ихъ образумили, а то оба ни за что пропадутъ.

Я обѣщалъ Василію Васильевичу пожурить своихъ субалтерновъ и ждалъ слѣдующаго дня, когда они должны были прійти обѣдать.

Въ назначенный часъ въ прихожей раздался знакомый кашель Лугавина. Воспользовавшись тѣмъ, что Матьянскій замѣшкался, я немедленно приступилъ къ объясненію.

— Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ,—обратился я къ нему.—Вы позволите мнѣ говорить откровенно?

— Вы—удивительный начальникъ! У подчиненнаго спрашиваете позволенія. Гикните, я сейчасъ и руки по швамъ.

— Вы напрасно шутите, я хочу коснуться очень серьезнаго вопроса, не какъ начальникъ, а какъ товарищъ.

— Это еще трогательнѣе. Весь обращаюсь въ слухъ.

— Ваша распря съ Матьянскимъ не доведетъ васъ до добра.

— Э, куда пошло! Михаилъ Петровичъ, я васъ очень уважаю, но подъ опекой не состою.

— Это не опека, а участіе. Вы преслѣдуете хозяйскую дочь, какъ будто она особа, не стоящая уваженія.

Лугавинъ вспыхнулъ и, отступая два шага, рѣзко проговорилъ:

— Да я къ ней съ полнымъ почтеніемъ, но съ тѣмъ, кто перебѣжалъ мнѣ дорогу...

— Ваши любовныя перипетіи меня нисколько не интересуютъ, и я не заикнулся бы о нихъ, если-бъ не боялся, что вы дойдете съ Матьянскимъ до предосудительныхъ поступковъ. Это скомпро-

метируетъ роту, а вы угодите подъ офицерскій судъ, который не помилуетъ васъ.

— Эхъ, Михаилъ Петровичъ, когда у человѣка задѣто самолюбіе, ему не страшенъ никакой офицерскій судъ.

Въ это время въ прихожей послышался тонкій голосъ Матьянскаго:

— Еще не сѣли обѣдать?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ ему Клеменчукъ.

Я продолжалъ негромко:

— Послушайте, Иванъ Петровичъ, если вы хотите сохранить ко мнѣ добрыя отношенія, то, по крайней мѣрѣ, сводите счеты не въ моей квартирѣ.

— Будьте покойны, я, что называется, ухомъ не шевельну.

Въ дверяхъ показался Всеволодъ Сергѣевичъ. Всѣ обмѣнялись рукопожатіями, а затѣмъ я скомандовалъ:

— Клеменчукъ, давай намъ ѣсть.

Я и Лугавинъ выпили по рюмкѣ водки, а Матьянскій, деликатно отломивъ отъ ломтя корочку, посолилъ ее и, держа въ рукѣ, сталъ сообщать:

— Сейчасъ былъ у баталіоннаго адъютанта и поинтересовался, нѣтъ ли чего насчетъ мобилизаціи. Нѣтъ, тихо.

— А пора бы,—отвѣтилъ я.—Всѣ ждутъ и томятся, а это отзывается даже и на дисциплинѣ. Солдаты думаютъ: «одинъ конецъ—идемъ драться», и не дорожатъ ничѣмъ.

Видя, что молодые люди покашиваются одинъ на другого, я задумалъ тронуть ихъ за самое больное мѣсто офицера—воинскую честь.

— Чѣмъ хороши сборы на войну—всѣ мелкіе счеты кончаются, даже враждующіе примиряются, потому надъ всѣми нами уже носится призракъ смерти. Я могу уважать только такого человѣка, который возвысится духомъ и отряхнется отъ обиходныхъ дрязгъ мирнаго времени.

Оба какъ будто не слыхали сказаннаго. Я продолжалъ:

— «Война»—ее называютъ страшнымъ бѣдствіемъ. Да, она великое бѣдствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ какія вызываетъ благородныя чувства. Мы начинаемъ сильнѣе любить родину, дѣлаемся добрѣе, великодушнѣе и начинаемъ геройски смотрѣть въ глаза смерти. Какими же ничтожными должны казаться наши мелкіе счеты и ссоры!

Лугавинъ сидѣлъ, опустивъ голову, и барабанилъ пальцами по столу, Матьянскій же, напротивъ, смотрѣлъ на меня во всѣ глаза, улыбался своей блаженной улыбкой и кивалъ головой. Его фигура показалась мнѣ настолько забавной, что я невольно подумалъ:

— Лугавинъ правъ, это дѣйствительно какой-то купидонъ. Неужели ему непонятно, что я говорю по его адресу?

— Вы тысячу разъ правы, Михаилъ Петровичъ,—соглашался онъ со мной.—Къ чему ссоры? Надо со всѣми жить въ дружбѣ. Я удивляюсь, какъ можно враждебно относиться къ кому нибудь, а въ особенности къ товарищу.

При этихъ словахъ Лугавинъ порывисто вскочилъ. Бросивъ ироническій взглядъ на говорившаго, простился и ушелъ.

Когда за нимъ захлопнулась входная дверь, я обратился къ Матьянскому.

— Какъ онъ посмотрѣлъ на васъ!—замѣтилъ я.

— Да, да, сердится. А спросите—за что? Развѣ я не могу дѣлать того, что хочу? А онъ вдругъ требуетъ, чтобы я не разговаривалъ съ Александрой Даниловной. Развѣ у него есть на это право?

— Конечно, нѣтъ, но, можетъ быть, между ними была нѣкоторая близость, назовите ее хоть дружбой. Естественно ему не нравится то, что она стала оказывать вамъ большее вниманіе.

— Онъ ей не мужъ и не женихъ, а простой ухаживатель. Чего же я буду стѣсняться? При томъ у него на нее дурные виды, а я честный человѣкъ.

— Почему же вы знаете его мысли?

— Онъ самъ сказалъ. А мнѣ она нравится, какъ чудная дѣвушка, глубоко чувствующая, но угнетенная условіями жизни. Я люблю ее, какъ самый нѣжный братъ.

— Все это прекрасно, но не упускайте изъ вида характера Лугавина. У всѣхъ людей съ узкими лбами въ натурѣ жестокость, а у Ивана Петровича видѣли, какъ волосы опущены?

— Что же онъ мнѣ можетъ сдѣлать? Ничего. По моей фигурѣ многіе думаютъ что я дряблый, но они ошибаются. Правда, я не люблю шумѣть, но за свою честь всегда сумѣю постоять.

Женоподобное лицо говорившаго покрылось румянцемъ, и въ тонѣ послышалась гордая самоувѣренность. Это была уже не трепещущая лилія, а настоящій мужчина и офицеръ.

— Не сомнѣваюсь, но если ссора доведетъ васъ до того, что вы будете преданы суду общества офицеровъ?

— За что же меня будутъ судить?

— Лугавинъ можетъ довести васъ до того, что ваша непріязнь окончится физической расправой.

— Никогда. Но если онъ осмѣлится... я убью его.

Это было сказано совершенно спокойно. Я невольно измѣрилъ глазами Адониса, сидѣвшаго передо мной, и подумалъ:

— «Вотъ вы и судите человѣка по наружности».

Матьянскій начиналъ интересовать меня, и мнѣ захотѣлось поближе ознакомиться съ этой курьезной личностью.

— Всеволодъ Сергѣевичъ,—обратился я къ нему,—можетъ быть, вы не знаете, что многіе изъ товарищей странно относятся къ вамъ.

— Прекрасно знаю. Мнѣ извѣстны и прозвища, которыя мнѣ дали. Ну, что жъ, пускай тѣшатся. Къ этому я отношусь совершенно равнодушно.

— Откуда у васъ такая стойкость? Меня очень интересуетъ ваше прошлое.

— Оно такъ же просто, какъ и у всякаго обыкновеннаго офицера. Мой отецъ былъ военнымъ стараго закала и служилъ въ полку; матушка была шведка. Первые годы дѣтства я провелъ въ Финляндіи, а затѣмъ мы переѣхали въ Остзейскій край. Отецъ былъ человѣкомъ горячимъ, вспыльчивымъ и крайне несдержаннымъ. Мы не разъ слышали, какъ онъ громко жаловался на судьбу и на то, что семейство обременяетъ его. Это насъ очень обижало, и мы, собравшись гдѣ нибудь въ темномъ уголкѣ, съ недоумѣніемъ разсуждали, за что отецъ сердится на насъ. Развѣ мы виноваты, что ему трудно содержать насъ? Это убѣжденіе, что я живу въ тягость, отравляло мнѣ существованіе. Я боялся съѣсть лишній кусокъ и всегда выходилъ изъ-за стола голоднымъ. Только денщикъ Акинѳіевъ являлся нашимъ благодѣтелемъ. Онъ дѣлился съ нами своимъ хлѣбомъ, который мы съ жадностью поѣдали. Но и такой праздникъ былъ для насъ не часто. Что могъ удѣлять бѣдный солдатъ изъ выдаваемыхъ ему тогда тридцати фунтовъ въ мѣсяцъ? Однако при такой невыносимой обстановкѣ мы не переставали смотрѣть на мать съ благоговѣніемъ, и она не слышала отъ насъ никогда, что мы голодны. Вы спросите, почему мы это дѣлали? Ахъ, вамъ трудно будетъ понять меня! Нужно было знать эту дивную женщину, видѣть ея проникающій въ душу взглядъ, слышать ангельскій голосъ и хоть разъ почувствовать ея поцѣлуй на щекѣ, чтобы ея образъ навсегда врѣзался въ памяти. Она была блондинка, необыкновенной бѣлизны, съ волосами пепельнаго цвѣта. Говорятъ, я очень похожъ на нее. Наша мать никогда не улыбалась. Вѣроятно, она понимала безвыходное положеніе семьи. Всегдашніе недостатки, худосочныя, полуголодныя дѣти, которымъ не на что давать образованіе... развѣ это не ужасная драма? И она зачахла, а за ней одинъ за другимъ умерли и братья. Отецъ также недолго пережилъ ихъ. Не знаю, какимъ чудомъ уцѣлѣлъ я. Но вы видите, что дурно проведенные дѣтскіе годы не прошли даромъ, и я остался какой-то писаной фарфоровой куклой. Зато наболѣвшая душа моя крѣпка, и зломъ со мной ничего нельзя сдѣлать.

Такой разсказъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Чуть не съ колыбели страдать, бороться, сознавать свою безпомощность и остаться чистымъ и цѣльнымъ человѣкомъ — это ли не подвигъ?

Уходя изъ квартиры, Всеволодъ Сергѣевичъ на прощаньѣ обратился ко мнѣ.

— Михаилъ Петровичъ, я васъ мало еще знаю, но успѣлъ почувствовать глубокое почтеніе, какъ къ начальнику, такъ и товарищу. Вотъ почему я не стѣснился удовлетворить вашему любопытству и вкратцѣ разсказалъ свою біографію. Но надѣюсь, что то, что вы слышали отъ меня, дальше васъ не пойдетъ.

Проводивъ Матьянскаго, я долго думалъ о томъ, какія бываютъ сложныя натуры, и какъ часто мы ихъ не понимаемъ.

Послѣ часа, проведеннаго съ глаза на глазъ, наши отношенія съ Всеволодомъ Сергѣевичемъ рѣзко измѣнились. Онъ уже иначе пожималъ мнѣ руку и еще чаще смотрѣлъ дѣтски-блаженнымъ взглядомъ, который многими товарищами понимался такъ превратно.

Встрѣчаясь у меня ежедневно, «субалтерны» держали себя съ тактомъ. Но у Лугавина все-таки вырывались порой неосторожныя слова. Желая предостеречь задиру, я отозвалъ его въ спальню и въ полголоса сказалъ:

— Вы будьте осторожны. Матьянскій вчера сказалъ мнѣ опредѣленно, что если вы позволите себѣ какое нибудь насиліе надъ нимъ, то онъ васъ убьетъ.

Лугавинъ притворно захихикалъ.

— Ишь ты какой, страшный! Посмотрю я, какъ онъ начнетъ меня убивать. Видывали мы такихъ.

Однако, мои слова видимо подѣйствовали. Иванъ Петровичъ притихъ и не позволилъ себѣ ни одного лишняго слова.

Между тѣмъ, свиданія и бесѣды между Матьянскимъ и Сашей продолжались. Я видѣлъ, какъ Всеволодъ Сергѣевичъ, сидя подлѣ дѣвушки, втолковывалъ ей что-то, при чемъ сильно жестикулировалъ. Уѣздные обыватели косо посматривали и подшучивали надъ «неразлучной парой». Михаилъ Даниловичъ, слыша шуточки надъ своей сестрой, день ото дня ожесточался и, наконецъ, при встрѣчѣ со мной не выдержалъ.

— Позвольте васъ спросить, господинъ капитанъ, на что это похоже? Развѣ есть такое положеніе, чтобъ офицеры конфузили насъ передъ людьми?

— О чемъ и о комъ вы говорите?

— О подпоручикѣ Матьянскомъ, который служитъ подъ вашимъ начальствомъ. Чего онъ присталъ къ моей сестрѣ? Компанію съ дѣвушкой приличествуетъ водить тому, кто намѣренъ на ней жениться. А это что жъ такое! Гуляютъ себѣ и горя мало, да вздумалъ еще книги давать ей читать. На нее теперь всякій нестоящій человѣкъ пальцемъ показываетъ. Сдѣлайте ваше одолженіе, запретите этому господину нахальничать, а то я дойду и до батальоннаго командира.

Я былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе. Въ словахъ Любочкина было много правды, но какія мѣры могъ я принять, чтобъ прекратить эти свиданія? Это я высказалъ ему чистосердечно.

— Я вамъ вполнѣ сочувствую; люди могутъ осуждать вашу сестру, но я убѣжденъ, что Матьянскій честный человѣкъ и не способенъ на низкій поступокъ.

— Пускай такъ, но мораль идетъ. Кто жъ ее послѣ этого возьметъ замужъ?

Какъ ни убѣждалъ меня молодой человѣкъ понудить влюбленнаго офицера не видѣться съ дѣвушкой, я наотрѣзъ отказался отъ такой миссіи, и Любочкинъ заявилъ, что пойдетъ жаловаться Вахѣеву.

Каждый день я проходилъ мимо оконъ хозяйскаго дома и всегда видѣлъ Сашу, сидѣвшую у окна, между цвѣтами, съ книгой въ рукахъ. Дѣйствительно ли она интересовалась чтеніемъ или это былъ предлогъ лишній разъ обмѣняться взглядомъ съ милымъ сердцу, трудно было сказать.

II.

Въ то время, когда происходила романическая исторія молодыхъ людей, остальные офицеры жили совсѣмъ не такъ. Тревожное время, переживаемое нами, клало на все свой отпечатокъ. Увѣренность, что война неминуема, выводила военный людъ изъ обычной колеи. Каждый день мы сходились въ дома, гдѣ роты помѣщались казарменнымъ порядкомъ, но никто не думалъ о занятіяхъ съ нижними чинами. Проболтавшись на дворѣ или просидѣвъ въ ротной канцеляріи, мы кончали свои фиктивные труды тѣмъ, что требовали отъ ротнаго котла пробную порцію, уписывали добрую миску и расходились по квартирамъ.

Да и могло ли итти на умъ дѣло, когда черезъ мѣсяцъ-другой мы должны были очутиться на театрѣ военныхъ дѣйствій? Вѣяніе войны вліяло не только на офицеровъ, но и на нижнихъ чиновъ. Формализмъ, такъ недавно считавшійся чѣмъ-то важнымъ, вдругъ потерялъ свое значеніе. Грозный призракъ боя все возвышалъ и все ставилъ въ новыя рамки.

Въ одно сѣренькое утро я, по обыкновенію, пошелъ въ роту на занятія. Взводы были выстроены, но никого еще изъ офицеровъ не было. Поздоровавшись, я обошелъ ряды, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и, дойдя до лѣваго фланга, остановился. На меня смотрѣли давно знакомые люди, но по выраженію лицъ это были словно не тѣ солдаты.

— Молодцами смотрите! — сказалъ я, возвыся голосъ.

— Рады стараться, ваше благородіе! — дружно грянули они въ отвѣтъ.

— Я слышалъ, ребята, что многіе изъ васъ стали продавать вещи. Не надо торопиться. По всему видно, что готовится война, но никому это вполнѣ неизвѣстно. Ждите.

— Такъ точно, ваше благородіе,—громко отвѣтилъ унтеръ-офицеръ Блиновъ.—Потомъ втридорога придется платить, да со многими не сообразишь, ладятъ одно: «съ собой не возьмешь».

Самое помѣщеніе, гдѣ располагалась рота, не отличалось обычною щеголеватостью. Словно это былъ не сборъ на тѣсныхъ квартирахъ, а какой-то этапъ.

Вскорѣ послѣ меня пришли Матьянскій и Лугавинъ.

— Господа, прошу васъ не манкировать, вы подаете дурной примѣръ. Служба—всегда служба.

Они взяли подъ козырекъ и молча выслушали замѣчаніе.

Всеволодъ Сергѣевичъ былъ свѣжъ, но по заспанному лицу, осовѣлымъ глазамъ и всклоченной бородѣ Лугавина не трудно было догадаться, какъ онъ провелъ ночь.

Когда ученье кончилось, я отвелъ Ивана Петровича въ сторону и сталъ пенять.

— Вѣрно, опять куролесили?

Онъ махнулъ рукой и негромко проговорилъ:

— Да. Въ шесть часовъ разошлись.

Батальонъ нашъ квартировалъ въ одномъ изъ большихъ уѣздныхъ городовъ. Въ немъ много было хорошихъ каменныхъ домовъ, двадцать церквей, словомъ—внѣшность самая приличная, но общественная жизнь отсутствовала. Несмотря на населеніе въ четырнадцать тысячъ, о театрѣ не было и помину. Наѣзжавшая труппа давала представленія въ трактирѣ, гдѣ большая комната обращалась въ зрительный залъ. Когда же городъ оставался безъ труппы, то въ этомъ сомнительной чистоты заведеніи распѣвали арфистки, привлекая городскихъ жуировъ и такой бездомный людъ, какимъ въ то время были офицеры.

И что только тамъ творилось! Въ большой комнатѣ съ эстрадой возсѣдалъ за столикомъ всякій сбродъ, а въ двухъ сосѣднихъ была публика «почище». Для увеселенія посѣтителей имѣлся хоръ, состоящій изъ шести дѣвицъ. Отъ этихъ «артистокъ» не требовалось голоса и умѣнья пѣть, а онѣ были не чѣмъ инымъ, какъ трактирной приманкой, привлекавшей желающихъ весело провести время. Всѣ проживавшіе въ городѣ и не знавшіе, куда дѣться отъ скуки, шли въ этотъ притонъ и рады были всему, что убивало томительно скучное время. Тамъ можно было встрѣтить офицеровъ, помѣщиковъ, купцовъ и даже «значительныхъ чиновниковъ» разныхъ вѣдомствъ.

Нѣкоторая разрозненность офицеровъ, существовавшая въ мирное время, въ такіе дни, какіе мы переживали, совершенно исчезаетъ. Каждому служащему непремѣнно хочется быть вмѣстѣ, чтобы слиться въ одно цѣлое. Только этимъ я и могу объяснить, что, не любя никогда разнузданности и безшабашности, я часто шелъ въ этотъ вертепъ, гдѣ Лугавинъ съ компаніей продѣлывали невообразимыя штуки.

На мой упрекъ Иванъ Петровичъ сдѣлалъ гримасу и неохотно проговорилъ:

— Эхъ, Михаилъ Петровичъ, не то время, чтобъ разсуждать. Надо жечь жизнь, пока можно, а какъ попадемъ подъ открытое небо, да будемъ класть голову вмѣсто подушки на кочку, такъ вотъ какими сдѣлаемся святошами. Приходите сегодня, тамъ двухъ новыхъ пѣвицъ выписали. Одна такъ поетъ, что хоть куда! Анной зовутъ, а мы ее прозвали Галькой. Цыганскія пѣсни раздѣлываетъ подъ орѣхъ. Глазами вскинетъ, а сама ножкой—любо!

Я поддался искушенію и обѣщалъ прійти.

Когда я очутился въ злачномъ мѣстѣ, большинство завсегдатаевъ было уже въ сборѣ. Изъ нихъ видныя роли играли: Мышниковъ, Ракетовъ, Баркинъ и Пимоничъ.

Ракетовъ высокаго роста, плечистый шатенъ, лѣтъ двадцати восьми, былъ холостъ, командовалъ ротой и славился въ полку, какъ отличный хозяинъ. У него заготовлялись такія соленья и маринады, что ему могла бы позавидовать каждая хозяйка. Другими способностями Богъ обдѣлилъ его, но за аккуратность и исполнительность онъ считался вполнѣ удовлетворительнымъ ротнымъ командиромъ.

Баркинъ былъ не глупъ. Нѣсколько выше средняго роста, съ длиннымъ лицомъ и маленькими бѣгающими глазками, онъ рѣдко былъ трезвъ, но ослабѣвалъ только къ вечеру, когда оканчивались занятія, и его не могли потребовать на службу. Нужно было удивляться, какъ выдерживали его силы. Про Ѳедора Александровича ходили курьезные разсказы. Разъ, будто бы, зайдя къ знакомому пивовару, они втроемъ отъ обѣда до шести часовъ утра выпили по двадцати семи бутылокъ пива на брата. Какъ въ такой сравнительно короткій срокъ организмъ могъ пропустить сквозь себя такое невѣроятное количество жидкости? Но это не было вымысломъ. Когда потомъ Баркина спросили, правда ли это, онъ удивился такому вопросу и съ усмѣшкой отвѣтилъ:

— Что-жъ въ этомъ диковиннаго?

У Пимонича, какъ говорятъ, были «не всѣ дома». При встрѣчѣ съ товарищемъ онъ способенъ былъ хохотать изъ пустяковъ на всю улицу и, привязавшись къ солдату, читать безконечныя нравоученія. Несъ онъ при этомъ такую чепуху, что слушающій отъ недоумѣнія таращилъ глаза. Но этого Дмитрій Савельевичъ не замѣчалъ и, уподобляясь голубю бомбенку, тараторилъ безъ конца. Обучая же слабаго по фронту новобранца, Пимоничъ такъ громко выкрикивалъ командныя слова, будто въ его распоряженіи былъ не одинъ несчастный солдатикъ, а по меньшей мѣрѣ батальонъ. А когда обучаемый маршировалъ, то Дмитрій Савельевичъ, находясь чуть ли не подлѣ самаго носа своей жертвы, пятясь задомъ, дѣлалъ лансарды и неистово считалъ:

— Разъ—два, разъ—два.

Въ дамское общество Пимонича не пускали. Разъ подлѣ него сѣла жена штабъ-офицера и такимъ образомъ преградила ему выходъ съ дивана. Не долго думая, онъ перешагнулъ ей черезъ колѣни, при чемъ сталъ заливаться неистовымъ смѣхомъ, приговаривая:

— Каковы мы гимнастеры? Ни крошечки не задѣлъ!

Когда же его заставили извиниться, онъ подбѣжалъ къ дамѣ и съ удивленіемъ спросилъ:

— Развѣ вы обидѣлись? Что же я сдѣлалъ дурного?

Среди такой компаніи какъ-то рѣзко выдѣлялся ротный командиръ Голумянцевъ. Не принимая никакого участія въ оргіи, которая уже разгоралась, Геннадій Владимировичъ сидѣлъ вдали, съ усмѣшкой посматривалъ на кутившихъ и на пѣвицъ, державшихъ себя крайне развязно.

Окинувъ взглядомъ это «скопище», я вошелъ въ комнату. Многіе поднялись съ мѣстъ и подошли поздороваться. Арфистки, не зная меня, не рѣшались высказывать мнѣ своей благосклонности, и я слышалъ, какъ одна сказала другой:

— Ну, этотъ пришелъ, только скуку наведетъ.

Желая не быть лишнимъ, я обратился къ дѣвушкѣ, недружелюбно отозвавшейся обо мнѣ, и сказалъ:

— А вотъ вы и ошиблись, я не за тѣмъ пришелъ, чтобъ принести съ собою скуку; давайте-ка я съ вами выпью.

Меня потащили къ столу, придвинули стулъ, и рюмки тотчасъ были налиты.

— Господа, ваше здоровье,—сказалъ я, чокаясь.—Вы знаете, я мало пью, но теперь является какая-то потребность отуманиваться.

Едва я проглотилъ налитую мнѣ рюмку, какъ услышалъ сбоку нѣжный голосъ:

— А можно васъ поцѣловать?

И очень красивая дѣвушка Галя чмокнула меня въ губы.

— Браво, Михаилъ Петровичъ, браво. Не даромъ въ походъ собираетесь. Заговляйтесь,—говорилъ Голумянцевъ иронически.

— Сказано хорошо!—придрался къ случаю Баркинъ.—Выпить, выпить! Непремѣнно выпить!

— Какъ онъ ловко все къ случаю подгоняетъ,—одобрялъ поручикъ Мустоцкій, одутловатая фигура, съ явными признаками поклоненія Бахусу..

Григорій Вадимовичъ былъ очень не глупый человѣкъ, но съ истинно-малороссійской неподвижностью. Не нуждайся онъ въ кускѣ хлѣба, онъ весь вѣкъ просидѣлъ бы въ Малороссіи, пожирая вареники и сало. По лѣности Мустоцкій не заводилъ никогда длиннаго разговора, а вмѣшивался въ чужіе, и то высказывая критическія сужденія въ родѣ: «аккуратно», «хлестко».

Баркинъ, желая оживить вечеръ, шепнулъ тремъ пѣвицамъ, чтобы онѣ аттаковали Голумянцева.

Тѣ обрадовались случаю пошалить и двинулись съ трехъ сторонъ на капитана.

Тотъ, завидя маневръ, вскочилъ съ мѣста и прижался къ углу.

— Не подходи, а то прическу испорчу!

Но арфистки ринулись на него. Послышался пискъ, крикъ и общій хохотъ.

На этотъ шумъ вошелъ содержатель хора звать пѣвицъ на эстраду.

Леговичъ, черненькій курчавый господинъ, очевидно изъ евреевъ, безъ милосердія эксплоатировалъ дѣвушекъ, попавшихся къ нему въ лапы. Подъ видомъ арфистокъ онъ развозилъ ихъ по городамъ, сквозь пальцы смотря на нравственность служащихъ у него, и этимъ наживалъ хорошія деньги. Въ строгомъ смыслѣ слова это было не что иное, какъ группа проститутокъ, прикрывавшихъ свое ремесло пѣніемъ. Передъ нами антрепренеръ лебезилъ, понимая, что если офицерство и не Богъ вѣсть что бросаетъ на ноты обходившей, то вниманіе военныхъ придаетъ его убогому хору хоть нѣкоторое значеніе.

Пока пѣвицы вывизгивали свои номера, робкой поступью вошелъ Матьянскій и, растягивая по обыкновенія слова, проговорилъ:

— Здравствуйте. Ну, что? Покучиваете?

— Господа, за здоровье Купидона! Ха-ха-ха!—гремѣлъ Лугавинъ.

— Аккуратно!—твердилъ свое Мустоцкій.

— Купидона, такъ Купидона, — одобрялъ Ракетовъ, наливая себѣ наливки.

— Ты что-жъ это все сладость тянешь?—возмущался Баркинъ.

— Водки не пью.

— Ему мамася заплетила.

— Правильно.

Воспользовавшись тѣмъ, что молодежь устроилась вокругъ стола, я обратился къ Голумянцеву.

— Попали мы съ вами въ компанію! Не только холостыхъ, но и женатыхъ нельзя узнать. Очевидно, война съ ея ужасами заранѣе кладетъ свою печать на всѣхъ.

— И что у васъ за скверная манера говорить высокимъ слогомъ и возноситься горѣ! Намъ это и по уставу не полагается. Наша жизнь должна проходить по установленной формѣ, въ узкихъ рамкахъ и въ опредѣленныхъ размѣрахъ. По-моему, если офицеръ много разсуждаетъ,—это не хорошо. Соображать онъ долженъ, это несомнѣнно, потому что искусство убивать людей какая ни на есть, а все-таки наука. Чтобы быть мастеромъ своего дѣла, надо развить въ себѣ смѣтливость, подробно изучить натуру подчиненнаго и усвоить военныя ухватки, называемыя тактикой. Вотъ

надъ этимъ надо призадумываться, потому дурни вездѣ прогораютъ, но пыхтѣть надъ ученою сушью, какъ это дѣлаете вы неизвѣстно для чего,—не одобряю.

Къ намъ неожиданно подошелъ молодой офицеръ Гурскій съ пэнснэ на носу и, остановившись, сказалъ:

— Не въ томъ дѣло, господа, не въ томъ дѣло. Закисли мы, вотъ что. Намъ нужна буря, чтобъ ураганъ пронесся надъ нашей мертвечиной и очистилъ воздухъ, а тамъ видно будетъ, что надо читать и чему учиться.

— Аккуратно!—прервалъ Гурскаго Мустоцкій.—Евгеній Андреевичъ у насъ вулканъ неоткрытый, и что будетъ на войнѣ, когда жерло откроется! Ни одному турку не уйти.

— Турокъ—туркомъ, а я больше думаю о турчанкахъ,—усмѣхнулся Баркинъ.

— Вѣрно, вѣрно!—шумѣлъ Пимоничъ.—«Гирей сидѣлъ, потупя взоръ»...

— Замолчите, ерундистъ!—обрѣзалъ его Гурскій.—Гирей и туркомъ-то никогда не былъ.

— А развѣ не все равно, кого бить, турка или другого чумазаго? Ха-ха-ха!

Въ это время хоръ окончилъ отдѣленіе, пѣвицы сбѣжали съ эстрады и шумно подходили къ столу.

— Фу, какъ устала! Даже запыхалась,—говорила Анжелика, присаживаясь къ столу.—Дайте чѣмъ нибудь горло промочить.

— И мнѣ... и мнѣ...—говорили другія.

Появились бутылки съ пивомъ.

— Вотъ бы, господа, кого опредѣлить въ сестры милосердія, да забрать съ собой! Тогда бы ужъ про нихъ нельзя было сказать, что у нихъ нѣтъ креста на шеѣ,—острилъ Лугавинъ.

— У васъ есть!—огрызнулась Ольга.—Сами въ душѣ не лучше насъ. Я небось каждое воскресенье къ обѣднѣ хожу.

— Аккуратно!—одобрялъ Мустоцкій, уже порядочно подвыпившій.

Чтобы не быть такимъ посѣтителемъ, на которыхъ рестораторы косятся, я заказалъ ужинъ и пригласилъ Матьянскаго, отбивавшагося отъ любезностей арфистокъ.

— Да это и впрямь Купидонъ!—шутилъ Баркинъ.—Гдѣ появится, тамъ на него и глазѣютъ. А какой въ немъ вкусъ? Онъ и на мужчину-то не похожъ.

При послѣднихъ словахъ въ комнату всыпала компанія подгулявшихъ купчиковъ. Среди нихъ особенно выдѣлялся Засудкинъ, некрасивый мужчина, лѣтъ тридцати пяти, съ краснымъ лицомъ и жидкой бородкой.

— Миръ вамъ и мы къ вамъ,—голосилъ онъ входя.—Просимъ любить и жаловать, а мы къ господамъ офицерамъ съ полнымъ почтеніемъ. Имѣемъ честь...

Всѣ молча смотрѣли на вошедшихъ, не отвѣчая на привѣтствіе. Засудкинъ озирался.

— Что же, можетъ быть, наше общество вамъ не по вкусу? Такъ мы и удалимся. А между прочимъ вы нами не брезгуйте. Мы завсегда къ военнымъ людямъ съ расположеніемъ, такъ какъ они наши защитники отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Такъ, стало быть, въ законѣ прописано. Каково, мы все знаемъ, хе-хе! Пронзительно!

Никто не перебивалъ его, только Голумянцевъ иронически замѣтилъ:

— Вы, кажется, тоже воинъ, только безъ оружія въ рукахъ.

— Вы думаете? Очень даже отдаленно ошиблись. Будетъ сейчасъ и оружіе. Тогда посмотримъ, кто устоитъ супротивъ насъ. Люди! Человѣки! Челядь быстроногая, тащи двѣ дюжины шампанскаго, чтобы и намъ, стало быть, нашихъ воиновъ-благодѣтелей чествовать.

Слово «дюжина» всегда производитъ магическое дѣйствіе, и никто изъ насъ не протестовалъ противъ такой команды.

Исторія Засудкина самая заурядная. Какъ сынъ грубаго, необразованнаго и скупого торговца льномъ, Матвѣй Евсеевичъ съ съ дѣтства переносилъ брань, побои, и его держали въ черномъ тѣлѣ. Даже женивъ сына, Евсей Евдокимовичъ не отдѣлилъ его, а поселилъ въ мезонинѣ и выдавалъ очень скудное содержаніе. Послѣ смерти отца Засудкинъ опьянѣлъ отъ чувства свободы и повелъ образъ жизни, свойственный некультурнымъ богачамъ. Кутежи, непомѣрные расходы и полное забвеніе семейныхъ обязанностей, даже всякихъ приличій—вотъ что наполняло жизнь этого неудачника-сумасброда.

Когда было подано шампанское, онъ еще болѣе разошелся.

— Господа воины!—возглашалъ онъ, поднявъ бокалъ.—Защитнички наши, желаемъ еройскихъ подвиговъ и одолѣнія врага! Ура!

«Ура» не было поддержано, но всѣ чокнулись съ тароватымъ купцомъ. Такія потчеванія часто носятъ на себѣ что-то принижающее, но у Засудкина оно выходило просто и искренно, такъ что даже строптивый Голумянцевъ отнесся къ угощенію добродушно и, потрепавъ по плечу Матвѣя Евсеевича, замѣтилъ:

— Вы хоть и безобразникъ, а славный малый.

— Истинно нараспашку! Что отъ Господа дано мнѣ, то и есть. А что я на войну пріѣду къ вамъ, не сумлѣвайтесь. И такого-то мы тамъ угара наберемся, страсть!

Пѣвицы, очевидно, по опыту зная, что гораздо благоразумнѣе держаться поодаль отъ Засудкина, не подходили къ нему, а парочками сидѣли съ офицерами. Это задѣло Матвѣя Евсеевича, и онъ не выдержалъ:

— Эй, вы, горластая команда, чего тамъ попрятались? Подходи промочить ротъ, а не то я и приволоку.

Однако никто не трогался съ мѣста. Понявъ, что «птички» подъ защитой офицеровъ, купецъ осѣлся и только зыкнулъ.

— Ладно-жъ, погоди у меня, неблагодарныя! Я тебя изъ Ѳедосьи произвелъ въ Анжелики, а ты не чувствуешь моей милости, такъ возведу въ Хавроньи.

Шампанское подносилось и подносилось, пока никто уже не хотѣлъ пить его. Закончивъ пиръ коньякомъ, пьяная компанія разошлась по домамъ.

Такъ офицерство коротало скучно тянувшееся время. Если компанія не собиралась въ трактирѣ, то всѣ шли къ кому нибудь изъ ротныхъ командировъ и тамъ бились до поздней ночи въ карты. Нормальная жизнь была нарушена, и то, что прежде увлекало, занимало и наполняло жизнь, не шло на умъ. Мы желали одного, чтобъ неопредѣленное положеніе скорѣе кончилось. Бездомничанье и бивуачная жизнь, которую мы вели, становились тягостнѣе и тягостнѣе. Почту, приходившую изъ полкового штаба, ждали съ нетерпѣніемъ, но, увы, приходили незначительныя распоряженія, а о желанномъ походѣ не было ни слуха, ни духа.

Особенно больно было смотрѣть на семейныхъ офицеровъ. Они держали вещи уложенными, довольствуясь только необходимымъ.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. На поляхъ Сербіи, въ горахъ Босніи и Герцеговины попрежнему лилась кровь, а мы только издали прислушивались къ грому орудій и съ жадностью хватали газеты, въ которыхъ читали о геройскихъ подвигахъ славянъ и нашихъ добровольцевъ.

Наконецъ желанный часъ пробилъ. Позднимъ вечеромъ пришло распоряженіе о немедленномъ выступленіи въ полковой штабъ.

Рано утромъ я пошелъ въ казармы сдѣлать нужныя распоряженія. Еще издали доносился до меня страшный гулъ голосовъ. У воротъ стояли какіе-то люди и держали въ рукахъ вещи; во дворѣ же въ буквальномъ смыслѣ былъ рынокъ.

— Это что за безобразіе?—обратился я къ фельдфебелю, встрѣтившему меня.

— Солдатики вещи продаютъ, потому разрѣшено брать съ собой только то, что уложится въ ранецъ. Вотъ они и сбываютъ лишнее.

По командѣ «смирно!» на дворѣ водворилась полная тишина, и покупатели отошли къ сторонѣ. Положеніе роты было дѣйствительно неутѣшительно. То, что скапливалось и пріобрѣталось солдатами нѣсколько лѣтъ и покупалось за настоящую цѣну, приходилось отдавать за гроши. Одинъ тащилъ сапоги, другой подушку, третій ситцевое одѣяло. Всякій стремился отдѣлаться отъ обузы и пріобрѣсти на черный день хоть маленькую сумму. Правда, было распоряженіе, что нижніе чины могутъ сдать лишнія вещи въ складъ, остающійся подъ карауломъ. Но для идущаго на войну недоступны

практическія соображенія. Сколько продлится боевая жизнь съ болѣзнями и стычками съ непріятелемъ, никто не зналъ. Наконецъ полкъ могъ уйти въ другую мѣстность. На этихъ соображеніяхъ никто не разсчитывалъ на будущее и думалъ только о настоящемъ.

Часамъ къ десяти дворъ опустѣлъ, и пошли приготовленія къ выступленію. Предвидя, что никакая сила въ этотъ моментъ не въ состояніи удержать солдатъ отъ разныхъ прощаній, сопровождающихся выпивкой, я все-таки строго приказалъ слѣдить за тѣми, кто былъ на худомъ счету. Дѣлалъ это я для успокоенія совѣсти, зная заранѣе, что увижу многихъ пьяненькими.

Зайдя на квартиру, чтобъ распорядиться, я засталъ Клеменчука въ большихъ хлопотахъ. Онъ укладывалъ сундукъ, чемоданъ и посуду.

— Я все-таки, ваше благородіе, обѣдъ зварилъ. Шти сдѣлалъ и курицу зажарилъ.

Чтобъ соблюсти долгъ вѣжливости, я собрался зайти къ семейнымъ офицерамъ и побывать у нѣкоторыхъ горожанъ, какъ вдругъ ко мнѣ явился вѣстовой отъ батальоннаго командира Вахѣева съ запиской, въ которой онъ требовалъ меня къ себѣ.

Едва я переступилъ порогъ квартиры, какъ Григорій Порфирьевичъ накинулся на меня:

— Что у васъ въ ротѣ дѣлается? Это безобразіе!

Думая, что командиръ распекаетъ меня за базаръ, устроенный солдатами, я хотѣлъ оправдаться. Но Вахѣевъ не далъ мнѣ сказать слова и еще громче продолжалъ:

— Ко мнѣ являлся купецъ Любочкинъ съ жалобой на то, что вашъ Матьянскій свелъ интригу съ его дочерью.

У меня немного отлегло отъ сердца.

— Господинъ полковникъ, частная жизнь офицера не подлежитъ моему контролю.

— Очень ошибаетесь. Безнравственные поступки порочатъ честь мундира, и ваша прямая обязанность объяснить ему это.

— Что же я долженъ дѣлать?

— Вы сами хорошо понимаете, какъ надо поступать въ такихъ случаяхъ.

Зная, что Вахѣевъ не любитъ возраженій, я стоялъ молча и смотрѣлъ на него.

Онъ нѣсколько успокоился и мягче заговорилъ:

— Согласитесь сами, Михаилъ Петровичъ, что это не благовидно.

— Вполнѣ согласенъ, но съ насъ, ротныхъ командировъ, требуютъ совершенно невозможнаго.

Дѣйствительно, ротный командиръ это козелъ отпущенія. Все, что случается непріятнаго въ ротѣ, лежитъ на его отвѣтственности. Напился ли солдатъ пьянъ, совершилъ ли онъ побѣгъ, кражу,

убійство, или нарушена дисциплина,—за все въ отвѣтѣ ротный командиръ. Ему не только дѣлаютъ выговоры, замѣчанія, но подвергаютъ аресту и удаляютъ отъ командованія частью. Нужно быть вездѣсущимъ и всевѣдущимъ, чтобъ ограждать себя отъ всякой напасти. Ни къ кому не подходитъ такъ изреченіе: «безъ вины виноватъ», какъ къ ротному командиру. Поэтому нижніе чины, зная, кто будетъ отвѣчать за ихъ проступокъ, тщательно берегутъ хорошаго начальника и всегда во время, домашнимъ способомъ предотвратятъ бѣду. Такая тѣсная связь не есть доказательство, что надзоръ за солдатами слабъ, и что имъ дѣлаются всевозможныя послабленія. Любовь пріобрѣтается не мирволеньемъ и заискиваньемъ, а добросовѣстностью, знаніемъ службы, строгостью и вмѣстѣ съ тѣмъ сердечностью.

Относительно офицера положеніе ротнаго командира еще тяжелѣе. Онъ хотя и начальникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и товарищъ, стало быть, вмѣшиваться въ сердечныя дѣла въ высшей степени щекотливо. Но отъ меня требовали вмѣшательства, и я немедленно послалъ за Всеволодомъ Сергѣевичемъ.

Едва онъ вошелъ въ мою квартиру, какъ я увидѣлъ по его лицу, что онъ попалъ въ передрягу.

— Что, голубчикъ, впутались въ исторію?—спросилъ я его.

Онъ махнулъ рукой и отвернулся.

— Разсказывайте, что такое произошло. Это мнѣ необходимо не потому только, что я расположенъ къ вамъ.

Матьянскій засмѣялся и пренебрежительно замѣтилъ:

— А-а, понимаю. Вѣрно, ходили жаловаться. Я этого ожидалъ.

— Разскажите мнѣ все откровенно.

— Извольте. Вы знаете офицерскую манеру искать у женщинъ успѣха. Отъ томительной скуки я тоже не устоялъ и началъ ухаживать. Но, когда я поговорилъ съ Любочкиной, мнѣ стало совѣстно. Эта купеческая дочка оказалась по чистотѣ своей души настолько выше насъ, что я смутился, и между нами скоро установились такія отношенія, какія бываютъ между самыми искренними друзьями. Конечно, съ ея стороны нужно было имѣть много героизма, чтобъ выносить отцовскую брань и не избѣгать меня. Но Александра Даниловна геройски выдержала все и въ концѣ концовъ объявила, что не хочетъ болѣе оставаться дома и идетъ въ сестры милосердія. Вотъ это-то рѣшеніе и подняло въ домѣ бурю. Данила Степановичъ бросился къ Вахѣеву съ жалобой на меня, какъ на главнаго виновника непослушанія дочери.

— Да, онъ такъ и смотритъ на васъ.

— Ну, и пускай! Мнѣ все равно. Въ отставку не выгонятъ — теперь офицеры нужны. Что касается Александры Даниловны, то я первый противъ того, чтобъ она шла въ сестры милосердія.

— Значитъ, вы ничего не имѣете противъ того, чтобъ я пошелъ къ ней поговорить?

— Сдѣлайте милость. Если вы повліяте на нее, буду считать себя обязаннымъ вамъ.

Получивъ такой отвѣтъ, я рѣшилъ немедленно заѣхать на нѣсколько минутъ къ Любочкинымъ и переговорить съ Сашей.

Въ то время войска въ рѣдкихъ случаяхъ перевозились по желѣзнымъ дорогамъ, а по большей части походы совершались пѣшкомъ. Нашъ баталіонъ, расквартированный въ шестидесяти верстахъ отъ полкового штаба, могъ проѣхать весь путь въ два часа, но по маршруту намъ приходилось двигаться трое сутокъ.

Выступленіе назначено было въ два часа пополудни, но мы никакъ не могли въ точности исполнить приказанія, такъ какъ, несмотря на строгость, многіе нижніе чины, отпросившись на короткое время, опоздали и явились подъ хмелькомъ.

Я воспользовался задержкой и отправился къ Любочкинымъ.

Въ прихожей встрѣтилъ меня самъ Данила Степановичъ.

— Съ чѣмъ пожаловали?—грубымъ тономъ началъ хозяинъ.

— Вы обращались съ жалобой къ баталіонному командиру?

— Обращался. А въ случаѣ чего и до высшаго начальства дойдемъ.

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Я потому пріѣхалъ къ вамъ, что принимаю въ васъ участіе.

— Да какъ же, помилуйте! Мы живемъ, какъ слѣдуетъ, никто отъ насъ обиды не видитъ, а съ офицерской стороны намъ одинъ конфузъ. Послѣ всякихъ хожденій и гуляній на какой счетъ можетъ попасть дѣвица? Кто ее возьметъ замужъ? Развѣ какой нибудь завалящій приказчикъ. Такъ и этого мало. «Хочу, говоритъ, итти въ сестры милосердія». Стало быть, чтобъ поплестись за бариномъ. А люди могутъ подумать, что она сбѣжала отъ нашихъ побоевъ. На такое мытарство, какъ за больными солдатами приглядывать да въ крови пачкаться, можно пойти отъ лихой жизни или отъ какихъ другихъ неудовольствій. При такой красотѣ да будь у нея умъ, никакой первогильдейскій женихъ не побрезговалъ бы ею. Что-жъ теперича я долженъ понимать и про себя чувствовать? Угодить въ омутъ головой...

Видя, что такому разглагольствованію не будетъ конца, я оборвалъ рѣчь.

— Позвольте мнѣ повидаться съ вашей дочерью. Можетъ быть, мои убѣжденія подѣйствуютъ лучше, чѣмъ ваши угрозы, и она образумится.

— Да вы взаправду говорите?

— Да, я хочу убѣдить ее не дѣлать неосторожнаго шага.

— Для этого случая мы вполнѣ готовы предоставить вамъ разговоръ съ ней.

Онъ вышелъ и вскорѣ возвратился вмѣстѣ съ дочерью. Она была блѣдна и съ заплаканными глазами.

Я протянулъ ей руку и пожалъ ея маленькіе, нѣсколько влажные пальчики.

— Вотъ господинъ капитанъ пріѣхалъ поучить тебя уму-разуму. Изволь же слушаться ихъ и благодарить. Не угодно ли присѣсть на диванъ.

Саша помѣстилась на указанное мѣсто, а я, придвинувъ кресло, сѣлъ подлѣ нея и обратился къ Любочкину.

— Будьте любезны, позвольте мнѣ поговорить съ вашей дочерью безъ васъ.

— Почему такъ? Я вѣдь отецъ,—окрысился сначала Данила Степановичъ, но быстро спохватился.—А впрочемъ, если вамъ угодно, я уйду.

Оставшись со мной наединѣ, Саша подперла голову рукой и, не поднимая глазъ, сидѣла молча.

— Александра Даниловна, извините, что я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла, но вѣрьте, я желаю вамъ блага.

— Всеволодъ Сергѣевичъ знаетъ, что вы поѣхали сюда?

— Иначе я не рѣшился бы безпокоить васъ.

— Онъ тоже настаивалъ, чтобъ я бросила свою мысль, но, Боже мой, что мнѣ дѣлать? Если-бъ вы знали, какъ тяжело мнѣ жить! Я говорю съ вами откровенно потому, что васъ любитъ и вамъ довѣряетъ Всеволодъ Сергѣевичъ.

Я сдѣлалъ движеніе головой къ двери, желая этимъ предупредить, что насъ, вѣроятно, слушаютъ.

— Я увѣрена въ этомъ,—отвѣтила она улыбнувшись и продолжала нѣсколько тише:—всякому тягостно жить такъ, какъ я живу, но послѣ того, чего я наслушалась у моей учительницы Елизаветы Ивановны, гдѣ я видѣла настоящихъ людей, мнѣ стало здѣсь невыносимо. Чего только тамъ ни говорили! Какой теплотой вѣяло отъ каждаго ихъ слова, и на душѣ становилось свѣтлѣе. Они мечтали объ общей любви, снисхожденіи и братской помощи. А что думаютъ у насъ? Одна забота взять съ кого сколько можно, лишь бы нажиться, а остального не существуетъ. Не могу я дальше такъ жить, не могу. Пусть истязаютъ меня, убиваютъ, но я вырвусь отсюда. Всеволодъ Сергѣевичъ сказалъ, что любитъ меня, и что наша жизнь навсегда связана.

На ея нѣжномъ личикѣ заигралъ румянецъ, и въ выраженіи лица появилось страшное возбужденіе. Передо мной было не хрупкое существо, кисейная дѣвушка, а человѣкъ, у котораго энергія била ключемъ.

— Александра Даниловна, вы увлечены...—началъ я также негромко.—Къ чему можетъ привести васъ ваша поспѣшность, съ какою вы хотите уйти изъ дома? Во-первыхъ, вы несовершенно-

лѣтняя, и вамъ могутъ не выдать вида, безъ котораго васъ никуда не примутъ и нигдѣ не станутъ держать, а, какъ бѣглянку, препроводятъ къ отцу. Но этого мало. Вашъ порывъ можетъ очень повредить Матьянскому; его сочтутъ соблазнившимъ васъ, и его репутація будетъ подорвана навсегда.

— Но мы любимъ другъ друга.

— Вѣрю, но въ виду войны ни одному офицеру жениться не позволятъ. На что же вы идете? Ухаживать за больными и ранеными? Посмотрите-ка на себя въ зеркало; гдѣ вамъ переносить непосильные труды, холодъ, слякоть и нерѣдко валяться вмѣсто постели на голомъ полу? Ваша затѣя окончится смертью, а этимъ вы принесете много горя, какъ вашему семейству, такъ и жениху. Откажитесь отъ вашего намѣренія и ждите. Когда затихнетъ громъ орудій, Богъ дастъ, мы вернемся сюда обратно, и если я останусь въ живыхъ, буду держать въ церкви надъ вами вѣнецъ.

Она смотрѣла на меня, не спуская глазъ, и лицо ея выражало страшную душевную боль. Потерявъ силы сдерживаться, Саша горько заплакала и опустила голову на столъ. Я ждалъ, когда затихнетъ этотъ приливъ горя. Наконецъ она успокоилась, протянула мнѣ руку и шепотомъ проговорила:

— Благодарю васъ. Я не хочу вредить Всеволоду Сергѣевичу и не допущу, чтобъ люди дурно отзывались о немъ. Я останусь и буду ждать. Поклонитесь ему и скажите, чтобъ онъ хоть письмами не забывалъ той, чья душа принадлежитъ ему.

Мнѣ очень хотѣлось поцѣловать эту маленькую ручку, но я воздержался и, откланявшись, пошелъ въ прихожую. Тамъ догналъ меня Данила Степановичъ.

— Батюшка, вотъ ужъ истинно одолжили своимъ пріѣздомъ,— съ волненіемъ говорилъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку.—Того, что она вамъ сейчасъ сказала, я никогда не слыхалъ отъ нея. Теперь у меня отлегло отъ сердца. По крайности я знаю, что промежъ ихъ есть, и пущай баринъ пріѣзжаетъ,—во какую свадьбу сыграемъ и насчетъ приданаго не постою. Даже Богу стану молиться, чтобъ Господь помиловалъ его отъ вражьихъ пуль.

То, чѣмъ окончился мой визитъ, такъ растрогало меня, что я обнялъ Любочкина и, пожелавъ всего наилучшаго, поѣхалъ туда, гдѣ стояла выстроенная рота.

III.

Батальонъ долженъ былъ тронуться въ третьемъ часу и при томъ не отдѣльными частями, а полностью, и мы свели роты къ заставѣ, откуда назначено было выступленіе.

Зимніе походы очень непріятны, особенно когда дорога оледѣнѣетъ, и дуетъ свѣжій вѣтеръ, что именно и было съ нами. Сол-

датскія ноги скользили, усы и борода покрывались инеемъ, и встрѣчный вѣтеръ рѣзалъ лицо. Къ тому же большинство солдатъ исправно справили проводы, а послѣ хорошей выпивки ноги плохо слушаются.

При выступленіи свѣтила луна, но потомъ небо заволокло тучами, и установился сѣренькій, непріятный вечеръ, съ морозомъ градусовъ въ семь.

По узкой, зимней дорогѣ, растянувшись на довольно значительное пространство, въ глубокомъ молчаніи шли сотни людей, постукивая и поскрипывая остывшими сапогами. Пройдя версты четыре, люди пожелали имѣть привалъ, но командующій батальономъ, узнавъ, что въ селеніи есть кабакъ, побоялся задержаться, и мы оба безъ отдыха прошли восемь верстъ.

Отдохнувъ въ хатахъ, батальонъ тронулся далѣе и въ одиннадцатомъ часу прибылъ на ночлегъ. У околицы насъ встрѣтили квартирьеры, но деревня уже спала. Солдатики потащились группами къ избамъ, на которыхъ поставлены были кресты. Вскорѣ послышалось, какъ квартиранты, желая вызвать хозяевъ, стали колотить палками въ ворота.

— Эй, вы, чего дрыхаете, отпирайте! Али не сказано, что постой будетъ?—раздавались голоса.

Для офицеровъ также отведены были избы, и я помѣстился съ Лугавинымъ и Матьянскимъ. Хотя хата была и изъ лучшихъ въ деревнѣ, но все-таки она не отличалась опрятностью. Воздухъ былъ невыносимъ. Однако мы замѣтили это только въ первый моментъ, а потомъ принюхались и, исправно поужинавъ тѣмъ, что было съ собой, улеглись на импровизированныхъ логовищахъ и скоро заснули мертвымъ сномъ.

Утромъ въ девять часовъ баталіонъ снова тронулся далѣе и, переночевавъ въ пути еще разъ, прибылъ въ полковой штабъ.

Тамъ шла страшная суматоха. Ротамъ назначены были для стоянки пригородныя деревушки, и мы немедлено отправились туда. Этотъ порядокъ размѣщенія былъ крайне неудобенъ, какъ для хозяевъ, такъ и для нижнихъ чиновъ. Въ маленькое селеніе ставили роту, доходившую, съ прибытіемъ запасныхъ, численностью до двухъ сотъ двадцати человѣкъ. Такую массу размѣщали въ двадцати дворахъ, гдѣ нерѣдко бывали телята и свиньи. За отсутствіемъ одѣялъ и подушекъ солдатики валялись на соломѣ, закутавшись въ шинель и подложивъ подъ голову ранецъ. Даже сапоги на ночь рѣдко кто снималъ, такъ какъ ни въ одной хатѣ не было половъ, изъ которыхъ бы не дуло.

Начался сборъ нижнихъ чиновъ. Пополненіе роты прибывшими изъ запаса сопровождалось ужаснѣйшей суетой и безпокойствомъ. Нужно было пригнать мундиры, одежду, шинели, сапоги, шапки, раздать амуницію и ружья. Но это было ничто въ сравненіи съ

трудностью установить въ ротѣ внутренній порядокъ. Кадръ состоялъ изъ молодежи, а вступившіе въ ряды были люди въ возростѣ. Притомъ очень многіе носили не только унтеръ-офицерскія, но и фельдфебельскія нашивки. Какъ такихъ служакъ заставлять подчиняться почти юношѣ? Предвидя это, я собралъ взводныхъ и объяснилъ, какъ они должны держать себя съ новыми подчиненными. Вмѣстѣ съ этимъ указалъ и прибывшимъ на ихъ обязанности и дисциплину.

На словахъ это вышло очень хорошо. Всѣ гаркнули:

— Слушаемъ, ваше благородіе.

Но на дѣлѣ скоро обнаружилось, что не такъ-то легко справляться съ людьми, отставшими отъ военной службы. Приходилось подумать, что дѣлать для урегулированія отношеній и разрѣшенія щекотливаго вопроса, какъ безъ особенной строгости сгладить всѣ шероховатости и установить полное согласіе. Случай къ этому скоро представился.

Черезъ день послѣ прибытія запасныхъ вечеромъ явился ко мнѣ съ обычнымъ рапортомъ фельдфебель. Доложивъ о благополучіи, Ефремовъ вдругъ съ волненіемъ проговорилъ:

— Осмѣлюсь просить, ваше благородіе, смѣстить меня съ должности.

— Молчать! — прикрикнулъ я на него. — Солдатъ не смѣетъ разсуждать и долженъ дѣлать то, что ему прикажутъ и укажутъ.

Ефремовъ спохватился и, вытянувъ руки по швамъ, замеръ. Но по волненію, которое не покидало его, можно было догадаться, что съ нимъ произошло что нибудь очень непріятное. Зная Ефремова за отличнаго солдата, я въ душѣ извинилъ ему неосторожную вспышку и ласково спросилъ:

— Объясни мнѣ, въ чемъ дѣло?

— Сейчасъ на перекличкѣ нѣкоторые не стояли смирно, а разговаривали. Я, значитъ, и прикрикнулъ на нихъ. На это фельдфебель, изъ прибывшихъ, Акимовъ, засмѣялся и въ полголоса произнесъ: «туда же горло распускаетъ». Этого я не могъ стерпѣть и, подошедши, замѣтилъ: «а вамъ стыдно вести себя такъ». Тутъ Акимовъ и возразилъ: «я и безъ тебя знаю, что стыдно, что нѣтъ». Послѣ такого отвѣта какъ же мнѣ подойти къ ротѣ?

Разговоръ изъ фронта считается нарушеніемъ дисциплины, то есть даже не проступкомъ, а преступленіемъ, караемымъ приговоромъ окружного суда. Въ другомъ случаѣ я не задумался и немедленно препроводилъ бы виновнаго въ штабъ полка, но въ данномъ случаѣ я могъ сразу повредить сущности дѣла и рѣшилъ не выносить сора изъ избы. Подумавъ немного, я объявилъ фельдфебелю:

— Завтра я распоряжусь. Можешь итти.

Оставшись одинъ, я долго соображалъ и наконецъ составилъ планъ дѣйствій.

На утро, когда рота была выстроена и по особому распоряженію, встрѣтивъ меня, взяла «на караулъ», я не поздоровавшись началъ обходъ, дѣлая замѣчанія чуть не каждому, стоящему въ строю. Такимъ образомъ этотъ обходъ длился не менѣе десяти минутъ, и у державшихъ ружья затекли руки. За каждую оплошность я накидывался, какъ звѣрь, и виновнаго разносилъ вдребезги. Рота, хорошо знавшая меня за гуманнаго начальника и не видавшая до тѣхъ поръ ничего подобнаго, недоумѣвала, въ чемъ дѣло. Только тѣ, кто былъ посмѣтливѣе, очевидно, догадывались, что моя строгость вызвана поступкомъ Акимова.

Когда обходъ окончился, и ротѣ скомандовано было «на плечо», я, не давъ оправиться, громко вызвалъ:

— Фельдфебель Акимовъ.

Акимовъ вышелъ блѣдный; голова его слегка тряслась. Не проговоривъ ни слова, я смотрѣлъ на него съ минуту, не спуская глазъ. Эта пауза, повидимому, виновному казалось вѣчностью. Наконецъ я приступилъ къ объясненію.

— Кто ты такой?

— Фельдфебель Акимовъ, ваше благородіе.

— Фельдфебель? Удивляюсь. Что почувствовалъ бы твой бывшій ротный командиръ, еслибъ узналъ, какого недостойнаго солдата онъ возвелъ въ такое почетное званіе. Ты долженъ быть образцовымъ служакой, примѣромъ для всѣхъ, а мнѣ приходится вытаскивать тебя изъ фронта, какъ новобранца, и громить передъ цѣлой ротой. Всякій изъ васъ долженъ помнить, что здѣсь нѣтъ ни старыхъ, ни молодыхъ, а есть царская служба и присяга, которую вы должны свято исполнять и безпрекословно слушаться того, кто поставленъ командовать, а ты вчера осмѣлился оказать фельдфебелю не только непочтеніе, а даже неповиновеніе.

— Виноватъ, ваше благородіе, грѣхъ попуталъ. Никогда такого не увидите отъ меня, честно буду служить. Простите.

Сказано это было такимъ искреннимъ и возбужденнымъ тономъ, что на всю роту произвело впечатлѣніе, и я замѣтилъ, какъ нѣкоторые глубоко вздохнули. Оставалось воспользоваться моментомъ и сразу дать отношенію къ службѣ должный тонъ.

— Ты просишь прощенія такъ, какъ это дѣлаетъ только самолюбивый человѣкъ, и мнѣ жаль карать тебя. Я не хочу, чтобъ ты, одинъ изъ заслуженныхъ воиновъ, уважаемый, вернулся домой не тѣмъ, кѣмъ ушелъ съ родины, а опороченнымъ. Я беру на совѣсть то, что ты сдѣлалъ, и увѣренъ, что мнѣ не придется раскаиваться въ своей снисходительности, а ты докажешь, что у тебя подъ сѣрой шинелью бьется въ груди сердце честнаго и храбраго русскаго солдата.

Горячо окончивъ свою маленькую рѣчь, я обратился къ фронту:

— Ребята, ради такой молодецкой роты, я прощаю его.

— Рады стараться, ваше благородіе!—гаркнули эти двѣсти человѣкъ, какъ одна душа. — Покорнѣйше благодаримъ за милость.

У Акимова блестѣли слезы въ глазахъ. Я потрепалъ его по плечу и, отпуская, сказалъ:

— Иди, старайся, и все будетъ забыто.

Съ тѣхъ поръ Акимовъ сталъ примѣрнымъ служакой, и вскорѣ я назначилъ его взводнымъ. Душевное отношеніе оказалось болѣе сильнымъ средствомъ, чѣмъ сухая форма, такъ часто безплодно губящая людей.

Начались фронтовыя занятія и упражненія въ стрѣльбѣ. Это было необходимо, такъ какъ многіе изъ прибывшихъ давно не стояли въ строю и не держали въ рукахъ ружья.

Только вечера принадлежали намъ. Окончивъ дневные труды, мы собирались въ городъ и до глубокой ночи просиживали въ офицерскомъ собраніи. Тамъ было необыкновенное оживленіе. Около буфета слышался лязгъ рюмокъ и раздавались восторженные возгласы. Во всемъ сказывался подъемъ духа.

Военное собраніе, куда днемъ обыкновенно мало сходилось офицеровъ, теперь обратилось въ излюбленное мѣсто, гдѣ съ одиннадцати часовъ раздавались голоса, лязгала посуда, и въ буфетѣ толпилась масса охотниковъ начерно перекусить. Первое время слышались воинственныя рѣчи и высказывались предположенія о томъ, что будетъ, но скоро всѣ притупились и только сыпались разсужденія по поводу газетныхъ сообщеній, а затѣмъ карты и карты, и только къ поздней ночи хозяйская лошаденка, гдѣ квартировалъ офицеръ, отвозила его домой.

Согласно расписанію, мы должны были черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія мобилизаціи выступить на западную границу, но оказалось, что этого сдѣлать нельзя. Что-то было не дослано, и въ обозѣ чего-то не хватало. Однако оттяжка была непродолжительна, и намъ объявили день выступленія.

Обыкновенно полку, долго стоявшему на одномъ мѣстѣ, жители устроиваютъ прощальный обѣдъ и напутствуютъ иконой, но мы были не такъ счастливы. Во-первыхъ, обыватели отличались крайней притязательностью и не походили гостепріимствомъ на настоящихъ русскихъ людей, но главнымъ препятствіемъ являлось то, что городской голова числился по старой вѣрѣ. Такимъ образомъ намъ приходилось выступать, не видя прощальнаго привѣта.

Въ назначенный день полкъ согласно приказу сошелся на городскую площадь для напутственнаго молебствія. Священникъ, окропя знамена, обошелъ по фронту со святой водой. На другой день назначена была посадка, и нашъ баталіонъ, шедшій первымъ эшелономъ, отправился на вокзалъ желѣзной дороги. Туда сошлись общіе знакомые, выпито было по бокалу шампанскаго, и началось усаживанье нижнихъ чиновъ, которыхъ проводить пришло не-

смѣтное количество бабъ. Тутъ были солдатскія жены и предметы обожанія, которыхъ на деревенскихъ стоянкахъ всегда оказывалось огромное количество.

Странное впечатлѣніе производитъ воинскій поѣздъ. Эта масса вооруженныхъ людей, посаженная въ вагоны, представляетъ собой грозную силу, стремительно мчащуюся. Этотъ быстрый ходъ наводитъ на размышленія о будущихъ разрушеніяхъ и кровавыхъ схваткахъ, отъ которыхъ, можетъ быть, немного останется изъ тѣхъ, кто мчится на поле битвы.

Офицерство, размѣстившееся въ вагонѣ второго класса, сразу почувствовало себя, какъ дома. Вытащены были плетеныя корзинки съ разными яствами и питіями, и пошла общая трапеза, а затѣмъ кто усѣлся играть въ карты, а кто отправился на боковую.

Составъ баталіона тотъ же, и размѣстились офицеры такъ, чтобъ быть поближе къ тому, кто пріятнѣе. Рядомъ со мной сѣлъ Матьянскій; Лугавинъ же пристроился къ другой компаніи.

— Вы все тоскуете?—тихо обратился я къ Всеволоду Сергѣевичу.

— Да, Михаилъ Петровичъ, никакъ не могу справиться съ собой. Хоть Данила Степановичъ и измѣнился къ своей дочери, но я очень боюсь за Александру Даниловну. У нихъ такая жизнь и такія семейныя отношенія, что меня ужасъ беретъ.

— Чудакъ вы, право!—замѣтилъ я улыбнувшись.—Ну, время ли теперь охать и стонать? Посмотрите на другихъ. Видите, какъ они оживлены и веселы? Да это и хорошо. Намъ нуженъ куражъ, а не сентиментальность. Переломите себя. Самое скверное итти на войну тому, у кого зазноба не выходитъ изъ головы.

— Я не согласенъ съ вами. Тѣ, кому не о чѣмъ думать, гораздо болѣе несчастны. Разлука тяжела, но мысль о ней даетъ мнѣ большое наслажденіе.

Станціи мелькали одна за другой. Наконецъ мы домчались до губернскаго города, гдѣ солдатамъ приготовлена была горячая пища.

Морозъ былъ изрядный и, несмотря на то, что станція была первоклассная, фонари тускло мерцали. Слышны были командныя слова, и сѣрыя массы солдатъ, стуча по дебаркадеру, торопливо двигались къ походнымъ кухнямъ. Холодъ пронизывалъ, всѣ ежились. Передъ нами была нерадостная картина боевой, походной жизни, которую мы только начинали воспринимать.

Наконецъ мы добрались до Бреста. Всѣхъ насъ разставили по обывательскимъ квартирамъ, и я впервые очутился въ домѣ еврея. Несмотря на то, что комнаты оклеены были обоями, и стояла приличная мебель, воздухъ былъ невыносимъ. Чеснокомъ разило до тошноты. Наши носы, не привыкшіе къ такому аромату, рѣшительно не выдерживали зловонія.

— Послушайте, какой у васъ спертый воздухъ, и какъ скверно пахнетъ

— Зачѣмъ скверно? — спросилъ съ недоумѣніемъ ломанымъ языкомъ хозяинъ.—У насъ все чисто. Рифа любитъ опрятность. У насъ полы моются каждую недѣлю.

Но секретъ скоро обнаружился. Чеснокомъ разило не отъ чего иного, какъ отъ самого Хайма и его супруги. Впослѣдствіи, помѣщаясь въ селеніяхъ русиновъ, я, не вынося чесночнаго запаха, также былъ мученикомъ, а между тѣмъ специфическій запахъ отъ этого овоща, послѣ долгаго его употребленія, пропитываетъ тѣло человѣка насквозь, сопутствуя ему, гдѣ бы онъ ни появлялся.

Но у Хайма, при его внѣшней чистотѣ, кромѣ чеснока, оказался еще другой врагъ—клопы. Они буквально осыпали насъ, и какъ я, такъ Матьянскій и Лугавинъ съ проклятіями безъ сна проворочались всю ночь.

П. М. Невѣжинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫТЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО КУПЕЧЕСТВА ВЪ 1820—1840 ГОДАХЪ.

ПОСЛѢ моего дѣда, Егора Тихоновича Полилова, остались копіи множества писемъ, писанныхъ имъ разнымъ лицамъ. Копіи эти занесены въ особую книгу. Кромѣ того, въ бумагахъ покойнаго я нашелъ отрывочныя замѣтки его, въ родѣ дневника, веденнаго не каждый день аккуратно. Много устныхъ воспоминаній объ отцѣ и объ обществѣ, въ которомъ онъ вращался, передала мнѣ также его дочь, Т. Е. М. Все это, вмѣстѣ взятое, довольно точно обрисовываетъ бытъ петербургскаго биржеваго купечества 1820—1840 годовъ прошедшаго столѣтія, а потому я рѣшилъ привести все это въ порядокъ и напечатать. Г. Т. Полиловъ (Сѣверцевъ).

I.

Происхожденіе моего дѣда. Занятія его предковъ, прасолы, шибаи, пеньковая торговля, вывозъ пеньки въ Англію, сожженный товаръ, ученье, первые годы службы, женитьба, отъѣздъ въ Польшу, пребываніе тамъ и возвращеніе.

Дѣдъ мой родился въ г. Карачевѣ, Орловской губерніи, въ купеческой семьѣ. Родъ Палиловыхъ, или, какъ потомъ было исправлено правописаніе, «Полиловыхъ», приписанъ къ купечеству еще въ началѣ XVIII столѣтія. Орловцы издавна пользуются репутаціей ловкихъ, оборотливыхъ торгашей. Немало существуетъ пословицъ, рисующихъ ихъ дѣятельность съ этой стороны.

«Орелъ да Кромы (уѣздн. гор.) первые воры, Карачевъ на поддачу, а Елецъ всѣмъ отецъ». «Орловцы—проломленныя головы», мѣтко говоритъ про нихъ другая, намекая на наказаніе за ихъ излишнюю «оборотливость».

Дѣдъ моего дѣда, Василій Тихоновичъ Палиловъ, торговалъ въ 1710 году въ Карачевѣ, а равно и въ его уѣздахъ. Онъ былъ прасоломъ. Разъѣзжая по деревнямъ и селамъ, онъ скупалъ у крестьянъ пеньку-сырецъ и масло конопляное, или «конопное», по мѣстному выраженію. Этими продуктами издавна славилась Орловская губернія, а равно и сосѣднія съ нею Калужская, Смоленская, а также отчасти Тульская и Курская.

Еще по повелѣнію Петра Великаго были сюда отряжены особыя лица покупать пеньку для перваго Санктъ-Петербургскаго канатнаго завода, построеннаго подъ личнымъ наблюденіемъ великаго преобразователя въ приневской столицѣ голландцемъ Гармсеномъ.

Купленное въ уѣздѣ волокно Василій Тихоновичъ привозилъ въ Карачевъ и здѣсь отдѣлывалъ «сырецъ» въ различные сорта. Производство это, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло около двухсотъ лѣтъ, совершается тѣмъ же способомъ еще и теперь. «Горсти» [1]) пеньки-сырца на полуобрѣзѣ бочки, или «кадушки», бьютъ трепачи, особые спеціалисты-работники, посредствомъ «трепла», полукруглой, довольно тонкой лопатки, искусно выбивая изъ волокна костру, т. е. древесину, оставшуюся въ сырцѣ послѣ мочки и мялки, особыми ножами подрѣзаютъ «лапу», т. е. ту же древесину на концахъ пеньки. Затѣмъ сортируютъ и связываютъ въ связки, «пробойки», каждая въ десять фунтовъ вѣсомъ. Особымъ прутцомъ или крутцомъ ихъ вяжутъ не по серединѣ, а ближе къ верху, благодаря чему образуется «головка» и «шейка», удобныя для осмотра качества товара. Въ такомъ видѣ товаръ отправлялся на возахъ до Сухиничъ, гдѣ существовалъ перевалъ, другіе извозчики брали его и везли до пристаней на Волгѣ и Гжати, гдѣ онъ грузился въ барки и плылъ дальше на сѣверъ.

Кромѣ пеньки, Василію Тихоновичу мелкіе шибаи привозили и продавали скупаемые ими по деревнямъ различные товары, въ родѣ воска, меда и т. п.

— Сало, щетина, вощина и всякое звѣрье!—кричитъ подобный шибай, проѣзжая по селу и вызывая своимъ крикомъ бабъ, охотно сбывающихъ ему требуемые товары.

Подъ именемъ «всякаго звѣрья» торговецъ понимаетъ кошку, курицу, а также и зайца. Кошка берется преимущественно черная или сѣрая; бурая и пестрая почти не имѣютъ цѣны. Мѣхъ первыхъ охотно покупается духовенствомъ для полукафтанья, надѣвае-

[1]) «Горсть», т. е. пучекъ пеньки, сколько можно захватить въ горсть.

маго подъ рясу и купцами для поддевокъ. «Сердце пламенное, а грудь каменная»,—говорится объ этихъ мелкихъ торговцахъ, очень схожихъ съ офенями сѣверныхъ провинцій.

Василій Тихоновичъ не отправлялъ самъ товаровъ въ Петербургъ, но продавалъ ихъ здѣсь же въ Карачевѣ другимъ, болѣе крупнымъ скупщикомъ. Большихъ достатковъ у него не было, но онъ жилъ безбѣдно въ собственномъ домикѣ.

Дѣтей у него было нѣсколько, и между ними сынъ Тихонъ, унаслѣдовавшій отцовское дѣло послѣ его смерти. Въ каждомъ городѣ на Руси существуетъ обычай давать дѣтямъ преимущественно имя мѣстнаго святого. Въ Москвѣ среди купечества очень распространено имя Саввы; въ Воронежѣ—Митрофана; въ Костромѣ высоко чтутъ св. Геннадія, и въ рѣдкомъ купеческомъ домѣ нѣтъ сына, носящаго имя этого святого. Въ свою очередь имя Тихона составляетъ принадлежность Карачева, здѣсь раньше даже славилась Тихоновская ярмарка, устраиваемая 16 іюня, въ день памяти Тихона Амаѳунтскаго. Вслѣдствіе этого обычая отецъ моего дѣда и получилъ имя Тихона.

Тихонъ Васильевичъ продолжалъ торговлю своего отца, но дѣла его шли не такъ удачно, какъ у послѣдняго. Многочисленное семейство Тихона, между сыновьями котораго былъ и мой дѣдъ, Егоръ Тихоновичъ, родившійся въ 1788 году, послѣ смерти отца раздѣлилось, и каждый изъ сыновей сталъ торговать отдѣльно. Капиталъ вслѣдствіе раздѣла у нихъ значительно сократился, и дѣла пошли настолько плохо, что нѣкоторымъ изъ сыновей Тихона, а въ томъ числѣ и моему дѣду, пришлось поступить въ приказчики къ другимъ торговцамъ. Своимъ образованіемъ похвастаться онъ во всякомъ случаѣ не могъ: букварь, часословъ, псалтирь, пройденные имъ у мѣстнаго дьячка, умѣнье писать и бойко считать на счетахъ, вотъ и все его первоначальное образованіе; затѣмъ его помѣстили въ школу, гдѣ онъ пробылъ недолго. Онъ получилъ мѣсто у одного крупнаго коммерсанта, скупавшаго пеньку для поставки на казенный канатный заводъ и съ этою цѣлью пригласившаго дѣда къ себѣ въ довѣренные по покупкѣ волокна, какъ отличнаго знатока этого товара.

Первое жалованье, какое получилъ отъ него мой дѣдъ, равнялось 300 рублямъ на ассигнаціи (100 рублей ассигнаціями=28 р. 57 коп. сер.) въ годъ; по тому времени, это было въ 1810 году, такое жалованье считалось довольно хорошимъ.

Рослый брюнетъ, съ выразительными глазами, рѣзко очерченными изгибами бровей и носа, Егоръ Тихоновичъ при своей статной фигурѣ глядѣлъ прямо красавцемъ, и не одна изъ карачевскихъ невѣстъ вздыхала о немъ. Дѣду шелъ 22-й годъ, когда онъ женился на дочери небольшого карачевскаго купца, Агриппинѣ Ильинишнѣ Бочеровой.

Покупка пеньки для поставки продолжалась недолго. Скоро настала тревожная година отечественной войны, и закупки прекратились, такъ какъ доставлять товаръ въ Петербургъ не было возможности, благодаря военнымъ дѣйствіямъ и занятію непріятельскими войсками Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа, а затѣмъ и самой Москвы.

Для Егора Тихоновича настало довольно тяжелое время. Покупка пеньки почти прекратилась. Уже не говоря о временно сократившейся дѣятельности казеннаго канатнаго завода, а равно и построеннаго перваго частнаго въ Петербургѣ англичаниномъ Джономъ Готомъ, на Петровскомъ островѣ въ 1799 году, иностранные покупатели тоже пріостановили покупку русскихъ сырыхъ продуктовъ для вывоза за границу.

1812 годъ, ознаменовавшійся изгнаніемъ французскихъ войскъ изъ Россіи, оживилъ снова торговлю, и поставка пеньки для нуждъ казеннаго завода и за границу, въ особенности въ Англію, гдѣ русское волокно было оцѣнено по достоинству и имѣло крупный сбытъ въ лондонское адмиралтейство, снова приняла прежніе размѣры. Дѣйствительно, русская пенька того времени, обработанная болѣе тщательно, чѣмъ теперь, была незамѣнимымъ матеріаломъ для выдѣлки канатовъ на англійскій флотъ. Манильской пеньки тогда не было и въ поминѣ, офиціальный бракъ на пеньку гарантировалъ иностранцевъ, что имъ будетъ высланъ товаръ лучшаго качества, согласный съ извѣстнымъ наименованіемъ, и потребность въ русской пенькѣ росла съ развитіемъ англійскаго военнаго и торговаго флота, такелажъ которыхъ весь былъ сдѣланъ изъ русскаго волокна.

Позволяю себѣ привести здѣсь извѣстный фактъ, происшедшій въ Англіи съ однимъ изъ нашихъ крупныхъ пеньковыхъ торговцевъ, калужскимъ купцомъ, Андреемъ Макаровичемъ Черновымъ, еще во времена императора Александра I.

Онъ отправилъ въ Англію два большіе корабля, нагруженные пенькою, и самъ явился для продажи ея. Англійскіе купцы, желая воспользоваться его незнаніемъ мѣстныхъ условій, предложили ему очень низкія цѣны за его товаръ и, несмотря на его увѣренія, что продать по этой цѣнѣ нельзя безъ убытку, не давали дороже. Тогда русскій купецъ испросилъ разрѣшеніе вывезти часть пеньки за городъ и сжечь. Англійское правительство было изумлено подобной просьбой, но, тѣмъ не менѣе, разрѣшило, и пенька была сожжена. Спустя нѣсколько времени, когда англичане отказались покупать по назначенной цѣнѣ остальную пеньку, русскій сжегъ и ее. Посмѣялись островитяне надъ самодурствомъ русскаго, но такъ какъ волокно это было для нихъ необходимо, то рѣшились купить прямо въ Россіи отъ другихъ торговцевъ. Но во всѣхъ русскихъ портахъ, Ригѣ, Петербургѣ, Архангельскѣ, все количество наличнаго

товара было кѣмъ-то заранѣе куплено; везти изъ внутреннихъ губерній въ виду необходимости имѣть товаръ сейчасъ же не представлялось возможнымъ, да и тамъ, по наведеннымъ справкамъ, наличное волокно было скуплено въ однѣ руки. Пришлось покупать по очень высокой цѣнѣ, при чемъ выяснилось, что все количество пеньки было скуплено тѣмъ же купцомъ Черновымъ, который сжегъ ее въ Англіи и на послѣдней продажѣ вернулъ всѣ свои убытки, да еще съ крупнымъ барышемъ.

Но долго заниматься искони знакомымъ ему дѣломъ Егору Тихоновичу не пришлось. Его хозяинъ взялъ на себя заготовку провіанта въ Польшѣ для русскихъ войскъ, преслѣдующихъ Наполеона, и послалъ туда своего довѣреннаго для заготовки всего необходимаго количества. Мой дѣдъ былъ очень дѣятельнымъ, старательнымъ человѣкомъ, а потому охотно согласился на предложеніе своего хозяина и черезъ день, распростившись съ женой, отправился къ своему мѣсту занятій, оставивъ ее съ ребенкомъ въ Карачевѣ. Ѣхать пришлось съ большими остановками, перегонныхъ почтовыхъ лошадей не было, свои часто уставали, необходимо было дѣлать дневки въ попутныхъ селахъ. Путь лежалъ въ Рославль, Кричевъ, Чаусы и Могилевъ. До Березинской переправы добрались только на шестыя сутки. Пришлось догонять войска. Никто не зналъ, куда и кому нужно сдавать заготовленную уже муку и крупу. Мало-по-малу все выяснилось, и дѣдъ, въ качествѣ довѣреннаго по поставкѣ, проводилъ наши войска до самой границы. Далѣе русскіе полки находили себѣ довольствіе уже въ дружественной намъ Пруссіи, и на дѣда была возложена забота приготовить довольствіе для войска при его возвращеніи на родину во время прохожденія его черезъ бывшее царство Польское. Много труда положилъ дѣдъ на это, но задачу свою исполнилъ хорошо.

Житье въ Польшѣ ему понравилось, здѣсь онъ познакомился съ иными обычаями, другимъ строемъ жизни, чѣмъ въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ средней Россіи, откуда ему удавалось выѣзжать толька изрѣдка и то не далѣе Смоленска и Орла. Пребываніе въ Привислинскихъ губерніяхъ, въ чуждой для него средѣ, наложило на дѣда особый отпечатокъ, который у него не сгладился во всю остальную жизнь. Объ этомъ разскажу въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Окончилось изгнаніе двунадесяти языковъ изъ Россіи, заключенъ былъ миръ, и дѣда потянуло на родину, въ Карачевъ, къ женѣ и ребенку, которыхъ онъ не видалъ долгое время. Увы, его надеждамъ не удалось скоро сбыться. Въ Польшѣ онъ познакомился съ рыльскимъ купцомъ Филимоновымъ, который, цѣня знаніе дѣда мѣстныхъ условій торговли, предложилъ ему торговать вмѣстѣ съ нимъ въ компаніи. Егоръ Тихоновичъ согласился прожить еще нѣкоторое время въ Польшѣ. Только почти черезъ пол-

тора года послѣ отъѣзда своего изъ родного Карачева попалъ онъ опять туда.

Какъ-то вечеромъ подъѣхалъ онъ въ тарантасѣ къ своему дому. Стоялъ май, было еще свѣтло. Бабушка только что отодвинула въ сторону пяльцы, въ которыхъ вышивала, и глядѣла въ окно. Появленіе тарантаса съ сидящимъ въ немъ незнакомцемъ испугало ее; судя по виду и костюму послѣдняго, она предположила въ немъ случайнаго пріѣзжаго, привезшаго ей дурныя вѣсти о мужѣ. Дѣдъ сразу замѣтилъ, что жена его не узнала, вошелъ въ домъ и спросилъ у отворившей ему дверь свояченицы.

— Здѣсь ли живетъ жена купца—Аграфена Полилова?

Этотъ вопросъ смутилъ дѣвушку, она молчала. Дѣдъ самъ повѣсилъ свою шинель на гвоздь и вошелъ въ комнаты.

Прислонясь къ дверному косяку, испуганно смотрѣла молодая женщина на вошедшаго, инстинктивно ожидая услышать отъ него дурныя вѣсти о мужѣ. Но дѣдъ при видѣ любимой жены не могъ долго выдержать свою роль.

— Грунюшка! — воскликнулъ онъ и, быстро подойдя къ ней, обнялъ ее.

Съ молодой женщиной чуть не случилось нервнаго припадка, но организмъ выдержалъ. Эта встрѣча была одною изъ самыхъ свѣтлыхъ минутъ ея жизни, по словамъ самой бабушки.

II.

Пребываніе дѣда въ Карачевѣ.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Первые шаги въ столицѣ.—Освященіе новой биржи.

Послѣ оживленной жизни въ Варшавѣ и въ другихъ польскихъ городахъ дѣду не понравилась тихая жизнь такого медвѣжьяго угла, какимъ былъ въ то время уѣздный городокъ Орловской губерніи. Во всякомъ случаѣ, продолжая заниматься скупкою пеньки и коноплянаго масла, теперь уже за свой счетъ, онъ все время помышлялъ о возможности перебраться въ столицу. Что же касается жены его, Агриппины Ильинишны, то ее вовсе не радовало уѣхать такъ далеко отъ своихъ. Для переѣзда въ Петербургъ случай скоро представился. Во время пребыванія въ Польшѣ дѣдъ познакомился съ однимъ петербургскимъ купцомъ, Павломъ Тяпкинымъ. Этотъ послѣдній прислалъ Е. Т. письмо, въ которомъ приглашалъ его пріѣхать къ нему служить въ Петербургъ.

«О жалованьѣ ничего вамъ не пишу заранѣе, будете награждены мною потомъ съ избыткомъ». Такъ неопредѣленно поставленный вопросъ о содержаніи не остановилъ, тѣмъ не менѣе, дѣда отъ поѣздки въ столицу, и, не обращая вниманія на нежеланіе жены ѣхать сейчасъ же съ нимъ на дальную сторону (она была

снова беременна), дѣдъ приказалъ ей собираться. Егоръ Тихоновичъ былъ не изъ тѣхъ людей, приказаніемъ которыхъ можно было пренебрегать, и, скрѣпя сердце, бабушка начала собираться въ дорогу.

Завѣтная мечта дѣда выбраться изъ Карачева сбывалась. Онъ передалъ свой домикъ въ пользованіе одному изъ братьевъ, но не продалъ его окончательно. Обойдя всѣхъ своихъ знакомыхъ купцовъ, между которыми въ особенности славились Кочергины, Найденовы, Шестаковы, Боевы и Масленковы, заручился ихъ обѣщаніемъ, что при отправкахъ ими товаровъ въ Петербургъ они для продажи послѣднихъ будутъ обращаться къ его посредству, дѣдъ успокоился и назначилъ день отъѣзда. Многіе изъ его городскихъ знакомыхъ отговаривали везти сразу семью съ собою, но Егоръ Тихоновичъ, что разъ рѣшилъ, того нельзя было заставить его перемѣнить.

Въ 1814 году, раннею весною, вся семья усѣлась въ простую дорожную телѣгу съ кибиткой и выѣхала изъ родного города. Добраться до Петербурга нужно было немало времени, тѣмъ болѣе, что дороги далеко еще не всѣ обсохли послѣ вешняго разлива рѣкъ. Путь лежалъ на Орелъ, Ржевъ, Волочекъ. Предполагалось доѣхать до столицы дней черезъ десять, но въ тѣ далекія времена загадывать напередъ о томъ, сколько времени придется пробыть въ пути, было очень трудно. Такъ случилось и на этотъ разъ. Благодаря беременности жены, дѣду приходилось дѣлать довольно частыя остановки для ея отдыха, и вмѣсто десяти дней въ Петербургъ семья Полиловыхъ попала только на девятнадцатыя сутки. Домъ Тяпкина находился на Васильевскомъ островѣ, у Тучкова моста, тамъ, гдѣ теперь помѣщается императорская римско-католическая духовная академія, и представлялъ собою двухъэтажное небольшое строеніе. Въ немъ поселились прибывшіе.

Столица не произвела на дѣда, прожившаго довольно долго въ Варшавѣ, особаго впечатлѣнія. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу своему брату Николаю въ Карачевъ.

«Милостивый государь и любезный братецъ, при помощи Божіей, я съ семьей своею доѣхалъ до Санктъ-Петербурга зѣло благополучно, исключая долгаго пребыванія въ пути. Причину этому вы сами, любезный братецъ, разумѣете...». И дальше: «Сказать вамъ о столицѣ, что она особо меня поразила, не могу. Въ Варшавѣ и даже въ иныхъ польскихъ городахъ постройки ничуть не хуже, коли въ Варшавѣ не лучше. Зимній дворецъ да соборъ Казанской Божіей Матери на Невскомъ проспектѣ очень красивы. Когда осмотрю всю столицу, напишу вамъ, любезный братецъ, все въ точности».

Тяпкинъ, служить довѣреннымъ у котораго пріѣхалъ Егоръ Тихоновичъ, велъ въ это время крупную торговлю пенькою, мас-

ломъ, мукою и другими товарами, при чемъ имѣлъ немало поставокъ въ казну. Дѣду приходилось проводить въ работѣ цѣлые дни, разъѣзжать по различнымъ учрежденіямъ, присутствовать при сдачѣ товаровъ и вести все счетоводство. Особыхъ бухгалтеровъ въ то время русскіе купцы не приглашали, боясь, чтобы чужой человѣкъ не разгласилъ про получаемые ими барыши или же не указалъ бы ихъ конкурренту путей, которыми пользовались они для полученія поставокъ.

— Крѣпостными людьми прямо мы стали у Тяпкина, — вздыхала бабушка:—ни покоя, ни отдыха нѣтъ мужу на этой службѣ!

Небольшая квартира, которую занималъ Егоръ Тихоновичъ, стала для него тѣсновата, такъ какъ съ переѣздомъ въ Петербургъ семья его увеличилась сыномъ Александромъ, а затѣмъ черезъ годъ и сыномъ Тихономъ, моимъ отцомъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ служить у Тяпкина и жить въ его домѣ.

Благодаря поставкамъ, дѣду приходилось сталкиваться съ различными административными лицами, между прочимъ, съ тогдашнимъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ С. К. Вязьмитиновымъ. Точно также завязались у него сношенія и съ петербургскими крупными коммерческими фирмами. Въ особенности часто бывалъ онъ у сахаро-рафинадныхъ заводчиковъ, между которыми выдѣлялись Яковъ Николаевичъ Молво, бывшій въ то время городскимъ головою приневской столицы, Пренъ и Алферовскій. Черезъ перваго онъ попалъ на торжественное освященіе новаго биржевого зданія, существующаго и донынѣ. Оно было начато постройкою въ 1805 г. и закончено въ 1810 г., но, тѣмъ не менѣе, до 1816 года оно не было открыто, хотя, два года спустя послѣ окончанія постройки, зданіе передано въ вѣдѣніе таможеннаго вѣдомства, именно въ 1812 году. Вотъ что сказано въ запискахъ дѣда объ этомъ торжествѣ.

«15-го іюля въ Санктъ-Петербургѣ, въ присутствіи государя императора, была освящена новая биржа, что на островской стрѣлкѣ построена. Все именитое петербургское купечество съ городскимъ головою встрѣтили высокихъ гостей внизу у лѣстницы, а допрежь того встрѣча была митрополиту, преосвященному Амвросію, сдѣлана. Послѣ молебствія съ колѣнопреклоненіемъ играла музыка трубная, палили изъ пушекъ на судахъ, что около стрѣлки на водѣ стояли, и на нихъ были флаги подняты. За обѣдомъ въ большомъ залѣ вмѣстѣ съ императоромъ и его августѣйшимъ семействомъ обѣдало также и биржевое купечество. Государь пилъ за процвѣтаніе торговли и за петербургское купечество. Кричали ура, было очень величественно. Послѣ пиршества высокіе гости отбыли черезъ Исаакіевскій мостъ въ Зимній дворецъ. Въ биржевомъ залѣ веселіе продолжалось, и была зажжена люминація».

Но до 6-го ноября въ новой биржѣ не существовало никакого управленія, и только съ этого числа учрежденъ биржевой комитетъ. Первымъ его предсѣдателемъ былъ назначенъ городской голова, Я. Н. Молво, при чемъ привилегіей быть биржевымъ предсѣдателемъ, по словамъ дѣда, пользовались и всѣ остальные, слѣдующіе за нимъ городскіе головы до 1832 г., когда былъ утвержденъ уставъ с.-петербургской биржи, и должность предсѣдателя комитета сдѣлалась выборною. Первый комитетъ въ 1816 году состоялъ изъ купцовъ Андрея Косьмича Жукова и Михаила Венедиктовича Самадо, въ помощь которымъ были избраны маклера при с.-петербургскомъ портѣ Н. Калгинъ, К. Риттеръ, Красильниковъ и Тѣняевъ. Черезъ три года трое изъ нихъ увольнялись по жребію отъ должности. Изъ всѣхъ этихъ видныхъ въ то время купеческихъ именъ теперь только существуетъ на биржѣ фамилія Красильниковыхъ, при чемъ всѣ три брата состоятъ тоже маклерами.

Завязавшееся знакомство дѣда съ биржевымъ купечествомъ въ столицѣ и обѣщаніе карачевскихъ купцовъ поручить ему продажу въ Петербургѣ своихъ товаровъ натолкнули его на мысль оставить службу у Тяпкина и начать свое собственное дѣло. Въ 1816 году, вскорѣ послѣ открытія новой биржи, онъ отказался отъ службы довѣреннаго у своего хозяина и началъ работать за свой счетъ. Вслѣдствіе этого ему пришлось перебраться на Петербургскую сторону, гдѣ квартиры были значительно дешевле, и въ то же самое время склады товаровъ, именно пеньковые буяны, какъ Каменный, а равно и Гагаринскій, находились очень недалеко.

Новая, кипучая дѣятельность по продажѣ привозныхъ изъ внутренней Россіи сырыхъ продуктовъ иностраннымъ экспортерамъ и на петербургскіе канатные заводы, которыхъ въ это время, кромѣ перваго, Джона Гота, существовало еще два, именно П. Сазонова на островѣ Голодаѣ и Казалета въ Чекушахъ, а равно и по отправкѣ въ провинцію сахара, деревяннаго масла, всевозможныхъ заграничныхъ товаровъ и винъ, пришлась по душѣ Егору Тихоновичу. Онъ радовался, что снова вышелъ на собственную дорогу. Въ настоящее время сахаръ везутъ въ Петербургъ съ юга, гдѣ теперь существуетъ немало сахарныхъ заводовъ, тогда же рафинадные заводы славились своею выработкою только въ Петербургѣ и Москвѣ, при чемъ рафинадъ, изготовляемый въ первомъ, предпочитался. Кромѣ вышеназванныхъ заводовъ Молво и Прена, существовали еще рафинадные заводы Алферовскаго и Прокофія Пономарева.

Въ дневникѣ дѣда приложена газетная вырѣзка слѣдующаго содержанія: «Отъ мануфактурнаго совѣта выражается одобреніе коммерціи совѣтнику Прокофію Ивановичу Пономареву и Бр. Крамеръ въ С.-Петербургѣ за отличную выварку сахара при дѣйствіи паровъ, и по доведеніи о семъ до высочайшаго свѣдѣнія государя

императора, чрезъ г. министра финансовъ, они награждаются большой золотой медалью». При этомъ дѣдъ приписалъ въ дневникѣ: «Душевно пріятно узнать, что русскіе заводчики столь великолѣпно польщены».

Цѣны на сахаръ-рафинадъ держались тогда въ 31—35 рублей ассигнаціями за пудъ, мелюсъ 26—27 рублей.

Кромѣ сахара, дѣдъ сталъ много отправлять сначала въ Карачевъ, а затѣмъ и въ другіе провинціальные города, масла деревяннаго и иностранныхъ винъ, о русскихъ тогда никто и не думалъ. Вслѣдствіе этого ему пришлось завязать сношенія съ братьями Елисѣевыми, только что начинавшими въ то время расширять свою дѣятельность, съ фирмою Nicholls и Plincke и Густавомъ Стерки. Послѣднія фирмы славились достоинствами своихъ иностранныхъ товаровъ.

Петербургская сторона въ началѣ прошлаго столѣтія представляла собою малозаселенную мѣстность, въ особенности ближе къ Малому проспекту. Громадные пустыри, зачастую даже не огороженные заборами, прерывались кое-гдѣ небольшими деревянными строеніями, преимущественно особняками. Дома съ жильцами существовали только на Большомъ, Кронверкскомъ проспектахъ, да въ мѣстности около Сытнаго рынка. Одними изъ лучшихъ строеній въ то время считались дома почетнаго гражданина Василія Михайловича Калгина у Тучкова моста, въ 2-хъ кварталахъ. Егоръ Тихоновичъ нанялъ квартиру на Никольской улицѣ во второмъ этажѣ деревяннаго дома.

Сдавая товары Тяпкина, дѣдъ познакомился съ иностранными экспортерами, работавшими въ Петербургѣ, въ то время одномъ изъ самыхъ удобныхъ русскихъ портовъ для вывоза русскихъ товаровъ за границу. Мало изъ этихъ фирмъ уцѣлѣло до нынѣшнихъ временъ. Джамесъ Лиддель и К°., Торнтонъ Кетли и К°., Кетли и Форрестеръ, Андерсонъ и Моберлей, Парисъ Варръ, Харвей и К°., Клеменцъ и Бергъ, Блессигъ и К°., Ф. Лопецъ, Діонициіо, Коломби Зео и К°., К. Прево, Ганфъ, Шлиссеръ, Карлъ Холмъ и др.,—изъ этихъ фирмъ до нашихъ дней существуютъ только Блессигъ, Шлиссеръ и Клеменцъ, остальныя уже давно исчезли, а сынъ Карла Холма, А. К., состоитъ и теперь биржевымъ нотаріусомъ. Изъ тогдашнихъ русскихъ фирмъ осталось еще меньше.

Дѣла у Егора Тихоновича шли очень недурно, онъ сумѣлъ заслужить довѣріе, какъ у лицъ, высылавшихъ ему свои товары на продажу, точно также и у покупателей. Прекрасное знаніе качествъ пеньки помогло ему еще болѣе и, несмотря на сильную конкурренцію со стороны офиціальныхъ браковщиковъ, иностранные экспортеры поручали ему лично обраковывать волокно, зная изъ практики, что нагруженный въ корабли подъ надзоромъ Егора Тихоновича товаръ никогда не будетъ признанъ за границею не соотвѣт-

ственнымъ тому наименованію, подъ которымъ онъ былъ отправленъ изъ Петербургскаго порта. Громадное количество пеньки, шедшей тогда въ Петербургъ (до 2.300.000 пуд.), требовало при своей отправкѣ очень тщательнаго надзора. Товаръ, высылаемый изнутри Россіи, осматривался до послѣдней пробойки, и только тогда официальные браковщики ставили свои клейма и подписывали сертификаты. Русское волокно никто за границею не смѣлъ ничѣмъ упрекнуть послѣ подобнаго осмотра присяжными браковщиками. Теперь, послѣ уничтоженія въ сороковыхъ годахъ этого офиціальнаго брака, качество русской пеньки потеряло свою высокую репутацію, и вывозъ ея изъ Петербурга упалъ до минимума.

III.

Пеньковая торговля въ Петербургѣ. — Провинціальные купцы, торговавшіе ею. — Доставка товара. — Конопляное масло, его выдѣлка. — Отсутствіе страхованія товаровъ. — Пеньковые буяны тогда и теперь. — Сокращеніе вывоза пеньки. — Новые пути за границу. — Сравненіе. — Уничтоженіе брака. — Русскіе канаты за границей.

Водный путь, связывающій провинціальные рынки съ Петербургомъ, былъ въ тѣ времена единственнымъ, по которому доставлялись сюда товары. Навигація, открытая только въ продолженіе полугода, и медленность, съ которою тянулись по рѣкамъ и каналамъ грузовыя баржи, въ большинствѣ случаевъ посредствомъ лямочниковъ или бурлаковъ, представляли громадное неудобство для провинціальныхъ продавцевъ. Во-первыхъ, капиталъ ихъ не могъ обернуться больше раза, самое большее двухъ разъ въ годъ, во-вторыхъ, отсутствіе денегъ въ горячее время закупокъ товара на мѣстѣ тяжело отзывалось на мѣстныхъ цѣнахъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства товаръ продавался заглазно еще въ теченіе зимы въ Петербургѣ, подъ него получалась въ большинствѣ случаевъ вся слѣдующая сумма денегъ. Ихъ высылали продавцу, заключивъ съ нимъ контрактъ, при чемъ онъ обязывался доставить товаръ извѣстнаго качества, которое должно было быть удостовѣрено по прибытіи товара въ столицу вышеупомянутыми присяжными браковщиками.

Пенька въ тѣ времена раздѣлялась на слѣдующіе сорта: отборная, чистая, половая; сѣчка, молочанка первой, второй и третьей руки; послѣднія иначе назывались «учитъ» и «сорта». Кромѣ того, она подраздѣлялась на зимнякъ и вешнякъ, то-есть зимней обдѣлки въ ригѣ, при чемъ она отдавала всегда слегка дымомъ, и весенней — прямо на воздухѣ. «Сортами» называлась пенька различнаго цвѣта, неровная и т. п. Цѣны на нее стояли тогда слѣдующія: сѣчка отъ 70 до 74 рублей ассигнаціями за бер-

ковецъ въ 10 пудовъ, молочанка почти въ тѣхъ же цѣнахъ, чистая—отъ 64 до 67 рублей, учитъ отъ 57 до 60 рублей, половая или «половня» отъ 50 до 53 рублей.

Случаи, чтобы кто нибудь изъ продавцевъ не доставилъ запроданной пеньки, и покупатель потерялъ бы уплаченныя впередъ деньги, были очень рѣдки.

Мелкіе провинціальные торговцы не имѣли возможности посылать свой товаръ въ порты; въ виду своихъ скромныхъ капиталовъ ожидать болѣе полугода возврата своихъ денегъ, когда тѣ будутъ получены по продажѣ пеньки въ Петербургѣ, они не могли, экспортеры же не рисковали уплачивать имъ деньги впередъ. Вслѣдствіе этого торговлю съ портами вели только крупные купцы.

Изъ числа ихъ нужно назвать: ржевскаго,—Василія Берсенева, орловскаго—В. Немытова, карачевскихъ—И. Найденова, Масленкова, И. Харичкова, зубцовскаго—А. Жукова, мосальскаго,—А. Нѣмчинова, бѣлевскихъ—Прохорова, Сорокиныхъ и др. Пенька грузилась большею частью на пристаняхъ верхняго плеса Волги, въ Ржевѣ или же въ Зубцовѣ, въ особо построенныя для волокна баржи. Вмѣщали онѣ до 7.000—8.000 пудовъ. Экипажъ этихъ судовъ состоялъ изъ 20—25 человѣкъ лямочниковъ, въ числѣ которыхъ было 3—4 «коренныхъ», то-есть людей, провожающихъ товаръ до самаго Петербурга. Путь подобныхъ грузовыхъ баржей лежалъ внизъ по Волгѣ до Твери. Здѣсь порядились особые коноводы, поставлявшіе для каждаго судна десять лошадей, на обязанности которыхъ лежало поднять баржу противъ теченія по рѣкѣ Тверцѣ до впаденія ея въ Мсту. Отсюда ее снова тянули люди по Мстѣ, Волхову, Ладожскому каналу. По Невѣ же она шла только теченіемъ, а бурлаки разсчитывались и отпускались. Прекрасно устроенный, широкій «бичевникъ» по обѣимъ сторонамъ Тверцы, при чемъ лошади тянули судно съ двухъ сторонъ, давалъ возможность двигаться противъ теченія сравнительно быстро; разумѣется, эту быстроту нельзя сравнить съ ходомъ буксирнаго парохода въ настоящее время. Благодаря такому переходу посредствомъ коней, бурлаки отдыхали въ это время, чтобы потомъ съ новыми силами вести судно дальше. На ночь суда останавливались на ночлегъ, лошадямъ, уставшимъ за долгій день работы, давался отдыхъ. Грузовыя суда, благодаря подобному передвиженію, попадали въ столицу не ранѣе 2½—3 мѣсяцевъ послѣ отплытія ихъ изъ Ржева или Зубцова.

Баржи спускались по Невѣ до Гагаринскаго или Деревяннаго буяна, или же отводились въ Малую Неву до Каменнаго буяна, построеннаго на островѣ, образовавшемся въ 1756 году.

Здѣсь пенька выгружалась въ амбары или же прямо грузилась въ иностранные корабли, которыхъ нерѣдко стояло у Каменнаго буяна такъ много, что по положеннымъ черезъ нихъ мосткамъ

свободно переходили съ берега Васильевскаго острова на самый буянъ.

Дѣятельность во время навигаціи начиналась здѣсь съ первымъ лучемъ разсвѣта и продолжалась до поздняго вечера. Для выгрузки волокна, переборки его, браковки и новаго связыванія въ бунты, на буянахъ находились двѣ большія артели рабочихъ, калужскихъ уроженцевъ и носившихъ названіе Заугорскихъ, отъ рѣки Угры, протекающей въ Мещевскомъ уѣздѣ этой губерніи, откуда рабочіе этихъ артелей были родомъ. Общее число людей въ обѣихъ артеляхъ простиралась до 400 человѣкъ.

На пеньковыхъ баркахъ зачастую приходило и конопляное масло въ длинныхъ 20-пудовыхъ бочкахъ съ деревянными обручами. Въ то время масло изъ конопли «били» особыми деревянными ладонями, а потому оно и носило названіе «ладонное». Существовали для его производства также особые зажимы посредствомъ клиньевъ, но о теперешнихъ прессахъ не было и помину. Благодаря несовершенству подобныхъ аппаратовъ, выходъ масла изъ конопли получался сравнительно небольшой: изъ пуда всего 10—12 фунтовъ, но качество его было значительно выше масла, выгоняемаго въ настоящее время при посредствѣ гидравлическаго пресса въ количествѣ, значительно превышающемъ прежнюю его достачу. Теперь нерѣдко хорошій прессъ даетъ до 20 — 28 фунтовъ масла съ пуда зерна. Конопляное масло выгружалось выше по Невѣ для доставки на Мытный дворъ лошадями.

Страхованіе товаровъ въ то время было почти неизвѣстно. Относительно иностранныхъ экспортеровъ, страховавшихъ погруженные въ корабли товары за границею, русскіе торговцы отзывались какъ-то скептически, говоря: «Отъ воли Божіей укрыться захотѣли!» Многіе изъ крупныхъ торговцевъ льномъ, старовѣровъ, и въ настоящее время не страхуютъ своего товара, находя, что страховать—это прямо искушать Божій промыслъ, и когда въ шестидесятыхъ годахъ громадный пожаръ Каменнаго буяна уничтожилъ крупныя партіи ихъ волокна, они терпѣливо перенесли громадные убытки отъ пожара, но все-таки отъ страховки другихъ партій продолжали уклоняться.

Заботы о товарахъ, присланныхъ въ распоряженіе дѣда, прекращались только съ ихъ нагрузкою въ иностранные корабли. Капитаны этихъ послѣднихъ, принявъ товаръ и выдавъ коносаменты, брали грузъ на свой страхъ. Съ этой минуты отвѣтственность слагалась съ Егора Тихоновича.

Красивую картину представляла собою набережная пеньковыхъ буяновъ въ самый разгаръ навигаціи съ приходомъ съ верха баржей и съ появленіемъ иностранныхъ парусныхъ судовъ. Отправка товара кипѣла, тогда какъ въ настоящее время пустынныя набережныя буяновъ наводятъ одно уныніе. Пеньковая торговля,

исчезнувъ изъ Петербургскаго порта, благодаря рельсовымъ дорогамъ, измѣнила свой путь за границу, пользуясь теперь преимущественно сухопутною доставкою. На самое волокно значительно сократился и спросъ, отчасти въ виду уничтоженія парусной флота, а съ нимъ и пеньковаго такелажа, замѣненныхъ повсемѣстно паровыми судами и проволочными канатами, а также вслѣдствіе упадка отдѣлки самого товара. Въ настоящее время главный рынокъ этого товара находится въ Кенигсбергѣ, откуда его уже отправляютъ и въ другія страны. Небольшое количество русской пеньки идетъ только въ Англію для нуждъ адмиралтейства. Экспортъ ея въ Петербургѣ упалъ до минимума. Это волокно вывозится черезъ нашъ портъ теперь только въ Норвегію для нуждъ норвежскихъ рыбаковъ и не превышаетъ 10—15 тыс. пуд. Разница между 2 милліонами и 15 тысячами—громадная.

Русскіе канаты до сихъ поръ продолжаютъ считаться лучшими по всему свѣту—въ Ріо-ди-Жанейро, въ Калькуттѣ, Австраліи—всюду можно встрѣтить эти произведенія, въ особенности заводовъ I. Гота и П. Сазонова. Всѣ усилія вытѣснить ихъ съ международнаго рынка канатами изъ джута и манильской пеньки далеко не удались. Послѣдніе, помокнувъ въ водѣ, становятся твердыми и часто ломаются, тогда какъ канатъ изъ русской пеньки сгибается и не теряетъ своей крѣпости.

Кромѣ вышеупомянутыхъ причинъ, упадокъ вывоза нашей пеньки нужно приписать уничтоженію офиціальнаго брака, оберегавшаго своимъ авторитетомъ качество волокна на заграничныхъ рынкахъ. Печальнѣе всего то обстоятельство, что уничтоженію этого полезнаго учрежденія способствовали сами наши русскіе купцы, не предвидѣвшіе такихъ непріятныхъ послѣдствій. Блестящая пора экспорта русскаго пеньковаго волокна едва ли когда возродится снова.

IV.

Улучшеніе дѣлъ дѣда, продажа и отправка сахара и другихъ товаровъ въ провинцію, образецъ извѣщеній объ отправкѣ.—Лѣтняя и зимняя отправки гужемъ.—Грабежи обозовъ.—Семья дѣда, стоимость квартиры.—Газетная вырѣзка.—Наводненіе и безпорядки въ столицѣ.

Къ 1819 году дѣла Егора Тихоновича пошли очень хорошо, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ въ своихъ запискахъ; товара на его имя высылалось изъ провинціи много. Въ свою очередь, отсюда отправлялъ онъ зимнимъ путемъ тоже немало иностраннаго.

«По приказу вашему, — пишетъ онъ тому же Нѣмчинову, — продалъ я будущаго масла 1.400 п. по 7 р. 25 коп. асс., всѣ деньги. Товаръ отдать въ маѣ и въ іюнѣ. Деньги получены и заплочены г-ну Молво, десять тысячъ рублей за купленный для васъ рафи-

надъ, по 32 рубля за пудъ асс. Серебро у насъ 3 рубля 58½ коп. Золото 18 р. 44 коп.». Письмо это отъ 10 января 1820 г.

Отправки въ Карачевъ, гдѣ у Егора Тихоновича оставалось четыре брата и сестра, продолжались.

Отправки обозами тянулись изъ столицы, какъ только устанавливался санный путь. При необходимости отправляли товаръ и на колесахъ, но цѣна за доставку тогда значительно возростала. Вмѣсто 1 р. 40 к. приходилось платить по 3 р. 25—50 к. асс. съ пуда клади, а потому предпочиталось заготовлять всѣ необходимые товары зимою по санному пути.

Пропажи товара въ пути случались, но не особенно часто; если и «вырѣзали мѣста», т. е. крали, то преимущественно бродяги, встрѣчавшіеся по дорогѣ; возчики, боясь строгаго наказанія за утайку ввѣреннаго имъ груза, не рѣшались сами грабить. Обыкновенно, подобные обозы съ наступленіемъ темноты останавливались на ночлегъ, а если и ѣхали ночью, то только когда собиралось много саней.

Въ Грязной улицѣ Егоръ Тихоновичъ прожилъ недолго и скоро перебрался на Съѣзжинскую. Въ Грязной въ то время жили преимущественно рабочіе съ буяновъ. Для дѣда съ его многочисленнымъ семействомъ подобное сосѣдство было неудобно.

Въ 1822 году у него уже было два сына и три дочери; кромѣ того, на праздники онъ бралъ изъ перваго кадетскаго корпуса маленькаго кадета Сашу Добровольскаго, сына своего стараго пріятеля, карачевскаго городничаго Добровольскаго.

Въ Съѣзжинской онъ занялъ весь верхній этажъ; цѣны за помѣщенія были тогда очень недороги. За свою квартиру дѣдъ платилъ 300 рублей ассигнаціями въ годъ, при чемъ пользовался всѣми удобствами, только дрова нужно было покупать, воду изъ Невы возили особые водовозы за очень дешевую цѣну. Дѣла Е. Т. въ это время шли очень хорошо; онъ зарабатывалъ, судя по тому времени, достаточно.

Вотъ что стоитъ въ его дневникѣ въ рѣдкихъ записяхъ 1822—1824 годовъ.

«При помощи Божіей, заработокъ нынѣ недуренъ, за прошлый годъ счелъ, девять тысячъ ассигнаціями получилъ за свои труды; что грядущее лѣто дастъ, знаетъ Господь Богъ»..... Ниже, отъ 6-го октября, сдѣлана выноска изъ газетъ и приписано:

«Сколь тяжелъ гнѣвъ Божій, ежели прогнѣвать Его, явствуетъ припечатанное въ газетѣ: «Поантъ а Патръ, 2-го августа, городъ Бассъ-Терръ на островѣ Гваделупъ (откуда кофій присылается, прибавлено рукой Егора Тихоновича) уже болѣе не существуетъ. Отъ ужаснаго прилива воды присутственныя мѣста, госпиталь и тюрьма, обѣ церкви, магазины и почти всѣ дома обрушились. Подъ развалинами оныхъ погибло болѣе 200 человѣкъ. Почти каждый день выкапываютъ трупы несчастныхъ жителей. Въ Каппъ-Террѣ

и Мари Галанти также обрушились многія зданія. Кораблей потонуло великое множество близъ города Бассъ-Терра. Во время самаго прилива море поднялось до того, что водою выломало желѣзныя двери магазиновъ, стоявшихъ на набережной, и всѣ товары попорчены. Апостольскій префектъ аббе Граффъ сдѣлался жертвою сего ужаснаго прилива воды, а губернаторъ и контръ-адмиралъ Якобъ только тѣмъ избѣгнули явной смерти, что спрятались въ погреба присутственныхъ мѣстъ. Жители находятся въ крайнемъ положеніи, они скитаются по улицамъ безъ крова и пищи.

«А мы еще ропщемъ на Творца, не будучи Имъ столь подвергнуты горестной участи, а живемъ преизобилованы Его милостью».

Несомнѣнно, что эта вырѣзка имѣла отношеніе къ петербургскому наводненію 1824 года, такъ какъ ниже слѣдуютъ нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ Егора Тихоновича.

«Находился я на Каменномъ буянѣ, когда вода пошла на прибыль, и скоро ожидать возможно было, что зальетъ дорогу, а потому мы съ Андреемъ Черновымъ и Ильей Харичковымъ выбраться на берегъ едва смогли, вода была намъ выше колѣнъ, и когда я къ дому нашему подошелъ, Танюша, дочь, и Тихонъ кричали мнѣ въ окно: «Не ходите, папаша, черезъ дворъ — утонете», а сами горько плакали, а я все-таки успѣлъ согнать двухъ нашихъ коровъ на высокое мѣсто». Въ письмѣ къ братьямъ въ Карачевъ дѣдъ описывалъ водяное бѣдствіе въ столицѣ.

«Водою залились всѣ огороды и дворы, что кругъ насъ лежатъ. Много скота погибло, и палый скотъ унесло въ море. Во дворъ нашъ приплыла чужая корова, черная, съ бѣлыми наушниками, еле добралась до забора, положила на него свою голову и держалась и не пропала.

«Мимо дома плыло много крышъ, снятыхъ водою съ домовъ по низамъ. На нихъ сидѣли люди и кричали «спасите». Вода пронесла будку съ солдатомъ. Плыли курятники съ птицей. Страшно было, дорогой братецъ, думалось, что пришелъ конецъ свѣта, и насъ всѣхъ людей зальетъ волною, но Господь помиловалъ, во второмъ этажѣ, гдѣ мы живемъ, не было воды.

«Вода убывала тихо. Всѣ амбары на буянѣ затоплены, и лежавшая въ нихъ пенька господина Николая Сабинина, бѣлевскаго купца, для отдачи весною иностраннымъ конторамъ, подмокла. Я думаю, что господа Парисъ-Варръ, Харвей съ компаніей не примутъ ее, и придется Сабинину нести на ней большіе убытки. Мы же съ женой и семьей нашей пребываемъ живы и здоровы, убытку и вредительства отъ высокой воды не понесли».

Дѣйствительно, громадное количество зимовавшей на буянахъ пеньки, какъ на Каменномъ, такъ равно и на Гагаринскомъ, оказалось сильно подмоченнымъ, а такъ какъ скоро наступили морозы, высушивать ее пришлось только раннею весною, но все-таки всѣ вла-

дѣльцы товара понесли крупные убытки, въ особенности—купецъ Берсеневъ изъ Ржева, у котораго водою была попорчена крупная партія пеньковой пряжи и пеньки сѣчки.

Дочь Егора Тихоновича говоритъ, что выйти изъ дома на улицу нельзя было болѣе недѣли, настолько почва разрыхлилась, и стояли громадныя лужи повсюду, въ особенности передъ соборомъ св. Владимира, что рядомъ съ Каменнымъ буяномъ, въ просторѣчіи называемымъ Николой Мокрымъ; это названіе ясно указываетъ на то, что вся мѣстность вокругъ него была обыкновенно затопляема водой во время вѣтровъ съ моря. На площади, гдѣ теперь устроенъ скверъ, стояло глубокое озеро, такъ что пробраться въ церковь представляло затрудненіе. Вода мѣстами поднялась выше сажени.

«Попасть на буянъ нельзя было два дня,—пишетъ въ томъ же письмѣ дѣдъ,—только на третьи сутки переправились купцы къ своимъ товарамъ».

Слѣдующій годъ имѣетъ тоже много записей въ дневникѣ дѣда, вотъ что стоитъ въ немъ.

«Андрей Егорычъ [1]) сказывалъ мнѣ, въ Санктъ-Петербургѣ много развелось масоновъ, и они вредъ наносятъ. Изъ нашихъ купцовъ толкуютъ, что заводчикъ С. тоже ходитъ въ ихъ ложу, а навѣрно не знаютъ. Былъ Андрей Егорычъ, спрашивалъ я его о масонахъ, что новаго, не знаетъ самъ, но предвидитъ непріятность для нихъ.

«Сей день памятный для столицы Россійской имперіи. Присягали императору Николаю, цесаревичъ Константинъ отъ престола изволилъ отказаться. Разговоры идутъ разные, но говорить опасливо. Войска взбунтовались. Палили у сената изъ пушекъ, перебили немало народу, толкуютъ разно. Мимо нашего дома гоняютъ солдатъ въ амуниціи и въ ружьяхъ.

«Графчикъ [2]) и дѣти плакали и не пускали меня на Адмиралтейскую сторону, а я пошелъ. Черезъ Исаакіевскій мостъ перейти было затруднительно, на площади у сената крики были немалые. Палили картечью, многіе изъ народу любопытнаго разбѣжались, домой дошелъ въ благополучіи. Сынъ Тихонъ прибѣгъ изъ высшаго училища [3]) испугавшись, говоритъ, картечью чиновника въ окнѣ убили. Царя видѣлъ. Милорадовича убили, сказываютъ».

Отрывочныя записки Егора Тихоновича рисуютъ его мало сообщительный характеръ, очень скудно указывая на событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.

«Андрей Егорычъ сказывалъ, въ корпусѣ было тихо, а на площади бунтовали одни солдаты Семеновскаго полка, командировъ

---

[1]) Андрей Егоровичъ Шестаковъ, старшій врачъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ въ то время.

[2]) Жена Егора Тихоновича, Агриппина Ильинишна.

[3]) Теперь 2-я гимназія на Казанской.

судить будутъ строгимъ судомъ. Биржевыхъ собраній вторыя сутки не бываетъ, наши купцы не знаютъ отчего, думаютъ на бунтарей».

Всѣ эти записи помѣчены кое-гдѣ числами, но чернила отъ времени выцвѣли.

Миновалъ 1825 годъ, и торговля вывозными товарами съ весны слѣдующаго года снова оживилась. «Иностранныхъ кораблей въ прибытіи 305, а отошло за границу 195», пишетъ дѣдъ своему довѣрителю Авксентію Нѣмчинову въ Мосальскъ; г-ну Харвею, «всѣ наши барки съ пенькой благополучно пришли, и съ понедѣльника грузить въ корабль вашъ товаръ будемъ».

V.

Домашняя жизнь Егора Тихоновича.—Отношенія къ женѣ, дѣтямъ, увеселенія, образованіе дѣтей, моды, отправляемыя въ провинцію. — Учрежденіе коммерческаго суда.

Дѣдъ вставалъ лѣтомъ очень рано, часа въ 4, зимою въ 6. Семья его была къ 1825 году уже большая, четыре сына и четыре дочери. Старшая изъ послѣднихъ, Александра, вышла замужъ за чиновника Ивана Павловича Никулина, служившаго въ департаментѣ торговли, помѣщавшагося въ то время тамъ, гдѣ теперь находится Михайловскій театръ, около музея императора Александра III-го.

На имя новаго зятя Егоръ Тихоновичъ купилъ себѣ семь крѣпостныхъ людей, такъ какъ купцы не имѣли на это права.

У дѣда къ этому времени составился уже небольшой капиталъ, и онъ пріобрѣлъ на него деревянный домъ съ громаднымъ пустопорожнимъ мѣстомъ и садомъ, на углу Малаго проспекта и Съѣзжинскаго переулка, и построилъ для себя двухъэтажный домъ во дворѣ, куда скоро и перебрался.

Несмотря на свои сорокъ лѣтъ, у Егора Тихоновича почти не было въ кудрявыхъ волосахъ сѣдины. Правильныя черты лица, прямой носъ и выразительные черные глаза дѣлали его очень красивымъ. Довольно высокаго роста, статный, черноволосый, съ совершенно бритымъ лицомъ, одѣтый всегда въ сюртукъ съ шелковыми отворотами, бѣлую манишку, высокіе воротнички которой подпирали подбородокъ, въ то время, какъ бѣлая косынка батистовая съ вышитыми концами, носимая тогда согласно модѣ вмѣсто галстуха, обтягивала шею, онъ совсѣмъ не походилъ на русскихъ купцовъ, продолжавшихъ въ тѣ времена носить длинные, чуть не до пятъ сюртуки, сибирки и сапоги съ высокими голенищами. Точно также и цилиндръ, носимый дѣдомъ неизмѣнно лѣтомъ и зимою, отличалъ его отъ русскихъ торговцевъ, въ большинствѣ случаевъ ходившихъ въ высокихъ картузахъ. Жизнь въ Польшѣ,

какъ я уже раньше упомянулъ, положила извѣстный оттѣнокъ на Егора Тихоновича, выражавшійся не только въ одномъ костюмѣ, но равно и въ обыденной жизни. Выстроенный вновь домъ окружалъ прекрасный фруктовый садъ, разведенный тутъ уже раньше. Дѣдъ съ семьей обѣдали ровно въ полдень, когда онъ возвращался съ буяна. Обѣдъ былъ незатѣйливый, но сытный, вина за столомъ не полагалось, пили одинъ квасъ. Во время ѣды всѣ должны были молчать, произнесенное кѣмъ либо изъ обѣдающихъ слово сердило главу семьи, и въ наказаніе онъ ударялъ виновника по лбу ложкою.

Прислуга молча перемѣняла кушанье, дѣдъ ее пріучилъ понимать, что онъ указывалъ знаками. «Отецъ нашъ»,—говоритъ его дочь Т. Е.,—«довелъ тишину за столомъ до того, что нечаянно брякнувшая тарелка, вилка или ложка вызывали его недовольный взглядъ, и виновникъ нечаяннаго шума не зналъ, куда ему дѣться отъ послѣдняго. Мы знали по движенію пальцевъ отца, чего онъ хочетъ, и немедленно исполняли его желаніе. Окончивъ обѣдъ и помолившись Богу, разрѣшалось говорить, но и тутъ не громко». Послѣ обѣда, по русскому обыкновенію, дѣдъ ложился часа на полтора отдохнуть до ухода на биржу, въ которую тогда собирались въ три часа; она продолжалась до четырехъ съ половиной. Явившись домой, Егоръ Тихоновичъ находилъ уже на столѣ кипящій самоваръ, лѣтомъ въ саду въ бесѣдкѣ, а зимою въ столовой, но говорить во время чая не запрещалось.

Здѣсь еще больше сказывались привычки, усвоенныя дѣдомъ въ Польшѣ. Садясь пить чай, онъ надѣвалъ женскій ситцевый капотъ съ всевозможными бахромками и фалборками и съ пелеринкою, въ такомъ костюмѣ проводилъ вечеръ. Онъ говорилъ, что ни въ одномъ костюмѣ онъ не чувствовалъ себя такъ удобно, какъ въ этомъ.

Домашніе и близкіе знакомые, привыкшіе къ подобному чудачеству, не обращали вниманія, но приходившіе изрѣдка вечеромъ по дѣламъ чужіе посѣтители поражались подобной метаморфозой и съ изумленіемъ поглядывали на серьезно разсуждавшаго съ ними дѣда.

Чудачества Егора Тихоновича не ограничивались только собственнымъ подобнымъ маскарадомъ, онъ заставилъ свою жену остричь чудную косу и носить прическу à la Titus, мелко завивая свои короткіе волосы. Въ восемь часовъ вся семья садилась ужинать, при чемъ опять подавался супъ, щи или другое какое нибудь горячее варево.

Въ карты дѣдушка игралъ, но только въ такъ называемыя коммерческія игры, «бостонъ и вистъ», по очень маленькому фишу, а чаще всего безъ денегъ. Не отказывался онъ сыграть въ особенности съ дѣтьми нѣсколько партій въ «пѣтушки», теперешніе дурачки, при чемъ проигравшій долженъ былъ хлопать въ ладоши

и кричать ку-ку-ре-ку. Проигрышъ его сердилъ, но, строго соблюдая всѣ правила, онъ поднимался съ своего кресла и, одѣтый въ своемъ капотѣ, исполнялъ требуемое игрою отъ проигравшаго.

Этого момента дѣти только и ждали; весело смѣясь, они слушали дѣдовское ку-ку-ре-ку, зная, что за свой смѣхъ въ этомъ случаѣ они не понесутъ наказанія.

Въ субботу вечеромъ пріѣзжали ночевать къ дѣду съ Адмиралтейской стороны старшая дочь съ мужемъ и дѣтьми, собиралась молодежь, играла въ «пѣтушки» до ужина, пораньше ложились спать, чтобы съ первымъ ударомъ колокола, рано утромъ, итти всей гурьбою къ утрени въ соборъ св. князя Владимира.

Дѣдъ пѣлъ на клиросѣ, у него былъ высокій, сильный теноръ; подростки сыновья тоже слѣдовали его примѣру и пѣли съ нимъ вмѣстѣ. Послѣ ранней обѣдни вся семья пила чай, кофе почему-то считался излишнею роскошью, старшіе ложились до обѣда отдохнуть или занимались въ саду, а молодежь, если это было лѣтомъ, забиралась въ садъ, а зимою, прижавшись гдѣ нибудь въ уголку, мирно разговаривала. Лѣтомъ послѣ обѣда шли всѣ вмѣстѣ гулять, при чемъ конечною цѣлью этихъ прогулокъ былъ Крестовскій островъ. Расположившись на травѣ у берега, тамъ, гдѣ теперь помѣщается Гребное общество, семья слушала роговой хоръ, игравшій на дачѣ Нарышкина, стоявшей, гдѣ теперь кончается Левашевскій проспектъ и находится лѣсопильный заводъ Колобова. Роговой хоръ, по словамъ старожиловъ, былъ дѣйствительно замѣчательный, слушать его собирались цѣлыя толпы обывателей Петербургской стороны. Дача эта принадлежала Марьѣ Антоновнѣ Нарышкиной и по царившей въ ней роскоши соперничала съ многими загородными дворцами. Разрѣшалось ее осматривать желающимъ, которыхъ было немало. Императоръ Александръ I часто бывалъ здѣсь и на притолкѣ одной изъ ея палисандровыхъ дверей написалъ собственноручно карандашемъ «Ma folie», и надпись эта старательно охранялась владѣлицею.

По окончаніи музыки, дѣдъ съ семействомъ отправлялись по обыкновенію дальше по Крестовскому острову. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщается Крестовскій садъ, на большой полянкѣ, какой-то предпріимчивый мѣщанинъ подавалъ за небольщую плату самовары и чайную посуду. Пили чай или прямо на травѣ, или же у небольшихъ столиковъ, «нарочито для сего сдѣланныхъ», замѣчаетъ Егоръ Тихоновичъ въ своемъ дневникѣ. «На гитарѣ игралъ нѣкто весьма замѣчательно, а молодые люди плясали».

Иногда, желая доставить дѣтямъ еще большее удовольствіе, Егоръ Тихоновичъ нанималъ баркасъ или «ялботъ» съ двумя гребцами отъ Крестовскаго, и плыли по рѣчкѣ Крестовкѣ, Средней Невкѣ и по рѣкѣ Ждановкѣ возвращались домой; но подобное удовольствіе случалось нечасто.

Частые лѣсные пожары въ концѣ двадцатыхъ годовъ повлекли за собою временное запрещеніе разводить огонь и ставить самовары и на Крестовскомъ, но вскорѣ опять послѣдовало разрѣшеніе. Сыновей своихъ дѣдъ размѣстилъ въ разныя учебныя заведенія; старшій сынъ Александръ и мой отецъ Тихонъ были имъ отданы въ Высшее училище, преобразованное потомъ въ 2-ю классическую гимназію. Занимались тамъ, какъ видно по записямъ дѣда, «съ ребятами изрядно», «сыну Тихону препоручили въ малыхъ классахъ учить ребятъ чистописанію». Подъ помѣткою «1831 года, 1 числа октября» стоитъ въ дневникѣ: «отданъ сынъ Николай въ Технологическій институтъ, которому 15-й годъ съ 22 числа апрѣля». Въ этомъ институтѣ Николай и окончилъ блестяще курсъ. Сына же Александра Егоръ Тихоновичъ по окончаніи курса имъ въ высшемъ училищѣ отдалъ, какъ имъ записано: «1832 года, 18 числа февраля въ Выборгъ, къ купцу Тимоѳею Михайловичу Тихонову, жалованья въ годъ 650 р. ассигнаціями, которому 19-й годъ съ 18 числа іюля».

Дочерямъ, согласно условіямъ и взглядамъ того времени, дѣдъ далъ очень скромное образованіе. Т. Е. училась въ небольшомъ пансіонѣ тамъ же на Петербургской сторонѣ, приходила учительница на клавикордахъ, но все это продолжалось недолго. Черезъ два съ половиной года послѣ начала занятій онѣ были прекращены, и, нужно прибавить, благодаря курьезному случаю.

Егоръ Тихоновичъ, замѣтивъ учебникъ французскаго языка у дочери, разсердился, говоря:

«Не пригоже, чтобы дочь знала языкъ, котораго не понимаетъ ея отецъ».

Младшимъ своимъ дѣтямъ, Ивану и Клавдіи, дѣдъ гораздо позднѣе пытался дать лучшее образованіе, и первый былъ помѣщенъ въ только что образовавшуюся тогда нѣмецкую школу при церкви Святой Екатерины на Васильевскомъ островѣ.

Егоръ Тихоновичъ, отправляя различные товары своимъ довѣрителямъ въ провинцію, исполнялъ также и ихъ порученія относительно дамскихъ нарядовъ и костюмовъ.

Въ письмѣ своемъ А. Жукову въ Мещовскъ онъ пишетъ:

«Изволите писать, чтобы приказать шить два салопа холодныхъ шелковыхъ. Извольте, исполнено будетъ. Сейчасъ ѣдемъ въ магазинъ съ женою, и на будущей недѣлѣ будутъ готовы. Прошу васъ, довольна ли ваша дочь Марѳа Андреевна шляпою, вѣрно не довольна, что ничего не пишутъ, хороша ли, дурна».

Агриппина Ильинишна, жена дѣда, которую онъ называлъ «Графчикъ», была неоцѣненною помощницею въ выборѣ дамскихъ нарядовъ, на вкусъ ея дѣдъ вполнѣ полагался, и она, выбирая всевозможныя букъ-муслинъ, тру-тру съ дырочками и прочія ткани, съ подобными же замысловатыми названіями, постоянно слышала одобреніе своего мужа.

Немалому риску подвергалась какая нибудь модная шляпа или платье, отправленныя съ обыкновеннымъ товарнымъ обозомъ, зачастую тянувшимся болѣе мѣсяца.

Знакомства особенно большого дѣдъ не любилъ водить. Кромѣ уже упомянутыхъ раньше, браковщика Андрея Чернова, доктора I-го кадетскаго корпуса, Андрея Егоровича Шестакова, сосѣдей по дому, семейства Мошниныхъ, да дальнихъ родственниковъ Бакалягиныхъ, гостей не бывало.

Благодаря близкому разстоянію, дѣти Мошниныхъ бывали въ домѣ часто, въ свою очередь и молодые Полиловы посѣщали своихъ сосѣдей. Одинъ изъ нихъ занялъ впослѣдствіи мѣсто консула на Востокѣ.

Въ 1832 году случилось у Егора Тихоновича большое горе. Старшій сынъ Александръ, служившій въ Выборгѣ, внезапно захворалъ горячкою, пришлось привезти его домой. Въ Выборгѣ онъ пробылъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Петербургѣ онъ поправился, горячка благополучно окончилась.

У сосѣдей Мошниныхъ умерла бабушка. Александръ, еще не вполнѣ отправившійся отъ болѣзни, пошелъ на Смоленское кладбище провожать умершую и не вернулся въ тотъ день домой.

Встревоженный его исчезновеніемъ дѣдъ послалъ разыскивать сына по знакомымъ и самъ отправился съ этою же цѣлью. На другой день кладбищенскіе сторожа замѣтили трупъ пропавшаго въ сидячемъ положеніи, въ рѣчкѣ, протекавшей въ то время черезъ все кладбище и теперь засыпанной. Молодой человѣкъ видимо пытался перейти ее, чтобы избѣгнуть далекаго обхода, и, благодаря внезапному припадку, захлебнулся.

Въ записяхъ дѣда стоитъ: «1832 года, 10-го іюня умеръ сынъ Александръ, которому житія было 19-й годъ». Съ большими усиліями удалось похоронить его, такъ какъ не всѣхъ утонувшихъ хоронили по чину православной церкви, но, благодаря личному знакомству покойнаго съ митрополитомъ, его похоронили.

Второй сынъ дѣда, Тихонъ, мой отецъ, по окончаніи курса въ Высшемъ училищѣ былъ отправленъ дѣдомъ въ Карачевъ для изученія торговли пенькою. Черезъ годъ онъ взялъ его обратно въ Петербургъ, чтобы помогать въ дѣлѣ.

Дѣдушка интересовался также и литературою, читалъ немало, для чего былъ и записанъ въ первой петербургской библіотекѣ Смирдина.

Большое знакомство у дѣда было съ чернымъ духовенствомъ, благодаря чему онъ состоялъ въ дѣятельной перепискѣ съ старцами монахами Оптиной пустыни: о. Леонидомъ, Макаріемъ, Моисеемъ и другими.

Точно также и многіе изъ братіи Александро-Невской лавры, въ томъ числѣ о.о. Ааронъ, Амвросій и другіе, довольно часто навѣщали дѣда.

Театры онъ посѣщалъ рѣдко, хотя сыновьямъ не препятствовалъ бывать въ нихъ.

Табаку дѣдъ не курилъ, но постоянное общеніе съ иностранцами пріучило его переносить этотъ запахъ, такъ что онъ не запрещалъ курить въ своемъ домѣ.

Въ дневникѣ его помѣчено: «14 мая 1832 года устроенъ въ Санктъ-Петербургѣ коммерческій судъ, судить будутъ свои купцы; толкуютъ, польза большая отъ этого будетъ торговымъ людямъ, въ Москвѣ тоже такой судъ устроенъ», ниже помѣчено: «Векселя представлять требуется въ него, тамъ же и разсужденіе будетъ».

Вскорѣ послѣ переѣзда въ новый домъ Егоръ Тихоновичъ завелъ пару лошадей для ѣзды по дѣламъ въ городѣ въ будни, а по праздникамъ катался на нихъ съ дѣтьми за городомъ.

Г. Т. Полиловъ (Сѣверцевъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПО СЛѢДАМЪ ГОЛОДА [1].

(Изъ воспоминаній очевидца).

XV.

Хорошіе люди.—Самоотверженные.

ВОТЪ КАКОЙ разсказъ я слышалъ отъ одного своего знакомца, земца сосѣдней губерніи, также голодавшей.

Она стояла такая тоненькая и такая худенькая передъ столомъ, за которымъ сидѣлъ нашъ предсѣдатель.

— Да вы садитесь, пожалуйста,—опомнился, наконецъ, послѣдній и пододвинулъ къ ней стулъ.

— Не безпокойтесь, прошу васъ, — отвѣчала она и вся вспыхнула румянцемъ на своихъ блѣдныхъ щекахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, садитесь, пожалуйста,—настаивалъ тотъ.—А то мнѣ передъ вами, какъ кавалеру передъ барышней, тоже стоять придется... А это мнѣ уже не по годамъ будетъ,—добродушно усмѣхнулся онъ.

При словѣ «барышня» она сдвинула свои тоненькія брови, но добродушный тонъ предсѣдателя заставилъ ихъ опять расправиться, и она даже улыбнулась своимъ худенькимъ, почти дѣтскимъ личикомъ.

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIV, стр. 1009.

— Такъ вы изъ Петербурга?—продолжалъ начатый разговоръ предсѣдатель.

— Да, изъ Петербурга,—отвѣчала она.

— Куда же мнѣ послать васъ?—въ раздумьѣ произнесъ онъ.— Вы ролью помощницы завѣдующей столовой удовлетворитесь?

— Пожалуйста,—отвѣчала она.—Я даже очень рада буду этому положенію. А то я боюсь, что при отвѣтственномъ дѣлѣ я не сразу попаду въ русло и, пожалуй, надѣлаю ошибокъ.

— Ну, вотъ и прекрасно... Значитъ, все устроилось хорошо.— Степанъ Михайловичъ, куда бы послать ихъ?—обратился онъ къ члену управы.

Степанъ Михайловичъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Я думаю, въ Тертюли.

— Къ Сосновской?

— Да. Вѣдь у нея цѣлыхъ четыре столовыхъ на рукахъ. Не управляется.

— Ну, вотъ и отлично! — отвѣчалъ предсѣдатель. — Условія службы вѣдь вамъ извѣстны?

— О, я за этимъ не гонюсь,—опять вспыхнула она.

— Ну, ну, и прекрасно. Предварительныхъ свѣдѣній вамъ нечего сообщить. Тамъ, на мѣстѣ, вамъ будетъ яснѣе, чѣмъ я вамъ бы цѣлый день разъяснялъ.

Она поднялась и хотѣла попрощаться.

— Однако какъ же вы поѣдете? — спросилъ затѣмъ предсѣдатель.

— Мимо Тертюлей я завтра ѣду,—сказалъ я.

— Барышню захватите?—обернулся онъ ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ.

И мы условились съ барышней относительно дня и часа отъѣзда.

Въ назначенное время я подъѣхалъ въ тарантасѣ къ нумерамъ, гдѣ помѣщалась пріѣхавшая изъ Петербурга барышня.

— Вы готовы?—спросилъ я, входя въ нумеръ.

— О, да, — послышался голосъ, и въ полутьмѣ крошечнаго нумерка я разсмотрѣлъ барышню, совсѣмъ одѣтую по-дорожному.

— А вашъ багажъ?

— Багажъ? А вотъ все.

И она показала на свой новенькій, но тощій чемоданчикъ.

— Omnia mea mecum porto,—сказала она при этомъ.

— Вы знаете по-латыни?

— Я слушательница С.-Петербургскихъ женскихъ курсовъ, — скромно отвѣчала она.

Мы садились въ это время въ тарантасъ.

— Да вы не суетитесь много-то, — съ улыбкой сказала она, видя, что я хлопочу около нея.—Я къ этому не привыкла.

Признаться, я вообще избѣгаю ѣздить по уѣзду съ дамами и по возможности стараюсь этого избѣгать. Но съ этой барышней (ее звали Александрой Ефимовной Баранниковой) я тутъ почувствовалъ себя совершенно свободно.

— Что у васъ въ Петербургѣ на счетъ голода поговариваютъ?— спросилъ я, когда мы выѣхали изъ города и ѣхали по пыльной дорогѣ.

Александра Ефимовна начала разсказывать.

Ни офиціальныя замалчиванія, ни сведеніе полнаго неурожая на степень «недорода» и голода на степень «недоѣданія» не могли обмануть лучшей и наиболѣе чуткой части русскаго общества относительно истиннаго положенія дѣла. Въ этомъ числѣ была и учащаяся молодежь.

— Вы не повѣрите,—говорила моя спутница,—какое удручающее впечатлѣніе производило на насъ чтеніе корреспонденцій изъ неурожайныхъ мѣстностей!.. Трудно повѣрить, а у многихъ изъ нашихъ виднѣлись на глазахъ слезы... Эти худыя, блѣдныя, безкровныя лица, кровоточащія десны, ужасные кровоподтеки,—буквально преслѣдовали насъ даже во снѣ... А чѣмъ время шло дальше, тѣмъ хуже... Просто мочи не стало. Намъ было совѣстно, что мы находимся въ относительномъ благополучіи и сытости, тогда какъ тамъ люди страшно голодаютъ, чуть не мрутъ отъ голода... Ну, многіе не вытерпѣли, побросали ученіе и снялись съ гнѣзда...

— И вы въ томъ числѣ?

— Да... какъ видите...

Я оглядѣлъ ея тоненькую, худенькую фигурку.

— А разсчитали ли вы свои силы?—спросилъ я.

Она взглянула на меня и засмѣялась.

— Это вы насчетъ того, что я выгляжу совсѣмъ дѣвочкой?

— Да,—сознался я.—На мой взглядъ вы плохи физически.

— Не безпокойтесь: я жилистая, — опять засмѣялась она. — Выдержу.

«Впрочемъ что-жъ», — подумалось мнѣ: — «чего энтузіазмъ не сможетъ сдѣлать?»

И мнѣ съ нею сдѣлалось такъ свободно, будто я былъ знакомъ съ нею много лѣтъ.

— Ну, а у васъ въ уѣздѣ какъ?—спросила она.

— Неважно, — отвѣчалъ я: — цынга, тифъ и тому подобныя прелести.

— Какъ я жалѣю, что не поступила на медицинскіе курсы,— въ раздумьѣ сказала она.

— Почему?

— Сколько бы теперь можно было пользы принести въ деревнѣ, обладая медицинскими знаніями, дѣйствовать навѣрняка, а не на ощупь, какъ теперь придется. Съ моей математикой далеко-то не уѣдешь,—усмѣхнулась она.

И она вперила свой взглядъ вдаль.

Когда мы проѣзжали черезъ какую-то деревню, я замѣтилъ, какъ моя спутница со вниманіемъ вглядывалась въ лица попадавшихся на встрѣчу мужиковъ, бабъ и ребятишекъ.

— Какія блѣдныя!..—произнесла она.

— Это еще что... Зимой хуже было...

Раскрытыя соломенныя крыши приводили ее въ еще большее удивленіе.

Я разсказалъ ей, что эта почернѣвшая солома была скормлена скоту за неимѣніемъ другихъ кормовъ, что масса крестьянскаго скота была продана за безцѣнокъ, и что, благодаря этому, мужицкое хозяйство подорвано въ своемъ корнѣ на долгіе годы.

Она слушала вся превратившаяся въ слухъ, съежившись въ какой-то маленькій комочекъ, съ широко раскрытыми, полными ужаса глазами.

— Какъ все это тяжело!.. — съ какимъ-то стономъ вырвалось у нея.—А тамъ десятки, сотни тысячъ бросаются зря направо и налѣво, на глупыя прихоти, наряды, кутежи, бросаются непроизводительно, только потому, что есть шальныя деньги, тогда какъ здѣсь каждая копейка могла бы облегчить нужду, утереть чью нибудь слезу.

Внутренно я невольно любовался этой маленькой энтузіасткой. Сколько любви, сколько жалости къ тѣмъ людямъ, которыхъ она никогда не знала и не видала, проглядывало въ ея словахъ, что я невольно проникся симпатіей къ этому маленькому, хрупкому, но сильному внутренней силой, существу.

— Славная вы!..—невольно вырвалось у меня.

Она вскинула на меня свои большіе черные глаза и гуще покраснѣла.

— Ужъ будто? — въ смущеніи произнесла она. — Насъ много такихъ...

И тотчасъ же перевела разговоръ на что-то другое.

Черезъ нѣсколько времени показались Тертюли.

— Вотъ мы и пріѣхали,—сказалъ я.

— Куда въѣзжать?—обернулся къ намъ ямщикъ.

— Смотри, гдѣ флагъ съ краснымъ крестомъ,—отвѣтилъ я.

Флагъ съ краснымъ крестомъ скоро былъ найденъ. Онъ висѣлъ надъ большой, довольно чистой съ виду избой съ крыльцомъ.

Когда мы подъѣхали къ послѣднему, дверь отворилась, и на порогѣ появилась молодая дѣвушка или женщина лѣтъ двадцати-трехъ-четырехъ. Что у нея бросилось мнѣ на видъ, такъ это ея большіе черные глаза, ярко выдѣлявшіеся на ея какъ будто

блѣдномъ и утомленномъ лицѣ. Я никогда не бывалъ въ Тертюляхъ и потому не видалъ завѣдующей столовой въ этой деревнѣ.

Я вылѣзъ изъ тарантаса и, подойдя къ ней, назвалъ себя.

— А это вотъ я вамъ помощницу привезъ, — сказалъ я, указывая на свою спутницу.

— Это хорошо, — отвѣчала она. — А то, правда, работы здѣсь ужасно много, и я еле управляюсь.

И она протянула руку Баранниковой.

Мы вошли въ избу.

— Что, господа, хотите — ѣсть или чай пить? — спросила хозяйка.

Отъ ѣды мы отказались, и черезъ нѣсколько времени на простомъ, некрашенномъ деревянномъ столѣ шипѣлъ самоваръ.

— А что у васъ дѣлается? — спросилъ я, когда мы сѣли пить чай.—Выкладывайте-ка скорѣе, а то Александра Ефимовна сгораетъ нетерпѣніемъ поскорѣе взяться за работу.

Сосновская съ хорошей улыбкой посмотрѣла на Баранникову и произнесла:

— О, если такъ, то работа у насъ пойдетъ, какъ по маслу.

И начала разсказывать.

Дѣйствительно, нужда въ Тертюляхъ была велика. Цынга захватила нѣсколько сотъ человѣвъ, многіе лежали въ тифѣ. Возня съ четырьмя столовыми отнимала у Сосновской массу времени. Нужно была входить въ самыя разнообразныя мелочи, вести самый тщательный списокъ прихода и расхода денегъ и матеріаловъ. Въ каждой столовой нуженъ свой глазъ, чтобы не было какихъ либо недоразумѣній и нареканій.

— Больничка есть у васъ?—спросилъ я.

— Есть. И даже двѣ: въ одной цынготные, въ другой тифозные.

— И кто ими завѣдуетъ?

— Разъ въ два дня изъ Унгаръ пріѣзжаетъ сюда студентъ-медикъ, Владимиръ Николаевичъ Каптеревъ. Осматриваетъ всѣхъ больныхъ и выдаетъ лѣкарства.

— А остальное время?

— Я,—улыбаясь ясной улыбкой, отвѣчала Сосновская.

Я былъ изумленъ.

— Справляетесь и со столовыми, и съ больничками?

— Что же дѣлать?—продолжала улыбаться хозяйка.—Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ.

Я подивился этой энергіи. Кажется, только русская женщина способна на такой самоотверженный подвигъ.

— Ну, теперь, слава Богу, будетъ полегче. Мы съ Александрой Ефимовной раздѣлимъ работу.

Въ это время на улицѣ послышались колокольчики.

— Кто-то ѣдетъ,—сказалъ я.

— А это, навѣрное, тотъ студентъ, про котораго я говорила вамъ,—сказала хозяйка.

Я выглянулъ въ окно.

Около избы остановилась пара лошадей, и изъ тарантаса вылѣзъ молодой человѣкъ въ сѣрой тужуркѣ и въ форменной студенческой фуражкѣ. Черезъ минуту онъ входилъ въ комнату.

Поздоровавшись съ Сосновской и познакомившись съ моей спутницей, онъ подалъ мнѣ руку.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ.—И вы въ нашихъ краяхъ!

Я узналъ его и еле вѣрилъ глазамъ, такъ какъ едва могъ узнать въ этомъ похудѣвшемъ загорѣломъ человѣкѣ того Каптерева, котораго я мѣсяцъ тому назадъ видѣлъ въ управѣ.

— Что съ вами, Владиміръ Николаевичъ?—спросилъ я.—Изработались, что ли?

— Есть малость,—отвѣчалъ съ усмѣшкой Каптеревъ.—Работы вдоволь. Ѣзды больно много...

Мы разговорились о положеніи его округи. Цынга, хотя слабо, но все-таки ослабѣвала, да и тифъ подается.

— Но все-таки дѣла еще немало,—заключилъ онъ свой разсказъ.

— А, не знаете,—обратился онъ вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ:—какъ рѣшили насчетъ скотины?

Я отвѣчалъ, что правительствомъ производятся закупки лошадей для раздачи населенію на льготныхъ условіяхъ.

— Да, да... Это необходимо... Вѣдь безъ скотины мужикъ — ничто.

Александра Ефимовна съ жадностью слушала наши разговоры, вся превратившись въ слухъ.

— Ну, что,—обратился я вслѣдъ затѣмъ къ ней:—слыхали ли вы что подобное въ вашемъ Петербургѣ?

— О,—воскликнула она,—и десятой доли всѣхъ этихъ ужасовъ тамъ не знаютъ!..

«Да и на самомъ дѣлѣ», — подумалось мнѣ, — «гдѣ же имъ знать-то?... Вѣдь тамъ всѣ, какъ въ туманѣ, бродятъ... Ничего яснаго, ничего опредѣленнаго... Либо сильное преувеличеніе, либо огульное отрицаніе... Неурожай тамъ окрестили «недородомъ», голодъ—«недоѣданіемъ»... А на самомъ дѣлѣ, люди чуть не съ голоду мрутъ, въ цынгѣ валяются, отъ тифа къ праотцамъ отправляются»...

И мнѣ вспоминались грозныя филиппики нѣкоторыхъ нашихъ доморощенныхъ уѣздныхъ демосѳеновъ, изъ лика недовольныхъ мѣропріятіями правительства и земства въ пользу голодающаго населенія, относительно развращающаго вліянія благотворительности и даровой помощи, относительно наступившей «оргіи благотворительности».

Я разсказалъ это своимъ собесѣдникамъ.

Блѣдное лицо Каптерева при этомъ покрылось краской, углы рта судорожно подернулись, и онъ воскликнулъ:

— Посадилъ бы я этихъ господъ на теперешній режимъ... Подвело бы у нихъ брюхо съ голоду, такъ не стали бы такъ говорить... Мужику ѣсть нечего, а они «оргія благотворительности», «развращающее вліяніе даровой помощи»...

— Они вѣдь и словечко-то это—«недоѣданіе»—выдумали лишь для того, чтобы и себя и другихъ успокоить да обмануть,—продолжалъ онъ.—Никто не отрицаетъ, что крестьянинъ иногда пускается на плутни, чтобы обмануть завѣдующихъ раздачей казеннаго хлѣба и столовыми... Вонъ,—усмѣхнулся онъ, кивая головой на Сосновскую,—у Анны Степановны одинъ лимонъ изъ ея рукъ къ мужикамъ, а отъ нихъ опять къ ней пять разъ переходилъ!

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— А вотъ какъ. Она цынготнымъ раздавала лимоны. Вѣдь вы знаете, что лимонъ и разная другая кислятина считаются чуть не specificum при цынгѣ. А нѣкоторые изъ нашихъ милыхъ больныхъ, вмѣсто того, чтобы ихъ кушать, предпочитали ихъ продавать мѣстному лавочнику. Когда у Анны Степановны запасъ лимоновъ выходилъ, она покупала ихъ у этого лавочника. И оказалось, что одинъ лимонъ, который она замѣтила крестикомъ на кожѣ, переходилъ изъ ея рукъ къ мужикамъ и обратно пять разъ...

Мы всѣ засмѣялись.

— Ну, это у нея было на первыхъ порахъ... А потомъ она обстрѣлялась и перестала давать лимоны цѣльными, а разрѣзала ихъ пополамъ. А такихъ-то лавочникъ, конечно, не бралъ.

Во время разговора Анна Степановна наливала намъ стаканы и разсказывала различные эпизоды по завѣдыванію столовыми.

— А кстати,—сказалъ Каптеревъ,—о «развращающемъ дѣйствіи даровой помощи». Вѣдь нашъ мужикъ вообще не избалованъ этой даровой помощью. Вотъ и теперь многіе изъ крестьянъ еще не вѣрятъ, что находятся такіе люди, которые чуть не даромъ идутъ помогать имъ, что помощь, оказываемая имъ, даровая. Въ этомъ селѣ, когда была открыта первая столовая, ходилъ слухъ, что за обѣды съ нихъ будетъ потомъ взыскиваться, и мнѣ большого труда стоило убѣдить ихъ, что это не правда. Когда этотъ слухъ улегся, пошелъ циркулировать другой, что вся эта даровая помощь «отъ антихриста», и что за это на обѣдающихъ будетъ потомъ накладываться «антихристова печать».

— У меня въ участкѣ,—продолжалъ разсказывать онъ,—есть нѣсколько татарскихъ деревень. Когда была всеобщая перепись, во многихъ изъ нихъ было страшное волненіе, такъ какъ среди нихъ ходилъ слухъ, что ихъ потомъ крестить будутъ. Чуть не цѣлые бунты бывали, такъ что въ одну изъ этихъ деревень при-

шлось вызвать войска, пріѣхалъ вице-губернаторъ, и была форменная порка. Ну, а теперь они ничего, всѣ идутъ въ столовыя, и даже красный крестъ на флагѣ ихъ не смущаетъ.

Мнѣ пора было ѣхать. Одновременно со мной поднялся и Каптеревъ. При прощаньѣ онъ крѣпко пожалъ руку Сосновской и такъ посмотрѣлъ на нее, что она густо покраснѣла.

Я усмѣхнулся.

— Тутъ романъ,—подумалось мнѣ.

Они оба мнѣ нравились, такъ что я, признаться, пожелалъ дальше развиваться этому роману.

Почти цѣлый мѣсяцъ мнѣ не пришлось быть въ Тертюляхъ У насъ, въ Заимкѣ (такъ называлось мѣсто около пароходныхъ пристаней), началась гужевая перевозка хлѣба съ баржей, застигнутыхъ морозомъ около устья Камы. Хлѣбъ этотъ предназначался для голодающихъ губерній, смежныхъ съ нашей. Приходилось ѣздить туда чуть не каждый день.

О томъ, что дѣлалось въ Тертюляхъ, я такъ бы и не зналъ долгое время, если бы не письмо Александры Ефимовны, которое я получилъ, мѣсяцъ спустя, какъ отвезъ ее въ это село.

«Если бы вы знали, уважаемый»,—писала она,—«какъ я рада, что вздумала ѣхать сюда, въ голодающія мѣстности! Никакія книги, никакіе разговоры не могутъ дать даже отдаленнаго представленія о томъ, что дѣлается здѣсь!.. Всѣ эти голодающіе, цынготные и тифозные производятъ такое впечатлѣніе, что память о нихъ не изгладится, кажется, до конца твоихъ дней. И какая радость, какое сильное нравственное удовлетвореніе получаешь, если удастся утереть хоть одну слезу страдающихъ братій!.. Мое сердце всегда наполняется тихой радостью, когда видишь, что изъ столовой, съ удовлетворенными лицами, выходятъ ребятишки, когда начинаетъ двигаться лежавшій до того со скрюченными ногами цынготный, или приходитъ въ себя и начинаетъ отвѣчать на твои вопросы лежавшій въ безпамятствѣ тифозный больной. Мнѣ кажется, что я здѣсь оживаю, что съ меня спадаетъ вся старая шелуха, что здѣсь, среди этихъ страданій, становишься лучше и чище душой, что только здѣсь научаешься, какъ слѣдуетъ, любить людей, что человѣконенавистничеству здѣсь нѣтъ мѣста...

«А работы здѣсь по горло. Лишь встанешь утромъ, начинается выдача провизіи, ея взвѣшиваніе, записываніе. Затѣмъ обходъ больныхъ въ обѣихъ больничкахъ, раздача лѣкарствъ, перевязки. Затѣмъ кормленіе обѣдомъ голодающихъ и больныхъ. Потомъ опять къ больнымъ. И только вечеромъ имѣешь возможность вздохнуть свободно. Да и то не всегда, такъ какъ приходится кое-что приготовить назавтра.

«Но кто положительно изумляетъ меня своей энергіей, такъ это Анна Степановна. Съ самаго ранняго утра до поздней ночи она на ногахъ. Нѣтъ ни одной мелочи, въ которую бы она ни входила лично. Нужно видѣть, съ какимъ терпѣніемъ она переноситъ капризы больныхъ, какъ самоотверженно ухаживаетъ за ними. Я серіозно опасалась за нее, когда она три дня подъ рядъ просидѣла у постели больного тифознаго. Я думала, что она и сама заболѣетъ. Она не позволяла сидѣлкѣ перемѣнить пузыря со льдомъ на головѣ больного, а дѣлала все это сама. Я нѣсколько разъ предлагала ей смѣнить ее, но она на это не соглашалась.

«— Спасибо вамъ, милая, — отвѣчала она всегда въ такихъ случаяхъ. — Когда будетъ нужно, я васъ позову.

«И не позвала.

«Или добавитъ еще:

«— Это нашъ долгъ...».

Спустя нѣсколько дней, мнѣ пришлось опять ѣхать черезъ Тертюли.

Было начало мая. Мое сердце радовалось, глядя на зеленѣющіе всходы. По всему было видно, что неурожай въ нынѣшнемъ году не повторится, и деревня вздохнетъ свободно. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ были розданы правительствомъ лошади, и на нихъ крестьяне работали въ полѣ.

Въ Тертюляхъ я остановился на взъѣзжей, чтобы привести себя въ нѣкоторый порядокъ. Когда я входилъ въ сѣни взъѣзжей квартиры, дверь въ переднюю комнату отворилась, и оттуда вынырнулъ какой-то мужикъ, хриплымъ голосомъ кому-то прокричавшій въ заднюю половину:

— Мавра! Принеси скорѣй солененькихъ огурцовъ...

Увидавъ меня, онъ посторонился, и я вошелъ въ переднюю комнату.

Тамъ за столомъ, на которомъ стояла бутылка водки, нѣсколько рюмокъ и какая-то снѣдь, сидѣлъ мужчина, одѣтый въ поддевку и щегольскіе сапоги (излюбленный костюмъ въ нашемъ уѣздѣ даже среди интеллигенціи).

При скрипѣ отворяемой двери онъ оглянулся, — и я узналъ извѣстнаго всему нашему уѣздному городу «Левку», какъ всѣ звали его, сына одного богатаго купца.

Онъ узналъ меня.

— А, кого я вижу! — воскликнулъ онъ.

По голосу я сразу увидалъ, что Левка былъ уже пьянъ. Встрѣча эта нисколько меня не радовала, такъ какъ я зналъ, что отъ Левки не такъ-то легко отдѣлаться.

Онъ былъ большой руки шелопай, чуть не всегда пьяный, нахальный, грубый и всегда выкидывавшій какой нибудь «фортель». Чуть не всѣ обыватели нашего городишка его избѣгали, боясь съ его стороны какой нибудь грубости или нахальства.

— Какими судьбами въ сіи края попали?

— Я-то по дѣлу. А вотъ вы какъ?

— Съ папенькинаго хутора проѣздомъ. Родитель послалъ туда скотину перебирать на продажу. Хочетъ теперь деньгу зашибить. Съ прошлой осени мы скотину чуть не задаромъ скупали, а теперь она въ цѣнѣ.

— А это что же?—указалъ я на столъ, снимая верхнюю одежду.

— Со скуки вотъ съ хозяиномъ развлекаемся... Не хотите ли опрокидончикъ сдѣлать?

Я отказался и сталъ вынимать изъ чемодана пиджакъ посвѣжѣе.

— Куда это вы наряжаетесь такъ?—спросилъ Левка.

Пришлось сказать ему, что иду навѣстить завѣдующихъ столовыми.

— Дамскаго сословія?

— Да, — нехотя протянулъ я, ожидая отъ него какой нибудь «штуки».

И, дѣйствительно, онъ выкинулъ ее.

— Ну, и я съ вами... А то надоѣло съ мужиками водку тянуть,—рѣшилъ онъ.

Разумѣется, въ мои расчеты вовсе не входило брать этого нахала къ своимъ знакомымъ, и потому я холодно отвѣтилъ ему:

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста... Нисколько не имѣю желанія вести васъ туда.

— А что?—осклабился Левка.—Али рожей не вышелъ?.. А что пьянъ-то, такъ это все единственно... Дамы даже уважаютъ это... Потому въ такомъ разѣ человѣкъ даже развязнѣе бываетъ... А имъ смѣлость въ мужчинѣ даже очинно нравится... Да и что за графини такія завелись здѣсь у васъ?.. Неприступны ужъ онѣ, что ли?.. Знаемъ мы ихъ довольно... Вонъ въ Азямовѣ дѣвочка одна около столовыхъ состоитъ... Прелесть что такое... И ужъ очень любитъ меня... Потому я ей и на кофточку, и провизійки, и все такое...

Я видѣлъ, что пьяный Левка вретъ, и потому не сталъ съ нимъ спорить...

— И все-таки я отклоняю ваше предложеніе,—рѣшительно сказалъ я, выходя изъ избы.

— Али не нравимся?.. Канкаренціи боитесь, видно? Ну, и наплевать вамъ...—послышалось мнѣ въ слѣдъ.

Эта непріятная встрѣча была мною позабыта, когда я подходилъ къ дому съ флагомъ Краснаго Креста.

— Дома кто?—спросилъ я высунувшуюся изъ окна женщину.

— Никого нѣту. Обѣ въ цынготной больничкѣ,—отвѣчала она.

Я отправился туда.

Подъ цынготную больничку была отведена новая изба на задахъ усадьбы какого-то богатаго крестьянина. Изба была большая, просторная и свѣтлая. По обѣ стороны отъ входа по стѣнамъ были устроены нары съ соломенными матрацами, покрытыми чистымъ бѣльемъ. Десятка два-три больныхъ съ скрюченными членами лежали на нихъ. За эту зиму я достаточно нагляделся на разныя «голодныя», «тифозныя» и «цынготныя» картины — и потому настоящая не произвела на меня такого впечатлѣнія, когда я увидалъ цынготныхъ въ первый разъ.

Обѣ мои знакомыя были тутъ. Анна Степановна поила больную бабу какимъ-то лѣкарствомъ, а вторая растирала кому-то колѣнный суставъ какой-то мазью, острый запахъ которой сразу ударилъ мнѣ въ носъ.

— Работаете?—спросилъ я, поздоровавшись съ ними.

— Сейчасъ кончаемъ,—отозвалась Анна Степановна.

— Ну, а я побѣгу домой, — сказала Александра Ефимовна. — Велю тамъ самоваръ ставить.

— А вы, однако, барышня, похудѣли,— сказалъ я ей.

Дѣйствительно, у Баранниковой черты ея тонкаго и худощаваго лица еще болѣе обострились, и только большіе черные глаза еще ярче выдѣлялись на ея блѣдномъ лицѣ.

Въ отвѣтъ она беззаботно тряхнула головой и весело отвѣчала:

— Не бѣда... Это воротится... Зато! живу...

— Значитъ, довольны?

— Очень,—воскликнула она.

— Ну, и слава Богу.

Баранникова ушла. Вслѣдъ за ней двинулись и мы.

Я просидѣлъ у нихъ часа два. Изъ разговоровъ выяснилось, что цынга начала ослабѣвать, хотя тифъ все еще держался. Я полюбовался еще разъ энергіей этихъ двухъ самоотверженныхъ дѣвушекъ и, распростившись съ ними, поѣхалъ дальше.

«Пишу вамъ, уважаемый Константинъ Степановичъ, нáскоро. Некогда. Анна Степановна лежитъ въ тифѣ. Осложнился менингитомъ. Каптеревъ въ отчаяніи, растерялся и въ силу этого никуда негоденъ. Пошлите, если можно, врача. А. Б.».

Этотъ маленькій клочекъ бумаги, эти немногія слова такъ много говорили мнѣ, что я тотчасъ же послалъ за лошадьми, зашелъ къ нашему земскому врачу и уговорилъ его ѣхать со мною.

— Да что она вамъ — родная, что ли, али возлюбленная,— съ своей обычной циничной усмѣшкой спросилъ онъ: — что вы меня въ этакую даль тащите?..

И сколько я ни старался выйти изъ сферы этихъ его подозрѣній старый холостякъ повторялъ свое неизмѣнное:

— Ну, ну, ладно... Не заговаривайте зубы-то... Не влюблены, такъ влюбитесь... Это ужъ я вижу...

Когда мы пріѣхали въ Тертюли, первое, что намъ попалось на глаза въ квартирѣ съ краснымъ крестомъ, было заплаканное лицо хозяйки квартиры, Домны.

— Ну, что, Домна, какъ? — спросилъ я её.

— Плохо, батюшка баринъ, плохо,—утирая слезы, сказала старуха.—Безъ памяти, почесь, лежитъ все...

Вышедшая къ намъ Александра Ефимовна была на себя не похожа,—до того она похудѣла и поблѣднѣла.

На вопросъ доктора, гдѣ больная, она молча указала на сосѣднюю комнату.

— И Каптеревъ тамъ, — сказала она. — Теперь въ себя начинаетъ приходить... Вѣдь онъ такъ её любилъ,—прибавила она тише.

Докторъ ушелъ туда, а я остался съ Александрой Ефимовной и сталъ ее разспрашивать, какъ это случилось, что Анна Степановна захворала.

— Да какъ случилось? Развѣ вы ея не знаете?... Провела нѣсколько ночей у постели тифознаго больного и заполучила... Ужъ какъ я ее ни уговаривала отдохнуть немного, Каптеревъ даже ругаться принялся, — ничего не дѣйствовало... Точно нарочно заразиться хотѣла...

Я тихо вошелъ въ комнату больной.

Она лежала, вся разметавшись на постели, смотрѣла во всѣ глаза, но не понимала ничего и никого не узнавала. Докторъ держалъ ее за руку и считалъ пульсъ.

— А температура?—спросилъ онъ стоявшаго подлѣ Каптерева.

Этотъ послѣдній сильно осунулся, похудѣлъ и поблѣднѣлъ.

— Сорокъ и три десятыхъ,—отвѣчалъ онъ.

Докторъ покачалъ головой.

— Ну, что?—спросилъ я его, когда мы всѣ вышли въ другую комнату.

— Скверно,—отвѣчалъ онъ.

— Выживетъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Кто знаетъ?.. Тутъ еще этотъ менингитъ...

Когда мы, вслѣдъ за этимъ, сидѣли за самоваромъ, въ комнату вошелъ Каптеревъ.

— Умретъ?—какимъ-то надтреснутымъ голосомъ спросилъ онъ у доктора.

Тотъ въ отвѣтъ только пожалъ плечами.

Каптеревъ какъ-то грузно рухнулся на стулъ и, схвативъ въ руки голову, тихо зарыдалъ...

Мы ему не мѣшали.

— Онъ ей сдѣлалъ предложеніе, — тихо сказала мнѣ Баранникова.

— Ну, барышня, — сказалъ докторъ, — вотъ вамъ порученія относительно больной. Я ужъ вамъ все скажу... На него надежда-то плоха... Какъ бы и самъ не заболѣлъ,—кивнулъ онъ головою на Каптерева, продолжавшаго тихо всхлипывать.—Я у васъ останусь до завтра... Ну, а больше не могу... У самого въ городѣ дѣла по самое горло... Да и дальнѣйшее мое присутствіе здѣсь излишне будетъ... Все остальное можете сами сдѣлать... Правацевскій шприцъ есть у васъ, коллега?—окликнулъ онъ Каптерева.

Тотъ поднялъ голову, взглянулъ на него своими мутными отъ слезъ глазами, нахмурилъ лобъ, какъ бы стараясь воспринять мозгомъ слова доктора, и отвѣчалъ, немного подумавши:

— Есть...

— Ну, на всякій случай я вамъ оставлю растворъ коффеина... Будете вспрыскивать при сердечной слабости... Остальное я разскажу барышнѣ...

Я вышелъ изъ избы на улицу. Человѣка четыре мужиковъ сидѣли на заваленкѣ и тихо разговаривали. При моемъ появленіи они встали.

— А что, ваше благородіе,— отдѣлился одинъ изъ нихъ и подошелъ ко мнѣ:—плоха, видно, барышня-то?

— Плоха, братъ,—отвѣчалъ я.—Какъ бы не померла.

— Охъ, Господи!—охнулъ спрашивавшій.

— Развѣ жалко тебѣ?

— Да коли же, ваше благородіе, батюшка, и не жалко-то?.. Кабы не она, болѣзная, такъ меня бы давно и на свѣтѣ-то не было бы... Когда я лежалъ въ горячкѣ зимой, такъ она отъ меня, почитай, что и не отходила, пока я въ себя не пришелъ... Ужъ такъ сердечная ходила, ровно бы за роднымъ, дай Богъ ей житья...

— Это ужъ вѣрно что, — подтвердилъ другой мужикъ, пожилыхъ лѣтъ, съ просѣдью въ бородѣ.—Коли я цынгой болѣлъ, всѣ ноги у меня вó какъ скрючило... Ни согнуть, ни разогнуть поясницы я не могъ... Такъ она все сама мнѣ ноги-то растирала да во рту мазью мазала... И всѣмъ такъ-то въ больничкѣ-то... Ужъ подлинно уходъ былъ за нами!.. Справитъ все, да около насъ сядетъ и почнетъ насъ забавлять... Разсказы разные разсказываетъ, а то и божественное что почитаетъ... Мы только дивились: и когда она отдыхаетъ-то только?

— А посмотрѣли бы вы на нее въ столовой!.. — подхватилъ третій.—Ребятишки въ ней души не чаютъ... Такъ и не отходятъ отъ нея... Мой парнишка одно время такъ совсѣмъ сбѣгъ изъ дому... «Хочу,—гритъ,—къ тетѣ...». Такъ недѣли съ двѣ и жилъ у нихъ на куфнѣ.

— Обѣ такія славныя да сердечныя, что просто диву даешься... Кажись, чужой мы для нихъ народъ, а ровно какъ бы свои, родные...

Я еще немного поговорилъ съ мужиками и вернулся въ избу.

Отъ этихъ разговоровъ, при мысли о могущей быть смерти Анны Степановны, еще тяжелѣе становилось у меня на сердцѣ.

Катастрофа не замедлила себя ждать.

Какъ ни ухаживали мы за больной, какъ сами ни болѣли за нее душой, но черезъ два дня Анна Степановна умерла.

За все время она не приходила въ себя. Лишь не задолго передъ смертью она открыла глаза и остановила свой взглядъ на насъ. Видимо, она искала кого-то. Я тихонько выдвинулъ впередъ Каптерева. Онъ съ тихимъ стономъ опустился возлѣ ея кровати.

Она узнала его, положила свою тонкую прозрачную руку на его голову и что-то тихо прошептала... И затѣмъ опять впала въ безпамятство...

Какъ сейчасъ, я вижу ее тонкую, похудѣвшую, съ восковымъ лицомъ, съ обострившимся носомъ... Въ душѣ невольно шевелились укоры судьбѣ, а въ умѣ вставалъ неотвязный (а, пожалуй, и праздный) вопросъ:

— За что? За что такъ рано погибла эта молодая жизнь? Къ чему она отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть?..

И, конечно, никакого отвѣта на это не находилось...

И въ эту минуту жизнь казалась мнѣ не разумнымъ проявленіемъ природы, а лишь рядомъ случайностей, безъ связи, безъ цѣли, безъ причины, безъ опредѣленнаго плана...

Похороны были скромныя, какъ была скромна сама эта безвѣстная труженица... Изъ интеллигенціи никого не было, кромѣ Каптерева, меня да земскаго начальника, сосѣдняго помѣщика. Но зато обитатели Тертюлей явились чуть не всей деревней проводить свою печальницу. Мѣстами бабы плакали навзрыдъ, да и у мужиковъ я видѣлъ взволнованныя лица. Когда могила была засыпана, и надъ свѣжей насыпью прозвучало послѣднее «надгробное рыданіе», съ Каптеревымъ сдѣлалось дурно.

— Истинно, душу свою положила за други своя, — сказалъ священникъ, когда мы тихо возвращались съ кладбища, удрученные этой безвременной смертью, этой ранней кончиной одной изъ многихъ безвѣстныхъ труженицъ этого тяжелаго времени...

XV.

Хорошіе люди.—Первыя впечатлѣнія.

Я совершенно случайно попалъ въ усадьбу Говоруновыхъ: меня загнала сюда вьюга.

Мы съ моимъ ямщикомъ думали проѣхать въ одно селеніе ближе и рѣшили ѣхать черезъ лѣсъ, желая этимъ выгадать верстъ шесть—семь. Но мы не разсчитали кое-чего, а именно того, что выѣхали подъ вечеръ, и того, что дороги могли быть совершенно занесены въ мало-знакомомъ намъ, даже исколесившему вдоль и поперекъ весь уѣздъ моему Степану, лѣсѣ.

Такъ и случилось.

Въѣхавъ въ самую чащу лѣса, мы уже не знали, куда ѣхать. Дорога была занесена, а просвѣты между деревьями были такъ часты, что мы не знали, по которому идетъ дорога.

— Какъ же теперича быть? — спросилъ, оборачиваясь ко мнѣ, Степанъ.

— А это ужъ тебѣ лучше знать, — смѣясь отвѣчалъ я, привыкнувъ относительно дороги во всемъ полагаться на ямщиковъ.

— Не ночевать же намъ здѣсь?—продолжалъ Степанъ.

— Я тоже такъ думаю.

— Только куда же ѣхать-то?.. Въ которую сторону?..

— Это ты самъ разсуди, — отвѣчалъ я и покрѣпче закутался въ свой романовскій тулупъ.

Степанъ поохалъ, поохалъ, побродилъ вокругъ лошадей, къ чему-то поправилъ на нихъ сбрую, смахнулъ снѣгъ съ челки коренника и опять обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Куда же ѣхать-то?

— Вали прямо.

Степанъ принялъ мой отвѣтъ, должно быть, за насмѣшку и проворчалъ:

— Прямо-то только однѣ вороны летаютъ...

Затѣмъ сѣлъ на облучекъ, почмокалъ языкомъ и, указывая кнутомъ на болѣе широкую прогалину, сказалъ:

— Надоть полагать, что эта...

И тронулъ лошадей.

Онъ не ошибся, и мы скоро выѣхали изъ лѣса на дорогу.

— Ну, теперича надоть налѣво ѣхать... Тутъ какъ разъ къ Акулькинымъ выселкамъ выѣдемъ, — сказалъ онъ и рысцой пустилъ лошадей по запорошенной выпавшимъ снѣгомъ дорогѣ.

Почти съ часъ мы ѣхали по ней, какъ вдругъ Степанъ остановилъ лошадей.

— Вотъ такъ штука!.. — сказалъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ.— А, баринъ?

— Что такое?

— Да это-то какъ же на лѣвой сторонѣ?—указалъ онъ кнутомъ на небольшую каменную часовенку. — Вѣдь, коли ѣхать къ Омутамъ, такъ часовня-то съ правой стороны будетъ.

— Стало быть, выходитъ, что когда мы выѣхали изъ лѣса, такъ надобно было брать направо, а не налѣво.

— Стало быть, что такъ... Какъ же теперь быть?

— Воротиться назадъ, придется, видно.

— Почитай что верстъ семь или восемь отмахали... И теперь назадъ... Обидно...

— Что-жъ дѣлать..: Ничего не подѣлаешь...

Начала заворачивать вьюга.

Степанъ уже повернулъ было лошадей назадъ, какъ вдругъ сказалъ:

— А не проѣхать ли намъ къ Говоруновымъ?

— Кто такіе эти Говоруновы?

— Баринъ тутъ одинъ есть. Въ Батракахъ.

— А далеко?

— Нѣ... Верстъ съ пятокъ будетъ...

— Вези, мнѣ все равно...

— И отлично... А то назадъ восемь верстъ, да тамъ верстъ десять до Акулькиныхъ выселокъ... Какъ разъ лошадей измаешь... Да вона какая заворачивать стала...

Мы безъ приключеній добрались до Батраковъ, когда вьюга разыгралась уже во всю.

Я не былъ знакомъ съ Говоруновымъ и велѣлъ Степану ѣхать на взъѣзжую.

— Вотъ стòитъ на взъѣзжую... — отвѣчалъ онъ. — Клоповъ-то кормить... Валите прямо къ Говорунову... Добрый баринъ... Не откажетъ въ ночлегѣ...

Я согласился, и дѣйствительно мнѣ въ ночлегѣ не отказали.

— И отлично сдѣлали, что завернули ко мнѣ,—встрѣтилъ меня среднихъ лѣтъ господинъ, когда я влѣзъ въ переднюю маленькаго барскаго дома и представился ему.

— И отлично, что сдѣлали такъ... Самъ когда-то служилъ въ земствѣ и знаю, каково на взъѣзжихъ-то валяться... Разоблачайтесь-ка да проходите сюда...—указалъ онъ на слѣдующую комнату.

Я освободился отъ бараньяго тулупа, валеныхъ сапоговъ и привелъ себя съ помощью гребенки въ возможный порядокъ.

— Вотъ сюда,—приглашалъ Говоруновъ, отворяя передо мною дверь.

Мы вошли.

Тамъ за столомъ сидѣло три фигуры: пожилая женщина, молоденькая дѣвушка лѣтъ семнадцати-восемнадцати и среднихъ лѣтъ особа въ бѣломъ передникѣ, должно быть, экономка или горнич-

ная. Въ рукахъ у всѣхъ была работа, и онѣ что-то шили изъ грубаго полотна.

Я назвалъ себя.

— Очень рада, что вы заѣхали къ намъ, — сказала m-me Говорунова.—Мы вотъ съ начала зимы здѣсь, какъ на необитаемомъ островѣ. Только газеты да почтовыя повѣстки и соединяютъ еще насъ съ остальнымъ міромъ.

— Голодающихъ мои барыни кормятъ,—сказалъ Говоруновъ.— Ну, и не хотятъ никуда ѣхать... Вотъ Вѣруньку я звалъ было въ К... Пусть бы провѣтрилась, въ театръ сходила, у подругъ побывала... Не хочетъ...

— Будущей зимой, папа,—улыбаясь отвѣчала барышня.—Тогда я тамъ за обѣ зимы навеселюсь.

— Некогда, видите, ей: голодающіе—забота у нихъ... Вонъ рубашки имъ шьютъ... У многихъ ребятишки, почитай, нагишомъ бѣгаютъ... Ни одежды теплой, ни даже рубашенокъ...

— А столовая у васъ есть?—спросилъ я.

— Какъ же... Мы и здѣшней и еще въ двухъ деревняхъ завѣдуемъ... Онѣ всѣми тремя завѣдуютъ...

— Какова нужда?

Начался разговоръ о нуждѣ, передавать который я изъ боязни часто повторяться не буду, такъ какъ вездѣ нужда въ общихъ чертахъ была одинакова, разнясь лишь въ деталяхъ.

— Вонъ завтра Вѣрунька ѣдетъ въ Пушное. Тамъ хотятъ тоже устроить столовую... Деревенька совершенно въ сторонѣ и бѣдная... Ѣдетъ завтра туда разузнать размѣры голода...

У меня мелькнула мысль.

— Я съ удовольствіемъ бы съѣздилъ въ Пушное съ Вѣрой...

— Степановной,— подсказала она мнѣ, поднимая свое лицо.— Что-жъ ѣдемте... Можно, мама?—спросила она, обращаясь къ матери.

— Ты знаешь, что мнѣ вовсе не хотѣлось бы пускать туда тебя одну,— отвѣчала та.— Не остережешься еще — и тифъ, чего добраго, схватишь...

— Ничего не схватитъ,—сказалъ отецъ.—Пусть ее ѣдетъ одна... Непосредственнѣе впечатлѣнія будутъ...

— Развѣ Вѣра Степановна одна ѣдетъ?—спросилъ я.

— Пусть ее ѣдетъ съ вами,—отвѣчалъ отецъ.

— Вотъ и отлично,—отвѣчала Вѣра Степановна.—Отецъ меня въ первый разъ пускаетъ одну къ голодающимъ... Вы мнѣ поможете разобраться въ впечатлѣніяхъ... если захотите, конечно...

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ я.

— А то я, пожалуй, по неопытности, впросакъ попаду.

— А главное,—сказалъ Говоруновъ,—давай вѣру первому впечатлѣнію и не разрушай его разными предвзятыми взглядами и

скептическимъ отношеніемъ къ дѣлу... Впрочемъ, ей здѣсь и негдѣ заразиться скептицизмомъ...

Дѣйствительно, здѣсь нельзя было заразиться скептицизмомъ.

На утро мы поднялись рано и отправились въ дорогу.

Вѣра Степановна казалась такой смѣшной въ большомъ тулупѣ, въ которомъ она буквально утонула, да еще сверху укутанная теплымъ платкомъ.

— Не поѣхать ли и мнѣ съ тобой, Вѣра? — сказала, стоя на крыльцѣ, Говорунова.—Боюсь тебя одну-то пускать... Богъ знаетъ, что можетъ случиться...

— Ничего не случится... И самой тебѣ не зачѣмъ ѣхать,—отвѣчалъ Говоруновъ.—Вы выпроводите ее изъ Пушного?

— Да, — отвѣчалъ я. — Конечно, я останусь тамъ до конца осмотра.

Мы тронулись.

— Вѣра!.. Поосторожнѣй ты тамъ...—послышался намъ въ догонку голосъ Говоруновой.

Дорога до Пушного была ровная, гладкая. Лошади бодро бѣжали по засыпанной ночью снѣгомъ дорогѣ.

Я оглядывался нѣсколько разъ назадъ и видалъ выглядывавшее изъ тулупа тоненькое личико Вѣры Степановны.

Вскорѣ показалось Пушное.

— Ну, и деревенька,—сказалъ Степанъ.

— А что?

— Самая что ни на есть бѣднѣющая... Приходилось мнѣ раза три проѣзжать черезъ нее... Бѣдность непокрытая... А теперь, поди, еще хуже...

Дѣйствительно, нужда въ Пушномъ, должно быть, была очень велика: соломенныя крыши, которыми были крыты избы, были почти всѣ раскрыты. Деревня точно вымерла. На улицѣ не было никого видно.

Я велѣлъ пріостановить лошадей у ближайшей избы и подождалъ саней моей спутницы.

— Что же, съ этой начнемъ осмотръ? Или старосту велѣть позвать?

— Нѣтъ, нѣтъ... Папа не совѣтовалъ старосту... Кто его знаетъ, какія у него мысли въ головѣ?.. Можетъ быть, по однимъ достаточнымъ поведетъ, или по однимъ нуждающимся...

— Ну, барышня, достаточныхъ-то здѣсь, кажется, немного наберется,—замѣтилъ при этомъ Степанъ.

Вѣра Степановна освободилась отъ тулупа и осталась въ одной легкой шубкѣ.

Въ единственное окно избы, около которой мы вылѣзли, смотрѣли изумленныя рожицы ребятишекъ.

Мы вошли.

Маленькая избенка объ одно окно. Печи нѣтъ, топится по-черному. Обстановки почти никакой: однѣ голыя стѣны.

На лавкѣ у окна сидитъ молодая, но тонкая, блѣдная, съ землистыми пятнами на щекахъ баба и кормитъ своей чахлой худой грудью ребенка.

Двое другихъ, мальчикъ и дѣвочка, маленькіе, худенькіе, съ туповатыми, апатичными личиками, въ худыхъ, изорванныхъ рубашенкахъ, сидѣли у окна. При нашемъ входѣ они соскочили съ скамей и, подбѣжавъ къ матери, прижались къ ней, исподлобья смотря на незнакомыхъ людей.

Въ избѣ было грязно, закопчено, на полу грязь, соръ, слѣды навоза.

— Какъ живете, матушка?—спросилъ я.

Баба хотѣла что-то сказать, но закашлялась долгимъ, надрывающимъ душу кашлемъ. На щекахъ вспыхнули красно-багровыя пятна. Эти пятна подсказали мнѣ страшную истину.

Когда кашель прошелъ, она сказала какимъ-то дребезжащимъ, надтреснутымъ голосомъ:

— Дыть какое же наше житье, ваше благородіе?.. Одно слово—ложиться да помирать въ пору будетъ... Второй день вотъ ничего не ѣли...

— И много у васъ такихъ?

— Почитай, что вся деревня... Вотъ ребятишки каждый день побираться ходятъ, да ничего не даютъ: у самихъ ничего нѣту...

— Скотина есть?

— Коли солома была, такъ держали коровенку, а тамъ и её продали... Больно жалко коровеньку-то... Ребятишки теперь безъ молока-то плачутъ...

Я ощущалъ въ воздухѣ какой-то запахъ.

— Вы чѣмъ топите-то?

— Топимъ-то?... А навозомъ... Дровъ-то ни прутика нѣту... Совсѣмъ топить нечѣмъ...

— Обносились всѣ,—продолжала дальше она... На ребятишкахъ ни одной стоящей рубашенки нѣту... Хоть помирай прямо...

И баба вытерла концомъ платка выступившія на глазахъ слезы.

— Ты давно кашляешь?

— Да года съ два такъ бухаю... А за послѣдь время еще хуже стало... Такъ схватитъ иной разъ, треплетъ-треплетъ, духъ нельзя перевести... Вотъ, думаешь, и конецъ твой сейчасъ...

Между тѣмъ Вѣра Степановна приласкала ребятишекъ, и изнуренныя ихъ личики нѣсколько оживились. Они сдѣлались развязнѣе и стали трогать своими руками бывшую на ней шубку. Грудной ребенокъ чему-то сталъ вдругъ улыбаться и лѣзъ рученкой къ матери за пазуху.

— Чѣмъ же вы теперь кормитесь?—спросилъ я.

— Да вотъ теперь послѣднюю картошку доѣдаемъ, — отвѣтила баба.—А чѣмъ завтра будемъ кормиться, ужъ и не знаемъ... Хлѣба вотъ съ недѣлю не видали... А ребята ѣсть просятъ...

И она грустно опустила голову.

Мнѣ вспомнилось при этомъ, какъ въ одномъ голодающемъ селѣ одна баба говорила участковому попечителю:

— Иной разъ ихъ (ребятъ) задавить, какъ котятъ, подумаешь... Тутъ хоть разъ помаются, и то все жъ имъ лучше будетъ...

Мы хотѣли уходить.

— А ты, батюшка, не дохтуръ будешь?— спросила меня баба.

— А что?

— Да вотъ на ногѣ у меня что-то приключилось... Не знай и съ чего... Съ сглазу ли, или съ натуги...

И она, поднявъ платье, показала на икрѣ язву вялаго характера. Повыше нея былъ рубецъ, начавшій уже блѣднѣть. Сомнѣнія быть не могло: это былъ lues...

Я содрогнулся отъ одновременнаго ужаснаго сочетанія этихъ двухъ страшныхъ болѣзней: phtisis'а и lues'а...

Когда мы выходили изъ избы, за нами вслѣдъ несся мучительный кашель бабы.

Я взглянулъ на Вѣрочку. Блѣдное лицо ея еще болѣе поблѣднѣло.

Мы зашли въ другую избу.

Изба немного побольше первой.

Насъ встрѣтила такая же худая баба.

— Есть кто изъ мужиковъ?—спросилъ я ее.

— Всѣ лежатъ, ваше благородіе,—отвѣчала она.—Въ повалку лежатъ...

— Хвораютъ?

— Перехворали всѣ... Одна я на нихъ на всѣхъ... Да и то сама, того и гляди, свалюсь вмѣстѣ съ ними...

Мы оглянулись кругомъ.

На лавкахъ лежали двое мужиковъ, одинъ постарше, другой помоложе, и старуха.

Я подошелъ къ нимъ.

Тяжелый, отвратительный запахъ пахнулъ на меня. У нихъ была цынга. Съ блѣдныхъ, апатичныхъ лицъ на меня глядѣли мутные глаза, съ безсмысленнымъ, ничего не понимающимъ выраженіемъ.

— Стало быть, ты одна управляешься съ хозяйствомъ?—спросилъ я бабу.

— Одна... Какъ есть одна... Да и какое же теперь хозяйство у насъ, родимый?... Скотины нѣту... Сваришь въ котлѣ похлебку изъ мучицы да пить дашь имъ, — кивнула она головою на больныхъ.—Вотъ и дѣло все... Да и то второй день ничего ужъ не

стряпаю... Вонъ мучки немного осталось... А коли и она выйдетъ, такъ ужъ не знаю, что и дѣлать... Да и то теперь муку съ желудемъ мѣшать стала... Знамо, какой ужъ это выходитъ хлѣбъ... Одно прозванье... Какъ уголь, черенъ... Ребята набрали сначала... Думали, что ихъ обманываютъ... Бросали на полъ... «Земля»,—говорятъ... Плачутъ... Охо-хо-хо! Грѣхи наши тяжкіе...

Судя по обстановкѣ, это была голь вопіющая.

— А что съ ними будетъ, если и она свалится?—сказала мнѣ Вѣрочка, когда мы выходили изъ дому.

Въ отвѣтъ я пожалъ только плечами.

Я замѣтилъ въ эту минуту, что на рѣсницахъ Вѣрочки повисли нѣсколько слезинокъ, и она сдѣлала конвульсивныя движенія ртомъ, чтобы не расплакаться...

Хорошія, святыя слезы, лучше которыхъ не будетъ никогда въ жизни!..

Мы пошли дальше.

Вездѣ была та же нужда, иногда даже хуже. Вездѣ было безпощадное и безнадежное состояніе. Нищета сквозила изо всѣхъ щелей. Заработковъ никакихъ не было. Кустарной промышленности въ нашемъ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ. Пробовали нѣкоторые изъ пушновцевъ итти «въ уходъ» на заработки, да вернулись ни съ чѣмъ и только проѣздили остальное. Молодые мужики слонялись безъ дѣла, такъ какъ дѣла никакого не было, и, видимо, тяготились своимъ бездѣйствіемъ...

Дѣйствительно, оставалось одно: ложиться и помирать съ тѣмъ спокойствіемъ и неизбѣжной покорностью судьбѣ, которыя обнаруживаетъ русскій народъ въ такія тяжелыя времена...

Между тѣмъ вѣсть о нашемъ пріѣздѣ облетѣла всю деревню. Около нашихъ саней столпился народъ.

Когда мы подошли къ нимъ, всѣ сняли шапки и поклонились намъ.

— А это, ваше благородіе, вы на счетъ чего по избамъ-то ходите?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Вотъ барышня столовую хочетъ у васъ открывать,—отвѣчалъ я.

Мужики переглянулись.

— Это, выходитъ, кормить насъ будутъ?

— Не всѣхъ, а только ребятъ, стариковъ и больныхъ.

— Знамо, не всѣхъ...—заговорило нѣсколько человѣкъ разомъ.— Гдѣ всѣхъ... А вотъ на ребятенокъ-то глядѣть—душа изболѣла... Ихъ-то хоть бы пропитать... Пайкомъ-то казеннымъ вся семья не будетъ сыта... Большіе-то какъ ни на есть перебьются...

— А что, ваше благородіе,—спросилъ одинъ,—за это взыскивать опосля не будутъ?

Я взглянулъ на всѣхъ и по напряженному вниманію, которое

тамъ виднѣлось, понялъ, что этотъ вопросъ для нихъ далеко не безынтересенъ.

— А что?—спросилъ я.

— Да къ тому все, значитъ, что ежели и взыскивать будутъ, такъ оно все ничего... Только бы пропитали... А тамъ какъ нибудь отплатимъ...

Мнѣ вспомнились ужъ не разъ слышанные разговоры о томъ, какъ падокъ мужикъ на даровую помощь...

Успокоивъ ихъ, что ничего за столовую взиматься не будетъ, я сталъ прощаться съ Вѣрочкой.

— Какое впечатлѣніе вы вынесли ото всего видѣннаго?—спросилъ я ее.

Облако печали налетѣло на ея поблѣднѣвшее лицо, и она тихо отвѣчала:

— Но вѣдь это ужасно!..

И затѣмъ добавила:

— Не столько то ужасно, что здѣсь голодъ, сколько то, что здѣсь нѣтъ никакой помощи...

Мы разъѣхались, и съ Вѣрочкой Говоруновой я болѣе не встрѣчался.

Но если какъ нибудь эти строки попадутся на глаза этой милой дѣвушкѣ, то пусть она приметъ пожеланіе отъ своего случайнаго спутника, чтобы эта поѣздка никогда не изгладилась изъ ея памяти, и пусть ея молодое сердце никогда не забудетъ тѣхъ страшныхъ картинъ нужды, которыя она видѣла тамъ, и пусть все это послужитъ ей руководящей идеей на всю жизнь, такъ какъ лучше и въ то же время печальнѣе этихъ впечатлѣній у нея не будетъ во всей послѣдующей ея жизни!..

XVI.

Хорошіе люди.—Въ хлѣбномъ амбарѣ.

— А вамъ слѣдуетъ, Василій Ларіоновичъ, съѣздить въ Марьинку на базаръ, — сказалъ какъ-то мнѣ предсѣдатель нашей управы.— Туда пригонютъ скотину на продажу. Поѣзжайте вмѣстѣ съ моимъ сыномъ да и купите, сколько можно, лошадей.

— Хорошо,—сказалъ я, и мы условились съ сыномъ предсѣдателя ѣхать въ ночь на вторникъ, когда въ Марьинкѣ бывалъ базаръ.

Крестьяне въ это время сильно распродавали скотину, и наша уѣздная управа рѣшила скупить хоть сколько нибудь лошадей (о казенныхъ лошадяхъ тогда не было еще и разговора), прокормить ихъ зиму и по веснѣ продавать ихъ крестьянамъ по той цѣнѣ, по которой обойдутся земству покупка и содержаніе ихъ.

По утру мы пріѣхали въ Марьинку и остановились на взъѣзжей квартирѣ.

Затѣмъ мы пошли на базарную площадь.

Базаръ въ Марьинкѣ бываетъ большой, благодаря массѣ сгоняемой сюда на продажу скотины.

Торговля вообще шла не бойко, и хотя около лавокъ съ мануфактурнымъ товаромъ толпилось немало бабъ и дѣвокъ (обстоятельство, на которое указывали многіе противники даровой помощи говоря, что «есть же на что бабамъ покупать обновы»), но онѣ больше стояли такъ и присматривались къ товарамъ, чѣмъ покупали.

Скотины въ этотъ день было пригнано много—и лошадей, и коровъ. Все это были истощенныя, худыя особи съ выступающими ребрами, съ выдающимися маклаками, съ взъерошенною шерстью и плохимъ питаніемъ.

Тѣмъ не менѣе, цѣны на нихъ стояли по тому времени все же довольно высокія.

Въ слѣдующій же вторникъ онѣ рѣзко понизились.

Когда мы пришли назадъ на взъѣзжую, то застали тамъ старшину волостного правленія (волостное правленіе было не въ Марьинкѣ, а въ сосѣднемъ селѣ), волостного писаря и урядника. Послѣдній при нашемъ входѣ молодцевато вытянулся и сказалъ:

— Здравія желаю вашимъ благородіямъ.

Я давно зналъ его, мы поздоровались и разговорились.

— А у насъ теперича здѣсь земскую муку продавать начали,— сказалъ онъ между прочимъ.

— Какую земскую муку?

— А управа открыла здѣсь, значитъ, амбаръ съ мукой. Оттуда и отпущаютъ ее, кто хочетъ купить.

Я вспомнилъ, что дѣйстоительно земство въ нѣкоторыхъ пунктахъ уѣзда открыло нѣсколько своихъ хлѣбныхъ амбаровъ, съ цѣлью прійти на помощь нуждающемуся населенію. Цѣны на муку въ это время поднимались съ головокружительной быстротой. Въ это время она стояла на семидесяти восьми копейкахъ. Управа же отпускала по своей заготовительной цѣнѣ: по семьдесятъ три. Во избѣжаніе расходовъ за трудъ по продажѣ муки, она предложила взять его безвозмездно на себя священникамъ, учителямъ и другимъ заслуживающимъ довѣрія лицамъ. Торговцы, промышлявшіе продажей муки, въ родѣ моего знакомца Сипягина [1]), были, конечно, не довольны этимъ. Но объ ихъ интересахъ заботиться не было никакой нужды. Въ общемъ же амбары сослужили нѣкоторую роль въ облегченіи положенія мелкаго деревенскаго потребителя.

— А кто завѣдуетъ здѣшнимъ амбаромъ?—спросилъ я урядника.

---

[1]) Очеркъ VI. «Паразиты», «Историческій Вѣстникъ», мартъ 1901 г.

— Здѣшній батюшка, о. Николай.

— Не сходить ли намъ?—предложилъ я своему спутнику.

— Отчего же,—согласился онъ.

И мы вышли изъ взъѣзжей квартиры.

Пройдя, по указанію урядника, длинную, широкую улицу и завернувъ за церковь, около которой воздвигался другой храмъ, мы увидали толпу народа, стоявшаго около бревенчатаго амбара. Въ рукахъ у всѣхъ были мѣшки, съ которыми входили въ дверь амбара и выходили, имѣя ихъ уже полными.

Мы подошли. Толпа разступилась и смотрѣла на насъ съ любопытствомъ.

Изъ амбара слышались бряцанье серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, поскрипываніе желѣзнаго рычага вѣсовъ, удары о полъ чашки ихъ и разговоры.

— Много ли?—спрашивалъ чей-то голосъ.

— Фунтиковъ съ десять бы, батюшка.

— Кузьмичъ, отвѣсь десять фунтовъ. А тебѣ, старикъ?

— Да мнѣ бы, родимый, нельзя ли пудовочки двѣ?

— Нельзя, дѣдъ. Больше нормы не могу дать.

— Да вѣдь по моей семьѣ не хватитъ на недѣлю-то.

— Пріѣдешь еще разъ.

— Не ближній путь-то, отецъ.

— Что жъ дѣлать?.. Дай тебѣ съ пудовку, торговлю, пожалуй, у себя откроешь... По цѣлковому за пудъ брать станешь...

Въ амбарѣ засмѣялись.

Старикъ вышелъ изъ амбара.

— А ты, дѣдушка, пришли еще кого нибудь съ другимъ мѣшкомъ,—посовѣтовалъ ему кто-то.

Мы невольно улыбнулись этой маленькой хитрости.

Присѣвши на лежащее возлѣ дерево, мы стали ждать.

Черезъ нѣсколько времени послѣдній крестьянинъ съ наполненнымъ мѣшкомъ вышелъ изъ амбара.

Въ дверяхъ послѣдняго, въ облакѣ бѣлой мучной пыли, появился отецъ Николай въ запыленномъ бѣлой мукой коричневомъ подрясникѣ и съ испачканными ею же рыжеватой бородой, длинными волосами и шапкой.

— Запирай, Кузьмичъ, — сказалъ онъ слѣдовавшему за нимъ человѣку, должно быть, церковному сторожу.

Мы подошли къ нему и познакомились.

— Торгуете?—спросилъ я.

— Торгуемъ потихонечку,—отвѣчалъ онъ.

— Сильно берутъ?

— Да еще какъ... Вотъ вы мало застали народу-то... А я въ амбарѣ-то, какъ разсвѣло, сижу.

— Ругаются, навѣрно, кулаки-то?

— Еще бы не ругаться... Прямой убытокъ для нихъ: что семьдесятъ восемь копеекъ, что семьдесятъ три... Разница... Раскиньте-ка на пуды-то, такъ большая копеечка выходитъ...

— Протестовали?

— Было и это... Начали распускать слухъ, что мы продаемъ гнилую, тухлую или молотую изъ проросшаго зерна муку... «Оттого де и дешево... А хорошей-то муки за эту цѣну никакъ нельзя продавать... Вотъ у земства много скопилось такой муки, ну, оно и травитъ ее голодающимъ... А если хотите хорошей муки, то такая только у насъ и есть»...

— Поддавались на эту удочку?

— Какъ, поди, не поддаться... Темна вѣдь деревня-то... Нѣкоторые изъ осторожныхъ по фунтику да по два покупали спервоначалу... Даже отвѣшивать надоѣдало...

— Помногу все-таки не отпускаете?

— Запасы малы... Да и не желательно создавать источники дешеваго хлѣба для скупщиковъ... Амбары эти созданы исключительно для мелкой бѣдноты...

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что земство напало на очень благую мысль — устроить амбары для дробной продажи муки, и можно только пожалѣть, что оно не раскинуло пошире по уѣзду сѣть такихъ амбаровъ, приносившихъ въ эту пору обширной хлѣбной спекуляціи немалую пользу бѣдному деревенскому обывателю.

Кромѣ того, мы узнали, что отецъ Николай завѣдуетъ еще нѣсколькими столовыми, въ чемъ помогаетъ ему его дочь, молодая дѣвушка, и исполняетъ порученія завѣдующихъ столовыми въ отдаленныхъ отъ базара селеніяхъ, покупая для столовыхъ мясо, муку, крупу, овощи и проч.

— Не надоѣдаетъ вамъ, отецъ Николай, возиться со всѣмъ этимъ?—задалъ я ему коварный вопросъ, такъ какъ встрѣчалъ въ уѣздѣ много такихъ, которые работали на голодѣ ради моды, но, въ концѣ концовъ, все-таки прорывались, показывали свою изнанку и не знали, какъ отдѣлаться отъ взятой ими на себя «обузы».

— Что же дѣлать?—отвѣчалъ просто онъ.—Народъ голодаетъ,— надо же помогать ему... А мы, пастыри, къ нему ближе...

Едва ли я ошибался, выведя изъ этихъ его словъ заключеніе, что отецъ Николай помогалъ, не мудрствуя лукаво, не разсуждая о томъ, стоитъ ли вообще помогать, и кому надо помогать. Просто видитъ человѣкъ, что люди нужны, ну, и помогаетъ по мѣрѣ силъ.

Въ тотъ годъ такихъ рядовыхъ, незамѣтныхъ работниковъ, ничѣмъ не выдѣляющихся изъ толпы, было много. Никто ихъ не зналъ, они потихоньку дѣлали свое полезное дѣло. Хотя бы за эту скромность они достойны того, чтобы о нихъ упомянуть, и фигуры

ихъ являются особенно симпатичными среди массы «радѣтелей горя народнаго», взявшихся за это лишь изъ моды.

Во второй разъ съ отцомъ Николаемъ мнѣ пришлось видѣться вотъ по какому случаю.

Въ одной изъ частныхъ столовыхъ меня попросили осмотрѣть мясо, которое показалось подозрительнымъ.

Я осмотрѣлъ и нашелъ, что солонина «тронулась».

— Гдѣ вы покупали?—спросилъ я.

— Намъ ее прислалъ священникъ изъ Марьинки,—отвѣчала завѣдующая.

— Придется ее уничтожить,—посовѣтовалъ я.

Когда я былъ въ экономіи одного землевладѣльца и разсказалъ, между прочимъ, объ этомъ случаѣ, кто-то сказалъ:

— Навѣрное, попикъ у кого нибудь завѣдомую гниль купилъ. И торговца облагодѣтельствовалъ, и себя не забылъ... А голодающіе и не такую дрянь сожрутъ...

Деревня тоже не можетъ обойтись безъ сплетней и безъ темныхъ, ни на чемъ не основанныхъ, намековъ.

Когда я въ слѣдующій разъ пріѣхалъ въ Марьинку, я зашелъ къ отцу Николаю.

— А я приказалъ уничтожить одно мясо вашей покупки,— сказалъ я ему при разговорѣ.

— Какое мясо?.. Гдѣ?..—обезпокоился онъ.

Я разсказалъ ему.

— И еще вотъ что говорятъ...

И передалъ ему, не называя именъ, намеки на его яко бы неблаговидное поведеніе въ дѣлѣ покупки этого злосчастнаго мяса.

При этомъ онъ немного поблѣднѣлъ и отъ волненія нѣкоторое время ничего не могъ сказать.

— Нѣтъ, это что нибудь не такъ,—наконецъ обрѣлъ онъ даръ слова. — Чтобы я изъ-за нѣсколькихъ копеекъ сталъ пачкать себя?.. Скажите,—вы этому вѣрите?..

Я отвѣчалъ, что нисколько не вѣрю, но все-таки лучше это дѣло разслѣдовать.

И, въ концѣ концовъ, репутація отца Николая была возстановлена: оказалось, что въ порчѣ мяса были виноваты сами завѣдующіе столовыми, такъ какъ въ бочкѣ не было достаточно тузлука, отчего мясо и начало гнить.

Въ управѣ же я узналъ, что ни у кого изъ завѣдующихъ хлѣбными амбарами не было такихъ тщательныхъ и подробныхъ отчетовъ, и ни у кого не было такъ мало утраты въ мукѣ, какъ у отца Николая.

XVII.

Хорошіе люди.—Двое яслей.

— Вотъ, батенька, кто энергично для голода-то работаетъ,— сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ городскихъ знакомыхъ: — это Любовь Павловна Курицына.

— А что она сдѣлала особеннаго?

— Да у нея связи и знакомства большія въ Петербургѣ. Какъ голодъ «допустили», она и давай туда писать. Деньжищъ бугры оттуда получаетъ!.. Сколько столовыхъ устроила, скотину кормитъ, ясли завела, докторъ у нея свой... Энергичная барынька— страсть!

— И главное,—говорилъ дальше знакомый,—все это поставлено у нея на солидную ногу... Прекрасно знаетъ, что безъ денегъ ничего не сдѣлаешь, ну, она и запасается отовсюду ими... Это не то, что ваши энтузіастки, которыя ѣдутъ сюда съ однѣми платоническими пожеланіями и пустыми руками...

— Но вѣдь и съ деньгами, да безъ людей ничего не подѣлаешь,—попытался было возразить я.

Но знакомый не хотѣлъ меня слушать и продолжалъ восхвалять г-жу Курицыну.

Я былъ немного знакомъ съ нею и мимоѣздомъ заѣхалъ къ ней.

— Говорятъ, что вы чудеса тутъ дѣлаете,—сказалъ я ей.

— То есть, какъ это?—засмѣялась она.

Я разсказалъ ей, что слышалъ.

Дѣйствительно, помощь нуждѣ у Любови Павловны была организована широко. У нея было много знакомыхъ въ столицахъ, которыхъ она сумѣла заинтересовать голодомъ, благодаря чему она получила большія суммы на свои учрежденія.

На голодъ она смотрѣла просто, безъ всякой предвзятой мысли.

— Нечего ѣсть, такъ, стало быть, надобно кормить,—говорила она.—А нечего разсуждать, стоитъ или не стоитъ Иванъ или Степанъ, чтобы его покормили.

Этимъ она выгодно отличалась отъ многихъ нашихъ уѣздныхъ «благодѣтельницъ», видѣвшихъ въ своемъ завѣдываніи одной— двумя столовыми чуть не «героизмъ».

Она не сентиментальничала надъ мужикомъ, но и не обвиняла его въ пьянствѣ, лѣности и другихъ порокахъ.

— Экая бѣда,—говорила она,—если мужикъ обманетъ завѣдующихъ столовой или преувеличитъ свою нужду, развѣ это ужъ такое большое преступленіе, что онъ лишній черствый кусокъ притащитъ въ свой нищенскій домъ?

А, тѣмъ не менѣе, противники дарового кормленія то и дѣло указывали на такіе факты, говоря, что мужикъ мошенничаетъ, недобросовѣстенъ и т. д. И, право, иногда приходилось диву даваться, откуда у этихъ людей вдругъ явилась такая ревность относительно нравственности мужика, когда они сами, не стѣсняясь, вступали въ болѣе крупныя и болѣе неблаговидныя сдѣлки съ своей совѣстью и въ этомъ нисколько не упрекали себя.

Дѣло Любовь Павловна вела спокойно, не торопясь и не волнуясь, не заражаясь энтузіазмомъ, дѣловито, и дѣловитость эта подкупала многихъ. Но при этомъ мнѣ вспоминаются тѣ юныя энтузіастки, которыя съ горячею любовью отдавались дѣлу помощи голодающей деревни, и я не зналъ, чему отдать предпочтеніе: спокойной ли дѣловитости, которую обнаруживала, напримѣръ, Любовь Павловна, или беззавѣтному энтузіазму «волонтерокъ голода».

Я посмотрѣлъ ея столовыя, и затѣмъ мы зашли въ ясли.

Ясли помѣщались въ просторной чистой избѣ. По лавкамъ и на полу стояли корзины съ лежащими въ нихъ малютками. Взрослые ребятишки были на дворѣ или укачивали своихъ младшихъ братишекъ и сестренокъ въ корзинахъ. Двѣ бабы кормили грудью малышей. Все здѣсь было такъ чисто и опрятно, лица ребятишекъ казались сытыми.

При этомъ мнѣ вспомнились тѣ своеобразные ясли, которые я видѣлъ недѣли три тому назадъ въ глубинѣ уѣзда.

Я остановился въ какой-то деревушкѣ, чтобы дать ямщику возможность покормить лошадей.

— А гдѣ же у васъ ребятишки?—спросилъ я старуху, хозяйку въѣзжей, видя отсутствіе дѣтей, которыя обыкновенно, по пріѣздѣ новаго лица на въѣзжую, смотрятъ на него, не спуская глазъ, изъ всѣхъ щелей.

— Да они всѣ у Бобылихи,—отвѣчала старуха.—У ей самой...

— Кто это такая Бобылиха?

— А просвирня наша... Покойнаго Ивана Ѳедотыча, дьячка нашего, жена...

— Ну, такъ что же она?

— Такъ вотъ ребята-то у ей самой и собираются... Никого дома-то не остается, всѣ въ поле уйдутъ... Ну, а робятъ-то къ ней... И маленькихъ туда-жъ несутъ... Она, значитъ, за ними смотритъ...

— Стало быть, въ родѣ яслей у нея?

— То-есть, каки же ясли... Такъ собираются... Чтобы, значитъ, дома-то не нашкадили чего нибудь...

Я заинтересовался этимъ и, разспросивъ старуху, гдѣ живетъ Бобылиха, отправился туда.

Жила она на самомъ краю села. Подходя къ ея маленькой хибаркѣ, я услыхалъ несшійся шумъ отъ дѣтскихъ голосовъ.

Десятка два-три ребятишекъ побольше играли на лужайкѣ передъ избой въ бабки и чурки. Другіе рылись въ пескѣ. Нѣкоторые жевали корки хлѣба, бывшія въ рукахъ.

Увидавъ подходящаго незнакомаго человѣка, ребята бросили играть и воззрились на меня.

— А бабушка Бобылиха гдѣ?—спросилъ я.

— Вона она... Въ оконце смотритъ,—отвѣчалъ который-то побойчѣе изъ нихъ.

Я взглянулъ по указанному направленію и увидалъ въ окнѣ сморщенное старческое лицо.

— Здравствуй, бабушка,—сказалъ я.

— Здравствуй, родимый,—отвѣчала она, недоумѣло смотря на меня.

— Вотъ пришелъ взглянуть на твое заведеніе.

Она продолжала попрежнему смотрѣть на меня.

— Семья-то у тебя какая большая,—продолжалъ я, кивая головой на дѣтвору, столпившуюся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ меня.

— Ничего... есть...—пытаясь улыбнуться своимъ беззубымъ ртомъ, отвѣчала она.

— Это, что же, ты со всей деревни собираешь ребятъ-то?

— Да, почитай что со всей... Одни они дома-то... Большіе-то въ полѣ... Ну, а кто-жъ за ними-то приглядитъ?.. Еще иной и избу сожжетъ, глядишь... Или свинья маленькихъ сожретъ...

— Сама ты, что ли, надумала собирать ихъ?

— Сама, родной, сама... Вижу, матерямъ-то неколи съ ими возиться-то, ну, я и пошла по деревнѣ-то... Присылайте, молъ, вашихъ ребятокъ ко мнѣ... Я за ними пока что присмотрю.. Ну, они и присылаютъ...

— Что же это ты за плату дѣлаешь?

— За плату?.. Зачѣмъ за плату?..—удивленно вскинула она на меня свои потухающіе безцвѣтные глаза.—Какая же теперича плата?.. У мужиковъ-то самимъ почти что ѣсть нечего... Какая же тутъ плата... Это я отъ себя, чтобы народушку послужить...

Въ то время яслей никто у насъ въ уѣздѣ не устраивалъ, почему вполнѣ понятно, что мнѣ было интересно знать, какъ возникло это оригинальное учрежденіе.

— Но какъ же ты это надумала, бабушка?—продолжалъ я свои разспросы.

— Дыть какъ надумала?.. Да вотъ какъ... Хошь—такъ послухай.

Я присѣлъ на заваленку и сталъ слушать.

— Года два тому назадъ я была дюже больна... Бокъ у меня болѣлъ... Такая боль была, что я думала, конецъ мой пришелъ... Ну, я и дала тогда обѣтъ Богу, коли выздоровлю, въ Кіевъ схо-

дить... къ угодникамъ... Ну, слава Богу, вызволилъ Онъ меня... Прошлое-то лѣто не удосужилась сходить... А нонича хотѣла иттить, глядь—у меня ноги отекають... Подумала, подумалэ я, погоревала, да и рѣшила, замѣсть бомогомолья-то въ Кіевъ, какое нибудь доброе дѣло для Бога сдѣлать... Вотъ и надумала сюды робятъ собирать... Чать, зачтетъ мнѣ это Богъ-отъ замѣсть богомолья-то?.. Эй, Мишка, оставь Настюшку!—крикнула она въ окно.

Между тѣмъ ребятишки разсыпались и завели опять свои игры.

— А маленькіе гдѣ?—спросилъ я.

— А вона,—указала она на внутренность хибарки.

Я взглянулъ.

Тамъ на постланномъ на полу тряпьѣ лежало нѣсколько маленькихъ человѣческихъ тѣлецъ. Во рту у нѣкоторыхъ были рожки съ коровьими сосками. Одна дѣвочка побольше кормила жевкой, вынимая ее изо рта на палецъ и отправляя ее въ ротъ маленькому.

— А мрутъ маленькіе?

— Пошто мереть?.. Пока што нѣтъ... А который ежели пищать учнетъ, того я мяткой кудрявой попою, да на брюшко мѣшокъ съ теплой золой положу... Пока, слава Богу, не мрутъ... А развѣ дома-то лучше было бы?

Я признавалъ, что дома безъ надзора старшихъ, подъ однимъ покровительствомъ старшихъ, братьевъ и сестеръ, или дряхлыхъ стариковъ и старухъ, за которыми самими надобно было бы еще смотрѣть, они были въ еще худшемъ положеніи.

— Ты ихъ чѣмъ нибудь кормишь?

— Которые изъ дому принесутъ, а которыхъ сама кормлю... Сходила этта я къ Панковской барынѣ и выпросила у ней мучки... «Дайте, молъ, милая барыня, для ребятишекъ мучки... Потому все равно, у нихъ дома-то ничего нѣтъ»... Ну, она и дала, дай ей Богъ здоровья... Я имъ напеку хлѣба да и кормлю имъ ихъ день деньской... Иной разъ и сваришь имъ что нибудь... Та же Панковская барыня присылаетъ иной разъ картошки или капустки...

— Благодарятъ тебя, я думаю, матери-то?

— И не знай, какъ благодарятъ,—добродушно усмѣхнулась Бобылиха.—А мнѣ развѣ это трудно?.. Все равно ничего не дѣлаю, такъ себѣ небо копчу... А тутъ все жъ хоть немного добрымъ людямъ поможешь...

Какой-то ребенокъ запищалъ на полу, и Бобылиха подошла къ нему...

Распростившись съ старухой, я ушелъ на взъѣзжую.

Обозрѣвая ясли Любови Павловны, я вспомнилъ ясли бабушки Бобылихи и разсказалъ ей о нихъ.

— Да, — задумчиво сказала она, выслушавъ мой разсказъ: — если есть средства, то все можно сдѣлать. А вотъ сдѣлать что нибудь изъ ничего,—это потруднѣе будетъ.

Когда я разсказалъ объ этомъ одному своему знакомому въ губернскомъ городѣ, противнику общины, круговой поруки и приверженцу экономическаго матеріализма, то онъ махнулъ на это рукой и сказалъ:

— Экъ въ васъ народническій-то сентиментализмъ говоритъ!.. Да кто изъ нихъ больше пользы-то принесетъ: Курицына ли съ ея громадными средствами, или бабушка Бобылиха, питающая ребятъ однимъ хлѣбомъ и пустыми щами?.. Бросьте-ка вы идеализировать надоѣвшіе до тошноты «широкіе русскіе лапти»... Ихъ время отходитъ, и нечего искать въ деревнѣ цѣльныхъ фигуръ, способныхъ на дальнѣйшій прогрессъ...

Не знаю, быть можетъ, онъ и правъ, но для меня бабушка Бобылиха показываетъ, что въ деревнѣ есть еще «цѣльныя натуры»...

XVIII.

Хорошіе люди.—Парадоксъ.

Студента-медика Караулова я случайно видѣлъ, когда входилъ въ нашу земскую управу. Онъ только что вышелъ оттуда и садился въ тарантасъ.

За это послѣднее время много промелькнуло передъ моими глазами этой молодежи—и мужчинъ и женщинъ, ѣхавшихъ въ голодающія и болѣвшія деревни.

— Вонъ «спасители отечества» ѣдутъ,—насмѣшливо говорилъ кто нибудь изъ противниковъ дарового кормленія, якобы деморализующаго мужика.

— Чортъ бы ихъ побралъ!—горячился другой.—Вѣдь сколько важности-то у нихъ на лицѣ... Придетъ въ управу, такъ отъ него на цѣлую версту и несетъ незнаніемъ приносимой имъ деревнѣ «жертвы»... Еще бы: отечество спасаютъ!..

Въ своемъ непонятномъ (по крайней мѣрѣ, для меня) озлобленіи эти господа и не подозрѣвали, какую истину говорятъ они этими послѣдними словами.

Какими здоровыми и жизнерадостными казались эти молодыя лица, когда они ѣхали въ деревню, и какія усталыя и утомленныя они были, когда покидали уѣздъ и разъѣзжались съ голода въ разныя стороны!.. Мѣсяцы тѣснаго общенія съ народной нуждой, отвѣтственныя для ихъ совѣсти заботы о ввѣренныхъ имъ людяхъ, налагали свою печать на ихъ лица и ихъ души.

Многіе, конечно, какъ только вырвались изъ узкой деревенской сферы съ ея центральнымъ и исключительнымъ интересомъ — голодомъ и болѣзнями, старались скорѣе забыть ихъ и въ вихрѣ шумнаго міра скоро забывали о голодныхъ, тифозныхъ и цынготныхъ.

Но зато другіе болѣе чуткіе и впечатлительные долго не забудутъ времени своего пребыванія въ голодающей деревнѣ, гдѣ они съ такой любовью и самоотверженіемъ трудились для мужика, и, я думаю, эти воспоминанія будутъ самыми свѣжими, самыми лучшими во всей ихъ остальной жизни.

Когда я проѣзжалъ черезъ Аѳанасьево, я вспомнилъ о Карауловѣ, который имѣлъ мѣстопребываніе здѣсь, и заѣхалъ къ нему.

Онъ спалъ, когда я подъѣхалъ къ тому дому, гдѣ онъ жилъ, и рѣшилъ подождать его, присѣвъ на заваленкѣ избы.

— Вы какими судьбами?—спросилъ онъ меня.

— Мимоѣздомъ,—отвѣчалъ я.

Я взглянулъ на него.

Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и немного осунулся.

— Что разсматриваете меня?—усмѣхнулся онъ.—Хорошъ, не правда ли?

— Да... Похудѣли вы малость,—отвѣчалъ я.—Отъ работы, что ли?

Онъ махнулъ рукой.

— Э, что тутъ работа... Работа съ полъ-горя... Хуже: думы проклятыя удолѣваютъ...

—На проклятые вопросы
Дай отвѣты мнѣ прямые?—

спросилъ я.

Онъ кивнулъ головой.

— Насчетъ положенія деревни?—продолжалъ спрашивать я.

— Нѣтъ,—насмѣшливо отвѣчалъ онъ,—насчетъ грядущихъ судебъ Парагвайской республики.

— Конечно,—вслѣдъ затѣмъ сказалъ онъ,—насчетъ положенія деревни.

— Да... некрасиво-таки оно, — сказалъ я, чтобы что нибудь сказать.

Я понялъ, что въ Карауловѣ я наткнулся на человѣка особенно чуткаго и впечатлительнаго.

— Что оно теперь некрасиво, такъ это бы наплевать... Но вотъ что скверно... Не думаете ли вы, что такой же «недородъ» и «недоѣданіе» можетъ опять въ скорости приключиться гдѣ нибудь, быть можетъ, даже и здѣсь [1])?

— Что же,—отъ этого отказываться нельзя...

— Ну, такъ какъ же?.. Вотъ теперь прокричали вездѣ о голодѣ, взбулгачили общество, потянулись сюда вереницы людей посвятить свои силы голодающей и болящей деревнѣ, стали стекаться пожертвованія... Общество проснулось, встрепенулось и откликнулось на голодные крики... Прекрасно... Но вотъ, если еще года черезъ два

---

[1]) Опасенія Караулова оправдались неурожаемъ въ юго-западныхъ губерніяхъ въ слѣдующихъ годахъ.

приключится такой же недородъ, такъ можно ли думать, что общество опять также охотно отзовется на вопль отчаянія?.. Не надоѣстъ ли наконецъ ему играть въ эту филантропію?.. А если не отзовется, то что тогда?.. Вѣдь эти недороды въ экономической жизни нашей деревни стали хроническимъ явленіемъ... Ну, хорошо: вотъ мы здѣсь работаемъ, въ слѣдующій недородъ будемъ работать, еще въ слѣдующій... Но не будетъ ли все это похоже на безплодную Сизифову работу?.. Гдѣ же тутъ народъ?..

Я плохо разбирался въ его безсвязныхъ словахъ, но видѣлъ, что тутъ много ужасной правды, горькаго и грознаго будущаго... Мнѣ казалось, что какая-то темная туча сгущается надъ деревней и окутываетъ ее своимъ мракомъ, изъ котораго ей нельзя выбиться къ свѣту...

— Вотъ видите, я еще молодъ... Мнѣ, кажется, рано бы предаваться отчаянію... А, тѣмъ не менѣе, не повѣрите, когда пораздумаешься этакъ одинъ, то такъ тяжело становится на душѣ, такъ тяжело, что...

И онъ махнулъ рукой.

— Знаете, я не считаю себя пока приверженцемъ историческаго матеріализма, такъ какъ въ немъ есть много для меня лично несимпатичнаго. Но, право, я готовъ бываю принять это новое credo, если оно только избавитъ деревню отъ хроническихъ голодовокъ...

— Только прекратитъ ли новый строй эти голодовки? — спросилъ я.

Онъ только пожалъ плечами.

— Словомъ, вы будущее деревни видите въ самомъ мрачномъ видѣ?—спросилъ затѣмъ я.

Онъ не отвѣчалъ на вопросъ, но его молчаніе было для меня краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

— И знаете, вотъ кормишь голодающихъ, лѣчишь тифозныхъ и цынготныхъ... Думаешь, что невѣсть сколько пользы принесъ... А какъ пристальнѣе посмотришь, такъ просто руки опускаются... Голодъ не уменьшается, а приходится чуть не каждый день то въ той, то въ другой деревнѣ открывать новыя голодающія семьи, тифъ еще шире разгуливаетъ, цынга все болѣе и болѣе захватываетъ жертвъ... Да и немудрено: чуть не цѣлую осень голодъ замалчивали, народъ успѣлъ ослабѣть и сдѣлаться менѣе упорнымъ ко всякимъ заболѣваніямъ... Да и то сказать, какой толкъ отъ нашего лѣченія... Такъ одна трата лѣкарствъ и пачкотня... Тутъ не лѣчить, а скорѣе кормить надо... Да и то, — продолжалъ онъ дальше,—если и хочешь лѣчить, такъ не даютъ тебѣ... Посылаешь въ вашу земскую аптеку каталогъ медикаментамъ и ждешь ихъ оттуда по двѣ да по три недѣли... А пока изворачивайся, какъ знаешь... Вмѣсто нашатырнаго спирта крапиву велитъ употреб-

лять, вмѣсто опіума—мятныя капли, да и то онѣ не всегда есть у тебя... А если и пришлютъ медикаменты по каталогу, то многаго не досчитаешься: нѣтъ морфія, кодеина, tincturae opii, хлороформа... По аптекарскому уставу, видите ли, каталоги на яды и сильно дѣйствующія средства должны быть подписаны врачемъ, а я, какъ студентъ, хотя здѣсь и на положеніи врача, все же не имѣю права выписывать ихъ... Приходится посылать каталогъ къ участковому врачу и, стало быть, ждать необходимыхъ лѣкарствъ еще двѣ недѣли... Смотришь, смотришь на все это, да въ концѣ концовъ и подумаешь: «а чортъ возьми все это!.. Брошу-ка все да уѣду домой»...

— Только честно ли будетъ это?—спросилъ я.

Онъ искоса посмотрѣлъ на меня.

— Честно ли?.. Не знаю... Я не любитель отвлеченныхъ вопросовъ...

Мы помолчали.

— И знаете ли,—затѣмъ сказалъ онъ:—какъ-то обидно становится за царя природы—человѣка, что онъ долженъ биться за кусокъ черстваго хлѣба... Да и того-то не можетъ онъ добиться... И, знаете, что въ настоящее время для этого нужно?.. Особенную милость Господа Бога: заполучить себѣ цынгу или тифъ, тогда тебя кормить будутъ...

Я хорошо зналъ это.

— Да, да, это такъ... Со стороны можно подумать, что это парадоксъ... Но какой ужасный и жестокій парадоксъ!.. А тѣмъ не менѣе это не парадоксъ, а сама ужасная правда... Я никогда не забуду того случая, когда я сказалъ заболѣвшему цынгой мужику, что я перевожу его въ столовую... Онъ заплакалъ... отъ радости... Да, да, отъ радости... «Слава Тебѣ, Господи», говоритъ, «хоть въ столовой-то я подправлюсь малость... А то совсѣмъ отощалъ съ голоду»... Вотъ вамъ и парадоксъ!..

Поста своего Карауловъ, несмотря на все свое отчаяніе, не бросилъ. Онъ продолжалъ работать, заполучилъ тифъ и еле спасся отъ смерти...

В. Л. Якимовъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I.

Историческій этюдъ [1]).

V.

НЕОЖИДАННАЯ смерть Екатерины сильно подѣйствовала на русскій народъ. Ему «жить похужѣло» послѣ ея кончины. Въ народѣ говорили, что всему царству потяжелѣло, и всѣ жаловались: «отжили мы добрые дни! Кому дадутъ покой!».

Совершенно иначе подѣйствовало роковое событіе на Павла. Получивъ извѣстіе о параличѣ императрицы, онъ сначала испыталъ страшное душевное потрясеніе. Сознаніе, что наконецъ онъ самодержецъ, такъ повліяло на него, что современники полагали, что оно отразилось на его здоровьѣ. Кутайсовъ даже сожалѣлъ, что не пустилъ ему немедленно кровь. Павелъ тотчасъ, однако, поѣхалъ изъ Гатчины, гдѣ тогда находился, въ Петербургъ и дорогой сказалъ Ростопчину: «Погодите, погодите, мой милый; я прожилъ сорокъ два года, и Богъ меня всегда поддерживалъ. Онъ дастъ мнѣ силы и разумъ, необходимые для того положенія, къ которому Онъ меня призываетъ. Будемъ надѣяться на Его благость».

Прибывъ во дворецъ, онъ засталъ императрицу еще живою, но едва дышащей. Онъ расположился въ небольшомъ кабинетѣ, куда проходили мимо умирающей императрицы. Здѣсь онъ провелъ всю ночь и, когда убѣдился на разсвѣтѣ, узнавъ у докторовъ, что нѣтъ никакой надежды, сталъ распоряжаться, какъ самодержецъ. Екате-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIV, стр. 978.

рина еще была жива, а уже началась расправа за 1762 годъ. Прежде всего онъ приказалъ ѣхать домой оберъ-гофмаршалу князю Барятинскому, а должность его поручилъ другому. Потомъ, по совѣту Ростопчина, послалъ за графомъ Безбородко, который былъ посвященъ Екатериной въ дѣло устраненія Павла отъ престола. По его совѣту, Павелъ собственноручно сжегъ указанныя имъ бумаги въ топившемся каминѣ. По преданіямъ, эти бумаги были перевязаны черной лентой. И въ эту минуту Екатерина еще не умерла.

Вскорѣ императрица испустила послѣднее дыханіе, и Павелъ сдѣлался императоромъ. Немедленно всѣ были приведены къ присягѣ. Эта церемонія кончилась только въ 2 часа ночи, и все-таки, раздѣваясь, императоръ призвалъ къ себѣ Ростопчина и сказалъ ему: «Ты усталъ, и мнѣ совѣстно, но потрудись съ Архаровымъ съѣздить къ графу Орлову и приведи его къ присягѣ. Его не было во дворцѣ, а я не хочу, чтобы онъ забывалъ 28 іюня».

Алексѣй Орловъ повелъ себя самымъ приличнымъ образомъ и, расплакавшись при извѣстіи о смерти императрицы, присягнулъ новому императору. «Я не примѣтилъ въ немъ ни малѣйшей трусости или подлости»,—говоритъ Ростопчинъ.

Въ ту же ночь наслѣдникъ, Александръ Павловичъ, разставилъ пестрыя будки и часовыхъ вокругъ дворца, а на другое утро начались вахтпарады въ присутствіи государя. Гатчинскіе порядки повторились въ Петербургѣ, и гатчинскій капралъ, знаменитый Аракчеевъ, произведенный въ коменданты Петербурга, распоряжался всѣми военными порядками, крича: «Что вы, ракальи, не маршируете!» и называлъ знамена Екатерининскими юбками.

Въ то же время посыпались милости на всѣхъ гатчинцевъ. По словамъ современниковъ, это былъ не дождь, а ливень наградъ и милостей. Между прочимъ, любимецъ императора, камердинеръ Кутайсовъ, былъ пожалованъ въ гардеробмейстеры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, гатчинскія войска были вызваны въ Петербургъ, и императоръ встрѣтилъ ихъ словами: «Благодарю васъ, мои друзья, за вѣрную мнѣ службу, и въ награду за оную вы поступаете въ гвардію, а господа офицеры—чинъ въ чинъ».

Гатчинцамъ было поручено учить всѣхъ гвардейцевъ, точно рекрутовъ, и въ Зимнемъ дворцѣ былъ устроенъ для генераловъ и офицеровъ тактическій классъ гатчинской экзерциціи, подъ начальствомъ Аракчеева и подполковника Канабиха. Сами же гатчинцы произвели на гвардію потрясающее впечатлѣніе. «Дико было видѣть гатчинскихъ офицеровъ вмѣстѣ со старыми гвардейцами», говорилъ современникъ Л. Н. Энгельгардтъ: «эти были изъ лучшаго русскаго дворянства, болѣе придворные, нежели фронтовые офицеры; а тѣ, кромѣ фронта, ничего не знали; безъ малѣйшаго воспитанія и были почти оборыши изъ арміи, ибо какъ они не могли быть употреблены въ войнѣ и, кромѣ переходовъ изъ Гатчины въ

Павловскъ и изъ Павловска въ Гатчину, никуда не перемѣщались, потому мало и было охотниковъ служить въ гатчинскихъ войскахъ. Однакожъ, нѣсколько было изъ нихъ и благонравныхъ людей, хотя безъ особливаго воспитанія, но имѣющихъ здравый разсудокъ и къ добру склонное расположеніе».

Новое царствованіе съ первыхъ дней стало отрицаніемъ прошлаго: роскошный пышный дворъ императрицы преобразовался въ кордегардію. «Насталъ, по словамъ Шишкова, иной вѣкъ, иная жизнь. Прежде всего, объявлена была война круглымъ шляпамъ, отложнымъ воротникамъ, фракамъ, жилетамъ, сапогамъ съ отворотами, панталонамъ; а вмѣсто того предписывались пудра и косички, волосы же надо было зачесывать назадъ, но отнюдь не на лобъ. Ѣдущимъ же въ экипажахъ и пѣшеходамъ было приказано останавливаться при встрѣчѣ съ императоромъ, и сидящіе въ экипажахъ были обязаны выходить изъ нихъ для поклона».

Всего тяжелѣе, конечно, доставалось солдатамъ, для которыхъ введена была неудобная, уродливая форма. Вотъ какъ описываетъ унтеръ-офицеръ Коннаго полка, назначенный ординарцемъ къ государю, пытку, которой онъ подвергался: «Въ пять часовъ утра», пишетъ онъ, «я былъ ужъ на ротномъ дворѣ; двое гатчинскихъ костюмеровъ, знатоковъ въ высшей степени искусства обдѣлывать на головѣ волосы по утвержденной формѣ и пригонять амуницію по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладѣли моею головою, чтобы оболванить ее по утвержденной формѣ, и началась потѣха. Меня посадили на скамью по рединѣ комнаты, обстригли спереди волосы подъ гребенку, потомъ одинъ изъ костюмеровъ, немного менѣе сажени ростомъ, началъ мнѣ переднюю часть головы натирать мелко истолченнымъ мѣломъ; если Богъ благословитъ мнѣ еще 73 года жить на семъ свѣтѣ, я этой продѣлки не забуду! Минутъ пять, много шесть, усерднаго тренія головы моей костюмеромъ привели меня въ такое состояніе, что я испугался, полагалъ, что мнѣ приключилась какая либо немощь: глаза мои видѣли комнату, всѣхъ и все въ ней находящееся вертящимися. Милліоны искръ летали во всемъ пространствѣ, слезы текли изъ глазъ ручьемъ. Я попросилъ дежурнаго вахмистра остановить на нѣсколько минутъ дѣйствіе г. костюмера, дать отдыхъ несчастной головѣ моей. Просьба моя была уважена, и г. профессоръ оболваненія головъ по формѣ благоволилъ объявить вахтмейстеру, что сухой продѣлки на головѣ довольно, теперь только надобно смочить да засушить; я вздрогнулъ, услышавъ приговоръ костюмера о головѣ моей. Начинается мокрая операція. Чтобы не вымочить на мнѣ бѣлья, меня, вмѣсто пудроманта, окутали рогожнымъ кулемъ; костюмеръ сталъ противъ меня ровно въ разрѣзѣ на двѣ половины лица и, набравъ въ ротъ артельнаго квасу, началъ изъ устъ своихъ, какъ изъ пожарной трубы, опрыскивать черепозданіе мое; едва онъ увлажилъ пошву

головы, другой костюмеръ началъ обильно сыпать пуховкою на голову муку во всѣхъ направленіяхъ; по окончаніи сей операціи, прочесали мнѣ голову гребнемъ и приказали сидѣть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на головѣ клестеръ-корѣ; сзади въ волоса привязали мнѣ желѣзный, длиною восемь вершковъ, прутъ для образованія косы по формѣ, букли придѣлали мнѣ войлочныя, огромной натуры, по средствомъ согнутой дугою проволоки, которая огибала черепъ головы и, опираясь на немъ, держала войлочные фалконеты съ обѣихъ сторонъ, на высотѣ половины уха. Къ девяти часамъ утра составившаяся изъ муки кора затвердѣла на черепѣ головы моей, какъ изверженная лава вулкана, и я подъ симъ покровомъ могъ безущербно выстоять подъ дождемъ, снѣгомъ, нѣсколько часовъ, какъ мраморная статуя, поставленная въ саду. Принялись за облаченіе тѣла моего и украсили меня, не яко невѣсту, но яко чучело, поставляемое въ огородахъ для пуганія воронъ. Увидавъ себя въ зеркалѣ, я не могъ понять, для чего преобразовали меня изъ вида человѣческаго въ уродливый огороднаго чучелы».

Разряженнаго такимъ образомъ ординарца повелъ представляться государю Аракчеевъ, говоря: «Ступай за мной, ракалія, являться къ государю». Императоръ очень милостиво обошелся съ нимъ и сказалъ, потрепавъ его по плечу: «Эта одежда и Богу угодна и вамъ хороша». Принимая другого подобнаго ординарца въ новомъ мундирѣ, капитана Грязева, государь, окинувъ его взглядомъ съ головы до ногъ, поворачивалъ его во всѣ стороны и съ восхищеніемъ восклицалъ: «Прекрасно, прекрасно!»

Петербургъ въ нѣсколько дней совершенно преобразился. Прежде онъ былъ послѣ Парижа и Лондона самый веселый, роскошный, блестящій городъ. Теперь онъ принялъ скучный видъ нѣмецкаго города за два или за три столѣтія тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, изъ подобострастія къ Павлу, генералъ-полицеймейстеръ Архаровъ, напримѣръ, доходилъ до излишней ревности. Такъ онъ приказалъ ворота и заборы частныхъ домовъ красить офиціальной берлинской краской черной, желтой и бѣлой. Даже Павлу это показалось черезчуръ, и онъ гнѣвно сказалъ: «Что же я дуракомъ, что ли, сталъ, чтобы отдавать такія повелѣнія?». Однако, по свидѣтельству графа Воронцова «вообще хаосъ во всемъ былъ совершенный», а по словамъ Алексѣя Өедоровича Львова, автора народнаго гимна: «Боже царя храни», за малѣйшее возраженіе противъ его рѣшенія и ссылки на законъ Павелъ восклицалъ, ударяя себя въ грудь: «Здѣсь вашъ законъ!»

Кромѣ перемѣнъ въ наружной жизни, произошли и перемѣны въ домашнемъ быту и въ самыхъ существенныхъ сторонахъ государственной жизни. Литовскій статутъ былъ введенъ въ польскихъ губерніяхъ, а польскій языкъ возстановленъ въ сношеніяхъ съ

этими губерніями; въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Выборгской губерніи введены старинные уставы, а нѣкоторыя области изъяты изъ общихъ законовъ имперіи. Въ сущности всѣ эти перемѣны были основаны на желаніи измѣнить Екатерининскій строй; это доходило до такихъ мелочей, что Севастополь приказано было называть старымъ его именемъ: «Ахтіары». По словамъ одного русскаго писателя: «Часы пробили двѣнадцать, и вмѣсто нелѣпости, жирной масляницы наступаетъ суровый постъ. Дворецъ превращается въ кордегардію, вездѣ дребезжитъ барабанъ, вездѣ бьютъ палкой, бьютъ кнутомъ, тройки летятъ въ Сибирь, императоръ маршируетъ, учитъ эспантономъ, все безумно, безчеловѣчно, неблагородно; своеволіе наверху: «il n'y a de grand que celui à qui je parle et pendant que je lui parle»—рабство, дисциплина, молчаніе, рундъ и приказы».

Съ первыхъ шаговъ новаго императора, онъ выказалъ во всемъ злобу и ненависть къ своей матери, а вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіе къ покойному отцу. Онъ вынулъ его тѣло изъ могилы въ Невскомъ монастырѣ, положилъ въ великолѣпный гробъ, короновалъ его, возложивъ на его гробъ корону, и торжественно перенесъ тѣло Петра III во дворецъ. Тамъ онъ устроилъ великолѣпный castrum doloris и выставилъ рядомъ тѣла отца и матери. Погребальная процессія была двойная; впередъ ѣхала колесница съ гробомъ императрицы, а за нею слѣдовала колесница съ гробомъ императора, за которой шли государь, государыня и великіе князья. «On enterre la Russie», замѣтилъ англійскій дипломатъ, присутствовавшій при погребеніи.

Естественно, что всѣхъ переживишихъ приверженцевъ отца Павелъ щедро наградилъ, именно Гудовича, барона Унгернъ-Штернберга и другихъ. Напротивъ съ дѣятелями 1762 года онъ поступилъ самымъ суровымъ образомъ, а особенно съ княгиней Дашковой, которую онъ сослалъ въ деревню ея сына, гдѣ ей пришлось жить въ простой избѣ. Только по ходатайству Нелидовой она была возвращена въ свое великолѣпное помѣстье «Троицкое». Что касается графа А. Орлова, то Павелъ довольствовался нравственной пыткой; именно онъ приказалъ ему нести императорскую корону во время двойныхъ похоронъ Екатерины и ея мужа. Потомъ онъ отпустилъ его за границу, и когда онъ въ день рожденія государя далъ великолѣпный праздникъ, то написалъ ему благодарственное письмо.

Это обстоятельство только доказывало, какъ непослѣдователенъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ Павелъ Петровичъ. Еще характеристичнѣе были оказаны милости бывшему фавориту Екатерины, Петру Васильевичу Завадовскому, и близкому къ ней человѣку, Алексѣю Петровичу Бобринскому, которые оба были произведены въ графы. Мало того онъ, представляя впервые придворнымъ Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, назвалъ его своимъ братомъ.

Всего милостивѣе отнесся онъ къ князю Зубову. Онъ подарилъ ему роскошный домъ за то, что Зубовъ долженъ былъ выѣхать изъ дворца, и самъ, посѣтивъ его, выпилъ за его здоровье, прибавивъ: «Я тебѣ сказалъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ добраго!» Потомъ, увидѣвъ самоваръ, сказалъ сопровождавшей его Маріи Өеодоровнѣ: «Разлей чай, у него вѣдь нѣтъ хозяйки».

Однако, несмотря на непослѣдовательное поведеніе относительно Екатерины, Павелъ приказалъ уничтожить въ архивахъ всѣ бумаги, касавшіяся событій 1762 года, между прочимъ, манифестъ о смерти Петра III-го. Въ этомъ отношеніи онъ остался вѣрнымъ себѣ, и «въ тайной экспедиціи сожжены были всѣ документы, кромѣ двухъ экземпляровъ для справки. Онъ до такой степени держался ненависти ко всѣмъ дѣйствіямъ Екатерины, что немедленно освободилъ всѣхъ поляковъ, сосланныхъ и заточенныхъ Екатериною. Павелъ лично освободилъ Костюшку, который содержался подъ строгимъ присмотромъ въ Мраморномъ дворцѣ, и сказалъ ему: «Вы свободны, и я самъ желалъ принести вамъ эту вѣсть». Онъ пожаловалъ тысячу душъ Костюшкѣ за его долготерпѣніе, и когда послѣдній просилъ замѣнить ихъ деньгами, то выдалъ ему 60.000 рублей. Такъ же широко поступилъ императоръ и съ остальными поляками, а бывшаго короля Станислава-Августа, проживавшаго въ Гроднѣ, вызвалъ въ Петербургъ и поселилъ въ Мраморномъ дворцѣ съ царскими почестями. Одинаково Павелъ оказалъ милость лицамъ, пострадавшимъ во время царствованія Екатерины, несмотря на то, что они были противниками самодержавія. Такъ онъ освободилъ изъ Шлиссельбургской крѣпости Новикова и позволилъ ему жить въ подмосковной деревнѣ. Кромѣ того, были выпущены изъ тюрьмы всѣ подвергшіеся заточенію по этому дѣлу. «Но корабль не грузится, а выгружается способными людьми», говорилъ графъ Завадовскій, и знаменитый воинъ Суворовъ подвергся царской немилости. За его противодѣйствіе царскимъ военнымъ реформамъ онъ былъ уволенъ отъ службы и сосланъ въ свое новгородское помѣстье.

Съ самаго начала царствованія Павелъ имѣлъ стремленіе къ уравненію всѣхъ сословій. Но это уравненіе было довольно своеобразно и производило только «дурныя импрессіи». 3-го января 1797 года онъ положилъ резолюцію по одному уголовному дѣлу, рѣшенному согласно Екатерининской дворянской грамотѣ, въ которой сказано: «тѣлесное наказаніе да не коснется благородныхъ». Павелъ постановилъ собственноручно: «какъ скоро снято дворянство, то уже привилегія до него не касается, почему и впредь поступать». На основаніи этого указа дворянамъ, совершившимъ уголовное преступленіе, начали, сверхъ лишенія дворянства, присуждать наказаніе кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей, заклейменіемъ и ссылкой въ тяжелыя работы. «При этомъ остается неяснымъ вопросъ, гово-

рить Н. К. Шильдеръ, почему для достиженія благой цѣли потребовалось произвести уравненіе сословій не въ хорошемъ, а дурномъ смыслѣ, т. е., отчего не старались къ правамъ дворянскаго сословія приблизить права, или отсутствія правъ другихъ сословій, а наоборотъ?»

Во всякомъ случаѣ это стремленіе къ уравненію сословій имѣло очень пагубное послѣдствіе. Было приказано, чтобы крестьяне были приведены къ присягѣ наравнѣ со всѣми. Среди крестьянъ тотчасъ распространилась молва, что присяга происходитъ оттого, чтобы впредь не быть за помѣщиками. Вспыхнули безпорядки, и прежде всего начался мятежъ въ Олонецкой губерніи, а потомъ въ Московской, Орловской и Калужской. Немедленно были посланы войска и фельдмаршалъ князь Репнинъ для усмиренія этого мятежа.

29-го января 1797 года былъ обнародованъ манифестъ о послушаніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ, и далѣе говорилось: «Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, помѣщикамъ принадлежащіе, выходятъ изъ должнаго имъ послушанія, возмечтавъ, будто они имѣютъ учиниться свободными, повелѣваемъ, чтобы всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и словомъ всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольства неизбѣжнаго по строгости законной наказанія». Однако крестьяне не вняли этому манифесту, и князь Репнинъ самымъ строжайшимъ образомъ усмирилъ волненіе. Всего кровопролитнѣе было дѣло въ Орловской губерніи, въ селѣ Брасовѣ, гдѣ крестьяне, не имѣя огнестрѣльнаго оружія, защищались цѣпами и дубинами. Со стороны князя Репнина, напротивъ, было сдѣлано тридцать три пушечныхъ выстрѣла, благодаря чему сгорѣло шестнадцать крестьянскихъ домовъ, убито двадцать крестьянъ и ранено семьдесятъ. Замѣчательно еще, что въ этихъ крестьянскихъ мятежахъ принимало участіе сельское духовенство, о которомъ упоминается въ оффиціальныхъ бумагахъ, какъ о развратителяхъ крестьянъ.

Эти волненія отразились въ Петербургѣ, и нѣсколько дворовыхъ собрались и написали челобитную государю, прося его, чтобы онъ освободилъ ихъ отъ тиранства ихъ помѣщиковъ и взялъ ихъ къ себѣ на службу. Они подали эту жалобу государю на разводѣ. «Онъ, прочитавъ просьбу», говоритъ А. Т. Болотовъ, «и обозрѣвъ окружающихъ его, подозвалъ къ себѣ одного изъ полицейскихъ и приказалъ, взявъ сихъ людей и отведя на рынокъ, публично наказать нещаднымъ образомъ плетьми и столько, сколько похотятъ сами ихъ помѣщики». И, не удовольствуясь симъ, на самой ихъ просьбѣ написалъ: «Дерзновенныхъ сихъ въ страхъ другихъ и дабы никто другой не отважился утруждать его такими недѣльными просьбами, наказать публично нещаднымъ образомъ плетьми».

По случаю волненія между дворовыми въ Петербургѣ произошло замѣчательное происшествіе съ Иванъ Ивановичемъ Дмитріевымъ. Его однажды повезъ полицеймейстеръ во дворецъ, прямо къ государю. Надо прежде замѣтить, что въ новое царствованіе усилились всякаго рода доносы, и даже былъ устроенъ въ Зимнемъ дворцѣ снаружи ящикъ для жалобъ, подъ предлогомъ доставить слабымъ и обиженнымъ средство для защиты. Оказалось же, что въ ящикъ попадались часто карикатуры и пасквили, такъ что онъ былъ вскорѣ уничтоженъ. Государь встрѣтилъ Дмитріева, окруженный властями, и объявилъ, что онъ получилъ письмо о томъ, что Дмитріевъ и штабсъ-капитанъ Лихачевъ, который былъ представленъ вмѣстѣ съ нимъ, злоумышляли на его жизнь. Письмо не было подписано, и государь прибавилъ: «Я самъ знаю, что императоръ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, что онъ можетъ имѣть слабости и пороки, но я такъ еще мало царствую, что едва ли могъ сдѣлать кому нибудь зло, хотя бы и хотѣлъ того. Если же хотѣть, чтобы меня только не было, то надо же кому нибудь быть на моемъ мѣстѣ, а дѣти мои еще молоды». Всѣ присутствующіе сдѣлали пламенную демонстрацію Павлу, и онъ потомъ сказалъ императрицѣ: «теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ. Я сейчасъ получилъ новую присягу». Четыре дня находились подъ арестомъ оба офицера, и наконецъ ихъ освободили. Оказалось, что это письмо писалъ слуга брата Лихачева. Его предали суду, а обвиняемыхъ повезли снова во дворецъ. Павелъ встрѣтилъ ихъ съ распростертыми объятіями и сказалъ: «Съ удовольствіемъ вижу, что вы оказались невинными!» поцѣловалъ ихъ и пригласилъ къ обѣденному столу.

Эти происшествія, имѣвшія «дурныя импрессіи», повторялись бы гораздо чаще и ознаменовались бы болѣе дурными послѣдствіями, если бы не являлась примиряющимъ элементомъ Екатерина Ивановна Нелидова. Послѣ воцаренія Павла состоялось примиреніе Маріи Өеодоровны съ Нелидовой, которая была назначена ею начальницей Смольнаго монастыря. Вліяніе Екатерины Ивановны усилилось на императора, болѣе чѣмъ когда, и въ первые полтора года его царствованія она имѣла на него неограниченное вліяніе. Вмѣстѣ съ нею вліяла на него и такъ называемая ея партія, состоявшая изъ двухъ братьевъ Куракиныхъ, Буксгевдена, Нелидова и Плещеева. По свидѣтельству современниковъ, она удерживала Павла отъ вспышекъ гнѣва, отъ многихъ неблагоразумныхъ дѣйствій. Она откровенно говорила съ Павломъ и даже иногда обращалась съ нимъ сурово. Такъ однажды она бросила въ него свой башмакъ. Саблуковъ разсказываетъ объ этомъ любопытную сцену. «Отъ нея, конечно, зависѣло,—говоритъ князь Лобановъ,—воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы извлечь для себя и для близ-

кихъ ей лицъ большія выгоды, какъ это дѣлали многіе до нея и послѣ нея; но ея безкорыстіе не было никогда поколеблено, и ей случалось много разъ отвергать или умалять милости, коими хотѣла осыпать ее щедрость Павла».

VI.

5-го апрѣля 1797 года совершилась коронація, въ день Свѣтлаго праздника. Императоръ хотѣлъ было войти въ царскія двери и пріобщиться Св. Таинъ, имѣя при себѣ шпагу, но митрополитъ Платонъ остановилъ его слѣдующими словами: «Здѣсь приносится безкровная жертва, отыми, благочестивѣйшій государь, мечъ отъ бедра твоего». Павелъ смиренно сложилъ съ себя оружіе и вступилъ въ святилище. По совершеніи чина коронованія Павелъ прочиталъ фамильный актъ о престолонаслѣдіи по прямой линіи въ мужскомъ колѣнѣ. Этотъ актъ былъ составленъ имъ еще 4-го января 1788 года. Тогда онъ, совмѣстно съ великой княгиней, установилъ этимъ актомъ порядокъ престолонаслѣдія, предоставивъ престолъ своему старшему сыну. «Дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ, дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать, и дабы сохранить право родовъ наслѣдія, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ». Первый изъ русскихъ государей, онъ въ этомъ документѣ назвалъ себя главою церкви. А по прочтеніи акта императоръ вошелъ въ алтарь и положилъ его на святой престолъ, въ нарочно устроенный ковчегъ, который долженъ былъ храниться тамъ на всѣ времена.

Въ день коронованія, кромѣ акта о престолонаслѣдіи, императоръ издалъ манифестъ о трехдневной работѣ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи къ работѣ въ воскресные дни. Въ этомъ манифестѣ говорилось: «Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ: Законъ Божій, въ десятословіи намъ преподанный, научаетъ насъ седьмой день посвящать Ему, почему въ день настоящій, торжествомъ вѣры христіанской прославленный, и въ который мы удостоилися воспріять священное миропомазаніе и царское на прародительскомъ престолѣ нашемъ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ нашимъ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ подателемъ подтвердить во всей имперіи нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣліевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по ровному числу оныхъ въ обще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при доб-

ромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ потребностямъ».

Чрезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи былъ изданъ манифестъ о прощеніи отлучившихся самовольно нижнихъ чиновъ и разнаго званія людей. Въ установленіи о россійскихъ императорскихъ орденахъ, которое было обнародовано въ то же время, не упоминалось объ орденахъ св. Георгія, св. Владиміра, созданныхъ при Екатеринѣ. Е. И. Нелидова ходатайствовала у императора за сохраненіе Георгіевскаго ордена. Ея ходатайство было уважено императоромъ, и явился особый указъ: «Его императорское величество во время чтенія въ Успенскомъ соборѣ статута императорскихъ орденовъ изустно съ престола соизволилъ такъ: «А орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія остается на прежнемъ его основаніи, такъ и статутъ его». Владимирскіе ордена были исключены изъ русскихъ орденовъ во все царствованіе Павла. Кромѣ орденовъ, щедрой рукою, по случаю коронаціи, были розданы въ награду крестьяне, болѣе восьмидесяти двухъ тысячъ душъ. «По-моему лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ», говорилъ Павелъ еще наканунѣ своего воцаренія. «Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе; помѣщики лучше заботятся о крестьянахъ, у нихъ своя отеческая полиція».

Однако, несмотря на многія щедрыя награды, сыпавшіяся изъ рукъ имератора, онъ не могъ забыть, даже среди празднествъ, не пользовавшихся его благоволеніемъ полковъ, любимыхъ Екатериною, а главное Потемкинымъ. Однажды послѣ вахтпарада онъ позвалъ адъютанта злосчастнаго Екатеринославскаго полка Л. Н. Энгельгардта и началъ его щипать такъ, что у несчастнаго брызнули слезы. «Скажите полку, а тамъ скажутъ далѣе,—сказалъ Павелъ, сверкая глазами,—что я изъ васъ потемкинскій духъ вышибу, а васъ туда зашлю, куда воронъ костей вашихъ не занесетъ. Извольте, сударь, отправиться въ полкъ». Къ несчастію Энгельгардта, онъ такъ близко стоялъ отъ государя, что, повертываясь налѣво кругомъ, задѣлъ шпагою по ногамъ его. Трудно сказать, что съ нимъ стало въ эту минуту, но онъ не сробѣлъ и пошелъ по-ефрейторски, твердо переступая правой ногой. Государю такъ это понравилось, что гнѣвъ его мгновенно исчезъ, и онъ произнесъ громко: «Бравый офицеръ, славный офицеръ».

Лейбъ-медикъ Роджерсонъ писалъ тогда изъ Москвы графу Воронцову: «Все здѣсь имѣетъ видъ, что происходитъ случайно, подъ впечатлѣніемъ минуты. Когда онъ хочетъ, никто не осмѣливается дѣлать ему возраженія. На совѣтъ или представленіе онъ смотритъ, какъ на возмущеніе. Все здѣсь дѣлается безъ обсужденій и не вникая въ дѣло». Въ дѣлѣ наградъ, какъ и въ дѣлѣ взысканій, не было ни малѣйшей соразмѣрности. Такъ Безбородко получилъ княжеское званіе съ титуломъ свѣтлости, 16.000 душъ, и

былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ. Графъ Эльмптъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ и Каменскій были сдѣланы фельдмаршалами, а любимецъ императора, Ростопчинъ, пожалованъ Александровскимъ кавалеромъ, Аракчеевъ—кавалеромъ того же ордена и барономъ, а Кутайсовъ—оберъ-гардеробмейстеромъ. Однако Кутайсову показалось, что онъ получилъ мало, и онъ просилъ у императора еще орденъ св. Анны второго класса, за что Павелъ сильно разгнѣвался на своего брадобрея, разбранилъ его и удалилъ за его безстыдство отъ должности. Марія Ѳеодоровна и Нелидова, однако, заступились за него и добились его прощенія, за что онъ черезъ годъ заплатилъ черной неблагодарностью.

Въ это время на празднествахъ и балахъ впервые появилась замѣчательная красавица, Анна Петровна Лопухина, дочь сенатора, и обратила на себя вниманіе Павла. Императрица и Нелидова были нѣсколько взволнованы этимъ появленіемъ, но на первый разъ оно не имѣло послѣдствій. 3-го мая Павелъ выѣхалъ изъ Москвы и предпринялъ значительное путешествіе по Россіи. Во время путешествія государь былъ очень доволенъ и веселъ. На пути онъ не велѣлъ поправлять дороги, чинить мосты и дѣлать какія бы то ни было приготовленія. Въ Смоленской губерніи, въ слободѣ Пневѣ, онъ замѣтилъ множество крестьянъ, чинившихъ дорогу и мостъ. Это его привело въ ярость. Лично допросивъ крестьянъ, онъ узналъ, что ихъ послалъ на работу помѣщикъ Храповицкій, котораго крестьяне жаловались вообще на притѣсненія. Пріѣхавъ на ближайшую станцію, государь сказалъ, обращаясь къ наслѣднику: «Надо Храповицкаго наказать въ примѣръ другимъ. Ваше высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго разстрѣлять, и напишите такъ, чтобы народъ зналъ, что вы дышите однимъ со мною духомъ!» Александръ со слезами просилъ Безбородка, не присутствовавшаго при этомъ, успокоить государя.

— Будте благонадежны,—отвѣчалъ Безбородко, и пошелъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ къ императору.

— Ну, что, Александръ Андреевичъ,—спросилъ Павелъ, обращаясь къ нему, послѣ того, какъ объяснилъ все дѣло:—какъ вы думаете, хорошо ли я сдѣлалъ, приказавъ Храповицкаго разстрѣлять?

— Достодолжно и достохвально!—отвѣчалъ Безбородко.

Наслѣдникъ и всѣ присутствовавшіе были поражены этимъ отвѣтомъ.

— Вотъ видите ли, что говоритъ умный человѣкъ, — воскликнулъ императоръ:—а вы чего пугаетесь?

Подождавъ немного, Безбородко продолжалъ:

— Только, государь, Храповицкаго надо казнить по суду, чтобы всѣ знали, что ослушника повелѣнія государя караетъ законъ; слѣдовательно, нужно послать указъ Смоленской казенной палатѣ, чтобы она пріѣхала въ полномъ составѣ на мѣсто и постановила свое опредѣленіе.

Государь на это согласился и въ тотъ же день послалъ указъ смоленскому губернатору, генералу Философову, слѣдующаго содержанія:

«Пріѣхавъ въ Пневу слободу, съ крайнимъ неудовольствіемъ увидѣлъ я тутъ черезъ всю сію слободу сдѣланный, безъ всякой надобности, новый мостъ, на которой работѣ три недѣли находились какъ здѣшніе, такъ и окольныхъ деревень ямщики, упустя черезъ то столь удобное время къ хлѣбопашеству, да и покупка лѣсу, по скорости заготовленія, обошлась имъ въ слишкомъ девятьсотъ рублей, къ немалому ихъ отягощенію. А какъ всѣ подобныя приготовленія къ моему проѣзду и всякіе по сему случаю съ крестьянъ сборы, наряды, строго были запрещены, то и повелѣваю вамъ изыскать виновныхъ, преступившихъ вышесказанное запрещеніе, и предать ихъ суду, взыскавъ съ нихъ все то, что ямщиками на сдѣланіе въ Пневой слабодѣ ненужнаго моста издержано; въ ожиданіи таковаго взысканія я приказалъ выдать имъ изъ своей казны 2.500 рублей; впрочемъ, кто именно заставилъ таковую производить работу, по пріѣздѣ моемъ въ Смоленскъ, мнѣ донесите».

Въ слѣдующемъ году сенату было приказано покончить всякое производство по этому дѣлу, потому что: «Къ постройкѣ ненужнаго въ Пневой слободѣ моста приступлено было по невѣдѣнію о несоизволеніи нашемъ къ таковымъ приготовленіямъ для проѣзда нашего». Вообще государь заботился, чтобы его проѣздъ не возбуждалъ народнаго притѣсненія, и писалъ по поводу исправленія дорогъ еще указъ генералъ-прокурору: «Изъ приложенной при семъ копіи указа моего бѣлорусскому губернатору вы увидите, что за всѣми повелѣніями и запрещеніями моими о нечиненіи никакихъ нарядовъ по случаю путешествія моего въ Бѣлорусской губерніи выслано было множество людей на дорогу для расчищенія оной. Имѣя справедливую причину къ негодованію на такой поступокъ, я требую, чтобы для удовлетворенія обывателей, которые въ такую ненужную работу употреблены были, у губернатора и вице-губернатора бѣлорусскихъ остановлено было у каждаго за треть жалованье, на счетъ коего выдана тѣмъ обывателямъ изъ собственной моей казны тысяча рублей».

Вообще во время своего путешествія императоръ Павелъ высказывалъ не только крестьянамъ свою особую милость, но когда въ Смоленскѣ старый губернаторъ Философовъ, подойдя къ нему, уронилъ со страха подаваемые ему рапорты, государь удержалъ за плечо Философова, а самъ наклонился, чтобы ихъ поднять со словами: «Постой, старикъ, я помоложе тебя». «Какъ восхитительно видѣть монарха, отдающаго полную справедливость заслугамъ, лѣтамъ и достоинствамъ своего подданнаго», замѣчаетъ очевидецъ Грязевъ.

Въ городѣ Оршѣ Павелъ посѣтилъ іезуитскій коллегіумъ, который произвелъ на него самое лучшее впечатлѣніе. Архіепископу Сестренцевичу государь сказалъ: «Я вхожу сюда не такъ, какъ входилъ въ Брюннѣ императоръ Іосифъ въ монастырь этихъ почтенныхъ особъ; первое его слово, обращенное имъ къ своимъ офицерамъ, было такое: «эту комнату взять для больныхъ, а эту для госпитальной провизіи»; потомъ онъ приказалъ привести къ нему настоятеля монастыря и, когда тотъ явился, обратился къ нему съ такою рѣчью: «Когда вы удалитесь отсюда?» Я поступаю совершенно иначе, хотя я еретикъ, а Іосифъ былъ римско-католическій императоръ». Вообще Павелъ былъ очень милостивъ къ католической церкви, считая ее твердымъ оплотомъ противъ либеральнаго своеволія.

Съ возвращеніемъ Павла въ Петербургъ произошли важныя административныя перемѣны, именно генералъ Архаровъ былъ удаленъ отъ мѣста петербургскаго генералъ-губернатора, и на его мѣсто назначенъ графъ Буксгевденъ. Этому событію много содѣйствовали императрица Марія Ѳеодоровна и Нелидова, потому что всѣ слои общества одинаково роптали на его жестокость «Il n'y a que le bas peuple de ville et les paysans qui aiment leur maître», писалъ прусскій посланникъ графъ Брюль, «Dieu sait quoi cela aboutira».

Какъ грубо обращался императоръ на вахтпарадѣ съ неправящимися ему лицами, доказываетъ приказъ, подписанный самимъ Павломъ, такого содержанія: «Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Шепелевъ выключается въ Елецкій мушкатерскій полкъ за незнаніе своей должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бытности его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ вмѣсто службы обращались въ передней и въ пляскѣ». Поэтому неудивительно, что всѣ боялись гнѣва императора, и по словамъ только что произведеннаго въ генералъ-адъютанты по флоту эскадръ-майора Шишкова: «Забавы наши въ Павловскѣ были единообразны и скучны. Послѣ обѣда, обыкновенно, степенными и мѣрными шагами ходили мы прогуливаться по саду. Послѣ прогулокъ, отдохнувъ нѣсколько, ежедневно собирались мы на бесѣду, весьма утомительную. Тамъ государь и государыня съ великими князьями и княжнами садились рядомъ и провождали время въ сухихъ разговорахъ; а мы сидѣли вокругъ комнаты на стульяхъ, какъ бы прикованные къ нимъ истуканы, потому что ни разговаривать между собою, ни вставать съ нихъ не смѣли».

Главнымъ занятіемъ императора были вахтпарады, разныя строевыя ученія и маневры. Онъ даже по ночамъ не раздѣвался во время маневровъ, чтобы при нечаянномъ нападеніи быть всегда готовымъ къ сраженію. Осенніе маневры произвели на него пріятное впечатлѣніе, и онъ, объявивъ въ приказѣ благоволеніе всѣмъ войскамъ, сказалъ: «Я зналъ, господа, что образованіе войскъ по

уставу было не всѣмъ пріятно; ожидалъ осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось. Вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оружія россійскаго».

Въ концѣ 1797 года Суворовъ написалъ Павлу жалобное письмо, прося вернуть его изъ новгородскихъ болотъ. Эта просьба осталась безъ вниманія, но въ началѣ слѣдующаго года онъ вдругъ, неожиданно, увидалъ въ своей глуши флигель-адъютанта князя Горчакова, призвавъ котораго Павелъ объявилъ: «Ѣхать вамъ, князь, къ графу Суворову; сказать ему отъ меня, что если было что отъ него мнѣ, я сего не помню; что можетъ ѣхать сюда, гдѣ, надѣюсь, не будетъ повода подавать своимъ поведеніемъ къ наималѣйшему недоразумѣнію». Суворовъ нисколько не обрадовался повелѣнію возвратиться въ Петербургъ и, несмотря на намеки императора проситься снова на службу, онъ подъ разными видами уклонялся отъ этого. Но въ Петербургѣ ему все было не по сердцу, и онъ попрежнему сталъ блажить: подсмѣивался надъ окружавшими, проявлялъ умышленное невниманіе и уходилъ съ вахтпарада, говоря: «брюхо болитъ». Вообще нарушалъ порядокъ и благочиніе, постоянно крестился и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ. Когда же государь однажды спросилъ, что онъ дѣлаетъ, то Суворовъ отвѣчалъ, что читаетъ молитву: «да будетъ воля твоя». Императоръ, передъ которымъ все трепетало, снисходительно обращался съ Суворовымъ. Но Суворову было нестерпимо оставаться въ Петербургѣ. Онъ не могъ видѣть издѣвательства надъ военнымъ дѣломъ, какъ онъ называлъ современные порядки. Наконецъ онъ просилъ государя письменно отпустить его въ монастырь, но, не получивъ отъ него никакого отвѣта, лично просилъ разрѣшенія возвратиться въ деревню. Павелъ съ негодованіемъ на это согласился, и Суворовъ въ тотъ же день уѣхалъ въ деревню.

Перемѣны въ положеніи любимцевъ Павла происходили мгновенныя. Такъ, въ началѣ 1798 года былъ удаленъ со службы баронъ Аракчеевъ, благодаря тому, что онъ обругалъ самыми позорными словами полковника Лена, сподвижника Суворова, который не могъ этого снести и, пріѣхавъ домой, застрѣлился. Императоръ уволилъ Аракчеева, несмотря на любовь къ нему, и вмѣстѣ съ нимъ удалилъ со службы другого любимца, графа Ростопчина. Напротивъ, баронъ фонъ-деръ-Паленъ былъ возвращенъ изъ опалы и произведенъ въ генералы отъ кавалеріи. «Я похожъ на тѣ маленькія куколки, которыхъ хотѣли бы опрокинуть и поставить вверхъ ногами, но которыя всегда опять становятся на ноги», сказалъ онъ о себѣ.

Теперь наступила окончательная развязка давно уже начатой противъ Нелидовой интриги, которую главнымъ образомъ вели Безбородко, Ростопчинъ и Кутайсовъ. 5-го мая 1798 года государь отправился снова въ Москву и на этотъ разъ одинъ, такъ какъ государыня

незадолго передъ этимъ родила сына Михаила и была огорчена смертью отца и матери. Павла сопровождали великіе князья Александръ и Константинъ, Безбородко и Кутайсовъ. Этимъ путешествіемъ воспользовались для торжества интриги противъ Нелидовой. Императора встрѣтили въ Москвѣ, пишетъ баронъ Гейкингъ въ своихъ запискахъ, восторженно, а такъ какъ сердце отъ природы было у него мягкое, то онъ былъ тронутъ этими изъявленіями преданности, восторга и любви. Бѣдный государь обладалъ любящею и чувствительною душою. И зачѣмъ это такъ случилось, что его раздражительный характеръ и болѣзненно настроенное воображеніе увлекали его постоянно на ложный путь. Преисполненный радостью, онъ сказалъ Кутайсову въ тотъ же вечеръ:

— Какъ отрадно было сегодня моему сердцу! Московскій народъ любитъ меня гораздо болѣе, чѣмъ петербургскій; мнѣ кажется, что тамъ меня гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ.

— Это меня не удивляетъ.

— Почему же?

— Не смѣю выразиться яснѣе.

— Я приказываю.

— Обѣщайте мнѣ, государь, не передавать этого ни императрицѣ, ни фрейлинѣ Нелидовой.

— Обѣщаю.

— Государь, дѣло въ томъ, что васъ видятъ таковымъ, каковы вы въ дѣйствительности—добрымъ, великодушнымъ и чувствительнымъ, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, если вы оказываете какую либо милость, то говорятъ, что у васъ ее выпросили или императрица, или фрейлина Нелидова, или же Куракины. Такимъ образомъ оказывается, что когда вы дѣлаете добро, то его дѣлаютъ они, если же вы караете, то это происходитъ отъ васъ.

— Но... ты правъ... стало быть, говорятъ, что я даю управлять собою этимъ двумъ женщинамъ?

— Такъ точно, государь.

— Ну, мои дамы, я покажу вамъ, какъ мною управляютъ.

Исполненный гнѣва Павелъ подошелъ къ столу и хотѣлъ писать, но Кутайсовъ бросился къ его ногамъ и убѣдилъ его дѣйствовать съ притворствомъ по отношенію къ упомянутымъ особамъ.

Затѣмъ интрига продолжалась. Императоръ встрѣтился на одномъ балу съ Анной Петровной Лопухиной, и она не спускала съ него глазъ. Одинъ изъ очевидцевъ сказалъ Павлу: «она, ваше величество, изъ-за васъ голову потеряла». Самъ государь, по словамъ современника, «страстно влюбился въ нее» и послалъ Кутайсова устроить дѣло о переѣздѣ отца ея Лопухина въ Петербургъ. Все было исполнено, и Павелъ выѣхалъ изъ Москвы. Онъ предпринялъ обширное путешествіе. Прежде всего онъ посѣтилъ городъ Покровъ, гдѣ его встрѣтили съ необычайнымъ восторгомъ.

«Je demeurais», писалъ Павелъ Маріи Өеодоровнѣ, «au rez de chaussé, et sur un coin d'un côté j'avais contre la fenêtre des dames de la noblesse, à une autre j'en avais du commun et à une troisième des paysans, des bourgeois et domestiques; tous me disaient être charmés de me voir et me parlaient de leur attachement pour moi, après quoi à chacune des fenêtres je m'entends dire par une grande quantité à l'envie». «Мы знаемъ, что ты только добра нашего желаешь и ищешь; мы всѣ знаемъ это. Право, Богъ тебя наградитъ за это». «Juge de mon état, ensuite des bénédictions et des embrassements par la fenêtre; avec cela une tranquillité, une bienesance admirable et aucun propose». Въ Муромѣ произошло то же самое, и эта встрѣча произвела на Павла еще большее впечатлѣніе, поэтому онъ писалъ императрицѣ:

«Ce n'est pas Rome que Mourom, mais je suis entouré de quelque chose de mieux, d'un peuple innombrable, qui me comble d'affection. Je vous écris ceci entouré de monde au rez de chaussé. Jugez s'il est possible d'écrire de suite... on n'a pas d'idee de ce que c'est que la Russie, quand on ne l'a vue, cela passe tout».

Посѣтивъ Нижній Новгородъ, Казань и на обратномъ пути Ярославль, онъ встрѣтилъ въ Тихвинѣ выѣхавшихъ къ нему императрицу и Нелидову. По его возвращеніи въ Петербургъ нѣкоторое время все было спокойно, такъ какъ лопухинская интрига развивалась медленно. Только 9-го іюля, послѣ переѣзда двора въ Петергофъ, наступила развязка.

Дѣло началось съ того, что сенатору Лопухину приказано было ускорить свой пріѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ, а съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ государь такъ дурно обошелся, что тотъ захворалъ. Императрица заступилась за него, но Павелъ разсердился на нее. Сперва все уладилось, но все дѣло испортила неосторожность Маріи Өеодоровны, написавшей Аннѣ Петровнѣ Лопухиной угрожающее письмо, чтобы воспрепятствовать ея пріѣзду въ Петербургъ. Письмо показали Павлу, и онъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что наговорилъ императрицѣ, по словамъ современника, невѣроятныхъ вещей, а когда хотѣла оправдываться Нелидова, то и ея не пощадилъ. Наконецъ, первой жертвой интриги сдѣлался Юрій Александровичъ Нелединскій. Выходя довольно поздно изъ внутреннихъ аппартаментовъ императрицы, онъ встрѣтился съ Павломъ Петровичемъ и Кутайсовымъ, который и сказалъ государю: «вотъ кто слѣдитъ за вами днемъ и ночью и все передаетъ императрицѣ». Павелъ вышелъ изъ себя и приказалъ ему немедленно удалиться отъ двора. Онъ былъ отставленъ отъ службы и уѣхалъ въ деревню.

Одна опала слѣдовала за другой среди лицъ, приближенныхъ къ императрицѣ. Вице-адмиралъ Плещеевъ былъ отставленъ отъ службы, князь Куракинъ уволенъ ото всѣхъ дѣлъ, петербургскій

военный губернаторъ, графъ Буксгевденъ, былъ замѣненъ фонъ-деръ-Паленомъ. Къ его семейству, удалившемуся въ замокъ Лоде, добровольно присоединилась и опальная фрейлина Нелидова. Она поняла, по словамъ Лобанова, что ей невозможно бороться съ новою соперницей. Не желая сохранить при дворѣ положеніе второстепенное и умаленное, она предпочла удалиться. Вмѣстѣ съ нею смѣщены были всѣ близкіе къ ней люди. Напротивъ, Лопухинъ прибылъ въ Петербургъ и былъ осыпанъ милостями, а жена его произведена въ статсъ-дамы, дочь же, Анна Петровна,—въ камеръ-фрейлины. Прежніе любимцы Павла, Аракчеевъ и Ростопчинъ, снова вернулись въ милость. Первый возвращенъ на службу съ прежнимъ чиномъ, а второй назначенъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, съ повелѣніемъ присутствовать третьимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

«Интрига восторжествовала, и невольно припоминаются слова, сказанныя Волынскимъ», говоритъ Н. К. Шильдеръ: «намъ, русскимъ, не надобенъ хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ и оттого сыты бываемъ». А относительно интриги 1798 года замѣчаетъ И. И. Дмитріевъ: «Коварнымъ царедворцамъ господствующій въ умахъ страхъ не мѣшалъ строить ковы другъ противъ друга, выслуживаться тайными доносами и возбуждать недовѣрчивость въ государѣ, по природѣ добромъ, щедромъ, но вспыльчивомъ, оттого происходили скоропостижное паденіе чиновныхъ особъ, внезапные высылки изъ столицы даже изъ отставныхъ изъ знатнаго и средняго круга, уже нѣсколько лѣтъ наслаждавшихся спокойствіемъ, скромной, независимой жизнью».

VII.

Между тѣмъ во внѣшней политикѣ произошелъ важный переворотъ. При Екатеринѣ она была основана на пріобрѣтеніи территорій и на упроченіи славы имперіи, а теперь она сдѣлалась политикой «чистѣйшей романтики». Сначала Павелъ держался прямо противоположной цѣли и намѣренія своей матери. Онъ мгновенно прекратилъ войну съ Персіей и громогласно заявлялъ, что держится, во что бы то ни стало, мира. Но, очевидно, это не могло долго продолжаться, такъ какъ онъ объявилъ, что будетъ «противиться всевозможными мѣрами противъ неистовой французской республики, угрожающей всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ и благонравія». Австрія и Англія тотчасъ поняли, что не легко подбить Россію къ войнѣ съ «богомерзкимъ правленіемъ» особенно, когда близкій его сердцу, прусскій король, сознался ему, что заключилъ договоръ съ Франціей.

Два года подготовлялась война и наконецъ вспыхнула. Наполеонъ, отправляясь въ Египетъ, по дорогѣ взялъ Мальту, кото-

рую великій магистръ Гомпешь сдалъ и удалился въ Тріестъ. Это возбудило ужасную ярость Павла, потому что онъ считалъ себя покровителемъ Мальтійскаго ордена и протекторомъ «du grand prioré de Russie». Петербургскіе мальтійскіе кавалеры протестовали противъ сдачи Мальты и предоставили орденъ на волю Павла, который 10 сентября 1798 года объявилъ торжественно, что беретъ орденъ подъ свое «suprême direction». Немедленно онъ заключилъ трактатъ съ коалиціей и двинулъ свои войска за границу. Съ этого времени русская армія начала называться «la grande armée de la bonne cause».

Прямымъ слѣдствіемъ войны было принятіе императоромъ Павломъ достоинства великаго магистра ордена Іоанна Іерусалимскаго. Депутація кавалеровъ поднесла ему велико-магистерскія корону и регаліи. Въ манифестѣ, обнародованномъ по этому поводу, упоминалось, что «новое заведеніе ордена св. Іоанна Іерусалимскаго было въ пользу благороднаго дворянства имперіи Всероссійской». Аббатъ Жоржель, присланный въ Петербургъ съ депутаціей по случаю избранія великимъ магистромъ императора Павла, говоритъ въ своихъ запискахъ: «L'empereur de Russie, separé de la communion romaine par le schisme de Photius, devenant grand-maître d'un ordre religieux et militaire, ayant le Pape pour premier superieur, parut un phénomène aux yeux de l'Europe etonnée». Еще болѣе была удивлена Европа заключеніемъ союза Павла съ Оттоманской Портой. Къ европейской коалиціи противъ Франціи присоединилась Турція и также вооружилась, по словамъ Павла, противъ «развратныхъ правилъ и буйственнаго распаленія разсудка французовъ».

Въ февралѣ 1799 года онъ вызвалъ изъ деревни Суворова и назначилъ главнокомандующимъ русской арміи. На этотъ разъ государь принялъ его чрезвычайно милостиво, а весь Петербургъ восторженно. Черезъ нѣсколько дней Суворовъ отправился на послѣдніе свои подвиги. Вскорѣ послѣ этого была объявлена война съ Испаніей, и Россія оказалась въ общей европейской войнѣ.

Что касается внутренней политики, то она въ это время продолжала отличаться неожиданностями и порывами. П. В. Лопухинъ сдѣлался любимцемъ Павла, и милости сыпались на него безъ конца. Онъ былъ произведенъ въ генералъ-прокуроры, князья, и даже удостоился титула свѣтлости и большого креста св. Іоанна Іерусалимскаго. Но его фаворъ продолжался не долго, и Кутайсовъ, несмотря на то, что онъ женился на дочери князя, подложилъ ему ножку. Князь Лопухинъ уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ и вернулся въ Москву. Это не мѣшало Аннѣ Петровнѣ Лопухиной остаться при дворѣ фрейлиной и пользоваться милостями императора.

Изъ всѣхъ приближенныхъ лицъ къ императору наибольшими милостями пользовался бывшій брадобрей Кутайсовъ. Онъ сначала

былъ произведенъ въ бароны, потомъ въ графы, а потомъ въ оберъ-шталмейстеры. Точно также возвратились изъ опалы Ростопчинъ и баронъ Аракчеевъ. Первый былъ сдѣланъ графомъ и первоприсутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а второй инспекторомъ всей артиллеріи. Но снова онъ вскорѣ заслужилъ немилость. Въ арсеналѣ случилась покража, и братъ Аракчеева командовалъ тѣмъ батальономъ, отъ котораго стоялъ караулъ въ арсеналѣ во время кражи. Аракчеевъ не задумался и доложилъ, что батальономъ командовалъ генералъ Вильде. Павелъ тотчасъ отставилъ его отъ службы, но Кутайсовъ за него заступился и доложилъ государю, какъ случилось дѣло. Государь пришелъ въ неистовство и снова отставилъ отъ службы Аракчеева, которому пришлось возвратиться въ Грузино.

Въ это время канцлеръ князь Безбородко сильно занемогъ тяжелой болѣзнью и скропостижно умеръ. Узнавъ объ этомъ, императоръ Павелъ не очень опечалился, а когда при немъ кто-то сказалъ: «Россія лишилась Безбородки», онъ произнесъ съ досадой: «У меня всѣ Безбородки». Тѣмъ болѣе разсердило его, что Марія Өеодоровна расплакалась, узнавъ о смерти Безбородки. «Allez pleurer dans votre chambre!» крикнулъ онъ гнѣвно: «on dira que l'empire est perdu: il y a bien de gens capables de le remplacer». Воспользовавшись этимъ случаемъ, онъ удалилъ изъ вице-канцлеровъ Кочубея, который, по его словамъ, слишкомъ умничалъ, и на его мѣсто назначенъ былъ графъ Никита Петровичъ Панинъ. Такимъ образомъ во главѣ иностранной политики оставался графъ Ростопчинъ, а Панинъ только былъ «pretendu vice-chancelier». Тѣмъ болѣе, что государь писалъ Ростопчину: «Чтобы менѣе говорилъ съ министрами, которые только инструментъ». Совершенно справедливо писалъ графъ Воронцовъ изъ Лондона: «Je vois que tout se fait chez nous avec une precipitation et une vèhemence incroyable. Cela fait fremir, et je ne vois aucun frein à tout cela».

Весною 1800 года произошла такая важная и неожиданная перемѣна въ иностранной политикѣ, что никто этого не ожидалъ. Наполеонъ, послѣ 18 брюмера, сдѣлавшись первымъ консуломъ и одержавъ побѣду при Маренго, вступилъ въ сношенія съ Россіей. Въ то время Павелъ былъ взбѣшенъ на Англію за занятіе Мальты, и потому сочувственно встрѣтилъ эти переговоры. По словамъ датскаго посланника Розенкранца, императоръ сказалъ ему, что политика его остается неизмѣнной и связана со справедливостью тамъ, гдѣ его величество полагаетъ видѣть справедливость; долгое время онъ былъ того мнѣнія, что она находится на сторонѣ противниковъ Франціи, «правительство которой угрожало всѣмъ державамъ; теперь же въ этой странѣ въ скоромъ времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мѣрѣ, по существу, что измѣняетъ положеніе дѣла; онъ бросилъ сторонниковъ

этой партіи, партіи австрійской, когда обнаружилось, что справедливость не на ея сторонѣ; то же самое онъ испыталъ относительно англичанъ, онъ склоняется единственно въ сторону справедливости, а не къ тому или другому правительству, къ той или другой націи, и тѣ, которые иначе судятъ о его политикѣ, положительно ошибаются».

Еще болѣе расположилъ русскаго императора Наполеонъ въ пользу Франціи, выдавъ безъ всякаго размѣна русскихъ плѣнныхъ и приказавъ заявить генералу Спренгтпортену, посланному принять плѣнныхъ, что онъ уважаетъ священную особу его величества императора русскаго и его характеръ, отличающійся величіемъ и прямотой. Съ своей стороны Павелъ отвѣчалъ, что онъ готовъ вступить въ переговоры съ Франціей, и прибавилъ: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается». Павелъ былъ очень доволенъ сближеніемъ Россіи съ Франціей, и де-Сангленъ разсказываетъ, что онъ однажды приказалъ принести карту Европы, положилъ ее передъ собою, сложилъ надвое, провелъ по лбу рукою и сказалъ: «Только такъ мы можемъ быть друзьями».

Подвиги Суворова кончились, и онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ снова подвергся опалѣ. Наконецъ, 6-го мая 1800 года онъ скончался и былъ похороненъ въ Невской лаврѣ. Императоръ встрѣтилъ печальную процессію на углу Невскаго и Садовой и, пропустивъ ее мимо себя, возвратился домой. Весь день онъ былъ печаленъ, всю ночь не спалъ и постоянно повторялъ одно слово: «жаль». Что же касается военныхъ приготовленій, то они приняли оригинальный характеръ. Павелъ задумалъ войну съ Англіей, въ Индіи, и послалъ туда атамана войска Донского, генерала отъ кавалеріи Орлова, черезъ Оренбургъ и безпредѣльныя степи. Этотъ походъ чрезвычайно понравился Наполеону, и онъ писалъ Павлу 9-го декабря 1800 года: «Я желаю видѣть скорый и неизмѣнный союзъ двухъ могущественнѣйшихъ націй въ мірѣ... ибо, когда Англія, императоръ Германіи и всѣ другія державы убѣдятся, что какъ воля, такъ и руки нашихъ двухъ великихъ націй стремятся къ достиженію одной цѣли, оружіе выпадетъ у нихъ изъ рукъ, и современное поколѣніе будетъ благословлять ваше императорское величество, какъ избавителя отъ ужасовъ войны и раздоровъ партій».

Императоръ Павелъ отвѣчалъ на это: «Несомнѣнно, что двѣ великія державы, вошедши въ соглашеніе между собою, повліяютъ на остальную Европу самымъ положительнымъ образомъ, и я готовъ это исполнить». Черезъ нѣсколько дней онъ прибавлялъ: «Не мнѣ указывать вамъ, что вамъ слѣдуетъ дѣлать, но я не могу не

предложить, нельзя ли предпринять или, по крайней мѣрѣ, произвести что нибудь на берегахъ Англіи; подобныя дѣйствія, произведенныя въ то время, когда она видитъ себя изолированною, могли заставить ее раскаяться въ своемъ деспотизмѣ и въ своемъ высокомѣріи. Прошу васъ принять въ соображеніе то, что я вамъ предлагаю и указываю».

Къ внѣшней политикѣ относится и усиленіе въ Россіи іезуитской пропаганды. Одинъ изъ представителей ордена, патеръ Груберъ, добился значительнаго вліянія на Павла, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ вылѣчилъ императрицу отъ жестокой зубной боли и приготовилъ государю іезуитскій шоколадъ. Съ весны 1799 года ему безпрепятственно открытъ былъ доступъ къ императору, и, узнавъ объ этомъ, Наполеонъ вошелъ въ тайныя сношенія съ Груберомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дружба Павла съ іезуитами естественно возбудила мысль о соединеніи русской и римской церквей, подъ покровительствомъ Мальтійскаго ордена, который, по мнѣнію Павла, долженъ былъ спасти Европу отъ бѣдствія революціи и вольнодумства. Къ мысли о соединеніи церквей великій магистръ относился съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, и дѣло уже значительно созрѣло, какъ видно изъ депеши Лизакевича изъ Рима, 24-го января 1801 года. Папа Пій VII въ разговорѣ съ нимъ высказалъ, что онъ очень радъ видѣть императора великимъ магистромъ мальтійскаго ордена, такъ какъ въ случаѣ преслѣдованія французовъ онъ готовъ поселиться на Мальтѣ, когда этотъ островъ будетъ возвращенъ ордену, и спокойно жить подъ покровительствомъ русскаго императора. Затѣмъ папа прибавилъ, что онъ готовъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы лично трактовать о соединеніи церквей, и вообще онъ называетъ Павла другомъ человѣчества и безкорыстнымъ защитникомъ гонимыхъ и угнетенныхъ. Дальнѣйшимъ планамъ Пія VII и іезуитовъ помѣшало событіе 11-го марта 1801 года.

Персоналъ русскихъ дипломатовъ безпрерывно измѣнялся въ это время. Не долго продержался вице-канцлеромъ графъ Панинъ, не сочувствовавшій сближенію съ Франціей. Павелъ выразился о немъ: «Je sais qu'il ne manque pas de talent, mais il a trois defauts capitaux: il est pedant, sistematique et methodique. C'est un romain». Поэтому Панинъ былъ отставленъ отъ службы, и на его мѣсто назначенъ Колычевъ, но ему не суждено было занять мѣсто вице-канцлера, такъ какъ онъ былъ отправленъ въ Парижъ для переговоровъ съ Наполеономъ. Во главѣ же иностранной коллегіи остался попрежнему графъ Ростопчинъ.

Какъ ни были смутны и запутаны внѣшнія дѣла, но внутреннія находились еще въ большемъ хаосѣ. 7-го іюня 1799 года Беклешева смѣнилъ въ должности генералъ-прокурора генералъ-лейтенантъ Обольяниновъ, бывшій гатчинецъ. Роджерсонъ гово-

ритъ объ этомъ назначеніи, что Обольяниновъ: «un protegé du favori», т.-е. графа Кутайсова, и прибавляетъ: «mais le maître croit que c'est lui qui l'a fait; et lui a dit: теперь, слава Богу, у насъ есть свой». Со времени Обольянинова усилился еще болѣе хаосъ и произволъ.

Дѣйствія и поступки самого Павла были самые странные. Онъ приказалъ, напримѣръ, зарыть склепъ, гдѣ было похоронено тѣло покойнаго князя Потемкина, и даже говорятъ, что его тѣло было вынуто изъ гроба и выброшено. Съ живыми онъ обращался не менѣе круто. Такъ на контръ-адмирала Чичагова насплетничали ему, что онъ намѣренъ перейти на англійскую службу. Государь потребовалъ его къ себѣ и закричалъ: «Вы не хотите мнѣ служить, вы хотите служить иностранному принцу?» Чичаговъ хотѣлъ объяснить, что это невозможно, что даже конституція не позволяетъ поступать на службу иностранцамъ, но императоръ не далъ ему говорить и затопалъ ногами: «Я знаю, что вы якобинецъ, — закричалъ онъ яростно, — но я разрушу всѣ ваши идеи. Увольте его въ отставку и посадите подъ арестъ. Отослать его въ деревню съ запрещеніемъ носить военную форму, или нѣтъ, снять съ него ее теперь же». Флигель-адъютанты набросились на него, и въ одну минуту раздѣли его до бѣлья. Въ такомъ видѣ его увели и отправили къ графу Палену съ собственноручной запиской Павла: «Якобинскія правила и противные власти отзывы посылаемаго къ вамъ Чичагова принудили меня приказать запереть его въ равелинъ подъ вашимъ смотрѣніемъ». Но графъ Паленъ очень ласково принялъ Чичагова и сказалъ: «Мы теперь только это и видимъ. Сегодня васъ, а завтра, быть можетъ, и меня». Чичаговъ изъ-за этой исторіи такъ заболѣлъ горячкой, что едва не умеръ. Между тѣмъ графъ Паленъ добился его помилованія. Павелъ не только возвратилъ ему свою милость, но отправилъ съ эскадрою въ Англію.

Въ числѣ странныхъ приказовъ Павла былъ выговоръ умершему генералу Врангелю. Къ суровымъ мѣрамъ относились повелѣнія наказать кнутомъ поручика Петра Осиповича Грузинова и его брата, полковника Грузинова, при совершеніи наказанія послѣдній умеръ, а такъ же штабсъ-капитана Кирпишникова прогнать шпицрутенами сквозь тысячу человѣкъ. Пасторъ Задеръ подвергся лишенію духовнаго сана, двадцати ударамъ кнута и ссылкѣ въ Сибирь за то, что «онъ не объявилъ о существованіи у него лезе-библіотеки, но и раздавалъ изъ иной». Вообще въ то время цензура относилась самымъ драконовскимъ образомъ къ произведенію мысли, и въ 1800 году вышелъ указъ сенату: «Такъ какъ черезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ,

на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равно и музыку».

Однако, вмѣстѣ съ вспыльчивостью и суровостью, Павелъ отличался добротой и часто радовался, когда его жестокія повелѣнія не исполнялись. Такъ, однажды, конногвардейскій офицеръ Милюковъ не слышалъ царской команды «налѣво!», потому что еще не въѣхалъ въ манежъ, и взялъ, по обыкновенію, направо. Государь разсердился и крикнулъ: «Непослушаніе! Снять его съ лошади! Оборвать его! Дать ему сто палокъ». Но великій князь Константинъ Павловичъ, самъ впослѣдствіи отличавшійся вспыльчивостью, отсрочилъ наказаніе и, воспользовавшись случаемъ, черезъ нѣсколько дней выпросилъ помилованіе Милюкову, который, въ сущности, былъ ни въ чемъ не виноватъ. Государь не только поблагодарилъ его за то, что онъ не исполнилъ наказанія, но принялъ снова на службу несчастнаго, повысивъ его двумя чинами. Точно также нѣмецкій писатель Коцебу, вызванный Павломъ въ Петербургъ, былъ по дорогѣ на границѣ остановленъ и сосланъ въ Тобольскъ. Но въ концѣ того же года онъ былъ помилованъ, возвращенъ въ Петербургъ и назначенъ директоромъ придворнаго нѣмецкаго театра. Павелъ даже поручилъ ему напечатать въ иностранныхъ газетахъ юмористическую статью о вызовѣ императоромъ на единоборство всѣхъ государей и ихъ министровъ. Однако государь остался недоволенъ его проектами и самъ написалъ по-французски.

«On apprend de Pétersbourg que l'empereur de Russie, voyant que les puissances de l'Europe ne pouvaient s'accorder entre elles et voulant mettre fin à une guerre, qui la desolait depuis onze ans, voulait proposer un lieu où il invitera tous les autres souverains de se rendre et y combattre en champ clos, ayant avec eux pour écuyer, juge de camp et héros d'armes leurs ministres les plus éclairés et les généraux les plus habiles, tels que Ms. Thugut, Pitt, Bernstorf, lui même se proposant de prendre avec lui les généraux de Pahlen et Kutusoff; on ne sçait si on doit y ajouter foi; toutefois la chose ne parait pas destituée de fondement, en portant l'empreinte de ce dont il a souvent été taxé».

Хотя Коцебу было приказано перевести на нѣмецкій языкъ и помѣстить ее въ «Гамбургской Газетѣ», но дальнѣйшая судьба этой статьи неизвѣстна. Только въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано нѣчто подобное и въ такомъ же юмористическомъ тонѣ. Коцебу былъ щедро вознагражденъ, и ему была пожалована осыпанная брильянтами табакерка въ двѣ тысячи рублей. «Я былъ тронутъ и очарованъ, говоритъ онъ, любезнымъ пріемомъ императора. Всѣ видѣвшіе его засвидѣтельствуютъ, что онъ умѣлъ быть чрезвычайно привѣтливымъ, и тогда бывало трудно, почти невозможно противостоять его обаянію».

Совершенно мѣтко и справедливо характеризуетъ Павла и его царствованіе А. Петрушевскій, біографъ Суворова: «Царствованіе Павла Петровича было непродолжительно, но и въ этотъ короткій срокъ характерныя особенности государя успѣли развиться до проявленій истинно болѣзненныхъ. Не сдерживаемая никакой внутренней силой прихоть, или увлеченіе минуты, или упрямство, или все это въ совокупности заступало въ Павлѣ I мѣсто серіознаго убѣжденія, а непомѣрная экзальтація раздувала всякую идею, имъ овладѣвшую, до изумительнаго увеличенія. Впечатлительность, воспріимчивость Павла I дошли до такого развитія, что настроеніе его духа почти никогда не было спокойнымъ, и государь постоянно вращался въ крайностяхъ, доходя то до безграничнаго великодушія, то до неудержимой страсти, то наконецъ (особенно въ послѣднее время жизни) до какой-то слѣпой ярости. Перемѣны въ немъ были безпрестанныя, неожиданныя и чрезвычайно рѣзкія; чѣмъ сильнѣе было возбужденіе, тѣмъ круче наступала реакція. Измѣнчивость эта была тѣмъ бѣдственнѣе, что каждое движеніе больной души Павла Петровича тотчасъ же переходило въ дѣло, и рѣшеніе приводилось въ исполненіе съ такой бурной стремительностью, какъ будто отсутствіе подобнаго спѣха способно было нанести прямой ущербъ авторитету верховной власти».

VIII.

8-го ноября 1800 года торжественно освященъ Михайловскій замокъ, оконченный въ чрезвычайно короткій срокъ четырехъ лѣтъ. Его строили, по проекту Бажанова, вице-президента академіи, не дожившаго до окончанія постройки, и вся стоимость замка безъ внутренней отдѣлки обошлась въ 791.200 рублей ассигнаціями. Однако внутри было такъ сыро, что стояли облака пара, и невозможно было переѣхать ранѣе 1-го февраля слѣдующаго года, несмотря на все нетерпѣніе императора. Государь имѣлъ очень высокое понятіе о внѣшнихъ достоинствахъ новаго дворца и о художественныхъ прелестяхъ его внутреннихъ украшеній. Послѣ окончательнаго переѣзда въ него, несмотря на все еще существовавшую въ немъ сырость, онъ во всемъ находилъ прелесть. На другой день былъ данъ въ замкѣ маскарадъ для дворянства и купечества, при чемъ было до трехъ тысячъ человѣкъ. Но, несмотря на роскошь и блескъ, густой туманъ отъ сырости стушевывалъ свѣтъ нѣсколькихъ тысячъ восковыхъ свѣчей. Всюду царилъ какой-то полумракъ, дававшій всему мрачный оттѣнокъ.

Въ это время императоръ Павелъ вызвалъ въ Россію тринадцатилѣтняго племянника Маріи Ѳеодоровны, принца Евгенія Вюртембергскаго, воспитателемъ котораго назначенъ былъ баронъ Дибичъ. Съ самаго начала онъ очень понравился Павлу, и онъ ска-

залъ съ перваго же дня: «Savez-vous que ce petit drôle a fait ma conquête». Съ этого дня его расположеніе все увеличивалось, и наконецъ онъ сказалъ Дибичу, что намѣренъ его усыновить, такъ какъ въ своемъ домѣ и государствѣ онъ владыка и возведетъ принца на такую высокую степень, которая всѣхъ удивитъ. Напротивъ съ наслѣдникомъ Александромъ Павловичемъ онъ совершенно разсорился, главнымъ образомъ, за его либеральныя идеи. Однажды, императоръ увидѣлъ у него въ комнатѣ трагедію Вольтера «Брутъ», открытую на страницѣ, гдѣ говорится:

«Rome est libre; il suffit,
Rendons grâce aux dieux».

Павелъ призвалъ сына къ себѣ и, показавъ ему указъ Петра Великаго о несчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его, знаетъ ли онъ исторію этого царевича. «Награда утратила свою прелесть, пишетъ Карамзинъ, наказаніе—сопряженный съ нимъ стыдъ».

Придворныя интриги продолжали итти своимъ чередомъ, и во главѣ ихъ стоялъ графъ Паленъ, а душою всего былъ графъ Панинъ и его другъ Рибасъ. Графъ Паленъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на Павла, добился возвращенія трехъ братьевъ Зубовыхъ, и ихъ сестра Жеребцова составила очень вліятельный кружокъ. Однако въ концѣ 1800 года Панинъ былъ удаленъ изъ Петербурга, и графъ Паленъ остался всемогущимъ со своими сторонниками. Но по чувству недовѣрія Павелъ, хотя онъ и говорилъ Палену: «Je me fie à vous», вызвалъ въ Петербургъ Аракчеева и Линденера, которымъ онъ могъ довѣриться. Аракчеевъ прибылъ въ Петербургъ, какъ разъ вечеромъ 11-го марта, и его не пустили на заставѣ. Въ послѣдніе дни сдѣлался жертвою своихъ собственныхъ интригъ графъ Ростопчинъ. Узнавъ, что онъ подвелъ козни подъ графа Панина, государь сказалъ: «C'est un monstre; il veut me faire l'instrument de sa vengeance partuculière; il faut que je m'en deface». На другой день Ростопчинъ былъ уволенъ въ отставку и выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Кромѣ фонъ-деръ-Палена, былъ всемогущимъ еще генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, котораго называли исподтишка «великимъ визиремъ».

«Время это было самое ужасное», пишетъ очевидецъ Д. Б. Мертваго, «государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни. Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ, разбиралъ основанія ихъ секты, многихъ брали въ тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли на поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ. Сердце болѣло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того, что разсказываютъ».

Большую силу при дворѣ имѣла въ послѣднее время княгиня Анна Петровна Гагарина, урожденная княжна Лопухина. Она призналась Павлу, что любила Гагарина, и, какъ настоящій рыцарь, государь выдалъ ее замужъ еще въ 1799 году за Гагарина, который находился въ арміи Суворова. Для этого онъ вызвалъ его въ Петербургъ съ извѣстіемъ о пораженіи французовъ при Требіи. Это не мѣшало ему видѣться ежедневно съ Анной Петровной и почитать ее своимъ другомъ. Ей была отведена особая квартира въ самомъ дворцѣ, и Павелъ окружалъ ее всевозможными милостями. Впослѣдствіи Гагаринъ былъ назначенъ посланникомъ въ Сардиніи, и княгиня Анна Петровна умерла въ 1805 году на 28 году отъ рожденія въ чахоткѣ, послѣ родовъ.

Общій хаосъ и кутерьма увеличивались всюду и вездѣ. «Первою мыслью Павла всегда бываетъ наказать человѣка», говоритъ Остенъ-Сакенъ, будущій фельдмаршалъ, «а потомъ онъ иногда спрашиваетъ, за что онъ наказалъ. Онъ не зналъ ни чего хочетъ, ни чего желаетъ. Тотъ, кто ему лучше другихъ служитъ, остается всегда въ проигрышѣ. Для благоразумнаго человѣка одинъ исходъ— умереть». Самые неблагопріятные слухи ходили въ послѣдніе дни жизни Павла, и не только говорили, что Павелъ, удаливъ Александра Павловича, назначитъ своимъ наслѣдникомъ герцога Вюртембергскаго, но также въ конкуренты ему прочили малолѣтняго Николая Павловича, котораго государь очень любилъ. Говорили, что самъ государь сказалъ: «Подождите еще пять дней, и вы увидите большія дѣла». Одинъ современникъ въ частномъ письмѣ писалъ: «И погода какая-то темная, нудная, по недѣлямъ солнца не видно; не хочется изъ дому выйти, да и не безопасно, кажется, и Богъ отъ насъ отступилъ». Столица приняла невиданный и небывалый видъ; въ 9 часовъ вечера, послѣ зари, по улицамъ прокладывались рогатки, и пропускались только врачи и повивальныя бабки. Общее уныніе и безпокойство достигло даже Москвы; военный губернаторъ, фельдмаршалъ Салтыковъ, боясь ежедневно ссылки, говорилъ открыто: «Эта кутерьма долго существовать не можетъ».

Наконецъ наступило 11 февраля 1801 года, и о событіяхъ этого дня, или, лучше сказать, ночи, много любопытнаго и совершенно новаго разсказываетъ Шильдеръ, но мы удовольствуемся буквальнымъ заимствованіемъ изъ нашей статьи, основанной на прежнихъ трудахъ того же историка [1]). «За ужиномъ Павелъ былъ очень веселъ и, по разсказу Полетики, слышавшаго эти подробности отъ своего брата, который служилъ за императорскимъ столомъ, въ качествѣ камеръ-пажа, «чрезвычайно восхищался новымъ фарфоровымъ приборомъ, украшеннымъ разными видами Михайловскаго замка. Онъ

[1]) Прологъ Александровской эпохи, статья вторая, «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIX, стр. 197.

былъ такъ доволенъ этими рисунками, что многократно цѣловалъ ихъ и говорилъ, что это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней его жизни. Напротивъ Александръ, по словамъ другого свидѣтеля, князя Юсупова, бывшаго въ числѣ приглашенныхъ на этотъ ужинъ, «поражалъ всѣхъ своей молчаливостью и задумчивостью. Императоръ это замѣтилъ и спросилъ по-французски: — «Ваше высочество, что съ вами сегодня?» — «Ваше величество, — отвѣчалъ наслѣдникъ,— мнѣ что-то не здоровится».— «Такъ посовѣтуйтесь съ докторомъ и поберегитесь. Всегда надо захватить болѣзнь сначала, тогда она не сдѣлается серiозной». Александръ ничего не отвѣчалъ, но поклонился и потупилъ глаза. Черезъ нѣсколько минутъ онъ чихнулъ, и Павелъ сказалъ: «Исполненiе вашихъ желанiй!».

Въ часъ ночи императоръ Павелъ скончался скоропостижно, и Александръ, обливаясь слезами, объявилъ семеновскому караулу:

— «Батюшка скончался апоплексическимъ ударомъ. Все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ».

Такимъ образомъ окончилось царствованiе Павла, и лучше всего характеризуетъ его Карамзинъ въ своемъ сочиненiи «О древней и новой Россiи».

«Павелъ,—говоритъ онъ,—восшелъ на престолъ въ то благопрiятное для самодержавiя время, когда ужасы французской революцiи излѣчили Европу отъ мечтанiй гражданской вольности и равенства; но что сдѣлали якобинцы въ отношенiи къ республикамъ, то Павелъ слѣлалъ въ отношенiи къ самодержавiю: заставилъ ненавидѣть злоупотребленiе онаго. По жалкому заблужденiю ума и вслѣдствiе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствiй, онъ хотѣлъ быть Iоанномъ IV, но россiяне уже имѣли Екатерину II, знали, что государь не менѣе подданныхъ долженъ выполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушенiе уничтожаетъ древнiй завѣтъ власти съ повиновенiемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго, естественнаго права. Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому удивленiю россiянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды—прелесть; унизилъ чины и ленты расточительностью въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери, умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскiй, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, прiученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать, отвратилъ дворянъ отъ воинской службы, презирая душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенiю, питался желчью зла, ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ

болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ и соорудилъ гробницу! Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: вь сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, въ Россіи даже не боялись и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки и частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности. Вотъ дѣйствіе Екатеринина человѣколюбиваго царствованія: оно не могло быть истребленно въ четыре года Павлова и доказывало, что мы были достойны имѣть правительство мудрое, законное, основанное на справедливости.... Кто былъ несчастливѣе Павла? Слезы горести лились только въ нѣдрахъ его августѣйшаго семейства; тужили еще нѣкоторые имъ облагодѣтельствованные, но какіе люди? Ихъ сожалѣніе не менѣе всеобщей радости долженствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлученіи съ тѣломъ, озаренная, наконецъ, свѣтомъ истины, могла воззрѣть на землю и на Россію!»

В. А. Тимирязевъ.

ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ.

МЕЖДУ черными мраморными досками, находящимися въ церкви Морского кадетскаго корпуса, есть одна (вторая доска), имѣющая надпись слѣдующаго содержанія:

«На войнѣ съ Турціею 20-го мая 1788 года капитанъ 2-го ранга Рейнгольдъ фонъ-Сакенъ, командуя дуббель-шлюпкою съ 9 орудіями и бывъ преслѣдуемъ непріятельскою гребною флотиліею на высотѣ Кинбурна, свалился съ 4-мя галерами и вмѣстѣ съ ними взорвался».

Эта коротенькая надпись, выбитая на мраморѣ для увѣковѣченія памяти одного изъ бывшихъ воспитанниковъ корпуса, говоритъ объ извѣстной морской драмѣ; объ одномъ изъ самыхъ рѣдкихъ и самыхъ трагическихъ эпизодовъ русской военно-морской исторіи. Капитанъ 2-го ранга Рейнгольдъ фонъ-Сакенъ, или, какъ его называли обыкновенно, Христофоръ Ивановичъ Сакенъ, пожертвовалъ во имя долга собственною жизнью и жизнями ввѣренныхъ ему матросовъ для спасенія чести русскаго имени и андреевскаго флага. И подвигъ Сакена не прошелъ безслѣдно. Эта геройская смерть храбраго моряка имѣла большое нравственное значеніе для подъема духа его черноморскихъ товарищей по оружію эпохи второй турецкой войны Екатерининскаго царствованія. О Сакенѣ заговорили, удивлялись ему, старались ему подражать, и имя героя-мученика, выйдя за предѣлы рамокъ, заключавшихъ въ себѣ интересы русскаго флота, сдѣлалось популярнымъ не только въ

русскомъ обществѣ, но стало небезызвѣстнымъ и за границей. Въ свою очередь и императрица Екатерина II, всегда откликавшаяся на все великое, почтила память скромнаго флотскаго офицера, высказавъ въ письмѣ къ князю Потемкину сожалѣніе объ его безвременной кончинѣ. Кромѣ того, щедрыя денежныя пособія родственникамъ погибшаго героя были знаками признательности монархини вѣрноподданному.

Словомъ, подвигъ Сакена не прошелъ безслѣдно. Но если интересующійся русскою морскою исторіею захочетъ порыться въ ея архивѣ, богатомъ документами о славныхъ героическихъ эпопеяхъ, въ которыхъ главную роль игралъ русскій морякъ, и станетъ перелистывать страницу за страницей эти документы, онъ навѣрное обратитъ свое вниманіе на имя капитана де-Фремери и, конечно, удивится, что какъ это такъ вышло, что даже современники этого офицера-чужестранца, погибшаго тою же мученическою смертью, что и Сакенъ, и во имя тѣхъ же принциповъ, отнеслись съ полнымъ равнодушіемъ и безстрастіемъ къ этой искупительной жертвѣ войны. И морское начальство, и императрица Анна Іоанновна, въ царствованіе которой жилъ и умеръ де-Фремери, не обратили на его геройскій подвигъ должнаго вниманія. Ближайшій начальникъ его—вице-адмиралъ Бредаль—въ сухой канцелярской бумагѣ донесъ императрицѣ, что де тогда-то и при такихъ-то обстоятельствахъ такой-то офицеръ, выполняя данную ему инструкцію, не сдался въ критическую минуту непріятелю, а предпочелъ взлетѣть на воздухъ вмѣстѣ съ ввѣреннымъ ему судномъ.

Бредаль донесъ и успокоился.

Неблагодарное и жестокое было время царствованія дочери царя Ивана Алексѣевича, когда Россія изнемогала подъ гнетомъ «бироновщины», и на Руси царили нѣмцы. Личныя заслуги цѣнились только тогда, когда онѣ приносили какую либо пользу герцогу Бирону и его партіи. Вообще же въ остальныхъ случаяхъ не вознаграждались или же вознаграждались весьма скудно. Скажу болѣе: пустой случай могъ вызвать не только опалу, то подчасъ повлечь за собою если не смерть, то разжалованіе въ солдаты и ссылку. Такъ, извѣстный гидрографъ, лейтенантъ Дмитрій Леонтьевичъ Овцынъ былъ разжалованъ въ матросы только за то, что въ бытность свою въ Сибири сочувственно отнесся къ сосланному въ Березовъ другу Петра II и мужу воспѣтой Козловымъ Натальи Борисовны Долгоруковой, князю Ивану Алексѣевичу.

Повторяю: какъ бы ни были велики заслуги человѣка передъ отечествомъ,—если онъ не обращалъ на себя благосклоннаго вниманія герцога Бирона, — вся ихъ важность часто сводилась къ нулю и не поощрялась даже простою признательностью.

Такимъ образомъ, подвигъ француза де-Фремери, о которомъ будетъ говорено ниже, прошелъ совершенно незамѣтно и такъ же незамѣтно канулъ въ лету.

Вотъ нѣкоторыя краткія свѣдѣнія о прохожденіи службы и подвигѣ этого офицера.

Петръ де-Фремери (de Fremery) [1]), французъ по происхожденію, поступилъ въ русскую службу съ чиномъ лейтенанта 3-го мая 1721 года, слѣдовательно еще при жизни царственнаго моряка, императора Петра Великаго.

По требованію военной коллегіи, въ 1726 году онъ командируется въ Астрахань для описи Каспійскаго моря, а 1-го января слѣдующаго годъ производится въ капитанъ-лейтенанты и 11 марта 1731 года въ капитаны 3-го ранта.

Состоя въ послѣднемъ чинѣ, де-Фремери въ 1732 году получаетъ въ командованіе корабль «Петръ II», на которомъ и плаваетъ въ Финскомъ заливѣ. Въ Финскомъ же заливѣ находился въ плаваніи, командуя кораблемъ «Шлиссельбургъ», будучи записанъ по новому штату съ 18-го января 1733 года въ «капитаны полковничьяго ранга». За симъ де-Фремери назначается командиромъ фрегата «Митау», того самаго злополучнаго фрегата «Митау», за невольную отдачу котораго безъ боя непріятелю онъ чуть было не поплатился жизнію.

Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Послѣ смерти польскаго короля Августа II, въ Варшавѣ образовались двѣ политическія партіи, изъ которыхъ каждая предлагала своего кандидата на польскій престолъ. Кандидатами этими были: сынъ покойнаго короля, курфюрстъ саксонскій Августъ, имѣвшій сильную поддержку въ лицѣ русскаго и австрійскаго праправительствъ, и эксъ-король Станиславъ Лещинскій, на дочери котораго Маріи былъ женатъ французскій король Людовикъ XV. Весьма понятно, что Франція настаивала на вторичномъ избраніи бывшаго короля Станислава.

Такимъ-то образомъ, когда собрался избирательный сеймъ, одна его часть избрала королемъ Августа III, другая—Станислава Лещинскаго. Тогда безъ дальнихъ промедленій русскія войска перешли польскую границу и заняли Варшаву. Станиславъ Лещинскій вынужденъ былъ бѣжать со своими приверженцами въ Данцигъ, гдѣ и заперся въ ожиданіи французскаго флота съ десантомъ, посланнымъ ему на помощь. Впослѣдствіи Станиславъ Лещинскій, переодѣвшись русскимъ офицеромъ, бѣжалъ изъ Данцига, и Биронъ обѣщалъ 20.000 талеровъ награды тому, кто доставитъ бѣжавшаго непризнаннаго короля.

Ясно, что въ силу сказанныхъ обстоятельствъ отношенія наши къ Франціи понемногу обострялись и наконецъ приняли до-

---

[1]) Фамилія «de Fremery» писалась по-русски разно: Дефремери, Дефремерій, и де-Фремери. Но такъ какъ частица «de» — дворянская приставка, то, конечно, правильнѣе писать ее, согласно французской ореографіи, отдѣльно отъ фамиліи.
Н. Ч.

вольно враждебный характеръ, хотя офиціально ничего объ этомъ не объявлялось.

Въ помощь корпусу графа Миниха, обложившему блокадой убѣжище претендента на корону Пястовъ, была послана изъ Кронштадта подъ начальствомъ адмирала Гордона[1]) эскадра, состоявшая изъ 14 кораблей, 5 фрегатовъ, 2 бомбардирскихъ кораблей, нѣсколькихъ транспортовъ и мелкихъ судовъ. На соединеніе съ этой эскадрой въ маѣ 1734 года и вышелъ изъ Кронштадта недавно построенный 32-пушечный фрегатъ «Митау».

Назначенный для слѣдованія къ Данцигу совмѣстно съ фрегатомъ «Россія», «Митау» оставилъ кронштадтскій рейдъ и пошелъ въ море. Идя по назначенію, наши фрегаты завидѣли вдалекѣ около Гиль-гука какіе-то корабли, но что это были за суда: военныя или купеческія и какой націи, за дальностью разстоянія разобрать было нельзя, и по этому вопросу де-Фремери переговаривался въ рупоръ съ командиромъ «Россіи» барономъ Штейницемъ.

Въ то же время со стороны Данцига стала доноситься пушечная пальба: это Минихъ бомбардировалъ крѣпость.

Былъ виденъ какой-то берегъ, по всѣмъ вѣроятіямъ — Гиль.

25-го декабря между Пиллаусскою бухтою и Гилемъ «Россія» отстала отъ «Митау», а де-Фремери пошелъ далѣе, разсчитывая у Гиля встрѣтиться съ отставшимъ фрегатомъ.

Подойдя къ Гилю и поднявъ на всякій случай, во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній, вмѣсто русскаго шведскій флагъ, де-Фремери увидѣлъ, что на встрѣчу ему идутъ изъ гданской бухты 5 судовъ подъ парусами, и скоро узналъ въ нихъ французскіе военные корабли.

По приказанію командира «Митау» легъ въ бейдевиндъ на NtW.

Между тѣмъ французскіе корабли поворотили и пошли съ фрегатомъ однимъ галсомъ. Солнце сѣло, и де-Фремери опустилъ на своемъ фрегатѣ шведскій флагъ и вымпелъ. Французскія же суда въ это время подходили все ближе и ближе, около 11-го часа между Гилемъ и Ризегофтомъ обошли кругомъ нашъ фрегатъ, не выказывая пока никакихъ враждебныхъ намѣреній, да ихъ и не ожидалъ командиръ «Митау», такъ какъ между Россіею и Франціею офиціально пока еще не были нарушены прежнія дружескія отношенія, и война объявлена не была. Когда же французскія суда подошли къ русскому фрегату на болѣе близкое разстояніе, съ нихъ стали кричать при помощи рупора по-голландски, чтобы на «Митау» «брасопили паруса» и прислали къ нимъ шлюпку съ

---

[1]) Томасъ Гордонъ принятъ въ русскую службу въ 1717 году изъ англійскихъ офицеровъ съ чиномъ капитанъ-командора. Въ 1721 году произведенъ въ вице-адмиралы. Назначенный съ эскадрою для военныхъ дѣйствій противъ Данцига, Гордонъ выгрузилъ въ Пиллау артиллерію для осаднаго корпуса графа Миниха и, придя на данцигскій рейдъ, бомбардировалъ крѣпость Вексельмюнде.

офицеромъ. При этомъ одинъ изъ кораблей далъ холостой выстрѣлъ. «Тогда онъ, Дефремерій,—говорится въ «экстрактѣ» изъ показаній де-Фремери и офицеровъ фрегата «Митау», — разсуждая обще, имѣя надежду, что оные безъ объявленія войны насиліе чинить не станутъ и обойдутся пріятельски, а паче сподѣвались (надѣялись) требованіе отъ нихъ салютаціи, предложили послать и послали мичмана Войникова и велѣли спросить, чего требуютъ» [1]). Вмѣстѣ съ мичманомъ Войниковымъ уѣхалъ въ качествѣ переводчика и боцманматъ фрегата.

Вскорѣ по отъѣздѣ Войникова на «Митау» прибылъ французскій офицеръ съ порученіемъ отъ командующаго эскадрою къ командиру пригласить послѣдняго на флагманскій корабль для переговоровъ, но какихъ именно, присланный офицеръ сказать не могъ. Въ общемъ, это приглашеніе, а тѣмъ болѣе къ соотечественнику, какимъ былъ де-Фремери, носило, какъ казалось, совершенно дружескій характеръ.

Не подозрѣвая ловушки и будучи вполнѣ увѣренъ, что какъ ему, такъ и его судну не грозитъ никакая опасность, де-Фремери, посовѣтовавшись со своими офицерами лейтенантами Чихачевымъ и княземъ Вяземскимъ и мичманомъ Лаптевымъ, отправился съ французскимъ офицеромъ на адмиральскій корабль, оставивъ на фрегатѣ за старшаго лейтенанта Чихачева, которому онъ при отъѣздѣ, между прочимъ, никакихъ распоряженій и приказаній не далъ, надѣясь на скорое возвращеніе на судно вмѣстѣ съ мичманомъ Войниковымъ.

Но, вступивъ на адмиральскій корабль, злополучный командиръ русскаго фрегата уже по одному виду мичмана Войникова, стоявшаго на палубѣ съ растерянной миной, понялъ, что произошло нѣчто особенное, что дѣло не ладно. И въ самомъ дѣлѣ, командующій французскою эскадрою, послѣ обычныхъ представленій, сталъ задавать де-Фремери довольно странные вопросы, не предвѣщавшіе ничего хорошаго, и наконецъ потребовалъ отъ него «инструкціи да патентъ», а «ежели не покажетъ, то признаваемъ (будетъ) морскимъ разбойникомъ».

Несмотря на горячій протестъ командира «Митау», старавшагося доказать всю нелегальность поступка командующаго эскадрою,—насилія надъ офицеромъ и командиромъ судна, принадлежащаго государству, находящемуся во враждебныхъ отношеніяхъ со Станиславомъ Лещинскимъ, но не съ Франціей, и что если французы сторонники послѣдняго, то должны держать не французскій флагъ, а польскій, — де-Фремери обезоружили и объявили военноплѣннымъ.

Одновременно съ арестомъ де-Фремери «Митау» былъ окруженъ

---

[1]) Матеріалы къ исторіи русскаго флота, т. VIII, стр. 718.

5 французскими судами, изъ коихъ два имѣли по 70 пушекъ и 2 по 60. Все это совершилось такъ быстро и такъ неожиданно для русскихъ, что французы безъ сопротивленія вошли на фрегатъ и овладѣли имъ. За симъ, какъ военный призъ, плѣнный фрегатъ вмѣстѣ съ командою былъ отправленъ сперва въ Копенгагенъ, а затѣмъ во Францію и возвращенъ намъ только впослѣдствіи при размѣнѣ плѣнныхъ. Что же касается де-Фремери и офицеровъ фрегата, то они получили свободу 9-го іюля того же года, благодаря представленію барона фонъ-Бракеля, полномочнаго министра при датскомъ дворѣ. Такимъ-то коварнымъ образомъ совершился захватъ французами русскаго судна, но, какъ бы въ отплату имъ, мы въ эту военную экспедицію взяли отъ нихъ фрегатъ «Брильянтъ» и гукоръ [1]), а также вернули взятые непріятелемъ три галіота [2]).

Вскорѣ, въ виду военныхъ дѣйствій со Швеціей, русская эскадра, не дождавшись паденія Данцига, возвратилась въ Россію.

По возвращеніи изъ плѣна, надъ командиромъ, офицерами и унтеръ-офицерами фрегата «Митау» было назначено сначала слѣдствіе, а затѣмъ судъ, происходившій въ Кронштадтѣ подъ предсѣдательствомъ контръ-адмирала Дмитріева-Мамонова.

Благодаря французскому происхожденію командира «Митау», послѣдняго сильно подозрѣвали въ умышленной отдачѣ судна французамъ, и судъ приговорилъ де-Фремери за сдачу ввѣреннаго ему судна безъ боя къ смертной казни, а потомъ къ разжалованію въ матросы. Однако и послѣдній приговоръ не былъ утвержденъ государыней, такъ какъ самое тщательное и строжайшее изслѣдованіе обстоятельствъ, при которыхъ совершился захватъ фрегата, не подало въ сущности намека на что либо предосудительное въ смыслѣ измѣны и говорящее не въ пользу де-Фремери.

Послѣ неудачнаго командованія фрегатомъ «Митау», де-Фремери даютъ въ 1736 году въ командованіе корабль «Петръ I и II», на которомъ онъ и плаваетъ по Финскому заливу.

II.

Между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ уже давно собирались тучи, дѣлавшіяся все грознѣе и грознѣе и заставившія наконецъ русское правительство озаботиться заблаговременнымъ вооруженіемъ донской флотиліи по случаю близкой, болѣе чѣмъ вѣроятной войны съ Турціей. А когда началась осада Азова, того самаго Азова, на обладаніе которымъ было потрачено Петромъ Великимъ

---

[1]) Гукоръ — голландское плоскодонное судно.

[2]) Небольшое двухмачтовое судно.

столько силъ и матеріальныхъ затратъ, и который послѣ неудачнаго прутскаго похода былъ возвращенъ обратно Турціи,—въ помощь нашей арміи, осаждавшей названную крѣпость, была послана эскадра изъ девяти 44-пушечныхъ, шести 8-пушечныхъ прамовъ [1]) и 64 галеръ [2]) подъ начальствомъ стараго и опытнаго моряка вице-адмирала Бредаля, къ которому 29-го ноября 1736 года года былъ отправленъ и де-Фремери, не принимавшій такимъ образомъ участія во взятіи Азова (18-го іюня 1736 года).

Назначенный въ распоряженіе Бредаля, онъ, совмѣстно съ нѣсколькими другими офицерами, по порученію адмирала, производилъ промѣръ фарватера, идущаго изъ р. Дона въ море, и вслѣдствіе мелководья убѣдился въ непригодности его для проводки большихъ судовъ.

Въ виду послѣдняго обстоятельства, адмиралъ Бредаль всю зиму дѣятельно занимался постройкою мелкосидящихъ казацкихъ лодокъ, которыхъ и изготовилъ до 500. Кромѣ того, онъ выстроилъ 6 ботовъ и построилъ въ Брянскѣ до 1.000 большихъ шлюпокъ, похожихъ на баркасы, ходившихъ подъ веслами и парусами, но длиннѣе баркаса и названныхъ тогда двойными, или «дуббель-шлюпками».

За недостаткомъ матросовъ и казаковъ командующій флотиліею пополнялъ судовыя команды сухопутными солдатами. Поэтому неудивительно, что неумѣлые и непривыкшіе къ водѣ солдаты впослѣдствіи нѣсколько разъ дѣлались невольною причиною гибели лодокъ. Такимъ образомъ, благодаря неумѣлому управленію шлюпками и свирѣпствовавшимъ одно время свѣжимъ вѣтрамъ, перетонули почти всѣ новопостроенныя лодки.

Тѣмъ не менѣе, сооруженная на скорую руку флотилія сослужила службу въ качествѣ перевозочныхъ средствъ, поддерживала сообщеніе съ корпусомъ Ласси и доставляла продовольствіе, а также отвозила больныхъ, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ по причинѣ свирѣпствовавшей тогда чумы, жертвами которой сдѣлались адмиралы Наумъ Сенявинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ.

Одновременно съ движеніемъ къ Крымскому полуострову, оставившаго Азовъ, фельдмаршала Ласси съ 40.000 арміею, командующій азовскою флотиліею соединилъ въ Таганрогѣ въ одно цѣлое разрозненныя части своего флота. За симъ Бредаль пошелъ къ Крыму,

[1]) Прамъ — большое плоскодонное мачтовое судно, имѣвшее осадную артиллерію изъ пушекъ отъ 24 до 48 фунтовыхъ, а иногда вооружавшееся единорогами и 2-мя мортирами.

[2]) Галеры — суда, имѣвшія паруса и весла. На носу галеры ставилась 24 или 30-ти-фунт. пушка, а по сторонамъ—ея по двѣ отъ 12 до 18-ти-фунт. пушки, смотря по величинѣ галеры. Въ мирное время большую пушку обыкновенно снимали. Команды бывало отъ 200 до 300 человѣкъ. Длина галеръ простиралась отъ 130 до 140 фут., а ширина—отъ 18 до 30 футовъ.

предварительно раздѣливъ свою эскадру на двѣ части, или дивизіи. Капитана Кензи онъ назначилъ начальникомъ одного отряда, а де-Фремери—другого. На ввѣренныя названнымъ офицерамъ въ командованіе дивизіи было посажено 393 человѣка сухопутнаго войска [1]). Къ нимъ присоединилось также 66 лодокъ донскихъ казаковъ, и 23 мая наша гребная флотилія стала на якорь на рѣкѣ Кальміусъ (у Маріуполя), гдѣ расположился съ войскомъ и фельдмаршалъ Ласси.

Въ день св. Виссаріона наша флотилія обошла косу, названную Бредалемъ по имени святого—Виссаріоновою, а 8-го, въ день памяти св. Өедота, прошла мимо другой косы, также не имѣвшей особаго названія и получившей прозвище Өедотовой [2]).

«Нельзя оставить безъ вниманія,—замѣчаетъ Висковатовъ,—что никто изъ цѣлаго флота, не исключая самого адмирала, не имѣлъ свѣдѣній о всѣхъ сихъ мѣстахъ, начиная отъ рѣки Берды; такъ, напримѣръ, вышеозначенный проливъ (соединяющій Азовское море съ Сивашемъ, къ которому подошла флотилія 10 мая) былъ сначала принятъ за рѣку».

Оказывается, что мѣстность, въ которой приходилось оперировать и отстаивать политическіе интересы русскому флоту, была даже для командующаго имъ, вице-адмирала Бредаля, все-таки по своему и для своего времени человѣка образованнаго,—terra incognita, и въ этихъ-то невѣдомыхъ мѣстахъ приходилось бороться русскому оружію съ непріятелемъ, знавшимъ послѣднія, какъ свои пять пальцевъ.

Получивъ извѣщеніе, что армія наша находится въ мѣстечкѣ Геничи, расположенномъ на сѣверномъ берегу пролива того же имени, откуда Ласси предполагалъ двинуться въ Крымъ, Бредаль пошелъ туда съ флотиліей и занялся устройствомъ на лодкахъ переправы для войскъ, отправивъ 90 лодокъ подъ командой капитанъ-лейтенанта Щербачева въ Азовъ съ больными.

Переправивъ на Арабатскую стрѣлку армію, эскадра наша, оставивъ часть лодокъ у Геничи, пошла вслѣдъ за нею къ Арабату.

Еще въ то время, когда Бредаль находился у Геничи, появился слухъ, будто въ морѣ показался непріятельскій флотъ. И въ самомъ дѣлѣ, во время стоянки у Сальси-Дониса (гдѣ эскадра остановилась вслѣдствіе противнаго вѣтра), незначительнаго мѣстечка въ 25 верстахъ отъ Геничи, въ морѣ показались непріятельскія суда, приблизившіяся къ берегу и открывшія пальбу по лагерю Ласси, расположившемуся въ 6 верстахъ отъ флота. Тогда адмиралъ отвелъ свои лодки къ берегу и построилъ на берегу баттареи, или, какъ тогда писалось, «сталъ въ дефензію».

---

[1]) Висковатовъ. Военныя дѣйствія гребного флота подъ начальствомъ вице-адмирала Бредаля, стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 11.

Но перемѣнившійся и засвѣжѣвшій 29 іюня вѣтеръ не позволилъ непріятелю обнаружить по отношенію къ намъ враждебныя дѣйствія ничѣмъ инымъ, какъ только подвинуться впередъ еще на 2 версты. Съ другой стороны, этотъ крѣпкій вѣтеръ, превратившійся вскорѣ въ жестокій штормъ и стихшій только 29 іюня, произвелъ сильное опустошеніе въ нашей гребной флотиліи. У насъ погибло 170 лодокъ, и только экипажамъ ихъ едва-едва удалось спастись. Къ нашему несчастію, пришло еще извѣстіе, что въ тотъ же день посланныя съ капитанъ-лейтенантомъ Щербачевымъ лодки захвачены въ плѣнъ турками.

Кое-какъ, переправивъ уцѣлѣвшія суда и вытащивъ изъ воды затонувшія орудія, адмиралъ устроилъ на берегу брустверъ и на флангахъ войска поставилъ по баттареѣ, поручивъ командованіе правой изъ нихъ, вооруженной 27 пушками и фальконетами, де-Фремери, а лѣвой, имѣвшей 23 тѣхъ же пушки, Кензи.

30 числа въ жаркій іюньскій день, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, непріятельскій флотъ подошелъ къ берегу на такое близкое разстояніе что могъ открыть огонь по нашимъ лодкамъ и баттареямъ.

Три судна турецкой эскадры начали осыпать снарядами баттарею де-Фремери, но пальба эта причинала ей очень мало вреда, благодаря тому, что ядра перелетали выше цѣли.

Одновремено съ этимъ галеры, скампавеи и другія мелкія суда, подойдя на очень близкое разстояніе, стали тоже обстрѣливать наши лодки и баттарею.

Тѣмъ не менѣе Бредаль открылъ огонь только тогда, когда непріятель подошелъ еще ближе, дабы снаряды, выбрасываемые плохими недальнобойными пушками, какими вооружена была русская эскадра, могли долетать до намѣченной цѣли.

По свидѣтельству адмирала, наши фальконеты «совсѣмъ не годились, и палить изъ нихъ весьма опасно, понеже какъ выпалитъ такое (орудіе), со станкомъ опрокидывается дуломъ назадъ и, буде не остеречься, то своимъ вредитъ» [1]).

Вскорѣ непріятель счелъ за лучшее отойти дальше отъ берега и стать на якорь за предѣлами паденія русскихъ снарядовъ, а ночью онъ отошелъ дальше и затѣмъ совсѣмъ скрылся изъ вида.

Послѣ этого дѣла, въ которомъ съ нашей стороны не было ни убитыхъ, ни раненыхъ, вице-адмиралъ Бредаль отправился сухимъ путемъ въ Геничи, предварительно отославъ туда на уцѣлѣвшихъ лодкахъ морскія команды.

Спустя нѣсколько дней послѣ сраженія у Арабатской косы де-Фремери получаетъ новое порученіе отъ начальства, сдѣлавшееся для него роковымъ.

По распоряженію Ласси, онъ посылается вице-адмираломъ Бре-

---

[1]) Веселаго. Матеріалы, VI, стр. 175—176.

далемъ въ Азовъ на ботѣ, которымъ до того времени командовалъ мичманъ Рыкуновъ. Кромѣ бота, вооруженнаго 4-мя пушками и имѣвшаго, между прочимъ, 1 мортиру, де-Фремери поручено было отвести также въ Азовъ 10 лодокъ съ амуницiей и разными принадлежностями съ затонувшихъ гребныхъ судовъ.

Отправляя ботъ, командующiй флотилiею далъ командиру его слѣдующiя инструкцiи:

«1) Ботъ перваго нумера, на которомъ имѣется мортира и ея принадлежности, по посланному ордеру, со всѣми опредѣленными на нихъ артиллерiйскими, принять вамъ отъ мичмана Рыкунова въ свою команду, также и оный мичманъ имѣетъ быть въ вашей командѣ, и быть вамъ наономъ боту командиромъ.

«2) Съ первымъ благополучнымъ вѣтромъ, не упущая напрасно и единаго часа, вытянуться съ онымъ ботомъ изъ залива на рейдъ и слѣдовать въ Азовъ, какъ скоро возможно.

«3) Итти въ такомъ разстоянiи, какъ вы разсудите, и какъ вамъ во время слѣдствiя отъ крымскаго берега имѣть отъ непрiятеля наикрѣпчайшую осторожность и пушки имѣть заряженныя съ ядрами и наблюдать непрiятеля денно и нощно.

«4) Ежели увидите непрiятеля, то немедленно отъ него уходить, куда вамъ будетъ способнѣе, а непрiятелю, каковъ бы онъ силенъ ни былъ, ни подъ какимъ видомъ отнюдь не отдаваться и въ корысть ему ничего не оставлять.

«5) Если гдѣ случится нужда на якорѣ стоять, то усматривать къ якорному стоянiю удобнаго мѣста и какъ самому не съѣзжать, также и команды вашей служителей безъ самой крайней нужды на берегъ никого не пускать.

«6) По прибытiи въ Азовъ немедленно явиться капитану Росселiусу [1]) и быть въ его командѣ.

«7) Впрочемъ имѣете поступать по регламентамъ ея императорскаго величества и по прилежной своей должности, какъ честному и неусыпному морскому капитану надлежитъ».

Успокоенный извѣстiемъ, оказавшимся впослѣдствiи ложнымъ, объ уходѣ непрiятельскаго флота въ Черное море, де-Фремери 7-го iюля оставилъ Геничи и пошелъ по назначенiю, придерживаясь сѣвернаго берега моря. Благодаря неблагопрiятному вѣтру, онъ не могъ въ тотъ же день обойти Ѳедотову косу, а обошелъ ее 9 числа.

Турки не показывались, и все шло пока благополучно, но 10 iюля, когда ботъ, опередивъ лодки и миновавъ Ѳедотову косу, былъ отъ нея на разстоянiи 25 верстъ, совершенно неожиданно

[1]) Андрей Росселiусъ, плѣнный шведскiй офицеръ, былъ зачисленъ въ русскую службу въ 1704 г. съ чиномъ лейтенанта и жалованiемъ по 10 рублей въ мѣсяцъ. Какъ спецiалистъ по постройкѣ судовъ, онъ управлялъ конторою тавровскаго адмиралтейства, а въ описываемое время, будучи въ одномъ чинѣ съ де-Фремери, имѣлъ въ Азовѣ главную квартиру надъ судовымъ строенiемъ.

усмотрѣли съ бота турецкій флотъ въ составѣ одного корабля и 30 галеръ и другихъ мелкихъ судовъ, шедшихъ подъ веслами.

Непріятель вышелъ изъ-за Виссаріоновой косы.

Помня данную адмираломъ инструкцію, командиръ бота попробовалъ было избѣжать столкновенія съ непріятелемъ и, выкинувъ весла, сталъ уходить отъ ожидаемой погони.

Къ его несчастію, турки уже замѣтили русское судно, и, такимъ образомъ, попытка де-Фремери избѣжать столкновенія оказалась напрасной. Разстояніе между ботомъ и непріятельскими судами скоро замѣтно уменьшилось. Врагъ приближался, и врагъ сильнѣйшій.

Тогда, отлично понимая, что «уходить», какъ говорилось въ инструкціи, врядъ ли будетъ полезно, что непріятель все равно догонитъ ботъ, де-Фремери, сообща съ мичманомъ Рыкуновымъ и командою ввѣреннаго ему судна, сталъ «совѣтовать, что дѣлать, понеже въ бой вступать и себя оборонять за силою ихъ было никакъ невозможно, и присовѣтовали, чтобы спастись людямъ берегомъ и ботъ сжечь, чтобъ непріятелю чего въ корысть не досталось» [1]).

Военные совѣты, или «консиліумы», о которыхъ я только-что упомянулъ, и къ участію въ которыхъ приглашались нижніе чины, составлявшіе экипажъ судна, были въ то время, да и гораздо позднѣе, въ большомъ употребленіи во флотѣ.

Часто ими злоупотребляли, но судовые консиліумы, равно какъ и обычай, освященный временемъ,—«наложеніе руки» командира терпящаго аварію судна на обреченную къ срубкѣ мачту,—были очень долго въ употребленіи, и еще Казарскій на бригѣ «Меркурій» собиралъ военный консиліумъ.

Такимъ образомъ порѣшили: въ крайнемъ случаѣ спустить команду на берегъ, а судно сжечь, чтобы оно не досталось непріятелю, какъ военный призъ.

Тѣмъ не менѣе, пока представлялась возможность, ботъ уходилъ отъ преслѣдователей. Когда же непріятельскія суда приблизились еще, и разстояніе между ботомъ и ими стало совсѣмъ незначительнымъ, де-Фремери подошелъ какъ можно ближе къ берегу и поставилъ судно на мель. Затѣмъ приказалъ перенести изъ крюйтъ-камеры въ каюты картузы съ порохомъ, а часть пороха разсыпать по палубѣ.

Когда это приказаніе было исполнено, де-Фремери велѣлъ командѣ взять ружья и сходить на берегъ, и вскорѣ весь экипажъ съ мичманомъ Рыкуновымъ во главѣ былъ уже на твердой землѣ.

На боту же теперь оставались только его командиръ, рѣшившій послѣднимъ оставить ввѣренное ему судно, боцманматъ да одинъ больной матросъ, не успѣвшій сойти съ бота съ остальными.

---

[1]) Матеріалы, т. VI, стр. 178.

А въ это время непріятельскія суда уже окружили русскій ботъ, и одна изъ галеръ выстрѣлила по немъ изъ пушки два раза. Де-Фремери съ боцманматомъ отвѣчали четырьмя залпами.

Легко можно представить себѣ чувство защитниковъ осаждаемаго русскаго судна. Надежды на помощь—никакой. Исхода же два: одинъ — отдача судна непріятелю, вопреки приказанію, изложенному въ инструкціи Бредаля, и позорный плѣнъ со всѣми нравственными и физическими страданіями, другой исходъ — уничтоженіе судна и смерть, но смерть славная,—мученическій вѣнецъ, увитый лаврами. Судьба точно смѣялась надъ де-Фремери. Храбрый офицеръ и отличный морякъ, онъ второй разъ долженъ былъ изъ командира русскаго военнаго судна превратиться въ жалкаго узника. А потомъ, по освобожденіи изъ плѣна, что его ожидало? Судъ, моральныя муки, лишеніе чести, а, можетъ быть, и эшафотъ.

— «Лучше смерть, чѣмъ безчестіе и жизнь»,—рѣшилъ де-Фремери... И вотъ онъ схватываетъ горящій фитиль и бросаетъ его въ разсыпанный на палубѣ порохъ.

Находившіеся на берегу матросы видѣли, какъ облако бѣлаго дыма окутало палубу бота съ бѣгавшими по ней командиромъ и боцманматомъ, видѣли, какъ загорѣлось оставленное ими судно. Скоро все оно было объято пламенемъ. Эти единственные свидѣтели геройской смерти де-Фремери, изъ которыхъ только десять человѣкъ явились къ Бредалю 12 и 13 іюля, разсказывали, что на ихъ глазахъ командиръ ихъ упалъ въ огнѣ.

Огонь же, безпощадно слизывая все попадавшееся ему на пути, къ тому же раздуваемый вѣтромъ, понемногу добирался до каюты съ порохомъ и до того мѣста, гдѣ лежали начиненныя мортирныя бомбы.

Теперь турки уже не были страшны. Боясь подойти близко къ горѣвшему боту, они спокойно созерцали красивое зрѣлище морского пожара.

Вдругъ страшный громовой ударъ потрясъ окрестность. Ботъ № 1 приподняло на воздухъ и черезъ мгновеніе бросило обратно внизъ. Горящія головни и миріады искръ разлетѣлись во всѣ стороны и, падая, трещали и шипѣли въ водѣ.

Ботъ № 1 и его храбрые защитники болѣе не существовали.

Турки же сообразили, что если русскій ботъ ушелъ изъ ихъ рукъ, то, по крайней мѣрѣ, нужно постараться захватить бывшихъ на берегу матросовъ, и поэтому для выполненія этого намѣренія они пристали къ берегу.

Завидѣвъ погоню, матросы наши побѣжали. Побѣжалъ и мичманъ Рыкуновъ [1]), но куда онъ потомъ дѣлся, такъ и осталось не

---

[1]) Мичманъ Михаилъ Рыкуновъ поступилъ ученикомъ въ Морскую академію въ 1716 году. Произведенъ въ мичманы въ 1730 году. Командовалъ брандвах-

выясненнымъ. Убили ли его, взяли ли въ плѣнъ, — никто изъ спасшихся не могъ дать никакихъ указаній.

«Да изъ оныхъ же,—пишетъ Бредаль,—бывшихъ на томъ боту пришло въ Азовъ по рапортамъ оттуда: подлѣкарь 1, рядовыхъ 12 и того 23 человѣка [1]), а не явившихся съ капитаномъ и мичманомъ и прочихъ 5 человѣкъ видѣли уже послѣ посланные отъ меня противу того мѣста, гдѣ ботъ былъ сожженъ, мертвыхъ, а объ остальныхъ многихъ уповаютъ, что дорогою померли, понеже де отощали. А онаго боту днище, разорванное на двѣ части, уже и я во время моего ниже объявленнаго слѣдствія отъ Ѳедотовой косы въ верстахъ 25 видѣлъ».

Какъ я сказалъ въ началѣ статьи, геройскій подвигъ де-Фремери, которымъ онъ, по замѣчанію исторіографа русскаго флота Ѳ. Ф. Веселаго, «искупилъ» отдачу французамъ фрегата «Митау», прошелъ незамѣченнымъ современниками и только на короткое время сдѣлался предметомъ разговоровъ въ ограниченномъ кружкѣ тогдашнихъ моряковъ.

И погибе память его съ шумомъ... Такъ служилъ и умеръ капитанъ 3-го ранга Петръ де-Фремери.

Жаль, что фамилія боцманмата, раздѣлившаго печальную участь своего командира, осталась неизвѣстною.

Н. Чеглокъ.

тенною шнявою «Вестеншлюпъ» и придворною яхтою «Елизавета», въ 1736 году былъ командированъ въъ Донскую флотилію.

[1]) 12-го и 13-го іюня вернулось 10, что и составляетъ въ общемъ 23.

ТОМСКІЙ БУНТЪ 1637—1638 ГОДОВЪ.

(Очеркъ изъ жизни XVII вѣка).

ОПИСЫВАЕМЫЙ бунтъ [1]) возникъ на обычной для XVII вѣка почвѣ: онъ является 1001-ю варіаціей на банальную тему о «воеводскихъ злоупотребленіяхъ»... Съ этой стороны бунтъ не заслуживалъ бы особаго вниманія, и мимо его можно было бы пройти равнодушно, какъ мимо самаго зауряднаго явленія въ жизни XVII в. Но дѣло въ томъ, что эта банальная тема въ своемъ развитіи переходитъ въ далеко незаурядныя мелодіи, полныя самаго глубокаго интереса...

Возникнувъ на почвѣ воеводскихъ злоупотребленій и стремленій мѣстной администраціи порадѣть о «государевой прибыли», томскій бунтъ развился до степени серіознаго столкновенія интересовъ «міра» служилыхъ людей съ интересами «великаго государя». Въ разныхъ перипетіяхъ бунта ясно проглядываетъ понятіе о «мірѣ», какъ болѣе или менѣе самостоятельной ячейкѣ въ государствѣ, съ которою послѣднее обязано входить въ соглашенія, выслушивать ея протесты, возобновлять или разрывать договорныя отношенія, словомъ, такъ или иначе считаться съ этою скромною, но сильною сознаніемъ своихъ правъ общиною. Естественно, что такое понятіе о «мірѣ» высказывалось въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ только членовъ міра, тогда какъ мѣстная администрація всячески боро-

---

[1]) См. въ Москов. архивѣ министерства юстиціи Сибирскаго приказа столбецъ № 1703.

лась съ этимъ понятіемъ, какъ съ «непристойными словами», негожими въ устахъ «государевыхъ холопей»... Такое различіе взглядовъ въ порядкѣ вещей, но оно дѣлаетъ исторію Томскаго бунта далеко незаурядною.

Непосредственнымъ поводомъ къ возникновенію смуты въ Томскѣ была одна мѣра правительства, бившая по карману служилыхъ людей, но очень выгодная для государевой казны. Томскій воевода, стольникъ кн. Иванъ Ромодановскій (товарищами его были стольникъ Андрей Бунаковъ и дьякъ Анисимъ Трофимовъ), дѣйствуя «по государеву указу и по своему высмотру», объявилъ служилымъ людямъ, что съ сентября 1637 г. тѣ изъ нихъ, у кого есть «немалыя пашни», совсѣмъ не будутъ получать «хлѣбнаго жалованья» (оно выдавалось натурою—рожью и овсомъ), а владѣющіе «малыми пашнями» станутъ получать это жалованье въ значительно уменьшенномъ размѣрѣ.

При сибирской дороговизнѣ хлѣба вслѣдствіе трудности его доставки изъ московской Руси и ничтожнаго въ то время развитія сельскаго хозяйства въ самой Сибири (какъ у служилыхъ, такъ и у жилецкихъ людей), это неожиданная мѣра правительства являлась чувствительнымъ подрывомъ благосостоянія служилыхъ людей. Но для государевой казны получалась тутъ значительная «прибыль», за которую томскіе воеводы естественно разсчитывали получить не одно невещественное «государево похвальное слово», но и болѣе существенныя милости...

Служилые люди заявили единодушный и энергичный протестъ противъ новой мѣры: они возстали, какъ одинъ человѣкъ—всѣмъ своимъ «міромъ», за исключеніемъ маленькой группы «воеводскихъ шишиморовъ» (т. е. «совѣтниковъ»), куда входили преимущественно боярскія дѣти. Позже служилая «аристократія» города—боярскія дѣти—стали отставать отъ общаго движенія, начали измѣнять своему «міру», благоразумно переходя на сторону сильнаго, т. е. на сторону воеводъ... Но остальная масса служилыхъ людей дѣйствовала дружно и единодушно. «Пущими заводчиками» бунта были казаки, и во главѣ всего движенія стоялъ казачій пятидесятникъ Андрей Губа.

Движеніе было поддержано посадскими людьми города и ясачными людьми уѣзда. Конечно, вопросъ о хлѣбномъ жалованьѣ не касался ни тѣхъ, ни другихъ, но всѣ они очень охотно примкнули къ движенію служилыхъ людей, чтобы выступить поэнергичнѣе и успѣшнѣе противъ общаго всѣмъ имъ врага—противъ воеводскихъ злоупотребленій, отъ которыхъ все населеніе одинаково страдало, испытывая «смутное и тѣсное житье и изгоню немѣрную»... Достаточно, напримѣръ, сказать, что, по словамъ посадскихъ людей, имъ приходилось (при кн. Ив. Ромодановскомъ) «закладывать женъ своихъ и дѣтей» для постройки какой-то «государевой

мельницы»... Еще рѣзче высказались ясачные люди, увѣрявшіе, что для удовлетворенія воеводскаго лихоимства они вынуждены были «женъ и дѣтей своихъ продавать и закладывать»... Конечно, и служилые люди съ своей стороны рисовали страшную картину воеводской распущенности, нечестности и произвола. Они приводятъ цѣлый рядъ безчестныхъ воеводъ, начиная съ кн. Петра Пронскаго и кончая кн. Иваномъ Ромодановскимъ, но выключая изъ этого позорнаго ряда единственнаго праведника—воеводу: всѣ де были воры—лихоимцы, «опричь» кн. Ивана Татева...

Всѣхъ бунтовавшихъ служилыхъ людей считалось до 700 человѣкъ. Когда въ сентябрѣ 1637 г. воевода кн. Ив. Ромодановской захватилъ 7 казачьихъ пятидесятниковъ и посадилъ ихъ въ тюрьму, болѣе полутораста служилыхъ людей «пошли въ тюрьму своимъ насильствомъ и сѣли въ тюрьмѣ собою», т. е. добровольно сѣли туда всѣмъ наличнымъ своимъ «міромъ», чтобы тѣмъ поддержать своихъ руководителей и взять ихъ «вину» на весь «міръ». Когда позже воевода потребовалъ на допросъ захваченныхъ пятидесятниковъ, опять весь служилый «міръ» вышелъ изъ тюрьмы и освободилъ своихъ руководителей. Бунтовщики начали тогда «заводить круги и совѣты», т. е. мірскія сходки.

Часть бунтовщиковъ, подъ начальствомъ Андрея Губы, бѣжала изъ Томска, поднимая знамя бунта въ ясачныхъ волостяхъ. Самъ Губа позже очутился въ Москвѣ, въ качествѣ челобитчика предъ царемъ отъ имени служилыхъ, посадскихъ и ясачныхъ людей.

Остальные бѣжавшіе томичи весною 1638 г. вернулись въ Томскъ. Когда воевода потребовалъ ихъ къ отвѣту, они отказались отъ всякихъ объясненій, говоря воеводѣ: мы «посыланы отъ міра и нынѣ пришли къ міру»... Кн. Ив. Романдовской напустился на нихъ за такія «непристойныя слова», требовалъ, чтобы они «назывались государевыми холопами», а о своемъ «мірѣ» не упоминали бы... Но бѣглецы продолжали настаивать, что ушли они изъ Томска «по отпуску всѣхъ служилыхъ людей» и теперь вернулись «ко всему міру къ служилымъ людямъ»... Они отказались итти въ тюрьму и вообще перестали подчиняться воеводѣ, называя его «измѣнникомъ», такъ какъ де онъ своими притѣсненіями служилыхъ людей «запустошилъ» города Томскаго разряда, подобно де тому, какъ «Михайло Шеинъ многіе государевы города съ Литвою (?) запустошилъ (?) и за то де (?) онъ казненъ».. Любопытенъ этотъ сибирскій отголосокъ московскихъ сплетень о знаменитомъ бояринѣ М. Б. Шеинѣ, жертвѣ боярскихъ интригъ [1]).

Также характеренъ послѣдній эпизодъ томскаго бунта, когда кн. Ив. Ромодановской въ своемъ столкновеніи съ бѣглецами об-

---

[1]) См. мою статью «Правда о бояринѣ М. Б. Шеинѣ» въ «Истор. Вѣстникѣ», 1898 г., № 6.

ратился за помощью ко всему томскому «міру», ко всѣмъ служилымъ и жилецкимъ людямъ, но міръ его не поддержалъ и открыто сталъ на сторону бѣглецовъ, утверждая, что воевода хочетъ послать ихъ въ тюрьму «не для государева дѣла»... Когда упорный воевода хотѣлъ своими силами справиться съ бѣглецами, міръ ихъ отбилъ, а служилые люди «отказали» воеводамъ отъ воеводства и заявили, что съ такими воеводами «имъ государева указу не слушать»...

Такое настроеніе Томска испугало Москву, и она поспѣшила смѣнить кн. Ивана Ромодановскаго въ товарищи. Преемникамъ ихъ (кн. Семену Клубкову-Масальскому, Ивану Кубыльскому и дьяку Димитрію Жеребилову) поручено произвести «сыскъ» по дѣлу о бунтѣ. Чтобы не мѣшать производству розыска, прежніе воеводы были отпущены въ Москву, а «воеводскіе шишиморы» («совѣтники») разосланы по разнымъ сибирскимъ городамъ. Несмотря на всѣ эти мѣры, кн. Масальскій смѣло повелъ розыскъ въ интересахъ прежнихъ воеводъ и постарался обѣлить ихъ елико возможно... Къ сожалѣнію, и этотъ пристрастный розыскъ сохранился въ отрывкахъ и конца не имѣетъ. Рѣшеніе московскаго правительства неизвѣстно, но слѣдуетъ допустить, судя по аналогичнымъ случаямъ, что Москва не рѣшилась подвергать наказанію такую массу ослушниковъ, т. е. предала дѣло волѣ Божіей...

Вотъ главные моменты томскаго бунта 1637—1638 гг., рѣзко выдѣляющіе его изъ ряда многихъ сибирскихъ бунтовъ XVII вѣка.

I.

Доставка въ Сибирь изъ московской Руси хлѣбныхъ запасовъ, для раздачи ихъ служилымъ людямъ въ видѣ «хлѣбнаго жалованья», обходилась государевой казнѣ такъ дорого, что правительство наконецъ рѣшилось ограничить эту доставку до минимума и прибѣгло для этого къ одной мѣрѣ, шедшей въ разрѣзъ съ интересами служилыхъ людей. По «высмотру» сибирскихъ воеводъ и съ одобренія Сибирскаго приказа рѣшено было совершенно прекратить выдачу хлѣбнаго жалованья тѣмъ боярскимъ дѣтямъ, литвѣ, казакамъ, стрѣльцамъ и другимъ служилымъ людямъ, у которыхъ «есть деревни и пашни паханыя немалыя»: владѣльцы такихъ «немалыхъ» пашень должны де «государеву службу служить съ своихъ пашенъ», т. е. «безъ государева хлѣбнаго жалованья». Тѣмъ же, у кого пашни «малыя», рѣшено выдавать хлѣбное жалованье въ значительно уменьшенномъ размѣрѣ, соотвѣтственно количеству обработываемой земли. Прежніе «оклады» хлѣбнаго жалованья оставлены только тѣмъ служилымъ людямъ, у которыхъ не было никакихъ пашенъ.

Эта неожиданная мѣра правительства, радикально измѣнявшая десятками лѣтъ установившійся порядокъ вознагражденія за службу, вездѣ въ Сибири была принята служилыми людьми съ большимъ неудовольствіемъ, сильнымъ ропотомъ и желаніемъ вернуться къ прежнему порядку службы. Мѣра, доставлявшая казнѣ громадную «прибыль», существенно била по карману плохо обезпеченныхъ служилыхъ людей, заброшенныхъ въ полудикую страну, гдѣ своего хлѣба почти не было, а доставлявшійся съ неимовѣрными трудностями привозный хлѣбъ былъ страшно дорогъ на мѣстныхъ рынкахъ.

Съ общей точки зрѣнія новая мѣра правительства представляется справедливою: у кого есть пашня и свой хлѣбъ, того нельзя равнять съ неимѣющимъ пашни. Если первый можетъ обходиться своимъ хлѣбомъ, то зачѣмъ ему давать еще и казенный паекъ? Послѣдній долженъ итти только тѣмъ, у кого нѣтъ своихъ пашенъ.

Но эта справедливость только кажущаяся: новая мѣра была чисто кабинетнымъ вымысломъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ жизнью и потребностями времени. Мѣра была бы справедлива, если бы она была проведена спустя 50 лѣтъ и болѣе, т. е. въ концѣ XVII вѣка, когда колонизація Сибири достигла значительныхъ размѣровъ, и страна стала жить своимъ хлѣбомъ.

Но въ 1630-хъ годахъ колонизація была еще въ зародышѣ, и продуктовъ обработываемой земли едва хватало на прокормленіе самихъ земледѣльцевъ. Ничтожные избытки хлѣба, шедшаго на продажу, никоимъ образомъ не могли повліять на паденіе цѣнъ привознаго московскаго хлѣба. Безъ послѣдняго Сибирь буквально голодала бы. Въ большой массѣ хлынувшіе въ Сибирь «гулящіе люди» (т. е. вольные) неохотно садились на землю, такъ какъ находили болѣе выгоднымъ заниматься добычею пушного звѣря и другими промыслами, торговлею и походами на «немирныхъ» инородцевъ.

Крестьянъ, занимавшихся землею, было такъ мало, что немногочисленныя «деревни» служилыхъ людей представляли въ сущности хутора съ однимъ крестьянскимъ дворомъ (рѣдко съ 2—3), а «малыя» и «немалыя пашни» служилыхъ людей обработывались ими самолично, или же при невозможности послѣдняго (въ виду частыхъ походовъ и служебныхъ посылокъ) лежали «впустѣ». Словомъ, за весьма рѣдкими исключеніями (какія являлись среди служилой аристократіи—«начальныхъ людей»: атамановъ, головъ и другихъ, боярскихъ дѣтей, подьячихъ и т. п.), для массы служилыхъ людей ихъ пашни являлись (въ описываемое время) если не излишнимъ бременемъ, то очень слабымъ подспорьемъ къ государеву жалованью.

Что это было именно такъ, ясно уже изъ того, что никому изъ служилыхъ людей, до самыхъ низшихъ ранговъ, не возбранялось въ Сибири занимать земли, заводить тамъ пашни и селить «де-

ревни», т. е. приглашать «гулящихъ людей» обработывать землю на извѣстныхъ договорныхъ отношеніяхъ. И однако, въ описываемое время далеко не всѣ служилые люди брали земли, и большинство предпочитало жить однимъ государевымъ жалованьемъ. Очевидно, что занятіе сельскимъ хозяйствомъ въ 1630-хъ годахъ было въ Сибири скорѣе обузою, чѣмъ прибыльнымъ занятіемъ.

Съ другой стороны, новая мѣра была не справедлива уже и потому, что пашни служилыхъ людей были обложены опредѣленнымъ сборомъ («выдѣльнымъ хлѣбомъ») въ пользу государевой казны, т. е. были приравнены въ этомъ отношеніи къ пашнямъ посадскихъ людей и «оброчныхъ крестьянъ». Значитъ, служилое землевладѣніе не пользовалось никакими особыми льготами и потому не являлось особенно прибыльнымъ занятіемъ.

Понятно, что желаніе правительства урѣзать у однихъ и вовсе отмѣнить у другихъ хлѣбное жалованье было встрѣчено въ Сибири всеобщимъ ропотомъ служилыхъ людей, а въ Томскѣ вызвало открытый бунтъ. Слухъ о новой реформѣ правительства распространился здѣсь еще лѣтомъ 1637 г., когда воевода стольникъ князь Иванъ Ромодановской составилъ комиссію для описанія земель служилыхъ людей. Комиссію составляли—«письменный голова» Аѳанасій Борковъ, одинъ подьячій, «приходской попъ», два казачьихъ пятидесятника Андрей Губа и Аггей Чижовъ и 4 рядовыхъ конныхъ и пѣшихъ казака. Одинъ изъ членовъ этой комиссіи—Андрей Губа, сталъ во главѣ начавшагося движенія служилыхъ людей противъ новой мѣры правительства. Занятія въ комиссіи дали ему возможность отлично познакомиться съ незавиднымъ положеніемъ служилаго землевладѣнія и дать настоящую оцѣнку правительственной реформѣ, направленной противъ интересовъ служилаго «міра».

Нельзя думать, чтобы А. Губа дѣйствовалъ во имя личныхъ интересовъ: онъ принадлежалъ къ низшему рангу «начальныхъ людей» города и не могъ быть крупнымъ землевладѣльцемъ. Его энергичная и страстная борьба съ воеводами вызвана именно потребностью стать на защиту своего «міра» отъ нежелательныхъ посягательствъ на его интересы со стороны мѣстныхъ и центральныхъ властей. Онъ явился представителемъ интересовъ рядовой массы служилыхъ людей, а не служилой аристократіи города. И недаромъ, конечно, эта масса избрала своимъ предводителемъ скромнаго по рангу казачьяго пятидесятника: онъ стоялъ ближе къ рядовой массѣ и лучше понималъ ея интересы, чѣмъ, напримѣръ, «атаманъ казаковъ», или «письменный голова», «ротмистръ литвы» и другіе начальные люди высшаго ранга. Именно рядовая масса всего болѣе страдала отъ задуманной реформы, а для служилой аристократіи она была менѣе чувствительна. Естественно, что послѣдняя приняла слабое участіе въ движеніи, а подъ конецъ и совсѣмъ отказалась отъ всякаго содѣйствія ему.

II.

Когда были закончены работы томской комиссіи по описанію земель служилыхъ людей, послѣдніе узнали отъ воеводы князя Ивана Ромодановскаго, что съ сентября 1637 г. новый законъ о «службѣ съ пашенъ» вступитъ въ силу. Служилые люди, повидимому, не ожидавшіе такого скораго примѣненія новаго закона, заволновались и тотчасъ же заявили свой протестъ. Къ съѣзжей избѣ собрались съ «шумомъ» всѣ служилые люди, имѣвшіе «малыя» и «немалыя пашни», подъ предводительствомъ Андрея Губы, и открыто заявили воеводамъ, «что имъ съ пашень своихъ, безъ государева хлѣбнаго жалованья, не служивать и изъ Томского бѣжать всѣмъ»...

Конечно, это была только угроза на словахъ, выражавшая не дѣйствительное намѣреніе «бѣжать» сейчасъ же отъ государевой службы, но только настроеніе протестующихъ, возмущенныхъ новымъ закономъ. Однако, впослѣдствіи эта угроза была отчасти осуществлена... Пока же дѣло ограничилось этимъ грознымъ протестомъ да глухимъ броженіемъ среди служилыхъ людей города.

Прибытіе въ сентябрѣ государева хлѣбнаго каравана изъ Тобольска (водою) и послѣдовавшія затѣмъ безтактныя распоряженія воеводъ подлили масло въ огонь и довели служилыхъ людей до явнаго возстанія, принявшаго вскорѣ огромные размѣры. Изъ пришедшихъ хлѣбныхъ запасовъ воевода велѣлъ «тотчасъ роздать сполна» хлѣбное жалованье за прошлый (145-й) годъ. Раздавали его по старымъ порядкамъ—всѣмъ служилымъ людямъ, не исключая и тѣхъ, за кѣмъ числились деревни и пашни. Но за новый (146-й) годъ хлѣбное жалованье не было уже выдано никому, даже тѣмъ, кто и по новому закону имѣлъ на него право, т. е. кто владѣлъ «малыми» пашнями, или совсѣмъ ихъ не имѣлъ.

Между тѣмъ, хлѣба на судахъ было еще очень много, и его хватило бы на раздачу жалованья за 146-й годъ. При прежнихъ порядкахъ воевода немедленно роздалъ бы и это жалованье служилымъ людямъ, чтобы поскорѣе разгрузить плохія суда, еле державшіяся на водѣ отъ дальняго путешествія. Воевода и теперь торопился окончить разгрузку, «чтобы водою хлѣбныхъ запасовъ не потопило». По примѣру прежнихъ лѣтъ онъ приказалъ служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ заняться перевозкою оставшагося хлѣба въ «государевы житницы», при чемъ каждому приходилось перевезти извѣстное количество хлѣба соотвѣтственно прежнимъ «окладамъ» ихъ хлѣбнаго жалованья.

Всѣ эти «оклады» потеряли теперь всякое значеніе, а тутъ производится раскладка обязательной повинности именно на основаніи этихъ упраздненныхъ окладовъ!.. Эта безтактность воеводъ возму-

тила служилыхъ людей, еще болѣе возмущенныхъ тѣмъ, что ихъ заставляютъ перевозить хлѣбъ, который прежде былъ бы розданъ имъ всѣмъ, а теперь отнятъ у нихъ ради интересовъ далекой для нихъ государевой казны... Воеводы словно дразнили нарочно служилыхъ людей, вводя новый законъ о «службѣ съ пашенъ» въ такой неудобный моментъ, когда прибыли обильные запасы государева хлѣба... Этотъ хлѣбъ бѣдные люди уже готовы были поднести къ своимъ ртамъ, а сытые воеводы вырывали его изъ рукъ и еще приказывали бережно доставить его на храненіе въ государевы житницы...

Сюда присоединилось еще одно возмутительное обстоятельство, ясно говорившее о какомъ-то своекорыстномъ дѣйствіи воеводъ... Служилые люди узнали, что по приказу князя Ивана Ромодановскаго посадскіе люди города перевозятъ часть оставшагося на судахъ хлѣба на дворы нѣкоторыхъ служилыхъ и другихъ людей, занимавшихся хлѣбною торговлею, именно—на дворы коннаго казака Ивана Коломны, пѣшаго казака Якима Рыбника, крестьянина тобольскаго архіепископа Ивана Каменнаго и другихъ. Хлѣбъ былъ свезенъ въ значительномъ количествѣ: «по 3 мѣшка на человѣка», а посадскихъ людей въ Томскѣ было тогда 33 человѣка. Всѣ они были удивлены, что государевъ хлѣбъ свозится въ амбары частныхъ лицъ «мимо государевыхъ житницъ, невѣдомо для чего»... Они хорошо чуяли, что дѣло здѣсь идетъ совсѣмъ не о государевой, но о воеводской «прибыли»... Опасаясь впутаться въ это темное дѣло, посадскіе люди пробовали отказаться отъ подозрительной перевозки, но князь Ромодановской «заставилъ» изъ «силою возить», при чемъ ослушниковъ «билъ батоги».

Все это стало извѣстно служилымъ людямъ, и они рѣшительно «государева указу не послушали—изъ судовъ хлѣбныхъ запасовъ не повезли» въ государевы житницы. Тогда воевода собралъ наличныхъ служилыхъ людей къ съѣзжей избѣ «къ смотру» и послѣ него снова повторилъ имъ приказъ о немедленной перевозкѣ хлѣба. Это происходило 30-го сентября 1637 года.

Боярскія дѣти тотчасъ уступили и смиренно заявили воеводамъ, что они «готовы возить съ судовъ хлѣбные запасы въ государевы житницы»... Во главѣ этой служилой аристократіи города стояли «воеводскіе совѣтники» и пріятели, или, какъ называли ихъ служилые люди,—«воеводскіе шишиморы», именно—боярскія дѣти Гаврило Черницынъ, Петръ Сабанской и Остаѳій Харламовъ. Къ нимъ же примыкали въ качествѣ «шишиморовъ» (т. е. наушниковъ) подьячій Андрей Глазуновъ и конный казакъ Макаръ Колмогорецъ. Въ наступившее смутное время въ Томскѣ эти близкіе къ князю Ромодановскому люди всѣ «ночи просиживали» съ нимъ въ совѣщаніяхъ, «умышляя и такая» противъ товарищей. Именно ихъ недобрымъ вліяніемъ на воеводу служилые люди впослѣдствіи

объясняли (въ своихъ челобитныхъ царю) крутой образъ дѣйствія князя Ромодановскаго во время смуты. Челобитчики жаловались, что «отъ тѣхъ де воеводскихъ шишиморовъ они въ конецъ погибли». Многіе изъ челобитчиковъ служили въ Сибири по 20—50 лѣтъ и больше, «а такихъ смутныхъ лѣтъ не бывало» раньше, и такихъ обидъ они «не видали, какъ отъ тѣхъ воеводскихъ шишиморовъ»... Такъ казнили впослѣдствіи, служилые люди своихъ товарищей, измѣнившихъ общему «мірскому» дѣлу ради своихъ личныхъ интересовъ, во имя которыхъ шишиморы стали близкими людьми къ воеводамъ. Пусть челобитчики и преувеличивали вліяніе шишиморовъ на воеводъ въ періодъ смуты, усиленію которой больше всего содѣйствовали сами воеводы, съ ихъ злоупотребленіями, но все же позорная роль первыхъ несомнѣнна: недаромъ челобитчики прямо заявляли впослѣдствіи, что «съ тѣми воеводскими шишиморы съ Гаврилою Черницынымъ съ товарищи жить имъ невозможно»... Какъ мы знаемъ, это желаніе было тогда же удовлетворено, и «шишиморы» высланы быди изъ Томска въ другіе города. Уже одно это удовлетвореніе правительствомъ просьбы недавнихъ «бунтовщиковъ», несомнѣнно, свидѣтельствуетъ, что жалобы ихъ на «шишиморовъ» имѣли серіозныя основанія.

Возвращаемся, однако, къ событіямъ на воеводскомъ «смотру» 30-го сентября 1637 года.

III.

Насколько порадовали воеводъ своею уступчивостью боярскія дѣти, предводительствуемыя «воеводскими шишиморами», настолько же упорными оказались остальные служилые люди и особенно «пущіе заводчики» бунта (по мнѣнію самаго главнаго «заводчика»—князя Ивана Ромодановскаго)—томскіе казаки. Всѣ они, какъ владѣвшіе пашнями, такъ и не имѣвшіе ихъ, рѣшительно «отказали» воеводѣ въ исполненіи его приказа. Изъ казаковъ выдѣлилась группа наиболѣе энергичныхъ, въ 56 человѣкъ, подъ предводительствомъ пятидесятниковъ Андрея Губы, Аггея Чижова и Ивана Володимерца. Эти представители заявили воеводѣ, что «имъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ съ судовъ въ государевы житницы не важивать, а роздали бы тѣ хлѣбные запасы имъ служилымъ людямъ на жалованье на 146-й годъ»... Остаточный же хлѣбъ они обѣщались перевезти въ житницы.

Воевода рѣшительно отказался исполнить просьбу А. Губы съ товарищи. Онъ снова повторилъ, что хлѣбное жалованье на 146-й годъ «не прислано», и что имъ «велѣно государеву службу служить съ пашень своихъ», а у кого ихъ мало, тѣмъ выдадутъ хлѣбъ «съ зачетомъ» пашенъ, у кого совсѣмъ нѣтъ послѣднихъ, тѣ получатъ хлѣбные оклады сполна, но не теперь, а позже.

А. Губа съ товарищи заявили «съ шумомъ» воеводѣ, что въ такомъ случаѣ они станутъ «съ судовъ хлѣбные запасы имать своимъ произволомъ, а не по государеву указу»... Вся толпа служилыхъ людей, дѣйствовавшихъ «скопомъ и заговоромъ», поддержала это заявленіе своихъ представителей и заволновалась. Казаки «кричали» на воеводъ и «говорили непослушанья и многія невѣжливыя слова». Десятникъ Иванъ Матвѣевъ, «выступя изо всѣхъ служилыхъ людей, говорилъ многія невѣжливыя слова» и «лаялъ» воеводъ. Князь Иванъ Ромодановской не выдержалъ и «ударилъ батогомъ» Матвѣева, приказывая и своимъ «денщикамъ бить батоги» дерзкаго казака. Но служилые люди «не дали» бить Матвѣева и вырвали его изъ рукъ денщиковъ, «окружили князя Ивана съ собою въ кругъ», а очутившагося подлѣ воеводы дьяка Анисима Трофимова «хотѣли убить»...

Но сторонникамъ воеводъ удалось вырвать послѣднихъ изъ казачьей толпы и разогнать часть ея: они «били ослопами безъ милости» бунтовщиковъ. Толпа дрогнула, часть ея побѣжала съ площади, и «самъ князь Иванъ гнался за ними съ ослопомъ до городскихъ воротъ».

Воспользовавшись этимъ замѣшательствомъ, воеводы захватили 7 казачьихъ пятидесятниковъ и отправили ихъ въ тюрьму. Тогда всѣ еще остававшіеся на площади десятники и рядовые казаки въ количествѣ 150 человѣкъ «пошли въ тюрьму своимъ насильствомъ и сѣли въ тюрьмѣ собою»... Воевода приказалъ переписать ихъ имена, но «тѣ де казаки въ тюрьмѣ учинились сильны и именъ своихъ переписать не дали, и князя Ивана съ товарищи лаяли и говорили, что де они приговорятъ войскомъ, тому дѣлу такъ и быть: государева хлѣба имъ не важивать и съ пашень своихъ безъ хлѣбнаго жалованья не служивать»...

Несмотря на то, что главная масса бунтовщиковъ добровольно сѣла въ тюрьму, чтобы не бросать своихъ руководителей-пятидесятниковъ, волненіе въ городѣ среди служилыхъ людей продолжалось. На другой день одинъ изъ остававшихся на свободѣ казачьихъ десятниковъ Василій Сѣдельникъ явился съ толпою казаковъ къ съѣзжей избѣ, и воеводъ «лаяли всякою позорною лаею»...

Черезъ 3 дня князь Ромодановской послалъ къ тюрьмѣ воеводскаго товарища Андрея Бунакова, чтобы доставить на допросъ въ съѣзжую избу пятидесятниковъ. Какъ только Бунаковъ вывелъ 7 пятидесятниковъ изъ тюрьмы—«и за пятидесятниками де и всѣ служилые люди пошли изъ тюрьмы сильно», не отставая отъ своихъ руководителей. Мало того, казаки выпустили изъ тюрьмы сидѣвшихъ тамъ по какимъ-то личнымъ дѣламъ «тюремныхъ сидѣльцевъ» Ивана Грызова съ товарищи.

Вся толпа опять предстала предъ воеводами у съѣзжей избы. Снова воевода потребовалъ отъ бунтовщиковъ, «чтобы они госу-

дареву указу были послушны и государевы хлѣбные запасы съ судовъ везли въ государевы житницы». Но казаки «у съѣзжей избы кричали, и воеводъ лаяли, а говорили, чтобъ имъ государевы хлѣбные запасы роздали съ судовъ въ ихъ оклады на 146-й годъ, а имъ съ своихъ пашень государевы службы не служивать и хлѣбныхъ запасовъ съ судовъ въ государевы житницы не важивать»...

Тѣмъ и закончилась новая попытка воеводъ заставить служилыхъ людей подчиниться новому закону о «службѣ съ пашенъ». Казаки уже не пошли въ тюрьму и не пустили туда своихъ пятидесятниковъ.

Волненіе въ городѣ росло: «и почали (служилые люди) заводить круги и совѣты и умышлять невѣдомо какіе заводы, и въ государевыхъ ни въ какихъ дѣлахъ» воеводъ не стали слушать, а «воеводскихъ шишиморовъ» — боярскихъ дѣтей и подьячихъ, которые «къ ихъ думѣ не пристали,—и тѣхъ хотѣли побивать до смерти»...

IV.

Видя возроставшее волненіе въ городѣ, воеводы пошли на одну уступку, надѣясь тѣмъ привлечь на свою сторону хотя часть бунтовщиковъ: воеводы рѣшили немедленно раздать хлѣбное жалованье на 146-й годъ тѣмъ служилымъ людямъ, которые имѣли на него право и по новому закону, т. е. тѣмъ, у кого не было пашенъ. Воеводъ побуждало къ этой раздачѣ и опасеніе, чтобы судовъ съ хлѣбными запасами «водою не потопило».

Для объявленія этого распоряженія князь Ромодановской приказалъ служилымъ людямъ собраться у съѣзжей избы. Бунтовщики въ это время были въ сборѣ: «а были де они въ тѣ поры всѣ въ кругу у (церкви) Воскресенія въ трапезѣ, на совѣтѣ». На требованіе посланнаго отъ воеводы—явиться всѣмъ къ съѣзжей избѣ, предсѣдатель сходки Андрей Губа, другіе пятидесятники и всѣ казаки «государева указу не послушали — къ сказкѣ (т. е. къ выслушиванію новаго распоряженія воеводы о хлѣбѣ) не пошли, и въ государевѣ хлѣбномъ жалованьѣ отказали, что имъ государева жалованья на 146-й годъ не имывать и съ судовъ хлѣбные запасы въ государевы житницы не возить»...

Итакъ, уступка воеводъ не достигла цѣли: кому они сами предлагали взять хлѣбное жалованье на текущій годъ, тѣ отказались отъ своего права на это жалованье, разъ оно не могло быть выдано всѣмъ служилымъ людямъ. Этимъ отказомъ служилые люди, не владѣвшіе пашнями, поддержали весь служилый «міръ» въ его протестѣ противъ новаго закона, несмотря на то, что такой отказъ былъ крайне тяжелъ для кармана этой бѣдноты. Послѣдняя приносила громадную жертву ради интересовъ всего своего «міра»...

Мірская сходка служилыхъ людей въ трапезной Воскресенской церкви порѣшила отправить пятидесятниковъ Андрея Губу и Ивана Володимерца въ Москву, съ челобитными царю объ отмѣнѣ новаго закона «о службѣ съ пашенъ» и съ жалобами на воеводскія злоупотребленія. Противъ послѣднихъ выступили и посадскіе люди Томска, также вручившіе Губѣ свою челобитную, а позже Губа получилъ въ уѣздѣ челобитныя на воеводъ и отъ ясачныхъ людей.

До Тобольска отправились провожать московскихъ челобитчиковъ 30 томскихъ казаковъ. Они взяли съ государевыхъ судовъ часть хлѣбныхъ запасовъ, паруса и другія судовыя снасти и, «поставя на свой дощаникъ, побѣжали на низъ Томью рѣкою», конечно, не испрашивая у князя Ромодановскаго разрѣшенія ни на поѣздку въ Москву челобитчиковъ, ни на отъѣздъ въ Тобольскъ 30 казаковъ-провожатыхъ. Съ ними же бѣжалъ пятидесятникъ Иванъ Матвѣевъ, доставившій изъ Тобольска государевъ хлѣбъ, изъ-за котораго разгорѣлась вся эта смута.

Оставшіеся въ Томскѣ русскіе служилые люди или разъѣхались самовольно по своимъ дѣламъ изъ города, или отказывались продолжать государеву службу, пока не придетъ московское рѣшеніе. Подъ командою воеводъ остались только боярскія дѣти да «иноземцы-татарове» (служилые люди).

Плывя р. Томью, Губа не могъ удержать своихъ товарищей отъ грабежа промышленныхъ людей, занимавшихся на рѣкѣ рыбными промыслами. Такъ, у Петра Старцева съ товарищи казаки отняли «неводникъ съ рыбою» и т. п. Это оттолкнуло отъ Губы промышленныхъ людей, которые раньше не прочь были поддержать служилыхъ людей своими челобитными на воеводскія злоупотребленія.

Но среди ясачныхъ людей А. Губа дѣйствовалъ удачнѣе и собралъ отъ нихъ нѣсколько «мірскихъ челобитныхъ» на воеводъ. На р. Оби онъ приставалъ къ ясачнымъ волостямъ Кортульской, Шепильской и Чюрюбарской. Онъ бесѣдовалъ съ князьками этихъ остяцкихъ волостей (съ Нандрикомъ и др.), «звалъ съ собою къ государю къ Москвѣ» и совѣтовалъ «писать челобитныя» на кн. Ромодановскаго съ товарищи про ихъ «обиды и грабежи и насильства». Нандрикъ съ товарищи побоялись самовольно ѣхать въ Москву, но челобитныя передали Губѣ для врученія ихъ царю. Въ «нижнихъ ясачныхъ волостяхъ» по Оби Губа также «звалъ съ собою» въ Москву тамошнихъ остяковъ, но и они отказались отъ поѣздки и только послѣдовали примѣру Нандры—дали Губѣ свои «мірскія челобитныя къ государю».

Позже преемникъ кн. Ромодановскаго, кн. С. В. Клубковъ-Масальскій, старался доказать въ своемъ «сыскѣ» о бунтѣ, будто ясачные люди не думали жаловаться на его предшественниковъ,

такъ какъ де остяки никакихъ обидъ и насильствъ отъ воеводъ «не знаютъ» и никакихъ «посуловъ» имъ не давали... Кн. Масальскій добылъ даже челобитную отъ какихъ-то остяковъ, гдѣ они называютъ поданныя Губою въ Москвѣ отъ Нандрика и др. челобитныя «казачьими затѣйными ложными челобитьями» и просятъ не вѣрить имъ... Но желаніе кн. Масальскаго обѣлить своихъ предшественниковъ такъ ясно сквозитъ во всемъ розыскѣ его, и добытыя имъ челобитныя ясачныхъ людей шиты такими бѣлыми нитками въ томъ же направленіи, что именно послѣднія челобитныя представляются «затѣйными», написанными подъ диктовку титулованнаго сыщика, а никакъ не тѣ челобитныя, которыя Губа дѣйствительно получилъ отъ ясачныхъ людей и доставилъ въ Москву.

V.

28 января 1638 года, Андрей Губа и Иванъ Володимерецъ (его же прозвище—Новограбленой) «въ Сибирскомъ приказѣ объявились» и подали начальнымъ людямъ приказа 6 челобитныхъ отъ имени томскихъ служилыхъ людей (700 человѣкъ) жилецкихъ и ясачныхъ людей. Челобитчики били челомъ государю, что имъ отъ кн. Ромодановскаго съ товарищи чинятся «обиды и налоги и утѣсненія» гораздо «больши прежнихъ воеводъ».

«Челобитная» служилыхъ людей нарочно останавливается надъ «прежними воеводами», начиная съ кн. Петра Пронскаго, «опричь тѣхъ лѣтъ, какъ былъ въ Томскомъ воеводою кн. Иванъ Татевъ, учало быти въ Томскомъ всякимъ служилымъ людямъ смутное и тѣсное житье и изгоня немѣрная. Николи де они государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья изъ государевой казны безъ посуловъ и безъ выкупу выдокучить не могутъ»... Особенно же воевода кн. Никита Егуповъ-Черкасской «чинилъ во всемъ бѣды и тѣсноты и оскорбленье великое». Такъ, онъ выдавалъ хлѣбное жалованье не тотчасъ, какъ приходили суда съ хлѣбомъ, а «мѣшкалъ» по 4 — 5 недѣль и больше, дотягивая до «заморознаго времени», а р. Томь «быстрая и каменная, въ осень о заморозахъ ледъ подымается отъ камени со дна вскорѣ. И отъ тое де нероздачи на Томи рѣкѣ суды льдомъ потопило», и хлѣбъ пропалъ.

Въ 1635 году пріѣхалъ на воеводство князь Иванъ Ромодановской съ товарищи, «и они де почали имъ обиды и насильство и оскорбленье чинить пуще князя Никиты Егупова-Черкасского». Новые воеводы «для своей бездѣльной корысти» также «мѣшкаютъ» съ раздачею хлѣба, закупаютъ у служилыхъ людей ихъ «хлѣбные оклады» и свозятъ къ себѣ на дворы, беря хлѣбъ «въ свою мѣру вверхъ (т. е. полную черезъ край мѣру), выбираючи рожь и муку лутчую, а имъ даютъ хлѣбъ моклой и гнилой, подъ гребло»

(т. е. насыпая хлѣбъ не «вверхъ», а въ уровень съ краями мѣры). А «остаточной хлѣбъ» воеводы «по себѣ дѣлятъ». Когда среди служилыхъ людей начинается «хлѣбная нужа—голодъ», имъ приходится «великою неволею» обращаться за помощью къ воеводамъ брать у нихъ хлѣбъ «въ долгъ», по очень дорогой цѣнѣ. Присланные въ 1637 г. изъ Тобольска хлѣбные запасы князь Ромодановской держалъ въ судахъ на р. Томи со 2 сентября по 2 октября, не раздавая хлѣбнаго жалованья. Цѣль такого замедленія, по мнѣнію челобитчиковъ, заключается въ томъ, что воеводы «хотятъ и тотъ государевъ хлѣбъ ничѣмъ перевести и на полъ-цѣны и въ треть цѣны закупить и, выбираючи лутчую рожь и муку, попрежнему къ себѣ на дворъ перевозить»...

Въ этихъ неблаговидныхъ хлѣбныхъ операціяхъ много помогаетъ воеводамъ подьячій хлѣбнаго стола съѣзжей избы Андрей Глазуновъ: «стакався съ воеводы заодно», онъ перевозитъ къ себѣ на дворъ государевъ хлѣбъ изъ житницъ... Онъ же «заѣдаетъ» у служилыхъ людей «хлѣба по осьминѣ и по чети», по 2—3 чети и больше, и этотъ награбленный хлѣбъ свозитъ на свой дворъ. Въ 1637 г. Андрей Глазуновъ «прописалъ» въ окладахъ солянаго жалованья у 700 служилыхъ людей «по пуду соли» и эти 700 пудовъ соли присвоилъ себѣ. Съ пашенъ служилыхъ людей собирается «выдѣльной хлѣбъ» въ государеву казну въ количествѣ болѣе 50 четей пшеницы, «и тотъ де хлѣбъ невѣдомо гдѣ дѣвается».

Далѣе челобитчики переходятъ къ событіямъ послѣдней смуты въ Томскѣ, вызванной новымъ закономъ о «службѣ съ пашенъ», при чемъ усиленно жалуются на происки «воеводскихъ шишиморовъ», въ своихъ интересахъ раздувшихъ враждебныя отношенія между воеводами и служилыми людьми. Послѣдніе доказываютъ, что безъ хлѣбнаго жалованья имъ невозможно жить и служить въ Томскѣ, гдѣ приходится покупать четверть ржи по 12—15 р. и дороже. Уже теперь, когда новый законъ только еще вступилъ въ силу, служилые люди «обнищали и задолжали великими долги», и многіе «волочатся по міру» съ женами и дѣтьми...

Челобитчики увѣряютъ, что кн. Ромодановской, отказывая имъ въ выдачѣ хлѣбнаго жалованья за 146-й годъ, говорилъ служилымъ людямъ, что «имъ впредь государева хлѣбнаго жалованья давать не указано, а будетъ де имъ то государево хлѣбное жалованье (выдаваться) въ тѣ поры, какъ они то государево хлѣбное жалованье заслужатъ». Воевода разумѣлъ здѣсь ту «хлѣбную подмогу», какая и въ прежнее время выдавалась служилымъ людямъ при посылкѣ ихъ на «дальнія службы», въ походахъ и тому подобныхъ экстраординарныхъ случаяхъ. Но челобитчики жалуются, что когда посылаютъ ихъ на службу, остающіяся въ Томскѣ ихъ жены и дѣти «скитаются Христовымъ именемъ и бьютъ челомъ о государевѣ денежномъ и хлѣбномъ жалованьѣ», а дьякъ Анисимъ Трофимовъ

за то челобитье женъ ихъ «бьетъ» въ съѣзжей избѣ и «пиками пинаетъ, и по щекамъ бьетъ, и лаетъ ихъ»... Да и служилыхъ людей, просящихъ о выдачѣ жалованья, дьякъ «бьетъ же и многимъ бороды выдралъ, и клещами печатными головы многимъ испробилъ»... Но всего болѣе служилые люди жалуются на то, что воеводы и дьякъ—«ни о чемъ бити челомъ государю не велятъ, и челобитныхъ къ государю не пропущаютъ, и на дорогахъ у всякихъ людей обыскиваютъ», не ѣдутъ ли они къ Москвѣ съ челобитными...

«Челобитная» посадскихъ людей города (въ томъ числѣ и посадскаго старосты Алексѣя Иванова), доставленная А. Губою, также говоритъ о цѣломъ рядѣ злоупотребленій кн. Ивана Ромодановскаго съ товарищи. Впослѣдствіи, во время розыска кн. Клубкова-Масальскаго, нѣкоторые посадскіе люди увѣряли, будто они не посылали съ Губою въ Москву своихъ челобитныхъ на воеводъ. Но А. Губа, И. Володимерецъ и И. Матвѣевъ доказали, что челобитную отъ посадскаго міра принесъ имъ въ Томскѣ на судно посадскій человѣкъ Василій Титовъ, свидѣтелями чего были многіе служилые и жилецкіе люди. Титовъ, находившійся уже подъ вліяніемъ сыщика, пробовалъ извернуться тѣмъ, будто онъ передалъ Губѣ «посыльную грамоту къ матери своей въ Кай-городокъ»... Но этимъ рѣчамъ его нельзя дать вѣры, и фактъ посылки съ Губою челобитной отъ посадскихъ людей остается несомнѣннымъ.

Посадскіе люди жалуются въ своей челобитной на тягости разныхъ налоговъ и пошлинъ: «емлютъ» съ ихъ рыбныхъ ловель «десятую рыбу», а съ «купли» платья, мягкой рухляди и др. предметовъ на «колмацкомъ торгу» берутъ «съ рубля по алтыну», съ лошадей «по гривнѣ», да сверхъ того «пошерстного по 8 денегъ» и т. д., оброкъ на «государеву баню»—«съ рубля денежнаго оброка (т. е. съ годового оброка берутъ) по 50 вѣниковъ» и проч. Но особенно тяготитъ ихъ ежегодный нарядъ посадскихъ людей на постоянную службу въ цѣловальникахъ при государевой денежной, хлѣбной, соболиной и другой казнѣ и посылки ихъ по государевымъ дѣламъ въ другіе города. Ежегодно бываетъ занято тою и другою службою до 15 человѣкъ, а остальные постоянно употребляются на разныя «городовыя и острожныя издѣлья». Между тѣмъ, всѣхъ посадскихъ людей въ Томскѣ, которые «тягло тянутъ и подати всякія платятъ, и издѣлья дѣлаютъ, и въ цѣловальникахъ (и посылкахъ) ходятъ,—30 человѣкъ». Прежде посадскій міръ былъ люднѣе, но многіе, покинувъ семьи свои на произволъ судьбы, «розбрелись» изъ Томска «отъ бѣдности, и отъ немѣрнаго тягла, и отъ воеводскихъ насильствъ». Да и оставшіеся 30 человѣкъ собираются «розбрестись розно», тѣмъ болѣе, что имъ приходится платить «годовые денежные оброки» за своихъ бѣглыхъ и умершихъ братій.

Бѣгутъ посадскіе люди и отъ тягости налоговъ, и отъ воеводскихъ злоупотребленій, и отъ дороговизны жизни. Они говорятъ: «нынѣ де у нихъ хлѣбъ не родится по три года», и хлѣбъ покупаютъ «дорогою цѣною»—по 12—15 р. четверть, «да и купить негдѣ»... «Отъ воеводскаго же насильства и отъ продажи» посадскіе люди «разорены до основанія»: многіе перестали пахать свои пашни. Воевода кн. Ромодановской «велѣлъ имъ сдѣлать новую мельницу», которая обошлась въ 200 рублей: конечно, такой суммы у нихъ не было, и пришлось занять страшною цѣною—«закладывать жены свои и дѣти»...

Не менѣе служилыхъ людей жалуются посадскіе люди на «воеводскихъ шишиморовъ»—на боярскихъ дѣтей Гаврилу Черницына съ товарищи, которые на челобитчиковъ «воеводамъ наносятъ» разные доносы и клеветы. Пользуясь своимъ вліяніемъ на воеводъ, эти наушники всячески эксплоатируютъ посадскихъ людей. Присланнаго въ 1637 г. изъ Москвы «ссыльнаго иноземца» (поляка) Андрея Бернацкаго, съ женою и дѣтьми, воеводы ставятъ по очереди на дворы посадскихъ людей, заставляютъ кормить и давать ссыльному по 2—3 рубля, и такъ «переводятъ изъ двора на дворъ». На воеводъ и дьяковъ посадскіе дѣлаютъ «всякія издѣлья»—сѣно косятъ и свозятъ на ихъ дворы и т. п.

За своимъ «одиначествомъ» посадскіе люди «наймуютъ» ради государевыхъ работъ «гулящихъ людей» («наемныхъ ярыжекъ»), по 12 р. и больше на годъ, и за этихъ работниковъ «емлютъ» съ хозяевъ въ государеву казну ежегодно по полупуду хмеля, полуведру смолы и по 50 вѣниковъ, да, кромѣ того, постоянно берутъ «ярыжекъ» на всякія государевы издѣлья, такъ что «въ пашенное время» хозяева остаются безъ рабочихъ рукъ, и въ уборкѣ хлѣба бываютъ «простои великіе».

Ясачные люди жалуются въ своей «челобитной» на кн. Ивана Ромодановскаго съ товарищи: въ 1637 г. они били ему челомъ, «чтобъ ихъ отпустилъ къ Москвѣ—государскія очи видѣть», за что дали воеводамъ 130 «добрыхъ черныхъ соболей», 5 черныхъ бобровъ, 2 выдры. Воеводы охотно взяли эту цѣнную мягкую рухлядь, но въ Москву челобитчиковъ не отпустили. А между тѣмъ, рухлядь обошлась бѣднякамъ «дорогою цѣною»: соболей въ ихъ зимовьяхъ, на р. Оби, нѣтъ, и ихъ пришлось покупать у калмыковъ и русскихъ промышленныхъ людей. Но и, кромѣ этого особеннаго случая, воеводы постоянно «собираютъ на себя» соболи и другую мягкую рухлядь помимо обязательнаго «ясака» и «воеводскихъ поминковъ». Всѣ эти законные и незаконные поборы обходятся остякамъ такъ дорого, что имъ приходится «женъ и дѣтей своихъ продавать и закладывать» для пріобрѣтенія мягкой рухляди...

Кн. Ромодановской посылаетъ «по ихъ запольнымъ рѣчкамъ на промыслы капканщиковъ» Богдана Овсоцова съ товарищи, которые «капканами бобры и выдры по ихъ рѣчкамъ и по промысламъ выбиваютъ и промыслы у нихъ отнимаютъ», такъ что ясака и поминковъ имъ «платить нечѣмъ». Капканщики открыто говорятъ, «что де они ловятъ на воеводъ пополамъ». Не разъ ясачные люди били челомъ воеводамъ на капканщиковъ, но воеводы «отказываютъ и указу не чинятъ» по челобитьямъ.

Съ «своими товарами» воеводы посылаютъ «людей своихъ и служилыхъ людей» для торговли въ Енисейскъ и другіе города, «будто съ отписки», и, проѣзжая Томскимъ уѣздомъ, эти посыльщики берутъ съ ясачныхъ людей «въ подводы» по 5—6 и больше человѣкъ, «сколько захотятъ».

Жалуются ясачные люди и на остяцкихъ толмачей въ Томскѣ— на Ивана Уланова и Ѳедора Поплевку: они де «во всемъ угрожаютъ» остякамъ и «бить челомъ государю ни о чемъ не велятъ»... При прежнихъ воеводахъ, когда ясачные люди являлись съ ясакомъ въ городъ, ихъ «поили и кормили довольно, а на отпускѣ давали имъ и въ дорогу кормъ. А нынѣ де ихъ поятъ и кормятъ не досыта, и цѣловальники де и подьячей Андрей Глазуновъ даютъ имъ вино изъ государева погреба съ водою, и корму имъ на дорогу не даютъ»...

Извлекаю еще нѣсколько дополнительныхъ данныхъ о положеніи ясачныхъ людей изъ той челобитной ихъ, которая появилась во время розыска кн. Клубкова-Масальскаго. Здѣсь ясачные люди говорятъ: «обнищали» они между прочимъ оттого, что въ ихъ земляхъ «всякаго звѣря промыслить и добыть не могутъ, да и взять негдѣ»—звѣрь исчезъ подлѣ ихъ замовей, и для добычи его приходится отправляться «въ дальнія чужія земли», проживать тамъ болѣе года и терпѣть разныя невзгоды. Многіе тамъ «помираютъ съ голоду», другихъ побиваютъ «немирныхъ землицъ воинскіе люди» и «въ полонъ емлютъ».

Но, помимо этой общей причины обнищанья, ясачные люди жалуются на разныя злоупотребленія властей, особенно на тягость подводной повинности, которою широко пользуются служилые люди для своихъ личныхъ надобностей, а не въ однихъ интересахъ государевыхъ дѣлъ. Кн. Иванъ Ромодановской «наложилъ лишнюю тяготу» на весь уѣздъ, какой прежде не было: велѣлъ доставлять въ ясакъ «соболи съ пупками и съ хвостами, а лисицы съ лапами»: «и отъ того де они разорились»... Много страдаютъ они еще оттого, что воеводы «не отпущаютъ» ихъ «къ государю бить челомъ» о своихъ нуждахъ...

VI.

Въ наивномъ ожиданіи благихъ результатовъ отъ поѣздки въ Москву и челобитья царю Андрея Губы и Ивана Володимерца, томскіе служилые люди нѣсколько успокоились и постепенно входили въ обычную норму жизни. Большинство вернулось въ Томскъ и волею-неволею втянулось въ государеву службу, безмолвно подчиняясь распоряженіямъ нелюбимыхъ воеводъ кн. Ивана Ромодановскаго съ товарищи и спокойно по внѣшности вынося гнетъ «воеводскихъ шишиморовъ».

Но это наружное спокойствіе длилось недолго: весною 1638 г. произошелъ новый взрывъ смуты, ясно доказавшій правительству необходимость немедленнаго отозванія кн. Ромодановскаго съ товарищи изъ Томска и замѣны ихъ новыми воеводами.

1-го апрѣля явились въ съѣзжую избу казачьи пятидесятники Филонъ Клементьевъ, Василій Капустинъ, Василій Сѣдельниковъ и заявили воеводамъ о возвращеніи 30 томскихъ казаковъ, «которые были у нихъ служилыхъ людей отпущены въ Тобольскъ», куда они провожали А. Губу и И. Володимерца. Воеводы приказали вернувшимся прибыть въ съѣзжую избу и «велѣли имена ихъ переписать».

«Бѣглые служилые люди», десятникъ конныхъ казаковъ Иванъ Матвѣевъ съ товарищи, предстали предъ воеводами. Кн. Иванъ Ромодановской спросилъ ихъ: «изъ Томскаго, не бивъ челомъ государю и воеводамъ не объяснивъ, куда вы бѣжали и откуда въ Томской пришли?»...

Иванъ Матвѣевъ отвѣчалъ: «ѣздили мы изъ Томска по отпуску всѣхъ томскихъ служилыхъ людей въ Тоболескъ, а нынѣ мы пришли изъ Тоболеска ко всему міру къ служилымъ людямъ... А отписки съ нами изъ Тоболеска нѣтъ»...

Кн. Ромодановской сталъ доказывать бѣглецамъ, «что они и всѣ служилые люди—холопи государеви» и безъ государева указа и воеводской отписки никуда не могутъ выѣхать. Воевода увѣрялъ, что ихъ отпустили «не всѣ служилые люди», и требовалъ, чтобы они «называлисъ государевы холопи»...

Но бѣглецы стояли на своемъ: «мы посыланы отъ міру, и нынѣ мы пришли къ міру же»...

Въ этихъ настойчивыхъ увѣреніяхъ бѣглецовъ проглядываетъ намекъ на то, что ихъ поѣздка въ Тобольскъ имѣла цѣлью не одно провожанье А. Губы, но и нѣчто другое: очевидно, томскій «міръ» служилыхъ людей входилъ въ какія-то сношенія съ тобольскимъ служилымъ «міромъ», велъ съ нимъ переговоры о какихъ-то общихъ интересахъ... Несомнѣнно возникала мысль о необходимости единенія всѣхъ сибирскихъ служилыхъ людей противъ общаго врага...

Пусть эта мысль не вылилась ни въ какую содержательную форму и врядъ ли привела къ какимъ осязательнымъ результатамъ, но знаменателенъ уже самый фактъ сношеній служилыхъ людей Томска съ тобольскими, сношеній совершенно самостоятельныхъ и несомнѣнно шедшихъ въ разрѣзъ съ политикою, какъ мѣстной администраціи, такъ и центральнаго правительства.

Кн. Ромодановской рѣшилъ посадить въ тюрьму «до государева указу» вернувшихся изъ Тобольска «бѣглыхъ» служилыхъ людей «за ихъ побѣгъ и за непристойныя слова», именно за рѣчи Ивана Матвѣева съ товарищи, что они де «ходили ото всего міру и пришли ко всему міру»... Но бѣглецы воеводъ «не послушали—учинились сильны, и въ тюрьму не пошли». Поднялся шумъ въ съѣзжей избѣ, бѣглецы «лаяли» воеводъ, а кн. Ивана Ромодановскаго Матвѣевъ съ товарищи «называли измѣнникомъ и говорили: Михайло де Шеинъ многіе государевы города съ литвою запустошилъ (?), и за то де (?) онъ казненъ, а онъ князь Иванъ въ Сибири Томской и Томского розряду 6 городовъ запустошилъ тѣмъ, что за ними пашни описали, и онъ безъ государева указу собою пашни велѣлъ описати» и приказалъ служить безъ хлѣбнаго жалованья, что въ Сибири немыслимо: вслѣдствіе этой мѣры всѣ города «запустошатся»...

Эти новыя «невѣжливыя слова» бѣглецовъ подлили масла въ огонь: кн. Ромодановской и дьякъ Анисимъ Трофимовъ бросились на Ивана Матвѣева и стали бить его. Матвѣевъ вырвался отъ нихъ и закричалъ дьяку: «тебѣ, Анисимъ, меня не бить!.. бей меня стольникъ и воевода кн. Иванъ Ромодановской!»...

Воевода приказалъ пятидесятнику Михаилу Салькову съ товарищи тѣхъ 30 бѣглецовъ «взяти и посадити въ тюрьму до государеву указу». Но Сальковъ съ товарищи воеводу «не послушали—тѣхъ бѣглыхъ служилыхъ людей въ тюрьму не повели», такъ какъ не находили за ними никакой вины: «отпущены тѣ служилые люди ото всѣхъ томскихъ служилыхъ людей, а пришли они ко всѣмъ же»...

Тѣмъ и закончились событія 1-го апрѣля: служилые люди отстояли своихъ вернувшихся товарищей и не позволили воеводамъ посадить ихъ въ тюрьму. Воеводы рѣшили тогда обратиться за помощью ко «всему городу»—ко всѣмъ служилымъ и жилецкимъ людямъ Томска. 2 апрѣля кн. Ромодановской велѣлъ быть къ съѣзжей избѣ всѣмъ попамъ, боярскимъ дѣтямъ и остальнымъ служилымъ людямъ, торговымъ пріѣзжимъ, промышленнымъ, посадскимъ и всякимъ жилецкимъ людямъ, пашеннымъ крестьянамъ, случившимся въ городѣ, словомъ—всему мѣстному и пришлому населенію. Явились по приказу и бѣглецы Иванъ Матвѣевъ съ товарищи.

Кн. Ромодановской обратился съ такою рѣчью ко «всему городу»: «пришли въ Томской бѣглые томскіе служилые люди 30 че-

ловѣкъ Ивашко Матвѣевъ съ товарищи, и (мы) велѣли имъ быть для роспросу въ съѣзжую избу и ихъ роспрашивали: гдѣ они были и отколѣ пришли? И тѣ бѣглые служилые люди въ розрядѣ (т. е. въ съѣзжей избѣ) называли меня измѣнникомъ», сравнивая съ Михайломъ Шеинымъ, который де «запустошилъ государевы городы съ Литвою, и за то онъ казненъ». Оскорбленный этимъ сравненіемъ, кн. Ромодановской обращается къ толпѣ: «служилые и всякіе люди, будетъ за нимъ какую государеву измѣну вѣдаютъ, и они бы сказали, а будетъ какой измѣны не вѣдаютъ, и они бы тѣхъ бѣглыхъ служилыхъ людей, которые его въ розрядѣ называли измѣнникомъ, ихъ взяли и посадили въ тюрьму до государева указу, покамѣстъ такое измѣнное слово сыщется»...

Служилые и жилецкіе люди отвѣтили, что «никакія измѣны за нимъ не вѣдаютъ»... Однако, воеводу они не послушали—бѣглыхъ служилыхъ людей «не взяли и въ тюрьму не повели»...

Кн. Ромодановской не выдержалъ такого явнаго ослушанія—бросился къ бѣглецамъ, «взялъ самъ и повелъ ихъ въ тюрьму», но они «учинились сильны—въ тюрьму не пошли»... Воевода продолжалъ тащить схваченныхъ имъ бѣглецовъ. На помощь послѣднимъ бросились пятидесятникъ Василій Сѣдельниковъ и десятники Кириллъ Медвѣдчиковъ и Василій Мухосранъ и «у него кн. Ивана тѣхъ бѣглыхъ служилыхъ людей отняли, а говорили, что ихъ въ тюрьму сажаетъ не для государева дѣла»...

Поднялся шумъ: служилые люди воеводъ «лаяли и во всякихъ государевыхъ дѣлахъ отказали, что имъ государева указу не слушать»...

За воеводъ пробовали вступиться «воеводскіе шишиморы» и руководимыя ими боярскія дѣти, подьячіе, таможенный голова Ѳедоръ Печецынъ и нѣкоторые другіе начальные люди. Но они должны были отступить отъ воеводъ, когда противники ихъ стали «похваляться убійствомъ—хотѣли побить до смерти» воеводскихъ защитниковъ. До этого, однако, дѣло не дошло: воеводы скрылись, и толпа постепенно успокоилась.

VII.

Кн. Иванъ Ромодановской отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ заключить вернувшихся бѣглецовъ въ тюрьму и немедленно отправилъ въ Москву отписку о послѣднемъ столкновеніи своемъ съ служилыми людьми. Московское правительство отвѣтило указомъ о смѣнѣ съ воеводства кн. Ив. Ромодановскаго, Андрея Бунакова и дьяка Анисима Трофимова. Преемниками ихъ были назначены кн. С. В. Клубковъ-Масальской, И. С. Кобыльской и дьякъ Дмитрій Жеребиловъ.

Въ «наказѣ» новымъ воеводамъ прежде всего предписывалось: «росписався» съ старыми воеводами и «отпустя» ихъ въ Москву,

заняться высылкою изъ Томска «совѣтниковъ» («шишиморовъ») кн. Ромодановскаго, на которыхъ такъ жаловались Андрей Губа съ товарищи. Нѣкоторыхъ изъ указанныхъ челобитчиками «воеводскихъ совѣтниковъ», съ ихъ женами и дѣтьми, «за ссору и за всякую смуту—изъ Томского розослать въ иные сибирскіе городы Томского розряду», именно: боярскаго сына Петра Сабанскаго въ Енисейскъ, боярскаго сына Остаѳья Харламова и конныхъ казаковъ Макара Колмогорца и Петра Дуликина въ Красноярскъ, а подьячаго Андрея Глазунова, «давъ на поруки съ записью, выслать» въ Тобольскъ. Всѣ высылаемые должны жить въ назначенныхъ городахъ, «покамѣстъ про нихъ въ Томскомъ обыщутъ».

Также отчасти была удовлетворена самая существенная просьба служилыхъ людей—относительно хлѣбнаго жалованья: новымъ воеводамъ велѣно пріостановиться съ проведеніемъ новаго закона о «службѣ съ пашенъ» и вновь пересмотрѣть этотъ вопросъ—«про пашни служилыхъ людей досмотрити и розыскати допряма».

О томскихъ же смутахъ 1637—1638 гг. новые воеводы должны учинить «сыскъ», т. е. слѣдствіе, на основаніи «отписокъ» кн. Ромодановскаго и «челобитныхъ» служилыхъ, посадскихъ и ясачныхъ людей.

Кн. Клубковъ-Масальскій съ товарищи, явившись въ Томскъ, немедленно принялись за «сыскъ» о бунтѣ. Изъ сохранившейся «перечневой выписки изъ сыскныхъ рѣчей» ясно видно стремленіе сыщиковъ обѣлить прежнихъ воеводъ и увеличить вину бунтовщиковъ. На сцену появляются «затѣйныя челобитныя» ясачныхъ людей, старающихся увѣрить, что они не посылали съ А. Губою челобитныхъ на кн. Ромодановскаго съ товарищи. О томъ же твердятъ «сыскныя рѣчи» нѣкоторыхъ посадскихъ людей. Но, какъ выше отмѣчено, все это навѣяно самими сыщиками и не заслуживаетъ вѣры.

По существу же дѣла «сыскныя рѣчи» служилыхъ посадскихъ и ясачныхъ людей не даютъ почти ничего новаго: большинство допрошенныхъ отдѣлывались фразами, что они «ничего не вѣдаютъ», или только «слышали» кое о чемъ. Нѣкоторые же даже отвергали несомнѣнные факты, напримѣръ, посадскіе люди заявили, будто служилые люди говорили воеводамъ о хлѣбномъ жалованьѣ «словесно, не шумомъ» и воеводъ «не лаивали и дьяка Анисима Трофимова убить не хотѣли»... Говорилось все это въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы смягчить вину бунтовщиковъ.

До чего доходила осторожность допрашиваемыхъ свидѣтелей и желаніе ихъ смягчить событія недавняго, хорошо еще памятнаго бунта, видно это изъ показаній, напримѣръ, томскаго духовенства (1 чернаго попа, 4 бѣлыхъ поповъ, дьякона, 6 дьячковъ и понамарей): духовные люди слышали о недовольствѣ служилыхъ людей новымъ закономъ о «службѣ съ пашенъ», но о «шумѣ» по этому

поводу у съѣзжей избы «не вѣдаютъ». Когда кн. Ромодановской приказалъ возить хлѣбъ съ судовъ въ житницы, «сами де они попы» и остальные духовные люди «государевъ хлѣбъ съ судовъ возили» (какъ «ружники», получающіе хлѣбное жалованье), а возили ли служилые люди, «того они не вѣдаютъ» (sic!), но имъ «вѣдомо», что воеводы на служилыхъ людей «являли», что тѣ хлѣба «не везутъ»... «Невѣжливыя слова» Матвѣева воеводѣ они «слышали», но «лаи они не слыхали» и т. д.

Вообще сыскъ не далъ въ сущности никакихъ результатовъ и не могъ понудить центральное правительство къ какимъ либо рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ массы бунтовщиковъ.

Н. Оглоблинъ.

СОЛОТЧИНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

ВЪ ВОСЕМНАДЦАТИ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Рязани, по большой дорогѣ на Владиміръ, находится одинъ изъ старѣйшихъ въ Рязанской губерніи монастырей — Солотчинскій, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Монастырь этотъ существуетъ уже болѣе 500 лѣтъ, и возникновеніе его относится ко времени знаменитаго въ исторіи великаго князя рязанскаго Олега Ивановича. Вотъ что сообщаютъ монастырскія записи. Однажды случилось князю Олегу, вмѣстѣ съ супругою Евфросиніею, быть на берегу рѣчки Солотчи, въ одномъ уединенномъ, глухомъ мѣстѣ. Здѣсь они встрѣтили двухъ отшельниковъ, Василія и Евфимія, которые пришли сюда неизвѣстно откуда; въ записяхъ монастырскихъ ихъ иногда называютъ иностранцами. Эта встрѣча навела князя на мысль построить при устьѣ рѣчки монастырь. Олегъ не замедлилъ приведеніемъ въ исполненіе этой мысли и принялъ такое живое участіе въ этомъ дѣлѣ, что въ самомъ непродолжительномъ времени воздвигнутъ былъ храмъ каменный въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы, построенный въ 1390 году, и устроены кельи. Щедро надѣленная помѣстьями отъ Олега и его преемниковъ, обитель эта заняла вскорѣ первое мѣсто между рязанскими монастырями по своему благоустройству, богатству и знаменитости. Олегъ тогда же при-

нялъ на себя званіе инока съ именемъ Іоакима, не оставляя вмѣстѣ съ тѣмъ и княжескаго стола. Впрочемъ это не единственный примѣръ въ русской исторіи.

Названіе свое монастырь получилъ отъ рѣки Солотчи, берущей начало изъ болотъ въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ монастыря и подъ самымъ монастыремъ впадающей въ Старицу, то-есть старое русло Оки. Мѣсто здѣсь очень возвышенное, и къ рѣкѣ Солотчѣ отъ стѣны монастыря берегъ стоитъ почти вертикально. Кругомъ монастыря, даже и на отвѣсномъ берегу, растетъ крупный сосновый лѣсъ, который къ востоку и югу тянется на нѣсколько верстъ, а въ старину, говорятъ, тутъ былъ непроходимый дремучій боръ, тянувшійся на громаднѣйшее пространство, такъ что мѣсто, которое занимаетъ теперь село Солотча и за нимъ на нѣсколько верстъ раскинутыя пашни, сплошь было покрыто вѣковыми соснами. Несмотря на то, что мимо монастыря идетъ большая дорога на Владиміръ, мѣсто это довольно угрюмаго характера— сыпучій бѣлый песокъ, иногда чуждый всякой растительности, иногда же засѣянный мелкимъ сосновникомъ и чахоточнымъ кривымъ березнякомъ, страшно затрудняющій дорогу къ монастырю, и только къ югу отъ него смѣняющійся сосновымъ боромъ. Въ общемъ, видъ хотя и дикій, но чрезвычайно красивый. Это съ нагорной стороны. Но стоитъ только выйти на крутой берегъ рѣки, какъ картина рѣзко измѣняется. Тутъ у ногъ разстилается луговая долина рѣки Оки, простирающаяся до шести верстъ. Прежде, какъ говоритъ преданіе, и она была вся сплошь покрыта густымъ лѣсомъ; здѣсь были боровые гоны, принадлежавшіе великимъ князьямъ Рязанскимъ, а потомъ Солотчинскому монастырю. Теперь вся мѣстность открытая, и глазу представляется пріятная панорама: невдалекѣ расположены на песчаныхъ возвышенностяхъ селенія Коростово и Новоселки, въ разныхъ мѣстахъ разбросаны рощицы и мелкіе кустарники. У самыхъ ногъ, сквозь гущу деревьевъ, красиво вьется рѣка, а въ 3—4 верстахъ отъ Солотчинскаго монастыря блестятъ разбросанныя то тамъ, то тутъ, нѣсколько большихъ и маленькихъ озеръ, изъ которыхъ болѣе извѣстны Тишь, Холхъ и Кречаное; прямо передъ вами, на очень возвышенномъ правомъ берегу рѣки Оки красуется Богословская обитель. Видъ на Солотчинскій монастырь съ этой долины довольно живописный и оригинальный: по дорогѣ къ Богословскому монастырю невольно залюбуешься закутавшимся въ густой зелени монастыремъ, его чистенькимъ и опрятнымъ видомъ; онъ словно прячется отъ васъ въ синеватой дымкѣ лѣса, показывая иногда главы своихъ старыхъ церквей и сверкая частью бѣлой стѣны съ башенками и, наконецъ, совершенно скрываясь въ густой чащѣ лѣса. Даже издалека отъ этой обители вѣетъ тишиной и мирнымъ покоемъ, которыми она манитъ къ себѣ путника.

Солотчинскій монастырь.

По большой Владимирской дорогѣ, къ сѣверо-востоку отъ монастыря, раскинулось большое село Солотча, возникшее благодаря близости монастыря и большому количеству богомольцевъ, посѣщавшихъ постоянно эту обитель; село это славится въ Рязанской губерніи своими иконописцами: солотчинскіе живописцы также извѣстны, какъ и суздальскіе, только съ тою разницею, что работа первыхъ болѣе художественная и исполняется масляными, а не яичными красками. Возникновеніе около монастыря этого промысла доказываетъ, что наплывъ богомольцевъ былъ значительный.

Спустившись съ горы внизъ, вы увидите два небольшихъ прудка, форма которыхъ ясно показываетъ ихъ искусственное происхожденіе: это были когда-то сажалки для рыбы, предназначавшейся для великихъ князей Рязанскихъ, пріѣзжавшихъ сюда говѣть.

Въ настоящее время изъ города Рязани мимо монастыря идетъ узкоколейная желѣзная дорога, оживляющая край въ торговомъ отношеніи.

Однако, природа, лаская эту обитель, украсивъ ее своими пышными дарами, не всегда милостива. Весенніе разливы рѣки Оки, наполняющіе всю луговую долину, подступаютъ подъ монастырь и постоянно подмываютъ берегъ, изобилующій, кромѣ того, ключами и родниками, уносящими изъ него песокъ и прорывающими себѣ многіе спуски съ горы къ водѣ. Благодаря этимъ ежегоднымъ разливамъ Оки и постоянному дѣйствію родниковъ, берегъ все болѣе и болѣе осаживается; если пройдете немного отъ рыбныхъ сажалокъ, ваше вниманіе невольно остановится на множествѣ въ безпорядкѣ набросанныхъ кирпичей необычайно большихъ размѣровъ и необыкновенной прочности; при бросаніи изъ всей силы кирпича о кирпичъ онъ не только не разсыпается, но отъ него даже не отлетаетъ и малѣйшей части: поразительная прочность матеріала, существовавшаго 500 лѣтъ и подвергавшагося въ теченіе этого времени вліянію и страшныхъ морозовъ, и жары, дождей и вѣтра,—въ сравненіи съ производствомъ настоящаго времени.

Эта груда кирпичей, съ лежащей подъ ней стѣною аршина въ два толщины,—свидѣтель разрушительнаго дѣйствія разливовъ и родниковъ на песчаный берегъ. Въ 1770 году, берегъ обвалился, увлекши за собою часть старинной стѣны и древній храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Монастырское начальство заботливо охраняетъ берегъ отъ разрушенія, но плоды этихъ заботъ очень не велики, такъ какъ и въ настоящее время берегъ понемногу опускается и отъ новой стѣны до обвала осталось очень узкое пространство, аршина въ два ширины; а между тѣмъ, по преданію, въ старину и за старою стѣною была широкая и вполнѣ безопасная большая дорога. Въ настоящее время большая дорога проходитъ уже по другой сторонѣ, оставляя монастырь, по пути отъ Рязани, влѣво. Какъ только вы выйдете изъ густого сосноваго

Церковь Рождества Богородицы въ Солотчинскомъ монастырѣ.

лѣса, весь монастырь передъ вами, какъ на ладони: колѣнчатая старинная стѣна, съ симметрично расположенными въ ней окошечками, служившими очевидно только во время защиты для выпусканія стрѣлъ; по угламъ три башни, изъ которыхъ въ одной помѣщается монастырская часовня. Въ самой срединѣ западной стѣны находятся святыя ворота, надъ которыми помѣщается церковь во имя Предтечи Господня Іоанна; около ограды, внѣ монастыря, расположилось новенькое зданіе монастырской гостиницы для богомольцевъ, раздѣленное сѣнями на двѣ половины, мужскую и женскую; за гостиницей находится монастырскій огородъ, обрабатываемый монахами. Изъ-за ограды высматриваютъ купола и главы монастырскихъ церквей.

Въ настоящее время въ Солотчинскомъ монастырѣ имѣются три каменныхъ храма.

1) Соборный храмъ Рождества Пресвятой Богородицы построенъ въ концѣ XIV вѣка основателемъ этого монастыря, великимъ княземъ рязанскимъ Олегомъ Ивановичемъ. Фасадъ его сходенъ съ церковью Спаса на Бору, что въ московскомъ Кремлѣ, внутри императорскаго двора. Храмъ этотъ, несмотря на свою древность, хорошо сохранился; въ немъ обращаетъ вниманіе иконостасъ древняго хорошаго письма, а особенно съ правой стороны образъ св. Іоанна Богослова. По правую сторону храма стоитъ гробница великаго князя Олега и супруги его Евфросиніи; надъ гробницей на стѣнѣ виситъ живописное изображеніе самого князя и супруги его. Объ этой гробницѣ мы болѣе подробно будемъ говорить ниже. Возлѣ гробницы находится кольчуга Олега. У западныхъ дверей храма обращаютъ на себя вниманіе два образа, писанные красками на шерстяной матеріи. На верху, въ особомъ притворѣ, находится монастырская ризница, въ которой хранятся всѣ, принадлежащія монастырю, старинныя и драгоцѣнныя вещи; между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ—серьги великой княгини Евфросиніи, два блюда серебряныхъ, на одномъ изъ нихъ написано, что оно было сдѣлано въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1592 года при благовѣрномъ великомъ князѣ всея Россіи Василіи Іоанновичѣ замышленіемъ архимандрита Досиѳея Солодъ-шинъ-скаго. А «ввѣсу полъ трети гривенки безъ полтретья золотника». На другомъ надпись, что «ввѣсу двѣ гривенки безъ пяти золотниковъ». Тутъ же хранится прекрасной работы потиръ, устроенный, какъ видно изъ надписи, при государяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ; наперсный крестъ въ золотой оправѣ древнѣйшей работы; нѣсколько старинныхъ архимандричьихъ крестовъ и, наконецъ, монастырская библіотека. Особенною же рѣдкостью можно признать древнѣйшій образъ святыхъ князей Бориса и Глѣба, изсѣченный изъ камня, и затѣмъ находившуюся здѣсь прежде плащаницу, которая достойна особаго вниманія и интереса, какъ съ археологической точки зрѣнія, такъ

Церковь Іоанна Предтечи въ Солотчинскомъ монастырѣ.

равно и съ художественной. Плащаница вышита золотомъ, серебромъ и шелками, середина по атласной красной, а ободолья по голубой камчатной матеріи; мѣрою въ длину 2 арш. 11 вершк., а въ ширину 1 арш. 1 верш. Шелковая матерія отъ времени и употребленія повредилась, а крашенина голубого цвѣта, подложенная подъ матеріею, осталась совершенно цѣлою, и всѣ изображенія и буквы, вышитыя по шелковой матеріи, вмѣстѣ съ крашениной сохранились почти во всей цѣлости. Вокругъ всей плащаницы вышита золотомъ крупными четкими буквами слѣдующая надпись: «Лѣта 7020 (1512) мѣсяца іюлія вышитъ въздухъ сій при благовѣрномъ и благородномъ и Богомъ хранимомъ и христолюбивомъ православномъ великомъ цари Василіи Ивановичи, господари и самодержьци всеа Русьскія земли, а замышленіемъ архимандрита Досиѳея Солодшинскаго» и проч. По срединѣ плащаницы вышито серебромъ и шелками пречистое тѣло Христово, положенное во гробѣ, надъ нимъ вышитъ золотомъ крестъ и два золотокрылые ангела. У главы Господа Бога Богоматерь, приникшая къ лику Его, и три жены мироносицы; надъ Богоматерью вышиты золотомъ слова: «рыданье надгробное». У ногъ Спасителя изображены: Іоаннъ Богословъ, Іосифъ и Никодимъ. На оподольяхъ вокругъ всей плащаницы вышиты золотомъ, серебромъ и шелками слѣдующія священныя изображенія съ золотыми надъ ними надписями: 1) Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, 2) Рождество Христово, 3) Срѣтеніе Господне, 4) Крещеніе Христово, 5) Преображеніе Христово, 6) Воскрешеніе Лазарево, 7) Входъ во Іерусалимъ, 8) Вечерянье Господа нашего Іисуса Христа, 9) Умовеніе ногамъ, 10) Лобзаніе Іудино, 11) Приведеніе къ Пилату Господа нашего Іисуса Христа, 12) Руганье Христово, 13) Приведеніе ко кресту, 14) Вздѣнье на крестъ Іисуса Христа, 15) Распятіе Христово, 16) Прошеніе у Пилата тѣла Христова, 17) Снятіе съ креста, 18) Воскресеніе Христово; 19) Ѳомино испытаніе, 20) Ангелъ Господень явился св. женамъ мироносицамъ у Гроба Господня, 21) Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа и 22) Сошествіе св. Духа на Апостоловъ. Всѣ эти изображенія, хотя въ продолженіе почти четырехъ столѣтій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повреждены, но все-таки настолько сохранились и, какъ блескомъ золота и серебра, такъ и цвѣтомъ шелковъ и изображенія лицъ и вообще образовъ такъ хороши, что извѣстный знатокъ церковной живописи, архіепископъ рязанскій, Гавріилъ, въ 1857 году, совѣтовалъ пользоваться ими, какъ оригиналами, могущими служить образцомъ для иконописцевъ, желающихъ писать святыя иконы въ древле-православномъ стилѣ. Въ настоящее время плащаница эта находится въ городѣ Зарайскѣ въ единовѣрческой церкви; она была пожертвована въ числѣ другихъ приношеній при построеніи въ Зарайскѣ единовѣрческой церкви и пользуется особымъ почитаніемъ среди старообрядцевъ.

Часовня Солотчинскаго монастыря.

На дворѣ, противъ алтаря храма во имя Рождества Богородицы, съ правой стороны, находится надгробный памятникъ, на которомъ слѣдующая надпись: «Лѣта 7180 отъ сотворенія міра (или 1672 отъ Р. Х.) декабря во 2 день преставися рабъ Божій схимникъ Никифоръ Семеновичъ Вельяминовъ, отъ рожденія своего 80 лѣтъ».

2) Церковь во имя Сошествія Святаго Духа о двухъ этажахъ, при ней большая трапезная; надъ трапезными сѣньми колокольня; нижній этажъ церкви во имя св. Онуфрія Великаго. Почти до половины настоящаго столѣтія на этомъ мѣстѣ стояла еще построенная Олегомъ церковь во имя св. Алексія митрополита, находившаяся около 80 лѣтъ въ запустѣніи. При ней, по преданію, былъ устроенъ великокняжескій теремъ, а впослѣдствіи находились покои, числомъ пять. До 1847 года она представляла изъ себя древнѣйшій памятникъ русской архитектуры, хотя храмъ и стоялъ безъ крыши, поросшій по стѣнамъ довольно большими березами, образовывавшими оригинальную аллею съ прекраснымъ видомъ, открывавшимся оттуда на низовую рѣчную долину. Храмъ этотъ былъ также двухъэтажный: нижній этажъ предназначался въ то время для ссыпки хлѣба, а иногда тамъ угощались въ праздничные дни богомольцы и странники. Во второмъ этажѣ была устроена просторная церковь, внутреннее расположеніе которой поражало громаднымъ сходствомъ съ Московскою Грановитою палатою. Съ лѣвой стороны трапеза съ разными притворами, въ одной изъ стѣнъ ея заложенъ большой камень, на которомъ находится слѣдующая надпись: «Лѣта 7153 отъ сотворенія міра и 1645 отъ Р. Х. поддѣлывана сія трапеза при государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ всея Россіи, въ 1-е лѣто царствованія его, при архіепископѣ Моисеѣ рязанскомъ и муромскомъ и при архимандритѣ Митрофанѣ Солотченскомъ».

Въ настоящемъ видѣ церковь въ честь Сошествія Св. Духа также представляетъ немало интереса, особенно по внутренней отдѣлкѣ храма и прекрасной стѣнной живописи и орнаментаціи.

3) Надъ святыми вратами находится храмъ во имя св. Предтечи Господня Іоанна, построенный въ 1689 году; онъ представляетъ собою какъ бы боевую позицію и наблюдательный постъ. Съ галереи его по обѣ стороны можно выйти на широкія и крѣпкія стѣны, окружающія монастырь; стѣны эти также интересны: форма ихъ доказываетъ ихъ прямое назначеніе служить оборонительной позиціей во время войны. Въ храмѣ Іоанна Предтечи находится древнѣйшаго письма икона св. митрополита Алексія, длиною 1 арш. 11 вершк. и шириною 10 вершк., обложенная серебряною битью басменной работы. Эта икона прежде находилась въ древнемъ храмѣ святителя Алексія и перенесена сюда при постройкѣ того храма.

Необходимо для полнѣйшаго описанія упомянуть еще одинъ храмъ, находившійся въ монастырѣ, во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Это былъ древнѣйшій храмъ—современникъ Олега, и прежде въ немъ покоились останки основателя монастыря, но въ 1770 г. онъ обвалился подъ гору, вмѣстѣ съ монастырскою стѣною, гробницею и всею утварью и образами. Въ настоящее время, какъ уже сказано выше, этотъ храмъ представляетъ собою груду кирпичей. Мѣстные крестьяне скоро позаботились объ уничтоженіи совершенно этихъ историческихъ развалинъ и, разрывая ихъ, время отъ времени находили разныя старинныя драгоцѣнности и деньги. Находки эти продавались въ городѣ, конечно, за безцѣнокъ и, вѣроятнѣе всего, въ невѣжественныя руки, а потому ихъ можно считать навсегда потерянными для археологіи.

Каменная гробница съ останками князя Олега и княгини Евфросиніи была, однако же, отыскана и перенесена, съ разрѣшенія святѣйшаго синода, въ древній храмъ Рождества Пресвятой Богородицы.

Надворное строеніе монастыря, какъ братскія кельи и службы, не представляетъ большого интереса; всѣ постройки каменныя, двухъ и одноэтажныя, находятся въ правой сторонѣ монастырскаго двора и своимъ внѣшнимъ видомъ показываютъ благосостояніе монастыря.

Солотчинскій монастырь былъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ великими рязанскими князьями и, благодаря ихъ покровительству и московскихъ царей, которые выдавали ему жалованныя, тарханныя и несудимыя грамоты, владѣнія его быстро разростались. Въ XVII вѣкѣ вотчины его были очень обширны и не въ одной только Рязанской губерніи.

По писцовымъ книгамъ 1678 года значилось за монастыремъ всей земли 12.369 десятинъ (24.738 чети), сплошного лѣсу 35.000 и болота 1.187 десятинъ. Вотчины эти находились въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ. По описи 1744 г. видно, что монастырь имѣлъ 5.432 души крестьянъ. Кромѣ означенныхъ вотчинъ, во владѣніи монастыря значатся: въ Москвѣ, у Яузскихъ воротъ, подворье деревянное; въ Рязани два двора въ Выползовой слободѣ да у церкви Благовѣщенія за рѣчкою Лыбедью; да дворъ воскобойной по Рязанской большой улицѣ; мельница въ селѣ Бильдинѣ, кирпичный заводъ и другія заведенія.

Вообще у монастыря было большое хозяйство, заставлявшее его развивать свою дѣятельность на разнообразныхъ поприщахъ, прежде всего быть рачительнымъ хозяиномъ, справедливымъ судьею, а также и администраторомъ, вслѣдствіе чего онъ велъ широкую переписку съ церковными и гражданскими властями и различными учрежденіями. Его обширныя владѣнія и предоставленныя ему царскими грамотами права на судопроизводство въ своихъ мона-

стырскихъ вотчинахъ сдѣлали необходимостью завести правильную организацію письмоводства, какъ по судебной части, такъ и по приходу и расходу монастырской казны и жизненныхъ продуктовъ. Его привилегированное положеніе давало ему возможность обращаться съ челобитными непосредственно къ государю, а частныя лица черезъ посредство монастыря могли подавать челобитныя государю и рязанскому преосвященному владыкѣ.

Своей казной монастырь иногда приходилъ на помощь въ годы бѣдствій и неурожаевъ не только крестьянамъ, но и боярамъ, ссужая ихъ подъ заемныя письма и записи деньгами; но полученіе этихъ денегъ обратно не всегда было безъ хлопотъ.

Отъ доходовъ съ своихъ вотчинъ Солотчинскій монастырь долженъ былъ ежегодно удѣлять извѣстную часть въ государственную казну, иногда натурою, иногда деньгами, а то и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Съ монастырскихъ вотчинъ собиралось сѣно для царскихъ конюшенъ въ Москвѣ, которое монастырь обязанъ доставлять былъ на мѣсто за свой счетъ или на подводахъ, или на судахъ по рѣкѣ Окѣ. Въ Москвѣ монастырь имѣлъ своего подьячаго, который исполнялъ всѣ порученія по дѣламъ монастыря, а также платилъ куда слѣдуетъ надлежащія съ монастыря деньги. Изъ донесенія одного изъ такихъ представителей мы видимъ, что въ 1715 г. уплачены деньги въ военный приказъ на наемъ подводъ, ямскихъ и полоняничныхъ, на известковое жженіе, на кирпичное и другія дѣла, корабельныхъ въ адмиралтейскій приказъ, въ земскій рекрутскій, на кормъ драгунскимъ лошадямъ, на дачу драгунамъ, на нужнѣйшіе расходы Московской губ., на Котлинъ островъ, на строеніе домовъ и проч. Въ половинѣ XVIII вѣка до распредѣленія по штатамъ монастырь платилъ въ экономію ежегодно 509 рублей 60 коп.

Въ образовательномъ отношеніи монастырь не занималъ виднаго мѣста, но, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ возможности заботился о грамотности народа. Въ XVII вѣкѣ образованіе въ Россіи вообще стояло низко, но въ отдаленной глуши о немъ, конечно, говорить нечего; оно заключалось въ умѣніи читать церковно-славянскую грамоту. Интересный документъ, сообщенный въ трудахъ Рязанской ученой архивной комиссіи, челобитная солотчинскому архимандриту Игнатію дьячка Степана Симонова 200 года, рисуетъ намъ живую картину стараго времени. Содержаніе этой челобитной слѣдующее: «Государю архимандриту Игнатію, еже о Христѣ съ братіею. Бьетъ челомъ сирота твой Стенька Симоновъ сынъ. Приказалъ ты, государь, мнѣ своимъ отеческимъ благословеніемъ учити учениковъ, и учу я со 198 (1690) году и по се число; а выучилось, государь, у меня по твоему отеческому благословенію ребятъ: Ивана Немова сынъ Никишка — половину псалтири, а твердилъ всю у меня, да апостола дѣяніе, да съ Москвы Илюшка выучилъ половинужъ псалтири, да Панкратьевъ братъ Матюшка выучилъ пят-

надцать каѳизьмъ, а Ѳотька Ѳефеловъ выучилъ часословъ и псалтирь; а каковы ученики въ школѣ ни учатся, то вси по твоему, государь, отеческому благословенію, а за ученіе я съ нихъ ничего не имывалъ. Чаю я твоего отеческаго благословенія: пожалуй, государь отецъ архимандритъ Игнатій, ради своего душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія, чѣмъ тебя, государь, Господь Богъ по сердцу извѣститъ; а я нынѣ платьишкомъ ободрался верхнимъ и исподнимъ, а взять мнѣ, государь, негдѣ и не чаю отонде пріобрѣсти, кромѣ Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, и тебя государя отца архимандрита Игнатія. Государь, смилуйся, пожалуй».

Вотъ какъ и чему въ теченіе двухъ лѣтъ выучивались въ монастырской школѣ. Какое же вознагражденіе получилъ учитель, величающій себя Стенькою Симоновымъ, за свои двухлѣтніе труды? На оборотѣ вышеприведенной челобитной сдѣлано распоряженіе казначею, старцу Епифанію: «по сей челобитной выдать ему, дьячку Стенькѣ, въ зажилое на нынѣшній двусотой годъ полтину. Архимандритъ Игнатій».

Въ монастырѣ, однако, учились не одни ребята—туда посылались иногда и вновь поставленные священнослужители; такъ въ 1693 году, по распоряженію рязанскаго митрополита, были посланы въ Солотчинскій монастырь для наученія новопоставленный новосельскій попъ Алексѣй и новопоставленный же попъ домовой архіерейской вотчины села Санскаго церкви Вознесенія Иларіонъ.

Съ основанія Солотчинскаго монастыря настоятельство въ немъ было игуменское, а въ 1489 году началась архимандрія. Въ 1653 г. архимандритъ Сергій, по указу государя Алексѣя Михайловича и по благословенію патріарха Никона, при преосвященномъ архіепископѣ Михаилѣ получилъ право носить въ священнослуженіи бѣлую шапку. По распредѣленіи монастырей по штатамъ Солотчинскій монастырь положенъ во 2 классѣ степенью 19, а потому и до настоящаго времени монастырскіе настоятели архимандриты.

Описаніе Солотчинскаго монастыря было бы не закончено, если не сказать о его основателѣ, великомъ князѣ рязанскомъ Олегѣ, нѣсколько словъ. О личности его исторія довела до насъ самыя неблагопріятныя данныя и обрисовала Олега вѣроломнымъ и измѣнникомъ. Но было ли это такъ? Трудно судить объ этомъ, спустя 500 лѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, между рязанскими великими князьями это былъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ правителей, любившій свой народъ и не покладавшій рукъ въ заботахъ и защитѣ его и отъ набѣговъ татарскихъ ордъ и отъ сосѣднихъ владѣтельныхъ князей, домогавшихся порабощенія Рязанскаго княжества. Правленіе Олега—это свѣтлая страница въ исторіи Рязанскаго княжества. Олегъ вступилъ на престолъ въ 1350 году, былъ храбрѣйшимъ и отважнѣйшимъ изъ всѣхъ бывшихъ до и послѣ него рязанскихъ

князей. При немъ княжество Рязанское поднялось на такую высоту своего могущества, что могло, и не безъ успѣха, вести постоянную войну съ Московскимъ княжествомъ о первенствѣ.

Знаменитый великій князь московскій Димитрій Іоанновичъ Донской напрягалъ всѣ усилія къ тому, чтобы присоединить Рязанское княжество къ Московскому—это съ одной стороны; съ другой, постоянное сосѣдство татаръ, грабившихъ и разорявшихъ прежде другихъ Рязанское княжество, конечно, заставляли Олега вести политику двойственную, ограждающую главнымъ образомъ блага своего народа, поэтому намъ приходится часто видѣть Олега, то находящагося въ союзѣ съ сосѣдними суздальскими и московскими князьями, то изъявляющаго покорность татарскимъ ханамъ, и результатомъ того или другого являлось сохраненіе своего княжества отъ истощенія и разоренія. Эта политика строго осуждена русской исторіей, но если принять во вниманіе, что личность Олега выставлена въ такомъ непривлекательномъ видѣ не искренними и правдивыми лѣтописцами, а лѣтописцами постоянно враждебнаго Московскаго княжества, не стѣснявшимися въ приложеніи къ имени Олега никакихъ эпитетовъ. Прослѣдивши затѣмъ за его дѣйствіями въ теченіе сорокалѣтняго княженія его, намъ приходится убѣдиться въ томъ, что Олегъ былъ не только отваженъ, но мудръ и религіозенъ. Не даромъ и по настоящее время живетъ о немъ память въ народѣ, вспоминающемъ не только съ любовью, но и съ благоговѣніемъ о своемъ князѣ. Уже одно примиреніе Олега съ Димитріемъ Донскимъ черезъ посредство св. преподобнаго Сергія доказываетъ, насколько было обильно любовью къ вѣрѣ и благочестію суровое сердце Олега, а построеніе новыхъ и возобновленіе старыхъ церквей и монастырей, снабженіе ихъ богатыми вкладами не говоритъ ли о состояніи его внутренняго міровоззрѣнія. Олегъ былъ насколько политикъ, настолько и христіанинъ, чему доказательствомъ служитъ то, что онъ передъ концомъ жизни, утомленный политическою дѣятельностію, переселился въ Солотчинскій монастырь, гдѣ и постригся въ монахи съ именемъ Іоакима, и затѣмъ принялъ схиму подъ именемъ Іоны. Олегъ скончался въ 1402 году 5 іюня. Такъ какъ смерть его случилась вскорѣ послѣ пораженія подъ Любутскомъ, гдѣ Родиславъ, сынъ Олега, былъ разбитъ войсками Витовта и взятъ въ плѣнъ, то предполагаютъ тѣсную связь между двумя этими событіями; старецъ Олегъ, удрученный болѣзнями, что можно заключить изъ того, что онъ, противъ обыкновенія, не принялъ личнаго участія въ послѣднемъ походѣ, не выдержалъ сильнаго потрясенія, когда узналъ о несчастной участи войска и сына, когда увидѣлъ потерянными плоды своихъ многолѣтнихъ трудовъ и усилій.

Тѣло князя было положено въ каменномъ гробѣ и погребено въ построенномъ Олегомъ Покровскомъ храмѣ Солотчинской оби-

тели. Княгиня его Евфросинія подъ именемъ Евпраксіи постриглась въ Зачатейскомъ женскомъ монастырѣ, находившемся въ 3-хъ верстахъ отъ Солотчинскаго. Она скончалась въ 1406 году, три года спустя послѣ смерти Олега, и была погребена въ томъ же Покровскомъ храмѣ подлѣ своего супруга.

Въ 1770 году обвалился песчаный берегъ рѣки Солотчи; часть старинной стѣны и Покровская церковь вмѣстѣ съ княжескою гробницею обрушилась подъ гору къ рѣкѣ, но въ томъ же году останки Олега и Евфросиніи были разысканы и по указу святѣйшаго синода перенесены были епископомъ рязанскимъ Палладіемъ въ соборную Рождества Пресвятыя Богородицы церковь и положены во вновь устроенной гробницѣ, которая и въ настоящее время находится на правой сторонѣ съ слѣдующими надписями:

1) «Здѣсь положены мощи благовѣрнаго князя Ольга Іоанновича Рязанскаго, во святомъ крещеніи нареченнаго Іаковомъ, а во инокѣхъ Іоною, и великія его супруги княгини Евфросиніи, въ монахиняхъ же нареченныя Евпраксіи. Они стараніемъ своимъ и иждивеніемъ состроили Солотшинскій монастырь въ лѣто отъ созданія міра sѿчи (6898), отъ Рождества же по плоти Бога Слова атч (1390) при бытности на семъ мѣстѣ двухъ игуменовъ именемъ Василія и Евфимія; напослѣдокъ благовѣрный князь постригся въ монахи въ семъ Солотшинскомъ монастырѣ, и житіе препроводилъ лѣтъ двѣнадцать, а княгиня Евфросинія жительство имѣла въ дѣвичьемъ монастырѣ неизвѣстно какомъ, только сказываютъ, что она состроила при Солотчинскомъ селѣ особливый монастырь и тамъ окончила жизнь свою».

2) «Въ лѣто же отъ созданія міра ҂sці (6910), отъ Рождества же по плоти Бога Слова ҂аув (1402) мѣсяца октомврія въ ѳ день преставился благовѣрный великій князь Олегъ Іоанновичъ Рязанскій и погребенъ былъ съ супругою въ храмѣ Покрова Пресвятыя Богородицы, а въ ҂аѱо (1770) году мѣсяца маія въ г день, какъ съ осыпавшеюся горою упала и сія церковь, то были обрѣтены ихъ мощи и по указу, данному изъ святѣйшаго синода бывшему рязанскому епископу Палладію, перенесены въ сію соборную Рождества Пресвятыя Богородицы церковь іюля мѣсяца въ д день того же года.

«Память благовѣрнаго князя совершается октябрія въ ѳ день и іюня єі день и іануарія въ в день, вѣчная имъ память».

Надъ гробницею, на стѣнѣ поставлены иконописныя изображенія Олега и Евфросиніи, сдѣланныя на полотнѣ, длиною 1½ арш. и шириною 1 арш. Оба изображены въ монашескихъ одеждахъ. Олегъ въ схимѣ. Надъ Олегомъ слѣдующая славянская надпись XVII или XVIII столѣтія: «Агіосъ великій князь Олегъ Рязанскій, во крещеніи Іаковъ, во инокѣхъ Іона». Надъ изображеніемъ ихъ нерукотворенный образъ Спасителя.

При гробницѣ до настоящаго времени сохранился драгоцѣнный по древности памятникъ—кольчуга Олега, составленная изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ. Этотъ панцырь въ народѣ зовется рубашкою Олега, вѣситъ онъ 16 фунтовъ.

На днѣ гробницы показываютъ черепъ и кости, какъ останки Олега и Евфросиніи.

Усердные богомольцы, посѣщающіе эту обитель, совершаютъ по князѣ и княгинѣ панихиды, а большинство считаютъ князя святымъ и прибѣгаютъ къ нему съ молитвою объ исцѣленіи недуговъ и по вѣрѣ своей получаютъ исцѣленія или облегченія. Въ монастырѣ разсказываютъ, что бывало много случаевъ исцѣленія алкоголиковъ, которые съ вѣрою надѣвали на себя упомянутую кольчугу.

Н. Александровъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОГИЛА.

НЕ ПОМНЮ точно года, но прошло болѣе двадцати лѣтъ, а, быть можетъ, и болѣе, когда губернаторъ одной изъ южныхъ губерній разослалъ уѣзднымъ исправникамъ циркуляръ, предписывая увѣдомить, какіе въ уѣздахъ есть остатки древнихъ сооруженій. Одинъ изъ исправниковъ не замедлилъ увѣдомить начальника своего, что во «ввѣренномъ ему уѣздѣ никакихъ остатковъ древности не имѣется и къ постройкѣ въ этомъ году не предвидится». Если такое представленіе имѣлъ уѣздный начальникъ, то тѣмъ отраднѣе фактъ существованія, недалеко отъ с. Пришибъ, Полтавской губерніи, исторической могилы, служащей вотъ уже около двухъ столѣтій предметомъ заботы о ней крестьянскаго сословія. Могила эта—большой курганъ, напоминающій по формѣ шведскую могилу, что около Полтавы, гдѣ погребены русскіе, павшіе въ бою 27 іюня 1709 года.

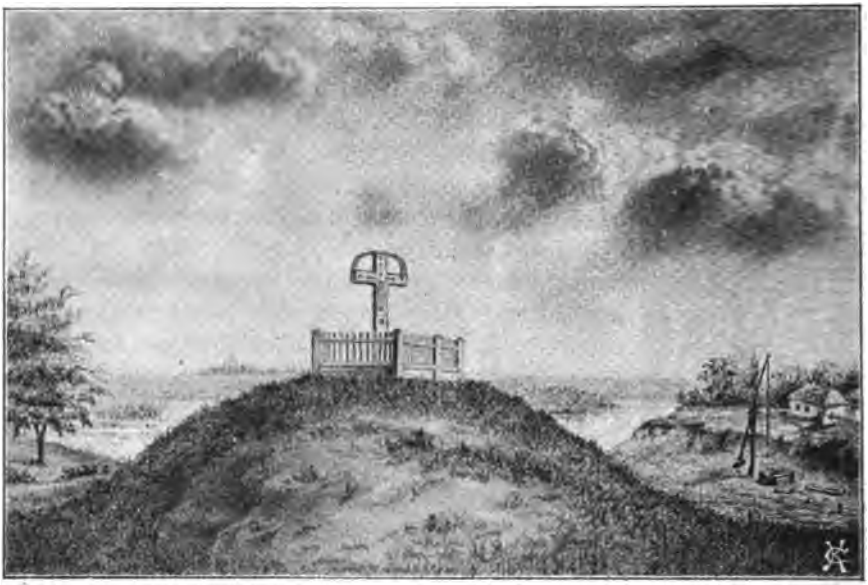
На верху кургана крестъ и на немъ слѣдующая надпись: «Здѣсь покоится прахъ православныхъ воиновъ, положившихъ животъ свой за вѣру и отечество, въ 30-й день въ сраженіи со шведами послѣ одержанной побѣды Петромъ I надъ королемъ шведскимъ Карломъ XII, въ 27 день іюня 1709 г. бѣжавшими изъ Полтавы черезъ рѣку Днѣпръ. Въ вѣчную память потомству погребенныхъ здѣсь воиновъ, жители м. Келеберды того же года соорудили крестъ и положили ежегодно тому мѣсту крестный ходъ для служенія за сихъ воиновъ панихиды съ освященіемъ колодца, находящягося близъ сего креста, при рѣчкѣ Кобелячкѣ».

Крестъ постоянно обновляется крестьянами, и послѣдній разъ въ 1891 г. вмѣсто разрушеннаго былъ поставленъ дубовый крестъ, а вокругъ него ограда.

До сей поры, въ четвергъ на святой недѣлѣ, совершается крестный ходъ съ водосвятіемъ.

Народное преданіе, такимъ образомъ, указываетъ, что въ могилѣ этой покоится прахъ воиновъ, положившихъ свою жизнь въ сраженіи 30 іюня. Исторически оно невѣрно. Послѣ погрома 27 іюня Карлъ XII направился вдоль Ворсклы къ турецкимъ владѣніямъ, гдѣ надѣялся найти убѣжище и защиту.

Путь Карла лежалъ черезъ Новые Сенжары, Бѣлики, Кобеляки, Соколку и далѣе Переволочна, гдѣ и переправился въ турецкія владѣнія. У Переволочны произошла сдача арміи шведской Мен-

Историческая могила въ селѣ Пришибъ.

шикову; сраженія здѣсь не было. Села Пришибъ и Келеберда находились вдали отъ пути бѣгства Карла XII. Да притомъ селенія Келеберда въ то время не существовало; оно было сожжено и разграблено. Надо сказать, что по Днѣпру, отъ устья Орели до Псла, существовали городки: Переволочна, Кишенка, Келеберда, принадлежавшіе запорожцамъ.

Когда же Петръ Великій узналъ, что запорожцы приняли сторону шведовъ, то онъ отправилъ въ эти мѣста полковника Яковлева, который, подступивъ къ Келебердѣ, сжегъ его, а жители удалились къ запорожцамъ.

Ясно, что Келеберда 30 іюня не существовала, а жители, если и вернулись на свои прежнія мѣста, то не могли ставить креста, тѣмъ болѣе, что они смотрѣли на русскихъ, какъ на враговъ своихъ.

Мѣстность же, гдѣ находится этотъ курганъ, весной 1709 г. была занята русскими войсками, такъ за Соколкой былъ генералъ Ренъ, въ Голтвѣ былъ Шереметевъ. И весной того же 1709 года запорожцы вмѣстѣ со шведами, подъ предводительствомъ генерала Краузе, и нанесли здѣсь пораженіе генералу Фену. Весьма возможно, что это было вблизи селенія Пришибъ. Въ сраженіи этомъ принимали участіе и жители Келеберды, за что и поплатились. Сраженіе было 12 апрѣля, а спустя четыре дня Келеберда уже была сожжена Яковлевымъ. Курганъ этотъ, какъ предполагаетъ Ф—ко («Полтав. Вѣд.» 1895 г., № 212), что возможно, былъ сооруженъ, по приказанію Петра I, который и велѣлъ водрузить крестъ на могилѣ павшихъ. Петръ Великій былъ недалеко отъ этихъ мѣстъ, когда мчался къ Переволочнѣ. Народное воображеніе, сильно пораженное сдачей арміи, легко могло пріурочить это событіе къ сдачѣ шведскихъ войскъ. Во всякомъ случаѣ, фактъ, что эта могила и до сей поры служитъ предметомъ заботъ крестьянъ, представляетъ явленіе отрадное.

И. Фр. Павловскій.

МУРАВЬЕВСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ ВИЛЬНѢ.

ВЪ ПОСЛѢДНІЯ десятилѣтія минувшаго столѣтія въ Россіи возникло нѣсколько музеевъ, посвященныхъ памяти единичныхъ историческихъ личностей. Таковы музеи—Пушкинскій, Лермонтовскій и Суворовскій—въ Петербургѣ, Достоевскаго и Грибоѣдова—въ Москвѣ, Пироговскій и др.

Какъ можно видѣть изъ этого перечисленія, большинство подобныхъ музеевъ посвящено памяти великихъ русскихъ писателей и представляетъ собою собраніе ихъ рукописей, черновиковъ, фотографій, изданій сочиненій и другихъ предметовъ, связанныхъ съ ихъ именемъ. Только недавно возникшій Суворовскій и Пироговскій музеи заключаютъ въ себѣ собраніе памятниковъ дѣятельности первый—великаго русскаго полководца, а второй—самобытнаго русскаго ученаго и мыслителя. Къ категоріи подобныхъ учрежденій принадлежитъ и недавно открытый (17-го апрѣля текущаго года) въ городѣ Вильнѣ музей графа Михаила Николаевича Муравьева, посвященный памяти знаменитаго государственнаго человѣка и администратора, оставившаго глубокій слѣдъ въ жизни нашего отечества вообще и западной его окраины въ частности.

Мысль о собраніи въ одно мѣсто и храненіи разнообразныхъ памятниковъ, относящихся къ дѣятельности графа М. Н. Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ, возникла въ Вильнѣ во время сооруженія здѣсь памятника-монумента Муравьеву и получила осуществленіе, благодаря сочувственному къ ней отношенію недавно умершаго главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, генералъ-адъютанта В. Н. Троцкаго. Въ іюнѣ 1898 года генералъ-адъютантомъ Троцкимъ было возбуждено по этому предмету ходатайство, а 9-го

іюля уже послѣдовало Высочайшее Государя Императора соизволеніе на устройство и открытіе въ г. Вильнѣ Муравьевскаго музея. Для осуществленія Монаршей воли была составлена подъ предсѣдательствомъ помощника попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. В. Бѣлецкаго, особая комиссія, въ которую вошли: управляющій канцеляріей виленскаго генералъ-губернатора, дѣйствительный статскій совѣтникъ В. Т. Судейкинъ, каѳедральный протоіерей І. А. Котовичъ, предсѣдатель Виленской археографической комиссіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ю. Ѳ. Крачковскій, военный слѣдователь А. В. Жиркевичъ, А. А. Виноградовъ, Бартошевичъ и Поликарповичъ. Все это были люди, много поработавшіе въ краѣ, нѣкоторые даже при графѣ Муравьевѣ,—и потому проникнутые глубокимъ уваженіемъ къ памяти и завѣтамъ почившаго графа.

Комиссія эта, усиленная впослѣдствіи новыми сотрудниками, энергично принялась за дѣло. Быстро составляется программа учреждаемаго музея, появляются газетныя о немъ объявленія, разсылаются приглашенія къ пожертвованіямъ подходящаго къ цѣлямъ музея матеріала, и въ результатѣ всего этого къ открытію Муравьевскаго памятника (9-го ноября 1898 года) музей, правда, еще очень небольшой по количеству предметовъ, уже существуетъ.

Помѣщеніе для новаго музея Высочайшею волею указано въ зданіи Виленской публичной библіотеки, учрежденія, своимъ возникновеніемъ и жизнію тоже связаннаго съ именемъ графа Михаила Николаевича Муравьева.

Почти полвѣка назадъ въ этомъ самомъ зданіи, принадлежавшемъ раньше Виленскому университету, тоже возникъ музей. Но цѣль и характеръ его были совершенно противоположны нынѣ открытому учрежденію. Это былъ музей древностей, принадлежавшихъ графу Евстаѳію Піевичу Тышкевичу. 25-го апрѣля 1855 года этотъ музей получилъ офиціальное утвержденіе въ смыслѣ общественнаго научнаго учрежденія и, принятый тогда же подъ покровительство покойнаго государя наслѣдника цесаревича Николая Александровича, былъ открытъ для публики 1-го января 1856 года. По высочайше утвержденному уставу, учрежденіе это должно было заключать въ себѣ предметы, касающіеся исторіи Западной Россіи, съ цѣлью сохраненія памятниковъ древности и предоставленія возможности пользоваться ими для изученія края, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содѣйствія объединенію послѣдняго съ остальными частями имперіи. Встрѣченный публикою весьма сочувственно, музей этотъ быстро началъ развиваться: къ концу 1858 года въ немъ насчитывалось уже около 3.000 предметовъ, кромѣ монетъ, медалей и произведеній искусства.

Основанный польскимъ аристократомъ, восполняемый большею частію и завѣдуемый лицами польской національности, Виленскій

музей по характеру своему не соотвѣтствовалъ указанной ему свыше задачѣ и изъ научно-объективнаго по идеѣ учрежденія превратился въ демонстративный польскій пантеонъ, подъ нейтральной кровлей котораго мѣстные патріоты стремились укрѣпить за русской окраиной значеніе польскаго края, претенціозно называемаго ими до сей поры краемъ «zabranym» (захваченнымъ) [1]).

Такой характеръ учрежденія, имѣвшаго счастіе находиться подъ покровительствомъ наслѣдника цесаревича, конечно, не могъ ускользнуть отъ зоркаго глаза М. Н. Муравьва. Вскорѣ же по вступленіи въ управленіе краемъ онъ обратилъ вниманіе на Виленскій музей древностей, находившійся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ дворцомъ генералъ-губернатора. Нѣкоторые предметы, служившіе цѣлямъ революціонной пропаганды, М. Н. Муравьевъ тотчасъ же, личнымъ приказомъ, изъялъ изъ музея [2]). А для коренной реформы музея онъ назначилъ въ февралѣ 1865 года спеціальную комиссію подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа И. П. Корнилова. Несмотря на противодѣйствія со стороны графа Тышкевича и другихъ лицъ, комиссія выполнила свою задачу, и труды ея, благодаря впослѣдствіи настояніямъ П. Н. Батюшкова, получили высшую санкцію: 256 предметовъ были исключены изъ музея, а самъ онъ, переданный въ вѣдѣніе Виленскаго учебнаго округа, получилъ соотвѣтствующій задачѣ характеръ.

Описанный нами музей древностей первоначально помѣщался въ одной изъ залъ бывшаго Виленскаго университета, носившей названіе «Aula», а потомъ былъ перемѣщенъ въ томъ же зданіи на третій этажъ, гдѣ пребываетъ и доселѣ, постепенно все обогащаясь и развиваясь въ направленіи, сообщенномъ ему графомъ М. Н. Муравьевымъ. Прежде же него помѣщеніе было обращено въ читальную залу Виленской публичной библіотеки министерства народнаго просвѣщенія, учрежденной тоже по мысли графа М. Н. Муравьева.

Вотъ въ этомъ-то залѣ, служившемъ нѣкогда мѣстомъ для торжественныхъ университетскихъ собраній, а потомъ помѣщеніемъ Виленскаго музея древностей и, такъ сказать, полномъ воспоминаній о графѣ Михаилѣ Николаевичѣ, и расположенъ вновь возникшій Муравьевскій музей. Онъ занимаетъ ту часть читальной залы, гдѣ находится портретъ Государя Императора. Отъ остальной залы эта часть отдѣлена рѣшеткой и рѣзною деревянною аркой въ русскомъ стилѣ, на которой готическими буквами написано: «Музей

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», т. XXV, стр. 601.

[2]) Такъ, имъ была отправлена въ распоряженіе министра императорскаго двора мраморная группа работы художника Сосновскаго, изображавшая соединеніе Литвы съ Польшею, которая привлекала къ себѣ особенное вниманіе публики и при содѣйствіи революціонной польской партіи сдѣлалась моделью для копій и снимковъ, усердно распространяемыхъ мятежниками въ народѣ.

графа М. Н. Муравьева». Посреди музея стоитъ довольно простой, покрытый зеленымъ сукномъ, рабочій столъ, два кресла при немъ, а на столѣ канделябръ. Это предметы изъ рабочаго кабинета графа Муравьева въ Виленскомъ дворцѣ, переданные сюда нынѣшнимъ генералъ-губернаторомъ. У стѣнъ—большіе шкафы съ книгами въ верхнемъ помѣщеніи и архивными дѣлами—въ нижнемъ и витрины съ разными предметами: альбомами, вѣнками и проч., по сторонамъ отъ входа въ музей стоятъ вращающіяся витрины съ гравюрами и фотографіями.

Несмотря на непродолжительность существованія музея, въ немъ уже до 600 нумеровъ. Весь этотъ довольно разнообразный матеріалъ размѣщенъ въ семи отдѣлахъ. Въ первомъ отдѣлѣ (191 номеръ) сосредоточены офиціальные документы и дѣла, характеризующіе дѣятельность графа Михаила Николаевича по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ и рисующіе вмѣстѣ съ тѣмъ особенности эпохи 1863—1865 годовъ. Достопримѣчательностью отдѣла являются дѣла и бумаги (21 номеръ), находившіяся въ кабинетѣ графа Муравьева въ моментъ его смерти. Эти бумаги съ высочайшаго соизволенія переданы въ музей въ 1899 году изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Среди нихъ находится пять всеподданнѣйшихъ докладныхъ записокъ и три всеподданнѣйшихъ письма Михаила Николаевича, послѣдній всеподданнѣйшій отчетъ графа и всеподданнѣйшіе адресы дворянъ Сѣверо-Западнаго края, представленные Михаиломъ Николаевичемъ государю императору Александру II. Тутъ же мы видимъ опись бумагъ, бывшихъ въ кабинетѣ графа во время его кончины, съ собственноручными замѣтками въ Бозѣ почившаго государя императора Александра II.

Все это документы большой исторической важности, свидѣтельствующіе о томъ, какъ понималъ графъ свою задачу въ краѣ, какими путями шелъ къ ея осуществленію и къ какимъ результатамъ пришелъ въ дѣйствительности. Крупный вкладъ сдѣланъ въ этотъ отдѣлъ Виленскимъ окружнымъ штабомъ въ видѣ 35 номеровъ дѣлъ, дающихъ обильный матеріалъ о движеніи повстанцевъ и ходѣ усмиренія мятежа. О размѣрахъ мятежа и дѣйствіяхъ народнаго ржонда интересный матеріалъ заключаютъ въ себѣ бумаги о секвестрѣ и конфискаціи имуществъ, поступившія въ этотъ отдѣлъ изъ Виленской казенной палаты.

Много интересныхъ дѣлъ поступило сюда изъ архивовъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ силу распоряженія объ этомъ г. начальника края. Такъ, одно Виленское губернское правленіе прислало 890 дѣлъ за 1863 и 1864 годы. Цѣлыя груды бумагъ Муравьевскаго времени извлечены изъ архивовъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій городовъ Кобрина, Бѣльска, Соколокъ, Бѣлостока, Россіенъ и Тельшъ, благодаря трудамъ полковника А. В. Жиркевича.

При неупорядоченности вообще архивнаго дѣла въ провинціи разыскать подобнаго рода бумаги въ глухихъ уѣздныхъ городкахъ составляло цѣлый подвигъ. Помѣщаются онѣ, по словамъ полковника Жиркевича, большею частію, въ подвалахъ, на чердакахъ, въ чуланахъ подъ лѣстницами, возлѣ отхожихъ мѣстъ. Здѣсь-то въ пыли, въ гнили, вони и темнотѣ приходилось энергичному полковнику копаться въ безчисленныхъ связкахъ и среди этихъ бумагъ, признанныхъ мѣстными властями ненужными, находить цѣнныя вещи...

«Спрашиваешь,—разсказывалъ неутомимый А. В. сотруднику «Новаго Времени» Н. Энгельгардту,—есть что нибудь любопытное?»—Клянутся и божатся, что, кромѣ хлама, ничего нѣтъ. Спрашиваешь прямо: «а гдѣ у васъ бумаги, помѣченныя ненужными?» По опыту убѣдился,—говоритъ онъ,—что это ненужное, назначенное въ продажу евреямъ, оказывается донесеніями военныхъ начальниковъ о движеніи повстанцевъ и т. п. Иногда не успѣваешь спасти. Такъ, двѣ тысячи пудовъ бумагъ одного уѣзднаго архива были проданы евреямъ, и я ѣхалъ за ними по слѣдамъ, по мѣрѣ того какъ онѣ распродавались, скупая на фунты, что было продано на пуды, и много спасъ. Но самую крупную долю не удалось спасти. Пріѣзжаю въ одинъ городишко. Интеллигентный еврей. «Вы купили 200 пудовъ архивныхъ бумагъ?—«Я и, по правдѣ сказать, удивился, что такія бумаги были проданы».—«Гдѣ же онѣ?»—«Извините, пожалуйста, я купецъ. Я не могу держать товаръ. Бумаги уже проданы и пошли на обертку желѣзныхъ издѣлій» [1])...

Значительная часть перечисленныхъ архивныхъ поступленій уже разобрана комиссіей, имѣющее существенное значеніе отобрано и переплетено въ 50 толстыхъ томовъ. Богатый уже теперь Муравьевскій архивъ, постепенно все разростаясь, въ будущемъ представитъ собою драгоцѣнный источникъ для историка дѣятельности М. Н. Муравьева и изслѣдователя жизни края въ печальную пору мятежа.

Второй отдѣлъ составляетъ библіотека музея. Въ ней уже 607 томовъ (144 названія книгъ и брошюръ печатныхъ и рукописныхъ и 26 названій періодическихъ изданій). Комиссія старалась собрать сюда періодическія изданія, выходившія въ 1863—1865 годахъ, а также тѣ изъ позднѣйшихъ, въ которыхъ печатались статьи и изслѣдованія о мятежѣ и Муравьевѣ. Хотя и съ немалымъ трудомъ, задача эта въ значительной степени выполнена. Здѣсь мы видимъ слѣдующія, ставшія рѣдкими, изданія: «Русскій Инвалидъ», «День» и «Литовскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1863—1865 годы, полную коллекцію «Вѣстника Юго-Западной Россіи», «Виленскій Вѣстникъ» за 1863 годъ и губернскія вѣдомости: «Виленскія» (за 1863—1864 годы),

---

[1]) «Новое Время», № 8977.

«Минскія» за 1865 годъ и «Могилевскія» за 1864 годъ, а также «Русскую Старину» за 1881—1899 годы, «Историческій Вѣстникъ» за 1883—1897 годы и «Церковный Вѣстникъ» за 1875—1890 годы со статьями профессора М. О. Кояловича, касающимися Западной Россіи. Немало здѣсь также номеровъ періодическихъ изданій позднѣйшаго времени со статьями о М. Н. Муравьевѣ, вызванными закладкою и открытіемъ ему памятника. Драгоцѣнностью отдѣла является рукопись-копія (въ двухъ экземплярахъ) записокъ М. Н. Муравьева въ полномъ видѣ и слѣдующія, хотя и печатныя, но весьма рѣдкія теперь изданія: «Сборникъ распоряженій по устройству быта крестьянъ-собственниковъ въ Западномъ краѣ», «Іосафатъ Огрызко и Петербургскій ржондъ», «Генералъ Мѣрославскій и Ахиллесъ Бонольдъ» и др.

Третій отдѣлъ своими 78 номерами прекрасно иллюстрируетъ обширную церковно-строительную дѣятельность графа Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Рядъ гравюръ, фотографій, плановъ и чертяжей наглядно показываетъ, въ какомъ приниженномъ положеніи находилось здѣсь православіе до графа Муравьева, какой убогій видъ имѣли тогдашніе храмы господствующаго исповѣданія, и что сдѣлалъ въ этомъ направленіи почившій графъ. Есть въ этомъ отдѣлѣ старинные и рѣдчайшіе экземпляры, которые въ свое время выпущены были въ свѣтъ въ незначительномъ количествѣ, какъ-то: «Замѣчательности Сѣверо-Западнаго края», «Памятники русской старины», рисунокъ тушью (1807 года) Пятницкой церкви, представляющій убогій видъ, какой имѣлъ въ началѣ XIX вѣка этотъ храмъ, основанный княземъ Ольгердомъ около 1346 года и найденный М. Н. Муравьевымъ въ развалинахъ.

Четвертый отдѣлъ посвященъ запискамъ современниковъ о дѣятельности Муравьева въ краѣ. По числу номеровъ (пять) это пока самый бѣдный отдѣлъ музея, но и въ немъ уже есть драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Это подлинная рукопись нигдѣ еще не напечатанныхъ записокъ ближайшаго сотрудника Муравьева И. А. Никотина, управлявшаго особой канцеляріей при графѣ Михаилѣ Николаевичѣ. О существованіи этихъ записокъ было извѣстно нѣкоторымъ лицамъ Муравьевской эпохи, но записки считались утерянными, и въ музеѣ онѣ появились, только благодаря неустанной энергіи полковника А. В. Жиркевича.

Пятый отдѣлъ составляютъ портреты и фотографіи М. Н. Муравьева, съ супругою, его сотрудниковъ и лицъ и сценъ, связанныхъ съ дѣятельностью графа въ краѣ. Мы видимъ здѣсь масляные (одинъ), литографированные (три) и фотографическіе (шесть) портреты Михаила Николаевича въ разное время его жизни, супруги его Пелагеи Васильевны (два портрета), семь фотографическихъ группъ сотрудниковъ графа въ дѣлѣ усмиренія мятежа и организаціи края, а также массу фотографій отдѣльныхъ личностей, тру-

дившихся въ 1863—1865 годахъ подъ начальствомъ Муравьева. Здѣсь же два медальона, вдѣланные въ одну общую раму: одинъ— съ фотографіей графа М. Н. Муравьева, а другой — съ волосами его. Большую также рѣдкость составляютъ находящіеся здѣсь альбомы съ карточками повстанцевъ. Перелистывая ихъ, видишь Мѣрославскаго, Пустовойтову и цѣлую галлерею другихъ зловѣщихъ, фанатичныхъ лицъ, своею болѣзненною фантазіей причинившихъ такъ много зла краю... Тутъ же мы видимъ картины: «сцена обученія повстанцевъ», «составленіе выкупной грамоты на Жмуди» и разныя картины и фотографіи, усердно распространявшіяся польскими патріотами во время мятежа среди простого народа для возстановленія его противъ законной власти. На одной, напримѣръ, одноглавый польскій орелъ повалилъ на землю двуглаваго и терзаетъ его, а возлѣ въ отчаяніи рветъ на себѣ волосы православный москаль, котораго, какъ схизматика, съ неба поражаетъ молніей самъ Господь... Иныя изъ картинъ прямо поражаютъ своимъ кощунствомъ. На одной, напримѣръ, Спаситель воскрешаетъ Польшу, олицетворенную въ дочери Іаира, или на другой—Польша распята на крестѣ... Все это прекрасно характеризуетъ эпоху и людей, создавшихъ мятежъ... Вообще отдѣлъ этотъ уже и въ настоящее время весьма богатый (126 номеровъ) чрезвычайно интересенъ и характеренъ.

Въ шестомъ отдѣлѣ 16 предметовъ, касающихся, такъ сказать, внѣшней домашней обстановки графа, при которой протекала его работа въ Вильнѣ. Въ отдѣлъ этотъ входятъ письменный столъ, кресла и шандалъ, о которыхъ мы уже упоминали,— собственная печать, Михаила Николаевича, принесенная въ даръ музею его внукомъ покойнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, трость графа, подаренная музею графомъ С. Д. Шереметьевымъ, акварельный рисунокъ: «кабинетъ графа Муравьева въ Виленскомъ дворцѣ», на которомъ Михаилъ Николаевичъ изображенъ принимающимъ докладъ, и прочее.

Въ седьмомъ отдѣлѣ помѣщены вѣнки (5 серебряныхъ, 3 фарфоровыхъ и 1 лавровый), возложенные на памятникъ графа Муравьева 8-го ноября 1898 года, и коллекція адресовъ, писемъ, телеграммъ, полученныхъ генералъ-адъютантомъ В. Н. Троцкимъ при открытіи Муравьевскаго памятника.

Таково содержаніе Муравьевскаго музея, насчитывающаго за собою менѣе трехъ лѣтъ жизни.

Въ будущемъ музей, несомнѣнно, станетъ богаче, еще разнообразнѣе и интереснѣе. За это ручается научная пытливость и энергія комиссіи по устройству музея, не прекратившей еще своей жизни и руководимой такимъ глубокимъ знатокомъ западно-русской исторіи и плодотворнымъ изслѣдователемъ въ этой области, каковъ А. В. Бѣлецкій. За это же ручаются и тѣ поступленія въ

музей, которыя продолжаются и по открытіи его. Главнѣйшими изъ таковыхъ были отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника И. П. Корнилова его изданіе: «Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ» [1]), и рукописи, напечатанныя въ этой книгѣ, отъ полковника А. В. Жиркевича бумаги по люстраціи земель въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, ярко характеризующія отношеніе графа Муравьева къ крестьянскому вопросу и снабженныя автографами графа Михаила Николаевича, Валуева и прочихъ дѣятелей великой крестьянской реформы (всего болѣе 2.500 листовъ документовъ и около 5 пудовъ приложеній къ нимъ, составлявшихъ архивъ извѣстнаго люстратора Кейстутъ-Гедимина), и черновикъ письма В. Н. Назимова къ Д. А. Милютину. По заявленію А. В. Бѣлецкаго, въ музей ожидается поступленіе отъ графа С. Д. Шереметьева личной библіотеки покойнаго графа Михаила Николаевича Муравьева, а изъ правительственныхъ учрежденій Витебской и Могилевскій губерній архивнаго матеріала.

Постепенно такимъ образомъ стекутся въ музей многія изъ тѣхъ сокровищъ, которыя разсѣяны по провинціальнымъ архивамъ и частнымъ лицамъ, и которыя легко и незамѣтно могутъ не только погибнуть для науки, но и исчезнуть съ лица земли... Сосредоточенный же въ хранилищѣ, подобномъ вновь возникшему Муравьевскому музею, весь матеріалъ этотъ не только сохранится для исторической науки, но своею объединенностью въ одномъ мѣстѣ въ большой мѣрѣ облегчитъ трудъ будущаго историка Сѣверо-Западнаго края за минувшое столѣтіе... Нельзя не порадоваться поэтому возникновенію въ Вильнѣ такого (частнаго) музея и не пожелать, чтобы побольше открывалось у насъ подобныхъ учрежденій.

М. И. Каспійскій.

[1]) Книга эта пожертвована И. П. Корниловымъ музею въ количествѣ 300 экземпляровъ съ тѣмъ, чтобы вырученныя отъ продажи ея деньги были обращены на изданіе историческихъ памятниковъ Муравьевской эпохи.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССІИ.

Романъ царицы Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой.— Воспоминанія вюртембергскаго офицера о походѣ 1812 года.—Отношенія Александра I-го къ Жозефинѣ и Гортензіи въ 1814 году.—Различіе положеній русскихъ въ Англіи сто лѣтъ тому назадъ и англичанъ въ Россіи въ Крымскую кампанію.

ВТОРАЯ жена царя Михаила Ѳеодоровича, Евдокія, отличалась романической судьбой, что было рѣдкостью между русскими царицами. Несмотря на это, она играетъ очень незначительную роль въ исторіи; такъ у Соловьева о ней упоминается лишь три строчки, именно, что она была дочерью мелкаго дворянина и умерла два мѣсяца спустя послѣ мужа. Это не мѣшало ей быть очень популярной въ народѣ, благодаря тому, что она сдѣлалась царицей въ виду своей красоты. Двѣсти пятьдесятъ семь лѣтъ послѣ ея царственной идилліи исторія Евдокіи Стрѣшневой распространилась въ тысячѣ и тысячѣ экземпляровъ, во время коронаціи императора Александра III. Все-таки о ней, кромѣ романическаго брака, извѣстно очень мало. Надняхъ, по всей вѣроятности, польскій авторъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ Славскаго, напечаталъ въ мартовскихъ нумерахъ «Nouvelle Revue» ея біографію, подъ заглавіемъ: «Евдокія Стрѣшнева», и главнымъ образомъ сообщилъ свѣдѣнія объ ея генеалогіи и молодости, основанныя на рукописи XVI вѣка, подъ заглавіемъ «Генеалогія Стрѣшневыхъ», и на архивѣ архимандрита Леонида.

По словамъ автора, ея семейство происходило изъ Рима въ I-мъ вѣкѣ введенія христіанства въ Россіи, и одинъ изъ ея предковъ былъ совѣтникомъ княгини Ольги. За помощь, оказанную имъ для отмщенія за смерть ея мужа Игоря древлянамъ, онъ получилъ боль-

шія милости и основалъ въ 960 году городъ Стрѣшинъ на берегу Днѣпра въ 50-ти верстахъ отъ Кіева. Въ тѣ же времена былъ извѣстенъ Польшѣ другой изъ ея предковъ Стефанъ, архіепископъ Гнѣздинскій, управлявшій государствомъ передъ избраніемъ въ короли Казимира. Впослѣдствіи основателемъ рода Стрѣшневыхъ въ Россіи былъ Дмитрій Стрѣшевскій, воевода плоцкій, бѣжавшій изъ Польши отъ преслѣдованія Казимира IV въ 1462 году, при Іоаннѣ III, и поселился близъ Калуги. Въ виду такого польскаго происхожденія авторъ не можетъ утерпѣть, чтобы не приписать ему красоты Евдокіи и ея неопреодолимой прелести, благодаря которой она сдѣлалась бабкой Петра Великаго.

Будущая царица родилась въ 1610 году въ родительской усадьбѣ, близъ Москвы. Отецъ ея Лукьянъ Стрѣшневъ былъ «рыцарски-благородный человѣкъ и достойный во всѣхъ отношеніяхъ», по словамъ Славскаго, также, вѣроятно, восхваляющаго его, благодаря польскому происхожденію. Ея мать была чисто русская княжна Волконская, а потому авторъ увѣряетъ, что она была женщина холодная и ничего не значащая. Сначала родители Евдокіи имѣли порядочное состояніе, но во время смутъ совершенно разорились, и отецъ даже самъ воздѣлывалъ землю. Все семейство находилось въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что младшая дочь Евдокія, славившаяся поразительной красотой, была отдана на воспитаніе къ богатому родственнику, боярину Шереметеву. Дочь этого боярина, Ульяна, была злая надменная дѣвушка и очень дурно обращалась съ бѣдной родственницей.

Судьбѣ было угодно вознаградить ее за всѣ ея юношескія невзгоды. Въ 1626 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ рѣшился вторично жениться. Царица мать, инокиня Марѳа, устроила, какъ всегда, смотрины царскихъ невѣстъ, въ числѣ шестидесяти. Но Михаилу понравилась скромная и прелестная Евдокія Стрѣшнева, которая явилась во дворецъ въ качествѣ служанки своей богатой родственницы Ульяны Шереметевой. Онъ пламенно влюбился въ нее съ перваго взгляда и оставался ей вѣренъ всю свою жизнь. Несмотря на всѣ старанія царицы Марѳы отговорить его, онъ настоялъ на своемъ и женился черезъ двѣ недѣли. По словамъ современниковъ, Ульяна Шереметева бросилась на колѣни передъ Евдокіей, узнавъ объ ея счастливой судьбѣ, и просила у нея прощенія за всѣ нанесенныя ей оскорбленія. Молодая дѣвушка была такъ же добра, какъ и красива, и не только простила ее, но даже роскошно одарила.

Описавъ подробно царскія смотрины и слѣдовавшую за тѣмъ свадьбу Евдокіи, Славскій, за недостаткомъ свѣдѣній о дальнѣйшей жизни царицы, наполняетъ свой очеркъ совершенно посторонними свѣдѣніями. Онъ именно описываетъ посѣщеніе царя иностранными послами и особенно распространяется объ исторіи датскаго принца Вольдемара, котораго царь Михаилъ хотѣлъ заставить перейти въ

православіе, чтобы жениться на царской дочери. Хотя Евдокія чрезвычайно любила Ирину, такъ звали невѣсту, но она не вмѣшивалась ни въ какія политическія дѣла и придворныя интриги. Она вела строго семейную жизнь и, любя мужа, была примѣрной женой. У нея было много дѣтей, именно три сына, въ томъ числѣ наслѣдникъ Алексѣй, и три дочери.

Проживъ счастливо съ мужемъ девятнадцать лѣтъ, Евдокія недолго пережила его и умерла очень молодой, 35 лѣтъ отъ роду. Съ теченіемъ времени прекратилось ея семейство въ мужскомъ поколѣніи, въ XVIII столѣтіи уже не было ни одного Стрѣшнева. Напротивъ царственный отъ нея родъ продолжался въ лицѣ царя Алексѣя и главное Петра Великаго.

Богатая литература, относящаяся къ нашей войнѣ съ французами въ 1812 году, обогащается еще однимъ произведеніемъ, мемуарами вюртембергскаго полковника фонъ-Зукова. Хотя оно не ново для нѣмецкой публики, такъ какъ было напечатано въ 1862 г., но для русскихъ, а также для французовъ, оно является новинкой. По крайней мѣрѣ, въ библіографіи «Histoire Generale» Лависса и Рамбо, относящейся до этой войны, не упоминается имя автора среди множества русскихъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ именъ. Теперь же эти мемуары появились на французскомъ языкѣ отдѣльной книгой, а ранѣе этого были напечатаны въ «Revue hebdomadaire» отъ 1-го декабря 1900 г. по февраль 1901 г., подъ заглавіемъ «Fragments de ma vie» (1800—1812), par le colonel de Suckow, въ переводѣ Веллинга. Новаго матеріала онъ даетъ не въ изобиліи, хотя двѣ-три вещи представляютъ новость, и, конечно, критически относится къ дѣйствіямъ французовъ, а мѣстами пристрастно. Въ общемъ эти воспоминанія тѣмъ цѣнны, что въ нихъ болѣе правды, и нѣтъ той утрировки, которая встрѣчается въ большей части иностранныхъ мемуаровъ, относящихся къ 1812 г. Кромѣ того, они написаны не такъ спеціально сухо, а отличаются картиннымъ изложеніемъ, дающимъ въ то же время живое представленіе объ ужасахъ этой войны.

Фонъ-Зуковъ родился въ 1787 году, 15 марта, въ Гольдбергѣ (Мекленбургъ-Шверинъ). Въ 1880 году онъ поступилъ, 13-ти лѣтъ, въ прусскую армію, а въ 1806 году отправился съ нею въ походъ, въ чинѣ подпоручика. Попавъ въ плѣнъ въ Магдебургѣ, онъ былъ отпущенъ на честное слово домой, а послѣ заключенія Тильзитскаго трактата остался не у дѣлъ. Дѣло въ томъ, что прусское правительство принуждено было убавить численность своей арміи и потому распустило множество иностранныхъ подданныхъ по домамъ. Оставшись внѣ военной службы, фонъ-Зуковъ задумалъ поступить въ русскую армію, формировавшую тогда множество новыхъ

отдѣльныхъ частей, и между прочимъ очень нуждалась замѣстить убитыхъ въ предшествующій походъ офицеровъ.

Тѣмъ временемъ віортембергскій король, владѣнія котораго расширились, началъ увеличивать свою армію, фонъ-Зуковъ обратился къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ. Не прошло и мѣсяца послѣ этого, какъ онъ узналъ, что его зачислили 25-го мая 1808 года, подпоручикомъ въ полкъ гвардейской пѣхоты. Въ этомъ чинѣ онъ принялъ незначительное участіе въ походѣ 1809 г. противъ Австріи, вслѣдствіе чего 22-го апрѣля 1810 году былъ произведенъ въ поручики 4-го пѣхотнаго полка. Затѣмъ наступило время великаго движенія народовъ на Россію. Вюртембергъ снарядилъ для этого предпріятія дивизію (25-ю великой арміи), которая должна была примкнуть къ третьему корпусу маршала Нея. Полкъ, въ которомъ находился фонъ-Зуковъ, понесъ громадныя потери. Изъ семидесяти офицеровъ, отправившихся въ началѣ похода, возвратилось только четыре, въ числѣ которыхъ находился самъ авторъ.

Первой части его труда мы не будемъ касаться, хотя она въ своемъ родѣ интересна по разнообразію воспоминаній своей военной жизни на родинѣ.

Наконецъ настало время выступать. Первый привалъ былъ городъ Эрингенъ. Въ немъ долженъ былъ собраться вюртембергскій армейскій корпусъ, около 16.000 человѣкъ, подъ командою наслѣдника вюртембергскаго престола, ожидать, пока его осмотритъ король. Какъ предсказаніе неудачнаго похода, бѣдъ отъ снѣга и мороза, которые ихъ ожидали въ Россіи, арміи пришлось испытать уже въ Тюрингенскомъ лѣсу и въ особенности въ городкѣ Родахъ такіе страшные снѣжные заносы, что не было возможности ѣхать верхомъ. Всѣ должны были сойти съ лошадей и вести ихъ подъ узцы, утопая по плечи въ снѣгу. Деревни всѣ были покрыты на половину снѣгомъ, и только верхняя часть оконъ оставалась открытой. Такое печальное начало усугублялось еще тѣмъ, что саксонскія деревни, черезъ которыя они проходили, были очень бѣдны и не могли доставлять имъ провіанта.

Во Франкфуртѣ на Одерѣ они вздохнули нѣсколько легче, но это былъ послѣдній хорошій привалъ. Въ первыхъ числахъ мая армейскій корпусъ, гдѣ служилъ фонъ-Зуковъ, двинулся къ Польшѣ. По словамъ автора, стоило только кинуть взглядъ на эту мѣстность, и становилось понятнымъ, что находимся въ Польшѣ. Страшная нищета, увеличенная еще проходившими войсками, отвратительная грязь, несмѣтное количество докучливыхъ евреевъ, одѣтыхъ въ особые костюмы, по которымъ ихъ было можно съ перваго взгляда отличить отъ другихъ жителей, все это не обѣщало пріятнаго пребыванія. Авторъ, какъ и многіе изъ его товарищей, остановился у одного изъ этихъ дѣтей Израиля. Когда фонъ-Зуковъ спросилъ у хозяина что нибудь поѣсть, то онъ отвѣтилъ:

— Если у господина есть деньги, ему дадутъ кушать, а если нѣтъ у господина денегъ, ему ничего не будетъ.

«Когда я снялъ свои эполеты, — говоритъ фонъ-Зуковъ, — то еврей принялся ихъ разсматривать, чтобы убѣдиться, изъ серебра ли они. На мой утвердительный отвѣтъ еврей сказалъ:

— «Можетъ быть, господинъ продастъ?»

Хотя эта торгашеская раса имъ страшно надоѣла, пока они шли въ Россію, но зато на возвратномъ пути она имъ пригодилась. Евреи доставляли имъ все необходимое. Мало того, эти комиссіонеры откапывали, Богъ ихъ знаетъ гдѣ, лошадей и сани, въ то время, когда положительно было невозможно найти этихъ предметовъ. Благодаря ихъ услугамъ, многіе офицеры спаслись изъ Россіи. Конечно, для этого требовалось, чтобы «господинъ имѣлъ деньги и даже очень большія деньги», «такъ какъ,—добавляетъ авторъ,—еврейскіе комиссіонеры были воры въ высшей степени этого выраженія».

Уже съ первыхъ шаговъ похода обнаружилось небрежное и недобросовѣстное отношеніе Наполеона къ союзникамъ въ вопросѣ продовольствія. Фонъ-Зуковъ выражаетъ удивленіе, что Наполеонъ, ведя въ Россію такую громадную армію, совершенно не озаботился о пропитаніи ея. «Намъ не хватало всего,—говоритъ авторъ,—хотя мы находились въ странѣ поляковъ, самыхъ вѣрныхъ союзниковъ Наполеона».

Наконецъ они удалились изъ этого отвратительнаго угла и отправились дальше, въ Познань. Но съ каждымъ днемъ то одно, то другое напоминало имъ, что они находятся въ Польшѣ. Около нищенскихъ лачугъ крестьянъ высились роскошные дворцы польской аристократіи и тѣмъ еще болѣе выдвигали нищету крестьянъ. Только нѣмецкіе колонисты отличались опрятнымъ видомъ домовъ и своимъ достаткомъ.

По прибытіи въ Познань, «одинъ изъ лучшихъ городовъ въ Польшѣ», фонъ-Зуковъ и другіе офицеры убѣдились, насколько дурно была организована Наполеоновская администрація, относящаяся къ продовольствію союзныхъ войскъ. Самое небрежное отношеніе и безсовѣстное обвѣшиваніе и обсчитываніе практиковалось здѣсь въ широкихъ размѣрахъ французскимъ интендантствомъ. Что объ этомъ, вѣроятно, Наполеонъ зналъ, служитъ слѣдующее обстоятельство. По словамъ автора, онъ слышалъ самъ во второмъ походѣ 1813 г., какъ одинъ французскій генералъ говорилъ ихъ начальнику, что Наполеонъ приказалъ извлекать все возможное изъ нѣмецкихъ войскъ, такъ какъ онъ прекрасно зналъ, что ему не долго придется располагать ими. Послѣ подобнаго откровеннаго признанія понятно чувство фонъ-Зукова и его товарищей къ французамъ и неудивительно, что мѣстами въ его мемуарахъ слышится иногда пристрастная нота.

Пробывъ нѣкоторое время въ Познани, они двинулись въ половинѣ мая далѣе и сдѣлали привалъ въ Торнѣ. Здѣсь вюртембергцамъ посчастливилось съ провіантомъ: магазины были наполнены, и они на время вздохнули свободнѣе. Офицеры остановились въ гостиницахъ, при чемъ убѣдились, что «поляки, не будучи евреями, умѣютъ наживать деньги». Пробывъ около недѣли, армія двинулась впередъ. 20-го іюня они остановились на два дня въ Кановаріи, Сувалкской губерніи, а 22-го іюня въ полночь имъ предстояло итти и день и ночь, впродолженіе 48 часовъ, за исключеніемъ небольшихъ отдыховъ, пока они не достигли лѣваго берега Нѣмана. Такимъ образомъ они прошли 160 верстъ.

Русскія войска стояли уже въ позиціи на правомъ берегу, но затѣмъ 24-го іюня, когда союзная армія стала перебираться по понтоннымъ мостамъ черезъ Нѣманъ, они снялись съ позиціи и отступили, оставивъ имъ въ полное распоряженіе Нѣманъ. Очутившись на другомъ берегу, союзная армія думала, что попала на кладбище. Ни одной человѣческой души не попадалось имъ на встрѣчу; деревни были покинуты, какъ будто все вымерло. Это безконечное движеніе впередъ, среди мертвой тишины, сопряженное вмѣстѣ со всевозможными лишеніями, довело армію до такого психологическаго момента, когда отчаяніе доходитъ до высшей точки. Сама смерть казалась имъ жизнью. То и дѣло слышались въ сосѣднемъ лѣсу одинокіе выстрѣлы изъ ружей, и развѣдочный патруль ежедневно докладывалъ, что нашелъ застрѣлившагося француза или кого нибудь изъ союзниковъ.

Но если армія страдала отъ голода, то едва ли не менѣе она страдала отъ поднимавшейся пыли. Страшная засуха сдѣлала почву совершенно сухой, а множество ногъ подымали такія облака пыли, что дышать было почти невозможно. Черезъ десять шаговъ трудно разобрать предметы. Приходилось бить въ барабаны, чтобы солдаты могли опредѣлить направленіе.

«Чѣмъ болѣе они двигались впередъ,—замѣчаетъ авторъ,—тѣмъ систематичнѣе русская армія ретировалась, въ совершенномъ порядкѣ, какъ бы по ранѣе составленному плану».

Наконецъ, послѣ тяжелаго и длиннаго пути они достигли мѣста, гдѣ могли раскинуться бивуакомъ, невдалекѣ отъ маленькаго селенія Малютина. Но офицеры и солдаты, перенесшіе столь трудную и полную лишеній ходьбу, заболѣли диссентеріей, и госпиталь, устроенный въ Малютинѣ, былъ переполненъ больными. Для выздоравливающихъ было не легче, такъ какъ имъ не могли давать ни лѣкарства, ни ѣды, однимъ словомъ былъ недостатокъ во всемъ. Вюртембергскій корпусъ, очень ослабѣвшій, рѣшилъ покинуть вскорѣ мѣсто стоянки и направиться на Смоленскъ, цѣль французской арміи. Черезъ нѣсколько дней стоянки, послѣ недолгаго пути, они сдѣлали еще одинъ привалъ близъ другого маленькаго городка.

Здѣсь они оставались шестнадцать дней, терпя еще большую нужду, и потеряли большее количество людей отъ болѣзней, такъ что изъ пятисотъ пятидесяти человѣкъ вюртембергцевъ сто двѣнадцать умерли, не получивъ ни одной раны и не принявъ ни разу участія ни въ одной схваткѣ.

Во всемъ пути они не встрѣчали непріятеля. Наконецъ, 16-го августа они приблизились къ Смоленску. Города не было видно, а уже грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ оглушалъ еще издали. Вюртембергцы устроились бивуакомъ на правомъ берегу Днѣпра. Отдохнувъ, они начали атаку Смоленска, подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ. При этомъ авторъ жалуется, что французы такъ дурно ее вели, что въ короткое время они потеряли значительное число людей. Командующій, французскій офицеръ главнаго штаба, повелъ ихъ по совершенно открытому мѣсту. Другой офицеръ, не сдѣлавъ рекогносцировки, подвелъ безо всякой защиты другой ихъ отрядъ егерскаго полка къ высокой стѣнѣ, изъ-за которой русскіе осыпали ихъ пулями, сами не пострадавъ нисколько. Черезъ нѣсколько минутъ пять офицеровъ лежали ранеными. Вюртембергцы возвратились на бивуакъ, взбѣшенные безсмысленнымъ распоряженіемъ французскаго начальника. Битва продолжалась до ночи, но они уже были только зрителями или, вѣрнѣе, слушателями. Такъ какъ не было соломы, то раненыхъ принуждены были оставить лежать прямо на землѣ, прикрывъ шалашами изъ древесныхъ вѣтвей.

На другое утро 17-го августа бой возобновился еще ожесточеннѣе. Теперь былъ вопросъ о томъ, какъ выбить русскихъ изъ ихъ выгоднаго положенія, посреди рытвинъ въ окрестностяхъ Смоленска. Для этого имъ пришлось пройти черезъ дефиле, на которомъ русская артиллерія сосредоточила свои выстрѣлы. Этотъ переходъ стоилъ, по словамъ автора, многихъ жертвъ. Они шли открытыми колоннами, повзводно, офицеры впереди центра ихъ частей. Въ это время одна изъ пуль попала въ командира роты и буквально ему оторвала голову. Пріятель автора, хирургъ Шейбле, отъ природы острякъ и весельчакъ, никогда не смущающійся и не приходящій въ уныніе, увидавъ это зрѣлище, воскликнулъ со смѣхомъ: «Ого, здѣсь становится немножко жарко! Честное слово, вѣдь я не обязанъ ходить по опредѣленному мѣсту, подамся-ка отъ васъ въ сторонку». При этихъ словахъ онъ подвинулся влѣво, но не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ вторая пуля размозжила ему руку, и онъ вскорѣ умеръ отъ этой раны. Странную роль сыгралъ случай въ судьбѣ этого несчастнаго: не отодвинься онъ влѣво, и бѣда, вѣроятно, миновала бы его, такъ какъ ни одна пуля не упала около спутниковъ фонъ-Зукова, потому что русскіе стрѣляли слишкомъ высоко.

Пройдя дефиле, они очутились не далеко отъ предмѣстья, кото-

рымъ предполагалось овладѣть. Русскіе укрѣпили прекрасно всѣ выходы, и онъ казался неприступнымъ. Прежде всего была послана цѣпь стрѣлковъ съ цѣлью выбить русскихъ изъ выгодной позиціи. Но русскихъ было гораздо больше численностью, и русскіе пѣшіе егеря встрѣтили ихъ такимъ сильнымъ огнемъ, что имъ не пришлось достичь цѣли. Русскіе же не измѣнили своей позиціи. При этомъ французскій генералъ Бёрманъ, кажется, эльзасецъ, въ распоряженіи котораго находился одинъ вюртембергскій отрядъ лѣваго фланга, выказалъ такую отвагу, которая озадачила русскихъ. Отъ скуки онъ подошелъ къ пѣшимъ стрѣлкамъ, сопровождаемый четырьмя офицерами, и спросилъ командующаго офицера по-нѣмецки:

— Какъ дѣла, товарищъ?

Послѣдній отвѣтилъ, что русскіе упорствуютъ и не хотятъ уходить.

— Какъ не хотятъ уйти? Мы увидимъ.

И, обнаживъ саблю, онъ бросился впередъ, отдавъ приказъ сопровождавшимъ четыремъ офицерамъ и громко крича: «Впередъ, впередъ!». Русскіе сразу оторопѣли, предполагая, что за нимъ покажется цѣлый отрядъ, и подались назадъ. Генералъ торжествовалъ. Но недолго длилось его торжество. Русскіе скоро опомнились и «не были расположены допустить себя изгнать такъ легко». Завязался бой; русскіе, получивъ подкрѣпленіе, оттѣснили непріятеля, но вскорѣ вюртембергцы собрались съ силами и оттѣснили ихъ. Побѣда была за ними. Русскіе были вытѣснены изъ всѣхъ позицій, но вюртембергцы потеряли множество людей, и по странной случайности имъ пришлось ночевать на кладбищѣ. Теперь предстояло оттѣснить русскихъ изъ города и окрестностей.

На другой день рано утромъ они были разбужены пушечными выстрѣлами и услышали со всѣхъ сторонъ барабанный бой. Французы били тревогу, чтобы итти генеральной атакой на городъ, но вюртембергцы не получили еще приказа покинуть позицію. Взятіе Смоленска не стоило большихъ усилій французамъ, такъ какъ большая часть русскихъ войскъ удалилась ночью изъ города, и городъ былъ въ рукахъ французовъ. Русскіе же держались еще на лѣвомъ берегу въ укрѣпленныхъ окрестностяхъ. Вюртембергскому отряду, который состоялъ не болѣе, какъ изъ 2.000 человѣкъ, отданъ былъ приказъ овладѣть окрестностями. Опорой ему служили нѣсколько португальскихъ батальоновъ, корпуса Нея. Чтобы достигнуть цѣли, имъ пришлось пройти черезъ городъ, который представлялъ во многихъ мѣстахъ сплошной костеръ. Благодаря валявшимся на улицахъ трупамъ лошадей, людей и всякихъ обломковъ, было очень тяжело проходить. «Святой городъ, какъ называютъ его русскіе, — говоритъ авторъ, — представлялъ ужасное зрѣлище».

Прибывъ на берегъ Днѣпра, они увидѣли, что русскіе отступивъ разрушили за собою мостъ. Начальники вюртембергцевъ и

офицеры главнаго штаба генерала Нея ожидали ихъ тамъ. Послѣдніе не скрывали нетерпѣнія видя, что они двигались медленно, и издали еще кричали имъ:

— Идите, идите же скорѣе!

На это ихъ полковникъ, разсчитывая увидѣть мостъ, отвѣтилъ довольно рѣзко:

— Но вѣдь нѣтъ моста.

— Ничего,—отвѣтилъ французъ.

На это фонъ-Зуковъ иронически замѣчаетъ, что французу это безразлично было, такъ какъ онъ зналъ, что не ему предстояло входить въ воду. Что же касается автора и его товарищей, то они не раздѣляли взглядовъ француза.

Во время переправы они находились между двухъ огней. Прямо передъ ними былъ непріятель, посылавшій имъ выстрѣлъ за выстрѣломъ. Но еще хуже имъ доставалось отъ своей опоры, португальцевъ, которыхъ назначили имъ въ прикрытіе, выразившееся тѣмъ, что они отстрѣливали непріятеля. По несчастію, ихъ выстрѣлы были настолько коротки, что били вюртембергцевъ въ тылъ, такъ что по прибытіи на другой берегъ оказалось нѣкоторое число раненыхъ. Русскіе не защищались и при первомъ натискѣ отступили; нѣмцы захватили ихъ позицію, состоявшую изъ деревянныхъ бараковъ. Но русскіе, удалившись на окружающія высоты, открыли такой огонь, что моментально всѣ деревянныя постройки были охвачены пламенемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были наполнены легко воспламеняющимся матеріаломъ, что помогало огню разгораться. Кромѣ того, въ нихъ находились различныя мѣховыя и жестяныя эмальированыя вещи. Фонъ-Зуковъ купилъ изъ этихъ магазиновъ кое-что для своихъ солдатъ, а для себя пріобрѣлъ мѣховую шубу, крытую краснымъ бархатомъ, и каретный фонарь. Обѣ эти вещи оказали ему большую услугу впослѣдствіи, зимою, когда они располагались на бивуакахъ.

Все предмѣстье пылало, улицы были переполнены ранеными и трупами людей и животныхъ. Насколько было возможно, они подобрали раненыхъ, но многихъ, вѣроятно, забыли или не замѣтили, оставивъ ихъ на произволъ пламени. Наступало время удалиться отъ этого ужаснаго мѣста. Но не желая, чтобы непріятель могъ снова поселиться тамъ, они рѣшили сжечь все, что осталось нетронутымъ.

Хотя французы обыкновенно увѣряютъ, будто русскіе сами жгли города, но фонъ-Зуковъ утверждаетъ, что въ этомъ случаѣ союзники сами спѣшили зажечь уцѣлѣвшіе дома, прежде чѣмъ покинуть мѣстность. Съ этою цѣлью быстро устроилась чисто-поджигательная команда. Солдаты направлялись рядами. Каждому изъ рядовъ поручали обѣжать опредѣленное число улицъ и поджигать дома. Для этого они клали на крыши, крытыя дранками, тряпки,

пропитанныя жиромъ или натертыя порохомъ, и другія легко воспламеняющіяся вещества и затѣмъ стрѣляли по нимъ. При этомъ они такъ старательно исполняли эту обязанность, что едва сами успѣвали перебраться на другой берегъ Днѣпра. Здѣсь они оставались вторую половину дня, чтобы защищать французскихъ саперовъ, наводившихъ пловучій мостъ черезъ Днѣпръ. Фонъ-Зуковъ говоритъ, что было большое удовольствіе видѣть работающими эту молодежь; они исполняютъ свою обязанность, шутя, несмотря на холодную воду и пустые желудки. Это было положительное соперничество шутокъ и красныхъ словечекъ.

Вечеромъ пришелъ приказъ снова переправиться назадъ и расположиться бивуакомъ по другую сторону городской стѣны. Несчастные вюртембергскіе солдаты, не успѣвшіе высушиться отъ одной ванны, должны были снова выкупаться въ холодной водѣ Днѣпра, прежде чѣмъ лечь спать. Офицеры были счастливѣе ихъ, перебравшись по понтонному мосту. Не успѣли они перебраться черезъ рѣку, какъ скачетъ къ нимъ французскій офицеръ съ приказаніемъ немедленно переправиться обратно. Нѣмцы возмутились. Усталые, продрогшіе и голодные, они менѣе всего хотѣли снова брать холодную ванну. Наконецъ адъютантъ Наполеона разъяснилъ, что вышла путаница. Обрадовавшись, что могутъ отдохнуть, они развели костеръ, но и тутъ имъ не повезло, вышелъ приказъ затушить огни. Продрогшіе, они согрѣвались бѣганіемъ, разминаніемъ членовъ, но не могли согрѣться и на утро оказались больными. Эта ночь была для нихъ ужасна. На слѣдующій день 19-го августа они двинулись на Москву. Радость ихъ была безконечна. Они ожидали вознаградить себя въ Москвѣ за всѣ лишенія и разсчитывали, какъ и Наполеонъ, попасть въ нее безъ одного выстрѣла. Но впослѣдствіи Зуковъ признается: «Увы, наши разсчеты оказались невѣрными!» Русскіе не только не очистили пути, но все время тревожили ихъ. Вюртембергцы вначалѣ не участвовали въ стычкахъ. Русскіе продолжали какъ бы систематически отступать внутрь Россіи, и хотя начинали стычки, но тотчасъ же отступали, какъ только къ кавалеріи подходила на помощь пѣхота.

Снова началось бѣдствіе и голодовки. Они даже должны были довольствоваться порохомъ вмѣсто соли. Мѣстность, черезъ которую они проходили, была такъ обильно населена пчелами, что лица солдатъ были буквально изъѣдены ими. Невзирая на такую энергичную защиту пчелъ, солдаты настолько злоупотребляли медомъ, что почти всѣ переболѣли, и это еще болѣе ослабило дивизію. Но все-таки они продолжали свой путь подъ палящими лучами солнца, пока не достигли Вязьмы.

Съ перваго момента русскіе показали видъ, что защищаютъ входъ въ городъ. Затѣмъ послѣ оживленной стычки они удалились, уводя съ собою большую часть жителей. Черезъ два дня,

т. е. 2-го сентября, вюртембергцы расположились бивуакомъ невдалекѣ отъ охваченнаго огнемъ Гжатска, а 4-го сентября они направились къ Можайску, гдѣ разгорался знаменитый Бородинскій бой. 6-го сентября отрядъ Зукова остановился бивуакомъ у самаго Бородинскаго поля, противъ воздвигнутыхъ русскими редутовъ, на которыхъ на другой день имъ предстояло сражаться. Здѣсь они положительно были оглушены канонадой съ лѣвой стороны. Наполеонъ установилъ обычай считать дни битвъ праздничными, а потому всѣ участвовавшіе въ бою одѣвались въ парадныя формы. При этомъ императорская гвардія надѣвала громадныя мѣховыя шапки съ перьями. Чтобы послѣднія не испортились въ пути, каждый обязанъ былъ прятать свое перо въ особый чехолъ.

Утро, въ которое вюртембергскому 3-му корпусу предстояло взять штурмомъ редуты, было великолѣпное. Они уже двинулись, но были остановлены чтеніемъ прокламаціи Наполеона, написанной по поводу этого боя. Въ это время они находились въ самомъ поясѣ сильныхъ выстрѣловъ непріятельской артиллеріи. По выслушаніи прокламаціи они продолжали двигаться на позицію, занятую русскими, но при этомъ шли неувѣренно, такъ какъ приказъ отданъ былъ неопредѣленно. Это имъ сильно повредило. Едва они сдѣлали нѣсколько сотенъ шаговъ, какъ попали подъ жестокую канонаду, направленную съ русскихъ редутовъ и батарей. Но фонъ-Зукову не суждено было продолжать съ вюртембергцами пути, такъ какъ маршалъ Ней потребовалъ офицеровъ, говорящихъ по-французски, и онъ сдѣлался ординарцемъ Нея. Служба его была не изъ легкихъ въ томъ отношеніи, что у маршала и его свиты были прекрасныя лошади, и они бѣшено скакали по полю. Что же касается автора, то у него была маленькая, замученная русская лошаденка, на которой не было возможности поспѣвать за Неемъ. Но съ другой стороны ему выпало счастье хорошо позавтракать. По приказанію Нея, имъ былъ поданъ завтракъ, состоящій изъ масла, хлѣба, сыра и въ изобиліи ликеровъ. Эта роскошь вызвала у Зукова сравненіе съ недостаткомъ, который переносили союзныя войска. Но это наслажденіе было прервано приказомъ садиться на коней. У свиты оказались свѣжія лошади, тогда какъ фонъ-Зукову и его товарищу оставили прежнихъ замученныхъ животныхъ. Видя невозможность продолжать съ ними путь, онъ заявилъ объ этомъ начальнику генеральнаго штаба, генералу Гури, и такъ какъ въ нихъ не было болѣе необходимости, то ихъ отпустили. Между прочимъ авторъ видѣлъ, какъ Наполеонъ, наблюдавшій за битвой на вершинѣ холма, выслушивалъ доклады. При этомъ онъ гнѣвно щелкалъ по воздуху хлыстикомъ.

Битва приходила къ концу, а вюртембергцы все время оставались подъ открытымъ огнемъ. Фонъ-Зуковъ долго ихъ разыскивалъ и наконецъ нашелъ въ одномъ изъ редутовъ, отнятомъ у русскихъ.

Въ этомъ дѣлѣ большая доля успѣха выпадала на вюртембергцевъ, какъ говоритъ авторъ. Когда Наполеонъ прислалъ узнать, гдѣ происходитъ схватка, то генералъ Маршанъ, командовавшій ими, отвѣтилъ: «Скажите императору, что вюртембергцы удержались въ редутѣ, отбитомъ двумя французскими полками, которые послѣдній принуждены были покинуть, и вюртембергцы помѣшали Неаполитанскому королю сдѣлаться плѣнникомъ».

Дѣло въ томъ, что во время битвы Мюратъ, случайно оставшійся безъ эскорта, только съ однимъ пикеромъ негромъ, одѣтымъ, какъ и онъ самъ, въ экстравагантный костюмъ, внезапно очутился окруженнымъ со всѣхъ сторонъ русскими. Моментально онъ спрыгнулъ съ лошади и скрылся въ укрѣпленіи, занятомъ вюртембергскими войсками. Такимъ образомъ онъ бросилъ на произволъ судьбы лошадь и негра. На этотъ разъ негръ былъ храбрѣе своего господина и не растерялся; онъ все время не переставалъ кричать: «Стрѣляйте! стрѣляйте!». Его поведеніе было тѣмъ болѣе опасно, что онъ находился между своими и непріятельскими рядами, и это «стрѣляйте» могло ему стоить дорого. По счастію, онъ ухитрился выйти изъ этого положенія здравъ и невредимъ. Послѣ этой стычки Мюратъ горячо благодарилъ вюртембергцевъ, громко осыпая похвалами ихъ храбрость, а Маршанъ похвалилъ ихъ Наполеону.

Эта битва стоила французской арміи громадныхъ жертвъ: болѣе двадцати тысячъ со стороны французовъ. «Видъ на ровъ нашего редута, говоритъ авторъ, былъ ужасенъ. Различныхъ контингентовъ трупы переполняли его. Вюртембергцы, французы и русскіе лежали тамъ другъ на другѣ. Однихъ вюртембергцевъ, отправившихся нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ количествѣ 17.000 человѣкъ и 3.500 лошадей, теперь осталось всего 1.300. Конечно, въ эту сумму включается и часть солдатъ, умершихъ отъ болѣзней, лишеній и усталости. Впродолженіе одного дня битвы при Бородинѣ было потеряно 59 нижнихъ чиновъ, 580 раненыхъ, 5 офицеровъ умерло и 40 ранено.

Послѣ Бородинской битвы автора, къ его огорченію, назначили помощникомъ начальника наскоро устроеннаго госпиталя въ одной изъ деревень, находящихся близъ мѣста сраженія. Этотъ госпиталь представлялъ что-то ужасное. Дома были безъ рамъ, дверей и даже безъ крыши. Въ этой-то развалинѣ помѣстили вюртембергскихъ раненыхъ. Зукову поручено было все устроить. Но въ ожиданіи самъ авторъ спалъ въ хлѣву рядомъ съ какимъ-то убитымъ и всю ночь не могъ заснуть. На другой день онъ разослалъ патрули для отысканія продовольствія, матеріаловъ для постройки. Наконецъ кое-какъ все устроили. Черезъ двѣ недѣли больные стали поправляться, а умершіе были оставлены лежать въ полѣ, наполняя воздухъ ужаснымъ зловоніемъ. Хотя Зуковъ былъ не новичекъ въ дѣлѣ войны и ея послѣдствій, но не могъ безъ со-

дроганія видѣть несчастныхъ раненыхъ. Такъ, напримѣръ, къ нему въ госпиталь привезли въ телѣгѣ полковника Шейдемантеля съ раздробленнымъ колѣномъ, который наотрѣзъ отказался сойти съ телѣги, такъ что были принуждены оставить ее подъ навѣсомъ. Онъ все время въ горячечномъ бреду командовалъ ногѣ: «Я приказываю тебѣ не болѣть и не мучить меня!». Такъ онъ и умеръ въ телѣгѣ.

Къ довершенію неудачъ, ихъ госпиталь едва не сгорѣлъ, и Зуковъ рѣшилъ перевести его въ одну изъ покинутыхъ хозяевами усадебъ. Но онъ уѣхалъ ранѣе, чѣмъ осуществилъ свой планъ, такъ какъ ему поручили отправиться съ выздоравливающими въ Москву.

Въ половинѣ октября они присоединились къ отряду, отправившемуся изъ Смоленска, и двинулись на Москву, но лишь только они прибыли туда, какъ узнали, что должны будутъ на другой же день покинуть Москву. Къ его огорченію, у него пала лошадь и дезертировалъ денщикъ, захвативъ съ собою всѣ вещи автора, такъ что у него остался худой, совершенно потертый мундиръ, красная бархатная шуба и худая партикулярная фуражка. 18 октября Наполеонъ издалъ указъ, который гласилъ: «Ни я, ни вы не можемъ бороться противъ природы и варварства. Мой любимецъ, неаполитанскій король, отведетъ остатокъ арміи на зимнія квартиры, гдѣ вы воспользуетесь заслуженнымъ отдыхомъ. Дружественный народъ, которому мы доставили свободу и счастье, приметъ васъ съ любовью и осыплетъ милостями. Если я встрѣчу на своей дорогѣ русскихъ, я ихъ побью, а если не встрѣчу, тѣмъ лучше для нихъ».

Послѣ этого приказа стали собираться въ путь. Одинъ изъ товарищей автора купилъ у евреевъ лошадь и пролетку. По этому поводу авторъ говоритъ: «Въ эту эпоху каждый гвардейскій офицеръ имѣлъ обязательно ее для выѣздовъ и визитовъ. Любопытно, какъ русскіе не любятъ ходить пѣшкомъ. Впрочемъ мнѣ это передавали товарищи, попавшіе въ плѣнъ къ русскимъ».

19-го октября, Зуковъ, присоединившись къ вюртембергцамъ, отправился изъ Москвы. Не успѣлъ онъ съ пріятелемъ выѣхать, какъ увидѣлъ массу покинутыхъ пролетокъ. Многія изъ нихъ были наполнены провизіей и драгоцѣнностями. Такъ Зуковъ и не видалъ, какъ слѣдуетъ, «города царей», какъ онъ называетъ Москву. Ея главная часть представляла руины. Первое время они шли мирно. Провизіи было достаточно, и даже не было недостатка въ спиртныхъ напиткахъ. Но это длилось не долго. 24 октября произошла серіозная стычка съ русскими, и Наполеону стало ясно, что прямо на Волынь и Подолію не попасть. Приходилось свернуть на старую дорогу, которой они избѣгали, такъ какъ тамъ нельзя было надѣяться на провіантъ, потому что все было очищено войсками. Но дѣлать было нечего, армія свернула и направилась на

Можайскъ. Русскіе слѣдовали за ними по пятамъ, какъ бы выталкивая ихъ. Казаки, эти грозныя видѣніи ихъ арміи, все время носились вокругъ. Бѣдныхъ французскихъ пѣхотинцевъ охватывалъ паническій страхъ при словѣ «казакъ». Достигнувъ Можайска, отъ котораго не осталось и слѣда, они продолжали путь. Но теперь ихъ положеніе становилось день ото дня печальнѣе. Командирская повозка была украдена, а съ нею, къ большому огорченію Зукова, пропала его любимая гитара, которою онъ услаждалъ не только свой слухъ, но и командира и товарищей. Холодъ переходилъ въ стужу. Зуковъ остался безъ солдатъ; слѣдовательно надѣяться было не на кого, чтобы раздобыть кое-что съѣдобное. На счастье Зукова, у него была еще красная бархатная шуба, грѣвшая его по ночамъ, но въ ней стали устраивать свои колоніи насѣкомыя, и ему приходилось сравнивать ее съ «египетскою язвою».

Но въ то время, какъ союзники голодали, французскіе солдаты, по словамъ автора, жаловались, что имъ надоѣло ѣсть куропатокъ. Вѣроятно, въ этомъ замѣчаніи кроется недоразумѣніе. Или французы изъ любви къ балагурству шутили на голодный желудокъ, что Зуковъ принялъ за серіозное, или маленькое пристрастіе играетъ здѣсь роль.

Въ началѣ ноября они добрались до Гжатска. Дорогой онъ потерялъ товарищей и остался одинъ. Морозъ былъ сильный, и Зуковъ принялся искать себѣ ночлегъ. Завидѣвъ гренадеровъ старой гвардіи, собравшихся вокругъ костра, онъ присоединился къ нимъ. При этомъ произошла характерная сценка между блестящимъ, элегантнымъ офицеромъ главнаго штаба и гренадеромъ солдатомъ. Первый приблизившись предложилъ ему уступить мѣсто для генерала и офицеровъ его штаба. На это гренадеръ отвѣтилъ ему громко: «Теперь нѣтъ болѣе генераловъ, а есть только несчастные. Мы остаемся». Офицеръ тотчасъ же исчезъ и не появлялся болѣе. Наконецъ, голодные и истощенные, они добрались до Вязьмы. Здѣсь они сначала не могли ничего достать, но когда сказали одному изъ комиссіонеровъ, что у нихъ «много денегъ, даже очень много денегъ», то онъ раздобылъ шесть вяземскихъ пряниковъ и французскаго варенья. Для этого пришлось Зукову сдѣлать маленькій заемъ у маркитанта Рейса. Затѣмъ, какъ-то ему удалось разыскать товарищей, и, присоединившись къ нимъ, онъ разсчитывалъ устроиться на ночлегъ. Но только, что они расположились и немного отдохнули, какъ вдругъ на разсвѣтѣ казаки сдѣлали нападеніе на городъ, и всѣ бросились бѣжать въ полномъ безпорядкѣ. Въ суматохѣ Зуковъ потерялъ товарищей. Когда послали часть солдатъ противъ казаковъ, то они отступили, такъ какъ ихъ главная задача была безпокоить непріятеля и не давать ему времени ни отдыхать ни располагаться надолго, но не убивать. Но страхъ къ казакамъ былъ такъ великъ, что всѣ выбрались изъ Вязьмы. Тѣснота

была невообразимая. У несчастнаго Зукова были сапоги въ такомъ ужасномъ положеніи, что онъ почувствовалъ одну изъ ногъ отмороженной. При этомъ еще слышались со всѣхъ сторонъ крики: «вотъ казаки!» Настроеніе было самое отчаянное. Но, говоритъ авторъ, «я замѣтилъ въ этотъ день, что, когда крайность становится чрезмѣрной, ближе всего становится Богъ». Помощь явилась въ видѣ французскаго семейства, спасавшагося изъ Москвы въ каретѣ. Этотъ французъ, какъ онъ впослѣдствіи разсказалъ автору, имѣлъ въ Москвѣ торговый домъ. Онъ слишкомъ радушно и восторженно встрѣтилъ французскую армію и опасаясь, что русскіе узнаютъ объ этомъ, рѣшился бѣжать, съ тѣмъ, что когда все успокоится, то онъ возвратится опять въ Москву. Такъ какъ онъ оказалъ арміи услугу, указывая, гдѣ можно достать провизію и прочее, то ему дали пропускъ. Въ каретѣ сидѣли дама и барышня, оказавшіеся женою и свояченицею француза. Впереди кареты бѣжала босоногая русская дѣвушка, крѣпостная француза; для предосторожности къ ней была протянута веревка отъ дышла лошадей, которою она была привязана, чтобы не сбѣжала. Сжалившись надъ несчастнымъ Зуковымъ, французъ предложилъ ему мѣсто на запяткахъ кареты, гдѣ кладутъ чемоданы. Такимъ образомъ Зуковъ хотя немного отдохнулъ и согрѣлъ ноги, завернувшись въ свою красную шубу, сидя на лакейскомъ мѣстѣ. Этотъ французъ, говоритъ Зуковъ, вѣроятно, имѣлъ на душѣ большой грѣхъ противъ русскихъ, такъ какъ, несмотря на свое двухствольное ружье, съ которымъ онъ не разставался, онъ страшно боялся сдѣлаться плѣнникомъ. Когда наступила ночь, французъ нашелъ удобнѣе ѣхать какъ можно ближе къ колоннѣ войска, чтобы не попасться въ руки казаковъ. Шумъ уменьшался, и засвѣтились направо и налѣво огни бивуаковъ. Надо было подумать о ночлегѣ, тѣмъ болѣе, что дамы устали, лошади тоже, а несчастная крѣпостная была болѣе не въ состояніи бѣжать и давно уже помѣстилась рядомъ съ Зуковымъ. Наконецъ имъ попалась часовня, въ которой они и устроились съ лошадьми и каретой, предварительно попросивъ находившихся тамъ французовъ и вюртембергцевъ уступить имъ мѣсто. Самъ Зуковъ ночевалъ въ шалашѣ.

Фонъ-Зуковъ прекрасно передаетъ ужасное нравственное и моральное разложеніе, какое порождаетъ война. Голодные и оборванные солдаты думали только о себѣ. Это была такая борьба за существованіе, что сама битва представляется менѣе ужасной. Такъ между многочисленными разсказами фонъ-Зуковъ рисуетъ такую картину: «Лежитъ раненый генералъ, а солдатъ стаскиваетъ у него съ ногъ сапоги, чтобы воспользоваться ими для себя. Тогда генералъ, вѣроятно, отъ боли заговорилъ, обращаясь къ солдату со словами: «Обожди, я еще не умеръ».—«Хорошо, генералъ, я обожду»,—прехладнокровно отвѣчаетъ солдатъ».

Относительно обращенія русскихъ съ плѣнными фонъ-Зуковъ разсказываетъ, что въ Виленскомъ лазаретѣ русскіе ужасно обращались съ больными. Лѣкарство и ѣду давали, какъ попало, когда вспомнятъ. Мертвыхъ выбрасывали прямо за окно, гдѣ они разбивались о мостовую. Иногда тащили ихъ за ноги, и они бились головою о ступени, а то просто ихъ оставляли на томъ мѣстѣ, гдѣ они умирали, и до тѣхъ поръ не убирали, пока больные не просили ихъ унести, потому что они издавали зловоніе.

Зараза была страшная. Больные все это видѣли и слышали, а потому настроеніе было у всѣхъ болѣе чѣмъ угнетенное. При этомъ авторъ оговаривается, что не настаиваетъ на достовѣрности, такъ какъ лично тамъ не былъ, а говоритъ со словъ товарищей-очевидцевъ.

Страхъ же къ казакамъ доводилъ французскія и союзныя войска до кошмара. Случалось часто, что солдаты принимали за казаковъ мѣстныхъ вооруженныхъ помѣщиковъ съ ихъ крѣпостными, тоже вооруженными. Такъ случилось и въ ночь, когда французъ съ семьей расположился въ часовнѣ. Только что Зуковъ выпилъ предложенную французомъ чашку чая, какъ крѣпко заснулъ въ своемъ шалашѣ на соломѣ. Вдругъ раздалось: казаки! казаки! Зуковъ призвалъ своихъ солдатъ и бросился въ часовню босикомъ, держа свои сапоги въ рукахъ, такъ какъ ноги были всѣ въ крови отъ ходьбы. Француженки плакали въ каретѣ, а французъ съ ружьемъ охранялъ входъ. Свѣтъ отъ луны и бѣлизна снѣга дѣлали предметы видимыми, какъ днемъ. Передъ ними появились казаки на своихъ маленькихъ лошадяхъ и стали объѣзжать вокругъ импровизованной крѣпости, разсуждая о чемъ-то очень горячо. По мнѣнію Зукова, они говорили о томъ, что имъ предпринять, такъ какъ не долюбливали ружей, а Зуковъ и остальные были вооружены ружьями. Тогда кто-то приказалъ выстрѣлить. Только что успѣлъ раздаться выстрѣлъ, какъ всѣ казаки исчезли. Но внезапно сцена измѣнилась. Одинъ изъ нихъ выдѣлился и быстрымъ галопомъ приблизился къ нимъ, громко крича по-нѣмецки: «Вестфальцы, хотите ли вы прощенія?» Въ отвѣтъ французы опять выстрѣлили. Казакъ моментально далъ шпоры, и только его видѣли. Зуковъ увѣренъ, что это были не казаки, а какой нибудь графъ №, изучившій нѣмецкій языкъ въ Гейдельбергѣ и Гетингенѣ.

Вообще о казакахъ Зукову разсказывали много. Такъ, напримѣръ, будто они продавали крестьянамъ плѣнниковъ за серебряный рубль каждаго, вмѣсто того, чтобы отвести ихъ къ начальству. Но Зуковъ удивляется тому паническому страху, какой питали къ нимъ остальные. Они даже образовали отъ слова «cosaque» глаголъ «cosaquer», краснорѣчиво выражающій расправу казаковъ. Онъ лично не находилъ въ нихъ ничего страшнаго,

кромѣ ихъ ужасныхъ бородъ. Въ сущности же они были скорѣе добряки, въ чемъ онъ убѣдился во французскій походъ 1814 года. Такъ въ Бріеннѣ онъ видалъ, какъ казакъ утѣшалъ женщину, домъ которой былъ обокраденъ мародерами. Онъ не только утѣшалъ ее словами, но гладилъ по щекамъ и раздѣлилъ съ нею свой хлѣбъ. Всѣ знаютъ, добавляетъ фонъ-Зуковъ, что казаки очень любятъ дѣтей. Имя же гетмана Платова возбуждало еще сильнѣйшую панику. Два года спустя послѣ похода, онъ познакомился съ гетманомъ и пообѣдалъ у него. Изъ этого свиданія онъ вынесъ самое симпатичное впечатлѣніе о любезности Платова.

Такое нелестное о казакахъ мнѣніе сложилось очень просто. «Если, говоритъ фонъ-Зуковъ, какая нибудь деревня была охвачена пламенемъ, тотчасъ же это приписывали казакамъ. Въ сущности же, пожаръ былъ вслѣдствіе беззаботности бѣглецовъ и войскъ, которые, останавливаясь на время, зажигали громадные костры и уходя нисколько не заботились, что будетъ послѣ нихъ. Если кто изъ солдатъ засыпалъ, держа за поводья лошадь, и, проснувшись, не находилъ ея,—опять обвиняли казаковъ въ воровствѣ, не думая приписывать исчезновенія лошади своему сосѣду. Нерѣдко мародерамъ, отправлявшимся въ одиночку по деревнямъ шарить добычу, приходилось наталкиваться на цѣлую толпу крестьянъ, бродившихъ сзади войскъ, и подвергаться грабежу, говоритъ иронически Зуковъ; и что же, по возвращеніи, такой неудачникъ непремѣнно разсказывалъ со слезами на глазахъ: «Я попался въ руки казаковъ».

Это мнѣніе Зукова едва ли не первое среди писателей, касавшихся войны 1812 г.

Возвращаясь къ разсказу, Зуковъ говоритъ, что француженки отъ радости, что избавились отъ казаковъ, устроили въ часовнѣ чай, въ два часа утра, при 15° мороза. При этомъ изъ разныхъ уголковъ кареты вытаскивалось всевозможное угощеніе. Наконецъ, на зарѣ они рѣшили отправиться далѣе; одинъ унтеръ-офицеръ взялся поѣхать осмотрѣть канавы и заборы, чтобы убѣдиться, не спрятались ли тамъ казаки. Но они его такъ и не дождались, онъ исчезъ, и съ тѣхъ поръ Зуковъ о немъ не слыхалъ. При этомъ онъ выражаетъ мнѣніе, что, вѣроятно, его ограбили, а, можетъ быть, и убили, потому что «разсказывали въ то время ужасныя вещи, какія продѣлывали эти бродяги, нафанатизированные ихъ попами». Наконецъ, онъ разстался съ французскимъ семействомъ. Всѣ разбрелись, и остались только Зуковъ и Ринглеръ, его товарищъ. Смоленскъ находился отъ нихъ въ сорока верстахъ. Попасть туда скорѣе было ихъ мечтой, такъ какъ тамъ находился провіантный магазинъ. Ѣсть имъ было буквально нечего, платье обратилось въ лохмотья, и вмѣстѣ съ тѣмъ морозъ и казаки донимали ихъ. Но въ дорогѣ, къ огорченію Зукова, онъ потерялъ товарища, и ему пришлось продолжать путь въ одиночествѣ.

Чѣмъ ближе подвигались къ Смоленску, тѣмъ радостнѣе становилось на сердцѣ у солдатъ. Всѣ разсчитывали получить въ Смоленскѣ провіантъ, но опять отношеніе французовъ къ союзникамъ Зуковъ рисуетъ несвѣтлыми красками. Насколько дурно французы относились къ союзникамъ, доказываетъ, по словамъ Зукова слѣдующій случай. За версту отъ Смоленска Зуковъ и нѣсколько вюртембергскихъ офицеровъ и солдатъ рѣшили переночевать въ ригѣ, крытой соломой. Внезапно они замѣтили, что надъ ними колеблется потолокъ, а солома мало-по-малу убываетъ и ея слой становится все тоньше и тоньше. Оказалось, что французскіе саперы, устроившись бивуакомъ около нихъ, таскали съ ихъ крыши солому себѣ на постели. По несчастью, въ ихъ ригѣ какимъ-то образомъ очутилась казачья пика. Не долго думая, одинъ вюртембергскій офицеръ схватилъ пику и началъ тыкать ею во всѣ стороны крыши. Вдругъ раздался пронзительный крикъ, и кто-то покатился съ крыши. Черезъ нѣсколько минутъ французскій офицеръ, взбѣшенный до послѣдней степени, явился къ нимъ въ ригу. Онъ началъ кричать, шумѣть самымъ грубымъ образомъ, при этомъ оскорблялъ нѣмецкую армію. Оказалось, что пикою вюртембергскій офицеръ ранилъ въ ногу сапера. Разгорячившагося офицера выпроводили за дверь.

Проснувшись рано, Зуковъ отправился въ городъ, но у городскихъ воротъ тѣснилась несмѣтная толпа. Смоленскъ расположенъ на горѣ, и дорога къ нему сдѣлалась положительно невозможна. Снѣгъ былъ довольно крѣпокъ, такъ какъ температура стояла на 16° ниже нуля, а десятки тысячъ людей такъ его притоптали, что онъ обратился въ зеркальную поверхность, по которой едва можно было проходить. При этомъ происходили траги-комическія сцены; такъ одинъ старый французскій офицеръ попробовалъ пробраться начетвереинькахъ, но все-таки не могъ пройти, другіе шли на цыпочкахъ или какъ маленькія дѣти, которыя учатся ходить. Несчастныя замореныя лошади были еще въ худшемъ положеніи; имъ приходилось тащить на зеркальную гору фургоны. Зуковъ видя тщетныя усилія одного вюртембергскаго солдата помочь лошадямъ втащить фургонъ, хотѣлъ дать совѣтъ, какъ вдругъ его полковникъ приказалъ ему озаботиться, чтобы фургонъ добрался въ гору. Зуковъ былъ не радъ, что сунулся въ это дѣло. Тщетно усиливались они втащить фургонъ, и наконецъ товарищи посовѣтовали бросить его, а чтобы не было Зукову выговора отъ начальства, они единогласно взяли на себя его защиту. Но, прежде чѣмъ бросить фургонъ, они рѣшили его выгрузить. Фургонъ былъ запертъ на ключъ. Тѣ же товарищи посовѣтовали сломать замокъ. Когда же его открыли, то въ немъ оказалось нѣсколько маленькихъ мѣшечковъ съ рисомъ и боченочекъ съ ратафіей, которую нашли въ громадномъ количествѣ при входѣ въ Москву. Недолго

думая, они подѣлили ратафію и рисъ, не забывъ и проводниковъ фургона. На несчастье Зукова передъ нимъ выросъ, какъ изъ-подъ земли, квартирмейстеръ Альберъ и выпросилъ у него рисъ. Дѣлать было нечего, Зуковъ рѣшился раздѣлить мѣшечекъ, но такъ какъ не во что было высыпать, то онъ одолжилъ свою фуражку. Альберъ сказалъ, что у него стоитъ близко лошадь, и онъ тотчасъ вернется. Тщетно ожидалъ Зуковъ своей фуражки и остался при 16° мороза съ обнаженной головой, наголо остриженной. Что было дѣлать, оставалось одно: снять съ шеи фуляръ и завязать имъ уши. Теперь предстояло Зукову продолжать путь въ красной бархатной шубѣ и съ фуляромъ на головѣ.

Наконецъ, добравшись до города, Зуковъ думалъ, что его мученія отчасти окончились, и онъ найдетъ, по крайней мѣрѣ, изобиліе провизіи, какъ говорили всѣ. Увы, хотя магазины были переполнены, но только одна гвардія получала аккуратно свою порцію на нѣсколько дней, относительно же остальныхъ царствовалъ страшный безпорядокъ. При раздачѣ происходили отвратительныя сцены, еще разъ представляющія весь ужасъ нравственнаго растлѣнія войны. Перепившись ворованной водкой до потери человѣческаго сознанія, солдаты чуть не убивали другъ друга изъ-за ничтожнаго кусочка хлѣба. Чтобы хотя немного возстановить порядокъ, городскія ворота охранялись, и впускалось только опредѣленоое количество голодныхъ, но и это не избавило отъ ужаснаго безпорядка. На счастье Зуковъ встрѣтилъ товарища, который сообщилъ, что въ предмѣстьѣ устроена главная вюртембергская квартира, и что, благодаря любезности и заботливости ихъ начальника, генерала, графа Шелера, вюртембергскимъ офицерамъ отдѣльно отложенъ провіантъ, и они могутъ тамъ его получить. Зуковъ отправился туда съ товарищемъ и получилъ тамъ два хлѣба и бутылку водки. Переночевавъ въ квартирѣ у фуражира главнаго штаба, Зуковъ отправился далѣе.

Несмотря на то, что его нога была наполовину отморожена, онъ шелъ теперь бодрѣе. Во-первыхъ, давно уже онъ не спалъ по-человѣчески въ теплой квартирѣ, во-вторыхъ, погода сдѣлалась теплѣе, и даже проглядывало солнце, а, въ-третьихъ, у него было на нѣхколько дней пропитанія, такъ какъ фуражиръ прибавилъ ему еще хлѣбъ. Кромѣ того, онъ входилъ теперь въ страну друзей-поляковъ, которые смотрѣли на нихъ, какъ на враговъ своего правительства, но не какъ на своихъ враговъ. Между Смоленскомъ и Вильной Зуковъ проходилъ черезъ маленькій городокъ «Красное» съ 1.500 жителями, совсѣмъ неизвѣстный до 12-го августа, когда французы одержали тамъ побѣду. Но еще болѣе онъ сталъ знаменитъ потому, что на другой день пребыванія тамъ Зукова, внезапно спугнутаго оттуда казаками, наполеоновская гвардія, которую Наполеонъ берегъ во всѣхъ сраженіяхъ, по словамъ Зукова, какъ по-

слѣдній козырь, была тамъ разбита. Послѣ всевозможныхъ приключеній Зуковъ долженъ былъ итти по колѣно въ снѣгу, такъ какъ дорога была занята бѣглецами, спасающимися изъ «Краснаго». Ночь была морозная. Не было возможности ни поѣсть, ни согрѣться, ни даже лечь. Равнина, покрытая снѣгомъ, и луна—вотъ все, что было передъ нимъ. Оставаться въ этомъ положеніи было невозможно, и ничего нельзя было предпринять. Найти деревню—но для этого надо было пройти черезъ березовый лѣсъ, въ которомъ, по убѣжденію всѣхъ, находились казаки, хотя еще они не встрѣтили ни одного. Наконецъ, одинъ изъ офицеровъ предложилъ Зукову попытать счастье и отправиться искать деревню. Немного поколебавшись, Зуковъ согласился. Рѣшившись отправиться на поиски, они пошли вдвоемъ черезъ березовый лѣсъ. Ночь была, по словамъ Зукова, феерическая, какая изо всѣхъ странъ Европы можетъ быть только въ Россіи, при лунномъ, зимнемъ пейзажѣ. Внезапно они услышали пронзительный крикъ, и французская фраза: «Mon Dieu, mon Dieu», долетѣла до ихъ ушей. Вскорѣ они увидѣли двухъ людей, возившихся около третьяго, лежавшаго на землѣ. Приблизившись къ нимъ, Зуковъ съ товарищемъ увидѣли двухъ русскихъ крестьянъ, вооруженныхъ громадными дубинами, а на землѣ французскаго солдата мертвецки пьянаго. При ихъ приближеніи русскіе сдѣлали видъ, что хотятъ ему помочь подняться и при этомъ приговаривали: «братецъ, братецъ». Но братецъ совершенно былъ пьянъ. Не имѣя возможности помочь, они рѣшили продолжать путь, но объяснили жестами, чтобы крестьяне поберегли солдата. Чтобы задобрить ихъ, Зуковъ предложилъ водки. Но они выпили каждый по глотку, возвративъ остальное Зукову и продѣлавъ при этомъ передъ нимъ всевозможные поклоны. Натерпѣвшись страху и изнемогая отъ усталости, вюртембергцы начали падать духомъ, какъ вдругъ они услышали шумъ экипажей. Первый вопросъ, который у нихъ явился, былъ, конечно, о томъ, русскіе это или французы. Услышавъ французскій говоръ, они приблизились къ проѣзжающимъ. Это была французская артиллерія. На вопросъ офицера относительно арміи они отвѣчали, что она въ полномъ отступленіи, въ чемъ онъ можетъ убѣдиться завтра утромъ. Это извѣстіе привело въ негодованіе французскаго офицера. Онъ осыпалъ ихъ самыми нелестными эпитетами и заявилъ, что ни одному ихъ слову не хочетъ вѣрить, такъ какъ получилъ приказъ доставить въ Смоленскъ пушки. Напрасно они увѣряли офицера, что если онъ поѣдетъ въ этомъ направленіи, русскіе отнимутъ у него пушки. Онъ ничему не вѣрилъ и, холодно простившись съ ними, продолжалъ путь. Такъ крѣпко засѣла во французахъ вѣра въ Наполеона.

Наконецъ, они добрались до деревни. Въ ней виднѣлись многочисленные огни бивуаковъ. Зуковъ съ товарищемъ долго не могли

рѣшить, друзья или враги раскинули бивуаки. Наконецъ они услышали нѣмецкую рѣчь и обрадовавшись прибавили шагу. Это были гессенцы. Они только что прибыли въ Россію, что было видно по ихъ здоровому виду и свѣжимъ мундирамъ. Послѣ прекрасно проведенной ночи Зуковъ направился къ границѣ «негостепріимной страны». «Отъ маршала Франціи до послѣдняго барабанщика самое пламенное желаніе было поскорѣе достичь этой границы», говоритъ онъ.

Теперь Зукову приходилось итти опять одному, такъ какъ его товарищу отданъ былъ приказъ ожидать въ качествѣ врача прибытія большинства отступающихъ, чтобы оказать пособіе раненымъ. Это неожиданное для нихъ бѣгство изъ Россіи создало даже новое слово «retirede», характеризующее, по словамъ Зукова, новое положеніе. Поляки встрѣчали ихъ радушно и относились съ большей любовью, чѣмъ къ русскимъ. Евреи ухитрялись доставать провіантъ, несмотря на то, «что страна была опустошена войсками,—конечно, съ условіемъ, чтобы у господина было много денегъ», такъ какъ требованія этихъ дерзкихъ людей доходили иногда до чрезмѣрнаго преувеличенія. Даже погода сдѣлалась мягче, но не надолго. Пока лучи солнца свѣтили, у несчастныхъ бѣглецовъ явилась надежда и терпѣніе, хотя лично Зуковъ говоритъ, что онъ не терялъ ни на минуту надежды выйти изъ этихъ несчастныхъ обстоятельствъ. Такъ была сильна вѣра въ Наполеона.

Онъ шелъ тихо, благодаря больной ногѣ, и приближался очень медленно къ Березинѣ. 25 ноября у роковой для несчастной арміи рѣки уже собралась французская армія. Исключая гвардіи, собравшейся въ порядкѣ, остальные представляли страшный хаосъ. Морозъ былъ сильный. Зуковъ прибылъ только 26 ноября вечеромъ къ мѣсту, гдѣ были перекинуты два моста. Чувствуя, что у него не хватитъ силъ для перехода, онъ попросилъ разрѣшенія у баварцевъ легкой кавалеріи, сидящихъ у огня, присоединиться на ночь къ нимъ. Они давно уже лишились своихъ лошадей, и вооруженіе ихъ состояло изъ дубинокъ. Зуковъ не совѣтовалъ переходить въ этотъ день рѣку, такъ какъ вся масса безпорядочно бросилась къ мосту. Богохульство, проклятія и крики стояли въ воздухѣ. Вооруженные дубинами люди безпощадно размахивались и били тѣхъ, кто стоялъ передъ ними, чтобы приблизиться на шагъ къ другому берегу. Вотъ въ какомъ видѣ представился переходъ черезъ Березину Зукову въ первый день его прихода.

«Это была самая тягостная ночь во всю мою жизнь», говоритъ Зуковъ. Морозъ настолько былъ сильный, что не было возможности сомкнуть глазъ, въ особенности въ такомъ безпокойномъ и нервномъ настроеніи, при звукахъ проклятій и нечеловѣческаго завыванія.

Въ этотъ же день Наполеонъ переходилъ несчастную рѣку, подъ защитой своей гвардіи, но уже не прежней спокойной и от-

личающейся порядкомъ, чѣмъ она всегда гордилась. Прежде чѣмъ перейти мостъ, императоръ приказалъ сжечь экипажи, и въ особенности принадлежащіе генераламъ и маршаламъ, фургоны, пролетки, вывезенные изъ Москвы, однимъ словомъ, все что было переполнено «найденными вещами», а попросту награбленными, которыя увеличивали тѣсноту. Кругомъ все пылало. Многіе изъ товарищей Зукова ухитрились пробраться съ императоромъ черезъ мостъ. При этомъ одинъ вюртембергскій майоръ егерскаго батальона несъ подъ плащемъ левретку, съ которой онъ не разставался во все время похода. Бѣдняжка отъ холода и страха визжала и дрожала. Услышавъ ея жалобный вой, императоръ предложилъ продать ему собаку. На это офицеръ отвѣчалъ: «Государь, я пережилъ съ нею всѣ страданія этого похода и хочу ее сохранить въ память того, что я испыталъ и видѣлъ». Этотъ отвѣтъ, повидимому, растрогалъ Наполеона, и онъ отвѣтилъ: «Я понимаю вашу привязанность къ этому бѣдному животному: это дѣлаетъ вамъ честь. Берегите ее, я не хочу васъ грабить». Черезъ три дня этотъ бѣдный капитанъ умеръ въ Виленскомъ госпиталѣ.

27 ноября, на разсвѣтѣ, Зуковъ отправился вмѣстѣ съ однимъ поручикомъ, отличающимся маленькимъ ростомъ, пробовать счастье перейти мостъ. Его предположеніе, что толпа будетъ меньше на второй день, не оправдалось. Каждый хотѣлъ войти на мостъ первымъ, а потому всѣ бросились разомъ. Онъ приблизился и увидѣвъ, что тамъ происходитъ, отступилъ и вернулся къ баварцамъ. Но послѣдніе уже отправились, и вмѣсто нихъ сидѣли французскіе саперы въ самомъ несчастномъ видѣ. Они, какъ и Зуковъ, рѣшили обождать дня, разсчитывая на болѣе благопріятный переходъ.

Наконецъ, около 12 часовъ, опасаясь завтрашняго дня, онъ рѣшилъ перейти во что бы то ни стало рѣку. Съ трудомъ шагая, направился Зуковъ къ мосту. Благодаря медленной ходьбѣ, онъ избѣгнулъ попасть въ самый водоворотъ, гдѣ навѣрно онъ былъ бы сшибленъ съ ногъ и раздавленъ. По несчастію, онъ не запасся дубинкой, какія находились у большинства какъ маршаловъ, такъ и солдатъ. Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ. Тогда Зуковъ еще не зналъ причины этихъ выстрѣловъ и только впослѣдствіи узналъ, что это были стратегическія комбинаціи Кутузова, Чигагова, Витгенштейна и другихъ, предпринятыя, чтобы окружить отступающихъ. При звукахъ выстрѣловъ тысячи людей бросились къ мосту, чтобы перейти его въ тотъ же вечеръ; давка произошла невообразимая. Зуковъ рѣшился остаться еще на одну ночь; этому примѣру послѣдовали многіе. Голодъ сталъ пробирать Зукова, на его бѣду, ѣсть было нечего, не нашлось даже маленькаго кусочка лошадинаго мяса.

Наконецъ, онъ, чтобы забыть о голодѣ, разговорился съ двадцатилѣтнимъ французскимъ солдатомъ. Послѣдній, обрадовавшись

тому, что Зуковъ успокоилъ его опасенія относительно плана Наполеона итти на Петербургъ, раздѣлилъ съ нимъ свой хлѣбъ. Наконецъ утомленный Зуковъ заснулъ.

28 ноября на разсвѣтѣ начались снова всѣ ужасы, о которыхъ, по словамъ Зукова, много писали преувеличеннаго и совершенно напрасно, такъ какъ и то, что было въ дѣйствительности, достаточно ужасно, чтобы его преувеличивать. Между прочимъ разсказывали, что сотни женщинъ погибли при переходѣ и дюжины дѣтей были растоптаны. Такой массы погибшихъ женщинъ и дѣтей онъ не видалъ, хотя въ моментъ, когда стали раздаваться все ближе и ближе непріятельскіе выстрѣлы, всѣ бросились къ мосту, онъ видѣлъ раздирающую душу картину. Элегантная карета, въ которой сидѣла дама и двое дѣтей, приготовлялась перебраться черезъ мостъ. Вдругъ непріятельское ядро поразило одну изъ лошадей и разорвало ее на куски. Дама съ обоими дѣтьми на рукахъ упала изъ кареты. Напрасно она умоляла прохожихъ помочь ей, кричала и плакала, паника была такъ велика, что никто не думалъ спасать ее. «Когда я обернулся, говоритъ Зуковъ, то ея болѣе не было ни видно, ни слышно. Человѣческая волна опрокинула ее и раздавила, пройдя по ней».

Вставъ въ ряды бѣглецевъ, колонна которыхъ удлинялась до безконечности, Зуковъ почувствовалъ весь ужасъ положенія. «Моментъ, когда я сдѣлалъ первый шагъ, говоритъ онъ, до вступленія на другой берегъ, былъ самый ужасный въ моей жизни. Нельзя описать волненія, охватившаго меня. Всѣ плакали, проклинали, вопили, старались ударить своего сосѣда». Самъ авторъ шелъ машинально. Вдругъ раздался болѣзненный крикъ, и кто-то позвалъ Зукова по имени. Это былъ одинъ изъ его друзей. Но Зуковъ не могъ ему помочь ничѣмъ, такъ какъ былъ совершенно стиснутъ. Вся эта сплошная масса двигалась и неслась, какъ волна, и Зуковъ даже не шагалъ, а его несла человѣческая масса, и ея напоромъ Зуковъ часто поднимался на воздухъ. Ядра русской артиллеріи сыпались вокругъ нихъ. Грунтъ былъ усѣянъ мертвыми и живыми людьми и лошадьми, которыхъ толпа нмилосердно топтала. «Я не могу забыть ужаснаго впечатлѣнія, когда за мои ноги хватались человѣческія руки, совершенно парализуя мои движенія, съ тщетнымъ желаніемъ подняться. Я не могу забыть еще случай, когда моя нога наступила на женщину, еще живую. Я слышалъ ея крики: «О, сжальтесь надо мною!» Она цѣплялась за мои ноги, какъ вдругъ вслѣдствіе толчка, даннаго сзади, я былъ приподнятъ и освобожденъ отъ ея объятій. Съ тѣхъ поръ я часто упрекаю себя, что противъ желанія былъ причиною смерти ближняго». Вотъ два случая съ женщинами, о которыхъ упоминаетъ Зуковъ. Можетъ быть, въ массѣ онъ не замѣтилъ другихъ женщинъ, но онъ отрицаетъ, что этихъ случаевъ было много. Чѣмъ ближе двигались къ мосту,

тѣмъ сильнѣе дѣлалась толкотня. Каждый старался отдѣлаться отъ непріятельскихъ ядеръ. Съ другой стороны французскіе жандармы, охранявшіе входъ на мостъ, съ саблями въ рукахъ, ударяли по бѣглецамъ, какъ попало, и остріемъ и плашмя, чтобы установить порядокъ. Въ свою очередь мостъ былъ выстроенъ изъ ужаснаго матеріала и грозилъ каждую минуту рухнуть. Единственный разъ во весь походъ Зуковъ пришелъ въ отчаяніе, не надѣясь на свое спасенье. Онъ наступилъ на тѣло лошади, по которой ему пришлось пройти, рискуя свалиться, такъ какъ при каждомъ ея дыханіи онъ терялъ равновѣсіе. Неожиданный рѣзкій толчекъ сзади чуть его не свалилъ, и онъ инстинктивно захватился за плащъ французскаго офицера, шедшаго впереди его съ дубиной, которою онъ ударялъ всякаго, кто къ нему приближался. На неоднократныя просьбы офицера оставить его въ покоѣ, Зуковъ не отпускалъ его плаща, укрываясь ловко отъ его ударовъ. Наконецъ французъ потерялъ терпѣніе и сталъ награждать такими ударами по его направленію, что Зуковъ выпустилъ его и спрыгнулъ въ рѣку, дойдя такимъ образомъ до моста, на который вскарабкался. Воды было по колѣно въ это время года, но температура ея была 20°/о ниже нуля; ванна было настолько холодна, что Зуковъ не могъ ее забыть даже въ ту минуту, какъ писалъ мемуары.

Къ его удивленію, мостъ былъ совершенно пустъ, и онъ перебрался спокойно на другой берегъ. Окоченѣвшій отъ холода, онъ въ то же время почувствовалъ страшную жажду. Несмотря на массу плавающихъ труповъ, фонъ-Зуковъ съ наслажденіемъ напился воды.

Совершенно мокрый, онъ поспѣшилъ удалиться отъ этого ужаснаго мѣста, разсчитывая согрѣться и высушиться въ ближайшей деревнѣ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ ѣдущаго верхомъ нѣмецкаго офицера, который предложилъ ему ѣхать попеременно съ нимъ. Дорогой они встрѣтили «священный эскадронъ», составившійся исключительно изъ офицеровъ. При видѣ Зукова и его спутника, отъ эскадрона отдѣлился одинъ генералъ и подскакавъ сказалъ, обращаясь къ спутнику Зукова: «Сударь, присоединяйтесь къ намъ, это святой эскадронъ, составившійся для охраненія личности императора». «Вѣроятно, они не знали, что ихъ императоръ покинулъ армію еще наканунѣ», прибавляетъ Зуковъ. А его товарищъ не остался въ долгу передъ Наполеономъ за его отношеніе къ союзникамъ. Генералу онъ ничего не отвѣтилъ, а Зукову въ полголоса сказалъ: «Онъ смѣется надо мною! Я поостерегусь помогать въ защитѣ его»... При этомъ слѣдовали неудобныя слова.

Наконецъ они прибыли въ деревню, гдѣ Зуковъ разстался со своимъ спутникомъ. Здѣсь онъ узналъ, что ихъ принцъ, командовавшій кавалерійской дивизіей, находится въ деревнѣ. Зуковъ явился къ нему и былъ ласково принятъ, при чемъ получилъ рюмку водки

и кусочекъ хлѣба, что привело его въ восторгъ. Его восторгъ еще болѣе увеличился, когда принцъ пригласилъ его переночевать на соломѣ. Воспользовавшись сномъ принца, Зуковъ высушилъ одежду и на утро двинулся дальше къ Вильнѣ. Масса спасающихся, избѣгнувъ артилерійскихъ выстрѣловъ при Березинѣ, теперь боялась казаковъ. Зуковъ очень пессимистически относится къ храбрости казаковъ. «Сколько разъ, говоритъ онъ, я видѣлъ казаковъ въ степяхъ по двѣнадцати человѣкъ, и при видѣ двухъ или трехъ ружейныхъ дулъ они изо всей силы спасались». Даже про нихъ существовалъ характерный анекдотъ. «Одинъ полковой музыкантъ ускользнулъ отъ нихъ слѣдующимъ образомъ. Не имѣя съ собою оружія, кромѣ своего фагота, онъ положилъ его на плечо и прицѣлился въ нихъ. Казаки, принявъ его за большой мушкетонъ, спаслись бѣгствомъ».

Теперь же, когда несчастная армія брела безъ оружія, то ихъ страхъ еще болѣе увеличился передъ этими «хитрыми азіатами», какъ ихъ называетъ Зуковъ.

Переходъ черезъ Березину убавилъ значительно армію, а тѣ, которые остались, были такъ истощены, что не могли устрашать русскихъ казаковъ. Зуковъ не сожалѣлъ, что оставили въ рукахъ русскихъ пушки, но его огорчала мысль, что потеряли лошадей, такъ какъ онѣ служили имъ пищею. Березина сравняла всѣхъ; генералы, гордо ѣхавшіе верхомъ до перехода Березины, брели теперь пѣшкомъ, въ самомъ невозможномъ видѣ. Этотъ переходъ былъ очень тяжелъ; голодъ, холодъ и усталость становились непреодолимыми. Случаи замерзанія сдѣлались обыкновеннымъ явленіемъ. Отношенія становились ужасны, каждый заботился о себѣ, не стало ни друзей ни братьевъ. Путь былъ скользкій, но въ случаѣ паденія кого нибудь, хотя бы генерала, ни одна рука не протягивалась для помощи. Даже о себѣ Зуковъ разсказываетъ, какъ онъ отказалъ подѣлиться съ другимъ замороженнымъ картофелемъ.

Чтобы согрѣться, солдаты сжигали цѣлые дома и не уходили, пока они совершенно не сгорали. Собираясь вокругъ этихъ костровъ, они болтали и смѣялись отъ радости, что могутъ погрѣться; у этихъ несчастныхъ совершенно «замерзли мозги». Они кончали свои дни очень печально отъ холода или голода, а иногда падали въ огонь и сгорали заживо.

Послѣ всевозможныхъ мытарствъ, Зуковъ сталъ приближаться къ Вильнѣ. Казаки, по его словамъ, становились опаснѣе. Уже давно голодалъ Зуковъ. Онъ встрѣчалъ многихъ людей набрасывающихся на мертвыхъ лошадей и чуть не убивающихъ другъ друга изъ-за ничтожнаго кусочка конины, но самъ онъ отказывался отъ этого кушанія. Передъ Вильной, однако, ему удалось купить коечто съѣдобнаго. Въ Вильнѣ онъ встрѣтилъ товарища и отправился съ нимъ завтракать. Послѣ завтрака хозяинъ, Леви, подалъ счетъ

за яичницу въ размѣрѣ 7 рублей, и у нихъ завязался споръ. Наконецъ, заплативъ ему 4 рубля, они вышли сопровождаемые бранью хозяина. Получивъ жалованье, Зуковъ купилъ необходимую одежду и отправился съ товарищами обѣдать. Теперь нерасположеніе между французскими и нѣмецкими офицерами совершенно обострилось. Въ ресторанѣ, гдѣ обѣдалъ Зуковъ, французскій офицеръ, вѣроятно, подгулявшій, сталъ привязываться къ вюртембергскимъ офицерамъ и наконецъ отозвался оскорбительно объ ихъ принцѣ, также присутствовавшемъ на обѣдѣ. Вюртембергцы возмутились, схватили француза и вытолкали изъ ресторана.

Усталые и, вѣроятно, выпившіе достаточно вина, они заснули въ ресторанѣ. На другое утро сильный ударъ ногою разбудилъ Зукова. Это былъ хозяинъ ресторана, будившій его самымъ грубымъ образомъ: «Вставай, нѣмецкая собака, и убирайся. Твои товарищи уже убѣжали и получили отъ казаковъ, чего заслуживаютъ». Проснувшійся Зуковъ увидѣлъ, что залъ пустъ, и бросился бѣжать. Выйдя на улицу, онъ инстинктивно повернулъ направо, какъ разъ къ границѣ. По его мнѣнію, такимъ образомъ онъ избѣжалъ казаковъ и даже, можетъ быть, Сибири. Пробираясь, какъ заяцъ, по стѣнкамъ не освѣщенныхъ домовъ, онъ избавился отъ казаковъ, собравшихся пока еще не въ большомъ количествѣ и къ тому же занятыхъ въ центрѣ города расправою съ бѣглецами. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики, удары кнутовъ и стоны на различныхъ языкахъ. Каждую секунду онъ ожидалъ, что ему грубо закричатъ: «Стой!» и дадутъ значительное количество ударовъ, а затѣмъ отправятъ въ Сибирь. Наконецъ, онъ достигъ благополучно городскихъ воротъ, а потомъ и дороги въ Ковно, по которой уже бѣжали въ паническомъ страхѣ спасающіеся. Хотя Зуковъ отзывался о Платовѣ довольно благосклонно, но въ то же время онъ выразился, что Платовъ не можетъ гордиться своимъ поведеніемъ въ Вильно относительно обезоруженныхъ и истощенныхъ людей. Одинъ вюртембергскій пѣхотный полкъ, имѣвшій по прибытіи въ Сморгоны 1.360 человѣкъ, 5 декабря, не могъ насчитать въ Вильнѣ 9 декабря болѣе 60 человѣкъ въ рядахъ.

Дорога въ Ковно представляла какъ бы бѣговое ристалище. Всякій старался опередить другъ друга, чтобы ускользнуть отъ казаковъ. Но черезъ двѣ версты отъ Вильны они должны были остановиться въ деревнѣ, такъ какъ дорога, окаймляемая утесистыми высотами, оканчивалась серіозными дефилеями. Этотъ переходъ былъ тѣмъ труденъ, что дорога была скользкая отъ гололедицы. Здѣсь Платовъ атаковалъ французскій арьергардъ и отбилъ у него пушки и лафеты, которыя французы могли спасти. Онъ приказалъ все уничтожить, что не могъ съ собою увезти. Остатки истребленныхъ предметовъ такъ артистически были уложены русскими, что положительно преграждали путь бѣглецамъ. Но одинъ поручикъ вы-

велъ ихъ изъ этого опаснаго мѣста, и Зуковъ издали видѣлъ, какъ гнались за ними казаки.

Впродолженіе четырехъ дней, полныхъ лишеній, голода и мороза, Зуковъ достигъ Ковна. Здѣсь почти окончились приключенія Зукова въ Россіи, если не считать случая уже чисто личнаго характера. Одинъ изъ офицеровъ варилъ мороженый картофель и, не замѣтивъ спящаго Зукова, выплеснулъ кипящую воду ему на ногу. Затѣмъ ихъ баракъ едва не сгорѣлъ, и имъ пришлось провести ночь при 30°/o мороза безъ рамъ. 15 декабря въ страшный морозъ они покинули Ковно. Дорогой онъ узналъ отъ товарища, что пришелъ приказъ отъ императора относительно остатковъ вюртембергской дивизіи, которая должна была отправиться въ маленькій городъ Иновраклау, расположенный за Торномъ. Раздобывъ лошадь и розвальни, купленныя пополамъ съ товарищемъ въ одной изъ деревень, онъ отправился далѣе и 4 января 1813 года пріѣхалъ въ Иновраклау, гдѣ онъ остался нѣсколько дней. Получивъ свое жалованье, онъ купилъ бѣлье и платье и, какъ всѣ остальные офицеры, принялся кутить. По приказу генерала Шелера они отправились въ Вюртембергъ, но въ Мейсенѣ Зуковъ почувствовалъ себя дурно, хотя продолжалъ путь. Во Фрейбургѣ у него проявились всѣ признаки тифа, и онъ слегъ въ постель. Черезъ четыре недѣли онъ настолько оправился, что продолжалъ путь до Шорндорфа, гдѣ помѣщался его гарнизонъ.

Изо всего батальона автора осталось въ живыхъ только четыре офицера, а изъ второго не осталось ни одного. По прибытіи фонъ-Зуковъ былъ произведенъ въ чинъ капитана.

Принявъ участіе въ кампаніи 1813—1814 г., онъ числился въ вюртембергской арміи. Въ 1848 году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Онъ умеръ въ 1863 году въ Штутгартѣ, годъ спустя послѣ напечатанія этихъ мемуаровъ, не успѣвъ окончить вторую часть, относящуюся къ послѣдующимъ походамъ.

Въ послѣднемъ вышедшемъ трудѣ Ф. Массона «Joséphine repudiée» находятся интересныя подробности объ отношеніяхъ императора Александра, послѣ паденія имперіи и вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, въ 1814 году, къ Жозефинѣ и въ особенности къ ея дочери Гортензіи. Жозефина, скрывшаяся на это время въ Парижѣ, пожелала возвратиться въ Мальмезонъ, но колебалась, такъ какъ не знала, заблагоразсудятъ ли Бурбоны и союзники оставить ей прежнія права. Но, когда посланный 15 апрѣля въ Наварру графъ Менаръ съ предложеніемъ отъ герцога Беррійскаго прислать ей почетную стражу и съ увѣреніемъ, что герцогъ будетъ въ восторгѣ исполнить все, что будетъ пріятно Жозефинѣ, приближался къ имѣнію, то она уже была въ Мальмезонѣ. Онъ узналъ объ этомъ за нѣсколько миль отъ Наварры.

Жозефина была готова отправиться еще до 8 апрѣля и ожидала только отвѣта отъ своего управляющаго Ленуара на слѣдующее письмо:

«Я уѣхала въ Наварру скорѣе изъ приличія, чѣмъ изъ страха, но если вы найдете это кстати, то я возвращусь въ Мальмезонъ. Увѣдомьте меня».

Но прежде чѣмъ пришелъ его отвѣтъ, она уже рѣшила свой отъѣздъ по слѣдующему обстоятельству. Дѣло въ томъ, что Гортензія послала въ Парижъ на развѣдки свою чтицу, г-жу Кошле, которая попала въ русское общество. Тамъ она наслушалась, какъ говорили, что страстно желаютъ видѣть всю семью Богарне возвратившейся въ Парижъ. Сама г-жа Кошле была извѣстна среди русскихъ и даже была съ ними очень близка съ 1807—1812 годъ. Они посѣщали ее очень усердно въ эту эпоху по различнымъ причинамъ и такъ привыкли къ ней, что многіе изъ нихъ передъ своимъ отъѣздомъ довѣрили ей свои брильянты. Въ этомъ кружкѣ она узнала, что интересы русской политики требуютъ быть великодушными относительно Богарне, отдаляя ихъ отъ Бонапарта и еще болѣе уединяя его, такъ чтобы вся тяжесть европейской ненависти пала на него одного, и онъ былъ бы представленъ народу, какъ единственный виновникъ его бѣдствій. При этомъ Нессельроде сказалъ г-же Кошле:

«Напишите тотчасъ же королевѣ, чтобы она пріѣхала сюда. Въ чемъ можетъ она сомнѣваться? Кто же не расположенъ къ ней, къ ея матери и брату? Голосъ общества въ ея пользу... Все, что она пожелаетъ, будетъ исполнено».

Кромѣ того, Кошле узнала, что для Евгенія хотятъ сохранить Италію, такъ какъ его поведеніе привело всѣхъ въ восторгъ. Но для этого необходимо, чтобы Гортензія пріѣхала въ Парижъ, чѣмъ сильно повліяетъ на дѣло. Гортензія начала сопротивляться. Тогда Кошле написала ей, что всѣ союзники относятся къ ней съ большимъ энтузіазмомъ, а Нессельроде, по ея словамъ, «нѣтъ того дня, чтобы не торопилъ возвращеніемъ королевы въ Мальмезонъ, и было бы очень хорошо, если бы она пріѣхала со своей матерью. Черезъ два или три дня ее посѣтятъ».

Это обѣщаніе императорскаго визита, по пріѣздѣ Гортензіи въ Мальмезонъ, дѣлалось, по словамъ Массона, все болѣе и болѣе настоятельнымъ, такъ что русскіе не могли понять, почему Гортензія не сдается на предложенную честь. Наконецъ Кошле ей пишетъ: «Императоръ Александръ очень желаетъ познакомиться съ вами, и вы уже обязаны ему благодарностью, такъ какъ онъ защищаетъ ваши интересы одинаково, какъ бы они касались его лично».

Но Гортензія все упорствовала, и императоръ рѣшилъ, что если она не хочетъ пріѣхать, то онъ поѣдетъ самъ въ Наварру, и тамъ-то она уже не можетъ избѣжать его. Тогда Кошле прибѣгла

къ тому, что стала дѣйствовать на Жозефину и въ послѣднемъ письмѣ перечислила ей имена всѣхъ знатныхъ лицъ, желавшихъ видѣть ее въ Парижѣ и для этого перебравшихся изъ Фонтенбло. Уловка удалась, и Жозефина рѣшила свое возвращеніе въ Мальмезонъ, увидѣвъ, что столько знатныхъ лицъ желаютъ ея присутствія. Но Гортензія все еще упорствовала, ссылаясь на то, что не можетъ сблизиться съ людьми, разбившими судьбу ея дѣтей, и отправилась въ Рамбулье, чтобы встрѣтиться съ Маріей-Луизой, пріѣхавшей туда изъ Блуа.

Какъ только Жозефина появилась въ Мальмезонѣ, то къ ней пріѣхалъ Чернышевъ съ увѣдомленіемъ, что на другой день къ ней пожалуетъ императоръ съ визитомъ. Хотя Александръ и былъ очень любезенъ и предупредителенъ съ Жозефиной, называя ее все время полнымъ титуломъ и обращаясь съ нею не покровительственнымъ тономъ, а какъ съ совершенно равной по положенію, но главная причина его визита была Гортензія. Послѣ продолжительнаго посѣщенія наконецъ онъ откланялся. Но только что онъ удалился, какъ пріѣхала Гортензія съ дѣтьми изъ Рамбулье. Отъ ея вниманія не скрылось, что Марія-Луиза стѣсняется ея присутствіемъ и, не настаивая болѣе на сближеніи съ Бонапартами, уѣхала оттуда. Но, не желая возвратиться въ Наварру, она присоединилась къ матери.

При первой же встрѣчѣ съ Александромъ она не сумѣла побороть себя. Обыкновенно любезная со всѣми, она, по словамъ Массона, была относительно Александра «холодною, говорила съ достоинствомъ и на его предложеніе устроить что нибудь для ея дѣтей ограничилась полнымъ молчаніемъ». Напротивъ Жозефина была настолько нѣжна, добра и непринужденна въ разговорѣ, что вполнѣ очаровала императора. Она задумала плѣнить его окончательно, и счета ея портнихъ, по словамъ ея управляющаго Ленуара, стали значительно и быстро возрастать. Бѣлыя, розовыя и другія муслиновыя платья юности, какія она носила въ Мальмезонѣ въ свои прежніе лучшіе, блестящіе дни, появились снова. Жозефина, какъ большая часть женщинъ ея возраста, находящихся все время въ атмосферѣ лжи и лести, не замѣчала ни своихъ лѣтъ, ни слѣдовъ, какіе они оставили на ея лицѣ, и не сомнѣвалась въ возможности побѣды надъ императоромъ.

Какъ она думала, такъ и случилось. Александръ снова явился, но она не замедлила убѣдиться, что его визиты относятся къ Гортензіи, которая не такъ легко ввѣрялась, какъ это банально дѣлала Жозефина. Она продолжала противиться и говорила, что принимаетъ императора, «какъ побѣдителя своей страны». Это была, по словамъ Массона, самая правильная тактика, чтобы овладѣть императоромъ, такъ какъ Александръ имѣлъ очень сентиментальную натуру и почувствовалъ высшую степень желанія нравиться,

а это сопротивленіе только еще болѣе разжигало его желаніе и далеко не сердило его. Онъ разсуждалъ, по словамъ автора, что если онъ ненавистенъ ей, какъ государь, то его тріумфъ въ этомъ случаѣ, какъ мужчины и человѣка, тѣмъ болѣе будетъ для него лестнымъ и отнесется лично къ нему, чѣмъ сильнѣе будетъ сопротивленіе.

Если Гортензія дѣйствительно не испытывала къ Александру отвращенія, то какъ ловко она должна была бы притворяться. Но она была искренняя. Если она мало-по-малу поддалась этому настойчивому ухаживанью, понимая, что могла воспользоваться этой страстью, и хотя одобряла мать, которая извлекала изъ него пользу для Евгенія, то все-таки повторяла: «Я не хотѣла бы, чтобы мы къ кому нибудь обращались за помощью». Что же касается Евгенія, то онъ понималъ, что, благодаря Александру, остался царствовать хотя надъ нѣкоторой частью Италіи, и теперь ему приходилось только требовать назадъ фонтенебловскій трактатъ и благодарность Австріи. Но что она стоитъ?.. Остается одинъ Александръ.

Какъ только Жозефина узнала, что Евгеній въ Мюнхенѣ, тотчасъ же спѣшно написала ему, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ въ Парижъ. Но при всѣхъ усиліяхъ онъ не могъ добраться ранѣе 9-го мая.

Въ это время посѣщенія Александра учащались и учащались, его отношенія къ Гортензіи и Жозефинѣ приняли болѣе интимный характеръ. Теперь его безпрестанные визиты сдѣлались уже на дружеской ногѣ. Онъ принялся съ видимымъ стараніемъ, въ искренности котораго нельзя было сомнѣваться, хлопотать о томъ, чтобы доставить Гортензіи упроченное положеніе во Франціи, а также независимый капиталъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно отдѣливъ ее отъ Бонапартовъ, онъ хотѣлъ обезпечить за нею опеку ея дѣтей, взамѣнъ чего требовалось лишить ее титуловъ, по крайней мѣрѣ, офиціально. Пока шло дѣло о созданіи для нея титула, самаго высокаго, какой можетъ пожаловать ей король Франціи, она должна была оставить всѣ другія претензіи.

Императоръ встрѣчалъ у Жозефины много молодыхъ элегантныхъ офицеровъ императорской гвардіи, которые, не бывъ партизанами Наполеона, во всякомъ случаѣ были врагами Бурбоновъ. Тамъ бывали также жены сановниковъ и прежнія подруги Гортензіи, рожденье и привычки которыхъ привязывали ихъ къ новому двору. Онѣ относились къ Александру съ энтузіазмомъ, что очень мало льстило ему. Императоръ избѣгалъ всѣхъ офиціальныхъ празднествъ, гдѣ уже слишкомъ чествовали его, и онъ охотно удалялся въ этотъ маленькій кружекъ, гдѣ думалъ найти пріятное и интимное препровожденіе времени вмѣстѣ съ безкорыстіемъ, которое его успокоивало. Вообще тонъ и нравы этого кружка нравились ему.

Это сближеніе вызывало безпокойство въ Тюильри, гдѣ не сумѣли его удержать.

Людвигъ XVIII принималъ на себя тонъ, какъ будто онъ обязанъ только себѣ пріобрѣтеніемъ трона Франціи и при всякомъ случаѣ высказывалъ, что считаетъ себя выше всѣхъ союзныхъ государей, а его королевскій домъ самый славный и самый древній. Разница направленія ума короля и Александра выразилась, съ одной стороны, эпиграммами, а съ другой недоброжелательствомъ, подозрѣніемъ и даже тайнымъ надзоромъ. Доходили до того, что предполагали, будто Александръ готовитъ Евгенія въ кандидаты на французскій престолъ. Ихъ также удивляло, почему Александръ интересуется такъ Гортензіей, и если въ концѣ концевъ Александръ настоитъ для нея на титулѣ герцогини, то рѣшено было дать его, не какъ г-жѣ Луи-Бонапартъ, принцессѣ Луи, королевѣ голландской, а просто дѣвицѣ де-Богарне

Въ свою очередь Гортензія отказывалась принять титулъ при подобной постановкѣ вопроса, говоря: «Я считаю своимъ долгомъ не допустить, чтобы забывали о моемъ титулѣ королевы, хотя совсѣмъ не желаю называться этимъ титуломъ». Александръ, встрѣтившій въ этомъ вопросѣ о пожалованія герцогства болѣе затрудненій, чѣмъ къ возстановленіи династіи, продолжалъ оскорбляться скупостью Людовика, мало соотвѣтственной благодарности лица, обязаннаго ему своимъ положеніемъ, и, по словамъ Массона, онъ иногда себя спрашивалъ: правъ ли онъ былъ, дѣлая это?

Не одному Александру оказывали гостепріимство въ Мальмезонѣ. Множество иностранцевъ изъ любопытства и ради моды являлись туда и находили тамъ любезный пріемъ. Приглашенные на обѣды, они бывали обласканы любезной хозяйкой настолько, что приходили въ восторгъ и добивались возможности скораго возвращенія въ Мальмезонъ. Не только великій герцогъ Баденскій или принцъ Баварскій, находившіеся въ родствѣ съ Богарне, или тѣ гости, которые посѣщали Жозефину въ Фонтенбло, но всякіе русскіе, нѣмцы, англичане, пруссаки являлись въ Мальмезонъ. Это было общее заискиваніе, и дворъ Жозефины былъ гораздо многочисленнѣе теперь, чѣмъ послѣ развода.

Жозефина все еще была въ неизвѣстности относительно своей участи. Интриговавшія противъ нея у Наполеона лица заставляли ее подписать письмо къ королю, переданное ей черезъ г-жу Ремюза, которое выяснило бы ея соціальное положеніе и обезпечило бы ей спокойное пребываніе во Франціи. Но Александръ не посовѣтовалъ ей это дѣлать, говоря, что оно ее только обезчеститъ, и что лучше будетъ, если она выгонитъ прочь отъ себя всѣхъ интригановъ и посредниковъ. Онъ увѣренъ, что отъ нея ничего подобнаго не потребуютъ, и не подумаютъ удалить изъ Франціи или потревожить ея покой, но въ крайнемъ случаѣ онъ готовъ поручиться за нее.

Но, заботясь о себѣ, Жозефина и Гортензія не забывали и Евгенія и всячески старались, чтобы Александръ сблизился съ нимъ.

Наконецъ, Гортензія перебралась въ Сенъ-Лье, и Александръ объявилъ о своемъ визитѣ туда 14 числа. Вся семья собралась, чтобы его принять. На этотъ разъ посторонніе отсутствовали, исключая маршала Нея и герцога Висенскаго. Государь пріѣхалъ запросто въ маленькой колясочкѣ вмѣстѣ съ Чернышевымъ «и былъ совершенство по своей любезности и добротѣ».

Во время прогулки въ шарабанѣ въ Монморансійскій лѣсъ и охотничій замокъ, расположенный въ серединѣ лѣса, прежде принадлежавшаго Людовику, а теперь переданнаго принцу Конде, онъ съ безпокойствомъ освѣдомился, гдѣ же тогда будетъ помѣщаться пожалованное Гортензіи герцогство.

Возвращаясь въ замокъ, Евгеній нашелъ случай закинуть словечко и о себѣ, о результатѣ чего онъ писалъ вечеромъ своей женѣ: «Императоръ меня увѣрилъ съ совершенной любезностью, что онъ позаботится о нашей судьбѣ, и онъ надѣется, что наша участь будетъ прекрасная, хотя, прибавилъ онъ, она никогда не будетъ достаточно хорошею, какую мы заслуживаемъ».

Жозефина не хотѣла присутствовать въ Сень-Лье и только послѣ настоятельныхъ просьбъ Гортензіи пріѣхала, но была печальна и безнадежна. Она говорила, что хотя русскій императоръ, разумѣется, полонъ вниманія и уваженія относительно насъ, но все это однѣ слова. «Что же онъ рѣшилъ относительно моего сына, дочери и ея дѣтей? Развѣ онъ не расположенъ что нибудь для нихъ сдѣлать? Знаете, что будетъ послѣ его отъѣзда? Вѣдь ничего не сдѣлаютъ, что ему обѣщали. Я увижу моихъ дѣтей несчастными; я не могу перенесть подобную мысль и страшно страдаю».

Она говорила правду, что страдала, но только болѣе за себя. Когда же она прочитала въ «Journal des Débats» отъ 17 слѣдующее: «Русскій императоръ два дня тому назадъ пріѣхалъ въ замокъ Сенъ-Лье близъ Монморанси. Его величество обѣдалъ съ принцемъ Евгеніемъ, его сестрою и матерью»,—ея жалобы сдѣлались еще кислѣе, и она рѣшила, что умышленно ее называли матерью принца Евгенія. Но Жозефина продолжала быть любезной съ союзниками и въ особенности съ Александромъ, который появлялся безпрестанно у нея на обѣдахъ. Ея любезность дошла до того, что она предложила ему на память прекрасную камею, полученную отъ папы во время коронованія. Но когда императоръ заставилъ себя упрашивать и, казалось, желалъ получить чашку, на которой былъ нарисованъ ея портретъ, то она заставила его принять и чашку и камень. Другой разъ она отдала ему собраніе романсовъ Гортензіи, украшенное оригинальными рисунками, за что послѣдняя разсердилась на мать. Однимъ словомъ дѣлалось все для развлеченія императора, великаго князя Константина и великихъ кня-

зей Николая и Михаила, запоздавшихъ своимъ пріѣздомъ: балы, прогулки, обѣды, представленія, и даже, говорятъ, она устраивала игру въ запуски.

24-го мая великіе князья обѣдали у нея, хотя она была совершенно больна и предоставила Евгенію занимать ихъ, а также показать имъ окрестности. Но она все-таки сѣла за обѣдъ. «Послѣ обѣда Жозефина открыла съ императоромъ балъ, затѣмъ они вдвоемъ удалились въ паркъ, гдѣ очень долго гуляли. Послѣ этой прогулки она еще болѣе простудилась».

Въ четвергъ 27-го мая русскій императоръ долженъ былъ обѣдать у нея. Чѣмъ болѣе время подвигалось къ его отъѣзду въ Лондонъ, тѣмъ болѣе, по словамъ Массона, и тѣснѣе дѣлалась его близость. Своею платоническою привязанностью онъ, казалось, извинялся, что не могъ еще доставить болѣе осязательнаго доказательства своихъ усилій принести къ ногамъ королевы это убѣгающее герцогство, которое хотя было обѣщано сто разъ, но оставалось все время только приманкой. Гортензія хотѣла просить Александра отложить посѣщеніе, такъ какъ Евгеній тоже слегъ въ постель, но императоръ пріѣхалъ такъ скоро, что его не успѣли увѣдомить. Въ этотъ день собралась большая компанія, приглашенная еще восемь дней назадъ. Но Жозефина уже не показывалась, оставаясь въ постели, такъ какъ положеніе ея здоровья становилось серіозно.

29 мая Жозефина скончалась. Императоръ прислалъ Чернышева, чтобы выразить свое сочувствіе, а прежде чѣмъ уѣхать въ Лондонъ, онъ отправился въ Сенъ-Лье, чтобы провести послѣдній вѣчеръ съ Гортензіей и Евгеніемъ. Въ этотъ вечеръ императоръ наконецъ привезъ знаменитый герцогскій патентъ. Онъ былъ, можно сказать, вырванъ у Людовика XVIII, на другой день смерти Жозефины, 30-го числа, въ тотъ самый день, когда былъ подписанъ трактатъ. По словамъ Массона, кто поручится, что онъ не входилъ въ условіе трактата? Но Людовикъ все-таки настоялъ на его формулѣ, вмѣсто: «m-lle Hortense de Beauharnais», написалъ: «m-me Hortense-Eugénie Beauharnais».

Гортензія приняла императора въ элегантномъ траурномъ платьѣ изъ черной тафты съ бѣлыми цвѣточками и креплисомъ у ворота и рукавовъ. Она обращалась съ нимъ въ этотъ послѣдній вечеръ, какъ со своимъ спасителемъ, сіяла счастьемъ и горячо отблагодарила его.

Въ послѣднемъ нумерѣ журнала англо-русскаго литературнаго общества помѣщена небольшая, любопытная статья Ципріана Бриджа, подъ названіемъ: «Наши русскіе гости въ 1799—1800 г.». Немногимъ извѣстно, что при Павлѣ Россія одно время была союзникомъ Англіи и совмѣстно дѣйствовала противъ общаго врага Наполеона

въ Голландіи. Собственно говоря, цѣлью этихъ дѣйствій было создать диверсію и помочь Австріи въ ея войнѣ съ Франціей. Однако высаженныя въ Голландіи войска, какъ русскія, такъ и англійскія потерпѣли неудачу, благодаря неспособности главнокомандующаго, герцога Іоркскаго, и кончилось тѣмъ, что послѣ многихъ маршей и контръ-маршей союзники должны были, преслѣдуемые французами и понеся большія потери, снова сѣсть на свои суда. Но было слишкомъ поздно, чтобы русскимъ отправиться во-свояси, такъ какъ балтійскіе порты уже блокировалъ густой ледъ, и имъ пришлось зимовать въ Англіи.

«Надо сознаться откровенно,—говоритъ Бриджъ,—что наши соотечественники не приняли гостепріимно тѣ войска, которыя сражались рядомъ съ ними. Даже одно имя русскихъ пугало многихъ англичанъ и побуждало ихъ отказать русскимъ въ убѣжищѣ. Пока шолъ горячій споръ о томъ, что сдѣлать съ несчастными московитянами, ихъ нѣсколько недѣль держали на судахъ въ Спитгедѣ. Наконецъ, кому-то пришло въ голову помѣстить неблаговидныхъ гостей на островѣ Джерсей. На немъ они были бы отдѣлены отъ Англіи ста милями и не имѣли бы возможности, чего боялись англичане, высадиться на англійскіе берега и грабить мѣстные города, пока соберется противъ нихъ милиція». Неизвѣстно, какъ населеніе Джерсея официальное и неофиціальное помирилось со своей судьбою, но оно привыкло быть буферомъ для войскъ различныхъ національностей.

Такимъ образомъ, основываясь на дневникѣ квартирмейстера французскаго эмигрантскаго полка, также помѣщеннаго на этомъ островѣ, Бриджъ сообщаетъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, какъ жилось сто лѣтъ тому назадъ русскимъ солдатамъ и офицерамъ, случайно попавшимъ на англійскую почву. Квартирмейстеру было поручено не только распредѣлить французовъ эмигрантскаго полка герцога де-Кастри и батальона голландцевъ, но ему же пришлось и распредѣлить жилье русскихъ полковъ. Самымъ счастливымъ изъ нихъ были отведены постоянные бараки въ городѣ Сентъ-Элье и зданіе, извѣстное подъ названіемъ «госпиталя». Стѣснивъ, какъ только можно, англійскій гарнизонъ, кое-какъ помѣстили весь русскій отрядъ. Первый отрядъ русскихъ явился на островъ Джерсей 24 ноября 1789 г. Онъ состоялъ изъ двадцати семи офицеровъ и восьмисотъ солдатъ, подъ начальствомъ майора Бѣлякова. До половины января продолжали прибывать русскіе въ различномъ количествѣ, и ихъ располагали, гдѣ только могли. Имъ очень понравились, несмотря на тѣсное расположеніе, умѣренный климатъ и веселое солнце. Наконецъ, 15-го марта 1800 года генералъ-майоръ Капцевичъ подалъ подробное расписаніе, что на островѣ Джерсеѣ русскихъ было 239 офицеровъ, въ томъ числѣ 5 генераловъ, 6.266 солдатъ и 136 лошадей. Артиллеристовъ было 500 человѣкъ, но неизвѣстно,

выгрузили ли они на берегъ свои орудія. Кавалерія состояла изъ эскадрона гвардейскихъ гусаръ, сотни гвардейскихъ казаковъ и сотни уральскихъ казаковъ.

Удивительно, что память о стоянкѣ союзныхъ русскихъ войскъ совершенно исчезла, и только, девять лѣтъ тому назадъ, жила старуха, которая помнила пребываніе русскихъ. Въ то время она была еще молоденькой дѣвушкой; по ея словамъ, солдаты ходили по улицамъ селенія гурьбой и, повидимому, не казались довольными. Они постоянно голодали и часто заходили въ домъ ея отца, прося «луку». Она научилась многимъ другимъ русскимъ словамъ и даже подъ старость болтала по-русски. Между прочимъ старуха разсказывала, что русскіе солдаты пили масло изъ фонарей, которые горѣли въ улицѣ Сентъ-Обэна. Вообще русскіе не чуждались туземцевъ и помогали постройкѣ пасторскаго дома, при чемъ случилось несчастіе: обвалилась стѣна и убила одного русскаго офицера. Кромѣ этого бѣдняка, въ Джерсеѣ умерло нѣсколько русскихъ, но неизвѣстно, гдѣ они похоронены. Вотъ все, что извѣстно о проживаніи русскихъ на островѣ Джерсеѣ. 13-го іюня 1800 г. началась обратная отправка войскъ. Первымъ уѣхалъ генералъ-майоръ Судковъ, а 10-го іюля генералъ Капцевичъ отправилъ подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ послѣдніе русскіе полки. Такимъ образомъ кончилось столь негостепріимное пребываніе русскихъ въ Англіи, и они сохранили о немъ далеко неблагопріятное воспоминаніе.

Совершенно иное впечатлѣніе произвела на англичанъ Россія, пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда они были тамъ, не какъ гости и союзники, а напротивъ, какъ враги и плѣнные. Это происходило во время крымской кампаніи, и въ томъ же нумерѣ 29-мъ трудовъ англо-русскаго литературнаго общества помѣщены лекція генерала Ренуара Джемса, а также письмо генерала Монтегью, которые оба, молодыми офицерами, были въ плѣну у русскихъ въ 1855—1856 годахъ. Ихъ разсказы о своемъ пребываніи въ Россіи интересны тѣмъ, что свидѣтельствуютъ, какъ ихъ хорошо принимали, несмотря на то, что они были узниками. Первый изъ нихъ, Джемсъ, былъ взятъ въ плѣнъ 2-го іюля 1856 года въ траншеяхъ. Его прямо отвели къ генералу. Во время пребыванія въ Севастополѣ съ нимъ очень любезно обращался поручикъ фонъ-Штиленъ, знавшій немного по-англійски. А когда получены были его мундиры изъ англійскаго лагеря, такъ какъ онъ былъ взятъ въ траншейскомъ костюмѣ, то его приглашали обѣдать за общимъ столомъ русскихъ инженеровъ, и даже генералъ Остенъ-Сакенъ удостоивалъ его приглашенія на обѣдъ.

23-го іюня онъ покинулъ Севастополь, и подъ наблюденіемъ жандарма былъ отправленъ черезъ Симферополь, Харьковъ и Воронежъ въ Рязань. Здѣсь Джемсъ нашелъ очень гостепріимное убѣжище у губернатора Новосильцева. Онъ каждый день пригла-

шалъ его къ себѣ, и семейство его, состоявшее изъ жены и дочери, обращалось съ плѣннымъ офицеромъ, какъ нельзя болѣе предупредительно. Послѣ пріятной жизни въ Рязани его отправили съ чиновникомъ въ Тулу и тамъ ему объявили, что онъ назначенъ въ размѣнъ плѣнныхъ, почему черезъ Орелъ, Полтаву и Кременчугъ онъ достигъ Одессы, гдѣ дождался размѣна плѣнныхъ и посланъ снова въ англійскую армію въ Крымъ. «Во все время моего пребыванія въ Россіи, какъ военно-плѣннаго,—говоритъ онъ,—со мною обращались, какъ можно только любезнѣе и лучше, и я могу засвидѣтельствовать, что подобное обращеніе только возможно при самомъ цивилизованномъ современномъ порядкѣ».

То же самое свидѣтельствуетъ другой военно-плѣнный, англійскій офицеръ, нынѣ генералъ Монтегью. Онъ не могъ лично присутствовать на засѣданіи англо-русскаго общества, но прислалъ письмо, въ которомъ подробно описалъ свой плѣнъ. По его словамъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ 23-го марта 1855 года и въ Севастополѣ содержался въ казематѣ св. Николая. Генералъ Остенъ-Сакенъ чрезвычайно былъ любезенъ къ англійскимъ плѣннымъ и посылалъ со своей кухни къ нимъ обѣдъ, а его адъютантъ Рюминъ самъ приносилъ къ нимъ устрицы. 16-го апрѣля Монтегью присутствовалъ на обѣдѣ у главнокомандующаго Горчакова. На другой день они отправились въ Симферополь, гдѣ фрейлина Родзевичъ пригласила его обѣдать и была донельзя любезна. Въ Россіи имъ назначили мѣстопребываніе въ Рязани, гдѣ отведенъ былъ ему, а также англійскому плѣннику, полковнику Нелли, прекрасный домъ. О губернаторѣ Новосильцевѣ онъ выражается самымъ лестнымъ образомъ и говоритъ, что вообще въ Россіи онъ встрѣтилъ самый лестный пріемъ.

Но онъ недолго оставался въ Рязани, и 10-го іюня ему объявили, что онъ размѣненъ съ однимъ офицеромъ Камчатскаго полка. Въ обратный путь онъ тотчасъ пустился черезъ Одессу и Симферополь. «Пока я былъ въ Россіи,—говоритъ Монтегью,—я всегда былъ убѣжденъ, что нахожусь въ дружественной странѣ». Этого, какъ видно, не могли сказать русскіе, бывшіе въ Англіи даже не плѣнными, а союзниками, сто лѣтъ тому назадъ.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 года). Профессора П. Жуковича. Спб. 1901.

ПРЕДМЕТОМЪ сочиненія профессора Жуковича служитъ исторія борьбы, которую вело на сеймахъ православное дворянство въ Литовско-Польскомъ государствѣ съ римско-католической уніей, водворившейся здѣсь послѣ Брестскаго собора 1596 года. Трудъ состоитъ изъ предисловія и трехъ обширныхъ отдѣловъ ученаго изслѣдованія, каждый изъ которыхъ раздѣляется на главы.

Въ предисловіи (стр. XIII—XXI) авторъ обозрѣваетъ литературу предмета и намѣчаетъ задачу своего изслѣдованія. Относительно послѣдней онъ, между прочимъ, говоритъ, что старался, насколько позволяли источники, изобразить сеймовую борьбу православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 года) не изолированно, а по возможности въ связи съ общимъ ходомъ польской сеймовой жизни упомянутой эпохи. Западно-русская церковная унія, по самому происхожденію своему, была въ значительной мѣрѣ актомъ внутренней польской государственной политики и въ своемъ возникновеніи и развитіи имѣла не одинаковый смыслъ и значеніе для отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ группъ. Въ частности, для православныхъ западно-русскихъ дворянъ она была дѣломъ религіознополитическимъ. Не желая принести свои религіозныя убѣжденія въ жертву государственной политикѣ, православные

дворяне перенесли свою борьбу съ уніей на сеймовую арену и этимъ самымъ отдавали свой споръ съ правительствомъ изъ-за уніи на судъ всего шляхетскаго сословія, которое только одно и пользовалось въ Польшѣ всею полнотою политическихъ правъ. Затѣмъ, когда сеймовая борьба изъ-за уніи только что начиналась, на аренѣ польской сеймовой жизни уже нѣсколько десятилѣтій шла борьба польскихъ и литовско-русскихъ протестантовъ за свободу совѣсти, при чемъ послѣдніе, требуя религіозной свободы, опирались на Варшавскую религіозную конфедерацію 1573 года. Православные дворяне, замѣтивъ опасность для своей вѣры, сразу стали подъ защиту той же религіозной конфедераціи и подъ ея знаменемъ все время вели свою сеймовую борьбу съ уніей. Въ виду того, что православные и протестанты, въ борьбѣ за свободу совѣсти, шли рука объ руку, профессоръ Жуковичъ нашелъ нужнымъ отвести въ своемъ изслѣдованіи нѣкоторое мѣсто и сеймовой борбѣ протестантовъ за установленіе такъ называемаго процесса конфедераціи. Наконецъ, сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей происходила среди измѣнчивыхъ условій внѣшней и внутренней жизни литовско-польскаго государства, отражавшихся на сеймахъ, какъ въ своемъ общемъ фокусѣ, и диктовавшихъ имъ свое рѣшеніе. И на эту сторону дѣла въ изслѣдованіи г. Жуковича обращено надлежащее вниманіе. Такова точка зрѣнія автора на предметы, опредѣлившая и направленіе его ученаго изслѣдованія.

Первый отдѣлъ сочиненія, состоящій изъ десяти главъ (стр. 1—176), имѣетъ значеніе какъ бы введенія. Здѣсь авторъ обозрѣваетъ церковно-политическія обстоятельства въ періодъ 1587—1597 годовъ, подготовившія Брестскую унію. Въ частности, авторъ сообщаетъ, въ какомъ положеніи находился въ Польшѣ вопросъ о свободѣ совѣсти въ междуцарствіе по смерти Стефана Баторія († 12 декабря 1586 года), и какъ отнесся къ этому вопросу избирательный сеймъ 1587 года, говоритъ объ избраніи на польскій престолъ Сигизмунда III, который былъ весьма ревностнымъ слугою католицизма и былъ готовъ принести всякія жертвы въ угоду папскому престолу, разсказываетъ о постепенномъ усиленіи въ Польшѣ при Сигизмундѣ III католичества, въ ущербъ православію, несмотря на энергичное противодѣйствіе первому со стороны князя Константина Константиновича Острожскаго и другихъ дворянъ, о дѣятельности въ пользу церковной уніи самого Сигизмунда III, а также епископовъ Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго, которые постепенно и подготовляли унію съ Римомъ путемъ скрытныхъ и коварныхъ дѣйствій, объ официальномъ принятіи 23 декабря 1595 года папою Климентомъ VIII западно-русской православной митрополіи въ унію съ римско-католическою церковью и проч.

Во второмъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ четырнадцати главъ (стр. 177—390), рѣчь идетъ объ окончательномъ введеніи въ Польско-Литовскомъ государствѣ церковной уніи съ Римомъ на Брестскомъ соборѣ и о борьбѣ съ нею православныхъ дворянъ на сеймахъ въ теченіе 1596—1600 годовъ. Западнорусская церковная унія 1596 года была дѣломъ преимущественно польской государственной политики и создалась подъ воздѣйствіемъ короля Сигизмунда III, польскаго сената и католическаго большинства посольской избы сейма, т. е. всѣхъ трехъ элементовъ высшей государственной власти въ

Польшѣ. Православные дворяне, составляя меньшинство посольской избы, не имѣли силы противодѣйствовать почти общему постановленію государственной власти относительно введенія уніи, поэтому ихъ борьба на сеймахъ, въ первый ея періодъ, слѣдовавшій непосредственно за провозглашеніемъ уніи, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, благопріятнымъ для православной церкви, не привела. Періодъ времени съ 1596 по 1600 годъ былъ порою постепеннаго развитія уніи, въ ущербъ православію.

Положеніе дѣла измѣнилось во второй періодъ сеймовой борьбы западнорусскаго православнаго дворянства съ церковной уніей, въ теченіе 1601 — 1609 годовъ, о чемъ рѣчь идетъ въ третьемъ отдѣлѣ изслѣдованія профессора Жуковича (стр. 391—584). Этотъ періодъ, по сравненію съ предыдущими, былъ временемъ постепенно возрастающаго успѣха въ борьбѣ дворянства съ уніей и закончился изданіемъ двухъ сеймовыхъ конституцій, хотя и не возвратившихъ прямо православнымъ всѣхъ ихъ старыхъ потерь, но все-таки дававшихъ или обѣщавшихъ имъ самое важное изъ того, за что они почти пятнадцать лѣтъ боролись на сеймахъ. Предыдущій періодъ сеймовой борьбы закончился новымъ, не со стороны только короля, но и со стороны такъ называемаго сеймоваго суда, признаніемъ полной закономѣрности уніи и легальности принявшей ее іерархіи и слѣдовательно незаконности существованія въ Польшѣ православія и православной іерархіи. Но, спустя десять лѣтъ, самый сеймъ призналъ за православіемъ въ Литовско-Польскомъ государствѣ такое же право на существованіе, какое онъ призналъ за уніей. Мало того, православнымъ было обѣщано сеймомъ постепенное, хотя и съ извѣстными оговорками, офиціальное возстановленіе церковной ихъ іерархіи во всемъ прежнемъ ея объемѣ. На сеймѣ 1609 года православные Западной Руси даже заставили, наконецъ, сеймъ назвать ихъ настоящимъ ихъ именемъ, прямо противопоставивши ихъ уніатамъ. Во всемъ этомъ нельзя не признать крупнаго успѣха, достигнутаго наконецъ въ сеймовой борьбѣ съ уніей православнымъ дворянствомъ. Этимъ успѣхомъ западно-русское дворянство, кромѣ своей не ослабѣвавшей энергіи, обязано политическому своему умѣнію. Оно сумѣло воспользоваться благопріятнымъ для своихъ цѣлей поворотомъ внѣшней и внутренней политики Литовско-Польскаго государства, начавшимся съ первыхъ годовъ XVII вѣка (напримѣръ, перенесеніе центра тяжести польской политики съ юга на сѣверъ и потомъ на сѣверо-востокъ, необычайное внутреннее замѣшательство въ странѣ, и безъ рѣзкихъ словъ и дѣйствій, безъ старыхъ вождей, уже сошедшихъ въ могилу, массой своей заставило короля, сенатъ и римско-католическое большинство посольской избы пойти на уступки (стр. 583—584). Таково, въ общихъ и краткихъ чертахъ, содержаніе ученаго труда г. профессора Жуковича.

Въ приложеніи къ сочиненію (стр. 585 — 594) помѣщены семь нумеровъ польскихъ документовъ, заимствованныхъ изъ рукописнаго отдѣла Императорской публичной библіотеки, и указатель личныхъ именъ (стр. 595—608).

Сочиненіе профессора Жуковича отличается многими достоинствами ученаго труда. Тщательное изученіе литературы предмета, главнымъ образомъ источниковъ, критическое отношеніе къ научнымъ матеріаламъ и къ преж-

нимъ выводамъ ученыхъ по тому или иному вопросу, систематическая концепція извлеченныхъ данныхъ и разностороннее ихъ освѣщеніе, глубокое пониманіе подлежавшей изученію исторической эпохи, — все это придаетъ работѣ г. Жуковича большой научный интересъ. О.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Девятая часть. М. 1901.

Девятая часть «Сборника старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина», заключаетъ въ себѣ много въ высшей степени любопытныхъ матеріаловъ и документовъ. Архивъ почтеннаго собирателя, повидимому, неисчерпаемъ, и каждый новый выпускъ его обогащаетъ отечественную исторію разнообразными данными, разъясняющими и освѣщающими или дѣятельность замѣчательныхъ лицъ, или нѣкоторыя стороны русской общественной жизни. Въ девятой части особенное значеніе имѣютъ бумаги, касающіяся графовъ Воронцовыхъ, княгини Е. Р. Дашковой, Ѳ. Ѳ. Шуберта, переписка Д. В. Давыдова съ графомъ Закревскимъ, воспоминанія П. А. М — ой о московскомъ митрополитѣ Филаретѣ, письма Паскевича, графа А. П. Толстого, князя П. А. Вяземскаго, великаго князя Александра Павловича къ генералу А. М. Корсакову, дѣло итальянца Жуаннини 1790 г., дѣло А. Лопухиной 1797—1800 гг. и т. д. Мы не имѣемъ возможности привести здѣсь даже въ общихъ чертахъ содержаніе всѣхъ этихъ документовъ, до такой степени они разнообразны и интересны. Остановимся лишь на бумагахъ, относящихся къ графамъ Воронцовымъ и къ знаменитой княгинѣ Е. Р. Дашковой, и на дѣлѣ Лопухиной.

Дашкова осталась вдовой, съ двумя малолѣтними дѣтьми, сыномъ и дочерью, когда ей шелъ всего 21-й годъ. Хотя, по ея увѣренію, она прилагала неусыпныя попеченія о воспитаніи дѣтей, но результатъ получился самый неутѣшительный. Сынъ пренебрегъ блестящей карьерой, его ожидавшей, сдѣлался мотомъ, кутилой, женился тайно на женщинѣ неравнаго съ нимъ происхожденія, скоро бросилъ ее, завелъ разныя связи, прижилъ нѣсколькихъ незаконныхъ дѣтей и, наконецъ, умеръ на 43 году. Не лучше была и дочь. Пустая, тщеславная, расточительная, она вышла замужъ за Щербинина, разошлась съ нимъ и вела самый распущенный образъ жизни (о ней любопытны свѣдѣнія въ «Русск. Архивѣ» 1889 г., кн. 3). Дашкова даетъ яркую характеристику своей дочери въ письмѣ къ ней, напечатанномъ теперь г. Щукинымъ. Приводимъ его цѣликомъ.

«Я очень рада буду, чтобы Н. Н. Новосильцевъ, по многодѣлію, ему препорученному, могъ взять на себя главный надзоръ надъ опекою оставшагося послѣ несчастнаго моего сына имѣнія. Онъ справедливъ, и чрезъ то кредиторы будутъ удовольствованы, не взирая на безпутное твое мотовство. Если Ѳ. И. Киселевъ откажется быть опекуномъ, то одного П. А. Рахманова достаточно, ибо правительство всегда имѣетъ долгъ надзирать за опеками. Таковое попеченіе для справедливаго успокоенія тѣмъ паче нужно, что ты по развратному своему поведенію никакого довѣрія не заслуживаешь. Я торжественно повторяю,

что сынъ мой не хотѣлъ невозможнаго, то-есть усыновить побочныхъ дѣтей, прижитыхъ при жизни и нынѣ еще живущей жены его, а хотѣлъ ихъ сдѣлать благонравными мѣщанами съ посредственнымъ состояніемъ, какое только при большихъ своихъ долгахъ онъ могъ имъ доставить, о чемъ онъ самъ объявить мнѣ велѣлъ. Я также торжественно утверждаю, что онъ тебѣ ихъ ввѣрить никогда не хотѣлъ и при послѣдней болѣзни своей просилъ пріятеля своего ихъ взять. Ты хвастаешься, что выпросишь у государя, чтобы, отступя отъ закона, ниспровергнулъ таинство брака, по исповѣданію нашему освященное. Онъ изволитъ для твоей прихоти и удовлетворяя твоему чванству усыновить дѣтей незаконныхъ при живой женѣ,—мечта, достойная твоего изступленія. Ты обѣщаешь дать имъ свое имѣніе, когда твое и злосчастно полученное наслѣдство обременено долгами. Ты хочешь ихъ воспитывать, а ты ихъ развращаешь, отженяя ихъ отъ матери, которая одна имѣетъ надъ ними естественное и законное право, а при первомъ пароксизмѣ злости ты ихъ выкинешь изъ окна. Я отверзла тебѣ путь къ нѣкоторому со мною сближенію, но ты отвергла все то, что здравый разсудокъ, человѣчество и христіанство, руководствуя сердцемъ моимъ, тебѣ предлагали. Послѣ того, свѣдала я, что, облекшись въ трауръ, императорскою фамиліей только носимый, ты вздумала, что ты императрица. Въ церкви, гдѣ тѣло несчастнаго твоего брата предъ глазами твоими должно было только возбуждать чувство печали, призывала предъ себя полицеймейстера, приказывала ему несообразное, кричала и заклинала, чтобъ племянница моя Норова и другъ мой Мавра Романовна (Вильмотъ) послѣдняго христіанскаго долга не воздавали. Вся церковь была потрясаема бѣшенымъ голосомъ твоимъ; всѣ были поражены ужасомъ, видя безчеловѣчіе, злость и намѣреніе уморить мать слухомъ сего безбожнаго изступленія. Вся Москва съ отвращеніемъ имя твое поминаетъ. Я тебѣ прощала семь разъ, что только едва ангелъ милосердія простить могъ,—вспомни, что ночью пріѣзжала ко мнѣ въ деревню, не хотѣвъ меня видѣть, собирала людей моихъ, и послѣ молебна, который, конечно, Богу угоденъ не могъ быть, раздавала имъ деньги и говорила противъ меня и противъ друга моего, которая одна утѣшала печаль и грусть брошенной матери [1]). Сіе возмущеніе, каковое ты желала произвесть, приказаніе, которое ты раздавала людямъ моимъ, и разныя клеветы, которыя ты тщетно хотѣла утверждать въ Москвѣ, доказываютъ, что противъ тебя мнѣ пора уже предостеречься. Всѣхъ тѣхъ изъ родныхъ, коихъ поведеніе я не одобряла, думая мнѣ досадить или себя подкрѣпить, ты собирала около себя и ласкаешь; напротивъ того, всѣхъ любящихъ меня ты ругала и ненавидишь. Все сіе безбожное противъ меня ополченіе оправдаетъ меня передъ Богомъ и передъ свѣтомъ. Если ты въ назначенный срокъ не уѣдешь изъ Москвы, то я прибѣгну къ послѣднему законному прибѣжищу: тебя заключеніемъ избавить преступленія новыхъ, злодѣйскихъ умысловъ, а себя и домъ свой охранить. Я напоминаю еще разъ, какъ мать, дожившая въ печали до старости, не хотя наказывать, что я по совѣсти своей нахожу нужнымъ и справедливымъ тебя заключить, дабы позора, подобно сдѣланному тобою въ церкви, еще не сдѣлала и дабы

---

[1]) Жена сына Дашковой послѣднее время жила у нея.

ты не развращала людей моихъ, и чтобы невинныя жертвы отъ твоей злости не пали».

Ненависть къ дочери княгиня Дашкова унесла съ собой и въ загробную жизнь. Лишивъ ее наслѣдства и не оставивъ ей на память ни одной вещи, она письменно изложила своимъ душеприказчикамъ, Ю. А. Нелединскому-Мелецкому и Киселеву, непремѣнную волю свою, «чтобъ мучительница моя, безбожная дочь, не была впущена въ домъ мой, а ежели предлогъ будетъ сказывать, что тѣлу моему послѣдній долгъ отдать хочетъ, то назначить ей церковь, гдѣ будетъ тѣло мое стоять».

Извѣстно, что княгиня Дашкова была очень скупа. Она не только копила деньги, но раздавала ихъ въ ростъ, подъ закладныя и заемныя письма. Кромѣ недвижимыхъ имѣній и домовъ, послѣ смерти ея осталось около 30.000 наличными деньгами, на 25.000 закладныхъ и болѣе чѣмъ на 160.000 заемныхъ писемъ разныхъ лицъ. Состояніе ея перешло, большею частью, къ племянникамъ ея, графамъ Воронцовымъ, остальнымъ же родственникамъ она назначила денежныя выдачи, простиравшіяся въ общемъ числѣ до 70.000 рублей.

Изъ бумагъ, касающихся графовъ Воронцовыхъ и напечатанныхъ въ девятомъ томѣ «Сборника» г. Щукина, любопытны донесенія о кончинѣ канцлера, графа Александра Романовича, его предсмертныя распоряженія, опись оставшагося послѣ него движимаго имущества и дѣло о секвестрѣ имѣній графа Семена Романовича, по повелѣнію императора Павла. Графъ Семенъ Романовичъ занималъ постъ нашего посла въ Лондонѣ съ 1785 года и былъ самымъ горячимъ сторонникомъ союза Россіи съ Англіей. При Павлѣ I отношенія обоихъ дворовъ настолько обострились, что предстоялъ разрывъ. Воронцовъ, не сочувствовавшій политикѣ государя, подалъ въ отставку и немедленно получилъ ее; но, освоившись и сроднившись съ Англіей, онъ остался въ ней и не поѣхалъ въ Россію. Въ наказаніе за это послѣдовалъ высочайшій указъ объ отобраніи въ казну всѣхъ его имѣній. Такъ какъ имѣнія находились въ общемъ владѣніи двухъ братьевъ, то графъ Александръ Романовичъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о раздѣлѣ, при чемъ показалъ, что за нимъ съ братомъ числится въ разныхъ губерніяхъ 23.500 душъ крестьянъ. Указъ о конфискаціи состоялся 19-го февраля 1801 г., а 14-го марта, на третій день по восшествіи на престолъ императора Александра, онъ былъ отмѣненъ со всѣми послѣдствіями.

Дѣло Лопухиной представляетъ интересъ въ бытовомъ отношеніи. Богатая дѣвушка, родная сестра жены графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, она, подобно извѣстной Салтычихѣ, была безсердечнымъ тираномъ своихъ крѣпостныхъ людей. Несчастные пробовали прибѣгнуть къ защитѣ Орлова и другихъ родственниковъ Лопухиной, но отъ всѣхъ получали одинъ отвѣтъ: «что де намъ съ такой безпутной и сумасшедшей дѣлать». Наконецъ, одинъ изъ дворовыхъ рѣшился послать жалобу императору Павлу. Въ жалобѣ онъ подробно изложилъ всѣ безчеловѣчные поступки Лопухиной. «Помянутая госпожа», пишетъ онъ, между прочимъ, «дѣлаетъ всякіе и нестерпимые въ жизни человѣка замыслы наказанія, мучитъ жестоко въ домѣ плетьми и розгами и чтобъ не кричали, приказываетъ взять изъ печи золу и ротъ оной зажимать; жену мою,

бѣдную, беременную била изъ своихъ рукъ полѣномъ; пятилѣтняго сына моего, безъ всякой причины, сѣкла сама розгами и сверхъ того приказывала своимъ дѣвкамъ сѣчь, послѣ того, взявъ вина, лила на спину; дочь поварову, которой четвертый еще годъ, сѣкла немилосердно розгами же, послѣ того, такого сущаго младенца запереть велѣла въ холодный чуланъ» и т. д.

Государь поручилъ московскому губернатору И. П. Архарову секретно провѣрить жалобу и, когда она подтвердилась, приказалъ отправить Лопухину подъ строжайшій присмотръ въ московскій Вознесенскій монастырь.

Вообще, девятый томъ «Сборника» П. А. Щукина богатъ документами, проливающими новый свѣтъ на событія и многихъ дѣятелей прошлаго времени. Всѣ лица, занимающіяся русской исторіей, оцѣнятъ важную услугу, оказываемую имъ обнародованіемъ бумагъ неутомимаго собирателя. Считаемъ необходимымъ сдѣлать маленькую поправку. На страницѣ 356 приведена копія съ записки о кончинѣ императора Александра бывшаго таганрогскаго градоначальника, который названъ Панковымъ. Его фамилія Папковъ, и воспоминанія о немъ напечатаны въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года. С. Ш.

Проф. М. Красноженъ. Иновѣрцы на Руси. Томъ I. Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи. Юрьевъ. 1900.

Для всякаго русскаго человѣка вопросъ о положеніи иновѣрцевъ въ нашемъ православномъ отечествѣ не можетъ не быть интереснымъ, потому что съ нимъ связана наша исторія на всемъ ея протяженіи, ихъ призывали въ разныя времена и для разныхъ цѣлей, ими населяли цѣлыя области и губерніи, наконецъ немало и туземныхъ, иновѣрныхъ народовъ перешло въ русское подданство путемъ нашихъ завоеваній.

Очень хорошимъ изслѣдованіемъ въ этой области представляется недавно выпущенная диссертація на степень доктора церковнаго права профессора Юрьевскаго университета М. Красножена.

Поставивъ задачею дать историческій очеркъ положенія неправославныхъ христіанъ въ Россіи и разсмотрѣть положеніе ихъ по дѣйствующему русскому законодательству, авторъ находитъ нужнымъ предварительно остановиться на вопросѣ объ отношеніи Восточной греческой церкви къ лицамъ неправославнымъ, такъ какъ, съ принятіемъ на Руси христіанства съ востока—изъ Византіи, были приняты нами для руководства въ церковной практикѣ и всѣ источники церковнаго права, дѣйствовавшіе въ греческой церкви, съ которою наша русская церковь всегда находилась въ союзѣ и согласіи и отъ которой первое время была даже въ юридической зависимости (стр. 9).

Изслѣдованіе этого вопроса занимаетъ первую главу книги.

Послѣ общихъ вступительныхъ замѣчаній, авторъ, на основаніи каноновъ и правилъ древней церкви, выясняетъ характеръ ея отношеній къ тремъ важнѣйшимъ религіознымъ актамъ: крещенію, рукоположенію и браку, которые служили и служатъ главными точками соприкосновенія между различными вѣроисповѣданіями.

Предохраняя православныхъ христіанъ отъ возможныхъ опасностей со стороны еретиковъ, говоритъ между прочимъ авторъ (стр. 64), православная церковь, слѣдуя словамъ ап. Павла (2 Θессал. 3, 15), никогда не допускала нетерпимости по отношенію къ иновѣрцамъ, религіозной вражды, презрительнаго и злобнаго отъ нихъ отчужденія, но внушала сохранять и къ нимъ братскія чувства, какъ заповѣдалъ апостолъ.

Таково было отношеніе къ лицамъ неправославнымъ церкви восточной; въ постоянномъ союзѣ и согласіи съ нею была церковь русская.

Изложенію исторіи отношеній русской церковной и государственной власти къ иновѣрцамъ до настоящаго времени посвящена вторая глава книги.

Основная мысль этой главы выражена еще въ предисловіи (стр. 9) самимъ авторомъ: охраненіе господствующей православной вѣры и полное невмѣшательство во внутреннюю религіозную жизнь иновѣрцевъ—вотъ тѣ начала, которыми руководилось русское церковное и свѣтское правительство въ сво ихъ отношеніяхъ къ «иностраннымъ вѣроисповѣданіямъ», на всемъ пространствѣ исторіи Русскаго государства.

Это положеніе затѣмъ подробно развивается и доказывается ссылками на историческія свидѣтельства объ отношеніи нашихъ государей къ иновѣрнымъ полякамъ, иностранцамъ и Римской куріи, не разъ, какъ извѣстно, пытавшейся заключить съ Россіей, по крайней мѣрѣ, религіозную унію.

Въ частности вопросъ о религіозномъ общеніи православныхъ съ иновѣрцами разсматривается здѣсь, какъ и въ первой главѣ, по отдѣламъ: крещеніе, рукоположеніе, бракъ и религіозное общеніе вообще.

Въ послѣдней главѣ выясняется положеніе неправославныхъ христіанъ по дѣйствующему русскому законодательству.

Стоя въ отношеніи къ православію на той же строго охранительной точкѣ зрѣнія, наше дѣйствующее законодательство установляетъ рядъ правилъ, имѣющихъ цѣлью предупредить возможность отпаденія отъ православной вѣры (стр. 164), и въ то же время предоставляетъ полную свободу вѣры всѣмъ къ ней непринадлежащимъ, избѣгая вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла (стр. 176).

Однако принципъ широкой вѣротерпимости, а иногда, въ послѣднія два столѣтія, даже покровительства, привелъ къ тому, что «въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ инославныя церкви пользуются по русскому законодательству даже значительными преимуществами сравнительно съ господствующею церковью. Напримѣръ, православные настоятели сельскихъ церквей далеко не всѣ получаютъ изъ государственной казны содержаніе, да если и получаютъ, то въ очень небольшомъ размѣрѣ, обыкновенно не болѣе 300 рублей. Между тѣмъ, все католическое духовенство получаетъ жалованье изъ государственнаго казначейства. Во всѣхъ протестантскихъ исповѣданіяхъ прихожане обязаны дѣлать взносы въ опредѣленномъ размѣрѣ на содержаніе пасторовъ и т. д. Такія же точно преимущества имѣютъ инославныя церкви и въ дѣлѣ пріобрѣтенія недвижимости» (стр. 181—183).

Замѣтимъ, что помимо теоретическаго интереса разсматриваемая часть книги можетъ имѣть значеніе прекраснаго научно обработаннаго практическаго руководства.

Въ заключеніи проф. Красноженъ дѣлаетъ попытку выяснить тѣ основныя начала, которыми должны руководиться въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныя вѣроисповѣданія вообще.

Съ внѣшней стороны книга издана прекрасно и снабжена алфавитнымъ указателемъ. Только обиліе подстрочныхъ примѣчаній въ значительной степени затрудняетъ чтеніе, и было бы гораздо удобнѣе, если бы весь заключающійся въ нихъ историческій матеріалъ, который нельзя оставить безъ вниманія при чтеніи, былъ перенесенъ въ самый текстъ сочиненія.

Будемъ надѣяться, что авторъ не замедлитъ выпустить въ свѣтъ и остальную часть изслѣдованія объ иновѣрцахъ на Руси. П. В. В.

С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну. Историческій очеркъ съ иллюстраціями. Спб. 1901.

Печальный конецъ царя Василія Шуйскаго, по своимъ послѣдствіямъ, имѣетъ важное значеніе какъ въ исторіи Россіи, такъ и въ исторіи Польши. Для первой онъ явился ступенью къ возвышенію, упроченію и умиротворенію. Для второй онъ былъ тою гранью, съ которой начался постепенный упадокъ политической самостоятельности Рѣчи Посполитой, закончившійся раздѣломъ могущественнѣйшаго нѣкогда государства. Поэтому очень странно, что эпизодъ плѣненія московскаго царя поляками слишкомъ долгое время не интересовалъ ни русскихъ, ни польскихъ историковъ [1]). Въ нашей литературѣ впервые коснулся этого эпизода, впрочемъ, коснулся вскользь, г. Н. Степановъ въ очеркѣ «Гостынинъ и его уѣздъ» («Древняя и Новая Россія», 1876 г., № 7). Въ 1878 г. Э. Ѳ. Турау сообщилъ редакціи «Русской Старины» копію надписи на варшавской гробницѣ царя Шуйскаго, извлеченную изъ калишскаго архива древнихъ актовъ («Русск. Стар.», т. LXV, 1891). Въ 1892 году пишущій эти строки напечаталъ въ «Русской Старинѣ» (книга VI) замѣтку подъ заглавіемъ: «Гостынскій замокъ — мѣсто пребыванія въ Польшѣ царя Василія Шуйскаго съ братьями въ 1611—1612 годахъ», а въ 1897 году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (книга IX)—другую замѣтку, дополняющую первую—«Царь Василій въ Гостынинѣ въ 1612 году». Въ 1893 году въ Варшавѣ началась капитальная передѣлка зданія «первой мужской гимназіи» — бывшаго дома предсѣдателя «Общества друзей наукъ», извѣстнаго Сташица (родился въ 1755 г., † 1826 г.), а на слѣдующій годъ въ мѣстныхъ «Университетскихъ извѣстіяхъ» появилась статья профессора Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаева «Царь Василій Шуйскій въ Польшѣ». Какъ уже извѣстно постояннымъ читателямъ «Историческаго Вѣстника», статья г. Цвѣтаева вызвала полемику между нимъ и нижеподписавшимся. Послѣдній въ 1897 году помѣстилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (кн. XII) статью подъ заглавіемъ:

---

[1]) Считаю долгомъ оговориться, что въ настоящемъ случаѣ я имѣю въ виду спеціальныя изслѣдованія и статьи по данному вопросу, не касаясь общихъ историческихъ сочиненій какъ въ русской, такъ и въ польской литературѣ (въ родѣ, напримѣръ, Соловьева, Костомарова, Иловайскаго и др.).

«Усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ», доказывая, что усыпальница ихъ существуетъ до настоящаго времени. Профессоръ Цвѣтаевъ (отрицающій это) и его литературный противникъ обмѣнялись возраженіями на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1898 г., книги II и IV), а г. Цвѣтаевъ, кромѣ того, напечаталъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» (1898 г., кн. V) новую монографію о Гостынскомъ замкѣ. Этимъ не ограничились занятія Д. В. Цвѣтаева исторіею подневольнаго пребыванія царя Шуйскаго въ Польшѣ. Г. Цвѣтаевъ приготовляетъ по этому предмету спеціальное историческое изслѣдованіе, о которомъ мы и будемъ говорить въ свое время, а теперь обратимся къ обзору польской литературы о царѣ Шуйскомъ, какъ о плѣнникѣ. Послѣ обстоятельной монографіи Ю. Бартошевича (род. въ 1821 г., † 1870 г., «Szujscy kniaziowie w Polsce» въ Энциклопедіи Оргельбранда («Enc. Powsc.», XXII, 760—770) и небольшого этюда г. А. «Z dziejów Warszawy. Grobowiec carów (?) Szujskich» (Краковъ, 1894 г.), возникшая въ концѣ 1897 года полемика между профессоромъ Цвѣтаевымъ и авторомъ настоящихъ строкъ по вопросу объ усыпальницѣ Шуйскихъ въ Варшавѣ нашла откликъ въ польской прессѣ и вызвала цѣлый рядъ интересныхъ статей и изслѣдованій. Изъ нихъ назовемъ: «Kaplica grobowa ks. Czujskich w Warszawie» въ Kraj'ѣ 1898 г., № 15, «Kaplica czy altana?» въ Wędrowc'ѣ того же года, № 22, и обширную монографію г. Александра Краусгара въ Tygodnik'ѣ Polsk'омъ за 1898 г. (№ 1—4) «Varsoviana. Nieco szczegółów nieznanych o niegdy kaplicy Szujskich w Warszawie» съ приложеніемъ рисунковъ и плановъ Варшавы XVII и XVIII столѣтій, на коихъ фигурируетъ помянутая каплица, и которыми, повидимому, воспользовался г. Цвѣтаевъ въ изданныхъ нынѣ Приложеніяхъ. Даже и въ самое послѣднее время интересъ къ судьбѣ плѣннаго московскаго царя и мѣсту его погребенія въ Варшавѣ еще не исчезъ. Такъ, въ 1899 году въ «Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ» (№№ 13 — 16) появилась большая статья г. М. Устиновича — «Гостынскій замокъ»; въ петербургской «Нивѣ» за прошлый годъ (№ 1) помѣщенъ видъ варшавской усыпальницы Шуйскихъ вмѣстѣ съ описаніемъ ея. Наконецъ въ текущемъ году С. Ф. Либровичъ издалъ интересную книжку подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Въ двѣнадцати главахъ своего труда г. Либровичъ разсказываетъ грустную исторію паденія Василія Шуйскаго (гл. II—III), его плѣненія вмѣстѣ съ братьями и невѣсткою (I, VI, IV, V, VIII), жизни ихъ въ Гостынскомъ замкѣ (VI), перенесенія останковъ плѣнниковъ въ Варшаву (VII), описываетъ переговоры московскаго правительства съ польскимъ о возвращеніи тѣлъ Шуйскихъ (IX) касается дальнѣйшей судьбы усыпальницы ихъ въ Варшавѣ (X — XII) и оканчиваетъ книжку мѣткою характеристикою: «Король Сигизмундъ III Ваза и царь Василій Шуйскій» (стран. 113 — 126). «Исторія царя въ плѣну, — говоритъ авторъ, — является ровно на половину исторіею кандидатуры Владислава и притязаній Сигизмунда (III) на московскій престолъ» (116). Нельзя не согласиться съ авторомъ, что если бы кандидатура Владислава на московскій престолъ получила реальное осуществленіе, если бы проектируемая московско-польская унія «не осталась только проектомъ, въ Европѣ уже въ XVII вѣкѣ появилось бы сильное русско-московско-литовское государство, которое

заняло бы первое мѣсто среди другихъ государствъ міра», что «при осуществленіи русско-польской уніи Россія значительно раньше вошла бы въ составъ культурныхъ государствъ, шагнула бы на пути цивилизаціи и прогресса еще до эпохи Петра Великаго и, воспріявъ болѣе высокую въ XVII вѣкѣ польскую культуру, укрѣпила бы и сохранила свои свободныя государственныя учрежденія, свой древній славянскій государственный строй», что вмѣстѣ съ тѣмъ «унія положила бы конецъ вѣковой враждѣ двухъ братскихъ народовъ» (116 -- 117). Но этого, къ прискорбію, не случилось: нелюбимый въ Польшѣ и ненавидимый въ Московскомъ государствѣ Сигизмундъ, вопреки своимъ обѣщаніямъ «дать сына на Московское царство», въ противность всѣмъ основамъ здравой логики, отстранилъ кандидатуру Владислава и назойливо и настойчиво требовалъ, чтобы Москва признала царемъ его, Сигизмунда. И «не Россія, — справедливо замѣчаетъ авторъ (117), — потеряла отъ ошибокъ и промаховъ короля Сигизмунда, а Польша, которую унія съ Москвою спасла бы, вѣроятно, отъ упадка и политической гибели». Несмотря на скромную задачу г. Либровича, о чемъ онъ говоритъ въ предисловіи, «очертить въ популярной формѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ смутнаго времени», сгруппировать и слить въ одно цѣлое всѣ данныя и выводы новѣйшей исторической науки, касающіеся этого эпизода въ связи съ вызвавшими его «причинами и послѣдствіями», — книжка его, какъ добросовѣстный сводъ историческаго матеріала, ни въ чемъ не уступаетъ многимъ «ученымъ монографіямъ» и прочтется съ удовольствіемъ каждымъ. Приложенныя же къ ней сорокъ иллюстрацій — снимковъ съ портретовъ, рѣдкихъ картинъ и гравюръ (какъ, напримѣръ, съ картины Долабеллы — «Шуйскіе передъ Сигизмундомъ въ Варшавѣ въ 1611 году»), дѣлаютъ книжку еще болѣе интересною. Недорогая по цѣнѣ (1 рубль) книга г. Либровича издана такъ изящно, какъ у насъ рѣдко издаются книги.

Г. А. Воробьевъ.

А. Н. Мандельштамъ. Гаагскія конференціи и кодификація международнаго частнаго права. Т. I и II. Спб. 1900.

Книга г. Мандельштама, за которую С.-Петербургскимъ университетомъ онъ былъ удостоенъ степени доктора международнаго права, представляетъ собою весьма цѣнный самостоятельный научный трудъ. Задача разсматриваемой работы заключается въ томъ, чтобы разобраться въ одномъ изъ наиболѣе запутанныхъ вопросовъ международнаго права, именно права брачнаго. Съ указанной цѣлью авторъ разбираетъ и оцѣниваетъ первый протоколъ Гаагской конференціи 1894 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаетъ основательной критикѣ всю теорію международнаго права по данному вопросу въ ея прошломъ и настоящемъ. Догматической сторонѣ вопроса посвященъ второй томъ «Гаагскихъ конференцій». Этотъ томъ распадается на пять отдѣловъ: личныя условія вступленія въ бракъ, формальныя условія, личныя отношенія между супругами, личныя отношенія между родителями и дѣтьми, разводъ и разлученіе. Въ свою очередь каждый отдѣлъ распадается на главы, охватывающія положительное

право, при постановкѣ вопроса съ точки зрѣнія теоретической и критикѣ постановленій Гаагской конференціи.

Что касается личныхъ условій заключенія брака, то по обозрѣніи положительнаго на этотъ счетъ права отдѣльныхъ государствъ г. Мандельштамъ останавливается на томъ выводѣ, что если даже опредѣленіе указанныхъ условій принято во многихъ странахъ по національному закону, тѣмъ не менѣе основывать на этомъ наличность международно-правового обычая еще преждевременно, такъ какъ, наряду съ обычаемъ руководиться въ подобныхъ случаяхъ принципомъ національности, въ широкихъ размѣрахъ пользуется признаніемъ и принципъ мѣстожительства. Что же касается Россіи, то у насъ принята особая система, опредѣляющая бракоспособность русскихъ подданныхъ и за предѣлами имперіи по отечественнымъ законамъ; то же начало примѣняется и къ иностранцамъ, заключающимъ браки въ предѣлахъ Россіи. Съ своей стороны оцѣнивая взгляды нашего права, г. Мандельштамъ отстаиваетъ принципъ національности. Въ разсматриваемой части труда почтеннаго автора очень интересны документы, извлеченные изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, святѣйшаго синода и министерства внутреннихъ дѣлъ, дающіе возможность установить тѣ начала, которыя приводятся русскимъ правительствомъ въ отношеніи вопроса, не нашедшаго себѣ прямого выраженія въ положительномъ законодательствѣ.

Тѣми же архивными данными г. Мандельштамъ, между прочимъ, освѣщаетъ и условія формы брака. Какъ извѣстно, и въ послѣднемъ отношеніи Россія держится въ сторонѣ отъ прочихъ государствъ, разсматривающихъ форму брака съ точки зрѣнія мѣста его заключенія. Въ противность принципу locus regit actum, Россія не признаетъ законности брака, заключеннаго за границей по требованіямъ мѣстнаго закона, если брачившимися были русскіе подданные. Отсюда между нашимъ и иностранными правительствами возникали частыя столкновенія, при чемъ и наши отдѣльныя вѣдомства не всегда приходили къ соглашенію между собою. Какъ бы то ни было, въ конечномъ итогѣ Россія требуетъ для признанія законности брака, заключеннаго русскимъ подданнымъ за границей, соблюденія религіозной формы, т. е. вѣнчанія церковнаго по обряду исповѣданія; гражданская форма брака въ данномъ случаѣ совершенно отрицается. Г. Мандельштамомъ, однако, не признается такая формула въ ея общемъ видѣ; по его мнѣнію, разумное основаніе въ требованіи соблюденія церковнаго обряда можетъ существовать только относительно православныхъ. Что же касается католиковъ, то они могутъ вступать въ бракъ и по гражданской формѣ, потому что постановленія Тридентскаго собора, установившаго публичность брака, не опубликованы и потому необязательны въ Россіи. Требованіе церковной обрядности зиждется исключительно на текстѣ 61 ст. ч. I т. X свода законовъ, но изъ смысла этой статьи явствуетъ, что она относится только къ бракамъ, заключаемымъ въ предѣлахъ имперіи, а не за ея границами. Слѣдовательно католикамъ, брачащимся за границей, по мнѣнію г. Миндельштама, должно быть предоставлено право заключать бракъ въ гражданской формѣ со всѣми законными послѣдствіями въ предѣлахъ Россіи. Еще въ большей степени гражданская форма брака для русскихъ подданныхъ,

брачащихся за границей, примѣнима въ отношеніи протестантовъ. По ученію Лютера, бракъ не есть таинство, и потому церковная форма вѣнчанія для протестантовъ-лютеранъ ни въ какомъ случаѣ не представляется догматически обязательной. Въ виду отсутствія въ бракѣ непосредственно исповѣднаго элемента, бракъ лютеранъ долженъ быть признаваемъ законнымъ, если церковнаго вѣнчанія не послѣдовало. Тѣ же самыя соображенія можно привести относительно дѣйствительности гражданской формы брака лицъ нехристіанскаго исповѣданія.

Въ многихъ отношеніяхъ нельзя не согласиться съ положеніями и выводами автора относительно значенія гражданскаго брака для нѣкоторыхъ разрядовъ русскихъ подданныхъ, брачащихся за границей, но, кромѣ того, было бы послѣдовательно пересмотрѣть и основанія 61 ст. I ч. X т., коренящіяся въ въ историко-правовомъ матеріалѣ по преимуществу восемнадцатаго и начала девятнадцатаго вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, первый памятникъ, на который ссылается 61 ст., относится къ 1721 г., и послѣдній къ 1824 г. Между тѣмъ вопросъ о коренномъ пересмотрѣ основъ нашего брачнаго права является одной изъ важнѣйшихъ потребностей настоящаго времени. Тѣхъ же облегченій требуютъ и условія развода, которыя пока находятся въ хаотическомъ, чтобы не сказать сильнѣе, состояніи. На это указываетъ г. Мандельштамъ, касаясь вопроса расторженія браковъ, заключенныхъ какъ иностранцами за границей, такъ и русскими подданными внѣ Россіи. И въ этомъ случаѣ положительное право болѣе чѣмъ не полно, а взгляды вѣдомствъ не выдержаны и шатки.

В. Грибовскій.

Е. В. Тарле. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени. Спб. 1901.

Среди богатой литературы о Томасѣ Морѣ и его «Утопіи» до сихъ поръ не было обстоятельнаго разбора «Утопіи» и попытокъ связать это геніальное произведеніе съ условіями общественной жизни современной Мору Англіи.

Сочиненіе Е. В. Тарле является первымъ серіознымъ трудомъ въ этой области. Задача автора крайне интересна, такъ какъ, разсмотрѣвъ значеніе «Утопіи» для соціально-экономической исторіи Англіи и для исторіи общественной мысли, онъ остановился на болѣе сложномъ вопросѣ въ области обществовѣдѣнія, объ отношеніяхъ между исторической практикой и теоріей. «Утопія», говоритъ онъ, «даетъ яркій образецъ того, какъ создавались теоріи, наиболѣе отрицавшія дѣйствительность, наиболѣе съ нею непримиримыя». Въ построеніяхъ Мора видно, «до какой степени самая идея безнадежности практическихъ улучшеній и ихъ невозможности придаетъ иногда широту теоретическому полету мысли, освобождаетъ ее отъ всѣхъ стѣсненій и задержекъ. При свѣтѣ изученія эпохи и дѣятельности Томаса Мора историки и обществовѣды могутъ добыть нѣкоторыя методологическія нити, которыя хоть отчасти въ состояніи будутъ помочь трудному дѣлу анализа причинъ измѣненій въ сложныхъ общественныхъ ученіяхъ прошлаго и настоящаго,—измѣненій, съ перваго взгляда кажущихся иногда немотивированными и внезапными».

Собственно біографія Мора со всѣми ея подробностями не важна для анализа его общественныхъ убѣжденій. Вотъ почему авторъ остановился на изученіи соціально-экономическаго положенія Англіи въ XVI вѣкѣ для выясненія идей Мора, а не на внѣшнихъ подробностяхъ біографическихъ данныхъ.

Во второй главѣ дана характеристика Мора до выхода въ свѣтъ «Утопіи», выяснено значеніе оксфордской жизни, указаны причины запоздалости гуманистическихъ теченій въ Англіи, и изложены педагогическія воззрѣнія Мора.

Вторая глава—особенно важная—даетъ прекрасный очеркъ экономическаго и соціальнаго состоянія Англіи въ началѣ XVI вѣка. Этотъ очеркъ выясняетъ всю зависимость разсужденій Мора въ его «Утопіи» отъ экономическихъ условій страны, переживавшей тяжкій кризисъ, благодаря стремленію торговаго капитала удержать за собою какъ сѣверно-европейскій рынокъ сбыта шерсти, такъ и другіе рынки. Въ слѣдующей главѣ дается анализъ «Утопіи», какъ историческаго источника для изученія соціальнаго и экономическаго положенія Англіи, а затѣмъ авторъ разсматриваетъ вліянія, подъ которыми создалась «Утопія», при чемъ эти вліянія (четвертая глава) сводитъ къ двумъ: 1) блаженный Августинъ и 2) Платонъ съ его четырьмя сочиненіями. Послѣдняя глава излагаетъ воззрѣнія Мора на взаимоотношенія между церковью и государствомъ, въ связи съ событіями второй половины его жизни.

Наиболѣе цѣннымъ для русскаго читателя служитъ то, что г. Тарле далъ очень хорошій переводъ «Утопіи» на русскій языкъ. До сихъ поръ мы не имѣли перевода этого замѣчательнаго памятника. Въ царствованіе императрицы Екатерины II «Утопія» была переведена на русскій языкъ, но автору не удалось нигдѣ найти ни одного экземпляра не только въ Петербургѣ, но даже въ Британскомъ музеѣ. Кромѣ того, въ концѣ книги приложена часть манускрипта Гарпсфильда о послѣднихъ дняхъ Мора, впервые опубликованнаго г. Тарле.

В. Алексѣевъ.

Новыя главы духоборческой эпопеи. П. А. Тверской. Спб. 1901.

Подъ такимъ заглавіемъ появилась новая брошюра П. Тверского по духоборческому дѣлу, обратившему на себя нѣсколько лѣтъ тому нададъ вниманіе не только англійскихъ квакеровъ, но даже и практическихъ американцевъ. Именно въ Канадѣ русскимъ духоборамъ предоставлены были свободныя земли и свобода вѣроисповѣданія. Но «руководители» переселенія поступили крайне опрометчиво, не справившись предварительно съ канадскимъ законодательствомъ по вопросу о раздачѣ поселенцамъ государственныхъ земель. Духоборы, по заявленію г. Тверского, «думали, что отведутъ имъ землю безъ какихъ бы то ни было формальностей, и что станутъ они жить на ней безъ какого бы то ни было вмѣшательства правительственной власти во что либо. Я не знаю, какъ они жили на Кавказѣ, но они увѣряютъ, что, пока не начались у нихъ смуты по поводу воинской повинности, у нихъ не было ни метрикъ, ни церковныхъ браковъ, что управлялись они въ своей внутренней жизни совершенно внѣ закона и власти, и только «благодарили» по временамъ мѣстное начальство, за что ихъ и оставляли въ покоѣ. Того же они ждали и въ Канадѣ — только

безъ «благодарностей». Я лично не сомнѣваюсь, что они введены въ самое грубое заблужденіе. Ихъ руководители, задавшись цѣлью перетащить ихъ въ Канаду во что бы то ни стало, отнеслись къ дѣйствительности крайне поверхностно и, вѣроятно, и сами не знали всѣхъ требованій мѣстныхъ законовъ, а если и знали, не сообщили ихъ своевременно духоборамъ».

Трагизмъ 7.400 духоборовъ начался съ того момента, когда, обработавъ въ Канадѣ землю и построившись на ней, они отказались отъ совершенія купчихъ актовъ на земельные участки на томъ основаніи, что они не могутъ закрѣпощать на свое имя того, что Богомъ создано для всѣхъ. Точно также они отказались отъ брачныхъ записей въ полицейскія книги и составленія списковъ о рождаемости и смертности, не отказываясь давать статистическія свѣдѣнія въ общихъ итогахъ. Они теперь обращаются «къ добрымъ людямъ всего свѣта» сказать имъ, «гдѣ есть такая страна и такое общество, среди которыхъ они были бы терпимы и могли бы поселиться и кормиться», исповѣдуя при этомъ слѣдующія правила:

«1) Признавая, что земельная собственность составляетъ одну изъ главныхъ причинъ экономическаго зла, несправедливости и рабства, мы желали бы поселиться на такой землѣ, на которую наложена наименѣе опредѣленная печать собственности. Поэтому мы всего охотнѣе поселились бы на землѣ, принадлежащей цѣлому государству, и менѣе всего охотно на землѣ, состоящей въ личной собственности.

«2) За пользованіе землею мы готовы платитъ ренту, какую съ насъ положатъ, но никакіе налоги на государственныя потребности платить не можемъ.

«3) Подчиненіе всякимъ правиламъ и законамъ, основаннымъ на принудительномъ исполненіи, а потому ограничивающимъ жизнь по свободѣ совѣсти, мы признаемъ убійственнымъ для жизни. Поэтому мы отказываемся отъ всякихъ гражданскихъ правъ и обязанностей, устанавливаемыхъ государственнымъ законодательствомъ, и хотимъ въ жизни своей руководиться исключительно указаніями личной совѣсти, но рядомъ съ этимъ мы не смѣемъ претендовать на то, чтобы къ тѣмъ изъ насъ, поступки которыхъ будутъ признаваемы предосудительными по уголовнымъ законамъ страны, были примѣняемы установленныя этими законами карательныя мѣры.

«4) Если по законамъ страны необходимо узаконеніе браковъ, то мы согласны на то, чтобы всѣ наши браки и дѣти признавались незаконными по законамъ страны.

«5) Всякія свѣдѣнія для статистики давать мы готовы, но только отвѣчая на запросы, собирать же свѣдѣнія мы не можемъ. Постановленія въ видахъ общественной гигіены будемъ исполнятъ охотно, но заставлять другихъ исполнять какія либо постановленія не можемъ.

«Члены общества Всемірнаго Братства въ Канадѣ, уполномоченные»—слѣдуютъ 50 подписей.

Разумѣется, канадское правительство отказалось выполнить ихъ требованія и настаиваетъ на точномъ исполненіи своихъ земельныхъ законовъ и соціальныхъ требованій, вотированныхъ народонаселеніемъ. Между тѣмъ духоборы продолжаютъ заявлять открыто о своемъ отказѣ исполнить требованія канад-

скаго правительства и мотивируютъ свой отказъ въ американскихъ газетахъ тѣмъ, что «взять сначала землю въ личную собственность, какъ требуетъ этого законъ канадскій, человѣческій, а потомъ отдать ее въ общее пользованіе, какъ это слѣдуетъ по закону Божьему, намъ кажется дѣломъ, подобнымъ тому, какъ если бы кто либо насильно взялъ у другого деньги, а потомъ сталъ бы раздавать нищимъ. Какъ можемъ мы дѣлать подобный обходъ, когда слово Божье повелѣваетъ намъ свидѣтельствовать истину прямо?»

Въ брошюрѣ г. Тверского собраны интереснѣйшіе документы о томъ, что возбудило американцевъ противъ духоборовъ, и чѣмъ послѣдніе оправдываютъ свое поведеніе. Самъ г. Тверской утверждаетъ, что духоборческія воззванія по этому дѣлу составлялись не «духоборами-мужичками», такъ какъ языкъ и построенія воззваній—искусственны и крайне отвлеченны. «Духоборы-мужики,—говоритъ онъ,—конечно, не понимаютъ, что представляетъ собою англо-саксонская цивилизація со всѣми ея непоколебимыми требованіями; привыкшіе къ россійской распущенности во всемъ, что касается законности, они могутъ думать, что подобныя требованія исполнимы и здѣсь; но я отказываюсь вѣрить, чтобы и ихъ руководители-интеллигенты могли питать подобныя надежды, и думаю, что воззваніе это есть только начало отступленія и отъ Канады, и отъ всего дѣла, лазейка, чтобы сложить съ себя всю за него отвѣтственность».

Г. Тверской полагаетъ, что въ виду обѣднѣнія духоборовъ и весьма замѣтнаго среди нихъ раскола они пойдутъ на уступки и отступленіе, «которое дастъ ихъ русскимъ руководителямъ поводъ бросить ихъ на произволъ судьбы». Высказавъ печатно это тяжкое обвиненіе по адресу «руководителей» духоборческаго переселенія, г. Тверской продолжаетъ: «общественное мнѣніе Америки неспособно отдѣлить ихъ отъ мужиковъ,—и, тогда какъ дѣйствительные авторы всей этой безумной путаницы наслаждаются климатомъ Lago Maggiore, этимъ послѣднимъ придется нести за нее самую жестокую кару до конца дней своихъ. Дѣло свелось къ тому, что вожаки, составивъ и оповѣстивъ міру завѣдомо недостижимую ни въ одной изъ своихъ основъ программу и пристегнувъ къ ней и заставивъ нести всю фактическую отвѣтственность за нее совершенно неповинныхъ въ ней людей, сами умыли руки и оставили ихъ расхлебывать заваренную ими кашу. Если даже духоборы и откажутся отъ навязанныхъ имъ требованій,—я имѣю основаніе предполагать, что они раздѣлятся по этому поводу—одни откажутся, другіе окажутъ сопротивленіе,—клеймо нелѣпости останется на нихъ навсегда по всей Америкѣ».

«Клеймо нелѣпости», по мнѣнію автора брошюры, заключается въ томъ, что «еслибъ даже духоборы были переселены въ страну хлѣбную и богатую, еслибъ у нихъ были большія средства, словомъ, еслибъ они были въ положеніи ихъ вожаковъ, живущихъ на наслѣдственные капиталы или на чужой счетъ, еслибъ не было искусственныхъ, умышленно вызванныхъ столкновеній съ канадскимъ правительствомъ,—и то такое разложеніе могло бы быть только отсрочено, но не устранено. Внимательно просмотрѣвъ всю и цензурную, и безцензурную писанную сторону вопроса и сопоставивъ ее со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ удалось лично узнать отъ живыхъ «носителей» ученія, я давно пришелъ къ тому заключенію, что оно требуетъ отъ своихъ адептовъ рѣдкаго геройства

и абсолютнаго самоотверженія и даже самоотрицанія, совершенно недоступныхъ заурядным человѣческимъ массамъ. Обыкновенному смертному нашей планеты такъ жить нельзя,—и думать, что такая темная крестьянская масса, каковы духоборы, могла бы поддержать въ себѣ временное возбужденное настроеніе на неопредѣленное время, есть, по моему крайнему разумѣнію, самая дикая, самая очевидная нелѣпость. Невыносимыя жизненныя условія въ данномъ случаѣ, конечно, ускорили и усилили разложеніе, но оно было бы неизбѣжно и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ и именно въ Америкѣ быстрѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было».

Г. Тверской полагаетъ, что «кавказское начальство сдѣлало огромную ошибку, взявъ съ нихъ подписки о невозвращеніи и выславъ въ Якутскую область тѣхъ смѣльчаковъ, которые вернулись домой изъ Канады, найдя ея жизненныя условія невыносимыми. Смѣльчаки эти были пробнымъ камнемъ, и еслибъ не та участь, которая постигла ихъ по возвращеніи, духоборы давнымъ давно начали бы свое обратное переселеніе».

Не имѣя возможности провѣрить сообщаемыя г. Тверскимъ наблюденія его о духоборахъ и ихъ руководителяхъ, мы тѣмъ не менѣе распространились о нихъ именно для провѣрки свѣдущими людьми самыхъ фактовъ изъ переселенской жизни «всебратьевъ» и еще болѣе для провѣрки безотрадныхъ выводовъ автора, которые онъ дѣлаетъ изъ ихъ опыта «установить свободу, правду и любовь по ученію Христа не въ чужой, а въ своей жизни».

А. Фаресовъ.

А. И. Добросмысловъ. Башкирскій бунтъ въ 1735, 1736 и 1737 годахъ. Оренбургъ. 1900.

Названная книжка г. Добросмыслова составляетъ восьмой выпускъ «Трудовъ Оренбургской ученой архивной комиссіи»; своимъ появленіемъ въ свѣтъ она обязана новымъ архивнымъ матеріаламъ, которые нашелъ авторъ въ «архивѣ Тургайскаго областного правленія». «Башкирскіе бунты,— говоритъ онъ,—описаны многими авторами, въ числѣ ихъ и бунтъ 1735—1737 годовъ. Познакомившись съ литературой послѣдняго бунта и съ перепиской по поводу его по дѣламъ, сохранившимся въ архивѣ Тургайскаго областного правленія, я нашелъ, что весьма многія подробности, касающіяся этого событія, имѣющія существенное значеніе для исторіи Оренбургскаго края, еще не извѣстны въ исторической литературѣ, что и побудило меня составить настоящій очеркъ».

Хотя г. Добросмысловъ на основаніи открытыхъ имъ матеріаловъ и не пытается поколебать бывшія до него свѣдѣнія о бунтѣ башкиръ 1735—1737 годовъ, все же онъ, безъ сомнѣнія, вноситъ нѣкоторыя подробности, обнародывая документы, или вовсе неизвѣстные для историковъ, или напечатанные въ отрывкахъ. На указаніи этихъ документовъ мы и хотимъ остановить вниманіе читателя.

Изъ нихъ, конечно, наибольшій интересъ долженъ имѣть указъ правительствующаго сената отъ 31 мая 1734 года, съ приложенной къ нему очень большой выпиской по челобитьямъ башкиръ, въ которыхъ подробно выста-

вляются всѣ притѣсненія и невзгоды, выпадавшія на долю башкиръ. Затѣмъ слѣдуютъ донесенія императрицѣ и сенату И. К. Кириллова и его письма къ Бирону (въ послѣднихъ статскій совѣтникъ Кирилловъ сильно заискиваетъ передъ всесильнымъ временщикомъ и порицаетъ В. Н. Татищева и А. И. Румянцева); подробная инструкція А. И. Румянцеву, данная ему передъ отправленіемъ въ 1736 году для усмиренія башкиръ и бывшая доселѣ извѣстною лишь въ небольшихъ извлеченіяхъ; указъ императрицы Анны Іоанновны отъ 16-го февраля 1736 года ему же о суровыхъ мѣрахъ противъ башкиръ и таковой же указъ ему же отъ 23-го мая 1736 года, одобряющій всѣ приведенныя имъ въ дѣйствіе крутыя мѣры; протоколы Тевкелева о допросахъ башкиръ, произведенныхъ въ Верхнеяницкой пристани; переписка Тевкелева съ Кирилловымъ и др.

Въ заключеніе своего «очерка» г. Добросмысловъ даетъ краткую характеристику И. К. Кириллова. В. Р—въ.

Г. М. Тумановъ. Характеристики и воспоминанія. Тифлисъ. 1901.

Помѣщенные въ этой книжкѣ очерки посвящены литературнымъ и общественнымъ дѣятелямъ Кавказа. Они печатались первоначально въ газетѣ «Новое Обозрѣніе» и имѣютъ характеръ легкихъ набросковъ, а не полныхъ біографій, мемуаровъ или критико-историческихъ монографій. Очерки эти къ тому же, быть можетъ, и нѣсколько односторонни. Они большею частію писались по случаю смерти, юбилея или иного торжества, и поэтому имѣютъ въ виду отмѣтить скорѣе сильныя, чѣмъ слабыя стороны дѣятельности даннаго лица. Но нѣтъ худа безъ добра. Благодаря выше указаннымъ качествамъ, они могутъ явиться нѣкоторымъ противовѣсомъ тому обилію памфлетовъ, которые пишутся у насъ на всякаго сколько нибудь выдающагося общественнаго дѣятеля. Такихъ дѣятелей у насъ немного, и результатъ ихъ дѣятельности не великъ, вслѣдствіе не всегда благопріятныхъ условій, среди которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Подчеркнуть заслуги ихъ и отмѣтить все то доброе, что имъ удалось сдѣлать на своемъ трудномъ пути,—дѣло безспорно хорошее. Примѣръ г. Туманова заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, полнаго сочувствія и подражанія, и не мѣшало бы не только отдаленнымъ окраинамъ нашимъ, но и всѣмъ сколько нибудь выдающимся провинціальнымъ центрамъ выпускать время отъ времени подобные сборники «характеристикъ и воспоминаній», посвященныхъ болѣе крупнымъ и значительнымъ мѣстнымъ литературнымъ и общественнымъ дѣятелямъ.

Кромѣ статей, посвященныхъ чисто мѣстнымъ дѣятелямъ, въ концѣ книги находимъ двѣ статьи болѣе общаго характера: 1) «М. Ю. Лермонтовъ», имя котораго тѣсно связано съ Кавказомъ, и 2) «Русскіе писатели на Кавказѣ», гдѣ вкратцѣ говорится о всѣхъ русскихъ писателяхъ, бывшихъ на Кавказѣ и писавшихъ о немъ.

Ан. Ал.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

КАКЪ сдѣлался Тацитъ историкомъ. Въ жизни встрѣчаются нерѣдко случаи, что нѣкоторые писатели или художники подготовлялись слишкомъ долго къ избранной ими дѣятельности и выступали на ея арену слишкомъ поздно. Но не часто случается, чтобы проявленіе признаковъ творчества пробуждалось въ 45 лѣтъ. Однако, однимъ изъ подобныхъ исключеній является въ исторіи Тацитъ. До появленія его первой исторической книги онъ былъ послѣдовательно ораторомъ, политикомъ и консуломъ. Самого Тацита немало безпокоило это позднее проявленіе таланта историка, что онъ выражаетъ въ своей книгѣ «Агрикола», считая долгомъ извиниться передъ читателемъ за неопытность. Конечно, его талантъ, хотя и внезапно проявившійся, не могъ обойтись безъ благопріятной почвы. Естественно, что Тацитъ жилъ въ такой атмосферѣ, которая незамѣтно культивировала эту почву. Чтобы дать себѣ точное понятіе о развитіи таланта Тацита, необходимо прослѣдить его жизнь съ юныхъ дней. Вотъ здѣсь-то и представляется затрудненіе, такъ какъ Тацитъ не любилъ, въ отличіе отъ большинства писателей, посвящать читателей въ свою жизнь. Была ли это скромность или другая причина, во всякомъ случаѣ, она повредила тѣмъ, кто желалъ изучить его личность. Этому внезапному талантливому историку французскій академикъ Гастонъ Буасье посвящаетъ въ «Revue des deux mondes» довольно подробную статью [1]). По его словамъ, происхожденіе Тацита уз-

---

[1]) Tacide. «Comment Tacide est devenu historien», par M. Gaston Boissier, de l'Academie française. 15 mai 1901.

вали совершенно случайно изъ анекдотовъ, переполнявшихъ «Естественную исторію» Плинія Древняго. Тамъ упоминается имя современника Плинія, Корнеліуса Тацита, который руководилъ доходами Бельгійской Галліи. Изъ этого видно, что онъ происходилъ изъ аристократической семьи, занимавшей мѣста по финансовой части. Но это родство не было причиной его расположенія къ аристократіи, хотя его обвиняли, что, защищая аристократію, онъ отстаиваетъ свое дѣло. Но это было несправедливо, такъ какъ ни одинъ изъ его родственниковъ не былъ зачисленъ въ сенатъ, и это обвиненіе само собою исчезаетъ. Отецъ Тацита, разбогатѣвъ и достигнувъ положенія въ обществѣ, какое даетъ богатство, естественно, лелѣялъ мысль, что его сынъ достигнетъ болѣе высокаго положенія. Онъ думалъ добиться у императора для сына латиклавы, что было обычнымъ пріемомъ молодыхъ людей того времени, желающихъ достичь почетнаго сана и впослѣдствіи консульства. Для этого требовалось, чтобы юноша получилъ тщательное воспитаніе. Слѣдовательно, Тацитъ долженъ былъ изучить все, что преподавалось въ его время, а для искусства выражаться, которое требовалось для политика, онъ въ особенности долженъ былъ заниматься риторикой. Въ то время ее блестяще преподавалъ Квинтильянъ, для котораго императоръ устроилъ въ Римѣ первую каѳедру краснорѣчія. Авторъ не утверждаетъ, но предполагаетъ, что Тацитъ такъ же, какъ впослѣдствіи его другъ Плиній Младшій, проходилъ тамъ курсъ краснорѣчія. Но въ то же время можетъ служить сомнѣніемъ то, что если Тацитъ съ одной стороны подходилъ къ манерѣ Квинтильяна, то съ другихъ онъ отъ него сильно отклонялся и не напоминалъ нисколько его ученика. Всего болѣе отражаются результаты его воспитанія въ его самомъ давнишнемъ произведеніи «Діалогъ объ ораторахъ», состоящемъ изъ нѣсколькихъ страницъ. Это самый лучшій критическій опытъ, какой только намъ оставила древность, и служитъ темой для многочисленныхъ споровъ. Онъ поднимаетъ въ немъ нѣкоторые вопросы, оставшіеся до сихъ поръ неразрѣшенными. Авторъ статьи увѣряетъ, что этотъ трактатъ принадлежитъ Тациту, хотя часто въ этомъ сомнѣвались. Но до сихъ поръ еще не согласились относительно эпохи, въ которую онъ былъ написанъ и обнародованъ. Судя по разговору, который въ немъ ведется, онъ относится къ пятому году царствованія Веспасіана. Тацитъ упоминаетъ въ немъ, что онъ «совсѣмъ молодой человѣкъ». Это доказываетъ, что между эпохой, въ которую онъ писалъ «Діалогъ», и той, въ которую онъ обнародовалъ его, протекло нѣсколько лѣтъ, слѣдовательно, онъ уже возмужалъ. Предположивъ, что протекло семь или восемь лѣтъ, мы можемъ заключить, что онъ написалъ трактатъ въ началѣ царствованія Домиціана. Но сомнительно, чтобы это сочиненіе было обнародовано въ то время. Едва ли возможно было при жизни Эпира, Марцелія и Вибія Криспія, любимцевъ императора, называть ихъ публично «нечестными людьми, судьбѣ которыхъ нельзя завидовать, такъ какъ они провели свою жизнь, служа страхомъ для другихъ и опасаясь». Быть можетъ, они были написаны въ ту эпоху, прочитаны друзьямъ и все время поправляемы, а обнародованы были въ позднѣйшую при другомъ, болѣе либеральномъ императорѣ. Изъ этихъ «Діалоговъ» видно, что Тацитъ, будучи молодымъ человѣкомъ, уже многое изучилъ. Онъ упоминаетъ въ нихъ, что юноша, прежде чѣмъ посѣщать Форумъ, долженъ изу-

чить все и не чуждаться ни одной науки. «Только тогда краснорѣчіе будетъ достойно восхищенія», прибавляетъ онъ. Въ этихъ «Діалогахъ» онъ касается различныхъ темъ: римской конституціи, древней и новой магистратуры, раздачи орденовъ въ имперіи и проч. Повидимому, онъ готовился къ общественной жизни. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ трактуетъ религіозные вопросы и касается чужестранныхъ религій, что не было для римлянина обыденно. Египетъ съ его тайнами въ особенности привлекалъ воображеніе Тацита. Всѣ эти «Діалоги» свидѣтельствуютъ, что наука привлекала Тацита лично сама, и онъ изучалъ предметы съ любовью и подробно. Напримѣръ, онъ приписываетъ происхожденіе азбуки Египту, тогда какъ всѣ относили это открытіе къ финикіянамъ. Новѣйшая наука сходится во мнѣніи съ Тацитомъ. Предполагали, что римлянамъ сообщили буквы этруски, но Тацитъ утверждалъ, что они получили ихъ прямо отъ грековъ. Этотъ вопросъ оспаривается до сихъ поръ учеными, но мнѣніе Тацита принято Момзеномъ и Киршгофомъ. Изъ этого видно, что онъ пользовался хорошими источниками для изученія науки и не придерживался метода риторовъ, такъ какъ изучалъ предметы, которыхъ не проходили въ школѣ. Изслѣдуя такъ подробно краснорѣчіе, онъ достигъ неожиданнаго результата. Это изученіе пріохотило Тацита къ научнымъ изысканіямъ, сдѣлавшимъ его умъ гибкимъ и обширнымъ, и превратило его безъ всякихъ усилій въ историка. Онъ указываетъ молодежи между прочими науками на философію, находя ее необходимой, но совѣтуетъ заниматься ею, не какъ самостоятельной наукой, а только извлекать изъ нея пользу для краснорѣчія. Тацитъ не приписываетъ ей могущества воодушевлять своихъ поклонниковъ умѣренностью и тактомъ. Хотя въ то же время онъ не считаетъ ея поклонниковъ, какъ многіе, неисправимыми, недовольными, и не принимаетъ на себя фразу, вложенную въ уста одного доносчика въ его «Діалогахъ» по поводу стоицизма: «Эта секта», говорится тамъ, «производитъ только честолюбивыхъ и сварливыхъ людей». Онъ ссылается на то, что привычка основываться на твердыхъ принципахъ и выводить изъ нихъ суровыя заключенія можетъ придать уму рѣзкость, крутость и упорство, которые увлекаютъ къ безполезнымъ неосторожностямъ. Онъ восторгается, но не одобряетъ тѣхъ, кто безполезно рискуетъ жизнью, безъ выгоды для другихъ. Такъ какъ воспитаніе формируется не въ школѣ, а въ обществѣ, которое посѣщаешь, то нѣтъ сомнѣнія, что Тацитъ жилъ въ римскомъ большомъ свѣтѣ, что не удивительно, судя по его происхожденію. Въ началѣ царствованія Клавдія, около его трехъ племянницъ, дочерей Германика, собиралось очаровательное общество. Душею его былъ Сенека. Но черезъ годъ оно распалось, такъ какъ его члены частью умерли, частью отправились въ изгнаніе по подозрѣнію Мессалины; но эти ужасные примѣры не приводили въ отчаяніе остальныхъ. Они снова собирались на глазахъ доносчиковъ, на другой же день послѣ казни одного изъ членовъ, и продолжали свои бесѣды. Желаніе быть вмѣстѣ доходило до того, что даже въ тюрьмахъ они продолжали прерванныя интриги и разговоры, за нѣсколько шаговъ до эшафота. Такъ Фразей былъ приговоренъ сенатомъ къ казни, и, несмотря на это, все высшее общество собралось по обыкновенію въ его садахъ и вело диспутъ по различнымъ вопросамъ философіи до той минуты, когда квесторъ при-

несъ хозяину дома приказъ умереть. Въ своихъ «Анналахъ» Тацитъ повѣствуетъ, какъ жило высшее общество его времени. Онъ утверждаетъ, что роскошь развилась въ Римѣ сильнѣе передъ имперіей. Аристократическія семьи, съ одной стороны лишенныя части ихъ политическихъ привилегій, вели великолѣпное существованіе, чтобы поддерживать свое положеніе въ обществѣ. Онѣ разорялись на роскошный столъ, великолѣпныя дачи, многочисленныхъ рабовъ, отыскиванье предметовъ изящнаго искусства и драгоцѣнной мебели, щедростью къ друзьямъ и прочее. Суровость императорскаго авторитета относительно высшей аристократіи, обладающей большими богатствами, доканчивала остальное. Въ эпоху царствованія, отъ Августа до Нерона, старинная аристократія почти совсѣмъ исчезла. Ея мѣсто заняла другая. Она явилась изъ муниципальныхъ городовъ Италіи или изъ провинціи. Это новое общество внесло въ жизнь римлянъ простыя и экономныя привычки, и хотя многіе скоро разбогатѣли, но все-таки сохранили свои старыя привычки. Въ особенности Веспасіанъ, показавъ примѣръ простоты, преобразовалъ римскіе нравы, говоритъ Тацитъ. Это былъ добрый гражданинъ Реаты изъ семьи воиновъ и мелкихъ банкировъ, ненавидѣвшій роскошь и этикетъ. Желаніе нравиться императору сдѣлало то, чего не могли добиться строгіе законы старинной республики. Правда, болѣе не встрѣчались древнія римскія фамиліи, и большая часть новыхъ семействъ были уроженцы Галліи, Африки или Испаніи. Всѣ они питали большую любовь къ литературѣ и не только въ юности изучали краснорѣчіе и считали его необходимымъ талантомъ римскаго магистра, но также изучали философію и составляли элегіи и эпопеи. Никогда еще такъ не любили литературу, какъ въ то время, и Сенека называлъ эту страсть маніей. Вотъ въ такомъ-то обществѣ, надо предполагать, и жилъ Тацитъ въ свои лучшіе годы и видѣлъ свои первые успѣхи. Конечно, это былъ человѣкъ ума, что видно изъ его произведеній, несмотря на суровость, въ которую онъ облекся. Женщина занимала видное мѣсто въ римскомъ свѣтскомъ обществѣ, но трудно себѣ представить степеннаго и суроваго Тацита въ ихъ обществѣ. Онъ отзывается о нихъ иногда довольно дурно. Такъ, напримѣръ, говоря о женѣ одного вольноотпущенника, которая дала мужу совѣтъ измѣнить своему господину, онъ выражается: «Она дала ему дурной совѣтъ, женскій совѣтъ». Упоминая объ одномъ римлянинѣ довольно легкомысленномъ и пустомъ, онъ говоритъ: «Онъ обладаетъ всѣмъ, чтобы понравиться женщинамъ». Но нѣсколько презрительное отношеніе къ женщинамъ не мѣшало ему поддерживать ихъ сторону. Напримѣръ, онъ рисуетъ Мессалину, показывая, до какой степени можетъ дойти безуміе женщины, удовлетворяющей всѣ свои фантазіи и которой пріѣлись обыкновенныя удовольствія, для чего она рискуетъ всѣмъ, чтобы испытать еще невѣдомыя. Онъ сопоставляетъ ей типъ Агриппины, также не застѣнчивой, какъ и первая, но она пользовалась своей красотою для обогащенія и изъ честолюбія вела имперію «мужскою рукою». А Попея, желающая завладѣть Нерономъ, для этого нападала на него грубо, такъ какъ знала, что Октавія надоѣла ему своей любезностью. Всѣ эти типы изображены, какъ живые, и доказываютъ, что Тацитъ не по книжкамъ зналъ общество, а вращался въ немъ самъ. Отсюда же явились его блестящія мысли, названныя «сентенціями», заключающими въ себѣ

мало словъ и много смысла. Его фразы дышать правдою и исходятъ изъ самой жизни, а глубокое знаніе страстей и характеровъ доказываетъ близкое ихъ изученіе. Воспитаніе Тацита, должно быть, окончилось впродолженіе первыхъ годовъ царствованія Веспасіана. Это была счастливая эпоха, въ особенности если сравнить ее съ ужасами предшествовавшаго царствованія, и весьма благопріятная для молодыхъ людей, ищущихъ славы. Неизвѣстно, гдѣ первый разъ выступилъ на ораторскомъ поприщѣ Тацитъ, но Плиній, дебютировавшій нѣсколько лѣтъ спустя послѣ него, говоритъ, что слава Тацита въ то время находилась въ полномъ расцвѣтѣ. О его краснорѣчіи Плиній писалъ своему другу: «Тацитъ говорилъ очень краснорѣчиво и съ серіозностью, которая служитъ отличительною чертой его характера». Въ 77 году онъ женился на дочери Юлія Агриколы, принадлежащаго къ старинной аристократической семьѣ. Тацитъ ничего не говоритъ о своей женѣ, также какъ и о себѣ, если не считать фразу: «молодая дѣвушка, подающая прекрасныя надежды», за нѣсколько холодную похвалу. О своей политической карьерѣ онъ говоритъ кратко: «Моя политическая карьера началась съ Веспасіана, возвысилась Титомъ и поднялась еще выше Домиціаномъ». Вѣроятно, Веспасіанъ сдѣлалъ его квесторомъ, Титъ сдѣлалъ его эдиломъ или народнымъ трибуномъ, а Домиціанъ произвелъ его въ преторы. Онъ назначался преторомъ, когда праздновали юбилейныя игры, и такъ какъ онъ принадлежалъ къ одной очень важной коллегіи преторовъ, то предсѣдательствовалъ на праздникѣ. Въ 89 Тацитъ покинулъ Римъ; немедленно послѣ преторства онъ былъ назначенъ намѣстникомъ императора и управлялъ императорской провинціей, но какою именно провинціей — неизвѣстно. Читая его сочиненія о нравахъ германцевъ, можно думать, что онъ близко изучилъ страну и людей, которыхъ описывалъ. Такъ какъ въ этомъ округѣ находится единственная Бельгійская Галлія, то можно вывести заключеніе, что онъ пробылъ тамъ четыре года, собирая на мѣстѣ необходимыя для его произведенія справки. Его трудъ «Германія» очень точно и подробно знакомитъ читателя со всѣми обычаями, нравами и даже мѣстоположеніемъ. Римскіе историческіе писатели рѣдко описывали мѣстоположенія, такъ что и у Тацита говорится объ этомъ немного, но онъ касался также ихъ религіи. Тацитъ съ восторгомъ говоритъ о честной семейной жизни германцевъ, строгости брака, объ уваженіи къ женщинѣ и суровомъ воспитаніи, какое дается дѣтямъ. Въ этомъ описаніи, конечно, слышится горькій упрекъ римлянамъ и римлянкамъ его времени. Объ адюльтерѣ даже не имѣли понятія въ Германіи не такъ, какъ въ Римѣ: «гдѣ развращать и сдаваться на развратъ называется жить по послѣдней модѣ». Чтобы заставить молодого человѣка жениться, не требуется издавать строгіе законы, такъ какъ «добрые нравы тамъ господствуютъ болѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ добрые законы»; за женщинами нѣтъ надобности присматривать, такъ какъ «онѣ живутъ подъ надзоромъ чистоты нравовъ, вдали отъ спектаклей, развращающихъ нравы, и празднествъ, зажигающихъ страсти». Это произведеніе Тацита даетъ впечатлѣніе сатиры на римлянъ. Въ то время, когда Тацитъ собиралъ и приводилъ въ порядокъ матеріалы для «Германіи», въ немъ уже былъ готовъ историкъ. Когда Тацитъ возвратился въ Римъ въ

93 году, политическое положеніе ухудшилось. Онъ пріѣхалъ въ тотъ моментъ, когда кризисъ обострился, въ тотъ именно годъ, когда Домиціанъ заставилъ умереть Сенеку, Арулена, Рустика и сына Гельвидія. Что касается Тацита, то императоръ, очевидно, не относился къ нему милостиво, такъ какъ онъ не былъ назначенъ консуломъ. Тацитъ понялъ опасность своего положенія и старался, чтобы о немъ забыли. Но хотя онъ избѣжалъ смерти, а все-таки подвергся многимъ позорнымъ испытаніямъ. «Наши отцы,—говорилъ Тацитъ,— знали крайнюю свободу, а мы узнали крайнее рабство». Но наступилъ конецъ: жена Домиціана, въ которую онъ былъ безумно влюбленъ, хотя и зналъ, что она обманываетъ его, въ одно прекрасное утро убила мужа въ своей спальнѣ. Старые порядки снова водворились въ Римѣ. Тацитъ сдѣлался консуломъ. Но послѣдніе годы его жизни остаются для насъ тайной. Извѣстно только, что въ концѣ царствованія Траяна онъ былъ проконсуломъ азіатскихъ провинцій, что служило высшей почетной должностью въ имперіи. Политическая карьера Тацита окончилась, зато открылась новая. Менѣе, какъ черезъ два года послѣ смерти Домиціана онъ обнародовалъ свой первый историческій трудъ. По своей скрытности Тацитъ не говоритъ, почему, оставаясь ораторомъ, сдѣлался историкомъ. Но можно сдѣлать приблизительный выводъ, что у него была природная склонность, которую онъ развивалъ, читая великихъ историковъ Рима—Саллюстія и Тита Ливія. Очевидно они произвели на него впечатлѣніе. Это видно изъ того, что Тацитъ часто имъ подражалъ впослѣдствіи. Тиранія Домиціана предоставила ему свободное время. Въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ не занималъ никакого мѣста и изъ осторожности даже не ораторствовалъ. Даже между друзьями было неосторожно бесѣдовать. Жить въ бездѣятельности для Тацита было невозможно, и онъ въ первую же минуту освобожденія отъ тираніи принялся за свой трудъ. Сюжетъ былъ готовъ; событія того времени дали богатый матеріалъ, и онъ началъ свое произведеніе «Жизнь Агриколы», относящееся къ первымъ днямъ царствованія Траяна, и въ то же время въ 98 появилась «Германія», которая, какъ уже мы видѣли, была приготовлена ранѣе. Вотъ какимъ образомъ Тацитъ сдѣлался историкомъ. Главные его историческіе труды были: «Historiarum libri» въ 14 томахъ и «Annales» въ 16 томахъ. Но до насъ только достигло десять книгъ. Въ своемъ обширномъ сочиненіи онъ подробно написалъ римскую исторію отъ смерти Нерона до современныхъ ему событій. Цѣлью всѣхъ его историческихъ произведеній было поднять падающую нравственность римлянъ его времени. Что касается до смерти Тацита, то ея годъ точно неизвѣстенъ. Полагаютъ, что онъ умеръ между 117 и 136 годами. Точно также неизвѣстенъ и годъ его рожденія. Вѣроятно, онъ родился между 54 и 56 годами послѣ Р. Х.

— **Тысячелѣтній юбилей Альфреда Великаго.** Осенью нынѣшняго года Англія будетъ праздновать тысячелѣтіе своего популярнаго короля Альфреда. Юбилейная литература въ честь его все болѣе и болѣе распространяется. На-дняхъ вышли еще два новыя сочиненія: «Альфредъ Великій», Дрепера [1]) и «Альфредъ Вестъ-саксонецъ», Макфадайна [2]), лекція, читанная въ

[1]) «Alfred the Great». by W. Draper. London. 1891.
[2]) «Alfred the West saxon», by Macfadyen. London. 1901.

въ Гарвардѣ, извѣстнымъ англійскимъ критикомъ Фредерикомъ Гариссономъ: «Сочиненія короля Альфреда» [1]), и статья Сибиллы Митфордъ: "The Palace of king Alfred» [2]). Первая изъ этихъ книгъ посвящаетъ одну изъ своихъ главъ жизни и царствованію Альфреда, а остальныя семь главъ представляютъ «попытку бросить свѣтъ современныхъ научныхъ изслѣдованій на событія эпохи Альфреда». Авторъ сообщаетъ очень мало новаго и впадаетъ въ многочисленныя ошибки. Въ отдѣлѣ библіографіи встрѣчаются многочисленные пропуски, но зато археологическая часть книги составлена человѣкомъ знающимъ, Реджинальдомъ Смитомъ изъ Британскаго музея. Что же касается до предисловія, то оно написано епископомъ Герефордскимъ. Авторъ второй книги: «Альфредъ Вестъ-саксонецъ», еще менѣе основательный историкъ. У него съ первой страницы до послѣдней встрѣчаются ошибки и неточности. Но за то Гариссонъ представляетъ добросовѣстную и вполнѣ основательную библіографію всѣхъ сочиненій короля Альфреда. Сибилла Митфордъ посвящаетъ свою статью описанію дворца короля Альфреда, или, лучше сказать, развалинамъ Вольверсейскаго замка, въ городѣ Винчестерѣ. Юбилейная комиссія предполагаетъ купить государству эту историческую мѣстность и сдѣлать національнымъ достояніемъ. Насколько извѣстно, Альфредъ провелъ свою молодость въ Вольверсеѣ и тамъ научился многому хорошему и полезному. Любовь къ знанію онъ наслѣдовалъ у своего отца, короля—монаха, и собралъ богатую жатву изъ посѣянныхъ имъ сѣмянъ. Эту жатву онъ собралъ въ томъ же Вольверсеѣ, гдѣ впослѣдствіи жилъ королемъ въ своемъ дворцѣ. Здѣсь онъ принималъ всѣхъ великихъ людей въ наукѣ и литературѣ. Его дворъ сталъ также знаменитъ, какъ дворъ Карла Великаго, и отовсюду собирались люди, чтобы посмотрѣть на такого просвѣщеннаго короля, жившаго въ столь варварскую эпоху. Въ «Саксонской хроникѣ» описывается, какъ трое шотландцевъ на лодкѣ, безъ веселъ, а лишь подъ парусомъ, отправились изъ Ирландіи, въ 891 году, посмотрѣть на короля Альфреда. Послѣ семидневнаго странствія по морю они высадились въ Корнъ-Уэльсѣ и представились, наконецъ, знаменитому королю. Но, принимая лицъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ въ наукѣ и просвѣщеніи, Альфредъ самъ занимался въ Вольверсеѣ составленіемъ своего знаменитаго кодекса законовъ, который служитъ основаніемъ англійскихъ законовъ, даже въ XX столѣтіи. Кромѣ того, онъ составилъ первоначальную «Domesde-Book», которая была уничтожена послѣ того, какъ вышла болѣе подробная, въ дни Вильгельма Завоевателя. Но всего замѣчательнѣе было изданіе Альфредомъ въ Вольверсеѣ «Саксонской хроники», большая часть ея написана имъ собственоручно. Первоначальная рукопись хранилась въ Вольверсеѣ, прикованная цѣпью къ столу, а копіи ея сохранялись въ монастыряхъ Питерборо и Кантербюри. Многіе утверждаютъ, что оригиналъ этой рукописи хранится и теперь въ библіотекѣ Кэмбриджскаго университета. Извѣстный въ теченіе продолжительнаго времени въ лѣтописяхъ просвѣщенія, Вольверсей ознаменовался сценой

---

[1]) «The Wrytings of king Alfred», by Frederic Harisson. London. 1901.
[2]) «The Palace of king Alfred», by Sybil Mitford. «English Illustrated Magazine». London, 1901.

роковой смерти датскихъ узниковъ, которые въ глазахъ короля были повѣшаны. Они оставались на висѣлицахъ, пока превратились ихъ тѣла въ скелеты, въ доказательство, что Альфредъ не только былъ ученый и просвѣщенный человѣкъ, но и страшный для враговъ король.

— **Витторія Колонна.** Въ XV вѣкѣ появилась въ Италіи блестящая поэтесса. Она происходила по отцу, Фабрицію Колонна, отъ знатной семьи Италіи. Ея отецъ—знаменитый полководецъ, велскій конетабль Неаполитанскаго королевства, былъ однимъ изъ собесѣдниковъ, которыхъ выставилъ Маккіавели въ своихъ «Бесѣдахъ». Что же касается до матери, то она была родная сестра герцога Урбино. Въ такой-то аристократической семьѣ родилась въ 1490, или, вѣроятнѣе, въ 1494 г. (что доказано позднѣйшими изысканіями), дочь Витторія. Никто не предвидѣлъ тогда ея блестящей литературной будущности. Этой новой Сафо посвященъ въ «La Revue des Revues» этюдъ [1]), написанный Евгеніемъ Мюнцемъ, по различнымъ документамъ, но, главнымъ образомъ, по статьямъ Альфреда Реймонда, Ферреріо, Мюллера и Родоконаки. Молоденькой принцессѣ еще не исполнилось двадцати лѣтъ, когда она вышла замужъ за Фернанда д'Авалосъ, маркиза Пескэра. Она была назначена ему въ невѣсты съ самыхъ юныхъ дней. Съ этихъ поръ Витторія жила попеременно то въ Неаполѣ, сдѣлавшемся простой испанской префектурой, то на очаровательномъ островѣ Искія, гдѣ ея мужъ былъ губернаторомъ. Едва Витторія вышла замужъ, какъ попробовала свои силы въ поэзіи, и когда ея мужъ попалъ въ плѣнъ послѣ равенской битвы, она отправила ему посланіе въ поэтической формѣ, чтобы утѣшить его въ одиночествѣ. Паоло Іове, свидѣтельство котораго признано Брантомомъ, утверждалъ, что мужъ Витторіи занимался даже поэзіей и во время своего плѣна; онъ написалъ разговоръ о любви и посвятилъ его женѣ. 1525 годъ, памятный Франціи, Италіи и Испаніи, былъ для Витторіи годомъ сильной честолюбивой радости и страшнаго горя. Маркизъ Пескэра послѣ блестящаго участія въ павійской битвѣ скончался отъ полученной тамъ раны, ранѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ сраженія. Ему въ это время едва исполнилось тридцать шесть лѣтъ. Витторія не успѣла пріѣхать во время и застала его уже мертвымъ. Сраженная горемъ, она укрылась въ римскомъ монастырѣ св. Сильвестра. Горе ея было такъ велико, что, по словамъ Брантома, она была безнадежна, и на предложеніе ее утѣшить она отвѣчала: «Въ чемъ вы хотите утѣшить? Въ смерти мужа? Вы ошибаетесь, онъ не умеръ; онъ живъ и шевелится у меня въ груди. Я чувствую его каждый день и каждую ночь оживающимъ, двигающимся и возрожденнымъ во мнѣ». Но и въ монастырѣ она не нашла желаемаго покоя. Ея родители, воспользовавшись пораженіемъ французовъ, не упустили случая предпринять походъ противъ папы Климента VII и сдѣлались главными факторами разгрома Рима. Витторія нашла себѣ утѣшеніе во время этой катастрофы, оказывая помощь нѣкоторымъ изъ многочисленныхъ жертвъ. Вообще, когда она ускальзывала отъ несчастнаго вліянія своей семьи, ея природное великодушіе одерживало верхъ. Такъ, можетъ служить примѣромъ ея вмѣшательство въ пользу

---

[1]) Les femmes de la Renaissance «Vittoria Colonna», par Eugène **Muntz.** «La Revue des Revues», 15 avril 1901.

знаменитаго заговорщика Филиппа Строцци, попавшаго въ руки своего врага, Козьмы Медичи, новаго диктатора Флоренціи. Она написала ему самое трогательное письмо, но онъ оставался непоколебимъ, и Строцци избѣжалъ казни, только благодаря самоубійству. Но горе Витторіи подготовило ей будущій тріумфъ. До смерти мужа она занималась поэзіей только изрѣдка, случайно. Теперь же, подъ вліяніемъ глубокой грусти, въ ней проснулось вдохновеніе, и итальянская Сафо дала цѣлую серію сонетовъ, въ которыхъ, конечно, преувеличивая добродѣтели покойнаго мужа, она изливала горе. За элегіями слѣдовала религіозная и моральная поэзія, изреченія изъ Библіи или Евангелія. Но Витторія, даже приближаясь къ самымъ богопротивнымъ сюжетамъ, не измѣняла своего благочестія. Такъ, напримѣръ, она упрекала одного алхимика, что онъ гоняется за философскимъ камнемъ, тогда какъ Христосъ предлагаетъ ему измѣнить свинецъ нашихъ ошибокъ на золото вѣчности. Микелю Анджело она говорила: «вмѣсто того, чтобы прославляться своимъ талантомъ, онъ долженъ благодарить Бога за щедрую награду способностью». Обычнымъ ея обществомъ при жизни мужа были—ея братъ съ женою, красавицей Жанной Арагонской, и племянникъ мужа, юноша, взятый ею въ домъ въ качествѣ пріемнаго сына. Въ Неаполѣ и Искіи ее изрѣдка посѣщали историкъ Паоло Іове и Торквато Тассо, авторъ «Освобожденнаго Іерусалима». Когда она жила въ 1515—1520 году въ Римѣ, то въ особенности сблизилась съ литературнымъ міромъ. У нея бывали тамъ: Вида, авторъ «Кристіады», Гембо и Садоле, секретарь папы, будущій кардиналъ и гуманистъ, Аріосто, авторъ «Неистоваго Роланда», Бальтазаръ Кастильоне, авторъ «Куртизана», и др. Аріосто въ ея честь написалъ диѳирамбъ. Витторія вела переписку съ поэтами, гуманистами, прелатами, папой, императоромъ и королевой Наваррской. Писемъ послѣ нея осталось болѣе полутораста. Онѣ касаются различныхъ вопросовъ, начиная отъ философскихъ вопросовъ до дѣловыхъ разсужденій. Витторія Колонна была весьма мелочна въ денежныхъ дѣлахъ и, вообще, во всѣхъ вопросахъ, касающихся ея интереса. Она, не переставая, требовала съ маркиза Мантуи уплаты 4.000 дукатовъ и не отставала отъ папы Климента VII, добиваясь, чтобы онъ назначилъ ее вице-губернаторшей Беневента, на мѣсто ея покойнаго мужа. Послѣ смерти маркиза Пескэра, вся образованная Италія старалась развлечь и утѣшить Витторію. Это же горе ее разссорило съ ея лучшимъ другомъ, графомъ Бальтазаромъ Кастильоне, искренно восторгавшимся Витторіей. Однако, въ ея душѣ произошелъ мало-по-малу переворотъ. Сильный пароксизмъ горя перешелъ въ религіозный экстазъ, а безнадежность смѣнилась надеждой. Эмануилъ Родоконаки прекрасно охарактеризовалъ въ своемъ сочиненіи о ней эту метаморфозу. Внушенія одного изъ ея друзей, набожнаго испанца Вальдеса, докончили эту перемѣну. Въ этомъ новомъ превращеніи Витторія явилась не только набожною, но святою. Упражненія въ благочестіи, заботы о больныхъ и проч. не мѣшали, однако, ей предаваться умственнымъ удовольствіямъ. Ея дружескія отношенія продолжались съ Аріосто, Берни, Аретеномъ, Лодомъ Долче, Паоло Іове, Гамбара, а также съ самыми знаменитыми членами св. колегіи: кардиналами Бембо, Контарини, Сервини, Поле и Морономъ. Имя Витторіи Колонны должно быть извѣстно помимо ея личнаго таланта, такъ какъ съ нимъ связано воспоминаніе о знаменитомъ

художникѣ Микелѣ Анджело Буонароти. Одинъ голландскій художникъ, жившій долго въ Италіи, передалъ одинъ изъ разговоровъ Микеля Анджело и Витторіи Колонны. Боунароти остался холостякомъ, какъ многіе изъ художниковъ, напримѣръ, Рафаэль, Донателло Винчи и проч. Ему было около 60 лѣтъ, когда онъ сблизился съ Витторіей. Біографъ Буонароти, Кондиви, написалъ подъ его диктовку исторію его любви къ Витторіи въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ: «Въ частности, говоритъ онъ, Микель Анджелло любитъ маркизу Пескэра возвышенно и влюбленъ въ ея божественный умъ; она со своей стороны обожаетъ его. У него находится масса писемъ отъ нея, переполненныхъ выраженіями честной и нѣжной любви». Витторія вздыхала по томъ, кого не могла вновь увидѣть, а Буонароти плакалъ о томъ, что не могъ ее полюбить. Смерть ея пріемнаго сына нанесла ей послѣдній ударъ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ она снова взялась за перо и посвятила сонетъ этому новому трауру. Послѣдніе годы своей тревожной жизни она проводила въ Римѣ и Витербо. Послѣ изгнанія ея брата и заслуженной всей семьей Колонна немилости, Витторія въ 1541—1544 годахъ поселилась въ монастырѣ св. Екатерины въ Витербо. Въ 1544 г. она возвратилась въ Римъ, но вмѣсто того, чтобы попросить гостепріимства въ покинутомъ семейномъ дворцѣ, она поселилась въ монастырѣ св. Анны дп Ферарри. Здѣсь она совершенно предалась благочестію. Отказавшись отъ литературы, она жила въ обществѣ исключительно высокопоставленнаго духовенства, не видя никого другихъ, и единственное исключеніе дѣлала Микелю Анджело. Ей не было 57 лѣтъ, когда, въ февралѣ 1547 года, она скончалась въ Римѣ у одного родственника.

— Послѣдніе годы царствованія англійской королевы Елизаветы. Доведя исторію Елизаветы до погибели великой Армады, извѣстный историкъ Фрудъ считаетъ возможнымъ окончить на этомъ ея царствованіе, такъ какъ послѣднія пятнадцать лѣтъ ея жизни онъ находитъ незаслуживающими вниманія. Въ сущности онъ правъ, такъ какъ эта эпоха скучна и безъинтересна. Но настоящіе ученые не могутъ удовольствоваться краткимъ знакомствомъ съ этой пятнадцати-лѣтней эпохой, завершившей великую годину Елизаветы, и трудно отыскать лучшаго историка для подробнаго изслѣдованія англійскихъ и иностранныхъ архивовъ за это время, какъ Мартина Юма. Онъ дѣйствительно посвятилъ этой задачѣ нѣсколько лѣтъ и издалъ книгу подъ названіемъ «Измѣны и заговоры» [1]), въ которой основательно знакомитъ читателя со всѣми событіями того времени. Въ теченіе этихъ пятнадцати лѣтъ папство дѣлало послѣднюю упорную попытку сохранить свое первенство въ Европѣ, а Англія напротивъ старалась всѣми силами отстоять свободу мысли и свободу совѣсти. Въ продолженіе этого времени въ Римѣ перебывало пять папъ, и они всячески поддерживали сами борьбу съ Англіей и побуждали испанскихъ королей содѣйствовать имъ въ этомъ отношеніи. Послѣ избіенія протестантами 32 католическихъ патеровъ и 11 свѣтскихъ лицъ въ 1588 году іезуиты и семинаристы скрывались повсюду. Когда они были изловлены правительствомъ,

[1]) Treason and Plot: struggles for catholic supremacy in the last years of queen Elizabeth. By Martin Hume. London. 1901.

державшимъ безчисленное число шпіоновъ и доносчиковъ, то съ ними поступали чрезвычайно жестоко. Благодаря этой суровости пасторовъ, возникъ въ средѣ католиковъ цѣлый рядъ заговоровъ на жизнь королевы. Но Юмъ основательно изслѣдовалъ всѣ заговоры съ 1592 г. по 1593 г. и пришелъ къ тому заключенію, что не была сдѣлана ни одна серьезная попытка къ убійству королевы. Между несправедливыми жертвами англичанъ былъ несчастный Лопецъ, сдѣлавшійся жертвой Эсекса. Что касается нелѣпаго заговора іезуита Михаила Вальполя, который поручилъ простому конюху убить Елизавету, спрятавъ ядъ въ луку сѣдла, то здравый человѣкъ не могъ бы повѣрить этому покушенію, хотя Юмъ увѣряетъ, что въ немъ была кое-какая правда. Между тѣмъ Филиппъ II послѣдніе годы своей жизни посвятилъ военнымъ попыткамъ открытой силой усмирить Елизавету. Онъ снаряжалъ флотъ за флотомъ и претерпѣвалъ одно пораженіе за другимъ. Юмъ съ удивительнымъ терпѣніемъ слѣдитъ за всѣми дѣйствіями испанцевъ въ Ирландіи. Что касается до послѣднихъ трехъ лѣтъ царствованія Елизаветы, то событія этого времени уже часто описывались и хорошо извѣстны. Съ самаго начала политика Рима и Испаніи была рядомъ глупыхъ ошибокъ и еще болѣе глупыхъ попытокъ ихъ поправить. «Даже пороховой заговоръ», говоритъ Юмъ, «если бы онъ удался, то не могъ бы воцарить въ Англіи католическаго короля подъ испанскимъ покровительствомъ. Подобный фактъ былъ невозможенъ, потому что въ сорокъ лѣтъ борьбы Елизавета такъ утвердила протестантство и свободу въ Англіи, что нельзя было допустить и мысль о первенствѣ чужестранцевъ».

— Викторъ Гюго, какъ женихъ. Безсмертное имя Виктора Гюго все еще живо въ памяти его поклонниковъ, и его произведенія продолжаютъ всѣхъ интересовать. Недавно одинъ изъ друзей Гюго, Поль Мерисъ, опубликовалъ его письма къ невѣстѣ, которыя она берегла, какъ драгоцѣнность[1]). Онѣ относятся къ эпохѣ, когда Гюго было 18 лѣтъ, а его невѣстѣ Адель Фуше 17 лѣтъ. Эта переписка тѣмъ болѣе интересна, что позволяетъ заглянуть во внутреннюю жизнь художника-писателя съ юнаго его возраста. Викторъ Гюго представляется въ нихъ то цѣломудреннымъ, что пылкимъ, то юнымъ и живымъ, то серьезнымъ, то полнымъ ребячества и рядомъ съ этимъ вдумчивымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ дышатъ ревностью и страстью съ присущими имъ жалобами, отчаяніемъ, радостью и упреками. Однимъ словомъ вся сокровенная жизнь юнаго Гюго открыта для наблюденія. Хотя эти письма вѣютъ чистой, искренней и глубокой любовью юности, но они могутъ легко сдѣлать впечатлѣніе нѣсколько холодное, натянутое. Самъ Гюго замѣчалъ и объяснялъ невѣстѣ эту натяжку слѣдующимъ письмомъ: «Все мое затрудненіе, что я не могу подыскать словъ для выраженія моихъ мыслей и чувствъ. Ты, вѣроятно, находишь иногда мои письма странными? Но это происходитъ отъ затрудненій, испытываемыхъ мною, когда я хочу объяснить тебѣ, хотя приблизительно то, что я чувствую къ тебѣ». Подобныя извиненія повторяются въ письмахъ часто. Характеръ Гюго въ нихъ производитъ какое-то странное, смѣшанное впечатлѣніе. Въ одно и то же время

---

[1]) Victor Hugo, Lettres à la fiancée 1820 — 1822, avec deux portraits et un autographes. Paris 1901.

вы слышите голосъ юности и вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣлости, страсти и равнодушія, нѣжности и сухости, хотя здѣсь есть и ревность и любовь, но настоящаго романа нѣтъ. Быть можетъ, старинная привычка къ своей невѣстѣ положила такой отпечатокъ на его отношенія. Когда Гюго узналъ Адель Фоше, ему было 10 лѣтъ, а ей 9. Первое объясненіе въ любви произошло, когда Гюго было 17 лѣтъ а, ей 16. Они устраивали свиданія въ саду. Ему казалось съ перваго момента увлеченья, что его любовь останется вѣчной. Первой мыслью у Гюго послѣ объясненія было жениться на Адель. Эта мысль преслѣдовала Гюго, и онъ упорно стремился ее осуществить. Тѣ и другіе родители противились. Семья Гюго и отецъ невѣсты, Фуше, были небогаты. Мать юноши увлекалась генеральскимъ званіемъ мужа и разсчитывала на богатую партію для сына, уповая на его будущность. Всѣ обстоятельства были противъ ихъ брака. Викторъ Гюго упорно настаивалъ. Онъ рѣшилъ, что единственно работа дастъ ему независимость и поможетъ осуществить его планъ. И онъ принялся за ту работу, отъ которой не могъ отвыкнуть всю жизнь. Юноша почти одинъ редактировалъ «le Conservateur litteraire». Этотъ журналъ Викторъ Гюго основалъ вмѣстѣ со своими братьями, и онъ появлялся съ декабря 1819 по мартъ 1827 гг. Будущій геній обнаружилъ въ различныхъ критическихъ статьяхъ этого журнала обширныя познанія и удивительное зрѣлое сужденіе. Поэма за поэмой появлялись изъ-подъ его пера, и въ іюнѣ 1822 г. онъ собралъ ихъ вмѣстѣ и издалъ въ одномъ томѣ подъ заглавіемъ «Разныя оды и поэзіи». Наконецъ онъ набросалъ романъ «Han d'Islande», въ которомъ выводитъ перипетіи своей любви. Онъ даже устроилъ переписку со своей невѣстой, съ которой его внезапно разъединили посредствомъ литературы. Зная, что Фуше получаютъ «le Conservateur», онъ помѣстилъ тамъ элегію, названную «Раймондъ d'Асколи», въ которой нарисовалъ картину своего отчаянія. Этотъ «Раймондъ d'Асколи» — ученикъ Петрарка. Онъ любилъ Эмму-Джіованна Страваджи, красивую молодую дѣвушку. Она отвѣчаетъ на его любовь. Отецъ дѣвушки, узнавъ объ ихъ любви, выгоняетъ изъ дома Раймонда. Раймондъ пишетъ своей подругѣ письмо, полное нѣжности и горя. Это былъ для Гюго единственный способъ увѣдомить Адель, что онъ не забылъ ея. Гюго удалось встрѣчаться тайно съ Адель, когда она ходила на уроки рисованія. Онъ былъ опечаленъ, когда увидалъ, что Адель испугалась этой тайной встрѣчи и поспѣшила уйти. Это послужило причиной для ссоры, которая ликвидировалась письмами. Въ 1820 году умерла мать Виктора Гюго. Это была для него эпоха отчаянія за будущее. Но онъ былъ твердаго закала, несмотря на свои двадцать лѣтъ, и недолго отчаивался. Позже онъ разсказывалъ своей невѣстѣ о томъ, какую роль она играла въ его отчаяніи. Дѣло въ томъ, что вечеромъ, въ день похоронъ, 20-го іюня, онъ, извѣдавъ всѣ горечи жизни, опечаленный и одинокій, отправился къ дому, гдѣ жила Адель. Окна были освѣщены. Онъ услышалъ музыку и шумъ танцевъ. Это было день рожденія Фуше, и по этому случаю былъ устроенъ балъ. Зная расположеніе комнатъ, онъ вошелъ въ домъ и укрылся въ одной изъ пустыхъ комнатъ. Оттуда онъ могъ видѣть всѣхъ, оставаясь незамѣченнымъ. Когда онъ увидѣлъ Адель, которая въ это время танцовала, весело смѣясь, то Гюго заплакалъ и убѣжалъ. Онъ разсказалъ объ этомъ молодой дѣвушкѣ, и она увѣряла его, что не знала

объ его горѣ. Спустя нѣкоторое время, родители увезли Адель въ Дрё, чтобы укрыть отъ преслѣдованій влюбленнаго Гюго. Но послѣдній, не имѣя денегъ, добрался туда пѣшкомъ и догналъ ихъ. Фуше, тронутый такимъ постоянствомъ и достаточно литературный, чтобы предвидѣть будущность молодого человѣка, разрѣшилъ ему видѣться съ Адель одинъ разъ въ недѣлю. Но это не удовлетворило молодыхъ людей, и они возобновили прерванную переписку. Гюго былъ въ это время замѣчателенъ по энергіи и отважности. Онъ отказался принять отъ отца маленькую пенсію, помня, что отецъ покинулъ его мать. Онъ работалъ не только весь день, но и ночь, несмотря на обѣщаніе, данное Адели, безпокоившейся о его здоровьѣ. Живя въ мансардѣ одного изъ домовъ улицы «Дракона», онъ только и мечталъ, какъ бы заслужить вознагражденіе за свою любовь. Его навѣщали тамъ Виньи, Ламартинъ, Ламене, Шатобріанъ. Послѣдній подбодрялъ его завоевывать будущее. Однако Гюго почти не разсказывалъ Адели о славѣ, которая уже коснулась его. Наконецъ молодая дѣвушка стала терять терпѣніе. Самъ Фуше безпокоился, такъ какъ генералъ Гюго не давалъ своего согласія на бракъ, а финансовыя затрудненія не устранялись. Разсчитывать, что юноша въ двадцать лѣтъ сдѣлаетъ карьеру, было рискованно. Но Гюго упорно повторялъ молодой дѣвушкѣ одну фразу: «Ты будешь моей». Она, невзирая на свою робость, рѣшилась пожертвовать всѣмъ для любви и удалиться съ нимъ, если обстоятельства разстроятъ бракъ. На это Гюго отвѣтилъ, что любитъ ее чисто и искренно и согласится на это только послѣ церковнаго благословенья. Наконецъ генералъ Гюго вынужденъ былъ на этотъ бракъ согласиться, такъ какъ, женившись черезъ три недѣли послѣ смерти жены на своей любовницѣ, считалъ себя нѣсколько виноватымъ относительно дѣтей. Викторъ сдѣлался офиціальнымъ женихомъ. Оставалось ждать еще 4 мѣсяца королевской пенсіи въ 1100 ливровъ, которую ему пожаловали, какъ роялистскому писателю. Эта пенсія могла нѣсколько поддержать юную чету. Эта отсрочка брака послужила причиной для новой переписки между молодыми людьми, такъ какъ мать невѣсты не допускала ихъ видѣться наединѣ. Наконецъ въ 1822 г. состоялась свадьба. Судя по упорству, съ какимъ Викторъ Гюго настаивалъ на бракѣ и добивался устроить свою будущность, можно было ожидать чего-то иного въ письмахъ. Очевидно онъ любилъ ее, но въ его любви нѣтъ вибраціи; она суха, дубовата. Встрѣчаются, правда красивыя, но довольно банальныя фразы, какъ слѣдующая: «Мнѣ кажется, что я живу и чувствую свою душу только тогда, когда вижу твой взглядъ и слышу твой голосъ». Однажды Адель усталая сидѣла противъ него въ экипажѣ и закрыла на минуту глаза. Гюго обидѣлся и послалъ ей слѣдующее письмо съ упрекомъ: «Если бы вмѣсто тебя страдалъ я, то вылѣчился бы, устремивъ на тебя мой взглядъ». Когда Адель призналась ему, что не понимаетъ и не знаетъ поэзіи, онъ отвѣчалъ ей: «Не понимать поэзіи, да вѣдь она выраженіе добродѣтели. Ты говоришь, Адель, что я замѣчу когда нибудь твои недостаточныя познанія, и это будетъ для меня большимъ пробѣломъ. Знай, дорогая, очаровательная подруга, что ты самая прекрасная и рѣдкая изъ наукъ и единственная изъ всѣхъ добродѣтелей». Гюго очень ревнивъ, онъ спрашиваетъ свою невѣсту въ одномъ изъ писемъ: «Ты никогда, ни въ какое время никого не любила, кромѣ меня?» А послѣ того, какъ онъ увидѣлъ ее на балу,

Адель получила слѣдующее грустное письмо. «Я хотѣлъ бы видѣть тебя одѣтой такъ только для меня... Когда я вижу тебѣ такой хорошенькой и разодѣтой для другихъ, я теряю голову и не умѣю тебѣ объяснить, какія адскія мученія я переживаю». Онъ ревнуетъ ко всему, но часто отвлеченно. Такъ онъ мучится потому, что она пошла подъ руку съ другимъ, что приподняла платье, переходя улицу, и прочее. Его любовь производитъ впечатлѣніе зрѣлости или совершенно ребяческой любви, но не юношеской. Въ общемъ письма отличаются отсутствіемъ лиризма и романтизма. Пожалуй, было бы трудно угадать въ нихъ будущаго поэта «Эрнани». Но зато они не переполнены восклицаніями, фразы въ нихъ короткія, но безъ толчковъ, гладкія, настоящія классическія. Стиль же совершено не тотъ, какой былъ впослѣдствіи въ прозѣ Виктора Гюго. Правда, онъ очень коректный, изящный, но безцвѣтный и не образный. Однимъ словомъ въ немъ нельзя узнать будущаго прозаика, автора «Предисловія Кромвеля», «Послѣдняго дня приговореннаго» и «Собора Богоматери». Все его очарованіе явилось позднѣе. Но, несмотря на такое упорство и представленіе любви, какъ о вѣчномъ источникѣ счастья и наслажденья, Викторъ Гюго измѣнилъ впослѣдствіи своей женѣ. Что же касается до Адели Гюго, то существуетъ легенда объ ея отношеніяхъ къ Сенъ-Беву, но это ничѣмъ положительно не доказано, хотя самъ Гюго и Сенъ-Бевъ подтверждаютъ данный фактъ.

— Воспоминанія графа Кампелло. Историческія воспоминанія обогатились еще однимъ произведеніемъ [1]). Авторъ его, графъ Паоло Кампелло делла Спино, принадлежитъ къ очень старинной и знатной итальянской семьѣ. Еще въ 1100 г. его предки считались высокопоставленными особами, и до сихъ поръ существуетъ ихъ феодальный замокъ въ Кампелло, графскій дворецъ въ Сполето и дворецъ въ Римѣ, гдѣ они проводили зиму. Благодаря такому происхожденію, у графа Кампелло оказывается большой запасъ историческихъ воспоминаній. Теперь мы упомянемъ только о недавно вышедшемъ второмъ томѣ его труда, относящемся къ послѣднимъ годамъ XVIII вѣка и тремъ четвертямъ XIX вѣка, т. е. къ современной исторіи. Въ этой половинѣ его сочиненія самая интересная часть относится къ воспоминаніямъ его отца. Графъ Помпео Кампелло делла Спино въ раннемъ возрастѣ потерялъ своихъ родителей и въ двадцать лѣтъ былъ уже главою семьи. Это былъ человѣкъ откровенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумный. Онъ посвятилъ себя литературѣ и сблизился со всѣми лучшими умственно развитыми людьми своей провинціи. Самымъ близкимъ его другомъ былъ въ эту эпоху архіепископъ въ Сполето, Мастаи, будущій Пій IX. Послѣдній не чуждался новѣйшихъ либеральныхъ идей и въ разговорахъ съ Пазолини, Піаньчіани и съ самимъ Кампелло онъ высказывалъ желаніе примѣнить ихъ, когда достигнетъ папскаго трона, и привести въ волненіе не только Италію, но и Европу своими знаменитыми словами: «Benedite Gran Dio L' Italia» (Благослови Великій Богъ Италію). Въ 1831 г. графу Кампелло исполнилось 23 года. Онъ жилъ въ своемъ замкѣ

[1]) «Storia documentata eneddotica du una famiglia umbra. Citta di Castello. 1901, 2 vol.

Кампелло, когда къ нему пріѣхали оба сына королевы Гортензіи, старшій—Наполеонъ, и младшій—Луи-Наполеонъ. Въ это время оба принца были въ постоянной перепискѣ съ комитетомъ, составившимся для возмущенія церковной области. Комитетъ спѣшилъ поставить ихъ во главѣ этого предпріятія. Отецъ ихъ король Людовикъ, укрывавшійся во Франціи, и мать, королева Гортензіи, предвидя, что послѣдствія будутъ для нихъ пагубны, дѣлали всевозможныя усилія, чтобы отвлечь ихъ отъ этого дѣла. Но тщетно они боролись съ юношескимъ пыломъ и съ чувствомъ, внушеннымъ ихъ именемъ, относительно долга національнаго возмездія. Все-таки въ одинъ прекрасный день принцы внезапно отправились въ походъ. Многіе изъ ихъ друзей умерли или попали въ заточеніе въ этомъ несчастномъ предпріятіи. Старшій изъ братьевъ, Наполеонъ, поплатился своей жизнью, оставивъ вдовою молодую жену, дочь короля Іосифа, его дяди. По словамъ очевидцевъ, Наполеонъ, по натурѣ очень пылкій и признающій только борьбу одинъ на одинъ, съ замѣчательной смѣлостью бросился въ бой, несмотря на то, что товарищи по оружію удерживали его. Что же касается до Луи-Наполеона, то онъ былъ не менѣе храбръ, но разсудительнѣе и предпочиталъ артиллерійскій бой. Въ бытность свою въ Кампелло онъ занимался постройкой пушекъ изъ дубоваго дерева, и онѣ оказались настолько годными, что пригодились ему, когда онъ достигъ лагеря либераловъ въ Нарни. Австрійцы побили моденцовъ и, освободивъ Франциска V, вернули его въ столицу. При этомъ они угрожали Болоньи, гдѣ находилось революціонное правительство. При ихъ приближеніи послѣднее со всѣми своими приверженцами скрылось въ Анкону, но борьба была уже невозможна. Почетная капитуляція, предложенная кардиналомъ Бенвенути, положила конецъ. По условіямъ этой капитуляціи начальники революціоннаго движенія имѣли возможность удалиться за границу. Они такъ и сдѣлали, запасшись паспортами, которые кардиналъ поспѣшилъ выдать имъ. Къ несчастію, Ватиканъ отказался и не ратификовалъ договора, подписаннаго Бенвенути, объявивъ его неимѣющимъ значенія. Вслѣдствіе этого австрійцы послали погоню за ними. Ихъ захватили и отправили въ венеціанскія тюрьмы. Заболѣвъ пятнистой горячкой, тотчасъ по прибытіи въ Анкону, принцъ, благодаря этому, не попалъ на несчастный корабль, на которомъ находились бѣглецы. Королева Гортензія, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, ухаживала за нимъ, скрываясь тайно въ одномъ дворцѣ, который имъ предложили преданные друзья. Между тѣмъ, какъ авторитетныя лица даже не подозрѣвали объ этомъ, воображая, что принцъ находится съ друзьями на кораблѣ. Но вдругъ явилось очень важное для королевы и ея сына осложненіе. Въ томъ же дворцѣ помѣстился командиръ австрійскихъ войскъ, и его спальная соприкасалась съ комнатою больного. Несчастная королева все время находилась въ страхѣ и сама разсказывала, какъ она зажимала ротъ сыну, когда онъ кашлялъ, чтобы генералъ не могъ догадаться объ ихъ присутствіи. Наконецъ болѣзнь приняла хорошій оборотъ. Въ день Пасхи, въ 4 часа утра, будущій французскій императоръ, переодѣтый англійскимъ слугою и сидя на козлахъ кареты, въ которой находилась его мать, покинулъ Анкону. Но и дорогою ихъ преслѣдовали различныя тревожныя приключенія. Такъ на станціи Масерата, гдѣ перекладывали имъ лошадей, одинъ конюхъ узналъ принца, но,

какъ честный человѣкъ, онъ поклонился ему почтительно, приложивъ къ губамъ палецъ, какъ бы увѣряя его въ своей скромности, и никому не сказалъ объ этой встрѣчѣ. Въ Толентино его узналъ другой человѣкъ, порядочный негодяй, который, разсчитывая получить награду, донесъ на принца австрійскимъ властямъ. Австрійскій начальникъ, осмотрѣвъ паспортъ королевы, въ которомъ было упомянуто, что она ѣдетъ путешествовать «съ ея прислугой», сказалъ просто: «Паспортъ въ порядкѣ, и я нахожусь здѣсь не для того, чтобы набирать плѣнниковъ». Такимъ образомъ мать и сынъ спаслись живы и здоровы изъ територіи, занятой императорскими войсками, и добрались до Парижа, куда правительство Луи-Филиппа допустило ее на короткій срокъ. Въ то же время по примѣру другихъ герцогствъ и Романіи Сполето тоже возстало противъ папскаго авторитета. При этомъ архіепископъ Мастаи самъ принималъ участіе въ этомъ народномъ движеніи. Онъ и не подозрѣвалъ истинныхъ замысловъ и искренно вѣрилъ, что агитаторы добиваются только признанія тѣхъ же реформъ, какія державы предложили папскому правительству въ своемъ меморандумѣ 21 мая. Не онъ одинъ признавалъ эти реформы полезными, а многіе изъ членовъ епископства. Между прочимъ Нарнскій епископъ и кардиналъ Борджіа также считали ихъ необходимыми. Архіепископъ Мастаи не разъ откровенно бесѣдовалъ объ этомъ вопросѣ съ графомъ Кампелло. Когда граждане города Сполето добивались привилегіи для охраны замка, исключая папскихъ солдатъ, то архіепископъ Мастаи поддерживалъ ихъ, несмотря на противоположный взглядъ полицейскаго делегата. «Устроите охрану, сказалъ Мастаи, а я буду ея капеланомъ». Онъ хотѣлъ сказать рѣчь охранѣ, капеланомъ которой онъ объявилъ себя, но къ его огорченію они остались холодны къ его рѣчи, такъ какъ въ Сполето уже узнали, что въ сосѣднемъ городѣ съ Фолиньо уже обнародовано революціонное правительство. Не теряя времени, вооруженная національная гвардія стала требовать, чтобы ей передали окончательно въ руки замокъ, но гарнизонъ, состоящій изъ папскихъ солдатъ, не сдавался, и кровавая развязка была неминуема. Тогда Мастаи произнесъ тѣ же слова, какія были имъ сказаны уже папой восемнадцать лѣтъ спустя, когда дѣло шло объ участіи въ войнѣ противъ Австріи: «Я не хочу проливать кровь моего народа», и, взявъ на себя отвѣтственность, онъ приказалъ командиру гарнизона итти на капитуляцію. Условія капитуляціи были подписаны на его собственномъ бюро. Папскій авторитетъ уничтожился, и должны были устроить временный комитетъ администраціи, въ которомъ участвовалъ графъ Кампелло, назначенный капитаномъ гражданской милиціи. Четыре дня спустя, болѣе остроумные изъ членовъ комитета скрылись, что же касается молодого Кампелло, то онъ остался, воодушевленный письмами знаменитыхъ писателей, полныхъ пламеннаго патріотизма, и даже сдѣлался начальникомъ комитета. Добродушіе епископа вызывало безпрестанно одобренія либераловъ, что сильно компрометировало его въ Римѣ, гдѣ противники движенія не очень съ нимъ ладили, и онъ удалился въ неаполитанскій городъ Леонессу. Послѣ Модены, Болоньи и другихъ городовъ въ свою очередь покорился и городъ Сполето. Тогда архіепископъ Мастаи вернулся туда, рабски окруженный прежними виновниками движенія. Они теперь всѣ уповали на его

защиту, въ чемъ не ошиблись. Многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ графъ Кампелло, спаслись, благодаря ему. Но его противники не простили ему этого и составили заговоръ, имѣвшій успѣхъ, вслѣдствіе чего онъ былъ перемѣщенъ въ архіепископство Имола. Графъ Кампелло съ этого времени совершенно заперся у себя, предаваясь литературной работѣ и заботамъ объ администраціи муниципалитета въ Сполето, гдѣ онъ сдѣлался начальникомъ. Но въ 1848 году его послали въ мѣстную консульту, какъ представителя округа Сполето. Здѣсь онъ отличился блестящимъ отчетомъ по вопросу военной администраціи. Благодаря этому успѣху, его сдѣлали, безъ всякой подготовки, военнымъ министромъ въ либеральномъ кабинетѣ, гдѣ участвовали Мингетти, Маміани и Фарини. Позже, они всѣ трое были министрами итальянскаго короля. Но вскорѣ либеральное правительство перешло въ опасную агитацію, слѣдствіемъ чего было убійство графа Росси, бѣгство папы въ Гаэту и провозглашеніе республики въ Римѣ. Но вскорѣ тріумвиратъ Мадзини сталъ подозрѣвать Кампелло, посланнаго комиссаромъ учредительнаго собранія въ Болонью. Предупрежденный тайно о своемъ неминуемомъ арестѣ, онъ бѣжалъ и послѣ долгихъ передрягъ попалъ сначала въ Марсель, а затѣмъ въ Парижъ. Здѣсь онъ былъ радушно принятъ въ Елисейскомъ дворцѣ своимъ прежнимъ другомъ Луи-Наполеономъ, президентомъ республики. Нѣсколько дней спустя, состоялся обѣдъ на тридцать кувертовъ. Почетное мѣсто за обѣдомъ занимала г-жа Бартолини, морганатическая жена короля Іеронима. Это дало поводъ для разсказовъ объ офиціальномъ объявленіи брака бывшаго вестфальскаго короля съ г-жею Бартолини. Какъ разъ въ это время онъ находился подъ вліяніемъ чаръ красивой актрисы Comedie Française. На обѣдѣ вышелъ зобавный курьезъ: вздумали подавать кушанья на роскошномъ севрскомъ сервизѣ съ гербами Орлеановъ. Король Іеронимъ шепнулъ при этомъ графу Кампелло: «Слишкомъ много великолѣпія для президента и мало для императора». Кампелло былъ женатъ на принцессѣ Маріи Бонапартъ, дочери принца Канино и внучкѣ Люсьена, что объясняетъ отчасти его фамильярную откровенность съ королемъ Іеронимомъ. Затѣмъ Кампелло былъ принужденъ поселиться въ Парижѣ, такъ какъ возвращеніе папы и господство клерикальной партіи не было снисходительнѣе къ нему, и ему не позволили поселиться въ великомъ герцогствѣ. Но въ 1855 г. союзъ короля Сардиніи съ Франціей и Англіей въ виду восточной войны открывалъ для Италіи новое будущее. Кампелло возвратился въ Парижъ, чтобы оттуда наблюдать за событіями, а также слѣдуя совѣту друзей, которые хотѣли воспользоваться его родствомъ съ императоромъ. Едва Наполеонъ узналъ о пребываніи Кампелло въ Парижѣ, то немедленно пригласилъ его на обѣдъ въ павильонъ, устроенный въ концѣ парка Сенъ-Клу на берегу маленькаго озера. Обѣдъ былъ интимный, только на 12 персонъ. Послѣ обѣденнаго кофе императоръ предложилъ оригинальный дивертисментъ, напугавшій и удивившій какъ отца, такъ и сына Кампелло. Онъ состоялъ въ томъ, что подали двѣ легкія лодочки, и надо было одну ногу поставить въ одну изъ нихъ, а другую во вторую лодочку, и затѣмъ, быстро передвигая ногами, заставить лодки плыть. Наполеонъ оказался очень ловкимъ исполнителемъ этого рода спорта, но онъ слишкомъ увлекся

имъ и вышелъ на берегъ только передъ самымъ отъѣздомъ. Кампелло хотѣлъ ему сказать многое, что приготовилъ при отъѣздѣ изъ Парижа, но теперь видѣлъ невозможность осуществить планъ за недостаткомъ времени для бесѣдъ. Неожиданно Наполеонъ поѣхалъ его провожать на станцію Сенъ-Клу въ экипажѣ, запряженномъ въ четыре лошади, которыми онъ правилъ самъ. Дорогою императоръ сказалъ Кампелло, что онъ пробовалъ въ Римѣ хлопотать у папы о возвращеніи Кампелло изъ изгнанія. Папа, казалось, отнесся къ этому благопріятно, но курія, преданная Австріи, противилась этому. «Я не могу еще разъ подвергаться отказу», прибавилъ императоръ. Затѣмъ бесѣда перешла на политику, и изъ его словъ Кампелло заключилъ, что главную заботу Наполеона составляетъ Италія. Наполеонъ говорилъ, что онъ ожидалъ месть реакціонеровъ, но довѣряетъ просвѣщеннымъ католикамъ, епископству и въ особенности патерамъ, которые должны будутъ признать, что его проектъ «единственное средство сохранить Римъ главою церкви и примирить его съ Италіей». Черезъ четыре года этотъ проектъ былъ приведенъ въ исполненіе, и національная политика добилась своего тріумфа при Мадchamp Мадженте и Сольферино, говоритъ графъ Кампелло. Немного времени спустя, послѣ Виллафранкскаго мира, итальянскіе солдаты завладѣли Мархіей и Умбріей, отправляясь оспаривать у Гарибальди побѣду надъ Неаполемъ. Съ паденіемъ папской власти графу Кампелло возвращалось право вернуться въ родной замокъ. Наконецъ король Викторъ-Эммануилъ, видя, что отношенія Италіи съ Франціей нѣсколько поколебались, и находя необходимымъ поддерживать нѣкоторое время дружбу, предложилъ Кампелло постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ сильно уповалъ при этомъ на родственныя и дружескія отношенія Кампелло съ Наполеономъ. Король отчасти не ошибся. Тотчасъ же послѣ этого его назначенія французскій посланникъ во Флоренціи баронъ Маларе поспѣшилъ вручить Кампелло депеши, выражавшія въ очень лестныхъ фразахъ удовольствіе Наполеона по поводу этого назначенія. Наступило время движенія Гарибальди, для чего онъ пріѣхалъ со своего острова Капреро. Разбрасывая пламенныя прокламаціи, онъ набралъ многочисленныхъ волонтеровъ, которые двинулись къ папской границѣ. Графъ Кампелло говоритъ, что деньги для этой цѣли достали въ еврейскихъ банкахъ Англіи и Германіи. Гарибальди самъ собрался командовать своимъ отрядомъ, но правительство не дремало и не допустило его, защищая границу церковныхъ владѣній. Его арестовали и отправили въ Александрійскую цитадель, гдѣ держали недолго. Арестъ Гарибальди произвелъ бурный протестъ со стороны патріотическихъ дѣятелей, а также части народа. Во Флоренціи происходили шумныя, безпорядочныя сцены, поразившія короля и министровъ. Журналы и газеты не только нападали на папство, но покрыли и Францію и ея политику оскорбленіями за ея покровительство папскому престолу. Въ это время Гарибальди опять ухитрился пробраться во Флоренцію, чтобы проповѣдывать войну, и волонтеры свободно перешли границу. Франція настаивала на томъ, чтобы Италія положила конецъ этимъ безпорядкамъ, и даже существуетъ телеграмма Наполеона къ Виктору-Эммануилу довольно рѣзкая: «Вы не только дѣлаете не своевременную вещь, но вашъ поступокъ очень дуренъ относительно меня, находящагося въ затруднительномъ положеніи».

Во Франціи поминутно давались и отмѣнялись приказы относительно отправки войскъ въ Тулонъ, наконецъ экспедиція отправилась, и графъ Кампелло писалъ сыну: «Мы тянули время до послѣдней минуты въ переговорахъ и телеграммахъ, но теперь мы дошли до того, что Франція приказала отправить войска. Но вмѣшиваясь она объявляетъ случаи, въ которыхъ война съ Италіей неизбѣжна, если послѣдняя переступитъ границы и вмѣшается. Оставаясь у власти, мы знаемъ, что намъ предстоитъ война съ Франціей. Если мы не вмѣшаемся, у насъ въ Италіи будетъ гражданская война. Ратацци всегда заявлялъ, что онъ вмѣшается, если Франція будетъ вмѣшиваться. Онъ не можетъ прійти къ другому соглашенію. Было бы большей неосторожностью подвергать Италію бѣдствіямъ и несчастіямъ. Новое министерство необходимо, чтобы свободно держаться той политики, которую оно найдетъ болѣе удобной и менѣе вредной для страны». Съ 20 октября министерство Ратацци вышло въ отставку, и на счастье грибальдійцевъ Италія оставалась безъ управленія, что давало имъ возможность свободно перейти черезъ папскую границу. Такимъ образомъ они погубили себя при Ментонѣ, гдѣ французскія войска пролили немало итальянской крови. На этомъ оканчивается самая интересная часть мемуаровъ Кампелло.

— Прудонъ и Наполеонъ III. Недавно Клемансъ Рошель опубликовалъ неизданныя рукописи знаменитаго мыслителя Прудона [1]). Онѣ посвящены воспоминаніямъ о Наполеонѣ III, извлеченнымъ изъ различныхъ бумагъ, которыя самъ Прудонъ распредѣлилъ по слѣдующимъ категоріямъ: 1) Наполеонъ и Веллингтонъ; 2) Наполеонъ I и Наполеонъ III; 3) Что же такое республика? Издатель, распредѣливъ ихъ на главы, составилъ самъ заглавіе. Въ общемъ трудъ долженъ былъ появиться подъ заглавіемъ: «Теорія конституціоннаго движенія въ Европѣ и что такое революція?» Но затѣмъ Рошель нашелъ болѣе подходящимъ выпустить этотъ трудъ подъ заглавіемъ: «Наполеонъ III». Клемансъ Рошель прибавилъ къ этимъ трудамъ Прудона нѣсколько страницъ, заимствованныхъ изъ его «Федеративныхъ принциповъ». Въ первыхъ семи главахъ, въ общемъ растянутыхъ, разсматриваются распоряженія въ государствахъ, различіе между архіей и монархіей, противоположные принципы авторитета свободы, всеобщая подача голосовъ и конституція, соотвѣтственная свободнымъ народамъ. Дойдя до Луи-Наполеона, Прудонъ задается вопросомъ: на какомъ основаніи былъ Луи-Наполеонъ выбранъ въ президенты республики? Будучи ярымъ противникомъ послѣдняго и его идей, Прудонъ относится къ нему съ самой суровой строгостью. Онъ называетъ его покровителемъ всего, что живетъ фаворитизмомъ, и надеждой тѣхъ, кто стоитъ за распространеніе духа милитаризма и реакціи. Онъ указываетъ на президентство, какъ на фатальное предшествованіе монархіи, и сожалѣетъ о томъ могуществѣ, которое даровали принцу. Прудонъ вспоминаетъ, какъ онъ боролся съ полемикой и голосованіемъ съ этимъ президентствомъ. Онъ зналъ, что избраніе Луи-Наполеона, предложенное реакціей, можетъ быть полезно только ей. Знаменитый мыслитель порицаетъ лицъ, которыя хотѣли эксплоатировать въ свою пользу

[1]) «Napoleon III». Manuscrits inédits de Proudhon, publiés par M. Clemence Rochel.

«страхъ, возбуждаемый Каваньякомъ». Не имѣя возможности заставить другихъ вѣрить въ ихъ успѣхъ, они перешли на сторону Наполеона. Большая часть демократовъ поспѣшила возстановить систему, уничтоженную въ февралѣ. Онъ утверждаетъ, будто принцъ былъ единственный человѣкъ, который могъ понять, что у Наполеона есть сила, способная опрокинуть династію, обморочить республику и взбудоражить всю Европу. Прудона не удивляетъ 2-е декабря, которое онъ, однако, проклинаетъ. Затѣмъ онъ жалуется на отсутствіе людей, которые читаютъ его произведенія. «Французскій народъ», говоритъ онъ, «еще нѣкоторое время требуетъ, чтобы имъ управляли, мнѣ ничего не стоитъ въ этомъ сознаться, и для этого французы ищутъ сильнаго человѣка». Прудонъ горячо возмущается противъ лицъ, которыя изъ второй имперіи сдѣлали себѣ игру. «Я не осуждаю демократію, точно также я не возстаю противъ всеобщей подачи голосовъ за то, что она возобновила господство Луи-Наполеона. Но уже пора исчезнуть этой школѣ фальшивыхъ революціонеровъ, спекулирующихъ увѣреннѣе на агитаціи, чѣмъ на интеллигенціи, на насиліи, чѣмъ на идеяхъ, считающихъ себя тѣмъ болѣе сильными и логичными, чѣмъ болѣе они кичатся представить собою самый послѣдній слой плебса. Неужели мы, республиканцы, соціалисты и демократы, не для того, чтобы побѣдить и исцѣлить этихъ варваровъ, а чтобы понравиться имъ? Куртизаны толпы, вы, именно, тормазы революціи, секретные агенты монархіи, уничтожающіе свободу и смѣняющіе всеобщую подачу голосовъ!» Затѣмъ Прудонъ разсматриваетъ политику Наполеона III и новаго общества. Въ ѣдкомъ выводѣ изъ современныхъ событій онъ признаетъ, что мѣсто есть только для тираніи и раболѣпства. Оканчиваетъ онъ свой трудъ, рисуя характеръ Наполеона III. Онъ представляетъ его мономаномъ, безсовѣстнымъ, равнодушнымъ къ принципамъ, поклонникомъ государственной причины, влюбленнымъ во всякаго рода успѣхъ, молчаливымъ изъ тактики, увлекающимся властью и уважающимъ религію. Онъ очень хотѣлъ бы отыскать въ немъ хорошія качества, какъ, напримѣръ, привязанность, благодарность, желаніе отличиться, но недостатки берутъ верхъ. Онъ находитъ у Наполеона сужденіе менѣе, чѣмъ посредственное, фальшивый вкусъ, затрудненіе въ разговорахъ и въ письмѣ, антипатію къ всевозможнымъ размышленіямъ и къ рѣчамъ, лицемѣріе и жестокость. Что же касается до его брака, то Прудонъ осмѣиваетъ его самымъ презрительнымъ образомъ, говоря: «Онъ гораздо несчастнѣе своего дяди, который простымъ авантюристомъ добился руки дочери императора. Онъ же сынъ короля и королевы, племянникъ императора, двоюродный братъ столькихъ принцевъ, женился на женщинѣ, которая только искательница приключеній».

— Американскій историческій романистъ. Въ послѣдніе годы въ Америкѣ вошли въ большую моду историческіе романы. Какъ въ журналахъ, такъ и въ отдѣльномъ изданіи они расходятся въ неимовѣрномъ количествѣ сотенъ и даже полмиліона экземпляровъ. Въ нынѣшнемъ году самымъ большимъ успѣхомъ пользовался романъ новой писательницы Берты Ронкль: «Наваррскій шлемъ», изъ эпохи французскаго короля Генриха IV. Неменьшій успѣхъ выпалъ на долю печатающагося въ «Century magazine» романа Ирвинга Бачелера: «Ири и я», который относится до американской войны

1812 года. Наконецъ громадною популярностью пользуется теперь произведеніе Джорджа Газельтона «Мистриссъ Нелль», героиня котораго—извѣстная Нель Гвинъ, фаворитка англійскаго короля Карла II. Хотя историческій романъ и составляетъ отличительную черту новаго времени, но въ числѣ старыхъ, замѣчательныхъ историческихъ романистовъ, еще живыхъ, находится военный и дипломатическій дѣятель, генералъ Волесъ. Поэтому очень кстати въ «Lisure Hour» помѣщенъ любопытный очеркъ свиданія Джи Девиса съ генераломъ [1]). Но прежде описанія домашней его жизни и интереснаго разговора съ нимъ авторъ описываетъ въ двухъ словахъ жизнь маститаго литератора. Родившись въ 1827 году, онъ выказалъ съ дѣтства ненависть къ школѣ и началъ свою военную карьеру капитаномъ волонтеровъ въ Мексиканской войнѣ. Впослѣдствіи онъ вступилъ въ военную службу и участвовалъ въ борьбѣ сѣвера съ югомъ. Но онъ всегда обнаруживалъ любовь къ беллетристикѣ и въ 1873 году дебютировалъ историческимъ романомъ «Свѣтлолицый богъ». Сюжетомъ его была Мексика въ дни Кортеза. Успѣхъ его литературной попытки былъ замѣчательный. Затѣмъ черезъ семь лѣтъ онъ издалъ свое знаменитое произведеніе изъ новозавѣтныхъ временъ «Бенъ-Гуръ». Это лучшее его произведеніе и переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Во время оно». Прочитавъ его, президентъ Гарфильдъ пришелъ въ такой восторгъ, что назначилъ генерала Волеса посланникомъ въ Турцію и выразилъ надежду, что онъ напишетъ не менѣе интересный романъ изъ турецкой исторіи. Этотъ намекъ былъ исполненъ, и появился «Принцъ Индіи», извѣстный въ русскомъ переводѣ подъ названіемъ: «Взятіе Царьграда». Султанъ очень сочувственно относился къ посланнику впродолженіе четырехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Константинополѣ. Часто, ночью, посылалъ онъ за американскимъ авторомъ и приглашалъ его въ Іелдизъ-Кіоскъ, чтобы узнать его мнѣніе о какомъ нибудь важномъ политическомъ вопросѣ. Не разъ онъ заставлялъ генерала гостить у него во дворцѣ, въ теченіе недѣли. «Султанъ, говоритъ генералъ Волесъ, положительно лучшій дипломатъ въ Европѣ. Физически онъ небольшого роста, тщедушный и со слабой грудью. Цвѣтъ его лица желтоватый, а глаза черные, проницательные. Носъ у него огромный, а голосъ пріятный. Въ манерахъ онъ чрезвычайно любезенъ и внимателенъ, говоритъ очень осторожно и постоянно слѣдитъ за своимъ собесѣдникомъ. Хотя онъ выражается по-французски очень плавно, но никогда не пользуется этимъ языкомъ публично, такъ какъ не считаетъ это достойнымъ его. Онъ чрезвычайно трудолюбивъ. Часто онъ по цѣлымъ ночамъ сиживалъ съ министрами и, отпустивъ ихъ, продолжалъ работать. Когда онъ находилъ время гулять, я рѣшительно не понимаю. Онъ не воинъ и никогда не былъ на полѣ брани, но онъ замѣчателенъ способностью выбирать людей. Когда кончился мой срокъ посольства, султанъ предложилъ мнѣ начальство надъ турецкой арміей. Я отказался на томъ основаніи, что это было бы нелюбезно относительно турецкихъ офицеровъ и могло бы возбудить революцію. Султанъ хотѣлъ во что бы то ни стало переманить меня на турецкую службу и предлагалъ мнѣ посольство въ Парижъ или Лондонъ. Я

---

[1]) The author of «Ben Hur» at home, by J. Dewis. «Lisure Hour», 1901, may.

снова отказался по той же причинѣ. Затѣмъ, по моемъ возвращеніи на родину, онъ снова возобновилъ свое предложеніе, но также неудачно». Съ тѣхъ поръ генералъ живетъ въ отставкѣ въ городѣ Крофордсвиллѣ, въ штатѣ Индіанѣ. Онъ выстроилъ для себя великолѣпное жилище, и его кабинетъ отличается неимовѣрной роскошью, напоминающей вмѣстѣ и восточную мечеть и средневѣковый замокъ. По вечерамъ онъ освѣщенъ громадными электрическими лампами. Въ своей бесѣдѣ, при посѣщеніи его дома Девисомъ, генералъ настаивалъ на томъ, что американскій рабочій спасетъ свою страну и сдѣлаетъ ея правительство справедливымъ, хорошимъ. Романъ, долженствующій сдѣлаться просвѣтителемъ своего времени, по его мнѣнію, долженъ быть писанъ человѣкомъ, который лично изучаетъ рабочій классъ. О современной поэзіи онъ не очень высокаго мнѣнія. Восьмидесяти-четырехлѣтній романистъ, воинъ и дипломатъ, полагаетъ, что новый вѣкъ не будетъ вѣкомъ мира, и, по всей вѣроятности, Соединенные Штаты въ этомъ столѣтіи будутъ вынуждены сражаться для сохраненія своего существованія.

— Университетскій юбилей Кардучи. На-дняхъ университетъ въ Болоньи справлялъ сорокъ первый годъ вступленія въ свои стѣны знаменитаго итальянскаго поэта Джозои Кардучи. Имя перваго современнаго поэта извѣстно въ Италіи едва ли не болѣе, чѣмъ славное имя Виктора Гюго во Франціи, и слава его живетъ не только въ Италіи, но и за границей. Со всѣхъ концевъ Италіи неслись сочувственные привѣты вдохновенному національному барду. Кардучи послѣ смерти Верди остался единственнымъ представителемъ артистическаго обновленія современной Италіи. Это было общее торжество, такъ какъ всѣ партіи безъ различія соединились вмѣстѣ, чтобы чествовать своего любимаго поэта. Въ Туринѣ чествованіе происходило въ театрѣ Альфьери въ присутствіи громадной толпы, собравшейся подъ предводительствомъ маркиза Криспольти, самаго уважаемаго представителя католической партіи. Маркизъ, въ особенности, восхвалялъ Кардучи за услуги, оказанныя итальянскому языку, которому онъ возвратилъ чистоту и силу, служа охранителемъ нравственнаго приличія. По словамъ маркиза, «поэтъ прозвонилъ пробужденіе латинской энергіи. Въ Италіи всѣ партіи теперь нуждаются, чтобы имъ вбили эти принципы. Поэтъ, всю жизнь защищавшій ихъ, заслуживаетъ любви родины, и ему смѣло принадлежитъ имя великаго». Такъ закончилъ свою рѣчь маркизъ Криспольти. Въ то же время въ Болоньи Габріель Д'Аннунціо восхвалялъ имя Кардучи въ слѣдующихъ словахъ: «Впродолженіе сорока лѣтъ онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы поднять искусство и литературу въ умѣ націи». Вся пресса слилась въ похвалахъ. Въ «Tribuna» Уго Оджетти помѣстилъ статью. Въ «La Stampa» Дино Мантовани указывалъ громадное вліяніе, какое имѣлъ Кардучи на современныхъ итальянскихъ писателей. «Присутствіе Кардучи, писалъ Оджейнетто, чувствуется во всѣхъ произведенныхъ умственныхъ манифестаціяхъ въ Италіи. Онъ далъ искренность словамъ и идеямъ итальянской интеллигенціи». Что же касается до Мантовани, то онъ заявилъ, что, по его мнѣнію, онъ не знаетъ никого изъ поэтовъ современной Италіи, кромѣ Фогаццаро, Графа и Ратуарди, которые сформировались независимо отъ Кардучи. Наконецъ Гвидо Біанжи приглашаетъ всѣхъ итальянскихъ артистовъ соеди-

ниться вмѣстѣ и напечатать иллюстрированное изданіе произведеній Кардучи. Полученныя съ продажи деньги онъ полагаетъ предложить великому поэту, чтобы онъ могъ купить себѣ замокъ.

— Смерть сэра Вальтера Безанта, Роберта Буканана, генерала Швейница и ландграфини Гессенской. Въ послѣднее время различныя сферы, какъ литературная, такъ и дипломатическая съ политической, понесли значительныя потери въ лицѣ передового журналиста и романиста сэра Вальтера Безанта, романиста и драматурга Роберта Буканана, извѣстнаго прусскаго дипломата генерала Швейница и ландграфини Гессенской. Въ настоящее время Безантъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди англійскихъ литераторовъ. Онъ родился въ 1836 году и воспитывался въ Кембриджскомъ университетѣ. Выйдя оттуда съ блестящимъ успѣхомъ, онъ въ 1861 году былъ назначенъ помощникомъ ректора королевской коллегіи на островѣ св. Маврикія, но мѣстная лихорадка принудила его возвратиться въ Англію черезъ нѣсколько лѣтъ. На возвратномъ пути во Франціи и Германіи онъ докончилъ изученіе французской старинной литературы, которую онъ началъ на островѣ св. Маврикія. Плодомъ этихъ занятій была его первая книга: «Изслѣдованіе ранней французской націи». Теперь онъ въ качествѣ секретаря Палестинскаго фонда занялся географіей Палестины и вмѣстѣ съ профессоромъ Пальмеромъ написалъ большой историческій трудъ: «Іерусалимъ, городъ Ирода и Саладина». Въ это же время онъ вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ Джемсомъ Райсомъ предался изящной литературѣ и пріобрѣлъ такой успѣхъ своими романами, написанными въ сотрудничествѣ съ Райсомъ, что отказался отъ секретарства въ палестинскомъ обществѣ. Первый романъ, помѣщенный двумя романистами въ журналѣ «Once e wiik», подъ названіемъ «Ready—Money Mortiboy», пріобрѣлъ сотрудникамъ большую славу, и съ самаго начала Райсъ отличался юморомъ и свѣжестью наблюденій, а Безантъ интересомъ и основательностью подробностей. Десять лѣтъ они продолжали писать вмѣстѣ и выпустили длинный рядъ романовъ до смерти Райса въ 1882 году. Оставшись одинъ, Безантъ продолжалъ писать романы, и смерть застала его за печатаніемъ романа: «Лэди Линъ», и писаніемъ исторической эпопеи XVIII вѣка. Наибольшій успѣхъ его одиночныхъ романовъ выпалъ на долю соціологическихъ романовъ, дѣйствіе которыхъ происходитъ въ трущобномъ Лондонѣ. Наибольшій успѣхъ изъ его произведеній этого рода имѣлъ романъ: «Люди всевозможныхъ сортовъ и положеній». Около четверти милліона экземпляровъ этой книги разошлось въ короткое время. Съ художественной стороны этотъ романъ имѣетъ много недостатковъ, но съ этической онъ принесъ большую пользу. Послѣдовавшій затѣмъ цѣлый рядъ трущобныхъ романовъ развивалъ ту же тему. Другая серія его произведеній была въ томъ же духѣ, но не въ беллетристическомъ родѣ. Это подробное описаніе Лондона стараго и новаго представляетъ живую картину Вестминстера, восточнаго Лондона, южнаго Лондона и вообще Лондона. Эти пять томовъ интереснаго изученія англійской столицы навели его на мысль составить при сотрудничествѣ многочисленаыхъ лицъ «Новое межеваніе Лондона», которое до сихъ поръ не окончено. Наконецъ онъ принималъ большее участіе въ обществѣ авторовъ, при чемъ обращалъ сильное вниманіе на

интересы писателей и велъ ожесточенную борьбу съ издателями. Въ началѣ нынѣшняго года онъ серіозно занемогъ и умеръ въ началѣ этого мѣсяца.

Робертъ Букананъ родился въ 1841 г. и двадцати лѣтъ отъ роду явился въ Лондонъ, «какъ литературный авантюристъ, безъ гроша денегъ, кромѣ самонадѣянности». Ему покровительствовалъ будущій лордъ Гугтонъ, и уже въ слѣдующемъ году онъ попалъ въ критики журнала «Atheneum», гдѣ сотрудничалъ много лѣтъ. Отличительной чертой его критическихъ произведеній была рѣзкость, энергія и суровость. Его поэтическія сочиненія отличались тѣмъ же тономъ и искреннимъ, лирическимъ настроеніемъ. Поэтому въ 1870 году ему назначили казенную пенсію «въ уваженіе его поэтическихъ достоинствъ». Какъ драматургъ и романистъ, онъ былъ чрезвычайно эфектенъ; самымъ большимъ успѣхомъ пользовался его романъ «Подъ тѣнью меча», напечатанный въ переводѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Идея его, уничтоженіе войны, разработана имъ мастерски, художественно и гуманно.

На-дняхъ умеръ въ Касселѣ, восьмидесяти лѣтъ, извѣстный прусскій генералъ Швейницъ. Онъ родился въ Силезіи въ 1822 году и съ юности служилъ въ военной службѣ. Впослѣдствіи онъ былъ военнымъ агентомъ въ Вѣнѣ и Петербургѣ, затѣмъ онъ перешелъ въ дипломатическую карьеру и сдѣлался дипломатомъ Бисмарковской школы. Онъ участвовалъ въ подготовительной работѣ Бисмарка передъ войной съ Австріей и добился нейтралитета этой страны въ франко-германской кампаніи. Послѣ этой войны онъ былъ германскимъ посломъ въ Вѣнѣ и 16 лѣтъ занималъ постъ посланника въ Петербургѣ. Онъ стоялъ постоянно за добрыя отношенія съ Россіей и поддерживалъ русско-нѣмецкую политику. Въ петербургскомъ обществѣ онъ пользовался большимъ успѣхомъ, и его смерть на восьмидесятомъ году возбудила всеобщія сожалѣнія въ официальныхъ сферахъ.

Въ маѣ текущаго года скончалась въ Висбаденѣ разведенная жена ландграфа гессенскаго, Луиза, дочь принца Карла прусскаго и его жены Маріи, веймарской принцессы. За неимѣніемъ собственныхъ дѣтей прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, ея дядя, и королева, которая со своей стороны приходилась также теткой, смотрѣли на нее, какъ на свою дочь. Въ молодости она была очень красива и отличалась умомъ, живостью и неистощимымъ весельемъ. У нея было большое количество жениховъ, но принцесса Луиза остановила свой выборъ на наслѣдникѣ шведскаго престола. Ей въ то время было двадцать лѣтъ, а жениху двадцать три года. Съ этого времени началась грустная романическая исторія для молодой принцессы. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ помолвки принцесса отправилась съ своимъ отцемъ въ Италію. На ея несчастіе, дѣлая визитъ сардинскому королю, она познакомилась тамъ съ младшимъ сыномъ короля Альберта, герцогомъ Фердинандомъ Генуэзскимъ. Совершенно противоположнаго типа, чѣмъ ея женихъ, герцогъ плѣнилъ молодую дѣвушку жгучей южной красотою. Принцесса совершенно потеряла голову, забыла о существованіи жениха и перестала слушаться своего благоразумія. Отецъ ея, принцъ Карлъ, любящій страстно свою дочь, рѣшился устроить этотъ новый бракъ и бороться съ предстоящими препятствіями. Прежде всего слѣдовало покончить дѣло мирно съ Швеціей. Это ему скоро удалось, такъ какъ принцъ настолько былъ оскорбленъ измѣной, что даже забылъ свое искреннее увлеченіе невѣстой

и безпрепятственно уступилъ другому свое мѣсто. Гораздо серьезнѣе препятствіе представлялось со стороны новаго кандидата. Все зависѣло отъ папской куріи и папы Пія X, такъ какъ пьемонтскій дворъ держался мнѣнія папы. Итальянскіе патріоты уповали на папу и на савойскій домъ относительно самостоятельности объединенія Италіи. Принцесса была протестантка, а слѣдовательно бракъ не могъ быть пріятенъ ни Риму, ни народу. Отецъ принцессы не препятствовалъ противъ перехода принцессы Луизы въ католичество, но новое препятствіе явилось изъ Берлина. Между Пруссіей и Австріей былъ заключенъ союзъ... Сардинія находилась въ положеніи врага Пруссіи относительно Аппенинскаго полуострова, и каждую минуту ожидали вооруженнаго столкновенія. Такимъ образомъ этотъ бракъ послужилъ бы обидой Австріи, и Пруссія попала бы въ двусмысленное положеніе, а такъ какъ политика стояла въ этомъ отношеніи выше всего, то изъ Берлина пришелъ отказъ. Такъ принцессѣ и не удалось устроить свое счастье, и только въ 1854 году она вышла замужъ за ландграфа Гессенскаго. Проживъ семь лѣтъ въ бездѣтномъ бракѣ, она развелась съ мужемъ и поселилась въ Висбаденѣ, гдѣ жила въ совершенномъ одиночествѣ, избѣгая общества, какъ родныхъ, такъ и знакомыхъ.

— Изъ писемъ императора Вильгельма I. Очень своеобразное впечатлѣніе производятъ напечатанныя въ послѣдней книжкѣ «Deutsche Revue» письма императора Вильгельма I, писанныя имъ, когда онъ шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, принималъ участіе въ походахъ противъ Наполеона [1]). Письма свидѣтельствуютъ о какомъ-то опьяненіи войною, о чрезвычайномъ интересѣ молодого принца къ военнымъ формамъ, къ оружію и тому подобное, объ удивительномъ спокойствіи, съ которымъ онъ смотрѣлъ на груды труповъ, усѣивавшіе поля битвъ, и такъ далѣе. Вокругъ Лейпцига принцъ осматривалъ поле сраженій, и, какъ бы съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, упоминаетъ, что трупы уже всѣ убраны; впрочемъ замѣчаетъ онъ: «лошади, ментики, патронташи валяются еще въ большомъ количествѣ». Про Лейпцигъ онъ пишетъ: «Лейпцигъ очень красивый городъ: въ предмѣстьяхъ дома точно усѣяны отверстіями отъ пуль; многіе совершенно опустошены». Онъ замѣчаетъ съ видомъ удовлетворенности: «Я видѣлъ мѣсто, гдѣ утонулъ Понятовскій». Въ Шомонѣ онъ ѣздилъ осматривать поле битвы на слѣдующій день послѣ сраженія; онъ пишетъ: «поле густо покрыто трупами, многіе страшно изуродованы выстрѣлами. Я видѣлъ и отдѣльно лежавшую оторванную ногу». Лишь въ одномъ случаѣ по поводу боя у Феръ-Шампенуаза, онъ писалъ: «Странно видѣть вблизи людское несчастіе». Но тутъ же съ восторгомъ добавляетъ: «А мы были посреди самой битвы, и видѣли все съ самаго начала». Въ этой битвѣ отрядъ нѣмецкихъ кавалеристовъ вмѣстѣ съ русскими казаками бросились на французское карре́. Французы бросили ружья. Тогда императоръ Францъ и прусскій король стали кричать: «Стой! Стой!» Но кавалеристамъ показалось, что кричать «ура». Съ трудомъ лишь удалось остановить рѣзню. По словамъ Вильгельма, «на каждомъ шагу лежали убитые и раненые». Въ письмѣ отъ 4-го апрѣля 1814 г. Вильгельмъ восторженно описывалъ въѣздъ союзниковъ въ Парижъ: «Такъ вотъ мы и въ большомъ «грѣховномъ болотѣ» (Sündenpfuhl), куда я при такихъ об-

[1]) Jugendbriefe Kaiser Wilhelm des Grossen. Mitgeteilt. v. H. v. Poschinger. «Deutsche Revue», 1901, juni.

стоятельствахъ никогда не предполагалъ. Всѣ главныя мѣста мы уже осмотрѣли: Тюильри съ его восточною роскошью, Лувръ, длинную прекрасную картинную галлерею, античный кабинетъ (Аполлонъ и Лаокоонъ уже были запакованы), инвалидный домъ, Ботаническій садъ съ кабинетомъ натуральной исторіи и живыми дикими звѣрями. Тутъ былъ и слонъ. Люксенбургскій дворецъ, Petits Augustins, собраніе памятниковъ и статуй съ XIV вѣка — все очень интересно, Пантеонъ, ателье Жерара, Законодательный корпусъ, Пале-Рояль, въ которомъ имѣется все, все... Нѣтъ, вотъ ужъ это городъ! Нельзя себѣ даже и представить что нибудь подобное»... Въ письмѣ этомъ имѣется приписка: «Нѣтъ, ужъ эти небесные балеты въ Большой оперѣ! Божественно! Давали «Весталку». Впрочемъ, съ гораздо еще большимъ увлеченіемъ прусскій принцъ въ своихъ письмахъ трактовалъ вопросы, касавшіеся военнаго быта. Особенно охотно онъ описывалъ формы разныхъ полковъ. Въ письмѣ къ брату изъ Франкфурта онъ на первомъ листѣ разсказываетъ о перемѣнѣ обмундированія второй русской гвардейской дивизіи: «Литовскій полкъ получаетъ красные воротники и красные обшлага, лейбъ-гренадеры вмѣсто красныхъ воротниковъ—голубые, павловцы—зеленые воротники и красные обшлага» и такъ далѣе. Въ другомъ письмѣ онъ съ еще большей подробностью описываетъ мундиры баденскихъ гвардейцевъ. Характерны для тогдашней сравнительной репутаціи русскихъ и прусскихъ войскъ слѣдующія слова: «Вчера въ полномъ парадѣ прошли черезъ Фрейбургъ русскіе гвардейцы: они были великолѣпны. Наши, если не считать обмундировки, въ отношеніи выдержки мало бы имъ уступили». Кое-гдѣ встрѣчаются упоминанія объ императорѣ Александрѣ и русскихъ великихъ князьяхъ. Изъ Рейнцаберна въ іюнѣ 1815 года принцъ писалъ въ Берлинъ къ брату: «Около 4-хъ часовъ мы прибыли въ Шпейеръ и сейчасъ же были съ визитомъ у императора Александра, который вамъ всѣмъ кланяется, такъ же какъ и великіе князья: они все только говорятъ о пріятностяхъ пребыванія своего въ Берлинѣ и очень благодарны за пріемъ. Великіе князья въ отчаяніи, что намъ уже не удастся видѣть непріятеля». Въ другомъ письмѣ оттуда же принцъ пишетъ: «Вчера вечеромъ къ ужину пришелъ императоръ Александръ и сидѣлъ очень долго. Потомъ я пошелъ къ великимъ князьямъ. Николай уже былъ раздѣтъ и лежалъ въ постели, но поднялся и накинулъ плащъ. Мы страшно шумѣли. Михаилъ, который еще не раздѣвался, отвелъ меня домой». Въ томъ же году Вильгельмъ писалъ изъ Парижа: «Великіе князья бываютъ у насъ ежедневно, и съ каждымъ днемъ они мнѣ все больше нравятся. Я теперь уже не дѣлаю между ними разницы: Михаилъ, котораго я предпочиталъ за его веселый нравъ, сталъ тише, а Николай веселѣе. Недавно мы съ Николаемъ ѣхали въ его кабріолетѣ, при чемъ онъ страшно шумѣлъ, крича: «Дорогу!» Мы были въ магазинѣ la petit Dukerque, гдѣ много прекрасныхъ вещей, почти все англійскія. Я накупилъ много чего. Великіе князья покупали много. Николай накупилъ уже на 50,000 франковъ: вѣдь за нынѣшнюю кампанію онъ получилъ въ подарокъ еще особые 60.000 франковъ, кромѣ обычныхъ своихъ 120.000 франковъ. Я, конечно, такихъ суммъ не могу тратить». Августомъ 1815 года письма, опубликованныя Г. Пошингеромъ въ «Deutsche Revue», заканчиваются.

СМѢСЬ.

ОТКРЫТІЕ памятника въ Геокъ-Тепе. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ взятія штурмомъ Геокъ-Тепе 12 января 1881 года состоялось освященіе памятника этой блистательной побѣды. 22 апрѣля, въ 6 часовъ вечера на братской могилѣ у бывшей крѣпости Геокъ-Тепе совершена панихида о павшихъ въ бою и умершихъ впослѣдствіи участникахъ экспедиціи, въ присутствіи генералъ-лейтенанта Боголюбова и частей асхабадскаго гарнизона, назначенныхъ для участія въ торжествѣ. 23 апрѣля, въ $8^1/_2$ часовъ утра высшія начальствующія и приглашенныя для участія въ торжествѣ лица отправились изъ Асхабада въ Геокъ-Тепе съ экстреннымъ поѣздомъ. По прибытіи поѣзда въ Геокъ-Тепе, въ 10 часовъ утра, въ вагонѣ церкви совершена литургія, послѣ которой духовенство крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи начальствующихъ лицъ, приглашенныхъ для участія въ торжествѣ, прослѣдовали къ памятнику, гдѣ совершено торжественное молебствіе и освященіе памятника и военно-историческаго музея. Вокругъ памятника были построены на три фаса войска отряда, назначеннаго для участія въ торжествѣ, а за линіей войскъ тысячная толпа народа, среди которой преобладали текинцы. По окончаніи молебствія и освященія памятника и музея генералъ-лейтенантъ А. А. Боголюбовъ поздравилъ войска съ высокоторжественнымъ днемъ тезоименитства царицы, который совпалъ съ днемъ освященія военно-историческаго музея и памятника въ память ахалъ-текинской экспедиціи и штурма крѣпости Геокъ-Тепе. Войска отвѣтили молодецкимъ «ура». По окончаніи молебствія и освященія памятника и музея состоялся парадъ войскамъ. Въ 1 часъ 30 минутъ дня начальствующія и приглашенныя на торжество лица вернулись въ Асхабадъ, гдѣ въ 5 часовъ вечера въ военномъ

собраніи было торжественное чествованіе хлѣбомъ-солью героевъ экспедиціи съ войсковымъ старшиною Алейниковымъ, ротмистромъ Марганія и полковникомъ Эрдели во главѣ. Изъ 227 офицеровъ, бывшихъ въ строю въ день штурма крѣпости Геокъ-Тепе, присутствовали на торжествѣ открытія памятника—22. Военному министру генералу-отъ-инфантеріи Куропаткину и приамурскому генералъ-губернатору генералу-отъ-инфантеріи Гродекову посланы поздравительныя телеграммы.

Памятникъ Гоголю. I. 15 мая, въ старомъ зданіи Московскаго университета происходило засѣданіе комиссіи общества любителей россійской словесности по устройству чествованія памяти Гоголя и Жуковскаго. Въ засѣданіи, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ проф. А. Н. Веселовскаго, кромѣ членовъ общества, принимали участіе представители обществъ и учрежденій, къ содѣйствію которыхъ обратилась комиссія. Въ засѣданіи присутствовали директоры «художественно-общедоступнаго» театра К. С. Станиславскій и В. И. Немировичъ-Данченко, предсѣдатель общества любителей художествъ И. Е. Цвѣтковъ, владѣлецъ извѣстнаго художественнаго собранія, директоръ училища живописи, ваянія и зодчества кн. Е. А. Львовъ, директоръ Строгановскаго училища Н. В. Глоба, предсѣдатель русскаго фотографическаго общества К. А. Фишеръ, представитель комиссіи народныхъ чтеній А. А. Сосницкій. На засѣданіи было доложено, что отъ многихъ лицъ и учрежденій, къ которымъ обратилась комиссія, получены уже благопріятные отзывы съ обѣщаніемъ содѣйствія. Дирекція императорскихъ театровъ предполагаетъ устроить особые юбилейные спектакли, посвященные Гоголю и Жуковскому. Есть основанія разсчитывать, что такіе спектакли будутъ поставлены на всѣхъ московскихъ сценахъ; особенный интересъ представляютъ предположенія «художественно-общедоступнаго» театра. Въ аудиторіяхъ комиссіи народныхъ чтеній будутъ устроены особыя чтенія, посвященныя чествуемымъ писателямъ. По устройству музыкальной и художественной части торжествъ свое содѣйствіе обществу любителей россійской словесности обѣщали директоръ московской консерваторіи В. И. Сафоновъ, училище живописи, ваянія и зодчества и Строгановское училище. Русское фотографическое общество, постановило пригласить своихъ членовъ сдѣлать фотографическіе снимки съ мѣстностей, зданій, памятниковъ и проч., имѣющихъ отношеніе къ Гоголю и Жуковскому. На выставку уже начали поступать предметы. Драгоцѣнную и въ высшей степени интересную коллекцію, состоящую изъ портретовъ, рисунковъ, статуэтокъ, рукописей и проч., доставилъ П. В. Жуковскій, сынъ поэта. На засѣданіи важныя указанія были сдѣланы И. Е. Цвѣтковымъ, который обѣщалъ доставить для выставки много художественныхъ предметовъ изъ своего собранія. II. 23-го мая въ генералъ-губернаторскомъ домѣ состоялось второе засѣданіе комитета. Предсѣдательствовалъ великій князь Сергѣй Александровичъ. На засѣданіи присутствовали: попечитель Московскаго учебнаго округа П. А. Некрасовъ, московскій губернскій предводитель дворянства князь П. Н. Трубецкой, управляющій канцеляріей августѣйшаго генералъ-губернатора В. К. Истоминъ, московскій городской голова князь В. М. Голицынъ и представители общества любителей россійской словесности: исправляющій должность предсѣ-

дателя общества деканъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета профессоръ А. И. Кирпичниковъ, секретарь общества Д. Д. Языковъ, казначей общества А. Е. Носъ и временный секретарь В. И. Шенрокъ. Въ началѣ засѣданія казначей общества А. Е. Носъ доложилъ, что къ 1 мая текущаго года на сооруженіе памятника Н. В. Гоголю состояла на лицо 90.500 рублей въ процентныхъ бумагахъ, находящихся на храненіи въ государственномъ банкѣ. Послѣ подробнаго обсужденія, комитетъ постановилъ объявить конкурсъ на составленіе проекта памятника Н. В. Гоголю, при чемъ необходимымъ условіемъ ставится, чтобы фигура писателя была представлена въ сидящемъ положеніи и обращена лицомъ на Знаменку; ни барельефовъ, ни тѣмъ болѣе аллегорическихъ фигуръ не должно быть на памятникѣ; допускаются только надписи. На представленіе проектовъ дается полугодичный срокъ; конкурсъ будетъ объявленъ 1 іюля текущаго года, такъ что послѣдній срокъ представленія проектовъ—1 января 1902 года. Проекты будутъ разсмотрѣны комитетомъ по сооруженію памятника, при чемъ за лучшіе изъ нихъ назначены три преміи: первая премія—въ 1.500 рублей, вторая—въ 1.000 рублей и третья—въ 500 рублей. Премированные проекты должны поступить въ распоряженіе комитета, за которымъ остается право воздвигать памятникъ по тому проекту, который будетъ признанъ имъ наиболѣе подходящимъ. Проекты памятника предполагается выставить для обозрѣнія публики на выставкѣ, которая будетъ устроена въ будущемъ году въ честь Гоголя и Жуковскаго. Закладку памятника имѣется въ виду совершить также въ періодъ празднествъ, посвященныхъ Гоголю и Жуковскому, весной будущаго года. Мѣстомъ для памятника избрана Арбатская площадь, гдѣ нынѣ находится водоразборный бассейнъ. Вокругъ памятника будетъ разбитъ скверъ — «Садъ Гоголя». Согласно утвержденному проекту, взоръ Н. В. Гоголя будетъ обращенъ на Кремль. Проѣздъ со Знаменки въ Аѳанасьевскій переулокъ будетъ оставленъ и при устройствѣ памятника. Кромѣ капиталовъ, о которыхъ упомянуто выше, на постройку памятника заводомъ покойнаго князя Демидова Санъ-Донато пожертвованъ строительный матеріалъ. Составъ комитета по сооруженію памятника рѣшено пополнить. На мѣсто скончавшагося писателя Д. В. Григоровича, избранъ старѣйшій членъ общества любителей россійской словесности, извѣстный драматическій писатель и знатокъ искусства Н. А. Чаевъ. Кромѣ того, были избраны: А. А. Пушкинъ, П. В. Жуковскій, Д. А. Хомяковъ и И. Ѳ. Тютчевъ.

Диспутъ М. К. Любавскаго. 28 мая въ большой словесной аудиторіи Московскаго университета привать-доцентъ М. К. Любавскій публично защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ: «Литовско-Русскій сеймъ», написанную имъ для полученія степени доктора русской исторіи. Официальными оппонентами были: профессоръ В. О. Ключевскій и приватъ-доцентъ М. В. Довнаръ-Запольскій. Послѣ вступительной рѣчи диссертанта, охарактеризовавшаго планъ и общіе выводы представленнаго изслѣдованія, официальные оппоненты въ своихъ возраженіяхъ представили подробную критическую оцѣнку труда диссертанта. Постановленіемъ историко-филологическаго факультета, признавшаго «обширное и тщательное, основанное на обильномъ и въ значительной степени новомъ матеріалѣ, изслѣдованіе диссертанта цѣннымъ вкладомъ въ

историческую науку, восполняющимъ крупный пробѣлъ въ русской и польской литературѣ по исторіографіи Западной Руси», диссертантъ единогласно удостоенъ степени доктора русской исторіи.

Диспутъ М. Н. Розанова. 13 мая, въ актовой залѣ Московскаго университета приватъ-доцентъ М. Н. Розановъ публично защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ: «Поэтъ періода «бурныхъ стремленій» Якобъ Ленцъ, его жизнь и произведенія», написанную имъ для полученія степени магистра исторіи всеобщей литературы. Якобъ Ленцъ, уроженецъ Лифляндіи, проведшій большую часть жизни въ Москвѣ и здѣсь умершій въ нищетѣ и душевно-больнымъ, принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ представителей ранней поры нѣмецкаго идеализма, такъ называемой эпохи «бурныхъ стремленій», охватывающей семидесятые и отчасти восьмидесятые годы восемнадцатаго столѣтія и совпадающей съ годами юношеской дѣятельности Гёте и Шиллера. Ленцъ былъ наиболѣе полнымъ и восторженнымъ выразителемъ этой эпохи. Послѣ Гёте онъ былъ самымъ талантливымъ драматическимъ писателемъ указаннаго періода нѣмецкой литературы. Якобъ Ленцъ принималъ дѣятельное участіе въ жизни Москвы. Здѣсь онъ занимался преподаваніемъ, участвовалъ въ трудахъ Дружескаго ученаго Общества, былъ друженъ съ Новиковымъ, Карамзинымъ и др. Вліяніе Ленца сказалось и на нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ послѣдняго. Диспутъ открылся вступительною рѣчью магистранта. Офиціальными оппонентами были заслуженный профессоръ Н. И. Стороженко и приватъ-доцентъ А. Н. Веселовскій. Неофиціально возражали г. Розанову: деканъ историко-филологическаго факультета заслуженный профессоръ А. И. Кирпичниковъ, профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ и гг. Фриче и Коганъ. Офиціальные оппоненты, указавъ въ своихъ возраженіяхъ на нѣкоторые несущественные недостатки представленнаго изслѣдованія, признали за трудомъ диссертанта, заключающимъ въ себѣ самую полную и строго критическую литературную біографію Якоба Ленца, важное научное значеніе. Прочитанное въ заключеніе постановленіе историко-филологическаго факультета, единогласно удостоившаго М. Н. Розанова степени магистра исторіи всеобщей литературы, вызвало продолжительные аплодисменты многочисленной публики.

С.-Петербургское археологическое общество. На годовомъ общемъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ графа И. И. Толстого, была почтена вставаніемъ память покойныхъ членовъ общества: Д. Ѳ. Бѣляева, П. К. Зинченко, А. Н. Неустроева, Н. А. Толмачева и архимандрита Н. Дучича. Затѣмъ былъ выслушанъ отчетъ о дѣятельности общества за 1900 г. Въ составъ общества входили къ 1-му января текущаго года 18 почетныхъ членовъ русскихъ и 14 иностранныхъ, 149 дѣйствительныхъ членовъ: 76 русскихъ и 42 иностранныхъ членовъ сотрудниковъ. Засѣданій было всего 26: 7—русскаго, 7—классическаго и 8—восточнаго отдѣленій, 4—общихъ собраній. Кромѣ «Трудовъ» и «Записокъ», въ отчетномъ году издана была «Исторія Императорскаго археологическаго общества за 50 лѣтъ его существованія», составленная проф. Н. И. Веселовскимъ. Раскопки на средства общества производились въ Псковской губерніи. Состояніе денежныхъ средствъ, по сообщенію казначея, къ 1-му января 1901 г. заключалось въ наличныхъ деньгахъ—2.966 р. 3 к. и % бу-

магахъ на 19.300 р., кромѣ спеціальныхъ средствъ восточнаго отдѣленія, состоявшихъ изъ суммы 466 руб. 5 к. наличными деньгами и 11.100 процентными бумагами. Въ заключеніе были доложены рецензіи: труда академика В. В. Латышева «Греческія и латинскія надписи, найденныя на югѣ Россіи въ 1895—1898 гг.» и работы графа А. А. Бобринскаго «Орнаментъ черныхъ таджиковъ Дарваза (нагорной Бухары), Москва, 1900 г.». Интересъ послѣдней работы заключается въ обнаруженіи сходства орнаментовъ на вышивкахъ и вязаньяхъ таджиковъ съ орнаментами древне-русскими. Обѣ работы удостоены медалей общества: трудъ В. В. Латышева — большой золотой; трудъ графа А. А. Бобринскаго—большой серебряной. Въ члены общества избраны П. Н. Шефферъ, въ библіотекари—Н. А. Аничковъ.

Московское археологическое общество. Въ засѣданіи 23-го апрѣля былъ прочитанъ докладъ В. А. Городцова: «О доисторическихъ стоянкахъ побережья Бѣлаго моря». Поводомъ къ сообщенію послужила небольшая, но интересная коллекція предметовъ доисторическихъ стоянокъ означеннаго побережья, собранныхъ К. П. Рево и поступившихъ въ музей Ярославской ученой архивной комиссіи. Изслѣдованныя г. Рево на берегахъ Бѣлаго моря стоянки всегда располагались на дюнныхъ грядахъ, вытянутыхъ параллельно морскимъ берегамъ и идущимъ въ нѣсколько рядовъ (3—7), при чемъ замѣчено, что доисторическія стоянки встрѣчаются лишь на болѣе удаленныхъ грядахъ отъ моря. Стоянки очень часто характеризовались присутствіемъ очаговъ, сложенныхъ въ видѣ небольшихъ площадокъ изъ пережженныхъ валуновъ и скопленіями обломковъ глиняной круглодонной посуды, осколковъ кремня, свидѣтельствующихъ о мѣстной выработкѣ кремневыхъ орудій. Г. Рево относитъ изслѣдованныя имъ стоянки къ неолитической эпохѣ. Типъ глиняной посуды изъ обширнѣйшихъ бѣломорскихъ стоянокъ окрестностей села Красной Горы указываетъ на существующіе въ ту эпоху, когда на берегахъ рѣки Вятки, а слѣдовательно и вообще въ восточной Россіи, процвѣталъ бронзовый вѣкъ, и вводилось въ употребленіе желѣзо. Кремневыя орудія Красногорской стоянки отличаются замѣчательнымъ изяществомъ, которое также убѣдительно говоритъ за ихъ позднее происхожденіе. Кромѣ того, въ этой коллекціи находится одинъ небольшой кусокъ кварца, взятый изъ множества подобныхъ обломковъ, набитыхъ рукой человѣка. Очевидно, здѣсь имѣется дѣло съ запасами кварцоваго матеріала, необходимаго въ доисторической керамикѣ бѣломорскаго обитателя. Изъ стоянки окрестностей с. Лопшеньги въ коллекціи имѣется 2 предмета: наконечникъ кремневаго, красиво обдѣланнаго, копья и обломокъ глинянаго сосуда, покрытый линейнымъ и городчатымъ орнаментомъ, выполненнымъ довольно изящнымъ зубчатымъ чеканомъ. Въ общемъ всѣ предметы дѣлятся на двѣ категоріи: древнѣйшую, синхроничную съ эпохой введенія бронзовыхъ орудій въ Финляндіи, и позднѣйшую, синхроничную съ эпохой появленія бронзовыхъ орудій на Окѣ и широкимъ расцвѣтомъ бронзовой культуры на Вяткѣ. Возникаетъ весьма интересный вопросъ: существовалъ ли въ это время бронзовый вѣкъ и на берегахъ Бѣлаго моря? Данныя современной русской археологіи указываютъ на то, что распространеніе культуры по площади Европейской Россіи, начиная съ конца неолитической эпохи, въ продолженіе всего доистори-

ческаго періода шло отъ окраинъ востока, юга и запада, къ центру и на сѣверъ. Благодаря такой схемѣ движенія культуры, прибрежья Бѣлаго моря составляло конечный и самый отдаленный пунктъ, и проникновеніе туда высшихъ культурныхъ началъ, естественно, должно было совершаться со значительнымъ опозданіемъ,—и нѣтъ ничего удивительнаго, что, по крайней мѣрѣ, въ періодъ древнѣйшихъ изъ изслѣдованныхъ памятниковъ, въ Бѣломорьѣ царилъ въ полной силѣ каменный вѣкъ. Возможно, что и въ позднѣйшій періодъ тамъ не было металлическихъ орудій, хотя это труднѣе допустить, такъ какъ сѣверный край находился въ живомъ общеніи съ бронзовою культурой восточной окраины.

Археографическая коммиссія Московскаго археологическаго общества. Въ майскомъ засѣданіи С. Н. Кологривовъ сообщилъ объ изслѣдованныхъ имъ матеріалахъ по исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII вѣкѣ. Столбцы и книги архиво-оружейной палаты, нынѣ хранящіеся въ московскомъ отдѣлѣ общаго архива министерства императорскаго двора, даютъ весьма обильный матеріалъ для изученія быта XVII вѣка, пока еще мало изслѣдованнаго. Немного сочиненій: Котошихина, Герберштейна, Олеарія, Посошкова и недавно вышедшій трудъ А. А. Милорадовича «Царица Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева, вторая супруга царя Михаила Θеодоровича», знакомятъ насъ съ главными чертами тогдашней жизни, но эти свѣдѣнія недостаточны, чтобы составить полную и вѣрную картину пріемовъ и обычаевъ того времени. Царскій дворъ въ то время сосредоточивалъ въ себѣ лучшее общество, образованіе, развитіе искусства, ремесла и являлся центромъ и передовымъ двигателемъ остальныхъ слоевъ общества. Изслѣдователь русской старины И. Е. Забѣлинъ для своего цѣннаго труда «Домашній бытъ царей и царицъ» пользовался преимущэственно документами архива оружейной палаты; въ нихъ же и докладчикъ почерпнулъ много новыхъ свѣдѣній для исторіи посольствъ и сношеній Россіи съ иными державами, послужившихъ предметомъ доклада. Описаніе церемоніала при пріемѣ пословъ государемъ можно найти въ «Повседневныхъ дворцовыхъ записяхъ» времени государей царей и великихъ князей Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михаиловича, такъ, напримѣръ: въ 7155 г. (1647 г.) записано: «ноября 11 день—былъ у государя въ Золотой палатѣ Владислава, короля польскаго и великаго князя литовскаго, посланникъ Юрій Ирічъ; идетъ онъ посломъ въ Кизылбаши (то-есть въ Персію)». Цѣль пріѣзда увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ посланникъ Юрій Ильичъ или Ирічъ выѣхалъ въ Персію или Кизылбаши, и сношенія Польши черезъ Россію съ Персіей были разрѣшены. Въ данномъ случаѣ яркій бытовой колоритъ отношеніямъ Россіи къ другимъ державамъ даютъ сохранившіеся въ московскомъ отдѣлѣ архива министерства императорскаго двора и нигдѣ до сего времени не опубликованные документы, указывающіе не только мѣсто и время пріемовъ у государя пословъ, но и подарки (мѣха, дорогія одежды, кубки, драгоцѣнные каменья, золотые и серебряные предметы), какими тогда было обязательно обмѣниваться, при чемъ цѣнность ихъ усиливали внѣшнія выраженія почтенія къ представителямъ особы государя, а также ими выражалась щедрость, богатство и даже возвышалось значеніе самого государства. Подробность записей подарковъ мо-

жетъ заинтересовать всякаго любителя старины не только своимъ наивнымъ и характернымъ языкомъ, но и подробнымъ, точнымъ обозначеніемъ всѣхъ особенностей каждой вещи и стоимости ея. Кромѣ того, единственно изъ записей дворцовыхъ приказовъ можно видѣть подробное перечисленіе всѣхъ членовъ посольства, такъ какъ каждый подарокъ записывался съ обозначеніемъ и того лица, кому данъ или отъ кого полученъ, съ подробною описью каждой вещи и оцѣнки ея. Въ расходныхъ книгахъ товаровъ за жалованье разныхъ чиновъ, сохранившихся въ архивѣ съ 1614 года, есть особая статья съ записями расхода на подарки иностранныхъ государямъ и ихъ посламъ,—эти записи впослѣдствіи выдѣлились въ особыя книги, получившія названіе «Посольскія книги». Кромѣ археологическаго интереса, посольскія книги и столбцы имѣютъ и историческое значеніе,—они по справедливости могутъ быть названы лѣтописью посольствъ, означая время прибытія пословъ, аудіенцію ихъ, отъѣздъ и т. п.

Общество востоковѣдѣнія. 9-го мая въ залѣ Педагогическаго музея происходило первое годовое собраніе членовъ общества востоковѣдѣнія. Предсѣдательствовала почетная предсѣдательница О. С. Лебедева. Въ числѣ присутствовавшихъ были члены-учредители: товарищъ министра финансовъ В. И. Ковалевскій, сенаторъ А. А. Мельниковъ, предсѣдатель общества генералъ-лейтенантъ Н. К. Шведовъ и другіе. Собранію предшествовалъ благодарственный молебенъ, отслуженный епископомъ ямбургскимъ, преосвященнымъ Сергіемъ въ сослуженіи съ протоіереемъ Орнатскимъ. По окончаніи молебна протоіерей Орнатскій произнесъ привѣтственное слово. Собраніе открылось отчетомъ совѣта общества о его дѣятельности за истекшій годъ. Программа дѣятельности общества распадается на три отдѣла: 1) научно-культурный, имѣющій задачею изученіе восточныхъ странъ; 2) образовательный, имѣющій цѣлью организацію въ восточныхъ странахъ школъ, по преимуществу коммерческихъ, съ преподаваніемъ русскаго языка, курсовъ восточныхъ языковъ въ Россіи и обширнаго института востоковѣдѣнія, который поставилъ бы себѣ задачею подготовку практическихъ дѣятелей для востока, и 3) торгово-промышленный, имѣющій цѣлью изученіе и развитіе торгово-промышленныхъ сношеній Россіи съ государствами востока. Общество вошло въ сношеніе со многими крупными городами Россіи для организаціи въ нихъ мѣстныхъ отдѣловъ; таковыми городами являются: Астрахань, Асхабадъ, Баку, Бухара, Варшава, Владивостокъ, Лодзь, Москва, Казань, Нижній Новгородъ, Одесса, Ташкентъ, Тифлисъ, Хабаровскъ и Эривань. До сего времени открыты уже отдѣленія въ Тифлисѣ, въ Астрахани, въ Бухарѣ и въ Ташкентѣ. Въ скоромъ времени будетъ открыто также отдѣленіе въ Варшавѣ. Съ января мѣсяца текущаго года при обществѣ учреждены курсы для изученія языковъ: турецкаго, персидскаго и японскаго. Недалекъ отъ положительнаго разрѣшенія также вопросъ объ учрежденіи обществомъ обширнаго института востоковѣдѣнія. Разработкой программы и инструкцій для этого института въ настоящее время занятъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ. Въ недалекомъ будущемъ открываются также курсы востоковѣдѣнія и коммерческихъ наукъ въ Тегеранѣ. Курсы будутъ открыты при Русскомъ ссудномъ банкѣ, о чемъ уже ведутся переговоры совѣтомъ общества съ управляющимъ банкомъ

Э. М. Грубе. Кромѣ того, въ Тегеранѣ общество намѣревается организовать врачебно-медицинскую помощь населенію. Общество собрало также обширный матеріалъ о прошломъ и настоящемъ положеніи торговыхъ операцій русскихъ комерсантовъ на Востокѣ. Свѣдѣнія объ этомъ получены изъ департамента торговли и мануфактуръ и отъ различныхъ биржевыхъ комитетовъ. По предложенію В. И. Ковалевскаго, собраніе выразило благодарность членамъ совѣта общества. Собраніе избрало въ почетные члены: министра иностранныхъ дѣлъ графа В. Н. Ламздорфа, товарища министра финансовъ В. И. Ковалевскаго и главноначальствующаго на Кавказѣ князя Г. С. Голицына. Въ члены совѣта избраны: князь Д. П. Голицынъ, А. Н. Масловъ, баронъ М. Э. Нольде, Д. К. Сементовскій-Курилло, М. П. Ѳедоровъ, Д. А. Философовъ и Н. М. Штрупъ; въ кандидаты къ нимъ: М. Ф. Норпе, В. А. Саханскій и С. П. Фроловъ; въ члены ревизіонной комиссіи: В. Н. Бѣляевъ, В. В. Вишняковъ, С. П. Лебедевъ и И. И. Поплавскій.

Общество дѣятелей печатнаго дѣла. 2-го мая предсѣдательствовавшимъ В. В. Сабанинымъ было доведено до свѣдѣнія членовъ о выходѣ въ свѣтъ 1-й части I тома «Систематической росписи книгамъ, вышедшимъ въ Россіи на русскомъ и иныхъ языкахъ за 1899 г.», съ алфавитными указателями авторовъ и предметовъ, изданной статистико-библіографической комиссіей, образованной при обществѣ. Сообщеніе объ открытіи отдѣленія общества въ Москвѣ, въ которомъ насчитывается уже 106 членовъ, встрѣчено рукоплесканіями. Въ скоромъ времени будетъ открыто отдѣленіе и въ Варшавѣ. Смѣта на 1901 г. утверждена собраніемъ. Вслѣдствіе того, что смѣта (расходъ исчисленъ въ 3.950 р.) составлена казначеемъ крайне скромно, и несомнѣнно по нѣкоторымъ статьямъ будетъ перерасходъ, общее собрэніе разрѣшило совѣту общества въ необходимыхъ случаяхъ превышать смѣту. Къ 1-му января въ приходѣ значилось 4.702 р., израсходовано 4.176 р., основной и оборотный капиталъ къ 1-му мая—7.900 р. Закрытой баллотировкой выбраны: въ члены совѣта: А. И. Вильборгъ, С. М. Пропперъ, Г. И. Франкъ, въ кандидаты: Г. Н. Скамони, А. Г. Бремзенъ, Ю. Б. Гунстъ, въ дѣйствительные члены общества: Л. Г. Берницъ, княгиня М. К. Голицына, Ф. Ф. Кройсъ, И. I. Кадушинъ, А. И. Лишке, графъ Г. А. Милорадовичъ, В. И. Михайловскій, Г. Г. Нейштейнъ, А. Н. Прокопе, С. Л. Рафаловичъ, Н. И. Соловьевъ, В. Е. Филипченко, И. Г. Хачатуровъ, И. И. Чистовичъ, Д. И. Шумахеръ, С. С. Эрленбахъ. Единогласно выбраны въ члены сотрудники: приватъ-доцентъ Э. А. Вольтэръ, Я. М. Гинцбургъ, академикъ К. Г. Залеманъ, приватъ-доцентъ Н. Я. Марръ, приватъ-доцентъ С. А. Пташицкій, академикъ А. А. Шахматовъ, которымъ, по предложенію академика М. Я. Виллiе, выражена, какъ и В. В. Сабанину, благодарность за участіе въ составленіи «Систематической росписи книгамъ».

XII археологическій съѣздъ. I. 1-го мая состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что согласно постановленію комитета: 1) посланы обращенія ко всѣмъ предварительнымъ комитетамъ и комиссіямъ по подготовкѣ XII археологическаго съѣзда—съ просьбой собирать для выставокъ предметы, вести имъ списокъ, каковой сообщить въ свое время комитету

для должнаго выбора предметовъ и приготовленія соотвѣтствующихъ для нихъ помѣщеній; 2) послано обращеніе въ Императорскую археологическую коммиссію съ ходатайствомъ о предоставленіи комитету для археологической выставки при съѣздѣ вещественныхъ памятниковъ, добытыхъ въ губерніяхъ: Харьковской, Курской, Полтавской, Воронежской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, области войска Донского и Кубанскаго края; 3) напечатано въ газетахъ обращеніе къ оо. священникамъ и гг. учителямъ Харьковской губерніи о присылкѣ отвѣтовъ на программы комитета къ началу каникулъ, или же послѣ, но не позже 15-го сентября 1901 года, равно увѣдомленіе о пріемѣ комитетомъ уже въ настоящее время предметовъ для выставокъ; 4) послано обращеніе въ Императорское московское археологическое общество съ просьбою о предоставленіи комитету денежныхъ средствъ для различныхъ экскурсій предстоящимъ лѣтомъ; 5) послано обращеніе къ г. харьковскому губернатору съ просьбой о соотвѣтствующемъ распоряженіи всѣмъ гг. уѣзднымъ исправникамъ, земскимъ начальникамъ, волостнымъ правленіямъ, о принятіи ими пакетовъ и посылокъ отъ оо. священниковъ и гг. учителей, и другихъ лицъ для безплатной пересылки комитету. Далѣе доложено, что комитетомъ уже полученъ отвѣтъ на его обращенія: 1) Императорская археологическая комиссія, при присылкѣ открытыхъ листовъ на право производства раскопокъ членами комитета, сообщаетъ, что «сочтетъ своимъ долгомъ, по мѣрѣ возможности, доставить въ комитетъ древніе предметы, найденные въ губерніяхъ, входящихъ въ районъ дѣятельности предстоящаго XII археологическаго съѣзда; 2) харьковская губернская земская управа прислала открытые листы на право свободнаго пользованія гг. экскурсантами почтовыми земскими лошадьми; 3) общество любителей изученія Кубанской области сообщило отчетъ о произведенныхъ имъ въ 1900 г. и предположенныхъ въ 1901 г. работахъ; имъ, кромѣ изученія архивовъ, церковныхъ запорожскихъ древностей и другихъ, предположено производство раскопокъ кургановъ близъ станицъ Нефтяной, Апшеронской, Таманской, если только Императорскимъ московскимъ археологическимъ обществомъ будутъ отпущены на это необходимыя денежныя средства; 4) таврическій губернаторъ сообщилъ, что гг. земскіе начальники губерніи будутъ присылать комитету непосредственно свѣдѣнія и предметы въ виду археологическаго съѣзда и выставокъ при немъ; 5) профессоръ Всев. Миллеръ предложилъ комитету пріобрѣсти графофонъ для записи малороссійскихъ пѣсенъ и отпустить средства для спеціальной съ этой цѣлью экскурсіи. Постановлено указанныя учрежденія благодарить, отъ спеціальной же экскурсіи для записи малороссійскихъ пѣсенъ отказаться въ виду недостатка средствъ, и просить членовъ комитета сдѣлать по личному почину въ указанномъ отношеніи то, что имъ будетъ возможно. Профессоръ Д. И. Багалѣй доложилъ, что предварительный комитетъ при Императорскомъ московскомъ археологическомъ обществѣ одобрилъ проектъ харьковскаго комитета по устройству этнографическихъ экскурсій и, кромѣ того, ассигновалъ средства на раскопки, изученіе архивовъ и церковныхъ древностей, равно историко-филологическому обществу при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Профессоръ Д. И. Багалѣй сообщилъ проектъ организаціи выставокъ при археологическомъ съѣздѣ; пред-

полагаются къ устройству слѣдующія выставки: по древностямъ первобытнымъ, историческимъ, церковнымъ, картографическая, этнографическая, старопечатныхъ книгъ, рукописей. П. Ефименко сообщилъ о могильникѣ возлѣ Салтовскаго городища, на разстояніи 1½—2 верстъ: погребенія обнаруживаются на обрывахъ овраговъ; вмѣстѣ со скелетами людей, крестьяне находятъ здѣсь скелеты лошадей и принадлежности конской сбруи и украшенія, арабскія монеты и другое. Доложено сообщеніе П. В. Иванова о нѣкоторыхъ картинахъ малорусскихъ живописцевъ, первой половины XIX вѣка съ изображеніемъ казака (Гордѣй Велегура) и подробными малороссійскими стихотворными надписями. Доложено о предоставленіи комитету В. В. Милорадовичемъ трехъ его статей: «Лѣсная Лубенщина», «Къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI и XVII вѣкахъ», «Снѣтинская старина», и о просьбѣ его ходатайствовать предъ медицинскимъ департаментомъ о разсмотрѣніи его труда «Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи». Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ о присылкѣ народными учителями Купянскаго и Изюмскаго уѣздовъ отвѣтовъ на программы комитета; нѣкоторые изъ нихъ сообщаютъ богатый матеріалъ по этнографіи, народно-поэтическому творчеству, учителя Д. Калининъ (Радьковка) и Стежкинъ (Гусаровское училище Изюмскаго уѣзда) представили множество рисунковъ съ бытовыхъ предметовъ. Профессоръ М. Г. Халанскій прочелъ свой докладъ «Краснополянскій «голубецъ», какъ памятникъ побѣды, одержанный курянами надъ татарами въ 1628 году», и познакомилъ со своими наблюденіями надъ рукописями и книгами, поступившими въ распоряженіе комитета. Онъ же познакомилъ съ описью коллекцій А. Томилиной (Курской губерніи): медали, монеты, кресты, топоры, документы и другіе, и съ записаннымъ стихотвореніемъ и народной пѣснью. Профессоръ Д. И. Багалѣй познакомилъ съ изслѣдованіями архивныхъ матеріаловъ—гг. Катаева и Татищева. Постановлено—просить историко-филологическое общество о напечатаніи этихъ изслѣдованій въ выпускаемомъ имъ къ археологическому съѣзду спеціальномъ томѣ своего «Сборника». Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ о предметахъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета для археологической выставки и для музея древностей университета. Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ вышеуказаннымъ лицамъ и доставившимъ различныя свѣдѣнія.

II. 15 мая, въ засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ, профессоръ Е. К. Рѣдинъ познакомилъ съ общимъ количествомъ отвѣтовъ, полученныхъ комитетомъ на его программы отъ священниковъ Харьковской епархіи и народныхъ учителей Харьковской губерніи. Отвѣты эти получены еще далеко изъ не всѣхъ мѣстъ уѣздовъ губерніи; но комитетъ надѣется, что къ 15 сентября ему будетъ доставленъ уже весь матеріалъ. Полученный матеріалъ разбитъ по отдѣламъ, и его (равно и тотъ, что еще поступитъ) рѣшено разработать и издать къ археологическому съѣзду. Далѣе доложено о поступившихъ свѣдѣніяхъ о курганахъ и городищахъ Харьковской губ., г.г. дворянахъ и землевладѣльцахъ, имѣющихъ фамильные документы, портреты и коллекціи древностей, памятниковъ искусства. Рѣшено обратиться ко всѣмъ имъ съ покор-

нѣйшей просьбой о доставленіи предметовъ ихъ коллекцій для выставокъ при съѣздѣ. Комитетъ пользуется случаемъ покорнѣйше просить всѣхъ лицъ, у кого имѣются какіе либо памятники старины, искусства, доставить ихъ ему для выставокъ. Профессоръ Д. И. Багалѣй доложилъ, что согласно принятому комитетомъ проекту организаціи выставокъ, въ видахъ обезпеченія послѣднихъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ уже посланы обращенія къ столичнымъ и провинціальнымъ древнехранилищамъ, ученымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ съ покорнѣйшей просьбой о предоставленіи комитету для выставокъ имѣющагося у нихъ матеріала, какъ весьма важнаго и полезнаго для изученія въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ района, подлежащаго изученію XII археологическаго съѣзда: церковно-археологическому музею при Кіевской духовной академіи, музею Б. И. Ханенко, кіевскому музею древностей, музею древностей при университетѣ св. Владимира, музею І. А. Хайновскаго, новочеркасскому музею древностей, кубанскому статистическому комитету, музею г-жи Поль, музею г-жи Е. Н. Скаржинской, одесскому обществу исторіи и древностей, музею В. В. Тарновскаго (черниговская земская управа), музею полтавскаго земства, московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ, румянцевскому музею, московскому обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи; московскому архиву министерства юстиціи, московскому отдѣленію архива главнаго штаба, историческому музею, музею П. В. Щукина, музею П. Л. Шабельской, императорской публичной библіотекѣ, военно-учебному архиву главнаго штаба, императорской академіи художествъ, архиву святѣйшаго правительствующаго синода, с.-петербургскому артиллерійскому музею, императорской академіи наукъ. Кромѣ того, рѣшено обратиться съ просьбой къ архіереямъ всѣхъ епархій, входящихъ въ районъ дѣятельности съѣзда, чтобы ими было дано благословеніе и указъ на присылку оо. священниками памятниковъ церковной старины для церковно-археологической выставки при съѣздѣ. Рѣшено также обратиться къ императорскому московскому археологическому обществу съ просьбой оказать помощь и содѣйствіе по устройству выставокъ при съѣздѣ. Прочитано письмо Н. А. Ѳедоровскаго по поводу изслѣдованія стоянокъ каменнаго періода въ Изюмскомъ уѣздѣ (село Райгородокъ). Рѣшено просить мѣстныхъ изслѣдователей принять участіе въ изученіи этихъ стоянокъ. Д. П. Миллеръ познакомилъ съ содержаніемъ и значеніемъ документовъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета. Прочитано письмо, въ которомъ сообщается, что въ Старомъ Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, производятся хищническія раскопки, при чемъ старинныя серебряныя монеты и другіе цѣнные предметы перепродаются золотарямъ, а малоцѣнные — уничтожаются. Рѣшено просить администрацію запретить хищническія раскопки. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ о предметахъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета для выставокъ и музея древностей. Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ и г-жѣ Риттеръ за ея содѣйствіе въ полученіи древностей изъ Двурѣчнаго Кута. Въ члены комитета избраны гг. Татищевъ и Катаевъ.

Библіотека Болтина. Библіотекарь нижегородской библіотеки П. И. Крыловъ комитетомъ библіотеки былъ командированъ въ село Яново, Сергачскаго уѣзда, въ имѣніе, бывшее вдовы Салтыкова-Щедрина, нынѣ пріобрѣтенное купцомъ Токаревымъ. До комитета дошли свѣдѣнія, что въ имѣніи осталась богатая библіотека, при чемъ по нѣкоторымъ даннымъ, имѣвшимся также въ архивной комиссіи, можно было судить, что въ библіотекѣ есть рукописи покойнаго писателя. Г. Крыловымъ осмотрѣна библіотека, которая оказалась состоящей въ большинствѣ изъ книгъ, принадлежащихъ Болтину, тестю Щедрина. Среди книгъ есть рѣдкія, составляющія библіографическую цѣнность. Изъ нихъ комитетъ городской библіотеки, вѣроятно, пріобрѣтетъ нѣкоторыя, если г. Токаревъ не найдетъ возможнымъ пожертвовать. Что касается рукописей Щедрина, то таковыхъ не оказалось. Если онѣ и были, то ихъ разорвали по листочкамъ. Одинъ изъ такихъ листовъ въ прошломъ году попалъ присяжному повѣренному Щеглову, который пожертвовалъ его въ архивную комиссію.

Областной археологическій съѣздъ въ Ярославлѣ. Въ Ярославлѣ съ 10-го до 20-го августа будетъ созванъ областной археологическій съѣздъ дѣятелей Ростовско-Суздальскаго края (губерній Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской), съ участіемъ столичныхъ ученыхъ. Изъ отпечатанной програмы съѣзда видно, что занятія его будутъ обнимать: 1) Доисторическія древности (каменный, бронзовый вѣкъ, курганы, вопросы о преемственности въ области культуры аборигеновъ, славянъ, норманновъ). 2) Живая старина (переживанія въ языкѣ, обрядахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ и т. д.). 3) Наземные памятники (церковное и гражданское зодчество, рѣзьба, чеканное дѣло, утварь, одежда и пр.). 4) Составъ населенія (древнія поселенія болгаръ, татаръ, насельники княжеской и московской эпохи). 5) Вопросы архивовѣдѣнія.

Юбилей профессора Н. В. Сорокина. 31-го мая исполнилось 30 лѣтъ учебно-педагогической и общественной дѣятельности заслуженнаго ординарнаго профессора Казанскаго университета по каѳедрѣ ботаники, доктора ботаники, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Васильевича Сорокина.

Н. В. Сорокинъ родился 20-го декабря 1846 г. въ дер. Лазаревкѣ, Корочанскаго уѣзда, Курской губ. Дѣтство Н. В. прошло сначала въ названной деревнѣ Лазаревкѣ, а потомъ въ деревнѣ Орловкѣ, Обоянскаго уѣзда, гдѣ подъ руководствомъ высокообразованной матери въ немъ рано развилась страсть къ наблюденіямъ природы и коллектированію. Въ 1858 г. Н. В. поступилъ въ курскую гимназію и здѣсь подпалъ подъ вліяніе молодого учителя естественныхъ наукъ А. М. Музгера, автора «Конспекта растеній дикорастущихъ и разводимыхъ въ Курской губерніи». Простое и увлекательное преподаваніе, вмѣстѣ съ загородными экскурсіями, рѣшило судьбу Сорокина, и онъ, окончивъ курсъ гимназіи въ 1865 г., поступилъ въ Харьковскій университетъ на отдѣленіе естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета. Съ перваго же курса начались занятія спеціальныя, подъ непосредственнымъ руковод-

ствомъ профессора ботаники А. С. Питра, при чемъ молодой начинающій ученый пристрастился къ тайнобрачнымъ вообще, а въ особенности къ изученію формъ грибовъ и низшихъ организмовъ. Въ 1869 г. Н. В. окончилъ курсъ кандидатомъ и оставленъ при университетѣ въ качествѣ хранителя ботаническаго кабинета. Въ 1871 г. Н. В. Сорокинъ выдержалъ испытаніе на степень магистра и защитилъ диссертацію «Микологическіе очерки», въ сентябрѣ того же года избранъ совѣтомъ Казанскаго университета въ доценты на каѳедру ботаники, каковую и занимаетъ по настоящее время, будучи возводимъ: въ ноябрѣ 1874 г. въ званіе экстраординарнаго профессора, въ августѣ 1881 г. — ординарнаго и въ ноябрѣ 1896 г.—заслуженнаго ординарнаго профессора.

Черезъ два года по прибытіи въ Казань Н. В. былъ командированъ на годъ съ ученою цѣлью за границу; здѣсь онъ работалъ въ лаботаріи де-Бари въ Страсбургѣ и у професссора Чезати въ Неаполѣ. Возвратившись въ 1874 г. изъ заграничной поѣздки Н. В. защитилъ дессертацію на степень доктора ботаники «Обозрѣніе группы «siphomycetes».

Въ 1878 г. Н. В. организовалъ въ Казани народныя чтенія, въ которыхъ самъ принималъ живѣйшее участіе; онъ же въ 1876 г. основалъ высшіе женскіе курсы и оставался вплоть до закрытія ихъ въ качествѣ преподавателя и предсѣдателя совѣта. Въ 1871 г. Н. В. Сорокинъ участвовалъ въ экспедиціи на сѣверный Уралъ для изслѣдованія вогуловъ; въ сентябрѣ 1878 г. былъ приглашенъ его высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ участвовать въ изслѣдованіи средне-азіатскихъ песковъ Кара-Кума, а въ октябрѣ, возвратившись, былъ командированъ его высочествомъ для осмотра ландовъ въ южной Франціи; въ апрѣлѣ 1879 г. вмѣстѣ съ его высочествомъ онъ отправился опять въ Среднюю Азію и посѣтилъ Ташкентъ, Самаркандъ, бухарскія владѣнія и по Аму-Дарьѣ спустился до Петро-Александровска, откуда черезъ Кызылъ-Кумы, Казалинскъ и Оренбургъ вернулся въ Казань. За это путешествіе Н. В. былъ высочайше награжденъ брильянтовымъ перстнемъ. Въ 1884 г. Н. В. Сорокинъ совершилъ третье свое путешествіе въ русскій Тянь-Шань, а нынѣшнимъ лѣтомъ отправляется въ Среднюю Азію въ четвертый разъ для изслѣдованія совершенно неизвѣстнаго Мервскаго оазиса. Многіе изъ иностранныхъ ученыхъ назвали въ честь Н. В. его именемъ значительное количество растеній. Кромѣ чисто спеціально-научныхъ сочиненій, Н. В. извѣстенъ и въ беллетристической литературѣ; различные очерки и разсказы помѣщались имъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ «Вѣстникѣ Европѣ», въ «Сѣверѣ» и др., для примѣра назовемъ «Шукуръ» (очеркъ средне-азіатской жизни), «На новыхъ мѣстахъ», «Бирюзовое колечко», «Люди слова», «Помѣщикъ Ротовъ», «Чужая» и проч. Кромѣ нѣсколькихъ капитальныхъ работъ по ботаникѣ, изъ-подъ пера Н. В. вышло болѣе 200 различныхъ статей, очерковъ, разсказовъ и проч. Какъ отличный знатокъ музыки, Н. В. стоитъ во главѣ студенческаго музыкальнаго кружка, являясь его руководителемъ, Н. В. Сорокинъ въ то же время не только отличный цѣнитель живописи, но и самъ художникъ; словомъ натура Н. В. является сочетаніемъ всего изящнаго, прекраснаго, идеальнаго.

Служебно-педагогическая дѣятельность Н. В. Сорокина выразилась въ томъ, что онъ болѣе 15 лѣтъ состоялъ членомъ попечительскаго совѣта Казанскаго учебнаго округа; ежегодно, по назначенію г. министра народнаго просвѣщенія, исполняетъ обязанности члена государственной физико-математической испытательной комиссіи, былъ университетскимъ судьей при существованіи суда, неоднократно исполнялъ обязанности секретаря и декана физико-математическаго факультета и проч. Онъ состоитъ членомъ многочисленныхъ столичныхъ и провинціальныхъ обществъ, преслѣдующихъ разнородныя задачи.

НЕКРОЛОГИ.

БАХМЕТЕВА, А. Н. Въ среднихъ числахъ мая въ Москвѣ на 76 году жизни скончалась писательница для дѣтей и издательница духовно-религіозныхъ книгъ и брошюръ, Александра Николаевна Бахметева, урожденная Хаврина, супруга П. В. Бахметева.

Покойной составлены слѣдующія книги:

1) «Разсказы для дѣтей о земной жизни Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа» (М., 1858—1895 гг., четырнадцать изданій); 2) «Избранныя житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству Четіихъ Миней» (М., 1858—1894 гг., тринадцать изданій); 3) «Разсказы изъ исторіи христіанской церкви. Чтеніе для старшаго возраста». (М., 1863—1895 гг., 7 изданій) 4) «Крѣпость. Разсказъ для дѣтей» (М., 1874—1893 гг.); 5) «Разсказы изъ русской церковной исторіи. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста» (М., 1883—1894 гг.); 6) «Преподобные Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ» (М., 1885 г.); 7) «Какъ Русь освободилась изъ-подъ татарскаго ига въ 1480 г.» (М., 1886—1894 гг., четыре изданія); 8) «Пастырь и овцы. Разсказъ для дѣтей» (М., 1886 г.); 9) «Начало христіанства въ Россіи и крещеніе Руси при великомъ князѣ Владимирѣ» (Москва, 1888—1894 гг.,); 10) «Двунадесятые праздники и Воскресеніе Христово» (М., 1889 г.); 11) «Бесѣды Спасителя» (М., 1894 г.); 12) «Чудеса Господа нашего Іисуса Христа» (М., 1894 г.); 13) «Притчи Господни» (М., 1894 г.). Книги А. Н. Бахметевой расходились среди юношества и народа въ огромномъ количествѣ, особенной же популярностью пользовался сборникъ священныхъ преданій, переведенный ею съ церковно-славянскаго языка и выпущенный подъ заглавіемъ «Избранныя житія святыхъ». Въ 1864 г. покойная за свои литературно-издательскіе труды была избрана въ почетные члены Московскаго общества любителей русской словесности.

† **Вейнбергъ, Л. Б.** 12-го іюня въ Петербургѣ скончался младшій помощникъ главнаго редактора «Правительственнаго Вѣстника» Леонидъ Борисовичъ Вейнбергъ. Покойный родился 28-го января 1852 года въ Вильнѣ. Первоначальное образованіе получилъ дома, а затѣмъ поступилъ въ гимназію. Тяжкая болѣзнь, а затѣмъ семейныя обстоятельства принудили его покинуть учебное заведеніе незадолго до окончанія курса. Затѣмъ Л. Б. слушалъ лекци въ университетахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ и, наконецъ, Кіевскомъ св. Владимира, гдѣ получилъ званіе провизора. Въ 1881 году поступилъ на службу въ Воронежское губернское правленіе и состоялъ сначала корректоромъ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», а затѣмъ смотрителемъ губернской типографіи. Отъ природы крайне любознательный, Л. Б. усердно занялся изслѣдованіемъ Воронежской губерніи въ историческомъ, бытовомъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ, помѣщая о результатахъ своихъ работъ статьи и замѣтки въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Съ 1882 по 1891 годъ въ «Воронежск. Губ. Вѣд.» появились его оригинальныя и переводныя статьи по сельскому хозяйству, медицинѣ, статистикѣ, политической экономіи, исторіи и археологіи. Назначенный въ 1884 г. секретаремъ воронежскаго губернскаго статистическаго комитета, онъ приступилъ къ изданію древнихъ актовъ мѣстныхъ архивовъ, при чемъ имъ издано 16 выпусковъ «Матеріаловъ по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній», составившихъ 2 тома со словарями и указателями. Прекративъ съ отъѣздомъ изъ Воронежа полезное дѣло изданія «Матеріаловъ», Л. Б. продолжалъ посвящать Воронежскому краю многочисленныя и весьма обстоятельныя статьи въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза-Ефрона. Въ 1891 году Л. Б. по назначеніи младшимъ помощникомъ главнаго редактора, непрерывно въ теченіе десяти лѣтъ работалъ въ редакціи «Правит. Вѣстника», помѣщая оригинальныя статьи (въ фельетонахъ) по исторіи, естествознанію, химіи, медицинѣ и пр., а также многочисленныя переводныя съ нѣмецкаго языка, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ (некрологъ его: «Россія», 1901, № 765).

† **Воронцовъ-Вельяминовъ, Н. П.** 30-го мая въ селѣ Головнинѣ, Тульской губ., скончался бывшій попечитель Харьковскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Николай Павловичъ Воронцовъ-Вельяминовъ. Образованіе покойный получилъ въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса котораго въ 1840 г. былъ оставленъ при артиллерійскомъ училищѣ для прохожденія высшихъ наукъ. Въ томъ же году Н. П. поступилъ на службу прапорщикомъ въ артиллерію и черезъ 2 года былъ прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригадѣ, съ оставленіемъ при училищѣ; съ 1843 года Н. П. назначается преподавателемъ математики въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, а въ 1885 году, въ послѣдній годъ царствованія императора Николая I, былъ командированъ въ Московскій университетъ для преподаванія артиллеріи. Въ 1858 г. Н. П. въ чинѣ полковника оставляетъ военную службу и опредѣляется по вѣдомству государственныхъ имуществъ управляющимъ тульскою палатою; черезъ три года покойный былъ перемѣщенъ на такую же должность въ рязанскую палату, но уже въ слѣдующемъ году вновь вступаетъ въ военную службу въ качествѣ инспектора классовъ

сперва александрійскаго сиротскаго кадетскаго корпуса, а затѣмъ 1-го кадетскаго корпуса. Въ 1864 г. покойный былъ назначенъ состоять при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, но, до прибытія по назначенію, командированъ въ царство Польское въ распоряженіе учредительнаго комитета; въ томъ же году Н. П. назначается предсѣдательствующимъ сперва въ плоцкой, а затѣмъ въ красноставской комиссіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Спустя короткое время, Н. П. вновь оставляетъ военную службу и причисляется къ статсъ-секретаріату царства Польскаго и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ состоитъ предсѣдателемъ люблинской комиссіи, образованной изъ двухъ комиссій: люблинской и красноставской. Въ 1870 г. Н. П. былъ назначенъ начальникомъ радомской учебной дирекціи, а вслѣдъ затѣмъ—помощникомъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа. Въ 1884 г. Н. П. занимаетъ постъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа и занимаетъ его въ продолженіе 13-ти лѣтъ. Покойный умеръ уже въ преклонныхъ лѣтахъ. (Некрологъ его: «Нов. Вр.». 1901 г., № 9068).

† **Ливенъ, А. А.** Высшее финансовое управленіе понесло тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося 23 мая въ г. Акви, близъ Генуи, управляющаго государственнымъ дворянскимъ земельнымъ и крестьянскимъ поземельнымъ банками, гофмейстера высочайшаго двора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича Ливена. Покойный происходилъ изъ стариннаго рода латышскихъ старшинъ, перешедшихъ на службу къ русскому правительству и получившихъ свѣтлѣйшее княжество въ первый годъ царствованія императора Николая I; родился въ 1860 г., высшее образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета; по окончаніи курса со степенью кандидата правъ въ 1883 г. поступилъ для отбыванія воинской повинности вольноопредѣляющимся 1 разряда въ 121-й пѣхотный Пензенскій графа Милютина полкъ, въ 1885 г. былъ произведенъ въ подпоручики и вскорѣ зачисленъ въ запасъ армейской пѣхоты.

По окончаніи военной службы князь А. А. занялся сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ имѣніи, находящемся въ Бронницкомъ уѣздѣ, Московской губ.; съ этого же времени началась и его общественная дѣятельность; въ 1888 г. покойный былъ избранъ въ почетные мировые судьи Бронницкаго уѣзда, а два года спустя уѣзднымъ предводителемъ дворянства того же уѣзда и въ послѣдней должности состоялъ до 1896 г., принимая живое и дѣятельное участіе въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ и нерѣдко участвуя въ различныхъ подготовительныхъ комиссіяхъ. Въ 1893 г. князь А. А. былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера, въ 1896 г.—камергера, въ 1898 г.—гофмейстера двора его императорскаго величества; управляющимъ дворянскимъ и крестьянскимъ банками князь Ливенъ былъ назначенъ именнымъ высочайшимъ указамъ 6 іюня 1897 года.

Занявъ такой отвѣтственный постъ, князь А. А. съ свойственной ему энергіей отдался живому и важному дѣлу—нуждамъ дворянскаго и крестьянскаго землевладѣнія. Во время управленія покойнымъ ввѣренными ему учрежденіями было введено немало полезныхъ реформъ: такъ были установлены основы прочнаго и самостоятельнаго финансоваго положенія дворянскаго

банка; приведены въ порядокъ счета по множеству заложенныхъ имѣній, запущенные платежи, по которымъ грозили владѣльцамъ утратою ихъ земельнаго достоянія, при чемъ для заемщиковъ, обременившихъ себя чрезмѣрными долгами, превышающими ихъ платежныя силы, даны способы къ сохраненію хотя бы части помѣстій. По крестьянскому банку уменьшены платежи по ссудамъ, выдаваемымъ крестьянамъ на покупку земель; введены новыя увеличенныя земельныя нормы для пріобрѣтенія земель; упрощены всякія формальности, и дѣло оказанія помощи крестьянамъ ускорено насколько возможно.

Какъ человѣкъ, покойный отличался простотой и сердечностью отношеній ко всѣмъ его окружающимъ, отзывчивостью къ нуждамъ своихъ подчиненныхъ, твердостью воли и неутомимостью въ работѣ. Погребеніе тѣла князя А. А. Ливена состоялось 4 іюня въ имѣніи графини М. Ф. Орловой-Давыдовой «Добрыниха», въ Подольскомъ уѣздѣ, Московской губерніи. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1901, № 9062; «Россія» 1901, № 762; «Вѣстникъ Финансовъ» 1901 г., № 23; «Нива» 1901 г., № 23.).

† **Максимовъ, С. В.** 3-го іюня т. г., на 70-мъ году отъ рожденія, скончался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей-народниковъ, Сергѣй Васильевичъ Максимовъ. Имя Максимова извѣстно всей читающей Россіи, какъ знатока народа, съ которымъ онъ сроднился съ дѣтства, нравы и бытъ котораго онъ изучалъ всю жизнь.

С. В. Максимовъ родился въ 1831 г., въ Костромской губерніи, въ посадѣ Парфентьевѣ (Кологривскаго уѣзда), гдѣ отецъ его былъ почтмейстеромъ. Учиться началъ онъ въ народномъ посадскомъ училищѣ. Въ 1850 г. онъ поступилъ въ Московскій университетъ, откуда черезъ два года перешелъ въ петербургскую медико-хирургическую академію.

Первый очеркъ С. В. изъ народнаго быта: «Крестьянскія посидѣлки въ Костромской губерніи», появился 20-го ноября 1853 г. Очеркъ этотъ обратилъ на себя вниманіе И. С. Тургенева, который пригласилъ юношу къ себѣ и привѣтливо поощрилъ его продолжать работы. Лѣтомъ 1855 г. С. В. пустился въ пѣшеходное странствованіе съ этнографическими цѣлями по Владимирской губерніи, на Волгу и въ Нижній. Результатами этихъ странствованій была его книга: «Лѣсная глушь», вышедшая 30 лѣтъ тому назадъ.

Въ 1855 г., по мысли великаго князя Константина Николаевича, морское министерство снарядило экспедицію на русскія моря и важнѣйшія рѣки для изученія быта прирѣчныхъ и приморскихъ жителей. Съ этою цѣлью были приглашены: для описанія Волги—А. Н. Островскій, А. А. Потѣхинъ и А. Ѳ. Писемскій; для описанія Днѣпра и Днѣстра—А. С. Аѳанасьевъ-Чужбинскій; Дона—Филипповъ и Урала—М. Л. Михайловъ. С. В. Максимову предложили поѣздку на Бѣлое море, но онъ имѣлъ возможность, сверхъ программы, сдѣлать поѣздку на Ледовитый океанъ и на рѣку Печору. Отчетъ этой экспедиціи составили два тома, которые подъ общимъ заглавіемъ «Годъ на Сѣверѣ», удостоены были географическимъ обществомъ малой золотой медали. Эта книга С. В. считается однимъ изъ крупнѣйшихъ сочиненій по этнографіи сѣвера Россіи, выдержала 4 изданія и до сихъ поръ, несмотря на то, что написана болѣе сорока лѣтъ тому назадъ (въ 1859 г.), читается съ неослабѣвающимъ инте-

ресомъ. Въ 1865 году С. В. издалъ новый свой трудъ: «На Востокѣ», а затѣмъ книгу въ трехъ томахъ: «Сибирь и каторга». Оба послѣднія сочиненія были результатомъ поѣздокъ и наблюденій автора на вновь пріобрѣтенномъ Амурѣ и на старыхъ мѣстахъ ссыльныхъ сибирскихъ поселеній и каторги, картины жизни и быта которыхъ были совершенно неизвѣстны публикѣ и, набросанныя яркими красками, страшно заинтересовали всѣхъ. «Сибирь и каторга», а также и другая его книга «Тюрьма и ссыльные» были прочитаны буквально всей Россіей и создали ихъ автору огромную популярность.

По возвращеніи С. В. изъ Сибири морское министерство устроило третью командировку, для изученія природы и жителей прибрежья Каспійскаго моря и рѣки Урала, куда С. В. и отправился въ 1862 г. Значительная часть этихъ наблюденій напечатана въ «Русскомъ Словѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ».

Много потрудился С. В. Максимовъ и для изученія русскаго раскола, съ которымъ онъ ознакомился во время своихъ долгихъ странствованій по самымъ захолустнымъ угламъ Россіи. Еще въ 1861 г. изданы были его «Разсказы изъ исторіи старообрядцевъ».

Въ 1865 году товарищество «Общественная Польза», задумавшее издавать книги и брошюры для народнаго чтенія, пригласило С. В. Максимова редактировать эти изданія. С. В. горячо принялся за это трудное, совершенно новое у насъ дѣло, развивающееся съ каждымъ годомъ и обѣщающее обильные плоды. С. В. выпустилъ въ свѣтъ около восемнадцати брошюръ, въ числѣ которыхъ болѣе половины составлено имъ самимъ.

Въ 1868 году С. В. производилъ наблюденія въ семи губерніяхъ (Псковской, Смоленской, Могилевской, Витебской, Виленской, Гродненской и Минской) и часть изслѣдованій помѣстилъ въ сборникѣ «Древняя и Новая Россія». Нѣкоторыя наблюденія вошли отчасти въ его обширное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Бродячая Русь».

Кромѣ этихъ капитальныхъ трудовъ С. В. Максимова по русской этнографіи, масса его статей и очерковъ разбросана по журналамъ и не собрана воедино: среди нихъ, однако, есть очень много весьма цѣнныхъ, какъ, напримѣръ: о казакахъ на Дону, на Уралѣ, въ Черноморьѣ, о русскихъ инородцахъ въ Сибири, въ Бѣлоруссіи, о народныхъ праздникахъ и другіе. Многіе его очерки переведены на нѣмецкій языкъ и напечатаны въ «Die Natur».

Каждому русскому юношѣ извѣстенъ знаменитый трудъ С. В. «Куль хлѣба и его похожденія», впервые изданный въ 1873 г. и выдержавшій три изданія.

Почти до послѣднихъ дней жизни продолжалъ С. В. работать на пользу русской этнографіи и литературы. Глубокій знатокъ русскаго языка, одинъ изъ самыхъ строгихъ охранителей его чистоты, С. В. Максимовъ за послѣдніе годы задался цѣлью объяснить различныя слова и обороты живой, обиходной рѣчи, первоначальный смыслъ которыхъ совершенно утратился или извѣстенъ лишь небольшому кругу филологовъ. Объясненія эти составили книгу «Крылатыя слова». Много интереснаго заключаютъ въ себѣ «Воспоминанія» С. В. Максимова, печатавшіяся въ «Русской Мысли».

Въ настоящемъ году заслуги С. В. были почтены рѣдкимъ отличіемъ—онъ былъ избранъ въ почетные академики отдѣленія изящной словесности въ память Пушкина.

Свои работы пришлось С. В. прекратить лишь въ истекшемъ апрѣлѣ. Страдая уже нѣсколько лѣтъ горловою чахоткой, С. В. собирался на лѣто въ Крымъ, гдѣ надѣялся набраться силъ для дальнѣйшей борьбы съ злымъ недугомъ. Передъ тѣмъ С. В. заѣхалъ въ Варшаву къ брату своему, В. В. Максимову, профессору хирургіи Варшавскаго университета. Въ Варшавѣ С. В. почувствовалъ себя очень плохо. Былъ созванъ консиліумъ изъ врачей-спеціалистовъ, рѣшившихъ для предотвращенія затрудненнаго дыханія сдѣлать операцію трахеотоміи. Операція, произведенная его братомъ, вполнѣ удалась, но продолжила его жизнь лишь на короткое время. Давно уже замѣчавшаяся слабая дѣятельность сердца сказывалась все болѣе, силы стали снова падать, и С. В., предчувствуя близкій конецъ, пожелалъ возвратиться въ Петербургъ къ роднымъ. Недѣлю прожилъ онъ въ Петербургѣ и 3-го іюня тихо скончался.

Похороненъ С. В. на Волковомъ кладбищѣ, на литераторскихъ мосткахъ. (Некрологи его: «Нива» 1901 г., № 24; «Новое Время» 1901 г., №№ 9068 и 9069; «Россія» 1901 г., № 767).

† **Омелянскій, Л. Н.** 29 апрѣля въ мѣстечкѣ Радзивиловѣ, Волынской губерніи, скончался Леонидъ Николаевичъ Омелянскій. Покойный родился въ 1835 году, воспитывался въ Волынской духовной семинаріи, въ г. Кременцѣ, и въ Кіевской духовной академіи. По окончаніи академіи покойный вступилъ на педагогическое поприще, послѣдовательно былъ смотрителемъ Мѣлецкаго (въ Волынской губерніи) духовнаго училища, учителемъ и инспекторомъ Полтавской гимназіи, директоромъ Острожской прогимназіи и Житомирской гимназіи, вышелъ въ отставку въ январѣ 1890 года. Какъ педагогъ, Л. Н. Омелянскій пользовался искреннымъ расположеніемъ и довѣріемъ воспитанниковъ. Перу покойнаго принадлежатъ слѣдующія статьи: въ «Историческомъ Вѣстникѣ»: «Нападеніе повстанцевъ на Яблочинскій православный монастырь», 1893 г., № 4; «Курьезы изъ времени послѣдняго польскаго возстанія», 1896 г. № 1, и въ газетѣ «Волынь»: «81 коп.», «Х. И. Саковичъ» и др.

† **Салищевъ, Э. Г.** 13-го іюня въ Томскѣ скончался отъ эмболіи сердца вслѣдствіе тромба голени послѣ ушиба профессоръ хирургіи Томскаго университета Эрастъ Гавриловичъ Салищевъ. Покойный родился въ 1851 году; воспитывался въ Казани, гдѣ окончилъ университетъ, а затѣмъ поступилъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. По окончаніи здѣсь курса въ 1875 году, онъ поступилъ на службу земскимъ врачемъ, въ 1880 году былъ назначенъ ординаторомъ хирургической клиники военно-медицинской академіи и послѣ пятилѣтнихъ занятій въ ней удостоенъ степени доктора медицины. Въ 1887 г. покойный былъ назначенъ прозекторомъ академіи, а затѣмъ, по открытіи Томскаго университета, получилъ профессуру въ немъ по каѳедрѣ госпитальной хирургической клиники. Послѣднія десять лѣтъ Э. Г. работалъ исключительно по хирургіи и, какъ врачъ, стяжалъ себѣ крупное имя. Среди многочисленныхъ работъ покойнаго многія имѣютъ крупное научное значеніе и пользуются авторитетомъ въ иностранной медицинской литературѣ. (Некрологъ его: «Россія» 1901 г., № 767).

† **Сентъ-Илеръ, К. К.** 11-го іюня, послѣ тяжкой болѣзни, скончался Карлъ Карловичъ Сентъ-Илеръ, директоръ С.-Петербургскаго учительскаго

института, во главѣ котораго онъ стоялъ болѣе двадцати лѣтъ. Сынъ учителя французскаго языка, покойный образованіе получилъ въ 3-й гимназіи, а затѣмъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1851 г. кандидатомъ естественно-историческаго отдѣленія физико-математическаго факультета. Въ 1859 г. К. К. былъ удостоенъ степени магистра зоологіи. На педагогическое поприще К. К. выступилъ въ 1865 г. въ роли руководителя курсовъ учителей при 2-й военной гимназіи, а затѣмъ, съ 1870 по 1877 г.,— преподавателя естественныхъ наукъ на женскихъ педагогическихъ курсахъ. Назначенный въ 1877 г. директоромъ учительскаго института, онъ посвятилъ послѣднему всѣ свои силы. Подъ его опытнымъ руководствомъ изъ института вышла масса прекрасно подготовленныхъ учителей для четырехклассныхъ городскихъ училищъ. Въ институтѣ онъ читалъ психологію и исторію педагогики, а также руководилъ пробными уроками воспитанниковъ. По его иниціативѣ, какъ въ институтѣ, такъ и во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ было введено преподаваніе ручного труда. Безконечно добрый, сердечно относившійся къ невзгодамъ ближнихъ, К. К. былъ однимъ изъ главнѣйшихъ организаторовъ общества вспомоществованія учащимся при институтѣ. Ему же принадлежитъ иниціатива по устройству на Васильевскомъ островѣ небольшого благотворительнаго кружка, разросшагося въ огромное общество,—это «Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ». Покойный издалъ нѣсколько учебниковъ, изъ числа которыхъ «Элементарный курсъ зоологіи» выдержалъ тринадцать изданій. (Некрологъ его: «Россія» 1901 г., № 764).

† **Солдатенковъ, К. Т.** 19-го мая въ Кунцевѣ, близъ Москвы, скончался послѣ продолжительной болѣзни, осложнившейся простудой, извѣстный русскій книгоиздатель Косьма Терентьевичъ Солдатенковъ. Смерть К. Т. Солдатенкова, постигшая его въ преклонномъ уже возрастѣ (онъ родился въ 1818 г.), является тяжкой утратой для русскаго просвѣщенія и искусства. Родившійся и выросшій въ темной, невѣжественной средѣ старовѣровъ Рогожской окраины Москвы, безъ всякаго школьнаго образованія, съ грѣхомъ пополамъ обучившійся грамотѣ, только и свѣта видѣвшій, что въ торговыхъ рядахъ, въ лавкѣ отца, всѣ свои молодые годы прожившій на положеніи простого приказчика за прилавкомъ, К. Т. сумѣлъ своей энергіей и любовью къ наукѣ и просвѣщенію создать себѣ всероссійское имя,—почтенное имя идейнаго книгоиздателя, отвергшаго разъ навсегда всякіе коммерческіе интересы въ издательствѣ и стремившагося лишь обогатить родную науку изданіемъ выдающихся трудовъ европейской литературы. Обладавшій состояніемъ въ нѣсколько милліоновъ рублей, частью унаслѣдованнымъ, частью увеличеннымъ его участіемъ въ крупныхъ промышленныхъ, предпріятіяхъ, вышедшій изъ купеческой среди и поневолѣ въ силу дѣловыхъ отношеній вращавшійся въ ней, К. Т. душою принадлежалъ совершенно иному міру, міру мысли, изящныхъ искусствъ, наложившему отпечатокъ на всю его жизнь, на его натуру, тяготѣвшую къ людямъ «свободныхъ профессій»—литераторамъ и художникамъ, которые имѣли въ его лицѣ преданнаго друга, готоваго поддержать какъ восходящій талантъ, такъ и заходящій, отработавшій, уже послужившій перомъ или кистью задачамъ просвѣщенія.

Дѣятельность К. Т. Солдатенкова началась еще въ сороковыхъ годахъ: скрытно теплившаяся въ немъ искра любви къ наукѣ, литературѣ, искусствамъ разгорѣлась, благодаря общенію его съ такими свѣтлыми дѣятелями 40-хъ годовъ, какъ Грановскій и другіе, и изъ скромнаго торговца постепенно выросъ убѣжденный дѣятель въ области русскаго просвѣщенія.

Одинъ сухой перечень всѣхъ книгъ, изданныхъ К. Т., занимаетъ очень много мѣста; отмѣтимъ лишь такіе огромные труды, какъ сочиненія Бѣлинскаго и Кавелина, «Всеобщая исторія» Вебера (въ 14 томахъ), «Внѣшній быть народовъ» Вейса (5 частей), «Американская республика» Брайса (3 тома), «Исторія упадка Римской имперіи» (7 томовъ) Гиббона, «Исторія англійскаго народа» Грина (4 тома), «Исторія эллинизма» Дройзена (3 тома), «Искусство въ связи съ развитіемъ культуры» (4 тома) Каррьера, «Римская исторія» Момзена (5 томовъ), «Исторія педагогики» Шмидта.

Изданія этихъ капитальныхъ произведеній по исторіи и литературѣ выпускалъ К. Т. безпрерывно, постоянно расширяя ихъ кругъ и захватыя все большія области науки, отдавая все же предпочтеніе исторіи. Несмотря на тяжкую болѣзнь и преклонный возрастъ, К. Т. горячо интересовался этимъ дѣломъ до конца дней своихъ. Какъ сообщаетъ въ «Русск. Вѣд.» одинъ изъ близкихъ къ нему людей, г. Щепкинъ, К. Т. послѣ тяжкой болѣзни, сильно подорвавшей его силы, замѣтилъ ему года два тому назадъ по поводу своей издательской дѣятельности: «этой дѣятельности я не оставлю, пока я живъ, и до послѣдняго вздоха буду думать о напечатаніи намѣченныхъ книгъ. Этимъ исполню я дорогой завѣтъ, данный мнѣ 50 лѣтъ назадъ славными представителями университета. Послѣ же смерти моей...». Къ сожалѣнію, К. Т. не докончилъ тогда начатой фразы; и только завѣщаніе его, полное отказовъ на просвѣтительныя цѣли, можетъ служить окончаніемъ его недосказанной мысли.

К. Т. оставилъ послѣ себя два наслѣдства: одно, состоящее изъ нѣсколькихъ милліоновъ рублей, завѣщанныхъ частью роднымъ, частью—благотворительнымъ и просвѣтительнымъ учрежденіямъ, другое—состоящее изъ многихъ томовъ изданныхъ имъ крупнѣйшихъ сочиненій міровой литературы (въ переводѣ на русскій языкъ), завѣщанныхъ всему русскому народу. И унаслѣдовавшій отъ него это огромное духовное богатство, законный его наслѣдникъ—русскій народъ, долженъ быть глубоко признателенъ покойному и свято чтить его имя.

Въ области искусства К. Т. извѣстенъ былъ своей картинной галлереей, крупнѣйшей послѣ третьяковской галлереи. Галлерею эту К. Т. завѣщалъ Румянцевскому музею.

К. Т. Солдатенковъ погребенъ 22 мая въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ. (Некрологи его: «Нива» 1901 г., № 22; «Нов. Время» 1901 г., № 9061, «Россія» 1901 г., №№ 743, 745, 751 и др.).

† **Тумановъ, Г. Е.** На-дняхъ скончался бывшій начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи, генералъ-отъ-инфантеріи, князь Георгій Евсеевичъ Тумановъ. Онъ родился въ 1839 г., образованіе получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса котораго въ 1857 г. произведенъ въ прапорщики во 2-й саперный баталіонъ, въ томъ же году произведенъ въ подпоручики и прикоманди-

рованъ ко 2-му Кавказскому саперному баталіону съ командированіемъ въ распоряженіе начальника Аргунскаго округа, гдѣ и участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ. Въ 1863 г. переведенъ подпоручикомъ въ лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ. Въ 1864 г. въ чинѣ поручика командированъ въ распоряженіе генералъ-губернатора Западной Сибири, съ назначеніемъ въ Зачуйскій отрядъ полковника Черняева, гдѣ участвовалъ при штурмѣ кокандской крѣпости Ауліэта и въ рекогносцировкѣ и штурмѣ крѣпости Чемкентъ, послѣ чего былъ отправленъ въ Петербургъ съ донесеніемъ къ императору Александру II о взятіи крѣпости Чемкента. Въ 1868 г. произведенъ въ штабсъ-капитаны и, командуя сперва 4-й, а потомъ ротой его величества лейбъ-гвардіи саперчаго баталіона, въ 1871 г. произведенъ въ капитаны, а черезъ два года произведенъ въ полковники. Въ 1875 году назначенъ командиромъ 1-го (нынѣ 8-й) саперчаго баталіона, а затѣмъ командиромъ 1-го кавказскаго саперчаго баталіона, во главѣ котораго участвовалъ въ турецкой войнѣ въ Азіатской Турціи въ составѣ Саганлугскаго отряда при установленіи блокады Эрзерума; за означенныя дѣйствія награжденъ орденомъ св. Владимира 3 ст. съ мечами. Въ 1880 и 1886 гг. командированъ въ Батумскую область для производства дорожныхъ работъ. Въ 1886 г. вызванъ въ Петербургъ для формированія вновь создаваемой желѣзнодорожной бригады и въ 1887 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ начальникомъ этой бригады и съ зачисленіемъ въ списки 1-го Кавказскаго саперчаго баталіона. Покойнымъ положено начало устройства постояннаго учебнаго желѣзнодорожнаго полигона въ городѣ Барановичахъ. Въ 1889 г. назначенъ начальникомъ 5-й саперной бригады, а въ 1896 г. начальникомъ 32-й пѣхотной дивизіи съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1897 г. назначенъ начальникомъ 5-й пѣхотной дивизіи. Послѣдней наградой покойнаго былъ орденъ св. Анны 1-й степени въ 1899 году. Покойный, считавшійся большимъ авторитетомъ въ полевомъ и военно-инженерномъ дѣлѣ, участвовалъ во многочисленныхъ комиссіяхъ, между прочимъ по вопросу о конструкціи обоза подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ, по изданію наставленія для саперныхъ баталіоновъ, по вопросу о комплектованіи инженерныхъ войскъ офицерами, по устройству учебнаго полигона желѣзнодорожной бригады и многихъ другихъ. Изъ его печатныхъ трудовъ назовемъ весьма цѣнную «Справочную книжку по полевой фортификаціи для саперныхъ офицеровъ» и много статей, помѣщенныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» и «Инженерномъ журналѣ». Въ 1899 г. состоялъ предсѣдателемъ комиссіи для выработки проекта измѣненій въ устройствѣ внутренней жизни и матеріальной обстановки кадетъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1901 г., № 9075).

† **Фурсовъ, М. В.** 26-го мая въ Могилевѣ-Губернскомъ скончался бывшій директоръ Могилевской гимназіи и бывшій же редакторъ неофиціальной части «Могилевскихъ Губ. Вѣдомостей», Матвѣй Васильевичъ Фурсовъ.

«Могилевскія Губ. Вѣдомости» посвящаютъ покойному слѣдующія строки: «Служа въ Могилевѣ, покойный свои досуги посвящалъ научнымъ работамъ. Имъ, напримѣръ, составленъ дѣльный историческій очеркъ Могилевскаго края для «Опыта описанія Могилевской губерніи» Дембовецкаго, очеркъ, не потерявшій значенія и для настоящаго времени. Позднѣе, по выходѣ въ отставку,

онъ занялся педагогической литературой и издалъ элементарный учебникъ по ариѳметикѣ. Будучи редакторомъ, онъ помѣстилъ въ «Губ. Вѣдом.» цѣлый рядъ цѣнныхъ историческихъ статей и свои историческія воспоминанія.

«Въ это же время онъ занимался упорядоченіемъ публичной библіотеки и устройствомъ губернскаго музея, которые и доселѣ существуютъ въ томъ видѣ, какой придалъ имъ покойный. Виленскій археологическій съѣздъ вызвалъ покойнаго на новую дѣятельность. Несмотря на свои старческія лѣта, онъ съ юношескимъ жаромъ занялся курганными раскопками и настолько увлекся ими, что продолжалъ затѣмъ ихъ подрядъ нѣсколько лѣтъ. Въ послѣднее время покойный много работалъ въ женской воскресной школѣ».

М. В. Фурсовъ скончался въ сильной бѣднотѣ; тяжко больная вдова его осталась буквально безъ копейки. (О немъ см. «Россія», 1901 г., № 758, Провинціальный дневникъ).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Камаринская и Барыня.

(По поводу замѣтки Т. А. Мартемьянова, въ № 10 «Историческаго Вѣстника», за 1900 годъ.).

Нашъ уважаемый и неутомитый изслѣдователь родной старины г. Мартемьяновъ, кажется мнѣ, нѣсколько увлекся, придавая этимъ двумъ популярнѣйшимъ нашимъ народнымъ пѣснямъ характеръ какого-то гимна орловской вольницы, своего рода, марсельезы сѣвскихъ порубежниковъ.

Я самъ — коренной орловецъ; въ орловщинѣ, а именно въ сѣвщинѣ, выросъ и никогда не слыхалъ, чтобы этимъ пѣснямъ придавался какой нибудь политическій характеръ: всегда всѣ считали ихъ за пѣсни эротическія, нецензурнаго содержанія, — и только. Никто никогда не передавалъ мнѣ, что эти пѣсни наши, орловскія, а въ Орлѣ всегда было много любителей старины и даже такихъ, которые всегда готовы все сколько нибудь «замѣчательное» приписать «намъ», орловцамъ.

Къ сожалѣнію, я не могу по цензурнымъ условіямъ привести здѣсь текстъ **Камаринской**, съ тѣмъ «разъясненіемъ» нѣкоторыхъ мѣстъ, какъ она поется почти повсемѣстно въ Орлѣ, и какъ мнѣ приходилось слышать ее въ другихъ мѣстахъ.

«Разночтеніе» это хотя и не большое, но совершенно мѣняющее суть дѣла.

Барыня у г. Мартемьянова приводится довольно правильно; но въ ней-то ужъ, конечно, и подавно нельзя отыскать ровно никакой «политики», никакого рабскаго протеста противъ закрѣпленія и т. п.

Это просто жанровая картинка въ извѣстномъ вкусѣ, складѣ, какихъ существуетъ многое множество въ скабрезной литературѣ, народной и ненародной.

Въ текстѣ г. Мартемьянова приведены куплеты:

Ой, барыня, перевернись,
Сударыня, перевернись и т. д.,—

совершенно не подходящіе къ общему содержанію этой пѣсни и ровно ничего для нея не дающіе. Тутъ такъ и кажется, что это совсѣмъ другая пѣсня.

Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ: эти куплеты относятся къ другой, довольно популярной пѣснѣ:

Акулина перевернись...

или къ ея варіанту:

Акулина отопрись...

Можно пристягнуть какой угодно учено-историческій аппаратъ почти ко всякой народной пѣснѣ; но, тѣмъ не менѣе, будетъ нѣсколько рискованно утверждать, ссылаясь на него, что такая «исторически освѣщенная» пѣсня является произведеніемъ того или иного «камаринскаго» народа, и такое, якобы научное, объясненіе назвать «правдой» о данной пѣснѣ.

И потомъ: если Камаринская допускаетъ нѣкоторую историческую натяжку, благодаря сходству съ Комарницкой волостью, то при чемъ же здѣсь Барыня, въ которой нѣтъ даже и такого шаткаго прикрѣплленія къ орловской почвѣ?

Извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ, покойный Лопатинъ, объясняетъ названіе Камаринской тѣмъ, что и тэмпъ пѣсни, и поющіе ее прыгаютъ, какъ комары.

Это объясненіе нисколько не хуже, чѣмъ пріурочиваніе Камаринской къ гимну.

Что Камаринская и Барыня продуктъ эпохи гораздо позднѣйшей [1]), чѣмъ думаетъ г. Мартемьяновъ, относя ихъ къ смутному времени и ко времени отмѣны Юрьева дня, видно изъ слѣдующихъ соображеній.

Въ эпоху его «Камаринскаго» народа, въ наше лихолѣтье, когда Комарницкая волость была порубежьемъ и самымъ при томъ опаснымъ по причинѣ постоянныхъ смутъ и нахожденія въ ней шаекъ воровскихъ людей, никакая «барыня», въ смыслѣ самостоятельной помѣщицы, не могла явиться въ тѣхъ краяхъ. Тамъ и вообще-то о ту пору было мало помѣщиковъ, а если они и были, то они должны были быть непремѣнно люди ратные, помѣщики-воины.

Никакой барынѣ не подъ силу было бы справиться не только съ внѣшними врагами, но и съ собственными, только что прикрѣпленными крестьянами,

[1]) Вѣроятно, конца XVIII или начала XIX вѣка.

въ которыхъ упорно держался духъ, присущій тому «комарицкому» народу, который такъ живо представляется воображенію г. Мартемьянова.

Самое слово барыня происхожденія позднѣйшаго; въ тѣ времена барынь еще не было; а были боярыни; этого же слова нѣтъ въ пѣснѣ, и оно не подойдетъ въ ладъ ей. Не было также и выраженія сударыня, это тоже слово занесенное съ запада, послѣ Петра. Вообще, зная старинную рѣчь, трудно допустить, хотя бы и въ шуточномъ обращеніи, выраженіе: «сударыня—барыня»; въ тѣ времена оно было неупотребительно.

Что касается собственно Барыни, которую г. Мартемьяновъ ставитъ въ ближайшую связь съ Камаринской, считаетъ ея продолженіемъ, то самое содержаніе ея, слова, ее составляющія, совершенно не подходятъ къ понятію и старинѣ глубокой, каковой является наше лихолѣтье.

Отбросьте предвзятую идею, забудьте объ ученомъ аппаратѣ и скажите, мыслимо ли было въ то время:

Кто съ своей женой въ раздорѣ,
А кому отъ тещи горе...

Это «современное» и даже очень.

Во времена же терема раздоровъ съ женами, описанныхъ такими виршами, не могло происходить, да и теща той роли, какую играетъ теперь,—не имѣла.

Еще болѣе утверждаетъ насъ въ гораздо позднѣйшемъ происхожденіи этихъ «гимновъ» камаринскаго народа куплетъ:

Какъ на барынѣ солопъ,
(Вредитъ) барынѣ холопъ,
На барынѣ чепчикъ,
...... барыню нѣмчикъ.

Какіе же солопы и чепчики были во времена лихолѣтья на барыняхъ?

Откуда тогда взялся нѣмчикъ?

Ихъ и въ Москвѣ-то было наперечетъ, и они, «басурмане-поганые», никакого касательства къ тогдашнимъ барынямъ имѣть не могли...

Да и читаетъ этотъ куплетъ г. Мартемьяновъ невѣрно: онъ гораздо скабрезнѣе, въ немъ прямо указывается на извѣстныя отношенія и холопа и нѣмчика къ барынѣ:

Какъ на барынѣ солопъ,—
...... барыню холопъ;
На барынѣ чепчикъ,
...... ее нѣмчикъ.

Нѣмчикъ въ теремъ попасть не могъ; очевидно, это продуктъ лакейской музы и очень недавняго происхожденія, вѣрнѣе всего, даже начала XIX столѣтія, когда «нѣмчикъ», на отношенія котораго къ барынѣ прямо указывается, былъ то же самое, что и современный ему «французикъ изъ Бордо», тотъ же нагрянувшій на Россію «просвѣтитель юношества», съ которымъ и грѣшила иногда сама мамаша-барыня.

Смыслъ этого куплета ясенъ: барыня попроще, въ солопѣ (солопница), довольствовалась холопомъ, а барыня поважнѣй (въ чепчикѣ) искала развлеченія съ нѣмчикомъ.

Какая же это «эпоха» камаринскаго народа?

Придавать же этимъ пѣснямъ роль **гимна**, хотя бы и камаринскаго народа, нѣтъ ни малѣйшаго основанія: тутъ нѣтъ никакой политики, никакихъ историческихъ намековъ; весь тонъ ихъ изъ числа тѣхъ, что самъ народъ зоветъ «подзаборными» и «подкаретными», и нельзя, не обижая нашего любящаго пѣсню и поэзію народа, утверждать, что изъ такой сплошной пошлости онъ могъ сдѣлать для себя «гимнъ», священнѣйшую пѣсню, что этой пошлостью онъ отмѣтилъ нашу смутную эпоху и тяжелое время крѣпостного права...

Меня самого часто обвиняютъ въ томъ, что я «патріотъ своего орловскаго отечества», но я, тѣмъ не менѣе, не вижу никакого основанія настаивать на «орловскомъ» происхожденіи такихъ шедевровъ, какъ эти двѣ пѣсни...

Богъ съ ними! Не намъ, орловцамъ, землякамъ Тургенева, А. Толстого, Лѣскова, Фета и многихъ другихъ, гордиться якобы орловскимъ происхожденіемъ **Камаринской** и **Барыни**.

В. Н. Семенковичъ.

чѣмъ въ своей небрежной одеждѣ путешественника. Онъ говорилъ мало, но болѣе смотрѣлъ и наблюдалъ, слушая своихъ собесѣдниковъ.

Былъ ли причиной напудренный парикъ, надѣтый на немъ, или его плохо разсмотрѣли раньше, только теперь онъ казался гораздо старше, чѣмъ утромъ. Правда, что онъ держался все время прямо, и его походка осталась такъ же тверда и быстра. Онъ далъ даже ловкій толчекъ, чтобы отодвинуть табуретъ, забытый передъ каминомъ, но морщины, не замѣченныя ранѣе, изрѣзывали теперь его лобъ и глаза. Его лицо, какъ бы поблекло отъ времени, а губы, сложившіяся въ складку отъ обычной гримасы, выражали безпрестанное напряженіе мысли, профессіональную скрытность и, можетъ быть, даже геній.

Правда, его физіономія измѣнилась въ особенности отъ того, что онъ срѣзалъ усы и совершенно выбрилъ лицо. Это обнаружило многія детали, остававшіяся ранѣе незамѣченными.

Приглашенные не измѣняли своего обращенія, пока длился обѣдъ. Но когда они остались одни послѣ обѣда, то ихъ тонъ тотчасъ же перемѣнился.

— Скажете ли вы, наконецъ, на что понадобился этотъ маскарадъ? Я помогъ вамъ, какъ только могъ, его исполнить. Я указалъ вамъ лоскутника, оружейника, портного, шляпочника, которые могли васъ снабдить частями костюма; но что за сцены намѣрены вы разыгрывать?

— Вы слишкомъ любопытны, другъ Вендъ!—отвѣчалъ псевдоинтендантъ, въ которомъ, можетъ быть, читатель узналъ Карла Шульмейстера... — Съ васъ будетъ достаточно узнать, что если я собралъ часть свѣдѣній, благодаря вамъ и моей личной предпріимчивости, относительно настоящей численности императорской арміи и проектовъ ея начальниковъ, то есть еще нѣкоторыя детали, ускользнувшія отъ меня, но я тоже овладѣю ими.

— Но,—возразилъ поручикъ Рульскій,—я надѣюсь, что вы не будете собирать справки въ этомъ костюмѣ?

— Это—мое дѣло.

— Извините,—подхватилъ Вендъ,—насъ видѣли вмѣстѣ, и каждый ложный шагъ съ вашей стороны будетъ имѣть для меня и Рульскаго самыя непріятныя послѣдствія.

— Что же?.. Васъ будутъ, можетъ быть, подозрѣвать въ соучастіи со мною?.. Не безпокойтесь объ этомъ.

— Но вѣдь...

— Полноте!—перебилъ Карлъ,—вы хотите, чтобы я поставилъ точку надъ і?.. Пусть будетъ такъ! Я поставлю ее. Вы столько же оба поручики, сколько я—интендантъ! Что вы носите мундиръ съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь армія, не можетъ служить причиной тому, чтобы вы, Вендъ, перестали быть любимымъ развѣдчикомъ

его высочества, эрцъ-герцога Фердинанда. По его приказу, васъ зачислили въ контроль главнаго штаба, хотя вы никогда не были въ спискѣ офицеровъ, по крайней мѣрѣ, подъ этимъ именемъ. Еще менѣе причины, чтобы Рульскій не оставался тайнымъ агентомъ генерала Кинмейера, который очень хотѣлъ бы забыть, чтобы имѣть васъ около себя, несчастное столкновеніе съ дисциплинарнымъ совѣтомъ. Дайте мнѣ, пожалуйста, все высказать! Мы—старые знакомые; при каждомъ сраженіи на Рейнѣ мы работали вмѣстѣ; вы знаете поэтому, что я умѣю держать слово. Каждому изъ васъ я обѣщалъ по пяти тысячъ франковъ въ случаѣ вашей помощи. Вотъ они золотомъ. Откройте наудачу любой изъ свертковъ, чтобы убѣдиться, а теперь, чтобы не терять болѣе времени, выслушайте меня до конца.

Въ то время какъ оба соучастника одинаковымъ движеніемъ ногтей торопились раскрыть одинъ изъ своихъ пяти свертковъ, разложенныхъ передъ каждымъ изъ нихъ, Шульмейстеръ продолжалъ:

— Въ данный моментъ я отъ васъ ничего не требую. Нашъ завтракъ оконченъ; теперь два часа: я отправлюсь къ генералу Макъ... О, не удивляйтесь, это моя мысль!.. Прежде чѣмъ я у него вывѣдаю все, что слѣдуетъ, я хочу, чтобы онъ поразспросилъ меня, какъ сумѣетъ. Сегодня вечеромъ вы навѣдаетесь, здѣсь ли я еще. Въ случаѣ, если меня уже не будетъ, то возвращайтесь въ ваши почтенныя жилища и ожидайте меня тамъ. Вы, конечно, знаете, тотъ и другой, какія новости надо сообщить вашимъ начальникамъ, если они станутъ васъ разспрашивать ранѣе сегодняшняго вечера. Этого достаточно. Такъ мы порѣшили?

— Да,—отвѣтили въ одинъ голосъ оба агента,—но...

— Прибавлю еще, если все пойдетъ, какъ я хотѣлъ бы, вы получите черезъ восемь дней такую же сумму, какую я вручилъ вамъ сегодня.

Глаза обоихъ офицеровъ засіяли отъ радости.

— А затѣмъ, — прибавилъ Шульмейстеръ, — такъ какъ мы отнынѣ сошлись во всемъ, возвращайтесь къ вашимъ занятіямъ, а я пойду по своимъ дѣламъ.

Они вышли всѣ трое, сопровождаемые низкими поклонами хозяина гостиницы и слугъ. Но недолго они шли вмѣстѣ, и въ то время, какъ Вендъ и Рульскій удалялись въ одну сторону, Шульмейстеръ, или, скорѣе, его превосходительство, интендантъ Калькнеръ, направился спокойный и съ достоинствомъ къ главной квартирѣ, гдѣ въ это время рѣшалась судьба восьмидесяти тысячъ человѣкъ австрійской арміи.

II.

Теперь мы можемъ возвратиться въ военный совѣтъ, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ эрцъ-герцога Фердинанда и дѣйствительнымъ — генерала Мака. Мы въ точности знаемъ намѣренія всѣхъ его участниковъ.

Дѣло въ томъ, что, наслушавшись всласть въ продолженіе болѣе часа различныхъ сообщеній генераловъ, фальшивый Калькнеръ кончилъ тѣмъ, что болѣе ничего не сталъ понимать. Правда, что раньше, чѣмъ покинуть Страсбургъ, онъ навелъ справки изъ хорошихъ источниковъ и имѣлъ право считать себя въ точности освѣдомленнымъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ стратегическія соображенія, выраженныя защитниками Ульма, начали его волновать. Находясь въ новой атмосферѣ, онъ не считалъ уже ихъ болѣе неразсудительными. Онъ дошелъ до того, что спрашивалъ себя, не во снѣ ли онъ видѣлъ, или не былъ ли онъ сумасшедшимъ...

Дѣйствительно ли видѣлъ онъ Наполеона? Разговаривалъ ли онъ съ нимъ? А солдаты Мюрата, чуть не захватившіе его при входѣ въ оффенбургскій дефилей, прикроютъ ли они, какъ предполагалъ Наполеонъ, обширное движеніе фланговъ, произведенное всѣми французскими силами. Не будетъ ли это, какъ предполагаетъ Макъ, крайняя точка авангарда великой арміи, производящей атаку по прямой линіи, черезъ Черный Лѣсъ?

Однимъ словомъ, давая ему секретное порученіе, дѣйствительно ли Наполеонъ сказалъ ему все?

— Конечно, они отчасти были правы, не довѣряя ему тамъ!..

Впрочемъ, какъ допустить, чтобы всѣ генералы австрійской арміи были обмануты такъ легко неосновательными признаками?.. Какимъ образомъ среди нихъ не нашелся хотя бы одинъ, достаточно развитой человѣкъ, чтобы угадать маневръ противника и помѣшать этой хитрости... если дѣйствительно существовала хитрость?

Въ особенности Шульмейстеръ интересовался, чтобы у него опредѣленно освѣдомились по этому послѣднему вопросу, прежде чѣмъ установить отношенія съ нѣмецкимъ главнымъ штабомъ, съ цѣлью сказать имъ лишь то, что могло бы служить въ пользу плана Наполеона.

По правдѣ, это былъ единственный результатъ, который онъ могъ надѣяться получить отъ смѣлаго предпріятія и переодѣванія.

Онъ захотѣлъ тотчасъ же выяснить дѣло.

— Насколько я понялъ, господа, — сказалъ онъ: — вы всѣ допускаете мысль, что непріятель выйдетъ прямо противъ насъ?

— Разумѣется, господинъ главный интендантъ, — поспѣшилъ отвѣтить Макъ, задѣтый за живое, — люди дѣла не могутъ оши-

баться!.. Впрочемъ, я долженъ вамъ сказать, что мои свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ—я подразумѣваю, полученныя изъ совершенно вѣрнаго источника, изъ самаго Страсбурга,—согласуются съ прецедентами.

Шульмейстеръ вѣжливо поклонился, прежде чѣмъ отвѣчать. Это ему помогло скрыть улыбку, вызванную этимъ намекомъ, посланнымъ имъ же самимъ изъ Эльзаса.

— А ваши офицеры того же мнѣнія, генералъ? Простите мою настойчивость. Я хотѣлъ бы доложить его величеству, императору Францу-Іосифу, всевозможныя мнѣнія, что не мѣшаетъ мнѣ a priori преклоняться передъ вашимъ.

— У меня иное впечатлѣніе, чѣмъ у нашего начальника,—отвѣтилъ Вернекъ.—Я думаю, что Бонапартъ намъ втираетъ очки, чтобы помѣшать смотрѣть въ настоящую сторону.

— Я того же мнѣнія!—отвѣчалъ мягко генералъ Ризе.

— И я тоже!—пробрюзжалъ Іелашишъ.

— А! видите ли, генералъ!—возразилъ Шульмейстеръ:—эти господа сомнѣваются.

— Очень возможно,—поторопился отвѣтить Макъ.—Но я, со своей стороны, сомнѣваюсь такъ мало, что не колебался бы, съ разрѣшенія его высочества, воспользоваться моимъ авторитетомъ и предписать необходимымъ войскамъ двинуться предупредительной атакой на западъ. А моего авторитета, я надѣюсь, никто здѣсь не будетъ оспаривать.

— Конечно, нѣтъ!—отвѣчалъ Іелашишъ.—Только я не хочу попасть въ капканъ и предупреждаю васъ, я постараюсь устроиться, чтобы не быть запертымъ въ мышеловку, какъ другіе, когда французы неожиданно очутятся у насъ за спиной.

Теперь Шульмейстеръ зналъ достаточно, чтобы быть увѣреннымъ въ необходимости дѣйствовать, какъ можно скорѣе, на этихъ слишкомъ прозорливыхъ офицеровъ. Но въ то время, какъ Макъ тратилъ свое краснорѣчіе, доказывая Іелашишу справедливость своихъ взглядовъ, агентъ прежде всего думалъ воспользоваться настоящимъ положеніемъ, чтобы пополнить свои собственныя свѣдѣнія.

Пользуясь минутой, пока главный генералъ переводилъ дыханіе, онъ сказалъ:

— Въ общемъ я вижу, что мнѣнія относительно плановъ завоевателей могутъ быть различны, но зато всѣ исполнятъ свой долгъ, съ какой бы стороны ни была произведена атака. Мнѣ остается сообщить вамъ кое-какія свѣдѣнія, собранныя въ Вѣнѣ, благодаря офиціальной и секретной корреспонденціи императорскаго правительства. Его величество совершенно правъ такъ же, какъ и вашъ достойный начальникъ, генералъ Макъ, что непріятель собирается выйти именно изъ Чернаго Лѣса. Движенія, которыя ваши

ближайшіе ведетты обозначили, отвѣчаютъ тѣмъ, какія ожидалъ императоръ. Достаточно вамъ сказать, что нашъ государь, зная цѣну арміи, которою вы командуете, и силу вашей позиціи, вполнѣ уповаетъ на благопріятный результатъ. Чтобы подтвердить эту высочайшую надежду, я буду вамъ очень благодаренъ, если вы скажете мнѣ точно, какимъ опредѣленнымъ наличнымъ составомъ вы можете располагать для сраженія.

Генералъ Кленау, не произносившій еще ни слова, при этомъ вопросѣ навострилъ уши.

— По моему мнѣнію,—продолжалъ псевдо-Калькнеръ,—французскій узурпаторъ не можетъ переплыть Рейнъ съ войскомъ болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ. Это, должно быть, все, что онъ могъ отозвать въ такое короткое время изъ арміи, находящейся въ Булони и собранной противъ Англіи. Если у васъ столько же войска здѣсь или даже немного меньше, то, когда будутъ посланы силы укрѣпленному лагерю, наше положеніе будетъ превосходно. Сколькими пушками владѣете вы? Сколькими саблями? Сколькими штыками?

Макъ открылъ ротъ, чтобы отвѣчать, а эрцъ-герцогъ, остававшійся всегда оптимистомъ, принялся съ обычной любезностью считать силы, находящіяся подъ его номинальнымъ начальствомъ, какъ неожиданно грубый голосъ фельдмаршала Кленау раздался въ первый разъ.

— Меня удивляетъ,—сказалъ онъ,—что главный интендантъ, посланный государемъ, не имѣетъ понятія о положеніи дѣлъ!... Во всякомъ случаѣ, я со своей стороны подаю голосъ противъ того, чтобы ему сдѣлали сообщенія по этому предмету. Подобныя вещи должны храниться въ тайнѣ, и если бы мой отецъ былъ еще живъ и предложилъ бы подобный вопросъ, то, несмотря на его мольбы, я отвѣтилъ бы ему: нѣтъ!

Это «нѣтъ» было произнесено такимъ тономъ, что Шульмейстеръ, несмотря на свой апломбъ, немного всполошился. Онъ чувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Но самое важное — онъ понялъ въ то же время, что его достоинство не допускаетъ пятиться назадъ, послѣ того какъ онъ подвинулся настолько. Императорскій авторитетъ, представителемъ котораго онъ явился въ совѣтъ, не допускалъ, чтобы онъ теперь отступалъ отъ требованія справокъ, въ которыхъ ему уже отказали. Съ другой стороны, замѣчанія Кленау были настолько справедливы, что поразили всѣхъ членовъ совѣта. Многіе изъ нихъ стали относиться съ недовѣрчивостью, правда, запоздалой къ дерзкому незнакомцу, передъ которымъ они такъ свободно высказывались.

Какъ быть?...

Шульмейстеръ всталъ, не выказывая своего безпокойства, которое овладѣло имъ при мысли о возможныхъ и неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ его ужаснаго предпріятія. Одно слово, одинъ неосто-

рожный жестъ могутъ его выдать, и все это значительное число довольно сильныхъ генераловъ могутъ схватить его безъ всякой посторонней помощи. Кромѣ того, они могутъ позвать одного изъ гвардейцевъ и запрятать его въ тюрьму, гдѣ недолго ему придется ожидать рѣшенія своей судьбы.

Онъ взглянулъ, между тѣмъ, привѣтливо улыбаясь, на Кленау. Затѣмъ его глаза пробѣжали по внимательнымъ, но безстрастнымъ лицамъ другихъ генераловъ. Послѣ этого онъ взялъ со стола свою шляпу и перчатки и произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

— Въ добрый часъ! Съ удовольствіемъ вижу, что всѣ здѣсь исполняютъ свой долгъ и говорятъ лишь то, что должны сказать. Его величество узнаетъ это. До свиданія, господа!

И, склонясь передъ эрцъ-герцогомъ, онъ прибавилъ:

— Ваше высочество, позвольте вамъ выразить мое глубочайшее почтеніе.

Въ свою очередь Макъ тоже всталъ. Остальные генералы въ подражаніе ему задвигали стульями. Шульмейстеръ сдѣлалъ граціозное движеніе, выражавшее просьбу не безпокоиться о немъ, и, замаскировавъ свое бѣгство, подъ личиной самой учтивой поспѣшности, онъ ловко повернулся на каблукахъ, открылъ дверь и вышелъ.

Только что успѣлъ онъ выйти за дверь, какъ услышалъ позади себя шумъ голосовъ, какъ будто его уходъ прервалъ очарованіе и раскрылъ глаза самымъ слѣпымъ. Всѣ генералы заговорили разомъ, а среди неясныхъ криковъ можно было различить грубый голосъ Іелашиша, кричащаго слѣдующія слова:

— Говорю вамъ, что это—интриганъ, а, можетъ быть, шпіонъ!

Шульмейстеръ не останавливался, чтобы подслушать болѣе. Передъ нимъ былъ путь, по которому онъ пришелъ, но ему было необходимо его избѣгнуть. Направо, въ концѣ коридора стоялъ караулъ, вслѣдствіе чего онъ направился черезъ лѣвый коридоръ. Опасаясь, что его могутъ увидѣть, онъ шелъ мелкими старческими шагами, но въ то же время съ быстротой юноши, потому что ему надо было спасаться. Шульмейстеръ бросился въ сторону, гдѣ находились частныя комнаты. Здѣсь онъ вышелъ въ пустую буфетную, въ концѣ которой открывалась дверь въ столовую; за ней слѣдовали двѣ гостиныя и еще одна комната. Онъ бросилъ въ уголъ свою шляпу, перчатки, шпагу и свое платье, обшитое галунами и увѣшенное крестами. Открывъ шкапъ, гдѣ висѣлъ длинный коричневый сюртукъ, онъ взялъ его, повѣсивъ вмѣсто него свой парикъ. Одѣтый въ эту миролюбивую одежду, со старой поярковой шляпой на головѣ, онъ толкнулъ дверь и очутился на черной лѣстницѣ. Напѣвая въ полъ-голоса, онъ сталъ спускаться по ней, какъ вдругъ одинъ изъ лакеевъ, пересѣкшій ему дорогу, закричалъ:

— Добрый вечеръ, Вильгельмъ, веселись хорошенько!

На это онъ отвѣтилъ смѣясь:

— Благодарю!

Нижняя дверь была открыта на улицу. Въ этотъ моментъ, какъ онъ хотѣлъ проскользнуть черезъ нее, до его слуха долетѣлъ серебристый звукъ, казалось, сопровождавшій каждый его шагъ. Онъ опустилъ глаза и отодвинулся тотчасъ же въ тѣнь, позади порога. Это были его золотыя шпоры, продолжавшія звенѣть. Онѣ нахально выдавали фальшиваго офицера, скрывавшагося подъ одеждой горожанина. Онъ отцѣпилъ ихъ одну за другою и бросилъ въ незапертый погребъ. Теперь онъ вышелъ спокойнѣе и пошелъ вдоль стѣны главной квартиры, направляясь, какъ можно осмотрительнѣе, къ гостинницѣ, не безъ того, чтобы бросить взглядъ въ сторону солдатъ, стоявшихъ на караулѣ у дверей дворца.

Окна залы совѣта были открыты, осунувшееся лицо генерала Мака склонилось съ одной стороны, громадные усы Іелашиша висѣли по другую сторону. На второмъ планѣ виднѣлись волновавшіяся высокія фигуры. Нѣкоторые изъ прохожихъ съ удивленіемъ смотрѣли на волненіе предводителей войны. Караулъ не могъ удержаться, чтобы не поднять глазъ наверхъ съ цѣлью разгадать, что происходитъ наверху.

Затѣмъ поднялся шумъ, крикъ слугъ и солдатъ, безумно спѣшившихъ къ дверямъ. Караулъ взялся за оружіе; раздалась команда.

Шульмейстеръ разсудилъ, что будетъ благоразумнѣе проникнуть въ парикмахерскую, находящуюся по дорогѣ. Онъ усѣлся передъ мыльницей, гдѣ еще лежалъ остатокъ мыла; заложилъ за воротникъ полотенце, лежащее около него на креслѣ, и намылилъ себѣ душистой мыльной пѣной нижнюю часть лица отъ носа до горла.

Къ нему приблизился одинъ изъ служащихъ съ бритвою. Онъ съ видимой симпатіей смотрѣлъ на горожанина, избавившаго его отъ одной части его обязанностей. Шульмейстеръ протянулъ ему правую щеку, и когда, нѣсколько минутъ спустя, по улицѣ прошла среди восклицаній однихъ и вопросовъ другихъ толпа солдатъ, пущенная въ погоню за какимъ-то невидимымъ бѣглецомъ, онъ спокойно спросилъ его:

— Что это такое?

— Не знаю, сударь. Вѣроятно, бѣгутъ въ догонку за воромъ.

Въ этотъ самый моментъ въ дверяхъ показался полицейскій, онъ осмотрѣлъ хозяина, служащихъ и кліентовъ, сдѣлалъ насмѣшливую грамасу при видѣ на половину бѣлаго, на половину краснаго лица самого эксъ-интенданта Калькнера и продолжалъ свой путь.

III.

Шульмейстеру удалось избѣжать большой опасности. Но и теперь, измѣривъ ее, онъ не сожалѣлъ, что подвергся ей. Въ общемъ, благодаря этому безумно смѣлому шагу, онъ собралъ свѣдѣнія объ истинномъ намѣреніи генерала Мака. Никакія развѣдки не могли бы снабдить его такими цѣнными справками. Благодаря имъ, онъ узналъ, кто изъ генераловъ, командующихъ дивизіей или бригадой, яснѣе верховнаго начальника арміи видитъ это дѣло. Запасшись такими свѣдѣніями, онъ могъ, съ одной стороны, составить полный планъ похода, чтобы исполнить порученіе Наполеона, съ другой—передать ему, какъ только представится случай, полезныя свѣдѣнія.

Только... онъ вдругъ сообразилъ, что ему невозможно вернуться теперь въ гостиницу «Зеленаго Дерева». Его тамъ видѣли въ двухъ видахъ, въ двухъ различныхъ костюмахъ, и, конечно, главный штабъ, наведя справки относительно его дерзкаго предпріятія, найдетъ тамъ съ перваго шага цѣнныя доказательства.

— Не считая того,—сказалъ онъ себѣ,—что Рульскій и Вендъ попадутся, если я не предупрежду ихъ тотчасъ же!..

Едва онъ сдѣлалъ это заключеніе, какъ поднялся съ кресла, на которомъ помощникъ парикмахера со всевозможными предосторожностями водилъ бритвой по его лицу. Послѣдній съ удивленіемъ взглянулъ на него, когда онъ подходилъ къ умывальницѣ, наполненной водою, и, намочивъ лицо, вытеръ его однимъ движеніемъ руки. Положительно этотъ кліентъ какой-то оригиналъ: самъ намыливается и самъ смываетъ мыло, подумалъ помощникъ парикмахера. Шульмейстеръ, прежде чѣмъ выйти, бросилъ на конторку большую серебряную монету, а другую, поменьше, вручилъ за труды помощнику.

Тотчасъ же удивленіе послѣдняго перешло въ благодарность.

— Ну, что, хозяинъ! Вотъ такъ торопится!—воскликнулъ помощникъ главнаго артиста-парикмахера.

— Заплатилъ ли онъ?—спросилъ главный артистъ.

— О, да! Да еще какъ широко!..

— Ну, такъ добрый путь!

Не успѣлъ Шульмейстеръ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ, къ его удивленію, какая-то молодая женщина приблизилась къ нему. Это была блѣдная брюнетка, одѣтая, какъ горожанка, но съ поддѣльнымъ изяществомъ. На ея головѣ была накинута темная шаль и завязана узломъ вокругъ плечъ. Она защищала ее противъ холода въ этотъ печальный осенній день и въ то же время скрывала ея лицо.

Черты ея лица были очаровательны, но выраженіе ихъ казалось необыкновенно жесткое. Въ эту минуту она улыбалась, что придавало ей насмѣшливый видъ. Ея живые, блестящіе глаза, на самомъ дѣлѣ, должно быть, не имѣли понятія о наивности и нѣжности, а знали только насмѣшки и, можетъ быть, злобу. Она подошла и дотронулась безъ всякаго стѣсненія до руки этого рыжаго человѣка въ широкой шляпѣ и въ черномъ дорожномъ плащѣ, поспѣшно вышедшаго изъ парикмахерской.

— Я искала васъ, сударь. Слѣдуйте, пожалуйста, за мною... О! не смотрите на меня такъ удивленно и не пробуйте разувѣрить, что я имѣю дѣло не съ ложнымъ Калькнеромъ, т. е. съ совершенно настоящимъ, живымъ Карломъ Шульмейстеромъ!.. По этому поводу позвольте мнѣ сдѣлать вамъ сейчасъ же комплиментъ: вы мастерски успѣли въ вашемъ предпріятіи. Ваши друзья очень безпокоились о васъ и немного о себѣ, благодаря дерзости вашего плана. Вы теперь отправитесь сообщить имъ подробности, предупреждаю васъ объ этомъ, такъ какъ они не думали, что вы выйдете живымъ отъ главнокомандующаго.

— Но, сударыня...

— Вы совершенно не правы, опасаясь, полноте! Если бы у меня были дурныя намѣренія, то, согласитесь сами, мнѣ было бы достаточно сдѣлать знакъ, чтобы васъ задержали, а такъ какъ, узнавъ васъ, я этого не дѣлаю, то вы должны же предположить...

— Чортъ возьми!—перебилъ шпіонъ, имѣвшій время обдумать все:—ясно, что вы наперсница одного изъ нихъ, Венда или Рульскаго. Впрочемъ, не все ли равно котораго. Я охотно послѣдую за вами, если вы идете къ одному изъ нихъ... Но кто это?

— Вендъ.

— А!.. это... вашъ другъ?

— Да.

— Хорошо, тогда идемъ! Кстати, мнѣ надо съ нимъ поговорить.

Разговаривая, они сдѣлали нѣсколько шаговъ по направленію къ мѣсту, гдѣ бѣгство Шульмейстера произвело нѣсколько минутъ передъ тѣмъ такой переполохъ. Теперь вокругъ главной квартиры снова воцарилось спокойствіе, но окна перваго этажа оставались открытыми. Отъ времени до времени въ нихъ показывалась фигура котораго нибудь изъ членовъ военнаго совѣта. Она, казалось, ожидала, не извѣститъ ли какое нибудь отдаленное движеніе на улицѣ о взятіи подъ арестъ бѣглеца.

— Если бы одинъ изъ этихъ генераловъ могъ отгадать, что вы идете въ эту минуту такъ близко около него, — сказала молодая женщина съ насмѣшкой, блеснувшей въ глубинѣ ея зрачка: — не думаете ли вы, что онъ отдалъ бы приказъ васъ арестовать?

Шульмейстеръ, не отвѣчая ничего, обернулся въ ея сторону. Онъ посмотрѣлъ на нее серьезно и даже почти строго. Въ самомъ

дѣлѣ, его черты приняли настолько довѣрчивое и даже мягкое выраженіе, какъ бы облагородились. Затѣмъ, искра блеснула въ его зрачкѣ, и онъ безо всякаго усилія или гримасы, а лишь съ помощью незамѣтной гимнастики личныхъ мускуловъ измѣнилъ совершенно лицо... Его спутница подумала, что около нея находится другой человѣкъ; она сдѣлала удивленный жестъ въ то время, какъ онъ наконецъ сказалъ:

— Такъ вы думаете, генералъ Макъ узналъ бы меня?

— О, нѣтъ,—возразила она съ восторгомъ... Я не воображала, что можно такъ обмануть мои глаза... А вы на это способны!..

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ, улыбаясь, Шульмейстеръ.

— Доротея.

— Такъ знайте же, Доротея, когда человѣкъ дуренъ собою, ему ничего не стоитъ измѣнять лицо. Красивыя же особы, какъ вы, не имѣли бы успѣха, такъ какъ слишкомъ дорого стоило бы испортить свое личико.

Этотъ ловкій человѣкъ держался принципа жить въ ладу со всевозможными союзниками и не пренебрегать никакой помощью. Если онъ не могъ дать денегъ, чтобы овладѣть мужчиной, то давалъ ему обѣщаніе; чтобы побѣдить женщину, онъ прибѣгалъ къ комплиментамъ, которые почти всегда играютъ роль ходячей монеты, очень хорошо принятой. Доротея не казалась исключеніемъ изъ общаго правила, а ея оживленная походка достаточно свидѣтельствовала, что она теперь исполняетъ съ удовольствіемъ порученіе служить проводникомъ такому обаятельному спутнику.

— Ну куда же вы ведете меня?—спросилъ ее Шульмейстеръ, нѣкоторое время спустя.—Я знаю домъ Венда: онъ не въ этой сторонѣ.

— Вы идете ко мнѣ,—отвѣчала она просто.—Вы найдете его тамъ.

— А къ вамъ, это?..

— Мой домишко находится около вала; я живу съ отцомъ и братомъ, но ихъ теперь тамъ нѣтъ.

— Гдѣ они?

— Они ушли по дѣламъ поручика.

При этомъ она сдѣлала неопредѣленный жестъ, какъ бы указывая на окрестности города или очень отдаленную мѣстность.

— А!.. Такъ ваши родители служатъ Венду?

— Да. Я тоже служу ему.

— Какъ! Онъ не боится подвергать васъ опасности?

При этихъ словахъ раздался ея звонкій смѣхъ:

— Боится ли онъ или нѣтъ, это безразлично, потому что я сама не боюсь.

— Но онъ могъ бы избавить себя отъ этого...

— Нѣтъ, онъ не могъ бы это сдѣлать! Онъ знаетъ только то, что я ему говорю. Всѣ справки, которыя онъ носитъ эрцъ-герцогу,

я доставляю ему. Женщина можетъ итти вездѣ, видѣть все и угадать то, чего она не видитъ. Мужчина—не можетъ! Я знаю только одного васъ, который стоилъ бы женщины съ этой точки зрѣнія.

По мнѣнію Доротеи, это былъ лучшій комплиментъ, какой только она могла сдѣлать Шульмейстеру. Онъ понялъ это...

Однако они подходили къ цѣли ихъ пути. Загадочное созданіе внезапно остановилось и знакомъ попросило спутника обождать ее. Затѣмъ она проскользнула въ дрянной переулокъ, гдѣ исчезла почти тотчасъ.

Она недолго отсутствовала. Несмотря на приближавшуюся ночь, онъ вскорѣ замѣтилъ ея тонкій силуетъ, выдѣлившійся изъ тѣни переулка. Онъ повиновался безъ колебанія ея нѣмому знаку, который она дѣлала, приглашая его слѣдовать за собою.

Едва они сдѣлали вмѣстѣ двадцать шаговъ между глухими стѣнами, какъ она остановилась и, обернувшись къ нему, тихо сказала, положивъ руки на его плечи:

— Мнѣ надоѣло работать съ Вендомъ! Хотите, я буду вамъ служить?..

Нашъ герой не былъ фатомъ, тѣмъ менѣе глупцомъ, и потому, когда онъ услышалъ это неожиданное предложеніе, его первая, скорѣе единственная мысль была: «Эта красивая дѣвушка увидѣла деньги, которыя я далъ ея другу: она думаетъ, что ея прямая выгода— имѣть дѣло лично со мною». И онъ тотчасъ рѣшилъ не колеблясь, какъ поступить: «Она не нужна мнѣ; одному лучше дѣйствовать»... Ни одной секунды онъ не подозрѣвалъ въ сдѣланномъ предложеніи женскаго аванса. Но все-таки онъ отвѣтилъ громко, въ добродушномъ, нѣсколько насмѣшливомъ тонѣ:

— Увѣрены ли вы, что служба у меня вамъ не надоѣстъ еще скорѣе, чѣмъ у поручика?

— Я въ этомъ увѣрена!

И она продолжала со страннымъ лихорадочнымъ волненіемъ, отъ котораго минутами ея голосъ становился хриплымъ:

— Да, да, я знаю, что моя просьба вамъ кажется безумной, это совершенно естественно, потому что вы не знаете меня... Едва прошло пять минутъ, какъ я заговорила съ вами впервые... Вы теперь знаете, что моя жизнь связана съ человѣкомъ, которому вы платите за измѣну правительству. Это не служитъ мнѣ рекомендаціей,— я съ этимъ согласна. Но выслушайте меня минуту, одну минуту. Клянусь, что это не будетъ долго... Человѣкъ, котораго вы снова увидите, ничего не стоитъ, ничего, слышите ли вы! Это картежникъ, пьяница и подлецъ! Довольно я давала ему моей молодости и ума. Я стою болѣе этого низкаго ремесла.

Шульмейстеръ уже терялъ терпѣніе и сожалѣлъ, что напалъ на эту болтушку, заставившую его тратитъ даромъ время. Что ему въ сущности за дѣло, разсуждалъ онъ, если ей надоѣлъ Вендъ?

Развѣ онъ знаетъ ее хорошо? Извѣстно ли ему, откуда явилась она, и чего она стоитъ?.. Вѣроятно, размышляя такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ легкое движеніе, которое выразило его тайную мысль, безъ его вѣдома, потому что пальцы Доротеи оперлись тяжелѣе на его плечахъ. Ея голосъ становился еще тоскливѣе, чѣмъ раньше.

— Знаете ли,—сказала она:—меня не смущаетъ, что приходится все наблюдать и все пересказывать, а я не довольна тѣмъ, что должна передавать этому человѣку все, что видѣла. Онъ продаетъ справки, которыя даю ему я! Онъ живетъ насчетъ угрожающихъ мнѣ опасностей!.. Я ненавижу его. Я чувствую, что вы помогаете друзьямъ, или боретесь съ противниками, но во всякомъ случаѣ вы служите идеѣ, убѣжденіямъ, дѣлу, страсти... Не правда ли?.. Кромѣ того, вы храбры: вы отправились сегодня одинъ въ сборище вашихъ непріятелей. Когда я встрѣтила васъ, вы могли бы испугаться... Другой на вашемъ мѣстѣ пришелъ бы въ ужасъ, чувствуя, что его преслѣдують, какъ это было съ вами! Вы же остались хладнокровны. Затѣмъ вы показали мнѣ ваше могущество среди бѣлаго дня на васъ самомъ, измѣняя совершенно черты лица, какъ это вамъ было нужно.

— Возьмете меня, скажите? Вы увидите: я ловка, я также умѣю переодѣваться, когда это надо. Я буду передавать вамъ все, о чемъ вы пожелаете узнать... Если хотите, ничего не платите мнѣ; только бы я помогала вамъ, и я буду довольна!..

Пылкость ея просьбы удивила и слегка взволновала Шульмейстера. Онъ опасался, что ему предстоитъ банальное приключеніе въ этомъ переулкѣ, куда онъ пришелъ, чтобы защищать интересы французскій арміи. Отдѣлываться отъ него было трудно. Возможно ли, размышлялъ онъ, чтобы такимъ образомъ ему бросились на шею? Кромѣ того, какъ всѣ дѣйствительно смѣлые люди, онъ находилъ стѣснительными и смѣшными эти комплименты, обращенные къ его храбрости. Чтобы избавиться отъ ея назойливой фантазіи, Шульмейстеръ взялъ обѣ руки проводницы и, слегка похлопывая ими, сказалъ:

— Полно, полно!.. Вы слишкомъ пылки, чтобы я пріобщилъ васъ къ этому дѣлу, котораго вы даже не знаете! Оставьте, оставьте, мы поговоримъ объ этомъ позже. Необходимо, чтобы я повидалъ сейчасъ же вашего...

Она приложила свою руку къ его губамъ, чтобы помѣшать ему даже ночью, съ глазу на глазъ произнести слово, которое было у него въ мысляхъ. Это движеніе поразило его. Такая стыдливость, подумалъ онъ, и у такой женщины!..

Теперь она отошла отъ него и оставалась неподвижна.

Онъ кончилъ тѣмъ, что спросилъ ее тихо:

— Чего же вы хотите наконецъ? Чтобы я пользовался вашими услугами? Я ничего не ожидаю ни отъ васъ, ни отъ кого другого.

Мнѣ необходимо, чтобы я самъ устроивалъ мои дѣла. Чтобы я оставилъ васъ у себя? Но я не здѣшній и здѣсь не останусь. Если меня не схватятъ, я уѣду къ моей семьѣ, которая меня ожидаетъ далеко отсюда. Вы прекрасно видите, что меня надо оставить одного продолжать мой путь!... Дѣло идетъ о жизни Венда и Рульскаго, а также о моей.

При послѣднихъ словахъ Шульмейстера Доротея отодвинулась, давая ему дорогу. Она прижалась къ стѣнѣ, и когда онъ проходилъ мимо нея, то услышалъ, какъ она едва слышно прошептала:

— Все равно! Не забудьте все-таки, что я говорила вамъ, и, если вамъ когда нибудь понадобится, приходите ко мнѣ!

Она послѣдовала за нимъ совсѣмъ близко, и когда они пришли въ конецъ переулка, примыкающаго къ валу, то она остановилась передъ дверью низенькаго, маленькаго дома и сказала ему только:

— Войдите. Здѣсь.

IV.

Поручикъ Вендъ бросилъ какой-то особенный взглядъ, увидя, какъ отворилась дверь передъ вновь прибывшими. Онъ сидѣлъ, куря свою длинную трубку. Передъ нимъ стояла кружка пива. Вообще Вендъ велъ себя, какъ человѣкъ, чувствующій себя вездѣ, какъ дома. Онъ разстегнулъ свой мундиръ и, отцѣпивъ портупею, положилъ саблю на худой, шаткій комодъ. Утромъ, дѣлая вмѣстѣ съ Доротеей покупки, онъ показалъ ей на улицѣ Шульмейстера. Посылая ее разыскивать Шульмейстера днемъ, онъ надѣялся, что она будетъ настолько ловка, что узнаетъ его, какъ бы онъ ни былъ переодѣтъ, и приведетъ къ нему. Но какой-то тайный инстинктъ заставилъ его теперь сожалѣть, что она имѣла такой успѣхъ.

Можетъ быть, у него были какіе нибудь тайные планы относительно этого агента, обладающаго золотомъ? Очень вѣроятно, что онъ находилъ нелишнимъ пошарить въ его карманѣ.

Но, тѣмъ не менѣе, онъ, несмотря на свои тайные виды, выказалъ ему много почтительности при встрѣчѣ.

— А! Я хорошо зналъ, что эта тонкая штука васъ отыщетъ.

— Дѣйствительно, очень тонкая,—отвѣтилъ лаконически Шульмейстеръ съ любезной улыбкой, относящейся къ молодой женщинѣ.—Будемъ говорить немного, но хорошо,—прибавилъ онъ тотчасъ.—Генералы сомнѣваются, что я съ ними продѣлалъ, и послали за мною погоню. Невозможно, чтобы они вскорѣ не узнали, что насъ видѣли вмѣстѣ сегодня утромъ: васъ, Рульскаго и меня. Вы не должны терять времени, чтобы ввести ихъ въ обманъ, выдавъ меня.

— Выдать васъ!...

— Ахъ, конечно! У васъ нѣтъ другого выбора. Разскажите имъ, что съ перваго взгляда я показался вамъ подозрительнымъ, и вы слѣдовали за мною, съ цѣлью задержать меня, предварительно побесѣдовавъ со мною довольно продолжительно. Но я перехитрилъ васъ и убѣжалъ Богъ знаетъ куда! Впрочемъ, вы можете предложить главнокомандующему, какъ залогъ вашей искренности и предвидѣнія, арестовать въ гостиницѣ мой багажъ... Вы найдете въ «Зеленомъ Деревѣ» одежду, которую я носилъ по прибытіи, и даже нѣкоторыя бумаги, не имѣющія важности. Другія я сохранилъ на себѣ. Что касается до моего счета, который не очень великъ, разсчитайтесь, пожалуйста, сами. Офицеру его величества императора Франца неприлично, чтобы его кормили на счетъ непріятеля.

— А вы,—спросилъ Вендъ, смотря на него какъ-то странно:—что вы будете дѣлать это время?

— Я? Я останусь здѣсь нѣсколько часовъ, потому что госпожа Доротея согласилась дать мнѣ убѣжище, и подожду, когда вы скажете мнѣ, что дороги свободны.

— Прекрасно устроилось!... Да, на самомъ дѣлѣ, такимъ образомъ, я покончу съ подозрѣніями, а вы немного позже убѣжите... Но скажите, вы говорили мнѣ о суммѣ денегъ, которыя вы хотѣли вручить черезъ нѣсколько дней...

— Такъ что же?

— Такъ это еще...

— Безъ сомнѣнія!... Только эти деньги надо заработать, какъ и тѣ.

— Ладно!... Но вы такъ скоро убѣжали, что, можетъ быть, не можете сдержать ваше обѣщаніе.

— О, будьте спокойны,—сказалъ агентъ:—мои деньги никогда меня не покидаютъ...

При этихъ словахъ Шульмейстеръ ударилъ по своему поясу съ спокойнымъ настроеніемъ кассира, увѣреннаго въ безопасности своихъ денегъ...

Доротея, прислонившаяся къ стѣнѣ съ самаго прихода въ комнату, теперь, поблѣднѣвъ вся, выпрямилась и безпокойно слѣдовала глазами за игрою физіономіи Венда. Она, казалось, читала, какъ въ открытой книгѣ, его самыя сокровенныя мысли.

Поручикъ не настаивалъ болѣе на разговорѣ и принялся, молча, снова застегивать свой мундиръ; затѣмъ, расправивъ рукою складки на тальѣ, онъ направился къ комоду, гдѣ лежала его сабля, какъ бы желая ее взять.

Въ то время, когда онъ повернулся спиною, молодая женщина бросилась между нимъ и агентомъ. Проходя она схватила руку своего гостя и знаменательно пожала ее.

Шульмейстеръ не успѣлъ даже спросить ее, почему она такъ поступаетъ, какъ внезапно увидѣлъ черезъ плечо повернувшееся къ нему блѣдное, искаженное лицо Венда. Поручикъ держалъ въ рукахъ заряженный пистолетъ... Достаточно было взглянуть на него, и тотчасъ стало бы понятно, что только неожиданное вмѣшательство Доротеи удержало его отъ намѣренія убить Шульмейстера, неосторожно сознавшагося въ своемъ богатствѣ.

— Какая была бы удача,—раздумывалъ Вендъ,—какъ для начальника развѣдокъ императорской арміи, если бы, прилично обобравъ свою жертву, онъ могъ похвастаться въ главномъ штабѣ, что избавился отъ сомнительнаго шпіона! Какое геніальное средство выйти, такимъ образомъ, изъ дѣлъ и объяснить свои самые подозрительные поступки въ свою же пользу, если его будутъ обвинять въ преступленіи!

Вмѣшательство Доротеи уничтожило его планъ.

— Что ты дѣлаешь? — спросила она Венда послѣ трагическаго молчанія. — Отчего не оставишь ты этой игрушки въ карманѣ?... А! Я понимаю: ты, вѣроятно, хотѣлъ довѣрить ее мнѣ, прежде чѣмъ отправиться въ главный штабъ... Это недурная мысль! Положи пистолетъ на столъ... если хочешь, разряженнымъ!... Я могу неловко взять его и причинить несчастіе... Такъ! Превосходно!... Теперь, повѣрь мнѣ, что ты долженъ благодарить господина Шульмейстера. Во-первыхъ, за то, что онъ вознаградилъ тебя такъ щедро сегодня утромъ, во-вторыхъ,—что довѣрился тебѣ вечеромъ, а въ особенности за то, что онъ не замѣтилъ твоего послѣдняго поступка... Только не забудь, что безполезно появляться тебѣ здѣсь! Я не хочу, чтобы ты сюда возвратился. Я не знаю тебя! Я никогда тебя не знала! Можешь уходить... Ступай! Ты теперь свободенъ!...

Положивъ на столъ пистолетъ и снова застегнувъ портупею, Вендъ, дрожа отъ бѣшенства, а, можетъ быть, изъ боязни, съ минуту колебался, прежде чѣмъ выйти. Доротея не спускала съ него глазъ. Она сдѣлала быстрое движеніе и прикоснулась къ оружію—искусителю.

Шульмейстеръ, готовый на всѣ послѣдствія, скрестивъ руки, смотрѣлъ въ упоръ на измѣнника.

Вендъ, сдѣлавъ угрожающее движеніе, прошелъ, торопясь, около него. Но голосъ Доротеи раздался еще прежде, чѣмъ онъ вышелъ за порогъ.

— Сдѣлай, какъ тебѣ совѣтовали,—сказала она,—и не надѣйся возобновлять подъ другимъ видомъ того, что ты пытался сдѣлать здѣсь... у меня! Этотъ разъ я не пощадила бы тебя! Впрочемъ, знай: если случится съ моимъ гостемъ несчастіе, я убью тебя, какъ собаку. Ты знаешь, на что я способна, не правда ли? Ну, убирайся вонъ, подлецъ!

Но она не удовольствовалась, видя, что онъ вышелъ. Вооружившись пистолетомъ, который онъ оставилъ, она снова открыла дверь и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по переулку съ поднятою надъ головою свѣчею, слѣдила за его бѣгствомъ. Шульмейстеръ смотрѣлъ съ молчаливымъ удивленіемъ, какъ она дѣйствовала и подвергала себя опасности для него. Его жесткое сердце искателя приключеній всего болѣе защищено было отъ всевозможныхъ сентиментальныхъ впечатлѣній; оно питало нѣжность только къ тремъ слабымъ существамъ, окружавшимъ его: Бертѣ, Гансу и Лизбетѣ. Но какъ отказать въ небольшой благодарности за эту добровольную преданность, встрѣтившуюся неожиданно ему на дорогѣ?...

— Что я сдѣлалъ, чтобы заслужить ее? — спрашивалъ себя Шульмейстеръ.— Ничего.

Доротея возвратилась медленными шагами, поставила подсвѣчникъ на столъ и сказала, опустивъ глаза:

— Не надо, чтобы вы здѣсь оставались, господинъ Карлъ. Этотъ человѣкъ на все способенъ, я сказала вамъ уже объ этомъ!... Если онъ на всякій случай не бросился донести о васъ, то онъ навѣрно стережетъ васъ гдѣ нибудь въ уголку, чтобы предательски нанести вамъ ударъ сзади... Кто знаетъ, что онъ не будетъ бродить всю ночь вокругъ дома, чтобы выждать благопріятный случай? Я увѣрена, что онъ недалеко отсюда.

— Существуетъ ли другой выходъ отсюда? — спросилъ Шульмейстеръ.

— Да. Вендъ его знаетъ, но не имѣлъ еще времени запереть его отъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ... Послушайте. Сзади двери, которую вы видите тамъ, около комода, вы найдете узкую тропинку, перерѣзающую круговую дорогу... Надо итти по ней съ предосторожностью; въ концѣ десяти шаговъ находится пропасть крѣпостного рва въ тридцать футовъ глубины. По счастью, откосъ не очень обрывистъ, и съ нѣкоторой осторожностью можно безъ затрудненій достичь до дна рва. Я проходила часто тамъ!.. Достигнувъ глубины, вы пойдете немного вправо и найдете мѣсто, гдѣ легко подняться на другую сторону.

— Хорошо!—сказалъ Шульмейстеръ, беря свою шляпу.—Благодарю, Доротея! Я никогда не забуду, что вы сдѣлали для меня сегодня вечеромъ... Хотите вы протянуть мнѣ руку, какъ другу?..

— Нѣтъ,—возразила она глухимъ голосомъ.—Нѣтъ, я не хочу...

— Отчего?

Доротея больше не отвѣчала. Она оставалась молчаливая, неподвижная, съ опущенными руками, съ полузакрытыми глазами.

Шульмейстеръ съ минуту колебался, смущенный и даже немного взволнованный. Слѣдуетъ ли ему подойти къ ней, заставить ее объясниться, выказать ей болѣе расположенія, чѣмъ благодарности? Конечно, это честное созданіе, выказавъ столько благород-

ства и безкорыстія и даже жертвуя своей жизнью для него, заслуживаетъ горячихъ объятій.

Однако Шульмейстеръ не подошелъ къ ней. Онъ не понималъ, что говорилъ, что дѣлалъ. Онъ только прошепталъ едва слышно, почти неяснымъ голосомъ:

— До свиданія, Доротея!..

Затѣмъ медленно направился въ глубину комнаты и, открывъ маленькую дверь, вышелъ.

Тогда Доротея подняла глаза. Они были красные и блестѣли, какъ бы отъ незамѣтныхъ слезъ.

Она упала на стулъ и напрягла слухъ, чтобы разслышать въ ночной тиши удаляющіеся шаги Шульмейстера.

V.

Шульмейстеръ, несмотря на очевидное впечатлѣніе, которое произвела на него Доротея, когда онъ былъ у нея, не хотѣлъ слѣпо слѣдовать ея указаніямъ. Во-первыхъ, изъ принципа онъ слушалъ совѣты другихъ только наполовину. Для его ремесла это было вѣрнѣе. Во-вторыхъ, онъ предвидѣлъ затрудненія, какія ему теперь придется испытать, чтобы возвратиться въ городъ, если онъ теперь добровольно изъ него выйдетъ.

Онъ даже не спустился въ ровъ, прежде чѣмъ взять вправо на тропинку, ведущую въ деревню, какъ ему указывала Доротея. Напротивъ онъ пошелъ по гребню вала до ближайшей дороги. Она шла вокругъ жалкихъ лачугъ этого забытаго квартала, и онъ забрался по ней въ улицу, направляющуюся въ центръ старой части города.

Бредя такимъ образомъ, Шульмейстеръ размышлялъ. Не въ проигрышѣ ли онъ скорѣе, чѣмъ въ выигрышѣ, отъ только что совершившейся смѣлой выходки? Не скомпрометировалъ ли онъ серіозно результаты своего предпріятія?

Прежде всего вѣдь Вендъ хотѣлъ его убить, чтобы завладѣть его деньгами. Изъ этого можно вывести заключеніе, что этотъ почтенный поручикъ сдѣлается его отъявленнымъ врагомъ, потому что ему не удалось его убить.

Помимо этого во многихъ кварталахъ города его видѣли проходившимъ безъ гримировки и переодѣванія. Лакеи же гостиницы созерцали его въ военныхъ доспѣхахъ. Все это, вмѣстѣ взятое, препятствовало ему показываться въ Ульмѣ, по крайней мѣрѣ, пока онъ совершенно не преобразится.

Наконецъ, надо быть очень осторожнымъ и въ особенности воспрепятствовать Венду, а, можетъ быть, и Рульскому донести на него. Иначе онъ не будетъ въ состояніи имѣть доступъ къ главнокомандующему, такъ какъ Макъ узнаетъ о фальшивомъ Калькнерѣ.

— Чортъ возьми! Это очень сложно!

Да, но зато онъ теперь ясно видѣлъ игру непріятеля. Съ перваго раза ему удалось проникнуть въ самый центръ и имѣть возможность рыться въ совѣсти каждаго изъ офицеровъ. Развѣ не самое важное было для него узнать все точно? Такъ теперь это сдѣлано.

Что же касается до будущихъ затрудненій, то съ небольшой ловкостью и большой дозой дерзости можно будетъ ихъ преодолѣть.

Его затруднялъ не выборъ гримировки. Единственное существующее препятствіе, созданное Вендомъ, была обнаружившаяся враждебность. Колебаться же было нельзя; туда должны быть направлены всѣ усилія, и тамъ надо примѣнить всю его геніальную изворотливость.

Результатомъ этихъ размышленій Шульмейстера было рѣшеніе войти въ одну изъ подозрительныхъ гостиницъ, гдѣ онъ могъ не опасаясь сказать свое настоящее имя, если бы вздумали у него спросить.

Занявъ комнату, онъ тотчасъ заснулъ сномъ праведника. Такимъ образомъ посредствомъ полнѣйшаго отдыха онъ подготовился къ предстоящему дню сраженія.

На слѣдующее утро поручикъ Вендъ отправился въ главный штабъ со своимъ ежедневнымъ докладомъ, который онъ обдумывалъ всю ночь. Когда онъ явился туда, то нашелъ генерала Мака оживленно разговаривающимъ съ какимъ-то незнакомцемъ.

Послѣдній своей наружностью и походкой напоминалъ деревенскаго увальня, напротивъ его взглядъ былъ хитрый, а рѣчь ловка. Однако имъ, казалось, овладѣлъ гнѣвъ, доводившій его чуть не до апоплексіи. Генералъ слушалъ съ видимой благосклонностью всѣ его объясненія и, казалось, понималъ всю ихъ важность, но въ особенности наслаждался справками, добытыми отъ крестьянина.

— Идите сюда, идите, поручикъ!—закричалъ Макъ, какъ только замѣтилъ своего патентованнаго развѣдчика.—Васъ заинтересуетъ одинаково, какъ и меня, то, что этотъ человѣкъ сообщилъ мнѣ. Вы знаете его имя?

— Нѣтъ, генералъ, я не знаю его совсѣмъ.

— Его имя Карлъ Шульмейстеръ.

Если бы громъ разразился, и молнія упала у ногъ Венда, онъ не былъ бы сильнѣе пораженъ. Онъ какъ будто застылъ въ самой фальшивой позѣ, блѣдный, съ раболѣпной улыбкою. По окончаніи военнаго поклона его рука не повиновалась ему и не опускалась, оставаясь сложенной, кисть руки—открытой, а вытаращенные глаза, устремленные на Шульмейстера, выражали безуміе.

— Что съ вами, поручикъ? Отчего у васъ такое лицо! Такъ это не первый разъ, что вы слышите имя Шульмейстера?

— Честное слово, можно сказать, что поручикъ встрѣчалъ другого Шульмейстера!—замѣтилъ глухимъ голосомъ крестьянинъ.—Не будете ли любезны, генералъ, спросить его, не былъ ли у него вчера въ гостяхъ какой-то злой шутникъ, назвавшійся моимъ именемъ и взявшій мои деньги? Онъ хвастался тѣмъ, что можетъ купить всѣхъ окружающихъ васъ офицеровъ, которыхъ только захочетъ, и проникнуть въ главный штабъ. Кромѣ того, онъ хотѣлъ разсказать вамъ какую-то ложь относительно намѣреній Бонапарта.

— Вы понимаете, о чемъ васъ спрашиваетъ Шульмейстеръ?—сказалъ главнокомандующій, испытуя взглядомъ взволнованное лицо своего офицера.

— Я прекрасно слышу, что онъ сказалъ, но я не очень хорошо его понимаю.

— Не получили ли вы вчера предложенія одного человѣка подозрительнаго вида?.. Я долженъ думать, что нѣтъ, потому что вы ничего мнѣ объ этомъ не говорили. Говорите же наконецъ: предлагали ли вамъ денегъ за какое нибудь дѣло?

— Конечно, нѣтъ!—протестовалъ Вендъ на всякій случай.

— Такъ вы не имѣли вчера дѣла съ человѣкомъ, носящимъ имя Шульмейстера?.. Вы не помогали его переодѣванію, чтобы онъ могъ пройти къ офицерамъ, составлявшимъ военный совѣтъ?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Все это неправда!..

— Вы не знаете никого изъ товарищей, кто могъ бы сыграть эту роль?

— Никого, генералъ! Клянусь вамъ, никого!

— Нѣтъ надобности клясться, поручикъ, я вѣрю вамъ... Но объясните же мнѣ тогда, отчего имя этого честнаго человѣка васъ только что поразило до такой степени?

Вендъ мало-по-малу началъ овладѣвать собою. Разсужденія стали проявляться въ его мозгу... Онъ еще не зналъ, чѣмъ все кончится, но думалъ, что немного дерзости, и онъ можетъ выйти изъ этого положенія.

— Я давно знаю имя Шульмейстера,—сказалъ онъ:—но никогда не встрѣчалъ его лично. Мнѣ извѣстно, что этотъ человѣкъ—самый драгоцѣнный изъ агентовъ и самый надежный, которому начальникъ арміи можетъ поручить дѣло. Признаюсь, я не ожидалъ встрѣтить его такимъ... Вотъ отчего я такъ удивленъ.

— Благодарю васъ, поручикъ, за ваше доброе мнѣніе. Но признайтесь, что все-таки непріятно когда другой выдаетъ себя за меня!.. Боже мой!.. Боже, если бы я его зналъ!

— Наконецъ,—сказалъ Макъ,—Шульмейстеръ, котораго я никогда не видѣлъ, но только переписывался съ нимъ съ нѣкоторыхъ поръ, разсказалъ мнѣ, что одинъ изъ его прежнихъ развѣдчиковъ, послѣ того, какъ обобралъ его, назвался его именемъ и затѣмъ незамѣтно проникнулъ въ Ульмъ. Онъ опасается, что этотъ несчаст-

ный уже насъ обманулъ относительно намѣренія непріятеля. Я невольно сравнилъ то, что онъ разсказалъ, съ извѣстными фактами, свидѣтелемъ которыхъ я былъ вчера. Такъ вы положительно утверждаете, что ничего не знаете, не правда ли, поручикъ? Ваша исключительная роль, какъ начальника нашей развѣдочной службы, позволяетъ вамъ знать эти дѣла. Однако вы не знаете ихъ?

— Клянусь честью!

— Хорошо.

Макъ не прибавилъ болѣе ни слова. Что же касается крестьянина, онъ тоже молчалъ, но при этомъ поднялъ на Венда глаза, въ которыхъ презрѣнный мошенникъ прочиталъ съ быстротою молніи свой приговоръ: «негодяй!».

Но какъ онъ могъ угадать, что этотъ толстякъ съ угреватыми, красными щеками, съ волосами цвѣта кудели, съ тяжелыми ногами, съ красными руками (потому что онѣ были стянуты въ кисти очень тѣсными рукавами) былъ одно и то же лицо со вчерашнимъ Шульмейстеромъ? У послѣдняго напротивъ щеки были блѣдны, волосы цвѣта пламени, ноги сухія и нервныя, а руки бѣлыя.

Поручикъ видѣлъ, что главнокомандующій еще нѣкоторое время разговаривалъ съ хитрымъ страсбуржцемъ и даже сдѣлалъ множество замѣтокъ, слушая его. Самъ Вендъ держался въ сторонѣ, пока длилась бесѣда, изъ которой онъ не уловилъ ни слова. Его мысль, вернувшись къ вчерашнему дню, вызвала передъ нимъ ненавистное лицо «другого», котораго онъ давно зналъ подъ тѣмъ же именемъ, оставшагося наканунѣ вечеромъ съ Доротеей, въ маленькомъ домѣ, по сосѣдству со рвомъ.

Если въ эту минуту передъ нимъ былъ настоящій Шульмейстеръ, разсуждалъ Вендъ, кто же былъ тотъ самозванецъ, до послѣдняго дня обманывавшій его? Не онъ ли внушилъ Доротеѣ выгнать его и навѣрно послѣ насмѣхался надъ нимъ вмѣстѣ со своей сообщницей?

Генералъ Макъ, окончивъ разспросы и записываніе своихъ замѣчаній, вышелъ изъ кабинета и оставилъ однихъ, съ глазу на глазъ, вчерашнихъ сообщниковъ, а сегодняшнихъ враговъ. Тогда Вендъ принялся разсматривать во всѣ глаза странную фигуру, которую онъ видѣлъ впервые.

Онъ могъ вполнѣ доставить себѣ это удовольствіе, такъ какъ неизвѣстный приблизился въ его сторону, не прячась отъ дневного свѣта. Чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на него, тѣмъ менѣе его черты напоминали даже приблизительно черты его соперника.

По истинѣ Шульмейстеръ устроилъ все прекрасно, отъ грима и прически до одежды. Ему приходилось обманывать не только такого подозрительнаго старика, какъ главнокомандующаго, но и такого профессіональнаго развѣдчика, какъ полицейскій поручикъ. Онъ увеличилъ предосторожности, измѣнилъ всю свою особу, отъ своихъ привычекъ до жестовъ и до голоса.

Теперь, когда партія была выиграна, такъ какъ Вендъ, отрицая передъ начальникомъ свои отношенія къ Шульмейстеру, которыя легко было доказать, находился совершенно въ рукахъ послѣдняго, то можно было немного позабавиться.

Не говоря ни слова, Шульмейстеръ приблизился мелкими шажками къ презрѣнному Венду и принялся на него смотрѣть въ упоръ. Вдругъ Вендъ увидѣлъ, какъ крупныя розовыя щеки крестьянина начали понемногу таять и блѣднѣть. Въ свою очередь красныя толстыя руки становились внѣ рукава тоньше и бѣлѣе.

Можно было принять это зрѣлище за волшебное превращеніе живого существа, но сверхчеловѣческаго, имѣющаго возможность принимать, по своему желанію, различныя оболочки. Одна измѣненная черта лица естественно преобразовала другія. Такъ маленькіе, подмигивающіе глаза, какіе только что были у крестьянина на его раздутомъ лицѣ, теперь показались блестящими, громадными и страшными на костлявомъ, почти безъ кровинки синеватомъ лицѣ. Послѣднія быстрыя движенія закончило творчество. Правая рука вынула изо рта два широкіе шарика изъ пробки, помѣщенные между щеками и деснами, чтобы придать округленность щекамъ. Затѣмъ онъ быстро вытащилъ два ствола отъ перьевъ, завернутые въ вату, которые измѣняли форму носа, а лѣвая рука сорвала съ головы парикъ. Передъ Вендомъ появился человѣкъ, котораго онъ хотѣлъ наканунѣ убить. Онъ былъ попрежнему безмолвный, но уже не такой равнодушный и насмѣшливый, а напротивъ—страшный.

Первое движеніе Венда было ударить и бѣжать, въ крикахъ выражая свой доносъ и въ то же время свой ужасъ. Тогда рука Шульмейстера ударила его по плечу, и самый откровенный взрывъ смѣха, какого еще никогда не раздавалось въ старомъ Ульмскомъ замкѣ, остановилъ его покушеніе на насиліе и бѣгство. Но этотъ взрывъ шумнаго веселья опять смѣнился осторожностью.

— По правдѣ, не очень-то у васъ умны! — сказалъ Шульмейстеръ.—Генералы совѣщаются съ незнакомцами; добрые друзья, видѣвшіеся наканунѣ, не узнаютъ на другой день другъ друга... а агенты, обязанность которыхъ—давать справки со всего свѣта, не знаютъ даже, уважаютъ ли ихъ въ собственномъ быту.

Вендъ, услыша послѣднія слова, казалось, былъ готовъ наброситься на своего врага. На этотъ разъ порывъ былъ возбужденъ именно съ тою цѣлью, чтобы узнать, не скрывается ли случайно въ чувствѣ ненависти Венда какая нибудь ревность. Для этого Карлъ и рѣшился намекнуть на Доротею.

— Я извиняю всевозможныя глупости, если онѣ внушены истинной страстью,—сказалъ Шульмейстеръ, снова становясь серіознымъ.—Вы ошибаетесь, господинъ Вендъ, воображая, что я дѣ-

лалъ глазки этой славной дѣвушкѣ, которая проводила меня къ вамъ вчера. Возможно, что если бы вы обращались съ нею лучше, то она не подумала бы бросить службу у васъ и перейти ко мнѣ, потому что, сколько мнѣ извѣстно, я не Адонисъ. Вашъ гнѣвъ, позвольте вамъ сказать, такъ же глупъ, какъ неблагороденъ. Теперь дѣлайте, что хотите. Вы такъ хорошо маневрировали, что мнѣ нечего васъ болѣе бояться: довольно одного моего слова, чтобы васъ погубить. Мы находимся у людей которые должны были бы приказать разстрѣлять меня, потому что я обманываю ихъ. Васъ же надобно было бы повѣсить, потому что вы измѣняете имъ. Я слышу шумъ... Очень возможно, что насъ поставятъ сейчасъ на очную ставку, чтобы сравнить наши показанія и взвѣсить представленныя нами свѣдѣнія. Я увижу по вашимъ пріемамъ, чего я долженъ держаться. Не правда ли, вы хорошо предупреждены? Этого достаточно? Ахъ! я забылъ... еще одно слово: знаете, мои деньги все тамъ же!

При этихъ словахъ онъ ударилъ себя по животу. Дѣйствительно со вчерашняго вечера деньги находились все тамъ же, въ поясѣ. Онѣ были единственной вещью изъ его переодѣванья, отъ которой было невозможно такъ легко отдѣлаться и въ такой короткій срокъ.

Въ то время, какъ Вендъ, успокоенный и вмѣстѣ съ тѣмъ взволнованный отъ всего слышаннаго, казалось, взвѣшивалъ за и противъ, Шульмейстеръ проворно удалился въ глубину комнаты и мигомъ поправилъ безпорядокъ своего грима.

Когда отворилась дверь, шпіонъ императора снова устроилъ себѣ раздутое и хитрое лицо. Поручикъ стоялъ у окна и, казалось, былъ еще въ нерѣшительности, что ему предпринять.

Макъ возвратился, сопровождаемый эрцъ-герцогомъ Фердинандомъ и фельдмаршаломъ Кленау, тѣмъ самымъ, который почуялъ наканунѣ обманъ.

— Вотъ этотъ человѣкъ! — сказалъ имъ главнокомандующій, указывая на Шульмейстера:—и вотъ г-нъ Вендъ, котораго вы знаете, какъ и я. Допросите ихъ, какъ я это сдѣлалъ. Если я обманываюсь до послѣдней минуты, и изъ этихъ докладовъ, даже противорѣчащихъ другъ другу, вы не сдѣлаете формальнаго заключенія, то я соглашаюсь относительно мѣръ, какія предпримутъ генералы на совѣтѣ.

Затѣмъ начался допросъ.

VI.

Что же дѣлала Доротея въ то время, пока ея вчерашній гость находился такъ близко отъ нея, чего она не подозрѣвала? Несмотря на все невѣроятіе, онъ продолжалъ свою задачу, которая, какъ думала Доротея, была прервана бѣгствомъ.

При видѣ удаляющагося Шульмейстера, Доротея испытала странное смѣшанное чувство разочарованія и горя. Скромная дочь народа, на половину крестьянка, на половину работница, она попала въ объятія фальшиваго офицера, красавца и хвастуна. До тѣхъ поръ безропотно покорившись странному ремеслу, на которое ее осудилъ Вендъ, она сохранила, даже сама не зная, идеальныя наклонности, смутно обрисовывающіяся на днѣ ея сердца. Внезапно, послѣ долгаго забытья, эта еще не изгладившаяся мечта снова явилась къ ней.

Достаточно было ей сравнить отвагу неизвѣстнаго прохожаго, какъ Шульмейстеръ, съ ежедневной дрянностью, какъ Вендъ, рабою котораго была она, чтобы предусмотрѣть обстоятельства, которыя могли облагородить ея ремесло. Она видѣла, что можетъ искупить низость лжи смѣлымъ подвигомъ, ставъ лицемъ къ лицу съ опасностью. Ея воображеніе окончило остальное, и теперь ея сердце присоединилось къ нему.

Доротея искренно страдала, видя себя покинутой, но еще болѣе ее огорчало, что ее презиралъ человѣка, который былъ въ ея глазахъ героемъ. Она думала, что если Шульмейстеръ отвергъ ея сердце и молодость, то, безъ сомнѣнія, потому, что находилъ ее недостойной любви.

Тогда она спрашивала себя, почему она недостойна. Не потому ли, что принадлежала этому презрѣнному Венду? Но развѣ она не выгнала его позорно отъ себя? Развѣ этого не достаточно?

Но вѣдь она была молода и красива! Она знала, что можетъ внушить страсть. Она чувствовала, что можетъ привлечь и удержать человѣка, который ей понравится. И вдругъ, какъ живой протестъ, явился передъ нею Шульмейстеръ. Человѣкъ, котораго она такъ желала имѣть своимъ спутникомъ въ жизни, своимъ сообщникомъ, отвернулся отъ нея и удалился.

Этого было достаточно, чтобы Шульмейстеръ показался ея глазамъ полонъ очарованія, о которомъ онъ самъ и не подозрѣвалъ. Онъ снова явился передъ нею въ ея воображеніи, но уже не тѣмъ раздумывающимъ и внимательнымъ, какимъ она видѣла его въ началѣ встрѣчи, а благороднымъ и гордымъ, какимъ онъ покинулъ ее. Онъ не былъ болѣе холоднымъ до безразличія, какъ въ то время, когда она вела его къ себѣ, а осторожнымъ, сдержаннымъ и властелиномъ самого себя до героизма, какимъ онъ разстался съ нею. Обдумывая все, какъ она умѣла, согласно природной склонности своего ума и привычкѣ къ ея обычному ремеслу, она сказала себѣ: «я покажу, что необходима ему и могу быть полезна. О, я докажу ему!»

Во всю ночь она не сомкнула глазъ, мысленно разбираясь съ усиливающейся лихорадкой въ своихъ новыхъ планахъ и идеяхъ. Усталая, она наконецъ закрыла глаза, и ею овладѣлъ страхъ,

который перешелъ во время сна въ ужасъ. Она опасалась подпасть снова подъ иго Венда. Но, когда утромъ она проснулась и убѣдилась, что со стороны Венда не было сдѣлано никакой попытки попасть къ ней въ теченіе ночи, и дверь оставалась неприкосновенной, то ею овладѣла радость. Лучи сіявшаго солнца, бросавшіе на все отпечатокъ спокойствія и безразличія, обнаружили, что все осталось попрежнему, и увеличивали ея радостное настроеніе.

Выйдя изъ дома, она дѣятельно принялась разыскивать повсюду какихъ нибудь цѣнныхъ справокъ для Шульмейстера, съ которымъ она надѣялась вскорѣ снова увидѣться. При этомъ она заботливо избѣгала тѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчалась обыкновенно съ поручикомъ, и находилась его квартира. Однимъ словомъ, она наводила справки, оставаясь невидимой, и наблюдала за всѣмъ, не выдавая себя. Она никакъ не могла догадаться, что оба существа, въ которыхъ заключалась ея жизнь, были вмѣстѣ задержаны съ утра въ главномъ штабѣ и все изъ-за той же продолжавшейся между ними борьбы.

Она такъ углубилась въ свои мысли, что едва поняла причину внезапнаго движенія на торговой площади. Хотя съ точностью она ничего не могла опредѣлить, но знала, что въ городѣ произошло что-то новое. Не желая остаться одной дома, она рѣшилась итти, куда глаза глядятъ.

Она быстро встала и вышла черезъ маленькую дверь, гдѣ Шульмейстеръ прошелъ наканунѣ. Цѣпляясь за траву, она спустилась на дно рва и затѣмъ поднялась по знакомой дорогѣ съ другой стороны обрыва. Вскорѣ она очутилась въ пустынной деревнѣ. Здѣсь Доротея остановилась и принялась осматриваться въ темнотѣ. Она не знала, въ какую сторону должна итти завоевывать уваженіе и любовь своего несравненнаго владыки.

Но мало было надежды, что въ эту ночь она узнаетъ какія нибудь интересныя новости. Однако инстинктъ, никогда не обманывавшій ея, направилъ ея шаги къ деревнѣ, расположенной на лѣвомъ берегу Дуная, въ одной верстѣ разстоянія. Ея глаза мало-по-малу освоились съ темнотою, и ея вниманіе было привлечено едва замѣтными свѣтящимися точками, то пропадающими, то вновь появляющимися. Это было маленькое предмѣстье Вертингенъ, хорошо извѣстное ей. Съ этой стороны дома были расположены далеко другъ отъ друга у подножья холма.

Туда именно она и направилась. Чтобы достичь Вертингена, ей предстояло проходить черезъ поле со жнивомъ, перелѣзать черезъ заборы и избѣгать постовъ, разставленныхъ во всю длину дороги. Въ особенности она старалась обойти обширныя пространства, занятыя цѣлой австрійской дивизіей, которая теперь тамъ отдыхала. Этотъ отрядъ составлялъ часть корпуса, находящагося подъ прямымъ начальствомъ эрцъ-герцога Фердинанда, и стоялъ позади

Ульма. Со стороны Чернаго Лѣса онъ охранялся только нѣсколькими часовыми. Его начальники думали, что положеніе, занимаемое дивизіей, служитъ защитой противъ всевозможныхъ нападеній непріятеля. Благодаря этой увѣренности, десять тысячъ человѣкъ спали спокойно, не подозрѣвая, что мимо прошла одѣтая въ черное женщина, съ цѣлью хлопотать объ ихъ пораженіи.

Однако, послѣ многихъ обходовъ, она попробовала выйти на прямую дорогу въ Вертингенъ. Внезапно Доротея очутилась въ присутствіи ведетта, расположеннаго на легкомъ земляномъ скатѣ. Она слишкомъ поздно увидѣла гигантскую фигуру лошади и солдата и не успѣла скрыться отъ внимательныхъ глазъ часового.

Затѣмъ она услышала обычную фразу караульнаго: «wer—da?» Сначала эта фраза звучала безпокойно, а затѣмъ угрожающимъ тономъ. Однимъ прыжкомъ она бросилась въ тѣнь и хотѣла скрыться... Стукъ карабина, вскидываемаго на плечо, заставилъ ее сразу остановиться. Она легла въ траву. Однако, выстрѣлъ послѣдовалъ наудачу, проведя свѣтлую линію въ темнотѣ. Она встала и снова пошла къ краю дороги, гдѣ помѣщался караулъ, но не приближалась къ нему, а заботливо оставалась въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

— Что вы белены объѣлись? — закричала она смѣло...—Развѣ теперь не дозволяютъ болѣе ходить на свою работу или возвращаться домой?

— Отчего вы не отвѣтили? Кто вы? Куда идете? — спросилъ взбѣшенный кавалеристъ.

— Я иду изъ города и возвращаюсь въ Вертингенъ. Достаточно съ васъ этого?

— Скатертью дорога!

— Мнѣ только это и нужно.

Въ это время она услышала галопъ приближавшихся солдатъ Они явились, чтобы узнать о причинѣ тревоги. Доротея не дождалась ихъ и продолжала путь. Она шла согнувшись, чтобы ея не замѣтили. Вскорѣ вдали послышались голоса и лошадиный топотъ на той дорогѣ, по которой она проходила. Затѣмъ все стихло.

Она снова стала смотрѣть по направленію къ рѣкѣ. Теперь свѣтъ не казался болѣе одинокимъ. На склонѣ горы, покрытой лѣсомъ, казавшимся темнымъ пятномъ на сѣровато-голубоватомъ безлунномъ небѣ, выдѣлялись зажженные фонари. Они въ полномъ смыслѣ представлялись блуждающими огоньками, перебѣгающими взадъ и впередъ. Это освѣщеніе указывало на присутствіе многочисленнаго войска. Какимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы стрѣлять въ прохожихъ на дорогѣ, австрійскіе часовые, которыхъ она только что избѣжала, не примѣтили этого явленія?

Но внезапно всѣ огни погасли. Виднѣлись лишь два или три красныя мерцанья, очень отдаленныя другъ отъ друга. Они, очевидно, сосредоточивались въ центрѣ бивуаковъ.

Повидимому, войско, собравшееся вокругъ таинственныхъ огоньковъ, теперь совершенно окончило свое размѣщеніе. Они, какъ и австрійцы, тоже улеглись и будутъ ждать разсвѣта, чтобы снова пуститься въ путь.

Доротея ускорила шагъ, направляясь къ первымъ домамъ деревни. Никто не шевелился. Всѣ окна были темны, а дворы пусты. Дворовыя собаки не лаяли.

Было около одиннадцати часовъ ночи.

Только дверь одного дома, находящагося въ концѣ дороги около долины, ведущей къ первому лѣсу, была не заперта. Передъ нею стояла распряженная телѣжка. Двѣ ея пустыя оглобли поднимались къ небу, какъ двѣ молящія руки. На неосвѣщенномъ порогѣ дома виднѣлся высокій мужчина, облокотившись на наличникъ, и степенно курилъ трубку.

Молодая женщина шла по травѣ, чтобы не производить шума. При видѣ стоявшаго мужчины она внезапно остановилась. Замѣтивъ ея силуэтъ на зеленомъ бордюрѣ травы, мужчина вынулъ трубку изо рта и сталъ смотрѣть со вниманіемъ на ея черную фигуру. Ея внезапный приходъ оторвалъ его отъ размышленій о слышанномъ нѣсколько минутъ тому назадъ выстрѣлѣ.

Но кто это остановился передъ нимъ? Не бродяга ли?.. Или солдатъ?.. Женщина?.. Да! это, должно быть, женщина: вѣтеръ коснулся ея юбки, и она начала развѣваться, раздумывалъ онъ.

— Должно быть, крестьянка или какая нибудь служанка съ одной изъ фермъ отправляется на свиданіе?.. А, можетъ быть, запоздавшая работница? Просто это нищенка,—рѣшилъ онъ.

— Сударь, не можете ли дать мнѣ связку соломы и уголъ, гдѣ я могла бы заснуть до утра?—раздался изъ темноты молодой голосъ, обращаясь къ мужчинѣ.

— Я не у себя,—отвѣчалъ онъ.—Домъ пустъ, и я самъ съ семьею здѣсь ночую. Дѣлайте, какъ хотите. Я не могу ни принять васъ, ни отказать вамъ.

Доротея приблизилась. Мужчина отодвинулся отъ нея на нѣсколько шаговъ въ коридоръ, чтобы изъ предосторожности достать маленькій фонарь, свѣтъ котораго терялся въ стѣнѣ. Направивъ фонарь на молодую женщину, онъ убѣдился, что она не опасна ни ему, ни его спутникамъ.

Благодаря бѣглому освѣщенію, Доротея увидѣла передъ собою человѣка со строгими чертами лица, съ сѣдыми волосами, широкими плечами, сильными руками и съ худыми большими ногами...

— Съ этой стороны комната занята,—сказалъ импровизованный хозяинъ, указывая на дверь слѣва, передъ которой онъ стоялъ.— Но тамъ вы найдете комнату съ готовой постелью, на которой можете лечь,—сказалъ онъ, указывая на другую сторону.—Вѣроятно, живущіе въ домѣ спаслись бѣгствомъ нѣсколько часовъ тому назадъ, при видѣ приближающагося врага...

— Такъ непріятель близко отсюда?

Ничего не отвѣчая, высокій старикъ протянулъ руку по направленію горъ, покрытыхъ лѣсомъ, гдѣ Доротея видѣла свѣтъ.

— Но, значитъ, надо думать, вы не боитесь жить здѣсь, вблизи французовъ?—спросила она.

— А вы?—возразилъ онъ:—у васъ вѣрно есть дѣло до нихъ, если вы идете въ ихъ сторону?

— У меня!.. Я не знала...

Она прервала свою рѣчь, увидя, какъ въ медленно открывавшейся двери внезапно появилась ослѣпительная фигура женщины.

Какое таинственное могущество руководило этой встрѣчей... Былъ ли это случай, или непреложный инстинктъ, управляющій земными существами, безъ ихъ вѣдома?

Можетъ быть, это была воля Провидѣнія, опредѣляющая необходимыя связи въ дѣлахъ и располагающая по своей прихоти мнимою человѣческою несбыточностью.

Какимъ образомъ передъ смѣлой искательницей приключеній появилось это нѣжное созданіе, предназначенное только для любви?

Передъ самовольной и дерзкой сообщницей Венда, единственнымъ желаніемъ которой было завоевать мѣсто въ жизни Шульмейстера, замѣнивъ ему жену, нечаянно отворилась дверь, и въ ней появилась сама, законная жена Шульмейстера.

Да, это была дѣйствительность; циничная и наглая хохотунья Доротея стояла лицомъ къ лицу съ бѣлокурой, блѣдной и цѣломудренной Бертой.

Бертой?.. спроситъ читатель. Но какъ же она попала въ этотъ домъ? Какія послѣдовательныя событія, какія разочарованія или какое неожиданное увлеченіе привели ее къ воротамъ императорской крѣпости?..

Оффенбургскіе бѣглецы на самомъ дѣлѣ служили игрушкою событій, совершенно противоположныхъ ихъ планамъ. Эти неудачи начались, какъ только они покинули единственное убѣжище, гдѣ ихъ спокойствіе было гарантировано.

Въ первый же вечеръ своего отъѣзда они были остановлены въ самомъ сердцѣ горъ, Гегенбахѣ. Начиная со слѣдующаго дня, имъ пришлось испытывать общую панику. Неизвѣстно, откуда явившееся извѣстіе, что кавалеристы принца Мюрата снуютъ во всѣхъ дефилеяхъ Чернаго Лѣса, причинило эту суматоху.

Узнавъ эту новость, они немедленно поспѣшили въ Оппенау, чтобы достичь послѣ двухъ долгихъ приваловъ Фрейденштадта, расположеннаго при входѣ двухъ большихъ равнинъ Вюртемберга.

Тамъ они натолкнулись на первые нѣмецкіе полки. Безжалостные приказы на военныхъ границахъ заставили ихъ бѣжать еще далѣе, какъ и всѣхъ объятыхъ страхомъ жителей, на другую сторону стратегической черты.

Настроеніе было у всѣхъ различное. Родекъ проклиналъ судьбу, маленькая Лизбета надувала губки или смѣялась. Гнѣздилась ли она въ уголку телѣжки, своего неотъемлемаго владѣнія, или собирала она дѣтски-неловкимъ, но очаровательнымъ жестомъ запоздавшіе цвѣточки на опушкѣ дороги, она все время оставалась свѣженькая и розовая.

Берта, блѣдная и печальная, казалось, была поглощена созерцаніемъ какого-то невидимаго предмета и погружена въ неотвязную мысль. Она во что бы то ни стало хотѣла присоединиться къ мужу, убѣжать къ нему и больше никогда, никогда не покидать его.

Единственный Гансъ, или Жанъ, какъ она теперь его попеременно звала, былъ доволенъ ежедневной перемѣной странъ. Онъ былъ счастливъ, что направляется все дальше къ новому горизонту. Мальчикъ смотрѣлъ на людей и на вещи съ тою восхитительной чистотою молодыхъ глазъ, когда всѣ видѣнныя сцены не запечатлѣваются надолго, но зато рисуются въ обаятельныхъ краскахъ. Въ этихъ юныхъ глазахъ холмы становятся горами, ручейки—рѣками, букеты цѣлыми—рощами, а рощи—первобытными лѣсами. Прохожихъ, даже просто бѣдняковъ, идущихъ самымъ прозаическимъ образомъ на ихъ занятія, они принимаютъ или за героевъ и воровъ, или за убійцъ и освободителей...

Если бы ему дали волю, онъ безконечно шелъ бы пѣшкомъ около телѣжки, какъ это дѣлалъ при отъѣздѣ. Только, по принужденію, онъ иногда садился въ телѣжку, чтобы отдохнуть. Затѣмъ Гансъ останавливался передъ каждымъ отрядомъ солдатъ, чтобы ихъ подробно разсмотрѣть. Онъ изучалъ съ серьезнымъ видомъ, не подходящимъ къ его лѣтамъ, лица, мундиры и оружіе, какъ кавалеристовъ чужеземнаго вида, венгровъ и кроатовъ, такъ и простыхъ бѣлыхъ и синихъ саперовъ, у которыхъ на ихъ странныхъ киверахъ виднѣлись спереди мѣдныя бляхи съ двуглавыми орлами. Изъ-за этого наблюденія онъ опаздывалъ; Берта принуждена была его звать и бранила за это...

Тогда онъ возвращался къ ней и съ нѣжной улыбкой обнималъ «маму Берту», выпрашивая себѣ прощеніе. Но стоило показаться новому полку, и онъ снова забывался.

Странное наслѣдіе безсмертной мысли! Оно заставляетъ души одной и той же расы слѣдовать по той же дорогѣ и раздѣлять одинъ и тотъ же вкусъ вѣка за вѣками. Можно сказать, что кровь, переходя изъ вены въ вену, какъ рѣка съ неистощимыми волнами, извлекаетъ съ собою изъ среды предшествовавшихъ поколѣній разнообразный грузъ идей и мечтаній. Этимъ грузомъ всѣ жизненные путники владѣютъ въ свою очередь.

Гансъ смотрѣлъ на марширующихъ солдатъ, какъ будто онъ назывался Жаномъ Бурбономъ, принцемъ Конде!...

Такимъ образомъ, проклиная, щебеча, мечтая или разсматривая,

путешественники кончили тѣмъ, что достигли ближайшихъ къ ульмскому укрѣпленному лагерю постовъ. Въ виду атаки французовъ на той дорогѣ, гдѣ ѣхали путешественники, генералъ Макъ отдалъ приказъ обязывать всѣхъ не сражающихся освободить мѣстность по сю сторону. Слѣдовательно необходимо было объѣхать всѣ позиціи арміи, прежде чѣмъ приблизиться къ городу по восточной дорогѣ. Ночь застала Берту съ дѣтьми и Родекомъ при въѣздѣ въ неизвѣстную деревню. Здѣсь они нашли покинутую всѣми ферму. Они видѣли, что ѣхать дальше было невозможно, и имъ предстояло отложить до другого дня окончаніе путешествія.

VII.

Это—странный, невѣроятный фактъ, однако онъ доказанъ множествомъ примѣровъ, что наша симпатія чаще всего направляется къ личностямъ, которыхъ было бы нужно избѣгать. Въ этихъ случаяхъ наше сердце измѣняетъ нашимъ интересамъ, и насъ побуждаетъ какая-то таинственная сила любить того, кто насъ побѣждаетъ, или кто будетъ намъ вреденъ.

Такимъ образомъ чистота находитъ очарованіе въ цинизмѣ, а развратъ зато чувствуетъ искреннее влеченіе къ добродѣтели. Честныя женщины оказываются упорно великодушными къ «этимъ женщинамъ» и не изъ любви къ ближнему, а просто по склонности. Вы нерѣдко увидите наглыхъ искательницъ приключеній, преклоняющихся низко передъ святыми женщинами, но не въ надеждѣ обмануть кого бы то ни было насчетъ себя, а какъ бы пользуясь случаемъ оправдаться передъ своей собственной совѣстью.

По этимъ-то именно чертамъ узнается истинное цѣломудріе и порокъ, лишенный лицемѣрія. Пусть они созерцаютъ оба безъ ненависти: послѣдній—героевъ воздержности, а первое—поклонниковъ самаго низкаго распутства.

Доротея еще не успѣла взглянуть на Берту, а уже полюбила ее.

Она ничего не знала объ этой женщинѣ: ни ея имени, ни лѣтъ, ни ея мыслей, ни привязанности, ни цѣли ея путешествія, ни впечатлѣнія, какое произвело на нее собственное лицо Доротеи. Однако она чувствовала къ этой незнакомкѣ сердечное влеченіе, что вскорѣ перешло въ застѣнчивую нерѣшительность.

Нѣжный взглядъ Берты, который только что ласкалъ ея глаза, возбудилъ въ ней желаніе плакать.

Ей тотчасъ пришла мысль, чѣмъ бы она могла услужить этой незнакомкѣ. Она явилась передъ нею такъ неожиданно послѣ длиннаго пути среди ночной тьмы, и Доротея наивно любовалась ея прелестнымъ лицомъ.

Она смотрѣла на нее молча, не находя, что сказать.

Въ свою очередь Берта разсматривала съ видимой симпатіей ея лицо, на которомъ сверкали два красивые блестящіе глаза. Эта встрѣча среди ночи, въ затерянной деревнѣ, съ красивой праздношатающейся женщиной, въ скромномъ и чистомъ платьѣ, съ виду такой честной, была неожиданнымъ сюрпризомъ для Берты. Если бы она слушалась только своего перваго сердечнаго движенія, то немедленно широко открыла бы дверь своей комнаты и заставила бы ее войти.

Однако онѣ продолжали, молча, разсматривать другъ друга.

Вдругъ изъ полураскрытой двери раздался тихій стонъ спящаго ребенка. Берта обернулась и стала прислушиваться. Доротея наклонилась впередъ. Когда стоны перестали раздаваться, жена Шульмейстера снова стала разсматривать незнакомку, и ихъ обѣ головы приблизились, руководимыя общимъ интересомъ.

— Это ваши дѣти?—спросила Доротея.

— Да,—тихо отвѣтила Берта.

— Бѣдныя крошки! Хорошо ли имъ, по крайней мѣрѣ, спать?

— О, да, посмотрите.

И Доротея вошла въ комнату.

Съ тѣхъ поръ, какъ она вошла въ домъ, Родекъ смотрѣлъ на нее подозрительно и вслушивался въ ея разговоръ. Послѣ того, какъ старикъ, вѣроятно, убѣдился, что со стороны незнакомки ничто не угрожаетъ ни Бертѣ, ни дѣтямъ, онъ безъ шума возвратился исполнять свой караульный постъ. Вскорѣ обѣ женщины сѣли въ комнатѣ другъ противъ друга, невдалекѣ отъ большой постели. На ней спали совсѣмъ одѣтыми оба ребенка.

— Еще очень далека дорога, ведущая въ Ульмъ?

— Нѣтъ, я ушла оттуда сегодня вечеромъ, около девяти часовъ... А теперь только что полночь. Вы видите, что это недалеко.

— А вы не боитесь ходить одна по дорогамъ?... Куда же вы идете?...

— Я пришла именно сюда, въ Вертингенъ... Вы, кажется, удивлены. Вы не знаете названія этой деревни?

— Совсѣмъ не знаю. Когда мы пріѣхали, уже никого здѣсь не было, чтобы дать справки. Эта ужасная война пугаетъ и заставляетъ всѣхъ бѣжать... У васъ, безъ сомнѣнія, есть родители, друзья, которые живутъ въ этой сторонѣ?

— Здѣсь близко... Да.

— Вы должны безпокоиться о нихъ, не правда ли?

— Я? Почему?

— ...Но, чтобы прійти ночью?...

— О! безпокоиться, нѣтъ... Но шли дурные слухи, и я хотѣла видѣть...

— Простите меня! Я разспрашиваю васъ... Какъ васъ зовутъ?

— Меня зовутъ Доротеей. А васъ?

— Меня? Берта.

— Это вашъ отецъ, который караулитъ васъ у двери?

— Нѣтъ, это другъ моего мужа.

— А!... правда, вы замужемъ...

И шальная молодая дѣвушка кинула печальный взглядъ на постель, гдѣ спали дѣти...

— Если вы хотите тоже отдохнуть, то ложитесь не опасаясь. Я не устала и буду караулить,—сказала Доротея.

— О, нѣтъ! Благодарю, я не буду въ состояніи закрыть глазъ. Когда я закрываю ихъ, то передо мною проходятъ такіе ужасные образы!... Но отчего же вамъ не заснуть?

— Мнѣ?... Спать... тамъ... около этихъ бѣдныхъ крошекъ... въ то время, какъ вы будете бодрствовать? О! нѣтъ... нѣтъ...

Въ этихъ словахъ слышался какъ бы униженный протестъ противъ покушенія завладѣть мѣстомъ въ томъ же соціальномъ ряду, какъ и ея незнакомцы. Несмотря на неизмѣнное добродушіе, Берта была поражена. Но у нея было простое сердце, которое не допускало дурныхъ мыслей. Кромѣ того, оба спящіе подъ ея надзоромъ ребенка заслуживали, чтобы о нихъ заботился всякій, кто только находился около нихъ.

Она съ большею симпатіей стала разсматривать свою спутницу по приключеніямъ, тѣмъ болѣе, что она была такъ сострадательна къ ея горю.

— Вы живете обыкновенно въ Ульмѣ?—спросила она.

— Да.

— Вы тамъ знаете много народа?

— Довольно много.

— Не правда ли, тамъ много солдатъ? Вѣроятно, столько же, какъ въ Страсбургѣ, откуда я ѣду.

— О, да! Въ данный моментъ тамъ больше солдатъ, чѣмъ жителей. А вокругъ вала, въ особенности съ другой стороны, къ горамъ, въ лагеряхъ и въ укрѣпленіяхъ, такъ тамъ цѣлая армія.

— А!... Не встрѣтили ли вы случайно... впрочемъ, какая я сумасшедшая, спрашиваю васъ объ этомъ!... Представьте себѣ, что я знаю кое-кого... кое-кого изъ Страсбурга, такъ же, какъ и я. Онъ отправился тому двѣнадцать дней въ Ульмъ. Это было бы любопытно, еслибъ вы его видѣли и могли сообщить мнѣ объ его пріѣздѣ!

— Кто это?

— Естественно, это не офицеръ, потому что онъ пріѣхалъ изъ Франціи!... Нѣтъ, это простой горожанинъ, совершенно скромный по манерамъ и костюму. Онъ не очень высокъ... но въ то же время коренастый. У него волосы ярко-бѣлокурые... я даже рыжіе... а глаза у него темные... очень живые...

Совершенно поблѣднѣвшая Доротея пристально смотрѣла на Берту. Она прислушивалась къ каждому слову этого застѣнчиваго и медленнаго описанія интересующей ее незнакомки. Ей казалось, что въ немъ она узнаетъ черту за чертою человѣка, котораго она только что покинула. По мѣрѣ того, какъ образъ опредѣлялся и становился болѣе и болѣе сходнымъ, она почувствовала въ глубинѣ сердца глухую, неожиданную ненависть, ее начало мучить непреодолимое искушеніе быть жестокой и внезапное желаніе испортить спокойствіе прекрасной соперницы.

О Шульмейстерѣ ли хочетъ спросить ее эта женщина, эта мать, сидящая около своихъ спящихъ дѣтей? Возможно ли, чтобы эта мадонна съ кроткими глазами принадлежала подобному искателю приключеній?

Нѣтъ!... Карлъ сказалъ ей наканунѣ, когда былъ у нея, что его семья далеко, очень далеко. Онъ сказалъ, что поѣдетъ къ нимъ послѣ того, какъ исполнитъ возложенное на него порученіе, если его не арестуютъ. Какъ же онъ могъ, имѣя свѣдѣнія о стольких различныхъ вещахъ, не знать о предпринятомъ семьею путешествіи съ цѣлью соединиться съ нимъ? Впрочемъ это безумная идея воображать, что дѣло идетъ о немъ? Развѣ на свѣтѣ только и есть одинъ человѣкъ съ рыжими волосами и карими глазами?

Берта съ удивленіемъ разсматривала совершенно преобразившееся лицо Доротеи. Передъ нею была не та женщина, которая съ минуту назадъ сидѣла съ нею. Улыбка исчезла, и все очарованіе улетѣло. Теперь на ея лицѣ остались — жесткій взглядъ, своевольныя и даже нѣсколько поблекшія черты... и почти злое выраженіе.

— Согласитесь сами,— отвѣтила наконецъ Доротея:— что мнѣ довольно трудно сказать вамъ, встрѣчала ли я человѣка, котораго вы такъ неопредѣленно описываете!.. Очень можетъ быть, что я и встрѣчала его, но какъ же утверждать это? Ахъ, если вы скажете его имя?...

— Я не знаю, имѣю ли право его обнаруживать. И при томъ онъ, можетъ быть, измѣнилъ его....

— Перемѣнилъ имя?.. Зачѣмъ?...

— Какъ знать? Чтобы не быть разысканнымъ...

— Вотъ что!—отвѣтила Доротея, прикрывшись хладнокровіемъ. Она хотѣла теперь во что бы то ни стало знать правду.—Насколько я поняла, особа, о который вы говорите, имѣла причины прятаться по пріѣздѣ въ Ульмъ?.. Однако вы предполагаете, что я могла его встрѣтить и замѣтить, проходя... Надо, чтобы вы очень были къ ней привязаны и очень близки, чтобы разспрашивать меня, не правда ли? Вѣроятно, это вашъ родственникъ? Это, можетъ быть, вашъ братъ? Если только не...

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени"**.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

АВГУСТЪ, 1901

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1901 г.

См. слѣд. стр.

АДМИРАЛЪ КОРНЕЛІЙ КРЮЙСЪ.

СВЯТАЯ МОГИЛА.

(Изъ разсказовъ стараго врача).

> Не говорите мнѣ: онъ умеръ—онъ живетъ:
> Пусть жертвенникъ разбитъ — огонь еще пылаетъ,
> Пусть роза сорвана—она еще цвѣтетъ,
> Пусть арфа сломана — аккордъ еще рыдаетъ...
>
> Надсонъ.

I.

БЫЛО это было очень давно, государи мои, но такъ какъ все давно прошедшее какъ-то лучше запечатлѣлось въ моей памяти, нежели недавно минувшее, то всю эту исторію я могу разсказать вамъ со всѣми мельчайшими подробностями, тѣмъ болѣе, что во младости лѣтъ я имѣлъ привычку все мало-мальски меня интересовавшее заносить въ дневникъ, который велъ тщательно и неукоснительно. Дневникъ этотъ сохранился и поднесь.

Съ Юріемъ Михайловичемъ Рахмановымъ я былъ пріятельски знакомъ съ юныхъ лѣтъ, вмѣстѣ служилъ съ нимъ, вмѣстѣ сдѣлалъ кампанію двѣнадцатаго года, съ тою только разницею, что онъ былъ гусаромъ одного изъ армейскихъ полковъ, а я военнымъ врачемъ того же полка, онъ родовитаго дворянскаго рода, а я сынъ попа села Рахманова, Григорія Болтинскаго, всю жизнь свою просвященствовавшаго въ одномъ и томъ же селѣ и назначеннаго въ попы старикомъ Рахмановымъ.

Дѣло это происходило довольно оригинальнымъ образомъ по нынѣшнимъ порядкамъ. Умеръ священникъ въ селѣ Рахмановѣ. Мужички честь честью похоронили покойника, помянули добрымъ словомъ и отправились къ барину съ просьбой назначить имъ священника. Баринъ отказался, приказалъ имъ выбрать самимъ попа и обѣщалъ избраннаго ими іерея опредѣлить въ село Рахманово. Мужички пришли въ затрудненіе и наконецъ порѣшили ѣхать въ городъ на базаръ и тамъ, на базарѣ, подыскать себѣ попа. Базаръ въ городѣ былъ большой, многолюдный. И вотъ мужички увидали какое-то лицо духовнаго званія, изъ себя рослаго, лицомъ взрачнаго, въ плечахъ дюжаго, торгующаго на базарѣ овсомъ. Мужики обступили его, долго осматривали его съ головы до ногъ, прислушивались къ его голосу и наконецъ порѣшили, что лучшаго попа имъ не найти: что всѣмъ взялъ, и ростомъ и дородствомъ. Они обратились къ торгующему съ просьбой поступить къ нимъ въ село Рахманово попомъ. Тотъ даже ротъ разинулъ.

— Что вы, братцы, Господь съ вами,—забасилъ отецъ мой,— вѣдь я просто-напросто понамарь, а не попъ. Архіерей у насъ строгій, неученыхъ въ попы не посвящаетъ.

— Да намъ нашъ баринъ сказалъ: кого выберете, того и поставимъ.

— Да вѣдь это дѣло-то не бариново, а архіерейское.

— Да ужъ что баринъ нашъ молвитъ, такъ и будетъ. У него, видишь ты, вездѣ рука. Всѣ ему ручны...

— Не знаю, братцы, какой вамъ отвѣтъ дать. Надо посовѣтоваться съ отцомъ. Я съ нимъ живу вмѣстѣ, въ одномъ селѣ: онъ дьячкомъ, а я понамаремъ.

Эта сыновняя покорность сына отцу привела мужичковъ въ восторгъ, и они уже ни за что не хотѣли разставаться съ понамаремъ. Помогли ему запрячь лошадку, живой рукой впрягли своихъ и поѣхали въ село Богородское. Старикъ-дьячекъ выслушалъ рѣчь мужичковъ, обласкалъ ихъ, угостилъ и отпустилъ своего сына въ Рахманово для представленія барину. Барину Рахманову облюбованный крестьянами понамарь тоже очень понравился, и онъ, написавъ два письма, вручилъ ихъ моему отцу.

— Смотри, не перемѣшай. Одно письмо, потолще, со вложеніемъ 200 рублей, отдай секретарю консисторіи, другое, потоньше, владыкѣ преосвященному.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ мой отецъ, бывшій понамарь на маленькомъ приходѣ, посвященъ былъ въ санъ іерейскій на большой приходъ.

Пріученный съ малолѣтства къ землепашеству, отецъ и въ санѣ священника не оставлялъ сохи. Онъ наравнѣ съ мужиками и пахалъ и косилъ и такимъ образомъ жилъ однимъ интересомъ съ своими прихожанами, которымъ въ особенности нравилось въ ихъ

батюшкѣ хожденіе около кормилицы земли. Однако перейду къ разсказу.

Когда-то господская усадьба родовитыхъ баръ Рахмановыхъ славилась своими постройками, которымъ, казалось, во вѣки вѣковъ конца не будетъ. Роскошный господскій домъ съ бельведерами, галлереями и зимними садами, оранжереи, теплицы, надворныя строенія—все это было построено изъ прочнаго кирпича, покрыто толстымъ желѣзомъ, окрашено масляной краской и гордо царило надъ окрестностью, даже не помышляя о все сокрушающемъ и истребляющемъ времени. Передъ усадьбой, возвышавшейся на нагорномъ берегу сплавной рѣки, упоминаемой даже въ географіяхъ, разстилался на нѣсколько десятинъ роскошный паркъ съ изящно разбросанными по немъ фантастическими бесѣдками, кіосками, таинственными гротами, искусственными водопадами и прудами. Когда-то въ господскомъ домѣ гремѣлъ оркестръ домашнихъ музыкантовъ, въ таинственныхъ гротахъ раздавался порой шопотъ влюбленной молодежи, слышались вздохи, проливались слезы. По искусственнымъ прудамъ съ живописными островками скользили красивыя лодочки и гондолы, на лужайкахъ парка происходили оживленные танцы, раздавался веселый шумъ и говоръ, паркъ горѣлъ разноцвѣтными фонариками, бенгальскими огнями, фейерверками, и все дышало жизнью и довольствомъ.

Какъ разъ за рѣкой, въ которую упирался паркъ, на отлогомъ берегу ея, виднѣлось и село Рахманово съ большими деревянными избами, крытыми тесомъ. Село, насчитывавшее въ то время съ чѣмъ-то тысячу душъ, было большое съ базарной площадью и состояло изъ одной широкой улицы и нѣсколькихъ переулковъ, выходившихъ на выгонъ. Почти передъ каждой избой были палисаднички, обнесенные частоколомъ или плетнемъ, зеленѣвшіе въ большинствѣ случаевъ либо черемухой, либо рябиной, либо вишневникомъ. Точно такими же деревами были засажены и переулки. Надъ каждой избой виднѣлась бѣлая дощечка съ нарисованными на нихъ либо бочкой, либо ведрами, либо топоромъ, то-есть тѣми именно принадлежностями, съ которыми домохозяинъ долженъ былъ являться на пожаръ, когда тотъ случится. На крышахъ нѣкоторыхъ избъ виднѣлись кадушки съ торчавшими въ нихъ длинными черпаками, а на барскомъ дворѣ красивый сарай съ еще болѣе красивыми пожарными инструментами. Все это требовалось, во-первыхъ, начальствомъ, а, во-вторыхъ, вотчинной конторой, хотя въ большинствѣ случаевъ бочки стояли безъ воды и безъ колесъ, кадушки на крышахъ загромождены галчиными гнѣздами, лѣстницъ и багровъ и совсѣмъ не было. Съ господской усадьбой село соединялось громадной плотиной съ прочнымъ вешнякомъ для сплава лѣсныхъ плотовъ и въ то же время для спуска вешней воды, а возлѣ плотины возвышался большой мельничный амбаръ съ нѣсколькими

водяными колесами, приводившими въ движеніе мельничные жернова. Мельница эта сдавалась вотчинной конторой купцу Красулину, проживавшему тутъ же на мельницѣ въ особомъ флигелькѣ, крытомъ желѣзомъ, съ ярко расписными оконными ставнями и палисадникомъ подъ окнами. Мельница работала на славу, и Красулинъ, занимавшійся въ то же время торговлей лѣсовъ и сплавомъ такового въ безлѣсныя мѣстности, быстро богатѣлъ.

Родъ Рахмановыхъ, разумѣется, пріумножался, рахмановская вотчина по мѣрѣ умноженія владѣльческой семьи распадалась на части. То возмужаетъ одно поколѣніе на смѣну стараго, отжившаго, то другое. Старое ложилось въ могилы, прикрывалось плитами, гласившими о заслугахъ и доблестяхъ покоившихся подъ ними. Молодежь женилась, выходила замужъ, мѣняла фамилію, размножалась, конечно, дѣлилась, строила себѣ усадьбы, разводила сады, парки. Нѣкоторые принимались въ свою очередь служить и дослуживаться до чиновъ и орденовъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ могильными плитами возвѣщать потомству о своихъ заслугахъ и доблестяхъ, а иные, не мудрствуя лукаво, прожигали жизнь либо дома, гоняя собакъ, либо за границей, и въ концѣ концовъ продавали свои вотчины.

И вотъ рахмановская вотчина, когда-то заключавшая въ себѣ больше ста тысячъ десятинъ земли, разбросанная въ нѣсколькихъ губерніяхъ и насчитывавшая нѣсколько селъ и деревень, превратилась въ вотчину весьма обыкновенную, состоящую лишь изъ села Рахманова и села Подлѣснаго.

Само собою разумѣется, не уцѣлѣла въ прежнемъ видѣ и рахмановская усадьба. Сначала начали подгнивать бельведеры и балконы, потомъ нѣкоторыя надворныя постройки... Желѣзныя крыши, давно не видавшія ремонта, ржавѣли, дѣлались негодными, замѣнялись тесовыми, либо черепичными, но и эти, тоже не видя ремонта, гнили, покрывались плѣсенью, обваливались и въ концѣ концовъ нахлобучивались просто-напросто соломой. Барскій домъ, долго крѣпившійся и боровшійся съ бурями и непогодами, тоже началъ изнемогать въ этой непосильной борьбѣ. Стали выпадать лѣпныя украшенія, какъ зубы изо рта старика. Колонны трескались, лупились, покрывались, словно лишаями, красными пятнами обнажившихся кирпичей. Окна верхнихъ этажей, выбитыя градомъ, забивались тесомъ... И только одна церковь, возвышавшаяся возлѣ дома и соединявшаяся съ послѣднимъ липовой аллеей, продолжала сіять своими позолоченными главами и крестами, какъ бы возвѣщая о своемъ безсмертіи умирающему міру...

Именно въ такомъ плачевномъ видѣ рахмановская усадьба досталась моему пріятелю, Юрію Михайловичу Рахманову.

Юрій Михайловичъ долгое время былъ самой излюбленной темой всевозможныхъ толковъ и пересудовъ, не только того уѣзда, въ

которомъ проживалъ, но и всей губерніи. Даже знавшіе его лично далеко расходились въ сужденіяхъ о немъ. Одни называли его страннымъ, сумасброднымъ, безшабашнымъ, чуть не сумасшедшимъ; другіе же наоборотъ — скромнымъ, образованнымъ, воспитаннымъ и крайне отзывчивымъ къ людскимъ нуждамъ. Въ больницѣ его, врачемъ которой я состоялъ и помѣщавшейся въ просторномъ флигелѣ, въ которомъ когда-то ткались доморощенными ткачами ковры и сукна, принимались не только собственные крѣпостные, но и всякій больной, нуждавшійся въ медицинской помощи; при больницѣ, кромѣ меня, было два-три фельдшера и нѣсколько сидѣлокъ, аптека при больницѣ славилась наилучшими медикаментами, которые тоже отпускались больному безплатно. Имѣлась и школа для крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ подъ руководствомъ опытнаго учителя и самого Юрія Михайловича, обучавшаго дѣтей церковному пѣнію и ариѳметикѣ.

Все это, казалось, заслуживало только одной похвалы, а между тѣмъ большинство находило, что подобныя затѣи и новшества отзывались чѣмъ-то похожимъ на западныя и крайне нежелательныя броженія, внушавшія почему-то въ описываемое время сильныя опасенія,

Въ особенности же всѣмъ казалось непонятнымъ то обстоятельство, что Юрій Михайловичъ, горячо любившій молодую жену свою, Валерію Николаевну, и даже женившійся на ней по любви и вопреки желанію матери, тотчасъ же послѣ свадьбы разошелся съ ней. Она поступила въ монастырь, въ которомъ впослѣдствіи сдѣлалась игуменьей, а онъ поселился въ селѣ Рахмановѣ.

Юрій Михайловичъ принадлежалъ къ очень древнему дворянскому роду, ведущему свое начало чуть не отъ Рюрика. Образованіе получилъ въ Москвѣ въ какомъ-то военномъ учебномъ заведеніи, въ аттестатѣ котораго значилось, что Рахмановъ зналъ «по-россійски, по-французски, по-нѣмецки, по-англійски, математику, тактику, фортификацію и артиллерію». На службу поступилъ въ какой-то гвардейскій полкъ, но по непріятностямъ съ командиромъ полка изъ-за какихъ-то пустяковъ долженъ былъ перейти въ армейскую кавалерію, гдѣ мы и очутились съ нимъ въ одномъ полку, сдѣлалъ всю кампанію 1812 года и только на короткое время присоединялся къ партизанскому отряду. Участвовалъ во всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ сраженіяхъ и находился при торжественномъ побѣдоносномъ вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ. Затѣмъ Юрій Михайловичъ въ чинѣ майора вышелъ въ отставку.

II.

Оставивъ службу, онъ прежде всего прискакалъ къ своей матери, жившей въ то время въ Москвѣ въ своемъ собственномъ громадномъ барскомъ домѣ, не особенно значительно пострадавшемъ

во время московскаго разгрома, вѣроятно, потому, что въ домѣ этомъ помѣщался маршалъ Ней со своимъ штабомъ.

Домъ этотъ съ громаднымъ паркомъ, спускавшимся къ Москвѣ-рѣкѣ, и нѣсколькими надворными флигелями и амбарами, стоялъ на обширномъ дворѣ одной изъ улицъ, отъ которой отдѣлялся желѣзной рѣшеткой съ такими же воротами, украшенными львами.

Марія Гавриловна Рахманова давно вдовствовала, проводила въ Москвѣ всю зиму, имѣла тамъ огромное знакомство въ высшемъ обществѣ и цѣлый штатъ всевозможныхъ приживалокъ и прихлебательницъ, которыхъ называла почему-то «мои подлыя», имѣла большія связи и всѣми была уважаема, что не мѣшало, однако, исподтишка злословить и подтрунивать надъ ея вдовствованіемъ. Весной она переселялась въ свою подмосковную, въ которой проводила все лѣто до самой поздней осени. Въ селѣ Рахмановѣ она давно уже не бывала, во-первыхъ, по отдаленности этого села отъ Москвы, а, во-вторыхъ, и потому, что разрушавшаяся усадьба и запущенный паркъ съ его развалившимися бесѣдками и гротами, весь переполненный совами и филинами, оглашавшими его дикими, душу раздирающими криками, наводили на нее уныніе. Въ послѣдній разъ въ селѣ Рахмановѣ она была во время нашествія французовъ, когда и всѣ ея знакомые старались быть отъ Москвы подальше, и съ тѣхъ поръ больше тамъ не была и порѣшила никогда больше не бывать.

Юный, бодрый и полный энергіи Юрій Михайловичъ со слезами радости бросился въ объятія ожидавшей его матери и былъ невыразимо счастливъ вернуться подъ родной кровъ. Мать была тоже въ восторгѣ при видѣ сына. Она выбѣжала встрѣчать его на крыльцо, а съ нею вмѣстѣ выбѣжала и воспитанница ея, дѣвушка лѣтъ 16, по имени Валерія.

— Боже мой, неужели это Валя?—вскрикнулъ Юрій, увидавъ дѣвушку и дружески обнимая ее.—Неужели это та самая Валя, которую я чуть не нянчилъ когда-то и которую когда-то любилъ, какъ сестру родную.—А помнишь ли,—продолжалъ онъ, ласково обращаясь къ Валѣ:—какъ я училъ тебя читать и писать? Или, можетъ быть, забыла?

— Нѣтъ, Юрій, нѣтъ, не забыла,—вскрикнула Валя какимъ-то особенно радостнымъ и торжествующимъ голосомъ.

— Какъ выросла, какъ похорошѣла...

Та вспыхнула только.

— А помнишь ли,—продолжалъ онъ:—какъ я тебя ребенкомъ каталъ на лодкѣ по Москвѣ-рѣкѣ?... Какъ однажды, приближаясь къ Каменному мосту, мы спасли какого-то щенка, брошеннаго съ моста въ воду?...

— Трувальку,—подхватила Валя, всплеснувъ руками:—помню помню.

— Какъ удили рыбу, какъ бѣгали по парку?..

— Помню, Юрій, помню. О, я часто, очень часто вспоминаю это время; я была счастлива тогда...

— Ну, я радъ видѣть тебя здоровой и похорошѣвшей, поцѣлуй же меня, дорогая моя, поцѣлуй...

Въ свою очередь и дѣвушка была рада, увидавъ молодого человѣка цѣлымъ и невредимымъ, она тоже бросилась ему въ объятія и вся вспыхнула, заливаясь слезами радости.

Эта встрѣча двухъ молодыхъ людей не понравилась почему-то суровой и строгой матери Юрія Михайловича. Она сдвинула брови, какимъ-то недобрымъ взглядомъ взглянула на дѣвушку и повелительнымъ жестомъ приказала ей выйти; дѣвушка растерялась, переконфузилась, опустила глаза и молча удалилась.

А Юрій Михайловичъ стоялъ, словно ошеломленный, не сводя глазъ то съ удалявшейся Вали, то съ нахмурившейся матери, и не зналъ, чему приписать всю эту сцену, только что разыгравшуюся на его глазахъ.

Надо вамъ сказать, что мать очень любила своего единственнаго сына, но въ то же время была такъ строга къ нему и требовательна, что молодой человѣкъ питалъ къ ней съ дѣтства чувство неодолимаго страха.

На слѣдующій день Юрій Михайловичъ не видалъ Вали, хотя и жаждалъ встрѣтиться съ ней... Нѣсколько разъ онъ порывался спросить мать, почему онъ не видитъ Вали, но каждый разъ вопросъ этотъ замиралъ на его устахъ. Только нѣкоторое время спустя, онъ узналъ отъ своего камердинера, Ильи Ильича, и то подъ великимъ секретомъ, что Валѣ было запрещено выходить изъ своей комнаты, велѣно сказаться больной и отнюдь не показываться на глаза Юрію.

Исторія этой Вали вообще была какая-то таинственная и загадочная. Сперва, когда Валя была еще ребенкомъ, она считалась чѣмъ-то въ родѣ барыниной воспитанницы, сиротой, не имѣвшей ни отца, ни матери. Кроватка ея стояла въ барыниной спальнѣ. Барыня любила ее, холила, наряжала, какъ куколку, сажала съ собою за столъ, восхищалась ея миловиднымъ личикомъ и ласковымъ характеромъ. Она возила ее съ собою гулять по улицамъ Москвы, брала съ собою, когда ѣздила въ гости къ хорошимъ знакомымъ, и всѣмъ говорила:

— Дѣвочка эта изъ моихъ крѣпостныхъ, круглая сирота, и вотъ я взяла ее къ себѣ на воспитаніе... Премилый ребенокъ... А главное такая смышленая, что вы себѣ представить не можете.

А между тѣмъ этотъ милый ребенокъ не числился ни въ ревизскихъ сказкахъ, ни въ церковныхъ метрикахъ села Рахманова, ни въ подмосковномъ, словно какъ будто откуда-то съ неба свалился.

Такъ подъ названіемъ сироты воспитанницы Валя и слыла среди знакомыхъ Рахмановой, которые тоже въ свою очередь полюбили дѣвочку за ея веселый и ласковый характеръ.

И дѣйствительно Валя была прелестный ребенокъ съ хорошенькими голубыми глазками, вьющимися, шелковистыми, бѣлокурыми волосами и всегда веселымъ и открытымъ личикомъ. Барыня Рахманова не нарадовалась, бывало, глядя на этого милаго ребенка, забавлялась имъ, тряслась надъ ея здоровьемъ и приходила въ отчаяніе, когда ребенокъ случайно захварывалъ. Тогда гонцы летѣли по всѣмъ концамъ Москвы, разыскивая докторовъ, а сама барыня дни и ночи проводила надъ кроваткой маленькой больной. Она сама давала ей лѣкарства, сама прикладывала компрессы, мѣняла, когда требовалось, бѣлье, охраняла ея сонъ, а когда ребенокъ засыпалъ, осторожно подходила къ образницѣ съ теплившимися передъ фамильными иконами лампадками, опускалась на колѣни, складывала руки на груди и принималась усердно молиться о здравіи болящей, и въ то же время посылала горничную Настю къ обѣднѣ съ строгимъ приказаніемъ помолиться о здравіи болящей и вынуть заздравную просфору.

Любилъ эту Валю и совсѣмъ еще юный баринъ Юрій Михайловичъ, каждый праздникъ приходившій навѣстить свою мать. Онъ проводилъ съ Валей цѣлые дни. Гулялъ съ нею по обширному парку, читалъ ей научныя книги, старался развить ее; катался съ нею въ лодкѣ по Москвѣ рѣкѣ, всячески забавлялъ ее, игралъ съ нею въ жмурки, въ горѣлки, и незамѣтно такъ полюбилъ дѣвочку, что чувствовалъ себя совершенно одинокимъ во время ея отсутствія. Точно то же испытывала въ свою очередь и маленькая Валя. Она хандрила, когда онъ уходилъ, и была вполнѣ счастлива, когда онъ былъ дома. Онъ первый принялся обучать ее грамотѣ и, замѣтивъ въ дѣвочкѣ способность и любовь къ ученью, упросилъ мать подыскать ей особаго учителя, который и продолжалъ начатое Юріемъ Михайловичемъ дѣло. Дѣйствительно, Валя полюбила ученіе, отличалась способностями, прилежаніемъ, а потому весьма естественно, что въ скоромъ времени она уже свободно читала и писала по-русски, хотя въ описываемое время, когда учили насъ: буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва, глаголь-азъ-га, дѣло это, чего добраго, покажется теперь невозможнымъ... Успѣхи Вали восхищали и барыню Рахманову, которая почти каждое утро заставляла ее читать себѣ разныя священныя книги.

Любила Валя съ своей благодѣтельницей, какъ она ее называла, ѣздить въ Новодѣвичій монастырь, въ который старуха часто ѣздила замаливать какіе-то грѣхи. Нравились Валѣ темные своды монастырскаго собора, стройное и величаво серіозное пѣніе монахинь и яркіе лучи солнца, по временамъ врывавшіеся подъ эти своды и словно приводившіе въ движеніе облака кадильнаго дыма.

Смотритъ она, бывало, въ эти движущіяся облака, глазъ не сводитъ съ нихъ, и ей представлялось, что облака эти переполнены ясными личиками херувимовъ и серафимовъ, словно оглашавшими храмъ небеснымъ пѣснопѣніемъ, и Валя падала тогда на колѣна, слагала руки и восторженно принималась молиться. Иногда присоединялся къ нимъ и Юрій Михайловичъ, которому тоже очень нравился этотъ монастырь. По окончаніи литургіи старуха Рахманова почти каждый разъ заходила къ настоятельницѣ монастыря, съ которой была въ дружескихъ отношеніяхъ, и, конечно, брала съ собой и Валю. Любила Валя и матушку-игуменью, всегда ласково и любовно относившуюся къ ней, а пуще всего маленькую послушницу ея Серафиму, дѣвочку лѣтъ пятнадцати, прислуживавшую ей. Примутся, бывало, старухи за чай или кофе, а Валя съ Серафимой побѣгутъ, бывало, на монастырское кладбище, обѣгаютъ его вдоль и поперекъ, прочтутъ надгробныя надписи на богатыхъ надгробныхъ памятникахъ. А то пойдутъ по кельямъ, по длиннымъ монастырскимъ коридорамъ, завернутъ въ трапезную, въ просфорню, а то заберутся на колокольню и досыта не насмотрятся на Москву златоглавую, на Воробьевы горы, у подошвы которыхъ, словно зеркало, разливалась Москва-рѣка.

Однажды какъ-то Серафима завела ее и Юрія Михайловича въ келью, въ которой находилась подъ заточеніемъ царевна Софія. Юрій Михайловичъ разсказалъ имъ, за что именно Софія находилась подъ заточеніемъ, а кстати познакомилъ ихъ съ событіями того времени. Нравилась Валѣ эта тихая, несуетная монастырская жизнь, эти добрыя лица монахинь и монастырскіе порядки, полные благоговѣйной торжественности, и нигдѣ не молилась она такъ искренно, съ полной вѣрой въ Бога, какъ въ этой обители молящихся и вѣрующихъ людей.

Такъ шло время. И вотъ, наконецъ, наступила та пора, когда Юрій Михайловичъ, съ честью покончивъ кампанію Отечественной войны, прискакалъ въ Москву и встрѣтилъ Валю не ребенкомъ уже, а взрослой дѣвушкой, произведшей на него столь сильное впечатлѣніе.

Прошло дня два-три, а Вали Юрій Михайловичъ все еще не видалъ. Это начинало его безпокоить, и вотъ какъ-то, однажды, собравшись съ духомъ, онъ рѣшилъ спросить мать о причинѣ этого исчезновенія. Мать пристально и строго посмотрѣла на него и, сдвинувъ брови, сухо проговорила:

— Больна она.

— Что съ ней?—чуть не вскрикнулъ Юрій Михайловичъ, вскочивъ съ мѣста.

Но мать вмѣсто отвѣта снова сдвинула брови, пытливо посмотрѣла на сына и приказала ему сѣсть.

На слѣдующій день у подъѣзда дома Рахмановой стоялъ уже

запряженный четверикомъ дорожный дормезъ, а въ комнату Юрія Михайловича вошелъ одѣтый по-дорожному его камердинеръ, Илья Ильичъ.

— Пожалуйте,—проговорилъ онъ мрачно, показывая рукою на дверь:—лошади готовы.

Юрій Михайловичъ, удивленный, даже съ мѣста вскочилъ.

— Кому? Какія лошади?...—вскрикнулъ онъ.

— Въ деревню, вѣдь, ѣхать изволите.

— Кто? Въ какую деревню?

— Извѣстно, въ Рахманово, сударь.

Въ эту самую минуту въ комнату неслышно вошла мать. Она была вся въ черномъ, строгая, горделивая, съ сдвинутыми бровями, съ холоднымъ пронзительнымъ взглядомъ и, обратясь къ сыну, сухо проговорила:

— Я тебя въ деревню посылаю, въ село Рахманово.

И, не обративъ даже вниманія на изумленіе сына, она продолжала тѣмъ же тономъ:

— Замѣтила я, что тамъ пошли безпорядки. Приказчикъ, Филатъ Степановъ, давно не видя своихъ господъ, вообразилъ, кажется, что онъ самъ баринъ: началъ пьянствовать, разгульничать, а что всего хуже—это то, что онъ всегда запаздываетъ высылкою оброка и никогда таковаго полностью не представляетъ. Сверхъ того,—продолжала она,—я даже въ ужасъ пришла, когда пріѣзжала въ послѣдній разъ въ Рахманово, при видѣ этой полуразвалившейся усадьбы. Онъ, кажется, и думать забылъ, что какъ бы прочно ни было построено зданіе, а все-таки оно требуетъ своевременнаго ремонта... Я уже не говорю о надворныхъ постройкахъ: о конюшняхъ, сараяхъ и тому подобномъ, которыя, какъ видно, давно уже покрыты соломой, но даже барскій домъ въ такомъ плачевномъ состояніи, что я не могла безъ слезъ войти въ него... А паркъ, а бесѣдки, а гроты, а оранжереи!.. Куда все это подѣвалось?... Ступай и приведи все это въ порядокъ... Прогони этого зазнавшагося мерзавца, сначала выпоровъ его при всемъ народѣ, заставь пасти свиней, а приказчикомъ сдѣлай кого либо другого, болѣе благонадежнаго и честнаго.

— Но я не ожидалъ, матушка, не собрался, не уложился...

— Ну, ты не барыня вѣдь... Это нашей сестрѣ долги сборы, а вашему брату, военному, одна минута... Кромѣ того, я распорядилась за тебя: всѣ твои вещи уложены, подорожная взята, деньги на дорогу переданы мною твоему камердинеру, — прибавила она, указывая на Илью, — лошади ждутъ у крыльца, и тебѣ остается только сѣсть въ экипажъ и поѣхать.

И, проговоривъ это, она медленно опустилась въ кресло.

— Присядемъ-ка,—проговорила она:—присядь и ты,—прибавила она, обращаясь къ Ильѣ и показывая ему на стулъ, стоящій въ

углу комнаты. — Я—человѣкъ старый и люблю старые порядки... Присядемте, присядемте...

Всѣ присѣли, въ томъ числѣ и Илья Ильичъ на кончикъ стула. А, минуту спустя, Рахманова встала, подошла къ образницѣ и начала осѣнять себя большими крестными знаменіями.

— Ну, Господь съ тобой,—проговорила, наконецъ, Рахманова, обратясь къ сыну и благословляя его:— будь здоровъ, постарайся поправить дѣла, помни, что впослѣдствіи все будетъ принадлежать тебѣ, и ты будешь единственнымъ хозяиномъ... Обрати тоже вниманіе,—прибавила она,—и на толстобрюхаго мельника Красулина. Этотъ купчишка, слышала я, слишкомъ ужъ усердно принялся за рубку лѣса въ селѣ Подлѣсномъ. Осмотри его порубку и дай мнѣ обо всемъ подробный отчетъ. А черезъ нѣсколько времени я пріѣду посмотрѣть, что ты сдѣлалъ.

Юрій Михайловичъ поклонился ей въ ноги, поцѣловалъ руку и вышелъ. Но едва онъ успѣлъ выйти на крыльцо, какъ къ ногамъ его упала какая-то записочка, наскоро скомканная комочкомъ. Онъ поспѣшно поднялъ ее и еще поспѣшнѣе сунулъ въ карманъ, догадавшись, что то была записка Вали, брошенная ею изъ окна верхняго этажа.

Поспѣшила и вся многочисленная дворня проводить молодого барина, а въ томъ числѣ и приживалки, то-есть «мои подлыя», какъ прозвала таковыхъ старуха. Онъ ласково перецѣловался со всѣми, пожелавъ имъ всего хорошаго, просилъ не забывать его, а самъ въ это время украдкой взглянулъ было на верхъ, думая хоть мелькомъ увидать Валю, но, замѣтивъ, что всѣ окна закрыты, а бѣлыя коленкоровыя шторки были опущены, вскочилъ въ экипажъ, а вслѣдъ за нимъ полѣзъ на козлы и Илья Ильичъ.

— Съ Богомъ!...— крикнулъ послѣдній.

И лошади тронулись.

Поднятая Юріемъ Михайловичемъ скомканная записочка была дѣйствительно отъ Вали, и вотъ что она писала, какъ видно торопливо, кое-какъ и даже не докончивъ письма.

«Мнѣ не только запрещено говорить съ тобою, но даже выходить изъ своей комнаты, чтобы не встрѣтиться съ тобой, дорогой мой. Что все это значитъ, я не понимаю, хотя днемъ и ночью стараюсь разгадать причину всего этого. Ты не можешь себѣ представить, какъ это тревожитъ меня... Я не знаю, что и дѣлать. До сего времени я жила надеждой хоть мелькомъ увидать тебя, безцѣнный, дорогой мой, хоть издали услыхать твой голосъ, твои шаги, а теперь, когда ты оставляешь Москву, у меня отнята и эта надежда... Боже мой, что все это значитъ, и чѣмъ я, несчастная, прогнѣвила Господа Бога?.. Увижу ли я тебя когда нибудь, радость моя?.. Не могу объяснить себѣ и ту перемѣну, которая произошла въ отношеніяхъ ко мнѣ твоей матушки, а моей благодѣтельницы...

Она, всегда любившая меня, какъ родную дочь, всегда ласкавшая меня, теперь даже не говоритъ со мной. Войдетъ въ мою комнату, пристально и долго посмотритъ на меня, опустится въ кресло, какъ будто собираясь сказать что-то, велитъ сѣсть рядомъ съ собой, но вдругъ взглянетъ на иконы, вздохнетъ глубоко, глубоко, немощно опуститъ голову, прошепчетъ: «Нѣтъ, нѣтъ, никогда, никогда», и быстро уйдетъ изъ комнаты, не сказавъ ни слова. Охъ, какъ это все тяжело, тяжело... А теперь, когда ты уѣзжаешь, когда»...

На этомъ мѣстѣ записка кончалась, и можно было замѣтить по торопливому почерку послѣднихъ строкъ, что писавшая, словно услыхавъ чьи-то шаги, торопилась досказать что-то, но не досказавъ скомкала записку.

— Что бы это значило?—думалъ Юрій Михайловичъ, сидя въ своемъ дормезѣ и перечитывая въ третій разъ записку.—Что бы это значило?..

У заставы экипажъ остановился, подбѣжалъ дежурный унтеръ-офицеръ, подписалъ подорожную, возвратилъ ее, шлагбаумъ поднялся, заскрипѣлъ, и экипажъ вылетѣлъ на большую дорогу, обсаженную съ обѣихъ сторонъ березами, а Юрій Михайловичъ, все еще раздумывая обо всемъ, сообщенномъ Валей, и о причинѣ столь поспѣшнаго и неожиданнаго его удаленія изъ Москвы, продолжалъ спрашивать себя:

— Что бы это значило? Что бы значило?..

Между тѣмъ Валя, выкинувъ записку за окно, быстро захлопнула его, опустила шторку и поспѣшила къ другому окну, выходившему на улицу. Она растворила его и принялась ждать, когда дормезъ, выѣхавъ на улицу, прослѣдуетъ мимо дома, думая хоть тогда увидать Юрія Михайловича и хоть жестами проститься съ нимъ. Но и это не удалось ей, такъ какъ не успѣлъ дормезъ прогремѣть мимо оконъ, какъ въ комнату незамѣтно вошла старуха Рахманова и, увидавъ Валю, высунувшуюся въ окно, проговорила строгимъ голосомъ:

— Это что еще за новость? На кого это ты тамъ засмотрѣлась, матушка?

Валя испугалась, поблѣднѣла и, не будучи въ силахъ отвѣтить на вопросъ, немощно упала въ стоявшее возлѣ кресло и, закрывъ лицо руками, громко зарыдала. Старуха пристально посмотрѣла на нее, покачала головой и вышла изъ комнаты неслышно, какъ и вошла.

III.

Пріѣхавъ въ Рахманово, Юрій Михайловичъ тотчасъ же принялся за провѣрку дѣйствій приказчика и за ревизію конторскихъ книгъ. Принялся онъ за все это съ большимъ рвеніемъ и усердіемъ. По поводу поведенія приказчика изъ крѣпостныхъ людей

онъ объѣхалъ всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, перезнакомился съ ними, разспрашивалъ ихъ о приказчикѣ и крайне былъ удивленъ, что всѣ отозвались о немъ, какъ о хорошемъ и честномъ человѣкѣ, прекрасномъ хозяинѣ и ревностномъ блюстителѣ хозяйскихъ интересовъ. Кромѣ того, всѣ отозвались, что Филатъ Степановъ не только никогда не пьянствовалъ, но даже никогда не пробовалъ вина, а ревизія конторскихъ книгъ доказала, что оброкъ высылался всегда своевременно, безнедоимочно, что и доказывалось, помимо книгъ, расписками самой Рахмановой и множествомъ ея собственноручныхъ писемъ, въ которыхъ она постоянно высказывала Филату Степанову «свою барскую благодарность и свое барское благоволеніе, навѣки нерушимое».

Всѣ эти добытыя данныя крайне удивили Юрія Михайловича, и онъ опять принялся обдумывать и соображать причину столь поспѣшной высылки его изъ Москвы.

— За что, про что?—соображалъ онъ:—вѣдь она словно выгнала меня изъ своего дома. Путемъ отдохнуть не дала... Неужели же всему причиной Валя?..

Однако, съ отъѣздомъ Юрія Михайловича отношенія старухи Рахмановой къ Валѣ быстро измѣнились къ лучшему, и Валя опять зажила попрежнему, какъ будто никакого измѣненія въ отношеніяхъ къ ней старухи никогда и не было. Старуха снова сдѣлалась къ ней ласкова, предупредительна, всячески старалась угодить ей и сдѣлать ей что либо пріятное. Валя снова имѣла свободный входъ въ апартаменты старухи, обѣдала съ ней, ужинала, пила чай, читала ей религіозныя книги, каталась съ ней по улицамъ Москвы, ѣздила по знакомымъ, въ Новодѣвичій монастырь, и крайне была удивлена, когда въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ матушка-игуменья сообщила ей, что пріятельница ея, Серафима, оставила монастырь и уѣхала куда-то ухаживать за больнымъ отцемъ. Валя могла располагать своимъ временемъ по своему желанію. Послѣднее обстоятельство было особенно по душѣ Валеріи Николаевнѣ, такъ какъ она могла теперь свободно переписываться съ Юріемъ Михайловичемъ. Писала она ему раза два въ недѣлю, сама относила свои письма на почту и сама же на той же почтѣ получала его отвѣты. Нечего и говорить, что переписка между ними завязалась самая усердная. Юрій Михайловичъ зналъ подробно, что дѣлаетъ она, а она—какъ живется молодому Рахманову. Валерія Николаевна сообщала ему, какъ проводила время, у кого именно бывала въ гостяхъ съ благодѣтельницей, что говорила тамъ, что пила, что ѣла, сообщала даже, въ которомъ часу ложилась спать, что видѣла во снѣ и когда просыпалась. Нечего и говорить, что переписка эта весьма благодѣтельно подѣйствовала на Юрія Михайловича. Онъ пересталъ тосковать, пересталъ хандрить и съ большимъ рвеніемъ принялся за дѣло. Теперь онъ принялся за разслѣдова-

ніе тѣхъ злоупотребленій, которыя производились будто, по словамъ матери, арендаторомъ мельницы, Красулинымъ. Онъ вдоль и поперекъ изъѣздилъ всю лѣсную дачу, на что пришлось употребить недѣли двѣ, изъѣздилъ верхомъ, иногда оставаясь безъ обѣда, ночевалъ въ лѣсныхъ сторожкахъ, а иногда у Красулина. Самъ Красулинъ ему не понравился, показался ему крайне грубымъ, необтесаннымъ, но зато дочка его, дѣвушка лѣтъ 16, 17, пришлась ему какъ-то по сердцу. Правда, образованія она никакого не получила, ничѣмъ не отличалась, пожалуй, отъ простой крестьянской дѣвки, но дѣйствительно была крайне симпатична. Красулинъ ея не баловалъ, одѣвалъ очень скромно, и, такъ какъ самъ былъ вдовъ, то на рукахъ дѣвушки лежало все домашнее хозяйство. Дѣвушка сама доила коровъ, гоняла ихъ на водопой, сама стряпала, сама пекла хлѣбы и была занята съ утра до вечера. Юрій Михайловичъ очень любилъ разговаривать съ этой дѣвушкой; находилъ ее умненькой, симпатичной, работящей и крайне сожалѣлъ, что она была безграмотная. Онъ даже предлагалъ заняться съ нею, но отецъ рѣшительно возсталъ противъ этого и говорилъ, что купеческой дочери не грамота нужна, а голова, да чтобы знала хозяйство. На томъ дѣло и кончилось. Онъ осмотрѣлъ всѣ порубки Красулина и хотя нашелъ нѣкоторые нежелательные безпорядки въ порубкѣ, но Красулинъ въ свое оправданіе представлялъ ему письма матери, въ которыхъ эти безпорядки производились съ разрѣшенія Рахмановой. И опять Юрій Михайловичъ становился втупикъ.

Юрій Михайловичъ остановился, разумѣется, въ большомъ домѣ и нашелъ его въ большомъ безпорядкѣ. Но оказалось, что безпорядки эти происходили не по винѣ приказчика, а по винѣ самой матери, строго запретившей ему расходовать что либо на ремонтъ строеній.

Онъ занялъ въ домѣ одну только комнату, выходившую окнами въ паркъ. Домъ навелъ на него какое-то уныніе. Громадная зала нагоняла тоску, въ особенности полуразвалившіеся хоры этой залы, съ которыхъ когда-то раздавались звуки домашняго оркестра. Онъ помнилъ этотъ оркестръ, хотя ему было тогда лѣтъ пять-шесть, не больше. Подъ звуки этого оркестра его обучалъ танцамъ старикъ танцмейстеръ тоже изъ крѣпостныхъ, и тотъ же самый оркестръ игралъ въ антрактахъ устраивавшихся когда-то домашнихъ спектаклей и балетовъ. Послѣ зала слѣдовала гостиная, выходившая на балконъ. Она была все такъ же меблирована, какъ и во времена его дѣтства. У задней стѣны, противъ балконной двери стоялъ все тотъ же большой диванъ краснаго дерева, обитый какой-то красной матеріей. Онъ хорошо помнилъ, что диванъ этотъ былъ сдѣланъ собственными крѣпостными столярами и обитъ матеріей, сотканной своими же ткачами. Передъ диваномъ овальный столъ краснаго же дерева и вдоль боковыхъ стѣнъ по дивану, по образцу

большого, только въ меньшемъ размѣрѣ, нѣсколько креселъ краснаго же дерева домашней работы и люстра изъ папье-маше съ позолоченными мѣстами для свѣчъ и какими-то амурами, разъѣзжавшими, стоя на ободѣ колеса, довершали обстановку гостиной. Юрій Михайловичъ отлично помнилъ эту комнату и именно въ то время, когда въ Рахмановѣ освящалась церковь, сооруженная его отцемъ. Освященіе совершалось мѣстнымъ архіереемъ, и вотъ именно этого-то архіерея Юрій и помнитъ сидящимъ въ гостиной на большомъ диванѣ и поглаживающимъ пухлою рукою сѣдую бороду. На архіереѣ была въ то время тяжелая зеленая бархатная ряса съ двумя звѣздами и панагіей на груди. Возлѣ архіерея на креслѣ сидѣли мать, отецъ, а затѣмъ и приглашенные на освященіе многочисленные гости. Войдя въ гостиную, Юрій тотчасъ же вспомнилъ эти давно минувшіе дни и тотчасъ же словно увидалъ воочію сидящаго на диванѣ зеленаго архіерея со звѣздами и панагіей. Онъ вздрогнулъ даже и поспѣшилъ въ диванную, и ему почему-то сдѣлалось невыносимо тяжело. Но въ диванной сдѣлалось еще хуже, такъ какъ именно въ этой комнатѣ въ числѣ другихъ портретовъ былъ громадный портретъ его матери во весь ростъ. Портретъ этотъ принадлежалъ кисти какого-то извѣстнаго въ свое время портретиста, перенесшаго на полотно съ поразительнымъ сходствомъ не только черты Рахмановой, но даже какъ будто и ея характеръ. Въ особенности поражали его эти глаза: строгіе, холодные и словно пронизывающіе до глубины души. Куда бы онъ ни отходилъ отъ этого портрета, а глаза всюду преслѣдовали его. Онъ также отлично помнилъ этотъ портретъ, всегда наводившій на него, ребенка еще, какой-то паническій страхъ, несмотря даже на то, что мать на портретѣ была изображена почти молодой женщиной. Онъ помнилъ даже, что когда отецъ собирался за что либо наказать его, то всегда грозилъ диванной. Но теперь, желая превозмочь этотъ страхъ, вполнѣ сознавая всю его нелѣпость, онъ нарочно остановился передъ этимъ портретомъ и долго, долго вглядывался въ строгія черты лица матери; и вдругъ ему представилось, что фигура матери будто зашевелилась, задвигалась на полотнѣ, зашаталась, силясь выйти изъ рамки.

— Нѣтъ, чортъ возьми,—подумалъ онъ, чувствуя, какъ по всему его тѣлу забѣгали мурашки,—это ужъ что-то похоже на галлюцинацію... и онъ быстро выбѣжалъ изъ диванной на барскій обширный дворъ.

А при видѣ этого двора въ памяти его воскресла другая картина, свидѣтелемъ которой онъ былъ во времена своего дѣтства. Вся рахмановская челядь, состоящая изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, была собрана передъ крыльцомъ, а въ центрѣ этого сборища на спинѣ какого-то рослаго парня висѣла толстая краснощекая дѣвка и оглашала весь дворъ дикими, душу раздирающими

воплями, а по бокамъ двое кучеровъ стегали по спинѣ эту дѣвку. Оказалось, что подвергаемая наказанію дѣвка была горничная барыни, въ чемъ-то провинившаяся, а державшій ее на спинѣ парень—родной братъ наказуемой. Помнитъ Юрій Михайловичъ, что у него даже сердце похолодѣло при видѣ этой картины, и что онъ бросился къ ногамъ матери, тутъ же присутствующей, съ просьбой простить провинившуюся, но мать подняла его за ухо на ноги и, передавъ его въ руки какой-то горничной, приказала увести его въ комнату. Онъ уходилъ, а удары розогъ продолжали сыпаться на спину несчастной.

Жизнь въ деревнѣ показалась ему крайне скучной и невыносимой. Онъ развелъ охоту и лихихъ борзятниковъ, набранныхъ большею частью изъ какихъ-то кочевавшихъ цыганъ, а впослѣдствіи какимъ-то образомъ закрѣпощенныхъ еще отцемъ Юрія Михайловича и приписанныхъ къ дворовымъ людямъ села Рахманова. Охотники эти, одѣтые въ какіе-то особенные форменные кафтаны съ патронами на груди и кинжалами за поясомъ, имѣли подъ собой превосходныхъ кабардинскихъ лошадей и отличались смѣлостью и ухарствомъ.

Впрочемъ, на охоту Юрій Михайловичъ ѣздилъ весьма рѣдко и тогда только, когда нечего было дѣлать, или когда нападала на него тоска. Самымъ же любимымъ его развлеченіемъ было преслѣдованіе разбойничьихъ шаекъ, такъ какъ полицейское устройство того времени, состоявшее только изъ старыхъ-престарыхъ сотниковъ, вербовавшихся изъ отставныхъ солдатъ, еле таскавшихъ ноги, было настолько плачевно, что грабежи и разбои производились зачастую. Шайки разбойниковъ бродили по лѣснымъ мѣстностямъ, грабили села, угоняли стада съ пастбищъ, наводили ужасъ на все селеніе, а затѣмъ безнаказанно исчезали. Земская полиція въ такихъ случаяхъ по своей непригодности ничего не предпринимала, предоставляя имъ полнѣйшую свободу. Зато Юрій Михайловичъ торжествовалъ. Едва доходили до него вѣсти о появленіи шайки разбойниковъ, какъ онъ тотчасъ же приглашалъ къ себѣ сосѣдей, сажалъ на лихихъ коней всѣхъ своихъ охотниковъ, запасался необходимымъ провіантомъ, который приторачивался къ сѣдламъ, и мчался преслѣдовать шайку. Иногда преслѣдованія эти продолжались довольно долго: приходилось развѣдывать, куда именно шайка направлялась, и гдѣ скорѣе всего ее можно было настигнуть; приходилось проводить ночи въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ, либо укрываясь отъ дождя подъ опрокинутымъ бурей деревомъ, пищу варить въ котелкѣ, а иногда и вовсе оставаться безъ пищи, претерпѣвать голодъ, холодъ, и быть либо подъ проливнымъ дождемъ, либо подъ палящимъ зноемъ. Зато, настигнувъ шайку, Юрій Михайловичъ забывалъ всѣ перенесенныя имъ невзгоды и мгновенно словно воскресалъ. Онъ отбиралъ у шайки все, похищенное

ею, возвращалъ по принадлежности, а перевязанныхъ по рукамъ и ногамъ разбойниковъ представлялъ куда слѣдуетъ. Эта разгульная жизнь пришлась ему по сердцу и какъ бы заставляла его забыть сердечныя муки. Онъ отпустилъ себѣ бороду и усы, которые въ то время не только никѣмъ изъ дворянъ не носились, но даже возбуждали въ начальствѣ какое-то недоброжелательство и подозрѣніе. Помимо этого онъ сталъ одѣваться въ русскія красныя рубахи, высокіе сапоги и понашилъ себѣ разныхъ поддевокъ и бекешекъ, въ которыхъ и разгуливалъ по селу Рахманову, заходя въ избу то одного, то другого крестьянина; охотно крестилъ дѣтей ихъ и всячески старался помогать имъ. Онъ почти не былъ знакомъ съ бытомъ крестьянской семьи и немало былъ изумленъ, что въ большинствѣ случаевъ семьи эти живутъ чуть не вмѣстѣ со своей скотиной. Тамъ, гдѣ жили люди, онъ часто встрѣчалъ и телятъ, и поросятъ, и овецъ, а еще больше удивился, узнавъ, что въ селѣ Рахмановѣ не было ни одного грамотнаго. Познакомившись съ крестьянами и съ образомъ ихъ жизни, онъ искренно полюбилъ ихъ и не на шутку привязался. Онъ даже почувствовалъ, что ему какъ будто легче стало въ обществѣ этого простого люда, терпѣливо и безропотно переносившаго всѣ невзгоды и даже подтрунивавшаго надъ своимъ собратомъ, когда тотъ падалъ духомъ и опускалъ руки, а глядя на все это, Рахмановъ и самъ пріободрялся и веселѣлъ.

— Нечего сказать,—подтрунивалъ онъ тогда надъ собой:—до того дошелъ, что портретовъ началъ бояться.

Разъ какъ-то пришелъ къ нему одинъ изъ рахмановскихъ крестьянъ, принесъ ему курицу, яицъ и, подавая ему все это, упалъ ему въ ноги:

— Что ты?—удивился онъ.

— Къ твоей милости, сударь,—проговорилъ тотъ, стоя на колѣняхъ.

— Зачѣмъ?

— Дозволь парня женить на Аѳонькиной дочери, на Акулькѣ, значитъ.

— Кто же тебѣ мѣшаетъ, жени, коли хочешь...

— Ужъ вели написать попу приказъ, чтобы повѣнчалъ, значитъ.

— Да мнѣ-то какое дѣло?—удивился Юрій Михайловичъ, даже и не подозрѣвавшій, что безъ письменнаго разрѣшенія помѣщика или его повѣреннаго священники не имѣли права вѣнчать крѣпостныхъ.—Мнѣ-то какое дѣло?

— Какъ какое?—удивился въ свою очередь мужикъ, продолжая стоять на колѣняхъ.—Вы—наши отцы, а мы—ваши дѣти...

Юрій Михайловичъ расхохотался даже.

— Да ежели женихъ и невѣста полюбили другъ друга, ну, пусть вѣнчаются, Господь съ ними...

А мужикъ продолжалъ стоять на колѣняхъ и изумленными глазами смотрѣть на барина, ничего не понимая.

Не понималъ ничего Юрій Михайловичъ, и только, когда подошедшій къ нему Филатъ Степановъ объяснилъ ему, въ чемъ именно вся суть дѣла, онъ пожалъ плечами и вскрикнулъ:

— Ну, порядки...

И тотчасъ же онъ приказалъ Филату Степанову написать разрѣшеніе. Услыхавъ это, крестьянинъ радостно принялся цѣловать руки барина, а когда Юрій Михайловичъ объявилъ ему, что отвезетъ невѣсту въ церковь на своихъ лошадяхъ и что будетъ пировать на свадебномъ пиру, то восторгамъ крестьянина не было конца. И дѣйствительно свадьба была отпразднована и шумно, и весело. Юрій Михайловичъ въ красной рубахѣ и въ плисовой безрукавкѣ самъ правилъ лихой тройкой, запряженной въ телѣжку, въ которой и привезъ въ церковь невѣсту... За телѣжкой верхомъ на лошади скакалъ женихъ, а за нимъ тоже верхомъ его дружки и поѣзжане. Когда же обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ, Юрій Михайловичъ отвезъ въ той же телѣжкѣ молодую жену въ домъ новобрачнаго, гдѣ и пропировалъ до вечера, щедро одаривъ молодыхъ и деньгами, и подарками.

Съ той поры Юрій Михайловичъ охотно сталъ бывать на крестьянскихъ свадьбахъ, пировалъ на нихъ и всегда щедро надѣлялъ новобрачныхъ разными подарками.

На одной изъ такихъ-то свадебъ Юрій Михайловичъ былъ изумленъ, узнавъ, что на-дняхъ купецъ Красулинъ будетъ пировать свадьбу своей дочери, которую, вопреки ея желанію, выдаетъ замужъ не за того, кого любитъ молодая дѣвушка, а за стараго и больного богатаго-разбогатаго купца. Юрій Михайловичъ вѣрить не хотѣлъ этому слуху, но, наведя справки и убѣдившись въ достовѣрности сообщеннаго, мгновенно сѣлъ на коня и поскакалъ къ Красулину... Чѣмъ кончилась его бесѣда со старикомъ — неизвѣстно, но зато всѣмъ было извѣстно, что, дня два-три спустя послѣ этого, темной ночью Юрій Михайловичъ тайно увезъ дѣвушку изъ родительскаго дома и тайно повѣнчалъ ее съ любимымъ человѣкомъ.

Мелкое начальство, какъ-то: капитанъ-исправникъ, становой, не смѣли дѣлать какихъ либо замѣчаній молодому родовитому майору по поводу подобныхъ его выходокъ, не приличныхъ русскому дворянину, но, тѣмъ не менѣе, конфиденціально все-таки доносили высшему начальству, которое и предписывало имѣть строгое наблюденіе за майоромъ Рахмановымъ и ежемѣсячно доносить ему секретными рапортами. Молодой Рахмановъ все это зналъ, хохоталъ надъ перепугавшимися исправниками и становыми, напаивалъ ихъ виномъ до зеленаго змія, чудачилъ надъ ними и продолжалъ себѣ жить по-своему.

Такъ проходилъ день за днемъ, и Юрій Михайловичъ снова за-

тосковалъ и захандрилъ. Нѣсколько разъ писалъ онъ матери, что въ Рахмановѣ все обстоитъ благополучно, что Филатъ Степановъ оказался дѣльнымъ и добросовѣстнымъ приказчикомъ, что лѣсную дачу онъ привелъ въ надлежащій порядокъ, разбилъ дачу на участки, и что въ настоящее время рубка лѣса Красулинымъ производится правильно, что мельница находится въ исправности, ежегодно ремонтируется, плотины и вешнякъ тоже, и что вообще Красулинъ человѣкъ надежный. Затѣмъ, объявивъ матери, что, познанакомившись съ бытомъ рахмановскихъ крестьянъ, съ ихъ неотложными нуждами, онъ считаетъ необходимымъ: во-первыхъ, выстроить для нихъ больницу, для завѣдыванія которой имѣетъ уже въ виду врача, и въ которой каждый больной могъ бы найти медицинское пособіе, разумѣется, безплатное, а, во-вторыхъ, школу...

«Вы не можете себѣ представить, матушка, что испытываютъ крестьяне, имѣвшіе несчастіе захворать какою либо болѣзнью. Иной разъ болѣзнь пустяшная, лихорадка какая нибудь, а человѣкъ безпомощный мучится этой лихорадкой цѣлые годы, не говоря уже о болѣе серіозныхъ болѣзняхъ. Точно также поразило меня и то, что въ селѣ Рахмановѣ нѣтъ ни одного грамотнаго человѣка. И вотъ въ виду всего этого я просилъ бы васъ разрѣшить мнѣ устроить больницу и завести школу».

Изложивъ все это, Юрій Михайловичъ просилъ мать разрѣшить ему пріѣхать въ Москву хотя бы на короткое время и повидаться съ нею.

Мать писала ему ласковыя письма, благодарила его за ревизію, за приведеніе въ надлежащій порядокъ лѣсной дачи, однажды даже сдѣлала въ письмѣ къ нему приписку Филату Степанову, въ которой высказывала опять ему «барское свое благоволеніе», разрѣшила ему построить больницу и училище, похвалила его даже за эту заботливость, съ которой онъ относился къ крестьянамъ, но отъ просьбы сына относительно дозволенія пріѣхать въ Москву почему-то упорно отмалчивалась...

По полученіи этого письма Юрій Михайловичъ тотчасъ же приступилъ къ постройкѣ больницы и школы, а, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я былъ уже врачемъ въ Рахмановѣ и жилъ вмѣстѣ съ Юріемъ Михайловичемъ въ старомъ домѣ. Зажилъ я хорошо: практика у меня была большая, ибо въ то время нашего брата было разъ, два, да и обчелся... Былъ городской врачъ, завѣдывавшій городомъ, да уѣздный, на обязанности котораго скорѣе лежало не больныхъ лѣчить, а вскрывать мертвыя тѣла, чѣмъ весьма охотно занимались врачи того времени, такъ какъ каждое мертвое тѣло оплачивалось весьма солиднымъ вознагражденіемъ.

Юрій Михайловичъ продолжалъ переписываться съ Валеріей Николаевной. И вотъ однажды, по возвращеніи съ преслѣдованія какой-то разбойничьей шайки, онъ получилъ отъ Вали письмо, въ

которомъ она сообщала между прочимъ, что, будучи съ своей благодѣтельницей у какой-то княгини, она познакомилась съ какимъ-то княземъ съ татарской фамиліей, который очень понравился благодѣтельницѣ, много говорилъ съ послѣдней, а на другой день былъ у нихъ съ визитомъ.

«Князь этотъ молодой еще человѣкъ, холостой гусаръ, не дуренъ собой,—писала Валя,—и очень понравился благодѣтельницѣ. Она попросила его запросто пообѣдать съ нами, что онъ исполнилъ весьма охотно. За обѣдомъ много шутилъ, смѣялся, острилъ, а послѣ обѣда каталъ насъ на своей тройкѣ въ Кунцево, показывалъ намъ на Поклонной горѣ ту избу, въ которой свѣтлѣйшій фельдмаршалъ Кутузовъ на совѣтѣ порѣшилъ сдать Москву французамъ и, встрѣтивъ съ чьей-то стороны возраженіе, не соглашавшееся съ его рѣшеніемъ, вышелъ изъ себя и до того сильно ударилъ кулакомъ по столу, что даже на доскѣ образовалась трещина. Затѣмъ съ той же горы мы смотрѣли на матушку Москву, начавшую уже обстраиваться и прихорашиваться. Я даже расплакалась, глядя на родимую старушку земли Русской, столько перенесшую такъ недавно. Домой мы возвратились только вечеромъ. Князь пилъ у насъ чай, а затѣмъ уѣхалъ. Благодѣтельница проводила его до лакейской, благодарила за доставленное удовольствіе, просила не забывать ея и почаще навѣщать».

Письмо это страшно встревожило Юрія Михайловича. Получилъ онъ его вечеромъ и всю ночь не могъ заснуть и успокоиться. Всю ночь грезились ему сны одинъ другого тревожнѣе; то грезился ему зеленый архіерей на диванѣ, грозившій ему пальцемъ, то Кутузовъ, съ краснымъ лицомъ и пѣной у рта изъ всей силы колотившій кулакомъ по столу, то портретъ матери, но на этотъ разъ онъ не бѣжалъ отъ него, а, напротивъ, клянялся ей въ ноги и «слезно» просилъ ее написать попу удостовѣреніе, что она разрѣшаетъ ему повѣнчаться съ крѣпостной дѣвкой ея, Валеріей, и ему казалось тогда, что передъ нимъ былъ не портретъ, а сама мать, которая любовно, положивъ ему на голову руки, говорила:

— «Написала ужъ, Юрій, написала, все готово, даже лошади ждутъ уже тебя у подъѣзда, одѣвайся и поѣзжай вѣнчаться съ Валей». Юрій Михайловачъ въ восторгѣ осыпаетъ поцѣлуями руки матери, плачетъ, смѣется и бѣжитъ на крыльцо, чтобы ѣхать въ церковь. А у крыльца его ждетъ уже лихая тройка съ бубенчиками и колокольчиками, а вмѣсто кучера сидитъ какой-то молодой гусарикъ.

— «Пожалуйте,—говоритъ онъ, обращаясь къ Юрію Михайловичу:—Валерія Николаевна давно уже ждетъ васъ въ церкви, пожалуйте, мигомъ доставлю». И дѣйствительно онъ мигомъ доставилъ, и вотъ онъ уже стоитъ подъ вѣнцомъ рядомъ съ Валей въ свадебномъ нарядѣ, только водятъ ихъ не вокругъ налоя, а вокругъ какого-то стола, за которымъ сидитъ Кутузовъ съ раскра-

снѣвшимся лицомъ и пѣной у рта и ожесточенно колотитъ по столу кулакомъ. Тутъ онъ проснулся, вскочилъ съ постели и, какъ былъ въ одномъ бѣльѣ, прибѣжалъ ко мнѣ.

— Что съ тобой?—невольно спросилъ я, увидавъ его взволнованное лицо.

Онъ разсказалъ мнѣ сонъ, подивился, что такая чушь можетъ прійти въ голову, и тотчасъ же объявилъ, что завтра онъ ѣдетъ въ Москву.

Все это крайне изумило меня, а въ особенности не понравились мнѣ его блуждающіе взгляды и какое-то подергиваніе всего лица. Я далъ ему успокоительныхъ капель, которыя вскорѣ его и успокоили. Совѣтовалъ ему снамъ не вѣрить и въ Москву не ѣздить, но съ послѣднимъ Юрій Михайловичъ не согласился и наотрѣзъ объявилъ мнѣ, что въ Москву онъ непремѣнно поѣдетъ. Затѣмъ онъ позвалъ своего камердинера.

Вошелъ Илья Ильичъ.

— Ну, Илья Ильичъ,—весело проговорилъ онъ, хлопая стараго слугу по плечу:—завтра въ Москву ѣдемъ.

— Въ Москву?—переспросилъ старикъ.

— Да, въ Москву, въ Москву.

— Разгонять тоску.. проворчалъ Илья, почесываясь.

— Да, разгонять тоску, жениться хочу.. довольно людей-то вѣнчать,—прибавилъ онъ:—пора и на своей свадьбѣ попировать... Женюсь и опять сюда, въ Рахманово.. Вотъ тогда-то мы по-другому заживемъ съ тобой.. а пока,—прибавилъ онъ весело:—умыться давай, одѣться и ставь самоваръ.

Весь этотъ день Юрій Михайловичъ былъ невыразимо счастливъ и доволенъ. Мы вмѣстѣ пообѣдали, изрядно выпили, пѣли, шутили, смѣялись. Юрій Михайловичъ объявилъ, что иначе, какъ женатымъ на Валѣ, онъ сюда не вернется. Позвалъ Филата Степанова, объявилъ ему о своей поѣздкѣ въ Москву, строго-настрого приказалъ привести хоть сколько нибудь въ порядокъ домъ, призвалъ садовника, распорядился, чтобы тотчасъ вычистилъ паркъ и привелъ въ порядокъ цвѣточныя клумбы передъ балкономъ, заросшія разной сорной травой. Бѣгалъ на скотный, на птичій дворъ и всѣмъ приказалъ, чтобы было у нихъ въ порядкѣ, такъ какъ въ скоромъ времени онъ вернется сюда не одинъ, а съ молодой женой. Вѣсть о женитьбѣ Юрія Михайловича тотчасъ разлетѣлась по всему селу, и вскорѣ передъ домомъ стояла цѣлая толпа разодѣтыхъ по-праздничному мужиковъ и бабъ, явившихся пожелать молодому барину благополучнаго пути и скорѣйшаго возвращенія домой съ молодою барыней. Юрій Михайловичъ приказалъ угостить собравшихся, чѣмъ Богъ послалъ, и мы пропировали съ ними до глубокой ночи.

Насколько былъ доволенъ и веселъ Юрій Михайловичъ въ ожиданіи скораго свиданія съ Валеріей Николаевной, настолько былъ недоволенъ предстоящей поѣздкой Илья Ильичъ. Строго говоря, ему было рѣшительно все равно, гдѣ бы ни жить: въ Москвѣ ли, въ деревнѣ ли, въ Парижѣ ли, въ которомъ онъ успѣлъ побывать, такъ какъ состоялъ камердинеромъ при Юріи Михайловичѣ, или, правильнѣе сказать, дядькой въ кампанію 1812 года, лишь бы только наслаждаться спокойствіемъ, а главное одѣваться, какъ ему вздумается. Въ деревнѣ, напримѣръ, онъ ходилъ въ какихъ-то туфляхъ, которыя называлъ «тихоступочками», въ нанковыхъ шароварахъ, надѣтыхъ поверхъ ситцевой рубашки и поддерживаемыхъ двумя ременными подтяжками, перекинутыми черезъ плечи, и въ такомъ же нанковомъ сюртучишкѣ съ продранными локтями, и онъ чувствовалъ себя въ этомъ костюмѣ, какъ нельзя лучше. Въ Москвѣ же въ домѣ старой сердитой барыни о такомъ костюмѣ онъ не смѣлъ и думать, такъ какъ тамъ непремѣнно требовалось, чтобы онъ, во-первыхъ, каждый день брился, умывался и былъ одѣтъ во фракъ, въ бѣломъ жабо, бѣлыхъ перчаткахъ и всенепремѣнно въ чулкахъ и башмакахъ съ металлическими пряжками. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Илья Ильичъ былъ крайне недоволенъ поѣздкой въ Москву и не переставалъ ворчать, укладывая въ чемоданъ всѣ необходимыя барскія вещи. Онъ даже не могъ заснуть всю ночь, тревожимый этой поѣздкой, и всю ночь, лежа на своей койкѣ, не переставалъ ворчать на Юрія Михайловича, богатырскимъ храпомъ храпѣвшаго за перегородкой. Едва начало свѣтать, какъ Юрій Михайловичъ былъ уже на ногахъ, наскоро сбрилъ бороду, снялъ съ себя русскій костюмъ, замѣнивъ таковой общеевропейскимъ, а часовъ въ 9 утра они мчались уже на лихой ямской тройкѣ по дорогѣ въ Москву.

Недѣли черезъ полторы они были уже въ Москвѣ. Въ Москву пріѣхали они, когда старуха была у кого-то въ гостяхъ. И первая, кто его встрѣтила, была Валерія Николаевна. Неожиданная встрѣча эта до того поразила молодыхъ людей, что они оба словно остолбенѣли, долго не вѣрили глазамъ своимъ и тому блаженству, которое нежданно, негаданно выпало на ихъ долю. Долго смотрѣли они другъ на друга, наконецъ молодой Рахмановъ не выдержалъ и раскрылъ объятія.

— Валя, дорогая, милая моя...

И они оба упали другъ другу въ объятія.

— Милая, сердечная,—шепталъ онъ и въ то же время осыпалъ ее пламенными поцѣлуями. Онъ цѣловалъ ея губы, щеки, голову, гладилъ ея шелковистые волосы, бралъ за подбородокъ, приподнималъ ея головку и не могъ вдоволь насмотрѣться на эти милыя, дорогія черты, которыхъ такъ долго не видалъ, и которыя только грезились ему въ сновидѣніяхъ. Ему и теперь представлялось, что

все это былъ сонъ. Но это не было сномъ, а сама дѣйствительность, о которой онъ такъ долго мачталъ и которою онъ только жилъ и дышалъ.

IV.

Однако восторженное и радостное настроеніе это продолжалось недолго. Молодые люди перешли въ залу, усѣлись возлѣ окна, мимо котораго должна была проѣхать старуха, и вотъ возлѣ этого-то окна Валя сообщила молодому Рахманову, что судьба ея наконецъ рѣшена, что «благодѣтельница» нашла ей жениха, того самаго князька, о которомъ она ему писала, что дѣло это уже совсѣмъ покончено, и что въ скоромъ времени будетъ ея свадьба.

Извѣстіе это, какъ громомъ, поразило Юрія Михайловича.

— Этому не бывать,—проговорилъ онъ дрожавшимъ голосомъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно и засверкавъ глазами.—Этому не бывать.

Валерія Николаевна взглянула на него удивленнымъ взглядомъ, хотѣла спросить его о чемъ-то, но только поникла головой и тяжело вздохнула.

— Или, можетъ быть, ты любишь этого князя?

Но Валерія Николаевна только отрицательно покачала головой, такъ какъ слезы настолько душили ее, что она ни слова не могла промолвить.

— А если такъ, такъ этому не бывать!—вскрикнулъ Юрій Михайловичъ, порывисто вскочивъ съ мѣста.—А не бывать потому, что я люблю тебя... Да, да, люблю.

— Ты?—прошептала Валя.

— Да, я, и ты будешь моей женой.

Валерія Николаевна даже руками всплеснула, поблѣднѣла и прерывающимся отъ испуга голосомъ прошептала:

— Этого быть не можетъ.

— Почему? Развѣ ты не любишь меня?

— Люблю... Такъ люблю, какъ только можетъ любить дѣвушка, съ дѣтства привязавшаяся къ тебѣ.. Но,—прибавила она, поникнувъ головой,—я не должна быть твоей женой, понимаешь ли, не должна: я—твоя крѣпостная...

— Ну, ужъ это мое дѣло!—вскрикнулъ Юрій Михайловичъ и, снова обнявъ Валю, принялся осыпать поцѣлуями.—Это мое дѣло, и я сумѣю сдѣлать его по-своему.

Въ это время мимо оконъ прогремѣлъ экипажъ Рахмановой, запряженный цугомъ и съ двувя лакеями на запяткахъ въ треугольныхъ шляпахъ, и комнаты огласились шагами, суетливо забѣгавшей прислуги, бросившейся встрѣчать старую барыню. Валерія Николаевна вырвалась изъ объятій Юрія, бросилась въ коридоръ, а вслѣдъ затѣмъ по лѣстницѣ, ведущей въ верхній этажъ, послышались ея торопливые шаги, хлопнула дверью, и все затихло.

Минуту спустя, старуха Рахманова была уже въ залѣ и ласково обнимала сына, о которомъ, по правдѣ сказать, стосковалась и видѣть котораго была очень рада.

— Ну, здравствуй, здравствуй, дорогой мой, здоровъ ли? Какъ въ деревнѣ поживалъ?—и, ласково погрозивъ ему пальцемъ и обнимая, прибавила:—пошаливалъ тамъ, слыхала я, бороду, усы носилъ, въ мужичьи костюмы наряжался... Разбойничьи шайки ловилъ какія-то, на мужичьихъ свадьбахъ пировалъ, молодыхъ дѣвушекъ изъ отчихъ домовъ похищалъ и противъ родительской воли замужъ отдавалъ... слыхала, слыхала...

— Значитъ, писали вамъ?—спросилъ весело Рахмановъ.

— Слухами земля полнится.

— Стало быть, интересовались мною.

— Но я на подобныя шалости сквозь пальцы смотрю,—заговорила она, ласково потрепавъ сына по плечу.—Только ты ко мнѣ въ Москву не смѣй являться въ мужичьихъ костюмахъ. По правдѣ сказать, я ничего, что пахнетъ мужикомъ, не выношу... Русскій дворянинъ, а въ особенности такого знатнаго рода, къ которому ты имѣешь честь принадлежать, долженъ держать себя подальше отъ всей этой грязи и копоти... Да, кстати,—прибавила она, какъ будто что-то вспомнивъ,—сейчасъ въ передней я твоего Ильюшку встрѣтила... Въ нанковомъ сюртучишкѣ, съ продранными локтями, чуть не въ лаптяхъ, не бритый, не умытый, и вдругъ, болванъ, къ ручкѣ подходитъ... Надѣюсь, что ты внушишь ему, что у меня въ домѣ ходить въ такомъ костюмѣ не полагается. У меня вся Москва бываетъ, и вдругъ этакое чучело... Развѣ онъ не видитъ, какъ одѣта моя прислуга? Такъ вотъ внуши же ему, болвану...

— Внушу, матушка, внушу,—заговорилъ Юрій Михайловичъ, цѣлуя руку матери,—а вы пока извините его, старика: вѣдь мы съ нимъ и день, и ночь скакали на перекладной, торопясь къ вамъ, я и самъ-то не успѣлъ переодѣться...

— Да, — проговорила старуха, подробно осматривая костюмъ сына, — ужъ не доморощенные ли портные принарядили тебя въ такой костюмъ?

— Нѣтъ, матушка, это все еще старые костюмы.

— Вижу, вижу, обносился въ деревнѣ... Совѣтую тебѣ завтра же послать за портнымъ и одѣться, какъ слѣдуетъ. Ты знаешь, что я терпѣть не могу неряшливости. По правдѣ сказать,—прибавила она, нѣсколько помолчавъ,—не особенно нравится мнѣ и то, что ты безъ моего разрѣшенія пріѣхалъ въ Москву. Очень не нравится...

— Простите, матушка, но мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ, расцѣловать васъ...

— Хорошо, хорошо, на первый разъ прощаю,—заговорила она улыбаясь и болѣе ласковымъ тономъ,—но впередъ, чтобы этого не

было... Ну, поцѣлуемся же еще разъ... Я и сама соскучилась по тебѣ и сама рада видѣть тебя.

И она принялась обнимать сына.

Такое ласковое обращеніе къ нему строгой и суровой его матери даже поразило Рахманова. Онъ былъ и счастливъ и въ то же время пугался этой ласки, какъ бы предчувствуя что-то зловѣщее. Его любящее и отзывчивое сердце торжествовало при этой ласкѣ, при видѣ этихъ добрыхъ и нѣжныхъ взглядовъ матери, а вкоренившееся съ дѣтства подозрѣніе и недовѣріе къ ней словно охлаждало его и нашептывало: «не вѣрь, не вѣрь: все это ложь и притворство».

Въ этотъ день, какъ нарочно, столько перебывало у старухи Рахмановой гостей, что Юрію Михайловичу положительно не удавалось быть съ матерью наединѣ, а потому онъ и не имѣлъ возможности поговорить съ нею по поводу замужества Вали. Только вечеромъ, послѣ чая, они остались какъ-то вдвоемъ и, воспользовавшись этимъ, онъ завелъ рѣчь о Валеріи Николаевнѣ.

— Замужъ отдаете ее? — спросилъ онъ не безъ затаеннаго страха.

Старуха даже перекрестилась, взглянувъ на висѣвшую въ углу икону, и проговорила:

— Слава Богу... кажется, Господь помогъ пристроить сироту очень хорошо... Отличный человѣкъ, влюбленъ въ нее по уши, души въ ней не чаетъ, и помимо всего этого изъ прекрасной княжеской фамиліи.

— Изъ татарскихъ, кажется?

— Ты почему знаешь?—вдругъ спросила она, метнувъ на сына строгій вопрошающій взглядъ.

— Писали, матушка.

— Кто же это писалъ?

— Знакомые.

— Да, дѣйствительно, изъ татарскихъ князей, твои знакомые тебѣ не соврали,—проговорила она, дѣлая удареніе на словѣ «знакомые» и продолжая пронизывать сына испытующимъ взглядомъ.— Но вѣдь онъ потомокъ татарскихъ служилыхъ мурзъ, а это у нихъ имѣетъ большое значеніе. Твои знакомые ничего не сообщали тебѣ объ этомъ? Какіе же это знакомые у тебя здѣсь?

— Мало ли знакомыхъ.... Даже много сослуживцевъ и товарищей.

— Товарищей и сослуживцевъ твоихъ я всѣхъ знаю, кто же именно?

— Ахъ, матушка, право, не помню, кто именно!

— Странно, очень странно... Ну, любезный другъ, вижу по глазамъ твоимъ, что ты говоришь неправду, такъ какъ никто изъ твоихъ знакомыхъ знать о томъ не могъ, о чемъ не знали даже самые

лучшіе друзья мои: я не болтлива... Нѣтъ, это кто нибудь другой сообщилъ тебѣ объ этомъ, болѣе посвященный въ это секретное дѣло... Я даже догадываюсь, кто, и, быть можетъ, мои догадки меня не обманываютъ... Провѣримъ, узнаемъ...

— Матушка,—заговорилъ Юрій Михайловичъ сильно взволнованнымъ тономъ и чуть не со слезами на глазахъ:—мы съ вами почему-то никогда не говорили по душѣ, какъ бы слѣдовало сыну съ матерью. Происходило это потому, матушка, что я, горячо любя васъ, почему-то въ то же время и боялся васъ, и хотѣлъ бы иной разъ открыть вамъ всю душу, излить вамъ все то, что накипало на сердцѣ, но взглянешь, бывало, на васъ, увидишь строгій и суровый взглядъ вашъ, и языкъ нѣмѣлъ, и сердце замирало... Слушайте, матушка, — вскрикнулъ онъ, ставъ передъ нею на колѣна и поймавъ обѣ костлявыя и сухія ея руки, унизанныя дорогими перстнями и холодныя, какъ ледъ,—слушайте, дорогая моя, не выдавайте Валю за мурзу...

— Это почему?—спросила она какимъ-то шипящимъ голосомъ, вырвавъ руки свои изъ рукъ сына.

— А потому, матушка, что я люблю ее, люблю искренно и безпредѣльно...

— Ты?..—прошептала она опять, и глаза ея снова засверкали тѣмъ ужаснымъ блескомъ, который такъ искусно умѣлъ передать на полотнѣ художникъ, писавшій ея портретъ, и который всегда приводилъ въ трепетъ Юрія Михайловича.

— Ты?..—повторила она.

— Да, я...

Мертвая блѣдность вдругъ покрыла лицо старухи, она словно испугалась чего-то, губы посинѣли, а глаза, доселѣ сверкавшіе гнѣвомъ, вдругъ остолбенѣли, помертвѣли, и она едва слышно прошептала, какъ будто про себя и въ то же время словно опасаясь, какъ бы кто либо не услыхалъ этого шопота:

— Ты, Юрій, любишь ее?

— Люблю, матушка...

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебила его старуха тѣмъ же испуганнымъ шопотомъ и быстро оглядывая кругомъ комнату:—ты не долженъ любить ее, не можешь, не долженъ... слышишь, не долженъ...

— Развѣ она недостойна любви моей? Развѣ она не честная дѣвушка?

Старуха вздрогнула даже и, быстро закрывъ сыну ротъ рукою, прошептала:

— Валя честная, добрая, любящая, это—ангелъ... но любить ее тою любовью, какою полюбилъ ее, ты не долженъ, не можешь, Юрій, забудь про нее... Люби ее, какъ сестру, какъ друга дѣтства... Поступи опять на службу... Не хочешь,—ступай въ деревню, дѣлай тамъ все, что тебѣ вздумается, найди себѣ невѣсту изъ дво-

рянскаго рода, хотя бы даже бѣдную... Поѣзжай за границу... на край свѣта, а я тѣмъ временемъ выдамъ Валю замужъ, и ты, конечно, забудешь ее и будешь любить ее тою любовью, про которую я сейчасъ упомянула... И затѣмъ, что-то вспомнивъ и какъ-то вытянувшись во весь ростъ, она прибавила:—помни, что она—крестьянка, холопка...

— Какъ будто люди не всѣ равны, матушка... По крайней мѣрѣ, я смотрю на это совсѣмъ иначе...

— За границей разныхъ либеральныхъ идей набрался... Ужъ не хочешь ли взять ее въ любовницы?—спросила она съ какой-то недоброй улыбкой, перекосившей ея тонкія, сухія губы.—Это нынче въ очень большой модѣ... То и дѣло слышишь, что такой-то дворянинъ взялъ себѣ какую-то Хавронью, такой-то князь—какую-то цыганку изъ табора... Словомъ, мода пошла на холопокъ...

— Нѣтъ, матушка...—вскрикнулъ Юрій Михайловичъ, поднявшись на ноги, весь задрожавъ отъ гнѣва.—Я не изъ таковскихъ... не позволю себѣ запачкать столь низкимъ и подлымъ поступкомъ дѣвушку, которую я люблю и уважаю, хотя бы она была и изъ холопокъ. Не любовницей своей хочу я сдѣлать ее...

— Ужъ не женой ли?—прошептала она, устремивъ на сына жгучій, пронизывающій и словно застывшій взглядъ, встала съ дивана и, жестомъ руки указавъ на дверь, вскрикнула:—вонъ... и не смѣй показываться мнѣ на глаза... Этому не бывать... Понимаешь ли, не бывать никогда... Вонъ отъ меня...

И, проговоривъ это, она быстро вышла въ сосѣднюю комнату.

— Нѣтъ, это будетъ,—прошипѣлъ онъ какъ-то, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ,—будетъ и иначе быть не можетъ...

Старуха отлично слышала эти слова, вздрогнула всѣмъ тѣломъ, остановилась, хотѣла было вернуться, но вдругъ, торопливыми шагами подойдя къ образницѣ съ теплившимися передъ иконами лампадками, упала ницъ и громко зарыдала.

А Юрій Михайловичъ тѣмъ временемъ выбѣжалъ въ переднюю, накинулъ на себя какой-то плащъ, и, выйдя на улицу, крикнулъ перваго попавшагося ему извозчика и куда-то поскакалъ. Пропадалъ онъ дня два-три, но гдѣ именно—никто не зналъ и не вѣдалъ. А вскорѣ послѣ этого темной дождливой ночью, окутавшей Москву густымъ покрываломъ, по одной изъ улицъ, освѣщенныхъ масляными коптившими фонарями, мчалась коляска, запряженная лихимъ четверикомъ. Коляску окружали какіе-то молодые люди, закутанные въ плащи, верхами на лихихъ лошадяхъ, а въ самой коляскѣ—молодой Рахмановъ, поддерживавшій обѣими руками почти безъ чувствъ лежавшую Валерію Николаевну, закутанную въ большую шаль.

Коляска подлетѣла къ заставѣ... Одинъ изъ молодыхъ людей соскочилъ съ лошади и подбѣжалъ зачѣмъ-то къ дежурному офи-

церу. Дежурный крикнулъ: «Подвысь».... Шлагбаумъ поднялся, и поѣздъ ринулся снова въ путь, оставивъ за собою Москву. Нѣкоторое время спустя, четверикъ мчался по улицѣ какого-то подмосковнаго села. Тамъ уже всѣ спали, и огни въ избахъ были потушены. Только въ концѣ улицы, словно звѣздочка, блестѣлъ какой-то яркій огонекъ, да бѣлѣла въ темнотѣ каменная церковь, окруженная такой же оградой. Огонекъ этотъ былъ въ домѣ священника, и, когда поѣздъ съ громомъ и шумомъ подлетѣлъ къ этому домику, то священникъ въ сопровожденіи причетника выходилъ уже изъ калитки.

— Пожалуйте, пожалуйте...—вскричалъ батюшка, увидавъ Юрія Михайловича,—давно поджидалъ васъ, давно... Пожалуйте въ церковь,—добавилъ онъ, направляясь къ церкви.

Немного погодя, всѣ были уже въ церкви, въ томъ числѣ и трое молодыхъ людей, пріѣхавшихъ съ Рахмановымъ. Зажгли какой-то огарышекъ, и вѣнчаніе началось, а, нѣкоторое время спустя, Рахмановъ и Валя были уже повѣнчены, и бракъ этотъ тотчасъ же занесенъ въ книгу.

— Да благословитъ васъ Господь Богъ...—проговорилъ священникъ, снимая съ себя облаченіе и расчесывая бороду и голову, обратясь къ молодымъ и благословляя ихъ.—Съ законнымъ бракомъ поздравляю.

Молодые поцѣловали руку батюшки, отслужили, какъ водится, благодарственный молебенъ и вышли изъ церкви. А, выйдя на паперть, были поражены, увидавъ только что пріѣхавшую карету съ двумя горѣвшими фонарями, запряженную цугомъ, и съ двумя лакеями на запяткахъ. Изъ кареты выскочилъ молодой князекъ въ гусарскомъ мундирѣ и съ татарской фамиліей, а затѣмъ и старуха Рахманова, поддерживаемая двумя лакеями. Она едва держалась на ногахъ, и лакеи съ трудомъ поддерживали ее. Видно было, что она была въ сильномъ волненіи.

— Что сь вами, матушка-барыня?—бормотали испуганные лакеи:—что съ вами?.. успокойтесь, успокойтесь...

А старуха, какъ только увидала сына, выходившаго подъ руку съ Валеріей Николаевной изъ церкви, вскрикнула и безъ чувствъ упала на руки поддерживавшихъ ее.

V.

Такъ какъ со старухой сдѣлался апоплексическій ударъ, то Юрію Михайловичу, рѣшившему прямо изъ церкви уѣхать въ село Рахманово, пришлось обратно ѣхать въ Москву. Старуху кое-какъ уложили въ карету, въ которой помѣстился и молодой князекъ, а Валерія Николаевна и молодой Рахмановъ снова усѣлись въ коляску.

Нечего и говорить, что положеніе новобрачныхъ было ужасное. Валерія Николаевна была почти безъ чувствъ и громко рыдала, а Юрій Михайловичъ, поддерживая ея голову, былъ самъ не свой.

Старуха все время находилась въ безсознательномъ состояніи, въ какомъ и была привезена домой. Созвали консиліумъ, больной пустили кровь, поставили піявокъ, къ головѣ прикладывали ледъ и только къ утру кое-какъ привели ее въ чувства. Она узнала сына, продолжительно всматривалась въ него, какъ бы не вѣря глазамъ своимъ, потомъ, увидавъ на рукѣ его обручальное кольцо, вздрогнула всѣмъ тѣломъ, замахала рукой, давая знать, чтобы онъ оставилъ ее, и, закрывъ глаза, снова впала въ безсознательное состояніе.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, доктора, не отходившіе отъ больной, посовѣтовали Рахманову не показываться матери и дать ей время хоть сколько нибудь оправиться. Такъ и сдѣлали. Оказалось, что лѣвая половина ея тѣла была парализована. Лѣвая рука и нога были безъ движенія, плохо работалъ и языкъ. Однако недѣли черезъ три здоровье старухи настолько поправилось, что она могла уже шевелить пальцами руки, съ посторонней помощью подниматься съ постели и сидѣть въ креслѣ. Однажды, какъ-то она высказала желаніе видѣть сына. Съ сердечнымъ трепетомъ бросился онъ къ матери, упалъ передъ нею на колѣни и хотѣлъ было поцѣловать ея правую руку, какъ вдругъ старуха вырвала у него руку, спрятала ее подъ подушку и сдѣлала знакъ доктору и сидѣлкѣ выйти изъ комнаты, а сыну указала на кресло.

— Сядь тамъ,—проговорила она, съ трудомъ поворачивая парализованнымъ языкомъ.—Сядь и слушай, что я тебѣ скажу...—Но замѣтивъ, что дверь осталась непритворенной, прибавила тѣмъ же коснѣющимъ языкомъ:—Дверь притвори, на ключъ, на ключъ запри...

А когда Юрій Михайловичъ, исполнивъ это приказаніе, подошелъ снова къ ней она опять указала ему на кресло.

— Позвольте, матушка, — проговорилъ Рахмановъ, заливаясь слезами и падая передъ матерью на колѣна.—Позвольте выслушать васъ, не сидя въ креслѣ, а вотъ такъ, на колѣняхъ, у вашихъ ногъ... Я очень, очень виноватъ предъ вами, но вѣдь я— сынъ вашъ. Сжальтесь же надо мною, простите меня, не дѣлайте меня несчастнымъ и не отравляйте своимъ справедливымъ гнѣвомъ дарованную вами жизнь мою. Матушка!—воскликнулъ онъ, закрывъ лицо руками и продолжая рыдать:—вѣдь я молодъ еще, мнѣ жить хочется... Но развѣ я буду въ состояніи жить, сознавая, что надо мною тяготѣетъ проклятіе матери... Сжальтесь надо мною, простите меня, примиритесь со мною... Сжальтесь наконецъ и надъ тою неповинной ни въ чемъ дѣвушкой, которую вы любили когда-то, какъ родную. Вѣдь она ни въ чемъ не виновата, я... я одинъ ви-

новатъ. Протяните мнѣ вашу руку, будьте великодушны и милосердны...

Но, замѣтивъ, что мать съ какою-то нервною торопливостью поспѣшила спрятать руку подъ подушку, онъ поникъ головой, и мелькнувшая было надежда на примиреніе съ матерью снова погасла въ его настрадавшемся сердцѣ.

— Сядь,—прошептала она,—и слушай.

Юрій Михайловичъ поднялся, какъ убитый, кинулся въ кресло и принялся слушать мать... Минутъ черезъ десять, онъ, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ изъ комнаты матери, добѣжалъ до своей, какъ снопъ, упалъ на диванъ и зарыдалъ страшными, потрясающими душу рыданіями. Заслышавъ его рыданія, Валерія Николаевна осторожно прокралась въ его комнату, подсѣла къ нему на диванъ и, нѣжно обнявъ его, спросила чуть слышно:

— Что съ тобой, Юрій, что съ тобой, желанный мой?...

Но рыданія долго мѣшали ему говорить. Онъ только поймалъ ея руку и принялся осыпать поцѣлуями.

— Несчастные мы съ тобой, Валя,—проговорилъ онъ, всхлипывая,—несчастные... Не видать намъ съ тобою счастья, не видать никогда...

Такъ прошло часа два, если не больше, вдругъ дверь въ комнату Юрія Михайловича распахнулась, на порогѣ показался докторъ и громогласно объявилъ, что съ больной повторился ударъ, и что она скончалась.

Юрій Михайловичъ вздрогнулъ, бросился къ постели усопшей, взглянулъ ей въ лицо и вдругъ, схвативъ себя за голову, снова выбѣжалъ въ залъ... А покойная лежала, вытянувшись на постели, закинувъ какъ-то голову назадъ съ растрепавшимися прядями сѣдыхъ волосъ, съ разинутымъ, осклабившимся ртомъ, съ широко раскрытыми глазами...

Въ комнату вбѣжали всѣ бывшіе въ залѣ, раздались вопли, рыданія, и весь домъ поднялся на ноги. Прибѣжала Валерія Николаевна, подбѣжала къ постели покойной, взглянула ей въ лицо и, громко рыдая, принялась осыпать поцѣлуями похолодѣвшую руку покойницы.

Похоронивъ мать въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, новобрачные поспѣшили въ деревню. Валерія Николаевна поступила въ Тихвинскую обитель, отстоявшую отъ села Рахманова верстахъ въ пятидесяти, гдѣ и постриглась, а Юрій Михайловичъ, поселившись въ старомъ домѣ, зажилъ совершеннымъ затворникомъ, всецѣло посвятивъ себя дѣлу благотворительности, къ великому огорченію сосѣдей, съ которыми прежде пировалъ, охотился, и которые чуть не по недѣлямъ гостили у него со всѣми своими семействами и даже съ прислугой. Онъ пересталъ бывать у нихъ, перевелъ охоту, распустилъ охотниковъ-цыганъ и началъ посѣщать мелкихъ

помѣщиковъ и немало удивился той бѣдности, въ которой они находились, особенно же удивилъ его старикъ Чуркинъ, помѣщикъ четырехъ душъ крестьянъ, имѣвшій семью, состоявшую изъ трехъ сыновей и одной дочери. Сыновья оставались почти безграмотными по неимѣнію у старика средствъ помѣстить ихъ въ какое либо учебное заведеніе, а дочь, ради поддержанія семьи, поступила на содержаніе къ какому-то богатому старику. Юрій Михайловичъ ужаснулся. Онъ предложилъ мѣсто лѣсничаго Чуркину, назначилъ ему приличное вознагражденіе и въ то же время опредѣлилъ на свой счетъ сыновей въ какія-то военныя учебныя заведенія. Что же касается злосчастной дочери, онъ немедленно сообщилъ объ этомъ Валеріи Николаевнѣ, которая и не замедлила пріѣхать въ Рахманово, а на слѣдующій день отправилась къ старику Чуркину, дочь котораго подверглась ради безвыходнаго положенія семьи столь злополучной участи. Она застала тамъ и дочь, пріѣхавшую навѣстить старика, и каковъ же ея былъ ужасъ, когда въ этой несчастной дѣвушкѣ она узнала свою подругу дѣтства, ту самую Серафиму, съ которой бѣгала когда-то по кельямъ Новодѣвичьяго монастыря и вмѣстѣ съ которой любовалась съ соборной колокольни видами на Москву и Воробьевы горы. Едва увидали онѣ другъ друга, какъ обѣ зарыдали и бросились въ объятія.

Прогостила у нихъ Валерія Николаевна два дня, и поѣздка эта кончилась тѣмъ, что она взяла съ собой Серафиму въ монастырь, гдѣ та и постриглась въ монахини...

Такъ прошло лѣтъ шесть-семь, какъ вдругъ Юрій Михайловичъ, сильно простудившись, слегъ въ постель и вскорѣ умеръ.

Юрій Михайловичъ передъ смертью завѣщалъ все свое имѣніе мѣстному дворянству съ тѣмъ, чтобы на доходы съ этого имѣнія воспитывать дѣтей бѣднѣйшихъ дворянъ. Изъ этихъ доходовъ образовался значительный капиталъ, на проценты съ котораго въ настоящее время воспитывается болѣе 30 дворянскихъ дѣтей ежегодно.

. . . .

На этомъ собственно и кончается мой разсказъ. Когда я схоронилъ Юрія Михайловича, мнѣ какъ-то сдѣлалось невыносимо тяжело оставаться въ селѣ Рахмановѣ, и я порѣшилъ переѣхать въ городъ, гдѣ продолжалъ заниматься вольной практикой, но все-таки села Рахманова не забывалъ и изрѣдка бывалъ тамъ. И вотъ однажды, это было очень давно, пріѣхавъ въ село Рахманово, какъ разъ въ день смерти Юрія Михайловича, я увидалъ возлѣ церковной ограды нѣсколько экипажей, а въ самой оградѣ толпились цѣлыя массы народа. Оказалось, что это служила панихиду Валерія Николаевна.

Я поспѣшилъ въ церковь. Тамъ совершалась торжественная панихида нѣсколькими священниками и двумя діаконами, облаченными въ черныя ризы, а на клиросѣ пѣлъ стройный хоръ мо-

нахинь, привезенный Валеріей Николаевной. Церковь была переполнена народомъ. Всѣ стояли на колѣняхъ съ зажженными свѣчами и усердно молились.

Сама Валерія Николаевна, игуменья Тихвинскаго монастыря, названная при постриженіи Валентиной, стояла на колѣняхъ возлѣ могилы Юрія Михайловича, помѣщавшейся неподалеку отъ праваго клироса, съ глазами, полными слезъ.

Наконецъ панихида кончилась. Клиръ пропѣлъ «Вѣчную память», церковь огласилась единодушными вздохами, всѣ встали, принялись креститься и тушить свѣчи. Встала и мать Валентина. На ней была черная длинная мантія, а на головѣ клобукъ, накрытый чернымъ крепомъ съ длиннымъ треномъ, а въ рукахъ четки. Медленной и торжественной походкой она поднялась на амвонъ, положила земной поклонъ передъ царскими вратами, приложилась къ мѣстнымъ иконамъ, обратилась лицомъ къ народу, сдѣлала три низкихъ поясныхъ поклона и, поддерживаемая подъ руки двумя монахинями, начала спускаться съ амвона.

Народъ быстро разступился, образовался широкій коридоръ, по которому игуменья въ сопровожденіи своихъ монахинь и направилась къ дверямъ церкви.

Немного погодя, мать Валентина сидѣла уже въ своемъ экипажѣ, остальныя монахини, клирошанки, размѣстились по своимъ, и поѣздъ тронулся въ путь.

— «Царство небесное»...—слышалось по всюду,—«царство небесное»...

Много лѣтъ спустя, мнѣ опять привелось быть въ тотъ же день въ селѣ Рахмановѣ. Мать Валентина уже скончалась и погребена была въ Тихвинской обители. Зная, что въ этотъ день совершается обыкновенно поминовеніе Юрія Михайловича, я пошелъ въ церковь. Тамъ шла панихида, но совсѣмъ не похожая на ту, о которой я только что разсказалъ вамъ. Церковь была совершенно пуста, а панихиду служилъ священнникъ, куда-то торопившійся, и служилъ ее, какъ говорится, на почтовыхъ. Онъ торопливо читалъ молитвы, еще торопливѣе махалъ кадиломъ, въ которомъ не было ни углей, ни ладана. Измятая, затасканная риза сбилась какъ-то на-бокъ, а растрепанные волосы безпорядочными прядями торчали во всѣ стороны. На клиросѣ виднѣлся одинъ дьячекъ съ заплетенной косичкой и въ засаленномъ полукафтаньѣ, что есть мочи кричавшій «вѣчную память».

Мнѣ даже тяжело стало при видѣ всей этой картины... Но Богъ съ нимъ, съ этимъ дьячкомъ... Помнятъ ли его тѣ сотни молодыхъ людей, которые, благодаря Юрію Михайловичу, получили образованіе, по крайней мѣрѣ, и которыхъ онъ сдѣлалъ людьми? Помнятъ ли они, по крайней мѣрѣ, эту святую могилу?

И. А. Саловъ.

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА [1])

XXIII.

Офицеръ Хелминскій и я на придворномъ балѣ. — Разговоръ императрицы Александры Ѳеодоровны съ Хелминскимъ во время кадрили. — Артиллерійскіе маневры. — Офицеръ Полозовъ и я на гауптвахтѣ. — Общіе маневры. — Начальники отрядовъ. — Царь и графъ Виттъ. — Излишнее усердіе Блока. — Выходка Гана. — Благополучное окончаніе маневровъ.

ВЪ ВОЗНЕСЕНСКѢ на придворные балы наряжались по очереди, какъ на службу, и нашъ братъ, армейскій офицеръ. На одномъ изъ такихъ баловъ досталось быть и мнѣ, вмѣстѣ съ поручикомъ Ингерманландскаго (что нынѣ герцога Саксенъ-Веймарнскаго) гусарскаго полка, Хелминскимъ, командированнымъ, какъ и я, для представленія на смотръ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ.

Въ пріемной комнатѣ дворца встрѣтилъ насъ дежурный флигель-адъютантъ и ввелъ въ залъ, залитый свѣтомъ отъ свѣчъ, несмотря на то, что на дворѣ было еще довольно свѣтло. По сторонамъ залы, на недальнемъ разстояніи отъ стѣнъ, шли колонны, поддерживающія потолокъ. Въ одинъ изъ свободныхъ пролетовъ, между колоннъ, поставили насъ. Мы осмотрѣлись; зала была полна людей обоего пола, разодѣтыхъ, разряженныхъ. Между мужчинами было довольно иностранцевъ, выдѣляющихся отъ прочихъ своими національными мундирами. Все это двигалось неслышно, разговаривало очень тихо. Ожидалось появленіе царственныхъ хозяевъ... Я и Хелминскій стояли на

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 26.

своихъ мѣстахъ, боясь пошевелиться. Глядя на насъ, стоящихъ неподвижно, можно было принять насъ скорѣе за каріатидъ или за другія украшенія столбовъ, чѣмъ за живыхъ людей... Вдругъ все засуетилось, задвигалось, поспѣшило занять свои мѣста... Растворилась дверь изъ внутреннихъ покоевъ... въ предшествіи министра двора появилась императрица, ведомая подъ руку государемъ; за ними многочисленная блестящая свита обоего пола людей. Раскланиваясь на обѣ стороны, царственная чета дошла до противоположнаго конца залы, по пространству, окаймленному шпалерой изъ живыхъ людей, стоявшихъ въ наклонно-согнутомъ положеніи. По знаку камергера, раздались звуки польскаго, исполняемаго военнымъ оркестромъ, помѣщеннымъ снаружи за однимъ изъ оконъ залы. Мимо, насъ плавно, чинно потянулись въ парахъ: мундиры, брильянты, звѣзды, ленты, все это извивалось, какъ змѣй, своими яркоблестящими концами чешуи... Въ моихъ непривычныхъ къ такому зрѣлищу глазахъ потемнѣло отъ сочетанія блеска!.. Огни свѣчъ, отражаясь на шитьѣ мундировъ и эполетъ и въ брильянтахъ, по мѣрѣ приближенія ко мнѣ, вспыхивали разноцвѣтнымъ свѣтомъ и потомъ опять потухали до слѣдующей пары. Въ глазахъ сильно рябило отъ такого искусственнаго сочетанія огня, и все остальное, казалось, тонуло во навкѣ... За польскимъ послѣдовалъ вальсъ. Императрица, сдѣлавъ нѣсколько туровъ, усѣлась въ кресло прямо противъ меня. Обводя глазами всѣхъ предстоящихъ, она, прищурясь, остановила ихъ на насъ, обоихъ; потомъ пальцемъ подозвала къ себѣ буквально расшитаго въ золото, какъ въ окладѣ, камергера и, указывая, какъ казалось, на меня, что-то сказала ему. Я страшно испугался, мурашки пробѣжали по спинѣ, и задрожали ноги... Камергеръ, низко поклонясь, направился къ намъ... Сердце во мнѣ упало... Подойдя къ Хелминскому, золотой «окладъ» проговорилъ офиціальнымъ тономъ:

— Государыня дѣлаетъ вамъ честь, — танцуетъ съ вами слѣдующую кадриль. Обязанностью считаю предупредить васъ: вы не должны сами вступать въ разговоръ, но отвѣчать только на вопросы, которыми васъ удостоятъ.

Затѣмъ, гордо поклонясь, онъ отошелъ. Я вздохнулъ свободно, какъ бы облегчившись отъ тяжести. Испугъ мой не имѣлъ основанія.

За вальсомъ послѣдовалъ промежутокъ. Разносили фрукты, конфекты, разные прохладительные напитки, мороженое въ формѣ плодовъ. Обносили и насъ обоихъ, но мы не смѣли ни къ чему прикоснуться, хотя все пожирали глазами.

Часто мимо проходилъ государь, окидывая насъ съ ногъ до головы своимъ орлинымъ взглядомъ, вѣроятно, отыскивая какое либо отступленіе отъ формы. Проходилъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, но не обращалъ вниманія на своего «дружища».

Раздался ритурнель кадрили. Хелминскій, отстегнувъ саблю и оставя ее и свой киверъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ, нетвердыми шагами подошелъ къ императрицѣ. Она, поднявшись съ кресла, подала руку, и они заняли мѣста въ кадрили. Vis-à-vis всталъ герцогъ Лейхтенбергскій съ великой княжной Маріей Николаевной. Я не спускалъ глазъ съ Хелминскаго. Въ первыя три фигуры онъ, повидимому, спокойно и развязно отвѣчалъ на слова своей царственной дамы; но въ четвертой—съ ними обоими произошла быстрая перемѣна. Хелминскій измѣнился въ лицѣ, а императрица отвернулась отъ него, при чемъ стало замѣтно трясеніе ея головы. Въ такомъ положеніи, не говоря болѣе ни слова, они кончили кадриль. На низкій почтительный поклонъ Хелминскаго императрица отвѣчала едва замѣтнымъ кивкомъ головы и величественно удалилась къ своему креслу, на которое и сѣла.

Когда Хелминскій вернулся на свое мѣсто, я шопотомъ спросилъ его:

— Что случилось съ вами?

— Не спрашивайте! Послѣ скажу!

Положеніе его и такой неудовлетворительный отвѣтъ меня сильно заинтересовали; но мѣсто, гдѣ мы находились, и люди, насъ окружающіе, не давали мнѣ возможности пускаться въ дальнѣйшія объясненія.

Между тѣмъ, продолжались слѣдующіе танцы. Государыня болѣе не смотрѣла въ нашу сторону, а мы оба попрежнему стояли неподвижно, въ образѣ каріатидъ... Насмотрѣвшись на все, что меня интересовало, еще болѣе сильно уставъ, стоя на одномъ мѣстѣ, я подумывалъ какъ бы «улизнуть» изъ залы; но меня удерживало незнаніе этикета, какъ поступить въ подобномъ случаѣ. Инстинктъ говорилъ во мнѣ, что такъ, просто, по собственному своему желанію, нельзя оставить мѣста, на которое насъ поставили, какъ на выставку.

На счастье, близко проходилъ какой-то флигель-адъютантъ, и я рѣшился обратиться къ нему съ вопросомъ:

— Можно мнѣ оставить залъ?

Тотъ гордо отвѣчалъ:

— Теперь нельзя. Но передъ мазуркой царскія особы удалятся, на время, во внутреннія комнаты; тогда я выведу васъ.

Дѣлать было нечего; оставалось покориться своей участи, или, правильнѣе сказать, тягости придворнаго этикета. Прошелъ еще одинъ мучительный часъ; ноги мои, отъ продолжительнаго стоянія, начали нѣмѣть; я, какъ журавль, переминалъ ими.

Наконецъ настала вожделѣнная минута. Императрица удалилась изъ залы; вмѣстѣ съ тѣмъ флигель-адъютантъ обязательно вспомнилъ свое обѣщаніе и, подойдя къ намъ, вывелъ меня и Хелминскаго, желавшаго того же не менѣе, чѣмъ я.

Отыскавъ, не безъ труда, привезшую насъ придворную линейку, мы на ней отправились восвояси. Дорогой Хелминскій на французскомъ языкѣ, чтобы не могли понять ни лакей, ни кучеръ, везшіе насъ, разсказалъ мнѣ случившееся съ нимъ.

Разговоръ его съ императрицей начался тѣмъ, что она ломанымъ русскимъ языкомъ спросила его: говоритъ ли онъ по-нѣмецки, или по-французски, и дальнѣйшій разговоръ продолжался на этомъ языкѣ. Императрица разспрашивала, любитъ ли онъ танцы, видалъ ли прежде придворные балы, какое впечатлѣніе произвелъ на него настоящій. Переходя затѣмъ къ службѣ, милостиво замѣтила, что при той удушливой жарѣ, которая стоитъ, ученья должны сильно утомлять насъ. Пока разговоръ вертѣлся на такихъ предметахъ, все шло хорошо. Императрица, видимо, благоволила къ Хелминскому. Вдругъ пришла ей несчастная мысль спросить:

— Ваши отецъ и мать живы?

— Слава Богу, живы, ваше императорское величество.

— Гдѣ они?

— Въ Варшавѣ.

Государыня, пристально взглянувъ на него, продолжала:

— Вы—русскій?

— Нѣтъ, ваше величество, я полякъ.

Государыню, видимо, передернуло.

— А гдѣ вы воспитывались?

— Въ школѣ юнкеровъ.

— Въ Петербургской?

— Нѣтъ, въ Варшавской.

— Гдѣ вы были во время послѣдняго варшавскаго возмущенія?

— Въ школѣ.

Этихъ немногихъ словъ было слишкомъ достаточно, чтобы встревожить государыню; голова ея затряслась. Отвернувшись съ явнымъ неудовольствіемъ отъ Хелминскаго, она не сказала съ нимъ болѣе ни одного слова. Въ эту-то минуту я и видѣлъ Хелминскаго такъ сильно измѣнившимся въ лицѣ. Онъ понялъ всю неловкость, всю неосмотрительность своего отвѣта; но что же было ему дѣлать? Не лгать же!

Извѣстно, что императрица получила трясеніе головы въ самый день возмущенія 14 декабря 1825 года, когда она смотрѣла изъ окна на Дворцовую площадь, полную народа и войскъ, и, прислушиваясь къ крикамъ и выстрѣламъ, страшилась за жизнь государя. Трясеніе ея головы дѣлалось замѣтнымъ каждый разъ при малѣйшемъ намекѣ на бунтъ. Извѣстно такъ же, что начало возстанія въ Варшавѣ, въ 1830 году, положили юнкера... Все это припомнила императрица и въ избранномъ ею самой кавалерѣ на танцы видѣла, можетъ быть, одного изъ участниковъ этого ско-

пища молодыхъ людей... Хелминскій, оканчивая свой разсказъ, прибавилъ, что, замѣтивъ непріятное впечатлѣніе, произведенное его отвѣтами на императрицу, онъ въ первую минуту подумалъ было объяснить, что не принималъ никакого участія въ возстаніи своихъ соотчичей; доказательство,—его настоящая служба государю; но, вспомнивъ предостереженіе камергера отвѣчать только на дѣлаемые вопросы, остановился. Такимъ образомъ, придворный этикетъ наложилъ на него печать молчанія, и онъ долженъ былъ вынести на себѣ всю тяжесть несправедливаго подозрѣнія, которое, можетъ быть, лишило его блестящей карьеры по службѣ. Заслуживъ, въ началѣ, благосклонное вниманіе императрицы, Хелминскій могъ разсчитывать на свое прекрасное будущее.

Вскорѣ послѣ описаннаго мной бала устроено было на полѣ, гдѣ обыкновенно происходили наши смотры и ученья,—«театральное» зрѣлище. Въ дальнемъ концѣ поля были поставлены деревянные щиты, красиво и отчетливо изображавшіе собой турецкую крѣпость со всѣми ея принадлежностями: минаретами, башнями, воротами, зубчатыми башнями. Крѣпость эту должна была разбивать артиллерія, и для большаго эффекта, чтобы огонь каждаго выстрѣла былъ виднѣе, бомбардированіе было назначено вечеромъ.

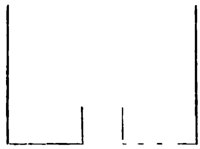
Въ день, назначенный для уничтоженія крѣпости, я обѣдалъ въ баракахъ, у кирасирскаго ротмистра Полозова, моего знакомаго по Коломнѣ.

Для незнающихъ объясню, что баракомъ называется вырытая довольно просторная землянка, съ потолкомъ, поддерживаемымъ деревянными стойками, и освѣщаемая окномъ со стеклянной рамой. На потолкѣ насыпанная земля служитъ вмѣсто крыши. Такой баракъ въ сухое время служилъ вмѣстилищемъ милліона земляныхъ блохъ, но во время дождей вода, вливаясь въ него по спуску, устроенному для входной двери, образовывала на полу лужи грязи, въ которыхъ нерѣдко случалось видѣть прыгающихъ лягушекъ. Баракъ отличается отъ блиндажа тѣмъ, что послѣдній имѣетъ на потолкѣ гораздо толще насыпанный слой земли, могущій выдерживать удары бомбъ.

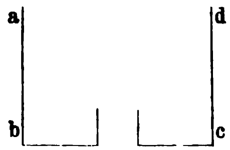
Полозовъ предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ смотрѣть на артиллерійскую стрѣльбу, при чемъ ради шутки вызвался сдѣлать обмѣнъ лошадьми. Свою, засѣдланную кирасирскимъ сѣдломъ, далъ мнѣ, а на мою, въ уланскомъ сѣдлѣ, на которой я пріѣхалъ къ нему, сѣлъ самъ. Извѣстно, что сѣдловка лошадей, кирасирскихъ и уланскихъ, имѣетъ большую разницу, какъ по формѣ самыхъ сѣделъ, такъ и по покрою и цвѣту сукна: первый употребляется въ легкой кавалеріи, послѣдній въ тяжелой, къ которой принадлежатъ кирасиры.

Прибывъ на мѣсто, мы стали подальше отъ начальства, чтобы не замѣтили нашихъ не форменныхъ, или, вѣрнѣе сказать, обмѣненныхъ сѣделъ; но мы разсчитывали безъ неожиданнаго артиллерійскаго маневра.

Крѣпость имѣла форму:

три стороны которой были закрыты стѣнами, съ воротами посрединѣ и башнями по угламъ; четвертая—была совершенно открыта. Для ясности разсказа стѣны означу буквами:

При нашемъ пріѣздѣ, артиллерія въ одну линію, съ интервалами, выстроена была противъ лицевой стѣны b c.

Прибылъ царь, по обыкновенію, окруженный многочисленной свитой, со всѣми своими иностранными гостями, въ числѣ которыхъ находился и турецкій посланникъ.

Изъ предположенія, что пушки, поставленныя на заранѣе приготовленныхъ мѣстахъ, наведены на цѣль, или, можетъ быть, изъ желанія блеснуть передъ иностранцами быстротой движеній и вѣрностью выстрѣловъ, государь скомандовалъ перемѣну фронта. Пушки, снявшись съ позиціи, понеслись по указанному направленію и стали противъ угла крѣпости b, такъ что могли обстрѣливать оба ея фасада ab и dc. При этомъ передвиженіи орудій, я и Полозовъ совершенно неожиданно попали на путь слѣдованія артиллеріи, во главѣ которой несся самъ царь. Застигнутые врасплохъ, мы не имѣли времени ускакать съ своихъ мѣстъ, и потому, по русскому всесильному «авось», рѣшились ожидать, что будетъ. Царь пронесся около насъ въ близкомъ разстояніи и кивнулъ головой, когда мы взялись «подъ козырекъ», не замѣтивъ нашихъ не подлежащихъ сѣделъ; но отъ зоркаго глаза скакавшаго въ его свитѣ начальника дивизіи, барона Остенъ-Сакена, не укрылось наше нарушеніе формы. Остановивъ свою лошадь и спросивъ наши фамиліи, онъ приказалъ мнѣ, по окончаніи предстоящаго маневра, отправиться на гауптвахту, а Полозову, какъ не состоящему въ его вѣдѣніи, объявилъ, что о немъ будетъ доведено до свѣдѣнія его начальства. Но мы не очень горевали о постигшей насъ участи, радуясь, что не царь замѣтилъ нашу про-

дѣлку, и что намъ дозволено присутствовать при артиллерійскомъ огнѣ. Для меня спать было все равно, на гауптвахтѣ или дома, и мы устремили глаза на предстоящее зрѣлище.

Между тѣмъ, артиллерія донеслась до своихъ мѣстъ; пушки живо были сняты съ передковъ и наведены на цѣль. По командѣ началась стрѣльба по орудіямъ, съ ровными промежутками. Первое же ядро попало въ цѣль, и часть деревянной стѣны съ трескомъ повалилась на землю. Слѣдующіе затѣмъ выстрѣлы окончательно разбили крѣпость; но оставшіеся еще кое-гдѣ рѣдкіе щиты стояли нетронутыми. Приказано было зажечь ихъ гранатами. Зрѣлище представилось великолѣпное. Стемнѣло, и можно было видѣть каждую искорку огня. Выстрѣлы все болѣе и болѣе учащались, слились въ одинъ общій залпъ. Артиллерія въ послѣдній разъ выпустила свои заряды и смолкла. Пороховой дымъ, клубясь кверху, держался въ воздухѣ темнымъ облакомъ. Въ то же время скрытые въ крѣпости фугасы взлетѣли на воздухъ, что должно было изобразить собой окончательный взрывъ крѣпости. Говорили послѣ, будто люди были скрыты за стѣнами деревянной крѣпости и въ данную минуту подожгли фугасы. Если это справедливо, то незавидна была участь сидящихъ подъ выстрѣлами ядеръ и гранатъ.

Начались маневры. Первый продолжался цѣлый день. Съ разсвѣтомъ мы пришли на «позицію», а вернулись домой поздно ночью усталые, голодные. Все войско было раздѣлено на двѣ половины: одной — непріятельской, командовалъ начальникъ всей поселенной кавалеріи, графъ Виттъ; другой, въ составѣ которой находились наши безсрочно-отпускные, — самъ царь. Мы тѣснили непріятеля до города Вознесенска, гдѣ онъ и прикрылся рогатками и тѣмъ преградилъ наступленіе кавалеріи. Тутъ я въ первый разъ видѣлъ въ дѣйствіи драгунъ. По сигналу вызвана была впередъ цѣлая ихъ дивизія; по другому сигналу, всѣ они живо спѣшились, образовали изъ себя батальонъ пѣхоты и съ примкнутыми къ рукамъ штыками, съ барабаннымъ боемъ, двинулись на приступъ города. Для насъ это было презанимательное зрѣлище; люди, за минуту дотолѣ сидѣвшіе на лошадяхъ, какъ бы по мановенію волшебства превратились въ стройные ряды пѣхоты, между тѣмъ какъ лошадей ихъ отвели назадъ. Подойдя къ городу, часть драгунъ бросилась, подъ выстрѣлами непріятеля, опрокидывать рогатки; другая—полѣзла на крыши невысокихъ хатъ, окружавшихъ предмѣстье, и спрыгивала съ нихъ въ средину города. Подсаживая другъ друга и потомъ спускаясь, драгуны употребили въ дѣло и свои штыки, только, разумѣется, не кололи ими непріятеля, а втыкали ихъ въ стѣны хатъ, что дѣлать было легко, такъ какъ стѣны были изъ глины; такимъ образомъ, дѣлая изъ штыковъ какъ бы ступеньки лѣстницы, лѣзли по нимъ наверхъ, на крыши.

Когда откинуты были рогатки, и путь намъ былъ открытъ, мы всей массой, имѣя во главѣ государя, вступили въ городъ. На первой же площади встрѣтилъ насъ гр. Виттъ, со шляпой въ рукѣ, что̀ означало, что онъ признаетъ себя побѣжденнымъ и отдается въ плѣнъ, поручая себя и свои войска великодушію непріятеля...

Государь былъ въ восторгѣ.

Но эта игра въ войну многимъ не прошла даромъ!

И прежде ни одного ученья не проходило безъ того, чтобы не было человѣкъ 4—6 убитыми, еще болѣе искалѣченными и ранеными.

Государь не довольствовался ровной плоскостью, избранной для нашихъ ученій, а водилъ полки и съ ними артиллерію по мѣстностямъ, пересѣченнымъ оврагами или «балками» (по мѣстному выраженію). Въ такіе-то овраги, иногда довольно глубокіе, съ крутыми берегами, должны были спускаться, на рысяхъ, кавалерія и артиллерія. И лошади, и пушки, и люди часто летѣли кувыркомъ внизъ, на дно оврага, при чемъ страшно калѣчились или убивались до смерти. На описанномъ мной маневрѣ случай этотъ повторился, но въ значительномъ размѣрѣ. Въ моихъ глазахъ одно артиллерійское орудіе, запряженное въ шесть лошадей, при спускѣ въ оврагъ не удержалось, перевернулось, покатилось внизъ, увлекая за собой и людей и лошадей. Когда привели все въ порядокъ, то не досчитались восьми человѣкъ изъ прислуги и нѣсколькихъ лошадей; всѣ они были или раздавлены, или убиты, или изувѣчены такъ, что не могли продолжать далѣе службы. Говорили, что всѣхъ убитыхъ въ тотъ день было болѣе 40 человѣкъ, а раненыхъ—за сотню. Лазаретные фургоны, гремя своими цѣпями вмѣсто рессоръ, то и дѣло сновали взадъ и впередъ, подбирая убитыхъ и раненыхъ. Полковые доктора верхомъ, сидя на лошади «калачикомъ» (кавалеристы поймутъ меня), въ треуголкахъ, съ надѣтыми на нихъ изъ глянцевитой клеенки чехлами, суетились со своими аколитами-фельдшерами и тамъ и сямъ подавали нуждающимся необходимую помощь.

Описанный мною маневръ не обошелся и безъ другихъ приключеній: одного—грустнаго, другого—смѣшного.

Государь требовалъ, чтобы артиллерія, какъ только выскакивала на позицію, тотчасъ же открывала огонь и поддерживала бы его съ живой скоростью. Поручикъ Блокъ, поставивъ свое орудіе на опредѣленное мѣсто, открылъ пальбу. Поднявшаяся отъ движенія кавалеріи пыль, смѣшавшись вмѣстѣ съ пороховымъ дымомъ отъ выстрѣловъ, залѣпляла глаза. Блокъ, верхомъ на лошади, стоя близъ самаго орудія, не могъ видѣть его дула. Помня приказаніе начальства стрѣлять какъ можно чаще, онъ скомандовалъ обычное «пли», не замѣтивъ, что бомбардиръ, пославъ зарядъ въ дуло, прибивалъ его банникомъ. Фейерверкеръ, услыша команду офицера и по нерасторопности, а, можетъ быть, за дымомъ и пылью, не видя, что

бомбардиръ не успѣлъ еще вынуть изъ жерла пушки банникъ, нанесъ горящій фитиль на скоропалительную трубку; грянулъ выстрѣлъ... Силою заряда банникъ сломился на двое, оторвалъ обѣ руки по локоть у бомбардира и ранилъ двухъ лошадей въ близъ стоявшемъ эскадронѣ гусаръ. Послѣдствіемъ такого несчастнаго случая было: Блокъ арестованъ на два мѣсяца, съ приказаніемъ обойти его чиномъ, что въ артиллеріи, гдѣ въ тѣ времена чины вообще давались туго, было равносильно вѣчному служенію въ одномъ чинѣ. Жертва излишняго усердія Блока—искалѣченный бомбардиръ поступилъ на попеченіе великаго князя Михаила Павловича, который приказалъ помѣстить его, по выздоровленіи, инвалидомъ въ свой дворецъ въ Петербургѣ, а между тѣмъ разузнать, не осталось ли семейство раненаго, чтобы дать оному денежное вознагражденіе.

Другое происшествіе, имѣвшее своимъ исходомъ смѣхъ, заключалось въ слѣдующемъ.

Узкая полоса земли отдѣляла р. Бугъ отъ рукава ея, рѣки Мертвоводъ. Мѣстность эта, по расписанію маневровъ, должна была быть занята драгунами. Отрядъ Александрійскаго гусарскаго полка, подъ командой майора Ганъ, затесался на эту мѣстность въ то время, когда драгуны входили въ нее съ противоположной стороны и, такимъ образомъ, столкнулись на этомъ узкомъ пространствѣ. Командиръ драгунъ, вполнѣ увѣренный, что мѣсто должно остаться за нимъ, вѣжливо обратился къ Гану съ просьбой—попятиться назадъ, такъ какъ мѣстность не дозволяетъ иначе разойтись. Ганъ, достаточно подпившій, съ кивером на затылкѣ, «вломился въ амбицію»; со словами: «александрійцы никогда не уступаютъ», скомандовалъ своему отряду «впередъ!» и ринулся на драгунъ. Тѣ, въ свою очередь, тоже подвинулись, и началась свалка... посыпались сабельные удары... Государь, стоявшій на небольшомъ возвышеніи въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста столкновенія, подскакалъ къ побоищу и своимъ звонкимъ, серебристымъ голосомъ спросилъ:

— Это что такое?

Выслушавъ объясненіе командира драгунъ, царь обратился къ Гану и тѣмъ же звучнымъ голосомъ, раздавшимся на далекое разстояніе, закричалъ:

— Какой ты майоръ? ты...

И, съ тѣмъ вмѣстѣ, приказалъ ему отступить.

Дѣло это могло кончиться очень дурно для Гана; но его спасла веселая минута царя. Оставшись очень доволенъ вообще всѣми маневрами, государь, во время непродолжительнаго отдыха, даннаго войскамъ, по сигналу вызвалъ къ себѣ гусаръ и драгунъ, бывшихъ недавнихъ враговъ, и, выстроивъ ихъ попарно, т. е. одинъ гусаръ и одинъ драгунъ, приказалъ пройти имъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ подъ звуки музыки. Этимъ царь желалъ какъ бы

возстановить между ними согласіе; но майоръ Ганъ, несмотря на то, все-таки высидѣлъ цѣлую недѣлю на гауптвахтѣ арестованнымъ.

На этихъ же маневрахъ мнѣ удалось видѣть въ первый еще разъ, какъ наводятъ понтонный мостъ; но, увы, мы не могли имъ воспользоваться. При наведеніи черезъ р. Бугъ, число понтонныхъ лодокъ оказалось недостаточнымъ, чтобы перехватить всю рѣку. Государь страшно разсердился. Командиръ понтоновъ, кажется, полковникъ Доппельмейеръ, былъ за то арестованъ.

Наступилъ сентябрь, начали перепадать частые дожди; къ голоду и усталости маневровъ присоединились невольныя души. Возвращались домой промоченными насквозь.

Назначены были послѣдніе заключительные маневры, долженствовавшіе продолжаться нѣсколько дней; такъ, по крайней мѣрѣ, можно было судить по отданному приказанію: запастись и взять съ собой провіанта и фуража на шесть дней. Войска уходили верстъ за 30 отъ мѣста своихъ стоянокъ...

Сказавшись больнымъ, я не поѣхалъ на послѣдніе маневры, въ виду предстоящихъ лишеній и трудностей, въ томъ полномъ убѣжденіи, что самопожертвованіе тутъ ни къ чему не послужитъ.

По окончаніи послѣдняго маневра, сокращеннаго по случаю дождливаго времени на пять дней, насъ, командированныхъ, распустили по полкамъ, при чемъ всѣмъ офицерамъ было объявлено монаршее благоволеніе. Офицеры, въ видѣ награды, просили дозволенія возвратиться въ свои полки черезъ Одессу. Насъ интересовало видѣть этотъ приморскій, торговый городъ ради близкаго его разстоянія отъ Вознесенска. Начальство отказало въ нашемъ желаніи изъ боязни, чтобы большой наплывъ молодежи послѣ невольнаго двухмѣсячнаго монастырскаго воздержанія не произвелъ какихъ либо скандаловъ въ присутствіи царской фамиліи, которая изъ Вознесенска прямо направилась въ Одессу. Нечего было дѣлать, и мы, «поджавъ хвосты» своихъ преждевременныхъ ожиданій, отправились восвояси.

XXIV.

Обратный путь.—Поѣздка на волахъ.—Остановка въ Кременчугѣ.—Тамошній городничій.— Разсказы про корпуснаго командира Рота.— Полтава.— Диканька. — Остановка въ Харьковѣ.—Я выслушиваю собственную мою исторію изъ устъ лакея гостиницы. — Мое возвращеніе въ Москву и намѣреніе поступить въ военную академію.—Мнѣ представляется возможность попасть въ адъютанты къ волынскому военному губернатуру А. П. Маслову.— Осенній смотръ въ Москвѣ.—Я ординарцемъ у царя.—Начальникъ дивизіи Гельфрейхъ.—Скачка черезъ барьеръ. — Отпускъ и отъѣздъ въ Казань.—Свиданіе съ родителями.—Грустное настроеніе.— Возвращеніе въ Коломну.— Мое назначеніе въ адъютанты къ генералу Маслову.

Обратный путь мой лежалъ тѣми же мѣстами, которыя я уже проѣзжалъ, но на этотъ разъ сопряженъ былъ съ большими препятствіями и остановками. Огромная масса разныхъ генераловъ и другихъ начальниковъ, отхлынувшая вся разомъ изъ Вознесенска' забирала всѣхъ лошадей на станціяхъ, несмотря на то, что положенный ихъ комплектъ былъ болѣе чѣмъ удесятеренъ. Вслѣдствіе этого мы, мелочь въ военной іерархіи, на каждой почти станціи встрѣчали остановку въ лошадяхъ. Кто испыталъ «удовольствіе» пережидать на почтовой станціи, да еще въ степи, тотъ пойметъ, почему я рѣшился цѣлыхъ двѣ станціи ѣхать въ телѣжкѣ, запряженной парой воловъ; хотя и медленно, а все-таки подвигаешься впередъ, не испытываешь тоски неподвижности. Тутъ я имѣлъ случай всмотрѣться въ этихъ умныхъ животныхъ, хотя они страшно мнѣ надоѣли своей ничѣмъ невозмутимой поступью-шагомъ. Никакими средствами нельзя принудить вола, хотя небольшое пространство, не говорю пробѣжать,—пройти ускореннымъ шагомъ, и я часто, соскучившись тащиться, соскакивалъ съ телѣжки и далеко опережалъ ее. Зайдя впередъ и потерявъ воловъ изъ вида, садился на край дороги и дожидался ихъ приближенія... Послышатся возгласы возничаго: «цобъ! цобэ!», что означало направо, налѣво,— являются рога и морды животныхъ, помахивающихъ своими хвостами и двигающихся все тѣмъ же степеннымъ шагомъ... Сядешь въ подъѣхавшую телѣжку, потянешься далѣе... опять возьметъ тоска отъ медленной ѣзды... снова соскочишь и уйдешь впередъ, и такъ продолжается во весь путь, до слѣдующей станціи.

Но, слава Богу, добрались до Полтавской губерніи; пошли мѣста населенныя, стали чаще встрѣчаться поселенія и люди; глаза, утомившіеся отъ единообразія степи, отдыхали на проявленіи жизни. Пріѣхалъ въ Кременчугъ, первый порядочный городъ, въ которомъ можно было остановиться и найти сносную гостиницу, чтобы переждать проѣзда всѣхъ генераловъ и другихъ лицъ, тормозившихъ ѣзду на почтовыхъ.

Въ Кременчугѣ я отдыхалъ двое сутокъ. Случай познакомилъ меня съ тамошнимъ городничимъ, раненымъ ветераномъ 1812 года. Привѣтливый, словоохотливый старикъ съ увлеченіемъ разсказывалъ

мнѣ много эпизодовъ изъ отечественной войны, въ которыхъ былъ ихъ свидѣтелемъ или принималъ дѣятельное участіе. Разсказывалъ мнѣ и позднѣйшія событія. Напримѣръ, повѣдалъ мнѣ, какъ корпусный командиръ Ротъ, возвращаясь въ 1829 году изъ турецкаго похода и остановившись въ Кременчугѣ, остался недоволенъ отведенной ему квартирой. Пославъ за городничимъ и расшумѣвшись и раскричавшись, какъ это было тогда въ употребленіи между генералами, Ротъ закончилъ бранью:

— Ты дуракъ!

На это старикъ-ветеранъ почтительно, но твердо отвѣтилъ:

— Ваше превосходительство, во уваженіе моихъ лѣтъ, еще болѣе моихъ ранъ, самъ государь не сказалъ бы: «ты дуракъ», а «вы дуракъ!»

Не знаю, понялъ ли Ротъ смыслъ и намекъ умнаго отвѣта, но болѣе городничаго не тревожилъ.

Анекдотъ этотъ привелъ мнѣ на память другой подобный, и съ тѣмъ же Ротомъ. Подъ Вознесенскомъ онъ выслушалъ тоже отвѣтъ, намекавшій на его глупую дерзость, отъ кирасирскаго офицера, назначеннаго ему на ординарцы. Извѣстно, что на ординарцы всегда назначаются лучшіе офицеры, твердые въ ѣздѣ и службѣ, и если случаются какія неудачи, то онѣ происходятъ помимо воли ординарца, или, какъ тогда говорилось, «по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ». Ротъ иначе понималъ эти вещи и, придравшись къ чему-то, началъ «распекать» ординарца и между прочимъ спросилъ:

— Отчего лошадь ваша не слушается мундштука?

Взбѣшенный кирасиръ не останавливаясь отвѣчалъ:

— Отъ того, что ротъ скверенъ, ваше высокопревосходительство.

Чтобы понять соль такого отвѣта, я долженъ для неслужившихъ въ кавалеріи пояснить, что иногда выдается въ ѣздѣ такая лошадь, у которой ротъ какъ бы онѣмѣлъ, дѣлается нечувствительнымъ для душки мундштука. Такая нечувствительность на языкѣ кавалеристовъ и называется «скверный ротъ» лошади.

Ротъ понялъ очень хорошо игру словъ: «Ротъ» и «ротъ», и что эпитетъ «скверный» приложенъ къ нему лично, но, не имѣя прямого предлога взыскать съ офицера за такой экивокъ, продолжалъ придираться:

— Я васъ, сударь мой, за дурное управленіе лошади сошлю туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

Но тотчасъ же получилъ отвѣтъ:

— Я знаю, что участь кавалерійскаго офицера зависитъ отъ скотины, ваше высокопревосходительство.

Этотъ новый остроумный отвѣтъ: отъ какой скотины? отъ лошади, или отъ Рота, окончательно взбѣсилъ послѣдняго, и онъ не выдержалъ, отправилъ своего орденарца подъ арестъ. Впрочемъ, на этомъ и кончилось дальнѣйшее преслѣдованіе офицера.

Ветеранъ-городничій разсказалъ мнѣ между прочимъ любопытный для меня случай изъ житейскаго быта въ тамошней мѣстности. Мы, жители сѣверной и средней полосы Россіи, не знаемъ, и славу Богу, что такое за насѣкомое саранча; въ Южной Россіи она, составляя обыденное явленіе,—бичъ на хлѣбныя произрастенія. Появляясь въ видѣ несмѣтнаго числа, она заслоняетъ собой солнце, пожираетъ всю растительность, встрѣчаемую на своемъ пути; въ одинъ часъ уничтожаетъ годовой трудъ земледѣльца. Извѣстно, что рѣка Днѣпръ раздѣляетъ городъ Кременчугъ на двѣ части. Однажды страшная, громаднѣйшая туча саранчи показалась надъ южной частью города, буквально затмивъ собой на нѣсколько часовъ солнце. Спустившись на землю, саранча въ нѣсколько минутъ пожрала листья плодовыхъ и фруктовыхъ деревъ, потомъ по мосту начала перебираться на противоположный берегъ рѣки. Чтобы прекратить саранчѣ дальнѣйшій путь, городничій распорядился развести мостъ. Но такое препятствіе не остановило нашествія своего рода варваровъ. Саранча, свернувшись въ нѣсколько клубковъ, спустилась въ рѣку и смѣло поплыла по водѣ. Столпившійся на берегу народъ, чѣмъ попало, уничтожалъ вылѣзавшую изъ рѣки саранчу, но могъ бить только ту, крылья которой обмокли въ водѣ; остальная, поднявшись на воздухъ, скрылась изъ глазъ изумленныхъ ея нашествіемъ жителей. Въ это лѣто вся жатва въ окрестностяхъ города была истреблена саранчей.

Въ Полтавѣ ѣздилъ смотрѣть поле знаменитой битвы Петра съ Карломъ XII; видѣлъ памятникъ, поставленный въ воспоминаніе побѣды, одержанной надъ шведами. Затѣмъ, Полтава осталась у меня въ памяти по тѣмъ отличнымъ «бубликамъ», которые мнѣ подавали къ чаю. Пекутся они изъ крупичатой муки съ примѣсью кукурузной, отъ чего дѣлаются разсыпчатыми и очень пріятными на вкусъ.

На первой станціи отъ Полтавы, знаменитой Диканькѣ, я тоже остановился. Диканька мнѣ и прежде была знакома по сочиненію Н. В. Гоголя: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки»,—и историческимъ воспоминаніямъ. Здѣсь могучій славный Кочубей по навѣтамъ измѣнника Мазепы сложилъ на плахѣ свою неповинную сѣдую голову. Къ счастью, въ мѣстечкѣ я нашелъ въ молодомъ мѣстномъ священникѣ любознательнаго изслѣдователя старины, насколько онъ былъ подготовленъ къ тому своимъ семинарскимъ образованіемъ того времени. Не вдаваясь въ историческія изысканія, онъ не менѣе того не оставлялъ безъ вниманія встрѣчаемыхъ имъ памятниковъ старины и изучалъ мѣстные нравы и обычаи жителей. Священникъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ по преданію была отрублена голова Кочубея, и камень, подъ которымъ лежало его тѣло. Гуляя съ нимъ по саду господскаго дома, я жадно слушалъ его, впрочемъ, необширныя свѣдѣнія о быломъ времени; онъ былъ болѣе знакомъ съ житейскимъ бытомъ современныхъ ему малороссіянъ.

Въ Харьковъ я пріѣхалъ днемъ и остановился въ знакомой мнѣ гостиницѣ. Слуга, подававшій мнѣ обѣдъ, былъ не тотъ, который прислуживалъ мнѣ въ первый мой пріѣздъ. Не боясь быть узнаннымъ, я смѣло приступилъ къ разспросамъ о своей собственной исторіи, желая уяснить себѣ то, что происходило въ Харьковѣ послѣ моего отъѣзда, и почему выходка моя относительно содержателя почтовыхъ лошадей дошла до свѣдѣнія великаго князя Михаила Павловича.

Обратясь къ слугѣ, я сказалъ:

— Скажи, пожалуйста, что такое надѣлалъ у васъ здѣсь уланскій офицеръ?

— И, сударь, и не говорите!.. Надѣлалъ онъ такую сумятицу, что всѣмъ досталось на орѣхи.

— Да что же такое?

— А вотъ, изволите видѣть! Пріѣхалъ онъ, этта, ночью прямо на станцію. Содержатель почтовыхъ лошадей, Котляровъ, ему что-то и нагруби; офицеръ, не думая долго, извѣстно, военная косточка, возьми, да и хвать его въ ухо, да и въ другое. Котляровъ схватилъ подорожную, значитъ, да въ бѣжки. Утромъ пошелъ, да и нажаловался губернатору: вотъ, молъ, такъ и такъ, ваше сіятельство, офицеръ меня прибилъ. А нашъ князь, и-и, какая горячка; хоть кого оборветъ. Но, видно, нашла коса на камень. Онъ напустился на офицера, а офицеръ и самъ зубастъ, говоритъ: вы не можете мнѣ ничего сдѣлать, а я вамъ не подчиненъ, не можете меня и задерживать. Князь видитъ, что съ офицеромъ ничего не подѣлаешь, взялъ да и отпустилъ его съ Богомъ! Офицеръ, не будь малый промахъ, возьми да и запиши въ жалобную книгу, что вотъ, дескать, такъ и такъ; пріѣхалъ я въ Харьковъ тогда-то, и меня тамъ задержали, не знаю почему, столько-то времени; такъ я, дескать, заявляю о семъ, чтобы мнѣ не быть въ отвѣтѣ передъ своимъ начальствомъ. Потомъ взялъ почтовыхъ лошадей, да и былъ таковъ. Вотъ долго-ль, скоро-ль, долженъ былъ проѣзжать нашимъ городомъ великій князь Михаилъ Павловичъ. По расписанію, ему назначено было здѣсь завтракать. Губернаторъ и все начальство ожидало великаго князя на отведенной ему квартирѣ, куда были отведены и приготовленныя для него почтовыя лошади; а великій-то князь приказалъ везти себя прямо на почтовую станцію. Говоритъ: «не хочу я ни минуты оставаться въ Харьковѣ». Это намъ передалъ ямщикъ, что привезъ его. Великій князь чѣмъ-то разсердился, въѣзжая въ губернію; какая-то, видно, была неисправность. Вотъ онъ и не захотѣлъ останавливаться, чтобы, значитъ, позавтракать. Тутъ-то, сударь, поднялась суматоха! Дали знать начальству, что великій князь прямо проѣхалъ на станцію. Всѣ бросились, сломя голову, сюда и стали съѣзжаться. Великій князь зашелъ на станцію. Подойдя къ столу, возьми да

разверни жалобную книгу, да и прочти заявленіе уланскаго офицера. Въ то самое время поспѣлъ и нашъ губернаторъ. Онъ было сунулся къ великому князю съ своимъ, знаете, лепортомъ, а тотъ останови его на первыхъ же словахъ, да и говоритъ: «я знаю, что у васъ въ губерніи все благополучно; только,—указываетъ пальцемъ на книгу,—это что такое? Кто смѣлъ остановить офицера, когда онъ ѣхалъ по высочайшему повелѣнію?» Нашъ губернаторъ измѣнился въ лицѣ и, заикаясь, отвѣтилъ: «офицера, ваше высочество, никто не останавливалъ; онъ самъ остановился». А великій князь говоритъ: «какъ самъ остановился? Прочитайте, что онъ тутъ пишетъ?» А нашъ губернаторъ говоритъ: «Это, дѣйствительно, что такъ, но вотъ, изволите видѣть, ваше высочество, офицеръ этотъ сильно былъ пьянъ; прибилъ почтосодержателя, потомъ отправился въ гостиницу, завалился спать, да и проспалъ все это время, а чтобы не отвѣчать начальству за то, что промѣшкалъ, возьми и напиши, что его задержали. Я какъ только узналъ о происшедшемъ, тотчасъ же выпроводилъ его изъ города!» А великій князь говоритъ: «Что-то странно! Какъ офицеръ рѣшился написать облыжно въ книгу, когда зналъ, что жалобу его будетъ разсматривать почтовое начальство?» Потомъ, обратившись къ сопровождавшему его генералу Философову, сказалъ: «запиши, братецъ, фамилію офицера, а какъ пріѣдемъ въ Вознесенскъ, напомни мнѣ, чтобы разобрать дѣло!»

— И только?

— Только, сударь!

— Что же, офицеръ въ самомъ дѣлѣ былъ пьянъ?

— Какое, сударь, пьянъ! Онъ былъ, говорятъ, такой моложенькій, какъ вы, сударь; чай, и вина-то вовсе не пьетъ. Да спроси насъ подъ присягой, мы всѣ показали бы, что у него во рту маковой росинки не было, не только чтобы былъ пьянъ. Это все губернаторъ нахвасталъ, чтобы, знаете, защитить себя. Небось по отъѣздѣ великаго князя отправился къ себѣ домой, повѣся носъ, какъ не солоно хлебавши.

— А что губернаторъ?

— Да что губернаторъ? Въ городѣ говорятъ, что онъ не долго усидитъ на своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ я узналъ собственную свою исторію во всѣхъ ея частяхъ; узналъ и «махинацію», подведенную княземъ Трубецкимъ. Не правда ли, какая «высокая» добродѣтель въ генералѣ, желающемъ прикрыть свою ошибку ложью и чернить доброе имя офицера такимъ порокомъ, который въ то строгое время могъ мнѣ стоить всей моей будущности?..

Нужно было, чтобы въ дѣло это былъ замѣшанъ Философовъ, припомнившій, что зналъ меня еще кадетомъ, и принявшій во мнѣ такое теплое участіе!.. Безъ его заступничества ложь князя Тру-

бецкаго, быть можетъ, взяла бы верхъ, и я пострадалъ бы невинно!.. Какъ часто въ жизни обстоятельства помимо нашей воли складываются такъ, что приводятъ къ заранѣе опредѣленной цѣли невидимыми или непонятными для насъ путями!..

Дальнѣйшій путь до Москвы я совершилъ безъ всякихъ приключеній, нигдѣ не останавливаясь, и, перемѣнивъ лошадей, тотчасъ же отправился въ Коломну. Остановиться въ Москвѣ я не могъ. При взглядѣ на мѣста, свидѣтелей моего недавняго счастія, навѣки утраченнаго, растравлялись мои заживающія раны сердца; память объ Alexandrine была еще во мнѣ слишкомъ свѣжа, и я поспѣшилъ вырваться изъ Москвы.

По пріѣздѣ въ Коломну, явился къ полковому командиру и разсказалъ ему свою харьковскую исторію со всѣми ея послѣдствіями. Князь Ливенъ, выслушавъ меня и разсмѣявшись, сказалъ:

— Да что вы? Прямой потомокъ Мамая, что сохранили всѣ его наѣздническія привычки и никому не даете спуска? Или—на ловца и звѣрь бѣжитъ. Берегитесь, чтобы и для васъ не настала вторая куликовская битва! Князя Трубецкого я знаю,—порядочная скотина!

Потомъ снисходительно прибавилъ:

— Въ наказаніе прикомандировываю васъ къ 1-му эскадрону, слѣдующему въ Москву для содержанія карауловъ. Приготовьтесь. Думаю, что вы не будете тяготиться такимъ наказаніемъ. Вы — такой любитель Москвы или того, что въ ней находится.

Послѣднія слова онъ произнесъ, коварно улыбаясь.

Внимательный князь! Онъ и не подозрѣвалъ, что причина, влекшая меня въ Москву, болѣе не существуетъ, и что въ моемъ положеніи настоящая командировка дѣйствительно служила для меня нравственнымъ наказаніемъ.

Между тѣмъ я серіозно задумывался, какъ бы мнѣ избавиться отъ фронтовой службы. Всѣ эти ученья, маневры, игра въ солдаты мнѣ страшно надоѣли. При этомъ припомнились и кроваво-смертельныя сцены, коихъ я былъ очевидцемъ. Вотъ, напримѣръ, лошадь нашего офицера, В. И. Бутлерова, имѣла привычку «опрокидываться». Вахмистръ, желая отучить ее отъ этой привычки, сдѣлался жертвой своего желанія. Разъ въ моемъ присутствіи, вахмистръ, объѣзжавшій лошадь въ манежѣ, какъ-то не остерегся; лошадь опрокинулась назадъ и придавила его всей своей тяжестью. Когда она встала, мы увидали, что вахмистръ неподвижно лежалъ распростертымъ на землѣ и только стоналъ. Оказалось, что передняя лука сѣдла проткнула ему животъ, изъ котораго вывалились наружу кишки. Пока ходили за священникомъ и подымали на шинели, онъ умеръ. Другой случай былъ еще ужаснѣе. На маневрахъ всей дивизіей подъ Москвой гусары были разсыпаны въ цѣпь фланкеровъ и наступали на рощу, въ которой, предполагалось, засѣлъ непріятель. Одинъ карабинеръ, повернувъ свою лошадь

направо, прицѣлился, чтобы выстрѣлить; въ это самое мгновеніе лошадь, чего-то испугавшись, бросилась въ сторону; гусаръ, не предвидя такого движенія, потерялъ равновѣсіе и упалъ на землю, но лѣвая нога его запуталась въ стремени. Въ такомъ положеніи лошадь пронесла его нѣсколько саженъ, пока нога не освободилась. Мѣстность была неровная, кочковатая, покрытая пнями отъ срубленныхъ деревъ. Мы видѣли, какъ голова несчастнаго гусара, ударяясь о пень или кочку, припрыгивала или отскакивала, какъ мячъ. Когда подъѣхали къ нему, онъ былъ уже безъ дыханія. Нога, остававшаяся въ стремени, вытянулась болѣе, чѣмъ на вершокъ, а черепъ на затылкѣ сорванъ, и изъ раны вытекалъ мозгъ...

Къ освобожденію моему отъ фронтовой службы представлялось три способа. Первый и самый, повидимому, простой — выйти въ отставку, второй — проситься на Кавказъ, третій — поступить въ военную академію. Въ исполненіи перваго намѣренія я боялся встрѣтить препятствіе со стороны отца. Онъ не дозволилъ бы въ мои молодыя еще лѣта оставаться безъ службы. Проситься о переводѣ на Кавказъ было легко; незадолго передъ тѣмъ было объявлено въ приказѣ по корпусу высочайшее распоряженіе о прикомандированіи офицеровъ къ войскамъ, дѣйствующимъ на Кавказѣ, для узнанія на дѣлѣ военной службы; но такая командировка нисколько не избавляла меня отъ фронта, хотя и не въ такой степени, какъ въ нашихъ полкахъ; притомъ походы, всякаго рода лишенія, непогода и т. п. представляли много неудобствъ, и я остановился на послѣднемъ способѣ—поступить въ академію. Но судьба указала мнѣ четвертый способъ, о которомъ я и не мечталъ, и который вполнѣ удовлетворялъ моему желанію продолжать военную службу, нисколько не неся ея тягости, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Придя съ первымъ эскадрономъ въ Москву, я занялся приведеніемъ въ исполненіе моего намѣренія — поступить въ военную академію. Досталъ программу предварительныхъ испытаній въ наукахъ, требуемыхъ для поступленія. Изъ программы я видѣлъ, что скоро и легко можно мнѣ подготовить себя; требовалось менѣе научныхъ свѣдѣній, чѣмъ для поступленія въ университетъ, и у меня еще въ свѣжей памяти было то, чему я учился. Затрудненіе для меня и то незначительное встрѣтилось въ математикѣ, и я сталъ пріискивать себѣ преподавателя. Въ этихъ приготовленіяхъ я получилъ письмо отъ отца, который спрашивалъ меня, что̀ я набуянилъ въ Харьковѣ. Сначала удивилъ меня такой вопросъ. Я ни слова не писалъ о происшедшемъ со мной; откуда отецъ могъ узнать объ этой исторіи? Впослѣдствіи недоразумѣніе мое объяснилось очень просто. Въ то время Харьковъ по корпусу жандармовъ принадлежалъ къ Казанскому округу, начальникомъ котораго былъ графъ П. И. Апраксинъ, нашъ родственникъ. Харьков-

скій жандармскій штабъ-офицеръ, не находя, вѣроятно, ничего важнѣе, какъ мой поступокъ въ Харьковѣ, или сочтя его за «государственное дѣло, нарушающее равновѣсіе Европы», донесъ о немъ графу, а тотъ, смѣясь, разсказалъ отцу. Вотъ какимъ путемъ отецъ узналъ о моемъ «заушеніи» Котлярова. Другая часть письма тоже поразила меня своей нечаянностью; въ ней заключалось рѣшеніе моей участи. Судьба, пославшая мнѣ ударъ въ смерти Alexandrine, какъ бы сжалилась надо мной, явилась мнѣ на помощь освободиться отъ фронтовой службы, создавъ комбинацію, на которую я никакъ не разсчитывалъ. Хорошій знакомый отца, генералъ-майоръ А. П. Масловъ, получилъ назначеніе быть военнымъ губернаторомъ въ г. Житомирѣ, что на Волыни, и по этому случаю написалъ отцу, не желаетъ ли онъ кого либо изъ своихъ сыновей отдать ему въ адъютанты. Отецъ, зная, что старшій братъ любитъ службу и неохотно разстанется съ нею, писалъ мнѣ, что если я желаю воспользоваться предложеніемъ Маслова, то чтобы поспѣшилъ своимъ отвѣтомъ. Получивъ такое извѣстіе, я и программу для поступленія въ военную академію и учебныя книги бросилъ къ чорту и отвѣтилъ отцу, что почту себя счастливымъ, если буду назначенъ адъютантомъ, такъ какъ фронтовая служба во всѣхъ ея видахъ мнѣ страшно надоѣла.

Чтобы сократить время моей службы въ полку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занять чѣмъ нибудь свое нетерпѣливое желаніе—скорѣе вырваться въ адъютанты, я подалъ рапортъ объ увольненіи меня въ отпускъ; но корпусный командиръ пріостановилъ его до окончанія смотровъ, имѣющихъ быть по случаю неожиданнаго пріѣзда государя въ Москву.

Дѣлать было нечего: скрѣпя сердце, сталъ ждать, утѣшая себя мыслью, что то будетъ моимъ послѣднимъ служеніемъ въ полку.

Въ октябрѣ прибылъ царь. Начались разводы, смотры. На первую очередь «ординарца» былъ назначенъ я. Такой чести я удостоился собственно не за свое искусство въ верховой ѣздѣ, но за отличную «выѣздку» моего «Брильянта». Но онъ едва не былъ причиной непріятной исторіи. Полагаясь вполнѣ на доброкачественность моей лошади, я не мучилъ ее напрасной ѣздой въ манежѣ. Отъ такой «холи» «Брильянтъ» сталъ рѣзовъ и выкинулъ «штучку». Послѣ развода, когда я подъѣхалъ къ царю и, остановивъ коня, поднялъ саблю «на подвысь», чтобы «отсалютовать», я почувствовалъ, что онъ правой ногой началъ «рыть землю». Ткнувъ его замѣтно носкомъ праваго сапога въ ногу, я думалъ, что «Брильянтъ» будетъ стоять смирно, но онъ на этотъ разъ выказалъ свое упрямство: поставивъ правую ногу, онъ то же самое сталъ дѣлать лѣвой. Я сильно встревожился! Чтобы понять причину моей тревоги, надо сказать, что незадолго передъ тѣмъ Сибирскаго уланскаго полка поручикъ баронъ Штакельбергъ былъ арестованъ ца-

ремъ за то, что, когда онъ подъѣхалъ, какъ и я, на ординарцы, то лошадь его не стояла смирно на мѣстѣ. Я думалъ, что и меня за продѣлки моего «Брильянта» постигнетъ та же участь. Отъ зоркаго глаза Николая не укрылась тревога, вѣроятно, выразившаяся на моемъ лицѣ, потому что онъ милостиво сказалъ:

— Ничего, ничего! Я не допускаю, чтобы лошадь на мѣстѣ суетилась! А движеніе твоей лошади показываетъ, что она «съ огнемъ».

Зайдя съ боку, чтобы лучше видѣть мою «посадку», государь сдѣлалъ мнѣ вопросы: какъ моя фамилія, гдѣ воспитывался и давно ли въ службѣ? Получивъ надлежащіе отвѣты, обратился къ Нейдгарту и сказалъ по-нѣмецки: «представь всѣхъ къ наградѣ!» Я забылъ сказать, что на ординарцы наряжались обыкновенно по одному офицеру изъ каждаго полка дивизіи и при нихъ по одному унтеръ-офицеру и одному рядовому.

Послѣ явки на ординарцы царь пожелалъ видѣть нашу ѣзду на всѣхъ аллюрахъ. Пришла очередь «прыгать черезъ барьеръ». Обыкновенно барьеръ подымался отъ пола немного болѣе аршина. Къ такой высотѣ и наши лошади были пріучены прыгать. На этотъ разъ, когда барьеръ положили на обычную высоту, царь сказалъ:

— Выше! Легкая кавалерія должна перелетать черезъ заборы!

Подняли барьеръ на высоту двухъ аршинъ. Затѣмъ раздалась обычная команда: «справа, по одному, на три лошади дистанціи, первый человѣкъ, шагомъ маршъ!»

Чтобы понять слѣдующую за тѣмъ мою продѣлку, я вернусь назадъ и опишу утреннюю того дня сцену съ нашимъ начальникомъ дивизіи, Гельфрейхомъ, очень добрымъ нѣмцемъ, но «нечисто» говорившимъ по-русски. Передъ тѣмъ, какъ итти намъ къ разводу, за которымъ слѣдовала «явка» на ординарцы къ государю, Гельфрейхъ пріѣхалъ на Колымажный дворъ и, собравъ насъ, ординарцевъ, въ манежѣ, держалъ такую рѣчь, исключительно обращенную ко мнѣ:

— Любезній Мамаевъ! Ви должни помнить, что ви первій шловѣкъ пасһ первій полка. Ви пойдетъ корошо, вси пойдетъ корошо. Гельфрейхъ—спасибъ! Ви пойдетъ дурнъ, вси пойдетъ дурнъ: вамъ—крештъ!

Чтобы понять, почему я «первій шловѣкъ полка», и что, если я проѣду хорошо, то и все пойдетъ хорошо, надо сказать, что нашъ Оренбургскій уланскій полкъ, по своему номеру, стоитъ первымъ въ дивизіи, и слѣдовательно я первый долженъ явиться на ординарцы. Далѣе извѣстно, что лошади имѣютъ свойство барановъ: гдѣ первая лошадь пройдетъ или перескочитъ, тамъ и всѣ остальныя перескочатъ; но гдѣ первая замнется, тамъ и остальныя, несмотря ни на какія усилія, сдѣлаютъ то же.

Объяснивъ слова Гельфрейха, обращусь къ своему разсказу.

Когда я увидѣлъ, что барьеръ подняли выше, чѣмъ обыкновенно, меня взяло раздумье: перескочитъ ли мой «Брильянтъ»? не замнется ли онъ?—и тогда все дѣло будетъ испорчено. Вотъ почему, выслушавъ команду «шагомъ», я смѣшался. Припомнились мнѣ слова Гельфрейха. Не надѣясь, что «Брильянтъ» перескочитъ «съ шагу», я рѣшился на отчаянную выходку—измѣнить назначенный аллюръ. Не доходя за нѣсколько шаговъ до барьера, я поднялъ свою лошадь «въ галопъ» и, живо перескочивъ барьеръ, тотчасъ же пошелъ далѣе опять «шагомъ». Вся эта продѣлка происходила въ глазахъ царя. Я думалъ: ну, теперь-то достанется мнѣ за самовольный аллюръ! Каково же было мое удивленіе, когда Николай удостоилъ изречь слово: «молодцемъ!».

За мной, безъ всякаго препятствія и замѣшательства, перескочили и всѣ прочія лошади.

Тѣмъ кончилось наше представленіе царю, къ общему всѣхъ удовольствію, и насъ, ординарцевъ, отпустили въ казармы.

На другой день въ приказѣ по корпусу объявлена была намъ, ординарцамъ, награда: не въ зачетъ третное жалованье!!.. Мы не того ожидали. Мы ласкали себя надеждой, что за «царское спасибо» намъ дадутъ по кресту. Въ наши молодые годы свойственно было желать получить «по игрушкѣ» на грудь. Скрѣпя сердце, мы проглотили нашу досаду, негодуя, и весьма справедливо, на корпуснаго командира, отъ котораго, по вызову самого царя, зависѣлъ выборъ нашей награды.

Отбывъ всѣ парады и смотры, я наконецъ получилъ столь нетерпѣливо ожидаемый отпускъ на $2^1/_2$ мѣсяца и отправился въ Казань. Такъ какъ это было въ концѣ декабря, то я спѣшилъ пріѣхать на мѣсто къ новому году, чтобы встрѣтить его въ своемъ семействѣ. Я успѣлъ въ своемъ желаніи, но поспѣшность моя не обошлась мнѣ даромъ.

Пріѣхалъ я въ Казань наканунѣ новаго года, часу въ 10-мъ вечера, и засталъ всѣхъ родныхъ въ обширномъ домѣ, купленномъ у тетки, графини В. В. Апраксиной. Въ полночь роспили бутылку съ шампанскимъ, поздравили другъ друга съ пожеланіемъ «новаго счастья» и разошлись спать. Мнѣ были приготовлены комнаты въ отдѣльномъ флигелѣ, очень небольшомъ, но уютномъ, красиво и комфортабельно убранномъ. Всѣмъ этимъ занялась мать; а извѣстно: за что возьмется женщина, да еще любящая, тамъ явятся и удобство и изящество, и все выйдетъ просто, но мило.

На другой день я всталъ совершенно здоровымъ, ничего не чувствуя, облекся въ полную парадную форму и отправился являться коменданту и военному губернатору и затѣмъ съ поздравительными визитами къ роднымъ и знакомымъ. Спускаясь съ лѣстницы отъ губернатора, я почувствовалъ, что сапогъ, надѣтый

утромъ на лѣвую ногу свободно, началъ жать ее; но когда я пріѣхалъ къ В. Ѳ. Желтухину, жившему наискось губернатора, я не могъ высидѣть у него и 10-ти минутъ; боль въ лѣвой ногѣ сдѣлалась нестерпимой. Оставя всѣ прочіе визиты, я поспѣшилъ домой, чтобы узнать причину внезапной боли въ ногѣ. Оказалось, что ступень ноги опухла такъ, что невозможно было снять сапогъ, надо было его разрѣзать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я почувствовалъ такую же жгучую боль и въ ступнѣ правой ноги. Приглашенный докторъ нашелъ, что обѣ ноги у меня отморожены. Тогда я вспомнилъ, что, спѣша въ Казань, въ сильно морозную ночь пріѣхалъ на станцію въ Муромъ, страшно иззябъ, въ особенности ноги, и, обрадовавшись горячо натопленной печи, влѣзъ на нее, не думая о послѣдствіяхъ. Когда почтовыя лошади были запряжены, я прямо съ печи сѣлъ въ сани и поѣхалъ далѣе. Такой быстрый переходъ отъ тепла къ холоду сдѣлалъ то, что я отморозилъ себѣ обѣ ноги; но при этомъ странно, что опухоль и боль въ ногахъ явились только на другой день по моемъ пріѣздѣ въ Казань.

Приняты нужныя медицинскія мѣры; но за всѣмъ тѣмъ ногти на лѣвой ногѣ, какъ болѣе пораженной, сошли, и я болѣе мѣсяца могъ ходить только въ мягкихъ и свободныхъ туфляхъ. Такое, повидимому, несчастье радовало меня! Въ отмороженныхъ ногахъ я видѣлъ судьбу, пришедшую мнѣ на помощь, чтобы лучше замаскировать отъ людей тайное мое желаніе—избѣгать общества.

Пока я велъ жизнь дѣятельную: поѣздка въ Вознесенскъ, смотры, ученья, разныя испытываемыя мной ощущенія и тому подобное поддерживали во мнѣ возбужденное состояніе, и воспоминаніе объ Alexandrine какъ будто ослабло; но теперь, когда я вернулся къ спокойной домашней жизни, будучи окруженъ заботой и вниманіемъ, умъ мой оставался празднымъ, внѣшнія впечатлѣнія поглощены ежедневнымъ, одинаковымъ порядкомъ жизни, самъ я оставался въ полномъ бездѣйствіи, и потому память съ новой силой вступила въ свои права и жгучей болью представляла мнѣ пережитое мной счастье. Оставаясь иногда одинъ, я переносился мыслями въ недавнее прошлое, и думалъ: давно ли, кажется, я былъ въ Казани? Не прошло и двухъ лѣтъ? А сколько событій, страданій!.. какую потерю пережилъ я! Не было тѣхъ ощущеній, какія я испытывалъ, когда въ первый разъ подъѣзжалъ къ родительскому дому! Сила утраты сердца заглушила во мнѣ даже радость свиданія съ родителями!.. При такомъ настроеніи духа, естественно, что я удалялся людей, рѣдко посѣщалъ общественныя развлеченія: театръ, собранія, балы и тому подобное. Такое отчужденіе отъ общества, конечно, не могло укрыться отъ посторонняго вниманія. На разспросы о причинѣ такой во мнѣ перемѣны я оправдывалъ себя, сначала, болѣзнію ногъ, а послѣ, когда и эта причина была отстранена, кратковременностью отпуска, который я желалъ про-

вести безраздѣльно въ своемъ семействѣ. А между тѣмъ, когда прочая молодежь веселилась и прыгала подъ звуки бальной музыки, я украдкой перечитывалъ всегда новыя, всегда милыя для меня письма Alexandrine; цѣловалъ прядь волосъ, эти единственные вещественные знаки, оставшіеся мнѣ въ залогъ моей глубокой, счастливой любви!..

Такъ я проводилъ время, находясь въ отпуску. Ни ласки отца и матери, ни искушенія веселой общественной жизни не могли заглушить во мнѣ тоску сердца, ослабить до забвенія впечатлѣніе понесенной мной потери!.. Все это могло сдѣлать только время, залѣчивающее самыя глубокія, чувствительныя раны.

Отпускъ мой окончился, и я, простившись съ родителями не безъ сожалѣнія, отправился въ полкъ. По пріѣздѣ въ Коломну узналъ, что состоялся высочайшій приказъ о назначеніи меня адъютантомъ къ генералу Маслову. Разставшись съ своими товарищами по полку, поѣхалъ въ Москву и остановился въ домѣ дѣда, И. Н. Рославлева, чтобы имѣть возможность какъ можно чаще и больше наговориться съ Лизаветой Ивановной о моей незабвенной Alexandrine, любовь которой ко мнѣ не была для нея тайной.

Дальнѣйшія мои похожденія случились со мной, когда я носилъ уже адъютантскую форму, и будутъ описаны въ слѣдующихъ главахъ. Здѣсь я только скажу, что, затерявшись дотолѣ въ толпѣ, въ ничтожествѣ другихъ, я ничѣмъ не могъ проявить своего существованія. Съ назначеніемъ въ адъютанты, судьба вдругъ выдвинула меня впередъ, сдѣлавъ орудіемъ исполненія своихъ велѣній!.. Я получилъ громадное значеніе въ общественной жизни; въ моихъ рукахъ, несмотря на мои молодые годы и незначительный чинъ, я имѣлъ участь многихъ людей...

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ.

Повѣсть.

I.

ГЛУХОЙ, дребезжащій звукъ желѣзнодорожнаго колокола маленькой невзрачной станціи пронесся отрывисто и смолкъ. Вслѣдъ за нимъ гдѣ-то въ концѣ платформы пронзительной трелью отозвался свистокъ оберъ-кондуктора; прошло нѣсколько секундъ, и ему отвѣтилъ сильный гудокъ паровоза. Опять свистокъ, опять протяжное завываніе гудка, и длинный пассажирскій поѣздъ, вздрагивая вагонъ за за вагономъ, ударяя въ буфера, глухо громыхая цѣпями и колесами, медленно, словно нехотя, отошелъ отъ деревянной станціонной платформы. Ему замигали разноцвѣтными огнями семафоры, фонари на стрѣлкахъ; на переѣздѣ уныло протрубилъ рожокъ сторожа—и опять все стихло. Поѣздъ поползъ темною змѣей, пыхтя, выпуская черные клубы дыма, и быстро скрылся за поворотомъ.

Въ сумеркахъ холоднаго осенняго вечера моросилъ мелкій ненастный дождикъ. Деревья на «резервѣ» и въ садикѣ желѣзнодорожной станціи стояли хмурыя, полуоголенныя, уныло роняя слезы. Дождь шелъ съ утра, какъ черезъ сито, и воздухъ, чрезмѣрно насыщенный влагой, висѣлъ тяжелой пеленой надъ окрестностями. Сѣрый липкій туманъ колыхался надъ пустынными полями, надъ моховымъ болотомъ, прилегавшимъ къ полотну, всползалъ клочьями

даже на телеграфные столбы съ проводами, на которыхъ сиротливо жались промокшіе грачи и галки. Сама станція съ почернѣвшими стѣнами смотрѣла печально и неприглядно.

Платформа скоро опустѣла. Торопливо скрылся начальникъ станціи, высокій, худощавый брюнетъ въ красной фуражкѣ, все время ежившійся въ драповомъ пальто и не вынимавшій рукъ изъ кармановъ. За нимъ слѣдомъ шелъ старикъ жандармъ, грузный и сутуловатый, лѣниво позвякивая на ходу шпорами. Съ десятокъ мужиковъ и бабъ въ самодѣльныхъ сермягахъ, въ картузахъ и платкахъ, всѣ въ огромныхъ сапожищахъ, забрызганныхъ грязью, да нѣсколько подгородныхъ мѣщанъ, одѣтыхъ въ поддевки почище, разошлись не спѣша къ своимъ телѣгамъ и лошадямъ, стоявшимъ сзади во дворѣ, у самой станціонной рѣшетки.

На платформѣ остались только сторожъ Егоръ, пожилой мужчина въ форменной барашковой шапкѣ и толстой суконной курткѣ, подпоясанной широкимъ кожанымъ ремнемъ съ бляхой, да элегантный господинъ въ сѣромъ пальто и фуражкѣ съ кокардой и кантомъ. Это былъ единственный пассажиръ, который высадился изъ ушедшаго поѣзда на этой станціи, носившей названіе маленькаго захолустнаго городка, лежавшаго въ трехъ верстахъ отъ нея, на самомъ берегу Днѣпра. Пассажира звали Алексѣемъ Семеновичемъ Радолинымъ. Онъ ѣхалъ по дѣламъ службы и остановился здѣсь потому, что въ городкѣ находилась ближайшая пристань, отъ которой ежедневно вверхъ и внизъ по рѣкѣ бѣгали пароходы. Радолинъ ѣхалъ въ Кіевъ; а такъ какъ расписанія поѣздовъ и пароходовъ по обыкновенію не совпадали, то ему приходилось гдѣ либо переночевать до прибытія «Запорожца», котораго ждали на другой день рано утромъ.

Замѣтивъ пассажира, сторожъ Егоръ, исполнявшій одновременно обязанности носильщика, вѣсовщика и прислуги начальника станціи, подошелъ къ нему неторопливо и проговорилъ, приподнимая шапку:

— Лошадокъ не потребуется ли, ваше—скородіе? Можетъ, въ городъ аль въ имѣніе куда изволите ѣхать?...

Но когда Радолинъ объяснилъ ему, что думаетъ ѣхать на пристань и тамъ ожидать парохода, равнодушное лицо Егора съ подслѣповатыми глазками и тощей, рѣденькой бородкой сразу оживилось и выразило недоумѣніе.

— Никакъ невозможно, ваше—скородіе, ѣхать вамъ на пристань. Тамъ теперь ни души нѣтъ, а «Запорожцу» ближе завтрашняго полудня ни за что не подвалить. Гдѣ же ваше—скородіе ночевать будутъ?

— Какъ же такъ? — проговорилъ Радолинъ растерянно. — По расписанію въ 6 утра пароходъ отсюда отходитъ?

— Это точно пишутъ, и у насъ значится. А только раньше двѣнадцати ему не приттить; потому — мелководье. Опять же онъ

вездѣ пассажировъ ждетъ, чтобы пустымъ не бѣгать. Никакой возможности нѣтъ ему приходить ваккуратѣ. Ужъ вы не сумлѣвайтесь, ваше—скородіе.

— Что же я буду дѣлать?—спросилъ Алексѣй Семеновичъ, глядя съ тоской на свой чемоданъ и кошму съ подушками.—Здѣсь, что ль, на станціи, до утра переждать?

— Никакъ невозможно, ваше—скородіе, начальство не дозволяютъ. Не миновать вамъ въ городъ въ гостиницу ѣхать.

— Досадно. Къ тому же я Н—ска совсѣмъ не знаю. Какая у васъ самая лучшая гостиница?

Егоръ почесалъ въ затылкѣ, тупо посмотрѣлъ на чемоданъ и подушки, опустилъ голову и помолчавъ, какъ будто съ трудомъ припоминая, неожиданно объявилъ:

— Гостиницъ-то у насъ, ваше—скородіе, всего одна... Внизу, значитъ, трактиръ, а наверху комнаты для постояльцевъ. Мѣщанинъ Сырокопытовъ держитъ.

— Грязно тамъ, вѣроятно? Клопы, вонь, разная мерзость? Нечего сказать, удовольствіе!—и лицо Радолина приняло выраженіе брезгливости и досады.

— Точно-то не могу сказать вамъ, баринъ!—замялся сторожъ.—А такъ что господа здѣшніе ничего... одобряютъ. Такъ прикажете мужичка принанять?—спросилъ онъ черезъ минуту, видя, что Радолинъ стоитъ въ нерѣшительности.—Никакой клади еще въ багажѣ не имѣется?—произнесъ онъ уже на ходу и, взявъ чемоданъ съ подушками, вслѣдъ за пріѣзжимъ отправился въ станціонную комнату.

Четверть часа спустя, Алексѣй Семеновичъ уже тащился въ городъ въ телѣжкѣ на парѣ чалыхъ крестьянскихъ лошадей. Извозчикъ Ѳедотка, нанятый сторожемъ, молодой безусый парень, въ длиннополомъ полѣсскомъ халатѣ, попросту подпоясанный пеньковыми путами, въ засаленномъ картузѣ, утратившемъ всякія очертанія шляпы и походившемъ скорѣе на блинъ, чѣмъ на картузъ,—сидѣлъ на облучкѣ, старательно дергая веревочными вожжами, плевалъ и причмокивалъ. Радолинъ, укутавшись въ пледъ, весь ежась отъ промозглой сырости, бился на деревянномъ сидѣньѣ экипажа, какъ на дыбѣ. Онъ поминутно сползалъ съ кожаной подушки, несмотря на всѣ усилія удержаться на мѣстѣ. Чемоданъ и кошма, лежавшіе у него въ ногахъ, подпрыгивали въ кузовѣ телѣжки отъ дорожныхъ выбоинъ и ухабовъ, какъ резиновый мячъ, и больно давили ему ноги.

— Ну, вы, милыя, тащись веселѣй!—понукалъ лошадокъ Ѳедотка и, обернувшись въ полоборота, спросилъ сѣдока съ любопытствомъ:

— А вамъ, господинъ, въ гостиницу?

Радолинъ былъ не въ духѣ, а потому отвѣчалъ съ досадой:

— А куда же еще? Вѣдь сторожъ тебѣ толковалъ? Оглохъ ты, что ли?

На этомъ бесѣда и оборвалась. Ѳедотка опять задергалъ вожжами, зачмокалъ и сталъ равнодушно глядѣть на грязную, размытую дождемъ дорогу.

Старое шоссе бѣжало среди оголенныхъ полей, упиравшихся въ черную стѣну далекаго лѣса, то взбираясь на бугры и пригорки, то спускаясь въ ложбины, обратившіяся отъ проливныхъ дождей въ сплошное болото жидкой бурой грязи. Глядя на эту унылую дорогу, однообразную, безформенную отъ осенней распутицы, надъ которой застыло тусклое свинцовое небо, Радолинъ почувствовалъ себя вдругъ безпомощнымъ и одинокимъ.

Склонный и безъ того къ меланхоліи, Алексѣй Семеновичъ ощущалъ теперь щемящую боль въ груди, приступъ той ноющей тоски, отъ которой у него портилось расположеніе духа, и всегда дѣлалась безсонница. Въ такія минуты коллежскій совѣтникъ Радолинъ, служившій по министерству финансовъ и занимавшій видное положеніе въ губерніи, обыкновенно впадалъ въ состояніе тяжелаго исключительнаго недуга. Въ немъ начинался мучительный процессъ самоанализа—«подведеніе себѣ итоговъ», какъ онъ выражался, и результаты получались крайне неутѣшительные. Несмотря на свои еще молодые годы (ему было лѣтъ подъ сорокъ) и удачную карьеру, которой завидовало большинство сослуживцевъ, Алексѣй Семеновичъ за послѣдніе годы все чаще и чаще задумывался надъ своею жизнью. Раньше, когда онъ только что поступилъ на службу, ему казалось, что онъ попалъ именно на тотъ путь, который дастъ ему и обезпеченіе и нравственное удовлетвореніе. Еще студентомъ онъ мечталъ объ этомъ.

«Я стану работать», думалось ему, «всѣ свои силы буду отдавать на служеніе родному народу, стараясь приносить ему посильную помощь и пользу...». «Какъ бы ни былъ сложенъ государственный механизмъ, въ этой огромной машинѣ каждый винтъ, каждая шестерня дѣлаетъ свое дѣло, и отъ исправности ихъ зависитъ весь результатъ труда и совмѣстныхъ усилій культурной націи»,—съ паѳосомъ говорилъ популярный профессоръ, и Радолинъ припоминалъ, съ какимъ трепетомъ онъ и его товарищи обыкновенно спѣшили на эти лекціи.

Перспектива «активнаго участія» въ общей государственной работѣ особенно улыбалась ему въ тѣ годы, когда онъ только что сошелъ съ университетской скамьи, полный надеждъ и дѣятельныхъ силъ, весь проникнутый самыми благородными намѣреніями. Это была пора необыкновеннаго подъема духа общественнаго сознанія, который охватилъ большую часть русскаго общества вслѣдъ за эпохой великихъ реформъ. Радолинъ, принадлежавшій къ поколѣнію семидесятниковъ, помнилъ, какъ волновалось это общество ожи-

даніями, прислушивалось и ждало чего-то необыкновеннаго. И эта смутность ожиданій и неопредѣленность надеждъ волновали современниковъ не менѣе, чѣмъ только что пережитыя реформы обновленія русской дѣйствительности. Интеллигенція переживала сложный процессъ ранѣе невѣдомыхъ ей ощущеній; давно взлелѣянныя мечты дразнили воображеніе, а русскій идеализмъ рисовалъ себѣ утопію,—картину обновленнаго народа въ сліяніи всѣхъ сословій, объединенныхъ «во имя братства, равенства и свободы»...

Особенно горячо и страстно отзывалось на эти движенія студенчество. Жаркіе споры, дебаты, хожденіе «въ народъ» — все являлось результатомъ какого-то страстнаго исканія новыхъ путей жизни, искренняго убѣжденія и вѣры въ непогрѣшимость тѣхъ идей, которыя наэлектризовывали мозгъ и сердце тогдашней молодежи. Радолинъ помнилъ, какимъ свѣтлымъ и благороднымъ подвигомъ рисовалось ему собственное призваніе,—ему полному силъ, здоровья, жаждавшему активнаго труда и самостоятельной дѣятельности. Съ окончаніемъ университетскаго образованія передъ нимъ открывалось именно то поприще, о которомъ съ жаромъ говорилъ его товарищъ, Иннокентій Бажинъ, любимецъ цѣлаго курса, личность, выдающаяся по уму и энергичному характеру.

«Поставь себѣ за правило борьбу съ разной подлостью и мерзостью?—твердилъ онъ товарищамъ.—Устранять зло на своемъ пути значитъ найти яркую цѣль, которой хватитъ на всю жизнь не одному человѣку, а цѣлому ряду поколѣній»... Въ бесѣдахъ съ Радолинымъ на ту же тему Бажинъ не разъ повторялъ своему пріятелю: «Не здѣсь, Алексѣй Семеновичъ, не въ университетѣ найдешь ты возможность приложить свои знанія и трудъ, а тамъ,

«Тамъ, во глубинѣ Россіи,
Гдѣ вѣковая тишина».

И Иннокентій съ ярко блестѣвшими глазами восторженно трясъ Радолина за плечи и обыкновенно говорилъ въ заключеніе:

Тамъ ужъ поприще широко,
Знай работай, да не трусь.
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь...
. . . .

II.

Но годы юности съ ея мечтами и порывами прошли незамѣтно, и теперь, когда Радолинъ задумался надъ своимъ прошлымъ, ему показалось, что ничего не удалось осуществить изъ этихъ мечтаній. Хмурая, монотонная жизнь въ сущности давно томитъ его, «какъ ровный путь безъ цѣли», а въ будущемъ уже перестали

маячить тѣ огни, о которыхъ въ былые годы энтузіастъ Бажинъ твердилъ, «какъ о «звѣздѣ путеводной».

— Да и гдѣ они, эти путеводные огни?—думалось Радолину.— Кругомъ сумерки холоднаго ненастья, упорная, однообразная осенняя непогода. Приходится волей-неволей итти по избитому пути, какъ вотъ теперь ѣхать подъ дождемъ среди голыхъ полей по невылазной грязи... Какая тоска! И гдѣ конецъ этой распутицы?

— Неужели мечты всегда остаются мечтами? — думалось ему, пока телѣжка съ разбѣгу неслась подъ гору, а чемоданъ въ ногахъ прыгалъ, какъ бѣшеный.—Странно, ей-Богу! И куда все дѣвалось? Куда ушли эти милыя грезы? На что растрачены былыя бодрыя силы? Тащусь по дѣламъ за тридевять земель съ отчетомъ къ начальству въ Кіевъ... И кому нуженъ этотъ отчетъ о благополучномъ состояніи заведеній «народной трезвости». А между тѣмъ сегодня то же, что вчера, а завтра будетъ то же, что сегодня... И не для меня одного, а для десятковъ, сотенъ и тысячъ такихъ же благонамѣренныхъ россіянъ, не унывающихъ только потому, что никогда не задумываются надъ своимъ постылымъ существованіемъ...

Радолина вдругъ охватило жгучее безпокойство. Сумерки сгущались. Свинцовое небо чернѣло надъ нимъ и, казалось, давило на этотъ промозглый воздухъ, на луга и болота; пронизывало сыростью и мелкимъ дождемъ, какъ острыми иглами, и сѣрый туманъ, колыхавшійся надъ трясиной, и землю, обращенную въ жидкую грязь, и измученныхъ клячъ, выбившихся изъ силъ на этой распутицѣ. Несмотря на то, что на козлахъ передъ нимъ торчалъ извозчикъ Ѳедотка, словоохотливый и вертлявый, все время чмокалъ и разговаривалъ съ лошадьми,—Алексѣю Семеновичу почему-то казалось, что онъ заброшенъ въ глухую пустыню и, подавленный борьбою съ какой-то неумолимой стихіей, гибнетъ въ ней безпомощный и одинокій.

— Боже мой, какъ гадко, какъ тяжело живется,—думалось ему въ то время, какъ холодныя капли дождя, скатываясь съ раскрытаго зонтика, упорно, назойливо наводняли сидѣніе, напитывали пальто и стекали въ телѣжку, образуя въ ногахъ цѣлую лужу.

— Треплюсь, ѣду по такой погодѣ, рискуя здоровьемъ... Для кого, зачѣмъ, ради чего, наконецъ? Это ужасно! За тридевять земель по «дѣламъ службы»... Къ чужимъ ѣду, и къ чужимъ вернусь, такъ какъ въ сущности, искренно говоря, у меня нѣтъ никого близкихъ. Семьи у меня нѣтъ, да наконецъ что такое теперешняя семья?—И Радолину вспомнились Лермонтовскія строфы:

И скучно и грустно, и некому руку пожать
Въ минуту душевной невзгоды.
Желанья... что пользы напрасно и вѣчно желать?

— А, говоря по совѣсти, и желать нечего: развѣ что повышенія окладовъ? Жениться?.. Вотъ ерунда лѣзетъ въ голову! — подумалось ему:—а все отъ проклятой хандры.

И, желая отогнать невеселыя думы, Радолинъ накинулся на извозчика, равнодушно подпрыгивавшаго на козлахъ.

— Ей, слушай, доѣдемъ ли мы наконецъ? Мочи нѣтъ... погоняй! Что за проклятая погода!

Ѳедотка встрепенулся, вожжами ударилъ лошадокъ. Телѣжку заколотило сильнѣе.

— Этакая дорога, рта раскрыть нельзя, — ворчалъ Алексѣй Семеновичъ:—того гляди, языкъ откусишь. Бѣда съ нашей провинціальной распутицей, изломало всего, разбило. А тутъ еще дождь частитъ безъ конца... Впереди ждетъ навѣрно клоповникъ, именуемый гостиницей. Бѣда, какъ попадешь на распутье!—добавилъ онъ уже вслухъ, плотнѣе укутываясь въ свой промокшій пледъ и поправляя фуражку, сползавшую на затылокъ. А думы бѣжали одна за другой, неотступныя, безсвязныя, раздражая Алексѣя Семеновича все болѣе и болѣе.

— Все-то у насъ по-дурацки! — думалъ онъ уже злобно.—Ну, взять хотя бы этотъ проклятый городишко. Лежитъ онъ на Днѣпрѣ, у естественной, такъ сказать, водной артеріи края, а желѣзнодорожную станцію инженеры-умники построили въ трехъ верстахъ отъ рѣки и города; обездолили жителей, заставили земство потратиться на лишнее шоссе... Да еще изволь трястись по немъ въ такую погоду.

— Все-то у насъ такъ! Ни смыслу, ни ладу ни въ чемъ нѣтъ. Будто на смѣхъ придумано!—размышлялъ въ томъ же направленіи Радолинъ, и наконецъ пришелъ къ неожиданному выводу, что и городъ, какъ и сама Русь-матушка, стоитъ на распутьи... Да и онъ самъ, Алексѣй Семеновичъ, какъ и большинство русскихъ гражданъ, въ сущности тоже находится на распутьи. Не знаютъ, куда дѣвать себя отъ жгучей тоски, куда примѣнить свои силы, не умѣя устроить свою жизнь такъ, чтобы все въ ней было цѣлесообразно, полезно, осмысленно...

Когда показались первыя избы подгородной слободы, Радолинъ облегченно вздохнулъ и сталъ торопить своего возницу. «На людяхъ и смерть красна», подумалось ему, и, предвкушая удовольствіе близкаго отдыха и возможность развлечься съ кѣмъ нибудь бесѣдой, Алексѣй Семеновичъ замѣтно оживился; онъ пересталъ вздыхать и сталъ пристальнѣе вглядываться въ густѣвшія сумерки. Вскорѣ замелькали рѣдкіе огоньки, и въ сѣроватой мглѣ чернымъ пятномъ обозначился городъ.

— Тпру, милыя! — вдругъ раздался голосъ Ѳедотки. Парень спрыгнулъ съ козелъ и, шлепая по лужамъ, побрелъ куда-то въ сторону къ одиноко торчавшей будкѣ.

— Шлагбаумъ,—подумалось Радолину,—надо достать пятачекъ.

Ѳедотка вернулся со сторожемъ, несшимъ фонарь, получилъ съ сѣдока «за заставу» и, передавъ пятакъ неопредѣленной фигурѣ въ солдатской шинели, снова взобрался на козлы. Впереди звякнуло темное коромысло, преграждавшее путь, и со скрипомъ поднялось кверху... Лошади дернули, и черезъ минуту экипажъ уже запрыгалъ по булыжной мостовой городка, со всѣхъ сторонъ мигавшаго огнями своихъ пустынныхъ улицъ. Прошло еще съ добрыхъ четверть часа, пока повозка остановилась наконецъ у большого двухъэтажнаго дома, гдѣ помѣщалась такъ называемая «Южная гостиница».

На стукъ экипажа, въ открытую дверь подъѣзда выглянулъ половой къ красной кумачевой рубахѣ, пристально посмотрѣлъ на пріѣзжаго и скрылся. Форменная фуражка съ кокардой сѣдока видимо смутила его не на шутку. Онъ сперва побѣжалъ за хозяиномъ, и только когда тотъ явился, Радолину удалось вылѣзти изъ повозки и взобраться при помощи полового по мокрымъ ступенямъ осклизшей лѣстницы въ переднюю.

Хозяинъ, мѣщанинъ Сырокопытовъ, толстый, разбухшій мужчина, скорѣе походившій на купца по животу необыкновенныхъ размѣровъ и лоснящейся физіономіи, почтительно проводилъ пріѣзжаго въ лучшій номеръ, гдѣ, какъ онъ самъ увѣрялъ, всегда останавливаются проѣздомъ «столичные господа и чиновники да богатѣйшіе мѣстные помѣщики». Узнавъ, что Радолинъ ждетъ парохода, Сырокопытовъ объявилъ, что «точно долженъ быть на утро пароходъ, но придетъ ли онъ сверху, еще неизвѣстно».

Радолинъ слушалъ его, тоскливо поглядывая на выцвѣтшіе обои плохенькаго номера, на жесткій горбатый диванъ старомоднаго фасона, который однимъ видомъ своимъ, обильными пятнами краснорѣчиво говорилъ о цѣлой колоніи гнѣздившихся въ немъ паразитовъ... Убогое зеркало на стѣнѣ, двухспальная кровать, рукомойникъ за перегородкой, нѣсколько стульевъ вдоль стѣнъ да круглый столъ передъ диваномъ составляли остальное убранство и, какъ казалось Алексѣю Семеновичу, глядѣли на него подозрительно и уныло.

Половой внесъ подушки, а Ѳедотка чемоданъ, и когда хозяинъ, оставивъ вонючую лампу, вышелъ на минуту изъ комнаты, оба, словно сговорившись, поздравили Радолина съ пріѣздомъ и попросили на водку, почесывая затылокъ. Радолинъ отпустилъ ихъ поспѣшно, сунувъ обоимъ бывшую у него мелочь. Онъ присѣлъ на стулъ и въ ожиданіи самовара опять задумался.

— А у меня всѣ признаки черной меланхоліи!—промелькнуло у него въ головѣ совершенно непроизвольно.—Этакая гадость! Засѣла одна мысль въ мозгу и вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, не даетъ покоя. Такъ-то, другъ мой, Алексѣй Семеновичъ, мы на рас-

путьи! Хоть бы развлечься, въ картишки поиграть что ли? Нѣтъ ли здѣсь кого изъ пріѣзжихъ?

Снявъ съ себя пальто и калоши, Радолинъ развѣсилъ на стулѣ промокшій пледъ, и когда половой принесъ самоваръ и зажженныя свѣчи, горлачъ молока и булки съ баранками, Алексѣй Семеновичъ подробно разспросилъ его, есть ли еще постояльцы въ гостиницѣ, кто именно, дома ли они и что дѣлаютъ.

Половой, Силантій Сутугинъ, видимо остался доволенъ чаевыми. По крайней мѣрѣ, онъ старался держать себя, какъ подобаетъ съ «хорошими господами»: почтительно встряхивалъ головой, безсмысленно улыбался, перебиралъ плечами и, шаркая ногой, какъ-то въ припрыжку бросался помогать Радолину развязывать вещи. Больше мѣшая, онъ говорилъ сладенькимъ голоскомъ:

— Ежели позволите по существу доложить, такъ настоящихъ господъ изъ барственнаго роду никого таперича-съ у насъ нѣтъ. Въ шестомъ нумерѣ протопопъ съ попадьей, совсѣмъ для компаніи не подходящи—больно грузны-съ и тяжелы на подъемъ. Къ тому же голову деревяннымъ масломъ помадятъ. Духъ отъ нихъ такой идетъ, что въ нумеръ войти невозможно. Въ 11-мъ нумерѣ— купецъ Митрофановъ, мужчина степенный, но безъ понятіевъ-съ. Пить здоровенны, ну, и ругаться тоже-съ. А таперича они спятъ и хоша отъ васъ на другомъ концѣ калидора, одначе извольте послушать-съ?—Половой пріотворилъ дверь.—Храпъ-то отселева слышенъ-съ. Истинно говорю-съ, нѣтъ настоящихъ господъ!—Силантій почтительно кашлянулъ и провелъ рукою по воздуху, какъ будто отгонялъ мухъ, но, видимо вспомнивъ, продолжалъ торопливо:

— Циркъ-съ у насъ здѣсь; не угодно ли взглянуть-съ? Тамъ-съ штраушъ ученый показываютъ. Есть и арфянки-съ... Можно позвать...

Но Радолинъ ничего не отвѣтилъ, только посмотрѣлъ на него разсѣянно и задумался.

— Кабы днемъ-съ,—проговорилъ половой нерѣшительно:—такъ оно, конечно, можно-бъ на выставку съѣздить... Да опять тоже погода... Вымокнешь на рѣкѣ-то-съ...

— Какая выставка?—спросилъ Радолинъ, какъ будто очнувшись... Здѣсь выставка?

— Ей-Богу-съ! Пчелиная—ульи разные, чудно, право, цѣльная баржа построена. Гляди, съ недѣлю у насъ гоститъ. Такъ слыхать, цѣльное лѣто по рѣкѣ плавать будетъ: по разнымъ по городамъ, то-есть. А теперь у насъ находится, какже-съ!

Половой, самодовольно тряхнувъ кудрями, какъ-то сразу оживился и вдругъ проговорилъ, понижая голосъ:

— Виноватъ, совсѣмъ забылъ, ваша милость. Дохтуръ тутъ у насъ еще стоятъ, въ шестнадцатомъ нумерѣ, самой этой выставкой завѣдуютъ. Чудной такой, право.

— Что ты путаешь?—проговорилъ Алексѣй Семеновичъ, недоумѣвая. — Пчеловодная выставка, говоришь, при чемъ же тутъ докторъ?

— Анъ, ей-Богу-съ, докторъ! Хоша самого хозяина спросите... Черноватый такой, худощавый, а бородка клиномъ и завсегда при очкахъ. Я имъ только что самоваръ подалъ, какъ вы подъѣхали. Хорошій господинъ, нечего говорить-съ. А фамилія имъ Бажинъ-съ...

Радолинъ широко раскрылъ глаза и привскочилъ на мѣстѣ. Въ первую минуту ему показалось даже, что онъ ослышался.

— Бажинъ, ты говоришь?—произнесъ онъ съ изумленіемъ:—а какъ зовутъ? Не Иннокентій ли Егоровичъ?

Силантій покрутилъ головой и опять кашлянулъ.

— Похоже, что такъ-съ, навѣрно сказать не могу-съ. А ежели угодно, можно узнать-съ.

— Да нѣтъ, быть не можетъ! Бажинъ здѣсь? Какъ онъ попалъ сюда?—подумалъ Алексѣй Семеновичъ и сразу почувствовалъ, что у него сильнѣе забилось сердце. Онъ вдругъ повеселѣлъ при одномъ воспоминаніи о своемъ университетскомъ товарищѣ.

— Вотъ что, братъ,—проговорилъ онъ, торопливо приподнимаясь со стула.—Узнай-ка ты мнѣ въ самомъ дѣлѣ, не Иннокентій ли это Егоровичъ Бажинъ? Только смотри политично; дурака не сломай, въ комнату къ нему не врывайся.

— Будьте-съ спокойны-съ, — отвѣчалъ Силантій, самодовольно охорашиваясь.—Развѣ возможно-съ? Тоже понимаемъ обхожденіе... и, шаркая на ходу ногами, бойко вышелъ изъ номера.

III.

— Вотъ встрѣча-то! Господи, да быть не можетъ! Вотъ встрѣча!— повторялъ Алексѣй Семеновичъ, нервно шагая по своему номеру.— Какими судьбами онъ въ этой глуши? Скорѣе всего однофамилецъ. А если онъ? Шутка сказать, лѣтъ двадцать, поди, не видались, если не болѣе. Что онъ? Какъ онъ? — отрывисто мелькали въ головѣ Радолина усталыя мысли. Постепенно въ сознаніи его все ярче и ярче оживала давно минувшая пора студенчества, припоминались товарищи, и въ средѣ ихъ ярко выдѣляется образъ Иннокентія Егоровича, кумира его однокурсниковъ.

Въ мельчайшихъ деталяхъ Радолину припоминался этотъ странный «вольнодумецъ», передъ которымъ бывало преклонялся онъ самъ и большинство студентовъ. Иннокентій Бажинъ обыкновенно говорилъ мало и рѣдко. Но когда его охватывало «протестующее» настроеніе, и представлялся подобающій случай, рѣчь лилась такъ, что его умѣнью говорить позавидовалъ бы иной профессоръ. Бажинъ обладалъ какой-то тайной зажигать сердца и управлять ими, чего никогда не могло простить ему университетское началь-

ство. Ни одной сходки, ни одной студенческой исторіи не обходилось безъ участія Иннокентія, съ которымъ инспекція вела постоянную борьбу, но ничего не могла сдѣлать. Иннокентій Егоровичъ Бажинъ былъ образцовый студентъ, усердно занимался, работалъ лихорадочно, отдаваясь любимымъ предметамъ. Онъ блестяще сдавалъ экзамены и былъ отмѣченъ профессорами, какъ самый выдающійся студентъ изъ цѣлаго курса. Бажина прочили въ приватъ-доценты; онъ долженъ былъ остаться при университетѣ.

Иннокентій Егоровичъ по характеру былъ истый сибирякъ и отличался свободомысліемъ и прямолинейностью убѣжденій — это его и погубило. Высокій, стройный шатенъ, съ энергичнымъ лицомъ, съ вдумчивыми глазами, строго глядѣвшими сквозь золотые очки, съ длинной шевелюрой, какую носили студенты въ сороковыхъ годахъ,—онъ шелъ наперекоръ требованіямъ устава: ходилъ въ рубахѣ косовороткѣ, подпоясывался шелковымъ шнуркомъ, брюки заправлялъ въ высокіе сапоги, появляясь въ сюртукѣ только на актахъ. На всѣ требованія инспекторовъ «привести себя въ должный порядокъ», Иннокентій отвѣчалъ категорическимъ отказомъ. Онъ былъ уже на послѣднемъ курсѣ и рѣшилъ было готовиться къ магистерскому экзамену, но тутъ случилась шумная исторія, цѣлый бунтъ, надолго прекратившій чтеніе лекцій. Университетъ былъ закрытъ, студенты частью исключены, частью раскассированы. Многихъ арестовала полиція, и они были высланы на родину административнымъ порядкомъ. Иннокентій, вѣроятно, попалъ въ число этихъ неудачниковъ. Онъ вдругъ исчезъ, и завѣтныя мечты старика профессора, прочившаго Бажина въ доценты, неожиданно разсѣялись, какъ дымъ. Даже изъ товарищей никто не зналъ, куда дѣлся «вольнодумецъ».

Услыхавъ теперь отъ полового фамилію Бажина, Алексѣй Семеновичъ считалъ невѣроятною возможность встрѣчи съ человѣкомъ, котораго онъ давно уже потерялъ изъ виду. Но когда Силантій влетѣлъ въ номеръ торжествующій и сіяющій, необычайно размахивая руками, и объявилъ громогласно: «тошно такъ, дѣйствительно-съ Бажинъ прозываются Иннокентіемъ Егорычемъ и пьютъ чай у себя въ нумерѣ»,—Радолина сразу охватили и радость и смущеніе; ему страстно захотѣлось побѣжать скорѣе къ старому товарищу, обнять его, броситься на шею и, какъ говорится, отвести съ нимъ душу. Но холодный житейскій обычай и правила «хорошаго тона», пріобрѣтенныя на службѣ, требовавшей соблюденія этикета во всѣхъ случаяхъ жизни, охладили его первоначальный порывъ. Алексѣй Семеновичъ досталъ свою визитную карточку и написалъ на ней подъ своей фамиліей: «очень хотѣлъ бы обнять университетскаго товарища»,—велѣлъ Силантію отнести ее и отдать «господину Бажину».

Не прошло и пяти минутъ, какъ по коридору раздались торопливые шаги, и едва Радолинъ успѣлъ обернуться къ двери, она широко распахнулась, и въ комнату почти вбѣжалъ человѣкъ въ черномъ стареньком сюртукѣ, изъ-подъ котораго выглядывала русская рубашка, подпоясанная краснымъ шнуркомъ съ кистями. При первомъ же взглядѣ на вошедшаго, Радолинъ узналъ Иннокентія Бажина и невольно всплеснулъ руками. Старый товарищъ его молодости почти совершенно не измѣнился. Онъ одѣвался, какъ и прежде, носилъ тѣ же длинные волосы, ту же любимую косоворотку; только лицо его показалось Алексѣю Семеновичу болѣе мужественнымъ и серіознымъ. Умные глаза попрежнему вдумчиво глядѣли сквозь очки и радостно свѣтились той особенной улыбкой, которая всегда придавала лицу Иннокентія какую-то неотразимую симпатичность.

— Иннокентій Егоровичъ, голубчикъ, тебя ли вижу?—проговорилъ Радолинъ, чувствуя въ горлѣ спазмъ и подступавшія слезы.— Какими судьбами?

— Вотъ ты какъ?—укоризненно отозвался Бажинъ:—карточки посылаешь? Вижу, вижу, шишка большая! Теперь тебя и рукой не достанешь. Въ такомъ случаѣ позвольте сперва представиться вамъ, господинъ коллежскій совѣтникъ — «рабъ Божій Иннокентій», — и Бажинъ весело разсмѣялся.

Пріятели горячо обнялись и, какъ это всегда водится послѣ долгой разлуки, закидали другъ друга вопросами, сбиваясь въ отвѣтахъ и не умѣя высказаться такъ, какъ бы хотѣлось.

— Постой, — проговорилъ наконецъ Бажинъ: — этакъ мы никогда не добьемся толку. Сперва я проэкзаменую тебя по старинѣ... Помнишь, какъ, бывало, готовились передъ экзаменами? А потомъ ты провѣришь меня, carissime! Мы увидимъ оба, что успѣли сдѣлать въ нашей краткой жизни.

И Бажинъ, веселый, порывистый, какъ юноша, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, по-студенчески хлопнулъ Радолина по плечу и кивкомъ головы отбросилъ назадъ свои спустившіеся на лобъ кудри.

— Помни, проговорилъ онъ строго, серіозно: — самолюбіе къ чорту! Говорить по душамъ, не скрываясь, все, ибо — feci quod potui, faciant meliora potentes...[1]). Говори же, Алеша, я слушаю.

Бажинъ сѣлъ верхомъ на ручку дивана и скрестилъ на груди руки.

— Что сказать о себѣ? — произнесъ Радолинъ съ грустью. — Взгляни на меня. Тотъ ли я, что былъ прежде?

Голосъ Алексѣя Семеновича дрогнулъ. Радолинъ смолкъ и тоскливо поникъ головою.

---

[1]) Сдѣлалъ, что могъ, пусть сдѣлаютъ лучше, кто можетъ.

— Постой, постой! — спохватился Бажинъ, вбирая полной грудью воздухъ. — И то правда! Дай взглянуть на себя толкомъ. На радостяхъ-то я и глазъ твоихъ не заприметилъ...

Онъ поднялся и сталъ пристально всматриваться черезъ очки въ лицо Радолина.

— Почему именно глазъ? — переспросилъ Алексѣй Семеновичъ съ видимымъ недоумѣніемъ.

— А потому, carissime, что глаза есть зеркало души! — отвѣчалъ смѣясь Иннокентій. — Ну, вотъ я и хочу видѣть, попрежнему ли они у насъ свѣтятся? Отразилась ли въ нихъ прожитая жизнь, и какъ теперь смотритъ на міръ Божій господинъ коллежскій совѣтникъ?...

— Ну, что-жъ, ничего, молодцомъ! — произнесъ онъ черезъ минуту. — Таить не стану — постарѣлъ немножко... Рано, мой другъ. Да что съ тобой? Отчего ты такой грустный?...

— Жить скучно, Иннокентій! — отозвался глухо Алексѣй Семеновичъ.

— Жить скучно? — переспросилъ Бажинъ нараспѣвъ такимъ тономъ, какъ будто ослышался. — Постой, съ чего бы это? Или мы съ тобой уже никуда не годимся? Или, попросту говоря, «измѣнили грезамъ юности, чистымъ, былымъ, въ мимолетную пору ненастья»?... Такъ, что ли? — Бажинъ быстро провелъ рукою по волосамъ и еще пристальнѣе взглянулъ на товарища. — Грустно, братъ, было бы намъ въ этомъ сознаться... Боленъ ты что ли? Да говори же, наконецъ, Алеша! — воскликнулъ Иннокентій Егоровичъ, и въ голосѣ его послышалась тревога.

Этотъ голосъ, звучавшій попрежнему и силой и убѣжденіемъ, напоминалъ Радолину о быломъ минувшемъ времени, когда и самъ онъ, по выраженію Бѣлинскаго:

«Пылалъ лампадой лучезарной
Передъ святынею добра»...

Теперь же онъ чувствовалъ яркій контрастъ между собой и Бажинымъ. Старый университетскій товарищъ выглядѣлъ, мыслилъ и чувствовалъ молодо, страстно, отзывчиво, какъ давно отучился жить, мыслить и чувствовать Радолинъ. И ему становилось жутко на душѣ, не хотѣлось сознаться въ погубленной молодости, тяжело было подводить итогъ своей двѣнадцатилѣтней дѣятельности. Бажинъ понялъ это сразу, почувствовалъ, такъ сказать, инстинктомъ. Ему стало страшно жаль этого добраго симпатичнаго человѣка, у котораго, видимо, не хватало силъ на борьбу съ жизнью. Онъ предчувствовалъ, что не Радолинъ выбралъ себѣ сознательный путь и любимое дѣло, а какъ у большинства людей, судьба его сложилась такъ, что онъ вѣчно томится отъ тяжелаго недуга, разлада мысли и совѣсти.

— Ну, ничего! — проговорилъ Иннокентій послѣ короткой паузы.—Напомню тебѣ еще одно изреченіе—ты знаешь: ut desint vires, tamen est laudanda voluntas [1]).

— Да, да! — отозвался съ грустью Алексѣй Семеновичъ. — Ты говоришь: «желаніе». Когда я кончилъ курсъ, и во мнѣ были силы... Хотѣлось многое сдѣлать; я порывался искренно, нелицемѣрно... Повѣрь, Иннокентій, — продолжалъ Радолинъ тоскливо: — я не забылъ твоихъ благородныхъ завѣтовъ. Я все помню, но... жизнь, братецъ...

— Да что ты, Алеша? — встрепенулся Бажинъ. — Во-первыхъ, «моихъ» завѣтовъ не существуетъ. Во-вторыхъ, все, что я говорилъ тогда, то повторю и теперь: надо выбирать себѣ русло жизни... Выбирать, биться, искать его наконецъ, если судьба не посылаетъ. Постой, да ты же служишь? Вонъ и фуражка лежитъ съ кокардой—значитъ, ты государственный человѣкъ и пойми, другъ, я говорю это безъ ироніи...

Алексѣй Семеновичъ испуганно заморгалъ глазами. Онъ вспомнилъ, что Бажинъ отличался всегда крайностью убѣжденій, и ему сдѣлалось непріятно, что старый товарищъ коснулся именно его служебной карьеры.

— Какой я «государственный человѣкъ»?—произнесъ Радолинъ не безъ досады.—Смѣешься, братецъ! Мы, Иннокентій Егоровичъ, «чиновники». Если вдуматься въ это поглубже, такъ трунить не станешь... право!

— Зачѣмъ «обиды», Алеша? Я долженъ тебя предупредить, что ты безпокоишься понапрасну. Мало ли къ чему въ юности относишься скептически? Но. . не даромъ сказалъ Гейне, «что мы, вѣдь, живемъ и умнѣемъ». Пользу приносить можно вездѣ — я самъ служу...

— Служишь?—отозвался Алексѣй Семеновичъ уныло.—Но есть разница: ты дѣлу служишь, а мы лицамъ. Я вѣдь тебя знаю.

И вдругъ, поднявшись со стула, весь охваченный какой-то неудержимой тревогой, Радолинъ заговорилъ, волнуясь и сбиваясь, какъ настрадавшійся человѣкъ, которому давно уже не передъ кѣмъ высказаться.

IV.

— Выслушай, Иннокентій, я ничего отъ тебя не скрою! Меня жизнь томитъ уже давно... Я задыхаюсь въ ея глупыхъ тискахъ и ничего не могу понять, что вокругъ меня происходитъ. Пойми, Иннокентій, ужасно именно то, что гибнетъ не одинъ человѣкъ, какъ ты сейчасъ видишь, гибнутъ сотни, тысячи такихъ же людей, растерявшихся, утратившихъ былую вѣру и какъ-то остывшихъ душой...

[1]) Если не хватаетъ силъ, все же достойно похвалы и желаніе.

О, береги души священный пламень,
Онъ путь земной освѣтитъ предъ тобой!—

страстно продекламировалъ Бажинъ, и глаза его блеснули лихорадочнымъ огнемъ возбужденія.

— Да, да, Алеша, это вѣрно! Остудилъ ты душу живую, а теперь самъ замерзаешь... Но встяхнись, братъ. Тебѣ сколько лѣтъ? Вспомни! Нѣтъ, другъ милый, мы такъ легко не сдадимся. Мы еще повоюемъ!.. Помнишь у Тургенева...

— Повоюемъ? — отозвался тоскливо Радолинъ: — хорошо говорить. А силъ почти уже нѣтъ... Кажется, я стою у серіознаго дѣла, могъ бы, пожалуй, и приносить пользу, порадѣть о народномъ благѣ. Не думай, Иннокентій, что во мнѣ не было этихъ порывовъ. Но, когда я столкнулся на службѣ съ дѣйствительностью, съ людьми, которымъ малѣйшая моя попытка упорядочить дѣло казалась чуть не преступленіемъ... всякая замѣна рутины живымъ отношеніемъ считалась разрушеніемъ вѣковыхъ основъ наторѣвшей практики, я натолкнулся на такую стѣну косности и равнодушія, что у меня невольно стали опускаться руки. Я скоро нажилъ враговъ — на меня полетѣли доносы, жалобы въ Петербургъ. Сразу почувствовать себя одинокимъ подъ злобными взглядами сослуживцевъ—это нелегко. Я убѣдился, что при первомъ удобномъ случаѣ меня «подсидятъ» собственные товарищи, устроятъ ловушку, да, пожалуй, подведутъ подъ какую нибудь уголовщину.

— Положеніе получилось отчаянно глупое! Volens-nolens пришлось подчиниться, итти на компромиссъ... Да и что я могъ сдѣлать? Одинъ въ полѣ не воинъ. Тутъ впервые я почувствовалъ въ себѣ самомъ какое-то раздвоеніе... Съ одной стороны «грезы юности милой», идеалы святые, борьба, жажда правды, истиннаго дѣла... Временами необычайный подъемъ духа, энергіи, воли, готовность итти на открытую борьбу съ окружающей пошлостью, съ подленькимъ индифферентизмомъ... А съ другой—холодное, безжалостное сознаніе глухо нашептывало о безполезности и тщетѣ этихъ усилій, подтверждая свою правоту примѣромъ каждаго дня, каждаго часа...

— Иннокентій, голубчикъ, пойми только ужасъ этой мучительной пытки!.. Въ ней нравственное «я» человѣка раскалывается на двѣ, другъ друга парализующія половины... Я страдаю! На меня нападаетъ отчаяніе, гнететъ тоска, временами мнѣ серіозно начинаетъ казаться, что я «неудачникъ», представитель того поколѣнія, о которомъ Некрасовъ говорилъ, что «суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано»... Помнишь, какъ ты дразнилъ насъ этимъ въ университетѣ, и мы лѣзли на стѣну? Но это было тамъ, въ родной alma mater, а на службѣ, братъ, на стѣну не полѣзешь.

Алексѣй Семеновичъ умолкъ и, волнуясь, дрожавшими руками взялся за стаканъ недопитаго чая. Бажинъ сидѣлъ неподвижно, попрежнему обхвативъ ногами неуклюжую ручку дивана. Черты его строгаго, загорѣлаго лица были спокойны. Казалось, что исповѣдь товарища не поразила его, не смутила своей неожиданностью. Скрестивъ руки на груди, онъ молчалъ, устремивъ грустный взглядъ въ противоположный уголъ комнаты. Радолину это молчаніе друга показалось необыкновенно тягостнымъ. Усталый, измученный, онъ опустился на диванъ, въ изнеможеніи откинулся на его жесткую горбатую спинку, все время избѣгая взгляда товарища. Тоскливая, щемящая боль снова сдавила сердце Алексѣя Семеновича.

— Ну, что же теперь дѣлать по-твоему?—заговорилъ вдругъ Бажинъ, какъ будто встрепенувшись. Онъ вскочилъ съ своего мѣста и большими шагами прошелся по номеру.

— Что дѣлать?—повторилъ Радолинъ, бросивъ на друга испуганный умоляющій взглядъ.—Я не знаю...

Его смущала присущая характеру Иннокентія черта «балагурить», когда бесѣда становилась щекотливой.

— Ну, такъ, такъ, благодарю покорно!—вдругъ весело разсмѣялся Иннокентій Егоровичъ.—Значитъ, ложись и помирай? Великолѣпно! Нѣтъ, братъ, шалишь, мы еще повоюемъ! Слушай, г. коллежскій совѣтникъ,—продолжалъ онъ помолчавъ:—я разскажу тебѣ маленько про свою персону... А сдѣлай выводъ, и тогда самъ увидишь, что остается дѣлать въ иныхъ положеніяхъ...

Бажинъ расправилъ руками свои кудри, тряхнулъ головой и началъ неторопливо шутливымъ тономъ:

— Въ лѣто 7395 отъ сотворенія міра въ Н—скомъ университетѣ случилась исторія, ты это знаешь? Я готовился тогда къ послѣднимъ экзаменамъ, но увидавъ, что по улицамъ разъѣзжаютъ жандармы, узналъ къ тому же, что въ понедѣльникъ назначена сходка—не вытерпѣлъ и отправился на нее послушать да поглядѣть, что будетъ. Къ дѣлу тогда я, такъ сказать, былъ не причастенъ; но полиція оцѣпила именно ту группу студентовъ, гдѣ находился я въ качествѣ зрителя. Словомъ меня забрали въ числѣ прочихъ и препроводили въ тюремный замокъ. Ты какъ находишь?

— Это ужасно, это возмутительно!—отозвался Алексѣй Семеновичъ съ негодованіемъ.

— Но это были цвѣточки, ягодки-то впереди. Ты послушай. Я все еще не терялъ надежды сдать осенью экзаменъ, но представь мой ужасъ! Мнѣ было предложено въ 24 часа выѣхать вонъ изъ столицы и при томъ безъ права въ нее возвращаться...

— Да почему же? за что, наконецъ?—возмущался Радолинъ.

— Милый другъ, какія тутъ разсужденія съ рабомъ Божіимъ Иннокентіемъ, высылаемымъ за прошлые его грѣхи всяческаго вольнодумства?

И я покинулъ милую обитель,
Пріютъ наукъ, моихъ надеждъ и грезъ...

Бажинъ съ грустью улыбнулся, а Алексѣй Семеновичъ просто недоумѣвалъ, какъ этотъ человѣкъ, пострадавшій несправедливо, могъ говорить о своей неудачѣ съ такимъ легкимъ сердцемъ.

— Но главное, carissime,—продолжалъ Бажинъ:—дѣться-то мнѣ было положительно некуда. Я очутился тогда, какъ ракъ на мели.

— Нѣтъ, на распутьи, Иннокентій Егоровичъ!—почти радостно воскликнулъ Радолинъ, быстро подымаясь съ дивана.—Такъ-то мы всѣ! Именно на распутьи. Со старой дороги сошелъ, потерялъ ее, сбился, а новой еще впереди не видно...

— На распутьи?—повторилъ Бажинъ задумчиво:—а что же, пожалуй! Хотя бы на распутьи: «Блаженъ, кто всѣхъ сомнѣній мимо дорогой свѣтлою идетъ!» Но мой путь, carissime, былъ не изъ важныхъ и привелъ меня, знаешь ли, куда?

— Ей-Богу, не знаю,—отозвался Радолинъ, любопытство котораго замѣтно возростало.

— Сперва, въ казачьи курени, или вѣрнѣе въ донскія станицы... А затѣмъ — держу пари, что не угадаешь?—Алексѣй Семеновичъ только развелъ руками.

— Къ казакамъ?—переспросилъ онъ недоумѣвая:—зачѣмъ?

— Не перебивай! А оттуда—къ святымъ отцамъ въ пустынь. А все потому, carissime, что разъ жизнь тебя скрутитъ да къ стѣнкѣ припретъ, надо искать выхода. Помни, надо пробивать, во что бы то ни стало, новое русло жизни.

Радолинъ уже мысленно представлялъ себѣ грязныя донскія станицы, безъ признаковъ какого либо комфорта, полудикую среду, отсутствіе всякихъ умственныхъ интересовъ. Живя почти безвыѣздно въ городѣ, отлучаясь изъ него раза два въ году не болѣе въ другой такой же городъ по дѣламъ службы, Алексѣй Семеновичъ почти совсѣмъ не зналъ своей родины. Ему не былъ знакомъ ни широкій просторъ южно-русскихъ степей, ни приволье Волги и Дона, ни грандіозная природа Кавказа... Онъ сколько лѣтъ собирался въ Крымъ, но такъ сжился съ своей квартирой въ Н—скѣ, что всякое путешествіе, даже незначительный переѣздъ десятка двухъ верстъ казались ему событіемъ необычайнымъ, несноснымъ и всегда раздражающимъ нервы.

— А въ станицахъ, братъ, жить хорошо!—говорилъ въ эту минуту Бажинъ, видимо смакуя свои воспоминанія.—Я тамъ такъ поздоровѣлъ, такъ окрѣпъ. Воздухъ, воля, рѣка, купанье, непропеченый хлѣбъ, дымъ костровъ по ночамъ и пѣсни!.. Ты знаешь, я люблю наши пѣсни... Но какія тамъ поютъ, Алеша....

— Слыхалъ ли ты, напримѣръ,—продолжалъ онъ, видимо увлекшись,—малорусскую думку: «Ой, та на горі та женцы жнуть»? Слушать нельзя равнодушно... Свободой дышитъ народная пѣснь и душу веселитъ, и силу поднимаетъ. Эхъ, хорошо!

Алексѣй Семеновичъ съ изумленіемъ слушалъ товарища. Для него все это было и ново и непонятно. Бажинъ вдругъ приподнялъ передъ нимъ край занавѣсы, за которой скрывалась совершенно иная жизнь, съ невѣдомыми для него красотами, чуждыми интересами и борьбой, быть можетъ, за насущный кусокъ хлѣба.

— «Чему тамъ умиляться? Живутъ люди полудикарями, у этихъ костровъ,—промелькнуло у него въ головѣ:—непропеченымъ хлѣбомъ питаются и поютъ пѣсни... Ну, и прекрасно. Не понимаю только, какъ можетъ приходить въ восторгъ отъ всего этого даровитый человѣкъ, и что̀ его такъ прельщаетъ?»—Ахъ, какъ жизнь сложна!—произнесъ Радолинъ вслухъ, совершенно для себя неожиданно.

— Это мы ее, carissime, пустяковиной усложняемъ,—отозвался Бажинъ.—Ты посмотри, какъ живутъ люди простые... Взять хотя бы этихъ казаковъ. Есаулъ Карпенко, у котораго я гостилъ, старикъ лѣтъ 60, собою крѣпышъ. Здоровья, братъ, какого намъ и не снилось.. Умъ самобытный, серьезный, практическій. Я себя сразу передъ нимъ дуракомъ почувствовалъ. Да ты не пугайся! Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Есаулъ Карпенко, carissime, научилъ меня многому, безъ чего скверно живется на свѣтѣ... Напримѣръ, онъ научилъ меня плавать...

— Помилуй, что за добродѣтель такая!—отозвался Радолинъ, пожимая плечами.—Я просто не узнаю тебя, Иннокентій Егоровичъ...

— Слушай, Алеша, когда я впослѣдствіи тонулъ на Камѣ и выплылъ, благодаря урокамъ Карпенка, спасъ жизнь себѣ и двоимъ товарищамъ,—я понялъ, другъ, что всякое знаніе нужно человѣку прежде всего для борьбы, ну, хотя бы со стихіей... Что касается другихъ заслугъ есаула Карпенка, то ихъ можетъ оцѣнить человѣкъ, побывавшій въ житейскихъ передрягахъ... Ему я обязанъ привычкой къ физическому труду, къ самодѣятельности. При необходимости приспособляться къ жизни, я могу теперь обходиться въ своемъ обиходѣ почти безъ посторонней помощи. И за это великое ему отъ меня спасибо—и во вѣки вѣковъ аминь!

Бажинъ разсмѣялся и тотчасъ же добавилъ:

— Кстати я вспомнилъ—замѣть! Есаулъ «на распутьи» указалъ мнѣ дорогу практической мудрости, а святые отцы...

— Да неужели, Иннокентій Егоровичъ, ты серьезно говоришь, что въ монастырѣ спасался?—переспросилъ его Радолинъ съ усмѣшкой.

— Не «спасался», carissime, а «скрывался», и не въ монастырѣ, а въ «пустыни». Это не одно и то же...

— Воображаю себѣ среду монаховъ?.. Лампадное масло, перезвонъ колокольный, душеспасительные разговоры и... отрыжка. Помилосердствуй, Иннокентій Егоровичъ! Да ты не шутишь? Ты, былой вольтерьянецъ?..

— Погоди, Алеша! Кузьма Прутковъ совѣтовалъ всегда «смотрѣть въ корень» дѣла... А, какъ извѣстно, корень даже науки — горекъ. За то плоды его, самъ знаешь, сладки. Я попалъ къ бра тіи дѣльной, трудящейся въ потѣ лица своего... Живя у нихъ, на досугѣ, пристрастился къ пасѣкѣ, къ пчеламъ. Былъ тамъ монахъ, о. Варнава, ярый любитель пчеловодства—онъ-то меня къ нему и пріохотилъ. А впослѣдствіи та же пчела сослужила мнѣ великую службу.

— Монастырскій игуменъ оказался умницей, академикомъ; отрекся онъ отъ міра по призванію. Мы съ нимъ немало ярыхъ споровъ вели, и, признаться, не разъ онъ меня побивалъ знаніемъ дѣла... Бѣда наша, Алеша, въ томъ, что мы развиты односторонне. Ну, скажи по совѣсти, достаточно ли мы съ тобой богословски образованны, хотя бы для... скептическаго отрицанія? Способны ли доказать несостоятельность христіанской этики, морали? Напримѣръ, изучалъ ли ты Евангеліе?

— Евангеліе? — переспросилъ Радолинъ, смущенно моргая...— Изучать—не изучалъ, но, конечно... читалъ... знаю... Да наконецъ въ церкви слыхалъ не разъ... Странно... что это тебѣ вдругъ пришло въ голову?

— То-то и есть, милый другъ,—вздохнулъ Бажинъ съ грустью.— Ужъ очень мы стали самонадѣянны безъ причины... Нельзя не ошибаться безъ постоянной самопровѣрки; «корень-то вещей» лежитъ глубоко, до него надо докопаться... Выяснить надо всѣ сомнѣнія, а для онаго необходимо руководиться мудрымъ правиломъ древнихъ: «audiatur et altera pars» [1]).

V.

Слушая Иннокентія Бажина, Радолинъ впервые какъ будто очнулся отъ долгаго забытья. Въ его мозгу невольно шевельнулось тревожное сомнѣніе: «въ самомъ дѣлѣ, да можно ли жить безъ провѣрки, безъ постояннаго анализа чужихъ и своихъ собственныхъ убѣжденій?» Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сошелъ съ университетской скамьи, Алексѣю Семеновичу, насколько помнится, и въ голову не приходило усомниться въ правдивости своихъ заключеній о своей дѣятельности, о своихъ поступкахъ. Да и некогда было серьезно разобраться въ массѣ явленій, фактовъ и настроеній, которыя ежедневно выплывали на поверхность того водоворота, въ которомъ кипѣлъ онъ и его окружающіе.

Незамѣтно для самого себя, весь обиходъ его жизни сложился въ такую устойчиво-однообразную діаграмму, гдѣ привычный глазъ все сразу схватывалъ, все находилъ на мѣстѣ, а главное считалъ все это необыкновенно цѣлесообразнымъ. Обыденная, методическая

---

[1]) Необходимо выслушать и другую сторону.

служба, съ ея отношеніями, заявленіями, справками, съ реестрами «исходящихъ» и «входящихъ» бумагъ, вертѣлась, какъ колесо, плавно, неторопясь, незамѣтно втягивая человѣка въ неподвижное, стоячее болото инертной косности, засасывающей постепенно его энергію, самостоятельную мысль, всѣ творческія способности...

Разсказъ Бажина о его похожденіяхъ заставилъ Алексѣя Семеновича сдѣлать провѣрку своихъ силъ и способностей, и онъ съ грустью долженъ былъ убѣдиться, что за послѣднія десять лѣтъ онѣ почти совсѣмъ въ немъ атрофировались.

— Ахъ, какъ засасываетъ жизнь!—подумалось ему невольно, и онъ добавилъ уже вслухъ, какъ бы резюмируя свои размышленія:— въ сущности, по совѣсти говоря, не живешь, а попросту прозябаешь... Да вѣдь всѣ такъ, не я одинъ!—продолжалъ Радолинъ, какъ будто оправдываясь передъ товарищемъ... Вѣдь это у тебя Иннокентій, судьба какая-то особенная...

Бажинъ спокойно улыбнулся.

— Мало жить, carissime, надо еще къ чему нибудь стремиться..

— Да вѣдь всѣ мы къ чему нибудь стремимся!—отозвался Радолинъ сухо и отчасти съ досадой.—Ты полагаешь, вѣроятно, что на службѣ мало дѣла? Мало всяческихъ хлопотъ, требующихъ и навыка и умѣнія? Маешься съ утра до ночи, тянешь лямку, постоянно зависишь не отъ себя, но отъ «благоусмотрѣнія» начальства. Ахъ, Иннокентій Егоровичъ, ты думаешь, это легко? Обидна безрезультатность стремленій...

— Знаю, другъ милый, что очень тяжело... Но развѣ можетъ быть иначе, если ты «рабъ» своего дѣла, а не «владыка»? Загляни въ себя безпристрастно, любишь ли ты свое дѣло?

Алексѣй Семеновичъ молча потупился, а Бажинъ продолжалъ, увлекаясь все болѣе и болѣе.

— Вотъ ты хандришь, тебѣ жизнь надоѣла... Эхъ, Алеша, а испыталъ ли ты наслажденіе здороваго, осмысленнаго труда? Знакома ли тебѣ радость сознанія, что ты работалъ не даромъ... Что каждый прожитый тобою день былъ поглощенъ любимымъ дѣломъ, которому ты отдаешься по призванію? А иначе и жить не стоитъ!..

— Числится, что и я тружусь на «пользу общественную»,—глухо произнесъ Радолинъ. Онъ какъ-то съежился, сидя на диванѣ, и казался тщедушнымъ и слабымъ, почти дѣтски безпомощнымъ по сравненію съ товарищемъ, бодрымъ, не по возрасту подвижнымъ, умѣвшимъ лихорадочно отдаваться своему настроенію. Сравнивая себя съ Бажинымъ, Радолинъ чувствовалъ, что онъ «молодой старикъ», вялый, переутомившійся... Онъ уже «усталъ жить» въ тридцать семь лѣтъ съ небольшимъ, тогда какъ неугомонному Иннокентію несомнѣнно перевалило за сорокъ. Алексѣю Семеновичу сдѣлалось обидно и горько. Онъ схватилъ себя за голову, чувствуя, какъ слезы, помимо его воли, подступаютъ къ горлу. Бажинъ

методически ходилъ изъ угла въ уголъ въ сосредоточенномъ молчаніи.

На дворѣ попрежнему монотонно частилъ дождь. Его крупныя капли со звономъ ударялись въ стекла. Въ печной трубѣ поосеннему завывалъ вѣтеръ протяжно, монотонно, надрывая душу. Отъ мигавшихъ свѣчей по низенькимъ стѣнамъ номера, ползали прихотливыя тѣни предметовъ. Въ зеркалѣ то и дѣло мелькалъ фантастическій силуетъ шагавшаго по комнатѣ Бажина. Выгорѣвшая лампа почти не давала свѣта. Помятый самоваръ незамѣтно заглохъ и пересталъ тянуть свою плаксивую ноту. Радолинъ блѣдный, взволнованный вдругъ проговорилъ едва слышно:

— Да, да, невыносимо тяжело на этомъ распутьи... Жить такъ, безъ просвѣта, не хватаетъ силъ—я уже изнемогаю!

И когда судорожныя рыданія заглушили его голосъ, Алексѣй Семеновичъ почувствовалъ, какъ Бажинъ горячо обнялъ его и произнесъ спокойно:

— Полно, Алеша! Ты помнишь, что говорилъ Бѣлинскій? «Каждый человѣкъ, рано или поздно, попадетъ на свою полочку». Правдивость этой мысли засвидѣтельствовалъ и Тургеневъ. Да онъ ли одинъ? Думаю, что каждый изъ насъ, вникая глубже въ свою жизнь, придетъ къ такому же выводу. Да, успокойся, всѣ мы, рано или поздно, попадемъ на «свою полочку».

Радолинъ поднялъ голову и пристально взглянулъ на Бажина. Его блѣдное лицо выражало грустное сомнѣніе.

— Я совсѣмъ тебя не узнаю, Иннокентій Егоровичъ!—проговорилъ онъ тихо.—Ты какимъ-то фаталистомъ сдѣлался.

— А вотъ послушай и посуди самъ,—отозвался тотъ уже на ходу, снова мѣряя комнату.—Изъ «пустыни» написалъ я дражайшимъ моимъ родителямъ въ Вятку, сообщая, что гощу здѣсь по «независящимъ отъ меня обстоятельствамъ». Я не скрылъ отъ нихъ ничего... Тяжело мнѣ было огорчить старушку мать крушеніемъ своей университетской карьеры. Мой «pater familias» происходилъ изъ чиновничьей среды и диплому не придавалъ большого значенія, какъ самъ его не имѣвшій, но зато мать—милая старушка! Для нея это была завѣтная мечта видѣть сына съ университетскимъ образованіемъ, на «каѳедрѣ просвѣщенія» и съ именемъ популярнымъ... Да, carissime, тяжело было писать... Но еще тяжелѣе казалось мнѣ предстоящее свиданіе послѣ четырехлѣтней разлуки при теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ. Однако, двѣ недѣли спустя, я получилъ письмо, призывавшее меня къ роднымъ пенатамъ, и я разстался съ отцомъ Варнавой.

— Странное дѣло... Шагалъ я по шпаламъ съ котомкой за плечами и съ посошкомъ; брелъ въ караванѣ странниковъ и бабъ богомолокъ, такъ какъ финансы мои были изъ рукъ вонъ плохи, и, повѣришь ли, Алексѣй Семеновичъ, я чувствовалъ себя такъ

хорошо, такъ свободно, какъ никогда въ жизни! Сознаюсь еще—я пережилъ новыя ощущенія, какихъ не знавалъ раньше. Я брелъ «на родину» послѣ долгихъ лѣтъ разлуки съ ней; хотѣлось повидать тѣ мѣста, гдѣ протекло мое дѣтство. Послѣдніе гимназическіе годы я провелъ въ «Рассеѣ», какъ у насъ говорятъ. А Вятскій край да Уралъ—для меня ужъ преддверіе Сибири...

— Ну, что такое, напримѣръ, Алеша, любовь къ родинѣ? А испыталъ ли ты когда нибудь это жгучее чувство?

Бажинъ остановился, скрестилъ руки на груди и окинулъ товарища лихорадочнымъ взглядомъ. Алексѣй Семеновичъ вздохнулъ и задумался. «Родина? Жгучая радость?» Ему даже и на мысль не приходило останавливаться на такихъ вопросахъ.

— У чиновника «родина» тамъ,—отозвался Радолинъ съ ироніей: — гдѣ двадцатаго числа выдаютъ жалованье... Сегодня въ Перми, завтра въ Одессѣ, а подъ конецъ дней своихъ, при удачѣ, желанная родина на Гороховой въ Петербургѣ...

И онъ нервно разсмѣялся.

Бажину стало жалко товарища. Ему хотѣлось развеселить его, развлечь, отогнать угрюмыя думы.

— Слушай, carissime:

«Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли,
Гдѣ самый дымъ намъ сладокъ и пріятенъ».

— Такъ что ли?—продекламировалъ онъ шутливымъ тономъ.— Прокативъ на «чугункѣ» въ четвертомъ классѣ (есть, братъ, и такіе классы), добрался я до Волги-матушки, а затѣмъ по Камѣ и Вяткѣ до родимой Вятушки. Ну, конечно, обросъ, загорѣлъ, такъ что кожа съ лица лупилась. Костюмчикъ обносилъ соотвѣтственно физіономіи и въ такомъ видѣ предсталъ предъ очи родительскія.

— Ахъ, ты, любовь всепрощающая! Золотое материнское сердце! Приняли меня, какъ блуднаго сына евангельской притчи, и буквально одѣли, омыли и даже заклали тельца, ибо я былъ чрезвычайно голоденъ. И все это по случаю моего благополучнаго возвращенія на «путь истинный». Ибо, узнавъ о моемъ знакомствѣ съ жандармами, родитель предрекъ мнѣ погибель.

— На родинѣ обратился я къ педагогіи и... о fatum! Обучая крестьянскихъ ребятишекъ грамотѣ, я нарвался на непріятность съ становымъ, а, благодаря цѣлой исторіи съ исправникомъ, познакомился и съ предсѣдателемъ земской управы. Какъ разъ въ это время открывалась въ уѣздѣ образцовая школа съ пасѣкой и курсы пчеловодства. Мнѣ предложили мѣсто, и я рѣшилъ посвятить себя земщинѣ.

— Ты помнишь, я еще студентомъ интересовался этимъ вопросомъ. И вотъ, вмѣсто лекцій въ университетѣ, мнѣ довелось читать курсъ пчеловодства народнымъ учителямъ, и право, какъ вспомню

наши бесѣды, душа радуется. Дѣло живое. Отдались ему мы горячо—закипѣла работа. Ни фальши, ни лицемѣрія!.. Сошлись любители, каждый хлопочетъ не для себя, а для школы; ты только пойми это, милый...

Радолинъ глядѣлъ на Иннокентія Егоровича съ нескрываемымъ восторгомъ.

— Молодчина!—вырвалось у него вдругъ.—Какъ я тебѣ завидую! попалъ человѣкъ на распутье и выбрался. А тутъ...

— Пустяки, есть чему завидовать! Вся причина—въ печальной необходимости... Ты слушай! Занялся я устройствомъ пасѣки. Будь ты спеціалистъ, я бы тебя замучилъ подробностями. Кстати, если успѣешь, приходи на мою баржу... Да, впрочемъ, я завтра отплываю.

— На какую баржу?—изумился Радолинъ.

— Ахъ, да! Я забылъ разсказать тебѣ, какъ попалъ въ сей благословенный градъ. Плаваю я третій годъ съ пчеловодной выставкой; съ согласія начальства знакомлю народъ съ пчеловодствомъ. «Занятіе почтенное»,—какъ говоритъ предсѣдатель нашего общества,—«профессія, имѣющая воспитательное значеніе». Проникайся ко мнѣ уваженіемъ, друже...

— Часъ отъ часу не легче,—разсмѣялся Александръ Семеновичъ.

— Теперь, милый другъ, у насъ, въ Вятскомъ краѣ, не только образцовые курсы пчеловодства, обширныя пасѣки, но и свои мастерскія для обученія кустарей. Дѣло идетъ хорошо. На всю Россію поставляемъ ульи всевозможныхъ системъ и при томъ дешевые, обязательно рамочные. Заведено благоустроенное пчелиное хозяйство, выдѣлываются всѣ принадлежности къ нему: совочки, сѣтки, центробѣжки, искусственная вощина и т. п. Благосостояніе крестьянства нашего значительно поднялось. Теперь я всячески пропагандирую завѣтную идею... Да ты не бойся!—разсмѣялся Бажинъ, встрѣтивъ испуганный взглядъ, товарища.—Эка въ васъ въѣлась бюрократическая опаска!..

Радолинъ дѣйствительно вздрогнулъ при послѣднихъ словахъ Иннокентія и самъ это замѣтилъ съ досадой. «Чортъ знаетъ, что такое, въ самомъ дѣлѣ!»—подумалъ онъ, нервно передернувъ плечами и дѣланно усмѣхнувшись.

— Не смущайтесь, господинъ коллежскій совѣтникъ; пропаганда идей моихъ «разрѣшена правительствомъ» и къ продолженію одобряется... Я разумѣю демонстрацію (все слова такія странныя) ульевъ различныхъ системъ, необходимыхъ приборовъ, картъ съ изображеніемъ пчелъ-работницъ, матки и трутней, и все это для пріученія народа къ пчеловодству. Для сего я плаваю каждое лѣто по Волгѣ, Камѣ, Бѣлой, Уфѣ; останавливаюсь по городамъ и демонстрирую свою выставку. Въ этомъ году рѣшилъ проѣхаться по Днѣпру и говорю судьбѣ великое спасибо—я тебя встрѣтилъ. Такъ-то, carissime, такъ-то!

И пріятели горячо обнялись.

VI.

Было уже за полночь. На дворѣ попрежнему завывалъ осенній вѣтеръ. Постукивая ставнями, онъ тянулъ подъ окномъ жалобную пѣсню, какъ будто плакался на свою долю... Но дождь, ранѣе лившій, какъ изъ ведра, видимо утихъ. Его крупныя капли перестали барабанить по крышѣ и со звономъ ударять въ стекла. За окномъ, въ густомъ, непроницаемомъ мракѣ не было слышно ни звука. Городокъ давно уже спалъ. Даже собаки не тявкали по дворамъ, не заливались хриплымъ лаемъ въ пригородной слободѣ—такъ смирила ихъ непогода, загнавъ подъ амбары и клѣти. На пустынныхъ улицахъ, въ осеннюю распутицу, съ поздняго вечера до разсвѣта обыкновенно прекращалось всякое движеніе. Обыватели захолустнаго городка, боясь выходить изъ домовъ въ свои переулочки, не знавшіе ни тротуаровъ, ни освѣщенія, погружались въ мирный сонъ съ пѣтухами.

Радолинъ стоялъ передъ окномъ и, прислонившись горячимъ лбомъ къ холодному стеклу, безсознательно глядѣлъ въ его темный квадратъ, въ которомъ, дрожа и мигая, отражалось пламя двухъ свѣчей, смутные абрисы номерной обстановки и его собственное лицо, блѣдное и искаженное до неузнаваемости.

Бажинъ тихо, неслышно ступая, задумчиво ходилъ по комнатѣ. Направляясь отъ двери къ дивану и отъ дивана за перегородку къ постели, онъ возвращался оттуда и шелъ къ зеркалу, всякій разъ недоумѣвая относительно своей фигуры, отражавшейся въ немъ въ расплывчатомъ видѣ. Дешевое зеркало обладало способностью «расширять» предметы, утолщать фигуры, такъ что Бажинъ, высокій и худой, видѣлъ себя въ немъ приземистымъ, толстымъ человѣкомъ, съ непропорціональнымъ животомъ и грудью. Шагая по номеру, онъ въ десятый разъ наблюдалъ ту же метаморфозу и вдругъ громко разсмѣялся.

Радолинъ вздрогнулъ и невольно отшатнулся отъ окна. Неожиданный смѣхъ Иннокентія прервалъ нить его думъ, тягучихъ и мучительно-тоскливыхъ. Всматриваясь въ густой сумракъ ночи сквозь тусклое стекло оконной рамы, Радолинъ думалъ въ эту минуту о самомъ себѣ, о своей жизни и странной судьбѣ своего друга. Привыкшій къ тѣмъ рамкамъ, въ которыхъ застыло его будничное существованіе, онъ вынесъ изъ бесѣды съ Бажинымъ только одно убѣжденіе, что не смогъ бы стать «скитальцемъ», какъ онъ, не нашелъ бы удовлетворенія въ его дѣятельности. Не безъ ужаса онъ впервые подмѣтилъ въ себѣ черту, которой не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣтить ранѣе.

— Странно, я говорю, что изнываю отъ рутины,—провѣрялъ онъ себя,—что меня давитъ монотонность жизни... Твержу, что избранное дѣло лишено интереса, что моя служба не даетъ про-

стора уму и энергіи... А между тѣмъ, заглянувъ въ свою совѣсть, я долженъ сознаться, что у меня просто не хватаетъ силъ и умѣнія пробить себѣ «новое русло жизни», какъ выражается Иннокентій. Мало того, я чувствую съ отвращеніемъ, что не способенъ жить дѣйствительностью, довольствоваться въ ней скромной долей труженика.. Наконецъ даже не умѣю найти для себя такого дѣла, которое захватило бы меня всецѣло, поглотивъ всѣ мои интересы... Отъ того и неудовлетворенность...

— Вотъ онъ плаваетъ по рѣкѣ съ какой-то пчелиной выставкой. «Съ какой-то!» Для меня это было бы равносильно ссылкѣ, кабалѣ. Я пропалъ бы отъ тоски въ первомъ захолустьи, а онъ? Онъ шагаетъ бодрый, энергичный, довольный. Онъ что-то «дѣлаетъ», для кого-то несетъ всю эту маяту? Во имя «идеи», эфемернаго «принципа» жертвуетъ всѣми, такъ называемыми «благами жизни», и онъ счастливъ. Иннокентій не старѣется, попрежнему молодъ душой, полонъ вѣры въ людей и будущее. Онъ только и твердитъ, что «мы еще повоюемъ»... А я?—продолжалъ Радолинъ неумолимое самосознаніе,— я вымираю! Во мнѣ, какъ въ догорѣвшей лампадѣ, слабо вспыхиваетъ послѣдняя искра... Гаснетъ жизнь! Въ будущемъ нѣтъ уже отрады; нечего ждать, не на что надѣяться.

— Ха, ха, ха!— разсмѣялся вдругъ Бажинъ.—Н-ну, умора! Да взгляни ты, carissime, въ это зеркало на мою фигуру. Рабъ Божій Иннокентій, тощій, какъ библейскія кравы, вдругъ располнѣлъ, округлился до размѣровъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Да нѣтъ! Это не я; это вы, ваше превосходительство въ будущемъ. Мнѣ эта полнота не по чину, да и не съ руки, ибо при ней неразлучны подагра и одышка. А я, братъ Алеша, люблю движеніе, неустанное движеніе...

— Да, ты счастливъ, Иннокентій. Я тебѣ завидую...

— Завидуешь? Да чему же? Кто мѣшаетъ тебѣ жить такъ, какъ хочется?

— Кто мѣшаетъ? — уныло повторилъ Алексѣй Семеновичъ:— легко сказать. Но когда тебѣ подъ сорокъ, когда двѣнадцать лѣтъ ты тянулъ лямку, шагая въ рядахъ бюрократіи,—вдругъ выбыть изъ фронта? Очутиться «за штатомъ», не имѣя впереди ничего опредѣленнаго, какъ, напримѣръ, всегда имѣешь передъ собой ты,—тогда поневолѣ затоскуешь. «Есть отъ чего въ отчаяніе прійти!» какъ говорилъ Чацкій.

— Ну, такъ, такъ, благодарю покорно!—отозвался со смѣхомъ Бажинъ. Онъ судорожно стиснулъ руками голову, видимо желая подавить въ себѣ приступъ досады за товарища, за его слабость, безволіе, но тотчасъ же овладѣлъ собой и, весело улыбаясь, заговорилъ спокойно, дѣловымъ тономъ:

— Слушай, Алеша! Я долженъ сознаться тебѣ по дружбѣ, какъ человѣку, котораго всегда любилъ, что такъ, братъ, нельзя... На

мой взглядъ ты дѣйствительно боленъ, и тебѣ нужно лѣчиться. Лѣчиться отъ хандры, но не лѣкарствами, а живымъ дѣломъ, жизнерадостнымъ трудомъ, выборомъ себѣ новаго пути жизни...

— Да, но... говорю тебѣ, что я на распутьи!—воскликнулъ Радолинъ съ отчаяніемъ въ голосѣ.—Это не шутка... и не я одинъ гибну. Создать себѣ «жизнерадостный трудъ», да, помилуй, откуда? Все равно, что мечтать подъ осеннимъ дождемъ о волшебныхъ краяхъ вѣчнаго солнца... «Новый путь жизни»... да гдѣ онъ въ этой трясинѣ? Я давно уже ищу спасительный «материкъ», а меня засасываетъ болото. Я потому и завидую тебѣ, что у тебя есть въ жизни любимое дѣло. У тебя есть цѣль, ты вѣришь въ лучшіе принципы. Пойми, что у тебя нѣтъ и не можетъ быть «распутицъ». Ты всегда и вездѣ выберешься на дорогу изъ этого заколдованнаго круга жизни.—Алексѣй Семеновичъ рванулся съ мѣста и забѣгалъ по номеру.

Бажинъ грустно улыбнулся.

— Экая привилегія у меня, подумаешь!—проговорилъ онъ не безъ горечи.—По твоимъ словамъ такъ выходитъ, что мнѣ «бабушка ворожитъ»? Нѣтъ, другъ милый, дѣло обстоитъ проще...

— Позволь, позволь!—перебилъ Бажина Алексѣй Семеновичъ.—Ну, виноватъ ли я, скажи мнѣ на милость, что обстоятельства мои слагаются такъ, что я бьюсь въ нихъ, какъ въ мертвой петлѣ, которая затягиваетъ меня все сильнѣй съ каждымъ часомъ; вѣдь это—гордіевъ узелъ, Иннокентій Егоровичъ. Я знаю, ты скажешь: «вырвись изъ петли, разруби этотъ узелъ, уйди, брось службу, займись дѣломъ по душѣ» и т. д. и т. д. Но позволь, гдѣ это дѣло, во-первыхъ?..

— У насъ дѣла столько, другъ, на Руси, что ни намъ съ тобой, ни десяткамъ поколѣній его не передѣлать. И дѣла серіознаго, полезнаго и для себя и для народа...

— Постой, постой!—заволновался Радолинъ.—Мы рѣшили отбросить самолюбіе. Я долженъ быть искреннымъ до конца... Прежде, чѣмъ итти на такое дѣло, надо знать, есть ли у тебя къ нему способности...

— Да не начавъ дѣла, никакихъ своихъ способностей не узнаешь. Вѣдь жизнь, carissime, не департаментъ. Въ ней нѣтъ отдѣленій, по которымъ можно классифицировать людей «по способностямъ». Въ этомъ вся суть, Алеша. Нельзя же до старости ходить на помочахъ, сорокъ лѣтъ бить въ одну точку, пока наконецъ не атрофируется всякая личная иниціатива. Тѣмъ-то и дорога по-моему жизнь, что въ ней постоянная смѣна требованій, запросовъ, формъ проявленія, на которые человѣкъ долженъ умѣть дать ясный отвѣтъ, во время найтись, сообразно приспособиться...

— Да пойми, наконецъ,—продолжалъ Бажинъ оживляясь:—что въ этомъ вся радость жизни! Сегодня плыву по рѣкѣ, не безцѣльно,

конечно, ты самъ понимаешь? Завтра въ таежномъ лѣсу копаюсь, шурфую съ золотопромышленниками; послѣзавтра—въ школѣ съ дѣтишками, замѣняю заболѣвшаго учителя. Потомъ появилась надобность собрать статистическія данныя по уѣзду... За симъ призываетъ добровольцевъ-дѣятелей недородъ, или ближнему захотѣлось послужить въ качествѣ брата милосердія, наконецъ...

— Ну, вотъ, вотъ!—угрюмо проговорилъ Радолинъ и глубоко вздохнулъ.—Понимаю. Но позволь мнѣ отвѣтить честно... Хорошо, если все это тебя удовлетворяетъ. Превосходно, если ты сознаешь себя поглощеннымъ «общими» интересами съ народомъ... Счастье, если вездѣ ты будешь у мѣста и не почувствуешь себя лишнимъ и одинокимъ... Но что дѣлать человѣку, у котораго нѣтъ вѣры въ себя самого, который не способенъ на такіе подвиги?

Бажинъ нервно передернулъ плечами и быстрѣе зашагалъ по комнатѣ. Радолинъ отеръ платкомъ потный лобъ и, не отдавая себѣ отчета, сѣлъ на свой чемоданъ, продолжая свои разсужденія.

— Вотъ, хотя бы теперь... Что бы я дѣлалъ въ этомъ скверномъ городишкѣ? Какой интересъ ютиться къ убогой комнаткѣ захудалой гостиницы? Цѣлыми днями мокнуть подъ дождемъ, на вѣтру, на какой-то баржѣ и поджидать любопытныхъ «мужичковъ», которые, можетъ быть, и совсѣмъ не придутъ на эту выставку пчеловодства, несмотря на явную для нихъ пользу?

— Наконецъ, если и придутъ, то выйдетъ ли еще изъ этого какой прокъ, кромѣ ротозѣйства? Объ интеллигенціи я не говорю... А какъ пораздумаешь, кому въ сущности нужны твои хлопоты, твоя упорная работа, искренняя готовность подѣлиться знаніемъ и опытомъ?.. Кому? Да почти никому...

— Эхъ, другъ милый! Да ты зараженъ рефлексіей. Ну, такъ, такъ, такъ, carissime. Одумайся, Алексѣй Семеновичъ, вѣдь это болѣзнь! Тебя попросту заѣдаетъ «всерастлѣвающій анализъ»... Ты производишь оцѣнку жизненныхъ явленій путемъ холоднаго и меркантильнаго расчета. При такомъ пріемѣ каждое твое доброе намѣреніе, каждый безкорыстный порывъ уже гибнутъ въ зародышѣ... А между тѣмъ отъ этихъ добрыхъ намѣреній до настоящаго дѣла еще цѣлая пропасть!

— Меня ужасъ беретъ; я вижу, что у тебя все взвѣшено, раздѣлено и... заранѣе осуждено. Ахъ, Алеша, Алеша! Мудрено ли, что при такомъ отношеніи къ жизни, къ ея явленіямъ, ты захандрилъ, не находя себѣ ни любимаго дѣла, ни подходящаго мѣста? Встряхнись, братъ! Пойми, что вѣдь это—«мани, текелъ, фаресъ» твоего личнаго существованія... Ты развиваешь въ себѣ разсудочный эгоизмъ, и въ концѣ концовъ онъ приведетъ тебя къ гибели.

VII.

Въ комнатѣ наступило тягостное молчаніе. Радолинъ, застывшій недвижно на своемъ чемоданѣ, сидѣлъ, опустивъ голову на грудь, изрѣдка вздрагивая, какъ въ лихорадкѣ. Бажинъ тоже пересталъ ходить и, прислонившись плечомъ къ косяку двери, смотрѣлъ на друга черезъ очки... Лицо его было блѣдно и выражало утомленіе. Гдѣ-то въ концѣ коридора послышался слабый стукъ, лязгъ цѣпныхъ гирь, и будто нехотя, съ трудомъ, стѣнные часы хрипло пробили четыре.

Въ темныхъ квадратахъ оконъ ночнойململ мракъ незамѣтно смѣнился тусклымъ, пасмурнымъ разсвѣтомъ, проступавшимъ сквозь густыя волны сильнаго тумана. За его бѣлой мутной пеленой не было видно ни улицы, ни домовъ—казалось, что окна гостиницы упирались въ сѣрую слабо освѣщенную стѣну. Откуда-то издали донеслось пѣніе пѣтуховъ, и своей дружной перекличкой въ противоположныхъ концахъ городка они извѣстили обывателя о наступленіи утра.

Бажинъ первый замѣтилъ, что уже разсѣло, засуетился и проговорилъ торопливо:

— Ну, другъ милый, прощай! Я увлекся, не далъ тебѣ спать всю ночь, а у людей добрыхъ черезъ часъ трудовой день начнется. Прощай, Алеша. Тебѣ въ пору теперь хотя немного отдохнуть, а мнѣ собрать пожитки. Вѣдь я сегодня отсюда уѣзжаю...

Радолинъ быстро поднялъ голову, широко раскрывъ глаза, и, видимо не отдавая себѣ отчета, переспросилъ глухимъ голосомъ:

— Уѣзжаешь? Зачѣмъ? Куда?—но, обведя глазами незнакомую комнату и вспомнивъ, гдѣ онъ, добавилъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Такъ, такъ. Да вѣдь и я ѣду...

— То-то и есть. А ты еще и не прилегъ; посмотри на себя, какой ты блѣдный. Ложись-ка да выспись, а я побѣгу восвояси. Часовъ въ десять тебя умчитъ «Запорожецъ» на югъ благословенный—dahin, dahin, wo die Zitronen blühen, а меня многогрѣшнаго съ моей баржей потащитъ на сѣверъ, вверхъ по рѣкѣ, буксирный «Батракъ» со скоростью черепахи... И опять мы надолго канемъ другъ для друга въ Лету. Такъ что ли?

— Да нѣтъ, я тебѣ напишу!—добавилъ любовно Бажинъ.— Авось и ты меня ненарокомъ вспомнишь? А теперь простимся... Возблагодаримъ боговъ, что они насъ столкнули, свели, и дадимъ другъ другу слово, Алеша, крѣпиться, бороться и не падать духомъ. Пробивать себѣ новое русло жизни во что бы то ни стало! Итти неуклонно своей дорогой и не терять головы, хотя бы и... пришлось «разрубить» этотъ гордіевъ узелъ. Ну, простимся!

Но Радолинъ не слышалъ послѣднихъ словъ. Онъ вдругъ вскочилъ съ чемодана, рванулся впередъ и, бросившись на шею къ Ин-

нокентію, судорожно зарыдалъ, какъ ребенокъ. Бажинъ ласково гладилъ его мягкіе волосы, съ выраженіемъ мучительной безнадежной грусти. По его загорѣлому лицу медленно катились слезы...

VIII.

Прошло пять лѣтъ послѣ этой встрѣчи. Въ фешенебельной квартирѣ на Большой Итальянской, въ уютномъ кабинетѣ, какъ-то весной, полный господинъ, усѣвшись въ вѣнскую качалку, читалъ газету, небрежно закинувъ нога на ногу. Въ рукахъ у него дымилась дорогая сигара; онъ поминутно выпускалъ изо рта лиловыя кольца дыма. Въ его манерѣ держаться, даже въ пріемахъ чтенія, чувствовалось какое-то покровительственное ко всему отношеніе—«сверху-внизъ», какъ выражаются петербургскіе чиновники.

Изящно одѣтый, подстриженный, элегантный, департаментскій дѣлецъ Радолинъ, однако, мало чѣмъ измѣнился. Только лицо его пожелтѣло и казалось одутловатымъ. Волоса порѣдѣли на вискахъ и на затылкѣ, да выраженіе сѣрыхъ глазъ стало еще болѣе равнодушнымъ и безучастнымъ. Усталость сквозила во взглядѣ Алексѣя Семеновича, и по тому, какъ онъ скользилъ по столбцамъ газеты, можно было заключить, что процессъ чтенія доставлялъ ему очень мало удовольствія.

Но вдругъ статскій совѣтникъ торопливо поднялъ голову. Пристальнѣе взглянувъ въ столбецъ телеграммъ, онъ почувствовалъ, что гдѣ-то въ глубинѣ его безмятежнаго тѣла слабо дрогнуло сердце. Радолинъ пробѣжалъ глазами телеграмму изъ Томска:

«Томскъ. 12-го мая. Нашъ извѣстный пчеловодъ И. Е. Бажинъ, бывшій редакторъ журнала «Сибирское пчеловодство», возвратился вчера изъ далекаго путешествія въ Иркутскъ, куда онъ ходилъ на поклоненіе мощамъ святителя Иннокентія. И. Е. чувствуетъ себя бодрымъ и здоровымъ. Весь путь отъ Барнаула и обратно, свыше 6.000 верстъ, пройденъ имъ пѣшкомъ съ небольшимъ въ три мѣсяца. По слухамъ этотъ почтенный дѣятель намѣренъ сдѣлаться миссіонеромъ и посвятить свои силы проповѣди христіанства среди якутовъ».

Зрачки глазъ Алексѣя Семеновича испуганно расширились; на лицѣ отразилось недоумѣніе:

— Удивительный человѣкъ! — пробормоталъ онъ сквозь зубы; но въ ту же минуту нервный спазмъ сдавилъ ему грудь и горло. Радолинъ сердито поднялся съ мѣста. — Вотъ оно «новое русло жизни» Иннокентія! — мелькнуло у него въ головѣ, и онъ съ трудомъ сталъ припоминать все, что зналъ когда-то изъ географіи о далекой Сибири.

— Богъ мой — забраться въ какой-то Якутскъ? Да вѣдь тамъ 50 градусовъ мороза! Бѣлые медвѣди по улицамъ ходятъ... Какая

странная натура у этого человѣка? Умница, образованный, передовой человѣкъ, гордость университета... Ну, скажите на милость, и вдругъ... въ миссіонеры?

Все существо Радолина внутренно протестовало противъ такого неожиданнаго направленія.

— Да, наконецъ, кого тамъ просвѣщать? И кому это нужно? Все-то у насъ такъ. Даровитый человѣкъ гибнетъ гдѣ-то въ глуши... На свой страхъ и рискъ затѣваетъ несбыточныя предпріятія, а мы здѣсь, въ Петербургѣ, страдаемъ отъ недостатка талантливыхъ людей, задыхаемся отъ колоссальной работы. Шутка сказать, однихъ проектовъ составлено болѣе двадцати,—мелькнуло у него въ головѣ,— и это только по нашему департаменту. И такъ вездѣ; дѣлъ масса, всѣ жалуются на отсутствіе людей предпріимчивыхъ, энергичныхъ... Всѣ мы здѣсь переутомлены отъ непосильной работы. Даровитаго столоначальника—днемъ съ огнемъ не отыщешь... А такая голова, какъ Бажинъ, гдѣ-то въ тундрахъ сидитъ, какихъ-то алеутовъ просвѣщать собирается!

Радолинъ съ негодованіемъ скомкалъ газету и швырнулъ ее въ уголъ.

Недѣлю спустя, Алексѣй Семеновичъ получилъ письмо, адресованное въ департаментъ на его имя и тотчасъ же доставленное ему съ курьеромъ на квартиру. Радолинъ взглянулъ на конвертъ, грязный, захватанный пальцами и видимо испытавшій въ пути немало передрягъ, пока достигъ, наконецъ, мѣста своего назначенія. На штемпеляхъ значилось «Колывань» съ числомъ отъ 8-го апрѣля.

Недоумѣвая, кто бы могъ адресовать ему такое «непрезентабельное» посланіе, онъ брезгливо взрѣзалъ кромку конверта. Листъ, крупно исписанный кругомъ, и самый почеркъ сперва показались ему незнакомыми. Но, прочитавъ первыя строки письма, онъ невольно вздрогнулъ и, какъ будто не довѣряя собственнымъ глазамъ, быстро подошелъ къ окну, чтобы разобрать подпись. Письмо гласило:

«Дорогой Алексѣй Семеновичъ. Давно я собирался написать тебѣ, но не имѣлъ подъ руками твоего адреса, каковой нахожу на дняхъ на твоей визитной карточкѣ, посланной мнѣ на Новый годъ, когда я находился уже на пути въ Иркутскъ, вѣрнѣе на моемъ новомъ пути, carissime. Жизнь моя сложилась теперь такъ (распространяться о ней не буду), что мнѣ хочется послужить меньшому брату, темному, забытому и обездоленному—по мѣрѣ силъ своихъ и способностей. Я рѣшилъ сдѣлаться миссіонеромъ и отсюда вижу твою ироническую улыбку; но да не смущается твое сердце, ибо всѣ пути приводятъ въ концѣ-концовъ человѣка къ одной вѣчной и единой цѣли.

«За послѣдніе годы я пережилъ много горя, потерялъ близкихъ и дорогихъ мнѣ... Теперь вижу и въ этомъ указаніе свыше, куда

надо итти и къ кому стремиться... Благословясь, бодрый духомъ и тѣломъ, берусь за мое новое призваніе, ибо слово Божіе разрослось во мнѣ многовѣтвистымъ деревомъ, затѣнившимъ все остальное, включая пчеловодство и иныя прочія мои пристрастія...

«Ну, видишь ли, carissime, что я былъ правъ, когда повторялъ тебѣ слова Бѣлинскаго: «Каждый человѣкъ, рано или поздно, попадетъ на свою полочку». Добавлю еще словами поэта:

«Пути Творца необъяснимы,
Его судебъ таинственъ ходъ;
Блаженъ, кто всѣхъ сомнѣній мимо
Дорогой избранной идетъ!

«Прощай, милый другъ, пиши, не забывай любящаго тебя неизмѣнно

Semper idem Иннокентія Бажина».

Радолинъ медленно отошелъ отъ окна въ глубину кабинета. Что-то необъяснимо тягостное наполнило его душу. Блѣдное лицо вспыхнуло алою краской... Алексѣй Семеновичъ порывисто схватился руками за горячую голову.

Жизнь была почти прожита—онъ чувствовалъ это инстинктивно. Прожита безцѣльно, однообразно, уныло... Онъ даже и не замѣтилъ, какъ постепенно въ немъ заглохли послѣднія искры того чистаго огня, который когда-то согрѣвалъ и его молодую душу. Нѣтъ въ ней ни прежнихъ порывовъ къ добру и свѣту, нѣтъ надеждъ на лучшее, никогда сердце не бьется протестомъ противъ настоящаго. Все заглохло, вымерло, атрофировалось...

Радолину вдругъ сдѣлалось стыдно и больно за себя... Совѣстно стало передъ этимъ нѣмымъ укоромъ товарища-энтузіаста, бодро и неустанно пробивавшаго теперь «новый путь» въ невѣдомыхъ дебряхъ далекой Сибири, тогда какъ онъ, сытый, но попрежнему всѣмъ недовольный, до сихъ поръ еще не сумѣлъ «разрубить» ненавистный ему гордіевъ узелъ...

Борисъ Корженевскій.

ВЪ ДНИ ТРЕВОГИ [1].

(Изъ найденныхъ записокъ офицера).

IV.

ПОСЛѢ дневки мы опять посажены были въ вагоны, и эшелонъ тронулся на австрійскую границу.

Безъ пересадки и безъ особыхъ приключеній мы добрались до Дубно, гдѣ намъ предстояло дождаться прибытія полка, а затѣмъ направиться пѣшкомъ къ мѣсту, назначенному намъ для зимней стоянки.

Погода стояла отвратительная. Снѣгъ вперемѣшку съ дождемъ такъ растворилъ глинистую почву, что нужна была особенная ловкость, чтобы не грохнуться на каждомъ шагу.

Го́родъ отъ вокзала отстоялъ въ пяти верстахъ. Пройдя невдалекѣ отъ знаменитаго замка, гдѣ разыгралась трагическая исторія сына Тараса Бульбы, мы вступили въ городокъ приличнаго вида и довольно благоустроенный. Здѣсь были когда-то контрактовые съѣзды, и, какъ воспоминаніе о нихъ, остались каменныя постройки, обращенныя въ казармы.

Зная, что наше пребываніе не продлится долѣе двухъ дней, мы не поинтересовались даже осмотрѣть улицы, а, забравшись въ ресторанчикъ, преисправно отдыхали отъ дороги. На другой день

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 104.

прибылъ штабъ полка и второй эшелонъ. Чтобы не задерживать части на пути, намъ приказано было тронуться на нашу новую временную стоянку, и мы потянулись. Стоявшая распутица дѣлала изъ похода пытку. Офицеры, не нагруженные такъ, какъ солдаты, и то тащились измученными, а какъ чувствовали себя нижніе чины, у которыхъ на плечахъ лежалъ ранецъ въ двадцать два фунта, сапоги фунтовъ въ шесть, пять фунтовъ сухарей, шесть фунтовъ въ патронныхъ сумкахъ и четырнадцатифунтовое ружье. Такой грузъ при отчаянно-скользкой дорогѣ являлся прямо гнетомъ, но роты шли молодцами. Откинувши кепи на затылокъ, наклонившись корпусомъ впередъ, покраснѣвшіе солдатики, тяжело дыша, имѣли мужество вести насмѣшливую бесѣду, подсмѣиваясь надъ плохими ходоками.

— А ты, братъ, Семеновъ, не очень кверху гляди, еще разъ оступишься и костей не соберешь. Придется рабочихъ назначать.

Но истиннымъ мученіемъ для насъ былъ обозъ. По ровному мѣсту лошади еще тащили, но въ гору по липкой глинѣ животныя выбивались изъ силъ и падали. Приходилось втаскивать фуры на рукахъ. Какъ ухитрялись солдаты подтаскивать телѣги, когда у самихъ ноги скользили,—не вѣрилось глазамъ.

Городъ, гдѣ долженъ былъ помѣститься полковой штабъ, былъ однимъ изъ богатыхъ и цвѣтущихъ пунктовъ въ цѣлой округѣ. Мѣстная интеллигенція состояла изъ служащихъ: исправника, его помощника, казначея, мирового судьи, судебнаго слѣдователя и мирового посредника. Населеніе состояло, за небольшимъ исключеніемъ, изъ евреевъ. Но это были евреи не въ длинныхъ лапсердакахъ, а отесанные и даже по-своему цивилизованные. Большинство изъ нихъ носило нѣмецкое платье, а въ праздники, когда на улицахъ появлялись гуляющіе, то можно было заглядѣться. Между мужчинами не рѣдкость была встрѣтить красавцевъ восточнаго типа. Не уступали имъ и женщины; разныя Сарры, Рифы, Шифры и Ліи щеголяли драгоцѣнными украшеніями. Тутъ были очаровательныя блондинки, жгучія брюнетки и мягкаго тона шатенки. Только языкъ нарушалъ иллюзію. Гортанные звуки съ небольшимъ подвывомъ рѣзали непривычное ухо.

Проживя нѣкоторое время въ ротѣ и установивъ полное благоустройство, мы частенько стали наѣзжать въ штабъ полка. Да и что было дѣлать въ деревнѣ? Выпалъ глубокій снѣгъ, и завернули морозы. Производить ученье стало невозможно; оставалось людямъ собираться по хатамъ и повторять теоретическія свѣдѣнія, необходимыя каждому солдату.

Въ городѣ, куда мы пришли, квартировали до насъ два кавалерійскихъ полка. Они стояли тутъ давно, и множество офицеровъ обзавелись легальными или нелегальными семьями. Эти покинутыя женщины невольно вызывали участіе. На нихъ лежала какая-то

особенная печать унынія. Дѣйствительно, оставшись безъ мужей и съ весьма ограниченными средствами, жены, оставленныя офицерами, должны чувствовать себя очень нехорошо. Крикъ и пискъ дѣтей, а иногда грубости военной прислуги—это плохое утѣшеніе въ одиночествѣ.

Наше офицерство не знало, куда дѣваться. Интеллигенція, живущая на небольшіе оклады, стѣснялась принимать гостей. Оставался ресторанъ со всѣми его прелестями. Тамъ намъ приходилось обѣдать, пить чай и даже ужинать, слушая жидовское тріо. Нѣкоторые пропадали за билліардомъ. Смотря на такое безобразіе, намъ пришла мысль устроить что нибудь отвлекающее, что оттянуло бы молодежь отъ разорительнаго и неблаговиднаго времяпровожденія. Въ городѣ былъ домъ, гдѣ помѣщалось военное собраніе ушедшихъ полковъ.

Обратившись къ командиру полка за разрѣшеніемъ, мы вошли въ соглашеніе съ хозяйкой и устроили свой собственный клубъ, и тотъ, кто прежде таскался по жидовскимъ трактирамъ, нашелъ пріютъ у себя. Въ будни шла карточная игра по небольшой, готовились недорогіе ужины, а по праздникамъ играла полковая музыка, и молодежь отплясывала до поздней ночи. Всѣ были веселы, и каждый какъ бы справлялъ свои послѣднія заговѣны мирнаго времени.

Къ намъ шли веселиться всѣ кромѣ, польскихъ пановъ. Уцѣлѣвшіе послѣ возстанія, они или совсѣмъ вели замкнутый образъ жизни, или неохотно принимали русскихъ, что совершенно было понятно. Какія воспоминанія могли являться у людей, только что побѣжденныхъ и разоренныхъ? Мы и не стремились къ тому, чтобъ передъ нами открылись панскія двери. Нѣкоторые изъ нихъ въ воскресеніе въ легонькой коляскѣ, четверкой цугомъ, подъѣзжали къ костелу и, отстоявъ обѣдню, съ важностью направлялись къ экипажу, гдѣ гайдукъ безъ шапки стоялъ у отворенной двери. Это было нѣсколько комично, но зато по традиціи.

Мѣсяцы летѣли за мѣсяцами, и незамѣтно подошла ранняя весна. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, когда же будетъ, наконецъ, сказано могучее слово, по которому стосковавшаяся армія двинется на поле брани.

Незадолго передъ походомъ я совершенно неожиданно получилъ приказаніе отправиться въ Дубно и тамъ состоять временнымъ членомъ военно-окружного суда, пріѣхавшаго на сессію. Эта командировка была очень пріятна мнѣ. Мелкія хлопоты, при снаряженіи въ походъ, такъ утомительны, что всякому хочется сбыть ихъ съ плечъ, и я со спокойнымъ духомъ укатилъ изъ полка.

Судя по дѣламъ, назначеннымъ къ разбирательству, сессія должна была продлиться не менѣе мѣсяца.

Дней черезъ десять послѣ открытія суда пронеслась, наконецъ,

вѣсть, что война объявлена, и полкамъ, временно расположеннымъ въ Волынской губерніи, предписывалось наискорѣйшимъ образомъ прослѣдовать по желѣзной дорогѣ въ Бессарабскую область. Такъ какъ полкъ не могъ иначе направиться въ указанное мѣсто, какъ черезъ Дубно, то я, зная маршрутъ, поѣхалъ на вокзалъ повидать своихъ.

Съ особенной радостью подошелъ я къ ротѣ, высыпавшей изъ вагоновъ. Громко поздороваться съ ними было нельзя, такъ какъ вблизи былъ старшій начальникъ, и я обошелъ группы, кивая имъ головой и изрѣдка похлопывая того или другого по груди.

— Смотри же, ребята, чтобъ безъ меня было у васъ такъ же хорошо, какъ и при мнѣ. Поручикъ Лугавинъ, которому поручено въ мое отсутствіе командовать вами, офицеръ строгій, но добрый и будетъ заботиться о васъ.

Прочтя нотацію, я пошелъ съ Иваномъ Петровичемъ и Матьянскимъ на вокзалъ. Всеволодъ Сергѣевичъ былъ очень огорченъ моимъ отсутствіемъ.

— Знаете, Михаилъ Петровичъ,—проговорилъ онъ вздохнувъ.— Безъ васъ словно пусто стало. Солдаты ходятъ, повѣся носы, и батальонный командиръ сталъ иначе относиться къ ротѣ.

— Что дѣлать, голубчикъ, потерпите. Я самъ соскучился по васъ, но ничего не подѣлаешь—служба. Объ одномъ прошу васъ, господа. Я всегда пользовался вашимъ расположеніемъ, такъ ради этого забудьте свою нелѣпую распрю и живите по-братски. Не на то мы идемъ, чтобъ тащить съ собой за пазухой камень. Еслп бъ кто изъ васъ былъ дурнымъ человѣкомъ, вы не услышали бы отъ меня такого призыва. Протяните же руки, и мнѣ легко будетъ знать, что роту ведутъ мои искренніе друзья и помощники.

У Лугавина при этихъ словахъ какъ-то странно дрогнули брови, но онъ не задумываясь протянулъ руку Матьянскому. Тотъ осторожно пожалъ ее.

— Что намъ теперь дѣлить? Мы одна семья, и съ такими чувствами должны итти подъ непріятельскія пули. Походъ нашъ будетъ трудный, довезутъ насъ только до Бессарабіи, а всю Румынію придется итти пѣшкомъ; это вѣдь безъ малаго тысяча верстъ. Значитъ сколько впереди трудовъ, лишеній и непріятностей! Одно можетъ только служить намъ утѣшеніемъ—дружба и спокойствіе духа.

Покончивъ интимную бесѣду, я отвелъ Матьянскаго къ сторонкѣ.

— Вы знаете, какъ я интересуюсь вами, поэтому не удивитесь моему вопросу. Имѣете ли вы свѣдѣнія объ Александрѣ Даниловнѣ?

Всеволодъ Сергѣевичъ вспыхнулъ, опустилъ голову и съ наивной улыбкой отвѣтилъ:

— Имѣю.

— Какъ же она поживаетъ? Здорова?

— Не жалуется, но я боюсь за нее. Она не пишетъ прямо, но между строкъ чувствуется что-то неладное. Охъ, не усидитъ она дома, и я не удивляюсь, если мы встрѣтимъ ее сестрой милосердія.

— Тогда мы съ вами въ одинъ голосъ можемъ сказать: отъ судьбы не уйдешь.

Не желая разстаться съ ротой не простившись, я опять подошелъ къ вагону.

— Ну, ребята, смотри жъ, помни, что я говорилъ. А чтобъ мое слово крѣпче было, у Ефремова будетъ храниться для васъ на ведро водки. Какъ нибудь устанете очень, такъ вотъ на привалѣ будетъ чѣмъ подкрѣпиться.

Я вручилъ Ефремову деньги и, потихоньку простившись, отправился въ городъ.

Полки помчались на югъ, а я остался въ Дубнѣ судить и карать. Дѣла были по большей части пустяшныя, засѣданія непродолжительны, и мы самымъ благодушнымъ образомъ проводили время.

Такъ прошелъ апрѣль, и наступило начало мая. Доносились съ театра войны вѣсти, что въ Добруджѣ была попытка переправиться, но мы знали, что не тамъ группируются главныя силы, и ждали чего нибудь посущественнѣе.

Наконецъ сессія кончилась. Я и еще два офицера другого полка тронулись вслѣдъ за полками.

Добравшись до Кишенева, мы по имѣвшимся документамъ должны были получить въ полевомъ казначействѣ суточныя деньги, такъ какъ намъ приходилось догонять полки по румынскимъ дорогамъ, гдѣ проѣздъ оплачивался.

Пока полевое казначейство вело процедуру о выдачѣ, мы должны были прожить въ Кишеневѣ дня два. Войска въ немъ въ это время не было, исключая офицеровъ, находившихся въ распоряженіи завѣдующаго тыломъ арміи. Никого не зная, мы очень скучали, притомъ жара стояла невыносимая. Только свѣжесть вечера давала возможность вздохнуть.

Въ одинъ изъ такихъ очаровательныхъ вечеровъ мы отправились въ городской садъ, гдѣ игралъ струнный оркестръ подъ управленіемъ знаменитаго Янко Бабанова. Когда намъ восторженно отозвались о немъ, мы, никогда не слышавшіе его имени, съ удивленіемъ выслушивали говорившаго и съ предубѣжденіемъ подошли къ эстрадѣ. Тамъ около дирижерскаго пюпитра сидѣлъ крупный человѣкъ, съ широкимъ красноватымъ лицомъ, небольшими глазами, закругленнымъ носомъ и съ довольно большими усами. Это и былъ знаменитый Янко Бабановъ. Смотря на вульгарную наружность, я еще болѣе укрѣплялся въ своемъ скептицизмѣ.

— Эти провинціалы ужасно носятся со своими доморощенными знаменитостями.

— А вотъ послушаемъ,—отвѣтилъ товарищъ.

Вскорѣ оркестръ началъ очередный нумеръ. Это было попурри изъ итальянскихъ оперъ, составленное дирижеромъ. Сыграно оно было гладко, чисто, но ничто не наводило на мысль, что оркестромъ управлялъ какой-то необыкновенный человѣкъ.

Послѣ исполненія вечеровой программы и антракта на ту же эстраду вышло шесть человѣкъ: первая и вторая скрипки, віолончель, кларнетъ и волторна, какъ акомпанирующіе, и солистъ Бабановъ. Едва Янко приставилъ свою скрипку къ плечу и съ опущеннымъ внизъ смычкомъ окинулъ огневымъ взглядомъ слушателей, собравшихся густой толпой вокругъ эстрады, я не узналъ Бабанова. Лицо страстнаго цыгана какъ бы переродилось. Очевидно, то что онъ игралъ ранѣе, была работа обязательная, а теперь начиналось то, въ чемъ должна была отразиться клокочущая натура фанатика музыканта.

Съ первыхъ ударовъ смычка я понялъ, что не ошибся. Въ рукахъ виртуоза была словно не та скрипка, на которой онъ раздѣлывалъ оперное primo. Дивныя, безыскусственныя народныя пѣсни и думы нашли въ немъ вдохновеннаго исполнителя. Его скрипка не играла, а пѣла, стонала и рвала нервы. Это не диөирамбъ модному музыканту, а тотъ восторгъ, которымъ хочется подѣлиться съ каждымъ любителемъ музыки. Я долго не могъ понять, къ какимъ средствамъ прибѣгалъ скрипачъ, извлекая изъ деревяшки небесные звуки. Мнѣ приходилось увлекаться многими европейскими талантами, но никто изъ нихъ не достигалъ той удивительной, чарующей прелести, которою порабощалъ толпу Янко.

Все это въ антрактѣ я высказалъ вслухъ. Сидѣвшій рядомъ со мной какой-то старичокъ сочувственно замѣтилъ:

— Вы, конечно, тутъ проѣздомъ, и неудивительно, что восторгаетесь Бабановымъ, но я здѣшній старожилъ и рѣдкій вечеръ не прихожу сюда, чтобъ взглянуть на этого чародѣя.

— У кого онъ учился?—невольно вырвалось у меня.

— Бабановъ-то? Эти люди главнымъ образомъ учатся у Господа Бога. Въ нашей мѣстности рѣдкій цыганъ не скрипачъ. Они даже сами дѣлаютъ себѣ инструменты, и многіе изъ нихъ прекрасно играютъ. Но Бабановъ исключеніе, это геніальный самородокъ. Ему показали ноты, правила, остального онъ добился самъ.

— Онъ, кажется, очень популяренъ?

— А вотъ какъ популяренъ. Помню, всталъ я какъ-то до восхода солнца и пошелъ на городскую площадь. Еще издали доносились звуки скрипки, и я удивился, кто бы это могъ такъ рано играть. Однако скоро все разъяснилось. Въ углу городской площади возсѣдали евреи самыхъ преклонныхъ лѣтъ, а посреди ихъ стоялъ Бабановъ и наигрывалъ какіе-то заунывнѣйшіе, библейскіе мотивы. Что дѣлала его скрипка, я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ

волненія. Тамъ я понялъ плачъ на рѣкахъ Вавилонскихъ и увидѣлъ раздирательную картину, какъ сидѣвшіе на землѣ слушатели колотили себя въ грудь, припадая головой къ землѣ. Такъ вотъ, батюшка, что такое Бабановъ.

Не имѣя времени засиживаться очень поздно, мы пошли изъ сада, а за нами раздавались звуки румынской «Дайны».

Окончивъ счеты съ полевымъ казначействомъ, мы тронулись догонять полкъ. Усмотрѣвши на картѣ, въ какомъ городѣ желѣзная дорога сходится съ шоссейнымъ трактомъ, мы добрались до города Текуча и стали дожидать прибытія своей части.

V.

Сутки спустя, часовъ около четырехъ по полудни, мы издали увидѣли вступавшій полкъ. Обождавъ немного, я надѣлъ походную парадную форму и отправился явиться къ командиру, помѣстившемуся въ одномъ изъ городскихъ домовъ.

Едва я произнесъ установленную фразу: «господинъ полковникъ, имѣю честь явиться»... какъ начальникъ напалъ на меня.

— Помилуйте, это ни на что не похоже! Почти мѣсяцъ вы отсутствовали. Неужели столько времени могла продолжаться сессія?

— Господинъ полковникъ, у меня есть предписаніе предсѣдателя суда о выѣздѣ изъ Дубна. Число, которымъ помѣчена бумага, будетъ для меня лучшимъ оправданіемъ. Мы только два дня задержались въ Кишеневѣ, чтобъ получить изъ казначейства суточныя и прогонныя.

— И этого не нужно было дѣлать; вы были бы удовлетворены въ полку.

Видя, что никакія объясненія не усмирятъ разгнѣваннаго начальника, я замолчалъ. Онъ перемѣнилъ тонъ и ласково заговорилъ:

— Пожалуйста, примите мѣры. Походъ крайне тяжелый, жара страшная, грунтъ твердый—солдаты отбили ноги. Воспользуйтесь завтрашней дневкой и приведите свою часть въ порядокъ.

Пожавъ руку, полковникъ отпустилъ меня.

Выйдя изъ квартиры начальника, я отправился къ ротѣ, размѣстившейся въ палаткахъ за чертой города. Съ чувствомъ радости увидѣлъ я знакомыхъ людей, вышедшихъ встрѣтить меня. Загорѣлыя, истомленныя солдатскія лица краснорѣчиво говорили, какъ много бѣднякамъ пришлось выстрадать.

— Больныхъ много?—обратился я къ Ефремову.

— Такъ точно, есть. А главная причина—всѣ отбили ноги. Отъ жары сапоги трескаются.

— А саломъ ноги мазали?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Такъ сейчасъ же пошли артельщика въ городъ купить полъ-пуда свѣчей. Вели раздать по пяти фунтовъ на взводъ и наблюди, чтобъ сейчасъ же ноги были у всѣхъ перемазаны, а передъ походомъ еще.

Сдѣлавъ такое распоряженіе, я пошелъ съ Матьянскимъ и Лугавинымъ въ ихъ палатку, гдѣ и для меня была уже раскинута постель.

— Что, друзья мои, помучились?

— Да, досталось таки! — охалъ Иванъ Петровичъ.

— Конечно, тяжело,— вмѣшался Всеволодъ Петровичъ.— Но что всего ужаснѣе было — это переправа черезъ Прутъ.

— Почему?

— Рѣка разлилась и затопила низкій берегъ на нѣсколько верстъ. Задержаться безъ приказанія мы не могли, и пришлось намъ брести не только по колѣна въ водѣ, а подчасъ и выше пояса. По телеграфнымъ столбамъ и оріентировались. У насъ еще обошлось благополучно, а во второмъ полку, говорятъ, двое оборвались и утонули.

— Какъ долго вы шли по такой дорогѣ?

— Да больше получаса. Выйдемъ на сухое и опять въ воду. На солдатъ смѣшно было смотрѣть: сухари и патронныя сумки они нацѣпили себѣ на шею и съ ружьями надъ головами шагали, да еще пѣсни пѣли.

Жаръ сталъ спадать, и мы втроемъ отправились въ городъ поужинать, а затѣмъ возвратились въ палатки и заснули крѣпкимъ сномъ.

Съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ походъ, въ родѣ нашего, отошелъ въ область преданій, но мы на себѣ испытали всю его тягость. И что обидно было! На виду у насъ мчались поѣзда, а войско, отправлявшееся на войну, теряло драгоцѣнное время и численность, такъ какъ изнеможеніе и климатическія условія не могли не выводить изъ строя извѣстнаго процента людей. Но мы шли и шли.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія я долженъ былъ съ ротой заступить въ караулъ; смѣна производилась на привалѣ.

Отрапортовавши командиру о принятіи смѣны, я распорядился назначеніемъ караула къ денежному ящику, дежурныхъ въ лазаретъ, конвойныхъ къ арестованнымъ и взвода въ арьергардъ.

Было около семи часовъ утра. Солнце пекло невыносимо, и чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ температура повышалась и повышалась. Около полудня зной дошелъ до того, что нужно было употреблять неимовѣрныя усилія, чтобъ итти. Поминутно приходилось дѣлать остановки и накидываться на кого нибудь.

— Что ты валяешься? Лодырь! — распекалъ я лежащаго на травѣ солдата.

— Ваше благородіе, моченьки нѣтъ. Шелъ, покеда были силы, а дальше не могу.

По тяжелому дыханью и страшной блѣдности лица видно было, что солдатикъ дѣйствительно изнемогъ.

— Фельдшеръ, взять его въ фургонъ.

— Да помилуйте, ваше благородіе, тамъ и то полно, сажать некуда.

— Ну, такъ приткни его куда нибудь на фуру. Не оставаться же ему здѣсь.

Какъ лошади, такъ и люди еле тащились. Обозъ и нижніе строевые чины растягивались на большое пространство. Чтобы дать возможность собраться, приходилось задерживать флангъ. Едва произносилась команда: «на мѣстѣ», какъ всѣ подходившіе немедленно валились на землю. Это не было непочтеніе къ службѣ или неповиновеніе, а просто непривычный организмъ человѣка отказывался бодрствовать, и живой человѣкъ обращался въ плохо двигавшагося автомата.

Матьянскій, бывшій въ арьергардѣ, нѣсколько разъ присылалъ съ докладомъ, что онъ ничего не можетъ подѣлать съ отсталыми, которыхъ некуда было посадить. Дѣйствительно, издали было видно, какъ человѣкъ пять-шесть въ сопровожденіи конвойныхъ еле переплетали ноги.

Переходъ былъ около тридцати верстъ, и мы достигли ночлега, когда солнце стало уже опускаться къ горизонту. Тутъ всѣ въ отрядѣ ожили. Отставшіе вылѣзли изъ фургона и благополучно заняли свое мѣсто во фронтѣ. Запахло дымкомъ отъ самоваровъ, усердно раздуваемыхъ денщиками; солдатики побѣжали на рѣчку омыть свои загрязненныя отъ пыли и пота лица; послышался бой барабана, призывавшій къ ужину, словомъ, бивуачный муравейникъ зашевелился для того, чтобы черезъ какой нибудь часъ дать отдыхъ своимъ измученнымъ членамъ.

Едва пробили вечернюю зорю и пропѣли молитву, какъ роты затихли. Всѣ торопились заснуть, такъ какъ знали, что придется вставать на разсвѣтѣ. Это было необходимо, чтобы пройти холодкомъ.

Въ назначенное время батальоны стояли подъ ружьемъ. Дежурному по полку обыкновенно едва удается сомкнуть глаза, такъ какъ квартирьеровъ и кухню нужно отправлять заблаговременно.

Проводивъ послѣднюю телѣгу, я съ наслажденіемъ опустился, не раздѣваясь, на свою постель. Но какой это былъ сонъ? Опасаясь, что полкъ не будетъ поднятъ во время, я какъ бы незамѣтно, поминутно, самъ будилъ себя. Приподнимешься, увидишь, что темно, и опять опустишься на подушку. Но едва слабый разсвѣтъ показался на горизонтѣ, я вскочилъ и, наскоро оправившись, пошелъ отдать приказаніе играть фельдмаршъ. Вслѣдъ за этимъ раздались командныя слова:

— Вставать! Живо одѣваться!

На это въ палаткахъ послышалось потягиваніе, оханье и крях-

тѣніе. Черезъ полчаса выстроившіеся батальоны уже тянулись по луговой дорожкѣ, направляясь къ шоссе.

Опять сначала бодрый ходъ, съ особенно характернымъ стукомъ шаговъ нагруженнаго человѣка, затѣмъ опять истомленіе и неприглядныя картины, только что описанныя нами.

Переиспытывая на себѣ всю тягость военнаго похода, намъ невольно хотѣлось увидѣть передъ собой апологистовъ войны и показать имъ, что переиспытываютъ люди, призванные оружіемъ достигать того, что легко достижимо мирнымъ путемъ. Еще не раздалось ни одного выстрѣла, а столько нами было уже затрачено нервныхъ силъ и здоровья. Мы хотѣли одного: чтобы скорѣе прекратился этотъ мучительный походъ подъ палящими лучами румынскаго солнца. Для насъ исчезъ счетъ дней, мы знали только одно, что надо итти, итти и итти. Миновавъ Фокшанскія поля, на которыхъ Суворовъ разгромилъ турецкую армію, переправились и черезъ знаменитый Рымникъ, давшій русскому генералу славу и вмѣстѣ съ тѣмъ поглотившій въ своихъ волнахъ единственнаго сына фельдмаршала.

Послѣ нѣсколькихъ переходовъ мы наконецъ прибыли въ Бухарестъ. Намъ отвели подъ бивуакъ поле, въ пяти-верстномъ разстояніи отъ румынской столицы, вблизи дачной мѣстности, именуемой Боніазъ. Чтобы оправиться и приготовиться къ дальнѣйшему походу, намъ назначили простоять три дня. Послѣ такого непріятнаго движенія, которое мы совершили, невольно хотѣлось хоть немного отдохнуть среди цивилизованной жизни. Хорошіе рестораны, сады и театры легкаго жанра были въ полномъ ходу.

— Батюшки, свѣты! Кого Богъ нанесъ! Благодѣтели, защитнички наши! Радъ вамъ пуще, чѣмъ свѣту солнечному!

Выпаливая такими фразами, на насъ надвигался человѣкъ съ приподнятыми руками. Мы узнали въ немъ Засудкина.

— Вы какъ попали сюда?—обратился я къ нему.

— Отчего же намъ и не попасть? Сѣли и пріѣхали, да вотъ цѣлую недѣлю и путаемся. Очень ужъ тутъ любопытно. Полки идутъ, пушки везутъ, стало быть, кровью пахнетъ. А мы сидимъ да посиживаемъ. А все кто? Онъ, благодѣтель!

При этомъ Засудкинъ показалъ на сидѣвшаго за столомъ господина.

Я обернулся и увидѣлъ субъекта въ пиджакѣ и въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ.

— Это кто-жъ такой?

— Мой путеводитель. Безъ него я былъ бы, какъ ракъ на мели, а онъ въ Сербіи добровольцемъ состоялъ и всѣ эти земли знаетъ. Да жалуйте, жалуйте къ столику, мы сейчасъ вспрыснемъ встрѣчу.

Онъ безъ стѣсненія тащилъ меня и Матьянскаго за руки.

— Вотъ-съ, позвольте познакомить: Иванъ Митричъ Поспѣшинъ. А ужъ про себя, господа, вы сами скажите ему.

Поспѣшинъ козырнулъ по-военному, съ достоинствомъ протянулъ руку и проговорилъ басомъ:

— Очень пріятно встрѣтиться.

— Гарсонъ, деми-секу три бутылки. Да чтобъ безпремѣнно былъ деми-секъ.

— Voulez-vous du champage demi-sec?—любезно переспросилъ прислуживавшій.—Trois bouteilles?

— Коли говорятъ, такъ, стало быть, «вулеву».

Поспѣшинъ повторилъ лакею по-французски, и тотъ отправился исполнять приказаніе.

Пошли разспросы, давно ли мы въ походѣ и сколько пробудемъ въ Букарестѣ. Удовлетворивъ любопытству земляковъ, я невольно заинтересовался личностью спутника Засудкина.

— Вы добровольцемъ были?—обратился я къ нему.

— Имѣлъ это несчастье.

— Почему же несчастье?

— Помилуйте, человѣкъ пришелъ вступиться за угнетенныхъ братьевъ не по принужденію, а по доброй волѣ, и вдругъ ему говорятъ: «записывайтесь въ часть». Можетъ ли тутъ быть и рѣчь о какой-то части? Меня привлекла въ Сербію идея, ради нея я рѣшилъ пожертвовать жизнью, а тутъ не угодно ли командовать какой-то «четой»? Что мнѣ «чета»? Я выше всякаго формализма и желалъ биться тамъ, гдѣ большая опасность. И что же намъ сказали? «Вы производите безпорядокъ, и произвольно перемѣщенія изъ одной части въ другую быть не можетъ». Я, разумѣется, расхохотался на это и немедленно возвратился въ Россію.

Гарсонъ принесъ вино, бокалы, и землякъ сталъ усердно потчевать насъ.

— Господи, вотъ гдѣ привелось опять чокнуться! Желаю вамъ, господа, орденовъ, чиновъ и всякихъ отличій. А коли вернетесь въ нашъ городъ,—ванну сдѣлаю изъ шампанскаго.

— Ужъ не переберетесь ли вы черезъ Дунай?—спросилъ его Лугавинъ.

— Хотѣлъ, да ничего не выходитъ. Эти тонкоголосые извозчики—трусы. Вишь, тамъ башибузуки да черкесы. Ну, мы и застряли. Поболтаемся тутъ еще денька три-четыре и по домамъ. А любопытная эта сторонушка? Главная причина—женщины! Куда ни пойди—два черныхъ глаза, какъ смолой горячей обдаютъ тебя. А ужъ насчетъ обхожденія—одинъ деликатессъ!

Видя, что разговорамъ Засудкина не будетъ конца, мы поблагодарили его за встрѣчу, отошли отъ бурнаго россіянина и покатили на великолѣпныхъ лошадяхъ въ свой бивуакъ.

Съ перваго раза эти шикарные возницы изумили насъ и насмѣшили своимъ видомъ и голосомъ. Мы не сразу поняли, кто такіе эти русскіе, говорящіе фальцетомъ. Но скоро все объяснилось.

Румынскіе извозчики—это наши сектанты, которымъ пришлось отъ религіозныхъ преслѣдованій бѣжать за границу. Тутъ были представители некрасовцевъ, а еще болѣе скопцы. Уморительно было видѣть, какъ пожилой мужчина съ круглымъ, безволосымъ лицомъ говорилъ тонкимъ дискантомъ.

— Баринъ, не свезти ли куда нибудь? Съ земляка я дешевле взялъ бы; по крайней мѣрѣ, отвелъ бы душу — поговорилъ бы на расейскомъ языкѣ.

Отгулявшись въ Букарэстѣ, мы съ новымъ запасомъ силъ направлялись къ Зимницѣ, гдѣ черезъ Дунай былъ уже наведенъ мостъ. Тамъ нашъ корпусъ встрѣтилъ главнокомандующій и отдалъ намъ приказъ черезъ день послѣ нашего прибытія направиться черезъ Дунай.

Въ назначенное утро мы уложили вещи и двинулись черезъ городъ, надѣясь безпрепятственно перебраться черезъ мостъ, но наши мечты оказались наивными. Насъ привели на заливной лугъ, поставили колоннами и приказали ожидать очереди. Это былъ девятый часъ утра. Надѣясь удовлетворить своему аппетиту уже на правой сторонѣ Дуная, мы не запаслись никакой провизіей, а полковой обозъ отведенъ былъ неизвѣстно куда. Прошло десять часовъ, одиннадцать, двѣнадцать и наконецъ часъ. Прискакалъ какой-то адъютантъ съ объявленіемъ, что мы скоро тронемся. Полкъ сталъ въ ружье и добрый часъ простоялъ въ такомъ положеніи. Но объ насъ опять какъ будто забыли. Видя, что тревога была фальшивой, командиръ полка приказалъ снять ранцы, составить ружья, и мы опять усѣлись на лужкѣ. Оголодавшіе солдаты погрызывали сухари; ихъ примѣру послѣдовали нѣкоторые офицеры. Чтобы утолять жажду, приходилось бѣжать шаговъ двѣсти до рукава Дуная и тамъ зачерпывать мутную воду, но и ее мы глотали съ жадностью.

Часъ проходилъ за часомъ. Мы видѣли, какъ впереди насъ тянулись какія-то части и по очереди переправлялись черезъ мостъ, а мы ждали и ждали. Наконецъ стемнѣло, а насъ забыли. Подъѣхалъ бригадный командиръ.

— Что же это такое? Что они дѣлаютъ?! — сердился онъ.—Зачѣмъ насъ тронули съ мѣста? Люди могли бы спокойно пообѣдать и поужинать.

Начальникъ дивизіи еще больше выходилъ изъ себя.

— Я жаловаться буду на такой безпорядокъ!—кричалъ онъ: — кого же изъ насъ они дѣлаютъ!

Намъ очень симпатичны казались протесты начальства, но мы все стояли и стояли на мѣстѣ. Только около девяти часовъ прискакалъ какой-то адъютантъ и громогласно объявилъ:

— Полку трогаться къ переправѣ!

Началось надѣваніе ранцевъ, раздалась команда, и мы тронулись, не совсѣмъ отчетливо разсматривая то, что было впереди.

Вскорѣ до насъ сталъ доноситься шумъ шаговъ людей, идущихъ по мосту. Заблестѣла вода, и мы поняли, что наконецъ это Дунай.

Въ это время вдругъ сбоку раздался голосъ Ефремова:

— Ваше благородіе, вы вѣрно изволили отощать, а я сейчасъ добылъ брынзы. Можетъ быть, угодно будетъ откушать?

Сказано это было тономъ такой доброты и участія, что я улыбнулся и поблагодарилъ.

— Спасибо, милый, не откажусь. Дѣйствительно я отощалъ.

Румынскій сыръ, именуемый «брынза», есть не что иное, какъ соленый прессованный творогъ. Въ другомъ случаѣ къ такому сокровищу я неохотно и прикоснулся бы, но теперь съ этимъ продуктомъ, казалось, не могъ сравниться никакой швейцарскій сыръ.

Болѣе четверти часа мы шли по огромному мосту и, выбравшись наконецъ на берегъ, свернули направо по наскоро сдѣланному шоссе. Насъ занимало одно: когда же наступитъ окончаніе нашего перехода, и намъ укажутъ, гдѣ остановиться. Однако это не такъ скоро случилось, и намъ пришлось до бивуака пройти еще версть шесть. Вскорѣ насъ догналъ обозъ, и мы могли хоть какъ нибудь утолить нашъ голодъ.

То, что мы дѣлали усталые, не казалось намъ чѣмъ-то исключительнымъ, но когда мы осмотрѣлись, то поняли, что Дунай былъ нашимъ Рубикономъ, послѣ котораго должна была начаться настоящая боевая жизнь.

Операціи перваго періода войны, какъ извѣстно, отличались крайней нерѣшительностью. Это объяснялось тѣмъ, что мы не знали о силахъ непріятеля и о его намѣреніяхъ. Дожидаясь своей очереди на берегу Дуная и глядя на грозно возвышавшееся Систово и на весь правый берегъ, представлявшій естественную крѣпость, не вѣрилось, что русскія войска съ малыми потерями могли переправиться черезъ такую широкую рѣку, и если бы турецкая бригада, имѣвшая спеціальную обязанность маневрировать по берегу, не очутилась случайно 15-го іюня противъ Зимницы, то, вѣроятно, наша армія вступила бы въ Болгарію безъ одного непріятельскаго выстрѣла.

Послѣ переправы непріятель вдругъ исчезъ. Генералъ Гурко свободно прошелъ Балканскіе проходы и появился въ долинѣ Розъ, то-есть совершилъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ военныхъ набѣговъ, и только потому, что не былъ поддержанъ во время, долженъ былъ вернуться обратно. А между тѣмъ прибывшія войска не торопили отправкой въ центръ Болгаріи.

Переночевавъ въ мѣстечкѣ Павло, мы думали, что немедленно тронемся для какихъ нибудь боевыхъ операцій, но оказалось, что насъ оставили для охраны императорской квартиры. Мы понимали всю важность нашего положенія, но это не улучшало нашего расположенія духа. Придя на войну, намъ хотѣлось двигаться впе-

редъ и понюхать пороху, а приходилось бездѣйствовать и цѣлые дни просиживать въ палаткѣ. Такъ прошло болѣе недѣли. Затѣмъ императорская квартира перебралась въ Бѣлу, куда передвинули и насъ.

Находясь въ такомъ положеніи, офицерство невольно искало какого нибудь развлеченія. Появились карты. Сначала были попытки играть въ коммерческія игры, но это скоро надоѣло, и азартъ захватилъ всѣхъ.

Едва оканчивались занятія съ нижними чинами и осмотръ ихъ, какъ въ извѣстныя палатки, получившія наименованіе клубовъ, одинъ за другимъ тянулись поклонники макао. Едва ли можно было найти одного офицера, не отдававшаго игрѣ извѣстную дань. Особенно жаркій бой происходилъ по вечерамъ, когда дѣлалось прохладно.

На одинъ изъ такихъ сеансовъ зашелъ и я. Въ палаткѣ, гдѣ помѣщались Баркинъ и Мустоцкій, на землѣ былъ разостланъ войлокъ. На немъ-то и возсѣдали бойцы. Серебра и бумажекъ почти не было видно, а звенѣло золото, такъ какъ съ переходомъ за границу бо́льшая часть жалованія выдавалась звонкой монетой.

— Господа, пятнадцать рублей въ банкѣ,—объявлялъ Баркинъ.

— Мои пять,—говорилъ Ракетовъ.

— Ну, ужъ мои десять,—добавлялъ Мышниковъ.

— Вы не очень рвите,—протестовалъ банкометъ.

— Да, вотъ буду я вамъ въ зубы смотрѣть! Хотите канителиться, такъ идите играть къ Пимоничу; тамъ на гривеннички бьются.

Однако Баркину везло, и на импровизированномъ столѣ валялись уже шесть полуимперіаловъ.

— А позвольте мнѣ одну штучку поставить. Да чтобъ аккуратно было,—говорилъ Мустоцкій, выдвигая золотой.

Вслѣдъ за нимъ назначили ставки другіе партнеры. Оставался одинъ полуимперіалъ.

— Ну, ужъ это мой,—объявилъ я.

Карта опять была бита.

— Ишь, ему прётъ!

— А ты думалъ какъ? Довольно того, что вчера порядочно почесали меня.

Проигравъ золотой, мнѣ уже не хотѣлось уходить, и я тоже опустился на войлокъ.

— Господа, я половину снимаю,—объявилъ банкометъ.

— Такъ мы не будемъ играть!—раздались голоса.

— Въ такомъ случаѣ я передаю.

Очереднымъ былъ Мышниковъ. Онъ взялъ талію, но у него немедленно сорвали банкъ.

Я никогда не имѣлъ особаго пристрастія къ игрѣ, однако, проигравши восемь полуимперіаловъ, я ушелъ задѣтый за живое и долго не могъ заснуть. Не потому, что мнѣ жаль было денегъ, а мною овладѣло какое-то незнакомое мнѣ до тѣхъ поръ чувство. Девятки, восьмерки и очки, составлявшіяся изъ двухъ картъ, такъ и мелькали передъ глазами. Даже во снѣ представлялось, что я беру ставку за ставкой, и передо мной лежитъ груда золота.

Весь слѣдующій день я провелъ въ тревожномъ состояніи и вечеромъ опять восѣдалъ на знакомомъ войлокѣ. На этотъ разъ игра шла съ бо́льшимъ азартомъ, и среди играющихъ я увидѣлъ Голумянцева и даже Матьянскаго. Ставки были крупнѣе, голоса громче, и возникло даже нѣсколько недоразумѣній.

— Вы неправильно ведете игру! — горячился Лугавинъ, обращаясь къ Ракетову.—Вы не игрокъ, а шильникъ.

— Пожалуйста, не забывайтесь, а то я съ вами не такъ заговорю.

— Э, знаемъ мы ваши разговоры!

Посматривая на лица играющихъ, у меня невольно явилось опасеніе, что макао не доведетъ нѣкоторыхъ до добра, такъ какъ во время игры не трудно коснуться и казенныхъ денегъ, которыми всегда могъ располагать ротный командиръ. Скоро такъ и случилось. Двое изъ участвующихъ проигрались до послѣдней копейки и затѣяли ссору, чуть не окончившуюся дракой. Видя, въ какую можно попасть исторію, я далъ себѣ слово забастовать и пересталъ заглядывать къ игрокамъ. Всеволодъ Сергѣевичъ послѣдовалъ моему примѣру.

Оставаясь вдвоемъ въ палаткѣ, мы невольно заводили длинныя бесѣды, вспоминая дни мирнаго времени.

— Ну, какъ ваши сердечныя дѣла?—обратился я къ нему, лежа на своей походной постели.

— Попрежнему. Пишетъ, что скучаетъ.

— Ну, а вы?

— Я испытываю какія-то странныя ощущенія. То Саша вспоминается мнѣ, какъ что-то радостное, дорогое; а временами, напротивъ, мнѣ дѣлается досадно. Ну, скажите, пожалуйста, честно ли это? Мы собирались итти на войну—время ли было заводить любовныя исторіи? Хоть ей и не хорошо жилось, но она нашла бы по себѣ человѣка, вышла бы за него замужъ и стала бы жить, какъ живутъ всѣ люди ея круга. Такъ нѣтъ, надо было смутить ея покой! Еслибъ вы прочли хоть одно ея письмо... сколько въ немъ любви и преданности! Ахъ, сколько радости читать ихъ! Ну, а потомъ... Вы, вѣроятно, замѣтили, какъ я осунулся. Но это не отъ изнеможенія, а отъ того, что никогда-то я не знаю покоя. Не увлекись я, развѣ я испытывалъ бы то, что теперь испытываю. Меня интересовало попасть въ бой, гдѣ свищутъ пули, а теперь не то... Вы себѣ представить не можете, какая явилась страшная

жажда жить, чтобъ вернуться къ ней. И посмотрите, я не уцѣлѣю. Кто-то давно сравнилъ сражающихся съ игроками: у кого много куража, тотъ выигрываетъ, кто смѣло смотритъ въ глаза смерти, того не тронутъ, а кто ёжится, старается укрыться и читаетъ про себя молитвы,—тому капутъ. Вотъ такъ и со мной будетъ.

— Да развѣ вы трусите?

— Нѣтъ, я не буду бояться, но стану ждать пощады. Это и погубитъ меня.

— Будетъ вамъ каркать на свою голову. Богъ дастъ, все обойдется благополучно, и мы попируемъ на вашей свадьбѣ.

Въ разгарѣ нашей бесѣды вдругъ донесся до насъ чей-то внушительный голосъ. Мы стали прислушиваться и узнали голосъ командира полка.

— Господа, я предлагаю вамъ немедленно разойтись. Азартныя игры вообще запрещены, и тѣмъ болѣе онѣ неумѣстны въ лагерѣ, да еще въ военное время. Вы являетесь соблазномъ для солдатъ. Офицеры должны подавать хорошій примѣръ. Предупреждаю васъ, что если повторится что нибудь подобное, то я въ огражденіе достоинства службы долженъ буду принять законныя мѣры для пресѣченія того, что теперь происходитъ.

— Эге, влетѣло! — проговорилъ съ улыбкой, подмигивая, Матьянскій.

Черезъ нѣсколько минутъ ввалился въ палатку крайне разстроенный Лугавинъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! Мы не дѣти, чтобъ насъ водить на помочахъ! Я только сталъ отыгрываться, какъ появился незванный наставникъ.

Не желая дразнить раздраженнаго человѣка, я промолчалъ, но Матьянскій по своей наивности не выдержалъ:

— Вамъ, конечно, это непріятно, но вѣдь онъ дѣйствовалъ по закону.

— Убирайтесь вы съ вашимъ закономъ! — огрызнулся Иванъ Петровичъ.—Удивительный человѣкъ! Что ни скажетъ—то смажетъ. Противно слушать!

— Я и не прошу. У всякаго свое мнѣніе.

— Ну, и подавитесь имъ.

Полное несходство натуръ и взглядовъ на вещи никакъ не могло уничтожить грань, раздѣлявшую этихъ двухъ людей, и только мой тактъ укрощалъ буйные порывы какъ того, такъ и другого.

— Что это вы, господа, не можете двухъ словъ сказать безъ ссоры? Дайте мнѣ хоть ночью покой.

— Спите, спите. Я больше не проговорю ни одного слова, — успокоивалъ меня Лугавинъ и ворча сталъ раздѣваться.

VI.

Между тѣмъ война разгоралась. Взятъ былъ Никополь, и совершенно неожиданно на глазахъ у всѣхъ возникла Плевна, возлѣ которой начались серіозныя дѣла, и на Зеленыхъ Горахъ дѣйствовалъ Скобелевъ.

Въ виду этого императорская квартира переведена была въ Парадимъ, и мы, переставши быть охраной, входили въ составъ Рущукскаго отряда и вмѣстѣ съ двѣнадцатымъ корпусомъ образовывали лѣвый флангъ арміи, имѣвшей по фронту безъ малаго девяносто верстъ.

Во второй половинѣ августа значительная часть отряда Мехмеда-Али сдѣлала диверсію, желая обойти нашъ флангъ и прорвать его. Эта диверсія была направлена именно на тотъ пунктъ, къ которому подошелъ нашъ полкъ.

На возвышенномъ берегу Янтры еще съ вечера мы видѣли въ бинокль передвиженія войскъ и замѣтили генерала, съ крутизны обозрѣвавшаго мѣстность. То, что не раздалось ни одного выстрѣла, казалось намъ зловѣщимъ затишьемъ передъ бурей.

Плохо мы провели ночь. О томъ, чтобы разставить палатки, никто и не думалъ, а всѣ части, занявъ мѣста на позиціи, прилегли, кто какъ могъ. Мы размѣстились на буркахъ. Солдаты, поужинавъ, какъ слѣдуетъ, спали, положивъ головы на ранцы.

Не бывавъ никогда до этого въ дѣлѣ, я ощущалъ незнакомое мнѣ волненіе. Это не было страхомъ, а чѣмъ-то болѣе похожимъ на сильное нервное раздраженіе, когда человѣкъ вздрагиваетъ при каждомъ стукѣ. Пролежавъ такъ нѣсколько времени, я всталъ и пошелъ къ сосѣдней ротѣ, откуда раздавались негромкіе голоса.

— Завтра вѣрно будетъ хорошая баня,—ораторствовалъ Лугавинъ. — Да и пора погрѣться. А то военные, военные, а дальше плацпарада носа не совали.

— Смотри, не сбренди! — подшучивалъ Мустоцкій. — А то не аккуратно будетъ.

— Не безпокойся, не ударю лицомъ въ грязь. Все равно, когда нибудь умирать придется.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки не стаканъ воды выпить, — философствовалъ Мышниковъ. — Я вотъ думаю, думаю и не разберусь. Какъ-то не могу заранѣе освоиться съ тѣмъ, что будетъ. Одно знаю—надо командовать. Тутъ поневолѣ некогда трусить.

— Нѣтъ, кто будетъ завтра интересенъ,—это Купидонъ!—продолжалъ Лугавинъ. — До какой бѣлизны дойдетъ его лицо, и въ какое мѣсто спрячется его душенька!

Мнѣ не понравилось такое хвастовство, и я обрѣзалъ Лугавина:

— Иванъ Петровичъ, не забывайте русской пословицы: «не хвались, ѣдучи на рать»... Что будетъ завтра, увидимъ.

Проговоривъ это, я отправился къ своей ротѣ. Лугавинъ пошелъ за мной. Когда мы подошли къ разложеннымъ буркамъ, Матьянскій сидѣлъ на буркѣ и, опираясь локтями на колѣна, опустилъ голову на руки.

Желая хоть немного отдохнуть, я наскоро легъ. Иванъ Петровичъ послѣдовалъ моему примѣру, Матьянскій же сидѣлъ попрежнему въ глубокой задумчивости.

Спустя немного времени, предполагая, вѣроятно, что мы оба спимъ, онъ вынулъ изъ кармана связку писемъ и положилъ ихъ около себя. Затѣмъ досталъ два портрета и по очереди пристально вглядывался въ нихъ. Но ночь была настолько темна, что выраженія лицъ невозможно было разсмотрѣть. Тогда Всеволодъ Сергѣевичъ сталъ зажигать спички и, ограждая свѣтъ полою своего пальто, продолжалъ любоваться дорогими существами и горячо цѣловалъ ихъ. Я зналъ, что это были портреты матери Матьянскаго и его невѣсты. Глядя на молодого товарища, такъ горячо выражавшаго свою привязанность, мнѣ впервые стало жаль себя, какъ не имѣющаго никого, къ кому, можетъ быть, въ послѣдній день жизни отрадно было бы унестись съ такими же чувствами, какъ уносился Всеволодъ Сергѣевичъ.

— Вотъ когда сказывается пустота и безсодержательность нашей жизни, — думалъ я, смотря на небо, усѣянное звѣздами. — Влачишь свое существованіе, а для кого? Никто не молится о тебѣ, никто не шлетъ привѣта, который въ такія минуты даетъ величайшую отраду. Выйдешь живымъ и пойдешь опять бродить безцѣльно, отыскивая пути, какъ бы получше устроиться; а ухлопаютъ,—закопаютъ въ чужой землѣ и поставятъ памятникъ, къ которому не придетъ ни одинъ близкій человѣкъ.

Я старался не шевелиться, чтобы не нарушить этого блаженнаго состоянія, въ которомъ находился Всеволодъ Сергѣевичъ. Но безтактный Лугавинъ, также не спавшій, не выдержалъ и, когда Матьянскій прижалъ портретъ къ своей груди, фыркнулъ. Отъ этого звука молодой человѣкъ вздрогнулъ и, вскочивъ съ мѣста, скрылся въ темнотѣ. Когда я, спустя нѣкоторое время, проснулся, то увидѣлъ Матьянскаго безмятежно спящимъ, свернувшись въ комочекъ. Какъ только стало разсвѣтать, въ отрядѣ началось движеніе. Всѣ были увѣрены, что непріятель, зная нашу малочисленность, не замедлитъ перейти черезъ рѣку и атаковать насъ. Мы не знали только одного: турки никогда не начинаютъ особенно рано дѣйствовать.

Часовъ около четырехъ мы увидѣли, какъ по крутому скату рѣки тянулась пѣхота, а на вершину выѣхала артиллерія, послѣ чего вскорѣ показался дымокъ, и надъ нашими головами пронеслась граната. Потомъ другая... третья... и загорѣлся бой. Наши батальоны расположились на гребнѣ отлогаго спуска, покрытаго на

значительномъ пространствѣ кустами виноградника. Въ этомъ то виноградникѣ и засѣли наши стрѣлки, обмѣниваясь выстрѣлами съ турецкой цѣпью.

Пославши къ намъ огромное количество гранатъ и шрапнелей, на которыя наша артиллерія, какъ имѣвшая орудія меньшаго калибра, не могла отвѣчать съ такой же силой, и простоявши противъ насъ въ пассивномъ положеніи, турки наконецъ рѣшили взять нашу позицію, и мы увидѣли, какъ густыя цѣпи, имѣя за собой резервы, стремительно пошли впередъ. Сначала мы не могли причинять много вреда, такъ какъ нашъ прицѣлъ давалъ возможность стрѣлять только на шестьсотъ шаговъ, а врагъ, вооруженный ружьями Пибоди, могъ поражать насъ на полутораверстномъ разстояніи. Однако, мы не унывали, твердо надѣясь на солдатскую грудь.

На пересѣченной мѣстности трудно видѣть, гдѣ кто находится и что дѣлаетъ. Проходя осторожно по цѣпи, я ободрялъ стойко засѣвшую роту и съ болью въ сердцѣ отвертывался отъ труповъ подчиненныхъ, такъ недавно еще открытымъ взглядомъ смотрѣвшихъ на меня. Между солдатами я замѣтилъ Матьянскаго, указывавшаго, во что цѣлиться. Лугавина же и слѣдъ простылъ. Обойдя всю линію, я не видѣлъ Ивана Петровича и не слышалъ его голоса. Мнѣ невольно пришла въ голову мысль, что, вѣроятно, вражеская пуля уложила его, и бѣдняга лежитъ гдѣ нибудь, незамѣтно уснувъ навѣки.

Минута отъ минуты наше положеніе становилось серіознѣе и серіознѣе, и я съ трепетомъ думалъ, выдержимъ ли мы натискъ впятеро сильнѣйшаго врага. Турки приближались и подошли уже къ виноградникамъ шаговъ на пятьдесятъ. Тутъ случилось то, чего никто не могъ ожидать. Я увидѣлъ, какъ Матьянскій выскочилъ изъ-за куста и, поднявши надъ головой саблю, бросился впередъ, крича изо всей силы «ура». Этотъ звукъ, какъ извѣстно, магически дѣйствуетъ на нашихъ солдатъ. Всѣ, бывшіе по близости отъ Всеволода Сергѣевича, поднялись и, слѣдуя за начальникомъ, бросились. Громовое «ура» раздалось по всей линіи. Озадаченный непріятель смѣшался и, бросившись бѣжать, впопыхахъ отстрѣливался, какъ попало... И вотъ отъ одной изъ такихъ пуль, схватившись за грудь, какъ подкошенный, упалъ герой, вдохновившій всѣхъ и такъ честно исполнившій свой долгъ.

Но намъ было не до убитыхъ и раненыхъ. Мы гнали врага безостановочно, пока онъ въ паническомъ страхѣ не перебрался опять за Янтру.

Отбивши и прогнавши врага, мы не могли преслѣдовать его, а должны были отойти на позицію, которую занимали до боя.

Убыль въ полку оказалась значительной; офицеровъ выбыло изъ строя пятеро: четверо было ранено, и одинъ убитъ.

Скверно чувствовалось намъ. Видъ убитыхъ и пострадавшихъ невольно наводилъ на всѣхъ унынiе. Измученнымъ и голоднымъ намъ хотѣлось скорѣе подкрѣпить свои истощенныя силы. Обозъ, отъѣхавшiй отъ насъ на значительное разстоянiе, придвинулся, и на бивуакѣ запахло дымкомъ самовара, этого вѣрнаго друга боевой жизни. Пошли разсказы о моментахъ боя, и всякiй старался рельефно разсказать о томъ, что пришлось ему испытать.

— А гдѣ былъ вашъ Лугавинъ сегодня?—вполголоса обратился ко мнѣ Мышниковъ.

— Какъ гдѣ? При ротѣ.

— Будто? А мнѣ говорили, что онъ нашелъ аппетитный овражекъ, да тамъ и отсиживался.

Эта фраза показалась мнѣ очень жестокой, но я не могъ съ твердымъ убѣжденiемъ протестовать, потому что самъ уже не былъ прежняго мнѣнiя о своемъ субалтернѣ. Однако, не желая компрометтировать честь офицера, я рѣзко возразилъ Василiю Васильевичу:

— Охота вамъ вѣрить всякимъ глупостямъ. Мало ли что скажутъ.

— Люди ложь,—и я тожъ. Но говорилъ мнѣ человѣкъ достовѣрный.

Дѣйствительно, съ Лугавинымъ что-то произошло. Съ его устъ не срывалось уже хвастливыхъ фразъ; онъ упорно молчалъ, какъ будто его не было въ рядахъ людей, проведшихъ такой жаркiй день.

— Ну, какъ вашъ взводъ? Довольны ли вы были имъ сегодня?—спросилъ я его.

— Да, да... они отлично дрались...—запинаясь, хвалилъ Иванъ Петровичъ и тутъ же перевелъ разговоръ на Матьянскаго.—Я далеко былъ отъ Всеволода Сергѣевича, но, говорятъ, онъ, сверхъ ожиданiя, сегодня молодцомъ велъ себя.

Этой фразой Лугавинъ сильно задѣлъ меня.

— Гм... «молодцомъ»! Этого слишкомъ мало. Матьянскiй былъ истиннымъ героемъ, и не срази его пуля, я настоялъ бы, чтобъ ему дали георгiевскiй крестъ. А вѣдь находились господа, предсказывавшiе, что этотъ непонятный человѣкъ окажется трусишкой; на дѣлѣ же вышло, что струсилъ не онъ, а тѣ, кто храбрились. Сегодняшнiй день послужитъ имъ хорошимъ урокомъ, и они станутъ осторожнѣе въ своихъ бичеваньяхъ.

Иванъ Петровичъ не возражалъ и молча сидѣлъ, низко опустивши голову. Поневолѣ вѣрилось, что слова Мышникова были не выдумкой. Въ эту минуту Лугавинъ показался мнѣ настолько непрiятнымъ, что я захотѣлъ какъ нибудь отдѣлаться отъ него.

Къ счастью, подошелъ Ефремовъ.

— Ваше благородiе, Акимовъ очень мучится.

Я быстро поднялся на ноги.

— А гдѣ онъ?

— Лежитъ возлѣ лазаретной фуры; ему пуля пробила ступню и повредила много костей.

— Проводи меня.

Мы пошли за бивуачный фронтъ, гдѣ вдали виднѣлся фургонъ. Не дойдя шаговъ пятидесяти, мы уже заслышали стоны, раздававшіеся въ ночной тишинѣ.

— Гдѣ у васъ тутъ фельдфебель Акимовъ лежитъ?—обратился я къ фельдшеру.

— А вотъ пожалуйте.

Я подошелъ къ переносной койкѣ. На ней стоналъ раненый.

— Что Акимовъ, очень дурно чувствуешь себя?

— Такъ точно, ваше благородіе. Мочи нѣтъ...

— Что дѣлать, голубчикъ? На то шли. Спасибо тебѣ за службу. Молодцомъ былъ въ бою.

— Радъ стараться, ваше благородіе, только вотъ полегчало бы немного.

— Послушай,—обратился я къ фельдшеру,—ты бы сказалъ доктору, чтобъ ему хоть морфію вспрыснули.

— Слушаю-съ, я передамъ.

— Не хочешь ли ты чаю?—спросилъ я Акимова.

— Если милость ваша будетъ,—не оставьте. Все нутро палитъ, во рту сохнетъ.

— Хорошо, я тебѣ пришлю. А ты будь покойнѣе. Сейчасъ тебѣ сдѣлаютъ, что нужно, и ты заснешь.

Велѣвши поставить самоваръ и отнести въ лазаретъ въ жестяномъ чайникѣ чай, я легъ и, разбитый нервно, крѣпко заснулъ.

На утро предстояло совершить печальный обрядъ. Едва разсвѣло, назначенные рабочіе принялись за дѣло, и скоро вырыты были двѣ могилы. Одна большая, общая для всѣхъ нижнихъ чиновъ, другая для Матьянскаго. Когда взошло солнце, и бивуакъ сталъ оживляться, появился священникъ съ причетникомъ, и офицеры стали собираться къ мѣсту погребенія, гдѣ уже выстроена была часть для отданія воинской чести. Имена убитыхъ были переписаны, и этотъ списокъ причетникъ держалъ въ рукѣ. Кромѣ полуроты съ ружьями, вокругъ стояла густая толпа солдатъ, пришедшихъ помолиться о душахъ усопшихъ.

Недолго служилъ батюшка, но каждое слово, сказанное имъ, выливалось изъ души. При перечисленіи погребаемыхъ и при фразѣ: «животъ свой положившимъ...», всѣ опустились на колѣни. Минута была поистинѣ торжественная. Всѣ стояли подавленные, угнетенные... а солнце, поднявшись уже надъ горизонтомъ, ярко свѣтило, какъ будто освѣщая людскую радость, а не глубокую скорбь.

Когда всѣ офицеры по очереди стали подходить прощаться къ Матьянскому, я невольно взглянулъ на Лугавина. Онъ былъ блѣденъ, какъ-то странно ворочалъ глазами, кусалъ губы и лѣвой рукой перебиралъ эфесъ сабли. Подойдя къ трупу, онъ опустился на колѣни и, простоявъ нѣкоторое время въ такомъ положеніи,

быстро поднялся и сталъ пристально смотрѣть въ лицо покойнаго. А видъ Матьянскаго былъ поразительно хорошъ! Несмотря на легкій загаръ, отъ его лица словно свѣтилось, и на матовыхъ щекахъ остался блѣдный румянецъ; полуоткрытые глаза и ротъ, казалось, произносили свое послѣднее «прости».

Наконецъ печальный обрядъ кончился. Всѣ присутствующіе бросили по горсти земли, и солдатскія руки быстро закопали ямы. А надъ Всеволодомъ Сергѣевичемъ тутъ же могильный холмъ обложенъ былъ камнями; затѣмъ сдѣлана была подписка, чтобъ послѣ войны надъ прахомъ товарища воздвигнутъ былъ достойный памятникъ.

Военныя операціи шли своимъ чередомъ. Черезъ недѣлю намъ опять пришлось участвовать въ небольшомъ дѣлѣ, въ которомъ и я поплатился. Непріятельская пуля ударила меня въ мягкія части ноги немного повыше колѣна, при чемъ порвала сосуды. Послѣднее обстоятельство и заставило врачей эвакуировать меня изъ отряда. Тяжело раненыхъ или тяжко больныхъ доставляли въ сосѣдніе военно-походные госпитали, а съ такимъ поврежденіемъ, какъ мое, транспортировали въ Румынію, или направляли въ Россію.

Нашъ транспортъ направился предварительно въ военно-временный госпиталь, раскинутый на берегу Янтры. Ближайшіе госпитали были отчасти сортировочными пунктами. Тамъ разсматривалась серіозность раненія и болѣзни; «трудныхъ» оставляли у себя, а способныхъ выдержать переѣздъ транспортировали.

И вотъ черезъ нѣсколько дней меня въ числѣ другихъ отправили съ транспортомъ въ Зимницу. Ѣхали мы въ провіантскихъ телѣгахъ и безъ особыхъ задержекъ, такъ какъ это былъ періодъ плевненскаго затишья.

Переправившись черезъ Дунайскій мостъ, который мы такъ недавно проходили пѣшкомъ, транспортъ поднялся на гору и, проѣхавши берегомъ, остановился возлѣ госпитальныхъ шатровъ. Офицеры, къ которымъ врачебный персоналъ относился всегда съ особеннымъ вниманіемъ, сейчасъ же были приглашены въ особое отдѣленіе, гдѣ имъ немедленно сдѣлана была перевязка.

Освободившись изъ рукъ хирурга, я взялъ свои костыли и, поддерживаемый служителемъ, направился въ палату, гдѣ долженъ былъ лечь въ постель. Но едва меня ввели туда, какъ къ намъ подбѣжала молодая дѣвушка, съ краснымъ крестомъ на бѣломъ фартукѣ: это была Саша, невѣста Матьянскаго. На лицѣ ея выразился искренній ужасъ, и она съ нервной дрожью въ голосѣ спросила:

— Вы ранены?

— Да, раненъ неопасно. Но какъ вы попали сюда?

— Прежде чѣмъ отвѣтить на вашъ вопросъ, позвольте уложить васъ. Вамъ, конечно, нуженъ покой.

Къ Любочкиной присоединились еще двѣ сестры и стали помогать мнѣ раздѣться.

Послѣ ухода незнакомыхъ мнѣ сестеръ, Александра Даниловна сѣла подлѣ меня. Въ ея взглядѣ было столько страстнаго желанія узнать объ участи ея милаго, что я рѣшительно не зналъ, какъ поступить, чтобы сразу не поразить любящей дѣвушки.

— Вы ждете узнать о немъ?—спросилъ я негромко.—Не огорчайтесь. Мы всѣ пришли сюда проливать кровь, и всякій изъ насъ долженъ быть готовъ къ страданію.

— Онъ убитъ!!..—схватившись за грудь, тихо спросила она.

Объявить ей о трагической кончинѣ Матьянскаго у меня не хватило духа, и я лгалъ, какъ говорится, во спасенье.

— Нѣтъ, онъ живъ, но у него перебито колѣно, и потому его не могли эвакуировать. Какъ пойдетъ теченіе болѣзни, и придется ли ему ампутировать ногу,—сказать трудно. Это выяснится черезъ нѣсколько дней.

— Боже, спаси его... спаси его! — шептала она, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Меня очень интересовало, какъ дѣвушка могла освободиться отъ родительскаго гнета и исполнить свою завѣтную мечту. Но, видя ея волненіе, я не рѣшился сразу приступить къ разспросамъ и лишь вечеромъ, когда она пришла дать мнѣ лѣкарство, вскользь замѣтилъ:

— Вы, вѣроятно, не откажетесь сообщить мнѣ то, что произошло съ вами послѣ нашего ухода?

— Съ удовольствіемъ. Какъ только окончу свои обязанности, приду къ вамъ.

Утомленный дорогой, я крѣпко и долго спалъ, а когда проснулся, наступили уже сумерки. Саша служила въ нашемъ шатрѣ, и я видѣлъ, съ какой ловкостью помогала она больнымъ подниматься и какъ порхала отъ одной кровати къ другой, то разспрашивая, то услуживая. Невольно бросалась въ глаза радость каждаго больного, когда къ нему приближалась эта дѣвушка съ идеально красивымъ лицомъ, съ яснымъ и чистымъ взглядомъ.

— Теперь я могу побыть съ вами, — объявила она, придвигая табуретку.

— Александра Даниловна, мнѣ кажется, что я во снѣ. Могъ ли я думать, что такое хрупкое существо, какъ вы, съ такой удивительной стойкостью будете исполнять обязанности сестры милосердія?

— Михаилъ Петровичъ, я сказала вамъ на прощаніе, что найду въ себѣ силы, и нашла ихъ. Богъ поддерживаетъ слабыхъ.

— Но какъ вы добились согласія вашего отца?

— Ахъ, мнѣ очень трудно было съ нимъ бороться, но я нашла средство повліять на него. Въ нашемъ городѣ, какъ вы знаете, есть

женскій монастырь, и игуменья въ немъ—бывшая княгиня. Матушка пользуется всеобщимъ уваженіемъ, и къ ней всегда заѣзжаетъ не только губернаторъ и архіерей, но даже жалуютъ очень высокопоставленныя лица изъ Петербурга. Къ ней-то меня и направили. Я разсказала ей про свою жизнь и про то, что намѣрена послужить страждущимъ воинамъ. Долго игуменья отговаривала меня, указывая на то, что я не довольно крѣпка тѣломъ, но я плакала и валялась у нея въ ногахъ. Это тронуло матушку. Она подняла меня, поцѣловала, съ волненіемъ благословила и сказала: «пришли мнѣ своего отца». Что между ними происходило,—я не знаю, но когда папаша вернулся изъ монастыря, его нельзя было узнать. — «Ну, Саша; видно, Богу такъ угодно», — сказалъ онъ. — «Матушки игуменьи нельзя ослушаться. Иди и исполняй волю Божью». Послѣ этого настоятельница дала мнѣ записку, и я отправилась въ Москву, гдѣ ея двоюродная сестра, также княгиня, управляла общиной. Тамъ меня не стали задерживать и въ числѣ восьми сестеръ препроводили сюда.

Разсказано было это все такъ просто, какъ будто ничего особеннаго не произошло въ жизни этой дѣвушки.

— Въ какомъ госпиталѣ лежитъ Всеволодъ Сергѣевичъ?—вдругъ рѣзко перемѣнивъ тонъ, съ волненіемъ спросила она.

Я сдѣлалъ видъ, что вспоминаю, потомъ наобумъ сказалъ номеръ. Она сейчасъ же записала, очевидно, намѣреваясь навести справки. А я желалъ только одного, какъ бы скорѣе выбраться изъ Зимницкаго госпиталя, чтобы не дожить тамъ до того дня, когда смерть Матьянскаго перестанетъ быть для Любочкиной тайной. Я заранѣе представлялъ себѣ ужасъ и отчаяніе молодой дѣвушки и не хотѣлъ остаться свидѣтелемъ ея мукъ, а, можетъ быть, и катастрофы.

Главный врачъ, не понимая истинной причины моей просьбы, очень удивлялся, что я настойчиво требовалъ эвакуаціи, если не въ Россію, то, по крайней мѣрѣ, въ Яссы, гдѣ устроенъ былъ громадный госпиталь.

Наконецъ мое желаніе исполнилось, и день отъѣзда былъ назначенъ. Передъ отправленіемъ Александра Даниловна очень волновалась. Въ моемъ лицѣ, очевидно, она видѣла звено, соединявшее ее когда-то съ Матьянскимъ.

— Господи, отчего же до сихъ поръ о немъ нѣтъ отвѣта? — ломая руки, говорила она какъ бы про себя.

Этотъ разъ у меня не хватило духа, утѣшая ее, лгать, и я промолчалъ.

Когда отправляемыхъ размѣстили по телѣгамъ, Саша подошла ко мнѣ и съ глазами, полными слезъ, шептала:

— До свиданья... до свиданья...

Съ тѣхъ поръ мнѣ не пришлось быть на родинѣ Любочкиной, но до меня дошелъ слухъ, что она не вернулась домой, а будто бы погибла отъ тифа.

Такъ окончилась трогательная исторія двухъ людей, созданныхъ не для борьбы съ жизнью, а чтобы мелькнуть на ея горизонтѣ и преждевременно погаснуть...

На этомъ кончаются найденные наброски. Признавъ ихъ не лишенными интереса, мы, приведя, по возможности, рукопись въ порядокъ, и предлагаемъ ее вниманію читателей.

П. М. Невѣжинъ.

БЫТЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО КУПЕЧЕСТВА ВЪ 1820—1840 ГОДАХЪ [1].

VI.

Вывозная торговля саломъ, ея представители, несостоятельность сахарозаводчика, цѣны колоніальныхъ товаровъ, мануфактурныя выставки, награды, заводчики, растрата.

ОСТАВИВЪ на время семейную жизнь моего дѣда, я скажу нѣсколько словъ о тогдашней торговлѣ такимъ же важнымъ предметомъ петербургскаго экспорта, какъ и пенька, именно о салѣ.

Точно такъ же, какъ и пенька, сало и коровье такъ называемое русское масло продавались еще осенью, впередъ, при чемъ получалась за нихъ часть денегъ, а товаръ поступалъ въ Петербургъ только воднымъ путемъ, среди лѣта. Крупные сибирскіе и украинскіе прасолы и купцы почти никогда не являлись въ столицу, поручая особымъ комиссіонерамъ и маклерамъ продавать товаръ, получать деньги и высылать имъ. Какъ о самомъ выдающемся изъ этихъ посредниковъ, нужно упомянуть о петербургскомъ купцѣ Алексѣѣ Безцѣнномъ, а затѣмъ, позднѣе, о его сынѣ Михаилѣ Алексѣевичѣ, купцахъ Шамшиныхъ, Бабковѣ, Поповѣ, Хонинѣ и другихъ. О Михаилѣ Алексѣевичѣ я скажу ниже нѣсколько словъ, какъ объ одномъ изъ петербургскихъ меценатовъ того времени.

---

1) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 131.

Главный рынокъ для сбыта русскаго сала былъ въ Англіи.

До 1799 года Англія довольствовалась привозомъ этого продукта изъ Ирландіи, но съ увеличеніемъ его потребленія и постройкою новыхъ свѣчныхъ заводовъ Великобританія не могла довольствоваться только ирландскимъ товаромъ и обратилась за нимъ въ Россію, именно въ Петербургъ.

Привозъ сала въ Петербургъ въ періодъ 1791—1800 годовъ равняется ежегодно количеству въ 2.800.000 пудовъ, при чемъ одна треть его отправлялась въ Англію. Съ 1804 года вывозъ русскаго сала въ Великобританію возросъ до 25.000 тоннъ, то-есть до 1.550.000 пудовъ. Спросъ на этотъ русскій товаръ продолжалъ прогрессивно увеличиваться и возрастать, въ 1819 году онъ дошелъ до 1.860.000 пудовъ, или иначе около 30.000 тоннъ. Причину такого подъема спроса купцы объясняли двумя годами малаго экспорта въ 1811—1812 году, благодаря европейской войнѣ и опасности отправки.

Главными экспортерами сала, въ то время были фирмы: Андерсонъ и Моберлей, Джамесъ Лиддель и комп., Блессигъ и многіе другіе.

Въ 1820 году цѣны на сало въ Лондонѣ стояли: за берковецъ въ 10 пудовъ 60 рублей серебромъ.

Въ это время появилась въ Петербургѣ спекуляція на сало. Оно нѣсколько разъ, еще до прибытія его сюда, перепродавалось изъ рукъ въ руки, давая большой заработокъ маклерамъ-посредникамъ этихъ продажъ. Оставшіяся зимовать на сальномъ буянѣ партіи, благодаря своему позднему прибытію въ Петербургъ, въ особенности были предметомъ крупной спекуляціи. Подобно тому, какъ теперь поднимаются цѣны на всевозможныя цѣнныя бумаги, иногда въ одинъ день повышаясь довольно сильно, точно также поднималось въ тѣ годы сало. Отчасти такому ненормальному оживленію рынка способствовали сами иностранные экспортеры, намѣренно удерживавшіе товаръ здѣсь и заставлявшіе англійскихъ потребителей, во что бы то ни стало, переплачивать деньги, такъ какъ, кромѣ Россіи, другого источника для пріобрѣтенія этого продукта не существовало, а потребность въ немъ шла гигантскими шагами.

«Сегодня Безцѣнный, толковали на биржѣ, въ трое рукъ перепродалъ ту же партію,—пишетъ дѣдъ въ своемъ письмѣ отъ 16-го февраля 1831 года,—и большую пользу имѣетъ отъ этихъ продажъ, цѣны на сало желтое стоятъ: 118 рублей ассигнаціями покупатель за берковецъ, а продавцы 124 рубля. Коли приказъ вашъ будетъ продать партію, напишите съ первой почтой по полученіи сего письма, я надѣюсь съ Божьей помощью продать не безъ интереса для вашей милости, дадутъ 10 рублей задатку, а масло коровье цѣнятъ 8 рублей 50 коп. наличное, а будущее масло 7 рублей 75 коп. и 8 рублей, задатку 1 рубль ассигнац.—давали, продавцы 8 рублей 20 коп.».

Потребность въ салѣ въ Англіи увеличилась настолько, что въ 1834 году она взяла въ Россіи, черезъ посредство Петербургскаго порта, изъ всего количества, подвезеннаго къ нему изъ внутреннихъ губерній Россіи—154.000 бочекъ, 140.000 въ то время, какъ все потребленіе этого продукта въ это время въ Англіи выражалось въ 162.200 бочкахъ. Въ этотъ годъ для русскаго продукта появились новые конкуренты: Америка, Австралія и часть европейскаго континента начали отправлять избытки своего сала въ Великобританію, и это послужило сигналомъ къ уменьшенію петербургской спекуляціи, которая перенесла свою дѣятельность въ Лондонъ и до 1846 года властно распоряжалась сальнымъ рынкомъ всего міра. Въ этомъ году была уменьшена ввозная пошлина на сало въ Англіи почти на половину (вмѣсто 3 шиллинговъ 6 пенсовъ назначена до 1 шиллинга 6 пенсовъ за центнеръ, что равняется 15 копейкамъ съ пуда). Эта мѣра немного уменьшила спекуляцію, но черезъ два года ажіотажъ опять поднялъ свою голову, и снова началось царство спекулятивной торговли, разразившейся въ 1857 году очень высокими цѣнами (72 шилл. за центнеръ) и крупнымъ потребленіемъ самого продукта (до 1.000 боченковъ въ недѣлю), что вполнѣ понятно, если знать, что въ это время Англія обладала уже 2.000 свѣчныхъ заводовъ.

Цифры ясно говорятъ о ходѣ этого русскаго вывоза, въ настоящее время окончательно исчезнувшаго:

Въ	1821	году	продано	въ	Лондонѣ	58.104 бочки.
»	1822	»	»	»	»	39.197 »
»	1827	»	»	»	»	107.596 »
»	1820	»	»	»	»	80.044 »
»	1832	»	»	»	»	115.036 »
»	1834	»	»	»	»	93.220 »

Эти записи сдѣланы дѣдомъ въ книжкѣ, и приписано «по печатной таблицѣ».

Сало приходило въ Петербургъ, какъ и пенька, на особыхъ баркахъ, при чемъ для склада его существовалъ и существуетъ отдѣльный сальный буянъ. Бочки выкатывались въ амбары, а когда привозъ изъ Россіи былъ великъ, онѣ складывались прямо на воздухѣ на особыхъ деревянныхъ жердяхъ, но только на короткое время, такъ какъ лѣтомъ, благодаря жаркой погодѣ, сало таяло и текло. На сало существовалъ тоже офиціальный бракъ, для чего изъ купцовъ, знающихъ толкъ въ этомъ товарѣ, выбирались присяжные браковщики, получавшіе извѣстное вознагражденіе за каждый обракованный ими пудъ сала. Длинными желѣзными щупами, имѣвшими внутренній совокъ, они пробивали отверстіе въ разныхъ, по ихъ желанію, мѣстахъ бочки и вытаскивали оттуда куски сала на пробу. По цвѣту, запаху и плотности послѣдняго браковщики судили объ его качествѣ.

«Сало ваше продано,—пишетъ дѣдъ Немытову въ Орелъ,—и браковано. Изъ 190 бочекъ вышло перваго сорта 65 бочекъ, которое продалъ по 112 рублей 50 коп. ассигнац. за берковецъ и отдалъ г-ну Томсону, тара вышла очень тяжелая—11⁵/₈ процента, а остальное сало постараюсь продать только за второй сортъ, по случаю ужаснѣйшихъ затечекъ; я вамъ описывалъ насчетъ кладчика, что сало приходило разбитое, каждая бочка по розницѣ».

Въ настоящее время офиціальный бракъ на сало уничтоженъ, да и отправлять за границу нечего, теперь еще даже выписываютъ его изъ Австраліи, Южной Америки, гдѣ нагулъ сальнаго скота принялъ большіе размѣры. Потребность въ Россіи на сало растетъ, благодаря массѣ мыльныхъ и свѣчныхъ заводовъ, возникшихъ за послѣднее время. Русскій сальный экспортъ окончательно исчезъ, и нѣтъ надежды, чтобы когда нибудь онъ вновь возродился.

Въ письмѣ своемъ отъ 28-го декабря 1834 года Нѣмчинову дѣдъ пишетъ:

«Переведены деньги черезъ г-на Молво съ сыномъ 21.500 рублей ассигнаціями, о которыхъ вамъ писалъ 21-го числа декабря, но, къ несчастію, 26-го сего мѣсяца онъ объявилъ себя несостоятельнымъ въ 11 часовъ утра на 900.000 рублей, 27-го пригласилъ кредиторовъ и меня, у него оказалось въ товарѣ и въ заводахъ на 4.300.000 рублей. Разсматривали дѣла, и я былъ; еще ничѣмъ не кончено. Г-нъ Молво сказалъ мнѣ, что отъ 21-го числа декабря писалъ въ Москву послать вамъ деньги, надѣюсь на милость Божію, высланы будутъ, ежели въ конторѣ деньги будутъ. По всѣмъ его счетамъ выходитъ рубль за рубль, и, кажется, сомнѣнія нельзя имѣть, ежели только, можетъ быть, промедлятъ деньги ваши нѣкоторое время, а за праздниками собранія биржи три дня не было, а съ будущею почтою насчетъ Молво, чѣмъ оно кончится, не премину донести».

Крахъ такой солидной фирмы, какъ «Молво съ сыномъ», которой вѣрили, какъ правительственному банку, какъ это видно изъ того, что большинство денегъ, слѣдуемыхъ провинціальнымъ торговцамъ, переводились черезъ эту фирму, поразилъ петербургскую биржу, какъ громомъ. На остальныхъ сахарныхъ заводчиковъ— Л. Прена, Алферовскаго и другихъ, стали поглядывать подозрительно. Но, несмотря на остановку платежей Молво, дѣдъ пишетъ отъ 8-го января 1835 года: «Вчера я былъ у г-на Молво, кредиторы всѣ подписали администрацію, чтобы конкурса не было и не дѣлить, а выбрать четыре человѣка заводами управлять и сахаръ продавать, и всѣ желаютъ подписать, и этимъ будетъ кончено; всѣ увѣряютъ, что рубль за рубль выручатъ съ товара и заводовъ. А мнѣ всѣ совѣтовали вамъ написать, прикажете ли подписать на тѣхъ же условіяхъ, какъ прочіе, которую бумагу я читалъ. Я ожидаю вашего приказанія; а его комиссіонеръ, Яковъ Павловъ,

въ Москвѣ застрѣлился. Изволите писать купить сахару рафинаду отъ Молво, его въ сроки не продаютъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ дѣдъ пишетъ: «Я вамъ писалъ, что всѣ главные кредиторы подписали администрацію, которую посылали государю на утвержденіе. Онъ утвердилъ, и, кажется, при Божіей помощи, всѣ утверждаютъ по 80 копеекъ или болѣе выручать, и на все воля Божія; по приказу вашему подписалъ я, какъ другіе».

Несмотря на прекрасное состояніе заводовъ Молво, большое количество товара и долги, не превышавшіе сумму стоимости имущества и товаровъ, все-таки учрежденная администрація не долго просуществовала.

Отъ 15-го января того же года Егоръ Тихоновичъ снова пишетъ: «Насчетъ Молво, всѣми заводами управляютъ кредиторы, хотятъ, чтобы довести, всѣ приготовленные запасы песку окончить, а что будетъ выручено, раздѣлять, почемъ достанется, а послѣ заводы и заведенія продать». Отъ 19-го февраля онъ пишетъ: «За претензію Молво больше не даютъ, какъ по 50 коп. за рубль». 15 мая дѣдъ пишетъ: «Г-нъ Молво ходитъ съ сыномъ на биржу, это вѣрно, что я вамъ писалъ, что ему положено жалованье 1.500 рублей ассигн. въ мѣсяцъ для окончанія дѣлъ. Вы пишете, что едва ли выйдетъ по 30 коп. за рубль, изволите приказать по 50 коп. получить, то я получу оныя деньги».

И участь фирмы «Молво и сынъ» была рѣшена. Когда-то крупный фабрикантъ, бывшій петербургскій голова и первый предсѣдатель биржи, былъ разоренъ въ теченіе года, и всѣ заводы его были проданы крайне дешево.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ отправка иностранныхъ товаровъ въ провинцію у дѣда значительно увеличилась. Онъ отправлялъ не только, какъ раньше, деревянное масло, сахаръ и табакъ, но также и различные колоніальные товары. Интересны тогдашнія цѣны: кофе мартиникъ за пудъ 51—53 рубля ассигнац., высокій 54—56, средній 43—46, англійскій перецъ 26 рублей ассигн., французскій черносливъ 40 рублей, корица 36 рублей, гвоздика 105—106, миндаль 35—42—48, росной ладанъ 150—200 и 800 рублей ассигн., ладанъ 75—85,—пишетъ Егоръ Тихоновичъ въ городъ Карачевъ Почепину,—«а что вы изволите приказать выслать вамъ вина шанпанскаго, то нонѣ въ привозѣ его достаточно, и цѣны умѣренныя, купилъ его три ящика, въ накладной все написано, еще 50 кувшиновъ зельчерской воды изволили желать, тоже положено, хотя сильно опасаюсь, чтобы по теплой погодѣ, на колесахъ везти—вредительства бутылкамъ не было». Затѣмъ слѣдуетъ приписка: «За доставку порядилъ извозчиковъ по 3 рубля 25 коп. ассигнаціями съ пуда».

Въ письмѣ къ А. Я. Нѣмчинову, отъ 26-го марта, дѣдъ сообщаетъ: «Фортопьяно для васъ купилъ и съ оказіей вышлю, дорога нынѣ плоха, снѣгъ сбѣжалъ, ни на саняхъ, ни на колесахъ—везти затруднительно. Мастеръ Іоаннъ Шредеръ, у коего я купилъ, сказалъ: струны порвутся, и механизму вредительство получится, а потому подожду до суши отправлять, а что про коляску изволите писать, то у мастеровъ не укупишь, просятъ 1.500, а то и болѣе рублей ассигнаціями, присмотрю случайную и напишу вамъ».

Въ дневникѣ своемъ онъ описываетъ выставку россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, но ничего не упоминаетъ, гдѣ она помѣщалась.

«Мануфактурный совѣтъ, обсудивъ, съ помощью нарочито приглашенныхъ знатоковъ, всѣ находящіяся на оной произведенія, входилъ въ соображеніе о наградахъ отличившимся оными. И поелику высочайше утверждены правила для награды, то дали золотую медаль: Казалету за канаты, весьма уважаемые въ заграничной торговлѣ, а серебряную за пеньку, сѣчку и молочанку, купцамъ Николаю и Алексѣю Сабининымъ бѣлевскимъ, Берсеневу Евграфу ржевскому и Немилову, Шелехову рыльскому дали за ленъ тоже золотую малую, чернскому Василію Алексѣевичу Попову, волховскому Мерцалову и Туркову—серебряныя. Павлу Петровичу Сазонову за канаты назначили ее носить на Александровской лентѣ. Сужденіе было зѣло справедливо, и получили достойно, о чемъ я имѣю честь васъ увѣдомить,—пишетъ Егоръ Тихоновичъ Нѣмчинову,—сожалѣю очень, что вы свой товаръ не показали».

Выставки эти въ то время были вновѣ, русскіе провинціальные купцы какъ-то боязливо откликались на офиціальное приглашеніе участвовать въ нихъ, и въ большинствѣ случаевъ выставляли свои произведенія столичные купцы, преимущественно изъ иностранцевъ, понимавшихъ всю важность подобныхъ выставокъ, но, разумѣется, являлись и провинціальные экспоненты.

Въ замѣткахъ дѣда сказано:

«И Родивонъ Григорьичъ (Пѣтуховъ) получилъ на шею медаль»; затѣмъ помѣщена вырѣзка, повидимому, изъ офиціальнаго журнала: «За волосъ красный для музыкантскихъ султановъ, по живости цвѣта, нелинючаго и новаго изобрѣтенія, волосъ разобранный для тканья матеріи, пряденый и вареный для мебели и заграничнаго отпуска по отдѣлкѣ и дешевизнѣ».

Р. Г. Пѣтуховъ былъ въ то время однимъ изъ самыхъ крупныхъ фабрикантовъ шерсти, и фабрика помѣщалась на Петровскомъ островѣ, у 2-го Ждановскаго моста, напротивъ мѣста Жадимировскаго, гдѣ теперь построенъ пивной заводъ Баварія. Кажется, фирма существуетъ и теперь, владѣльцами являются внуки Р. Г.

Упоминая о заводчикахъ того времени, съ которыми приходилось встрѣчаться и вести дѣла Егору Тихоновичу, нельзя не ска-

зать о кожевенномъ заводчикѣ Васильѣ Звѣрковѣ, заводъ котораго былъ первымъ въ Петербургѣ. Онъ былъ построенъ въ Чекушахъ, въ 1806 г. выработывалъ и выработываетъ до сихъ поръ лучшій товаръ. Фирма расширила свои операціи, увеличила производство и самый заводъ. Недавно скончался сынъ В. Звѣркова, Андрей Васильевичъ, въ почтенномъ возрастѣ, представлявшій изъ себя честнаго и правдиваго русскаго человѣка, замѣчательно мягкаго въ обращеніи съ другими и необычайно добраго. Какъ и отецъ его, онъ дѣлалъ массу благодѣяній, но никогда не старался выставлять ихъ на видъ, какъ это обыкновенно въ обычаѣ русскихъ купцовъ. Великолѣпно поставленное дѣло перешло въ руки его сына М. А., большого знатока производства.

Дѣдушка былъ съ В. Звѣрковымъ въ хорошихъ отношеніяхъ, а потому, рядомъ съ Пѣтуховымъ, находится также извѣстіе о назначеніи награды и ему: «большую серебряную медаль дали Звѣркову».

VII.

Семейная жизнь Егора Тихоновича. — Сватовство Т. Е. за Жукова, за Нѣмчинова; наказаніе; пріѣзды монаховъ изъ лавры; духовное пѣніе; выходъ Т. Е. замужъ; рецептъ декокта; кислая земля.

Второй сынъ дѣда, Тихонъ, былъ отправленъ имъ, какъ это уже говорилось, въ провинцію для изученія пеньковой торговли. Кромѣ Карачева, гдѣ онъ прожилъ болѣе полугода, онъ оставался еще въ городѣ Мосальскѣ, Калужской губерніи, у Вас. Яковл. Нѣмчинова около пяти мѣсяцевъ. Е. Т. въ отвѣтъ на письмо послѣдняго пишетъ:

«Пишете вы, что сынъ мой вамъ не дешевенько стоитъ, всепокорнѣйше прошу объяснить, что вы издержали въ 5 мѣсяцевъ для него. Сынъ мой пріѣхалъ ко мнѣ 30-го марта, всепокорнѣйше благодарю за хлѣбъ, за соль, за хорошее ваше наставленіе ему, чувствительно благодарю».

И Тихонъ Егоровичъ остался у дѣда для помощи въ дѣлѣ, а Ник. Егор. пригласили въ Москву на крупный въ то время ковровый заводъ Прохоровыхъ химикомъ. Второй дочери дѣда, Т. Е., шелъ уже шестнадцатый годъ въ 1836-мъ году; она была очень красива собою, и отъ жениховъ у нея не было отбоя.

Въ тѣ времена для сватовства, въ особенности у купцовъ, необходимо нужно было имѣть сваху; но дѣдъ, повидавшій обычаи Польши, сердился, когда являлись эти устроительницы браковъ, и говаривалъ:

— Если моимъ дочерямъ будетъ счастіе, онѣ сами замужъ выйдутъ, а то въ монастырѣ мѣста много.

Андрей Егоровичъ Шестаковъ, его лучшій пріятель, не разъ заводилъ разговоръ съ дѣдомъ о томъ, что Т. Е. пора выдать замужъ, но дѣдъ недовольно ворчалъ:

— Успѣетъ еще.

И когда за нее посватался сынъ его пріятеля Жукова, Иванъ Андреевичъ, дѣдъ отвѣтилъ, что еще дочь молода, погодить нужно. Сватовство было отложено.

Прогулки дѣда съ докторомъ совершались поздно вечеромъ. Шестаковъ, по окончаніи своихъ занятій, приходилъ почти ежедневно къ Е. Т. Мирно бесѣдуя, они просиживали весь вечеръ, потягивая «шпунтикъ». Затѣмъ дѣдъ надѣвалъ свою шинель и шелъ провожать доктора до Перваго кадетскаго корпуса, гдѣ онъ жилъ. Въ свою очередь, докторъ считалъ своимъ долгомъ проводить пріятеля обратно. Итакъ, иногда вплоть до утра, провожали они другъ друга, и только разсвѣтъ заставлялъ ихъ обоихъ разойтись по постелямъ.

Василій Яковлевичъ Нѣмчиновъ, братъ одного изъ главныхъ довѣрителей Е. Т., пріѣхавъ какъ-то въ Петербургъ по дѣламъ, былъ у дѣда и видѣлъ Т. Е. Молодая дѣвушка ему понравилась, и онъ просилъ Марѳу Ѳедоровну Жукову, мать перваго жениха Т. Е., посватать ему послѣднюю. Жукова, предполагая, что сынъ ея, уѣхавъ изъ Петербурга, успѣлъ охладѣть къ предмету своей любви, не отказалась помочь ему, и предложеніе Нѣмчинова было принято дѣдомъ.

Невѣста хотя и согласилась, но каждый день молила Бога, чтобы этотъ бракъ разстроился. Сватовство тянулось болѣе года, наконецъ былъ назначенъ день свадьбы.

Чуть ли не за недѣлю до нея вернулся въ Петербургъ Жуковъ.

— А у насъ, Ванечка, сватовство завелось: Танечка Полилова за Василія Яковлевича замужъ идетъ.

— Кто же сосваталъ?—спросилъ пораженный молодой человѣкъ.

— Я похлопотала, сынокъ,—отвѣтила ничего не предполагавшая мать.

И. А. разразился градомъ упрековъ, обвиняя мать.

— Я нарочно пріѣхалъ, чтобы повторить свое предложеніе, а вы сами мое счастье разбиваете.

И не ожидая возвращенія изъ биржи своего отца, молодой человѣкъ уѣхалъ на той же телѣжкѣ, на которой прибылъ, обратно въ провинцію.

Марѳѣ Ѳедоровнѣ предстояла забота разстроить какимъ нибудь образомъ ею же налаженное сватовство.

Съ этою цѣлью она явилась къ дѣду, какъ будто отъ имени жениха, и сказала:

— Женихъ-то намъ говорилъ: «Пусть будущій тесть дастъ за Танюшей серьги брильянтовыя да шаль настоящую, ковровую турецкую».

Дѣдушка сдвинулъ брови—это было признакомъ, что онъ волнуется.

— А еще проситъ ширму въ спальню не ставить, а занавѣску сдѣлать коло кровати, да цѣлыхъ три, штофную для парада, ситцевую и кисейную для лѣта,—продолжала свою хитрость Жукова.

Егоръ Тихоновичъ вскочилъ со стула и порывисто сталъ подниматься на антресоли, гдѣ жили дѣти.

«Я въ это время вышивала бисеромъ,—разсказываетъ Т. Е. Услыхавъ папенькины шаги по лѣстницѣ, засуетилась куда нибудь спрятать пяльцы съ бисеромъ, онъ не любилъ, когда я занималась вышиваньемъ, называя это пустяками.

«Папенька вошелъ весь красный отъ гнѣва. Я поздоровалась съ нимъ, но онъ вмѣсто отвѣта громко закричалъ:

— «Слышала, что твой возлюбленный-то требуетъ?

«Меня обидѣло это названіе, и я рѣзко отвѣтила:

— «У меня никакихъ возлюбленныхъ нѣтъ, папенька!—Мой отвѣтъ какъ будто успокоилъ отца, и онъ взволнованнымъ голосомъ передалъ требованія жениха.

— «Что же ты скажешь?

— «Откажу ему, вотъ и все!—горячо проговорила я и быстро спустилась внизъ, радуясь въ душѣ разрыву.

— «Папенька говорилъ мнѣ, что Василій Яковлевичъ вздумалъ командовать, еще не женившись на мнѣ, такъ пускай онъ у себя въ Мосальскѣ и жену себѣ беретъ, мы, петербургскія дѣвушки, къ этому не привыкли!—отпѣла я свахѣ, и дѣло разошлось.

«Отказъ мой отъ брака съ Василіемъ Яковлевичемъ не понравился маменькѣ, и она рѣшила лучше, чѣмъ выдавать меня замужъ, отдать въ монастырь. Нѣсколько дней спустя, папенька позвалъ меня съ моихъ антресоль внизъ въ гостиную и здѣсь вмѣстѣ съ маменькой заявилъ мнѣ, что они рѣшили отдать меня въ монастырь, а чтобы жилось мнѣ тамъ удобнѣе, онъ положитъ на меня 2.000 рублей ассигнаціями.

«Я была бойкая, рѣшительная дѣвушка и въ отвѣтъ на это предложеніе смѣло отвѣтила:

— «Я согласна, но только не въ женскій, а въ мужской.

«Дерзкій мой отвѣтъ разсердилъ папеньку, и меня сейчасъ же заперли на мои антресоли, не позволяя спускаться внизъ ни къ обѣду, ни къ чаю, ни къ ужину.

«Въ моемъ невольномъ заточеніи я находилась уже двѣ недѣли, какъ къ намъ въ домъ пріѣхали папенькины любимые гости, монахи изъ Александро-Невской лавры. Я услыхала изъ своей свѣтелки громыханье двухъ колясокъ, въѣхавшихъ на дворъ, и смотрѣла въ окно. Въ нихъ прибыли о. Ааронъ, архимандритъ, а впослѣдствіи и лаврскій настоятель, о. Амвросій, о. Іоанникій, просфорникъ, о. Викторъ, протодіаконъ, и еще кто-то изъ монаховъ, теперь не помню.

«Когда они вошли въ комнату, первый ихъ вопросъ былъ:

— «А гдѣ же Танюша?

«Мое присутствіе было необходимо уже потому, что, завѣдывая хозяйствомъ, я постоянно приготовляла гостямъ «пуншикъ» и умѣла угодить на вкусъ каждаго, кому съ ромомъ, кому съ коньякомъ, больше, меньше сахару и т. п. Папенька принужденъ былъ объяснить причину моего отсутствія, и тогда о. Ааронъ, сѣдовласый старецъ, самъ поднялся ко мнѣ на антресоли и началъ уговаривать меня сойти внизъ, но я рѣшительно замѣтила:

— «Сойду только тогда, когда папенька подойдетъ къ лѣстницѣ и самъ меня позоветъ.

«Сломить его упрямство было бы очень трудно, но ради своихъ гостей, которыхъ онъ любилъ и уважалъ, подойдя къ лѣстницѣ, крикнулъ:

— «Таня Черноморъ (это было мое прозвище), иди сюда!

«Я быстро спустилась внизъ и принялась за приготовленіе «пуншика» въ то время, какъ гости вмѣстѣ съ папенькой распѣвали въ гостиной старинные духовные канты и молитвы. Въ подобномъ пѣніи они проводили всегда время, когда посѣщали нашъ домъ.

«Съ этого дня предположеніе маменьки отдать меня въ монастырь никогда больше не возобновлялось,—разсказываетъ Т. Е.:—меня старались выдать поскорѣе замужъ».

Еще раньше, въ 1825 году, Иванъ Андреевичъ сватался къ старшей дочери Е. Т., Юліи Егоровнѣ, дѣло было почти слажено, но, благодаря матери жениха, дѣло равстроилось. По поводу сватовства В. Я. дѣдъ иронически пишетъ въ письмѣ къ его брату Авксентію Яковлевичу Нѣмчинову, отъ 16-го февраля: «Изволите писать, провозглашаютъ новаго зятя, красенъ бубенъ за горами, а къ намъ пріѣдетъ, какъ лукошко. Ему жъ хорошо, а мы, маленькіе люди, при помощи Божіей, будемъ помаленьку жить. Простите меня, ради Бога, что я давно милости вашей не писалъ».

Почти годъ послѣ отказа, Е. Т. былъ какъ-то на буянѣ; буянный смотритель въ шутку замѣтилъ:

— А нужно вамъ, Егоръ Тихоновичъ, дочку замужъ выдавать, дѣвица на порѣ.

Дѣдъ сурово взглянулъ на говорящаго и проговорилъ:

— Что жъ, если у тебя женихъ есть, показывай.

Зная, что такой серіозный человѣкъ, какъ Егоръ Тихоновичъ даромъ слова не скажетъ, буянный смотритель въ первый же воскресный день привелъ обѣщаннаго жениха въ церковь Николы Мокраго и показалъ ему молившуюся невѣсту. Женихъ этотъ былъ квартирмейстеръ Павловскаго полка, Ѳедотъ Ивановичъ Григорьевъ.

Онъ посмотрѣлъ невѣсту, она ему понравилась, и на другой день, когда Егоръ Тихоновичъ былъ на буянѣ, смотритель ему объ этомъ сказалъ.

— Коли такъ, зови его къ намъ завтра, — рѣшилъ дѣдъ, но раньше поручилъ своему пріятелю А. Е. Шестакову справиться о женихѣ въ полку.

Въ то время изъ воли родительской выходить не осмѣливались, спрашивать у самой дѣвушки и не думали, хочетъ ли она итти замужъ.

Точно также поступили и въ этомъ случаѣ. На другой день послѣ биржи, часовъ въ пять, въ домъ дѣда явился предполагаемый женихъ. Егоръ Тихоновичъ познакомилъ его съ своей семьей.

Вышла и невѣста, одѣтая въ скромное бѣлое платье и черный передникъ.

— Сыграй-ка намъ, Танюша, что нибудь на фортепіано,—не требующимъ возраженія голосомъ замѣтилъ дѣдъ, и дѣвушка послушно усѣлась за клавикорды, а дѣдъ съ прибывшимъ продолжали разговаривать.

Когда играющая кончила игру, Егоръ Тихоновичъ позвалъ ее къ нимъ и представилъ жениху. А затѣмъ, вечеромъ, пригласили священника и ихъ помолвили, или, какъ тогда говорили, «образовали», т. е. благословили образомъ.

Въ дневникѣ дѣда помѣчено подъ датой: «1837 года 31-го генваря. Заручилъ дочь Татьяну за квартемистера Павловскаго полка за Ѳедота Ивановича Григорьева, по полудни въ 8 часовъ съ половиною».

Бабушка не смѣла ничего возразить противъ такого быстраго рѣшенія, отчасти даже была рада этому. Вѣнчали Т. Е. 15-го февраля, черезъ двѣ недѣли послѣ «образованія», въ церкви Павловскаго полка, но ни вечера, ни бала не было, ограничились только семейнымъ кружкомъ. Причина такой скромной свадьбы объясняется бывшимъ въ то время польскимъ мятежемъ, и гвардейскіе полки, а въ томъ числѣ и Павловскій, были отправлены на мѣсто военныхъ дѣйствій. Поселились молодые въ Павловскомъ полку на казенной квартирѣ. Посаженнымъ отцомъ жениха былъ полковникъ Карчевскій того же полка, оставшійся здѣсь съ ротою. Новобрачному шелъ 37-й годъ, тогда какъ его молодой женѣ минуло 18 лѣтъ. Ни по лѣтамъ, ни по виду, онъ не могъ равняться съ первыми двумя женихами Т. Е. Какъ тотъ, такъ и другой, оба были молоды и красивы, но съ Ѳедотомъ Ивановичемъ Т. Е. прожила счастливо пять лѣтъ, когда онъ скончался, и она осталась вдовою съ тремя дѣтьми.

Молодые часто пріѣзжали на Петербургскую сторону, преимущественно по субботамъ, и подъ праздникъ оставались ночевать здѣсь, чтобы утромъ итти къ утрени и ранней обѣднѣ. Съ выходомъ замужъ Т. Е. въ домѣ дѣда остались еще двѣ дочери: Юлія и Клавдія, послѣдняя еще небольшою дѣвочкою, и два сына, Тихонъ и Иванъ.

Когда утонулъ старшій сынъ дѣда, Александръ Егоровичъ, онъ

купилъ мѣсто на Смоленскомъ кладбищѣ недалеко отъ церкви и похоронилъ его тамъ. Тогда мѣста, согласно записи Егора Тихоновича, на этомъ кладбищѣ были дешевы, и за свое мѣсто дѣдъ заплатилъ всего три золотыхъ.

Между прочимъ, въ дневникѣ дѣда имѣются такія записи: «Отъ разныхъ болѣзней прислали выписку элексира-декокта, что даже жизнь человѣческую продолжаетъ и отъ многихъ недуговъ избавляетъ. Псйнику четверть ведра, сассафрасу—1, сасапаріилъ—2, французскаго дерева—2, ревень—1, бурошъ—1, солодки—3. Если его по рюмкѣ принимать, то польэительно чрезвычайно и лѣта долгія даруетъ». Ниже помѣщается вырѣзка изъ газетъ «О персидской кислой землѣ». «Полковникъ Врайтъ, возвратившійся изъ Индіи сухимъ путемъ, привезъ въ Англію небольшой кусокъ кислой земли, употребляемой персами въ питьѣ вмѣсто лимоновъ. Земля сія находится въ изобиліи въ Долахіи, селеніи, лежащемъ въ южной Персіи, разстояніемъ на трое сутокъ пути отъ Абукира. Г. Пепи нѣсколько частицъ оной разложилъ химически». И приписано: «Нужно узнать, есть ли въ Петербургѣ сія земля, и вправду ли она замѣняетъ лимонъ?»

VIII.

Дѣла съ Александровскою мануфактурою.—Первый годъ въ Петербургѣ.—Прошеніе калужскихъ фабрикантовъ.—Упраздненіе мануфактуры.

Въ 1798 году, по проекту польскаго аббата Оссовскаго, согласно высочайшей волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, было положено основаніе Александровской мануфактуры, цѣлью которой являлась подготовка опытныхъ мастеровъ по всевозможнымъ фабричнымъ производствамъ: недостатокъ этихъ мастеровъ сильно ощущался въ Россіи.

Въ числѣ производствъ однимъ изъ главныхъ являлось ткацкое, при чемъ ткали преимущественно изъ пеньки и льна, хотя удѣлено было мѣсто для тканья изъ хлопчатой бумаги, шелка и шерсти. Вслѣдствіе потребности пеньки для тканья однимъ изъ крупныхъ поставщиковъ мануфактуры явился и дѣдъ, какъ представитель многихъ крупныхъ провинціальныхъ фирмъ.

Въ началѣ, по открытіи работъ на Александровской мануфактурѣ, именно до 1805 года, были устроены механическія прядильныя машины, и началось пряденіе. Въ 1811 году, въ сентябрѣ производство пряжи окончательно упорядочилось, хотя размѣры ея увеличились до 1821 года. Съ этой поры дѣло пошло успѣшнѣе, и черезъ шесть лѣтъ, именно въ 1827 году, производство это значительно увеличилось, дойдя въ 1834 году въ размѣрѣ выдѣлки чистой пеньковой пряжи до 6.250 пудовъ, а очесочной въ тотъ же годъ до 4.900 пудовъ.

Управляющимъ Александровской мануфактуры съ 1805 года состоялъ генералъ-майоръ Вильсонъ.

Въ письмѣ дѣда отъ декабря 1834 года къ Нѣмчинову значится: «Торговали въ Александровскую мануфактуру всю, сколько у васъ будетъ половой; давали по 56 ассигн., задатку 10 ассигн., безъ браку. По моему расчету стоитъ 5 рублей на берковецъ дороже». И въ слѣдующемъ письмѣ: «По приказу вашему я продалъ на Александровскую фабрику вашей пеньки—сѣчки 3.000 пудовъ по 63 ассигн., задатку по 10 ассигн., и 1.000 пудовъ по 61 ассигн.—всѣ деньги; половой 3.000 пудовъ по 56, 50 ассигн., задатку 10, и 1.000 пудовъ по 54, 50, всѣ деньги, безъ браку. Кажется, это дѣло будетъ хорошо, а впрочемъ не знаю, будетъ ли это дѣло вамъ во угодность. Господинъ Василій Яковлевичъ знаетъ это дѣло. Учитъ нужно отобрать помельче, половую тоже отобрать и прямо къ фабрикѣ барки привалить. Они говорили, можетъ быть, вы разсудите отправить зимнимъ путемъ на ихъ счетъ. По моему расчету это выгода будетъ вамъ, и деньги получите всѣ». На подобную комбинацію Нѣмчиновъ согласился и отправилъ пеньку зимнимъ путемъ.

28-го декабря того же года Е. Т. снова пишетъ: «За вашу пеньку, при помощи Божіей, думаю взять подороже. Генералъ Вильсонъ назначилъ отправить вамъ 4.000 пуд. теперешнимъ путемъ; онъ прибавляетъ по 1 рублю асс. на пудъ за извозъ. Прошу васъ, получа сіе письмо, отправить оное количество прямо въ Александровскую мануфактуру. Я просилъ господина Фильда взять въ александровской конторѣ 10.000 рублей ассигн. и вамъ послать».

Отъ 12-го февраля дѣдъ сообщаетъ: «Въ Александровскую пеньку сдалъ, а расчету за отданную не могу сдѣлать, такъ какъ пришло много мокрой, и они очень обижаются, что крупенъ учетъ. Когда разбирать мокрую кончатъ, думаю, на этой недѣлѣ, тогда и расчетъ получу».

2-го апрѣля, въ письмѣ Е. Т. сообщается: «Вчера ѣздилъ въ Александровскую мануфактуру и расчетъ сдѣлалъ; и то было хлопотъ довольно, что извозчики по вашимъ накладнымъ прямо пріѣзжали туда и показывали цѣну, почемъ извозъ, то они хотѣли, чтобы по 70 или получили за провозъ, но съ помощью Божіей настоялъ, какъ намъ хотѣлось. Богъ намъ помощникъ, что вы изволили себѣ выпустить послѣднюю пеньку, это прекрасно вы и сдѣлали. Деньги съ нонѣшнею почтою высылаю».

Подобныя продажи совершалъ дѣдъ очень часто и раза два въ недѣлю бывалъ въ Александровской мануфактурѣ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ Вильсонъ повелъ дѣда по мастерскимъ, чтобы показать ему все производство.

Въ то время только что дѣлались опыты газоваго освѣщенія.

Директоръ Вильсонъ указалъ дѣду на это нововведеніе и шутя промолвилъ:

— Взгляните, Егоръ Тихоновичъ! Воздухъ горитъ...

Дѣдъ былъ сильно пораженъ этимъ, но сумѣлъ скрыть свое изумленіе.

— Значитъ, свѣчей ненадобно будетъ, ваше превосходительство,— замѣтилъ онъ шутливо: — сало подешевѣетъ, а сальные торговцы убытокъ понесутъ.

Вильсонъ усмѣхнулся находчивости дѣда.

Егоръ Тихоновичъ, возвращаясь домой, все только и думалъ о новомъ способѣ освѣщенія, и обыкновенно мало разговорчивый, онъ по пріѣздѣ замѣтилъ своему сыну Т. Е.

— Въ слѣдующій разъ, какъ поѣдешь въ Александровскую, не забудь посмотрѣть, какъ воздухъ горитъ.

Гигантскіе шаги, которые дѣлала Александровская мануфактура въ различныхъ отрасляхъ фабричныхъ производствъ, заставили на нее обратить вниманіе частныхъ фабрикантовъ-производителей, и въ 1837 году, во время проѣзда наслѣдника цесаревича Александра Николаевича черезъ Калугу, мѣстные фабриканты парусснаго полотна, выдѣлываемаго изъ пеньки, подали ему всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ они излагали, что въ 1827 году изъ С.-Петербургскаго порта отпускалось болѣе 60.000 кусковъ парусснаго полотна до 77 рублей ассигн. за кусокъ для продажи иностраннымъ корабельщикамъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, а равно для поставки всего россійскаго флота. Въ настоящее же время Александровская мануфактура, отправляя сама въ Петербургъ и Кронштадтъ парусину, весьма понизила цѣны, до 50 рублей, и, благодаря этому, изъ года въ годъ остается на рукахъ у частныхъ фабрикантовъ немало непроданной парусины.

«Въ прежнее время для Сѣверной Америки въ Петербургѣ покупали всегда парусныя полотна, выработанныя въ Россіи съ однихъ только частныхъ заводовъ, а потому оныя фабрики и были тогда въ хорошемъ состояніи и дѣйствіи, но въ 1827 году Александровская мануфактура начала успѣшно продажу парусныхъ полотенъ, и оборотъ частныхъ заводовъ началъ постоянно уменьшаться и дошелъ до стѣсненія владѣльцевъ оныхъ, а многіе изъ нихъ совершенно упали, и фабрики ихъ уничтожились. Сіе служитъ доказательствомъ, что вѣтвь промышленности сей не процвѣтаетъ, а мало-по-малу приходитъ въ упадокъ.

«Нижеподписавшіеся фабриканты, осмѣливаясь передать все сіе на правосудное вниманіе высшаго правительства, всепокорнѣйше просятъ предохранить ихъ заведенія (изъ коихъ нѣкоторая часть болѣе столѣтія уже существуетъ) отъ совершенныхъ подрыва и упадка, устранивъ вовсе Александровскую мануфактуру отъ частной продажи и отпуска за границу полотенъ, но какъ оная мануфактура,

бывъ заведена правительствомъ, съ пожертвованіемъ большихъ капиталовъ на пріобрѣтеніе разнаго рода машинъ и инструментовъ и не нуждаясь для производствъ оной въ деньгахъ, всегда можетъ въ выгоднѣйшее время пріобрѣтать матеріалы дешевыми цѣнами, между тѣмъ какъ частные фабриканты, не имѣя таковыхъ капиталовъ (приписано на поляхъ рукою министра: «Не вина мануфактуры»), лишены всѣхъ тѣхъ выгодъ и никакъ не могутъ противостоять могущественному обороту помянутой мануфактуры, а потому, если оной не воспрещено будетъ продавать въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ и иностраннымъ корабельщикамъ парусныя полотна, а въ особенности отпускать таковыя за границу, тогда не минуетъ постепенно всѣ частныя фабрики сего рода (примѣчаніе министра на поляхъ: «т. е. не имѣющія достаточныхъ капиталовъ») должны будутъ уничтожиться...».

Затѣмъ идетъ рѣчь о благой цѣли высшаго правительства, пекущагося о распространеніи мануфактурныхъ фабрикъ и заводовъ и учрежденіи мануфактурныхъ комитетовъ въ провинціи. Приводится въ доказательство необходимаго процвѣтанія этихъ фабрикъ, что мѣстные скудные урожаи заставляютъ крестьянъ искать заработка на сторонѣ, который они и находятъ на этихъ фабрикахъ. Въ концѣ повторяется просьба о запрещеніи вывоза полотенъ, и слѣдуютъ подписи фабрикантовъ: «Генералъ-лейтенанта дочь Марія Павловна Бистромъ. Фабрикантъ камеръ-юнкеръ Дмитрій Николаевичъ сынъ Геларовъ. Калужскій 1-й гильдіи купецъ и фабрикантъ Иванъ Ивановичъ Зюзинъ. Почетный гражданинъ, козельскій 2-й гильдіи купецъ и фабрикантъ Дмитрій Васильевичъ Брюзгинъ. Нарвскій 2-й гильдіи купецъ и фабрикантъ Иванъ Лукичъ сынъ Хлѣбниковъ. Почетный гражданинъ, козельскій 2-й гильдіи купецъ и фабрикантъ Иванъ Васильевичъ Брюзгинъ. Калужскій 2-й гильдіи купецъ, почетный гражданинъ и фабрикантъ Павелъ Ивановъ сынъ Билибинъ. Почетный гражданинъ, козельскій 2-й гильдіи купеческій братъ и фабрикантъ Сергѣй Михайловъ сынъ Зотовъ».

Прошеніе это, поступившее на разсмотрѣніе исполняющаго должность предсѣдателя совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сергѣя Сергѣевича Кушникова, вызвало массу переписки, вопросовъ и отношеній, между которыми самымъ интереснымъ нужно признать отвѣтъ управляющаго Александровской мануфактурой, генерала Вильсона, гдѣ онъ, разъясняя постепенное расширеніе дѣятельности мануфактуры, приводитъ въ опроверженіе прошенія полотняныхъ заводчиковъ, что упадокъ цѣны на полотно не истекаетъ отъ продажъ оной мануфактуры своего производства частнымъ лицамъ, въ особенности въ Сѣверную Америку. Причина же этому—устроенная въ 1836 году въ Шотландіи, въ городѣ Дунди, подобная же полотняная фабрика, выдѣлывающая ихъ изъ русской пеньки и въ первый же годъ своего существованія отправившая въ Америку

100.000 кусковъ паруснаго полотна, тогда какъ Александровская мануфактура продаетъ ежегодно всего 4.000 кусковъ, что не можетъ имѣть влiянiя при общемъ количествѣ 60.000 кусковъ, доставляемыхъ частными фабрикантами.

Не получая никакого отвѣта, фабриканты подали вновь прошенiе въ 1842 году, но и на послѣднее не было имъ скоро дано отвѣта; только въ 1850 г. послѣдовало высочайшее рѣшенiе «о стѣснительности частныхъ заводчиковъ», въ которомъ доказывалась неосновательность обвиненiй Александровской мануфактуры просителями.

Еще въ 1842 году генералъ Танскiй, племянникъ основателя мануфактуры аббата Оссовскаго, хлопоталъ о выдачѣ ему назначенныхъ его дядѣ при учрежденiи мануфактуры 80 тысячъ рублей ассигнацiями, и ходатайство его было уважено. Въ дневникѣ дяди помѣчено 1823-мъ годомъ: «А въ Александровской мануфактурѣ былъ пожаръ; хотя и потушили, но убытку достаточно».

По офицiальнымъ свѣдѣнiямъ, отпущено въ 1806 году на торговый оборотъ единовременно 300 тысячъ рублей ассигнацiями. Черезъ годъ прибавлено еще 100 тысячъ, а въ 1810 году еще таковая же сумма. Въ 1819 году послѣдовало высочайшее повелѣнiе о новомъ займѣ Александровской мануфактуры въ 1.470.000 рублей ассигн., а для прiобрѣтенiя и устройства машинъ, необходимыхъ для пряжи пеньки, ассигновано 600 тысячъ рублей ассигнацiями, въ виду неудачныхъ опытовъ пряденiя въ 1801 году на первоначальныхъ машинахъ. «Прядутъ сiи машины знатно,— пишетъ дѣдъ одному изъ своихъ довѣрителей, — и въ самую малую тонину тянуть прядь могутъ».

Уже въ 1857 году пошли слухи о предполагаемомъ упраздненiи Александровской мануфактуры, а черезъ полтора года она была дѣйствительно упразднена, и въ большомъ корпусѣ временно устроили больницу; въ сороковыхъ же годахъ она достигла высшей точки своего процвѣтанiя, и ея произведенiя въ то время смѣло могли конкурировать съ произведенiями самыхъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ.

IX.

Казенные заводы для металлическихъ мѣръ.— Царскосельская желѣзная дорога.— Цѣны на мѣста.— Иностранныя вины.— Женитьба Тихона Егоровича.— Поѣздка Егора Тихоновича въ Карачевъ.— Освященiе Зимняго дворца.—Страсть дѣда къ лошадямъ и голубямъ.— Актъ управы благочинiя.— Бой гусаковъ.—Отрывистыя замѣтки.—Благосостоянiе дѣда.

«Въ биржѣ говорили,—пишетъ дѣдъ на отдѣльномъ листкѣ отъ 17-го мая 1824 года, — что гостинодворцамъ велѣно передать всѣ аршины для промѣра, ибо много неправильнаго размѣра найдено, и будто бы особая комиссiя составлена для опредѣленiя съ точностью линейныхъ мѣръ, чтобы сравнить ихъ съ аглицкими».

Вскорѣ дѣйствительно образованы были особые казенные заводы для выдѣлки металлическихъ мѣръ, изъ производеній которыхъ велѣно было снабжать каждую губернію 400.000 аршинъ, частной же выработки мѣры запрещено было совсѣмъ продавать.

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ: «Мясники отъ прасоловъ скотину покупаютъ отъ 7 рублей 50 коп. и 8 рублей ассигнаціями за пудъ, а песокъ сахарный возросъ до 28 рублей 50 коп. ассигн., рафинадъ 36 рублей ассигнаціями, мелюсъ 31 рубль. Сія цѣна, кажется, не надолго, это сдѣлали двое московскіе, господа Усачевъ и Толченовъ, купили побольше, такъ что ни у кого хорошихъ заводчиковъ не не было готоваго товара; по сему случаю я и замедлилъ сей отправкой, а также и рѣка Нева причина, не было переправки черезъ нее, и мостъ былъ снятъ болѣе недѣли. Всепокорнѣйше васъ прошу меня извинить, что долго вамъ не высылалъ товару. Ромъ, вы изволили писать, что не такъ-то вышелъ хорошъ, всепокорнѣйше васъ прошу, который вы получили убытокъ, потрудитесь увѣдомить меня, что слѣдуетъ, то съ первою почтою вышлю. Что до винныхъ цѣнъ, то извольте, вотъ онѣ: сотернъ 350 до 1.200 рублей ассигнаціями оксъ, лафитъ 400 до 1.200 рублей ассигн. оксъ, мадера 800 до 2.000 рублей ассигн. оксъ, хересъ 700 до 1.500. Шампанское 6 рублей 50 коп. ассигн. до 9 рублей. Ромъ 171¼ р. ассигнаціями за анкеръ».

Въ 1837 году, вскорѣ послѣ свадьбы дочери, Егоръ Тихоновичъ задумалъ женить сына Тихона и сталъ подыскивать ему невѣсту.

Осенью того же года дѣда познакомили съ купцомъ Купріаномъ Зиновьичемъ Зиновьевымъ, имѣвшимъ на Пескахъ въ собственномъ домѣ золотобойную мастерскую. У послѣдняго была единственная дочь Параскева Кипріановна; на ней и задумалъ Егоръ Тихоновичъ женить своего сына.

Молодые люди познакомились, понравились другъ другу. Тихонъ Егоровичъ посватался, предложеніе его было принято, и вскорѣ, именно 5-го ноября, состоялась ихъ свадьба. Вѣнчали тамъ же, гдѣ и Татьяну Егоровну, именно въ церкви Павловскаго полка. Молодые поселились вмѣстѣ съ дѣдомъ въ его домѣ на Петербургской сторонѣ.

Въ 1838 году была устроена первая желѣзная дорога въ Россіи, именно Царскосельская. Егоръ Тихоновичъ осматривалъ ее еще до окончанія постройки и каждый разъ выражалъ свое удивленіе по поводу возможности перевозить этимъ способомъ большіе грузы.

Вотъ что онъ писалъ по этому поводу своему брату въ Карачевъ:

«Паровая машина, или, какъ ее называютъ, желѣзная дорога, строится нынѣ отъ самаго Санктъ-Петербурга до Царскаго Села и, кромѣ людей, будетъ возить и товары. Сказываютъ, что скорая ѣзда

и достача товаровъ возможна будетъ, это утверждаетъ и г. Ѳома Харвей. У нихъ, въ Англіи, машины эти уже нѣсколько лѣтъ какъ понадѣланы и достачу товаровъ справляютъ исправно. Воксалъ, гдѣ будутъ проѣзжіе садиться, дѣлается преизрядный у Обводнаго канала противъ больницы. Въ первые дни людей даромъ возить будутъ. Сватъ, Купріанъ Зиновьичъ, ѣздилъ въ первый же день. Забрался на паровозъ, далъ денегъ человѣку, при машинѣ поставленному, а онъ пустилъ ее во всю. Слава Богу, благополучно обошлось, а ѣхали весьма скоро, и народъ перепуганъ былъ».

Черезъ годъ послѣ свадьбы сына, дѣдъ уѣхалъ въ Карачевъ, гдѣ онъ уже давно не былъ, поручивъ ему вести дѣло. 20-го декабря 1838 года Тихонъ Егоровичъ пишетъ своему отцу въ Карачевъ:

«Дорогой родитель и любезный папенька, Егоръ Тихоновичъ. Честь имѣю васъ поздравить съ высокоторжественнымъ праздникомъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа, разговѣвшись, и желаю вамъ, любезный папенька, дождаться впредь будущихъ многихъ сихъ праздниковъ во всякомъ благополучіи и въ добромъ здравіи на многія лѣта. Любезный папенька, я думаю, намъ уже скучно разговляться безъ васъ, любезный папенька, а вамъ безъ семейства и родныхъ нашихъ еще скучнѣе, но развѣ только развеселитесь что на родимой сторонѣ». Затѣмъ говорится о семейныхъ дѣлахъ, и письмо кончается слѣдующимъ описаніемъ:

«Любезнѣйшій папенька, имѣю честь вамъ описать похожденіе мое 17-го числа сего мѣсяца, т.-е. въ субботу, по Зимнему дворцу; во время церемоніи, въ присутствіи всей царской фамиліи, освѣщали Бѣлое зало водосвятіемъ съ колѣнопреклоненіемъ, и всякій годъ будетъ сего числа 17-го декабря молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ по приказу государя. Всѣ подрядчики стояли въ Андреевскомъ залѣ, возлѣ Бѣлаго зала, и я въ числѣ ихъ съ тестемъ возлѣ мостковъ, гдѣ государь съ государыней проходили по дворцу мимо насъ самыхъ подручку и весь генералитетъ. Привозили образъ Спаса Нерукотвореннаго изъ Петровскаго дворца въ царской каретѣ шестерней и назадъ съ церемоніей. Государь водилъ государыню по дворцу, гдѣ такая нечистота, а гдѣ потрубья нагинались, и вся царская фамилія нагиналась и весь генералитетъ. Государь, выходя изъ Бѣлаго зала отъ молебна, благодарилъ подрядчиковъ, постороннихъ никого не было во дворцѣ. Проводя царскую фамилію, я ходилъ по дворцу и лазилъ въ Большой церкви въ кумполъ. Этого всего нельзя описать, что тамъ теперь понадѣлано вчернѣ, а что будетъ, когда отдѣлаютъ совсѣмъ. Это чудо, что дѣлаетъ нашъ государь. Маленькую церковь будутъ освящать 2-го февраля, т.-е. въ Срѣтеніе Господне. Государь говоритъ, что когда освятятъ сію церковь, то дѣло пойдетъ поскорѣе послѣ этого».

За этимъ письмомъ слѣдуютъ нѣсколько другихъ, такъ какъ Егоръ Тихоновичъ находился въ отъѣздѣ изъ Петербурга до февраля 1839 г., но они носятъ чисто семейный характеръ.

По возвращеніи изъ Карачева дѣдъ очень пристрастился къ лошадямъ и привелъ съ собою нѣсколько орловскихъ рысаковъ знаменитаго въ то время завода князя Голицына. Кромѣ обыкновенныхъ своихъ прогулокъ въ санкахъ одиночкахъ по островамъ, онъ началъ выѣзжать на рысистые бѣга, устраиваемые въ то время по зимамъ на Невѣ противъ биржи. Егоръ Тихоновичъ самъ правилъ и не разъ бралъ призы, далеко не такіе значительные, какіе выдаются теперь. Призы эти составлялись въ большинствѣ случаевъ изъ «закладовъ», т.-е. денегъ, которыя закладывали или давали на руки третьему лицу владѣльцы бѣжавшихъ лошадей, одновременно сами и наѣздники. Заклады эти между купцами нерѣдко были довольно крупными суммами. Чаще же всего состязаніе происходило чисто изъ одной славы, изъ желанія показать достоинства своей лошади противъ лошади своего соперника. Преимущественно эти любители были изъ купцовъ, но въ замѣткахъ Егора Тихоновича упоминается какой-то «мастеровой человѣкъ Ивашка Косой, на виноходцѣ обошедшій многихъ лошадей именитаго купечества, и за того виноходца сулилъ ему Пономаревъ большія деньги заплатить, но Косой не согласился и въ слѣдующій бѣгъ снова обошелъ всѣхъ».

Все-таки онъ уступилъ своего иноходца потомъ купцу Калгину, но за сколько—неизвѣстно.

Мода на иноходцевъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ сильно была распространена въ Петербургѣ. У самого Егора Тихоновича было ихъ двое, ему доставили ихъ прасолы, пригонявшіе гурты скота въ столицу. Искусственно, какъ теперь, иноходи не умѣли тогда вырабатывать у лошадей, и вслѣдствіе этого природныхъ иноходцевъ было сравнительно немного, за нихъ платили хорошія деньги. Въ счетной книгѣ Егора Тихоновича помѣчено: «заплачено за виноходца соловогo Кузьмѣ, прасольскому приказчику, пятьсотъ рублей ассигнаціями». Эта цѣна довольно высокая для того времени, когда заводскіе породистые кони продавались немного дороже.

Кромѣ рысистыхъ лошадей, Егоръ Тихоновичъ любилъ также очень голубей, и въ особой, построенной имъ голубятнѣ на дворѣ постоянно находилось нѣсколько десятковъ этихъ птицъ.

Татьяна Егоровна разсказываетъ: въ свободное время лѣтомъ, а иногда и весною, послѣ биржи, забирался онъ въ своемъ капотѣ на крышу, гдѣ особою палкою съ тряпкой на концѣ гонялъ голубей, заставляя ихъ взлетать очень высоко; въ это время никто изъ домашнихъ не смѣлъ безпокоить его; забывая все, онъ въ эту минуту думалъ только о голубяхъ. Улюлюкая и свистя имъ, папенька старался, чтобы они поднимались выше сосѣдскихъ (сосѣдъ тоже

былъ большой любитель этого развлеченія), чтобы турманы чаще кувыркались въ воздухѣ и падали камнемъ книзу. По праздникамъ папенька отправлялся на Щукинъ дворъ, гдѣ покупалъ новыхъ голубей, мѣнялся съ другими любителями, нерѣдко выписывалъ ихъ даже изъ Москвы. Вообще въ домѣ Полиловыхъ голуби никогда не переводились вплоть до болѣзни дѣда (о которой буду говорить ниже), порождая массу недоразумѣній и непріятностей, какъ это, напримѣръ, видно изъ слѣдующаго судебнаго рѣшенія.

«1841 года апрѣля дня, по указу его императорскаго величества, С.-Петербургскій уголовный надворный судъ, слушавъ дѣло, поступившее изъ управы благочинія 6 числа минувшаго марта мѣсяца при указѣ за № 3472 о похищеніи у коллежскаго секретаря Андрея Лоренца тридцати семи голубей, стоящихъ по объявленію 350 рублей,—приказали: по разсмотрѣніи дѣла сего уголовный надворный судъ находитъ: проживающій въ Петербургской части 2 квартала, въ домѣ подъ № 539 коллежскій секретарь Андрей Лоренцъ поданнымъ въ здѣшнюю управу благочинія 22 числа ноября 1839 года прошеніемъ объявилъ: что 17 на 18 число того мѣсяца похищено у него съ чердака посредствомъ оторванія пробоя восемнадцать паръ голубей, стоящихъ ему 350 рублей; означенный Лоренцъ, получивъ изъ управы благочинія съ помянутаго прошенія копію, оставилъ безъ преслѣдованія учинившихъ у него означенное похищеніе, и когда случилось самое событіе, мѣстной ближайшей полиціи для осмотра, какимъ образомъ произведена была покража, не объявилъ, чрезъ что самое фактъ сей остался нераскрытымъ, а влѣдствіе сего нѣтъ прямыхъ доводовъ, дабы дѣйствительно, какъ коллежскій секретарь Лоренцъ въ явочномъ прошеніи своемъ прописываетъ, похищеніе произведено съ оторваніемъ у сердечка пробоя; спустя же ровно 2 мѣсяца послѣ подачи явки чиновникъ Лоренцъ, явясь къ надзирателю 1 квартала Петербургской части и объявивъ, что похищенные у него голуби опознаны имъ у титулярнаго совѣтника Синицына, просилъ содѣйствія объ отобраніи оныхъ и отдачѣ ему; вслѣдствіе чего надзиратель Капутти, какъ изъ рапорта его видно, отправился вмѣстѣ съ Лоренцомъ въ квартиру Синицына, гдѣ найдено четырнадцать паръ голубей, коихъ Лоренцъ по осмотрѣ призналъ за своихъ собственныхъ, тѣхъ самыхъ, которые вмѣстѣ съ прочими были похищены у него съ 17 на 18 число ноября 1839 года, по учиненіи отобраннымъ у Синицына голубямъ чрезъ старосту птичьяго ряду и охотника оцѣнки каждому по 15 копеекъ серебромъ, были оные отданы подъ расписку Лоренцу; чиновникъ Синицынъ, не сознаваясь въ похищеніи у Лоренца голубей, въ отвѣтахъ на данные ему при слѣдствіи вопросные пункты отозвался, что изъ числа отобранныхъ у него четырнадцати паръ десять куплены имъ у царскосельскаго купеческаго сына Ивана Палилова, остальныя-жъ затѣмъ четыре пары были его доморощенныя, затѣмъ купеческій

сынъ Иванъ Палиловъ, поведеніе коего вполнѣ одобрено по повальному обыску, обозрѣвъ въ квартирѣ Лоренца отобранныхъ у Синицына голубей и признавъ только девять голубей, которые въ числѣ двадцати были проданы имъ Синицыну, при допросѣ показалъ, что, желая обзавестись по охотѣ голубями, накупилъ ихъ въ разное время на Щукиномъ дворѣ, въ птичьемъ ряду, у неизвѣстныхъ мальчиковъ всего шесть паръ, покупая по одному, по два, а иногда и болѣе, и за всѣ шесть паръ заплатилъ десять рублей, а между тѣмъ ловилъ также стороннихъ голубей, прилетавшихъ въ его, Палилова, голубятню, которыхъ въ продолженіе лѣта и осени наловилъ четыре пары, но по случаю болѣзни отца его и нежеланію его имѣть въ домѣ голубей принужденъ былъ продать всѣ десять паръ титулярному совѣтнику Синицыну за 30 рублей ассигнаціями; по поступленіи дѣла сего въ сей судъ коллежскій секретарь Лоренцъ въ отвѣтахъ на данные ему вопросные пункты объяснилъ: что къ уликѣ Синицына и Палилова въ похищеніи голубей доказательствъ не имѣетъ, равномѣрно, дабы отобранные отъ Синицына и отданные ему, Лоренцу, голуби дѣйствительно принадлежали ему, ничего положительнаго не объяснилъ; по соображеніи всѣхъ вышепрописанныхъ обстоятельствъ судъ опредѣляетъ: хоть по настоящему дѣлу, заключающему въ себѣ извѣтъ коллежскаго секретаря Лоренца на титулярнаго совѣтника Синицына и царскосельскаго купецкаго сына Палилова въ похищеніи ими у него, Лоренца, голубей, для совершеннаго обнаруженія вины подозрѣваемыхъ ими неправильности извѣта Лоренца и слѣдовало бы произвесть дальнѣйшее дослѣдованіе, но какъ силою всемилостивѣйшаго манифеста, послѣдовавшаго въ 16 день сего апрѣля мѣсяца, таковое должно нынѣ же прекратиться, а потому на основаніи 1 пункта сего манифеста помянутыхъ выше Синицына и Палилова отъ всякаго суда и слѣдствія освободить, не подвергая ихъ никакому взысканію, поелику самъ истецъ Лоренцъ въ присутствіи сего суда письменно объяснилъ, что къ уликѣ Синицына и Палилова во возведенномъ имъ на нихъ подозрѣніи доказательствъ не имѣетъ; и затѣмъ постановленіе сіе имъ, Синицыну и Палилову, а равно и Лоренцу, объявить въ присутствіи сего суда, а самое дѣло, исключивъ изъ числа нерѣшенныхъ, дать для храненія въ архивъ».

Кромѣ голубей, Егоръ Тихоновичъ страстно любилъ гусиные бои, и съ цѣлью устройства ихъ среди нѣсколькихъ лицъ биржевого купечества образовался особый кружокъ, который на Карповкѣ въ домѣ одного чиновника изъ управы благочинія, Бѣляева, собирался каждое воскресенье или праздникъ зимою. Въ это время гусыни начинали уже клохтать и несли яйца, а гусаки пріобрѣтали особую свирѣпость другъ къ другу.

На дворѣ Бѣляевскаго дома была устроена особая арена, огороженная вокругъ лубкомъ. Каждый изъ любителей боя привозилъ съ

собою въ саняхъ своихъ борцовъ-гусаковъ. Обыкновенно сходилось сюда человѣкъ пятнадцать-двадцать купцовъ да вдвое больше этого различнаго люда, любителей этого зрѣлища. Предоставляю одному изъ современниковъ моего дѣда описать одинъ изъ подобныхъ боевъ:

«Василь Митричъ обѣщался намъ про сіе воскресенье гусачный бой устроить; знаменитый Алексѣй Хонинъ (биржевой купецъ) держитъ свово гусака недѣлю на маханинѣ, золъ, клювомъ загородъ щиплетъ, Егоръ Тихонычъ аглицкаго гуся черезъ Холидея выписалъ, а Харичкову съ Украйны изъ Почепа прислали, удивительно драться будутъ».

И ниже въ той же записи говорится:

«День былъ красный. Гусаки, ажно змѣи, шипѣли, рвались изъ рукъ, заклады купцы ставили немалые, Бабковъ триста выложилъ, напрежъ Петръ Глушковъ двумя сотнями шелъ. Василь Митричъ свово гусака тоже приготовилъ, куды тутъ, малъ, щуплявъ насупротивъ аглицкаго.

«Въ три часа спустили. Точно собаки сцѣпилися, допрежъ Хонинскій съ Пѣтуховымъ, Пѣтуховъ одолѣлъ, скоро шею свернулъ Алексѣеву гусаку, а затѣмъ аглицкаго гуся выпустили. Хорошъ, беретъ съ наскоку, храберъ, шипитъ, но не разуменъ, а у Палиловскаго духа нѣтъ, назадъ претъ, отъ англичанина трусь беретъ. Стоятъ, а нейдутъ, шеи тянутъ, кусать остерегаются. Устали всѣ, ажно губы заломило, болѣе получаса бились, стравили. Аглицкій гусь шелъ на перву голову, наскокомъ, а почепской гусакъ только шипѣлъ; завертѣлись, ахнули мы, пухомъ всю площадку заволокло. Видывали бои, но допрежъ ничего такого не норовилось. Долго кочевряжились, но свое взяли, поди, немало время дрались и если бы не розняли, другъ другу не поддались бы. На предбудущій воскресный день оставили».

Такъ картинно описываетъ бой гусаковъ одинъ изъ тогдашнихъ очевидцевъ.

Долго ли существовалъ этотъ кружокъ любителей, и когда окончились эти кровавыя зрѣлища, мнѣ неизвѣстно; въ записяхъ дѣда объ этомъ не сказано.

Въ 1839 году возвратился изъ Москвы на время сынъ дѣда, Николай Егоровичъ, служившій у Прохоровыхъ, и Егоръ Тихоновичъ надумалъ его женить, но дѣло это было отложено. У дѣда завязалось крупное дѣло съ бѣлевскими купцами. Пеньковая торговля все продолжала увеличиваться, спросъ ея за границей возросталъ, Егоръ Тихоновичъ занялъ первенствующее мѣсто среди комиссіонеровъ на Петербургской биржѣ, и благосостояніе его росло.

Англійскія фирмы продолжали, несмотря на присутствіе на бунѣ оффиціальныхъ браковщиковъ, обращаться къ нему. Точно

также положеніе его, какъ состоятельнаго домовладѣльца на Петербургской сторонѣ, росло. Дѣла его шли блестяще, онъ наживалъ на комиссіяхъ прекрасныя деньги.

X.

Смерть дочери и обоихъ зятей Агриппины Ильинишны, ея религіозность и собранія съ монахами.—Подрядъ Жукова, убійство его жены, непріятность для дѣда, его болѣзнь, англійская депутація.—Веденіе дѣла Тихона Егоровича.

Дѣда начали преслѣдовать непріятности. Въ 1839 году захворала его старшая дочь Александра, и доктора признали ея болѣзнь неизлѣчимой: чахотка легкихъ властно захватила молодую женщину. Въ тѣ времена на Петербургской сторонѣ было немного построекъ, она соприкасалась съ островами; въ самомъ центрѣ ея находились Зеленина и Козья рощи съ массою зелени и деревьевъ. Воздухъ на Петербургской сторонѣ, какъ на окраинѣ города, былъ очень чистъ, а потому немало семействъ переселялось съ Адмиралтейской стороны сюда на дачу, точно также и зять Егора Тихоновича И. П. Никулинъ. Онъ перевозилъ на лѣто отъ Каменнаго моста, гдѣ онъ жилъ на Мѣщанской, свою семью на Петербургскую сторону. Точно также поступилъ онъ и на этотъ разъ, и семья его вмѣстѣ съ больной женой поселилась у Егора Тихоновича въ домѣ. У Никулина было въ это время восемь человѣкъ малютокъ, и всѣ дѣвочки.

4 августа, возвратившись изъ бани, которая помѣщалась рядомъ съ домомъ тестя, онъ почувствовалъ себя внезапно дурно и быстро скончался. Черезъ двѣнадцать дней умерла и жена его А. Е., оставивъ восьмерыхъ сиротъ, которыхъ старику Никулину, Павлу Петровичу, удалось пристроить по разнымъ институтамъ.

«Тяжелая картина представилась мнѣ, разсказываетъ Татьяна Егоровна, когда я вошла къ умершей, двое ея дочекъ малютокъ, не сознавая, что мать уже мертва, качали ея гробъ убаюкивая ее, какъ уснувшую».

Вскорѣ и у Татьяны Егоровны тоже скончался мужъ, и ей пришлось съ тремя дѣтьми перебраться въ нижній этажъ отцовскаго дома. Средства, оставшіяся послѣ мужа, были очень скудны, а пенсія, назначенная ей, равнялась ста рублямъ на нее и ста рублямъ на дѣтей.

Все это ложилось бременемъ на дѣда, но его дѣла шли въ то время прекрасно, и онъ не думалъ объ излишнихъ расходахъ.

Его жена, Агриппина Ильинишна, ѣздила на богомолье въ Тихвинъ и Новгородъ. Это была женщина очень набожная, много изъ ея родни были монахами, и одинъ изъ нихъ, именно схимонахъ Ѳеодоръ, родившійся въ 1756 году въ Карачевѣ и особенно прославившійся своею строгой жизнью, приходился ей даже дядей.

Какъ уже говорилось раньше, бабушка очень желала, чтобы какая либо изъ ея дочерей поступила въ монастырь и сдѣлалась инокинею, но желанію этому не суждено было осуществиться. Дѣдъ самъ былъ религіознымъ человѣкомъ, онъ никогда не пропускалъ ни одной утрени и обѣдни въ праздничный день, но и въ будни онъ бывалъ часто въ церкви.

Посѣщеніе дѣдовскаго дома лаврскими монахами продолжалось, но нѣкоторые изъ его прежнихъ друзей были переведены въ другіе монастыри, появились новыя лица, но духовное пѣніе попрежнему оглашало стѣны гостепріимнаго Полиловскаго дома.

Его давнишній довѣритель, Андрей Ивановичъ Жуковъ, мещовскій купецъ, за послѣдніе годы подолгу проживалъ въ Петербургѣ. Онъ ставилъ тамъ пеньку на различные казенные заводы и учрежденія. Между прочимъ, поставки были у него и на Александровскую мануфактуру, гдѣ онъ скоро сошелся съ главнымъ казеннымъ комиссіонеромъ, титулярнымъ совѣтникомъ, Павломъ Николаевичемъ Поповымъ, завѣдывавшимъ всѣми пріемками сырыхъ матеріаловъ и отпускомъ и продажей готовыхъ фабрикатовъ. Членами заготовительной комиссіи состояли тогда: коллежскій совѣтникъ Ольхинъ, купцы Ростовцевъ, Гротенъ, Бетлингъ, Иванъ Щербаковъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Гаскойнъ.

Товаръ у Жукова покупали и принимали охотно; вскорѣ онъ сталъ поставлять волокно и для нуждъ адмиралтейства. Экспортныя иностранныя конторы покупали у него также немало и выдавали ему всѣ деньги впередъ, не стѣсняясь размѣрами. Въ большинствѣ случаевъ дѣдъ рекомендовалъ его экспортерамъ, и послѣдніе, слѣпо вѣря его слову, давали задаточныя деньги впередъ Жукову.

— Знаешь что, Егоръ Тихоновичъ,—обратился онъ какъ-то къ дѣду въ концѣ зимы:—предлагаютъ мнѣ взять поставку муки на казну, какъ ты думаешь?

Дѣдъ никогда не отвѣчалъ такъ прямо съ плеча, а потому задумался на минуту.

— Что жъ дѣло хорошее, коли у тебя знакомство заведено,—отвѣчалъ онъ пріятелю.

— Денегъ у меня мало,—рѣшился сознаться Жуковъ.

— Это пустяки, сколько нужно?

— Тысячъ сто, семьдесятъ пять,—нерѣшительно замѣтилъ купецъ.

— Двадцатью пятью, а не то тридцатью, я могу тебя снабдить, а остальныя добудешь у конторы. Продай будущаго товара, ну, деньги и дадутъ впередъ. Я поговорю.

И дѣдъ на другой день не успѣлъ и слова сказать, какъ экспортеры охотно дали Жукову сорокъ — пятьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями.

Въ свою очередь дѣдъ тоже далъ ему тридцать тысячъ своихъ, за что Жуковъ предложилъ ему извѣстную часть въ прибыляхъ.

Андрей Ивановичъ былъ несказанно радъ подобному обороту дѣла и, продавъ будущую пеньку съ доставкою весною, подписалъ запродажное условіе съ комиссаріатомъ на доставку муки въ казну.

Товары были частью уже закуплены на мѣстахъ приказчиками. Раннею весною, когда только что сошли вешнія воды, Андрей Ивановичъ пришелъ къ дѣду сообщить, что ему самому уѣхать изъ столицы нельзя, а вмѣсто него поѣдетъ его жена, Мароа Андреевна, и повезетъ съ собою деньги для расплаты за купленный товаръ.

— Ой, сватъ, ладное ли ты задумалъ?—замѣтилъ ему дѣдъ.— Не женское дѣло возить такія деньги.—Денегъ предполагалось послать 50 тысячъ рублей ассигнаціями.

— Жена человѣкъ опытный,—отвѣчалъ Жуковъ:—не впервые ей возить-то. Да къ тому же я младшаго сына съ ней посылаю да дѣвушку нашу служанку.

Егоръ Тихоновичъ не возражалъ, и черезъ два дня послѣ этого разговора М. А. Жукова уѣхала вмѣстѣ съ сыномъ и прислугою въ Мещовскъ на собственной телѣжкѣ на парѣ лошадей, везя съ собой эту крупную сумму.

Прошло болѣе двухъ недѣль со дня ея отъѣзда, но о прибытіи ея въ Мещовскъ Жуковъ не получилъ никакого извѣстія. Только къ концу мѣсяца его одновременно извѣстила полиція и родственники изъ родного города о томъ, что Мароа Өедоровна вмѣстѣ съ сыномъ и прислугой найдены убитыми, въ семи верстахъ недоѣзжая Мещовска, и деньги исчезли. Неожиданное несчастіе, какъ ударъ грома, поразило старика Жукова. Онъ сейчасъ же уѣхалъ въ Мещовскъ.

Между тѣмъ наступило лѣто, навигація была въ полномъ разгарѣ, а запроданной пеньки экспортерамъ не поступало. Точно также не было доставлено и муки для комиссаріата. Зная отношенія Е. Т. къ А. И. Жукову, всѣ стали обращаться къ нему, спрашивая о причинѣ подобной задержки, но дѣдъ ничего не могъ отвѣчать, такъ какъ самъ ничего не понималъ и не зналъ. Тщетно писалъ онъ Жукову письма, но они оставались безъ отвѣта.

Ропотъ и негодованіе противъ Жукова, а равно и противъ Е. Т. продолжали расти, и однажды, во время биржи, къ нему подошли нѣсколько англичанъ-экспортеровъ и въ присутствіи многочисленныхъ биржевыхъ посѣтителей громко заявили:

— Мистеръ Полиловъ, мы всѣ до сихъ поръ считали васъ за честнаго человѣка, за джентельмена, теперь же мы перемѣняемъ мнѣніе о васъ.

Дѣдъ внезапно поблѣднѣлъ и невольно опустился на скамейку. Никогда въ своей жизни онъ не ожидалъ услышать что либо подобное. Назвать его безчестнымъ!.. О, это было слишкомъ!

Шатаясь вышелъ онъ изъ биржи, не помня себя, сѣлъ на дрожки и вошелъ въ свою квартиру.

«На папенькѣ лица не было,—разсказываетъ его дочь, Т. Е.,—когда онъ вошелъ въ комнату. Онъ сталъ передъ образами и началъ горячо молиться, слезы градомъ катились у него изъ глазъ; затѣмъ обернулся къ намъ, смотрѣвшимъ на него съ испугомъ, и проговорилъ:

— «О Господи, сколь великое испытаніе ты мнѣ посылаешь!

«Пошатнулся и свалился на полъ. Маменька немедленно послала за Андреемъ Егоровичемъ Шестаковымъ, а папеньку подняли и уложили въ кровать.

«Шестаковъ пріѣхалъ и самъ заплакалъ, увидя своего друга, лежащаго безъ памяти.

«Осмотрѣвъ его, нашелъ, что лѣвая часть тѣла разбита параличемъ. Пробовали пускать кровь, оттирать щетками, согрѣвать кувшинами съ теплой водой, но ничто не помогало.

«Маменька молилась Богу и говорила:

— «Какъ жалко, что о. Ааронъ скончался, онъ бы поправилъ Душу (т. е. Е. Т.).—О. Ааронъ неоднократно предупреждалъ параличъ у Петра Ивановича Лѣсникова, одного изъ крупныхъ коммерсантовъ того времени. Онъ шесть разъ пускалъ ему кровь изъ-подъ языка, насѣкалъ тѣло около плеча и гналъ рудовую кровь и тѣмъ каждый разъ пріостанавливалъ дѣйствіе паралича.

«Всѣ средства были перепробованы, но лѣвая рука и нога у папеньки плохо дѣйствовали. Только спустя довольно долгое время, могъ онъ немного двигаться съ помощью палки, волоча ногу, но языкъ его плохо слушался, онъ не могъ говорить внятно».

Самолюбивый дѣдъ не могъ перенести кинутаго ему публично въ лицо обвиненія, тѣмъ болѣе, что онъ ни капли не былъ виновнымъ во всей этой исторіи, да и раньше постоянно ревниво оберегалъ свое честное имя, благодаря чему и заслужилъ общее уваженіе.

Съ этого злосчастнаго дня всѣ изъ его иностранныхъ биржевыхъ кліентовъ отшатнулись отъ Егора Тихоновича, работать онъ самъ не могъ, въ виду своего болѣзненнаго состоянія никуда не выѣзжалъ, ни на биржу, ни въ иностранныя конторы, и заработокъ сократился до минимума, а дѣло перешло къ другимъ комиссіонерамъ и браковщикамъ. Часть его русскихъ кліентовъ, видя подобное охлажденіе покупателей экспорторовъ къ дѣду, передала свои комиссіи другимъ лицамъ.

Такъ продолжалось мѣсяца два, даже больше. Дѣло Жукова какъ-то замолкло. Случайно узнали иностранные купцы, что въ Жуковскомъ крахѣ Егоръ Тихоновичъ теряетъ своихъ тридцать тысячъ рублей ассигнаціями. Это обстоятельство заставило ихъ глубже взглянуть на суть всего дѣла, къ тому же самъ Жуковъ, оправившись немного отъ пережитаго имъ потрясенія, прислалъ одному изъ заинтересованныхъ лицъ въ его дѣлѣ письмо, гдѣ подробно выяснилъ всѣ причины своего краха, при чемъ съ дѣда

слагалась самая малѣйшая тѣнь въ нечестности или завѣдомомъ знаніи заранѣе объ этомъ.

Подобное сознаніе своей вины Жуковымъ и разъясненіе невинности Егора Тихоновича нашли сочувственный откликъ у иностранцевъ, съ которыми работалъ дѣдъ. Они переговорили между собою, и въ одинъ прекрасный день семья Егора Тихоновича была изумлена появленіемъ въ домѣ пяти англичанъ во главѣ съ Голидеемъ, представителемъ одной изъ старѣйшихъ англійскихъ фирмъ въ С.-Петербургѣ. Съ нимъ вмѣстѣ явились англичане-хозяева фирмы, Джамесъ Лиддель и Комп., Жайлъ Лодеръ, Варъ, Харвей и Комп., и другіе.

Депутація эта, одѣтая во фраки, просила разрѣшенія бабушки увидѣть дѣда. Агриппина Ильинишна, убитая болѣзнію мужа, не знала, на что ей рѣшиться, но старикъ Голидей мягко ей замѣтилъ:

— Мы, миссиссъ Полиловъ, явились къ вашему почтенному мужу какъ виноватые...

Бабушка впустила ихъ въ зало, гдѣ въ это время Егоръ Тихоновичъ, прикованный къ креслу, читалъ евангеліе. На шумъ вошедшихъ онъ обернулся и, съ нескрываемымъ изумленіемъ глядя на знакомыя, когда-то близко-дружественныя ему лица, хотѣлъ подняться съ кресла, но не могъ.

— Сидите, честный человѣкъ,—громко проговорилъ И. И. Голидей и, вставъ на одно колѣно передъ дѣдомъ, продолжалъ:

— Мы всѣ пришли сюда къ тебѣ, честный старецъ, чтобы принести наше искреннее, хотя позднее, увы, извиненіе и сожалѣніе. Мы глубоко виноваты передъ вами, Егоръ Тихоновичъ, мы сомнѣвались въ васъ, но теперь сознаемся открыто, что вины вашей здѣсь не было, а виноваты мы сами предъ вами. Чтобы загладить нашу вину хотя отчасти, все дѣло, которое вы для насъ работали, мы передаемъ вашему сыну, Тихону Егоровичу, которому будемъ такъ же, какъ вамъ, вѣрить.

До глубины души растроганный подобнымъ чистосердечнымъ сознаніемъ англичанъ, Егоръ Тихоновичъ расплакался, какъ дитя, и только послѣ долгаго времени могъ успокоиться.

Всѣ члены депутаціи крѣпко пожали ему руку, поцѣловали больного и затѣмъ удалились.

Съ этого для все колесо громаднаго дѣла пришлось вертѣть моему отцу, который, будучи уже раньше пріученъ Егоромъ Тихоновичемъ, повелъ дѣло прекрасно.

Справедливая судьба снова оказала свою помощь Егору Тихоновичу.

Оставаясь больнымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, слѣдилъ за дѣломъ, и мой отецъ ничего не дѣлалъ, не посовѣтовавшись съ нимъ.

Провинціальные довѣрители сначала сократили свой посылъ товаровъ, но, услышавъ про благородный поступокъ иностранцевъ, снова увеличили доставку ихъ.

Къ старымъ давальцамъ присоединились еще новые, и дѣло значительно расширилось.

XI.

Болѣзнь дѣда. — Докторъ Шестаковъ. — Его жена. — Уничтоженіе ассигнацій.— Письма къ моему отцу Т. Е.—Цѣны на продукты въ 1822 г.—Письмо монаха.— Гильдія.—Смерть дѣда.—Раздѣлъ дома.

Несмотря на свое положеніе, принуждавшее его сидѣть цѣлыми днями въ креслѣ и не позволявшее ему заниматься любимымъ его дѣломъ, Е. Т. всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія своего сына, Т. Е., домой изъ биржи или съ буяна, чтобы узнать о новостяхъ, тамъ происходившихъ. Онъ внимательно выслушивалъ сына, изрѣдка прерывая его трудно-понимаемыми вопросами, но домашніе, привыкшіе къ его жестамъ еще до его болѣзни, прекрасно его понимали. Почти всѣ пріятели его оставили, никто не навѣщалъ старика. Грустно влачились дни больного. Лѣтомъ, опираясь на палку, волоча лѣвую ногу, Е. Т. кое-какъ бродилъ утромъ по саду, а затѣмъ цѣлый день проводилъ въ чтеніи св. писанія. Лѣчившій его докторъ, его пріятель Шестаковъ, испробовалъ всѣ способы, какіе только въ то время знала медицина, но все было напрасно. Ни электрическая машина, ни сильно дѣйствующія возбуждающія средства, ничто не помогало дѣду, и онъ оставался въ томъ же положеніи, какъ и въ самомъ началѣ болѣзни. А. Е. Шестаковъ, врачъ Перваго кадетскаго корпуса, прекрасный человѣкъ и знающій докторъ, былъ очень несчастенъ въ своей семейной жизни: его жена пила запоемъ. Тщетно пробовалъ докторъ давать ей алкоголь дома, несчастная женщина предпочитала напиваться въ кабакахъ, при чемъ излюбленнымъ изъ послѣднихъ у нея было питейное заведеніе на Маломъ проспектѣ рядомъ съ домомъ моего дѣда. Сколько горя причинялъ почтенному доктору этотъ порокъ жены! Рѣдкій день ея не приводили домой въ состояніи полнаго опьяненія.

Однажды, сынъ дѣда, мой отецъ Т. Е., проходя мимо этого кабака, замѣтилъ, какъ сидѣлецъ, вытолкнувъ совсѣмъ пьяную жену доктора, билъ ее на улицѣ. Отецъ мой, страшно возмущенный поступкомъ кабатчика, пробовалъ вначалѣ усовѣстить его, но когда послѣдній отвѣчалъ моему отцу дерзостью, онъ не выдержалъ и избилъ сидѣльца до полусмерти. Возникло судебное дѣло по обвиненію моего отца въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ, и несомнѣнно ему пришлось бы жестоко поплатиться за свое справедливое негодова-

ніе и горячность. Только благодаря тому же Шестакову, имѣвшему хорошія связи, дѣло это замяли, но это стоило немалыхъ денегъ и встревожило очень Е. Т., опасавшагося въ лицѣ сына потерять человѣка, кормившаго всю семью.

Въ 1842 году рижскій биржевой комитетъ прислалъ въ департаментъ торговли свой запросъ о положеніи петербургскаго брака, а равно и браковщиковъ. Нѣкоторыя стороны пеньковаго брака требовали улучшенія или реорганизаціи его.

Департаментъ запросилъ петербургскихъ браковщиковъ объ этомъ, въ числѣ ихъ и моего отца, хотя онъ не былъ присяжнымъ браковщикомъ. Дѣло это тянулось до 1844 г., и въ этотъ годъ официальный бракъ пеньки былъ объявленъ не обязательнымъ, тѣмъ не менѣе, почти никто изъ русскихъ пеньковыхъ торговцевъ не рисковалъ посылать за границу пеньку «за своимъ узломъ», то-есть безъ брака, прекрасно зная арбитражную систему англичанъ и ихъ обычныя придирки къ качеству товара, разъ оно не засвидѣтельствовано официально въ Россіи.

Оставшись самостоятельнымъ въ комиссіонномъ дѣлѣ, благодаря болѣзни отца, Т. Е. старался еще болѣе расширить обороты съ провинціей и находилъ новыхъ кліентовъ. Между прочимъ, отъ 10 апрѣля 1844 г., онъ пишетъ въ Карачевъ Емельянову:

«Купилъ для васъ лимоновъ 15 ящиковъ по 6 рублей серебромъ и апельсиновъ 5 ящиковъ по 26 рублей 50 коп. ассигнаціями». Почему лимоны продавались на серебро, а апельсины на ассигнаціи, трудно объяснить. Уничтоженіе въ 1843 г. ассигнаціонной и депозитной системы и замѣна ея серебряною валютою внесли немало путаницы въ торговлѣ. Цѣны на товары существенно измѣнились; сразу не каждый понималъ разницу, происходили неизбѣжныя недоразумѣнія. Указы объ уничтоженіи ассигнацій и депозитныхъ билетовъ размѣномъ ихъ на государственные кредитные билеты не могли быть приведены въ исполненіе въ извѣстные сроки, и послѣднимъ изъ указовъ по этому вопросу былъ изданъ указъ 13 іюня 1847 года.

Даже больного дѣда, и того новая денежная система немало изумила. Здоровье его слабѣло; малоразговорчивый по характеру, онъ во время своего недуга почти совсѣмъ не говорилъ и былъ очень раздражителенъ.

Младшія дѣти его подросли, и такъ какъ дочери Юлія и Клавдія оставались дома, то имъ въ особенности доставалось отъ больного отца.

Старшая изъ нихъ, Юлія, обнаружила недюжинную способность къ музыкѣ, но думать заниматься ею серьезно въ то время нельзя было никакимъ способомъ; молодая дѣвушка съ грустью должна была отказаться отъ музыки и вскорѣ вышла замужъ за одного золотопромышленника, увезшаго ее съ собою далеко въ Сибирь.

Иванъ и Клавдія остались только двое въ домѣ дѣда; Николай женившись отдѣлился отъ отца.

Мой отецъ Т. Е. уѣхалъ въ Карачевъ и въ другіе города зимою въ 1841 г., по желанію дѣда, чтобы лично познакомиться со всѣми довѣрителями. Онъ пробылъ тамъ болѣе мѣсяца, и вотъ что ему писалъ изъ С.-Петербурга его братъ Н. Т. отъ 21-го декабря:

«Провизія у насъ очень худа, да и мало привезли, потому что до 19-го числа сего мѣсяца была дождливая погода, а которая и есть, то половина испортилась. Свинину лучшую 8 рублей ассигнаціями можно купить, гуси 5 рублей пара, куры 1 руб. 20 коп. штука, баранина 6 рублей, солонина 5 рублей 50 коп., масло коровье 18 рублей, говядина 7 рублей, и все, правду сказать, гнилое.

«У насъ военный генералъ-губернаторъ новый, бывшій наслѣдника дядька Кавелинъ, и говорятъ, что предобрый человѣкъ, и Кокошкинъ тоже перемѣнился».

Отъ того же числа жена дѣда пишетъ сыну:

«Здѣсь у насъ все растаяло, будто на страстной недѣлѣ».

Далѣе Н. Е. снова сообщаетъ петербургскія новости:

«Протопопа Знаменскаго понизили, такъ что о. Яковъ теперь главнымъ, даже въ Николинъ день о. Яковъ принималъ присягу на старшинство. Жалѣютъ очень семейство протопопа, онъ самъ твоему тестю (бывшему старостой въ то время) говоритъ, что этимъ убьютъ его, а, можетъ быть, и не поправятъ еще. Онъ говорилъ, самъ не знаетъ за что; говорятъ, Якова возвысили по именному указу».

Въ то время завязалась вражда между прихожанами церкви Знаменія Пресвятой Богородицы изъ-за священниковъ, служившихъ въ ней. Часть стояла за протоіерея, а другая часть за младшаго священника о. Іакова, и, какъ изъ письма видно, послѣдніе одолѣли первыхъ.

Моя мать пишетъ мужу, что Е. Т. скучаетъ безъ него, и жалуется на другого сына Н. Е., что послѣдній ничего не умѣетъ купить: «не то, что ты», добавляетъ она въ своемъ письмѣ.

Съ пріѣздомъ Т. Е., дѣдъ немного оживился, разспрашивалъ его о роднѣ, оставшейся въ Карачевѣ, о своихъ пріятеляхъ монахахъ, жившихъ теперь уже не въ Невской лаврѣ, а въ другихъ провинціальныхъ монастыряхъ.

Благодаря возвращенію Т. Е., больного посѣтили нѣкоторые изъ петербургскихъ биржевыхъ купцовъ, изумившихся происшедшей съ нимъ перемѣнѣ.

Постоянно брившійся Е. Т. запустилъ свою бороду, въ черныхъ кудряхъ его еще было мало сѣдины, тѣмъ не менѣе онъ сильно осунулся, и когда-то красавца дѣда трудно было узнать въ больномъ старикѣ.

Изрѣдка и его прежніе кліенты англичане присылали узнать о здоровьѣ Е. Т., чему дѣдъ каждый разъ радовался, какъ ребенокъ.

Память его немного ослабѣла на имена и фамиліи, но по лицамъ онъ сейчасъ же узнавалъ знакомыхъ.

Въ его старой записной книжкѣ отъ 1822 г. стоитъ:

«11-го февраля звали гостей, для угощенія куплено: корюшки сотня по 2 р. 20 к. ассигн., щукъ 25 рыбъ за 3 р. 75 к., свѣжей икры 5 ф. по 1 р. 30 коп. ассигн., бѣлуги по 45 коп. за фунтъ, паюсный икры 2 ф. по 50 к. асс».

Свѣжая икра 1 р. 30 к. асс., т. е. около 36 коп. за фунтъ сер., а паюсная 50 к. асс., т. е. 15 коп., и если сравнить настоящія цѣны, то получится разница громадная.

«Марта 2-го дня того же года. Купили 3 воза сѣна, пудовъ со сто сорокъ есть, за 58 рублей ассигн.».

17 р. сер. за 140 пудъ, т. е. по 12 коп. сер. за пудъ. Неслыханная теперь цѣна.

«Солонина 4 р. 50 к. асс. за пудъ», т. е. около 3 коп. сер. за фунтъ.

«Масло коровье 47 коп. асс. за фунтъ», т. е. около 14 коп. сер. за фунтъ.

«Цыгары гаванскія 24 р. 50 коп. асс. за 100 шт.», т. е. 7 р. сер., или 70 коп. десятокъ.

Съ переѣхавшими въ провинцію монахами дѣдъ не прекращалъ сношеній и часто черезъ сына, Т. Е., посылалъ имъ различные припасы въ родѣ сельдей, соленыхъ сиговъ и пр.

Вотъ что пишетъ одинъ изъ очень уважаемыхъ іеромонаховъ:

«По благодати Божіей начатый путь мой кончился благополучно, и полагаю основаніе при Божіей помощи въ монастырѣ Юрьевомъ, который и, кажется мнѣ, довольнымъ для меня будетъ спокойствіемъ. А что касается до его устроенія, какъ-то чиноположенія, простора для братства, несравненно превосходитъ Сергіеву пустынь. И точно скажу вамъ первое: по правилу общежитія все братство обезпечено съ головы до ногъ, но и сверхъ всего выдаютъ деньги. Второе: требы касательно панихидъ и молебновъ исполняетъ одинъ іеромонахъ, да ихъ и совсѣмъ мало. Третье: на флотъ такъ же берутъ и отселѣ, но отецъ архимандритъ сказалъ мнѣ: «тебя я, и не надоѣдай, не пошлю, у меня есть охотники». Теперь судите сами: чего же мнѣ и искать? По моей слабой силѣ и этого довольно мнѣ кажется, что переселился въ другой свѣтъ послѣ толикаго шума и гвалту». Дѣдъ очень радъ былъ получать подобныя письма, но, будучи не въ силахъ самъ отвѣчать на нихъ, просилъ кого нибудь другого.

Послѣдніе годы своей жизни дѣдушка былъ царскосельскимъ купцомъ, въ виду болѣе дешевой платы за гильдію. Своихъ привычекъ домашней жизни Е. Т., несмотря на болѣзнь, не измѣнялъ. Также

собирались къ нему по праздникамъ близкіе родные, то же молчаніе царило во время обѣда и ужина, и только костюмъ дѣда не перемѣнялся болѣе. Онъ, вмѣсто ситцевыхъ капотовъ, носилъ сѣрый суконный халатъ; голубиная охота исчезла изъ Полиловскаго дома: голуби всѣ были распроданы. Точно также не интересовали больного больше ни рысистые бѣга, ни кулачные бои. Съ нимъ вмѣстѣ ушли изъ кружка любителей послѣдняго спорта и другіе участники, и арена Бѣляева на Карповкѣ опустѣла.

Дочь Егора Тихоновича разсказываетъ: «Лучше другихъ домашнихъ понимать неясную рѣчь папеньки могла только я. Я умѣла его быстро успокоить, когда онъ волновался, видя, что его плохо понимаютъ. Иногда лѣтомъ его съ трудомъ усаживали на дрожки и медленно катали на острова».

Уничтоженіе въ 1844 г. офиціальнаго брака пеньки вызвало у него слезы, и хотя мой отецъ успокоилъ его, что на эту мѣру никто не согласится, дѣдъ съ трудомъ объяснилъ, что это первый шагъ къ уничтоженію нашего пеньковаго экспорта.

Это мнѣніе стараго знатока вполнѣ оправдалось послѣ.

Даже бостонъ былъ заброшенъ дѣдомъ; масло въ лампадѣ выгорало: Е. Т. приближался къ смерти.

Въ 1845 году, лѣтомъ, 20-го іюля, онъ послѣ обѣдни поѣхалъ на дрожкахъ къ своей дочери Т. Е., переѣхавшей въ свой небольшой домикъ тутъ же, на Петербургской сторонѣ. Пробылъ у нея довольно долго, заснулъ послѣ обѣда и вернулся домой.

Черезъ два дня, 23-го іюля, онъ внезапно вечеромъ почувствовалъ себя дурно, послѣдовалъ новый ударъ, и Е. Т. не стало.

Дѣда, согласно его желанію, похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ, гдѣ онъ уже раньше проіобрѣлъ себѣ мѣсто.

Послѣ смерти его, бабушка недолго владѣла домомъ; она продала его и деньги раздѣлила между сыновьями и дочерьми, исключая моего отца Т. Е., какъ уже получившаго свою долю въ видѣ дѣла, унаслѣдованнаго имъ отъ отца.

Дѣла по вывозу пеньки за границу, а равно и сала, продолжали оставаться крупными, и только послѣ Крымской войны они замѣтно стали сокращаться, вывозъ преимущественно перешелъ на хлѣбные товары, а пенька еще все-таки держалась, пока въ шестидесятыхъ годахъ былъ окончательно отмѣненъ офиціальный бракъ, и экспортъ ея сталъ сокращаться съ каждымъ годомъ, дойдя наконецъ до нынѣшняго минимума. Почти всѣ провинціальныя торговыя фирмы, занимавшіяся ею, исчезли, скоро даже не останется въ С.-Петербургѣ и воспоминанія о пеньковой торговлѣ, о блестящей порѣ ея процвѣтанія и о дѣятеляхъ по ея привозу изъ Украйны и экспорту за границу.

Въ этихъ далеко неполныхъ очеркахъ я старался помѣстить все, что болѣе или менѣе могло иллюстрировать и освѣтить бытъ петербургскаго биржевого купечества, хотя долженъ сознаться, что матеріаловъ для этого описанія существуетъ очень мало, при томъ же ихъ русское купечество неохотно соглашается предавать печати, хотя у нѣкоторыхъ лицъ изъ этой среды существуютъ крайне интересныя записки. Въ большинствѣ случаевъ масса воспоминаній, замѣтокъ, писемъ уничтожается совершенно безцѣльно.

Г. Т. Полиловъ (Сѣверцевъ).

СТРАНИЧКА ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРОЙ СТУДЕНТКИ.

ЛѢТО 1876 года; война Сербіи съ Турціей. Въ Петербургѣ сильное возбужденіе: газеты наполнены корреспонденціями съ Балканскаго полуострова, въ которыхъ сообщается о безпомощномъ положеніи сербовъ въ медицинскомъ отношеніи. Врачей нѣтъ, сестеръ милосердія нѣтъ, оперируютъ цырульники, раненые остаются безъ всякой помощи и т. д. Въ это время мы, слушательницы врачебныхъ курсовъ при медико-хирургической академіи, перешли на 5-й курсъ и два года уже изучали хирургію и другія медицинскія науки. Медицинское образованіе наше еще далеко не закончено, но во всякомъ случаѣ пользу мы принесемъ больнымъ и раненымъ.

Нѣкоторыя студентки нашего курса сильно заволновались, потеряли сонъ, аппетитъ и всецѣло отдались во власть одной идеѣ, одному стремленію—ѣхать, ѣхать и ѣхать! Правда, передъ глазами стоялъ призракъ: а если попадешь въ руки турокъ, особенно башибузуковъ? Они не пощадятъ, не посмотрятъ, что это медицинскій персоналъ. И такъ стоитъ ли жертвовать своей жизнью? Рѣшили, что стоитъ. Теперь вопросъ, какъ устроить поѣздку, а пока, не теряя ни минуты, заняться хирургіей живой и на трупахъ.

На каникулы домой мы, конечно, не поѣхали, посѣщали усиленно клиники профессоровъ Склифосовскаго и Богдановскаго; послѣдній у насъ хотя и не преподавалъ, но, несмотря на свою внѣшнюю суровость, охотно допустилъ до занятій въ своей клиникѣ. Въ это время тамъ работали въ качествѣ ассистентовъ и ординато-

ровъ нынѣ уже покойные П. Я. Мультановскій, П. В. Падисадовъ и Ю. Н. Ковалевскій; они очень охотно дѣлились съ нами своимъ опытомъ и знаніемъ. Въ то же время намъ удалось проникнуть въ Николаевскій госпиталь (тогда курсы находились еще при медицинской академіи) и устроить тамъ занятія по оперативной хирургіи на трупахъ.

Свободное отъ занятій время мы употребляли на розыски учрежденій, которыя бы насъ послали на войну.

Энергичнѣе другихъ въ этомъ отношеніи были Б—тъ и П—нъ. При этомъ мнѣ вспоминается одинъ комическій эпизодъ. Обѣ названныя студентки отправились въ Георгіевскую общину къ стоявшей во главѣ ея графинѣ Гейденъ съ просьбой, не пошлетъ ли ихъ община вмѣстѣ съ отправлявшимся въ Сербію отрядомъ. По дорогѣ строятся планы, какъ убѣдить графиню, нельзя ли склонить ее на согласіе предложеніемъ самыхъ скромныхъ условій, но тутъ Б. приходитъ въ голову, а что если община согласится послать не двухъ, а только одну,—она останавливаетъ П. уже въ воротахъ и задаетъ ей вопросъ: кто же изъ двухъ поѣдетъ, если пошлютъ только одну? Она, Б—тъ, считаетъ, что выборъ долженъ пасть на нее, такъ какъ ей первой пришло въ голову обратиться въ общину. П—нъ не согласна. Онѣ тутъ въ подворотнѣ спорятъ, не приходятъ къ соглашенію, отправляются все-таки къ графинѣ, но оказывается, что община не желаетъ послать ни одной.

Послѣ этого эпизода Б—тъ рѣшаетъ разстаться съ П. и предлагаетъ мнѣ соединиться съ ней для новыхъ поисковъ. Я предложеніе принимаю, и мы начинаемъ дѣйствовать. Въ ближайшіе же дни наши хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Петербургскій дамскій кружокъ въ лицѣ своей предсѣдательницы г-жи Граве соглашается насъ командировать. Другихъ студентокъ въ это же время согласился отправить Петербургскій благотворительный славянскій комитетъ, только подъ условіемъ, чтобы онѣ нашли врача-хирурга, который бы поѣхалъ во главѣ ихъ отряда. Онѣ предложили ѣхать съ ними военно-полевому хирургу О—му. Тотъ очень охотно согласился, освѣдомившись предварительно:

— А пресса за васъ?

На это послѣдовалъ немедленно отвѣтъ:

— За насъ, за насъ.

Объ этомъ справокъ предварительно никто, разумѣется, не наводилъ.

Рѣшили выѣхать мы всѣ въ одинъ день. Каждая изъ насъ запаслась непромокаемъ, который впослѣдствіи игралъ роль и простыни и одѣяла, гуттаперчевой подушкой, необходимымъ бѣльемъ и платьемъ. Большое затрудненіе было пріобрѣсти военнополевую хирургію Пирогова, ѣхать безъ которой казалось также бсмысленнымъ, какъ если бы мы оставили дома руки. Но и это препят-

ствіе устранено. Два-три экземпляра на толкучкѣ за высокую цѣну пріобрѣтены. Въ дорогу! Всѣ мы чувствовали себя довольными, бодрыми, удовлетворенными, счастливыми; всѣхъ соединяло общее, полезное, неотложное дѣло. На вокзалѣ насъ провожали и знакомые и незнакомые. Одна бѣдная старушка развязала узелокъ носового платочка, вынула оттуда рубль и, обратившись къ одной студенткѣ, начала просить ее, чтобы та взяла этотъ рубль. Та отказывалась, но старушка не отступала: «возьми, матушка, возьми и отъ меня рубликъ», пришлось взять.

Вотъ мы и въ Вѣнѣ. Здѣсь намъ нужно было сдѣлать остановку, такъ какъ намъ было сказано въ учрежденіяхъ, которыя насъ командировали, чтобы мы сдѣлали попытку получить въ Вѣнѣ въ русскомъ посольствѣ билетъ на безплатный проѣздъ въ Бѣлградъ. Остановившись въ гостиницѣ, мы немедленно отправили ѣхавшую въ нашемъ отрядѣ единственную сестру милосердія, г-жу Н—ву, въ посольство за справкой о билетахъ. Каково же было наше удивленіе, когда не болѣе какъ черезъ часъ г-жа Н—ва вернулась и, не говоря ни слова, высыпала на столъ кучу золота. Мы смотрѣли въ полномъ недоумѣніи, ничего не понимая. Видъ же у г-жи Н—ой былъ торжествующій, побѣдоносный. Когда она въ полной мѣрѣ насладилась нашимъ изумленіемъ и своимъ торжествомъ, она дала объясненіе: «Въ посольствѣ, говорила она, меня встрѣтили очень радушно, объяснили, что у нихъ никакихъ билетовъ на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, пароходамъ нѣтъ, но что они охотно выдадутъ деньги на дорогу. Имъ прислали 10.000 рублей для оказанія пособій Балканскимъ славянамъ, но такъ какъ они не сочувствуютъ этимъ славянамъ, то очень рады, что могутъ оказать пособіе русскимъ, ѣдущимъ въ Сербію, косвеннымъ образомъ часть денегъ такимъ образомъ достигнетъ своего назначенія».

Наконецъ мы вышли изъ состоянія оцѣпенѣнія. Нѣтъ, денегъ этихъ принять мы никакъ не можемъ. Мы вовсе не находимся въ такомъ положеніи, чтобы принимать пособіе. Деньги, хотя и скудныя, у насъ есть; чѣмъ оправдаемся мы и въ своихъ глазахъ и въ глазахъ учрежденій, насъ командировавшихъ, если примемъ эти деньги; нѣтъ, ихъ необходимо отправить обратно немедленно. Теперь настала очередь изумляться для Н—вой. Это была женщина, хотя и бывалая (она была сестрой еще въ Крымскую кампанію), но малообразованная и не развитая, ей казалось совершенно непонятнымъ, какъ можно отказываться отъ денегъ, если ихъ даютъ. Отрядъ нашъ состоялъ изъ двухъ докторовъ, женщинъ Бернскаго университета, еще не получившихъ тогда права практики въ Россіи, одного врача мужчины, 6-ти студентокъ и одной сестры милосердія Н—ой. Наши врачи присоединились къ ней, но исходя изъ другой точки зрѣнія: они боялись, какъ бы посольство не

обидѣлось. Долго мы спорили, убѣждая взаимно одна сторону другую, но каждый оставался при своемъ. Чѣмъ больше мы спорили и останавливались на этомъ вопросѣ, тѣмъ казалось намъ чудовищнѣе принять ничѣмъ не оправдываемое пособіе, только на томъ основаніи, что его даютъ. Въ концѣ концовъ мы все-таки одолѣли и заставили Н—ву отнести деньги обратно. Вернулась она надутая и съ нами не хотѣла разговаривать.

Дорога отъ Вѣны до Бѣлграда очень живописная. Наши студентки, почти всѣ сѣверянки, относились къ красотамъ природы вполнѣ равнодушно и дивились моему восхищенію. Я, какъ южанка, не нахожу высшаго наслажденія, какъ созерцаніе природы. Однажды только Б-тъ вдругъ заволновалась и вскрикнула: «смотрите, смотрите: Сава, Драва и Морава». Мы всѣ бросились къ окну и узрѣли объемистую лужу, изъ которой въ разныхъ направленіяхъ вытекали три грязныхъ потока. Мы ужасно хохотали надъ шуткой Б-тъ. Но вотъ и Бѣлградъ. На пароходѣ объявили, чтобы мы приготовили паспорты. Но на пристани, какъ только жандармы узнавали, что мы русскіе, пропускали насъ, не заглядывая въ паспортъ. Нѣсколько дней пришлось намъ прожить въ Бѣлградѣ, пока насъ отправили на театръ военныхъ дѣйствій. Столица Сербіи въ эту знаменательную для нея эпоху представляла собой мрачную картину. Все мужское населеніе, за исключеніемъ глубокихъ стариковъ и дѣтей, было на театрѣ войны. Женщины же, включая средніе и высшіе слои общества, по восточному обычаю, безъ мужчинъ обыкновенно не выходили на улицы, вслѣдствіе чего городъ казался буквально вымершимъ; улицы были совсѣмъ пустынны, тишина нарушалась нѣсколько разъ въ день музыкой, игравшей при погребальныхъ процессіяхъ похоронный маршъ. Какъ теперь, помню я этотъ трогательный мрачный мотивъ, буквально раздиравшій душу. Улица, по которой направлялась похоронная процессія изъ госпиталя, примыкала къ саду женской школы, которая отведена была намъ подъ квартиру. И вотъ, бывало, въ чудный лѣтній день сидишь въ саду, и при звукахъ похороннаго марша слезы начинаютъ градомъ литься изъ глазъ по лицу, и сдержать ихъ нѣтъ силъ.

Во время пребыванія въ Бѣлградѣ мы, согласно установившемуся обычаю, представлялись митрополиту Михаилу. Мы долго обсуждали, подходить ли подъ благословеніе или нѣтъ, и рѣшили не подходить, а просто здоровались за руку. Онъ угощалъ насъ чаемъ съ вареньемъ и вообще держалъ себя совсѣмъ просто и разговаривалъ, какъ добрый товарищъ. Благодарилъ насъ за сочувствіе къ его родинѣ и на прощанье напутствовалъ добрыми пожеланіями.

Секретаремъ посольства былъ въ то время Ладыженскій. Какъ онъ, такъ и жена его были замѣчательно гостепріимные люди. Они широко раскрыли двери своего дома для всѣхъ русскихъ и одина-

ково радушно принимали, не разбирая, были ли то люди съ положеніемъ и вѣсомъ въ обществѣ, или это были лишь бѣдныя студентки.

Но вотъ насталъ конецъ нашему томленію и нетерпѣнію. Намъ объявили, что мы можемъ отправляться въ госпитали, на перевязочные пункты. Большинство студентокъ уѣхало въ армію Черняева. Я же поѣхала съ проф. Тауберомъ, тогда еще молодымъ врачемъ, въ г. Чупрію, въ госпиталь. По дорогѣ намъ нужно было заѣхать въ Крушевацъ, такъ какъ Тауберъ имѣлъ порученіе осмотрѣть тамъ одного раненаго въ ногу полковника и, если окажется нужнымъ, оказать ему оперативное пособіе. Въ Крушевацѣ мы провели дня два, и тутъ между прочимъ подвернулся одинъ здоровенный сербъ, которому нужно было отнять большой палецъ на рукѣ. Д-ръ Тауберъ предложилъ мнѣ сдѣлать эту операцію. За недостаткомъ времени операція должна была производиться безъ хлороформа. Я взяла ножъ въ руки и ѐле успѣла сдѣлать разрѣзъ кожи, какъ мой здоровенный сербъ закричалъ благимъ матомъ, а у меня моментально ножъ выпалъ изъ рукъ, и д-ръ Тауберъ тутъ же изрекъ приговоръ: «не быть вамъ никогда хирургомъ». Приговоръ этотъ, однако, оправдался не вполнѣ.

Водворились мы въ Чупріи, гдѣ д-ру Тауберу было поручено завѣдываніе госпиталемъ, состоявшимъ изъ одного барака; въ этотъ госпиталь поступали исключительно самые тяжело раненые. Къ 5 ч. утра мы обыкновенно бывали уже въ госпиталѣ и работали до 12, послѣ чего полагался отдыхъ до 4-хъ, включая и обѣдъ; послѣ обѣда мой отдыхъ заключался въ томъ, что я брала руководство къ военнополевой хирургіи Пирогова и буквально съ жадностью глотала его; съ 4 ч. опять работа въ госпиталѣ до 7, и такъ ежедневно. Но вотъ черезъ нѣсколько времени въ Чупріи появилось два студента: одинъ, А. В. Поповъ, изъ Петербурга, а другой Васильевъ, студентъ Вѣнскаго университета. Поповъ началъ работать въ нашемъ госпиталѣ, а Васильевъ направлялся на перевязочный пунктъ. Онъ соблазнилъ и меня поѣхать съ нимъ, увѣряя, что тамъ и есть самое живое дѣло. Отъ Чупріи до Алексинаца доѣхали мы на лошадяхъ. Остановились въ гостиницѣ и узнавъ, что въ день нашего пріѣзда было сраженіе, мы рѣшили немедля отправиться на перевязочный пунктъ. Одинъ штабный офицеръ вызвался насъ проводить на перевязочный пунктъ, гдѣ уже работали наши студентки. Перевязочный пунктъ отстоялъ отъ Алексинаца верстъ на 10—15. Какъ хороша здѣсь природа: живописные лиственные лѣса, обрывы, ручьи, горы! Часть пути приходилось итти пѣшкомъ, такъ какъ не вездѣ можно было благополучно проѣхать верхомъ. На перевязочномъ пунктѣ во время нашего пріѣзда работы еще почти не было, такъ какъ битва только недавно началась. Черезъ какой нибудь часъ мы снялись съ этого

пункта и переселились нѣсколько дальше. Произошло это вслѣдствіе того, что турки пустили зарядъ прямо въ флагъ съ краснымъ крестомъ, который былъ поднятъ высоко и долженъ былъ служить путеводнымъ маякомъ для раненыхъ. Какъ только снарядъ разорвался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, никого, къ счастью, не ранивъ, начальникъ нашего перевязочнаго пункта, покойный д-ръ Щербакъ, сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ перенесеніи перевязочнаго пункта на разстояніе внѣ пушечнаго выстрѣла. Мои товарки были уже обстрѣляны, я же была въ такой перестрѣлкѣ впервые и, помню, не заставила себя особенно просить, а очутилась въ каретѣ краснаго креста первой. Карета эта не что иное, какъ выкрашенный ящикъ, поставленный на дроги, съ изображеніемъ краснаго креста. Впослѣдствіи и я не испытывала никакого страха, что доказываетъ, какую роль въ дѣлѣ храбрости играетъ привычка.

Мы имѣли pied à terre въ Алексинацѣ и каждый день ѣздили туда. Такъ какъ перевязочный пунктъ былъ раскинутъ обыкновенно въ лѣсу, то въ томъ, то въ иномъ пунктѣ, поэтому мы возвращались часамъ къ 8 вечера въ Алексинацъ и ночевали тамъ. Къ 8 часамъ мы торопились пріѣхать потому, что если опаздывали 15 мин., то уже въ гостиницахъ обыкновенно ничего горячаго не находили, такъ какъ все къ этому времени было уничтожаемо легіонами офицеровъ. Послѣ 8 ч. мы могли только получить овечій сыръ (кашковалъ) и черный кофе съ гущей и мухами. Мы часто иронизировали и обращались къ прислугѣ такъ: «Молимъ васъ, да дадите мнѣ церна кава съ муфами». Въ отвѣтъ на это получали чашку кофе отъ ухмылявшагося слуги. Подъ ночлежное помѣщеніе намъ было отведено зданіе, въ которомъ только передъ нами помѣщались солдаты. Кроватей не было, а вся мебель исчерпывалась длинными скамьями, ширина досокъ которыхъ была отъ 8 до 10 вершковъ; эти скамьи и служили намъ вмѣсто кроватей. Окна были разбиты, и спать было ужасно холодно, такъ какъ ночи были холодныя. Одѣялъ у насъ съ собой не было, простынь тоже, и мы завертывались въ широкіе непромокаи, которые намъ служили и простыней и одѣяломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общимъ согрѣвающимъ компрессомъ. Но Боже сохрани, если вы задвигаетесь и при этомъ немного развернетесь, ваше влажное тѣло охлаждается, и вы начинаете мучиться отъ холода, пока опять не согрѣетесь. Но это все ничто сравнительно съ тѣми мученіями, которыя намъ причиняли вскормленныя, оставленныя намъ въ наслѣдство солдатами, различныя домашнія насѣкомыя. Блохи достигали такихъ размѣровъ, какихъ впослѣдствіи никогда не приходилось видѣть. Если бы была выставка этихъ насѣкомыхъ, наши алексинацкіе мучители, конечно, получили бы пальму первенства. Когда впослѣдствіи въ наше распоряженіе былъ доставленъ походный баракъ, разставленный въ

лѣсу, въ которомъ мы, однако же, спали не раздѣваясь, такъ какъ въ этой же палаткѣ приходилось спать и врачамъ, мы чувствовали себя такъ, какъ будто поселились во дворцѣ. Вообще въ Сербіи перевязочный пунктъ былъ поставленъ въ очень неблагопріятныя условія. Всегда по правиламъ, когда войска рѣшаютъ отступить, даютъ знать перевязочному пункту, затѣмъ отступаетъ обозъ и тогда только войска. Тамъ было совсѣмъ не такъ. Войска бѣгутъ назадъ (или по-сербски—натракъ), обозы тянутся, а перевязочный пунктъ остается на мѣстѣ. И когда раза два начальникъ перевязочнаго пункта сдѣлалъ распоряженіе объ отступленіи въ виду неминуемо угрожавшей опасности, начальникъ корпуса отдалъ приказъ, въ которомъ онъ угрожалъ разстрѣлять начальника перевязочнаго пункта, если перевязочный пунктъ снимется съ мѣста безъ приказанія съ его стороны. Слѣдствіемъ такого односторонне-справедливаго распоряженія были слѣдующіе эпизоды. Въ то время перевязочный пунктъ нашъ былъ расположенъ въ мѣстности, называемой Кауникъ; мы занимали брошенную сербами гостиницу. По всему видно было, что турецкая артиллерія производитъ полный разгромъ сербской арміи. Раскаты пушечныхъ выстрѣловъ точно громомъ наполняли всю атмосферу. Раненые доставлялись на пунктъ въ ужасномъ видѣ—съ оторванными конечностями, вырванными и вывороченными внутренними органами. Помню одного здороваго серба, у котораго была оторвана нога, рука и буквально разворочена печень. Онъ былъ очень возбужденъ, и въ то время, когда ему оказывали медицинское пособіе безъ наркоза, онъ курилъ и говорилъ, говорилъ безъ умолку, не чувствуя ни малѣйшей боли. Войска бѣгутъ въ паническомъ страхѣ мимо насъ. Обозы тянутся, мы же остаемся на своемъ посту и продолжаемъ работать. Какъ вдругъ въ самый центръ перевязочнаго пункта прилетаетъ на конѣ главный врачъ арміи, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія въ Сербіи, и кричитъ: «скорѣй, скорѣй отсюда! Здѣсь кругомъ кишатъ черкесы». Легко это было сказать, но, охъ! какъ трудно сдѣлать. Мы ни при какихъ обстоятельствахъ не двигались съ мѣста, пока не отправимъ послѣдняго раненаго. И тутъ мы должны были перевязать и уложить всѣхъ раненыхъ, отправить ихъ и только тогда пуститься въ путь, который былъ до такой степени загроможденъ обозомъ, что мы могли только тянуться за нимъ. Не проѣхали мы и часа, какъ, поднявшись нѣсколько въ гору, мы узрѣли зданіе, которое служило намъ пристанищемъ, и которое только-что покинули, все объятое пламенемъ. Нужно было время, чтобы весь домъ запылалъ; очевидно, что нѣсколько минутъ насъ раздѣляли отъ нашествія башибузуковъ на пунктъ. Раненыхъ было такъ много и всѣ такъ тяжело, что когда мы уложили и отправили всѣхъ раненыхъ, то оказалось, что для насъ не осталось ни одной повозки, и мы пристраивались, какъ попало и какъ случится. Я, напримѣръ,

очутилась въ одной повозкѣ съ какимъ-то венгерскимъ врачомъ, котораго видѣла впервые; куда мы ѣхали,— никакого понятія не имѣли. Было уже совсѣмъ темно, когда мы прибыли въ какое-то селеніе, никто не зналъ куда, въ сербское ли, въ турецкое ли. Во всякомъ случаѣ, мы рѣшили сдѣлать остановку. Оказалось, что селеніе сербское, и что сюда прибыла раньше насъ масса раненыхъ пѣшеходовъ и продолжаетъ прибывать. Тогда мы съ венгерскимъ врачомъ разбили перевязочный пунктъ и начали работать. Конечно, перевязочнаго матеріала у насъ не было. Тѣ изъ немногихъ жителей, которые не покинули еще селеніе, приносили намъ цвѣтныя, большею частію, темносинія простыни, другія принадлежности бѣлья, и мы пользовались этими матеріалами для перевязокъ. Солому употребляли для неподвижныхъ повязокъ вмѣсто гипса и лубковъ. Проработали всю ночь и только утромъ освободились. Въ этомъ селеніи была телеграфная станція, и мы, благодаря телеграфу, уже знали, что нашъ перевязочный путь находится въ Делиградѣ; куда мы и направились, такъ какъ отъ Алексинаца армія была уже отрѣзана. На другой день въ Делиградѣ мы всѣ очень радостно встрѣтились, такъ какъ порядочно безпокоились другъ о другѣ. Въ это время въ Делиградѣ было буквально столпотвореніе вавилонское. Масса офицеровъ, медицинскаго персонала и всякой другой публики находилась въ полномъ недоумѣніи, что̀ будетъ дальше.

Путь между Алексинацемъ и Делиградомъ въ значительной степени былъ во владѣніи башибузуковъ, то и дѣло привозили то раненныхъ, то зарѣзанныхъ на упомянутой дорогѣ. При такихъ обстоятельствахъ наши двѣ студентки Б—ва и К—е задумали ѣхать въ Алексинацъ за своими чемоданами, которые тамъ остались. Сколько ихъ ни уговаривали, онѣ, особенно Б—ва, оставались непреклонными и поѣхали. Нѣсколько часовъ ихъ отсутствія мы провели въ большомъ трепетѣ и страхѣ. Но наконецъ къ вечеру онѣ благополучно вернулись. Вѣроятно, до ихъ поѣздки успѣли уже нѣсколько оградить путь и очистить его отъ башибузуковъ. Въ видѣ военнаго трофея онѣ привезли свои чемоданы.

Изъ Делиграда нашъ перевязочный пунктъ былъ отправленъ въ Дьюнисъ, и здѣсь скоро разыгралось рѣшительное и послѣднее сраженіе, разгромившее сербовъ. Если бы не своевременное вмѣшательство Россіи, то турки были бы черезъ нѣсколько дней въ Бѣлградѣ.

Съ чувствомъ удовлетворенія вспоминаю, что въ Сербіи былъ всегда избытокъ въ перевязочномъ матеріалѣ, въ бѣльѣ для раненыхъ и въ концѣ концовъ и медицинскомъ персоналѣ. Въ разныхъ пунктахъ были разсѣяны склады съ бѣльемъ и перевязочнымъ матеріаломъ, присланнымъ изъ другихъ государствъ Европы. Склады находились отъ перевязочнаго пункта на разстояніи 15—20 верстъ. Въ свободные отъ сраженія дни, а такихъ дней был

немало, мы ѣздили въ склады и тамъ забирали все, что требовалось. Каждый изъ нашихъ раненыхъ получалъ не только медицинскую помощь, но еще былъ обмытъ отъ крови и пыли и одѣтъ вмѣсто грязной пропитанной кровью рубашки, торчавшей какъ картонъ, въ чистое свѣжее бѣлье и тогда только отпускаемъ въ дальнѣйшее слѣдованіе къ госпиталю.

Не то, къ сожалѣнію, было въ Болгаріи въ русско-турецкую войну, гдѣ мнѣ пришлось быть въ слѣдующее 1877 года лѣто. Тамъ зачастую чувствовался огромный недостатокъ не только въ медицинскомъ персоналѣ, но и въ пищѣ для раненыхъ.

На этотъ разъ я не имѣю въ виду касаться воспоминаній о русско-турецкой войнѣ, но не могу умолчать объ одной очень печальной страницѣ этой эпохи.

Госпиталь нашъ находился возлѣ деревни Девешко-Село и былъ ближайшимъ къ перевязочному пункту подъ Плевной. Разсчитанъ онъ былъ только на 600 коекъ съ соотвѣтствующимъ этому числу низшимъ и высшимъ медицинскимъ персоналомъ и инвентаремъ.

Не трудно представить себѣ, въ какомъ положеніи очутился госпиталь, послѣ страшнаго разгрома подъ Плевной, когда въ него прибыло около 9.000 раненыхъ. Легко раненые послѣ перевязки направлялись дальше въ Систово, но тяжело раненые (раны въ полости черепную, брюшную и грудную) неизбѣжно должны были оставаться здѣсь. И вотъ между палатками, вмѣстившими въ себѣ только 600 человѣкъ, вдоль и поперекъ на голой землѣ сложены были раненые въ такомъ количествѣ и тѣснотѣ, что ходить нужно было очень осторожно, чтобы не наступить на нихъ.

Въ эту войну повторилось то же, что наблюдалъ Н. И. Пироговъ во время Крымской кампаніи: легко раненые проталкивались на перевязку первые, тяжелые же, лишенные возможности къ передвиженію, оставались долгое время (день, два) безъ помощи, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были свалены. Профессоръ Склифосовскій, очень энергичный и неутомимый работникъ, взявшій на себя сначала самую важную, по его мнѣнію, работу діагносцировать и классифицировать раненыхъ, когда убѣдился, что мы примѣнились къ этой работѣ, часто возлагалъ ее на насъ, самъ же отправлялся въ ряды раненыхъ, выбиралъ болѣе тяжелыхъ и нуждавшихся въ неотложной помощи, подъ своимъ руководствомъ укладывалъ ихъ на носилки и доставлялъ въ перевязочную или операціонную палатку. Изъ ограниченнаго медицинскаго персонала, разсчитаннаго на 600 человѣкъ, нѣсколько врачей постоянно отсутствовало по болѣзни, такъ какъ въ то время свирѣпствовали сильнѣйшая диссентерія и лихорадки, не щадившія и врачей. Н. В. Склифосовскій могъ работать буквально по 24 часа въ сутки и поощрялъ къ работѣ и другихъ. Живо вспоминается, какъ, проработавши день-деньской, мы уже поздно вечеромъ съ фонарями

въ рукахъ обходили вмѣстѣ съ Николаемъ Васильевичемъ лагерь, взбирались на телѣги, гдѣ лежали раненые, и оказывали имъ посильную и неотложную помощь. Итакъ, ни персонала, ни телѣгъ для транспортировки раненыхъ не хватало, но что всего страшнѣе—нечѣмъ было ихъ кормить. Доставленные въ госпиталь раненые оказались неѣвшими по 2—3 дня (1-й день—битвы, 2-й день—на перевязочномъ пунктѣ и 3-й—въ дорогѣ), здѣсь ихъ также было нечѣмъ кормить за недостаткомъ провизіи и посуды. Только къ вечеру стали разносить какую-то коричневую жидкость съ 3—4 зернами гречневой крупы, но очередь и такого продовольствія доходила до многихъ черезъ день и позднѣе; не удивительно поэтому, что многіе умирали не отъ ранъ, а отъ истощенія и голода.

Палатка-столовая для врачей была разбита тутъ же въ госпиталѣ, и вотъ, какъ только возьмешь кусочекъ мяса въ ротъ и при этомъ невольно подумаешь о массѣ голодныхъ кругомъ, глотательныя мышцы приходятъ въ такое судорожное состояніе, что проглотить пищу рѣшительно не въ состояніи. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ встанешь и уйдешь изъ столовой.

Вѣроятно, мѣстами и госпитали пустовали и медицинскій персоналъ былъ въ избыткѣ, только все это было не тамъ, гдѣ въ данное время было нужно.

Н. Драгневичъ.

ПО СЛѢДАМЪ ГОЛОДА[1].

(Изъ воспоминаній очевидца).

XX.

Хорошіе люди.—Когда мнѣ не было стыдно.

ЗАѢХАЛЪ въ экономію одного нашего крупнаго помѣщика. Послѣдняго не было дома, и мнѣ пришлось имѣть дѣло съ экономическимъ старостой.

Покончивъ все, зачѣмъ я пріѣхалъ, я собирался уже ѣхать изъ экономіи, какъ мое вниманіе было обращено на идущій въ дверь экономіи народъ—ребятъ, стариковъ и старухъ.

— Развѣ у васъ есть въ экономіи столовая?—спросилъ я старосту.

— Какъ же-съ... Завели господа... Забавляются...—иронически улыбнулся онъ.—Ребятишекъ да стариковъ питаемъ мы... Нельзя-съ: голодаючіе-съ...

Я опять слѣзъ съ тарантаса и отправился въ ту дверь, куда скрывались «голодаючіе».

Они пѣли молитву и затѣмъ сѣли за столъ.

За порядкомъ слѣдила какая-то молодая дѣвушка, которой я издали поклонился.

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 154.

Во время обѣда она внимательно смотрѣла за раздачей варева и каши, ласково разговаривала съ ребятами, гладила нѣкоторыхъ по головѣ.

— Вы завѣдуете столовой?—спросилъ я, подходя къ ней.

— Да, я присматриваю,—отвѣчала она.

Когда обѣдъ кончился, обѣдающіе поднялись и, опять пропѣвъ молитву, гурьбой стали выходить изъ столовой.

— Антоша... Аксюша...—крикнула вслѣдъ имъ дѣвушка.

Мальчикъ и дѣвочка въ оборванныхъ и дырявыхъ рубашенкахъ остановились и воротились на зовъ.

— Вотъ вамъ... нá-те,—протянула она имъ что-то свернутое изъ дешевой пестрой матеріи.—Успѣла вамъ сшить...

Глазенки ребятишекъ вспыхнули отъ радости, когда они принимали эти свертки.

— Ужо мамку пришлю... Пусть поблагодаритъ тебя получше...—сказалъ, уходя, бутузъ.

— Это вы что имъ дали?—полюбопытствовалъ я.

— Да вотъ сшила имъ по рубашенкѣ... Видите, какіе они оборванные,—просто объяснила она.

Я раскланялся съ нею, пожалъ ей руку и вышелъ изъ столовой.

Выйдя на дворъ, я вспомнилъ, что чуть было не забылъ, что мнѣ надобно сходить въ волостное правленіе. Велѣвъ ямщику дожидаться, я отправился туда и, сдѣлавъ что надо, вернулся назадъ.

Когда я шелъ назадъ, я нагналъ какую-то бабу, шедшую тоже въ экономію.

— Куда идешь, бабушка?—спросилъ я её на ходу, чтобы только спросить что нибудь.

— Къ Ѳедосьѣ Ивановнѣ, касатикъ, иду... Поблагодарить её... Давичась мому мальчонкѣ рубашеночку она подáрила...

— Развѣ изъ своей матеріи она дѣлала?

— А какъ же?.. Изъ своей... Да она не одного у насъ такъ-то обшила... Многихъ... Спасибо ей... Такая добрая, дай ей Богъ хорошаго...

— Добрая, значитъ?

— Такая добрая, что ужъ и сказать нельзя... Ужъ такая-то добрая...

Когда я входилъ на дворъ, въ воротахъ показалась телѣга, прикрытая грязной парусиной. Острый специфическій запахъ мяса ударилъ мнѣ въ носъ. Около входа шелъ экономическій староста и какой-то мужичекъ.

— Что-жъ ты съ ней, братецъ мой, подѣлаешь?.. Далъ ей баринъ волю, вотъ она и фордыбачитъ... Я ужъ ей и на кофту трипу обѣщалъ, какъ ты говорилъ... Не дается на подладъ, што ты хочешь... «Не травить же мнѣ,—говоритъ,—твоей тухлой говя-

диной народъ»... Да они и тухлой-то никогда не видятъ въ сытое-то время...

Увидавъ меня, онъ прекратилъ свое повѣствованіе и обратился ко мнѣ:

— Исправили все?

— Да,—отвѣчалъ я.

И черезъ нѣсколько времени я уѣзжалъ изъ экономіи.

— А знаете, Василій Ларіоновичъ,—обратился ко мнѣ ямщикъ,—староста-то какую мину тутъ подводилъ?..

— Какую?

— Видѣли этого мужика-то съ мясомъ?

— Ну, видалъ.

— Онъ приходится деверемъ старостѣ-то... Мясничаетъ онъ... У него скопилось тухлаго мяса порядкомъ, вотъ онъ и вздумалъ его сюда въ столовую сбыть... Я тутъ подъ тыномъ лежалъ, около саду, а староста-то, я слышалъ, какъ уламывалъ барышню-то принять мясо... И улещалъ-то онъ ее, и на кофту-то обѣщалъ ей... На подладъ нейдетъ... «Жертвованныя деньги»,—говоритъ,—«святыя»... Такъ и отсталъ отъ нея ни съ чѣмъ староста...

— Ты не знаешь, кто она такая?

— Дать кто-жъ её знаетъ... Навѣрное, какая нибудь милосердая сестра...

— Скажите, пожалуйста, кто эта дѣвушка, завѣдующая столовой въ Зеленомъ посадѣ? — спросилъ я члена нашей земской управы по пріѣздѣ въ городъ.—Вы тамъ, кажется, были...

— А что? Или заинтересовались?... Не дуренъ вѣдь дѣвчецъ-то... Штучка невредная...

— Нѣтъ, не то,—отвѣчалъ я.

И разсказалъ ему про свое посѣщеніе экономіи Зеленаго посада.

Когда я окончилъ, членъ, ухватившись руками за бока, залился хохотомъ.

Я ничего не понималъ.

— Ну, батенька, попали же вы... Ха-ха-ха... Пожалъ руку... Ха-ха-ха... Ой, умру... Лида!—крикнулъ онъ въ сосѣднюю комнату.—Иди-ка сюда... Василій Ларіоновичъ-то какъ влопался...

— Что такое?—спросила вошедшая жена.

— Василій Ларіоновичъ у Селезневской горничной руку пожалъ...

И передалъ ей мой разсказъ.

Оба принялись хохотать.

Но мнѣ нисколько не было стыдно: я пожалъ руку хорошей дѣвушкѣ, болѣе честно относившейся къ принятымъ на себя добровольно обязанностямъ, чѣмъ многіе изъ «интеллигентныхъ людей», не побрезговавшихъ такъ или иначе поживиться около великаго народнаго бѣдствія, тѣмъ не менѣе побрезговавшихъ бы пожать руку горничной. Объ этихъ господахъ я разскажу въ другомъ мѣстѣ этихъ очерковъ.

XXI.

„Свое средствіе“.

Ко мнѣ на квартиру въ городѣ часто приходилъ одинъ старикъ-крестьянинъ изъ деревни Сергунькова—Иванъ Морозовъ. По происхожденію онъ былъ чувашенинъ, но онъ такъ мало имѣлъ въ своемъ лицѣ чувашскаго и такъ хорошо говорилъ по-русски, что незнающій не могъ бы причислить его къ этой народности.

Приходя ко мнѣ, онъ подолгу сидѣлъ на кухнѣ, гдѣ моя кухарка, хромая Катерина, поила его чаемъ, и мы разговаривали съ нимъ.

— Ну, что хорошаго, дѣдушка Иванъ?—спросилъ я его какъ-то въ началѣ неурожайнаго лѣта.

— Да что, Василь Ларивонычъ... Плохо... Дождевъ нѣту... Совсѣмъ нѣтъ дождевъ... За́сушь, видно, будетъ...

— Неурожай, пожалуй, будетъ?

— Это какъ разъ... Въ саму, тысть, пору...

— Какъ бы не было опять голода?

Дѣдъ Иванъ при этомъ глубоко вздохнулъ и даже измѣнился немного въ лицѣ.

— Ой, какое слово ты говоришь... Не дай Богъ... Какъ вспомнишь, какъ о ту пору народушко-то голодалъ, такъ мураши по кожѣ заползаютъ...

— Больно плохо было?

— Чего ужъ не плохо?.. Чуть не навозомъ питались... Вотъ каково тогда легко было...

Я присѣлъ у стола, и много безотраднаго о прошломъ голодѣ разсказалъ мнѣ дѣдъ Иванъ.

Между тѣмъ лѣто шло, а дождей все не было. Растительность въ полѣ начала желтѣть и увядать, земля трескалась. Болота и ручьи начали пересыхать.

Какъ-то разъ мнѣ пришлось ѣхать черезъ Сергуньково.

Проѣзжая вдоль улицы, я увидалъ сидѣвшаго на заваленкѣ дѣда Ивана.

— Здравствуй, дѣдушка,—сказалъ я, вылѣзая изъ тарантаса.

— Здравствуй, Василь Ларивонычъ. Куда ѣдешь?

Я сказалъ.

— А вѣдь плохи дѣла-то, дѣдъ.

— Это ты насчетъ засухи-то?

И онъ молча махнулъ рукой.

Я взглянулъ ему въ лицо, и мнѣ показалось въ глазахъ отчаяніе.

— Тысть такъ плохо, скажу я тебѣ, что ложись въ гробъ да помирай,—сказалъ онъ вслѣдъ затѣмъ.

— Неурожай будетъ.

— Безпремѣнно... Если бы, значитъ, хоть два дождичка, такъ больно бы хорошо было... Можетъ, какъ ни какъ, а поднялись бы мы духомъ-то... А то безъ дождя плохо...

— А что я скажу тебѣ, отецъ, — затѣмъ сказалъ онъ. — Вотъ теперича больно много на свѣтѣ развелось ученыхъ да хитрыхъ людей... Какихъ диковинъ не выдумали—и Бож-же ты мой!.. Пароходы эфти, чугунки, телиграмы... А вотъ вѣдь нѣтъ такого средствія, чтобы, значитъ, дождь изъ тучи снять...

— Пока нѣтъ, дѣдушка.

— И не будетъ,—вдругъ съ какимъ-то азартомъ сказалъ онъ.—Потому все эфто—и пароходы, и чугунки, и телиграмы—отъ нечистаго... А дождь-отъ—онъ Боговъ... До него нечистому далеко... Не попуститъ Онъ... Не попуститъ Онъ, Милостивецъ, чтобы бѣсовской выдумкой по-своему дождемъ играть... Ужъ тутъ Его воля... Какъ Онъ захочетъ, такъ и дѣлаетъ... Хочетъ пуститъ его съ неба—всю землю смочитъ... А прогнѣвается на насъ—засуху пошлетъ... Такъ-ту... Тутъ никакой бѣсовской выдумкой не помочь...

— А вотъ въ другихъ земляхъ пробуютъ же свести дождь съ неба на землю,—замѣтилъ я.

Дѣдъ Иванъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня.

— Ну, какъ поди... Брешутъ, вѣрно...

— Нѣтъ, зачѣмъ брешутъ..: Правда это. Изъ пушекъ въ тучу стрѣляютъ, разбиваютъ ее и сводятъ дождь.

Дѣдъ Иванъ недовѣрчиво продолжалъ смотрѣть на меня и затѣмъ сказалъ:

— Изъ пушки въ тучу стрѣлять?.. Статочное ли это дѣло?.. Грѣха-то тутъ сколько напринимаешься... Въ Божью тучу—и изъ пушки. Это, поди, нехристи какіе, турки али кто. Нѣтъ, православный этого не сдѣлаетъ...

Я распростился съ нимъ и уѣхалъ.

Въ концѣ іюня онъ былъ опять у меня.

Разговоръ завертѣлся опять около засухи.

— Видно, придется поголодать нонича,—съ грустью говорилъ онъ.—Прогнѣвали мы Господа Бога милостиваго... Прогнѣвали... За грѣхи наши все эфто...

Такія грустныя рѣчи мнѣ за послѣднее время приходилось часто слышать, и онѣ камнемъ ложились мнѣ на душу.

— Охо-хо,—вздохнулъ онъ:—видно, прошлый голодъ придетъ опять...

— Плохо было тогда, дѣдушка Иванъ?

— Плохо ли?.. И-и, батюшка... Да еще какъ плохо-то... По нашей деревнѣ только что навозъ не ѣли, а то все ѣли, что только жевать можно было... Прямо можно сказать—гнѣвъ Божій былъ... Какъ только не померли всѣ... Должно быть, по грѣхамъ Богъ и смерти не посылалъ по насъ...

— Придется теперь, видно, поголодать,—высказалъ я свое предположеніе.

— Отвратить надобно гнѣвъ Божій, — вдругъ сказалъ онъ. — Вотъ оно что...

— Какъ же отвратить-то?

— Да разное у насъ на деревнѣ толкуютъ, — уклончиво отвѣчалъ дѣдъ Иванъ.—Есть, говорятъ, такія средствія...

— Какія же это средствія?—заинтересовался я.

— А разныя есть средствія на это,—глядя куда-то въ сторону, отвѣчалъ дѣдъ Иванъ.—Разныя... свои средствія... деревенскія...

И какъ ни добивался я отъ него узнать, что это за «средствія», ничего не могъ отъ него добиться.

Черезъ нѣсколько времени мнѣ пришлось разговаривать въ городѣ съ однимъ знакомымъ землевладѣльцемъ.

— Вы слышали, что въ Сергуньковѣ было?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, не слыхалъ. А что?

— Да тамъ мужики покойника вырыли?

— Для чего?

— Опойца былъ онъ. А у нихъ примѣта есть такая, что опойца дождь задерживаетъ. Они въ предупрежденіе отъ засухи и вырыли его.

Я слыхалъ про это повѣрье.

«Вотъ про какое «средствіе» говорилъ дѣдъ Иванъ»,—подумалъ я.

И пожалѣлъ отъ души бѣдныхъ темныхъ обитателей Сергунькова.

Вскорѣ я проѣзжалъ черезъ эту деревню, и мнѣ пришла мысль поинтересоваться: не принималъ ли въ дѣлѣ участія и дѣдушка Иванъ?

Я велѣлъ остановиться около его избы.

Въ окно выглянуло испуганное лицо пожилой бабы.

— Слѣдственникъ...—послышался мнѣ ея испуганный голосъ.

— Дома дѣдушка Иванъ?—спросилъ я въ окно.

Въ послѣднемъ показалось лицо старухи.

— Кого надоть?—спросила она.

— Дѣдушка Иванъ дома?—повторилъ я вопросъ.

— Дѣдушка Иванъ? Нѣту его... дѣдушки Ивана-то...

— Гдѣ же онъ?

— А въ казематѣ онъ... дѣдушка-то Иванъ... Въ казематъ его взяли...

— Въ казематъ? За что же?

— А мужика тутъ одного изъ могилы вырыли наши... Ну, и ёнъ съ ними...

«Попался бѣдняга съ своими «средствіями»,—подумалъ я и пожалѣлъ о бѣдномъ старикѣ.

— А ты не слѣдственникъ будешь?—спросила меня баба.

— Нѣтъ, не слѣдственникъ. Я знакомый его буду изъ города.

— То-то... А я хотѣла было спросить тебя, не знаешь ли, когда въ казематъ пущаютъ повидаться съ нимъ.

— Нѣтъ, не знаю. А онъ какъ тебѣ приходится?

— Мужъ онъ мнѣ... Онъ хоть изъ чувашъ, а я русская, а всежъ онъ мужъ мнѣ...

Въ это время мимо насъ прошла молодая чувашка съ худымъ, загорѣлымъ лицомъ.

Она испуганно посмотрѣла на меня и прошла дальше.

— Вотъ и ея мужика тоже взяли,—сказала старуха, мотнувъ головою на нее.

— Тоже выкапывалъ покойника?

— Выкапывалъ...

— Плохо ейное дѣло,—затѣмъ сказала она.

— А что?

— Одинъ работникъ у ней мужикъ на всю семью былъ... Въ работникахъ онъ у земскаго былъ... Тѣмъ только и кормились... А теперь, какъ въ казематъ попалъ онъ, хоть по-міру съ ребятами иди...

— Многихъ въ казематъ забрали?

— Человѣкъ съ десятокъ.

Потуживъ еще со старухой о дѣдѣ Иванѣ, я поѣхалъ дальше.

Весной слѣдующаго года виновниковъ этого преступленія судили, многихъ присудили къ различнымъ мѣрамъ наказанія (къ какимъ—теперь уже не помню), нѣкоторыхъ оправдали. Въ числѣ оправданныхъ былъ и дѣдушка Иванъ.

На мой взглядъ старикъ еще болѣе постарѣлъ, осунулся и вышелъ изъ суда какой-то шатающейся, разслабленной походкой. Предварительная высидка за примѣненіе «собственнаго средствія» не прошла ему даромъ.

Къ сожалѣнію, я не видалъ больше дѣдушки Ивана, такъ какъ лѣтомъ этого года самъ захворалъ тяжелою болѣзнью и долженъ былъ оставить свою службу въ нашемъ уѣздномъ земствѣ, и не могъ разспросить его о подробностяхъ этого дѣла.

Школы въ Сергуньковѣ нѣтъ. Если не ошибаюсь, сергуньковцы просили земство дать имъ школу и чуть ли не хотѣли выстроить на свой счетъ помѣщеніе для нея, но земство почему-то отклонило ходатайство ихъ.

На уѣздномъ земскомъ собраніи этого года одинъ изъ нашихъ молодыхъ землевладѣльцевъ, поборникъ народнаго образованія, предложилъ открыть двѣ школы въ двухъ дальнихъ чувашскихъ селеніяхъ и въ числѣ аргументовъ, приводимыхъ имъ за необходимость школы въ этихъ селеніяхъ, указалъ на то, что чуваши одного изъ двухъ селеній вырыли, съ цѣлью предотвращенія засухи, покойника изъ могилы.

Но земское собраніе отклонило это ходатайство за неимѣніемъ на этотъ предметъ необходимыхъ суммъ. И, что всего замѣчательнѣе, предполагаемую смѣту отъ «излишнихъ расходовъ» защищалъ одинъ изъ тѣхъ землевладѣльцевъ, за которымъ числилось земскихъ недоимокъ чуть ли не болѣе всѣхъ.

Когда я вспоминаю о сергуньковской исторіи и о неимѣніи тамъ школы, то мнѣ всегда приходятъ на память предсмертныя слова Гете:

«Свѣта! Больше свѣта!»...

XXII.

На описи голодающихъ.

Я видѣлъ, что пріѣхалъ не во время, такъ какъ у крыльца управительскаго дома, который занималъ мой хорошій знакомый, Сапугольцевъ, управляющій имѣніемъ важнаго барина Маклецова, большой петербургской «шишки», жившаго здѣсь только по лѣтамъ, стояла тройка.

— Ѣдете, что ли, куда?—спросилъ я кучера, вылѣзая изъ своихъ саней.

— Въ Одоньево ѣдемъ,—отвѣчалъ тотъ, поднимая свою шапку и раскланиваясь со мною.

Въ это время на крыльцо вышелъ и самъ управляющій, полный мужчина средняго роста.

Мы поздоровались.

— Не во время я пріѣхалъ къ вамъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, отчего же... Я могу отложить поѣздку... Не къ спѣху... отвѣчалъ онъ.

— А вы по какому дѣлу въ Одоньево?

— Опись нуждающихся сдѣлать тамъ... Хлѣбный паекъ имъ будутъ выдавать тамъ. Я выбранъ попечителемъ нѣсколькихъ окрестныхъ селеній. Вотъ и думалъ было ѣхать туда сдѣлать опись. Ну, да еще отложимъ.

— Нѣтъ, къ чему же откладывать?—сказалъ я.—Мнѣ тоже хотѣлось бы на это посмотрѣть. Если не помѣшаю, такъ возьмите меня съ собою. А наше дѣло мы послѣ окончимъ.

— Чего жъ мѣшать? Если хотите, такъ ѣдемъ.

Мы сѣли въ сани и поѣхали.

Разговоръ, конечно, начался съ голода.

— Э-э, что голодъ!—говорилъ Сапугольцевъ.—Когда же мужикъ не голодалъ? Соберетъ хлѣбъ, продастъ излишекъ, чтобы уплатить подати, а самъ живетъ на оставшееся, котораго ему хватаетъ ровно до Срѣтенія или много до масленицы. А дальше по займамъ въ счетъ будущихъ хлѣба и работъ... И такъ вертится круг-

лый годъ, какъ бѣлка въ колесѣ... А теперешнее его положеніе такое же, какъ и обыкновенно, только немного похуже, конечно.

Мы скоро пріѣхали въ Одоньево и, остановившись на въѣзжей квартирѣ, велѣли позвать старосту.

— Вотъ что, староста,—сказалъ Сапугольцевъ:—мнѣ нужно сдѣлать опись наиболѣе нуждающихся. Ты возьми нѣсколько стариковъ, и мы пойдемъ по избамъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ староста.

И вышелъ вонъ.

Черезъ нѣсколько времени старики явились, и мы пошли.

Заходимъ въ одну избу.

Вся семья въ сборѣ.

— Ты желаешь получить паекъ?—спросилъ Сапугольцевъ хозяина дома, высокаго мужика, съ хмурымъ лицомъ.

— Такъ точно-съ... Желаемъ... Потому ребятишекъ больно много... Вонъ какая ихъ куча,—кивнулъ онъ головою на пятерыхъ бѣлоголовыхъ ребятишекъ, сгрудившихся около печки и исподлобья смотрѣвшихъ на насъ.

— Всѣхъ зиму-то не пропитаешь... А силовъ больше не хватаетъ стать.

— А какіе у тебя запасы есть?—спросилъ Сапугольцевъ.—Покажи-ка.

— Дыть какіе же запасы?.. Много ли ихъ?.. На мѣсяцъ, полтора, глядишь, хватитъ, а больше нѣтъ.

— Ну, все-таки покажи,—настаивалъ Сапугольцевъ.

Я оглянулся кругомъ.

Мнѣ показалось, что домъ дѣйствительно былъ бѣдный.

— Что жъ, извольте... Коли хотите — покажу,— произнесъ хозяинъ.

И онъ повелъ насъ въ клѣть.

Тамъ вдоль стѣнъ стояло нѣсколько мѣшковъ съ мукой.

Я разсчиталъ въ умѣ, что этого хватило бы на эту семью дѣйствительно не больше, какъ на мѣсяцъ, на полтора.

— А овощи какіе есть?—продолжалъ спрашивать Сапугольцевъ.

— Овощъ?.. Есть малость... Картошки тамъ, капуста... Да всего этого по малости...

— Покажи.

Хозяинъ повелъ насъ на погребницу.

Онъ откинулъ доски, закрывавшія входъ въ яму, и Сапугольцевъ полѣзъ самъ туда считать количество картофеля и капусты.

Показавшись опять на свѣтъ, онъ спросилъ, указывая на бродившую по двору худую лошадь:

— А животовъ сколько?

— Двѣ лошаденки есть, коровенка.

— Овцы, птица есть?

— Овцы?.. Нѣтъ... Ихъ еще по колесному пути продали.

— Ну, братецъ, ты все-таки богачъ,—сказалъ по нѣкоторомъ раздумьѣ Сапугольцевъ.—Тебя нельзя занести въ списки нуждающихся.

Я взглянулъ въ эту минуту на мужика.

Углы рта его дрогнули, и на лицѣ показалось что-то въ родѣ отчаянія.

— Да много ли этого, ваше благородіе?—жалобно сказалъ онъ вслѣдъ затѣмъ.—Вѣдь съ эфтимъ до весны не протянешь?..

— Зато у тебя двѣ лошади. Продай одну, если нужда подойдетъ.

— Да много-ль теперь за нее дадутъ?

— Есть и болѣе тебя нуждающіеся.

Мужикъ чуть не плакалъ, стоя передъ нами съ опущенными внизъ руками и головой...

У меня защемило сердце...

Мы вышли со двора.

— Но послушайте, Михаилъ Петровичъ,—сказалъ я ему:—вѣдь этихъ запасовъ ему не надолго хватитъ. А дальше-то что?

— Э, батенька,—отвѣчалъ онъ:—вѣдь я же говорю, что есть болѣе нуждающіеся, чѣмъ этотъ мужикъ. У него все же есть двѣ лошади и корова. Онъ въ сравненіи съ ними богачъ.

— Но, вѣдь, если онъ продастъ скотину, то онъ въ корень подорветъ свое хозяйство.

— Что же дѣлать?—пожалъ плечами мой собесѣдникъ.—Мы должны обращать вниманіе на наиболѣе нуждающихся.

И мы пошли дальше.

Вошли въ другой домъ.

Здѣсь было хуже. Запасовъ муки и овощей было очень-очень мало. У лошади сквозь кожу круто проступали ребра. Коровы, овецъ и птицы совсѣмъ не было.

— Этихъ-то вы, навѣрно, занесете въ списки?—спросилъ я Сапугольцева.

— Погодите,—съ хитрой улыбкой отвѣчалъ онъ:—мы еще поищемъ.

— А это что за сундукъ?—обратился онъ къ хозяевамъ, увидавъ стоявшій около печки сундукъ казанской работы.

— А это вотъ дѣвкино приданое,—отвѣчала хозяйка, указывая на молодую дѣвушку, стоявшую около печки.

— А ну-ка, покажи...

Баба отыскала ключъ и отперла сундукъ, откуда начала вынимать куски свернутаго въ трубки полотна, сарафаны, новые козловые башмаки, разноцвѣтныя бусы, маленькое зеркальце, простыни, вышитыя полотенца, юбки, что-то въ родѣ короткаго кафтана изъ синяго сукна съ сборками назади, даже кусокъ дешеваго яичнаго мыла.

— Ну, матушка моя, у васъ есть еще чѣмъ жить-то,—сказалъ Сапугольцевъ.—Я васъ въ списки не занесу.

— Да вѣдь это не станешь ѣсть, отецъ родной,—сказала баба.

— Ѣсть нельзя, такъ продать можно,—усмѣхаясь сказалъ Сапугольцевъ.

— Да вѣдь какъ же дѣвкино приданое станешь продавать?..Скольки годовъ копили—копили, а тутъ распродавай... Съ чѣмъ же дѣвка-то замужъ пойдетъ? — чуть не со слезами на глазахъ говорила баба.

Дѣвка заплакала и стала вытирать рукавомъ слезы.

— Не до приданаго тутъ, тетка, когда ѣсть нечего. Будетъ урожай, опять накопите,—сказалъ Сапугольцевъ.

И мы пошли дальше.

Сапугольцевъ вездѣ лазилъ по закромамъ, клѣтямъ, амбарамъ, печамъ, чуланамъ и погребамъ, не оставилъ неосмотрѣнными ни одной щели, ни одной каморки, высчитывалъ пуды муки, количество капустныхъ кочановъ и мѣшковъ картофеля, число головъ лошадей, коровъ, овецъ и птицы, у которыхъ она осталась, носильнаго платья и такъ далѣе.

Все это онъ строго оцѣнялъ и, сообразно кажущейся ему большей или меньшей степени нужды, вносилъ или не вносилъ въ списки нуждающихся.

«Вотъ»,—думалось мнѣ при этомъ, — «кажется, вѣдь и добрый человѣкъ, а съ какимъ недовѣріемъ, съ какой придирчивостью онъ относится къ нуждѣ. Чѣмъ это объяснить?»

Затѣмъ послѣ мнѣ приходилось немало видѣть такихъ людей, которые крайне критически относились къ заявленіямъ о нуждѣ. Они высчитывали чуть не каждое зерно хлѣба, чуть не каждый клочекъ сѣна, пукъ соломы. Козловые башмаки со скрипомъ у дѣвки, единственная щегольская вещь, о которой она мечтала, быть можетъ, много лѣтъ, уже служили для нихъ мѣриломъ извѣстной степени благосостоянія семьи, и, благодаря имъ, этотъ домъ рисковалъ не попасть въ списки нуждающихся. Лишняя лошадь или овца служили къ тому, что обладатели ихъ лишались пайка, и, чтобы заполучить его, крестьянинъ старался продажей ихъ устранить это препятствіе. Но такіе ретивые составители списковъ, какъ мой знакомый Сапугольцевъ, какъ-то легко смотрѣли на могущія быть отъ этой продажи печальныя послѣдствія для хозяйства, и лишняя лошадь не разрѣшала ихъ совѣсти (говорю это безъ ироніи) занести обладателя ея въ списокъ нуждающихся.

Подобное недовѣріе создалось несомнѣнно на почвѣ недовѣрія къ нуждѣ вообще и къ мужику въ частности. Даже жившіе бокъ-о-бокъ съ нуждою не видѣли или не хотѣли видѣть, по тѣмъ или другимъ причинамъ, истинныхъ ея размѣровъ. Или же они думали, что мужикъ хитритъ, преувеличиваетъ степень своей нужды, хо-

четъ сорвать въ свою пользу лишній кусокъ отъ казны или частныхъ вспомогательныхъ кружковъ. У попечителей—управляющихъ большими имѣніями, ежегодно крадущихъ тысячи у своихъ хозяевъ, и у землевладѣльцевъ, выгодно сбывавшихъ въ этотъ годъ залежавшійся у нихъ хлѣбъ и за которыми числятся тысячами, десятками тысячъ земскія недоимки, — вдругъ просыпались «нравственныя начала», и они считали своею прямою «нравственною обязанностью» ставить преграды «хищническимъ поползновеніямъ» мужика.

Но если, положимъ, мужикъ и обнаруживалъ подобныя «хищническія стремленія», то развѣ можно строго судить его за то, что онъ хочетъ внести въ свой голодный домъ лишній кусокъ, который могъ бы накормить его недоѣдающую семью? Пусть, кто безъ грѣха, броситъ въ мужика за это камнемъ. У меня же на это никогда не поднимется рука.

Благодаря такому воззрѣнію—вносить въ списки только тѣ семейства, гдѣ чуть ли не отсутствовало послѣднее зерно, гдѣ не было ни лошади, ни хомута, зачастую получалось то, что въ списки попадали тѣ мужики, у которыхъ дѣйствительно ничего не было, такъ какъ и быть не могло, благодаря ихъ лѣности и пьянству,—т.-е., попадали тѣ лица, которыя не имѣли никакого нравственнаго права на чужое состраданіе, на чужую помощь. Крестьяне же, у которыхъ замѣчалось нѣсколько побольше, не попадали въ списки, и, для того, чтобы добиться этого, имъ приходилось спустить что нибудь изъ живого или мертваго инвентаря, и такимъ образомъ ихъ хозяйства, вмѣсто того, чтобы быть поддерживаемыми, расшатывались въ корень.

Подобное недовѣріе, мнѣ кажется, имѣетъ историческое происхожденіе.

Мужикъ, бывшій нѣсколько вѣковъ въ рабствѣ и всего натерпѣвшійся отъ барина, питаетъ вѣковое недовѣріе къ послѣднему. Баринъ же послѣ эмансипаціи тоже пересталъ довѣрять своему бывшему рабу, инстинктивно чувствуя поползновеніе послѣдняго на свое добро. Почти же сорокалѣтняя борьба въ этомъ направленіи еще болѣе обострила эти отношенія—и вотъ теперь баринъ не вѣритъ въ степень нужды мужика, думая, что тотъ всѣми способами хитритъ, мужикъ же не вѣритъ, чтобы бо́льшая часть помощи, оказываемая ему въ этотъ голодный годъ, была безкорыстна. И вотъ, такимъ образомъ, создается взаимное недовѣріе, въ которомъ страдаетъ, конечно, болѣе всего мужикъ.

Нѣсколько недѣль спустя, я опять ѣхалъ въ уѣздъ.

— Что это у тебя — новый коренникъ? — спросилъ я у своего постояннаго ямщика, у котораго успѣлъ узнать всѣхъ его лошадей.

— Новый.

— Давно купилъ?

— Недавно. Мужикъ одинъ привелъ. «Купи, говоритъ, хорошая лошадь». «А почему продаешь?»—спрашиваю. «Да вишь ты, говоритъ, тутъ какая статья подошла. Двѣ ихъ у меня. А попечитель-то нашъ въ списокъ нашу семью не вноситъ. «Потому у тебя двѣ лошади»,—говоритъ. Вотъ я и удумалъ одну продать. Съ одной-то я могу паёкъ получить — и на семью, и на остающуюся лошадь. А то съ двумя-то животами по нонѣшнему времени бѣда одна: съ голоду съ ними помрешь»...

Этотъ парадоксъ въ устахъ мужика показался мнѣ чрезвычайно характернымъ и наводящимъ на многія невеселыя размышленія...

XXIII.

На конскомъ участкѣ.

— Не возьмете ли на себя часть моего участка?—сказалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ нашихъ землевладѣльцевъ Яблоновскій.—А то у меня очень великъ участокъ-то.

Я съ удовольствіемъ согласился, и черезъ нѣсколько дней онъ прислалъ мнѣ списокъ крестьянъ деревни Стародавней, нуждавшихся въ прокормленіи своихъ лошадей.

— Вы сначала провѣрьте списки-то. Кто ихъ знаетъ, можетъ быть, тамъ неточности какія найдутся,—сказалъ онъ мнѣ.

И въ слѣдующій свободный день я поѣхалъ въ Стародавнюю.

— Позовите старосту, — сказалъ я, остановившись на въѣзжей квартирѣ.

Староста скоро пришелъ.

— Надобно собрать народъ,—сказалъ я ему.

— Сходъ прикажете?

— Нѣтъ, не сходъ. А такъ человѣкъ съ двадцать, которымъ можно было бы вѣрить.

Староста ушелъ, и черезъ нѣсколько времени въѣзжая переполнилась народомъ.

— Я пріѣхалъ провѣрить списокъ домохозяевъ, нуждающихся въ пособіи для прокормленія лошадей,—сказалъ я.—Я буду говорить фамиліи, а вы рѣшайте, можно ли его включить въ число нуждающихся или нѣтъ.

— Дыть какъ сказать, ваше благородіе,—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.—Теперича, такъ сказать, мы всѣ, стало быть, нуждаючись.

— Все-таки надобно выдѣлить наиболѣе нуждающихся.

Я сталъ выкликать фамиліи и вскорѣ убѣдился, что списокъ составленъ кое-какъ. Въ него попали двухъ—и болѣе лошадные, хотя по положенію въ списки должны были зачисляться однолошадные.

— Больше никого нѣтъ?

— Дыть, кажись бы, что нѣтъ,—отвѣчалъ староста.

Я выдалъ квитанцію на первую получку казеннаго «лошадинаго пайка» (полтора пуда въ мѣсяцъ на голову) и уѣхалъ со двора.

Деревня Стародавняя была ближняя къ городу и не нуждалась въ этотъ годъ такъ, какъ селенія, расположенныя въ глубинѣ уѣзда. Жители ея занимались сбытомъ въ городъ различныхъ деревенскихъ продуктовъ, ямщичили и, какъ подгородные, были, конечно, на извѣстной степени благосостоянія. Я на далекомъ разстояніи, проѣзжая вдоль улицы, не видалъ ни одной раскрытой крыши.

Вдругъ въ концѣ одной улицы, на поворотѣ ея, я увидалъ бѣгущаго по направленію къ намъ крестьянина. Не успѣли мы поравняться съ нимъ, какъ онъ остановился, снялъ шапку и началъ отвѣшивать поклоны.

Я тронулъ своего ямщика въ спину, и лошади остановились.

— Ты что?—спросилъ я.

— Къ вашей милости, ваше благородіе... Будьте такъ-что отцомъ роднымъ,—кланяясь говорилъ онъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Нельзя ли меня въ нуждающіеся помѣстить?

— А какъ твоя фамилія?

— Смирновъ. Алексѣй Смирновъ.

Я вынулъ списокъ и сталъ просматривать его.

Алексѣя Смирнова тамъ не было.

— Стало быть, ты изъ ненуждающихся: тебя въ спискѣ нѣтъ,—сказалъ я.

— Что вы, ваше благородіе, отецъ милосливый... Какое изъ ненуждающихся... Да почитай такихъ, какъ я, и по всей деревнѣ мало... Лошаденка еле бродитъ... Настоящая шкилета...

Я рѣшилъ провѣрить его слова и велѣлъ ѣхать къ избѣ Смирнова.

— Вотъ извольте посмотрѣть, каковъ онъ есть одеръ-отъ,—указалъ Смирновъ на страшно исхудавшую лошадь, съ рельефно выступающими сквозь кожу ребрами и маклаками, съ торчащей клочьями шерстью и еле стоящую на тонкихъ ногахъ.

— Настоящая шкилета... Теперича и татары не укупятъ ее... Больше пятишны и не дадутъ за нее...

Я оглянулся кругомъ.

Почернѣвшая солома на навѣсѣ была въ очень ограниченномъ количествѣ. Остальную я увидалъ напиханной въ старую колоду и облитой водой, изъ чего получилась грязная, съ массой землистыхъ частицъ, жижа. Ни коровъ, ни овецъ, ни птицъ не было видно.

— Хорошо, я занесу тебя въ списокъ,—сказалъ я.

Смирновъ сталъ кланяться и благодарить.

— А рядомъ-то что дѣлается!—сказалъ ямщикъ, когда я вышелъ за ворота.—Мужики лошадь къ потолку тянутъ.

Я не понялъ его и пошелъ самъ посмотрѣть.

При входѣ въ калитку мнѣ представилась слѣдующая картина.

Подъ навѣсомъ стояла, растопыривъ всѣ четыре ноги и имѣя наклонность упасть, истощенная рыжая лошадь. Подъ брюхо ея были поддѣты двѣ мочальныя веревки, одинъ конецъ которыхъ былъ прикрѣпленъ къ балкѣ, а другой перекинутъ черезъ нее, и за него снизу тянули, стараясь подтянуть повыше животное, двое мужиковъ. Третій мужикъ подпиралъ ее подъ бедра, упираясь руками въ выдающіеся маклаки таза.

— Ташши, ташши, Василичъ...—хриплымъ голосомъ кричалъ одинъ изъ тащившихъ мужиковъ, совсѣмъ повиснувъ на веревкѣ.

То же самое сдѣлалъ и другой.

Лошадь безпорядочно тыкала своими ослабѣвшими ногами въ разныя стороны, стараясь найти себѣ точку опоры, но не находила и только безсильно тыкала ими.

При моемъ входѣ мужики только мелькомъ взглянули на меня и продолжали тащить.

Вдругъ послышался трескъ, мочальная веревка не выдержала, и лошадь грузно упала на землю.

Мужики въ безсиліи опустили руки, и третій, который подпиралъ лошадь подъ бедра, вытаскивалъ свою правую ногу, которую придавила ему упавшая лошадь.

Я подошелъ къ нимъ.

— Что, ослабѣла?—спросилъ я.

— На ногахъ не стоитъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.—Вторыя сутки валяется... Какъ не отощать, коли и солому-то въ обрѣзъ даешь!..

— Денъ пять тому назадъ хоть по вѣтру-то шла... А теперича и на то силы нѣту,—сказалъ другой мужикъ.

— Муки на посыпку развѣ нѣтъ?

Про сѣно я не спрашивалъ, такъ какъ въ тотъ годъ ни у кого его не было.

— Гдѣ тутъ! — махнулъ рукой мужикъ.—Еле себѣ хватаетъ... Гдѣ тутъ скоту!..

Я полѣзъ въ карманъ за спискомъ.

— Какъ твоя фамилія?

— Окатьевъ, Андрей.

Окатьева Андрея въ спискахъ не было.

— Почему же тебя въ спискѣ нуждающихся нѣтъ?—спросилъ я его.

— Дыть кто жъ ихъ знаетъ?—отвѣчалъ онъ.—Списокъ-то составлялъ староста съ писаремъ. Кто ихъ знаетъ, кого они тутъ

записали, кого нѣтъ... Насъ не опрашивали.... А шаберъ-то есть тамъ? — указалъ онъ на подпиравшаго подъ бедра лошадь мужика.

И его не было.

— А у него лошаденка-то малость получше моей, — сказалъ онъ.

Я записалъ ихъ.

Затѣмъ, позвавъ ямщика, мы кое-какъ подтянули лошадь на веревкахъ, и затѣмъ я уѣхалъ изъ Стародавней.

Я понялъ, въ чемъ дѣло.

Яблоновскій не составлялъ самъ списковъ нуждающихся. Онъ приказалъ сдѣлать это волостному старшинѣ, тотъ приказалъ это старостѣ селенія, а этотъ съ сельскимъ писаремъ выставляли тѣхъ, кого хотѣли, не справляясь подробно о положеніи записываемаго. Благодаря же отсутствію контроля, здѣсь возможны были, конечно, злоупотребленія.

Такое явленіе въ тотъ годъ повторялось нерѣдко.

Когда голодъ былъ офиціально «допущенъ», обращать вниманіе на голодающихъ сдѣлалось чуть не «модой», чтобы послѣ можно было сказать, что и они «пахали». Предложили свои услуги въ дѣлѣ помощи даже тѣ, которые раньше не хотѣли признавать его, говорили о «только недородѣ» и о «только недоѣданіи», или же кричали о лѣности мужика, «развращающемъ вліяніи дарового кормленіи» и объ «оргіи благотворительности». Отыскивать нуждающихся, открывать столовыя и питательные пункты, изыскивать необходимыя средства, щеголять другъ передъ другомъ лучшей постановкой дѣла—вдругъ сдѣлалось какимъ-то спортомъ. Конечно, голодающая деревня отъ этого только выигрывала, но въ то же время это можетъ служить довольно типичной характеристикой этихъ господъ въ то время. Одно только было плохо: эти господа старались свести къ возможному minimum'у ежедневный расходъ на кормимыхъ и съ гордостью хвалились, что у нихъ въ столовой каждый человѣкъ стоитъ 3 и меньше копеекъ. Одинъ такой ретивый сократитель довелъ даже его до полутора копеекъ въ день на человѣка. Предоставляю читателю самому судить о томъ, насколько это вліяло на качество пищи, но не думаю, чтобы въ желательномъ направленіи.

Многіе изъ такихъ господъ только шумѣли, рисовались своими «подвигами», дамы сентиментально «проливали слезу» надъ «бѣднымъ мужичкомъ», а черезъ пять минутъ говорили о его «мошенническихъ наклонностяхъ», но, въ сущности, они очень мало дѣлали, если не считать ихъ мелкихъ придирокъ къ завѣдующимъ столовой, желанія показать имъ, что они здѣсь — «начальство», и столкновеній между собою на собраніяхъ своихъ благотворительныхъ комитетовъ. Но особенно было плохо то, что списки нуждаю-

щихся ими составлялись, какъ въ приведенномъ случаѣ, кое-какъ, дѣло велось тоже кое-какъ. Во всякомъ случаѣ, эти господа, разные попечители, завѣдующіе участками и tutti frutti стояли гораздо ниже по тѣмъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявляли обстоятельства времени, наѣзжаго элемента, по призванію и по доброму сердцу шедшаго въ деревню кормить и лѣчить. Это была мутная, грязная пѣна того времени, впрочемъ, всегда неизбѣжная въ такія эпохи.

XXIV.

Тоже нуждающіеся.

Съ вѣтряной мельницы то и дѣло уходили люди, нагруженные мѣшками съ мукой. Здѣсь происходила раздача хлѣба.

Вдругъ въ этой толпѣ я увидалъ мѣстнаго урядника, несшаго на плечахъ тоже мѣшокъ.

— Этотъ что же? — спросилъ я фельдшера, съ которымъ стоялъ около мельницы.

— Тоже нуждающійся, — отвѣчалъ онъ.

Я посмотрѣлъ на него.

— Это вы серіозно?

— Какъ нельзя болѣе, — усмѣхнулся онъ. — Развѣ около голода мало присосалось этихъ господъ, «тоже нуждающихся»? У насъ получаютъ хлѣбъ и урядникъ, и стражникъ, и дьяконъ, и псаломщикъ, и священникъ.

— Какъ же такъ?

— А такъ. Призналъ ихъ земскій начальникъ «нуждающимися», ну, и получаютъ свою долю.

— Да вѣдь эти же господа не изъ голодающихъ?

— На казенномъ содержаніи да на доходахъ причта? Я думаю, что нѣтъ.

И, тѣмъ не менѣе, такихъ господъ, присосавшихся въ качествѣ «тоже нуждающихся» около народа, было немало. Конечно, ихъ расходы при тогдашней дороговизнѣ муки нѣсколько возросли, но все же это были далеко не нуждающіеся. А тѣмъ не менѣе они заявляли о своемъ желаніи получить даровой хлѣбъ Краснаго Креста и искренно негодовали, когда имъ въ этомъ иногда отказывали. По отношенію же къ нимъ не было той придирчивости въ провѣркѣ справедливости ихъ заявленій, какъ это дѣлалось по отношенію къ крестьянамъ, гдѣ лишняя овца создавала препятствіе для полученія дарового или казеннаго хлѣба дѣйствительно нуждающейся семьѣ. Стоило только быть извѣстнымъ кому нибудь изъ стоящихъ около этого дѣла начальствующихъ лицъ, какъ просьба, въ большинствѣ случаевъ, удовлетворялась.

Мнѣ припоминается слѣдующій случай.

Когда началась раздача хлѣба Краснаго Креста нуждающимся одинъ изъ моихъ знакомыхъ сказалъ, когда мы собрались у него:

— А знаете что: отецъ Никифоръ проситъ себѣ пособія.

Мы всѣ, конечно, удивились, такъ какъ отлично знали одного изъ нашихъ городскихъ священниковъ за человѣка состоятельнаго и въ даровомъ хлѣбѣ, во всякомъ случаѣ, не нуждающагося. Всѣ его считали человѣкомъ скупымъ, но все же не отказывающимъ себѣ въ необходимомъ. Любилъ онъ и пофрантить, ходилъ въ шелковыхъ и муаровыхъ рясахъ, и иногда отъ него пахло острыми духами. Семья у него была небольшая: самъ съ женою и трое дѣтей, изъ которыхъ одинъ былъ студентомъ университета. Но того, чтобы онъ сталъ причислять себя къ нуждающимся, никто изъ насъ и не думалъ.

— Да вы шутите? — сказалъ одинъ изъ насъ.

Но оказалось, что передававшій намъ это извѣстіе не шутитъ, а слышалъ самъ это, какъ достовѣрный слухъ.

— Да вѣдь какъ еще онъ и проситъ-то, — продолжалъ разсказчикъ:—не только на себя съ женой и двумя дѣтьми, но и на сына-студента и даже на свою прислугу.

Одинъ изъ насъ, довольно горячій человѣкъ, сейчасъ же закипятился и сказалъ:

— Но вѣдь это значитъ у голодныхъ изо рта кусокъ вырывать!.. У отца Никифора денегъ куры не клюютъ, а онъ вонъ что выдумалъ...

— Этого такъ оставить нельзя, — продолжалъ онъ дальше. — Если я его увижу, такъ я ему напою за это...

Не знаю, сказалъ ли онъ отцу Никифору то, что хотѣлъ, но только этотъ слухъ упорно ходилъ по городу и усердно комментировался. Не знаю также, получилъ ли отецъ Никифоръ просимое пособіе хлѣбомъ на шесть душъ или отказался отъ этой мысли, но только я знаю, что такихъ господъ, «тоже нуждающихся», въ голодный годъ было немало. Питаться насчетъ голодающаго народа они нисколько не стѣснялись. Они забывали, что въ своей этой, хотя и грошевой, алчности они вырывали у голодающей деревни кусокъ хлѣба, шедшій исключительно ей. Они даже считали своимъ правомъ получать эту помощь, не предназначавшуюся имъ.

Какъ-то мнѣ пришлось разговаривать съ однимъ изъ этихъ «тоже нуждающихся».

— Что-жъ,—откровенно сказалъ онъ,—нашему брату за этотъ годъ больно хорошо было: расходовъ было меньше.

— Но послушайте,—сказалъ я, возмущенный этой циничной откровенностью:—вѣдь вы этимъ же мужика обижаете.

— Э, батенька, что вы!.. О мужикѣ всѣ заботятся... Ему не

дадутъ съ голоду помереть... А нашему брату, если какая кроха перепадетъ, то все же облегченіе...

О моральной сторонѣ этого явленія того печальнаго времени предоставляю судить читателю.

XXV.

Равнодушные.

— Приходите къ намъ посидѣть какъ нибудь, — сказалъ мнѣ одинъ знакомый, когда я былъ въ сосѣднемъ уѣздномъ городѣ Т. нашей же губерніи.

— У васъ гости?

— Да, такъ соберется кто нибудь. Въ винтъ играете?

— Нѣтъ, не играю.

— Не играете? — удивленно спросилъ онъ меня. — Да васъ за это надобно въ музеяхъ за деньги показывать... А у насъ здѣсь чуть не грудные младенцы винтятъ... Ну, все же приходите...

Я обѣщалъ и пришелъ.

Я тамъ засталъ нѣсколько человѣкъ гостей, которымъ меня и представили.

Сѣли за чай.

Разговоръ вертѣлся сначала на самыхъ обыкновенныхъ провинціальныхъ темахъ, то-есть на сплетнѣ.

— А видали, какую лошадь Воркуновъ купилъ? — спросилъ одинъ изъ гостей.

— У кого? — спросилъ другой.

— У Измайлова.

— Да онъ ее за долгъ взялъ.

— Развѣ Измайловъ долженъ Воркунову?

— Да развѣ вы этого не знали?.. Воркуновъ скоро у Измайлова и жену за долгъ возьметъ...

— Ну, она за это не будетъ въ большой претензіи противъ него, — не безъ язвительности сказала одна дама, имѣвшая, должно быть, «зубъ» противъ Измайловой.

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Тѣ же сплетни о сбѣжавшей женѣ товарища прокурора, о любовной интрижкѣ земскаго врача и тому подобное.

Я подсѣлъ къ одному господину, земскому начальнику этого уѣзда.

— Какъ у васъ голодъ? — спросилъ я.

Онъ вскинулъ на меня глаза.

— Какъ и вездѣ, — отвѣчалъ онъ.

— Что же, помощь хорошо поставлена?

— Порядочно... Надоѣло даже... Каждый день отписываться, переписываться и такъ далѣе.

— Что же дѣлать? Это необходимо...

— Конечно, необходимо, — съ усмѣшкой сказалъ онъ. — Нельзя вѣдь: мужичокъ голодаетъ.

Я сначала подумалъ было, что передо мною одинъ изъ «не признающихъ» голода.

— Вы, кажется, противъ факта существованія голода? — спросилъ я.

— Я?.. Да избави Богъ... Конечно, голодъ существуетъ... Только больно ужъ носятся къ мужичкомъ...

— Степанъ Петровичъ, — окликнулъ его одинъ изъ сидѣвшихъ за карточнымъ столомъ.—Хлѣбъ-то вашего зятя приняли въ земство?

— Какъ же, какъ же, — радостно отозвался мой собесѣдникъ.— Онъ мнѣ объ этомъ сегодня утромъ прислалъ сказать.

— Много наживетъ?

— Да тысченокъ съ пять.

— Ого! Кусочекъ съ начиночкой!

— Ничего, — засмѣялся земскій начальникъ. — Спасибо голодовкѣ: даетъ кормиться бѣднымъ людямъ.

— Да и вы-то никакъ свои дѣлишки поправили?

— Ну, гдѣ ужъ! — скромно отозвался земскій начальникъ. — Только что лошаденокъ для экономіи купилъ.

— Почемъ?

— Да голова рублей по пятнадцати на кругъ обошлась.

— А въ другое время рублей по сорока дали бы, глядишь.

— Конечно, не меньше. Да вѣдь теперь мужику все равно некуда было бы дѣвать скотину-то. Развѣ татарамъ на мясо.

— Конечно.

— А скажите, какъ болѣзни? — спросилъ я затѣмъ моего собесѣдника.

— Да вотъ въ моемъ участкѣ въ Азбукинѣ триста цынготныхъ, въ Ямщиновкѣ — двѣсти, въ Ослабинѣ — около четырехсотъ. Въ другихъ — поменьше.

Всѣ эти ужасающія цифры были сказаны съ такимъ убійственнымъ хладнокровіемъ, что это меня невольно удивило.

— А знаете, Степанъ Петровичъ, — прервалъ нашъ разговоръ тотъ же винтеръ, — вашъ зять-то все-таки маху далъ.

— А что?—съ безпокойствомъ спросилъ вдругъ мой собесѣдникъ.

— Да какъ же? Вонъ Полововъ на ту же цѣну не соглашается.

— Что вы? — испуганно спросилъ Степанъ Петровичъ. — Что же онъ?

— Не соглашается. Я ему говорю: что, молъ, не отдаете? — Пока придержу, говоритъ, цѣны-то еще повысятся. Тогда и продамъ.

— Вотъ грѣхъ-то!.. — воскликнулъ Степанъ Петровичъ. — И впрямь зять маху далъ.

И по лицу у него пошли красныя пятна.

— Вѣдь говорилъ я ему: «подожди, Семенъ. Можетъ, цѣны повысятся. Чего торопишься?». «Нѣтъ, говоритъ, ждать нечего. Цѣны не повысятся»... А тутъ вотъ на́ поди, — горестно развелъ онъ руками. — Умные-то люди попридерживаются пока... Ахъ, Господи!.. Вотъ несчастіе-то!..—сокрушенно вздохнулъ онъ въ заключеніе.

За столомъ всѣ засмѣялись.

— Маху далъ вашъ зять... Маху далъ... Сѣлъ въ калоши...

— Ужъ именно сѣлъ,—подтвердилъ Степанъ Петровичъ.

— Подождать бы ему...

— Говорилъ я ему...

— А я вотъ свой хлѣбъ-то попридержу, — сказалъ одинъ изъ гостей, человѣкъ близкій къ уѣздной земской управѣ, какъ я узналъ послѣ.

— Да вѣдь вамъ ладно,—съ завистью сказалъ Степанъ Петровичъ. — Вы въ своей управѣ-то въ курсѣ дѣла стоите. Всѣ эти повышенія и пониженія, спросъ и предложеніе—у васъ, какъ на ладошкѣ... Вы знаете, когда выгадать времечко.

Я поглядѣлъ на всѣхъ.

Все это говорилось съ такимъ спокойнымъ видомъ, какъ будто все было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, и никому такіе разговоры не претили. Эти люди выражали свои мысли съ замѣчательно наивнымъ безстыдствомъ, беззастѣнчиво мечтали поживиться за счетъ голодающаго народа, открыто завидовали тѣмъ, которые умѣло и во время попридержали свой хлѣбъ. И все это говорилось безъ краски на лицѣ, безъ всякаго стыда и смущенія. Они какъ бы не сознавали, или не хотѣли сознать всей зазорности этого своего поведенія. Здѣсь, бокъ-о-бокъ съ нуждой, былъ полный разгулъ эгоизма и пошлыхъ инстинктовъ наживы, проявляемыхъ съ самой пошлой и отвратительной наивностью.

А между тѣмъ это были все люди интеллигентные или причисляющіе себя къ таковымъ.

Это равнодушіе къ народной нуждѣ меня, не успѣвшаго еще обстрѣляться среди самыхъ противоположныхъ чувствъ и инстинктовъ, порожденныхъ голодомъ, поражало особенно сильно.

Въ этотъ годъ мнѣ приходилось видѣть много піявокъ съ самыми грубыми хищническими инстинктами. Этими инстинктами піявокъ обладали не только тѣ люди, которыхъ принято обыкновенно награждать эпитетомъ «грубыхъ сердецъ», и къ которымъ причисляли купцовъ, торговцевъ, разныхъ марокъ кулаковъ и кулачковъ, всевозможныхъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, но и тѣ, которые принадлежали къ интеллигенціи, или законно или незаконно причисляли себя къ таковой. Наши помѣщики изъ родовитыхъ дворянъ тоже не клали охулки на руку и, гдѣ было воз-

можно, всюду пользовались нуждою, въ видѣ ли закабаленія мужика за ничтожную ссуду на будущія работы, или въ видѣ продажи хлѣба за возможно высокую цѣну и выжиданія этихъ цѣнъ. Правда, эти родовитыя піявки не дѣйствовали такъ открыто, какъ купцы и кулаки, но отъ этого ихъ эти поступки являются еще болѣе непривлекательными. Иногда эта хищность и у нихъ прорывалась наружу и показывалась во всей своей первобытной красотѣ. Въ другомъ мѣстѣ я разскажу про одинъ случай такого хищничества со стороны одного представителя древняго, но захудалаго рода.

Это—все люди равнодушные къ нуждѣ, но въ то же время и приспособившіеся около нея.

Но мнѣ приходилось встрѣчать и другихъ, которые были просто равнодушны къ бывшему подлѣ нихъ бѣдствію. Несмотря на всю серіозность положенія, на вопіющую нужду, бывшую подлѣ нихъ и которую они непосредственно наблюдали, они крайне легкомысленно относились къ ней. Они не отрицали голода, но въ то же время и не заботились о немъ, не принимали проявленій его близко къ седцу, точно все повсюду было благополучно. Къ чему, по ихъ мнѣнію, безпокоиться объ этомъ? Все перемелется — мука будетъ. Многимъ изъ нихъ голодъ такъ надоѣлъ, что самые ужасные факты передавались ими съ ужасающимъ спокойствіемъ, отъ котораго, однако, у человѣка, еще не «обстрѣлявшагося», морозъ по кожѣ проходилъ.

Если вамъ съ ними приходилось заговаривать о голодѣ, то отъ васъ отмахивались рукою, какъ отъ безпокойной, надоѣвшей мухи и говорили вамъ:

— А ну васъ и съ голодомъ-то... Надоѣло... Вздохнуть свободно не дадутъ... Все голодъ да голодъ... Всю душу, кажется, съ нимъ вымотаютъ...

И скорѣе шли къ зеленому полю, водкѣ, сплетнѣ и ухаживанію за чужими женами.

Души, конечно, эти разговоры не выматывали, и говорилось это такъ, просто ради краснаго слова. А были и такіе, которые безъ всякихъ разговоровъ просто посылали васъ къ чорту.

Я долго думалъ, чѣмъ объяснить подобное явленіе. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ это холодное равнодушіе объяснить отсутствіемъ сердца, эту хищность даже среди интеллигенціи жаднымъ сердцемъ...

Въ поискахъ за разгадкой этой интересной для меня загадки я порылся въ старыхъ газетахъ времени прошлаго голода — и вотъ что нашелъ въ корреспонденціяхъ В. О. Михневича съ мѣста голода:

«Черту эту, общую многимъ изъ здѣшнихъ благополучныхъ обывателей, никакъ нельзя объяснить однимъ злонравіемъ, безче-

ловѣчіемъ и хищностью... Нѣтъ! Большинство—люди вовсе не злые; но, съ одной стороны, у нихъ слишкомъ поблекла впечатлительность и крайне притупились нервы, чтобы потрясаться привычными мрачными картинами народнаго бѣдствія; а съ другой,—и это главное, — слабъ донельзя, не развитъ во всѣхъ насъ инстинктъ общественности—чувство родства съ народомъ и сознаніе святости государственныхъ интересовъ».

Дѣйствительно, только слабостью и неразвитостью инстинкта общественности и можно себѣ объяснить это постыдное для нѣкоторой части нашего общества равнодушіе къ великому народному бѣдствію.

XXVI.

Маленькіе страдальцы.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ я остановился на взъѣзжей квартирѣ далекой мордовской деревни Черняева, около избы собралась довольно большая толпа мужиковъ.

— Что это у васъ сходка что ли назначена? — спросилъ я хозяйку взъѣзжей избы.

— Кто ихъ знаетъ?—отвѣчала мордовка.

Мордва въ нашемъ уѣздѣ хорошо ассимилировалась съ русскимъ населеніемъ и ничѣмъ не отличается отъ послѣдняго. Даже свой языкъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаетъ забывать.

— Не должно быть сходу-то... Сходъ-отъ у насъ у пожарнаго сарая собирается... Да я вотъ ихъ поспрошаю...

Она подошла къ окну, подняла створку его и спросила:

— Вы что?

— А вотъ до барина.

— Къ вамъ, знать,—обернулась она ко мнѣ.

Я вышелъ на крыльцо и спросилъ толпу:

— Вамъ что?

— Да вотъ, ваше благородіе, — выдвинулся изъ толпы одинъ старикъ, — хотимъ спросить тебя: ты не насчетъ нуждающихся будешь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—я мимоѣздомъ здѣсь.

— Эко горе-то, — обернулся старикъ къ толпѣ.— Вишь, не насчетъ нуждающихся... А мы думали насчетъ ихъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—повторилъ я.

— Значитъ, ошиблись мы... Прощенья просимъ, ваше благородіе,—поклонился онъ мнѣ,—что ошиблись, значитъ...

— Ничего, ничего.

И я вернулся въ избу.

— Должно быть, думали, что вы насчетъ нуждающихся?—спросила меня хозяйка.

— Да,—отвѣтилъ я.—А много нуждающихся?

— И-и,— махнула рукою она.— Какъ не быть имъ?... Много... Однимъ хлѣбомъ вотъ питаемся.

— Столовыхъ нѣтъ?

-- Нѣтъ, столовыхъ нѣтъ...

И опять та же причина: деревня маленькая, дальняя, такъ что на нее никто и не обратилъ вниманія. Такихъ забытыхъ уголковъ въ то время было немало.

Когда я какъ-то указалъ одному изъ членовъ нашего благотворительнаго кружка на такое явленіе, то онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Что же вы хотите?.. Мы должны прежде всего обращать вниманіе на большія селенія, гдѣ больше нужды.

Точно въ маленькихъ, забытыхъ деревушкахъ меньше ея? А, на самомъ дѣлѣ, тамъ ея больше, такъ какъ помощи тамъ меньше.

Въ это время дверь въ избу отворилась, и на порогѣ показалась не старая еще мордовка. Она что-то по-своему начала говорить хозяйкѣ. Та не отвѣчала.

Я взглянулъ на вошедшую.

Лицо ея, еще молодое, было изрѣзано сѣтью мелкихъ морщинъ. Видимо, недоѣданіе сильно сказывалось на ней. Во время разговора лицо ея принимаетъ умоляющее выраженіе. Но хозяйка что-то сурово возражала ей. Наконецъ, она махнула рукой и, отвернувшись сердито къ печкѣ, замолчала. Мордовка послѣ того еще раза два пыталась что-то говорить ей, но, видя, что хозяйка не хочетъ съ нею разговаривать, замолчала и, постоявъ еще нѣсколько времени, тяжело вздохнула и повернулась съ печальнымъ лицомъ къ двери. Мнѣ показалось, что на порогѣ она вытерла рукавомъ глаза.

— Зачѣмъ она приходила?—спросилъ я хозяйку.—Просила чего нибудь?

— Да...—неохотно отвѣчала она.—Хлѣба просила... Ребенокъ, говоритъ, помираетъ... Второй день ничего не ѣстъ... А гдѣ я ей возьму хлѣба-то?.. У самихъ немного осталось...

— Но вѣдь ребенокъ можетъ помереть?

— А пусть его помираетъ... Ей же лучше. У ней и такъ ихъ трое... Умретъ—лишній ротъ уберется, руки развяжетъ... Ей же лучше...

Все это она сказала хладнокровно.

Голодъ можетъ сдѣлать человѣка безсердечнымъ, жестокимъ и безучастнымъ къ чужому страданію.

— Гдѣ она живетъ?—спросилъ я.

— А на самомъ краю... Такъ хибарка у ней маленькая... Мужъ-отъ весной у ней померъ... Да и хорошо, что померъ: второй годъ паларикъ его разбилъ... Только руки ей связывалъ...

Я зналъ отъ участковыхъ врачей, что многія мордовскія де-

ревни въ нашемъ уѣздѣ сплошь заражены сифилисомъ, отъ котораго и вымираютъ.

Выйдя изъ избы, я отважно зашагалъ по липкой грязи и дошелъ до указанной хибарки.

Бѣдность дѣйствительно была вопіющая. Крыша стояла совершенно непокрытая, двора не было, и лишь одинъ уцѣлѣвшій колъ показывалъ, что тутъ когда-то былъ плетневый заборъ. Хибарка совсѣмъ покосилась на бокъ и, того и гляди, повалится совсѣмъ. Мѣсто трехъ стеколъ было заткнуто тряпками.

Я толкнулъ дверь и вошелъ внутрь.

Тамъ на лавкѣ сидѣла давишняя мордовка и тыкала въ ротъ кричавшему маленькому ребенку свою изсохшую грудь, въ которой едва ли была хоть одна капля молока. Двое другихъ ребятишекъ быстро съ жадностью хлебали что-то ложками изъ деревянной чашки, стоявшей на скамьѣ.

Кругомъ было грязно и пусто. Лишь одни рыжіе тараканы быстро перебѣгали по стѣнамъ, укрываясь въ темныхъ щеляхъ.

При моемъ входѣ мордовка испуганно вскинула на меня глаза.

Я подошелъ къ ней и взглянулъ на ребенка.

Это былъ тощій, слабенькій, съ худенькими блѣдными ручками и ножками, съ выступающими на нихъ синими жилками, безъ кровинки на лицѣ ребенокъ. Онъ слабо пищалъ, не хотѣлъ брать подносимую къ его рту грудь, безсмысленно мигалъ воспаленными глазенками и изрѣдка слабо шевелилъ ручкой. Тѣльце его было настолько худо, что нужно было дивиться, какъ духъ жизни не покинулъ еще его.

У меня невольно сжалось сердце за это несчастное маленькое существо...

— Давно онъ не ѣлъ?—спросилъ я женщину.

Она что-то отвѣтила по-мордовски. Очевидно, она не понимала по-русски.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ я вышелъ изъ этой избы и вернулся назадъ на въѣзжую квартиру.

— У тебя есть хлѣбъ?—спросилъ я своего ямщика.

— Два коровая есть. Въ Крестовой купилъ. Лошадей хочу ими покормить,—отвѣчалъ онъ.

— Давай ихъ сюда,—сказалъ я.—Для лошадей въ слѣдующей деревнѣ купишь.

Ямщикъ вытащилъ изъ-подъ сидѣнья оба коровая.

Я послалъ его сыскать по деревнѣ молока. Онъ проходилъ два часа и, наконецъ, пришелъ съ маленькимъ горшечкомъ.

— Ну, и деревушка же,—сказалъ онъ.—Нигдѣ ни одной коровешки... У одной мордовки вотъ нашелъ... Да и у той чуть не силкомъ отнялъ...

Я велѣлъ ему взять молока, оба коровая, высыпалъ всю ме-

лочь, что у меня оказалась въ карманѣ, и отослалъ все это мордовкѣ съ груднымъ младенцемъ.

Черезъ часъ мы уѣхали изъ деревушки. Но всю дорогу мнѣ помнилось это тщедушное, худенькое тѣльце ребенка, и всю дорогу меня мучилъ неотвязный вопросъ:

— Выживетъ ли онъ?

Въ другой разъ я былъ въ одной русской деревнѣ. Спросилъ было я самоваръ, но самовара не оказалось: проданъ. Я привалился на лавку, гдѣ мечталъ нѣсколько поуспокоить свои утомленныя тряской ѣздой кости.

— Я вамъ не нуженъ буду, ваше благородіе?—спросилъ меня хозяинъ взъѣзжей.

— Нѣтъ, не нуженъ.

— Ну, такъ я того... пойду...

Въ это время дверь взъѣзжей отворилась, и въ комнату заглянула какая-то старуха.

— Антипычъ, дома Домна-то что ли?—спросила она.

— Пошто она тебѣ?—спросилъ хозяинъ.

— Да опять закатилась у насъ Марьяха-то... Убивается очинно... Пусть бы поотчитала ее...

— Чать, у шабровъ сидитъ... Подь туда... Да чего она, дура, больно ужъ убивается-то?

— Первенькій вѣдь... Ну, и жалостно, что померъ...

— По нынѣшнему времени помереть—самое хорошее дѣло... Прямо въ рай...

— Дыть и я также ей говорила... Да что съ ней подѣлаешь?.. Больно убивается...

— Подь, говорю, къ шабрамъ... Можетъ, тамъ Домна-то...

— И то пойду... Пусть отчитаетъ...

Старуха ушла.

— Умеръ, что ли, кто?—спросилъ я.

— Да... Молоденецъ у нихъ померъ... Первый у молодухи-то... Ну, и убивается сильнó...

— Отчего умеръ-то?

— Отощалъ больно... Слабъ прытко сталъ... Оттого и померъ...

— Молока у матери было мало?

— Дыть какое же теперича у матерей молоко!.. Такъ, слава одна... Сами-то сухія, какъ щепки, ходятъ... Гдѣ-жъ тутъ молоку набраться?..

Хозяинъ ушелъ. Я повалился на лавку и сталъ отдыхать.

Полежавъ нѣсколько времени, я поднялся и вышелъ изъ избы посмотрѣть, гдѣ мой ямщикъ, и велѣть ему запрягать.

Въ это время я увидалъ на улицѣ небольшую кучку народа, идущую по направленію ко мнѣ. Впереди шелъ мужикъ съ непокрытой головой и съ небольшимъ бѣлымъ гробикомъ, перевязан-

нымъ черезъ плечо полотенцемъ. Сзади шло нѣсколько бабъ, изъ которыхъ одна сильно рыдала и громко причитала:

— Сыно-о-чекъ мой ро-оди-и-мый... Да и на кого ты ме-ня о-о-ста-вилъ?..

Бабы, шедшія рядомъ, утѣшали ее и останавливали, но она продолжала громко рыдать и причитать.

Поравнявшись со мною, она приподняла голову, и я увидалъ худое, блѣдное лицо, истомленное, по всей вѣроятности, долгимъ недоѣданіемъ. Должно быть, и ребенокъ погибъ отъ этого же истощенія.

Я въ отдаленіи пошелъ за ними.

Когда они поравнялись съ жердяными воротами, я увидалъ выходящаго изъ другой улицы другого крестьянина тоже съ гробикомъ на полотенцѣ.

— Господи!.. Въ одинъ день двое...—мелькнуло у меня въ головѣ.

Когда второй мужикъ проходилъ около меня, я рѣшилъ его остановить.

— Отчего умеръ малютка-то?—спросилъ я.

— Померъ-то?—отвѣчалъ онъ.—А отъ матери онъ.

— Какъ—отъ матери?

— Такъ точно, отъ матери... У матери, вишь ты, т и х ъ... По сей часъ въ жару мечется... А дите вчарась померло... Фершалка сказала, что отъ матери тихомъ заразился... Матерь-то сестрой мнѣ доводится... Да и она-то, фершалка сказывала, недолго намается, сердешная... А рабенокъ-то, гляди, и къ лучшему померъ: что безъ матери-то сталъ бы дѣлать?.. Все едино—померъ бы...

Съ тяжелымъ, давящимъ чувствомъ уѣхалъ я отсюда...

А подобныхъ маленькихъ страдальцевъ въ ту пору по деревнямъ было немало, и немало воздвиглось на «мазаркахъ» (кладбищахъ) безыменныхъ крестовъ на ихъ безвѣстныхъ маленькихъ могилкахъ... Поэтъ, говоря о голодѣ, сказалъ:

> Въ мірѣ есть царь. Этотъ царь безпощаденъ.
> Голодъ—названье ему.

Но если для кого и былъ въ этотъ черный годъ особенно безпощаденъ этотъ грозный царь, такъ это для малютокъ, которыхъ немало погибло тогда отъ истощенія, хроническаго недоѣданія и отъ болѣзней... Я увѣренъ, что если бы пресловутые противники дарового кормленія, «деморализующаго мужика», видѣли почаще этихъ маленькихъ, ни въ чемъ неповинныхъ страдальцевъ, гибнущихъ чистыми искупительными жертвами за невѣдомый грѣхъ невѣдомо кого (не насъ ли, интеллигенціи?), то едва ли бы у нихъ сталъ свободно ворочаться языкъ говорить объ «оргіи благотворительности» и «деморализаціи дарового кормленія», и если малютки гибли во множествѣ, то вина за ихъ смерть должна пасть всецѣло на этихъ господъ... Да будетъ имъ стыдно!..

Василій Л. Якимовъ.

ПАСХАЛЬНАЯ ЗАУТРЕНЯ ВО ДВОРЦѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ВЪ ТАГАНРОГѢ.

МОЙ ОЧЕРКЪ относится къ концу 60-хъ и началу 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, вѣроятнѣе всего, къ трехлѣтію 1869—1871 г.

Отецъ мой, проведшій большую часть своей жизни въ Таганрогѣ, гдѣ онъ числился купцомъ второй гильдіи и торговалъ бакалейнымъ товаромъ, былъ страстнымъ любителемъ церковнаго пѣнія. Онъ не пропускалъ ни одной всенощной подъ праздники и ни одной утрени и обѣдни въ праздники. Если служились двѣ обѣдни—ранняя и поздняя, то онъ ходилъ къ обѣимъ въ одну и ту же церковь или въ разныя, смотря по обстоятельствамъ и по погодѣ. Впрочемъ погода никогда его не смущала, и никакая вьюга не могла помѣшать ему подняться въ 2 — 3 часа ночи и пойти къ заутрени. Въ церкви онъ всегда становился на крилосѣ вмѣстѣ съ дьячками и отбивалъ у нихъ право читать шестопсалміе и канонъ. Послѣднее очень не нравилось прихожанамъ, а отчасти и духовенству, потому что вразумительное и медленное чтеніе покойнаго отца сильно затягивало службу. Но его это нисколько не безпокоило. Въ свою защиту онъ ссылался обыкновенно на еще болѣе медленное чтеніе въ монастыряхъ. Во время обѣдни онъ очень любилъ читать апостола и пріучалъ къ этому и меня, такъ что я, начиная съ шестилѣтняго возраста, уже выступалъ, волнуясь, на амвонъ и тоненькимъ, дребезжащимъ дискантомъ умилялъ благочестивыхъ старушекъ, вытягивая: «Чадо, Тимоѳее!» или что нибудь въ этомъ родѣ. Докторъ, лѣчившій у насъ

въ семьѣ, не разъ возставалъ противъ такого ранняго насилованія моей дѣтской груди и голосовыхъ средствъ, но покойный отецъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что отъ церковнаго пѣнія и чтенія голосъ никогда не надорвется, потому что это—дѣло богоугодное, а вотъ, если будешь бѣгать и орать во всю глотку на дворѣ, такъ, пожалуй, и надорвешь. На этомъ основаніи я съ самаго ранняго возраста постигъ всю премудрость церковнаго пѣнія и прошелъ постепенно всю школу отъ дисканта до глубокаго баса и, когда мнѣ было всего только 17 лѣтъ, я уже удивлялъ всѣхъ своей глубокой и низкой октавой, которая, однако же, очень скоро исчезла. Эту же школу пѣнія прошли у отца и мои братья—покойный художникъ Николай Павловичъ и извѣстный нынѣ беллетристъ Антонъ Павловичъ.

Покойный отецъ былъ безкорыстнымъ любителемъ церковнаго пѣнія. Онъ пѣлъ для того, чтобы пѣть, и во время своей молодости былъ регентомъ-любителемъ въ таганрогскомъ соборѣ. Я былъ тогда еще малъ и не могу оцѣнить его тогдашней дѣятельности. Я помню только, что онъ, окруженный на правомъ клиросѣ своимъ хоромъ, степенно и съ сосредоточеннымъ лицомъ «давалъ тактъ» правой рукою, а въ лѣвой всегда держалъ камертонъ. Изъ разсказовъ прихожанъ я знаю также, что онъ соперничалъ съ регентомъ греческой церкви царя Константина, нѣкіимъ Дунинымъ, и старался своимъ хоромъ перещеголять его хоръ. По своему обыкновенію онъ затягивалъ службу и очень утомлялъ молящихся. По крайней мѣрѣ, нынѣ здравствующая матушка моя, вспоминая былое, говаривала, что къ ней послѣ службы въ соборѣ не разъ подходили тогдашнія именитыя таганрогскія купчихи съ просьбою:

— Скажи ты, матушка, своему мужу, чтобы онъ не тянулъ такъ долго...

Къ тому времени, когда я сталъ подрастать и понимать, покойный отецъ уже сложилъ съ себя обязанности соборнаго регента. Причиною этого послужило, кажется, то обстоятельство, что его стали выбирать на разныя общественныя должности по городу (ратманъ при полиціи, членъ торговой депутаціи и еще что-то, не помню). Выполненіе этихъ обязанностей отнимало у него время отъ хорового пѣнія. Но онъ все-таки остался вѣренъ самому себѣ. Онъ организовалъ любительскій хоръ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пѣлъ безплатно въ разныхъ таганрогскихъ церквахъ и между прочимъ и въ домовой церкви дворца, въ которомъ жилъ нѣкогда и умеръ императоръ Александръ I.

Это былъ очень оригинальный хоръ, какого теперь, пожалуй, и не встрѣтишь. Главнымъ достоинствомъ его считалось усердіе; музыкальнаго образованія не было и въ поминѣ, чтеніе нотъ было не обязательно: нѣкоторые члены были совсѣмъ не грамотны и пѣли наизусть и на слухъ, хотя и держали передъ собою нотныя

тетради. Въ составъ этого хора входили: покойный отецъ, онъ же и регентъ и глава, покойный дядя—братъ отца, трое маленькихъ гимназистовъ, т. е. я и братья Николай и Антонъ, и, наконецъ, нѣсколько человѣкъ простыхъ мужиковъ-кузнецовъ. Объ этихъ кузнецахъ стоитъ сказать два слова. Въ тѣ времена, т. е. лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Таганрогѣ, почти въ верстѣ отъ города, по дорогѣ къ кладбищу, стояли кузни, т. е. избушки—каменныя и глинобитныя и насквозь прокопченныя. Эти избушки вѣчно дымили, и вѣчно въ ихъ темныхъ нутрахъ пылалъ огонь. Около каждой изъ нихъ были устроены уродливые деревянные станки для ковки лошадей, и всегда тутъ копошился народъ. Съ утра до ночи раздавался стукъ молотовъ о наковальни, на колеса обывателей и проѣзжихъ хохловъ натягивались шины, и горячими подковыми поджаривались копыта лошадей. Кузнецы были чумазые, грязные и закопченые.

Кузни стояли цѣлой колоніей, и въ каждой изъ нихъ работалъ отдѣльный хозяинъ. Большинство изъ нихъ было совершенно неграмотно, но, несмотря на это, они были проникнуты страстью къ пѣнію и непремѣнно къ церковному, по нотамъ. Окончивъ въ кузняхъ свой трудовой день, они, вмѣсто того, чтобы отдыхать, мылись, чистились, переодѣвались и уже часу въ десятомъ или даже одиннадцатомъ ночи отмахивали пѣшкомъ верстъ пять въ лавку къ отцу на спѣвку. Отецъ обыкновенно при ихъ посѣщеніи покидалъ свое мѣсто за конторкой и уходилъ въ комнату, смежную съ лавкою. Здѣсь всѣ усаживались вокругъ круглаго стола, и начиналась спѣвка. Сидѣли на чемъ Богъ послалъ: одни на стульяхъ, другіе на пустыхъ ящикахъ изъ-подъ мыла или изъ-подъ какого нибудь другого товара. Откуда у этихъ людей набиралась сила для того, чтобы послѣ цѣлодневной работы молотомъ посвящать еще часа полтора на скучную спѣвку,— я не знаю. Но намъ, гимназистамъ, эти ночныя спѣвки были очень тяжелы. Иной разъ послѣ латинской или греческой зубрежки просто слипаются глаза, а ничего не подѣлаешь: отъ спѣвки увернуться нельзя. Наши кузнецы были всѣ на подборъ—народъ очень добрый и безобидный: голосами щеголять они не могли, музыкальностью—тоже; двое или трое изъ нихъ пѣли фальцетомъ, у иныхъ голосъ отдавалъ металлическимъ тембромъ, но они никогда не обижались, если по ихъ адресу отпускалось что нибудь ядовитое. Шутники, напримѣръ, говорили, что они не поютъ, а стучатъ молотками, и что послушать ихъ пѣніе—то же, что и побывать въ кузницѣ во время работы...

Этотъ хоръ кузнецовъ былъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ самъ напрашивался съ своими услугами и радъ былъ пѣть съ полнѣйшимъ усердіемъ и охотой во всякой церкви, куда только пустятъ, и гдѣ только клиросъ свободенъ. Такъ какъ это были все люди симпатичные и мзды за свое пѣніе отъ старостъ не требо-

вали, то ихъ охотно допускали въ разные храмы. Мнѣ особенно памятенъ цѣлый сезонъ пропѣтыхъ нами раннихъ обѣденъ въ таганрогскомъ греческомъ монастырѣ, въ томъ самомъ, передъ которымъ теперь стоитъ памятникъ Александру I, а внутри большое мѣсто занимаетъ огромная мраморная плита съ всѣченнымъ въ нее мраморнымъ же крестомъ. У изголовья плиты возвышается колонна съ образомъ, увѣнчанная большимъ золотымъ шаромъ, обвитымъ золотыми же вѣнками. Это мѣсто огорожено рѣшеткой, за которую не переступаетъ ничья нога. Это — историческая святыня монастыря. Здѣсь нѣкоторое время стоялъ гробъ съ тѣломъ Александра I.

Насколько мнѣ помнится изъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній, гробъ съ останками почившаго императора былъ установленъ первоначально не на этомъ мѣстѣ, а въ лѣвомъ придѣлѣ монастыря, у самой стѣны. Старожилы, къ которымъ я тогда жадно прислушивался, разсказывали, будто гробъ былъ почему-то обитъ желѣзными обручами.

Какъ уроженецъ Таганрога, я позволю себѣ разсказать то, что мнѣ приходилось въ дѣтствѣ слышать отъ старожиловъ и ихъ потомковъ объ Александрѣ I. Оговариваюсь, что я все это слышалъ, будучи гимназистомъ, и мнѣ въ голову не приходило сомнѣваться или не вѣрить разсказчикамъ. А это были люди самыхъ разнообразныхъ слоевъ и общественныхъ положеній. По большей части, это были покупатели, заходившіе въ лавку моего отца за покупками или же просто коротать время. Въ тѣ времена въ провинціи лавка была чуть ли не клубомъ...

Я еще засталъ въ живыхъ двухъ свидѣтелей жизни Александра I въ Таганрогѣ и его современниковъ. Это были: о. Алексѣй Ѳедотовъ — царскій духовникъ, и Ульяна Андреевна Мартосъ — вдова скульптора Мартоса, по проекту котораго построенъ памятникъ Александру I, стоящій передъ монастыремъ. О. Алексѣя Ѳедотова я зналъ больше по слухамъ. Онъ въ то время былъ уже очень дряхлъ и почти не выходилъ изъ своего маленькаго, низенькаго, одноэтажнаго домика, стоявшаго на Полицейской улицѣ. Одно время мнѣ приходилось ходить ежедневно въ школу мимо его домика, и я всякій разъ проходилъ не безъ ребяческаго страха. Дѣло въ томъ, что объ о. Алексѣѣ Ѳедотовѣ ходили тогда такіе разсказы. Онъ былъ скромнымъ и ничѣмъ не выступавшимъ изъ общаго уровня священникомъ тогдашняго закала. Образованъ онъ не былъ и даже былъ грубоватъ. Такъ бы онъ и прожилъ незамѣтнымъ человѣкомъ всю жизнь, но случилось одно обстоятельство, которое сразу подняло его и въ глазахъ общества и въ его собственныхъ глазахъ. Государь, послѣ одной изъ своихъ прогулокъ по Таганрогу, прихворнулъ и пожелалъ исповѣдываться. Пригласили о. Ѳедотова, и онъ такъ хорошо выполнилъ свою обязанность, что съ тѣхъ поръ уже сталъ постояннымъ духовникомъ царя. Попалъ онъ въ ду-

ховники будто бы не по выбору, а случайно. Лицо, разсказывавшее эту исторію, передавало ее въ такой формѣ:

— Захворалъ императоръ, пожелалъ исповѣдаться и принять Св. Тайнъ. Бросились придворные попа искать, а никого изъ поповъ дома не оказалось. Бросились тогда къ о. Алексѣю, схватили его, въ чемъ былъ, и доставили прямо во дворецъ. Никто и не думалъ тогда, что онъ въ царскіе духовники попадетъ... Однако же вышелъ въ люди...

Я не могу сказать съ полной достовѣрностью, чтобы я когда либо видѣлъ о. Ѳедотова, но въ моемъ тогдашнемъ дѣтскомъ представленіи это былъ человѣкъ могущественный и страшный, передъ которымъ всѣ трепетали. Молва говорила, что послѣ того, какъ онъ сталъ царскимъ духовникомъ и, кромѣ того, удостоился еще и чести сопровождать тѣло Александра I изъ Таганрога въ Петербургъ, онъ сталъ грозою всѣхъ обывателей и даже пускалъ въ ходъ свой священническій посохъ, если ему не угождали или дѣлали что нибудь наперекоръ. Особенно, говорятъ, доставалось отъ него торговкамъ и торговцамъ на базарѣ. Вотъ почему я, идя въ школу, не безъ робости проходилъ мимо домика о. Ѳедотова. Я боялся, что онъ внезапно выскочитъ и испробуетъ на мнѣ свой посохъ. Все-таки ребяческое любопытство превозмогло. Однажды въ ясное, солнечное утро, когда внутренность домика была ярко освѣщена, я не утерпѣлъ и сталъ заглядывать въ одно изъ оконъ. Внутри я увидѣлъ желѣзную кровать и сидѣвшаго на ней дряхлаго старика съ длинной сѣдой бородой. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, по которому играли солнечные зайчики, и съ строгимъ, изможденнымъ лицомъ. Этотъ старикъ такъ строго посмотрѣлъ на меня и такъ погрозилъ мнѣ пальцемъ, что я счелъ за нужное какъ можно скорѣе удрать во весь духъ. Былъ ли это самъ о. Алексѣй или кто другой — я не знаю, но лицо этого старика я вижу во всѣхъ подробностяхъ и могъ бы, кажется, даже нарисовать его портретъ, если бы умѣлъ: такъ оно врѣзалось мнѣ въ память.

Объ Ульянѣ Андреевнѣ Мартосъ я скажу ниже.

Александръ I любилъ, какъ разсказывали мнѣ, гулять по улицамъ Таганрога одинъ, безъ всякой свиты. Онъ гулялъ обыкновенно въ шинели, всегда задумчивый и сосредоточенный. Если его встрѣчали лица, знавшія его, и отдавали честь,—онъ отвѣчалъ привѣтливо; если же его какъ нибудь нечаянно толкалъ какой нибудь невѣжа, то онъ не обижался и, не прерывая своей задумчивости, продолжалъ свою прогулку далѣе. Впрочемъ, старая нянька моя, переживавшая чуть ли не девятый десятокъ, разсказывала слѣдующую легенду.

Идетъ Александръ I по базару. Встрѣчается ему пьяный солдатъ. Государь, можетъ быть, и не замѣтилъ бы его, но солдатъ такъ несчастливо покачнулся, что задѣлъ плечомъ царя.

— Взять его!—распорядился государь.

— Ишь ты какой храбрый!—отвѣтилъ солдатъ.—Теперь меня, стараго солдата, взять велишь, а въ двѣнадцатомъ году у тебя иная рѣчь была: «Батюшки, солдатушки, идите на врага!»

— Ну, счастье твое, что ты двѣнадцатый годъ вспомнилъ!—добродушно отвѣтилъ государь.—Иди себѣ съ Богомъ...

Замѣчательно, что этотъ же самый анекдотъ я слышалъ почти слово въ слово года три тому назадъ въ Кіевѣ, въ лавкѣ, отъ одной старой богомолки, разсказывавшей его группѣ товарокъ.

Передъ монастыремъ находится, какъ уже сказано, памятникъ Александру I. Статуя государя стоитъ на скромномъ черномъ пьедесталѣ, который обнесенъ чугунными столбиками съ перехватами изъ цѣпей. Фигура государя обращена лицомъ къ монастырю. Правая рука вытянута впередъ и держитъ свитокъ, изображающій бумагу, свернутую въ трубку. Съ этимъ свиткомъ происходили иногда очень странныя вещи: онъ иногда исчезалъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько времени появлялся снова. Эти исчезновенія и появленія служили неисчерпаемой темой для суевѣрныхъ разговоровъ и ожиданій. Если въ какое либо утро обыватели видѣли только одну согнутую ладонь безъ свитка, то были убѣждены, что надъ городомъ стрясется какое нибудь несчастіе. И дѣйствительно, либо гдѣ нибудь въ канавѣ находили трупъ какого нибудь нищаго, либо на базарѣ оказывалась обворованною какая нибудь лавка, либо случался пожаръ. На самомъ же дѣлѣ между этими событіями и свиткомъ не бывало ни малѣйшей связи. Дѣло въ томъ, что свитокъ вложенъ въ руку въ слегка наклонномъ положеніи и ничѣмъ къ ней не прикрѣпленъ. Я не знаю, прикрѣпили ли его теперь, но тогда онъ могъ выскальзывать и отъ вѣтра и оттого, что на него садились сороки и вороны. Послѣ паденія свитка часовой у памятника докладывалъ начальству, и начиналась безконечная переписка, о которой, конечно, обыватели не знали ничего.

Не нужно забывать, что по теперешнему Таганрогу, вымощенному и освѣщаемому газомъ, нельзя совсѣмъ судить о тогдашнемъ. Лѣтъ 35 тому назадъ о мостовыхъ не было и помину, на мѣстѣ теперешнихъ тротуаровъ росли кусты бурьяна, канавы очищались отъ травы только къ пріѣзду важныхъ лицъ, фонарей почти не было, и на моей еще памяти кое-гдѣ, у присутственныхъ мѣстъ, стояли уродливые столбы съ огромными, неуклюжими фонарями, въ которыхъ горѣло и коптило какое-то растительное масло. Осенью, весною и послѣ дождей на улицахъ получалась грязь, въ которой колеса увязали по ступицу (буквально). Въ извѣстные дни по городу ходилъ мужикъ съ метлою изъ банныхъ вѣниковъ и громко приглашалъ обывателей въ баню; арестанты провозили черезъ весь городъ муку для своего пропитанія на дрогахъ безъ лошадей, собственною, человѣческой тягой; они же, по наряду, варварски

убивали и бродячихъ собакъ днемъ, въ людныхъ мѣстахъ, прямо дубинами и ловили ихъ для убоя за ноги крючьями; преступниковъ подвергали по приговорамъ наказанію плетьми публично, на базарѣ; объявленія о продажѣ дома, о пропавшей коровѣ или о заблудившемся ребенкѣ производились съ помощью барабана. Пожарныя лошади обязаны были возить женъ начальствующихъ лицъ на базаръ, въ гости, въ церковь и въ баню. Онѣ же должны были доставлять изъ городского колодца и воду для важныхъ особъ. Мимо полиціи прогуливался бородатый сѣрый козелъ, бодавшій прохожихъ, и никто не имѣлъ права жаловаться, потому что рогатый бородачъ былъ «казенный». О томъ, что дѣлалось въ полиціи и въ присутственныхъ мѣстахъ,—не зналъ никто: это была строжайшая тайна, переступать которую было даже не безопасно. Не мудрено поэтому, что такой ничтожный фактъ, какъ выпаденіе изъ руки памятника свитка, облекался почему-то начальствующими въ секретъ и порождалъ цѣлую уйму суевѣрныхъ толковъ.

Не знаю, какъ теперь, но когда я еще былъ гимназистомъ, въ монастырѣ ежегодно совершались поминки по Александрѣ I. Это бывало каждое 21 ноября, въ день его кончины. У насъ въ гимназіи наканунѣ этого дня къ концу уроковъ инспекторъ или надзиратель обходилъ всѣ классы и объявлялъ, что завтра уроковъ не будетъ, и что, вмѣсто этого, мы, ученики, обязаны явиться къ обѣднѣ въ монастырь. Въ главномъ придѣлѣ монастыря совершалась заупокойная литургія и служилась панихида. Гимназистамъ отводилось особое мѣсто въ виду того, что почти весь храмъ занимали начальствующія лица и солдаты мѣстнаго гарнизона. Для простыхъ молящихся мѣста оставалось немного. По окончаніи службы гарнизонъ выстраивался на площади между церковью и памятникомъ, и по командѣ солдаты входили черезъ ворота во дворъ монастыря къ раскрытымъ дверямъ сарая, гдѣ и получали отъ монастыря по чаркѣ водки и по бѣлому хлѣбцу-розанчику, которые тутъ же были свалены на рогожѣ въ углу цѣлой горой. Все это дѣлалось просто и безъ затѣй. Этимъ поминки и заканчивались.

Въ этомъ же монастырѣ мнѣ памятна и еще одна вещица, напоминающая объ Александрѣ I.

Я уже говорилъ, что нашъ хоръ кузнецовъ одно время пѣлъ раннюю обѣдню въ монастырѣ въ теченіе, кажется, года, а, можетъ быть, и больше. Наше пѣніе довольно ощутительно подняло денежные фонды этой церкви. Монастырь этотъ греческій, и служба въ немъ происходитъ по-гречески. Вѣроятно, греки-прихожане оказались не вполнѣ усердными, а русскіе не понимали богослуженія на чужомъ языкѣ, потому что церковь порядочно пустовала. Тогда іеромонахи вызубрили слова обѣдни на русскомъ языкѣ и стали служить раннія обѣдни, а нашъ хоръ пѣлъ. Молящіеся, русскіе.

сразу повалили въ храмъ, хотя съ перваго раза было какъ-то странно слышать славянскія молитвы, произносимыя греческими іеромонахами и іеродіаконами съ греческими акцентомъ и безъ буквъ «ж» и «ч». Выходило нѣчто въ родѣ такихъ возглашеній:

«Баки и баки миромъ Госападу бамолимиса!» (Паки и паки миромъ Господу помолимся), или: «Двая а дваихъ Дибе бринасяще о висѣхъ и за виса (Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся)». Я помню одного дьякона, только что присланнаго изъ Іерусалима (всѣ монахи этого монастыря прикомандировались оттуда), который никакъ не могъ сладить со словомъ: «вонмемъ», и произносилъ его къ соблазну слабыхъ душъ не иначе, какъ: «бонбимъ». Его впрочемъ скоро убрали за малоуспѣшность въ русскомъ языкѣ.

Каждый годъ въ Троицынъ день монастырь справляетъ свой храмовой праздникъ, и въ покояхъ грека архимандрита бываетъ обѣдъ для монашествующій братіи, клириковъ и почетныхъ прихожанъ. Въ числѣ послѣднихъ на этомъ обѣдѣ, кстати сказать, довольно обильномъ сантуринскимъ виномъ и тѣмъ напиткомъ, который греки называютъ «раки», а мы просто—водкой, бывали и мы, т. е. отецъ, дядя, я и братья. Здѣсь-то, въ покояхъ архимандрита, я видѣлъ въ большой рамѣ гравюру, изображающую императора Александра I объ руку съ молодой женщиной. Подпись подъ картиной: «Александръ возводитъ Францію».

Другихъ реликвій, относящихся къ царствованію Александра I, я въ монастырѣ не видѣлъ никакихъ.

Не могу кстати не вспомнить и еще объ одномъ памятникѣ, который въ мои времена, т. е. во время моего дѣтства и гимназичества, находился въ страшномъ небреженіи. Это—мѣсто за городскимъ садомъ, откуда, по преданію, государь любовался видомъ на море. Здѣсь была каменная скамья, на половину вросшая въ землю. Вокругъ нея стояли три или четыре дерева, давнымъ давно уже засохшія. Все это мѣсто было обнесено полусгнившей деревянной рѣшеткой. Мнѣ мать не разъ показывала это мѣсто и говорила, что, по преданію, Александръ Благословенный просиживалъ здѣсь совершенно одинокій по нѣскольку часовъ. Я потомъ, будучи въ пятомъ или шестомъ классѣ (въ 70-хъ годахъ), бывалъ здѣсь раза два или три случайно и старался допытаться, чѣмъ именно могъ любоваться отсюда государь. Мѣсто—одно изъ самыхъ неудачныхъ: нѣсколько справа—мутный заливъ Азовскаго моря, еще правѣе—крутой обрывъ, на которомъ стоитъ городъ; влѣво низменная мѣстность, уходящая въ степь (теперешняя Касперовка), а прямо—низкая полоса противоположнаго берега залива, ровно ничего собою не представляющая глазу эстетика. Очень возможно, что покойный императоръ предавался здѣсь той загадочной созерцательности, которою сопровождались, по словамъ историковъ, его послѣдніе годы...

Во всякомъ случаѣ, когда я бывалъ у этой скамьи, мнѣ всякій разъ дѣлалось невольно грустно за ту мерзость запустѣнія, въ которой это мѣсто тогда находилось. Въ какомъ видѣ оно теперь,—не знаю, но было бы очень жаль, если бы это историческое мѣсто было предано забвенію. Въ Петербургѣ, на Лахтѣ, до сихъ поръ сохраняется засохшая сосна, съ которой связано имя Петра Великаго. Здѣсь даже построили часовню. Можно было бы и въ Таганрогѣ сохранить засохшія деревья, подъ которыми сиживалъ подолгу Александръ Благословенный.

Теперь перехожу къ нашему пѣнію во дворцѣ. Онъ уже давно описанъ, и я не буду касаться его исторіи и строго ограничусь только одними своими личными воспоминаніями.

Въ мое время смотрителемъ этого дворца былъ весьма почтенный, сѣдой и очень смахивавшій на Фридриха-Вильгельма старичекъ, г. Юркевичъ. Имени его я не помню. Жилъ онъ во флигелѣ дворца и очень возмущался тѣмъ видомъ, въ какомъ ему достался дворецъ. Онъ съ негодованіемъ въ голосѣ разсказывалъ, будто при прежнихъ смотрителяхъ и, конечно, во времена весьма отдаленныя, многое и многое изъ дворца было расхищено. Внутреннее убранство дворца въ мое время было дѣйствительно жалкимъ. Тогда для публики былъ доступенъ только одинъ небольшой уголокъ дворца, а именно: передняя, зала и примыкающая къ нимъ небольшая комната, раздѣленная полотнянымъ, походнымъ иконостасомъ на церковь и алтарь. Въ одной изъ стѣнъ залы находятся двѣ двери: если войти въ одну изъ нихъ и пройти всю амфиладу закрытыхъ для публики «внутреннихъ покоевъ», то въ концѣ концовъ черезъ вторую дверь вернешься опять въ ту же залу.

Мы, т. е. я и мои братья, тогда всѣ трое мелковозрастные гимназисты, всячески старались попасть какъ нибудь черезъ одну изъ завѣтныхъ дверей въ эти запретные покои—и дѣйствительно попадали: иногда тайкомъ, какъ любопытные школяры, а иногда насъ водилъ и самъ Юркевичъ. Насъ поражало убожество обстановки, разрозненность старинной мебели и отсутствіе того, что производитъ впечатлѣніе «жилого». По стѣнамъ стоятъ стулья, закрытые въ сидѣньяхъ чехлами. Сидѣнья обиты шелковой матеріей. Бывало, поднимешь чехолъ, ткнешь пальцемъ въ сидѣнье—и испугаешься: отъ пальца образовалась глубокая вдавленность, которая не пропадаетъ даже отъ разглаживанія ладонью. На овальныхъ, тяжелыхъ столахъ я не разъ выписывалъ по толстому слою пыли разные вензеля и тутъ же поспѣшно и трусливо стиралъ ихъ. Картинъ на стѣнахъ я не помню, за исключеніемъ одного только портрета покойной императрицы, супруги Александра I. Онъ стоялъ на одномъ изъ столовъ, ни къ чему не прислоненный, въ большой золотой рамѣ. Вѣроятно, онъ въ такомъ же видѣ и въ этой же комнатѣ стоялъ и при жизни Александра I. Очень меня

поражали спальни—почти пустые аппартаменты съ простыми деревянными кроватями, лишенными даже какихъ бы то ни было, даже простенькихъ, покрывалъ. Обѣ кровати производили такое грустное впечатлѣніе, какъ будто бы хозяева ихъ временно покинули домъ за отъѣздомъ на дачу и захватили съ собою подушки и одѣяла. Юркевичъ клялся, будто на кроватяхъ были дорогія атласныя одѣяла, которыя онъ когда-то даже будто бы самъ видѣлъ, но которыя куда-то безслѣдно исчезли... Кругомъ въ комнатахъ скучно, какъ-то холодно и неуютно. Всюду запустѣніе...

Мнѣ говорили, что будто бы въ сравнительно недавнее время дворецъ открыли для публики, и его можно осматривать. Не знаю, такъ ли это, но въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ въ немъ почти что нечего было смотрѣть.

Памятенъ мнѣ также висѣвшій у одной изъ дверей залы большой ртутный барометръ въ старинной простой оправѣ, съ серебряной шпалой, на которой были выгравированы старинными буквами обозначенія: «Перемѣнно», «Дождь», «Вел. дождь», «Буря» и т. д. Къ ноніусу этой шпалы была тогда вмѣсто затерянной металлической пуговки кѣмъ-то придѣлана простая, костяная пуговка отъ невыразимыхъ, а винтомъ-регуляторомъ, поднимавшимъ и опускавшимъ снизу уровень ртути, баловали, вертя вправо и влѣво, дѣти аристократовъ, пріѣзжавшихъ въ дворцовую церковь говѣть.

Церковь во дворцѣ занимаетъ уголъ, выходящій на улицу. Это—небольшая комната съ окнами въ двухъ смежныхъ стѣнахъ. Влѣво отъ иконостаса было мѣсто для хора, а справа стояла подвижная рѣшетка изъ дерева, обозначавшая мѣсто для градоначальника. Остальная часть комнаты предназначалась для публики. Полъ былъ сплошь покрытъ ковромъ, мѣстами протертымъ, мѣстами же реставрированнымъ рѣзко выдѣлявшимися свѣжими кусками.

Богослуженіе въ этой церкви происходило очень рѣдко: кажется, только въ Страстную Седьмицу и на первый день Пасхи. По крайней мѣрѣ, въ другое время нашъ хоръ тамъ не пѣлъ. Да и священника тамъ не было постояннаго. Служилъ священникъ изъ собора, старичекъ о. Николай Луценко, человѣкъ ничѣмъ, кромѣ своей кротости и доброты, не отличавшійся. Иногда вмѣстѣ съ нимъ принималъ участіе въ богослуженіи и почти столѣтній дряхлый, заштатный дьяконъ о. Моисей, обладавшій такимъ дребезжавшимъ и постоянно срывавшимся на возгласахъ голосомъ, что молящіеся иногда не въ силахъ были удержаться отъ улыбки, когда онъ выводилъ невольныя рулады. Старческій голосъ отказывался ему повиноваться. Его приглашали лишь отчасти для благолѣпія службы, больше же для того, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ увеличить къ празднику его чрезвычайно скудную казну.

Этотъ о. Моисей доставлялъ своей живучестью много огорченій одному изъ соборныхъ дьяконовъ. Когда до слуха настоятеля собора доходили вѣсти о томъ, что о. Моисей захворалъ и, вѣроятно, скоро отыдетъ въ лучшій міръ, настоятель посылалъ дьякона къ нему на квартиру, чтобы, по чину духовному, облачить мертвеца въ соотвѣтственныя одежды. Но о. Моисей всякій разъ поправлялся и возставалъ отъ одра болѣзни.

— Мене вже тричи (трижды) отець протоіерей посылавъ о. Мосія облачать,—жаловался соборный дьяконъ-хохолъ,—а вінъ же не помирае... Тілько время однымае...

Дворцовая домовая церковь была приписана къ собору, потому и служило въ ней соборное духовенство, по большей части, о. Николай Луценко. Въ Страстную недѣлю служба начиналась съ понедѣльника и тянулась утомительно долго. Пѣли мы съ кузнецами. Сюда собиралась говѣть (обыкновенно со среды) вся таганрогская тогдашняя знать: высшіе чины окружного суда, казачье начальство, жены богатыхъ пароходчиковъ, и изрѣдка бывалъ градоначальникъ съ семьей. Но непремѣнными, ежегодными говѣльщиками были Ульяна Андреевна Мартосъ и Любовь Кузьминишна Алфераки. Фамилія Алфераки владѣла въ Таганрогѣ однимъ изъ самыхъ изящныхъ по архитектурѣ и большихъ домовъ. Владѣнія Алфераки занимали цѣлый кварталъ съ огромнымъ садомъ, украшеннымъ затѣйливыми горками съ китайскими башенками. Въ ихъ домѣ на Католической улицѣ останавливался проѣздомъ через Таганрогъ покойный наслѣдникъ Николай Александровичъ, и тогда весь кварталъ былъ такъ роскошно иллюминованъ, что весь городъ сбѣгался смотрѣть на многочисленные, разноцвѣтные огни, какъ на чудо. Алфераки долгое время считались мѣстными крезами, но теперь они переселились въ Петербургъ, и ихъ роскошный домъ отданъ уже много лѣтъ тому назадъ въ аренду подъ клубъ, и садъ открытъ для публики. Сынъ Любови Кузьминишны, Ахиллесъ Николаевичъ, служитъ въ настоящее время на довольно отвѣтственномъ посту въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и занимаетъ должность директора-распорядителя «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». Любовь Кузьминишна живетъ теперь въ Петербургѣ на Милліонной. Она была одною изъ самыхъ почетныхъ говѣльщицъ: къ ней первой обращался священникъ съ просфорою и ей первой подносилъ крестъ приложиться. Въ церкви она занимала одно изъ скромныхъ мѣстъ и никогда не старалась выступать впередъ, но, тѣмъ не менѣе, для нея всегда былъ приготовленъ стулъ для отдохновенія во время длинныхъ и утомительныхъ великопостныхъ службъ. Въ Таганрогѣ она пользовалась большою извѣстностью и славилась широкою благотворительностью. Послѣ смерти двухъ близкихъ лицъ—мужа и старшаго сына, она, какъ говорятъ, уединилась въ своемъ огромномъ домѣ и не показывалась въ обществѣ. Ее из-

рѣдка видѣли на улицахъ въ экипажѣ и затѣмъ—въ церкви, и только.

Ульяна Андреевна Мартосъ была въ мое время уже очень древней старушкой. Выстаивать службу на ногахъ она уже не могла и все больше сидѣла на стулѣ въ уголку. Она уже доживала свой вѣкъ. Я ее помню всегда въ одномъ и томъ же костюмѣ—въ неизмѣнномъ стариннаго покроя черномъ шелковомъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ. Ходила она сгорбившись и при разговорѣ шамкала беззубымъ ртомъ. Понять ея рѣчь безъ привычки бывало трудновато. Въ давнія времена она, какъ говорятъ, играла при дворѣ Александра I какую-то роль, о которой она къ старости, кажется, и сама забыла. Добыть отъ нея какія бы то ни было подробности о царствованіи Благословеннаго было уже невозможно. Ея воспоминанія путались. Жила она уединенно въ длинномъ одноэтажномъ старинномъ домѣ, превращенномъ въ цвѣтникъ. Передъ окнами у нея стояли высокія ступенчатыя скамьи, тѣсно уставленныя цвѣточными горшками съ растеніями. Когда кончалась масленица, и наступалъ великій постъ, она засѣивала въ нѣсколькихъ блюдечкахъ овесъ и пшеницу, которые къ Страстной недѣлѣ давали обильную зелень и служили украшеніемъ плащаницы въ дворцовой церкви. Къ плащаницѣ изъ квартиры Ульяны Андреевны приносилось также множество горшковъ съ цвѣтами и зеленью.

Меблировка въ квартирѣ У. А. Мартосъ была тяжелая, старомодная и неуклюжая. Въ одномъ углу стояли стариннѣйшія клавикорды, къ клавишамъ которыхъ никто не прикасался уже десятки лѣтъ. Зеркала въ простѣнкахъ были древнія, потускнѣвшія. Но вся квартира содержалась въ педантичнѣйшей чистотѣ и опрятности. Въ Таганрогѣ Ульяну Андреевну звали «Мартосихой» и говорили, что она знаетъ много эпизодовъ изъ войны 1812-го года и изъ тогдашней придворной жизни. Но она никому ничего не разсказывала. Я бывалъ у нея въ домѣ нѣсколько разъ съ различными порученіями отъ отца. Она встрѣчала меня очень привѣтливо, показывала миніатюрную модель памятника Александру I, вылѣпленную ея покойнымъ мужемъ (модель эта въ полъ-аршина величиною стояла на подзеркальномъ столикѣ), и мои посѣщенія заканчивались обыкновенно тѣмъ, что она, принимая меня, 14-тилѣтняго гимназиста, за маленькаго мальчика, всякій разъ закармливала разныхъ сортовъ вареньями. Если я отказывался, она сама набирала полную ложку варенья прямо изъ баночки и повелительно приказывала мнѣ раскрыть ротъ. Возвращался я отъ нея почти всегда съ сильной зубной болью. Когда она скончалась и гдѣ погребена,—я не знаю, но помню, что въ Таганрогѣ она пользовалась большимъ почетомъ, и всѣ, даже начальствующія лица, подходили къ ея ручкѣ.

На насъ, подросткахъ, великопостная служба отражалась очень

тяжело. Всякій согласится, что стоять въ церкви и просто молиться—совсѣмъ не то, что выстаивать службу и пѣть, напрягая и голосовыя средства и вниманіе. Находясь подъ строгимъ контролемъ отца, мы не могли даже и помышлять о томъ, чтобы посидѣть и отдохнуть. Особенно тяжелы были для насъ литургіи преждеосвященныхъ, когда мы, три брата, должны были выдѣляться изъ хора, выходить въ своихъ гимназическихъ мундирахъ на средину церкви и исполнять дѣтскимъ тріо: «Да исправится молитва моя». Намъ казалось, что на насъ смотритъ съ любопытствомъ вся аристократія и не только смотритъ, но и замѣчаетъ и наше волненіе, и дрожаніе нашихъ голосовъ, и даже каждую ничтожную ошибку въ исполненіи. Самолюбіе наше ужасно страдало, и, когда мы, окончивъ тріо, возвращались на свое мѣсто и прятались за спинами кузнецовъ, намъ казалось, что мы только что покончили исполненіе какой-то ужасно тяжелой и трудной повинности. Во время длинныхъ чтеній я старался примоститься въ нишѣ окна у самыхъ рамъ, во-первыхъ, для того, чтобы имѣть возможность прислониться для отдыха къ косяку, а, во-вторыхъ, чтобы отъ скуки слѣдить за тѣмъ, что дѣлается на дворѣ. Противъ самаго окна, во дворѣ, находилась каменная караулка, въ которой жили казаки, несшіе при дворцѣ караульную службу. Два казака съ саблями наголо день и ночь ходили взадъ и впередъ по тротуарамъ вдоль лицевого и боковаго фасадовъ дворца. Изрѣдка одинъ изъ дежурныхъ казаковъ подходилъ къ висѣвшей на заборѣ рукояткѣ и дергалъ за нее. Во дворѣ раздавался ударъ въ колоколъ. На этотъ звонъ изъ караулки высыпало около дюжины другихъ казаковъ. Они выстраивались во дворѣ на деревянномъ помостѣ, обнажали сабли и въ такомъ видѣ простаивали неподвижно минуты двѣ, а затѣмъ снова скрывались въ караулку. Это значило, что мимо дворца проѣзжала или проходила какая нибудь важная особа, которой надлежало отдавать честь. Эти періодическія выскакиванія казаковъ нѣсколько развлекали насъ.

Впрочемъ, однажды судьба послала намъ и иное, болѣе серіозное и болѣе пикантное развлеченіе. Въ страстной службѣ есть прекрасное пѣснопѣніе, положенное композиторомъ Львовымъ на три голоса. Называется оно: «Разбойника благоразумнаго». Это пѣснопѣніе должны были исполнить среди церкви, подъ управленіемъ отца, мы, три брата въ гимназическикъ мундирахъ. Разучивали мы эту вещь долго, она намъ давалась трудно, и мы порядочно трусили. Но судьба избавила насъ. Пропѣть это пѣснопѣніе изъявили желаніе двѣ аристократки музыкантши, m-me Г. и m-lle Ю. Отецъ, въ качествѣ баса, долженъ былъ дополнить тріо. Предстоялъ неожиданный сюрпризъ для всей говѣющей публики. По окончаніи утренняго богослуженія обѣ дамы и нашъ отецъ сошлись въ квартирѣ m-lle Ю. и долго спѣвались подъ фортепіано. На

спѣвкѣ все шло прекрасно, и никто не ожидалъ, что затѣя закончится неблагопріятно. А она кончилась такъ, что о ней говорили въ городѣ цѣлую недѣлю во всѣхъ гостиныхъ. Когда во время службы насталъ моментъ пѣть «Разбойника», изъ среды молящихся неожиданно, сюрпризомъ для всѣхъ, выдѣлились и выступили торжественно на середину церкви съ одной стороны m-me Г., съ другой—m-lle Ю., а съ третьей подошелъ съ серіозной миной на лицѣ нашъ отецъ. Составилось тріо. Отецъ прислушался къ камертону, задалъ тонъ и священнодѣйственно поднялъ кисть руки. Публика замерла.

— Разбой... начала m-me Г., смутилась и умолкла.

— Разбойни... поддержала не во время m-lle Ю. и тоже сконфузилась и умолкла.

— Раз... началъ было отецъ, но густо покраснѣлъ и поспѣшно задалъ новый тонъ.

Дамы откашлялись. Отецъ взмахнулъ рукою и началъ басомъ:

— Разбо-о-о-й...

Обѣ дамы краснѣютъ и безмолвствуютъ. Отецъ конфузится еще болѣе.

Изъ алтаря доносится старческій голосъ о. Николая, который, стараясь поддержать смутившееся тріо, въ свою очередь запѣваетъ:

— Разбо-о-ойника бла-а-гора-а-зумнаго...

Поощренное тріо оправляется и дружно начинаетъ снова. Первый тактъ проходитъ благополучно, а на второмъ дамы снова срываются и одна за другою покидаютъ позицію. Отецъ возвращается на свое мѣсто красный и взволнованный. «Разбойника» съ честью, хотя и не особенно стройно, заканчиваютъ кузнецы. Отецъ послѣ этого инцидента далъ клятвенное обѣщаніе «никогда больше не связываться съ дамами» тѣмъ болѣе, что, какъ оказалось потомъ, обѣ дамы, въ силу женской логики, свалили всѣ свои неудачи цѣликомъ на него.

Выносъ плащаницы совершался о. Николаемъ торжественно и единолично, такъ какъ изъ духовенства, кромѣ него, въ алтарѣ не бывало никого, а міряне въ царскія врата входить права не имѣли. Въ пятницу утромъ совершалось «обхожденіе» вокругъ церкви, которое заключалось въ томъ, что о. Николай съ подобающимъ благоговѣніемъ выходилъ на середину церкви и поднималъ плащаницу. Тутъ къ нему подходили на помощь міряне, и процессія торжественно направлялась въ дворцовую залу, оттуда — въ переднюю, изъ передней черезъ дверь въ алтарь, и изъ алтаря ее снова выносилъ черезъ царскія врата единолично о. Николай и полагалъ на катафалкъ.

Послѣ утомительной и долгой великопостной службы самымъ счастливымъ и торжественнымъ моментомъ былъ моментъ начала пасхальной утрени. Хоръ собирался въ церковь въ Страстную суб-

боту къ 11 часамъ вечера. Изъ моихъ дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній никогда не изгладится пасхальная утреня. Какъ теперь, помню южную, слегка прохладную ночь. Кругомъ пахнетъ весною и свѣжей, пробивающейся травкой. На небѣ близится къ закату красный серпъ послѣдней четверти луны. Впереди предстоитъ безсонная ночь, но мы, молодежь, идемъ навстрѣчу ей радостно и весело: насъ подзадориваетъ мощное вліяніе весны и предвкушеніе торжественной пасхальной утрени. Мы приходимъ въ церковь со свѣчами. Кузнецы являются въ черныхъ сюртукахъ, въ самыхъ фантастичныхъ цвѣтныхъ галстухахъ и въ сапогахъ, на славу блестящихъ отъ такого рѣдкаго для нихъ событія, какъ чистка ваксою. Отъ наиболѣе франтоватыхъ изъ нихъ несетъ еще издали дешевою помадой Альфонса Ралле. Всѣ они сіяютъ и смотрятъ торжественно и радостно.

Дядя или отецъ начинаетъ громко дочитывать послѣднія великопостныя молитвы. Со двора слышится разъ за разомъ грохотъ каретъ и экипажей — начинаетъ съѣзжаться публика: мужчины въ мундирахъ, съ лентами и орденами и во фракахъ; дамы — въ блестящихъ, почти бальныхъ туалетахъ. Одна только старушка Мартосъ вѣрна своему черному шелковому платью и бѣлому чепцу.

Въ половинѣ двѣнадцатаго о. Николай и діаконъ изъ собора выходятъ въ черныхъ ризахъ и уносятъ плащаницу въ алтарь. Великопостная служба закончена. Наступаетъ торжественная тишина. О минувшемъ, тяжеломъ постѣ напоминаетъ только пустой катафалкъ среди церкви, все еще окруженный зеленью. Въ закрытыя окна доносится торжественный пасхальный благовѣстъ съ колокольни собора.

Изъ алтаря выходятъ діаконъ съ огромной свѣчею и о. Николай съ крестомъ. Теперь же оба они—въ бѣлыхъ ризахъ. Духовенство и хоръ направляются изъ церкви въ залу. За ними слѣдуетъ и вся остальная публика. У всѣхъ въ рукахъ—горящія свѣчи. Передъ о. Николаемъ и діакономъ распахиваются настежь завѣтныя двери, и процессія вступаетъ въ забытые внутренніе аппартаменты. Въ нихъ насъ охватываетъ легкая дрожь и сырость... Большія, пустынныя комнаты озаряются нѣсколькими десятками огней отъ восковыхъ свѣчей. Мы поемъ: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе». Процессія тихо, торжественно и не безъ любопытства проходитъ длинныя амфилады необитаемыхъ покоевъ. Одна комната смѣняется другою, и въ ночномъ мракѣ кажется, будто имъ нѣтъ и конца. Процессія неожиданно выходитъ подъ открытое небо и черезъ полминуты опять подходитъ къ новой двери. Всѣхъ охватываетъ прохлада весенней ночи. Отъ огня свѣчей ночь кажется темнѣе, чѣмъ она есть; но все-таки можно кое-какъ разсмотрѣть дворцовый дворъ и въ глубинѣ его—садъ, въ которомъ когда-то прогуливался Александръ I. Крестный ходъ, не останавли-

ваясь, идетъ дальше. Снова начинается амфилада покоевъ, и затѣмъ вдругъ, точно по волшебству, всѣ оказываются въ той же залѣ, откуда и вышли. О. Николай, діаконъ, хоръ и всѣ молящіеся направляются въ церковь. Но дверь церкви закрыта. Мы всѣ останавливаемся. Хоръ отвѣчаетъ на возглашенія священника торжественнымъ откликомъ. Поется уже о воскресеніи Христа. Гдѣ-то далеко раздается звонъ часовъ, бьющихъ полночь. Дверь отворяется, и мы входимъ въ церковь съ радостнымъ пѣніемъ пасхальнаго тропаря: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ»...

Въ церкви уже нѣтъ ни катафалка, ни горшковъ съ цвѣтами. Все это уже убрано. Все великопостное и грустное исчезло; ихъ мѣсто заступили духовное ликованіе и радость...

Одна только Ульяна Андреевна Мартосъ не выходила изъ церкви и не участвовала въ крестномъ ходѣ. Она все время сидѣла въ своемъ уголкѣ на стулѣ. Ея не влекло во внутренніе покои. Для нея они теперь не интересны: она бывала въ нихъ тогда, когда они были оживлены, и когда она сама была много моложе...

Начинается торжественная пасхальная утреня. Она вся состоитъ изъ одного только канона, въ который вылилъ всю свою поэзію и весь свой восторженный экстазъ Іоаннъ Дамаскинъ. Композиторъ Львовъ положилъ этотъ вдохновенный канонъ на музыку речитативомъ. Но какъ дивенъ этотъ речитативъ! Какъ онъ удачно соотвѣтствуетъ радостному пасхальному настроенію! Хоръ начинаетъ словами: «Воскресенія день! Просвѣтимся, людіе!» и поетъ, поетъ безъ перерыва. Черезъ каждыя три пѣсни выходитъ изъ алтаря священникъ и привѣтствуетъ: «Христосъ воскресе!»... Все забыто: вся тягость и усталость великопостной службы; молящіеся весело отвѣчаютъ: «Во истину воскресе!» А хоръ поетъ и поетъ съ увлеченіемъ. Дядя смотритъ украдкой на свои карманные часы и торжественно шепчетъ: «Уже часъ безъ пяти минутъ!» А всѣмъ кажется, будто бы прошла только четверть часа. Утреня кончается. Хоръ поетъ: «Да воскреснетъ Богъ». Начинается всеобщее христосованье. Всѣ поздравляютъ другъ друга и цѣлуются... Вслѣдъ за утреней поются часы, и непосредственно за ними начинается обѣдня. Евангеліе читается на двухъ языкахъ: діаконъ середи церкви читаетъ по-славянски, а о. Николай вторитъ ему въ алтарѣ по-латыни. Это разноязычіе, какъ символъ благовѣствованія христіанства среди всѣхъ народовъ въ мірѣ, производитъ на слушателей отрадное впечатлѣніе. Хоръ не торопится, но служба сама по себѣ протекаетъ незамѣтно и быстро. Въ началѣ третьяго ночи пасхальная обѣдня уже кончена. Публика въ счастливомъ и праздничномъ настроеніи начинаетъ разъѣзжаться. О. Николай выходитъ въ залу и приступаетъ къ освященію куличей, пасокъ и крашенныхъ яицъ, разставленныхъ на полу въ чинномъ порядкѣ дворцовымъ казачьимъ карауломъ...

А на дворѣ стоитъ еще темная, почти непроглядная весенняя южная ночь. До разсвѣта еще далеко. Въ соборѣ и другихъ церквахъ еще не кончилась служба. Она кончится часовъ около 4-хъ утра.

Мы направляемся домой, не чувствуя ни малѣйшей усталости. Кузнецы и дядя сворачиваютъ по дорогѣ въ соборъ. Въ эту торжественную ночь имъ мало того, что они уже пережили и сами пропѣли пасхальную утреню и обѣдню: имъ хочется послушать еще, какъ поютъ въ соборѣ...

Разставшись съ ними, мы, молодежь, идемъ почти бѣгомъ домой. На душѣ у насъ хорошо. Но у меня въ головѣ почему-то бродятъ свои мысли. И эти мысли, я долженъ сознаться, приходятъ мнѣ въ голову и теперь въ каждую пасхальную ночь. Прошли десятки лѣтъ, а онѣ вывѣтриться не могутъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Стоустная молва, со словъ старожиловъ, гласила, что когда покойнаго Александра I бальзамировали, то подлежавшія удаленію части организма врачи положили въ урну и тайно предали землѣ въ дворцовомъ саду. Мѣсто это никому неизвѣстно. Это одно преданіе. Подъ поломъ церкви, въ которой мы пѣли пасхальную утреню, находится еще одна комната въ подвальномъ этажѣ. Въ наше время о существованіи этой комнаты почему-то знали очень немногіе. Въ ней отъ пола и до потолка возвышается толстая, четырехугольная колонка изъ известковаго песчаника. Она вершиною упирается прямо въ потолокъ, и можно думать, что ее выстроили для того, чтобы доставить твердую опору полу церкви. На одной изъ сторонъ этой колонны вдѣлана чугунная доска, на которой барельефомъ изображены послѣднія минуты жизни Александра I. Государь умираетъ на кровати. Его руку держитъ въ своихъ рукахъ колѣнопреклоненная, горестная императрица. Вокругъ стоятъ убитые горемъ придворные.

Въ первый разъ я попалъ въ эту подвальную комнату фуксомъ, повинуясь мальчишескому любопытству. Затѣмъ мы ее осматривали уже въ компаніи взрослыхъ и въ сопровожденіи смотрителя, г. Юркевича. Не помню кто: Юркевичъ ли, или кто другой изъ присутствовавшихъ, торжественно заявилъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, здѣсь, подъ этою колонною, погребено сердце государя...

Съ той поры мнѣ все хочется разгадать: которая же изъ двухъ версій вѣрнѣе? Которая изъ легендъ правдоподобнѣе? Въ саду или подъ колонной? По какой-то странной ассоціаціи идей эти вопросы приходятъ мнѣ въ голову. уже много лѣтъ только въ пасхальную ночь...

А. Сѣдой (Ал. Чеховъ).

АДМИРАЛЪ КОРНЕЛІЙ КРЮЙСЪ.

АДМИРАЛЪ Корнелій Крюйсъ, одинъ изъ доблестнѣйшихъ моряковъ, имѣетъ всѣ права на имя «отца русскаго флота», такъ какъ ему главнымъ образомъ Петръ Великій былъ обязанъ тѣмъ, что въ такой сравнительно короткій срокъ создалъ и организовалъ «морское дѣло» въ Россіи. Несмотря, однако, на большую славу и заслуги адмирала Крюйса, истинное происхожденіе его и даже мѣсто рожденія оставались неизвѣстными до самаго послѣдняго времени. Причину этого надо искать въ упорствѣ, съ которымъ голландцы всегда отстаивали его голландское происхожденіе даже послѣ того, какъ были оглашены въ печати убѣдительные доводы въ пользу того, что Крюйсъ родился въ городѣ Ставангерѣ (Норвегія). Рѣшеніе вопроса: норвежецъ или голландецъ Крюйсъ, не лишено поэтому значенія въ смыслѣ установленія исторической правды.

Считая излишнимъ утруждать читателя ссылками на различные, разбросанные тамъ и сямъ, отзывы старыхъ голландскихъ писателей, пытавшихся отстаивать голландское происхожденіе Крюйса, ограничиваюсь указаніемъ на доводы, приводимые противъ такого взгляда профессоромъ До, въ его интересномъ трудѣ: «Жизнеописаніе Крюйса, его происхожденіе, значеніе для норвежцевъ и датчанъ» [1]), и краткимъ извлеченіемъ изъ біографіи адмирала, помѣ-

[1]) Dr. Ludvig Daac: Nordmand og Danske i Rusland i det XVIII Aarhundrede i norsk historisk Tidsskrift II R. 4 Bind.

щенной въ голландскомъ біографическомъ словарѣ. Нижеслѣдующее извлеченіе познакомитъ читателя съ интересной жизнью этого выдающагося дѣятеля.

Происхожденіе этого замѣчательнаго человѣка, который вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ положилъ основаніе морскому могуществу Россіи, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. По однимъ свѣдѣніямъ, онъ родомъ изъ г. Ставангера, по другимъ—потомокъ знатнаго голландскаго рода. Родился онъ 14-го іюня 1657 года и съ дѣтства готовился въ моряки. Во время пребыванія Петра Великаго въ Голландіи Крюйсъ служилъ экипажъ-мейстеромъ при адмиралтействѣ въ Амстердамѣ и пользовался репутаціей прекраснаго кораблестроителя, человѣка весьма свѣдущаго во всемъ, что касалось оснастки военныхъ кораблей и снаряженія флота, а также опытнаго въ составленіи морскихъ картъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкомъ остраго ума и въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Всѣ эти качества и сблизили его съ русскимъ самодержцемъ, который сразу угадалъ въ немъ человѣка, способнаго осуществить грандіозные планы царя по части морского могущества Россіи. Были приложены всѣ старанія уговорить Крюйса перейти на русскую службу; сначала онъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы оставить Голландію, гдѣ стоялъ на дорогѣ къ быстрому повышенію, но затѣмъ сталъ поддаваться уговорамъ вице-адмирала Schey и знаменитаго Николая Витсена, бургомистра амстердамскаго, который вполнѣ справедливо придавалъ большое значеніе тому, чтобы царь обрѣлъ для столь важной цѣли такого подходящаго человѣка въ Голландіи. Въ концѣ концовъ Крюйсъ согласился и въ скоромъ времени вмѣстѣ съ докторомъ Ферстегеномъ уѣхалъ въ Россію.

Въ Москвѣ, куда Крюйсъ прибылъ 15-го октября 1698 г., его встрѣтили съ необыкновеннымъ почетомъ, вскорѣ произвели въ вице-адмиралы, и онъ съ выдающейся энергіей взялся за дѣло: составлялъ карты, устраивалъ верфи, руководилъ прорытіемъ каналовъ, постройкой кораблей, организаціей всего морского вѣдомства и веденіемъ морской войны со шведами. Въ 1703 г. Крюйсъ, успѣвшій заслужить полное довѣріе царя и пользовавшійся большимъ вліяніемъ на него, былъ отправленъ съ миссіей въ Голландію. Миссія эта заключалась не только въ отпечатаніи составленныхъ Крюйсомъ картъ, но, главное, въ соглашеніи съ голландскимъ правительствомъ относительно вербовки для русскаго флота голландскихъ матросовъ, пріема русскихъ матросовъ на временную службу въ голландскій флотъ, привлеченія на русскую службу голландскихъ морскихъ офицеровъ и другихъ опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ лицъ, и, наконецъ, закупки въ Голландіи оружія и другихъ боевыхъ припасовъ для Россіи и дозволенія безпрепятственнаго вывоза ихъ. Крюйсъ выполнилъ свою миссію съ полнымъ успѣхомъ.

Большія услуги Россіи и Петру оказалъ Крюйсъ также въ войнѣ съ турками. Самъ Петръ высоко цѣнилъ своего морского сподвижника, равно, какъ и другихъ голландцевъ, которые способствовали осуществленію его стремленій къ возвеличенію Россіи. Зато голландцы, а въ ихъ числѣ и Крюйсъ, возбуждали сильную зависть русскихъ вельможъ, и послѣдніе всячески старались лишить ихъ милости царя. Въ 1713 г. Крюйса, преслѣдовавшаго съ двумя русскими кораблями три шведскіе, постигло несчастіе: одинъ изъ русскихъ кораблей наскочилъ на рифъ, и Крюйсъ, чтобы судно не досталось непріятелю, распорядился поджечь его. Объ этомъ несчастіи царю было доложено завистниками въ извращенномъ видѣ, былъ созванъ военный совѣтъ, и Крюйса приговорили къ смертной казни.

Лишь на лобномъ мѣстѣ адмиралу было объявлено о замѣнѣ для него царемъ смертной казни ссылкой въ Казань. Нѣтъ сомнѣнія, что и ссылка была бы отмѣнена, если бы Крюйсъ захотѣлъ признать за собой хоть часть вины и просить прощенія у Петра. Но твердый, прямодушный человѣкъ не согласился на это и отправился въ ссылку, довольный, по его словамъ тѣмъ, что ему «оставили библію и Сенеку».

Прошло, однако, немного времени, какъ царь живо почувствовалъ отсутствіе такого помощника и дѣятеля, какимъ былъ Крюйсъ, и рѣшился вернуть его въ Петербургъ. По пріѣздѣ, Крюйса привѣтствовалъ Меншиковъ, вручившій ему шпагу, а затѣмъ явился и самъ царь, горячо обнялъ адмирала и сказалъ: «Я больше не сержусь!» Крюйсъ же на это отвѣтилъ: «И я больше не сержусь!». Послѣ того адмиралъ вновь занялъ прежнее положеніе при царѣ, которое сохранилъ и при его супругѣ и преемницѣ. Вскорѣ по возвращеніи изъ ссылки Крюйсу порученъ былъ главный надзоръ за снаряженіемъ флота, пожалованъ чинъ вице-президента адмиралтейской коллегіи, 20.000 рублей деньгами и большое имѣніе близъ Кексгольма.

По заключеніи мира въ Нюстадѣ, Крюйсъ былъ произведенъ въ адмиралы синяго флага. Позже царь пожаловалъ ему островъ Биркъ у финляндскаго берега и орденъ св. Александра Невскаго. Милостиво признательное отношеніе царя къ Крюйсу выражалось между прочимъ и въ названіи «батюшка», съ которымъ царь неизмѣнно обращался къ нему. Скончался Крюйсъ семидесяти лѣтъ, 14-го іюня 1727 г., завѣщавъ отвезти свое тѣло въ Амстердамъ, что и было исполнено его вдовой, переселившейся на родину, въ Голландію.

Крюйсъ былъ человѣкъ высокаго роста, широкоплечій, сильнаго сложенія и мужественнаго вида. Характера онъ былъ твердаго, рѣшительнаго и соединялъ въ себѣ честность, прямоту, справедливость и истинное благочестіе. Голландцы и нѣмцы, пересе-

лившіеся въ Россію, всегда находили въ немъ мужественнаго защитника своихъ правъ. Особую же заслугу Крюйса составляетъ то, что онъ былъ основателемъ и покровителемъ первой евангелической церкви въ Петербургѣ. Кромѣ того, онъ много содѣйствовалъ открытію въ Россіи школъ для дѣтей своихъ земляковъ и другихъ иностранцевъ [1]).

Итакъ, голландскій біографическій словарь въ вопросѣ о происхожденіи Крюйса держится на почвѣ неопредѣленныхъ указаній, склоняясь, однако, скорѣе въ пользу признанія Крюйса голландцемъ. Новѣйшій же русскій энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона совсѣмъ обходитъ этотъ вопросъ, касаясь жизни и дѣятельности Крюйса лишь со времени его поступленія на русскую службу. Въ старинныхъ русскихъ офиціальныхъ спискахъ морскихъ офицеровъ, какъ мнѣ самому случалось читать, Крюйсъ, однако, именовался датчаниномъ (это опредѣленіе національности во время соединенія Норвегіи съ Даніей часто прилагалось безъ разбора и къ норвежцамъ, и къ датчанамъ), а въ старинной русской біографіи Крюйса, составленной Берхомъ, и въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, его называютъ норвежцемъ.

Профессоръ До утверждалъ еще въ 1884 г., что Крюйсъ родился 14-го іюня 1657 г. въ городѣ Ставангерѣ, и въ доказательство приводилъ отзывы такихъ достовѣрныхъ лицъ изъ близкихъ друзей Крюйса, какъ датскій посланникъ въ Петербургѣ Вестфаленъ и лютеранскій пасторъ Бюшингъ. Но и До заявлялъ, что имена родителей Крюйса остаются неизвѣстными.

Въ датскомъ біографическомъ словарѣ высказано предположеніе, что Крюйсъ одно лицо съ нѣкіимъ Корнеліемъ Роулофсеномъ Крейсомъ, который былъ схваченъ французскими каперами въ 1693 году, но это предположеніе, какъ выясню дальше, оказывается ошибочнымъ.

Приводимыя же профессоромъ До въ доказательство норвежскаго происхожденія Крюйса свидѣтельства достовѣрныхъ лицъ подкрѣпляются открытыми въ послѣднее время свидѣтельствами другихъ современниковъ Крюйса. Такъ, напримѣръ, датскій адми-

---

[1]) Выпускаю конецъ біографіи, гдѣ говорится о дѣтяхъ Крюйса, и упоминаются различные его портреты, изъ которыхъ наилучшій и приложенъ къ настоящей статьѣ. Вообще біографія эта представляетъ довольно односторонній сводъ свѣдѣній о Крюйсѣ по голландскимъ источникамъ. Выше я упоминаю о статьѣ профессора До, а въ новѣйшей русской исторической литературѣ, изобилующей цѣнными данными для исторіи русскаго флота, разбросано немало свѣдѣній о Крюйсѣ, безъ знанія которыхъ нельзя вполнѣ правильно судить о его жизни, дѣятельности и заслугахъ. Но область эта настолько обширна, что я не буду касаться ея здѣсь подробнѣе,—цѣль моя лишь установленіе происхожденія Крюйса.

ралъ Юстъ Юль говоритъ въ своихъ запискахъ [1]), что ему по его пріѣздѣ въ Петербургъ въ декабрѣ 1709 года отвели помѣщеніе у «вице-адмирала царскаго флота Корнелія Крейца, уроженца Норвегіи, красиваго, умнаго, опытнаго человѣка». Затѣмъ норвежскій морякъ Іенсъ Абрагамсенъ Плоугъ (родился въ 1699 году) въ своихъ запискахъ (недавно изданы ректоромъ въ Ставангерѣ Л. Э. Эриксеномъ) прямо подтверждаетъ заключеніе До о родствѣ отца русскаго флота съ новѣйшимъ ставангерскимъ родомъ Крейцевъ, сообщая, что сынъ его, родившійся 19 сентября 1739 года, названъ Корнеліемъ Крейцъ (Плоугъ) въ честь дяди по матери, «московитскаго адмирала». Изъ примѣчанія къ упомянутымъ запискамъ видно, что мать жены Іенса Абрагамсена Плоуга была Сидсель Ольсдаттеръ (т. е. дочь Оле). Архиваріусъ норвежскаго государственнаго архива указалъ съ своей стороны, что у адмирала Крюйса были двѣ сестры, Кирстенъ Ольсдаттеръ и Сидсель Ольсдаттеръ. Наконецъ, Аксель Кьелландъ, приводя свою родословную, упоминаетъ нѣсколько ставангерскихъ семействъ, въ томъ числѣ и семейство Крюйсъ, проживавшее въ Ставангерѣ въ XVIII столѣтіи.

Итакъ, многое говорило за то, что адмиралъ Крюйсъ былъ дѣйствительно родомъ изъ Ставангера, я и рѣшилъ попытаться добиться въ Христіаніи достовѣрныхъ свѣдѣній о его родителяхъ.

Оказалось, что церковныхъ книгъ г. Ставангера, относящихся къ году рожденія Крюйса, не существуетъ больше, но въ норвежскомъ государственномъ архивѣ сохраняются книги съ записями по вводу въ наслѣдство въ г. Ставангерѣ, относящіяся къ концу XVII столѣтія. Главное затрудненіе моихъ розысковъ заключалось въ томъ, что, зная обычаи того времени, нельзя было навѣрно разсчитывать, что отецъ Корнелія Крюйса носилъ ту же фамилію, что и сынъ, тѣмъ болѣе, если послѣдній воспитывался въ Голландіи. Единственнымъ достовѣрнымъ указаніемъ, которое могло руководить моими розысками, было свѣдѣніе, что отца Крюйса звали Оле, и что у него было двѣ дочери, Кирстенъ и Сидсель. Оле имя очень распространенное въ Норвегіи, но не у каждаго же Оле могло быть двѣ дочери съ именами Кирстенъ и Сидсель и сынъ съ такимъ именемъ, которое по-голландски соотвѣтствовало бы Корнелію. И случись мнѣ встрѣтить въ упомянутыхъ книгахъ подобную семейную комбинацію, можно было надѣяться, что слѣдъ найденъ. Просматривая книги, я и обратилъ вниманіе на слѣдующій документъ [2]).

---

[7]) Ср. En Rejse til Rusland under Tsar Peter, Dagbogsoptegnelser af Vice admiral Just Juel, udgivet ved G. L. Grove, Kjöbenhavn, 1893, S. 110, гдѣ помѣщенъ другой портретъ Крюйса. (Сборникъ этотъ впослѣдствіи переведенъ на русскій языкъ и дополненъ Ю. И. Щербачевымъ: Записки Юста Юля, 1900 г.).

[2]) Нижеслѣдующія выписки изъ документовъ засвидѣтельствованы архиваріусомъ государственнаго норвежскаго архива Э. Гартманомъ.

«Договоръ наслѣдниковъ покойнаго Оле Гудфастерсенъ.

«Мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ симъ, что 1680 года 10 декабря мы, по приказанію и церковному оглашенію, собирались въ домѣ покойнаго Оле Гудфастерсена, гражданина и жителя сего города, для составленія обычнаго договора о наслѣдствѣ между вдовой его, честной и богобоязненной гражданкой Аппелоной Нильсдаттеръ (т. е. дочерью Нильса) и ихъ дѣтьми: Нильсомъ Ольсенъ (т.-е. сыномъ Оле) — шкиперомъ на голландскомъ суднѣ, плавающемъ на Испанію, Христіаномъ Ольсенъ, Гансомъ Ольсенъ, Оле Ольсенъ, Кирстенъ Ольсдаттеръ (т.-е. дочерью Оле) и Сидсель Ольсдаттеръ, изъ которыхъ трое старшихъ сыновей не присутствовали здѣсь. Мать, напрягши послѣднія усилія, что готова подтвердить клятвой, выдѣляетъ названнымъ своимъ дѣтямъ изъ отцовскаго наслѣдства сорокъ риксдалеровъ, что составитъ на долю каждаго брата по 8 риксдалеровъ а на долю сестры по 4 риксдалера, каковую сумму она имѣетъ уплатить совершеннолѣтнимъ, когда они потребуютъ, а несовершеннолѣтнимъ, когда они достигнутъ совершеннолѣтія или выйдутъ замужъ»... и т. д.

Въ этомъ документѣ какъ разъ упоминались, слѣдовательно, двѣ дочери Оле: Кирстенъ и Сидсель, и состоящій шкиперомъ голландскаго судна сынъ, имя котораго Нильсъ въ передѣлкѣ на голландскій легко могло превратиться въ Корнеліусъ. Прямое же доказательство того, что данная семья и была дѣйствительно родной семьей Крюйса, я нашелъ въ другомъ документѣ—договорѣ о наслѣдствѣ послѣ вышеупомянутой вдовы Оле Гудфастерсена—Аппелоны Нильсдаттеръ. Въ данномъ документѣ въ числѣ наслѣдниковъ упомянуты: «мужъ дочери покойной Сидсель Ольсдаттеръ, благородный Олуфъ Якобсенъ, вторая дочь Кирстенъ Ольсдаттеръ и отсутствующій братъ ихъ, высокородный господинъ вице-адмиралъ Крейцъ, состоящій на службѣ московитской». Все же наслѣдство равнялось 56 риксдалерамъ 12 скилингамъ.

Послѣднее указаніе не оставляетъ больше сомнѣній въ томъ, что родители адмирала Корнелія Крюйса именовались въ Ставангерѣ Оле Гудфастерсенъ и Аппелона Нильсдаттеръ. Имена же эти настолько чисто скандинавскія, что рѣшительно противорѣчатъ версіи объ иностранномъ (голландскомъ) происхожденіи семьи, по крайней мѣрѣ, въ ближайшихъ восходящихъ поколѣніяхъ.

Корнелій Крюйсъ, слѣдовательно, прозывался первоначально Нильсъ Ольсенъ (сынъ Оле) и въ 1680 году состоялъ шкиперомъ на голландскомъ суднѣ, плавающемъ въ Испанію. Принимая во вниманіе, что иностранцу въ столь молодые годы (23 года) врядъ ли довѣрили бы управленіе судномъ, надо полагать, что онъ съ дѣтства состоялъ на голландской морской службѣ. Очевидно также, что въ Голландіи онъ имѣлъ возможность широко развить свои природныя дарованія, иначе Крюйсъ, родившійся въ бѣднѣйшей

части небольшого въ то время норвежскаго городка Ставангера, не могъ бы добиться въ молодые свои годы такого общаго признанія своихъ способностей, что его рекомендовали въ качествѣ достойнаго кандидата царю русскому.

Весьма естественно поэтому, что Крюйсъ до конца жизни сохранялъ чувства привязанности и признательности къ своей второй родинѣ, которой былъ обязанъ и образованіемъ и дальнѣйшими успѣхами въ жизни. Объ этихъ же чувствахъ свидѣтельствуетъ его желаніе быть погребеннымъ въ Голландіи, откуда была родомъ и жена его. Вполнѣ естественно также, что біографія Крюйса помѣщена въ біографическомъ словарѣ ф. д. Ааса, посвященномъ лицамъ, принадлежащимъ Голландіи, если не по рожденію, то по воспитанію и дѣятельности. Слѣдовало бы только, упоминая о покровительствѣ, которое Крюйсъ оказывалъ голландцамъ и нѣмцамъ, включить сюда и норвежцевъ съ датчанами. Многіе изъ обучавшихъ русскихъ морскому дѣлу «голландскихъ офицеровъ и моряковъ», какъ они именовались въ официальныхъ спискахъ, на самомъ дѣлѣ были норвежцами и датчанами, только приглашенными на русскую службу изъ Голландіи, являвшеюся въ то время своего рода биржей моряковъ, и передѣлавшими свои имена и фамиліи на голландскій ладъ. И не малое число этихъ морскихъ офицеровъ, какъ то видно изъ русскихъ официальныхъ списковъ, были вызваны въ Россію самимъ Крюйсомъ [1]).

Какъ и почему онъ выбралъ себѣ фамилію Крюйса, не берусь объяснить. Мнѣ не попадалось никакого современнаго доказательства того, чтобы отецъ его пользовался этимъ прозвищемъ, то же обстоятельство, что сестры его и другіе родственники пользовались этой фамиліей уже послѣ того, какъ Крюйсъ сталъ знаменитъ, ничего не обозначаетъ,—они попросту заимствовали ее у него. Скорѣе всего перемѣна прозвища Ольсенъ на Крюйсъ объясняется желаніемъ избѣжать путаницы въ виду массы Ольсеновъ среди норвежцевъ, которые во множествѣ стекались въ Голландію на морскую службу. Ректоръ Эрихсенъ изъ Ставангера высказалъ мнѣ въ видѣ предположенія, что Крюйсъ выбралъ себѣ фамилію въ память о морскомъ знакѣ въ видѣ древняго каменнаго креста на островѣ «Кросса» или Kreutzinsel близъ Ставангера. Быть можетъ, семейство Крюйса даже было родомъ съ этого острова.

Подпись Крюйса носитъ чисто голландскій характеръ, и писалъ онъ свою фамилію Cruijs, печать же его состоитъ изъ завитой буквы С съ крестомъ впереди и позади. Какъ подпись, такъ и пе-

---

[1]) Весьма характерно, что среди приглашенныхъ имъ моряковъ почти не было членовъ извѣстныхъ или знатныхъ семействъ; напротивъ, всѣ они принадлежали къ сословію, изъ котораго вышелъ самъ Крюйсъ, сословію простыхъ опытныхъ моряковъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, больше всего и нуждался только что возникавшій русскій флотъ.

чать изображены въ упоминовавшейся біографіи его, составленной Берхомъ.

Въ русскихъ спискахъ Крюйсъ именуется Корнеліемъ Ивановичемъ, хотя слѣдовало бы именовать его Олевичемъ, по отцу Оле. Но Крюйсъ, вѣроятно, поступилъ, какъ и большинство иностранцевъ, переселившихся въ Россію, которые, взамѣнъ непривычныхъ для русскаго произношенія и слуха иностранныхъ отчествъ, присваиваютъ себѣ отчества Ивановичей, Богдановичей и т. п.

Свои первыя плаванія Крюйсъ, однако, по всей вѣроятности, совершалъ подъ настоящимъ своимъ именемъ Нильса Ольсена, и, возможно, что установленная теперь подлинность этого имени будетъ содѣйствовать къ тому, чтобы нашлись болѣе подробныя свѣдѣнія о проведенныхъ имъ въ Голландіи молодыхъ годахъ, относительно которыхъ пока извѣстно весьма мало даже по голландскимъ источникамъ.

Секретарь королевскаго архива въ Копенгагенѣ

Г. Л. Грове.

КАМЕННОУГОЛЬНЫЯ БОГАТСТВА НА КАВКАЗѢ.

ВЪ МАЙСКОЙ книгѣ «Историческаго Вѣстника» за этотъ годъ я говорилъ о красотѣ и роскоши посада Сочи и прилегающихъ къ нему мѣстъ. Теперь я попрошу читателя перенестись немного далѣе, на югъ отъ Сочи, въ Сухумскій округъ, которому въ самомъ недалекомъ будущемъ предстоитъ видная роль каменноугольной станціи для всего русскаго, а отчасти и иностраннаго, пароходства по Черному морю, благодаря недавно открытымъ, вблизи мѣстечка Очемчиръ, залежамъ каменнаго угля, въ количествѣ, способномъ снабжать топливомъ все черноморское пароходство въ теченіе, по крайней мѣрѣ, шестидесяти лѣтъ. Но прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ Сухумѣ.

Этотъ очаровательный городокъ, имѣющій около десяти тысячъ жителей, занимаетъ небольшое, сравнительно, пространство земли, закрытое съ востока и сѣвера высокими горами, покрытыми роскошною субтропическою растительностью и защищающими его отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ; оттого и флора Сухума гораздо богаче, чѣмъ, напримѣръ, въ Сочи: здѣсь совершенно свободно безъ всякаго особеннаго ухода и даже безъ защиты на зиму растутъ апельсинныя деревья и пальмовыя; мѣстные сады полны кипарисами и магноліями, вдоль тротуаровъ растутъ высокіе эвкалиптусы, воздухъ необыкновенно мягокъ и тепелъ, зимы никогда не бываетъ. Почти вплоть къ морю примыкаютъ красивые предгорія и холмы, на которыхъ и раскинутъ этотъ изящный городъ — съ своими дачами,

виллами и низенькими, съ плоскими крышами, домиками мѣстныхъ жителей. Сухумъ имѣетъ маленькую бухту,—и пароходы подходятъ очень близко къ берегу, хотя по отсутствію пристани пассажирамъ приходится все-таки пересаживаться въ лодки. Въ городѣ имѣется нѣсколько гостиницъ, устроенныхъ на заграничный ладъ, всѣ улицы правильно распланированы и шоссированы, вездѣ проведены тротуары, на видныхъ мѣстахъ бьютъ фонтаны, весь городъ утопаетъ въ зелени и садахъ.

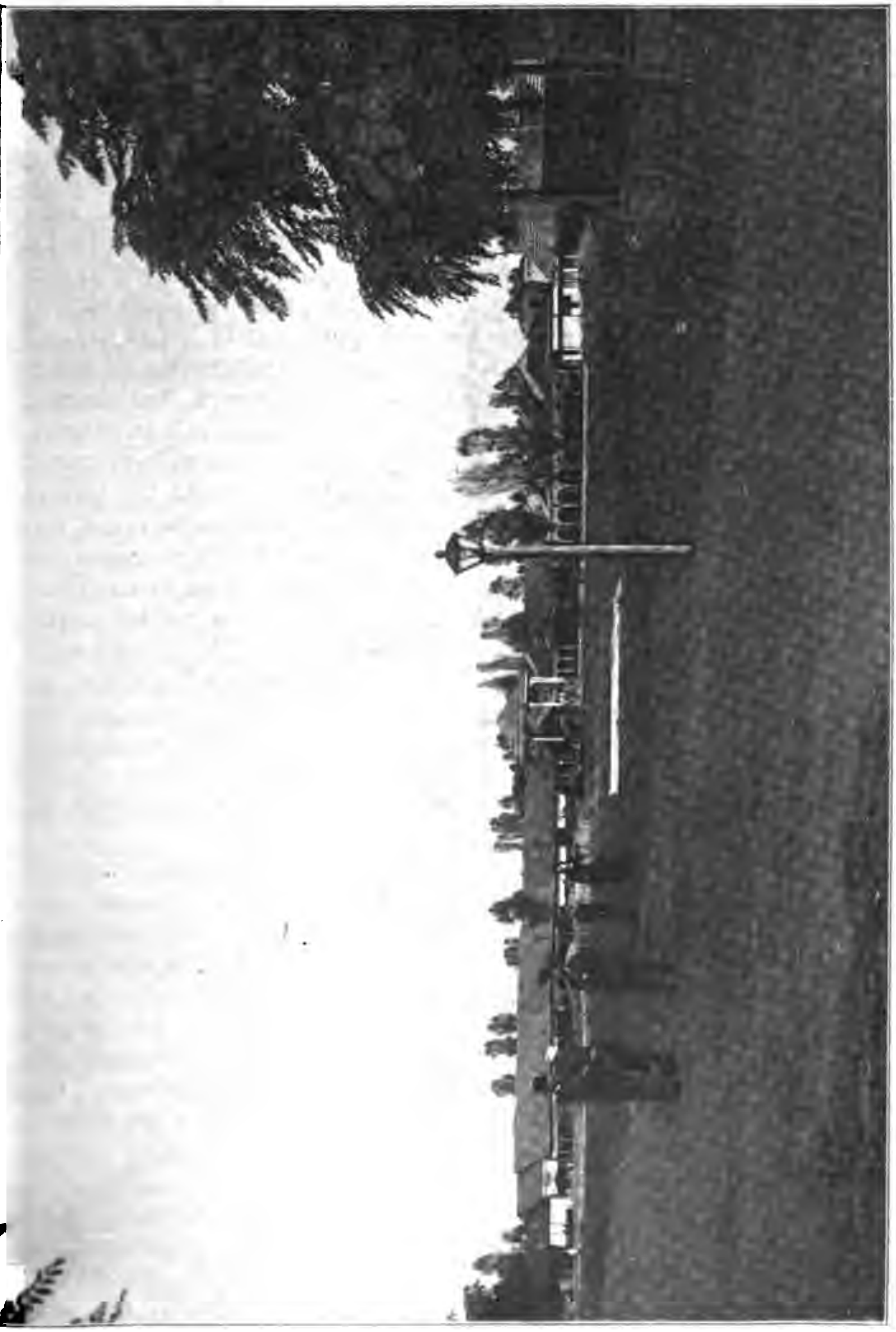
Изъ этихъ садовъ лучшими считаются сады Ноева, Татаринова и великаго князя Александра Михайловича. Садъ Ноева особенно замѣчателенъ выращиваніемъ луковицъ—георгинъ, тюльпановъ и проч.,—свыше полмилліона штукъ въ годъ. Эти луковицы на четвертомъ году своего выращиванія отправляются преимущественно въ Москву; онѣ цвѣтутъ на нѣсколько недѣль ранѣе голландскихъ и цвѣтутъ гораздо роскошнѣе. Кромѣ культуры луковицъ, садъ Ноева выращиваетъ также и всевозможныя садовыя растенія, могущія расти въ мѣстномъ роскошномъ климатѣ. Садъ Татаринова имѣетъ совершенно иной характеръ—любительскаго ботаническаго сада; продажа растеній у него очень не значительна, плодовыхъ деревьевъ въ саду тоже немного; имѣются лишь нѣсколько экземпляровъ прекрасныхъ экзотическихъ породъ; особенно замѣчательна коллекція хвойныхъ, великолѣпные агавы и эвкалиптусы необыкновенной величины. Садъ великаго князя, называемый «Синопъ», содержится въ прекрасномъ видѣ и ведетъ большую продажу посадочнаго матеріала, выручая болѣе 10.000 р. въ годъ, которые и покрываютъ всѣ расходы и содержаніе администраціи. Садъ этотъ выпускаетъ, ежегодно, прейсъ-курантъ съ указаніемъ правилъ ухода, рекомендаціей лучшихъ по мѣстнымъ условіямъ сортовъ деревъ и проч. Изъ плодовыхъ деревьевъ, выращиваемыхъ въ этомъ саду, замѣчательна произведенная въ большихъ размѣрахъ культура японской хурмы и японскихъ мандариновъ. Кромѣ того, въ самомъ Сухумѣ имѣются еще два сада для публики: одинъ такъ называемый городской садъ и другой—ботаническій, устроенный еще княземъ Воронцовымъ.

Главнымъ тормазомъ успѣшнаго культивированія и заселенія этихъ роскошнѣйшихъ и богатѣйшихъ мѣстъ служитъ то непоправимое обстоятельство, что громадныя массы земли въ Сухумскомъ округѣ принадлежатъ не казнѣ, а находятся въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ вслѣдствіе бывшихъ пожалованій за службу. У однихъ князей Шервашидзе болѣе 20.000 десятинъ, которыя тянутся на разстояніи 50 верстъ вдоль морского берега... Эти господа «частные владѣльцы», въ большинствѣ случаевъ, сами на пожалованныхъ имъ земляхъ не живутъ и хозяйства не ведутъ, а сдаютъ свои земли въ аренду грекамъ, армянамъ, мингрельцамъ и абхазцамъ, которые и занимаются примитивнымъ посѣвомъ кукурузы, табаку

и т. п., а иногда и другими занятіями, менѣе трудными и болѣе доходными. Такъ, напримѣръ, на земляхъ тѣхъ же князей Шервашидзе имѣется цѣлое поселеніе Ашеръ въ 120 дворовъ абхазцевъ изъ числа тѣхъ, которые спеціально занимались грабежами и еще не такъ давно грабили Сухумъ. Они поселяются обыкновенно на правахъ «арендаторовъ», и мѣстная администрація противъ нихъ почти безсильна, какъ противъ лицъ, проживающихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. А эти земли въ большинствѣ остаются безъ всякой культуры и эксплоатаціи, кромѣ вырубки лѣса и пальмы; да еще собираютъ по лѣсу кавказскій чай и лавровый листъ. Арендаторы же земель изъ числа абхазцевъ представляютъ собою самый безпокойный и неблагонадежный элементъ въ краѣ, враждебно относящійся ко всему русскому вообще, а къ русскимъ поселенцамъ въ особенности. Въ послѣднюю турецкую войну все абхазское населеніе сѣверной части Сухумскаго округа возмутилось и присоединилось къ турецкимъ войскамъ, воюя открыто противъ насъ. Послѣ разгрома турокъ и окончанія войны всѣ абхазцы—даже и считавшіеся православными—ушли было въ Турцію, но потомъ принесли повинную, и имъ было разрѣшено вернуться на Кавказъ обратно, на свои старыя пепелища; но въ наказаніе земельные ихъ надѣлы были уменьшены и нарѣзаны въ общинное, а не въ подворное владѣніе, вопреки народнымъ обычаямъ; отсюда недовольство и затаенная злоба и обычные результаты такихъ чувствъ—грабежи и убійства, въ большинствѣ случаевъ, безнаказанные. Это племя, подобно ингушамъ Терской области, служитъ, можно сказать, главнымъ и единственнымъ въ настоящее время серьезнымъ препятствіемъ къ водворенію и упроченію въ краѣ русскаго элемента, а равно и успѣшному культивированію его. Мѣстныя лихорадки, существующія даже въ самомъ Сухумѣ, немало также пугаютъ желающихъ основаться въ этомъ чудномъ уголкѣ Кавказа.

Въ пятидесяти верстахъ на югъ отъ Сухума находится мѣстечко Очемчиры, а вблизи Очемчиръ, въ береговой полосѣ моря, въ разстояніи всего тридцати верстъ отъ берега, въ бассейнѣ рѣки Гализги, въ такъ называемой Ткварчельской дачѣ, открыты недавно тѣ каменноугольныя копи, о которыхъ я упоминалъ въ началѣ статьи. Вотъ чрезвычайно интересныя свѣдѣнія, опубликованныя недавно въ «Вѣстникѣ Финансовъ» объ этомъ замѣчательномъ открытіи (№ 44, 1900 года).

Собственно угленосная толщина, около 65-ти саженъ, обнаружена развѣдками на пространствѣ около 40 квадратныхъ верстъ; но и внѣ предѣловъ всей Ткварчельской дачи, составляющей около 180-ти квадратныхъ верстъ, есть полное основаніе предполагать присутствіе тѣхъ же угленосныхъ напластованій. Подробное обслѣдованіе произведено въ пяти пунктахъ указаннаго пространства, на обоихъ берегахъ рѣки Гализги; наиболѣе же развѣданною и бла-

Очемчири.

гонадежною считается въ настоящее всемя угленосная площадь на лѣвомъ берегу Гализги, по ея притокамъ Махме, Хеликвара и Автораквара, пространствомъ въ 8 квадратныхъ верстъ. Площадь эта изобилуетъ многочисленными естественными обнаженіями угольныхъ пластовъ, дающими возможность судить объ ихъ строеніи и о запасѣ угля. Низшая точка выхода угля въ предѣлахъ указаннаго пространства на рѣкѣ Хеликварѣ, 440 метровъ, а на Махме—640 метровъ. Вся угольная мощь состоитъ изъ четырехъ пластовъ, въ составъ коихъ входятъ слои каменнаго угля различной мощности, раздѣляющіеся между собою прослойками углистаго сланца. При этомъ мощность нижняго угольнаго пласта достигаетъ въ мѣстахъ наибольшаго раздутія семи саженъ, второй и третій пласты достигаютъ до двухъ аршинъ каждый, а четвертый самый верхній пластъ имѣетъ въ толщину около 14 вершковъ; разстояніе же между первымъ и вторымъ угольнымъ пластомъ достигаетъ 6-ти саженъ, а между остальными составляетъ приблизительно около 3-хъ саженъ. Сообразно съ обслѣдованной общей мощностью чистой угольной массы, запасъ угля въ предѣлахъ указанной площади по лѣвому берегу Гализги (8 кв. верстъ) исчисленъ въ 4½ милліарда пудовъ, или 73 милліона тоннъ. Для другой изъ обслѣдованныхъ площадей запасъ угля опредѣленъ въ 2½ милліарда пудовъ; въ трехъ остальныхъ количество угля является также весьма значительнымъ. Въ предѣлахъ первой изъ перечисленныхъ угленосныхъ площадей, и именно въ нижнемъ наиболѣе мощномъ пласту, заложена первая «Ермоловская» штольня. Слѣдуетъ добавить, что разработка штольнями является для ткварчельскаго мѣсторожденія, по залеганію угленосныхъ толщъ, самымъ естественнымъ способомъ добычи угля; такимъ образомъ мѣсторожденіе относится къ числу удобно эксплоатируемыхъ.

Обращаясь къ наиболѣе важному, на ряду съ количественной стороной дѣла, вопросу—къ качеству угля,—слѣдуетъ прежде всего упомянуть, говоритъ «Вѣстникъ Финансовъ», что лабораторные опыты и изслѣдованія были произведены въ нѣсколькихъ мѣстахъ—въ Одессѣ, въ тамошнемъ университетѣ, и въ Петербургѣ, въ Горномъ институтѣ, и въ лабораторіи министерствѣ финансовъ. Самымъ цѣннымъ качествомъ ткварчельскаго угля является его способность коксоваться: по лабораторнымъ испытаніямъ, онъ даетъ до 70% кокса, болѣе или менѣе пузыристаго, а въ печахъ надлежащаго устройства получается около 65% кокса, вполнѣ пригоднаго для металлургическихъ операцій.

Самая исторія открытія этого богатства заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько подробнѣе. Въ семидесятыхъ годахъ, однимъ энергичнымъ русскимъ человѣкомъ, покойнымъ Н. А. Новосельскимъ, былъ открытъ на томъ же Кавказѣ, въ такъ называемой Тквибульской дачѣ, каменный уголь. Новосельскій,

удерживая свое открытіе въ возможномъ секретѣ, пригласилъ, частнымъ образомъ, нѣсколькихъ химиковъ для изслѣдованій качества найденнаго имъ угля,—и его увѣрили въ доброкачественности находки и огромныхъ выгодахъ, которыя можно извлечь изъ нея. Тогда Новосельскій сталъ подыскивать денежныхъ компаніоновъ для своего предпріятія, но не нашелъ ихъ — и рискнулъ повести все дѣло на свой личный страхъ: пригласивъ техниковъ и управляющихъ, понастроилъ на мѣстѣ нахожденія угля дорогихъ зданій, понанималъ массу рабочихъ и пр.; но въ результатѣ ничего изъ этого не вышло, такъ какъ уголь оказался плохой, не коксующійся и, вдобавокъ, послѣ извлеченія изъ нѣдръ земли на воздухъ, разсыпающійся въ порошокъ... Въ концѣ концовъ, разработка Тквибульскихъ копей совершенно разорила Новосельскаго, — и никто уже не отваживался дѣлать новыя развѣдки угля на Кавказѣ, такъ какъ было признано, что кавказскій уголь никуда не годится. Затѣмъ, когда стало извѣстно, что въ Сухумскомъ округѣ открыты Ткварчельскія каменно-угольныя залежи, то не нашлось уже охотниковъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, которое всѣ считали одинаково сомнительнымъ и рискованнымъ, какъ и погибшее дѣло Новосельскаго.

Между тѣмъ, каменный уголь — и очень хорошаго качества — лежалъ въ Ткварчельской дачѣ даже не въ глубинѣ, подъ землею, а мѣстами прямо на поверхности земли, въ видѣ огромныхъ и мощныхъ пластовъ. Открытіе этихъ новыхъ каменно-угольныхъ копей произошло, по сообщенію С. Ѳ. Шарапова, слѣдующимъ образомъ. Осенью 1897 года, изслѣдуя желѣзныя руды на земляхъ Гунской общины, въ бассейнѣ рѣки Гализги, впадающей въ Черное море близъ м. Очемчиръ, землевладѣлецъ г. Бутми набрелъ на пропластки каменнаго угля, который по наружному виду походилъ скорѣе на англійскій «нью-кэстль», чѣмъ на тквибульскій бурый уголь, и, испытанный на мѣстѣ, далъ спекающійся коксъ. Лабораторные опыты надъ доставленными образцами показали, что этотъ уголь вполнѣ пригоденъ; но никто не хотѣлъ вѣрить, что это былъ кавказскій уголь. Найти компаніоновъ при такомъ недовѣріи, основанномъ на репутаціи тквибульскаго угля, было невозможно, и г-ну Бутми пришлось продолжать изслѣдованіе за свой рискъ, на свои средства. Все лѣто 1898 года онъ провелъ въ поискахъ болѣе мощныхъ пластовъ угля, отправляясь отъ найденныхъ имъ въ 1897 году пропластковъ. Поиски завели Бутми въ Ткварчельскую казенную дачу, расположенную въ верховьяхъ бассейна р. Гализги. Въ нижней части этой дачи, какъ оказалось, расположены цѣлебные сѣрные источники, къ которымъ вела горная тропа, опасная даже для верховой лошади; въ той же нижней части были обширныя пальмовыя насажденія, посѣщаемыя мѣстными лѣсопромышленниками; верхняя же часть дачи, выше сѣр-

ныхъ источниковъ, представляла непроходимую глушь, покрытую дѣвственнымъ лѣсомъ и непроходимыми зарослями вьющихся и колючихъ растеній, куда, повидимому, никогда не ступала нога культурнаго человѣка; всю дачу прорѣзывали лишь двѣ скотопрогонныя тропы, по которымъ прогонялись иногда овцы и козы отъ сел. Ткварчелъ къ горнымъ пастбищамъ. По обѣ же стороны тропъ мѣстность была совершенно недоступная и неизвѣстная даже мѣстнымъ пастухамъ и охотникамъ. Плана дачи не существовало; карта генеральнаго штаба не имѣла ничего общаго съ дѣйствительностью... Тогда г. Бутми заказалъ отъ себя военнымъ топографамъ снять планъ дачи и представилъ его въ управленіе государственныхъ имуществъ Кутаисской губерніи. Это снятіе плана стоило огромныхъ хлопотъ и расходовъ, такъ какъ приходилось пролагать просѣки и тропы по всей дачѣ, среди дѣвственныхъ лѣсовъ и зарослей, по горамъ и надъ пропастями. 19-го августа 1898 года, г. Бутми нашелъ впервые, въ верховьяхъ рѣки Гализги, обнаженный каменно-угольный пластъ толщиною въ $14^1/_2$ аршинъ, и подалъ первыя заявки. Для него не было теперь никакого сомнѣнія, что имъ открытъ цѣлый каменно-угольный бассейнъ.

Такимъ образомъ, были открыты Ткварчельскія каменноугольныя залежи. Затѣмъ, въ дѣло вступили «товарищи» кн. Кантакузенъ, баронъ Бюлеръ и многія другія лица, давшія изслѣдователю денежныя средства, и дача мало-по-малу, чрезъ проложеніе тропъ и мостовъ, сдѣлалась доступною для дальнѣйшихъ, болѣе подробныхъ и всесторонних изслѣдованій; по тропамъ можно уже было ѣхать на лошади, верхомъ, и проводить муловъ, навьюченныхъ инструментами и провизіей для рабочихъ. Но впереди предстоялъ еще немаловажный трудъ — оформить все это дѣло. Въ это время и были сдѣланы анализы представленныхъ г. Бутми образцовъ, которые и подтвердили прекрасныя качества ткварчельскаго угля. При подробныхъ изслѣдованіяхъ оказалось, что этотъ уголь содержитъ въ себѣ весьма мало сѣры и золы, отлично спекается въ коксъ и, по своему составу и качествамъ, занимаетъ среднее положеніе между друмя лучшими типами англійскаго угля—нью-кэстльскимъ и кардиффомъ.

Затѣмъ, наступилъ для этого дѣла второй періодъ —разсмотрѣніе правъ г. Бутми и утвержденіе его заявокъ... Находка была огромная, создавалось дѣло въ нѣсколько милліоновъ,—и къ нему потянулись многія жадныя руки изъ тѣхъ, что привыкли жать, гдѣ не сѣяли: многіе мѣстные князьки и разные набѣжавшіе изъ Тифлиса и Кутаиса хищники стали подавать «заявки» кутаисскимъ горнымъ властямъ, разсчитывая установить свое право на чужое открытіе, такъ что, когда г. Бутми закончилъ и оформилъ первую часть своихъ работъ, его дѣло уже оспаривалось со всѣхъ

Казенный курортъ близъ Очемчиръ.

сторонъ любителями чужой собственности... Отъ этихъ господъ пришлось частью откупаться, частью же ограждаться при помощи судовъ.

Вопросъ о топливѣ, по словамъ г. Шарапова, разсказавшаго всю эту исторію въ своемъ «Дневникѣ» (т. I-й, выпускъ II-ой), сильно въ послѣднее время обострился, и не только у насъ, но и по всей Европѣ. Англія, торговавшая своимъ углемъ чуть не по цѣлому свѣту, почувствовала близящееся истощеніе своихъ, казалось, необъятныхъ залежей. Германія и Франція едва поспѣваютъ справляться съ нуждами собственныхъ городовъ и промышленныхъ предпріятій въ дѣлѣ топлива. Наша каменноугольная промышленность, несмотря на то, что богатыя копи Донецкаго края чуть не не всѣ перешли въ руки иностранцевъ, борется, съ одной стороны, съ удручающимъ безденежьемъ, съ другой—страдаетъ отъ неустройства и безообразій на нашихъ углевозныхъ дорогахъ, и потому едва удовлетворяетъ рынокъ. Послѣдовавшее вздорожаніе каменнаго угля за границей отозвалось и у насъ, такъ какъ наше черноморское побережье съ своими городами, флотомъ, промышленными и металлургическими предпріятіями вынуждено ввозить значительное количество иностраннаго угля. И вотъ почувствовался повсюду недостатокъ въ углѣ, тѣмъ болѣе повысившій на него цѣны, что наша бакинская нефтяная промышленность, почти вся перешедшая въ настоящее время въ иностранныя руки, чрезмѣрно подняла цѣны на жидкое топливо — нефтяные остатки, мазутъ. Въ результатѣ получилось то, что̀ на экономическомъ языкѣ называется «угольнымъ кризисомъ»... Въ это-то время и появились въ печати свѣдѣнія объ открытіи на Кавказѣ, вблизи Очемчиръ, огромныхъ залежей каменнаго угля...

Прежде всѣхъ, на это открытіе откликнулось министерство земледѣлія — въ лицѣ его министра, А. С. Ермолова, посѣтившаго ткварчельскія копи лично и оказавшаго этому серіозному дѣлу возможное съ своей стороны содѣйствіе. Но встрѣтитъ ли это дѣло таковое же сочувствіе и со стороны нашихъ капиталистовъ, безъ содѣйствія коихъ оно, конечно, не можетъ все-таки устроиться, какъ сдѣдуетъ, и пойти, — это уже другой вопросъ: косность и индифферентность рускаго богатаго купечества слишкомъ извѣстны, чтобы можно было на нихъ въ этомъ случаѣ разсчитывать, — и г. Бутми придется, вѣроятно, въ концѣ концовъ, обратиться все къ тѣмъ же бельгійцамъ, французамъ и инымъ иноплеменникамъ... Что дѣлать! Такова́ ужъ судьба почти всѣхъ русскихъ открытій и богатствъ; какъ первыя утилизируются, такъ вторыя эксплоатируются гораздо охотнѣе иностранцами, чѣмъ русскими же людьми.

Очень можетъ быть, впрочемъ, что въ данномъ случаѣ, въ видѣ особаго, счастливаго исключенія, Ткварчельскія каменноуголь-

ныя залежи и не попадутъ въ руки иностранцевъ. Это отчасти позволительно предполагать въ виду слѣдующаго утѣшительнаго явленія: объ этихъ залежахъ появилось на-дняхъ довольно обстоятельное спеціальное изслѣдованіе, горнаго инженера К. Ю. Черневскаго—«Каменный уголь въ Ткварчельской казенной дачѣ», гдѣ авторъ даетъ подробнѣйшій «отчетъ» объ этихъ новыхъ богатствахъ, открытыхъ въ Кутаисской губерніи, описываетъ географическое положеніе дачи и ея геологическое строеніе, опредѣляетъ запасъ каменнаго угля и затѣмъ приводитъ окончательные результаты развѣдокъ.

По этимъ интереснымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ спеціалистомъ дѣла, оказывается, что Ткварчельская дача, расположенная въ предгорьяхъ южнаго склона Кавказскаго хребта, имѣетъ приблизительно форму прямоугольника, длинная ось котораго, около 14 верстъ, параллельна оси этого хребта; рѣка Гализга дѣлитъ эту обширную дачу на двѣ, почти равныя половины—сѣверо-западную и юго-восточную. Высота рѣки Гализги у входа въ Ткварчельскую дачу—280 метровъ надъ уровнемъ моря; высота отдѣльныхъ вершинъ горныхъ кряжей, окружающихъ дачу — отъ 2.000 до 3.000 метровъ. Вся дача покрыта сплошнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, почти исключительно лиственныхъ породъ: дубъ, липа, грабъ, а въ болѣе высокихъ мѣстахъ попадается хвойный лѣсъ — ель и красное дерево; еще выше расположены пастбища. Климатъ дачи горный и очень здоровый; снѣгъ зимою встрѣчается лишь въ мѣстности съ высоты 1.000 метровъ; во многихъ мѣстахъ дачи, по теченію Гализги, выступаютъ горячіе минеральные источники.

Угленосная толща сохранилась приблизительно на $^1/_4$ пространства всей дачи; въ остальныхъ же частяхъ дачи угольные пласты смыты всѣ или отчасти. На дачѣ имѣются собственно пять отдѣльныхъ угленосныхъ площадей: три по лѣвую сторону рѣки Гализги и двѣ — по правую, въ общемъ около 30-ти квадратныхъ верстъ.

Въ маѣ 1900 года въ Ткварчельскую дачу былъ командированъ г. министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ горный инженеръ, профессоръ Лутугинъ, для выясненія экономическаго значенія возникающаго каменноугольнаго предпріятія. Г. Лутугинъ призналъ въ Ткварчельской дачѣ нѣсколько отдѣльныхъ угленосныхъ площадей; онъ призналъ доказаннымъ запасъ угля не менѣе $2^1/_2$ милліардовъ пудовъ, обезпечивающихъ на 50 лѣтъ ежегодную добычу угля въ 50 милліоновъ пудовъ.

Затѣмъ, осенью того же 1900 года, Ткварчельскую дачу посѣтилъ профессоръ Кардифскаго университета, горный инженеръ В. Галловей, членъ департамента наукъ и промышленности и правительственный горный инженеръ Великобританіи, безусловный авторитетъ котораго въ угольномъ дѣлѣ признается не только въ

Англіи, но и во Франціи, Германіи и Россіи. Профессоръ Галловей засталъ работы по развѣдкамъ въ двухъ площадяхъ уже законченными и констатировалъ среднюю толщину чистой угольной массы въ 21 и 27 футовъ. Запасъ угля только въ двухъ этихъ площадяхъ онъ призналъ превышающимъ 6 милліардовъ пудовъ. Далѣе, на основаніи новыхъ начатыхъ развѣдокъ въ верхней части дачи г. Галловей удостовѣрилъ, что въ самой верхней части дачи слѣдуетъ искать еще болѣе значительныхъ запасовъ угля,— и это мнѣніе его отчасти уже оправдывается производящимися въ настоящее время развѣдочными работами. О своемъ посѣщеніи дачи профессоръ Галловей издалъ пространный отчетъ (Report of the Coalfield of Tkvartchely near Otchemtchiri of the Black Sea, by W. Galloway. F. G. S. Mining Engineer), въ которомъ онъ признаетъ тkварчельскій уголь по качеству однороднымъ съ монмутширскимъ англійскимъ углемъ, добываемымъ изъ знаменитой Черной жилы «Black Veine» (лучшій сортъ кардифскаго угля).

Когда стали доподлинно извѣстны всѣ эти развѣдочныя работы и изысканія, и не было уже сомнѣнія, что въ Ткварчельской казенной дачѣ каменный уголь, тогда г. министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ призналъ цѣлесообразнымъ лично ознакомиться съ новымъ мѣсторожденіемъ угля, и во второй половинѣ октября минувшаго года, посѣтивъ дачу и сдѣлавъ личный осмотръ произведенныхъ на ней работъ, вынесъ убѣжденіе въ неисчерпаемомъ богатствѣ залежей каменнаго угля, въ громадномъ значеніи возникающаго предпріятія и въ полной правильности и умѣломъ веденіи развѣдочныхъ работъ. Въ своей телеграммѣ отъ 26-го октября 1900 года, отправленной изъ Ткварчелъ по случаю освященія первой читальни, на имя главноначальствующаго на Кавказѣ, князя Голицына, А. С. Ермоловъ высказалъ слѣдующее: «Считаю долгомъ сообщить вашему сіятельству о послѣдовавшемъ для русскаго горнаго дѣла и въ частности для Кавказскаго края событіи. Вчера въ моемъ присутствіи освящена въ Ткварчельской дачѣ первая штольня компаніи Бутми для разработки открытыхъ здѣсь залежей угля. Подробно осмотрѣвъ совмѣстно съ начальникомъ кавказскаго горнаго управленія и другими спеціалистами это новое каменноугольное мѣсторожденіе, я признаю его заслуживающимъ самаго серіознаго вниманія по богатству и превосходному качеству угля».

Такимъ образомъ дѣло получило эту высшую санкцію, коей признана была полезность и грандіозность сдѣланнаго г. Бутми открытія. Но, увы, эти богатства были открыты не въ какомъ либо западномъ государствѣ Европы и даже не въ Африкѣ или Австраліи, гдѣ дѣло живо получило бы твердую основу, а въ

Россіи, гдѣ оно могло, пожалуй, и погибнуть, подобно серебро-свинцовымъ рудамъ и заводамъ общества «Эльборусъ», открытымъ на томъ же «погибельномъ» Кавказѣ, на правомъ берегу р. Кубани. Вѣдь впереди предстояло едва ли не самое главное: надо было найти капиталистовъ, основать акціонерную компанію и устроить правильную разработку копей и эксплоатацію угля, для чего необходимо прежде всего проведеніе ширококолейной желѣзной дороги къ берегу моря, на которомъ вблизи дачи, то-есть въ Очемчирахъ, нѣтъ пароходной пристани, и сообщеніе съ берегомъ производится при помощи гребныхъ фелюгъ (лодокъ)[1]: слѣдовательно, необходимо устроить также и портъ на счетъ той же будущей компаніи. Но какъ ее составить, эту компанію,—вотъ вопросъ..

Г. министръ государственныхъ имуществъ и тутъ оказалъ дѣлу свою высокую, посильную помощь: какъ сообщали въ свое время газеты, онъ написалъ предсѣдателю московскаго биржевого комитета Н. А. Найденову теплое письмо, съ просьбою приложить старанія, чтобы и это огромное и выгодное дѣло не ушло изъ русскихъ рукъ и не попало бы къ иностранцамъ. Но оказалось, что въ Москвѣ въ настоящее время не такъ-то легко найти пустолежащіе милліоны и ввести ихъ въ дѣло, хотя бы и несомнѣнно выгодное и грандіозное; въ Москвѣ установилось недовѣріе, происходящее, по объясненію г. Шарапова, отъ двухъ причинъ: съ одной стороны — полная неустойчивость денежнаго рынка, созданная экономическими «обстоятельствами», обезденежившими Россію, какъ никогда, и вызвавшими паденіе всякихъ бумагъ и фондовъ при полной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, доходящей часто до паники; съ другой стороны — подозрительный характеръ цѣлаго ряда дѣлъ, навязанныхъ Москвѣ и многимъ довѣрчивымъ и предпріимчивымъ людямъ, нанесшихъ огромные убытки. Таковы были: пресловутая «Сталь», Мамонтовскія дѣла въ родѣ вагоностроительнаго и восточно-сибирскаго заводовъ, грозненское нефтяное дѣло и множество другихъ, унесшихъ безповоротно десятки русскихъ милліоновъ въ карманы иностранныхъ

---

[1]) Насколько выгоденъ такой примитивный, много вѣковъ подъ рядъ существующій безъ измѣненій порядокъ вещей, это всего лучше и нагляднѣе можно увидѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго удивительнаго факта: фрахтъ отъ Адлера или Сочи (гдѣ нѣтъ пристаней) до Батума, на разстояніи около 300 верстъ, обходится гораздо дороже, чѣмъ отъ Батума (гдѣ есть портъ) до Марселя во Франціи... Суда, приходящія за грузомъ въ тѣ мѣста черноморскаго побережья, гдѣ нѣтъ пристаней, вынуждены иногда бываютъ ждать по недѣлямъ возможности нагрузки въ томъ случаѣ, если море неспокойно, и фелюги не рѣшаются принимать грузъ для перевозки на корабли. Для болѣе же громоздкихъ товаровъ, которые побережье могло бы отправлять въ изобиліи, какъ, напримѣръ, лѣсъ, такой фрахтъ совершенно недоступенъ: легче и дешевле привезти доски въ Батумъ изъ Галиціи, чѣмъ изъ любого пункта черноморскаго побережья, не имѣющаго ни пристаней, ни желѣзной дороги. И. З.

гешефтмахеровъ.... Послѣ столькихъ горькихъ опытовъ нѣтъ ничего мудренаго, что москвичи не только не бросаются на новыя дѣла, но неохотно даже знакомятся съ ними... И прежде всего эту «неохоту» испыталъ на себѣ г. Бутми: насколько извѣстно, ему и по сіе время не удалось образовать надлежащее акціонерное общество для эксплоатаціи своего грандіознаго открытія, и очень возможно, что, встрѣтивъ «недовѣріе» въ Москвѣ, онъ въ концѣ концовъ вынужденъ-таки будетъ войти въ соглашеніе съ какою либо иностранною компаніей, которая, конечно, и воспользуется всѣми выгодами дѣла.

Такая судьба Ткварчельскихъ каменноугольныхъ залежей будетъ во всякомъ случаѣ много лучше и даже желательнѣе, чѣмъ та, которая постигла недавно общество «Эльборусъ», о которомъ я упомянулъ выше. Злосчастная исторія этого общества настолько необыкновенна и поучительна, что ее кстати слѣдуетъ разсказать здѣсь.

На правомъ берегу рѣки Кубани, въ 13 верстахъ отъ Карачаевскаго аула Учкулана, сиротливо стоятъ постройки серебро-свинцоваго рудника и заводовъ акціонернаго общества «Эльборусъ»... Руки хищниковъ уже начали, по сообщенію газеты «Кавказъ», свою безжалостную работу: кое-гдѣ сорваны двери, унесены ставни, растаскана крыша... Въ то же время, подъ этими заброшенными строеніями, въ нѣдрахъ горъ, мирно покоятся тяжеловѣсные свинцовые милліоны... Исторія эта очень интересна въ смыслѣ характеристики неудачныхъ русскихъ предпріятій.

Въ 1829 году, развѣдочная военная экспедиція генерала Эммануэля случайно натолкнулась на Кубани на мѣсторожденіе серебро-свинцовыхъ рудъ... Поговорили тогда объ этой находкѣ: «какія де богатства скрываются въ нѣдрахъ Кавказа», и на томъ и покончили. И вотъ прошло цѣлыхъ 60 лѣтъ, пока нашелся, наконецъ, предпріимчивый человѣкъ, рѣшившійся приступить къ развѣдкамъ. Изслѣдованія эти начаты были инженеръ-технологомъ В. В. Томашевскимъ въ 1889, 1890 и 1891 годахъ и обнаружили, что тутъ находятся богатѣйшія въ мірѣ мѣсторожденія серебро-свинцовыхъ рудъ. Анализами, произведенными инженерами Кондратьевымъ и Пѣтуховымъ, было удостовѣрено, что въ одной кубической сажени жильной массы содержится 200 пудовъ свинца и почти 13 фунтовъ серебра. Считая свинецъ по 1 рублей 60 копеекъ за пудъ, а серебро по 600 рублей пудъ, получится, слѣдовательно, что изъ одной кубической сажени можетъ быть извлеченъ доходъ на сумму 512 рублей. Изъ всѣхъ извѣстныхъ серебро-свинцовыхъ мѣсторожденій міра только три превосходятъ карачаевскія богатства—по общей цѣнности металловъ въ кубѣ руды.

И вотъ, въ 1891 году, г. Томашевскій заарендовалъ этотъ рудоносный участокъ у карачаевскаго общества на 29 лѣтъ и при-

ступилъ къ его разработкѣ. Два года спустя, г. Томашевскій передалъ свое предпріятіе акціонерному обществу «Эльборусъ». Выпустили акціи и стали ихъ реализировать, кое-какъ пристроивая то тамъ, то сямъ, за половину нарицательной цѣны. Но и эти половинные взносы акціонеровъ поступали очень медленно и неаккуратно: русскіе люди, господа пайщики, размышляли такъ: ежели въ Карачаѣ дѣйствительно почиваютъ свинцовые милліоны, то они не убѣгутъ, а ежели ихъ тамъ нѣтъ, тогда чѣмъ позже загубить свои деньги, тѣмъ лучше. Вслѣдствіе этого, чтобы начать дѣло, заправилы должны были занять деньги у частнаго лица за немалые, конечно, проценты... Вотъ при какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ началось дѣло «Эльборуса»...

На бѣду, и то, что можно бы было сдѣлать на первыхъ порахъ, и на что уже добыты были средства, дѣлалось такъ, чтобы ускорить гибель предпріятія. Такъ, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы употребить имѣвшіяся на лицо небольшія средства на производство обширныхъ подготовительныхъ работъ, предприниматели спѣшатъ ухлопать деньги въ постройку плавильнаго завода для опытной плавки: имъ, повидимому, очень хотѣлось поскорѣе имѣть въ своихъ рукахъ чистое серебро и свинецъ... Въ 1896 году, также преждевременно сооружается обширный рудообогатительный заводъ... И вотъ, стало все на лицо: заводы обогатительный, плавильный, электролитическій, обширныя постройки для администраціи и служащихъ, для конторы, но, увы, не осталось уже, послѣ окончанія этихъ построекъ, ни гроша для добыванія руды... такъ что въ концѣ 1896 года работы на рудникѣ пришлось пріостановить до болѣе благопріятнаго времени... Затѣмъ, послѣдовалъ обычный въ такихъ случаяхъ конецъ: служащіе разбрелись, не получивъ жалованья, а по дѣламъ несостоятельнаго акціонернаго общества «Эльборусъ» учреждена была администрація, которая и существуетъ по сіе время въ городѣ С.-Петербургѣ... Одно время, все это предпріятіе хотѣлъ было купить князь Санъ-Донато-Демидовъ, но почему-то сдѣлка не состоялась. И вотъ, въ то время, когда въ Россію ежегодно ввозится изъ-за границы до 1.200.000 пудовъ свинца и свыше 300.000 пудовъ свинцовыхъ издѣлій, а собственно русское производство свинца подымается лишь до 50.000 пудовъ въ годъ,—богатѣйшій серебро-свинцовый рудникъ на Кубани не эксплоатируется вовсе и безполезно лежитъ въ горахъ...

Въ заключеніе моей коротенькой статьи о каменноугольныхъ залежахъ на Кавказѣ, нахожу небезынтереснымъ сообщить о печальной судьбѣ Тквибульскихъ копей въ той же Кутаисской губерніи, принадлежавшихъ разорившемуся Новосельскому, о которыхъ я упоминалъ въ началѣ. Послѣ краха Новосельскаго, работы

въ копяхъ были совсѣмъ прекращены въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; потомъ эти копи разрабатывались опекою по его дѣламъ и Тквибульскимъ горнопромышленнымъ обществомъ. Затѣмъ, въ копяхъ случился пожаръ, и онѣ были «закупорены»... Впослѣдствіи сдѣланы были новыя развѣдки въ той же мѣстности г. Коцовскимъ, и работа начиналась на правильныхъ основаніяхъ; но этотъ уголь необходимо было «брикетировать» заграничною каменноугольною смолою, которая обходилась, съ доставкою, въ 42 копейки за пудъ, да надо было еще истратить на пудъ брикета по 2 копейки, такъ какъ уголь этотъ содержитъ въ себѣ 12°/o золы и 2°/o сѣры и легко разсыпается, вслѣдствіе чего для употребленія въ естественномъ видѣ не годится... Тамъ же, неподалеку, имѣлись и еще «заявленныя» копи, принадлежавшія нѣкоему австрійскому подданному, г. Бöгачу, явившемуся въ Россію для разработки горныхъ богатствъ и изысканія впустѣ лежащихъ русскихъ капиталовъ, которыхъ, однако, онъ не нашелъ, а потому и оставилъ копи въ покоѣ...

Къ Тквибульскимъ копямъ отъ станціи Закавказской желѣзной дороги того же имени проведены даже двѣ вѣтви—одна къ копямъ товарищества, а другая—къ бывшимъ копямъ Новосельскаго, длиною въ 3 и въ 40 верстъ, съ такими уклонами и кривыми, которые дѣлаютъ эти вѣтви для эксплоатаціи очень неудобными...

Вотъ коротенькая, но очень печальная повѣсть о кавказскихъ каменноугольныхъ богатствахъ, открытыхъ за послѣднее время.

Ив. Ник. Захарьинъ (Якунинъ).

АКАДЕМИЧЕСКІЕ БАТОГИ.

ВЪ XVIII ВѢКѢ всѣ высшія учрежденія составляли нѣкоторымъ обратомъ государство въ государствѣ. Ихъ исполнительные и хозяйственные органы— канцеляріи, управляли своими подчиненными такъ же полновластно, какъ помѣщикъ крѣпостными. Онѣ исполняли всѣ функціи, которыя теперь распредѣлены между судебными и административными учрежденіями. Канцеляріямъ принадлежало право «по указу его или ея императорскаго величества» чинить судъ и расправу надъ своими подчиненными. Такимъ же самодовлѣющимъ учрежденіемъ была и академія наукъ.

Въ ней примѣнялась самая жестокая система наказаній. Самымъ тяжелымъ было битье батогами, кошками и розгами, отрѣшеніе отъ академіи. Такимъ образомъ осужденный несъ двойное наказаніе за одно и то же преступленіе и съ одного вола сдирали двѣ шкуры, вопреки русской пословицѣ. Далѣе идетъ «битье» тѣми же батогами съ послѣдующимъ закованіемъ въ «желѣзы». Третье мѣсто занимало битье батогами и, наконецъ, закованіе въ «желѣзы».

Должно быть, уже очень часто примѣнялись эти желѣзы, такъ какъ мы имѣемъ слѣдующій любопытный документъ отъ 1735 г.: «Въ академію наукъ репортъ: Имѣются при академіи трое желѣзы, да и тѣ худы; того ради надлежитъ купить трое желѣзы и объявленныя имѣющіяся желѣзы починить. О семъ репортуетъ академіи сторожъ Ларіонъ Глуховъ».

Всѣ эти наказанія имѣютъ цѣлью устрашеніе. Они производятся «въ собраніи академическихъ работныхъ людей». Въ приго-

ворѣ всегда наказаніе назначается, «дабы впредь того другимъ чинить было неповадно».

Однако устрашеніе не дѣйствовало, и батоги не исправляли наказанныхъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ учениковъ Волкова и Ломакина. Они украли сундучекъ богадѣленки Анисьи Ивановой, въ которомъ находилось пять рублей денегъ и нѣкоторыя вещи, и за это биты «нещадно батожьемъ». Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 2 марта 1733 года, а уже 16 марта тѣ же Волковъ и Ломакинъ «въ ночи, съ согласія разбивъ окно въ книжной лавкѣ, украли нѣсколько календарей да изъ ящика одинъ рублевикъ да серебряныхъ денегъ и полушекъ». За это ужъ ихъ били нещадно кошками и отрѣшили отъ академіи.

Такому же наказанію подверглись работникъ «фигурной палаты» Куликовъ «за безмѣрное его пьянство» и ученикъ слесарнаго дѣла Дубасовъ «за непорядочные его поступки, также за негодность и неприлежаніе».

Далѣе по силѣ наказанія идетъ «батожье съ послѣдующимъ закованіемъ въ желѣзы». Одинъ изъ подвергнутыхъ этому наказанію ученикъ Мартинъ Купи, подобно Волкову и Ломакину, доказываетъ все безсиліе батоговъ. Въ 1738 г. «за самовольную отлучку и небытіе въ работѣ» онъ былъ битъ «по два дни розгами нещадно». Въ 1740 году этотъ же Купи въ компаніи съ другими учениками вздулъ академическаго солдата Привалова за то, что онъ взялъ безъ спросу ихъ щерботъ (гребное судно). По этому поводу академія постановила такой приговоръ: «оныхъ бойцовъ за то, что безъ жалобы собою били, наказать батожьемъ». Но Купи былъ неисправимъ: въ 1742 г. онъ «нѣсколько книгъ безъ переплету изъ книжной лавки похитилъ» въ сообщничествѣ съ такимъ же ученикомъ словолитнаго дѣла Канбаровымъ. Академія опредѣлила: «наказать кошками, а потомъ обоихъ, сковавъ въ желѣзы, каждаго къ своей работѣ отослать, съ такимъ опредѣленіемъ, дабы они прежде и послѣ обѣда въ желѣзахъ работали, а къ ночи капралу Анцыгину приводить ихъ подъ караулъ въ комиссарскую, а оттуда отводить всякаго на свою работу. И изъ желѣзъ до тѣхъ поръ не освобождать, пока нарочное отъ академіи объ нихъ рѣшеніе не воспослѣдуетъ». «Рѣшеніе» воспослѣдовало по случаю праздника пасхи.

Такое же наказаніе постигло и ученика механическаго дѣла Матиса Андриса, который «не токмо своего дѣла не отправилъ, но и неоднократно безъ вѣдома командировъ самовольно отлучался».

Что касается не квалифицированнаго батожья, кошекъ и лозъ, то почти каждый годъ ихъ испытывали на своей спинѣ три или четыре человѣка. Поэтому мы приведемъ лишь наиболѣе характерные для той эпохи случаи.

Топленіе печей въ то время имѣло громадное значеніе, и малѣйшая неосторожность могла повлечь за собой пожаръ. За такую-то неосторожность и были биты «батожьемъ» два истопника—одинъ фигурной палаты Пешниковъ, «для того, что, будучи въ той палатѣ, безъ осторожности топилъ печь, отъ чего поврежденіе отъ огня немалое учинилось», второй Петръ Андреевъ, «понеже въ ночи въ географической палатѣ въ печи дрова загорѣлись».

Въ 1732 г. батогами была наказана женщина, жена отставного солдата, Наталья Бахметева, совсѣмъ не состоявшая на службѣ академіи, но пойманная въ погребѣ съ академическимъ гребцомъ Алексѣемъ Ивановымъ, котораго тоже присудили къ батогамъ, «для того, что отъ порученнаго ему дѣла отлучился и въ пьянствѣ явился». Кромѣ того, академія издала указъ, «дабы оная непотребная женщина въ академическіе людскіе апартаменты не ходила. А ежели оная жена впредь сыщется, то какъ она, такъ и другіе, которые пригласятъ, будутъ наказаны безъ всякаго милосердія».

Въ 1736 г. «били нещадно батогами» работника при кунсткамерѣ Ивана Ѳедорова, копіиста Тимоѳея Ѳедорова и сторожей Глухова и Суханова, которые обвинялись въ «кражѣ въ академіи казеннаго вина и спиртуса, также и въ приводѣ ими въ кунсткамеру и въ поеніи виномъ разныхъ чиновъ людей съ собою многократно».

Солдатъ Приваловъ, служившій въ академической типографіи для посылокъ, изъ-за котораго Купи съ товарищами испытали батоги, и самъ попалъ подъ батоги и нѣкоторымъ образомъ по политическому дѣлу. Въ академической типографіи въ то время печатались указы изъ кабинета и сената. Въ числѣ ихъ былъ и указъ «о винахъ бывшаго регента Бирона». Онъ печатался 18 апрѣля 1741 г. Приваловъ стянулъ изъ типографіи этотъ указъ. Самъ онъ былъ неграмотенъ, а потому попросилъ прочитать его ученика переплетнаго дѣла Нѣмчинова, а затѣмъ отдалъ указъ Нѣмчинову. Послѣдній оставилъ его на столѣ переплетной, и дѣло открылось. Академія постановила: «солдата Привалова, отведши въ типографію на мѣсто, откуда онъ печатный о бывшемъ регентѣ Биронѣ указъ взялъ, наказать батоги, а потомъ, собравъ всѣхъ типографскихъ служителей, объявить, дабы никто изъ тѣхъ подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія не дерзалъ никакихъ, а особенно тайнѣ подлежащихъ, какъ изъ высокаго кабинета, такъ и изъ правительствующаго сената для напечатанія въ академическую типографію присылаемыхъ указовъ не токмо чужимъ, но и академическимъ къ типографіи непринадлежащимъ служителямъ отнюдь не давать».

Двѣ исторіи съ батогами относятся ко времени пребыванія въ академической гимназіи 12 учениковъ, привезенныхъ изъ Москвы, въ числѣ которыхъ былъ и Ломоносовъ. На содержаніе этихъ уче-

никовъ на весь 1736 г. сенатъ отпустилъ всего 720 рублей, да изъ нихъ пришлось затратить значительную сумму на покупку мебели и постелей. Остальной суммы было недостаточно, а еще экономъ Фельтенъ обращался очень недобросовѣстно съ деньгами. Это вызвало недоброжелательство, и одинъ изъ учениковъ Шишкаревъ выразилъ его въ слѣдующихъ словахъ: «хотя про нѣмцевъ и говорятъ что они не воры, а и они воруютъ». За это Шишкарева били батожьемъ, такъ какъ Фельтенъ, котораго обвинялъ Шишкаревъ, былъ родственникомъ и креатурой всесильнаго тогда совѣтника Шумахера. Однако слѣдствіе сенатскаго экзекутора подтвердило, что «економомъ Фельтеномъ въ отдачю полотенъ на рубашки и простыни и прочее приписано излишнее, а инова и ничего имъ не дано». Однако это сенатское слѣдствіе не улучшило положенія привезенныхъ изъ Москвы учениковъ. Они буквально нищенствовали. И Адодуровъ, которому былъ порученъ надзоръ за этими 12 учениками, ничего не могъ сдѣлать. Въ концѣ 1736 года только двое могли ходить на лекціи, а остальные на вопросъ Адодурова «отвѣтствовали, что они у себя не имѣютъ платья и для того никуда изъ палаты выходить не могутъ». На этой почвѣ создалось воровство: А. С. Барсовъ укралъ у Виноградова два рубля, у Несмѣянова «платокъ шелковый да половину прутка сургучу краснаго», и за это академія опредѣлила: «Барсова за его продерзость высѣчь академіи наукъ у адъюнкта Адодурова при собраніи тамъ обрѣтающихся учениковъ».

«Желѣзы» имѣли характеръ не устрашающаго, а скорѣе исправительнаго наказанія. Такъ «желѣзы» были назначены наборщику Петру Степанову «за пьянство и за самовольное отъ положеннаго на него дѣла отлученіе». Но особенно этотъ исправительный характеръ желѣзъ проглядываетъ въ слѣдующемъ опредѣленіи академіи: «Понеже обрѣтающіеся при академіи копіисты Тимоѳей Ѳедоровъ, Тимоѳей Соколовъ и Иванъ Сухоруковъ за слабостью, нехожденіемъ и пьянствомъ, хотя и надлежали отъ академіи отрѣшены быть, токмо за долговременную Сухорукова и Ѳедорова при академическихъ дѣлахъ бытность, а Тимоѳей Соколовъ можетъ, какъ молодой человѣкъ, черезъ наказаніе отъ непостоянства удержаться, нынѣ ихъ академіи не отрѣшать, а, сковавъ ихъ, держать при дѣлахъ мѣсяцъ».

Подчиненные академіи и въ томъ отношеніи имѣли сходство съ крѣпостными, что ихъ уходъ отъ работы считался преступленіемъ; бѣжавшіе подлежали насильственному возвращенію къ работѣ, и даже награды назначались за приводъ бѣглеца, какъ въ наше время обѣщаютъ награды за возвращеніе собакъ. Въ «вѣдомостяхъ» того времени нерѣдко появлялись объявленія въ родѣ слѣдующаго: «Понеже бывшей при академической типографіи у на-

бору книгъ ученикъ Семенъ Горловъ съ нѣсколько недѣль отъ академіи бѣжалъ, того ради черезъ сіе объявляется, ежели объ ономъ Горловѣ кто извѣстенъ или знаетъ, гдѣ и у кого онъ живетъ, тѣ бы пожаловали, онаго ученика поймавши, привели въ академическую канцелярію, за что оный приводецъ отъ канцеляріи академіи наукъ съ благодареніемъ награжденіе получитъ».

Ив. Иноземцевъ.

ПОѢЗДКА НА ОСТРОВЪ ВАЛААМЪ.

I.

ОРГАНИЗАТОРЫ «обществъ трезвости», на ряду съ общепринятыми мѣрами къ отрезвленію народа, привлекли въ послѣднее время къ своей работѣ интеллигентную молодежь духовной академіи при Александро-Невской лаврѣ и каждому изъ ея представителей выдѣлили въ городѣ Петербургѣ опредѣленный фабрично-заводскій районъ, нуждающійся въ отрезвленіи его населенія. На этотъ призывъ, разумѣется, должны были откликнуться наиболѣе убѣжденные въ своей просвѣтительной миссіи молодые люди. Нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, дѣйствительно талантливые проповѣдники и лекторы. Они привлекаютъ на свои бесѣды массы рабочихъ людей, и эти послѣдніе отзываются о нихъ съ большимъ сочувствіемъ.

Мнѣ давно хотѣлось видѣть на живомъ дѣлѣ проявленіе благотворнаго вліянія этихъ «друзей трезвости» на своихъ сочленовъ, и я былъ чрезвычайно радъ, когда одинъ мой добрый знакомый зашелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Хотите видѣть творчество и успѣхи религіозной мысли за послѣдніе годы въ рабочей средѣ? Завтра, въ субботу, 19-го мая, послѣ работы на фабрикахъ, «трезвенники» нанимаютъ пароходъ и намѣреваются провести два дня праздника Св. Троицы на островѣ Валаамѣ... Я предлагаю и вамъ поѣхать со мною. Въ воскресенье

утромъ мы будемъ тамъ, а въ понедѣльникъ вернемся назадъ. Рабочіе должны во вторникъ вернуться на свои фабрики и заводы.

Съ величайшей охотой я согласился, и въ четыре часа по полудни мы были на Калашниковской пристани, у церкви Бориса и Глѣба. Непріятно поразило меня то, что какъ только нашъ извозчикъ подъѣхалъ къ пароходу, нѣсколько выпившихъ рабочихъ бросились къ нашему ручному багажу съ предложеніемъ своихъ услугъ.

— «Остатній разъ заговѣлись», -подумалъ я, вспоминая у русскаго человѣка обычай, передъ присягой о воздержаніи, пить безъ просыпу...

— Можетъ быть, это провожатые,—замѣтилъ мой спутникъ, смягчая мое неудовольствіе и указывая при этомъ на толпы народа, очевидно собравшагося на набережной для проводовъ «трезвенниковъ».

На пароходѣ я узналъ, что съ нами ѣдутъ къ Валаамскимъ угодникамъ не одни трезвенники, но и многія постороннія лица. Вотъ почему во время нашего плаванія я замѣчалъ на палубѣ выпившихъ лицъ, но на обратномъ пути всѣ были трезвы и благоговѣйно настроены. Вѣроятно, я видѣлъ ихъ пьющими «остатній разъ», передъ отъѣздомъ на Валаамъ за благословеніемъ къ полному воздержанію отъ потребленія спиртныхъ напитковъ.

Пароходъ «Валаамъ», на которомъ мы ѣхали, купленъ валаамскими монахами у финновъ въ полную собственность. Немного странно видѣть пароходную команду въ монашескомъ одѣяніи, и при томъ мало привыкшей къ услугамъ публики.

— Здѣсь,—сказалъ мой спутникъ,—со Христомъ, а не со слугами ѣдутъ. Это—поѣздка съ образами, крестами и пѣніемъ. На пароходѣ болѣе пятисотъ человѣкъ, а прислуги у монастыря очень мало. Обо всемъ не сообразишь. Въ другіе дни, безъ трезвенниковъ, народу меньше и порядку больше... Вы чорта-то порѣже упоминайте, здѣсь народъ-то богомольный...

Мало-по-малу я началъ привыкать на пароходѣ къ особенностямъ монастырской администраціи, и мнѣ вдругъ стало даже нравиться, что на этомъ пароходѣ чувствуешь себя по-домашнему. Съ напутственнымъ молебномъ и прекраснымъ хоромъ пѣвчихъ мы тронулись вверхъ по Невѣ къ Ладожскому озеру.

— Что это пароходъ идетъ бокомъ?—спросилъ я на палубѣ.

— Народу много... Однимъ трезвенникамъ выдали четыреста пятьдесятъ билетовъ, да постороннихъ сколько-то... Вотъ проѣдемъ Неву, пароходъ пойдетъ ровнѣе. Теперь для него мало воды въ рѣкѣ, и ему не во что упираться, а въ озерѣ ея въ волю,—пояснилъ рядомъ со мной стоявшій монахъ.—Будетъ упираться носомъ въ воду и не свернется на бокъ... Страшнаго ничего нѣтъ... А если увидишь большое горе, то перестанешь всего бояться на

свѣтѣ и во всемъ положиться на Божью волю; а не увидишь горя—будешь кричать, терзаться и думать, что дѣлать.

Выслушавъ философію о воспитательномъ значеніи большого горя, я спросилъ монаха, откуда онъ.

— Изъ Коневскаго монастыря... На островѣ Коневецъ. Заѣзжать будемъ туда... Увидите сами этотъ «Конь-камень».

— Общество трезвости наняло пароходъ для трезвенниковъ?

— Для бѣдныхъ, для бѣдныхъ,—перебилъ одинъ рабочій.—Безъ этого иной никогда не повидалъ бы Валаамъ, а теперь полцѣны стоитъ билетъ. Ну, и ѣдутъ помолиться чудотворцамъ: и трезвенники, и всякіе... Бѣдные ѣдутъ.

Къ нашему разговору пристали другіе рабочіе.

— Ѣдутъ больше съ бумаго-прядильной мануфактуры Штиглица... На углу Малой и Большой Болотной. Іеромонахъ Геннадій изъ Александро-Невской лавры два раза въ недѣлю проповѣди тамъ говоритъ, а теперь кончаетъ ихъ до осени. Вотъ онъ и придумалъ эту поѣздку въ остатній разъ... Ужъ такъ мы довольны! Такъ довольны!

Я понималъ восторгъ рабочихъ. Ихъ «общества трезвости» возникаютъ, между прочимъ, и изъ того соображенія, что трудно сдержать клятву о воздержаніи въ одиночествѣ при условіяхъ жизни исключительно ради дневного пропитанія и возвращенія съ фабрикъ въ свою деревню съ сумой... Въ «братствахъ» трезвенниковъ они находятъ поддержку другъ въ другѣ и до нѣкоторой степени удовлетвореніе и соціальныхъ потребностей въ человѣкѣ. Они посѣщаютъ народные театры, слушаютъ лекціи и проповѣди, участвуютъ въ загородныхъ поѣздкахъ на «лоно природы» и въ окрестныя обители, пользующіяся народной любовью. Какъ бы въ подтвержденіе этой мысли, я неоднократно слышалъ во время пути на палубѣ стройное пѣніе пѣвчихъ въ духѣ слѣдующихъ стиховъ:

О дивный островъ Валаамъ!
Рука Божественной судьбы
Воздвигла здѣсь обитель рая,
Обитель вышней чистоты,

Обитель чудную, святую,
Жилище избранныхъ людей,
Обитель, сердцу дорогую,
Обитель мира отъ страстей.

Чѣмъ болѣе длилось пѣніе, тѣмъ чувствительнѣе разносились по рѣкѣ слова въ честь священныхъ лѣсовъ, заливовъ и побѣдъ иноковъ надъ «капищемъ боговъ»...

Андрей Апостолъ,—есть преданье,—
Крестомъ разсѣялъ мракъ грѣха,
Предрекши вѣры процвѣтанье,
Поста, молитвы и труда.

Конь-камень.

Тебя подвижники святые
Сергій и Германъ основали,
Здѣсь же и мощи ихъ честныя
Своимъ нетлѣньемъ просіяли.

Хвала тебѣ, обитель славы!
Ты блещешь въ юной чистотѣ,
Храня всѣ строгіе уставы
Въ своемъ монашескомъ житьѣ.

Несомнѣнно, что измученная работами и страстями рабочая масса проникнута томленіемъ успокоенія и нравственной тишины. Изъ книгъ она еще не ознакомилась съ идеалами высшаго порядка, дающими нравственное удовлетвореніе самымъ энергичнымъ и безпокойнымъ душамъ; а острова Коневецъ и Валаамъ удовлетворяли ихъ воображеніе свѣтомъ добродѣтельнаго житія иноковъ

и удивительной красотой природы. Всѣ поэтическіе порывы и умственные замыслы, заглохшіе въ городскихъ массахъ, точно просыпались здѣсь на водѣ, рабочіе пѣли хоромъ:

Коневецъ, мирчая обитель,
Въ тебѣ страдающій душой
Столицы шумной грѣшный житель
Найдетъ отраду и покой...

Забудетъ онъ свои страданья,
Свои грѣховныя мечты,
Омывъ слезами покаянья
Всю грязь житейской суеты.

Разумѣется, въ монашескомъ житіи рабочая масса усматриваетъ не бездѣльное прозябаніе иноковъ на богатыя жертвоприношенія, но обѣтованную общину, гдѣ

Завѣтъ Арсенія Святого
Игуменъ съ братіей хранятъ,—
Калѣку, нищаго, больного
Всегда съ любовью пріютятъ.

Грѣхами ближнихъ не гнушаясь,
Не осуждая никого,
Они, отъ зла и тьмы спасаясь,
Спасаютъ брата своего...

Отъ этихъ словъ, въ гармоническомъ ихъ сочетаніи, разстилающихся въ воздухѣ надъ обоими берегами Невы, поросшими фабриками и питейными заведеніями, глубоко задумываешься... И хочется вѣрить, что не всегда же іеромонахи Геннадіи будутъ увлекать рабочихъ одной мелодіей словъ, безъ разъясненія внутренняго смысла!

Охваченный общимъ воодушевленіемъ, я стоялъ среди рабочихъ, безъ шапокъ у многихъ на головѣ, и вглядывался въ лица пѣвчихъ. Большинство изъ нихъ фабричныя дѣвушки, затѣмъ пожилыя женщины, дѣти и рабочіе. Всѣхъ поющихъ было 60 человѣкъ, и среди нихъ выдѣлялись дѣвушки-подростки, въ коричневыхъ платьицахъ, съ черными фартуками. Это были подарки отъ фабричнаго управленія всѣмъ пѣвичкамъ.

— Посмотрите,—сказалъ я своему товарищу:—какъ мало похожи лица этихъ пѣвичекъ на фабричныя лица. Они всѣ удивительно серьезны, сосредоточенны, осмысленны и цѣломудренны, какъ у дѣтей, такъ и у пожилыхъ.

— Такъ и должно быть,—отвѣтилъ товарищъ.— Религіозно-философская мысль всегда отпечатывается на вѣрующемъ цѣломудренно и величественно.

Общій видъ острова Валаама.

— Ахъ,—перебилъ я скорбно:—да есть ли здѣсь эта мысль?

— Вы видите ее на лицѣ малютокъ и пожилыхъ....

Я замолчалъ, но не могъ не провѣрить закравшагося сомнѣнія.

Пѣвички пѣли «сибирскіе стихи», какъ отозвался о нихъ одинъ рабочій, изъ сборника «Лепта», принадлежащаго алтайскому миссіонеру Макарію, примѣнившему свои духовные стихи на всевозможные мотивы общераспространенныхъ пѣсенъ, и, благодаря этому, его «сибирскіе стихи» легко проникли въ народъ. Меня, однако, поразило удивительное однообразіе сюжета; на какой бы мотивъ ни были подобраны слова, всѣ они грустныя, погребальныя, аскетически-монастырскаго направленія...

Пора тебѣ ужъ пробудиться,
О бѣдная душа моя!
Должна ты скоро возмутиться:
Конецъ приходитъ бытія.

Ты спишь, а врагъ твой бдитъ всечасно;
Ты спишь, а бездна подъ тобой;
И Божій гнѣвъ, какъ громъ ужасный,
Гремитъ надъ грѣшной головой.

Едва кончается одна пѣснь, какъ малютки, лѣтъ 13—15, начинаютъ новую:

Гора Аѳонъ, гора святая!
Не знаю я твоихъ красотъ:
И твоего земного рая,
И подъ тобой шумящихъ водъ.

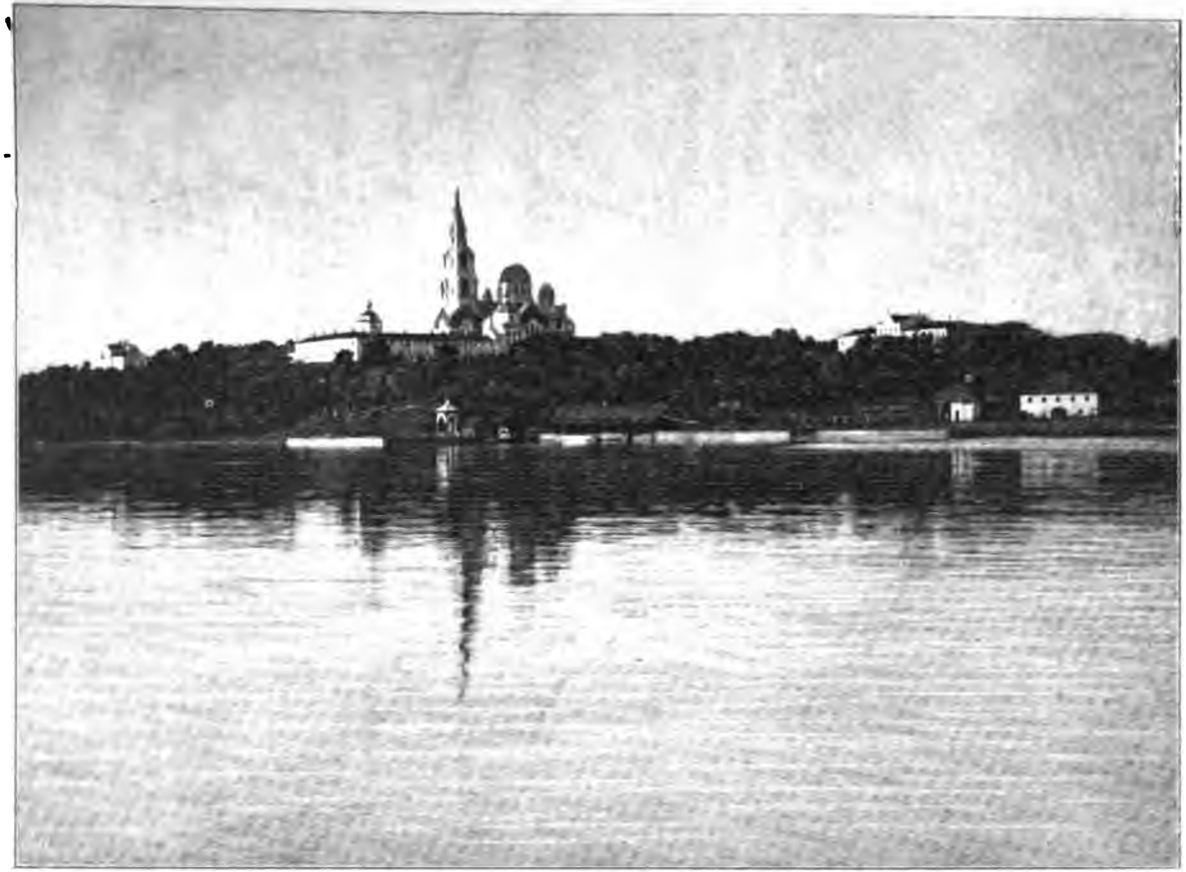
Я попросилъ нѣсколькихъ дѣвушекъ повторить нѣкоторыя мѣста пѣсни, но онѣ не могли исполнить мою просьбу.

— Мы поемъ,—сказали онѣ:—по одной тетрадкѣ или книжкѣ. Глядимъ и поемъ....

— Но вы понимаете, что поете? Скажите какую нибудь строку или мысль въ той или въ другой пѣсни.

Одна изъ дѣвушекъ повторила мнѣ нѣсколько строкъ, но такъ безтолково и изъ разныхъ мѣстъ, что не получалось никакой мысли; другая прочла вѣрно куплетъ стиха, но своими словами не умѣла передать его содержаніе. А между тѣмъ въ хорѣ выходило пѣніе стройнымъ и увлекательнымъ.

— Хорошо, что не всѣ понимаютъ и всасываютъ въ себя аскетическую «Лепту» алтайскаго миссіонера,—подумалъ я, но и пожалѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ народную среду, съ народными и привычными мотивами, не проникаютъ болѣе художественно-правдивыя пѣсни нашихъ поэтовъ. Хоръ смолкъ, но нѣсколько отдѣльныхъ голосовъ въ передней части парохода пѣли того же унылаго характера пѣснь:

Валаамскій монастырь.

Ни отецъ, ни мать родныя
Не поплачутъ надо мной,
И на гробъ рука чужая
Кинетъ горсть земли сырой.

Можетъ быть, на погребенье
Кто изъ ближнихъ и придетъ;
Можетъ быть, изъ сожалѣнья
Слезку выронетъ, вздохнетъ;
Но никто моей могилы
Никогда не посѣтитъ.

Развѣ чижичекъ унылый
На ней сядетъ погрустить,
Или развѣ мимоходомъ
Близъ могилы кто пройдетъ
И, уставши, на зеленомъ
Дернѣ сядетъ, отдохнетъ....

Тяжело было слушать грустные и безнадежные напѣвы въ устахъ молоденькихъ дѣвушекъ, такъ оживленно дѣлившихся впечатлѣніями, когда онѣ радостно осматривали съ парохода заселенные берега Невы, разыскивая на нихъ то дворецъ князя Потемкина, то Островки, Лобаново, Мойку, Пески, Анненское и наконецъ сосну Петра Великаго...

II.

До «Шлюшина», какъ зовутъ крестьяне Шлиссельбургъ, и его крѣпости «Орѣшекъ» мы доѣхали очень скоро.

Я любовался открывающимся передъ взорами пассажировъ Ладожскимъ озеромъ.

— До Кошкина маяка тихо поплывемъ,—говорили рабочіе.

— Почему вы знаете?—спросилъ я.

— Мели здѣсь... Мы это узнали, когда ѣздили за Коневецъ работать на Чортову Лахту. Проѣдемъ Кошкинскія мели и опять поѣдемъ быстрѣй.

— Что это за Чортова Лахта?

— По-фински,—отвѣтили мнѣ:—она зовется «Сортонъ-Лаксы», а мы зовемъ ее Чортовой Лахтой... Эта финская гавань для таможеннаго осмотра. «Водяной житель» любитъ ее.... «Озерные люди» много разъ видали его, особливо, когда промысловую молитву не соблюдаютъ, и рыба не ловится.

Я тотчасъ же вспомнилъ про «водяного жителя» разсказъ олонецкихъ рыбаковъ, которые говорили мнѣ:

— Мало ловится рыбы потому, что рыбаки молились Богу, чтобы всю пойманную рыбу за долги отдавать хозяину-прасолу, а мы развѣ сдерживаемъ свою молитву: крупную рыбу отберемъ, да и продадимъ потихоньку отъ прасола. Ну, Богъ вѣтромъ въ

Скитъ Всѣхъ Святыхъ на островѣ Валаамѣ.

день Назарія (14-го октября) и отгонитъ ее отъ береговъ. Не обманывай Бога въ молитвахъ своихъ. Въ Назаріевъ день у рыбака котелъ либо густъ, либо пустъ. Пригонитъ вѣтеръ сиговъ къ камнямъ—будетъ рыбаку праздникъ, а отгонитъ — плохо... Апостолъ Петръ самъ былъ рыбакомъ и считается покровителемъ рыбнаго промысла, а мы въ Петровъ день вино пьемъ и не творимъ рыбачью молитву: «рыбакъ Петръ, уроди всякой рыбины на птицъ, на меня и на жадную душу».... на воровъ, значитъ. Рѣдко кто молится на морѣ съ вѣрою въ слова, которыя покровительствуютъ промыслу. «Освободи жителя темнаго отъ моихъ сѣтей, и пусть онъ напускаетъ камней въ мережи тому, кто не знаетъ промысловой молитвы». Чорту ничего не значитъ порвать мережи... На водѣ онъ хозяинъ и что хочетъ сдѣлаетъ съ тобой.

Вслѣдъ за разговорами на палубѣ о «водяномъ жителѣ», у многихъ бывалыхъ рабочихъ воскресли разныя воспоминанія про Ладожское озеро и олончанъ, «пришивныхъ чортовыхъ головушекъ», которымъ Петръ Великій, за драку олончанина съ чортомъ и непослушаніе царскому приказу не драться, порубилъ сгоряча головы и вновь изъ сожалѣнія пришилъ ихъ, но второпяхъ перепуталъ головы: олончанину пришилъ чортову, а чорту—олонецкую. «Пришивная ты чортова головушка», ругаются здѣсь по каналамъ и къ Заонежью.

На озерѣ шелъ мелкій дождь, и водяное пространство почти тотчасъ же сливалось съ небомъ вблизи парохода. Въ ясную погоду Ладожское озеро съ безбрежнымъ горизонтомъ очень красиво, а въ дождливую и туманную оно скучно и тоскливо. Я предпочиталъ слушать бесѣды на палубѣ и дѣлалъ для продолженія ихъ маленькія реплики, преднамѣренно вызывая ими горячія возраженія и споры между бесѣдующими. Холодная ночь заставила меня наконецъ покинуть палубу и спуститься внизъ.

Около четырехъ часовъ утра показался Коневецъ, въ 180 верстахъ отъ Петербурга.

Островъ покрытъ хвойнымъ лѣсомъ, съ двумя горами: Святой и Змѣиной, красиво возвышающимися изъ глубины озера.

Предметомъ почитанія здѣсь пользуется огромный «Конь-камень», которому въ прежнее время корелы ежегодно приносили въ жертву коня для охраненія ихъ скота, пригоняемаго сюда на лѣто. Отъ этого религіознаго обряда камень сталъ называться «Конь-камень», а самый островъ—Коневецъ. Преподобный Арсеній окропилъ камень святой водой, и нечистые духи, по преданію, въ видѣ вороновъ улетѣли на другой берегъ въ Лахту. На камнѣ преподобный Арсеній построилъ часовню въ ознаменованіе освобожденія мѣста отъ бѣсовъ.

Очевидно мѣстные жители не безъ основанія называютъ «Сортонъ-Лахту» Чортовой Лахтой.

Никольскій скитъ на островѣ Валаамѣ.

— Выходите! Выходите на бе́регъ!—кричала пароходная команда изъ монаховъ, когда мы пристали къ пристани.—Выходите всѣ... Пароходъ отправится выгружаться въ «Сортонъ-Лахту» и вернется черезъ два-три часа.

Какъ ни незаконно это требованіе, но пассажиры безъ ропота сходили на берегъ съ узелками и корзинками, несмотря на то, что мелкій дождь продолжалъ моросить.

— Сходите и вы,—кричалъ мнѣ монахъ-распорядитель.—Сходите къ Арсенію! «Конь-камень» посмотрите...

Доводъ оказался убѣдительнымъ, и я вышелъ на сушу. Пассажиры расположились отдыхать кто на мокрой пристани, кто на землѣ, кто на буграхъ изъ камней... Изъ монастыря никто не предложилъ желающимъ пройти въ номера двухъ имѣющихся гостиницъ (каменная и деревянная); многіе даже не знали, что тамъ можно напиться чаю и получить кусокъ хлѣба. Мнѣ вообще казалось, что «общества трезвости», устраивая религіозныя поѣздки «трезвенниковъ», должны найти поддержку въ монастырской братіи Коневца-Валаама и совмѣстно стараться запечатлѣть въ фабричныхъ богомольцахъ ихъ поѣздку наиболѣе глубже и поэтичнѣе. Между тѣмъ, на пароходной палубѣ, эти богомольцы мерзли всю ночь въ легкихъ пиджачкахъ, а нѣкоторыя богомолки въ одномъ платьицѣ съ платочкомъ на головѣ; а здѣсь на берегу ихъ не обогрѣли и не покормили....

— Сходите къ казначею за благословеніемъ, а безъ записки у насъ строго, и ничего нельзя дать,—отвѣчали монахи на просьбу выпить стаканъ молока.

Я даже слышалъ такой разговоръ. Въ книжной лавочкѣ мой пріятель, разсматривая фотографію монастырской обители, спросилъ продающаго монаха:

— Нѣтъ ли получше фотографіи?

— Лучше не бываетъ, — грубо отвѣчаетъ тотъ.

— Я хотѣлъ бы побольше размѣромъ...

— Все равно... Всѣ онѣ божественны!

— Я хочу ку́пить по собственному вкусу, — уже нетерпѣливо замѣчаетъ пріятель.

— Вы не сердитесь и другихъ не сердите ради праздника, — перебиваетъ монахъ.

Конечно, съ своимъ уставомъ не ходятъ въ чужой монастырь, но хотѣлось бы, чтобы эти монастыри, куда ѣдутъ «трезвенники» почерпнуть силы для новой жизни,—добровольно, по собственной инціативѣ, обратились бы къ «обществамъ трезвости» съ предложеніемъ своихъ попеченій и наиболѣе умѣло организовали бы совмѣстно подобныя поѣздки рабочихъ въ мѣста, гдѣ они ищутъ новыхъ силъ для новой жизни.

Часа четыре мы ждали парохода, который отвозилъ грузъ на «Сортонъ-Лахту» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ заѣзжать туда для исполненія таможенныхъ формальностей. Среди интеллигентной публики на пароходѣ раздавались по этому поводу враждебные голоса противъ Финляндіи, но одна молоденькая пассажирка весьма остроумно возразила:

— Утопающіе за соломинку хватаются... Хотятъ имѣть «финляндскій уголокъ»...

Замѣчаніе ея примирило насъ съ опозданіемъ парохода, который, по мѣрѣ приближенія къ Валааму, замедлялъ ходъ. Послѣ

Берегъ острова Валаама.

дождя озеро погрузилось въ глубокій туманъ, и продолжать путь было опасно. Пароходъ подавалъ сигналы, съ маяка раздавались пушечные выстрѣлы, а направленіе все-таки было трудно опредѣлить. Простояли мы въ туманѣ часа полтора или два, пока капитанъ не направилъ пароходъ болѣе рѣшительно впередъ. На небѣ показалось солнышко и обогрѣло палубную публику. А Валаама все еще не было видно... Вдругъ сквозь туманъ образовались на небосклонѣ разнообразныхъ формъ огромныя пятна.

— Валаамъ [1])!—воскликнули пассажиры.

---

[1]) Валла—по-шведски высота.

— Острова! — перебили голоса.—Монастырь далѣе, за поворотомъ... Это острова... Ихъ много здѣсь.

Мы приближались все болѣе и болѣе къ берегу, который уже ясно зеленѣлъ передъ нами. Внезапно подулъ вѣтеръ, и туманъ быстро направился густыми облаками изъ ущелій валаамскаго архипелага къ горизонту. Солнце залило своими яркими лучами покрытые хвойнымъ лѣсомъ высокіе, гранитные острова. Мы плыли мимо нихъ въ восхищеніи, и вдругъ изъ сотни грудей вырвалось восклицаніе:

— Валаамъ! Вотъ Валаамъ! Святая обитель!

Величественный островъ, съ горами, лѣсами и бѣлой церковью съ ярко-синими куполами, плавалъ какъ бы въ облакахъ надъ ладожскими заливами. Берегъ острова былъ усѣянъ монахами, которые кланялись намъ, обгоняя другъ друга, махали скуфьями и торопились въ одно время съ нами быть на пристани. Здѣсь, несомнѣнно, насъ ждали, и было болѣе привѣтливо, чѣмъ на Коневцѣ.

«Трезвенники» крестились и торопились выйти на берегъ, гдѣ монахи тотчасъ же встрѣчали ихъ и вели за собою въ «гостиницу».

III.

Послѣ трапезы въ монашескомъ вкусѣ намъ предложили осмотрѣть «скиты». Первымъ изъ нихъ былъ Никольскій скитъ съ рѣдкой иконой Николая Чудотворца.

Иноки монастыря пишутъ о скитѣ и его иконѣ слѣдующее:

«Извѣстною стала эта икона очень недавно, и вотъ по какому случаю: у часовни, гдѣ находилось это рѣзное изображеніе Святителя Николая, снаружи была кружка для доброхотныхъ подаяній. Въ одну изъ осеннихъ темныхъ ночей сторожъ услышалъ отчаянный крикъ. Прибѣжавъ къ тому мѣсту, откуда раздался голосъ, онъ увидѣлъ около кружки на землѣ лежащаго человѣка безъ чувствъ; оказалось, что это былъ чухонецъ. Когда этотъ послѣдній пришелъ въ чувство, то чистосердечно разсказалъ, что онъ имѣлъ намѣреніе похитить церковную кружку; но едва успѣлъ онъ только прикоснуться къ ней, какъ изъ стѣны вышелъ грозный старикъ съ мечемъ въ рукѣ, и удержалъ его руку, послѣ чего онъ отъ испуга лишился чувствъ. Удивленные этимъ чрезвычайнымъ обстоятельствомъ иноки тщательно осмотрѣли часовню; но никого, кромѣ рѣзного изображенія Святителя Николая, который, по словамъ виновнаго, былъ схожъ съ явившимся къ нему старцемъ, въ часовнѣ не нашли. Ясно стало, что старецъ, вразумившій святотатца, былъ святитель Николай, и что чудо было отъ этого рѣзного изображенія его. Въ чувствахъ благодарной радости братія валаамская рѣшилась чтить образъ этотъ чудотворною святынею. Образъ этотъ и понынѣ чтится не только братіею и

мѣстнымъ населеніемъ, но и по всей окрестности извѣстенъ до такой степени, что даже финны-лютеране нерѣдко пріѣзжаютъ къ Валааму въ своихъ рыбацкихъ лодкахъ, чтобы поставить свѣчу Святителю Николаю».

Нужно ли говорить объ огромномъ впечатлѣніи молебна на пріѣзжихъ рабочихъ передъ иконой Николая Чудотворца?

Изъ Никольскаго скита мы поѣхали въ скитъ «Всѣхъ Святыхъ». Въ одномъ изъ изданій Валаамскаго монастыря объ этомъ скитѣ сказано:

«Высокій, глухой, обширный лѣсъ ограждаетъ скитъ со всѣхъ сторонъ. Какая тишина! Какое глубокое уединеніе! Какой благодатный миръ можетъ наполнить утомленную душу среди этого ничѣмъ не нарушаемаго покоя! Да, въ этомъ своемъ видѣ скитъ Всѣхъ Святыхъ представляетъ неоспоримо всѣ условія для невозмутимой, молитвенно-созерцательной жизни. Женщинъ въ этотъ скитъ не пускаютъ; входъ имъ сюда дозволяется только одинъ разъ въ годъ — въ первое воскресенье послѣ Троицы, то-есть въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, когда совершается сюда со многимъ великолѣпіемъ крестный ходъ».

Всѣ прочіе скиты (Коневской Божьей Матери, Авраамія Ростовскаго, пустынька игумена Назарія и т. д.) такъ же прекрасно выстроены и на такихъ же живописныхъ островахъ. Мы, однако, не успѣли посмотрѣть ихъ и торопились вернуться въ обитель, гдѣ по уставу къ десяти часамъ вечера уже никто не можетъ находиться внѣ ея стѣнъ.

Вернувшись съ товарищемъ въ номеръ гостиницы, мы закусили привезенной съ собой изъ Петербурга провизіей, безъ которой, съ непривычки къ монастырской пищѣ, было бы прямо голодно. Дорогою мы познакомились съ однимъ старымъ монахомъ, который посѣтилъ насъ въ номерѣ и въ разговорѣ объ исторіи Валаамской обители сказалъ:

— Знамениты у насъ собственно Сергій и Германъ, первые основатели обители, да еще Назарій и Дамаскинъ, устроители обители въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь. Начало ея можно отнести ко временамъ апостола Андрея, но достовѣрно ничего не извѣстно.

Въ брошюрахъ валаамскаго изданія говорится, что «первымъ пришелъ на Валаамъ преподобный Сергій. Проповѣдуя ученіе Христово по берегамъ Ладожскаго озера и всюду посрамляя языческихъ боговъ и жрецовъ, преп. Сергій часто слышалъ отъ язычниковъ, что на Валаамѣ—главная сила ихъ религіи, тамъ обитаютъ ихъ сильные боги, тамъ же живутъ ихъ многочисленные жрецы. «Мы люди простые, темные,—говорили преподобному язычники, когда были посрамляемы его мудрою рѣчью:—иди туда, на Валаамъ; тамъ ты найдешь много нашихъ вѣщихъ стариковъ,—съ ними и пого-

вори о богахъ и о вѣрѣ». И преподобный Сергій рѣшился отправиться въ самое средоточіе сѣвернаго язычества. Пренебрегая возможною опасностію смерти отъ посрамленныхъ и разъяренныхъ языческихъ жрецовъ, онъ сѣлъ на утлый челнъ и пустился плыть по бурному Ладожскому озеру. Прошло нѣкоторое время, утлый челнокъ причалилъ къ скалистому берегу Валаама, и не устрашимый подвижникъ ступилъ на почву этого острова, намѣреваясь вступить въ борьбу съ главною силою язычества, не имѣя при себѣ никакого другого оружія, кромѣ креста и Слова Божія. Вокругъ преподобнаго Сергія, поселившагося на Валаамѣ въ скалистой пещерѣ (Вага), собиралось все большее и большее общество его послѣдователей. Ново-обращенные христіане, постоянно воодушевляемые своимъ наставникомъ, горѣли пламенною ревностію къ истинному Богу, познать Котораго они только что сподобились, они не хотѣли оставить того, благодаря кому узнали истинный свѣтъ, и жили съ преподобнымъ Сергіемъ вмѣстѣ, постоянно поучаясь у него и стараясь подражать его благочестивымъ подвигамъ. Такимъ образомъ образовалось первое монашеское братство на Валаамѣ». Подъ конецъ жизни Сергія, прибылъ на Валаамъ Германъ, сдѣлавшись, послѣ смерти Сергія, главою монашескаго братства.

Шведы часто разоряли обитель, и только Петръ I возстановилъ ее и укрѣпилъ за Россіей.

Въ валаамскихъ изданіяхъ часто упоминается о томъ, что шведы были покорены не только оружіемъ русскаго царя, но и чудотворностью Валаама. Король шведскій Магнусъ, очутившись на островѣ Валаамѣ, плѣнился его красотой и постригся въ монахи. Здѣсь даже имѣется его могила съ слѣдующей надписью:

На семъ мѣстѣ тѣло погребено,
Въ 1371 году оно землѣ предано,
Магнуса, шведскаго короля,
Который, святое крещеніе воспрія,
При крещеніи Григорьемъ нареченъ.
Въ Швеціи онъ въ 1336 году рожденъ,
Въ 1360 году на престолъ возведенъ.
Великую силу имѣя и оною ополченъ,
Двоекратно на Россію воевалъ
И о прекращеніи войны клятву давалъ,
Но, преступивъ клятву, паки вооружился,
Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился.
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось,
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось;
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился,
Три дня и три ночи Богомъ хранился,
Отъ потопленія былъ избавленъ,
Волнами къ берегу сего монастыря управленъ,
Иноками взятъ и въ обитель внесенъ.
Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ,

Потомъ на мѣсто царскія діадимы
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы.
Поживъ три дня, здѣсь скончался,
Бывъ въ коронѣ, и схимою увѣнчался.

Въ книгѣ А. Н. Муравьева: «Путешествіе по святымъ русскимъ мѣстамъ», монастырская легенда о Магнусѣ опровергается слѣдующими соображеніями:

«Стихи сіи, судя по слогу, не старыхъ временъ, но преданіе о Магнусѣ очень давнее, и странно, какимъ образомъ могло оно храниться въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, хотя и лѣтописи шведскія ясно говорятъ, что король Магнусъ II, въ XIV вѣкѣ несчастливо воевавшій съ новгородцами въ Кареліи, былъ впослѣдствіи свергнутъ съ престола и заключенъ въ темницу, отколѣ освобожденный своимъ сыномъ Гаквиномъ, королемъ Норвегіи, утонулъ на берегахъ ея въ 1372 году. Въ лѣтописяхъ же русскихъ вписано даже мнимое его завѣщаніе, коимъ запрещаетъ дѣтямъ воевать съ Россіею. Темныя преданія Валаама особенно замѣчательны; иноки его, какъ бы недовольные славою собственныхъ великихъ угодниковъ, подвизавшихся на островѣ, хотѣли имѣть основателемъ самого апостола, просвѣтившаго Россію, а въ числѣ братіи—царственнаго врага ея, оружія коего сами трепетали, и сіи два сказанія укоренились въ ихъ дикой пустынѣ подъ мракомъ среднихъ вѣковъ».

Въ понедѣльникъ утромъ на Троицу, въ 8 часовъ, мы вдругъ услышали свистокъ съ парохода.

— Это что такое?—спросилъ я своего товарища.—Неужели это призывной свистокъ къ отходу?

— Вѣроятно,—отвѣтилъ онъ и бросился въ коридоръ за справкой.

— Да,—сказалъ онъ:—это пароходъ идетъ обратно въ Петербургъ... Скорѣе надо чай пить да укладываться.

Но мы не успѣли выпить по стакану чая, какъ послышался второй свистокъ, а затѣмъ пріотворилась дверь номера, и маленькій монашекъ заявилъ, чтобы мы торопились.

— Мало же трезвенники осматривали Валаамъ,—думалъ я, уже находясь на пароходѣ.—Они не успѣли осмотрѣть садъ, огородъ, заводы, мастерскія и прочія стороны монастырскаго хозяйства. А между тѣмъ во всемъ этомъ было много интереса.

Я выразилъ вслухъ недостаточность такой поспѣшной поѣздки.

— Хотѣлось бы больше видѣть...

— Пресѣкать свои хотѣнія нужно,—отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ трезвенниковъ.—Мало ли, что кому хочется? Здѣсь монастырь... Иному монаху хочется выкупаться въ озерѣ, а онъ не долженъ; полюбоваться игрой звѣрей или птицъ въ лѣсу, а онъ не долженъ...

Около насъ раздались сочувствующіе голоса:

— Здѣсь пресѣкаютъ хотѣнія... Мы бы жить остались здѣсь, а нельзя.

— Все видѣли и получили, что кому было нужно,—возражали мнѣ.

— Гулять некогда было, а самое главное видѣли... Одни исповѣдывались и пріобщались, другіе обѣдню слушали и прикладывались къ мощамъ; остальные ѣздили въ скиты къ угодникамъ....

— Моего мужа,—громче всѣхъ воскликнула горделиво одна изъ женщинъ:—старецъ благословилъ... Не всѣхъ благословилъ онъ, а только двоихъ.

— Вотъ счастье!—сочувствовали ей всѣ.—Видѣли и мы въ скитѣ, какъ Святой Николай угодникъ стоитъ....

— А на Коневецкомъ-то островѣ какъ было хорошо! Видѣли «Конь-камень», но не видѣли «колодезь»... Боялись, пароходъ уйдетъ.

Такъ мы и остались каждый при своемъ. Простой народъ былъ счастливъ и вполнѣ удовлетворенъ, а мнѣ все хотѣлось большаго и лучшаго. Я разсуждалъ про себя:

— Наша поѣздка началась въ 4 часа въ субботу, а изъ Коневца мы выѣхали около 9 часовъ утра въ воскресенье, благодаря тому, что пароходъ заходилъ съ грузомъ и для таможеннаго осмотра въ «Сортонъ-Лаксу». На «Валаамъ» мы прибыли около 12 часовъ дня, а на другой день—въ понедѣльникъ, въ 8 часовъ утра, пустились обратно въ Петербургъ, такъ какъ рабочимъ нужно во вторникъ въ 6 часовъ утра быть уже на работѣ. Стало быть, много ли оставалось у нихъ времени на обозрѣніе Валаама и внутренняго вдохновенія его красотами, если вспомнить, что въ это же время приходилось обѣдню служить и на каждомъ шагу—молебны? Религіозная поѣздка на Валаамъ могла бы научить рабочихъ не только Богу молиться, но и порядкамъ и взаимнымъ отношеніямъ монастырской братіи, если эти отношенія поучительны. Извѣстный писатель Немировичъ-Данченко остался въ восхищеніи отъ здѣшняго «крестьянскаго царства», и мнѣ кажется, что дѣйствительно здѣсь есть многому чему научиться рабочему люду, особенно, при объясненіи ему многихъ бытовыхъ особенностей «крестьянскаго царства». Но если пребываніе на островѣ такъ быстротечно, что утомленные люди прямо съ парохода, часто послѣ качки, попадаютъ исключительно на церковныя бдѣнія, а затѣмъ запираются на ночь въ монастырскую гостиницу съ тѣмъ, чтобы рано утромъ итти опять въ церковь, а оттуда, не успѣвъ даже чая напиться, на пароходъ въ обратный путь,—то и такая поѣздка, конечно, не безслѣдна для чернорабочаго люда, но могла бы быть обставлена лучше. Напримѣръ, извѣстно, что на бумагопрядильной мануфактурѣ Штиглица покровительствуютъ «трезвенникамъ» даже денежнымъ образомъ;

почему же не выхлопотать было для этихъ трезвенниковъ всего одинъ рабочій день, который бы они могли провести на островѣ Валаамѣ, въ дополненіе къ двумъ праздникамъ, считая время и на поѣздку? Конечно, возможна лучшая организація подобныхъ поѣздокъ, если она воодушевляетъ рабочихъ и содѣйствуетъ косвенно воздержности ихъ жизни. И фабриканты, и руководители «обществъ трезвости», и сама святая обитель должны сочувственно отнестись къ этому новому дѣлу поддержанія въ рабочихъ стремленія, собственными душевными силами, улучшить свое положеніе. Безъ этихъ стремленій немыслима и благотворность экономическихъ реформъ; вотъ почему этическую жизнь въ народѣ слѣдуетъ поддерживать. Но достаточно ли для этого послѣдняго,— спрашивалъ я,—мерзлыхъ ночей на палубахъ парохода, дневныхъ пѣсенъ изъ «Лепты» миссіонера Макарія и исключительно одной церковной службы на Валаамѣ?

А. И. Фаресовъ.

НА МѢСТѢ ПОСЛѢДНИХЪ ДНЕЙ ЛЕРМОНТОВА.

ЕДВА ЛИ у насъ въ Россіи имѣется какая либо мѣстность, связанная настолько съ именемъ котораго нибудь писателя, насколько связанъ Кавказъ съ именемъ безвременно погибшаго ровно шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ (15-го іюля 1841 года) Михаила Юрьевича Лермонтова.

При одномъ только произнесеніи этого дорогого для каждаго русскаго имени въ умѣ тотчасъ же встаютъ величественныя картины Кавказа, его воинственныхъ сыновъ и того поистинѣ эпическаго времени, когда шашка «неравный бой вела съ штыкомъ трехграннымъ». Можно не знать географіи, но всякій изъ произведеній Лермонтова знаетъ названія Эльборуса, Бештау, Машука, Казбека и другихъ воспѣтыхъ имъ мѣстъ. Едва ли найдется рѣдкій изъ насъ, кто бы не бредилъ въ дѣтствѣ снѣговыми вершинами Кавказа, не декламировалъ бы стиховъ о спорѣ Казбека съ сѣдовласымъ Шатомъ, не гулялъ бы мысленно по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ начинался, развивался и закончился романъ Печорина съ Мери, гдѣ свирѣпый Казбичъ убилъ несчастную Бэлу, гдѣ плясала прекрасная Тамара, не проникалъ мысленнымъ взоромъ въ ту темную монастырскую келью, гдѣ она, измученная своей борьбой и сомнѣніями, не пала въ объятія прекраснаго и гордаго «духа отрицанія и сомнѣнія»...

Чудныя мѣста, прекрасные образы, чарующія воспоминанія!...

Отправляющійся на воды больной, какъ бы ни былъ онъ удрученъ своими страданіями, даетъ себѣ слово непремѣнно, хотя издали, посмотрѣть на мѣста, воспѣтыя и освященныя пребываніемъ и послѣдними днями поэта.

Мнѣ приходилось нѣсколько разъ бывать въ этихъ мѣстахъ,— и каждый разъ я съ новымъ удовольствіемъ и восхищеніемъ бродилъ по нимъ и жилъ лермонтовскимъ міромъ. Пользуясь же истекшимъ въ настоящемъ году шестидесятилѣтіемъ со дня смерти Лермонтова, я рѣшаюсь сдѣлать описаніе тѣхъ мѣстъ Пятигорска, которыя такъ или иначе связаны съ именемъ поэта или съ его послѣдними днями.

Памятникъ.

Когда я пріѣзжаю въ Пятигорскъ и останавливаюсь у одной изъ тѣхъ ненасытныхъ акулъ, которыя здѣсь носятъ мягкое названіе квартиросодержателей, однимъ изъ первыхъ вопросовъ, который задаетъ это хищное животное, всякій разъ будетъ:

— А видѣли вы нашъ памятникъ?

На такой вопросъ моей акулы, дѣлаемый, должно быть, чтобы этой своей любезностью хотя немного поослабить то невыгодное впечатлѣніе, которое оставляетъ самый отчаянный торгъ изъ-за квартиры (щель, въ которой едва можно повернуться, котирующаяся здѣсь въ разгарѣ сезона за тридцать—сорокъ рублей), я всегда считаю нужнымъ наивно спросить:

— Какой памятникъ?

— Да нашъ же памятникъ.

— А развѣ здѣсь есть какой нибудь памятникъ?

— А то какъ же? — не безъ гордости отвѣчаетъ акула. — Въ скверѣ стоитъ.

— Вотъ какъ,—протягиваю я. — А кому же этотъ памятникъ?

— А Лермонтову.

— За что же ему поставили этотъ памятникъ?

Дальше идутъ самые разнообразные отвѣты.

Иногда акула отвѣчаетъ:

— А за заслуги.

— За какія же заслуги?

— Да кто жъ его знаетъ—за какія. Говорятъ, стишки писалъ.

— Такъ за писаніе стишковъ и памятникъ? — продолжаю я наивничать.

— Да вотъ подите жъ вы... Должно быть, за нихъ... Отъ начальства такъ,—съ усмѣшкой отвѣчаетъ акула, въ глубинѣ души, должно быть, удивляясь глупости начальства, ставящаго памятники за такое пустое дѣло, какъ писаніе «стишковъ».

Впрочемъ, эта акула хотя отчасти знала, за что поставленъ памятникъ Лермонтову. Но я видалъ другую такую же акулу, которая на тотъ же мой вопросъ, не задумавшись нисколько, отвѣтила:

— А за боевыя заслуги.

— Вотъ тебѣ и на!—не могъ я удержать своего удивленія. — За какія же такія?

— А помогъ самого Шамиля въ плѣнъ взять, — не смутилась акула.

Лермонтовъ и Шамиль—одна прелесть!...

Третья же акула была пообразованнѣе и знала, что Лермонтовъ былъ «сочинитель».

— А вы знаете, что онъ написалъ?—спрашиваю.

— А то какъ же?—не безъ гордости отвѣчаетъ акула.

— Что же именно?

— Напримѣръ, «Демона», «Евгенія Онѣгина», «Парадный подъѣздъ».

Милѣе ничего нельзя себѣ и представить!

А вѣдь всѣ они — стародавніе мѣстные уроженцы, считающіе долгомъ всякаго «курсового» угощать Лермонтовымъ. Но впрочемъ что имъ Лермонтовъ, и что они Лермонтову? Столько же, сколько знаменитая пластическая Гекуба.

— Поѣдемте посмотрѣть памятникъ, — предложилъ я своему знакомому врачу Н., бывшему въ первый разъ въ Пятигорскѣ.

Мы вышли на улицу, крикнули парный фаэтонъ и поѣхали къ городскому скверу.

— Интересно знать, имѣетъ ли понятіе простой народъ о Лермонтовѣ,—сказалъ я дорогой.

— А вотъ узнаемъ, — отвѣчалъ Н. и обратился къ извозчику:

— Скажи, пожалуйста, любезный, ты знаешь, кому поставленъ этотъ памятникъ?

— А какъ же,—типичнымъ гортаннымъ южнымъ говоромъ отвѣчалъ онъ:—Лерма́нтову.

— А кто-жъ такой этотъ Лерма́нтовъ?

Возница недовѣрчиво покосился на насъ.

— А чи господа не знаютъ?

— Мы не здѣшніе,—отвѣчалъ мой спутникъ.

— А то бувъ писаръ.

— Писарь?.. Что же писалъ этотъ писарь?

— А стихы какіе-то... Кто-жъ его знаетъ...

— А ты читалъ его стихи?

— Ни... Я больше по божественному... Нема времени глупостями заниматься...

Бѣдный «писаръ»!..

Мы подъѣхали къ скверу. Послѣдній находится противъ собора, очень не великъ, деревьевъ въ немъ мало, почему и посѣщающихъ его очень немного. Единственный предметъ, который ходятъ смотрѣть сюда, памятникъ, можно видѣть, и не заходя въ скверъ: несчастное изображеніе поэта стоитъ на пустой площадкѣ, на самомъ солн-

Памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ.

цепекѣ, не имѣя вокругъ себя ни одного деревца, и прекрасно видно издали.

Поэтъ изображенъ на немъ сидящимъ на обломкѣ скалы, подпирая правой рукой щеку, а лѣвую подведя подъ другую. На немъ разстегнутый сюртукъ пѣхотнаго Тенгинскаго полка съ поручичьими эполетами. Подъ ногами лежитъ раскрытая книга. На сѣромъ постаментѣ, на которомъ поставлена статуя, двѣ надписи:—вверху:

М. Ю. Лермонтовъ.

и внизу:

16 августа 1889 года.

Надъ послѣдней подписью изображеніе лиры, лавроваго вѣнка, пера и книги.

Памятникъ стоитъ на лужайкѣ, по которой идутъ дорожки къ нему.

Мой спутникъ ходилъ вокругъ памятника, что-то ворчалъ себѣ подъ носъ и наконецъ разсердился.

— Ну, что, хорошъ? Выдержанъ?

Я промычалъ въ отвѣтъ что-то неопредѣленное.

— Нѣтъ, вы взгляните-ка на лицо,—вдругъ прорвало того.— Что это за лицо? Развѣ такое лицо было у Лермантова? Это лицо съ безжизненными глазками, съ выдающимися скулами,—развѣ это лицо Лермонтова?... Вѣдь это же скорѣе лицо азіата, калмыка какого нибудь, но вовсе не лицо несчастнаго поэта... А эполеты!.. Вѣдь всѣмъ и каждому извѣстно, что Лермонтовъ не любилъ эполетъ и не носилъ ихъ. Къ чему ихъ тутъ придѣлали?.. А поза?.. Куда онъ смотритъ?.. На какой-то Золотой Курганъ—или какъ ее тамъ эту гору?—о которомъ онъ ни словомъ не обмолвился въ своихъ произведеніяхъ, а царь Кавказа—Эльборусъ—остается вправо, внѣ поля его зрѣнія... Памятникъ надо повернуть на югъ, къ цѣпи горъ Кавказскаго хребта, а его почему-то поставили на востокъ.

Въ словахъ моего спутника было, дѣйствительно, немало правды.

На самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что пямятникъ былъ сдѣланъ по проекту академика Опекушина и стоилъ около пятидесяти тысячъ, онъ не выдерживаетъ строгой критики. Лицо его напоминаетъ отдаленное таковое-же поэта. Вотъ что, напримѣръ, разсказываетъ г. Захарьинъ со словъ о. Василія, пятигорскаго благочиннаго, о наружности Лермонтова.

«Его сюртукъ, который онъ носилъ, былъ нарушеніемъ военной формы одежды; но тогда воротники были такіе высокіе, а шея у Лермонтова была короткая,—и воротникъ, очевидно, давилъ ему горло, и онъ его поэтому и откладывалъ. Лицомъ поэтъ вовсе не былъ такъ некрасивъ, какъ его изобразили теперь на памятникѣ: никогда у него не было такихъ широкихъ калмыцкихъ скулъ».

Статуя на памятникѣ Лермонтову.

И. С. Тургеневъ, видѣвшій Лермонтова два раза, говоритъ, что «въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое, какой-то сумрачной и недоброй силой вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижныхъ глазъ. Вся его фигура приземистая и кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ плечахъ, возбуждала ощущеніе непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій».

Панаевъ же, нерѣдко встрѣчавшій его у Краевскаго, рисуетъ его портретъ слѣдующимъ образомъ:

«Онъ былъ небольшого роста, плотнаго сложенія, имѣлъ большую голову, крупныя черты лица, широкій и большой лобъ, глубокіе умные и пронзительные глаза, невольно приводившіе въ смущеніе того, на кого онъ смотрѣлъ долго. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ».

Нечего и говорить, что выраженіе глазъ совершенно не то на памятникѣ, и вообще лицо поэта не подходитъ подъ приводимыя описанія.

Мы вышли изъ сквера и оглянулись направо. Тамъ вдали, подернутый синеватой дымкой, виднѣлся пятиглавый Бештау, столь воспѣтый поэтомъ.

«Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
«Оставимъ мы утесы горъ;
«Пусть на тебя, Бешту суровый,
«Попробуютъ надѣть оковы!»
Такъ думалъ каждый, и Бешту
Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На русскихъ злобно онъ взираетъ
Иль облаками одѣваетъ
Вершинъ кудрявыхъ красоту,—

припомнилось мнѣ мѣсто изъ «Измаила-бея».

На этотъ разъ вершина Бештау была чиста. Но лишь она заволочится тучей, каждый пятигорецъ знаетъ, что надъ бѣлыми домиками города разразится дождь.

Гротъ Лермонтова.

— Теперь куда?—задали мы затѣмъ себѣ вопросъ.

Дорога вела въ гору, къ Товіевскимъ ваннамъ и Елизаветинской галлереѣ. Тутъ же находится и знаменитый Лермонтовскій гротъ, гдѣ любилъ сидѣть Лермонтовъ и смотрѣть на свой любимый Кавказъ.

Дорога въ гору имѣла каменистый характеръ. Съ лѣвой стороны высилась отвѣсная скала съ изломанной, неровной поверхностью,

Гротъ Лермонтова.

имѣвшей мѣстами углубленія съ ровнымъ дномъ, вымытыя бывшими здѣсь ключами. Выше поднимался зеленѣющій склонъ Машука.

> Лежалъ цвѣтовъ коверъ узорный
> По той горѣ и по холмамъ.
>
> («Кавказскій плѣнникъ», I, III).

Направо былъ обрывъ, и тамъ виднѣлась часть Пятигорска съ его бѣлыми кокетливыми домиками, длиннымъ зеленымъ бульваромъ и новыми массивными зданіями новыхъ ваннъ императора Николая II, открытыми только въ нынѣшнемъ году.

Далеко на югѣ, блистая серебромъ подъ утренними лучами солнца, длинной лентой тянулась ослѣпительная гряда Кавказскаго хребта. Надъ нимъ гордо высилась вѣчно бѣлая вершина Эльборуса, этого перла Кавказа. Когда первый разъ видишь издали Эльборусъ, то никакъ нельзя подумать, что это—гора, скорѣе думается, что это случайно набѣжавшее легкое облачко,—до того издали гора кажется эѳирной, прозрачной!..

Мы стояли въ восхищеніи передъ этимъ дивнымъ созданіемъ природы, а мой спутникъ (къ слову сказать, хорошо изучившій поэзію Лермонтова) даже началъ декламировать:

> Предъ нимъ, съ оттѣнкой голубою,
> Полувоздушною стѣною,
> Нагіе тянутся хребты;
> Невѣрны, странны, какъ мечты,
> То разойдутся, то сольются
> . . . .
> Забылъ онъ все, что испыталъ:
> Друзей, враговъ, тоску изгнанья,
> И, какъ невѣсту, въ часъ свиданья,
> Душой природу обнималъ...
>
> («Измаилъ-бей», I, XVIII—XIX).

Полюбовавшись грядой Кавказскаго хребта и Эльборусомъ, мы поднялись вверхъ.

Лермонтовскій гротъ находится влѣво, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ подножія скалы. Къ нему ведетъ дорожка, довольно крутая, отъ Товіевскихъ ваннъ, идущая аллеей между дубовъ, каштановъ, боярышника и акацій и огороженная перилами. Гротъ всегда находится на запорѣ, замкнутый желѣзной рѣшеткой, попасть черезъ которую можно, только отперевъ ее ключомъ, имѣющимся у одного изъ сторожей ваннъ, конечно, за нѣкоторую мзду (безъ которой, къ слову сказать, здѣсь нельзя сдѣлать и шагу, такъ какъ разъ вы попали въ Пятигорскъ, то вы уже уже перестаете быть человѣкомъ, а обращаетесь въ дойную корову, которую всякая мѣстная акула—большая и малая—считаетъ своей святой обязанностью сосать, насколько хватитъ силъ, умѣнья и аппе-

Мѣсто дуэли Лермонтова.

тита. А послѣдній ѵ пятигорскаго туземца очень великъ, и на отсутствіе его онъ пожаловаться не можетъ).

— Въ гротикъ желаете?—спросилъ насъ сторожъ въ синей блузѣ, неизвѣстно откуда вынырнувшій изъ-подъ самыхъ нашихъ ногъ, съ обязательной искательной улыбкой на лицѣ.

— Да. Нельзя ли отпереть?

— Отчего-же-съ нельзя?.. Сей минутъ... Пожалуйте-съ...—суетливо забѣжалъ онъ впередъ, въ чаяніи, конечно, pour boir'a.

Гротъ представлялъ собою просторное помѣщеніе, вытесанное прямо въ горной породѣ. Отовсюду торчали и нависали камни. Въ немъ была полутьма и прохладно. Надъ гротомъ висѣла надпись золотыми буквами по синему полю:

Гротъ Лермонтова.

и надъ нимъ золотыя: лира, книга, перо и опрокинутый факелъ.

Въ глубинѣ грота на стѣнѣ виситъ металлическая доска. Доска эта поставлена помѣщикомъ Тамбовской губерніи Алексѣевымъ. Сему почтенному россійскому обывателю очень улыбалась мысль связать свое безызвѣстное имя («Тамбовъ на картѣ генеральной кружкомъ означенъ не всегда») съ именемъ извѣстнаго поэта. Для этого онъ привелъ въ нѣкоторый порядокъ самый гротъ и дорожку къ нему и повѣсилъ въ немъ для увѣковѣченія славнаго имени Тамбовской губерніи, Козловскаго уѣзда, помѣщика Ильи Алексѣева доску съ «собственными» на ней слѣдующими виршами, достоинство которыхъ можетъ оцѣнить самъ читатель:

«Гроту Лермонтова».

«Подъ сѣнію твоей онъ часто находилъ
Пріютъ для сладкаго мечтанья,
И ты одинъ свидѣтель былъ
Его сердечнаго страданья.
Угрюмый видъ твоей скалы
Служилъ душѣ его отрадой;
Вдали отъ суетной молвы
Ты окружалъ его прохладой.
Ты геніемъ его сіялъ,
Въ тотъ мигъ душевнаго сознанья,
Когда съ пера его слеталъ
Печальный демонъ, духъ изгнанья.
И видѣлъ ты, съ звѣзды восточной
Какъ сорванъ былъ вѣнецъ златой!
Какъ онъ сіялъ росой полночной
Съ чела Тамары молодой!
Лучемъ румянаго заката
Ты былъ такъ ярко озаренъ;
Дыханьемъ нѣжнымъ аромата
Твой горный воздухъ упоенъ.

И этотъ лучъ, кругомъ играя,
Обвилъ Тамары гибкій станъ,
И духъ подземный, обожая,
Стоялъ предъ ней, какъ истуканъ.
Въ тебѣ тотъ демонъ, духъ изгнанья,—
Коварства, лести, адскихъ силъ,—
Надъ милой дѣвой обожанья
Обманъ преступный совершилъ!
Клялся духовъ своихъ служебныхъ,
Привесть красавицѣ съ собой!
Невольницъ легкихъ и волшебныхъ,
Съ ихъ красотою неземной!
Склонясь предъ этимъ увѣреньемъ,
Скрѣпленнымъ лестью до конца,
Какимъ-то чуднымъ упоеньемъ
Повѣяло съ ея лица.
И, выслушавъ любви признанье,
Что злобный духъ ей обѣщалъ,
Тамаринъ образъ, какъ въ сіяньѣ,
Зарей румяной заблисталъ.
Ты былъ всему тому свидѣтель,
А нашъ поэтъ осуществилъ.
Гордись же участью своей:
Ты былъ избранникомъ поэта!
И знай, что въ памяти людей
Не исчезаетъ память эта!
Несчастный рокъ его сгубилъ,
Разстался съ жизнью незабвенный!
Противникъ выстрѣлъ совершилъ,
И палъ поэтъ окровавленный!
Такъ передай потомству ты
Дуэль, годами незабытый,
Что у Перкальской здѣсь скалы,
Лежитъ нашъ Лермонтовъ убитый!
Что схороненъ былъ прахъ его
Близь схороненныхъ здѣсь злодѣевъ!
Вдали отъ храма своего,
Въ углу, у кладбища евреевъ!
Но кровь родная не забыла
Поэта, брата своего,
И у монарха испросила
Увезть отсюда прахъ его.
И онъ лежитъ теперь въ кладбищѣ
Въ селѣ Столыпинѣ родномъ.
На вѣковомъ своемъ жилищѣ
Почіетъ въ Возѣ мирнымъ сномъ,
А ты, мой гротъ! какъ мраченъ ты,
Лишившись друга и поэта!
Кругомъ тебя все суеты,
И ты такъ чуждъ людского свѣта!
Повѣдай намъ: кого ты ждешь?
О чемъ такъ грустно вспоминаешь?
Поэта-ль памятью живешь,
Иль тѣнь его благословляешь?
Уже настаиъ тридцатый годъ,

Какъ мы разстались съ поэтомъ,
А ты остался все же тотъ,
Какъ памятникъ его предъ свѣтомъ,
И неизмѣннымъ хочешь быть,
Поэта другъ, товарищъ милый,—
Въ тебѣ онъ вѣчно будетъ жить,
Ты храмъ его и за могилой.
Вотъ почему благоговѣю,
Когда вхожу подъ сѣнь твою;
Я память прошлаго лелѣю
И дань таланту отдаю.

«Соч. Илья Алексѣевъ.

«Сія доска сооружена Тамбовской губерніи, Козловскаго уѣзда, помѣщикомъ Ильей Васильевичемъ Алексѣевымъ, 1870 года, іюля 20 дня, во время его пользованія пятигорскими минеральными водами; а нынѣ, по случаю отдѣлки грота, вновь возобновлена имъ 17 іюля 1878 года».

Такимъ образомъ, тамбовскій помѣщикъ осуществилъ свою mania grandiosa: его имя отнынѣ неразрывно связано съ именемъ безсмертнаго поэта въ гротѣ послѣдняго.

— А, можетъ, желаете печатные стишки получить?—спросилъ насъ сторожъ, держа въ рукѣ листочекъ бумаги.

Мы взяли послѣдній. Это оказалось «сочиненіе» Ильи Алексѣева, украшенное на обложкѣ крайне аляповатымъ изображеніемъ лермонтовскаго грота.

— Сколько стоитъ?—спрашиваемъ.

— Десять копеекъ.

Въ Пятигорскѣ Лермонтова эксплоатируютъ во всѣхъ видахъ и случаяхъ.

— Вы что ищете?—спросилъ я Н., видя, что онъ что-то внимательно разглядываетъ по стѣнамъ грота.

— Да ищу слѣдовъ милой россійской привычки—оставлять знаки своего посѣщенія,—отвѣчалъ онъ.

— Не ищите, баринъ, передъ началомъ сезона, по приказанію начальства, все вырубили,—вмѣшался въ разговоръ сторожъ.

— А пишутъ?—полюбопытствовали мы.

— Да еще какъ!.. Иной такое напишетъ, что барынямъ послѣ конфузно читать...

О милая россійская обывательщина!.. Узнаю тебя... Даже пріютъ безсмертнаго пѣвца не останавливаетъ твоей дерзновенной руки, и его ты, хотя за гробомъ, стараешься почтить... надписью, которую бываетъ даже «конфузно читать»...

— А много посѣщаетъ гротъ?—спрашиваемъ сторожа.

— Не такъ, чтобы много... Изрѣдка приходятъ...

Несчастный поэтъ и за гробомъ, какъ и при жизни, не можетъ пожаловаться на избытокъ вниманія.

Мы вышли изъ грота и сѣли на одну изъ лавочекъ, которыхъ тоже не пощадилъ ножъ туриста.

Я еще разъ взглянулъ на гротъ.

Здѣсь Лермонтовъ любилъ часто сидѣть, глядя на свой любимый Кавказъ, и обдумывать свои произведенія. Онъ не напрасно говорилъ:

Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней,
О южныя горы, отторгнуть отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ!
Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ!
Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.

(«Кавказъ»).

Рядомъ съ Лермонтовскимъ гротомъ находятся Товіевскія ванны и Елизаветинская галлерея.

Товіевскія ванны выстроены, если не ошибаюсь, въ двадцатыхъ годахъ. Слѣдовательно, во время пребыванія Лермонтова они уже существовали. Но поэтъ нигдѣ не обмолвливается о нихъ ни словомъ.

Елизаветинская же галлерея въ то время была въ слѣдующемъ видѣ:

«Наконецъ, вотъ и колодезь... На площадкѣ, близъ него, построенъ домикъ съ красной кровлей надъ ванной, а подальше галлерея, гдѣ гуляютъ во время дождя. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли, — блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходили взадъ и впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія водъ. Между ними были два-три хорошенькія личика. Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, мелькала порой пестрая шляпка любительницы уединенія вдвоемъ, потому что всегда возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку или безобразную круглую шляпу. На крутой скалѣ, гдѣ построенъ павильонъ, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ».

(«Княжна Мери»).

Здѣсь пила воду княжна Мери, и здѣсь ее впервые увидалъ Печоринъ.

Но теперь здѣсь уже не пьютъ отвратительной сѣрной воды или пьютъ ее очень мало. Пріемъ ея внутрь подвергся строгой научной критикѣ, — и теперь вы мало найдете лицъ, лѣчащихся внутреннимъ пріемомъ этой воды.

Елизаветинская галлерея теперь посѣщается сравнительно мало. Сюда рѣдко кто заходитъ съ спеціальной цѣлью; большинство же

посѣтителей здѣсь случайное: идущіе въ Сабанѣевскія ванны или же любители посидѣть на жаркомъ южномъ солнцѣ. На площадкѣ стоятъ солнечные часы, по которымъ проходящіе провѣряютъ свои хронометры.

Во времена же Лермонтова это былъ одинъ изъ бойкихъ и наиболѣе посѣщаемыхъ пунктовъ Пятигорска. Здѣсь знакомились, флиртовали, назначали другъ другу свиданія, какъ Печоринъ Вѣрѣ. Но теперь жизнь отхлынула отъ Елизаветинской галлереи, надобности въ ней рѣшительно никакой нѣтъ,—и она стоитъ только, какъ памятникъ прошлаго.

Мѣсто дуэли Лермонтова.

Отсюда мы поѣхали къ мѣсту дуэли.

Дорога отъ Товіевскихъ ваннъ и Елизаветинской галлереи сначала идетъ въ гору по широкой лѣсной просѣкѣ вплоть до Сабанѣевскихъ ваннъ (о нихъ Лермонтовъ ничего не упоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ). Затѣмъ, начиная отъ послѣднихъ, ведутъ двѣ дороги: старая — проѣзжая и новая — пѣшеходная, только что нынѣ устроенная и усаженная молодыми саженцами акацій. Послѣдняя въ будущемъ будетъ очень пріятная дорога для прогулокъ на Провалъ.

Направо открывается прекрасный видъ на лежащую глубоко внизу веселенькую казачью станицу—Горячеводскую, всю утопающую въ зелени, съ текущей подлѣ узкой рѣчушкой Подкумкомъ.

Далѣе на сѣверъ виднѣлись Константиновская и Николаевская колоніи съ своими виноградниками. Видъ отсюда очень красивый— и мы увидали здѣсь двоихъ вездѣсущихъ нынѣ фотографовъ-любителей, направляющихъ свои безцеремонные аппараты на долину.

О Провалѣ Лермонтовъ упоминаетъ дважды въ «Героѣ нашего времени». Сюда приходилъ Печоринъ съ Мери и здѣсь задалъ ей роковой вопросъ:

— Любили ли вы?

Во время Лермонтова Провалъ имѣлъ лишь одно отверстіе сверху. Желающіе осмотрѣть его поподробнѣе и любители и любительницы сильныхъ ощущеній спускались въ Провалъ на веревкахъ. Теперь же здѣсь имѣется тоннель. Рядомъ стоитъ «Ресторанъ Провалъ» съ своей обычной кабацкой обстановкой. Сюда наѣзжаютъ желающіе кутнуть. Такъ и теперь мы увидали здѣсь компанію какихъ-то офицеровъ въ сѣрыхъ тужуркахъ и трехъ накрашенныхъ дамъ. Компанія эта шумѣла и кричала и отбила у насъ всякую охоту выпить здѣсь стаканъ чая.

Дальше дорога шла лѣсомъ. Здѣсь чуть не вѣчная сырость, благодаря массѣ растущихъ высокихъ деревьевъ разнообразныхъ породъ, и послѣ дождей здѣсь бываетъ большая грязь.

Но вотъ въ чащѣ показывается просвѣтъ, и на показавшемся клочкѣ синяго неба вырисовываются двѣ горы—Желѣзная и Развалка, издали производящія впечатлѣніе лежащаго и положившаго на землю свою морду верблюда. Затѣмъ слѣва показывается пятиглавый Бештау, а справа—Змѣевая гора. Видъ на этихъ передовыхъ стражей Кавказа очень красивъ, и я только пожалѣлъ, что не захватилъ съ собою фотографическаго аппарата.

Затѣмъ мы миновали такъ называемую Перкалку. Здѣсь около ключа хорошей, холодной, прѣсной воды находится ресторанъ. Въ то время, какъ мы проѣзжали здѣсь, въ ресторанѣ никого изъ публики не было, и сонные, точно мухи, лакеи напрасно съ вожделѣніемъ въ глазахъ смотрѣли на насъ.

Дальше шла Перкальская скала, гдѣ берутъ камень для нуждъ города.

— Но гдѣ же мѣсто дуэли Лермонтова?—спрашиваемъ мы нашего возницу.

— Недалечко здѣсь,—отвѣчаетъ тотъ.

Но это недалечко растянулось слишкомъ на версту.

Тому, кто бы вздумалъ изъ города пройти къ мѣсту дуэли, можно посовѣтовать другой путь, чѣмъ мы избрали, а именно: черезъ казармы, мимо кладбища и больницы Краснаго Креста. Этотъ путь гораздо короче, чѣмъ выбрали мы.

Но вотъ лѣсная поросль кончилась, и передъ нашими глазами открылась небольшая полянка. Еще издали на ней было видно два бѣлыхъ камня. Это и есть мѣсто дуэли Лермонтова и Мартынова.

Мы слѣзали съ извозчика и подошли къ камнямъ.

Собственно, камней три: два вмѣстѣ—одинъ постаментомъ, другой небольшимъ обелискомъ на немъ и третій отдѣльно, поодаль. На двухъ боковыхъ сторонахъ были выцарапаны острымъ орудіемъ и зачернены надписи.

Одна гласила:

М. Ю.
Лермонтовъ.
15 іюля 1841 г.

А на другой сторонѣ какая-то В. Козлова, сродная по духу съ тамбовскимъ Ильей Алексѣевымъ, нацарапала «собственныя» нескладныя вирши:

Великій, при жизни твоей тебя мало цѣнили,
Ты былъ одинокъ на землѣ... но, услыши, молю:
Немногіе люди при жизни тебя такъ любили,
Какъ я послѣ смерти люблю!

В. Козлова. $18^{11}/_{IX}91$.

Печальную картину представляетъ собою это мѣсто... Шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь сошлись послѣ пу-

стой ссоры двое противниковъ доканчивать свой кровавый разговоръ, и до сихъ поръ это мѣсто находится въ непонятномъ пренебреженіи. Если не знать навѣрное, что тутъ когда-то было кровавое дѣло, то можно пройти мимо и не обратить на эти жалкіе бѣлые камешки никакого вниманія.

Мы, русскіе, вообще какъ-то мало цѣнимъ нашихъ великихъ людей и не заботимся о сохраненіи памятниковъ, относящихся къ ихъ памяти. Подъ ту же участь попалъ и Лермонтовъ. Будь это за границей, то тамъ на мѣстѣ дуэли давно уже былъ бы воздвигнутъ величественный мавзолей, достойный памяти поэта. А здѣсь рѣшительно ничего, кромѣ этихъ жалкихъ камней...

Печально и грустно!..

— Хорошо, что тутъ еще не успѣли поставить пошлаго ресторана,—сказалъ Н.

Да, только одного этого не хватало...

Мы присѣли возлѣ и оглянулись кругомъ.

Передъ глазами чернѣлъ любимый поэтомъ Бештау; правѣе лежали верблюдомъ Желѣзная и Развалка. Назади былъ Машукъ. По словамъ одного современника (пятигорскаго мѣщанина Евграфа Чалаго), во время дуэли къ нему затылкомъ стоялъ Мартыновъ. Долина, находящаяся между Бештау и Машукомъ, вся покрыта растительностью.

Выше я сказалъ, что это только приблизительное мѣсто, гдѣ была дуэль. Тутъ ли на самомъ дѣлѣ была дуэль или гдѣ поблизости, — это еще вопросъ. Но во всякомъ случаѣ гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ С. Филипповъ [1]) тщетно старался разыскать мѣсто поединка. Послѣ долгихъ поисковъ ему указали на одного пятигорскаго мѣщанина, по фамиліи Чухнина, — и вотъ что онъ записалъ тогда.

«Чухнинъ оказался старенькимъ, плохо видящимъ и плохо слышащимъ старичкомъ, съ небольшой бородкой, сѣдые волосы которой уже успѣли пожелтѣть отъ времени. Ему 67 лѣтъ, но онъ еще довольно подвижной человѣчекъ, опрятно одѣтый и не потерявшій памяти. Особенно хорошо онъ помнитъ случаи изъ своей молодости, которая совпадала какъ разъ со временемъ пребыванія въ Пятигорскѣ Лермонтова. Онъ очень хорошо помнитъ поэта и весьма подробно и вѣрно описалъ мнѣ его наружность. Онъ разсказывалъ, что неоднократно возилъ Михаила Юрьевича и даже, будто бы, находился при перевозкѣ послѣдняго съ мѣста дуэли его съ Мартыновымъ. Иванъ Андреевъ Чухнинъ былъ прежде по профессіи извозчикъ, живетъ здѣсь уже давно, хотя по происхожденію онъ тамбовецъ. Онъ—бывшій крѣпостной тамбовской помѣщицы, г-жи Тарновской, которая и завезла его въ Пятигорскъ, гдѣ онъ и остался,

---

[1]) «Лермонтовъ на кавказскихъ водахъ» («Русская Мысль», XII, 1890 г.).

впослѣдствіи выкупившись на волю и приписавшись къ мѣстному мѣщанскому обществу. Старикъ шамкающимъ голосомъ передавалъ мнѣ свои воспоминанія о «хорошемъ баринѣ», такъ онъ называетъ покойнаго поэта.

— «Хорошій, хорошій былъ баринъ.... Всѣ потомъ у насъ жалѣли, когда его убили... Горячій былъ только, а то хорошій баринъ, царство ему небесное!

— «Помните ли вы то мѣсто, гдѣ застрѣлили Михаила Юрьевича?

— «Мѣсто?.. Гм... Помню, помню, какъ же!.. У горы это. Тутъ, такъ вотъ дорога шла, а вотъ въ сторону—за кусточки. Такъ около ихъ. Такъ шаговъ двадцать или двадцать пять отступя...

— «А можете вы показать теперь? Не поѣдете ли вы со мной?

«Уламывать старика пришлось, однако, долго, пока онъ, наконецъ, согласился поѣхать со мной. Я, между прочимъ, навелъ о немъ нѣкоторыя справки касательно его памяти и правдивости. Отвѣтъ отъ всѣхъ получился самый удовлетворительный.

«Мы отправились на мѣсто роковой дуэли Лермонтова. Объѣхавъ часть Машука, у подошвы которой идетъ дорога къ Перкальской скалѣ, мы миновали кладбище съ старинной церковью и, проѣхавъ еще значительное пространство лѣсомъ, остановились невдалекѣ отъ названной скалы. Тутъ, въ сторонѣ отъ дороги, на ровной, зеленой лужайкѣ разбросаны красивыя, густыя купы деревьевъ, постепенно переходящихъ въ сплошной лѣсъ. Здѣсь, по разсказу Чухнина, происходила дуэль Лермонтова. Понятно, что мой путеводитель не былъ въ состояніи точно обозначить мѣсто поединка. Единственно, что у него осталось въ воспоминаніяхъ на этотъ счетъ, были кусты, которыхъ онъ долго и тщетно искалъ.

«Мнѣ, наконецъ, стало смѣшно и жаль бѣднаго старика: онъ, видимо, не принималъ въ соображеніе протекшаго времени, въ которое малые кусты должны превратиться въ высокія старыя деревья».

Авторъ не бросилъ и затѣмъ своихъ попытокъ отыскать точное мѣсто поединка. Въ цитируемой статьѣ онъ говоритъ дальше, что разспрашивалъ объ этомъ мѣстнаго сторожила К. І. Карпова, со словъ котораго и написалъ разсказъ о пребываніи Лермонтова на кавказскихъ водахъ.

— «Скажите,—спрашивалъ я его;—да неужели же никто и никогда не пробовалъ дѣлать попытокъ сыскать роковое мѣсто?

— «Еще очень недавно дѣлали и добились результатовъ. Въ 1881 году, во время курса, въ годовщину смерти поэта, кружекъ пріѣзжихъ артистовъ и многіе другіе справляли память покойнаго. Тогда, по почину, кажется, артиста императорскихъ театровъ Щуровскаго, была составлена комиссія для разысканія и опредѣленія мѣста дуэли съ цѣлью постановки на немъ какого нибудь знака или памятника. Въ этой комиссіи, кромѣ Щуровскаго, участвовалъ мѣстный полицеймейстеръ и я, въ качествѣ городского головы. Мы

начали дѣлать справки. Между прочимъ припомнилъ кто-то изъ здѣшнихъ старожиловъ, что мѣсто поединка хорошо извѣстно родственнику Лермонтова, помѣщику Хостатову, къ которому я и отнесся съ вопросомъ по сему дѣлу. Хостатовъ отвѣтилъ, что мѣсто отлично знаетъ бывшій его крѣпостной человѣкъ, пятигорскій мѣщанинъ Евграфъ Чаловъ.

«Вотъ его подлинныя объясненія на наши вопросы:

— «Я, дѣйствительно, находился при дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ по тому случаю, что тогда я держалъ верховыхъ лошадей и провожалъ всякаго, кто нанималъ ихъ. Лермонтовъ былъ со многими дамами и мужчинами въ колоніи Каррасъ въ гостиницѣ у Рошке, у котораго они всѣ обѣдали. Послѣ обѣда, возвращаясь въ Пятигорскъ и проѣхавъ лѣсъ «дубки», дамы съ нѣкоторыми кавалерами поѣхали дальше къ городу, а Лермонтовъ съ своими товарищами и мною поворотили по опушкѣ лѣса и стали подниматься на подошву горы Машука по слѣду, оставленному на мокрой травѣ бѣговыми дрожками Мартынова. Переѣхавъ дорогу, ведущую къ каменоломнямъ, мы скоро увидали Мартынова и остановились. Затѣмъ Лермонтовъ, по указанію секундантовъ, сталъ въ позицію затылкомъ къ горѣ Бештау, а Мартынова, отведя на нѣсколько шаговъ, поставили затылкомъ къ горѣ Машуку. Лермонтовъ стоялъ съ пистолетомъ, дуло котораго было поднято вверхъ. Черезъ нѣсколько минутъ, по знаку секундантовъ, Мартыновъ сталъ приближаться къ Лермонтову и въ моментъ ослѣпительной молніи и сильнѣйшаго удара грома выстрѣлилъ. Звука выстрѣла за грозой никто не слышалъ, но видѣли, какъ въ ту же секунду Лермонтова судорожно передернуло, онъ покачнулся и сталъ медленно клониться къ землѣ, потомъ упалъ совсѣмъ. Падая, онъ выстрѣлилъ въ свою очередь и выстрѣлилъ вверхъ...

— «Всѣ бросились къ мѣсту. Послали въ Пятигорскъ за экипажемъ. Не скоро показались нетерпѣливо ожидаемыя дрожки, на которыхъ пріѣхалъ нынѣ уже умершій пятигорскій мѣщанинъ Семенъ Пантелеевъ. Сейчасъ же подняли Лермонтова, положили въ экипажъ, и Пантелеевъ, въ сопровожденіи другихъ, повезъ убитаго къ нему на квартиру въ домъ Чеіяева. На квартиру привезли тѣло уже вечеромъ, довольно поздно...

«Вотъ вамъ точныя показанія свидѣтеля поединка. Они очень цѣнны, потому что дали возможность окончательно выяснить настоящее мѣсто дуэли».

Къ сожалѣнію, С. Филипповъ не говоритъ, то ли же это мѣсто, на которое указывалъ ему Чухнинъ.

Вообще же мѣсто дуэли наводитъ на грустныя мысли о забвеніи въ этомъ мѣстѣ поэта. Слѣдовало бы вмѣсто этихъ жалкихъ камней воздвигнуть нѣчто болѣе лучшее. А то тутъ нѣтъ даже лавочекъ, чтобы рѣдкому посѣтителю мѣста дуэли можно было посидѣть и

унестись мыслями за шестьдесятъ лѣтъ назадъ. На городской муниципалитетъ Пятигорска надѣяться нечего: онъ для Лермонтова «безнадеженъ». Остается одна надежда на управленіе водъ, и хотѣлось бы думать, что такой просвѣщенный человѣкъ, какъ нынѣшній директоръ водъ, Владимиръ Васильевичъ Хвощинскій, сдѣлаетъ что нибудь для мѣста послѣднихъ минутъ великаго русскаго поэта.

Во всякомъ случаѣ, повторяю, мѣсто, гдѣ стоятъ два этихъ камня, только приблизительно указываетъ на истинное мѣсто поединка поэта. По показаніямъ другихъ современниковъ Лермонтова (цитировать которыхъ я, къ сожалѣнію, за неимѣніемъ въ настоящую минуту необходимыхъ матеріаловъ не могу), дуэль происходила невдалекѣ отъ Перкальской скалы. Между тѣмъ камни лежатъ на разстояніи довольно почтенномъ отъ скалы.

Во всякомъ случаѣ, мѣсто, обозначенное этими камнями, представляетъ только приблизительное мѣсто дуэли. Послѣдняя происходила гдѣ-то тутъ, но гдѣ именно, на какой точкѣ,—это такъ и останется навсегда неразъясненнымъ.

Домикъ Лермонтова.

Отъ мѣста дуэли къ домику, гдѣ жилъ въ Пятигорскѣ поэтъ, нужно спуститься внизъ мимо кладбища и больницы Краснаго Креста. Находится онъ на Нагорной Лермонтовской улицѣ. Разыскали мы его скоро.

— Вы не знаете, гдѣ домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ?—спросили мы какого-то молодого человѣка, лѣтъ 17, въ красной рубашкѣ, стоявшаго около одного дома.

— Это здѣсь,—отвѣчалъ онъ.—Пройдите во дворъ.

Мы вошли въ чистенькій, усаженный акаціями, небольшой дворикъ.

— Вотъ онъ здѣсь жилъ, — указалъ юноша на стоявшій направо небольшой каменный флигель.—Тутъ и доска.

И мы увидали, подъ густой зеленой кущей вьющагося дикаго винограда, небольшую черную дощечку съ золотыми буквами, прибитую когда-то пятигорской думой. На доскѣ стояло:

Домъ, въ которомъ жилъ
поэтъ
М. Ю. Лермонтовъ
1837—1841 г.

Домъ этотъ въ настоящее время передѣланъ до неузнаваемости, такъ что о пребываніи въ немъ Лермонтова осталось одно воспоминаніе.

Внутрь проникнуть нельзя было, такъ какъ въ немъ обиталъ какой-то офицеръ съ семействомъ, да это и было бы, по вышеуказанной причинѣ, совершенно безполезно.

— Слѣдовало бы этотъ домъ купить городу,—сказалъ мой спутникъ, — и устроить въ немъ что нибудь въ родѣ Лермонтовскаго музея.

Нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Но что Пятигорску какой-то Лермонтовъ? Ему главное — сезонъ и дойная корова— «курсовой». А вѣдь устройство музея барыша никакого не дастъ. А если бы музей былъ устроенъ настолько хорошо, что можно было бы взимать съ посѣтителей плату, то и тутъ по справедливости всю вырученную сумму слѣдовало бы употреблять на улучшеніе музея или вообще на улучшеніе памятниковъ пребыванія Лермонтова въ Пятигорскѣ. Но такъ какъ эти деньги не пойдутъ въ карманъ муниципалитета, то онъ и не занимается такими «пустяками». Впрочемъ, нельзя ручаться и за то, что, вздумай городъ купить этотъ домъ, владѣлецъ не заломитъ за него сумасшедшей цѣны: акулъ въ Пятигорскѣ непочатой уголъ.

Здѣсь не лишне вспомнить слѣдующій инцидентъ.

Послѣ того, какъ трупъ поэта былъ погребенъ, тогдашній владѣлецъ этого дома обратился къ священникамъ и просилъ ихъ отслужить въ томъ помѣщеніи, которое занималъ Лермонтовъ, молебенъ и совершить водосвятіе.

— А то никто тутъ и жить не будетъ,—говорилъ онъ.

Типичная пятигорская акула сформировалась окончательно уже шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ: для нея возможность сдать квартиру (безъ водосвятія—чего добраго—придется сдать ее дешевле!) курсовому дороже памяти всякаго поэта!

Кстати о поведеніи духовенства относительно убитаго поэта.

Въ той же статьѣ С. Филиппова мы находимъ слѣдующее мѣсто изъ разсказа г. Карпова:... «постепенно, однако, народъ расходился со двора. Оставались только мы съ Унтиловымъ (тогдашній пятигорскій плацъ-майоръ, подполковникъ) да еще нѣсколько человѣкъ знакомыхъ и друзей покойнаго. Помню, что они говорили, что, несмотря на всѣ ихъ старанія, пятигорскіе священники ни за что не соглашались хоронить Лермонтова по христіанскому обычаю, доказывая, что онъ самоубійца. Унтиловъ посовѣтовалъ имъ обратиться къ начальнику штаба, полковнику Траскину, пріѣхавшему изъ Ставрополя въ Пятигорскъ. Скоро послѣ этого является ординарецъ отъ Траскина и передаетъ мнѣ требованіе, чтобы я сейчасъ же былъ у полковника.

«Едва я лишь открылъ, придя къ нему на квартиру, дверь его кабинета, какъ онъ своимъ сильнымъ металлическимъ голосомъ отчеканилъ:

— «Сходить къ отцу протоіерею, поклониться отъ меня и передать мою просьбу похоронить Лермонтова. Если же онъ будетъ отговариваться, сказать ему еще то, что въ этомъ нѣтъ никакого нарушенія закона, такъ какъ подобной же смертью умеръ извѣстный Пушкинъ, котораго похоронили со святостью, и провожалъ его тѣло на кладбище почти весь Петербургъ.

«Выйдя отъ Траскина, я отправился къ протоіерею, о. Павлу Александровскому, и передалъ буквально слова полковника; о. Павелъ подумалъ—подумалъ и, наконецъ, сказалъ:

— «Успокойте г. полковника: все будетъ исполнено по его желанію»...

Въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ седьмому изданію сочиненій Лермонтова (1889 г., подъ редакціей П. А. Ефремова), мы находимъ нѣкоторое объясненіе такого поведенія тогдашняго пятигорскаго духовенства:

«Пятигорское духовенство сначала затруднялось относительно погребенія Лермонтова по христіанскому обряду, какъ говорятъ, потому, что нѣсколько вліятельныхъ личностей, находившихся тогда въ Пятигорскѣ и не любившихъ Лермонтова за его злой языкъ, внушали, что убитый на дуэли тотъ же самоубійца, и что едва ли высшее начальство взглянетъ благопріятно на похороны такого человѣка».

Такъ было шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ; теперь же, конечно, взглядъ на это дѣло измѣнился у духовенства. Прочтите № 58 с. г. мѣстнаго «Сезоннаго Листка Кавказскихъ минеральныхъ водъ» и тамъ увидите, что когда въ мѣстной Лермонтовской комиссіи обсуждалась 26 іюня с. г. программа чествованія шестидесятилѣтія смерти поэта, то оказалось, что:

«Осуществленіе этой несложной программы встрѣтило, однако, на практикѣ большія затрудненія. Прежде всего оказалось, что мѣстное духовенство не считаетъ себя въ правѣ служить панихиду на мѣстѣ поединка, вслѣдствіе чего комиссіи за разрѣшеніемъ этого вопроса пришлось обратиться къ высшей духовной іерархіи».

Какъ обстоитъ вопросъ въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки,—я не знаю.

Оказывается, что и шестьдесятъ лѣтъ не зарыли старой пропасти!... А, кажется, ужъ пора бы...

Наконецъ, есть въ Пятигорскѣ одно мѣсто, освященное именемъ поэта. Это мѣсто первоначальнаго его погребенія на пятигорскомъ кладбищѣ. Отсюда прахъ его былъ перевезенъ въ деревню Тарханы (Пензенской губерніи), гдѣ и былъ воздвигнутъ ему памятникъ.

Теперь вопросъ: сохранилось ли это мѣсто или же нѣтъ?

Въ томъ же біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ седьмому изданію сочиненій Лермонтова, мы читаемъ слѣдующее:

«Мѣсто его временнаго погребенія на пятигорскомъ кладбищѣ забыто; кажется, оно отошло подъ выстроенную впослѣдствіи церковь; камень, лежавшій на этой могилѣ, тоже исчезъ».

Между тѣмъ оказывается, что мѣсто это вовсе не забыто. Такъ въ «Сезонномъ Листкѣ Кавказскихъ минеральныхъ водъ» (№ 52 с. г.) говорится, что это мѣсто можетъ съ точностью указать домовладѣлецъ Николаенковъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ, по нѣкоторымъ причинамъ, не удалось посѣтить это мѣсто. Но, безъ сомнѣнія, слѣдовало бы, пока существуетъ лицо, могущее съ точностью указать это мѣсто, поторопиться и поставить тамъ если не приличный памятникъ, то что нибудь въ родѣ плиты съ приличествующей надписью.

Вотъ и все, что напоминаетъ посѣтителю Пятигорска о безвременно погибшемъ поэтѣ. Немного, кажется, но и то находится въ далеко непривлекательномъ видѣ...

Впрочемъ, что же:

> Братья-писатели, въ вашей судьбѣ
> Что-то лежитъ роковое...

Не избѣгъ этого рокового и Лермонтовъ...

Василій Якимовъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ДИПЛОМАТЪ ПРИ ДВОРѢ ЕКАТЕРИНЫ II.

Историческій очеркъ.

ПО ПРИМѢРУ многихъ своихъ современниковъ, одинъ изъ малоизвѣстныхъ представителей Франціи, повѣренный въ дѣлахъ ея посольства въ Россіи, Габріэль Буррэ, сначала кавалеръ, а впослѣдствіи баронъ де-Корберонъ, писалъ свой личный интимный дневникъ, который представляетъ много интереснаго [1]). Оригиналъ его хранится до сихъ поръ въ библіотекѣ города Авиньона и пожертвованъ туда Реквіеномъ, въ 1839 году, который, въ свою очередь, получилъ его отъ генеральнаго викарія Клэра. Какъ же добылъ этотъ клерикалъ драгоцѣнный документъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Записки состоятъ изъ шести маленькихъ томовъ и нѣкоторыя фразы написаны шифрами, но ихъ нетрудно разобрать. Помарокъ мало, и только вычеркнуты мѣста, очень неблагопріятныя для его преемника въ Россіи, маркиза Веррака. Начинается дневникъ съ 1-го января 1775 года, въ Парижѣ, когда уже былъ разговоръ о назначеніи его секретаремъ маркиза де-Жюинье, уполномоченнаго министра Франціи при русскомъ дворѣ, и продолжался съ незначительными перерывами до 12-го октября 1777 года, во время его

[1]) Un diplomate français à la cour de Catherine II. 1775—1780. Journal intime du chevalier de Corberon, chargé d'affaires de France en Russie; par L. Labande. Paris, 2 vol. 1901.

пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ. Тутъ Жюинье уѣхалъ въ Парижъ, и Корберонъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Онъ оставался въ этомъ званіи три года, но по многочисленности занятій или по другимъ какимъ причинамъ онъ два года почти не писалъ своего дневника, и только въ 1779 году возобновилъ на непродолжительное время свои записки. Наконецъ, въ 1780 году, 4-го іюля, онъ началъ снова свой дневникъ въ день пріѣзда его преемника, маркиза Веррака. Онъ оставался еще въ Петербургѣ до 14 октября, для ознакомленія Веррака съ дѣлами. Тутъ же, неожиданно, за недѣлю до своего отъѣзда въ Парижъ изъ Петербурга, оканчивается его интимный дневникъ. Правда, онъ продолжается съ остановками—въ 1781, 1782 и 1784 годахъ, но такъ какъ записи въ немъ не касались Россіи, то онѣ вовсе для насъ не интересны.

Содержаніе записокъ Корберона, большею частью,—подробное описаніе придворной русской жизни и всевозможныхъ интригъ, сплетенъ и скандаловъ въ московскомъ и петербургскомъ русскомъ обществѣ. При этомъ онъ позволяетъ себѣ необыкновенную свободу языка и рѣзкость выраженій, такъ что даже издатель записокъ, Лабандъ, выпускаетъ нѣкоторыя изъ нихъ, а для передачи на русскомъ языкѣ многія фразы становятся совершенно невозможны. Этимъ слишкомъ откровеннымъ языкомъ отличается дневникъ Корберона, во время его пребыванія въ Россіи первымъ секретаремъ. Напротивъ, съ того времени, какъ онъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, онъ сталъ серіознѣе, менѣе преданъ сплетнямъ и гораздо основательнѣе, хотя и очень мало писалъ въ эту эпоху, въ сущности самую любопытную. Кромѣ того, Лабандъ значительно сокращаетъ дневникъ, потому что въ немъ много приведено безынтересныхъ отрывковъ изъ его сочиненій въ прозѣ и стихахъ, много излишнихъ подробностей о неизвѣстныхъ лицахъ и теперь уже не интересныхъ дѣлахъ, а также о всѣхъ предметахъ, не имѣющихъ, по своей устарѣлости, ничего любопытнаго. Относительно именъ, къ которымъ обращены различныя части дневника, то они преимущественно вымышлены, и настоящихъ лицъ упоминается въ нихъ только два: его невѣста и братъ.

Къ дневнику Корберона Лабандъ присоединяетъ довольно подробную біографію его и исторію дипломатическихъ сношеній Франціи съ Россіей въ эту эпоху. Обѣ онѣ основаны на извѣстныхъ документахъ и, кромѣ того, на доставленныхъ ему свѣдѣніяхъ теперешнимъ маркизомъ Корберономъ изъ семейныхъ документовъ, проимущественно депешъ Корберона къ Вержену и драгоцѣнныхъ бумагъ изъ національнаго архива Испаніи. Такимъ образомъ, изъ самаго дневника и біографіи Корберона, получается полная характеристика, какъ мало извѣстнаго французскаго дипломата, такъ и его взглядовъ на высщее общество и придворную

жизнь при Екатеринѣ II-й. Руководствуясь, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, мы воспользуемся этой книгой для уясненія того, какъ жили современники Екатерины, чрезъ очки французскаго дипломата.

I.

Даніэль Буррэ, кавалеръ де-Корберонъ, происходилъ изъ стариннаго бургундскаго рода, и дѣдъ его былъ сдѣланъ барономъ при Людовикѣ XIV. Отецъ его былъ президентомъ парижскаго парламента и отъ своей жены, Жаклины Тиру-де-Журсель, имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Второй изъ его сыновей, Даніэль, родился 15 іюля 1748 года и съ самаго дѣтства приготовлялся къ военной карьерѣ. Шестнадцати лѣтъ онъ вступилъ въ гвардію и въ 1772 году былъ уже произведенъ въ подпоручики. Но въ то время господствовалъ общій европейскій миръ, и военная служба имѣла мало прелестей для ловкаго, блестящаго человѣка. Онъ обратилъ вниманіе съ большимъ интересомъ на дипломатическую карьеру и по совѣту маркиза Верака сталъ заниматься политикой, съ цѣлью сдѣлаться дипломатомъ. Вскорѣ герцогъ Эгильонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, назначилъ его совѣтникомъ посольства, безъ содержанія, при маркизѣ Веракѣ, который былъ уполномоченнымъ министромъ въ Касселѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Корберонъ вышелъ изъ гвардіи и былъ зачисленъ капитаномъ въ драгуны, безъ назначенія.

Онъ выѣхалъ на новый свой постъ въ началѣ 1774 года, но вернулся обратно въ концѣ того же года, потому что новый министръ, графъ де-Верженъ, назначилъ маркиза Верака посланникомъ въ Копенгагенъ. Ландграфъ Кассельскій, Фридрихъ II-й, не хотѣлъ разстаться съ Корберономъ и просилъ оставить его при немъ, въ качествѣ уполномоченнаго министра, но графъ Верженъ, очень благоволившій ко всему семейству Корберонъ, полагалъ, что этотъ постъ былъ очень незначительный для него. Что же касается до Верака, то онъ надѣялся взять его съ собою секретаремъ въ Копенгагенъ. Однако и это не удалось; Корберонъ разстался и съ нимъ, получивъ совершенно новое назначеніе — первымъ секретаремъ къ его родственнику, уполномоченному министру въ Россіи, де-Жюинье. Эту перемѣну совѣтовалъ де-Верженъ и подписалъ его назначеніе 15-го мая 1775 года, съ жалованьемъ въ 2.000 ливровъ. 22-го іюня, того же года, онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Жюинье и благополучно прибылъ въ Москву 22-го августа, гдѣ былъ тогда дворъ.

Въ эту поворотную минуту его жизни, біографъ Корберона, Лабандъ, очень мѣтко характеризуетъ молодого человѣка: «Онъ считался тогда однимъ изъ блестящихъ представителей французскаго общества. Ему только что минуло 27 лѣтъ. Онъ слѣдова-

тельно былъ въ самомъ цвѣтѣ и силѣ молодости. Скорѣе малаго, чѣмъ высокаго роста, онъ имѣлъ пріятное лице, каштановые волосы и черные глаза. Что касается до его ума, то онъ отличался живыми, замѣчательными способностями, рѣзкимъ и острымъ настроеніемъ, упорнымъ характеромъ, но особенно откровенными сужденіями. Онъ любилъ свѣтъ, хотя иногда выражалъ презрѣніе къ нему и питалъ къ удовольствіямъ болѣе склонности, чѣмъ бы слѣдовало въ его года. Онъ былъ любезенъ съ женщинами, особливо съ тѣми, которыя сочувствовали ему, и потому его репутація была довольно легкомысленная. Правда, его отношенія къ женщинамъ отличалась той утонченной галантностью, которая исчезла послѣ революціи. Онъ писалъ своимъ дамамъ стихи, поэмы, сонеты, нѣжныя письма и т. д. Поэтому неудивительно, что его цѣнили въ салонахъ, гдѣ играли любительскіе спектакли и вообще занимались литературными разговорами. Онъ былъ образованный человѣкъ въ духѣ своего времени и обожатель Жанъ-Жака Руссо, а слѣдовательно мало уважалъ католическую церковь, и его идеаломъ была жизнь философская. Занимая видное мѣсто въ литературномъ и философскомъ свѣтѣ, въ Парижѣ, онъ, естественно, былъ и массономъ. Въ тѣ времена къ этому ордену принадлежало все высшее общество, и массоны не выражали никакой политической тенденціи. Большая часть массоновъ XVIII вѣка были, такъ сказать, остаткомъ средневѣковыхъ алхимиковъ, и Корберонъ научился столькимъ рецептамъ алхиміи, что имѣлъ нѣкоторыя полезныя познанія въ тогдашней наукѣ.

Среди хлопотъ и приготовленій къ отъѣзду въ Россію, Корберонъ задумалъ писать дневникъ и началъ его 2-го января 1775 г. Первая его запись сразу обнаруживаетъ, чѣмъ онъ интересуется. Онъ говоритъ о посѣщеніи маркиза де-Жюинье, съ которымъ онъ ѣхалъ въ Россію, и о маленькой Брессоль, въ которую онъ былъ влюбленъ. Самолюбіе и женщины были два средоточія, вокругъ которыхъ вертѣлись всѣ его интересы. Долго онъ не могъ рѣшиться, которое предложеніе принять, и отправиться ли съ Жюинье въ Петербургъ, или съ своимъ прежнимъ начальникомъ Веракомъ въ Копенгагенъ. Министръ Верженъ сильно настаивалъ на выборѣ Россіи, и отецъ Корберона такъ былъ въ пользу этой страны, что объявилъ ему: «Если вы не поѣдете въ Россію, то я болѣе не вмѣшиваюсь въ ваши дѣла». Наконецъ судьба была рѣшена, и, высказавъ все свое сожалѣніе Вераку, Корберонъ сталъ собираться въ путешествіе на отдаленный сѣверъ.

Покончивъ съ выборомъ своего мѣстопребыванія, молодой дипломатъ началъ собирать свѣдѣнія о Россіи. Лица, уже бывавшія тамъ, увѣряли его, что хотя эта страна была странная, но живописная; что касается до ея обычаевъ, то жители, конечно, высшаго класса стремились выйти изъ варварства, а потому въ

столицѣ царствовала необузданная роскошь. Между прочимъ, много свѣдѣній ему доставилъ о Россіи, жившій въ Петербургѣ семь лѣтъ, живописецъ Лепренсъ, который расписалъ нѣсколько потолковъ въ петербургскомъ дворцѣ. По его словамъ, въ нравственномъ отношеніи русскіе были далеко не привлекательны, но зато они отличались умомъ, образованіемъ и необыкновеннымъ умѣніемъ подражать. Наконецъ Дюпли, также бывавшій въ Россіи и хорошо знавшій ее съ коммерческой стороны, сообщилъ Корберону полезныя финансовыя свѣдѣнія.

Что касается до «маленькой Брессоль», или «предпочитаемой», «la preferée», какъ онъ называетъ дочь г-жи Миллэ, въ которую онъ не только былъ влюбленъ, но и хотѣлъ жениться, то романъ этотъ окончился передъ отъѣздомъ. Мать молодой дѣвушки была согласна на этотъ бракъ, даже съ недостаточнымъ состояніемъ Корберона, но сопротивлялась его положенію: именно, она не хотѣла, чтобы онъ находился постоянно въ разъѣздахъ. Корберонъ, съ своей стороны, несмотря на всю свою любовь, не хотѣлъ пожертвовать невѣстѣ свою дипломатическую карьеру и боялся окончательно поссориться съ родителями, если выйдетъ въ отставку. Поэтому дѣло между ними разошлось, и она вышла замужъ черезъ пять лѣтъ за господина Монтьера.

Такимъ образомъ Корберонъ отправился въ путь съ маркизомъ Жюинье, его женою и остальными членами посольства, въ очень грустномъ настроеніи. Черезъ Шалопъ они поѣхали въ Страсбургъ, а оттуда въ Германію, которую авторъ дневника описываетъ довольно подробно, но мало интересно, такъ что издатель дѣлаетъ большіе пропуски. Что касается до Польши, то она очень не понравилась молодому французу. «Вся эта страна,—говоритъ онъ,—отвратительна, въ ней видны только песокъ и сосна. Всѣ города лишь претензія на города, а въ сущности—деревни съ деревянными жилищами, грязными, почернѣлыми, бѣдными и неопрятными. Жители, большею частью, евреи, и это заканчиваетъ картину. Странно сказать, что несчастіе, нарисованное на ихъ лбу, не заставляетъ ихъ быть злополучными: они—рабы, и этимъ довольны. Правда, привычка умѣряетъ строгость рабства, но въ то же время оно уничтожаетъ характеръ человѣка. Они работаютъ изъ-подъ палки и за мелкую монету готовы на всякое униженіе. Удивительно ли, что подобные люди, лишенные всякаго понятія о правѣ, подчинены всяческой тираніи».

Въ Варшавѣ путешественники провели очень весело нѣсколько дней, посѣтили графа Огинскаго и русскаго посланника Штакельберга, который, по словамъ Корберона, былъ «очень ловкій и смѣтливый человѣкъ, знавшій многое и многихъ». Въ дневникѣ молодого дипломата записано: «Намъ предложили отправиться въ Саксонскій садъ, который довольно хорошенькая общественная

прогулка. Женщинъ было очень много; всѣ приличны, даже публичныя, которыя отличаются тамъ большею привлекательностью, чѣмъ гдѣ либо на свѣтѣ. Я разговаривалъ съ одною изъ нихъ, и она позабавила меня». Король Станиславъ Понятовскій принялъ, какъ Жюинье, такъ и его секретаря очень любезно въ залахъ, напоминавшихъ «l'oeil de boeuf» въ Версалѣ. Онъ стоялъ, прислонившись къ камину, и его фигура, какъ увѣряетъ Корберонъ, чрезвычайно благородная, высокая и красивая. Побывавъ нѣсколько разъ въ театрѣ, гдѣ давали французскія и итальянскія пьесы, они пустились въ дальнѣйшій путь черезъ Гродно и Смоленскъ. Въ послѣднемъ городѣ они остановились на ночь, и авторъ записокъ замѣчаетъ: «Мы гуляли по городу послѣ обѣда и видѣли много садовъ. Городъ очень большой, или скорѣе деревня съ значительной площадью по серединѣ, гдѣ гуляютъ. Въ одной сосѣдней улицѣ слышна была музыка и хозяинъ дома, выйдя на улицу, пригласилъ насъ къ себѣ потанцовать. Я нашелъ въ этомъ домѣ очень хорошенькую женщину и далъ ей слово разыскать ее въ Москвѣ или Петербургѣ».

Наконецъ, 12-го августа, вечеромъ въ $10^1/_2$ часовъ, состоялся въѣздъ въ Москву, но объ этомъ событіи Корберонъ отзывается далеко не лестно. По его словамъ: «При лунномъ свѣтѣ этотъ городъ безконечныхъ размѣровъ очень уродливъ, и не знаю, при свѣтѣ лучше ли». Предыдущій представитель, Франсуа Дюранъ, встрѣтилъ гостей очень холодно, и имъ пришлось ночевать во французской гостиницѣ. Жюинье на это замѣтилъ по-философски: «На войнѣ, какъ на войнѣ». На первыхъ дняхъ они переѣхали рядомъ съ домомъ французскаго посольства; и только, черезъ двѣ недѣли, все пришло въ порядокъ и французскіе дипломаты помѣстились въ своемъ жилищѣ. Въ это время Корберонъ познакомился съ прусскимъ посломъ, графомъ Сольмсомъ, съ испанскимъ посланникомъ, графомъ Ласси, и представителемъ Польши, графомъ Браницкимъ. Въ домѣ послѣдняго открыто передъ гостями говорили, что отъ графа Штакельберга получено изъ Варшавы письмо, въ которомъ онъ говорилъ: «У насъ проѣзжалъ французскій посланникъ. Это—человѣкъ безъ всякихъ знаній, дуракъ и болванъ».

Въ Москвѣ, въ тѣ времена, было мало общественныхъ развлеченій. Французская комическая опера не отличалась особымъ блескомъ. Кромѣ этой посредственной забавы, былъ еще вокзалъ, въ которомъ за рублевую плату играла музыка и гуляли пары, танцовавшія на чистомъ воздухѣ. Но юный дипломатъ нашелъ для себя другое большее удовольствіе дома. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ событіи: «Со мною было презабавное приключеніе. Въ этомъ домѣ я встрѣтилъ одну изъ жилицъ, которая занимала квартиру, сосѣднюю съ нашей. Мнѣ хотѣлось задѣть чѣмъ нибудь

эту женщину, когда она подымалась и опускалась по лѣстницѣ. Такъ какъ мы не понимали другъ друга, то пришлось удовольствоваться жестами. Встрѣтивъ ее, я пожалъ ей руку и по глазамъ видѣлъ, что это ей понравилось. Тогда я сталъ смѣлѣе, и увидѣвъ ее черезъ два часа, поцѣловалъ ее; она отвѣчала со всей граціей француженки. Я пошелъ за нею, и поцѣлуи послѣдовали за поцѣлуями. Я рѣшился итти далѣе. Этотъ дебютъ былъ слишкомъ блестящій, чтобы на немъ остановиться, но нельзя было продолжать изъ осторожности и боязни, что насъ застанутъ. Поэтому я разстался съ ней и, ложась спать, думалъ, какъ мнѣ устроить ближайшее знакомство съ неизвѣстной. Но не успѣлъ я лечь въ постель, какъ услыхалъ, что кто-то, съ босыми ногами, приблизился къ моей двери. Я отворилъ ее и принялъ красавицу въ свои объятія. Это пикантное приключеніе продолжалось два дня, послѣ чего моя нимфа уѣхала въ деревню, оставивъ мнѣ спокойствіе вдовства и невѣдѣніе ея имени. Впослѣдствіи я узналъ, что это была жена офицера».

Когда маркизъ Жюинье совершенно устроился, то 26-го августа онъ былъ представленъ императрицѣ въ ея кабинетѣ. Такъ какъ она никого другого не принимала въ этотъ день, то пришлось отсрочить представленіе остальныхъ членовъ посольства. Представитель Франціи произвелъ на Екатерину довольно хорошее впечатлѣніе. Она писала своему пріятелю Гримму: «Вашъ Жюинье пріѣхалъ. Я видѣла его вчера. Sty-lá показался мнѣ не легкомысленнымъ. Дай Богъ, чтобы его умъ возвысился надъ пустыми мечтами, горячечнымъ бредомъ, тяжелыми клеветами, глупостями и болѣзненными политическими выходками его предшественниковъ. Особенно, дай Богъ, чтобы онъ сохранилъ себя отъ пустой болтовни послѣдняго изъ нихъ, а также отъ желчи, горечи, черной ипохондріи и меланхоліи мелкой министерской сволочи, которая имъ обоимъ предшествовала». Только 10-го сентября молодой дипломатъ впервые увидалъ императрицу. Онъ былъ представленъ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, вмѣстѣ съ другимъ секретаремъ Пюисегюромъ, поцѣловалъ у ней руку. «Эта принцесса,— говоритъ онъ въ своихъ запискахъ,—отличается величественнымъ видомъ, и на ея лицѣ написаны благородство и любезность». Впослѣдствіи, когда Корберонъ ближе познакомился съ Екатериной, онъ въ своей депешѣ къ Вержену отъ 9-го апрѣля 1778 года рисуетъ слѣдующую ея характеристику: «Екатерина II была, быть можетъ, болѣе умная женщина, чѣмъ великая государыня, и совершенно поняла настоящую суть націи, которой управляетъ. Она удивительная законодательница и военачальница, но всегда остается женщиной и представляетъ соединеніе знанія и невѣжества, твердости и слабости, мужества и нерѣшительности. Переходя отъ однѣхъ противоположныхъ крайностей къ другимъ, она предста-

вляетъ тысячу трудностей всякому, желающему вѣрно ее понять, и побуждаетъ его послѣ безконечныхъ, невозможныхъ комбинацій признать ее великой актрисой, такъ какъ нельзя поставить ее на ряду съ великими государями». Относительно своего придворнаго пріема Корберонъ не очень распространяется и о московскомъ дворцѣ, въ которомъ онъ впервые увидалъ величіе императрицы, отзывается въ нѣсколькихъ словахъ. «Новый дворецъ,—говоритъ онъ, — недавно отстроенъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ съ большимъ искусствомъ соединенныхъ вмѣстѣ деревянныхъ и каменныхъ домовъ. Наружный видъ украшенъ колоннами; первая зала большая, слѣдующая за ней еще больше, тамъ ея величество принимаетъ всѣхъ иностранныхъ пословъ. Далѣе идетъ еще громаднѣйшее зало во всю ширину постройки. Оно раздѣлено на двѣ половины колоннами: въ первой императрица играетъ въ карты, а во второй половинѣ танцуютъ во время придворныхъ баловъ». Послѣ представленія императрицѣ послѣдовали представленія великому князю Павлу Петровичу и великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, первой его женѣ. По словамъ Корберона, Павелъ маленькаго роста, худой и съ довольно пріятнымъ лицомъ, но фигура его вообще дѣтская, словно онъ постоянно передъ учителемъ танцевъ. Бывшій его наставникъ, а теперь гофмейстеръ его двора и министръ иностранныхъ дѣлъ, Панинъ, показался Корберону не очень замѣчательнымъ человѣкомъ. Впослѣдствіи онъ писалъ Вержену въ 1778 году очень рѣзкое о немъ мнѣніе: «графъ Панинъ самый старый министръ при дворѣ. Онъ очень слабохарактерный, какъ всѣ люди при дворѣ, не имѣющіе настоящаго достоинства. Сладострастный по темпераменту и по привычкѣ, онъ этимъ вознаграждалъ себя за недостатокъ вліянія на государыню».

Вслѣдъ за этимъ начались знакомства съ главными лицами двора: графиней Румянцевой, восьмидесятилѣтней фавориткой Петра Великаго и матерью фельдмаршала, графомъ Алексѣемъ Орловымъ, «красавцемъ на манеръ бога Марса», Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ, который пользовался фаворомъ императрицы уже съ предыдущаго года, и т. д. Впослѣдствіи Корберонъ имѣлъ съ Потемкинымъ постоянныя сношенія, но отзывался о немъ очень рѣзко. Онъ, напримѣръ, писалъ Вержену, что «Потемкинъ переполненъ гордостью и эгоизмомъ; онъ соединяетъ русскую инерцію съ азіатской вялостью и своей развратностью заглушаетъ естественный ловкій умъ, который онъ могъ иначе съ пользой примѣнить для своего отечества». Упоминая о другихъ своихъ новыхъ знакомыхъ при дворѣ Екатерины, Корберонъ замѣчаетъ большею частью, какъ ихъ особенность, что такой-то влюбленъ въ такую-то, а такая-то удостоиваетъ своими милостями такого-то. Напримѣръ, онъ говоритъ, что камергеръ князь Долгорукій пользуется благоволеніемъ жены фельдмаршала Чернышева, что Нелединская,

жена камергера, пользуется безумной любовью графа Андрея Разумовскаго, что не мѣшало ему ухаживать за великой княгиней Наталіей Алексѣевной, и т. д. и т. д. Самъ Корберонъ не отставалъ отъ другихъ и, замѣтивъ очень хорошенькую дочь оберъшенка Нарышкина, Наталью, вздумалъ пріударить за нею. «Я познакомился съ нею,—говоритъ онъ,—ближе на придворномъ балу, такъ какъ она была фрейлина императрицы. Она спросила меня, танцую ли я. Я отвѣчалъ—да, если она будетъ со мною танцовать. Она мнѣ обѣщала слѣдующій танецъ. Я замѣтилъ во время танцевъ, что она неравнодушна ко мнѣ, а во мнѣ тотчасъ проснулось нѣчто въ родѣ любви. Я вспомнилъ, что во время моего представленія императрицѣ эта молодая дѣвушка долго на меня смотрѣла. Признаюсь, мнѣ захотѣлось завязать интригу съ нею, и въ моемъ сердцѣ я почувствовалъ, впервые, счастье послѣ отъѣзда изъ Парижа. Оно имѣетъ необходимость въ истинномъ чувствѣ, и я полагаю, что оно нужно для моего существованія. Конечно, оставленная мною въ Парижѣ любовь не забыта, и я никого никогда такъ нѣжно не любилъ».

Повидимому, графъ Верженъ хорошо понялъ характеръ Корберона и среду, въ которой онъ находился, потому что въ одномъ изъ разговоровъ съ нимъ передъ отъѣздомъ изъ Парижа онъ откровенно намекнулъ ему, что разсчитываетъ на его ухаживаніе, какъ на большую помощь въ дипломатическомъ отношеніи. «Онъ не скрылъ отъ меня», говоритъ Корберонъ, «что я принесу большую пользу своей свѣтской перепиской, такъ какъ, находясь, какъ молодой человѣкъ, въ связяхъ съ женщинами, я буду въ состояніи открывать много важнаго». Эта идея служить политикѣ ухаживаніемъ за женщинами приходила въ голову Корберону не разъ и упоминается въ его дневникѣ, но эта цѣль никогда не примѣнялась къ практикѣ. Если съ русскими придворными дамами онъ любилъ сплетничать, то никогда черезъ нихъ онъ не вывѣдывалъ государственныхъ тайнъ. Онъ болталъ для болтовни, но не съ политической цѣлью. Въ этомъ даже не обвинялъ его самый злѣйшій врагъ Франціи, англійскій посланникъ Гаррисъ.

Среди этой веселой, шумной, легкомысленной, свѣтской жизни быстро текло время. Наступили рождественскіе праздники, и императрица съ дворомъ уѣхала изъ Москвы въ Петербургъ. Маркизъ Жюинье и его секретарь послѣдовали за ними. О путешествіи до Петербурга Корберонъ замѣчаетъ, что лучше всего ѣхать ночью и днемъ, такъ какъ нѣтъ гостиницъ, гдѣ можно ночевать и ѣсть. По его словамъ, это происходитъ оттого, что русскіе вельможи всегда путешествовали со своими постелями, домашней утварью, кухней и т. д. Впрочемъ, двѣ порядочныя гостиницы были въ Твери и Новгородѣ. «Однако», замѣчаетъ онъ, «можно останавливаться и у поселянъ, которые обыкновенно гостепріимны, но для

француза ихъ квартиры невозможны по чрезмѣрной жарѣ. Для императрицы на извѣстномъ разстояніи приготовляютъ особые дома со всѣми удобствами. Что же касается до дешевизны ѣзды, то она удивительная; до Новгорода платится одна копейка, что равняется одному су за лошадь съ версты, а послѣ Новгорода вдвое. Возницѣ дается все, что угодно, свыше пяти копеекъ, и отъ этого зависитъ скорость ѣзды».

II.

Въ день новаго года, 1776 года, Корберонъ уже былъ въ Петербургѣ, и сразу дать свое мнѣніе объ одномъ изъ лучшихъ городовъ Европы онъ не рѣшился, а отложилъ до ближайшаго знакомства. Въ новомъ городѣ онъ повелъ ту же самую свѣтскую жизнь, посѣщалъ дворъ и аристократовъ, преимущественно аристократокъ и хорошенькихъ женщинъ. На первыхъ же дняхъ онъ познакомился съ семействомъ одного почтеннаго нѣмца, фонъ-Бемера. Онъ, по словамъ Екатерины II, «единственный человѣкъ, который не торговался со мною и, конечно, отъ этого выиграетъ». Фонъ-Бемеръ былъ выписанъ въ Россію для реформы судопроизводственной части и былъ назначенъ директоромъ юридической коллегіи для нѣмецкихъ провинцій. У него было три дочери, и во вторую, очень хорошенькую, будущую жену Корберона, легкомысленный юноша тотчасъ влюбился и черезъ три дня, несмотря на то, что его пріятель, секретарь испанскаго посольства, Нормандезъ, ухаживалъ за нею, не упустилъ случая поцѣловать ей руку, которую молодая дѣвушка съ удовольствіемъ ему предоставила. Конечно, это не мѣшало ему попрежнему волочиться за красавицей Нарышкиной. Изъ угоды ей онъ, напримѣръ, ѣздилъ въ нѣмецкій театръ, хотя не зналъ ни слова по-нѣмецки.

Среди новыхъ знакомыхъ Корберона замѣчателенъ былъ знаменитый скульпторъ Фальконетъ, который вылилъ конную статую Петра Великаго съ многими неудачами. Не только сначала не удалась отливка, и самъ Фальконетъ былъ раненъ, но его обвиняли всѣ, между прочимъ Бецкій, который управлялъ академіей художествъ, въ измельчаніи громаднаго гранитнаго камня, назначеннаго для пьедестала статуи. Корберонъ, однако, считаетъ это клеветою со стороны Бецкаго, котораго онъ называетъ «глупымъ, невѣжественнымъ старикомъ, способнымъ только на низкую лесть». Впрочемъ и о Фальконетѣ онъ отзывается не очень лестно, хотя и признаетъ его за талантливаго человѣка. «Фальконетъ, говоритъ Корберонъ, опасный человѣкъ, и надо съ нимъ быть чрезвычайно осторожнымъ. Подъ мантіей Діогена онъ скрываетъ гордость философа. Его критика всегда колкая и язвительная; особенно онъ осуждаетъ голову лошади статуи Марка Аврелія. Но надо отдать справедли-

вость, что я никогда не видалъ такой великолѣпной лошади, какъ въ статуѣ Петра Великаго».

На первыхъ порахъ, конечно, молодой французъ осматривалъ съ большимъ любопытствомъ всѣ достопримѣчательности Петербурга. Преимущественно большое вниманіе онъ обратилъ на Эрмитажъ и академію наукъ, гдѣ выставлены различные предметы, принадлежащіе Петру Великому. Также съ одинаковымъ любопытствомъ онъ осматривалъ коллекцію монетъ съ древнѣйшихъ временъ. Но всѣ эти замѣчательности не могли, однако, отвлечь отъ обычнаго предмета культа юнаго дипломата. Онъ познакомился и по обыкновенію сталъ ухаживать за хорошенькой Трубецкой. При этомъ онъ увѣрялъ, что дѣлалъ это по привычкѣ: «Я вовсе не влюбленъ въ нее,—записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, — и даже этого не желаю. Я просто ищу интригъ, какъ пріятное занятіе для сердца. Къ тому же я никого не пропускаю, и признаюсь, одна молодая семнадцатилѣтняя дѣвушка очень уродливая оказываетъ мнѣ милости, и я ухаживаю за нею».

Впрочемъ Корберонъ заботился не только о себѣ, но слѣдилъ съ удовольствіемъ за всѣми придворными интригами. Потемкинъ все еще оставался въ милости у Екатерины, и она на балахъ и на придворныхъ пріемахъ постоянно дѣлала ему секретные знаки. Это не мѣшало Завадовскому, какъ выражается Корберонъ, быть «amusette». Наконецъ Григорій Орловъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и она сохранила къ нему дружбу. «Орловъ чрезвычайно красивый человѣкъ,—пишетъ Корберонъ,—и я видѣлъ ихъ впервые вдвоемъ съ Потемкинымъ. Старый и новый фаворитъ не кажутся вполнѣ обезпеченными въ своемъ положеніи. Князь Орловъ, быть можетъ, одинъ изъ всѣхъ друзей императрицы осмѣливается давать ей прямые и почтенные совѣты, но, увлекаемый эгоизмомъ рабства, онъ живетъ только для себя. Имѣя мало свѣдѣній въ администраціи, онъ не приноситъ совершенно никакой пользы государству». Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Корберонъ записываетъ, что Потемкинъ, повидимому, взялъ верхъ надъ своими соперниками, и его сдѣлали княземъ. Но въ маѣ онъ уже увѣряетъ, что звѣзда Потемкина омрачилась, и Григорій Орловъ навсегда останется другомъ, тогда какъ Завадовскій будетъ попрежнему служить забавой.

Въ іюнѣ онъ разсказываетъ, что князь Орловъ теряетъ кредитъ, и его двоюродная сестра, г-жа Зиновьева, была въ юности очень близка съ нимъ и даже имѣла отъ него ребенка. Но она была неосторожна, будучи фрейлиной, и созналась императрицѣ въ этой интригѣ. Слѣдствіемъ этого было удаленіе ея и Орлова, который тогда пользовался высокими милостями, теперь же онъ снова вернулся.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся ко двору, онъ не обращалъ вниманія на Зиновьеву и хотѣлъ выдать ее замужъ за графа Брюля

съ приданымъ въ сто тысячъ. Вообще Орловъ съ нею не церемонился и, по словамъ Корберона, разсказывалъ ей о всѣхъ своихъ амуреткахъ, между прочимъ о четырехъ, только что вышедшихъ изъ Смольнаго монастыря воспитанницахъ. Въ октябрѣ онъ уже заноситъ въ свой дневникъ, что Орловъ самъ женится на Зиновьевой. При этомъ онъ прибавляетъ, что «синодъ не можетъ позволить имъ жениться, потому что они родственники, но всегда найдутся свидѣтели, которые покажутъ, что Зиновьева не дочь своего отца и матери. Что касается до быстроты, съ которой перемѣнялись фавориты, то Зиновьева разсказывала Корберону любопытный анекдотъ, доказывающій, насколько дѣйствительно Екатерина была великой актрисой. Во время своего перваго фавора Орловъ былъ посланъ на конгрессъ въ Бухарештъ, и Екатерина много плакала и отчаивалась. На второй день, по свидѣтельству Зиновьевой, она жаловалась на колику и осталась въ своей комнатѣ. Въ слѣдующіе три дня произошло то же самое. На пятый день она была совершенно здорова и весела, а на шестой она не говорила болѣе объ Орловѣ, и заявленъ былъ новый фаворитъ, Васильчиковъ. «Такова была столь знаменитая женщина,—говоритъ Корберонъ.—Ея характеръ былъ также подвиженъ, какъ и ея душа. Побуждаемая впечатлѣніемъ минуты, она была не послѣдовательна, когда повиновалась своему увлеченію. Она не была обманчива, но не вѣрна себѣ и легкомысленна. Только въ двухъ отношеніяхъ она была постоянна: она упорно держалась своего удовольствія и своего самолюбія».

Кстати Корберонъ 14 августа 1776 года записываетъ въ свой дневникъ: «Князь Барятинскій вернулся изъ Парижа. Увидѣвъ его впервые, императрица сказала: «Боже мой, Барятинскій, я полагала, что вы стали совершенно пѣтухомъ, потому что вы только что вернулись изъ Парижа, и отъ васъ такъ и несетъ Парижемъ». «Я удивляюсь, что такая великая женщина, какъ Екатерина II, столь хваленая во всей Европѣ, позволяла себѣ такія выраженія. Но дѣло въ томъ, что она ненавидѣла французскіе обычаи. При одномъ имени Парижъ у нея морщилось лицо; она не любила всѣхъ, кто туда ѣздилъ, и ее оскорблялъ восторгъ пріѣзжающихъ изъ Парижа. Орловъ того же мнѣнія; онъ насъ не любитъ, и недавно при дворѣ за обѣдомъ онъ доказывалъ, что нелѣпо въ Россіи учиться французскому языку и глупо говорить по-французски». Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ князь Щербатовъ, передававшій мнѣ этотъ разговоръ, вы должны бы влюбиться въ свою кормилицу». Екатерина еще разительнѣе доказала свою ненависть къ французскимъ обычаямъ и модамъ при пріѣздѣ изъ-за границы второй жены Павла Петровича, Маріи Θеодоровны. Узнавъ, что она привезла съ собою множество парижскихъ туалетовъ, она тотчасъ же издала указъ, по свидѣтельству Корберона, о регламентаціи женскихъ нарядовъ

съ цѣлью помѣшать своей невѣсткѣ одѣваться и причесываться по парижской модѣ. Придворныя событія въ теченіе этого года шли съ неимовѣрной быстротой. Въ концѣ апрѣля умерла великая княгиня Наталія Алексѣевна отъ тяжелыхъ родовъ, хотя, по общему мнѣнію, причина ея смерти было естественное, природное ея несчастное сложеніе, но Корберонъ подозрѣваетъ, что виною были доктора и акушерки. Во всякомъ случаѣ великій князь былъ внѣ себя отъ отчаянія, но это продолжалось недолго. Произошелъ крупный скандалъ, и начали при дворѣ ходить сплетни о романѣ графа Андрея Разумовскаго съ покойницей. Этотъ Андрей Разумовскій, сынъ гетмана, былъ съ десяти лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ. Только послѣ смерти жены великій князь сталъ подозрѣвать его. Въ сущности, увѣряетъ Корберонъ, ничего достовѣрнаго неизвѣстно объ этой исторіи. Разумовскій былъ очень близокъ къ нему и говорилъ французскому дипломату, что онъ питалъ попрежнему нѣжное чувство къ великому князю, очень уважалъ великую княгиню и цѣнилъ ея прекрасныя качества. Все же сочиненное о немъ была лишь клевета. Какъ бы то ни было, императрица приказала ему ѣхать въ Ревель, а оттуда къ отцу въ Украйну. Впослѣдствіи же онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь.

Во всякомъ случаѣ Екатерина воспользовалась дурнымъ настроеніемъ Павла, разлюбившаго свою покойную жену, и быстро устроила новую свадьбу. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ уже пріѣхала новая невѣста, будущая Марія Өеодоровна, и хотя, по словамъ Корберона, она не была очень привлекательной фигурой, и даже у нея были черные зубы, ее хвалили болѣе, чѣмъ покойницу. Безконечные праздники, по случаю принятія православія принцессой вюртембергской и ея послѣдующей свадьбы, были чрезвычайно великолѣпны. Корберонъ описываетъ ихъ подробно въ своемъ дневникѣ въ теченіе двухъ недѣль. Самое бракосочетаніе совершилось 7-го октября; 10-го октября было народное гулянье, которое, по словамъ Корберона, отличалось грубостью нравовъ, хотя на немъ присутствовала сама императрица.

Несмотря на то, что Корберонъ былъ занятъ этими событіями, онъ продолжалъ заниматься амурными дѣлами, и къ прежнимъ его ухаживаніямъ, изъ которыхъ самое серіозное было за Шарлотой Бемеръ, еще присоединилось волокитство за хорошенькой Нелединской, не говоря уже о множествѣ другихъ. Даже императрица обращала на это вниманіе. Она, подобно Людовику XV, любила скандальныя исторіи, всевозможные анекдоты и интриги. Она слѣдила даже за ухаживаніемъ Корберона за Трубецкой и Бемеръ; ея глаза останавливались на немъ со вниманіемъ, по свидѣтельству самой Шарлоты. Но всѣ эти обстоятельства были мелочныя, въ сравненіи съ трагической катастрофой, случившейся въ декабрѣ мѣсяцѣ и

едва не стоившей дорого легкомысленному французу, который, если вѣрить ему, былъ въ ней не виноватъ.

Однажды вечеромъ Корберонъ ужиналъ у Бемеровъ съ нѣмецкимъ секретаремъ посольства Гютеромъ, который получилъ неожиданно записку, извѣщавшую, что вечеромъ была дуэль между голландцемъ, графомъ Биландомъ, и итальянскимъ графомъ Рабассоми. По извѣстію несчастный Биландъ былъ убитъ. Быстро возвратясь домой, Корберонъ доложилъ о случившемся маркизу Жюинье, но тотъ предупредилъ его, что Рабассоми былъ у него и просилъ убѣжища. Онъ же отвѣчалъ, что, какъ представитель Франціи, онъ сдѣлать этого не могъ, но совѣтовалъ обратиться къ Корберону. На этотъ совѣтъ Корберонъ отвѣчалъ:

— Хорошо, я знаю Рабассоми только съ виду, но онъ военный, я не могу прогнать благороднаго товарища.

— Прекрасно, мы завтра вдвоемъ постараемся его удалить,— отвѣчалъ маркизъ,—къ тому же это ваше полное право.

Въ своихъ комнатахъ Корберонъ засталъ Рабассоми очень грустнаго, но спокойнаго; онъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Графъ Биландъ былъ ему долженъ восемьсотъ рублей и уѣзжалъ по секрету изъ Петербурга. Онъ написалъ въ этотъ день письмо Биланду, но послѣдній его не принялъ и отослалъ назадъ. Онъ отыскалъ Биланда въ ресторанѣ на Милліонной, но послѣдній встрѣтилъ Рабассоми очень дерзко и прямо объявилъ, что разговаривать съ нимъ не будетъ, а драться съ нимъ согласенъ тотчасъ же. Они немедленно отправились въ каретахъ на задворки дома Пэро и, оставивъ экипажи, вышли въ снѣгъ. Поединокъ произошелъ на шпагахъ, и несчастный Биландъ упалъ, истекая кровью. Рабассоми позвалъ его извозчика и лакея, но они бѣжали. Его же экипажъ былъ на своемъ мѣстѣ. Онъ поѣхалъ за докторомъ, но его не нашелъ. Тогда онъ бросился къ фонъ-Сакену, чтобы предупредить его и объяснить о случившемся, но онъ уже спалъ. Наконецъ ему посовѣтовалъ Румянцевъ, къ которому онъ обратился, разыскать маркиза Жюинье, бывшаго у Ивана Чернышева. Онъ принялъ его и посовѣтовалъ обратиться къ Корберону.

Выслушавъ разсказъ Рабассоми, Корберонъ сказалъ:

— На улицѣ очень дурная погода, и если вы желаете провести ночь въ креслѣ у камина, то я съ удовольствіемъ одолжу туфли такому благородному человѣку, какъ вы. Ваше дѣло плоховато, но очень просто. Вамъ надо поскорѣе скрыться, но вамъ не грозитъ никакая опасность, какъ вамъ говорилъ Румянцевъ. Но, конечно, Жюинье не можетъ васъ надолго пріютить у себя.

Послѣ этого они разстались. Но прежде, чѣмъ лечь спать, Корберонъ узналъ, что несчастный Биландъ уже умеръ и бездыханный остался на снѣгу, такъ какъ никто не рѣшился отвезти его домой.

На другое утро полиція справилась, не находился ли во французскомъ посольствѣ Рабассоми, и послѣдній очень неосторожно показался полицейскому, который, однако, сказалъ, что ему нечего опасаться. Корберонъ послѣ ухода полицейскаго спряталъ Рабассоми у своего секретаря, принявъ мѣры выпроводить его изъ дома въ сумерки. Черезъ часъ явился секретарь графа Остермана отъ имени императрицы спросить у маркиза Жюинье: находится ли у него Рабассоми? Маркизъ очень спокойно отвѣчалъ:

— У меня его нѣтъ, спросите у кавалера Корберона.

— Милостивый государь, — отвѣчалъ Корберонъ, — я отъ васъ не скрою, что Рабассоми провелъ ночь у меня. Я не знаю его, но ни одинъ военный не прогонитъ своего товарища ночью изъ дома, но даю вамъ слово, что теперь его нѣтъ у меня.

Секретарь Панина просилъ удостовѣриться, нѣтъ ли его въ какой нибудь части дома, такъ какъ утромъ его видѣлъ полицейскій.

Корберонъ прекрасно зналъ, что онъ находился у его секретаря, но Алопеусъ, такъ звали секретаря Панина, упорно настаивалъ на удостовѣреніи, что Рабассоми нѣтъ въ домѣ, хотя бы только официально. Наконецъ Корберонъ былъ принужденъ сказать на словахъ это удостовѣреніе; Алопеусъ удовлетворился этимъ и уѣхалъ. Однако, только вечеромъ Рабассоми былъ удаленъ изъ посольства.

Эта исторія надѣлала много шума. Рабассоми по совѣту князя Орлова посѣтилъ графа Панина, графъ его не принялъ, и онъ былъ арестованъ, послѣ чего ему угрожала Сибирь или тюрьма. Что касается самого Корберона, то Панинъ сказалъ маркизу Жюинье:

— Императрица желаетъ, чтобы онъ не показывался при дворѣ.

Маркизъ отвѣчалъ, что онъ очень былъ удивленъ и опечаленъ подобнымъ распоряженіемъ, которое доказывало, что императрица дѣйствовала на основаніи ложныхъ докладовъ. Напротивъ онъ былъ убѣжденъ, что Корберонъ дѣйствовалъ совершенно правильно, какъ и онъ самъ поступилъ бы, а потому просилъ Панина разувѣрить императрицу. Панинъ обѣщалъ ему, но не желалъ Корберона все-таки видѣть. «Маркизъ Жюинье велъ себя въ этомъ дѣлѣ», говоритъ Корберонъ, «примѣрно и доказалъ мнѣ свою вѣрную, надежную дружбу». Великій князь очень интересовался этой исторіей и сказалъ князю Шиме: «Я очень радъ, что не вмѣшанъ въ эту исторію, вотъ Корберонъ такъ попался. Кто это такой Корберонъ? Знаете ли вы его?» Шиме прямо ничего ему не отвѣчалъ, такъ какъ прекрасно зналъ, что великому князю хорошо извѣстенъ Корберонъ, и онъ только хочетъ вывѣдать его мнѣніе. «Онъ очень молодъ», продолжалъ Павелъ, «для такой исторіи. Ему не больше 26 или 27 лѣтъ, хотя онъ кажется гораздо моложе». Посланники австрійскій и прусскій повели себя въ этомъ дѣлѣ очень странно, даже какъ будто забыли позвать Корберона обѣдать къ себѣ. «Я нимало не

удивился этому», говоритъ Корберонъ, «политическая сволочь такая низкая, боязливая и пресмыкающаяся; она никогда не дѣйствуетъ самостоятельно, а повинуется малѣйшему движенію двора, и ею руководитъ только страхъ фавора и немилости. Точно также поступилъ саксонскій посланникъ Сакенъ, который говорилъ обо мнѣ самымъ двусмысленнымъ образомъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ узнаешь людей».

Хотя Корберонъ подозрѣвалъ, что императрица не долюбливала его, благодаря его дружбѣ съ Разумовскимъ, но Панинъ разувѣрялъ въ этомъ маркиза Жюинье и убѣждалъ повременить, такъ какъ императрица была женщина и очень горячая. «Я поручилъ уже поговорить съ нею въ удобную минуту», прибавилъ онъ, «и графъ Остерманъ, несмотря на его слова, также поговоритъ съ нею». Однако нашлись злые люди, которые наговорили много дурного императрицѣ о Корберонѣ, главное, что онъ былъ легкомысленъ, что держалъ себя по-французски и слишкомъ посѣщалъ большой свѣтъ. Несмотря на это, общественное мнѣніе было въ его пользу и желало, чтобы правительство оказало ему справедливость. При этомъ Жюинье всѣ упрекали въ слишкомъ большой слабости. «Не первый разъ», пишетъ Корберонъ въ своемъ дневникѣ, «онъ доказываетъ свою нерѣшительность и тряпичность; такова его репутація не только между французами, но также между русскими. Меня напротивъ считаютъ слишкомъ рѣшительнымъ и рѣзкимъ. Но мнѣ все равно, и я уѣду отсюда, набравъ кое-какія свѣдѣнія, которыя принесли бы пользу обоимъ дворамъ. Грустно сознаться, что здѣшній народъ — настоящіе дикари; кромѣ того, они оскотинились отъ рабства и развращены прежде, чѣмъ достигли образованія. Они отличаются всѣми пороками, не достигнувъ зрѣлости и совершенства. Виновна не почва: Русская имперія—богатая сокровищница; не дуренъ также и садовникъ; Екатерина II, хотя и не такой несравненный государь, какъ говорятъ газеты, но вовсе не дурной управитель. Однако эта женщина не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о философіи, во всемъ отличается самолюбіемъ и желаетъ скорѣе пользоваться ненадежной репутаціей, чѣмъ солидной основательной славой. Быть можетъ, существуетъ одна возможность сохранить для этой націи то благое сѣмя, которое вложено въ нее — именно отдѣлить будущее поколѣніе отъ прежняго, которое разъѣдено гангреной. Когда совершено было бы это спасительное разъединеніе, то могло бы совершиться возвращеніе страны къ своему первобытному строю, и два или три философскіе государя со временемъ придали бы ей первобытную простоту».

Въ концѣ года поговаривали о новомъ фаворитѣ, генералѣ, графѣ Румянцевѣ, сынѣ фельдмаршала, «глупомъ, но хорошо откормленномъ молодцѣ». Передавая это извѣстіе, Корберонъ замѣчаетъ, что другіе толки упоминаютъ о первомъ любовникѣ нѣмецкой труппы

и наконецъ разсказываютъ, что сынъ баронессы Мальтицъ, смотрительницы фрейлинъ, хорошенькій юнецъ, пользовался фаворомъ, но очень недолго, такъ какъ былъ бѣлобрысый. Что же касается до прежнихъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе при дворѣ, то Потемкинъ возымѣлъ надъ всѣми первенство. «Онъ человѣкъ чрезвычайно умный, и его умъ чрезвычайно тонкій», замѣчаетъ Корберонъ, хотя незадолго передъ тѣмъ онъ говорилъ совершенно иное. Вообще онъ не отличается постоянствомъ въ сужденіяхъ и часто, указывая, что русскіе, даже вельможи, несмотря на образованіе, всегда остаются необтесанными мужиками, съ большой похвалой отзывается объ одной чертѣ русскихъ, именно о сочувствіи къ людямъ хорошимъ, но не богатымъ, не умнымъ и не блестящимъ. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, что 29-го декабря умеръ бѣдный, незнатный человѣкъ нѣмецкаго происхожденія, по имени Неботчъ, который отличался только тѣмъ, что былъ честный, преданный другъ и откровенный человѣкъ. За это именно его всѣ любили и уважали, а его смерть вызвала общее сожалѣніе, особенно въ кругу красавицъ аристократокъ. «Это трудно себѣ представить, замѣчаетъ Корберонъ, но я былъ этому свидѣтель въ Петербургѣ».

III.

Въ началѣ новаго года дѣло Корберона не пошло лучше, благодаря неловкости маркиза Жюинье. «Жюинье повелъ себя, какъ дуракъ,—сказалъ о немъ Панинъ. Онъ не знаетъ ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей. Если онъ не былъ лучшимъ военнымъ, чѣмъ дипломатомъ, то плохой же онъ человѣкъ». Вообще, по словамъ Корберона, онъ былъ очень непопуляренъ въ Россіи, и поговаривали о его отъѣздѣ. Особенно недовольны его близкими отношеніями съ Иваномъ Чернышевымъ и его женою, въ которую, по словамъ Корберона, онъ былъ влюбленъ. По крайней мѣрѣ, онъ проводилъ у нихъ цѣлый день и почти цѣлую ночь; кромѣ того, онъ заплатилъ въ Парижѣ ея долговъ на 13.000 рублей. Конечно, этотъ долгъ Жюинье заставилъ принять министра на французскій казенный счетъ, увѣряя, что она принесетъ большую пользу французскому правительству черезъ своего мужа. Ничего же подобнаго не послѣдовало, увѣряетъ французскій дипломатъ, и Жюинье сдѣлался совершенно жертвою мужа и жены.

Хотя Корберонъ находился въ немилости у императрицы, онъ, однако, 12-го января, въ своемъ дневникѣ разсказываетъ очень любопытный анекдотъ, говорящій въ ея пользу. Она пригласила новгородскихъ депутатовъ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ, по поводу реформъ мѣстнаго правительства, къ себѣ обѣдать съ графомъ Сиверсомъ, ихъ губернаторомъ, котораго она очень любила.—Эти господа не очень богаты,—сказалъ онъ.—«Извините меня, господинъ

губернаторъ,—отвѣчала императрица,—они богаты своей преданностью». «Этотъ прекрасный отвѣтъ вызвалъ у нихъ слезы и стоилъ дороже денегъ. Вотъ настоящая манера ловкихъ государей,—замѣчаетъ Корберонъ,—и такъ именно поступала Екатерина».

Въ это время распространился въ придворныхъ сферахъ слухъ, что звѣзда Орловыхъ блекнетъ. Алексѣй Орловъ, который имѣлъ сильное вліяніе при дворѣ, уѣхалъ въ Москву недовольный, а скорая свадьба Григорія Орлова съ Зиновьевой чрезвычайно не нравилась Екатеринѣ. Впрочемъ, съ другой стороны, разсказывали, что она сама подстрекала тайно эту свадьбу, чтобы возбудить общественное мнѣніе противъ него, такъ какъ по законамъ нельзя было жениться на двоюродной сестрѣ. Говорятъ, вообще онъ надоѣлъ своимъ грубымъ обращеніемъ. Шелъ слухъ, что онъ самымъ дерзкимъ образомъ велъ себя съ многочисленными своими амурами.

Наконецъ 16-го февраля маркизъ Жюинье вошелъ въ комнату Корберона съ саксонскимъ министромъ барономъ Сакеномъ и объявилъ по секрету: «Вы должны поблагодарить барона. Его дружбѣ вы обязаны добрымъ исходомъ вашего дѣла. Оно кончено, и вы можете вернуться ко двору». Изъ дальнѣйшихъ словъ какъ Жюинье, такъ и Сакена оказалось, что не Сакенъ, а князь Орловъ былъ настоящей причиной его помилованія. Поэтому на слѣдующій день Корберонъ поѣхалъ благодарить графа Панина, графа Остермана, графа Орлова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, хлопотавшихъ за него. Въ воскресенье, 23-го, Корберонъ снова началъ являться попрежнему при дворѣ. Онъ по обыкновенію со всѣми раскланялся и, низко поклонившись, поцѣловалъ руку императрицы. Она избѣгла его взгляда, чтобы не поставить его въ затруднительное положеніе и самой избѣжать того же.

Отъ барона Сакена Корберонъ узналъ, что когда князь Орловъ въ первый разъ говорилъ о немъ съ императрицей, то она ничего не отвѣчала и даже отвернулась отъ него, чтобы заговорить съ другимъ. Всякій другой на его мѣстѣ перемѣнилъ бы разговоръ, но онъ надулся, и когда императрица снова заговорила съ нимъ, то онъ упорно продолжалъ говорить о Корберонѣ. Императрица наконецъ сказала: «хорошо, все забыто, онъ можетъ вернуться ко двору». Однако она все-таки написала графу Панину, чтобы спросить его совѣта, не скомпрометируетъ ли ее подобная милость. Министръ отвѣчалъ, что такой поступокъ императрицы только сдѣлаетъ ей честь, и далъ заключеніе въ пользу дѣла Корберона. «Эта черта, говоритъ французскій дипломатъ, вполнѣ знакомитъ съ этимъ человѣкомъ. Онъ прямъ, честенъ, откровененъ и отличается сильнымъ характеромъ. Если бы онъ имѣлъ познанія государственнаго человѣка и постоянство, необходимое для министра, онъ былъ бы великимъ человѣкомъ и спасителемъ Россіи».

Чрезвычайно характерно описываетъ онъ, какъ принялъ его Орловъ, во время благодарственнаго визита. «Онъ живетъ на Мойкѣ, въ громадномъ домѣ. Войдя въ комнату, я засталъ тамъ много народа. Это былъ настоящій придворный пріемъ, о какихъ въ другихъ европейскихъ странахъ не имѣютъ и понятія. Наши князья крови или министры принимаютъ одѣтые и со всякаго рода представительностью. Здѣсь, благодаря азіатскимъ нравамъ, восточный деспотизмъ до того разнузданъ, что каждый знатный человѣкъ ведетъ себя съ полной распущенностью нравовъ. Князь вышелъ изъ своей комнаты въ халатѣ съ распущенными волосами и длинной трубкой. Всѣ окружили его съ низкимъ поклономъ. Я также поклонился ему и сказалъ, что заѣзжалъ къ нему нѣсколько разъ и не засталъ его дома. Когда я началъ распространяться въ благодарности, то онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ, что очень радъ услужить мнѣ и всегда готовъ къ моимъ услугамъ. Потомъ онъ сѣлъ въ кресло, приказалъ завить свои волосы въ папильотки, курилъ, а также разговаривалъ со мною, что продолжалось очень недолго. Затѣмъ онъ поговорилъ съ нѣсколькими другими лицами и приказалъ своимъ домашнимъ показать мнѣ его картинную галлерею, при этомъ весь его дворъ низко мнѣ поклонился. Ясно было, что милость князя ко мнѣ отразилась на нихъ. Между его картинами было нѣсколько замѣчательныхъ произведеній фламандской школы. Въ тотъ же день, вечеромъ, Орловъ уѣхалъ въ Москву. Многіе увѣряютъ, что онъ уже женатъ на своей кузинѣ Зиновьевой, и что его поѣздка имѣетъ цѣлью примиреніе съ родителями. Нѣсколько дней спустя, распространился слухъ, что другая его двоюродная сестра, фрейлина Протасова, сошла съ ума отъ любви къ нему. Дѣйствительно ли она сошла съ ума, неизвѣстно, но находилась въ самомъ мрачномъ настроеніи, благодаря ревности по случаю его свадьбы».

Въ виду своей реабилитаціи, Корберонъ повелъ прежнюю веселую, безпечную жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ, предвидя, что маркизъ Жюинье уѣдетъ, по болѣзни, въ продолжительный отпускъ, онъ сталъ серіозно заниматься дѣлами, въ надеждѣ быть назначеннымъ уполномоченнымъ въ дѣлахъ. Онъ написалъ подробную записку министру Вержену о положеніи Россіи и обѣщалъ своему начальнику показать ее, прежде чѣмъ послать. «Вы вольны показать мнѣ или нѣтъ,—отвѣчалъ Жюинье,—но я вамъ совѣтую написать такую записку». «Моя цѣль,—пишетъ Корберонъ,—въ этой запискѣ бросить взглядъ на нравственныя и физическія силы этой имперіи. Недостаточно имѣть солдатъ и матеріальныя богатства, а надо еще, чтобы въ странѣ были государственные люди. Надо для того, чтобы въ государствѣ процвѣтали: науки, художества, добрые нравы и національное единство, чтобы машина двигалась, для чего необходимъ двигатель, приводящій все въ движеніе принципами и пра-

вилами. Среди этого обширнаго государства я вижу только женщину выше своего пола, но ниже своей репутаціи; министровъ слабохарактерныхъ, низкопоклонныхъ и неспособныхъ. Народъ — рабы безъ воли и энергіи. Много самолюбивыхъ плановъ, но дурно приводимыхъ въ дѣйствіе. Если я обращаю взгляды на будущее, то я вижу въ наслѣдникѣ существо безвольное, безъ способности, безъ возвышенныхъ мыслей и большихъ талантовъ. У него поверхностный умъ и дурно настроенное самолюбіе; онъ будетъ плохо выбирать своихъ слугъ, какъ онъ дурно избиралъ до сихъ поръ своихъ сторонниковъ и наперсниковъ, которымъ онъ повѣрялъ свои планы занять престолъ. Къ тому же изъ кого ему выбрать способныхъ, талантливыхъ министровъ? Молодежь праздная, легкомысленная и необразованная не обѣщаетъ полезныхъ и надежныхъ слугъ. Эти люди, по словамъ графа Нессельроде, въ красивыхъ манжеткахъ, но безъ рубашки. Ни у кого изъ нихъ нѣтъ ни знанія, ни энергіи, ни таланта, ни способности. То же самое васъ удивитъ въ наукахъ, въ мануфактурахъ и въ искусствахъ. Васъ удивятъ академіи и великолѣпныя учрежденія, но истинныхъ результатовъ нѣтъ. Эта блестящая, по газетамъ, страна очень бѣдна, если всмотришься въ нее пристально. Она бѣдна по результатамъ, но богата, по существу, по народонаселенію, по копямъ, по почвамъ и т. д. Если бы она перестала быть безпечной и гнаться за роскошью, которая дѣлаетъ ее зависимой отъ чужихъ странъ, то дѣло пошло бы совершенно иначе. Обо всемъ этомъ я хочу написать Вержену, такъ какъ я хорошо изучилъ людей и обстоятельства». Дѣйствительно Корберонъ написалъ Вержену подобную записку и получилъ благодарность за столь полезный и основательный трудъ.

Дневникъ француза за іюнь мѣсяцъ полнъ описаній петербургскихъ дачъ; особенно ему нравился Каменный островъ, принадлежавшій великому князю. «Мы провели на островѣ,—говоритъ онъ,— цѣлый день, ѣздили туда въ лодкѣ. Среди лѣса выстроена великолѣпная галлерея съ четырьмя каминами, украшенными зеркалами. Все это дѣлаетъ необыкновенный эффектъ. Не менѣе великолѣпна дача Нарышкина, у котораго обѣдали императрица, великій князь, великая княгиня и король шведскій. Послѣ прекраснаго обѣда императрица играла съ нимъ въ вистъ. Ему достался, при раздачѣ картъ, король трефъ, и императрица съ улыбкой сказала: «ваше величество, выбирайте мѣсто». Тогда король отвѣчалъ: «да, теперь я король трефовый». Совершенно частное, но любопытное торжество была свадьба сына Фальконета съ скульпторшей Колло, которая совершилась въ домѣ маркиза Жюинье. Черезъ нѣсколько времени, въ концѣ сентября была ужасная буря на Невѣ и страшное наводненіе, такъ что во многихъ улицахъ Петербурга ѣздили на лодкахъ и ловили рыбу, по крайней мѣрѣ, такъ разсказываетъ Корбе-

ронъ. По случаю такого событія очень пострадала великолѣпная яхта герцогини Кингстонъ, бывшей въ то время въ Петербургѣ. Всѣ поврежденія на яхтѣ были исправлены за счетъ императрицы, которой льстила всевозможными любезностями герцогиня. Осень проведена была Корберономъ очень весело на балахъ и любительскихъ спектакляхъ, въ которыхъ онъ игралъ во французскихъ пьесахъ, хотя не задолго до того умеръ отъ апоплексическаго удара старикъ Бемеръ, отецъ его прелестной Шарлоты.

Въ это время готовилась большая перемѣна въ жизни Корберона, именно маркизъ Жюинье поѣхалъ въ отпускъ по болѣзни, и на его мѣсто назначенъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Корберонъ. Ему тогда было только 29 лѣтъ, и потому это назначаніе доставляло большую честь, тѣмъ болѣе, что маркизъ хотѣлъ оставить послѣ себя другого секретаря, Пюисегюра. Но всѣ его интриги не удались, и Корберонъ былъ назначенъ, съ согласія Вержена и русскаго правительства. Хотя онъ не очень одобрительно и сочувственно относится къ своему предшественнику, но въ офиціальной депешѣ къ Вержену онъ, однако, говоритъ: «Здѣсь многіе сожалѣютъ маркиза. Его прямота и добродушіе привлекали къ нему значительное число друзей среди честныхъ людей». 10-го ноября 1777 года онъ представилъ Корберона императрицѣ и, простившись съ нею, уѣхалъ изъ Петербурга 23-го ноября.

Такимъ образомъ кончается дневникъ Корберона на четырнадцать мѣсяцевъ, т. е. до января 1779 года. Послѣднюю его запись 12 октября составляетъ слѣдующій анекдотъ объ Екатеринѣ: «Въ Эрмитажѣ давали старинную піесу, которая называется: «Le medecin par ocasion». Въ ней говорится: «понятно, что можетъ влюбиться тридцатилѣтняя женщина, но въ шестьдесятъ—это не позволительно». Императрица тотчасъ встала и, сказавъ: «эта піеса скучная и глупая», вышла изъ ложи. Спектакль прекратился».

В. Т.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. П. Степановъ. Село Ильинское. Историческій очеркъ. Москва. 1901.

СЕЛО ИЛЬИНСКОЕ, любимое лѣтнее мѣстопребываніе августѣйшаго московскаго генералъ-губернатора, великаго князя Сергѣя Александровича, его теперешняго владѣльца, нерѣдко посѣщаемое и другими августѣйшими особами нашего времени, находится въ Звенигородскомъ уѣздѣ Московской губерніи, на западѣ отъ Москвы, въ 18-ти верстахъ, по прямому направленію, отъ Прѣсненской заставы, представляя собой одну изъ самыхъ живописныхъ московскихъ окрестностей, весьма интересную и въ отношеніи историческомъ.

Недавно вышелъ очень обстоятельно и хорошо составленный М. П. Степановымъ и необыкновенно изящно изданный августѣйшимъ владѣльцемъ Ильинскаго историческій очеркъ этого села, который, къ сожалѣнію, въ продажу не поступитъ. А потому мы считаемъ особенно нужнымъ хотя вкратцѣ познакомить съ нимъ читателей и привести изъ него нѣкоторыя наиболѣе интересныя выдержки.

Село Ильинское изстари находилось въ дворцовомъ вѣдомствѣ. Въ дѣлахъ московскихъ архивовъ впервые село Ильинское упоминается въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича и значится дворцовымъ: въ 1616 году стольникамъ Борису и Глѣбу Морозовымъ изъ дворцоваго села Ильинскаго отданъ приселокъ Глухово со многими лугами; въ 1618 году Глѣбу Морозову отданъ другой приселокъ того же села, Луцкое. Широкіе луга села Ильинскаго, которые въ эти годы были отданы Морозовымъ, составляли продолженіе обшир-

ныхъ луговъ Тушинскихъ и Павшинскихъ, всегда принадлежавшихъ дворцу по той причинѣ, что здѣсь изстари паслись табуны царскихъ лошадей. Несомнѣнно, что и Ильинскіе луга также всегда были заняты тѣми же царскими табунами. Въ этомъ убѣждаетъ выписка изъ писцовыхъ книгъ: въ писцовыхъ книгахъ Петра Новосильцева и Павла Иванова 1620 года, при описаніи села Ильинскаго, находимъ, что «государева лошадинаго пастбища при этомъ селѣ было 15 десятинъ». Царское коннозаводство разрушилось во время смуты самозванцевъ и было очень небогато въ первые годы царя Михаила, почему Ильинскіе луга оставались пусты и были отданы Морозовымъ, какъ позднѣе и самое село было отдано В. И. Стрѣшневу.

Село Ильинское до 1634 года оставалось дворцовымъ. Въ 1634 году оно пожаловано Василію Ивановичу Стрѣшневу, изъ приказа большого дворца, въ вотчину «противъ взятые его купленные вотчины», т. е. въ промѣнъ на его купленную вотчину,—какую—изъ документовъ не видно.

Въ роду Стрѣшневыхъ село Ильинское оставалось до 1783 года, т. е. почти 150 лѣтъ. Въ 1783 году оно перешло по наслѣдству въ родъ графовъ Остермановъ, затѣмъ Остермановъ-Толстыхъ и послѣ нихъ въ родъ князей Голицыныхъ. О каждомъ изъ владѣльцевъ и о состояніи при нихъ села Ильинскаго (и даже о ближайшихъ сосѣдяхъ его) составитель очерка сообщаетъ подробныя и въ большинствѣ случаевъ весьма интересныя и характерныя свѣдѣнія. Не имѣя возможности, по размѣрамъ нашей замѣтки, подѣлиться всѣмъ этимъ любопытнымъ матеріаломъ съ читателями, мы укажемъ лишь, что село Ильинское имѣетъ нѣкоторое право быть отмѣченнымъ и на страницахъ исторіи нашей литературы: въ іюлѣ 1834 года въ немъ провелъ двѣ недѣли поэтъ А. И. Полежаевъ и написалъ тамъ нѣсколько стихотвореній, а однимъ изъ управляющихъ Ильинскимъ былъ одно время извѣстный писатель Лажечниковъ.

Въ 1864 году село Ильинское было куплено, по повелѣнію императора Александра Николаевича, удѣльнымъ вѣдомствомъ.

Имѣніе было продано княгиней А. М. Голицыной и ея дочерью, Е. Л. Игнатьевой, со всѣми строеніями, заведеніями, мебелью, оранжереями, растеніями въ оныхъ и прочимъ, за 108.000 рублей, и купчая совершена 2-го апрѣля 1864 года.

Изъ описанія Ильинскаго, составленнаго при покупкѣ удѣльнымъ вѣдомствомъ, видно, что всей земли въ этомъ помѣстьѣ, за надѣломъ крестьянъ, оставалось 357 десятинъ 1.196 саженъ, изъ коихъ 38 десятинъ 719 саженъ подъ усадьбой и парками. Въ описаніи помѣщены свѣдѣнія о всѣхъ постройкахъ усадьбы села Ильинскаго.

Проекты ремонта и новыхъ построекъ были представлены и, по разсмотрѣніи ихъ архитекторомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Рихтеромъ, высочайше утверждены, и повелѣно ассигновать на работы 113.000 рублей.

27-го іюня 1864 года послѣдовалъ указъ, данный департаменту удѣловъ:

«Купленное Мною у вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника княгини Голицыной, и дочери ея, жены генералъ-адъютанта Игнатьева, недвижимое имѣніе Московской губерніи, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, при селѣ Ильинскомъ, со всѣми строеніями и принадлежностями, по купчей крѣпости, совершенной

2-го апрѣля сего года, предоставляя въ даръ любезнѣйшей супругѣ Моей, государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ, повелѣваю департаменту удѣловъ зачислить это имѣніе въ собственность ея императорскаго величества и впредь, до особаго повелѣнія, оставить его въ своемъ управленіи. Александръ».

Пріобрѣтеніе этого подмосковнаго имѣнія царемъ-освободителемъ для августѣйшей супруги своей и для всей своей царственной семьи, вскорѣ по совершеніи великаго дѣла освобожденія крестьянъ, является поистинѣ глубоко знаменательнымъ и многозначительнымъ. Оно какъ бы наводитъ на мысль, что державнаго хозяина земли Русской, по совершеніи имъ великаго дѣла преобразованія русской деревни, какъ бы потянуло самого въ эту призванную имъ къ новой жизни деревню, чтобы ближе всмотрѣться, глубже вдуматься въ новыя условія этой жизни, испытать ихъ, до извѣстной степени, на собственномъ опытѣ, насколько позволяло великое бремя государственнаго правленія и многообразныхъ царственныхъ заботъ, и, можетъ быть, внести нѣкоторыя новыя, дополнительныя черты въ великое дѣло реформы... Во всякомъ случаѣ это былъ многознаменательный примѣръ стремленія въ деревню, а не изъ деревни, столь поучительный для русскихъ помѣщиковъ... Но многіе ли изъ нихъ поняли этотъ примѣръ?...

Невольно, сами собой, приходятъ въ голову мысли такого рода, при чтеніи трогательныхъ и прекрасныхъ описаній посѣщеній царственною семьей своего подмосковнаго имѣнія и ея начинаній въ немъ. Государыня и августѣйшія дѣти, видимо, совершенно входили въ виды державнаго главы семьи.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ книги М. П. Степанова, посвященныхъ описанію посѣщеній Ильинскаго его царственными владѣльцами.

«1-го сентября 1865 года ихъ величества государь и государыня, въ сопровожденіи великихъ князей Сергѣя и Павла Александровичей и великой княжны Маріи Александровны, прибыли въ Ильинское на двухнедѣльное въ немъ пребываніе». «Государь императоръ, кромѣ частыхъ прогулокъ пѣшкомъ по саду и парку, часто ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ и, встрѣчая во время этихъ прогулокъ мѣстныхъ владѣльцевъ и милостиво разговаривая съ ними, называлъ имъ себя ихъ сосѣдомъ-помѣщикомъ. Государыня императрица, на имя которой собственно и пріобрѣтено Ильинское, отнеслась къ своему новому помѣстью, какъ истая, добрая хозяйка: заботясь о благосостояніи, здоровьѣ и просвѣщеніи крестьянъ, ея величество милостиво распорядилась, чтобы имѣвшаяся уже въ Ильинскомъ больница (собственно для дворцовой прислуги) была расширена и обращена въ сельскую больницу (для крестьянъ), и чтобъ особенное зданіе было выстроено подъ школу. Устройство школы особенно озаботило государыню императрицу, и она повелѣла, не дожидаясь, пока будетъ готово предположенное зданіе, открыть школу, съ слѣдующей же зимы, въ одномъ изъ наиболѣе пригодныхъ на то зданій Ильинскаго. Преподавателями этой школы, кромѣ приходскаго священника, рѣшено назначить лучшихъ изъ сельскихъ учителей удѣльнаго вѣдомства. Юная великая княжна Марія Александровна поспѣшила, со всѣмъ жаромъ молодости, войти въ виды своей державной родительницы и не разъ ходила на село, чтобы заранѣе познакомиться съ дѣтьми, которыя будутъ посѣщать школу, и при этомъ не могла устоять

противъ желанія посѣтить то или другое крестьянское семейство, когда узнавала, что тамъ есть больные. Однажды произошла трогательная сцена. Ея высочество направилась къ одной избѣ, гдѣ у крестьянки больна была дочь; хозяйка избы, увидавъ великую княжну, въ испугѣ бросилась къ ней на встрѣчу и умоляла ее не входить въ домъ, увѣряя ее, что одного ея намѣренія уже достаточно, чтобы дать облегченіе страдалицѣ: дѣвочка была больна натуральною оспой!... На другой день по пріѣздѣ государыни императрицы въ Ильинское тамошніе крестьяне поднесли ей хлѣбъ-соль. Послѣ того хлѣбъ-соль ихъ величествамъ подносили: крестьяне села Знаменскаго, села Подушкина, села Павшина, села Никольскаго (Урюпино), деревни Глухова, деревни Луцкаго, деревни Борвихи и (черезъ г. московскаго губернатора) временно-обязанные крестьяне, проживающіе въ Москвѣ. 18-го сентября имѣла счастье представляться ихъ величествамъ депутація отъ городского общества Звенигорода. Ихъ величества милостиво разговаривали съ депутатами, и одного изъ нихъ, украшеннаго медалью, государь императоръ подробно разспрашивалъ о его занятіяхъ; на простосердечную и единодушную просьбу звенигородскихъ гражданъ, чтобы ихъ величества пробыли еще нѣкоторое время съ ними (село Ильинское нынѣ въ Звенигородскомъ уѣздѣ), государь императоръ изволилъ милостиво отвѣтить, что онъ и государыня императрица скоро снова пріѣдутъ. Въ тотъ же день имѣлъ счастье представиться его величеству уѣздный предводитель дворянства, Д. Д. Голохвастовъ».

Въ 1866 году ихъ величества съ августѣйшими дѣтьми прибыли въ село Ильинское 27-го мая, и государь оставался въ немъ до 21-го іюня, т. е. безъ малаго мѣсяцъ, а государыня до 3-го іюля, т. е. почти полтора мѣсяца.

Вскорѣ въ Ильинскомъ приступаютъ къ устройству фермерскаго хозяйства. На покупку скота, земледѣльческихъ орудій, посуды для фермы было ассигновано 10.000 рублей. Выписываются лучшія породы коровъ, лошадей, свиней и птицъ.

Устраивая въ Ильинскомъ и въ пріобрѣтенномъ въ 1867 году сосѣднемъ селѣ Усовѣ фермы, а также въ Ильинскомъ заводъ рабочихъ арденскихъ лошадей, свинарникъ и птичникъ, имѣли въ виду «распространеніе между сельскими хозяевами улучшенныхъ породъ рогатаго скота, рабочихъ лошадей, свиней и птицъ, что достигалось снабженіемъ землевладѣльцевъ животными, годными на племя. Устройствомъ фермъ и выборомъ скота руководилъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій, который для сего пріѣзжалъ въ Ильинское въ 1868 и 1871 годахъ. Для его высочества составлялись подробныя описанія племенныхъ стадъ обѣихъ фермъ».

Въ 1869 году императоръ и императрица вновь посѣтили Ильинское. За время пребыванія въ немъ, ихъ величества дѣлали частыя прогулки по окрестностямъ и посѣщали ближайшихъ сосѣдей. Но ранѣе того «ихъ величества посѣтили Ильинскую школу; милостивыя слова, съ которыми обратилась императрица къ учителю Θедорову, и серебряная медаль, которой удостоилъ его государь за его усердіе, послужили доказательствомъ, что ихъ величества остались вполнѣ довольны установленнымъ порядкомъ въ дѣлѣ, которому ихъ величества придавали такое серьезное значеніе».

«Во время прогулокъ своихъ, ихъ величества часто останавливались, бесѣдовали съ крестьянами и крестьянками и разспрашивали ихъ объ ихъ семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, а иногда посѣщали ихъ избы. Съ искренними слезами умиленія вспоминаютъ объ этомъ тѣ, которые удостоились такой чести».

«Для расширенія помѣщенія въ ильинскомъ пріемномъ покоѣ въ 1869 году, фельдшеръ, акушерка и аптека были переведены въ правый флигель коннаго двора, гдѣ для нихъ устроили помѣщеніе съ выходомъ на улицу».

«Въ Ильинской церкви, кромѣ полнаго ея ремонта, императрица обновила ризницу новыми облаченіями и одеждами на престолъ и жертвенникъ; хранящаяся въ церкви, шитая золотомъ и серебромъ, икона святого Александра Невскаго и Маріи Магдалины—даръ ея величества. Съ 1867 года церковнослужителямъ установлена денежная руга; во время пребыванія ихъ величествъ въ Ильинскомъ церковный причтъ получалъ суточныя деньги, а, кромѣ того, священнику было положено жалованье за преподаваніе въ школѣ».

Въ началѣ іюля 1969 года государыня императрица съ великою княжной Маріей Александровной и лицами свиты ѣздила на поклоненіе въ Саввино-Сторожевскій монастырь, находящійся за городомъ Звенигородомъ.

Въ 1869 году ихъ величества послѣдній разъ были въ Ильинскомъ. Ожидали ихъ пріѣзда каждый годъ, все ремонтировалось, возводились даже новыя постройки; но обстоятельства складывались такъ, что ихъ величествамъ не пришлось вновь побывать въ подмосковной резиденціи императрицы.

Съ прикупкой къ Ильинскому села Усова, участковъ у деревни Глухова и урюпинскаго «Отхожаго лужка», вся площадь имѣнія, съ 1881 года, составляетъ около 1.000 десятинъ земли.

22-го мая 1880 года въ Бозѣ почила императрица Марія Александровна.

12-го іюля 1880 года послѣдовалъ министру императорскаго двора и удѣловъ указъ, показывающій, что село Ильинское продолжало быть близкимъ сердцу государя:

«На основаніи воли блаженныя памяти любезнѣйшей супруги Нашей, государыни императрицы Маріи Александровны, бывшія ея величества подмосковныя имѣнія Ильинское и Усово, съ принадлежащими къ нимъ зданіями, садами, всею землею, находящимся въ сихъ имѣніяхъ движимымъ имуществомъ переходятъ въ пожизненное владѣніе и распоряженіе Наше. О приведеніи сего въ исполненіе повелѣваемъ вамъ сдѣлать надлежащее распоряженіе и впредь до особаго повелѣнія оставить эти имѣнія въ управленіи департамента удѣловъ. Александръ».

1-го марта 1881 года въ Бозѣ почилъ государь императоръ Александръ Николаевичъ.

12-го марта 1882 года государь императоръ Александръ Александровичъ повелѣть соизволилъ: «Имѣнія Ильинское и Усово, зачисленныя, согласно духовному завѣщанію блаженныя памяти государыни императрицы Маріи Александровны, въ собственность государя великаго князя Сергія Александровича съ его нисходящимъ потомствомъ, передать изъ вѣдѣнія департамента удѣловъ въ управленіе собственной конторы августѣйшихъ дѣтей ихъ император-

скихъ величествъ, назначивъ при этомъ срокомъ для окончанія передачи и пріема первое мая сего года».

Этимъ повелѣніемъ въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Александровича, передавшимъ село Ильинское въ собственность его теперешнему августѣйшему владѣльцу, и оканчивается историческій очеркъ этого села.

Издана книга, какъ уже сказано, очень изящно, и къ ней приложенъ прекрасно исполненный портретъ государыни императрицы Маріи Александровны.

Ан. Ал.

Исторія греко-восточной церкви подъ властью турокъ, отъ паденія Константинополя въ 1453 году до настоящаго времени. А. П. Лебедева, профессора Московскаго университета. Томъ II. Сергіевъ Посадъ. 1901.

Настоящая книга, представляя вторую половину сочиненія профессора А. П. Лебедева—«Исторія греко-восточной церкви подъ властью турокъ», вышедшаго въ свѣтъ въ 1896 году, имѣетъ и самостоятельное значеніе, такъ какъ обозрѣваетъ другія стороны упомянутой исторіи, до извѣстной степени самостоятельныя, къ тому же объединенныя въ этой книжкѣ въ одно цѣлое умѣлымъ и опытнымъ перомъ московскаго ученаго. Томъ состоитъ изъ шести очерковъ различнаго содержанія.

Въ первомъ очеркѣ (стр. 373—496) авторъ говоритъ о греческихъ школахъ общеобразовательныхъ и духовныхъ, существовавшихъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ со времени паденія Византійской имперіи въ 1453 году и до настоящаго времени. По взгляду профессора Лебедева, народное греческое образованіе въ предѣлахъ Турціи находилось въ отмѣченное время въ упадкѣ и представляло мало привлекательнаго. Греки винятъ въ этомъ турокъ, ссылаясь на ихъ гоненія и тяжесть мусульманскаго ига для христіанъ, но, по мнѣнію нашего ученаго, въ упадкѣ просвѣщенія виноваты сами греки. Установивъ этотъ фактъ, авторъ дальше переходитъ къ описанію существовавшихъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ школъ. Онъ сперва говоритъ о школахъ низшихъ, такъ называемыхъ тривіальныхъ (in triviis—на перекресткахъ улицъ), подобныхъ нашимъ церковно-приходскимъ, а затѣмъ—о среднихъ или гимназіяхъ. Въ ряду послѣднихъ болѣе другихъ извѣстна великая народная школа въ Константинополѣ, основанная патріархомъ Геннадіемъ Схоларіемъ вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя, нѣкогда громко называвшаяся академіей. Пользуясь сочиненіями объ этой школѣ греческаго ученаго Мануила Гедеона, профессоръ Лебедевъ сообщаетъ о ней очень подробныя и интересныя свѣдѣнія. Изъ другихъ общеобразовательныхъ школъ XV—XIX вѣковъ профессоръ Лебедевъ описываетъ академію—патмосскую, существовавшую на островѣ Патмосѣ (въ Архипелагѣ), при мѣстномъ монастырѣ святого апостола и евангелиста Іоанна Богослова и, между прочимъ, служившую мѣстомъ обученія знаменитаго русскаго путешественника XVIII вѣка, Василія Григорьевича Барскаго, и аѳонскую, устроенную при Ватопедскомъ монастырѣ на монашеской горѣ Аѳонѣ и находившуюся подъ руководствомъ знаменитаго ученаго Евге-

нія Булгариса (1753—1757 г), гимназіи венеціанскую и падуанскую, устроенныя греками внѣ предѣловъ Турціи съ цѣлью обучать дѣтей независимо отъ всякаго вмѣшательства мусульманъ. Но въ общемъ свѣтскихъ общеобразовательныхъ школъ на востокѣ было очень мало, и онѣ не отличались вполнѣ удовлетворительною постановкою учебно-воспитательнаго дѣла. Гораздо выше ихъ стояли школы духовныя, устроенныя съ цѣлью обученія духовенства, которое до самаго послѣдняго времени было самымъ образованнымъ классомъ въ средѣ православнаго греческаго населенія востока. Во главѣ современныхъ духовныхъ школъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ нужно поставить богословское училище на островѣ Халки, въ Мраморномъ морѣ. Оно было основано въ 1844 году константинопольскимъ патріархомъ Германомъ IV и въ теченіе полустолѣтняго своего существованія оказало грекамъ громадныя услуги, снабжая ихъ образованными архіереями, профессорами, проповѣдниками, учеными. Профессоръ А. П. Лебедевъ весьма обстоятельно описываетъ происхожденіе Халкинской школы и ея внутреннюю организацію. Кромѣ этой школы, авторъ въ первомъ отдѣлѣ касается и Ризарьевской богословской школы въ Аѳинахъ, а также богословскаго факультета при Аѳинскомъ національномъ университетѣ, устроенномъ по образцу западныхъ университетовъ.

Во второмъ очеркѣ своей книги (стр. 497—564) профессоръ Лебедевъ описываетъ дѣятельность римско-католической пропаганды въ предѣлахъ грековосточной церкви въ теченіе XV—XIX вѣковъ. Эта дѣятельность съ половины XV-го и до начала XIX вѣка была почти совершенно безуспѣшна, такъ какъ православные греки еще отъ византійской эпохи сохранили самыя недоброжелательныя чувства къ католикамъ и даже составили поговорку: «лучше видѣть въ Константинополѣ турецкую чалму, чѣмъ папскую тіару», а затѣмъ къ католикамъ неблагосклонно относились и турки, по причинамъ политическимъ и инымъ, и оказывали постоянное противодѣйствіе ихъ миссіонерскимъ предпріятіямъ. Въ указанное время не имѣли успѣха и попытки римскихъ папъ распространить католицизмъ на востокѣ при пособіи самихъ же грековъ. Съ этою цѣлью, какъ извѣстно, папа Григорій XIII (1573—1586 г.) учредилъ въ Римѣ греческую коллегію святого Аѳанасія, въ которую питомцы привлекались изъ греческихъ областей востока, и въ которой воспитывались въ строго-латинскомъ духѣ. Но греки скоро и прекрасно поняли назначеніе коллегіи и съ явнымъ нерасположеніемъ стали относиться къ ея питомцамъ, а затѣмъ коллегія, по недостатку средствъ, просуществовала недолго. Иная пора въ дѣятельности римской пропаганды на востокѣ наступила съ тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Въ это время, вслѣдствіе политическихъ причинъ, Порта вынуждена была искать помощи на Западѣ, у сильныхъ римско-католическихъ державъ, а вмѣстѣ съ помощію должна была измѣнить къ лучшему и свои отношенія къ католикамъ. Это придало папскимъ проискамъ больше смѣлости и настойчивости. Но, думается, взаимное нерасположеніе грековъ и латинянъ, имѣющее въ прошломъ серіозныя основанія, и въ будущемъ послужитъ вѣрнымъ и упорнымъ препятствіемъ слишкомъ большому успѣху римской пропаганды въ православныхъ странахъ востока.

Въ третьемъ отдѣлѣ (стр. 565—614) описываются сношенія греческой церкви съ протестантскими во второй половинѣ XVI-го вѣка. Эти сношенія носили догматическій характеръ. Со стороны протестантовъ въ этомъ дѣлѣ выступилъ извѣстный дѣятель реформаціи Филиппъ Меланхтонъ, профессоръ богословскаго факультета Тюбингенскаго, въ Германіи, университета, и пасторъ. Стефанъ Герлахъ, жившій въ Константинополѣ. Со стороны грековъ въ сношеніяхъ съ протестантами участвовали два ученые богослова, братья Іоаннъ и Ѳеодосій Зигомала. Ихъ догматическая переписка съ представителями протестантской общины XVI вѣка имѣетъ въ богословской наукѣ немалое значеніе.

Въ четвертомъ отдѣлѣ (стр. 615—688) излагается протестантская смута въ греческой церкви XVII-го вѣка. Главнымъ ея виновникомъ былъ константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ, путешествовавшій въ концѣ XVI и въ началѣ XVI вѣка на Западъ съ ученою цѣлью. Знакомство съ религіозными ученіями Запада увлекло его симпатіи въ сторону протестантства. Возвратившись на Востокъ и занявши вселенскій патріаршій престолъ, Кириллъ Лукарисъ обнаружилъ свой религіозный образъ мыслей въ перепискѣ съ учеными протестантскаго міра въ такъ называемомъ «Исповѣданіи вѣры». Въ разсматриваемомъ отдѣлѣ профессоръ Лебедевъ касается спорнаго въ церковно-исторической наукѣ вопроса о характерѣ религіозныхъ воззрѣній патріарха Кирилла Лукариса, при чемъ склоняется къ тому выводу, что патріархъ не-чуждъ былъ лютеранскихъ взглядовъ. Около Кирилла Лукариса впослѣдствіи образовался даже кружокъ протестантскихъ греческихъ богослововъ (Захарія Герганъ, Ѳеофилъ Коридаллевъ, Максимъ Коллиповитъ, Наѳанаилъ Канотій и Іоаннъ Каріофилъ), которые старались знакомить грековъ съ протестантскимъ ученіемъ и склонять къ нему. Описавъ подробно дѣятельность всѣхъ этихъ участниковъ протестантской смуты въ нѣдрахъ греческой церкви въ XVII вѣкѣ, профессоръ Лебедевъ говоритъ въ заключеніе отдѣла, что константинопольская церковь, какъ бы отдавая дань времени, и въ древнія времена видѣла на своей каѳедрѣ немало патріарховъ, зараженныхъ тѣмъ или инымъ заблужденіемъ, и переболѣла тѣмъ же, чѣмъ болѣли и другія. Что же удивительнаго, продолжаетъ онъ, если оказалось, что она не была застрахована и отъ протестантскихъ увлеченій. Кириллъ Лукарисъ протянулъ руку протестантизму и заразился этимъ лжеученіемъ; около него и подъ его вліяніемъ создался кружокъ протестантствующихъ греческихъ богослововъ. Все это—дѣло естественное, и Лукарисъ и другіе съ нимъ отдали этимъ лишь дань времени. Въ исторіи греческой церкви это явленіе было какъ бы болѣзненнымъ кризисомъ, перенеся который она сдѣлалась невоспріимчивою къ этой болѣзни, укрѣпилась для борьбы съ этимъ врагомъ ея благополучія. И дѣйствительно, никогда послѣ того, говоритъ французскій ученый Эмиль Легранъ, протестантство серіозно не увлекало греческаго православія (стр. 688). Кромѣ того, въ этомъ отдѣлѣ профессоръ Лебедевъ разсказываетъ о западномъ путешествіи съ ученою цѣлью грека Митрофана Критопула, впослѣдствіи патріарха александрійскаго (XVII в.). Но Критопулъ уберегся отъ западныхъ религіозныхъ увлеченій.

Отдѣлъ пятый (стр. 689—750) посвященъ описанію религіозной жизни и нравовъ греко-восточныхъ христіанъ въ XV—XIX вѣкахъ. Авторъ старается

возможно полнѣе и разностороннѣе разсмотрѣть этотъ интересный вопросъ. Онъ говоритъ объ устройствѣ православныхъ храмовъ на Востокѣ и ихъ численности, о совершеніи богослуженія и его особенностяхъ, преимущественно обрядовыхъ и бытовыхъ (въ совершеніи крещенія, брака и т. д.), о благочестіи грековъ, при чемъ считаетъ его невысокимъ, вслѣдствіе предразсудковъ и суевѣрій, которые прочно засѣли въ средѣ невѣжественнаго греческаго народа, сообщаетъ, далѣе, свѣдѣнія о нравахъ духовенства высшаго и низшаго и объ отношеніи къ нему народа, кратко характеризуетъ народные нравы, а въ заключеніе говоритъ о страннопріимствѣ и благотворительности, широко распространенныхъ у грековъ. Нравы греческаго народа, по мнѣнію нашего автора, не отличались тою чистотою, какая требуется христіанскими правилами, «но осуждать его за это, пишетъ г. Лебедевъ, мы не имѣемъ права, когда подобное же встрѣчаемъ въ быту всѣхъ православныхъ народовъ нашего времени» (стр. 750).

Наконецъ, шестой и послѣдній отдѣлъ книги профессора Лебедева (стр. 751—841) сообщаетъ краткія свѣдѣнія объ Александрійскомъ, Антіохійскомъ и Іерусалимскомъ патріархатѣ за XV—XIX столѣтія. Объ этихъ православныхъ церквахъ существуютъ весьма скудныя извѣстія не только въ русской литературѣ, но и въ иностранной. Профессоръ Лебедевъ, собравъ въ одно цѣлое почти всѣ мелкія о нихъ данныя и разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ свѣдѣнія, иногда сообщаемыя мимоходомъ, расположилъ ихъ въ системѣ и представилъ довольно полный и интересный очеркъ жизни и быта этихъ патріархатовъ за указанный періодъ времени. Въ частности онъ указываетъ офиціальные титулы патріарховъ александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, и досель очень громкіе, но уже не имѣющіе прежняго фактическаго значенія, отмѣчаетъ число эпархій, церквей и монастырей въ каждомъ изъ трехъ патріархатовъ, довольно ограниченное, описываетъ порядокъ избранія патріарховъ и историческія его нарушенія, вредно отражавшіяся на благополучіи восточныхъ церквей, характеризуетъ греческую высшую іерархію въ патріархатахъ Іерусалимскомъ и Антіохійскомъ, пренебрежительно относившуюся къ туземному арабскому населенію, говоритъ о православномъ мѣстномъ народѣ и его отношеніи къ духовенству, описываетъ монастыри въ патріархатахъ и школы, преимущественно духовныя, въ томъ числѣ крестную богословскую школу въ Іерусалимѣ, ведетъ рѣчь о матеріальномъ положеніи патріархатовъ, которое очень невысоко, особенно въ Египтѣ и Сиріи, а въ заключеніи характеризуетъ религіозно просвѣтительную дѣятельность на востокѣ императорскаго православнаго общества, находя ее въ высшей степени благотворной и полезной.

Таково, въ общихъ и краткихъ чертахъ, содержаніе второго тома «Исторіи греко-восточной церкви подъ властью турокъ» профессора А. П. Лебедева.

Всякій, кто, хотя немного, знакомъ съ весьма слабой научной разработкой не только у насъ, но и за границей, исторіи православнаго греческаго Востока со времени окончательнаго покоренія его турками, тотъ не можетъ не быть признателенъ нашему извѣстному ученому, профессору А. П. Лебедеву, за опытъ изложить эту исторію въ возможно полномъ и научно обработанномъ видѣ. Почтенный русскій ученый привлекъ здѣсь къ дѣлу почти всю извѣстную

литературу предмета и изложилъ исторію греко-восточной церкви съ тѣмъ присущимъ ему мастерствомъ, которое неоднократно уже отмѣчалось на страницахъ «Историческаго Вѣстника» по поводу другихъ произведеній нашего автора. Не повторяя здѣсь прежде сказаннаго, напомнимъ лишь интересующимся церковной исторіей, что книга профессора А. П. Лебедева, разсматриваемая въ частности, написана прекраснымъ популярнымъ языкомъ и вполнѣ доступна и читателямъ средняго образованія. Σ.

Краткій историческій очеркъ развитія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ въ Россіи. Спб. 1901.

Этотъ краткій, но весьма увѣсистый очеркъ, имѣющій болѣе 370 страницъ, представляетъ второй «фрагментъ» предпринятаго министерствомъ путей сообщенія историческаго труда. Подобно тому какъ въ первомъ отрывкѣ: «Очерки учебнаго дѣла» въ вѣдомствѣ за сто лѣтъ его существованія, опущена исторія главнаго инженернаго института Александра I-го, такъ и здѣсь нѣтъ покуда свѣдѣній о развитіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Тѣ же свѣдѣнія, какія имѣются, можно было бы гораздо короче и даже правильнѣе озаглавить: «Исторія русскаго бездорожья», ибо, начиная съ легендарной дороги, изъ варягъ въ греки, и до нашихъ непроѣздныхъ подъѣздныхъ путей отъ обойденныхъ городовъ къ станціямъ миновавшихъ ихъ желѣзныхъ дорогъ, мы страдали и страдаемъ бездорожьемъ. Не было прежде въ Россіи дорогъ, кромѣ божьихъ— зимою и сплавныхъ по многоводнымъ рѣкамъ—лѣтомъ, да нѣтъ и теперь и не будетъ и въ будущемъ, такъ какъ устроенныя при императорѣ Николаѣ превосходныя шоссе мы безжалостно разстроили, рѣки засорили, на Волгѣ, Днѣпрѣ, Донѣ устроили перекаты, не умѣя до сихъ поръ расчистить ихъ пороговъ. Этотъ великій недугъ нашего государства породилъ даже особый сортъ стратеговъ, которые нашу силу оборонительную, и не напрасно, видятъ въ непроѣздномъ состояніи нашихъ дорогъ.

«Хорошо было нѣмцамъ ходить по паркету французскихъ шоссе, а вотъ попробуйте-ка на велосипедѣ изъ Луги пробраться въ Псковъ по шоссе, гдѣ всѣ мосты пришли въ полное разрушеніе и ветхость!—писалъ мнѣ покойный генералъ и профессоръ А. Ф. Плюцинскій.—Нѣтъ, тутъ насъ такъ легко не покоришь, когда даже и легкую артиллерію придется перевозить черезъ рѣчки и овраги на рукахъ да и по гладкой-то дорогѣ постоянно попадать въ полусаженныя выбоины. Твердо въ этомъ отношеніи стоитъ наша земля передъ какими угодно полчищами избалованнаго европейскаго непріятеля!» И вѣрно. Но только зачѣмъ же писать тогда исторію того, чего нѣтъ и не было? Какъ работа, этотъ очеркъ въ самомъ дѣлѣ трудный, даже «нудный», говоря по-польски, хотя и написанъ онъ двумя руссѣйшими инженерами: гг. Николаевымъ—первая легендарная его часть, отъ постройки пути изъ варягъ въ греки, въ созданіи котораго путейское вѣдомство не принимало никакого участія, и вторая—болѣе богатая источниками, о портахъ и рѣчныхъ сообщеніяхъ—г. Житковымъ; но ни тотъ, ни другой авторы этого краткаго очерка,

очевидно, не обладають ни малѣйшимъ литературнымъ талантомъ. Очеркъ, скучный по темѣ, написанъ сугубо скучно тѣмъ болѣе, что вся дѣятельность по созданію нашихъ главнымъ образомъ николаевскихъ шоссе и водяныхъ сообщеній излагается хронологически, т. е. объ одномъ и томъ же пути сообщенія говорится по 5 разъ. Такъ глава I-я второй части повѣствуетъ о водяныхъ путяхъ, такъ сказать, съ путейской точки зрѣнія, доисторическихъ. Глава II-я за тотъ же періодъ говоритъ о портахъ, такъ сказать, принятыхъ отъ предковъ путейскимъ вѣдомствомъ въ свои руки. Начиная же съ III-ей главы и далѣе идетъ собственно очеркъ дѣятельности правительственныхъ учрежденій по устройству путей сообщеній. И что же? Въ легендарное время, когда не существовало особаго управленія путями сообщенія, созданы всѣ наши лучшіе каналы, и рѣчная навигація стояла сравнительно высоко уже потому, что рѣки въ то время не засорялись и не обмелевали, благодаря системамъ плотинъ, полузапрудъ и прочей научной дребедени, устройствомъ которыхъ занялись очень внимательно инженеры новаго періода, чѣмъ и достигли того, что къ концу XIX вѣка всѣ наши каналы и всѣ сплавныя системы потребовали великаго и драгоцѣннаго, конечно, ремонта, по завершеніи котораго надо было приступать къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ по улучшенной Маріинской, Вышневолоцкой, Тихвинской системамъ плаваніе становилось изъ года въ годъ затруднительнѣе. Въ то же время и шоссе были переданы земствамъ въ такомъ развратномъ и разстроенномъ видѣ, что эти обремененныя многими расходами бѣдныя земства рѣшительно не знали, что съ ними дѣлать.

Вотъ сущность этой исторіи, которая продолжается и понынѣ.

Авторъ второй и третьей части работы по многу разъ возвращается къ системамъ, которыя старается путемъ болѣе или менѣе дорогого ремонта возстановить министерство, хотя всякій разъ тщетно. Само собой разумѣется, что, какъ у насъ водится, проекты были превосходные, но «недостатокъ средствъ» держалъ тоже свою линію и вмѣсто того, чтобы сдѣлать все необходимое, заставляли дѣлать что нибудь (не голодать же въ самомъ дѣлѣ шлюзовымъ несчастливцамъ), а въ результатѣ нынѣ мы можемъ себя поздравить, что въ смыслѣ водяной комуникаціи, при современныхъ требованіяхъ (это разумѣется самой собой), мы находимся много позади того, что имѣла старая Россія во времена петровскія.

Наши рѣки испорчены всѣ, наши каналы не имѣютъ достаточной пропускной способности, по берегамъ каналовъ и по бичевникамъ проходитъ эпизоотія сибирской язвы, и въ концѣ концовъ—голодовки и потери на нашемъ природномъ богатствѣ, экспортированіи сырыхъ произведеній нашей доброй земли! Но такую исторію писать, конечно, не весело, и пишется она не иначе, какъ канцелярски, но такъ какъ живое сердце все же тянетъ къ живому, то и составители этого печальнаго сборника исторической порчи того, что намъ оставили легендарныя времена, рѣшили прибѣгнуть къ краснорѣчію. Но, Боже ты мой, какое это убійственное краснорѣчіе! Вотъ образчики.

Первая глава въ изложеніи г. Николаева начинается такой удивительнѣйшей хріей.

«Своеобразна и типична топографія русской равнины. Въ значительной степени она и однообразна. Въ ней нѣтъ ни рѣзкихъ переходовъ, ни поражающихъ своими противоположностями ландшафтовъ (да неужели?). Далекій горизонтъ открывается во всѣ стороны (не можетъ быть!). Лѣса, вода и поле гармонирують другъ съ другомъ (ну, хоть это, слава тебѣ, Господи) и дополняють другъ друга. Климатъ, фауна и флора равнины согласуются съ ея топографіей (не вѣрю!). Снѣгъ и морозъ, палящій зной и обильные дожди смѣняють другъ друга (какая въ самомъ дѣлѣ удивительная страна?). Обильны, но довольно однообразны типы и виды растительнаго и животнаго царства. На такой почвѣ и при такихъ условіяхъ понятна бродячая Русь!»

Таково краснорѣчіе г. Николаева. Напротивъ краснорѣчіе г. Житкова сортомъ выше: онъ на послѣднихъ строчкахъ своего труда, показывая въ цифрахъ, сколько нынѣ закрыто мостовъ и мостиковъ на переданныхъ земствамъ шоссе, пишетъ:

«Должно замѣтить, что министерство путей сообщенія предложило (земствамъ) безъ предварительно строго научной повѣрки достаточности отверстій не производить засыпки мостовыхъ пролетовъ, дабы не способствовать затопленію земель и разрушенію самыхъ сооруженій. Сверхъ того, при проектированіи новыхъ мостовъ и при переустройствѣ существующихъ, предложено обращать особое вниманіе на судоходство, дабы не затруднять и не прекращать судоходное по рѣкѣ движеніе».

И все же, несмотря на предостереженіе, по показанію самого историка, начиная съ 1870 года, земство во избѣжаніе лишняго и частаго ремонта (ну, понятно) закрыло мостовъ: на Ярославскомъ и Нижегородскомъ шоссе на 166 саженъ, числомъ 39, на Рязанско-Воронежскомъ и Подольско-Харьковскомъ 41—мостъ, общей длиною въ 130 погонныхъ саженъ. Кромѣ того, даже изъ большихъ деревянныхъ мостовъ 9, общею длиною 207 погонныхъ саженъ, замѣнены простыми кирпичными трубами, а 26 мостовъ общею длиною въ 163 сажени замѣнены крошечными чугунными трубами отъ 0,10 и до 0,33 сажени діаметромъ. Какъ же сіе объяснить, гг. ученые инженеры?

В. П.

М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Выпускъ I. Спб. 1901.

Появленіе перваго выпуска біографіи одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ композиторовъ послѣ Глинки должно было порадовать каждаго русскаго, любящаго свое родное искусство, тѣмъ болѣе, что со смерти П. И. Чайковскаго прошло болѣе семи лѣтъ, и откладывать его жизнеописаніе не слѣдовало. Имя біографа, брата композитора, позволяло надѣяться на полную добросовѣстность предпринятаго обширнаго труда (въ трехъ томахъ, до 1.500 стр.). Эта надежда оправдывается. Біографія задумана широко. Интересная переписка Чайковскаго (въ томъ числѣ свыше четырехъ тысячъ писемъ его самого), отрывки его дневника, письма и воспоминанія о немъ, музыкальныя и литературныя его рукописи, собственноручныя помѣтки на книгахъ и музыкаль-

ныхъ сочиненіяхъ его библіотеки—все это составляетъ богатый архивъ Чайковскаго, находящійся въ Клину, въ распоряженіи біографа, какъ это видно изъ предисловія его къ первому выпуску. Матеріалъ этотъ способенъ еще увеличиваться новыми вкладами. Богатство матеріала замѣчается тотчасъ же при бѣгломъ просмотрѣ вышедшихъ до сихъ поръ семи выпусковъ, составляющихъ первый томъ біографіи и посвященныхъ періоду отъ дня рожденія композитора (25-го апр. 1840 г.) до 1877 г. Къ этому времени Чайковскій былъ уже авторомъ трехъ симфоній, трехъ квартетовъ, увертюры: «Ромео и Джульетта», симфоническихъ фантазій: «Буря», «Франческа да Римини», музыки къ «Снѣгурочкѣ» Островскаго, оперъ: «Воевода», «Ундина», «Опричникъ» и «Кузнецъ Вакула» (оперы, нѣсколько передѣланной въ 1885 г. и названной «Черевички»), балета «Лебединое озеро», фортепіаннаго концерта (B—dur), многихъ романсовъ и произведеній для фортепіано и др. Свѣдѣнія о возникновеніи этихъ произведеній, мнѣнія о нихъ друзей и знакомыхъ композитора, пріемъ ихъ публикой и критикой, наконецъ сужденія о своихъ сочиненіяхъ самого Чайковскаго главнымъ образомъ въ его письмахъ — все это, за исключеніемъ критическихъ отзывовъ, появлявшихся въ печати своевременно, представляетъ для читателя нѣчто совершенно новое. Настоящій интересъ біографіи начинается собственно съ момента, когда (въ 1862 г.) 22-хъ-лѣтній Чайковскій оставляетъ службу чиновника въ департаментѣ министерства юстиціи и поступаетъ во вновь открытую въ С.-Петербургѣ А. Г. Рубинштейномъ консерваторію. О пребываніи Чайковскаго въ консерваторіи приведены въ біографіи весьма интересныя воспоминанія Г. А. Лароша, друга композитора, товарища его по консерваторіи и играющаго большую роль въ біографіи Чайковскаго. Воспоминанія эти цѣнны не только для біографіи, но и для живой характеристики музыкальныхъ дѣлъ того времени. Обиліе свѣдѣній о дѣтствѣ Чайковскаго и вообще о времени до поступленія его въ консерваторію, а также о родныхъ и знакомыхъ его, часто не имѣвшихъ никакого серьезнаго отношенія къ его личности и музыкальной дѣятельности, наконецъ обиліе самыхъ писемъ Чайковскаго (хотя и приводимыхъ въ извлеченіи) можно находить излишнимъ. Но, по нашему мнѣнію, это не вредитъ дѣлу. Матеріалъ распредѣленъ строго хронологически, біографія написана живо, читается легко, и внимательному читателю оріентироваться въ ней не трудно. Для удобства оріентированія не мѣшало бы, впрочемъ, на поляхъ давать краткое содержаніе текста, что облегчило бы пользованіе книгой для справокъ, и было бы полезно независимо отъ алфавитнаго указателя, который, надѣемся, будетъ приложенъ къ біографіи по окончаніи.

Ядромъ біографіи являются письма Чайковскаго, рисующія его съ чрезвычайно симпатичной стороны. Это былъ человѣкъ доброй души, искренній, сердечный, отзывчивый, нѣжный братъ (его заботливость о близнецахъ—Анатоліи и Модестѣ, бывшихъ на десять лѣтъ моложе его), нѣжный сынъ, человѣкъ, склонный къ дружбѣ. Онъ обладалъ сильно развитымъ авторскимъ самолюбіемъ, заставлявшимъ его нерѣдко страдать; очень податливый по наружному виду, Чайковскій въ дѣйствительности никогда не отступалъ отъ завѣтнаго своего я, особенно по отношенію къ своимъ собственнымъ сочиненіямъ. Въ своихъ письмахъ онъ является оптимистомъ по воззрѣніямъ, хотя подверженнымъ тоскѣ и

нервнымъ заболѣваніямъ (сочиненіе 1-ой симфоніи). Онъ любилъ общество, но въ то же время упорно искалъ одиночества, чтобъ отдаться музыкальному творчеству, составлявшему его духовную потребность. Чайковскій былъ человѣкъ русскій съ головы до ногъ: проживъ не болѣе мѣсяца за границею, онъ уже серіозно тосковалъ по родинѣ. Но не одна личность Чайковскаго раскрывается предъ читателемъ въ разбираемой книгѣ: въ ней рисуется вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь, главнымъ образомъ музыкальная жизнь почти за цѣлую вторую половину истекшаго XIX-го вѣка; здѣсь складывается матеріалъ для будущаго историка русской музыки. Пожелаемъ же, чтобъ и слѣдующіе выпуски жизнеописанія Чайковскаго не замедлили своимъ появленіемъ въ свѣтъ.

Г. Т.

В. В. Корсаковъ. Пекинскія событія. Личныя воспоминанія участника объ осадѣ въ Пекинѣ. Май—августъ 1900 года. Спб. 1901.

Авторъ, врачъ миссіи, прожившій 5 лѣтъ въ Пекинѣ, въ живой и увлекательной формѣ рисуетъ тяжелое время осады Пекина, бросая обвиненіе европейцамъ, какъ виновникамъ всѣхъ ужасныхъ бѣдствій войны, «вызванной алчностью наживы, прикрывавшей подъ личиной интересовъ страны одно лицемѣріе. Европейская христіанская цивилизація внесла въ среду языческаго, но самобытно-культурнаго китайскаго народа такія лицемѣріе и неправду, что иного исхода, какъ ненависть и презрѣніе у всѣхъ любящихъ свою родину, европейцы и не могли ожидать».

Первыя главы книги посвящены историческому обзору сношеній китайцевъ съ европейцами, описанію войнъ китайцевъ съ англичанами и французами, успѣхамъ европейской культуры въ Китаѣ, при чемъ справедливо отмѣчается, что «если бы Европа, помня себя, не задѣвала и китайцевъ, то успѣхъ былъ бы громадный, и не одинъ только матеріальный, но и духовный». По словамъ автора, китайцы не имѣютъ воинственнаго азарта; тысячелѣтіями китайскій народъ воспиталъ въ себѣ вѣжливость и особое самолюбіе, понятное только китайцу. «Силу ума китаецъ всегда предпочитаетъ силѣ кулака»... Въ высшей степени просто и интересно описана общественная жизнь въ Пекинѣ, а въ особенности своеобразное празднованіе китайцами новаго года. Касаясь общественной жизни европейцевъ въ Пекинѣ и ихъ взаимныхъ отношеній, авторъ замѣчаетъ, что «даже между членами одной и той же національной группы часто нѣтъ простоты, радушія и общечеловѣческой отзывчивости и искренности»... Всѣ въ Пекинѣ живутъ замкнуто, каждый самъ по себѣ, оглядываясь и опасаясь. Проживъ болѣе пяти лѣтъ въ Китаѣ, «такого безсердечія, такихъ по чувству деревянныхъ людей, какъ въ Пекинѣ», авторъ нигдѣ больше не встрѣчалъ.

Первыя тревожныя вѣсти о возстаніи боксеровъ и народномъ движеніи въ Китаѣ переданы съ полною послѣдовательностью всѣхъ предшествовавшихъ имъ событій; авторъ ни разу не отклоняется отъ намѣченной цѣли дать читателю полное представленіе о «Пекинскихъ событіяхъ» и попутно касается всего,

что можетъ только иллюстрировать его описаніе. Миссіонеровъ-католиковъ онъ считаетъ «безусловно великими подвижниками», превознося ихъ терпѣніе, лишенія и труды. «Надо обладать желѣзной силой воли, чтобы выносить все то, что они выносятъ, и въ то же время пріобрѣсти общенародную ненависть». Но способъ преподаванія нравственности своимъ желтолицымъ послѣдователямъ у миссіонеровъ-католиковъ довольно своеобразенъ: авторъ самъ былъ очевидцемъ слѣдующаго характернаго факта: одинъ слуга, китаецъ католикъ, проворовался. Хозяинъ его сталъ укорять и спрашивалъ: неужели миссіонеры не говорили ему, что воровать грѣхъ? И вотъ какой послѣдовалъ отвѣтъ новообращеннаго китайца-католика: «миссіонеры говорятъ, что много воровать нельзя, грѣхъ, а мало-мало можно!»

Съ прибытіемъ дессантовъ положеніе въ европейскихъ миссіяхъ осложнилось, и вотъ тутъ-то начались бѣдствія для осажденныхъ. Читая описаніе этого періода, дышащее искренностью и правдой, невольно изумляешься, какое нужно было имѣть присутствіе духа и героизмъ, чтобы пережить эти томительные мѣсяцы до освобожденія. Почти ежедневно, запертые въ своихъ посольствахъ, европейцы ожидали вѣрной смерти; она витала надъ ними, напоминая о себѣ свистомъ пуль и доносившимися криками осаждающихъ боксеровъ.

Но авторъ не ограничивается описаніемъ одного Пекинскаго сидѣнія, онъ довольно подробно описываетъ движенія отряда адмирала Сеймура, при чемъ отмѣчаетъ печальный эпизодъ во время этого похода, когда паника англичанъ, вызванная движеніемъ русскаго отряда, послужила поводомъ къ тяжелой катастрофѣ. Англичане приняли нашихъ матросовъ за китайцевъ и открыли по нимъ огонь, при чемъ дѣло не обошлось безъ раненыхъ и убитыхъ. Но какое добродушіе и незлопамятность нашего солдата проявились и во время этого эпизода! Раненый въ плечо матросъ пришелъ къ своему офицеру и горько жаловался на англичанъ, говоря: «нешто такъ дѣлаютъ? воюемъ вмѣстѣ, союзно, а они штыкомъ. Такъ не можно. Я кричу имъ: «руссъ, руссъ!» а они знай меня штыкомъ. Вы скажите имъ, ваше благородіе!» Объ англичанахъ авторъ отзывается нелестно, называя ихъ приглаженными приказчиками, объ японцахъ же наоборотъ говоритъ съ похвалою за ихъ твердость и бодрый внѣшній видъ.

Нѣмцы также произвели на автора пріятное впечатлѣніе: это были все молодые, крѣпкіе, рослые люди съ добродушными лицами. Французы не имѣли воинственнаго вида, зато объ американцахъ авторъ отзывается съ восхищеніемъ; они да наши матросики не покидали стѣны за все время осады, когда нѣмцы и англичане, не выдержавъ адскаго китайскаго огня, ушли. На долю русскихъ и американцевъ выпало самое тяжелое дѣло защиты миссій, и больше всего жертвъ было выхвачено изъ рядовъ ихъ славныхъ защитниковъ. Не разъ авторъ, подъ сильнымъ огнемъ, подавалъ помощь раненымъ и умирающимъ, и не безъ восхищенія читаешь въ его книгѣ о твердости русской солдатской натуры и о смѣлой встрѣчѣ нашихъ матросовъ со смертью. Женщины оказывали немало помощи своимъ мужьямъ-защитникамъ, онѣ шили мѣшки, наполняемые землей и служащіе для баррикадъ, нравственно подбодряли своимъ присутствіемъ мужей и ухаживали за ранеными. Вообще, все описываемое В. В. Корсаковымъ носитъ на себѣ оттѣнокъ сердечной искренности и правдивости, съ

которыми онъ относится въ своихъ воспоминаніяхъ къ пережитымъ тяжелымъ моментамъ, и особенно пріятно читается, такъ какъ написано прекраснымъ литературнымъ языкомъ и содержитъ немало художественныхъ страницъ.

Борисъ Тагѣевъ.

На дальнемъ Востокѣ. Очерки и разсказы Вл. Семенова. Спб. 1901.

Эта милая и веселая книжка имѣетъ всѣ права на названіе книги для легкаго чтенія. Авторъ ея, молодой морской офицеръ, и самъ говоритъ въ предисловіи, что, набрасывая свои очерки, онъ не желалъ мудрствовать лукаво, а тѣмъ болѣе уподобляться путешественникамъ, нѣсколько приходящимся сродни извѣстному барону Мюнхгаузену. И дѣйствительно въ разсказахъ г. Семенова все просто, наивно, весело и непретенціозно. Написаны они прекраснымъ живымъ языкомъ, въ своихъ рамкахъ содержательны и красивы, давая иной разъ идиллическія картинки отношеній русскихъ матросовъ и моряковъ къ встрѣчавшимся имъ китайцамъ. Особенно удаются автору пейзажи, и читатель сразу, прочитавши всю книжку, еще болѣе, чѣмъ таланту автора, порадуется здоровому и живому аппетиту молодого мичмана, оживляющагося всего болѣе при видѣ накрытаго стола и всегда огорченнаго нераспорядительностью завѣдующаго столомъ офицера, которому онъ, во всякомъ случаѣ, отдаетъ всякую и при томъ заслуженную справедливость. Критика рождественскихъ пряниковъ, съ которыми не могли совладать здоровеннѣйшіе зубы матросовъ, по краснорѣчію одна въ этомъ отношеніи стóитъ много. Сборникъ этотъ главнымъ образомъ даетъ намъ картинки празднованія то на «Монгольцѣ», то на фрегатѣ, имени котораго не приведено, нашихъ русскихъ праздниковъ: Новаго года, Рождества съ елкой для матросовъ, святой Пасхи у береговъ Японіи съ многими пиротехническими забавами, заимствованными у талантливѣйшихъ пиротехниковъ-японцевъ, и тому подобное. Кромѣ этихъ судовыхъ картинъ нѣсколько торжественнаго характера, очень интересно описаніе путешествія во время стоянки въ Суэцѣ на Моисеевъ источникъ двухъ офицеровъ ночью, по невѣдомой аравійской пустыни, путешествія, нѣсколько рискованнаго и потому возможнаго только въ юности, когда жизнь прекрасна, можетъ быть, именно потому, что принадлежитъ всецѣло ею живущему, и потому сравнительно не дорога. Очень интересно, конечно, всего болѣе по содержанію описаніе тревоги на фрегатѣ эскадры, стоявшей у береговъ Японіи 29-го апрѣля 1891 года. Здѣсь прекрасно выдержанъ тонъ общей неизвѣстности и безпокойства за дорогую жизнь цесаревича, послѣ фатальнаго происшествія въ Отсу. Такимъ же интересомъ дышитъ и разсказъ автора о впечатлѣніяхъ эскадры, не принимавшей, за мелководіемъ, участія во взятіи фортовъ Таку и наблюдавшей за всѣми перипетіями въ разстояніи 12-ти километровъ отъ мѣста боя. Какъ разсказъ очевидца, безпристрастнаго и неспособнаго къ вымыслу и прикрасамъ, этотъ очеркъ несомнѣнно самый интересный и значительный въ книгѣ. Для легкаго же чтенія особенно прекрасенъ разсказъ «Морякъ за бортомъ», описывающій, какъ судовой медвѣженокъ неожиданно для всѣхъ выбросилъ за бортъ общаго любимца, небольшую собаку, кличкою «Морякъ», и какъ эту злополучную собачку спасали всѣ,

начиная отъ адмирала и до только что побранившихся по дѣламъ службы двухъ боцмановъ, вѣдающихъ разными мачтами. Въ маленькій недостатокъ книги, именно въ виду широкой общедоступности, надо поставить отсутствіе поясненій многихъ морскихъ терминовъ, обычнымъ читателямъ не знакомыхъ. Раза четыре авторъ поясняетъ, въ выноскахъ, что восемь склянокъ показываетъ двѣнадцать часовъ по полуночи, но что за звѣри такіе— перлиня, шканцы, юты, порты и наконецъ самъ «кливеръ фалъ», который кого-то еще и заѣлъ къ тому же,—обыкновенному читателю непонятно. Небольшія объясненія къ этимъ жупельнымъ словамъ не мѣшали бы въ интересахъ простеца читателя, на котораго, конечно, всего болѣе и разсчитана эта во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ «милая книжка». **В. П.**

Генри де-Уокеръ. Развитіе австралійской демократіи. Переводъ съ англійскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1901.

Очень кстати появился переводъ книги Генри де-Уокера, такъ какъ, вѣроятно, еще для многихъ русскихъ читателей Австралія представляется страной дикой, и съ именемъ «австраліецъ» нерѣдко связано представленіе о дикарѣ. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что мы мало знакомы, а то и вовсе не знакомы, съ этой частью свѣта, такъ какъ на русскомъ языкѣ почти ничего нѣтъ объ Австраліи.

Сочиненіе Генри де-Уокера дополнено въ русскомъ переводѣ очень цѣнными тремя главами, написанными извѣстнымъ знатокомъ исторіи колоній Д. Сатуриномъ.

Особенно любопытно будетъ познакомиться русскому читателю съ очеркомъ развитія колоній Австраліи. Здѣсь Д. Сатуринъ разсказываетъ, какъ эта молодая австралійская цивилизація, которой всего лишь 112 лѣтъ отъ роду,— такъ какъ первое поселеніе бѣлыхъ на австралійскомъ континентѣ относится къ 1778 году,—какъ эта нація успѣла создать такія учрежденія, которыя опередили собою не только старыя демократіи Европы, но даже республику Соединенныхъ Штатовъ. Вотъ почему интересно познакомиться съ исторіей возникновенія и развитія австралійскихъ колоній.

Первыя достовѣрныя извѣстія объ Австраліи, по словамъ Сатурина, относятся къ XVI вѣку, а изученіе этой страны начато во второй половинѣ XVII вѣка. Когда англичане основали въ 1788 году свою первую колонію— Новый Южный Валисъ, въ Австраліи обитало лишь около 200 тысячъ туземцевъ-дикарей, находившихся на самой низкой ступени развитія. Были племена, которыя вмѣстѣ съ собаками лакали морскую воду, другія питались гусеницами, каннибализмъ былъ сильно распространенъ. Съ прибытіемъ европейцевъ число туземцевъ сильно уменьшается: они или вырождаются и вымираютъ, или, оттѣсненные въ пустыню, кончаютъ жизнь самоубійствомъ, чтобы не умереть съ голоду. Въ настоящее время австралійскихъ дикарей насчитывается около 8 тысячъ, не считая новозеландскихъ островов, гдѣ сохранилось еще около 40 тысячъ маори. Такова цѣна прогресса и культуры!

Однако, Австралія еще не превратилась въ культурную страну съ исчезновеніемъ чернаго населенія. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что первая бѣлая колонія Австраліи носила подневольный характеръ, такъ какъ основателями первыхъ колоній были каторжники, высланные изъ Англіи. Это совершилось вскорѣ послѣ отпаденія отъ Англіи сѣверо-американскихъ колоній, и англичане видѣли въ Австраліи лишь очень подходящее мѣсто для ссылки: неудача съ колоніями сѣверо-американскими едва ли заставила ихъ видѣть въ Австраліи что нибудь другое. Тяжело жилось первымъ поселенцамъ-каторжанамъ, и при томъ ужасномъ режимѣ, который существовалъ тамъ, подневольный трудъ не могъ, конечно, быть производительнымъ, а поселенцы все прибывали съ новыми партіями ссыльныхъ. Многіе изъ нихъ осуждались лишь на короткій срокъ и, отбывъ свое наказаніе, получали пособіе для заведенія собственнаго хозяйства въ колоніи. Такимъ образомъ, число свободныхъ колонистовъ росло, и они получали все большее численное значеніе въ странѣ. Скоро появилась періодическая печать, введенъ судъ присяжныхъ вмѣсто военнаго суда, учрежденъ въ 1823 г. законодательный совѣтъ изъ семи членовъ. Благодаря улучшенію жизни, развилось земледѣліе, скотоводство, и значительно усилилась иммиграція въ Австралію. Въ 1844 г. бѣлыхъ числилось уже 150 тысячъ. Къ 50-мъ годамъ Австралія была освобождена отъ обязанности принимать ссыльныхъ, а послѣ открытія въ ней золота, въ 1851 году, Австралія необыкновенно быстро стала превращаться въ высококультурную страну. Одна горная промышленность даетъ ей почти четверть милліарда рублей въ годъ.

Главнымъ устоемъ Австраліи является скотоводство. Въ ней находится около одной четверти всего количества овецъ, пасущихся на земномъ шарѣ. Внѣшняя торговля Австраліи превышаетъ всю внѣшнюю торговлю Россіи, хотя населеніе Австраліи въ 30 разъ меньше населенія Россіи. Всѣ желѣзныя дороги въ Австраліи принадлежатъ правительству, которое получаетъ съ нихъ крупные доходы: въ 1900 г. чистый доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ достигъ 45 милліоновъ рублей. Телеграфной линіи проложено было къ началу 1900 года 77 тысячъ верстъ. На народное образованіе Австралія тратитъ болѣе 22 милліоновъ въ годъ, при чемъ, въ среднемъ, расходъ на каждаго жителя составляетъ 5 рублей 10 коп. Благодаря этому, въ Австраліи не болѣе 1% неграмотныхъ. Къ началу 1900 г. во всѣхъ колоніяхъ имѣлось около 3 тысячъ частныхъ и церковныхъ школъ. Всѣ законы о народномъ образованіи устанавливаютъ принципъ обязательности и свѣтскости первоначальнаго обученія. Въ четырехъ колоніяхъ обученіе дается безплатно. Любопытно еще то, что на основаніи данныхъ за 1896 годъ Сатуринъ сообщаетъ о томъ, что въ Австраліи имѣется 1359 публичныхъ библіотекъ (а сколько ихъ у насъ?).

Не менѣе любопытны нѣкоторыя данныя, знакомящія насъ съ соціальнымъ положеніемъ различныхъ группъ населенія. Въ 1898 г. въ Новомъ Южномъ Валисѣ было 2.839 мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ. Заработная плата въ Австраліи гораздо выше, чѣмъ въ Европѣ. Нормальный рабочій день во всей Австраліи—8 часовъ. На высокій уровень благосостоянія австралійскаго населенія указываетъ приводимая Сатуриномъ таблица англійскаго статистика

Мюльголла. Въ этой таблицѣ вычислены ежегодные расходы, приходящіеся на каждаго жителя, въ среднемъ, въ главнѣйшихъ странахъ. Мы видимъ, что, въ то время, какъ въ Англіи расходуется на 1 человѣка 297 рублей 36 коп., во Франціи—239 рублей 66 коп., въ Соединенныхъ Штатахъ—328 рублей 8 коп., въ Россіи—100 рублей 95 к.,—въ Австраліи этотъ расходъ составляетъ—339 рублей 70 коп. въ годъ, т. е., онъ превышаетъ расходъ всякой другой страны. «Изслѣдователь Южной Австраліи»,—говоритъ Уокеръ въ главѣ о либерализмѣ и рабочей партіи—«не можетъ не быть пораженъ полнымъ отсутствіемъ здѣсь грязной нищеты и переполненія жилищъ рабочимъ людомъ, любовью народа къ порядку и высокимъ уровнемъ его благосостоянія» (29 стр.).

Много интересныхъ данныхъ найдетъ читатель и въ главѣ, изображающей жизнь въ Новой Зеландіи. Смертность здѣсь, благодаря прекраснымъ условіямъ, климатическимъ и другимъ, составляетъ лишь $^1/_4$, въ сравненіи со смертностью Россіи. Въ среднемъ, на каждаго жителя приходится около 250 рублей оборота внѣшней торговли, тогда какъ въ Россіи—около 10 рублей цѣнности внѣшней торговли. Въ то время, какъ въ Англіи взрослый человѣкъ потребляетъ въ среднемъ 110 фунтовъ мяса въ годъ,— въ Новой Зеландіи — до 250 фунтовъ. Все населеніе этой страны не больше населенія какой нибудь русской губерніи. Все взрослое населеніе Новой Зеландіи грамотно. Начальное образованіе безплатно, есть университетъ, технологическій институтъ, два горныхъ училища, сельско-хозяйственный институтъ, четыре рисовальныя школы. Въ 1899 году здѣсь издавалось 208 періодическихъ изданій и 50 ежедневныхъ газетъ. Все это при населеніи около 8 тысячъ!

Большое вниманіе въ книгѣ Уокера удѣлено положенію рабочихъ въ Австраліи, въ частности Новой Зеландіи. Съ такимъ же вниманіемъ изображено положеніе женщины. Въ Южной Австраліи и Новой Зеландіи уже введено всеобщее избирательное право для всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ и женщинъ. Авторъ старается оттѣнить то нравственное вліяніе, которое оказываютъ женщины, ставя очень важные вопросы и настойчиво требуя ихъ разрѣшенія, хотя онъ и не скрываетъ нѣкоторой тенденціи, отличающей женщинъ Новой Зеландіи—разсудокъ подчинять чувству. Не имѣя возможности подробнѣе остановиться въ нашей замѣткѣ на книгѣ англійскаго статистика и историка, мы должны привѣтствовать отличный переводъ ея на русскій языкъ.

П. А.

Памятная книжка Ломжинской губерніи на 1901 годъ. Ломжа. 1901.

Въ ряду издаваемыхъ статистическими комитетами и губернскими начальствами памятныхъ книжекъ «памятная книжка» Ломжинской губерніи безспорно занимаетъ одно изъ изъ первыхъ мѣстъ. Редактируемая уже четвертый годъ знатокомъ мѣстной исторіи Г. А. Воробьевымъ, она съ каждымъ годомъ даетъ все болѣе и болѣе историческаго матеріала. Такъ, въ только-что вышедшей въ свѣтъ книжкѣ, кромѣ обычныхъ статей справочнаго характера, аходимъ «хронику выдающихся событій въ губерніи въ 1900 году»—своего

рода «губернскую лѣтопись». Изъ нея, между прочимъ, узнаемъ, что въ минувшемъ году Ломжинская губернія сильно пострадала отъ пожаровъ (выгорѣли города Кольно, Остроленка, посады Новогродъ, Цѣхановецъ, Райгродъ и Радзиловъ). Особенный интересъ представляетъ V-й отдѣлъ «книжки», содержащій въ себѣ три монографіи Г. А. Воробьева: «Церковь Успенія Богоматери въ Годышевѣ», «Городъ Тыкоцинъ» и «Янъ изъ Кольна». Первая изъ этихъ монографій посвящена исторіи бывшей уніатской (до 1875 г.) церкви въ селѣ Годышевѣ, Мазовецкаго уѣзда, Ломжинской губ., церкви, славной чудотворнымъ образомъ Божіей Матери XV ст. Вторая представляетъ собою извлеченіе изъ реферата автора, члена Краковской академіи наукъ, на съѣздѣ историковъ, происходившемъ въ Краковѣ въ первыхъ числахъ іюня 1900 года. Тыкоцинъ—въ настоящее время убогій городокъ въ Мазовецкомъ уѣздѣ—имѣетъ славное прошлое. Въ немъ заслуживаютъ вниманія костёлъ—фундація гетмана Яна-Клеменса Браницкаго (1689†1771), памятникъ знаменитому полководцу польскому Стефану Чарнецкому (1599†1665), «Алюмнатъ»—древнѣйшій въ Польшѣ инвалидный домъ, основанный въ первой половинѣ XVII столѣтія маршаломъ великаго княжества Литовскаго Христофоромъ Весёловскимъ и расширенный императоромъ Николаемъ I въ 1846 г. Наконецъ, послѣдняя монографія извѣстна читателямъ «Историческаго Вѣстника». Въ «книжкѣ» она напечатана въ нѣсколько дополненномъ противъ первой редакціи видѣ. Монографіи г. Воробьева иллюстрируются превосходными фототипіями, исполненными за границею. Въ концѣ «книжки» приложенъ алфавитный указатель, облегчающій пользованіе ею. Съ внѣшней стороны «книжка» издана прекрасно. R.

Древности. Труды императорскаго Московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго. Т. XVIII-й (съ 1 фототипической таблицей и 8 рисунками въ текстѣ). Москва. 1901.

Содержаніе настоящаго тома «Древностей» распадается на двѣ части. Съ одной стороны, мы имѣемъ нѣсколько статей, съ другой—цѣлый рядъ обстоятельныхъ протоколовъ, въ которыхъ заключается ученая лѣтопись какъ самого общества, такъ и состоящей при немъ комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, за періодъ 1896—1899 гг. Изъ отдѣльныхъ статей отмѣтимъ слѣдующія: «Дневникъ археологическихъ изслѣдованій въ долинѣ рѣки Оки, произведенныхъ въ 1898 г.»—В. А. Городцева, и «Античная маска Силена изъ курскаго ститистическаго комитета»—А. М. Миронова. Послѣдняя статья знакомитъ насъ съ присланною изъ Курска на разсмотрѣніе Московскаго археологическаго общества небольшою античною маскою «столько же драгоцѣнною по своему художественному исполненію, сколько и любопытною по внутреннему своему значенію». По мнѣнію г. Миронова, данная маска представляетъ собою одинъ изъ амулетовъ, имѣвшихъ въ классической древности самое широкое распространеніе. Такъ какъ по указанію курскаго статистическаго комитета данная маска, равно какъ и нѣкоторыя другія античныя вещи (какъ-то: нѣсколько превосходныхъ фрагментовъ рас-

писныхъ греческихъ вазъ IV—II вѣковъ до Р. X.; фаянсовыя фигурки боговъ египетскаго производства и т. д.), отысканы были въ предѣлахъ Курской губерніи, то невольно возникаетъ вопросъ относительно возможности проникновенія предметовъ античной культуры такъ далеко на сѣверъ Россіи. Въ связи съ этимъ является и другой вопросъ: какова обширность района, входящаго въ сферу античной культуры на почвѣ древней Руси, и какіе пути были наиболѣе удобными для распространенія этой культуры. Принимая во вниманіе находки античныхъ предметовъ въ предѣлахъ Курской и нѣкоторыхъ смежныхъ съ нею губерній, можно лишь констатировать «интересный фактъ существованія поселеній, знакомыхъ съ античною культурою въ предѣлахъ нынѣшней Курской губерніи». Что же касается самихъ путей античной культуры, то «можно утверждать съ большою вѣроятностью, что такими именно путями являлись какъ самый Днѣпръ, такъ и его большіе притоки». Наконецъ, относительно обширности района распространенія поселеній со слѣдами античной культуры можно вообще сказать, что «не только Кіевъ и города, находившіеся южнѣе его по Днѣпру и притокамъ его, а также по Бугу, Ингулу и Днѣстру, но и цѣлый рядъ городовъ къ сѣверу отъ Кіева по Днѣпру и его притокамъ—являлись крупными передаточными пунктами въ великомъ торговомъ пути, проходившемъ на сѣверъ съ Черноморскаго побережья, и были знакомы съ культурою тѣхъ странъ, откуда велись торговыя сношенія».

Отмѣтимъ также интересное сообщеніе В. Н. Щепкина о «Русскихъ солнечныхъ часахъ XVII вѣка». Этотъ небольшой мѣдный инструментъ, принадлежащій теперь московскому историческому музею, былъ найденъ въ землѣ, во Владимирской губерніи. Онъ оказался «карманными солнечными часами той самой системы, которая до сихъ поръ въ употребленіи у владимирскихъ пастуховъ». Что касается ихъ происхожденія, то оно можетъ быть или античное или восточное; проникнуть же въ Россію они могли двумя путями: или изъ Византіи или непосредственно съ Востока. Наконецъ, если мы упомянемъ статьи А. И. Успенскаго (Изъ исторіи иконостаса Успенскаго собора въ Москвѣ) и В. Н. Щепкина (Загряжскій воздухъ конца XV вѣка), то мы перечислимъ всѣ отдѣльныя статьи, помѣщенныя на страницахъ настоящаго тома «Древностей».

Выше мы упоминали о протоколахъ засѣданій археологическаго общества за періодъ 1896—1899 гг., приложенныхъ къ настоящему тому. Отмѣтимъ, что нѣкоторые изъ протоколовъ сопровождаются приложеніями, представляющими доклады, сдѣланные въ обществѣ. Изъ такихъ приложеній отмѣтимъ слѣдующія: В. И. Колосова—«Памяти Авг. Каз. Жизневскаго»; графини П. С. Уваровой—«Отчетъ о X археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ»; ея же—«Первыя засѣданія предварительнаго комитета по устройству въ 1889 г. въ г. Кіевѣ XI археологическаго съѣзда»; А. С. Хаханова—«Отчетъ о командировкѣ на Кавказъ»; графини П. С. Уваровой—«Неолитическая стоянка около Сараева» и нѣкоторыя другія. Отдѣльно слѣдуетъ отмѣтить приложенія по вопросамъ организаціи архивовъ (профессора Д. Я. Самоквасова и другихъ), а также обстоятельные годовые отчеты общества (составленные В. К. Трутовскимъ) за 1896—1897, 1897—1898 и 1898—1899 годы. **А—гъ.**

Статистика марганцеваго дѣла, сост. г. Зданевичъ. Изданіе съѣзда марганцепромышленниковъ. Кутаисъ. 1900.

Если взять 15-лѣтній періодъ, съ 1885 по 1899-й годъ, то окажется, что добыча марганцевой руды на всѣхъ промыслахъ Шореманскаго уѣзда за указанный періодъ удесятерилась. Въ то время, какъ въ 1885 году добыча руды не превышала 3.640 тысячъ пудовъ, въ 1899 году она достигла 34.052 тысячъ пудовъ. Особенно замѣтно усиленіе разработки рудниковъ съ 1897 года, когда добыча составляла 12 милліоновъ, достигши въ слѣдующемъ 1898 году 16-ти милліоновъ, а черезъ годъ, въ 1899 году, болѣе чѣмъ удвоившись, дошла до 34 милліоновъ. Усиленный ростъ промышленности послѣднихъ трехъ лѣтъ составитель брошюры съ вышеприведеннымъ заглавіемъ объясняетъ какъ увеличившимся спросомъ нашей руды на заграничномъ рынкѣ, такъ въ особенности пониженіемъ марганцеваго тарифа чіатурской вѣтви закавказской желѣзной дороги. Разработка марганцевыхъ рудниковъ производилась въ 11-ти селеніяхъ, изъ коихъ 8 расположены на правой сторонѣ рѣки Квирили, а 3— на лѣвой. Добыча руды во всѣхъ рудникахъ Шореманскаго уѣзда за 15 лѣтъ, съ 1885 по 1899 годъ включительно, выражается въ 144.750.972 пудахъ.

Марганцевый промыселъ въ Шореманскомъ уѣздѣ носитъ характеръ скорѣе кустарнаго промысла, чѣмъ крупнаго горнопромыслового предпріятія. 34 милліона пудовъ прошлогодней добычи распредѣляются между 290 промышленниками, или на одного промышленника приходится около 117 тысячъ пудовъ добычи руды въ годъ. Между тѣмъ, менѣе этого средняго количества добываютъ двѣ трети наличнаго числа промышленниковъ, занимавшихся добычею руды въ прошломъ году, и свыше 100 тыс. пуд. добывало не болѣе одной трети, почти около 100 лицъ. Если считать болѣе или менѣе крупными промышленниками лицъ, въ рудникахъ коихъ добывалось не менѣе 500 тыс. пудовъ въ годъ, то такихъ промышленниковъ 10 человѣкъ; свыше одного милліона пудовъ добыли всего два промышленника: Г. Г. Эмерикъ (1.526.400 пуд.) и С. М. Абесадзе (1.555.500 п.). Общая добыча 10-ти крупныхъ промышленниковъ равнялась въ прошломъ году 8.786 тысячамъ пудовъ, т. е. составляла около одной четвертой части всей годовой добычи. Въ то время, какъ въ общей массѣ промышленниковъ крупные составляли $^1/_{30}$ часть числа промышленниковъ, производительность ихъ равнялась немногимъ менѣе $^1/_4$ части общей добычи прошлаго года. Лицъ, въ рудникахъ коихъ добывалось въ прошломъ году свыше 200 тыс. пудовъ, было, вмѣстѣ съ указанными выше десятью крупными промышленниками, всего 40 человѣкъ, и всѣ они въ общей сложности добыли 17.617 тысячъ пудовъ, т. е. половину прошлогодней добычи. Другую половину добывали остальные 250 промышленниковъ. Наименьшій размѣръ добычи въ прошломъ году составлялъ 900 пудовъ, и такое количество добывалось въ прошломъ году лишь однимъ лицомъ, Симономъ Масхарашвили. Число рудниковъ, дѣйствовавшихъ на шореманскихъ марганцевыхъ промыслахъ, было въ 1895 году 181, а въ 1899 г. число это увеличилось до 429. На шореманскихъ марганцевыхъ промыслахъ не имѣется годовыхъ рабочихъ, занятыхъ въ теченіе круглаго года на одномъ и томъ же рудникѣ. Плата ра-

бочимъ производится сдѣльно, за кубическую сажень добытой руды, а потому число годовыхъ рабочихъ можетъ быть опредѣлено посредствомъ дѣленія числа дѣйствительно обращавшихся на промыслахъ рабочихъ, помноженнаго на число дѣйствительно отработанныхъ этими рабочими дней и дѣленнаго на число рабочихъ дней въ году, т. е. на 250.

Согласно такому подсчету, произведенному мѣстнымъ горнымъ надзоромъ, на промыслахъ находилось годовыхъ рабочихъ: въ 1895 г. 1.687, въ 1896 г. 1.704, въ 1897 г. 1.382, въ 1898 г. 1.245, въ 1899 г. 3.250. Одинъ годовой рабочій добывалъ руды въ 1895 г. 2.679 п., въ 1896 г. 5.690 п., въ 1897 г. 8.778 п., въ 1898 г. 13.060 п. и въ 1899 г. 10.478 пудовъ.

Цифры эти показываютъ необыкновенное увеличеніе производительности труда рабочихъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ: производительность эта увеличилась въ пять и болѣе разъ. Главная причина этого явленія заключается, по словамъ составителя брошюры, въ менѣе тщательной сортировкѣ и очисткѣ руды, что замѣчается въ послѣднее время; нѣкоторые промышленники даже вовсе не практикуютъ въ послѣднее время сортировки руды и свозятъ на желѣзнодорожныя платформы руду неочищенную, въ томъ видѣ, какъ она добывается въ рудникахъ; другіе увеличиваютъ свою добычу примѣшиваніемъ къ рудѣ отваловъ, образовавшихся у ихъ рудниковъ отъ прежнихъ лѣтъ.

Кромѣ рабочихъ, занятыхъ добычею руды, на промыслахъ обращается значительное число возчиковъ руды (чарвадаровъ), точной или даже приблизительной цифры коихъ не имѣется, однако, ни у совѣта съѣзда, ни у мѣстнаго горнаго надзора. Г. Зданевичъ, впрочемъ, полагаетъ, что число возчиковъ руды не должно быть менѣе числа горнорабочихъ, занимающихся добычей руды.

Что касается вывоза нашей руды на заграничный и внутренній рынки черезъ Потійскій и Батумскій порты, то всего за 15 лѣтъ вывезено на внутренній и заграничный рынки 129.452 тыс. пуд., изъ коихъ 120.095 тыс. пуд., или 92%, черезъ Потійскій портъ и 9.367 тысячъ пудовъ, или 8%, черезъ Батумскій портъ. Усиленный вывозъ замѣчается особенно съ 1895 года, т. е. съ открытіемъ движенія по чіатурской вѣтви закавказской желѣзной дороги, когда за пять лѣтъ, съ 1895 по 1899 годъ, вывезено болѣе половины вывоза разсматриваемаго 15-лѣтняго періода, а именно 74.479.533 пуд., или 57,8% общаго вывоза.

Главнымъ потребительницами марганцевой руды за границей являются пять странъ: Великобританія, Соединенные Штаты Сѣв. Америки, Германія и Франція. Во главѣ этихъ странъ за время съ 1892 по 1898 годъ стояла Великобританія, которая за 7 лѣтъ разсматриваемаго періода ввезла къ себѣ марганцевой руды 994.848 тоннъ, или 38,4% всего количества ввоза въ названныя страны. За Великобританіей слѣдуетъ Германія съ ввозомъ въ 475.942 тонны, или 18,1%, потомъ Франція, С. Америка и Бельгія.

Общее количество ввоза во всѣ потребляющія марганцевую руду страны равнялось за разсматриваемое время 2.603,092 тоннамъ, или 161.391,704 пудамъ. Изъ этого общаго количества одна Россія вывезла за разсматриваемое время 1.303,320 тоннъ, или 49,7%, т. е. почти половину, а другую половину всѣ остальныя страны, вмѣстѣ взятыя.

Нѣкоторыя изъ странъ, какъ-то: Бразилія, Японія, Колумбія, Перу, Ява, выступили на міровой рынокъ только въ послѣдніе годы. Другія, какъ Куба, вслѣдствіе политическихъ неурядицъ, господствовавшихъ на островѣ до послѣдняго времени, на много лѣтъ прекратили добычу и вывозъ руды. Однѣ изъ странъ, въ отношеніи количества вывоза, прогрессируютъ, другія, наоборотъ, отстаютъ отъ своихъ конкуррентовъ. Особенные успѣхи дѣлаютъ въ этомъ отношеніи Бразилія, Испанія, Греція и Индія, которыя увеличиваютъ не только абсолютный размѣръ ежегоднаго вывоза, но и сравнительную долю своего участія въ общемъ вывозѣ. Что касается Россіи, то ея вывозъ хотя абсолютно увеличивается ежегодно, но относительно несомнѣнно падаетъ. Въ то время, какъ въ началѣ разсматриваемаго періода участіе Россіи въ общемъ вывозѣ выражалось въ 60%, въ концѣ того же періода доля Россіи составляла уже около 40%, т. е. понизилась почти на 20%; еще болѣе чувствительное пораженіе потерпѣла въ этомъ отношеніи страна Чили, доля вывоза которой изъ года въ годъ падаетъ, дойдя въ 1898 году всего до 3,8%. Наоборотъ, доля участія въ общемъ вывозѣ Испаніи почти утроилась, Греціи удвоилась, а Индіи даже удесятерилась. Большіе успѣхи дѣлаетъ также Бразилія, руда которой отличается высокими качествами (малымъ содержаніемъ кремнезема и фосфора), походя по естественнымъ своимъ свойствамъ на чилійскую руду, почему и продается дороже, напримѣръ, кавказской. Если вывести, какъ говоритъ г. Зданевичъ, среднее ариѳметическое за семь разсматриваемыхъ лѣтъ въ отношеніи доли участія отдѣльныхъ странъ въ общемъ вывозѣ и сравнить съ нимъ годовыя доли тѣхъ же странъ за послѣдніе три года, то можно увидѣть, что Россія, Чили, Швеція и Японія сокращаютъ сравнительно свой вывозъ, и наоборотъ, Бразилія, Испанія, Греція и Индія увеличиваютъ вывозъ; насколько первыя идутъ назадъ, настолько послѣднія прогрессируютъ. Такъ, Куба начинаетъ возобновлять разработку своихъ рудниковъ; въ Сѣверной Испаніи, въ 45 миляхъ отъ Lantander, въ послѣднее время открыты новыя залежи марганцевой руды лучшаго качества (58% металла въ образцахъ и ничтожное количество фосфора), чѣмъ въ старыхъ залежахъ на югѣ Испаніи; въ Бразиліи также найдены вдоль центральной линіи желѣзной дороги, около станціи Henrigve Hargreates, новыя залежи очень богатой марганцевой руды, содержащей по лабораторнымъ анализамъ до 60,48% металла, или 84% перекиси марганца и лишь слѣды фосфора. Стоимость выработки и доставки этой руды до линіи желѣзной дороги обходится въ 4 шиллинга 10 пенсовъ за тонну, или $3^5/_8$ к. за пудъ, а вмѣстѣ съ морскимъ фрахтомъ и накладными расходами будетъ стоить въ Англіи 38 шиллинговъ за тонну, или $27^1/_5$ коп. за пудъ; по словамъ Daniel Ballet'a, описывающаго это мѣсторожденіе въ «Revue Technique» за 1899 годъ, оно далеко оставитъ за собою всѣ европейскія мѣсторожденія марганцевой руды. Эти факты имѣютъ слишкомъ большое значеніе для кавказскихъ марганцепромышленниковъ, чтобы на нихъ не обратить самаго серіознаго вниманія.

А. Хах—овъ.

Wladysław Smoleński. Pisma historyczne. T. I—II. Kraków. 1901.

Проработавъ четверть вѣка надъ изслѣдованіемъ минувшихъ судебъ своей родины, г. Смоленскій рѣшилъ собрать воедино свои научные труды, помѣщавшіеся въ періодическихъ изданіяхъ и нѣкоторыхъ сборникахъ, частью же изданные раньше отдѣльными брошюрами. Получилось два почтенныхъ размѣровъ тома (377 и 483 стр.), содержащихъ очень интересный матеріалъ, хотя и пестраго содержанія, такъ что его приходится разбирать по-статейно.

Въ первомъ томѣ помѣщено всего десять изслѣдованій. Остановимся прежде всего на тѣхъ, которыя посвящены разработкѣ вопросовъ общаго характера съ попыткой дать философское освѣщеніе цѣлой группы однородныхъ фактовъ. Вниманіе читателя привлекается заманчивымъ заглавіемъ — «Вѣра въ жизни польскаго общества въ іезуитскую эпоху» («Wiara w życiu społeczeństwa polskiego w epoce jezuickiej») — обѣщающимъ выяснить роль и значеніе этой могущественной стихіи въ дѣяніяхъ Польши. Статья написана очень тщательно и достаточно объективно, но безъ желательной широты обобщеній. Авторъ собралъ много свѣдѣній о предметахъ внѣшняго религіознаго почитанія въ Польшѣ — церковныхъ реликвіяхъ, чудотворныхъ образахъ, описываетъ разные благочестивые обычаи, бывшіе въ большомъ ходу у набожнаго польскаго народа, говоритъ о вліяніи духовенства, о постепенномъ развитіи фанатизма въ Польшѣ, вызвавшемъ преслѣдованія диссидентовъ, подробно останавливается на суевѣріяхъ, неразлучныхъ съ невѣжественной набожностію, а затѣмъ говоритъ о незавидномъ моральномъ состояніи польскаго общества, страдавшаго многими пороками, въ числѣ которыхъ подкупы, пьянство и распутство занимали главное мѣсто. Такимъ образомъ, по выводу автора, религіозность не воспитала польскаго общества въ духѣ нравственныхъ началъ, не уберегла его отъ этической безпринципности. Съ такой же претензіей на философское освѣщеніе группы однородныхъ явленій написаны статьи о шляхтѣ—«Шляхта по ея собственнымъ воззрѣніямъ» и «Шляхта по воззрѣніямъ XVIII в.», далеко, однако, не исчерпывающія интересной темы, поставленной авторомъ въ заголовкѣ. Въ первой статьѣ г. Смоленскій приводитъ комическія теоріи польскихъ геральдистовъ о происхожденіи и древности шляхты, о признакахъ шляхетской родовитости, о постепенномъ углубленіи той пропасти, которая отдѣляла шляхтича отъ кмета и которая впослѣдствіи, такъ сказать, санкціонирована законодательнымъ порядкомъ, о попыткахъ оппозиціи противъ такой шляхетской обособленности. Во второй статьѣ авторъ описываетъ переворотъ во взглядахъ на общественное значеніе шляхты, какой послѣдовалъ въ Польшѣ въ XVIII в. частью подъ вліяніемъ западныхъ теорій, нашедшихъ ревностныхъ пропагаторовъ въ лицѣ нѣкоторыхъ образованныхъ поляковъ, частью же подъ вліяніемъ обнаруживавшагося упадка Польскаго государства, что оказало на на нѣкоторую часть поляковъ вразумляющее дѣйствіе. Очень жаль, что авторъ только слегка затронулъ интересный вопросъ о шляхетскомъ сословіи, сыгравшемъ въ судьбахъ Польши роль добраго и злого генія вмѣстѣ. Съ большимъ интересомъ читается статья о «Мелкой шляхтѣ въ царствѣ Польскомъ» («Drobna szlachta w królestwie Polskiem»), носящая, впрочемъ, не историческій, а скорѣе

бытово-экономическій характеръ. Тутъ подробно описаны: число шляхты, количество находящейся у нея во владѣніи земли, внѣшній видъ типичной шляхетской усадьбы, хозяйственныя условія жизни, черты домашняго быта вообще и семейной жизни въ частности и т. д. Любопытно отмѣтить черту, наблюдающуюся у всѣхъ польскихъ писателей, когда имъ приходится вести рѣчь о своеобразномъ укладѣ быта шляхты, сохранившемся въ достаточной свѣжести отъ далекой старины: видно, что это любимый конекъ поляковъ, въ тонѣ чувствуется какая-то задушевность съ оттѣнкомъ меланхолической грусти, рѣчь становится яркой и колоритной. Оттого и всѣ подобные очерки читаются съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ, всякій полякъ въ описаніи родныхъ бытовыхъ картинъ становится поэтомъ.

Остальныя статьи имѣютъ болѣе спеціальный характеръ. Такъ, «Описаніе Мазовіи» Свенцицкаго («Jędrzeja Święcickiego opis Mazowsza») содержитъ польскій переводъ текста описанія и краткія біографическія свѣдѣнія о его авторѣ. Въ статьѣ «Cezar Cyrrhys de Varille» г. Смоленскій разбираетъ политическій трактатъ одного француза, жившаго въ Польшѣ въ качествѣ гувернера, посвященный критикѣ польскаго государственнаго строя. Въ статьѣ «Ksiądz Marek, cudotworca i prorok konfederacyi barskiej» сгруппированы историческія свѣдѣнія объ этомъ легендарномъ ксендзѣ, котораго экзальтированное воображеніе современниковъ еще при жизни его окружило ореоломъ святости.

Во второмъ томѣ помѣщено семь изслѣдованій. Изъ нихъ наиболѣе цѣльный и законченный характеръ имѣетъ изслѣдованіе о положеніи евреевъ въ Польшѣ въ XVIII в. (Stan i sprawa żydów polskich w XVIII wieku). Здѣсь г. Смоленскій послѣ небольшого очерка о роли, занятой евреями въ экономической жизни Польши, подробно разбираетъ нѣкоторые трактаты, появившіеся въ польской литературѣ съ конца XVII в. и посвященные разработкѣ еврейскаго вопроса, и излагаетъ пренія на сеймахъ по тому же вопросу. Довольно обширная по размѣру статья «Żywioły zachowawcze i komisya edukacyjna» посвящена реформѣ школьнаго образованія въ Польшѣ, предпринятаго эдукаціонной коммиссіей, и выясненію главнѣйшихъ причинъ неудачи ея. Той же эпохи касаются статьи: «Kuźnica Kołłątajowska» и «Uwięzienie Kołłątaja». Въ первой изъ нихъ г. Смоленскій описываетъ жизнь и дѣятельность сотрудниковъ Коллонтая: каноника Фр. Езерскаго, Трембицкаго, Дмоховскаго, Мейера, Конопка, Дембовскаго, приводя при этомъ обширныя выписки изъ ихъ сочиненій для характеристики ихъ воззрѣній. Во второй авторъ со словъ Трембицкаго разсказываетъ объ арестованіи Коллонтая, при чемъ опровергаетъ висѣвшее надъ Коллонтаемъ обвиненіе въ присвоеніи казенныхъ денегъ.

Значительный интересъ представляютъ статьи о научно-литературныхъ обществахъ польскихъ въ XVIII в. («Towarzystwa naukowe i literackie w Polsce wieku XVIII») и о польскихъ календаряхъ XVIII в. («Kalendarze w Polsce wieku XVIII»). Послѣдняя тема доселѣ оставалась почти незатронутой, хотя она любопытна не только по тѣмъ курьезамъ, которые авторъ въ обиліи извлекаетъ изъ старинныхъ календарей. Если и теперь для множества захолустныхъ обывателей календарь остается единственной книгой, изъ которой почерпается

весь образовательный багажъ, то тѣмъ большее значеніе онъ имѣлъ для общества XVIII в.

Изслѣдованія г. Смоленскаго написаны съ достаточною научною основательностью. Это—не поверхностныя компиляціи, составленныя при помощи двухъ-трехъ работъ предшествующихъ изслѣдователей съ неизбѣжною при этомъ рабскою зависимостью отъ нихъ, а вполнѣ самостоятельныя научныя экскурсіи въ область первоисточниковъ, придающія выводамъ автора вѣсъ и убѣдительность. Благодаря этому, фактическій матеріалъ, содержащійся въ изслѣдованіяхъ г. Смоленскаго, отличается обиліемъ и разнообразіемъ, а иногда и новизною. Для примѣра укажемъ на сдѣланный авторомъ подборъ фактовъ, ярко иллюстрирующихъ деморализацію польскаго общества въ XVII—XVIII вв. (т. I, стр. 279—286). Очень пріятное впечатлѣніе производитъ изящный языкъ и научное безпристрастіе г. Смоленскаго, никогда не прибѣгающаго къ натяжкамъ и сомнительной искренности оговоркамъ при оцѣнкѣ темныхъ сторонъ прошлаго Польши.

Вообще вышедшіе два тома трудовъ г. Смоленскаго заставляютъ признать, что авторъ работалъ на научномъ поприщѣ не безслѣдно. К. Х.

Русская періодическая печать 1703—1894 гг. (Библіографія и графическія таблицы). Составилъ и издалъ Н. М. Лисовскій. Отдѣлъ I. Библіографія русской періодической печати. Отдѣлъ II. Графическія таблицы русской періодической печати. Вып. I. 1703—1856 гг. Библіографія, листы 1—4 и предисл. Графическія таблицы, листы 1—9. Вып. II. 1856—1880 гг. Библіографія, листы 5—12 и предисл. Графическія таблицы, листы 10—24. Спб. 1895 и 1901.

Цѣль настоящей книги дать хронологическое описаніе русскихъ періодическихъ изданій, начиная съ 1703 г. По первоначальному плану автора, описаніе это должно было дойти только до 1894 г., но въ виду того, что печатаніе труда г. Лисовскаго затянулось въ силу разнаго рода обстоятельствъ, не всегда зависѣвшихъ отъ автора, онъ съ теченіемъ времени расширилъ свой планъ и, какъ видно изъ предисловія ко второму выпуску, рѣшилъ со временемъ довести описаніе журналовъ до конца 1900 г. Такимъ образомъ, въ полномъ своемъ видѣ, трудъ Н. М. Лисовскаго будетъ обнимать собою списокъ русскихъ періодическихъ изданій почти за 2 столѣтія. Настоящая работа носитъ главнымъ образомъ библіографическій характеръ, а потому для опредѣленія ея значенія прежде всего необходимо указать тотъ планъ, по которому она построена. Книга распадается на два отдѣла. Первый представляетъ собою хронологическій списокъ русскихъ періодическихъ изданій, которыя расположены по годамъ ихъ возникновенія въ алфавитномъ порядкѣ, какъ наиболѣе удобномъ; кромѣ того, точное хронологическое опредѣленіе возникновенія каждаго изданія далеко не всегда и возможно. При описаніи всякаго журнала прежде всего дается точное и подробное заглавіе его, съ указаніемъ всѣхъ перемѣнъ въ немъ, осо-

бенно же въ подзаголовкахъ, затѣмъ время существованія и мѣсто изданія, срокъ выхода, форматъ, перечень редакторовъ и издателей. Въ примѣчаніяхъ указываются или родственная связь изданія съ предшествующими и послѣдующими, или разнаго рода обстоятельства изъ его внѣшней исторіи, напримѣръ, свѣдѣнія о числѣ вышедшихъ номеровъ, о пріостановкахъ и о приложеніяхъ, хотя, въ случаѣ періодическаго выхода этихъ послѣднихъ, они упоминаются и отдѣльно подъ годомъ возникновенія. По окончаніи изданія къ первому отдѣлу приложены будутъ алфавитные указатели какъ журналовъ, такъ ихъ редакторовъ и издателей, а также систематическій списокъ періодическихъ изданій. Планъ этого списка приведенъ г. Лисовскимъ въ предисловіи къ первому выпуску. Само собою разумѣется, что подобная систематизація журналовъ, въ виду часто встрѣчающейся крайней разнородности въ ихъ содержаніи,—дѣло весьма трудное, тѣмъ болѣе, что, несмотря на огромную литературу о классификаціи наукъ, вопросъ этотъ далеко еще не пришелъ къ окончательному рѣшенію. Поэтому правильно, кажется, поступилъ авторъ, отказавшись отъ строго научнаго дѣленія и придерживаясь скорѣе практической точки зрѣнія. Конечно, въ его системѣ есть слабыя стороны, какъ, напримѣръ, отнесеніе журналовъ по военному и морскому дѣлу и спорту къ «изданіямъ по наукамъ естественнымъ и физико-математическимъ, съ ихъ прикладными знаніями», но зато есть у него и преимущества, къ числу которыхъ прежде всего слѣдуетъ отнести чрезвычайно незначительную дробность дѣленія; во всякомъ случаѣ, если въ общемъ можно не соглашаться съ системой Н. М. Лисовскаго, то съ ней непремѣнно надо считаться съ силу ея практическихъ удобствъ. Можно пожелать, чтобы при окончаніи своей работы авторъ указалъ при изданіяхъ послѣ 1865 г., какія изъ нихъ были подцензурныя и какія безцензурныя.

Второй отдѣлъ представляютъ «графическія таблицы русской періодической печати», имѣющія цѣлью дать, путемъ условныхъ знаковъ, въ возможно болѣе наглядной формѣ свѣдѣнія о журналахъ какъ за извѣстный періодъ, такъ и за всякій отдѣльный годъ ихъ существованія; изъ этихъ же таблицъ весьма легко опредѣляется совокупность періодическихъ изданій въ извѣстномъ году. Нечего и говорить, далѣе, что на основаніи графическихъ таблицъ можно строить всякаго рода любопытные выводы не только статистическаго, но и историко-бытового характера. Н. М. Лисовскій предполагаетъ издать эти выводы на особыхъ діаграммахъ, которыя явятся въ высшей степени цѣнными источниками для исторіи нашей періодической печати. Діаграммы эти уже приготовлены вчернѣ трудолюбивымъ авторомъ и отчасти выставлялись имъ публично, именно на выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 г. и (въ количествѣ 45) на съѣздѣ журналистовъ, устроенномъ союзомъ писателей въ 1900 г.; и тамъ и тутъ вызывали онѣ не только полное вниманіе, но какъ за собраніе, такъ за діаграмму, на выставкѣ печатнаго дѣла Н. М. Лисовскій удостоенъ былъ высшей награды. Въ печати появилась пока одна общая діаграмма (въ «Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона», пол. 54), показывающая развитіе нашей печати въ XIX столѣтіи до 1894 г. включительно.

Въ настоящихъ двухъ выпускахъ перечислены изданія, возникшія до 1880 г. включительно, но описаны они за все время ихъ существованія пока до 1894 г.;

число ихъ доходитъ уже до 1.450 №№. Несмотря на всю тщательность работы Н. М. Лисовскаго, въ ней замѣтны иногда кое-какія ошибки. Напримѣръ, при № 350 (Журн. Минист. Нар. Просв.) не указано, что съ конца 1873 г. къ нему дается приложеніе съ особой пагинаціей: «Отдѣлъ классической филологіи» (въ отдѣльномъ изданіи называется «Сборникъ статей по классической филологіи»); подъ № 580 три раза ошибочно напечатано Керчь-Еникольскаго Градон. (вм. Еникальскаго, ср. № 654); № 749 (Циркуляры по Спб. учебному округу) выходитъ съ 1874 г. ежемѣсячно, а не «неопредѣленно (болѣе 12 разъ въ годъ)»; про № 818 г. (Литерат. Семейн. Вечера) не сказано, что съ 1893 г. «Вечера» даются въ качествѣ приложенія къ «Нови»; № 1005 (Правит. Вѣстникъ)—нынѣшній редакторъ К. К. Случевскій, а не К. П. Случевскій; про № 1019 (Архивъ кн. Воронцова) не сказано, что онъ дается также въ качествѣ приложенія къ «Русскому Архиву»; № 1179 (Записки Имп. Харьк. университета)—профессоры А. Питра 2-ой и Г. Цѣхановецкій были не «редакторами» Записокъ, а ректорами университета за время ихъ изданія; при № 1446 (Ученыя зап. Московск. унив.) редакторомъ историко-филолог. отдѣла показанъ проф. Н. Поповъ, умершій въ 1891 г. Да и вообще его редакторская подпись имѣется только на 2-мъ выпускѣ Записокъ, а дальнѣйшіе томы (до 1894) подписывались или М. М. Троицкимъ, какъ деканомъ, или Г. А. Ивановымъ, бывшимъ тогда ректоромъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что опытный библіографъ Н. М. Лисовскій самъ легко замѣтитъ и исправитъ при концѣ изданія эти и тому подобныя мелкія погрѣшности и опечатки (какъ онъ это отчасти уже сдѣлалъ при 2-мъ выпускѣ), а потому остается только отъ души пожелать ему окончить предпринятое имъ съ огромнымъ самоотверженіемъ и значительными матеріальными затратами изданіе. Желательно также, чтобы окончаніе это не замедлилось появленіемъ, такъ какъ, если, по всей вѣроятности, мы не дождемся къ исполняющемуся въ 1903 г. двухсотлѣнему юбилею русской періодической печати подробной и научной исторіи ея, то къ этому времени должны появиться хотя подробныя хронологическія и статистическія данныя о нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Во всякомъ случаѣ книга Н. М. Лисовскаго избавляетъ историка печати отъ массы тяжелой и неблагодарной подготовительной работы.

А. М-нъ.

Черный воронъ. А. Измайловъ. Спб. 1901.

Разсказы А. Измайлова посвящены преимущественно нравамъ деревенскаго духовенства. Авторъ обнаруживаетъ не только хорошее знаніе этой среды, но и вполнѣ художественное ея воспроизведеніе. Книга носитъ заглавіе перваго разсказа, но, къ сожалѣнію, самаго слабаго и болѣе фантастическаго, чѣмъ прочіе его разсказы. За дурной пріемъ въ деревнѣ странника однимъ изъ крестьянъ со всей деревней случилось несчастіе: воронъ зацѣпился ногой за крестъ колокольни, и съ той поры пошли въ деревнѣ всякія несчастія. То пожаръ случится, то смирный мужъ убьетъ жену и т. д. Рѣшили во что бы то ни стало снять «чернаго ворона» съ колокольни, но и это обошлось не безъ жертвъ. Ворона сняли, а паренекъ все-таки сорвался съ церкви и разбился до

смерти. Съ той поры на деревнѣ стало смирно, и мстительнаго странника забыли... Болѣе непосредственными и живыми наблюденіями изъ міра деревенскаго духовенства отмѣчены разсказы: «Геніальная идея» о томъ, какъ деморализованный дьячекъ перехитрилъ въ консисторіи честнаго священника въ жалобахъ другъ на друга; «Ночь», въ каковую пришлось великодушному священнику оставить при смерти собственную жену и ѣхать въ сосѣднее село дать «напутствіе» умирающей женѣ полузамерзшаго, пріѣхавшаго за нимъ, мужичонка; «Златыя уста», которыми священникъ думалъ отличиться передъ владыкой, но, оказалось, послѣдній узналъ въ проповѣди священника свое собственное поученіе, которое онъ писалъ въ свою бытность въ академіи; «Волкъ» — прообразъ секретарей не только духовныхъ консисторій, но и многихъ иныхъ учрежденій и т. д. По реализму и даже выполненію разсказы г. Измайлова напоминаютъ произведенія знатоковъ русскаго духовенства, но, разумѣется, его разсказы слишкомъ малы для того значенія, какое несомнѣнно они имѣютъ по своей содержательности. Автору надо довести свои разсказики до цѣльнаго художественнаго произведенія и, сконцентрировавъ впечатлѣнія, дать новое и свое освѣщеніе быту сельскаго духовенства, а не повторять исключительно наблюденія Потапенки или Лѣскова изъ того же быта. Первая серія разсказовъ г. Измайлова даетъ основаніе предполагать въ немъ знатока нашего духовенства, въ изображеніи котораго у автора преобладаетъ сатирическій юморъ въ отношеніи отрицательныхъ его сторонъ и теплое сочувствіе къ хорошимъ.

А. Фаресовъ.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Томъ VI. Спб. 1900.

Шестой томъ «Книги бытія» знаменитаго русскаго ученаго и путешественника, епископа Порфирія Успенскаго († 1885 г.), содержитъ его дневники и автобіографическія записки съ 3 іюня по 23 сентября 1854 года. Это время епископъ Порфирій провелъ не на Востокѣ, какъ обычно, а на Западѣ, такъ какъ тревожныя современныя политическія обстоятельства, вызвавшія севастопольскую кампанію, побудили его оставить Іерусалимъ, гдѣ онъ состоялъ начальникомъ русской духовной миссіи, и предпринять поѣздку на Западъ, также представляющій большой интересъ для любознательнаго и просвѣщеннаго паломника. Почти все указанное выше время епископъ Порфирій провелъ въ Италіи, обозрѣвая мѣстныя достопримѣчательности, святыни, памятники и т. д., и обо всемъ видѣнномъ здѣсь и слышанномъ онъ подробно повѣствуетъ въ своей «Книгѣ бытія».

Время съ 23 іюня по 12 іюля 1854 года епископъ Порфирій провелъ въ Римѣ, гдѣ ежедневно посѣщалъ мѣстныя древнія церкви, иныя по два и по три раза, разсматривая ихъ священную живопись, мозаическую, на деревѣ и полотнѣ, обозрѣвалъ подземныя усыпальницы первыхъ христіанъ римскихъ или катакомбы, а также библіотеки, помѣщенія для произведеній изящныхъ искусствъ и остатки языческихъ древностей и закончилъ свои занятія свиданіемъ съ папою Піемъ IX и съ кардиналомъ Антонелли. Свои римскія впечатлѣнія и наблюденія епископъ Порфирій изложилъ въ пяти отдѣлахъ.

Въ отдѣлѣ первомъ (стр. 1—108) рѣчь идетъ о римскихъ катакомбахъ. Авторъ говоритъ объ ихъ происхожденіи и назначеніи, излагаетъ ихъ древнѣйшую исторію, описываетъ ихъ устройство и изображенія, найденныя на стѣнахъ, изъясняетъ смыслъ символическихъ рисунковъ, въ изобиліи встрѣчающихся въ катакомбахъ, ведетъ рѣчь и о подземныхъ церквахъ, излагаетъ исторію научнаго открытія катакомбъ и указываетъ ученыхъ, прославившихся на этомъ поприщѣ. Свои описанія и поясненія авторъ подтверждаетъ многочисленными планами и рисунками, хорошо освѣщающимися то, о чемъ онъ говоритъ. Вообще, отдѣлъ о катакомбахъ въ «Книгѣ бытія моего» читается съ большимъ интересомъ, несмотря на то, что по этому вопросу существуетъ обширная литература, ежегодно дополняемая разсказами и описаніями случайныхъ посѣтителей Рима, въ простотѣ своей и не чувствующихъ, что писать о катакомбахъ нужно учиться у такихъ мастеровъ пера и мысли, какъ, напримѣръ, знаменитый епископъ Порфирій Успенскій.

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 108—231) описываются знаменитыя церкви въ Римѣ, а именно: св. Петра, святыхъ двѣнадцати апостоловъ, Ara coeli (жертвенникъ неба), св. Іосифа Обручника, Пантеонская, св. Климента, св. Іоанна Латеранскаго, Св. Креста, св. Маріи Большой и многія другія. Здѣсь рѣчь идетъ объ архитектурѣ храмовъ, а главнымъ образомъ объ ихъ живописи на деревѣ и полотнѣ и о мозаикѣ, излагается ихъ историческая судьба, отмѣчаются ктиторы и благотворители, описываются нѣкоторые религіозные обряды и церемоніи и т. п. Епископъ Порфирій былъ и въ Ватиканскомъ дворцѣ папъ, о которомъ также оставилъ свѣдѣнія въ своей «Книгѣ бытія». Онъ излагаетъ исторію его постройки, описываетъ капеллу Сикста, ложи и станцы Рафаеля, залы Константина, Иліодора, Сеньятура и Инчендіо съ ихъ замѣчательными стѣнными фресками, говоритъ о Ватиканской библіотекѣ, которую осмотрѣлъ, но Ватиканскій музей только «обошелъ скорымъ шагомъ» (стр. 175).

Третій отдѣлъ (стр. 231—236) посвященъ описанію римскихъ картинныхъ галлерей Дорія, Боргезія, Фарнезина, академіи художествъ, Капитолійскаго музея и Квиринальскаго дворца. Здѣсь, между прочимъ, есть упоминаніе о русскихъ художникахъ, жившихъ въ Римѣ, именно—Раевѣ, Ивановѣ и князѣ Григоріи Волконскомъ.

Въ четвертомъ отдѣлѣ (стр. 236—241) говорится о памятникахъ Рима временъ язычества, каковы: Колизей, колонны Траяна, Марка Аврелія и Фоки, тріумфальныя ворота императоровъ—Тита, Септимія Севера и Константина Великаго, храмъ Весты, памятникъ въ честь Януса и развалины дворца Нерона.

Наконецъ, въ пятомъ отдѣлѣ (стр. 241—248) описывается аудіенція епископа Порфирія у римскаго папы Пія IX. Она состоялась 12 іюля. Когда нашъ паломникъ шелъ по комнатамъ Ватикана на пріемъ къ папѣ, воинская папская стража отдала ему честь. Но таинственная и загадочная обстановка, переходъ изъ одной комнаты въ другую, встрѣча съ лицами разнаго ранга—все это привело Порфирія въ большое смущеніе. Вошедши въ одну изъ комнатъ Ватикана, по счету четвертую, епископъ Порфирій увидѣлъ, что къ нему подходитъ духовный сановникъ, молодой и красивый, въ красной одеждѣ, безъ покрывала на головѣ. Находясь въ волненіи, нашъ паломникъ принялъ его за

папу, хотя и зналъ, что его святѣйшество не только не молодъ, но и старъ, и, поклонившись ему низенько, привѣтствовалъ его по-французски—Saint père (святой отецъ). Сановникъ, замѣтивъ эту ошибку, положилъ свою бѣлую руку на плечо паломника и сказалъ: «я не папа, а кардиналъ Гогенлое». Вошедши затѣмъ въ кабинетъ папы, епископъ Порфирій остановился у стола, на которомъ святой отецъ подписывалъ какія-то бумаги. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлый кафтанъ, застегнутый пуговицами отъ шеи до ступней, и на головѣ имѣлъ низкую доминиканскую камилавочку. Лицо у папы было бѣлое и полное, добродушное, но не выразительное, а весь онъ былъ дороденъ. Порфирій сдѣлалъ полный поклонъ папѣ и поцѣловалъ его руку, а затѣмъ начался разговоръ, не имѣющій особаго значенія. Только папа пожаловался, что русское правительство назначило мѣстопребываніемъ для одного изъ римско-католическихъ епископовъ въ Россіи, вмѣсто Херсона, городъ Тирасполь, гдѣ нѣтъ ни дома для епископа, ни семинаріи, да и самъ онъ, по словамъ папы, неизвѣстно гдѣ, находится. Отъ папы епископъ Порфирій отправился къ кардиналу Антонелли, живущему въ Ватиканѣ. Въ разговорѣ по поводу войны Россіи съ Турціей, предпринятой съ цѣлью облегчить положеніе христіанъ подъ игомъ турецкимъ, кардиналъ, между прочимъ, сказалъ слѣдующія вполнѣ справедливыя слова: «Туркамъ ни въ чемъ не должно вѣрить; принужденные къ войнѣ, они уступятъ, а по заключеніи мира опять примутся за старыя притѣсненія. Какая же польза отъ войны съ ними? Россія напрасно начала войну» (стр. 248).

Изъ Рима епископъ Порфирій отправился въ Ливорно (стр. 249—252). По случаю карантина, онъ съ своимъ спутникомъ шесть дней прожилъ внѣ города. «Богъ милостивъ къ намъ,—пишетъ по этому поводу нашъ паломникъ,—мы здоровы и не скучаемъ, ѣдимъ тосканскій супъ, въ которомъ курка ножку омочила, Церера хлѣбца покрошила, Панъ подлилъ маслица немножко, а Рея вложила соли ложку». Въ городѣ епископъ осмотрѣлъ православную греческую церковь и изложилъ въ дневникѣ ея историческую судьбу.

Изъ Ливорно епископъ Порфирій поѣхалъ въ городъ Пизу (стр. 252—269). И здѣсь онъ осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности, какъ-то: каѳедральный соборъ, кампо-санто (кладбище) и знаменитую наклоненную башню. Въ своемъ дневникѣ онъ подробно описалъ ихъ, особенно фрески на стѣнахъ храмовъ. Любопытно здѣсь отмѣтить слѣдующія строки изъ дневника епископа Порфирія. Когда епископъ Порфирій, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ, іеромонахомъ Ѳеофаномъ, былъ на пизанскомъ вокзалѣ, собираясь ѣхать во Флоренцію, одна молодая барыня, увидѣвъ ихъ, спросила своего кавалера, что это за люди. Тотъ отвѣтилъ ей, что это—русскіе священники. «Да развѣ русскіе христіане!»—возразила она ему.—Весьма давніе,—отвѣтилъ онъ ей.—«А я слыхала, что они—татары и людоѣды». «Звонокъ помѣшалъ дальнѣйшему разговору о насъ,—пишетъ епископъ Порфирій:—сѣвши въ вагонъ, я быстро припомнилъ, что въ 1844 году одинъ французъ, ѣхавшій со мной на Іорданъ и къ Мертвому морю, назвалъ меня казакомъ; въ 1845 году коптскій патріархъ въ своемъ поручительномъ письмѣ къ подчиненнымъ ему въ Египтѣ епископамъ прописалъ, что я—архимандритъ, митрополитъ и милордъ россійской церкви; въ Ватиканѣ

меня обозвали кальвинистомъ, а въ Пизѣ людоѣдомъ и татариномъ. За кого-то примутъ меня во Флоренціи?» (стр. 269).

А во Флоренціи одинъ офицеръ на вопросъ своей дамы о епископѣ Порфиріи и его спутникѣ назвалъ ихъ китайскими купцами (стр. 308). За всѣмъ тѣмъ, нашъ паломникъ обозрѣлъ и описалъ въ своей «Книгѣ бытія» (стр. 270—313) знаменитыя церкви Флоренціи, ея картинныя галлереи, академію художествъ, лаврентіанскую библіотеку и музей и. ознакомился съ историческою судьбою этого города.

12-го августа 1854 года епископъ Порфирій былъ уже въ Вѣнѣ (стр. 313—336). Здѣсь онъ имѣлъ случай видѣться съ русскимъ посломъ, княземъ А. М. Горчаковымъ, съ которымъ велъ бесѣду о причинахъ нерасположенія грековъ къ Россіи, а также съ ренегатомъ—іезуитомъ Стефаномъ Джунковскимъ, съ которымъ много разсуждалъ по вопросамъ религіознымъ. Свой досугъ епископъ Порфирій посвятилъ обзору вѣнскихъ картинныхъ галлерей.

Изъ Вѣны епископъ Порфирій уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ и пробылъ до 23 сентября (стр. 336—346). Въ своемъ дневникѣ онъ помѣстилъ немногія свѣдѣнія изъ церковной исторіи Варшавы и другихъ городовъ.

Къ разсматриваемому тому приложенъ указатель собственныхъ именъ (стр. 347—324), а въ текстѣ его помѣщено до тридцати различныхъ рисунковъ и плановъ.

Такимъ образомъ, шестой томъ «Книги бытія» епископа Порфирія Успенскаго имѣетъ преимущественно археологическій и историческій интересъ, а отчасти и научно-художественный. Σ.

Труды Пермской ученой архивной комиссіи. Издаются подъ редакціею А. А. Дмитріева. Выпускъ IV. Пермь. 1901.

Настоящій выпускъ «Трудовъ» Пермской архивной комиссіи «вышелъ въ свѣтъ послѣ значительнаго перерыва, свидѣтельствующаго о нѣкоторомъ застоѣ въ дѣятельности названной комиссіи. Но и возрожденіе ея, состоявшееся всего годъ тому назадъ, не можетъ похвалиться содержательностью, судя по тѣмъ статьямъ, какія мы встрѣчаемъ въ разсматриваемомъ четвертомъ выпускѣ «Трудовъ» комиссіи. Наиболѣе крупными изъ нихъ являются двѣ статьи: М. И. Капустина—«Поэзія и проза въ старой Пермской семинаріи» и Н. Н. Новокрещенныхъ—«Археологическія изслѣдованія въ западной части Пермской губерніи». Авторъ первой статьи рѣшился, въ виду приближающагося 100-лѣтняго юбилея Пермской духовной семинаріи, пополнить извѣстный трудъ І. Е. Лаговскаго по исторіи семинаріи и напечатать имѣющіеся у него «документики», съ прибавленіемъ собственныхъ «комментаріевъ» и съ дополненіями «частію на основаніи переписокъ того времени, частію по сохранившимся еще преданіямъ». «Документики» попреимуществу относятся къ области стихотворныхъ упражненій І. и Н. Капустиныхъ и очень немногихъ другихъ. Среди стихотвореній отца автора статьи есть немало довольно звучныхъ и плавныхъ стиховъ.

Г. Новокрещенныхъ обозрѣваетъ произведенныя членами комиссіи, а также и членомъ императорской археологичесоой комиссіи, А. А. Спицынымъ, археологическія раскопки и «изслѣдованія» въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ, въ уѣздахъ: Солпкамскомъ, Чердынскомъ и др. Наиболѣе удачными и богатыми по находкамъ были работы членовъ въ Глядѣновскомъ и Бродовскомъ могильникахъ.

Далѣе, можно отмѣтить статейки: Н. Н. Новикова—«Роль Пермской семинаріи въ изученіи прошлаго Пермскаго'края» и В. Н. Трапезникова—«О людяхъ, искавшихъ вольности изъ владѣнія господъ своихъ». Г. Новиковъ называетъ до десяти разныхъ составителей «исторій», «описаній» и т. п., преимущественно по изученію Пермской епархіи (епископа Палладія (Пьянкова), Е. А. Будрина, І. Е. Лаговскаго, М. И. Капустина, И. Словцова и др.); а г. Трапезниковъ приводитъ довольно любопытныя свѣдѣнія о случаяхъ обращенія крѣпостныхъ въ судъ для доказательства своихъ правъ на вольность, и при этомъ указываетъ нѣсколько случаевъ удачныхъ ходатайствъ. Статья его основана на матеріалахъ, извлеченныхъ изъ 30 дѣлъ историческаго архива комиссіи.

Все же остальное содержаніе разсматриваемаго выпуска «Трудовъ» составляютъ пять мелкихъ замѣтокъ А. А. Дмитріева, изъ которыхъ могутъ обратить на себя вниманіе развѣ только двѣ: «Слѣды русскихъ поселеній въ Перми Великой до появленія Строгоновыхъ» и «Чердынскій синодикъ», при чемъ въ послѣдней ново лишь свѣдѣніе объ истребленіи древнѣйшей части синодика мѣстнымъ хранителемъ священникомъ. В. Р—въ.

„Россія въ Средней Азіи“. Очерки путешествія по Закавказью, Туркменіи, Бухарѣ, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областямъ, Каспійскому морю и Волгѣ. Евгенія Маркова. Въ 2-хъ томахъ и 6-ти частяхъ. Спб. 1901.

До сего времени въ русской литературѣ не встрѣчалось полнаго описанія всѣхъ областей, принадлежащихъ намъ въ Средней Азіи; существующія сочиненія касались болѣе или менѣе подробно той или другой части обширной Туранской низменности или нагорій, прилегающихъ къ высочайшей въ свѣтѣ странѣ Памиру. Г. Евгеній Марковъ первый даетъ полное и подробное описаній нашихъ всѣхъ владѣній въ Средней Азіи. Въ двухъ обширныхъ томахъ авторъ обозрѣваетъ исторію могущества и роста Россіи въ Средней Азіи, ведя читателя шагъ за шагомъ по Закавказью, Туркменіи, Бухарѣ, Самаркандской, Ташкентской (?) и Ферганской областямъ, Каспійскому морю и по Волгѣ. Не ограничиваясь однимъ сухимъ описаніемъ путешествія, авторъ касается историческаго прошлаго каждаго города и мѣстечка, рисуя и ихъ современное состояніе и существующую промышленность, нравы, бытъ населенія, дѣятельность мѣстной администраціи, а также возбуждаетъ вопросы о необходимыхъ реформахъ и нуждахъ населенія. Въ первомъ томѣ наибольшее мѣсто отведено описанію Кавказа и Закавказья. Здѣсь онъ рисуетъ бытъ Кубанскихъ

казаковъ, касается историческаго прошлаго кавказскихъ государствъ, подробно описываетъ Тифлисскую гимназію съ ея своеобразными внутренними порядками, направленными къ достиженію физическаго развитія дѣтей при соблюденіи строго гигіеническихъ условій. Немало авторъ говоритъ о бакинскомъ нефтяномъ промыслѣ, подробно описывая эту въ высшей степени интересную часть Закавказья, превратившуюся какъ бы въ совершенно отдѣльное своеобразное государство нефти и мазута. Затѣмъ, проѣзжая по закаспійской желѣзной дорогѣ, авторъ не пропускаетъ ни одного города и станціи, чтобы не сказать о нихъ чего либо въ высшей степени интереснаго; въ особенности съ интересомъ читается описаніе пути отъ Самарканда до Ташкента, гдѣ автору представляется гораздо больше матеріала для наблюденій, нежели изъ окна вагона желѣзной дороги. Ворота Тамерлана, памятники движенія полчищъ Александра Македонскаго, заставляютъ автора немало говорить объ этихъ историческихъ краяхъ и въ особенности о походѣ Александра Македонскаго къ Оксусу, заимствуя эти данныя у Квинта Курція. Что особенно поражаетъ автора, это—та первобытность, которая сохранилась у мѣстнаго населенія въ примѣненіи разнаго рода способовъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ при борьбѣ съ природою. «Теперь все то же, что и $2^1/_2$ тысячи лѣтъ назадъ: тѣ же переправы на турсукахъ, и т. д.»... Вообще туземецъ, по словамъ автора, остался тѣмъ же дикимъ и некультурнымъ, какимъ былъ много вѣковъ назадъ. Но это было только до проведенія желѣзныхъ дорогъ, теперь все измѣнилось, и мы можемъ утѣшить автора, что развитіе цивилизаціи туземца за послѣднія 10 лѣтъ поразительно. Иногда авторъ бываетъ непослѣдователенъ въ своихъ выводахъ, напримѣръ, на одной и той же страницѣ, описывая свою встрѣчу съ черепахами въ голодной степи, онъ называетъ черепахъ «гадинами», говоритъ, что «насмотрѣлся на нихъ до отвращенія», и тутъ же, спустя нѣсколько строкъ, называетъ ихъ «чистыми тварями».

Второй томъ въ особенности интересенъ, такъ какъ въ немъ слѣдуетъ описаніе мало извѣстныхъ нашему обществу частей Средне-Азіатской Россіи.

Фергана и долина Заревшана являются для автора богатымъ матеріаломъ для наблюденіи, а при его необыкновенной наблюдательности и въ высшей степени интересномъ способѣ изложенія эта часть сочиненія представляетъ наибольшій интересъ. Здѣсь передъ читателемъ развертывается картина завоеванія края, его историческое прошлое, современное политическое положеніе, культура, развитіе промышленности и цивилизаціи. Подробно описываются обычаи туземцевъ, ихъ празднества и посты, при чемъ все въ живой и интересной формѣ. Множество легендъ и преданій, оживляющихъ описательный матеріалъ, придаютъ тотъ оттѣнокъ книгѣ, который дѣлаетъ ее особенно пріятной въ чтеніи. Нельзя не указать и на нѣкоторыя ошибки автора; такъ, напримѣръ, ему никакъ нельзя простить, что на заголовкѣ своего капитальнаго труда онъ Сыръ-Дарьинскую область называетъ Ташкентскою. Говоря о «сартовской болѣзни», называетъ ее ташкентскимъ прыщемъ, каковымъ названіемъ эта язва никогда не именовалась. Также поразительно то обстоятельство, что авторъ называетъ туземцевъ негостепріимными. Врядъ ли гдѣ на земномъ шарѣ можно встрѣтить болѣе гостепріимный народъ, нежели наши сарты и

киргизы, въ особенности же по отношенію русскаго тюры (барина); гостепріимство ихъ даже иногда переходитъ за свои предѣлы. Быть можетъ, авторъ не зналъ мѣстнаго языка, и ему трудно было понимать выраженія удовольствія о его посѣщеніяхъ, такъ какъ сарты обыкновенно, выражая свои чувства на языкѣ, почти не мѣняютъ ни интонаціи голоса, ни самаго выраженія лица. Главный же недостатокъ разсматриваемаго сочиненія это тотъ, что въ немъ замѣтно полное отсутствіе, какъ рисунковъ, такъ и карты. За это можно упрекнуть автора; самъ же онъ, описывая своего компаніона по путешествію англичанина, мистера Крэна, говоритъ о его многочисленныхъ снимкахъ и аппаратѣ, и въ то же время выпуская свое капитальное произведеніе не даетъ ни одной иллюстраціи: будь онѣ, его сочиненіе представляло бы огромную цѣнность. Для человѣка, не знающаго края и его населенія, сочиненіе г. Маркова безъ иллюстрацій—потемки, даже несмотря на всѣ его достоинства. Во всякомъ же случаѣ книга Е. Маркова представляетъ собою единственный, полный путеводитель по Закавказью, Туркменіи, Бухарѣ, Туркестану и Волгѣ, и его можно безусловно рекомендовать каждому интересующемуся нашими Средне-Азіатскими владѣніями и Кавказомъ—онъ въ этомъ трудѣ найдетъ все, что только нужно.

Борисъ Тагѣевъ.

La Turquie sous Abdoul Hamid II. Exposé fidèle de la gérance d'un empire pendant un quart de siècle (1876 — 1900), par Charles Hecquard. Bruxelles. 1901.

Книга посвящена «его величеству Мураду V хану, истинному султану Оттоманской имперіи». Посвященіе это написано въ формѣ элегическаго обращенія и представляетъ политическій памфлетъ. «Тебѣ, Мурадъ V, тебѣ, главѣ оттоманской націи, почитаемому халифу ислама, законному императору, тебѣ посвящаю эту книгу».—«Будучи заключенъ въ гробницу, ты проводишь дни твои печально и горестно, безъ проблеска надежды. Ты осужденъ искупить съ 31 августа 1876 г. слишкомъ кратковременное пользованіе твоимъ правомъ первородства. Кликъ, который обращаетъ мое сердце къ міру, будетъ лишь однимъ горькимъ воспоминаніемъ». Въ утѣшеніе покойному султану авторъ говоритъ, что въ унисонъ съ его сердцемъ бьются сердца всѣхъ правовѣрныхъ. Книга его не будетъ прочтена покойникомъ, но ему, вопреки всѣмъ патріотическимъ томленіямъ, она доставитъ высшее наслажденіе. Въ часы уединенныхъ мечтаній онъ вспоминаетъ амнистію инсургентовъ въ Босніи и Герцеговинѣ, которая была данью его радостнаго восшествія. Грозныя тучи заволокли небо Востока, и длинная серія мрачныхъ дней виситъ въ теченіе 25 лѣтъ надъ Оттоманской имперіей, благодаря узурпатору престола, который отпраздновалъ свой юбилей. Изъ этихъ словъ легко заключить, что симпатіи автора на сторонѣ Мурада V, который долженъ возстановить честь Турціи, въ царствованіе Абдулъ-Гамида II изуродованной и доведенной въ Европѣ до половины по своей территоріи. Онъ вѣрилъ, что Мурадъ, царствовавшій всего 3 мѣсяца, вновь придетъ показать своему народу могущество и достоинство потомковъ Османа. Это введеніе опредѣляетъ тонъ всей книги. Авторъ прослѣживаетъ

исторію Турціи со времени трагической кончины Абдулъ-Азиса I, низложенія Мурада V и воцаренія Абдулъ-Гамида II, который «сталъ невыносимъ въ послѣдніе годы своего правленія». Все изложеніе его заключаетъ 18 главъ: 1) предварительныя размышленія о нѣкоторыхъ событіяхъ, предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ за войною 1877—1878 гг., 2) Константинополь (его полиція, улицы, собаки и пр.), 3) вильдитъ, 4) халифатъ, 5) кошмары султаны, 6) капитуляціи, 7) селамликъ и другіе выходы, 8) султаны и державы-покровительницы христіанъ, 9) великій визирь и министръ иностранныхъ дѣлъ, 10) финансы, 11) министръ юстиціи и шейхъ-уль-исламатъ, 12) народное образованіе, 13) оттоманское войско (война русско-турецкая), 14) флотъ, 15) общественныя работы, земледѣліе, минералы и лѣса, 16) почта и телеграфъ, 17) настоящее и будущее Турціи и 18) первое сентября 1900 г. Въ заключеніе находимъ небольшой эпилогъ. Оглавленіе книги показываетъ, что авторъ въ легкой формѣ затрагиваетъ публицистическіе вопросы и произноситъ приговоръ надъ современнымъ состояніемъ Турціи. Вильдитъ (султанскій дворецъ), по его мнѣнію, сдѣлался очагомъ политической жизни, направляемой волей Гамида. Султанъ сталъ полновластнымъ властелиномъ, и объ немъ можно сказать, что «l'état c'est lui». Но онъ совершенно слабый политикъ, ищущій личнаго спокойствія. Этимъ объясняется общая ненависть къ нему населенія какъ Африки, такъ и Азіи. Онъ всего чаще страдаетъ «армянскимъ кошмаромъ». Авторъ здѣсь рисуетъ печальное положеніе армянъ, истребляемыхъ курдами. За нимъ въ исторіи останется прозвище «Massacreur» и «Soultan Rouge». Къ его порокамъ долженъ быть отнесенъ еще страхъ, который породилъ шпіонство и лихоимство. Страхъ отравляетъ ему жизнь и отдаляетъ отъ народа, съ которымъ онъ видится издали по пятницамъ при посѣщеніи всѣхъ большихъ мечетей въ Стамбулѣ. У него нѣтъ достойныхъ представителей при дворѣ европейскихъ державъ, государственный долгъ ежегодно растетъ, повинности усиливаются, «суда» не существуетъ — онъ продажень, образованіе искажено отсутствіемъ точныхъ знаній, такъ какъ султанъ не любитъ электричества, телефона и пр. Все ученіе покоится на исламскихъ идеяхъ, войско и флотъ недостаточны, бѣдность царствуетъ всюду. Турція единственная страна, гдѣ имѣется иностранная почта на ряду съ государственной. Словомъ, настоящее — горестно; одна надежда на реформы, если Турція не хочетъ гибели. Авторъ призываетъ къ ней на помощь тѣни великихъ султановъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой книгѣ многое преувеличено и набросано въ болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ дѣйствительное положеніе вещей Порты позволяло автору.

А. Хахановъ.

Дома. И. Соколова. Спб. 1901.

Очерки г. Соколова о томъ, что онъ встрѣтилъ у себя «дома», вернувшись послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки въ деревню, печатались ранѣе въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» и въ свое время были замѣчены общей печатью. Наблюденія автора о современныхъ нравахъ деревни не клонятся къ ея пользѣ, а напротивъ констатируютъ съ одной стороны деморализацію мужика, а съ дру-

гой — проникновеніе въ деревню чиновническаго направленія. Авторъ, по происхожденію крестьянинъ, учившійся въ мѣстной школѣ и выросшій въ средѣ односельчанъ. Его замѣчанія о нихъ тѣмъ болѣе цѣнны. Прежде всего онъ былъ пораженъ пониженіемъ школьнаго дѣла и пришибленностью прежнихъ своихъ учителей, о которыхъ у него сохранились теплыя воспоминанія. Не менѣе тяжкими были его столкновенія съ сельской администраціей, едва не кончившіяся его арестомъ и даже опасностью тѣлеснаго наказанія, несмотря на званіе писателя. По прочтеніи книги г. Соколова выносишь впечатлѣніе о юридическомъ безправіи крестьянской личности, постепенномъ ея одичаніи и о заѣданіи деревни формализмомъ ея ограниченныхъ представителей.

А. Ф.

Веніаминъ Снегиревъ. Логика. Систематическій курсъ чтеній. Харьковъ. 1901.

Русская литература по логикѣ небогата оригинальными произведеніями. Изъ всѣхъ философскихъ дисциплинъ эта наука у насъ пользуется сравнительно меньшимъ вниманіемъ, и разработка ея поставлена у насъ нѣсколько односторонне. Между тѣмъ въ циклѣ философскихъ предметовъ она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Правильное мышленіе, какъ орудіе пріобрѣтенія истиннаго знанія, по справедливости должно трактоваться, какъ одна изъ основныхъ задачъ общаго образованія. Въ виду этого, нельзя не привѣтствовать всякаго оригинальнаго труда по логикѣ, пытающагося внести свѣтъ въ одну изъ довольно темныхъ проблемъ человѣческаго знанія. Съ этой точки зрѣнія представляетъ интересъ и отмѣченная выше книга.

«Логика» покойнаго профессора Казанской духовной академіи В. А. Снегирева († 1889 г.) представляетъ систематическій курсъ лекцій, читанныхъ имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не только въ академіи, но и въ университетѣ. Покойный профессоръ отличался солидною философскою подготовкою, съ рѣдкою любовью относился къ своему дѣлу, весьма просто и ясно излагалъ туманныя философскія системы и въ свое время имѣлъ большое вліяніе на учащуюся молодежь. Преимущественнымъ его вниманіемъ пользовалась психологія, курсъ коей давно уже изданъ въ свѣтъ на основаніи оставшихся послѣ него лекцій (Харьковъ, 1893 г.). Но и лекціи по логикѣ вполнѣ соотвѣтствовали современному положенію этой науки на Западѣ. Оригинально опредѣленіе профессора Снегирева логики, какъ науки. Она, по нему, есть наука объ условіяхъ и законахъ истинности и ложности знанія, знакъ его достовѣрности и недостовѣрности (стр. 12). Такимъ образомъ, знаніе истинное, вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительности,—вотъ задача, которую преслѣдуетъ логика. Она, значитъ, имѣетъ гносеологическій характеръ. Съ этой точки зрѣнія профессоръ Снегиревъ и строитъ всю свою систему логической науки.

Нѣтъ нужды, въ краткой библіографической замѣткѣ, входить въ подробности этой системы. Скажемъ лишь, что курсъ лекцій профессора Снегирева, послѣ введенія (стр. 1—62), въ которомъ уясняется предметъ логики, указывается ея содержаніе, литература и т. п., дѣлится на три отдѣла. Въ первомъ

отдѣлѣ (стр. 63—240) излагается ученіе объ основныхъ формахъ мышленія: понятіи, сужденіи и умозаключеніи, и объ основныхъ законахъ мышленія, иначе сказать, изслѣдуются субъективныя условія истиннаго и ложнаго знанія.

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 241—280) рѣчь идетъ объ опытѣ и изслѣдованіи, какъ объективныхъ условіяхъ истиннаго и ложнаго знанія, и о методахъ опытнаго изслѣдованія.

Третій отдѣлъ (стр. 281—294) обозрѣваетъ сложныя мыслительныя формы—опредѣленіе и раздѣленіе.

Наконецъ, въ приложеніи (стр. 295—320) разсматриваются ошибки или заблужденія въ знаніи.

Такимъ образомъ, весь курсъ логики направляется къ тому, чтобы дать возможность человѣческому мышленію освободиться отъ ошибокъ и заблужденій, зависящихъ отъ причинъ субъективныхъ и объективныхъ, и приблизиться къ истинѣ. Онъ представляетъ объединеніе въ одной синкретической системѣ логики дедуктивной, или аристотелевской, и индуктивной, или Бэконовской.

Разсматриваемая книга, кромѣ ясности въ опредѣленіи задачи науки и стройности всей логической системы, отличается простымъ, популярнымъ языкомъ, дѣлающимъ ее доступною и читателямъ средняго образованія, интересующимся логикой. С.

В. М. Весленевъ. Въ странѣ фараоновъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта. Изданіе А. Д. Карчагина. Калуга. 1901.

Въ программахъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній преподаванію исторіи удѣлено очень немного времени. Историческіе учебники въ силу этого такъ сухи и кратки, что ихъ вѣрнѣе было бы назвать не руководствами, а конспектами. Не мудрено, что вслѣдствіе этого такой живой предметъ, какъ исторія, теряетъ въ глазахъ ученика всякій интересъ, и если онъ занимается ею, то только потому, что отъ успѣшнаго балла по исторіи зависитъ его переходъ въ слѣдующій классъ.

Такое положеніе дѣла создаетъ потребность въ популярныхъ книгахъ для внѣкласснаго чтенія. У ученика всегда найдется нѣкоторый досугъ, который онъ съ интересомъ и пользой можетъ посвятить чтенію такого рода книгъ. Къ сожалѣнію, по нѣкоторымъ отдѣламъ исторіи въ русской литературѣ очень немного популярныхъ книгъ. Еще по исторіи Греціи и Рима мы имѣемъ рядъ весьма хорошихъ сочиненій Вегнера («Эллада» и «Римъ»), Велишскаго («Бытъ грековъ и римлянъ»), Беккера («Хариклъ» и «Галлъ»), Штоля («Миѳы классической древности», «Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ», «Герои Рима въ войнѣ и мирѣ», «Великіе греческіе писатели») и нѣсколько очень недурныхъ книгъ другихъ авторовъ, но по исторіи древняго Востока весь запасъ книгъ ограничивается двумя сочиненіями Масперо («Историческія чтенія» и «Древняя исторія народовъ Востока») да извѣстной книгой Оппеля («Чудеса древней страны пирамидъ»). Въ популярныхъ трудахъ по исторіи древняго востока, а въ частности древняго Египта, ощущается настоятельная надобность.

Это именно обстоятельство и побудило г. Весленева приступить къ составленію своей книги, которая въ живомъ и правдивомъ разсказѣ знакомитъ читателей съ своеобразными учрежденіями и бытомъ древняго Египта.

Въ этихъ картинахъ изъ древне-египетской жизни авторъ воспроизводитъ наиболѣе характерныя особенности быта древнихъ египтянъ за все время существованія египетскаго царства, а такъ какъ политическая и культурная исторія этого народа сложилась подъ сильнымъ вліяніемъ причудливой природы его страны, то авторъ предпослалъ своимъ очеркамъ описаніе этой природы.

Книга г. Весленева составлена довольно толково и живо, и съ интересомъ прочтется юными читателями. А.

Кубанскій Сборникъ. Труды Кубанскаго областного статистическаго комитета, издаваемые подъ редакціею С. В. Руденка. Томы VI и VII. Екатеринодаръ. 1900 и 1901.

Названный сборникъ уже давно обратилъ на себя вниманіе періодической печати. На его страницахъ на ряду съ разнаго рода статистическими матеріалами встрѣчаются и цѣнныя историческія свѣдѣнія о Кубанской области, кубанскомъ войскѣ и проч. Въ изданныхъ теперь томахъ встрѣчаемъ: довольно подробное описаніе нѣмецкой колоніи Эйгенфельдъ, начиная со времени ея возникновенія, въ статьѣ г. Кириченка: «Годъ у нѣмецкихъ колонистовъ» (т. VI); добытыя главнымъ образомъ изъ архивовъ свѣдѣнія о запорожскихъ казакахъ за время съ 1734 по 1774 годъ,—еще никѣмъ не затронутый періодъ исторіи предковъ черноморцевъ,—въ статьѣ г. П. Короленка: «Предки Кубанскихъ казаковъ на Днѣпрѣ», которая, къ сожалѣнію, много теряетъ отъ малой обработанности изложенія и множества опечатокъ. Далѣе, весьма цѣнны данныя, также извлеченныя изъ архивовъ, объ иногородныхъ жителяхъ въ Кубанской области; сообщая о нихъ свою «историческую справку», исчерпывающую почти всю исторію иногороднаго населенія въ нынѣшней Кубанской области, г. В. Шамрай приложилъ къ ней и довольно многочисленные «историческіе документы»; изъ нихъ нѣкоторые впервые только теперь появились въ печати.

Затѣмъ заслуживаютъ также упоминанія сообщенные г. Фелицынымъ «Матеріалы для біографіи кошевого атамана черноморскаго Захарія Алексѣевича Чепѣги», который былъ выдающимся администраторомъ и военачальникомъ, «положившимъ прочное начало колонизаціи и культуры Кубанскаго края», и «Библіографическій указатель литературы о Кубанской области». Въ «указатель» въ разсматриваемыхъ томахъ вошли отдѣлы: географія, этнографія, статистика, естествознаніе, медицина, сельское и городское хозяйство, промышленность и торговля. Съ наибольшею полнотою въ нихъ, конечно, исчерпаны статьи, печатавшіяся въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ.

В. Р—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИТОГИ европейской исторической литературы отъ 1-го іюля 1900 до 1-го іюля 1901 г. Первый іюльскій нумеръ «Athenaeum»'а помѣстилъ обычный обзоръ годичной литературы, но на этотъ разъ, въ историческомъ отношеніи, онъ довольно скудный [1]). Вовсе отсутствуетъ русская литература, потому ли, что послѣ прошлогодняго обозрѣвателя, декадента Бальмонта, не нашлось достойнаго ему преемника, или по другой какой причинѣ. Кромѣ того, профессоръ Тилли, говоря о чешской литературѣ, пропускаетъ вовсе историческій отдѣлъ. Альфредъ Ибсенъ дѣлаетъ то же самое, говоря о Даніи, и Карлъ Элаутъ не упоминаетъ объ историческихъ трудахъ Голландіи. Но рѣшительно нельзя понять, почему Эрнстъ Хельборнъ, говоря о нѣмецкой драматургіи, поэзіи и беллетристекѣ, говоритъ только о двухъ сочиненіяхъ, подходящихъ къ исторіи,—о письмахъ Бисмарка къ своей невѣстѣ и женѣ, а также о юношескихъ воспоминаніяхъ романиста Пауля Гейзе. Столь же оригиналенъ Жюль Травье въ своемъ обозрѣніи историческихъ произведеній Франціи. Хотя историческій ея отдѣлъ также, какъ обыкновенно, богатъ историческими произведеніями, особенно мемуарами, біографіями, дневниками и т. д., онъ упоминаетъ только о трехъ книгахъ. Удостоились его вниманія лишь дѣйствительно замѣчательная книга виконта Авенеля: «Французская аристократія во времена Ришелье», интересное изслѣдованіе Анри Готье-Виллара: «Свадьба Людовика XV», и странная диссертація на доктора исторіи Луи Мадлэна, который старается обѣлить въ ней Фушэ. Такимъ образомъ изъ первоклассныхъ

---

[1]) Continental Literature, july 1900 to july 1901. The Athenaeum, july 1901.

европейскихъ литературъ только итальянская отвела довольно замѣтное мѣсто исторіи, благодаря безпристрастію Гидо Біаджи. Прежде всего онъ разсматриваетъ произведенія, изданныя по случаю недавняго юбилея Бенвенуто Челлини. Всего замѣчательнѣе изъ этихъ произведеній критическій текстъ его автобіографіи, профессора Баччи. Потомъ слѣдуетъ упомянуть серію біографій, подъ названіемъ: «Пантеонъ»; онѣ чрезвычайно разнообразны, и въ нихъ встрѣчается «Франческо Петрарка», Д. Финци; «Св. Екатерина Сіенская», Пигорина Бери, и «Д. Верди», Е. Чекки. Послѣдняя книга особенно богата личными воспоминаніями о композиторѣ. Мадзини. Кромѣ того, изданы нѣкоторыя новыя произведенія Леопарди и «Ricordi e scritti di Aurelio Jaffi». Къ отдѣлу исторіи и литературы надо отнести «Исторію итальянской литературы» В. Вейзе и Перкопса, впервые переведенную съ нѣмецкаго языка съ многочисленными и изящными иллюстраціями. Дантовская литература продолжаетъ процвѣтать: Миланское Дантовское общество и Общество лекцій о Данте напечатали сборники лучшихъ изъ лекцій, прочтенныхъ въ этомъ году. Историко-критическая библіотека, издаваемая Д. Пассерини и П. Папа, вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько прекрасныхъ Дантовскихъ монографій, а «Codice diplomatico», издаваемое графомъ Пассерини и Гвидо Біаджи, помѣстило на своихъ страницахъ любопытную біографію дочери Данте, Беатриче, бывшей монахиней въ одномъ изъ Равенскихъ монастырей, но существованіе которой отрицали до сихъ поръ критики. Кромѣ Данте, въ Италіи многіе литераторы изучаютъ Шекспира, и Федерико Гарланда написалъ, признаваемую даже англійскими критиками, великолѣпную монографію: «Guglielmo Schakspiere, i poeta e l'uomo». Собственно исторіей продолжаютъ заниматься многіе ученые. Виллари издаетъ попрежнему библіотеку историческихъ трудовъ и самъ напечаталъ свою: «Le invasioni barbariche». Чрезвычайно цѣннымъ сборникомъ документовъ и изслѣдованій служитъ: «Biblioteca storica del risorgimento italiano», изданіе Коссини и Фіорини. Попрежнему продолжаются изданія старинныхъ документовъ, подъ названіемъ: «Rerum italicarum scriptores» и «Epistolaria muratoriano». Но, быть можетъ, самымъ замѣчательнымъ трудомъ представляется основательное и подробное изслѣдованіе Гаэтано Негри: «G. Giuliano l'apostato». Муниципальная исторія процвѣтаетъ въ видѣ офиціальныхъ монографій, среди которыхъ замѣчательна: «Livorno nell'otto cento». Также заслуживаетъ вниманія книга Д. Аляньона: «Origine di casa Savoia», въ которой онъ доказываетъ, что Савойскій домъ начинается не съ Умберто Біанкомано, но съ его отца Беральдо Саксонскаго. Чрезвычайно интересна монографія Луиджи Моранди о старательномъ воспитаніи теперешняго итальянскаго короля, подъ заглавіемъ: «Comme fu educato Vittorio Emanuele III?» Въ Италіи большая мода въ настоящее время на литературу искусства, и вышелъ IV-й томъ офиціальнаго изданія: «Galleri nazionali italiane». Также началось чрезвычайно важное и изящное произведеніе: «La storia del'arte italiano» Адольфа Вентури, о которомъ уже было упомянуто въ «Мелочахъ».

Среди второклассной европейской литературы первое мѣсто занимаетъ въ «Athenaeum»'ѣ Бельгія. Ея обозрѣватель Поль Фредерикъ указываетъ прежде всего на древнюю исторію, въ которой Анри Франкотъ отличился замѣчательнымъ, совершенно новымъ экономическимъ трудомъ: «Промышленность древней

Греціи». Къ среднимъ вѣкамъ относится «Хлодвигъ» М. Курта, который, съ точки зрѣнія католицизма, описываетъ фигуру и времена основателя меровингскаго величія. Къ національной исторіи относится большая часть историческихъ сочиненій прошлаго года. Анри Перенъ написалъ основательную, любопытную книгу: «Возстаніе въ морской Фландріи въ 1323—1328 гг.», въ которой онъ представляетъ очеркъ сельскаго соціализма въ XIV столѣтіи. Камиль Борманъ мастерски изучилъ исторію люттихскихъ старшинъ. Нѣсколько сочиненій вышло по исторіи различныхъ финансовыхъ эпохъ Бельгіи. Но, быть можетъ, самая интересная новѣйшая историческая книга составляетъ описаніе путешествія императора Іосифа II по Нидерландамъ въ 1781 году. Надо еще упомянуть о любопытномъ сочиненіи А. Тисса: «Религіозное преслѣдованіе въ Бельгіи при Директоріи въ 1798—1799 г.». Переходя къ фламандской литературѣ, мы остановимся передъ нѣсколькими замѣчательными историческими трудами національныхъ авторовъ. Они преимущественно изучаютъ религіозное и финансовое положеніе своей родины XV и XVI столѣтій. Въ исторіи литературы надо упомянуть: «Исторію литературы въ Нидерландахъ» Эмиля Денефа, который вполнѣ заслужилъ преміи королевской бельгійской академіи. За истекшій годъ историческій отдѣлъ въ венгерской литературѣ не особенно богатъ. Всего замѣчательнѣе автобіографія знаменитаго романиста Іокая, которая отличается любопытными воспоминаніями. Потомъ заслуживаетъ вниманія книга о Дидро, профессора Александра. Наконецъ надо отмѣтить сочиненіе Томаса Сзана: «Сто лѣтъ исторіи венгерскаго искусства». Собственно къ исторіи принадлежитъ популярная и прекрасно написанная книга Элекомъ Венедекомъ, извѣстнымъ романистомъ: «Венгерская нація прежняя и нынѣшняя». Леопольдъ Катчеръ, который взялъ на себя обозрѣвать венгерскую литературу, не нашелъ въ отдѣлѣ исторіи больше ничего замѣчательнаго. То же можно сказать объ Адамѣ Бѣльчиковскомъ, который пишетъ о польской литературѣ. Вся она за истекшій годъ полна Сенкевичемъ, и онъ упоминаетъ изъ остальныхъ книгъ вышедшія по поводу краковскаго юбилея: «Жизнь Коперника», Ж. Биркенмайера и «Исторія Ягелоновскаго университета въ Краковѣ», К. Моравскаго. Испанія, обозрѣвателемъ которой взялся быть Рафаэль Альтамира, какъ всегда, богата историческими сочиненіями. Фернандесъ Дуро выпустилъ шестой томъ его монументальной компиляціи объ испанской Армадѣ; много новыхъ и рѣдкихъ документовъ помѣщено въ его примѣчаніяхъ. Каталина Гарціа окончилъ второй томъ одного изъ лучшихъ трудовъ по средневѣковой исторіи: «Castilla y Leon durante los reinados de Pedro I, Enrique II, Juan I y Enrique III». Генералъ Гомецъ Артехе издалъ XI томъ своего «Guerra della independenzia», одинаково богатый документами, какъ и первые тома. Нѣсколько томовъ посвящены различными авторами изученію колоніальныхъ владѣній въ Испаніи. Маркизъ Монзалудъ уже нѣсколько лѣтъ съ большимъ успѣхомъ занимается археологическими вопросами и на-дняхъ издалъ «Arqueologia romana» и «Visigotica de Estremadura». Еще до сихъ поръ не вышло полной біографіи величайшаго политическаго и литературнаго дѣятеля XIX вѣка Кастеляра, но сеноръ Мораита написалъ очень любопытную: «Jventud de Castelar». Если мы перейдемъ къ мѣстной и провинціаль-

зой исторіи, то увидимъ ея замѣчательное процвѣтаніе. Самыя замѣчательныя изъ этихъ сочиненій—первый томъ «Историческихъ замѣчаній о сосѣдствѣ Барцелоны», Карререса; III томъ исторіи знаменитаго собора Сантъ-Яго дель Компостелло, Лопеца Феррейро; III-й и IV-й томы изданныхъ исторической академіей «Протоколовъ кортесовъ Каталоніи, 1368—1401». Кромѣ того, много издано документовъ и бумагъ, относящихся до старинной испанской исторіи. По исторіи литературы и художествъ вышло также немало сочиненій, занимающихся старинными испанскими писателями, преимущественно Лопе де Вега и Сервантесомъ. Посвящая свою статью Норвегіи, Кристіанъ Бринкманъ очень кратко упоминаетъ объ историческихъ трудахъ. Самой замѣчательной чертой ихъ въ истекшемъ году было необыкновенное развитіе военной исторіи. По этой части вышли замѣчательныя произведенія полковника Гулозина, капитана Оскара Мунтэ и Синдинга Ларсена. Не менѣе замѣчательно процвѣтаніе мѣстной исторіи; въ этомъ отношеніи надо упомянуть соч. Ольсена и Колля. Нельзя не указать на замѣчательную книгу Александра Буггэ «Nordisk Sprog og Nordisk Nationalitet i Irland». Послѣдняя страна, о литературѣ которой, говоритъ «Athenaeum», Греція, и ея обозрѣвателемъ служитъ С. Ламброзъ. По его словамъ, историческихъ сочиненій вышло значительное количество. Деметріосъ Камбуроглусъ напечаталъ III-й и послѣдній томъ «Исторіи Аѳинъ подъ турецкимъ владычествомъ». Очень полезнымъ произведеніемъ служитъ «Исторія Крита съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго», Б. Псилакиса. Въ «Политическихъ изслѣдованіяхъ» Л. Мэлласъ разсматриваетъ привилегіи греческой церкви въ Турціи. По археологіи и нумизматикѣ вышло нѣсколько полезныхъ трудовъ, а К. Константопулусъ издалъ популярную исторію византійскаго искусства.

— Месть Бенвенуто Челлини. Въ газетѣ «Temps» 20-го іюня былъ помѣщенъ Т. Линденлаубомъ отрывокъ [1]) изъ автобіографіи знаменитаго итальянскаго скульптора и ювелира Бенвенуто Челлини, юбилей котораго довольно скромно отпраздновали въ прошедшемъ году на его родинѣ, во Флоренціи. Эта автобіографія недавно издана профессоромъ Баччи, сохранившимъ впервые полный текстъ и прибавившимъ къ ней цѣнныя примѣчанія. Хотя профессоръ Синигалья напечаталъ по поводу четырехсотлѣтняго юбилея вѣрный психологическій этюдъ Челлини, но все-таки его чудовищная, безпокойная и страстная натура всего лучше обрисовывается въ его «Автобіографіи». Этотъ талантливый художникъ былъ человѣкъ крайностей; онъ не могъ быть безразличенъ ни къ людямъ, ни къ вещамъ, ни къ поступкамъ. Онъ или безумно любилъ, или такъ же безумно ненавидѣлъ. Достаточно было для него момента, чтобы перейти отъ одной крайности къ другой, и не успѣвала ненависть укорениться, какъ онъ уже думалъ объ отмщеніи. Рѣзецъ скульптора постоянно соперничалъ у него съ кинжаломъ мстителя. Онъ совѣтуетъ смотрѣть на людей съ глубокимъ недовѣріемъ и безконечнымъ презрѣніемъ, какъ на собраніе «ословъ» и «негодяевъ», которые только и замышляютъ, чтобы вредить.

---

[1]) Le quatrième centenaire de Cellini, par Th. Lindenlaub. «Temps». 20 juin. 1901.

Или онъ переходитъ къ другому полюсу и начинаетъ изливаться въ чувствахъ къ «восхитительнымъ друзьямъ» и «истиннымъ братьямъ». Въ слѣдующей выдержкѣ изъ его «Автобіографіи» всего лучше выдѣляется чудовищный мстительный характеръ Челлини, не знавшій границъ жестокости. «Я работалъ», говоритъ онъ, «безпрерывно надъ окончаніемъ произведенія изъ золота для папы Климента. Онъ страстно желалъ его и призывалъ меня два или три раза въ недѣлю, чтобы взглянуть на него, и каждый разъ оно все болѣе и болѣе ему нравилось. Сколько разъ онъ упрекалъ меня за печаль, выказываемую мною со дня смерти брата. Однажды, видя меня разбитымъ и изнуреннымъ, онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «Бенвенуто, по правдѣ сказать, я не зналъ, что ты сумасшедшій. Развѣ ты только теперь узналъ, что отъ смерти нѣтъ лѣкарства? Можно подумать, что ты ищешь его». Я вышелъ отъ папы и отправился къ себѣ продолжать работу, которую дѣлалъ для его святѣйшества, и чтобы получить немного денегъ. Я слѣдовалъ повсюду за полицейскимъ, убившимъ моего брата, какъ любовникъ слѣдуетъ за своей возлюбленной. Этотъ субъектъ былъ когда-то солдатомъ въ легкой конницѣ, затѣмъ онъ поступилъ капраломъ въ сыскную полицію. Еще болѣе увеличиваетъ мое бѣшенство, что онъ хвастался, говоря: «Кто бы безъ меня убилъ этого смѣлаго молодого человѣка? Еще минутку, и онъ поставилъ бы насъ въ самое несчастное положеніе, несмотря на то, что былъ одинъ». Я замѣтилъ, что страсть видѣть его часто отнимаетъ у меня сонъ, а также аппетитъ и ведетъ къ гибели; когда нибудь вечеромъ, не желая произвести непохвальный и подлый выстрѣлъ, я рѣшусь положить конецъ этимъ мученіямъ. Этотъ человѣкъ живетъ около одного мѣста, называемаго «Кровавой Башней», возлѣ дома, гдѣ проживала самая модная куртизанка въ Римѣ, называвшаяся синьора Антеа. Двадцать четыре часа только что пробило, онъ приближался къ своей двери со шпагою въ рукѣ, возвращаясь съ ужина. Я приблизился прямо къ нему съ длиннымъ, какъ охотничій ножъ, канжаломъ. Я нанесъ ему такой сильный ударъ, который, я думалъ, размозжилъ ему голову. Онъ быстро обернулся, ударъ попалъ ему въ лѣвое плечо и раздробилъ кость. Онъ всталъ, бросивъ шпагу, оглушенный отъ боли, и кинулся бѣжать. Я настигъ его черезъ четыре шага и поднялъ кинжалъ надъ его головою; онъ наклонилъ ее очень низко, такъ что оружіе пронзило кость шеи и затылка. Кинжалъ вошелъ такъ глубоко, что, несмотря на всѣ усилія, я не могъ его вытащить. Въ то же время четверо солдатъ вышли изъ дома Антеи съ обнаженными шпагами. Я былъ принужденъ тоже вынуть шпагу, чтобы защищаться. Я оставилъ кинжалъ и покинулъ мѣсто, чтобы не узнали меня, и отправился къ герцогу Александру, жившему между площадью Навоны и Ротонды. Когда я пришелъ туда и говорилъ съ его превосходительствомъ, то онъ сказалъ мнѣ, что если я былъ одинъ, тогда мнѣ нечего было бы безпокоиться, и совѣтовалъ, не тревожась ни о чемъ, итти оканчивать работу, которую папа такъ желалъ скорѣе получить. Въ продолженіе восьми дней я работалъ у себя. Солдаты, которые видѣли меня, пришли ко мнѣ. У нихъ былъ въ рукахъ мой кинжалъ; они разсказали, какъ было дѣло, и съ какимъ трудомъ они вытащили кинжалъ изъ головы мертвеца, котораго они не знали. Джіовани Бандини пришелъ и сказалъ имъ: «Это мой кинжалъ, я

одолжилъ его Бенвенуто, который хотѣлъ отомстить за смерть брата». Солдаты наговорили мнѣ тысячу любезностей, очень извиняясь предо мною, что противодѣйствовали моему поступку, хотя мнѣ удалось насытиться местью до крайности. Прошло болѣе восьми дней, прежде чѣмъ папа велѣлъ меня позвать, по обыкновенію, къ себѣ. Наконецъ онъ прислалъ за мною болоньскаго дворянина, его камердинера, который мнѣ деликатно разсказалъ, какимъ образомъ узналъ обо всемъ папа, и прибавилъ, что онъ мнѣ желаетъ добра, окончивъ совѣтомъ, чтобы я занимался работой и оставался спокойнымъ. Когда я очутился въ присутствіи папы, онъ бросилъ искоса на меня взглядъ, заставившій меня задрожать. Послѣ осмотра моей работы его лицо сдѣлалось менѣе сурово; онъ меня очень похвалилъ, сказавъ, что я хорошо исполнилъ ее въ такой короткій срокъ. Затѣмъ, глядя мнѣ прямо въ глаза, онъ сказалъ: «Ну же, ну, Бенвенуто, теперь, когда ты вылѣчился, старайся жить». Я понялъ его и отвѣтилъ, что я это сдѣлаю». Это событіе происходило въ Римѣ въ 1530 году.

— Политическія дуэли во Франціи. Въ іюньскомъ № «Revue Universelle» помѣщена любопытная статья [1]) о политическихъ дуэляхъ. Авторъ ея, Густавъ Вулкенъ, очень подробно развиваетъ этотъ вопросъ, начиная съ древнихъ временъ и кончая современными дуэлями. Обыкновенно дуэли считаютъ продуктомъ новѣйшаго премени, но стоитъ заглянуть въ произведенія греческихъ и римскихъ историковъ, и права поединковъ на древность тотчасъ утвердятся. Такъ Ѳеоклъ и Полиникъ, оспаривая права на тронъ Ѳивъ, прибѣгли къ «вооруженной встрѣчѣ» которая была не чѣмъ инымъ, какъ политической дуэлью. А борьба трехъ Горацієвъ противъ трехъ Куріацієвъ за перевѣсъ одного города надъ другимъ, Альбы надъ Римомъ и Рима надъ Альбой, развѣ не политическая дуэль? Кромѣ того, извѣстна еще борьба трехъ галльскихъ предводителей (имена которыхъ не сохранились) противъ трехъ центуріоновъ римской арміи, оставшихся побѣдителями, Манлія Торквата, Валерія Корва и Клавдія Марцелла. Затѣмъ можно привести знаменитый бой «Тридцати», въ которомъ тридцать англичанъ боролись съ тридцатью французами. Все это тѣ же политическія дуэли, лишь съ тою разницею, что въ нихъ не два, а бо̀льшее число противниковъ. Старинныя французскія хроники приводятъ такое множество подобныхъ столь частыхъ случаевъ, что потребовалось бы массу томовъ посвятить этому вопросу. Въ своихъ мемуарахъ, помѣченныхъ началомъ XVII вѣка, Соль Тавань говоритъ, что поединки и дуэли поглотили болѣе восьми тысячъ человѣческихъ жизней въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, и причиною ихъ, большею частью, были партійные вопросы. Послѣ дуэли, 10-го іюля 1547 г., между Гюи Шабо и Франсуа де-Вивонь, въ которой послѣдній былъ убитъ однимъ ударомъ острія шпаги, отрѣзавшимъ ему икры, Генрихъ II запретилъ дуэли. Перейдя къ позднѣйшему времени, примѣръ къ дуэли подалъ въ 1548 г. принцъ королевской крови Шарль де-Ла-Рошъ-Сюръ-Іонъ, братъ герцога Бургундскаго-Монпансье, который вызвалъ на поединокъ

---

[1]) Les duels politiques, par Gustave Voulquin. «Revue Universelle». 22 juin. 1901.

Франсуа д'Андело, брата адмирала де-Колиньи. Причиной дуэли послужила ссора по поводу политическихъ и религiозныхъ вопросовъ. Герцогъ былъ серьезно раненъ. Во время Генриха III поединокъ миньоновъ съ Анжевенцами произошелъ тоже по причинѣ соперничества въ политикѣ роялистовъ съ членами лиги. Противниками были Жакъ де-Келю, самый любимый изъ миньоновъ короля, и Шарль де-Бальзакъ д'Ентрагъ изъ дома Гизовъ. Секундантами перваго были Ливаро и Можиронъ, а второго—Риберакъ и Шамбергъ. Дуэль состоялась 27-го апрѣля 1578 г. Риберакъ и Можиронъ оба ранили другъ друга смертельно. Шамбергъ былъ убитъ Ливаро, который самъ получилъ рану. Черезъ два года онъ былъ убитъ на другой дуэли. Келю получилъ девятнадцать ударовъ шпагой и кинжаломъ и страдалъ три дня, прежде чѣмъ умереть. Что касается до Бальзака д'Ентрагъ, то онъ отдѣлался нѣсколькими шрамами. Эта дуэль состоялась на валѣ близъ Сентъ-Антуанскихъ воротъ 27-го апрѣля. Во время несовершеннолѣтiя Людовика XIV политическое соперничество существовало между герцогомъ де-Гизъ, внукомъ де-Балафре и графомъ де-Колиньи, потомкомъ адмирала. 12-го декабря 1643 г., утромъ, графъ д'Эстрадъ явился съ вызовомъ де-Колиньи къ герцогу де-Гизъ. Въ тотъ же день, въ 3 часа пополудни, оба противника были на Королевской площади. Когда они взялись за шпаги, то Гизъ сказалъ Колиньи: «Мы сейчасъ разрѣшимъ старые споры обоихъ нашихъ семействъ, и тогда увидятъ, какая разница между кровью де-Гизъ и Колиньи». Оба были серьезно ранены. Въ это время д'Эстрадъ, секундантъ де-Колиньи, и графъ де-Бридьё, секундантъ Гиза, бросились другъ на друга и были опасно ранены. Девять лѣтъ спустя, состоялась дуэль между двумя зятьями, герцогомъ Немурскимъ и де-Бофоромъ. Герцогъ, находясь у принцессы Монпансье, закричалъ: «Принца Конде обманываютъ, и я знаю, кто...»—«Кто же это?»—спросилъ присутствующiй при этомъ Бофоръ.—«Вы!»—отвѣтилъ герцогъ Немурскiй. Въ отвѣтъ на это король «Рынковъ» далъ своему зятю пощечину, которую тотчасъ же получилъ обратно; если бы при этомъ не присутствовала принцесса, то шпаги не замедлили бы обнажиться. Нѣсколько дней спустя, оба противника встрѣтились на лошадиномъ рынкѣ, позади Вандомскаго дома. Секундантами Бофора были: графъ Бюри, маркизъ Ри, Брилье и Эрикуръ; со стороны Немурскаго: графъ де-Вильяръ, кавалеръ де-Ла-Шезъ, Кампанъ и Мозертъ. Де-Ри и Эрикуръ умерли черезъ двадцать четыре часа; остальные пережили свои раны. Въ моментъ дуэли Бофоръ сказалъ герцогу Немурскому: «Ахъ, братъ мой, какой стыдъ! Забудемъ прошлое и будемъ друзьями». Герцогъ Немурскiй въ отвѣтъ на это воскликнулъ: «Подлецъ, надо, чтобы я убилъ тебя, или ты меня убей». Они дрались на пистолетахъ и на шпагахъ. Герцогъ Немурскiй выстрѣлилъ, но не попалъ въ Бофора. Тогда Бофоръ былъ принужденъ защищаться; онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, заряженнаго тремя пулями, и убилъ герцога Немурскаго наповалъ. Съ этого времени и до революцiи причины дуэлей были болѣе частнаго характера, но съ революцiи политическiя дуэли возобновились, а такъ же онѣ стали носить характеръ настоящихъ дуэлей, при одинаковыхъ оружiяхъ, т.-е. при взаимныхъ равныхъ шансахъ. Первая политическая дуэль въ эту эпоху была 12-го августа 1790 г. на пистолетахъ, между Казалесомъ и Барнавомъ. Причиной

ея послужило недоразумѣніе, происшедшее наканунѣ, на засѣданіи Національнаго Собранія. Свидѣтелемъ Барнава былъ Александръ Ламетъ, а Казалеса—Сенъ-Симонъ. Дуэль состоялась въ Булонскомъ лѣсу. Противники размѣнялись безрезультатно двумя пулями. Третья пуля Барнава задѣла лобъ Казалеса, но произвела только сильную контузію. Благодаря тому, что въ ту эпоху носили очень плотныя шляпы, ея поля предотвратили силу удара пули. Вторая дуэль была между маркизомъ де-Кастри и Шарлемъ Ламетомъ, считавшимъ себя оскорбленнымъ восклицаніями Кастри, относящимися къ первому. Какъ только засѣданіе Національнаго Собранія окончилось, Ламетъ хотѣлъ, не покидая мѣста, разрѣшить ссору. Взятые наскоро свидѣтели были Мену и Барнавъ. Оружіемъ выбрали шпаги. Была уже почти ночь, когда послѣ нѣсколькихъ минутъ борьбы Шарль Ламетъ смѣло напалъ на соперника. Послѣдній сдѣлалъ движеніе въ сторону и въ то же время лѣвой рукой отодвинулъ шпагу своего противника, пронзивъ своею шпагою лѣвую кисть и предплечье Ламета. Эта дуэль надѣлала въ Парижѣ немало шуму, и патріоты рѣшили смотрѣть на всѣ поединки, какъ на личныя оскорбленія и защищать депутатовъ, друзей народа, до послѣдней капли крови. Кромѣ того, была дуэль де-Ла-Туръ-д'Овернъ съ де-Буйе, въ которой первый былъ убитъ. Во время Директоріи, Консульства и Имперіи не было совсѣмъ замѣчательныхъ дуэлей. Напротивъ, во время первой Реставраціи не проходило дня, чтобы не завязывались ссоры между королевскими тѣлохранителями и офицерами на половинномъ жалованьѣ. Излюбленнымъ мѣстомъ, гдѣ они искали ссоры, являлся Пале-Рояль; тамъ они нарочно наступали другъ другу на ноги, толкались, и этимъ начинались ссоры, а затѣмъ отправлялись драться. Такъ, полковникъ Барбье Дюфе хвастался, что дрался на дуэли восемнадцать разъ. Убивъ полковника Сенъ-Мони и серьезно ранивъ генерала, виконта Монтелегріе, онъ былъ задержанъ и высланъ изъ Франціи. Роялистъ Мартенвилль, писатель и водевилистъ, имѣлъ также множество дуэлей, вслѣдствіе политическихъ ссоръ. Генералъ Фуа, будучи на парламентской трибунѣ, получилъ оскорбленіе отъ роялиста де-Кордэ, вслѣдствіе чего была рѣшена дуэль на пистолетахъ. Свидѣтелями были де-Бригадъ и де-Банди. Мѣстомъ дуэли выбрали Булонскій лѣсъ. Генералъ Фуа долженъ былъ выстрѣлить первый. Онъ выстрѣлилъ въ воздухъ. Этому примѣру послѣдовалъ и его противникъ. Другая дуэль состоялась между генераломъ Лафонъ и Аданъ-де-Ла-Поммерэй. Причиной ея послужилъ презрительный отзывъ Лафона о прежней арміи. Результаты ея были тѣ же, что и въ дуэли Фуа съ Кордэ. Но самой оригинальной дуэлью этой эпохи была дуэль Бенжамена Констанъ съ Форбеномъ де-Иссаръ, хваставшимся, что онъ роялистъ болѣе, чѣмъ самъ король. Бенжаменъ Констанъ, страдавшій подагрой, съ трудомъ держался на ногахъ; рѣшено было, что противники будутъ драться, сидя въ креслахъ. Условія были серьезныя, дуэль назначили на пистолетахъ, на разстояніи десяти шаговъ. Оба дали осѣчку и даже не задѣли креселъ. Дуэль Гурго съ графомъ Сегюромъ состоялась по причинѣ того, что первый, будучи недоволенъ нѣкоторыми мѣстами въ сочиненіи послѣдняго «L'historie de la campagne de Russie», написалъ ему оскорбительное письмо. Графъ Сегюръ былъ раненъ въ этой дуэли. Одинъ кавалерійскій офицеръ, Бопуаль де-Сентъ-Олеръ, напечаталъ

памфлетъ, подъ названіемъ: «Oraison funèbre du duc de Feltre», за что былъ вызванъ сыномъ герцога на дуэль и слегка раненъ. Затѣмъ племянникъ герцога, де-Пьербургъ, обратился къ Сентъ-Олеру съ новымъ вызовомъ. Оружіемъ были выбраны шпаги. Въ очень короткое время де-Пьербургъ былъ раненъ въ правое колѣно, но въ то же время прокололъ грудь Сентъ-Олеру, который умеръ черезъ нѣсколько минутъ. Одинъ офицеръ-роялистъ, по имени Ферре, воображавшій себя непобѣдимымъ въ борьбѣ на шпагахъ, послалъ вызовъ Брютю-Казель де Монтаньякъ. Ферре дѣйствительно ранилъ его, но зато и самъ поплатился жизнью. Въ 1828 г. молодой литераторъ Синьоль, очень придирчивый человѣкъ, поклялся, что будетъ имѣть дѣло съ офицеромъ, безразлично какимъ. Чтобы привести свой планъ въ исполненіе, онъ отправился во Французскій театръ и занялъ мѣсто въ оркестрѣ. Во время антракта онъ приблизился къ одному совершенно незнакомому офицеру и далъ ему пощечину. На другое утро была назначена въ Венсенскомъ лѣсу дуэль. Черезъ нѣсколько минутъ Синьоль былъ убитъ ударомъ шпаги въ самое сердце. Его противникомъ былъ будущій генералъ Эспинасъ. Во время заключенія герцогини Беррійской, роялисты и либералы не переставали оскорблять другъ друга въ журналахъ. Такъ, Арманъ-Каррель дрался на шпагахъ съ Ру-Лабори; онъ былъ раненъ серіозно въ животъ; противникъ же его получилъ два удара въ верхнюю часть руки. Заточеніе герцогини послужило причиной еще одной трагической дуэли между генераломъ Бюжо и депутатомъ Дюлонъ. Оружіемъ были пистолеты; оба противника должны были стрѣлять одновременно. Дюлонъ получилъ ударъ надъ лѣвымъ глазомъ и на другой день умеръ. Въ Марселѣ Давидъ, редакторъ «Garde National», дрался на дуэли съ редакторомъ «Peuple Souverain», Бартолеми, и былъ убитъ. Редакторъ «Temps», Жакъ Костъ, былъ вызванъ на дуэль полицейскимъ комиссаромъ за то, что критиковалъ его производство въ кавалеры «Почетнаго Легіона». Она состоялась на другой день появленія критической статьи, и комиссаръ былъ убитъ попавшей въ голову пулей. 1836 г., 22-го іюля, произошла дуэль Эмиля Жирарденъ съ Арманъ Карелемъ, по поводу созданнаго Жирарденомъ журнала въ сорокъ франковъ въ годъ. Свидѣтелями Кареля были: Морисъ Преста и Амберъ; Жирардена— Латуръ Мезерэ и Пайаръ де-Вильнёвъ. Оружіемъ служили пистолеты, разстояніе сорокъ шаговъ и приближеніе до двадцати шаговъ. Карель выстрѣлилъ на десяти шагахъ, Жирарденъ, сдѣлавшій не болѣе двухъ-трехъ шаговъ, выстрѣлилъ въ то же время. Первому пуля попала въ пахъ, второму въ правую ляшку. Черезъ три дня Карель умеръ. Въ 1837 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, дрались на пистолетахъ Матьё де-Ла-Редортъ, депутатъ, съ Вьенно, редакторомъ «Corsaire». Послѣдній былъ серіозно раненъ въ руку. Въ 1842 году, въ ноябрѣ, Гранье де-Кассаньякъ ранилъ въ ляшку депутата Лакросса, сына адмирала. Въ апрѣлѣ 1845 г., герцогъ Д'Юзессъ и маркизъ де-Клавьеръ дрались на шпагахъ, по поводу тоста, сказаннаго вторымъ по-англійски. Оба были тяжело ранены. Въ августѣ 1848 г. состоялась дуэль на шпагахъ между двумя членами законодательнаго собранія, Лео де-Лабордъ и Жентомъ. Послѣдній получилъ опасную рану въ руку. Въ эту же эпоху Эдмонъ Аданъ дрался на пистолетахъ съ полковникомъ Рей, ранившимъ его въ руку. Того же года, въ

декабрѣ, два инвалида, Люкъ Кассъ, пятидесяти восьми лѣтъ, и Ларже, шестидесяти пяти, дрались на рапирахъ, снявъ съ нихъ помпоны. Причиной была политическая ссора, такъ какъ первый былъ приверженецъ Каваньяка, а послѣдній—Луи-Наполеона. Ларже былъ убитъ наповалъ ударомъ въ грудь. Въ январѣ 1849 г., де-Гётлогонъ и Клеманъ Томасъ дрались на шпагахъ и серьезно ранили другъ друга. Въ октябрѣ Тьеръ дрался на пистолетахъ съ Биксіо, но безрезультатно. Журналы говорили, что Биксіо не попалъ въ Тьера, потому что прицѣливался на высотѣ человѣческаго роста. Въ іюнѣ 1850 г. Шарль Бланъ, братъ Луи-Блана, дрался на пистолетахъ съ Лакомбъ. Пуля Шарля Блана наткнулась на портмоне Лакомба, который лежалъ въ жилетномъ карманѣ. По этому случаю романистъ Мэри остроумно замѣтилъ, «что это были хорошо помѣщенныя деньги». Два депутата, графъ Клари и Валентинъ, дрались на шпагахъ въ Версалѣ; второй серьезно раненъ въ ляшку. Въ августѣ Огюстъ Дюпонъ былъ убитъ пулей Шавуа, представителя народа. Въ іюнѣ 1852 г., Аристидъ Оливье, братъ Эмиля Оливье, вслѣдствіе газетной полемики, вызвалъ легитимистовъ и обратился лично къ Фернанду Жинесту. Борьба состоялась на сабляхъ и продолжалась съ минуту; оба противника были ранены, и Оливье почти тотчасъ же скончался. Въ 1859 г. Генри де-Пенъ помѣстилъ въ «Figaro», въ отдѣлѣ «Парижское Эхо», что «всѣ подпоручики не были Брюммелями». Это было подхвачено нѣкоторыми военными корреспондентами. Первая дуэль на шпагахъ была между де-Пэномъ и поручикомъ Куртье; офицеръ былъ раненъ въ предплечье. Одинъ изъ его свидѣтелей, поручикъ Іенъ, вызвалъ тотчасъ же Пэна и, несмотря на всѣ усилія свидѣтелей послѣдняго, Ровиго и Пайра, новая дуэль снова немедленно началась. Въ свою очередь, де-Пэнъ былъ раненъ въ грудь и болѣе мѣсяца находился между жизнью и смертью. Въ мартѣ 1870 г. герцогъ Монпансье, сынъ Луи-Филиппа, дрался на пистолетахъ съ инфантомъ, дономъ Анри де-Бурбонъ, который былъ убитъ. Во вторую имперію Поль де Кассаньякъ больше всѣхъ дрался на дуэляхъ; онъ имѣлъ дѣло, между прочимъ, съ Лисагаре, Ранкомъ, Рошфоромъ, Орельеномъ, Толлемъ и др. Съ третьей республикой дуэли, пожалуй, еще участились. Жоржъ Клемансо послѣ коммуны дрался на пистолетахъ съ майоромъ Пуссергомъ, который былъ раненъ въ ногу, и нѣсколько дней спустя, ее пришлось ампутировать. Кромѣ того, Клемансо дрался еще съ Полемъ Кассаньякомъ, Морелемъ, депутатомъ Вара, Деруләдомъ, съ принцемъ Жозефомъ Шимэ и Дрюмономъ. Всѣ эти дуэли не имѣли ни для кого изъ нихъ серьезныхъ послѣдствій. Кассаньякъ дрался съ Андріе; Францисъ Лоръ съ Томсономъ; Гамбетта стрѣлялся съ Фурту, на разстояніи сорока шаговъ; Лэзанъ дрался на пистолетахъ съ графомъ Ла-Редортъ, депутатомъ правой, на разстояніи тридцати шаговъ. Дѣло было зимою. Противникамъ было разрѣшено остаться въ пальто: пуля де-Ла-Редорта остановилась на porte-carte, который лежалъ въ карманѣ Лэзана, тогда какъ пуля послѣдняго серьезно ранила де-Ла-Редорта, и онъ вскорѣ умеръ отъ послѣдствій этой раны. Въ 1878 г., вслѣдствіе газетной полемики состоялась дуэль на шпагахъ между Кловисъ Хюгомъ и Дэмомъ въ Марселѣ. Послѣдній былъ убитъ. Поль Деруләдъ, кромѣ уже поименованной дуэли съ Клемансо, имѣлъ еще дуэль съ Мейеромъ, редакторомъ «La Lanterne»

Жозефомъ Рейнакомъ, Лагеромъ, Гюставомъ-Адольфомъ Гюббаръ, Октавомъ Мирбо и чуть было не дрался съ Бюффе. Шарль Флоке серьезно ранилъ въ горло шпагой генерала Буланже; Мермексъ дрался на шпагахъ съ Жоржемъ де-Лабрюйеромъ, и оба были ранены серьезно. Маркизъ де-Морѐсъ, кромѣ разныхъ другихъ, имѣлъ сенсаціонную дуэль съ Камилемъ Дрейфусомъ, съ капитанами Кремье-Фоа и Мейеромъ; послѣдній былъ убитъ. Морисъ Барресъ ранилъ серьезно шпагою Лорана Тэладъ. Принцъ Орлеанскій былъ раненъ ударомъ шпаги въ животъ на дуэли съ графомъ Туринскимъ, у котораго была надѣта рубашка съ крѣпко накрахмаленной грудью. Шарль Бернаръ дрался съ Албертомъ Гуллэ и Жеро-Ришаромъ; графъ Бони де-Кастелланъ съ Тюро, Фернандъ де-Родэзъ съ редакторомъ Фигаро, который былъ серьезно раненъ пулей. Эдуардъ Дрюмонъ дрался двѣнадцать разъ. Самая изъ знаменитыхъ его дуэлей была съ Артуромъ Мейеромъ, редакторомъ «Gaulois». Эта почтенная цифра двѣнадцати дуэлей была достигнута и даже превзойдена извѣстнымъ числомъ депутатовъ, журналистовъ и политическихъ дѣятелей, между прочимъ, Полемъ де-Кассаньякомъ, Жоржемъ Клемансо, Генри Рошфоромъ, Лоранъ Тэладомъ, Максомъ Режи, Томгезомъ, Рафалемъ Віо, Генри Тюро, Ришаромъ и друг. Въ 1900 г. вслѣдствіе газетной полемики состоялась дуэль между Ферретомъ, депутатомъ департамента Мёзы, и М. Мерлье, муниципальнымъ совѣтникомъ Баръ-Ле-Дюкъ; послѣдній былъ убитъ ударомъ шпаги. Самая продолжительная дуэль на шпагахъ была въ 1901 г., между Максомъ Режи, мэромъ Алжира, и Лабердескомъ. Она длилась около двухъ съ половиной часовъ, не причинивъ противникамъ ранъ, такъ что секунданты должны были прервать ее и отложить до другого дня. На этотъ разъ съ перваго пріема Максъ Режи былъ слегка раненъ въ правую руку. Нѣсколько дней спустя, послѣ этой дуэли, Максъ Режи дрался на шпагахъ еще съ Жеро-Ришаромъ. Первый былъ слегка раненъ въ спину и руку. Очень возможно, что маркизъ Альберъ де-Діонъ одержитъ рекордъ дуэлей. Онъ восемнадцать разъ дрался на дуэли, ни разу не бывъ раненъ, и имѣлъ еще большее счастье не убить никого изъ противниковъ. На послѣднихъ дняхъ 30-го іюля состоялся поединокъ между извѣстнымъ писателемъ Леономъ Додэ, братомъ знаменитаго романиста, и редакторомъ «Petite République» Жеро-Ришаромъ. Они сражались на шпагахъ, и послѣ трехъ нападеній Додэ слегка раненъ въ правую руку. Это пока послѣдняя дуэль во Франціи.

— Магія и массонство во Франціи XVIII вѣка. Человѣку при тяжелой загадкѣ жизни жить безъ вѣры невозможно. Онъ долженъ, по своей природѣ, вѣрить во что нибудь. Каждая группа вѣрующихъ отстаиваетъ свои идеи, что ведетъ къ религіозной борьбѣ, какъ было въ концѣ XVII вѣка, когда во Франціи загорѣлись теоретическіе споры квіетистовъ, жансенистовъ іезуитовъ и ссора Фенелона и Боссюэта, послѣ чего послѣдовало возстаніе протестантовъ въ Севенскихъ горахъ. Начало XVIII вѣка было полно религіозныхъ толчковъ. Какъ послѣ всякаго кризиса наступаетъ реакція, такъ и послѣ этой борьбы настало время, когда утомленные борьбой умы остановились на философіи, любви къ человѣчеству и даже на возвращеніи къ природѣ. Теперь стали вѣрить въ умъ, въ науку и доходили до того, что чуть не провозглашали открытіе «мірового свѣта». Рядомъ съ этимъ, нѣкоторыя лица устали ни во что

не вѣрить и стали вѣрить во все, такъ что легковѣріе теперь замѣнило прежнюю религію. Такимъ образомъ, середина XVIII вѣка представляетъ смѣсь суевѣрнаго невѣжества и великихъ открытій. Общество того времени представляетъ широкое поле для наблюденій. Этому обществу посвящаетъ свой трудъ г. Отривъ, выдержки изъ котораго помѣщены въ «La Revue hebdomadaire»[1]). Прежде всего, онъ говоритъ о магіи. Отбросивъ въ сторону дурныя черты алхимиковъ, все-таки нужно признать, что, преслѣдуя свои химерическія цѣли, они дѣлали важныя открытія и оказывали наукѣ цѣнныя услуги какъ въ средніе вѣка, такъ и позже. Конечно, эта заслуга была случайная, такъ какъ они всего менѣе посвящали себя ей, но для человѣчества это такой сюрпризъ, который тѣмъ болѣе надо цѣнить, чѣмъ менѣе его ожидали. Въ XVIII вѣкѣ химики уже отдѣлились отъ алхимиковъ, предоставивъ послѣднимъ заниматься умышленнымъ шарлатанствомъ и фантазерствомъ, т. е. изысканіемъ философскаго камня и вѣчной молодости, элексира для продленія жизни, неистощимаго богатства и прочихъ цѣнныхъ даровъ. Хотя всѣхъ ихъ связывало одно желаніе, но они вращались въ двухъ различныхъ полюсахъ общества: въ дворцахъ и лачугахъ. Многочисленные богатые алхимики, какъ, напримѣръ, принцы и вельможи, устраивали въ своихъ дворцахъ роскошныя лабораторіи, на которыя безумно бросались громадныя суммы денегъ. Такіе алхимики прикрывались личиною науки, между тѣмъ они, въ сущности, надѣялись и добивались лишь достать золото, чтобы замѣнить растраченное въ легкомысленной жизни богатство. Дѣло дошло до того, что считалось хорошимъ тономъ изучать физику и химію. Этой страстью заразились и женщины высшаго общества, предаваясь съ энтузіазмомъ занятіямъ анатоміей, ботаникой и медициной. Все это дѣлалось изъ подражанія извѣстнымъ мужчинамъ, такъ какъ женщины высшаго общества того времени были покорныя рабы моды и безъ послѣдней не стали бы терять время на занятія, особенно на такія серьезныя. Достаточно было узнать, что такой-то, конечно, извѣстное лицо, устроилъ у себя лабораторію, какъ аристократки спѣшили завести и у себя то же самое. Онѣ устраивали собранія, и даже одна изъ нихъ, г-жа д'Арконвиль, держала у себя на виду, подъ кроватью, скелетъ, назначенный для ея анатомическихъ работъ. Нѣкоторыя изъ дамъ занимались химіей и въ легковѣріи, конечно, превосходили мужчинъ, дѣлаясь добычею бѣдныхъ алхимиковъ, жившихъ въ грязныхъ таинственныхъ лачугахъ, въ особенности въ предмѣстьѣ Сенъ-Морсо. Когда къ такимъ бѣднякамъ являлся одинъ изъ богачей, то ловкій алхимикъ разсказывалъ, что онъ обладаетъ, по наслѣдству, секретомъ, принадлежавшимъ его семьѣ съ очень давнихъ временъ, который можетъ сдѣлать богача обладателемъ философскаго камня или элексира, не допускающаго стариться. Часто, чтобы его убѣдить, онъ продѣлываетъ передъ нимъ различные опыты; такъ, напримѣръ, зажигалъ жаровню, бросалъ въ плавильникъ мѣди и насыпалъ порошокъ. Когда все это согрѣвалось, согласно извѣстной формулѣ, то онъ вынималъ оттуда слитокъ золота, признаваемый золотыхъ дѣлъ мастерами за настоящее золото. Подобные опыты стоили вельмо-

[1]) Le merveilleux au dix-huitième siècle, par E. d'Hauterive. «Revue hebdomadaire», mai 1901.

жамъ половины ихъ состоянія. Иные изъ бѣдныхъ алхимиковъ, которымъ не улыбалось счастье видѣть у себя богачей, распускали слухъ о какомъ нибудь необычайномъ открытіи. Когда попадался одинъ изъ легкомысленныхъ богачей въ такую ловушку, онъ привлекалъ за собою остальныхъ, и шарлатаны, по словамъ одного современника, дѣйствительно дѣлали открытіе философскаго камня, приносящаго имъ золото. Кромѣ алхиміи, прибѣгали также къ помощи магическаго жезла, но еще чаще обращались къ магіи. Такъ, въ 1731 г. былъ громкій процессъ, въ которомъ игралъ главную роль аббатъ Рузикъ, священникъ въ Лорьянѣ, и двадцать лицъ, занимавшихся магіей съ цѣлью розыска сокровищъ. Несмотря на свои отрицанія, онъ былъ приговоренъ къ покаянію, съ веревкой на шеѣ, въ одной рубашкѣ и помѣткѣ каленымъ желѣзомъ, также къ двадцатилѣтней каторгѣ. Двѣнадцать другихъ обвиненныхъ подверглись тому же наказанію, а шесть болѣе осторожныхъ скрылись и были приговорены заочно къ пятилѣтнему заключенію на каторгу, но это ихъ не утѣшало—они продолжали скрываться. Въ эпоху XVII вѣка, особенно въ первую его половину, вѣрили въ магію, демоновъ, одержаніе бѣсомъ, даже въ вампировъ, вообще—во всякую чертовщину. Одержанія бѣсомъ бывали въ то время положительно легендарными. Такъ, въ памяти у многихъ осталась и теперь еще исторія монахинь въ Лудунѣ въ 1632 г. и одержимыхъ духами въ Оссонерѣ въ 1662 г. Въ XVIII вѣкѣ, именно въ 1732 г., произошли въ Ландахъ, близъ Байе, демоническіе случаи, также очень важные. Такъ, аббатъ Гертенъ очень экзальтированный человѣкъ, видѣвшій повсюду видѣнія, посѣщалъ семью одного прихожанина, нормандскаго дворянина, по имени Леопарти, жившаго съ тремя очень религіозными дочерьми. Оставаясь все время въ деревнѣ, онѣ не получали никакихъ новостей и, бесѣдуя исключительно съ Гертеномъ, естественно подпали подъ его вліяніе, а его экзальтированные разсказы сдѣлали остальное. Въ 1732 г. младшая дѣвочка, 9-ти лѣтъ, заболѣла жестокой лихорадкой, въ припадкѣ которой ей являлся какой-то прекрасный юноша. Отецъ пришелъ въ отчаяніе при мысли, что его дочь сошла съ ума. Но явился аббатъ и разувѣрилъ отца, что она не сумасшедшая, а одержимая бѣсомъ. Въ припадкѣ дѣвочка начала богохульствовать, браниться и произносить самыя грубыя, непристойныя слова. Отецъ опечаленъ; напротивъ, аббатъ торжествуетъ и произноситъ заклинанія, но безуспѣшно. Вскорѣ заболѣли тѣмъ же самымъ одна за другою сестры, прислуга и нѣсколько постороннихъ женщинъ. Наконецъ, заразился весь приходъ. Самыя скромныя религіозныя женщины извергали богохульства, при этомъ принимали неестественныя позы, скакали, кричали и проч. Одна дѣвушка взобралась на очень высокую стѣну и, не оборачиваясь, сбѣжала спиною съ нея, ни разу не споткнувшись. Затѣмъ она стремительно бросилась въ колодезь и висѣла, держась руками за его закраину. Въ одно и то же время ея подруга начала бѣгать по окнамъ, чердакамъ, и въ тотъ моментъ, какъ первая бросилась въ колодезь и повисла на рукахъ, послѣдняя тоже зацѣпилась руками и повисла. Все это онѣ продѣлывали, какъ сомнамбулы. Гертенъ все еще утверждалъ, что онѣ одержимы, и продолжалъ заклинать. Онъ даже сталъ указывать на нѣкоего Фрожера, объ имени котораго узналъ у одной изъ одержимыхъ, какъ виновнаго въ порчѣ дочери Леопарти. Когда же будто

бы сдѣланнаго сатаною условія не нашли, то самъ аббатъ направилъ ихъ въ Сорбонну. Къ величайшему тріумфу Гёртена, доктора признались, что они совершенные невѣжды въ вопросѣ этой болѣзни, и 15 марта въ общемъ собраніи профессоровъ Сорбонны было рѣшено, что необходимо признать фактъ «одержимости», даже если объяснить эти случаи силами природы, такъ какъ дьяволъ, охраняющій свои интересы, можетъ быть открытъ лишь съ большимъ трудомъ изъ боязни быть изгнаннымъ изъ его жилища. Но не долго аббатъ торжествовалъ. Епископъ Люинь, жившій въ Парижѣ, пожелалъ узнать, въ чемъ дѣло. Онъ сначала повѣрилъ въ одержимость и поручилъ многочисленнымъ духовнымъ лицамъ произвести заклинанія, оказавшіяся безуспѣшными. Тогда епископъ приказалъ привести къ нему одну изъ одержимыхъ. Лишь только она приблизилась, какъ тотчасъ бросилась на него, нанеся ему сильную пощечину. Прелатъ, не окончивъ изслѣдованія, посовѣтовалъ Леопарти помѣстить дочь въ одинъ изъ монастырей, подальше отъ вліянія аббата Гертена. Отецъ не послушалъ совѣта и уѣхалъ въ Канъ, гдѣ и обратился къ другому заклинателю, ученику знаменитаго Шарпантье; но все было напрасно. Наконецъ, прелатъ приказалъ запереть аббата Гёртена въ одномъ изъ аббатствъ и помѣстилъ дочерей Леопарти въ разные монастыри. Такимъ образомъ онѣ излѣчились. Въ ту эпоху думали, что демонъ живетъ не только въ живыхъ, но и въ мертвыхъ, онъ воскрешаетъ будто нѣкоторыхъ мертвыхъ, превращающихся въ вампировъ. Этотъ предразсудокъ родился въ Венгріи, Польшѣ и Моравіи, распространился во Франціи и перешелъ въ Германію. Въ первыхъ странахъ онъ такъ былъ распространенъ, что превратился въ эпидемію. По сказаніямъ, вампиръ былъ мертвецъ, присужденный выходить по ночамъ изъ могилы, чтобы высасывать кровь живыхъ, въ особенности своихъ близкихъ родственниковъ, для ускоренія ихъ смерти. Несмотря на то, что такой мертвецъ давно похороненъ, его тѣло сохраняетъ свѣжесть. Кровь его постоянно молодѣетъ, благодаря крови жертвъ, продолжаетъ течь въ венахъ и сохраняетъ свой цвѣтъ. Если какая нибудь страна опустошалась, тотчасъ же подозрѣвали мертвеца и отрывали могилу. Если, вмѣсто разложившагося, находили хорошо сохранившійся трупъ, то признавали въ немъ вампира и отрѣзывали ему голову или сожигали его тѣло. Насколько вѣра въ это была сильна даже въ высшемъ обществѣ, доказываетъ письмо, адресованное адъютантомъ герцога Вюртембергскаго, де-Белозъ, къ Дону Кальмету. Белозъ говорилъ въ немъ, что этотъ фактъ случился передъ 13-ю личностями, заслуживающими довѣрія. Дѣло состояло въ томъ, что въ 1732 г. въ одной изъ деревень, близъ Бѣлграда, жила семья, состоящая изъ отца и пяти племянниковъ или племянницъ. Въ какія нибудь двѣ недѣли умерли дядя и трое племянниковъ отъ одной и той же болѣзни, которая состояла въ томъ, что, проснувшись въ одно прекрасное утро, они были такъ слабы, что едва могли ходить, какъ будто въ ихъ венахъ не текла болѣе кровь. На слѣдующій день они были еще слабѣе, а черезъ день умерли совершенно истощенные. Оставшаяся племянница, молодая красавица, полная, здоровая, стала внезапно хирѣть и заявила, что по два раза въ ночь у нея высасываетъ кровь вампиръ. Стали искать, кто изъ мертвыхъ родственниковъ могъ быть вампиромъ. Остановились на дядѣ и рѣшили вскрыть его

могилу. На эту процедуру собрался не только весь городъ, но даже съѣхались изъ сосѣднихъ городовъ, а герцогъ Вюртембергскій самъ пріѣхалъ изъ Бѣлграда, подъ эскортомъ и съ депутаціей высокопоставленныхъ и образованныхъ людей. Съ наступленіемъ ночи отправились на кладбище. Надъ могилой «вампира» видѣлся голубоватый огонекъ. Вскрыли могилу и нашли въ ней человѣка, выглядѣвшаго живымъ и здоровымъ. Ногти, зубы и глаза, наполовину закрытые, все было цѣло, его сердце продолжало биться... Затѣмъ, вынувъ тѣло, ему прокололи сердце, и «изъ него потекла бѣловатая матерія и жидкость вмѣстѣ съ кровью». Ударомъ топора отрубили голову и бросили тѣло въ яму съ кипящей известью. Съ этого дня племянница выздоровѣла. Авторъ приводитъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Между прочимъ онъ разсказываетъ, какія употреблялись средства, чтобы разыскать могилу вампира. Для этого брали невиннаго мальчика, садили голаго верхомъ на совершенно вороного жеребца, тоже невиннаго, и онъ долженъ былъ послѣдовательно проѣзжать по всѣмъ могиламъ; передъ которой лошадь остановится, та и есть могила вампира. Во Франціи исторіи магическихъ явленій были въ большомъ ходу, и чѣмъ онѣ представлялись невѣроятнѣе, тѣмъ имъ больше вѣрили. Въ то время совершенно серьезно относились къ продажѣ души чорту, превращенію людей въ звѣрей, къ невидимкамъ и часто этимъ пользовались, чтобы мистифицировать легковѣрныхъ субъектовъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоего Пуазине, молодого человѣка, увѣрили, что временами онъ становится невидимкой. Предупрежденные друзья принимали его за кувшинъ, выливали на него воду и проч., что его очень радовало, и онъ не открывалъ рта для протеста. Какую бы невозможную чушь ни объявили, толпа всегда являласъ на мѣсто спектакля. Всевозможные шарлатаны пользовались этимъ повальнымъ легковѣріемъ. Такъ нѣкій Этейла устроилъ въ Парижѣ курсы магіи, о которыхъ оповѣщалъ еще въ 1793 г. Суевѣріе въ высшемъ обществѣ доходило до того, что въ день свадьбы Маріи-Антуанеты у нея похитили вѣнчальное кольцо и заколдовали его, чтобы она не имѣла дѣтей. Только послѣ рожденія дочери кольцо передали на исповѣди священнику церкви св. Магдалины, и оно было возвращено королевѣ. Когда въ 1770 году одинъ бакалейщикъ, по имени Сенъ-Жилль, замѣтилъ, что онъ можетъ перемѣщать свой голосъ, то этотъ даръ приписали демону, и ловкій чревовѣщатель пользовался людскимъ легковѣріемъ.

Затѣмъ авторъ переходитъ отъ магіи къ массонству, говоря, что исторія появленія массонства слишкомъ запутана. Неизвѣстно навѣрно, явилось ли оно изъ Египта или Греціи, родилось ли во время постройки Іерусалимскаго храма при Соломонѣ, или его основалъ Хирамъ, сдѣлавшійся его великимъ мастеромъ и архитекторомъ этого храма, а, можетъ быть, его создало братство каменщиковъ, путешествовавшее по Европѣ въ средніе вѣка и строившее большую часть соборовъ и базиликъ. Послѣднее вѣрнѣе всего, потому что проще, тогда какъ другія предположенія имѣютъ цѣлью бить слишкомъ на воображеніе будущихъ адептовъ. Авторъ разсматриваетъ массонство, каковымъ оно было въ началѣ XVIII вѣка. Въ это время оно процвѣтало въ Англіи. Мало-по-малу массонство стало терять свой примитивный характеръ и превратилось въ общество людей, имѣющихъ цѣлью помогать другъ другу, хотя бы и не

были знакомы съ архитектурой. Въ 1717 году оно совершенно преобразилось; исключенія сдѣлались правилами, и если еще массоны сохранили символы и выраженія, употребляемые архитекторами и каменщиками, а также названія ихъ инструментовъ, то съ этихъ поръ они предались изученію литературныхъ и политическихъ вопросовъ, не занимаясь постройками. Члены общества разыскивали достойныхъ и талантливыхъ людей, привлекали ихъ туда, и собранія сдѣлались сборищемъ образованныхъ людей, въ которыхъ говорилось обо всемъ, исключая архитектуры. Нѣкоторое время спустя, англійскіе яковиты распространились по Франціи, въ надеждѣ найти въ массонствѣ могущественный рычагъ для возведенія Стюартовъ на англійскій престолъ, и основали первую ложу въ Дюнкирхенѣ въ 1721 году. Вторая ложа открылась въ Парижѣ, четыре года спустя, у ресторатора Гюръ, въ улицѣ де-ла-Бушри. Въ 1738 году герцогъ д'Антенъ, внукъ г-жи Монтеспанъ, былъ провозглашенъ великимъ мастеромъ. Впродолженіе пяти лѣтъ, которыя онъ посвятилъ энергичному и старательному развитію общества, были основаны, подъ его президентствомъ, восемнадцать новыхъ ложъ, и въ эту именно эпоху массонство пользовалось наибольшей свободой во Франціи. Благодаря тому, что множество аристократовъ Франціи послѣдовали примѣру герцога д'Антена и сдѣлались членами братства, оно мало-по-малу заняло видное мѣсто въ обществѣ, и не въ одной Франціи, но во всѣхъ странахъ, гдѣ любили рисоваться небрежностью къ авторитетной власти. Однако гражданскія и церковныя власти стали относиться подозрительно къ массонству, и полиція нѣсколько разъ запрещала сходиться членамъ. Она угрожала рестораторамъ штрафомъ въ три тысячи ливровъ и даже привела нѣсколько разъ угрозу въ исполненіе, но безуспѣшно, также какъ и буллы папы, Климента XII и Бенедикта XIV, не имѣли успѣха. Знатные вельможи продолжали посѣщать ложи и даже привлекали туда священниковъ. Въ 1743 году начинается не очень блестящій періодъ для массоновъ. Послѣ смерти герцога д'Антена занялъ мѣсто старшаго мастера Луи де-Бурбонъ Конде, графъ Клермонъ, относившійся очень небрежно къ своему дѣлу. Впрочемъ, въ то же время массоны рѣшили основать великую ложу Франціи, съ цѣлью предписывать другимъ ложамъ государства правила. Такимъ образомъ они могли сконцентрировать авторитетъ въ однѣхъ рукахъ. Въ 1756 г. великая ложа Франціи объявила себя не зависимой отъ великой ложи Англіи. Въ 1767 году, вслѣдствіе скандала между членами общества, правительство закрыло великую ложу, и такъ было до 1771 г. Въ этомъ году графъ Клермонъ умеръ. Массоны не очень горевали объ его смерти, такъ какъ онъ запустилъ дѣла общества. Великая ложа вновь открылась и выбрала сразу двухъ, великихъ мастеровъ: герцога Шартрскаго, будущаго Philippe.-Egalité, и, какъ администратора, герцога Монморанси-Люксембургъ, который, въ сущности, исполнялъ всю работу весьма трудную, такъ какъ общество было на волоскѣ отъ гибели, и для возстановленія его требовалась генеральная реформа. Благодаря бездѣйствію мастеровъ, ложи мало-по-малу завоевали независимость и начали ссориться между собою. Пришлось нѣкоторыя изъ нихъ закрыть. Делегаты изъ различныхъ городовъ собрались въ Парижъ, чтобы приготовить новый кодексъ массонскаго закона,

подъ управленіемъ герцога Люксембургскаго. Теперь представилось необходимымъ сконцентрировать снова могущество; съ этой цѣлью основали ложу Великаго Востока Франціи 5 марта 1773 г., но великая ложа Франціи признала себя независимой. Къ ней присоединились многія протестующія ложи. Но въ 1790 г. она признала могущество своей соперницы. Ложа великаго востока завела настоящее управленіе массонствомъ, которому она оказала громадныя услуги своими реформами и дисциплиной. Прежде всего она завела двѣ мѣры такой важности, что ихъ считали подготовительными реформами тѣхъ, которыя революція провела въ правительствѣ. Въ то же время королевскій орденъ они переименовали въ массонскій. Такимъ образомъ большинство признало могущество ложи великаго востока, и она благоденствовала до революціи. Устроившись въ отдѣльномъ домѣ, называемомъ «L'ancien Noviciat des Jesuites», помѣщающемся въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, великій востокъ издалъ запрещеніе собираться по ресторанамъ своимъ членамъ и старался поднять достоинство братьевъ; онъ дошелъ до того, что закрылъ одну ложу, вслѣдствіе какой-то исторіи. Результатомъ этихъ стараній явились въ 1789 г. около семисотъ ложъ въ полной дѣятельности. Тори опредѣляетъ болѣе 3.000 ложъ на всю вселенную. Въ самый разгаръ массонской дѣятельности вспыхнула революція. Первые дни массоны были такъ заняты политическими событіями, что перестали являться на собранія, а затѣмъ большая часть ихъ эмигрировала, была заперта въ тюрьму, или выслана, такъ что въ 1792 г. великая ложа прервала свои работы, а ея члены распались. Великій востокъ боролся дольше и съ трудомъ дотянулъ до 1793 г. когда онъ произнесъ низложеніе герцога Орлеанскаго, сломавъ его шпагу, послѣ того онъ послѣдовалъ примѣру другихъ ложъ. Только въ 1796 г., онъ проснулся въ одно время съ великой ложей. Восемнадцать ложъ стали работать: три въ Парижѣ, семь въ Руанѣ, остальныя въ Гаврѣ, Перпиньянѣ, въ Мелёнѣ и въ Рошелѣ. Въ 1799 г. великая ложа соединилась съ ними, и съ этихъ поръ наступила эра благоденствія для массонства. Массонство въ XVIII вѣкѣ состояло совершенно изъ иныхъ, чѣмъ въ новѣйшее время, элементовъ; ихъ цѣль была тоже иная. Насколько теперь его члены выбираются изъ самаго ничтожнаго элемента общества, ставшаго совершенно въ положеніе врага прежнему порядку, какъ политическому, такъ религіозному, настолько въ XVIII вѣкѣ былъ совершенно иной составъ братства. Переходя изъ Англіи въ Францію, массонство являлось инструментомъ политической пропаганды въ рукахъ яковитовъ, но, утвердившись во Франціи, оно перемѣнило сейчасъ же свой оттѣнокъ, согласно любви французовъ къ баламъ и празднествамъ и маніи противодѣйствовать власти. Правительство начало зря запрещать собранія; аристократія стала массами поступать въ ложи для самоувеселенія и болѣе для того, чтобы подразнить полицію, эту вѣчную жертву друзей порядка. Папа не переставалъ отлучать массоновъ отъ церкви; католики присоединялись къ массонамъ и увлекали за собою патеровъ, а парламентъ отказался регистрировать папскія буллы. Такимъ образомъ главные члены аристократіи и патеровъ, будучи массонами, слѣдовали модѣ дня и привлекали къ себѣ литераторовъ и философовъ. Общество составилось изъ двухъ элементовъ, великосвѣтскаго и мистическаго.

Первый привлекался балами и лестью, для вторыхъ служила приманкой тайна. Чтобы ихъ окончательно удержать, имъ открывали знаменитые секреты мало-по-малу, производя ихъ изъ одной градаціи въ другую, до тѣхъ поръ, пока они не достигали самой высшей вершины іерархіи. Затѣмъ, достигнувъ ея, они невольно умалчивали объ обманѣ, чтобы не стать посмѣшищемъ и изъ боязни потерять могущество надъ братьями, стоящими ниже ихъ. Вотъ причина символической стороны, сохранившейся въ выраженіяхъ, церемоніяхъ и въ особенности въ пріемѣ, отсюда вытекаетъ требованіе отъ членовъ молчанія. Массоны того времени отлично понимали, что все могущество секретнаго общества заключается въ окутывающей его тайнѣ. Напрасно, говоритъ авторъ, современные массоны слѣдуютъ традиціямъ своихъ предшественниковъ въ этомъ отношеніи; какъ въ религіозныхъ, такъ и въ политическихъ вопросахъ они усвоили діаметрально противоположныя теоріи и достигаютъ совершенно иную цѣль. Большая часть прежнихъ массоновъ, несмотря на отлученіе ихъ отъ церкви, были люди религіозные и даже католики, исполнявшіе церковные обряды. Масса фактовъ доказываетъ, что первымъ правиломъ массоновъ было уваженіе къ религіознымъ вѣрованіямъ. Теперь совершенно иначе. Въ политическомъ отношеніи—тоже перемѣна. Теперешніе массоны ошибочно думаютъ, что прежніе массоны добивались низверженія монархіи; они совершенно были преданы ей. Конечно, они преслѣдовали политическую цѣль, но только теоретически, и если говорили о равенствѣ и братствѣ, то только въ нравственномъ смыслѣ. О сверженіи монархіи они не мечтали, а когда вспыхнула революція, то прежде чѣмъ пріостановить дѣятельность, въ 1791 г. главная ложа обратилась къ братьямъ съ циркуляромъ, чтобы «призвать ихъ къ повиновенію конституціи и преданности Людовику XVI, ихъ законному королю». Она приглашала членовъ покончить работы, при первомъ требованіи гражданскихъ властей. Большая часть братьевъ массоновъ XVIII вѣка принадлежала къ главнымъ родамъ Франціи, которыхъ дополняли почти всѣ ученые, философы и литераторы. Великій мастеръ выбирался изъ самыхъ высокопоставленныхъ личностей, даже изъ коронованныхъ, а окружающія лица, находящіяся въ ложахъ, «досточтимые» (les vénérables), были также изъ самыхъ знатныхъ родовъ. Такимъ образомъ лучшее общество соединялось въ ложахъ и естественно казалось замкнутымъ; чтобы сохранить хорошій тонъ въ собраніяхъ и отдаваться всласть баламъ и празднествамъ, оно заперло входъ для людей низшаго сословія. Какъ только вступилъ въ управленіе Лакорнъ, помощникъ графа Клермона, тотчасъ же появились реформы: великій востокъ рѣшилъ, что ремесленники и слуги будутъ приниматься только, какъ братья-слуги, и для этого требуется прожить въ Парижѣ три мѣсяца, прежде чѣмъ допустятъ въ ложу. Затѣмъ массоны исключили всѣхъ, «кто въ искусствѣ и ремеслѣ не былъ мастеромъ», а также запрещенъ былъ доступъ въ ложи актрисамъ и актерамъ и вообще людямъ, имѣющимъ отношеніе къ публичнымъ театрамъ. Массоны ссылались на то, что положеніе такихъ личностей ставило ихъ въ зависимость отъ каприза публики. Братья массоны не могутъ практиковать съ ними самое важное условіе ихъ обязанности, которое состоитъ въ подачѣ помощи членамъ общества, если они несправедливо уни-

жены. Въ сущности же они желали оставаться въ тѣсномъ кружкѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ каждая ложа превратилась въ салонъ. Въ своихъ собраніяхъ массоны пріятно бесѣдовали, разсуждали о вопросахъ нравственныхъ, филантропическихъ, философскихъ или литературныхъ. Обыкновенно члены братства не расходились, не выпивъ «три раза три». Этотъ обычай сохранили современные массоны, всякій разъ слегка демократизируя блюда. Массоны не упускали ни одного удобнаго случая, чтобы повеселиться, и балы слѣдовали за пріемами. Д'Отривъ описываетъ одинъ изъ пріемовъ новопосвященнаго въ 1775 году. Братья собирались въ ложѣ. На полу по серединѣ залы разрисованы символическіе знаки вокругъ гроба, нарисованнаго также на полу. Въ трехъ углахъ находятся фекелы, расположенные по одному или по три. Всѣ братья стоятъ съ обнаженной головой. Одинъ только «досточтимый» сидѣлъ по-восточному, съ шляпою на головѣ. Въ дверяхъ стоялъ съ шпагою въ рукѣ братъ караульный. Новообращаемый находился въ сосѣдней комнатѣ съ «братомъ устрашающимъ», который угрожалъ ему самыми ужасными наказаніями, въ случаѣ выдачи тайны ордена, чтобы убѣдиться, насколько ему можно довѣрять. Удовлетворенный испытаніемъ, братъ устрашающій завязывалъ глаза новоиспытуемому и стучалъ въ дверь. Братъ караульный отворялъ ее, и спрашивалъ: что надо? Новообращаемаго приводили передъ «досточтимымъ», который заставлялъ его клясться на Евангеліи въ томъ, что никогда не выдастъ открытой ему тайны. Послѣ клятвы его клали въ гробъ, нарисованный на полу, и покрывали длиннымъ краснымъ вуалемъ. Братья окружали, вынимали шпаги и направляли остріе на его тѣло въ то время, какъ ему объясняли опасности, которымъ онъ подвергнется, если выдастъ тайну. Послѣ даннаго имъ удовлетворительнаго отвѣта великій мастеръ вставалъ, снималъ съ него повязку и цѣловалъ его. Затѣмъ переходили въ банкетную залу. Женщинамъ позволялось входить въ ложи, лишь только послѣ серіознаго собранія, когда начинались празднества. Ихъ называли «кузинами». Но мало-по-малу онѣ перешли въ «сестры», и въ 1774 г. великій востокъ сдѣлалъ реформы такъ, что массоны стали являться съ женами, дочерьми, сестрами, подругами, и даже вошло въ моду отъ времени до времени давать въ добавочныхъ ложахъ празднества, на которыхъ появлялись самыя важныя придворныя дамы въ сопровожденіи вельможъ. Обыкновенно празднества заканчивалось какимъ нибудь добрымъ дѣломъ. Одно изъ знаменитыхъ собраній было въ 1778 г. въ день принятія Вольтера въ ложу девяти сестеръ. Незадолго передъ этимъ Вольтеръ возвратился въ Парижъ и среди энтузіазма принялъ депутацію изъ сорока массоновъ, явившихся пѣшкомъ, хотя ихъ сопровождали кареты. На слѣдующій день онъ явился, какъ «ученикъ», но его избавили отъ обычной церемоніи, довольствуясь тѣмъ, что посадили за занавѣску, скрывавшую отъ него залъ. Ее отодвинули лишь тогда, когда Вольтеръ обѣщалъ хранить тайну. Башомонъ выразился о Вольтерѣ слѣдующими словами: «Этотъ геніальный человѣкъ былъ пораженъ торжественными пустяками этого спектакля; настолько человѣкъ воспріимчивъ, что допускаетъ овладѣть собою подобнымъ неожиданностямъ. «Досточтимый» указалъ Вольтеру восточное сидѣнье, послѣ того, какъ вручилъ ему передникъ Гельвеція, который одолжила

вдова философа; Вольтеръ поцѣловалъ его съ волненіемъ. Посвященіе закончилось баломъ, о которомъ долго говорили въ Парижѣ, такъ какъ на немъ присутствовало самое избранное общество. Передъ революціей не только парижское, но и провинціальное аристократическое общество, точно предчувствуя свою близкую кончину, предалось безпрерывнымъ празднествамъ, задавая необыкновенные балы, стоящіе безумныхъ денегъ. Въ это время особеннымъ успѣхомъ пользовались массонскія ложи. Рядомъ съ серіозными массонскими ложами, члены которыхъ преслѣдовали политическія и религіозныя цѣли, существовали подражанія. Ихъ члены имѣли цѣлью удовольствіе, развлеченіе и легкомысленныя похожденія. Такъ въ 1742 году юные моряки основали «орденъ блаженства». Предполагалось, что братья и сестры, всѣ моряки, отплываютъ на воображаемый островъ «блаженства». Въ этомъ обществѣ употребляли только морскія выраженія, эмблемы и морскія градаціи. Принимая новаго члена въ общество, его спрашивали, чтобы узнать расположеніе будущаго юнги. Были ли вы въ плаваніи? Гдѣ вы плавали? Въ какомъ положеніи доски вашего корабля? Когда окончательно принимали новичка, то заставляли его клясться въ томъ, что никогда онъ не будетъ плавать въ—портѣ, гдѣ находится корабль даннаго ордена. Точно также женщина должна была обѣщать не допускать иностраннаго корабля въ свой портъ, когда тамъ находится корабль собственнаго ордена. Члены этого общества были всѣ люди воспитанные и собирались для собственнаго развлеченія. Но вскорѣ въ общество пробрались лица низкаго происхожденія, что повело его къ уничтоженію. Послѣдніе основали между собою «орденъ кавалеровъ и кавалершъ якоря». Въ эту же эпоху основались въ Парижѣ орденъ дровоколовъ, мнимыя общества плотниковъ, угольщиковъ, столяровъ. Всѣ эти общества имѣли цѣлью веселье и удовольствіе. Такъ появился еще орденъ «мопсовъ». Этотъ орденъ основался въ 1737 г. въ Вѣнѣ, затѣмъ распространился во Франціи и Голландіи. Въ него имѣли доступъ лишь католики. Та же клятва сохранять тайну, какъ у массоновъ, была и тамъ. Управляли имъ два мопса, женщина и мужчина. На полу залы, гдѣ устраивались собранія, были нарисованы различныя символическія фигуры. Посреди залы, въ кругѣ, былъ нарисованъ квадратъ. На каждомъ изъ его четырехъ угловъ, обращенныхъ къ востоку, западу, сѣверу и югу, были нарисованы факелы. Въ квадратѣ были разсѣяны сердца, соединенныя между собою снуркомъ, такъ называемая «лента удовольствія, связывающая сердца» и привязывающая ихъ всѣ къ эмблемѣ, представляющей дворецъ любви, помѣщающійся противъ стола мастерицы. Когда входилъ новообращенный съ завязанными глазами, съ руками, связанными снуромъ довольно слабо, онъ проходилъ мимо братьевъ, которые встрѣчали его съ шпагою въ рукѣ, изображая наказаніе, висѣвшее надъ нескромной головою. Послѣ того какъ «мастерица» проведетъ его по шнуру, связывающему сердца, чтобы ввести во «дворецъ любви», она задаетъ ему нѣсколько вопросовъ и беретъ съ него клятву, искренность которой провѣряютъ страннымъ испытаніемъ, основаннымъ на томъ, что собака—эмблема вѣрности. Ему подаютъ дога и заставляютъ поцѣловать въ хвостъ, предварительно поднятый. Обыкновенно неофитъ отказывается исполнить это. Но послѣ долгихъ препирательствъ онъ соглашается. Когда отвра-

щеніе неофита дѣлается очевиднымъ, ему силою прикладываютъ дога. Тогда только онъ замѣчаетъ, что догъ изъ картона или воска. Потомъ слѣдуетъ балъ, однимъ словомъ копируются церемоніи массонской ложи. Кромѣ этого, авторъ упоминаетъ объ «орденѣ кавалера и кавалершъ пробки». Этотъ орденъ былъ занесенъ во Францію изъ Италіи, гдѣ его основали около 1745 г. Правила этого ордена не остроумны, а отличаются лишь неопрятной скабрезностью. Другой же орденъ, напротивъ, отличается деликатной галантностью того вѣка. Онъ основанъ былъ около 1771 г. госпожею Жанлисъ, графиней Потоцкой, графомъ Бростоцкимъ и господиномъ Сеньелэ для самоувеселенія и назывался: «орденъ постоянства». Конечно, основатели сочинили, что этотъ орденъ есть продолженіе стариннаго собранія кавалеровъ въ Польшѣ, хотя они сами составили уставъ. Чтобы придать этой сказкѣ болѣе вѣроятности, Потоцкая раздобылась письмомъ польскаго короля, сообщника этой мистификаціи. Въ этомъ письмѣ онъ благодаритъ французскихъ основателей за воскрешеніе когда-то знаменитаго ордена въ Польшѣ. Съ тѣхъ поръ публика не сомнѣвалась въ достовѣрности ордена. Г-жа Жанлисъ разсказывала даже, что Рюльеръ, авторъ исторіи революціи въ Польшѣ, говорилъ ей, будто зналъ о существованіи этого ордена, ранѣе чѣмъ онъ появился въ Франціи. Къ этому ордену принадлежали дамы и кавалеры высшаго парижскаго придворнаго общества. Во время собраній у герцога Лозена говорили блестящія рѣчи о добродѣтеляхъ и впечатлительности, читали сочиненія о филантропическихъ вопросахъ, разсуждали о благотворительности, и каждый вечеръ оканчивался сборомъ въ пользу бѣдныхъ, который оказывался очень значительнымъ и дѣйствительно служилъ помощью бѣднымъ. Деликатность обращенія была замѣчательная. Отличившемуся въ благотворительности или добромъ дѣлѣ члену общества одна изъ дамъ, согласно статуту общества, вышивала въ награду шарфъ. Но въ различіе отъ другихъ орденовъ орденъ постоянства «не дѣлалъ ни баловъ, ни празднествъ». Еще моднѣе, но съ игривой подкладкой былъ «орденъ кавалеровъ и нимфъ розы». Это общество основалось въ 1778 году герцогомъ Шартрскимъ, который предложилъ для собраній свой маленькій домъ въ улицѣ Монтрейль. Любовь и тайны были цѣлью этого общества, тонкіе пороки, прикрытые прекрасными манерами и умомъ, царствовали въ немъ. Въ обществѣ были два президента: мужчина подъ именемъ «іерофанта» и женщина подъ именемъ «великой жрицы». Они распоряжались собраніями, полными символическихъ церемоній. Церемонія при вступленіи была слѣдующая.—Который вамъ годъ?—спрашивала она неофита.—Пора любви,—отвѣчалъ кавалеръ.—Пора нравиться и любить,—отвѣчала «нимфа». Затѣмъ неофита покрывали цѣпями, украшенными розами и цвѣтами, и вели къ алтарю Венеры и Амура. Тамъ, клянясь божку и его матери, мужчины и женщины обмѣнивались вѣнками изъ розъ и цвѣтовъ, украшающими ихъ головы. Затѣмъ слѣдовалъ балъ, представленіе или пѣніе, и «нимфы» очень благосклонно относились къ «кавалерамъ». Рядомъ съ этими легкомысленными орденами были основаны другіе, болѣе серьезные, близко подходящіе къ массонамъ. Всѣхъ ихъ авторъ не упоминаетъ за многочисленностью, но говоритъ про иллюминатовъ, которые близко связаны съ теософіей. Онъ упоминаетъ еще о «шотландскомъ толкѣ». Онъ былъ заве-

зенъ во Францію въ 1728 году кавалеромъ Рамзай, благороднымъ шотландцемъ, горячимъ яковитомъ, протестантомъ, обращеннымъ Фенелономъ въ католицизмъ и предавшимся стюартскимъ заговорамъ и интригамъ. Видя, что массонство начинаетъ имѣть вліяніе во Франціи, онъ задумалъ употребить его для своихъ политическихъ видовъ. Чтобы залучить адептовъ, онъ возбуждалъ ихъ любопытство и льстилъ ихъ самолюбію, устроивъ различныя градаціи, символическія имена которыхъ атестовали важность и далекую древность общества. Такимъ образомъ онъ привлекъ къ себѣ много адептовъ, какъ во Франціи, такъ и въ Шотландіи. Этотъ орденъ отличался отъ массонства громаднымъ разнообразіемъ титуловъ. Во Франціи находилось множество шотландскихъ директоровъ, соединявшихся въ теоріи общей идеей, но сохранявшихъ на практикѣ независимость. Самые главные изъ этихъ орденовъ были «верховный совѣтъ императоровъ востока и запада», который назывался также «высокая мать шотландская, ложа большого французскаго глобуса». Она была основана въ 1758 г. братомъ Пирле. Въ 1772 г. едва не исчезла, но удержалась, хотя ея блестящіе дни прошли. Напрасно она приглашала маркиза Рошфуко-Байеръ быть «великимъ мастеромъ», давала празднества и балы, устроила добавочныя ложи подъ предсѣдательствомъ принцессы Ламбаль, купила домъ для собраній, но главные ея члены отдѣлились и образовали новый орденъ градаціи подъ названіемъ: «grand chapitre général de France». Въ 1786 г. онъ вошелъ въ сношенія съ великимъ востокомъ, какъ и другіе шотландскія ложи. Мать шотландская ложа продолжала дѣйствовать до 1791 г., когда прекратила свое существованіе изъ-за политическихъ причинъ. Послѣ революціи ложи шотландскаго толка появились и существуютъ до сихъ поръ, къ великому огорченію серьезныхъ массоновъ, находящихъ, что градаціи противорѣчатъ понятію о равенствѣ, какое существуетъ въ обществѣ массоновъ.

— Англія въ роли неудачной миротворицы. Не всегда Англія любила кровопролитія, какъ теперь въ трансваальской войнѣ. Такъ, напримѣръ, недавно вышла въ Лондонѣ книга, написанная англійскимъ дипломатомъ, сэромъ Эдуардомъ Малетомъ, въ которой между многими интересными предметами находятся воспоминанія, какъ Англія отправила Малета съ миролюбивой миссіей къ Бисмарку, во время кровопролитной франко-германской войны. Эдуардъ Малетъ долго занималъ дипломатическіе посты, и былъ въ Вашингтонѣ, Римѣ и Константинополѣ. Въ Берлинѣ Малетъ находился въ качествѣ англійскаго посланника. Онъ зналъ многихъ извѣстныхъ лицъ, между прочимъ генерала Гордона, Араби-Пашу, Бисмарка и т. д.; при этомъ онъ много видѣлъ любопытныхъ событій, а потому его книга не лишена интереса, хотя Малетъ очень сдержанъ и, повидимому, обо многомъ умалчиваетъ. Во время франко-прусской войны сэръ Эдуардъ Малетъ былъ вторымъ секретаремъ при англійскомъ посланникѣ, лордѣ Лайонсѣ. По словамъ Малета, англійское правительство и лордъ Лайонсъ очень огорчались, что кровавая война затянулась, и Англія искала случая вмѣшаться въ качествѣ миротворицы. Наконецъ, 13-го сентября 1870 года, посланникъ призвалъ своего второго секретаря, Малета, и сказалъ ему: «Вы знаете лично графа Бисмарка; не отправитесь ли вы къ нему съ миротворной миссіей и не вручите ли ему эту депешу отъ англійскаго правительства?» Ма-

летъ согласился и приготовился немедленно въ путь, захвативъ съ собою наскоро въ дорожномъ мѣшкѣ нѣсколько необходимыхъ предметовъ. Въ провожатые ему дали французскаго офицера главнаго штаба. Послѣ всевозможныхъ перипетій они добрались до Крейля вечеромъ, и на просьбу о лошади и экипажѣ начальникъ станціи отвѣтилъ, что только мэръ города Крейля можетъ разрѣшить въ такое безпокойное время исполнить ихъ просьбу. Они бросились къ мэру, и онъ указалъ, гдѣ они могутъ добыть то и другое. Это былъ послѣдній экипажъ и лошадь, еще не занятые. Съ трудомъ уговорили хозяина, страшнаго труса, дать имъ лошадь. Въ полночь они выѣхали изъ Крейля и въ два часа ночи прибыли въ Санлисъ. Въ Дамартенахъ испуганные жители побросали свои дома и сады, скрылись въ лѣсъ, гдѣ умирали съ голоду. Невдалекѣ отъ Дамартена Малетъ и его спутникъ встрѣтили егерскій полкъ. Французскій офицеръ, представивъ Малета и объяснивъ его миссію командиру полка, просилъ послѣдняго оказать содѣйствіе Малету въ этомъ нелегкомъ дѣлѣ. Тотчасъ ему предоставили эскортъ въ тридцать человѣкъ, подъ начальствомъ лейтенанта, чтобы проводить Малета до непріятельской линіи. Подъ такой охраной Малетъ продолжалъ путь. Цѣлый день прошелъ въ дорогѣ. Наконецъ они остановились на ночлегъ. Шелъ дождь. Они устроились бивуакомъ подъ деревьями. Малетъ проголодался, но достать что либо было невозможно. Офицеръ, сопровождавшій его, сообщилъ ему, что они сами не ѣли весь день. По счастью появился взводъ вольныхъ стрѣлковъ. Оба отряда привѣтствовали другъ друга, и капитанъ стрѣлковъ пригласилъ ихъ раздѣлить съ нимъ ужинъ и устроиться на ночь въ сосѣдней ригѣ. Начальникъ взвода стрѣлковъ, желая чѣмъ нибудь чествовать «дипломатическаго агента», отрядилъ къ нему восемь человѣкъ солдатъ въ качествѣ тѣлохранителей. Всю ночь несчастные измученные солдаты посылали ко всѣмъ чертямъ дипломата, что онъ прекрасно слышалъ и понималъ. На другой день съ зарею отправились далѣе. Вскорѣ стали виднѣться прусскія каски. Одинъ изъ егерей, сопровождавшій Малета, поднялъ бѣлый флагъ и сталъ трубить изо всѣхъ легкихъ. Вскорѣ прусскій патруль приблизился къ нимъ. Объяснивъ, въ чемъ дѣло, Малетъ былъ отправленъ со своимъ эскортомъ, по приказанію старшаго нѣмецкаго офицера, въ Вильнуа. Здѣсь французскій эскортъ оставилъ Малета и возвратился обратно. Дипломатъ теперь продолжалъ путь подъ покровительствомъ нѣмецкой арміи и достигъ послѣ полудня Мо, гдѣ находился нѣмецкій главный штабъ. Прогуливаясь Малетъ увидѣлъ прусскаго короля и Бисмарка, возвращавшихся въ экипажѣ съ прогулки. Онъ тотчасъ же попросилъ у Бисмарка аудіенціи и былъ принятъ. Ихъ свиданіе было дружелюбное, но очень короткое. Малетъ вручилъ депешу, но не достигъ никакихъ благопріятныхъ результатовъ. На другой день, 16-го сентября, англійскій дипломатъ отправился, сопровождаемый эскортомъ изъ двадцати драгунъ, подъ начальствомъ одного офицера и улана съ бѣлымъ флагомъ, которые охраняли его до французской линіи. Здѣсь Малетъ, доказавъ свою тождественность, заявилъ, что ѣдетъ въ Парижъ. При этомъ онъ попросилъ для себя охрану. Дорога до Парижа была покрыта барикадами, рвами и цѣльными срубленными

---

[1]) Schifting scenes John Murray. London. 1901.

деревьями, чтобы затруднить непріятелю доступъ, и Малетъ долженъ былъ итти пѣшкомъ. Приближаясь къ самому Парижу, онъ попросилъ офицера не провожать его съ эскортомъ по городу. Но капитанъ отказался исполнить просьбу, такъ какъ ему отданъ былъ формонный приказъ проводить англійскаго дипломата до самаго посольства. Цѣлыя толпы народа сопровождали ихъ по улицамъ. Слухъ прошелъ, что ведутъ важнаго плѣннаго въ надежное мѣсто. Чтобы покончить съ этими разсказами, капитанъ взялъ подъ руку Малета въ доказательство, что слухи ложны, и такимъ образомъ они дошли до дома англійскаго посольства. Миссія Малета была полна похожденій, но совершенно безполезна.

— Подарки шведскихъ и датскихъ королей русскимъ государямъ. Въ Швеціи изданъ недавно роскошный альбомъ съ художественно выполненными рисунками вещей, подаренныхъ шведскими и датскими королями и королевами русскимъ монархамъ. Этотъ альбомъ, подъ названіемъ «Шведскія и датскія серебряныя сокровища въ Московскомъ кремлѣ», составленъ Ф. Р. Мартиномъ, ѣздившимъ спеціально въ Москву съ цѣлью ознакомиться съ вещами, хранящимися въ кремлѣ въ Грановитой палатѣ.

Такъ какъ эти сокровища знакомятъ насъ съ произведеніями искусства 16 и 17 вѣковъ и служатъ образцами роскоши, господствовавшей при шведскомъ и датскомъ дворахъ во времена ихъ величія, то мы здѣсь опишемъ нѣкоторые болѣе выдающіеся по своему великолѣпію подарки иностранныхъ правителей. Извѣстно, что въ настоящее время только двѣ страны богаты стариннымъ серебромъ: громадная Россія и маленькая Португалія. Русскіе цари съ начала 1600 годовъ старательно сберегали все, что получали въ даръ отъ иностранныхъ владѣтелей. Благодаря частымъ сношеніямъ, существовавшимъ между Россіей и Швеціей, немало вещей было подарено Швеціей нашимъ царямъ. Среди всѣхъ подарковъ, хранящихся въ Московскомъ кремлѣ и отправленныхъ въ Россію въ XVII вѣкѣ съ шестью большими посольствами, шведскіе подарки, числомъ около 230, составляютъ лучшую часть того нѣмецкаго серебра, которое сохраняется въ сокровищницѣ. Надо замѣтить, что въ то время лучшими золотыхъ дѣлъ мастерами славилась Германія, и потому всѣ произведенія роскоши заказывались и изготовлялись преимущественно въ Гамбургѣ, Аугсбургѣ и Магдебургѣ. Шведскіе и датскіе подарки состояли главнымъ образомъ изъ предметовъ роскоши для украшенія стола. Такъ король Христіанъ IV подарилъ въ 1622 году царю Михаилу Ѳедоровичу двѣ шелковыя скатерти, на которыхъ изображенъ вензель Христіана IV. Узоръ этихъ скатертей изображаетъ видъ сервированнаго стола: въ серединѣ рядъ блюдъ съ ветчиной, стерлядью, зайцемъ, дичью, затѣмъ тарелочки съ фруктами и виноградомъ, и ножи и вилки о двухъ зубьяхъ. Изъ серебряныхъ вещей достойны примѣчанія такъ называемые фонтаны, предназначавшіеся для парфюмерованной воды, приборы для куренія, вазы для конфетъ и фруктовъ, platmenage'и, кубки, бокалы, кувшины для вина, кувшины и чаши для воды и т. п. Въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ сохраняется одинъ фонтанъ громаднаго размѣра, болѣе двухъ локтей высотою и вѣсомъ въ 54 фунта. Приборовъ для куренія, которые въ то время были въ большой модѣ, въ Москвѣ находится

три экземпляра. Они изображаютъ замки на высокихъ горахъ съ маленькими башнями и пещерами; во время куренія изъ всѣхъ трубъ показывался дымъ. Они принадлежали въ началѣ датскому королю Христіану IV, но потомъ были заложены имъ и впослѣдствіи выкуплены русскимъ царемъ. Вазы для конфетъ въ то время были тоже въ большомъ употребленіи, если судить по тому, что онѣ всегда заказывались цѣлыми дюжинами. Карлъ XI въ 1661 году подарилъ царю Алексѣю Михайловичу 2 дюжины, въ 1684 году царевнѣ Софіи 3½ дюжины. Отъ королевы Христины сохранилось дерево съ четырьмя рядами раковинъ, сплетенныхъ виноградникомъ, для конфетъ. Точно такое же дерево, того же мастера, было подарено Христіаномъ IV Россіи. Изъ platmenage'ей особенно замѣчателенъ экземпляръ, подаренный Карломъ XI и носящій по списку вещей названіе «роскошнаго пятиглаваго дракона». Въ головахъ находились гнѣзда для свѣчей, а внизу тарелочки для пряностей. Среди кувшиновъ для вина особенное вниманіе обращаютъ на себя такъ называемые «стариковскіе кувшины», подаренные Карломъ X въ 1655 году царю Алексѣю Михайловичу. Королева Христина подарила тоже царю Алексѣю Михайловичу 24 бокала, изъ которыхъ 4 настоящіе великаны, высотою почти въ 1½ метра и замѣчательной работы. Надо полагать, эти бокалы служили скорѣе украшеніемъ для стола, чѣмъ для практическаго примѣненія. Среди бокаловъ шведскихъ монарховъ есть бокалы въ видѣ глобусовъ и, судя по тому, что они попадаются въ другихъ мѣстахъ Германіи, они были въ большой модѣ въ 1600 годахъ. Кромѣ этихъ предметовъ роскоши, достойны вниманія такъ называемые умывальные приборы, состоявшіе изъ кувшиновъ и чашъ для воды, которые разносились во время обѣда и служили для умыванія рукъ, такъ какъ ножи и вилки хотя подавались, но мало примѣнялись къ дѣлу. Эти приборы отличались тоже замѣчательной роскошью. Королева Христина подарила чашу больше одного метра въ діаметрѣ, считавшуюся чудомъ искусства. Кувшины для воды имѣли форму животныхъ и всадниковъ. Карлъ XII подарилъ Петру Великому величественнаго льва съ короной на головѣ и всадника.

Вотъ вкратцѣ описаніе наиболѣе замѣчательныхъ по великолѣпію сокровищъ, хранящихся въ Москвѣ и поднесенныхъ иностранными владѣтелями нашимъ монархамъ.

Художественный альбомъ Ф. Р. Мартина переведенъ также на нѣмецкій языкъ и изданъ столь же роскошно, какъ и шведскій.

СМѢСЬ.

ПАМЯТНИКЪ ГОГОЛЮ. Комитетъ по сооруженію въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю объявляетъ конкурсъ на составленіе проекта этого памятника на слѣдующихъ условіяхъ. 1) Памятникъ долженъ представлять бронзовое изваяніе Николая Васильевича Гоголя въ сидячемъ положеніи, въ костюмѣ времени жизни писателя, помѣщенное на пьедесталѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительной обстановкѣ того мѣста, которое предназначено для постановки памятника. 2) Памятникъ, обращенный лицевой стороной на Знаменку, предполагается поставить на Арбатской площади, въ той ея части, которая примыкаетъ къ оконечности Пречистенскаго бульвара, въ небольшомъ скверѣ, представляющемъ прямое продолженіе бульвара, отъ котораго скверъ будетъ отдѣляться продолженіемъ Малаго Аѳанасьевскаго переулка. 3) Мѣсто это обозначено буквою А на планѣ Арбатской площади. Какъ этотъ планъ, такъ и восемь фототипій, представляющихъ панораму площади, лица, желающія участвовать въ конкурсѣ, могутъ получать у члена комитета А. Е. Носа (Москва, Шереметевскій пер., 2). 4) Форма и размѣры памятника предоставляются усмотрѣнію составителя проекта, но проектъ долженъ быть оригинальнымъ, а не подражаніемъ существующимъ памятникамъ. Никакихъ алегорическихъ фигуръ въ проектѣ памятника не допускается; равнымъ образомъ не допускаются и барельефныя и горельефныя изображенія по сторонамъ памятника. Простота и естественность замысла, ясность выраженія мысли, изящество и

художественность очертаній признаются главнымъ условіемъ задачи. 5) Матеріалы, предназначаемые для памятника и окружающей площадку сквера рѣшетки съ мачтами для фонарей электрическаго освѣщенія, суть граниты, порфиръ и бронза. 6) Проекты должны быть представлены въ моделяхъ изъ гипса или воска въ размѣрѣ 1/8 натуральной величины, съ объяснительною запискою и подробною смѣтою полной стоимости всѣхъ работъ, необходимыхъ для сооруженія всего памятника съ соотвѣтствующимъ оборудованіемъ сквера. 7) Стоимость памятника опредѣляется въ девяносто тысячъ рублей (90.000 р.). 8) Къ участію въ конкурсѣ допускаются всѣ желающіе русскіе подданные. 9) За проекты памятника, которые будутъ признаны комитетомъ наиболѣе удовлетворительно разрѣшившими задачу настоящаго конкурса, составители получаютъ преміи: за проектъ, признанный первымъ,—1.500 р., признанный вторымъ—1.000 р. и признанный третьимъ—500 р. Всѣ три премированные проекта поступаютъ въ собственность комитета; не удостоенные же преміи возвращаются представившимъ ихъ по предъявленіи расписки въ принятіи проекта на конкурсъ. 10) Если комитетъ признаетъ нужнымъ пріобрѣсти въ собственность не удостоенные преміи проекты, то онъ пріобрѣтаетъ таковые за цѣну по соглашенію съ авторомъ проекта. 11) Если комитетъ признаетъ возможнымъ произвести сооруженіе памятника по одному изъ представленныхъ проектовъ съ измѣненіемъ проекта по указанію комитета или же безъ всякаго измѣненія, то онъ поручаетъ автору проекта сооруженіе памятника вполнѣ за девяносто тысячъ рублей. 12) Срокъ представленія проектовъ въ зданіе московской городской думы (Воскресенская площадь) истекаетъ 30-го декабря 1901 года въ 12 часовъ дня. 13) На каждой модели, пояснительной запискѣ и смѣтѣ долженъ быть выставленъ девизъ или знакъ, и подъ таковымъ же девизомъ или знакомъ должны быть представлены въ наглухо заклеенныхъ или запечатанныхъ пакетахъ званіе, имя, фамилія и адресъ составителя. 14) Обсужденіе представленныхъ проектовъ производится комитетомъ по сооруженію въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю не позже 15-го февраля 1902 года. 15) Всѣ представленные проекты съ обсужденіемъ присужденныхъ премій и авторовъ ихъ выставляются для публичнаго обозрѣнія, начиная съ 21-го февраля по 21-е апрѣля 1902 года. По закрытіи выставки проекты, не удостоенные преміи, возвращаются ихъ авторамъ, какъ сказано выше въ статьѣ 9-й этихъ правилъ. Объявляя настоящій конкурсъ, комитетъ считаетъ долгомъ присовокупить, что въ настоящее время сумма поступившихъ пожертвованій составляетъ по нарицательной цѣнѣ процентныхъ бумагъ 90.500 рублей, что по курсу дня составляетъ около 87.000 рублей, что эта сумма недостаточна на покрытіе расходовъ по стоимости сооруженія, опредѣленной въ 90 тысячъ рублей, расходовъ на преміи (3.000 рублей) и прочихъ расходовъ, сопряженныхъ съ окончаніемъ всего дѣла. Поэтому пожертвованія принимаются и въ настоящее время и будутъ приниматься впредь до открытія памятника въ московской городской управѣ и у казначея Андрея Евдокимовича Носа (Москва, Шереметевскій пер., 2, кв. 15), которому комитетъ проситъ также возвратить разосланные имъ и еще не возвращенные подписные листы вмѣстѣ съ пожертвованіями, если таковыя поступили по подписнымъ листамъ.

Юбилейная комиссія Гоголя и Жуковскаго. Въ комиссію начинаютъ поступать заявленія какъ о назначеніи представителей отъ разныхъ обществъ, такъ и о тѣхъ предметахъ, которые предполагается прислать на выставку, устроиваемую въ Москвѣ во время торжествъ въ честь названныхъ поэтовъ. Такъ, отъ Педагогическаго общества назначается въ комиссію С. Г. Смирновъ, отъ общества исторіи и древностей россійскихъ—Р. Ф. Брандтъ, отъ Русскаго хорового общества—А. П. Чижовъ. Для выставки обѣщаны: три портрета Н. В. Гоголя отъ Н. А. Журавлева: первый портретъ работы академика Жереня (акварель), второй—карандашный портретъ работы Мамонова и третій—неизвѣстнаго художника масляными красками типа Моллера (самаго распространеннаго); кромѣ того, отъ Н. А. Журавлева поступило неизданное письмо Н. В. Гоголя къ Нащокину. Графиня П. С. Уварова представитъ на выставку рѣдкость—портретъ В. А. Жуковскаго работы Кипренскаго (гравюра сдѣлана Вендрамини) масляными красками, а также нѣсколько писемъ Жуковскаго къ графу Уварову. Отъ графа С. Д. Шереметева поступитъ портретъ Гоголя, подаренный имъ самимъ князю П. А. Вяземскому, и письма Гоголя къ Н. Н. Шереметевой. Очень интересный и оригинальный предметъ обѣщаетъ доставить на выставку графъ К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ, а именно прядь длинныхъ волосъ Н. В. Гоголя. Эта прядь волосъ имѣетъ свою исторію и была подарена Н. В. Гоголемъ во время пребыванія его въ Римѣ сыну русскаго посла, графу Хрептовичу-Бутеневу. Кромѣ того, появятся на выставкѣ три записки Гоголя, относящіяся къ тому же пребыванію писателя въ Римѣ, а также неизданное стихотвореніе В. А. Жуковскаго къ А. О. Смирновой.

Премія М. И. Михельсона. На основаніи § 9 правилъ о преміяхъ М. И. Михельсона, отдѣленіе русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1900—1903 гг.) назначены слѣдующія задачи: I) «Тюркскіе элементы на русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія»; II) «Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка»; III) «Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху»; IV) «Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ». Преміи установлены трехъ разрядовъ: въ 1.000 рублей, 500 рублей и 300 рублей и присуждаются каждые три года. Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1903 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ, и адресованы на имя непремѣннаго секретаря императорской академіи наукъ. На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскомъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при второмъ отдѣленіи императорской академіи наукъ.

Премія сенатора Д. А. Ровинскаго. Образованная, согласно завѣщанію сенатора Д. А. Ровинскаго, особая комиссія изъ профессоровъ Московскаго университета, въ составѣ Тарасова, Анучина, Кирпичникова и Клейна, закончила свои труды по составленію проекта «Положенія о преміяхъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора Д. А. Ровинскаго». Согласно волѣ покойнаго, премія

состоящая изъ годичныхъ процентовъ съ завѣщаннаго покойнымъ капитала въ 22.000 рублей, за вычетомъ 10% на увеличеніе капитала, будетъ присуждаться ежегодно «за лучшее сочиненіе для народнаго употребленія научное, а не чисто литературное, и иллюстрированное». Соискателями преміи могутъ выступать всѣ русскіе подданные, кромѣ профессоровъ Московскаго университета, на которыхъ возлагается присужденіе самой преміи. Во исполненіе своей задачи комиссія, соображаясь съ волей завѣщателя, выработала слѣдующія правила. Премія присуждается ежегодно однимъ изъ факультетовъ Московскаго университета по очереди. Сообразно этому факультеты же заблаговременно объявляютъ и темы сочиненій: физико-математическій факультетъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія; юридическій—по предмету народнаго хозяйства, гражданскаго и уголовнаго права, исторіи русскаго и церковнаго права; медицинскій факультетъ—по популярной медицинѣ и вообще по біологическимъ наукамъ въ примѣненіи ихъ къ медицинѣ; историко-филологическій факультетъ—по отечественной и всеобщей исторіи. Сочинанія представляются ежегодно не позднѣе 1-го мая. Комиссія по присужденію преміи избирается факультетомъ не менѣе какъ изъ трехъ членовъ. Оцѣнка и присужденіе преміи должны быть производимы не позже 1-го декабря каждаго года.

Собраніе статей Каткова. Еще въ сентябрѣ 1898 года министерствомъ народнаго просвѣщенія было предложено попечителямъ учебныхъ округовъ обратить вниманіе подчиненныхъ имъ начальствъ на сочиненія покойнаго М. Н. Каткова, съ цѣлью пріобрѣтенія ихъ для фундаментальныхъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ. Вдова тайнаго совѣтника М. Н. Каткова довела до свѣдѣнія министерства, что далеко не всѣ еще перечисленныя выше учебныя заведенія пріобрѣли сочиненія ея покойнаго мужа. Исходя изъ того, что въ виду высоко-религіознаго, нравственнаго и патріотическаго направленія статьи Каткова и до настоящаго времени не утратили своего значенія и интереса, министръ народнаго просвѣщенія генералъ-адъютантъ Ванновскій просилъ попечителя Одесскаго учебнаго округа вновь рекомендовать сочиненія М. Н. Каткова названнымъ учебнымъ заведеніямъ для пріобрѣтенія ихъ.

Библіотека П. Г. Рѣдкина. Наслѣдники покойнаго члена государственнаго совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Григорьевича Рѣдкина, скончавшагося 7-го марта 1891 года, на-дняхъ принесли всю его ученую библіотеку въ даръ Петербургскому университету, гдѣ онъ состоялъ профессоромъ энциклопедіи и философіи права съ 1863 по 1878 г. и ректоромъ—съ 1873 по 1876 г. Библіотека покойнаго, по словамъ газетъ (около 80 ящиковъ), оцѣненная въ 30 тысячъ рублей, состоитъ изъ тщательно подобранныхъ сочиненій по философіи, юриспруденціи, философіи и энциклопедіи права, исторіи и педагогикѣ. Дочь покойнаго, Е. П. Рѣдкина, отъ имени всѣхъ наслѣдниковъ, выразила желаніе, чтобы всѣ книги юридическаго и философскаго содержанія поступили въ юридическій кабинетъ университета, учрежденный для практическихъ занятій студентовъ и состоящій подъ непосредственнымъ попеченіемъ ректора А. Х. Гольмстена. Остальныя книги, за исключеніемъ дублетовъ, предназначаются въ библіотеку университета, дублеты же могутъ быть

переданы университетамъ Юрьевскому и Томскому, а также и другимъ учрежденіямъ, по усмотрѣнію ректора и библіотекаря. Госпожа Рѣдкина подарила юридическому кабинету и портретъ своего отца, писанный ею въ 1873 году, подъ руководствомъ профессора В. Боброва, чернымъ карандашомъ и пастелью. Книги и портретъ въ настоящее время перевезены въ библіотеку университета, и библіотекарь г. Крейсбергъ уже приступилъ къ выдѣленію дублетовъ и книгъ, предназначенныхъ для юридическаго кабинета.

Археологическая экскурсія. На конецъ іюня членами тверской ученой архивной комиссіи назначена археологическая экскурсія для обозрѣнія древностей въ городахъ Кашинѣ, Красномъ-Холму и Бѣжецкѣ, селѣ Кожинѣ Кашинскаго уѣзда (родина преподобнаго Макарія Калязинскаго) и въ имѣніи князя А. А. Ширинскаго-Шихматова, близъ станціи «Академической», Николаевской желѣзной дороги. Въ г. Кашинѣ предполагается устроить засѣданіе ученой архивной комиссіи, и, кромѣ того, въ помѣщеніи городской думы будетъ организована выставка предметовъ мѣстной старины и художественныхъ вещей. Въ предпринимаемой тверскими археологами экскурсіи изъявили согласіе принять участіе директоръ археологическаго института профессоръ Н. В. Покровскій и нѣкоторые изъ членовъ института. Экскурсія продлится 8—10 дней. Экскурсанты отправятся изъ Твери на пароходѣ по Волгѣ до Кашина, а отсюда уже по желѣзной дорогѣ. Кстати нѣсколько словъ о предполагаемой въ г. Кашинѣ выставкѣ, безплатной и общедоступной для всѣхъ. Въ числѣ предметовъ, намѣченныхъ для нея, заслуживаютъ особеннаго вниманія: покровъ на мощи благовѣрной княгини Анны Кашинской (супруги святого благовѣрнаго князя тверского Михаила Ярославича), шитый шелкомъ и серебромъ руками царевенъ, дочерей царя Алексѣя Михайловича, и принесенный имъ въ даръ Кашинскому собору во время перенесенія мощей княгини Анны; икона Спасителя древняго письма, принадлежавшая, по преданію, замученному татарами въ Шеренскомъ лѣсу князю Василько Ростовскому; древніе лицевые синодики изъ села Кожина и изъ Дмитріевскаго монастыря. Синодикъ села Кожина, помимо рѣдкаго исполненія рисунковъ, замѣчателенъ еще тѣмъ, что мѣсто, гдѣ былъ записанъ убіенный царевичъ Димитрій Угличскій, было неоднократно вычищаемо и замѣняемо другою надписью. На выставкѣ, кромѣ того, будетъ устроенъ отдѣлъ этнографическій, въ который войдутъ костюмы и головныя украшенія изъ богатаго мѣстнаго собранія, принадлежащаго любителю старины І. Я. Кункину. Многіе владѣльцы фамильныхъ рѣдкостей обѣщали организатору выставки А. А. Носову доставить свои предметы. Такъ, Д. Н. Дубасовъ доставитъ видъ города Великаго Устюга, писанный на полотнѣ масляными красками и поднесенный устюжанами одному изъ его предковъ въ половинѣ XVII столѣтія; А. П. Головинъ доставитъ табакерку съ видомъ Полтавской баталіи (подарокъ царя Петра I предку Головина); имъ же будетъ доставленъ большой серебряный кубокъ съ барельефами и группами, поднесенный при адресѣ помѣщиками и крестьянами Кашинскаго уѣзда его отцу П. Н. Головину за труды по должности перваго мирового посредника. Несомнѣнно, что примѣру ихъ послѣдуютъ и другіе кашинскіе помѣщики, въ имѣніяхъ которыхъ найдется очень много вещей, представляющихъ помимо фамильнаго и общій интересъ. Въ проекти-

руемомъ въ городѣ Кашинѣ засѣданіи ученой архивной комиссіи предположено разсмотрѣть также немало интересныхъ докладовъ.

Археологическія раскопки. Въ теченіе апрѣля и мая нынѣшняго года извѣстнымъ археологомъ, генералъ-лейтенантомъ Н. Е. Бранденбургомъ, и хранителемъ кіевскаго музея древностей и искусствъ В. В. Хвойко, по словамъ «Кіевлянина», были произведены обширныя раскопки скиѳскихъ кургановъ въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Роменскій скиѳскій могильникъ, по его обширности, величинѣ кургановъ и богатству археологическихъ находокъ, является единственнымъ въ Россіи. Впервые на этотъ могильникъ, нынѣ знаменитый въ археологическомъ мірѣ, обратилъ вниманіе профессоръ В. Б. Антоновичъ, послѣ котораго тамъ неоднократно дѣлали раскопки профессоръ Д. Я. Самоквасовъ, графъ А. А. Бобринскій, Н. А. Линниченко, С. А. Мазараки и многіе другіе. Могильникъ этотъ тянется вдоль нагорнаго праваго берега рѣки Сулы на пространствѣ всего Роменскаго уѣзда и далѣе продолжается въ предѣлахъ Лебедянскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Многіе курганы здѣсь имѣютъ громадные размѣры. Къ сожалѣнію, большинство изъ нихъ ограблено. Въ изученіи такъ называемой скиѳской эпохи этотъ посульскій могильникъ имѣетъ основное значеніе. Изъ предметовъ, добытыхъ при раскопкѣ его кургановъ, составлены многія цѣнныя коллекціи скиѳскихъ древностей. Таковы, между прочимъ, коллекціи графа А. А. Бобринскаго и Б. И. Ханенко. Все, что̀ было добыто профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ при его раскопкахъ, хранится нынѣ въ Москвѣ, въ Историческомъ музеѣ. Интересъ къ роменскому могильнику у археологовъ столь великъ, что въ 1899 году, по окончаніи XI археологическаго съѣзда, многочисленная группа участниковъ послѣдняго, въ томъ числѣ профессоръ Д. Н. Анучинъ, профессоръ Н. И. Веселовскій и многіе другіе, предприняла, подъ руководствомъ С. А. Мазараки, экскурсію въ Роменскій уѣздъ. Производившіяся въ нынѣшнемъ году въ теченіе двухъ мѣсяцевъ раскопки охватили обширный районъ. Были раскопаны курганы у селенія Волковцы, Великія Будки, Басовка, Аксютинцы, Плавинище, Чебераки и у заштатнаго города Глинска. Въ общемъ было раскопано около 50 кургановъ, въ томъ числѣ нѣсколько очень большихъ. Всѣ раскопанные курганы оказались, какъ и ожидали, типичными скиѳскими. Впрочемъ, въ одномъ курганѣ, у селенія Плавинище, найдено было поверхностное вкладное славянское погребеніе. Большинство кургановъ было ограблено. Но и тѣмъ, что̀ было найдено, 2-мѣсячный трудъ изслѣдователей вполнѣ вознагражденъ. Въ двухъ курганахъ были найдены два замѣчательные бронзовые предмета. Это — тѣ предметы, имѣющіе видъ не то значковъ, не то музыкальныхъ инструментовъ, обильно украшенные погремушками, звѣриными орнаментами и прочимъ, которые принято считать знаками власти. Два такіе предмета, только съ другими орнаментами и вообще отличающіеся въ деталяхъ отъ вновь найденныхъ, имѣются въ кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ. Тѣ же раскопки дали много сосудовъ, греческихъ и скиѳскихъ, оружія, принадлежностей конской сбруи и прочее. Всѣ эти предметы поступятъ частью въ главный артиллерійскій музей, частью въ кіевскій музей древностей и искусствъ.

Историческій глобусъ. Недавно состоялась перевозка изъ академіи наукъ въ Царское Село историческаго глобуса гигантскихъ размѣровъ, помѣщавшагося въ одной изъ круглыхъ залъ кунсткамеры. Глобусъ этотъ имѣетъ 11 футовъ въ діаметрѣ, сдѣланъ онъ изъ мѣди. Постройка глобуса была начата въ 1654 году герцогомъ голштинскимъ Фридрихомъ и окончена въ 1664 году. Наружная его поверхность представляетъ землю, а внутренняя — небесную сферу съ созвѣздіями обоихъ полушарій, при чемъ звѣзды изображены соотвѣтственно ихъ величинѣ. Внутрь глобуса ведетъ дверь, а въ центрѣ находится столъ со скамьями кругомъ, на которыхъ могутъ помѣститься 10—12 человѣкъ. При помощи особаго механизма глобусъ этотъ можетъ быть приводимъ въ движеніе вокругъ своей оси. Петръ Великій въ 1713 г. послѣ взятія шлезвигъ-голштинской крѣпости Тиннингена получилъ въ подарокъ этотъ глобусъ отъ Голштинскаго герцогства и всегда имъ интересовался. На перевозку глобуса въ Петербургъ понадобилось 4 года. До Ревеля его доставили водой, а затѣмъ—на особенно устроенной машинѣ, при чемъ приходилось прокладывать для него дорогу, прорубать и расчищать лѣсъ. Вѣсъ глобуса слишкомъ 200 пудовъ. Врученъ онъ академіи наукъ въ 1725 году.

Старинныя игрушки. Полтавская подготовительная комиссія по устройству этнографической малорусской выставки при археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ предлагаетъ между прочимъ собираніе игрушекъ и свѣдѣній о дѣтскихъ играхъ. Поступая такъ, по замѣчанію «Полт. Губ. Вѣд.», полтавская комиссія мимоходомъ исполняетъ просьбу А. М. Лазаревскаго, знатока малорусской старины, который указалъ на постепенное исчезновеніе старинныхъ игрушекъ (глиняныхъ) и на то, что интересно было бы для науки сохранить эту старину, собравъ коллекціи для выставки.

НЕКРОЛОГИ.

АБАРИНОВА, А. И. 16-го іюля въ Тульской губерніи скончалась послѣ продолжительной, болѣе чѣмъ двухлѣтней тяжкой болѣзни, талантливая артистка императорскихъ театровъ, Антонина Ивановна Абаринова. Покойная родилась въ 1842 году во Владимірѣ и двухъ лѣтъ привезена была въ Петербургъ, гдѣ и получила свое образованіе въ Патріотическомъ институтѣ, будучи при выпускѣ въ 1859 году награждена, какъ отличная ученица, первымъ шифромъ. Еще во время пребыванія въ институтѣ ея голосъ заставилъ обратить на нее вниманіе, и она нѣкоторое время брала уроки у Пиччіоли, затѣмъ занималась у Фаччіоти и въ 1860 году уѣхала въ Италію для развитія и обработки голоса. Въ Миланѣ она брала уроки у Мацукатто, капельмейстера театра Скала, и потомъ у Гальдцерони. Не прошло и года, какъ уже дебютировала въ Одессѣ на итальянской опереточной сценѣ въ роли Піэроттины въ «Линдѣ» (1861 г.), а потомъ въ «Сафо» Пачини; успѣхъ былъ полный, и публика приняла молодую артистку восторженно. Въ томъ же году она уѣхала снова за границу и въ Генуѣ успѣшно пѣла въ «Маріи де-Роганъ». Въ 1862 г. она приглашена въ Москву, въ итальянскую оперу, гдѣ пѣла цѣлый сезонъ въ «Трубадурѣ», «Линдѣ», «Нормѣ», «Лукреціи» и другихъ операхъ. Въ томъ же году она вышла замужъ и на нѣкоторое время распростилась со сценою. Спустя пять лѣтъ, А. И. Абаринова вновь выступила въ итальянской оперѣ въ Таганрогѣ и Одессѣ. Затѣмъ она пѣла въ Тифлисѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Въ 1878 г. покойная рѣшилась оставить оперу и оперетку и посвятила себя драмѣ и комедіи. 16-го сентября она дебютировала съ успѣхомъ въ комедіи Манна «Паутина». Съ тѣхъ поръ популярность артистки и симпатіи къ ней публики росли съ каждымъ годомъ. Покойная А. И. Абаринова была одною изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ артистокъ, чуткая

къ интересамъ современности, много читавшая и наблюдавшая. За свою почти сорокалѣтнюю сценическую дѣятельность покойная встрѣчалась со многими отечественными и иностранными знаменитостями; не разставаясь никогда съ записною книжкою, она постоянно заносила въ нее наиболѣе интересные въ жизни факты и встрѣчи. Изъ этихъ книжечекъ она составила свои полныя интереса воспоминанія, печатавшіяся въ «Историческомъ Вѣстникѣ». (Некрологи ея: «Нов. Время», 1901, № 9112; «Новости», 1901, № 196; «Россія», 1901, № 800).

† **Беккеръ, Ѳ. Ѳ.** 11-го іюля скончался, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, бывшій артистъ императорской оперы Ѳедоръ Ѳедоровичъ Беккеръ. Покойный, сынъ заводскаго мастера, по окончаніи курса во Владимирскомъ приходскомъ училищѣ, нѣсколько лѣтъ былъ келейникомъ у о. Брянчанинова въ Сергіевой пустыни и подъ его руководствомъ пристрастился къ музыкѣ. Выйдя изъ монастыря, онъ занялся въ консерваторіи и одновременно служилъ въ императорскомъ оперномъ хорѣ. Недюжинныя способности Ѳ. Ѳ. выдвинули его, какъ дирижера и руководителя духовныхъ концертовъ вышеназваннаго хора. Въ 1888 г., когда они были даны впервые, то изумили публику необычайною стройностью исполненія. Этими концертами покойный руководилъ до самой своей болѣзни. Кромѣ своихъ занятій по должности режиссера Маріинскаго театра, Ѳ. Ѳ. завѣдывалъ и дирижировалъ безплатнымъ хоровымъ кружкомъ И. А. Мельникова, собиравшимся въ залѣ городской думы. Тяжкая душевная болѣзнь свела его въ могилу въ далеко еще не старыхъ лѣтахъ: покойному было 52 года. (Некрологи его: «Нов. Время», 1901, № 9108; «Россія», 1901, № 795).

† **Венюковъ, М. И.** 4-го іюля въ парижской больницѣ Діона скончался извѣстный географъ и путешественникъ, Михаилъ Ивановичъ Венюковъ.

Покойный, сынъ помѣщика, родился въ 1832 году, воспитывался въ дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское училище) и въ 1850 г. выпущенъ офицеромъ. Далѣе онъ поступилъ въ университетъ и затѣмъ въ военную академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1856 г. и тогда же отправился въ первое свое путешествіе въ Амурскую область. Это была командировка для обслѣдованія Амура съ военной цѣлью, но попутно М. И. собралъ и научный матеріалъ, имѣющій общій интересъ. Съ 1857 по 1863 гг. покойный путешествовалъ по Забайкалью, посѣтилъ Иссы-куль, Тянь-Шань, Алтай и Кавказъ. Затѣмъ четыре года служилъ предсѣдателемъ комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ царствѣ Польскомъ; въ 1868 г. совершилъ кругосвѣтное путешествіе, далѣе имъ были предприняты ученыя экспедиціи въ Китай и Японію, результатомъ которыхъ явились труды его: «Очерки Японіи», «Обозрѣніе Японскаго архипелага» (два тома); «Очерки современнаго Китая» и «Старые и новые договоры Россіи съ Китаемъ». Съ 1872 по 1876 гг. Михаилъ Ивановичъ состоялъ секретаремъ географическаго общества; въ 1877 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-майора и поселился въ Парижѣ, но не надолго. Съ восьмидесятыхъ годовъ онъ снова путешествуетъ, на этотъ разъ по Африкѣ и южной и центральной Америкѣ. Наконецъ, годы взяли свое, и М. И. Венюковъ окончательно поселился въ Парижѣ, гдѣ и скончался на 69 году отъ рожденія. Изъ

трудовъ покойнаго, кромѣ упомянутыхъ выше, назовемъ еще слѣдующіе: «Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи», «Путешествія по окраинамъ русской Азіи», «Стратегическій и военно-статистическій обзоръ юго-западной части Европейской Россіи», «Очерки физической географіи», «Краткій очеркъ англійскихъ владѣній въ Азіи», «Списокъ русскихъ путешественниковъ по Азіи съ 1855 по 1880 гг», «Россія и Востокъ, сборникъ политическихъ статей объ азіатскихъ земляхъ», «Очерки исторіи Россіи отъ крымской войны до берлинскаго мира» и много другихъ статей, очерковъ и изслѣдованій, напечатанныхъ въ «Военномъ Сборникѣ», «Извѣстіяхъ русскаго географическаго общества», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Инвалидѣ», «Голосѣ», «Сѣверной Пчелѣ», «Русской Мысли», «Русской Старинѣ» (воспоминанія), «Comptes rendus de l'Académie dés sciences», «Revue de Géographie», «Revue scientifique», «Comptes rendus de la Société de Geographie commerciale» и др. періодическихъ изданіяхъ. Покойный отличался очень своеобразнымъ характеромъ, съ большими странностями и чудачествами; ихъ можно замѣтить въ любопытной его автобіографіи, напечатанной въ альбомѣ М. И. Семевскаго «Знакомые».

М. И. Венюковъ послѣдніе годы жилъ очень скромно, постоянно нуждался въ деньгахъ и умеръ въ больницѣ безъ всякихъ средствъ. (Некрологи его: «Россія», 1901, № 782; «Недѣля», 1901, № 28).

† **Ждановъ, И. Н.** Въ ночь на 11-е іюля, въ Алупкѣ, скончался ординарный академикъ, профессоръ историко-филологическаго института и С.-Петербургскаго университета, д. ст. сов. Иванъ Николаевичъ Ждановъ. Покойный родился въ 1846 году въ Архангельской губерніи, первоначальное воспитаніе получилъ въ архангельской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, который окончилъ, со степенью кандидата, въ 1874 г. Къ этому времени относится и его первая крупная научная работа «Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора» (1876 г.); въ 1879 г. И. Н. Ждановъ состоялъ приватъ-доцентомъ университета св. Владимира и преподавателемъ исторіи русской литературы на кіевскихъ женскихъ курсахъ. Въ Кіевѣ покойный пробылъ четыре года и за это время напечаталъ два новыхъ солидныхъ труда: «Русская поэзія въ домонгольскую эпоху» и «Литература слова о полку Игоревѣ». Въ 1881 году И. Н. защищалъ диссертацію на тему: «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи», за которую удостоенъ былъ степени магистра словесности и получилъ профессора въ историко-филологическомъ институтѣ въ С.-Петербургѣ. Кромѣ указанныхъ трехъ трудовъ покойнаго, перу его принадлежитъ и рядъ другихъ изслѣдованій въ области древней литературы и словесности, въ которой онъ изучалъ памятники русской литературы, сравнительно съ произведеніями другихъ европейскихъ литературъ. Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ Ив. Ник. читалъ лекціи въ Александровскомъ лицеѣ, а также на высшихъ женскихъ курсахъ, а съ 1894 г. и въ С.-Петербургскомъ университетѣ; въ этомъ же году онъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ, а впослѣдствіи и ординарнымъ академикомъ. Покойный печаталъ свои труды въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», въ «Живой Старинѣ» и др. изданіяхъ. Погребеніе тѣла Ив. Ник. со-

стоялось 18 іюля на кладбищѣ Новодѣвичьяго женскаго монастыря. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1901, № 9106; «Россія» 1901, № 794).

† **Корниловъ, И. П.** 2-го іюля въ Петербургѣ скончался членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, почетный опекунъ учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи, д. тайн. сов. Иванъ Петровичъ Корниловъ. Покойный—сынъ извѣстнаго героя отечественной войны, родился 28 августа 1811 г., воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1830 г. былъ выпущенъ офицеромъ въ л.-гв. измайловскій полкъ; затѣмъ, выйдя въ отставку, уѣхалъ въ Восточную Сибирь, гдѣ долгое время служилъ по межевому вѣдомству. Въ 1850-хъ годахъ онъ былъ инспекторомъ казенныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа, а въ 1864 г. назначенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Съ 1869 г. онъ состоитъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, а въ концѣ 1880-хъ годовъ назначенъ почетнымъ опекуномъ. За время своей службы по Виленскому округу покойный устроилъ въ Вильнѣ публичную библіотеку, архивъ и учредилъ здѣсь отдѣленіе географическаго общества, членомъ котораго состоялъ самъ около пятидесяти лѣтъ. Въ 1886—1887 гг. при его участіи предпринято введеніе литовскаго языка въ православное богослуженіе. Ранѣе того, при сотрудничествѣ такихъ ученыхъ, какъ Юшкевичъ, Кречинскій и Микуцкій, покойный работалъ надъ примѣненіемъ русской азбуки къ литовскому языку и ввелъ въ литовскія школы національные литовскіе учебники. Съ 1879 года онъ редактировалъ «Сборникъ матеріаловъ для исторіи народнаго просвѣщенія», которые извлекалъ изъ министерскаго архива. Послѣдніе годы жизни онъ состоялъ опекуномъ Николаевскаго гатчинскаго сиротскаго института. Покойный напечаталъ много трудовъ въ «Извѣстіяхъ» географическаго общества; извѣстны его изслѣдованія «О лѣсопромышленности на р. Унжѣ», «Астраханская губернія», «Киргизскія и калмыцкія степи» и др. И. П. Корниловъ извѣстенъ, какъ большой любитель старопечатныхъ русскихъ и славянскихъ книгъ и рукописей. Его коллекціи пользуются большимъ уваженіемъ среди русскихъ библіографовъ. (Некрологи его: «Россія» 1901, № 784; «Нов. Время» 1901, отъ 2 іюля; «Нива» 1901, № 28).

† **Марковъ, С. М.** Въ ночь на 5-е іюля скончался младшій помощникъ главнаго редактора «Правительственнаго Вѣстника» Сергѣй Марковичъ Марковъ. Покойный—крестьянинъ по происхожденію, родился въ 1843 году. 16-лѣтнимъ юношей онъ поступилъ наборщикомъ въ типографію департамента удѣловъ. Будучи отъ природы крайне любознательнымъ, онъ все свободное отъ работы время посвящалъ систематическому ученію и такимъ образомъ великолѣпно себя самообразовалъ. Съ «Правительственнымъ Вѣстникомъ» дѣятельность Маркова была связана съ основанія этой газеты. Ему пришлось въ качествѣ метранпажа верстать въ 1869 г. первый № «Вѣстника». Съ 1882 г. онъ былъ и. д. помощника редактора офиціальнаго отдѣла «Прав. Вѣстн.», съ 1895 г. — младшимъ помощникомъ главнаго редактора. Перу покойнаго принадлежитъ рядъ статей о двунадесятыхъ и другихъ праздникахъ, напечатанныхъ въ приложеніи къ «Сельскому Вѣстнику»: «Богъ-помочь». (Некрологи его: «Нов. Время» 1901, № 9101; «Россія» 1901, № 788).

† **Осиповъ, Н. О.** 13-го іюля въ Спб. скончался отъ паралича сердца статистикъ-писатель Николай Осиповичъ Осиповъ. Покойный родился въ 1858 году въ Пермской губ. Высшее образованіе получилъ въ Казанскомъ университетѣ; тотчасъ же по окончаніи курса началъ помѣщать въ «Отечественныхъ Запискахъ» обстоятельныя статьи по вопросу о нуждахъ земства, устройства крестьянъ, о народномъ кредитѣ и по статистикѣ. Въ то же время покойный поступилъ на службу въ статистическое бюро казанскаго губернскаго земства, а въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ завѣдывалъ земской статистикой въ Уфимской губерніи. По выходѣ въ свѣтъ его «Изслѣдованія о курганскихъ государственныхъ крестьянахъ», покойный былъ приглашенъ на службу въ министерство финансовъ по департаменту торговли и мануфактуръ, а по введеніи въ дѣйствіе положенія о казенной питейной монополіи назначенъ былъ начальникомъ статистическаго отдѣленія главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Покойный долгіе годы состоялъ членомъ общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности.

Большинство своихъ работъ Н. О. издалъ отдѣльными книгами, изъ нихъ укажемъ: «Обзоръ дѣятельности ссудосберегательныхъ товариществъ и проектъ организаціи сельскаго кредита», «Опытъ статистическаго изслѣдованія о дѣятельности ссудосберегательныхъ товариществъ», «Пособіе для устройства кустарно-промышленныхъ артелей», «Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Курганскаго округа Тобольской губерніи» и др. (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 798).

† **Раевъ, А. Ѳ.** 24-го іюня скончался членъ совѣта министра финансовъ, тайный совѣтникъ Александръ Ѳедоровичъ Раевъ. Покойный, по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а вскорѣ затѣмъ перешелъ въ департаментъ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ. По приглашенію А. А. Краевскаго, А. Ѳ. Раевъ работалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ напечатанъ рядъ статей его по улучшенію экономическаго быта крестьянъ. Во время командировокъ въ Виленскую, Ковенскую и Гродненскую губерніи, а также въ приволжскія, А. Ѳ. Раевъ ознакомился съ нуждами мѣстнаго населенія, которому всегда старался оказывать посильную помощь. Въ должностяхъ члена совѣта министра финансовъ и училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ покойный состоялъ съ 1887 г. (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 798).

† **Рудзскій, А. Ф.** Въ ночь на 29-е іюня скончался въ Виленской губерніи профессоръ С.-Петербургскаго лѣсного института Александръ Филиціановичъ Рудзскій. Покойный родился 12 января 1838 года; по окончаніи средняго образованія, поступилъ въ бывшій лѣсной и межевой институтъ, окончивъ который въ 1858 году былъ командированъ въ распоряженіе генералъ-майора Самсонова для тушенія лѣсныхъ пожаровъ. Въ слѣдующемъ году А. Ф. былъ зачисленъ слушателемъ офицерскаго класса бывшаго лѣсного и межевого института, гдѣ оставался одинъ годъ, а затѣмъ былъ назначенъ преподавателемъ лисинскаго учебнаго лѣсничества. Чрезъ годъ А. Ф. былъ командированъ за границу для усовершенствованія въ своей спеціальности. Въ 1876 году онъ былъ назначенъ преподавателемъ с.-петербургскаго земледѣльческаго инсти-

тута, а по преобразованіи послѣдняго въ 1880 году въ нынѣшній лѣсной институтъ былъ избранъ въ составъ профессоровъ его. Дѣятельность А. Ф. не ограничилась профессурою. Съ 1895 по 1901 годъ онъ былъ редакторомъ журнала «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» и «Земледѣльческой Газеты». Ему же обязаны своимъ возникновеніемъ журналы «Плодоводство» и «Школьное Хозяйство». (Некрологи его: Земледѣльческая Газета 1901, № 28; Россія, 1901, № 783).

† **Сухомлиновъ, М. И.** 8-го іюля скончался послѣ продолжительной болѣзни академикъ Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ. М. И., сынъ харьковскаго профессора, читавшаго химію, родился въ 1828 г., воспитывался и кончилъ курсъ въ университетѣ въ Харьковѣ въ 1848 г. Талантливые профессора, у которыхъ ему пришлось учиться, Костомаровъ въ пансіонѣ и Срезневскій въ университетѣ, успѣли заронить въ воспріимчивомъ ученикѣ искру живѣйшей любви. къ родной словесности, при чемъ И. И. Срезневскій далъ студенту Сухомлинову образецъ строго-ученаго направленія, котораго онъ держался во всѣхъ своихъ многочисленныхъ трудахъ.

Черезъ два года по окончаніи университетскаго курса М. И. уже защитилъ диссертацію на степень магистра русской словесности, представивъ сочиненіе «Взглядъ на историческій ходъ русской драмы». Въ 1852 г. М. И. былъ по конкурсу избранъ въ адъюнкты по каѳедрѣ русской словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Теоретическую часть этой каѳедры излагалъ тогда проф. А. В. Никитенко, которому М. И. явился дѣятельнымъ и талантливымъ помощникомъ. Въ 1856 г. за диссертацію «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ», М. И. былъ удостоенъ степени доктора славяно-русской филологіи. Въ 1858—1860 гг. С.-Петербургскій университетъ доставилъ молодому ученому возможность совершить путешествіе по славянскимъ землямъ и Западной Европѣ. Въ этомъ путешествіи М. И. слушалъ лекціи и пользовался непосредственными указаніями такихъ корифеевъ-лингвистки, какъ братья Гриммы, Шафарикъ, Шлейхеръ и др. По возвращеніи изъ-за границы онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ. Съ самаго вступленія своего въ помощники къ Никитенку, М. И. взялъ на себя чтеніе лекцій по теоріи языка и исторіи древней русской литературы, обращая главное вниманіе какъ въ преподаваніи, такъ и въ ученыхъ трудахъ преимущественно на разработку памятниковъ отечественной словесности. Онъ былъ первымъ ученымъ филологомъ по каѳедрѣ отечественной словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Уже за эти первые годы своей профессорской дѣятельности М. И. успѣлъ написать цѣлый рядъ солидныхъ сочиненій: такъ, имъ были изданы труды «О языкознаніи въ Древней Россіи», «О псевдонимахъ въ древней русской словесности», «О сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Пчелъ», «О литературѣ въ Россіи при Петрѣ Великомъ», «О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи», «Ломоносовъ, какъ студентъ Марбургскаго университета» и др., Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько разборовъ разныхъ сочиненій по славянскимъ землямъ и издалъ «Сочиненія Кирилла Туровскаго», присовокупивъ къ нимъ обширное изслѣдованіе о славянскихъ и византійскихъ источникахъ этого замѣчательнѣйшаго русскаго писателя XII вѣка.

Въ 1864 г. М. И. былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ университета, а съ 1872 г. состоялъ академикомъ. Самымъ плодотворнымъ временемъ его писательско-ученой дѣятельности были года его профессуры. Но и затѣмъ онъ печатаетъ и издаетъ множество отдѣльныхъ изслѣдованій и является авторомъ цѣнныхъ статей въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ «Запискахъ Академіи», въ «Истор. Вѣстн.» и др. журналахъ. Между прочимъ въ журналахъ имъ были помѣщены статьи о Ломоносовѣ, Новиковѣ, Радищевѣ, Пушкинѣ, Аксаковѣ; всѣ эти статьи были собраны во 2-мъ томѣ его сочиненій подъ общимъ заголовкомъ: «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію». Самымъ капитальнымъ трудомъ покойнаго въ бытность его академикомъ является «Исторія Россійской академіи» въ 8 томахъ, которая представляетъ собою рядъ обширныхъ монографій о писателяхъ и ученыхъ конца XVIII и начала XIX стол. Заслуги М. И. сдѣлали его почетнымъ членомъ Петербургскаго, Кіевскаго, Харьковскаго и Казанскаго университетовъ. Съ 1899 г. покойный предсѣдательствовалъ во II отдѣленіи академіи наукъ затѣмъ и во вновь учрежденномъ разрядѣ изящной словесности.

По общему складу своихъ литературно-общественныхъ взглядовъ покойный оставался всегда вѣренъ тому гуманистическому направленію, которое его захватило еще въ 50-хъ годахъ. М. И. всегда былъ истиннымъ сторонникомъ всякихъ просвѣтительныхъ начинаній, сохранивъ въ этомъ направленіи до конца жизни необычайную живость и увлеченіе.

По своему служебному положенію М. И. состоялъ въ чинѣ дѣйств. тайн. сов., имѣлъ всѣ ордена до Бѣлаго Орла включительно.

— Такъ, хорошо!.. да, это мой мужъ!—тихо перебила Берта, краснѣя, какъ молодая дѣвушка.—Теперь вы понимаете, почему я тороплюсь знать, что стало съ нимъ.

— Разумѣется, понимаю... я понимаю... Но если вы не хотите сказать имя, какъ же вы желаете, чтобы я вамъ сообщила?

Берта инстинктивно посмотрѣла вокругъ, прежде чѣмъ отвѣтить и дать указанія, какихъ отъ нея требовали. Ей казалось, что она выдаетъ страшную тайну, и однако же она угадывала по волненію Доротеи, что послѣдняя можетъ дать ей полезныя указанія.

Тогда Берта еще болѣе приблизила свое лицо къ Доротеѣ. Она уже полуоткрыла губы, чтобы довѣрить свою тайну, не замѣчая странной душевной тоски, выразившейся на лицѣ Доротеи.

Вдругъ легкій шумъ заставилъ ее остановиться. Она повернула голову къ кровати и остановилась, похолодѣвъ отъ испуга.

Гансъ, сдѣлавъ неопредѣленный жестъ рукою, какъ будто отгоняя невидимаго врага, поднялся во весь ростъ на постели. Его глаза были широко раскрыты и устремлены на темную стѣну. Ничто не отвлекало этого взгляда отъ нея: ни трагическая, но граціозная группа двухъ женщинъ, поднявшихся разомъ, ни ритмическое колебаніе пламени, выбивающагося изъ фонаря, который служилъ единственнымъ источникомъ освѣщенія комнаты...

Онъ спалъ..... Онъ видѣлъ сонъ... Онъ говорилъ... твердымъ и монотоннымъ голосомъ:

— Надо торопиться! Вотъ они являются. Мама Берта, тебѣ нужно будетъ унести Либзету сейчасъ же и уѣхать съ Родекомъ. Я же поѣду, отыщу моего отца, отца Карла, чтобы его не убили... его также.... Его хотятъ убить!...

— Что ты говоришь?—закричала Берта, бросаясь къ нему.

Ребенокъ упалъ безъ движенія въ ея объятія. Затѣмъ онъ открылъ глаза, узналъ ее и улыбнулся.

— Я видѣлъ во снѣ,—произнесъ онъ со своимъ обычнымъ милымъ выговоромъ... Я видѣлъ, что насъ окружили солдаты и взяли.... Что это!... кто съ нами? Кто эта дама, скажи?

— Одна дама, только что укрывшаяся въ домѣ.

— Ты знаешь ее?

— Я не знаю ея, но она сказала свое имя. Она пришла изъ того города, куда мы ѣдемъ.

Гансъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее со страннымъ вниманіемъ и затѣмъ сказалъ совсѣмъ тихо:

— Ты увѣрена, что не она ведетъ ихъ солдатъ?

Доротея ничего не слышала и даже не прислушивалась. Она была поражена въ самое сердце фразой: «мой отецъ Карлъ», только что произнесенной спящимъ ребенкомъ. Она стояла, облокотясь плечомъ на дверь, глядя на соединившихся вокругъ нея трехъ существъ. Но она не видѣла ихъ. Хотя эти маленькія существа

были хрупкія, но теперь они встали, какъ невидимая охрана сердца того, на котораго она смотрѣла, кака на свое будущее завоеваніе.

Теперь было ясно, этотъ Карлъ—не кто другой, какъ Шульмейстеръ, человѣкъ съ красными волосами, съ карими глазами, маленькій, коренастый и явившійся оттуда... изъ Эльзаса!

Нѣтъ болѣе сомнѣній: передъ нею находились жена и дѣти неблагодарнаго, который ее оттолкнулъ.

Какъ они должны любить его всѣ трое, если рѣшились, несмотря на войну, проѣхать столько странъ, чтобы найти его!...

Да и у него, этого смѣлаго, отважнаго ея товарища, владѣющаго такою женою и такими дѣтьми, должно быть сердце тоже полно воспоминаніями о нихъ.

Доротея чувствовала, что капризное зданіе, построенное ея лихорадочнымъ воображеніемъ, рушилось.... Уже нѣсколько часовъ она жила мыслью освободиться отъ роковой зависимости... Она бросилась, очертя голову, на новое похожденіе, возмущенная измѣной и подлостью Венда. Положимъ, это новое похожденіе было опасно, но, по крайней мѣрѣ, привлекательно по своему открытому риску и по рыцарскому безкорыстію...

И съ первыхъ же шаговъ она разбиваетъ голову о стѣну, а свое сердце—о цѣлую семью, собравшуюся вокругъ ея героя!

Такъ значитъ инстинктъ ее обманулъ? Очевидно на свѣтѣ былъ иной законъ, чѣмъ ея фантазія, другая воля, чѣмъ ея, и существовали такіе запретные плоды, которыхъ ея рука не могла бы никогда схватить.

Жена! сынъ! дочь!—раздумывала Доротея. Шульмейстеръ обладалъ всѣмъ этимъ! И онъ имѣлъ мужество все это покинуть, чтобы исполнить опасное порученіе!.. Что же онъ за человѣкъ? Положимъ онъ не легкомысленный развратникъ, потому что отказался отъ удовольствія воспользоваться любовью прекраснаго созданія, какъ она. Она бросалась сама въ его объятія!... Нѣтъ сомнѣнія, что онъ достойный человѣкъ, потому что онъ посвятилъ себя долгу, болѣе, чѣмъ кто либо другой...

И въ бѣдномъ, потертомъ и легко поддающемся мозгу Доротеи поднялся цѣлый вихрь смутныхъ и безсвязныхъ мыслей. Въ ея груди слышались повторяемые сильные удары, отражавшіеся, какъ эхо, въ ея ушахъ. Хотя вокругъ никто болѣе не говорилъ, однако ей казалось, что она слышитъ съ обѣихъ сторонъ оглушающій шумъ.

Что она будетъ теперь дѣлать?.. На что ей рѣшиться?... Кому служить?..

Эта мысль была первымъ проблескомъ, освѣтившимъ ей путь, по которому ей предстояло слѣдовать.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Скорѣе все другое, но не Вендъ!—рѣшила она.

Вскорѣ ея невидимые душевные глаза начали снова искать

этотъ свѣтъ. Ея умомъ снова овладѣло вдохновеніе. Мало-по-малу исчезло ужасное смятеніе, помрачившее на одинъ моментъ ея умъ.

Надо продолжать службу у соперницы, чтобы ускользнуть отъ презрѣннаго Венда, такъ безжалостно эксплоатировавшаго ее.

Ну, такъ что же, развѣ она не порѣшила помогать Шульмейстеру? Не будетъ ли лучшимъ средствомъ заслужить его довѣріе, если она извѣститъ его прежде всего о судьбѣ любимыхъ существъ? Да, она была способна даже на это!..

Благородная мысль, едва появившись, овладѣла тотчасъ ея душою. Эта потерянная дочь народа переродилась, даже не заботясь объ этомъ, и ничего не предпринимала, чтобы смягчить свое горе. Надежда полюбить этого человѣка овладѣла ею, потому что она презирала другого. И даже теперь, не надѣясь на любовь, она могла оставаться вѣрна своему презрѣнію къ Венду.

Все было кончено! Она подняла голову съ твердымъ рѣшеніемъ дѣйствовать благородно.

Но съ возвратившимся хладнокровіемъ къ ней вернулась способность видѣть и слышать.

Что же произошло въ это время въ комнатѣ?

Оба ребенка проснулись и смотрѣли со страхомъ на дверь. Берта крѣпко прижимала ихъ къ себѣ... Передъ домомъ раздавался грубый голосъ бранившагося Родека. Въ отвѣтъ слышался слабо заглушаемый голосъ. Непрерывавшійся топотъ оживилъ деревенскую улицу. Бряцанье оружія невольно выдавало присутствіе солдатъ, которымъ, безъ сомнѣнія, предписывалось какъ можно меньше производить шуму. Но не могли же они помѣшать кольцамъ узды ударяться другъ о друга, двумъ ружейнымъ дуламъ сталкиваться и стальной пряжкѣ задѣвать за мѣдную пуговицу. Все это производило какъ будто ночной шопотъ оружія, который никогда не могло еще ни одно войско запретить.

— Что случилось?—спросила громко Доротея.

— Значитъ, мы опять попали въ нѣмецкую линію,—отвѣчала Берта.—Хотя мы близки къ цѣли, но намъ придется, можетъ быть, еще удлинить нашъ путь...

Сильнымъ толчкомъ, который заставилъ Родека попятиться, нѣсколько солдатъ очистили себѣ входъ и прошли до самыхъ дверей комнаты, гдѣ были путешественники. Въ то время Гансъ высвободился изъ объятій Берты и спрыгнулъ съ постели. Онъ всталъ передъ Бертой съ наивнымъ и трогательнымъ инстинктомъ, побуждавшимъ его защищать мать. Доротея бросилась къ двери, въ которую уже начали стучать солдаты ружейными прикладами.

— Всего проще открыть и посмотрѣть! — сказала она рѣшительно.

Едва она повернула ключъ въ замочной скважинѣ, какъ была отброшена назадъ непреодолимой силой трехъ австрійскихъ гре-

надеръ оффенбургскаго полка. Это были три великана; ихъ разбѣгъ, не находя болѣе сопротивленія, устремился на испуганныхъ бѣглецовъ.

— Что же вы хотите? — спросила ихъ Доротея смѣлымъ тономъ.—Гдѣ офицеръ, командующій вами? Я желала бы, чтобы онъ объяснилъ мнѣ, почему врываются въ комнату, гдѣ спятъ женщины и дѣти, когда есть много другихъ угловъ для солдатъ?

— Молчите, дѣвица! — грубо возразилъ ей вошедшій унтеръофицеръ.—Приказъ отданъ занять деревню, остальное ни до кого не касается.

— Гдѣ начальникъ?

— Это—я.

— Неправда!

— Ты смѣешь возражать!—вскричалъ взбѣшенный унтеръ.

— Я говорю, что вы командуете самое большее взводомъ. Гдѣ же капитанъ?

— Ба! да это вы, г-жа Вендъ?

Эта фраза была произнесена самымъ удивленнымъ и въ то же время самымъ любезнымъ тономъ. Въ раскрытыхъ дверяхъ показалась изящная фигура молодого командира роты. Когда Доротея услышала, что ее такъ называютъ, у нея отъ стыда сдѣлался приливъ крови, окрасившей ей щеки пурпуровой краской... Гансъ полуобернулся къ матери и, казалось, говорилъ ей взглядомъ: «Видишь, я—правъ, она заодно съ ними».

— Какими судьбами вы попали сюда, красавица Доротея?—продолжалъ юный офицеръ.—А! понимаю... Тайная служба! не правда ли?.. Ничего не говорите! я ничего не хочу знать!.. Только я васъ обязываю не оставаться дольше въ этой деревнѣ. Кое-кто, кого вы знаете, указалъ главному штабу, что онъ обманулся, или былъ обманутъ до послѣдней минуты относительно намѣреній непріятеля, и что насъ атакуютъ съ этой, а не съ той стороны... Такъ вы понимаете?.. У насъ можетъ быть здѣсь съ восходомъ солнца слишкомъ горячее дѣльце, чтобы въ него вмѣшивались женщины... Вы были съ этой дамой? Красивая особа!.. Вотъ тебѣ и разъ! да у нея есть дѣти! у нея?...

Солдаты при появленіи начальства отступили. Одинъ сержантъ, стоящій у двери, ожидалъ распоряженій.

— Прикажите проводить «г-жу Вендъ» до входа въ Вертингенъ,—сказалъ ему офицеръ,—и позаботьтесь, чтобы она прошла свободно. Если есть возможность найти какой нибудь экипажъ, который можетъ доставить ее туда, то велите откомандировать солдата, чтобы управлять лошадью.

— Кстати, я какъ разъ видѣлъ передъ дверью маленькую тележку, которой можно воспользоваться. До свиданья, красавица! Поклонъ поручику!

Доротея была глубоко оскорблена этой самонадѣянной фамильярностью одного изъ тѣхъ, съ которымъ борется Шульмейстеръ, и въ особенности потому, что все это произошло въ присутствіи Берты. Она понимала, что каждое слово товарища Венда унижаетъ ее безповоротно въ глазахъ Берты именно теперь, когда она честно предалась своей задачѣ... Какъ бы она хотѣла снова завоевать одинъ изъ этихъ довѣрчивыхъ и симпатичныхъ взглядовъ, какіе только что ей дарила Берта!

Но Берта думала о себѣ. Ее занимала единственная мысль: что будетъ съ нею? что ожидаетъ дѣтей?

Зато мальчикъ внимательно наблюдалъ за малѣйшимъ движеніемъ Доротеи. Онъ видѣлъ въ ней съ самаго момента пробужденія врага. Но его дѣтскихъ глазъ Доротея не замѣчала вовсе.

Поразмысливъ обо всемъ, она рѣшила, что ей ничего не остается другого, какъ воспользоваться предложеніемъ капитана немедленно возвратиться въ Ульмъ. По крайней мѣрѣ, ей удастся на слѣдующее же утро увидать Шульмейстера и сообщить ему о томъ, что она видѣла въ Вертингенѣ, во всякомъ случаѣ предупредить его о только что совершившемся движеніи войска.

Она вышла, не сказавъ ни слова, почти украдкой, какъ воровка.

VIII.

Франсуа Родекъ находился въ страшномъ гнѣвѣ.

Прежде всего его очень неучтиво оттолкнули въ то время, когда онъ усиливался объяснить одному унтеръ-офицеру о невозможности помѣстить въ домѣ мужчинъ, такъ какъ тамъ уже находятся двѣ женщины и дѣти.

Затѣмъ ударами прикладовъ его оттолкнули назадъ въ глубину коридора, который служилъ входомъ въ домъ. Тамъ его грубо и крѣпко привязали за руки къ желѣзному брусу въ очень неловкой позѣ. Пока старикъ старался понять, къ чему ведетъ внезапное нападеніе на деревню, онъ вдругъ увидѣлъ двухъ солдатъ, выводившихъ изъ конюшни его бѣдную кобылу, измученную продолжительнымъ путешествіемъ. Затѣмъ ей продѣли удила, и оглобли его телѣжки снова прижались къ ея бокамъ.

Потомъ почтительно предложили женщинѣ, незадолго до войска прибывшей въ деревню, занять мѣсто на маленькой скамеечкѣ, гдѣ передъ тѣмъ сидѣла Берта съ дѣтьми, и солдатъ ударилъ кнутомъ по лошади. Телѣжка покатилась.

— Воръ!.. Воръ!..—кричалъ Родекъ.—И это называется армія?.. И это солдаты?.. Нѣтъ!.. Это сбродъ разбойниковъ, которые позорятъ честныхъ женщинъ и таскаютъ всюду за собою мошенницъ. Они связываютъ честныхъ людей и обираютъ ихъ, какъ въ лѣсу!.. Здѣсь нѣтъ ни одного достойнаго офицера, командующаго солда-

тами, которому я могъ бы сказать прямо въ лицо, что онъ начальникъ пандуръ.

Достойный шуанъ такъ увлекся въ своемъ гнѣвѣ, что даже не замѣтилъ, какъ заговорилъ по-французски. Солдаты, приготовляясь спать въ пустыхъ комнатахъ и коридорѣ, довольствовались тѣмъ, что смѣялись, видя его гнѣвъ. Они не понимали ни одного слова изъ его проклятій.

Но одинъ человѣкъ понялъ ихъ.

Послѣ отъѣзда Доротеи молодой капитанъ спокойно возвратился къ узницѣ. Любуясь ея красивой фигурой, онъ въ то же время прислушивался къ каждому слову Родека.

— Сейчасъ же замолчите!—сказалъ онъ наконецъ съ прекраснымъ французскимъ выговоромъ,—въ противномъ случаѣ я прикажу, не желая васъ разстрѣлять, заткнуть вамъ ротъ и бросить на дно погреба. Поняли ли вы меня?

— Сударь,—отвѣчалъ Родекъ выпрямляясь,—ваши люди обошлись со мною, какъ съ злоумышленникомъ. Они отдали мою тележку той женщинѣ и взяли лошадь, которая принадлежитъ мнѣ!.. Какъ же вы назовете это?

— А домъ, въ которомъ мы находимся, принадлежитъ тоже вамъ?

— Нѣтъ, я въ него вошелъ, найдя его незанятымъ, чтобы дать возможность отдохнуть женщинѣ и двумъ дѣтямъ; они находятся тамъ,—указалъ онъ на комнату.

— Я видѣлъ ихъ. Но если вы воспользовались этимъ кровомъ безъ хозяевъ, какъ пристанищемъ, то, вѣроятно, на нѣсколько часовъ?..

— Безъ сомнѣнія.

— Прекрасно, я сдѣлалъ то же съ вашей телѣжкой. Она будетъ здѣсь на разсвѣтѣ, и я верну ее вамъ. Чего же вы еще хотите?

— Я хочу, чтобы меня не связывали, какъ человѣка, котораго думаютъ повѣсить. Я хочу, чтобы меня сейчасъ убили, если должны это сдѣлать, но не заставляли бы меня краснѣть.

И у стараго вандейца, при этихъ словахъ, не только дрожалъ отъ гнѣва голосъ, но въ глазахъ блеснула такая благородная гордость, что офицеръ немножко взволновался.

— Если васъ отвяжутъ, даете ли вы слово не искать случая бѣжать и подчиняться моимъ требованіямъ, какія бы я ни представилъ вамъ, для безопасности моихъ солдатъ? Поклянитесь, и вы будете свободны.

— Именемъ Отца, Сына и Святаго Духа!—отвѣтилъ Родекъ, тщетно стараясь сложить толстые пальцы, еще распухшіе и красные отъ веревокъ, въ благочестивый жестъ.—Я не сбѣгу. Я не сдѣлаю никому зла. Я больше не скажу ни слова. Я буду ожидать.

— Прекрасно!

Капитанъ повернулся, сдѣлалъ знакъ, и сержантъ принялся за свою обязанность—развязывать узника.

Послѣдній, по мѣрѣ того, какъ его узы падали, все болѣе и болѣе распрямлялъ свой станъ, согбенный отъ насилія. Теперь передъ его глазами былъ не одинъ маленькій бѣлокурый офицеръ, котораго онъ побѣдилъ своимъ достоинствомъ. Онъ былъ выше его на цѣлую голову и могъ видѣть массу людей, сидящихъ на землѣ. Они прислонились къ стѣнѣ, чтобы спать, при свѣтѣ фонаря, прикрѣпленнаго къ periламъ.

Въ открытую дверь онъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ неподвижную фигуру часового и затѣмъ часть еще темнаго неба.

Направо на холмѣ, гдѣ при дневномъ освѣщеніи виднѣлись зеленыя деревья, теперь была черная масса.

Но это еще не все, что онъ замѣтилъ. Въ трехъ шагахъ отъ него дверь знакомой ему комнаты, гдѣ находились охраняемыя имъ слабыя существа, была полуоткрыта. Безъ сомнѣнія, ее открыли недавно. Въ образовавшуюся щель были устремлены на него глаза ребенка.

Ахъ, эти глаза!.. Онъ ихъ узналъ бы среди тысячи глазъ. Это были глаза, называемые: «Бурбонскими», также «Конде» и просто «глазами Жана».

Въ то время, какъ они смотрѣли на него, онъ невольно устремился на нихъ.

Что онъ говорилъ имъ? Что они поняли? Это мы увидимъ позже.

Родекъ клялся офицеру, что не убѣжитъ, но онъ не давалъ обѣщанія, что не спасетъ другихъ. Онъ пообѣщалъ Святой Троицей, что не произнесетъ ни слова, болѣе того, что сказалъ. Но его обѣтъ оставилъ ему свободу мыслить и имѣть идеи, которыя можно выразить мгновенно. Одно легкое движеніе головы по направленію къ отдаленному горизонту можетъ дать точный и опредѣленный совѣтъ.

Оскорбленія же, которыя онъ только что перенесъ, произвели на него странное дѣйствіе. Они вернули ему прежнюю ненависть къ австрійцамъ и въ то же время загладили еще недавніе слѣды свѣжихъ мучительныхъ обидъ, полученныхъ отъ французовъ.

Эти руки, раздумывалъ Родекъ, созданныя для сраженія, нѣмцы связали позорными узами, какъ приговоренному. Тѣло его они обезчестили ударами, сѣдую голову оскорбили, гнѣвъ его осмѣяли и силой вырвали клятву. Все это пробудило въ немъ воспоминаніе о его родимой странѣ. Тамъ, вспоминалъ онъ, сражались, убивали, но никогда не оскорбляли врага.

Вспоминая о старинной удали, онъ снова переживалъ борьбу противъ «голубыхъ», происшедшую на перекрестной дорогѣ Бокажа.

А кровь?.. Конечно, она тоже тогда лилась! Онъ видѣлъ, какъ

сейчасъ, блѣдныя головы, повернутыя къ небу, усѣянному звѣздами. Глаза ихъ были закрыты. Онъ видѣлъ тамъ мундиры, разорванные серпами, и тѣла, пронизанныя пулями. Но никогда, никогда онъ не видѣлъ тамъ побѣжденныхъ, которыхъ наказывали бы униженіемъ, связывая веревками, какъ поросятъ.

Въ его время узниковъ запирали на замокъ и охраняли съ ружьями въ рукахъ или иногда убивали. Это случалось, когда они измѣняли. Но къ нимъ всегда относились, какъ къ воинамъ.

И эмигрировавшій изъ Франціи шуанъ снова превратился въ француза.

Ему пришла мысль, что тамъ, совсѣмъ близко отъ него, на горѣ находятся, можетъ быть, въ опасности его соотечественники и братья по расѣ. Надо предупредить ихъ, во что бы то ни стало, рѣшилъ старый шуанъ.

И даже не думая, что его соучастникъ—ребенокъ, онъ продолжалъ говорить глазами.

Спустя нѣсколько минутъ, какъ только воцарилось въ домѣ спокойствіе, полуоткрытая дверь стала медленными толчками пріотворяться. На время, пока раздавался звонъ шпоръ капитана, возвращавшагося послѣ осмотра, дверь пріостанавливалась открываться. Но когда шумъ шаговъ молодого офицера затихъ, она открылась и снова мало-по-малу закрылась.

Если бы кто нибудь вздумалъ заглянуть теперь въ эту закрытую комнату, то увидѣлъ бы, что въ ней находится лишь женщина, заснувшая въ креслѣ отъ усталости съ маленькой дѣвочкой, которую она крѣпко прижимала къ себѣ.

Что же касается мальчика, который находился тамъ еще недавно, то онъ исчезъ.

Родекъ лежалъ, свернувшись въ клубокъ, внизу на лѣстницѣ. Онъ видѣлъ со сжатымъ отъ страха сердцемъ, но со слезами восторга на глазахъ, какъ легкая и тонкая тѣнь мальчика скользнула между солдатами и бросилась бѣжать безъ малѣйшаго шума.

IX.

Какъ часто въ жизни ничтожные случаи производятъ великія послѣдствія! Со времени Боссюэ сдѣлалось такимъ обыденнымъ явленіемъ въ свѣтѣ указывать на каждую песчинку, которая совратила съ пути человѣческія событія. Какое нибудь случайное намѣреніе дѣлалось рѣшительнымъ послѣдствіемъ въ судьбѣ цѣлой имперіи. Какое нибудь сраженіе, казавшееся уже выиграннымъ, внезапно проигрывается. Причиной этой превратности послужилъ выстрѣлъ изъ ружья, пущенный на удачу и убившій необходимаго начальника. Какая нибудь ученая экспедиція не удалась изъ-за простого тумана, а некстати выпавшій дождь привелъ ее въ со-

вершенное разстройство. Гигантскія предпріятія рушатся вслѣдствіе гнилой доски, сломавшейся на мосту. Въ 1803 году Наполеонъ едва не потерялъ плодовъ своего ловкаго маневра и чуть не увидалъ ускользнувшей цѣлую армію, которую считалъ уже своей добычей. И все изъ-за того, что крестьянину изъ окрестностей Донауверта не удалось продать свой овесъ такъ дорого, какъ онъ хотѣлъ.

Послѣдній, пріѣхавъ въ Ульмъ по дѣламъ, привезъ въ карманѣ мѣшочекъ съ образцомъ своего зерна. 7-го октября онъ предложилъ на торговой площади овесъ интендантскимъ агентамъ, закупавшимъ провіантъ для австрійской кавалеріи, а также частнымъ лицамъ, которыхъ нерѣдко стѣсняла въ покупкахъ военная реквизиція. Ни тѣ, ни другіе не согласились на его цѣну. Наконецъ, крестьянинъ дошелъ до того, что имъ овладѣлъ гнѣвъ и горькое сожалѣніе о напрасно сдѣланномъ длинномъ пути. Если объявленная война, разсуждалъ онъ, не имѣла въ виду увеличить цѣну на товаръ, назначенный для арміи, какъ же хотятъ, чтобы благоденствовали хлѣбопашцы? Не очень-то удобно ухаживать за полями и защищать жатву отъ войска, снующаго взадъ и впередъ. Если теперь не согласны заплатить подороже за ихъ трудъ, что же будетъ съ ними?

Дѣло въ томъ, что крестьянинъ заломилъ страшную цѣну. Одинъ изъ покупателей попробовалъ ему это объяснить.

— Прежде всего вашъ овесъ не такъ хорошъ, чтобы стоить такъ дорого. Зерна легки, слишкомъ длинны. Да, кромѣ того, можно ли быть увѣреннымъ, что поставка будетъ стоить образца? Во всякомъ случаѣ это въ половину дороже.

— А! Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, разумѣется. Вы сами видите, что это выше курсовой цѣны.

— Потому, что здѣшніе продаютъ порченый товаръ.

— Порченый или нѣтъ, но они его все-таки продаютъ. Вамъ не удастся устроить вашъ товаръ... Полноте! Уменьшите на треть цѣну, и я куплю его.

— Нѣтъ, нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Французы мнѣ лучше заплатятъ...

И нашъ торговецъ покинулъ свое мѣсто у стараго фонтана «Ганнетонъ», дорогого по воспоминаніямъ всѣмъ жителямъ Ульма, какъ воспоминаніе о четырехсотлѣтнемъ прошломъ... Онъ положилъ свой пакетъ въ карманъ и сдѣлалъ видъ, что удаляется.

— Вы продадите его французамъ?—спросилъ покупатель, удерживая его за рукавъ.

— А почему же нѣтъ?

— Но вы, должно быть, давно ихъ не видали въ вашей сторонѣ?..

— Давно!.. Два дня тому назадъ я отпустилъ имъ сто тюковъ сѣна и десять мѣшковъ овса.

— Въ Донауверте?

— Безъ сомнѣнія.

— Ихъ было тамъ много?

— По правдѣ, я ничего не знаю. Я видѣлъ своими глазами около трехсотъ кавалеристовъ, въ каскахъ и съ карабинами. Они называютъ ихъ, кажется, драгунами. Эти кавалеристы тянулись одинъ за другимъ вдоль праваго берега Дуная. Я торговался съ ихъ начальникомъ, милымъ юношей, заплатившимъ мнѣ красивыми желтыми монетами... Вотъ и все.

— Вы говорите, что это было два дня назадъ?

— Ну, конечно! У насъ сегодня 7-е октября, не правда ли? Ну, такъ это было 5-го. Моя счетная книжка можетъ это удостовѣрить.

— Не уходите! Подождите меня...

Крестьянинъ удивился, видя, какъ разспрашивающій его человѣкъ бросился бѣжать къ группѣ офицеровъ, стоявшихъ невдалекѣ отъ него. Онъ оживленно началъ разговаривать съ двумя или тремя изъ нихъ. Затѣмъ, они всѣ направились въ его сторону и такъ внимательно принялись его разсматривать, что онъ смутился.

— Вотъ человѣкъ, отъ котораго я досталъ свѣдѣнія, сообщенныя вашему превосходительству, — сказалъ, указывая на него, покупщикъ. Послѣдній былъ не кто иной, какъ капитанъ Рульскій.

Послѣ того, какъ торговецъ повторилъ разсказъ, который онъ случайно или съ досады привелъ, его пригласили остаться еще нѣсколько часовъ въ распоряженіи главнаго штаба. Крестьянина проводили въ ратушу, а оттуда въ главную квартиру. Здѣсь онъ очутился въ присутствіи совѣта, состоящаго изъ многочисленныхъ военныхъ лицъ. Ихъ имена были ему совершенно неизвѣстны, но всѣ они были въ блестящихъ мундирахъ.

Въ третій разъ онъ повторилъ передъ ними разсказъ о томъ, какъ французская кавалерія купила у него продовольствіе, два дня тому назадъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, къ востоку. Онъ повторилъ всѣ подробности. Совѣтъ теперь узналъ, что если французы не измѣнили съ тѣхъ поръ своего пути, то они должны слѣдовать по берегу рѣки до Вертингена.

— Прикажите войти капитану Венду и агенту Шульмейстеру! — приказало лицо, предсѣдательствовавшее въ собраніи, выслушавъ объясненіе крестьянина.

Оба врага-сообщника находились въ распоряженіи главнаго штаба, послѣ очной ставки, состоявшейся въ это самое утро. Ихъ тотчасъ же ввели.

Вендъ былъ обязанъ поддерживать всѣ разсказы человѣка, который его подкупилъ. Поэтому генералъ Макъ торжествовалъ надъ послѣднимъ упорствомъ своихъ офицеровъ, такъ какъ начальникъ развѣдочной части говорилъ одно и то же, что и агентъ. Но что такое случилось, благодаря этому такъ внезапно явившемуся новому приключенію, изъ-за котораго, казалось, снова поднимались всѣ вопросы?

Наконецъ, герцогъ Фердинандъ заговорилъ и сообщилъ въ нѣсколькихъ словахъ обоимъ новопришедшимъ, что присутствіе кавалерійскаго корпуса на правомъ берегу Дуная, позади позиціи арміи было подтверждено съ увѣренностью. Затѣмъ онъ ожидалъ отвѣта.

Вендъ, затрудняясь отвѣтить, сдѣлалъ видъ, что поворачивается къ Шульмейстеру, предоставляя ему говорить.

— Пожалуйста, безъ церемоній, капитанъ,—возразилъ своимъ грубымъ голосомъ Кленау.—Скажите намъ безъ обиняковъ, сходятся ли собранныя вами свѣдѣнія съ разсказами этого человѣка. Какого чорта! Располагаешь развѣдочной частью, чтобы имѣть свѣдѣнія! Если у насъ за спиною непріятель, вы должны же что нибудь знать объ этомъ!

Вендъ былъ подлецъ, но онъ далеко не отличался глупостью. Онъ понялъ, что, прикидываясь незнающимъ о такомъ событіи, которое, казалось, уже было доказано, онъ ничего не выигрывалъ и терялъ все въ будущемъ. Да и какая вѣроятность, что Шульмейстеръ посмѣетъ отомстить ему, если онъ скажетъ правду о такихъ деталяхъ, гдѣ всякое скрытничанье становилось невозможнымъ? При томъ они однимъ и тѣмъ же ударомъ были поставлены въ невозможность дѣйствовать до того момента, безъ сомнѣнія, когда у одного изъ нихъ окажутся развязанными руки.

— Этотъ человѣкъ правъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Вендъ.—Мои свѣдѣнія мнѣ указываютъ въ дѣйствительности на присутствіе нѣсколькихъ непріятельскихъ развѣдчиковъ, именно въ той сторонѣ, которую указываетъ крестьянинъ.

— Почему же вы ничего не сказали объ этомъ утромъ?

— Потому что я еще не опредѣлилъ важности означеннаго войска, и я предпочиталъ...

— Такъ вамъ нужно увидѣть цѣлую армію, тогда вы узнаете, что корпусъ кавалеріи можетъ быть разсматриваемъ, какъ авангардъ?..—перебилъ его Іелачичъ.—Вотъ такъ въ капканъ попались мы! Вотъ что называется быть хорошо освѣдомленными!

Шульмейстеръ рѣшилъ не открывать рта, пока къ нему не обратятся съ вопросами прямо. Однако, онъ выражалъ свое желаніе говорить легкимъ притопываніемъ ногъ, которое, повидимому, являлось, какъ бы помимо его воли. Макъ, обманутый въ ожиданіяхъ, благодаря полученному новому извѣстію и дурному настроенію офицеровъ, инстинктивно обернулся къ своему предпочитаемому агенту.

— А, вы знаете это дѣло? — сказалъ онъ, обрывая фразу Іелачича.

— Я знаю еще кое-что другое, ваше превосходительство,—сказалъ Шульмейстеръ.

— Что же?

Глаза всѣхъ генераловъ обратились къ нему.

— Контръ-революція только что вспыхнула во Франціи послѣ отъѣзда Бонапарта изъ Парижа въ армію,—донесъ онъ спокойнымъ тономъ.—Въ тотъ моментъ, какъ я говорю, англичане отплыли въ Гавръ и готовятся помочь войскамъ его величества короля прусскаго, который открыто присоединяется къ коалиціи. Баварскимъ силамъ, удалившимся къ Аугсбургу, чтобы не быть обязанными присоединяться къ силамъ генерала Кинмейера, или открыто съ ними сразиться, угрожаютъ русскіе, явившіеся съ востока. Пруссаки, въ свою очередь, грозятъ имъ съ сѣвера. Французское войско, которое видѣлъ этотъ человѣкъ,—есть остатки корпуса генераловъ Бернадота и Мармона. Его прогнали назадъ нѣмцы и ихъ союзники. Они ищутъ выхода во Францію. Ульмскій же укрѣпленный лагерь совершенно запираетъ имъ выходъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я знаю, что тамъ есть множество полковъ старыхъ войскъ, которые, даже разсѣянные, способны нанести вредъ... Я полагаю, что было бы разумно сопоставить имъ на лѣвомъ берегу Дуная нѣсколько серіозныхъ преградъ. Однако, при этомъ надо остерегаться, чтобы не обнаружить фронта арміи со стороны Чернаго Лѣса... Прошу прощенія у вашего превосходительства, что осмѣлился между прочимъ дать вамъ этотъ совѣтъ. Что же касается до присутствія французскихъ развѣдчиковъ на Дунаѣ, то я совершенно согласенъ съ капитаномъ Вендомъ. Но я придаю этому очень небольшое значеніе.

Макъ ликовалъ. Переданныя съ такой невозмутимой увѣренностью новости слишкомъ хорошо свидѣтельствовали о томъ, что онъ упорно доказывалъ своимъ корпуснымъ начальникамъ, а потому главнокомандующій принялъ ихъ съ энтузіазмомъ.

— У васъ, конечно, есть серіозное доказательство вашего рапорта? — спросилъ, однако, фельдмаршалъ Кленау, обращаясь къ шпіону.—Удивительно, сколько новостей можно узнать въ одинъ день! Вѣдь вы намъ, однако, ничего не сказали сразу!

— Я предлагаю, какъ гарантію разсказаннаго, мою жизнь, она въ вашихъ рукахъ, ваше превосходительство. Этого достаточно, не правда ли? Доставляя до сегодняшняго дня вѣрныя справки главнокомандующему, развѣ я представлялъ ему письменные атестаты въ ихъ достовѣрности?.. Нѣтъ! Я проникъ черезъ французскія линіи, рискуя быть убитымъ. Я говорилъ здѣсь все, что зналъ, рискуя, что мнѣ не повѣрятъ. Только нѣсколько часовъ тому назадъ черезъ посредство, которое мнѣ одному извѣстно, и я не долженъ его открывать, я могъ узнать то, что еще сегодня утромъ

было мнѣ неизвѣстно. Я исполнилъ долгъ, повторивъ все это; болѣе мнѣ нечего прибавлять.

Тогда произошло что-то странное, чего Шульмейстеръ сразу не могъ себѣ объяснить, но когда онъ понялъ, то былъ пораженъ до серіознаго безпокойства. При послѣднихъ словахъ его голосъ прозвучалъ, чего онъ не замѣтилъ самъ, совершенно, какъ наканунѣ у фальшиваго интенданта Калькнера. И на этотъ разъ фельдмаршалъ лейтенантъ Кленау, отличавшійся лучшей памятью, чѣмъ другіе, внезапно всталъ и направился къ одутловатому, багровому крестьянину, стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Съ нахмуренными бровями и внимательнымъ взглядомъ онъ, казалось, разсматривалъ на ходу эти черты лица, съ стѣсняющимъ Шульмейстера вниманіемъ. Онъ, повидимому, искалъ въ нихъ малѣйшій признакъ другой личности, за которою его глаза уже наблюдали.

Въ то время, какъ онъ подходилъ, Шульмейстеръ послѣ минутнаго удивленія и нѣкотораго смущенія уже овладѣлъ собою и спросилъ себя: «Я, должно быть, забылся... Мнѣ измѣнилъ голосъ!.. Подлинно, что этотъ человѣкъ менѣе глупъ, чѣмъ остальные. Онъ подозрѣваетъ мое переодѣваніе и навѣрно подвергнетъ меня какому нибудь испытанію... Какому?»...

Кленау былъ отъ него только въ двухъ шагахъ. Онъ былъ такъ поглощенъ своимъ изслѣдованіемъ, что глубокое молчаніе царило въ залѣ. Всѣ присутствующіе какъ бы поняли нѣмую трагедію, разыгрывавшуюся между этими двумя лицами, находящимися другъ противъ друга.

— Надо снять съ этого человѣка дорожный плащъ, надѣтый на немъ,—сказалъ фельдмаршалъ, указывая пальцемъ на шпіона.

Макъ подумалъ, что Кленау сошелъ съ ума, и былъ готовъ уже вмѣшаться, какъ, къ его крайнему удивленію, Шульмейстеръ безъ малѣйшаго сопротивленія принялся снимать свою одежду.

Съ удивленной улыбкой онъ правой рукою сдернулъ за спиною свой лѣвый рукавъ, и тяжелый крестьянскій кафтанъ упалъ къ его ногамъ. Присутствующіе увидѣли круглыя плечи и сильный торсъ поселянина, мало заботившагося объ элегантности и легкости одежды.

По истинѣ ничто не напоминало въ немъ исчезнувшаго интенданта.

Удивленный Кленау разсматривалъ совершенно близко лице секретнаго агента и, казалось, искалъ на немъ исчезнувшія морщины...

Однако и онъ дошелъ до того, что уже съ минуту сталъ сомнѣваться въ вѣрности свидѣтельства своихъ ушей. Многіе знаютъ, съ какимъ упорствомъ поразившій насъ выговоръ, такъ сказать, отмѣчается въ нашей памяти. Но какъ же хвастаться тѣмъ, что узналъ человѣка только по его голосу, когда всѣ остальные признаки совершенно неподходящіе?

Все-таки упорный наблюдатель не считалъ себя побѣжденнымъ.

— Генералъ, у васъ ли еще сѣдой парикъ, который нашли сегодня утромъ въ одной изъ комнатъ вашей квартиры?—внезапно обратился онъ къ Маку, не отрывая глазъ отъ своей жертвы.—Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы послали за нимъ, чтобы примѣрить его на головѣ вашего агента.

Глубокое удивленіе, впрочемъ вымышленное, выразившееся на лицѣ Шульмейстера, было ничтожно въ сравненіи съ остолбенѣніемъ, которое вызвали подобныя слова у начальника арміи. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ одинъ изъ самыхъ серіозныхъ его офицеровъ предаваться подобнымъ шуткамъ?

Что же касается Венда, молча присутствовавшаго при этой сценѣ, онъ чувствовалъ себя жертвою совершенно справедливаго страха. Если только раскроютъ обманъ, его сообщничество будетъ живо доказано, и что же тогда съ нимъ станетъ?

Кленау притворился, что не замѣчаетъ сдѣланнаго на всѣхъ различнаго впечатлѣнія.

— Пока мы здѣсь,—продолжалъ онъ,—мы можемъ также прикинуть на спину этого человѣка бѣлый мундиръ, который онъ оставилъ въ спальнѣ главнокомандующаго. Можетъ быть, онъ будетъ нѣсколько тѣсноватъ для такого здоровяка, но у него, должно быть, есть средства передѣлывать себя. Иногда его видятъ съ плечами, повидимому, могучими, которыя очень ловко набиты шерстью.

При этихъ словахъ старый подозрительный воинъ схватилъ верхнюю часть руки Шульмейстера, ожидая, что она обвернута толстымъ слоемъ матерій. Но тотчасъ же онъ сдѣлалъ удивленный жестъ и подался назадъ. Его рука ощупала легкую полотняную рубашку, подъ которой при прикосновеніи его пальцевъ чувствовались безо всякой военной хитрости громадные мускулы съ ихъ сильной выпуклостью и совершенно живые. Никогда такіе мускулы не могли бы войти въ узкій мундиръ старика, достигшаго высшихъ военныхъ градацій, въ особенности въ интендантствѣ.

Испытаніе приняло неожиданный для него оборотъ. Шульмейстеръ покорился ему, впрочемъ, съ наивнымъ удивленіемъ, сбившимъ съ толку Кленау... Но когда вѣстовой принесъ старый мундиръ, брошенный наканунѣ бѣглецомъ, и дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы напялить его на человѣка, который носилъ его наканунѣ, то обманъ Кленау былъ полный. Шульмейстеръ искусно представилъ, что силится вмѣстить въ него свои плечи, округляя свой торсъ, и такъ расширялъ проймы, что мундиръ разорвался отъ ворота до таліи.

Въ то время другіе генералы, заинтересованные этой игрой, мало-по-малу, покинули свои мѣста, чтобы поближе разсмотрѣть личность, возбудившую подозрѣнія ихъ коллеги. Самый грубый изъ нихъ, Іелачичъ, не поколебался положить свою руку на плечо шпіона и заставить его вертѣться, чтобы провѣрить его анатомію со всѣхъ сторонъ.

Но за этимъ испытаніемъ кровь, казалось, совершенно исчезла съ лица Шульмейстера, глаза метнули пламя, онъ сдѣлалъ быстрый скачекъ назадъ и вскрикнулъ:

— Довольно!..

Іелачичъ никакъ не могъ допустить, чтобы это восклицаніе относилось къ нему, и хотѣлъ снова приблизиться на шагъ, чтобы продолжать свой осмотръ.

— Я сказалъ, довольно, генералъ! — повторилъ шпіонъ, глядя ему прямо въ лицо.—Я не вашъ солдатъ, чтобы вы обращались со мной грубо. Я—свободный человѣкъ, гость главнокомандующаго и запрещаю, чтобы ко мнѣ прикасались.

— Вы запрещаете! — пробасилъ Іелачичъ съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ.

— Да, запрещаю! Я охотно подчинился внимательному осмотру, который эти почтенные генералы, не знаю почему, нашли необходимымъ... Кажется, я перенесъ его добровольно... Теперь кончено, я не согласенъ болѣе подчиняться этой церемоніи.

Іелачичъ послѣ этихъ словъ взбѣсился до того, что у него показалась пѣна у рта. Сослуживцы приблизились, чтобы успокоить его. Макъ, оскорбленный испытаніями, которымъ былъ подвергнутъ его агентъ, употребилъ свой авторитетъ, чтобы положить конецъ. Но онъ не успѣлъ бы въ этомъ, если бы Шульмейстеръ не придумалъ, какъ бы объясняя свое сопротивленіе, повторить тѣ же слова, произношеніе которыхъ чуть его не выдало. Не торопясь, пропуская руки въ рукава своего тяжелаго кафтана, поднятаго съ земли, онъ ясно произнесъ эту фразу:

— Поистинѣ, я сказалъ все, что знаю, и ничего не могу прибавить.

Онъ снова отыскалъ тотъ тонъ, который только что пробудилъ воспоминанія Кленау, но съ такимъ различіемъ тембра, въ одно и то же время легкимъ и характеристичнымъ, ощутительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ размѣреннымъ, что самый внимательный и тонкій наблюдатель, услышавъ его, сказалъ бы себѣ: «Вотъ откуда происходитъ моя ошибка. Оба органа дѣйствительно походятъ; голосъ сегодняшняго человѣка походитъ на голосъ вчерашняго, но все-таки между ними есть разница».

Затѣмъ все успокоилось. Кленау призналъ себя побѣжденнымъ, Іелачичъ усѣлся ворча на свое кресло. Шульмейстеръ съ грубыми и неловкими манерами, какія видѣлъ у него съ утра Макъ, попросилъ позволенія генерала уйти.

Онъ ушелъ, забывъ поклониться присутствующимъ генераламъ, такъ какъ простой крестьянинъ не привыкъ къ хорошимъ манерамъ. Нельзя же требовать отъ него, чтобы онъ былъ такъ же хорошо воспитанъ, какъ главный интендантъ Калькнеръ.

X.

На этотъ разъ Шульмейстеръ чувствовалъ, что онъ дошелъ до конца своей удачи, и что было бы неосторожно пробовать вновь счастье. Впрочемъ, что же онъ обѣщалъ Наполеону? Поддерживать генерала Мака въ его ошибкѣ до 8-го октября. Прекрасно, но вѣдь срокъ истекъ.

Опасность, отъ которой онъ только что ускользнулъ, благодаря своему хладнокровію и ловкости, очевидно, указывала границу того, что онъ долженъ былъ предпринять въ Ульмѣ. Теперь въ нѣмецкомъ военномъ совѣтѣ явилось много предупрежденныхъ умовъ, и прежняя военная хитрость не будетъ такъ счастлива, чтобы обмануть ихъ. Да, кромѣ того, нельзя же всю жизнь прогуливаться со щеками, подложенными пробкою, ноздрями, увеличенными ватою и перомъ, животомъ, обложеннымъ шерстью, и головою, покрытою парикомъ.

Нечего говорить уже о томъ, что презрѣнный Вендъ былъ способенъ найти средство предать его, не компрометируя себя. Подобныхъ людей удерживаютъ, но никогда не имѣютъ въ рукахъ.

— Вы прекрасно маневрировали, поручикъ!—сказалъ ему шпіонъ, когда они остались одни на улицѣ послѣ шумнаго засѣданія.—Впрочемъ я нашелъ другого союзника, совершенно неожиданнаго. Посмотрите-ка на этого бѣднаго крестьянина, намеки котораго чуть насъ не погубили обоихъ, и теперь, когда онъ свободенъ, спасающагося къ своей телѣжкѣ, будто за нимъ гонится чортъ. Наблюдали ли вы за нимъ, пока меня переворачивали на горячихъ угольяхъ? Его лицо было смѣшнѣе всего на свѣтѣ. Онъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія, желая понять, что происходитъ вокругъ его, но не достигъ. Онъ мнѣ оказалъ важную услугу. Всякій разъ, когда я чувствовалъ, что мною овладѣваетъ гнѣвъ, я смотрѣлъ на него, и онъ преподавалъ мнѣ, не желая этого, терпѣніе и покорность. Я говорилъ себѣ: «Вотъ какимъ ты долженъ быть, чтобы хорошо играть твою роль. Не горячись! Покорись!» И чтобы казаться невиннымъ, я дѣлалъ, какъ онъ.

Вендъ съ невольнымъ восторгомъ слушалъ сопровождаемаго имъ великаго комедіанта, объясняющаго секретъ своего искусства. Онъ забылъ на секунду свою ненависть, какъ зритель забываетъ свое горе и радости, чтобы аплодировать счастливо и умѣло выраженному движенію актера, изображающаго какую нибудь роль на сценѣ.

— Я прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ, повѣрьте,—продолжалъ Шульмейстеръ: — что ваше положеніе во все это время было особенно щекотливое. Но у меня нѣтъ словъ выразить, насколько вы были совершенны. Я съ безпокойствомъ ожидалъ вашихъ первыхъ

словъ. Я сказалъ себѣ: будетъ ли онъ отрицать движеніе войскъ, о которомъ знаетъ всякій крестьянинъ? Какая это была бы ошибка! Обозначитъ ли ихъ точно? Тогда, значитъ, онъ хочетъ меня предать! Мнѣ было досадно при мысли, что придется выдать васъ, предавая себя. Благодараніе Богу, у васъ ясный взглядъ! Да я и не буду неблагодарнымъ, и съ сегодняшняго дня я хочу вручить вамъ часть денегъ, которыя обѣщалъ. Какъ вы это находите?

— Сегодня же?

— Да, но если вы окажете мнѣ, однако, маленькую услугу. О, это вамъ будетъ не трудно сдѣлать, увѣряю васъ. Вы не отвѣчаете?.. Вы боитесь, чтобы я не втянулъ васъ опять въ какой нибудь компрометирующій шагъ? Какъ вы знаете меня плохо, бѣдный поручикъ! Вопросъ идетъ просто о томъ, чтобы вы отправились отсюда на Югенштрассе и купили бы для меня шубу... Вы, конечно, знаете, что такое шуба?.. Купите хорошую старую мѣховую шубу, порядочно грязненькую и порядочно мерзкую, у одного изъ этихъ евреевъ-маклаковъ. Къ этому вы прибавите кожаную шапку, стоптанные сапоги, если таковые есть, но вы увидите, что они тамъ найдутся, и сверхъ всего коробейный ящикъ, насколько возможно маленькій, лишь бы онъ вмѣщалъ немного лентъ, двое или трое часовъ съ ключиками и столько же бонбоньерокъ... Вы видите, что это не чрезмѣрно трудно! За все вамъ, разумѣется, придется заплатить сотню австрійскихъ флориновъ, что составитъ около двѣнадцати золотыхъ наполеондоровъ. У васъ, я полагаю, столько найдется съ собою? Я сейчасъ же вамъ уплачу и вмѣстѣ съ тѣмъ отдамъ за вашу комиссію сто золотыхъ наполеондоровъ, т. е. двѣ тысячи франковъ. Недурное дѣльце, гмъ!

— Куда же вы хотите, чтобы я принесъ все это? -- спросилъ Вендъ сдавленнымъ отъ гнѣва и въ то же время отъ жадности голосомъ.

— А къ вамъ! Нѣтъ ничего проще. Вы проводите туда меня сейчасъ же, и я обожду васъ тамъ. Кто же удивится теперь, видя насъ вмѣстѣ идущими и возвращающимися? Развѣ мы не сотрудники?

Вендъ замедлилъ шагъ и казался колеблющимся, краснѣя и блѣднѣя попеременно.

— Что же васъ затрудняетъ?—спросилъ его Шульмейстеръ.— Можетъ быть, съ вами недостаточно денегъ? Такъ это пустяки. У меня всегда есть въ моей мошнѣ одинъ изъ красивенькихъ золотыхъ сверточковъ, которые, вы знаете, требуютъ только, чтобы ихъ разорвали ногтемъ, и нужно незначительное время отсчитать кончикомъ пальцевъ десять необходимыхъ монетъ... Вотъ! готово: протягивайте руку... Но не такъ, чортъ возьми! Спрячьте лучше: подумаютъ, что я плачу вамъ!

Легкій металлическій звукъ сопровождалъ одновременно ихъ жестъ.

— Въ особенности ничего не забудьте!.. Шубу, шапку, сапоги, ящикъ, ленты, часы и маленькія бонбоньерки, или коробочки для мушекъ, безразлично, лишь бы онѣ были достаточно маленькія, чтобы помѣститься въ рукѣ... Не смотрите на меня удивленными глазами: у меня привычка, или манія, если хотите, привозить моей женѣ какое нибудь воспоминаніе изо всѣхъ городовъ, въ которыхъ я бываю.

Часъ спустя, Шульмейстеръ былъ неузнаваемъ... или, вѣрнѣе, совсѣмъ болѣе не было Шульмейстера въ непріятной и безпорядочной комнатѣ жилища кутилы и игрока. Вендъ проводилъ его туда, прежде чѣмъ пойти за покупками, и тамъ онъ оставилъ Шульмейетера одного послѣ того, какъ передалъ ихъ.

Счетъ ихъ былъ сведенъ. Двѣ тысячи франковъ были переданы, какъ это было условлено. Теперь Шульмейстеръ принялся писать на квадратномъ едва видномъ маленькомъ кусочкѣ бумаги отчетъ всего, что видѣлъ и узналъ со дня отъѣзда изъ Страсбурга. Эта замѣтка оканчивалась такъ:

«...Мнѣ болѣе нечего дѣлать въ Ульмѣ. Генералы австрійской арміи подозрѣваютъ что-то, но главнокомандующій совершенно согласенъ съ тѣмъ, въ чемъ его величество желалъ его убѣдить. Численность наличнаго состава войска 70.000 человѣкъ. Часть его можетъ ускользнуть черезъ Тироль съ Іелачичемъ или къ Богеміи съ эрцъ-герцогомъ, остальные не двинутся. Городъ укрѣпленъ, но если удержатъ Эльсингенъ, то онъ взятъ».

Написавъ записочку, Шульмейстеръ спряталъ ее въ двойное дно маленькой серебряной, вызолоченной коробочки, за которую Вендъ заставилъ его заплатить,какъ за золотую.Затѣмъ онъ надѣлъ все вновь принесенное Вендомъ и казался очень бѣднымъ, гнуснымъ и грязнымъ. Онъ вскорѣ превратился въ разносчика самаго низкаго сорта, бандида, ужаснаго ростовщика, готоваго на подозрительныя услуги и на всевозможныя выгодныя сдѣлки.

У него осталось за поясомъ нѣсколько свертковъ, врученныхъ Савари,—полезный запасъ, чтобы умѣрить опасности въ путешествіи.

Послѣ быстраго осмотра своего костюма Шульмейстеръ отправился въ путь. Онъ не унесъ впрочемъ съ собою никакого оружія, принадлежащаго хозяину квартиры, хотя заплатилъ ему довольно дорого, чтобы имѣть право на одно изъ нихъ.

Но въ сущности онъ хорошо зналъ, что лучшая защита и самый вѣрный инструментъ для борьбы съ опасностями въ дорогѣ, былъ живой геній и необузданная смѣлость, которая въ данную минуту освѣщала и пролагала ему дорогу.

Однако для такого хитраго и тонкаго человѣка онъ совершилъ непростительную неосторожность, стоящую ему дорого. Наканунѣ онъ забылся до того, что пообѣщалъ прибавку въ 5.000 франковъ къ платѣ каждому изъ плутовъ, сдѣлавшихся его сообщниками.

По-настоящему эти деньги онъ долженъ былъ имъ вручить позднѣе, когда они заслужили бы ихъ. Но событія шли такъ быстро, что онъ видѣлъ необходимость отдать Венду вновь зачетныя деньги, двѣ тысячи франковъ.

Какъ бы мало ни зналъ ариѳметику поручикъ, но самая простая мозговая операція могла ему указать, что фальшивый разносчикъ еврей уносилъ съ собою въ поясѣ восемь тысячъ франковъ, а, можетъ, и болѣе.

«Да!—сказалъ себѣ Вендъ:—обезоруженный противникъ пускается въ путь одинъ по мѣстности, гдѣ мародеры опустошаютъ страну. Презрѣнный торгашъ съ виду, не имѣющій ни очага, ни крыши, отдающійся приключеніямъ въ мѣстности, гдѣ нѣтъ болѣе ни полиціи, ни закона, дѣйствительно богатъ.

«Этотъ разносчикъ, съ длинными волосами, съ запущенной бородой, въ неряшливой одеждѣ, удираетъ во французскую армію съ хорошо наполненными карманами. Если бы ему дозволили, онъ безнаказанно смѣялся бы всю дорогу надъ продѣлками, произведенными имъ, такъ какъ совершенно убѣжденъ, что генералы, обманутые, благодаря ему, въ своей истинной гибели, даже не спросятъ его по дорогѣ. И онъ сохранитъ мошну, которая представляла цѣну измѣны. И никогда, никогда его болѣе не увидятъ»,—разсуждалъ Вендъ.

Какъ могъ Вендъ, какимъ мы его знаемъ, хладнокровно переносить подобную перспективу? Конечно, онъ многимъ рисковалъ бы, выдавая хитраго шпіона французовъ, пока послѣдній жилъ въ Ульмѣ. Но разъ стѣна перейдена, городъ покинутъ, все измѣняется.

Кто же настолько сообразитъ, чтобы узнать въ бездыханномъ трупѣ, найденномъ на днѣ оврага, псевдо-интенданта Калькнера и тихаго поселянина Шульмейстера въ ужасномъ отрепьѣ маклака еврея.

А если бы онъ былъ не совсѣмъ убитъ и заговорилъ бы? Кто же придастъ значеніе его словамъ, съ той минуты, когда стало бы извѣстно, что онъ агентъ непріятеля.

Вендъ тщательно взвѣсилъ всѣ шансы. Впродолженіе двухъ дней онъ допустилъ своего обаятельнаго противника побѣдить себя, купить и опутать узами. Теперь снова къ нему вернулась его прежняя свобода ума, хитрость и ненависть во всей ихъ полнотѣ.

Въ то время, какъ Шульмейстеръ, прежде чѣмъ исчезнуть, наряжался въ послѣдній разъ, благодаря помощи Венда, онъ рѣшился исполнить свое намѣреніе отправиться слѣдомъ за шпіономъ, чтобы не ускользнули отъ него ни секреты, ни въ особенности золото.

Когда Вендъ увидѣлъ издали, что Шульмейстеръ пустился въ дорогу, то провѣрилъ путь, по которому онъ принужденъ былъ итти. Вендъ былъ увѣренъ, что явится гораздо ранѣе его.

Къ величайшему его удовольствію, ночь предстояла темная. Но прежде чѣмъ покинуть городъ и перейти рѣчку, чтобы поставить

свою ловушку, онъ не удержался отъ легкаго обхода, чтобы увидѣть, не происходило ли у Доротеи что нибудь новое.

Мы уже знаемъ, почему онъ нашелъ ея домъ запертымъ, почему ему никто не откликнулся на стукъ въ дверь и ставни.

Это увеличило еще болѣе его гнѣвъ. Когда его лошадь пустилась скорой рысью, то ему казалось, что онъ ѣдетъ служить родинѣ и въ то же время покончить свой личный споръ и округлить свой кошелекъ.

У Шульмейстера въ головѣ не было ни малѣйшей черной мысли. Напротивъ ему все казалось въ розовомъ свѣтѣ. Онъ гордился, что счастливо исполнилъ самую трудную часть своей задачи. Даже сама опасность, которой онъ только что избѣгнулъ, доказывала ему полный успѣхъ въ его усиліяхъ держать непріятеля въ невѣдѣніи относительно ошибокъ послѣдняго. Вѣдь неожиданное появленіе французовъ на западѣ едва не погубило его. Донаувертскій крестьянинъ засвидѣтельствовалъ присутствіе съ 5-го октября развѣдчиковъ великой арміи на правомъ берегу Дуная. Но для этого надо, чтобы Наполеонъ слѣдовалъ точь въ точь плану, который онъ набросалъ въ главныхъ линіяхъ передъ шпіономъ въ кабинетѣ страсбургскаго префекта.

Въ теченіе десяти дней, которые Шульмейстеръ употребилъ, чтобы достичь Ульма, попасть въ совѣтъ генераловъ, скрыться у Доротеи, переодѣться крестьяниномъ, послѣ того, какъ былъ наряженъ офицеромъ, перенести трагическій экзаменъ подъ кулакомъ Іелачича и подъ присмотромъ Кленау,—150.000 человѣкъ, явившихся со всѣхъ концовъ свѣта на зовъ геніальнаго главы, сконцентрировались, чтобы ринуться непреодолимой массой на добычу.

Въ общемъ Шульмейстеръ только что сыгралъ роль гончей собаки, которая держитъ дичь неподвижной въ ея гнѣздахъ до прихода охотника. Только вмѣсто зайца или куропатки онъ пригвоздилъ цѣлую армію на одномъ и томъ же мѣстѣ, очаровывая ее своими фокусами.

Теперь онъ могъ себѣ позволить покинуть стойку: животное было схвачено. Схвачено?.. Да, но съ условіемъ, чтобы предупредить обо всемъ своего повелителя, съ условіемъ вручить ему свой отчетъ, если ему невозможно лично проникнуть въ главную квартиру французовъ. Безъ этого Наполеонъ считалъ бы естественнымъ предусмотрѣть всѣ неожиданности, а слѣдовательно разсѣять свои силы, чтобы отрѣзать дороги, чего никто изъ защитниковъ Ульма не думаетъ предпринимать. Можетъ быть, не зная, насколько его маневры обманули противника, императоръ не обманулся бы самъ и не потерялъ бы плоды его терпѣливыхъ усилій, по незнанію.

По этому случаю Шульмейстеръ шелъ, усиленно шагая, чтобы скорѣе отнести хорошую новость своему начальнику. Но какъ ни былъ длиненъ путь, онъ пустился въ него весело. Шульмейстеръ

былъ увѣренъ, что въ концѣ его онъ найдетъ амнистію, о которой грезилъ, благодарность, поздравленія, и кто знаетъ, можетъ быть, эта награда будетъ завиднѣе другихъ, и даже въ ней будетъ немного почести.

Такимъ образомъ невидимая сила, которая представляла, можетъ быть, волю Провидѣнія, направляла въ одинъ и тотъ же уголокъ земли людей любящихъ и ненавидящихъ. Они сгорали желаніемъ достичь другъ друга и соединиться или сразиться: Шульмейстеръ и Берта, Вендъ и Доротея, Гансъ, Мюратъ, Родекъ и другіе, уже несчитая двухъ враждебныхъ націй, какъ Франція и Германія, олицетвореніемъ которыхъ служили самые лучшіе ихъ солдаты и наизнаменитѣйшіе полководцы.

Судьба свела ихъ всѣхъ въ одинъ и тотъ же часъ въ окрестностяхъ маленькой деревни, до тѣхъ поръ мало извѣстной. Шпіонъ, убѣгающій съ театра своихъ опасныхъ дѣяній, его собственная жена, безразсудно отправившаяся въ поиски за нимъ, чтобы избѣжать посягательства волокиты, другая женщина, пылкая авантюристка, въ поискахъ какого нибудь акта преданности, который она исполнила бы, чтобы ему понравиться, безчестный предатель въ погонѣ за своей добычей, ребенокъ, брошенный одинокимъ среди ночи, чтобы предупредить солдатъ о приближеніи непріятеля, ветеранъ многихъ вандейскихъ войнъ, смиренный эмигрантъ, котораго незаслуженное несчастье снова сдѣлало патріотомъ,—всѣ эти существа молодыя и старыя, добрыя и злыя, какъ бы подталкивались таинственнымъ закономъ къ одной точкѣ свѣта, гдѣ они встрѣтятся въ огненной бурѣ.

Судьба имперіи была связана съ ихъ драмой. Въ концѣ концевъ она зависѣла отъ смѣлости и ума одиннадцатилѣтняго мальчика. Благодаря ему, Наполеонъ могъ взять въ плѣнъ армію или видѣть ее ускользнувшей изъ ловушки, разстроивъ всѣ его геніальныя соображенія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

ДЛЯ ОДИННАДЦАТИЛѢТНЯГО ребенка географія ограничивалась краткимъ и простымъ объясненіемъ: все то, чего онъ не зналъ, уже не было его родиной. Стратегія его имѣла также одинъ принципъ: предупреждать людей, которыхъ любишь, о присутствіи людей, которыхъ ненавидишь, для того, чтобы послѣдніе были побѣждены первыми.

Что же касается до того, которая изъ двухъ находящихся въ ссорѣ націй виновата и которая права, это безразлично для юной души! Нѣкоторые костюмы солдатъ производятъ на нихъ радостное впечатлѣніе, другіе же при своемъ приближеніи наводятъ на нихъ горестное настроеніе, вотъ вся ихъ политика. Напрасно имъ объяснять; ихъ воодушевляетъ одинъ инстинктъ, а еще не доказано, что онъ менѣе прозорливъ, чѣмъ умъ.

У Ганса была уже своя мысль, прежде чѣмъ его глаза встрѣтили яростный взглядъ Родека. Онъ сказалъ себѣ смутно, что внезапное появленіе императорскихъ солдатъ въ этой деревнѣ, гдѣ его семья и онъ самъ нашли себѣ пріютъ, должно имѣть угрожающую опасность для другихъ солдатъ. Онъ зналъ, что послѣдніе расположились лагеремъ совсѣмъ близко оттуда на высотахъ.

Онъ слышалъ передъ сномъ, какъ старый шуанъ сообщилъ его матери о приближеніи французовъ. Затѣмъ онъ мысленно снова увидѣлъ красивые батальоны въ голубыхъ мундирахъ и черныхъ или бѣлыхъ штиблетахъ, снующіе по улицамъ Страсбурга. Въ его

памяти представились эти тяжелые или легкіе эскадроны, грозные или проворные. Говорятъ, что они уже цѣлые вѣка ходятъ по свѣту, увлекая за собой доблесть своихъ предковъ.

И вотъ, при пробужденіи, онъ находится среди войска совершенно противоположнаго. Ихъ сила кажется печальной, ихъ взглядъ безъ гордости, ихъ слова—ударъ кулака. Никто изъ нихъ не улыбался, и ни одна пѣсня не вылетала изъ ихъ устъ.

И онъ вспомнилъ также о своемъ недавнемъ снѣ! Въ ту же самую ночь онъ съ настоящей тоской видѣлъ во снѣ «бѣлые мундиры», приближающіеся къ дому. Его дѣтская логика подсказала ему, что надо было бы предупредить объ этомъ голубые мундиры.

Голубые мундиры были его друзья.

Онъ не зналъ, почему они его друзья; но знаетъ ли кто когда нибудь, почему любятъ этихъ или тѣхъ? Почему же дѣти должны знать это лучше, чѣмъ большіе?

Ахъ, если бы онъ могъ или смѣлъ!.. Какъ бы онъ тотчасъ помчался и закричалъ: «къ ружью!» тѣмъ, которые тамъ спятъ.

Какъ разъ въ это время Берта, разбитая отъ усталости, взяла на колѣни Лизбету. Непреодолимый сонъ, сомкнувшій снова глаза дѣвочкѣ, одолѣлъ и ея мать. Гансъ могъ уйти изъ комнаты такъ, что его уходъ былъ ею не замѣченъ. Въ ожиданіи онъ смотрѣлъ въ дверную щель на безпорядокъ, совершавшійся въ коридорѣ.

Онъ увидѣлъ, какъ его другъ, освобожденный отъ узъ, мало-по-малу выпрямляется. Ихъ глаза встрѣтились, заговорили и поняли другъ друга.

Это былъ быстрый и нѣмой обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ.

— Всѣ находящіеся здѣсь,—говорили сѣрые глаза:—враги твоей и моей родины; знаешь ли ты это?

— Я это знаю,—отвѣчали голубые глаза.

— А знаешь ли ты, что недалеко отъ насъ находятся солдаты съ нашей родины? Они считаютъ себя въ безопасности и пришли, чтобы захватить непріятеля, а будутъ захвачены сами.

— Я это знаю.

— Однако, съ нѣкоторой ловкостью, можно ихъ предупредить. Мнѣ это сдѣлать трудно, такъ какъ за мною наблюдаютъ, смотрятъ. Но кто нибудь легонькій, тоненькій можетъ перешагнуть черезъ этихъ сонныхъ скотовъ, пройти между карауломъ и убѣжать въ лѣсъ... Знаешь ли ты это?

— Я знаю... я знаю!..

— Но если тебѣ удастся ускользнуть отсюда, какъ сдѣлаешь ты, чтобы найти дорогу до рѣки?.. Пойми меня хорошенько: выйдя изъ дома, надо повернуть направо... Знаешь?

— Да, знаю.

— Дорогой малютка!.. Я буду гордиться тобою, и всѣ, кто тебя любитъ, живые или мертвые, всѣ будутъ тебя благословлять, если ты

это сдѣлаешь. Но я боюсь отъ тебя этого требовать, такъ какъ, увы, очень возможно, что тебя убьютъ, если увидятъ... Знаешь ли ты это?

— Я это знаю.

— А все-таки ты это сдѣлаешь?

Отвѣта не послѣдовало. Полуоткрытая дверь закрылась, ребенокъ исчезъ.

Гансъ достигъ двери, не задѣвъ ни одной протянутой солдатской ноги, не толкнувъ ни одного ружья или ранца. Онъ даже не произвелъ легкаго колебанія воздуха, проходя мимо солдатъ, которое заставило бы ихъ открыть глаза. Такимъ образомъ онъ прошелъ дорогу, валъ, долину. Вскорѣ старикъ Родекъ, дрожащій отъ страха и энтузіазма, услышалъ раздавшійся вдали пронзительный свистъ, пронесшійся среди ночи, чтобы успокоить его. Онъ выучилъ Ганса этому свисту, служившему имъ обычнымъ зовомъ.

Удивленные часовые повернули головы и стали шарить въ темнотѣ. Послышалось бряцанье оружія; затѣмъ все стихло. Гансъ былъ уже далеко.

Отважный малютка! Какимъ увѣреннымъ и твердымъ шагомъ онъ шелъ по дорогѣ. Поистинѣ бываютъ часы, когда восхитительная самопроизвольность невинности имѣетъ тоже вдохновеніе, какое являетъ геній. Ни одинъ развѣдчикъ арміи не замѣтилъ бы лучше дороги, прежде чѣмъ избрать ее. Ни одинъ ветеранъ, опытный въ ночныхъ экспедиціяхъ, не понялъ бы лучше смысла тысячи ничтожныхъ звуковъ, которыми, однако, наши уши наполняются, лишь только мы остаемся одни ночью въ деревнѣ. Онъ тотчасъ же узналъ треніе хвороста, бѣгство животныхъ и паденіе булыжника. Его ноги едва прикасались къ травѣ, протянутыя руки указывали ему на кустарники, а его глаза, устремленные на блѣднѣющій свѣтъ, безустанно вели его къ цѣли.

Внезапно онъ остановился.

Вдругъ онъ увидѣлъ появившійся огонь между имъ и рѣкою, между только что покинутой деревней и прибрежнымъ холмомъ, къ которому онъ стремился. Тамъ были люди. Откуда они появились? Кто были они?

Сначала ребенокъ наклонился, чтобы его не увидѣли, затѣмъ совсѣмъ легъ и поднялъ голову для наблюденія. Гансъ чувствовалъ на лицѣ и рукахъ сыроватую свѣжесть земли. Тогда онъ замѣтилъ передъ собою легкое колебаніе почвы, какъ бы снизу вверхъ, по которому онъ могъ быстро слѣдовать, согнувшись вдвое, безъ необходимости ползти. Онъ пошелъ туда и укрылся тамъ, чтобы продолжать свой путь и незамѣтно приблизиться къ подозрительному лагерю.

Вскорѣ было невозможно сомнѣваться. Передъ его глазами былъ австрійскій аванпостъ кавалерійскаго отряда, стоявшій карауломъ

передъ лагеремъ. Онъ былъ составленъ изъ тѣхъ солдатъ, которыхъ Гансъ такъ хотѣлъ избѣжать. Они прикрывали со стороны рѣки своихъ спящихъ въ деревнѣ товарищей, стережа рѣку, которую бѣдный Гансъ хотѣлъ перейти.

Какъ быть?

Вокругъ шаловливаго огня, горящихъ сучьевъ, два офицера грѣлись, разговаривая. Караулъ ходилъ передъ ними взадъ и впередъ. Другой, немного дальше, оставался недвижимъ на склонѣ, спускающемся къ Дунаю, еще близкому къ своему источнику и едва достигающему ста метровъ ширины.

Гансъ видѣлъ все это, но ничего не слышалъ... Однако едва уловимый шопотъ достигалъ его ушей съ порывомъ вѣтра.

Оба офицера разговаривали громко и совершенно свободно.

О чемъ они говорятъ?—подумалъ Гансъ.

Ребенокъ проползъ осторожно вдаль естественнаго откоса, разрѣзающаго вкось долину какъ бы земляными ступенями. Отъ времени до времени онъ останавливался, чтобы послушать и чтобы измѣрить разстояніе, которое онъ достигъ, по ясности слышанныхъ имъ словъ. Его страстное желаніе знать, о чемъ говорятъ, было такъ сильно, что онъ не опасался приблизиться самое меньшее на двадцать шаговъ отъ непріятеля.

Тогда, ставъ на колѣни на траву и спрятавъ голову позади рыхлой глыбы, которая была, вѣроятно, взрытая кротомъ земля, онъ видѣлъ и слышалъ все какъ нельзя лучше.

Вотъ что онъ услыхалъ:

— А вотъ такъ крѣпкая голова.

— Скорѣе пренекрасивое лицо.

— Дѣло въ томъ, что онъ ужаснѣе своей природы. Гдѣ его взяли?

— Онъ пробовалъ удрать къ рѣкѣ, избѣгая нашъ караулъ. Однако это не обычная уловка подобныхъ людей. Когда они видятъ войско, расположенное лагеремъ, они бѣгутъ къ нему, чтобы покупать или продавать.

— Или одолжить.

— Нѣтъ. Во время войны они не занимаются болѣе обыкновеннымъ ростовщичествомъ; имъ достаточно обирать мертвыхъ, чтобы существовать. Этотъ же удалялся такъ упорно отъ нашихъ линій, что пришлось окликать и угрожать ему, а затѣмъ остановить. Насъ предупредила о немъ именно развѣдочная часть главной квартиры, совѣтуя быть осторожными. Кажется, замѣтили французскихъ кавалеристовъ на дорогѣ къ Аугсбургу, и всѣ торговцы въ округѣ стараются удрать къ непріятелю, который платитъ лучше насъ.

— Обыскали ли его хотя отчасти?

— Не думаю. Надо подожать полковника, который дѣлаетъ свой обходъ...

О комъ это говорили они?—подумалъ Гансъ. Онъ попробовалъ

разсмотрѣть арестованнаго и тихонько приподнялъ голову настолько, что его лобъ и глаза поднимались надъ краемъ его тайника. Но вдругъ огонь неожиданно вспыхнулъ; собесѣдники сдѣлали порывистое движеніе, и онъ тотчасъ спрятался въ тѣнь, задерживая дыханіе.

Однако ему удалось увидѣть плѣнника. Онъ сидѣлъ на землѣ около караульныхъ. Это былъ человѣкъ съ длинными волосами, громадною бородою и смѣшной шапкой на головѣ. Онъ съ боязливымъ видомъ держалъ на колѣняхъ зажатую въ рукахъ четырехугольную коробочку и, казалось, исподтишка разсматривалъ всѣхъ окружающихъ его.

Какая странная фигура!—подумалъ Гансъ.

Будто эхо на его мысль, онъ услышалъ, какъ одинъ изъ двухъ молодыхъ людей сказалъ громко:

— Нѣтъ, можно ли быть противнѣе!..

— Не очень-то приближайтесь къ нему, Карлъ!—возразилъ другой голосъ.—Мои люди, захватившіе уже многихъ изъ этой расы, говорятъ, будто бы нужно брать ванны на каждомъ пикетѣ всякій разъ, какъ одинъ изъ нихъ прикоснется до руки еврея.

— Ну, такъ я первый съ большимъ удовольствіемъ уйду, прежде чѣмъ будутъ его обыскивать.

— Невозможно, мой другъ! Мы прикомандированы. Не безпокойтесь уходить! На войнѣ, какъ на войнѣ!

Человѣкъ, котораго они такъ осмѣивали, дѣлалъ видъ, что не слышалъ ихъ. Теперь Гансъ видѣлъ его прекрасно, найдя средство наблюдать за нимъ, не обнаруживая себя. Несчастный казался неподвижнымъ, придавленнымъ неизбѣжной покорностью Провидѣнію. Лицо его было, какъ окаменѣлое, тѣло не двигалось ни однимъ мускуломъ, но его руки, что Гансъ скоро замѣтилъ, не оставались бездѣятельны.

Одна изъ нихъ медленно поднялась съ края коробейнаго ящика, который онъ до тѣхъ поръ оберегалъ, и углубилась подъ одежду, какъ бы шаря въ какомъ-то таинственномъ карманѣ на равной высотѣ съ бедрами. Съ тою же осторожностью она снова появилась, скользнула въ длину ноги и опустилась въ сапогъ. Затѣмъ Гансу показалось, что она полуоткрыла ящикъ, поставленный на колѣняхъ.

Въ эту минуту караулъ, неизмѣнно прохаживающійся взадъ и впередъ, возвратился снова къ узнику, и рука болѣе не двигалась. Затѣмъ, когда солдатъ снова отвернулся, она поднялась до воротника шубы и, казалось, что-то спрятала подъ подкладкой. Затѣмъ снова сдѣлалась неподвижна.

Впрочемъ, узникъ и не могъ бы продолжать маневръ безъ того, чтобы его не замѣтили. Шумъ голосовъ разнесся по долинѣ. Отдаленныя тѣни соединились, затѣмъ отдѣлились. Большой фо-

нарь, съ котораго сняли чехолъ, на минуту освѣтилъ новыя лица. Кавалеристы сошли съ лошадей. Всѣ разговоры у бивуачнаго костра прекратились, и солдаты, положившіе подъ головы шинели, встали, вытянулись со всѣхъ сторонъ, поднимаясь съ черной травы, какъ воскресшіе мертвецы.

— Гдѣ же человѣкъ?—спросилъ тотчасъ же начальникъ, прибытіе котораго взволновало всѣхъ.

— Вотъ онъ, полковникъ.

— Пусть приблизится!

Толчекъ ногою заставилъ разносчика встать; ударъ ружейнаго приклада принудилъ его сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ. Онъ побагровѣлъ, согнулся въ таліи и направился къ огню, который прямо освѣтилъ его черты.

Гансъ нашелъ его отвратительнымъ, подлымъ, достойнымъ самаго грубаго обращенія, потому что онъ не возмущался противъ дурного обращенія съ нимъ.

— Я не спрашиваю вашего имени,—сказалъ полковникъ:—у подобныхъ вамъ ихъ сколько угодно, когда дѣло идетъ о лжи. Но откуда вы шли и куда, когда васъ задержали?

Человѣкъ отвѣчалъ жалобнымъ и медоточивымъ голосомъ.

— Я шелъ зарабатывать хлѣбъ, какъ могъ, увы, для себя и моей бѣдной семьи, продавая бездѣлушки солдатамъ и господамъ офицерамъ.

— Какимъ солдатамъ?.. Какимъ офицерамъ?.. Почему вы направлялись въ сторону, гдѣ, говорятъ, показался непріятель?

— Какъ могъ я знать, въ какой именно сторонѣ непріятель, господинъ полковникъ? Я шелъ впередъ, не думая дѣлать что нибудь дурное.

— Вы шли изъ Ульма? Не правда ли?

— Ульмъ? Въ самомъ дѣлѣ я проходилъ тамъ... Это очень красивый городъ, гдѣ въ данный моментъ масса солдатъ... Э! э! я тамъ устроилъ нѣсколько дѣлишекъ!

— Когда вы покинули его?

Человѣкъ, казалось, рылся въ памяти, чтобы остановиться прежде, чѣмъ отвѣтить указаніемъ опредѣленнаго числа, затерявшагося въ его памяти.

Гансъ началъ понемногу убѣждаться, что хорошо сдѣлали бы, поколотивъ еще еврея и принудивъ его скорѣе припомнить.

Но затѣмъ послышался другой голосъ, и какъ только онъ достигъ ушей узника, то послѣдній, казалось, совершенно перемѣнилъ манеры.

— Чтобы обязать этого чудака говорить, полковникъ, вамъ стоитъ только сорвать съ него парикъ и фальшивую бороду,—произнесъ этотъ голосъ.

По данному начальникомъ знаку два солдата приблизились къ

разносчику, чтобы исполнить, хотя, повидимому, противъ сердца, полученный приказъ. Но они совсѣмъ не прикасались рукою къ предмету ихъ отвращенія.

Арестованный вдругъ распрямился, какъ будто бы къ нему вернулись бодрость и смѣлость.

— А! а!—сказалъ онъ:—я узналъ этотъ голосъ: г-нъ Вендъ здѣсь! Прекрасно, теперь я все понимаю! Я понимаю, почему мнѣ пресѣкли возвращеніе, почему меня задержали и разспрашиваютъ, тогда какъ оставляютъ цѣлое населеніе подозрительныхъ торговцевъ свободно кишѣть вокругъ вашихъ солдатъ, отравлять ихъ и обманывать васъ! Не безпокойтесь болѣе, полковникъ, допрашивать меня. Я скажу все. Я не еврей, не разносчикъ и не называюсь ни Авраамомъ, ни Іаковомъ, ни Симеономъ. Я нѣмецкій подданный, христіанскаго вѣроисповѣданія и нахожусь здѣсь въ силу приказаній, данныхъ мнѣ начальникомъ императорской арміи. Мое имя Карлъ Шульмейстеръ, и я служу генералу Маку.

Въ то же время онъ сбросилъ фальшивую бороду; парикъ съ длинными сѣдыми прядями отлетѣлъ вмѣстѣ съ мѣховой шапкой. Ребенокъ, сидѣвшій на корточкахъ въ долинѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ происходившаго, увидѣлъ появившееся, освѣщенное рѣзкимъ огнемъ, очень блѣдное, энергичное и мужественное лицо отца, окруженное, какъ ореоломъ, рыжими волосами.

По счастью, никто не слышалъ легкаго крика, который его неловкія уста не могли удержать. Всѣ уши и глаза были устремлены на загадочнаго героя разыгрывающейся драмы.

— Этотъ человѣкъ еще вретъ, полковникъ,—возразилъ Вендъ, рѣшившись, наконецъ, выйти изъ тѣни, гдѣ онъ прятался.—Если вы прикажете его обыскать, то увидите, что съ нимъ находится значительная сумма денегъ, доходящая до нѣсколькихъ тысячъ флориновъ французскаго серебра. Вы отыщете на немъ также бумаги, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно миссіи, данной ему Бонапартомъ.

— Эхъ! говорите же откровеннѣе!—перебилъ Шульмейстеръ.— Все-то вы добиваетесь моего пояса, не правда ли, господинъ Вендъ? Вы находите, что я недостаточно васъ вознаградилъ за трудъ и мелкія услуги, оказанныя мнѣ? Будь по-вашему! Я не хочу торговаться! Безполезно приказывать, чтобы меня обыскивали; вотъ десять тысячъ франковъ, оставшихся у меня.

И изъ полураспахнувшейся шубы, черезъ жилетъ и рубашку, гнѣвно разстегнутые, рука шпіона сорвала поясъ, который упалъ отъ тяжести золотыхъ свертковъ къ ногамъ полковника.

— Г-нъ Вендъ забылъ еще о моемъ разносчичьемъ ящикѣ,— продолжалъ Шульмейстеръ.—Однако, онъ самъ мнѣ покупалъ его и уплачивалъ. Да! онъ мнѣ стоилъ сто флориновъ, болѣе двухъ свертковъ, подобныхъ тѣмъ, которые тамъ, т. е. двухъ тысячъ

франковъ, подаренныхъ г-ну Венду за комиссію. Скажите, господинъ офицеръ, развѣ изъ этого не видно, что я честный человѣкъ, не заинтересованный, а этотъ презрѣнный съ продажной совѣстью.

Въ тонѣ узника было столько насмѣшки, что офицеры, свидѣтели этой сцены, сдѣлали невольный жестъ и отодвинулись отъ Венда. Конечно, они понимали, что передъ ними былъ непріятель, но они также смутно чувствовали, что возлѣ нихъ былъ измѣнникъ.

Однако Вендъ не рискнулъ послѣдней партіей, чтобы отступить въ рѣшительный моментъ.

— Все это,—возразилъ онъ,—слова. Это онъ втираетъ очки въ глаза. Я исполнилъ мой долгъ, притворяясь, что вошелъ въ сдѣлку, иначе нельзя было сорвать маску съ шпіона. Держу пари, что въ этомъ коробѣ разносчика не находится болѣе одной изъ маленькихъ золотыхъ бонбоньерокъ.

— Изъ серебряныхъ позолоченныхъ, пожалуйста!—воскликнулъ Шульмейстеръ.—Вы меня обманули даже качествомъ проданнаго товара, сударь. Когда я захочу отъ него отдѣлаться, то мнѣ дадутъ пустячную цѣну.

— У васъ нѣтъ ея больше?

— Нѣтъ.

— Кому же вы отдали эту золоченую коробочку?—внезапно спросилъ полковникъ.—Тамъ находились, можетъ быть, полезныя для васъ показанія, если бы вы могли съ точностью опредѣлить.

— Онъ не могъ никому ее продать, полковникъ. Онъ еще разъ вретъ. Онъ покинулъ городъ съ наступленіемъ ночи и нигдѣ не останавливался дорогой. Я въ этомъ увѣренъ, такъ какъ слѣдовалъ за нимъ.

— Ну, хорошо, пусть обыщутъ меня, если хотятъ! Пусть обшарятъ! У меня больше ея нѣтъ.

— Мы увидимъ это.

На этотъ разъ надо было покориться. Шульмейстеръ попробовалъ еще разъ схитрить. Онъ поспѣшно скинулъ шубу, упавшую на землю, и подставилъ карманы панталонъ и куртки для изслѣдованія солдатъ. Но Вендъ, знавшій всѣ хитрости полицейскаго ремесла, не колеблясь, бросился на одежду, съ видимымъ отвращеніемъ снятую Шульмейстеромъ. Онъ былъ увѣренъ тамъ найти себѣ добычу.

— Что я говорилъ вамъ?—вскричалъ онъ черезъ мгновеніе.—Смотрите, полковникъ, бонбоньерка спрятана въ воротникѣ. Я ощущаю ее! Гдѣ же, чортъ возьми, онъ просунулъ ее? Ахъ, вотъ щель...

Пальцы предателя скользнули между подкладкой и матеріей, какъ только что продѣлалъ Шульмейстеръ.

— А вотъ и она!—воскликнулъ Вендъ, поднося скромную ма-

ленькую позолоченную коробочку, за которую Шульмейстеръ отдалъ бы охотно свою жизнь, къ глазамъ полковника.

Все пропало! Все кончено для него. Ничтожная безделушка, попавшая въ грубыя руки враговъ, выдастъ его секретъ. Не только его роль въ Ульмѣ обнаружится, но его надежды будутъ погублены, его грезы о счастіи и чести будутъ разрушены. Кто знаетъ, можетъ быть, исходъ цѣлаго похода и судьба имперіи перемѣнятся, и все изъ-за того, что нѣсколько строчекъ его письма, спрятанныхъ на днѣ ничтожной металлической коробочки, попали имъ въ руки.

Какъ тяжело было видѣть послѣ столько потраченныхъ, впродолженіе двухъ недѣль, генія, ловкости и смѣлости, что такъ глупо попался въ западню, когда партія казалась уже выигранной!

— Но въ ней ничего нѣтъ!—сказалъ полковникъ послѣ того, какъ открылъ бонбоньерку.

Шульмейстеръ поднялъ голову, какъ человѣкъ, обремененный несчастіемъ и почувствовавшій внезапно возрожденіе неожиданной и невѣроятной надежды.

— А во второмъ днѣ?—спокойно спросилъ Вендъ.

— А! Есть второе дно? Вы думаете?

— Смотрите, полковникъ!

Вендъ надавилъ пружинку. Маленькій клочекъ бумаги, покрытый замѣтками, упалъ въ руки начальника, и Шульмейстеръ услышалъ шумъ разворачиваемой бумаги. Все, что онъ написалъ Наполеону для освѣщенія настоящаго положенія дѣлъ, относительно мнѣній начальниковъ австрійской арміи, будетъ тотчасъ извѣстно одному изъ тѣхъ, которыхъ онъ одурачилъ.

Вендъ торжествовалъ.

Принесли фонарь. Полковникъ тихо прочиталъ документъ-обвинитель. Шульмейстеръ, котораго двое сильныхъ солдатъ держали за плечи и за кисти рукъ, смотрѣлъ прямо въ глаза офицерамъ, стоявшимъ группою передъ нимъ. На эго лицѣ въ эту трагическую минуту снова появилось воинственное и улыбающееся выраженіе, присущее ему. Никакія послѣдовательныя гримировки и никакія притворства не могли изгладить ихъ совсѣмъ. Къ чему скрытничать теперь? Къ чему прятать человѣка, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ? Гордость за совершенство произведеннаго имъ дѣла сверкала у него въ глазахъ. Онъ зналъ прекрасно, что вскорѣ съ полъ-дюжины свинцовыхъ пуль разорвутъ ему грудь. Но, благодаря ему, солдаты, которые убьютъ его, будутъ затѣмъ побѣждены французами, стоявшими совсѣмъ близко оттуда. Можетъ быть, въ одинъ прекрасный день узнаютъ и скажутъ громко, что окончательной побѣдой были обязаны его преданности настолько же, насколько генію его повелителя.

Молодые офицеры, разсматривающіе пытливо Шульмейстера, были поражены его спокойствіемъ. Когда полковникъ, покончивъ чтеніе, поднялъ въ свою очередь глаза, то также понялъ, какой храбрый и страшный противникъ попалъ емъ въ руки.

Но внезапно черты лица Шульмейстера исказились отъ ужаса, и всѣ подумали, что страхъ за послѣднюю минуту, наконецъ, восторжествовалъ надъ силою его души.

Но причина была иная. Онъ увидалъ позади всѣхъ головъ, повернутыхъ въ его сторону, позади полковника, офицеровъ, Венда и солдатъ, бѣдную, маленькую, совершенно блѣдную головку ребенка.

Гансъ теперь забылъ спрятаться и стоялъ во весь ростъ на землѣ, гдѣ такъ долго скрывался. Онъ смотрѣлъ, слушалъ и восхищался. Но въ то же время онъ дрожалъ. Да, его бѣдное сердце раздѣлялось между страхомъ и гордостью.

Какъ,—раздумывалъ онъ,—это его покровитель, всегда такой нѣжный и простой, съ которымъ онъ жилъ? Это—тотъ шутливый добрякъ, который «представлялъ солдата», чтобы развеселить ихъ, Лизбету и его. Онъ никогда не былъ такъ счастливъ, какъ гуляя съ ними рядомъ въ поляхъ. Гансъ въ это время открылъ, что его пріемный отецъ способенъ бороться съ цѣлой арміей одинъ. Правда, что этотъ герой сдѣлался узникомъ, но онъ имѣлъ видъ презирающаго побѣдившую силу. Что съ нимъ сдѣлаютъ? Увы, тѣ, которые его держатъ, удовольствуются ли, послѣ того какъ узнали, кто онъ, пинками и ударами прикладовъ. Вдругъ они станутъ его мучить и убьютъ? «Бѣдный папа Карлъ!»

Ребенокъ позабылъ обо всемъ остальномъ: о цѣли его путешествія, о своей матери, о Родекѣ и о домѣ, переполненномъ солдатами, откуда онъ исчезъ. Онъ видѣлъ передъ собою только эти багровыя черты лица, окруженныя пламенемъ красновато-рыжихъ волосъ, и торсъ атлета въ разорванномъ платьѣ, котораго держали два солдата, какъ два палача.

Шульмейстеръ, однако, думалъ, что онъ игрушка воображенія. Какъ возможно, чтобы передъ нимъ былъ его маленькій мальчикъ?

Увы! его любимцы были далеко отъ него! Его послѣдній часъ, вѣроятно, близокъ, если онъ дошелъ до того, что воображаетъ, будто узналъ черты одного изъ нихъ, съ такой обманчивой ясностью, среди волнъ солдатскихъ силуэтовъ. Всѣмъ извѣстно, что умирающіе видятъ иногда невидимое, такъ значитъ, онъ умеръ, потому что передъ нимъ явился его отсутствующій сынъ.

Снова послышался шопотъ совсѣмъ близко отъ узника. Но его волненіе было настолько велико, что онъ даже не разслышалъ новаго допроса. Онъ силился слушать. Полковникъ повторилъ вопросъ, оставшійся безъ отвѣта.

— Вы не хотите мнѣ сказать, сами ли вы написали это вашей рукой?

— Что это, полковникъ? Что такое я написалъ?

— Эту записку, спрятанную въ коробочкѣ, найденной нами въ воротѣ вашей шубы и которую, какъ вы утверждали, вы продали.

Шульмейстеръ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ человѣка, который не знаетъ, на что намекаютъ.

— Эта замѣтка написана по-французски. Свободно ли вы говорите по-французски? Умѣете ли вы писать?

— Да, полковникъ. Я солгу, если скажу наоборотъ. Я способенъ начертать нѣсколько фразъ болѣе или менѣе правильно на этомъ языкѣ, но...

— Но?

Прежде чѣмъ кончить отвѣтъ, Шульмейстеръ снова посмотрѣлъ въ сторону, гдѣ онъ думалъ увидѣть личико своего сына, искаженное страхомъ. Оно попрежнему было тамъ предъ нимъ страдальчески внимательное, и можно было бы сказать, что имъ руководилъ самъ разумъ.

Такъ это была не иллюзія, не фантомъ?—подумалъ Шульмейстеръ. Это былъ настоящій его ребенокъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Какъ это могло случиться?... а Берта?... Лизбета?... Гдѣ были онѣ?

Несчастный человѣкъ оставался неподвиженъ скорѣе вслѣдствіе инстинктивнаго и присущаго его профессіи притворства, чѣмъ силы воли. Въ его глазахъ былъ какой-то блуждающій свѣтъ.

— Полно! Кончимъ ли мы?—снова заговорилъ полковникъ.—Вы увѣряете, не правда ли, что вы знаете читать и писать по-французски?

— Да, полковникъ. Но я такъ дурно знаю этотъ языкъ, что никакъ не могъ успѣть въ преподаваніи его моимъ дѣтямъ. Такъ, напримѣръ, у меня есть сынъ и дочь, и что же они знаютъ?—только нѣмецкій языкъ.

Услышавъ это лживое увѣреніе, Гансъ почувствовалъ, что кровь бросилась ему въ щеки. Онъ сдѣлалъ легкое движеніе и готовъ былъ закричать свой протестъ.

Это навѣрно онъ!... подумалъ про себя отецъ.

И ребенокъ замолчалъ, чувствуя на себѣ нѣжный взглядъ узника.

— Если бы я, по крайней мѣрѣ, зналъ, въ чемъ меня обвиняютъ,—громко возразилъ Шульмейстеръ:—я могъ бы отвѣчать съ увѣренностью, но я не знаю, что написано на бумагѣ.

— А! вы не знаете!—отвѣчалъ полковникъ.—Такъ хорошо, я скажу вамъ это сейчасъ.

Честный офицеръ хорошо понималъ, что шпіонъ старался выиграть время, такъ какъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ виновности Шульмейстера. Онъ хотѣлъ выяснить точно роль, какую могъ играть Вендъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ какъ рапортъ, ко-

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

СЕНТЯБРЬ, 1901

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯБРЬ, 1901 г.

СТРАН.

См. слѣд. стр.

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА.

Съ фотографіи 1883 г. принадлежащей Н. И. Ушакову.

дозв. ценз. 20 авг. 1901 г. спб.

БЫЛОЕ.

(Изъ семейной хроники).

Старички.

I.

МОИ ДОБРЫЕ, славные старички! Миръ вашему праху, миръ вашей памяти!

Не знаю, право, съ кого и начать. Ихъ тѣни окружили меня толпой, ласково кивають мнѣ своими сѣдыми головами и улыбаются добрыми старческими улыбками. Съ кого начать?

Вотъ тетушка Марья Максимовна. У нея, съ младшей ея сестрой Еленой Максимовной,—въ верхнемъ этажѣ нашего дома своя половина. Забѣжишь туда къ нимъ изъ шумныхъ комнатъ нижняго этажа, изъ комнатъ, откуда несутся звуки рояля, гдѣ слышится французскій или нѣмецкій говоръ, гдѣ пахнетъ цвѣтами и духами, и на тебя повѣетъ чѣмъ-то совсѣмъ особеннымъ. Въ комнатахъ Марьи Максимовны свѣтло, чисто и уютно. Мебель не то что старинная, а какая-то совсѣмъ особенная: сундукъ у стѣны стоитъ, покрытый ковромъ, а на немъ подушки, и на него садятся, какъ на диванъ. Столъ восьмиугольной, покрытый бѣлой съ розовой каемкой скатертью; стулья сборные; въ дверь слѣдующей комнаты видна широкая съ пухлой периной кровать. А въ углу огромный кіотъ, весь

заставленный образами, завѣшенный четками, пасхальными яйцами, кучками вербы. Передъ кіотомъ неугасаемо теплится лампадка, стоитъ рядъ просвирокъ и какая-то странная мѣдная кадильница съ ручкой и крестомъ на куполообразной крышѣ. На окнахъ горшки алоэ, листьями котораго что-то лѣчатъ — порѣзы, кажется. Есть и герань, есть и фуксія. Въ комнатахъ пахнетъ кипарисомъ, ладаномъ и постнымъ масломъ.

Большая, сытая кошка дымчатаго цвѣта, Буска, лежитъ на окнѣ и сладострастно жмурится подъ солнечными лучами. По комнатѣ, изрѣдка покрякивая, бродитъ маленькая, кругленькая и пестрая, какъ рябчикъ, курица хохлушка и, то и дѣло повертывая голову, высматриваетъ своимъ круглымъ глазомъ бродящихъ по бѣлымъ половичкамъ мухъ. И Буска, и хохлушка живутъ въ большой дружбѣ, и принадлежатъ онѣ собственно не Марьѣ Максимовнѣ, а сестрѣ ея, Еленѣ, и когда та отправится гулять въ садъ, онѣ пойдутъ вслѣдъ за ней и по дорогѣ, занимаясь каждая своимъ дѣломъ, будутъ слѣдить за своей хозяйкой покорно, какъ собаченки.

Несмотря на присутствіе курицы въ комнатѣ, тамъ все-таки опрятно, потому что кривоглазая дѣвченка Маринка должна зорко слѣдить за погрѣшностями хохлушки.

Только немножко душно въ этихъ комнатахъ. Душно и скучновато. Въ нихъ долго не насидишься. Только одна Марья Максимовна охотно проводитъ тутъ все свое время.

Вотъ она, большая, грузная, повязанная чернымъ платкомъ, въ платьѣ какого-то страннаго покроя, очень напоминающемъ простонародный сарафанъ, сидитъ въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ и, тихо улыбаясь своимъ круглымъ лицомъ, смотритъ въ окно, на дворъ. Передъ ней на кругломъ столикѣ лежатъ двѣ-три духовныхъ книги въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ, съ массивными мѣдными застежками, а возлѣ книгъ круглыя серебряныя очки и клѣтчатый носовой платокъ.

Марья Максимовна читаетъ мало. Она больше интересуется тѣмъ, что дѣлается на дворѣ. Вотъ конюхъ Дмитрій подвезъ къ кухнѣ бочку съ водой. Вотъ наседка вывела на прогулку своихъ маленькихъ, желтенькихъ, чиликающихъ цыплятокъ; вотъ элегантный камердинеръ моего отца, Мартирій Васильевичъ, своей нервной походкой прошелъ изъ дома въ кухню, а оттуда на встрѣчу ему вышелъ поваръ Демьянъ, и они перекинулись какими-то словами. Вотъ какія-то двѣ черемисски, въ своихъ бѣлыхъ рубахахъ и странныхъ, лопатообразныхъ головныхъ уборахъ, подошли къ черному крыльцу и остановились, чего-то ожидая.

Марья Максимовна видимо заинтересовалась черемиссками и, увидавъ, вышедшую на крылечко нянюшку Февронью Степановну, отворила окно и тонкимъ, нестарушечьимъ голосомъ, крикнула внизъ:

— Февронья! Чего онѣ?

Нянюшка не разслыхала.

— Вы чего это, Марья Максимовна?—переспросила она.

— Спрашиваю: чего онѣ пришли? Что у нихъ въ буракахъ-то?— повторила тетушка.

Нянюшка поговорила съ черемиссками и, поднявъ голову кверху, крикнула:

— А ничего. Такъ пришли.

Марья Максимовна видимо вполнѣ этимъ удовлетворена и опять опускается на свое кресло. Но окна она не притворила, и свѣжій, прохладный воздухъ обвѣваетъ ее теперь, и доносится заботливое клохтаніе насѣдки, и отдаленный лай собаки, и чириканіе птицъ.

Но вотъ, мягко колебля воздухъ, долетѣлъ первый ударъ церковнаго благовѣста. Марья Максимовна крестится и кличетъ Маринку.

— Скажи, чтобъ лошадь заложили. Ко всенощной поѣду.

И вслѣдъ за этимъ раздается дробное топаніе босыхъ Маринкиныхъ ногъ внизъ по лѣстницѣ.

А Марья Максимовна, при помощи Антонины, старой, благообразной дѣвушки, принимается одѣваться.

Антонина сообщаетъ новости: гувернеръ Облизьянъ Ивановичъ опять сегодня пьяны напились; барышни уѣхали въ гости, а дѣти рыбу ловятъ.

— Еще утонутъ, одни-то!—качаетъ головой Марья Максимовна.

— Долго ли?—со вздохомъ подтверждаетъ Антонина.

Марья Максимовна переодѣвается во все черное. И голову покрываетъ большою, черною же шалью.

Вернувшаяся Маринка докладываетъ, что лошадь подана.

— А ты гдѣ пропадала?—ворчитъ на нее Антонина.—Что тебѣ нужно было цѣлый часъ въ каретникѣ торчать? Безъ тебя бы не запрягли?

Маринка переминается съ ноги на ногу и какъ-то удивительно ловко большимъ пальцемъ правой ноги почесываетъ большой палецъ лѣвой ноги.

Марьѣ Максимовнѣ подаютъ посошокъ, или, какъ она называетъ, клюку, простую, кленовую палочку съ загнутой крючкомъ ручкой, и подъ руки—съ одной стороны Антонина, а съ другой Маринка—сводятъ по лѣстницѣ на второе парадное крыльцо.

Въ домѣ у насъ четыре крыльца: первое парадное—съ дороги; второе — со двора; потомъ третье, черное, со двора и, наконецъ, четвертое садовое, съ террасы въ садъ. Есть еще боковое, съ первой парадной, но по немъ никогда никто не ходитъ.

У второго параднаго стоитъ странный экипажъ, какая-то деревянная, выкрашенная зеленой краской, съ мягкими кожаными подушками, помѣстительная таратайка, укрѣпленная на гибкихъ, вя-

зовыхъ дрожинахъ. Никто въ этой таратайкѣ, кромѣ Марьи Максимовны, у насъ не ѣздилъ, но она предпочитаетъ ее всѣмъ другимъ экипажамъ. Никто, кромѣ нея же, не ѣздитъ и на лошади Буркѣ, старомъ буромъ меринѣ, запряженномъ въ эту таратайку. Сколько лѣтъ этому Буркѣ, кажется, всѣ уже давно и забыли. Едва ли не забылъ даже и дѣдушка Андрей, нашъ заштатный кучеръ, давно уже освобожденный отъ всякихъ выѣздовъ, за исключеніемъ выѣздовъ тетушки Марьи Максимовны. Не помнитъ дѣдушка Андрей, сколько и ему лѣтъ, и по его ветхости довѣряется ему теперь только одна Бурка. И вотъ онъ сидитъ въ синемъ, выцвѣтшемъ, вытертомъ и несообразно большомъ для него армякѣ, на козлахъ тетушкиной таратайки. При выходѣ Марьи Максимовны на крыльцо, онъ обѣими руками снимаетъ съ головы какую-то старенькую шапченку и солидно кланяется, но не тетушкѣ, а словно Буркиному хвосту.

Марью Максимовну, при помощи вышедшаго на крыльцо камердинера Мартирія Васильевича, выскочившаго невѣсть откуда казачька Θедки, горничной Антонины и даже кривой Маринки, нагружаютъ въ таратайку.

Дѣдушка Андрей сидитъ въ это время молча, не шевелясь, не принимая въ этой погрузкѣ никакого участія, потому что не его это, кучерово, дѣло. Зато громадная, рыжая, мохнатая сука Шабалка, вылѣзшая изъ-подъ крыльца, гдѣ ея постоянное логовище, внимательно слѣдитъ за всей процедурой водворенія грузной тетушкиной особы въ таратайку.

Но вотъ все готово, и Мартирій Васильевичъ, обращаясь къ дѣдушкѣ Андрею, совершенно серьезно говоритъ:

— Трогай!

И старикъ усиленно начинаетъ дергать вожжами.

— Эхъ, кабы кнутъ!—ворчитъ онъ, сѣтуя на запрещеніе Марьи Максимовны употреблять въ ея присутствіи кнутъ.

Но, сколько онъ ни дергаетъ вожжами, Бурка не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія: онъ не взнузданъ, и взнуздать его нельзя, потому что тогда онъ совсѣмъ не пойдетъ.

Но тутъ на выручку подлетаетъ Θедька и пинкомъ въ бокъ заставляетъ Бурку двинуться съ мѣста.

Поѣхали.

— А что, Мартирій Васильевичъ,—обращается Θедька къ камердинеру,—имъ всѣмъ троимъ вмѣстѣ будетъ лѣтъ двѣсти?

Мартирій, вмѣсто отвѣта, даетъ Θедькѣ подзатыльника и уходитъ въ домъ. А Θедька стремглавъ несется на рѣку, гдѣ мы, т. е. братъ и я, удимъ рыбу.

Таратайка, между тѣмъ, выѣхала уже изъ воротъ. Отъ нашей усадьбы до приходской церкви—рукой подать. Стоитъ только объѣхать поповъ домъ да огородъ мѣщанина Шляпкина, а тамъ уже городская черта. А за городской чертой почти сейчасъ же и

церковь стоитъ. Но дѣдушка Андрей сокращаетъ и этотъ путь: попова дома онъ не объѣзжаетъ, а ѣдетъ малымъ мостомъ черезъ овражекъ.

Свѣжій вечерній воздухъ сладко обвѣваетъ Марью Максимовну и нагоняетъ на нее дремоту. Дремлется и дѣдушкѣ Андрею. Бурка шагомъ тащитъ таратайку, осторожно спускаетъ ее на мостъ и потомъ начинаетъ вытаскивать въ горку. Но это, очевидно, не легко, да и по сторонамъ дороги соблазну много: растетъ такой высокій, сочный, зеленый боржовникъ. Бурка пріостанавливается, протягиваетъ свои старыя, мягкія губы и захватываетъ ими сочные стебли травы. Дѣдушка Андрей ничего не замѣчаетъ — онъ уже спитъ. Спитъ и Марья Максимовна, склонивъ свою старческую голову подъ черной шалью. Хруститъ Бурка, пережевывая боржовки своими старыми, съѣденными зубами. Но слипаются глаза и у него и, полакомившись немножко, засыпаетъ и Бурка.

И спятъ старики. Долго и сладко спятъ, пока кто нибудь не пройдетъ мимо — а ходятъ по этой дорогѣ рѣдко — и не разбудитъ дѣдушку Андрея.

Тогда старый кучеръ задергаетъ вожжами, а проснувшійся Бурка дернетъ таратайку и, всколыхнувъ ее, разбудитъ этимъ Марью Максимовну. И когда они потомъ подъѣдутъ къ церкви, то окажется, что всенощная уже отошла, и народъ весь разошелся.

Марья Максимовна поворчитъ на дѣдушку Андрея; дѣдушка Андрей поворчитъ на Бурку, а Бурка, повернувъ обратно къ дому, вдругъ затруситъ какой-то старой, сконфуженной рысцой. Этотъ аллюръ Бурки въ домѣ у насъ почему-то назывался «трюхъ-трюхъ — Терентьевна».

Но вотъ Марья Максимовна опять вернулась домой, выгрузили ее изъ таратайки, ввели обратно въ горницу, раздѣли и усадили въ кресло.

— Чайку бы! — говоритъ она.

Ей подаютъ чай и простоквашу. Покушавъ съ большимъ аппетитомъ, она опять начинаетъ дремать, но сну еще предшествуетъ молитва.

Антонина разстилаетъ коврикъ передъ кіотомъ и помогаетъ Марьѣ Максимовнѣ опуститься на колѣни. Недолго молится Марья Максимовна, старческія немощи берутъ свое, и скоро заскрипитъ деревянная кровать подъ грузнымъ и большимъ тѣломъ старухи. А затѣмъ ровный и тихій храпъ засвидѣтельствуетъ о покойномъ и крѣпкомъ снѣ тетушки.

Марья Максимовна — старая дѣвушка. Сколько ей лѣтъ — опредѣлить трудно, во всякомъ случаѣ — болѣе восьмидесяти. Она старше всѣхъ въ нашей семьѣ и на много старше. Вокругъ нея уже сложились преданія и легенды, довольно сбивчивыя и противорѣчивыя.

Когда приходилъ французъ въ Москву, по одной версіи, Марья

Максимовна не хотѣла оттуда выѣзжать съ остальными жителями, а по другой версіи — она совсѣмъ въ Москвѣ въ то время и не была, но почему-то всей душой рвалась туда, такъ что насилу ее удержать могли. Но такъ ли, иначе ли, а извѣстно только, что покойный дядюшка Андрей Максимовичъ всегда острилъ надъ ней, будто бы она за Бонапарта замужъ собиралась, да только тотъ не взялъ ея, потому что очень ужъ она къ тому времени перезрѣла и самому Бонапарту въ матери годилась.

Говорили, что тетушка Марья Максимовна смолоду была высока, статна и пригожа, а что замужъ не вышла потому, что съ ранней юности пожелала остаться Христовой невѣстой и мяса или птицы какой отродясь не ѣдала, а довольствовалась рыбой и молочнымъ столомъ. Въ доказательство того, что мяса она органически переносить не могла, приводили въ примѣръ анекдотъ съ архіерейской ухой. Такъ разсказывали. Обѣдалъ однажды у насъ въ домѣ его преосвященство архіепископъ казанскій и свіяжскій — имени не помню. Столъ былъ рыбный. На первое — уха стерляжья съ налимьими молоками и печенками. За обѣдомъ тетушка сидѣла рядомъ съ архіереемъ, какъ старѣйшая изъ семьи нашей. Откушалъ владыка ушицы и похвалилъ: «знатный, молъ, вкусъ, и поваръ у васъ большой искусникъ». Откушала и тетушка, но вмѣсто похвалы, въ несвойственной ея возрасту и тучности быстротой, поднялась изъ-за стола и вышла въ другую комнату, и тамъ ей сдѣлалось весьма дурно. Сначала подумали, не муху ли она проглотила, но такъ какъ время было зимнее, то предположеніе это оказалось нелѣпымъ, а по точнымъ справкамъ дознано было, что искусникъ-поваръ уху-то сварилъ на мясномъ бульонѣ, но, дабы не оскорбить владыки, сіе было тщательно скрыто.

Отецъ мой, дядя и тетка говорили, что Марья Максимовна ихъ въ дѣтствѣ всѣхъ воспитывала и даже грамотѣ учила по Псалтири и Четьѣ-Минеѣ, но учила такъ плохо, что потомъ другимъ учителямъ все заново переучивать приходилось.

Изъ молодости Марьи Максимовны разсказывали одинъ героическій случай. Было это, кажется, еще въ царствованіе Екатерины II. Въ то время пассажирское движеніе по Волгѣ производилось на особыхъ судахъ, называвшихся расшивами. Нужно было сплыть кому нибудь, нанималъ тотъ расшиву, съ которой и шелъ, если вверхъ, такъ лямочной тягой, а внизъ, такъ просто сплавомъ.

И вотъ такъ однажды плылъ мой дѣдушка отъ Нижняго до Казани со своею семьей. Старшей дочери его, Марьѣ Максимовнѣ, въ то время было лѣтъ девятнадцать, а двумъ сыновьямъ — одному два года, другому—четыре. Погода стояла тихая, ясная. Наступила темная, теплая ночь. Дѣдушка съ бабушкой и съ двумя малолѣтними своими мальчиками спали уже у себя въ каютѣ. Не спалось только молодой Марьѣ Максимовнѣ. Выманила ее ночная истома

на палубу. Тихо тамъ было. Только на кормѣ рулевой не спалъ, да на носу дозорщикъ какую-то пѣсню мурлыкалъ.

Присѣла Марья Максимовна на большой булыжный камень, что на такихъ судахъ для балласта и равновѣсія по бортамъ укладывались. Присѣла и задумалась.

Тихо на Волгѣ. Яркія звѣзды горятъ на небѣ и почти неподвижно отражаются въ уснувшей, какъ стекло, гладкой водѣ. Медленно плыветъ расшива, и чуть-чуть слышно журчатъ подъ бортомъ струйки. Мурлычитъ дозорный свою пѣсню, да нѣтъ-нѣтъ вздохнетъ рулевой на кормѣ.

И вдругъ замѣтила Марья Максимовна, что отъ устья рѣки Ветлуги быстро вылетѣла лодка. На распашныхъ веслахъ, видно, много народу сидитъ,—такъ стрѣлой и мчится она на перерѣзъ расшивы. Встрепенулся и дозорный, пересталъ пѣсню пѣть. И рулевой замеръ. Нагнулся дозорный къ люку и крикнулъ что-то внизъ, но не успѣли бурлаки-сплавщики проснуться какъ слѣдуетъ, какъ большая, шестивесельная лодка была уже подъ самымъ бортомъ расшивы.

-- Сарынь на кичку!—раздался мощный и властный голосъ.

И видѣла Марья Максимовна, какъ покорно упали ничкомъ и рулевой, и дозорный, и какъ быстро попрятались головы выглянувшихъ было изъ трюма рабочихъ.

Поняла Марья Максимовна, что за лодка и что за люди причаливаютъ къ ихъ расшивѣ. И откуда у дѣвушки сила взялась: подняла она большой, четырехпудовый камень и...

— Принимай, что ли, чалку-то!—крикнулъ ей изъ лодки тотъ же голосъ, что крикнулъ «сарынь на кичку».

Но, вмѣсто того, чтобы принять чалку, выпустила изъ своихъ рукъ Марья Максимовна камень прямо на голову кричавшаго ей атамана. Свалилъ камень атамана, ударился о бортъ лодки, и перекувырнулась лодка.

Видѣлъ это приподнявшій голову дозорный и съ багромъ въ рукахъ бросился на помощь къ дѣвушкѣ. А на крикъ его выскочили и другіе рабочіе и, вооружась чѣмъ попало, принялись добивать и топить плававшихъ въ водѣ разбойниковъ.

На шумъ выбѣжалъ изъ каюты дѣдушка Максимъ Яковлевичъ, и ни одинъ лиходѣй не спасся. А было ихъ больше двѣнадцати.

Чья это шайка была? Кто ею атаманствовалъ? Такъ и осталось неизвѣстно. Но подвигъ молодой дѣвушки, не испугавшейся страшнаго клича: «сарынь на кичку!» и не упавшей ничкомъ на палубу по примѣру хоть и наемниковъ, но мужчинъ-рабочихъ, а героически встрѣтившей нападеніе и отбившей его, остался надолго въ памяти и сдѣлался у насъ семейнымъ преданіемъ.

Когда мнѣ разсказывали объ этомъ подвигѣ, я подолгу смотрѣлъ на Марью Максимовну и все думалъ:

«Неужели эта большая, грузная старуха, съ старчески добродушно улыбавшимся беззубымъ ртомъ, могла когда-то взмахнуть четырехпудовымъ камнемъ? Неужели она была молода и — кто знаетъ—можетъ быть, красива?»

У насъ въ домѣ Марью Максимовну молодой никто не помнилъ.

Впрочемъ, нѣтъ! Помнилъ одинъ человѣкъ, но отъ него добиться какихъ нибудь разсказовъ или воспоминаній было уже невозможно.

Звали этого человѣка—Арина Митревна.

II.

Сладко спитъ Марья Максимовна. Улеглась уже спать въ смежной горницѣ и сестра ея, Елена Максимовна. Прикорнула гдѣ-то на сундукѣ, на войлочной подстилкѣ и сразу забылась дѣтскимъ глубокимъ сномъ и кривоглазая дѣвченка Маринка, и степенная Антонинушка, сначала поворчавъ немного, потомъ помолившись, потомъ опять поворчавъ, спитъ на своей опрятной постели. Затихъ весь домъ, только на дворѣ лаютъ, перекликаются сторожевыя собаки, да то изъ того угла, то изъ другого нашей большой усадьбы застучитъ трещетка сторожа, и донесется протяжное сторожевое:

— Слуша-а-ай!

Слабо теплится лампадка въ комнатѣ Марьи Максимовны. Ея колеблющійся огонекъ колеблетъ и колышетъ неясныя тѣни на стѣнахъ и по полу.

И вотъ среди этихъ тѣней выростаетъ новая, болѣе опредѣленная тѣнь. Она, направляясь въ передній уголъ къ кіоту, тоже колеблется изъ стороны въ сторону. Тѣнь худая, почти перегнутая пополамъ, съ распущенными рѣдкими сѣдыми волосами, съ длинными, сухими, болтающимися, какъ плети, руками...

Странная, даже страшная тѣнь!

Вотъ она приблизилась къ переднему углу, сняла съ кіота одну изъ висящихъ на немъ лѣстовокъ и, качаясь словно былинка подъ вѣтромъ, опустилась на колѣни, тяжело вздохнула и застыла въ долгой молитвѣ.

Эта тѣнь—Арина Митревна.

Если бы спросить кого нибудь изъ нашихъ домочадцевъ: кто эта Арина Митревна? — рѣдкій бы нашелся, что сказать, кромѣ развѣ того, что это—старуха, живущая при Марьѣ Максимовнѣ.

Арина Митревна внушала всѣмъ какой-то суевѣрный мистическій страхъ. Да и дѣйствительно она была страшна. Вѣроятно, когда-то высокая, но согнутая уже пополамъ, костлявая, худая, какъ тѣнь, съ большимъ какимъ-то наростомъ на правомъ боку, съ сѣдыми, прикрытыми чернымъ платочкомъ волосами, съ большими, горя-

щими какимъ-то внутреннимъ, больнымъ огнемъ, глазами, съ беззубымъ, провалившимся ртомъ, всегда безмолвная,—вѣчно лежала она въ своемъ углу за глухими ширмами, стараясь избѣгать людей, прячась отъ нихъ и выползая изъ своего логовища только глухою ночью, когда весь домъ угомонится.

Но не этотъ страшный видъ пугалъ обитателей нашего дома. Главное было то, что Арина Митревна считалась кликушей. Припадки у нея бывали рѣдки, но зато, говорятъ, они были ужасны. Арина Митревна изступленно кричала, металась и билась по полу, стуча своими костлявыми руками и ногами, и потомъ замирала въ страшной судорогѣ, съ пѣной у рта.

Во время такихъ припадковъ Марья Максимовна всѣхъ высылала изъ комнаты и оставалась одна съ глазу на глазъ съ больной старухой, и только тогда, когда та уже совершенно стихала, призывала Антонину и при ея помощи укладывала Митревну въ ея логовище за ширмами.

Къ счастью моему, я никогда не видалъ этихъ припадковъ и зналъ объ нихъ только по наслышкѣ.

Откуда появилась къ намъ въ домъ Арина Митревна? Разсказывали такъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, Марья Максимовна вдругъ исчезла изъ дому. Куда?—сначала извѣстно это было только братьямъ ея, моимъ дядямъ, но потомъ выяснилось, что Марья Максимовна впала въ расколъ и удалилась въ скиты Чернораменскіе. И было отъ этого большое огорченіе всей семьѣ нашей.

Но, къ счастью, недолго пребывала Марья Максимовна «въ заблужденіи». Не прошло и пяти лѣтъ, какъ вернулась она обратно, оттовѣла, исповѣдалась, причастилась у нашего приходскаго священника и зажила прежней жизнью.

И вотъ тогда-то появилась съ ней и Арина Митревна, уже больная старуха.

Когда кто-то изъ братьевъ спросилъ Марью Максимовну, откуда де она добыла эту кликушу, тетушка просто отвѣтила:

— Ни откуда не добывала, она сама меня отыскала въ Черной Рамени и сама привела домой, и не будь бы ея, можетъ, и меня здѣсь съ вами не было. А знаю я ее уже болѣе полъ-ста лѣтъ.

Слѣдовательно, знакома была тетушка съ Митревной чуть ли не съ самаго дѣтства. Но странно, что никто объ этомъ не зналъ и Митревну не помнилъ. То обстоятельство же, что именно она, Арина Митревна, вернула Марью Максимовну на путь истинный, поставило старуху въ положеніе исключительное, и стала она у насъ съ этого въ домѣ жить.

Марья Максимовна нѣсколько лѣтъ усердно очищалась отъ своего заблужденія и нѣсколько разъ паломничала ко святымъ мѣстамъ: побывала и у соловецкихъ и у кіевскихъ угодниковъ, и въ Саровской пустыни, и во многихъ другихъ святыхъ мѣстахъ. И

повсюду брала съ собой Митревну, при чемъ Митревна ѣхала въ повозочкѣ, а Марья Максимовна шла возлѣ пѣшкомъ.

Но лѣтъ за двадцать отъ того времени, съ котораго я веду мой разсказъ, онѣ уже жили безвыѣздно въ нашей усадьбѣ, при чемъ старуха-кликуша почти никогда не покидала комнаты Марьи Максимовны, не посѣщая даже, по случаю своихъ припадковъ и безмѣрной слабости, и храма Божьяго.

Страшна была Арина Митревна, и, Боже мой, какъ я ея боялся! Придешь, бывало, въ комнату къ тетушкѣ веселый, на одной ножкѣ прыгаешь, а какъ взглянешь на ширмы, за которыми лежитъ Арина Митревна, такъ и притихнешь: очень ужъ страшно казачокъ Ѳедька описывалъ мнѣ ея припадки.

Одинъ разъ только не испугался я Арины Митревны. Былъ я боленъ и—говорили потомъ—такъ серіозно, что за мою жизнь опасались: то приходилъ въ сознаніе, то опять терялъ его. И вотъ, однажды, въ минуту проблеска сознанія, я открылъ глаза: въ комнатѣ моей было совсѣмъ тихо, и только слабое мерцаніе ночника едва освѣщало ее. Нянюшка моя, Февронья Степановна, ни на минуту не отходившая отъ меня во все время моей болѣзни, спала полуодѣтая на своей кровати. И вдругъ отворилась дверь, и я, безъ всякаго страха, увидалъ, что вошла въ нее, покачиваясь изъ стороны въ сторону и совершенно беззвучно скользя по полу, страшная Арина Митревна.

Вошла, посмотрѣла на няньку, потомъ, приблизившись къ моей кроваткѣ, опустилась на колѣни и начала молиться. И я слышалъ, какъ шептали ея губы:

— Господи, Владыко... Помоги... исцѣли... младенца Владимира...

И я самъ сталъ шопотомъ повторять за нею молитвы:

— Помоги... исцѣли...

Отъ нашего шопота проснулась чуткая нянюшка. Вздрогнула и выпрямилась она на своей кровати, но видя, что старуха молится, не пошевелилась съ мѣста.

— Владычица Пресвятая Богородица... Скорая Заступница...— продолжала шептать Арина Митревна.

— Помоги... исцѣли...—повторялъ я за ней.

Долго молилась Арина Митревна, потомъ, поднявшись съ колѣнъ, начала крестить меня. И я началъ дѣлать движеніе слабой рукой, какъ бы осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

— Такъ, такъ, батюшка Володюшка. Покрестись и ты,—ободряла меня Арина Митревна, и я видѣлъ, какъ изъ ея большихъ черныхъ глазъ капали слезы.

Но какъ она вышла изъ комнаты, я уже не помню.

Нянюшка мнѣ потомъ разсказывала, что съ этой самой ночи мнѣ и полегчало. Но потомъ, выздоровѣвъ, я опять началъ бояться Арины Митревны.

Какъ скончалась и погребена эта старуха-кликуша, я не знаю. Въ это время я уже не жилъ въ нашей усадьбѣ, а учился въ губернскомъ городѣ, въ гимназіи. Говорили, что скончалась тихо, незамѣтно, словно уснула, а погребена въ оградѣ нашей приходской церкви.

III.

Мертвымъ сномъ спитъ наша усадьба. Передъ разсвѣтомъ задремали и ночные сторожа, и не слышно больше ихъ призывныхъ выкликовъ: «слуша-а-ай!» Передъ разсвѣтомъ прилегли въ своихъ чистыхъ и опрятныхъ денникахъ и конюшняхъ и наши красавцы-кони. Вотъ лежитъ громадная, словно изъ бронзы отлитая фигура Короля, караковаго рысака Хрѣновскаго завода; вотъ и сѣрый красавецъ, Грудный, злой жеребецъ, прикованный цѣпью, лежитъ и тяжело поводитъ крутыми боками. А вотъ и граціозный Змѣенышъ, лѣвая вороная пристяжка, даже и во тьмѣ блеститъ атласистой кожей. А вотъ, словно свернувшись калачикомъ, прилегъ и мой маленькій пони, Литль-Бой, котораго кучера и конюхи почему-то прозвали Епишка-Сальное Брюхо. Вотъ и старый меринъ, Бурка, спитъ, безпомощно отвѣсивъ свою нижнюю губу. Спятъ и другіе кони, не ложится только огневой иноходецъ, Сардарь, дитя степей киргизскихъ, да дивный скакунъ Робъ-Рой, недавно выведенный изъ Англіи. Спитъ и старый козелъ, всегда живущій при конюшнѣ, а не вдалекѣ отъ козла спитъ человѣкъ. Одна рука его закинулась въ стойло къ злому Грудному, и будь эта рука не Андрея стараго заштатнаго кучера Марьи Максимовны, плохо бы ей пришлось: раздавилъ бы ее злой жеребецъ своимъ копытомъ. Но старика Андрея не трогаетъ ни одна лошадь, и онъ не только безбоязненно входитъ въ стойло къ почти еще дикому Сардарю, но и самаго неукротимаго Груднаго рискуетъ иногда ткнуть въ морду.

— Слово такое знаетъ,—говорятъ про него конюха.

— Старъ больно. Козломъ отъ него пахнетъ, вотъ лошади его и не трогаютъ,—добавляютъ кучера.

Громко всхрапываетъ дѣдушка Андрей и рѣзко посвистываетъ, выпуская сквозь сѣдые усы воздухъ. Спитъ онъ тамъ, гдѣ свалилъ его вчера съ вечера хмель, и спитъ крѣпко, несмотря на то, что голова его лежитъ прямо на доскахъ, и нѣтъ подъ ней даже и клочка соломы. Привычное это ему дѣло. Кажется, всю свою жизнь такъ проспалъ.

— Нашъ дѣдушка Андрей днемъ какъ ни бьется, а къ вечеру безпримѣнно напьется,—говорятъ про него въ дворнѣ.

Издавна живетъ въ нашей семьѣ этотъ старикъ. Былъ, говорятъ, прежде хорошимъ кучеромъ, да не просто кучеромъ, а наѣздникомъ даже.

— Водку-то я въ та поры полоскательными чашками пилъ,— вспоминаетъ онъ про тѣ блаженныя времена.

Но время взяло свое, и теперь дѣдушкѣ Андрею не всегда даже довѣряютъ стараго Бурку. И нечего ему дѣлать, но старикъ, по старой памяти, круглыя сутки все околачивается возлѣ каретника да конюшни: тутъ и ѣсть, тутъ и пьетъ, тутъ и спитъ и спитъ именно почти всегда такъ, т. е. гдѣ свалится, тамъ и захрапитъ. Немало были удивлены разъ конюха, когда, войдя утромъ въ конюшню, увидали, что старикъ Андрей раскинулся чуть не во все стойло Груднаго, къ которому даже опытнѣйшіе кучера входили съ замираніемъ сердца, и храпитъ во всю носовую завертку. А страшный жеребецъ стоитъ, прижавшись къ стѣнкѣ, словно боится, шевельнувшись, нечаянно задѣть старика.

Вотъ съ того-то времени и рѣшили, что дѣдушка Андрей слово знаетъ.

И диви бы онъ одинокій былъ, такъ нѣтъ! Въ нашемъ же домѣ живетъ вся большая семья его. Во-первыхъ, дочь его, Марья Андревна, старшая прачка, про которую всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: «золотыя руки и если бы не карахтеръ да водочка, такъ и человѣкъ бы золотой была, потому что умна и разсудительна». Затѣмъ, дѣти Марьи Андревны, т. е. внуки дѣдушки Андрея, ребята всѣ, какъ на подборъ. Старшій, Александръ, столяръ образцовый; второй, Гаврила, маляръ; третій, Арсеній, на всѣ руки молодецъ.

Первые двое уже женаты и народили дѣдушкѣ Андрею трехъ— четырехъ правнучковъ.

У Марьи Андревны еще дочка есть, Варя, дѣвочка лѣтъ десяти, и та у насъ въ домѣ живетъ, и воспитываютъ ее, какъ полубарышню.

Но дѣдушкѣ Андрею нѣтъ дѣла до всей этой семьи. Его семья— лошади. Съ ними онъ выросъ, съ ними жилъ и состарился и, кромѣ нихъ, знать никого не хочетъ.

Вотъ онъ сейчасъ храпѣлъ-храпѣлъ, и вдругъ, какъ-то странно чмокнувъ губами, проснулся, почесалъ одинъ бокъ, почесалъ другой, зѣвнулъ, крякнулъ, поднялъ голову, и ну глаза протирать. Потомъ сдѣлалъ усиліе, всталъ, покачнулся и выругался.

— До полдня у меня голова болитъ, съ полдня у меня въ головѣ шумитъ,—говорилъ онъ обыкновенно про себя.

Несомнѣнно, что и на этотъ разъ голова у него болѣла.

Разглядѣлъ старикъ при слабомъ свѣтѣ занимавшагося утра чанъ съ водой, изъ котораго лошадой поили. Добрался до него, ковыляя на своихъ старыхъ, ревматическихъ ногахъ, и самъ принялся пить. Напившись, малость ликъ всплеснулъ, потомъ всей пятерней расчесалъ свои сѣдые, но еще довольно густые волосы, потомъ пошелъ косушку отыскивать. Была у него косушка въ

сѣни запрятана, початая ужъ, но все-же болѣе шкалика тамъ водки оставалось. Съ вечера еще онъ ее припряталъ, чтобы опохмелиться утромъ.

Долго старикъ шарилъ дрожащими руками, наконецъ нашелъ косушку, но водки въ ней уже не было. Обозлился старикъ и сказать нельзя какъ: плевался, ругался, даже ногами топалъ, все думалъ да гадалъ, кто надъ нимъ эту шутку продѣлалъ.

— Опричь конюха Степки—некому,—соображалъ старикъ, нюхая пустую посудину.

И какихъ только пожеланій не наслушался бы Степка, будь онъ въ ту минуту въ конюшнѣ.

— А что, ежели это я самъ выпилъ?—мелькнуло вдругъ въ головѣ у дѣдушки Андрея. —Проснулся среди ночи и выпилъ, а потомъ заспалъ и не помню.

Мысль эта на минуту какъ бы его успокоила, но потомъ, рѣшивъ, что, если даже онъ и самъ выпилъ, такъ все же лучше, коли Степка будетъ виноватъ, опять принялся ругательски ругать отсутствующаго Степку.

Но какъ ни ругайся, а дѣлу вѣдь этимъ не поможешь, лучше пойти да раздобыть гдѣ нибудь на опохмеленье.

Вышелъ дѣдушка Андрей изъ конюшни на дворъ. Свѣжимъ вѣтеркомъ его обвѣяло. На востокѣ заря занималась. Помолился старикъ на зарю Господню и побрелъ съ коннаго двора на господскій. Старая Шабалка вышла старику на встрѣчу и, помахивая своимъ большимъ, пушистымъ хвостомъ, поздоровалась съ нимъ и пошла слѣдомъ за старикомъ.

На господскомъ дворѣ еще спали. На ступенькахъ чернаго крыльца дремалъ сторожъ Өедосей.

— Ты что жъ это спишь? Развѣ сторожу спать полагается? Ты ежели сторожъ, ходи и постукивай!—заворчалъ на него дѣдушка Андрей.

— А ты что, старый хрѣнъ, никакъ съ утра уже зѣнки-то налилъ,—огрызнулся на него проснувшійся сторожъ.

— Зѣнки? Налилъ? Ты, что ли, поднесъ? А ты вотъ поднеси, тогда ужъ лайся! Ну-ка, поднеси! Поднеси!—приставалъ старикъ къ сторожу.

— Откуда я тебѣ поднесу?—отвѣтилъ тотъ и, сладко зѣвнувъ, застучалъ въ свою трещотку.

— Чего трещишь подъ самыми окнами? Господъ еще перебудишь!—не унимался старикъ.

Но Өедосей уже больше не слушалъ и, повернувъ къ нему свою широкую спину, пошелъ куда-то вглубь двора.

— Спитъ, поди! А разбудишь—озлится,—разсуждалъ старикъ, направляясь къ прачешной, гдѣ въ небольшой пристройкѣ жила его дочь, Марья Андревна.

Но желаніе выпить было выше всякихъ благоразумныхъ соображеній, и онъ, послѣ недолгаго колебанія, постучалъ въ окно. Постучалъ и затихъ. Нѣтъ отклика. Опять постучалъ и опять безъ отвѣта. А сердце-то ноетъ и сосетъ подъ ложечкой. Не стерпѣлъ старикъ и принялся стучать настойчиво и энергично.

Откинулась занавѣска, и изъ-за нея выглянуло худое и строгое лицо Марьи Андревны. Узнавъ отца, она и окно пріотворила.

— Чтой-то вы, тятенька, ни свѣтъ, ни заря шатаетесь? Спокою отъ васъ никакого нѣтъ!—накинулась она на старика.

— А ты постой, ты послушь! Марья, мнѣ бы того... ты... того... послушь! Мнѣ бы водочки! — топчась возлѣ окошка, бормоталъ дѣдушка Андрей.

— Съ чего это вы выдумали? Откуда у меня для васъ водочка припасена?—сердилась Марья Андревна.

— А ты ничего... ты... того... ты хошь шкаличекъ!—улещивалъ старикъ.

И дочь сдалась. Достала откуда-то бутыль и нацѣдила отцу чайную чашку. Дѣдушка Андрей перекрестился и не торопясь, какъ-то по-стариковски, высосалъ всю порцію до послѣдней капли.

— Важно!—утирая рукавомъ бороду, крякнулъ онъ.

Соблазнилась его примѣромъ и Марья Андревна: налила и себѣ чашечку и, тоже перекрестившись, выпила.

— А что, ежели бы еще?—нерѣшительно предложилъ старикъ.

— Будетъ съ васъ,—отрѣзала Марья Андревна, ставя бутыль на прежнее мѣсто.

— Ну, что жъ, будетъ, такъ будетъ! — согласился старикъ и, выпросивъ себѣ еще ломоть ржаного хлѣба съ солью да лучку пучокъ, побрелъ къ рѣкѣ, протекавшей прямо у самаго двора.

Рѣка большая, сплавная. А теперь, благодаря туману, густо покрывавшему противоположный берегъ до самаго темнѣвшаго вдали лѣса, казалась какимъ-то громаднымъ озеромъ.

Спустился старикъ къ купальнямъ, сполоснулъ лукъ въ водѣ, присѣлъ на скамеечку и принялся завтракать.

А время шло, заря разгоралась все ярче и ярче... А вотъ блеснули и первые лучи восходящаго солнца.

Привсталъ дѣдушка Андрей и помолился на солнце.

Со двора, въ это время, по откосу къ рѣкѣ съѣзжали уже дроги съ большой сорокаведерной бочкой. Это водовозъ Архипъ ѣхалъ за водой. По странной игрѣ судьбы, какъ разъ возлѣ того мѣста, гдѣ Архипъ бралъ воду, высилась цѣлая башня-водокачка, долженствовавшая питать водою всю нашу усадьбу. Но водокачка эта уже давно бездѣйствовала, да и дѣйствовала-то она, кажется, всего двое-трое сутокъ, а потомъ что-то въ ней попортилось, починить все собраться не успѣвали, такъ она и стояла много уже лѣтъ, безполезная, запущенная, загаженная.

Много такихъ затѣй было въ нашемъ хозяйствѣ...

Народъ въ усадьбѣ просыпался, и все это тянулось къ рѣкѣ: кто умыться, кто выкупаться. И съ каждымъ дѣдушка Андрей какимъ нибудь словомъ да перекинется: кого выругаетъ, кого похвалитъ, впрочемъ, рѣдко кого похвалитъ—чаще выругаетъ.

Но вотъ отворилась и господская купальня. Первымъ, по обыкновенію, явился мой двоюродный братъ Яша, здоровенный юноша, лѣтъ восемнадцати-девятнадцати. Онъ только раздѣлся въ купальнѣ, а затѣмъ, забравшись на ея крышу, лихо, внизъ головой, бултыхнулся въ воду. Дѣдушка Андрей только крякнулъ, и когда голова Яши показалась опять надъ водой, и его бѣлыя, мускулистыя руки размашисто принялись «отмѣривать саженки», старикъ не вытерпѣлъ и загоготалъ даже отъ восторга. А Яша уже былъ на другомъ берегу и натирался сырымъ пескомъ.

Прибѣжалъ и казачокъ Ѳедька съ простынями и полотенцами. Это значитъ, скоро и дѣти придутъ.

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ мы, т. е. братъ и я, въ сопровожденіи гувернера спустились къ купальнѣ.

— А что, Володюшка, въ каретникѣ покататься не хотите? — ласково, улыбаясь, обратился ко мнѣ по старой памяти дѣдушка Андрей.

Скажи мнѣ это кто нибудь другой, я бы обидѣлся, но дѣдушкѣ Андрею все прощалось. Обидѣлся бы потому, что «покататься въ каретникѣ» значило влѣзть на козлы какого нибудь экипажа, взять въ руки кнутъ и хлестать имъ по приподнятымъ кверху оглоблямъ. Это была моя любимая забава въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда мнѣ было еще не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ. Пристану, бывало, къ нянькѣ Февроньѣ Степановнѣ: «веди меня въ каретникъ— кататься хочу». Ни въ чемъ не отказывала баловница-нянюшка. Пойдемъ въ каретникъ, а тамъ уже насъ дѣдушка Андрей ждетъ. Подсадитъ меня на козлы какого нибудь тарантаса или фаэтона, въ руки кнутикъ дастъ полегче, а моя пылкая дѣтская фантазія дополнитъ уже все остальное. И кажется мнѣ, что я уже большой мужчина, а передо мной не двѣ безпомощно кверху задранныхъ оглобли, а тройка лихихъ коней, на которыхъ только папа ѣздитъ. И я строго кричу на нихъ:

— Ну, ну, пошли! Съ горки на горку, дастъ баринъ на водку!

И постегиваю кнутикомъ.

А если еще ко всему этому дѣдушка Андрей пристегнетъ къ оглоблямъ какихъ нибудь два ременныхъ повода и дастъ мнѣ ихъ въ видѣ вожжей, а на конецъ оглобли подвѣситъ ожерелку съ наборомъ бубенчиковъ, то иллюзія уже получалась совершенно полная.

И долго я такъ могъ просиживать въ полутемномъ, прохладномъ каретникѣ, гдѣ такъ славно пахло кожей, колесной мазью и махоркой, которую курилъ дѣдушка Андрей.

Но теперь я уже былъ «большой», купаться ходилъ уже не съ няней, а съ гувернеромъ. У меня былъ свой верховой конекъ Литль-Бой, въ просторѣчіи Епишка, и покататься въ каретникѣ я понималъ, какъ милую шутку.

Но вотъ мы уже въ купальнѣ. Ѳедька раздѣлъ меня и подвязалъ мнѣ подъ мышки гуттаперчевый плавательный поясъ, и я барахтаюсь въ водѣ и плаваю при помощи пояса по купальнѣ совсѣмъ, какъ взрослый, т. е. «по-саженкѣ».

А братъ! Счастливецъ братъ! Онъ плаваетъ уже въ открытой рѣкѣ, переплываетъ на другой берегъ и тоже, какъ Яша, натирается сырымъ пескомъ. Ахъ, скоро ли мнѣ будетъ доступно это удовольствіе!

Мы выкупались. Освѣженные, веселые возвращаемся мы домой къ утреннему чаю, и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы подходимъ къ крыльцу, въ воротахъ показывается страшная, почти смѣшная, но милая моему сердцу, фигура.

IV.

Высокій, длинный, худой старикъ съ гладко выбритымъ лицомъ, съ чрезмѣрно-большимъ носомъ и съ вѣчною тихою улыбкой и на добрыхъ губахъ, и въ маленькихъ сѣрыхъ веселыхъ глазкахъ.

На немъ фуражка съ кокардой, старенькій, коротенькій фрачишко, нанковые желтоватые панталоны, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ большіе порыжѣвшіе сапоги, съ неизмѣнной заплатой на большомъ пальцѣ правой ноги. Изъ-за форменной жилетки со свѣтлыми пуговицами выбивается скомканная манишка, неопрятно посыпанная нюхательнымъ табакомъ. Въ рукахъ у него большой, зеленый, перевязанный веревочкой, зонтикъ, а подъ мышкой старый престарый, совсѣмъ порыжѣвшій портфельчикъ.

Это... Но прежде, чѣмъ сказать, кто этотъ старый вицъ-мундирный человѣкъ, я долженъ сообщить, кто былъ мой отецъ, и почему нашъ домъ отличался такимъ страннымъ, спутаннымъ характеромъ, гдѣ сестра хозяина дома одѣвалась въ какое-то подобіе сарафана, а камердинеръ довольно бойко говорилъ по-французски; гдѣ дворянскій обиходъ дружно смѣшивался съ купеческой складкой.

Происходило это потому, что мой отецъ былъ откупщикомъ изъ купцовъ, стало быть, человѣкомъ непремѣнно богатымъ. А въ виду его любви къ просвѣщенію и какой-то особенной интеллигентности натуры онъ мало чѣмъ напоминалъ купца, и только по родичамъ его можно было догадаться, что онъ купеческаго происхожденія, и именно по родичамъ, но отнюдь не по знакомымъ. Въ числѣ нашихъ родныхъ попадались и настоящіе, еще старозавѣтные купцы; кое-кто, можетъ быть, даже и старой вѣры при-

держивался. Но общаго у нихъ съ отцомъ моимъ было очень мало, и кругъ его знакомыхъ составлялся, главнымъ образомъ, изъ дворянства и интеллигенціи, и вся обстановка жизни нашего дома, за исключеніемъ двухъ-трехъ уголковъ, гдѣ жила Марья Максимовна, да ютились разные бѣдные родственники, была чисто дворянская.

Мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы насъ, дѣтей, напримѣръ, называли «хозяйскими» дѣтьми, какъ это водится въ купеческихъ домахъ, но всегда звали «господскими» или «барчуками».

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю внѣшнюю дворянскую обстановку, чувствовалось, что въ домѣ этомъ живетъ не «баринъ», не настоящій природный дворянинъ, а богатый человѣкъ, и если не прямо таки купецъ, то откупщикъ во всякомъ случаѣ. И невзирая на все то неподдѣльное уваженіе, съ которымъ относились къ отцу моему всѣ его многочисленные знакомые, отъ мелкаго чиновника до лицъ весьма высокопоставленныхъ включительно, какъ къ человѣку не только богатому, но и достаточно просвѣщенному и всегда очень интересному, чувствовалась та почти неуловимая черта, которая раздѣляла еще тогда Русь чисто дворянскую отъ Руси разночинной и купеческой.

Итакъ, мой отецъ былъ откупщикъ, т. е. persona grata въ своей губерніи. Входить въ критику откупа и его растлѣвающаго вліянія я теперь не буду. Скажу только, что откупъ былъ явленіемъ злымъ, но что имъ, въ свое время, не брезговали люди, носившіе и очень знатныя имена Рюриковскаго корня.

Такъ ли или иначе, но вокругъ откупа смѣшивались самые различные элементы, начиная отъ кулака-хищника и кончая сановниками. Вотъ это-то смѣшеніе и клало свой извѣстный отпечатокъ и на нашъ домъ.

Но,—теперь не въ этомъ дѣло,—старикъ въ вицъ-мундирѣ, въ нанковыхъ панталонахъ, съ портфельчикомъ подъ мышкой и зеленымъ зонтикомъ въ рукѣ стоитъ въ воротахъ нашей усадьбы и видимо ждетъ меня съ распростертыми объятіями. И я лечу къ нему на встрѣчу, бросаюсь на шею и безъ всякой брезгливости отвѣчаю на его поцѣлуй, сильно отзывающійся дешевенькимъ нюхательнымъ табакомъ.

Этотъ старикъ—моя вторая нянька, мой забавникъ, мой пѣстунъ. Мы, дѣти, зовемъ его Аполлономъ Бельведерскимъ. Настоящее его имя Аполлонъ Владимировичъ Серебрениковъ. Онъ—винный приставъ, т. е. лицо, поставленное правительствомъ нѣкоторымъ образомъ для наблюденія за откупомъ, но нашедшее гораздо для себя удобнѣе и покойнѣе нянчиться съ дѣтьми откупщика, чѣмъ вникать въ сложную путаницу откупного дѣла.

У него есть квартирка въ городѣ, но туда онъ ходитъ только ночевать; весь свой день проводитъ у насъ и, главнымъ образомъ, съ нами, т. е. съ дѣтьми. Онъ первый выдумщикъ разныхъ забавъ и игръ, въ которыхъ принимаетъ участіе наравнѣ съ нами. Если мы играемъ въ лошадки, онъ охотно исполняетъ роль коренника, и его старческія ноги отлично еще выдѣлываютъ разные «выкрутасы», когда онъ, важно вытянувъ впередъ голову, бѣжитъ по аллеѣ, имѣя по бокамъ пристяжными карапузовъ не выше его ноги.

Когда мы играемъ въ разбойниковъ, Аполлонъ Бельведерскій великолѣпно изображаетъ персидскую княжну, которую мы похищаемъ.

Однажды онъ согласился даже принять на себя роль священника и очень торжественно обвѣнчалъ меня съ десятилѣтней дочерью прачки Марьи Андревны—Варюшей. Свадьба была обставлена очень торжественно: изъ картона, обклееннаго золотой бумагой, были сдѣланы вѣнцы. Невѣста была въ бѣломъ кисейномъ платьѣ изъ папиросной бумаги; на мнѣ былъ черный—тоже изъ бумаги—фракъ до пятокъ, а для Аполлона Владимировича была сдѣлана бѣлая риза, и старикъ покорно надѣлъ ее на себя, снявъ только предварительно наклеенные на нее бумажные золотые кресты, находя, вѣроятно, это уже слишкомъ кощунственнымъ.

Къ свадьбѣ готовились три дня и говорили, что я отлично сыгралъ свою роль жениха и мужа, т. е. до вѣнчанія былъ очень почтителенъ къ моей невѣстѣ и немедленно послѣ окончанія комедіи сдѣлалъ моей новобрачной супругѣ такую внушительную супружескую сцену, что она вся въ слезахъ убѣжала жаловаться къ своей матери.

Продѣлана вся эта исторія была въ то время, когда мой отецъ былъ въ отсутствіи, и какъ же намъ всѣмъ попало за нее, когда онъ вернулся! И больше всѣхъ Аполлону Владимировичу, котораго отецъ распекалъ отдѣльно у себя въ кабинетѣ, откуда нашъ Бельведерскій, по словамъ подсматривавшаго и подслушивавшаго Ѳедьки, вышелъ, какъ ракъ вареный.

Но про эту свадьбу все-таки долго потомъ вспоминали, при чемъ всѣ утверждали почему-то, что изъ меня выйдетъ хорошій настоящій мужъ, который къ женѣ подъ башмакъ отнюдь не попадетъ.

Но вотъ мы поздоровались съ Аполлономъ Владимировичемъ, я беру его за руку, а онъ кладетъ зонтикъ, какъ солдатъ ружье, себѣ на плечо, и мы важно маршируемъ въ столовую, гдѣ ужъ насъ ждетъ самоваръ, обставленный блюдами съ ватрушками, пышками, пампушками, кувшинами съ парнымъ и кипяченымъ молокомъ.

Аполлонъ Владимировичъ—свой въ нашемъ домѣ. У него въ столовой есть опредѣленное мѣсто, есть даже своя отдѣльная, боль-

шая кружка для чая, и нянюшка Февронья Степановна и экономка Евстолія Любимовна относятся къ нему, какъ къ родному.

Его всѣ любятъ,—да и какъ не любить этого милаго, добраго, услужливаго старика, у котораго, кажется, есть только одинъ недостатокъ—это то, что онъ ежеминутно, по выраженію нянюшки, «свой носище набиваетъ табачищемъ».

— Не могу безъ этого-съ, никакъ не могу-съ,—оправдывается Аполлонъ Владимировичъ.—Зрѣніе слабѣетъ-съ, а табачекъ-то мнѣ глаза промываетъ, вотъ оно что-съ.

Во время чая намъ объявляютъ, что папа сейчасъ выйдетъ къ намъ, что онъ уже вернулся съ рѣки, т. е. выкупался.

Экономка торопливо наливаетъ стаканъ чая, Аполлонъ Владимировичъ почтительно подбирается на своемъ стулѣ, гувернеръ осматриваетъ, въ порядкѣ ли наши костюмы. Еще издали мы слышемъ неторопливые и увѣренные шаги отца, и вотъ онъ входитъ, высокій, статный, съ небрежно закинутыми назадъ мокрыми еще отъ купанья, густыми волосами. Его бритое лицо не красиво, но какъ-то особенно значительно, и для насъ, дѣтей, оно милѣе, оно краше всѣхъ лицъ на свѣтѣ.

Всѣ поднимаются со своихъ стульевъ. Первымъ отецъ здоровается съ Аполлономъ Владимировичемъ, потомъ съ гувернеромъ, потомъ цѣлуетъ насъ съ братомъ. Ему подаютъ стаканъ чая, и онъ, какъ-то особенно увѣренно держа его въ рукѣ, начинаетъ ходить взадъ и впередъ по столовой и прихлебываетъ чай съ ложечки.

Я знаю, что онъ не допьетъ всего стакана, на днѣ его останется еще добрый глотокъ, и вотъ этотъ глотокъ остывшаго, не допитаго отцемъ чая—для меня самое вкусное лакомство на свѣтѣ. Я стараюсь какъ нибудь незамѣтно для другихъ допить стаканъ, и когда мнѣ это удается, я счастливъ безмѣрно.

Любовь наша къ отцу доходила до обожанія.

V.

Сегодня праздникъ—стало быть, занятій не будетъ, и мы, быстро выпивъ наше молоко, торопимъ Аполлона Владимировича бѣжать съ нами въ садъ.

Онъ уже готовъ, но въ это время въ столовую входитъ камердинеръ отца и съ едва замѣтной, скользящей подъ его пышными усами улыбкой,—эти усы были гордостью Мартирія, и поэтому ему разрѣшалось ихъ не брить,—докладываетъ, что господа Черневичъ и Снѣжко пришли поздравить съ праздникомъ.

Отецъ улыбается и говоритъ:

— Попроси ихъ сюда.

Мы очень рады, потому что заранѣе знаемъ всю процедуру этихъ поздравленій.

Мартирій какъ-то по-театральному распахиваетъ дверь и впускаетъ двухъ старичковъ.

Впереди шествуетъ Антонъ Антоновичъ Черневичъ, высокій, худощавый, конечно, гладко выбритый, съ орлинымъ, крючковатымъ носомъ, съ сѣрыми нависшими бровями, съ густой щетиной коротко остриженныхъ сѣрыхъ волосъ. На немъ коричневый фракъ и бѣлые жилетка и панталоны. Въ лѣвой рукѣ у него скрипка и смычекъ, тщательно обвернутые красножелтымъ клѣтчатымъ платкомъ.

Отецъ протягиваетъ старику руку, и тотъ почтительно, но безъ малѣйшаго униженія пожимаетъ ее и сейчасъ же отступаетъ въ сторону.

На его мѣсто становится Ѳома Егоровичъ Снѣжко, маленькій, кругленькій старичекъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, рѣденькими волосками, едва прикрывающими солидную розовую лысину, съ торопливо мигающими старческими глазками и съ доброй, нѣсколько потерянной улыбкой на губахъ. На немъ зеленый фракъ и сѣрые въ клѣтку панталоны и жилетъ.

Пожимая руку моего отца, онъ словно испуганно прячетъ голову въ плечи, при чемъ несоразмѣрно большой воротникъ его фрака почти наполовину прикрываетъ ему лысину.

Въ лѣвой рукѣ его ничѣмъ не завернутый кларнетъ.

Первымъ начинаетъ Черневичъ.

— Взявъ во вниманіе,—начинаетъ онъ съ легкимъ польскимъ акцентомъ,—что сегодня большой и чтимый не только одними православными, но и нами, католиками, праздникъ, мы, т. е. мой коллега, Ѳома Егоровичъ Снѣжко, и я, пришли васъ поздравить, заявить вамъ наше глубокое уваженіе, и чтобы хоть чѣмъ нибудь доказать вамъ искренность нашихъ чувствъ, мы разучили одну музыкальную пьеску, которую, если позволите, и разыграемъ для васъ. Это—дуэтъ.

— Это дуэтъ,—какъ эхо, откликается Снѣжко.

Отецъ мой благодаритъ ихъ и говоритъ, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ послушаетъ ихъ мастерскую игру.

Старички переглядываются. Черневичъ снимаетъ платокъ со скрипки, затѣмъ начинается обычная процедура настраиванія, при чемъ Черневичъ ворчитъ на Снѣжко, а тотъ оправдывается.

Но вотъ все готово. Антонъ Антоновичъ заноситъ смычекъ, а Ѳома Егоровичъ, сдѣлавъ какое-то удивительно кислое лицо, беретъ въ ротъ пищикъ кларнета. И начинается дуэтъ.

Я не думаю, чтобы онъ былъ особенно музыкаленъ, потому что мнѣ приходилось замѣчать у взрослыхъ сдержанныя улыбки, а гувернеръ Бестіанъ говаривалъ, что ему легче слушать, когда водятъ

ножомъ по стеклу, чѣмъ эти дуэты. Но мнѣ они нравились, и, конечно, не столько музыкальная сторона ихъ, сколько сами милые, добродушные исполнители.

Но дуэтъ оконченъ. Отецъ начинаетъ апплодировать, мы всѣ, конечно, поддерживаемъ его. Затѣмъ онъ благодаритъ музыкантовъ, проситъ ихъ пожаловать къ сегодняшнему обѣду, затѣмъ изъ приличія приглашаетъ ихъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ нѣсколько минутъ бесѣдуетъ съ ними, какъ съ добрыми гостями.

Эти старички—поляки, оба дворяне, оба сосланные за мятежъ 1831 года. Оба они служатъ у моего отца: Черневичъ—кассиромъ, а Снѣжко—дровянымъ смотрителемъ. И служатъ уже не первый десятокъ лѣтъ и, несмотря на давно уже послѣдовавшую амнистію, не желаютъ болѣе разставаться съ нашимъ медвѣжьимъ угломъ, бывшимъ когда-то мѣстомъ ихъ ссылки, а теперь ставшимъ чуть ли не второй родиной.

Чтобы покончить съ ними, я долженъ разсказать и о дальнѣйшей ихъ печальной судьбѣ.

Да, оба эти милые, добрые и честные старички на самомъ закатѣ дней своихъ сильно пострадали: они женились. При этомъ Черневичъ женился на молоденькой, восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, будучи уже лѣтъ семидесяти пяти, и, конечно, перенесъ всѣ непріятности неравнаго брака. Какъ-то необычайно, но быстро одряхлѣлъ и безпомощнымъ старикомъ, болѣе одинокимъ, чѣмъ былъ до женитьбы, потому что, благодаря ей, долженъ былъ разстаться со своими дѣтьми отъ перваго брака, доживалъ дни свои на небольшую пенсію, положенную ему моимъ отцомъ.

Снѣжко поступилъ еще неудачнѣе. Онъ женился на старой, вздорной бабѣ, что называется, поѣдомъ ѣвшей старика, и тоже быстро угасъ.

Помню, мой отецъ очень противился и тому и другому браку, совершившимся почти въ одно и то же время.

А моя очень чувствительная тетушка, Елена Максимовна, поздравляя новобрачныхъ, въ обоихъ случаяхъ даже плакала.

— Бѣдные старики! Зачѣмъ они это дѣлаютъ?—твердила она.

Да, подите-ка, объясните: зачѣмъ сплошь да рядомъ старики поступаютъ именно такимъ образомъ?

VI.

— Папцовъ идетъ! Папцовъ идетъ!—объявляетъ намъ Ѳедька, розыскавъ насъ въ прохладной чащѣ сада.

— Папцовъ идетъ!—повторяемъ мы и, забывъ только что начатую игру, со всѣхъ ногъ несемся къ калиткѣ, ведущей изъ сада на большую дорогу.

Аполлонъ Владимировичъ, конечно, бѣжитъ слѣдомъ за нами, Ѳедька—впереди.

— Гдѣ? гдѣ?—допытываемся мы у него.

— А во-онъ!—показываетъ онъ вдаль разстилающейся дороги.

И мы различаемъ неясную фигуру, какъ бы стоящую еще на одномъ мѣстѣ.

— Бѣжимъ къ нему на встрѣчу!—предлагаетъ кто-то, и мы стремглавъ несемся на встрѣчу Папцову.

Аполлонъ Владимировичъ знаетъ, что ему за нами не поспѣть, и остается ждать насъ у калитки сада.

Ходко, какъ паровикъ, подвигается къ намъ Папцовъ. Вотъ онъ уже совсѣмъ близко, еще минута, и мы заговоримъ съ нимъ. Онъ разглядѣлъ насъ, и его длинное, сухое, плохо выбритое лицо какъ-то хмуро улыбается. Онъ и радъ насъ видѣть, и въ то же время не хочетъ показать этого, отъ этого и улыбка у него выходитъ какая-то хмурая.

— Здравствуйте, Матвѣй Лукичъ!—кричимъ мы ему.

— Здравствуйте, мальчуганы! — хриплымъ басомъ отвѣчаетъ онъ, ни на минуту не замедляя своихъ громадныхъ и быстрыхъ шаговъ.

Его длинныя ноги, обутыя въ какіе-то странные холщевые сапоги, отмѣриваютъ по полтора аршина въ шагъ, если не больше, и отмѣриваютъ равномѣрно и быстро. Его сухощавый, но мускулистый корпусъ держится необычайно прямо и какъ будто не шелохнется. На намъ все сѣрое, начиная отъ холщевыхъ сапогъ и кончая парусиновой фуражкой. И лицо сѣрое—отъ загара и пыли; только изъ-подъ сѣрыхъ бровей глядятъ ясные, нѣжно-голубые глаза.

— На Студеную ходили?—допрашиваемъ мы, труся рысью уже рядомъ съ Папцовымъ.

Шагомъ за нимъ ни одинъ и взрослый не поспѣетъ.

— На Студеную, мальчуганы,—отрывисто хрипитъ Папцовъ.

— Воду пили?

— Воду пилъ.

— И сигару курили?

— Нѣтъ, сигару пойду курить на Старицу.

Мы знаемъ все это давно, но намъ интересно послушать голосъ Папцова, посмотрѣть на его лицо, и мы каждый разъ разспрашиваемъ его объ одномъ и томъ же. Мы знаемъ, что каждое утро Папцовъ отправляется на Студеную, до которой отъ нашего городка считается пятнадцать съ половиной верстъ. Студеная — это крошечная рѣчка, да даже и не рѣчка, а ручеекъ, съ необычайно чистою и холодною ключевой водой. Отмахавъ эти пятнадцать съ половиной верстъ со скоростью, болѣе свойственной лошади, чѣмъ человѣку, Папцовъ выпиваетъ ковша два — у него тамъ и ковшъ свой гдѣ-то припрятанъ лежитъ—холодной воды, которую онъ называетъ «божественнымъ нектаромъ», или «напиткомъ бо-

говъ», и не отдыхая, тѣмъ же аллюромъ возвращается въ городокъ, въ свой маленькій домикъ, гдѣ уже его ждетъ горшокъ горячихъ щей и плошка каши. Запивъ этотъ обѣдъ холоднымъ квасомъ, онъ ложится спать и спитъ все жаркое время дня. Когда жара спадетъ, онъ беретъ свои удочки и тѣмъ же бодрымъ, ровнымъ шагомъ идетъ на Старицу, т. е. на старое русло рѣки, гдѣ отъ нея остались только небольшія, едва проточныя озерки.

Тамъ много комаровъ, и потому Папцовъ, разложивъ костеръ, кромѣ того, закуриваетъ еще дешевенькую сарептскую сигару.

Онъ ловитъ рыбу до наступленія ночи, а затѣмъ, забравъ свои удочки и сегодняшній уловъ, возвращается къ себѣ домой, гдѣ его единственная прислуга, старая черемиска Аѳимья, жаритъ принесенную имъ рыбу. Папцовъ ужинаетъ и пьетъ чай до утренней зари, а затѣмъ, вздремнувъ часикъ, сидя въ своемъ единственномъ креслѣ, встаетъ и съ восходомъ солнца отправляется на Студеную умыться и водички напиться.

Если принять во вниманіе, что до Старицы считается добрыхъ двѣнадцать верстъ, то окажется, что Папцовъ въ сутки дѣлаетъ пятьдесятъ пять верстъ. И это—ежедневно. Это—его лѣтній режимъ.

Зимній нѣсколько видоизмѣняется. Онъ не ходитъ ни на Студеную, ни на Старицу, спитъ уже не днемъ, а ночью, но въ продолженіе небольшого зимняго дня все-таки успѣваетъ отмѣрить свои полсотни верстъ по большой дорогѣ.

Папцову семьдесятъ пять лѣтъ.

Для насъ, дѣтей, это личность героическая. Несмотря на его преклонный возростъ, онъ бодръ и свѣжъ, какъ юноша. Говорятъ, что онъ необычайно силенъ физически. Разсказываютъ, что однажды онъ задушилъ медвѣдя, а другой разъ убилъ кулакомъ въ лобъ большого матерого волка. Si non e vero, e ben trovato! Глядя на Папцова, право, можно повѣрить этому.

Онъ и самъ похожъ на какого-то громаднаго сѣраго волка, только съ необычайно добродушными глазами.

Папцовъ — заштатный учитель уѣзднаго училища. Болѣе двадцати пяти лѣтъ онъ уже въ отставкѣ и ведетъ свой странный, отшельническій образъ жизни. Говорятъ, что онъ былъ учителемъ моего отца, первымъ его учителемъ. Я не знаю, правда ли это, какъ-то все не приходилось провѣрить, но помню, что отецъ мой относился къ Папцову всегда съ большимъ уваженіемъ и называлъ его циникомъ, во вкусѣ Діогена.

Трагическая и таинственная смерть Папцова показала, что это было не совсѣмъ такъ. Что философъ онъ былъ дѣйствительно и, можетъ быть, даже школы циниковъ, но...

Дѣло было такъ. Папцовъ вдругъ куда-то исчезъ, т. е., вѣрнѣе, въ продолженіе двухъ трехъ-дней обыватели городка въ строго опредѣленные часы не видали уже Папцова, ни возвращавшагося

со Студеной, ни шествующаго на Старицу. Не показывалась нигдѣ и Аѳимья. Это такъ всѣхъ встревожило, что дали знать исправнику, и тотъ, захвативъ съ собою доктора и кого-то изъ полицейскихъ чиновъ, отправился въ домъ къ Папцову.

Домикъ этотъ состоялъ всего изъ одной комнаты и кухни. Единственная дверь оказалась незапертой. Когда вошли въ кухню, то съ мѣста натолкнулись на трупъ старой Аѳимьи, съ перетянутымъ петлей горломъ. Взглянувшій на нее докторъ замѣтилъ:

— Умерла безъ сопротивленія.

Затѣмъ, прошли въ комнату Папцова и увидали его сидящимъ въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ. Черепъ Папцова оказался раздробленнымъ однимъ ужаснымъ ударомъ.

— Скончался мгновенно,—заявилъ докторъ.

На столѣ и возлѣ стола былъ большой безпорядокъ. Всѣ ящики взломаны, а возлѣ стола валялась шкатулка, тоже взломанная, и на днѣ ея лежало нѣсколько векселей и долговыхъ расписокъ.

Началось слѣдствіе, и выяснилось, что у Папцова былъ капиталецъ, правда, небольшой, но тысячъ пять-шесть во всякомъ случаѣ. Половина капитала, вѣроятно, была въ наличности, а половина—роздана въ долги. На лицо оказалось векселей всего на сумму менѣе трехсотъ рублей даже. Остальные—пропали.

По обстановкѣ убійства можно было предположить, что преступникъ былъ совершенно одинъ и свершилъ свое преступленіе около полуночи. Вѣроятно, онъ разбудилъ сначала Аѳимью, и когда та отворила ему дверь, быстро и безъ всякаго шума набросилъ ей петлю на шею и придушилъ старуху. Затѣмъ, пробравшись въ комнату Папцова, гдѣ тотъ спалъ, сидя въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, сзади, однимъ ударомъ какого нибудь тупого, желѣзнаго оружія, размозжилъ старику голову и затѣмъ, ограбивъ его, незамѣченный никѣмъ, вышелъ изъ дома.

Сначала думали, что это сдѣлалъ какой нибудь бродяга, какой нибудь бѣглый каторжникъ, которые, случалось, проходили черезъ нашъ городокъ по пути изъ Сибири въ центральную Россію, но потомъ эту мысль оставили, потому что бродягѣ не было никакого основанія забирать съ собою вмѣстѣ съ деньгами и чужіе векселя.

Затѣмъ, арестовали двухъ-трехъ мелкихъ мѣщанъ нашего города, векселя и расписки которыхъ остались на днѣ шкатулки. Но выпустили и ихъ, благоразумно рѣшивъ, что, унося чужіе векселя, они навѣрное свои-то тоже бы захватили, тѣмъ болѣе, что никакихъ записей, кто Папцову былъ долженъ, нигдѣ не оказалось, а въ его приходо-расходной книгѣ, которую старикъ велъ очень аккуратно, оказалась выдранная страница и самая интересная страница, потому что транспортъ послѣдующей сразу мѣнялся

на двѣ тысячи, стало быть, можно было предполагать, что Папцовъ сразу кому-то далъ такую крупную сумму, чего бы онъ, конечно, не могъ сдѣлать для какихъ нибудь бѣдняковъ мѣщанъ, да еще при томъ пропойцъ.

Затѣмъ, во дворѣ дома Папцова былъ колодезь, и въ этомъ колодцѣ нашли большой желѣзный шкворень, или, какъ въ нашихъ мѣстахъ называютъ, сердешникъ, т. е. толстый желѣзный болтъ, которымъ у телѣгъ дрожина соединяется съ передней осью, и который, по заявленію врача, могъ служить наиболѣе подходящимъ орудіемъ убійства.

А затѣмъ прошли слухи, что во дворѣ одного зажиточнаго торговца нашего городка у одной изъ телѣгъ не оказалось сердешника, но такъ какъ торговецъ этотъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, то подозрѣніе на него отнюдь не пало, и дѣло объ убійствѣ Папцова и его кухарки было «предано волѣ Божіей».

Торговецъ же сталъ богатѣть годъ отъ году, но вскорѣ перебрался изъ нашего городка куда-то подальше, въ другой городокъ и тамъ приписался въ купцы.

Но мало ли что говорятъ—во-первыхъ, не каждому слуху вѣрь, а, во-вторыхъ, для насъ это неинтересно. Важно только то, что Папцовъ, этотъ философъ-циникъ, оказался обладателемъ кругленькаго капитальца, который онъ пускалъ въ ростъ подъ весьма основательные проценты.

И этотъ богатырь, не боявшійся волковъ и медвѣдей, палъ отъ руки человѣка, существа, которое если уже сдѣлается звѣремъ, то уже, конечно, наиболѣе опаснымъ и отвратительнымъ.

VII.

Къ обѣду пріѣхали гости.

— Неинтересные,—говорила молоденькая барышня Лиза, подруга моихъ юныхъ тетушекъ съ материнской стороны. — Неинтересные, старики.

Тѣмъ не менѣе, я бросилъ игры и изъ сада побѣжалъ въ домъ.

Для кого какъ, а для меня и Петръ Петровичъ Редриковъ и Иванъ Андреевичъ Зотиковъ были интересные люди. Особенно послѣдній. И въ виду этого я, не добѣжавъ до дома, сообразивъ, что Иванъ Андреевичъ, вѣроятно, теперь еще въ конюшнѣ, свернулъ къ конскому двору.

Я не ошибся. Зотиковъ, низенькій, но какой-то удивительно мускулистый, или, какъ говорили, жилистый старикъ, въ бѣлой военной фуражкѣ, въ кителѣ безъ погонъ, въ широкихъ темносинихъ рейтузахъ, распоряжался тамъ.

Ему было очевидно жарко. Онъ то и дѣло приподнималъ фуражку и обтиралъ пестрымъ клѣтчатымъ платкомъ свою ярко свер-

кавшую лысину и красное загорѣлое лицо, и расправлялъ свои пушистые, длинные сѣдые усы, гусарскіе усы, какъ называлъ онъ ихъ самъ.

Каждый разъ, какъ пріѣзжалъ онъ къ намъ, всѣ кучера и конюха подтягивались: они знали, что отставной гусаръ непремѣнно будетъ производить генеральную ревизію конюшни. А производилъ онъ ее строго, каждое упущеніе замѣтитъ, ко всякой мелочи придерется и рѣдко когда вполнѣ останется доволенъ: всѣхъ распушитъ, всѣхъ разнесетъ, а въ концѣ-концовъ больше всѣхъ достанется моему отцу, который «за своимъ» добромъ присмотрѣть не умѣетъ.

Когда я подбѣжалъ къ конюшнѣ, на широкой площадкѣ передъ нею уже гоняли на кордѣ пугливаго и нервнаго Зубоскала. Молодой конь то и дѣло взвивался на дыбы, дѣлалъ «свѣчки» и сбивался съ аллюра.

— Вороны! Пентюхи! Дромадерова кожа...—гремѣлъ Иванъ Андреевичъ своимъ могучимъ басомъ, неизвѣстно какъ умѣщавшимся въ его маленькой фигуркѣ.—До чего коня довели! Всѣ ноги ему перепутали! Самихъ я васъ, носорогова кожа, на кордѣ бѣгать заставлю!

И конюха, и наѣздники пугливо посматривали на длинный, не любившій шутить, хлыстъ Ивана Андреевича.

— Выводить Груднаго!—рявкнулъ Зотиковъ, достаточно ужъ проманеживъ Зубоскала.

Конюха бросились въ конюшню.

— А! Володя! Здравствуй,—замѣтивъ меня, проговорилъ старикъ и совсѣмъ, какъ взрослому, протянулъ руку.—Не любитъ твой отецъ лошадей! Не любитъ! Экіе красавцы на конюшнѣ стоятъ, а онъ, поди, никогда туда и не заглянетъ!—ворчалъ онъ, положивъ мнѣ руку на плечо.—А развѣ эти людишки сами что сдѣлаютъ! Ихъ во все, вѣдь, надо носомъ ткнуть! Выростешь большой,—смотри ты у меня!—люби ты эту Божью тварь, въ мірѣ ничего нѣтъ прекраснѣе лошади! Она одна тебѣ не измѣнитъ и не про...

Въ конюшнѣ въ это время раздался страшный топотъ. Я испугался и хотѣлъ было броситься въ сторону; желѣзная рука Ивана Андреевича удержала меня.

— Куда? Не трусь, стой возлѣ меня и ничего не бойся!—прикрикнулъ онъ.

Легко неся на своей могучей головѣ четырехъ повисшихъ на ней конюховъ, вылетѣлъ изъ конюшни грозный красавецъ—Грудный. Глаза его горѣли, ноздри раздувались и были кроваво красныя. Сѣрый, пушистый хвостъ былъ высоко приподнятъ и развѣвался, какъ султанъ.

— Экій дьяволъ! Экій чортъ!—заворчалъ Иванъ Андреевичъ и самъ взялся за корду.

Но одному и ему не сдержать бы было: богатырь, наѣздникъ Иванъ-цыганъ и толстый, какъ бочка, кучеръ Алимпій взялись за оставшійся конецъ.

— Пускай!—крикнулъ Зотиковъ.

Конюха отскочили отъ Груднаго, и... я зажмурилъ глаза.

— Чортово племя! Дьяволъ! Сатана!—ревѣлъ Зотиковъ, видя, что съ этимъ неукротимымъ звѣремъ ничего сдѣлать уже нельзя—въ конецъ испорченъ.

— Татарамъ на мясо его, каналью. Татарамъ на мясо! На живодерню!—тяжело дыша и еще болѣе красный, ругался Зотиковъ, когда Груднаго уводили обратно въ конюшню.—Грошъ цѣна этой падали! Грошъ цѣна!

— А, вѣдь, тысяча четыреста рублей заплачено!—какимъ-то вкрадчивымъ голосомъ проговорилъ толстякъ Алимпій.

— Заплачено! Заплачено!—вдругъ завопилъ Зотиковъ, наскакивая на Алимпія и на Ивана-цыгана.—А кто виноватъ? Вы, анаѳемы! Вы, носорогово племя! Знаю я васъ! Испортили жеребца! Торговали имъ, ироды! Торговали!

И Алимпій, и Иванъ смущенно и безъ шапокъ пятились назадъ.

«И откуда этотъ старый чортъ все знаетъ?»—можно было прочесть на рыжебородомъ лисьемъ лицѣ Алимпія.

А кругомъ была взрыта земля, и облако пыли уносилось по вѣтру, словно тутъ битва русскихъ съ кабардинцами была, а не лошадь гоняли на кордѣ.

— Выводите Короля! Да осѣдлайте мнѣ Робъ-Роя,—отдышавшись немного, приказалъ Зотиковъ.

И когда два конюха выбѣжали съ фыркавшимъ и косившимся по сторонамъ красавцемъ «Королемъ», Зотиковъ повеселѣлъ, и радостная улыбка заиграла у него подъ сѣдыми усами.

— У, батюшка! У, красавецъ!—замурлыкалъ онъ, любуясь на статнаго рысака.—Володя, посмотри! Бабки-то, бабки-то каковы!

Я смотрѣлъ, но, увы, не могъ найти ничего прекраснаго въ бабкахъ «Короля». Вотъ горящая на солнцѣ, какъ темная бронза, шея его мнѣ дѣйствительно нравилась.

Покончивъ съ «Королемъ», Зотиковъ обратился къ «Робъ-Рою». Онъ почему-то недовѣрчиво относился къ этой великолѣпной лошади и даже какъ будто старался придраться къ чему нибудь, но такъ какъ придраться было совершенно не къ чему, то Иванъ Андреевичъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ и смущенно смотрѣлъ на этого англичанина.

— Вислозадъ маненько,—вздумалъ было подлизаться Алимпій, видимо, угадавшій душевное состояніе отставного гусара.

— Вислозадъ! Много ты понимаешь, пентюхъ!—огрызнулся Иванъ Андреевичъ и легко, какъ семнадцатилѣтній юноша, взлетѣлъ на сѣдло.

Прекрасный конь, почувствовавъ на себѣ достойнаго всадника, съ мѣста пошелъ такимъ красивымъ аллюромъ, что всѣ только причмокнули отъ удовольствія.

Когда Иванъ Андреевичъ скрылся за поворотомъ дороги, конюха вздохнули свободнѣе, но, видимо, стѣсняясь моимъ присутствіемъ, все-таки языку воли не давали. Только дѣдушка Андрей, выползшій неизвѣстно откуда, принялся глумиться надъ ними:

— Что, собачьи дѣти, попало вамъ? Попало? И тебѣ, рыжій чортъ, досталось?—набросился онъ на Алимпія.—Небось, Иванъ-то Андреевичъ все видитъ, всѣ твои штучки насквозь видитъ, жирная твоя морда! Погоди! Напрѣетъ еще тебѣ! Еще не такъ напрѣетъ!

— А съ чего напрѣетъ? Что онъ здѣсь господинъ, что ли? И онъ не баринъ мнѣ, да и я не крѣпостной, а вольный!—огрызался Алимпій.

— Ничего, братъ, небось! И вольному всыплютъ въ лучшемъ видѣ, коль всѣ твои плутни узнаютъ.

— Брысь ты, старый козелъ!—освирѣпѣлъ Алимпій и, кажется, сейчасъ бы такъ и треснулъ дѣдушку Андрея, но быстро приближающійся лошадиный топотъ остановилъ его.

На дворъ влетѣлъ «Робъ-Рой», а на немъ сіявшій отъ удовольствія Зотиковъ.

— Чудная лошадь! Чудная лошадь!—говорилъ онъ, соскакивая съ сѣдла и бросая конюху поводья.—Чудная, но чужая! Не наша, не русская!—какъ бы про себя закончилъ онъ и даже вздохнулъ слегка.

— Иванъ! Дай-ка мнѣ душу отвести, выведи-ка «Табора»!

— Сейчасъ кушать подаютъ!—доложилъ прибѣжавшій изъ дома Ѳедька.

Иванъ Андреевичъ какъ будто и не слыхалъ его.

— Володя, пойди сюда!—обратился онъ ко мнѣ.—Да подойди поближе, не бойся! Это—не лошадь, это—человѣкъ. Да нѣтъ, и не человѣкъ, это лучше человѣка, это существо, которое стоитъ всей вашей конюшни, вмѣстѣ взятой.

Передъ нами стоялъ самый обыкновенный съ виду, вороной конь, средняго роста, средней плотности, спокойный, гибкій, какъ будто задумчивый даже. Изрѣдка только покачивалъ онъ своей небольшой, сухой головой да посматривалъ на насъ своими темными, удивительно умными и добрыми глазами.

Это былъ «Таборъ», знаменитый во всей нашей округѣ, непобѣдимый «Таборъ». «Таборъ», про котораго говорили, что онъ не ѣдетъ, а плыветъ; «Таборъ», у котораго, по увѣреніямъ кучеровъ, было два сердца, — когда уставало одно, билось другое, что и дѣлало его неутомимымъ. «Таборъ»—огонь въ оглобляхъ и ягненокъ въ стойлѣ.

Зотиковъ нѣжно гладилъ его рукою и цѣловалъ прямо въ мягкія и бархатистыя его губы.

— Милый ты мой! Сердешный ты мой, — шепталъ при этомъ суровый старикъ.

— Двухсердешный, ваше высокоблагородіе, онъ! — искательно замѣтилъ Алимпій.

— Что ты врешь, болванъ!—крикнулъ на него Зотиковъ и потомъ, обратясь ко мнѣ, серьезно проговорилъ:

— Никогда не вѣрь, Володя, что бываютъ лошади съ двумя сердцами! Это разные идіоты выдумали! У всякаго животнаго одно сердце, только одно! И у Табора — одно, но зато какое сердце! О-о! Какое сердце! Ты что тутъ торчишь? — вдругъ круто повернулся онъ къ Ѳедькѣ.

— Сейчасъ кушать подаютъ, Иванъ Андреевичъ,—проговорилъ тотъ.

— А, кушать? Ну, отлично! Ну, пойдемъ обѣдать, Володя! Впрочемъ, вотъ что: ты бѣги впередъ, а я пройду на рѣку, окунусь немного. Скажи, чтобъ меня не ждали, садились, если и опоздаю къ супу—не бѣда. А ты, Ѳедька, живо принеси мнѣ простыню въ купальню.

И мы съ Ѳедькой бѣгомъ бросились къ дому.

VIII.

А дома ждалъ меня уже другой гость—Петръ Петровичъ Редриковъ.

На террасѣ, гдѣ былъ накрытъ столъ для обѣда, въ громадномъ плетеномъ камышевомъ креслѣ, сидѣлъ необычайно тучный, даже обрюзгшій старикъ, одѣтый въ какой-то просторный коломянковый балахонъ. Щеки и подбородокъ этого человѣка лежали прямо на груди. Большой толстый носъ опускался до самой верхней губы, на которой сѣрой щетинкой пробивались коротко подстриженные маленькіе усы. Бровей на этомъ лицѣ совсѣмъ не было, только кожа на ихъ мѣстѣ была еще болѣе красна, можно сказать, болѣе багрова, чѣмъ на изрытыхъ морщинами щекахъ и низенькомъ лбу. Волосы сѣрые, жесткіе, были подстрижены подъ гребенку. Пухлыя, красныя руки, чуть-чуть сплетясь пальцами, покоились на необъятномъ чревѣ этого господина.

— Прилетѣ-ѣ-ли! — загнусилъ онъ, едва я успѣлъ вбѣжать на террасу.

— Ну, ну, прилетѣли...—затормошилъ я старика, безцеремонно влѣзая къ нему на колѣни.

— При-ле-тѣ-ѣли!—вторично прогнусавилъ онъ.

— Кто? Кто?—допытывался я, зная уже заранѣе, въ чемъ дѣло.

— Ки-тай-цы!

— На чемъ?

— На кры-ы-льяхъ!

И, отвѣтивъ на вопросъ, онъ уже самъ продолжалъ дальше своимъ тягучимъ, гнусавымъ голосомъ:

— А купить у нихъ эти кры-ы-лья! А ежели не продаду-у-тъ, то пріобрѣсти по самой дешевой цѣнѣ, то-есть отнять!

Послѣднія три слова онъ произносилъ неожиданно отрывисто и быстро, я соскакивалъ съ его колѣнъ, хлопалъ въ ладоши, а старикъ принимался хрипѣть и колыхать чревомъ, что обозначало у него веселый смѣхъ.

Это былъ мелкопомѣстный помѣщикъ, ближайшій нашъ сосѣдъ. Пріѣзжалъ онъ къ намъ раза два-три въ недѣлю, а по праздникамъ и воскресеньямъ уже обязательно. Пріѣзжалъ онъ въ громадномъ старомодномъ экипажѣ, запряженномъ парой единственныхъ его лошадей, пузатенькихъ вятокъ, съ кучеромъ Архипомъ и казачкомъ Степкой. Кромѣ того, съ нимъ пріѣзжали и глиняная трубочка, на длиннѣйшемъ черешневомъ чубукѣ, и черный шелковый кисетъ, набитый Жуковымъ табакомъ, и коробочка «сѣрничковъ»—дешевыхъ вонючихъ спичекъ, и даже небольшой кирпичъ, о который Степка долженъ былъ чиркать сѣрнячки, когда его баринъ раскуривалъ трубку. Говорили, что, кромѣ всѣхъ этихъ упомянутыхъ предметовъ да небольшого старенькаго домика, у Петра Петровича никакого иного движимаго имущества и не было, а недвижимаго за нимъ считалось что-то около сотни десятинъ неважной землицы да вишневый садикъ. Домъ же причислялся къ движимому имуществу потому, что онъ при мало-мальски порядочномъ вѣтрѣ, что называется, ходуномъ ходилъ.

Пріѣзжалъ онъ обыкновенно къ обѣду, непремѣнно разсказывалъ мнѣ свою единственную сказку о китайцахъ, которые прилетѣли на крыльяхъ—иногда даже по моему требованію раза три-четыре подъ рядъ разсказывалъ—за обѣдомъ очень много кушалъ, послѣ обѣда, едва успѣвъ докурить свою трубку, засыпалъ въ зеленой угловой на диванѣ, а, соснувъ часика три, выпивалъ невѣроятное количество разныхъ квасовъ, медовъ, водъ и водичекъ и уѣзжалъ домой.

Одинокій бѣдный старикъ, онъ не только не тяготился своимъ положеніемъ, но былъ всегда въ хорошемъ расположеніи духа и искренно считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Умеръ онъ въ тарантасѣ, возвращаясь откуда-то изъ гостей, и умеръ такъ тихо, что этого не замѣтилъ даже Степка, сидѣвшій рядомъ съ нимъ.

IX.

На террасу, гдѣ Петръ Петровичъ мнѣ уже вторично разсказывалъ о прилетѣвшихъ китайцахъ, вошли мой отецъ и старый городничій Ксаверій Антоновичъ Бордзиловскій, высокій, сухощавый старикъ, съ военной выправкой и съ котлетообразными сѣдыми бачками,

Бордзиловскій былъ уже не у дѣлъ, но всѣ его неизмѣнно продолжали называть городничимъ.

— А гдѣ Иванъ Андреевичъ?—спросилъ отецъ.

— Онъ купается, сейчасъ придетъ, просилъ его не дожидаться,—сообщилъ я.

— Я здѣсь!.. Я здѣ-ѣсь!—раздался изъ сада густой басъ Зотикова, возвращавшагося уже съ рѣки.

Мы сѣли за столъ.

Но здѣсь я дѣлаю перерывъ, потому что за столомъ сидѣли не только одни старички, а и люди среднихъ лѣтъ, и молодежь даже. Описаніе же нашего обычнаго праздничнаго обѣда было бы неполнымъ и неточнымъ, если бъ я ограничился одними стариками, и потому я отложу это описаніе до того времени, когда мои читатели уже познакомятся и съ людьми зрѣлыми, и съ молодежью, какъ съ членами нашей семьи, такъ и съ нашими добрыми знакомыми. Здѣсь же я скажу только еще нѣсколько словъ о старомъ городничемъ, Ксаверіи Антоновичѣ Бордзиловскомъ.

Въ противоположность Сквознику-Дмухановскому, этотъ старикъ оставилъ послѣ себя самую добрую память, какъ рыцарь чести и правды. Доживая свой вѣкъ въ своемъ небольшомъ, но чистенькомъ и уютномъ домикѣ, старикъ пользовался до конца дней своихъ неизмѣннымъ и искреннимъ уваженіемъ согражданъ, считавшихъ своимъ долгомъ, какъ и въ былые годы, когда Бордзиловскій былъ у власти, не пропускать ни одного праздника, чтобы не поздравить старика.

Но я чувствую, что довольно уже я занималъ вниманіе читателей фигурами людей, отжившихъ свое время. Пора перейти и къ дѣятелямъ той эпохи и къ нараставшему тогда молодому поколѣнію.

Но, прощаясь съ ихъ добрыми, старыми тѣнями, я не могу не сознаться, что въ дѣтствѣ любилъ ихъ едва ли не болѣе, чѣмъ даже моихъ сверстниковъ. Можетъ быть, они не были далеко такъ хороши и безупречны, какими казались мнѣ тогда; можетъ быть, въ свое время они увлекались всѣмъ тѣмъ же,—не только хорошимъ, но и дурнымъ,—чѣмъ увлекалась окружавшая меня молодежь, но я не зналъ этого, не видалъ, и во всякомъ случаѣ не они внесли въ мою душу тѣ страсти, жертвой которыхъ я былъ невольно всю мою жизнь, и поэтому, можетъ быть, я и сохранилъ о нихъ, если не благодарное, то во всякомъ случаѣ лишенное всякой укоризны воспоминаніе...

Миръ вашему праху, миръ вашей памяти, мои добрые, славные старички!

Влад. Тихоновъ.

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА [1].

XXV.

Отъѣздъ изъ Москвы.—Кн. Хованская и ея имѣніе близъ Серпухова.—Кіевъ.—Посѣщеніе пещеръ.—Историческія мѣстности по дорогѣ отъ Кіева до Житомира.—Внѣшній видъ Житомира и первыя впечатлѣнія отъ него.—Жидовскій постоялый дворъ.—Губернаторъ Масловъ и переѣздъ въ губернаторскій домъ.—Семья губернатора и его экономка черкешенка.—Внутреннее убранство дома и одинъ изъ предмѣстниковъ Маслова, генералъ Комбурлей.—Различіе адъютантской службы отъ фронтовой.—Польская помѣщичья свадьба Подгородинскаго съ Корженевской и брачный пиръ.—Имѣніе Корженевскаго, мѣстечко Кодня.—Фамильный музей.—Бочки венгерскаго вина.

ФОРМА армейскихъ кавалерійскихъ адъютантовъ была очень проста, но красива: рейтузы темно-сѣраго сукна съ краснымъ кантомъ, однобортный мундиръ общаго покроя темно-зеленаго сукна съ краснымъ воротникомъ и двумя, по сторонамъ, шитыми петлицами; на рукавахъ разрѣзные обшлага, тоже съ тремя петличками, бѣлыя съ гранатами пуговицы, аксельбантъ на правомъ плечѣ, кованые эполеты и трехугольная шляпа съ бѣлымъ султаномъ, ко всему этому—сабля и шпоры.

Облекшись въ новую форму, я поѣхалъ къ бывшему своему начальнику дивизіи, доброму Е. И. Гельфрейху, поблагодарить за постоянныя ласки и вниманіе, которыми онъ щедро награждалъ меня. Гельфрейха я засталъ готовымъ къ выѣзду на разводъ, куда онъ пригласилъ и меня. По окончаніи развода, онъ представилъ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 417.

меня корпусному командиру, А. И. Нейдгарту. Потрепавъ меня по плечу, А. И. удостоилъ сказать:

— Жаль, жаль, что теряю такого офицера.

Я внутренно разсмѣялся такому сожалѣнію, которое, кромѣ любезныхъ словъ, ничего болѣе не стоило, или словъ, сказанныхъ, можетъ быть, по пословицѣ: «что имѣемъ, не хранимъ, потерявши— плачемъ». Сколько разъ я встрѣчался съ Нейдгартомъ въ домѣ его шурина, князя Черкасскаго, и наконецъ въ домѣ Alexandrine, и никогда онъ не только не удостоилъ меня ни однимъ словомъ, даже не обращалъ никакого вниманія, а тутъ вдругъ явилось сожалѣніе!

Оставаться долѣе въ Москвѣ для меня было просто тошно. Грустныя воспоминанія преслѣдовали меня на каждомъ шагу. Я не имѣлъ духу навѣстить князя, мужа Alexandrine, несмотря на высказанное имъ дѣду желаніе—видѣть меня. Въ первыхъ числахъ апрѣля, по мерзѣйшей дорогѣ, гдѣ по грязи, а гдѣ и по черепу льда, въ перекладной тряской телѣгѣ, отправился въ Житомиръ за 1.000 слишкомъ верстъ отъ Москвы, имѣя въ виду, что съ приближеніемъ къ юго-западу я встрѣчу и теплое время, и сухую погоду.

Въ городѣ Подольскѣ, проѣзжая по мосту, кажется, черезъ рѣку Пахру, я видѣлъ огромныя глыбы льда, нагромоздившіяся одна на другую и упершіяся въ сваи моста. Едва я съѣхалъ съ послѣдней половицы моста, какъ страшный трескъ и шумъ заставили меня обернуться назадъ. Масса льду напоромъ своимъ разломала мгновенно мостъ, и остатки его вмѣстѣ съ льдинами шумно понеслись въ прорванный проходъ. Буквально, говорю, случись это минутой раньше, вѣроятно, я бы не писалъ этихъ записокъ. Ямщикъ, снявъ шапку и перекрестясь, сказалъ мнѣ:

— Ну, баринъ, чьи нибудь молитвы спасли насъ!

Опасность, которой мы избѣжали, понялъ и ямщикъ, хотя нашъ простой народъ на подобные случаи смотритъ очень равнодушно.

Въ Серпуховѣ я засталъ Оку въ полномъ разливѣ. Былъ довольно сильный вѣтеръ, и меня не хотѣли было перевозить на паромѣ, но я показалъ свою подорожную, въ которой были написаны магическія слова: «по высочайшему повелѣнію», и всѣ препятствія исчезли. Душа моя рвалась вынести сильныя ощущенія, и я безтрепетно помѣстился на паромѣ, сильно качаемомъ разгулявшимися волнами рѣки.

Пока мы плыли около берега, еще можно было кое-какъ держаться на веслахъ, но когда круто повернули, чтобы перерѣзать средину рѣки, напоръ волнъ и сила вѣтра сдѣлали всѣ усилія перевозчиковъ тщетными. Насъ понесло по теченію рѣки; къ счастью, верстахъ въ 4-хъ ниже Серпухова она дѣлаетъ колѣно, круто поворачивая влѣво. Паромъ, разбѣжавшись, ткнулся въ этотъ

загибъ рѣки; соскочившіе на берегъ люди канатами удержали паромъ, такимъ образомъ мы очутились на томъ же берегу, отъ котораго и отчалили, только, къ утѣшенію, версты 4 далѣе лежащаго намъ пути. Предусмотрительный ямщикъ, запасшись овсомъ, отпрягъ лошадей и задалъ имъ кормъ, а самъ, вынувъ изъ-за пазухи ломоть чернаго хлѣба, принялся закусывать вмѣстѣ съ паромщиками. Оставаясь въ телѣжкѣ и закуривъ трубку, я принялся разсматривать окрестность.

Прямо противъ меня, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, была раскинута господская усадьба, за нею виднѣлась деревня. Небольшой деревянный домъ съ мезониномъ уютно выглядывалъ на меня изъ-за палисадника. Отворилась калитка, вышла, повидимому, горничная. Подойдя ко мнѣ, она проговорила, что барыня ея, княгиня Хованская, проситъ меня пожаловать къ ней откушать чай. Фамилія показалась мнѣ знакомой, но некогда было разспрашивать, я слѣзъ съ телѣги и весьма охотно послѣдовалъ за своимъ смазливенькимъ проводникомъ. Меня встрѣтила старушка почтенныхъ лѣтъ, просто, но опрятно одѣтая, и, введя въ гостиную, просила сѣсть. Пошли обыкновенные въ подобныхъ случаяхъ разспросы: кто я, откуда и куда?

Узнавъ мою фамилію, старушка съ любопытствомъ спросила:

— Не служите ли вы въ Коломнѣ?

— Служилъ, а теперь ѣду въ Польшу.

— Ахъ, Боже мой! такъ я васъ давно знаю. Внучка моя, Вѣрочка П—ва, мнѣ всѣ уши прожужжала объ васъ.

Тутъ я вспомнилъ, что мать Вѣрочки — урожденная княжна Хованская, и слѣдовательно я вижу предъ собой мать Варвары Ивановны.

Я было нахмурился, приготовившись къ отпору, если бабушка поведетъ на меня атаку за внучку, но изъ слѣдующаго за тѣмъ разговора я убѣдился. что старушка ничего не знаетъ о послѣднемъ нашемъ разговорѣ и размолвкѣ съ ея дочерью.

Подали чай. Радушная, внимательная старушка продолжала занимать меня разсказами. Журила за отвагу, что я пустился въ такой сильный вѣтеръ на переѣздъ черезъ Оку, и т. п.

Между тѣмъ солнце начало садиться, вѣтеръ, по обыкновенію всегда стихающій передъ закатомъ, и на этотъ разъ не измѣнилъ своему характеру. Распростившись съ добродушной старушкой и напутствуемый ея благословеніемъ и добрыми пожеланіями, я сѣлъ на паромъ, мы отчалили и, безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній, поздно ночью пристали къ противоположному берегу, гдѣ надлежало, и я отправился въ дальнѣйшій путь.

Дорога до Орла мнѣ была знакома, по ней я пріѣхалъ въ прошломъ году въ Вознесенскъ. За Орломъ я свернулъ въ Черниговскую губернію, поѣхалъ все историческими мѣстами: Глухо-

вымъ, Батуринымъ, Нѣжинымъ. Казачество и гайдамачина возставали въ моей памяти. Здѣсь я встрѣтилъ весну въ полномъ ея развитіи. Трава зеленѣла, деревья одѣлись полнымъ листомъ, теплый воздухъ пропитанъ благоухающими травами. Какая рѣзкая разница съ тѣмъ, что я оставилъ за собой дня 3—4 тому назадъ.

Вотъ и послѣдняя станція къ Кіеву—Бровары. Дорога пошла довольно густымъ лѣсомъ, по сыпучему песку. Въ прорѣзѣ лѣса мелькнулъ предо мной Кіевъ съ своими позлащенными главами церквей и вновь исчезъ. Мы выѣхали изъ лѣса, и глазамъ моимъ представилась картина, которой я никогда не забуду. Передо мной песчаный берегъ Днѣпра, далѣе самый Днѣпръ въ полномъ разливѣ широко раскинулся передо мной. Все это замыкалось горой, на которой стоялъ Кіевъ. Время было тихое, ни малѣйшій вѣтерокъ не рябилъ волнъ рѣки, и она съ шумомъ плескалась о закраины берега.

Когда я помѣстился на паромѣ, солнце садилось, позлащая своими лучами поверхность воды. Казалось, золотой мостъ перекинулся на западъ. По мѣрѣ того, какъ мы отплывали отъ берега, тѣни дѣлались все длиннѣе и длиннѣе. Когда мы вышли на средину рѣки, вдругъ наступила ночь. Въ теплыхъ странахъ, извѣстно, нѣтъ промежутка между дневнымъ свѣтомъ и ночнымъ мракомъ, что мы называемъ сумерками; тамъ прямо наступаетъ мракъ, но мракъ, если можно такъ выразиться, мягкій, прозрачный. Я не спускалъ глазъ съ Кіева, видѣлъ, какъ онъ погружался въ темноту; по горѣ, въ хаткахъ, замелькали огоньки, а наверху ихъ городъ силуэтами своихъ башенъ и колоколенъ вырѣзался на темно-голубомъ небѣ. Чувство благочестія проникло въ мою душу. Наслышавшись съ малолѣтства разсказовъ различныхъ богомолокъ о святости и величіи Кіева, цѣли всѣхъ ихъ стремленій, я съ невольнымъ трепетомъ приближался теперь къ этой святынѣ. Мысли мои, по необъяснимому сцѣпленію идей, перенесли меня къ земному. Я вспомнилъ объ Alexandrine, вспомнилъ, что завтра годъ ея кончины, и тихія слезы, помимо моей воли, заструились изъ глазъ моихъ. Я далъ имъ полную волю, чувствуя, какъ мнѣ дѣлалось легче на душѣ. Вмѣстѣ со слезами какъ бы выходила изъ меня горечь, боль воспоминаній. Тихое спокойствіе легло мнѣ на сердце, я встрепенулся, лучъ благодати осѣнилъ меня, во мнѣ произошла полная, полная реакція, гнѣздившаяся дотолѣ злоба на судьбу и людей исчезла, я почувствовалъ новыя силы, новую жизнь!

Поздно ночью я въѣхалъ въ Кіевъ и остановился въ «Зеленой» гостиницѣ, противъ лавры. Утромъ, проснувшись, я былъ пораженъ, встрѣтивъ въ гостиницѣ женскую прислугу и польскій языкъ. Все говорило, что я оставилъ Русь за собой.

Одѣвшись, я отправился въ лавру, послѣ обѣдни попросилъ отслужить панихиду по усопшей рабѣ Божіей Александрѣ. Тихія

слезы струились изъ глазъ моихъ, но въ душѣ воцарилось спокойствіе. Воспоминаніе потеряло для меня свою жгучую силу. По окончаніи панихиды я обратился къ монаху съ вопросомъ:

— Нельзя ли посѣтить пещеры?

— Можно-то, можно, только теперь вы встрѣтите тамъ много народа.

— Когда же будетъ свободнѣе?

— Послѣ вечеренъ мы пускаемъ только лицъ значительныхъ. Тогда пожалуйте и вы.

Я поблагодарилъ его за причтеніе меня къ сонму лицъ «значительныхъ», но впослѣдствіи узналъ, что монахъ дѣйствительно думалъ то, что говорилъ. Моя адъютантская форма ввела его въ заблужденіе. Онъ полагалъ, что я состою при генералъ-губернаторѣ, а въ тамошнихъ мѣстахъ, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, адъютанты генералъ-губернаторскіе играли значительную роль.

Возвратясь въ гостиницу, утомленный душевными волненіями и тряскостью почтовой телѣжки, на которой я ѣхалъ день и ночь отъ самой Москвы, я легъ на диванъ и тотчасъ же заснулъ. Лаврскій колоколъ, призывающій къ вечернѣ, разбудилъ меня. Наскоро закусивъ, отправился въ церковь. Вечерняя служба еще продолжалась. Тутъ я еще болѣе могъ убѣдиться въ томъ, что слегка поразило меня за обѣдней,—въ особенномъ напѣвѣ, называемомъ «Кіевскимъ». По окончаніи службы я наскоро отыскалъ своего утренняго монаха, и онъ обязательно вызвался самъ указать мнѣ ходъ въ пещеры. На пути ко мнѣ и къ моему человѣку присоединились отставной солдатъ и богомолка и усердно просили взять ихъ съ собой. Съ согласія монаха мы всѣ четверо пошли далѣе. Доведя насъ до деревянной галлереи и указывая на дверь, монахъ сказалъ:

— Ступайте по этой галлереѣ, она приведетъ васъ въ пещеры, тамъ вы найдете дежурнаго монаха, а меня извините, я долженъ итти на «стояніе».

Мы вступили въ галлерею и, спустившись по нѣсколькимъ, впрочемъ, короткимъ лѣстницамъ, дошли до двери. Отворивъ, мы очутились въ небольшой комнатѣ, не имѣющей оконъ и освѣщаемой зажженной свѣчей, стоявшей передъ Распятіемъ. Къ стѣнѣ, налѣво при входѣ стояла конторка; монахъ, сидя на табуретѣ съ локтями рукъ, сложенными на конторкѣ, и упершись въ нихъ внизъ лицомъ, крѣпко спалъ, такъ что приходъ нашъ не могъ разбудить его. Выждавъ нѣсколько минутъ, я подошелъ къ монаху и, слегка прислонясь къ его плечу, старался разбудить его. Напрасно,—монахъ мой спалъ сномъ праведника, тогда я началъ сильнѣе и сильнѣе толкать его. Монахъ, не перемѣняя своего положенія, приподнялъ голову съ краснымъ отекшимъ лицомъ и, посмотрѣвъ на меня помутившимися глазами, охриплымъ голосомъ произнесъ:

— А!

Съ тѣмъ вмѣстѣ разнесся сильный запахъ водки.

Тогда я понялъ причину его «праведнаго» сна.

Между тѣмъ монахъ, разглядѣвъ мою адъютантскую форму и считая меня, какъ и первый монахъ, за лицо «значительное», всталъ съ мѣста и спросилъ:

— Вамъ въ пещеры?

— Да!

— Надо запастись свѣчами. И съ этимъ вмѣстѣ подалъ каждому изъ насъ по зажженной свѣчкѣ и, взявъ самъ, повелъ насъ къ двери. Отворивъ ее, мы вступили въ темный коридоръ, или галлерею, довольно узкую, такъ что можно было итти не болѣе, какъ двоимъ въ рядъ. Стѣны и круглый потолокъ были изъ земли и держались сами собой безъ всякихъ поддержекъ или подставокъ. По потолку виднѣлись извивавшіеся корни деревъ, растущихъ снаружи, надъ пещерами. По обѣимъ сторонамъ коридора въ стѣнахъ были устроены ниши, въ которыхъ стояли гробы съ мощами святыхъ угодниковъ. Крышки на гробахъ были устроены на шалнерахъ и свободно открывались. Насъ обуялъ священный ужасъ и благоговѣніе, но нашъ монахъ-проводникъ безъ всякаго уваженія къ мѣсту подходилъ отъ одной ниши къ другой и, подымая гробовыя крыши, равнодушнымъ голосомъ называлъ имя усопшаго, точно, какъ купецъ, показывающій свой товаръ покупателю и произносящій названіе матеріи. Сила привычки такъ велика въ человѣкѣ, что обращающійся часто со святыней теряетъ къ ней всякое уваженіе. Стоитъ посмотрѣть на нашихъ священнослужителей, какъ они свободно расхаживаютъ въ алтарѣ и съ какимъ пренебреженіемъ подходятъ къ престолу или къ жертвеннику, точно, какъ у себя въ избѣ—къ обѣденному столу. По осмотрѣ онъ опускалъ крыши съ какимъ-то пренебреженіемъ, отчего, падая и ударяясь о край гроба, онѣ производили стукъ, далекимъ гуломъ расходившійся по галлереямъ. Въ ужасѣ я думалъ, что Богъ долѣе не потерпитъ подобнаго беззаконія, и мы останемся погребенными въ пещерахъ, подъ завалами земли; такое опасеніе было тѣмъ болѣе правдоподобно, что я замѣтилъ многіе боковые ходы въ галлереѣ, задѣланные досками, потому что, какъ объяснилъ нашъ проводникъ, въ нихъ обрушилась земля.

Между тѣмъ монахъ велъ насъ все далѣе и далѣе, указавъ первыхъ христіанскихъ временъ церковь, подвелъ къ блюду, на которомъ подъ стекляннымъ колпакомъ лежала отсѣченная глава какого-то святого, при чемъ докторальнымъ тономъ объяснилъ, что въ прежнія времена глава источала изъ себя миро, но что нынѣ за грѣхи людскіе чудо это не повторяется. Затѣмъ указалъ намъ пещеру съ заложеннымъ входомъ и разсказалъ легенду. Одинъ угодникъ былъ искушаемъ бѣсомъ. Не имѣя силъ самъ сопро-

тивляться ему, онъ просилъ братію заложить его въ пещерѣ, оставя лишь небольшое отверстіе для подачи ему хлѣба и воды.

Просунувъ въ отверстіе руку съ зажженной свѣчей, монахъ показалъ намъ и самого угодника, сидящаго на обрубкѣ дерева, склоненнаго на руки, упершіяся въ колѣни, и съ опущенной главой, такъ что лица его невозможно разсмотрѣть, а виднѣлась только тулья его шапочки; одѣтъ онъ былъ въ обыкновенную монашескую рясу, сильно порыжѣвшую отъ времени.

До сихъ поръ мы видѣли пещеры, такъ называемыя «ближнія». Есть еще «дальнія», идущія подъ Днѣпромъ. Монахъ-проводникъ предложилъ свои услуги указать намъ и дальнія пещеры, но я отклонилъ отъ себя такое предложеніе и вздохнулъ свободно, когда вышелъ на открытый воздухъ.

Дальнѣйшее обозрѣніе Кіева и его святынь я отложилъ до другого, болѣе удобнаго времени и поспѣшилъ въ тотъ же вечеръ отправиться далѣе въ Житомиръ.

Мнѣ подали почтовую телѣжку, запряженную парой лошадей въ дышло, а третьей—на пристяжкѣ. Не было уже ни нашихъ дугъ съ колокольчиками, ни нашей упряжи, на лошадяхъ вмѣсто хомутовъ были накинуты «шлейки» съ постромками. Ямщикомъ былъ малороссіянинъ, въ своей «свиткѣ» и бараньей шапкѣ.

Чѣмъ далѣе я подвигался на своемъ пути, тѣмъ болѣе, такъ сказать, вдавался въ область исторіи нашей древней Руси. На первой станціи отъ Кіева, Бѣлогородкѣ, мнѣ показывали остатки рва и крѣпости [1]). Въ недальнемъ разстояніи отъ Бѣлогородка лежитъ древнее село Предславино, или Предиславино, въ садахъ котораго Рогнѣда, прозванная потомствомъ Гориславою за ея горести, намѣревалась ножемъ умертвить великаго князя Владиміра Святого въ 985 г. по Р. Х. Какая почтенная старина! Дальнѣйшія мѣста я проѣхалъ ночью и ничего не могъ видѣть. Но меня поразилъ какой-то неопредѣленный гулъ, стоявшій въ воздухѣ. На спросъ мой ямщикъ-хохолъ, видимо не понявшій меня, отвѣчалъ что-то на своемъ языкѣ, котораго я не могъ понять въ свою очередь. Смотритель станціи, говорящій по-русски, объяснилъ, что это крикъ жабъ, которыя не квакаютъ, какъ наши лягушки, но какъ-то гудятъ.

Утромъ показался Житомиръ, раскинутый на плоской мѣстности. Миновавъ довольно значительную рощу, я въѣхалъ въ кривую улицу. По обѣимъ сторонамъ стояли хаты и домики, тонувшіе въ зелени садовъ. Мерзѣйшая мостовая заставляла меня безпрестанно подпрыгивать на телѣжкѣ. Стали попадаться евреи.

---

[1]) По свидѣтельству Нестора, Бѣлогородъ построенъ великимъ княземъ Владиміромъ въ 990-хъ годахъ, и онъ «отмѣнно любилъ его и часто живалъ тамъ». См. прим. 420 въ І-мъ томѣ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина. Авт.

Снимая шапку, клапялись и уставляли на меня свои лукавые глаза. Они тотчасъ же смекнули, что я пріѣзжій, новичекъ.

Поравнявшись съ какимъ-то длиннымъ деревяннымъ зданіемъ, выкрашеннымъ желтой краской и передъ которымъ расхаживалъ часовой съ ружьемъ, я спросилъ своего ямщика:

— Что это? Госпиталь?

— Ни, панэ! то пáлацъ пана губернатóра.

— Какъ, домъ губернатора? Стало быть, я уже въѣхалъ въ самый городъ?

А я, привыкшій къ русскимъ городамъ, воображалъ, что ѣду все еще только предмѣстьемъ, такъ Житомиръ бѣденъ своими постройками.

Я приказалъ ямщику везти меня въ лучшую гостиницу, и онъ остановился передъ еврейскимъ постоялымъ дворомъ. Часъ отъ часу не легче! Впослѣдствіи я узналъ, что дѣйствительно лучше этой гостиницы въ городѣ не было. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Житомиромъ, было не въ пользу его; Что-то будетъ дальше?

Въ сопровожденіи встрѣтившаго меня хозяина, еврея, я вошелъ въ комнату черезъ дверь прямо со двора; не было ни сѣней, ни передней. Опять для меня новость. Комната оказалась довольно опрятная. Пока вносили мои вещи, меня окружила толпа евреевъ съ предложеніемъ своихъ услугъ и покупки разныхъ товаровъ. Прикрикнувъ на нихъ и пославъ ихъ къ чорту, я ожидалъ, что они разойдутся, но не тутъ-то было. Они еще смѣлѣе начали наступать на меня. Я было подумалъ пустить въ ходъ кулаки, но меня остановила мысль: хорошимъ же дѣломъ я начинаю службу адъютанта при губернаторѣ! Дракой! Между тѣмъ хозяинъ, узнавъ, вѣроятно, отъ привезшаго меня ямщика, кто я, что-то залепеталъ на своемъ языкѣ, употребляя слово: «губернаторъ». Тогда вся толпа мигомъ исчезла за дверь, и я остался одинъ.

Спросивъ себѣ воды и раздѣвшись до рубашки, я принялся лицо и шею отмывать отъ насѣвшей на нихъ густой пыли, когда отворилась дверь и вошелъ самъ Масловъ, т. е. мой генералъ. Обнявши и поцѣловавъ меня радушно, онъ сказалъ, чтобы я скорѣе переѣзжалъ къ нему въ домъ, гдѣ для меня уже приготовлено помѣщеніе, и что люди его сейчасъ пріѣдутъ за моей поклажей, и отправился въ губернское правленіе.

Я перемѣстился въ видѣнный уже мною «госпиталь». Дверь рядомъ съ «парадным» подъѣздомъ вела въ отведенное мнѣ помѣщеніе, состоявшее изъ входныхъ сѣней, лакейской, большой комнаты, служившей пріемной и гостиной вмѣстѣ, и рядомъ другой—поменьше, гдѣ была наша спальня. Говорю—наша, потому что я долженъ былъ жить вмѣстѣ съ чиновникомъ при губернаторѣ, Каминскимъ. Мебели, очень порядочной, было вездѣ достаточно.

Семью генерала составляли жена, слабая, больная женщина, сынъ и дочь—малолѣтніе, гувернантка, чиновникъ губернаторской канцеляріи Тіодіеръ, занимавшійся репетиціей уроковъ съ сыномъ, который ходилъ въ гимназію, и экономки-черкешенки. Черкешенка была очень недурна собой, въ особенности имѣла чудные черные глаза и брови, но—страшно худа. Совершенно плоская ея грудь, какъ у мужчины, и шейныя кости лишали ее всякой пластической красоты. При разореніи одного аула на Кавказѣ русскими, лѣтъ 18 тому назадъ, она, еще маленькая, была спасена отъ общаго истребленія однимъ офицеромъ, но не избѣжала удара казацкой пики, шрамъ котораго виднѣлся у нея на лбу, недалеко отъ лѣваго виска. Переходя съ рукъ на руки, она попала въ домъ Маслова и занимала мѣсто экономки.

Домъ былъ обширный, удобно расположенный, имѣлъ двѣ залы: одну въ два свѣта, съ колоннами и хорами, другую—нашу столовую. Изъ всего множества комнатъ лучшими были: гостиная и рядомъ съ ней диванная. Стѣны гостиной были оклеены Гобеленовыми обоями, представлявшими виды Индіи съ пагодами и жилищами людей, а въ диванной сцены изъ «Психеи и Амура» (нашей «Душеньки» Богдановича), на послѣдней люди были нарисованы во весь ростъ. Обои эти, по данному размѣру, были заказаны бывшимъ губернаторомъ Комбурлеемъ на свой счетъ въ Парижѣ на Гобеленовой фабрикѣ. Другую память о богатствѣ и роскоши Комбурлея составляло цѣльное въ золотой рамѣ зеркало, аршинъ 5 вышины и аршина 4 ширины. Оно стояло въ гостиной и занимало мѣсто отъ пола до карниза потолка, но, къ сожалѣнію, было расколото въ одномъ углу. Комбурлей, бывшій губернаторъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, оставилъ послѣ себя много разсказовъ о своей роскошной жизни. Напримѣръ, когда онъ отправлялся на ревизію губерніи, за нимъ слѣдовалъ длинный обозъ съ музыкантами, поварами, прислугой, палатками, даже мебелью. Проѣзжая какой нибудь живописной мѣстностью, а ихъ на Волыни немало, Комбурлей останавливался, ставились палатки, посылались вершники къ окружнымъ помѣщикамъ съ приглашеніемъ на обѣды и балы. Такъ продолжалось иногда недѣли двѣ, потомъ лагерь снимался опять до новаго мѣста, тамъ возобновлялось то же самое и такъ продолжалось цѣлое лѣто, пока дожди не загоняли Комбурлея домой.

Участь его была плачевная. Великій князь Константинъ Павловичъ, слѣдуя изъ Варшавы въ Кіевъ на смотръ войска, проѣзжалъ Волынской губерніей. Разсердившись за что-то на Комбурлея, встрѣтившаго его на границѣ губерніи, и разругавши, онъ въ довершеніе униженія приказалъ ему сѣсть на козлы и занять мѣсто своего кучера.

Комбурлей не имѣлъ столько гражданскаго мужества, чтобы не исполнить приказа, скинулъ съ себя ленту св. Анны 1-й степени и, бросивъ ее въ коляску великаго князя, усѣлся рядомъ съ кучеромъ. Выйдя самъ или уволенный въ отставку—не помню хорошенько—послѣ этого пассажа, Комбурлей, бросавшій десятками тысячъ, умеръ въ Петербургѣ въ богадѣльнѣ и былъ похороненъ на общественный счетъ.

При губернаторскомъ домѣ былъ небольшой садъ, прекрасно расположенный, съ деревьями, о которыхъ въ нашихъ мѣстахъ и понятія не имѣютъ, и вырытымъ прудкомъ.

На другой день началась моя новая служба; какъ она показалась мнѣ легка, вполнѣ благородна послѣ фронтовой! Вся обязанность моя состояла въ томъ, чтобы являться въ 9 часовъ утра въ дежурную комнату, докладывать губернатору о просителяхъ и лицахъ, желающихъ его видѣть. Такъ продолжалось до 12 часовъ, когда мы завтракали, и послѣ генералъ отправлялся въ губернское правленіе, а я былъ свободенъ на весь остальной день.

Такой порядокъ прерывался иногда командировками, но эта «маленькая» непріятность съ лихвой выкупалась общественными развлеченіями и удовольствіями.

Но главное, я болѣе не видалъ истязанія солдатъ, не слыхалъ той крупной непечатной брани, которой угощали насъ отцы-командиры, ни къ кому собственно не обращаясь, такъ что на волю каждаго предоставлялось принимать ее на свой счетъ.

Первое развлеченіе для меня вскорѣ по моемъ пріѣздѣ было присутствовать на католической богатой свадьбѣ. Корженевскій выдавалъ дочь свою за Подгородинскаго. Въ первый еще разъ я видѣлъ католическій костелъ. Въ немъ меня занялъ расхаживающій неслышными шагами швейцаръ съ булавой. Обязанность его, какъ я узналъ, наблюдать за благочиніемъ во время службы. Если онъ замѣчалъ кого нибудь разговаривающимъ, то, подходя и становясь передъ нимъ, объ полъ ударялъ своей булавой два раза, въ пустоту головки которой были вложены металлическія погремушки, отчего булава издавала рѣзкій звукъ, при ударенiи въ полъ. Если разговаривающій вновь возобновлялъ разговоры, то швейцаръ вторично подходилъ къ нему и ударялъ булавою два раза; если и за такимъ предупрежденіемъ не прекращался разговоръ, то швейцаръ выводилъ виновнаго изъ костела.

Не зная еще этого порядка, я, какъ человѣкъ новый въ костелѣ, обращался постоянно съ разспросами и просилъ объяснить то и то, мной видѣнное, и имѣлъ удовольствіе заслужить вниманіе швейцара. Подкравшись ко мнѣ такъ, что я и не замѣтилъ—съ которой стороны, онъ прямо передъ моимъ носомъ стукнулъ объ полъ своей булавой. Многіе любопытные обернулись на меня, а я сильно сконфузился.

Другой порядокъ очень удивилъ меня. По окончаніи церемоніи, органъ заигралъ польскій, подъ звуки котораго всѣ мы вышли изъ костела. Какъ-то странно въ церкви слышать бальную музыку!

Я узналъ, что молодая принесла въ приданое своему мужу, между прочимъ, бочку съ венгерскимъ виномъ, и былъ очень удивленъ, что венгерскому вину придаютъ поляки такое значеніе, но удивленіе мое скоро для меня разъяснилось.

Отецъ молодой, Корженевскій, веселый, смѣшной старикъ, въ имѣніи своемъ, мѣстечкѣ Кодня, верстахъ въ 20 отъ Житомира, въ честь «молодыхъ» устроилъ обѣдъ и балъ, на которые пригласилъ губернатора, а вмѣстѣ съ нимъ и меня. Когда мы подъѣхали къ крыльцу дома (или палаца, какъ тамъ называютъ), и генералъ только что ступилъ на землю, какъ музыканты, заранѣе стоявшіе въ сѣняхъ, заиграли сперва «тушъ», а потомъ польскій и потянулись вверхъ по лѣстницѣ, за ними и мы. Въ комнатахъ мы нашли огромное собраніе родственниковъ и гостей хозяина. Были даже пріѣхавшіе къ этому дню изъ губерній: Кіевской и Волынской, но, увы, никто изъ нихъ не былъ одѣтъ въ свой національный костюмъ, а всѣ были во фракахъ. Кунтуши, жупаны и чупы я видѣлъ только на портретахъ предковъ Корженевскаго. Здѣсь я не могу не остановиться, чтобы не упомянуть о похвальномъ обычаѣ поляковъ—имѣть у себя портретныя галлереи и хранить, какъ святыню, оружіе и другіе знаки достоинства, какъ-то: булавы, бунчуки, знамена своихъ предковъ. У Корженевскаго и тѣмъ и другимъ были заняты цѣлыя двѣ большія комнаты. На стѣнахъ были развѣшены портреты, изъ которыхъ первый—родоначальника его дома,—былъ написанъ лѣтъ 200 тому назадъ; на столахъ и витринахъ лежали вооруженія всѣхъ возможныхъ видовъ—цѣлый арсеналъ. Тутъ же стояли и почтенныхъ размѣровъ турьи рога, оправленные въ золото, серебро, осыпанные драгоцѣнными каменьями; изъ нихъ были и такіе, что вмѣщали въ себѣ два штофа вина.

За обѣдомъ, великолѣпно сервированнымъ, гости усердно ѣли изысканныя кушанья, еще болѣе—пили. Шампанскаго сравнительно подавали мало, зато венгерское лилось въ изобиліи. Наконецъ налили одинъ общій бокалъ, который каждый долженъ былъ выпить и передать своему сосѣду, при чемъ подгулявшіе гости пѣли хоромъ:

> Отъ Куба до Якуба,
> Отъ Якуба до Михалка
> Пія я,
> Пія ты,
> Пія компанія цала.
> А кто не выпіе,
> Того въ два кія [1])!

---

[1]) Польскія фразы и отдѣльныя слова въ подлинникѣ записокъ вездѣ написаны русскими буквами. Д. К.

Вскорѣ послѣ обѣда начался балъ. Въ антрактѣ, между танцами, кромѣ обыкновенныхъ сластей, фруктовъ, прохладительныхъ напитковъ и мороженаго, подавали еще и венгерское. Хозяинъ смѣшилъ насъ. Сильно подгулявши, онъ всякій разъ показывался въ залъ первымъ, за нимъ дворецкій, не менѣе его подпившій, несъ въ рукахъ подносъ, уставленный рюмками особой формы съ налитымъ въ нихъ венгерскимъ виномъ. Корженевскій, маня дворецкаго рукою, твердилъ: «Ходь зе мно! ходь зе мно!»—и направлялся въ одну сторону, а дворецкій, сильно покачивающійся, такъ что звенѣли рюмки, и плескалось венгерское, увлекаемый виномъ, направлялся въ другую, противоположную. Отъ этого выходило, что, показавшись вмѣстѣ въ дверяхъ, и хозяинъ и дворецкій тотчасъ же расходились въ разныя стороны. Одинъ продолжалъ угощать, думая, что за нимъ слѣдомъ несутъ вино, а другой обливалъ гостей венгерскимъ.

Балъ продолжался до разсвѣта; тогда всѣ отправились въ отведенныя комнаты. Домъ, по величинѣ своей, всѣхъ пріютилъ.

Не зная почему, но провалявшись часа три на своей постели, я не могъ уснуть. Думаю, что это было слѣдствіе выпитаго мной венгерскаго вина, дотолѣ мнѣ неизвѣстнаго.

Было чудное, ясное, свѣжее утро. Выйдя въ садъ, я къ удивленію встрѣтилъ тамъ прогуливающагося «молодого мужа», Подгородинскаго. Мы отправились ходить по аллеямъ вмѣстѣ. Въ немъ я нашелъ прекрасно воспитаннаго, съ большими научными свѣдѣніями человѣка. Онъ взялся быть моимъ чичероне. Разсказывая, какую кровавую роль играло мѣстечко Кодня во время борьбы за независимость Украйны, и рисуя подвиги и рѣзню казачества и гайдамаковъ, онъ показалъ мнѣ и самое поле, на которомъ происходили эти событія. По возвращеніи, проходя садомъ, я замѣтилъ входъ въ подземелье. Чтобы удовлетворить моему любопытству, Подгородинскій былъ такъ обязателенъ, что самъ пошелъ отыскать ключи отъ двери. Вскорѣ онъ возвратился въ сопровожденіи дворецкаго, успѣвшаго уже отрезвиться. Когда была отворена дверь, мы вошли въ коридоръ, выложенный камнемъ. Къ сводамъ были прикрѣплены цѣпями дубовыя бочки, на которыхъ выжжены годы въ первый разъ налитаго въ нихъ венгерскаго. Я читалъ 1625, 1658 и т. д.; самая послѣдняя бочка имѣла на себѣ 1705 г. Тогда я понялъ, какую цѣну имѣла бочка вина, принесенная въ приданое. Каждая бочка имѣла съ боку дна кранъ. Подгородинскій началъ объяснять, что количество вина, выпитаго изъ боченка, тотчасъ же пополняютъ новымъ, и такъ какъ эти столѣтнія вина подаются только въ рѣдкихъ торжественныхъ случаяхъ, то вино остается постоянно въ одинаковой степени своего достоинства, получаемаго имъ давностью лѣтъ. Я припомнилъ, что за вчерашнимъ обѣдомъ пилъ венгерское, густотою своею схожее

съ масломъ (такое венгерское и называется: «Масличъ»). Это венгерское было налито изъ самой «старшей» бочки, 1625 г.

По осмотрѣ такихъ «диковинокъ», Подгородинскій повелъ меня въ костелъ, выстроенный съ большимъ вкусомъ, въ родѣ Пантеона. На поясѣ фронтона, поддерживаемаго колоннами, вызолоченными выпуклыми буквами, была составлена надпись на польскомъ языкѣ: «Съ твоихъ дарувъ тоби офіара», слово въ слово значило: «Отъ твоихъ даровъ тебѣ приношеніе», что составляло переводъ нашего: «Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще».

Недалеко отъ костела стояла маленькая, деревянная, покривившаяся отъ времени, уніатская церковь. Это было въ началѣ 1838 г., когда унія еще не была уничтожена.

Съ прогулки мы вернулись въ домъ, или «палацъ», владѣльца. Всѣ еще спали, несмотря на поздній часъ утра. Когда мы вошли въ портретную галлерею, Подгородинскій, указывая мнѣ на самый «старшій» портретъ и постепенно переходя къ послѣдующимъ, не только назвалъ каждое изображенное лицо по имени, но и разсказалъ подробно жизнь и дѣянія каждаго. Я не могъ воздержаться, чтобы не высказать ему своего удивленія его такой изумительной памяти. Подгородинскій отвѣчалъ мнѣ:

— У насъ ребенокъ, только что научившійся первому лепету, подводится къ фамильнымъ портретамъ и заучиваетъ ихъ біографіи. Что же мудренаго въ томъ, что я разсказалъ вамъ?

— Но это не ваши предки, а вашей жены?

Подгородинскій улыбнувшись отвѣчалъ:

— А что вы скажете, если цѣной изученія жизни и подвиговъ предковъ моего тестя я только могъ жениться на его дочери?

Я молча поклонился.

Мы перешли къ доспѣхамъ и оружію, расположеннымъ на столахъ и въ витринахъ. Тутъ были знамена и хоругви, подъ которыми Корженевскіе водили сформированные на свой коштъ полки, перначи, гетманскія булавы, сѣкиры, шлемы съ забралами, кольчуги, латы, самопалы, луки и колчаны стрѣлъ, сабли, кривыя и слегка вогнутыя—полный арсеналъ. Тутъ же лежали и трофеи, добытые отъ непріятеля: знамена, штандарты, конскіе хвосты, разное оружіе и т. п. Все это было разложено въ строгомъ порядкѣ и по годамъ, словомъ—живая лѣтопись прошлаго. Тяжесть и размѣры нѣкоторыхъ кольчугъ удивили меня. Какіе нужно было имѣть ростъ и силу, чтобы носить ихъ и держать трехпудовыя копья, тутъ же стоящія!

Потомъ мы перешли въ комнату, въ которой останавливался императоръ Александръ I, когда дѣлалъ подъ Кодней смотръ войскамъ въ 1825 г. Мебель осталась нетронутой въ томъ порядкѣ, какъ она стояла при государѣ. Подгородинскій разсказалъ мнѣ, что во время маневровъ отъ пушечной пальбы сильно дрожали

стекла въ окнахъ. Должны были поставить на подоконники стаканы съ водой, и дребезжаніе стеколъ прекратилось.

Между тѣмъ комнаты стали наполняться проснувшимися гостями; всталъ и мой генералъ. Тотчасъ же явилось вновь венгерское. Послѣ завтрака мы отправились въ городъ. Насъ сопровождала музыка, но въ обратномъ порядкѣ. Музыканты, играя польскій, спускались съ лѣстницы, за ними всѣ мы. Выйдя въ сѣни, они помѣстились по обѣимъ сторонамъ и очистили намъ проходъ. Только что мы усѣлись въ экипажъ и тронулись съ мѣста, какъ польскій смѣнился «тушемъ», и всѣ присутствующіе три раза прокричали: «виватъ».

XXVI.

Дворянскіе выборы въ Житомирѣ.—Православныя церкви и католическіе костелы.—Особенности въ постройкѣ домовъ.—Населеніе Житомира.—Начало смуты на Волыни.—Польскій патріотъ Симонъ Конарскій.—Встрѣча виленскаго исправника Дорошенка съ помѣщикомъ Радзевичемъ и случайная поимка Конарскаго.—Военно-судная комиссія въ Кіевѣ.—Моя поѣздка въ Варшаву съ бумагами отъ губернатора Маслова.—Намѣстникъ царства Польскаго кн. Паскевичъ-Эриванскій.—Возвращеніе въ Житомиръ.

Въ концѣ апрѣля помѣщики съѣхались на дворянскіе выборы. За неимѣніемъ дома дворянскаго собранія, губернаторъ открылъ выборы въ залѣ думы рѣчью, по окончаніи которой пригласилъ дворянъ принять обычную присягу. Тутъ мнѣ, видѣвшему дворянскіе выборы въ великороссійскихъ губерніяхъ, представилось оригинальное зрѣлище. Изъ толпы дворянъ—болѣе ста человѣкъ—отдѣлились двое и направились въ соборъ, какъ православнаго исповѣданія, всѣ же прочіе пошли въ костелъ, въ которомъ и были устроены самые выборы, т. е. разставлены были столики по уѣздамъ и одинъ общій губернскій.

Здѣсь кстати скажу, что въ Житомирѣ были двѣ православныя церкви и два костела. Изъ православныхъ—соборъ былъ довольно обширный, но недоконченный, не имѣлъ колокольни. Церковная утварь, иконостасъ и образа вообще были довольно бѣдны. Боковой придѣлъ устроенъ былъ изъ походной полковой церкви, бывшей въ рукахъ французовъ въ 1812 году и вновь отбитой. Другая церковь, на краю города, была еще бѣднѣе. Зато костелы отличались своимъ наружнымъ видомъ и внутренними украшеніями. Оба зданія были построены іезуитами и на своихъ фронтонахъ имѣли неизбѣжный вензель, означавшій слова «Jesum habemus sociem», т. е. «Іисуса имѣемъ товарищемъ». У католиковъ веревка привязана не къ языку колокола, какъ у насъ, а къ уху, и колоколъ качается на оси. Дергая за веревку, приводятъ въ движеніе самый колоколъ, а тотъ уже заставляетъ биться языкъ о свои стѣнки.

Заговоривъ о Житомирѣ, разскажу и объ этнографическихъ и общественныхъ особенностяхъ города.

Житомиръ, начиная съ построекъ и оканчивая своими жителями, имѣлъ своеобразный характеръ, не имѣющій ничего общаго съ городами великороссійскихъ губерній.

Дома большей частью были небольшіе, очень невзрачной архитектуры, были и каменные, но болѣе мазанки; постройка послѣднихъ была преоригинальная. По угламъ возводимаго дома врывали въ землю столбы; въ промежуткахъ, по назначенію хозяина, ставились косяки дверей и оконъ; на всемъ этомъ утверждалась крыша. Пустыя пространства, оставшіяся между дверей и оконъ, по кольямъ заплетали ивовыми прутьями или камышомъ, мѣсили глину и размятыми комьями съ силой бросали на плетень. Закидавши всѣ скважины, разравнивали глину, втыкали въ нее камешки или даже небольшіе деревянные колышки и вновь начинали забрасывать мятой глиной, потомъ стѣну ровняли «соколомъ», употребляемымъ штукатурами. Когда стѣна просыхала, то образовавшіяся трещины смазывали жидкой глиной и снова заравнивали. По окончательной просушкѣ стѣны, ее бѣлили мѣломъ. Затѣмъ приступали къ внутренней отдѣлкѣ дома: ставили перегородки, стлали полы, навѣшивали двери и оконныя рамы, клали печи и камины, стѣны изнутри штукатурили той же размятой глиной, бѣлили, и домъ готовъ. Расположеніе дома было совершенно отлично отъ строящихся въ Россіи. Кромѣ губернаторскаго дома, я не помню, чтобы хотя одинъ домъ имѣлъ прихожую, или «лакейскую»; обыкновенно изъ сѣней прямо входили въ залъ. Даже были дома, не имѣвшіе сѣней. Дверь изъ жилой комнаты прямо отворялась или на улицу или во дворъ. Такое расположеніе, конечно, обусловливалось «мягкостью» климата. Во всѣ четыре года, что я прожилъ на Волыни, не знаю, было ли четыре мороза, доходившіе до 10°. Обыкновенно холодъ держался между 6—8° ниже 0.

Другую особенность представляли собой такъ называемые «биржевые извозчики». Городъ, какъ я сказалъ уже, былъ небольшой, лежалъ на ровной мѣстности и имѣлъ только одинъ спускъ къ рѣкѣ Тетереву, на которомъ онъ стоитъ, но тамъ никто не жилъ. Несмотря на это извозчики, и въ дрожкахъ и въ саняхъ, выѣзжали не иначе, какъ на парѣ лошадей, изъ которыхъ одна, коренная, закладывалась въ оглобли съ дугой, обыкновенной упряжи, а другая, пристяжная, на отлетъ. Поэтому и самыхъ извозчиковъ звали не иначе, какъ «парщиками». Ремесломъ извозчика, или парщика занимались исключительно жившіе тамъ раскольники какого-то Филиппова толка, отчего и назывались филлипонами. Всѣ они населяли одну улицу, называемую «Филлипонской», и довольно чисто говорили по-русски. Звали ихъ еще «кацапами»,

отъ польскаго слова «кацапъ», что означаетъ козелъ, потому что они носили бороды.

Улицы были кривыя, нѣкоторыя изъ нихъ мощеныя камнемъ. Но что это была за мостовая? Казалось, прошелъ каменный дождь, и только. Были въ городѣ двѣ площади, публичный садъ, называемый Звѣгинцувка, въ память устроившаго его, бывшаго губернатора, Звѣгинцева. Садъ имѣлъ весьма жидкую растительность. Мѣсто для него, по живописному виду, было выбрано на гранитной скалѣ, составляющей берегъ Тетерева, и потому садъ выигрывалъ въ видѣ, но терялъ въ растительности. Слой земли на гранитѣ былъ очень незначителенъ, и посаженныя деревья, дойдя корнями до камня, гибли.

Большая и главная часть жителей, населявшихъ городъ, были евреи, вѣчно суетящіеся, вѣчно движущіеся. Видя еврея, бѣгущаго по улицѣ съ развѣвающимися полами кафтана и пейсиками, можно подумать, что онъ спѣшитъ по какому нибудь важному дѣлу. Ничуть не бывало, онъ спѣшитъ потому, что у него такая привычка. Не видя никакой значительной торговли, я не понималъ, чѣмъ они могутъ существовать. Правда и то, что они въ пищу употребляли преимущественно однѣ цибули (лукъ) съ хлѣбомъ, и только зажиточные ѣли мясо.

Отъ ѣды цибули евреи проникались какимъ-то ѣдкимъ потомъ, оставлявшимъ долго послѣ себя непріятный запахъ въ воздухѣ. Мнѣ случалось, придя въ свою квартиру, по запаху узнавать, что приходилъ безъ меня мой факторъ, хотя бы то лѣтомъ и при растворенныхъ окнахъ. Нѣкоторыя изъ евреекъ были замѣчательно хороши собой, сохранивъ въ лицѣ типъ восточныхъ народовъ. Дѣвушки носили косы, а замужнія брили голову, что ихъ очень портило. Какъ мужчины, такъ и женщины носили свой оригинальный костюмъ. Нечистота въ жизни и неопрятность тѣла составляли ихъ присущую принадлежность. На тѣлѣ, если не на всемъ, то на части его были какія-то крапинки, какъ бы слѣды укушенія блохъ. Неужели то было послѣдствіе сказанныхъ слишкомъ за тысячу лѣтъ словъ: «кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ»? Нечистота въ жизни проявлялась и въ быту самыхъ богатыхъ евреевъ. Такъ извѣстный банкиръ въ Бердичевѣ, Гельперингъ, задавалъ намъ Лукулловскіе обѣды, не только подавалъ кушанья на серебряныхъ блюдахъ, но и столъ былъ накрытъ серебряными глубокими и мелкими тарелками, а непремѣнно гдѣ нибудь на окраинахъ есть сальное пятно. На столахъ — бронза и золото, и все это покрыто густымъ слоемъ пыли, мебель обита бархатомъ или дорогимъ штофомъ, а служитъ гнѣздомъ милліоновъ блохъ, занавѣсы у оконъ и дверей изъ тонкой индѣйской ткани, а непремѣнно гдѣ нибудь изорвано и виситъ лохмотье.

За евреями по численности своей шли обыватели—чиновники

и адвокаты (тогда еще дѣйствовалъ «Литовскій статутъ»), всѣ польскаго происхожденія, очень мало было служащихъ изъ русскихъ. Прислугу составляли мѣстные малороссіяне—хохлы, но ополяченные, т. е. забывшіе свой природный языкъ, а бойко говорящіе по-польски, нѣкоторые изъ нихъ изъ уніатовъ перешли въ католицизмъ.

Затѣмъ меньшинство, какъ я уже сказалъ, составляли филипоны.

Былъ еще классъ людей, такъ называемая «шляхта». Хотя шляхта офиціально, вслѣдствіе указа Николая, и была уничтожена, но это нисколько не мѣшало существовать ей de facto. Но это было какъ бы племя номадное, то появлявшееся въ городѣ, то исчезавшее. Впрочемъ между ними были и осѣдлые, имѣвшіе свои домики, но по окраинамъ города. Шляхтянки, несмотря на свое ничтожное происхожденіе, были большею частію образованныя, въ особенности дочери экономовъ и управляющихъ имѣніями богатыхъ помѣщиковъ. Между ними нерѣдко можно встрѣтить прекрасно владѣющихъ нѣсколькими иностранными языками, замѣчательныхъ музыкантшъ и рисовальщицъ.

Въ городѣ водилось много длинныхъ черныхъ змѣй и небольшихъ земляныхъ черепахъ. Случалось ѣхать по немощеной улицѣ и вдругъ получать толчекъ. Осмотрѣвшись увидишь, что переѣхалъ черепаху безъ всякаго для нея вреда; высунувъ головку и выправивъ лапки изъ-подъ своей брони, она шла далѣе. Присутствіе же змѣй объясняется скалистымъ берегомъ Тетерева, въ расщелинахъ котораго онѣ обыкновенно имѣли свои убѣжища.

Бѣдность строенія и вообще жалкое состояніе Житомира извинялись до нѣкоторой степени тѣмъ, что тогда онъ не былъ еще утвержденъ губернскимъ городомъ. Думали избрать мѣстечко Боремль, какъ болѣе центральное. Боремль принадлежалъ Чацкому, но конфискованъ въ казну за участіе владѣльца въ польскомъ мятежѣ 1830 г. О Боремлѣ я поговорю особо, въ своемъ мѣстѣ.

Въ административномъ отношеніи Житомиръ зависѣлъ отъ кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, такъ какъ губерніи Кіевская, Подольская и Волынская составляли одно генералъ-губернаторство.

Вмѣстѣ съ выборами начались пиры, но баловъ не было. Въ Житомирѣ, кромѣ служащихъ, никто не жилъ, а съѣхавшіеся помѣщики оставили свои семейства дома, да и трудно бы было дамамъ удобно помѣститься въ тѣхъ жалкихъ гостиницахъ и строеніяхъ, которыя тогда существовали. Я участвовалъ на всѣхъ обѣдахъ, всѣ они были болѣе или менѣе схожи съ описаннымъ мною обѣдомъ въ Коднѣ, смотря по средствамъ хозяина.

Въ Житомирѣ былъ и театръ, но, Боже мой, что это за театръ! Деревянное полуразвалившееся зданіе; въ ясную ночь можно было

видѣть, сквозь потолокъ и крышу, звѣзды на небѣ, а въ ненастную погоду дождь, какъ сквозь сито, лилъ въ партеръ и ложи. Во вниманіе такихъ «невзгодъ» губернаторъ дозволилъ быть въ театрѣ со шляпами на головахъ. Занавѣсъ весь въ дырахъ, кулисы въ лохмотьяхъ. Актрисы или старыя или уроды... Пьесы игрались на русскомъ и польскомъ языкахъ, на послѣднемъ преимущественнѣе.

. . . .

Между тѣмъ, какъ я предавался жизни съ полной безпечностью моихъ молодыхъ лѣтъ, на политическомъ горизонтѣ западной Россіи надвинулась грозная туча, разразившаяся и надъ Волынью и доставившая мнѣ немало дѣла, показавъ въ то же время все серіозное значеніе занимаемой мною должности.

Въ остальной Россіи не знали и не понимали всей важности происшествій 1838 и 1839 гг., вызванныхъ попытками заграничныхъ революціонеровъ польскаго возстанія 1830 года.

Въ то время, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ спокойно предавались своимъ ежедневнымъ мирнымъ занятіямъ, на Волыни люди, служившіе правительству, или исчезали безслѣдно, или сгорали въ пожарѣ. Исчезла всякая увѣренность въ самосохраненіи; ложась спать, мы не были увѣрены, что къ утру останемся въ живыхъ, садясь за обѣдъ,—что встанемъ не отравленными. Времена были тѣмъ болѣе трудныя, что приходилось бороться съ невидимымъ врагомъ, поражавшимъ исподтишка, когда менѣе всего приготовленъ къ тому; удары наносились, Богъ знаетъ откуда, но вѣрно достигали заранѣе намѣченной жертвы.

Въ подтвержденіе моихъ словъ приведу факты, которые можно найти въ архивахъ тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ. Становой приставъ, ѣхавшій открыть одно тайное скопище, былъ схваченъ неизвѣстно кѣмъ, и онъ самъ, его кучеръ и тройка лошадей съ экипажемъ исчезли, такъ что, несмотря на всѣ самые тщательные розыски и большую награду, обѣщанную тому, кто откроетъ виновныхъ, ни виновные, ни жертва ихъ не были найдены.

Другой случай.

Стряпчій вмѣстѣ съ становымъ приставомъ ѣхали на слѣдствіе, которое могло навести на слѣдъ существованія тайнаго общества. Ночью въ лѣсу путниковъ застала сильная гроза, и они поспѣшили укрыться въ еврейской корчмѣ, неподалеку стоявшей. Ночью корчма загорѣлась. Вмѣстѣ съ строеніемъ сгорѣли и становой со стряпчимъ. По заявленіямъ, корчма сгорѣла отъ молніи, но слѣдствіе открыло, что хозяинъ еврей успѣлъ спасти все свое имущество, а обгорѣлые остатки стряпчаго и становаго найдены у дверей комнаты. Легко можно было догадаться, что, пробужденные пожаромъ, они бросились къ двери, но дверь была заперта снаружи. При этомъ у одного изъ труповъ найдены растопившіеся червонцы въ сжатой рукѣ...

Всю эту кутерьму надѣлалъ эмиссаръ Симонъ Конарскій.

Чтобы мои дальнѣйшіе разсказы сдѣлать понятными, я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности предшествовавшихъ событій.

Въ 1831 году, когда съ такими усиліями и такой значительной потерей въ людяхъ было наконецъ подавлено польское возстаніе, поляки, участвовавшіе въ возмущеніи, видя, что дѣло ихъ независимости проиграно, удалились за границу. Немногіе изъ нихъ воспользовались амнистіей (условнымъ прощеніемъ), объявленной русскимъ царемъ; большая же часть разбрелась по странамъ Западной Европы и болѣе всего сосредоточилась въ Парижѣ и Лондонѣ. Тамъ эти остатки піонеровъ свободы учредили изъ себя политическіе клубы, или комитеты, имѣвшіе двоякую цѣль: одну чисто филантропическую, для пріисканія средствъ къ безбѣдному существованію эмигрантовъ (выходцевъ), оставившихъ въ своемъ отечествѣ свои имѣнія и тѣмъ лишившихъ себя возможности ежедневнаго пропитанія. Другая цѣль была — чисто политическая: она обнимала собой стремленія и надежды рано или поздно возстановить самостоятельность націи. Для выполненія этой цѣли комитету нужно было поддерживать тайныя сношенія съ Польшей, возбуждать въ оставшихся тамъ своихъ собратьяхъ-соучастникахъ упавшій духъ и манить ихъ надеждой, ободрять ожиданіями лучшей будущности. Сношенія эти должны были сопровождаться большой осторожностью и тактомъ, потому что русское правительство зорко слѣдило за всѣми дѣйствіями, какъ польскихъ выходцевъ за границей, такъ и въ самой Польшѣ. Много надо было имѣть любви къ отчизнѣ, самоотверженія и гражданскаго мужества, чтобы принять на себя подобное посредничество. Но что можетъ остановить смѣлыхъ? Комитеты время отъ времени высылали отъ себя въ Польшу такъ называемыхъ эмиссаровъ, которые пробирались тайкомъ черезъ русскую границу, встрѣчая, разумѣется, вездѣ между своими соумышленниками радушный пріемъ и безопасность отъ преслѣдованій полиціи.

Одинъ изъ такихъ эмиссаровъ, нѣкто Симонъ Конарскій, самый горячій патріотъ и самый ревностный распространитель польской пропаганды, въ 1834 году, тайно перешелъ русскую границу. Австрійское правительство, всегда подлое въ своихъ дѣйствіяхъ, всегда услужливое передъ нашимъ дворомъ, когда дѣло касалось собственныхъ его интересовъ, провѣдавъ о проходѣ въ Россію Конарскаго, тотчасъ же сообщило о томъ нашему правительству. Въ усердіи своемъ услужить намъ Австрія зашла такъ далеко, что представила даже литографированный портретъ Конарскаго съ подробнымъ описаніемъ его мельчайшихъ примѣтъ.

Сдѣлано было распоряженіе оттиснуть сотни портретовъ Конарскаго и вмѣстѣ съ описаніемъ его примѣтъ разослать во всѣ пограничныя губерніи и раздать городскимъ и уѣзднымъ полицейскимъ начальствамъ съ строгимъ, разумѣется, предписаніемъ разы-

скать Конарскаго и его соумышленниковъ и представить ближайшему губернатору. Но всѣ старанія, всѣ розыски этой своры полицейскихъ служителей были напрасны: они не могли напасть на слѣдъ Конарскаго. Но чего не могли сдѣлать люди, то доставилъ случай.

Весною, 1838 года, виленскій исправникъ, капитанъ Дорошенко, вѣчно пьяный, но терпимый на службѣ за свою расторопность и распорядительность, возвращался съ какого-то слѣдствія изъ уѣзда въ Вильно. Съ нимъ ѣхали его письмоводитель и нѣсколько человѣкъ сотскихъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до города, въ лѣсу настигъ ихъ сильный проливной дождь и принудилъ Дорошенка искать защиты въ находившейся тутъ еврейской корчмѣ. Въѣхавъ въ крытый дворъ, Дорошенко увидѣлъ тамъ коляску проѣзжаго, подобно ему искавшаго убѣжища отъ дождя. Войдя въ комнату, Дорошенко увидѣлъ сидящаго на лавкѣ, знакомаго ему помѣщика Радзевича, а у притолки дверей стоящаго, повидимому, его слугу.

Поздоровавшись съ Радзевичемъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Дорошенко, протягивая руку съ трубкой и кисетомъ съ табакомъ къ слугѣ Радзевича, грубо сказалъ:

— Эй ты, галганъ, набей трубку!

Замѣтивъ, что тотъ какъ-то нехотя и нескоро исполняетъ его приказаніе, Дорошенко закричалъ:

— Да ну же, проворнѣе поворачивайся, галганъ (бранное польское слово)! Я научу тебя живѣе исполнять мои приказанія.—И вмѣстѣ съ тѣмъ ударилъ его чубукомъ.

Слуга въ отвѣтъ далъ ему пощечину. Ударъ, полученный такъ неожиданно и, какъ казалось, отъ простого слуги, совершенно отрезвилъ Дорошенка. Вскочивъ съ лавки, чтобы учинить расправу съ дерзкимъ лакеемъ по-своему, исправникъ вдругъ остановился. Въ чертахъ мнимаго слуги онъ нашелъ какъ будто что-то знакомое. Всматриваясь ближе, увидѣлъ, что мнимый слуга очень походилъ на примѣты и портретъ Конарскаго. Убѣдившись въ этомъ сходствѣ, еще болѣе пощечиной, которую простой слуга, конечно, никогда не позволилъ бы себѣ дать исправнику, что передъ нимъ стоитъ личность, которую такъ долго и такъ напрасно отыскивали, Дорошенко закричалъ:

— Эй, люди, сотскіе! сюда! Вяжите обоихъ!

И прежде чѣмъ Радзевичъ и Конарскій успѣли опомниться отъ нечаянности всей происшедшей сцены, какъ оба были связаны.

Исправникъ Конарскаго взялъ въ свой экипажъ, а Радзевича вмѣстѣ съ письмоводителемъ посадилъ въ собственную его коляску и въ сопровожденіи сотскихъ доставилъ въ Вильно.

На первомъ допросѣ преступниковъ обнаружилось, что Конарскій, подъ прозваніемъ Чуланчикъ, получалъ ежегодно паспорты отъ нашего правительства на свободное проживаніе и все это время

жилъ въ разныхъ мѣстахъ нашихъ западныхъ пограничныхъ польскихъ губерній. Въ послѣднее время онъ находился у Радзевича подъ видомъ наемнаго камердинера. Ни Конарскій, ни Радзевичъ не назвали никого изъ своихъ сообщниковъ и упорно стояли въ томъ, что одни виноваты въ желаніи возмутить край, но такой ихъ благородный поступокъ былъ испорченъ ихъ же собственной неосторожностью. Въ имѣніи Радзевича, въ его домѣ, сдѣлали строгій розыскъ и нашли въ сокровенномъ мѣстѣ обширную переписку съ членами тайнаго общества, ими уже организованнаго; эта-то переписка и погубила ихъ и прочихъ соумышленниковъ. Наше правительство, поймавъ нить заговора, добралось по ней и до клубка— обширнаго тайнаго общества, раскрыло всѣ намѣренія и средства его членовъ. По письмамъ, найденнымъ въ домѣ Радзевича, арестовали всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ перепискѣ, по найденнымъ письмамъ у послѣднихъ арестовывали другихъ, тѣмъ же способомъ добирались до слѣдующихъ, и такимъ образомъ ударъ пощечины, такъ неосторожно данный въ ничтожной еврейской корчмѣ, отразился на губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Кіевской, Подольской и Волынской.

Ревнуя къ неприкосновенности своей власти, Бибиковъ испросилъ у государя разрѣшеніе открыть въ Кіевѣ военно-судную комиссію, независимо отъ Виленской, надъ тѣми преступниками, которые окажутся уроженцами губерній, составляющихъ его генералъ-губернаторство. Разумѣется, Бибиковъ легко получилъ такое разрѣшеніе, потому что императору Николаю, глубоко ненавидѣвшему поляковъ, ничѣмъ нельзя было лучше угодить, какъ устроивать мѣста судилищъ для ихъ истребленія.

Начались розыски, аресты, ссылки на рудники въ Сибирь и въ солдаты на Кавказъ. Въ одной Волынской губерніи болѣе 150 семействъ облеклись въ трауръ, потерявъ людей близкихъ. Такое натянутое положеніе естественно должно было ожесточить противъ насъ поляковъ, и они употребляли всевозможныя и невозможныя средства, чтобы уничтожить насъ. Вотъ почему происходили и исчезновеніе людей, и сжиганіе ихъ въ огнѣ пожара, и та неувѣренность въ самосохраненіи, о которыхъ я говорилъ выше.

Участіе мое въ общемъ дѣлѣ по розысканію и арестованію лицъ, прикосновенныхъ къ заговору Конарскаго, началось посылкой меня курьеромъ въ Варшаву къ фельдмаршалу князю Паскевичу.

Хотя Паскевичъ не имѣлъ никакого непосредственнаго вліянія на Волынскую губернію, но, такъ какъ она служила райономъ расположенія войскъ, подчиненныхъ фельдмаршалу, и могла встрѣтиться надобность въ требованіи вооруженной силы, то Масловъ счелъ нужнымъ донести Паскевичу, какъ объ открытіи тайнаго заговора, такъ и о сдѣланномъ имъ распоряженіи относительно начальниковъ командъ, квартирующихъ въ губерніи.

Получивъ нужныя бумаги и инструкціи, я шелъ къ себѣ, когда встрѣтилъ скачущаго въ почтовой телѣжкѣ адъютанта Бибикова, Лермонтова. Остановивъ его, я узналъ, что и онъ посланъ въ Варшаву съ тѣмъ же порученіемъ, какъ и данное мнѣ.

У меня родилась неблагоразумная мысль во что бы то ни стало перегнать Лермонтова и пріѣхать въ Варшаву прежде него.

Собравшись наскоро, я поскакалъ въ свою очередь. Между отъѣздомъ Лермонтова и моимъ промежутокъ времени былъ болѣе, чѣмъ полчаса, но промежутокъ этотъ все болѣе и болѣе сокращался по мѣрѣ величины пространства, которое я проѣзжалъ. Наконецъ въ Люблинѣ я догналъ Лермонтова. Узнавъ, что онъ обѣдаетъ въ гостиницѣ, я, самъ мучимый голодомъ, купилъ хлѣбъ и, жуя его, не останавливаясь пустился дальше, и добился своего: пріѣхалъ въ Варшаву первымъ. Но тутъ на дѣлѣ узналъ, что излишнее усердіе въ своемъ дѣлѣ невсегда служитъ намъ въ пользу. Прежде чѣмъ буду продолжать дальнѣйшій разсказъ о послѣдствіяхъ моей поспѣшной ѣзды, упомяну о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя ѣзда эта произвела во мнѣ. Первую ночь въ дорогѣ я выдержалъ довольно бодро, но вторая совершенно утомила меня. Держась за кушакъ своего ямщика и покачиваясь въ телѣжкѣ изъ стороны въ сторону, я дремалъ съ закрытыми глазами, дремота эта производила во мнѣ иллюзіи... Проѣзжая открытой мѣстностью, я, при одномъ сильномъ толчкѣ, открывъ глаза, увидѣлъ, что мы ѣдемъ городомъ съ большими домами, въ окнахъ которыхъ свѣтился огонь. Я спросилъ ямщика:

— Что это за городъ?

— Гдѣ?

— Да вотъ, которымъ мы ѣдемъ.

— Тутъ нѣтъ никакого города, тутъ чистое поле.

— Что ты врешь! Вотъ дома, вотъ освѣщенныя окна!

Ямщикъ, обернувшись, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. Покачавъ головой, онъ погналъ лошадей еще скорѣе, при чемъ, вѣроятно, подумалъ, что я пьянъ.

Быстрота ѣзды и свѣжесть воздуха заставили меня очнуться. Иллюзія исчезла, и тамъ, гдѣ я за минуту видѣлъ стѣны домовъ, стояли деревья, а огонь, разложенный невдалекѣ отъ дороги чумаками, показался мнѣ за освѣщеніе въ окнахъ.

Возвращаюсь къ своему разсказу.

Пріѣхавъ въ Варшаву около обѣда, я приказалъ везти себя къ намѣстнику, жившему въ загородномъ дворцѣ, называемомъ «Лазенки». Тамъ меня встрѣтилъ, кажется, полковникъ Ушаковъ и, узнавъ цѣль моего пріѣзда, тотчасъ же ввелъ въ кабинетъ къ Паскевичу. Пока тотъ читалъ поданныя мной бумаги, я имѣлъ случай подробно разсмотрѣть невзрачную фигуру фельдмаршала, въ первый разъ еще мной видѣннаго. Прочитавъ донесеніе Ма-

слова и взглянувъ на число и часъ моего отправленія, онъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— О-о-о! Скоро ѣхалъ! Молодецъ! Усталъ?

— Очень, ваша свѣтлость.

— Ну, поди, отдохни.

Въ сопровожденіи Ушакова я вышелъ. Лакей провелъ меня въ нижній этажъ въ комнату. Едва сдернувъ съ себя сюртукъ, я бросился на диванъ и тотчасъ же заснулъ, какъ спитъ молодость съ небольшимъ въ 20 лѣтъ.

Проснувшись на другой день часовъ въ 9 утра, я сидѣлъ у окна и пилъ поданный мнѣ чай. Погода, дотолѣ мнѣ благопріятствовавшая, измѣнилась: шелъ дождь. Я мечталъ, что увижу Варшаву, которую я зналъ только по разсказамъ офицеровъ полка, участвовавшихъ въ польской кампаніи 1830 г. Мои пріятныя мечты были прерваны приходомъ дежурнаго адъютанта, объявившаго, что меня требуетъ къ себѣ Паскевичъ. Я послѣдовалъ за нимъ. По комнатамъ, наполненнымъ разнымъ военнымъ людомъ, адъютантъ ввелъ меня въ знакомый уже мнѣ кабинетъ.

Намѣстникъ, вручая мнѣ довольно толстый конвертъ, сказалъ:

— Поѣзжай сейчасъ же назадъ! Вотъ тебѣ бумаги—отвѣтъ на донесеніе губернатора.

Нечего было дѣлать. Я поскакалъ назадъ, несмотря на проливной дождь, но уже такъ не спѣшилъ, какъ въ первый разъ. Останавливался для обѣдовъ и вторую ночь соснулъ на станціи нѣсколько часовъ.

Спустя дней пять по пріѣздѣ моемъ въ Житомиръ, я вновь встрѣтилъ Лермонтова, возвращающагося въ Кіевъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что пріѣхалъ въ Варшаву послѣ меня, часа два спустя, по случаю сломавшейся его телѣжки, былъ принятъ Паскевичемъ, который объявилъ, что онъ уже получилъ донесеніе и сдѣлалъ по немъ распоряженіе, а Лермонтову дозволилъ остаться на нѣкоторое время въ Варшавѣ.

Къ чему же послужило мое рвеніе? Посланный послѣ Лермонтова, я имѣлъ полное право и въ Варшаву пріѣхать послѣ него. Тогда бы я воспользовался отдохновеніемъ, предоставленнымъ Лермонтову, и могъ бы осмотрѣть Варшаву. Въ утѣшеніе мнѣ осталась память необыкновенно быстрой ѣзды и ощущенія фельдъегеря!

XXVII.

Бердичевъ и князь Николай Радзивиллъ.—Поѣздка въ Пряжево, имѣніе А. И. Скабицкаго.—Балъ у него.—Эмилія Шаливска.—Особенность воспитанія полекъ—Доносъ на помѣщика Бобра и поѣздка въ его имѣніе, село Загайцы.—Безуспѣшный розыскъ оружія въ клумбахъ съ цвѣтами.—Исторія гр. Оливара: заключеніе его въ 1832 г. въ тюрьму, бѣгство, поимка, освобожденіе и исчезновеніе изъ Россіи.—Моя поѣздка въ Кременецъ для ареста Бопрэ и Фелинской.—Разборъ ихъ бумагъ.

15-го іюня я отправился съ генераломъ на знаменитую Ануфріевскую ярмарку въ Бердичевъ. Главный торгъ на ярмаркѣ производится рогатымъ скотомъ и заводскими лошадьми; за послѣдними пріѣзжаютъ ремонтеры и наши и австрійскіе. Мѣстечко Бердичевъ принадлежало тогда князю Николаю Радзивиллу и входило въ составъ Волынской губерніи. Впослѣдствіи мѣстечко было отчислено къ Кіевской. Бердичевъ—это новый Іерусалимъ для евреевъ; въ немъ они кишатъ, какъ лягушки въ дальнемъ болотѣ. И въ обыкновенное время нельзя сдѣлать шагу, чтобы не наткнуться на еврея, тѣмъ болѣе во время ярмарки. Они сумѣли сдѣлаться столь необходимыми въ краѣ, что ни одной сдѣлки въ торговлѣ нельзя было заключить безъ ихъ участья.

Мы остановились въ пространномъ «палацѣ» князя Радзивилла, гдѣ нашли много помѣщиковъ, съѣхавшихся изъ разныхъ губерній.

Обѣдъ и угощенія были тѣ же, какъ и у Корженевскаго въ Коднѣ. Надо отдать справедливость полякамъ богачамъ: они умѣли устраивать пиры. Послѣ обѣда губернаторъ пошелъ «отдыхать», а я, по приглашенію хозяина, спустился въ нижній этажъ. Тамъ я видѣлъ, какъ поляки мечутъ банкъ. У каждаго играющаго стоялъ рядомъ стулъ или табуретъ, на которыхъ лежали мѣшечки съ червонцами, и они ставили на карту не монетой, а мѣшками. Такіе же мѣшки лежали и передъ банкометомъ, и смотря по тому, выигрывали ли карты, или проигрывали, и кучки мѣшковъ увеличивались или уменьшались. Довѣріе было такъ велико, что никто и не думалъ повѣрять число червонцевъ въ мѣшкахъ.

Послѣ отдыха губернаторъ и всѣ мы гурьбой отправились на ярмарку, которая помѣщалась на обширной равнинѣ, сейчасъ же за мѣстечкомъ. Въ построенныхъ нарочно для случая деревянныхъ балаганахъ продавался «красный» товаръ. Рогатый скотъ и лошади помѣщались на открытомъ воздухѣ въ загороженныхъ мѣстахъ (левадахъ). Лошади были всѣ чистокровныя съ заводовъ, которыхъ въ то время было много въ губерніяхъ Подольской и Волынской. Лучшими считались лошади завода князя Сангушки, о которомъ буду говорить ниже, въ своемъ мѣстѣ. Между лошадьми сновали евреи, цыганы, переодѣтые ремонтеры. Все было для меня

ново!.. Насмотрѣвшись, мы вернулись домой и заключили день роскошнымъ ужиномъ, за которымъ гремѣла музыка, и лилось венгерское. На другой день князь Радзивиллъ былъ такъ любезенъ, что самъ вызвался быть моимъ чичероне и показать достопримѣчательности мѣстечка. Болѣе всего вниманіе мое и любознательность обратилъ на себя костелъ своимъ роскошнымъ убранствомъ, несмотря на всю простоту католическихъ храмовъ. Подъ костеломъ устроенъ обширный фамильный склепъ. Стѣны склепа обтянуты чернымъ сукномъ съ блестками. Изъ череповъ сложены пирамиды и составлены кресты; въ промежуткахъ стояли гробы съ останками предковъ князя Радзивилла. Послѣдній гробъ, открытый, вмѣщалъ въ себѣ тѣло жены моего путеводителя, умершей нѣсколько лѣтъ тому назадъ гдѣ-то за границей и бальзамированной, отчего она прекрасно сохранилась. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ висѣли зажженныя лампадки. Все было разсчитано на эффектъ и поражало воображеніе печальной обстановкой, наводя мысли на память о нашей ничтожности... Тутъ же я узналъ, что предки не только князя Радзивилла, но и другихъ знатнѣйшихъ польскихъ фамилій (магнатовъ) были православнаго исповѣданія. Нѣкоторые изъ нихъ и умерли въ своей вѣрѣ, другіе перешли въ католичество, которое исповѣдуютъ теперь ихъ потомки.

Послѣ завтрака мы вернулись въ Житомиръ, гдѣ получили приглашеніе А. И. Схабицкаго посѣтить его имѣніе.

Помѣщикъ Адамъ Ивановичъ Схабицкій въ имѣніи своемъ, Пряжевѣ, въ 12 верстахъ отъ Житомира, устроилъ обѣдъ и балъ.

Имѣніе его было небольшое, но прекрасно устроенное. Все было миніатюрно, но изящно; вездѣ видны слѣды заботъ и стараній. Самый домъ по наружности ничѣмъ не отличался отъ крестьянскихъ хатъ и былъ только немного болѣе. Также снаружи обмазанъ глиной и выбѣленъ, крыша крыта соломой, а внутри дома вездѣ ковры, зеркала, бронза, очень изящная мебель, но лучше украшеній—радушіе хозяина. Къ его дому вполнѣ шла русская пословица: «не красна изба углами, а красна пирогами». За домомъ сейчасъ начинался лѣсъ; онъ изъ него устроилъ паркъ, содержимый очень чисто. Не было ни чищенныхъ дорожекъ, ни подстриженныхъ деревьевъ, но все натурально, вездѣ луга, трава, зелень, зато нигдѣ не увидишь ни сучка, ни вѣтки, ни суши—все это подобрано. Недалеко отъ дома, и слѣдовательно въ паркѣ, была довольно большая лужайка, прорѣзываемая ручейкомъ. Заботливый хозяинъ устроилъ запруду, отчего образовалось небольшое озеро, что придало мѣстности еще болѣе привлекательности. Въ запрудѣ или плотинѣ устроенъ былъ небольшой гротъ, выложенный камнемъ и мхомъ. Въ гротѣ—диванъ, надъ нимъ зеркало, нѣсколько стульевъ, все это въ простомъ деревенскомъ вкусѣ. Особенность грота заключалась въ устройствѣ его входа. Надъ гротомъ во всю его ширину вдѣланъ

былъ скрытый желобъ, или, лучше сказать, каузъ. Когда поднимали вершникъ, то вода широкой стѣной стремилась въ каузъ и падала у самаго входа въ гротъ, закрывая его, какъ хрустальной дверью. Часто, ради шутки, хозяинъ приглашалъ гостей своихъ, въ особенности дамъ, въ гротъ и пускалъ воду; тогда не было никакой возможности выйти оттуда, иначе какъ черезъ водяной столбъ. Видъ изъ грота черезъ это движущееся стекло былъ необыкновенный. Все, казалось, шевелилось, переливалось; но чудный эффектъ происходилъ вечеромъ, когда въ гротѣ зажигались огни. Стоя нѣсколько вдали и смотря въ гротъ черезъ его водяную дверь, можно было наблюдать восхитительный видъ. Отблескъ огня, отражаясь въ движущейся водѣ, принималъ всѣ радужные цвѣта, и гротъ дѣйствительно казался какъ бы очарованнымъ... Мы его звали гротомъ фей, а хозяинъ обыкновенно поправлялъ насъ, говоря: «лѣсныхъ нимфъ, потому что гротъ въ рощѣ, а я уже, конечно, сатиръ». Схабицкій былъ немолодыхъ лѣтъ, съ лысиной и холостой.

Передъ гротомъ билъ фонтанъ. Не было мѣста, сколько нибудь замѣчательнаго или красотой мѣстоположенія, или, наоборотъ, дикостью вида, которое бы не было подмѣчено хозяиномъ и не обдѣлано, но обдѣлано съ большимъ вкусомъ, безъ нарушенія гармоніи общей мѣстности или характера представляющейся картины. На лужайкѣ, о которой я говорилъ выше, была устроена довольно большая деревянная, въ два этажа, галлерея. Весь нижній этажъ составлялъ одинъ обширный залъ съ эстрадой для музыкантовъ и съ боку буфетъ. Верхній этажъ состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, помѣщеній для посѣтителей, желавшихъ или остаться только ночевать или, пользуясь радушіемъ хозяина, провести нѣсколько дней въ его имѣніи. У Схабицкаго была своя музыка, небольшая, но довольно порядочно исполнявшая танцы, даже иногда разыгрывавшая во время обѣда увертюры и оперетки.

Залъ, въ которомъ мы танцовали, весь былъ убранъ гирляндами цвѣтовъ и зеленью. Сочетаніе освѣщенія съ яркою свѣжею зеленью производило большой эффектъ. Музыка играла, я танцовалъ съ Эмиліей.

Здѣсь я долженъ вернуться назадъ.

Священный огонь чистой, глубокой любви угасъ во мнѣ навсегда со смертью Alexandrine. Я не могъ болѣе любить такъ сильно! Были привязанности, но онѣ слегка задѣвали сердце, не проникая вглубь его, и я переходилъ отъ одной привязанности къ другой легко, теряя ихъ безъ всякой горечи или промежуточныхъ страданій. Я вполнѣ убѣдился, что любить можно въ жизни только одинъ разъ, влюбляться безъ счета.

Многіе изъ служащихъ въ Житомирѣ имѣли красивыхъ дочерей. Между ними болѣе всѣхъ мнѣ понравилась Эмилія Шаливска. Высокая ростомъ, стройно сложенная, съ пластическими формами,

такъ много говорящими молодому воображенію, Эмилія могла остановить на себѣ вниманіе любителя изящнаго. Встрѣчая ее въ обществѣ, я скоро познакомился и въ ихъ домѣ. Воспитаніе полекъ очень разнится отъ воспитанія русскихъ. Во-первыхъ, нѣтъ этой напускной искусственной скромности, заставляющей краснѣть нашихъ барышень при первомъ разговорѣ съ мужчиной. У полекъ допущено вполнѣ свободное обращеніе, но при всей видимой свободѣ обращеніе это никогда не перейдетъ за предѣлы приличія и достоинства чести дѣвушки. Малѣйшее посягательство на доброе имя бываетъ наказываемо насмѣшками и униженіемъ. Свобода обращенія доходитъ до того, что, напримѣръ, гулянье не только въ саду, но и за городомъ, въ рощѣ, вдвоемъ, въ глубокія сумерки нисколько не считается предосудительнымъ. Гуляя самъ, встрѣчаешь другія пары, также уединенно прохаживающіяся, и не обращаешь на это, по-нашему криминальное явленіе никакого вниманія, точно такъ же, какъ и самъ охраненъ отъ всякихъ нескромныхъ взглядовъ. Отцы и матери смѣло оставляютъ своихъ дочерей на попеченіе молодыхъ людей въ полной увѣренности, что дочери ихъ при самой сильной привязанности самое большее, что дозволятъ себѣ, это поцѣловать избранника своего сердца и никакъ не болѣе. Такіе нравы присущи всѣмъ полькамъ, на какой бы ступени онѣ ни стояли въ обществѣ, начиная съ чистыхъ аристократокъ и оканчивая дворянками «средней руки». Извѣстно, что великій князь Константинъ Павловичъ, возбужденный свободой обращенія съ нимъ графини Ловичъ, позволилъ было себѣ посягнуть на ея честь, но получилъ лаконическій отвѣтъ: «пршешъ косціолъ», и, чтобы обладать ею, долженъ былъ на ней жениться, отказавшись отъ престолонаслѣдія... Встрѣчаемыя мной польки барышни всѣ были графини Ловичъ. Замужнія не то...

Я не забуду, какъ Эмилія меня сильно сконфузила одной своей выходкой, на которую никто не обратилъ вниманія, какъ на поступокъ весьма обыкновенный, но который меня, какъ новичка, привыкшаго къ нашимъ пуританскимъ правиламъ приличія, поразилъ. На одномъ балу я танцовалъ съ Эмиліей мазурку. У нея развязалась лента на башмакѣ. Наша барышня, смѣшавшись и сконфузившись, тотчасъ побѣжала бы въ уборную исправить свой туалетъ; Эмилія же въ залѣ, въ присутствіи всѣхъ, поставила свою маленькую ножку на стулъ и, приподнявъ свое бальное платье, такъ что видна была часть икры, смѣясь и смотря мнѣ прямо въ глаза, просила завязать ей ленту.

У меня потемнѣло въ глазахъ, руки тряслись, я не только не могъ завязать ленту, но даже держать ее. Замѣтивъ впечатлѣніе, на меня произведенное, Эмилія, лукаво улыбаясь, проговорила:

— Какой вы неловкій!—и сама завязала ленту.

Мазурка, начатая при такомъ немыслимомъ для нашихъ рус-

скихъ барышень поступкѣ, кончилась тѣмъ, чѣмъ кончаются часто и наши мазурки: полнымъ обоюднымъ признаніемъ въ любви.

Мое сильно распаленное воображеніе видомъ образцовой ножки сдѣлало меня смѣлымъ. На мой вопросъ Эмилія своимъ маленькимъ ротикомъ и губками, полными, какъ зрѣлая вишня, страстно прошептала:

— Я те кохамъ (люблю тебя)!

Я обрадовался, но радость моя была болѣе слѣдствіе удовлетвореннаго самолюбія, чѣмъ радость взаимно любящаго сердца. Въ ту минуту у меня мелькнула мысль объ Alexandrine. Я спрашивалъ себя: не грѣшу ли противъ ея памяти? но совѣсть моя оставалась спокойна.

Эмилія, замѣтивъ во мнѣ внутреннюю борьбу и не понимая, разумѣется, ея причины, спросила:

— Что вы задумались?

— Отъ избытка счастья!

Переступивъ первый трудный шагъ любви, я пошелъ по знакомой уже мнѣ дорогѣ и наслаждался моей взаимной привязанностью, насколько то дозволяла свобода обращенія.

Одно мнѣ не нравилось въ Эмиліи: она была очень ревнива и часто дѣлала мнѣ сцены.

Обращаюсь къ своему разсказу.

Утопая въ блаженствѣ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца кадрили, чтобы пойти освѣжиться въ рощу, гдѣ мнѣ было обѣщано нѣсколько поцѣлуевъ... но вся эта поэзія ожиданій и наслажденій разбилась о прозу дѣйствительности, мнѣ предстоявшей. Танцуя съ Эмиліей, разумѣется, я весь былъ поглощенъ только ею и не замѣчалъ ничего, что дѣлалось около меня; поэтому не видалъ, какъ пріѣхалъ изъ Житомира чиновникъ къ губернатору съ бумагами, и генералъ ушелъ въ домъ, чтобы на досугѣ и безъ помѣхи заняться ими.

Обстоятельство это въ другое время, не въ минуты восторговъ для меня, конечно, обратило бы мое вниманіе, потому что, по заведенному порядку, на случай выѣзда губернатора изъ города, только бумаги, на которыхъ написано *весьма нужное* или *чрезвычайно секретныя*, тотчасъ по полученіи отправлялись въ то мѣсто, гдѣ находился губернаторъ, всѣ остальныя, хотя и *секретныя*, оставлялись до его возвращенія. Но, какъ я сказалъ, ничего этого я не замѣтилъ... И вдругъ, въ моемъ упоеніи, когда я былъ далекъ отъ всякихъ служебныхъ мыслей, далеко отъ *земли*, является предо мной пріѣхавшій чиновникъ и говоритъ казенную, стереотипную фразу: «Пожалуйте къ генералу». Дѣлать было нечего. Передавъ ему мою даму для окончанія танца, я, скрѣпя сердце и унося съ собой въ утѣшеніе взглядъ сожалѣнія Эмиліи и тайное ея пожатіе руки, долженъ былъ уйти...

Генерала я засталъ одного въ кабинетѣ хозяина, расхаживающаго по комнатѣ.

Увидя меня, онъ сказалъ:

— Жаль мнѣ тебя, а дѣлать нечего. Я получилъ важный доносъ: у помѣщика Кременецкаго уѣзда, Бобра, скрытъ большой запасъ оружія. Поѣзжай сейчасъ и узнай на мѣстѣ, до какой степени справедливо все это.

— Нельзя ли, ваше превосходительство, отложить поѣздку до утра?

Генералъ улыбнулся.

— Знаю, что тебѣ не до того. Знаю, что всѣ возможныя тайныя и явныя оружія, весь міръ скрываются для тебя въ глазкахъ Эмиліи, но ѣхать надо сейчасъ же. Въ доносѣ извѣщаютъ, что съ часу на часъ ожидаются подводы для развозки этого склада въ разныя мѣста. Я уже приказалъ готовить тебѣ лошадей и даю время только проститься съ Эмиліей.

Я зналъ характеръ генерала: когда онъ скажетъ «нельзя», такъ уже ничто не можетъ измѣнить его рѣшенія. Наскоро простившись съ хозяиномъ и Эмиліей, я поскакалъ въ Житомиръ, а оттуда въ Кременецъ.

Въ Кременцѣ взялъ съ собой исправника и нѣсколько человѣкъ инвалидной команды; мы поѣхали въ имѣніе Бобра, село Загайцы, въ 25 верстахъ отъ города. Дорогой я объявилъ исправнику цѣль нашей поѣздки и еще разъ прочелъ съ нимъ доносъ, чтобы не сдѣлать какой промашки. Въ то горячее время, когда длилась еще исторія Конарскаго, показанія доносчика, если они вѣрны, имѣли большое значеніе. Обдумавъ и рѣшивъ сообща планъ нашихъ дѣйствій, мы, пріѣхавъ въ Загайцы, остановились въ корчмѣ и тотчасъ послали за доносчикомъ, который былъ крѣпостной человѣкъ Бобра, находившійся у него въ услуженіи.

Явился малый, очень видный собою, лѣтъ 25-ти и вновь подтвердилъ все написанное имъ въ доносѣ, объяснивъ, что складъ значительнаго оружія зарытъ въ саду, передъ домомъ, а чтобы скрыть слѣды взрыхленной и поднятой земли, то на томъ мѣстѣ разбита клумба съ цвѣтами. Говорилъ онъ такъ утвердительно, что, казалось, не могло быть никакого сомнѣнія въ справедливости доноса. Взявъ его съ собой и нашихъ инвалидовъ съ ружьями, мы отправились къ господскому дому. Бобръ съ нѣсколькими сосѣдями своими былъ въ молотильномъ сараѣ, гдѣ осматривали машину, только что имъ полученную изъ Бельгіи. Чтобы итти въ сарай, мы должны были проходить мимо конюшни. Доносчикъ остановилъ насъ и, показывая на слуховое окно, сказалъ:

— Смотрите! Вонъ оружіе!

Поднявъ глаза по направленію, указанному доносчикомъ, мы дѣйствительно увидали въ окно эфесъ сабли. Я тотчасъ распоря-

дился поставить часового со строгимъ приказомъ никого ни впускать, ни выпускать на сѣновалъ, а сами пошли далѣе. До сего времени, казалось, доносчикъ былъ правъ.

Между тѣмъ Бобру дали знать о нашемъ прiѣздѣ, и онъ шелъ къ намъ навстрѣчу. Съ Бобромъ я еще прежде былъ знакомъ и потому, подойдя къ нему, послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствiй, не имѣя надобности долѣе скрывать цѣль моего прiѣзда, прямо и громко сказалъ ему, указывая на доносчика:

— Онъ донесъ губернатору, что у васъ въ саду зарытъ складъ оружiя. Я прошу васъ приказать созвать людей и рыть указанное мѣсто, а васъ присутствовать при томъ, вмѣстѣ съ нами.

Бобръ поблѣднѣлъ. Я отнесъ это къ страху, что еще болѣе заставило меня увѣриться въ справедливости доноса и удвоить мои предосторожности.

Тотчасъ было собрано нѣсколько человѣкъ дворни, и мы отправились въ садъ, предшествуемые доносчикомъ. Тотъ привелъ насъ къ клумбѣ, прямо противъ балкона дома, и сказалъ:

— Тутъ!

Клумба была обширна, насыпана горкой и вся обсажена цвѣтами, между которыми красовались георгины, составлявшiя въ то время еще рѣдкость. Садовникъ, голландецъ, увидя, что мы готовимся копать землю, пришелъ въ отчаянiе и началъ умолять, чтобы пощадили его цвѣты. Бобръ очень строго замѣтилъ ему, что дѣло идетъ поважнѣе, чѣмъ его цвѣты, и бѣдный голландецъ ушелъ, чтобы не видать разрушенiя. На самомъ дѣлѣ жаль было смотрѣть, какъ выкапывали и бросали всѣ эти цвѣты, стоившiе такихъ старанiй, но дѣлать было нечего.

Я слѣдилъ за выраженiемъ лица Бобра, но, кромѣ небольшой блѣдности и тупого холоднаго взгляда, устремленнаго на работу, ничего не могъ подмѣтить. Меня удивили такая стойкость и сила владѣть собой. Мнѣ казалось, что въ виду улики преступленiя сохранять такое наружное хладнокровiе—выше человѣческихъ силъ.

Разбросавъ всю клумбу, мы тронули материкъ. Обстоятельство это меня удивило. Я очень хорошо понималъ, что гдѣ разъ вскопана земля, тамъ материка болѣе быть не можетъ, а если сохранился материкъ нетронутымъ, то не можетъ быть подъ нимъ никакого склада оружiя. Передавъ мое замѣчанiе исправнику, я обратился съ тѣмъ же къ доносчику. Тотъ, подумавъ нѣсколько, объявилъ, что онъ ошибся мѣстностью, что это не та клумба, а далѣе... Прекративъ работу, мы пошли на указанное мѣсто, гдѣ нашли такую же клумбу и приступили къ уничтоженiю ея, какъ и первой.

День стоялъ ясный, безвѣтренный, жаръ былъ невыносимый; несмотря на то, что стояли въ тѣни деревъ, мы буквально обливались потомъ; жаль было рабочихъ, однако надо было выпол-

нить до конца наши незавидныя роли. Къ тому-же и голодъ давалъ себя чувствовать. Мы не ѣли съ ранняго утра, а былъ уже часъ шестой вечера. Я еще крѣпился тѣмъ, что безпрестанно пилъ, а исправникъ легъ на траву въ изнеможеніи. Солдатики мои часто схватывались за животъ.

Со второй клумбой встрѣтилось то же обстоятельство, что и съ первой, т. е., разбросавъ насыпь, составляющую собственно клумбу, встрѣтили опять нетронутый материкъ. На мое замѣчаніе доносчикъ объявилъ, что онъ снова ошибся, и надо искать далѣе. Но я потерялъ всякое терпѣніе, побуждаемый къ тому еще болѣе голодомъ, начинавшимъ меня порядочно мучить, приказалъ людямъ прекратить работу, отдохнуть, но не расходиться, а къ доносчику приставилъ двухъ часовыхъ съ строгимъ наказомъ не дозволять ему ни сѣсть, ни лечь. Цѣль такого моего распоряженія была двоякая: понимая, что доносъ несправедливъ, я хотѣлъ скорѣе заставить доносчика сознаться въ томъ, измучивъ его физически, а съ другой стороны—какъ мѣра предохранительная, чтобы лишить доносчика всякой возможности впослѣдствіи сказать, что онъ отлучился, или заснулъ, и что въ это время было вынуто оружіе изъ указаннаго имъ мѣста и отнесено въ другое, для него неизвѣстное. Конечно, такая отговорка не могла бы имѣть мѣста, потому что трудно, даже невозможно допустить, чтобы большой складъ оружія, если онъ дѣйствительно существовалъ, можно было въ короткое время весь выбрать и перетаскать въ другое мѣсто, но при системѣ шпіонства, устроенной Бибиковымъ, и которой онъ опуталъ всѣ свои три губерніи, всякое обстоятельство, какъ бы оно невѣроятно ни было, принималось во вниманіе и влекло за собой объясненіе, даже аресты, пока не разъяснялось само собой. При такомъ положеніи вещей, надо было быть очень осторожнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и отклонять отъ себя даже самую тѣнь подозрѣнія.

Мѣры, мной принятыя, оправдались въ своихъ послѣдствіяхъ.

Попросивъ Бобра приказать накормить мою команду въ саду, гдѣ она оставалась, самъ я съ исправникомъ пошелъ въ домъ, куда Бобръ давно приглашалъ насъ обѣдать.

Послѣ обѣда мы усѣлись на балконѣ, ведущемъ въ садъ, въ виду разрытой первой куртины. Намъ подали кофе и трубки. Разговоръ какъ-то не вязался; всѣ мы чувствовали, что положеніе наше неловко... Мнѣ дали знать, что доносчикъ желаетъ меня видѣть. Мы всѣ пошли къ тому мѣсту, гдѣ его оставили. Увидѣвъ меня, мерзавецъ упалъ на колѣни и воскликнулъ:

— Простите! Виноватъ! Весь мой доносъ выдуманъ. Никакого оружія нигдѣ не спрятано.

— Зачѣмъ же ты выдумалъ?

— Послушался жены. Она научила меня выдумать всю эту исторію о скрытомъ оружіи.

— Съ какою цѣлью?

— Мы думали, что въ настоящее смутное время, когда, по слухамъ, многихъ господъ арестовываютъ за Конарскаго, достаточно одного доноса. Изслѣдованій дѣлать не будутъ, и за мое усердіе и преданность русскому правительству меня сдѣлаютъ свободнымъ.

Тутъ я не выдержалъ,—давно кипѣвшая во мнѣ досада вырвалась наружу. Я сильно ударилъ его въ щеку; ударъ этотъ впослѣдствіи отозвался для меня въ непріятномъ объясненіи съ генералъ-губернаторомъ. Негодяй, отданный въ военную службу, придя въ Житомиръ, объявилъ претензію командиру гарнизоннаго батальона, что онъ во время слѣдствія по его доносу былъ битъ,— по закону же строго воспрещается употреблять противъ обвиняемаго какія бы то ни было насильственныя мѣры. Не видя никакого себѣ удовлетворенія (командиръ батальона былъ такъ деликатенъ, что даже не сказалъ мнѣ объ его жалобѣ), гнусный доносчикъ, отправленный въ Черниговскую губернію, проходя черезъ Кіевъ, вновь объявилъ ту же претензію. Она дошла до свѣдѣнія генералъ-губернатора, и я долженъ былъ выслушать длинный выговоръ отъ Бибикова съ прибавленіемъ, что, не желая дѣлать непріятность губернатору, онъ на первый разъ оставляетъ поступокъ мой безъ послѣдствій, но на будущее время, въ случаѣ чего либо подобнаго, меня самого предастъ суду.

Снявъ показаніе съ доносчика, утвержденное его подписомъ, ı передавъ его самого исправнику для содержанія подъ арестомъ, ıпредь до распоряженія о немъ губернатора, я обратился къ Бобру, рося у него извиненія за непріятности, лично ему сдѣланныя, и з опустошенія, причиненныя его саду. Бобръ, какъ умный челоѣкъ, понималъ, что на моемъ мѣстѣ нельзя было иначе поступить. гъ него же я узналъ, что палашъ, такъ встревожившій насъ въ ıуховомъ окнѣ на сѣновалѣ, и къ которому я приставилъ часового, ›инадлежалъ его брату, служившему въ кавалергардахъ, и что отъ палашъ — единственное оружіе, находящееся въ его домѣ, омѣ, разумѣется, наслѣдственнаго отъ его предковъ, развѣшанго въ его кабинетѣ.

Распростившись съ Бобромъ и принесши вновь мои извиненія всѣхъ этихъ дрязгахъ, ночью, чтобъ избѣжать жара, мы всѣ, ѣздники, отправились въ обратный путь.

По возвращеніи въ Житомиръ, только что я сдалъ генералу етъ въ моемъ порученіи, какъ получилъ отъ него новое прианіе ѣхать назадъ въ Кременецъ и арестовать проживавшихъ ъ вольно практикующаго врача Бопрэ и г-жу Фелинскую[1]),

---

[1]) Мать прелата Фелинскаго, сосланнаго въ Ярославль за дѣятельное участіе дстрекательство, въ духѣ религіи, мятежа въ Польшѣ въ 1863 году. Фелин›, при арестованіи его матери, я видѣлъ еще мальчикомъ.

разобрать ихъ бумаги и переписку, болѣе важныя изъ нихъ задержать и Фелинскую съ квартальнымъ житомирской полиціи Сташевскимъ, командированнымъ въ мое распоряженіе, отправить въ г. Вильну, къ тамошнему генералъ-губернатору, а Бопрэ доставить въ Кіевъ. Порученіе свое я долженъ былъ выполнить какъ можно секретнѣе, не возбуждая никакихъ преждевременныхъ слуховъ или толковъ. Опасались, что Бопрэ, игравшій видную, значительную роль въ заговорѣ Конарскаго, имѣетъ много соумышленниковъ, ему преданныхъ, и что явное его арестованіе можетъ повлечь за собой явное же сопротивленіе и увозъ Бопрэ за границу, такъ какъ пограничное положеніе самого города Кременца много тому способствовало.

Здѣсь я снова прерву свой разсказъ и вернусь за нѣсколько лѣтъ назадъ, чтобы показать, что правительство не безъ основанія опасалось скрытія Бопрэ.

Въ 1831 году, послѣ подавленія возстанія въ Польшѣ, въ Житомирѣ была устроена военно-судная комиссія для разбора степени виновности участниковъ возмущенія. Всѣ тюрьмы были переполнены арестованными лицами, число которыхъ безпрестанно увеличивалось. Для вновь прибывающихъ должны были очистить одинъ изъ обширныхъ корпусовъ зданія костела, воздвигнутаго іезуитами. Устройство монашескихъ келій, не имѣющихъ между собой никакого сообщенія, а только одну дверь, выходившую въ коридоръ, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовало своему назначенію— служить временными тюрьмами для государственыхъ преступниковъ. Однимъ изъ послѣднихъ былъ графъ Олизаръ, человѣкъ очень богатый и имѣвшій большія связи въ краѣ, какъ по родству, такъ и по знакомству. Олизара помѣстили въ одну изъ келій костела и дозволили, какъ и другимъ, слугѣ его приносить ему собственную пищу.

Въ 1832 году, въ самую заутреню св. Пасхи, слуга Олизара по обыкновенію впущенъ былъ къ своему господину съ подносомъ, уставленнымъ разными закусками. При смѣнѣ часового человѣкъ съ тѣмъ же подносомъ, но плотно закутанный, вышелъ изъ кельи. Часовой, предупрежденный прежнимъ, пропустилъ безпрепятственно вышедшаго лакея, котораго онъ прежде не видалъ. На утро комендантъ, старый израненный полковникъ Пяткинъ, по обыкновенію обходилъ кельи арестантовъ. Придя къ Олизару и видя его, лежащаго на постели, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ, Пяткинъ подошелъ къ нему, думая, что онъ заболѣлъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ вмѣсто Олизара увидѣлъ совершенно незнакомое для себя лицо! Оказалось, что въ кельѣ былъ слуга Олизара, а самъ Олизаръ, переодѣтый, скрылся. Поднялась тревога, посланные поскакали во всѣ концы губерніи для отысканія бѣжавшаго преступника. Олизара захватили въ Кременецкомъ уѣздѣ,

переодѣтаго въ крестьянское платье и пробиравшагося за границу. Изъ Кременца его, скованнаго по рукамъ и по ногамъ, пѣшкомъ отправили въ Житомиръ подъ конвоемъ унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ съ заряженными ружьями и съ приказаніемъ при малѣйшей попыткѣ къ побѣгу или сопротивленію застрѣлить его и мертваго доставить въ комиссію.

Отъ Кременца верстахъ въ 18-ти есть небольшая лощинка въ довольно пустынной мѣстности. Здѣсь Олизара и его конвой догнала запряженная коляска въ 6 лошадей; за коляской слѣдовала бричка въ 4 лошади. Дама, сидѣвшая въ коляскѣ, поравнявшись съ Олизаромъ, какъ будто теперь только узнала преступника. Приказавъ остановиться коляскѣ, она подозвала къ себѣ конвой и арестанта и, поздоровавшись съ послѣднимъ, обратилась къ унтеръ-офицеру, умоляя его, ради чрезмѣрнаго утомленія Олизара, позволить ему сѣсть въ коляску и доѣхать до перваго этапа, а чтобы унтеръ-офицеръ не сомнѣвался въ искренности ея просьбы и былъ бы совершенно покоенъ на счетъ вѣрности доставки преступника, ея родственника, предложила ему самому сѣсть на козлы, а солдатъ посадить въ бричку къ ея людямъ. Унтеръ-офицеръ, не подозрѣвая никакого умысла и не видя отступленія отъ даннаго ему приказанія доставить арестанта пѣшкомъ, или въ экипажѣ, все равно, а главное соблазнившись горстью червонцевъ, предложенныхъ ему дамой,—согласился. Усадивъ своего арестанта рядомъ съ дамой, самъ полѣзъ на козлы, а рядовые, не выпуская изъ рукъ ружей, усѣлись въ бричкѣ, радуясь, что они избавлены отъ ходьбы пѣшкомъ, и что преступникъ находится подъ ихъ надзоромъ. Не отъѣхали они и двадцати шаговъ, какъ выстрѣлъ изъ пистолета въ спину унтеръ-офицера заставилъ его свалиться съ козелъ, и въ то же самое время, вѣроятно, по заранѣе условленному знаку, люди, сидѣвшіе въ бричкѣ, бросились на солдатъ, завладѣли ихъ ружьями и закололи ихъ собственными же штыками. Съ того времени Олизаръ пропалъ и уже болѣе найденъ не былъ. Впослѣдствіи за границей онъ издалъ свои записки, въ которыхъ однако-жъ не называетъ своей соучастницы. Унтеръ-офицеръ былъ только смертельно раненъ. Доставленный въ госпиталь, онъ передъ смертью успѣлъ разсказать все происшествіе, при чемъ, отдавая прельстившіе его червонцы, просилъ служить на нихъ заупокойныя себѣ обѣдни и панихиды.

Такъ кончилъ унтеръ-офицеръ. Посмотримъ, чѣмъ кончилась судьба Пяткина? Разжалованный по суду въ солдаты, онъ былъ помилованъ Николаемъ во вниманіе прежнихъ его заслугъ и ранъ, а болѣе примѣрнаго самоотверженія дѣтей его. Пяткинъ имѣлъ двухъ сыновей офицерами, кажется, въ Ольвіопольскомъ уланскомъ полку. Узнавъ о карѣ, постигшей ихъ отца, они умоляли государя

избавить отца ихъ, преклоннаго лѣтами и израненнаго, отъ опредѣленнаго наказанія, перенеся оное на нихъ самихъ.

Затѣмъ возвращаюсь къ моему разсказу.

Вслѣдствіе опасенія, чтобы съ Бопрэ не случилось нѣчто подобное, что было съ графомъ Олизаромъ, такъ какъ и все послѣдующее должно было происходить въ той же мѣстности, т.-е. въ Кременецкомъ уѣздѣ, въ мое распоряженіе, кромѣ квартальнаго, были еще командированы четверо расторопныхъ жандармовъ.

Разочтя время такъ, чтобы мнѣ пріѣхать въ Кременецъ въ сумерки и тотчасъ приступить къ аресту указанныхъ лицъ, я приказалъ моимъ «голубымъ архангеламъ» лечь въ телѣгѣ и закрыться такъ, чтобы не могли догадаться о ихъ профессіи. Въѣхавъ въ городъ, отправился прямо къ городничему, отставному капитану Архирову (изъ грековъ), и въ сопровожденіи его и моей команды, арестовавъ Бопрэ, тотчасъ же отправилъ его въ Житомиръ въ сопровожденіи всѣхъ моихъ жандармовъ, съ строгимъ наказомъ нигдѣ не останавливаться и ничѣмъ не искушаться. Затѣмъ, опечатавъ квартиру Бопрэ, я съ остальными своими спутниками направился къ дому Фелинской. Наши движенія и ѣзда не могли укрыться отъ любопытныхъ ушей и глазъ проснувшихся евреевъ. На пути къ Фелинской мы замѣтили, что во многихъ домахъ замелькали огоньки въ окнахъ, и нѣкоторые хозяева стояли на порогахъ своихъ дверей. Мы палками прогнали ихъ назадъ въ хаты съ строгимъ наказомъ не смѣть показываться на улицѣ до утра. Евреи очень боялись Архирова, который обращался съ ними «по-военному», и потому мы оставались совершенно спокойны, что распоряженіе наше будетъ въ точности исполнено.

Придя къ Фелинской, застали ее спящей въ постели. Нечего дѣлать, пришлось разбудить очень непріятнымъ для нея образомъ. Фелинская была вдова, лѣтъ подъ сорокъ, но еще прекрасно сохранившаяся, съ правильными, красивыми чертами лица; имѣла шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ старшей дочери не было еще 17 лѣтъ. Поднялся плачъ, вой!.. Мнѣ было очень жаль ихъ, но мое порученіе было такого рода, что не допускало даже самаго проявленія участія. Поручивъ городничему увести дѣтей къ себѣ на квартиру, я въ присутствіи самой Фелинской и квартальнаго занялся разборомъ ея бумагъ и писемъ, но, скоро наскучивъ чтеніемъ еще непонятнаго для меня польскаго языка, за объясненіемъ котораго обращался постоянно къ квартальному, всѣ бумаги по описи сдалъ послѣднему и, запечатавъ всѣ двери и самую квартиру печатями, своей и Фелинской, отправилъ послѣднюю въ Вильну, въ сопровожденіи Сташевскаго.

На утро занялся съ городничимъ разборкой бумагъ и переписки Бопрэ. Между ними я нашелъ много очень важныхъ, совершенно компрометирующихъ ихъ хозяина, и потому не могъ съ ними по-

ступать такъ, какъ съ бумагами Фелинской. Провозившись съ ними болѣе двухъ дней, я малозначащимъ сдѣлалъ опись, сдалъ ихъ подъ расписку городничему, а съ остальными отправился въ Житомиръ, куда и прибылъ безъ всякихъ приключеній и узналъ, что Бопрэ доставленъ былъ благополучно въ Кіевъ.

XXVIII.

Губернаторская ревизія.—Дер. Шатрица.—Г. Овручъ и его достопримѣчательности.—Письмо Маслова къ кіевскому. подольскому и волынскому генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову.—Новоградъ-Волынскій.—Мѣстечко Корецъ, принадлежавшее кн. Чарторижскому.—Г. Острогъ, принадлежавшій Яблоновскому.—Г. Дубно.—Кременецъ.—Почаевская лавра и преданіе объ основаніи ея.—Чудотворная икона Почаевской Божіей Матери.—Возвращеніе въ Житомиръ.—Поѣздка въ Кіевъ съ губернаторомъ Масловымъ.—Борьба Маслова съ Бибиковымъ.—Церковная унія и такъ называемое «возсоединеніе уніатовъ».

Нѣсколько дней спустя, губернаторъ поѣхалъ на ревизію губерніи, взявъ и меня съ собой. Начались для меня историческія экскурсіи. Я посѣщалъ, и неоднократно, мѣста, откуда началась наша Русь; видѣлъ страны, запечатлѣнныя событіями, отъ которыхъ дрожитъ и бьется сердце любящаго свое отечество. Не преувеличивая скажу, если бы въ Волынской губерніи на каждомъ мѣстѣ, ознаменованномъ историческимъ событіемъ, поставить по камню, то негдѣ было бы проѣхать пахарю съ плугомъ. Какъ я сожалѣю теперь, что видѣлъ всѣ эти мѣста въ очень молодыхъ еще лѣтахъ, когда умъ мой не сложился для серіозныхъ изученій всего исторически любопытнаго; я касался всего поверхностно, не вдаваясь въ изслѣдованіи и розыски, и останавливался только на томъ, что само, такъ сказать, бросалось въ глаза.

Первый путь нашъ былъ направленъ въ Овручскій уѣздъ, самый бѣдный, самый неплодородный во всей губерніи. Большая часть его покрыта лѣсами и болотами, изъ которыхъ извлекаютъ желѣзную руду. Какъ часто мнѣ удавалось, проѣзжая вечеромъ или ночью, видѣть вдали сильные огни и слышать удары молота, выковывающаго желѣзо. Молоты имѣли нѣсколько десятковъ пудовъ вѣса и приводились въ движеніе большею частью силою воды. По дикости своей мѣстности и бѣдности своей почвы Овручскій уѣздъ поляки называли «своей Сибирью». Добываніе руды дѣлало сходство еще вѣрнѣе. Мы пріѣхали въ мѣстечко Искоростъ, древній Коростень, столицу обитавшихъ здѣсь, почти 1.000 лѣтъ тому назадъ, древлянъ. Теперь это господское селеніе[1]), въ которомъ помѣщалась квартира станового. Sic transit gloria mundi! За мѣстечкомъ я видѣлъ лѣсъ—отпрыскъ тѣхъ дубовъ, которые разорвали

[1]) Любовицкихъ (1838 г.).

привязаннаго къ ихъ сближеннымъ вершинамъ и потомъ выпущеннымъ въ свое естественное положеніе великаго князя Игоря въ 945 году по Р. Х.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Искорости находится деревня Шатрица, названная въ память шатровъ Ольги, которая по преданію остановилась на этомъ мѣстѣ и выпустила отсюда голубей и воробьевъ съ привязаннымъ къ нимъ зажженнымъ трутомъ. Птицы, возвратясь въ Коростень, сожгли его. Шатрица лежитъ на рѣкѣ, названной по своему извилистому теченію Ужъ. На днѣ рѣки лежитъ большой камень съ углубленіемъ въ срединѣ. Камень этотъ и донынѣ называется «Ольгина ванна». Преданіе говоритъ, что Ольга, стоя подъ Коростенемъ, купалась въ ней.

Объѣжавъ всѣ эти мѣста, пока губернаторъ производилъ ревизію дѣлъ станового пристава, я возвратился какъ разъ ко времени отъѣзда въ городъ Овручъ.

Въ городѣ новыя историческія воспоминанія: развалины Васильевской златоверхой церкви и Олегова могила.

Церковь по преданію построена великимъ княземъ Владиміромъ, названнымъ въ крещеніи Василіемъ. Въ мое время отъ церкви остались только три столба отъ свода. На одномъ изъ столбовъ въ выгнутой его вершинѣ ясно было видно изображеніе какого-то святого. Овручъ окруженъ древнимъ валомъ, мѣстами осыпавшимся, но вездѣ ясно сохранившимъ свои слѣды. Въ лѣвой сторонѣ отъ въѣзда въ городъ, за валомъ, находится курганъ довольно значительной величины, называемый «Олегова могила». По исторіи мы знаемъ, что князь древлянскій Олегъ, тѣснимый братомъ своимъ Ярополкомъ, на мосту черезъ ровъ провалился и былъ задавленъ своими войсками и лошадьми, упавшими за нимъ съ мосту въ 977 году.

Разумѣется, я не преминулъ осмотрѣть и эту могилу. Курганъ, несмотря на дожди, смывающіе его, былъ еще довольно высокъ, обрытъ небольшимъ рвомъ, въ которомъ я замѣтилъ много осколковъ стекла отъ бутылокъ, вдавшихся въ землю. Мнѣ пояснили, что офицеры нашей гвардіи, возвращаясь въ 1829 году изъ турецкаго похода, праздновали на курганѣ «тризну» по князѣ Олегѣ и, разбивая выпитыя бутылки съ виномъ, бросали ихъ въ ровъ. Судя по количеству стеклянныхъ остатковъ, тризна была совершена на славу, по-гомеровски.

Поѣздка въ Овручъ для Маслова была пагубна,—она послужила поводомъ его отставки. Незадолго передъ поѣздкой, городничій Овруча, находившійся по дѣламъ службы въ Житомирѣ, являлся губернатору. Масловъ очень хорошо запомнилъ его. Когда мы пріѣхали въ Овручъ, встрѣтило губернатора совершенно незнакомое лицо. На спросъ Маслова личность эта отвѣтила, что онъ только что вновь прибывшій городничій, назначенный въ эту должность гене-

ралъ-губернаторомъ. Масловъ страшно оскорбился и по пріѣздѣ въ Житомиръ написалъ Бибикову письмо, въ которомъ, не отвергая нисколько за нимъ права назначать полицейскихъ чиновниковъ въ губерніяхъ, подвѣдомственныхъ его генералъ-губернаторству, замѣтилъ, что «простая вѣжливость» должна бы была подсказать Бибикову извѣстить о своемъ назначеніи губернатора и тѣмъ избавить его отъ сюрприза встрѣчать вмѣсто одного лица другое.

Отправивъ письмо, Масловъ и я съ нимъ поѣхали въ другіе уѣзды.

Первый лежащій на нашемъ пути уѣздный городъ былъ Новоградъ-Волынскъ, или, какъ называютъ его мѣстные жители, Звягель.

Городъ стоитъ при рѣкѣ Случъ, построенъ въ XVI столѣтіи княземъ Любомирскимъ и имѣлъ деревянный замокъ. Въ 1657 году, во время Збаражской конфедераціи былъ разоренъ украинскими казаками, а въ 1796 году городъ былъ купленъ въ казну и названъ Новоградъ-Волынскимъ. Въ городѣ нѣтъ ничего исторически-замѣчательнаго. Мое вниманіе было только остановлено на пловучихъ мукомольныхъ мельницахъ, возможности существованія которыхъ я и не подозрѣвалъ. Мельница эта состоитъ изъ двухъ лодокъ, между которыми движется колесо съ лопатами. Колесо приводитъ въ движеніе шестерню, а та въ свою очередь—мукомольный жерновъ. Такія мельницы могутъ существовать на быстро текущихъ рѣкахъ, какъ Случъ. Обѣ лодки стоятъ на якорѣ, и сильнымъ теченіемъ приводится въ движеніе колесо. Перемоловъ весь хлѣбъ у прибрежныхъ жителей, вынимаютъ якорь, и мельница внизъ по теченію подходитъ къ слѣдующему прибрежному селенію и останавливается на якорѣ. Дойдя такимъ образомъ до послѣдняго селенія или до невозможности почему либо плыть далѣе, отнимаютъ колесо, разобщаютъ лодки и, уложивъ на нихъ всѣ мельничныя разобранныя части, на веслахъ или бичевой подымаются вверхъ по теченію рѣки и, остановившись у перваго селенія, вновь собираютъ мельницу и мелютъ зерно... И не затѣйливо и полезно. . . . .

На другое утро мы пріѣхали въ мѣстечко Корецъ, принадлежавшее князю Чарторижскому и взятое въ казну за участіе владѣльца въ польскомъ возстаніи 1830 года и бѣжавшаго за границу. Въ Корцѣ находится господскій каменный палацъ, разрушенный пожаромъ, и костелъ, отъ котораго остались однѣ стѣны. Въ костелѣ въ 1830 году засѣли мятежники и всѣ были погребены подъ сводами, разрушенными нашими ядрами. Въ подземельѣ костела, не тронутомъ разрушеніемъ и служившемъ усыпальницей фамиліи князей Чарторижскихъ, прекрасно сохранилась одна изъ княгинь, похороненная лѣтъ сто тому назадъ (писано въ 1871 г.); набальзамированная, она сохранила способность перегибаться. Кожа на

лицѣ высохла, какъ у муміи, высокій чепецъ прикрывалъ ея волосы; на ней были надѣты: робронда изъ бѣлаго атласа, на рукахъ длинныя лайковыя перчатки, достигающія почти до плеча, ноги обуты въ шелковые съ красными стрѣлками чулки; башмаки исчезли. Стоявшіе въ Корцѣ въ то время артиллерійскіе офицеры, вызвавшіеся мнѣ сопутствовать въ фамильный склепъ, показали на дѣлѣ гибкость тѣла княгини. Одинъ изъ нихъ, подойдя къ гробу, подсунулъ руку подъ спину умершей и приподнялъ ее, придавъ ей сидячее положеніе. Продержавъ такъ нѣкоторое время, онъ вдругъ отнялъ руку, и тѣло, лишенное поддержки, упало на свое мѣсто съ какимъ-то хрустомъ. Такая продѣлка съ умершей мнѣ очень не понравилась, и я просилъ своего генерала приказать запереть входъ въ склепъ и ключъ хранить у станового пристава, о чемъ Масловъ тотчасъ же распорядился. Гробы прочихъ усопшихъ изъ фамиліи Чарторижскихъ были ветхіе, развалившіеся, источенные сыростью и червями. Сквозь отверстія виднѣлись скелеты. Зрѣлище было вообще грустное.

Изъ Корца мы пріѣхали въ уѣздный городъ Острогъ, принадлежащій князю Яблоновскому. Меня удивило, что уѣздный городъ, имѣющій присутственныя мѣста и находящійся подъ начальствомъ городничаго,—принадлежитъ частному лицу.

Такое сочетаніе права казны или правительства съ правомъ владѣльца представлялъ, впрочемъ, не одинъ Острогъ, въ губерніи были и другіе уѣздные города на тѣхъ же основаніяхъ.

Земля «подъ городомъ» принадлежала владѣльцу, но строенія, на ней возведенныя, составляли собственность домохозяевъ, которые за право пользованія землей платили владѣльцу оной опредѣленную ежегодную плату, называемую чиншъ; отсюда проистекало чиншевое право. Управленіе городомъ, наружный его порядокъ, зависѣлъ отъ городничаго, а при распредѣленіи квартиръ на случай размѣщенія войскъ въ квартирной комиссіи присутствовалъ депутатъ отъ владѣльца съ правомъ «голоса».

Мои частые наѣзды по дѣламъ службы въ городъ Острогъ дали мнѣ возможность изучить исторію и достопримѣчательности его съ большею подробностью, чѣмъ въ прочихъ городахъ губерніи. Кромѣ того, въ тамошнемъ исправникѣ, г. Война, я нашелъ просвѣщеннаго любителя старины. Его содѣйствію и свѣдѣніямъ я обязанъ изученіемъ и изслѣдованіемъ всего замѣчательнаго, какъ въ самомъ городѣ, такъ и его уѣздѣ.

Изъ Острога мы пріѣхали въ городъ Дубно, принадлежащій князю Любомирскому. Въ городѣ замѣчательны замокъ князя Радзивилла и церковь Преображенія.

Въ Дубенскомъ уѣздѣ находится мѣстечко Олыка, замѣчательное по магдебургскому праву своей ратуши во время владычества польскихъ королей. Ратуша, состоящая изъ членовъ, избираемыхъ

жителями, имѣла право жизни и смерти. Съ присоединеніемъ Волынской губерніи къ Россіи, право это было уничтожено, и теперь ратуша въ Олыкѣ, какъ и всѣ прочія ратуши, не пользуется никакими особыми правами. Въ мѣстечкѣ замѣчательны каменный св. Петра костелъ и замокъ князя Радзивилла, окруженный крѣпостными стѣнами.

Далѣе пріѣхали въ г. Кременецъ, въ которомъ я былъ уже два раза, но могъ видѣть его вскользь. Въ настоящую поѣздку имѣлъ случай осмотрѣть его подробно и собрать о немъ историческія свѣдѣнія.

Расположенный въ одномъ изъ ущелій Карпатскихъ горъ, Кременецъ совершенно закрытъ ими и дѣлается видимымъ только при въѣздѣ въ его предмѣстье. Горы, окружающія Кременецъ, получившій свое имя, вѣроятно, отъ кремней, во множествѣ находимыхъ на поверхности земли, въ его окрестностяхъ,—довольно высоки и носятъ разныя названія: Замывая, Черга, Каменная, Воловица, Острая и проч. Однѣ изъ нихъ увѣнчаны лѣсомъ, другія покрыты рѣдкимъ кустарникомъ, иныя изъ-подъ густой зелени выставляютъ свои каменныя ребра.

Изъ Кременца мы прибыли въ близлежащую Почаевскую лавру, имѣющую чудотворную икону и стопу, или слѣдъ, ноги Божіей Матери.

Монастырь въ томъ видѣ, какъ онъ теперь представляется, выстроенъ Николаемъ Потоцкимъ. Преданіе говоритъ, что Потоцкій въ 1770 году, разсердясь на своего кучера, опрокинувшаго экипажъ, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ съ намѣреніемъ убить его. Кучеръ, павъ на колѣни и воздѣвъ руки къ небу, воскликнулъ:

— Почаевская Божія Матерь, спаси меня!

Пистолетъ далъ осѣчку. Взбѣшенный Потоцкій вторично взвелъ курокъ, насыпалъ на полку свѣжаго пороха и вторично выстрѣлилъ въ испуганнаго, стоящаго на колѣняхъ своего кучера, не перестававшаго умолять Божію Матерь о спасеніи. Послѣдовала вторая осѣчка, тогда Потоцкій сказалъ:

— Слушай! Если дѣйствительно спасла тебя твоя Божія Матерь (Потоцкій былъ католикъ), то пусть она явитъ новое чудо. Я выстрѣлю въ пень дерева, не присыпая пороха на затравку. Если послѣдуетъ выстрѣлъ, то я повѣрю чуду; если же, напротивъ, повторится осѣчка, то это будетъ просто доказывать, что пистолетъ засорился, и тогда я тебя повѣшу на деревѣ.

Затѣмъ выстрѣлилъ, и пуля расщепала пенекъ. Тогда Потоцкій увѣровалъ въ чудо, принялъ православіе и все свое богатое имущество употребилъ на постройку монастыря. Преданіе прибавляетъ, что строили его 70 архитекторовъ и употребили 70 милліоновъ злотыхъ. Дѣйствительно видъ монастыря поражаетъ своимъ величіемъ!

Постройка его составляетъ верхъ архитектурнаго искусства. Основаніемъ монастыря служитъ конусообразная гора, къ ней поддѣланы контрфорсы въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что на площади, образуемой ихъ вершинами, помѣщаются обширная церковь, монастырскія службы и дворъ.

Происхожденіе чудотворной иконы Почаевской Божіей Матери, какъ видно изъ имѣющейся у меня рукописи, приписываютъ слѣдующему обстоятельству.

Въ замкѣ близлежащаго селенія Орли, развалины котораго и понынѣ видны, проживала г-жа Гойская, католическаго исповѣданія. Узнавъ, что черезъ ея владѣнія проѣзжаетъ греческій митрополитъ Неофитъ въ 1559 г., Гойская пригласила его остановиться для отдыха въ ея домѣ. Неоѳитъ принялъ предложеніе и передъ отъѣздомъ въ дальнѣйшій путь за оказанное ему гостепріимство принесъ въ даръ Гойской икону Божіей Матери. Гойская, какъ католичка, икону эту отдала своимъ служанкамъ, какъ исповѣдующимъ греко-россійскую вѣру. Повѣшенная на стѣнѣ, икона дала отъ себя яркое сіяніе. Гойская, чтобы убѣдиться въ чудотворномъ дѣйствіи иконы, подвела къ ней своего брата Филиппа Козинскаго, лишеннаго отъ роду зрѣнія, и тотъ тотчасъ же прозрѣлъ. Тогда Гойская сама приняла православное исповѣданіе и икону съ благоговѣніемъ перенесла на Почаевскую гору, въ пещерахъ которой обитали греческіе монахи.

Та же рукопись явленіе на скалѣ слѣда Божіей Матери объясняетъ такъ.

Близъ скалы пасъ стадо овецъ мѣстный житель Іоаннъ Босый; увидавъ на вершинѣ скалы Божію Матерь, стоящую въ огненномъ сіяніи, онъ побѣжалъ сообщить о томъ монахамъ, молившимся въ пещерѣ. Монахи, выйдя, могли удостовѣриться въ справедливости разсказа Босаго. Видѣніе продолжалось еще нѣсколько времени и исчезло. Съ трудомъ поднявшись на вершину скалы, монахи увидѣли на ней слѣдъ, какъ бы вдавленный человѣческой ногою и наполненный водой.

Въ настоящее время контрфорсы устроены иждивеніемъ Потоцкаго такъ, что вершина скалы приходится наравнѣ съ поломъ церкви и находится на южной сторонѣ храма, близъ стѣны.

Стопа представляетъ правильную форму слѣда человѣческой ноги и имѣетъ углубленіе вершка полтора. Чудесное ея свойство заключается въ томъ, что вода, наполняющая стопу, не уменьшается и не увеличивается; сколько бы ни черпали ее вѣрующіе, вода постоянно стоитъ въ уровень съ краями углубленія. Другая замѣчательность представляетъ сама скала: контрфорсы идутъ въ три яруса и поддѣланы такъ, что оставляютъ совершенно свободный проходъ около скалы. Скала состоитъ изъ цѣльнаго ноздреватаго, какъ каменная губка, камня известковаго свойства. Вода

сочится изъ скалы на всемъ ея возвышеніи въ видѣ крупнаго пота, и каплями падаетъ на подставленные жестяные желоба, проведенные въ одинъ общій резервуаръ, водой котораго, чистой, холодной, мягкой на вкусъ, довольствуется весь монастырь. Капли, падая на желоба, производятъ очень пріятный, металлическій звукъ, разнообразящійся въ своихъ тонахъ, смотря по тому, выше или ниже падаетъ капля. Все это вмѣстѣ производитъ гармонію, весьма пріятную для слуха. Въ основаніи горы покоятся въ открытомъ гробѣ еще не признанныя мощи Іова, одного изъ тѣхъ монаховъ, которые были свидѣтелями явленія на скалѣ Божіей Матери. Рядомъ съ гробомъ находится пещера, вырытая руками Іова. Пещера очень небольшая, дозволяющая встать на колѣняхъ человѣку молящемуся, и входъ въ нее такъ узокъ, что съ трудомъ можно пролѣзть въ него.

Чтобы избѣжать повтореній, здѣсь я скажу, что вездѣ принимали насъ съ почетомъ, какъ царственныхъ особъ, — таково значеніе въ тѣхъ мѣстахъ губернаторовъ,—вездѣ помѣщики угощали на славу, венгерское лилось въ изобиліи. Пробовалъ я и медъ, знаменитый напитокъ, приготовляемый спеціально католическими монахами. Достоинство его, какъ и венгерскаго, состоитъ въ давности времени. Но, выпивъ его рюмку и опьянѣвъ, отчего у меня сильно разболѣлась голова, я не взлюбилъ его.

Изъ Почаева Масловъ возвратился, не останавливаясь нигдѣ, въ Житомиръ. Тамъ ждала его большая непріятность. Въ отвѣтъ на частное письмо къ Бибикову объ извѣщеніи перемѣны чиновниковъ въ губерніи, генералъ-губернаторъ въ офиціальной бумагѣ писалъ Маслову: «Предписываю вашему превосходительству съ полученіемъ сего немедленно прибыть въ г. Кіевъ для объясненій по дѣламъ службы». Такой грубый, не употребляемый между генералами, тонъ сношеній взорвалъ Маслова, и онъ тотчасъ же, не задумавшись, написалъ отвѣтъ—тоже офиціально — что онъ «пріѣдетъ въ Кіевъ, когда ему то дозволитъ свободное отъ занятій время». Этотъ-то отвѣтъ и погубилъ его.

Нѣсколько дней спустя, губернаторъ поѣхалъ ревизовать остальные уѣзды въ губерніи, а меня оставилъ въ Житомирѣ.

Масловъ вернулся съ ревизіи и, спустя нѣсколько дней, поѣхалъ въ Кіевъ, взявъ меня съ собой. Бибиковъ не принялъ его, отговариваясь «неимѣніемъ свободнаго времени» — ясный намекъ на отвѣтъ Маслова, и тѣмъ высказалъ съ нимъ явный разрывъ. Когда Масловъ съ горечью разсказывалъ мнѣ о такомъ новомъ оскорбленіи для себя, я умаливалъ его ходатайствовать о назначеніи себя губернаторомъ въ одну изъ великороссійскихъ губерній, но Масловъ предпочелъ открытую борьбу съ Бибиковымъ, надѣясь на защиту Бенкендорфа, тогдашняго шефа корпуса жандармовъ и доставившаго ему мѣсто губернатора на Волыни. Бенкендорфъ, подъ на-

чальствомъ котораго служилъ прежде Масловъ, имѣлъ большую силу при дворѣ. Связи его отуманили Маслова, а искреннее, казалось, расположеніе его вложило послѣднему несчастную мысль свергнуть Бибикова. Извѣстно, что въ дѣлѣ оскорбленнаго самолюбія голосъ здраваго разсудка молчитъ.

Между тѣмъ аресты и обыски лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Конарскаго, пріостановились, все притихло, но то было затишье передъ новой бурей: получено было распоряженіе правительства о возсоединеніи уніи; вѣрнѣе бы было сказать—объ уничтоженіи уніи. На этотъ случай даже были выбиты медали трехъ родовъ: золотыя, серебряныя и бронзовыя. Медали эти были величиной гораздо болѣе талера, имѣли на одной сторонѣ изображеніе двухъ женщинъ, подающихъ другъ другу руки, съ надписью вокругъ: «Расторгнутыя силою возсоединены любовью», на оборотѣ годъ, мѣсяцъ и число такого соединенія.

Происхожденіе уніи относится ко временамъ отдаленнымъ, когда Польша, владѣя Малороссіей, желала окатоличить жителей Украйны, исповѣдывавшихъ православную вѣру. Здѣсь не мѣсто писать исторію уніи и говорить о тѣхъ ужасныхъ, кровавыхъ преслѣдованіяхъ жителей, не соглашавшихся оставить вѣру отцовъ своихъ, когда пожары заливались кровью несчастныхъ мучениковъ, когда вездѣ пылали костры, люди жарились въ раскаленныхъ мѣдныхъ быкахъ (sic), скажу только, что католики, не бывши въ силахъ сломить твердость вѣры украинцевъ и утомившись одни отъ преслѣдованій, другіе—отъ борьбы, пришли къ соглашенію: ввести въ православное богослуженіе нѣкоторые католическіе обряды. Смѣшанная такимъ образомъ новая вѣра и названа унія, отъ латинскаго слова unio — союзъ.

Въ бытность мою въ Кременцѣ я два раза присутствовалъ на уніатскомъ богослуженіи: за вечерней и обѣдней. Церковь отдѣлялась отъ алтаря иконостасомъ, облаченіе священника состояло изъ ризы нашего покроя, служба происходила на древне-славянскомъ языкѣ, на клиросѣ пѣли кіевскимъ напѣвомъ, то-есть протяжно и въ носъ. Внѣшнее измѣненіе противъ православныхъ церквей заключалось, сколько я могъ замѣтить, не зная правилъ нашей службы, въ томъ, что престолъ помѣщался не по срединѣ алтаря, а у стѣны, противъ царскихъ дверей, такъ что около него ходить было невозможно. На стѣнѣ висѣло изображеніе «Спасителя на крестѣ». На большомъ выносѣ и вездѣ во время службы вмѣсто святѣйшаго синода упоминался папа. Въ церкви стояли лавки, такъ что молящіеся могли сидѣть, вставая со своихъ мѣстъ во время нѣкоторыхъ молитвъ. Въ одеждѣ священниковъ мѣсто подрясниковъ замѣнилось сутаномъ ксендза. Всѣ они лучше говорили по-польски, чѣмъ по-русски. Вотъ и все различіе, сколь-

ко могу припомнить, существующее между уніей и православіемъ.

Правительство и духовное, и свѣтское, вездѣ, во всей Волынской губерніи, встрѣчало явное себѣ сопротивленіе со стороны уніатовъ, но «сила солому ломитъ» — отодвинули престолы на середину алтаря, вынесли лавки, перестали поминать папу, и православіе водворилось.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ.

(Разсказъ изъ семейной хроники Нертовскихъ).

I.

ОДНИМЪ изъ самыхъ памятныхъ событій моего ранняго дѣтства былъ неожиданный пріѣздъ моего родного дяди, брата матери, къ намъ, въ имѣніе. Хотя съ тѣхъ поръ прошло уже 43 года, но я живо помню тотъ поздній осенній вечеръ, когда, проснувшись отъ внезапно поднявшейся въ домѣ суматохи, я услыхалъ радостный голосъ матери, кричавшей отцу: «Иванъ Карловичъ пріѣхалъ!» Комната, гдѣ спали мы съ братомъ, находилась довольно далеко отъ кабинета, куда родители и дядя перешли послѣ перваго обмѣна привѣтствій, но до насъ ясно долетали удивленные возгласы матери: «Откуда ты? Какими судьбами? Какой ты загорѣлый! Да ты выглядишь настоящимъ героемъ!» Понятно, что весь этотъ переполохъ возбудилъ въ насъ, мальчуганахъ, сильнѣйшее любопытство; приподнявшись невольно на своихъ кроватяхъ, мы стали прислушиваться къ каждому звуку. Мы никогда не видали еще дяди и только изъ частыхъ упоминаній матери знали о его существованіи, при чемъ имя Ивана Карловича связано было въ нашемъ воображеніи съ понятіемъ о богатырской храбрости и безшабашной веселости. Вскорѣ вошла няня Григорьевна, и мы набросились на нее съ разспросами о дядѣ. Къ великому сожалѣнію, свѣдѣнія няни оказались очень скудными,— она знала только, что Иванъ Карловичъ пріѣхалъ прямо съ Кав-

каза, гдѣ тридцать лѣтъ воевалъ съ туркой и черкесомъ. Послѣднее замѣчаніе довело насъ до такого нервнаго возбужденія, что мы начали трястись, какъ въ лихорадкѣ; дѣтская фантазія рисовала уже картины боя съ лютыми врагами. Раздавшійся звонокъ матери прервалъ нашу оживленную бесѣду, веденную, къ слову сказать, все время шопотомъ, и нянька выбѣжала узнать, что понадобилось барынѣ.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что насъ воспитывали очень строго, или, выражаясь опредѣленнѣе, безъ малѣйшихъ проявленій родительской любви и ласки; отъ насъ требовали рабскаго повиновенія, и въ матери мы видѣли лишь грозное и суровое начальство съ неизмѣнно нахмуренными бровями, отцу же мы старались какъ можно рѣже попадаться на глаза. Мы чувствовали какой-то леденящій холодъ въ присутствіи родителей и приходили въ трепетъ отъ каждаго непосредственнаго обращенія къ намъ, между тѣмъ я не помню, чтобы мы подвергались когда либо за шалости или проступки тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ это практиковалось, сплошь и рядомъ, въ ту злосчастную эпоху въ другихъ помѣщичьихъ семьяхъ.

Торопливость, съ которой поспѣшила нянька на зовъ матери, не предвѣщала ничего хорошаго; мы инстинктивно спрятали головы подъ одѣяла и притворились спящими, ибо строжайшій приказъ «не разговаривать въ постели» былъ нарушенъ, и мы со страхомъ ждали дальнѣйшихъ послѣдствій такого ослушанія. Но на сей разъ гроза миновала, и мы приписывали это появленію дяди, котораго мысленно горячо благодарили. Узнавши отъ Григорьевны, что дѣти не спятъ, мать провела дядю къ намъ и представила ему съ видимой гордостью своихъ сыновей. При тускломъ освѣщеніи стеариноваго огарка я разглядѣлъ впервые дядю и пришелъ въ невольное удивленіе. Передо мной стоялъ необыкновенно высокій, худощавый, жилистый, но широкоплечій мужчина въ блестящей формѣ кавказскаго офицера. Темно-бронзовый цвѣтъ лица, густые и коротко остриженные волосы съ сильной просѣдью, черные длинные усы, вьющіеся изъ-подъ неимовѣрно громаднаго, какъ мнѣ тогда показалось, носа, придавали ему необычайно воинственный и типичный образъ рубаки или ландскнехта средневѣковыхъ временъ. Въ быстро сверкающихъ небольшихъ глазахъ проглядывала какая-то странная смѣсь лукавства съ добротой.

— А я дядя васъ видѣлъ,—брякнулъ я неожиданно.

— Гдѣ же ты меня видѣлъ?—спросилъ Иванъ Карловичъ громкимъ и нѣсколько хриплымъ голосомъ, заливаясь веселымъ смѣхомъ.

— У меня въ книжкѣ.

— Покажи.

Нянька достала книжку, и я отыскалъ картину въ краскахъ, изображавшую полководца мавровъ Тарика передъ битвой при Хересъ-де-ла-Фронтера.

— Ну, спасибо, что я, по крайней мѣрѣ, не похожъ на шушеру,—замѣтилъ дядя.—А ты знаешь, кто это такой?—спросилъ Иванъ Карловичъ, указывая на картину.

— Шарикъ,—отвѣтилъ я и тутъ же увидалъ въ первый разъ, что мать улыбалась, глядя на меня.

— Ахъ, ты шарикъ!—крикнулъ весело дядя, потрепавъ меня за волосы,—вотъ постой, я выучу тебя читать, и тогда ты узнаешь, каковъ былъ этотъ шарикъ.

Ошибочное названіе мавританскаго героя происходило по винѣ няньки Григорьевны, научившейся съ трудомъ читать и путавшей часто буквы т и ш, мнѣ же шелъ тогда всего только шестой годъ, и я не умѣлъ читать.

Пожелавъ намъ спокойной ночи, дядя съ матерью удалились, и вскорѣ въ домѣ водворилось сонное царство.

Иванъ Карловичъ прогостилъ у насъ около трехъ недѣль, и я сильно привязался къ нему; кличка «шарикъ» такъ и осталась за мной. Послѣ добрѣйшей няньки Григорьевны это былъ единственный человѣкъ, котораго я въ ту пору искренно полюбилъ. Въ день разлуки я почувствовалъ впервые мучительную боль въ груди, меня охватило отчаяніе, которое отразилось такъ сильно на моемъ лицѣ, что даже мать обратила на это вниманіе, но плакать я не смѣлъ изъ боязни наказанія, а потому въ моментъ отъѣзда дяди убѣжалъ въ садъ и явился только послѣ того, какъ звонъ колокольчиковъ удалявшейся тройки окончательно замолкъ. Съ тѣхъ поръ мы никогда больше другъ друга не видали; я зналъ только, что Иванъ Карловичъ вышелъ въ чинѣ подполковника въ отставку и поселился въ одной изъ центральныхъ губерній Россіи, гдѣ и занималъ еще въ продолженіе двадцати лѣтъ должность нотаріуса. Умеръ онъ въ весьма преклонномъ возрастѣ, въ концѣ 1870-хъ годовъ.

Со временемъ я совершенно забылъ о дядѣ и только однажды, спустя лѣтъ десять послѣ первой встрѣчи съ нимъ, когда зашелъ о немъ разговоръ, я съ удивленіемъ спросилъ: почему же его зовутъ Иваномъ Карловичемъ Брауномъ, между тѣмъ какъ мою мать, его единоутробную сестру — Софьей Владимировной, и она была урожденная Нертовская? Вѣдь были же у нея еще братья, носящіе фамилію Нертовскихъ, и которыхъ звали по батюшкѣ Владимировичами? На это мать отвѣтила только, что тутъ кроется глубокая тайна, связанная косвенно съ исторіей возстанія декабристовъ въ 1825 году, и что дядя долженъ былъ перемѣнить фамилію для спасенія своей жизни. Впрочемъ, она прибавила, что плохо знаетъ подробности этой загадочной метаморфозы, но что старшій

ея братъ, генералъ Николай Владимировичъ Нертовскій, можетъ мнѣ разсказать про превращеніе брата Евгенія Владимировича Нертовскаго въ Ивана Карловича Брауна. Я, конечно, не замедлилъ воспользоваться указаніемъ матери и при первой встрѣчѣ съ дядей Николаемъ задалъ ему вопросъ относительно непонятнаго перерожденія его брата Евгенія въ нѣмца Ивана Карловича. Непріятно пораженный такимъ смѣлымъ вопросомъ, дядя отвѣтилъ, что, во-первыхъ, я слишкомъ молодъ и не умѣю держать языкъ за зубами, а, во-вторыхъ, что еще не настало время для вполнѣ безопаснаго и громогласнаго обсужденія всей этой исторіи, ибо живы нѣкоторые соучастники въ дѣлѣ спасенія его брата отъ тогдашней неминуемой гибели. Разговоръ этотъ происходилъ въ концѣ 1860-хъ годовъ, и только спустя 6 лѣтъ, незадолго до своей кончины, дядя Николай самъ вызвался разсказать мнѣ всю романтическую исторію съ братомъ Евгеніемъ, умершимъ, по офиціальнымъ документамъ, въ мартѣ 1826 г. и воскресшимъ въ день кончины—подъ именемъ Ивана Карловича Брауна—къ новой и весьма долголѣтней жизни.

II.

Дѣдъ мой, со стороны матери, занималъ, въ началѣ минувшаго столѣтія, хорошее служебное положеніе въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ и родились всѣ его дѣти. Въ достопамятный 1825 годъ, когда разыгралась печальная исторія декабрьскаго бунта, сыновья его были уже въ офицерскихъ чинахъ. Старшій, Николай, находился въ крѣпости Д., гдѣ исполнялъ должность полкового адъютанта, второй, Евгеній—онъ же впослѣдствіи Иванъ Карловичъ, служилъ въ Ригѣ, въ одномъ изъ тамошнихъ линейныхъ батальоновъ. Онъ былъ не только любимцемъ семьи, но и всѣхъ товарищей по службѣ за свой веселый нравъ и безпримѣрную удаль, хотя и слылъ за очень вспыльчиваго и самолюбиваго человѣка.

Вечеромъ 31-го декабря 1825 года, дядя Николай, жившій, какъ уже сказано, въ крѣпости Д., только что сталъ надѣвать парадную форму, чтобы отправиться для встрѣчи новаго года въ домъ командира, какъ вдругъ къ нему вбѣгаетъ старшая сестра Анна и, падая въ изнеможеніи на диванъ, произноситъ, задыхаясь отъ волненія, единственныя два слова: «Женю арестовали!». Успокоивъ съ трудомъ сестру настолько, что она могла разсказать причину и подробности внезапнаго ареста брата, дядя Николай узналъ слѣдующее.

У одного изъ офицеровъ, участвовавшихъ въ заговорѣ декабристовъ, нашли письмо, сильно компрометирующее Евгенія, не имѣвшаго, однако, никакого прямого отношенія къ самому заговору. Все дѣло сводилось къ тому, что на запросъ офицера, могутъ ли

декабристы разсчитывать на симпатіи и поддержку корпуса офицеровъ округа, гдѣ служилъ Евгеній Нертовскій,—послѣдній отвѣтилъ отрицательно, добавивъ при этомъ, что самъ онъ охотно принялъ бы участіе въ возстаніи. Для него декабрьскій бунтъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ доблестнымъ и граціознымъ скандаломъ. Политическая сторона дѣла его отнюдь не интересовала, да врядъ ли онъ и понималъ ее. По долгу службы подпоручикъ Нертовскій обязанъ былъ донести о готовящемся возстаніи, но онъ этого, понятно, не сдѣлалъ, за что и былъ арестованъ. Изъ Петербурга немедленно было послано приказаніе арестовать подпоручика Нертовскаго и доставить въ столицу.

Порученіе выполнить приказаніе выпало на долю дежурнаго при комендантѣ штабъ-офицера, майора К., человѣка жестокаго, грубаго и необразованнаго. Когда Евгеній попросилъ о дозволеніи проститься съ родителями, давая при этомъ честное слово, что не сдѣлаетъ ни малѣйшей попытки къ побѣгу, то майоръ К. отвѣтилъ, что не довѣряетъ его честному слову.

За такое оскорбленіе Нертовскій ударилъ штабъ-офицера по лицу, а когда тотъ приказалъ солдатамъ схватить Евгенія, то разсвирѣпѣвшій молодой офицеръ обнажилъ саблю и началъ рубить ею налѣво и направо, но, обезоруженный общими усиліями конвоя, Евгеній долженъ былъ покориться судьбѣ; его отправили въ одиночное заключеніе въ одинъ изъ казематовъ рижской цитадели. На посланный комендантомъ рапортъ высшему начальству, изъ Петербурга повторили только приказаніе доставить во что бы то ни стало подпоручика Нертовскаго живымъ и невредимымъ въ руки высочайше назначенной комиссіи по разслѣдованію декабрьскаго бунта.

Черезъ три-четыре дня Женю должны были привезти въ крѣпость Д. для дальнѣйшаго слѣдованія въ Петербургъ. Сестра Анна мчалась безостановочно трое сутокъ, чтобы увѣдомить дядю Николая о постигшемъ ихъ семью несчастіи; она умоляла брата ѣхать немедленно въ столицу и хлопотать, по крайней мѣрѣ, о спасеніи жизни Жени, такъ какъ за двоякое преступленіе ему не миновать было смертной казни.

Выслушавъ разсказъ сестры и всѣ ея дальнѣйшіе доводы насчетъ возможности облегчить участь несчастнаго брата, дядя Николай только грустно покачалъ головой и погрузился въ долгое раздумье. О встрѣчѣ новаго года у командира, конечно, не могло быть и рѣчи, онъ послалъ денщика съ извинительнымъ письмомъ, а самъ просидѣлъ всю ночь, не промолвивъ ни единаго слова. Мозгъ его работалъ въ это время съ удвоенной силой; онъ взвѣшивалъ всѣ обстоятельства, но не могъ построить ни единой комбинаціи, могущей поддержать въ немъ надежду на спасеніе брата. Разбудивъ рано утромъ заснувшую отъ долгаго утомленія сестру, онъ объя-

вилъ ей рѣши. ѣльнымъ тономъ, что она должна тотчасъ же ѣхать обратно домой: «помочь ты не поможешь, а будешь только мѣшать, если совершится чудо, и удастся вырвать Женю изъ когтей смерти».

Распростившись съ сестрой, дядя отправился по начальству и доложилъ о случившемся. Всѣ искренно пожалѣли объ участи его брата, при чемъ полковой командиръ не преминулъ успокоить дядю относительно его дальнѣйшей служебной карьеры.

Николай Владимировичъ Нертовскій былъ образцовымъ офицеромъ и человѣкомъ въ высшей степени педантичнымъ и выдержаннымъ по характеру; его аккуратность и прямо идеальное отношеніе къ своимъ служебнымъ обязанностямъ ставились начальствомъ въ примѣръ всѣмъ остальнымъ офицерамъ. Въ добавокъ къ этимъ похвальнымъ качествамъ онъ обладалъ очень проницательнымъ изворотливымъ умомъ и рѣдкой способностью распознавать людей. Не поддававшійся никакимъ чрезмѣрнымъ увлеченіямъ, а тѣмъ болѣе страстямъ, дядя смотрѣлъ на жизнь, какъ на своего рода математическую задачу, предоставленную людямъ рѣшать безъ малѣйшаго упованія на счастливую случайность; послѣдней онъ совсѣмъ не признавалъ, ибо былъ твердо убѣжденъ, что все на свѣтѣ является въ сущности заранѣе предусмотрѣннымъ, и что только отъ степени умѣнья пользоваться обстоятельствами зависитъ успѣхъ предпріятія.

Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ дней онъ старался выработать планъ спасенія брата, но, несмотря на всѣ усилія, ничего не могъ придумать—дѣло было слишкомъ безнадежно. Освободить арестованнаго преступника и устроить его побѣгъ не представлялось возможнымъ, да и не принесло бы существенной пользы, такъ какъ рано или поздно его схватили бы вновь, при чемъ участіе дяди Николая обнаружилось бы несомнѣнно. Отдать въ замѣнъ жизни брата свою собственную не послужило бы къ облегченію горя родителей.

III.

Къ вечеру 3-го января доставили подъ конвоемъ подпоручика Евгенія Нертовскаго въ крѣпость Д. Здѣсь онъ долженъ былъ переночевать.

Когда дядя Николай попросилъ у коменданта дозволенія повидаться съ братомъ, то въ этомъ ему было отказано на основаніи полученнаго изъ Петербурга строжайшаго предписанія.

На слѣдующее утро дядя встрѣтился со своимъ другомъ и пріятелемъ, военнымъ докторомъ Б., отъ котораго узналъ, что ночью тотъ былъ спѣшно позванъ къ его арестованному брату, захворавшему внезапно сильнѣйшей горячкой. По заключенію врача, под-

поручика Нертовскаго никоимъ образомъ нельзя было везти въ Петербургъ до полнаго выздоровленія. Причину заболѣванія докторъ объяснилъ въ рапортѣ коменданту сильнымъ психическимъ волненіемъ и простудой во время трехдневнаго путешествія въ ненастную зимнюю погоду. Отправленная по этому поводу въ столицу эстафета принесла отвѣтъ: оставить арестованнаго подпоручика Нертовскаго въ крѣпости Д. до полнаго выздоровленія и употребить посредствомъ самаго тщательнаго медицинскаго ухода всѣ усилія для возможно быстраго и благополучнаго исхода его болѣзни.

Вскорѣ изъ Петербурга прибылъ полковникъ, командированный слѣдственной комиссіей, для наблюденія за точнымъ исполненіемъ всѣхъ приказаній. Къ этому полковнику обратился мой дядя, съ вторичной просьбой, дозволить ему навѣстить больного брата. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, пріѣзжій начальникъ разрѣшилъ просьбу дяди, но не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы визиты происходили въ присутствіи дежурнаго офицера и продолжались бы не болѣе 10 минутъ.

Первое свиданіе братьевъ не имѣло никакого значенія, ибо Женя находился въ безпамятствѣ и безпрерывно бредилъ. На вопросъ полковника о вѣроятномъ исходѣ болѣзни докторъ Б. пожалъ только плечами и замѣтилъ, что арестованнаго необходимо перенести въ офицерское отдѣленіе лазарета, иначе нельзя и думать о выздоровленіи. Приглашенные два молодыхъ доктора категорически подтвердили требованіе старшаго коллеги, относительно перемѣны помѣщенія больного. Въ послѣдовавшемъ по этому поводу совѣщаніи петербургскаго полковника съ комендантомъ, рѣшено было помѣстить подпоручика Нертовскаго въ отдѣльную и строго изолированную комнату лазаретнаго зданія. Въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена никто и не мечталъ о существованіи въ глухой провинціи благоустроенныхъ военныхъ госпиталей; для этой цѣли отводилось первое попавшееся помѣщеніе, часто совершенно непригодное для своего назначенія.

Комната, отведенная больному арестанту, находилась во второмъ этажѣ небольшого флигеля; окна его упирались прямо въ стѣну крѣпостного вала, такъ что между послѣднимъ и зданіемъ лазарета было пространство не болѣе трехъ аршинъ. Въ этомъ простѣнкѣ поставленъ былъ часовой, ровно какъ и въ корирорѣ, передъ входной дверью. Въ небольшой передней, отдѣленной тонкой перегородкой отъ помѣщенія, гдѣ лежалъ больной, находился день и ночь караульный офицеръ, не допускавшій къ арестанту никого, кромѣ доктора, фельдшера и лицъ, имѣвшихъ на то особенное дозволеніе коменданта и полковника изъ Петербурга.

Не знаю, какимъ способомъ, но дядѣ Николаю удалось пріобрѣсти извѣстное довѣріе полковника, онъ выхлопоталъ разрѣшеніе приставить къ больному своего денщика, въ качествѣ помощника фельдшера.

Спустя пять-шесть дней послѣ прибытія Евгенія Нертовскаго въ крѣпость Д., дядя Николай зашелъ по окончаніи служебныхъ занятій въ лазаретъ узнать отъ доктора Б. о положеніи брата. Встрѣтившись въ длинномъ и темномъ коридорѣ, докторъ попросилъ дядю войти съ нимъ въ переднюю одной комнаты, гдѣ лежалъ уже болѣе трехъ недѣль тяжко-больной молодой офицеръ, прибывшій въ Д., проѣздомъ на Кавказъ и вынужденный, по случаю серіознаго заболѣванія, остаться въ лазаретѣ. Офицеръ этотъ провалился ночью, переправляясь черезъ рѣку, сквозь ледъ и захватилъ жестокое воспаленіе почекъ, имѣвшее послѣдствіемъ очень быстрое развитіе сахарной болѣзни. До сихъ поръ никто объ этомъ офицерѣ не справлялся, и онъ видимо ни съ кѣмъ не поддерживалъ сношеній. Дядя полюбопытствовалъ взглянуть на больного; когда докторъ Б. подвелъ его къ кровати, то онъ внезапно отшатнулся, пораженный сходствомъ незнакомаго офицера съ братомъ Евгеніемъ. Переводя взоры съ апатично лежащаго больного на доктора, дядя Николай впился глазами въ лицо послѣдняго, какъ бы ища въ немъ отвѣта на свой безмолвный вопросъ. Когда же онъ съ прерывающимся отъ волненія дыханіемъ, вслѣдствіе молніеносно озарившей его мысли, шопотомъ спросилъ доктора, есть ли надежда на выздоровленіе этого офицера, и докторъ въ отвѣтъ промолвилъ еле слышно—«никакой»,—дядя въ порывѣ такъ сильно схватилъ доктора за руку, что тотъ вскрикнулъ отъ боли.—«Это перстъ Божій!»—прошепталъ сдавленнымъ голосомъ дядя.

Потрясенный до глубины души этой такъ неожиданно разыгравшейся сценой, докторъ Б. долго не могъ ничего сказать. Онъ видѣлъ передъ собой человѣка съ мертвенно блѣднымъ лицомъ, ожидавшаго отъ него рѣшенія участи юноши, которому грозила смерть, или, по меньшей мѣрѣ, пожизненная каторга. До своего назначенія старшимъ врачемъ въ Д., докторъ Б. служилъ долгое время въ Ригѣ, гдѣ познакомился и крѣпко подружился со всей семьей Нертовскихъ. Женю онъ зналъ еще пятилѣтнимъ мальчикомъ, а потому участь несчастнаго молодого офицера вызвала въ немъ сильнѣйшее состраданіе. Будучи отъ природы весьма добрымъ человѣкомъ, онъ убивался не менѣе дяди Николая относительно дальнѣйшей судьбы арестованнаго.

Сдѣлавъ дядѣ знакъ слѣдовать за нимъ, онъ повелъ его въ пріемную комнату и тутъ сказалъ: «дѣлай, какъ знаешь, препятствовать я не буду, но считаю твои надежды несбыточными; не забывай только, что ты можешь погубить себя, меня и мою ни въ чемъ неповинную семью; смерть мнѣ не страшна, но тяжко будетъ намъ обоимъ, если мы пожертвуемъ собой напрасно». Взамѣнъ отвѣта дядя крѣпко обнялъ доктора и поспѣшно выбѣжалъ изъ лазарета.

Придя домой, Николай Владимировичъ Нертовскій принялся за

детальную разработку плана спасенія брата, посредствомъ незамѣтнаго обмѣна его съ безнадежно-больнымъ офицеромъ, имѣвшимъ такое поразительное съ нимъ сходство. Но совершить такую смѣлую и крайне рискованную операцію безъ участія и подкупа нѣкоторыхъ служителей въ госпиталѣ не было никакой возможности, а потому дядя сталъ размышлять о скорѣйшемъ добываніи необходимыхъ для этого денежныхъ средствъ. Обратиться къ родителямъ съ просьбой прислать значительную сумму денегъ представляло различныя неудобства и могло вызвать подозрѣніе. Тогда дядя вспомнилъ, что въ одномъ изъ предмѣстій, лежащихъ за городской чертой крѣпости Д., жилъ небезызвѣстный гарнизоннымъ офицерамъ еврей Хацке Рубинъ Вайнтраубъ, по профессіи мѣдникъ, часовщикъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ и немножко ростовщикъ. Дождавшись вечера, Николай Владимировичъ нанялъ возницу и отправился по означенному адресу. Встревоженный слегка появленіемъ въ такой поздній часъ офицера, Вайнтраубъ былъ еще болѣе изумленъ, когда узналъ въ вошедшемъ дядю, никогда не принадлежавшаго къ числу его кліентовъ. На выраженное желаніе дяди поговорить съ нимъ о серіозномъ дѣлѣ наединѣ Вайнтраубъ приказалъ своей 13-ти-лѣтней дочери Ліи удалиться изъ комнаты. Когда старый еврей услыхалъ требованіе Николая Владимировича ссудить ему на одинъ мѣсяцъ 4.000 рублей съ возвратомъ 5.000, то Вайнтраубъ вскочилъ со стула и заявилъ, что у него отъ роду не было столько денегъ, а если бы даже и были, то какую же гарантію или обезпеченіе можетъ дать ему молодой офицеръ. Тутъ дядя смекнулъ, что самое лучшее будетъ посвятить Вайнтрауба въ тайну всего дѣла, но предварительно онъ просилъ стараго еврея дать торжественную клятву хранить глубокое молчаніе обо всемъ. Вайнтраубъ согласился и, облачившись въ молитвенное одѣяніе, принесъ присягу. Выслушавъ внимательно объясненіе дяди, хитроумный еврей понялъ, что въ денежномъ отношеніи онъ ничѣмъ не рискуетъ. Семью Нертовскихъ онъ зналъ по своимъ частымъ дѣловымъ поѣздкамъ въ Ригу; матеріальное благосостояніе родителей Николая Владимировича было ему также хорошо извѣстно, а потому онъ и согласился дать деньги, если отецъ Нертовскихъ поручится за своей подписью. Вайнтраубъ выразилъ даже готовность съѣздить въ Ригу. Послѣднее предложеніе было какъ нельзя больше на руку дядѣ, онъ тутъ же написалъ обстоятельное письмо родителямъ, въ которомъ просилъ собрать наитщательнѣйшимъ образомъ всѣ свѣдѣнія касательно личности и семьи больного офицера, Ивана Карловича Брауна, и вручить ихъ подателю письма Хацкѣ Рубину Вайнтраубу. На другой день старый еврей отправился въ Ригу, взявъ съ собой дочку Лію, которую давно уже хотѣлъ помѣстить въ одинъ изъ тамошнихъ частныхъ пансіоновъ для «образованности», какъ онъ говорилъ.

IV.

Благопріятный результатъ переговоровъ съ Вайнтраубомъ подѣйствовалъ ободряющимъ образомъ на дядю. Теперь необходимо было сообщить докору Б. подробности плана подмѣны одного больного другимъ и заручиться содѣйствіемъ фельдшера, двухъ служителей госпиталя и денщика. Съ послѣднимъ это не представляло ни малѣйшаго затрудненія, ибо преданный своему господину добродушный солдатикъ даже прослезился при одной мысли о возможности спасти брата его барина. Съ фельдшеромъ и другими двумя унтеръ-офицерами служителями докторъ Б. взялся переговорить самъ, но не ранѣе, какъ наканунѣ приведенія плана въ исполненіе. Обмѣнъ больныхъ могъ произойти только во время купанья Нертовскаго въ ваннѣ. Для этой цѣли докторъ написалъ начальству рапортъ, въ которомъ требовалъ дозволенія пользовать больного теплыми ваннами. Созванная по этому поводу консультація врачей поддержала, какъ и слѣдовало ожидать, мнѣніе доктора Б., и ванны были разрѣшены.

Комната, гдѣ больной долженъ былъ ими пользоваться, находилась въ противоположномъ концѣ коридора и прилегала къ кладовой, гдѣ хранилось бѣлье, постели и разныя другія принадлежности госпиталя; рядомъ съ этой кладовой лежалъ больной офицеръ Браунъ; всѣ три помѣщенія были соединены боковыми дверьми, хотя и заставленными большими шкафами, сундуками и разной другой мебелью.

По проекту дяди Николая, обмѣнъ двухъ больныхъ долженъ былъ совершиться слѣдующимъ образомъ: Нертовскаго внесутъ въ ванну и оттуда прямо въ комнату Брауна; здѣсь положатъ Евгенія на постель Брауна, а послѣдняго отнесутъ въ ванну.

Первые 5 или 6 разъ, когда больного Нертовскаго переносили въ комнату для купанія, караульный офицеръ сопровождалъ всегда шествіе до дверей ванны, оставаясь до окончанія процедуры въ коридорѣ, но потомъ охотно принялъ предложеніе доктора посидѣть это время въ пріемномъ кабинетѣ и выкурить трубочку.

Вернувшійся черезъ десять дней послѣ перваго разговора съ дядей Николаемъ изъ Риги Вайнтраубъ привезъ деньги и тетрадь, въ которой были вписаны всѣ добытыя свѣдѣнія на счетъ Брауна. Оказалось, что больной молодой офицеръ былъ круглой сиротой. Покойный отецъ его, нѣкогда довольно состоятельный шкиперъ, погибъ со своимъ кораблемъ и всѣмъ имуществомъ у шотландскихъ береговъ во время сильнѣйшаго шторма. Браунъ воспитывался въ мореходныхъ классахъ, но 17 лѣтъ поступилъ въ юнкерское училище, откуда и вышелъ въ офицеры. У него не было ни родственниковъ, ни близкихъ людей.

Настало время дѣйствовать. Арестованный подпоручикъ Нертовскій сталъ понемногу поправляться, хотя и имѣлъ болѣе ужасный видъ, чѣмъ при началѣ заболѣванія; но зато положеніе офицера Брауна ухудшалось съ каждымъ днемъ. Всякое лишнее промедленіе могло испортить все дѣло. Черезъ вліятельное посредничество доктора Б. фельдшеръ и оба унтеръ-офицера согласились принять участіе въ спасеніи подпоручика Нертовскаго. Фельдшеру дядя далъ 2.000 рублей, а унтеръ-офицерамъ каждому по 1.000 рублей. Былъ уже назначенъ день для подмѣны больныхъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ докторъ къ дядѣ и сообщаетъ ему, что они упустили изъ виду очень важное обстоятельство: у больного Брауна въ правомъ ухѣ продернута была маленькая золотая серьга, скрѣпленная такъ хорошо, что ее никакъ нельзя было вынуть. Такія серьги носили въ тѣ времена почти всѣ шкипера, а такъ какъ молодой Браунъ, по волѣ отца, готовился въ моряки, то предусмотрительный родитель вдѣлъ сыну подобную серьгу при поступленіи мальчика въ мореходные классы. Докторъ помнитъ отлично, что когда комендантъ впервые посѣтилъ больного Брауна, то обратилъ особенное вниманіе на это странное украшеніе и даже разспросилъ Брауна о значеніи серьги. Такое неожиданное извѣстіе очень взволновало дядю, и онъ вначалѣ не зналъ, что предпринять, но потомъ спохватившись помчался къ Вайнтраубу. Разсказавъ, въ чемъ дѣло, дядя просилъ старика-еврея прибыть въ означенный вечеръ въ госпиталь, вынуть изъ уха Брауна серьгу и вправить ее Евгенію Нертовскому. Вайнтраубу, какъ искусному золотыхъ дѣлъ мастеру, это ничего не стоило, и дядя предлагалъ ему за работу тысячу рублей. Но осторожный еврей долго не соглашался на такую аферу. «Тысяча рублей за 15 минутъ работы—хорошая цѣна! это—гешефтъ настоящій... но вѣдь и веревка вокругъ шеи бѣднаго еврея будетъ настоящая»... промолвилъ онъ, горько улыбаясь.

Тѣмъ не менѣе еврей далъ слово исполнить просьбу дяди. Спустя нѣсколько дней послѣ этого второго свиданія съ Вайнтраубомъ, докторъ попросилъ дядю зайти къ нему на домъ для необходимаго совѣщанія. Когда пріятели заперлись въ кабинетѣ, докторъ сообщилъ Николаю Владимировичу, что онъ намѣренъ сегодня же приступить къ выполненію задуманнаго плана.

Браунъ едва ли проживетъ еще трое сутокъ, такъ что откладывать дѣло нѣтъ болѣе возможности. Дядя выслушалъ безмолвно доктора, и только лицо его выражало невыносимыя душевныя страданія. При прощаніи докторъ передалъ ему «капли» на всякій случай, какъ онъ прибавилъ многозначительно, при чемъ показалъ такую же склянку, приготовленную имъ и для себя.

День былъ субботній. Вечеромъ въ 6 часовъ дядя, захвативъ «капли», отправился ко всенощной. Войдя въ церковь, онъ отошелъ

къ одному изъ боковыхъ придѣловъ и, забившись въ темный уголъ, опустился на колѣни. Но молиться онъ былъ не въ силахъ... челюсти судорожно сжимались, и его трясло, какъ въ лихорадкѣ... Въ $7^1/_2$ часовъ должно было все кончиться... Желая посмотрѣть на часы, онъ опустилъ руку въ карманъ и вздрогнулъ, когда вмѣсто нихъ ощутилъ пузыречекъ, данный ему докторомъ.

Кончилась всенощная; народъ сталъ медленно уходить; тогда и дядя всталъ и шатаясь, словно опьяненный, пошелъ къ выходу. Вынувъ склянку изъ кармана и стиснувъ ее въ рукѣ, онъ побрелъ безсознательно, прямо по направленію къ квартирѣ доктора. Приближаясь къ одноэтажному деревянному дому, гдѣ тотъ жилъ, онъ издали увидалъ яркій свѣтъ въ комнатахъ. Съ замираніемъ сердца подкрался дядя къ окнамъ и сталъ внимательно всматриваться въ то, что происходитъ въ квартирѣ. Сквозь густую зелень цвѣтовъ онъ разглядѣлъ жену доктора, сидящую съ дѣтьми за чайнымъ слоломъ, но хозяина дома не было. Въ глазахъ дяди помутилось... ноги подкашивались, и онъ долженъ былъ схватиться за рѣшетку ограды, чтобы не упасть... Въ этотъ моментъ дверь сосѣдней комнаты отварились, и докторъ Б. вошелъ съ выраженіемъ спокойствія на лицѣ. Собравъ послѣднія силы, дядя побѣжалъ домой. Денщикъ караулилъ его уже съ полчаса у открытой двери. На отрывистый вопросъ дяди: «ну, что?»—добрый малый отвѣтилъ радостно: «съ Божьей помощью все обошлось благополучно». Услыхавъ такую вѣсть, дядя грохнулся безъ чувствъ на полъ. Съ помощью военнаго врача, жившаго въ томъ же домѣ и позваннаго перепугавшимся денщикомъ, дядя скоро оправился, но вынужденъ былъ лечь въ постель.

Ночью онъ позвалъ денщика, и тотъ расказалъ въ краткихъ словахъ исторію удачнаго спасенія больного узника.

Въ 7 часовъ вечера, когда обыкновенно дѣлались приготовленія для ванны, докторъ Б. зашелъ къ Брауну, принявшему по его приказанію уже ранѣе слабое наркотическое средство, отъ котораго тотъ впалъ въ полусознательное состояніе. Въ то же время фельдшеръ провелъ незамѣтно Вайнтрауба въ комнату Брауна. Опытный еврей-мастеръ замѣтилъ сразу, что серьга скрѣплена только штифтикомъ; быстро подпилилъ онъ головку штифтика и вынулъ колечко изъ уха. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, служители вынесли Брауна черезъ кладовую въ ванну, а оттуда принесли Нертовскаго. Фельдшеръ прокололъ ему золотой иглой ухо, и Вайнтраубъ, продѣвъ серьгу, опять вставилъ штифтикъ и расплюснулъ его головку ударами маленькаго молотка. Вся эта операція продолжалась не болѣе 10 минутъ, и когда Брауна, превратившагося въ Нертовскаго, вынесли изъ ванны и положили на постель арестованнаго подпоручика,—караульный офицеръ, сидѣвшій, по примѣру предыдущихъ дней, въ пріемномъ кабинетѣ доктора, удивился

даже, что купанье кончилось такъ скоро; но докторъ объявилъ ему, что больной отъ слабости въ ваннѣ заснулъ, а потому продолжать купанье было вредно.

Предсказаніе доктора, что Браунъ не выживетъ и трехъ дней, не вполнѣ оправдалось,—онъ протянулъ еще цѣлую недѣлю, хотя и пребывалъ все время, вслѣдствіе окончательнаго упадка силъ, въ полусознательномъ состояніи. На вопросы начальства относительно положенія больного Нертовскаго докторъ сталъ понемногу приготовлять коменданта и полковника изъ Петербурга къ неблагопріятному исходу. Чтобы не возбудить подозрѣнія, дядя продолжалъ навѣщать мнимаго брата и задавать ему, въ присутствіи дежурнаго офицера, вопросы, но не получалъ отвѣта, такъ какъ больной утратилъ уже способность говорить.

Полковникъ изъ Петербурга сталъ замѣтно безпокоиться и пытался узнать причины внезапнаго ухудшенія болѣзни Нертовскаго; докторъ объяснилъ ему, что въ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго, ибо форма болѣзни была самая тяжкая, сопровождавшаяся всегда рецидивами.

При наступленіи агоніи Брауна, докторъ пригласилъ къ нему все начальство съ комендантомъ во главѣ, а также и двухъ остальныхъ военныхъ врачей.

Удостовѣрившись въ смерти подпоручика Нертовскаго, петербургскій полковникъ попросилъ составить актъ, который тотчасъ же былъ посланъ по адресу слѣдственной комиссіи въ столицу. На скромныхъ похоронахъ, состоявшихся на другой день, комендантъ выразилъ дядѣ соболѣзнованіе, прибавивъ при этомъ, что смерть несчастнаго была лучшимъ исходомъ всей этой печальной исторіи.

Спасеніе Евгенія Нертовскаго, граничившее съ настоящимъ чудомъ, не устраняло, однако, еще многихъ опасностей. Освобожденнаго нужно было основательно подготовить къ его новой роли. Для этой цѣли дядя передалъ доктору тетрадь, въ которой была записана вся родословная Ивана Карловича Брауна и весь его военный curriculum vitae; братъ Женя долженъ былъ выучить содержаніе тетрадки наизусть и упражняться вдобавокъ въ копированіи почерка умершаго. При хорошихъ способностяхъ Евгенія ему удалось это въ очень непродолжительное время. Мѣсяцъ спустя послѣ похоронъ Брауна, подпоручикъ Нертовскій выписался изъ лазарета.

Сбритые еще во время болѣзни усы и волосы измѣнили его наружный видъ такъ основательно, что даже дядя Николай, видѣвшій брата издали, не сразу узналъ его. Изъ Д. Нертовскій отправился прямо на Кавказъ, гдѣ и вступилъ въ ряды тамошнихъ войскъ, на основаніи документовъ, подъ именемъ Ивана Карловича Брауна.

V.

На этомъ счастливомъ избавленіи Евгенія Нертовскаго отъ позора и смерти, исторія, казалось бы, должна была и кончиться; но не тутъ-то было,—финалъ ея разыгрался, спустя пять лѣтъ, при обстоятельствахъ, свидѣтельствующихъ о необычайной отвагѣ и рыцарскомъ чувствѣ молодого рубаки.

На Кавказѣ псевдо-Браунъ попалъ въ самую подходящую для его пылкаго нрава компанію; онъ сразу сталъ всеобщимъ любимцемъ, начиная съ высшаго начальства и кончая послѣднимъ рядовымъ. Въ первомъ же дѣлѣ съ непріятелемъ онъ заслужилъ георгіевскій крестъ; зато въ болѣе спокойное время Иванъ Карловичъ часто сиживалъ подъ арестомъ. «Смотрите, поручикъ Браунъ,—говорилъ ему нерѣдко начальникъ дивизіи:—быть вамъ разжалованнымъ въ солдаты».—«Мундиръ этихъ храбрыхъ молодцовъ, проливающихъ столь радостно свою кровь за вѣру, царя и отечество, не можетъ служить ни для кого символомъ безчестія»,—былъ смѣлый отвѣтъ юнаго офицера. Но вотъ однажды, весной 1831 года, Иванъ Карловичъ получилъ письмо, отъ содержанія котораго пришелъ въ сильное волненіе. Обычная веселость покинула его сразу, и онъ ходилъ нѣсколько дней хмурымъ и молчаливымъ. Наконецъ, воспрянувши духомъ, Иванъ Карловичъ отправился къ начальнику дивизіи, прося дать ему немедленно шестинедѣльный отпускъ, ссылаясь на крайне важныя и неотложныя дѣла. Генералъ пожелалъ узнать причину такого внезапнаго рѣшенія, но Браунъ отказался наотрѣзъ давать объясненія. «Ну, а если я не разрѣшу вамъ отпуска?»—спросилъ улыбаясь начальникъ дивизіи.—«Тогда я уѣду безъ дозволенія вашего превосходительства»,—отвѣтилъ твердымъ тономъ Иванъ Карловичъ.—«И попадете за побѣгъ въ военное время подъ судъ, за что, по меньшей мѣрѣ, будете разжалованы въ рядовые»,—сказалъ, уже грозно нахмуривъ брови, генералъ.—«Что же дѣлать, ваше превосходительство, тогда оправдается, по крайней мѣрѣ, ваше предсказаніе».—«Вы чудакъ Браунъ! Я вижу, съ вами ничего не подѣлаешь—вы дѣйствительно способны на такой дерзкій и безумный поступокъ! Мнѣ жаль васъ—поѣзжайте съ Богомъ, я даю вамъ отпускъ!»—Въ тотъ же день Иванъ Карловичъ мчался по дорогѣ въ Европейскую Россію.

Конечная цѣль его поѣздки была крѣпость Д., гдѣ 5 лѣтъ тому назадъ онъ пережилъ такое мучительное время.

Письмо, полученное имъ на мѣстѣ службы, было отъ Ліи, дочери часовщика Вайнтрауба. Она умоляла Ивана Карловича спасти ея отца отъ нестерпимыхъ вымогательствъ одного офицера крѣпостного гарнизона. Сей джентльменъ, нѣкій штабсъ-капитанъ Р.,

будучи дежурнымъ офицеромъ въ достопамятный вечеръ, когда происходилъ обмѣнъ двухъ больныхъ, началъ впослѣдствіи сомнѣваться въ тожественности личности умершаго съ подпоручикомъ Нертовскимъ. Поводомъ къ его подозрѣнію послужило поведеніе дяди Николая. Онъ сталъ слѣдить за нимъ, при чемъ скоро убѣдился, что тутъ кроется какая-то тайна. Случайно узналъ онъ отъ извозчика, что дядя Николай ѣздилъ дважды, по вечерамъ, къ Вайнтраубу; это его очень удивило, ибо онъ зналъ, что Нертовскій никогда не нуждался въ деньгахъ. Затѣмъ онъ вспомнилъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда онъ стоялъ въ кабинетѣ доктора у окна, ему показалось, что промелькнула фигура стараго еврея, быстро удалявшагося изъ зданія госпиталя. Сопоставляя всѣ эти факты съ нѣкоторыми не совсѣмъ понятными для него тогда явленіями, онъ добрался приблизительно до истины, т. е., что Вайнтраубъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ спасенія Евгенія Нертовскаго.

Штабсъ-капитанъ Р. принадлежалъ къ типу завистливыхъ, алчныхъ и злорадныхъ людей; родомъ полякъ, онъ былъ выгнанъ со службы изъ польской арміи и перешелъ, благодаря только протекціи одной весьма вліятельной куртизанки, которой приходился родственникомъ, въ ряды русскихъ войскъ. Отталкивающая наружность бѣлобрысаго, кривоногого Р. вполнѣ гармонировала съ его подлымъ характеромъ. Въ придачу ко всѣмъ добродѣтелямъ онъ слылъ еще за грубаго кутилу и развратника.

Пока дядя Николай жилъ въ Д., Р. не отважился предпринять что либо рѣшительное, боясь навлечь на себя нерасположеніе такого энергичнаго и безстрашнаго человѣка; но когда черезъ два года дядя перевелся по службѣ на югъ Россіи,—наглый штабсъ-капитанъ отбросилъ всякую робость и приступилъ къ эксплоатаціи своей догадки.

Онъ отправился къ Вайнтраубу и сказалъ старому еврею прямо въ лицо, что ему извѣстна вся продѣлка въ ваннѣ.

Испуганный старикъ сталъ было сперва отпираться, но угрозы офицера сломили очень скоро упорство Вайнтрауба, и онъ упалъ на колѣни передъ Р., прося не губить его. Р. не было никакого расчета доносить о совершенномъ въ свое время обманѣ, онъ предпочелъ хорошо поживиться изъ туго набитаго кармана еврея, а потому и просилъ на первыхъ порахъ въ займы только 1.000 рублей, но безъ всякаго письменнаго документа съ его стороны. Скрѣпя сердце, бѣдный Вайнтраубъ выдалъ ему требуемую сумму. Такая легкая добыча денегъ развила въ штабсъ-капитанѣ Р. особенные вкусы; онъ сталъ кутить во всю и на удивленные вопросы товарищей отвѣчалъ улыбаясь, что нашелъ неизсякаемую золотую руду. За первымъ займомъ у Вайнтрауба послѣдовалъ второй, третій и т. д., пока въ одинъ прекрасный день не пріѣхала изъ

Раги дочь Лія, отправленная отцомъ 5 лѣтъ тому назадъ въ одинъ изъ тамошнихъ пансіоновъ для «образованности», какъ говорилъ старикъ.

Увидавъ красивую девятнадцати-лѣтнюю и прекрасно воспитанную дѣвушку, Р. воспылалъ къ ней страстью; онъ началъ галантно ухаживать за ней и привозить цѣнные подарки, купленные на тѣ же выжатыя отъ отца деньги. Лія отвергнула съ нескрываемымъ отвращеніемъ всѣ его ухаживанія и предложенія, отъ чего Р. пришелъ въ бѣшеную ярость. Убѣдившись, что добромъ ничего не добьешься, низкій вымогатель сталъ пускать въ ходъ свою обычную угрозу. Онъ назначилъ четырехнедѣльный срокъ для всесторонняго обсужденія его грозныхъ предложеній, объявивъ, что если по истеченіи его Лія не смирится, то отецъ ея погибнетъ. Въ своемъ отчаяніи, дѣвушка вспомнила о молодомъ офицерѣ, въ спасеніи котораго принималъ участіе ея отецъ, и написала ему. Чтобы выиграть необходимое время, она стала немножко привѣтливо относиться къ Р., прося его дать ей возможность хорошенько обдумать и свыкнуться съ его предложеніемъ. Р. согласился продлить срокъ еще на двѣ недѣли, но зато по окончаніи его требовалъ неуклоннаго отвѣта.

Тѣмъ временемъ Иванъ Карловичъ Браунъ мчался день и ночь по почтовымъ трактамъ матушки Россіи. О своей опасности онъ и не думалъ, такъ возмущалъ его подлый и омерзительный поступокъ штабсъ-капитана. Не доѣзжая верстъ 30 до крѣпости Д., Иванъ Карловичъ отпустилъ почтовыхъ лошадей и нанялъ у харчевника-еврея хорошую тройку, на которой и подъѣхалъ вечеромъ прямо къ дому Вайнтрауба. Войдя въ комнату, онъ случайно столкнулся съ Ліей и былъ пораженъ ея красотой. Чудный, слегка матовый отъ загара цвѣтъ лица дѣвушки, правильныя, мягкія черты и выразительные темно-голубые глаза, окаймленные великолѣпными бархатными бровями и длинными рѣсницами, представляли собой прекрасное сочетаніе юности, свѣжести и женственности; роскошные каштановые волосы съ легкимъ золотистымъ оттѣнкомъ украшали ея чисто античную по формѣ головку. Несмотря на свою стройную, высокую и гибкую фигуру, Лія обладала атлетическимъ станомъ съ широкими плечами и высокой, сильно развитой, грудью. Она являлась типичной представительницей той высшей еврейской расы, которая прошла черезъ африканское побережье въ Испанію, а оттуда распространилась по Нидерландамъ и нѣкоторымъ частямъ сѣверозападной Германіи, гдѣ она, къ сожалѣнію, опять смѣшалась съ выродившимся племенемъ еврейскихъ выходцевъ изъ Польши. Иванъ Карловичъ почтительно поклонился и поцѣловалъ робко протянутую руку. Сильно смущенная появленіемъ молодого кавказскаго офицера, Лія вся зардѣлась пурпуровымъ цвѣтомъ, когда Браунъ сооб-

щилъ, что пріѣхалъ избавить ее отъ возмутительно наглыхъ посягательствъ штабсъ-капитана Р. Вернувшійся вскорѣ изъ города старикъ Вайнтраубъ былъ очень встревоженъ пріѣздомъ неожиданнаго для него защитника; онъ умолялъ Ивана Карловича не затѣвать скандала, ибо уже рѣшился тайкомъ эмигрировать. Браунъ успокоилъ его и просилъ только Лію написать записку Р. съ приглашеніемъ явиться на другой день утромъ по важному дѣлу въ ихъ домъ. Письмо онъ вручилъ ямщику съ приказаніемъ передать его по адресу. Попросивъ у Вайнтрауба дозволенія остаться до утра, Иванъ Карловичъ улегся не раздѣваясь на диванъ и проспалъ спокойно до десяти часовъ утра. Скоро появилась Лія и предложила гостю завтракъ, отъ котораго Браунъ, однако, отказался; тогда молодая дѣвушка пригласила его пройти въ находящійся позади ихъ домика небольшой садъ. Тамъ они сѣли передъ клумбой цвѣтовъ на скамейку, защищенную деревьями и густо разросшеюся зеленью кустовъ отъ знойно палящихъ лучей іюньскаго солнца. По дорогѣ Лія сорвала машинально пышно расцвѣтшую вѣтку сирени. Разговоръ между молодыми людьми какъ-то не клеился. Браунъ восхищался въ тайнѣ чарующей дѣвственной прелестью дочери Вайнтрауба, Лія же, съ своей стороны, была подавлена чувствомъ страха и стыда, что незнакомый молодой офицеръ собирался цѣною собственной жизни защитить ея дѣвичью честь. Она не спускала глазъ съ сиреневой вѣтки, находящейся въ ея рукахъ, и только нервно рвала съ нея цвѣты, бросая лепестки вокругъ себя.

Но вотъ послышался стукъ колесъ; Лія приподнялась и, подавая Ивану Карловичу вѣтку сирени, сказала съ тихой, печальной улыбкой:

— Посмотрите, сколько тутъ цвѣточковъ съ пятью, шестью и даже семью лепестками, по народному повѣрью, это обозначаетъ счастье,— возьмите ее, она будетъ вашимъ талисманомъ и сохранитъ вашу драгоцѣнную жизнь.

Съ этими словами она быстро отвернулась, желая скрыть навернувшіяся на ея глазахъ слезы, и выбѣжала изъ сада.

Наконецъ явился сіяющій штабсъ-капитанъ Р. Получивъ записку, онъ вообразилъ, что Лія назначаетъ ему свиданіе, съ цѣлью осчастливить его принятіемъ извѣстнаго предложенія. Но не успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ, къ величайшему его удивленію, одна изъ боковыхъ дверей отворилась, и вмѣсто ожидаемой красавицы вошелъ кавказскій офицеръ чуть не саженнаго роста съ георгіевскимъ крестомъ на богатырской груди и съ пистолетомъ въ рукѣ.

— Вы штабсъ-капитанъ Р.?—холодно спросилъ вошедшій.

— Я, но не понимаю, что вамъ угодно отъ меня?

— Моя фамилія Браунъ, или, какъ вы вѣрно подозрѣваете, я Евгеній Нертовскій. Теперь вы поймете, что намъ вдвоемъ жить

на свѣтѣ невозможно—одинъ изъ насъ долженъ умереть. Я предлагаю вамъ дуэль на узелки, и тотчасъ же, въ ближайшемъ лѣсу; если вы несогласны, то я размозжу вамъ голову на мѣстѣ. Предварительно мы оба напишемъ записки одинаковаго содержанія, адресованныя коменданту, въ которыхъ сообщимъ, что покончили съ жизнью самовольно; даю вамъ на размышленіе пять минутъ.

Послѣ этихъ словъ Иванъ Карловичъ взвелъ курокъ пистолета и, указавъ на стѣнные часы, сталъ выжидать отвѣта. Штабсъ-капитанъ Р. былъ близокъ къ потерѣ сознанія; онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и на лбу у него выступилъ холодный потъ; рѣшительный тонъ безпощаднаго противника не допускалъ никакого сомнѣнія относительно выполненія его угрозы. Собравъ послѣднія силы, онъ промолвилъ еле слышно, что принимаетъ условіе. Тогда Браунъ продиктовалъ ему записку на имя коменданта и, написавъ таковую же отъ себя, попросилъ Р. послѣдовать за нимъ. По дорогѣ къ маленькой рощѣ, лежавшей въ полуверстномъ разстояніи отъ дома Вайнтрауба, Иванъ Карловичъ шепнулъ штабсъ-капитану, чтобы онъ не пытался бѣжать или выкинуть какую нибудь свойственную его характеру подлость, ибо тогда онъ его застрѣлитъ, какъ собаку. Войдя въ середину лѣсочка, гдѣ стояли развалины заброшенной кузницы, Браунъ вынулъ платокъ и попросилъ Р. завязать одинъ узелъ; затѣмъ Р. долженъ былъ отвернуться, зажать платокъ въ кулакъ и предоставить Ивану Карловичу вытянуть одинъ изъ двухъ кончиковъ— узелокъ обозначалъ смерть. Когда Р. протянулъ дрожащую руку съ зажатымъ въ ней платкомъ, Браунъ хладнокровно взялъ одинъ кончикъ и потянулъ его—узелокъ остался въ рукѣ Р. Давъ своему противнику пистолетъ, Иванъ Карловичъ вынулъ въ то же время еще и другой—изъ предосторожности. Р. быстро зашелъ за стѣну кузницы, послѣ чего раздался моментально выстрѣлъ. Подойдя къ штабсъ-капитану, лежавшему на боку, Браунъ убѣдился, что смерть послѣдовала мгновенно. Р. направилъ дуло пистолета въ високъ, и пуля прошла на вылетъ.

Возвратившись въ домъ Вайнтрауба, Иванъ Карловичъ встрѣтилъ только старика, которому и сообщилъ объ исходѣ поединка. Услыхавъ вѣсть, Вайнтраубъ не проронилъ ни единаго слова; онъ поднялъ лишь руки къ небу и, застывъ въ этой позѣ, шевелилъ губами.

На вопросъ Брауна: гдѣ Лія? — онъ какъ будто очнулся и отвѣтилъ таинственнымъ голосомъ, что она уѣхала впередъ, въ Ригу, куда въ эту же ночь собирается и онъ самъ. Оказалось, что Вайнтраубъ за недѣлю до настоящаго происшествія продалъ свой домъ одному единовѣрцу и рѣшилъ переселиться въ Нидерланды, откуда прибылъ въ Россію его дѣдъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ.

Извѣстіе объ отъѣздѣ Ліи поразило и огорчило молодого офицера до глубины души. Съ недоумѣвающимъ выраженіемъ лица и съ невольной горькой усмѣшкой онъ спросилъ старика: «неужели Лія такъ мало интересовалась результатомъ дуэли, что даже не полюбопытствовала узнать, остался ли въ живыхъ заступникъ ея чести?»

Вайнтраубъ пожалъ только плечами и замѣтилъ, что рано или поздно дочь все узнаетъ отъ него. Невзгоды и притѣсненія послѣднихъ лѣтъ сдѣлали старика мало отзывчивымъ къ чужой печали; онъ даже не понялъ хорошенько причины огорченія Ивана Карловича, ибо полагалъ, что избавиться отъ назойливыхъ угрозъ штабсъ-капитана входило въ расчетъ и самого Брауна. Послѣ минутнаго тяжелаго молчанія Иванъ Карловичъ приказалъ подать лошадей, распростился съ Вайнтраубомъ и, сѣвъ въ тарантасъ, отправился въ обратный путь.

Въ тотъ же день къ вечеру пастухи нашли въ лѣсу тѣло штабсъ-капитана, которое и доставили въ городъ. По запискѣ, найденной у самоубійцы, никакого дальнѣйшаго дѣла не возбуждалось, хотя и подозрѣвали тутъ что-то неладное. Р. былъ такъ не любимъ товарищами и начальствомъ, что многіе были довольны смертью этого офицера.

VI.

Когда послѣ трехчасовой быстрой ѣзды вдали показалось мѣстечко и постоялый дворъ, гдѣ дядя утромъ нанялъ тройку, то было уже настолько поздно, что онъ рѣшился переночевать въ селѣ. Содержатель постоялаго двора отвелъ ему лучшую комнату, и Иванъ Карловичъ расположился въ ней отдохнуть, приказавъ приготовить чай и ужинъ.

Сѣвъ у открытаго окна, Браунъ устремилъ свой взоръ въ необъятную даль. Тихій лѣтній вечеръ и ярко озаренное закатомъ солнца безоблачное небо представляли рѣзкій контрастъ съ его душевнымъ настроеніемъ. Онъ сталъ мысленно перебирать всѣ перипетіи своей жизни за истекшія пять лѣтъ, при чемъ впервые овладѣла имъ сильная грусть, разочарованіе и какое-то странное чувство недовольства самимъ собой.

Образъ Ліи, неотступно преслѣдовавшій его съ перваго момента встрѣчи, усугублялъ только мрачныя думы. Робкій стукъ въ дверь прервалъ внезапно ходъ мыслей молодого офицера; обернувшись онъ увидалъ хозяина-еврея, низко кланявшагося и докладывавшаго, что «ясновельможнаго пана полковника желаетъ видѣть какой-то молодой господинъ». На удивленный вопросъ, кто бы это могъ быть, еврей быстро выбѣжалъ и крикнулъ неизвѣстному: «пожалуйте».

Послышались легкіе шаги, и въ комнату вошелъ стройный юноша, завернутый въ длинный плащъ и съ широкополой шляпой на головѣ.

— Лія! — вскрикнулъ Иванъ Карловичъ, подойдя ближе къ незнакомцу.

Передъ нимъ стояла дѣйствительно дочь Вайнтрауба. Внѣ себя отъ волненія и радости обнялъ онъ дѣвушку, стоявшую все время молча и неподвижно и покрылъ ея лицо страстными, безумными поцѣлуями. Снявъ съ Ліи плащъ и шляпу, онъ разсмотрѣлъ, что дѣвушка была одѣта въ изящный мужской костюмъ, плохо скрывавшій, однако, ея роскошныя женскія формы. Несмотря на наглухо застегнутый длинный сюртукъ и пышное кружевное жабо, великолѣпный бюстъ Ліи выдавалъ сразу ея полъ.

Когда, оправившись отъ перваго удивленія, Иванъ Карловичъ хотѣлъ зажечь свѣчку, то Лія схватила его за руку, просила подождать съ этимъ до окончанія необходимаго объясненія ея страннаго поступка.

— Вы сочли меня неблагодарной и бездушной, когда, вернувшись въ домъ отца, не застали меня тамъ; но я знала объ исходѣ дуэли, а потому желала воспользоваться временемъ пріѣхать сюда раньше васъ, чтобы никогда уже больше съ вами не разставаться.

Съ послѣдними словами Лія закрыла руками лицо и тихо заплакала.

— Я знаю, и вы не старайтесь разувѣрить меня въ этомъ, что предпринятый мною шагъ противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ о приличіи, дѣвственномъ цѣломудріи, но я рѣшила такъ, потому что принадлежу вамъ по праву древнѣйшихъ законовъ. Неужели вы думали, что я допустила бы штабсъ-капитана выполнить угрозу, направленную противъ моего отца? Для меня не было другого исхода, какъ пасть жертвой разнузданной страсти негодяя, который сегодня вынужденъ былъ покончить съ собой; я принадлежала бы ему, какъ рабыня принадлежитъ своему безпощадному, жестокому властелину. Избѣгнуть позора самоубійствомъ не принесло бы бѣдному моему отцу избавленія отъ мучителя, слѣдовательно я была обречена на гибель. Вы спасли меня и отца, рискуя своей жизнью, и я стала вашей собственностью. Вы побѣдили врага — вамъ принадлежитъ все его имущество, а въ особенности то, изъ-за котораго состоялся Божій судъ. Вѣдь вы въ правѣ требовать благодарности и вознагражденія, а потому я приношу вамъ то и другое.

Изъ всѣхъ этихъ безсвязныхъ словъ, произнесенныхъ Ліей трепетнымъ голосомъ, Иванъ Карловичъ понялъ только главное, что самой тяжелой минутой въ жизни непорочной дѣвушки является тотъ моментъ, когда она силой обстоятельствъ вынуждена

признаться молодому человѣку въ пламенной любви. Подойдя къ плачущей Ліи и нѣжно обнявъ ее, Браунъ сказалъ:

— Теперь выслушай и меня. Когда я сегодня увидалъ тебя впервые, то сердце забилось въ непонятномъ для меня страхѣ и отчаяніи. Не красота твоя меня смутила, а мысль, что злая надменная судьба можетъ рѣшить поединокъ въ пользу того подлаго хищника, и ты погибнешь неминуемо. Этого мгновенія было достаточно для пробужденія во мнѣ страстной любви къ тебѣ и желанія выйти побѣдителемъ. Клянусь, что не оставлю тебя до конца жизни.

Сказавъ это, Иванъ Карловичъ хотѣлъ распорядиться насчетъ ихъ дальнѣйшаго пребыванія на постояломъ дворѣ, но Лія умоляла его отправиться немедленно въ путь.

Дорогой она разсказала, какъ въ моментъ столкновенія его съ штабсъ-капитаномъ она выбѣжала изъ дома и, отыскавъ мальчика подмастерья, приказала ему зорко слѣдить, куда поѣдутъ офицеры, сама же она понеслась на лежащее вблизи православное кладбище, гдѣ въ часовнѣ и оставалась все время, стоя на колѣняхъ: «я молилась Богу, который твой и мой». Когда вернулся мальчикъ и сообщилъ ей объ исходѣ дуэли, она собрала заранѣе приготовленныя вещи и деньги, сказавъ отцу, что поѣдетъ, согласно уговору, впередъ.

На пятый день молодая пара прибыла въ Москву. Иванъ Карловичъ повезъ Лію къ своей двоюродной теткѣ, набожной, доброй, но и очень строгой старушкѣ—единственной особѣ, передъ которой онъ испытывалъ своего рода страхъ. Выслушавъ внимательно племянника, тетка спросила, гдѣ же его невѣста, и когда счастливый женихъ привелъ изъ передней Лію, все еще одѣтую въ мужской костюмъ, то тетка долго не могла прійти въ себя отъ изумленія. Поразительная красота Ліи, ея чарующая женственность, обезоружили окончательно старушку; она схватила племянника за ухо и потрепавъ его хорошенько, сказала только—«проказникъ».

Въ Москвѣ парочка пробыла цѣлую недѣлю; въ это время приходскій священникъ, гдѣ жила тетка, окрестилъ Лію въ православную вѣру и затѣмъ обвѣнчалъ молодыхъ людей.

Послѣ свадьбы счастливая молодая супруга написала отцу обстоятельное письмо, прося у него прощенія. Старикъ Вайнтраубъ прислалъ отвѣтъ въ грустно-ироническомъ тонѣ, въ которомъ высказывалась покорность судьбѣ и твердая увѣренность, что Ліи никогда не придется раскаиваться въ своемъ поступкѣ.

На Кавказѣ пріѣздъ Ивана Карловича съ небывалой красавицей женой произвелъ полную сенсацію; когда поручикъ Браунъ представилъ Лію Семеновну, какъ отнынѣ ее звали, начальнику дивизіи, то старый боевой генералъ, покручивая сѣдые усы, замѣтилъ, что изъ-за такой красавицы онъ не задумался бы спуститься

и къ чертямъ въ адъ. Въ началѣ своего супружества Лія находилась постоянно при мужѣ, раздѣляя съ нимъ жизнь на бивуакахъ и походахъ, но когда у нея родился сынъ, материнскій инстинктъ заговорилъ, и она перебралась въ болѣе безопасное мѣсто. По желанію родителей Ивана Карловича, Лія Семеновна отправилась со своимъ маленькимъ сыномъ погостить въ Ригу. Тамъ ознаменовалось ея пребываніе маленькимъ эпизодомъ, благодаря которому въ семьѣ Нертовскихъ сохранился чудный портретъ красавицы.

Въ Ригѣ проживалъ въ то время талантливый художникъ-портретистъ В., ученикъ знаменитаго академика Гергарда фонъ-Кюгельгана въ Дрезденѣ. Познакомившись на одномъ вечерѣ съ женой Брауна, художникъ былъ такъ восхищенъ типичной красотой Ліи Семеновны, что умолялъ позволить ему увѣковѣчить ея черты. Г-жа Браунъ согласилась, и В. нарисовалъ поразительно схожій съ оригиналомъ портретъ. Онъ изобразилъ Лію, по ея указаніямъ, въ томъ же костюмѣ и приблизительно въ той же позѣ, какую она занимала, сидя въ знаменательный день дуэли на скамейкѣ, въ саду, рядомъ съ Брауномъ. Въ рукѣ держала она, какъ и тогда, густую вѣтку сирени.

Иванъ Карловичъ прожилъ съ Ліей безъ малаго 50 лѣтъ въ счастливѣйшемъ бракѣ. Въ 1878 году, послѣ краткой болѣзни она тихо скончалась съ застывшей на ея все еще красивыхъ устахъ счастливой улыбкой. Смерть горячо любимой подруги жизни подкосила богатырскую натуру Ивана Карловича основательно; онъ впалъ въ глубокую хандру и мечталъ только о скорѣйшемъ свиданіи «со своей Ліей» на томъ свѣтѣ.

Восемь мѣсяцевъ спустя, его желаніе сбылось.

М. Станиславскій.

ОЧЕРКИ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

(Очеркъ первый).

Эпоха расцвѣта литературы.—«Акушеры» русской словесности. — Ѳаддей Булгаринъ въ подозрѣніи.—Булгаринскій служебный «кондуитъ».—Булгаринъ въ Мадридѣ, Варшавѣ и Петербургѣ.—Литературный «кондуитъ» Булгарина.—Дамскій журналъ на польскомъ языкѣ. — «Сѣверный Архивъ». — Отзывы о Булгаринѣ «Полярной Звѣзды».—Дружба Грибоѣдова съ Булгаринымъ.—Länchen und Tante.—Записка Булгарина о цензурѣ (1826 г.). Проектъ управленія «общимъ мнѣніемъ».—«Элементы» читающей публики.—«Вышнее сословіе».—«Среднее состояніе».—Характеристика читателей 20-хъ годовъ въ «Московскомъ Телеграфѣ». — «Нижнее состояніе».—Священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ. — «Бездѣлица» для занятія умовъ.—Характеристика александровской цензуры. — «Общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо».—Опасеніе Булгарина, что его «заключютъ» въ министерствѣ просвѣщенія.—Цензурный уставъ 1804 года.—Либерально-идиллическій духъ его.—Суровая проза дѣйствительности.—«Evolutions périodiques».—Катавасія съ Наполеономъ.—«Твердыя правила» кн. Голицына.—Его борьба за вѣру. — Анаѳематствованіе Голицына монахомъ Фотіемъ. — Отношеніе александровской цензуры къ вопросу о крѣпостной зависимости.—«Неприличности» въ «Духѣ журналовъ».—Размноженіе цензуръ.—Цензурные курьезы александровскаго времени.—Запрещеніе книгъ безъ еровъ.—Почему литературѣ было труднѣе подъ николаевской цензурой.

I.

ТРИДЦАТЫЕ, сороковые и пятидесятые годы истекшаго столѣтія—время наивысшаго расцвѣта нашей художественной литературы. На протяженіи трехъ десятилѣтій столпились таланты чрезвычайной силы, явились прямо геніи. Во всѣхъ областяхъ художества слова неизсякаемымъ ключемъ било свѣжее вдохновенное творчество. Великія произведенія являлись одно за другимъ. Поэты и прозаики выступали плеядами. Въ блескѣ крупнѣйшихъ звѣздъ исчезали менѣе яркія, и многое нами забыто лишь потому, что поблѣднѣло предъ совершенными созданіями великихъ мастеровъ, хотя взятое само по себѣ обличаетъ крупное дарованіе.

Время было въ высшей степени своеобразное, которое такъ характеризуетъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» Тургеневъ: «Ничего даже не шевелилось, а только бродило — глубоко, но смутно—въ нѣкоторыхъ молодыхъ умахъ. Литературы, въ смыслѣ живого проявленія одной изъ общественныхъ силъ, находящагося въ связи съ другими столь же и болѣе важными проявленіями ихъ, — не было, какъ не было прессы, какъ не было гласности, какъ не было личной свободы, а была словесность, и были такіе словесныхъ дѣлъ мастера, какихъ мы уже потомъ не видали» [1]).

«Литературы не было, а была словесность, не было литераторовъ, а были великіе мастера словесныхъ дѣлъ». Чтобы понять, что хочетъ этимъ сказать Тургеневъ, надо вникнуть въ положеніе печати николаевской эпохи. Въ самомъ дѣлѣ окажется, что литературы тогда не было, что она была прямо упразднена, но... все великое, все безсмертное, все вознесшее русскую словесность на вершины недосягаемаго совершенства несравненной художественности именно тогда, въ николаевскіе дни, явилось.

Тридцатые годы—время полной зрѣлости пушкинскаго генія. За «Борисомъ» является рядъ его драматическихъ произведеній, является проза его. Рядомъ творитъ Лермонтовъ, Гоголь, всѣ замыслы котораго зародились въ это десятилѣтіе, и только довершены были въ слѣдующее. Первый очеркъ «Мертвыхъ душъ» еще успѣлъ Гоголь прочесть Пушкину. «Ревизоръ» явился на сценѣ. Въ области лирики—Кольцовъ, Полежаевъ, Щербина. Наконецъ тридцатые годы богаты второстепенными, замѣчательными беллетристами, потонувшими въ лучахъ пушкинской и гоголевской славы. Одоевскій, Бестужевъ-Марлинскій, Погорѣльскій, Ушаковъ, Загоскинъ, Лажечниковъ, Полевой, Кукольникъ, Квитка, Вельтманъ, Бѣгичевъ, Павловъ, даже Гречь и Сенковскій,—все это были люди, богато одаренные. Сороковые годы—расцвѣтъ критическаго таланта Бѣлинскаго. Вырабатываются міросозерцанія западниковъ и славянофиловъ, и въ обоихъ кружкахъ выступаютъ головы одна другой замѣчательнѣе. Въ области прозы въ сороковые годы написаны: «Герой нашего времени» Лермонтова, «Мертвыя души» Гоголя, «Бѣдные люди» Достоевскаго, «Хорь и Калинычъ» Тургенева, «Обыкновенная исторія» Гончарова, «Антонъ горемыка» Григоровича... Расцвѣтъ «натуральной» школы прозаиковъ. Въ поэзія новая плеяда—Майковъ, Полонскій, Фетъ, Некрасовъ, Шевченко, Плещеевъ, Огаревъ. Въ области драмы Островскій. Наконецъ въ пятидесятые годы выступаетъ весь пантеонъ русской литературы XIX-го вѣка. Въ критикѣ и публицистикѣ: Кирѣевскій, Катковъ, Леонтьевъ, О. Миллеръ, Пироговъ, Анненковъ, Дружининъ, Хомя-

[1]) Соч. Изд. 3-е. 1891. Томъ X, стр. 13—14.

ковъ, Аксаковы, Чернышевскій, Добролюбовъ. Въ романѣ — Левъ Толстой, явился Щедринъ, Писемскій; написаны: «Рудинъ» и «Дворянское гнѣздо», «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова внука», «Тысяча душъ», «Обломовъ».

Въ поэзіи выступаетъ новая плеяда: Никитинъ, гр. А. Толстой, Мей, Михайловъ, Апухтинъ, Случевскій, раскрылся Тютчевъ въ «Современникѣ». Наконецъ являются новыя комедіи Островскаго. Если первыя десятилѣтія вѣка и особенно 20-е годы можно назвать весною нашей самобытной литературы, для которой весь XVIII-й вѣкъ былъ школьными годами, то 30-е, 40-е и 50-е годы можно уподобить пышному лѣту, гдѣ всѣ цвѣты развернулись, всѣ завязи были оплодотворены живительной цвѣтенью, и вторая половина столѣтія является уже осенью, порой полнаго налива и созрѣванія нашего умственнаго, духовнаго урожая.

Что же значатъ слова Тургенева: «Была словесность, были мастера словесности—литературы не было»? Не было условій для полнаго проявленія творческихъ силъ словесности. Цвѣтеніе духовной нивы нашей происходило въ условіяхъ неблагопріятныхъ въ высшей степени. Слово въ глубинѣ сознающаго духа народнаго зрѣло, и младенецъ долженъ былъ родиться богатыремъ. Но при разрѣшеніи отъ литературнаго бремени стояли акушеры, которые платонически воздыхали о невозможности затворить чрево рождающее и во всякомъ случаѣ мѣшали, сколько могли, правильному рожденію. Увы, сколько первородящихъ нашей литературы сгибло отъ этой опеки! Сколько плодовъ беременѣющаго духа явились на свѣтъ Божій искалѣченными, недоразвитыми! Писатели умирали рано, дѣлали мало. И это понятно. Въ трудномъ, болѣзненномъ дѣлѣ своемъ они не встрѣчали помощи. Окружающее сдѣлало все, чтобы отравить ихъ существованіе. И едва ли не треть нашего умственнаго урожая осыпалась на корню.

Для правильной оцѣнки литературы нашей является поэтому совершенно необходимымъ изученіе цензурныхъ условій, при которыхъ ей пришлось дѣйствовать. А такъ какъ именно 30-е, 40-е и 50-е годы являются временемъ нашего литературнаго цвѣтенія и всѣхъ зачатій, во всѣхъ областяхъ мысли и слова, такъ какъ именно въ эти десятилѣтія создались совершенные образцы прозы, лирики, драмы, и положены основы какъ русскаго отвлеченнаго мышленія, русскаго самосознанія, такъ и эстетической критики и всѣхъ ея традицій, то особенно важно изученіе николаевской цензуры.

II.

Роковой день 14-го декабря 1825 года должно помѣтить въ числѣ черныхъ дней въ отношеніи литературы. Отсюда развилась крайняя степень «мыслебоязни» въ правящихъ сферахъ, и сразу литера-

тура очутилась въ положеніи заподозрѣнной, тайно злонамѣренной области. Все, прикосновенное къ литературѣ, представлялось напуганной администраціи элементами опасными, неблагонадежными. Такъ 9-го мая 1826 г. дежурный генералъ главнаго штаба Потаповъ пишетъ с.-петербургскому военному губернатору Кутузову: «Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы ваше превосходительство имѣли подъ строгимъ присмотромъ находящагося здѣсь отставного французской службы капитана Булгарина, извѣстнаго издателя журналовъ» [1]).

Генералъ просилъ ему доставить «справку о службѣ» этого «извѣстнаго издателя журналовъ». По справкѣ оказалось:

«Подпоручикъ Ѳаддей Булгаринъ изъ дворянъ Минской губерніи; за отцомъ его 750 душъ крестьянъ мужескаго пола». Въ службу вступилъ изъ кадетъ 1806 г. По неспособности къ кавалерійской службѣ переведенъ въ 1809 г. въ гарнизонный полкъ. По худой атестаціи въ кондуитномъ спискѣ отставленъ отъ службы 1811 года. По кондуитному списку: «По службѣ ведетъ себя дурно, способности ума имѣетъ хорошія, пьянству иногда преданъ, въ хозяйствѣ хорошъ».

Единственное благопріятное для Ѳаддея Венедиктовича обстоятельство въ этой «справкѣ» то, что отецъ его «многодушный» помѣщикъ, богачъ, въ 750-ти душахъ, т. е. прямо милліонеръ. Представьте человѣка, на котораго круглый годъ работаетъ 750 работниковъ! Тутъ умѣстно исправить обычное представленіе о Булгаринѣ, какъ о «плебейцѣ». По крайней мѣрѣ, Пушкинъ, Вяземскій и вся литературная «аристократія» противопоставлялась партіи «плебейцевъ»—Гречу, Сенковскому, Булгарину, Полевому. Это происходило потому, что занятіе журналиста-газетчика представлялось плебейской частью литературы. Пушкинъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ своихъ: «Заниматься журналистикой все равно, что чистить ну—никъ». Но Булгаринъ былъ сынъ польскаго магната, крупнаго помѣщика, и, вѣроятно, въ первой части своего «Ивана Выжигина» онъ изображаетъ отеческій домъ свой съ его сочетаніемъ расточительности и отсутствія примитивнѣйшихъ удобствъ. У описаннаго въ романѣ пана за его огромнымъ столомъ былъ такъ называемый «сѣрый конецъ», гдѣ можно было остаться голоднымъ. «Гордость свою панъ основывалъ на древности своего рода, доказывая ее судебными протоколами, въ которыхъ записаны были въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ жалобы на разбои его предковъ и рѣшенія, осуждающія ихъ на висѣлицу». Описывается празднество въ усадьбѣ: «Въ первый разъ въ теченіе года потревожены были пауки и согнаны съ фамильныхъ портретовъ. Ду-

[1]) «Русская Старина», сентябрь, 1900. Къ исторіи русской литературы. Сообщ. Н. Д. Стр. 576.

бовыя и ольховыя кресла обтянули новою холстиною (sic!). Полы выскоблили наново, потому что отмыть ихъ было невозможно...». Разгульная, безалаберная, хвастливая жизнь панства описана Булгаринымъ очень живо. И не мудрено. Онъ писалъ съ натуры.

Во всякомъ случаѣ «справка» произвела дурное впечатлѣніе, и «извѣстный издатель журналовъ» спѣшитъ оправдаться.

«Будучи произведенъ въ офицеры въ весьма молодыхъ лѣтахъ», пишетъ онъ Потапову 12-го мая 1826 года, «я дѣлалъ школьническія шалости, увлекаясь примѣрами товарищей и пылкостью моего характера. Принужденъ будучи оставить россійскую службу, я въ Варшавѣ, во время существованія герцогства, увлекся общимъ стремленіемъ умовъ, страстью къ путешествіямъ, блескомъ славы Наполеона и вступилъ въ службу подъ его знамена (сражался въ Испаніи). Въ извиненіе сего ничего не могу представить, кромѣ польскаго моего происхожденія и моей неопытности. Всегда, однако жъ, я сохранялъ братскую любовь къ Россіи и не участвовалъ въ войнѣ 1812 года. Когда въ 1814 году имперія Наполеона разрушилась, и разнородныя племена, составлявшія его армію, разбрелись восвояси, какъ послѣ Вавилонскаго столпотворенія, я въ семъ общемъ хаосѣ, получивъ отъ французскаго правительства видъ, возвратился въ Варшаву». Описавъ затѣмъ, какъ изъ Варшавы онъ перебрался въ Петербургъ, поселился тамъ навсегда, занялся литературою, женился, Булгаринъ такъ заключаетъ свое объясненіе: «Я десять лѣтъ подвизаюсь на поприщѣ русской словесности въ столицѣ и въ продолженіе этого времени не подвергнулся ни малѣйшему замѣчанію со стороны правительства, какъ въ отношеніи къ моему поведенію, такъ и въ отношеніи къ моимъ сочиненіямъ. Напротивъ того, я имѣлъ счастіе заслужить благорасположеніе первостепенныхъ чиновниковъ государства и благоволеніе публики... Удаляясь всегда отъ всякихъ политическихъ видовъ, я даже не хотѣлъ никогда вступать въ сословіе франкъ-масоновъ, опасаясь какой нибудь таинственной цѣли» (ibidem, 577 и 578).

Мы дадимъ съ своей стороны литературную справку о томъ десятилѣтіи, которое Булгаринъ «подвизался на поприщѣ русской словесности» въ столицѣ, заслуживъ благорасположеніе и благоволеніе первостепенныхъ чиновниковъ и публики.

III.

Своеобразная личность Булгарина, равно какъ и роль его въ литературѣ почти не выяснены безпристрастнымъ ученымъ анализомъ фактовъ и до сихъ поръ остаются подъ слоемъ грязи, которой онъ былъ закиданъ. Булгаринъ — помѣщичій сынокъ, дѣтище буйной шляхты, выросъ въ домѣ многодушнаго деревенскаго магната, предки котораго четыре столѣтія буйствовали и копили

постановленія сеймовъ и литовскаго трибунала, присуждавшія ихъ къ карѣ за разбои и насилія, остававшіяся по обычаю неисполненными... Булгаринъ—авантюристъ, выброшенный водоворотомъ Наполеонова нашествія на Европу, сражавшійся съ другими поляками въ Испаніи, воспитанный военной славой и бивуачной жизнью тѣхъ годовъ начала вѣка, когда все пришло въ броженіе отъ Парижа до Москвы, и народы слились въ общій хаосъ. Булгаринъ—полякъ и бонапартистъ, но «сохранившій братскую любовь къ Россіи». Булгаринъ—русскій литераторъ, романистъ и публицистъ, извѣстный издатель журналовъ. Булгаринъ—другъ Грибоѣдова, извѣстнѣйшій писатель, любимецъ публики 20-хъ и 30-хъ годовъ, а потомъ оплеванный, притча во языцѣхъ литературы... Булгаринъ, заподозрѣнный въ неблагонадежности въ 1826 году, а во 2-мъ № «Сѣверной Пчелы» 1831 года напечатавшій слѣдующій отрывокъ изъ письма къ нему Бенкендорфа: «Государь императоръ изволилъ отозваться, что его величеству весьма пріятны труды и усердіе ваше къ пользѣ общей, и что его величество, будучи увѣренъ въ преданности вашей къ его особѣ, всегда расположенъ оказывать вамъ милостивое свое покровительство. Увѣдомляя васъ съ особымъ удовольствіемъ о семъ благосклонномъ отзывѣ его императорскаго величества, съ предоставленіемъ права дать оному гласность, имѣю честь быть и проч.».

Кто же онъ, сей загадочный Ѳаддей? Изъ Варшавы въ Петербургъ онъ пріѣхалъ, будучи уже довольно извѣстнымъ польскимъ писателемъ, и сперва видимо не помышлялъ заняться русской литературой и журналистикой.

18-го іюня 1819 года Ѳ. В. Булгаринъ писалъ князю А. Н. Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія: «Нравы женщинъ имѣютъ толикое вліяніе на духъ народный каждой страны, что желающій распространять между людьми правила нравственности, религіи, долженъ начать наставленіемъ женщинъ... Веселою токмо тропою, усѣянною цвѣтами, надлежитъ вести прекрасный полъ, всегда чувствительный и остроумный, ко храму добродѣтели». Затѣмъ Булгаринъ проситъ разрѣшенія издавать въ Петербургѣ «съ нѣкоторыми учеными единоземцами» дамскій журналъ на польскомъ языкѣ.

Хотя при этомъ Булгаринъ высказываетъ весьма прогрессивное сѣтованіе на то, что дамы, «съ тщаніемъ обучаясь искусству, которое прилично имъ можетъ быть только 10-ти или 12-ти лѣтъ не болѣе, а между тѣмъ не радѣютъ о своемъ умѣ, который долженствуетъ служить имъ въ продолженіе всей ихъ жизни», однако цѣль журнала характерная для поляка, воспитанника іезуитовъ и конфессіонала: «вліять на женщинъ, а чрезъ нихъ на духъ народный». И немудрено, что такая цѣль была поставлена журналомъ. Ниже Булгаринъ говоритъ, что представляетъ планъ его

«не прежде», «какъ по одобреніи онаго отличными мужами Польши какъ духовными, такъ и свѣтскими».

Журналъ не былъ разрѣшенъ по той своеобразной причинѣ, что ни одинъ изъ цензоровъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета не зналъ польскаго языка. Тогда въ сентябрѣ 1821 г. Булгаринъ проситъ разрѣшить ему изданіе журнала на русскомъ языкѣ «Мнемозина»—исторіи, статистики, путешествій. Когда разрѣшеніе было получено, онъ просилъ переименовать журналъ въ «Сѣверный Архивъ». И это позволили. Приступилъ Булгаринъ къ издательской дѣятельности 35 лѣтъ [1]). «Съ 1822 г.,—читаемъ въ «Запискахъ» Ксенофонта Полеваго,—явился «Сѣверный Архивъ», ученый, дѣльный журналъ, отличавшійся литературнымъ характеромъ... При началѣ журнала, имя издателя его было совершенно неизвѣстно; но черезъ годъ или два имя Ѳ. В. Булгарина заслужило громкую извѣстность» [2]). Однако, матеріальнаго успѣха журналъ не имѣлъ, именно потому, что былъ слишкомъ «ученъ», слишкомъ «дѣленъ», а публика любила «легкое чтеніе». Попечитель Руничъ попытался было предложить округамъ выписывать журналъ, указывая, что «чрезъ умноженіе числа пренумерантовъ г. Булгаринъ получитъ подкрѣпленіе, а сіе усугубитъ ревность его». Однако, округа отвѣтствовали молчаніемъ, и число «пренумерантовъ» осталось то же. Желая оживить журналъ, Булгаринъ проситъ дозволенія издавать прибавленіе: «Литературные Листки», гдѣ бы печатались «замѣчанія о нравахъ и обыкновеніяхъ», «критики», «легкія стихотворенія, изъ коихъ рѣшительно исключаются любовь и вино», «объявленія о книгахъ, эстампахъ, нотахъ, извѣстія о художникахъ и ихъ произведеніяхъ, описаніе достопамятныхъ случаевъ и проч.». Это было ему разрѣшено. Какое же мѣсто занималъ Булгаринъ въ литературѣ двадцатыхъ годовъ?

«Булгаринъ,—говоритъ одинъ писатель,—какимъ вышелъ на литературное поприще, такимъ и сошелъ въ могилу» [3]). Если бы послѣдняя характеристика была вѣрна, то Булгарина намъ пришлось бы поставить въ первыхъ рядахъ русскихъ писателей и публицистовъ. Въ двадцатыхъ годахъ это былъ чрезвычайно популярный писатель и журналистъ. Пушкинъ долгое время печаталъ свои стихи въ «Русскомъ Архивѣ». Всѣ выдающіеся писатели дружили съ Булгаринымъ. Безусловно враждебенъ былъ ему только Дельвигъ. Въ 1824 году, въ письмѣ Пушкину отъ 28-го сентября, онъ говоритъ: «Нѣтъ ничего скучнѣе теперешняго Петербурга. Вообрази, даже простыхъ шалуновъ нѣтъ! Квартальныхъ некому бить (?).

---

[1]) «Русская Старина», 1900, сентябрь, стр. 559—563.

[2]) «Записки», стр. 85. Изд. 1888 г.

[3]) С. Весинъ. «Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ». Спб. 1881 г., стр. 108.

Мертво и холодно! Съ пріѣздомъ Воейкова изъ Дерпта и съ появленіемъ Булгарина литература наша совсѣмъ погибла. Подлецъ на подлецѣ подлецомъ погоняетъ. Ѣздятъ въ Грузино [1]), перебиваютъ другъ у друга случай сдѣлать мерзость, алтынничаютъ».

Тѣмъ не менѣе въ «Полярной Звѣздѣ» 1823—1825 гг. всѣ петербургскіе литераторы являются вкупѣ, и А. Бестужевъ въ своихъ «Обозрѣніяхъ» такъ отзывается о Булгаринѣ: «Сѣверный Архивъ» (въ С.-Петербургѣ), издатель онаго г. Булгаринъ, съ фонаремъ археологіи спускался въ неразработанные еще рудники нашей старины и сбираніемъ важныхъ матеріаловъ оказалъ большую услугу русской исторіи... Прибавленія къ «Сѣверному Архиву», г. Булгарина же, оживляютъ на берегахъ Невы «Парижскаго Пустынника» [2]). Живой, забавный слогъ и новость мыслей готовятъ въ нихъ для публики занимательное чтеніе, а оригиналы столицы и нравы здѣшняго свѣта—неисчерпаемые источники для его сатирическаго пера» [3]). Въ 1824 г. Булгаринъ соединился съ Гречемъ, и «Сынъ Отечества», «Русскій Архивъ» и «Литературные Листки» превратились въ тріединое изданіе. Въ 1825 г. онъ сталъ издавать газету «Сѣверная Пчела» (до 1857 года). Умеръ Булгаринъ въ 1859 году.

«У насъ недоставало газеты для насущныхъ новостей,—писалъ Бестужевъ,—которая соединяла бы въ себѣ политическія и литературныя вѣсти: гг. Гречь и Булгаринъ дали намъ ее—это «Сѣверная Пчела». Разнообразіемъ содержанія, быстротою сообщенія новизны, черезденнымъ выходомъ (т. е. три раза въ недѣлю крошечными листками) и самою формою—она вполнѣ удовлетворяетъ цѣли... «Сѣверный Архивъ» и «Сынъ Отечества» приняли въ свой составъ повѣсти; этотъ вавилонизмъ не очень понравится ученымъ, но публика любитъ такое смѣшеніе» [4]). Исторія возникшей во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ вражды Пушкина съ Булгаринымъ въ основѣ своей имѣетъ замѣчаніе послѣдняго по поводу разсужденій поэта о дворянскомъ достоинствѣ. Рылѣевъ былъ не на сторонѣ Пушкина, видя въ немъ подражаніе аристократизму Байрона. Особая была причина размолвки съ Булгаринымъ Жуковскаго и Ры-

---

[1]) Къ Аракчееву.

[2]) Жуи (Jouy). Родился 1764 года. Умеръ 1846 года. Пользовался громадной извѣстностью во время Реставраціи. Поэтъ, драматургъ, публицистъ. Его «l'Ermite de la Chaussée-d'Antin ou observations sur les moeurs et les usages français au commencement du XX siècle» (Paris, 1814—1815, 5 vol.), еще выходя въ видѣ отдѣльныхъ главокъ, облетѣло всю Францію и Европу. Жуи сравнивали съ Вольтеромъ. Въ Россіи онъ былъ переведенъ и высоко ставился, какъ нравоописатель. Ему подражалъ Булгаринъ.

[3]) «Полярная Звѣзда», 1824 г., «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1823 года», стр. 11 и 12.

[4]) «Полярная Звѣзда», 1825 г., «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и началѣ 1825 годовъ», стр. 21 и 22.

лѣева. Булгаринъ задумалъ перебить у Воейкова, родственника Жуковскаго, «Русскій Инвалидъ», который Воейковъ заарендовалъ послѣ того, какъ вышелъ изъ соиздательства съ Гречемъ въ «Сынѣ Отечества».

Булгаринъ предложилъ было двойную аренду. Казалось бы дѣло коммерческое, но литераторы вознегодовали. Ѳаддей и самъ поспѣшилъ взять свое предложеніе обратно.

Послѣ того, какъ Булгаринъ похвалилъ поэму Рылѣева «Войнаровскій», тотъ забылъ ссору и послалъ Ѳаддею Венедиктовичу благодарственное письмо. Великодушный Ѳаддей возвратилъ письмо, «дабы подлый свѣтъ не перетолковалъ поступка» Рылѣева. Вновь Рылѣевъ отослалъ это письмо Булгарину, съ припиской: «Оно твое» [1]). Грибоѣдовъ до самой смерти сохранялъ горячую дружбу съ Булгаринымъ. Часто поминаетъ онъ Греча и Булгарина въ письмахъ къ петербургскимъ друзьямъ. «Поклонись Булгарину,—пишетъ онъ А. А. Бестужеву изъ Екатериноградской станицы, отъ 22-го ноября 1825 г.—Ни «Пчелы», ни «Сѣвернаго Архива», ни «Сына Отечества» не могу достать, какіе мы здѣсь безграмотные!» «Кланяйся Гречу и Булгарину!»—приписываетъ онъ къ письму оттуда же, отъ 27-го ноября того же года, І. К. Кюхельбекеру [2]). Взятый подъ арестъ въ 1826 г., по подозрѣнію въ соприкосновенности къ 14-му декабря, Грибоѣдовъ пишетъ: «Друзья мои, Гречь или Булгаринъ, кто изъ васъ въ типографіи? Пришлите мнѣ газетъ какихъ нибудь и журналовъ, и нѣтъ ли у васъ «Чайльдъ-Гарольда»? Меня здѣсь заперли, и я погибаю отъ скуки и невинности. Чуръ! Молчать. Грибоѣдовъ. Главный штабъ, 17-го февраля. Das Papier in's Feuer. Ѳаддей, другъ мой, познакомься съ капитаномъ здѣшнимъ Жуковскимъ, nous sommes camarades comme cochons, можетъ быть, удастся тебѣ и ко мнѣ проникнуть. Я писалъ къ государю, ничего не отвѣчаетъ» [3]). Булгаринъ отвѣчаетъ немедленно. Отъ 11-го декабря 1826 года.

Грибоѣдовъ пишетъ: «Сарматъ мой любезный! Помнишь ли ты меня? А если помнишь, присылай мнѣ свою «Пчелу» даромъ, потому что у меня нѣтъ ни копейки. Часто, милый мой, вспоминаю о Невкѣ, на берегу которой мы съ тобою дружно и мирно пожили, хотя недолго. З д ѣ с ь т в о и л и с т к и т а к ъ ц ѣ н я т с я, ч т о и х ъ в ъ к л о ч к и р в у т ъ, и до меня не доходитъ ни строчки, хотя я членъ того клуба, который всякія газеты выписываетъ. Воротилась ли твоя Länchen? Mein Gruss und Kuss. Tantchen auch meine Wünsche für ihr Wohl (т. е. Леночка? Мой привѣтъ и поцѣлуй. Лучшія пожеланія благополучія и тетенькѣ) передай исправно. Гречу покло-

[1]) См. соч. Рылѣева, подъ редакціей Мазаева. «Письма къ Булгарину».
[2]) Соч. Грибоѣдова, подъ редакціей Шляпкина, т. I, стр. 210, 211 и 212.
[3]) Соч. Грибоѣдова, т. I, стр. 215.

нись». Подобнаго же рода приписка въ письмѣ Е. И. Булгариной, 5-го іюня 1828 г.: «Adieu, bestes Länchen, theure Freundinn, ich küsse Sie vom ganzen Herzen und Tante auch. Adieu!» (Прощайте, милая Леночка, дорогой другъ мой, отъ всего сердца цѣлую васъ и танту также. Простите!» [1]). Länchen—Елена Ивановна, жена Булгарина. Tante—мать Е. И. Булгариной, теща, державшая Ѳаддея въ ежевыхъ рукавицахъ, если судить по стихамъ Рылѣева:

Гдѣ Булгаринъ Ѳаддей
Не боится когтей
Танты...

Наконецъ, всего ярче характеризуетъ горячую дружбу Грибоѣдова съ Булгаринымъ письмо изъ бивуака на Кизанчѣ, на турецкой границѣ, отъ 24-го іюля 1828 г.: «Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы (Ахвердовой), за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевой (второй томъ Леночки) [2]), все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось... выходя изъ-за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно, думала, что я ее усажу за фортепіано; вышло не то... я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ... насъ благословили и т. д.» [3]).

Такія интимныя вещи сообщаются только ближайшему другу.

Булгаринъ, какъ беллетристъ, въ двадцатыхъ годахъ ставился очень высоко. Вотъ что говоритъ объ его прозѣ Бестужевъ въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 года: «Булгаринъ, литераторъ польскій (sic), пишетъ на языкѣ нашемъ съ особой занимательностью. Онъ глядитъ на предметъ съ совершенно новой стороны, излагаетъ мысли свои съ какою-то военною искренностью и правдою, безъ пестроты, безъ игры словъ. Обладая вкусомъ разборчивымъ и оригинальнымъ, который не увлекается даже пылкою молодостью чувствъ, поражая незаимствованными формами слога, онъ, конечно, станетъ въ рядъ свѣтскихъ нашихъ писателей. Его «Записки» объ Испаніи и другія журнальныя статьи будутъ всегда съ удовольствіемъ читаться не только русскими, но и всѣми европейцами» [4]). Интересенъ такъ же отзывъ Николая Полевого еще до знаменитой полемики съ Гречемъ и Булгаринымъ въ первыхъ еще книжкахъ только что начатаго имъ изданіемъ «Телеграфа»: «Слогъ въ «Сынѣ Отечества» очень хорошъ и правиленъ: г. Гречь принадлежитъ къ небольшому числу отлич-

---

[1]) Соч. Грибоѣдова, т. I, стр. 223, 254.
[2]) Т. е. жены Булгарина.
[3]) Соч. Грибоѣдова, т. I, стр. 266 и 267.
[4]) «Полярная Звѣзда» 1823 г., стр. 38 и 39.

ныхъ русскихъ прозаиковъ... «Сѣверный Архивъ», издаваемый Ѳ. В. Булгаринымъ съ 1822 г., можетъ быть поставленъ на ряду съ «Сыномъ Отечества»... Съ половины 1823 года г. Булгаринъ присовокупилъ къ своему журналу «Прибавленіе»..., гдѣ было много статей, забавныхъ и пріятно написанныхъ. Вообще журналъ г. Булгарина въ короткое время догналъ старые любимые журналы русскіе и сравнялся съ ними» [1]). Послѣдняя похвала имѣетъ въ виду «Московскій Журналъ» и «Вѣстникъ Европы» Карамзина и «Ежемѣсячныя Сочиненія» Миллера.

Такимъ образомъ, если справка «по службѣ» въ 1826 году была неблагопріятна Булгарину, то справка «по литературѣ» тогда ничего не имѣла бы общаго съ позднѣйшимъ «кондуитомъ» Ѳаддея Венедиктовича.

IV.

Спустя нѣсколько дней послѣ своего оправдательнаго объясненія, Булгаринъ представилъ генералу Потапову весьма любопытную записку «о цензурѣ въ Россіи и о книгопечатаніи вообще». Вотъ что онъ здѣсь говоритъ:

«Большинство головъ или сужденій образуютъ общее мнѣніе». «Большая часть людей, по умственной лѣни, занятіямъ, недостатку свѣдѣній, слабости характера, врожденной гибкости ума или раздражительному чувству, гораздо способнѣе принимать и присвоивать себѣ чужое сужденіе, нежели судить сама». «Какъ общее мнѣніе уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять онымъ посредствомъ книгопечатанія». Конечно, само собой разумѣется, что это управленіе «общественнымъ или общимъ мнѣніемъ» посредствомъ «книгопечатанія», т. е. книгъ, журналовъ и газетъ, основанное на людской стадности и страхѣ «смѣть свое сужденіе имѣть», должно проводиться особыми, довѣренными людьми...

Далѣе Булгаринъ ставитъ положеніе:

«Чтобы управлять общимъ мнѣніемъ, надобно знать его стихіи, или элементы», и поочередно разбираетъ «всѣ сословія, составляющія публику»—русскихъ читателей.

Первая «стихія, или элементъ», это «знатные и богатые люди». Сходясь съ удостовѣреніемъ Пушкина, что всѣ они «учились понемногу, чему нибудь и какъ нибудь», Булгаринъ утверждаетъ: «большая часть ихъ—$^{19}/_{20}$, получили самое поверхностное воспитаніе и не имѣютъ даже тѣхъ свѣдѣній, которыя почерпаетъ юношество въ обыкновенныхъ пріуготовительныхъ школахъ Германіи или въ гимназіяхъ литовскихъ и остъ-зейскихъ губерній». Молодые русскіе дворяне отданы на руки гувернеровъ-французовъ, вступа-

---

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1825, № 3, стр. 250.

ютъ въ свѣтъ, не имѣя никакого понятія о людяхъ и вещахъ и вовсе не зная Россіи. Они смотрятъ на все французскими глазами и судятъ обо всемъ на французскій манеръ. Верхъ мудрости почитаютъ они правила французскихъ энциклопедистовъ, которыя и называютъ «философіей». Булгаринъ находитъ, что «правительству весьма легко истребить вліяніе сихъ людей на общее мнѣніе и даже подчинить ихъ господствующему мнѣнію дѣйствіемъ приверженныхъ къ правительству писателей. Ихъ легко можно перевоспитать, убѣдить и дать настоящее направленіе ихъ умамъ».

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что здѣсь выражено искреннее, настоящее мнѣніе Булгарина о «знатной и богатой» молодежи 20-хъ годовъ. Въ своемъ «Иванѣ Выжигинѣ», вышедшемъ позднѣе (1829 г.), онъ такъ изображаетъ между прочимъ вольнодумца, развращавшаго богатую молодежь: «Адскія свои правила г. Вороватинъ прикрывалъ названіемъ новой философіи и подъ именемъ правъ натуры и правъ человѣка посѣвалъ въ неопытныхъ сердцахъ безвѣріе и понятія о скотскомъ равенствѣ». Этотъ «Вороватинъ» сколокъ съ вольнодумца «Развратина» изъ романа Измайлова «Евгеній» (1799—1801), рисующаго нравы средней руки дворянства послѣдней четверти XVIII-го столѣтія. Такимъ образомъ Булгаринъ въ сужденіяхъ своихъ о «богатой и знатной» молодежи отсталъ лѣтъ на 30-ть. Въ самомъ дѣлѣ 20-е годы—время романтизма, сильнаго вліянія Шеллинга и нѣмецкихъ идеалистовъ, съ одной стороны, а съ другой—идей французской реставраціи, Шатобріана, Де-Местра, время Полевого, Надеждина, Чаадаева, Веневитинова, однимъ словомъ время идей, именно отвергавшихъ холодный матеріализмъ энциклопедистовъ—въ существѣ картезіанцевъ и ложноклассиковъ. Очевидное дѣло, что Булгаринъ судилъ о высшихъ кругахъ русскаго общества 20-хъ годовъ по ходячимъ трафаретамъ, по слухамъ, по обличительнымъ, шаблоннымъ статейкамъ послѣдователей Шишкова.

Далѣе Булгаринъ разсматриваетъ второй элементъ читающей публики—«среднее состояніе». Оно состоитъ, по его словамъ, изъ достаточныхъ дворянъ, находящихся на службѣ, и помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ; изъ бѣдныхъ дворянъ, воспитанныхъ въ казенныхъ заведеніяхъ; изъ чиновниковъ гражданскихъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы называемъ приказными; изъ богатыхъ купцовъ заводчиковъ и даже мѣщанъ. Это состояніе самое многочисленное, по большей части, образовавшееся и образующееся само собою посредствомъ чтенія. Оно составляетъ такъ называемую русскую публику. Она читаетъ много и большею частью по-русски, бдительно слѣдитъ за успѣхами словесности и примѣчаетъ быстрый или стѣсненный ея ходъ. Не надобно большихъ усилій, чтобы быть не только любимымъ ею, но даже обожаемымъ. Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать къ трону, одною

тѣнью свободы въ мнѣніяхъ. Этотъ совѣтъ Булгаринъ сопровождаетъ такою «апофеегмою»: «Совершенное безмолвіе порождаетъ недовѣрчивость и заставляетъ предполагать слабость; неограниченная гласность производитъ своеволіе; гласность же, вдохновенная самимъ правительствомъ, примиряетъ обѣ стороны и для обѣихъ полезна. Составивъ общее мнѣніе, весьма легко управлять имъ, какъ собственнымъ дѣломъ, котораго мы знаемъ всѣ тайныя пружины».

Булгаринъ не зналъ и не понималъ высшаго круга общества 20-хъ годовъ, откуда вышли декабристы, и которое при видимой поверхности и энциклопедичности своего образованія все же было чрезвычайно просвѣщено и особенно воспитано знаніемъ языковъ, открывавшимъ ему всѣ литературы, общеніемъ съ высшими кругами европейскихъ столицъ, путешествіями, придворной службой и походами. Наконецъ, недостатки своего домашняго воспитанія молодые люди высшаго круга тогда нерѣдко восполняли заграничными поѣздками, при чемъ слушали лекціи знаменитыхъ западныхъ ученыхъ и входили съ ними въ близкое общеніе. Очевидно, что на роль «приверженнаго къ правительству писателя», который бы перевоспиталъ, убѣдилъ и далъ нужное направленіе умамъ» этого круга, Булгаринъ, этотъ минскій шляхетскій недоросль, потомъ «гарниза», неспособный къ кавалерійской службѣ, потомъ авантюристъ испанскаго легіона поляковъ въ арміи Наполеона, ни по умственнымъ силамъ, ни по воспитанію и вкусамъ совершенно не годился. На эту роль годенъ былъ бы развѣ Пушкинъ или князь Вяземскій, если бы они были способны свое вдохновеніе согласовать съ видами правительства. Этотъ кругъ и не читалъ Булгарина. Иное дѣло «среднее состояніе», самообразовавшаяся посредствомъ чтенія публика. Изъ нея главнымъ образомъ вербовались читатели и почитатели «Пчелки», а въ 30-хъ годахъ—пухлой «Библіотеки для чтенія» Сеньковскаго. Представителемъ этого круга читателей является Бѣлкинъ въ повѣстяхъ Пушкина, желаніе котораго догнать у Аничкова моста «сочинителя Булгарина» «стоило 80 копеекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть-чуть не ареста» («Исторія села Горохина»). Пушкинъ точно опредѣлилъ максимальную жертву, на которую способенъ ради литературы такой читатель-автодидактъ.

Понятно, что такого читателя, составлявшаго «большую публику» въ значительной ея части, можно было «совершенно покорить» «одною тѣнью свободы въ мнѣніяхъ насчетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проектовъ», т. е. едва ощутимымъ, «либеральненькимъ» душкомъ статеекъ о выѣденномъ яйцѣ. Булгаринъ въ этой публикѣ пользовался громадной популярностью и авторитетомъ. Пользовался долго и прочно. И эту публику онъ зналъ. Онъ былъ правъ, утверждая, что «споры, бывшіе въ «Духѣ журналовъ», и статьи «Вѣст-

ника Европы» первыхъ дней царствованія Александра I и черезъ 25 лѣтъ еще услаждали либерализмомъ публику. Съ знаніемъ дѣла указывалъ онъ, что въ рядахъ ея не одна мелкота, но «достаточные» дворяне служащіе и не служащіе, душъ даже 500, богатые купцы и чиновники, часто крупнаго чина, въ родѣ того, съ котораго впослѣдствіи призракъ Акакія Акакіевича снялъ шинель.

Мнѣніе Булгарина о невысокомъ уровнѣ «большой публики» 20-хъ годовъ, ея непритязательности, неприхотливости и довольствѣ малымъ—подобіемъ остроумія, тѣнью гласности и вольнодумства, призракомъ учености, подтверждаетъ и другой знатокъ ея—Николай Полевой, обладавшій изумительнымъ издательскимъ чутьемъ. Подтверждается это и судьбою русскихъ журналовъ первой четверти XIX-го вѣка.

«Разнообразіе, болѣе или менѣе занимательное, смѣсь полезнаго съ пріятнымъ, большею частью переводы; стихи, какъ необходимость; ученыя статьи изрѣдка, и то какъ балластъ на корабляхъ; критика (которая однако-жъ не основывалась еще на твердыхъ, неизмѣнныхъ правилахъ); споры, несогласіе мнѣній: вотъ что занимаетъ нашу публику, составляетъ наши повременныя изданія и вѣрно изображаетъ сущность нашей нынѣшней литературы».

«Должно признаться, что 1) у насъ не настало еще время для важныхъ критическихъ журналовъ, въ родѣ «Англійскихъ Обозрѣній». 2) Для журналовъ чисто-ученаго содержанія, журналовъ по какой нибудь части наукъ или къ какому нибудь одному особенному предмету такъ же время не пришло. Неудачныя попытки «Журнала Статистическаго», «Изящныхъ Искусствъ», «Военнаго» (1807), «Правовѣдѣнія» (1812), «Сибирскаго Вѣстника» (1818), «Сѣвернаго Архива» (1822), «Журнала Изящныхъ Художествъ» (1824) доказываютъ это, ибо всѣ они были издаваемы въ наше время и были отличнаго достоинства, пока усердіе издателей не охладѣвало отъ невниманія публики, что и заставляло издателей или совсѣмъ оставлять свои журналы, или измѣнять ихъ въ литературные и издавать безъ особаго старанія... Ученые журналы могутъ существовать лишь тогда, когда они издаются отъ правительства или отъ ученыхъ заведеній... 3) Время политики для нашихъ журналовъ еще не наступило. Публика довольствуется газетными извѣстіями. 4) Ученыя газеты такъ же еще не могутъ имѣть успѣха. Опыты издавать ихъ при академіи и при университетахъ и холодность публики къ ученой газетѣ, которую превосходно издавалъ въ 1825 г. П. И. Кеппенъ въ С.-Петербургѣ, показали это очень явно. 5) Журналы, исключительно занимаемые однимъ оригинальнымъ и русскимъ, по нашему мнѣнію, врядъ ли существовать у насъ могутъ. «Русскому Вѣстнику» С. Н. Глинки (1808) способствовали особливыя обстоятельства (т. е. патріотическій моментъ), а «Отечественныя За-

писки» П. П. Свиньина включеніемъ съ нѣкотораго времени переводныхъ статей свидѣтельствуютъ, къ сожалѣнію, о невозможности издавать журналъ, занимательный для публики, наполняя его только русскимъ и единственно къ Россіи относящимся» [1]).

V.

Чрезвычайно любопытны характеристики, которыя даетъ Булгаринъ «нижнему состоянію» и «іерархіи литераторовъ и ученыхъ».

«Нижнее состояніе»—мелкіе подьячіе, грамотные крестьяне и мѣщане, деревенскіе церковники и раскольники.

«На нижнее состояніе,—говоритъ Булгаринъ,—у насъ понынѣ вовсе не обращали вниманія въ литературно-политическомъ отношеніи и по ихъ безмолвію судили о нихъ весьма неосновательно. Этотъ классъ читаетъ весьма много. Обыкновенное ихъ чтеніе составляютъ духовныя книги. Раскольничьи скиты, волостныя правленія и вольныя слободы суть мѣста, гдѣ разсуждаютъ о всѣхъ указахъ и мѣрахъ правительства и читаютъ статьи, относящіяся до устройства Россіи. Ко мнѣ нѣсколько разъ являлись мужики и торговцы съ просьбами продать или подарить нумерокъ журнала. Магическій жезлъ, которымъ можно управлять по произволу нижнимъ состояніемъ, есть «матушка Россія». Искусный писатель, представляя сей священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ, какъ въ калейдоскопѣ, легко покоритъ умы нижняго состоянія, которое у насъ разсуждаетъ болѣе, нежели думаетъ». Конечно, въ этомъ достаточно циничномъ уподобленіи «сего священнаго предмета» калейдоскопу и предложеніе сдѣлать орудіемъ «матушку Россію» для уловленія «малыхъ силъ» и управленія ихъ умами и сердцами по произволу, такъ и виденъ полякъ, сражавшійся въ легіонахъ Наполеона, «сохраняя братскую любовь къ Россіи», а затѣмъ думавшій уловлять сердца своихъ прекрасныхъ соотечественницъ, по программѣ «отличныхъ духовныхъ мужей Польши». Тѣмъ не менѣе чуткость Булгарина замѣчательна, и признаніе за «нижнимъ сословіемъ» литературно-политическаго значенія далеко опередило его время.

Что касается «іерархіи литераторовъ и ученыхъ», то не безъ основанія, если разсмотрѣть закулисную сторону журналистики 20-хъ годовъ, Булгаринъ ихъ почитаетъ классомъ, съ которымъ «гораздо легче сладить въ Россіи, нежели многіе думаютъ». Истинныхъ ученыхъ мало, и тѣ, по большей части, иностранцы. Такъ же мало и серіозныхъ литераторовъ. А стихотворцевъ и памфлетистовъ нѣтъ ничего легче, какъ «привязать ласковымъ обхожденіемъ и снятіемъ запрещенія писать о бездѣлицахъ, напримѣръ, о театрѣ».

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1827 г., № 24, стр. 182—188.

Въ заключеніе Булгаринъ совѣтуетъ уже «для всѣхъ вообще» имѣть какую нибудь «одну общую, маловажную цѣль». И выбираетъ изъ всѣхъ «бездѣлицъ»—театръ. Онъ утверждаетъ, будто бы съ тѣхъ поръ, какъ запрещено писать о театрѣ и судить объ игрѣ актеровъ, молодые люди начали сходиться вмѣстѣ, толковать о политикѣ... Но мало того, театръ занимаетъ всѣ состоянія, и статьи о немъ служатъ пищею для всеобщихъ разговоровъ въ чертогахъ знатныхъ, въ казармахъ и въ гостиномъ дворѣ. Между тѣмъ въ дирекцію Шаховскаго и Милорадовича запрещено было публикѣ даже выражать неудовольствіе игрою артистовъ или хлопать актрисамъ, бывшимъ у начальства въ немилости.

«Я потому столько распространился о театрѣ», заключаетъ Булгаринъ, «что почитаю это весьма важнымъ дѣломъ къ успокоенію умовъ и водворенію въ публикѣ довѣренности къ правительству» [1]).

Далѣе Булгаринъ горько жаловался на александровскую цензуру. Онъ указываетъ, что сперва выходило множество книгъ сектаторскихъ, мистическихъ, потомъ покровительствовали книгамъ, опровергающимъ первыя. Что же дѣлала цензура подъ вліяніемъ мистиковъ и ихъ противниковъ? Истребляла изъ словесности только одни слова и выраженія. Почитались оскорбительными для вѣры: отечественное небо, небесный взглядъ, ангельская улыбка, божественный Платонъ, ради Бога, ей-Богу, Богъ одарилъ его, онъ вѣчно занятъ былъ охотой и т. п. Даже папская цензура позволяетъ сіи выраженія. Всякая статья, гдѣ стоитъ слово правительство, министръ, губернаторъ, директоръ, запрещена впередъ, что бы она ни заключала. Но тотъ, кто искусными перифразами можетъ избѣжать въ сочиненіи запрещенныхъ цензурою словъ, часто заставляетъ ее пропускать непозволительныя вещи. Цензура не позволяетъ извѣщать публику безъ согласія начальства разныхъ отраслей правленія о всенародныхъ происшествіяхъ, парадахъ, фейерверкахъ, гуляньяхъ, экзаменахъ въ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ и о феноменахъ природы. Кто бы подумалъ, что для помѣщенія извѣстія о градѣ, засухѣ, ураганѣ, должно быть позволеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Отъ этого періодическія изданія потеряли свою занимательность, ибо издатели, будучи обязаны для напечатанія нѣсколькихъ страничекъ обѣгать всѣ министерства и часто безъ успѣха, вовсе отказываются отъ помѣщенія отечественныхъ извѣстій. Въ повѣстяхъ нельзя сказать: женихъ поцѣловалъ свою невѣсту, но посмотрѣлъ на невѣсту; вмѣсто: онъ любилъ ее, должно говорить: онъ хотѣлъ жениться и т. п. Запрещено строжайше, даже въ переводахъ съ иностраннаго, представлять камергеровъ, министровъ,

---

[1]) «Русская Старина», 1900 г., сентябрь, стр. 580—584.

генераловъ и особенно князей и графовъ иначе, какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми добродѣтельными...

«Симъ оканчиваю мое мнѣніе», пишетъ въ заключеніе записки Булгаринъ, «которое мнѣ внушено любовью къ добру, къ тишинѣ, порядку и правосудію. Какъ журналистъ, состоя въ безпрестанныхъ литературныхъ сношеніяхъ со всѣми литераторами, цензурою и публикою, я узналъ ихъ потребности, недостатки и потребныя качества, о которыхъ теперь представляю правительству».

VI.

Таковъ урокъ іезуитизма, преподанный Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ николаевскому правительству. Воспитанникъ іезуитской коллегіи, графъ Бенкендорфъ, вѣроятно, въ общемъ одобрилъ «представленіе» издателя «Сѣверной Пчелы». Мы, однако, не имѣемъ права судить Булгарина съ современной точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, мысль, что «общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо», раздѣлялась хотя бы Пушкинымъ. Вотъ что читаемъ въ его «Проектѣ изданія журнала и газеты» 1831 года:

«Когда государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностью и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Съ радостью взялся бы я за редакцію «политическаго и литературнаго журнала», около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ... Правительству нѣтъ надобности имѣть свой официальный журналъ; но, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо».

Предлагая перо свое для «употребленія», великій поэтъ очевидно соглашался на роль, которая исполнила бы первую часть «представленія» Булгарина. Онъ сталъ бы «приверженнымъ къ правительству писателемъ», который вліялъ бы на умы высшаго круга. Но Пушкинъ задумывалъ издавать и газету «въ противовѣсъ» Булгарину, которому именно въ этомъ году объявлено черезъ Бенкендорфа благоволеніе за успѣшное воздѣйствіе на «общее мнѣніе» большой публики «средняго состоянія». А именно на послѣднюю роль Пушкинъ совершенно не годился. Его геніальная кисть тутъ была бы не умѣстна.

А мелкій, но бойкій помазокъ Булгарина какъ нельзя лучше удовлетворялъ потребностямъ любителей «легкаго чтенія».

Можно думать, «представленіе» Булгарина, что должно занять умы какой нибудь «бездѣлицей», всего лучше театромъ, не осталось безъ вниманія. Впрочемъ, императоръ Николай искренно любилъ театръ и драму. Въ 30-хъ годахъ напечатанъ «Борисъ Годуновъ», поставлены на сцену «Ревизоръ» и «Горе отъ ума». Чрезъ

театръ можно было воздѣйствовать и на умы «нижняго сословія», наполнявшаго раекъ. Драматургами, пустившими въ дѣло «матушку Россію», представлявшими «сей священный предметъ въ тысячахъ разнообразныхъ видовъ», явились Несторъ Кукольникъ, Николай Полевой, Ободовскій и другіе драмодѣлы.

Булгаринъ желалъ, чтобы записку его прочелъ государь. И она была имъ прочтена. Но Булгарину сообщено, что она будетъ передана на заключеніе министра просвѣщенія Шишкова. Ѳаддей пришелъ въ страхъ и трепетъ, весьма понятный. И должно поставить на счетъ ему, что, подавая даже такую записку, онъ по тому времени весьма и весьма рисковалъ... Вотъ что писалъ онъ:

«Въ это же время представленъ министерствомъ на утвержденіе новый цензурный уставъ, который, по моему мнѣнію, вовсе не сообразованъ съ нынѣшнимъ положеніемъ Россіи и вмѣсто того, чтобы приблизить правительство къ цѣли, удалитъ отъ оной. Если записка моя будетъ представлена министерству просвѣщенія, то я, излагая мысли противныя, подвергнусь жесточайшему преслѣдованію отъ всѣхъ лицъ, дѣйствующихъ такъ, какъ изъяснено въ моей запискѣ... Если записка моя будетъ препровождена къ министру просвѣщенія, я погибну жертвою моего усердія и погибну безполезно. Меня заключютъ... Прошу доставить ее Михаилу Михайловичу Сперанскому (sic)... Отослать же оную къ министру просвѣщенія, значитъ наказать меня строжайше, а я, кажется, не заслужилъ этого». По этому поводу Дибичъ писалъ Потапову, что Булгаринъ «напрасно труситъ», что его записку «можно переписать рукою писаря, а оригиналъ оставить у меня». Такъ и сдѣлали. Переписанное «представленіе» отправлено было на заключеніе Шишкова по высочайшему повелѣнію. Но, значитъ, не напрасно трусилъ опытный Ѳаддей, если, посылая отъ царя къ его министру записку, переписали ее, дабы скрыть даже руку автора, по которой цензора, конечно, сейчасъ же узнали бы издателя «Сѣверной Пчелы»!

VII.

Въ то же время, когда Булгаринъ представлялъ свою записку, министерство Шишкова представило на утвержденіе новый цензурный уставъ, которымъ отмѣнялся уставъ 1804 года. Послѣдній уставъ, составленный академикомъ Озерецковскимъ и Фусомъ, проникнутъ былъ благими стремленіями «дней Александровыхъ счастливаго начала». Представляя его министру просвѣщенія, Озерецковскій писалъ на французскомъ діалектѣ: «Благо, проистекающее изъ благоразумной свободы печати, такъ велико и прочно, зло же, сопровождающее злоупотребленіе этою свободою, такъ рѣдко и малолетно, что нельзя не сожалѣть о необходимости, въ которую ставится правительство, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ рѣши-

тельно вступившее на почву либеральныхъ принциповъ, полагать границы этой свободѣ, вынуждаемое къ этой мѣрѣ опытомъ, обстоятельствами минуты или же могучимъ потокомъ духа времени»[1]). Въ свою очередь министръ Завадовскій въ докладѣ о цензурѣ императору Александру I говорилъ: «Министерство просвѣщенія положило учредить въ здѣшней столицѣ цензурный комитетъ, составя оный изъ ученыхъ особъ, и для единообразнаго руководства въ разсматриваніи книгъ и сочиненій во всей имперіи начертало уставъ. Сими постановленіями нимало не стѣсняется свобода мыслить и писать, но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной»[2]).

По уставу 1804 года, цензура имѣла «разсматривать» книги, «назначаемыя къ общественному употребленію», предметъ же сего «разсматриванія есть доставить обществу книги и сочиненія, способствующія къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію» (отд. I, ст. 1 и 2). Уставъ былъ коротокъ (47 статей), цензоровъ по штату въ Петербургѣ полагалось всего трое, «разсматриваніе» полагалось снисходительное и благожелательное. Онъ долженъ былъ только «наблюдать, чтобы ничего не было въ оныхъ противнаго закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого либо гражданина» (ст. 15). Если же цензоръ въ доставленной ему рукописи найдетъ нѣкоторыя мѣста, противныя означенному, то не дѣлаетъ самъ собою никакихъ въ оныхъ поправокъ; но, означивъ таковыя мѣста, отсылаетъ рукопись къ издателю, дабы онъ самъ исключилъ или перемѣнилъ оныя. По возвращеніи же исправленной одобряетъ (ст. 16). «Впрочемъ, цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать его выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать» (ст. 21). «Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящееся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія» (ст. 22). «Сочиненія или пе-

---

[1]) М. И. Сухомлиновъ. Изсл. и статьи, т. I, стр. 218. А. М. Скабичевскій. Очерки исторіи цензуры. Изд. 1892 г. Стр. 95.

[2]) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ. Спб., 1862 г., стр. 83.

реводы, одобренные цензурою, могутъ быть напечатаны вновь, не подвергаясь вторичному разсмотрѣнію» (ст. 39). Цензура не должна «задерживать разсмотрѣніе» рукописей, особенно для журналовъ, чтобы они не теряли «цѣну новости» (ст. 23). Таковъ этотъ идиллическій уставъ, подписанный друзьями юнаго монарха, изъ перваго кружка его: Адамомъ Чарторыскимъ, Новосильцевымъ, Потоцкимъ... Въ немъ всего одна грозная статья (19)[1]). Если бы въ цензуру прислали сочиненіе, явно отвергающее бытіе Божіе, оскорбляющее верховную власть и проч., то комитетъ «немедленно объявляетъ о такой рукописи правительству для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ». Но какъ прислать подобную рукопись въ цензуру могъ только человѣкъ, находящійся въ бѣлой горячкѣ, а въ здравомъ умѣ такого простака ожидать было напрасно, то и угроза являлась безопасной, производя однако пріятный для уха «зловѣщихъ стариковъ», читавшихъ это созданіе юнаго царствованія, кандальный звонъ. Таковъ былъ уставъ!

А какова оказалась на дѣлѣ александровская цензура, мы видѣли изъ записки Булгарина. Какъ же вышло, что эта цензура, по выраженію автора «Выжигина», была строже даже «папской»? Основная причина—въ своеобразной сущности даже и перваго періода царствованія Александра, которому присвоиваютъ обыкновенно наименованіе эпохи преобразованій. «Вникая ближе въ духъ этого періода,—говоритъ Н. К. Шильдеръ, вѣрнѣе было бы назвать его эпохою колебаній. За это время, то-есть, съ 1801 по 1810 годъ, въ государственной жизни Россіи происходятъ безпрерывныя колебанія, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; по всѣмъ отраслямъ управленія имперіею замѣчается полная неустойчивость взглядовъ, рѣзкіе переходы отъ одной политической системы къ другой. Кромѣ причинъ, лежащихъ въ самой жизни, эти колебанія объясняются и характеромъ Александра I, тѣми его свойствами, которыя Меттернихъ называлъ: «les evolutions périodiques de son esprit».

Александръ, усвоивъ себѣ по вдохновенію какую нибудь идею, немедленно отдавался ей съ полнымъ увлеченіемъ. На развитіе этой идеи требовалось около двухъ лѣтъ; она незамѣтнымъ образомъ пріобрѣтала въ его глазахъ значеніе системы. Въ теченіе третьяго года онъ оставался вѣренъ избранной системѣ, все болѣе привязывался къ ней, слушалъ съ истиннымъ увлеченіемъ сторонниковъ ея и въ это время становился недоступнымъ никакому вліянію, могущему поколебать справедливость усвоеннаго имъ взгляда. На четвертый годъ его уже начинали тревожить могущія произойти отъ этого послѣдствія. Въ пятый же годъ замѣчалась неопредѣленная смѣсь системы, готовой исчезнуть, съ новой идеей,

---

[1]) Сборникъ пост. и распор. по цензурѣ. Стр. 85, 86, 88, 89 и 93.

начинавшей зарождаться въ его умѣ. Эта идея обыкновенно составляла діаметральную противоположность покидаемому имъ воззрѣнію. Затѣмъ, усвоивъ себѣ новыя убѣжденія, онъ не сохранялъ о покинутыхъ идеяхъ другого воспоминанія, кромѣ обязательствъ, связывавшихъ его съ различными представителями прежнихъ воззрѣній [1]). Какое вліяніе имѣли эти пятилѣтніе періоды «эволюцій» монаршаго духа на литературу? Они находились въ противорѣчіи съ статьей 39 цензурнаго устава 1804 года. По этой статьѣ сочиненіе, разъ разсмотрѣнное и одобренное, для второго изданія не нуждалось въ новомъ разсмотрѣніи и одобреніи. Между тѣмъ всѣ сочиненія, согласныя съ видами правительства въ одномъ пятилѣтіи, и потому благонамѣренныя и разрѣшенныя, въ слѣдующее пятилѣтіе оказывались въ противорѣчіи съ видами того же правительства, потерпѣвшими «эволюцію». А вторыя изданія ихъ, по уставу, могли выходить безпрепятственно. Какъ же быть? Оставалось дѣйствовать путемъ особыхъ циркулярныхъ внушеній и разъясненій.

Особенно характерна въ этомъ отношеніи «эволюція» цензуры съ Наполеономъ. Съ 1802 г. свободно обращалась въ продажѣ книга «Histoire de Bonaparte», наполненная похвалами Наполеону. Въ началѣ 1807 г., во время войны съ Франціей, книга эта обратила на себя вниманіе и была препровождена для «разсмотрѣнія» въ цензурный комитетъ, который и нашелъ, что авторъ книги обнаруживаетъ себя «подлымъ обожателемъ хищниковъ трона». Книга была «изъята» (Скабичевскій, 106). Но заключили тильзитскій міръ, и цензура начала преслѣдовать всякія порицанія Наполеона. Особое вниманіе было обращено на «Русскій Вѣстникъ» пламеннаго патріота С. Н. Глинки, который попрежнему враждебно отзывался объ императорѣ французовъ... Съ 1812 г. Наполеонъ снова дѣлается узурпаторомъ и антихристомъ. А уже въ 1814 году предсѣдатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, Уваровъ, предлагаетъ комитету слѣдить за тѣмъ, чтобы «журналисты, писавшіе въ 1812 году, иначе писали въ 1815 г., и мало-по-малу согласовались бы съ намѣреніями правительства и содѣйствовали распространенію мирныхъ сношеній, слѣдуя такимъ образомъ общему стремленію къ новому и прочному порядку вещей» [2]).

Особенно характерно «отношеніе» министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, отъ 4-го апрѣля 1818 г. (№ 737).

«По соображеніямъ моимъ нахожу я, что... вообще выходили и могли выходить у насъ книги, коихъ содержаніе, въ отношеніи къ

---

[1]) Н. К. Шильдеръ. Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Томъ 2-й, стр. 2 и 3. Metternich, Mémoires, v. I. Alexandr I. Portrait tracé par le prince de Metternich en 1829 (p.p. 315—332).

[2]) Сухомлиновъ, т. I, 427—428. Истор. свѣд. о цензурѣ въ Россіи, стр. 12, 13, 19, 20. Скабичевскій, стр. 106—108 и 114. «Русская Старина» 1880 г., стр. 463—465.

духу правительства и религіи, по тогдашнимъ обстоятельствамъ и времени, весьма противно быть принятымъ нынѣ твердымъ правиламъ, кои правительство по точной волѣ государя императора вводитъ и укоренять старается. Вслѣдствіе того по долгу званія моего обязываюсь я употребить всѣ зависящія отъ меня мѣры къ недопущенію во вновь печатаемыхъ книгахъ никакихъ мыслей и правилъ, не терпимыхъ нынѣ правительствомъ. Почему, обращая на сей предметъ вниманіе..., прошу предписать... цензурному комитету, чтобъ оный при разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ напечатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдалъ строжайше, дабы подобныя мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ, противные религіи христіанской, обнаруживающіе или вольнодумство, безбожничество, невѣріе и неблагочестіе или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія или же опорочиваніе догматовъ православной нашей церкви и т. п., были непремѣнно запрещаемы къ напечатанію, хотя бы въ напечатанныхъ прежде книгахъ и находились»[1]). Такимъ образомъ выходило, что были такія «обстоятельства и времена», когда цензурный комитетъ пропускалъ книги, полныя «вольнодумства», «безбожничества», «невѣрія», «революціонной необузданности» и проч., т. е. совершалъ такія дѣянія, за которыя по статьѣ 15 устава онъ подлежалъ «по мѣрѣ важности вины» карѣ, а сочинители, подавшіе на разсмотрѣніе такія книги, по статьѣ 19 подлежали немедленному «отысканію» и «поступленію съ ними по законамъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ Голицынъ, заявлявшій, что онъ поступаетъ на основаніи «твердыхъ правилъ» во имя православія, былъ тотъ самый, которому въ 1821 году знаменитый Фотій крикнулъ въ салонѣ гр. Орловой: «Анаѳема, да будешь ты проклятъ!» И объяснилъ—за что: за покровительство сектъ, лжепророковъ и за участіе въ возмущеніи противъ церкви.

VIII.

Борьба «мистиковъ» съ «православными», попеременно овладѣвавшихъ вдохновеніемъ императора, выразилась тоже періодическими гоненіями на книги, раньше разрѣшенныя. Въ 1814 г. вышелъ романъ Нарѣжнаго «Россійскій Жильблазъ», гдѣ изображались въ нелестномъ видѣ масоны. И мистики остановили послѣднія части романа, а Нарѣжный подвергся гоненіямъ. Одно было твердо при всѣхъ «эволюціяхъ»: книги и авторы, говорившіе противъ крѣпостной зависимости, всегда подвергались остракизму. Такъ въ 1804 г. до введенія новаго устава о цензурѣ была напечатана

---

[1]) «Русская Старина», декабрь 1900 года. Къ исторіи русской цензуры (1814—1820). Сообщ. Н. Д., стр. 654—655.

книга Пнина: «Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи». Успѣхъ ея былъ такъ великъ, что въ томъ же году почти все первое изданіе было распродано и понадобилось второе. Авторъ не замедлилъ имъ и въ томъ же 1804 году представилъ свою книгу уже во вновь открывшійся цензурный комитетъ съ рукописными дополненіями, сдѣланными, какъ авторъ объяснялъ, по волѣ монарха. Новое изданіе книги не было разрѣшено, а экземпляры перваго изданія, еще остававшіеся въ продажѣ, предписано отобрать изъ книжныхъ лавокъ. Главный доводъ противъ книги въ объясненіи цензора: «Авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого нибудь капризнаго паши». То же постигло переводъ Анастасевича брошюры Валеріана Стройновскаго «Объ условіяхъ помѣщика съ крестьянами», которая вышла въ 1809 г. въ Вильнѣ. За то же былъ прекращенъ: «Духъ журналовъ» (въ 1820 г.), и князь Голицынъ въ 1818 г. говоритъ въ «отношеніи»: «Примѣчено мною, и даже въ бытность мою въ Москвѣ находилъ я неоднократно, что издатель «Духа журналовъ» помѣщаетъ въ немъ статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ, о дѣйствіяхъ правительства и многія другія неприличности... обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства» [1]). Полная смерть журналиста послѣдовала въ 1824 г., когда графъ Аракчеевъ объявилъ «повелѣніе»: «Единожды навсегда принять за правило, чтобъ россійскіе чиновники, находящіеся на службѣ, нигдѣ и ни на какомъ языкѣ не издавали въ свѣтъ никакихъ сочиненій, заключающихъ что либо, касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній Россійскаго государства, сверхъ обыкновенной цензуры, безъ дозволенія своихъ начальниковъ» [2]). Это распоряженіе истолковано было такъ, что вообще ни о какомъ вопросѣ писать нельзя, не спросясь подлежащаго вѣдомства. Такъ создались, помимо общей, еще безчисленныя спеціальныя цензуры всевозможныхъ вѣдомствъ, департаментовъ, учрежденій и столовъ, и публицисту оставалось только повторить изреченіе лягушки, попавшей подъ зубья бороны: «Слишкомъ много господъ!» Приведемъ нѣсколько характерныхъ циркуляровъ, показывающихъ, какъ прихотливы были воздѣйствія на литературу.

«Министерство просвѣщенія желаетъ дать разсудительную и съ

---

[1]) «Русская Старина», 1900 г., декабрь, стр. 655—656.

[2]) Сборникъ постан. и распор. по цензурѣ, стр. 120.

общимъ порядкомъ согласную свободу умамъ, но когда сія свобода будетъ употребляема во зло, то министерство съ равномѣрною строгостью прекратитъ немедля источникъ неосновательныхъ и даже для общаго мнѣнія опасныхъ политическихъ толковъ» (попечитель С. Уваровъ, 1814 г.).

«Въ осужденіе и осмѣяніе старообрядцевъ не дозволять ничего печатать, поелику отъ правительства приняты уже потребныя къ наставленію ихъ мѣры» (С.-Петербургскій цензурный комитетъ, 21-го апрѣля 1814 г.).

«Недавно вышла изъ печати съ дозволенія С.-Петербургскаго цензурнаго комитета первая часть книги подъ заглавіемъ: «Основанія естественнаго законодательства», соч. г. Перро, перев. съ французскаго. Переводъ сей наполненъ странными, непонятными выраженіями, искажающими россійскій языкъ. Почему побуждаюсь просить ваше превосходительство предписать цензурному комитету о строгомъ впередъ наблюденіи, дабы въ одобряемыхъ онымъ къ напечатанію россійскихъ книгахъ соблюдаема была чистота языка» (18 октября 1815 г. графъ Разумовскій—С. С. Уварову) [1]).

Въ 1821 году князь Голицынъ далъ знать попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, что «по случаю вышедшей вновь изъ печати книги безъ употребленія въ оной буквы ъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тому слѣдовало быть по общимъ правиламъ русскаго языка, высочайше повелѣно наблюдать цензорамъ, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было допускаемо подобное отступленіе отъ общихъ правилъ языка» [2]).

Приведенныхъ курьезовъ достаточно для характеристики александровской цензуры, расцвѣтшей подъ сѣнью идиллическаго цензурнаго устава 1804 г. Но въ первое двадцатипятилѣтіе XIX столѣтія литература еще едва начинала расцвѣтать, запросы ея были не глубоки. Николаевская цензура имѣла уже дѣло съ серіозной, глубокой, чуткой литературой. Не одна форма и стилистика, какъ въ блаженную пору борьбы «шишковистовъ» съ «карамзинистами», не одни неопредѣленныя мечтанія и порывы, какъ въ десятилѣтіе боя «классиковъ» съ «романтиками», но обширный кругъ религіозныхъ, историко-политическихъ, соціальныхъ и эстетическихъ вопросовъ тѣснился въ пробужденномъ самосознаніи общества. Тѣмъ труднѣе было дышать. Тѣмъ страшнѣе былъ тотъ «испанскій башмакъ», который защемилъ, едва ли не съ большей безпощадностью, литературу второй четверти истекшаго вѣка.

Николай Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) «Русская Старина», декабрь, 1900 г., стр. 643, 644, 650.

[2]) Бес. въ Общ. люб. р. слов., 1871 г., вып. III, стр. 34. Скабичевскій, стр. 159.

НА ЛИНІИ ВѢЧНЫХЪ СНѢГОВЪ.

УЗКОЕ, ГЛУБОКОЕ ущелье, по которому съ грохотомъ, пѣнясь и клубясь, мчится бѣшеный потокъ, падая съ камня на камень, образуя мѣстами цѣлый рядъ небольшихъ водопадовъ. Кругомъ, куда ни бросишь взглядъ, только горы и горы.

Угрюмо молчаливыя, глубоко засыпанныя снѣгомъ, онѣ тѣснятся одна выше другой, одна другой причудливѣе. Безчисленныя вершины, то конусообразныя, то острыя, какъ пики, то похожія на куполъ, то словно бы обрубленныя съ одного бока, громоздятся, лѣзутъ вверхъ и теряются въ свинцовыхъ облакахъ, тяжело нависшихъ надъ ними. Вдоль обрывистаго берега, среди хаоса безпорядочно нагроможденныхъ камней, вьется чуть примѣтная тропинка, по ней гуськомъ, вслѣдъ другъ-другу, медленно подвигается небольшая группа всадниковъ. Впереди всѣхъ—солдатъ пограничной стражи въ папахѣ, полушубкѣ, валенкахъ, съ головой закутанный въ башлыкъ, съ заряженной винтовкой въ рукахъ, которую онъ держитъ наготовѣ, положивъ черезъ лѣвый локоть.

Рослый гнѣдой конь, вытянувъ шею и насторожив уши, осторожно ступаетъ по обледенѣлой, скользкой тропинкѣ, слегка похрапывая на ревущую и грохочущую у его ногъ стремнину.

За солдатомъ, на свѣтло-сѣромъ катерѣ[1]), верхомъ по-мужски, сидитъ женщина, окутанная и обмотанная поверхъ мѣховой шубки

---

[1]) Катеръ—мулъ.

большимъ байковымъ платкомъ, на головѣ у нея бѣлая папаха и башлыкъ, на рукахъ мохнатыя перчатки, ноги обуты въ кавказскiе бурочные сапоги. Ей, очевидно, чрезвычайно неудобно сидѣть. Она сгорбилась, поникла головой и, бросивъ поводья, поддерживаетъ свое туловище обѣими руками, положенными на переднюю луку сѣдла. Привычный къ горнымъ тропинкамъ катеръ ступаетъ осторожно и идетъ, не спотыкаясь и не скользя, ровной, спокойной походкой, слегка потряхивая длинными косматыми ушами. За женщиной на катерѣ слѣдуетъ другой солдатъ, одѣтый такъ же, какъ и первый, и тоже съ ружьемъ въ рукахъ. На лѣвомъ локтѣ его болтается длинный поводъ, которымъ онъ ведетъ за собой второго катера, навьюченнаго какими-то узлами, между которыми привязана небольшая сапетка [1]). Въ этой сапеткѣ барахтается что-то, похожее на большой мотокъ изъ шерсти и тряпокъ. Только при внимательномъ наблюденiи можно наконецъ разобрать, что это ребенокъ. Одѣтый въ солдатскiй полушубокъ, обернутый одѣяломъ, концы котораго завязаны узломъ, съ нахлобученной на глаза шапкой, онъ сидитъ въ корзинѣ, стиснутый, придавленный, бросая исподлобья изумленно-тревожные взгляды.

Далѣе, на сѣромъ статномъ иноходцѣ, ѣхалъ офицеръ въ черномъ, щегольскомъ полушубкѣ, туго подпоясанномъ револьвернымъ ремнемъ. Папаха его была лихо заломлена назадъ, и весь онъ выглядѣлъ настоящимъ молодцомъ. Онъ былъ высокаго роста, богатырски сложенъ, съ русой надвое бородой и длинными пушистыми усами. Большiе сѣрые глаза немного навыкатѣ смотрѣли смѣло впередъ, съ любопытствомъ оглядывая, очевидно, новую для него обстановку.

За офицеромъ на тощей невзрачной лошаденкѣ плелся татаринъ въ косматой папахѣ-грибомъ, таща за собой въ поводу тяжело навьюченнаго разнымъ скарбомъ верблюда.

Неуклюжее животное, ободранное и шершавое, горделиво поднявъ крошечную губастую голову съ блестящими, злыми глазами, широко ступало плоскими узловатыми лапами, мѣрно покачиваясь всѣмъ корпусомъ.

Шествiе замыкалъ третiй солдатъ, на слегка прихрамывающей лошади, почему постоянно отставалъ и то и дѣло принужденъ былъ трусить рысцой, чтобы догнать остальной караванъ.

Чѣмъ дальше подвигались путники, тѣмъ тропинка становилась все круче и круче. Лошади то и дѣло скользили и спотыкались. Даже цѣпкiе катера начали изрѣдка оступаться, послѣ чего всякiй разъ недовольно встряхивали ушами, точно осуждая въ душѣ такую безобразную дорогу. Иногда путникамъ казалось, что подъе-

[1]) Сапетка—плетеная изъ прутьевъ конусообразная корзина, широкимъ концомъ вверху. Въ этихъ корзинахъ сельчане возятъ фрукты и овощи на базаръ.

мамъ наступаетъ конецъ. Стоитъ только подняться на послѣднюю вершинку, и пойдетъ ровная, гладкая дорога, но, поднявшись на нее, они съ досадой и удивленіемъ видѣли передъ собой новыя и новыя вершины, еще круче, еще длиннѣе первой.

Мѣстами подъемы переходили въ такіе же крутые спуски, тогда лошади почти садились на задъ, напряженно вытягивали переднія ноги и осторожно сползали внизъ короткими, тупыми шажками, болью отзывавшимися въ истомленномъ, изнывшемъ тѣлѣ всадниковъ.

На одномъ изъ такихъ мучительныхъ спусковъ, хранившая всю дорогу молчаніе женщина, наконецъ, не выдержала:

— Господи!—простонала она,—когда же наконецъ мы доѣдемъ? Я, кажется, умру на дорогѣ.

Ѣхавшій впереди солдатъ обернулся и участливо произнесъ:

— Теперича, сударыня, уже не далече; вонъ за той горой, «Кучерявая» называется, пойдетъ селенье Амбу-Дагъ, а проѣдемъ селеніе, тутъ уже и постъ, повыше только немного, на самой горѣ.

— Терпѣніе, Вѣра Александровна, терпѣніе!—крикнулъ ей офицеръ и, обратясь къ ѣдущему позади всѣхъ солдату, спросилъ:

— Сколько у васъ тутъ верстъ считается отъ города до поста?

— Да, должно, верстъ 38, а то и 40. Доподлинно никто не знаетъ. Не мѣрено. Сказываютъ—38, а столько ли или нѣтъ,—неизвѣстно.

Офицеръ досталъ часы и взглянулъ на нихъ.

— Ого, шестой часъ, а мы выѣхали въ половинѣ одиннадцатаго. Уже семь съ половиной часовъ ѣдемъ.

— Дорога-съ, ваше благородіе, такая, рысью не погонишь, все шагомъ; да и то полнымъ-то шагомъ не вездѣ иттить можно, отъ того-то такъ и долго.

Всѣ опять замолкли.

Прошло еще съ полчаса. Вдали послышался переливистый лай множества собакъ, и вскорѣ передъ глазами путниковъ развернулось большое курдинское селеніе Амбу-Дагъ, состоявшее изъ ряда землянокъ и небольшихъ, похожихъ скорѣе на берлогу, чѣмъ на человѣческое жилье, каменныхъ хижинъ. Камни, изъ которыхъ были выведены толстыя стѣны, лежали другъ на другѣ, держась только своей тяжестью и тяжестью придавливающей ихъ земляной крыши, ничѣмъ не сплоченные, даже не обмазанные глиной. Несмотря на морозъ и снѣгъ, цѣлая орава полуголыхъ ребятъ копошилась на плоскихъ крышахъ, среди косматыхъ, скелетообразныхъ и злобно-трусливыхъ собакъ. Тутъ же сновали и взрослые курды, мужчины и женщины, одѣтые въ пестрые, яркіе, донельзя грязные лохмотья.

— Гдѣ же постъ?—подумала Вѣра Александровна, ища глазами постройку, похожую на то, что въ ея умѣ соединялось съ понятіемъ о казармѣ. Она уже собиралась было опять спросить солдата, но нечеловѣческая усталость сковала ей языкъ.

— Ахъ, все равно, будемъ тащиться, когда нибудь дотащимся!—съ безнадежнымъ отчаяніемъ подумала она, склоняя на грудь нестерпимо разболѣвшуюся голову.

— Вотъ, сударыня, и постъ,—обернулся къ ней солдатъ, концомъ плети указывая на вершину горы, пирамидально возвышавшуюся впереди за селеніемъ.

— Гдѣ?—встрепенулась Вѣра Александровна.

— А вонъ, вонъ, чуть чернѣется, дымокъ вьется, вотъ тамъ на вершинкѣ.

Но напрасно старалась Вѣра Александровна прослѣдить глазами по указанію солдата, она ничего не видѣла, кромѣ бѣлыхъ, холодныхъ, снѣжныхъ вершинъ, слегка окутываемыхъ сгущающимися сумерками.

— Я ничего не вижу,—съ досаднымъ разочарованіемъ произнесла она наконецъ,—да это все равно, ты только поѣзжай ради Бога скорѣй.

Обогнувъ селеніе, всадники свернули на едва протоптанную тропинку, почти отвѣсно подымающуюся вверхъ. Солдаты, приподнявшись на стремена, припали къ гривамъ лошадей и замахали нагайками.

Лошади, увязая по брюхо въ снѣгъ, неровными, отрывистыми скачками, какъ-то бокомъ, принялись торопливо карабкаться, тяжело дыша и широко раздувая ноздри. Сидя на сѣдлѣ, чувствовалось, какъ напрягаются всѣ мускулы, всѣ жилы животнаго, какъ оно выбивается изъ силъ, преодолѣвая трудность пути... Вотъ еще, еще немного, и они въѣзжаютъ на площадку, за которой безформенной массой, въ быстро спустившихся сумеркахъ, вырисовываются стѣны поста-крѣпости съ бревенчатой вышкой надъ прочно окованными воротами.

Нѣсколько штукъ разношерстныхъ собакъ съ громкимъ, яростнымъ лаемъ бросаются имъ на встрѣчу.

— Кто ѣдетъ?—раздается суровый окликъ часового.

— Новый командиръ,—возвѣщаетъ передовой объѣздчикъ и рысью спѣшитъ къ посту поскорѣе предупредить о пріѣздѣ начальства.

— Вахмистра, старшаго!—слышатся тревожно торопливые голоса. Стучатъ тяжелые солдатскіе сапоги, и на площадку одинъ за другимъ выбѣгаютъ стражники и объѣздчики, кто въ полушубкѣ, кто въ мундирѣ; суетливо застегиваясь и обдергиваясь на бѣгу, торопливо выстраиваются въ одну линію, лицомъ къ подъѣзжающимъ.

— Смирно-о-о!—раздается зычная команда, и изъ полумрака выступаетъ коренастая фигура, съ широкой бородой, въ мундирѣ, фуражкѣ, съ шашкой черезъ плечо и серебряными нашивками на рукавѣ.

— Ваше благородіе, на посту Амбу-Дагъ все обстоитъ благополучно, происшествій никакихъ не случалось,—баситъ вахмистръ, въ то же время зорко оглядывая новаго командира, стараясь по первымъ примѣтамъ угадать, каковъ-то онъ будетъ впослѣдствіи.

Вѣра Александровна была въ такомъ состояніи, что солдаты должны были снять ее съ сѣдла на рукахъ. Она шаталась, какъ пьяная, и едва могла переступать.

Голова ея кружилась, словно бы послѣ морской качки, она машинально двигалась, не видя ничего передъ собой, и только, войдя въ квартиру, нѣсколько опомнилась и оглянулась.

Освѣщаемая тусклой лампочкой, которую держалъ солдатъ, квартира выглядѣла весьма уныло. Низкіе потолки, крошечныя комнаты безъ обоевъ, желѣзныя рѣшетки въ окнахъ и какой-то особенный непріятный угарный запахъ дѣлали ее крайне неуютной.

— Точно—тюрьма,—мелькнуло въ головѣ Вѣры Александровны, но измученная восьмичасовымъ путешествіемъ на сѣдлѣ, въ непривычной позѣ, она рада была и такому помѣщенію, лишь бы поскорѣе сѣсть и вытянуть окоченѣвшія, затекшія ноги. Ее только безпокоилъ незнакомый, непріятный запахъ какой-то гари, назойливо лѣзшій въ носъ и туманившій голову.

— Отчего это такой запахъ?—спросила она стоявшаго передъ ней солдата; тотъ покрутилъ носомъ, но промолчалъ, недоумѣвая, о какомъ запахѣ спрашиваетъ барыня.

— Отъ кизяка-съ [1],— отозвался вахмистръ, помогавшій тѣмъ временемъ раскутывать принесеннаго имъ на рукахъ ребенка.

Это былъ мальчикъ лѣтъ 8, бѣлокурый, голубоглазый, съ тонкими, красивыми чертами лица и вдумчивымъ выраженіемъ.

Освободившись отъ стѣснявшихъ его одеждъ, онъ торопливо подбѣжалъ къ матери, обхватилъ ея шею руками и принялся горячо цѣловать въ глаза, въ губы и обѣ щеки, тихо приговаривая:

— Цѣлый день не цѣловалъ, цѣлый день не цѣловалъ.

— Ну, будетъ-будетъ, Митя, не тормоши меня, я и то едва жива,—ласково погладила его Вѣра Александровна по головкѣ:— скажи лучше, ты навѣрно очень кушать хочешь?

— Хочу, мама, очень хочу,—сознался мальчикъ:— я уже по дорогѣ проголодался, да молчалъ.

---

[1]) Кизякъ—бараній и коровій пометъ, употребляемый, послѣ особаго приготовленія, въ топливо.

— Ты у меня умникъ,—съ безконечной любовью, заглядывая въ лицо сына, произнесла Вѣра Александровна:—за это тебѣ сейчасъ молоко будетъ, вкусное, превкусное.

— Послушайте, — обратилась она къ солдату, — какъ васъ зовутъ?

— Зинченко, сударыня,—отвѣтилъ тотъ, нѣсколько изумленный непривычнымъ «вы».

— Ну, такъ вотъ, Зинченко, на-те вамъ деньги, сходите въ селеніе, принесите молока и десятокъ яицъ.

— Молока теперь, сударыня, достать нельзя, раньше, какъ завтра утромъ, не будетъ,—отвѣчалъ Зинченко.

— Какъ нельзя? Почему?

— Курды, сударыня, зимой разъ въ день доятъ, по утрамъ только и сейчасъ же въ турсуки [1]) сливаютъ, чтобы, значитъ, квасить его; свѣжаго молока они не потребляютъ, а только котыхъ [2]), котыха же вы кушать не станете, съ непривычки отъ него даже съ души претъ.

— Какъ же быть? ну, хоть яицъ принесите!

— Яицъ, сударыня, теперь во всей деревнѣ ни одного нѣтъ, курдинскія куры подъ небомъ живутъ, все равно, что дикія, онѣ давнымъ-давно носиться перестали.

— Какъ же такъ?—искренно изумилась Вѣра Александровна:— неужели же такъ-таки ничего и нѣтъ? Ну, а вы сами что же кушаете?

— Мы-съ, обнаковенно што, щи съ бараниной варимъ, а лѣтомъ борщъ, чего жъ больше.

— Господи! да неужели-жъ ничего нельзя достать? Вѣдь Митя кушать хочетъ.

— Петръ Петровичъ,—съ раздраженіемъ обратилась она къ мужу:—слышите, говорятъ, ничего достать нельзя.

— Что дѣлать, à la guerre comme à la geurre,—развелъ тотъ руками:—я тутъ уже ничѣмъ пособить не могу; впрочемъ я коечто захватилъ изъ города. Вотъ,—и, говоря такъ, онъ вытащилъ изъ лежавшихъ у его ногъ хурджинъ [2]) бутылку водки «Сараджева», 4 бутылки вина, кусокъ крѣпкой, какъ камень, копченой колбасы, проданной ему въ Инджирѣ подъ фирмой «московской», и обломокъ швейцарскаго сыра:—теперь бы только рюмку, стаканы и хлѣба. Хлѣбъ-то навѣрно найдется.

---

[1]) Турсуки—кожаные мѣшки, въ которые сливается молоко, при чемъ баранье мѣшивается съ коровьимъ. Въ этихъ мѣшкахъ молоко бродитъ, и получается котыхъ, такъ какъ мѣшки эти никогда не прополаскиваются, то и котыхъ получаетъ особенный нестерпимый запахъ плѣсени и гнили; онъ отвратителенъ, хотя будучи приготовленъ чисто, въ хорошей посудѣ, по вкусу не уступаетъ нашей простоквашѣ.

[2]) Хурджины—ковровыя переметныя сумки.

Вѣра Александровна молча слѣдила за всѣми его движеніями.

— Это все, что вы привезли?—спросила она холодно:—а булки, закуски, чай, сахаръ? Вѣдь я, кажется, просила васъ позаботиться объ этомъ?

— Царица, прости,—съ театральнымъ жестомъ воскликнулъ Петръ Петровичъ:—забылъ, казни меня Аллахъ, забылъ, заболтался съ нашимъ докторомъ, тутъ еще подошла компанія, зашли въ лавку, выпили, закусили, опять выпили, а тутъ ты присылаешь, торопишь ѣхать, я заспѣшилъ и забылъ, на дорогѣ только вспомнилъ, но молчалъ, нарочито молчалъ, не хотѣлъ усугубить твоихъ страданій, къ тому же, признаться, я надѣялся достать что нибудь здѣсь на мѣстѣ. Посуди сама, селеніе, какъ значится, съ пятью стами душъ обоего пола, и чтобы молока и яицъ не было, это ужасно, не можетъ быть.—Ей, ты!—обратился онъ къ солдату:— нечего тебѣ съ барыней тутъ зубы точить, маршъ въ деревню, и чтобы черезъ полчаса у меня были молоко и яйца, понялъ— безъ нихъ не смѣй и на глаза являться.

— Слушаю-съ, развѣ у старшины попытать у Худады, ежели-жъ у него не найдется, то, стало быть, ни у кого нѣтъ.

— Хоть у самого чорта, но чтобъ было. Слышишь?—добавилъ Петръ Петровичъ, строго обращаясь уже къ самому вахмистру.

— Слушаю-съ, будетъ,—успокоительно произнесъ тотъ и, скосивъ глаза на Зинченка, грозно и многозначительно добавилъ:— ну, чего стоишь?

Зинченко мигомъ исчезъ.

По уходѣ его, Вѣра Александровна тяжело поднялась съ дивана и начала раздѣваться. Размотала платокъ, сняла папаху, башлыкъ и шубку. Избавившись отъ лишней одежды, уродовавшей ея фигуру, она сразу помолодѣла. Это была женщина лѣтъ 28, высокаго роста, граціозная, съ тонкими чертами красиваго, благороднаго лица, съ большими карими глазами и пышными волосами. Она была стройна и граціозна, какъ дѣвушка, всѣ ея движенія были полны того изящества, которое дается только хорошимъ воспитаніемъ.

— Вотъ, сударыня, нашелъ,—торжествующе возгласилъ Зинченко, торопливо входя въ комнату съ глинянымъ горшкомъ въ рукахъ и ставя его на столъ.—Два фунта [1]) молока и десятокъ яицъ.

— Ну, слава Богу,—облегченно вздохнула Вѣра Александровна:— спасибо тебѣ, голубчикъ.

Она поспѣшно подошла къ столу, заглянула въ горшокъ, но тотчасъ же съ ужасомъ отшатнулась.

— Что это такое? развѣ же это молоко?

---

[1]) Въ Закавказьѣ все продается на вѣсъ: пудъ дровъ, фунтъ молока, полъ-пуда вина и т. п.

— Такъ точно, молоко,—не безъ нѣкотораго удивленія подтвердилъ Зинченко.

— Но, Боже мой, почему оно такое ужасное? Это помои, а не молоко.

— У нихъ, сударыня, повсегда такое, больно уже народъ-то не чистый, одно слово курдà.

Видя испугъ жены, Петръ Петровичъ въ свою очередь съ любопытствомъ заглянулъ въ кринку.

— Гм... да...—многозначительно проговорилъ онъ и невольно сплюнулъ.—Тьфу, ты, мерзость какая!

Въ молокѣ, принесенномъ Зинченкомъ, плавали цѣлые клочья шерсти, кусочки кизяка, какія-то насѣкомыя, отъ пыли и грязи оно сверху было совершенно мутно-сѣраго цвѣта, и ко всему этому запахъ его былъ отвратителенъ; не только пить, но и нюхать его было тошно.

— Господи, куда мы заѣхали?—всплеснула руками Вѣра Александровна, и крупныя слезы полились изъ ея глазъ. Увидя мать свою плачущей, Митя бросился къ ней, обхватилъ за талію, спряталъ личико въ складки ея платья и разразился горькими рыданіями.

— Ну, началась семейная симфонія,—досадливо махнулъ Петръ Петровичъ рукой:—завели шарманку.

«Свѣтъ—не безъ добрыхъ людей», говоритъ пословица. Такимъ добрымъ человѣкомъ для Вѣры Александровны Тубичевой оказался Зинченко. Тронутый ея слезами и безпомощностью, ея ласковымъ обращеніемъ, онъ съ перваго же дня принялъ горячее участіе въ судьбѣ «новой барыни».

Съ его помощью, дня черезъ три, была пріобрѣтена корова, похожая впрочемъ скорѣе на привидѣніе, чѣмъ на живое существо, до такого состоянія довелъ ее ея прежній хозяинъ, какъ и прочіе курды, почти что не кормившій своей скотины въ теченіе всей зимы, почему курдинскій скотъ къ веснѣ и представляетъ собою едва-едва волочащіе ноги скелеты.

За коровой появились куры. Куры эти, болѣе дикія, чѣмъ куропатки, имѣли весьма жалкій видъ. Растрепанныя, всклоченныя, съ хроническимъ ужасомъ въ глазахъ, онѣ, попавъ въ курятникъ, долгое время не рѣшались даже притронуться къ пищѣ и трепетали всѣмъ тѣломъ, готовыя расшибиться объ стѣну всякій разъ, какъ Зинченку приходила охота навѣстить ихъ въ ихъ заключеніи.

По совѣту того же Зинченка, на другой же день по пріѣздѣ Тубичевыхъ на постъ, были посланы въ городъ Инджирь два объѣздчика съ вьючнымъ катеромъ за покупками. Зинченко, бывшій ранѣе того въ денщикахъ у прежняго офицера, а потому человѣкъ опытный, собственноручно составилъ длинный «эрестикъ». Тутъ были и макароны, и рисъ, и крупа, и мука, и горчица, и

масло, словомъ множество предметовъ, необходимыхъ для хозяйства. Петръ Петровичъ, увидя «эрестикъ», полюбопытствовалъ просмотрѣть его.

— Что-жъ, ты, дуракъ, водки и вина не записалъ?—укорилъ онъ Зинченка и собственноручно вписалъ: 12 бутылокъ вина бѣлаго, 4 бутылки водки «Сараджева». Онъ хотѣлъ было прибавить еще 1 бутылку коньяку, но Вѣра Александровна, увидя эту приписку, молча и энергично вычеркнула коньякъ.

— Довольно съ васъ,—сухо произнесла она:—вы, кажется, собираетесь спиться на этомъ миломъ Амбу-Дагѣ.

— Jamais de ma vie, madame!—галантно поклонился тотъ.

Провожая посланныхъ, Зинченко уже отъ себя строго-настрого приказалъ имъ поскорѣе возвращаться. Исполняя его приказаніе, тѣ на другой же день утромъ были на посту, въ точности исполнивъ всѣ порученія. Только вмѣсто 12 бутылокъ вина сдали лишь десять. Двѣ оказались разбитыми по дорогѣ. Зинченко, самъ себя опредѣлившій въ денщики къ Тубичевымъ, только укоризненно покосился, принимая изъ рукъ солдатъ бутылки съ виномъ. Справедливость требуетъ добавить, что и впослѣдствіи, сколько разъ ни ѣздили солдаты, тѣ или другіе, въ городъ за виномъ, никогда не случалось, чтобы двѣ бутылки не были разбиты. Впрочемъ, только одинъ разъ разбилось три бутылки, но тогда въ городъ ѣздило не двое, а трое.

Уныніе, овладѣвшее Вѣрой Александровной съ перваго же дня ея пріѣзда на Амбу-Дагъ, никогда больше не покидало ея. Днемъ, за мелкими хлопотами по хозяйству, она немного забывалась, но послѣ обѣда, когда насущныя повседневныя заботы прекращались, ее охватывала невыразимая тоска.

Въ эти минуты сами стѣны ея квартиры дѣлались ей ненавистны, какъ тюрьма, и она, не находя себѣ мѣста, торопливо надѣвала шубку, платокъ на голову, и въ сопровожденіи Мити выходила на площадку передъ кордономъ. Тамъ она принималась медленно бродить взадъ и впередъ, стараясь физическою усталостью угомонить боль сердца. По временамъ она останавливалась и подолгу безцѣльно глядѣла на разстилающуюся передъ ней унылую картину засыпанныхъ снѣгомъ, мертвенно-молчаливыхъ горъ, съ налегшими на ихъ вершины свинцовыми тучами. Длинныя, гигантскія тѣни мрачно ложатся кругомъ, нигдѣ не слышно ни единаго звука, точно все умерло и застыло въ своемъ мертвенномъ покоѣ. Ничего яркаго, живого, только тамъ, глубоко внизу, на далекомъ горизонтѣ, надъ залитой солнцемъ равниной весело синѣетъ безоблачное небо. Только тамъ и живутъ, радуются, веселятся, а здѣсь—здѣсь можно лишь медленно умирать.

— Мама, отчего солнца никогда нѣтъ? — робко спрашивалъ ее Митя, удивляясь тому, что съ самаго ихъ пріѣзда на Амбу-Дагъ онъ не видѣлъ ни одного солнечнаго луча.

— Потому что мы въ могилѣ,—грустно отвѣчала ему Вѣра Александровна.

Но если было тяжело и уныло въ обыкновенные дни, то тогда, когда подымалась вьюга, положеніе обитателей Амбу-Дага дѣлалось еще нестерпимѣе.

Снѣгъ въ горахъ шелъ не часами, а цѣлыми сутками подъ рядъ. Днемъ и ночью съ убійственнымъ однообразіемъ мелькали передъ глазами хлопья снѣга, неудержимые, неотвратимые, какъ сама судьба. Медленно крутясь въ воздухѣ, падали они, мягко и неслышно устилая землю и навѣвая огромные сугробы. Въ такіе дни тоска Вѣры Александровны доходила до изступленія. Она бросалась на кровать, зарывалась лицомъ въ подушки и лежала недвижно по цѣлымъ часамъ; ей казалось, будто снѣгъ падаетъ непосредственно ей на голову, насыпая надъ ней огромный могильный холмъ. Она не рѣшалась взглянуть въ окно, чтобы не видѣть этой волнующейся, непроницаемой пелены, заполнявшей всю вселенную и доводившей ее до умоизступленія. Только присутствіе Мити нѣсколько ободряло ее, ей легче было, когда мальчикъ взбирался къ ней на кровать и своимъ личикомъ прислонялся къ ея лицу. Она нѣжно обнимала его и, крѣпко прижимая къ себѣ, шептала ему самыя ласковыя названія, какія только могли прійти ей на умъ.

Чтобы не очутиться совершенно засыпанными снѣгомъ, солдаты во время мятели каждое утро вылѣзали черезъ слуховыя окна и лопатами принимались откидывать огромные заносы, образовавшіеся за ночь около дверей. Сообщеніе не только съ деревней, но даже съ колодцемъ, находившимся всего въ нѣсколькихъ саженяхъ, прекращалось; дальше воротъ нельзя было пробраться черезъ горы нанесеннаго снѣга. Лошадей поили талымъ снѣгомъ, въ самовары и въ котелъ шелъ тотъ же снѣгъ. Обреченные на невольное бездѣйствіе, солдаты, какъ сурки, спали безъ просыпу, съ вечера до утра и съ утра до вечера. Только изрѣдка, по вечерамъ, они собирались въ кружокъ и въ полголоса пѣли унылыя хохлацкія пѣсни. Это пѣніе, глухо доносившееся черезъ стѣну, разрывало Вѣрѣ Александровнѣ сердце. Ей казалось, будто она лежитъ на днѣ раскрытой могилы, и ее отпѣваютъ невидимые духи. Нѣсколько разъ покушалась она послать Зинченка попросить ихъ замолчать, но всякій разъ ей становилось совѣстно отнять у нихъ это послѣднее развлеченіе.

— Имъ тоже не легко,—думала она:— какъ должны тосковать они о домѣ, о своихъ близкихъ, въ такіе унылые вечера.

Къ довершенію горя, въ такіе дни Петръ Петровичъ пилъ гораздо больше обыкновеннаго.

По натурѣ своей веселый, сообщительный, любившій компанію и считавшійся душой общества въ полку, гдѣ онъ прежде служилъ и который долженъ былъ оставить по случайному обстоятельству, онъ не выносилъ одиночества и однообразія подобной жизни. Если бы еще была какая нибудь служба, но какая служба можетъ быть зимой на линіи вѣчныхъ снѣговъ, когда даже волки покидаютъ горы и спускаются внизъ поближе къ селенію, когда прекращается всякое сообщеніе между разбросанными въ горахъ курдинскими зимовниками и все и вся погружается въ зимнюю спячку.

Немытый, нечесанный, въ разстегнутомъ на груди полушубкѣ безъ погонъ, въ бурочныхъ сапогахъ, слоняется Петръ Петровичъ изъ угла въ уголъ по крошечной квартирѣ, тяжело вздыхая и то и дѣло останавливаясь передъ шкапчикомъ, гдѣ у него стоитъ бутылка и рюмка. Послѣ цѣлаго ряда такихъ остановокъ, онъ, совершенно отяжелѣвшій, колеблющейся походкой отправляется въ спальню, не раздѣваясь бросается на постель и засыпаетъ мертвымъ сномъ. Приходитъ Зинченко, осторожно стаскиваетъ съ него сапоги и одежду, укладываетъ поудобнѣе и съ заботливостью няньки укутываетъ одѣяломъ.

А снѣгъ все валитъ и валитъ.

Когда, наконецъ, онъ утихалъ, солдаты немедленно принимались протаптывать тропинку отъ воротъ поста къ селенію, откуда уже шла постоянная дорога въ Инджирь, служившая единственнымъ путемъ сообщенія Амбу-Дага съ остальной вселенной.

Пріемы, къ которымъ прибѣгали при этомъ протаптываніи, были весьма оригинальны и на первый разъ заинтересовали Вѣру Александровну.

Прежде всего, расчистили лопатками дворъ и площадку, на что ушло немало времени, затѣмъ вывели изъ конюшни всѣхъ лошадей, которыхъ на посту было десять. Часть солдатъ вскочила въ сѣдла и выстроилась одинъ въ затылокъ другому, остальные, пѣшіе, съ лопатами въ рукахъ, столпились сзади.

— Ну, что, готовы, что ли?—крикнулъ вахмистръ.—Съ Богомъ, трогай, Лещукъ!

Лещукъ, рослый, молодцоватый объѣздчикъ, ударилъ плетью коня и двинулся впередъ, прямо въ сугробъ, высокой стѣной со всѣхъ сторонъ окаймлявшій площадку. Со второго шага лошадь его провалилась по брюхо и начала отчаянно биться. Подбадриваемая ударами плети, она, храпя и фыркая, неровными, напряженными прыжками рвалась впередъ, то и дѣло падая на колѣни, снова вскакивая и разбивая грудью толщу снѣга. Паръ валилъ съ нея клубами. Слѣдомъ двинулись остальные объѣздчики, уминая и утаптывая тяжестью своихъ лошадей, проложенную первымъ конемъ, тропинку.

— Стой, Лещукъ, будетъ!—крикнулъ вахмистръ, слѣдившій за работой съ края площадки. — Пропусти впередъ Пономаренка, а самъ сзади становись, дай вздохнуть коню.

Чернявый, сухопарый объѣздчикъ на рослой тяжелой кобылицѣ, ѣхавшій послѣднимъ номеромъ, съ трудомъ протискался впередъ и съ удалымъ возгласомъ: «Эй, ты, Матрена, пошевеливайся!» — съ размаху врѣзался грудью лошади въ снѣгъ.

Смѣняя другъ друга, медленно, шагъ за шагомъ, съ большими усиліями подвигались объѣздчики впередъ. Лошади ихъ потемнѣли отъ пота, тяжело и хрипло дышали, у болѣе слабыхъ ноги тряслись, какъ въ лихорадкѣ, а бока бились часто и трепетно. Пѣшіе, слѣдуя за конными, лопатами довершали ихъ работу, расширяя и разравнивая пробиваемую лошадьми дорожку.

Послѣ нѣскольких часовъ нечеловѣческихъ усилій, изнемогающіе отъ усталости, выбившіеся изъ силъ люди и лошади выкарабкались наконецъ къ нижней тропинкѣ подъ селеніемъ: дѣло было сдѣлано, и Амбу-Дагъ снова входилъ въ сообщеніе съ остальнымъ Божьимъ міромъ впредь до новой мятели, которая, впрочемъ, могла начаться черезъ какихъ нибудь 2—3 часа.

Медленной, монотонной вереницей тянулись однообразные дни, за днями — недѣли, за недѣлями — мѣсяцы. Вѣра Александровна жила, какъ на необитаемомъ островѣ, не видя посторонняго лица человѣческаго. Сосѣдній офицеръ жилъ за двадцать верстъ, и зимой всякое сообщеніе съ его кордономъ прерывалось, изъ города пріѣхать было некому, только горе могло погнать по такимъ убійственнымъ горнымъ тропинкамъ, гдѣ на каждомъ шагу можно было рисковать свернуть себѣ шею. Самой ѣхать въ городъ у Вѣры Александровны не хватало духу,—слишкомъ живо и ярко было воспоминаніе о томъ страданіи, которое она претерпѣла, когда первый разъ ѣхала на Амбу-Дагъ, сидя верхомъ по-мужски на широкой, жесткой подушкѣ казачьяго сѣдла. Шутка сказать, семь-восемь часовъ тащиться медленнымъ шагомъ, то карабкаясь вверхъ, то спалзывая внизъ... нѣтъ, нѣтъ, это было слишкомъ ужасно и исполнимо только при безвыходной крайности, напримѣръ, въ случаѣ перевода въ другой отрядъ.

Одиночество Вѣры Александровны усугублялось еще и тѣмъ, что мужъ ея все чаще и чаще, подъ предлогомъ разъѣздовъ по отряду, исчезалъ изъ дома, сначала дня на 2, на 3, а затѣмъ все на бо̀льшіе и бо̀льшіе сроки. Ему не сидѣлось дома, въ Инджирѣ стоялъ пластунскій баталіонъ, и было нѣчто въ родѣ офицерскаго клуба, гдѣ всегда можно было найти веселаго собутыльника.

Единственнымъ компаніономъ и собесѣдникомъ Вѣры Александровны былъ Митя. На него жизнь въ Амбу-Дагѣ тоже положила

свою печать—онъ сдѣлался не по лѣтамъ задумчивымъ и молчаливымъ.

— Помнишь, Митя,—говорила Вѣра Александровна,—тетю Нѣлову? Мы такъ не любили, когда она приходила, теперь бы и ей рады были. Не правда ли, мой мальчикъ?

— Да, мама, я самъ соскучился по ней,—серьезно соглашался Митя и затѣмъ добавлялъ:—а долго мы проживемъ здѣсь?

— Богъ знаетъ, во всякомъ случаѣ, нѣсколько лѣтъ, пока не переведутъ въ другой отрядъ, да и въ другомъ отрядѣ, пожалуй, не лучше будетъ. Да, Митя, такъ, какъ жили мы въ полку, намъ уже никогда не жить. Помнишь, какъ было весело, какъ мы съ тобой ходили въ паркъ на музыку, какъ много было тамъ дѣтей, помнишь?

— Помню,—уныло кивая головой, говорилъ Митя.

— А помнишь, какъ мы ходили съ тобой смотрѣть парадъ, помнишь нашего дядю Висю? а дядю Шашу? Помнишь, какъ они ласкали тебя?

— Дядя Шаша лучше, чѣмъ дядя Вися. Дядя Вися всегда дразнилъ меня.

— Это онъ шутя, нѣтъ, они оба славные. Ахъ, Митя, Митя, неужели все это прошло навсегда?

— Надо молиться Боженькѣ,—серьезно и вдумчиво произносилъ Митя:—онъ захочетъ, и мы опять уѣдемъ отсюда.

— Нѣтъ, Митя, прежняго уже не вернешь никогда.

Всѣ эти разговоры и воспоминанія въ концѣ концовъ еще больше разстроивали Вѣру Александровну, и она начинала тихо плакать. Митя тотчасъ же взбирался ей на колѣна и, обнявъ рученками за шею, ласково прижимался своими пухлыми щечками къ ея лицу.

Въ одну изъ такихъ минутъ вошедшій Зинченко доложилъ о приходѣ старшины и почетныхъ стариковъ селенія.

— Но, вѣдь, барина же нѣтъ дома,—сказала Вѣра Александровна:—пусть придутъ, когда командиръ вернется.

— Они къ вамъ пришли,—ухмыльнулся Зинченко,—а не къ ихъ благородію.

— Ко мнѣ?—изумилась Вѣра Александровна:—зачѣмъ, что имъ надо?

— Навѣстить, стало быть, поздравить съ новосельемъ, извольте уже, сударыня, принять ихъ, а то обидятся, все же какъ ни какъ сусѣди.

— Да я ничего противъ этого не имѣю, зови, пожалуй,—разрѣшила Вѣра Александровна, и когда Зинченко вышелъ, она, какъ нѣкогда въ городѣ передъ пріемомъ гостей, мелькомъ оглянула себя въ зеркало, привычнымъ жестомъ оправляя прическу и платье.

Черезъ минуту въ комнату вошло шесть человѣкъ курдовъ, подъ предводительствомъ высокаго сѣдого старика, съ бритымъ лицомъ

и длинными сивыми усами. На груди его болталась мѣдная бляха—знакъ его старшинскаго достоинства. Звали его Худада, рядомъ съ нимъ стоялъ сутуловатый, худощавый курдъ, съ багровымъ шрамомъ на лицѣ, общинный судья Каро, за нимъ,—жрецъ, или, какъ онъ себя называлъ, изидскій священникъ, Бабай, и два почетныхъ старика, Азакъ и Нубэкъ, шестой — невзрачный, хромоногій, съ обрубленнымъ лѣвымъ ухомъ, скромно ютился позади всѣхъ, держась ближе къ дверямъ и изображая собою не то свиту, не то статиста безъ рѣчей.

Вѣрѣ Александровнѣ первый разъ въ жизни довелось видѣть курдовъ такъ близко, а потому она не безъ любопытства разглядывала своихъ гостей, невольно любуясь ихъ стройностью, благородной, горделивой осанкой, ихъ сильно развитой мускулатурой. Все это были старики, но черные, огненные глаза ихъ сверкали, какъ у юношей, а бѣлизной и крѣпостью зубовъ они могли поспорить съ волками, съ которыми имѣли сходство всей своей повадкой. Недаромъ персы окрестили ихъ «кюрдами» [1]). Одѣты они были въ красныя, расшитыя галунами куртки поверхъ шелковыхъ жилетовъ и широкія шаровары. Ноги были обмотаны бѣлыми шерстяными свивальниками и обуты въ кожаные чусты, поддерживаемые на ногахъ черными тесемочками. На головахъ у нихъ были надвинуты огромныя чалмы изъ искусно перевитыхъ, шелковыхъ пестрыхъ платковъ, съ напущенной на лобъ и глаза бахромою. За широкими шерстяными поясами яркихъ цвѣтовъ, концы которыхъ спускались почти до земли, былъ засунутъ цѣлый арсеналъ всякаго оружія. Тутъ были и кинжалы, и ятаганы, и пистолеты, и револьверы. Какъ рукоятки, такъ и ножны были богато украшены серебромъ съ изящной чеканкой и насѣчкой.

Въ рукахъ старшина и судья держали по молоденькому, бѣлоснѣжному барашку, которыхъ они тутъ же и передали Зинченку со словами:

— Вотъ, барыня, тебѣ отъ насъ бешкешъ [2]), на новомъ мѣстѣ пусть отъ этихъ барашковъ пойдетъ тебѣ богатство [3]). Какъ бѣлы и чисты эти барашки, такъ чисты и бѣлы наши мысли и чувства передъ тобой и передъ султаномъ [4]), твоимъ мужемъ.

— Благодарю васъ,—сконфузилась немного Вѣра Александровна, не зная хорошенько, что ей дѣлать дальше: дать ли «на чай», какъ бы она это сдѣлала у себя, въ центральной Россіи, или пригласить гостей садиться. Пока она колебалась, курды сами, безъ приглашенія, придвинули стулья и усѣлись противъ нея въ кружокъ,

---

[1]) Кюрдъ по-фарсиски—волкъ.
[2]) Бешкешъ—подарокъ.
[3]) Курды—пастушье племя, живутъ, главнымъ образомъ, овцеводствомъ.
[4]) Султанъ—офицеръ.

строго соблюдая старшинство между собой; только корноухій статистъ, онъ же почетный конвой, остался попрежнему у дверей и стоялъ, не спуская глазъ со старшины.

— Ну, какъ у насъ вамъ нравится? — началъ Худада невозможно ломаннымъ языкомъ, но тономъ кавалера-визитера, занимающаго свою даму:—не правда ли, очень холодно? Въ Инджирѣ гораздо теплѣе, Инджирь хорошій городъ, но гораздо хуже Тифлиса. Твой Типлись бывалъ?

Закончилъ онъ вопросомъ свою тираду, изъ которой Вѣра Александровна не поняла и половины.

— Проѣздомъ, — отвѣтила та,—но Тифлисъ мнѣ не нравится. Онъ гораздо хуже другихъ русскихъ городовъ.

— О, да, хужъ Московъ, Московъ лучшь, — закивалъ головой Худада:—мой бивалъ Московъ, очень лучшь горда.

— Вы были въ Москвѣ? — удивилась Вѣра Александровна:— когда?

— Когда царь коронъ надѣвалъ, мой давно старшинъ, насъ тогда старшинъ много быль Московъ, большой тамаша[1]) биль, очень большой.

Пока Худада бесѣдовалъ такимъ образомъ съ Вѣрой Александровной, остальные гости, не понимавшіе ни слова по-русски, хранили упорное молчаніе и сидѣли важно и чинно, въ упоръ глядя въ лицо хозяйкѣ.

— Мой будетъ курить,—перебилъ вдругъ самъ себя Худада и полѣзъ въ карманъ за кисетомъ и табакомъ. Остальные тотчасъ послѣдовали его примѣру, и черезъ минуту комната наполнилась нестерпимымъ зловоніемъ отвратительнѣйшаго дешеваго турецкаго табака, передъ которымъ даже наша пресловутая махорка могла показаться благоухающей.

Вѣра Александровна жестоко закашлялась и поспѣшила поднести надушенный платокъ къ носу.

— Что же они не уходятъ? — думала она, глядя съ тоской на своихъ гостей и чувствуя, какъ начинаетъ задыхаться въ этой тяжелой атмосферѣ человѣческаго пота, запаха заношенной одежды и табачнаго смрада; ошеломленная всѣмъ этимъ, она уже потеряла всякую способность понимать исковерканную рѣчь Худады, продолжавшаго съ жаромъ свое повѣствованіе о Москвѣ, и только безсмысленно кивала головой, обдумывая, какъ бы ей поскорѣе отдѣлаться отъ такихъ оригинальныхъ визитеровъ. Но курды очевидно чего-то ждали и потому не уходили. Въ эту минуту вошелъ Зинченко и внесъ шесть стакановъ чая и тарелку грубо нарѣзанныхъ ломтей чернаго хлѣба. Курды чинно, степенно и опять же съ соблюденіемъ старшинства разобрали стаканы и хлѣбъ и при-

---

[1]) Тамаша—праздникъ торжества.

нялись неторопливо утолять свой аппетитъ, пользуясь собственными колѣнями, какъ чайными столиками. Разговоръ на время замолкъ. Вѣра Александровна сидѣла, какъ на иголкахъ, едва-едва превозмогая въ себѣ страстное желаніе бѣжать безъ оглядки.

Выпивъ по два стакана и утеревъ усы рукавами, курды слегка привстали и, приложивъ ладони къ сердцу, отвѣсили хозяйкѣ по низкому поклону. Вѣрѣ Александровнѣ показалось, будто они собирались уходить, она страшно обрадовалась и сама торопливо поднялась съ дивана, но, къ величайшему ея разочарованію, старшины вновь разсѣлись по стульямъ, и Худада уже собирался снова начать свой безконечный разсказъ, но тутъ произошелъ неожиданный инцидентъ, разомъ положившій конецъ этому нелѣпому визиту. Не успѣлъ Худада разинуть ротъ, какъ сидѣвшій по лѣвой рукѣ его жрецъ Бабай почувствовалъ у себя на ребрахъ знакомый зудъ. Недолго думая, онъ хладнокровнѣйшимъ образомъ распахнулъ на волосатой темнобронзовой груди рубаху и, далеко запустивъ за пазуху всю пятерню, началъ съ наслажденіемъ скрестись ею по ребрамъ. Послѣ этого, вторымъ пріемомъ, онъ осторожно и бережно вытащилъ что-то крѣпко зажатое между пальцами, внимательно освидѣтельствовалъ свою добычу и затѣмъ съ невозмутимымъ видомъ приступилъ къ совершенію законнаго правосудія надъ дерзкими нарушителями покоя его священной особы.

Вѣра Александровна вскрикнула и, зажавъ ротъ платкомъ, пулей вылетѣла изъ комнаты. Курды, удивленные такой стремительностью и далекіе отъ пониманія ея истинной причины, съ недоумѣніемъ посмотрѣли ей въ слѣдъ. Прождавъ напрасно минутъ пять возвращенія хозяйки дома, они догадались наконецъ, что аудіенція кончена, встали, вѣжливо поклонились дверямъ, за которыми исчезла Вѣра Александровна, и затѣмъ неторопливо, одинъ за другимъ, вышли изъ комнаты.

По ихъ уходѣ, Зинченко, несмотря на сильный морозъ, распахнулъ въ квартирѣ всѣ форточки, и пока онѣ были открыты, Вѣра Александровна съ Митей сидѣли на кухнѣ, будучи не въ силахъ пріійти въ себя отъ визита амбу-дагской аристократіи.

По мѣрѣ того, какъ шло время, оно не приносило Вѣрѣ Александровнѣ успокоенія, напротивъ тоска ея росла все больше и больше.

Единственнымъ утѣшеніемъ были письма, получаемыя ею отъ родныхъ и знакомыхъ. Почта приходила въ Инджирь 2 раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и средамъ, и въ тотъ же день письма и газеты, адресованныя офицерамъ, отправлялись по границѣ отъ поста до поста. На Амбу-Дагъ по расписанію корреспонденція

должна была приходить въ 4 часа дня во вторникъ и четвергъ, но она всегда опаздывала.

Въ эти дни Вѣра Александровна съ утра находилась въ ажитаціи и по нѣскольку разъ выбѣгала за ворота и подолгу стояла, всматриваясь вдаль, не видать ли ѣдущихъ съ почтовыми сумками объѣздчиковъ. Въ первое время по пріѣздѣ въ Амбу-Дагъ она съ каждой почтой получала по нѣскольку писемъ отъ своихъ «однополчанокъ», женъ офицеровъ того полка, гдѣ служилъ Тубичевъ,— со многими изъ которыхъ она была очень дружна.

Вѣра Александровна съ упоеніемъ по нѣскольку разъ прочитывала эти письма, каждая мелочь несказанно интересовала ее. Она жила жизнью своихъ подругъ, радовалась ихъ радостямъ, печалилась по поводу ихъ горестей, негодовала, узнавая о чьемъ нибудь дурномъ поступкѣ, отъ души хохотала надъ сообщаемыми курьезами и анекдотами изъ ихъ жизни, словомъ всецѣло жила интересами родного полка. Петръ Петровичъ относился гораздо индифферентнѣе, въ немъ уже пробуждался патріотизмъ новой своей части, а полкъ дѣлался ему все болѣе и болѣе чуждымъ.

Однако подруги недолго баловали Вѣру Александровну извѣстіями о себѣ. Письма получались все рѣже и рѣже и становились все короче и безсодержательнѣе. Напрасно Вѣра Александровна, съ отчаяніемъ утопающаго, писала длинныя, горячія письма своимъ друзьямъ, умоляя не забывать ея и писать почаще, письма ея оставались въ большинствѣ случаевъ безъ отклика. Время безпощадно стирало ея образъ въ памяти людей, бывшихъ еще такъ недавно ей столь близкими. Вѣра Александровна глубоко страдала отъ этого и долго не могла примириться съ такимъ обстоятельствомъ, но въ концѣ концовъ принуждена была смириться, и сразу и круто прекратила всякую переписку. Ея знакомыя точно обрадовались этому и съ трогательнымъ единодушіемъ предали ее забвенію.

Такъ поступаютъ провожающіе на кладбище своего ближняго. Пока мертвецъ на поверхности земли, съ нимъ церемонятся, дѣлаютъ серіозно-печальныя мины, вздыхаютъ, удерживаются отъ постороннихъ разговоровъ, но вотъ гробъ уже спущенъ въ яму, подъ усиліемъ нѣсколькихъ проворныхъ лопатъ намогильный холмъ быстро растетъ, а вмѣстѣ съ этимъ у всѣхъ отлегаетъ отъ сердца; лица проясняются, появляются улыбки, слышатся шутки, смѣхъ, и провожатели торопливо расходятся, спѣша предоставить покойника его уединенію.

Не знаю, насколько непріятно быть забытымъ послѣ смерти, объ этомъ надо спросить покойниковъ, но подвергнуться этому еще заживо—нестерпимо грустно; хуже этого едва ли что можетъ быть на свѣтѣ.

Послѣ писемъ оставались еще газеты, до которыхъ Вѣра Александровна, живя въ городѣ, была большая охотница, живо интересуясь міровыми вопросами, за что̀ слыла среди знакомыхъ за «умную барыньку», но теперь, получая газеты на 15 день по выходѣ, Вѣра Александровна очень скоро потеряла къ нимъ вкусъ, да и смѣшно было интересоваться избирательной борьбой въ палатѣ депутатовъ города Парижа, сидя на Амбу-Дагѣ, на линіи вѣчныхъ снѣговъ, вдали даже отъ такого города, какъ Инджирь.

Вѣра Александровна и газеты перестала читать.

— Запить что ли?—съ злобной ироніей думала она иногда:—вотъ мужъ пьетъ и увѣряетъ, будто ему отъ этого легче, право, если бы у меня Мити не было, я или бы отравилась, или бы запила. Все равно одинъ конецъ, не хуже и не лучше будетъ.

Неприглядная, осенняя ночь. Безпросвѣтный мракъ, какой бываетъ только въ горахъ, когда, сидя верхомъ на лошади, не видишь ея ушей, заполнилъ собой всю окрестность, закутавъ ее чернымъ, густымъ саваномъ. Холодный вѣтеръ, съ пронзительнымъ воемъ, вырываясь изъ ущелій, гуляетъ по вершинамъ, оживляя мракъ ночи цѣлой симфоніей голосовъ, то грустно-жалобныхъ, то грозно-могучихъ; всѣ горы полны этими воплями и стонами. Нѣтъ того уголка, той щели, гдѣ бы не раздавались дикія рулады разбушевавшагося вѣтра. Онъ, какъ обезумѣвшій духъ, неистово носится надъ глубокими пропастями, съ размаха ударяется о каменную грудь утесовъ, рветъ и мечетъ, не находя себѣ успокоенія. Все живое ушло, спряталось, приникло,—люди въ своихъ жалкихъ землянкахъ, звѣри въ норахъ и пещерахъ.

На кордонѣ Амбу-Дагъ—мертвая тишина и безпробудный сонъ. Не высланные въ секреты солдаты крѣпко спятъ въ казармахъ на деревянныхъ нарахъ, въ повалку, тѣсно прижавшись другъ къ другу и закутавшись съ головой шинелями и полушубками. Въ конюшнѣ дремлютъ усталыя лошади. Только часовой съ заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ, какъ черное привидѣніе, мотается взадъ и впередъ по площадкѣ передъ запертыми воротами кордона. Вдоль стѣнъ притулились чуткія постовыя собаки и внимательно прислушиваются къ вою вѣтра, готовыя каждую минуту вскочить на ноги и поднять оглушительный лай.

На офицерской половинѣ тоже тишина и мракъ, лишь въ спальнѣ горитъ лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Вѣра Александровна въ бѣломъ капотѣ, съ распущенными по плечамъ волосами, съ мертвенно блѣднымъ, осунувшимся отъ безсонныхъ ночей лицомъ, сидитъ въ креслѣ подлѣ кровати Мити и съ тоской и страхомъ прислушивается къ унылымъ завываніямъ вѣтра. Митя серьезно боленъ. Еще въ пятницу утромъ онъ былъ совершенно

здоровъ и весело бѣгалъ за кордономъ съ Танюшей, дочерью вахмистра, его ровесницей, но къ вечеру ему стало что-то не по себѣ. Онъ притихъ, раньше обыкновенія сталъ проситься лечь спать. Вѣра Александровна, однако, не придала этому особаго значенія. Просто мальчикъ набѣгался, усталъ, можетъ быть, немного прозябъ.

Выспится, согрѣется ночью и къ утру все какъ рукой сниметъ. Но, противъ ожиданія, на другое утро Митя не только не поправился, но ему стало значительно хуже. Открылся легкій жаръ, усилившійся къ вечеру и перешедшій въ бредъ. Вѣра Александровна не на шутку перепугалась, и по ея настоянію Петръ Петровичъ отправилъ двухъ объѣздчиковъ въ городъ Инджирь съ запиской къ доктору, прося его пріѣхать завтра пораньше. Это было въ субботу вечеромъ; объѣздчики должны были въ воскресеніе на разсвѣтѣ быть въ Инджирѣ, такимъ образомъ докторъ могъ уже быть къ обѣду на Амбу-Дагѣ, если только онъ поторопится. Но наступилъ обѣдъ, подошелъ вечеръ, ни доктора, ни объѣздчиковъ не было, а между тѣмъ Митѣ становилось все хуже и хуже.

До пріѣзда доктора Вѣра Александровна попыталась было сама начать лѣчить Митю; у нея была прекрасная, по крайней мѣрѣ по отзывамъ газетъ, книга «Домашній лѣчебникъ», и она съ лихорадочной поспѣшностью принялась перелистывать ее, отыскивая описаніе болѣзни, подходившее къ данному случаю, но съ первыхъ же строкъ она съ ужасомъ убѣдилась въ полной несостоятельности универсальнаго лѣчебника. Почти всѣ болѣзни имѣли тѣ же симптомы, какіе были у ея Мити. Жаръ, бредъ, колотье во всемъ тѣлѣ, разстройство пищеваренія, потеря аппетита, повышенная температура, учащенный пульсъ и т. д. и т. д. При томъ изъ всѣхъ лѣкарствъ, предлагаемыхъ лѣчебникомъ, у нея подъ руками не было ни одного. Правда, на посту находилась отрядная аптечка, но это скорѣе была иронія, а не аптечка. Медикаменты, составлявшіе ее, относились къ разряду самыхъ невинныхъ, какъ, напримѣръ, мятныя капли, сода, валеріанъ и т. п. пустяковина, употребляемая въ тѣхъ случаяхъ, когда съ одинаковымъ успѣхомъ можно не употреблять ничего.

Отчаявшись въ домашнемъ лѣчебникѣ и видя, что ни докторъ не ѣдетъ, ни объѣздчики не возвращаются, Вѣра Александровна потребовала отъ Петра Петровича, чтобы онъ, несмотря на ночь, ѣхалъ самъ въ Инджирь и во что бы то ни стало привезъ доктора. «Ребенокъ уже два дня лежитъ безъ всякой медицинской помощи, такъ дальше оставлять его нельзя—онъ можетъ умереть».

Хотя Петръ Петровичъ и былъ далекъ отъ мысли придавать серіозное значеніе болѣзни Мити, но, тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ же изъявилъ согласіе. При всей своей безалаберности и склонности

къ кутежамъ, онъ въ душѣ очень любилъ жену, ему было жалко видѣть, какъ она страшно мучится и безпокоится, не спитъ по ночамъ, не ѣстъ, и ни на минуту не отходитъ отъ постели сына.

Къ тому же и Митя ему былъ очень дорогъ, онъ любилъ его настолько, насколько была къ тому способна его малосеріозная натура.

Послѣ отъѣзда мужа, Вѣра Александровна еще сильнѣе почувствовала свое одиночество и безпомощность. Она сѣла подлѣ кровати сына, не спуская съ него глазъ, безсильная чѣмъ либо облегчить его страданія. Всѣ ея помыслы сосредоточились теперь на одномъ: скоро ли пріѣдетъ докторъ? Нѣсколько разъ она принималась высчитывать, во сколько часовъ Петръ Петровичъ можетъ доѣхать до Инджиря, сколько времени потребуется доктору, чтобы собраться и выѣхать изъ города, сколько часовъ употребятъ они на обратный путь, принимая во вниманіе утомленіе лошадей. По всѣмъ этимъ расчетамъ выходило, что раньше трехъ-четырехъ часовъ по полудни нельзя ждать ихъ пріѣзда. Между тѣмъ уже шли четвертыя сутки, какъ Митя заболѣлъ.

— Вотъ онѣ, эти проклятыя разстоянія и дороги,—ломала она въ отчаяніи руки,—на поѣздку въ городъ и обратно надо два дня.

Докторъ былъ казенный и не могъ отказаться пріѣхать, но могло случиться, что онъ былъ занятъ, въ лазаретѣ могли быть трудно больные, умирающіе, подобныхъ больныхъ докторъ не могъ оставить на два дня, а поѣздка въ Амбу-Дагъ отнимала именно такое количество времени. Что тогда будетъ съ Митей?

Леденящій ужасъ охватывалъ Вѣру Александровну при такой мысли. Она бросалась на колѣни предъ образомъ, благословеніемъ ея покойной матери, и принималась горячо, неистово молиться, ударяя себя въ грудь и въ истерическомъ припадкѣ колотясь головой о холодныя доски пола.

Эта ночь особенно была не хороша. Митя стоналъ, метался, всплескивалъ рученками и хриплымъ жалобнымъ голосомъ поминутно просилъ: «пить, пить».

Замирая отъ ужаса, съ сердцемъ, готовымъ разорваться на части, Вѣра Александровна осторожно подносила къ его запекшимся губамъ стаканъ съ лимоннымъ питьемъ; Митя, не открывая глазъ, жадно проглатывалъ нѣсколько капель, благодаря ее слабой, жалкой улыбкой.

— Митя, сынокъ мой, радость моя, что съ тобой, жизнь моя?— тихо шепчетъ Вѣра Александровна, наклоняясь надъ разгорѣвшимся личикомъ ребенка, а крупныя слезы неудержимо струятся по ея щекамъ.

Ночь прошла, не принеся никакого облегченія. На разсвѣтѣ вернулись посланные въ субботу вечеромъ первые два объѣздчика и доложили, что докторъ пріѣдетъ къ вечеру. Онъ собрался прі-

ѣхать еще вчера, но привезли раненаго въ перестрѣлкѣ съ курдами солдата Пусіанскаго отряда. Бѣднягу съ раздробленнымъ бедромъ везли на катерѣ больше сутокъ, перекинувъ, какъ куль, поперекъ сѣдла; иного способа доставки раненыхъ въ городъ нѣтъ, на рукахъ десятки верстъ не донесешь, а повозка по горнымъ тропинкамъ не проѣдетъ, остается катеръ, какъ единственное средство въ передвиженіяхъ.

Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ принялась Вѣра Александровна поджидать доктора; внутренній голосъ ей говорилъ, что если онъ сегодня не пріѣдетъ, завтра уже будетъ поздно.

Солнце медленно склонялось за Амбу-Дагъ; ущелья и подошвы горъ уже окутались въ сумерки, только вершины были еще освѣщены; въ комнатахъ царилъ полумракъ. Вѣра Александровна зажгла лампу и снова подошла къ постели Мити; мальчикъ лежалъ тихо, закрывъ глаза, мертвенно блѣдный; двѣ скорбныя морщины залегли вокругъ рта, какія-то неуловимыя тѣни бродили по его лицу, придавая ему особенное, незнакомое ей выраженіе.

— Сударыня,—осторожно просовывая голову въ дверь, шопотомъ доложилъ Зинченко:—докторъ пріѣхали, спрашиваютъ, можно ли войти.

Вѣра Александровна такъ и всполохнулась вся.

— Гдѣ онъ? гдѣ? Зови скорѣй,—и не дожидаясь она опрометью бросилась на встрѣчу доктору.

— Докторъ, голубчикъ,—зашептала она, крѣпко стискивая руку сутуловатому, коренастому человѣку въ формѣ военнаго врача:—онъ умираетъ.

— Ну, полноте,—шутливо успокоилъ тотъ,—охъ, ужъ вы, мамаши, мамаши, чуть ребенокъ прихворнулъ, вы ужъ его хороните, такъ не годится. Навѣрно пустая простуда, и больше ничего. Вотъ мы сейчасъ посмотримъ.

Говоря такимъ образомъ, онъ неторопливо и осторожно подошелъ къ кровати, но при первомъ же взглядѣ на больного безпечная улыбка сбѣжала съ лица доктора. Онъ нахмурился и поспѣшно началъ изучать пульсъ; для него сразу стало все ясно, надежды не могло быть никакой; однако онъ нарочно медлилъ, не имѣя силъ обернуться назадъ, гдѣ его приговора ждала трепещущая, пораженная ужасомъ мать, для которой со смертью ея единственнаго ребенка терялся всякій смыслъ въ жизни.

Снова падаетъ снѣгъ, покрывая своимъ мертвеннымъ покровомъ вершины и гребни горъ, заполняя пропасти и ущелья, заметая жалкіе курдинскіе зимовники. Пятый день постъ Амбу-Дагъ отрѣзанъ отъ всего міра и живетъ своей крохотной монотонной жизнью муравейника, заброшеннаго въ пустыню.

Со дня смерти Мити прошло три года. Тубичевы попрежнему живутъ на Амбу-Дагѣ, но теперь они уже примирились съ своимъ положеніемъ, обжились и привыкли къ окружающей ихъ обстановкѣ. Вѣру Александровну уже не томитъ, какъ первое время, тѣсный дворикъ казармы, съ высокими стѣнами кругомъ, напоминающій глубокій и узкій колодезь, не пугаютъ вѣчные стоны вѣтра, не страшитъ безконечная вереница монотонныхъ, однообразныхъ дней, ожидающая ее впереди. Ко всему этому она давнымъ давно привыкла, какъ привыкла къ частымъ и долгимъ отлучкамъ мужа и его все усиливающейся пагубной страсти.

Садясь за столъ, она уже не возмущается, не досадуетъ, какъ прежде, видя, съ какой жадностью онъ первымъ долгомъ набрасывается на водку, напротивъ теперь она и сама не прочь поддержать ему компанію—и охотно выпиваетъ двѣ, три рюмки, не морщась и не содрогаясь.

Между собой Тубичевы почти не разговариваютъ, да и о чемъ говорить? Какія новости могутъ сообщить они одинъ другому? Прежнее все переговорено, а новаго нѣтъ и быть не можетъ. Его городскіе кутежи и попойки ея не интересуютъ, всѣ же постовыя происшествія ей до мелочи извѣстны, въ той же степени, какъ и ему, и до омерзѣнія надоѣли.

Конь «Богатырь» расковался и засѣкъ себѣ ногу, вахмистръ напился пьянъ и подрался съ женой, объѣздчикъ Ничипоръ упалъ съ лошади въ разъѣздѣ и сломалъ ножны шашки и т. д. и т. д., все въ такомъ родѣ, съ ничтожными, уныло повторяющимися варіаціями.

Вечерами Вѣра Александровна зоветъ къ себѣ иногда Аграфену Ивановну, жену вахмистра, играть въ дурачки.

Тускло горитъ, худо заправленная, лампа съ надколотымъ колпакомъ, скупо освѣщая царящій вокругъ безпорядокъ: пыль и соръ по угламъ, разбросанную по стульямъ одежду и пустыя бутылки на подоконникахъ.

На одномъ концѣ стола, съ котораго еще не убраны остатки обѣда, сидитъ Тубичевъ и лѣниво тянетъ стаканъ за стаканомъ кисловато-терпкое мѣстное винцо. Онъ въ неизмѣнномъ своемъ, когда-то щегольскомъ, теперь затасканномъ полушубкѣ и стоптанныхъ бурочныхъ сапогахъ, съ опухшимъ, блѣднымъ лицомъ и мутнымъ взглядомъ.

На другомъ концѣ, ближе къ лампѣ сидитъ расплывшаяся, какъ квашня, Аграфена Ивановна въ темномъ ситцевомъ платьѣ и косынкѣ на головѣ. Лицо ея хмуро и сосредоточенно. Она уже четыре раза подъ рядъ осталась дурой, и это ее огорчаетъ. Пять лѣтъ тому назадъ, мужъ, оставшись на сверхсрочной службѣ, выписалъ ее, тогда еще 25-ти-лѣтнюю бабенку, «съ родины» вмѣстѣ съ семилѣтней дочуркой Танюшей. Отъ природы веселая, разбитная, любившая

погулять съ товарками, сбѣгать къ сосѣдкѣ «на минутку перекинуться словечкомъ», Аграфена сначала страшно затосковала въ проклятой «басурманщинѣ», цѣлыми днями ревѣла ревмя и грозилась сбѣжать, но безпощадное время взяло свое. Мало-по-малу Аграфена разучилась пѣть и смѣяться, перестала думать о весельѣ, забыла даже, какъ люди добрые въ церковь Божью ходятъ. Только браниться она стала звончѣе и съ бо́льшой злобой, и съ какой-то угрюмой жестокостью постоянно колотила свою Танюшку, вымещая на ней досаду на «незадачливую жизнь».

Съ мужемъ у нея дня не проходило безъ ссоры, а подъ часъ бывали и драки. Двое дѣтей, которыя родились у нихъ на Амбу-Дагѣ, умерли въ первые же мѣсяцы по рожденіи, а больше уже и не было.

— Должно, зажирѣла ты дюже: — говорилъ вахмистръ, съ досадой глядя на Аграфену:—съ того и дѣтей у насъ нѣтъ!

— А на кой ихъ лядъ?—равнодушно отмахивалась Аграфена:—все равно въ этой мурьѣ пропали бы, нешто дѣтямъ тутъ водъ?

— Оно, конечно, што,—глубокомысленно замѣчалъ вахмистръ и тутъ же умолкалъ, не докончивъ своей мысли.

Противъ Аграфены Ивановны, апатично и тупо слѣдя за лежащими на столѣ засаленными картами и машинально угадывая ихъ по примелькавшимся пятнамъ крапа и оборваннымъ угламъ, на креслѣ помѣщается Вѣра Александровна. Она сильно постарѣла. Великолѣпные волосы ея, въ которыхъ уже сверкаетъ немало серебряныхъ нитей, небрежно скручены на затылкѣ и едва держатся, пришпиленные кое-какъ обломкомъ черепаховой гребенки. Нѣкогда изящное лицо покраснѣло, обрюзгло и покрылось цѣлою сѣтью морщинокъ, красивые, выразительные глаза потухли и смотрятъ апатично изъ-подъ густыхъ и темныхъ бровей. Одѣта она въ засаленный шерстяной капотъ, съ оборванными пуговками и прорѣхой на одномъ изъ рукавовъ; она ожесточенно куритъ папиросу за папиросой, изрѣдка прихлебывая вино изъ захватаннаго стакана. Тарелка съ орѣхами помѣщается тутъ же на столѣ...

Бесѣда не вяжется и ограничивается отрывистыми фразами, которыми перебрасываются между собой Вѣра Александровна и Аграфена по поводу идущей между ними игры.

Маятникъ на стѣнныхъ часахъ вяло и монотонно тикаетъ, какъ бы недоумѣвая, неужели требуется отмѣчать время въ этой однообразной, мертвенно-сонливой жизни.

Ѳ. Ѳ. Тютчевъ.

СЛАВЯНОФИЛЬСКОЕ УЧЕНІЕ.

ВЪ ИСТЕКШЕМЪ году и въ первой половинѣ нынѣшняго исполнился рядъ «славянофильскихъ годовщинъ». 23 сентября 1900 года истекло сорокъ лѣтъ со дня смерти Алексѣя Степановича Хомякова, а 7 декабря столько же лѣтъ со дня смерти Константина Сергѣевича Аксакова. 7 ноября слѣдовало помянуть, по случаю двадцатипятилѣтія кончины, Николая Яковлевича Данилевскаго, автора замѣчательной книги «Россія и Европа», но о немъ не вспомнила ни одна душа. Грустный фактъ, вполнѣ аттестующій нашу «культурность».

Въ нынѣшнемъ году исполнилось пятнадцать лѣтъ со дня смерти Ивана Сергѣевича Аксакова и двадцать пять лѣтъ—Юрія Ѳедоровича Самарина.

Какія имена, какія великолѣпныя страницы изъ исторіи русскаго самосознанія!

Памяти корифеевъ славянофильства мы посвящаемъ настоящій очеркъ, опытъ болѣе или менѣе систематическаго, хотя и краткаго, изложенія созданнаго ими ученія. Толки о нашей самобытности не прекращаются и даже какъ будто оживились за послѣднее время. Къ сожалѣнію, въ нихъ не всегда замѣтна согласованность съ тѣмъ, что такъ всесторонне, убѣдительно и талантливо выяснено славянофилами. Почему не говорить «отъ своего ума», но, во-первыхъ, нѣтъ надобности вторично открывать Америку, во-вторыхъ, нельзя итти впередъ, не зная или не беря во вниманіе того, что сдѣлано въ прошломъ.

Громадное количество ума, труда, знаній и таланта, вложенное славянофилами въ дорогое имъ дѣло, конечно, не пропадетъ даромъ. Было бы ошибкою думать, что они обладали всею полнотою истины, и намъ остается принять каждое ихъ слово, какъ послѣдній выводъ мудрости. Нѣтъ, и послѣ славянофиловъ, и послѣ Данилевскаго, еще много работы въ области нашего самосознанія. Далеко не всѣ вопросы выяснены, нѣкоторые едва намѣчены, иные ждутъ пересмотра и новаго освѣщенія.

Со времени славянофиловъ и западниковъ «перваго призыва» русская мысль не слишкомъ далеко ушла впередъ. Она, очевидно, усвоивала, переработывала прежнія пріобрѣтенія и при томъ довольно односторонне. Западные идеи и идеалы увлекали насъ несравненно живѣе, нежели самобытные. Не настаетъ ли теперь время для послѣднихъ? Вѣдь раньше, чѣмъ окончательно сдать ихъ въ архивъ, надо же произвести имъ строгую оцѣнку. Обстоятельной критики славянофильства у насъ нѣтъ. Владиміръ Соловьевъ «упразднилъ» вовсе не старыхъ славянофиловъ, а эпигоновъ катковскаго толка, за ошибки, нелѣпости и дикости которыхъ очень ловко (и, понятно, очень несправедливо) сдѣлалъ отвѣтственными не только Каткова и Данилевскаго, но даже Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ и Самарина. Ал. Градовскій не могъ простить славянофиламъ ихъ равнодушія къ юридическихъ гарантіямъ и осуждалъ ихъ главнымъ образомъ на этой почвѣ. Высокій строй мыслей и стремленій, одушевлявшихъ славянофиловъ, былъ ему вполнѣ сочувственъ. Кавелинъ сохранилъ объ этихъ самобытныхъ мыслителяхъ самыя лучшія воспоминанія и подъ конецъ жизни находилъ въ нихъ все болѣе и болѣе правоты. Извѣстны отзывы Герцена о Хомяковѣ и Константинѣ Аксаковѣ. Далѣе новѣйшій критикъ братьевъ Аксаковыхъ, г. Венгеровъ, не скрываетъ сильнаго и благопріятнаго впечатлѣнія, которое на него производитъ ихъ дѣятельность.

Между тѣмъ, до сихъ поръ славянофильское ученіе извѣстно въ массѣ русскаго общества лишь по наслышкѣ. Такъ относиться къ самобытнымъ пріобрѣтеніямъ національной мысли и стыдно, и грѣшно, и «некультурно». Вѣдь многіе лишь потому не раздѣляютъ славянофильскихъ взглядовъ, что они имъ невѣдомы. Можно ли мириться съ такой потерей?

Весь такъ называемый московскій періодъ Россіи жилъ ради упроченія своей политической самостоятельности. Съ громадными усиліями созидалось государство. Все приносилось въ жертву одному дѣлу. Наконецъ государство создалось, окрѣпло, внѣшнее его могущество стало внѣ сомнѣній. Тогда возникла необходимость приняться за другую работу, подумать о просвѣщеніи Россіи, которая находилась еще въ очень слабой связи съ Западной Европой. И просвѣщеніе мы добыли цѣною огромныхъ усилій и тяже-

лыхъ жертвъ. Не добывать этого просвѣщенія было нельзя, потому что Европа успѣла сдѣлать много умственныхъ пріобрѣтеній, представляющихъ цѣнность съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Мы поступали вполнѣ основательно, отправляясь на чужбину за наукой. Но тутъ насъ встрѣтилъ большой соблазнъ. Естественнымъ образомъ мы начали усвоивать на Западѣ не только безотносительныя знанія, но также и понятія европейцевъ. Благоговѣя передъ иностранною наукою, передъ чужеземными искусствами и литературой, русскіе люди почувствовали себя въ положеніи робкихъ учениковъ, которымъ только и остается, что принять на вѣру всѣ слова учителя—отъ перваго до послѣдняго. Можно считать, что безусловное, всеобщее увлеченіе просвѣщенныхъ русскихъ людей Западомъ продолжалось менѣе сотни лѣтъ. Руская мысль довольно рано начала само опредѣляться. Уже, напримѣръ, въ царствованіе Екатерины II Фонвизинъ представилъ любопытные образчики скептическаго отношенія къ Европѣ. Правда, Фонвизинъ обнаруживалъ тутъ и нѣкоторую долю легкомыслія, однако намъ дорого сказавшееся въ немъ убѣжденіе рускаго образованнаго человѣка въ законности стремленій жить своимъ умомъ и свободно критиковать опередившихъ насъ европейцевъ. Грибоѣдовъ, осмѣивая рабское подражаніе всему иностранному и «пошлую тоску по сторонѣ чужой», уже прямо говоритъ объ «умномъ, добромъ нашемъ народѣ» и вполнѣ заслуживаетъ, по современной терминологіи, названія націоналиста. Съ Пушкина начинается самобытная великая русская литература. Полагаю, нѣтъ надобности доказывать, что она глубоко національна, и что многія стороны духовной природы русскаго человѣка отразились въ ней съ поразительною яркостью.

Въ то время, какъ наша поэзія и изящная словесность, безъ всякихъ теорій, единственно повинуясь внутреннему голосу, успѣшно выступали на самобытный путь, русская мысль начала пробуждаться въ кругу ученыхъ, философовъ и моралистовъ. Возникъ такъ называемый славянофильскій кружокъ, къ дѣятельности котораго мы теперь и перейдемъ.

Основную группу славянофиловъ составляютъ братья Кирѣевскіе (Иванъ и Петръ Васильевичи), Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, Константинъ и Иванъ Сергѣевичи Аксаковы и Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Далѣе къ славянофиламъ тѣсно примыкаютъ—Н. Я. Данилевскій (авторъ книги «Россія и Европа»), Н. Н. Страховъ, Гильфердингъ, Орестъ Миллеръ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, Ѳ. М. Достоевскій, К. Н. Леонтьевъ и другіе, тоже даровитые, но не столь своеобразные писатели.

Славянофилы основной группы выступили на проповѣдь поистинѣ во всеоружіи. Всѣ они были люди, можно сказать, исключительной нравственной чистоты, всѣ были проникнуты самоотвер-

женной любовью къ Россіи, всѣ отличаются обширностью и разносторонностью европейскаго образованія.

Если къ этому прибавить, что нѣкоторые изъ нихъ обладали первоклассным литературнымъ дарованіемъ, то станетъ очевидно, какую крупную умственную силу представляло собою славянофильство.

Между тѣмъ оно никогда не было у насъ популярно.

Причины этой непопулярности славянофильства многочисленны и разнообразны. Писаревъ вѣрно опредѣлилъ господствовавшее въ шестидесятыхъ годахъ общественное настроеніе, заявивъ, что «мыслящій гражданинъ» можетъ смотрѣть на прошлое Россіи «лишь съ горечью и отвращеніемъ». «Впечатлѣнія бытія» на европейскій ладъ были слишкомъ свѣжи, слишкомъ новы. Громадное большинство либо не слушало, либо слушало въ полъ-уха призывы «домой», т. е., предполагалось, туда, откуда едва успѣли выбраться на вольный воздухъ. Общество, пробудившееся подъ вліяніемъ европейской мысли, избрало ее въ дальнѣйшіе руководители. Никто и думать не хотѣлъ, что славянофилы несутъ съ собю свѣтъ еще болѣе яркій, нежели эта европейская мысль, что они всего менѣе склонны вернуться «домой», а хотятъ итти дальше, на встрѣчу будущему. Какъ это ни жаль, дѣло, повидимому, шло естественнымъ порядкомъ. Необходимо было, чтобы мы возможно полнѣе насытились европейскою мыслью и уже тогда, получивъ надлежащую подготовку, обратились за утоленіемъ умственной и нравственной жажды къ родному источнику.

Нельзя также обойти молчаніемъ и другую причину, чисто внѣшнюю. Славянофилы позднѣе всѣхъ и на самый короткій срокъ получили возможность распространять свои идеи въ обществѣ. Въ 1853 году И. С. Аксаковъ, рѣшившій посвятить себя публицистикѣ, приступилъ къ изданію 2-го тома «Московскаго Сборника». Сборникъ былъ запрещенъ, а его главные участники: Хомяковъ, Аксаковъ, Кирѣевскіе, князь Черкасскій, утратили право печатать что либо безъ разрѣшенія главнаго управленія цензуры. Шесть лѣтъ спустя, Иванъ Сергѣевичъ добился позволенія издавать газету «Парусъ». Изданіе подверглось запрещенію на второмъ №. Въ 1861 году Аксаковъ началъ изданіе газеты «День» и успѣшно продолжалъ его до конца 1861 года. Цензурныхъ непріятностей онъ на сей разъ имѣлъ сравнительно немного и пріостановилъ газету самъ, по личнымъ причинамъ. Зато основанная имъ черезъ годъ газета «Москва» получила девять предостереженій и находилась подъ запретомъ годъ и одинъ мѣсяцъ. Изданіе «Руси», предпринятое Аксаковымъ въ 1881 году, прекратилось съ его смертью. «Русь» существовала пять лѣтъ.

Такимъ образомъ, главный пропагандистъ славянофильства имѣлъ возможность дѣйствовать въ сколько нибудь сносныхъ условіяхъ

всего два пятилѣтія, отдѣленныхъ къ тому же другъ отъ друга двѣнадцатилѣтнимъ промежуткомъ. Вспомните при этомъ, что къ началу изданія «Руси» давно уже не было въ живыхъ ни К. Аксакова, ни Хомякова, ни Кирѣевскихъ, ни Ю. Самарина, и вы поймете, въ какихъ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ находилась проповѣдь русской идеи.

Сущность славянофильскаго ученія заключается въ трудахъ писателей названной выше основной группы. Хомякову принадлежитъ та глубокая, лучезарно-свѣтлая постановка религіознаго вопроса, безъ которой славянофильство—ничто. И. и П. Кирѣевскіе, выяснивъ характеръ европейскаго просвѣщенія, установили его отношеніе къ просвѣщенію Россіи. К. Аксаковъ далъ точную формулу нашего государственнаго строя, указавъ въ немъ мѣсто и значеніе общественнаго элемента. Ю. Самаринъ разработалъ окраинные вопросы и постановилъ вопросъ объ общинѣ. И. Аксакову принадлежитъ детальное развитіе основныхъ идей славянофильства и приложеніе ихъ къ различнымъ отдѣльнымъ случаямъ.

Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ умственнымъ пріобрѣтеніямъ Запада, эти замѣчательные мыслители не приняли на вѣру конечныхъ выводовъ, пускаемыхъ въ обращеніе подъ видомъ «послѣднихъ словъ науки». Во-первыхъ, они взяли въ расчетъ, что «послѣднія слова» произносятся людьми, подготовленными всею исторіей, всѣмъ складомъ послѣдовательно сложившихся понятій именно къ такимъ, а не инымъ выводамъ. Во-вторыхъ, они произвели критическую оцѣнку этихъ выводовъ на основаніи здравыхъ законовъ логики.

Чтобы обстоятельнѣе выяснить существенно важный вопросъ, къ которому мы подошли, я прослѣжу ходъ мысли, приведшей И. Кирѣевскаго отъ благоговѣйнаго поклоненія Западу къ твердой я сознательной вѣрѣ въ Россію. Вкусивъ отъ всѣхъ плодовъ европейскаго просвѣщенія, Кирѣевскій задумался надъ печальной участью родины, коснѣющей въ непробудномъ невѣжествѣ. Почти тысячу лѣтъ коснѣетъ она—неужели это простая случайность, результатъ рокового стеченія обстоятельствъ и т. п.? Нѣтъ ли причинъ болѣе глубокихъ, коренящихся въ самой основѣ русской жизни? Разсуждая такимъ образомъ, Кирѣевскій пришелъ къ выводамъ, неутѣшительнымъ для Россіи. Исторія Западной Европы совершила свой круговоротъ подъ дѣйствіемъ трехъ могущественныхъ факторовъ: христіанства, классическихъ культурныхъ преданій и, наконецъ, понятій, выработанныхъ ею въ періодъ язычества. Почва была въ высшей степени плодотворная для дальнѣйшаго развитія. Не даромъ христіанство на Западѣ такъ укрѣпилось, вылилось въ такую мощную, великолѣпно организованную силу. У насъ совсѣмъ другое. Почва, на которую упало зерно Христовой вѣры, представляла здѣсь почву скудную, тощую. Мы понятія

не имѣли объ античномъ мірѣ и ни въ какой мѣрѣ не испытывали его облагораживающаго и просвѣщающаго вліянія. Будь иначе, и религія въ Россіи «имѣла бы больше политической силы, обладала бы большею образованностью, большимъ единодушіемъ». Нашествію варваровъ мы дали бы дружный отпоръ и не расточили бы столѣтій на изнуряющую борьбу. Болѣе благопріятная эпоха начинается для насъ лишь съ царствованія Петра I. Но и тутъ не все шло гладко, ибо порою надъ европейскимъ брало верхъ національное, а наше національное — дикость и невѣжество. Въ насъ нѣтъ «достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности». Если мы хотимъ оставаться сами собою, то неминуемо должны по уши завязнуть въ варварствѣ, если же хотимъ просвѣщенія, то надо итти на Западъ. Западное просвѣщеніе надо воспринять цѣликомъ, безъ неумѣстныхъ для насъ поползновеній на національное своеобразіе. Нѣмцы, французы, англичане могутъ безъ ущерба для своей просвѣщенности заботиться о національномъ своеобразіи. Мы можемъ достигнуть его, только коснѣя въ дикости. Поэтому наша участь — итти за Европой.

Этотъ взглядъ Кирѣевскаго и посейчасъ преобладаетъ въ «интеллигентномъ» русскомъ обществѣ. Кирѣевскій, однако, успокоиться на немъ не могъ; слишкомъ страннымъ и несправедливымъ казалось ему, чтобы народъ, просуществовавшій цѣлое тысячелѣтіе, народъ умный и способный, создавшій могущественнѣйшее государство, былъ осужденъ волею судебъ на жалкую роль умственнаго прихвостня Европы.

Продолжая изучать европейскую исторію и философію, углубляясь въ то же время и въ изученіе исторіи русской, Кирѣевскій открылъ наконецъ корень своей ошибки. Онъ понялъ, что внѣшнимъ образомъ христіанство дѣйствительно блестяще расцвѣло въ Западной Европѣ, но сохранило ли оно свою чистоту? На это Кирѣевскій долженъ былъ отвѣтить отрицательно, потому что языческая культура, завѣщанная западу греко-романскимъ міромъ, лишь трансформировалась подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, духъ же ея уцѣлѣлъ. Этотъ духъ—духъ раціонализма. Наоборотъ наша философія христіанства воспринята и сохранена въ неискаженномъ видѣ. Раздвоенность, составляющая характеристическую черту европейской культуры и зависящая отъ смѣшенія христіанской и античной идей, намъ чужда. Мы обладаемъ драгоцѣнною особенностью въ нашемъ міросозерцаніи, именно — цѣльностью. Усвоивая всѣ доступныя человѣчеству знанія, мы застрахованы отъ тягостныхъ умственныхъ блужданій. Пока мы остаемся вѣрными нашей религіи, мы будемъ разумны, но не разсудочны, подобно западно-европейцамъ.

Къ такимъ выводамъ пришелъ Кирѣевскій, но, очевидно, онъ оставляетъ еще множество вопросовъ безъ разрѣшенія, изъ кото-

рыхъ главный вопросъ: о нашемъ правѣ навсегда сохранить присущую намъ оригинальность—не выясняется съ должною очевидностью. Тутъ Кирѣевскаго пополняетъ Хомяковъ. Хомякова можно назвать родоначальникомъ славянофильства. Онъ далъ ему необыкновенно твердый нравственный устой. Славянофильство безъ Хомякова немыслимо. Необходимо особенно замѣтить, что славянофильское ученіе въ томъ его видѣ, въ какомъ оно вышло изъ-подъ пера писателей основной группы, ученіе чисто нравственное, всѣ высшіе доводы свои почерпающее изъ христіанской морали.

Разбираясь въ вопросѣ о народности, Хомяковъ, прежде всего, видитъ въ ней фактъ, состоящій въ томъ, что народъ за время исторической жизни, подъ вліяніемъ разнообразныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, накопляетъ извѣстный строй понятій, взглядовъ, обычаевъ, бытовыхъ особенностей и т. д. Въ результатѣ получается богатый запасъ, изъ котораго отдѣльная личность можетъ почерпать безъ конца. Когда человѣкъ вѣренъ своей народности, ему есть за что ухватиться, на что опереться. Онъ знаетъ, куда и зачѣмъ идетъ, и какія бы пестрыя впечатлѣнія ни встрѣчались на пути, умѣетъ въ нихъ разобраться. Всякая критическая, такъ же какъ и созидательная работа не мыслимы безъ твердой почвы народности. Отвергая свое національное, человѣкъ не въ состояніи самоопредѣлиться. Пусть онъ станетъ живъ чужимъ,—своимъ оно никогда для него не сдѣлается. Victoria regia цвѣтетъ и въ нашихъ теплицахъ, но совершенно иначе, нежели на родной Амазонкѣ. Самостоятельная переработка чужой мысли возможна только для человѣка, обладающаго самостоятельнымъ міросозерцаніемъ.

Всѣ формулы, касающіяся значенія народности, сохраняютъ свою силу для любой великой націи. Исторія не знаетъ ни одного культурнаго племени, которое не стремилось бы познать себя, не дорожило бы своимъ національнымъ своеобразіемъ. Мало того, чѣмъ ярче выражалась оригинальность даннаго народа, чѣмъ самобытнѣе протекало его развитіе, тѣмъ цѣннѣе были плоды этого развитія для всего человѣчества.

Русское общество, войдя въ соприкосновеніе съ европейской культурой, несомнѣнно начало пробуждаться и опознавать себя. Это былъ какъ разъ тотъ моментъ, когда пора подвести итогъ духовнымъ пріобрѣтеніямъ, накопленнымъ въ теченіе многихъ вѣковъ.

Человѣчество—очень громкое слово. Служеніе человѣчеству—увлекательная миссія. Подобно тому, какъ въ области науки и искусства, философской мысли и т. п. народъ обогащается черезъ отдѣльныхъ личностей, одаренныхъ разнообразными талантами и въ различной степени, человѣчество обогащается умственными вкладами отдѣльныхъ народовъ. Но ученый, поэтъ, философъ, ху-

дожникъ, лишь тогда создаютъ нѣчто цѣнное, когда приносятъ свое, созданное самостоятельно, а не заимствованное у другихъ. Такимъ точно образомъ и всякій народъ настолько значитъ или не значитъ для человѣчества, насколько вручаетъ ему сокровищъ собственнаго опыта, собственнаго ума, собственнаго духа. Прогрессъ сталъ бы невозможенъ, если бы народы начали жить исключительно позаимствованіями другъ у друга. Въ концѣ концовъ заимствовать сдѣлалось бы нечего и не у кого, человѣчество слилось бы въ однородную, безцвѣтную массу и... мало-по-малу начало бы дичать.

Такимъ образомъ, важность вопроса о народности не оставляетъ и тѣни сомнѣній. Народъ, отказывающійся отъ своей народности, совершаетъ надъ собою духовное самоубійство.

Въ чемъ заключается главнѣйшій признакъ русской народности? Въ православіи, которое воспринялъ нашъ народъ еще на зарѣ своей исторической жизни.

Византія, безспорно, сберегла чистоту христіанскаго ученія, и не на ней вина за раздѣленіе церкви. Къ 1054 году въ Римѣ уже былъ папа Николай I, достаточно опредѣленно стремившійся къ полному главенству надъ свѣтскими властителями, т. е. отчетливо обозначился теократическій идеалъ, затѣмъ и осуществленный Западною церковью. Этотъ идеалъ несовмѣстимъ съ правильнымъ ходомъ церковной жизни, основанной на авторитетѣ вѣры и свободѣ человѣческаго духа. Вѣра и свобода соединяются въ гармоническомъ цѣломъ только любовью. Христіанинъ не знаетъ ничего выше и благодатнѣе любви, исполняя «заповѣдь новую» Спасителя міра: «любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. По тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою». Церковь Христова — одна, та церковь, которая блюдетъ «заповѣдь новую» и хранитъ цѣльность духовной жизни сочетаніемъ авторитета и свободы—въ любви. Римъ нарушилъ эту цѣльность, отбросивъ заповѣдь братской любви, и поставивъ во главу угла авторитетъ. Но передъ раціоналистическимъ началомъ авторитета не замедлилъ возникнуть грозный призракъ не менѣе раціоналистическаго начала свободы. Мало-по-малу началъ онъ облекаться въ плоть и кровь, окрѣпъ, набрался силъ и одержалъ блестящую побѣду.

Такимъ образомъ и папизмъ, зиждущійся на авторитетѣ, и протестантство, зиждущееся на свободѣ, являются фактами одного порядка: оба порождены духомъ раціонализма, оба съ малымъ вниманіемъ и малою заботою относятся къ главнѣйшей Христовой заповѣди — о братской любви.

Православіе не впало въ подобное заблужденіе, и православный христіанинъ, сознательно относящійся къ своей религіи, не найдетъ въ ней соблазна ни одиноко царящаго надъ всѣмъ автори-

тета, ни столь же одиноко проявляющей себя во всемъ свободы.

Когда мы говоримъ о православіи, католицизмѣ и протестантизмѣ, мы должны помнить не объ отдѣльныхъ іерархахъ и пасторахъ, а о закваскѣ, характеризующей каждое исповѣданіе. Намъ важно знать, какое вліяніе оказывало каждое исповѣданіе на житейскія, общественныя и государственныя понятія принимавшихъ его народовъ.

Православіе нашло въ Россіи дѣвственную почву. Но вмѣстѣ съ чистою Христовою вѣрой къ намъ проникъ и далеко нечистый византизмъ. «Вѣра,—говоритъ О. Ѳ. Миллеръ,—преподанная намъ на Кирилло-Меѳодіевскомъ (т. е. славянскомъ) языкѣ стала для насъ настоящею вѣрой, живою Христовой вѣрой. Едва лишь огласило наши новозданные храмы на языкѣ столь намъ близкомъ такъ понятно говорящее сердцу слово евангельское, какъ уже новообращенный нашъ князь усомнился въ своемъ правѣ отнимать жизнь хотя бы у разбойниковъ. Если сомнѣнія его и устранялись самимъ духовенствомъ, въ ту пору, конечно, исключительно греческимъ, состоявшимъ подъ вліяніемъ византійской культуры съ ея «градскимъ закономъ», по духу унаслѣдованнымъ отъ язычества,—эти сомнѣнія простодушно увѣровавшей души оставались на самомъ дѣлѣ не устраненными. Не даромъ, спустя слишкомъ вѣкъ, раздаются слова другого князя Владимира, заповѣдовавшаго такъ своимъ дѣтямъ: «ни права, ни крива не убивайте; аще будетъ и повиненъ смерти, души же не погубляете никакоя же хрестьяны». Тутъ, замѣчаетъ Миллеръ, далеко опережалась не только что византійская, но и будущая западно-европейская культура, до сихъ поръ еще не раздѣлавшаяся со смертною казнью даже со стараніемъ ее отстоять во имя науки».

Византизмъ, безспорно, мѣшалъ непосредственному воздѣйствію православія на младенческую душу народа. Вмѣстѣ съ христіанскими понятіями онъ воспитывалъ понятія свѣтскія, т. е. языческія, уцѣлѣвшія въ качествѣ привычекъ «міра сего». Но какъ ни было значительно это вліяніе, какъ ни усилилось оно впослѣдствіи,—чисто апостольскіе образы Стефана Пермскаго, Нила Сорскаго и его послѣдователей, Сергія Радонежскаго, митрополита Филиппа и т. д., наиболѣе запечатлѣлись въ памяти народа-христіанина, наиболѣе отразили его религіозный духъ. Стефанъ Пермскій идетъ къ зырянамъ и несетъ имъ даръ любви—зырянскую азбуку. Онъ научаетъ ихъ грамотѣ на родномъ языкѣ, проповѣдуетъ имъ сознательную вѣру во Христа, поставляетъ изъ ихъ среды священниковъ, діаконовъ, чтецовъ и пѣвцовъ, совершенно какъ во времена апостольскія, поощряетъ переводить священныя книги, съ любовію подаетъ помощь переводчикамъ, самъ переводитъ съ ними.

Составилось и господствуетъ мнѣніе, будто дониконовское ду-

ховенство отличалось крайнимъ невѣжествомъ въ дѣлѣ вѣры. Многіе де священники не умѣли читать и совершали богослуженіе «съ голоса». Это мнѣніе очень поверхностно. И, не зная грамоты, можно быть истиннымъ христіаниномъ, и, достигши вершинъ образованности, можно остаться злѣйшимъ язычникомъ. Неграмотный священникъ, наизусть совершавшій богослуженіе, конечно, сплошь и къ ряду погрѣшалъ противъ «буквы мертвящей». Но почему онъ непремѣнно долженъ былъ погрѣшать противъ сущности православія? Почему мы убѣждены, что онъ не согласовалъ своей жизни съ завѣтами Христа, не училъ прихожанъ жить по вѣрѣ, не проявлялъ братской любви? Знаменитый Аввакумъ,—«протопопъ-богатырь», по великолѣпному выраженію С. М. Соловьева,—обыкновенно разсматривается у насъ съ точки зрѣнія возмутительнаго буквоѣдства. Да, Аввакумъ и буквоѣдъ, но ознакомьтесь съ его пастырскою дѣятельностью. Какая сила вѣры и любви! Безукоризненный христіанинъ въ личной жизни, «протопопъ-богатырь» является столь же безукоризненнымъ, и какъ священникъ. Онъ обличаетъ пороки своихъ духовныхъ дѣтей, требуетъ отъ нихъ не формальнаго выполненія обрядностей, а согласованія жизни съ Божьей правдой. Сильные люди всячески преслѣдуютъ мужественнаго священника за ревностное выполненіе пастырскихъ обязанностей; грубые прихожане попросту бьютъ его за «строгости», но онъ не сдается. На кострѣ, уже объятый пламенемъ, Аввакумъ поддерживаетъ и утѣшаетъ товарища по участи!

Конечно, Аввакумъ—личность исключительная. Но развѣ онъ могъ стоять особнякомъ? Если существовалъ «протопопъ-богатырь», существовали тысячи священниковъ, не такіе богатыри, не такіе ученые богословы, не такіе самоотверженные пастыри, но люди, сознательно и искренно вѣровавшіе, старавшіеся и паствѣ своей внушить эту сознательную вѣру.

Отсюда вытекаетъ прямой отвѣтъ тѣмъ, кто придаетъ православію русскаго народа очень небольшое значеніе и склоненъ думать, что въ религіозномъ отношеніи Русь проявляла столько же невѣжества, сколько въ области свѣтскихъ познаній.

Славянофилы съ полной убѣдительностью доказываютъ, что это не такъ. Исторія русскаго народа охватываетъ собою тысячу лѣтъ. Тысяча лѣтъ не могла пройти, какъ одинъ день. Въ различныя эпохи проявлялись различные оттѣнки настроенія, которое въ существѣ не мѣнялось. Если за послѣдніе два вѣка народъ нѣсколько «ослабъ» (что признаютъ славянофилы, и что онъ самъ признаетъ), то теряться въ опредѣленіи причинъ этой «слабости» врядъ ли простительно. Въ письмѣ къ князю В. А. Черкасскому К. С. Аксаковъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующія глубокія мысли о крѣпостномъ правѣ. «Помѣщичья власть,—говоритъ онъ,—въ нѣкоторой части имѣній барщинныхъ и въ имѣніяхъ

чисто-оброчныхъ вообще служила для крестьянъ какъ бы стекляннымъ колпакомъ, избавлявшимъ ихъ отъ государственной регламентаціи, отъ наружнаго административнаго благоустройства. Подъ защитою этихъ стеклянныхъ колпаковъ шла жизнь нашего народа во всей самобытности своихъ началъ, при отсутствіи той чуждой нашему духу опредѣленности, которая равняется ограниченности и уродуетъ живое, извнутри образующее себя начало».

Считалъ ли народъ жизнь подъ «стекляннымъ колпакомъ» нормальною, довлѣющею ему? Никоимъ образомъ. «Народъ нашъ,— читаемъ въ письмѣ К. С. Аксакова къ А. С. Хомякову,— не гонялся за свободой политической, не хотѣлъ участія въ правительствѣ; но онъ сильно дорожилъ свободою жизни, обычаемъ, бытомъ своимъ и тогда считаетъ себя угнетеннымъ, когда эта свобода нарушается». Однако, и порабощенный помѣщику, «онъ умѣлъ сохранить свою духовную свободу, цѣломудренность своихъ человѣческихъ понятій». Помѣщикъ, правда, воображалъ себя «обладателемъ крестьянина, всего существа его, духовнаго и тѣлеснаго, но крестьянинъ никогда и не думалъ вѣрить подобной нелѣпости. Правомѣрность помѣщичьей власти никогда имъ не признавалась». На свое порабощеніе народъ смотрѣлъ, «какъ на бурю, на тучу съ градомъ, на набѣгъ разбойниковъ» и переносилъ его съ терпѣніемъ, «какъ перенесъ бы съ терпѣніемъ другое какое нибудь бѣдствіе, посланное отъ Бога».

Не слѣдуетъ забывать, что К. С. Аксаковъ говоритъ о некоторой части барщинныхъ имѣній и вообще чисто-оброчныхъ, а не о всѣхъ имѣніяхъ крѣпостной эпохи. Стало быть, не весь народъ имѣлъ возможность въ полной мѣрѣ уберечь «духовную свободу, цѣломудренность своихъ человѣческихъ понятій». Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, нужно вспомнить о крайне печальномъ положеніи духовенства въ ту эпоху, вынуждавшагося санкціонировать явно антихристіанскій порядокъ вещей. Наконецъ, имѣетъ громадное значеніе и то обстоятельство, что община и міръ, вслѣдствіе черезчуръ «отчетливой» регламентаціи, были вручены освобожденному народу далеко не въ первобытной чистотѣ. Названныхъ трехъ причинъ за глаза достаточно, чтобы объяснить нынѣшнюю «слабость народа», а между тѣмъ онѣ, разумѣется, не единственныя.

Итакъ, русскій народъ, не «ослабѣвшій», не угнетенный, не стѣсняемый въ жизни и обычаяхъ, былъ несомнѣнно народъ христіанскаго настроенія, сознательно дорожившій православіемъ. Его общинное начало, ведущее свое происхожденіе отъ языческихъ временъ, являлось какъ нельзя лучше приспособленнымъ для мирной, честной и разумной жизни по вѣрѣ. На немъ яркій отблескъ христіанскаго братства, какъ далекаго еще, но достижимаго идеала.

По мѣрѣ роста сознанія въ православномъ народѣ, по мѣрѣ укрѣпленія государственнаго строя на той же православной основѣ идеалъ становился бы достижимѣе и достижимѣе.

Теперь самъ собою выступаетъ вопросъ, въ какомъ соотношеніи должны находиться государство и общество, озаренныя свѣтомъ столь высокаго идеала?

На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ «Записка» К. С. Аксакова, поданная имъ черезъ графа Д. Н. Блудова императору Александру II въ годъ вступленія его на престолъ.

Сущность «Записки», документа во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго,—мы сказали бы, даже единственнаго,—сводится къ слѣдующему.

«Русскій народъ государствовать не хочетъ». Всю полноту политической власти онъ вручаетъ правительству. «Мудрость правительства состоитъ въ томъ, чтобы понять духъ народный, который долженъ быть постояннымъ руководителемъ правительства. Отъ непониманія потребностей духа народнаго и отъ препятствія этимъ потребностямъ происходятъ или внутреннія волненія, или медленное изнуреніе и разстройство силъ народныхъ и государевыхъ». Отстраняясь отъ государствованія, народъ желаетъ «оставить для себя свою неполитическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой бытъ, жизнь мирную духа. Не ища свободы политической, онъ ищетъ свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной—народной жизни внутри себя». Чѣмъ же должно быть государство въ понятіи народа, который нравственное стремленіе ставитъ выше всего, который стремится къ свободѣ духа, свободѣ Христовой? Очевидно, государство должно являться защитою свообо́дной жизни народа, а государственная власть—монархической неограниченной. Добровольно и сознательно подчиняясь «власти отъ міра сего», народъ, однако, не признаетъ ея за совершенство. Онъ «знаетъ, что «нѣсть власть, аще не отъ Бога», какъ христіанинъ, молится за нее, повинуется ей, чтитъ царя, но не боготворитъ. Только поэтому и повиновеніе, и почитаніе власти въ немъ прочно, и революція невозможна».

Въ предѣлахъ чисто государственныхъ правительству неотъемлемо и неограниченно принадлежитъ администрація, судопроизводство, законодательство. Въ зависимости отъ этого положительная обязанность народа относительно государства есть исполненіе государственныхъ требованій, доставленіе ему силъ для приведенія въ дѣйствіе государственныхъ намѣреній, снабженіе государства деньгами и людьми. Самостоятельное отношеніе безвластнаго народа къ полновластному государству только одно: общественное мнѣніе. «Въ общественномъ или народномъ мнѣніи нѣтъ политическаго элемента, нѣтъ другой силы, кромѣ нравственной, слѣдовательно, нѣтъ и принудительнаго свойства.

Въ общественномъ мнѣніи (разумѣется, выражающемъ себя гласно) видитъ государство, чего желаетъ страна, какъ понимаетъ она свое значеніе, какія ея нравственныя требованія, и чѣмъ, слѣдовательно, должно руководиться государство, ибо цѣль его — способствовать странѣ исполнить свое призваніе». Общественное мнѣніе та «живая, нравственная, нисколько не политическая связь, которая можетъ и должна быть между народомъ и правительствомъ».

Указавъ далѣе на роль земскихъ соборовъ (созваніе собора въ эпоху, къ которой относится «Записка», Аксаковъ считалъ дѣломъ безполезнымъ, за отсутствіемъ людей и надлежащаго настроенія), авторъ высказываетъ рядъ превосходно обоснованныхъ соображеній касательно петербургскаго періода нашей исторіи. Онъ отлично понимаетъ, что ко времени петровскихъ реформъ мы были еще очень далеки отъ конца пути, которымъ шли. «Многаго еще не могли успѣть сдѣлать наши цари», стремясь укрѣпить Россію послѣ страшныхъ бѣдствій. Если бы мы не измѣнили русскимъ началамъ, не сошли съ русскаго пути, наше развитіе совершилось бы постепенно, быть можетъ, нѣсколько медленнѣе, но увѣренно и прочно. Между тѣмъ русскій путь былъ оставленъ, устои гражданскаго устройства были нарушены, нарушены не народомъ, а правительствомъ. Но коль скоро народъ не посягаетъ на государство, не должно и государство посягать на народъ—только въ этомъ случаѣ союзъ ихъ проченъ. Въ Россіи не происходило той «тяжбы» между государствомъ и народомъ, мучительными перипетіями которой отмѣчена исторія Запада и особенно новѣйшая исторія его. Результатомъ посягательства государства на народъ явилось уничтоженіе союза и замѣна его игомъ. «Земля стала какъ бы завоеванною, а государство завоевательнымъ». Плоды новыхъ, нерусскихъ началъ вскорѣ же обнаружились. Пошли революціонныя попытки, и, чего не бывало прежде, «престолъ россійскій сталъ безнаказаннымъ игралищемъ партій». Ничего страннаго и неожиданнаго въ этихъ попыткахъ не было. Тамъ, гдѣ иго, тамъ и рабство. Рабское чувство естественнымъ путемъ переходитъ въ бунтовщическое, «ибо рабъ не видитъ рубежа между собою и правительствомъ, который видитъ человѣкъ свободный, живущій внутреннею самостоятельною жизнью». Если правительство постоянно стѣсняетъ внутреннюю общественную свободу народа, оно неминуемо заставитъ его, въ концѣ концовъ, искать свободы внѣшней, политической. Возлагать всѣ надежды на внѣшнее величіе — неосновательно. Оно прочно только тогда, «когда истекаетъ изъ внутренняго». «Внутреннее величіе — вотъ что должно быть первою, главною цѣлью народа и, конечно, правительства».

Итакъ, «правительству—неограниченная свобода правленія, исключительно ему принадлежащая; народу—полная свобода жизни

и внѣшней, и внутренней, которую охраняетъ правительство. Правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, закона; народу—право мнѣнія и, слѣдоватеьно, слова».

Недостаточно внимательному взгляду можетъ представиться, что Аксаковъ, строго разграничивая область государственную отъ общественной, вырываетъ между ними бездну. Ничего нѣтъ легче, какъ устранить эти недоразумѣнія. «Правительство, говоритъ Аксаковъ, отдѣляется отъ общественной, неправительственной жизни, какъ устройство; всякое же отдѣльное правительственное лицо можетъ, какъ человѣкъ, принимать участіе въ народной, не государственной жизни». Чѣмъ совершеннѣе будетъ эта жизнь, чѣмъ тверже будетъ согласована съ нею дѣятельность государства, тѣмъ меньше внутренняго различія обнаружится между служилымъ и земскимъ человѣкомъ. Когда на Руси существовали соборы, они имѣли двоякій характеръ. На соборъ земскій одинаково созывались какъ земскіе, такъ и служилые люди, потому что служба не лишала ихъ того значенія, которое имъ давала земля. Наоборотъ, на соборъ, касавшійся только интересовъ служилыхъ людей, они одни и созывались. Земскіе люди прекрасно понимали всю справедливость этого порядка и, разумѣется, не представляли противъ него никакихъ возраженій. Очевидно, здѣсь можетъ итти рѣчь лишь о размежеваніи двухъ областей, но не о раздѣленіи ихъ пропастью.

Государственное ученіе славянофиловъ одинаково пользуется несочувствіемъ какъ у нѣкоторыхъ консерваторовъ, такъ и у прогрессистовъ. Миогіе прогрессисты, даже относясь враждебно къ соціализму, не видятъ въ немъ особенной утопичности. Соціальный строй, для осуществленія котораго нужно уничтожить дѣйствіе всѣхъ силъ, мощно двигавшихъ человѣчествомъ на всемъ протяженіи извѣстной намъ исторіи его, а самого человѣка превратить въ автомата, не кажется фантастическимъ, даже импонируетъ «научностью». Зато фантастическимъ признается строй, при которомъ человѣкъ получаетъ полную возможность удовлетворить самыя святыя потребности духа, совершенствуясь и приближаясь къ наивысшему нравственному идеалу! Государство—единственная гарантія необходимаго внѣшняго порядка. Оно, безспорно, обладаетъ силою принудительною, но необходимость проявленія этой силы обусловливается въ христіанской средѣ степенью нравственнаго совершенства ея членовъ. Люди, отбросившіе религіозную мораль, какъ негодное старье, стараются придумать такой внѣшній регуляторъ, при которомъ они могли бы жить припѣваючи, оставаясь злыми, себялюбивыми, малодушными, лѣнивыми. Трудъ, разумѣется, совершенно напрасный, если не имѣть въ виду самаго строгаго, самаго деспотическаго государственнаго устройства, безгранично интенсивнаго и экстенсивнаго въ смыслѣ

проявленія принудительной силы. Люди, поставившіе задачею «жить по-божески», неизмѣнно стремясь приблизиться къ совершенству Отца Небеснаго, очевидно ни въ чемъ подобномъ не нуждаются. Пусть человѣкъ самъ станетъ лучше—и гнетъ государственный (или соціальный) немедленно начнетъ ослабѣвать. Суды не потому существуютъ, что надо пристроить къ мѣсту извѣстное число юристовъ, а потому, что существуютъ преступники. Въ тотъ день, когда не будетъ преступниковъ, закроются суды и тюрьмы. Развѣ это не понятно? Развѣ можно что либо возразить противъ этого, не ссорясь со здравымъ смысломъ?

Наше коренное отличіе отъ Запада состоитъ въ томъ, что мы признаемъ Божественный источникъ нравственности и свободную волю человѣка. Отсюда чрезвычайно скромное мнѣніе о достоинствѣ всякой организаціи, самой по себѣ. Поскольку люди, дѣйствующіе въ предѣлахъ данной организаціи, направляютъ свободную волю на добро, поскольку они согласуютъ свою жизнь съ требованіями нравственности, постольку удовлетворительна и организація. Каждое ея видоизмѣненіе опять таки постольку можетъ оказаться полезнымъ, поскольку оно облегчаетъ людямъ проявлять добрую волю и чистоту нравственныхъ стремленій. Западъ, съ его эволюціонной этикой и закономъ необходимости, устраняющимъ понятіе свободной воли, держится иного взгляда. Онъ именно отъ организаціи ждетъ всякихъ благъ, воображая, что ея внѣшнее совершенство сдѣлаетъ людей, помимо воли, совершенными. Ошибочность подобныхъ расчетовъ доказываетъ любая страница новѣйшей европейской исторіи. Русскіе псевдоконсерваторы, нерѣдко выступающіе въ печати и этою исторіею нимало не плѣняющіеся, должны бы наконецъ различить ея духъ... въ собственныхъ стремленіяхъ. Избираемый ими путь—путь Запада. Они придаютъ учрежденіямъ не меньшую важность, нежели западноевропейцы. Правда, западноевропейцамъ нравятся одни учрежденія, нашимъ консерваторамъ—совершенно другія, но вѣра во всемогущество учрежденій—одна и та же, но пренебреженіе къ свободной волѣ человѣка—одно и то же, но надежды на совершенство учрежденій однѣ и тѣ же! Консерваторы называютъ себя православными христіанами. Въ качествѣ таковыхъ они обязаны признать самой главной, самой святою и въ сущности единственной задачей человѣка—устройство жизни сообразно требованіямъ вѣры. Этимъ требованіямъ—всюду первое мѣсто, о чемъ бы рѣчь ни шла. Но именно въ данномъ, важнѣйшемъ пунктѣ консерваторы измѣняютъ себѣ! Нашъ народъ — христіанскій, онъ жаждетъ необходимой для христіанина внутренней, общественной свободы, и внутренняя общественная свобода нужна ему, какъ для добыванія насущнаго хлѣба, такъ и для «мирной жизни духа». По мнѣнію славянофиловъ, народнымъ потребностямъ какъ нельзя лучше отвѣчаетъ общинно-міровой укладъ.

Они доказываютъ необходимость возстановить общинно-міровой укладъ въ его первобытной чистотѣ. Лишь тогда народъ оправится экономически и воспрянетъ нравственно. Къ сожалѣнію, тутъ передъ консерваторами обыкновенно возникаютъ отталкивающіе призраки «выборовъ», «большинства и меньшинства» и прочихъ парламентскихъ аттрибутовъ. Совершенно вѣрно, парламентскіе аттрибуты отвратительны, но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ какъ разъ обратнаго порядка. Ни выборовъ, ни голосованія на западно-европейскій ладъ нашъ «міръ» не знаетъ. Для рѣшенія вопросовъ требуется не большинство—простое или двухъ третей, а болѣе или менѣе ясно выраженное единодушіе [1]). Положимъ, міръ толкуетъ объ арендѣ лѣса у помѣщика. Дѣло, положимъ, стоитъ въ извѣстный моментъ преній такъ, что при отобраніи голосовъ на европейскій ладъ сторонники аренды оказались бы побитыми большинствомъ одного голоса. Для парламента это—рѣшеніе, для міра—явная несообразность. Міръ непремѣнно долженъ въ массѣ прійти къ извѣстному согласію. Тогда только онъ выполнитъ свою задачу. И достигнуть согласія для него рѣдко представляется затруднительнымъ, потому что партій нѣтъ, и нѣтъ партійной дисциплины, обязывающей насъ подавать голосъ противъ даже въ томъ случаѣ, если лично мы склонны подать его за. Имѣя передъ собою конкретный фактъ, міръ судитъ о немъ безъ всякаго посторонняго соображенія. Чѣмъ нравственный уровень мірянъ выше, чѣмъ они глубже сознаютъ себя «православными», тѣмъ разумнѣе, справедливѣе ихъ рѣшеніе. Очевидно, тутъ все зависитъ отъ человѣка, отъ степени его духовнаго совершенства, свободной воли и здраваго смысла.

На такомъ же исключительно нравственномъ основаніи рѣшаютъ славянофилы и вопросъ о дворянствѣ въ Россіи. Здѣсь славянофилы особенно рѣзко расходятся съ западниками-консерваторами. Такъ, напримѣръ, Маркевичъ, занятый тѣмъ же вопросомъ въ романѣ «Переломъ», совершенно теряется и не знаетъ, что предпринять. Талантливый романистъ обращается за помощью къ П. К. Щебальскому, проситъ его посодѣйствовать «въ умномъ разрѣшеніи вопроса». Герой «Перелома»,—поясняетъ Маркевичъ,—хочетъ дѣло дѣлать, простое, будничное дѣло; онъ поступаетъ мировымъ посредникомъ въ своей мѣстности; англійскій country gentleman—идеалъ его, и этотъ именно идеалъ представляется ему несбыточнымъ при тѣхъ условіяхъ, при коихъ рѣшенъ крестьянскій вопросъ. Вотъ именно гдѣ и нужно мнѣ ваше содѣйствіе. Что именно въ понятіяхъ Троекурова могло бы, должно бы было быть сдѣлано, чтобы это сельское дворянство въ

---

[1]) Рѣчь, само собою, идетъ именно о мірѣ въ его первобытной чистотѣ, а не о регламентированномъ Положеніемъ 19 февраля. Авт.

Россіи было въ состояніи, какъ въ Англіи, играть подобающую ему роль крѣпкой, культурной силы [1]).

Славянофилъ, т. е. человѣкъ не формально, а искренно, всею душою придерживающійся русскихъ взглядовъ, въ правѣ расхохотаться въ отвѣтъ на подобный вопросъ. Не ясно ли, что country gentleman'у одна дорога—въ Англію. Тамъ онъ будетъ на мѣстѣ, тамъ онъ все пойметъ, и его всѣ поймутъ. Но Маркевичу не до смѣха. Онъ глубоко озабоченъ и жадно ищетъ выхода. Его сомнѣнія уже не такъ жалки и пошлы. Онъ признаетъ, что крестьянъ надлежало освободить съ землею, иначе быть не могло. Можно ли, однако, при такихъ условіяхъ, сохранить дворянству его привилегированное положеніе?—спрашиваетъ Маркевичъ. «Въ какой формѣ и что: патримоніальная власть, вотчинная полиція, прямое и преобладающее положеніе въ волости? Или, какъ многіе домогались въ ту пору,—извѣстнаго рода политическія права?»

Такимъ образомъ, Маркевичу приходитъ въ голову даже конституціонное устройство, ибо лишь оно даетъ всѣмъ подданнымъ или части ихъ (въ настоящемъ случаѣ дворянству) извѣстнаго рода политическія права! Не слѣдуетъ придираться къ слову, но раздумье Маркевича очень характерно. Западникъ до мозга костей, онъ не знаетъ иныхъ идеаловъ, кромѣ европейскихъ. Онъ преданъ монархизму, но вы ясно видите, что это монархизмъ во вкусѣ Жозефа де-Местра, а не русское самодержавіе, столь возвышенно истолковываемое славянофилами. Какъ увидимъ ниже, и славянофилы ошибались при обсужденіи дворянскаго вопроса. Ихъ ошибка—ошибка идеалистовъ, смотрящихъ исключительно въ даль и пренебрежительно относящихся къ дѣйствительности.

Послушаемъ, что говоритъ о дворянскомъ вопросѣ Иванъ Аксаковъ. Прежде всего, онъ напоминаетъ, что для сословной организаціи пригодны лишь три принципа: генеалогическій, служилый и душевладѣльческій. «Тысячелѣтнія усилія русской исторіи» были направлены, по выраженію Аксакова, къ тому, «чтобы обезсмыслить всякій такой принципъ». «Генеалогическій принципъ,—говоритъ Аксаковъ,—существеннѣйшая основа аристократизма вообще, а на Западѣ въ особенности, долженъ былъ смириться у насъ передъ принципомъ служебнаго старѣйшинства: стали считаться не древностью рода, а служебными его заслугами». Отсюда мѣстничество. Съ уничтоженіемъ мѣстничества и подъ вліяніемъ польскихъ понятій готовилось образоваться благородное, въ европейскомъ смыслѣ, сословіе. Обратились снова къ генеалогическому принципу, но воцарился Петръ I, и табелью о рангахъ упразднилъ de facto принципъ генеалогическій. Оставался принципъ служилый, въ видѣ обязательной службы государству. Петръ III даровалъ дворянству

---

[1]) Курсивъ Маркевича.

вольность, которая уничтожила и принципъ служилый. Наконецъ, 19-го февраля 1861 года канулъ въ вѣчность и послѣдній принципъ— душевладѣльческій.

«Такимъ образомъ, говоритъ Аксаковъ, трудно опредѣлить, какой принципъ положенъ въ основаніе организаціи русскаго дворянства: это не принципъ родовитости, потому что всякій солдатъ, бывшій крѣпостной, дослужившись до офицерскаго чина становился ipso facto такимъ же потомственнымъ, равноправнымъ дворяниномъ, какъ и его господинъ; это и не принципъ служебнаго старѣйшинства, потому что заслуги на службѣ и чины не представляли уже потомъ никакого особеннаго преимущества внутри дворянской корпораціи, развѣ кто въ силу своего извѣстнаго чина угодилъ въ дворяне. Это была организація сословная, но совершенно своеобразная, не замкнутая, доступная всѣмъ, движущимся путемъ іерархической лѣстницы или табели о рангахъ. Отличительнымъ же признакомъ, существенною привилегіею и источникомъ бытовой матеріальной и политической силы этого сословія было владѣніе населенными имѣніями. Съ паденіемъ крѣпостного права явился новый факторъ въ нашей гражданской жизни—цѣлые сорокъ милліоновъ земщины, т. е. полноправныхъ гражданъ». Въ чемъ же должна состоять теперь задача дворянства? По мнѣнію славянофиловъ—въ служеніи государству путемъ мѣстнаго служенія раскрѣпощенной землѣ. Такимъ образомъ, Аксаковъ посылаетъ дворянъ въ земство и требуетъ отъ нихъ служенія земскому дѣлу. Конечно, Маркевичъ подобнаго рѣшенія дворянскаго вопроса принять не могъ бы. Пусть его вѣра въ учрежденія и преувеличена, тѣмъ не менѣе безъ учрежденій, безъ извѣстной регламентаціи, совершенно невозможенъ никакой порядокъ въ современномъ обществѣ, да и вообще врядъ ли когда возможенъ. Аксаковъ ставитъ вопросъ черезчуръ идеально и въ существѣ дѣла какъ бы отвергаетъ сословный принципъ.

Нашей такъ называемой интеллигенціи славянофилы указываютъ роль также внѣ опредѣленнаго учрежденія. Интеллигенція, по ихъ взгляду, призвана «выводить народный умъ изъ той области непосредственнаго бытія, въ которой по необходимости пребываетъ народная масса, въ высшую область сознанія; тѣ начала народнаго духа, которыя, какъ зерна, хранятся въ народной почвѣ и опредѣляютъ его бытіе, какъ народа въ цѣломъ, должны получить черезъ общество свое полнѣйшее развитіе; народная духовная личность можетъ вполнѣ проявиться лишь въ совокупномъ разнообразіи личнаго творчества выдѣленныхъ народомъ изъ себя единицъ. Сфера такой личной духовной дѣятельности отдѣльныхъ единицъ, сфера, гдѣ происходитъ этотъ процессъ народнаго самосознанія, и есть то, что обыкновенно называется обществомъ, и что въ послѣднее время не совсѣмъ точно называется интеллигенціей».

Выполненіе задачи, возлагаемой на интеллигенцію, мыслимо, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если интеллигенція національна по духу. Интеллигенція, проникнутая либерально-западническими понятіями, ничего не можетъ принести народу, кромѣ вреда.

Тутъ вполнѣ умѣстно привести мнѣніе Константина Аксакова о томъ, что такое національное и что такое общечеловѣческое.

Въ сущности, какъ это, затѣмъ доказываетъ на чисто научной почвѣ Данилевскій, общечеловѣческое у насъ постоянно смѣшивается съ европейскимъ. Между тѣмъ, «усвоеніе чужихъ національныхъ пріобрѣтеній есть величайшая нелѣпость». Усвоивъ ихъ, народъ неминуемо вступитъ въ роль подражателя, при которой и то, что принадлежитъ всѣмъ вообще, потеряетъ свою настоящую пользу, станетъ дѣломъ перенятымъ и никогда не усвоится, какъ собственное. «Необходимъ самостоятельный трудъ, и только при условіи такой самостоятельности роль интеллигенціи можетъ быть плодотворна».

Мы разсмотрѣли воззрѣнія славянофиловъ почти на всѣ важнѣйшіе вопросы. Намъ остается указать на крайнее выраженіе славянофильскаго идеализма, именно на ихъ вѣру въ исключительную судьбу Россіи, на великую миссію, предопредѣленную ей на благо всего человѣчества. Какимъ высокимъ чувствомъ дышитъ эта вѣра! Россія,—какъ убѣждены славянофилы,—объединитъ всѣ народы въ одну Христову церковь. «Были въ жизни христіанскаго міра, говоритъ Хомяковъ, догматическія ереси, и онѣ имѣли временный, часто огромный успѣхъ; послѣдствіемъ же ихъ было яснѣйшее сознаніе самихъ догматовъ церкви». На этомъ основаніи Хомяковъ утверждаетъ, что «таково же назначеніе и теперь преобладающихъ латинства и протестантства». Успѣхъ ихъ минуетъ, истина чрезъ заблужденіе выяснится ярче, и человѣчество признаетъ ее. Католицизмъ во имя авторитета, протестантство во имя свободы, не объединятъ духовно людскія племена. Ихъ объединитъ христіанская любовь, въ которой православіе сочетаетъ авторитетъ и свободу.

Сущность отношенія славянофиловъ къ славянскимъ племенамъ не требуетъ въ настоящей статьѣ подробнаго разсмотрѣнія. Она очень хорошо выражается въ слѣдующихъ словахъ одного изъ наиболѣе послѣдовательныхъ современныхъ славянофиловъ, А. В. Васильева. «Церковное единство славянскаго міра,—пишетъ г. Васильевъ,—есть высшая ступень духовнаго объединенія его, трудно осуществимый, но при всемъ томъ самый завѣтный и святой изъ идеаловъ славянофильства, ибо для каждаго искренняго брата не безразлично, во что̀ вѣритъ, куда идетъ, что̀ считаетъ истиною его братъ. Церковное объединеніе славянъ для русскаго человѣка мыслимо не иначе, какъ въ лонѣ святой православной церкви, поэтому церковное объединеніе славянъ могло бы совершиться или

въ случаѣ соединенія христіанскихъ церквей Западной и Восточной, на что пока не является надежды, или отдѣльнымъ присоединеніемъ къ православію иновѣрныхъ славянскихъ народовъ, что представляется вѣроятнымъ, и чему отдѣльныя лица изъ западныхъ славянъ не разъ уже подавали добрый примѣръ. Но возсоединеніе славянъ съ нами въ одной церкви должно совершиться въ духѣ истины и любви, по внутреннему влеченію ихъ при полной свободѣ совѣсти, безъ всякаго насилія ей».

Само собою, что идеалъ государственнаго объединенія славянъ, обусловливаемый идеаломъ единенія духовнаго, составляетъ завѣтную мечту славянофиловъ.

Противъ славянофильскихъ симпатій къ нашимъ братьямъ славянамъ страстно ополчался Константинъ Леонтьевъ, пришедшій къ убѣжденію, что славяне уже утратили присущее имъ національное своеобразіе и могутъ только повредить намъ, слившись политически съ Россіей. Останавливаться на возраженіяхъ Леонтьева врядъ ли есть надобность, послѣ того, что мы прочли сейчасъ у Васильева. Если славяне прочно объединятся съ нами на почвѣ духовной, то, разумѣется, государственное объединеніе при ихъ посредствѣ не только не окажется гибельнымъ для русскихъ интересовъ, но послужитъ къ нашей великой пользѣ.

Вообще, при обсужденіи завѣтныхъ желаній и стремленій славянофильства необходимо твердо помнить, что всѣ они зиждутся на нравственныхъ основаніяхъ, лишь съ точки зрѣнія указанныхъ основаній и можно критиковать принципы славянофиловъ.

Законченность славянофильскаго ученія очевидна. Глубокая любовь къ человѣку, благородное довѣріе къ его доброй волѣ и братская заботливость о каждомъ, стремящемся къ нравственному совершенствованію, не могутъ не тронуть лучшихъ сторонъ отзывчиваго сердца. Простота и свобода общественной организаціи точно также не ускользнутъ отъ вниманія тѣхъ, кто не смѣшиваетъ заботу о насущномъ хлѣбѣ съ жаждою всевозможныхъ матеріальныхъ благъ.

Но славянофилы, какъ мы видѣли, большіе идеалисты. Они часто забываютъ о настоящемъ, прикрашиваютъ прошлое и слишкомъ довѣрчиво смотрятъ на будущее. Конечно, жизнь людей упростилась бы и улучшилась, если бы всѣ слѣдовали правиламъ христіанскаго ученія. Но люди не только имъ не слѣдуютъ,—они не хотятъ слѣдовать, подъ тѣмъ предлогомъ, что христіанскій идеалъ достижимъ лишь, какъ идеалъ частный, личный, а не какъ общій, массовый. Именно возвышенность основныхъ воззрѣній славянофильства и является главною причиною его непріемлемости. Мало ли какихъ воздушныхъ замковъ можно настроить,—говорятъ трезвые практики,—но чего же эти замки стоятъ?..

Съ другой стороны, славянофильское ученіе представляется фантастическимъ, вслѣдствіе той исключительной роли, которую оно отводитъ славянству вообще и Россіи въ частности. Русскіе образованные люди, сроднившіеся съ западно-европейскими понятіями, не видятъ разумныхъ основаній къ тому, чтобы наша исторія двигалась инымъ путемъ, нежели европейская. Они вѣрятъ въ единую общечеловѣческую цивилизацію и въ единую цѣль прогресса. Славянофилы нисколько не убѣждаютъ ихъ, ссылаясь на примѣръ московской и кіевской Руси. Еще менѣе вразумительны для западниковъ славянофильскія мечты «о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся», а главою этой семьи явится православная Россія. Все это можетъ быть очень хорошо и увлекательно, — замѣчаютъ западники, — однако, кромѣ пылкости воображенія, мы здѣсь ничего не видимъ. Фактическая сторона слаба, аргументація искусственная, а главное--нѣтъ и тѣни научности. Безъ научнаго же обоснованія нельзя касаться подобныхъ серіозныхъ вопросовъ. Будетъ фразерство, маниловщина, но ничего, способнаго привлечь вниманіе истинно просвѣщенныхъ и разумныхъ людей.

Какъ ни общи и ни банальны такія возраженія, старому славянофильству они рѣшительно становятся поперекъ дороги. Благороднѣйшіе принципы, на которыхъ держится славянофильство, требуютъ,—шутка сказать,—коренной передѣлки человѣка. Что же касается мессіанскихъ надеждъ, то онѣ разсчитаны исключительно на восторженность идеалистовъ. «Научности» тутъ, разумѣется, никакой нѣтъ, да и вообще славянофильское ученіе въ томъ видѣ, въ какомъ до сихъ поръ мы его разсматривали, нельзя назвать научнымъ. Оно беретъ свое начало въ смутномъ инстинктивномъ чувствѣ, мало-по-малу оформливается и наконецъ получаетъ блестящее выраженіе въ діалектикѣ таких первоклассныхъ писателей, какъ Аксаковъ, Хомяковъ, Самаринъ. Ихъ краснорѣчіе способно увлекать даже принципіальныхъ противниковъ. Такъ, г. Венгеровъ въ обстоятельной статьѣ о Константинѣ Аксаковѣ обнаруживаетъ всѣ признаки подобнаго увлеченія. Онъ даже готовъ признать, что Аксаковъ правъ, но подъ тѣмъ курьезнымъ условіемъ, что правъ и онъ, г. Венгеровъ, въ своихъ діаметрально противоположныхъ взглядахъ.

Славянофилы, безспорно, прекрасные ораторы. Къ сожалѣнію, дѣйствіе, производимое ораторскою рѣчью, не всегда прочно. Впечатлѣніе это обыкновенно довольно быстро блѣднѣетъ, критическая мысль вступаетъ въ свои права, и тогда всѣ сомнительные пункты выступаютъ, какъ отмели на пересыхающей рѣкѣ.

Однако, противники славянофильства инстинктивно чувствуютъ, что здѣсь въ самомъ дѣлѣ кроется что-то глубоко-правдивое, что здѣсь не однѣ фантазіи и неосновательныя надежды. Не могутъ

они принять ни одного изъ славянофильскихъ тезисовъ, но въ то же время и опровергнуть ни одного не могутъ.

Весьма вѣроятно, что славянофильское ученіе въ концѣ концовъ потеряло бы жизненный смыслъ и было бы сдано въ архивъ вмѣстѣ со множествомъ другихъ великолѣпныхъ химеръ, если бы содержащаяся въ немъ истина не нашла новаго выраженія, не отыскала новыхъ формъ. Ей не доставало научнаго обоснованія. Она и получила его.

К. Петровъ.

НЕВОЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ [1].

(Приключенія трехъ оренбургскихъ казаковъ въ Китаѣ).

СРЕДИ горныхъ кряжей и отроговъ Тянь-Шаня, замыкающихъ съ востока своими дикими, угрюмыми хребтами благодатную Ферганскую долину, заброшено небольшое русское укрѣпленьице Гульча, составляющее нашъ опорно-наблюдательный пунктъ среди немногочисленныхъ ауловъ полудикаго кочевого пограничнаго населенія, алайскихъ киргизъ.

Маленькая крѣпостца расположена на небольшой, но ровной возвышенной горной площадкѣ, окруженной вздымающимися къ облакамъ горными вершинами. Она представляетъ собою довольно обширный дворъ, обнесенный стѣною изъ сырцеваго кирпича и глубокимъ наружнымъ рвомъ. Внутри двора-крѣпости имѣются довольно приличная просторная казарма для гарнизона, отдѣльный домъ для офицеровъ, провіантскій складъ и нѣкоторыя другія хозяйственныя и служебныя постройки.

Внѣ крѣпостныхъ стѣнъ, неподалеку, пріютилось зданіе почтово-телеграфной конторы, тутъ же вблизи осѣлъ небольшой кишлачекъ изъ нѣсколькихъ убогихъ глиняныхъ сакель. Въ кишлачкѣ существуетъ базаръ съ сартовскими мелочными лавчонками и съ неизбѣжной чай-хане (гостиница) и раватомъ (постоялый дворъ). Здѣсь же, поодаль немного, домъ участковаго пристава.

---

[1]) На основаніи офиціальныхъ источниковъ.

Укрѣпленіе Гульча находится на караванномъ пути, ведущемъ изъ Ферганы въ Кашгаръ, и отстоитъ отъ послѣдняго русскаго поселенія Оша, уѣзднаго города Ферганской области, въ разстояніи 72-хъ верстъ. Лѣтомъ на пространствѣ между Гульчею и Ошемъ возможно сообщеніе на арбѣ и въ экипажѣ, зимой же только верхомъ. Черезъ этотъ путь поддерживаются сношенія заброшеннаго въ непріютныхъ горахъ маленькаго укрѣпленьица съ Россіею и съ внѣшнимъ цивилизованнымъ міромъ при посредствѣ телеграфа и почты, доставляющей и отвозящей корреспонденцію одинъ разъ въ недѣлю.

Далѣе за Гульчей караванный путь идетъ по весьма опаснымъ горнымъ ущельямъ, карнизамъ и террасамъ, черезъ едва доступные, трудно одолимые, почти отвѣсные перевалы чрезъ гребни горныхъ кряжей. Здѣсь уже сообщеніе возможно только верхомъ на лошадяхъ да пѣшкомъ. Тяжести здѣсь перевозятся исключительно на вьюкахъ.

Гульча занята весьма слабымъ гарнизономъ. Въ ней расположена 3-я сотня 6-го оренбургскаго казачьяго полка, штабъ котораго находится въ г. Новомъ-Маргеланѣ. Отъ этой сотни, кромѣ того, 25-ть казаковъ при офицерѣ занимаютъ послѣдній къ Кашгару съ этой стороны пограничный постъ, крохотное укрѣпленьице Иркештамъ, сообщеніе съ которымъ въ зимнее время почти совершенно прекращается.

Въ началѣ января 1898 года, командиръ расположенной въ Гульчѣ сотни, есаулъ Ч., получилъ отъ подлежащаго начальства предписаніе назначить и приготовить трехъ доброконныхъ казаковъ для сопровожденія до г. Кашгара германскихъ путешественниковъ, Футтерера и Гольдерера. Назначенные казаки должны будутъ изъ Кашгара вернуться къ своей сотнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ командиру сотни предписывалось снабдить командируемыхъ казаковъ всѣмъ необходимымъ и выдать имъ на путевое довольствіе людей и лошадей туда и обратно кормовыя и фуражныя деньги; кромѣ того, командиръ сотни предупреждался, что казаки должны быть назначены по возможности изъ числа знающихъ туземный языкъ, чтобы они, при случаѣ, могли объясняться на пути съ туземцами и служить для путешественниковъ переводчиками.

Подобныя командировки казаковъ съ учеными экспедиціями въ Туркестанскомъ краѣ составляютъ весьма обычное явленіе, поэтому полученное предписаніе нисколько не удивило сотеннаго командира и нимало не затруднило его въ исполненіи. Есаулъ Ч. тотчасъ же назначилъ въ указанную командировку трехъ казаковъ: Николая Петрова (станицы Гирьяльской), Хафиза Япіева (станицы Пречистенской) и Гатауллу Койбагарова (станицы Воздвиженской). Выбранные люди были исправными, доброконными казаками и не только вполнѣ надежными, но даже и довольно опытными: на

службѣ въ полку они находились третій годъ, уже выслуживали свой срокъ и въ маѣ того же года должны были уйти на родину; за время своей трехлѣтней службы имъ не разъ приходилось побывать въ разныхъ отдѣльныхъ командировкахъ по различнымъ порученіямъ и въ горныхъ и въ низменныхъ мѣстахъ Ферганской области.

Петровъ, какъ грамотный и болѣе развитой казакъ, назначался за старшаго. Япіевъ и Койбагаровъ были мусульмане, происходили изъ татаръ, слѣдовательно, болѣе или менѣе свободно могли изъясняться съ мусульманами туземцами на родственныхъ нарѣчіяхъ, по-сартовски и по-киргизски, и могли служить путешественникамъ въ качествѣ переводчиковъ.

Выбравъ такимъ образомъ людей для указанной цѣли, командиръ сотни счелъ нужнымъ предупредить ихъ объ этомъ, и потому, вызвавъ ихъ къ себѣ, объявилъ имъ о назначеніи ихъ въ командировку.

— Вы, ребята, — сказалъ онъ: — по распоряженію начальства отправитесь въ скоромъ времени въ Кашгаръ для сопровожденія нѣмецкихъ путешественниковъ, ѣдущихъ въ Китай... Поѣдете съ ними только до Кашгара, тамъ явитесь консулу и воротитесь оттуда назадъ домой въ Гульчу.

— Слушаемъ, ваше в—діе!

— Ты, Петровъ, пойдешь за старшаго. Я тебѣ выдамъ деньги на продовольствіе васъ и лошадей на передній путь до Кашгара и на обратный до Гульчи. Получишь отъ меня тетрадку, въ которую и будешь записывать расходъ денегъ, а по возвращеніи представишь ее мнѣ.

— Слушаю, ваше в—діе!

Приказавъ затѣмъ готовиться въ путь и давъ имъ нѣкоторыя необходимыя наставленія, командиръ сотни отпустилъ ихъ отъ себя.

Новое назначеніе въ командировку, хотя и не удивило избранныхъ станичниковъ,—дѣло обычное,—но, тѣмъ не менѣе, удовольствія имъ не доставило, по весьма понятнымъ причинамъ, которыя и постараемся пояснить.

Правда, казаки вообще весьма охотно идутъ въ подобныя командировки. Здѣсь они пользуются относительной свободой и на нѣкоторое время освобождаются отъ стѣснительныхъ условій однообразной казарменной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь имъ представляется возможность, случай пріобрѣсти кое-что, малую толику, заработать нѣсколько лишнихъ рублей. И послѣднее обстоятельство для казака, служащаго на всемъ своемъ снаряженіи, имѣетъ преимущественное значеніе. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ путешественники не оставляютъ услугъ и службы казаковъ безъ болѣе или менѣе щедраго вознагражденія. Независимо отъ того, казаки въ такихъ командировкахъ, предоставленные самимъ себѣ

и своей личной изворотливости, стараются экономить, елико возможно, при расходованіи полученныхъ на свое продовольствіе казенныхъ денегъ. Чаще всего опять-таки сами путешественники приходятъ къ нимъ на помощь: они, чтобы надежнѣе пользоваться услугами казаковъ, берутъ ихъ довольствіе на свой счетъ; лошади же казачьи по большей части довольствуются въ подобныхъ случаяхъ подножнымъ кормомъ. Такимъ образомъ, и тутъ казакамъ удается сберечь кое-какую копейку въ свою пользу. И врядъ ли можно будетъ поставить имъ это въ вину или въ упрекъ? Какъ бы то ни было, только по возвращеніи изъ подобныхъ командировокъ, казаки иногда приносятъ съ собой про запасъ на казачью нужду десятокъ-другой рублей на брата, а въ счастливыхъ случаяхъ и больше. Такое сбереженіе составляетъ весьма существенное подспорье для казака, а, слѣдовательно, и соблазнительную приманку подобныхъ командировокъ. Несмотря на то, такія командировки, однако, хороши и привлекательны лишь лѣтомъ, а не въ суровое зимнее время, когда и самыя сбереженія не могутъ быть существенны, не могутъ представлять достаточнаго вознагражденія за всѣ труды и лишенія, которые выпадаютъ тогда на долю казака, во время зимняго похода, да, наконецъ, ихъ и совсѣмъ можетъ не быть.

Назначенные теперь съ германскими путешественниками казаки Петровъ, Япіевъ и Койбагаровъ, несомнѣнно весьма хорошо знали о всѣхъ трудностяхъ предстоящаго имъ пути, о тѣхъ невзгодахъ, трудахъ и лишеніяхъ, которые ожидали ихъ въ этомъ путешествіи по дикой безлюдной мѣстности, которые имъ придется претерпѣть и вынести въ суровое зимнее время. Имъ уже, можетъ быть, не разъ приходилось побывать въ этихъ горныхъ ущельяхъ и на перевалахъ, проѣзжать, если не по всему протяженію пути до г. Кашгара, то, по крайней мѣрѣ, по самой трудной части его до нашей границы, до Иркештамскаго поста, гдѣ находятся ихъ товарищи. Съ этой стороны новая командировка съ нѣмецкими путешественниками для Петрова съ товарищами не представляла привлекательности. Особенно не улыбалась она имъ въ виду того, что они въ маѣ мѣсяцѣ того же года, по окончаніи своего обязательнаго срока службы въ полку, вмѣстѣ со своими товарищами-сверстниками, должны были пойти на родину въ войско. Они, понятное дѣло, послѣ трехлѣтней разлуки горѣли желаніемъ въ добромъ здоровьѣ свидѣться съ родными и привести въ надлежащемъ видѣ домой своихъ вѣрныхъ товарищей, коней, чтобы они были добрыми помощниками и въ хозяйствѣ. А тутъ вдругъ предстояло еще совершить трудный походъ въ такое время, когда всѣ горные ущелья, овраги, тропинки и дорожки по карнизамъ и на перевалахъ занесены, забиты и засыпаны глубокимъ снѣгомъ, когда для преодолѣнія трудностей пути необходимы невѣроятныя усилія и

чрезмѣрное напряженіе силъ своихъ и конскихъ, а послѣднее при недостаткѣ корма неминуемо повлечетъ за собою изнуреніе лошадей,—надо будетъ приложить особливыя заботы, чтобы по возможности сберечь, сохранить лошадей и избѣжать опасностей, чтобы благополучно возвратиться въ родныя станицы вмѣстѣ со своими «маштаками» [1]): стыдно явиться пѣшимъ.

Все это ясно представлялось Петрову и его товарищамъ, и командировка не могла ихъ прельщать. Но дѣлать было нечего,—воля начальства: приказываютъ—надо итти, отказываться нельзя и не приходится. Къ тому же казаки надѣялись заблаговременно вернуться въ Гульчу изъ Кашгара, чтобы успѣть отдохнуть самимъ и поправить лошадей послѣ труднаго зимняго похода, а затѣмъ со своими товарищами-сверстниками своевременно отправиться на родину на справныхъ коняхъ. Они также утѣшали себя пріятною надеждою скопить кое-что за эту командировку: авось, что нибудь перепадетъ отъ щедротъ ученыхъ путешественниковъ, тогда будетъ что привезти домой на хозяйственную нужду, будетъ на что купить лишній гостинецъ роднымъ, безъ чего какъ-то совѣстно показаться въ станицѣ.

Въ этой пріятной надеждѣ и стали казаки собираться, готовиться въ путь. На этотъ разъ, однако, казаки, какъ увидимъ ниже, жестоко ошиблись въ своихъ расчетахъ. На долю Петрова съ товарищами выпали не благодушные внимательные путешественники, умѣющіе цѣнить даровыя услуги прикомандированныхъ къ нимъ изъ милости и одолженія безотвѣтныхъ казаковъ, а жесткіе, черствые, крайне расчетливые и даже скаредные ученые нѣмцы, около которыхъ бѣдные казаки не только не могли поживиться ни одной полушкой, но, будучи безжалостно брошены въ глухихъ незнакомыхъ мѣстахъ, едва не погибли отъ голода и лишь кое-какъ добрались до родной земли, лишившись своихъ послѣднихъ кровныхъ пожитковъ и строевыхъ лошадей, т. е. вмѣсто ожидаемаго прибытка, разорились, и въ свои станицы къ роднымъ пенатамъ попали только тогда, когда ихъ сверстники успѣли прожить у себя дома почти цѣлый годъ.

Недолги казачьи сборы, немногосложны и незатѣйливы, по казачьей пословицѣ: «голому собраться—подпоясаться». У казаковъ и безъ того все было готово и въ исправности; стоило только отобрать запасные сапоги, запасное бѣлье, засунуть все это въ сѣдельную подушку и сѣдельный вьюкъ, что для старослужащаго казака было дѣломъ привычнымъ и много времени не требовало, а затѣмъ сдать лишнія вещи на храненіе товарищамъ-станичникамъ,—и готовъ казакъ хоть куда. Оставалось только затѣмъ засѣдлать коня, самому одѣться потеплѣе, забрать оружіе, захватить

[1]) Такъ казаки зовутъ своихъ приземистыхъ лошадокъ.

необходимый на первое время запасъ продовольствія для себя и ячменя для лошади,—«вотъ и вся недолга». Главная забота, чтобы лошади были здоровы да хорошо, прочно подкованы. И это послѣднее не трудно: въ сотнѣ есть свой кузнецъ, который успѣетъ перековать ихъ заново передъ самымъ выступленіемъ, лишь на дорогу про запасъ надо взять станъ новыхъ подковъ съ гвоздями. Словомъ, еще задолго до прибытія путешественниковъ въ Гульчу назначенные съ ними казаки были уже совершенно готовы.

Въ половинѣ января 1898 года, прибыли, наконецъ, и путешественники, гг. Гольдереръ и Футтереръ, въ сопровожденіи слуги нѣмца (повара), по фамиліи Бокъ, и съ довольно значительнымъ транспортомъ. Имъ отвели квартиру въ помѣщеніи интендантскаго чиновника. Отъѣздъ свой изъ Гульчи путешественники назначили на 18-е января. Изготовились въ путь-дорогу и казаки.

Взяли они съ собой по двѣ пары сапоговъ, по четыре пары бѣлья, по двое кожаныхъ новыхъ чембаръ, рубашки армячныя, новыя шинели, валенки, фуражки, теплыя шапки, винтовки и шашки, да получили по 30 боевыхъ патроновъ на винтовку.

Командиръ сотни выдалъ Петрову, какъ старшему, 60 рублей на путевое довольствіе людей и лошадей до Кашгара и обратно до Гульчи, при этомъ указалъ, какъ надо записывать расходъ денегъ въ выданную тетрадку. Затѣмъ, напомнивъ имъ, что надо беречь лошадей, есаулъ Ч. сдѣлалъ имъ такого рода предостереженіе:

— Смотрите, ребята, служите, какъ слѣдуетъ, будьте приличны, скромны, вѣжливы, слушайтесь нѣмцевъ, исполняйте всѣ ихъ приказанія, чтобы на васъ не жаловались. А въ случаѣ чего, придете въ Кашгаръ, они заявятъ на васъ жалобу консулу, тотъ черезъ командующаго войсками напишетъ въ полкъ, что вы вели себя дорогой нехорошо; ну, и будетъ непріятность и вамъ и мнѣ. Смотрите же, ведите себя хорошенько!

— Постараемся, ваше высокородіе!—отвѣчали казаки.

— Ну, съ Богомъ! Ступайте, явитесь къ путешественникамъ.

И казаки отправились къ нѣмцамъ на квартиру; въ комнату къ нимъ вошелъ лишь старшій Петровъ.

— Честь имѣю явиться къ вашему высокородію, — отрапортовалъ онъ, по-военному входя,—назначенъ въ ваше распоряженіе съ двумя казаками.

— Хорошо, братецъ! Сегодня поѣдемъ,—проговорилъ г. Гольдереръ.

— Ты что же старшій?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше высокородіе!

На этомъ представленіе и кончилось. Никакихъ приказаній тутъ пока путешественники казакамъ не дали.

Тѣмъ временемъ прибыли возчики сарты и принялись вьючить на своихъ лошадей вещи и багажъ путешественниковъ въ тюкахъ

и ящикахъ, обернутыхъ въ кошмы и прочно увязанныхъ веревками.

Но вотъ багажъ завьюченъ, и караванъ готовъ къ выступленію. Г. Гольдереръ, начальникъ экспедиціи, приказалъ Петрову назначить одного изъ казаковъ для сопровожденія обоза, а остальнымъ двумъ ѣхать вмѣстѣ съ ними. Съ обозомъ поѣхалъ Япіевъ.

Въ полдень 18-го января ученая нѣмецкая экспедиція съ своимъ транспортомъ изъ 25-ти вьючныхъ лошадей, не считая верховыхъ и заводныхъ, выступила изъ укрѣпленія Гульчи по дорогѣ въ Кашгаръ.

Начался трудный, полный лишеній и опасностей путь по горнымъ едва доступнымъ тропинкамъ. При 25-ти-градусномъ холодѣ приходилось тонуть, вязнуть, окунаться, барахтаться въ глубокихъ снѣгахъ, заполнявшихъ горные ущелья и овраги, съ величайшей осторожностью пробираться по скользкимъ обледенѣлымъ карнизамъ, рискуя ежеминутно при каждомъ невѣрномъ шагѣ своемъ или лошади сорваться и полетѣть въ пропасть; съ неимовѣрными усиліями взбираться на крутые подъемы и почти отвѣсные перевалы, поднимаясь на значительную высоту съ разрѣженнымъ горнымъ воздухомъ, затрудняющимъ дыханіе людей и лошадей, а затѣмъ вновь спускаться, сползать съ этихъ переваловъ въ глубокія долины и ущелья, переправляться въ бродъ и по наслоившемуся льду черезъ быстрые горные потоки и рѣчки и т. п. Всѣхъ трудностей пути и не перечесть.

Изъ описаній Свенъ-Хедина и другихъ многочисленныхъ путешественниковъ по этимъ странамъ извѣстно, какъ трудны и опасны особенно зимніе переходы и странствія въ этихъ горныхъ мѣстахъ. Поэтому вполнѣ понятно, что должны были вынести наши казаки Петровъ, Япіевъ и Койбагаровъ, конвоируя черезъ Алай нѣмецкихъ ученыхъ путешественниковъ. Имъ не только приходилось заботиться о себѣ, о своихъ лошадяхъ, но и о путешественникахъ, объ ихъ относительныхъ удобствахъ, объ ихъ безопасности. Послѣ трудныхъ утомительныхъ переходовъ, прійдя на ночлегъ, на стоянку, они не могли въ полной мѣрѣ воспользоваться отдыхомъ, а должны были прежде всего приложить немало заботъ и труда къ устройству бивака для господъ и каравана. Въ то же время они должны были быть постоянно насторожѣ, чтобы предотвратить могущую явиться опасность. Господа нѣмцы на первыхъ же порахъ превратили казаковъ изъ конвоировъ въ своихъ денщиковъ, въ свою личную прислугу, не избавляя ихъ въ то же время отъ несенія другихъ обязанностей по охраненію цѣлости каравана; впослѣдствіи же они прямо обратили русскихъ воиновъ въ чернорабочихъ, взваливъ на ихъ плечи еще и другія многочисленныя работы по экспедиціи.

Казаки безропотно несли выпавшую на ихъ долю службу, добросовѣстно исполняли свои обязанности, дѣлали все, что имъ ни ука-

зывалось. Помня наказъ своего сотеннаго командира, они безпрекословно исполняли всѣ приказанія ученыхъ изслѣдователей Азіи, хотя, можетъ быть, это имъ и претило въ душѣ. Имъ, привыкшимъ подчиняться лишь своимъ офицерамъ, могло казаться не совсѣмъ ловкимъ, не совсѣмъ удобнымъ находиться въ безусловномъ подчиненіи у какихъ-то неизвѣстныхъ господъ въ штатскомъ платьѣ и, состоя на царской службѣ, исполнять приказанія не своихъ прямыхъ начальниковъ-офицеровъ, а совершенно посторроннихъ, чуждыхъ имъ лицъ, да еще не изъ «нашинской земли», иностранцевъ, нѣмцевъ, которыхъ они, изучая ремесло казачьей службы, привыкли считать недругами, непріятелями своего русскаго царя-батюшки. Тѣмъ болѣе казакамъ должно было казаться обиднымъ послѣдующее пренебрежительное отношеніе къ нимъ и грубое обращеніе съ ними гг. путешественниковъ, какого казаки, по ихъ собственному признанію, никогда не видѣли и не испытывали въ полку отъ своихъ офицеровъ.

На пути отъ Гульчи до Кашгара караванъ германскихъ путешественниковъ дѣлалъ обыкновенно небольшіе переходы, около 20-ти верстъ. Съ ночлеговъ поднимались, смотря по погодѣ, обыкновенно часовъ въ 6—8 утра, а останавливались или приходили на ночлегъ лишь къ вечеру. Гг. Футтереръ и Гольдереръ въ сопровожденія Петрова, Койбагарова, нѣмца слуги Бока и особо нанятаго переводчика выходили съ мѣстъ остановокъ раньше, а обозъ съ Япіевымъ позднѣе. Футтереръ на мѣстахъ остановокъ собиралъ камни, минералы, измѣрялъ высоту горъ, снималъ фотографіи, Гольдереръ охотился на птицъ и звѣрей и собиралъ насѣкомыхъ.

По приходѣ на ночлегъ казаки разсѣдлывали и убирали не только своихъ, но и всѣхъ нѣмецкихъ лошадей, кормили и ухаживали за ними, чистили винтовки и ружья, услуживали путешественникамъ, ставили для нихъ палатки, устроивали бивакъ, стлали для нихъ постели и убирали ихъ утромъ вмѣстѣ съ палатками, чистили нѣмцамъ сапоги и платье, сѣдлали лошадей себѣ и нѣмцамъ и выполняли всякія другія обязанности, свойственныя денщикамъ.

Отъ Гульчи до Кашгара казаки довольствовались собственнымъ попеченіемъ, на деньги, полученныя отъ командира сотни. Япіевъ исполнялъ у нихъ обязанности кашевара; спали всѣ трое вмѣстѣ. Охрана имущества на этомъ переходѣ была возложена на возчиковъ-сартовъ, нанятыхъ въ г. Ошѣ. За это время казаки не стоили путешественникамъ ни одного пфенига. Развѣ иногда нѣмецъ-поваръ Бокъ отдавалъ казакамъ остатки холоднаго господскаго кушанья, что, однако, было не часто: все готовилось въ мѣру, въ обрѣзъ, съ чисто нѣмецкой аккуратностью; приходилось развѣ облизывать тарелки. Къ тому же нѣмецкая стряпня не соотвѣтствовала

казачьему вкусу, плохо переваривалась нецивилизованнымъ казачьимъ желудкомъ. Да казаки были и не требовательны. Обезпеченные русскими казенными деньгами, они питались по-своему и не нуждались пока въ нѣмецкихъ объѣдкахъ: были довольны своимъ незатѣйливымъ варевомъ и не надоѣдали нѣмцамъ своею назойливостью въ этомъ отношеніи. Они старались лишь добросовѣстно нести службу, исполнять поручаемыя имъ работы и угодить чужимъ иностраннымъ господамъ, въ пріятной надеждѣ, что гг. ученые по всей справедливости оцѣнятъ ихъ даровую службу, и отъ просвѣщенныхъ путешественниковъ перепадетъ имъ за ихъ труды и лишенія болѣе или менѣе щедрое вознагражденіе, болѣе существенное, чѣмъ пустая словесная благодарность.

Уже не разъ во время утомительныхъ, тоскливыхъ переходовъ и на остановкахъ строили казаки свои предположенія объ обратномъ возвращеніи въ Гульчу и о томъ, въ какую сумму оцѣнятъ путешественники ихъ казачью службу, сколько русскихъ рублей отвалятъ имъ отъ своей нѣмецкой благостыни. Въ казачьемъ воображеніи уже заранѣе рисовались тѣ предметы, которые можно будетъ купить на эти деньги въ Кашгарѣ у китайцевъ или въ Маргеланѣ у сартовъ для подарковъ своимъ роднымъ, когда въ маѣ мѣсяцѣ пойдутъ казаки со службы домой на родину. Но мечтамъ и предположеніямъ казаковъ не суждено было сбыться.

Просвѣщенные путешественники, г.г. Гольдереръ и Футтереръ, по-своему оцѣнивали казачью службу въ своей экспедиціи: исключительно со стороны даровщины, со стороны дешевизны и сокращенія путевыхъ расходовъ. Они были весьма довольны, что любезное русское начальство почтило ихъ ученость и ихъ ученое предпріятіе, изъ котораго, къ слову сказать, Россія не могла извлечь для себя никакой пользы,—дало имъ конвой изъ казаковъ, надежную охрану при путешествіи по глухимъ мѣстамъ центральной Азіи, надежныхъ, обязанныхъ присягой слугъ и при томъ даровыхъ. Послѣднее обстоятельство, то-есть даровщина, имѣло въ глазахъ нѣмцевъ особенную цѣну и привлекательность. Г.г. Гольдереръ и Футтереръ разсчитывали, что добродушное туркестанское начальство не откажетъ имъ и въ дальнѣйшемъ содѣйствіи: предоставитъ имъ эту надежную охрану и вѣрныхъ слугъ и на дальнѣйшій путь за Кашгаръ, въ срединный Китай, благодушно снабдитъ своихъ казаковъ въ достаточной мѣрѣ русскимъ серебромъ на продовольствіе и содержаніе ихъ съ лошадьми во все время путешествія черезъ Поднебесную имперію, какъ это любезно было сдѣлано на время слѣдованія отъ Гульчи до Кашгара. Повидимому, въ этихъ расчетахъ г.г. ученые нѣмцы за время дороги отъ Гульчи до Кашгара обращались съ сопровождавшими ихъ казаками весьма хорошо, оказывая имъ возможное снисхожденіе за неумѣлость или за встрѣчавшіяся упущенія, какъ бы стараясь

тѣмъ пріобрѣсти ихъ расположеніе и не подать имъ повода къ жалобамъ и неудовольствію на путешественниковъ. Г.г. Гольдереръ и Футтереръ, конечно, справедливо могли опасаться, что при дурномъ обращеніи съ казаками послѣдніе, по прибытіи въ городъ Кашгаръ, могутъ пожаловаться на это своему русскому консулу. Справедливость такой жалобы легко было провѣрить и установить простымъ опросомъ возчиковъ-сартовъ, и тогда, конечно, ученымъ нѣмцамъ, при всемъ къ нимъ уваженіи и благодушіи нашихъ властей, не видать бы больше казаковъ въ своемъ караванѣ. Эта причина, надо полагать, и заставляла нѣмцевъ сдерживаться въ обращеніи своемъ съ казаками и относиться къ нимъ до прибытія въ городъ Кашгаръ по-человѣчески. Зато за Кашгаромъ порядокъ этихъ отношеній круто измѣняется и ухудшается по мѣрѣ углубленія въ Китай.

Послѣ перенесенныхъ трудовъ и лишеній зимняго пути черезъ перевалы горныхъ хребтовъ, караванъ на 16-й день хода, 2-го февраля, прибылъ въ городъ Кашгаръ.

Отсюда, по первоначальному распоряженію, казаки должны были вернуться въ Гульчу къ своей сотнѣ, и Петровъ съ товарищами уже думалъ послѣ небольшого отдыха пуститься въ обратный путь, на который только имъ и были выданы деньги. Но вдругъ русскій генеральный консулъ въ Кашгарѣ объявилъ имъ, что по приказанію командующаго войсками туркестанскаго округа они должны сопровождать германскихъ путешественниковъ Гольдерера и Футтерера и далѣе во внутренній Китай до Шанхая, откуда ихъ отправятъ въ Россію моремъ. Это извѣстіе непріятно поразило нашихъ казаковъ. Они не были приготовлены къ такому дальнему путешествію. У нихъ не было ни достаточнаго запаса бѣлья, ни обуви, ни одежды, ни денегъ на возобновленіе этихъ предметовъ. При всемъ томъ продленіе командировки отдаляло для нихъ на неопредѣленное время срокъ возвращенія на родину. Но дѣлать было нечего. Казаки принуждены были примириться съ непріятной мыслью о новомъ тяжеломъ путешествіи и объ отдаленіи свиданія съ родными. Въ то же время Петровъ и его товарищи все еще не теряли надежды получить отъ путешественниковъ приличное вознагражденіе за понесенные труды, а тѣмъ болѣе за предстоящій дальній путь, а слѣдовательно принести съ собой въ хозяйство большую подмогу.

Объявляя казакамъ о продленіи ихъ командировки, русскій консулъ въ Кашгарѣ вмѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ ихъ, что все довольствіе какъ на нихъ, такъ и на лошадей, во время дальнѣйшаго пути они будутъ получать отъ г.г. путешественниковъ, на счетъ которыхъ казаки будутъ перевезены и моремъ въ Россію. Такія условія для г.г. Гольдерера и Футтерера едва ли тоже могли показаться пріятными. Все это заставляло ихъ раскошелиться, а

они, по всей вѣроятности, разсчитывали не только на даровыхъ работниковъ, но и на то, чтобы и содержались эти работники на русскій счетъ, не требуя отъ почтенныхъ ученыхъ ни копейки.

Въ Кашгарѣ германскіе путешественники пробыли десять дней, проведенныхъ въ приготовленіяхъ къ дальнему путешествію какъ въ отношеніи заготовленія необходимыхъ запасовъ продовольствія, такъ и въ отношеніи пріисканія нужныхъ перевозочныхъ средствъ. Здѣсь же путешественники наняли новаго переводчика, могущаго изъясняться по-китайски. Это былъ русскій мѣщанинъ Соболевъ. Жалованье ему по договору было назначено по 80 рублей въ мѣсяцъ.

Во время пребыванія въ городѣ Кашгарѣ до выступленія въ дальнѣйшій путь наши казаки продолжали довольствоваться собственными средствами на тѣ деньги, что были получены ими отъ командира сотни въ Гульчѣ, такъ что изъ 60 рублей предъ выступленіемъ изъ Кашгара у нихъ осталось всего девять рублей, которые Петровъ, изъ опасенія утраты, поспѣшилъ сдать на храненіе г. Гольдереру.

Изъ города Кашгара экспедиція выступила 12-го февраля на городъ Аксу и далѣе въ центральный Китай. Порядокъ движенія каравана былъ такой же, какъ и раньше отъ Гульчи, съ тою только разницей, что тяжести везлись то на арбахъ, то вьюкомъ на верблюдахъ, въ зависимости отъ характера проходимой мѣстности.

Отъ города Турфана съ обозомъ, по приказанію Гольдерера, ѣхалъ уже казакъ Петровъ, а Япіевъ сопровождалъ г. Футтерера.

Не доѣзжая города Хами, у казака Петрова пала его собственная строевая лошадь. Такимъ образомъ онъ оказался пѣшимъ и лишь по временамъ, съ особаго разрѣшенія путешественниковъ, пользовался принадлежащей имъ заводной лошадью.

По выходѣ изъ Кашгара нѣмецкіе путешественники окончательно забрали казаковъ въ свои руки и весьма круто измѣнили свое обхожденіе съ ними. Здѣсь они съ полной откровенностью проявили свой нравъ, свое просвѣщенное чисто нѣмецкое отношеніе къ подчиненнымъ имъ временно нижнимъ чинамъ, свою культурность и гуманность. Они теперь уже не считали болѣе нужнымъ церемониться съ казаками: нечего было уже бояться жалобъ консулу. Консульство осталось сзади, и экспедиція съ каждымъ днемъ удалялась отъ него дальше и дальше, углубляясь все болѣе въ глушь Китая; до другого же консульства было еще очень далеко, не скоро доберешься, да казаки объ немъ и не знали. Чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе казаковъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, работа все увеличивалась, прибывала, а г.г. нѣмцы становились все требовательнѣе, настойчивѣе и грубѣе. Теперь уже не было той снисходительности, какая наблюдалась во время пути до Кашгара;

ничто уже не проходило даромъ, безнаказанно—всякая вина была виновата. За малѣйшую оплошность, малѣйшій недосмотръ или упущеніе нѣмцы яростно набрасывались на казаковъ съ криками и ругательствами. Кромѣ обязанностей вѣстовыхъ и денщиковъ, казакамъ было уже поручено сниманіе шкурокъ съ убиваемыхъ дорогой звѣрей и птицъ, укладка ихъ и собираемыхъ камней въ ящики, на дневкахъ казаки должны были, кромѣ того, сопровождать ученыхъ на охоту, собирать камни, топливо и т. п. Казаки попрежнему исполняли все безпрекословно.

Обращеніе просвѣщенныхъ путешественниковъ и со своими наемными служащими: переводчиками, возчиками, проводниками, погонщиками, также не отличалось особенною гуманностью и мягкостью. Даже эти простые, полудикіе люди, не избалованные у себя дома деликатнымъ обращеніемъ, не могли примириться съ нѣмецкимъ обхожденіемъ, не могли долго ужиться съ просвѣщенными путешественниками, часто оставляли караванъ и уходили.

Нанятый въ городѣ Кашгарѣ переводчикъ Соболевъ дошелъ лишь до города Су-чжоу, куда экспедиція прибыла 22-го мая, а вышла далѣе на Ланчжоу 3-го іюня. Соболевъ, въ качествѣ переводчика, служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ путешественниковъ съ мѣстнымъ китайскимъ населеніемъ какъ во время пути, такъ и на мѣстахъ остановокъ. Онъ велъ переговоры съ извозчиками и продавцами, производилъ съ ними расчеты за перевозъ имущества и за купленные у нихъ продукты: хлѣбъ, мясо, фуражъ и т. п. Сами нѣмцы, не зная китайскаго языка, не могли бы этого сдѣлать безъ посторонней помощи, а между тѣмъ они крайне недовѣрчиво и подозрительно относились къ Соболеву, ни въ чемъ не довѣряли ему. Расчетливымъ нѣмцамъ все казалось, что Соболевъ обманываетъ, обсчитываетъ, обираетъ ихъ, наживается на ихъ счетъ при закупкахъ и при расчетахъ съ китайцами. Всякій разъ, при подобныхъ расчетахъ, ученые нѣмцы съ отборною бранью накидывались на своего переводчика, награждая его всевозможными нелестными эпитетами. Особенно въ этомъ направленіи отличался г. Гольдереръ. Дѣло, однако, не всегда ограничивалось одною руганью. Однажды г. Гольдереръ въ ярости бросилъ Соболеву въ лицо тарелку съ горячимъ супомъ.

Долго переносилъ Соболевъ терпѣливо подобное издѣвательство, но наконецъ не выдержалъ и, какъ свободный человѣкъ, ничѣмъ съ нѣмцами не связанный, онъ не захотѣлъ переносить дольше всевозможныя оскорбленія, выслушивать грубую нѣмецкую брань, подчиняться деспотическому командованію путешественниковъ и рѣшилъ оставить ихъ, прослуживъ у нихъ около $3^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ.

— Богъ съ ними и съ ихъ деньгами,—говорилъ онъ казакамъ, покидая нѣмецкій караванъ и возвращаясь въ городъ Кашгаръ:— коли они обращаются съ людьми, какъ съ собаками.

Такъ охарактеризовалъ нѣмецкую гуманность этотъ простой невзыскательный человѣкъ, не привыкшій вообще, а тѣмъ болѣе въ Азіи, въ средѣ полудикаго населенія, къ особенно деликатному обращенію. Не легка, слѣдовательно, была служба въ нѣмецкомъ караванѣ, если уже и такому человѣку она показалась невыносимой, несмотря на хорошую плату.

Покидая караванъ, Соболевъ, однако, не захотѣлъ оставить путешественниковъ въ безпомощномъ состояніи и нашелъ имъ вмѣсто себя другого переводчика-сарта, который прослужилъ еще меньше, всего съ мѣсяцъ, дойдя съ путешественниками лишь до г. Синина, куда экспедиція прибыла 30-го іюня.

Если такъ грубо путешественники обходились съ переводчиками, людьми свободными, могущими ихъ оставить во всякое время, и безъ услугъ которыхъ они, не зная мѣстнаго языка, могли обходиться съ большимъ трудомъ, то ужъ обращеніе ихъ съ извозчиками, погонщиками, а тѣмъ болѣе съ казаками, не отличалось, понятно, большею сдержанностью.

Положеніе послѣднихъ было рѣшительно безвыходное. Заведенные въ глухія, незнакомыя мѣста, казаки не могли покинуть каравана, если бы даже и захотѣли, да и не имѣли на то права, такъ какъ обязаны были служить при путешественникахъ по приказанію своего начальства; обратиться съ жалобой некуда и не къ кому. Казаки находились вполнѣ во власти нѣмцевъ, которые, пользуясь ихъ беззащитностью, обратили ихъ въ простыхъ рабочихъ экспедиціи, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что казаки отвѣчали не только за себя, но и за всѣхъ наемныхъ возчиковъ и проводниковъ, за цѣлость имущества и безопасность каравана.

Отъ чрезмѣрнаго изнуренія или отъ другихъ какихъ причинъ, одинъ изъ казаковъ, Койбагаровъ, заболѣлъ и не могъ уже нести никакой службы, вся тяжесть которой, такимъ образомъ, легла на Петрова и Япіева, принужденныхъ работать, что называется, не покладая рукъ. На ихъ обязанности лежала постановка и уборка палатокъ, разгрузка и нагрузка имущества на арбы или на вьюки, чистка оружія, уходъ за скотомъ, стирка и починка бѣлья, исправленіе сбруи и амуниціи каравана, сдираніе шкурокъ съ убиваемой дичи, звѣрей и птицъ, собираніе и укладка въ ящики камней и минераловъ, приготовленіе пищи и т. п. Естественно, что всѣ эти работы, сплошь и рядомъ непосильныя для двухъ человѣкъ, исполнялись казаками въ прямой ущербъ конвойной и караульной службѣ; а между тѣмъ гг. ученые требовали отъ нихъ усиленной охраны караваннаго имущества. Малѣйшій недосмотръ за возчиками, всякая ничтожная пропажа куска хлѣба или сахара, вызывала цѣлую бурю. Гг. ученые яростно нападали на беззащитныхъ казаковъ, особенно г. Гольдереръ: даже почернѣетъ весь отъ злости. На Петрова и Япіева изливались цѣлые потоки крѣпкой нѣмецкой брани

и самыхъ отборныхъ ругательствъ, сопровождаемыхъ всевозможными угрозами и даже устрашеніемъ высочайшимъ именемъ государя императора.

— Я буду жаловаться на васъ государю императору, что вы — лѣнтяи, негодяи, не хотите служить, не хотите дѣлать, что вамъ приказываютъ! — повторялъ всякій разъ г. Гольдереръ.

На первыхъ порахъ казаки были просто ошеломлены, поражены подобнымъ обращеніемъ: ничего подобнаго до сихъ поръ у себя въ полку имъ ни испытать, ни слышать не приходилось, съ ними никогда такъ не обращались въ полку ихъ непосредственные начальники, офицеры, а тутъ приходилось переносить грубое поношеніе и издѣвательство отъ совершенно чуждыхъ людей, отъ чужестранцевъ; но затѣмъ поневолѣ прислушались, попривыкли къ нѣмецкой брани, что называется, обтерлись, примирились со своей долей, по пословицѣ: «терпи казакъ — атаманомъ будешь». Въ общемъ они находили свое положеніе сноснымъ, еще можно было ѣхать: кормили пока ихъ и ихъ лошадей хорошо.

При такихъ обстоятельствахъ былъ пройденъ путь до г. Синина. Отсюда больной Койбагаровъ былъ отправленъ съ транспортомъ собранныхъ коллекцій прямо въ г. Шанхай; экспедиція же, выступивъ 4-го іюля изъ Синина, направилась къ озеру Кукунору, оттуда на юго-востокъ къ р. Хуанъ-хэ и далѣе къ Шанхаю. Лошадь казака Койбагарова осталась при караванѣ, и на ней поѣхалъ Петровъ.

Предстоялъ длинный пяти или шестимѣсячный путь черезъ Тибетъ. Отсюда путешественники передвиженіе своего каравана рѣшили организовать совершенно иначе. Въ видахъ экономіи, они вмѣсто найма возчиковъ предпочли обзавестись собственнымъ обозомъ, перевозить свое имущество на собственныхъ вьюкахъ. Съ этою цѣлью, сдѣлавъ три перехода отъ г. Синина и прійдя въ г. Донкуръ (Дангеръ-Тинъ) 6-го іюля, гг. Гольдереръ и Футтереръ пріобрѣли 42 яка съ вьючными принадлежностями и наняли къ нимъ 8 человѣкъ погонщиковъ-китайцевъ съ платою каждому на наши деньги около 12 рублей за весь переходъ черезъ степь.

Обзаведеніе экспедиціи собственнымъ вьючнымъ скотомъ, несомнѣнно, было весьма выгодно для путешественниковъ, но зато для Петрова и Япіева это являлось новой тяжелой обузой. Приходилось еще болѣе усилить надзоръ за цѣлостью и безопасностью каравана, наблюдать и ухаживать за необычайнымъ, невиданнымъ скотомъ, слѣдить и досматривать за чужими, неизвѣстными людьми, погонщиками. Ко всему этому путь пролегалъ по дурной, гористой дорогѣ, яки отставали, вьюки съ нихъ часто сваливались; то и дѣло караванъ приходилось останавливать, перевьючивать и поправлять вьюки, поджидать отсталыхъ. Все это, въ свою очередь,

требовало со стороны казаковъ особеннаго вниманія, сноровки, а также и труда, тѣмъ болѣе, что нанятые погонщики ни слова не понимали ни по-русски, ни по-нѣмецки, казаки же и нѣмцы не разумѣли по-китайски, переводчика въ это время въ караванѣ не было. Добиться поэтому исполненія какого либо требованія отъ погонщиковъ было крайне трудно, требовало немалыхъ усилій, приходилось прибѣгать къ мимикѣ и пантомимамъ, дополняя ихъ примѣромъ и показомъ на дѣлѣ. При этомъ вся трудность объясненія съ погонщиками, особенно во время перехода, опять-таки ложилась по преимуществу на казаковъ Петрова и Япіева.

Невыгодность такого положенія еще болѣе усугублялась тѣмъ, что погонщики весьма часто мѣнялись: отставали дорогой, убѣгали, уходили, отказывались служить въ караванѣ; вмѣсто нихъ приходилось нанимать другихъ, которые такъ же черезъ нѣсколько дней скрывались безслѣдно. Однажды было такъ: всѣ погонщики разомъ собрались оставить караванъ и уже совсѣмъ было направились обратно домой, бросивъ даже заслуженную, заработанную плату. Не случилось этого, только благодаря двумъ сопровождавшимъ караванъ китайскимъ чиновникамъ, которымъ едва удалось уговорить обиженныхъ бѣдняковъ вернуться назадъ и остаться при караванѣ. Изъ этого эпизода можно заключить, что служба въ экспедиціи нѣмецкихъ путешественниковъ была не подъ силу даже такимъ невзыскательнымъ бѣднякамъ, каковы были китайцы погонщики. При частой смѣнѣ послѣднихъ и при необходимости объясняться съ ними посредствомъ показа, Петрову и Япіеву поневолѣ приходилось исполнять за нихъ значительную часть работы.

Къ непосильнымъ трудамъ, выпавшимъ на долю нашихъ казаковъ, съ началомъ движенія экспедиціи отъ озера Кукунора въ глубь Тибета присоединилось еще и голоданіе. По мѣрѣ углубленія каравана въ степь, выдача продовольственныхъ припасовъ какъ погонщикамъ и проводникамъ, такъ и казакамъ, мало-по-малу все сокращалась и сокращалась. Казачьи лошади Япіева и Койбагарова, уже совсѣмъ перестали получать зерновой фуражъ и довольствовались исключительно подножнымъ кормомъ, вслѣдствіе чего, конечно, при ежедневныхъ трудныхъ переходахъ подъ сѣдокомъ и вьюкомъ изнурились, исхудали и въ концѣ концовъ едва тащились. Скудость продовольствія служила такъ же одной изъ главныхъ причинъ отказа погонщиковъ отъ службы въ караванѣ. Сами казаки такъ же довольствовались весьма скудно и при томъ не совсѣмъ обычнымъ способомъ. Имъ выдавалось лишь одно мясо, преимущественно отъ дикихъ лошадей, которыхъ случалось убивать по дорогѣ. Мясо это, однако, скоро имъ опротивѣло, хлѣба же печенаго или сухарей имъ вовсе не давали; вмѣсто того отпускали немного муки, изъ которой они дѣлали китайскую «цамбу»: брали горсть или двѣ муки, разбалтывали или замѣшивали ее въ горячей

водѣ или чаѣ до степени жидкаго тѣста или густой болтушки и ѣли прямо руками. Отъ непривычки ѣсть такое полусырое тѣсто казакамъ на первыхъ порахъ дѣлалось дурно, противная необычная снѣдь вызывала тошноту и рвоту; но дѣлать было нечего: сварить что либо изъ муки въ родѣ лапши или клецокъ—нельзя, некогда и не въ чѣмъ, да нѣмцы и не позволяли: много, молъ, муки для этого надо. Разъ какъ-то погонщики попробовали было варить, такъ ихъ разогнали нагайками.

Пытались было казаки нѣсколько разъ обращаться къ великодушію и доброму сердцу гг. ученыхъ, что они не могутъ такъ питаться, что они голодаютъ и могутъ заболѣть; пробовали просить давать имъ хоть немного хлѣба, увеличить отпускъ муки и другихъ припасовъ. Но напрасно! Мольбы казаковъ не привели ни къ чему. Ученые нѣмцы не вняли справедливымъ жалобамъ и не захотѣли увеличить суточную дачу продуктовъ.

— Вамъ хлѣба?—вопрошалъ казаковъ г. Гольдереръ.

— Такъ точно, ваше высокородіе!

— Вотъ чего захотѣли! Будьте довольны, что вамъ даютъ. Гдѣ же взять вамъ хлѣба-то? Вамъ хлѣбъ отдать, а самимъ безъ хлѣба остаться? Такъ, что ли?

— Никакъ нѣтъ! И на васъ, мы полагаемъ, хватитъ, намъ двумъ много не потребуется.

— Ну, это не ваше дѣло разсуждать, а хлѣба вы не получите. Вамъ дать, такъ и погонщики потребуютъ, — говорилъ г. Гольдереръ.

— Не потребуютъ, ваше высокородіе, — они къ «цамбѣ» привычны, а насъ отъ нея мутитъ.

— Ну, вотъ еще нѣжности какія!

— Такъ хоть муки прибавьте, давайте побольше, да варить что нибудь изъ нея позвольте!

— И этого нельзя. Муки лишней нѣтъ. Да вы и не заслуживаете. Вы какъ служите?

— Стараемся по силѣ возможности.

— Стараетесь,—это видно. Лѣнитесь, совсѣмъ не смотрите за багажемъ. Будете такъ служить, такъ и совсѣмъ не буду ничего давать.

— А мы же откуда возьмемъ? Такъ невозможно. Не съ голоду же намъ пропадать.

— Ну, не разсуждать! Сказалъ, больше не получите,—и безъ того на дорогу не хватитъ,—закончилъ г. Гольдереръ.

И казаки принуждены были отойти, не солоно хлебавши.

Опасенія нѣмцевъ, что взятыхъ запасовъ не хватитъ на дорогу, были совершенно излишни: на 42-хъ якахъ везлось изрядное количество печенаго хлѣба въ видѣ небольшихъ булочекъ и нѣсколько мѣшковъ муки, которой, кромѣ того, можно было купить

сколько угодно у калмыковъ, по ауламъ которыхъ экспедиція проходила. Здѣсь, повидимому, играло роль не опасеніе остаться безъ припасовъ, а просто излишняя расчетливость, неумѣстная скаредность. Или же, можетъ быть, просвѣщенные нѣмцы находили опредѣленную казакамъ дачу вполнѣ достаточной, претензію же ихъ признавали привередничаніемъ, на которое не стоило обращать вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, стоило ли церемониться съ русскими казаками, съ этими варварами, и особенно заботиться объ ихъ продовольствіи: если они тамъ у себя ѣдятъ сальныя свѣчи, то уже здѣсь въ пустынѣ, конечно, сырое тѣсто или мучныя болтушки должны имъ казаться чистымъ лакомствомъ. Но какъ бы то ни было, гг. ученые блюли свои выгоды, а у казаковъ животы подводило отъ противной цамбы. Съ такой ѣды, понятно, не раздобрѣешь. Гдѣ ужъ!—не до жиру, быть бы лишь живу.

И дѣйствительно, отъ непосильной работы при такомъ скудномъ довольствіи казаки совсѣмъ отощали, надорвались, обезсилѣли, работа не спорилась, всякое дѣло валилось изъ рукъ, а количество работы между тѣмъ не убавлялось, надо было въ то же время зорко слѣдить за разнохарактернымъ, часто мѣняющимся составомъ проводниковъ и погонщиковъ, которые съ голодухи стали воровать у путешественниковъ хлѣбъ и другіе продукты; надо было смотрѣть за массой приходящихъ на бивакъ калмыковъ, близъ юртъ которыхъ караванъ останавливался. Полуголоднымъ, обезсиленнымъ казакамъ, обремененнымъ постоянной работой и во время пути и во время остановокъ, не было никакой возможности услѣдить за всѣми: и за погонщиками и за полудикими посѣтителями, за что имъ неупустительно и влетало отъ строгихъ нѣмцевъ.

При такихъ обстоятельствахъ экспедиція гг. Гольдерера и Футтерера слѣдовала отъ озера Кукунора до 24-го сентября, въ теченіе болѣе $2^1/_2$ мѣсяцевъ, и успѣла далеко углубиться въ Срединный Китай, за рѣку Хуанъ-хэ.

24-го сентября, по приходѣ на мѣсто остановки, путешественники захотѣли подарить одному изъ калмыцкихъ начальниковъ за какую-то услугу ружье-магазинку, изъ числа имѣвшихся на этотъ предметъ въ запасѣ винтовокъ. Дарили они магазинки и раньше попутнымъ жителямъ за сопровожденіе каравана, за показываніе дороги и другія услуги. И на этотъ разъ г. Гольдереръ приказалъ Боку достать изъ тюка одну винтовку.

Когда тюкъ былъ развязанъ, распакованъ, то въ ящикѣ нѣмцы по своему счету не досчитались одного ружья. Въ послѣдній разъ этотъ тюкъ съ оружіемъ развязывался въ Донкерѣ, чтобы также достать одну винтовку для подарка услужливому туземцу. Было это, слѣдовательно, около $2^1/_2$ мѣсяцевъ тому назадъ. И въ то время, какъ и на этотъ разъ, винтовку изъ ящика доставалъ нѣмецъ Бокъ;

онъ же ихъ обернулъ въ кошмы и прочно увязалъ веревками. Какъ и когда могла пропасть винтовка изъ тюка? Кѣмъ похищена? Неизвѣстно. Только вся бѣда обрушилась на головы бѣдныхъ казаковъ Петрова и Яшева. Ихъ обвинили въ недосмотрѣ и нерадѣніи. На нихъ постарались выместить всю злость и досаду за обнаруженную пропажу. Г. Гольдерерь съ бранью и угрозами набросился на Петрова, котораго считалъ главнымъ виновникомъ этого недосмотра, такъ какъ онъ ѣхалъ съ обозомъ.

— Это ты, ты виноватъ!—кричалъ онъ на оторопѣвшаго Петрова.

— Послушайте, чѣмъ же?—оправдывался послѣдній:—я никогда не трогалъ этого тюка: завертывалъ и завязывалъ его всегда Бокъ.

— Ты не смотрѣлъ за тюкомъ! Ѣхалъ съ обозомъ и не видѣлъ, какъ онъ везется.

— Позвольте вамъ доложить: дорогой винтовка пропасть не могла,—тюкъ былъ цѣлъ.

— Тюкъ цѣлъ, а одной винтовки нѣтъ. Куда жъ она могла дѣться?

— Не могу знать! Можетъ быть, вы обсчитались. Кому нибудь подарили, да теперь забыли.

— Я тебѣ позабуду! Погоди, будешь помнить! Вотъ пожалуюсь на васъ государю императору, такъ узнаете, какъ надо служить!

— Что жъ, жалуйтесь, воля ваша, только это напрасно! За что же?

— Какъ за что? Не хотите ничего дѣлать, не хотите ни за чѣмъ смотрѣть: все у насъ пропадаетъ, разворовываютъ.

— Помилуйте, какъ же не хотимъ? Развѣ мы не служимъ, не работаемъ? Все дѣлаемъ, что приказываете! Только намъ вдвоемъ за всѣмъ не усмотрѣть. Работать и караулить... никакъ не возможно! Насъ двое, а погонщиковъ восьмеро, а тутъ вонъ еще орды сколько шляется. Да и скотина почти вся на нашихъ рукахъ. Гдѣ ужъ тутъ за всѣмъ усмотрѣть! Не разорваться! Не знаешь, за что и браться: то ли дѣло какое дѣлать, то ли за погонщиками, за скотиной смотрѣть, то ли станъ караулить! Дорогой идя, намаешься, намотаешься, на станцію придешь,—минуты нѣтъ свободной: то то надо обладить, то это надо исправить. День-то деньской умаешься страсть какъ! А тутъ и поѣсть нечего. Отъ цамбы-то веселой животики вотъ какъ подводитъ. Силушки нѣтъ. Ночь придетъ, радъ до мѣста добраться! Какой ужъ тутъ дозоръ! Не до дозора, хоть бы отдохнуть малость!

Г. Гольдерерь, однако, не сталъ слушать этихъ объясненій и разсужденій Петрова, а, продолжая неистово ругаться, ушелъ на охоту, приказавъ при этомъ Петрову снять шкурку съ какой-то

убитой птицы. Петрову пришлось уже докончить свои жалобы про себя, принимаясь за исполненіе вновь полученнаго приказанія. Но едва онъ приступилъ къ своей работѣ, какъ его позвалъ Япіевъ, который никакъ не могъ справиться одинъ съ постановкой палатки для путешественниковъ.

— Николай, пойди, помоги мнѣ поставить! Я одинъ не смогу!

И Николай, оставивъ обдираніе птицы, началъ вмѣстѣ съ товарищемъ разставлять палатку для ночлега господамъ.

Дѣло уже было къ вечеру. Пока они провозились и успѣли разставить палатку, вернулся съ охоты и г. Гольдерeръ. Увидѣвъ, что шкурка съ птицы еще не снята, онъ снова съ бранью набросился на Петрова.

— Что же это? Ты не хочешь исполнять моихъ приказаній, не хочешь дѣлать того, что тебѣ приказываютъ? Я вѣдь тебѣ сказалъ, чтобы ты снялъ шкурку съ птицы, а ты что же до сихъ поръ этого не сдѣлалъ?

— Виноватъ, ваше высокородіе, не успѣлъ. Не удалось снять: я помогалъ Япіеву ставить для васъ палатку, а безъ меня онъ не могъ управиться.

— Знать ничего не хочу. Лѣнтяи вы, негодяи! Вонъ отсюда сію же минуту туда, откуда пришли! Вы мнѣ не нужны. Обойдусь и безъ васъ. Убирайтесь сейчасъ же. Нѣтъ вамъ отъ меня ничего!— кипятился г. Гольдерeръ и тутъ же приказалъ своему слугѣ Боку не давать казакамъ ужина.

Казаки легли спать голодными, не поѣвши даже и своей противной цамбы, болтушки. Только уже поздно ночью Бокъ покормилъ ихъ потихоньку остатками мяса.

По началу казаки думали, что дѣло тѣмъ и окончится: г. Гольдерeръ погорячится, погорячится и успокоится, какъ это не разъ бывало и прежде. Но не тутъ-то было. На этотъ разъ дѣло приняло совершенно другой оборотъ: г. Гольдерeръ не успокоился и порѣшилъ отдѣлаться отъ казаковъ. Послѣ восьмимѣсячнаго неустаннаго труда, сопряженнаго съ путевыми невзгодами и лишеніями, Петровъ и Япіевъ были найдены не только совершенно негодными для экспедиціи людьми, но даже и излишними. Рано утромъ 25-го сентября имъ было приказано безъ чая и завтрака немедленно покинуть караванъ и ѣхать обратно туда, откуда пришли, при чемъ Петрову было указано взять, вмѣсто своей павшей, лошадь казака Койбагарова, отправленнаго съ коллекціями въ г. Шанхай. Ни просьбы самихъ казаковъ, ни погонщиковъ, которые, узнавъ, что казаковъ прогоняютъ, стали тоже просить за нихъ, ничто не могло тронуть, смягчить сердце разгнѣванныхъ просвѣщенныхъ путешественниковъ. Дѣло уже приняло нешуточный характеръ, не походило на простую, скоро преходящую вспышку, а являлось слѣдствіемъ окончательнаго, обдуманнаго рѣшенія. Тогда

Петровъ, все еще не теряя надежды остаться, напомнилъ Гольдереру:

— Какъ же намъ быть-то? Чѣмъ же мы будемъ питаться? У насъ нѣтъ ни копейки. Мы на первыхъ же порахъ пропадемъ съ голода.

— А намъ-то что!—отвѣчали нѣмцы:—намъ нѣтъ до этого никакого дѣла. Какъ хотите, такъ и поѣзжайте, только безъ лишнихъ разговоровъ убирайтесь поскорѣе изъ каравана. Вы намъ не нужны больше.

— Какъ же это такъ? Вѣдь все же мы служили вамъ, хоть криво—непрямо, восемь мѣсяцевъ. Неужели такъ-таки ничего не заслужили?—пробовалъ усовѣщивать Петровъ гг. ученыхъ.—Сколько напастей вчужѣ испытали! Явите божескую милость, дайте хоть что нибудь на дорогу. Не пропадать же намъ съ голода по вашей милости. Завезли насъ Богъ знаетъ куда, да и бросаете такъ, какъ собакъ. Это ужъ совсѣмъ не по-божески!

Но и напоминаніе о Богѣ не тронуло гг. нѣмцевъ.

Г. Гольдереръ продолжалъ кипятиться и кричать, чтобы они убирались поскорѣе, хоть къ чорту.

— Ничего я вамъ не дамъ, ни копейки!—отказалъ онъ наотрѣзъ въ отвѣтъ на упрашиванія казаковъ.

— Позвольте намъ хоть какую нибудь бумагу, предписаніе, что ли, чтобы видно было, что вы насъ отъ себя отправляете, а то вѣдь начальство съ насъ спроситъ, по какой причинѣ мы воротились.

— И бумаги никакой вамъ не дамъ. Какъ знаете, такъ и отвѣчайте вашему начальству. Мнѣ-то что до этого за дѣло?—отвѣчалъ г. Гольдереръ.

Видя, что отъ нѣмцевъ ничего не добьешься, казаки обратились за содѣйствіемъ къ двумъ сопровождавшимъ караванъ китайскимъ чиновникамъ. Послѣдніе тутъ же на глазахъ нѣмцевъ написали казакамъ нѣчто въ родѣ проходного свидѣтельства или открытаго пропускного листа, назначили имъ въ проводники одного калмыка, давъ тѣмъ просвѣщеннымъ нѣмцамъ, называющимъ себя христіанами, первый урокъ человѣколюбія. Въ это время г. Гольдереръ возвратилъ Петрову девять рублей собственныхъ денегъ послѣдняго, сданныхъ въ Кашгарѣ на храненіе, и больше никакой милости не оказалъ, не сказалъ даже добраго участливаго слова, даже не приказалъ хоть бы въ послѣдній разъ на дорогу напоить бѣдняковъ чаемъ, не далъ имъ ни горсти муки, ни куска хлѣба. Таково нѣмецкое человѣколюбіе!

Казаки было просто ошеломлены, подавлены подобнымъ оборотомъ дѣла. Не вѣря до послѣдней минуты, что ихъ гонятъ изъ каравана серіозно послѣ того, какъ они прослужили при немъ болѣе восьми мѣсяцевъ, перенесли столько невзгодъ и лишеній, про-

шли чуть не черезъ весь Китай, Петровъ и Япіевъ съ ужасомъ думали о возвратномъ пути съ его трудностями, при томъ безъ всякихъ средствъ къ существованію. А тамъ, если благополучно доберутся, преодолѣвъ трудности длиннаго пути, надо держать отвѣтъ передъ начальствомъ: почему вернулись одни, отчего не довели путешественниковъ до конца? Можетъ быть, послѣдуетъ и наказаніе за невыполненное порученіе. Не веселыя думы одолѣвали тогда ихъ казачьи побѣдныя головы. Но дѣлать нечего: надо ѣхать, коли гонятъ. Даютъ—бери, а бьютъ—бѣги.

И вотъ, собравъ жалкіе остатки своихъ пожитковъ, Петровъ и Япіевъ засѣдлали и завьючили лошадей,—Петрову отдали лошадь Койбагарова,—распростились съ путешественниками, сѣли верхомъ и, наконецъ, все еще не вѣря своему безпричинному, безчеловѣчному изгнанію, обносившіеся за дорогу, ободранные, общарпанные, изнуренные, голодные, безъ денегъ и безъ малѣйшихъ запасовъ продовольствія, на изнуренныхъ, выбитыхъ, еле передвигавшихъ ноги лошадяхъ, пустились они въ обратный длинный путь въ сопровожденіи даннаго имъ проводника, а экспедиція выступила далѣе черезъ степь на Шанхай, до котораго оставалось еще пройти около 2½ мѣсяцевъ.

На первыхъ порахъ обратнаго пути казаки слѣдовали по калмыцкимъ кочевьямъ отъ аула къ аулу съ проводниками, которыхъ имъ давали вездѣ безпрекословно по предъявленіи даннаго имъ китайскими чиновниками открытаго листа. Питаясь, какъ и чѣмъ попало, они прошли степь по прямому направленію въ 5-ть сутокъ и 1-го октября вышли на городъ Гуй-дэ-тинъ. Здѣсь безвыходная нужда заставила Петрова и Япіева обратиться къ китайскимъ властямъ и заявить, что у нихъ нѣтъ средствъ на дальнѣйшее продовольствіе ни себя, ни лошадей. Китайскія власти вошли въ ихъ положеніе и выдали имъ 4 лана (унціи) серебра,—на наши деньги около 8 рублей. Съ этими ничтожными средствами Петровъ и Япіевъ прошли длинный путь до города Лянъ-чжоу, довольствуя себя и лошадей лишь впроголодь. Вслѣдствіе этого, не доходя двухъ станцій до означеннаго города, сдохла отъ изнуренія лошадь Япіева: казаки очутились еще въ худшемъ положеніи,—пришлось всѣ вещи и сѣдло завьючить на одну оставшуюся лошадь, а самимъ тащиться пѣшкомъ. Дорогой они попрежнему останавливались въ аулахъ у калмыковъ, которые и подкармливали ихъ своей незатѣйливой снѣдью.

По приходѣ въ Лянъ-чжоу у Петрова и Япіева уже не осталось ни одной копейки денегъ, вслѣдствіе чего продолжать путь было невозможно. Здѣсь казаки надумали было обратиться въ китайскую телеграфную контору, чтобы послать о себѣ извѣщеніе въ Россію, но въ конторѣ не знали русскаго языка и не могли имъ помочь. Тогда они обратились къ англичанамъ, но и тѣ ихъ не

поняли, а, можетъ быть, и не хотѣли понять. Наконецъ, ихъ направили къ китайскому начальнику, которому они чрезъ оказавшагося переводчика съ грѣхомъ пополамъ кое-какъ объяснили свое безвыходное положеніе. Китайскій начальникъ принялъ въ нихъ живѣйшее участіе, замѣтивъ при этомъ:

— Русскіе народъ хорошій,—нужно сдѣлать, чтобы имъ было хорошо.

Послѣ того китайскія власти въ Лянъ-чжоу сдѣлали распоряженіе, чтобы казакамъ отъ станціи до станціи давалась одна подвода съ проводникомъ, и, по мѣрѣ надобности, вплоть до города Урумчи отпускались бы деньги на путевые расходы. До города Хами казакамъ давали по одной верховой лошади.

Въ городѣ Хами заболѣла у казаковъ и послѣдняя ихъ строевая лошадь, принадлежавшая Койбагарову, и не могла уже нести на себѣ не только сѣдока, но и никакой тяжести, почему китайцы до самаго Урумчи давали имъ уже или двѣ верховыхъ лошади, или парную повозку съ проводникомъ, казачью лошадь вели въ поводу въ заводныхъ. Такимъ образомъ передвиженіе Петрова и Япіева было обезпечено. Китайцы вообще относились къ казакамъ хорошо, предупредительно, оказывали имъ возможное радушіе и гостепріимство. По собственному признанію казаковъ, по Китаю они тутъ проѣхали, какъ у себя дома. На обратное путешествіе до города Урумчи казаки употребили около трехъ мѣсяцевъ, перебравъ у китайцевъ на свое продовольствіе и путевые расходы 27½ ланъ серебра, около 50 рублей. На эту ничтожную сравнительно сумму на громадномъ пути казаки едва только могли поддерживать свое существованіе, не позволяя себѣ довольствоваться досыта, но и за то большое спасибо китайцамъ: иначе казаки едва ли донесли бы свои животы въ цѣлости.

13 декабря 1898 года, Петровъ и Япіевъ, наконецъ, были доставлены въ Урумчи. Здѣсь они явились къ русскому генеральному консулу, который, по словамъ казаковъ, обошелся съ ними, какъ отецъ: подробно разспросилъ ихъ о путешествіи, снабдилъ ихъ теплою одеждой, такъ какъ ихъ собственная уже вся истрепалась, далъ имъ денегъ на путевые расходы и на наемной подводѣ отправилъ ихъ черезъ Кульджу въ русскій пограничный городъ Джаркентъ, въ распоряженіе тамошняго начальника гарнизона. Больная лошадь Койбагарова за разбитостью и изнуреніемъ уже не могла итти дальше. Консулъ приказалъ продать ее, и она была продана въ Урумчи всего за 10 рублей 50 копеекъ.

Въ городъ Джаркентъ казаки Петровъ и Япіевъ прибыли лишь 27-го января 1899 года и здѣсь были прикомандированы къ 1-му сибирскому казачьему Ермака Тимоѳеевича полку. Здѣсь снятъ былъ съ нихъ первый формальный допросъ; ихъ обвиняли уже въ самовольномъ оставленіи экспедиціи и грозили преданіемъ суду.

Началась переписка. Съ наступленіемъ же весны и съ открытіемъ этапнаго движенія Петровъ и Япіевъ были препровождены черезъ Ташкентъ въ Новый Маргеланъ къ своему полку, откуда вслѣдъ затѣмъ, какъ выслужившіе обязательный срокъ службы, были уволены домой на льготу. Оружіе, винтовки и шашки казаки сохранили въ полной исправности, первыя сдали въ полкъ, а вторыя, какъ собственныя, увезли съ собой. Вся одежда, взятая ими съ собой въ дорогу, истрепалась: осталось лишь по 1 парѣ сапогъ, по парѣ бѣлья, ветхія армячныя рубашки да шинели съ фуражками. Вмѣстѣ съ тѣмъ казаки лишились и своихъ строевыхъ лошадей, погибшихъ отъ чрезмѣрнаго изнуренія. Такимъ образомъ, помимо понесенныхъ лишеній казаки потерпѣли значительный матеріальный ущербъ, который, понятно, тяжело долженъ отразиться на ихъ домашнемъ обиходѣ. Но казаки были рады тому, что цѣлыми добрались до дому: брошенные на произволъ судьбы безъ всякихъ средствъ, они легко могли погибнуть отъ голода вдали отъ родины, и только благодаря участливому отношенію китайцевъ, они остались живы и благополучно выбрались съ чужбины.

Такъ неудачно кончилась на этотъ разъ казачья командировка въ Китай съ нѣмецкими путешественниками.

Третій казакъ Койбагаровъ, заболѣвшій дорогой и отправленный изъ города Синина въ Шанхай съ коллекціями, оказался болѣе счастливымъ. Добравшись свободно до Ханькоу, онъ прожилъ здѣсь около трехъ мѣсяцевъ въ ожиданіи экспедиціи нѣмцевъ, а потомъ уже вмѣстѣ съ ней дошелъ до Шанхая. Отсюда его отправили на пароходѣ добровольнаго флота «Кострома» въ Одессу, а затѣмъ онъ по желѣзной дорогѣ въ концѣ марта 1899 года прибылъ въ Оренбургъ, гдѣ и явился къ войсковому начальству. У него оказались скопленными за время пути небольшія деньжонки. За павшихъ во время путешествія лошадей казакамъ выданы изъ полковыхъ суммъ деньги въ опредѣленномъ размѣрѣ, такимъ образомъ убытокъ, понесенный казаками, отчасти возмѣщался, хотя, по всей справедливости, возмѣщеніе казачьяго убытка слѣдовало бы отнести не на средства полка, а полностію на счетъ гг. путешественниковъ, на службѣ и по винѣ которыхъ потерпѣли казаки.

Поведеніе гг. Гольдерера и Футтерера въ данномъ случаѣ по отношенію къ казакамъ, даннымъ имъ въ видѣ особой милости и одолженія, говоритъ само за себя. Но, кажется, можно положительно сказать, что этотъ случай непозволительнаго безсердечія и жестокости къ участи людей, заведенныхъ въ глухія, отдаленныя и невѣдомыя мѣста, есть въ своемъ родѣ единственный въ исторіи изслѣдованія Средней Азіи.

Насъ здѣсь удивляетъ одно: почему мы, русскіе, стали такъ любезны и заботливы по отношенію къ иностраннымъ путешественникамъ, что съ полной готовностью предоставляемъ имъ воинскій

конвой во время путешествія по чуждымъ для насъ владѣніямъ. Дѣлается ли такая любезность другими государствами по отношенію къ русскимъ изслѣдователямъ, ну, хоть, напримѣръ, въ Индіи что ли или въ Африкѣ? Или это только мы такъ подобострастно услужливы? Почему же? Ужъ не потому ли, что у насъ есть такое дешевое войско, какъ казаки, которыхъ можно совать во всякія дыры? А вѣдь не грѣхъ бы ихъ и пожалѣть, поберечь: пригодятся для своихъ нуждъ, для болѣе важныхъ цѣлей, чѣмъ охрана каравановъ чуждыхъ ученыхъ, чѣмъ денщичья служба у иностранцевъ.

М. Л. Юдинъ.

КАДЕТЫ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

(Личныя воспоминанія).

ОСКОЛОЧЕКЪ молодости всякому пріятно вспомнить, хотя и трудно жилось при тѣхъ порядкахъ, которые существовали въ концѣ первой половины XIX вѣка. Педагогіи, какъ науки, не было; объ ней въ кадетскихъ корпусахъ даже не помышляли; насъ сѣкли, учили по программамъ въ классахъ и по уставамъ въ ротахъ. Выучивши, выпускали въ офицеры, распредѣляли въ полки и батареи, гдѣ мы въ свою очередь учили солдатъ не тому, что требуется на войнѣ, и въ это же время сами учились пить и въ карты играть.

Мало осталось живыхъ свидѣтелей кадетской жизни сороковыхъ годовъ; одни убиты на войнѣ, другіе умерли отъ ранъ и болѣзней, рѣдкимъ посчастливилось дожить до глубокой старости. Изъ этихъ стариковъ нѣкоторые стоятъ нынѣ на высшихъ ступеняхъ государственнаго управленія, а другіе теперь и сами причастны къ образованію юношества для военныхъ цѣлей.

«Бурса» Помяловскаго—ровесница кадетскимъ корпусамъ сороковыхъ годовъ. Въ то время не удивлялись, какъ воспитываютъ наше духовенство для нравственныхъ проповѣдей въ народѣ; никто не смѣлъ критиковать и ту систему, которая употреблялась для воспитанія дворянъ на всѣ поприща государственнаго служенія. Крымская война показала наши коренныя ошибки, и вотъ уже полвѣка мы стараемся исправить ихъ, поэтому полезно иногда напоминать, что было, что мы пережили, чтобы вновь къ этому не

возвращаться, а выбирать изъ него только то, что дѣйствительно разумно.

До одиннадцати лѣтъ я росъ въ деревнѣ, среди множества дворовыхъ мальчишекъ, на полной волѣ. Постоянно борьба, бабки, кулачки, купанье, бѣганье и вообще развитіе той физической силы, для которой теперь придумываются цѣлыя системы.

Въ 1841 году, мать моя привезла меня въ Петербургъ, гдѣ меня съ помощію большой протекціи зачислили экстренныкъ кандидатомъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Въ этотъ корпусъ принимали только потомственныхъ дворянъ, родители которыхъ не ниже полковничьяго чина.

Въ корпусъ меня отвезъ мой дядя, генералъ Панаевъ. Онъ представилъ меня въ неранжированную роту къ капитану Михаэлю· который его разспрашивалъ, подъ чьимъ я руководствомъ воспитывался дома, подъ женскимъ или подъ мужскимъ.

— Это для того, — пояснялъ Михаэль: — чтобы знать, обращаться ли съ нимъ мягко, по-женски, или быть иногда суровымъ и требовательнымъ.

Дядя когда-то самъ былъ кадетъ, понималъ, что если въ ротѣ 200 шалуновъ, то нельзя различать, съ которыми обращаться по-женски и съ которыми—по-мужски. Видѣлъ только, что Михаэль желаетъ втирать очки, какъ родителямъ, такъ и своему начальству. Въ Петербургѣ нѣкоторое время мнѣ пришлось жить у моихъ бабушекъ Воиновыхъ, бывшихъ фрейлинъ двора Екатерины Второй. По праздникамъ къ бабушкамъ приходили ихъ родственники кадеты, которые и подготовляли меня въ корпусъ. Они мнѣ говорили, что сначала ко мнѣ, какъ къ новичку, будутъ приставать и бить меня, но чтобы я отнюдь не жаловался, а всегда самъ расправлялся: «прямо въ носъ кулакомъ, чтобы кровь пошла!».

Учили меня и тому, что если кто передо мной нашалитъ что нибудь, и меня начальникъ будетъ спрашивать, кто это сдѣлалъ, то говорить: «не знаю». Если будутъ сѣчь или морить голодомъ, то все-таки никогда «не выдавай товарища». Крѣпко засѣли мнѣ эти уроки въ памяти, и я поступилъ въ корпусъ съ хорошой подготовкой.

Неранжированная рота была переполнена, всѣ кровати были заняты, и поэтому меня помѣстили въ отдѣльной комнатѣ вмѣстѣ съ черкесами, которыхъ было человѣкъ двадцать въ лезгинскихъ и черкесскихъ нарядахъ. Кровать мнѣ отвели рядомъ съ сыномъ Шамиля, знаменитаго имама и воителя на Кавказѣ. Шамиль былъ переведенъ въ 1-й кадетскій корпусъ изъ Александровскаго малолѣтняго корпуса, который помѣщался въ Царскомъ Селѣ. Въ малолѣтнемъ корпусѣ онъ пробылъ болѣе года, научился говорить порусски и усвоилъ кадетскую жизнь: лгать начальству, заступаться за товарищей и своихъ не выдавать. Словомъ, былъ онъ кадетомъ

обстрѣленнымъ и взялъ меня подъ свое покровительство. Онъ обладалъ силой и кошачей ловкостью, обижать меня не давалъ и очень быстро спроваживалъ тѣхъ озорниковъ, которые намѣрены были приставать ко мнѣ, какъ къ новичку. Дрался онъ отлично и руками, и ногами; а когда его одолѣвали, то другіе черкесы охотно за него заступались.

Черкесы нашей комнаты жили между собой дружно, любили бороться и иногда поднимали общую возню, въ которой и я участвовалъ. Съ моей деревенской подготовкой я не отставалъ отъ сыновъ Кавказа, и меня могъ бороть только одинъ лезгинъ Анджи-Оглы, который былъ старше всѣхъ насъ и попалъ въ неранжированную роту, кажется, только потому, что не зналъ русскаго языка.

Хотя игра и возня достаточно удовлетворяли накопленную энергію, но мнѣ все-таки хотѣлось показать, что я не сплошаю и на дѣлѣ, если ко мнѣ кто нибудь будетъ приставать. Присмотра за нашей комнатой почти не было; унтеръ-офицеры къ намъ назначались изъ старшихъ ротъ, гдѣ они и проводили свое свободное время, а дежурный офицеръ рѣдко заглядывалъ къ намъ. Удобствъ обижать новичка было много, но все-таки ко мнѣ не приставали, такъ что мнѣ это стало надоѣдать. Разъ проходитъ близко возлѣ меня какой-то кадетикъ, я его толкнулъ локтемъ, онъ обернулся и назвалъ меня «галанцемъ», такъ называли тѣхъ новичковъ, которые еще не успѣли надѣть кадетскую курточку и ходили въ своемъ платьѣ. За слово «галанецъ» я его—по носу! Кровь пошла, и онъ побѣжалъ жаловаться дежурному офицеру. Подошелъ ко мнѣ дежурный, я испугался, не зналъ, что говорить, но выручилъ Шамиль, онъ сказалъ дежурному, что Молчановъ меня билъ и щипалъ, а я нечаянно толкнулъ его въ носъ. Молчанова выпороли, а мнѣ сказали, чтобы я самъ не расправлялся, а если кто будетъ меня обижать, то чтобы я жаловался.

Молчановъ не только не имѣлъ на меня никакой злобы, но еще сказалъ мнѣ спасибо за то, что я его произвелъ въ ефрейторы. Оказалось, что въ неранжированной ротѣ не считался тотъ кадетомъ, котораго ни разу не высѣкли. Первая порка производила въ кадеты, вторая—въ ефрейторы, третья—въ унтеръ-офицеры и т. д., возвышаясь въ чинахъ; иные въ годъ и въ два, не имѣя 12 лѣтъ отъ роду, доходили до фельдмаршала, т. е. были 18 разъ высѣчены. Таково было материнское воспитаніе капитана Михаэля, о которомъ г. Жемчужниковъ воспоминаетъ съ такимъ отвращеніемъ (см. «Вѣстникъ Европы», 1900 г.).

Былъ въ этой ротѣ Доммеръ, онъ достигъ уже фельдмаршала, но его все-таки каждую недѣлю драли; кадеты придумали новые ранги: сынъ родился, кандидатомъ зачисленъ, кадетомъ сдѣланъ, произведенъ въ ефрейторы и т. д., такъ что и сынъ черезъ 3—4 мѣсяца достигалъ чина фельдмаршала, и новая порка переходила на внука, ко-

торый быстро подвигался въ чинахъ. Это производство особенно подвигалось у тѣхъ кадетъ, которыхъ приводили въ корпусъ изъ провинцій, оставляли на полное попеченіе начальства, и у которыхъ никого въ Петербургѣ не было, и они не ходили «со двора», какъ у насъ называли отпуски домой.

Разумѣется, были и такіе, которыхъ никогда не сѣкли: однихъ, потому что они учились и вели себя безукоризненно, другіе были скрытны и осторожны, а третьи до такой степени хитры, ласковы и выдержаны, что на нихъ не поднималась рука даже у Михаэля. Къ послѣднимъ между прочимъ принадлежалъ Жемчужниковъ. У насъ было въ обычаѣ звать только по фамиліи, именъ мы не знали, однофамильцевъ звали по нумерамъ, присвоеннымъ имъ въ спискахъ: «пятый», «десятый» и проч., а братьевъ иногда звали по цвѣту волосъ. Такъ и братьевъ Жемчужниковыхъ звали одного—«рыженькій», а другого «сѣренькій». И вотъ этотъ-то «сѣренькій», въ 12—14 лѣтъ отъ роду, такъ дурачилъ и околпачивалъ все корпусное начальство, что невольно остался у меня въ памяти. Впослѣдствіи онъ, кажется, составлялъ сборный псевдонимъ: «Кузьма Прутковъ», который состоялъ изъ А. К. Толстого и двоихъ братьевъ Жемчужниковыхъ.

Первая шалость «сѣренькаго» была еще въ 1-мъ приготовительномъ классѣ, въ которомъ сидѣло 40 человѣкъ мелюзги отъ 10 до 12 лѣтъ. Ждали новаго учителя естественной исторіи. Входитъ «сѣренькій» и громогласно объявляетъ, что онъ сейчасъ видѣлъ новаго учителя: гусаръ, высокій, стройный, красавецъ, усищи до плечъ, шпоры золотыя и сабля отточена. Подъ этимъ впечатлѣніемъ всѣ пріосанились, чтобы встрѣтить браваго гусара, и вдругъ инспекторъ вводитъ штафирку со впалой грудью, маленькаго, тщедушнаго, съ огромнымъ носомъ и на кривыхъ ногахъ. Неудержимый хохотъ всего класса озадачилъ инспектора Кушакевича и новаго учителя. Кадеты долго не могли успокоиться, часто раздавались фырканья, которыя заражали весь классъ. Учитель оказался съ тактомъ и умѣлый, онъ началъ разсказывать про обезьянъ, заинтересовалъ дѣтей и къ концу года пріобрѣлъ симпатіи всего класса.

Не успѣли меня одѣть въ кадетскую куртку, какъ рядомъ съ моей поставили еще кровать и на ней помѣстили новичка, наслѣдника Черногоріи, Николая Нѣгоша. Черезъ нѣсколько дней посѣтилъ корпусъ государь Николай Павловичъ, обошелъ роту, подошелъ къ Нѣгошу и спросилъ его: «Получаешь ли ты письма изъ дома?»—«Получаю»,—отвѣтилъ Нѣгошъ. Государь обратился къ директору Годейну и сказалъ: «Учи его говорить!» Потомъ государь положилъ руку на плечо Шамиля и сказалъ ему: «Если ты хочешь писать къ своему отцу, то пиши, письмо я доставлю!».

— Имѣю счастіе благодарить ваше императорское величество!—отвѣтилъ Шамиль.

— Ты научился хорошо говорить; а что твоя рука поджила? Покажи!

Шамиль быстро засучилъ рукавъ лезгинки и рубахи и показалъ заросшую рану между кистью и локтемъ на лѣвой рукѣ. Шамиль разсказывалъ, что эту руку прокололъ ему донской казакъ пикой въ то время, когда семейство Шамиля спасалось изъ своего аула отъ нападенія русскихъ. Семейство спаслось, а маленькій Шамиль свалился съ лошади и былъ взятъ въ плѣнъ. Государь велѣлъ его отдать въ Александровскій корпусъ, откуда онъ былъ переведенъ въ 1-й кадетскій корпусъ, гдѣ дошелъ до спеціальныхъ классовъ, но не былъ до нихъ допущенъ и въ 1849 году былъ опредѣленъ корнетомъ въ уланскій полкъ, гдѣ служилъ три года. Когда же была взята въ плѣнъ княгиня Орбеліяни, то былъ произведенъ обмѣнъ плѣнныхъ. Шамиль былъ отданъ отцу, а Орбеліяни была отпущена на свободу. Сына Шамиля отвозилъ на Кавказъ нашъ же товарищъ, графъ Буксгевденъ. Шамиль свыкся съ полкомъ, совершенно забылъ свою семью и Кавказъ; сильно ему не хотѣлось возвращаться къ отцу; разставанье съ товарищами прошло въ горячихъ слезахъ. Отецъ женилъ его на полудикой черкешенкѣ; вскорѣ Шамиль получилъ чахотку и умеръ.

Шамиль учился на средніе баллы; переходилъ изъ класса въ классъ безъ особыхъ послабленій со стороны учителей и экзаменаторовъ. Онъ былъ хорошимъ товарищемъ. Лѣтъ до пятнадцати онъ, какъ и другіе черкесы, носилъ казенный черкесскій костюмъ, а потомъ почему-то надѣли на него кадетскую куртку, что ему было очень горько, тѣмъ болѣе, что причины этому никто не зналъ. Со двора онъ ходилъ рѣдко; его брали къ себѣ тѣ черкесы, которые служили въ конвоѣ его величества.

Другой мой сосѣдъ по кроватямъ, Николай Нѣгошъ, былъ тихій, болѣзненный, молчаливый и мало сообщительный. Послѣ повелѣнія государя «учить его говорить», начальство его учило отвѣчать на всѣ лады, если въ случаѣ государь опять заговоритъ съ нимъ. Иногда это ученье производилъ самъ Михаэль, изображая изъ себя государя.

— Получаешь ли ты письма изъ дома?—спрашивалъ Михаэль громкимъ голосомъ.

— Такъ точно, ваше императорское величество, получаю,—отвѣчалъ Нѣгошъ десять или двадцать разъ сряду.

— А самъ ты пишешь ли?

— Такъ точно, ваше императорское величество, пишу.

— Ну, старайся, учись!

— Радъ стараться, ваше императорское величество.

Такое ученье было каждый день, и по сотнѣ разъ произносилась каждая фраза.

Всѣмъ кадетамъ запрещено было держать деньги при себѣ; они должны были держать деньги у ротнаго командира Михаэля. Если кому нибудь хотѣлось купить лакомство или перочинный ножикъ, карандашъ, бумагу и другіе дозволенные предметы, то Михаэль покупалъ всегда самъ и всегда за двойную цѣну. У Нѣгоша были особыя суммы на рукахъ у Михаэля, и тутъ цѣны при всякихъ покупкахъ ставились до безобразія высокія. Понятно, что ни сами кадеты, ни ихъ родственники протестовать не смѣли; а нѣкоторые богатые родители нарочно давали деньги Михаэлю для своихъ сыновей, чтобы онъ съ ними не былъ жестокъ, и эти подачки дѣйствовали настолько явно, что мальчуганы въ 10—12 лѣтъ постоянно хохотали надъ своимъ ротнымъ, называя его жидомъ.

Другой доходъ отъ кадетъ-новичковъ было ихъ партикулярное платье, обувь и бѣлье, эти предметы не возвращались, если новичка одѣнутъ во все казенное. Ежегодно поступало въ неранжированную роту болѣе сотни новичковъ; каждаго изъ дома старались отпустить во всемъ новенькомъ и лучшемъ, и все это оставалось у Михаэля. Казенное платье надѣвалось въ отпускъ тогда, когда новичекъ научится дѣлать фронтъ передъ офицерами. Этому новичковъ учили тотчасъ же по вступленіи въ корпусъ.

Замѣчательно, что начальство сороковыхъ годовъ смотрѣло на Михаэля, какъ на примѣрнаго воспитателя, а офицеры старшихъ ротъ при откровенныхъ разговорахъ съ взрослыми кадетами относились къ Михаэлю съ отвращеніемъ. При встрѣчахъ съ товарищами, послѣ выпуска изъ корпуса черезъ 20 и 30 лѣтъ, въ разговорахъ о старой кадетской жизни, мнѣ ни отъ кого не удавалось слышать ни одного добраго слова о Михаэлѣ, а онъ клалъ основу отношеній кадетъ къ корпусному начальству. Былъ ли всевластный Я. И. Ростовцевъ слѣпъ и не видѣлъ ничего, или онъ считалъ, что необходимо держать Михаэля для казоваго конца, не знаю. Но показная сторона неранжированной роты была образцовая; кадеты маршировали и равнялись такъ, что не уступали Преображенскому полку. Но зато съ какою радостію каждый переходилъ въ строевыя роты, чтобы больше не видать Михаэля и всѣхъ дѣлъ его! Въ концѣ августа 1842 года, половина кадетъ неранжированной роты была переведена во 2-ю мушкатерскую роту, которой командовалъ капитанъ Аргамаковъ. Кадетъ Николай Нѣгошъ остался у Михаэля, гдѣ вскорѣ зачахъ, былъ отправленъ въ Черногорію и на слѣдующій годъ умеръ.

Во 2-й ротѣ кадеты не говорили, что они попали изъ огня въ полымя, а говорили, что они попали отъ лисицы къ волку. Аргамаковъ былъ молодчина собой, но грубый бурбонъ, злой, мстительный и жестокій. Казалось, что онъ наслаждался, когда кровь брызжетъ изъ-подъ розогъ. Во 2-й ротѣ кадеты были въ возрастѣ отъ 11 до 13 лѣтъ, и имъ запрещено было давать болѣе 25 розогъ. Но

эта четверть сотни, подъ руководствомъ ротнаго командира Аргамакова, равнялась плетямъ и кнуту при торговыхъ казняхъ уголовныхъ преступниковъ.

Первая экзекуція, въ которой мы познакомились съ его манерой сѣчь, производилась надъ кадетомъ Барановымъ за то, что онъ нагрубилъ учителю рисованія Зайцеву. Грубость состояла въ томъ, что онъ на какое-то замѣчаніе Зайцева сказалъ: «ахъ, чтобы эти модели сгорѣли!». Надо сказать, что тогда рисованіе съ картонныхъ моделей только что вводилось; Зайцевъ былъ сторонникомъ рисованія съ натуры, и эта фраза его огорчила, такъ что Баранова пришлось наказать публично передъ классомъ.

Экзекуція была назначена въ такой-то день, въ часъ рисованія, чтобы вполнѣ удовлетворить учителя Зайцева. Нашъ классъ не только что успѣлъ сговориться, какъ каждому дѣйствовать, но мы имѣли время даже и прорепетировать всю эту комедію. Первые ряды должны были стоять и только всхлипывать, какъ бы удерживая слезы; сзади должны были всѣ плакать, а въ серединѣ класса кадетъ Сусловъ долженъ былъ упасть въ обморокъ послѣ десятаго удара. Если это порку не остановитъ, то послѣ слѣдующихъ пяти ударовъ въ обморокъ долженъ былъ упасть кадетъ Нудольскій, отъявленный шалунъ, котораго сѣкли каждую недѣлю.

Зайцевъ явился въ классъ, и этотъ добрый человѣкъ считалъ себя виноватымъ передъ Барановымъ, такъ что мы Зайцева утѣшали, что это ничего не значитъ. Вошелъ Аргамаковъ, внесли скамейку и розги; вызвали Баранова. «Ложись!» Въ то время, когда Барановъ раздѣвался, Зайцевъ подошелъ просить за него, на что Аргамаковъ грубо отвѣтилъ, что онъ нарушилъ дисциплину, и тутъ не можетъ быть никакого снисхожденія.

Барановъ легъ. Аргамаковъ приказываетъ солдатамъ: «порѣже! покрѣпче, кончиками да по ляжечкамъ!» Пучки свистнули, кровь брызнула... Мы по уговору стали всхлипывать, а сзади плакать... «Стой!» скомандовалъ Аргамаковъ солдатамъ. «Смирно! это что за слезы? всѣхъ перепорю! Валяй! крѣпче! крѣпче! рѣже! Стой. Тамъ опять кто-то хнычетъ? Молчать! Смирно!». Водворилась тишина. «Бей!»...

Сусловъ почему-то въ обморокъ не упалъ, а Нудольскій такъ дурно симулировалъ обморокъ, что его тутъ же выдрали. Барановъ изъ молодечества не кричалъ и не пикнулъ, какъ будто не его сѣкли. За это молодечество ему сбавили 2 балла изъ поведенія. Когда убрали скамейку, и ушелъ Аргамаковъ, то Нудольскій обратился къ Зайцеву съ просьбой дозволить вынуть занозы. Зайцевъ разрѣшилъ, вѣроятно, не зная, какъ производится эта операція.

На березовыхъ прутьяхъ всегда есть маленькіе сухіе отросточки въ 3 и 4 сантиметра длиной. При сильныхъ ударахъ эти отро-

сточки впиваются въ тѣло, отрываются отъ прутьевъ и составляютъ тѣ занозы, которыя долго потомъ болятъ. Если ихъ не вынуть тотчасъ же, то онѣ сами выходятъ съ нагноеніемъ. Впрочемъ находчивые озорники и это нагноеніе эксплоатировали въ свою пользу. Помню, какъ Эдингъ и Кирсановъ, которыхъ часто и жестоко сѣкли, сговорились не вынимать занозъ, а нагиоеніе растравить какими-то мазями и потомъ показать доктору. Сказано—сдѣлано, и послѣ того, вѣроятно, по совѣту доктора, розги стали размачивать. Хотя Л. М. Жемчужниковъ и говоритъ, что размачивали ихъ въ соленой водѣ, но я помню, что это дѣлалось проще: пучки розогъ клались въ писсуарахъ отхожихъ мѣстъ.

Не всегда это, однако, помогало; были такіе сильные солдаты, что подъ ихъ рукой и жидкія розги оставляли занозы. Тогда оставалось единственное средство—дать гривенникъ сторожу, чтобы онъ пустилъ въ то мѣсто, гдѣ хранятся запасныя розги. Тамъ острымъ ножичкомъ срѣзывались всѣ боковые отростки, и розги выходили «бархатныя», какъ называлъ ихъ Кирсановъ. Во время полугодовыхъ экзаменовъ дурные баллы всегда сопровождались поркой, другихъ мѣръ не изобрѣтали; и въ это время Нудольскій особенно усердно точилъ ножички, чтобы срѣзывать отростки. Это онъ называлъ: «готовлюсь къ экзамену».

Въ своихъ воспоминаніяхъ Л. М. Ж. пишетъ, что въ неранжированной ротѣ сѣкли по понедѣльникамъ, а въ строевыхъ ротахъ по субботамъ. Дѣлалось это не спроста, а для того, чтобы отъ понедѣльника до отпуска на воскресенье боевые знаки могли зажить на тѣлѣ. Что же касается субботнихъ порокъ въ строевыхъ ротахъ, то было принято за правило, что тѣхъ, кого высѣкутъ, уже въ это воскресенье со двора не пускать.

По этому поводу помню одно маленькое недоразумѣніе. Кадетъ Обуховъ былъ оставленъ въ 3-мъ классѣ и все-таки получалъ дурныя отмѣтки. Розогъ Обуховъ не боялся, но отпусками сильно дорожилъ. Въ одну изъ субботъ пришелъ въ классъ ген. Шлипенбахъ, просмотрѣлъ журналъ, человѣкъ пять выпоролъ, разложили и Обухова. Всыпали ему штукъ двадцать горячихъ; Обуховъ всталъ, оправляетъ платье, подходитъ къ Шлипенбаху и самымъ сердечнымъ голосомъ проситъ его: «Ваше превосходительство! забудьте наказаніе»... Шлипенбаха это такъ поразило, что онъ не далъ докончить фразу, обнялъ Обухова, поцѣловалъ его и говоритъ: «добрый мальчикъ, добрый мальчикъ! забуду наказаніе; только старайся догонять товарищей!» и тутъ же отдалъ приказаніе перевести Обухова въ слѣдующій классъ, а ротный командиръ все-таки Обухова не отпустилъ со двора.

Кадеты смѣялись надъ Обуховымъ, что, кромѣ розогъ, Шлипенбахъ его еще и щетиной укололъ, а «наказанія не забылъ» и со двора все-таки не отпустилъ. Шлипенбахъ, хотя и поролъ кадетъ,

но не былъ безсердечнымъ и злымъ, какъ его современникъ Клейнмихель, про котораго говорили, что онъ засѣкалъ до смерти. Поцѣлуи Шлипенбаха были порывами искренними, безрасчетными, и если кадеты смѣялись надъ этими поцѣлуями, то въ этомъ виновато то воспитаніе, которое убивало въ нихъ всякую сентиментальность.

Помню другой поцѣлуй Шлипенбаха. Было это во 2-мъ общемъ классѣ. Кадетъ Граббе, сынъ кавказскаго героя, бросилъ жвачкой въ учителя Рахманова, но въ него не попалъ, а жеванная бумага прилѣпилась къ классной доскѣ. Рахмановъ, по движенію руки Граббе, отгадалъ истиннаго виновника, но навѣрное сказать не могъ. Началась переборка; Граббе отпирается и твердо говоритъ, что онъ не виноватъ, что это не онъ бросилъ. Доложили директору корпуса Шлипенбаху; порка—неминучая, а Граббе боялся розогъ, да и со двора любилъ ходить. Сталъ Граббе торговаться съ Кузьминымъ, чтобы онъ взялъ эту вину на себя. Кузьминъ не имѣлъ денегъ никогда ни копейки; родныхъ въ Петербургѣ у него не было, и со двора онъ не ходилъ. Было условлено, чтобы передъ розгами признаться, что бросилъ жвачку не Граббе, а Кузьминъ, и не въ учителя Рахманова, а въ кадета Коневцова за то, что Коневцовъ самъ бросилъ въ Кузьмина жвачкой.

Явился Шлипенбахъ, принесли скамью и розги. Шлипенбахъ былъ хмуренъ, и дѣло грозило серіозной расправой.

— Граббе! поди сюда! Какъ ты осмѣлился бросить жвачкой въ учителя?

— Ваше превосходительство! Это, ей-Богу, не я, божусь всѣми святыми, что я ни въ чемъ не виноватъ.

— А! ты еще божишься да запираешься, и этимъ увеличиваешь свою вину; раздѣвайся и ложись!

— Ваше превосходительство! Это не я...

— Ложись!—крикнулъ грозно Шлипенбахъ:—раздѣть его!—скомандовалъ онъ солдатамъ.

Какъ только Граббе растянули, выходитъ со своего мѣста Кузьминъ и плаксивымъ голосомъ говоритъ:

— Ваше превосходительство! Граббе не виноватъ, это я бросилъ жвачку въ Коневцова, но въ него не попалъ, а попалъ въ доску, а господинъ Рахмановъ думалъ, что это въ него бросили. Простите Граббе, это я виноватъ, а не онъ.

— Милый мальчикъ! милый мальчикъ! подойди, я тебя поцѣлую; ты не хотѣлъ, чтобы за тебя наказали твоего товарища; это очень благородно съ твоей стороны!

Розги убрали, Шлипенбахъ ушелъ, а Граббе руки въ карманъ и не хотѣлъ платить Кузьмину условленнаго полтинника. Но кадеты разсудили, что поцѣлуй щетинными усами стоитъ половины порки, и присудили Кузьмину четвертакъ, который тутъ же и былъ отданъ.

Кадеты сильно недолюбливали никакихъ ласкъ и нѣжностей со стороны начальства. Разъ во 2-й ротѣ офицеръ Черновъ хотѣлъ приласкать по щекѣ не помню какого-то кадета. Кадетъ отвернулся; Черновъ счелъ это за грубость, пожаловался Аргамакову, а этотъ педагогъ распорядился прогнать кадета сквозь строй. Рота была выстроена въ двѣ шеренги лицомъ къ лицу; дерзкаго кадета вели между шеренгами, и каждый долженъ былъ своей рукой коснуться его щеки. Такъ приготовляли насъ въ офицеры россійской арміи!

Другой педагогическій пріемъ, о которомъ стоитъ упомянуть, принадлежалъ изобрѣтательности полковника Вишнякова. Оставшіеся безъ отпуска кадеты, чтобы коротать длинные зимніе вечера по праздникамъ, иногда собирались въ кучки и вели между собою бесѣды. Вишняковъ съ галлереи черезъ окно намѣчалъ какую нибудь кучку, по жестамъ видѣлъ, кто разсказчикъ въ ней, и затѣмъ неожиданно являлся въ роту. «Смирно!»—гаркалъ во все горло дежурный; и когда все мгновенно замирало, Вишняковъ подходилъ къ кучкѣ кадетъ, выстраивалъ ихъ въ шеренгу на два шага другъ отъ друга; приказывалъ офицеру смотрѣть, чтобы всѣ стояли смирно, и чтобы никто слова не смѣлъ сказать. Потомъ онъ выбиралъ изъ этой шеренги какого нибудь кадета, отводилъ его въ сторону и тихо разспрашивалъ, что говорилъ такой-то. Затѣмъ провѣрялъ это показаніе отъ другого и третьяго, и въ случаѣ разногласія сѣкъ всѣхъ жестоко. Чтобы избавляться отъ розогъ, кадеты придумали средство: для вида въ началѣ бесѣдъ разсказывался какой нибудь анекдотъ изъ лагерной жизни, и въ случаѣ провѣрки каждый разсказывалъ этотъ анекдотъ Вишнякову. Дѣлу, однако, это мало помогало; все-таки большею частью кончалось поркой. Кадеты себя утѣшали увѣреніемъ, что гдѣ-то существуетъ такой законъ: «если соберутся вмѣстѣ три прапорщика, то ихъ разгонять, ибо умнаго разговора они вести не могутъ». Казалось, что и Вишняковъ вѣрилъ въ этотъ законъ.

Впрочемъ начальство и кадеты такъ привыкли къ розгамъ, что принимали ихъ чуть не шутя. Помню, въ ротѣ кап. Черкасова кадетъ Травинъ въ день 1-го апрѣля обманулъ чѣмъ-то невиннымъ дежурнаго офицера. Вскорѣ пришелъ въ роту Черкасовъ, офицеръ доложилъ ему о шуткѣ Травина.

— Розогъ!—крикнулъ во все горло Черкасовъ:—ложись, Травинъ! Я тебѣ покажу, какъ надо обманывать!

— Простите, я никогда больше не буду!—взмолился Травинъ.

— Ложись! запорю!!

Травинъ раздѣлся, легъ; солдаты съ пучками встали съ обѣихъ сторонъ; поплевали на руки, чтобы розги крѣпче держать; кадеты стояли кругомъ поодаль, чтобы наблюдать спартанское терпѣніе Травина...

— Вставай! Первое апрѣля! — проговорилъ Черкасовъ и пошелъ по ротѣ, довольный своей милой шуткой.

Къ ротному сѣченію мы были пріучены настолько, что оно намъ не казалось страшнымъ. «На людяхъ до смерти не засѣкутъ!» Не то чувство сопровождало кадетъ, когда ихъ отправляли въ Жедепомъ (jeu de paumme). Это была кадетская тюрьма, вдали отъ ротъ, тамъ можно было дѣлать съ кадетами все, что взбредетъ на умъ злому начальнику. Этой тюрьмы опасались кадеты, и не всегда изъ нея возвращались въ роты. Былъ случай, что здоровеннаго молодца, кадета Пригоровскаго, прекраснаго товарища, вогнали тамъ чуть не въ чахотку и потомъ разжаловали въ солдаты. Виноватъ во всемъ былъ злой и мстительный капитанъ Черкасовъ, на котораго Пригоровскій рисовалъ остроумныя карикатуры.

Пригоровскому было 18 лѣтъ и осталось полтора года до офицеровъ. Кадеты вѣрили, что были пытки, а потомъ солдатство и совершенное исчезновеніе товарища. Это такъ возмутило друзей Пригоровскаго, что они рѣшили варварски отплатить Черкасову. Дѣти Черкасова 4 и 5 лѣтъ всегда гуляли въ корпусномъ саду, гдѣ гуляли и всѣ кадеты. Было рѣшено ослѣпить этихъ дѣтей. Была готова какая-то кислота, дѣйствующая навѣрняка, спринцовка и клятва нѣсколькихъ человѣкъ отмстить Черкасову. Очень возможно, что эти несчастныя, невинныя дѣти были бы изуродованы на весь вѣкъ изъ-за злого отца, но Богъ спасъ дѣтей! Кто-то написалъ Черкасову безыменное письмо, и уже больше дѣтей въ садъ онъ не пускалъ.

Вотъ какого рода постоянная и упорная война велась между кадетами и ихъ воспитателями. Л. М. Жемчужниковъ хотя и поднялъ уголокъ завѣсы на это темное время, а я своею памятью кое-что дополняю, но чувствую, что не пришло еще время раскрыть всю правду кадетской жизни. Быть можетъ, кто нибудь и оставитъ запечатанный пакетъ, чтобы вскрыть его черезъ сто лѣтъ, тогда ясно будетъ, къ чему вели общій обманъ и казовой конецъ.

Были мщенія кадетъ и болѣе умѣреннаго свойства, преимущественно тогда, когда потерпѣлъ невинный или не въ мѣру наказанный. Такъ кадетъ Лазичъ въ чемъ-то провинился передъ дежурнымъ офицеромъ Кропотовымъ. Лазича выпороли и выгнали изъ корпуса, а онъ хорошій кадетъ по поведенію и ученью и очень былъ любимъ всѣми товарищами. Кадеты безъ всякаго сговора по какому-то единодушному порыву написали на стѣнѣ: «Подлецъ Кропотовъ». Была весна, травы на лугахъ было вдоволь; сто человѣкъ рвали траву, а другіе сто человѣкъ рисовали этой травой гигантскія буквы, въ 4 аршина вышиной и въ полъ-аршина толщиной. Эта зеленая надпись была видна черезъ весь громадный садъ и произвела большую тревогу среди начальства; могъ

пріѣхать государь, и онъ бы понялъ, что въ этой работѣ участвовало 200 человѣкъ, слѣдовательно это не была шалость одного кадета. Для рисованія большихъ буквъ приходилось употреблять живыя штурмовыя лѣстницы построенныя изъ кадетскихъ спинъ, плечъ и даже головъ, по которымъ хорошіе гимнасты влѣзали съ пучками травы.

Этой надписью кадеты достигли своей цѣли, все высшее начальство встрепенулось, дѣло Лазича разобрали и его вновь приняли, но только не въ нашъ корпусъ, а въ Дворянскій полкъ. Досталось и Кропотову. Шлипенбахъ построилъ на плацу весь баталіонъ нашего корпуса, всталъ передъ фронтомъ и читалъ намъ наставленіе. Въ этомъ наставленіи перебиралъ на всѣ лады «подлеца Кропотова» и особенно подчеркивалъ эти слова. Кропотовъ стоялъ тутъ же въ строю и, вѣроятно, переживалъ не веселыя минуты.

Не прошла эта продѣлка и для кадетъ даромъ. Надо полагать, что черезъ Ростовцева эта исторія дошла до великаго князя Михаила Павловича, а, значитъ, и до государя. Пріѣхалъ государь въ корпусъ, вызвалъ всѣхъ на плацъ съ ружьями на баталіонное ученье, продѣлалъ нѣсколько пріемовъ; сердито кричалъ: скверно! мерзко! и наконецъ скомандовалъ: «ведите ихъ вонъ съ плаца! Это никуда не годно, какъ вы ихъ распустили! Учить ихъ и подтянуть хорошенько!». Государь уѣхалъ очень недовольный, хотя ружейные пріемы мы дѣлали, какъ всегда, блистательно.

Началось подтягиванье: кто былъ строгъ, тотъ сталъ еще строже, кто былъ золъ, тотъ сталъ жестокъ; отдыха кадетамъ не давали, и офицеры въ своихъ порывахъ и грубостяхъ не стѣснялись. Хотя въ лагеряхъ государь опять Первый корпусъ принималъ ласково и милостиво, но строгости и грубость офицеровъ не прекратились, а шли въ гору.

Въ 1-ой ротѣ былъ отдѣленный офицеръ Крыловъ, который и прежде съ кадетами обращался, какъ съ кантонистами, а тутъ уже превзошелъ всѣ мѣры. Онъ носилъ кличку «свирѣпый», и въ видѣ предупрежденія ему часто кричали это слово, но его придирки и грубость не унимались. Разъ, осенью, онъ былъ дежурный по ротѣ, и въ то время, когда кадеты ложились спать, онъ кого-то изъ кадетъ громко обозвалъ дуракомъ и кантонистомъ. Это взорвало всю роту, и со всѣхъ сторонъ къ нему въ отвѣтъ полетѣли: самъ ты дуракъ! свирѣпый! вонъ изъ корпуса! и другіе возгласы. Начали стучать табуретами, стучать по столамъ, и брань къ нему летѣла очень дружно со всѣхъ сторонъ. На его команду: смир—но! отвѣчали хохотомъ и свистомъ. Словомъ бунтъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Онъ послалъ за дежурнымъ по корпусу капитаномъ Искулемъ; его кадеты любили, и при немъ все утихло. По Петербургу разнесся

слухъ, что въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ бунтъ, что въ одного офицера бросали табуретами, проломили голову, сломали руки и другія сплетни. Какъ доложили государю Николаю Павловичу, мы не знали, но только со всей роты сняли погоны, запретили пускать въ отпускъ и принимать родныхъ.

Явился въ роту Ростовцевъ. Роту построили въ три шеренги. Ростовцевъ взволнованнымъ голосомъ грозно сталъ кричать на роту: «бунтовщики! вы забыли дисциплину! Хотите всѣ въ солдаты! На колѣни!» По ротѣ пробѣжалъ электрическій ропотъ: «не становись». Ростовцевъ опомнился, что далеко зашелъ, и еще грознѣе крикнулъ: «на колѣни! молитесь Богу, чтобы царь васъ простилъ! Только Богъ намъ можетъ помочь умилостивить царя». И съ этими словами самъ первый сталъ на колѣни и началъ большимъ крестомъ креститься передъ образомъ. Рота со всѣми офицерами вся тотчасъ же стала на колѣни и начала креститься.

Надо замѣтить, что у кадетъ Перваго корпуса считалось верхомъ позора становиться на колѣни. Тѣ начальники, которые сами были когда-то кадетами этого корпуса, никогда и не требовали этого позорнаго наказанія. Но тѣ, кто не зналъ кадетскаго обычая, наталкивались на большіе скандалы. Много страдало и кадетъ отъ этихъ нелѣпыхъ требованій; доблестные кадеты считали, что честнѣе быть засѣченнымъ до полусмерти или итти на 25 лѣтъ въ солдаты, чѣмъ исполнить позорное требованіе и стать на колѣни.

Можетъ быть, Ростовцевъ не зналъ этой кадетской чести, потому что онъ былъ изъ пажей, а, можетъ быть, у него сорвалось съ языка это слово, но его находчивость и быстрота соображенія понравились кадетамъ. Помолясь Богу, онъ и самъ одумался, что крикомъ ничего не добьется; всталъ онъ съ колѣнъ, моментально встали и кадеты. Тогда Ростовцевъ отослалъ офицеровъ въ другую комнату, велѣлъ себя окружить и началъ говорить «по-душѣ». Ему сказали, что не было никакихъ зачинщиковъ, и никакого сговора, это не былъ бунтъ, а это былъ протестъ противъ грубаго обращенія Крылова, которое кадеты сносили нѣсколько лѣтъ, и наконецъ невольно всѣхъ прорвало. Ростовцевъ обѣщалъ доложить государю, что кадеты молились Богу о помилованіи.

Черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ государь, обошелъ гренадерскую роту, подошелъ къ дверямъ 1-й роты, повернулъ отъ нея и сказалъ: «Это большая лужа, ее обойти нужно!» и такъ какъ ему всѣ ходы и галереи корпуса были хорошо знакомы, то онъ и прошелъ прямо въ 3-ю роту. Порядкомъ въ корпусѣ остался доволенъ, распустилъ всѣхъ со двора, кромѣ 1-й роты, а черезъ недѣлю пришло прощеніе и 1-й ротѣ, которой возвратили погоны.

Чтобы не давать кадетамъ поблажки, все осталось какъ бы по-старому, но по всему видно было, что офицерамъ было внушено

смягчить свой нравъ, и они стали вѣжливѣе. Затѣмъ стали время отъ времени обновлять начальство. Вишнякова замѣнили подполковникомъ Рындинымъ; Крылова куда-то убрали; Бекмана перевели въ армію за то, что великій князь встрѣтилъ его гдѣ-то въ люстриновыхъ брюкахъ. Наконецъ и директора Шлипенбаха замѣнили полковникомъ Лихонинымъ. Съ него и начались новые порядки въ корпусѣ.

Лихонинъ не былъ самъ кадетомъ и духа кадетскаго не зналъ. На первыхъ же порахъ его и отъ розогъ кадеты отвадили; сначала Воробьевъ, а потомъ Семеновъ. Воробьева Лихонинъ хотѣлъ за что-то высѣчь, приготовили скамью, розги и солдатъ, но Воробьевъ, вмѣсто того, чтобы спокойно лечь, подбѣжалъ къ пирамидѣ, гдѣ стояли ружья съ примкнутыми штыками, схватилъ одно ружье и всталъ въ уголъ въ оборонительную позу. Воробьева за это уволили изъ корпуса, но не высѣкли.

Съ Семеновымъ была курьезная исторія. Лихонинъ объявилъ, что онъ его высѣчетъ передъ ротой. Семеновъ зналъ, что Лихонинъ трусоватъ при расправахъ, и хотѣлъ напугать Лихонина самоубійствомъ. Времени было много, кадеты расцарапали Семенову до крови бокъ противъ сердца, достали большой ножикъ и натерли въ пузырекъ красной краски; сдѣлали нѣсколько репетицій, и все было налажено наславу. Пришелъ Лихонинъ, построили роту, вызвали передъ фронтъ Семенова, и послѣ короткой и энергичной рѣчи Лихонинъ крикнулъ: розогъ! Моментально явилась скамья и солдаты.

— Раздѣвайся! — приказалъ Лихонинъ.

— Простите, ваше пр—во!

— Раздѣвайся! — болѣе строго сказалъ Лихонинъ.

Въ рукахъ Семенова блеснулъ ножикъ, онъ быстро сталъ колоть себя въ грудь и потомъ повалился на полъ въ судорогахъ, какъ мертвый. Солдатъ подскочилъ къ нему, отнялъ ножъ, разстегнулъ курточку, и противъ сердца рубашка вся въ крови... Лихонинъ такъ испугался всей этой сцены, что только махалъ руками и кричалъ: «оставьте его! не надо сѣчь, не надо!»... Когда обманъ обнаружился, то Семенова посадили подъ арестъ, а къ его родителямъ написали, чтобы они взяли его изъ корпуса.

Послѣ этого я не помню, чтобы Лихонинъ когда нибудь самъ производилъ экзекуцію, а впослѣдствіи отнято было право сѣчь и у ротныхъ командировъ. Въ войну 1848 и потомъ въ 1849 году были усиленные выпуски изъ кадетскихъ корпусовъ, и всѣ, которые засидѣлись въ классахъ и достигли зрѣлаго возроста, были выпущены прапорщиками въ линейные батальоны и во внутреннюю стражу. Тѣхъ же великовозрастныхъ, которые оставались по пяти и болѣе лѣтъ въ младшихъ классахъ, выгоняли въ юнкера. Такимъ порядкомъ венгерская война помогла очистить корпусъ

отъ «стараго кадетскаго духа» и начать новое военное воспитаніе. Это же время совпадаетъ и съ перемѣною главнаго начальника всѣхъ военно-учебныхъ заведеній: вмѣсто великаго князя Михаила Павловича былъ назначенъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Старый кадетскій духъ въ строевыхъ ротахъ главнымъ образомъ поддерживался смѣшеніемъ всѣхъ возростовъ въ младшихъ классахъ. Неспособные къ наукамъ, но прекрасные фронтовики держались въ корпусѣ, чтобы украшать фланги и первую шеренгу. Двадцатилѣтніе молодцы въ классахъ рядомъ сидѣли съ двѣнадцатилѣтними кадетами, зубрили ту же таблицу умноженія и внушали ухарство, молодечество и правило: «одинъ за всѣхъ и всѣ за одного».

Начальство не умѣло различать рѣзвость отъ шалости, а шалость отъ проступковъ и пороковъ. Бѣгать, играть, рѣзвиться — значитъ шалить, а за шалость надо сѣчь, и сѣкли. Между дежурными офицерами, т. е. воспитателями, находились и умныя головы, но тонъ всему давалъ баталіонный командиръ, полковникъ Вишняковъ. При немъ директоръ генералъ Годейнъ не значилъ ничего, и кадеты про него разсказывали только анекдоты, которые характеризовали его разсѣянность. Напримѣръ, дежурный ему докладываетъ:

— Такой-то кадетъ умеръ.

— А! подъ арестъ, подъ арестъ его!

— Онъ умеръ, ваше пр—во! — болѣе внушительно докладываетъ дежурный.

— Ну, такъ высѣчь, высѣчь!

— Не прикажете ли похоронить? — онъ скончался.

— А! похоронить, похоронить!

Другой анекдотъ еще лучше очерчиваетъ Годейна, который любилъ поѣсть, заботился о своей кухнѣ и забывалъ, что существуетъ еще кадетская кухня.

Пріѣхалъ неожиданно государь, вошелъ въ лазаретъ, гдѣ Годейнъ его встрѣтилъ, обошелъ больныхъ и, зная по часамъ, что кадеты въ столовой, направился туда.

— А что у тебя сегодня за обѣдомъ? — спрашиваетъ государь Годейна.

— Сегодня у меня супъ пюрэ, форель, рябчики и пломбиръ, — отвѣчаетъ Годейнъ.

— Хорошій обѣдъ! — замѣтилъ государь.

Взошли въ столовую, у кадетъ щи и каша.

— А гдѣ же рябчики? Улетѣли? — обратился государь къ Годейну.

— Я думалъ... я думалъ... — замялся Годейнъ.

— Да, ты думалъ, что я не загляну и на слово тебѣ повѣрю, — сказалъ, смѣясь, государь.

Неожиданныя посѣщенія государя и великаго князя Михаила Павловича всегда были извѣстны за нѣсколько минутъ. Телефоновъ и телеграфовъ тогда не было, поэтому на Исакіевскомъ мосту ставился махальный, который давалъ знать о проѣздѣ, и Годейнъ поспѣвалъ встрѣтить государя, какъ заботливый начальникъ.

Но разъ Годейнъ жестоко обманулся. Былъ весь кадетскій отрядъ въ Ропшѣ, куда привели кадетъ для парада и освященія знаменъ. Биваки были расположены въ густомъ дворцовомъ паркѣ; горѣли костры, дождь пронизывалъ до костей, ночь была темная, никто не спалъ. Кто-то изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища, подражая голосу государя, сталъ произносить команды: «по первому взводу! справа въ колонну стройся!» Голосъ артиллериста раздавался на весь паркъ, и выходило очень похоже на команду государя.

Вдругъ изъ темноты парка раздается голосъ Николая Павловича:

— А кто это меня тамъ передразниваетъ! Поди сюда!

Все переполошилось; Годейнъ побѣжалъ на голосъ, чтобы показаться государю. Въ это время съ другой стороны тотъ же голосъ:

— Поди сюда, не бойся! Ты передразниваешь хорошо! Поди сюда!

Годейнъ бросился въ другую сторону; но голосъ государя раздается уже съ третьей стороны. Оказалось, что это кадетъ Перваго корпуса Покатиловъ взбудоражилъ весь отрядъ. Начальство, разумѣется, не узнало имени кадета, который перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто и великолѣпно подражалъ государю.

Все озорство кадетъ стараго закала происходило въ этомъ родѣ. Среди товарищей не поощрялось ни пьянство, ни карты; но грубость за грубость и дерзость за дерзость офицера считались молодечествомъ. Большинство дежурныхъ офицеровъ дѣйствительно было никуда не годно; но и при этомъ кадеты все-таки на нихъ не жаловались, а когда офицеръ напьется пьянъ, такъ старались скрыть его отъ начальства. Такъ, помню, поручикъ Черновъ гдѣ-то лишнее хлебнулъ, на походѣ его разобрало, ноги стали переплетаться, качался изъ стороны въ сторону и вообще шелъ, какъ сапожникъ. Но какъ только начальство подходило близко, то кадеты инстинктивно смыкались возлѣ Чернова и окружали его такимъ тѣснымъ кольцомъ, что начальство не могло замѣтить пьянаго. Бывало и на смотрахъ, если офицеръ ошибется, то кадеты его выручали, чтобы онъ не подвергся выговору. Но случалось и обратно, особенно съ тѣми офицерами и ротными командирами, изъ-за которыхъ какой либо кадетъ напрасно пострадалъ. Тогда кадеты нарочно портили ученье, дурно дѣлали пріемы, маршировали не въ ногу, лишь бы вызвать замѣчаніе офицеру отъ начальства.

Что же касалось до домашнихъ продѣлокъ и невиннаго дурачества, то кадеты любили подмѣтить слабую сторону офицеровъ, чтобы ихъ вышучивать. Большимъ талантомъ въ этомъ отношеніи отличался Жемчужниковъ, прозванный «сѣренькимъ». Всегда вѣжливый, деликатный, съ открытымъ и пріятнымъ лицомъ, съ прекрасными манерами, но съ такимъ ядовитымъ умомъ, что вышучивалъ и не глупыхъ офицеровъ.

Былъ въ 3-й ротѣ отдѣленный поручикъ Липгардъ, онъ былъ разсѣянъ, и Жемчужниковъ пускался на очень смѣлыя штуки съ нимъ. Помню, напримѣръ, Жемчужниковъ, дня за три до шереножнаго ученья, въ разговорахъ съ Липгардомъ заставилъ его согласиться, что правой сторонѣ человѣческаго тѣла надо давать преимущество передъ лѣвой, поэтому надо и ружье держать въ правой рукѣ и ворочаться направо-кругомъ. Липгардъ, разумѣется, забылъ объ этой болтовнѣ, но не забылъ Жемчужниковъ; онъ подговорилъ все отдѣленіе дѣлать все правой рукой и правой ногой то, что слѣдовало дѣлать лѣвыми. Команды Липгарда исполнялись отчетливо и ровно, но все выходило какъ-то наоборотъ, и Липгардъ никакъ не могъ понять причины. Онъ видѣлъ, что дѣлается что-то не такъ, но при симметрическомъ человѣческомъ тѣлѣ такъ и не уловилъ ошибки. Къ общей потѣхѣ маршировать мы начинали съ правой ноги, ворочались направо-кругомъ, ружья подъ прикладъ держали въ правой рукѣ, и это всѣхъ насъ такъ забавляло, что скучное ученье прошло весело.

«Сѣренькій» не любилъ сидѣть въ одной комнатѣ, онъ всегда искалъ воли и простора, его подвижность и энергія не выносили тѣсноты и разныхъ запретовъ; онъ изыскивалъ всякіе способы, чтобы побѣгать по галлереямъ, по саду и вообще тамъ, гдѣ запрещено ходить. Разъ мы втроемъ вылѣзли черезъ форточку на галерею, благополучно добѣжали до столовой и носъ къ носу столкнулись съ Вишняковымъ.

— Куда вы? — грозно спросилъ полковникъ.

— Во вторую роту, г. полковникъ! — соврали мы.

— А кто у васъ дежурный?

— Поручикъ Шлейферъ, г. полковникъ.

— Ступайте въ свою роту и доложите, что я васъ встрѣтилъ на галлереѣ.

Дѣло дрянь, даромъ не пройдетъ.— «Ну, сѣренькій, выручай!» — сказали мы ему. Вошли мы въ роту опять черезъ форточку. Сѣренькій сталъ юлить около Шлейфера; заговорилъ съ нимъ о нѣмецкихъ баронахъ, о рыцаряхъ, о ихъ безстрашіи и о своихъ страхахъ ходить даже втроемъ по темнымъ галлереямъ.

— Идемъ мы внизу, — разсказываетъ сѣренькій Шлейферу,— слышимъ шаги... духъ замираетъ, думаемъ—привидѣніе, волосы дыбомъ, но, къ счастію, узнали полковника; мы обрадовались,

отлегло отъ сердца; слава Богу, не привидѣніе. Онъ съ нами началъ разговаривать, спросилъ, кто у насъ дежурный по ротѣ, и съ нимъ было не страшно итти по темнымъ коридорамъ. А вы бы не боялись ходить въ темныхъ коридорахъ?

— Чего же бояться! Никакихъ привидѣній нѣтъ, это все бабьи сказки,—отвѣтилъ Шлейферъ.

— И возлѣ мертвецкой прошли бы?

— Я тамъ часто хожу.

Этотъ разговоръ шелъ, пока не ударилъ барабанъ къ столу. За ужиномъ Вишняковъ подошелъ къ Шлейферу и говоритъ ему:

— Къ вамъ явились Жемчужниковъ и такіе-то, которыхъ я встрѣтилъ?

— Да, г. полковникъ, явились.

— Какъ же вы ихъ наказали?

— Я доложу ротному командиру, чтобы онъ ихъ наказалъ.

— Но у васъ, значитъ, не были заперты двери, если кадеты уходятъ изъ роты; надо смотрѣть строже! — сказалъ Вишняковъ и вышелъ.

Шлейферъ почувствовалъ, что онъ околпаченъ, закусилъ губы, но ничего не сказалъ сѣренькому.

Въ другой разъ насъ встрѣтилъ вечеромъ дежурный по корпусу и спрашиваетъ:

— Куда идете?

— Въ лазаретъ.

— А вамъ дозволилъ дежурный по ротѣ?

— Дозволилъ, — соврали мы.

За вранье и бѣганье расправа была коротка. Какъ только дежурный по корпусу скрылся, мы опрометью въ роту, и Жемчужниковъ проситъ у дежурнаго по ротѣ дозволенія отнести къ больному кадету уроки, которые безъ него пройдены. Дозволеніе было дано, и онъ себя обезпечилъ, такъ сказать, заднимъ числомъ.

Дѣлалъ онъ дурачества и съ кадетами, что называется, «для краснаго словца не жалѣлъ и отца». Былъ съ нимъ въ классѣ лѣнтяй Яковлевъ, который при урокахъ спалъ, а книгъ въ руки не бралъ. Наканунѣ экзамена изъ словесности и логики, которыя преподавалъ Вас. Тим. Плаксинъ, Яковлевъ проситъ сѣренькаго показать ему самый легкій билетъ изъ программы. Сѣренькій показалъ 8-й билетъ—«силлогизмъ».—Да тебѣ его и читать не надо, я тебѣ разскажу,—и разсказалъ.

На экзаменѣ при Плаксинѣ и ассистентахъ вызвали Яковлева, онъ взялъ наугадъ билетъ; молчитъ.

— Что же, вы этого не знаете? Возьмите другой!

Взялъ другой; молчитъ.

— Вы и этого не знаете? Что же вы знаете?

— Я знаю 8-й билетъ,—говоритъ Яковлевъ.

Дали ему 8-й билетъ. Ассистентъ спрашиваетъ:

— Что значитъ силлогизмъ?

— Силлогизмомъ звали собаку у Эзопа, — твердо, какъ по заученному, отвѣчаетъ Яковлевъ.

Ассистенты вытаращиваютъ глаза; Плаксинъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

— Что же дальше?

— У Эзопа былъ еще оселъ, котораго Эзопъ всегда билъ. Вотъ оселъ и думаетъ, почему онъ меня бьетъ, а собаку ласкаетъ; вѣроятно, оттого, что Силлогизмъ на него прыгаетъ и ласкается къ нему; дай, думаетъ, и я на него буду прыгать. Въ воскресенье Эзопъ надѣлъ красную одежду и пошелъ къ обѣднѣ. Оселъ его увидѣлъ, разбѣжался, прыгнулъ на Эзопа, запачкалъ его навозомъ, и Эзопъ прибилъ осла еще больнѣе. Все!—пояснилъ Яковлевъ.

Ассистенты сначала сдерживались, потомъ губы ихъ разъѣзжались и, наконецъ, не могли удержаться отъ хохота. Плаксинъ радъ былъ бы исколотить Яковлева, а сѣренькій торжествовалъ, что его урокъ не пропалъ даромъ.

Впрочемъ Яковлевъ былъ остроуменъ и безъ помощи будущаго «Кузьмы Пруткова». Разъ въ классѣ ботаники преподавалъ учитель Жолткевичъ, корректный, тихій, очень вѣжливый, но со слабымъ голосомъ. Въ сосѣднемъ классѣ, который отдѣлялся дверью, учителя не было, кадеты шумѣли и мѣшали уроку. Жолткевичъ обращается къ Яковлеву, который сидѣлъ возлѣ двери, и говоритъ ему:

— Попросите, пожалуйста, сосѣдній классъ не шумѣть!

Яковлевъ вскочилъ, полурастворилъ дверь, просунулъ въ сосѣдній классъ голову и богатырскимъ голосомъ говоритъ кадетамъ:

— Жолткевичъ велѣлъ вамъ сказать, что вы скоты и мерзавцы! И если вы будете шумѣть, то онъ вамъ всѣмъ морды расколотитъ!

Жолткевичъ сконфузился, какъ красная дѣвица, у него духъ замеръ.

— Господинъ Яковлевъ! Развѣ я это просилъ сказать?

— Ихъ иначе не уймешь! — отчеканилъ Яковлевъ и усѣлся на мѣсто.

Военное начальство всегда требовало, чтобы фронтъ весело смотрѣлъ. Чтобы солдаты веселѣе смотрѣли, ихъ били по зубамъ, а отъ кадетъ требовали веселаго вида угрозами розогъ или другими наказаніями. Но кадеты во фронтѣ, чтобы показать иногда свое неудовольствіе, хмурили брови и дѣлали сердитыя лица. Если въ это время требуютъ улыбки, то на злыхъ лицахъ являлись ощеринные зубы. Впрочемъ, помню случай, когда отъ нашего фронта потребовали печальныхъ лицъ.

Это было во время похоронъ великаго князя Михаила Павловича. Мы стояли шпалерами по линіи процессіи къ крѣпости, куда должны были везти тѣло. Подошелъ передъ фронтъ Ростовцевъ и вполнѣ съ тактомъ и основательно говоритъ ротному командиру Талквисту, но такъ, чтобы слышали кадеты:

— Тѣло сопровождаетъ государь императоръ, и ему будетъ большимъ утѣшеніемъ видѣть слезы и печальныя лица кадетъ, которыхъ великій князь такъ любилъ.

Ростовцевъ сказалъ это и прошелъ дальше, чтобы другимъ внушать приличіе похоронъ.

Талквистъ обошелъ переднюю шеренгу и каждаго училъ, какъ надо печально смотрѣть. При этомъ онъ на своемъ лицѣ изображалъ скорбь и печаль къ великому развлеченію кадетъ. Были озорники, которые устраивали всевозможныя гримасы, чтобы подразнить Талквиста, командира безтактнаго и очень недальновиднаго.

Страннымъ кажется, что при той заботѣ о войскахъ, на которыхъ основывали все величіе Россіи, для подготовки офицеровъ въ эти войска выбирали такихъ тупыхъ воспитателей, что память воспроизводитъ только уродство. Изъ тридцати начальниковъ Перваго корпуса хорошее впечатлѣніе на всю жизнь оставили пять-шесть человѣкъ, не больше.

Совершенно иное впечатлѣніе оставили учителя. Ихъ у насъ было шестьдесятъ человѣкъ, и изъ этого числа безполезныхъ и вредныхъ не насчитывается и десятка. Да и этотъ десятокъ относится къ французамъ-барабанщикамъ и къ нѣмцамъ-колбасникамъ, какъ кадеты ихъ называли. Языки у насъ преподавались по методу Эртеля. Этотъ методъ хорошъ въ рукахъ умнаго учителя, что же касается до нашихъ барабанщиковъ, то они такъ учили, что подъ ихъ руководствомъ забывали языки и тѣ кадеты, которые говорили на иностранныхъ языкахъ дома, до поступленія въ корпусъ.

Изъ русскихъ учителей сороковыхъ годовъ остались въ памяти: Прокоповичъ—другъ Гоголя и почитатель его, Плаксинъ—почитатель Карамзина, Батюшкова, Державина и другихъ, и ненавистникъ Бѣлинскаго и Гоголя, отъ котораго «Петрушкой пахло», какъ говорилъ Плаксинъ. Общій любимецъ кадетъ былъ Иринархъ Введенскій, переводчикъ Теккерея и Диккенса, онъ вносилъ что-то свѣжее въ нашу грамматику и литературу. Помню и заключительную лекцію его; онъ поздравилъ насъ съ окончаніемъ изученія русской грамматики и въ это же время твердо провозгласилъ, что мы все-таки грамматики не знаемъ, потому что нѣтъ «русской» грамматики, и «черезъ 40 лѣтъ ея не будетъ».

Плаксинъ участвовалъ въ литературѣ во времена «Пастушковъ и пастушекъ», «Бѣдной Лизы», «Райской птички» и другихъ плаксивыхъ повѣстей, и онъ разсказывалъ про свое первое знакомство

съ Пушкинымъ. Когда Плаксина отрекомендовали Пушкину, и послѣ нѣсколькихъ свиданій и бесѣдъ Пушкинъ его спросилъ, какъ его настоящая фамилія. Когда же онъ узналъ, что Плаксинъ есть его настоящая фамилія, то съ полнымъ удивленіемъ признался, что онъ всегда «Плаксинъ» считалъ за псевдонимъ и интересовался узнать настоящее имя.

Изъ другихъ предметовъ были: физикъ Чарухинъ, рѣдкостный преподаватель по умѣнію вести дѣло и по любви къ своему предмету; историкъ Макенъ, который, кромѣ официальной исторіи о французской революціи, умѣлъ дать кадетамъ понятіе и о пользѣ революціи для блага народовъ. Если принять во вниманіе, что это было во времена наистрожайшей цензуры 1849—1850 годовъ, то невольно проникаешься уваженіемъ къ этому учителю, который рисковалъ своей карьерой, но не рѣшался врать и морочить юношей, ввѣренныхъ ему для познанія истины. Изъ математиковъ были Германъ, Кирпичевъ и Паукеръ, впослѣдствіи министръ путей сообщенія. Первые двое были полезные учителя, а Паукеръ, хотя и знаменитый математикъ, но не могъ догадаться, что надо учить такъ, чтобы его классъ понималъ.

Военныя науки у насъ преподавались по особымъ программамъ; кадеты въ 17—19 лѣтъ критиковали Наполеона I, восхищались Суворовымъ, Кутузовымъ и всѣми русскими полководцами во всѣ времена и войны. Эти же кадеты критиковали Вобана и не находили ошибокъ въ нашемъ укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ, гдѣ нѣкоторые люнеты были построены горжей къ непріятелю. Намъ преподавали, что вооруженіе русскихъ войскъ есть самое усовершенствованное во всемъ мірѣ. Намъ говорили, что обмундированіе русскаго солдата приноровлено для похода подъ экваторомъ и подъ полюсомъ, его сѣрая шинель сохранитъ отъ солнопека и согрѣетъ отъ мороза. Что же касается до снабженія арміи и до устройства провіантской и комиссаріатской частей, то тутъ настолько все предусмотрѣно, что солдатъ можетъ обойти кругомъ земнаго шара и нигдѣ не почувствуетъ недостатка въ пищѣ, одеждѣ и обуви.

Учителя военныхъ наукъ проходили въ классахъ по программѣ, а въ свободное время говорили иногда «по душѣ». Изъ этихъ разговоровъ мы знали, что, критикуя Вобана на крѣпостяхъ въ сотни милліоновъ франковъ, мы сами не сумѣемъ отличить хорошаго кирпича отъ дурного, потому что у насъ этого не проходятъ. Насъ ботаники учили всякимъ цвѣточкамъ въ Перу и Чили, а мы ни на одномъ русскомъ базарѣ не сумѣемъ купить воза хорошаго сѣна. Зоологъ намъ показывалъ американскихъ букашекъ, а мы лошадь отъ коровы отличимъ только по рогамъ, а между тѣмъ лошадь для насъ, будущихъ офицеровъ, составитъ половину нашего существа.

Ну, чтобы не отвлекаться въ сторону, направлюсь опять къ кадетской жизни. Вся мудрость кадета въ классахъ сосредоточивалась на томъ, чтобы познать слабую сторону учителей. Тутъ товарищество и круговая порука работали во всю; каждый старался оттянуть отъ учителя время для того, чтобы онъ меньше прошелъ, или чтобы меньшее число кадетъ спросилъ. Чихнетъ учитель,—тотчасъ начинаетъ весь классъ шаркать ногами и самымъ вѣжливымъ образомъ желать учителю здоровья. Когда же учитель отвернется или подойдетъ къ классной доскѣ, то внезапно лопается стекло на лампѣ, начинается копоть, одни лѣзутъ тушить лампу, другіе бѣгутъ за ламповщикомъ и, разумѣется, долго его не находятъ. Если же кто скоро найдетъ ламповщика, то такого классъ присуждаетъ къ наказанію «шестованіемъ». Оно состояло въ томъ, что виновнаго клали на длинный столъ внизъ лицомъ; на спину и на ноги его садились 2—3 кадета, и затѣмъ взадъ и впередъ по столу возили виновнаго.

Стекла на прежнихъ масляныхъ лампахъ лопались часто безъ всякой причины, но въ то же время этому помогали и кадеты. Для этого изъ гусиныхъ перьевъ дѣлались маленькія спринцовки, изъ которыхъ брызгали на раскаленное стекло горящей лампы, стекло лопалось, и этимъ средствомъ легко было оттянуть минутъ десять отъ урока или отъ спрашиванія.

Спеціально же при спрашиваніяхъ урока каждый порядочный товарищъ, чтобы оттянуть время и тѣмъ спасти другихъ отъ вопросовъ, долженъ былъ не торопясь встать, медленно обтянуть курточку, еще медленнѣе застегнуть стоячій воротникъ, нѣсколько разъ откашляться, вынуть платокъ, обтереться, и потомъ уже отвѣчать урокъ. Подсказываніе разными способами было въ большомъ ходу.

Нѣкоторые, чтобы спасаться отъ спрашиванія, умѣли производить кровотеченіе изъ носу. Были искусники, которые производили у себя искусственную рвоту. Но были и такіе шалуны, которые и безъ этого искусства подражали естественной рвотѣ и не только отнимали полчаса времени у учителя, но даже вызывали еще въ немъ участіе и состраданіе къ кадету, котораго стошнило.

Хорошо помню, что авторъ этого артистическаго изобрѣтенія былъ Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ («Вѣстникъ Европы» 1900 г., № 11) онъ почему-то умолчалъ объ этомъ, но я рѣшаюсь пополнить. Л. М. Ж. принесъ изъ отпуска банку ревельскихъ килекъ, которыя быстро съѣдены были, а банку онъ пустилъ въ оборотъ. Ее брали къ столу, въ нее крошили черный хлѣбъ, сливали остатки щей, складывали огуречные обрѣзки, говяжьи жилки и сало, разбавляли все квасомъ, хорошо все перемѣшивали, завязывали банку пузыремъ и вмѣстѣ съ книгами и шапкой проносили въ классъ.

Когда подходила очередь обладателю банки отвѣчать урокъ, то онъ низко наклонялъ голову подъ столъ, голосомъ и конвульсіями подражалъ тошнотѣ, и въ это же время вытряхалъ жидкость изъ банки. Кадеты, разумѣется, вскакивали съ мѣстъ, чтобы окружить его густой толпой; брезгливый учитель удалялся къ окну, отворачивался отъ этой сцены, сосѣди прятали банку, а кто нибудь бѣжалъ за сторожемъ, чтобы его подольше не находить. Наконецъ, приходитъ сторожъ съ пескомъ, лоткомъ и метлой, начиналась возня и уборка, а сердобольный учитель спрашивалъ, почему же онъ, больной, не идетъ въ лазаретъ. Кадеты отвѣчаютъ, что у насъ въ лазаретъ принимаютъ только того, кто близокъ къ смерти.

Банка больше мѣсяца гуляла по всѣмъ классамъ и многихъ спасала отъ единицъ и нулей. Но наконецъ, наполненная и завязанная пузыремъ, банка была найдена у какого-то кадета и составила общее недоумѣніе начальства, которое никакъ не могло догадаться, для какой потребы могло служить содержимое банки. Остроумнѣе всѣхъ рѣшилъ капитанъ Бекманъ. Онъ авторитетно сказалъ,что это несутъ обѣдъ для тѣхъ кадетъ, которые были наказаны «безъ обѣда». Хотя другіе говорили, что этого и свиньи не будутъ ѣсть, но Бекманъ, какъ старшій въ чинѣ, переспорилъ, банку отобрали и уничтожили.

Съ учителями разсѣянными, говорливыми или мало опытными легко было справляться и оттягивать время отъ уроковъ. Такъ, напримѣръ, полковникъ Лука Лукичъ Германъ, преподаватель геометріи, получилъ разъ какой-то крестъ на шею; чуть не полгода кадеты шаркали и поздравляли его съ царскою милостію. Когда же онъ это запретилъ, то сѣренькій вышелъ къ нему, набожно перекрестился и приложился къ ордену. Понятно, что сейчасъ же нашлись подражатели, которые тоже подходили и прикладывались, пока Германъ не опомнился и не водворилъ порядка.

Это все продѣлывалось въ среднихъ классахъ кадетами отъ 14 до 16 лѣтъ. Но дурачились и въ старшихъ классахъ, за годъ и за два до офицерства. Такъ, помню, какъ Можайскій и Висягинъ поймали въ саду какую-то скверную собаченку, наловили въ ней блохъ цѣлое гусиное перышко; морили этихъ блохъ голодомъ недѣлю и потомъ высыпали ихъ на нѣмецкаго учителя Альберса. Сдѣлано было это въ присутствіи всего класса, и, понятно, каждое почесываніе нѣмца вызывало общее веселіе и смѣхъ.

Осталась въ воспоминаніяхъ и лагерная жизнь: гулянье въ Александріи, гдѣ лѣтомъ жила царская семья, и куда пускали только однихъ кадетъ; пріѣздъ въ Петергофъ Ермолова, кавказскаго героя; телеграммы царя изъ Варшавы во время венгерской кампаніи; чествованіе Паскевича, смотръ горной батареи и др.

Пріѣздъ Ермолова въ Петергофъ, гдѣ стояли кадеты лагеремъ, совпалъ съ иллюминаціей петергофскаго сада по случаю свадьбы

великой княжны Ольги Николаевны съ принцемъ Карломъ Виртембергскимъ. Кадеты знали доблести Ермолова, какъ подъ Бородиномъ на Семеновскомъ редутѣ, такъ и на Кавказѣ. Его рукописныя записки о войнѣ 1812 годѣ ходили по рукамъ кадетъ весьма секретнымъ образомъ. Знали мы, что Ермоловъ въ опалѣ по чьимъ-то проискамъ; а басню Крылова «Конь и Всадникъ» многіе знали наизусть. Ко всему этому присоединилась новая острота, которую приписывали Ермолову. Именно, во время иллюминаціи на великолѣпномъ щитѣ красовался вензель новобрачныхъ: О. К., но будто бы Ермоловъ прочиталъ эти буквы «нуль казны». Вездѣ, гдѣ появлялся Ермоловъ, кадеты всѣхъ корпусовъ и училищъ стремглавъ бросались къ нему и окружали его густой толпой.

Электрическихъ телеграфовъ не было въ 1848 году, а оптическія телеграммы отъ Варшавы до Петергофа часто прерывались ливнями, туманами, пылью и другими препятствіями для подзорныхъ трубъ, на разстояніяхъ 30 и 40 верстъ отъ башни къ башнѣ. Разъ пріѣхала государыня Александра Ѳеодоровна въ кадетскій лагерь; противъ Перваго корпуса остановилась ея коляска, она подозвала къ себѣ весь отрядъ въ $2^1/_2$ тысячъ кадетъ и подала ближайшему кадету Висягину телеграмму, чтобы онъ прочелъ ее громко. Висягинъ вскочилъ на запятки и прочелъ: «Ура! мы побѣдили; подъ Дебречиномъ разбиты венгерцы, отбито восемь пушекъ, Костя [1]) получилъ Георгія, Купріянову оторвало ногу». Понятно, что эта телеграмма вызвала въ кадетахъ восторженное «ура», а затѣмъ отпускъ и гулянье кадетъ на три дня.

Послѣ Венгерской кампаніи, въ 1849 году, государь Николай Павловичъ назначилъ парадъ на переднемъ полѣ кадетскаго лагеря. До пріѣзда государя былъ отданъ приказъ, чтобы при встрѣчѣ государя знаменамъ салютовать, но «ура» не кричать, музыкѣ играть «Боже, царя храни». Когда же всѣмъ отрядомъ будетъ командовать самъ государь, то знаменамъ салютовать, кричать ура, а музыкѣ играть царскую встрѣчу.

Мы не знали, для чего эти предупрежденія. Государь пріѣхалъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ Паскевичемъ. Пѣшкомъ обошелъ весь отрядъ; затѣмъ, ставъ со своей свитой передъ серединой фронта, вынулъ свою шпагу, скомандовалъ: на краулъ! знамена отсалютовали, отрядъ кричалъ «ура», а въ это время государь подошелъ къ Паскевичу, опустилъ передъ нимъ свою шпагу и подалъ рапортъ. При такихъ неслыханныхъ царскихъ почестяхъ Паскевичъ снялъ каску и все время кланялся царю въ поясъ, пока государь не обнялъ и не поцѣловалъ его передъ фронтомъ.

Въ этотъ же годъ была сформирована горная батарея съ единорогами, которые навьючивались на сѣдла лошадей. Государь на-

---

[1]) Великій князь Константинъ Николаевичъ.

значилъ ей смотръ на переднемъ полѣ кадетскаго лагеря и, какъ новинку, подозвалъ всѣхъ кадетъ смотрѣть эволюціи батареи. Кадеты стояли толпой, окружили государя, его свиту и батарею, такъ что мѣшали свободному движенію. Государь Николай Павловичъ нѣсколько разъ кричалъ кадетамъ: «осадите назадъ! дайте больше кругъ!». Кадеты попятятся немного, но, какъ толпа, опять лѣзутъ впередъ и кругъ для смотра дѣлаютъ все меньше и меньше. Тогда государь своимъ мощнымъ голосомъ крикнулъ: «Смирно! слушать моей команды! На-лѣво, кру—гомъ! Скорымъ шагомъ маршъ!». Когда по этой командѣ кругъ достаточно расширился, то государь скомандовалъ: «Стой! На-лѣво кру—гомъ! Стоять вольно! Съ мѣстъ не сходить!» Эта находчивость государя такъ понравилась кадетамъ, что весь отрядъ, какъ одинъ человѣкъ, гаркнулъ самое задушевное восторженное «ура».

Послѣ лагернаго сбора 1850 года всѣхъ выпускныхъ произвели въ офицеры, и тѣ, которые остались на службѣ, въ 1900 году отпраздновали свои пятидесятилѣтніе юбилеи.

Въ эти полвѣка мы пережили Крымскую войну, освободили крѣпостныхъ крестьянъ, завоевали Кавказъ, побывали у стѣнъ Константинополя, расширили свои владѣнія въ Средней Азіи и твердо стали на берегахъ Китайскаго моря. Эти успѣхи не помѣшали, однако, сознать свои ошибки въ воспитаніи кадетъ и присоединиться къ той педагогіи, которая стала на научную почву для подготовки молодежи къ военнымъ цѣлямъ.

Н. А. Крыловъ.

ПО СЛѢДАМЪ ГОЛОДА [1].

(Изъ воспоминаній очевидца).

XXVII.

На гужевой перевозкѣ.

ШИРОКАЯ, наѣзженная, мѣстами съ глубокими выбоинами, дорога. По бокамъ залегаютъ глубокіе сугробы снѣга, тяжелаго, безстрастнаго, завалившаго не одну тысячу безмолвно голодающихъ, безмолвно болящихъ и безмолвно умирающихъ деревень.

Иногда мы обгоняемъ какую нибудь лѣниво шагающую, худую, измученную, съ всклоченной шерстью и проступающими костями (годную развѣ лишь для изученія по ней остеологіи, а никакъ не для продуктивной работы) лошадь, тяжело тащащую пустыя сани. Рядомъ съ нею также тяжело и понуро выступаетъ владѣлецъ ея въ драномъ азямѣ, опоясанномъ потерявшимъ первоначальный цвѣтъ кушакомъ, и въ рваной шапченкѣ на головѣ. Онъ апатично обертывается на звонъ колокольчиковъ нашего возка, безучастнымъ взоромъ встрѣтится съ нашими любопытными взглядами, сдернетъ съ головы шапченку вмѣсто поклона и также безучастно проводитъ глазами насъ.

Иногда этого самаго мужиченку мы видимъ лежащимъ и спящимъ въ саняхъ. Лошаденка его стала поперекъ дороги, завер-

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 538.

нула къ сугробу и стоитъ, уткнувши морду въ жесткій, колючій, холодный снѣгъ.

— Степанъ, вытяни его кнутомъ,—лукаво улыбаясь, говоритъ ямщику мой спутникъ, знакомый врачъ.

Степанъ оборачивается и съ недоумѣніемъ смотритъ на насъ.

— Пошто?—затѣмъ спрашиваетъ онъ.

— А чего онъ спитъ?—продолжая также лукаво улыбаться, говоритъ докторъ.—Пьяный, должно быть.

Степанъ еще разъ взглядываетъ на насъ и потомъ недовольно поворачивается лицомъ впередъ.

— Пьяный...—слышимъ затѣмъ мы его недовольное ворчаніе.— Будешь теперь пьянъ... Съ голоду-то хуже пьянаго будешь...

Докторъ, посмѣиваясь, взглядываетъ на меня, и мы оба улыбаемся.

— Вы были на гужевой перевозкѣ?—затѣмъ спрашиваетъ онъ меня.

— Нѣтъ. Въ первый разъ ѣду туда,—отвѣчаю я.

— Интересно посмотрѣть, какъ тамъ...

— Убѣдиться въ томъ, лѣнтяйничаетъ ли мужикъ?—усмѣхаюсь я.

— Говорятъ,—съ досадой, передернувъ плечомъ, отвѣчаетъ онъ.

Кама въ тотъ годъ такъ внезапно замерзла, что никто этого не ожидалъ. Много баржей, шедшихъ съ хлѣбомъ въ голодающія Вятскую и Уфимскую губерніи, были застигнуты у самаго устья рѣки и не могли слѣдовать дальше. А, между тѣмъ, хлѣбъ необходимо было переправить дальше, если не воднымъ, то сухимъ путемъ. Здѣсь, само собою, возникла мысль о гужевой перевозкѣ его въ упомянутыя губерніи.

Рѣшено было привлечь къ этому дѣлу ближайшія къ Затону и Переволокѣ (двѣ волжскія пристани нашего уѣзда) селенія.

И вотъ въ мою амбулаторію потянулись цѣлыя вереницы мужиковъ, ведущихъ на поводу своихъ отощавшихъ, еле идущихъ— и то только по вѣтру—одровъ.

— Ваше благородіе, будьте отцомъ роднымъ, милостивецъ, дайте квитокъ?—просилъ мужикъ.

— Какой квитокъ?

— А свидѣтельство, значитъ... Насъ вонъ урядникъ гонитъ перевозить съ Переволоки хлѣбъ въ Матаки... А какъ его на такомъ одрѣ повезешь?... Енъ и десять верстъ не сдѣлаетъ,—подохнетъ... Взгляните сами, каковъ работникъ...—тычетъ онъ кулакомъ въ брюхо «живота», еле стоящаго, понуря голову, на своихъ ослабѣвшихъ ногахъ, съ торчмя стоящей шерстью, съ мутнымъ стеклянымъ взоромъ, рельефно выпячивая при каждомъ вздохѣ свои ребра и пошатываясь изъ стороны въ сторону.

— Какой же онъ есть вспомогатель?... Ежели бъ его подкормить, такъ онъ бы еще ничего... А теперича какой лядъ изъ него?..

Дѣйствительно, «вспомогатель» былъ очень плохой.

— Что же ты съ этимъ свидѣтельствомъ будешь дѣлать?—спрашиваешь такого «вспомогателя».

— Къ исправнику его предоставлю... Пусть ослобонитъ отъ перевозки...

Пожимаешь плечами и пишешь на клочкѣ бумаги, что лошадь Алексѣя Безпортова настолько истощена, что её невозможно употребить для извоза, хотя самъ сильно сомнѣваешься въ благомъ воздѣйствіи такого «свидѣтельства» на нашу уѣздную полицію.

Иногда, проходя мимо дома уѣзднаго исправника, случалось быть свидѣтелемъ сценъ, какъ нашъ обыкновенно добродушный исправникъ, весь потрясываясь своей низенькой толстой фигуркой, кричалъ до хрипоты и топалъ ногами на кучку какихъ-нибудь никольцевъ или безднинцевъ, пришедшихъ просить, чтобы ихъ «ослобонили отъ гужа», грозя имъ всѣми административными воздѣйствіями, чуть вплоть не до Сибири включительно.

Такое массовое желаніе освободиться отъ новой возлагаемой на крестьянство повинности происходило вслѣдствіе распространившагося по деревнямъ мнѣнія, что возка эта будетъ обязательной и безплатной, нѣчто въ родѣ временной натуральной повинности. Поэтому было вполнѣ естественно, что крестьяне желали освободиться отъ нея. Но затѣмъ, когда имъ было разъяснено, что этотъ трудъ ихъ будетъ не безвозмездный, что они будутъ получать по три копейки на лошадь за версту за двадцать пудовъ клади, отношеніе къ гужевой перевозкѣ тотчасъ же измѣнилось.

Направляясь въ настоящую минуту къ Переволокѣ, мы встрѣчали по дорогѣ много ѣдущихъ туда крестьянъ. Все это были желающіе получить работу. Чѣмъ ближе къ Переволокѣ, тѣмъ ихъ было больше.

Возокъ съ разбѣгу нырнулъ въ какой-то ухабъ, взбѣжалъ на пригорокъ, и скрывавшаяся до того картина раскрылась передъ нашими глазами.

Все пространство, вплоть до обрывистаго берега Камы, было усѣяно крестьянскими розвальнями и двигающимися черными точками. Вдали за обрывомъ виднѣлись верхушки мачтъ замерзшихъ баржей, чернѣвшихъ своими темными остовами на бѣломъ снѣгѣ рѣки. На самомъ берегу стояло нѣсколько избъ, изъ которыхъ то и дѣло выбѣгали мужики. Много ихъ спускалось по сходнямъ съ баржей, нагруженные мѣшками съ хлѣбомъ, которые они укладывали въ сани. Въ воздухѣ порой стояла крѣпкая ядреная русская ругань. Все это двигалось, шумѣло, переругивалось, смѣялось, жило...

Мы въѣхали въ это человѣческое море. Куда ни смотрѣли мы, вездѣ виднѣлись оживленно двигающіяся фигуры и оживленныя лица,—и каждый изъ насъ думалъ:

— Такъ вотъ какой лѣнтяй, этотъ голодный мужикъ!..

Мы подъѣхали къ одной изъ избъ. Около нея толпилась масса мужиковъ съ кнутами въ рукахъ и за поясомъ. Нѣкоторые ходили или подпрыгивали на мѣстѣ, колотили рука объ руку, чтобы разогрѣть свои стынущіе на тридцати-градусномъ морозѣ члены. Другіе сидѣли на крыльцѣ избы. Въ числѣ ихъ виднѣлось нѣсколько бабъ.

— Ты чего же пришла?—на ходу спросилъ докторъ одну изъ нихъ.—Съ мужемъ, что ли?

— Пошто съ мужемъ... Мужа нѣтъ у меня,—отвѣчала она.—По себѣ пріѣхала...

— Она у насъ, ваш-бродіе, замѣсто мужика работаетъ,—сказалъ одинъ изъ стоящихъ подлѣ мужиковъ.

— Захочешь ѣсть, такъ и за медвѣдя станешь ломать,—сказала баба.

Мы вошли въ избу. Это было нѣчто въ родѣ конторы. Она была биткомъ набита народомъ. За столомъ сидѣли двое приказчиковъ и выдавали накладныя.

— Ужъ ты выдай мнѣ, пожалуйста, Андрей Семенычъ,—просилъ приказчика среднихъ лѣтъ мужикъ въ желтомъ зипунѣ, протискавшись къ самому столу.—Второй день здѣсь ожидаю.

— Нельзя, старикъ, и пораньше тебя люди ѣсть,—отвѣчалъ приказчикъ.—Жди своей очереди.

— Да вѣдь со жданьемъ-то проѣшься весь здѣсь...

— Ждать надо, ничего не подѣлаешь...

— Издалека ты?—спросилъ я старика.

— Жедяевскіе мы, ваш-бродіе,—кланяясь отвѣчалъ онъ.

Мы переглянулись: это было верстъ пятьдесятъ отсюда и совершенно въ сторонѣ отъ тѣхъ путей, по которымъ долженъ слѣдовать хлѣбъ.

— Да ты чего изъ такой дали-то пріѣхалъ?

Старикъ осклабился.

— Да ѣсть-то всѣмъ, чать, хотца, ваш-бродіе... Способовъ, какъ есть, никакихъ не стало... Ну, и мы тоже въ извозъ... Благо, дѣло сподручное...

Лѣнтяй мужикъ не поѣхалъ бы изъ такого дальняго мѣста за работой, которая не даетъ ему много заработка, изъ котораго еще чуть не половину онъ долженъ затратить на себя и на лошадь.

— Для Ивана Степаныча Онучина десять накладныхъ дайте,—безъ церемоніи расталкивая толпу, протискался къ столу какой-то мужикъ, видимо изъ дворовыхъ.

— Вотъ какъ,—сквозь зубы процѣдилъ докторъ.—И помѣщики на заработки пошли тоже...

Дѣйствительно, много помѣщиковъ выслало своихъ лошадей для перевозки хлѣба. Это наводило на нѣкоторыя мысли.

Гужевая перевозка была организована, какъ съ цѣлью доставить хлѣбъ на мѣсто назначенія, такъ и съ цѣлью дать зарабо-

токъ нуждающемуся населенію. Какъ откликнулось на это населеніе, это было передъ нашими глазами. Мужикъ, увидавъ работу, соотвѣтственную своимъ силамъ и способностямъ, не задумываясь, взялся за нее и явился въ громадномъ количествѣ, ожидая своей очереди по нѣскольку дней. Увидавъ въ гужевой перевозкѣ хорошее средство заработать, за это взялись и помѣщики, выславъ во множествѣ своихъ экономическихъ лошадей.

Я не хочу никого обвинять и дѣлать шаткихъ предположеній, но не думаю, чтобы и здѣсь не было случаевъ того же, что такъ часто бываетъ въ деревнѣ при столкновеніи барина и мужика на почвѣ общихъ интересовъ, т.-е. предпочтеніе барина передъ мужикомъ. Но, кромѣ того, этимъ создавалось еще и то, что благая цѣль не вполнѣ достигалась, такъ какъ часть этого рода помощи шла не туда, куда слѣдуетъ, т.-е., къ мужику.

Мы вышли изъ этой избы и направились къ другой.

Это былъ баракъ, гдѣ возчики могли грѣться, ожидая клади. Тамъ же была и чайная, гдѣ за грошевую плату можно было получать чай съ хлѣбомъ. Такія же чайныя были и на другихъ пунктахъ слѣдованія гужа.

Десятка полтора-два мужиковъ сидѣли за столами и, обливаясь потомъ, пили чай, прикусывая почернѣвшими кусочками сахара.

Мы остановились и стали смотрѣть.

— Дядя Иванъ,—вбѣгая, закричалъ какой-то мальчуганъ, внося за собою цѣлый клубъ морознаго пара.—Айда́ скорѣе... Твой чередъ...

Рыжій мужикъ сорвался съ мѣста и, запихивая за пазуху чепана остатки хлѣба и сахара, побѣжалъ къ двери.

— Куда ты?—окликнулъ его докторъ.—Остынь: простудишься еще.

Мужикъ остановился, поглядѣлъ мгновеніе на насъ, затѣмъ махнулъ рукой и на ходу сказалъ:

— Неколи... Еще чередъ пропустишь...

И выбѣжалъ вонъ.

— Пойдемте на баржи,—предложилъ докторъ.

Мы отправились на берегъ.

На сходняхъ было подобіе муравейника. Сходились, расходились, сталкивались, переругивались.

На одной изъ баржей мы увидали какого-то высокаго мужчину съ рыжей бородой. Онъ что-то кричалъ на возчиковъ, стоявшихъ передъ нимъ. Увидя насъ, онъ усилилъ свой крикъ, желая, должно быть, разыграть въ нашихъ глазахъ большое начальство.

— Кто это? — спросилъ докторъ одного изъ мужиковъ, кивая головой на кричавшее «начальство».

— А это онъ распоряжается насчетъ хлѣба, — получили мы въ отвѣтъ.

— Аспидъ,—немного погодя, добавилъ мужикъ.

— А что?

— Коли пятака ему не дашь, ни въ жисть въ очередь не поставитъ, иродъ... И околачивайся день альбо два здѣся...

— Вотъ какъ...

— Какъ есть... А сами, господа честные, посудите, развѣ намъ можно день потерять?.. Овесъ-отъ онъ рупь серебра стоитъ... Да самому-то чего ни на есть нужно... Ну, и дашь ему, ироду, только бы отпустилъ скорѣй...

— Одинъ изъ сотни паразитовъ,—проворчалъ сквозь зубы мой спутникъ.

Когда мы возвращались назадъ, по дорогѣ тянулся длинный гужъ вововъ. Отдохнувшія и подкормившіяся лошаденки бодро тащили кладь. Да и мужички какъ будто веселѣе поглядывали.

Въ общемъ, гужевая перевозка, если не много, то нѣсколько поправляла обстоятельства нуждающихся крестьянъ, давая имъ довольно порядочный заработокъ. Кромѣ того, она наглядно показывала, что мужикъ не лѣнтяй, не «лодарь», а готовъ работать, если только работа подходитъ къ его способностямъ, силамъ — и она должна бы разъ навсегда заткнуть рты тѣмъ господамъ, которые любятъ говорить о «дармоѣдѣ» и «лѣнтяѣ» мужикѣ.

XXVIII.

„Акробаты благотворительности".

Какъ-то разъ, будучи въ тотъ годъ въ нашемъ губернскомъ городѣ, я, сидя у одного своего знакомаго, пріѣхавшаго сюда хлопотать о чемъ-то за голодающихъ, просматривалъ газеты.

Случайно въ мѣстномъ органѣ печати «Казанскій Телеграфъ» я наткнулся на письмо какой-то барыни-помѣщицы къ одному изъ городскихъ священниковъ.

— Послушайте-ка, что пишетъ эта барыня,—сказалъ я знакомому и прочиталъ слѣдующее мѣсто:

«Простите, пожалуйста, батюшка, что я, не будучи съ вами знакома, рѣшилась безпокоить васъ просьбой. У васъ такъ много добрыхъ знакомыхъ въ городѣ, что вамъ, вѣроятно, удастся склонить нѣкоторыхъ помочь нашему дѣлу. Здѣшній народъ такъ стѣсненъ недородомъ хлѣба, что удовлетворить всѣхъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Но оставаться въ бездѣйствіи, видя такое горе среди крестьянъ, не терпитъ душа. И вотъ мы додумались помочь питанію хотя бы школьныхъ дѣтей и хотимъ варить для нихъ кофе изъ желудей, напитокъ, который, какъ вамъ, быть можетъ, извѣстно, очень питательный. Дочь моя, изъ закупленнаго для своего хозяйства, даетъ намъ желудей нужное количество; посуду и молоко мы доставимъ. Но къ вамъ обра-

щаемся съ просьбой походатайствовать у гг. Унжениныхъ о пожертвованіи сахаромъ» и т. д.

Мой знакомый, выслушавъ эту выдержку, улыбнулся.

— Ну, да... Вотъ они, эти «акробэты благотворительности»,— сказалъ онъ затѣмъ.—У ребятишекъ животы подводитъ, въ кишкахъ претъ оттого, что у нихъ нѣтъ тамъ хлѣба, а барыня-благодѣтельница будетъ ихъ поить «питательнымъ напиткомъ изъ желудей»... Да какой онъ чортъ питательный безъ хлѣба-то?.. А въ письмѣ-то она о томъ, что не мѣшало бы къ «питательному напитку» еще по кусочку хлѣба, ни полъ-слова?... Какъ же,—благодѣтели: «дочь даетъ изъ своихъ запасовъ нужное количество желудей»... Ужасно облагодѣтельствовала: ведро-то желудей набрать въ лѣсу только пятакъ стоитъ!.. А сколько ребятишекъ она этимъ ведромъ-то напоитъ, хотя бы даже стала дѣлать этотъ кофе «по-турецки»?... И вѣдь, поди, эта барыня съ дочкой чувствуютъ себя «спасительницами отечества», избавительницами малыхъ сихъ отъ голодной смерти и будутъ требовать, чтобы за эту нищенскую, грошевую подачку голодающій чувствовалъ ихъ «благодѣяніе»...

Я разсмѣялся.

— Ну, чего вы злобствуете?—сказалъ я.—Ну, пусть хоть что нибудь сдѣлаютъ для голодающихъ, чѣмъ ничего.

— Вы такъ думаете?.. Ну, а я иначе... Вотъ я немало вожусь съ голодающими да разными господами «благодѣтелями» разныхъ оттѣнковъ и знаю, какія могутъ быть послѣдствія отъ этого «акробато-благотворительскаго» «питательнаго напитка»: про эту деревню, гдѣ ребятишки будутъ распивать этотъ «кофій», будутъ говорить, что тамъ нуждающееся населеніе получаетъ помощь. И потому никто тамъ не устроитъ раціональной помощи, такъ какъ тамъ ребятишки получаютъ «питательный напитокъ»... А, быть можетъ, эта деревня болѣе нуждающаяся, чѣмъ другая, въ которой функціонируетъ столовая или питательный пунктъ...

— Много у насъ теперь этихъ «акробатовъ благотворительности» развелось,—немного помолчавъ, продолжалъ онъ.—У другого чуть не съ бранью прямо изъ глотки вырвешь пятишницу или нѣсколько пудовъ муки, такъ онъ ужъ себя чуть ли не «спасителемъ отечества» начинаетъ мнить, воображать, что существенную помощь оказалъ. На совѣщаніяхъ и собраніяхъ горло больше всѣхъ тотъ деретъ, кто меньше всего далъ... А знаете, какъ иные въ «спасители отечества» попадаютъ? Имѣется, положимъ у какого нибудь Икса зерно. Почему либо проростать начинаетъ. Продать,—никто не купитъ. Одно остается: выбросить. Но зачѣмъ его выбрасывать, когда, благодаря ему, можно въ «спасители отечества» попасть?.. Вотъ онъ и «жертвуетъ» его голодающимъ...

— Но, если этотъ хлѣбъ негоденъ, его можно и не принимать вѣдь.

Мой собесѣдникъ махнулъ рукой.

— Вздумали чего... Когда нѣтъ ничего,—и этому радъ бываешь...

— И кормили?

— Всяко бывало,—уклончиво отвѣчалъ онъ.

— А попробуйте-ка отказаться, — продолжалъ онъ дальше. — Сразу въ «несочувствующіе» попадете. Вотъ мнѣ разъ одинъ изъ нашихъ мѣстныхъ кулаковъ «пожертвовалъ» большую партію мяса. Съ осени онъ прирѣзалъ много скота и хотѣлъ по веснѣ продать мясо свѣжимъ, ожидая, конечно, что оно поднимется въ цѣнѣ. А такъ какъ зимой были то оттепели, то опять морозы, — ну, мясо и «тронулось». Куда его? Продавать? Никто не купитъ. Вотъ онъ и «жертвуетъ» его въ «сиротское призрѣніе». Я, конечно, отказался было отъ такого мяса. Ну, въ комитетѣ цѣлый скандалъ и разговоры на ту тему, что мужикъ и въ неголодное-то время рѣдко видитъ мясо, и что съ моей стороны чуть не преступленіе отказаться отъ такого «щедраго пожертвованія». Я имъ говорю, что мужикъ, наѣвшись такого мяса, можетъ заболѣть, получить разстройство пищеварительныхъ органовъ, коллибациллозъ и тому подобныя прелести... А мнѣ въ отвѣтъ разсужденія о «луженомъ мужицкомъ желудкѣ»... Вотъ поди и толкуй съ такими господами!..

Дѣйствительно, «акробатовъ благотворительности» въ тотъ годъ у насъ развелось немало. Всякому лестно было, если про него говорили, что онъ тоже причастенъ къ дѣлу помощи голодающимъ, хотя на самомъ дѣлѣ эта помощь съ его стороны была помощью мухи на рогахъ... И я увѣренъ, что даже теперь эти «благодѣтели» не безъ гордости указываютъ на свое прикосновеніе къ этой помощи,—и «мы, дескать, тоже пахали».

Одного такого «благодѣтеля» я видѣлъ въ тотъ годъ.

Случайно мнѣ пришлось быть въ экономіи Захара Степановича Погремушкина.

— Человѣкъ образованный,—рекомендовали мнѣ его.—Служилъ когда-то по административной части, да за свои мнѣнія долженъ былъ выйти въ отставку. У насъ демократомъ считается.

И вотъ я какъ-то разъ завернулъ къ этому уѣздному демократу.

За обѣдомъ онъ сталъ жаловаться, какъ плохо теперь въ деревнѣ, вездѣ тифъ, цынга—и мало помощи. Громилъ администрацію за то, что та такъ долго замалчивала голодъ, что она ставитъ препятствія частной помощи, что мало желающихъ поработать на деревню, что мало средствъ. Ругалъ не признающихъ голода и говорящихъ объ «оргіи благотворительности».

— Хорошій, должно быть, человѣкъ,—думалось мнѣ.

А такихъ хорошихъ людей въ то время еще было такъ мало, смѣлыхъ рѣчей совсѣмъ не было слышно, всѣ чего-то боялись или ждали. А тутъ вотъ сидитъ человѣкъ и высказываетъ свое негодованіе совершенно незнакомому человѣку, не боясь того, что по-

слѣдній можетъ пересказать его рѣчи въ городѣ, откуда разными «охранителями» и «пресѣкателями» онѣ могутъ передаться въ губернію—и на смѣлаго либерала взглянутъ косо.

— А какъ все это замалчивать?—продолжалъ Захаръ Степановичъ.—Право, кажется, если бы не дочка, рубашку снялъ бы съ себя да отдалъ голодающимъ...

— Ну, право же, хорошій человѣкъ,—умилялся я въ душѣ.

— Какъ ни какъ, а все жъ я изъ своихъ достатковъ помогаю мужику,—продолжалъ онъ.—Вонъ у меня соломы много осталось. Неужели же мнѣ продавать ее мужику, какъ дѣлаютъ нѣкоторые господа-землевладѣльцы (при этомъ его голосъ принялъ ироническій оттѣнокъ)? На ней много-то не наживешь. Я и позволяю мужику брать ее для скотины. Сдѣлай одолженіе — бери, сколько можешь отнести. На лошади везти не дамъ, а нести—неси, сколько хочешь... Вонъ,—указалъ онъ рукой въ окно,—вонъ здѣшній мужикъ несетъ мою солому... Бери, сколько хочешь... Мнѣ не жалко... Отчего не помочь мужику?..

Уѣзжая отъ Погремушкина, я спросилъ своего ямщика:

— Ты видалъ, какъ мужики солому брали въ экономіи?

— А какъ же,—отвѣчалъ тотъ.—При мнѣ на веревку вязали... Только ужъ и солома...—покачалъ онъ головой.

— А что?

— И шутъ его знаетъ, откелева онъ такой набралъ?.. Черная, пречерная, гнилая совсѣмъ... Должно быть, годовъ пять гноилъ её...

Вотъ оказывается, какой соломой благодѣтельствуетъ мужикамъ Погремушкинъ.

— Бери, мнѣ нежалко,—вспомнились мнѣ его слова.

То-есть, нà тебѣ, небоже, что намъ негоже!

А погоня за суррогатами? Предложеніе даже «людьми науки» разной неудобоваримой дряни, которою будто бы можно насытить человѣка? Развѣ это не есть своего рода «акробатство благотворительности»? Я уже разсказалъ въ предыдущихъ очеркахъ о нѣкоторыхъ, встрѣчавшихся мнѣ въ тотъ годъ, суррогатахъ, до которыхъ народъ самъ додумался, отъ желудей и дуранды до гнилушекъ и осиноваго листа включительно. А тутъ еще разные «умные люди» предлагаютъ иную разную дрянь, которою можно будто бы «отлично» питаться. У меня еще до сихъ поръ хранится вырѣзка изъ «Московскихъ Вѣдомостей» съ слѣдующимъ страннымъ проектомъ (правда, эта вырѣзка относится къ прошлому, 1891-го года, голоду, но отъ этого она не теряетъ своего колорита):

«Изъ губерній, постигнутыхъ неурожаемъ, приходятъ все неутѣшительныя вѣсти. Пишутъ, что не только (!) людямъ ѣсть нечего, но и скота кормить нечѣмъ. Лошади, коровы и другія домашнія животныя продаются за безцѣнокъ: за треть и за четверть нормальной стоимости. Безъ скотины крестьянину нечего дѣлать

Принимаются нѣкоторыя мѣры къ сохраненію скота: предлагаются различныя искусственныя смѣси въ качествѣ суррогатовъ для его прокормленія, до древеснаго листа включительно. Между тѣмъ, существуетъ естественный суррогатъ, особенно пригодный для рогатаго скота. Мы разумѣемъ отбросы овощей (капусты, рѣпы, моркови и т. под.), представляющіе довольно питательную пищу. Коровы ѣдятъ охотно ихъ, но послѣ извѣстнаго приготовленія (отбросы слѣдуетъ промыть и посыпать солью), овцы же—прямо безъ всякаго приготовленія.

«Москва потребляетъ массу овощей, и мы думаемъ, что, если бы было назначено нѣсколько пунктовъ для сбора овощныхъ отбросовъ, то домовладѣльцы охотно стали бы доставлять ихъ для отсылки по назначенію, тѣмъ болѣе, что за вывозъ имъ приходится платить немалыя деньги, особенно при многолюдныхъ помѣщеніяхъ».

Ужъ именно—дешево и сердито: и домовладѣльцамъ выгодно, и голодающій скотъ, пожалуй, даже и самихъ голодающихъ покормить можно.

А «изысканія» медицинскаго департамента относительно «питательнаго хлѣба» изъ желудей, на что я уже указывалъ выше? А цѣлый рядъ статей о «пригодности» того или другого суррогата?

Погоня за суррогатами представляетъ собою любопытную страницу въ эпопеѣ голоднаго года,—страницу, требующую, пожалуй, особаго изслѣдованія.

Я не буду говорить о «питательности» суррогатовъ. Это и безъ меня читатель хорошо знаетъ. Но иногда приходилось слышать и читать, что суррогатъ дешевле. Вотъ аргументъ. Если у насъ возгорится война съ кѣмъ нибудь, то развѣ станемъ мы считать деньги на обмундировку и продовольствіе войскъ? Но вѣдь голодъ еще страшнѣе войны. Жизнь, силы, здоровье и благосостояніе многихъ сотенъ тысячъ голодающихъ стѣятъ неизмѣримо дороже тѣхъ милліоновъ, которые будутъ затрачены на нихъ. О дешевизнѣ тутъ говорить нечего, а надо лишь помогать и помогать larga manu, не боясь того, что помощь попадетъ недостойнымъ: вѣдь дармоѣдовъ и любителей дарового кормленія лишь капля въ общей массѣ истинно нуждающихся.

XXIX.

Безпокойные.—Безпокойный земецъ.

«Безпокойныхъ людей» въ то время у насъ было немало. Они проявились съ самаго начала обнаруженія неурожая и мѣшали многимъ изъ «сильныхъ міра» оставаться спокойными относительно столь желаннаго имъ «всеобщаго благополучія». Эти «безпокойные» тревожили ихъ своими настойчивыми напоминаніями

сначала о неурожаѣ, затѣмъ о голодѣ и его грозныхъ спутникахъ—тифѣ и цынгѣ. Иногда эти «безпокойные» за свою настойчивость узнавали и тяжесть карающей руки. Въ сущности вѣдь независимыхъ людей очень мало, и всякій такъ или иначе зависитъ отъ другого. И вотъ, благодаря такой-то зависимости, иногда предпринимались противъ «безпокойныхъ людей» различные своеобразные «воздѣйствія», только и возможныя въ нашихъ глухихъ углахъ и о которыхъ мы узнавали только случайно, такъ какъ «воздѣйствующіе» все-таки стыдились открыто «воздѣйствовать».

Безпокойные элементы встрѣчались вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества: и вверху и внизу. И вездѣ на нихъ глядѣли, конечно, косо. Ихъ обвиняли въ желаніи «муссировать нужду», «преувеличивать истинное положеніе дѣлъ», подозрѣвали иногда въ какихъ-то «заднихъ цѣляхъ» (иногда даже грязнаго и неблаговиднаго свойства), инсинуировали на нихъ. Въ послѣднемъ дѣяніи особенно много постарались тѣ, которые желали полной экономической зависимости мужика отъ себя и которые, въ силу этого, не желали возможно широкой помощи народу. Иногда этихъ безпокойныхъ людей обвиняли въ желаніи выдвинуться или пріобрѣсти этимъ способомъ себѣ популярность, или же въ устарѣвшемъ даже въ нашихъ глухихъ углахъ «подкапываніи подъ существующій порядокъ вещей».

Однимъ изъ видныхъ безпокойныхъ людей надобно считать одного стараго земскаго дѣятеля нашего уѣзда, личность прямую и вполнѣ уважаемую. Съ самаго начала обнаруженія готовящагося неурожая онъ, не стѣсняясь ничего и никого, писалъ и доносилъ кому слѣдуетъ объ этомъ, не употребляя никакихъ практиковавшихся въ то время въ широкихъ размѣрахъ разныхъ «смягчительныхъ словечекъ». Бумаги эти иногда возвращались назадъ съ помѣткой—провѣрить сообщаемыя свѣдѣнія и выяснить «истинные размѣры» нужды. Бумаги эти переписывались и вновь посылались обратно съ тѣми же цифрами и съ тѣми же представленіями. Ему говорили про это «преувеличеніе», но онъ упорно стоялъ на своемъ.

Наконецъ, когда увѣрились въ существованіи голода, то все же его размѣры считались ниже существующихъ, и нашему земцу попрежнему плохо вѣрили. Благодаря этому, всевозможныя смѣты урѣзывались. Такъ, напримѣръ, когда на вопросъ, сколько нужно лошадей для обезлошадѣвшаго населенія уѣзда, была представлена имъ приблизительная цифра нужныхъ лошадей, то и тутъ увидали «преувеличеніе», и лошадей выдали чуть ли не въ половинномъ количествѣ (а какихъ—читатель видѣлъ это выше).

Наконецъ, произошелъ случай, который заставилъ насъ немало посмѣяться.

Лѣтомъ неурожайнаго года въ нашъ уѣздъ пріѣхало одно важное «лицо» изъ Петербурга, для выясненія «истинныхъ» размѣровъ не-

урожая. Не знаю, насколько убѣдилось это «лицо» въ настоящей величинѣ послѣдняго по тѣмъ трактовымъ, усаженнымъ березками, дорогамъ, по которымъ его везли, но, кажется, и оно убѣдилось, что неурожай будетъ немалый.

Во время разговоровъ съ «безпокойнымъ земцемъ», послѣдній обратилъ вниманіе «лица» на то, что въ нынѣшнемъ году неурожай постигъ также и землевладѣльцевъ, и что было бы справедливо помочь и имъ въ дѣлѣ обсѣмененія.

— Что-жъ, выдавайте и имъ,—сказало «лицо».

— Я не могу этого сдѣлать, такъ какъ губернская земская управа не разрѣшила этого.

— Выдавайте... Разрѣшеніе можно получить заднимъ числомъ...

Но земецъ поостерегся послѣдовать этому совѣту.

Черезъ нѣсколько времени изъ административныхъ сферъ получается въ управѣ телеграмма съ запросомъ, на какомъ основаніи N—ская уѣздная управа выдаетъ землевладѣльцамъ сѣмена на обсѣмененіе.

Въ отвѣтъ на это «безпокойный земецъ» посылаетъ приблизительно такого содержанія телеграмму:

«Прошу назвать фамиліи тѣхъ землевладѣльцевъ, кому выдано на обсѣмененіе».

Отвѣтомъ на это былъ пріѣздъ изъ губерніи одного административнаго лица для ревизіи дѣлъ управы. Конечно, оно вернулось къ себѣ въ губернскій городъ ни съ чѣмъ.

Энергія этого «безпокойнаго земца», человѣка къ тому же преклонныхъ лѣтъ, въ тотъ годъ была просто изумительна. Въ управу онъ приходилъ въ семь часовъ утра. А занятія въ ней оканчивались часовъ въ одиннадцать-двѣнадцать ночи. Часто, проѣзжая въ эту пору изъ уѣзда мимо управы, мнѣ приходилось видѣть въ окнѣ сѣдую голову «безпокойнаго земца», склонившуюся надъ бумагами. Дѣло раціональной помощи нашего уѣзда многимъ обязано этому хорошему человѣку, болѣвшему, не въ примѣръ инымъ «родовитымъ потомкамъ», всѣмъ сердцемъ о мужикѣ. И печальнѣе всего то, что въ концѣ концовъ этому отзывчивому и довѣрчивому человѣку пришлось немало матеріально и нравственно потерпѣть, благодаря своей излишней довѣрчивости къ людямъ...

Привѣтъ же тебѣ, хорошій человѣкъ!...

XXX.

Безпокойные.—Докторъ Ѳерапонтовъ.

Съ докторомъ Ѳерапонтовымъ я въ первый разъ случайно встрѣтился у одного моего товарища, служившаго въ томъ же уѣздѣ.

Толстый, обрюзгшій, съ лѣнивыми движеніями, страдающій отъ общаго ожирѣнія одышкой, онъ представлялъ собою типъ опу-

ставшагося въ уѣздной глуши интеллигента, который такъ часто встрѣчается въ нашихъ захолустныхъ медвѣжьихъ углахъ. Съ видимымъ большимъ удовольствіемъ онъ пилъ за обѣдомъ водку, аппетитно ѣлъ сочный бифштексъ, громко чавкалъ челюстями, чмокалъ губами и наслаждался послѣобѣденнымъ винтомъ, изъ-за котораго не вставалъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ (такъ что я и уѣхалъ отъ товарища, не дождавшись конца ихъ игры), раскатисто смѣялся каждому неудачному ходу противниковъ и нескрываемо радовался своимъ удачнымъ.

Признаюсь, я тогда испытывалъ въ себѣ какое-то глухое раздраженіе противъ этого опустившагося уѣзднаго интеллигента, которое я, еще тогда новичекъ въ жизни захолустья, всегда чувствовалъ къ подобнымъ людямъ.

И вотъ этотъ обрюзгшій, опустившійся уѣздный интеллигентъ тоже сдѣлался въ тотъ годъ безпокойнымъ элементомъ въ уѣздѣ. Картины голода, какъ оказывается, пробили и его толстую шкуру, заставили встрепенуться его задремавшее сознаніе и разбудили въ немъ лучшія чувства.

Голода тогда еще не признавали и пока думали, что это выдумки неблагонамѣренныхъ людей. А, между тѣмъ, то тутъ, то тамъ начали слышаться тихіе, неслышные стоны отчаянія, разыгрываться ужасныя «голодныя» картины.

— Слышали, что Ѳерапонтовъ-то сдѣлалъ?—спросилъ какъ-то меня одинъ изъ нашихъ земскихъ служащихъ.

— А что?

— Взялъ да бухнулъ губернскому начальству письмо, что въ одномъ селѣ его участка умерла отъ «хроническаго недоѣданія» татарка.

— Развѣ это было?—усомнился я.

— Стало быть, было. Не сталъ бы этимъ зря шутить.

— И ничего на самомъ дѣлѣ не было,—вмѣшался одинъ изъ нашихъ уѣздныхъ «маленькихъ администраторовъ», изъ лика «непризнающихъ».—Просто безпокойный человѣкъ... Немало этакихъ господъ теперь расплодилось... Рады каждому случаю, чтобы взволновать общественное мнѣніе и нарушить общее спокойствіе...

Должно быть, этотъ господинъ очень заботился о собственномъ спокойствіи.

Нѣкоторые господа въ нашемъ уѣздѣ, кого это близко касалось, были очень взволнованы этимъ событіемъ и, понятно, тоже негодовали на «безтактность» Ѳерапонтова, по всей вѣроятности, потому, что по нѣкоторымъ причинамъ желали бы скрыть этотъ случай или освѣтить его по-своему.

— И какого чорта сунулся этотъ Ѳерапонтовъ не въ свое дѣло?..—негодовалъ одинъ великій нашего малаго міра. — Изъ-за

этого цѣлая каша заварилась... Разбирайся тутъ по его милости... И такъ хлопотъ по теперешнему времени не оберешься...

Не знаю, сослужила ли эта «неприличная» и «безтактная выходка» Ѳерапонтова какую нибудь службу, но, если не ошибаюсь, она была принята во вниманіе въ дѣлѣ болѣе скорой помощи населенію.

Вторая «неприличная выходка» доктора Ѳерапонтова заключалась въ слѣдующемъ.

Будучи какъ-то разъ въ нашей земской управѣ и перебирая бывшія подъ руками текущія бумаги, я случайно наткнулся на заявленіе Ѳерапонтова, гдѣ онъ спрашиваетъ, почему одинъ изъ «народныхъ печальниковъ» выдаетъ продовольственную ссуду вмѣсто слѣдуемыхъ тридцати пяти фунтовъ только тридцать одинъ.

Это заявленіе кое-кому пришлось не по вкусу, такъ какъ «народный печальникъ» приходился ему близкимъ родственникомъ.

Ѳерапонтову было отвѣчено, что, можетъ быть, онъ не знаетъ, что за размолъ зерна мельницы берутъ три-четыре фунта.

На это онъ отвѣчалъ съ прежней язвительностью, что онъ это хорошо знаетъ, но что ссуда выдается въ количествѣ тридцати одного фунта не мукой, а зерномъ.

Не помню, что было отвѣчено на это, но только голодающіе съ тѣхъ поръ стали получать всѣ тридцать пять фунтовъ.

— Чего онъ, въ самомъ дѣлѣ, суетъ свой носъ, гдѣ его не спрашиваютъ?—ворчали на него.—Зналъ бы, лѣчилъ тамъ тифозныхъ да цынготныхъ... Его ли дѣло слѣдить за правильностью раздачи продовольствія?..

Говорившіе такъ полагали, что печалиться о голодѣ есть дѣло лишь людей, приставленныхъ къ этому, а не всякаго честнаго человѣка, которому тяжело смотрѣть на печальное положеніе деревни. Такая тенденція—сдѣлать попеченіе о голодающихъ исключительной привилегіей отдѣльныхъ личностей и учрежденій—господствовала тогда широко и приводилась, какъ неопровержимый аргументъ, всѣмъ тѣмъ, кто желалъ заглянуть въ тайны продовольственной компаніи и дѣла помощи голодающимъ.

Что же касается до Ѳерапонтова, то онъ заслужилъ названіе «безпокойнаго человѣка» и въ концѣ концовъ «потерпѣлъ»: по настоянію нѣкоторыхъ сильныхъ въ уѣздѣ лицъ онъ былъ перемѣщенъ въ другой участокъ, въ противоположный край уѣзда. Но передъ этимъ, благодаря своей неустанной работѣ въ болящей деревнѣ, самъ захворалъ тифомъ и прохворалъ имъ долгое время, а затѣмъ во второй разъ захворалъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ.

XXXI.

Безпокойные.—„Скоропадентъ".

Когда я ѣхалъ въ одинъ изъ уѣздовъ нашей голодающей губерніи, одинъ изъ моихъ знакомыхъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ спросилъ меня:

— А есть у васъ тамъ кто нибудь знакомый?

— Никого нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Хотите, я вамъ дамъ письмо къ одному изъ тамошнихъ земскихъ начальниковъ?

— Много обяжете этимъ.

И я поѣхалъ въ Ч—скій уѣздъ съ этимъ письмомъ.

Когда я туда пріѣхалъ и остановился у одного тамошняго моего товарища по тому учебному заведенію, гдѣ мы вмѣстѣ учились, служившаго въ этомъ земствѣ, онъ какъ-то сказалъ мнѣ:

— Я завтра ѣду въ уѣздъ. Хочешь со мной ѣхать?

Я, конечно, не отказался, и на другой день мы выѣхали въ уѣздъ.

— По пути заѣдемъ къ Сызранскому,—сказалъ товарищъ.

— Земскій начальникъ?—спросилъ я, вспомнивъ о лежавшемъ у меня въ боковомъ карманѣ письмѣ.

— Да. А ты развѣ знаешь его?

— У меня есть къ нему письмо.

По пути мы видѣли тѣ же раскрытыя крыши съ горбылями кверху, ту же худую, отощавшую скотину, тѣ же блѣдныя фигуры съ вялыми движеніями, безсмысленными лицами и шатающейся походкой—словомъ то же, что и въ нашемъ уѣздѣ.

Мы пріѣхали въ усадьбу Сызранскаго.

Это былъ бывшій военный, господинъ съ размашистыми движеніями и рѣзкимъ голосомъ.

За обѣдомъ разговоръ перешелъ на злобу дня, т.-е. на голодъ, и изъ устъ нашего хозяина мы услыхали то же, что я слышалъ не отъ одного десятка другихъ такихъ же людей, и что я не хочу повторять: т.-е. о преувеличеніи нужды, преднамѣренномъ вздутіи степени ея неблагонамѣренными людьми и тому подобное.

— А тутъ еще разные «скоропаденты» будоражатъ общественное мнѣніе,—заключилъ онъ.

— А развѣ они есть у васъ, корреспонденты?—поинтересовался я.

— Не обидѣлъ Господь и насъ этой язвой,—отвѣчалъ онъ.— Есть одинъ такой и у меня въ участкѣ.. Только не знаю навѣрное, кто это строчитъ-то...

— А въ какой газетѣ корреспонденціи изъ вашихъ мѣстъ появляются?—спросилъ я.

— А эта... Какъ ее?.. Забылъ названіе-то... Такъ, паскудная газетка...

Видимо, Сызранскому не хотѣлось, чтобы мы прочитали эти корреспонденціи и узнали, что дѣлается въ его участкѣ такого, что нуждается въ освѣщеніи печатнымъ словомъ, и что онъ желалъ бы скрыть.

— А вы не постарались разузнать, кто это пишетъ?—задалъ я затѣмъ ему вопросъ.

— А шутъ ихъ знаетъ, кто это... Подозрѣваю я учителя да мелкопомѣстнаго одного... Да только какъ ихъ уличишь-то?.. Не пойманъ—не воръ... Ну, а ужъ если бы я только его поймалъ,—угрожающе закончилъ онъ,—ужъ я бы ему удружилъ... Удружилъ бы ему, другу милому...

— И дѣйствительно удружилъ бы,—сказалъ товарищъ, когда мы уѣзжали изъ усадьбы Сызранскаго.—Человѣкъ онъ къ тому же сильный: и въ губерніи, и въ Питерѣ у него связи... Бѣдный учитель, если онъ попадется...

— Развѣ учитель?—спросилъ я.

— Онъ,—со смѣхомъ отвѣчалъ товарищъ.—Хлестко, злодѣй, пишетъ...

— А развѣ есть чего?

— Да немало...

И начался разсказъ прежде всего объ обычномъ въ то время явленіи — умалчиваніи голода, уменьшеніи степени его величины, а затѣмъ—о многихъ чисто-кулаческихъ пріемахъ самого земскаго начальника, въ родѣ выдачи нуждающимся хлѣба изъ общественнаго магазина, подъ условіемъ отработать въ будущемъ кое-какія полевыя работы у земскаго начальника (т. е. за свой же хлѣбъ заплатить работой). Онъ же приказывалъ мужикамъ, въ случаѣ пріѣзда кого нибудь изъ начальствующихъ лицъ, на могущій быть вопросъ со стороны послѣднихъ о голодѣ отвѣчать, что «слава де Создателю, кормимся исправно... недостатковъ нѣтъ»...

— Вотъ они, наши радѣтели блага народнаго,—закончилъ товарищъ.

Мы поѣхали вдоль села.

— Иванъ, поворачивай къ учителю,—сказалъ товарищъ ямщику.

Вскорѣ лошади остановились около училищнаго зданія. На крыльцо без шапки, въ одномъ пиджакѣ, изъ-подъ котораго виднѣлся воротъ малороссійской сорочки, выбѣжалъ молодой человѣкъ съ рѣденькой черной бородкой и съ еле пробивающимися усами.

— А я васъ давно жду, Владиміръ Григорьевичъ,—сказалъ онъ, здороваясь съ товарищемъ.

Послѣдній познакомилъ насъ и затѣмъ, смѣясь, сказалъ:

— Или ужъ настрочили что?

Учитель метнулъ въ мою сторону испуганный взглядъ.

— Не бойтесь,—сказалъ, замѣтивъ это, товарищъ.—Онъ не выдастъ... Самъ пошаливаетъ перомъ.

Мы вошли въ комнаты.

— Чаевать станете?—спросилъ учитель.

— Отчего же нѣтъ... Кстати у васъ и душу отведемъ послѣ «трезвыхъ» и «здравыхъ» разговоровъ господина земскаго начальника.

Самоваръ скоро былъ готовъ, и мы сидѣли за столомъ.

— Новаго что есть?—спросилъ товарищъ.

— Какъ не быть,—отвѣчалъ учитель.

И начались тѣ же разговоры о голодѣ, тифѣ и цынгѣ и разныхъ штукахъ изъ области «опеканія» и «пресѣченія», о многомъ изъ чего пока еще рано, по нѣкоторымъ причинамъ, говорить, но все же кое о чемъ я упомяну.

Такъ, мы узнали объ исчезающихъ, правда, по мелочамъ суммахъ, которыя отзывчивая часть общества посылала для голодающихъ по грошамъ, о куда-то исчезающихъ фунтахъ продовольственнаго хлѣба, о раздачѣ пособія на обсѣмененіе и продовольствіе семьямъ, нисколько въ этомъ не нуждающимся, но почему-либо милымъ начальству, отъ котораго зависѣла эта раздача, и тому подобное. Изслѣдованіе этого составляетъ предметъ будущаго; я же только пока вскользь упоминаю объ этомъ.

— А вы все-таки поосторожнѣе дѣйствуйте,—посовѣтовалъ я учителю.

Дѣйствительно, осторожность здѣсь, въ глухомъ углу провинціи, въ томъ дѣлѣ, гдѣ гласность, казалось бы, должна быть желательной, была, тѣмъ не менѣе, необходима. Учитель могъ «слетѣть» съ мѣста, его могли выставить «безпокойнымъ человѣкомъ» и «неблагонадежнымъ элементомъ», испортить его карьеру (впрочемъ, какая же карьера у сельскаго учителя?!), лишить его куска хлѣба и даже «воздѣйствовать» знаменитымъ «административнымъ порядкомъ». А прослыть «неблагонадежнымъ элементомъ» при тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя всегда являются у начальствующихъ лицъ въ такія эпохи, какъ голодъ или эпидеміи, можно очень и очень легко. Это испытали на своей шкурѣ очень многіе, работавшіе на голодѣ и холерѣ. Такимъ образомъ, для того, чтобы рѣшиться оповѣщать публику о темныхъ дѣяніяхъ темныхъ дѣльцовъ, нужно было обладать очень большой смѣлостью и горячимъ желаніемъ внести лучъ свѣта туда, гдѣ успѣли свить себѣ гнѣзда разныя совы, сычи и коршуны.

— Какъ же вы пересылаете корреспонденціи?—спросилъ я учителя.

— Да вотъ пересылаю ихъ Владимиру Григорьевичу,—отвѣчалъ онъ.

— А я на имя одного знакомаго въ столицу, чтобы и меня не сочли за «скоропадента»,—засмѣялся товарищъ.

Вотъ только какимъ путемъ можно было тогда оповѣщать о томъ, что дѣлалось въ этотъ черный годъ въ голодныхъ мѣстностяхъ.

XXXII.

Безпокойные.—Корреспонденты и туристы.

Въ тотъ годъ безпокойные люди приходили въ голодающія мѣстности и со стороны. Благодаря критическому отношенію къ дѣятельности многихъ большихъ и малыхъ дѣльцовъ разныхъ сферъ, они, конечно, возбуждали противъ себя глухое раздраженіе со стороны этихъ послѣднихъ. Эти пришлые люди, не стѣсняясь, критиковали дѣйствія этихъ господъ, называли ихъ дѣйствія и поступки прямыми именами и, не смущаемые посторонними, по большей части, шкурными соображеніями, оповѣщали о томъ свѣтъ.

Къ числу такихъ безпокойныхъ пришлыхъ людей принадлежали корреспонденты различныхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ. Эти господа шныряли всюду по уѣздамъ и, не стѣсняясь ничѣмъ и не считаясь съ тѣми офиціальными данными, которыя давали имъ «услужливые» люди различныхъ учрежденій, описывали все то, что было на самомъ дѣлѣ. И очень-очень немного находилось въ то время лицъ и учрежденій, которыя бы обладали истиннымъ гражданскимъ мужествомъ и сознавались бы въ своихъ вольныхъ и невольныхъ ошибкахъ и прегрѣшеніяхъ. Большинство же эти прегрѣшенія, а тѣмъ болѣе, конечно, всѣ свои некрасивыя дѣлишки, тщательно скрывали, или, если этого нельзя было сдѣлать, придавали имъ иную, болѣе симпатичную окраску. Благодаря этому, многія прорѣхи въ дѣлѣ помощи голодающему населенію, а такъ же масса всевозможныхъ, порой даже преступныхъ, ошибокъ и преднамѣренныхъ дѣяній, что должно бы быть отмѣчено въ печати и освѣщено ею, ускользало отъ корреспондентовъ и осталось для публики неизвѣстнымъ, или появлялось освѣщеннымъ подъ извѣстнымъ угломъ. Нечего и говорить, что каждый шагъ ихъ въ деревнѣ былъ извѣстенъ администраціи.

Бывали иногда здѣсь, какъ случайные гости, путешественники и туристы. Такъ, нашъ уѣздъ посѣтили двое нѣмецкихъ экономистовъ, Parvus и Lehmann. Этихъ администрація почему-то особенно опасалась и поручила ихъ неусыпному попеченію мѣстнаго начальства, рекомендуя не давать скучать имъ. И, правда, нѣмецкіе

гости не могли пожаловаться на недостатомъ вниманія со стороны исправниковъ, становыхъ и прочаго «начальства». Поэтому имъ приходилось иногда разными хитростями эмансипировать себя отъ этой излишней внимательноэти. Объ одномъ такомъ внимательномъ становомъ они упоминаютъ въ своей изданной затѣмъ книгѣ «Hungernde Russland» (не разрѣшенной, кажется, къ обращенію въ Россіи), называя его «Herr Stanowoï von Romadanow». Съ нимъ приходилось прибѣгать къ хитростямъ. Такъ, однажды они сказали ему, что хотятъ посѣтить одну деревню, и когда «Herr Stanowoï» поѣхалъ туда, чтобы подготовить тамъ «достойный пріемъ» для «знатныхъ иностранцевъ», послѣдніе уѣхали въ противоположную сторону и посѣтили деревеньку, гдѣ нужда была особенно остра. Parvus и Lehmann сдѣлали въ это время массу фотографическихъ снимковъ. Между прочимъ имъ хотѣлось видѣть приведенныхъ лошадей перваго пригона, пришедшихъ на мѣсто въ крайне плачевномъ видѣ. Начальству было вмѣнено ни подъ какимъ видомъ не допускать ихъ до лицезрѣнія этихъ одровъ. Тогда они обратились съ этой просьбой къ ветеринарному врачу того участка и моему товарищу К. Х. Еленеву (нынѣ покойному). Этотъ послѣдній оказался тоже въ нѣкоторомъ отношеніи безпокойнымъ человѣкомъ и повелъ ихъ на ту карбу, гдѣ были эти злосчастные знаки неусыпнаго попечительства о мужикѣ. Parvus и Lehmann сдѣлали нѣсколько снимковъ съ этихъ жалкихъ подобій «благороднаго пріобрѣтенія человѣка»,—какъ назвалъ Бюффонъ лошадь,—худыхъ, истощенныхъ, заморенныхъ, съ проступающими ребрами и маклаками, усѣявшими своими трупами весь скорбный путь «великаго переселенія лошадей» изъ далекихъ азіатскихъ степей до нашей голодающей деревни.

Говорятъ, за это и Herr'у Stanow'ому и мѣстному земскому начальнику «влетѣло» отъ кого слѣдуетъ, а Еленевъ попалъ въ «безпокойные».

Даже если люди пріѣзжали къ намъ съ самыми благими намѣреніями—помочь по мѣрѣ силъ и средствъ голодающему населенію, то и тогда на нихъ смотрѣли косо, подозрѣвая ихъ въ заднихъ мысляхъ и въ желаніи «внести смуту въ умы». Такъ, въ Казань пріѣхалъ, кажется, по порученію Л. Н. Толстого, г. Сергіенко, чтобы на мѣстѣ убѣдиться въ размѣрахъ нужды. Лучшіе люди города, представители прессы и лица, близко стоявшія къ нуждѣ, были приглашены къ нему въ номеръ для совѣщанія и совмѣстной выработки средствъ помощи. Кажется, чего бы проще: собрались люди помочь голодному человѣку,—ну, и слава Богу, что русская земля не оскудѣла еще хорошими людьми.

Но не такъ взглянула на это дѣло администрація, — и когда участники совѣщанія выходили изъ номеровъ, то въ коридорахъ

и на улицѣ они увидали нарочито наряженныхъ сюда полицейскихъ съ приставомъ во главѣ. Даже и здѣсь подозрѣвались какіе-то «тайные замыслы»!..

И все-таки, несмотря на всѣ стѣсненія, которыя обрушивались на головы безпокойныхъ людей, они дѣлали свое дѣло: заставляли разныхъ темныхъ дѣльцовъ быть осторожнѣе. Въ этомъ ихъ заслуга.

В. Л. Якимовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ДѢЛЪ XVII ВѢКА.

I.

Погребеніе заживо.

ПЕЧАЛЬНО было положеніе женщины въ Московскомъ государствѣ, возросшемъ духовно на византійскихъ идеалахъ, сообразно которымъ отъ жены пришло зло въ міръ; постоянный припѣвъ нашихъ древнихъ книжниковъ: «жена зла мужа погубитъ», «аще ли хочешь безъ печали жити — не женися», появленіе такихъ писаній, какъ посланіе Даніила Заточника, эта язвительнѣйшая сатира противъ злыхъ женъ, проникнутая жестокою ненавистью къ женщинѣ, или пользовавшееся широкимъ распространеніемъ «Слово о злыхъ женахъ»—все это способствовало выработкѣ презрительнаго взгляда на женщину, отразившагося въ житейской практикѣ крутымъ, суровымъ обращеніемъ съ ней, что, конечно, еще болѣе способствовало ея униженію [1]), а это, въ свою

---

[1]) Напримѣръ, женоубійство сплошь и къ ряду оставалось ненаказаннымъ, какъ говоритъ Койэттъ («Путешествіе Кленка», Спб., 1900, стр. 510), что подтверждается и свидѣтельствомъ официціальныхъ документовъ (ср. «Акты Московскаго государства», I, № 49), или же, если и наказывалось, то, сравнительно, легко; такъ «въ 7201 году князю Александру.... Крупскому чинено наказаніе: битъ кнутомъ за то, что онъ жену убилъ» («Записки Желябужскаго», Спб., 1841, стр. 12).

очередь, не могло остаться безъ вліянія на весь строй общественной жизни, способствуя въ значительной мѣрѣ огрубѣнію нравовъ [1]). Иностранцы, посѣтившіе въ XVII вѣкѣ Московское государство, невольно были поражены этой стороной русской жизни и нарисовали ее живыми красками; «женскій полъ, — говоритъ одинъ изъ нихъ,—у москвитянъ не въ почтеніи; никто изъ нихъ не унизится настолько, чтобы преклонить колѣна передъ женщиной, онѣ подчинены своимъ мужьямъ, которые ими пренебрегаютъ». Другой указываетъ на дурное обращеніе съ женами, замѣченное имъ у московитовъ, на жестокіе побои, выносимые этими несчастными; надо сказать, однако, что побои считались у русскихъ людей дѣломъ обычнымъ, и могли удивить только иностранца, который и разсказываетъ любопытные анекдоты по этому поводу.

Такой взглядъ на женщину, такое обращеніе съ ней, повели къ паденію и женскихъ нравовъ; забитая, безправная раба своего мужа старалась забыться въ разгулѣ, заглушить свое горе винными парами, искала помощи и утѣшенія на днѣ родного «синяго кувшина»; по свидѣтельству заѣзжаго иноземца, русскія женщины дерзки на языкъ, не отказываются выпить и не пропускаютъ случая нарушить супружескую вѣрность. Не всегда, однако же, ограничивался этимъ протестъ жены противъ деспотизма семейной жизни; не желая терпѣливо сносить тяжелое свое положеніе, она мстила мужу, и самой обычной формой этой мести былъ доносъ, или же, на худой конецъ, и мужеубійство.

До насъ дошелъ разсказъ, какъ жена одного боярина, выведенная изъ себя жестокимъ обращеніемъ съ ней мужа, донесла на него, что онъ умѣетъ превосходно лѣчить подагру, которою страдалъ царь; призванный къ допросу, бояринъ увѣрялъ, что и не слыхалъ ничего о врачевствѣ; запирательство его было приписано упрямству, онъ подвергнутъ былъ тѣлесному наказанію, и наконецъ пригрозили ему смертью; въ этой крайности несчастный рѣшился на ложь и объявилъ, что средство исцѣленія ему извѣстно, но онъ боялся предложить его царю, не будучи увѣренъ въ успѣхѣ; прописанная самозваннымъ лѣкаремъ ванна изъ какихъ-то травъ случайно помогла царю, и тогда бѣднягу отпустили, порядкомъ постегавъ его на прощаніе за то, что онъ зналъ средство помочь государю и не сознавался въ этомъ; съ тѣхъ поръ семейная жизнь этого вельможи шла тихо и мирно, жена добилась своего.

Не всегда, однако, доносы эти обходились мужьямъ такъ сравнительно дешево; при царѣ Михаилѣ жена какого-то изъ придвор-

---

[1]) Нѣсколько иной взглядъ на происхожденіе такого положенія женщины въ древнемъ русскомъ обществѣ проведенъ въ извѣстномъ трудѣ Е. И. Забѣлина — «Домашній бытъ русскихъ царицъ», глава I.

ныхъ конюшихъ, желая избавиться отъ постылаго ей мужа, донесла на него, что онъ имѣлъ намѣреніе отравить лучшихъ коней царскихъ, а если найдетъ случай — то и самого царя. Обвиненіе было слишкомъ серьезно, чтобъ сразу дать ему безусловно вѣру; сообразно съ судебной практикой того времени, доносчицу поставили на пытку, но она и въ застѣнкѣ, подъ ударами палача, твердила то же самое; не легка, видно, была супружеская жизнь несчастной, если она даже въ пытку пошла, лишь бы избавиться отъ мужа. Въ виду согласія пыточныхъ ея рѣчей съ первоначальнымъ показаніемъ, ей повѣрили, привлекли къ отвѣтственности ея мужа, и дѣло кончилось жестокимъ его наказаніемъ и ссылкой въ Сибирь; хотя бы и цѣной тяжкихъ мученій, жена все-таки успѣла поставить на своемъ.

Другимъ средствомъ избавиться отъ лихого мужа было убійство; и преступленія этого характера въ XVII вѣкѣ дѣлаются явленіемъ зауряднымъ, такъ что законодательство, желая хоть сколько нибудь пресѣчь зло, должно было изобрѣсти для наказанія мужеубійцъ самыя страшныя казни. Виновныхъ въ такомъ лихомъ дѣлѣ закапывали живыми въ землю, по грудь, вмѣстѣ съ руками, и отаптывали землю вокругъ; казненная такимъ образомъ оставалась въ землѣ безъ пищи и питья «до тѣхъ мѣстъ, пока умретъ», и казнь эта должна была чиниться «безо всякія пощады» [1]); страданія несчастныхъ длились иногда изумительно долго; одна изъ окопанныхъ въ 1740 году въ Соликамскѣ женщинъ прожила въ такомъ положеніи 12, а другая—23 дня. Но чаще мученія ихъ кончались гораздо скорѣе; не говоря уже о томъ, что казненныя зимой не долго могли оставаться нагими въ промерзлой землѣ, вообще окапыванье нелегко переносилось слабымъ женскимъ организмомъ; кромѣ того, нерѣдко приставленные къ преступницамъ часовые убивали ихъ изъ состраданія, а иногда и другіе случаи, подчасъ ужасающіе, полагали предѣлъ мукамъ казненныхъ, которымъ никто, подъ страхомъ жесточайшаго наказанія, не смѣлъ оказать помощи. Въ 1678 году, членъ польскаго посольства князя Чарторыйскаго, Бернгардъ Таннеръ, видѣлъ на одной изъ московскихъ площадей ужасную сцену: къ выкопанной ранѣе ямѣ привели мужеубійцу и, обнаживъ ее и связавъ ей за спиною руки, закопали ее въ землю по поясъ; вкругъ мѣста казни собралась толпа зрителей, державшихся въ отдаленіи отъ преступницы, и эта толпа, а съ нею и Таннеръ сдѣлались свидѣтелями страшной смерти казненной; голодныя собаки, въ великомъ множествѣ бродившія по городу, почуяли добычу, собрались на площади и напали на окопанную; несчастная отчаянно защищалась, пустивъ въ дѣло единственное оставшееся ей оружіе, зубы; но борьба была слишкомъ неравна,

[1]) «Соборное уложеніе», глава 22, статья 14; ср. также статью 15.

собаки растерзали свою жертву, вырыли ее изъ земли и разнесли по кускамъ; никто изъ очевидцевъ не смѣлъ помочь погибавшей, всѣхъ удерживалъ страхъ тяжкаго наказанія.

Съ теченіемъ времени жестокое постановленіе держать преступницу въ землѣ до смерти было сохранено лишь для тѣхъ изъ нихъ, которыя совершили что либо особенно выдающееся по своему злодѣйству; обыкновенныя же мужеубійцы, если онѣ оставались живыми въ теченіе трехъ дней, получали смягченіе своей участи; ихъ выкапывали изъ земли и постригали въ монашество въ какомъ либо дальнемъ монастырѣ; тамъ до самой смерти были онѣ въ тяжелой работѣ; преступницы же, вина которыхъ была слишкомъ велика для того, чтобъ ихъ простили, попрежнему подвергались казни во всей ея строгости. Секретарь имперскаго посольства къ царю Петру, Іоаннъ Георгъ Корбъ, въ дневникѣ своемъ разсказываетъ о нѣсколькихъ случаяхъ окапыванья, имѣвшихъ мѣсто за время его пребыванія въ Москвѣ, при чемъ всѣ упомянутыя преступницы заслуживали строжайшей мѣры наказанія. Въ декабрѣ 1698 года одна женщина, сговорясь съ своей дочерью, наняла двухъ убійцъ, покончившихъ за небольшую плату съ ея мужемъ; преступленіе было открыто, и обѣ женщины были окопаны въ землю, а ихъ сообщники повѣшены тутъ же; мать выносила жестокій морозъ въ теченіе двухъ дней, дочь прожила болѣе шести сутокъ; послѣ смерти тѣла ихъ были вынуты изъ ямы и повѣшены за ноги рядомъ съ трупами наемныхъ убійцъ. Другая женщина совершила еще болѣе страшное преступленіе, она убила не только своего мужа, но и родную мать; для нея казнь окапываньемъ была усилена еще предварительнымъ сожженіемъ членовъ. Наконецъ Корбъ указываетъ на случай, когда окопанная прожила 12 дней; самъ царь Петръ хотѣлъ смягчить ея участь, но важность ея преступленія помѣшала ему въ этомъ.

Но, вообще говоря, случаи помилованія окопанныхъ съ теченіемъ времени встрѣчаются все чаще и чаще; видно, поняли, что по большей части лишь тяжелыя условія жизни заставляли женщину итти на мужеубійство, и слѣды такого болѣе гуманнаго взгляда замѣчаются уже въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.

23-го марта 1682 года, закопаны были въ землю жена ямщика московской Переяславской слободы Марина и стрѣльчиха Дарья Перепелка, виновныя въ тяжкомъ грѣхѣ. Маринѣ опостылѣлъ ея мужъ, и она, недолго думая, сошлась съ однимъ изъ его товарищей; связь эта, однако, скоро стала тяготить Маринку, боялась она, что мужъ провѣдаетъ про ея отношенія къ Панкрашкѣ, боялась и того, что самъ Панкрашка, жившій дружно съ ея мужемъ, покается ему въ своемъ грѣхѣ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ мужъ Маринку не похвалилъ бы, ее ожидали тяжелые побои, а то что либо и худшее. Въ такой бѣдѣ обратилась Маринка къ

знакомой своей, стрѣльчихѣ Дарьѣ Перепелкѣ, бабѣ дошлой, тароватой на всякую продѣлку; повѣдала ей Марина свое горе, стрѣльчиха взялась ей помочь, и въ скоромъ времени надумали бабы извести не только Панкрашку, а за одно уже и Маринкина мужа. Для этой цѣли Дарья дала Маринкѣ мышьяку, невѣдомо откуда добытаго, а та, улучивъ удобный случай, когда Панкрашка зашелъ въ гости къ ея мужу, подсыпала зелья въ кушанье; слѣдствія не замедлили сказаться: едва успѣли пообѣдать пріятели, какъ оба почувствовали себя дурно, и черезъ нѣсколько часовъ Панкрашка скончался, а мужъ Маринки, хотя и не умеръ, но былъ при смерти. Стали допытываться, что сталось съ ямщиками; улики были на лицо, да и Маринка не думала запираться, разсказала, какъ дѣло было, назвала и стрѣльчиху. Взяли и Дарью, посадили обѣихъ бабъ въ тюрьму; знали онѣ, какая участь ждетъ ихъ, и Марина вполнѣ подчинилась судьбѣ и спокойно ждала смерти; но не такой человѣкъ была Дашка Перепелка, чтобъ не попытаться избавиться отъ казни: слишкомъ лукава и опытна была она для этого. Какъ-то въ тюремномъ караулѣ стоялъ знакомый ей стрѣлецъ Петрушка; разговорилась съ нимъ Дарья, стала плакаться на горькую свою долю и разжалобила стрѣльца; онъ забылъ свой долгъ и доставилъ Дарьѣ средство уйти изъ темницы. Хитрая стрѣльчиха воспользовалась удобнымъ случаемъ и бѣжала, хотя планъ ея едва не потерпѣлъ неудачу, благодаря бдительности караульнаго стрѣльца Наумова; замѣтивъ уходящую колодницу, онъ было преградилъ ей путь, но стрѣльчихѣ уже нечего было терять, и учинилось караульному «смертное убивство». Недолго погуляла на волѣ Перепелка; поймали ее, посадили за крѣпкій караулъ и 23-го марта закопали ее вмѣстѣ съ Маринкой. И стали бабы, по обыкновенію, причитать: каялись они въ грѣхахъ своихъ тяжкихъ, плакались, говоря, что загладили бы свое преступленіе иноческою жизнью. Три дня пробыли окопанныя въ землѣ и дождались царской милости; велѣно было вынуть ихъ изъ земли и постричь въ Тихвинскомъ монастырѣ. Черезъ день, 28-го числа, привели преступницъ къ бывшему тогда въ Москвѣ митрополиту новгородскому Корнилію; разспросилъ онъ ихъ и отправилъ подъ крѣпкимъ карауломъ въ кандалахъ къ тихвинскому архимандриту Макарію съ наказомъ постричь обѣихъ и держать ихъ подъ крѣпкимъ началомъ, безвыходно въ монастырѣ, закованныхъ, отдѣлить ихъ одну отъ другой и отдать подъ началъ добрымъ и крѣпкожительнымъ старицамъ для наставленія ко всякимъ благимъ добродѣтелямъ [1]).

---

[1]) А. И., V, № 80; ср. ibid., № 14. Котошихинъ, гл. VII, статья 34 и гл. XIII, ст. 10. Корбъ, русскій переводъ (Москва, 1867), стр. 120—122, 124. Майербергъ, русскій переводъ (Москва, 1874), стр. 82. Таннеръ, 2-е изданіе (Нюрнбергъ, 1689).

II.

Гадальныя тетради дьячка Григорьева.

Недостатокъ живой проповѣди и низкій уровень просвѣщенія на Руси дали себя почувствовать развитіемъ самыхъ разнообразныхъ суевѣрій, глубоко укоренившихся въ народѣ; съ одной стороны, это были остатки древнихъ языческихъ вѣрованій, еще жившихъ въ массахъ, съ другой—къ этому присоединялись и ложныя ученія, выросшія на почвѣ христіанской; авторитетъ книги такъ былъ великъ у русскихъ людей того времени, что большинство не обращало даже вниманія на ея содержаніе; до насъ положено—лежи оно такъ во вѣки вѣковъ: вотъ былъ принципъ, котораго въ данномъ случаѣ придерживались очень и очень многіе. Результатомъ подобнаго отношенія къ дѣлу явился переходъ на Русь значительнаго количества отреченныхъ, запрещенныхъ церковью книгъ, однѣ изъ коихъ относились къ библейской исторіи, договаривая то, что казалось недосказаннымъ въ Священномъ Писаніи, другія же содержали различныя народныя понятія о внѣшнихъ явленіяхъ природы и всевозможныя народныя суевѣрія, особенно жизненныя въ виду обрядоваго характера, какой приняла вѣра въ тѣ времена; молитвы знали буквально, а не по смыслу, слушали и читали пѣснопѣнія и молитвословія, чтобы только выполнить уставъ; появленіе заклинаній и различныхъ чародѣйскихъ книгъ, сущность которыхъ сводилась къ формулѣ, не представитъ при подобномъ пониманіи ничего изумительнаго; и литература подобнаго рода достигла высокаго развитія, такъ что, наконецъ, духовенство обратило вниманіе на это, стало бороться съ этимъ зломъ, но борьба не всегда была успѣшна, тѣмъ болѣе, что наши пастыри душъ сами не могли похвалиться просвѣщеніемъ, и у нихъ духъ вѣры подавленъ былъ мертвою обрядностью, усложненной невѣжествомъ; русскіе книжники только бродили по чернилу, силы же написаннаго не разумѣли. Собранный въ 1551 году московскій соборъ, извѣстный подъ именемъ Стоглаваго, издалъ нѣсколько постановленій противъ чародѣйскихъ книгъ: съ порицаніемъ говорится о кудесникахъ, которые «кудесы бьютъ, и въ Аристотелевы врата и въ Рафли смотрятъ и по звѣздамъ и по планитамъ гадаютъ»; настрого заказываютъ отцы собора держать и читать еретическія книги, указывая при этомъ цѣлую литературу:

стр. 81. Олеарій, кн. III. Койэттъ, стр. 509, 529. Ср. Соловьевъ, т. XIII, гл. I, стр. 653, 754 (Спб., 1893). Борхъ. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича, II, стр. 10. Въ изданіи Корба 1770 года противъ 10 окт. 1698 года находится помѣщенный и въ московскомъ переводѣ рисунокъ, изображающій стрѣлецкія казни; здѣсь на первомъ планѣ—двѣ окопанныя.

Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Остромій, Зодѣй, Алманахъ, Звѣздочетьи, Аристотель, Аристотелевы врата и тому подобное.

Однако же все это не помогало, суевѣрія и различныя чародѣйства продолжали процвѣтать, несмотря на строгія мѣропріятія противъ нихъ; еще въ XVII вѣкѣ на Москвѣ жгли людей живыми «за волховство, за чернокнижество»; Петръ I-й еще открыто объявлялъ въ числѣ проступковъ нѣкоторыхъ преступниковъ такъ же «колдовство» [1]).

Въ началѣ марта мѣсяца 1628 года, шелъ утромъ изъ Печерскаго монастыря дьячекъ монастырскій, Семенъ Григорьевъ; перешелъ онъ уже каменный мостъ и поравнялся съ Дмитровской башней, какъ вдругъ вниманіе его было привлечено обернутымъ въ бумагу сверткомъ, лежавшимъ среди камней. Дьячекъ взялъ этотъ свертокъ и развернулъ его; тамъ оказались какія-то тетради, значеніе которыхъ Григорьевъ понялъ позднѣе; теперь же, захвативъ ихъ съ собою, пошелъ онъ по дѣлу. Вернувшись затѣмъ въ монастырь, дьячекъ разсмотрѣлъ свою находку и убѣдился, что это какія-то гадальныя тетради; человѣку, знакомому съ отреченными писаніями это должно было сразу стать яснымъ, а Григорьевъ и раньше имѣлъ въ своихъ рукахъ чародѣйныя записи и былъ даже собственникомъ одной изъ нихъ, подаренной ему каргопольскимъ стрѣльцомъ Ѳеодоромъ Молодымъ и заключавшей въ себѣ коротенькій, всего въ 6½ строчекъ наговоръ для успѣшной борьбы; Молодого убили литовскіе люди во время недавнихъ смутъ, и наговоръ остался у Григорьева. Почему-то захотѣлось дьячку похвалиться своей находкой, и понесъ онъ показать гадальныя тетради сперва головщику Исихію, а потомъ и старцу Варсонофію Кіевлянину: послѣдній, ознакомившись съ содержаніемъ поднятыхъ Григорьевымъ бумагъ, немедленно донесъ на него архимандриту Рафаилу.

Что же побудило старца Варсонофія головой выдать не по разуму довѣрчиваго дьячка? Вопросъ этотъ приводитъ насъ неизбѣжно къ другому: кто былъ этотъ старецъ Варсонофій Кіевлянинъ? Лѣтъ за пять до описываемаго событія присланъ былъ изъ разряда въ дворцовый приказъ патріарха Филарета въ числѣ дру-

---

[1]) Макарій, «Исторія русск. церкви», VIII, стр. 312; Знаменскій, «Руководство по ист. русск. церкви», 120; Карамзинъ, IX, примѣч. 830; Котошихинъ, глава VII, статья 34. Многія изъ отреченныхъ книгъ напечатаны въ сборникѣ Тихонравова «Памятники отреченной русской литературы» и въ третьемъ выпускѣ «Памятниковъ старинной русской литературы». О колдовствѣ въ эпоху послѣ Стоглава ср. грамоту митрополита Мисаила въ «Русской Библіотекѣ» Полевого и «Домашній бытъ русскихъ царицъ» Забѣлина, стр. 201 и сл.; суевѣрія и остатки языческой жизни засвидѣтельствованы интересной челобитной царю Алексѣю отъ старца Григорія Иконописца, помѣщенной въ книгѣ Каптерева «Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ», стр. 171.

гихъ зарубежныхъ выходцевъ и старецъ Варсонофій изъ Кіева. Родиной его было Васильцово, Кіевскаго повѣта, отецъ его былъ православный, мать вѣру держала католическую. Выучившись грамотѣ, онъ сдѣлался дьячкомъ въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей, но мать, желая уничтожить православное на него вліяніе, отдала его въ услуженіе поляку Гулявичу, жившему въ Луцкѣ; тотъ заставилъ своего слугу исполнять латинскую обрядность и даже причащаться въ католической церкви. Случилось ему, живучи у поляка, заболѣть, и далъ онъ клятву возвратиться въ ту обитель, гдѣ служилъ; и помогъ ему Богъ выполнить обѣтъ; при этомъ онъ постригся въ монахи. Его духовоый отецъ, узнавъ, что, служа у Гулявича, онъ «секраментъ дважды принималъ», отлучилъ его отъ причастія на два года, но Варсонофій простеръ свою ревность до того, что уже шесть лѣтъ не пріобщался, наказывая этимъ себя за уклоненіе отъ православія, и рѣшилъ прекратить эту эпитимію только при смерти. Трудно судить, правду ли говорилъ старецъ Варсонофій; быть можетъ, вины его были гораздо болѣе тяжкія, чѣмъ онъ разсказывалъ; можетъ быть, и бѣжать въ Москву принужденъ онъ былъ страха ради; во всякомъ случаѣ патріархъ Филаретъ далъ вѣру его показаніямъ и, выдержавъ его на патріаршемъ дворѣ подъ началомъ, отослалъ въ Спасскій монастырь, гдѣ велѣлъ его крестить,—такъ какъ Варсонофій не зналъ, крещенъ ли онъ погруженіемъ или обливаніемъ,—и постричь большимъ постригомъ. При существовавшемъ въ то время порядкѣ монастырскаго житія, при которомъ иноки могли свободно переходить изъ одной обители въ другую, нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что старецъ Варсонофій въ 1628 году оказался въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ [1]).

Такимъ образомъ кіевлянинъ Варсонофій нѣкоторое время прожилъ на патріаршемъ дворѣ и имѣлъ тамъ связи; потому-то, безъ сомнѣнія, извѣстна была ему нелюбовь патріарха Филарета ко всякому колдовству, нелюбовь, объясняющаяся обстоятельствами его бурной жизни. Еще до Лихолѣтья, въ правленіе Бориса Годунова, вся семья Романовыхъ пострадала какъ разъ по наговору въ чародѣйствѣ. Одинъ изъ домашнихъ людей Александра Никитича Романова, Второй-Бартеневъ, по наущенію сатаны, сговорился съ Семеномъ Годуновымъ, извѣстнымъ начальникомъ тайной политической полиціи, и подкинулъ въ кладовую своего господина мѣшокъ съ какими-то кореньями; это послужило поводомъ къ опалѣ всей семьи Романовыхъ, давно уже бывшихъ у царя Бориса на

[1]) Р. И. Б., томъ II, № 166, стр. 600—602. Отношенія къ выходцамъ изъ Западной Руси—см. у Макарія, «Ист. русск. церкви», XI, стр. 23 и сл., 30 и сл.; о бродяжничествѣ иноковъ изъ обители въ обитель—ibid., VII, стр. 87—88; о томъ же злѣ говорилъ еще и Московскій соборъ 1667 г. (ibid, XII, стр. 791).

подозрѣніи; онъ разослалъ Никитичей въ ссылку въ разные отдаленные города, постригши при этомъ въ монахи самаго старшаго и самаго энергичнаго изъ нихъ, Θеодора Никитича, впослѣдствіи и сдѣлавшагося патріархомъ Филаретомъ. Есть основаніе предполагать, что Романовы пострадали не даромъ: показанія нѣкоторыхъ современниковъ, соображенія изслѣдователей, указываютъ на какую-то противогосударственную боярскую интригу, во главѣ которой стояли Никитичи; есть даже извѣстіе, что Отрепьевъ до бѣгства въ Литву «жилъ у Романовыхъ во дворѣ», «привиталъ» у одного изъ нихъ; какъ бы то ни было, поводомъ къ долгимъ страданіямъ Романовыхъ, къ смерти нѣкоторыхъ изъ нихъ, послужило обвиненіе въ чародѣйствѣ, и это воспоминаніе не могло не остаться наболѣвшимъ мѣстомъ въ душѣ Филарета, не могло не сдѣлать для него ненавистнымъ всякое колдовское дѣло наравнѣ съ прочими напоминаніями о былой невзгодѣ [1]).

Подобное отношеніе святѣйшаго патріарха къ волхвованію должно было быть извѣстнымъ и Варсонофію, жившему въ свое время на патріаршемъ дворѣ, и, доводя до свѣдѣнія властей о находкѣ дьяка Григорьева, онъ могъ разсчитывать лишь на живѣйшее одобреніе; къ этому могло присоединиться опасеніе и за собственную судьбу: старецъ кіевлянинъ отлично понималъ, что если откроется чародѣйскій характеръ находки дьячка, какимъ бы то ни было путемъ, первымъ потянутъ къ отвѣту его же, Варсо-

[1]) Дѣло Романовыхъ—«Акты историч.», II, № 38, 54. Изъ показаній объ немъ—«Лѣтопись о многихъ мятежахъ», 56—61; «Хронографы» (въ «Изборникѣ» Попова), 189, 219; Палицынъ, 8. Дьякъ Тимоѳеевъ, князь Катыревъ-Ростовскій, князь Шаховской (Р. И. Б., XIII, 819, 567, 858) говорятъ тоже объ опалѣ Никитичей, но имени ихъ не упоминаютъ: если мы примемъ во вниманіе, что ихъ разсказы написаны позже 1613 года (ср. Платоновъ, «Древне-русскія повѣсти и сказанія о смутн. времени», 163, 231, 245), а повѣсть Катырева вдобавокъ носитъ отпечатокъ если не официальнаго, то во всякомъ случаѣ высоко-офиціознаго произведенія (ibid., 210, 220), то можно съ увѣренностью сказать, что всякое воспоминаніе о событіяхъ 1601 года было до крайности непріятно Филарету. Намеки на дѣйствія Романовыхъ при Борисѣ—«Сказанія совр. о Димитріи Самозв.» (изд. 1831 г.), I, стр. 5; болѣе опредѣленно—тамъ же, стр. 30, и у Шаума («Иностр. сочинен. и акты, относящ. до Россіи, изд. Оболенскимъ), стр. 7; ср. Костомаровъ «Кто былъ первый Лжедимитрій?», 48, 49 и Бестужевъ-Рюминъ: «Письма о Смутномъ времени», 15, 26, 50 и др.; объ интригѣ противъ Шуйскаго—Платоновъ, op. cit., 211. Много очень интересныхъ замѣчаній о роли ѣемьи Никитичей и преимущественно Филарета сгруппировано въ капитальномъ трудѣ Платонова «Очерки по исторіи смуты», во II-й части. Существуетъ портретъ Филарета въ царскомъ платьѣ съ подписью «Царь Θедоръ Микитичъ»; репродукція его помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» за 1863 годъ; очевидно нарисованъ онъ до 1601 года, когда постриженіе отняло у Филарета надежды на престолъ, и характеренъ для знакомства съ его притязаніями. Лѣтопись о мятежахъ (стр. 59) говоритъ о насильственной смерти троихъ изъ Романовыхъ, но это извѣстіе рѣзко дисгармонируетъ съ наказомъ, даннымъ приставамъ; къ тому же, если бы захотѣли покончить съ опальными, несомнѣнно начали бы съ Филарета, какъ наиболѣе вліятельнаго.

нофія, какъ знавшаго о лихомъ дѣлѣ и не донесшаго, что для него, завѣдомаго проходимца, могло кончиться скверно; такимъ образомъ все соединилось для того, чтобы толкнуть старца Варсонофія на доносъ.

Выслушавъ его извѣтъ, архимандритъ Рафаилъ долгомъ счелъ немедленно извѣстить патріарха о замѣченномъ въ обители недобромъ дѣлѣ, въ отвѣтъ на что полученъ былъ указъ великаго государя Филарета Никитича препроводить къ нему и преступника—дьячка Семенку, и его ересныя книги; покаялся вѣрно теперь бѣдный дьячекъ въ своей откровенности, да было уже поздно. Привели его на Москву къ святѣйшему патріарху и поставили на разспросъ; дьячекъ не запирался и подробно разсказалъ, какъ было дѣло: какъ онъ тетради гадальныя нашелъ, какъ показывалъ ихъ двумъ старцамъ, и какъ раньше получилъ онъ отъ стрѣльца Өедьки приговорную запись. Патріархъ ознакомился и съ содержаніемъ дьячковой находки; оказалось что это Рафли, одинъ изъ тѣхъ сборниковъ заклинаній и повѣрій, которые появились на Руси въ XV вѣкѣ и были отмѣчены, какъ еретическіе и какъ коби бѣсовскія, Стоглавымъ соборомъ. Дѣло могло кончиться очень худо для дьячка, и счастливъ онъ былъ, что самъ не занимался волхвованіемъ по найденнымъ у него книгамъ. Во всякомъ случаѣ дѣло считалось важнымъ, что видно даже изъ того, какъ быстро было оно рѣшено: 4-го марта найденъ былъ злополучный свертокъ, 29-го числа послѣдовалъ доносъ Варсонофія архимандриту, а 26-го августа святѣйшій патріархъ уже порѣшилъ все дѣло: книги чародѣйныя были сожжены, а дьячекъ отправленъ обратно въ монастырь въ тяжелое заключеніе. Патріаршій сынъ боярскій Алексѣй Матовъ отвезъ горемыку въ Печерскую обитель и сдалъ его подъ расписку монастырскимъ властямъ. Преступника заковали въ цѣпи и отдали въ черныя работы по монастырю на цѣлый годъ, лишивъ его даже духовнаго утѣшенія, и лишь на слѣдующій годъ могъ онъ ждать облегченія своей участи [1]).

III.

Годуновскій голодъ.

Въ 1601 году, страшное бѣдствіе постигло Русскую землю, бѣдствіе, не разъ и прежде бывавшее, но никогда еще, кажется, не достигавшее такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ теперь. Все лѣто этого года стояло ненастное, дождливое; въ ужасъ и уныніе

---

[1]) А. Э., III, № 176. Соловьевъ, IX. глава V. Текстъ Рафлей — смотри въ III-мъ выпускѣ «Пам. стар. русск. литерат.».

приходили люди, конца не видя ливнямъ, затоплявшимъ поля; земля была размыта, хлѣбъ гнилъ на корню, не успѣвъ и налиться, ранніе успенскіе заморозки уничтожили всякую надежду земледѣльца. Кое-какъ пыталось населеніе бороться съ послѣдствіями неурожая: нашелся запасной хлѣбъ, правда, неважный, но что дѣлать; засѣяли имъ поля, но и на этотъ разъ не дождались жатвы, и посѣвъ погибъ, подобно прошлогоднему. Этого уже не вынесла страна, два послѣдовательные неурожая повлекли за собою сильную и повсемѣстную голодовку, до 1603 года опустошавшую землю Русскую, и съ ужасомъ отзываются о ней всѣ современники-очевидцы. Негдѣ было купить хлѣба, ни за какую цѣну не находили его, и стали люди умирать, и умирали тысячами; нельзя и перечесть умершихъ тогда, говоритъ одинъ самовидецъ, другіе, не столь осторожные, приводятъ число погибшихъ, не всегда, однако, согласуя свои показанія со свидѣтельствами прочихъ; по самымъ скромнымъ расчетамъ, въ одной лишь Москвѣ умерло болѣе 120.000 человѣкъ, такъ что ежедневно за городъ въ «убогіе дома», то-есть на братскія кладбища, вывозили шесть, восемь, а то и больше вововъ труповъ, и не только труповъ, но и обезпамятѣвшихъ отъ голода людей, которыхъ, случалось, тоже бросали въ общую могилу; другіе исчисляютъ убыль московскаго населенія въ полмилліона, а одинъ иностранный путешественникъ прямо заявляетъ, что въ эти ужасные годы государство Московское лишилось цѣлой трети своего населенія; со стороны иноземца такое преувеличенье не изумительно: онъ судилъ по слухамъ да по тому, что ему кидалось въ глаза, а въ это время не рѣдкость было встрѣтить цѣлыя деревни пустыя, покинутыя своимъ населеніемъ, а, быть можетъ, лишенныя его голодною смертью. На поляхъ, на дорогахъ валялись трупы, и некому было хоронить; раздолье было птицамъ небеснымъ и звѣрю лѣсному; они и собаки, потерявшіе хозяевъ, одичавшія, пировали, пожирая трупы, настолько многочисленные, что и звѣри и птицы не могли всего одолѣть. Люди пытались избавиться отъ ужасной голодной смерти, найдя себѣ какое либо другое пропитаніе; ничѣмъ не брезговали теперь, но часто лишь обманывали свой голодъ хлѣбомъ изъ сосновой коры, изъ соломы, изъ молотаго сѣна. Всякую нечистоту ѣли теперь люди; лакомствомъ считалась конина, ѣли собакъ, кошекъ, крысъ; другіе накидывались на кору, на траву, коренья; по улицамъ валялись люди, щипавшіе траву, подобно животнымъ; зимой горемыки пытались обмануть себя, набивая ротъ сѣномъ, даже навозомъ. Лютое бѣдствіе заставило людей забыть все святое, превратило ихъ въ дикихъ звѣрей, и ужасные, невѣроятные случаи имѣли тогда мѣсто; ослабли всѣ родственныя связи, отцы покидали дѣтей, жены мужей; начали питаться трупами себѣ подобныхъ, страшныя злодѣйства происходили чуть не

ежедневно: отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей, дѣти—родителей, хозяева—гостей; въ многолюдныхъ домахъ наиболѣе тучные и мясистые обрекались на гибель. Стали люди бояться другъ друга, не рѣшались оставаться наединѣ съ малознакомыми, путники не смѣли останавливаться въ гостиницахъ. Рубленое человѣческое мясо продавалось на рынкахъ, какъ начинка для пироговъ, и продавалось, какъ говорятъ, совершенно открыто. Случаи людоѣдства совершались на глазахъ у всѣхъ, надо было силой удерживать матерей отъ пожиранія дѣтей; одинъ очевидецъ передаетъ, какъ съ трудомъ отбили на улицѣ младенца отъ матери, начавшей глодать его руки, другой разсказываетъ про четырехъ женщинъ, составившихъ общество для изловленія и поѣданія людей. Царь Борисъ хотѣлъ помочь народу, и началъ раздавать милостыню въ Москвѣ; слухъ объ этомъ привлекъ въ столицу массу бѣднаго люда, который, однако, при дороговизнѣ припасовъ, не могъ все равно ихъ пріобрѣтать—не хватало царскаго жалованья—и погибалъ отъ голода. А припасы дѣйствительно стоили дорого, до трехъ рублей и даже больше дошла цѣна четверти ржи, увеличившись въ нѣсколько десятковъ разъ: надо, однако же, сказать, что эти цѣны были до извѣстной степени искусственныя, поднятыя спекуляціей; въ годину всеобщаго бѣдствія находились сребролюбцы, на немъ строившіе свои расчеты; они, обративъ въ деньги все, что имѣли, покупали хлѣбъ и, безсовѣстно набивая цѣны, «прибытковъ воспріимаху десятину и вяще»; а для того, чтобы хлѣбъ былъ рѣдокъ, а потому и дорогъ, они скрывали свои запасы, хладнокровно созерцая гибель ближнихъ; правда, подчасъ разсвирѣпѣвшая толпа бросалась на дома такихъ корыстолюбцевъ, разграбляла и сжигала ихъ, но это не удерживало остальныхъ, и они продолжали дѣлать свое недоброе дѣло [1]).

Царь Борисъ обратилъ вниманіе и на это вопіющее зло и рѣшительно началъ борьбу съ нимъ. Онъ посылалъ повсюду грозныя грамоты, въ которыхъ, жалѣя о всемъ православномъ христіанствѣ и сыскивая всѣмъ всего народа людямъ полезное, велѣлъ хлѣбныхъ скупщиковъ и всѣхъ набивавшихъ цѣну на хлѣбъ строго разыскивать и на торгу бить кнутомъ нещадно; наряду съ этимъ тѣ же грамоты регулировали хлѣбныя цѣны, «учиняли хлѣбную цѣну одну» и полагали конецъ укрывательству хлѣбныхъ запасовъ постановленіемъ переписать весь запасенный хлѣбъ и,

---

[1]) Лѣтопись о мятежахъ, 63, 64, Палицынъ, гл. II, Хронографы («Изборникъ» Попова), 190, 414, Шаховскій (Р. И. Б., XIII), 858. Сказанія соврем. о Димитріи Самозванцѣ, I, 38—40 и примѣч. 39, III, 74—76, 128. Смитъ (переводъ Болдакова), 64, Шаумъ (Иностр. сочиненія и акты, относящ. до Россіи, изд. Оболенскаго), 3, Отчетъ Ганзейскаго посольства 1603 года (Сборникъ матеріаловъ по русск. исторіи начала XVII в., изд. гр. Шереметева), 39, Масса (Спб., 1874), 77, 78, Карамзинъ, XI, примѣч. 168.

подъ страхомъ тюремнаго заключенія, продавать его по уставной цѣнѣ.

Грозная царская грамота, однако, подѣйствовала не на всѣхъ, злоупотребленія продолжались, хотя виновники ихъ пытались прятать концы въ воду. Едва ли не такой характеръ носитъ любопытное дѣло монаховъ Агапитовой пустыни Холмогорской епархіи, бившихъ челомъ на какого-то Исаака Бурцева, жившаго въ одной изъ монастырскихъ деревень, бравшаго у монаховъ хлѣбъ и деньги въ долгъ и наконецъ уѣхавшаго, долгу не заплатя; достойно вниманія то обстоятельство, что грамотка писана не на имя царя или патріарха, какъ то обыкновенно дѣлали иноки по самымъ пустячнымъ дѣламъ, а подана какому-то церковному старостѣ Максиму Гаврилову да сотскому Тимоѳею Григорьеву; это были свои люди, ихъ бояться было нечего; а пошлешь грамоту на Москву—пойдутъ разбирать, въ чемъ дѣло, да и доберутся. А дѣло, вѣроятно, заключалось въ томъ, что монастырь, не имѣя права открыто спекулировать хлѣбомъ, что было настрого заказано царской грамотой, отпускалъ хлѣбъ по уставной цѣнѣ, а разницу засчитывалъ въ долгъ покупателю; Бурцевъ этого долга не признавалъ, иноки и обратились съ жалобой къ мѣстнымъ чинамъ, тоже не безгрѣшнымъ въ хлѣбномъ разбоѣ, какъ на то указывалъ и царь, говоря и о монастырскихъ вотчинахъ у архимандритовъ и у игуменовъ, и объ десятильникахъ и приказчикахъ, какъ о хлѣбныхъ барышникахъ.

Не даромъ иноки разсчитывали на поддержку мѣстныхъ властей; при общности ихъ интересовъ, они постоянно укрывали другъ друга, оказывали одни другимъ помощь. Весною 1602 года таможенный голова въ Нижнемъ Новгородѣ Иванъ Семеновъ съ товарищи совершили крупное злоупотребленіе. Царскими указами велѣно было сбирать весь хлѣбъ, остающійся свободнымъ, въ пострадавшія области, запрещался вывозъ его куда бы то ни было во избѣжаніе дальнѣйшаго его вздорожанія; сдѣлано, однако же, было исключеніе для экипажей судовъ, идущихъ внизъ по Волгѣ; для нихъ позволялось имѣть хлѣбъ по расчету людей и дней плаванія; это постановленіе и послужило предлогомъ къ плутовскимъ продѣлкамъ: хлѣбные скупщики, не желая продавать свой товаръ по уставной цѣнѣ, увозили его изъ Нижняго внизъ по Волгѣ, а таможенная комиссія смотрѣла на это сквозь пальцы, получивъ изрядный «посулъ», и лишь для формы объявляла по городу запрещеніе увозить хлѣбъ. Невѣдомо какимъ путемъ до правительства дошли слухи о чинившемся въ Нижнемъ беззаконіи, и въ концѣ іюня явился туда обыскать это дѣло бояринъ Юрій Ивановичъ Нелединскій. Слѣдствіе было поведено быстро: уже 4 іюля разспрашивали архимандрита и братію Печерскаго монастыря, и ихъ отвѣтъ, дошедшій до насъ, и даетъ намъ понятіе

объ интересномъ этомъ дѣлѣ. Старцамъ предъявили цѣлый рядъ казусныхъ вопросовъ: отпускалъ ли Семеновъ хлѣбъ внизъ по Волгѣ, и сколько именно? Спрашивали у нихъ о размѣрѣ взятки и о томъ, отпустилъ ли голова хлѣбъ до царскаго запрету, или послѣ, ранѣе объявленія объ этомъ указѣ во всеобщее свѣдѣніе, или послѣ него. Постановка вопросовъ такова, что можно догадываться о существованіи подозрѣній противъ старцевъ въ сообщничествѣ съ таможенной комиссіей. Отвѣтныя рѣчи старцевъ замѣчательны какъ по своему тону, исполненному достоинства, такъ и по ловкости, съ которой онѣ затрогиваютъ щекотливые вопросы; старцамъ и Семенова съ товарищи хочется обѣлить, елико возможно, и въ то же время они боятся, какъ бы не заподозрѣли ихъ въ соучастіи; игуменъ и братія говорятъ, что они слышали объ отпускѣ хлѣба внизъ по Волгѣ, но то было сдѣлано по государевымъ грамотамъ, разрѣшавшимъ брать запасъ, потребный для пропитанія экипажа; не вѣдаютъ и не слышали, былъ ли отпущенъ хлѣбъ противъ указа, сколько именно, когда и за какую взятку; это—все дѣла, о которыхъ говорить надо было весьма осторожно, и иноки ловко избѣгли поставленной имъ ловушки; заканчиваютъ они свое показаніе отмѣткой о времени отпуска судовъ съ хлѣбомъ: отпустили де ихъ послѣ того, какъ кличъ кликали о невывозѣ хлѣба, стало быть, голова съ товарищи дѣло свое сдѣлали и, отпуская суда внизъ, едва ли могли имѣть дерзость поступить противъ всѣмъ извѣстнаго указа. Таковы рѣчи старцевъ; если обыскъ далъ слѣдователю все такія показанія, оправданіе обвиненныхъ—дѣло рѣшенное; но бѣда въ томъ, что очень ужъ опредѣленны тѣ пункты обвиненія, которые были высказаны, настолько опредѣленны, что наврядъ ли явились они результатомъ вымысла, и есть полная возможность предположить, чѣмъ кончилось дѣло; не помогли, вѣроятно, рѣчи монаховъ, и Иванъ Семеновъ съ товарищи, по смыслу царскаго указа, долженъ былъ «на торгу битъ быти кнутіемъ нещадно» [1]).

М. И. Помяловскій.

[1]) Р. И. Б., II, № 215; Сборникъ князя Хилкова, № 62; сравн. Палицынъ, 17; Р. И. Б., XIV, 219. Намекъ на недостойныя спекуляціи духовенства можно видѣть въ словахъ Массы, обвиняющаго (совершенно, впрочемъ, бездоказательно) самого патріарха въ такомъ дѣлѣ (стр. 79).

ФРАНЦУЗСКІЙ ДИПЛОМАТЪ ПРИ ДВОРѢ ЕКАТЕРИНѢ II [1].

(Историческій очеркъ).

IV.

ВЪ СВОЕ недолговременное пребываніе въ Россіи, именно въ теченіе двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ, маркизъ Жюинье подготовилъ путь къ соглашенію между Франціей и Россіей. При Шуазелѣ, первомъ министрѣ Людовика XV, эти отношенія были очень натянуты, въ чемъ виновенъ былъ главнымъ образомъ баронъ Брётель, французскій посланникъ въ Петербургѣ, который, не подозрѣвая переворота 1762 года, отказалъ Екатеринѣ въ субсидіи и уѣхалъ на время этого событія изъ Россіи. Очевидно, императрица возненавидѣла Брётеля и потомъ перенесла съ него вражду на всю Францію. Въ то же время политика Франціи имѣла цѣлью отдалить Россію отъ европейскихъ дѣлъ. Точно такъ же и Екатерина всячески дѣйствовала противъ французскихъ интересовъ. Хотя, вступивъ на престолъ, она вызвала русскія войска изъ Пруссіи, гдѣ они дѣйствовали противъ Австріи и Франціи, но, по совѣту Панина, Екатерина установила сѣверную систему, т. е. союзъ между Россіей, Пруссіей, Даніей и Англіей противъ Австріи и Бурбонскихъ дворовъ. Послѣ смерти Августа III, короля польскаго, отношенія между

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 653.

Франціей и Россіей еще болѣе обострились, потому что кандидатъ послѣдней, Понятовскій, былъ избранъ королемъ, а не сынъ короля Саксонскаго, за котораго стояла Франція. Верженъ, французскій посланникъ въ Константинополѣ, всѣми силами старался подбить турокъ къ войнѣ съ Россіей, однако, хотя ему это и удалось, но эта несчастная война для Турціи окончилась Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. Екатерина всюду торжествовала, и не только она не была удалена изъ Европы, но господствовала надъ Турціей и Польшей. О торговомъ же трактатѣ съ Турціей не было и разговора, тогда какъ Англія добилась почти полной монополіи ввозной и вывозной торговли въ Россіи.

Воцареніе Людовика XVI и назначеніе имъ Вержена министромъ иностранныхъ дѣлъ вполнѣ измѣнило французскую политику. Она признала совершившіеся факты, старалась всячески исправить сдѣланныя ошибки и поставила себѣ цѣлью помириться съ Россіей. Хотя Дюранъ, назначенный герцогомъ Эгильономъ посланникомъ въ Петербургѣ, дѣйствовалъ осторожнѣе и благоразумнѣе, чѣмъ его предшественники, которыхъ ненавидѣла Екатерина, но онъ не сумѣлъ добиться довѣрія императрицы, и потому, для примѣненія новыхъ идей, должно было назначать новаго человѣка. Для этой-то именно цѣли избрали маркиза Жюинье. Ему было поручено дать понять императрицѣ, что въ ея интересахъ не увеличивать могущество Пруссіи и присоединять ее къ дѣлежу Польши, а напротивъ отвернуться отъ нея и присоединиться къ дворамъ вѣнскому и версальскому. Это было тѣмъ необходимѣе, что вскорѣ должно было открыться баварское наслѣдство, и союзъ Россіи съ Франціей становился одинаково необходимымъ, какъ для одной, такъ и для другой стороны. Наконецъ Кайнарджійскій миръ могъ развить коммерческія отношенія между Россіей и Франціей не только относительно ввозной, но и вывозной торговли. Эти предметы были главными, на которые министерство обратило вниманіе маркиза Жюинье; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему поручено было расположить къ себѣ Потемкина, охладить привязанность Панина къ прусскому союзу и содѣйствовать Австріи въ борьбѣ съ вліяніемъ Фридриха II въ Петербургѣ. Это была широкая программа, и Жюинье не только понялъ ее, но и много содѣйствовалъ ея осуществленію.

Онъ имѣлъ счастіе произвести на императрицу довольно хорошее впечатлѣніе и успѣлъ не только нарушить ея предубѣжденіе противъ версальскаго двора, но и подготовить лучшее будущее. «Я не думаю», писалъ онъ Вержену, «чтобы предубѣжденія Екатерины были неизмѣнны, но считаю даже, что они уменьшились и въ важныхъ пунктахъ». Трактатъ съ Пруссіей, хотя и былъ возобновленъ на пять лѣтъ, съ 1-го апрѣля 1777 года, но нарушенъ гораздо ранѣе срока. Что касается Англіи, то она имѣла большія затрудненія, какъ въ Новомъ, такъ и въ Старомъ Свѣтѣ. Амери-

канскія колоніи отторглись отъ метрополіи и съ помощью Франціи объявили свою независимость. Сенъ-Джемскій кабинетъ, вербовавшій повсюду войска, обратился съ тѣмъ же къ Екатеринѣ II. Она очень разумно отказалась продавать кровь своихъ подданныхъ, хотя этотъ неуспѣхъ Англіи былъ сравнительно не важенъ, но онъ служилъ явнымъ доказательствомъ, что вѣтеръ перемѣнялся въ сторону Франціи.

Таково было положеніе дѣлъ, когда маркизъ Жюинье передалъ Корберону завѣдываніе посольствомъ. Министерская инструкція, сообщенная Корберону 21 ноября 1777 года, въ сущности, была повтореніемъ той, которую онъ самъ получилъ отъ короля. Корберону надлежало только итти по тому же пути и наблюдать за обстоятельствами. Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ думалъ, что ему никогда не будетъ предстоять другой роли, и что его обязанность не превыситъ донесенія въ Версаль всѣхъ придворныхъ интригъ. Вержену надо было напоминать, чтобы молодой дипломатъ въ своихъ депешахъ былъ остороженъ и остерегался сообщать анекдоты, нравившіеся публикѣ своей скабрезностью, но не относящіеся прямо къ интересамъ короля. «Можно обо всемъ упоминать въ политическихъ бумагахъ», писалъ онъ, «не оскорбляя заинтересованныхъ лицъ, если бы они когда нибудь объ этомъ узнали, но для этого надо воспретить себѣ проникать въ будуары принцессъ и въ «petite maison» принцевъ». Разъ министръ такъ настаивалъ на необходимости приличія дипломатическихъ депешъ, то очевидно отношенія Франціи становились благопріятными для Россіи.

Дѣйствительно, политика Франціи въ Константинополѣ относительно Россіи совершенно измѣнилась, и не только она не подстрекала Турцію къ войнѣ съ Россіей, но французскій посланникъ Сенъ-При уговаривалъ султана не дѣйствовать противъ петербургскаго кабинета ради Крыма. Вліяніе французскаго правительства на Порту было такъ сильно, что его совѣты осторожности восторжествовали, и война была отсрочена. Съ другой стороны, Корберонъ заявлялъ министрамъ Екатерины II желаніе своего короля покончить миролюбиво эту распрю, въ которой было болѣе недоразумѣнія, чѣмъ настоящей вражды. Поэтому онъ вызывался со стороны французскаго правительства дружески уладить дѣло. Однако король не думалъ еще брать на себя роли посредника. «Его величество», писалъ Верженъ въ 1777 году, «не желаетъ ни подъ какимъ видомъ быть офиціальнымъ посредникомъ. Онъ далекъ отъ того, чтобы вмѣшиваться въ чужія дѣла, рѣшать которыя ничто ему не даетъ право. Его единственная цѣль возстановить сношенія между Россіей и Турціей въ болѣе успѣшномъ видѣ, чѣмъ прежде, когда они едва не порвались». Это посредничество предложилъ императоръ Іосифъ II. Но Екатерина не благопріятствовала

Австріи и подозрѣвала ее въ подстрекательствѣ турокъ, а потому она отказалась отъ его предложенія и продолжала сама вести переговоры съ султаномъ. Такимъ образомъ роль Франціи въ Петербургѣ въ концѣ 1777 года, когда ея представителемъ сдѣлался Корберонъ, была довольно не замѣтна. Молодой дипломатъ принужденъ былъ ждать новыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы дѣйствовать энергично.

Пока вниманіе Европы было обращено на Крымъ, курфюрстъ баварскій Максимиліанъ-Іосифъ умеръ неожиданно, не оставивъ потомства. Законнымъ его наслѣдникомъ былъ пфальцграфъ, Карлъ-Теодоръ, который такъ же не имѣлъ сыновей. Іосифъ II тотчасъ занялъ большую часть Баваріи и заключилъ съ пфальцграфомъ трактатъ, которымъ тотъ отчуждалъ отъ себя большую часть наслѣдства. Это противорѣчило интересамъ Карла-Августа, герцога Цвейбрикенскаго, племянника и наслѣдника Карла-Теодора. Фридрихъ II, король прусскій, заступился за него и началъ войну. Естественно, что эта война должна была принять общій характеръ, и сторону Австріи должна бы поддерживать Франція, а Пруссіи—Россія. Но французское правительство заботилось въ то время объ американской борьбѣ съ Англіей и потому отказалось поддерживать эгоистичныя цѣли Іосифа II и Маріи-Терезіи. Австрія и Пруссія обѣ обратились къ Екатеринѣ II съ просьбой заключить союзъ и послать вспомогательную армію на помощь каждой изъ нихъ. Не зная плановъ Россіи, Верженъ совѣтовалъ Корберону настаивать, чтобы Россія уговорила Пруссію сохранить миръ, и во всякомъ случаѣ увѣдомлялъ бы его точно обо всемъ, что дѣлалось въ петербургскихъ кабинетахъ. Наконецъ выяснилось, что Екатерина противодѣйствовала намѣреніямъ Маріи-Терезіи и Іосифа II-го, угрожая имъ, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, взять сторону Фридриха II, для чего и двинула въ Польшу сорокатысячную армію, подъ начальствомъ князя Рѣпнина.

Тогда Австріи не оставалось ничего другого, какъ требовать соединеннаго посредничества Россіи и Франціи. Екатерина II не желала ничего лучшаго и приняла это предложеніе съ величайшей радостью. Она поняла, что обязана была этимъ главнымъ образомъ Людовику XVI и его умѣреннымъ совѣтамъ вѣнскому двору. Она писала въ депешѣ русскому посланнику Барятинскому, отъ 21-го октября 1778 года, что «она очень довольна содѣйствовать вмѣстѣ съ французскимъ королемъ возстановленію мира въ Германіи», и она желала, чтобы «какъ можно скорѣе установилось между обоими дворами единеніе, необходимое для совершенія подобнаго дѣла. Поэтому она дожидала съ нетерпѣніемъ сообщенія короля объ его взглядахъ, чувствахъ и принципахъ. Конгрессъ въ Бреславлѣ былъ назначенъ, и со стороны Франціи и Россіи явились уполномоченными баронъ Бретель и князь Рѣпнинъ. Бре-

телю и графу Понсу, французскому посланнику въ Вѣнѣ, было поручено правительствомъ вести постоянныя сношенія съ Корберономъ и сообщать ему всѣ дипломатическіе акты, получая отъ него совѣты и свѣдѣнія, которые онъ считалъ нужнымъ имъ сообщать.

Такимъ образомъ въ сношеніяхъ Франціи съ Россіей произошла очень замѣтная перемѣна. Корберонъ былъ лучше всѣхъ поставленъ, чтобы цѣнить ихъ послѣдствія, и вполнѣ вѣрно передавалъ новыя чувства, которыя ощущали окружающіе императрицу. Эти свѣдѣнія даже подали мысль Вержену офиціально предложить посредничество Франціи между султаномъ и Екатериной II. На этотъ разъ, хотя и сомнѣваясь въ искренности версальскаго кабинета въ турецкихъ дѣлахъ, Екатерина не могла не принять предложенія, но она сдѣлала это какъ-то неохотно и скорѣе съ холодностью, чѣмъ съ благодарностью. Какъ бы то ни было, Сенъ-При получилъ приказаніе начать переговоры съ русскимъ посланникомъ и французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ и дѣйствовать совершенно согласно съ нимъ. Въ этихъ переговорахъ Корберонъ высказалъ много осторожности и упорства, хорошо помня, что французское вліяніе всегда противодѣйствовало русскому въ Константинополѣ; петербургскій кабинетъ, съ своей стороны, такъ же держался насторожѣ и не поручалъ вполнѣ своихъ интересовъ ея представителямъ. Такъ графъ Панинъ, одобряя планъ примиренія, предложенный Сенъ-При, и выражая ему удовольствіе, возбужденное въ Петербургѣ благороднымъ и выгоднымъ для Россіи его поведеніемъ въ этомъ дѣлѣ, въ то же время втайнѣ приказалъ Стахѣеву, посланнику въ Турціи, поспѣшить заключеніемъ мира, безъ всякаго посторонняго содѣйствія. Поэтому велико было удивленіе Сенъ-При, когда Стахѣевъ отказался выслушать представленное отъ имени Оттоманской Порты предложеніе о мирѣ и вступить въ переговоры. Нужна была необыкновенная ловкость Корберона, чтобы уладить все это, не нарушая достоинства ни Франціи, ни Россіи. Его поведеніе было высоко одобрено въ Версалѣ, и Верженъ писалъ: «Мы знаемъ всю тонкость отношеній петербургскаго двора, и мы надѣемся отучить его отъ этого, на что, однако, потребуется время. Онъ отвыкнетъ отъ подозрѣнія нашей политики въ подпольной игрѣ, когда каждое дѣло въ концѣ обнаружитъ наше благородство и желаніе дѣйствовать къ общей и преимущественно къ ея пользѣ».

Наконецъ Корберонъ послѣ долгихъ переговоровъ и личныхъ свиданій добился, что Панинъ отрекся отъ Стахѣева и высказалъ значительное довѣріе къ безпристрастію французскаго посредничества. Миръ заключенъ былъ черезъ нѣсколько дней, именно 21-го мая 1779 года; это была конвенція, добавочная къ Кайнарджійскому трактату. Въ силу ея Порта признавала независимость

Крыма и уступала Россіи новыя привилегіи насчетъ торговли въ Черномъ морѣ.

Что касается до переговоровъ о баварскомъ наслѣдствѣ, то Екатерина, гордясь своимъ положеніемъ въ этомъ дѣлѣ, имѣла менѣе основанія подозрѣвать Францію. Переговоры о посредничествѣ Франціи и Россіи обсуждались въ Петербургѣ между Панинымъ и Корберономъ, а въ Версалѣ, между Верженомъ и княземъ Барятинскимъ. Несмотря на это, Корберонъ чувствовалъ необходимость усилить свою дѣятельность для преодолѣнія всѣхъ преградъ, которыя существовали отъ обычной русской политики. Онъ достигъ, однако, своей цѣли и убѣдилъ русскихъ, что въ дѣлахъ Европы только могло принести пользу единство Россіи съ Франціей, уничтожая всѣ ихъ предубѣжденія противъ Франціи. Благодаря франко-русскому посредничеству, дворы вѣнскій и берлинскій вскорѣ согласились въ главныхъ пунктахъ, и городъ Тешенъ, въ Силезіи, избранъ былъ мѣстомъ переговоровъ. Улаженіе турецкихъ дѣлъ помогло въ значительной мѣрѣ заключенію Тешенскаго мира, который былъ подписанъ 13 мая 1779 года. Курфюрстъ Карлъ-Теодоръ сохранилъ за собою Баварію, но съ тѣмъ обязательствомъ, что передастъ ее по наслѣдству герцогу Цвейбрикенскому; Австрія получила Бергаузинское владѣніе на Иннѣ; Фридрихъ II добился признанія за Пруссіей права на наслѣдство маркграфствъ Барейскаго и Анспахскаго; наконецъ, Россія увеличила свое вліяніе въ Германіи признаніемъ за нею, вмѣстѣ съ Франціей, гарантіи Вестфальскаго трактата.

Тешенскій миръ и добавочная конвенція съ Турціей привели къ желанному сближенію Франціи и Россіи. Екатерина II, которая никогда не имѣла расположенія къ Франціи и всегда ненавидѣла ее, теперь писала офиціально: «Я имѣю столь хорошее мнѣніе обо всемъ происходящемъ въ царствованіе Людовика XVI, что готова бранить всякаго, кто осуждаетъ дѣйствія Франціи». Въ письмѣ къ Гримму она еще опредѣленнѣе говоритъ: «Вы знаете, какого я хорошаго мнѣнія о всѣхъ занимающихъ высокіе посты въ счастливое царствованіе Людовика XVI. Я многимъ одолжена Вержену». Екатерина охотно готова была даже заключить болѣе тѣсный союзъ съ Франціей относительно европейскихъ дѣлъ. «Отъ насъ зависитъ, замѣчалъ Верженъ, увлечь императрицу и ея правительство на болѣе рѣшительное признаніе новой системы». Но на это не было желанія Людовика XVI. Онъ нимало не желалъ измѣнить положеніе Европы и заявилъ Корберону, что онъ никогда не откажется отъ австрійскаго союза и не намѣренъ потребовать у русской императрицы отказа отъ союза съ Пруссіей. «Но это не помѣшаетъ, прибавлялъ онъ, чтобы оба двора отказались отъ прежнихъ своихъ предубѣжденій, которыя поддерживали между ними всегда воинственное положеніе, чтобы они удерживались отъ вся-

каго нарушенія мирныхъ сношеній, чтобы они ясно и дружественно предупреждали всякую вражду, и чтобы между обоими государствами были заключены торговые трактаты, польза которыхъ очевидна». Изъ этихъ выраженій уже видно, насколько франко-русскія отношенія измѣнились.

Въ Петербургѣ такъ же, какъ въ Версалѣ, умѣли цѣнить участіе Корберона въ турецкихъ и тешенскихъ переговорахъ. Графъ Панинъ въ депешѣ къ князю Барятинскому, отъ 4 іюня 1779 года, писалъ: «Императрица поручаетъ вамъ довести до свѣдѣнія короля, что она очень рада и поздравляетъ его съ ихъ обоюдными успѣхами. Ея величество убѣждена, что единеніе и одинаковость чувствъ, по счастью, теперь соединяющія ихъ между собою, одинаково полезны имъ приносимой ими выгодою. Такъ какъ императрица замѣтила, что кавалеръ Корберонъ выказалъ всевозможную добрую волю и усердіе для приданія пользы перепискѣ между обоими дворами, относительно тешенскихъ и константинопольскихъ переговоровъ, конецъ которыхъ былъ столь счастливъ, то она выражаетъ свое благоволеніе подарками тысячи дукатовъ и табакерки, украшенной брилліантами. Я имѣлъ честь передать эти подарки кавалеру Корберону и прошу ваше превосходительство быть добрымъ и предупредить графа Верженa, прося его, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить королю, въ благопріятномъ свѣтѣ, заслуги кавалера Корберона, которыя императрица желаетъ признать своимъ одобреніемъ вполнѣ достойными». Кромѣ того, Корберонъ впродолженіе этого времени снискалъ дружбу Потемкина, который, хотя не офиціально, но вмѣшивался въ европейскія дѣла и противодѣйствовалъ своимъ вліяніемъ у императрицы силѣ Панина, согласно депешѣ Вержена, отъ 28-го іюня 1779 года. «Повидимому, Потемкинъ перешелъ на французскую сторону и готовъ былъ реализировать съ Франціей полезные для обѣихъ странъ проекты».

V.

Во все время своего пребыванія въ Петербургѣ послѣ отъѣзда маркиза Жюинье дневникъ Корберона продолжается лишь отрывками; такъ онъ вовсе прекращается отъ 12-го октября 1777 года до 2-го января 1779 года. Этотъ четырнадцатимѣсячный перерывъ тѣмъ непріятнѣе, что эпоха, до которой онъ касается, наиболѣе интересная въ дѣятельности Корберона. Почему онъ перестаетъ за это время писать свой любопытный дневникъ,—трудно объяснить: развѣ только тѣмъ, что онъ былъ очень занятъ дѣлами. Какъ бы то ни было, лишь въ 1779 году начинается снова этотъ дневникъ, но въ значительно измѣненномъ видѣ. Онъ уже не столь легкомысленъ, и въ немъ первое мѣсто занимаютъ не свѣтскія сплетни, придворныя интриги и всякаго рода городскіе скандалы,

но преимущество отдано дипломатическимъ дѣламъ. Очевидно, онъ уже играетъ роль не маленькаго секретаря посольства, который главнымъ образомъ забавляется и передаетъ въ дневникѣ только то, что для него интересно, а занимаетъ постъ представителя Франціи и потому держитъ себя серьезно и съ подобающимъ достоинствомъ. Поэтому неудивительно, что и характеръ его записокъ становится болѣе основательный и степенный.

На первыхъ ихъ страницахъ онъ говоритъ: «Въ моемъ теперешнемъ положеніи я часто прозябаю среди своихъ многоуважаемыхъ коллегъ. Напримѣръ, вотъ какъ я провелъ сегодняшній день: утромъ я былъ при дворѣ, обѣдалъ у австрійскаго посланника, графа Кауница, и слушалъ разныя плоскости, такъ какъ трудно собрать на подобные обѣды людей мыслящихъ; потомъ присутствовалъ при скучномъ концертѣ у голландскаго резидента и наконецъ спасся домой, гдѣ теперь сижу у камина въ халатѣ. Вотъ эскизъ моей обыкновенной жизни; правду сказать, я стараюсь какъ можно менѣе вести такую жизнь, а жить такъ, какъ мнѣ хочется, несмотря на моду, на этикетъ и на обычай. Это мнѣ гораздо полезнѣе и лучше. Такова моя теорія; она не свѣтская, я это знаю, но отъ этого она тѣмъ лучше, такъ какъ все свѣтское неподеано».

Давъ такимъ образомъ почувствовать своимъ читателямъ, что изъ веселаго молодого человѣка онъ сдѣлался настоящимъ дипломатомъ, Корберонъ сразу переходитъ къ дипломатическимъ дѣламъ, которыми тогда онъ серьезно занимался. Между нимъ и Панинымъ шли постоянныя бесѣды, относившіяся къ переговорамъ константинопольскимъ и тешенскимъ. Корберонъ заносилъ въ свои записки все замѣчательное, что происходило во время этихъ бесѣдъ. Такъ, напримѣръ, мы узнаемъ, что онъ передалъ графу Панину планъ, составленный Верженомъ, о миролюбивомъ окончаніи дѣла по вопросу о баварскомъ наслѣдствѣ, и послѣднему такъ понравился этотъ планъ, что онъ попросилъ показать его императрицѣ. Французскій представитель охотно на это согласился, и, конечно, подобное довѣріе только увеличило уваженіе къ нему. По крайней мѣрѣ, такъ увѣряетъ самъ Корберонъ въ своихъ офиціальныхъ депешахъ къ Вержену. Вообще положеніе Корберона, если ему вѣрить, въ послѣднее время совершенно измѣнилось.

«Въ первое время моего пребыванія здѣсь», говоритъ онъ, «я посѣщалъ всякаго рода общества, и я этимъ былъ очень доволенъ. Но этого мнѣ было мало; я хотѣлъ, чтобы не довольствовались отзывомъ обо мнѣ, какъ о любезномъ человѣкѣ. Я перемѣнилъ систему: сосредоточился самъ въ себѣ и въ нѣсколькихъ кружкахъ большого свѣта. Видя мою твердость и откровенность, меня начали уважать и перестали считать легкомысленнымъ. Мнѣ совѣтовали перемѣнить свою манеру люди, самые замѣчательные здѣсь: Панинъ, Потемкинъ, Иванъ Чернышевъ и два иностранные послан-

ника, Сольмсъ и Гаррисъ, когда послѣдній еще не былъ моимъ врагомъ. Они всѣ съ тѣхъ поръ обращаются со мною съ достоинствомъ и говорятъ, что мое поведеніе удостоено полнаго одобренія даже императрицы. Нѣкоторыя изъ дружественныхъ ко мнѣ лицъ, какъ, напримѣръ, Чернышевъ, полагаютъ, что я непремѣнно замѣню маркиза Жюинье. Увидимъ, что будетъ. Милости такъ же, какъ и общественное мнѣніе, чрезвычайно перемѣнчивы. Четырнадцать или восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, на французовъ не очень хорошо смотрѣли въ этой странѣ, а теперь, послѣ константинопольскаго мира, мы находимся въ самомъ лучшемъ положеніи. Восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ запретили доступъ ко двору, а теперь говорятъ, что я получу орденъ св. Анны, и что императрица настоитъ на назначеніи меня посланникомъ, но неизвѣстно въ какой странѣ».

Хотя Корберонъ посѣщалъ только необходимыхъ ему вліятельныхъ лицъ, но они находились съ нимъ на самой дружеской ногѣ. Такъ Потемкинъ пригласилъ его на праздникъ, данный имъ императрицѣ 19-го февраля, несмотря на то, что въ числѣ приглашенныхъ не было ни одного повѣреннаго въ дѣлахъ. По этикету, даже посланники не ужинали за высочайшимъ столомъ, а потому Корберонъ подчинился этому обычаю и вмѣстѣ съ прусскимъ посланникомъ, Сольмсомъ, очень спокойно помѣстился за общимъ придворнымъ столомъ. Только Кауницъ надѣлалъ столько шуму, что его въ концѣ ужина допустили до стола, за которымъ сидѣла императрица. Всѣ смѣялись надъ его выходкой, и напротивъ одобряли умѣренность и скромность Корберона и Сольмса. Вскорѣ послѣ этого онъ посѣтилъ въ Царскомъ Селѣ Потемкина и три четверти часа разговаривалъ съ нимъ наединѣ. Они помѣнялись любезностями насчетъ ихъ странъ, и Корберонъ между прочимъ просилъ Потемкина достать ему рѣдкую карту Россіи и Америки для короля. Гордый вельможа обѣщалъ поговорить съ императрицей, которая одна могла достать желаемое, и они разстались очень любезно другъ съ другомъ.

Наконецъ дипломатическіе переговоры, которые велъ Корберонъ, пришли къ удачному окончанію и къ общему удовольствію. Въ это же время маркизъ Жюинье подалъ въ отставку, по нездоровью. Слухъ распространился, что на его мѣсто назначаютъ въ Петербургъ д'Антрега, посланника въ Дрезденѣ, и Корберонъ рѣшилъ дѣйствовать энергично въ свою пользу, подстрекаемый всѣми пріятелями. Прежде всего онъ отправился къ Потемкину, и тотъ принялъ его очень любезно, говоря, что готовъ ему оказать всевозможныя услуги. Поблагодаривъ его за это, Корберонъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Императрица не желаетъ ничего лучшаго, какъ имѣть васъ при своемъ дворѣ,—отвѣчалъ Потемкинъ:—но одно можетъ помѣшать: это назначеніе, какъ говорятъ, д'Антрега.

Корберонъ замѣтилъ, что эти слухи наврядъ ли справедливы, и во всякомъ случаѣ, если императрица захочетъ, то можетъ устроить это назначеніе.

— Она этого желаетъ, — сказалъ Потемкинъ: — и это дѣло устроено. Только я хотѣлъ бы, чтобы вы замолвили о себѣ словечко Панину, и чтобы онъ со мною объ этомъ заговорилъ.

— Можно мнѣ, князь, объ этомъ сказать ему?—спросилъ Корберонъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Потемкинъ,—это ни къ чему не повело бы. Но поговорить съ Панинымъ вамъ необходимо, не теряя времени.

«Я прямо отправился къ Панину,—говоритъ Корберонъ,—и засталъ его дома. Поздравивъ его съ недавнимъ разрѣшеніемъ отъ бремени великой княгини, я прямо приступилъ къ дѣлу. Графъ,—сказалъ я,—вы столько разъ были любезны со мною, что я буду откровененъ съ вами. Въ послѣднее время я такъ часто работалъ съ вами, что узналъ пользу откровенности съ вашимъ превосходительствомъ. Если правда, что вы получили извѣстіе объ отставкѣ маркиза Жюинье, то я смѣю выразить вамъ прямо мое желаніе занять его мѣсто. До сихъ поръ изъ деликатности къ нему я не выражалъ этого желанія, но теперь, если императрица соблаговолитъ... Панинъ перебилъ меня и сказалъ, что Жюинье болѣе не пріѣдетъ въ Россію.—Его здоровье не позволитъ ему этого,—прибавилъ онъ,—и къ тому же онъ очень старъ.—Ему 53 года,—замѣтилъ я.—Ну, нѣтъ, ему добрыхъ шестьдесятъ лѣтъ,—отвѣчалъ онъ съ улыбкой.—Не думаю, графъ, въ 1745 году ему было 49 лѣтъ и...—Вѣрьте мнѣ, ему шестьдесятъ лѣтъ,—настойчиво сказалъ Панинъ:—онъ не любилъ объ этомъ говорить, но графъ Ласси мнѣ сказалъ его лѣта. Во всякомъ случаѣ, я буду очень радъ, если ваше назначеніе состоится. Я поговорю съ императрицей, которая васъ уважаетъ. Къ тому же вы вели себя во всѣхъ дѣлахъ съ честью, и ея величество намѣрена вамъ доказать особеннымъ образомъ свое удовольствіе.—Но меня безпокоитъ,—отвѣчалъ я,—что распространился слухъ о назначеніи сюда д'Антрега.—Это невѣроятно,—сказалъ Панинъ:—будьте увѣрены, что я стою за васъ; мы привыкли къ вашей работѣ, мы васъ знаемъ и съ удовольствіемъ удержимъ.—Я удалился, повѣривъ ему мои интересы и вполнѣ надѣясь на его обѣщанія».

Корберонъ возвратился къ Потемкину.

— Ну, что же, вы были у графа Панина?—спросилъ онъ.

— Да, князь; онъ былъ очень любезенъ со мною и обѣщалъ поговорить съ императрицей.

— Въ такомъ случаѣ, дѣло въ шляпѣ. Только бы написалъ графъ Панинъ, а то онъ такъ медлитъ.

— Если вы этого желаете, князь, и императрица этого желаетъ...

— Что касается императрицы, то она ничего не требуетъ лучшаго. Значитъ, дѣло устроено. Я хотѣлъ предоставить всю честь его графу Панину. Но будьте спокойны.

«Я поблагодарилъ князя,—прибавляетъ Корберонъ:—и потомъ мы бесѣдовали съ нимъ о картинахъ и рисункахъ. Наконецъ, я просилъ Потемкина сохранить мое дѣло въ тайнѣ, что онъ охотно обѣщалъ».

Этими словами снова прекращается дневникъ Корберона, и хотя онъ, въ сущности, продолжается до 15 мая, но содержаніе его такъ не интересно, что Лабандъ не приводитъ его. Вновь возобновляется онъ только черезъ годъ, и потому мы изложимъ событія этого года, согласно его официальнымъ депешамъ и официальнымъ дипломатическимъ бумагамъ того времени.

Екатерина II вполнѣ одобрила перемѣну скромнаго титула повѣреннаго въ дѣлахъ на полномочнаго министра, но велѣла посовѣтовать Корберону обратиться самому къ Вержену, кромѣ обѣщаннаго письма Панина къ послѣднему. Корберонъ такъ и сдѣлалъ, но Панинъ по лѣни или изъ ревности къ Потемкину, который очень благоволилъ къ французу, не написалъ къ Вержену, и Корберонъ получилъ отъ Вержена извѣстіе, что маркизъ Верракъ назначенъ представителемъ Франціи въ Россіи. Въ утѣшеніе Верженъ писалъ 3-го іюля 1779 года: «Я, однако, не скрылъ отъ короля, что Екатерина II, графъ Панинъ и князь Потемкинъ были вполнѣ довольны вами. Я воспользовался этимъ случаемъ и засвидѣтельствовалъ его величеству, что вы вполнѣ достойны чести получить мѣсто посланника второго разряда, которое откроется. Маркизъ Верракъ, котораго король назначилъ въ Петербургъ, не будетъ въ состояніи вскорѣ приготовиться для такого длиннаго путешествія, и потому вы остаетесь на своемъ прежнемъ мѣстѣ, занимая которое, вы, конечно, еще болѣе окажете услугъ правительству».

Корберонъ впослѣдствіи узналъ, что дѣйствительно Верженъ хлопочетъ за него, но графъ Морепа не простилъ ему отъѣзда въ Россію съ маркизомъ Жюинье, вмѣсто того, чтобы поѣхать въ Данію съ его племянникомъ Верракомъ. «Я былъ такимъ образомъ пожертвованъ министромъ иностранныхъ дѣлъ министру юстиціи,—пишетъ Корберонъ,—и подобное обстоятельство впослѣдствіи не разъ случалось въ моей жизни». Обѣщанное ему вознагражденіе не заставило себя долго ждать. Интересъ, который приняла въ немъ русская императрица, и желаніе короля вознаградить его услуги выразились въ назначеніи его полномочнымъ министромъ при герцогѣ Цвейбрюкенскомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ остаться въ Петербургѣ до прибытія Веррака, даже еще дольше, если ему понадобится. Такимъ образомъ Корберонъ продолжалъ еще цѣлый годъ вести дѣла Франціи въ Петербургѣ. Въ

это время вся Европа была занята американской войной, и Корберонъ передалъ Панину депешу Вержена, въ которой говорилось: «Соединенные Штаты Сѣверной Америки, которые заявили свою независимость актомъ 4 іюля 1776 года, предложили королю офиціально подтвердить дружескія отношенія между обѣими странами, и вслѣдствіе этого былъ подписанъ союзъ. Онъ заключенъ не съ цѣлью даровать какую нибудь привилегію Франціи, а предоставить Соединеннымъ Штатамъ свободу трактовать со всѣми государствами, на одинаковой ногѣ, равенство и взаимность». Чтобы противодѣйствовать этому трактату, англійскій дворъ всячески старался поддержать сочувствіе къ себѣ Екатерины и дѣйствовалъ при ея дворѣ черезъ одного изъ самыхъ хитрыхъ, умныхъ, не останавливавшихся ни передъ какими мѣрами, даже передъ подкупомъ—дипломатовъ. Это былъ Джемсъ Гаррисъ, будущій лордъ Мальмсбери. «Мнѣ поручено узнать,—писалъ онъ,—согласенъ ли русскій дворъ заключить наступательный и оборонительный союзъ съ нами; если онъ расположенъ къ этому, то я долженъ привести въ исполненіе этотъ проектъ; если нѣтъ, то я долженъ ретироваться безъ всякаго неудовольствія». Такимъ образомъ между Франціей и Англіей, т. е. между Гаррисомъ и Корберономъ, велась рѣшительная игра, и ставками были независимость Америки и дружба Россіи.

Сначала Екатерина была слишкомъ занята турецкими и нѣмецкими дѣлами, чтобы обратить большое вниманіе на эту борьбу. Между тѣмъ Испанія присоединилась къ Франціи въ войнѣ съ Англіей, а со своей стороны Верженъ велъ переговоры съ Голландіей, Швеціей и Даніей о принятіи французскаго принципа, что нейтральный флагъ покрываетъ товаръ. Онъ также обратился къ Екатеринѣ съ просьбою, чтобы она взяла подъ свое покровительство мелкія государства отъ корсарской дѣятельности англичанъ. Съ своей стороны англичане пытались переманить на свою сторону Россію, но Панинъ не отвѣчалъ на ихъ авансы. Тогда Гаррисъ сталъ обвинять Панина въ томъ, что онъ продался Пруссіи и извращаетъ всѣ его предложенія, передавая императрицѣ. Съ этой минуты онъ обратился къ помощи Алексѣя Орлова и князя Потемкина, который всегда противодѣйствовалъ политикѣ Панина и теперь содѣйствовалъ Гаррису, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ отъ него сто тысячъ рублей для заключенія союза. Такимъ образомъ въ 1779 году свирѣпствовала борьба, съ одной стороны, между Гаррисомъ, Орловымъ и Потемкинымъ, а съ другой Корберономъ, Потемкинымъ и прусскими послами, сначала Сольмсомъ, потомъ Гёрцомъ.

«Англійскій посланникъ въ Петербургѣ,—писалъ Верженъ,—способенъ проигранное дѣло стараться выиграть всевозможными нечистыми путями. Его величайшій противникъ Корберонъ, однако, очень ловко отпарировалъ его дипломатическіе удары. Зато и Гар-

рисъ его не жалѣлъ и обвинялъ въ глупости, въ клеветахъ, въ дружбѣ съ лакеями, въ подкупахъ и т. д.». Еще, можетъ быть, рѣзче отзывался о немъ Корберонъ: «Гаррисъ крупная политическая рыба, питается рыбной мелюзгой и потомъ ее изрыгаетъ. Я убѣжденъ, что онъ презираетъ всѣхъ выкидышей, которыми пользуется и которыхъ заставляетъ дѣйствовать по-своему».

Когда же заключены были Тешенскій трактатъ и добавочная турецкая конвенція, то императрица сочла возможнымъ заняться проектомъ графа Панина, о которомъ онъ уже говорилъ Корберону, т. е. о ея посредничествѣ между Людовикомъ XVI и Георгомъ III. Но Франція встрѣтила это предложеніе съ видимой холодностью. Корберону было поручено заявить, что король былъ очень тронутъ подобнымъ доказательствомъ расположенія императрицы, но что онъ находитъ тщетнымъ всякое посредничество, послѣ того какъ Англія отказала въ немъ Испаніи, Австріи и Турціи. Тогда еще болѣе усложнилась русская политика, которая зависѣла во многомъ отъ состоянія внутреннихъ дѣлъ Россіи и постоянныхъ придворныхъ интригъ, лѣни министровъ и перемѣны фаворитовъ. «Надо быть одареннымъ сверхчеловѣческимъ терпѣніемъ,—писалъ Гаррисъ,—чтобы вести дѣло съ людьми, которые не способны выслушать резонъ и дать разумный отвѣтъ, а главное, когда ими руководитъ во всемъ лѣнь, какъ, напримѣръ, Панинымъ, который занимается дѣлами не болѣе получаса въ день». Съ своей стороны Корберонъ пишетъ Вержену о графѣ Панинѣ: «Онъ отличается слабостью, какъ всѣ личности двора, основаннаго на милости, и его вліяніе часто безполезно. Любострастный по темпераменту и лѣнивый по системѣ, онъ не знаетъ слова «нѣтъ», но всѣ его обѣщанія тщетны, и на нихъ нельзя полагаться. По характеру онъ чрезвычайно тонкая штука и окружаетъ собесѣдника тысячью любезностей, такъ что послѣдній забываетъ въ немъ перваго министра». Корберонъ прибавляетъ: «Какъ же послѣ этого управляется государство? Какъ оно поддерживается? Я отвѣчу на эти вопросы, что Россія управляется случаемъ и поддерживается своимъ естественнымъ равновѣсіемъ, подобно тому, какъ большія массы находятъ твердость въ своей тяжести».

Что касается императрицы, то съ лѣтами увеличились ея капризы; подозрительная и недовѣрчивая, по словамъ Корберона, она вмѣстѣ съ тѣмъ была очень падка до лести. «Великое искусство,—говорилъ Іосифъ II-й, возвратившись изъ Петербурга,—понять ея характеръ и льстить ей». Несмотря на ея способность разгадывать людей и на ея большой политическій тактъ, она ничѣмъ не интересовалась, когда дѣло касалось ея фаворитовъ. «Вы выбрали дурную минуту,—писалъ Потемкинъ Гаррису въ февралѣ 1780 г.,—новый фаворитъ опасно боленъ. Причина его болѣзни и неувѣренность въ его выздоровленіи такъ взволновали императрицу, что

она неспособна думать о другомъ, и всѣ ея идеи самолюбія, славы и достоинства исчезли. Ея нервы такъ потрясены, что она отказалась отъ всякой умственной дѣятельности. Корберонъ прибавляетъ: «Эпоха, въ родѣ междуцарствія, которая слѣдуетъ за перемѣной фаворитовъ, стушевываетъ всѣ событія. Даже министры чувствуютъ на себѣ вліяніе подобнаго событія и прерываютъ свою дѣятельность до того времени, когда выборъ сдѣланъ, и машина опять идетъ своимъ ходомъ».

Такимъ образомъ, послѣ безконечныхъ дипломатическихъ перипетій Екатерина рѣшилась отвѣчать на предложеніе Англіи о союзѣ отказомъ и заявленіемъ отъ 28 февраля 1780 г. о вооруженномъ нейтралитетѣ. Корберонъ чрезвычайно ловко воспользовался этимъ заявленіемъ, присоединилъ къ нему Францію, Испанію и Пруссію. Этотъ вооруженный нейтралитетъ былъ прямымъ дѣйствіемъ противъ Англіи, и кредитъ Гарриса у Екатерины совершенно упалъ. Даже Потемкину пришлось защищать свои близкія отношенія къ нему. Напротивъ Россія очутилась въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ Франціи, и полное примиреніе между обѣими странами казалось близкимъ къ осуществленію, особенно послѣ посѣщенія Парижа и Версаля великимъ княземъ Павломъ и его женою подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ. Корберонъ дѣйствовалъ вполнѣ въ единеніи съ Панинымъ и Гёрцомъ; побѣда въ долговременной борьбѣ съ Англіей была имъ одержана.

Но въ минуту торжества, когда ожидалось присоединеніе къ вооруженному нейтралитету Даніи, 4 іюля неожиданно явился въ Петербургъ маркизъ Верракъ. Ловкій дипломатъ долженъ былъ стушеваться и уступить свое мѣсто офиціальному представителю Франціи.

VI.

На другой день, послѣ пріѣзда маркиза Веррака, Корберонъ снова возобновилъ свой интимный дневникъ: «Я начинаю,—говоритъ онъ,—опять писать мои записки, прекращенныя такъ давно невозможностью заниматься чѣмъ либо, кромѣ политики. Я не знаю, удастся ли мнѣ имѣть болѣе свободнаго времени, чтобы работать по моему вкусу, по крайней мѣрѣ, у меня не будетъ каторжныхъ дней почты».

Новый дневникъ Корберона продолжался три мѣсяца и по-старому отличался живостью и разнообразіемъ. Тутъ не говорилось преимущественно только объ одной политикѣ, какъ въ то время, когда онъ писалъ мемуары, будучи представителемъ Франціи. Онъ снова сдѣлался неофиціальнымъ, частнымъ человѣкомъ, такъ какъ ему теперь не мѣшало писать все, что угодно, мелкое дипломатическое положеніе. Попрежнему онъ сталъ интересоваться придворными сплетнями, свѣтскими интригами, городскими толками и всевозможными

слухами. Это, конечно, не мѣшало ему заниматься по старой памяти и политическими дѣлами, которыя онъ обязанъ былъ офиціально объяснять и толковать своему преемнику, для чего и оставался въ Петербургѣ. Маркизъ Верракъ, несмотря на приведеніе Корберономъ въ порядокъ дѣлъ и оказаніе ему большой пользы обстоятельными совѣтами, торопилъ его съ отъѣздомъ, и онъ, очевидно, уже не имѣлъ никакого вліянія на дѣла, что̀ очень его̀ печалило, такъ какъ главныя изъ нихъ не были окончены.

Въ особенности онъ сожалѣлъ, что ему не удалось заключить съ Россіей торговаго трактата. По несчастію, Верженъ не такъ интересовался этимъ дѣломъ, какъ его подчиненный, и еще въ 1779 году писалъ ему: «Избѣгайте, пожалуйста, особой ревности въ переговорахъ съ русскими министрами о торговомъ трактатѣ. Мы еще далеки отъ того времени, когда они будутъ въ томъ настроеніи, до котораго намъ желательно ихъ довести. Что же касается до вашихъ докладовъ по этому предмету, то я съ удовольствіемъ ихъ оставляю на время, когда будетъ необходимо къ нимъ обратиться. Теперь же до заключенія мира съ Англіей намъ достаточно собирать самый богатый матеріалъ». Такимъ образомъ Корберонъ не могъ сдѣлать рѣшительныхъ шаговъ на этомъ пути, и если онъ покровительствовалъ французскимъ коммерсантамъ въ Россіи, то не былъ увѣренъ, что французское правительство его одобритъ. «Если бы въ минуту энтузіазма великой Екатерины,— писалъ онъ впослѣдствіи въ 1781 году,—и ея неудовольствія противъ Англіи ловко воспользовались случаемъ, чтобы основать прямыя и солидныя торговыя отношенія съ Россіей, то легко было бы уничтожить англійскій антагонизмъ. Это именно былъ моментъ, чтобы жертвовать всѣмъ, деньгами и всевозможными усиліями, для учрежденія въ Россіи французской факторіи. Я это предвидѣлъ, а мнѣ сказали, что правительство не располагало 75.000 ливровъ, которые надо было израсходовать на фарфоровый сервизъ, понравившійся Потемкину. Въ январѣ 1780 г. я послалъ особаго курьера къ Сартину, предлагая завести контору съ тѣми же привилегіями, какъ Англія; она послужила бы началомъ факторіи. Мнѣ на это отвѣчали со стороны Сартина только любезностями, а со сторны Вержена—что курьеры очень дороги, а потому онъ могъ избавить министерство отъ лишняго курьера».

Извѣстно, что Верраку также не удалось заключить торговый трактатъ, какъ и его предшественнику, и онъ только былъ подписанъ его преемникомъ, графомъ Сегюромъ, 11-го января 1787 года.

Съ перваго же дня своего новаго дневника Корберонъ записалъ, что маркизъ Верракъ остался тѣмъ же человѣкомъ, какимъ онъ былъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда Корберонъ служилъ у него секретаремъ и былъ съ нимъ очень друженъ. Это былъ любезный вельможа, сравнивавшій все съ французскимъ дворомъ и домогав-

шійся лишь достичь своей службою голубой ленты и какъ можно чаще отпуска. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ легкомысленъ, поверхностенъ и малоспособенъ для политической карьеры. Его первый секретарь, Кальяръ, по словамъ Корберона, былъ, напротивъ, слишкомъ пламеннымъ человѣкомъ и желавшимъ всѣми повелѣвать. Такимъ образомъ Корберонъ находилъ, что дѣла были довѣрены двумъ лицамъ, которыя нисколько не были способны на основательную дѣятельность. На второй же день Корберонъ прибавляетъ въ своихъ мемуарахъ, что изъ разговоровъ съ Верракомъ видно его намѣреніе. Онъ пріѣхалъ, очевидно, въ Петербургъ только на короткое время, чтобы поразить всѣхъ великолѣпіемъ своихъ праздниковъ, однако не разоряя себя, и, какъ можно скорѣе уѣхать, заключивъ торговый трактатъ и получивъ богатую награду. «Я,—прибавляетъ Корберонъ,—очень боюсь за дѣла, которыми интересуюсь, хотя они болѣе не касаются меня. Это не мѣшаетъ мнѣ любить Веррака, какъ добраго и хорошаго человѣка, но не талантливаго».

Черезъ недѣлю Корберонъ описываетъ пріемъ маркиза Веррака во дворцѣ, или, какъ онъ выражается, «представленіе великихъ маріонетокъ». Это произошло въ Петергофѣ. Въ первой каретѣ ѣхали маркизъ и Корберонъ, который его представлялъ, а во второй его секретари. «По дорогѣ маркизъ повторилъ мнѣ свою рѣчь къ императрицѣ,—пишетъ Корберонъ,—говоритъ онъ хорошо, и память у него отличная, впрочемъ однажды она ему измѣнила при представленіи королю датскому. Послѣ этого я старался, какъ могъ, ему объяснить положеніе политическихъ дѣлъ, но онъ не слушалъ и постоянно перебивалъ меня. Я рѣшительно не понимаю, какъ можно такъ мало заботиться о политикѣ. Пріемъ императрицы обошелся очень хорошо, и, оставшись во дворцѣ, Верракъ былъ приглашенъ играть въ карты съ императрицей. Мнѣ стоило много труда, чтобы уговорить его принять это лестное предложеніе; онъ боялся дороговизны игры, и къ тому же новый австрійскій посланникъ Кобенцель отсовѣтовалъ ему это, потому что его не приглашаютъ на императорскую партію. Онъ, наконецъ, согласился; рѣшено, что онъ будетъ всегда играть съ императрицею, несмотря на цѣну ставки. Во дворцѣ былъ въ это время императоръ Іосифъ II-й, посѣтившій Россію, подъ именемъ графа Фалькенштейна; онъ много говорилъ съ Верракомъ и очень кокетничалъ съ нимъ; но странно сказать, что онъ спросилъ меня, пріѣхалъ ли я съ маркизомъ; я повернулъ дѣло такъ, какъ будто онъ спрашиваетъ о пріѣздѣ въ Петергофъ, потому что онъ видѣлъ меня прежде и долго говорилъ со мною. Этого мало; онъ спросилъ мое имя и потомъ отвернулся отъ меня. Вѣроятно, онъ меня не узналъ, но это мнѣ очень не понравилось. Очевидно, это—какая нибудь гадость со стороны Кобенцеля, къ тому же я на дурномъ счету въ Вѣнѣ съ Тешенскаго мира. Возвращаясь изъ дворца, маркизъ мнѣ сознался, что онъ

совершенно спутался со своей рѣчью и, чтобы поправиться, долженъ былъ вынуть свои кредитивныя грамоты. Можно представить, какъ это его озабочивало. Онъ спрашивалъ меня, эта неловкость не сдѣлаетъ ли ему вреда, и я его успокоилъ тѣмъ, что ему нечего бояться. Меня очень сердитъ, что онъ обращаетъ большое вниманіе на мелкія дѣла и не заботится о большихъ. Маркиза поразило великолѣпіе русскаго двора, и это удивленіе мнѣ показалось страннымъ во французѣ».

На другой день Корберонъ опять видѣлъ Фалькенштейна, въ честь котораго была устроена великолѣпная иллюминація въ Петергофскомъ паркѣ. Онъ обращался съ нимъ обыкновеннымъ любезнымъ тономъ, вполнѣ удовлетворивъ его за вчерашнюю непріятность. Однако онъ упомянулъ о ней графу Кобенцелю, и послѣдній всю вину свалилъ на то, что императоръ не узналъ французскаго дипломата. Но, по всей вѣроятности, Кобенцель былъ при чемъ нибудь въ этомъ дѣлѣ. «Этотъ человѣкъ,—говоритъ Корберонъ,—очень опасный и фальшивый, о чемъ я предупредилъ Веррака и Кальяра». Дѣйствительно Кобенцель ненавидѣлъ Францію и всѣхъ французовъ. Въ инструкціи французскаго правительства Сегюру въ 1784 г. говорится: «Графъ Кобенцель полагаетъ, что нѣсколько любезностей стушевываютъ его антипатію къ Франціи, которая обнаруживается всячески». Корберонъ понялъ его съ перваго дня и писалъ въ этомъ тонѣ министру: «Кобенцель можетъ, сколько угодно, проклинать меня и клеветать на меня; ляганіе осла презрѣнно, но не опасно». Естественно, что они оба ненавидѣли другъ друга.

Наконецъ отъѣздъ императора былъ назначенъ. «Разсказываютъ, что у него въ Москвѣ двѣ дочери,—пишетъ Корберонъ,—что онъ далъ имъ хорошее приданое. Вообще онъ немного здѣсь сдѣлалъ, и императрица начинаетъ имъ тяготиться. Онъ посѣтилъ академію и другія учрежденія и бѣгаетъ по городу, какъ почталіонъ, отличаясь въ своей дѣятельности смѣсью простоты и гордости. Напримѣръ, онъ не поѣхалъ къ великому ученому Эйлеру, потому что тотъ не сдѣлалъ ему ранѣе визита, а дѣло въ томъ, что старикъ слѣпъ и никогда не выѣзжаетъ, и къ тому же при всемъ своемъ добродушіи онъ гордъ по-своему и никому не кланяется. Кобенцель получилъ отъ императора на прощеніе очень богатую табакерку; судя по этому, онъ любитъ Кобенцеля, но въ сущности довольно холоденъ къ нему. Передаютъ даже рѣзкое замѣчаніе его о женѣ Кобенцеля. Во время бала въ Петергофѣ онъ спросилъ у г-жи Нолькенъ, много ли она танцовала. Г-жа Кобенцель дерзко вмѣшалась въ разговоръ и сказала, что она вовсе не танцовала, потому что великій князь ея не приглашалъ. Эти слова очень неумѣстны въ вашихъ устахъ,—сказалъ императоръ:—не вамъ установлять этикетъ, при томъ вамъ слѣдовало бы брать примѣръ съ г-жи Нолькенъ, которая старше васъ». Гово-

рятъ, что графъ Фалькенштейнъ сказалъ Панину, что Кобенцель былъ очень молодъ (ему было всего 27 лѣтъ), что его мать была въ дружескихъ отношеніяхъ съ императоромъ, но надо было еще посмотрѣть, талантливъ ли онъ».

Мало-по-малу Корберонъ становился очень доволенъ маркизомъ Верракомъ, и полное довѣріе утвердилось между ними, несмотря на его легкомысліе. Онъ постоянно ѣздилъ ко двору въ Петергофъ, и императрица была съ нимъ очень любезна, хотя онъ немного застѣнчивъ, что ему очевидно вредило. Къ императору Іосифу II онъ относился очень ловко, хотя послѣдній затрогивалъ самые щекотливые предметы, напримѣръ, дѣятельность императрицы. «Эта принцесса чрезвычайно удивительная,—говорилъ Іосифъ II,—она съ характеромъ и знаетъ, что дѣлаетъ. Хотя она отдаетъ много времени удовольствію и, повидимому, предоставляетъ вліяніе своимъ фаворитамъ, но сама занимается дѣлами, и ничего не дѣлается безъ нея. Будьте увѣрены, что она любитъ Францію, мнѣ это доказали многіе разговоры съ нею». Наканунѣ своего отъѣзда императоръ имѣлъ, по словамъ Корберона, странный разговоръ съ прусскимъ посломъ Гёрцемъ. Онъ просилъ его написать королю, что онъ попрежнему питаетъ къ нему дружбу, уваженіе и почтеніе, помнитъ его прошедшія любезности, и если онѣ не всегда были одного мнѣнія, то это не измѣняло его чувства. «Вотъ,—прибавляетъ французъ,—какъ говоритъ австрійскій императоръ. Онъ не боится ни низости, ни лжи, потому что ему все позволено. Это его привилегія, и ей нечего завидовать: это привилегія роковая».

Въ послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Петербургѣ Корберонъ посвятилъ много времени на осмотръ петербургскихъ достопримѣчательностей, которыхъ онъ прежде не видалъ. Къ числу ихъ онъ присоединилъ и все замѣчательное въ его окрестностяхъ.

17 августа императрица вернулась въ городъ на Преображенскій праздникъ. Князь Потемкинъ считался начальникомъ этого полка, и потому Корберонъ нашелъ нужнымъ поѣхать его поздравить. Онъ принялъ его въ своемъ кабинетѣ въ 9 часовъ утра и говорилъ съ нимъ дружескимъ образомъ. «Мы бесѣдовали около четверти часа,—говоритъ Корберонъ,—и я выразилъ все свое сожалѣніе объ отъѣздѣ изъ Петербурга и объ удовольствіи вернуться. Онъ отвѣчалъ, что будетъ очень радъ снова увидѣть меня. Странно, что онъ упомянулъ о маркизѣ Верракѣ, спросивъ меня, скоро ли онъ уѣдетъ. Я отвѣчалъ, что онъ намѣренъ остаться два года, хотя въ городѣ поговаривали, что онъ уѣдетъ зимой. Праздникъ преображенцевъ былъ великолѣпный и прошелъ очень весело, но при дворѣ, какъ увѣряетъ французъ, были чѣмъ-то недовольны. Впослѣдствіи онъ узналъ, что это неудовольствіе происходило отъ того, что недоставало чиновниковъ для пополненія новыхъ административныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе этого были безпорядки, что̀ очень тревожило императрицу.

Готовясь ѣхать во Францію обратно, Корберонъ хотѣлъ повезти что нибудь новенькое и выбралъ диваны, которые очень ему понравились и были мало извѣстны въ то время во Франціи. Вслѣдствіе этого онъ заказалъ искусному столяру составить рисунки самыхъ лучшихъ изъ нихъ.

На прощанье Корберонъ, по обыкновенію, говоритъ о фаворитахъ. Корсакова въ это время смѣнилъ Ланской. Князь Потемкинъ былъ, повидимому, во временной немилости, такъ какъ онъ самъ былъ недоволенъ, что часто перемѣнялись фавориты, и что ихъ не брали, какъ онъ совѣтовалъ, изъ лицъ неизвѣстныхъ, а предпочитали внѣшній блескъ и громадные расходы. Ланской, который, какъ говорили, былъ близокъ къ паденію, попрежнему держался. Правда, польская лента, которой онъ добивался, еще не украшала его груди, но его утѣшали тѣмъ, что онъ не могъ пока ее носить по частнымъ причинамъ. По этому случаю его покровительница написала ему письмо, озаглавленное: «Мои пророчества», и лежавшее въ дорогомъ прекрасномъ ящикѣ. Это письмо было полно совѣтовъ и увѣщеваній, чтобы онъ не былъ легкомысленнымъ, а думалъ бы о своей странѣ, такъ какъ она хотѣла сдѣлать изъ него государственнаго человѣка. Между книгами, которыя она совѣтовала ему читать, были письма Цицерона.

«Я сомнѣваюсь,—говоритъ Корберонъ,—чтобы эти пророчества исполнились, потому что онъ глуповатъ, и его нельзя измѣнить, какъ Зорича, котораго также, хотя и красавца, нельзя было сдѣлать интереснымъ для всей страны. Такъ Корсаковъ, его преемникъ, не былъ счастливѣе въ дѣлѣ воспитанія. Я не видывалъ никогда такого страннаго фаворита. Это была просто кукла фатовства и такого мелкаго тона, что въ Парижѣ этого не потерпѣли бы. Всего болѣе меня удивило, что онъ сдѣлался любовникомъ Строгановой, и ея мужъ такъ по-парижски выносилъ это положеніе втроемъ, что даже поѣхалъ въ Петергофъ съ женой и Корсаковымъ. Вслѣдствіе этого Корсаковъ долженъ былъ уѣхать въ Москву, а Строгановъ получилъ выговоръ. Вообще надо желать, чтобы пожилыя женщины любили только физически, а не дѣлали всякаго рода глупости для молодыхъ людей, впрочемъ и молодые люди увлекаются старыми женщинами. Я видѣлъ, напримѣръ, что князь Рѣпнинъ, отличавшійся молодостью, былъ влюбленъ въ пожилую Нелединскую, и при томъ Рѣпнинъ былъ умный человѣкъ, а Нелединская не грѣшила умомъ. Ланской не будетъ долго господствовать, несмотря на то, что его осыпаютъ милостями и подарками. Ему куплена библіотека въ 10.000 рублей, которой, конечно, онъ не будетъ читать. Его жена, говорятъ, получитъ мѣсто при императрицѣ, но все-таки вскорѣ это зданіе разрушится, чтобы дать мѣсто другому».

Положеніе Потемкина, по словамъ Корберона, хотя очень шат-

кое, сохранялось все то же. «На-дняхъ онъ поссорился съ Панинымъ,—разсказываетъ французъ,—желая намекнуть, что Панинъ купленъ Франціей, Потемкинъ сказалъ при всѣхъ въ совѣтѣ, что изображенія Людовика XVI были очень удобны для игры. Панинъ на это отвѣчалъ, что если ему понадобятся фишки, то онъ легко бы могъ взять гинеи. Споръ такъ усилился, что Панинъ вышелъ изъ залы и поѣхалъ къ императрицѣ, которая тотчасъ явилась, чтобы уладить дѣло. Все это дѣлаетъ положеніе императрицы непріятнымъ. На-дняхъ она получила письмо отъ Орлова, который предлагаетъ уличить Потемкина и доказать, что онъ получилъ отъ англичанъ 150.000 гиней. Такимъ образомъ императрица чувствуетъ, что у нея нѣтъ друзей, нѣтъ надежныхъ совѣтниковъ. Три дня тому назадъ она осталась одна обѣдать и, чтобы не скучать, пригласила для компаніи графа Брюса». Въ концѣ своего дневника Корберонъ прибавляетъ: «Ссора съ Потемкинымъ продолжается, нѣкоторыя лица говорятъ, что звѣзда его окончательно померкаетъ, но я этому не вѣрю. Генералъ-майоръ Толстой въ большомъ фаворѣ, но, что бы ни говорили, Потемкинъ кончитъ тѣмъ, что его уничтожитъ. Я слышалъ, что вскорѣ объявятъ новаго фаворита, армейскаго капитана Пожарскаго, на взглядъ геркулеса, но ничѣмъ другимъ не отличающагося».

Отъ двора Корберонъ переходитъ къ администраціи и говоритъ, что его болѣе всего удивляетъ, какъ мало въ Россіи работаютъ. «Панинъ,—замѣчаетъ онъ,—первый министръ, а онъ играетъ роль только придворнаго и вельможи. Онъ встаетъ очень поздно, забавляется картинами и новыми книгами, одѣвается, даетъ аудіенціи, обѣдаетъ, играетъ въ карты, принимаетъ гостей, ужинаетъ и ложится очень поздно, поэтому онъ не знаетъ всего, что происходитъ въ Петербургѣ. Старшіе чиновники въ министерствѣ работаютъ не больше его и проводятъ свое время за картежной игрой, проигрывая до шестисотъ рублей въ вечеръ. Такъ ведутъ себя Визинъ, Марковъ, Бакунинъ и т. д. Только Алопеусъ одинъ работаетъ и живетъ соотвѣтственно своей службѣ. Однако, несмотря на это, по особому счастью императрицы, машина идетъ. Все-таки въ подробностяхъ встрѣчается много недостатковъ. Напримѣръ, задержка въ отвѣтѣ Португаліи и особенно Голландіи, въ дѣлѣ вооруженнаго нейтралитета, произошла не только отъ вины англичанъ, но и отъ нерадѣнія русскаго министерства».

Въ срединѣ сентября пріѣхалъ въ Петербургъ принцъ прусскій, и Корберонъ черезъ два дня писалъ Вержену: «У насъ здѣсь гоститъ принцъ прусскій; онъ сдѣлалъ мнѣ честь говорить со мною насчетъ моего отъѣзда изъ Петербурга и посѣщенія Берлина. Онъ меня пригласилъ подольше тамъ остановиться, что вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ видамъ». Императрица приняла его довольно холодно, въ виду его хорошихъ отношеній съ великимъ княземъ.

Когда принцъ на нѣсколько дней занемогъ, то великій князь бывалъ у него по два раза въ день. Что же касается до сухости отношеній императрицы къ нему и вообще всѣхъ русскихъ, то Корберонъ объясняетъ это недостаткомъ блеска вообще Пруссіи и ея двора. Послѣ выздоровленія принца пошли при дворѣ обычные обѣды, вечера и т. д., но ничего не было необыкновеннаго. Вообще принцъ велъ себя съ большимъ тактомъ, такъ какъ великій князь хотѣлъ, чтобы онъ какъ можно рѣзче обращался съ Потемкинымъ. На это онъ ловко отвѣчалъ: «Если бы я былъ русскій, то могъ бы ненавидѣть, кого желалъ, но такъ какъ я иностранецъ, то обязанъ быть со всѣми учтивымъ». Однажды на вечерѣ у великаго князя произошелъ скандалъ. Павелъ Петровичъ намекнулъ своимъ приверженцамъ, что не желалъ бы ужинать съ Потемкинымъ, находившимся въ числѣ его гостей. Послѣднему передали это, и онъ тотчасъ уѣхалъ. Въ свою очередь принцъ прусскій, узнавъ объ этомъ происшествіи, сказалъ великому князю, что такъ дѣло не можетъ окончиться, и что онъ желаетъ ужинать съ Потемкинымъ. Въ ту же минуту побѣжали за Потемкинымъ и вернули его. Тогда великій князь, которому ничего не оставалось дѣлать, любезно сказалъ: «Зачѣмъ вы ушли, князь? Я за вами послалъ».

Верракъ также далъ въ честь принца великолѣпный ужинъ. Но на немъ произошелъ совершенно иного рода скандалъ: именно для забавы принца была устроена въ особой комнатѣ игра въ банкъ. Банкометомъ былъ секретарь маркиза Костъ, и онъ не принималъ ставки свыше трехъ тысячъ рублей. Между прочими русскими игралъ сенаторъ Строгановъ. «По русскому закону азартныя игры запрещены,—замѣчаетъ Корберонъ,—за нарушенія закона берется значительный штрафъ. На другой день послѣ ужина Строгановъ былъ въ сенатѣ, и ему подали пакетъ отъ имени императрицы, въ которомъ находился указъ относительно азартной игры. Въ тотъ же вечеръ онъ поѣхалъ къ императрицѣ, бросился передъ нею на колѣни и просилъ прощенія. Императрица отвѣчала: «Вы, будучи сенаторомъ, должны знать законъ, и я хотѣла васъ проучить». Дѣло въ томъ, что императрица была непослѣдовательна и сама играла въ макао, также азартную игру, хотя съ опредѣленной незначительной ставкой.

Наконецъ, черезъ мѣсяцъ, принцъ прусскій уѣхалъ, и увѣряютъ, по словамъ Корберона, что императрица много плакала, разставаясь съ нимъ, и сказала ему, что не могла публично окружить его тѣми знаками уваженія, какихъ онъ заслуживаетъ. Такимъ образомъ объяснился придворными интригами и политическими причинами холодный пріемъ, сдѣланный принцу въ Россіи. Разумѣется, великій князь и великая княгиня еще болѣе плакали, разставаясь съ принцемъ.

Въ послѣднее время своего пребыванія въ Петербургѣ Корбе-

ронъ замѣтилъ, что его положеніе становилось все щекотливѣе относительно Веррака, который завидовалъ общему уваженію къ нему петербуржцевъ, старался отъ него отдѣлаться, намекая ему, что онъ не нуженъ. Поэтому Корберонъ ускорилъ свой отъѣздъ и въ началѣ октября принялся дѣлать прощальные визиты. Прежде всего онъ представился императрицѣ, но она была въ очень дурномъ настроеніи духа, такъ что онъ, молча, раскланялся. Впослѣдствіи онъ узналъ, что это произошло не отъ личныхъ причинъ, а она дулась за что-то въ этотъ день на всѣхъ. Но Екатерина была очень довольна поведеніемъ Корберона и надѣялась, что онъ вернется въ Петербургъ. По крайней мѣрѣ, такъ утверждали въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Вице-канцлеръ, графъ Остерманъ вполнѣ подтвердилъ это въ письмѣ къ нему отъ 29-го декабря 1781 года: «Вы выразили въ своемъ письмѣ такія пламенныя чувства относительно моей повелительницы, что я вынужденъ былъ показать его. Ея величество была тронута повтореніемъ вашей преданности и съ удовольствіемъ вспомнила, какъ вы заботились о дѣлахъ французскаго короля, будучи при ея дворѣ. Вы исполнили свою задачу съ такимъ замѣчательнымъ рвеніемъ, что я увѣренъ въ вашихъ будущихъ успѣхахъ». Что касается до дѣйствительной причины дурного настроенія императрицы, то надо предположить, что оно происходило отъ ссоры съ Потемкинымъ изъ-за его маленькой племянницы, Екатерины Энгельгардтъ, съ которой онъ находился въ связи, по словамъ Корберона.

Съ великимъ княземъ и великой княгиней Корберонъ простился самымъ сочувственнымъ образомъ.

— Господинъ Корберонъ, вы насъ покидаете?—спросилъ великій князь.

— Это необходимо, ваше высочество, какъ я ни сожалѣю.

— Я не говорю вамъ, насколько я не доволенъ вашимъ отъѣздомъ, хотя надѣюсь, что это будетъ къ вашей пользѣ.

Великая княгиня дала ему поцѣловать руку и сказала, что онъ долженъ былъ дѣйствительно очень сожалѣть о Россіи, которая сожалѣла о немъ.

Вообще о великомъ князѣ и великой княгинѣ Корберонъ выражается по поводу ихъ любезнаго прощанія самымъ сочувственнымъ образомъ, забывая все рѣзкое, что онъ говорилъ о Павлѣ Петровичѣ и даже Маріи Ѳеодоровнѣ, которая, онъ увѣрялъ, носила изъ экономіи старые туфли своей предшественницы.

Графъ Панинъ въ очень лестныхъ выраженіяхъ распрощался съ Корберономъ.

— Я не могу вамъ сказать, какъ я былъ доволенъ,—сказалъ онъ,—тѣмъ тактомъ, съ которымъ вы вели всѣ дѣла, и я надѣюсь, что когда нибудь увижусь съ вами снова. Мы терпимъ большую потерю, потому что Верракъ хотя и любезный человѣкъ, но слабоватъ.

Точно также Потемкинъ, какъ нельзя лучше, разстался съ Корберономъ и около получаса говорилъ ему любезности. Графъ Остерманъ одинаково выразилъ, въ самыхъ теплыхъ фразахъ, свое сожалѣніе о разлукѣ съ нимъ. Вообще все петербургское высшее общество сожалѣло объ его отъѣздѣ. Онъ самъ значительно перемѣнилъ свое мнѣніе о русскихъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ и съ сознательной грустью покидалъ этотъ городъ. «Русскіе,—писалъ онъ,—несправедливо считаются въ Парижѣ варварами, у нихъ много лучшихъ качествъ, чѣмъ у насъ, несмотря на то, что имъ только семьдесятъ лѣтъ, а намъ тысяча двѣсти».

Тѣмъ грустнѣе было разставаться Корберону съ Петербургомъ, что онъ оставлялъ свою невѣсту, Шарлотту Бемеръ, съ которой онъ былъ уже нѣсколько времени помолвленъ. Поэтому и дневникъ его въ послѣднихъ своихъ двухъ отрывкахъ не отличается прежней легкомысленностью. Онъ не бѣгалъ, какъ прежде, за женщинами и не ухаживалъ за кѣмъ попало, а только пламенно былъ влюбленъ въ свою невѣсту. Но жениться онъ не могъ, прежде чѣмъ добьется согласія своего семейства и короля на эту женитьбу, что было очень затруднительно, такъ какъ дѣвица Бемеръ была не богата и лютеранка. Однако, онъ надѣялся, что самъ лично устранитъ затрудненія. Пока же онъ оставилъ Шарлотту въ Петербургѣ, подъ покровительствомъ графа Панина и графа Остермана, которые оба съ большимъ интересомъ отнеслись къ его домашнимъ дѣламъ. Панинъ предложилъ послать съ нимъ письмо къ Вержену съ благодарностью за его дѣятельность и съ упоминаніемъ объ его сердечныхъ затрудненіяхъ. Корберонъ разсыпался въ благодарностяхъ.

VII.

Съ отъѣздомъ Корберона изъ Россіи снова прекращается его дневникъ. Единственныя свѣдѣнія о немъ находятся въ письмахъ къ его невѣстѣ, хранящихся въ Авиньонской библіотекѣ. Они продолжаются до 29 октября 1780 года, до отъѣзда Шарлотты Бемеръ изъ Петербурга 11-го октября 1781 года. Но эта корреспонденція не заключаетъ въ себѣ ничего интереснаго. Едва ли любопытнѣе слѣдующіе отрывки изъ его дневника отъ 9-го марта до 13-го августа 1781 года, 8-го мая 1782 года (описаніе курьезнаго спиритическаго феномена), отъ 15-го марта до 3-го мая 1784 года и отъ 23-го ноября до 21-го декабря 1784 года. Въ нихъ только встрѣчаются кое-какія свѣдѣнія о русскихъ и Россіи, но ими большею частью воспользовался Лабандъ для своего предисловія и примѣчаній, разбросанныхъ въ обоихъ томахъ. Такимъ образомъ исчерпано почти все достойное вниманія въ бумагахъ Корберона, находящихся въ Авиньонской библіотекѣ.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ о послѣдующихъ событіяхъ въ жизни Корберона. По дорогѣ въ Парижъ изъ Петербурга онъ заѣхалъ въ Берлинъ, куда надѣялся попасть посланникомъ. Фридрихъ II-й принялъ его очень любезно, и онъ говоритъ въ первомъ письмѣ къ своей невѣстѣ, «что нельзя не удивляться добротѣ, величію и простотѣ этого удивительнаго монарха». Въ Парижѣ онъ пробылъ 18 мѣсяцевъ до отъѣзда къ своему посту въ Цвейбрюкенъ. Первымъ его занятіемъ были хлопоты по устройству своего брака съ дѣвицей Бемеръ; ему удалось достать разрѣшительную грамоту на этотъ бракъ 15-го ноября 1781 года, и, выписавъ ее изъ Петербурга, онъ женился на ней въ Страсбургѣ. Въ то время, однако, онъ продолжалъ заниматься дѣлами службы и написалъ подробный отчетъ своего посольства. Верженъ, повидимому, былъ очень доволенъ его исполненіемъ своихъ обязанностей и выхлопоталъ ему три награды отъ короля: почетный офицерскій дипломъ, 10.000 ливровъ и титулъ барона. Однако, всѣ его хлопоты о томъ, чтобы получить мѣсто посланника въ Берлинѣ или Константинополѣ, ему не удались, и пришлось ѣхать въ Цвейбрюкенъ 1-го іюля 1782 года. Этотъ дипломатическій постъ былъ самый незначительный: Корберонъ только переписывался съ парижскими чиновниками и прозябалъ въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ. Единственное удовольствіе, которымъ онъ и жена пользовались въ Цвейбрюкенѣ, была дружба съ герцогиней Амаліей, которая жила вдали отъ мужа, имѣвшаго любовницу. Черезъ годъ Корберонъ вернулся въ Парижъ подъ предлогомъ отпуска и снова находился не у дѣлъ четыре года. Въ теченіе ихъ онъ продолжалъ получать жалованье и хлопотать о прусскомъ постѣ, который снова открылся. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Монморенъ обѣщалъ ему блестящее мѣсто, но 1-го сентября 1787 года онъ былъ отставленъ отъ службы, и ему дана была пенсія въ 6.000 ливровъ. Неизвѣстна настоящая причина немилости, но его оклеветали и обвиняли въ интимной связи съ герцогиней Цвейбрюкенской. Въ этомъ не было ни малѣйшаго основанія, и герцогиня Амалія была просто въ самыхъ лучшихъ дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ и его женой. Онъ переносилъ свое несчастіе самымъ достойнымъ образомъ и предался съ пламеннымъ рвеніемъ массонству. Корберонъ уже до путешествія въ Россіи занимался въ массонскихъ ложахъ философіей, религіей, химіей и алхиміей. Въ Россіи онъ продолжалъ посѣщать массонскія ложи и вмѣстѣ съ генераломъ Мелисино, графомъ Брюлемъ и секретаремъ прусскаго посольства, Гютелемъ, предался изученію спиритизма и вообще тайныхъ наукъ. Въ Петербургѣ онъ познакомился съ Каліостро, знаменитымъ шарлатаномъ, и Екатерина вслѣдствіе этого называла Корберона «духовидцемъ». Онъ настолько вѣрилъ въ Каліостро, что говорилъ: «Я не полагаю, чтобы Каліостро былъ шарлатаномъ, онъ вылѣчиваетъ

хотя не всѣхъ, но многихъ своими свѣдѣніями въ химіи и физикѣ. Однако, онъ очень опасный человѣкъ, и я, конечно, не сошелся бы съ нимъ близко, въ виду его принциповъ». Онъ прибавлялъ, что Каліостро вылѣчилъ баронессу Строганову, у которой были нервные припадки, Елагина, г-жу Бутурлину и многихъ другихъ.

Кромѣ этихъ занятій, Корберонъ, прежній ученикъ Вольтера, Дидро и Руссо, предался изученію религіозныхъ вопросовъ, но съ мистической точки зрѣнія. Онъ читалъ сочиненія Сведенборга и увлекся его теоріями, философскими и религіозными. Послѣ своей отставки онъ еще болѣе предался любимымъ занятіямъ и посѣщалъ лекціи Месмера въ ложѣ «Гармонія», а впослѣдствіи близко сошелся съ Рюэ, который нѣсколько мѣсяцевъ жилъ на его счетъ и обратилъ его и жену въ особую секту, смѣсь католицизма, кабалистики и спиритизма. Наконецъ въ массонскихъ ложахъ онъ узналъ другую секту, авиньонскихъ иллюминатовъ, и желалъ перебраться въ Авиньонъ, и вступить въ ихъ общество, основанное графомъ Паскини и полякомъ Грабянкой.

Но наступила революція 1789 года. Въ Парижѣ образовалась національная гвардія въ каждомъ кварталѣ, и въ одномъ изъ нихъ Корберонъ былъ выбранъ командиромъ батальона, несмотря на его разстроенное здоровье. Онъ счелъ себя обязаннымъ принять это званіе, но черезъ два мѣсяца здоровье его разстроилось, такъ что онъ взялъ отпускъ и поѣхалъ на югъ Франціи. Сначала около года онъ жилъ въ Тулузѣ, а затѣмъ поселился въ Авиньонѣ. Ему тутъ не посчастливилось, и онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ женою въ силу закона о подозрительныхъ. Черезъ четыре мѣсяца онъ отправленъ былъ въ Парижъ подъ эскортомъ, а жена была оставлена подъ арестомъ въ Авиньонѣ. Ему грозила судьба его родственниковъ: его отецъ 72-хъ лѣтъ, старшій братъ, племянникъ и зять сложили головы на эшафотѣ. По счастью, когда его привезли въ Парижъ, то уже наступила реакція. Его продержали въ Люксембургѣ всего нѣсколько дней и выпустили на свободу. Дальнѣйшая его жизнь неизвѣстна, и мы знаемъ только, что въ послѣдніе годы онъ жилъ въ бѣдности и удрученный болѣзнями. Онъ умеръ въ Парижѣ 31-го декабря 1810 года, а жена его скончалась черезъ 7 лѣтъ. Что же касается его двухъ дѣтей, то они умерли въ раннемъ возростѣ.

В. А. Тимирязевъ.

БИСМАРКЪ ВЪ МОСКВѢ И О МОСКВѢ.

ПОСТАНОВКА почти трехаршиннаго памятника нѣмецкою колоніею въ Москвѣ Бисмарку вызвала удивленіе даже въ Берлинѣ, — не только въ Россіи. Но, конечно, здѣсь, какъ и во всей Германіи и вообще тамъ, гдѣ только есть нѣмецкія колоніи (а гдѣ ихъ теперь нѣтъ?), то было и долго еще будетъ удивленіемъ самымъ пріятнымъ, соединеннымъ съ гордостью. Нѣмцы всѣхъ странъ отнынѣ еще болѣе будутъ гордиться своимъ національнымъ героемъ и патріотомъ, которому даже въ «самомъ сердцѣ Россіи» соорудили памятникъ. И еще когда же? Почти одновременно съ постановкою ему національнаго памятника въ Берлинѣ, столицѣ Пруссіи и всей Германіи! Подъ этимъ послѣднимъ я разумѣю поставленный ему 16-го іюля передъ парламентомъ колоссальный памятникъ [1]), а

---

[1]) Этотъ здѣшній памятникъ называется «монументомъ всѣхъ нѣмцевъ на земномъ шарѣ». Стоитъ онъ 1.200.000 марокъ. Изготовленъ знаменитымъ художникомъ Рейнгольдомъ Бегасомъ, который соорудилъ и національный колоссальный памятникъ, занимающій цѣлый снесенный ради этого переулокъ, Вильгельму I-му. Колоссальная бронзовая статуя Бисмарка близъ бьющихъ фонтановъ изображаетъ его, согласно новѣйшимъ вкусамъ искусства, въ возможно простомъ и даже обычномъ, почти повседневномъ видѣ, т. е. наиболѣе естественномъ, конечно, какъ его изучалъ этотъ художникъ въ послѣдніе годы, даже ради этого живя у него. Бисмаркъ какъ бы смотритъ вдаль, задумавшись, такъ что его характернаго рѣзкаго выраженія лица, какъ въ натурѣ, во время, впрочемъ, борьбы его съ разными врагами, вы не замѣчаете здѣсь. Хотя въ каскѣ, но въ ежедневномъ кирасирскомъ вицъ-мундирѣ, безъ всякихъ орденовъ, кромѣ желѣзнаго крестика на сердцѣ, носимаго и солдатами, даже безъ эполетъ,

прежде поставленныхъ ему при жизни, — чего почти не бывало въ жизни другихъ великихъ людей, даже побольше Бисмарка,— всякаго размѣра и вида памятникамъ и счету нѣтъ.

По поводу московскаго памятника Бисмарку, такъ сказать, конкурирующаго, «на удивленіе всей Европы», съ берлинскимъ монументомъ ему, русскимъ читателямъ, безъ сомнѣнія, очень интересно будетъ узнать, что думалъ и секретно (въ письмахъ къ женѣ) говорилъ о русской первопрестольной столицѣ этотъ нѣмецкій національный кумиръ. На этотъ счетъ его очень интересныя впечатлѣнія,—да и не объ одной Москвѣ, а о кое-чемъ другомъ русскомъ его интимные отзывы,—мы находимъ въ недавно вышедшей здѣсь и обратившей вниманіе критики всѣхъ образованныхъ странъ большой книгѣ: «Письма князя Бисмарка къ своей невѣстѣ и женѣ» [1]), и отчасти въ его знаменитыхъ мемуарахъ. Въ первой изъ этихъ книгъ есть два необыкновенно интересныхъ письма изъ Москвы, отъ 6-го и 8-го іюля 1859 г., объ его поѣздкѣ туда и тамошнихъ, а равно и путевыхъ его «чисто русскихъ» впечатлѣніяхъ, нисколько не потерявшихъ значенія и даже свѣжести и теперь.

Въ письмѣ изъ Петербурга отъ 4-го іюля передъ отъѣздомъ въ Москву, тогдашній уже очень популярный прусскій посланникъ въ Петербургѣ фонъ-Бисмаркъ писалъ женѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ обзавелся дрожками, на коихъ его служителю, или камердинеру (онъ же русскій переводчикъ), едва находилось мѣстечко, онъ дѣлалъ, къ радости все ухмылявшагося по этому поводу русскаго кучера Дмитрія, большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ, ибо ему ничего болѣе не оставалось, tant bien que mal, какъ говорить порусски. Вообще, нужно замѣтить, что онъ быстро «обрусѣлъ» тогда, особенно послѣ московской прогулки.

«Я хочу, моя возлюбленная,—писалъ онъ супругѣ въ первомъ письмѣ изъ Москвы,—послать тебѣ, по крайней мѣрѣ, вѣсточку въ то время, когда я дожидаюсь самовара, а позади меня одинъ молодой русскій, навытяжку, въ красной рубашкѣ, мучится въ напрасныхъ усиліяхъ растопить печку; онъ раздуваетъ и пыхтитъ, но

какъ-то нервно прижимаетъ онъ лѣвою рукою саблю, какъ бы выдвигая ее изъ-подъ широкаго вицъ-мундира. Это должно означать его знаменитое восклицаніе: «Мы, нѣмцы, боимся лишь Бога и болѣе никого». Изъ разныхъ стороннихъ украшеній, т. е. барельефовъ, или, вѣрнѣе, горельефовъ, потому что они слишкомъ выдаются, особенно любопытенъ одинъ: сидитъ могучая сова на громадныхъ книгахъ съ лаврами и на большомъ перѣ для писанія,—эта эмблема означаетъ дѣянія кн. Бисмарка и его нахожденіе всегда на посту, тогда какъ надъ головою совы (у него удивительно совиный взглядъ не только на памятникѣ, но и въ дѣйствительности былъ) вьются и сидятъ многія вороны, которыя каркаютъ—это его борьба съ разными партіями.

[1]) Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. Stuttgart. 1901.

она не горитъ. Послѣ того, какъ я столько жаловался на здѣшнюю палящую жару, сегодня, пробудившись между Тверью и Москвою, я подумалъ, что вижу во снѣ, когда сталъ разсматривать землю и ея свѣжую зелень, далеко и широко покрытую снѣгомъ! Я уже ничему болѣе не удивляюсь, и послѣ того, какъ я насчетъ этого факта не могъ болѣе быть въ сомнѣніи, перевернулся себѣ спокойно на другой бокъ, чтобы дольше спать и катиться, хотя игра цвѣтовъ и переходъ отъ зеленаго къ бѣлому утречкомъ не безъ привлекательности была. Я не знаю, лежитъ ли еще снѣгъ у Твери, но его здѣсь убрали уже, и прохладный сѣрый дождь струится по зеленымъ жестянымъ крышамъ. Зеленый цвѣтъ съ полнымъ правомъ называется русскимъ лейбъ-цвѣтомъ. Изъ 100 миль сюда я проспалъ около 40, но остальныя 60 были на каждомъ пространствѣ шириною, какъ въ пядень зелени во всѣхъ оттѣнкахъ. Городовъ и деревень, вообще домовъ, за исключеніемъ станцій, я не замѣчалъ; кустарные лѣса, большею частію березы, покрываютъ болота и холмы, хорошая трава растетъ между ними, длинные луга среди нихъ, и такъ тянется 10, 20, 40 миль вдаль. Не помню что-то, чтобы я замѣчалъ воздѣланныя поля; точно также не замѣчалъ ни views, ни песковъ; одиноко пасущіяся коровы или лошади то тамъ, то сямъ возбуждаютъ предположеніе, что вблизи могутъ быть гдѣ либо и люди. Москва выглядитъ сверху, какъ поле со всходами: солдаты зеленые, мебель зеленая, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что находящіяся на столѣ передо мною яйца снесены зелеными курами. Ты, конечно, пожелаешь знать, какъ мнѣ здѣсь живется; я уже себя объ этомъ самъ спрашивалъ, и получилъ въ отвѣтъ прежде всего, что перемѣна есть душа жизни. Вѣрность этой глубокомысленной поговорки получитъ особенное освѣщеніе послѣ того, какъ въ теченіе 10 недѣль живешь себѣ въ комнатѣ гостиницы съ видомъ на каменный тротуаръ».

Разсказавъ дальше, какъ онъ вдругъ собрался ѣхать въ Москву, сдѣлавъ всякія распоряженія своему камердинеру Энгелю,— Бисмаркъ продолжаетъ: «Это было вчера въ полдень, а сегодня утромъ, уже съ 8 часовъ, я остановился въ Hôtel de France здѣсь. Теперь прежде всего я желаю посѣтить одну любезную знакомую изъ прежнихъ временъ, княгиню Юсупову, которая живетъ примѣрно въ 20 верстахъ отсюда въ деревнѣ. Завтра вечеромъ я буду опять здѣсь, осмотрю въ среду и четвергъ Кремль и другія достопримѣчательности, а въ пятницу или субботу буду уже спать подъ перинами, кои въ это время Энгель купитъ. Медленно запрягать, но быстро ѣздить—въ характерѣ этого народа (русскихъ). Два часа передъ симъ я заказалъ карету, и вотъ на всякій запросъ, который я въ теченіе полутора часа каждыя 10 минутъ дѣлаю, получаю въ отвѣтъ: «сейчасъ» (набрано это даже русскими буквами съ нѣмецкимъ произношеніемъ и значеніемъ), съ невоз-

мутимо пріятнымъ спокойствіемъ, но на этомъ дѣло и кончается. Ты знаешь мое образцовое терпѣніе насчетъ ожиданія, но вѣдь все имѣетъ же свои границы; послѣ того же такъ станутъ гнать, что при скверной дорогѣ падаетъ лошадь и ломается экипажъ, вслѣдствіе чего потомъ приходится дальше итти пѣшкомъ. Въ ожиданіяхъ этихъ я выпилъ три стакана чая, съѣлъ много яицъ, попытки истопить печку также удались вполнѣ, такъ что я чувствую потребность подышать свѣжимъ воздухомъ. Я побрился бы отъ нетерпѣнія, если бы у меня было зеркало... Очень обширенъ этотъ городъ и удивительно своеобразенъ по причинѣ своихъ церквей съ зелеными крышами и несчетными куполами; совершенно иной, чѣмъ Амстердамъ, но оба они оригинальнѣйшіе города, какіе я знаю. Насчетъ багажа, таскаемаго съ собой здѣсь всѣми въ купэ, никакой нѣмецкій кондукторъ не можетъ имѣть и понятія. Ни одинъ русскій не идетъ въ вагонъ безъ двухъ настоящихъ въ наволочкахъ подушекъ, дѣтей въ люлькахъ и цѣлой массы жизненныхъ припасовъ всевозможныхъ сортовъ, хотя тутъ въ дорогѣ на станціяхъ цѣлыхъ 5 разъ занимаются большой ѣдой: за завтракомъ въ 2 ч., за обѣдомъ въ 5 ч., за чаемъ въ 7 ч. и ужиномъ въ 10 ч.; однако оказывается всего 4 ѣды, но для такого короткаго времени и этого довольно. Меня изъ вѣжливости перевели въ спальное отдѣленіе, гдѣ я былъ хуже расположенъ, чѣмъ въ моемъ креслѣ или сидѣніи; вообще мнѣ просто удивительно, какъ здѣсь много околичностей устраиваютъ лишь изъ-за одной ночи».

Описавъ село Архангельское, въ 20 в. отъ Москвы, аристократическое помѣстье князей Юсуповыхъ, всю роскошь его со всякими барскими затѣями и павильонами въ итальянскомъ стилѣ, рококо мебелью и пр., а также съ чисто русскимъ гостепріимствомъ его владѣльцевъ [1]), Бисмаркъ не безъ удовольствія замѣчаетъ, что его лакея, «настоящаго русскаго», уложили ночевать въ одной изъ 6 роскошныхъ комнатъ, въ коихъ онъ, Бисмаркъ, одиноко прогуливался, «на шелковомъ позолоченномъ диванѣ», и что въ Россіи, очевидно, прислугѣ пріѣзжихъ не устраиваютъ или не отводятъ никакихъ особыхъ помѣщеній. Замѣчаніе это, кстати мимоходомъ замѣтить, не потеряло значенія и по сей день: еще на-дняхъ, какъ видно изъ «Новаго Времени», какой-то выдающійся иностранецъ жаловался въ Москвѣ, что въ «Славянскомъ базарѣ», одной изъ первыхъ гостиницъ, нѣтъ особаго стола для прислуги, и что его лакей-англичанинъ долженъ былъ заказывать себѣ столь же дорогія закуски (за кусочекъ сыра взяли съ него 80 копеекъ), какъ и его

---

[1]) Бисмаркъ объясняетъ свою дружбу съ кн. Юсуповой такъ: жена кн. Юсупова—дочь прежняго посланника въ Берлинѣ гр. Рибопьера, въ домѣ котораго онъ, Бисмаркъ, совершилъ свой первый входъ въ берлинскій большой свѣтъ, въ свои юные годы.

баринъ, между тѣмъ какъ въ болѣе культурныхъ странахъ Европы давнымъ давно существуютъ и особыя помѣщенія и особый столъ для прислуги почти во всѣхъ гостиницахъ.

Возвратившись въ Москву, Бисмаркъ во второмъ письмѣ такъ передаетъ свои впечатлѣнія женѣ: «Этотъ городъ, какъ городъ, въ самомъ дѣлѣ—красивѣйшій и оригинальнѣйшій, какой только есть,—окрестности его пріятныя, ни красивыя, ни безобразныя; но взглядъ сверху изъ Кремля на этотъ кругозоръ домовъ съ зелеными крышами, садовъ, церквей, башенъ всевозможныхъ рѣдкихъ очертаній и цвѣтовъ, большею частью, зеленаго, краснаго, свѣтло-синяго, наверху чаще всего какъ бы коронованныхъ колоссальными позолоченными луковицами [1]) (куполами), числомъ большею частью по 5 и болѣе на одной церкви,—1.000 башенъ тутъ навѣрное будетъ!—словомъ, что либо оригинальнѣе, красивѣе, какъ все это, при заходѣ солнца вкось освѣщенное, невозможно нигдѣ и видѣть! Я здѣсь остался бы (погода опять ясная) еще нѣсколько дней, если бы не носились слухи о большомъ сраженіи въ Италіи, что̀, вѣроятно, повлечетъ за собою и дипломатическую работу,—поэтому-то я и желаю быть на своемъ посту (т.-е. въ Петербургѣ). Домъ, изъ котораго я пишу, тоже довольно достойный удивленія,—одинъ изъ немногихъ, переживших 1812 годъ,—его древнія толстыя каменныя постройки и стѣны, какъ въ Шенгаузенѣ (родовомъ его имѣніи), его восточная архитектура—мавританская; большія помѣщенія почти всѣ заняты канцеляріями, коими управляются помѣстья Юсупова; онъ, его жена и я занимали однѣ обитаемый флигель» (въ гостиницу въ Москвѣ Бисмаркъ не вернулся,—очевидно, изъ опасенія новыхъ тамъ «выжиданій» и т. п.).

Въ 1-мъ томѣ своихъ знаменитыхъ мемуаровъ Бисмаркъ упоминаетъ объ этой своей коротенькой поѣздкѣ или вылазкѣ въ Москву и разсказываетъ при этомъ одинъ интересный случай, имѣющій въ политическомъ отношеніи историческое значеніе и по сей день: «Во время этого посѣщенія старой русской столицы,—говоритъ онъ,—посѣщенія, случившагося во время итальянской войны, я былъ свидѣтелемъ одной достопримѣчательной пробы касательно тогдашней ненависти русскихъ къ Австріи. Въ то время, какъ генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ ввелъ меня въ библіотеку, я замѣтилъ на груди одного служителя, среди множества военныхъ знаковъ, и орденъ (прусскій) желѣзнаго креста. На мой вопросъ, гдѣ онъ таковой получилъ, онъ отвѣтилъ, что въ сраженіи при Кульмѣ (въ память чего Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и былъ учрежденъ особый знакъ этого ордена). Я поздравилъ стараго солдата, что онъ послѣ 46 лѣтъ выглядитъ еще такимъ молодцомъ, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ и теперь, еслибъ только

[1]) Три образца ихъ онъ даже начертилъ въ письмѣ.

государь позволилъ, пошелъ бы на войну. Я тогда его спросилъ, съ кѣмъ же онъ воевалъ бы, съ Италіею или Австріею, на что онъ, ставъ на вытяжку, съ энтузіазмомъ заявилъ: «завсегда противъ Австріи!». Я обратилъ его вниманіе на то, что, вѣдь, Австрія при Кульмѣ (противъ Наполеона) была союзницею Пруссіи и Россіи, а Италія—нашею противницею, на что онъ, стоя все въ военной молодецкой позѣ, отчетливымъ и далеко слышимымъ голосомъ, какимъ отвѣчаетъ русскій солдатъ своимъ офицерамъ, сказалъ: «честный врагъ лучше, чѣмъ фальшивый другъ!». Этотъ неожиданный отвѣтъ такъ воодушевилъ князя Долгорукаго, что въ слѣдующій затѣмъ моментъ очутились въ объятіяхъ и обмѣнялись сердечнѣйшими поцѣлуями въ щеки генералъ и унтеръ-офицеръ. Таково было тогда настроеніе противъ Австріи у генерала и унтеръ-офицера въ Россіи»,—заканчиваетъ Бисмаркъ не безъ удивленія.

Но для насъ очень кстати здѣсь указать, что чуть ли еще не большій интересъ представляетъ то, что онъ самъ тогда питалъ подобныя же чувства къ Австріи, какія къ ней питали у насъ всѣ послѣ Крымской войны и ея измѣны въ ней (рѣзко осуждаемой и самимъ Бисмаркомъ въ мемуарахъ), а также, что по возвращеніи изъ Москвы онъ какъ будто бы еще болѣе проникся нерасположеніемъ и недовѣріемъ къ Австріи, не хуже этого нашего стараго солдата. Въ письмѣ къ женѣ изъ Петергофа отъ 28-го іюня онъ, между прочимъ, такъ серьезно перешелъ отъ разныхъ идиллическихъ описаній къ политикѣ: «Черезъ нѣсколько часовъ пріѣзжаютъ сюда императоръ и Горчаковъ, и, конечно, тутъ нѣкоторыя дѣла проникнутъ въ идиллію эту; но, благодаря Бога, дѣло выглядитъ нѣсколько мирнѣе въ свѣтѣ, вопреки нашей (прусской) мобилизаціи, и мнѣ нѣтъ нужды особенно страшиться по поводу рѣшеній, мною не одобренныхъ. Только австрійскіе солдаты возбуждаютъ во всѣхъ жалость; ими, очевидно, слишкомъ глупо командуютъ, что ихъ всякій разъ столь много бьютъ. Да и французы будутъ уже слишкомъ заносчивыми! Рехбергу и его министрамъ это хорошій урокъ. Мы, конечно, помогли бы имъ, еслибъ только мы къ нимъ (австрійцамъ) хоть настолько могли питать довѣрія, что они намъ не измѣнятъ, въ то самое время, когда мы бы за нихъ сражались! Я менѣе боялся бы Франціи, чѣмъ Австріи, съ того момента, когда бы мы взяли войну на себя».

Въ письмѣ же отъ 2-го іюля изъ Петербурга онъ такъ на эту же тему писалъ супругѣ: «Наша политика все болѣе и болѣе направляется въ австрійское водотеченіе, и сдѣлай мы лишь одинъ выстрѣлъ на Рейнѣ,—съ войною итальянско-австрійскою будетъ конецъ, а взамѣнъ ея выступитъ на сцену прусско-французская война, въ теченіе коей Австрія,—послѣ того, какъ мы уже взяли бы съ ея плечъ на свои эту тягость,—настолько бы намъ помогала или не помогала, насколько бы это подходило лишь къ ея собственнымъ интересамъ».

Отзывы, хоть и въ секретныхъ письмахъ къ женѣ, насчетъ Австріи, характерные и отнынѣ историческіе [1])—со стороны ея будущаго, будто бы невольнаго (т.-е. вынужденнаго къ тому «угрозами Россіи» послѣ Восточной войны 1877 — 1878 г.) союзника, устроившаго пресловутый тройственный союзъ!

По поводу того же памятника Бисмарку въ первопрестольной русской столицѣ въ «Новомъ Времени», между прочимъ, высказаны были справедливыя мысли, что въ Берлинѣ, однако, нѣтъ никакихъ памятниковъ ни Александру I-му, спасшему Пруссію отъ отъ Наполеона I-го, ни Александру II-му, оказавшему Германіи тоже важныя, почти подобныя же услуги, коихъ Пруссія не желала никогда забывать, и т. д.

Да, совершенно вѣрно, что тутъ нѣтъ памятниковъ, кои были бы у мѣста и нашимъ монархамъ, но памятниковъ въ обычномъ смыслѣ, т. е. монументовъ въ томъ или другомъ видѣ. Зато нашимъ государямъ здѣсь есть нѣсколько иного рода памятниковъ, хоть и не поставленныхъ на сборы съ нѣмцевъ, а инымъ образомъ устроенныхъ или же ими самими, нашими царями, въ Берлинѣ по себѣ оставленныхъ, если можно такъ сказать.

Въ память Александра I-го здѣсь есть Александровская [2]) улица, даже двѣ—большая и малая, Александровская площадь и Александровскія казармы, въ самомъ центрѣ города, площадь даже съ фонтанами и скверомъ. Еще недавно, проѣзжая по этимъ улицамъ, я слышалъ, какъ одна дама спросила кого-то, что это за Alexander-Strasse, и какъ въ отвѣтъ получила: «какъ! развѣ вы не знаете? Это въ честь русскаго императора, изгнавшаго Наполеона изъ Берлина». Къ сожалѣнію, на этой-то площади вмѣсто постановки Александру Павловичу статуи нѣмцы не такъ давно соорудили лишь себѣ самимъ колоссальную городскую статую въ видѣ очень толстой и большой женщины подъ именемъ «Berolina». Александровскія казармы, хотя недавно перенесены (съ переводомъ гренадерскаго полка Александра I-го въ новыя помѣщенія), но историческое названіе ихъ все-таки сохранено за ними. За этими Александровскими казармами, устроенными по послѣднему слову военныхъ наукъ и требованій и расположенными въ такой части города (въ такъ называемой улицѣ Kupfergraben, недалеко отъ университета, академіи пѣнія и проч.), которая въ стратегическомъ отношеніи, для защиты Берлина отъ всякихъ напастей, внѣшнихъ и внутреннихъ, считается наиболѣе удобною.

---

[1]) Не даромъ же даже теперь, когда уже нѣтъ и Бисмарка, книга его «Письма къ женѣ» сначала была запрещена въ Австріи!

[2]) Превосходный здѣшній обычай — хоть такъ, т. е. просто, наскоро и дешево закрѣплять память великихъ и славныхъ людей! Жаль, что у насъ такъ мало онъ примѣняется—у насъ даже полководцамъ знаменитымъ памятниковъ этимъ живымъ способомъ почти не дѣлаютъ, а здѣсь, въ Европѣ и Америкѣ, всѣмъ выдающимся людямъ оказываютъ эту честь.

Николаю Павловичу въ 1839 г. по поводу покупки имъ здѣсь дома для посольства городъ Берлинъ, поднесши дипломъ на званіе почетнаго гражданина, создалъ нѣчто въ родѣ памятника, построивъ въ Франкфуртской улицѣ (Frankfurter Strasse) восточной части Берлина, на подаренныя городу государемъ 30.000 талеровъ въ день совершенія купчей крѣпости, Николаевскій госпиталь (Nicolaus Hospital). Это трехэтажное длинное зданіе еще въ хорошемъ видѣ и теперь, для заслуживающихъ нѣсколько лучшаго попеченія бѣдныхъ. Неподалеку отъ этого госпиталя въ память пребыванія здѣсь въ другое время въ теченіе нѣсколькихъ дней и разныхъ празднествъ по этому поводу того же государя нашего, городъ не только назвалъ двѣ новыя улицы, пересѣкающія Франкфуртскую аллею, Петербургскою и Варшавскою (послѣдняя продолженіе первой), но построилъ ихъ по образцу Невскаго проспекта. Объ этихъ двухъ историческихъ улицахъ въ Берлинѣ даже постоянно здѣсь живущіе русскіе почти ничего не знаютъ, а между тѣмъ это единственныя здѣсь улицы, также широкія и видныя, какъ Невскій проспектъ; онѣ были бы просто самыя великолѣпныя, если бы не находились въ старой, немодной части города. Есть при нихъ двѣ особыя площади—петербургская и варшавская. Но бульвары на улицахъ этихъ стали насаждать (здѣсь бульвары рѣдкость при узкости улицъ) почему-то не такъ давно, такъ что деревья еще очень малы.

Императору Александру II здѣсь не осталось ничего въ видѣ памятника, невзирая на то, что Пруссія обязана ему, послѣ Александра I-го, наибольшею благодарностью, и что онъ съ Вильгельмомъ I-мъ былъ связанъ особою дружбою. Эта дружба въ одно изъ его частыхъ посѣщеній даже разъ дошла до того, что было имъ сдѣлано распоряженіе во всѣхъ церквахъ нашихъ въ Германіи поминать, послѣ своихъ монарховъ, и «обладателя страны сея», такого-то германскаго императора, что продолжается и по сей день (только въ Германіи). Но, кажется, и тутъ есть нѣчто трагическое въ отношеніи нашего царя-освободителя, которому, увы, пришлось и отсюда испытать въ послѣдніе годы своихъ великодушныхъ дѣяній—неблагодарность! Не даромъ же, говоря мимоходомъ, этотъ государь однажды [1]), потерявъ всякое терпѣніе по поводу враждебныхъ дѣйствій германскихъ комиссаровъ на Востокѣ, послѣ войны 1877—1878 гг., подававшихъ во всемъ голоса вмѣстѣ съ австрійцами явно враждебно противъ Россіи и получившихъ Іе

[1]) См. замѣчательное отнынѣ историческое письмо государя Александра Николаевича къ Вильгельму I-му отъ 3—15 августа 1879 г., письмо, будто бы такъ устрашившее Бисмарка, что онъ поспѣшилъ тогда же устроивать тройственный союзъ. Въ первый разъ оно напечатано въ недавно изданномъ здѣсь профессоромъ Горстколемъ (Wegweiser durch Bismarcks Gedanken und Erinnerungen, von Horstkohl) указателѣ къ мемуарамъ Бисмарка (198—170 стр.).

mot d'ordre изъ Берлина въ этомъ смыслѣ,—писалъ рѣзко и откровенно своему дядѣ и другу Вильгельму, между прочимъ, вотъ что: «Est-ce digne d'un véritable homme d'Etat (т. е. Бисмарка) de faire entrer dans la balance une brouille personnelle (т. е. изъ вражды къ Горчакову), quand il s'agit de l'intérêt de deux grands Etats faits pour vivre en bonne intelligence et dont l'une a rendu à l'autre, en 1870, un service que, d'aprés vos propres expressions, vous disiez n'oublier jamais». Памятникомъ Александру III, и при томъ устроеннымъ почти исключительно на деньги русскихъ добровольныхъ жертвователей, безъ сомнѣнія, должно считать хорошія постройки, возведенныя неустанными трудами протоіерея здѣшней посольской церкви, А. П. Мальцева, на сѣверной окраинѣ Берлина. Кромѣ хорошенькой кладбищенской нашей церкви и всякихъ другихъ построекъ, тамъ возведенъ хорошенькій домикъ, каменный, со всѣми приспособленіями для житія самого нынѣшняго настоятеля (платящаго, однако, за это, какъ за берлинскую квартиру, пріюту) и его помощника, православнаго священника изъ мѣстныхъ гражданъ (тоже ученаго богослова),—подъ названіемъ: «Kaiser Alexander III Heim», т. е. православное церковное приходское братство, пріютъ или убѣжище въ память государя Александра Александровича, имѣющее цѣлью всякаго рода помощь русскимъ и вообще православнымъ, съ большимъ успѣхомъ дѣйствующее уже много лѣтъ. Какъ справедливо было въ «Новомъ Времени» замѣчено, частнымъ лицамъ русскимъ, конечно, не очень легко было бы получить здѣсь разрѣшеніе на что либо такое—чисто-русское и православное, а поэтому и славянское. Но дѣло въ томъ, что тогда здѣсь былъ посломъ графъ П. А. Шуваловъ, дипломатическая дѣятельность котораго уже всѣмъ извѣстна, и ему-то удалось не только истребовать для всего этого въ германской столицѣ разрѣшеніе, но и права Александровскому пріюту считаться юридическимъ лицомъ, что дѣлаетъ это учрежденіе болѣе прочнымъ, такъ сказать, закрѣпляетъ его навсегда, если бы потомъ и пришлось уйти куда либо повыше нынѣшнему достопочтенному устроителю всего этого (остальныя постройки возведены уже при преемникѣ графа Шувалова, тоже оказывающемъ содѣйствіе этому дѣлу).

В. Пуцыковичъ.

КЪ ПОРТРЕТУ Н. А. ДУРОВОЙ.

Modo vir, modo femina [1]).

ВЪ МАРТѢ текущаго года исполнилось 35 лѣтъ со дня смерти нѣкогда извѣстной всей Россіи подъ именемъ «кавалеристъ-дѣвицы», героини и писательницы, теперь уже давно всѣми забытой, Надежды Андреевны Дуровой.

Довольно многочисленныя сочиненія Дуровой давно сдѣлались библіографической рѣдкостью. Ни въ одной изъ существующихъ у насъ исторій литературы имя ея не упоминается. Могилу Дуровой (въ г. Елабугѣ) мы могли отыскать нынѣшнимъ лѣтомъ лишь съ большимъ трудомъ; но еще печальнѣе было намъ видѣть эту могилу, затерявшуюся среди безчисленныхъ крестовъ и памятниковъ плиту, когда-то поновленную нѣкіимъ Фадихинымъ, начертавшимъ по этому поводу на ней свое имя... Неужели это все, — спрашивалъ я себя,—что̀ осталось отъ знаменитой героини и писательницы, чьи воинскіе подвиги, заставляя своею необычайностью трепетать сердца нашихъ прабабушекъ, тѣмъ самымъ указывали имъ на возможность высшаго призванія женщины? Чьи произведенія, сочувственно встрѣченныя Пушкинымъ и Бѣлинскимъ, приводили въ восторгъ читающую публику того времени, и опять таки указывали ей, что и на литературномъ поприщѣ женщина можетъ завоевать себѣ такое же положеніе, какое занимаетъ мужчина?..

---

[1]) Подъ этимъ эпиграфомъ изъ Овидія Назона А. С. Пушкинъ напечаталъ въ 1836 году во второмъ томѣ своего «Современника» отрывокъ изъ «Записокъ» Н. А. Дуровой.

Есть лица, отрицающія всякое значеніе Н. А. Дуровой въ исторіи женскаго движенія въ Россіи въ началѣ истекшаго вѣка. Такое мнѣніе высказано, между прочимъ, и біографомъ Н. А. Дуровой, Е. С. Некрасовою (см. «Ист. Вѣст.» 1890 г., сентябрь). «Въ

Надежда Андреевна Дурова.

поступкѣ Дуровой, — говоритъ Некрасова, — не было ничего теоретическаго, тенденціознаго, изъ чего исходили стремленія современной женщины, доведенной до тѣхъ или иныхъ теорій экономическимъ положеніемъ жизни» (стр. 594). Все это совершенно вѣрно. Дурова не была русскою Жоржъ-Зандъ, да и не могла быть ею: не такое тогда было время. Дурова не проповѣдывала теорій, даже

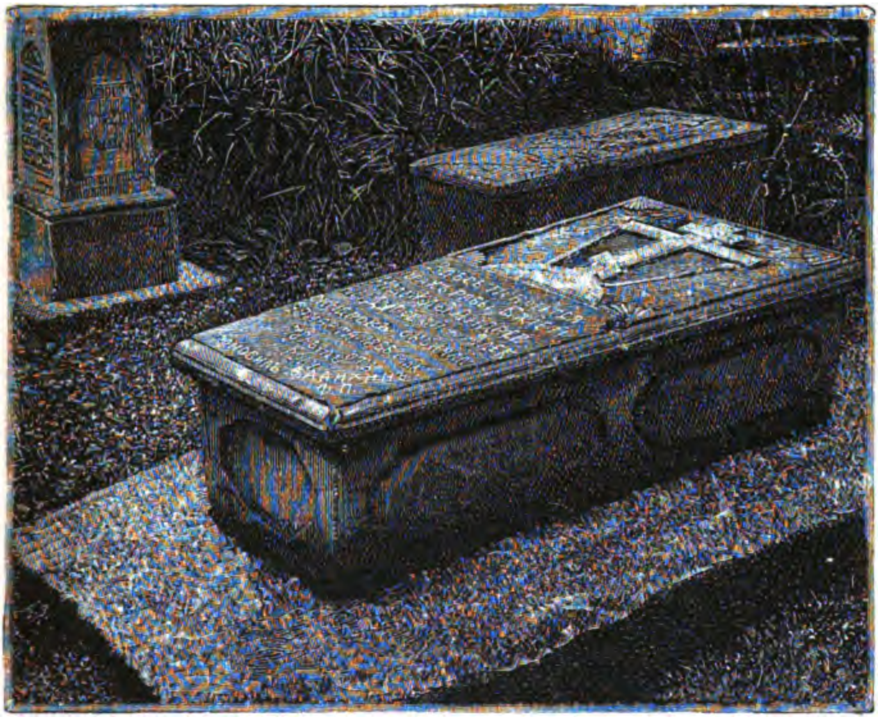
не имѣла ихъ; но самая ея жизнь была лучше и краснорѣчивѣе всякой теоріи, и блестящимъ примѣромъ своей жизни она сдѣлала, конечно, для своего времени гораздо больше, чѣмъ могла бы сдѣлать развитіемъ теорій.

Свѣтлая заря XIX вѣка только что загоралась. Русская жизнь текла еще по старому руслу; въ ней сильны были, особенно въ провинціи, струи еще допетровскаго времени, вѣянія «Домостроя». Да и въ столицѣ того времени процвѣтали Фамусовы и Скалозубы. Жизнь самой Дуровой, быть можетъ, лучше всего доказываетъ, какъ прочно еще сидѣли въ умахъ ея современниковъ домостроевскіе завѣты. Она родилась въ семьѣ, отвергнутой, чуть не проклятой родителями, и отвергнутой только за то, что мать нашей героини, дочь богатаго полтавскаго помѣщика, обвѣнчалась противъ родительской воли съ «москалемъ». Надежда Андреевна была первымъ плодомъ этого брака; и что же?—мать ея почти ненавидитъ свою дочь, и опять таки только потому, что это была дочь, а не желанный сынъ. Всѣ природныя наклонности дѣвушки, выросшей къ тому же среди бивуачной жизни, на рукахъ ротмистра-отца и браваго денщика, гусара Ахматова, подавлялись матерью. Послѣдней хотѣлось подогнать свою дочь подъ общій типъ барышень своего времени, барышень-бѣлоручекъ, проводившихъ все свое время за шитьемъ и вязаньемъ. Излишне говорить, какія педагогическія средства употреблялись для этого матерью; это были: крикъ, брань, даже побои. Потомъ дѣвушку стали «вывозить» въ свѣтъ, въ чемъ и состояло, въ сущности, все ея воспитаніе и образованіе. Наконецъ, когда барышнѣ минуло 18 лѣтъ, и когда подвернулся подходящій женихъ, сарапульскій засѣдатель земскаго суда, В. С. Черновъ, ее безъ всякихъ разговоровъ «сдали съ рукъ»,—выдали замужъ.

Казалось, пѣсенка была спѣта, жизнь съ ея пылкими мечтами прожита. Но энергическая Дурова не могла примириться съ такимъ прозаическимъ исходомъ своей жизни, съ какимъ мирились тысячи женщинъ прежде и послѣ ея. Осенью 1806 года она бѣжитъ отъ своего постылаго мужа и скоро поступаетъ подъ мужскимъ именемъ Соколова въ уланскій полкъ, находившійся въ то время въ дѣйствующей арміи.

Родъ Дуровыхъ вообще отличался своими странностями и эксцентричностями. Странности брата нашей героини, В. А. Дурова, обезсмертилъ, какъ извѣстно, геніальный Пушкинъ (см. Соч., изд. лит. фонда, т. V, стр. 198—199), который, между прочимъ, пишетъ: «нельзя было придумать несообразности и нелѣпости, о которой бы Дуровъ уже не подумалъ». Если еще принять во вниманіе впечатлѣнія ранняго дѣтства Дуровой, то и ея побѣгъ, и ея поступленіе въ армію покажутся намъ вполнѣ понятными. Но это, конечно, совсѣмъ не исключаетъ возможности вліянія ея судьбы на умы современниковъ.

И тогда, и еще долгое время послѣ, воинскіе подвиги считались въ русскомъ обществѣ самымъ высшимъ и блестящимъ призваніемъ человѣка. Военная слава вообще болѣе понятна полуобразованному обществу и болѣе прельщаетъ его; а тутъ еще у всѣхъ на памяти былъ блескъ счастливыхъ войнъ екатерининскаго времени, надвигалась Отечественная война, вызвавшая еще болѣе сильное и всеобщее одушевленіе... Женщина въ рядахъ войскъ, храбро сражавшаяся за отечество, участвовавшая въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, между прочимъ, подъ Бородинымъ, и получившая на-

Могила Н. А. Дуровой.

грады, — это должно было произвести гораздо болѣе сильное впечатлѣніе на умы современниковъ, нежели скромный подвигъ Параши-сибирячки, около того же времени (1804 г.) пѣшкомъ пришедшей изъ Тобольска въ Петербургъ просить государя о помилованіи отца. Такіе мирные подвиги были совсѣмъ не въ духѣ, были слишкомъ прозаичны для того воинственнаго вѣка.

Н. А. Дурова была бѣдною провинціалкой, дочерью разорившагося помѣщика, служившаго потомъ городничимъ въ Сарапулѣ. Это обстоятельство, безспорно, содѣйствовало силѣ вліянія ея экс-

центрической судьбы на массу, на толпу, въ средѣ которой (а не въ высшихъ сословіяхъ) и зарождаются всегда новыя вѣянія. Жизнь высшихъ сословій представляется обычно толпѣ чѣмъ-то исключительнымъ, недосягаемымъ. Россія еще въ XVII вѣкѣ имѣла царевну Софію, а въ XVIII—рядъ императрицъ, и среди нихъ великую Екатерину, но все это едва ли имѣло какое либо отношеніе къ женскому вопросу. Дурова была для массы «свой братъ», а такимъ именно «героямъ» и подражаетъ всегда «толпа». Нужно только было, чтобы поступокъ Дуровой получилъ какъ можно болѣе широкую извѣстность, а не заглохъ среди незначительнаго круга знающихъ лицъ. Въ этомъ судьба благопріятствовала Дуровой. О поступкѣ ея узнаетъ самъ императоръ (изъ всеподданнѣйшаго прошенія отца нашей героини). Дурову вызываютъ въ Петербургъ, она является къ государю, который, по ея просьбѣ, позволяетъ ей оставаться на военной службѣ и назначаетъ ей казенное вспомоществованіе. Все это, особенно же общее одушевленіе во время Отечественной войны, въ которой Дурова участвовала, окружило имя нашей героини ореоломъ славы и сдѣлало изъ разсказовъ объ ея подвигахъ легенду.

Конечно, указать на прямыя и фактическія послѣдствія дѣятельности Дуровой въ развитіи у насъ женскаго вопроса нѣтъ никакой возможности, эти послѣдствія незамѣтно тлѣли въ общемъ настроеніи умовъ, и, чтобы раздуть ихъ, нужно было еще много такихъ же примѣровъ и нѣсколько десятилѣтій. Поступокъ Дуровой представляется крайностью даже и для нашего времени, тѣмъ больше онъ поражалъ своею рѣзкостью, когда кругомъ царили завѣты Домостроя. Для того времени нуженъ былъ такой рѣзкій и такой энергическій протестъ.

Н. А. Дурова провела въ военной службѣ около одиннадцати лѣтъ, послѣ чего (въ 1817 г.), съ Георгіемъ въ петлицѣ и съ чиномъ ротмистра, она вышла въ отставку и поселилась въ г. Елабугѣ.

Если бы Н. А. Дурова не совершила болѣе ничего замѣчательнаго въ своей жизни, кромѣ своихъ военныхъ подвиговъ, то и тогда имя ея заслуживало бы быть занесеннымъ на страницы исторіи русской жизни. Но наша героиня пріобрѣла еще неменьшую славу и на другомъ совсѣмъ поприщѣ,—на поприщѣ литературы.

И здѣсь это была одна изъ первыхъ русскихъ писательницъ. Начало литературной дѣятельности Дуровой было какъ нельзя болѣе счастливо. Самъ Пушкинъ напечаталъ въ своемъ «Современникѣ» отрывокъ изъ ея «Записокъ» и съ восторгомъ отзывался о новой писательницѣ (см. Соч., изд. лит. фонда, т. V, стр. 297—298). Слѣдующія произведенія Дуровой печатались въ лучшихъ журналахъ того времени — «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для Чтенія», и дружелюбно встрѣчались, такими корифеями тогдашней критики, какъ Бѣлинскій и Плетневъ. Безспорно, Дурова не была лишена литературнаго таланта. Но она не получила

не только систематическаго, но и никакого образованія; выступленіе ея на литературное поприще относится къ тому времени, когда она прожила уже половину своей жизни (ей тогда было за 50). Неудивительно, что ея талантъ оказался одностороннимъ. Сочиненія автобіографическаго характера, гдѣ она изображала свои излюбленныя мечты, свои самыя дорогія чувства, удавались ей вполнѣ; въ нихъ она стоитъ на реальной почвѣ и является достойной современницею пушкинской эпохи. Ея «Записки» прочтутся съ интересомъ и въ наше время. Напротивъ, большая часть ея романовъ и повѣстей проникнута духомъ еще стараго, романтическаго направленія въ литературѣ; въ нихъ слишкомъ много бьющаго на эффектъ, трагическихъ ужасовъ, и по своей внѣшней формѣ многіе изъ нихъ отличаются запутанностью фабулы, многословностью и растянутостью. Но на ряду со всѣмъ этимъ и здѣсь мы встрѣчаемъ немало въ высшей степени яркихъ и художественныхъ сценъ, прекрасныхъ, глубоко прочувствованныхъ картинъ. Какъ бы то ни было, но большая часть произведеній Дуровой были встрѣчены тогдашнимъ читающимъ обществомъ съ восторгомъ. Время ея литературной дѣятельности было временемъ апогея ея славы. И этого для насъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что примѣръ этой, одной изъ первыхъ, русскихъ писательницъ не могъ пройти безслѣднымъ для своего вѣка...

Литературная дѣятельность Н. А. Дуровой продолжалась всего четыре года (1836—1840); но для столь непродолжительнаго времени она была въ высшей степени плодовитой. Кромѣ «Записокъ», Дуровой принадлежатъ четыре крупныхъ романа и нѣсколько повѣстей. Послѣ 1840 года, издавъ въ этомъ году сразу три романа, Дурова круто покончила съ своею писательскою дѣятельностію и окончательно поселилась въ Елабугѣ, гдѣ ей суждено было и умереть. Здѣсь она жила въ полной неизвѣстности, не разставаясь съ своимъ мужскимъ костюмомъ и цѣлою сворою собакъ, своихъ любимицъ.

21-го марта 1866 года, Н. А. Дурова, въ глубокой старости, мирно скончалась, и была похоронена на приходскомъ кладбищѣ въ г. Елабугѣ. Русское войско, въ лицѣ мѣстнаго батальона, почтило своего рѣдкаго сочлена почетными проводами до могилы.

Н. А. Кутше еще въ 1894-мъ году сообщалъ (см. «Ист. Вѣстн.», № 3), что одинъ изъ гражданъ г. Елабуги «намѣренъ поставить на могилѣ Дуровой ея мраморный бюстъ». Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не сдѣлано до настоящей минуты.

Здѣсь мы воспроизводимъ могильную плиту надъ прахомъ Дуровой въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ настоящее время на Елабужскомъ кладбищѣ. Кромѣ того, прилагаемъ до сихъ поръ неизвѣстный портретъ ея, снятый незадолго до кончины фотографіей, который она подарила елабужскому купцу, Н. И. Ушкову.

Д. К. З.

ВАШИНГТОНЪ, СТОЛИЦА СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

(По поводу его столѣтія).

ВЪ КОНЦѢ истекшаго года рядомъ необычайныхъ торжествъ отпраздновано столѣтіе столицы Соединенныхъ Штатовъ.

Не одно лишь только то обстоятельство, что на самомъ рубежѣ XX-го вѣка эта федеральная республика выступила на поприщѣ всемірной исторіи и международной жизни фактически въ качествѣ седьмой великой державы, и что въ послѣднее десятилѣтіе только что истекшаго вѣка успѣла она пріобрѣсти столь громадное экономическое значеніе и вліяніе въ средѣ современныхъ націй, дѣлаетъ означенныя торжества заслуживающими вниманія цивилизованнаго міра. Исторія созданія и роста города Вашингтона представляетъ собой столько любопытнѣйшихъ и поучительныхъ историческихъ и соціологическихъ параллелей и противопоставленій, что ея всеобщій и общечеловѣческій интересъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Сначала изложимъ вкратцѣ самый ходъ и смыслъ этихъ торжествъ, а затѣмъ изобразимъ въ общихъ чертахъ какъ исторію, такъ и современное состояніе этого своеобразнаго и достопримѣчательнаго города, подобно Петербургу, окрещеннаго именемъ одного изъ величайшихъ дѣятелей и двигателей всемірной исторіи.

Начались торжества празднованія столѣтія столицы Соединенныхъ Штатовъ пріемомъ губернаторовъ всѣхъ штатовъ и территорій президентомъ республики въ президентской резиденціи, именуемой обыкновенно «Бѣлымъ Домомъ». Президентскій пріемъ назначенъ былъ въ половинѣ одиннадцатаго, а такъ какъ въ офиціальныхъ функціяхъ, равно какъ и въ дѣловой своей жизни,

американцы отличаются необычайной пунктуальностью, почти непостижимой для европейца, то около десяти часовъ утра губернаторскія кареты стали уже почти безпрерывно подъѣзжать къ главному подъѣзду «Бѣлаго Дома». Этотъ президентскій пріемъ носилъ чисто американскій, такъ сказать, домашній характеръ, а потому ни члены дипломатическаго корпуса, ни даже члены обѣихъ законодательныхъ палатъ in corpore, къ нему приглашены не были. Кромѣ губернаторовъ всѣхъ штатовъ и территорій, входящихъ въ составъ Союза (Union), ихъ офиціальныхъ штабовъ и женъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, на немъ присутствовали: президентша, всѣ министры и ихъ жены, члены офиціальнаго штаба главы исполнительной власти въ государствѣ, члены особой комиссіи, составленной изъ гражданъ столицы на предметъ устройства офиціальныхъ пріемовъ, сопряженныхъ съ празднованіемъ ея столѣтія, члены специальной соединенной комиссіи обѣихъ законодательныхъ палатъ конгресса, представители арміи и флота Соединенныхъ Штатовъ и наконецъ судьи высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ. Въ общемъ присутствовало около 400 человѣкъ, что̀ по американскому масштабу для офиціальныхъ функцій совсѣмъ немного.

Прибывающіе губернаторы полковникомъ Theodore Bingham, членомъ корпуса инженеровъ арміи Соединенныхъ Штатовъ, состоящимъ въ то же время завѣдующимъ публичными землями и постройками столицы, были проводимы въ такъ называемую «красную гостиную» и тамъ представляемы президенту, между тѣмъ какъ прочіе участники этого первоначальнаго торжества по празднованію столѣтія столицы собирались въ иныхъ залахъ и гостиныхъ «Бѣлаго Дома», богато разукрашенныхъ осенней листвой всевозможныхъ лиственныхъ растеній, тропическими растеніями и живыми цвѣтами изъ оранжерей. Оркестръ флотскаго экипажа, помѣщенный въ главномъ коридорѣ, въ антрактахъ между чередовавшимися церемоніями исполнялъ различные патріотическіе мотивы и національные гимны.

Согласно установленной программѣ, ровно въ половинѣ одиннадцатаго въ такъ называемомъ «восточномъ залѣ» появился президентъ, сопровождаемый предсѣдателемъ особой комиссіи изъ гражданъ столицы по устройству пріемовъ, кабинетомъ своихъ министровъ въ полномъ его составѣ и губернаторами штатовъ и территорій съ ихъ штабами. Оркестръ заигралъ извѣстный маршъ, являющійся чѣмъ-то въ родѣ національнаго гимна: «Да здравствуетъ главенствующій!», между тѣмъ какъ всѣ собравшіеся въ восточномъ залѣ встали со своихъ мѣстъ. Президентъ занялъ особое мѣсто въ центрѣ зала рядомъ съ предсѣдателемъ специальной соединенной комиссіи обѣихъ законодательныхъ палатъ, сенаторомъ Hale, и вслѣдъ затѣмъ разными лицами произнесено было нѣсколько краткихъ рѣчей, соотвѣтствующихъ характеру торжества.

По окончаніи таковыхъ все собраніе направилось къ офиціальному завтраку. Для президента, членовъ кабинета и членовъ высшаго суда сервированъ былъ особый столъ въ частномъ обѣденномъ покоѣ, между тѣмъ какъ для всѣхъ прочихъ участниковъ собранія накрыты были столы въ такъ называемомъ государственномъ обѣденномъ залѣ. Во время завтрака оркестръ флотскаго экипажа разыгрывалъ марши и сонаты: «Америка», «Голосъ нашего народа», «Столѣтіе національной столицы» и т. д.

Ровно въ половинѣ второго по полудни, согласно предначертанной программѣ празднованія столѣтія столицы, торжественное парадное шествіе двинулось изъ «Бѣлаго Дома» къ такъ называемому Капитолію, то-есть зданію законодательныхъ палатъ, совокупно представляющихъ собой такъ называемый конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ. Разстояніе между «Бѣлымъ Домомъ» и Капитоліемъ составляетъ полторы англійскихъ мили и представляетъ собой важнѣйшую часть главной и самой блестящей улицы города, именуемой Пенсильванскимъ проспектомъ и во многомъ напоминающей Невскій проспектъ С.-Петербурга. Парадное шествіе, въ которомъ принимало участіе въ общемъ свыше 8.000 человѣкъ, было организовано въ слѣдующемъ порядкѣ: взводъ конной полиціи, оркестръ, конный гражданскій эскортъ, главный маршалъ со своими штабомъ, адъютантами и эскортомъ, артиллерійскія части, флотскія команды и кавалерійскіе отряды регулярной арміи Соединенныхъ Штатовъ, президентъ Соединенныхъ Штатовъ, бригада столичной національной гвардіи со своимъ командиромъ, его штабомъ и оркестромъ, отрядъ военныхъ инженеровъ, отряды инфантеріи со своими оркестрами, отрядъ сигнальщиковъ, морской отрядъ, отрядъ военно-госпитальной службы, оркестръ, отряды вольнообучающихся военному искусству изъ учениковъ мѣстнаго высшаго училища, губернаторы штатовъ и территорій, спеціально приглашенные гости, комиссія по устройству празднованія столѣтія столицы и наконецъ ветераны разныхъ наименованій. Свѣжее, съ иголочки и чрезвычайно разнообразное обмундированіе отдѣльныхъ частей регулярной арміи Соединенныхъ Штатовъ и ихъ подраздѣленій, ему не уступающее по разнообразію и яркости цвѣтовъ обмундированіе національной гвардіи, блестящіе мундиры офицеровъ арміи и флота, соперничающіе съ блескомъ и изяществомъ мундировъ губернаторскихъ штабовъ разныхъ штатовъ, оттѣнялись съ особой рельефностью сравнительной простотой какъ фрачнаго облаченія гражданскаго эскорта, такъ и обычнаго темносиняго форменнаго одѣянія морскихъ отрядовъ.

При приближеніи къ величественному зданію Капитолія парадное шествіе пріостановилось, но всего лишь на нѣсколько минутъ. Въ этотъ моментъ президентъ, его кабинетъ и губернаторы штатовъ отдѣлились отъ рядовъ марширующихъ колоннъ и въ своихъ

Капитолій (восточная сторона).

экипажахъ понеслись къ Капитолію, гдѣ съ чисто американской быстротой заняли свои мѣста на особо устроенной для нихъ и богато разукрашенной эстрадѣ: согласно установленной программѣ предъ ними должно было пройти все парадное шествіе церемоніальнымъ маршемъ. Эстрада эта сооружена была у подножія огромной, массивной фронтовой каменной лѣстницы Капитолія. Значительное вокругъ нея пространство, предназначенное для членовъ обѣихъ палатъ конгресса и высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, было обнесено проволочнымъ канатомъ въ три пальца толщиной и окружено густымъ отрядомъ пѣшей и конной полиціи. Съ прибытіемъ президента эта довольно обширная четырехугольная площадка у подножія главной лѣстницы Капитолія была до того переполнена законодателями и высшими администраторами страны, что, казалось, между ними не могла бы проскользнуть обыкновенная иголка. Немногіе избранные, допущенные въ въ этотъ день въ зданіе Капитолія по особымъ билетамъ, разосланнымъ особой гражданской комиссіей по празднованію столѣтія столицы, наполняли ступеньки фронтовой лѣстницы и окна зданія законодательныхъ палатъ, а нѣкоторые изъ нихъ не поцеремонились даже пройти на его крышу, откуда открывался чудный видъ какъ на всю столицу вообще, такъ и на приближавшееся парадное шествіе въ частности. Обыкновенная публика, едва сдерживаемая въ своемъ отчаянномъ, специфически-американскомъ напорѣ проволочнымъ канатомъ необычайной толщины да сплошнымъ рядомъ атлетической американской полиціи, кишѣла, суетилась, волновалась, гудѣла и карабкалась на пустые ящики и боченки, для сей именно оказіи тутъ же въ разносъ распродаваемые разными предусмотрительными и находчивыми юнцами. Пока парадное шествіе не достигло еще Капитолія, толпа, кишащая и гудящая у его фронта, съ наглымъ любопытствомъ и чисто американской безцеремонностью осматриваетъ блестящее собраніе, наполняющее огороженную и охраняемую полиціей площадку вокругъ президентской эстрады: здѣсь находятся—сенатъ, высшій судъ, дипломатическій корпусъ, губернаторы штатовъ и территорій, президентъ съ его кабинетомъ, адмиралъ флота, такъ называемые управляющіе дистриктомъ Колумбія (районъ столицы съ ея пригородами), члены національной комиссіи изъ гражданъ разныхъ штатовъ, прибывшей нарочито для присутствованія на празднествахъ столѣтія столицы, члены особой гражданской комиссіи изъ гражданъ столичнаго района и наконецъ предсѣдатель и вице-предсѣдатель спеціальной комиссіи изъ гражданъ того же района на предметъ устройства празднованія столѣтія національной столицы.

Но вотъ парадное шествіе достигло фронта Капитолія и стало церемоніальнымъ маршемъ проходить предъ президентомъ. Его генеральный маршалъ, командующій арміей Соединенныхъ Шта-

товъ, генералъ Miles, отдѣляется изъ его состава и на своемъ превосходномъ арабскомъ конѣ становится передъ огороженной площадкой, vis-à-vis президентской эстрады, для производства смотра всему параду, между тѣмъ какъ глазѣющая толпа предварительно подается далеко назадъ подъ напоромъ пѣшихъ и конныхъ атлетовъ въ длинныхъ темно-синихъ мундирахъ съ блестящими бронзовыми пуговицами и очищаетъ мѣста какъ для генерала Miles, такъ и для всего параднаго шествія вообще. Стройныя колонны, въ которыхъ въ высшей степени оригинальное обмундированіе французскихъ и англійскихъ войскъ наполеонов-

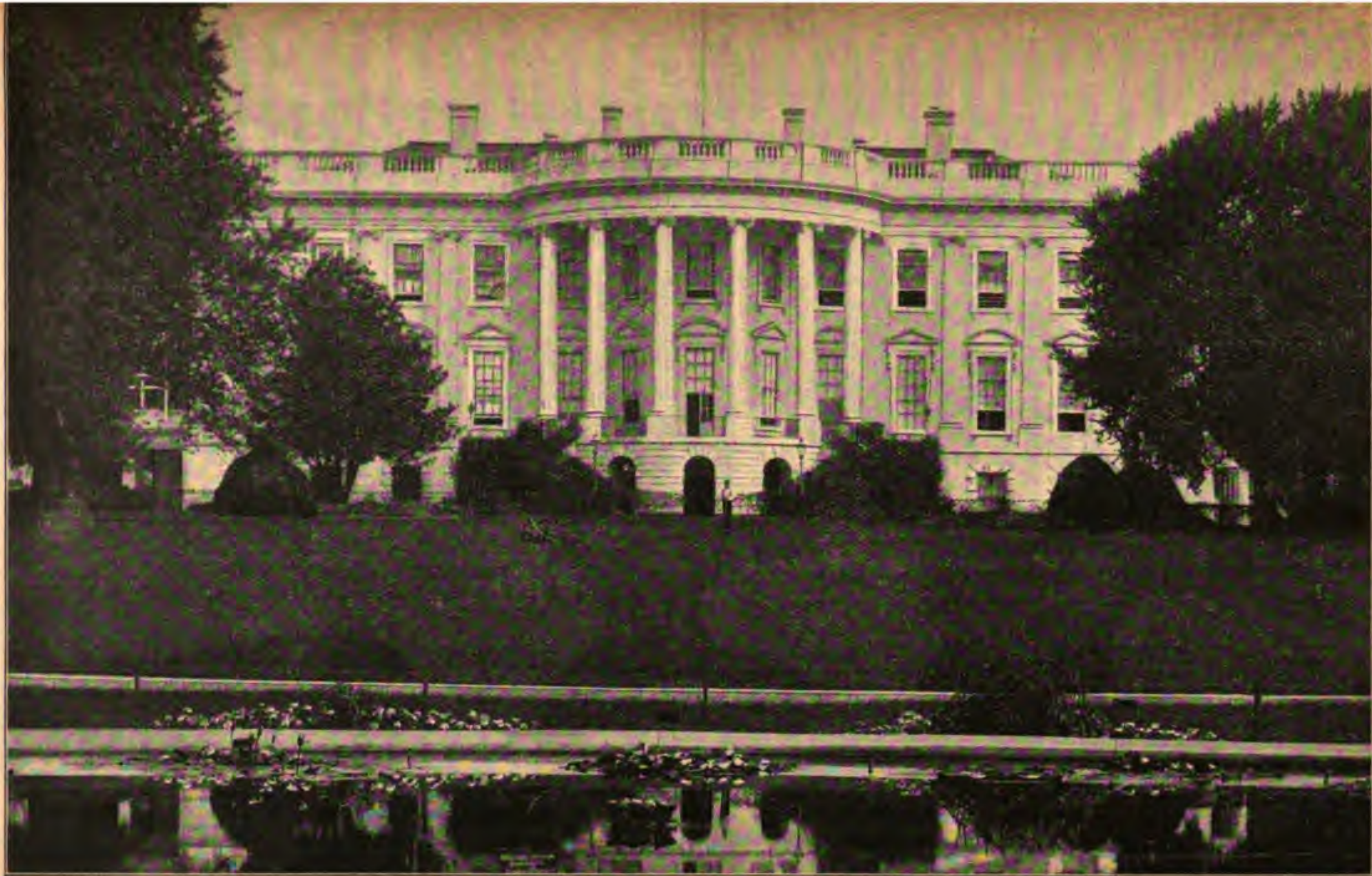

Залъ высшаго суда въ Капитоліи.

ской эпохи смѣшивалось съ голубой обмундировкой, введенной въ американскіе кавалерійскіе и пѣхотные полки позднѣйшаго сформированія, съ фрачнымъ облаченіемъ гражданскаго эскорта и съ обычными матросскими костюмами, осѣненныя безчисленнымъ рядомъ національныхъ и штатныхъ флаговъ, полковыхъ знаменъ и знаменъ разныхъ обществъ и корпорацій, залитыя ослѣпительнымъ сіяніемъ зимняго солнца Америки, превосходящимъ блескъ весенняго солнца Европы, медлительно и торжественно подвигающіяся подъ звуки безчисленныхъ оркестровъ, представляли собой поистинѣ внушительное и превосходное зрѣлище. Глазѣющая публика, не исключая и избранныхъ, наполнявшихъ главную лѣстницу, окна и крышу Капитолія, приходила все болѣе и болѣе въ состояніе дикаго восторга. Неистовыя и оглушительныя рукоплесканія, сливающіяся съ крикомъ, гикомъ и ревомъ восторженнаго

изступленія, встрѣчали всякій почти отдѣлъ параднаго шествія, которое закончилось лишь около пяти часовъ вечера.

Между тѣмъ въ четверть четвертаго началась въ палатѣ представителей самая главная часть торжества празднованія столѣтія столицы Соединенныхъ Штатовъ. Согласно специальной резолюціи палаты, ранѣе состоявшейся, въ это время въ зданіи ея находились уже всѣ ея члены въ полномъ сборѣ. Ихъ письменные столы, наполняющіе весь огромный залъ, или, точнѣе говоря, амфитеатръ палаты, были всѣ снесены на одну его сторону, по лѣвую руку отъ предсѣдательской каѳедры, гдѣ они и усѣлись, между тѣмъ какъ правая его сторона была отведена «именитымъ гостямъ», приглашеннымъ къ присутствованію при этомъ торжествѣ. Съ чисто американской пунктуальностью «именитые гости» эти согласно программѣ стали появляться и объявляться ровно въ половинѣ четвертаго. Въ этотъ моментъ «дверехранитель», т. е. официальный привратникъ палаты, громогласно объявилъ о прибытіи сената со своимъ предсѣдателемъ во главѣ. Члены палаты встали со своихъ мѣстъ и встрѣтили входящихъ сенаторовъ стоя. Сопровождаемые секретаремъ сената и такъ называемымъ сержантомъ палаты представителей (начальникъ специальной полиціи палаты), эти послѣдніе заняли передніе ряды креселъ по правую сторону отъ предсѣдательской каѳедры, между тѣмъ какъ предсѣдатель сената и три сенатора, предназначенные къ произнесенію рѣчей, заняли мѣста на самой каѳедрѣ по правую руку отъ предсѣдателя палаты. Вслѣдъ за сенаторами были громогласно объявлены «дверехранителемъ» прибывшими и вошли чрезъ тотъ же главный входъ предсѣдатель и члены высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ, сопровождаемые цѣлой свитой исполнительныхъ судебныхъ чиновниковъ и членами особаго комитета изъ мѣстныхъ гражданъ по устройству празднествъ столѣтія. Высшій судъ занялъ особыя мѣста нѣсколько впереди сенаторовъ. Вслѣдъ затѣмъ подъ тотъ же церемоніалъ провозглашенія прибытія и сопровожденія вошли члены дипломатическаго корпуса, исключительно послы, посланники и полномочные министры, и заняли предназначенныя имъ мѣста позади сенаторовъ. За ними послѣдовали губернаторы штатовъ и территорій, занявшіе мѣста позади дипломатическаго корпуса. Члены палаты представителей, наполнявшіе лѣвую половину зала ея засѣданій, все время стояли. Едва всѣ эти «именитые гости» усѣлись на своихъ мѣстахъ, предсѣдатель палаты ударомъ своего предсѣдательскаго молотка по своей каѳедрѣ далъ членамъ палаты знакъ сѣсть. Не прошло, однако, и одной минуты, какъ они наравнѣ со всѣми «именитыми гостями», публикой въ ложахъ палаты и вообще всѣми находившимися въ залѣ ея засѣданій, поспѣшно встали при провозглашеніи прибытія президента и его кабинета. Медленно и торжественно, опираясь на руку старшаго изъ трехъ управляющихъ

Бѣлый домъ (южная сторона).

дистриктомъ Колумбіи, являющагося въ то же время предсѣдателемъ мѣстной гражданской комиссіи по устройству празднествъ столѣтія, прошелъ президентъ къ своему креслу, помѣщенному по лѣвую сторону каѳедры предсѣдателя палаты, далеко впереди мѣстъ, занимаемыхъ ея членами. Слѣдовавшіе за нимъ его министры заняли кресла съ нимъ рядомъ.

Залъ засѣданій палаты представителей, въ которомъ происходило это торжество, былъ декорированъ богатѣйшимъ образомъ. Фасады всѣхъ палатскихъ ложъ, а равно ея стѣны и рельефныя украшенія, были задрапированы флагами всѣхъ націй, самымъ изящнымъ образомъ перевитыми съ національными флагами Соединенныхъ Штатовъ. Каѳедра предсѣдателя палаты, а равно столы палатскихъ секретарей утопали въ массѣ американскихъ флаговъ. Скамьи и рѣшетки ложъ были разукрашены фестонами и розетками всевозможныхъ цвѣтовъ, встрѣчающихся во флагахъ всѣхъ націй. Несмотря на то, что какъ въ самое зданіе палаты, такъ въ особенности въ ея ложи, въ этотъ день были допущены лишь «избранные», ложи эти были биткомъ набиты отборнѣйшей и изысканнѣйшей публикой.

Предварительная часть этого палатскаго, или, точнѣе говоря, конгрессоваго, торжества не обошлась безъ нѣкоторыхъ происшествій, отчасти поучительныхъ, отчасти забавныхъ. Флаги разныхъ государствъ, которыми такъ богато и изящно разукрашенъ былъ залъ палаты, были взяты изъ морского министерства Соединенныхъ Штатовъ, и самую декораціонную работу производили американскіе матросы подъ руководствомъ особаго декоратора. Между прочимъ письменный столъ представителя Sulzer, извѣстнаго демократа, пылкаго оратора и неукротимаго изобличителя и поносителя Великобританіи за ея разбойничье нашествіе на бурскія государства въ Южной Африкѣ, былъ изящно изукрашенъ матросами-декораторами флагами южно-африканскихъ республикъ Трансвааля и Оранжевой, а на самый столъ была положена ими нижеслѣдующая записка: «Мы, голубыя куртки [1]) Соединенныхъ Штатовъ, имѣемъ удовольствіе обвить вашъ столъ бурскимъ флагомъ. Остаемся въ надеждѣ, что вы будете продолжать ратовать за дѣло свободы и независимости для нихъ, равно какъ и для иныхъ порабощенныхъ народовъ на свѣтѣ». Прибывъ въ палату и пройдя къ своему столу, представитель Sulzer нашелъ на этомъ послѣднемъ лишь вышеприведенную записку, между тѣмъ какъ самые бурскіе флаги, которыми задрапированъ былъ столъ его, какимъ-то неизвѣстнымъ и непостижимымъ образомъ были унесены. Г-нъ Sulzer пришелъ въ неописуемое негодованіе и угрожалъ потребовать назначенія палат-

---

[1]) Общепринятое наименованіе всѣхъ вообще военныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ безъ различія родовъ оружія.

скаго (или же, выражаясь по-европейски, парламентскаго) слѣдствія по сему предмету. Президентъ республики Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ особую свою ложу въ обѣихъ палатахъ конгресса, которой, впрочемъ, никогда почти не пользуется, лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ и совершенно исключительныхъ случаяхъ появляясь въ конгрессѣ. Въ день описываемаго здѣсь палатскаго торжества на стѣнѣ непосредственно подъ президентской ложей красовался англійскій флагъ. Было ли это сдѣлано умышленно, дабы показать благоволеніе нынѣшняго федеральнаго правительства къ Великобританіи, или произошло совершенно случайно, остается загадкой. Среди собравшейся публики нашлось, однако, немало лицъ, которымъ подобное помѣщеніе британскаго флага подъ президентской ложей представлялось оказаніемъ этому послѣднему явнаго преимущества, являющагося излишнимъ, нежелательнымъ, неудобнымъ и даже неприличнымъ. Тамъ и сямъ выраженное неудовольствіе по этому предмету вскорѣ стало почти всеобщимъ, и наконецъ передъ самымъ началомъ торжества нѣсколько группъ лицъ обратилось къ конгрессовому сержанту съ требованіемъ убрать великобританскій флагъ, угрожая въ противномъ случаѣ сорвать его со стѣны собственноручно и подвергнуться за сіе законной отвѣтственности. Волненіе по этому предмету распространилось вскорѣ и на самихъ представителей, и они одинъ за другимъ стали заявлять свои протесты противъ подобнаго помѣщенія британскаго флага. Для успокоенія умовъ и избѣжанія скандала, угрожавшаго притомъ разыграться въ самый положенный по программѣ моментъ открытія церемоніала торжества, предсѣдатель палаты отдалъ сержанту (начальникъ конгрессовой полиціи) приказъ закрыть британскій флагъ какимъ нибудь инымъ. Моментально позванъ былъ декораторъ; огромный флагъ южно-американской республики Колумбіи оказался подъ рукой; привычной рукой онъ втеченіе нѣсколькихъ минутъ покрылъ имъ флагъ британскій. Такимъ образомъ случилось, что втеченіе этого парламентскаго торжества по празднованію столѣтія столицы Соединенныхъ Штатовъ вовсе отсутствовалъ флагъ Великобританіи, между тѣмъ какъ флаги всѣхъ прочихъ государствъ наполняли собой залъ палаты, и между ними были особенно замѣтны флаги Россіи, Германіи, Италіи, Голландіи, Греціи и наконецъ Колумбіи, покрывшій собой великобританскій. Что долженъ былъ чувствовать по этому поводу втеченіе этого торжества великобританскій посолъ въ Вашингтонѣ lord Pauncefote, находившійся въ мѣстахъ, отведенныхъ дипломатическому корпусу, пишущій эти строки судить не берется, а спросить его по этому предмету счелъ неудобнымъ. Къ этому палатскому торжеству, какъ помянуто уже выше, были приглашены въ качествѣ «именитыхъ гостей» исключительно лишь представители иностранныхъ государствъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. послы, посланники и полномочные

министры, обходя посольскихъ секретарей и атташэ. Между тѣмъ мѣстныя японское посольство и посольство республики Гаити поняли это приглашеніе отчасти въ томъ же смыслѣ, въ какомъ понимаются приглашенія на президентскіе и министерскіе пріемы и обѣды, т. е. что они приглашаются вмѣстѣ со своими супругами. Появленіе сихъ двухъ дамъ, г-жи Такагіра и г-жи Лэжэ, въ ряду дипломатическаго корпуса въ вестибюляхъ палаты, повергло палатскихъ и сенатскихъ исполнительныхъ чиновъ въ совершенное смятеніе и нѣкоторое отчаяніе, ибо какъ по смыслу отданныхъ имъ на сей предметъ распоряженій, такъ и по смыслу разосланныхъ мѣстнымъ дипломатамъ печатныхъ пригласительныхъ билетовъ, приглашались къ торжеству въ зданіи палаты въ качествѣ «именитыхъ гостей» лишь сами дипломатическіе представители—единственно и исключительно. Означенные исполнительные чины старались было разъяснить это г-жамъ Такагіра и Лэжэ, но эти послѣднія либо дѣйствительно не понимаютъ англійскаго языка, либо, снѣдаемыя непреодолимымъ желаніемъ «присутствовать» при столь необычайномъ торжествѣ, ловко прикинулись непонимающими таковаго, а такъ какъ выводить супругъ дипломатическихъ представителей было невозможно, да при томъ же для этого не было даже уже и времени, то къ крайнему изумленію всего собранія въ ряду «дипломатическаго корпуса», торжественно вошедшаго въ залъ торжества вслѣдъ за предварительнымъ провозглашеніемъ «двередержателя», оказалось двѣ дамы.

Едва президентъ и его кабинетъ усѣлись на своихъ мѣстахъ, капелланъ палаты произнесъ соотвѣтственную случаю молитву, и вслѣдъ затѣмъ начались рѣчи, закончившіяся лишь въ половинѣ седьмого вечеромъ. Президентъ первый покинулъ залъ торжества, за нимъ послѣдовалъ его кабинетъ, а за этимъ послѣднимъ высшій судъ и дипломатическій корпусъ.

Наконецъ, въ тотъ же вечеръ въ такъ называемомъ Коркорановскомъ музеѣ искусствъ воспослѣдовало заключительное торжество дня празднованія столѣтія столицы Соединенныхъ Штатовъ. Это былъ особый пріемъ отъ имени города губернаторамъ штатовъ и территорій, на которомъ долженъ былъ присутствовать и президентъ. Около 8 часовъ несмѣтныя полчища отборнѣйшей публики бурными потоками устремились къ изящному, недавно возведенному зданію музея. Его бѣлыя превосходно отполированныя колонны каррарскаго мрамора были обвиты изящно переплетенными другъ съ другомъ ползучими вѣтвями темно-зеленаго лавра и свѣтло-зеленаго американскаго барвинка. Его широкая лѣстница изъ несравненнаго бѣлаго мрамора была окаймлена по обѣ стороны цѣлымъ лѣсомъ громадныхъ пальмъ, сцѣпленныхъ другъ съ другомъ густыми нависшими одна надъ другой гирляндами изъ лавра, между которыми тамъ и сямъ пробивался золотистый хризантемъ. Стѣны

и потолокъ у входа на лѣстницу точно также были украшены лавромъ. Статуя кесаря Августа, величественно высящаяся на первой площадкѣ лѣстница, была окружена колоссальными пальмами, образовывавшими собой изящную нишу, въ которую она казалась вставленной. Оркестръ флотскаго экипажа помѣщался въ первомъ этажѣ музея, въ центральномъ залѣ этого послѣдняго, наполненномъ отборными статуями громадныхъ размѣровъ, неподалеку отъ вышеописаннаго входа на его роскошную лѣстницу, непосредственно подъ колоссальной статуей «Крылатой Побѣды», и пунцовые мундиры флотскихъ музыкантовъ представляли собой поразительный

Бѣлый домъ (сѣверный фасадъ).

контрастъ съ блѣдно-бѣлымъ цвѣтомъ окружающихъ ихъ статуй «Крылатой Побѣды», «Дискометателя», «Умирающаго галла», «Аристида», «Гермеса Бельведерскаго» и т. д., нѣкоторыя изъ которыхъ точно также были украшены изящными гирляндами зелени. Между тѣмъ какъ этотъ превосходный оркестръ американскихъ моряковъ разыгрывалъ: «Столѣтіе національной столицы», «Голосъ нашего народа», «Америка», «Солнечный югъ», «Да здравствуетъ духъ свободы» и т. д., сонмы отборной публики сновали взадъ и впередъ по безчисленнымъ заламъ обоихъ этажей, нестройными рядами подымаясь и опускаясь по широкой мраморной лѣстницѣ и наполняя величественное зданіе музея несмолкаемыми гамомъ и хохотомъ. Около 9 часовъ это шумное собраніе стало обнаруживать признаки явнаго нетерпѣнія по поводу столь продолжительнаго неприбытія президента, и многіе, въ особенности дамы, чувство-

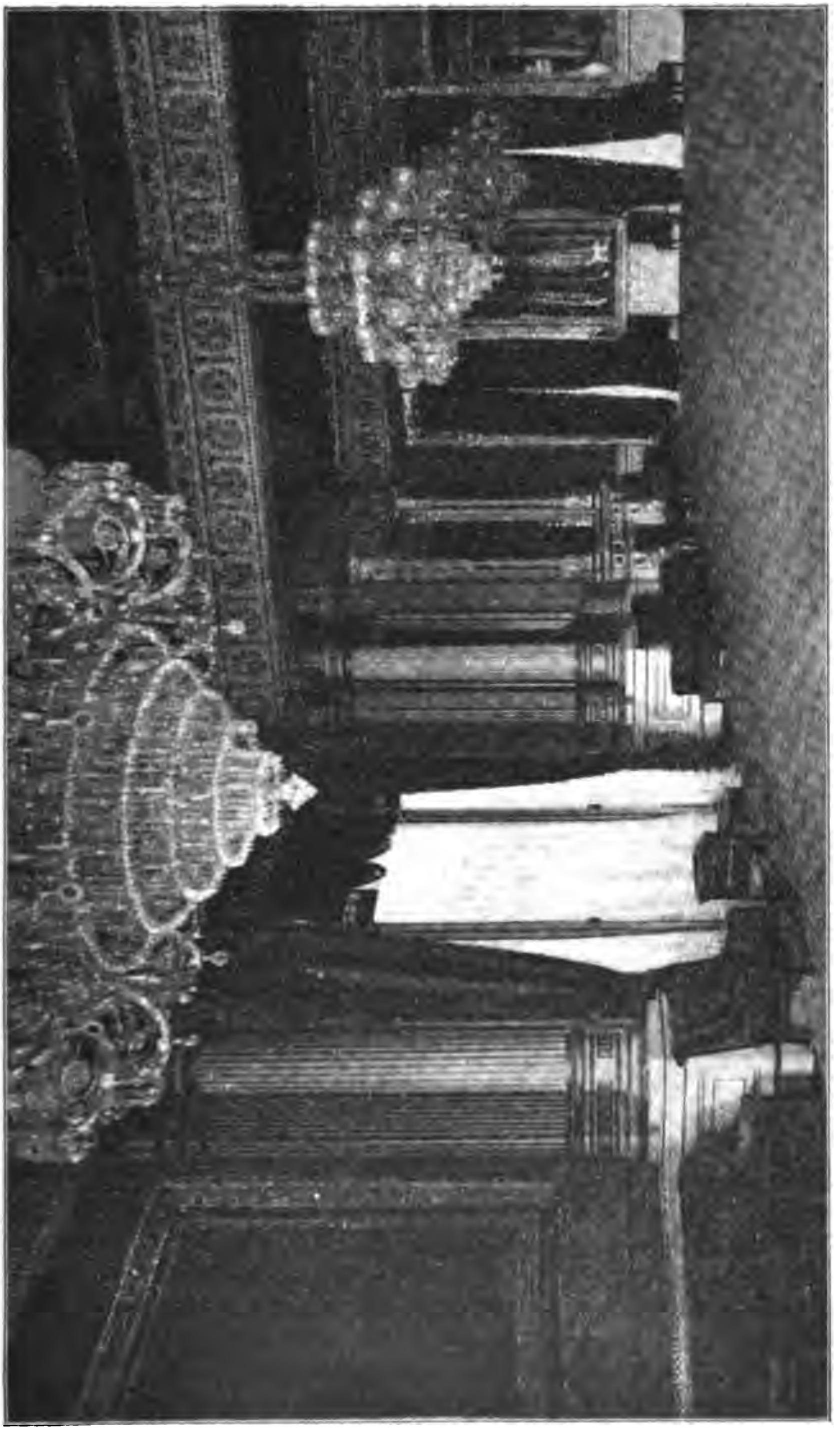
вали себя искренно разочарованными. Но вотъ ровно въ половинѣ десятаго по всему собранію пронесся шопотъ: это экипажъ президента въ сопровожденіи нѣсколькихъ иныхъ экипажей подкатилъ къ главному подъѣзду музея. Толпа, безпорядочно сновавшая взадъ и впередъ по заламъ перваго этажа, внезапно устремилась къ главному входу, чрезъ который долженъ былъ пройти президентъ. Тяжелая створчатая дубовая дверь главнаго подъѣзда распахнулась во всю свою ширину, и струя холоднаго воздуха зимней ночи американскаго юга стремительно ворвалась въ мраморный залъ, наполненный великими статуями и маленькими людьми, хотя между этими послѣдними было очень много занимающихъ видное общественное положеніе. Оркестръ воспроизвелъ четыре оригинальныхъ музыкальныхъ фигуры, напоминающихъ собой сложные сигналы, и президентъ Mc-Kinley, сопровождаемый предсѣдателемъ особой пріемной комиссіи, г-номъ Charles Bell, министрами внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія, своимъ частнымъ секретаремъ г-номъ Cortelyon, и прочими членами означенной комиссіи, очищавшими ему дорогу среди несмѣтной и густой толпы, наполнявшей даже вестибюль музея, прослѣдовалъ въ мужскую раздѣвальную комнату, дабы снять съ себя верхнее платье. Едва затѣмъ онъ со своей маленькой свитой показался во входной двери музея, въ собственномъ смыслѣ слова ведущей изъ вестибюля въ центральный залъ перваго этажа, оркестръ снова воспроизвелъ четыре замысловатыхъ музыкальныхъ фигуры, а вслѣдъ затѣмъ заигралъ извѣстный маршъ «Да здравствуетъ главенствующій!» Предшествуемый членами пріемной комиссіи, очищавшими ему дорогу, онъ медленно подымался по вышеописанной роскошной и богато разукрашенной мраморной лѣстницѣ во второй этажъ музея, между тѣмъ какъ публика встрѣчала его сдержанными рукоплесканіями. Второй этажъ музея представляетъ собой помимо цѣлаго ряда боковыхъ залъ, тождественныхъ съ таковыми же перваго этажа, вмѣсто громаднаго центральнаго зала этого послѣдняго колоссальные хоры, съ которыхъ представляется восхитительнѣйшій видъ на рядъ громадныхъ статуй внизу. Въ южной части этихъ хоръ, непосредственно надъ колоссальной статуей «Крылатой Побѣды» поставлены были кресла для президента и его свиты, отгороженныя особой рѣшеткой, между тѣмъ какъ двери прилегающихъ къ этому огороженному мѣсту залъ были заперты. Здѣсь около четверти часа просидѣлъ глава государства, ведя совершенно неслышный разговоръ со своими спутниками. Всѣ глаза съ любопытствомъ были обращены на него, но ни представленій, ни рукопожатій, составляющихъ столь обычный элементъ президентскихъ официіальныхъ функцій, не было. Едва онъ покинулъ зданіе музея, собраніе стало мало-по-малу замѣтно рѣдѣть, что, впрочемъ, являлось и вполнѣ естественнымъ, ибо было уже десять часовъ ночи.

Таковы въ общихъ чертахъ были тѣ торжества, которыми отпраздновано столѣтіе столицы Соединенныхъ Штатовъ. Спрашивается однако: какова же въ дѣйствительности столѣтняя исторія города Вашингтона, каковъ постоянный ходъ его созданія и развитія, каково его современное состояніе и значеніе? оправдываютъ ли исторія эта и это состояніе эти пышныя торжества, мной только что описанныя, или же таковыя представляются лишь выраженіемъ національнаго самообольщенія и тщеславія дѣятельныхъ, безпокойныхъ и пронырливыхъ янки?

Подобно тому, какъ державной волей безсмертнаго Преобразователя Россіи среди финскихъ болотъ и лѣсовъ у устья Невы созданъ былъ Петербургъ, такъ точно по волѣ американскаго конгресса, находившагося въ данномъ случаѣ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ перваго президента республики Соединенныхъ Штатовъ, генерала Джорджа Вашингтона, среди непроходимыхъ болотъ и дремучихъ лѣсовъ вблизи устья рѣки Потóмакъ возсозданъ былъ городъ Вашингтонъ. Эти двѣ столицы двухъ юныхъ и могущественныхъ націй, которымъ, если не всецѣло, то главнымъ образомъ принадлежитъ будущее человѣчества, представляются пока **единственными** столицами, **не выросшими** въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, благодаря извѣстнымъ географическимъ, политическимъ, экономическимъ и соціальнымъ факторамъ и условіямъ, а **созданными** нарочито и умышленно, **сознательными** твореніями разумной и предусмотрительной воли человѣческой. Римъ, Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Вѣна, нынѣшнія столицы пяти изъ шести великихъ державъ, равно какъ иныя столицы, бывшія и настоящія, въ родѣ Эдинбурга, Дублина, Мюнхена, Милана, Флоренціи, Венеціи, Дрездена, Константинополя, Праги, Кракова, Кіева и такъ далѣе, начало которыхъ кроется во глубинѣ временъ давно прошедшихъ и совершенно теряется во тьмѣ этихъ послѣднихъ, были созданіями безсознательныхъ и непроизвольно дѣйствующихъ силъ природы и силъ соціальныхъ. Петербургу и Вашингтону, этимъ юношамъ среди престарѣлыхъ столицъ человѣчества, суждено было быть созданіями сознательной воли государя и парламента, олицетворявшихъ собой въ тѣ историческіе моменты наивысшій интеллектъ своего народа. Къ крайнему сожалѣнію, подобное тождество происхожденія Петербурга и Вашингтона черезчуръ мало извѣстно цивилизованному міру, и даже такой глубокій и проницательный мыслитель, какъ французскій ученый Alexis de Tocqueville, въ своемъ извѣстномъ произведеніи «La Democratie en Amérique» выставившій немало поразительныхъ параллелей и тождествъ въ историческомъ ростѣ Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, о таковомъ совершенно не упоминаетъ. Не было оно также, къ сожалѣнію, упомянуто и во всѣхъ этихъ рѣчахъ и журналь-

ныхъ статьяхъ, вызванныхъ столѣтнимъ юбилеемъ столицы Соединенныхъ Штатовъ.

Тождество это не ограничивается, однако, лишь голымъ фактомъ сознательнаго и умышленнаго созданія обѣихъ столицъ. Самые мотивы такого созданія были тожественны и аналогичны въ обоихъ государствахъ, несмотря на все различіе ихъ политическаго устройства. Подобно тому, какъ Петръ Великій сознавалъ, что Москва, при ея глубоко-провинціальномъ характерѣ, съ ея чисто мѣстнымъ патріархальнымъ укладомъ, съ ея чисто мѣстными вліяніями, съ ея узкими и односторонними тенденціями и традиціями, не можетъ служить столицей новосоздаваемой имъ Россійской имперіи, долженствовавшей возростать и обнимать собой разныя расы, народности и вѣроисповѣданія, такъ точно и первый конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, собравшійся вслѣдъ за окончаніемъ войны за независимость, понималъ, что ни Филадельфія, ни Нью-Іоркъ, бывшіе въ то время крупными и значительными городами, съ ихъ мѣстными стремленіями, традиціями и вліяніями, не могутъ служить столицей новонарождающейся федеральной республики. Какъ Петербургъ заложенъ былъ преобразователемъ Россіи, дабы служить необходимымъ факторомъ созданія будущей имперіи, олицетвореніемъ и воплощеніемъ ея національно-государственнаго единства, залогомъ ея преуспѣянія, такъ точно и Вашингтонъ заложенъ былъ первымъ президентомъ новорожденной республики Соединенныхъ Штатовъ, по опредѣленію перваго ея конгресса, дабы служить необходимымъ факторомъ и залогомъ ея національнаго единства и дальнѣйшаго роста. И если низменныя интриги невѣжественнаго московскаго духовенства и закорузлаго московскаго боярства, направленныя противъ великихъ начинаній геніальнаго создателя будущей міровой имперіи, нашедшія себѣ наиболѣе рельефное выраженіе въ извѣстномъ дѣлѣ царевича Алексѣя, послужили ближайшимъ поводомъ и, такъ сказать, толчкомъ къ перенесенію столицы къ устьямъ Невы, то солдатскій бунтъ, разыгравшійся въ Филадельфіи въ іюнѣ 1783 года, несомнѣнно, послужилъ сильнѣйшимъ толчкомъ къ перенесенію столицы изъ означеннаго города, фактически являвшагося въ то время столицей Соединенныхъ Штатовъ, въ мѣстность вблизи устьевъ рѣки Потомакъ. Всего лишь за три мѣсяца до формальнаго объявленія признанія независимости тринадцати сѣверо-американскихъ колоній Великобританіи, солдаты части американской арміи, расположенной въ Филадельфіи, будучи взбудоражены болѣе или менѣе продолжительной задержкой въ выдачѣ имъ жалованья, попросту напали на конгрессъ во время его засѣданія. Мѣстныя филадельфійскія власти, какъ военныя, такъ и муниципальныя и полицейскія, не сумѣли или не смогли оградить высшее государственное учрежденіе новонарождающейся федеративной республики отъ разнузданной

Общій государственный пріемный залъ въ Бѣломъ Домѣ.

солдатчины и дикихъ съ ея стороны оскорбленій, и народные представители вынуждены были, прервавъ засѣданіе, обратиться въ поспѣшное бѣгство. Это прискорбное событіе въ свое время произвело глубокое впечатлѣніе на умы американскихъ законодателей, нагляднымъ образомъ указывая имъ на необходимость созданія особаго федеральнаго района, долженствующаго быть постояннымъ мѣстопребываніемъ федеральныхъ властей и имъ всецѣло и исключительно подвѣдомственнаго.

Не подлежитъ во всякомъ случаѣ ни малѣйшему сомнѣнію, что идея созданія особаго федеральнаго района, составляющаго достояніе всей націи, подчиненнаго юрисдикціи всего народа, отдѣльной отъ мѣстныхъ юрисдикцій отдѣльныхъ штатовъ, и имѣющаго свое особое устройство и управленіе, будучи по существу своему тожественной съ идеей Петра Великаго о необходимости созданія особой имперской столицы, была идеей не только новой и оригинальной, но и глубоко-плодотворной. Этотъ новый государственный принципъ, въ уразумѣніи и осуществленіи котораго государственному генію Петра Великаго суждено было чуть не на цѣлое столѣтіе опередить коллективный государственный интеллектъ государственныхъ мужей первыхъ дней республики Соединенныхъ Штатовъ, заключается въ изолированіи представителей государственной власти отъ мѣстныхъ традицій, вліяній и воздѣйствій, въ поставленіи ихъ въ такія условія государственной дѣятельности и государственнаго служенія, при которыхъ не имѣли бы значенія никакія стороннія соображенія, вліянія и воздѣйствія, а единственно лишь соображенія государственной пользы и требованія общаго блага могли бы руководить ихъ дѣйствіями и начинаніями.

Конечно, Петръ Великій по условіямъ своего времени не могъ абсолютно отрѣшиться отъ тогдашней системы русскаго государственнаго управленія и, основавъ новую столицу, затѣмъ присоединилъ къ ней и особую, такъ сказать, ея собственную Санктъ-Петербургскую губернію, сдѣлавъ такимъ образомъ Санктъ-Петербургъ не только столицей имперіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и губернскимъ городомъ, административнымъ центромъ одной изъ губерній. Обстоятельство это ничуть не измѣняетъ, однако, существа того новаго государственнаго принципа, который повлекъ за собой основаніе какъ Петербурга, такъ Вашингтона. Если затѣмъ на ряду съ осуществленіемъ этого принципа исконное стремленіе Россіи пробиться къ морямъ и создать свои міровые порта, красной нитью проходящее черезъ всю русскую исторію и по сей день составляющее одинъ изъ могущественнѣйшихъ ея факторовъ, играло не меньшую роль въ созданіи Петербурга, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что тотъ же мотивъ игралъ точно также важную роль и въ созданіи Вашингтона. Въ то время не существовало еще

желѣзныхъ дорогъ, и пути сообщенія были вообще крайне недостаточны и затруднительны. Поэтому признано было необходимымъ заложить федеральную столицу на судоходной рѣкѣ, настолько близко къ впаденію этой послѣдней въ открытое море, насколько это позволяла бы полная ея безопасность отъ непріятельскаго нападенія.

Въ видахъ болѣе отчетливаго уразумѣнія этого немаловажнаго предмета русскимъ читателемъ представимъ себѣ вмѣстѣ съ нимъ, что Наполеонъ I создалъ бы для Франціи новую столицу вмѣсто ея исторической столицы — Парижа. Неужели не представляется совершенно очевиднымъ и вполнѣ безспорнымъ, что, будь около ста лѣтъ тому назадъ столица Франціи перенесена въ какую либо мѣстность поближе къ центру этого государства и стань мѣстопребываніемъ высшей государственной власти, законодательной и исполнительной, какой или новый городъ, созданный для сего нарочито гдѣ либо въ предѣлахъ нынѣшняго департамента Touraine и съ нимъ сосѣднихъ, историческія судьбы Франціи были бы совершенно иныя? Возьмемъ теперь для примѣра другую міровую столицу--Лондонъ. Всѣ британскіе министры являются предсѣдателями правленій лии директорами разныхъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, которымъ и посвящаютъ наибольшую часть своего времени и своихъ талантовъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о наиболѣе «преуспѣвающихъ» элементахъ обѣихъ законодательныхъ палатъ Великобританіи: они отличаются отъ министровъ лишь въ томъ отношеніи, что эти послѣдніе состоятъ сплошь и рядомъ предсѣдателями и директорами нѣсколькихъ «обществъ» и «компаній» заразъ, между тѣмъ какъ членъ палаты лордовъ или палаты общинъ является обыкновенно директоромъ или даже предсѣдателемъ какого либо одного «общества» или одной какой либо «компаніи». Члены палаты лордовъ, которые всѣ положительно имѣютъ собственные дома въ Лондонѣ, обыкновенно грязнутъ по уши въ разныхъ многосложныхъ и нерѣдко довольно темныхъ предпріятіяхъ, а равно и въ омутѣ столичной жизни вообще. Члены палаты представителей, адвокаты, дѣльцы, промышленники, журналисты и такъ далѣе, всецѣло тонутъ въ водоворотѣ своихъ профессій и профессіональныхъ интересовъ, ими практикуемыхъ и сосредоточенныхъ въ столицѣ. Можно ли удивляться послѣ этого, что изъ общаго состава палаты лордовъ въ 591 членъ обыкновенно присутствуетъ въ засѣданіи какая нибудь дюжина, а въ новомъ зданіи палаты общинъ сооружено менѣе мѣстъ, нежели имѣется въ ней членовъ? Ни для кого не составляетъ секрета, что состояніе несравненнаго Joseph'a Chamberlain'a, британскаго министра колоній, и всей его родни въ числѣ крупныхъ владѣльцевъ южно-африканскихъ акцій, было одной изъ главныхъ причинъ разбойничьяго нашествія Великобританіи на южно-африканскія

республики Трансвааль и Оранжевую, тянущагося уже второй годъ и стоящаго ей колоссальныхъ суммъ. Невзирая на все это, англійское ханжество и наглое ломанье изъ себя недосягаемой добродѣтели, несмотря на весь этотъ внѣшній блескъ и показной лоскъ всѣхъ официіальныхъ и официозныхъ дѣяній и дѣйствій правительства Великобританіи, оно находится несомнѣнно и для всѣхъ очевидно въ состояніи полнѣйшаго разложенія и вырожденія подъ воздѣйствіемъ тѣхъ могущественныхъ, вполнѣ всесильныхъ торгово-промышленно-мошенническихъ синдикатовъ, которыхъ это такъ называемое «правительство его британскаго величества» является лишь простой исполнительной конторой, и которые сосредоточены въ Лондонѣ.

То же самое въ большей или меньшей степени слѣдуетъ сказать и о Парижѣ. Кому неизвѣстна исторія «Панамы»? А сколько подобныхъ «Панамъ» замято и не допущено до разоблаченія! Если бы за всѣмъ тѣмъ столицей Россіи оставалась историческая столица до-петровской Руси, т.-е. Москва, то не подлежитъ сомнѣнію, что противодѣйствіе московскихъ боярства и въ особенности духовенства петровскимъ реформамъ сильно затормозило бы ихъ осуществленіе, исказило бы высокія начинанія великаго преобразователя и испортило бы дальнѣйшія судьбы Россійской имперіи. Врядъ ли возможно сомнѣваться также, что будь нынѣ столицей Москва, московское купечество, которое во время голода и тяжкихъ народныхъ испытаній не постѣснилось требовать у министра финансовъ «денежнаго пособія», сумѣло и смогло бы пріобрѣсть на финансовую и экономическую политику русскаго государства въ пользу своихъ сословныхъ интересовъ и въ ущербъ интересамъ всего населенія вліяніе, настолько рѣшающее и пагубное, насколько это только представляется возможнымъ въ условіяхъ русскаго государственнаго устройства. Не подлежитъ, такимъ образомъ, ни малѣйшему сомнѣнію, что идея первыхъ американскихъ государственныхъ людей о необходимости изолировать органы и учрежденія центральной государственной власти отъ вліянія сосредоточенныхъ въ исторически выросшихъ столицахъ коммерческихъ и соціальныхъ условій, а равно и вихря столичныхъ развлеченій, дабы всѣ ихъ силы какъ интеллектуальныя, такъ и моральныя могли быть всецѣло направлены на исполненіе своего долга и благо государственное и общенародное, идея, въ значительной степени предвосхищенная Петромъ Великимъ и имъ осуществленная въ основаніи Петербурга, имѣетъ глубокій государственный смыслъ и высокозиждительное общественное значеніе.

Законодательнымъ актомъ 16-го іюля 1790 г. конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, засѣдавшій въ Филадельфіи, опредѣлилъ, чтобы по декабрь 1800 г. мѣстопребываніемъ федеральнаго правительства

былъ означенный городъ, а въ декабрѣ 1800 г..таковое должно быть перенесено въ «особый дистриктъ, не превосходящій 100 квадратныхъ миль и находящійся на рѣкѣ Потомакъ, между устьями восточной ея вѣтви и Коногочига». Для точнѣйшаго опредѣленія и отмежеванія означенной территоріи, а равно и для устройства уступки этой послѣдней, подлежащими штатами и частными лицами, назначена была конгрессомъ особая комиссія. Тѣмъ не менѣе, однако, не только всѣ важнѣйшія по этому предмету распоряженія сдѣланы были самимъ президентомъ Джорджемъ Вашингтономъ, но и онъ самолично руководилъ даже всѣми предварительными

Особый государственный пріемный залъ въ Бѣломъ Домѣ.

мѣропріятіями и самымъ ходомъ отчужденія земель подъ новообразуемый федеральный дистриктъ. Если самая мѣстность для образованія этого послѣдняго избрана была конгрессомъ несомнѣнно подъ его вліяніемъ, то для намѣченія таковой онъ имѣлъ серіознѣйшія и весьма вѣскія основанія, бывшія точно также въ виду и у конгресса при утвержденіи имъ вышепомянутаго законодательнаго акта 16-го іюля 1790 г. Мѣстность эта находилась вблизи дѣйствительнаго центра населенія первоначальныхъ тринадцати штатовъ новорожденной федеральной республики, а равно и у устьевъ большой судоходной рѣки, впадающей въ открытое море или, точнѣе говоря, въ Атлантическій океанъ. Вашингтонъ разсчитывалъ, что съ постепеннымъ заселеніемъ и развитіемъ громадныхъ западныхъ территорій все ихъ торговое движеніе направится по рѣкѣ Потомакъ къ портамъ Атлантическаго океана, мимо и въ виду новообразуемой федеральной столицы. Если этотъ вполнѣ основа-

тельный расчетъ перваго президента Соединенныхъ Штатовъ не оправдался, то единственно благодаря тому, что желѣзныя дороги почти убили судоходство по рѣкамъ и каналамъ, а равно также и тому, что необычайно быстрый ростъ и колоссальное коммерческое развитіе сѣверо-восточныхъ штатовъ, позже вошедшихъ въ составъ союза, нашли себѣ иной выходъ къ открытому морю, а именно—къ портамъ Тихаго океана.

Прокламаціей отъ 30-го марта 1791 г. президентъ Вашингтонъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что федеральный дистриктъ, на которомъ должна воспрянуть столица Соединенныхъ Штатовъ, окончательно отведенъ и отмежеванъ. Онъ представлялъ собой совершенно правильный квадратъ во сто квадратныхъ миль, четыре угла котораго были обращены съ полнѣйшей точностью и безъ малѣйшаго уклоненія къ четыремъ странамъ свѣта: сѣверу, югу, востоку и западу, и былъ расположенъ по обѣ стороны рѣки Потомака: двѣ его трети въ предѣлахъ штата Мэриландъ и одна треть въ предѣлахъ штата Вирджиніи. Въ самомъ южномъ углу этого новообразованнаго квадратнаго дистрикта расположенъ былъ городъ Александрія—на западной, вирджинской сторонѣ Потомака, а вблизи его центра, болѣе въ сторону сѣверо-западной его границы, находился городъ Джорджтаунъ. Хотя нынѣ этотъ послѣдній составляетъ лишь часть столицы, носящую наименованіе «Западнаго Вашингтона», а первый, являясь самостоятельнымъ городомъ, кажется чѣмъ-то въ родѣ его пригорода, тѣмъ не менѣе, однако, въ то время они были уже болѣе или менѣе значительными городами въ нѣсколько тысячъ жителей каждый, между тѣмъ какъ столицы еще не существовало. Федеральный дистриктъ, только что отведенный и отмежеванный, представлялъ собой живописнѣйшіе холмы и чудныя долины, почти непроходимые лѣса и небезопасныя болота, а при скудости и первобытности тогдашнихъ путей сообщенія, шесть англійскихъ миль, отдѣляющихъ городъ Александрію отъ холма, избраннаго для сооруженія на немъ Капитолія, долженствовавшаго стать центромъ грядущей столицы, и пять такихъ же миль, отдѣляющихъ отъ него городъ Джорджтаунъ, представлялись значительнымъ разстояніемъ. Первыми зданіями, подлежащими сооруженію, были зданія двухъ федеральныхъ законодательныхъ палатъ, окрещенныхъ общимъ именемъ Капитолія, и резиденція президента республики, впослѣдствіи воспріявшая общеупотребительное наименованіе «Бѣлаго Дома». Сооруженіе столицы связано было съ немалыми трудностями. Конгрессъ, засѣдавшій тогда въ Филадельфіи, относился къ этому національному дѣлу настолько небрежно, что не ассигновалъ сколько нибудь своевременно потребныхъ кредитовъ. Но штаты Мэриландъ и Вирджинія пришли на помощь федеральной исполнительной власти и ассигновали таковые изъ своихъ штатныхъ бюджетовъ заимооб-

разно. Это сдѣлало возможнымъ приступить къ закладкѣ вышеозначенныхъ публичныхъ зданій, которыя должны были стать центральными пунктами будущей столицы: отъ нихъ согласно плану города должны были пойти по всѣмъ направленіямъ его улицы и проспекты. 13-го октября 1792 г., съ соблюденіемъ полнаго массонскаго ритуала и въ присутствіи президента Вашингтона, произведена была закладка фундамента президентской резиденціи, сопровождавшаяся парадомъ, какой только былъ въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ возможенъ, а 18-го сентября 1793 г. такимъ же порядкомъ произведена была закладка фундамента Капитолія. Матеріалы для постройки этихъ зданій для наивысшихъ государственныхъ учрежденій федеральной республики доставлялись медленно и въ неопредѣленные сроки, ибо въ разгарѣ своей партійной борьбы конгрессъ дошелъ до того, что вовсе отказалъ въ ассигнованіи потребныхъ на этотъ предметъ кредитовъ, и не окажи въ то время штаты Мэриландъ и Вирджинія дѣятельной поддержки административной вѣтви федеральнаго правительства заимообразнымъ ассигнованіемъ потребныхъ суммъ, работы по возведенію означенныхъ зданій пришлось бы вовсе пріостановить. Какъ членамъ особой комиссіи, въ 1790 г. назначенной конгрессомъ для устройства и сооруженія федеральной столицы, такъ и президенту Вашингтону, руководившему ея дѣйствіями, пришлось бороться съ серіозной оппозиціей и преодолѣвать всевозможныя препятствія на каждомъ шагу. Городъ представлялъ собой еще лишь грязную деревню среди почти непроходимаго лѣса. Однако, ревность комиссіи и президента преодолѣвали всѣ препятствія, и постройка этихъ трехъ главныхъ федеральныхъ зданій все-таки подвигалась. Проживая въ своемъ родовомъ имѣніи Маунтъ-Вернонъ, расположенномъ по другую сторону рѣки Потомака, почти насупротивъ тогда еще новонарождавшейся федеральной столицы, президентъ Вашингтонъ зорко слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ въ странѣ и въ особенности за сооруженіемъ федеральнаго города, которому суждено было носить его имя. Ему не довелось, однако, дожить до окончанія хотя бы одного изъ означенныхъ зданій. Онъ скончался почти на рубежѣ прошлаго вѣка, 14-го декабря 1799 г., въ томъ же родовомъ имѣніи своемъ Маунтъ-Вернонъ, гдѣ находятся его гробница и мавзолей, являющіеся наравнѣ съ его домомъ національными святынями и достояніями, тщательно сохраняемыми и оберегаемыми.

Любопытна дальнѣйшая судьба федеральнаго дистрикта, впослѣдствіи получившаго наименованіе «дистрикта Колумбіи», или, точнѣе говоря, «Колумбійскаго дистрикта» (District of Columbia). Генералъ Вашингтонъ и его сподвижники, равно какъ и всѣ наиболѣе выдающіеся его современники вообще, были людьми дѣйствительно свободомыслящими и, что еще важнѣе, широкомысля-

щими, способными прозрѣвать въ будущее и правильно оцѣнивать относительную важность и относительный размѣръ вещей и явленій. Дальнѣйшія поколѣнія американскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей стали довольно быстро мельчать и оподляться, каковое измельчаніе и оподленіе, съ нѣкоторыми болѣе или менѣе значительными перерывами, въ геометрической прогрессіи продолжается до сего времени. Не будь федеральная столица заложена Вашингтономъ, а нѣсколько позже, она была бы несомнѣнно задумана, распланирована и устроена по болѣе мелкому масштабу и безъ всякой предусмотрительности. Наилучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить возникшее въ юго-западной части дистрикта Колумбіи въ 1846 г. движеніе въ пользу возвращенія этой части, составлявшей почти одну треть всего дистрикта, штату Вирджиніи, которымъ таковая была въ 1790 г. уступлена федеральному правительству подъ устройство означеннаго дистрикта. Возникшій вопросъ федеральнымъ правительствомъ былъ предоставленъ на разрѣшеніе обывателямъ означенной части. Въ городѣ Александріи въ назначенный день собралось 985 гражданъ ея, имѣвшихъ право голосованія, и изъ нихъ 763 голосовали за ея возвращеніе въ составъ Александрійскаго графства штата Вирджиніи, въ которое она прежде входила, между тѣмъ какъ всего лишь 222 голосовали за ея оставленіе въ составѣ дистрикта Колумбіи. Президентъ James Polk, который по конституціи имѣлъ право не утвердить означеннаго рѣшенія, таковое утвердилъ и 7-го сентября 1846 г. издалъ прокламацію о переходѣ части дистрикта, расположенной на западной сторонѣ рѣки Потомака, въ составъ штата Вирджиніи.

Что въ этой территоріи въ непродолжительномъ времени встрѣтится федеральному правительству неминуемая надобность, въ томъ невозможно сомнѣваться. Нынѣ уже на западномъ, вирджинскомъ берегу Потомака расположены фортъ Майеръ и національное кладбище Арлингтонъ, находящіеся въ вѣдѣніи федеральныхъ властей. Населеніе столицы, а равно и ея учрежденія столь быстро разростаются, что заселеніе и застройка территоріи, прилегающей къ нынѣшнему урѣзанному и, такъ сказать, искалѣченному дистрикту съ запада черезъ рѣку, столичнымъ обывателямъ и столичнымъ властямъ или, точнѣе говоря, гражданамъ дистрикта Колумбіи, федеральнымъ чиновникамъ и органамъ федеральнаго управленія, представляются дѣломъ весьма недалекаго будущаго. Представляется очевиднымъ, что распланировка, устройство и управленіе этой близящейся къ нарожденію новой части столицы не могутъ быть предоставлены властямъ штата Вирджинія, а должны принадлежать федеральному правительству и мѣстному управленію дистрикта Колумбіи. Такимъ образомъ вопросъ о возвращеніи этой территоріи въ составъ дистрикта является лишь вопросомъ времени.

Библіотека конгресса.

Не менѣе любопытна точно также исторія порядка управленія дистриктомъ Колумбіей. Съ 1802 г. по 1871 г. дистриктъ этотъ разсматривался, какъ городъ, и пользовался обычнымъ городскимъ самоуправленіемъ, между тѣмъ какъ въ отношеніи законодательномъ онъ состоялъ въ прямомъ и непосредственномъ вѣдѣніи конгресса Соединенныхъ Штатовъ. Закономъ 21-го февраля 1871 г. онъ превращенъ былъ въ особую территорію, пользовавшуюся всѣми тѣми правами, какими пользуются всѣ вообще территоріи Соединенныхъ Штатовъ, не возведенныя еще на степень самостоятельныхъ штатовъ, а именно имѣлъ своего делегата въ нижней палатѣ конгресса, свою особую территоріальную палату делегатовъ, своего губернатора, территоріальнаго секретаря, палату публичныхъ работъ и, наконецъ, особый территоріальный совѣтъ, изъ которыхъ делегатъ въ палатѣ представителей и территоріальная палата делегатовъ избирались гражданами дистрикта, а всѣ прочія (административныя) должности замѣщались властью президента республики. Эта форма правленія федеральнаго дистрикта была закономъ 20-го іюня 1874 года уничтожена и замѣнена новой, по нѣкоторомъ ея преобразованіи, съ 1-го іюня 1878 г. ставшей постояннымъ порядкомъ управленія означеннымъ дистриктомъ. Законодательная власть по дистрикту принадлежитъ конгрессу, а исполнительная, собственно говоря, функціи городского управленія въ широкомъ смыслѣ слова, тремъ особымъ управляющимъ дистриктомъ, назначаемымъ президентомъ республики и утверждаемымъ сенатомъ Соединенныхъ Штатовъ. Согласно закону 11-го іюня 1878 года, сдѣлавшему эту форму правленія дистрикта постоянной (съ 1-го ближайшаго іюля), двое изъ означенныхъ управляющихъ назначаются изъ гражданъ дистрикта, а третій изъ числа высшихъ офицеровъ корпуса инженеровъ арміи Соединенныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ граждане дистрикта Колумбіи не пользуются правомъ участія въ выборахъ ни національныхъ, ни мѣстныхъ, ни даже городскихъ, ибо ни одного изъ этихъ видовъ выборовъ нынѣ въ этомъ дистриктѣ не существуетъ. Одинъ изъ числа этихъ управляюшихъ дистриктомъ назначается предсѣдателемъ совѣта управленія дистрикта и является въ дѣйствительности мэромъ города Вашингтона, пользующимся гораздо большей властью и гораздо болѣе обширной компетенціей, чѣмъ тѣ, какими обладаютъ вообще выборные мэры американскихъ городовъ. Представляется достопримѣчательнымъ, что въ то время, какъ всѣ положительно крупные города Соединенныхъ Штатовъ, пользующіеся неизмѣнно широкимъ самоуправленіемъ, подвергаются со стороны своихъ избранныхъ градоправителей систематическому и необузданному ограбленію, городъ Вашингтонъ, эта не «самоуправляющаяся», а «автократическая» столица Соединенныхъ Штатовъ, благоустройство, благочиніе и благосостояніе которой находится всецѣло и исключительно въ рукахъ трехъ упра-

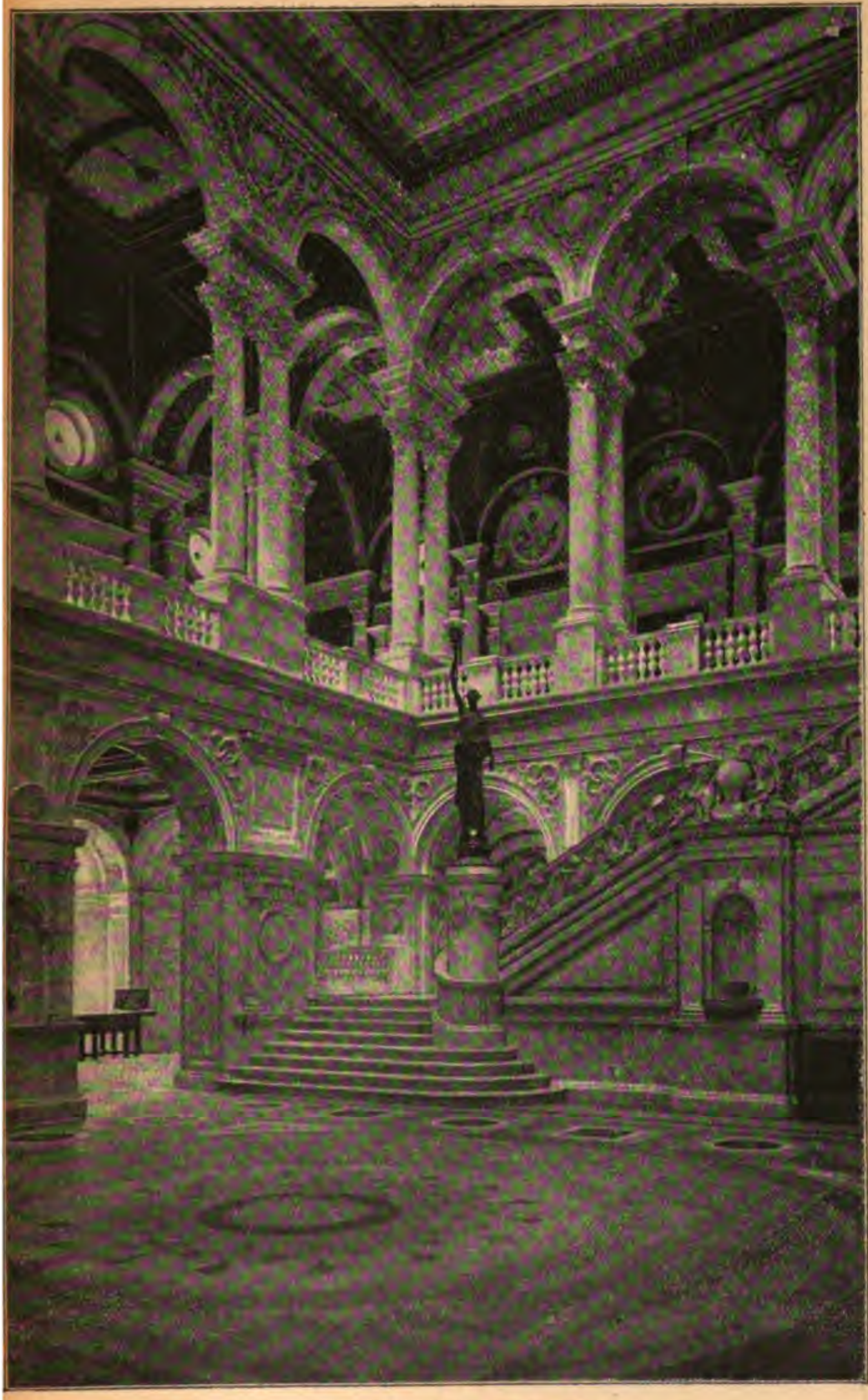
вляющихъ дистриктомъ Колумбіей, является по единодушному признанію американцевъ самымъ благоустроеннымъ и наилучше управляемымъ городомъ во всей этой федеральной республикѣ. Фактъ— высокоинтересный съ общечеловѣческой точки зрѣнія, надъ которымъ стоило бы призадуматься.

Если Вашингтонъ постепенно возросталъ, то единственно и исключительно въ одномъ лишь смыслѣ, а именно: по мѣрѣ того, какъ возростала республика Соединенныхъ Штатовъ, разросталась армія федеральныхъ сановниковъ и чиновниковъ, а для этихъ послѣднихъ оказывалось необходимымъ все болѣе и болѣе отелей, домовъ, портныхъ, сапожниковъ, мясниковъ, лавокъ и магазиновъ, театровъ и т. д. Само собою разумѣется, что такъ какъ весь ростъ города основывался единственно и исключительно на увеличеніи этого особаго класса лицъ, и, кромѣ удовлетворенія ихъ болѣе или менѣе элементарныхъ потребностей, никакихъ иныхъ дѣлъ или предпріятій здѣсь не было, то и ростъ населенія столицы Соединенныхъ Штатовъ представлялся сравнительно съ прочими американскими городами довольно медленнымъ. Рядомъ съ этой специфической чертой возростанія Вашингтона обнаруживается еще и другая, тѣсно связанная съ первой. По мѣрѣ возростанія республики Соединенныхъ Штатовъ федеральное правительство отпускало все большія и большія суммы на сооруженіе публичныхъ зданій, становившихся такимъ образомъ все болѣе и болѣе многочисленными. Въ этомъ отношеніи постепенное возростаніе города Вашингтона имѣетъ несомнѣнно много общаго съ постепеннымъ ростомъ С.-Петербурга. За невозможностью въ этомъ коротенькомъ очеркѣ прослѣдить этотъ постепенный ростъ столицы Соединенныхъ Штатовъ ограничусь указаніемъ лишь нѣкоторыхъ наиболѣе достопримѣчательныхъ его моментовъ.

Почти два съ половиной столѣтія тому назадъ (около 1660 г.) нѣкій англійскій дворянинъ по фамиліи Pope пріобрѣлъ въ собственность имѣніе, въ составъ котораго входилъ и тотъ чудный холмъ, на которомъ высится нынѣ величественное зданіе конгресса Соединенныхъ Штатовъ, носящее наименованіе Капитолія. Такъ какъ слово «Pope», какъ имя нарицательное, означаетъ по-англійски римскаго папу, то англійскому колоніальному помѣщику, носящему имя собственное, тождественное съ наименованіемъ главы католической церкви, пришла фантазія имѣніе свое прозвать «Римомъ» и подписываться въ письмахъ и даже официальныхъ бумагахъ «Pope of Rome», что буквально означаетъ: «Папа Римскій». Не ограничиваясь этимъ наименованіемъ своей особы, означенный помѣщикъ, у котораго, очевидно, подобно нашимъ остзейскимъ баронамъ, была своя особенная фантазія, небольшой ручей, протекавшій у подножія холма, наименовалъ «Тибромъ», а самый холмъ «Капитолійскомъ холмомъ». Когда, сто пятьдесятъ лѣтъ спустя, этотъ

самый холмъ, протекавшій вблизи котораго ручей успѣлъ уже значительно изсякнуть, избранъ былъ подъ зданіе законодательныхъ палатъ Соединенныхъ Штатовъ, то по странному стеченію обстоятельствъ зданіе это точно также вскорѣ наименовано было Капитоліемъ. Когда сто лѣтъ тому назадъ, вслѣдъ за перенесеніемъ столицы Соединенныхъ Штатовъ изъ Филадельфіи въ Вашингтонъ (октябрь 1800 г.), президентъ Adams впервые посѣтилъ этотъ холмъ, всюду вокругъ высился первобытный лѣсъ; тамъ и сямъ виднѣлись обнаженныя поля; на самомъ холмѣ возвышалось лишь двухъэтажное зданіе сената; вблизи его стояла корчма (таверна); на восточномъ, судоходномъ устьѣ Потомока, вблизи арсенала расположена была деревня Carrollsburg; поближе среди лѣса стоялъ извѣстный въ то время барскій домъ г-на Lag; на косѣ Greenleaf, къ западу отъ ручья Тибра врѣзывавшейся въ рѣку Потомакъ, разбросаны были домишки; чрезъ густую дубовую рощу прорѣзаны были будущіе улицы и проспекты; вблизи президентской резиденціи ютилось всего лишь нѣсколько зданій; позади этихъ послѣднихъ обширныя болота тянулись вплоть до самаго берега рѣки; на всемъ этомъ пространствѣ новосозданной столицы было около 600 домовъ; кромѣ этихъ послѣднихъ, она состояла еще сплошь изъ болотъ, лѣсовъ да полей, попреимуществу не обрабатываемыхъ. Когда въ октябрѣ 1800 г. федеральное правительство Соединенныхъ Штатовъ перебралось изъ Филадельфіи въ Вашингтонъ со всѣми своими дѣлами и пожитками, онъ представлялъ собой, какъ видно изъ предшествующаго описанія, лишь грязную деревню, разбросанную среди непроходимыхъ болотъ и дремучаго лѣса. Въ слѣдующемъ ноябрѣ состоялась короткая чрезвычайная сессія конгресса, вслѣдъ за которой въ декабрѣ открылась обычная его сессія. Вся дѣятельность обѣихъ палатъ, включая ихъ канцеляріи, сосредоточивалась въ небольшомъ двухъэтажномъ зданіи сената. Не только сенаторы и представители, но даже и канцелярскіе чиновники обѣихъ палатъ, равно какъ и чиновники разныхъ административныхъ департаментовъ, открыто роптали на невзгоды и лишенія, какія приходилось имъ переносить въ этой глухой и грязной деревнѣ послѣ всей роскоши и комфорта жизни въ Филадельфіи, и очевидная необходимость перенесенія федеральнаго правительства изъ этой дикой глуши обратно въ Филадельфію или иной большой городъ заявлялась и обсуждалась открыто.

Война, 18 іюня 1812 года объявленная Соединенными Штатами Великобританіи, закончилась, какъ извѣстно, миромъ, заключеннымъ въ Гэнтѣ 24 октября 1814 г. Хотя въ войнѣ этой перевѣсъ явственно склонялся въ пользу Соединенныхъ Штатовъ, тѣмъ не менѣе однако британскія войска, 24 августа 1814 г. нанеся американцамъ пораженіе при г. Бладенсбургѣ, вслѣдъ за этимъ взяли Вашингтонъ и пытались подвергнуть юную столицу Соединенныхъ

Одна изъ залъ библіотеки конгресса.

Штатовъ окончательному разрушенію. Британскіе солдаты держали смѣхотворное законодательное засѣданіе въ обѣихъ палатахъ конгресса, тогда еще помѣщавшихся въ отдѣльныхъ двухъэтажныхъ зданіяхъ, соединенныхъ лишь деревяннымъ крытымъ ходомъ, и затѣмъ подожгли ихъ, равно какъ подожгли также президентскую резиденцію, зданіе министерства финансовъ, зданіе военнаго министерства и около двадцати частныхъ домовъ. Внезапно поднявшійся вечеромъ ураганъ грозилъ было городу полнымъ уничтоженіемъ, но онъ разразился, однако, проливнымъ дождемъ, который залилъ страшный пожаръ и такимъ образомъ спасъ столицу Соединенныхъ Штатовъ отъ окончательнаго разрушенія. На слѣдующее утро британскія войска, внезапно охваченныя, повидимому, безпричинной паникой, поспѣшно удалились на свои военные корабли, стоявшіе вблизи вашингтонской верфи морского министерства Соединенныхъ Штатовъ, въ устьѣ Потомака, поджегши по дорогѣ находившіяся въ этой послѣдней американскія военныя суда Argus и Essex. Президентъ Yonder Madison, его министры, представители столичнаго городского самоуправленія и наконецъ обыватели узрѣли тогда дымящіяся черныя развалины президентской резиденціи, министерствъ военнаго и финансовъ, обѣихъ законодательныхъ палатъ на Капитолійскомъ холмѣ и лучшихъ частныхъ резиденцій, а также дымящіеся остовы своихъ военныхъ судовъ Argus и Essex. Вопли и крики о перенесеніи столицы въ иное мѣсто снова поднялись по всей странѣ. Но конгрессъ ассигновалъ полъ-милліона долларовъ на возобновленіе публичныхъ зданій, и городъ быстро отстроился и, такъ сказать, ожилъ и поднялся изъ праха. Однако ростъ его былъ медленный. Между тѣмъ какъ города американскаго юга прогрессировали, города американскаго Востока быстро возростали, и среди необъятной преріи американскаго запада подымались и разростались все новые и новые города, столица Соединенныхъ Штатовъ пребывала въ состояніи явственнаго усыпленія. Въ 1860 г. она обладала населеніемъ въ 61.000 душъ. Вспыхнувшая вслѣдъ затѣмъ междоусобная война (1861—1865) грозила разрушеніемъ государственнаго единства федеративной республики Соединенныхъ Штатовъ, а слѣдовательно и самому существованію федеральной столицы. Представляется достопримѣчательнымъ въ историческомъ отношеніи и даже до нѣкоторой степени символическимъ то обстоятельство, что эта гражданская война застала верхушку Капитолія, этой эмблемы національнаго единства, еще незаконченной. Городъ мирный, городъ законодателей, ученыхъ, департаментскихъ сановниковъ и чиновниковъ, отелей и меблированныхъ комнатъ, лежавшій какъ разъ на границѣ между «свободными» и «рабовладѣльческими» штатами, вступившими между собой въ колоссальное братоубійственное единоборство, городъ, носившій до этого времени характеръ какой-то

превосходно устроенной загородной дачи для цвѣта американской интеллигенціи, превратился вдругъ въ импровизированный военный лагерь, на которомъ сосредоточилось волненіе всей націи и вниманіе всего человѣчества. Мѣрный и звучный топотъ шагающихъ ротъ, бряцанье сабель и оглушительный звонъ безчисленныхъ лошадиныхъ подковъ, гулъ артиллерійскихъ снарядовъ, смѣшиваясь съ криками военной команды и звуками военной музыки, наполнили собой мирную и безмятежную деревню, какой была тогда, а отчасти представляется еще и до сихъ поръ столица Соединенныхъ Штатовъ; школы и церкви превратились въ военные госпитали; лагери и бараки наполнили собой столичные парки, и въ каждомъ городскомъ скверѣ стояли военные обозы; форты и траншеи точно выросли изъ земли на поляхъ, прилегающихъ къ столицѣ, и по холмамъ, ее окружающимъ по обѣ стороны рѣки Потомака. Ея крѣпость подверглась отчаянной аттакѣ конфедератскихъ войскъ, и судьба американской государственной «уніи» (федеративнаго единства) висѣла на волоскѣ. Но союзъ сѣверныхъ штатовъ, поддерживавшихъ и вооруженной силой отстаивавшихъ федеративно-государственное единство противъ сепаратистической конфедераціи возставшихъ южныхъ штатовъ, вышелъ побѣдителемъ изъ этой титанической борьбы. Столица Соединенныхъ Штатовъ, по волѣ историческихъ судебъ оставшихся «соединенными», представляла собой въ это время (1865 г.) картину запущенности и полнаго загрязненія.

Но съ возстановленіемъ государственнаго единства, нарушеннаго и расшатаннаго этой четырехлѣтней междоусобной войной, Вашингтонъ начинаетъ быстро возростать и улучшаться, точно отражая въ себѣ біеніе пульса націи, быстро шагающей по пути экономическаго прогресса и соціальнаго преуспѣянія. Если въ 1800 году президентъ John Adams въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей жаловался: «Мы окружены лѣсомъ, но у насъ нечѣмъ топить»; если въ томъ же году одинъ изъ членовъ конгресса, описывая только что распланированный тогда Пенсильванскій проспектъ, объявляетъ, что «онъ на всемъ почти протяженіи своемъ представляетъ собой глубокую трясину, покрытую старымъ кустарникомъ, чрезъ который сдѣлана просѣка къ президентской резиденціи»; если около того же времени другой пишущій изъ столицы именуетъ ее «пустыннымъ городомъ, воздвигнутымъ въ грязной дырѣ»; если въ одной книгѣ, изданной въ 1807 году, поясняется, что новосозданная столица не представляетъ собой ни малѣйшаго подобія города, и что ея обыватель долженъ пройти цѣлую милю густымъ лѣсомъ, чтобы повидаться со своимъ ближайшимъ сосѣдомъ; если вскорѣ послѣ того португальскій посланникъ при правительствѣ Соединенныхъ Штатовъ впервые назвалъ Вашингтонъ «городомъ превосходныхъ разстояній», каковое прозвище сохранилось

до сего времени; если въ теченіе первыхъ четырехъ десятилѣтій существованія новосозданной столицы Соединенныхъ Штатовъ даже такіе государственные и политическіе дѣятели первой величины, какъ Clay, J. Q. Adams, Marshall, Calhoun, Webster, Story и т. д., жили въ отеляхъ, и Noah Webster, въ то же время извѣстный ученый, не обладалъ собственной квартирой до самаго 1841 года, когда онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ,—то зато нынѣ тотъ же Вашингтонъ представляетъ собой несомнѣнно одинъ изъ живописнѣйшихъ, роскошнѣйшихъ, чистѣйшихъ и богатѣйшихъ по своей архитектурѣ и монументамъ городовъ на земномъ шарѣ.

Теперешній Вашингтонъ въ отличіе отъ прочихъ крупныхъ городовъ какъ Новаго, такъ и Стараго Свѣта до сихъ поръ еще избавленъ отъ какихъ бы то ни было фабрикъ и заводовъ. Клубы тяжелаго и ѣдкаго чернаго дыма не застилаютъ отъ взора вашингтонскаго обывателя этого чистаго, вѣчно голубаго неба, не наполняютъ этого чистаго, свѣжаго, бодрящаго воздуха смрадомъ копоти и удушливымъ запахомъ гари; гулъ, грохотъ и безпокойная суета промышленной и торговой дѣятельности пріятно отсутствуютъ въ столицѣ Соединенныхъ Штатовъ. Его публичныя зданія изъ бѣлаго камня и дома изъ краснаго кирпича, утопая въ массѣ богатѣйшей и роскошнѣйшей зелени, нерѣдко сохраняющей свой натуральный цвѣтъ вплоть до Рождества, производятъ впечатлѣніе колоссальнаго калейдоскопа, составленнаго изъ трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, краснаго и зеленаго. Если архитектура американскихъ публичныхъ зданій, несмотря на громадную стоимость этихъ послѣднихъ, нерѣдко представляется совершенно неудовлетворительной, зато архитектура американскихъ частныхъ резиденцій обыкновенно отличается большимъ вкусомъ, не оставляющимъ желать ничего лучшаго. Вашингтонъ въ особенности счастливъ въ этомъ отношеніи, и врядъ ли на всемъ земномъ шарѣ найдется много такихъ улицъ, сплошь состоящихъ изъ чудныхъ обывательскихъ домовъ, какъ извѣстное Massachusetts Avenue въ столицѣ Соединенныхъ Штатовъ. Въ ней въ отличіе отъ прочихъ городовъ «страны свободы» съ фронтовой стороны всякаго дома имѣется обширный незагороженный палисадникъ, или, точнѣе говоря, большая лужайка, покрытая высокой яркозеленой травой, зеленѣющей обыкновенно даже тогда, когда всѣ деревья и кустарники, кромѣ особыхъ породъ, давно уже потеряли свои листья, и даже среди зимы изъ-подъ растаивающаго снѣга. Роскошныя деревья, живописные кустарники, чудные цвѣтники и прелестные балконы въ сочетаніи съ вышеописанными зданіями, домами и неогороженными отъ тротуаровъ лужайками, представляютъ собой въ общемъ сочетаніи вполнѣ восхитительную картину. Трудно представить себѣ нѣчто болѣе чарующее, нежели окрестности и подгородныя и

Библіотека конгресса.

(Часть хоровъ общаго читальнаго зала съ бронзовыми статуями Платона и Гомера).

пригородныя мѣстности столицы Соединенныхъ Штатовъ, полныя при томъ историческихъ памятниковъ и воспоминаній высокаго общечеловѣческаго значенія.

Соціальный складъ населенія Вашингтона, изъ глухой лѣсной деревни выросшаго въ обширный и великолѣпный городъ съ населеніемъ около 280.000 душъ, мѣстопребываніе могущественнаго правительства, располагающаго громадными рессурсами, представляется совершенно исключительнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ. Хотя президентъ республики, глава и средоточіе исполнительной въ ней власти, являющійся главой всей не только политической, но и соціальной ея системы, и выходитъ изъ рядовъ такъ называемыхъ «политикановъ» (politicians), т. е. политическихъ дѣльцовъ, тѣмъ не менѣе однако «политиканы» эти не составляютъ высшаго слоя вашингтонскаго «общества» и въ этомъ отношеніи уступаютъ мѣсто дипломатамъ и судьямъ высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ. Хотя, конечно, среди этихъ такъ называемыхъ «политикановъ», наполняющихъ собой сенатъ и палату представителей, имѣются отдѣльныя личности, которыя по своему вліянію и значенію получаютъ доступъ въ составъ «наивысшаго» слоя вашингтонскаго общества, тѣмъ не менѣе, однако, какъ опредѣленная общественная группа, члены обѣихъ законодательныхъ палатъ Соединенныхъ Штатовъ въ составъ этого наивысшаго слоя вашингтонскаго общества не входятъ, между тѣмъ какъ представители иностранныхъ державъ и судьи наивысшаго судебнаго трибунала республики принадлежатъ къ означенному слою in corpore и, такъ сказать, ipso jure. За этимъ высшимъ общественнымъ слоемъ столицы непосредственно слѣдуетъ, повидимому, большая группа всякихъ ученыхъ, сюда привлеченныхъ многочисленными научными учрежденіями столицы. За ними уже идетъ несмѣтная армія «политикановъ», разбивающаяся на три особыхъ группы: 1) члены обѣихъ законодательныхъ палатъ за исключеніемъ особо выдающихся, 2) департаментскіе сановники и чиновники и наконецъ 3) искатели мѣстъ, имъ же нѣсть числа. Если принять во вниманіе, что вторая изъ вышеозначенныхъ группъ исчисляется десятками тысячъ, то неудивительно, что третьей изъ таковыхъ имя легіонъ. За этимъ легіономъ слѣдуетъ также легіонъ иного сорта: это—торговцы различными предметами необходимости, удобства, комфорта и роскоши. За содержателями складовъ, лавокъ и магазиновъ всевозможнѣйшихъ родовъ, въ самомъ низу соціальнаго зданія столицы Соединенныхъ Штатовъ находится многочисленный классъ негровъ, составляющихъ цѣлую треть ея населенія. Эти бывшіе рабы и ихъ дѣти являются естественно самымъ бѣднымъ слоемъ этого послѣдняго, которому пришлось бы испытывать серіозныя бѣдствія, если бы вашингтонская зима не была сравнительно такъ кратковременна (около двухъ съ половиной

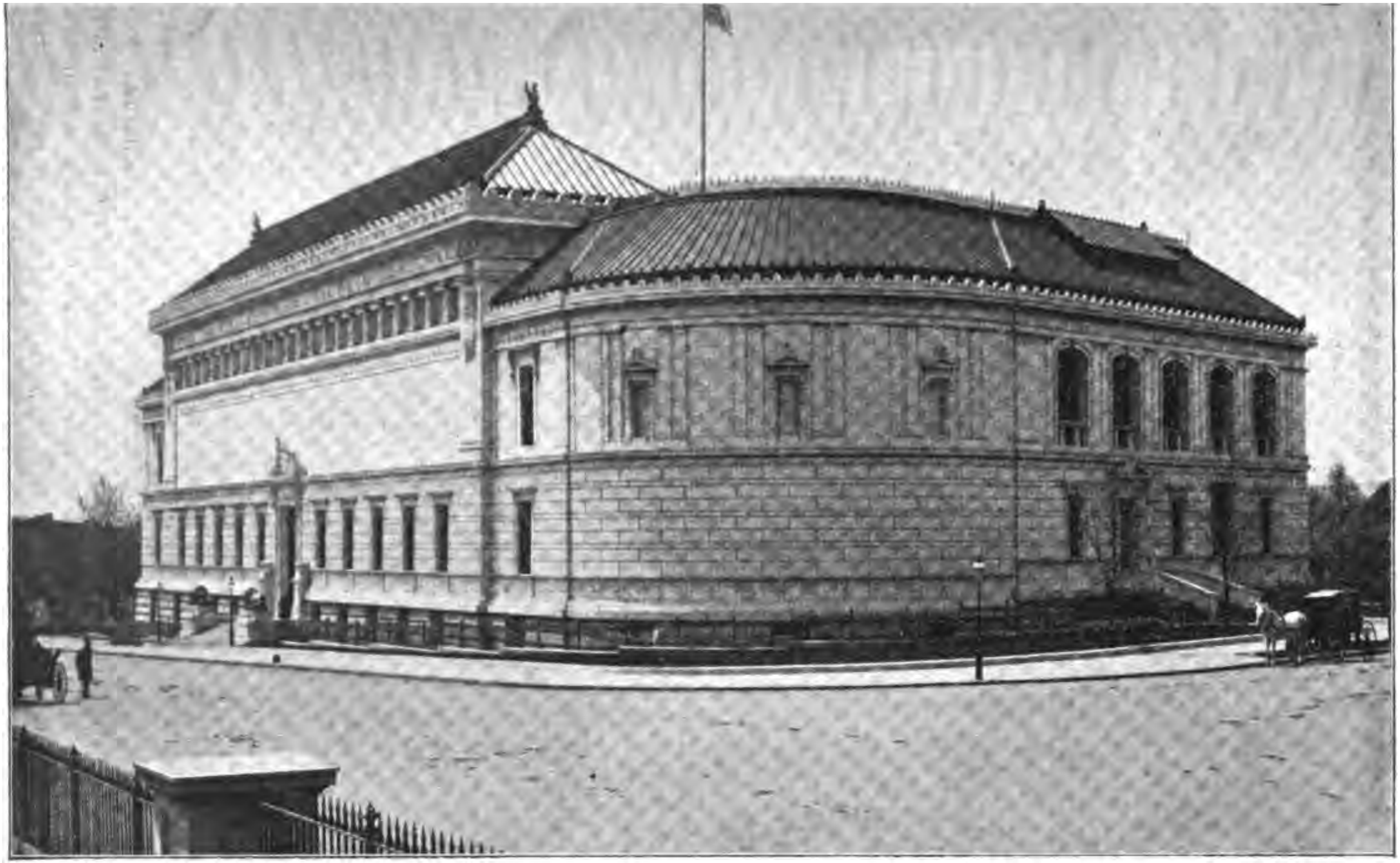
мѣсяцевъ) и не прерывалась бы весьма значительными промежутками совершенно теплой, осенней погоды. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобнаго слоеваго строенія населенія — отъ представителей коронованныхъ главъ государствъ всего земного шара до оборваннаго и голоднаго негритенка, родители котораго были освобождены отъ рабства безъ малѣйшаго клочка земли,—не представляетъ собой никакой иной городъ на свѣтѣ.

Не менѣе своеобразнымъ представляется точно также и складъ общественной жизни г. Вашингтона. Ея одухотворяющимъ началомъ являются сессіи законодательныхъ палатъ, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ конгресса Соединенныхъ Штатовъ. Сессія Конгресса открывается ежегодно въ первый понедѣльникъ декабря и продолжается или по 4-е марта (короткая сессія), или до окончанія текущихъ законодательныхъ работъ, обыкновенно не далѣе начала іюня (длинная сессія), при чемъ короткая и длинная сессіи регулярно слѣдуютъ одна за другой, т. е. чередуются другъ съ другомъ въ неизмѣнномъ порядкѣ. Съ открытіемъ законодательной сессіи открывается и такъ называемый сезонъ общественной жизни, съ ея же закрытіемъ и прекращающійся. Сезонъ въ собственномъ смыслѣ слова продолжается со дня новаго года по первую недѣлю поста и состоитъ изъ офиціальныхъ, полуофиціальныхъ и частныхъ пріемовъ, завтраковъ, обѣдовъ и баловъ, перемежающихся съ такъ называемыми «послѣполуденными собраніями на чашку чая», которыя все болѣе и болѣе входятъ въ моду. Среди пріемовъ вашингтонскаго сезона по части общественнаго положенія собравшихся первое мѣсто занимаютъ, конечно, пріемы президентскіе, а затѣмъ чиновъ дипломатическаго корпуса и членовъ кабинета. По части не только обѣдовъ, завтраковъ и «послѣполуденныхъ собраній на чашку чая», но также пріемовъ и баловъ сравнительно не столь высокопоставленные персонажи вашингтонскаго «общества», какъ, напримѣръ, судьи высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ, главы разныхъ департаментовъ, высшіе офицеры арміи и флота и богатые или особо вліятельные сенаторы и представители, ни въ чемъ не уступаютъ президенту, чинамъ дипломатическаго корпуса и членамъ кабинета, а разные американскіе богачи, проводящіе сезонъ въ столицѣ, далеко превосходятъ ихъ въ отношеніи блеска и великолѣпія ихъ пріемовъ, баловъ и обѣдовъ. Въ общемъ, однако, всѣ эти, такъ сказать, соціальныя функціи отличаются поразительной шаблонностью, крайней монотонностью, невыносимой натянутостью и угнетающей скукой, искусственно маскируемымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее да остротами временъ Вильгельма Завоевателя. Съ закрытіемъ сессій конгресса и прекращеніемъ «сезона» Вашингтонъ быстро пустѣетъ и погружается въ болѣе или менѣе продолжительную весенне-лѣтне-осеннюю или въ наилучшемъ случаѣ (длинная сессія) лѣтне-осеннюю спячку, въ

теченіе которой представляетъ собой розностоящую, хотя большую и шикарную деревню.

Несмотря на свою относительную юность, Вашингтонъ обладаетъ значительнымъ числомъ превосходныхъ публичныхъ зданій, между которыми представляются наиболѣе достопримѣчательными резиденція президента республики, или Бѣлый Домъ, зданіе законодательныхъ палатъ, или Капитолій, и недавно законченное великолѣпное зданіе библіотеки конгресса.

Хотя Бѣлый Домъ и считается обыкновенно образчикомъ архитектуры староамериканскаго или колоніальнаго типа, уцѣлѣвшимъ среди разгара полнѣйшаго безвкусія и варварской вычурности, характеризовавшаго американскую архитектуру эпохъ позднѣйшихъ, тѣмъ не менѣе, однако, его строитель, архитекторъ James Holan, попросту копировалъ дворецъ герцога Лейнстерскаго въ Дублинѣ (одна изъ знатнѣйшихъ ирландскихъ фамилій), который въ свою очередь былъ лишь подражаніемъ итальянскому стилю. Въ 1814 году британскія войска, какъ мной упомянуто уже выше, наравнѣ съ прочими публичными зданіями подожгли точно также и Бѣлый Домъ, но внезапно разразившійся проливной дождь залилъ пожаръ и спасъ президентскую резиденцію отъ разрушенія. Три года спустя, эта послѣдняя была возстановлена въ прежнемъ видѣ и, дабы изгладить слѣды пожара на ея каменныхъ стѣнахъ, окрашена въ бѣлый цвѣтъ. Съ тѣхъ поръ (1817 г.) этотъ цвѣтъ ея поддерживался неизмѣнно не только вслѣдствіе традиціи, но и потому точно также, что онъ гармонировалъ какъ нельзя болѣе съ моремъ зелени всевозможныхъ разновидностей, въ которомъ утопаетъ она почти круглый годъ, ибо нѣкоторыя породы американскихъ лиственныхъ деревъ (помимо хвойныхъ), кустарниковъ и ползучихъ травъ сохраняютъ свой зеленый цвѣтъ въ теченіе цѣлаго года. Такимъ именно образомъ резиденція президента Соединенныхъ Штатовъ и получила наименованіе «Бѣлаго Дома». Бѣлый Домъ представляетъ собой довольно скромное двухъэтажное зданіе, фронтомъ своимъ обращенное къ сѣверу съ точностью морского компаса. Входной двери умѣренныхъ размѣровъ предшествуетъ болѣе или менѣе величественный портикъ четырехугольной формы въ десять массивныхъ каменныхъ колоннъ, которому съ задняго, южнаго фасада зданія соотвѣтствуетъ полукруглая колоннада. Въ то время, какъ фронтовый фасадъ Бѣлаго Дома выходитъ на довольно обширный дворъ полукруглой формы, снабженный асфальтовой мостовой, обнесенный высокимъ заборомъ изъ каменныхъ столбовъ и чугунной рѣшетки, наполненный роскошными деревьями, чудными цвѣтниками и великолѣпными фонтанами, задній его фасадъ выходитъ въ несравненный и восхитительный паркъ громадныхъ размѣровъ, тянущійся вплоть до берега рѣки Потомака. Часть этого парка, непосредственно прилегающая къ полукруглой

Коркорановскій музей искусствъ.

колоннадѣ задняго фасада президентской резиденціи, охраняется и поддерживается съ особой тщательностью. Въ этомъ ближайшемъ паркѣ, извѣстномъ вообще подъ мѣстнымъ наименованіемъ «Бѣлаго Двора», въ жаркое время года въ опредѣленные дни даетъ свои концерты знаменитый оркестръ флотскаго экипажа, и слушать таковые собирается несмѣтное число публики. Раннимъ лѣтомъ, пока не наступили еще страшныя жары, изгоняющія изъ столицы всѣ вообще высшіе и болѣе зажиточные слои ея населенія, а въ особенности такъ называемое «высшее общество», безконечный рядъ ландо и экипажей наполняетъ «Бѣлый Дворъ» втеченіе вышеозначенныхъ концертовъ. Наполненные фешенебельной публикой, они формально парадируютъ вдоль широкихъ аллей чуднаго парка съ южной стороны президентской резиденціи, живо напоминая всемірно извѣстныя катанья въ Rotten Row въ Лондонѣ или же въ Bois de Boulogne въ Парижѣ. Представляется любопытнымъ точно также, что среди этого же ближняго парка въ день Пасхи собираются несмѣтныя полчища дѣтей какъ столичныхъ обывателей, такъ и провинціальныхъ посѣтителей, безъ которыхъ Вашингтонъ никогда не обходится ни въ какое время года. Здѣсь на покатой террасѣ, покрытой высокою, мягкою, сочною бархатною травой, съ ранняго утра и до самой ночи дня Воскресенія Христова эта рѣзвая, крикливая и необузданная армія катаетъ великолѣпно раскрашенныя пасхальныя яйца. Два или три раза втеченіе этого дня президентъ съ супругой выходятъ на южный балконъ своей резиденціи, чтобы поглазѣть на дѣянія этой бушующей арміи, что доставляетъ дѣтишкамъ несказанное удовольствіе.

Несмотря на свою скромную внѣшность, Бѣлый Домъ представляетъ собой внутри цѣлый рядъ блестящихъ и великолѣпныхъ аппартаментовъ, наполненныхъ чудною мебелью и рѣдкими произведеніями искусства, не говоря уже о рядѣ портретовъ бывшихъ президентовъ и президентшъ Соединенныхъ Штатовъ, имѣющихъ значеніе цѣннаго національнаго достоянія. Между этими послѣдними въ особенности достопримѣчателенъ превосходный портретъ генерала Джорджа Вашингтона въ гражданскомъ костюмѣ, во весь ростъ, помѣщающійся въ государственномъ пріемномъ залѣ, именуемомъ точно также «восточнымъ покоемъ». Судьба этого портрета представляется небезынтересной въ историческомъ отношеніи. Когда въ 1814 г. британскія войска взяли Вашингтонъ, и огромное большинство его населенія разбѣжалось, то, по сохранившимся преданіямъ, президентша г-жа Madison, поспѣшно покидая президентскую резиденцію, вырѣзала портретъ этотъ изъ рамы ножницами и увезла съ собой, такимъ образомъ сохранивъ его для потомства. «Восточный покой», равно какъ и такъ называемыя «зеленый», «голубой» и «красный» покои и государствен-

ный обѣденный залъ находятся въ первомъ этажѣ Бѣлаго Дома, между тѣмъ какъ залъ засѣданій совѣта министровъ, президентскій кабинетъ, кабинеты его секретарей и наконецъ жилыя комнаты президентской семьи помѣщаются во второмъ этажѣ. Президентская резиденція подлежитъ тщательной охранѣ. Значительный отрядъ охранной стражи, состоящій изъ чиновъ общей полиціи, сыщиковъ и особо назначенныхъ лицъ, находится на дежурствѣ въ Бѣломъ Домѣ во всякое время дня и ночи. Независимо отъ сего автоматическіе снаряды, бьющіе тревогу, устроены въ разныхъ частяхъ зданія, а спеціальныя телеграфныя и телефонныя линіи соединяютъ его съ разными военными постами, такъ что въ случаѣ надобности внушительная сила изъ полицейскихъ и воинскихъ чиновъ можетъ быть собрана въ Бѣломъ Домѣ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

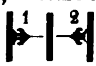
При всемъ своемъ историческомъ значеніи и великолѣпіи нѣкоторыхъ изъ его аппартаментовъ, Бѣлый Домъ представляетъ собой, однако, зданіе, совершенно не соотвѣтствующее своей роли резиденціи президента Соединенныхъ Штатовъ. Онъ тѣсенъ, неудобенъ и совершенно не приспособленъ для государственныхъ и общественныхъ функцій, неизбѣжно сопряженныхъ съ высокимъ званіемъ президента республики. Въ немъ такъ мало мѣста и необходимыхъ удобствъ, что лица, являющіяся гостями націи, помѣщаются обыкновенно на государственный счетъ въ одномъ изъ вашингтонскихъ перворазрядныхъ отелей. Необходимость сооруженія новой президентской резиденціи была давно уже сознана, при чемъ согласно съ общимъ складомъ американской жизни рѣшено было, что нынѣшній Бѣлый Домъ долженъ быть сохраненъ въ неизмѣнномъ видѣ въ качествѣ дѣлового помѣщенія главы государства, между тѣмъ какъ для его жительства и государственныхъ функцій церемоніальнаго, а не дѣлового характера, должно быть сооружено новое зданіе, по размѣрамъ своимъ и великолѣпію соотвѣтствующее нынѣшнимъ богатству и значенію Соединенныхъ Штатовъ. Пятьдесятъ шестой конгрессъ, только что закрывшійся, отпустилъ на сооруженіе новой президентской резиденціи 12 милліоновъ долларовъ, и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ къ числу публичныхъ зданій Вашингтона прибавится еще одно, которое затмитъ собой всѣ прочія, кромѣ, конечно, библіотеки конгресса.

Зданіе законодательныхъ палатъ, или Капитолій, расположенное, какъ я упоминалъ уже выше, на чудномъ холмѣ, именуемомъ Капитолійскимъ, представляетъ собой массивное, до извѣстной степени колоссальное сооруженіе свѣтлосѣраго цвѣта. Занимая собой пространство почти въ четыре акра и обладая внутреннимъ помѣщеніемъ въ 153.112 квадратныхъ футовъ, зданіе это имѣетъ 751 футъ въ длину, 350 футовъ наибольшей ширины, 155 футовъ въ

вышину, между тѣмъ какъ стоимость его до сего времени составляетъ 15 милліоновъ долларовъ, или 30 милліоновъ рублей. Фронтъ Капитолія обращенъ къ востоку, такъ какъ основатели столицы Соединенныхъ Штатовъ разсчитывали, что будущій городъ будетъ разростаться въ этомъ направленіи, то-есть къ сѣверо и юго-востоку. Расчеты эти, однако, не оправдались, и Вашингтонъ выросъ и продолжаетъ разростаться по направленію къ сѣверо-западу, равно какъ и прочіе крупные города Соединенныхъ Штатовъ, между тѣмъ какъ восточная его часть, обыватели которой имѣютъ удовольствіе во всякое время созерцать величественный фронтъ Капитолія, представляется сравнительно менѣе значительной и менѣе населенной его частью. Это непредвидѣнное обстоятельство побудило подлежащихъ представителей какъ федеральнаго правительства, такъ и городского управленія, озаботиться должнымъ расширеніемъ, украшеніемъ и усовершенствованіемъ задняго фасада зданія, такъ что нынѣ Капитолій имѣетъ, собственно говоря, два фронта, своими архитектурными и декоративными достоинствами почти не уступающихъ другъ другу. Представьте себѣ нашу большую букву Ш въ удвоенномъ видѣ, то-есть I-I-I, и вы будете имѣть точную форму вашингтонскаго Капитолія. Центральная его часть, на нашемъ планѣ образующая пересѣкающую линію——, представляетъ собой старое зданіе законодательныхъ палатъ, построенное изъ стариннаго массивнаго кирпича, въ былыя времена вырабатывавшагося въ штатѣ Вирджиніи, а три его крыла, на нашемъ чертежѣ представляющія собой три послѣдовательныхъ параллельныхъ III, отстроены въ сравнительно позднѣйшее время изъ мрамора, добываемаго въ штатѣ Массачусэтъ. Такъ какъ этотъ послѣдній имѣетъ грязновато-бѣлый или, точнѣе говоря, свѣтло-сѣрый цвѣтъ, то въ видахъ достиженія гармоничнаго сочетанія отдѣльныхъ частей зданія, центральная его часть, сооруженная изъ стариннаго камня, выкрашена особой грязновато-бѣлой краской (нѣчто въ родѣ несмываемой и нелиняющей бѣловатой штукатурки). Тѣмъ не менѣе, однако, эта центральная часть Капитолія имѣетъ цвѣтъ гораздо болѣе бѣлый, нежели означенныя его крылья, сооруженныя изъ массачусэтскаго мрамора. Восточный или первоначальный фронтъ Капитолія представляетъ собой три отдѣльныхъ высокихъ портика, снабженныхъ высокими и широкими наружными лѣстницами изъ того же массачусэтскаго мрамора, до нѣкоторой степени напоминающими внутреннія лѣстницы сената или синода въ С.-Петербургѣ. Изъ портиковъ этихъ заслуживаетъ вниманія лишь центральный, по обѣимъ сторонамъ котораго высятся громадныя статуи изъ того же мрамора, значительно почернѣвшія отъ времени и утратившія свои скульптурныя достоинства: черезъ каждые четыре года 4-го марта на немъ приноситъ присягу новоизбранный президентъ распублики.

Монументъ Вашингтону.

Съ этого портика массивная бронзовая дверь, испещренная рельефными сценами изъ жизни и дѣятельности Христофора Колумба, ведетъ въ громадный, круглый, слабоосвѣщенный дневнымъ свѣтомъ залъ, представляющійся совершенно пустымъ, чѣмъ-то въ родѣ колоссальныхъ сѣней зданія законодательныхъ палатъ. Лишь нѣсколько статуй разнообразятъ эту пустоту, но зато его стѣны украшены крупными мраморными барельефами и колоссальными картинами, воспроизводящими достопримѣчательнѣйшія сцены изъ американской исторіи древнѣйшаго и революціоннаго періодовъ, между которыми въ особенности заслуживаютъ вниманія: «Высадка Колумба въ Санъ-Сальвадорѣ» и «Подписаніе деклараціи независимости». Рядъ коридоровъ направо отъ этого круглаго зала ведетъ въ зданіе сената, а рядъ такихъ же коридоровъ налѣво отъ него — въ зданіе палаты представителей. Коридоры эти на вышеприведенномъ элементарномъ планѣ моемъ соотвѣтствуютъ пересѣкающей линіи ——, въ составъ которой входятъ точно также, составляя ея оконечности, непосредственно пересѣкаемыя двумя крайними параллельными , бывшее помѣщеніе сената (2) съ правой стороны и бывшее помѣщеніе палаты представителей (1) — съ лѣвой. Въ то время какъ первое, то-есть бывшій залъ засѣданій сената, нынѣ представляетъ собой помѣщеніе высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ, это послѣднее, то-есть бывшая палата представителей, въ 1864 году обращено въ такъ называемый залъ статуй. Залъ статуй представляетъ собой высокій залъ полукруглой формы, снабженный оригинальными хорами и слабо освѣщаемый дневнымъ свѣтомъ, какъ и все вообще зданіе первоначальнаго, стараго Капитолія, на вышеприведенномъ чертежѣ соотвѣтствующее пересѣкающей линіи ——. Вдоль стѣнъ его разставлены статуи наиболѣе выдающихся государственныхъ дѣятелей отдѣльныхъ штатовъ, между тѣмъ какъ нѣсколько статуй таковыхъ же дѣятелей Соединенныхъ Штатовъ, то-есть всей федеративной республики въ ея цѣломъ, или, точнѣе говоря, федеральныхъ, помѣщаются въ вышепомянутомъ громадномъ кругломъ залѣ, составляющемъ первое помѣщеніе Капитолія при входѣ въ него съ центральнаго портика мной описываемаго восточнаго его фронта. Къ крайнему сожалѣнію, слабость освѣщенія зала статуй скрываетъ отъ глазъ зрителя множество его высокихъ архитектурныхъ и художественныхъ достоинствъ. Прежде всего самая форма этого зала, ему приданная при его перестройкѣ (въ качествѣ зала засѣданій палаты представителей) въ 1814 году, является по преданіямъ прямымъ воспроизведеніемъ древне-эллинскаго амфитеатра. Роскошная арка, которой онъ заканчивается съ южной стороны, покоится на величественныхъ колоннахъ изъ разноцвѣтнаго мѣстнаго мрамора, вѣнчаемыхъ прекрасными бѣлыми капителями въ аттическомъ

стилѣ, заимствованномъ изъ развалинъ древнихъ Аѳинъ, осѣненныхъ громаднымъ одноглавымъ лѣпнымъ орломъ Соединенныхъ Штатовъ, надъ которымъ высится превосходная модель статуи свободы. Насупротивъ, надъ входной дверью находятся достопримѣчательные мраморные часы работы итальянскаго скульптора Franzoni. Безподобная воздушная фигура граціозно стоитъ во весь ростъ на крылатой колесницѣ, катящейся вокругъ земного шара, опоясаннаго знаками зодіака, и колесо этой быстро несущейся колесницы составляетъ циферблатъ, на которомъ крупными раззолоченными римскими цифрами обозначены двѣнадцать часовъ. Фигура эта олицетворяетъ собой генія исторіи, который отмѣчаетъ историческія событія по мѣрѣ того, какъ колесница прогресса, несущаяся на колесахъ времени, настигаетъ ихъ. Залъ статуй отличается крайне любопытными акустическими особенностями. Такъ въ извѣстныхъ его пунктахъ вы можете явственно слышать то, чего не слышитъ вашъ сосѣдъ, стоящій рядомъ съ вами. Два лица, ставъ въ двухъ противоположныхъ его углахъ за колоннами арки и уткнувшись носами въ самый уголъ, могутъ говорить совершеннымъ шопотомъ и все-таки превосходно слышать другъ друга. Въ то же время малѣйшій шелестъ или шопотъ звучно отдаются въ разныхъ его пунктахъ, а обычные шаги воспроизводятъ эхо почти тожественное съ отдаленнымъ топотомъ лошадиныхъ ногъ. Вообще этотъ залъ статуй производитъ и оставляетъ по себѣ какое-то странное впечатлѣніе. Это эхо, какое приходится встрѣчать лишь въ самыхъ уединенныхъ и глухихъ уголкахъ природы, этотъ вѣчный полумракъ, этотъ рядъ огромныхъ мраморныхъ фигуръ, таинственно изъ него выступающихъ — все это въ общемъ сочетаніи представляется какимъ-то собраніемъ надгробныхъ памятниковъ въ какой либо династической или національной усыпальницѣ, а не проходнымъ, казовымъ покоемъ зданія законодательныхъ палатъ.

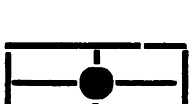
Помѣщенія законодательныхъ палатъ въ собственномъ смыслѣ слова, на вышеприведенномъ чертежѣ соотвѣтствующія двумъ крайнимъ параллельнымъ линіямъ | |, представляютъ собой сооруженія сравнительно позднѣйшаго происхожденія, снабженныя превосходными внутренними лѣстницами изъ бѣлаго мрамора, напоминающими извѣстную лѣстницу петербургскаго эрмитажа, безукоризненными элеваторами и недюжинными картинами историческаго содержанія, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ портретовъ бывшихъ сенаторовъ и представителей, развѣшанныхъ по стѣнамъ ихъ проходовъ, коридоровъ и обширныхъ комнатъ разныхъ сенатскихъ и палатскихъ комитетовъ.

Наискось отъ Капитолія на томъ же холмѣ Капитолійскомъ высится чудное зданіе библіотеки конгресса, начатое сооруженіемъ въ 1886 г. и законченное лишь въ 1897 году, то-есть всего три года

тому назадъ. Размѣрами своими оно почти не уступаетъ зданію Капитолія и если громадный, величественный куполъ этого послѣдняго, тремя колоннадами высящійся надъ центральной его частью и увѣнчанный колоссальной бронзовой статуей свободы, достигаетъ высоты 288 футовъ, то зато остальная часть этого зданія, равняющаяся тремъ четвертямъ его, не превышаетъ, какъ указано уже выше, 155 футовъ, между тѣмъ какъ зданіе библіотеки конгресса на всемъ своемъ протяженіи имѣетъ въ высоту 170 футовъ. Оно имѣетъ форму продолговатаго четыреугольника, въ самую средину котораго вставленъ цилиндръ [1]). Остовъ его сооруженъ изъ прекрасной стали; всѣ наружные его фасады состоятъ изъ превосходнаго ньюгэмпшайрскаго гранита; всѣ внутренніе его фасацы, выходящіе на четыре внутреннихъ двора, состоятъ изъ превосходныхъ свѣтлосѣрыхъ изразцовъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующихъ свѣтло-сѣрому цвѣту означеннаго гранита, который на взглядъ положительно ничѣмъ не отличается отъ свѣтло-сѣраго массачусэтскаго мрамора зданія Капитолія; наконецъ, внутреннія его стѣны сплошь состоятъ изъ безподобнаго бѣлаго и цвѣтного мрамора, перемежающагося съ величественными мраморными колоннами и утопающаго въ массѣ чудныхъ барельефовъ и лѣпныхъ украшеній всевозможнѣйшихъ видовъ. Это чудное зданіе сооружено въ стилѣ итальянскаго ренессанса, нѣсколько видоизмѣненномъ, и хотя оно сразу производитъ впечатлѣніе чрезмѣрной массивности, не соотвѣтствующей его сравнительно умѣренной высотѣ, тѣмъ не менѣе, однако, павильонообразныя четыреугольныя полубашенки на четырехъ углахъ его, его изысканные входы, его многочисленныя окна, богатыя украшенія наружныхъ его угловъ и такъ далѣе совершенно скрадываютъ вышеозначенный нѣкоторый и единственный его недостатокъ. Центральная, цилиндрическая его часть, какъ бы вставленная въ самую средину продолговатаго четыреугольника, какой она изъ себя представляетъ, значительно возвышается надъ этимъ четыреугольникомъ въ видѣ низкой восьмистѣнной башни, увѣнчанной восьмисторонним круглымъ раззолоченнымъ мѣднымъ куполомъ, надъ которымъ въ свою очередь возвышается застекленная металлическая башенка, увѣнчанная раззолоченнымъ малымъ куполомъ овальной формы, заканчивающимся искусно воспроизведеннымъ изъ мѣди и позолоты пылающимъ факеломъ знанія.

Фронтъ библіотеки конгресса обращенъ къ фронту Капитолія, то-есть къ западу. По величественной, хотя и не особенно высокой гранитной лѣстницѣ необычайной ширины всходите вы на пло-

---

[1])

щадку передъ главнымъ входомъ въ зданіе. Лѣстница эта, подъ которой имѣется сквозной проходъ и нижній входъ въ зданіе, шириной своей вполнѣ соотвѣтствуетъ ширинѣ срединнаго отдѣла центральной части фронта зданія, къ которому она прилегаетъ. Главный входъ представляетъ собой три входныхъ арки, надъ которыми высится превосходный портикъ въ восемь паръ колоннъ, шириной своей вдвое превосходящій общую ширину входныхъ арокъ и входной лѣстницы, къ нимъ ведущей. Портикъ этотъ составляетъ точно также центральную часть третьяго этажа фронта зданія. Само зданіе состоитъ изъ трехъ этажей, но не одинаковыхъ: въ то время какъ первый этажъ по высотѣ своей представляется лишь полуэтажемъ, третій имѣетъ полуторную высоту, такъ что все зданіе кажется состоящимъ всего лишь изъ двухъ съ половиной этажей, не считая одной центральной и четырехъ угловыхъ полубашенъ, представляющихся чѣмъ-то въ родѣ четвертаго полуэтажа. Окна второго этажа по фронту зданія закруглены вверху въ видѣ арки, заканчиваясь аркообразнымъ гранитнымъ выступомъ, на которомъ красуется голова человѣческая весьма искусной рѣзьбы. Такихъ фронтовыхъ оконъ, а слѣдовательно и головъ, 33, и эти послѣднія представляютъ собой типы различныхъ расъ современнаго человѣчества, слѣдующихъ другъ за другомъ по группамъ въ порядкѣ ихъ расовой близости. Надъ девятью огромными окнами фронтового портика красуются между его колоннами изящныя амбразуры, изъ которыхъ выглядываютъ превосходные поясные бюсты Демосѳена, Вальтеръ-Скотта, Данте, Гете, Франклина, Маколея, Эмерсона, Ирвинга и Гауторна. Подъ каждой входной аркой главнаго входа находится громадная, массивная бронзовая дверь. Первая изъ этихъ трехъ дверей (слѣва) въ соотвѣтственныхъ литыхъ фигурахъ и символахъ представляетъ собой «Преданіе», вторая—«Искусство книгопечатанія» и третья—«Искусство писанія», такъ что всѣ три вмѣстѣ онѣ воспроизводятъ послѣдовательный ходъ развитія человѣческихъ знаній, начиная со словеснаго преданія и первобытнаго эпоса и кончая искусствомъ книгопечатанія. Въ соотвѣтствіе съ этимъ на гранитномъ выступѣ каждой арки высѣчены точно также символическія фигуры, знаменующія собой въ послѣдовательномъ порядкѣ (слѣва направо): «Литературу», «Знаніе» и «Искусство». Изъ этихъ трехъ главныхъ входныхъ дверей двѣ боковыхъ обыкновенно заперты, и для пользованія публики предназначена дверь центральная.

Когда чрезъ эту дверь входите вы въ самое зданіе, то первый предметъ, который бросается вамъ въ глаза, это—рядъ колоссальныхъ столбовъ изъ чистѣйшаго бѣлаго каррарскаго мрамора, вверху соединенныхъ арками, подходящими почти подъ самый потолокъ этого (второго) этажа. Пространство между этими столбами и фронтовой стѣной, чрезъ одну изъ бронзовыхъ дверей которой вы только

что вошли, представляетъ собой такимъ образомъ вестибюль зданія, ибо первый этажъ, или, точнѣе говоря, полуэтажъ, имѣетъ лишь второстепенное и, такъ сказать, служебное значеніе. Верхнюю часть каждаго изъ этихъ столбовъ составляетъ пара превосходно исполненныхъ въ видѣ остраго угла выступовъ, какъ бы подпирающихъ собой потолокъ, на которыхъ искусно вылѣплены парныя фигуры, кажущіяся попросту висящими въ воздухѣ. Фигуры эти, какъ бы улетающія въ небеса, изображаютъ собой Минерву во время войны и Минерву во время мира: первая держитъ въ рукахъ своихъ факелъ и мечъ, а вторая—свертокъ пергамента и земной шаръ, между тѣмъ какъ постаментъ электрической лампы, помѣщающейся между этими парными Минервами, представляетъ собой эллинскій алтарь. Фигуры эти, равно какъ и всѣ вообще барельефы и лѣпныя украшенія библіотеки конгресса, воспроизведены изъ лѣпного матеріала самаго высокаго достоинства (превосходнѣйшій гипсъ съ подмѣсью толченаго мрамора) и блещутъ богатѣйшей позолотой.

За этимъ вестибюлемъ слѣдуетъ громадный квадратный залъ. Полъ его представляетъ собой роскошную мозаику изъ мрамора разныхъ цвѣтовъ, среди котораго красуется большой металлическій дискъ, оказывающійся при ближайшемъ разсмотрѣніи точнѣйшимъ воспроизведеніемъ морского компаса. По обѣ стороны этого зала, по ближе къ двумъ переднимъ угламъ его расположены дивныя мраморныя лѣстницы, ведущія на слѣдующій, послѣдній (третій) этажъ, а на противоположномъ концѣ его, прямо предъ глазами зрителя, высится чудная тріумфальная арка въ іоническомъ стилѣ, какъ бы вырѣзанная въ задней стѣнѣ его и тянущаяся вдоль его вплоть до входной двери общаго читальнаго зала, образуя такимъ образомъ нѣчто въ родѣ роскошнаго преддверія этого послѣдняго. Рѣзныя фигуры на этой аркѣ чистѣйшаго бѣлаго мрамора олицетворяютъ собой науку: на лѣвой ея сторонѣ—юноша, съ жадностью стремящійся къ свѣту знанія, на правой—старецъ, взвѣшивающій плоды пріобрѣтенныхъ познаній. Означенныя лѣстницы, одной стороной своей примыкая къ стѣнамъ зала, съ другой стороны ограждены перилами изъ того же бѣлаго каррарскаго мрамора, представляющими собой одну непрерывную цѣпь произведеній скульптуры далеко недюжиннаго качества. Въ особенности заслуживаютъ вниманія центральныя фигуры этихъ перилъ: въ центрѣ лѣваго изъ нихъ по обѣ стороны земного глобуса красуются восхитительныя дѣтскія фигурки, олицетворяющія собой Европу и Азію, а напротивъ этихъ послѣднихъ, въ центрѣ праваго перила, по обѣ стороны такого же глобуса сидятъ не менѣе восхитительныя фигурки, знаменующія собой Африку и Америку. На всемъ пространствѣ своемъ вплоть до вышеописанной тріумфальной арки, составляющей преддверіе публичнаго читаль-

наго зала, описываемый первый залъ главнаго (второго) этажа зданія идетъ вплоть отъ своего пола до самой крыши этой фронтовой его части, представляющей собой центральный павильонъ, имѣя въ высоту 80 футовъ. Павильонообразный его потолокъ состоитъ изъ дивныхъ разноцвѣтныхъ лѣпныхъ украшеній, воспроизведенныхъ рукой искуснаго и талантливаго скульптора, которыя, будучи по истинѣ восхитительны подъ солнечнымъ свѣтомъ, на нихъ ниспадающимъ сквозь безчисленныя окошечки четвертаго полуэтажа, представляющаго собой крышу этого центральнаго павильона, при вечернемъ электрическомъ освѣщеніи совершенно не поддаются описанію.

Изъ этого зала сходите вы въ публичный читальный залъ. Представьте себѣ колоссальный восьмирадіусный цилиндръ въ 125 футовъ высоты и въ 100 футовъ въ діаметрѣ, высѣченный изъ африканскаго и итальянскаго свѣтлаго мрамора, и вы будете имѣть нѣкоторое отдаленное представленіе объ этомъ залѣ. Оконечность каждаго изъ этихъ радіусовъ представляетъ собой массивную кучу круглыхъ колоннъ изъ темнаго нумидійскаго мрамора двухъ оттѣнковъ, высящихся на широкихъ четыреугольныхъ пьедесталахъ изъ мрамора шоколаднаго цвѣта и заканчивающихся раззолоченными коринескими капителями. Эти восемь купъ колоннъ представляютъ собой нѣкіе колоссальные опорные столбы, на которыхъ покоятся восемь чудныхъ, глубокихъ арокъ, заканчивающихся въ самой глубинѣ громадными полукруглыми окнами въ 32 фута шириной. Внутренность каждой арки, представляющая собой длинную и широкую оконную нишу, устлана лѣпными четыреугольниками разныхъ цвѣтовъ, пересѣкаемыми сплошь бѣлыми полосами на подобіе шахматной доски и украшенными каждая раззолоченными розетками. На стеклахъ оконъ воспроизведены во всѣ цвѣта гербы Соединенныхъ Штатовъ и отдѣльныхъ штатовъ союза. Въ промежуткахъ между восьмью группами колоннъ устроенъ на высотѣ двадцати футовъ рядъ семиколонныхъ ложъ, подъ которыми идетъ рядъ трехколонныхъ ложъ, и надъ которыми идетъ вокругъ всего зала на высотѣ около сорока футовъ открытая галлерея, или, пожалуй, хоры, снабженные частыми перилами. Какъ нижнія ложи съ ихъ тремя широкими квадратными колоннами, такъ и верхнія съ ихъ семью круглыми тонкими, изящными колоннами, въ восемь рядовъ облегающія нижнюю часть этого зала, сдѣланы изъ желтаго, пятнистаго сіэнскаго мрамора, при чемъ эти нижнія широкія колонны украшены вверху капителями въ коринескомъ стилѣ, а верхнія, тонкія и изящныя, представляютъ собой чистѣйшій іоническій стиль. Само собою разумѣется, что эти колонны означенныхъ ложъ представляются положительными крошками по сравненію съ тѣми восьмью купами колоссальныхъ колоннъ, которыя описаны мной выше. На вершинѣ каждой изъ

этихъ купъ, на высотѣ шестидесяти футовъ отъ пола высится колоссальная двѣнадцатифутовая эмблематическая лѣпная статуя цвѣта слоновой кости. Восемь статуй этихъ олицетворяютъ собой въ послѣдовательномъ порядкѣ (начиная съ правой стороны отъ входа): религію, торговлю, исторію, искусство, философію, поэзію, право и науку. По обѣ стороны каждой изъ этихъ колоссальныхъ эмблематическихъ статуй, на мраморныхъ перилахъ галлереи, проходящей на двадцать футовъ ниже ихъ, выступаютъ крупныя парныя бронзовыя статуи тѣхъ историческихъ личностей, которыя явились наиболѣе рельефнымъ воплощеніемъ вышеозначенныхъ восьми областей человѣческой мысли и дѣятельности, а именно: Моисей и св. Павелъ (религія), Колумбъ и Робертъ Фультонъ (торговля), Геродотъ и Гиббонъ (исторія), Микель Анджелло и Бетховенъ (исскуство), Платонъ и Бэконъ (философія), Гомеръ и Шекспиръ (поэзія), Солонъ и канцлеръ Кэнтъ (право) и наконецъ Ньютонъ и Генри (наука). Всѣ эти шестнадцать статуй отлиты изъ бронзы по подлиннымъ портретамъ съ соблюденіемъ всевозможнѣйшей точности костюма, обычной позы и т. д. Куполъ зала, находящійся на высотѣ 125 футовъ отъ его пола (снаружи вѣнчающій его факелъ знанія достигаетъ высоты 195 футовъ отъ земной поверхности), изукрашенъ двѣнадцатью превосходными фресками, представляющими собой двѣнадцать крылатыхъ мужскихъ и женскихъ фигуръ, которыя олицетворяютъ собой: Египетъ, Іудею, Грецію, Римъ, Исламъ, Средніе Вѣка, Италію, Германію, Испанію, Англію, Францію и Америку. Наконецъ, въ самой глубинѣ купола, у основанія наружнаго факела знанія, на высотѣ 165 футовъ отъ пола, или, точнѣе говоря, во второмъ, маломъ, овальномъ куполѣ, точно носясь въ небесахъ, виднѣется необычайно изящная женская фигура: приподнявъ правой рукой покрывающую ея лицо вуаль, она пытливо глядитъ вверхъ, между тѣмъ какъ носящіеся предъ ней два херувимчика несутъ предъ ней книгу познанія. Не зачѣмъ объяснять, что фигура эта олицетворяетъ собой человѣческій интеллектъ.

Таковы въ общихъ чертахъ главнѣйшія части библіотеки конгресса. Если бы затѣмъ я сталъ описывать всѣ прочія безчисленныя ея отдѣленія, то мнѣ пришлось бы не только утроить настоящій скромный очеркъ мой, который и безъ того уже далеко превысилъ предназначенные для него размѣры, но даже просто написать особую книгу. Ограничусь здѣсь поэтому лишь общимъ замѣчаніемъ, что означенная библіотека представляетъ собой неисчерпаемую сокровищницу архитектуры, скульптуры, живописи и ваянія, для должнаго изученія которой требуются не дни, а недѣли, не говоря уже о ея книгохранилищѣ, заключающемъ въ себѣ около 2.000.000 томовъ. При полномъ электрическомъ освѣщеніи внутренность этого зданія представляется не произведеніемъ

рукъ человѣческихъ, а какимъ-то воплощеніемъ Шехеразады. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы Вашингтонъ не имѣлъ ни единаго публичнаго зданія, кромѣ вышеозначенной библіотеки, то и въ такомъ даже случаѣ, благодаря ей, онъ занималъ бы видное мѣсто среди крупныхъ городовъ земного шара. Если же принять во вниманіе, что сверхъ нея имѣется въ немъ еще и Капитолій, и Бѣлый Домъ, и великое множество иныхъ великолѣпныхъ публичныхъ зданій и превосходныхъ памятниковъ, между которыми первенствуетъ памятникъ президента Вашингтона, представляющій собой цѣльный египетскій обелискъ въ 517 футовъ вышиной, то нельзя не признать, что янки имѣютъ полное основаніе гордиться своей столицей, ими созданной въ теченіе одного лишьстолѣтія, и что поэтому столь торжественное празднованіе столѣтняго ея юбилея вполнѣ оправдывается какъ историческимъ ея ростомъ, такъ и современнымъ ея состояніемъ.

Е. Н. Матросовъ.

Вашингтонъ.
31—18 марта 1901 г.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Общественныя движенія въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи. Спб. 1901.

ВЫДАЮЩІЙСЯ трудъ нѣмецкихъ историковъ—Каутскаго, Гуго, Бернштейна и др., почти полностью переведенъ въ настоящемъ изданіи по-русски. Въ этомъ сочиненіи выражается замѣчательно ярко исторія соціально-экономической эволюціи въ средніе вѣка въ связи съ общественными ученіями. Точка зрѣнія историковъ, освѣщающая весь трудъ, состоитъ въ развитіи того, какую силу имѣло въ средніе вѣка общинное начало, какъ идея равенства стягивала всѣ доктрины средневѣковыя и общественно-политическія теченія.

Введеніе книги, немного сокращенное въ русскомъ переводѣ, посвящено идеальному государству Платона и характеристикѣ общественныхъ теченій въ Римѣ эпохи упадка и въ началѣ среднихъ вѣковъ.

Разсматривая содержаніе знаменитаго труда Платона, его сочиненія о государствѣ, авторы ставятъ въ связь идеи Платона съ новѣйшими воззрѣніями. Всѣ націи древняго міра и государства въ своемъ развитіи шли по одному и тому же пути, какъ и Аѳины. Это основное положеніе проведено въ книгѣ при изложеніи вопроса о соціальномъ разложеніи древняго Рима. Здѣсь читатель встрѣтитъ рядъ прекрасныхъ обобщеній и краткихъ формулъ, рисующихъ экономическую жизнь древняго міра. Мелкое предпріятіе въ Римѣ было вытѣс-

нено крупнымъ, но, какъ справедливо замѣчаютъ авторы, это вытѣсненіе обусловливалось совсѣмъ иными причинами, чѣмъ въ настоящее время. «Ни въ области земледѣлія, ни въ ремеслѣ не было предпосылокъ для болѣе высокой формы производства, чѣмъ мелкое предпріятіе; не было ихъ и для развитія товарищескаго производства». Авторы изображаютъ въ нѣсколькихъ штрихахъ переходъ къ абсолютизму въ Римѣ, служившій показателемъ экономическаго упадка всего общества.

Любопытны общественныя движенія въ Римѣ эпохи упадка, когда общество, охваченное предчувствіемъ близкаго конца, металось во всѣ стороны и ударилось въ сверхчувственный міръ, когда общности имуществъ уже стали требовать народныя массы, въ противоположность Платону, сдѣлавшему общность имуществъ привилегіей аристократовъ. Характеризуя общины этой эпохи, историки отмѣчаютъ стремленіе этихъ общинъ ослабить до нѣкоторой степени семейную жизнь. Въ христіанскихъ общинахъ первыхъ вѣковъ центръ тяжести лежалъ въ организаціи потребленія, а не въ организаціи производствъ. Этотъ выводъ подкрѣпляется словами Златоуста, пытавшагося привлечь слушателей къ общности имуществъ и доказывавшаго выгоды общаго домохозяйства.

Въ XIII вѣкѣ денежное хозяйство, распространившись по Европѣ, вытѣснило собою натуральное хозяйство. Щедрость старинная исчезала, собственники ограничивали свое гостепріимство, а число бѣдныхъ возросло. Страшный призракъ нищеты опять воскресилъ идею общности, опять выступаютъ идеи Платона, но уже въ другомъ видѣ. Совершенно новая сила, неизвѣстная древности въ эпоху Платона, дала иную окраску общественнымъ стремленіямъ; наемный трудъ сталъ основой новаго способа производства.

Четыре главы посвящены характеристикѣ наемнаго труда въ средніе вѣка. Сначала данъ очеркъ развитія свободнаго ремесла въ городахъ, для чего авторъ изобразилъ возникновеніе феодальныхъ отношеній, возникновеніе ремесла и цеховъ, а затѣмъ описана жизнь ремесленныхъ подмастерьевъ, ихъ борьба съ мастрерами и союзы подмастерьевъ. Авторъ доказываетъ, что антагонизмъ между мастерами и подмастерьями не велъ къ преобразованію строя общественныхъ отношеній, такъ какъ стремленія подмастерьевъ отличались невиннымъ характеромъ и своего рода узостью. Соціальнаго идеала у нихъ не было, солидарности своей съ другими союзниками они не чувствовали. Ихъ мечты и и радикальныя требованія оканчивались «добрымъ понедѣльникомъ», такъ какъ они сами принадлежали къ привилегированнымъ и не думали о ломкѣ соціальныхъ отношеній.

Въ главахъ о трудѣ и капиталѣ въ горномъ и ткацкомъ дѣлѣ изображенъ процессъ развитія цехового партикуляризма у горнорабочихъ, благодаря ихъ обособленности, и выяснено значеніе ткачей, которые сформулировали общественные идеалы и стали носителями идеи преобразованія строя средневѣковыхъ общественныхъ отношеній.

Вторая половина первой части этого труда посвящена общественнымъ движеніямъ среднихъ вѣковъ. Въ ней, послѣ общей характеристики еретическихъ теченій въ народѣ, проводится оригинальная аналогія между развитіемъ въ

среднихъ вѣкахъ и въ XIX в. Развитіе въ среднихъ вѣкахъ, говоритъ авторъ, совершалось въ томъ же направленіи, какъ и передъ 1848 г.; но только развитіе это растянулось на несравненно болѣе долгое время, и роль 1848 г. сыграла реформація. Что же касается до условій для пробужденія демократическихъ тенденцій въ средневѣковомъ обществѣ, то въ многихъ отношеніяхъ эти условія складывались благопріятнѣе, чѣмъ въ первую половину XIX вѣка. Въ книгѣ рельефно очерчены: средневѣковая мистика, аскетизмъ, космополитизмъ, еретическія движенія въ Италіи и южной Франціи, секта бегардовъ, лолларды въ Англіи и табориты.

Вторая часть охватываетъ эпоху реформаціи, отведя центральное мѣсто Томасу Мюнцеру и всей мюнстерской исторіи съ перекрещенцами. Послѣдняя глава излагаетъ экономическое положеніе Англіи въ началѣ XVI столѣтія и анализируетъ мѣсто «Утопіи» въ ряду другихъ соціальныхъ системъ. Переводъ выполненъ тщательно, книга читается легко и составляетъ важное пріобрѣтеніе для русскаго читателя. **А. Н—въ.**

Соловки и Валаамъ. Дневникъ студентовъ-паломниковъ. Москва. 1901.

Этотъ дневникъ печатался сначала въ «Душеполезномъ Чтеніи», одномъ изъ самыхъ популярныхъ и интересныхъ духовныхъ журналовъ. Въ путешествіи, дневникъ котораго теперь изданъ отдѣльно, участвовали студенты Московской духовной академіи, нѣкоторыя начальствующія лица и немногіе сторонніе паломники духовнаго званія. Какимъ образомъ была распредѣлена авторская работа между паломниками—неизвѣстно, такъ что мы собственно не знаемъ ни автора (или авторовъ), ни редактора записокъ. Дневникъ написанъ неровно, что заставляетъ предполагать многихъ авторовъ. Въ такомъ случаѣ ихъ работу не мѣшало бы внимательнѣе проредактировать и, соединяя листки «воедино», избѣгать повтореній едва ли удобныхъ. Такъ, напримѣръ, глава VI кончается слѣдующими строками: «на девятый день пути, раннимъ утромъ предъ паломниками обрисовался темный силуэтъ Соловецкихъ острововъ. Пассажиры парохода «Соловецкій» высыпали на палубу и пристально смотрѣли впередъ. Прошло болѣе часа, но монастыря все не было видно; наконецъ пароходъ круто повернулъ налѣво, и передъ взоромъ паломниковъ сразу предсталъ во всемъ своемъ величіи Сѣверный Аѳонъ—Соловецкій монастырь» (стр. 83). На этой же страницѣ помѣщена глава VII, и она кончается такъ: «на девятый день пути, раннимъ утромъ...» и т. д. напечатаны всѣ тѣ же строки, которыми кончается глава VI, и которыя я привелъ сейчасъ. Къ чему такое повтореніе, сбивающееся на небрежность?

Въ строгомъ смыслѣ, студенты, ѣздившіе на Соловки и Валаамъ, не могутъ быть названы паломниками. Съ паломничествомъ у насъ связано совсѣмъ иное представленіе. Здѣсь мы имѣемъ дѣло просто съ путешественниками, желавшими посмотрѣть интересное на родинѣ и заодно поклониться святынямъ. Дневникъ, лежащій передъ нами, не носитъ того характера, какимъ отличаются, напримѣръ, книги извѣстнаго путешественника къ святымъ

мѣстамъ А. Н. Муравьева. По характеру дневникъ приближается къ очеркамъ Е. Л. Маркова; я говорю по характеру, потому что, конечно, нельзя и сравнивать по силѣ, яркости письма и стилю студенческій дневникъ съ очерками талантливаго художника, который своими путевыми набросками пріобрѣлъ извѣстность болѣе, чѣмъ романами. Отъ юныхъ путешественниковъ-студентовъ нельзя требовать ни такого исполненія, какъ отъ извѣстнаго писателя, ни такого отношенія, какъ отъ паломниковъ, которые идутъ къ святымъ мѣстамъ, словно люди, несущіе въ рукахъ «сосудъ съ драгоцѣнной влагой» и боящіеся расплескать ее. Дневникъ описываетъ не только святыя мѣста, но все, что попадается на пути. Встрѣчаются мѣткія наблюденія, нѣкоторымъ мѣстамъ дневника нельзя отказать въ искреннемъ паѳосѣ, въ нѣкоторой поэтичности, изложеніе вообще литературное и живое, но по содержанію дневникъ мало даетъ чего нибудь новаго, особенно интереснаго послѣ многихъ сочиненій о Соловкахъ и Валаамѣ, уже получившихъ извѣстность въ публикѣ. Конечно, дневникъ отличается нѣкоторымъ отношеніемъ авторовъ къ предмету описанія, къ разнымъ фактамъ и явленіямъ жизни. Это отношеніе, разумѣется, объясняется принадлежностью авторовъ къ извѣстной средѣ и тѣми условіями, въ какихъ они находились во время путешествія. Авторы, очевидно, отъ многаго удерживаются, на многое смотрятъ болѣе снисходительно и мягко, чѣмъ люди вполнѣ независимые, а нѣкотораго они и не могли испытать. Лучше всего описаны соловецкіе скиты и окрестности Валаама. Крайне интересны отмѣченныя фигуры валаамскихъ схимниковъ, живущихъ въ пустыняхъ. Это— простецы, вѣрящіе горячо и искренно... Условія, въ которыхъ находились путники, дали имъ и выгодныя преимущества, что отразилось на дневникѣ... Вообще говоря, новая книга не является лишнею, имѣетъ свое значеніе, прочтется съ пользой и интересомъ. Въ ней есть и свое, новое, и многое старое освѣщено по-своему, такъ что дневникъ вызоветъ тѣ мысли и думы, какія не явятся при чтеніи Максимова и Данченко. Желая книгѣ успѣха, нельзя не пожелать и того, чтобы подобныя «паломничества» продолжались и привились не только въ одной Московской духовной академіи, не только въ духовныхъ академіяхъ вообще, но и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Собранныя записки разныхъ молодыхъ путешественниковъ, разсматривающихъ одинъ и тотъ же предметъ, одни и тѣ же явленія съ различныхъ точекъ зрѣнія, могутъ дать въ общемъ очень любопытную и поучительную картину.

А. Кругловъ.

Анна Догановичъ. Печальникъ земли Русской. Историческая повѣсть для школьнаго и семейнаго чтенія. Изданіе 2-е, В. Спиридонова. М. 1901.

Г-жа Догановичъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ дебютировавшая въ общей литературѣ разсказами изъ фельдшерскаго быта, въ послѣднее время очень много работаетъ въ области дѣтской литературы: «Ѳомка-дуракъ», «Старые и малые», «Маша», «Пчелиный домикъ», «Ермакъ, покоритель Сибири» и т. д., вотъ книги, обратившія на себя вниманіе педагогической критики и получив-

шія одобреніе министерства народнаго просвѣщенія. Книга, заглавіе которой выписано выше, принадлежитъ къ лучшимъ сочиненіямъ писательницы. Напечатанная сперва въ «Юной Россіи», изданная затѣмъ отдѣльно въ 1886 г., повѣсть «Печальникъ земли Русской», во 2-мъ изданіи дополнена и измѣнена: авторъ воспользовался новыми матеріалами, которыхъ, очевидно, у него не было раньше, ярче освѣтилъ личность митрополита Филиппа, этого истиннаго пастыря и печальника за русскій народъ, полнѣе очертилъ самую эпоху Іоанна и принялъ къ свѣдѣнію всѣ указанія, сдѣланныя критикой, въ общемъ чрезвычайно сочувственно отозвавшейся и о первомъ изданіи повѣсти.

Отъ дополненія и поправокъ повѣсть очень много выиграла и теперь является положительно замѣтной среди таковыхъ повѣстей для дѣтскаго чтенія. Написана она хорошо, живо, богата картинами, въ ней не только сказано много о Филиппѣ, но и показано, изображено въ рядѣ характерныхъ сценъ. Фабула развивается послѣдовательно, одна картина развертывается за другою, и съ внѣшней стороны повѣсть очень интересна для читателя, что важно. Относительно содержанія много нечего и говорить: для юнаго читателя крайне полезно знакомство съ такими величавыми историческими личностями, какова личность Филиппа. На такихъ примѣрахъ воспитывается всего лучше юношество въ духѣ истиннаго высокаго патріотизма, горячей любви къ родинѣ, той любви, которая заставляетъ гражданина класть душу за благо своего народа. Русскому юношѣ и въ наши дни особенно надо чаще напоминать о такихъ высокихъ русскихъ людяхъ, которые умѣли жить для родины, болѣть ея горемъ и безтрепетно встрѣчать самую смерть за нее. Чистая, обаятельная личность митрополита Филиппа пробудитъ въ читателѣ лучшія чувства, задѣнетъ лучшія струны сердца. Познакомившись кратко по сухому учебнику съ «печальникомъ» земли Русской и съ его противникомъ, юный читатель поближе познакомится со всѣмъ этимъ изъ живой и яркой повѣсти г-жи Доганович. Книга издана изящно, иллюстраціи очень недурны, хотя нельзя сказать, чтобы художникъ вполнѣ воспользовался матеріаломъ, предлагаемымъ повѣстью.

Г—ій.

Хроника моей жизни. Автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверского и кашинскаго. М. 1901.

Третій томъ записокъ пр. Саввы дѣлится на 2 части: въ первой части (стр. 1—330) описывается жизнь и дѣятельность его въ качествѣ второго (можайскаго) викарія при митрополитѣ Филаретѣ. Здѣсь огромный интересъ представляютъ впервые печатаемыя письма археолога арх. Порфирія изъ Рима (стр. 203 и слѣд. до 329), указывающія, какъ митрополитъ Филаретъ внимательно слѣдилъ за отношеніемъ Римской церкви къ православію. Обращаетъ на себя вниманіе эпизодъ отношеній Филарета къ знаменитому ученому А. В. Горскому, который, будучи заподозрѣнъ Филаретомъ въ томъ, что отговариваетъ студентовъ отъ поступленія въ монашество, чуть не подвергся самой серіозной карѣ отъ святѣйшаго синода (стр. 374). Особенный интересъ представляетъ

епизодъ съ дворянскими выборами 1865 года. Здѣсь дословно приводится (стр. 222—223) адресъ дворянъ, съ просьбою, какъ выражается пр. Савва, «конституціи».

Вторая часть обнимаетъ служеніе пр. Саввы въ Полоцкой епархіи (1866—1874 г.г.). Это время слѣдовало вскорѣ за возсоединеніемъ уніатовъ. Велась тайная борьба. Главнымъ изъ такихъ борцовъ и былъ пр. Савва со стороны православной церкви.

Имъ даны здѣсь превосходныя картины особенностей быта витебскаго духовенства (стр. 468—474), описаніе святынь и монастырей (стр. 474—494) и цѣлое разслѣдованіе о польско-католическомъ святомъ, іезуитѣ Боболѣ (стр. 537—545). При этомъ пр. Савва не чуждался общаго хода дѣлъ и былъ настоящимъ ставленникомъ Филарета. Послѣдній требуетъ отъ него подробнѣйшаго отчета до мелочей, кого онъ видѣлъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ въ Петербургѣ, что говорилъ Исидоръ, что другіе (стр. 591—559 и 740). Блестящая характеристика реформъ гр. Д. А. Толстого дается въ слѣдующемъ разсказѣ: «Дѣло это (новые уставы духовныхъ семинарій) по настоянію оберъ-прокурора совершилось въ одну недѣлю, вникнуть хорошо въ сущность дѣла не было никакой возможности; поэтому большинство членовъ синода подписали проекты безъ твердаго и отчетливаго убѣжденія въ ихъ внутреннемъ достоинствѣ, но о. Рождественскій не хотѣлъ подписывать ихъ, указывая на нѣкоторые существенные недостатки. Тогда оберъ-прокуроръ сказалъ, что если проекты не будутъ подписаны всѣми членами синода немедленно, то духовное вѣдомство лишится на этотъ годъ (1867) 300 тысячъ рублей, предназначенныхъ къ отпуску изъ государственнаго казначейства въ счетъ 1.500.000. Послѣ такой угрозы Рождественскій, махнувъ рукой, сказалъ: «Я не стою 300 тысячъ рублей», и, вопреки своего убѣжденія, проекты подписалъ. Между тѣмъ въ своемъ отчетѣ за 1867 г. (стр. 98) гр. Толстой писалъ: по всестороннемъ обсужденіи (курсивъ подлинника) и одобреніи ихъ святѣйшимъ синодомъ» и т. д. (стр. 764).

Въ книгѣ множество того, что Лѣсковъ освятилъ именемъ «мелочей архіерейской жизни», напримѣръ, таблица «гармонизирующихъ» цвѣтовъ, составленная московскими дамами для пр. Леонида (стр. 624). Къ сожалѣнію, въ книгѣ много и балласта, въ родѣ перепечатки пригласительныхъ въ ученыя собранія билетовъ, благодарственныхъ за полученіе книгъ писемъ и пр. Алфавитный указатель именъ не замѣняетъ оглавленія.

В. Лебедевъ.

Жизнь и труды св. Діонисія Великаго, епископа александрійскаго. Составилъ свящ. А. Дружининъ. Казань. 1901.

Изъ всѣхъ богословскихъ наукъ патрологія, занимающаяся изслѣдованіемъ жизни и ученія отцовъ и учителей церкви, наименѣе выгодно представлена въ русской духовной литературѣ. Еще въ шестидесятыхъ годахъ эта наука была почему-то исключена изъ числа предметовъ семинарскаго преподаванія, и нисколько неудивительно, что мы не имѣетъ учебнаго курса, излагающаго существенныя ея стороны, который въ то же время могъ бы служить для желающихъ популярнымъ руководствомъ. Спеціальныхъ монографій по патроло-

гіи очень немного. Происхожденіе большинства ихъ вызвано было не столько научнымъ положеніемъ того или другого вопроса, выдвигавшимъ его на очередь, сколько спросомъ со стороны духовныхъ академій на спеціалистовъ въ данной области для занятія соотвѣтствующей каѳедры. Спросъ, конечно, всегда былъ очень ограниченнымъ, почему и предложеніе не могло быть особенно широкимъ. При такихъ условіяхъ при выборѣ темы русскій богословъ видитъ предъ собою необозримое поприще, почву, совершенно не тронутую; даже о такомъ, напримѣръ, замѣчательномъ отцѣ церкви, какъ св. Діонисій александрійскій, досел не имѣлось не только спеціальнаго изслѣдованія, но даже простой журнальной статьи хотя бы съ первичными свѣдѣніями о жизни и твореніяхъ его. Восполнить этотъ существенный пробѣлъ и взялъ на себя о. Дружининъ.

Изслѣдованіе начинается по традиціонному порядку коротенькимъ предисловіемъ, въ которомъ опредѣляется значеніе темы. Оно написано спокойнымъ тономъ, безъ тѣхъ преувеличеній и неумѣренной восторженности, которая часто бываетъ свойственна молодымъ ученымъ, старающимся завѣрить читателя, что избранный вопросъ—самый важный и интересный въ области данной науки. Затѣмъ слѣдуетъ довольно обширныхъ размѣровъ (7—92 стр.) предисловіе, посвященное обозрѣнію источниковъ и пособій, изъ которыхъ почерпнуто содержаніе диссертаціи. Здѣсь авторомъ въ исчерпывающей полнотѣ и съ самою мелочною внимательностью разобраны всѣ произведенія св. Діонисія, выясненъ вопросъ объ ихъ подлинности, оцѣнены изданія ихъ, а затѣмъ критически разобрана иностранная литература о св. отцѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что обработка той части, которая касается произведеній св. Діонисія, значительно облегчалась для автора обозрѣніемъ святоотеческой литературы до Евсевія, сдѣланнымъ Гарнакомъ («Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius», Leipzig, 1893).

Самое изслѣдованіе состоитъ изъ шести главъ и заключенія. Первая глава, трактующая о жизни и трудахъ св. Діонисія до избранія его въ епископы александрійской церкви, почти сплошь построена гипотетическимъ путемъ. Такъ какъ прямыхъ извѣстій объ этомъ періодѣ жизни св. Діонисія почти не сохранилось, то автору пришлось сшивать эту главу по лоскуткамъ, комбинировать отрывочныя извѣстія въ произведеніяхъ позднѣйшаго времени, собирать и группировать намеки и мимолетныя указанія въ произведеніяхъ разныхъ писателей, современниковъ св. Діонисія, и т. д. Сохранить при такихъ условіяхъ должную мѣру осторожности, не увлечься и не впасть въ преувеличенія вообще бываетъ очень трудно, и мы поэтому не будемъ ставить въ вину автору допускаемаго имъ въ небольшой, впрочемъ, мѣрѣ злоупотребленія гипотетическимъ методомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ побуждался въ данномъ случаѣ желаніемъ дать возможно полную біографію св. отца. Гораздо больше опредѣленности и документальной основательности встрѣчаемъ во второй главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о епископскомъ служеніи св. Діонисія при императорахъ Филиппѣ и Декіи. Но на смѣну черезчуръ смѣлымъ обобщеніямъ здѣсь выступаетъ другая особенность, довольно обычная въ нашихъ диссертаціяхъ и, при умѣніи авторовъ держать свое усердіе въ надлежащихъ границахъ, вполнѣ умѣстная. Именно, о. Дружининъ, желая представить жизнь и дѣятельность св. Діонисія

въ широкой исторической перспективѣ, дѣлаетъ частыя отступленія для обрисовки той среды, тѣхъ порядковъ и общественныхъ условій, въ которыхъ протекала пастырская и учительная дѣятельность этого отца церкви. Большею частью такія отступленія въ настоящей монографіи вызываются характеромъ темы и совершенно необходимы, хотя почти во всѣхъ случаяхъ они могли бы быть гораздо короче по объему безъ всякаго ущерба для дѣла. Такъ, во второй главѣ не было надобности подробно распространяться объ обычаяхъ, соблюдавшихся въ александрійской церкви при избраніи и поставленіи новыхъ епископовъ, потому что ни для характеристики личности, ни для обрисовки общественной дѣятельности св. Діонисія это ничего не даетъ. Въ третьей главѣ, гдѣ содержатся свѣдѣнія о пастырской и литературной дѣятельности св. Діонисія отъ окончанія гоненія Декія до начала гоненія Валеріана, можно было не удѣлять столь обширнаго мѣста изложенію споровъ о крещеніи еретиковъ, какъ это дѣлалъ авторъ. Наибольшую цѣнность представляетъ четвертая глава, посвященная разбору пасхальныхъ посланій св. Діонисія; автору, вѣроятно, пришлось положить немало труда на изученіе того, какъ вырабатывалась практика церкви относительно времени празднованія Пасхи. Хорошо разработана также о. Дружининымъ исторія савелліанства, въ борьбѣ съ которымъ св. Діонисій принималъ весьма видное участіе (гл. V). Въ шестой главѣ изложены событія послѣднихъ лѣтъ жизни св. Діонисія—отъ возвращенія изъ ссылки въ Александрію до кончины. Наконецъ заключеніе посвящено общей характеристикѣ св. Діонисія, какъ церковнаго дѣятеля и писателя.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе диссертаціи о. Дружинина, которой нельзя не признать во всѣхъ отношеніяхъ цѣннымъ вкладомъ въ русскую богословскую литературу. Авторъ съ добросовѣстнымъ усердіемъ собралъ всѣ данныя о св. Діонисіи, какія нашелъ въ его произведеніяхъ и его современниковъ, тщательно провѣрилъ ихъ и представилъ довольно полную біографію св. отца. Жаль только, что ему не удалось нарисовать живой портретъ св. Діонисія: заключительная характеристика, гдѣ авторъ пытался обрисовать личность св. Діонисія, написана въ такихъ общихъ и шаблонныхъ выраженіяхъ, такъ блѣдна и расплывчата, что не даетъ ни малѣйшаго представленія о человѣческомъ характерѣ св. Діонисія. «Мягкій и снисходительный въ отношеніи къ другимъ, онъ (св. Діонисій) былъ строгъ въ отношеніи къ себѣ самому и не допускалъ никакихъ послабленій и сдѣлокъ со своею совѣстію»..... «Сдѣлавшись христіаниномъ по свободному убѣжденію въ нравственной силѣ христіанства, св. Діонисій всю жизнь свою посвятилъ осуществленію великаго нравственнаго закона христіанства»..... «Своихъ пасомыхъ св. Діонисій не отдѣлялъ отъ самого себя и жилъ съ ними одною жизнію, называя ихъ собственною душою, единосемейными, истинно возлюбленными и друзьями»... «Сдѣлавшись епископомъ, св. Діонисій не переставалъ трудиться до послѣднихъ дней своей жизни и ни въ твореніяхъ, ни въ жизни не опускалъ изъ виду ни одной изъ многосложныхъ обязанностей епископскаго служенія»... «Во истину это былъ пастырь добрый, полагавшій душу свою не только за овецъ своего стада, но и за всѣхъ вѣрующихъ и за тѣхъ, кого еще надлежало привести ко двору стада Христова». «Это былъ краснорѣчивѣйшій учитель церкви, неутомимый проповѣдникъ,

умѣвшій одушевить свою паству къ высокимъ подвигамъ христіанской любви и милосердія во дни тяжкихъ испытаній». Такими и подобными этимъ фразами наполнена вся заключительная глава, посвященная характеристикѣ св. Діонисія. Авторъ какъ будто нарочно выбиралъ самыя избитыя выраженія, которыми наполнены бываютъ наскоро составленные некрологи скончавшихся церковныхъ дѣятелей, и которыми излишне было наполнять серьезный трудъ, посвященный замѣчательнѣйшему пастырю церкви второй половины третьяго вѣка. Да и вообще авторъ, повидимому, весьма мало заботился о томъ, чтобы сдѣлать свой трудъ интереснымъ для читателя. Оцѣнивая иностранныя изслѣдованія о св. Діонисіи, о. Дружининъ, между прочимъ, почти о каждомъ изъ нихъ замѣчаетъ, что оно написано «живымъ и увлекательнымъ языкомъ», «въ горячихъ и одушевленныхъ выраженіяхъ» и пр. Невольно является вопросъ, почему русскіе богословы совершенно игнорируютъ эту важную сторону литературныхъ произведеній, обрекая свои изслѣдованія на полное равнодушіе со стороны читателей неспеціалистовъ? **К. Х.**

Георгій Кипрянинъ и Іоаннъ Іерусалимлянинъ, два малоизвѣстныхъ борца за православіе въ VIII вѣкѣ. Изслѣдованіе В. М. Меліоранскаго. Спб. 1901.

Приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ исторіи церкви, Б. М. Меліоранскій, избралъ предметомъ своей магистерской диссертаціи одинъ изъ памятниковъ византійской полемической литературы VIII вѣка, извѣстный подъ заглавіемъ «Наставленіе старца о святыхъ иконахъ» и сохранившійся до нашего времени въ единственной рукописи, въ сборникѣ Московской Синодальной библіотеки № 197 (листы 142—171). Авторъ поставилъ себѣ задачей издать текстъ этого произведенія и представить научное о немъ изслѣдованіе. Въ зависимости отъ такой задачи, трудъ г. Меліоранскаго дѣлится на двѣ части.

Въ первой части (стр. I—XXXIX) находится греческій текстъ «Наставленія», извлеченный изъ указанной выше московской рукописи, относящійся, по мнѣнію г. Меліоранскаго, къ X-му вѣку. Издатель раздѣлилъ памятникъ на три отдѣла, въ зависимости отъ его содержанія, указалъ цитаты изъ священнаго писанія и вообще много употребилъ труда на критическую установку текста произведенія. Въ данномъ случаѣ издатель находится въ очень невыгодныхъ условіяхъ, въ виду того, что въ его распоряженіи былъ единственный списокъ памятника. Ему нѣсколько помогло другое византійское произведеніе «Λόγος ἀποδεικτικὸς πρὸς Κωνσταντῖνον τὸν Καβαγγῖνον», извѣстное въ печати и во многихъ рукописяхъ и представляющее сходство по содержанію съ «Наставленіемъ». Многочисленныя цитаты «Наставленія» изъ священнаго писанія, святыхъ отцевъ и соборовъ, г. Меліоранскій провѣрялъ по лучшимъ изданіямъ. Но, несмотря на трудности, издатель, можно сказать, съ честью вышелъ изъ мало удобныхъ условій своего положенія: «Наставленіе» въ его редакціи въ состояніи удовлетворить и научно-филологическимъ требованіямъ. Что касается

содержанія вновь опубликованнаго памятника, то здѣсь сначала приводится рѣчь старца Георгія къ народу по поводу тяжелыхъ обстоятельствъ иконоборческаго времени, когда почитатели иконъ подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ, затѣмъ описывается диспутъ Георгія о почитаніи иконъ съ иконоборческимъ епископомъ Косьмой, и, наконецъ, излагается рѣчь православнаго старца къ народу, произнесенная послѣ удаленія посрамленнаго въ спорѣ епископа Косьмы.

Во второй части труда г. Меліоранскаго помѣщено литературно-историческое изслѣдованіе о «Наставленіи старца». Эта часть состоитъ изъ трехъ главъ.

Въ главѣ первой второй части (стр. 1—39) авторъ занимается сравненіемъ «Наставленія» съ указаннымъ выше «Λόγος ἀποδεικτικός», который приписывается извѣстному защитнику иконопочитанія св. Іоанну Дамаскину (VIII в.). Сопоставленіе этихъ двухъ византійскихъ произведеній приводитъ г. Меліоранскаго къ выводу, что между ними существуетъ литературное родство. Затѣмъ, первичнымъ произведеніемъ нужно считать «Наставленіе», а Λόγος представляетъ передѣлку этого источника. И время составленія обоихъ произведеній говоритъ въ пользу зависимости второго отъ перваго: «Наставленіе», по мнѣнію г. Меліоранскаго, написано отчасти въ 750—754 годахъ, отчасти въ 770—775, а «Слово» составлено между 775 и 787 годами.

Во второй главѣ (стр. 39—76) авторъ старается пріурочить «Наставленіе» къ опредѣленнымъ историческимъ лицамъ и событіямъ. Подвергая анализу содержаніе этого памятника и освѣщая его при помощи свидѣтельствъ другихъ историческихъ источниковъ, г. Меліоранскій приходитъ къ выводу, что старецъ Георгій, бесѣды котораго съ народомъ и епископомъ Косьмой объ иконопочитаніи описываются въ «Наставленіи», происходилъ съ острова Кипра, былъ монахомъ и немало претерпѣлъ несчастій въ жизни за исповѣданіе православнаго ученія объ иконахъ; подъ вліяніемъ гоненій, онъ удалился на гору Зейтунъ, въ предѣлахъ Тавра киликійскаго, въ Сиріи. Живя здѣсь, Георгій и велъ тѣ бесѣды съ народомъ, которыя послужили содержаніемъ «Наставленія»; здѣсь же онъ имѣлъ диспутъ и съ Косьмою, епископомъ одного изъ сосѣднихъ городовъ, можетъ быть, Епифаніи. Около 752 года византійскій императоръ Констанстинъ V, державшійся иконоборческихъ воззрѣній, прибылъ въ Сирію для устройства городовъ, отвоеванныхъ у мусульманъ. Епископъ Косьма донесъ ему о старцѣ Георгіи, какъ почитателѣ иконъ и распространителѣ въ народѣ своего ученія. Императоръ Константинъ приказалъ схватить Георгія и заключить навсегда въ тюрьму или же казнить. Послѣ этого о Георгіи не встрѣчается никакихъ извѣстій. Только инокоборческій соборъ 754 года, на основаніи общихъ свѣдѣній о его дѣятельности, предалъ его анаѳемѣ, вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ Германомъ и св. Іоанномъ Дамаскинымъ (Мансуромъ). Между тѣмъ одинъ изъ учениковъ Георгія, монахъ Ѳеосевъ, когда его учитель былъ схваченъ, удалился въ Сирію и здѣсь по памяти, а, можетъ быть, по записи, воспроизвелъ бесѣды Георгія съ народомъ и его диспутъ съ епископомъ Косьмою. Это воспроизведеніе и извлечено теперь подъ именемъ «Наставленія старца о святыхъ иконахъ», впервые опубликованнаго г. Меліоранскимъ по рукописи X вѣка Московской синодальной библіотеки.

«Наставленіе» Георгія Кипрскаго, въ воспроизведеніи его ученика Ѳеосева, лѣтъ черезъ 15 послѣ своего появленія было передѣлано и въ этой переработанной редакціи получило форму упомянутаго выше «Λόγος ἀποδεικτικός», неосновательно приписываемаго св. Іоанну Дамаскину. По мнѣнію г. Меліоранскаго, передѣлка «Наставленія» въ «Слово» была исполнена іерусалимскимъ монахомъ Іоанномъ, синкелломъ антіохійскаго патріарха Ѳеодора и мѣстоблюстителемъ восточныхъ каѳедръ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ 787 года. Въ редакціи Іоанна Іерусалимлянина произведеніе получило исключительно полемическій характеръ, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшій требованіямъ читателей, а біографическій элементъ «Наставленія» здѣсь совершенно изъятъ. «Слово» имѣло широкое распространеніе въ народѣ, какъ свидѣтельствуютъ многіе сохранившіеся до нашего времени его списки.

Въ приложеніи къ изслѣдованію (стр. 103—131) находится разсужденіе о годѣ иконоборческаго собора при Константинѣ V, въ заключеніи коего авторъ признаетъ возможнымъ сохранить прежнюю дату—754 года, помѣщены дополненія, поправки и указатель цитатъ священнаго писанія къ тексту «Наставленія».

Работа г. Меліоранскаго отличается прекраснымъ анализомъ деталей вопроса. Цѣнность ея заключается въ опубликованномъ впервые греческомъ текстѣ «Наставленія», важномъ въ историко-литературномъ отношеніи, а главнымъ образомъ—въ историческомъ освѣщеніи дѣятельности двухъ, раньше малоизвѣстныхъ въ народѣ, борцовъ за православіе въ VIII вѣкѣ и въ болѣе или менѣе опредѣленномъ уясненіи ихъ личности предъ любопытнымъ взоромъ византинистовъ и церковныхъ историковъ. Σ.

Wladislaw Koleżak. Powiśle Warszawy. Warszawa. 1901. (Владиславъ Колежакъ. Побережье Вислы въ Варшавѣ. Варшава. 1901).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Варшава—одинъ изъ немногихъ (къ сожалѣнію) благоустроенныхъ нашихъ городовъ, по внѣшности своей приближающійся къ типу большихъ городовъ Западной Европы. Не даромъ одинъ чопорный англичанинъ-инженеръ, посѣтившій недавно Варшаву, призналъ ее, по чистотѣ улицъ, первымъ городомъ послѣ Берлина. Стремленіе постоянно совершенствоваться — весьма важный факторъ, руководящій дѣйствіями варшавскаго городского управленія — находитъ для себя похвальную поддержку и въ мѣстной прессѣ. Авторъ книжки, заглавіе которой приведено выше, разсказывая исторію побережья Вислы въ Варшавѣ, задался цѣлью обратить на него вниманіе общества и такимъ, хотя косвеннымъ, путемъ побудить власть имѣющихъ лицъ (patres urbis) заняться, въ видахъ общественной пользы, благоустройствомъ мѣстностей, въ настоящее время совершенно заброшенныхъ.

Подъѣзжая къ Варшавѣ на пароходѣ по Вислѣ, со стороны Плоцка, вы залюбуетесь превосходною панорамою огромнаго города, спускающагося къ рѣкѣ амфитеатромъ. Но по мѣрѣ приближенія къ берегу картина рѣзко мѣ-

няется—живописно группирующіеся костёлы и старинные дома Стараго Мѣста уходятъ куда-то вверхъ, а передъ вашими взорами открывается огромное пространство, которое положительно пропадаетъ даромъ: тянутся заборы, пустопорожнія мѣста, ближе къ рѣкѣ пакгаузы, еще не такъ давно тутъ же стоялъ цѣлый рядъ боенъ, изъ нихъ теперь остались одна или двѣ... Между тѣмъ, какія бы здѣсь могли быть прекрасныя набережныя, право, не хуже тѣхъ, которыя уже существуютъ въ Будапештѣ, по обѣимъ сторонамъ Дуная. Благодаря своему счастливому географическому положенію, Варшава растетъ чрезвычайно быстро, и Георгъ Брандесъ совершенно правъ, предсказывая ей великое будущее. Между тѣмъ, стоя на судоходной рѣкѣ, она не имѣетъ удобной гавани для рѣчныхъ судовъ, хотя мѣсто для такой гавани найдется безъ особеннаго труда... Разростаясь все шире и шире, нуждаясь въ территоріи, включая въ свой районъ даже подгороднія села, оставляетъ безъ всякаго вниманія, благодаря лишь капризу бюрократа, вѣдавшаго судьбы города (стр. 60), большой островъ, лежащій тутъ же на Вислѣ, противъ города, такъ называемую Саскую кемпу... Обладая свыше чѣмъ полумилліоннымъ населеніемъ, живущимъ по обоимъ берегамъ Вислы, Варшава имѣетъ въ своемъ распоряженіи только два моста, изъ которыхъ одинъ служитъ болѣе цѣлямъ желѣзнодорожной коммуникаціи, а для удобства путей сообщенія до сихъ поръ еще не располагаетъ центральнымъ вокзаломъ.

Вотъ на эти-то недочеты и указываетъ авторъ разсматриваемой книжки, иллюстрируя текстъ ея болѣе или менѣе подходящими рисунками.

Трудъ г. Колежака, печатавшійся первоначально въ Wedrowc'ѣ, носитъ на себѣ характеръ болѣе фельетонной работы, чѣмъ научнаго изслѣдованія, и мѣстами не чуждъ противорѣчій, тѣмъ не менѣе очень симпатичный и полезный и по цѣнѣ своей (50 коп.) для каждаго доступный.

Г. А. Воробьевъ.

А. Д. Градовскій. Сочиненія. Томъ VII. Начала русскаго государственнаго права. Спб. 1901.

Вышелъ VII томъ сочиненій нашего талантливаго профессора и публициста А. Д. Градовскаго. Онъ заключаетъ въ себѣ первый томъ русскаго государственнаго права. Тутъ мы имѣемъ все, что касается русскаго государственнаго устройства. Въ наукѣ А. Д. Градовскій извѣстенъ, какъ проповѣдникъ изученія основныхъ законовъ страны. Они только, по его мнѣнію, могутъ научить правильному пониманію конструкціи государственной власти и ея органовъ въ сферѣ администраціи. Дѣйствительно, что̀ можетъ быть вѣрнѣе этой мысли? Изучить текущее законодательство страны, отражающее духъ ея верховной власти и юридическія потребности народа, несомнѣнно, есть дѣло, которое для государствовѣда должно стоять на первомъ планѣ. Законодательство, имѣющее свою многовѣковую исторію, каковымъ представляется русское, всегда гибко настолько, что даетъ богатѣйшіе матеріалы и для чистаго историка, и для историка права, и для государствовѣда... Но воспользовались ли этой мыслью наслѣдники и ученики Градовскаго? Нѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ трудѣ

г. Коркунова, пожелавшаго бороться за свою собственную теорію государства, какъ выраженія принципа принудительнаго властвованія, этого мы не видимъ, а тѣмъ болѣе въ трудѣ другого его ученика, приватъ-доцента Свѣшникова. А, между тѣмъ, какая благородная, исключительно національная цѣль! Передъ вами лежатъ огромные фоліанты «Полнаго собранія законовъ», огромныя кучи всякаго рода грамотъ всякаго рода лицамъ, группамъ лицъ, частнымъ и правительственнымъ учрежденіямъ—изучайте ихъ. Сумѣйте найти въ нихъ основные, національные принципы властвованія. Сумѣйте отыскать въ нихъ живую нить русскаго государственнаго сознанія и на нихъ построить свои научныя теоріи. Между тѣмъ, у насъ въ наукѣ господствуетъ другое теченіе—строятъ сначала теорію, а потомъ ужъ знакомятся съ матеріаломъ... Такъ, экзотически создалась въ С.-Петербургскомъ университетѣ психологическая теорія права, имѣющая будущее только при другихъ научныхъ пріемахъ, но не тѣхъ, посредствомъ которыхъ она вводится, и при пользованіи другими матеріалами.

Ученіе о государственномъ устройствѣ А. Д. Градовскій раздѣлилъ на три книги: 1) ученіе о законѣ; 2) ученіе о верховной власти и 3) о подданствѣ и правахъ состоянія. Каждая изъ главъ разобрана съ такою старательностью, съ такою тщательностью, съ такою, можно сказать, любовью къ дѣлу, что можетъ служить большимъ подспорьемъ для ученыхъ разысканій другихъ, идущихъ за нимъ. При этомъ законодательство разсматривается, какъ апріорный матеріалъ, изъ котораго должно дѣлать всякаго рода научныя построенія.

Любопытно, какъ самъ А. Д. Градовскій смотрѣлъ на свой трудъ. Вотъ что онъ говоритъ:

«Главнѣйшая особенность перваго тома состоитъ въ томъ развитіи и мѣстѣ, какое я далъ ученію о законѣ» [1]). «Ученіемъ о законѣ, сколько мнѣ кажется, опредѣляется существо неограниченной монархіи, какъ юридической формы государства» [2]). «Останавливаясь, главнымъ образомъ, на догматическомъ изложеніи учрежденій положительнаго права, я не обходилъ и теоретическихъ началъ, насколько они были нужны для освѣщенія и группировки положительнаго матеріала. Еще менѣе считалъ я себя въ правѣ обходить вопросъ объ историческомъ развитіи нашихъ учрежденій» [3]).

Такимъ образомъ, для Градовскаго законъ представлялся матеріаломъ, въ которомъ заключается юридическое опредѣленіе существа неограниченной монархіи въ его историческомъ развитіи и учрежденій положительнаго права при теоретическомъ освѣщеніи началъ, въ нихъ выразившихся. Дай Богъ, чтобы хоть теперь, при полномъ изданіи его трудовъ, эта мысль получила достойное примѣненіе, расширеніе и углубленіе. Тогда только русскіе государствовѣды, читающіе курсы русскаго государственнаго права, оцѣнятъ и значеніе монархіи, какъ силы, правильно реагирующей на всѣ возникающія правоотношенія народа, и глубокую мудрость русскихъ государственныхъ законоположеній.

Кон. М—овъ.

---

[1]) Предисловіе, стр. III.
[2]) Idem.
[3]) Idem, стр. IV.

На Дальній Востокъ. Походныя письма генералъ-майора М. И. Грекова. Спб. 1901.

Воспоминанія очевидцевъ каждаго историческаго событія представляютъ несомнѣнно цѣнный матеріалъ для историковъ, въ особенности, когда авторъ подобныхъ записокъ принадлежитъ къ лицамъ, занимающимъ болѣе или менѣе выдающійся постъ, а потому имѣющимъ всѣ средства для наблюденія за ихъ теченіемъ.

Въ письмахъ своихъ авторъ въ очень короткой, но послѣдовательной формѣ описываетъ свой походъ до Хайлара, куда былъ назначенъ командиромъ 1-ой бригады Сибирской казачьей дивизіи, которая уже заканчивала мобилизацію для движенія въ Китай. Письма ведутся изо дня въ день, при чемъ авторъ не упускаетъ ни одной подробности, замѣченной имъ на пути. Онъ восхищается чудными видами Уральскаго хребта, осматриваетъ разныя желѣзнодорожныя работы, интересуется бытомъ забайкальцевъ, бесѣдуетъ со старыми ветеранами казаками, излагаетъ краткую біографію 80-ти-лѣтняго казака Бочкарева, который не получаетъ Николаевской пенсіи только потому, что живетъ въ глуши, а также 97-ми-лѣтняго казака Алексѣева, и даже провѣряетъ въ церкви его метрику. Въ Хайларѣ посѣщаетъ кумирню и восхищается ея тщательной отдѣлкой и позолотой. 20-го сентября получаетъ извѣстіе съ предписаніемъ всѣмъ сформированнымъ войскамъ возвратиться обратно, и авторъ жалѣетъ, что молодежи не пришлось понюхать пороху, но зато, по его словамъ, они испытали такой походъ, который не каждому придется въ жизни испытать. И дѣйствительно, при взглядѣ на карту, помѣщенную на обложкѣ книги, становится жутко отъ того огромнаго разстоянія, которое пришлось преодолѣть отрядамъ. На обратномъ пути почтовый поѣздъ № 3, въ которомъ ѣхалъ авторъ, потерпѣлъ крушеніе на 258 верстѣ отъ Челябинска, при чемъ было нѣсколько жертвъ. Авторъ очень живо описываетъ эту катастрофу, которой былъ очевидцемъ. Жаль однако, что письма эти изложены уже въ черезчуръ сжатой формѣ и носятъ характеръ скорѣе конспекта, чѣмъ цѣлаго описанія путевыхъ впечатлѣній. При запасѣ имѣющагося матеріала авторъ могъ бы развить описаніе своего похода въ большой и интересный очеркъ, тѣмъ болѣе, что онъ не лишенъ наблюдательности и умѣнья передавать видѣнное въ живой и интересной формѣ. Отдѣльно отъ текста въ брошюрѣ имѣются 10 фотографическихъ снимковъ, путевыхъ видовъ и типовъ, снятыхъ во время похода самимъ авторомъ.

Борисъ Тагѣевъ.

Wspomnienia jenerała Klemensa Kołaczkowskiego. Księga III, od roku 1820 do 1830. Kraków. 1901.

Третій томъ воспоминаній генерала Колачковскаго обнимаетъ періодъ съ 1820 по 1830 г., то-есть время, въ которое въ царствѣ Польскомъ закладывалась мина, давшая впослѣдствіи страшный взрывъ. Книжка, однако, вызываетъ съ этой стороны нѣкоторое разочарованіе, такъ какъ авторъ мемуаровъ очень рѣдко и то лишь вскользь упоминаетъ о тѣхъ явленіяхъ и событіяхъ, которыми подготовлялось первое возстаніе. Тѣмъ не менѣе записки Колачков-

скаго содержатъ очень много любопытнаго и цѣннаго матеріала, имѣющаго, такъ сказать, общее историческое значеніе. Колачковскій приходился родственникомъ княгинѣ Ловичъ, супругѣ великаго князя Константина Павловича, бывалъ запросто въ Бельведерскомъ дворцѣ и наблюдалъ домашнюю жизнь великокняжеской четы. Онъ сообщаетъ нѣкоторыя интересныя черты, характеризующія личность великаго князя, обрисовываетъ лицъ, составлявшихъ его придворный штатъ, приводитъ нѣкоторые новые факты относительно дѣятельности великаго князя, какъ намѣстника, и проч. Значительный также интересъ представляетъ собою сдѣланная авторомъ характеристика варшавскихъ аристократическихъ салоновъ, гдѣ въ тотъ періодъ сосредоточивалась общественная жизнь польской столицы. Наконецъ любопытной является характеристика императора Александра I, котораго авторъ мемуаровъ видѣлъ въ 1823 г. во время посѣщенія имъ Варшавы. Эта характеристика интересна именно, какъ отголосокъ тѣхъ мыслей и упованій, съ которыми поляки взирали на самодержца, даровавшаго имъ конституцію.

Вперемежку со страницами, содержащими только что отмѣченныя интересныя свѣдѣнія, чередуются страницы, наполненныя данными частью слишкомъ спеціальнаго характера, а частью не представляющими никакого значенія. Колачковскій состоялъ профессоромъ фортификаціи и топографіи въ варшавской военной школѣ, любилъ свое дѣло и отдавалъ ему всѣ свои силы. Въ одномъ мѣстѣ онъ сообщаетъ, какъ онъ рѣшилъ совершенно уединиться и порвать всякія знакомства, чтобы отдаться исключительно научнымъ трудамъ. Неудивительно, что и въ своихъ мемуарахъ онъ часто и подолгу останавливается на этой школѣ, обстоятельно поименовываетъ преподавательскій персоналъ къ началу каждаго учебнаго года, описываетъ всякія выдающіяся событія въ жизни школы втеченіе каждаго года, касается судьбы ея питомцевъ и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія, конечно, будутъ пригодны для какого нибудь спеціальнаго труда, но общаго интереса не представляютъ. Равнымъ образомъ слишкомъ спеціальный характеръ имѣетъ описаніе военныхъ маневровъ, происходившихъ въ 1823 г. въ окрестностяхъ Бреста-Литовскаго. Какъ человѣка военнаго, автора мемуаровъ очень интересовала русско-турецкая война 1828 года, которую онъ и описываетъ. Мы, однако, сомнѣваемся, представитъ ли хоть какой нибудь интересъ даже для военнаго историка это описаніе, такъ какъ оно сдѣлано въ общихъ чертахъ и при томъ на основаніи чужихъ свѣдѣній (Колачковскій въ войнѣ не участвовалъ). Наконецъ совершенно малозначительными представляются въ качествѣ историческаго матеріала тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, разсказываетъ исторію своей женитьбы и проч. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что такихъ страницъ очень немного.

Въ общемъ записки Колачковскаго содержатъ достаточно историческаго матеріала, подлежащаго использованію будущими изслѣдователями, и появленіе ихъ въ печати слѣдуетъ признать не излишнимъ. Разсказъ нѣсколько суховатъ, ведется большею частью дѣловымъ тономъ, авторъ скупъ на сообщенія о своемъ личномъ настроеніи или объ отношеніи общества къ тѣмъ или другимъ событіямъ и ограничивается передачей голыхъ фактовъ. Лишая ме-

муары занимательности, эта черта придаетъ имъ значеніе въ смыслѣ достовѣрности, что въ польскихъ мемуарахъ не всегда встрѣчается.

Четвертый томъ записокъ Колачковскаго, содержащій описаніе событій перваго польскаго возстанія, не обращается у насъ въ продажѣ по независящимъ отъ книгопродавцевъ причинамъ, и объ этомъ нельзя не пожалѣть.

К—чъ.

Вольтонъ Кингъ. Исторія объединенія Италіи. Т. I. Москва. 1901.

Вышедшій недавно по-русски первый томъ сочиненія Кинга даетъ исторію объединительнаго движенія въ Италіи. Цѣль сочиненія сжато и точно выражена авторомъ на заглавной страницѣ: «Все это случилось, чтобы служить примѣромъ, а описано въ наставленіе намъ» (слова апостола Павла). Такимъ образомъ, читатель видитъ, что авторъ принадлежитъ къ историкамъ-моралистамъ. «Работая надъ своей книгой,—говоритъ онъ,—я надѣялся вызвать ею симпатіи англичанъ къ Италіи; я надѣюсь также, что и переводъ моей книги вызоветъ симпатіи русскихъ къ странѣ, которой такъ многимъ обязана вся цивилизація, къ странѣ съ великимъ прошлымъ и, какъ я думаю, съ великимъ будущимъ. Италіи приходится теперь бороться съ ужасными бѣдствіями: бѣдностью, существованіемъ внутри ея клерикальной силы, проводящей вредную политику, ошибками и слабостью своихъ государственныхъ людей. Но итальянскій народъ, по крайней мѣрѣ, вся лучшая часть его, совершаетъ усилія въ сторону прогресса, достойныя его великаго прошлаго; и симпатіи всѣхъ друзей человѣчества должны сопутствовать ему въ его благородной борьбѣ». Самъ авторъ заявляетъ, что онъ главное вниманіе обратилъ на политическую исторію, но изображенное имъ соціальное положеніе Италіи составляетъ, быть можетъ, лучшую часть книги.

Вся первая часть вышедшаго тома изображаетъ культурно-соціальное положеніе Италіи до вспыхнувшей революціи. Здѣсь ярко нарисована картина страшной реакціи, сдавившей всѣ города Италіи. Красивый, молодой Фердинандъ II, вступившій въ 1830 г. и сыпавшій патріотическими фразами, приказалъ закутать покрываломъ статую Венеры Праксителя, чтобы пощадить общественную скромность, самолично установилъ длину юбокъ балетныхъ танцовщицъ, а папа Григорій XVI возставалъ противъ научныхъ конгрессовъ, не допускалъ постройки желѣзныхъ дорогъ въ государствѣ, считая ихъ вредными для религіи.

Послѣ картины состоянія Италіи, такъ удавшейся Кингу, онъ даетъ прекрасный очеркъ движенія молодой Италіи съ ея вождемъ Мадзини. Онъ называетъ его человѣкомъ «самой чистой души». По природнымъ склонностямъ, говоритъ Кингъ, это былъ ученый, его прежде всего интересовала литература. Онъ отличался женственной мягкостью и чистотой. Въ политику его увлекло чувство долга. По мнѣнію Кинга, хотя въ складѣ ума Мадзини было много католическаго, но это былъ пуританинъ по чуткости своей совѣсти, а также по неспособности видѣть обратную сторону вещей. Его политическія убѣжденія составляли для него догматы вѣры, не допускавшіе никакихъ сомнѣній; поли-

тическія ошибки значили для него нравственныя ошибки. Онъ былъ догматиченъ, нетерпимъ, слишкомъ радикаленъ, чтобы заставить людей видѣть именно въ немъ и ни въ комъ другомъ истиннаго пророка. Какъ моралистъ, какъ вдохновитель, онъ стоитъ на вершинѣ, гдѣ не имѣетъ себѣ соперника въ роли пророка для Италіи и всего міра.

Вторая часть книги Кинга изображаетъ революцію. Эта часть менѣе интересна, носитъ скорѣе внѣшній характеръ, но и здѣсь автору удалось мастерски освѣтить нѣкоторые вопросы не чисто политической исторіи. Такъ, онъ посвящаетъ цѣлую главу (глава IX) описанію конституція 48-го года, петиціямъ того времени, мятежамъ. Кингъ разбираетъ «Статуты» 48-го года и даетъ имъ совершенно объективную оцѣнку, говоря, что всѣ они составлены болѣе или менѣе по образцу французской конституція 1830 г., всѣ они, поэтому, страдаютъ одними и тѣми же недостатками. Кромѣ того, всѣ эти статуты составлялись наскоро, людьми мало подготовленными.

Національное возстаніе описано у Кинга со всѣми подробностями. И здѣсь находимъ обильную характеристику Росси. Онъ былъ, по словамъ Кинга, реформаторомъ, націоналистомъ и во многихъ отношеніяхъ либераломъ. Итальянское движеніе онъ поддерживалъ, пока оно стремилось къ независимости честной и прогрессивной администраціи и средне-классовой конституціи. Внутренняя его политика направлена была въ пользу экономическихъ и административныхъ реформъ. «Онъ не скрывалъ своего презрѣнія къ шумнымъ политикамъ, толпившимся въ галлереяхъ палаты; онъ грозилъ занять Римъ войсками; онъ преслѣдовалъ Римъ Гарибальди и выдалъ политическихъ бѣглецовъ Фердинанду. Но онъ могъ бы пережить свою непопулярность, такъ какъ народъ началъ понимать приносимую имъ пользу. Если былъ на свѣтѣ человѣкъ, способный сдѣлать возможнымъ конституціонное правительство съ папою во главѣ и сохранить его для болѣе прочной организаціи, то такимъ человѣкомъ былъ именно Росси». Съ тою же силою написанъ портретъ Манина, который иногда казался Донъ-Кихотомъ. Въ немъ соединялись чистота и симпатія хорошаго человѣка съ проницательностью и смѣлостью человѣка дѣйствія. Личная его нравственность была безупречна. Власть его надъ народомъ была безусловна, его возвышенные и смѣлые идеалы привязывали къ нему народъ, который съ энтузіазмомъ ему подчинялся и безгранично вѣрилъ ему. Но вѣра эта, замѣчаетъ Кингъ, опиралась не на логику, а на любовь.

Написанное вполнѣ популярно, сочиненіе Кинга основано на всѣхъ извѣстныхъ данныхъ. Онъ воспользовался всею литературой, кромѣ газетъ того времени, и дѣйствительно даетъ полное и вѣрное представленіе объ одномъ изъ крупнѣйшихъ явленій XIX вѣка.

А. Н—въ.

Г. Писаревскій. Вызовъ колонистовъ изъ Южной Европы и бунтъ корсиканцевъ. М. 1901.

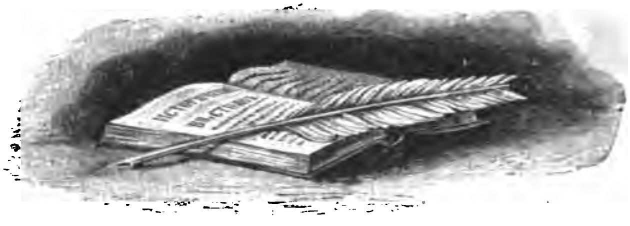
Брошюра г. Писаревскаго занята разсказомъ первоначальнаго заселенія Новороссійскаго края. Эмиграціонная политика, которой держалось правительство императрицы Екатерины II, недостаточно подробно и ярко представлена

авторомъ. Частный вопросъ, затронутый имъ, остался внѣ общаго теченія нашей дипломатіи и какъ-то одиноко, скучно глядитъ изъ своихъ скудныхъ внутреннимъ содержаніемъ рамокъ.

Душею эмиграціонной политики явился русскій морской генеральный комиссаръ въ Италіи Гр. Дм. Мочениго. Онъ только и хлопоталъ о томъ, чтобы переселить въ Херсонъ грековъ (съ острова Минорки), итальянцевъ и корсиканцевъ, не допускались только евреи. Всѣ эмигранты отъ Ливорно, отправного пункта, до Херсона совершали путь на счетъ русскаго правительства... Эмигранты отправлялись партіями и получали на мѣстѣ особыя права и привилегіи. Страннымъ кажется теперь только то обстоятельство, что Херсонъ представлялся мѣстомъ, не въ Россіи находящимся [1]), куда можно было водворять итальянскій пролетаріатъ и всякій сбродъ изъ луканцевъ, славонцевъ, корсиканцевъ и т. д. Ошибочность нашей эмиграціонной политики сама собой бросается въ глаза. Вообще, это — наша ахиллесова пята, мы не умѣемъ устраивать переселеній и не умѣемъ достаточно гарантировать переселенцевъ. Принципы эмиграціонной политики Іоанна III забыты правительствомъ петербургскаго періода... Тогда само правительство заботилось о способахъ, мѣрахъ и формахъ переселенія, при чемъ въ эмиграціи участвовали только русско-подданные... Подобная политика правительства императрицы Екатерины II привела къ открытому бунту колонистовъ въ Дарданеллахъ, у острова Тенедоса. Былъ убитъ начальникъ судна, лейтенантъ Власьевъ, и четыре матроса.

Эта брошюра можетъ еще лишній разъ указать на слабыя стороны нашей дипломатіи второй половины XVIII вѣка. Въ общемъ, она очень скучна, расплывчата, лишена интереса и живости. Для лицъ, интересующихся исторіей заселенія побережій Чернаго моря, она, пожалуй, можетъ дать матеріалъ, но не руководственный и фактическій, а чисто внѣшняго характера.

Кон. М—овъ.

---

1) Стр. 10.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ДОПОЛНЕНІЕ итоговъ европейской литературы за истекшій годъ. «Athenaeum» пропустилъ въ своемъ обычномъ іюльскомъ обозрѣніи европейскихъ литературъ, отъ 1-го іюля 1900 г. до 1-го іюля 1901 г. Россію и дополнилъ этотъ пробѣлъ, спустя двѣ недѣли [1]). Обозрѣвателемъ русской литературы редакція выбрала Валерія Брюсова, который довольно неудачно исполнилъ свою задачу. До насъ только касается историческая часть его статьи. Прежде всего, онъ указываетъ на исторію Павла I, Н. К. Шильдера, и находитъ въ ней интереснымъ только обиліе историческихъ матеріаловъ. Онъ находитъ, что взгляды Шильдера не имѣютъ большого вѣса и критическаго значенія. Напротивъ онъ отдаетъ преимущество, какъ историку, Бильбасову, хотя послѣдній, по его мнѣнію, историкъ старой школы. Съ его точки зрѣнія гораздо большаго уваженія заслуживаютъ труды: Максима Ковалевскаго: «Экономическое положеніе Европы, до появленія капиталистовъ»; профессора Герье: «Борьба за единство вѣры въ IV столѣтіи» и послѣдній томъ «Русской исторіи», Павлова. Изъ историческихъ журналовъ онъ удостоиваетъ вниманія только «Русскій Архивъ» и въ немъ письма Булгакова, характеризующія московское общество двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Историче-

---

[1]) «Russian literature» by Valerii Briusov, «Atheneum», 20 july 1901.

ское общество, по его словамъ, издало документы относительно кабинетъ-министровъ императрицы Анны, а по генеалогіи авторъ указываетъ на подлинныя данныя о князьяхъ Волконскихъ и семьѣ Татищевыхъ. Обращаясь къ литературной исторіи, онъ называетъ интересными труды Барсукова и Венгерова, а также сочиненіе Розанова о Яковѣ Ленцѣ, на основаніи напечатанныхъ матеріаловъ. Относительно новыхъ перепечатокъ старыхъ писателей, Брюсовъ считаетъ наиболѣе важнымъ изданіе сочиненій императрицы Екатерины II-й, подъ редакціей Пыпина. Вновь изданы поэтъ Майковъ и Гоголь, но очень посредственно. Одинаково не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ изданіе Фета, Никольскаго, и Пушкина, предпринятое академіей. Вотъ все, что нашелъ нужнымъ сказать обозрѣватель «Athenaeum»'а о русской исторической литературѣ въ истекшемъ году.

— Англійская біографія Абеляра. Надняхъ вышла подробная и основательная біографія великаго философа, богослова и аскета XII вѣка, Абеляра, написанная англійскимъ писателемъ Джозефомъ Макабомъ [1]). Этотъ авторъ, какъ нельзя болѣе, подходитъ къ предмету своего труда, такъ какъ онъ въ юности принадлежалъ къ католической церкви и послѣ тяжелой борьбы вышелъ изъ ея лона, а потому, естественно, горячо сочувствуетъ проповѣднику раціоналистическаго направленія въ богословіи и основателю философіи среднихъ вѣковъ. Въ своей книгѣ онъ болѣе занимается Абеляромъ, какъ проповѣдникомъ, чѣмъ какъ героемъ трагическаго романа, въ сущности, придающаго ему большую популярность и общую извѣстность. Дѣйствительно его драматическая, такъ несчастно окончившаяся любовь къ Элоизѣ обезсмертила его гораздо болѣе, чѣмъ его подвиги, какъ философа и богослова. Такимъ образомъ книга Макаба, знакомящая насъ чрезвычайно образно и живо съ философской и богословской дѣятельностью знаменитаго схоластика, служитъ полезнымъ и глубоко интереснымъ пособіемъ къ изученію серіозной стороны жизни пламеннаго поклонника Элоизы. Петръ Абеляръ родился 1079 г., близъ Нанта, въ мѣстечкѣ Паллэ, владѣтелемъ котораго былъ его отецъ Беранже. Собственно Абеляръ было его прозвище, данное ему неизвѣстно еще до сихъ поръ по какой причинѣ. Съ дѣтства онъ былъ предназначенъ къ военной карьерѣ, но онъ такъ страстно любилъ научныя занятія, что отказался отъ наслѣдства и даже отъ права первородства. Онъ добрался до Парижа и изучилъ философію и богословіе у знаменитаго въ то время Гильома-де-Шампо, но въ двадцать два года Абеляръ открылъ свою собственную школу въ небольшомъ городкѣ Мелэнъ, близъ Парижа, потомъ въ Корбелѣ и наконецъ въ Парижѣ, гдѣ онъ мало-по-малу достигъ университетской каѳедры. Сначала онъ былъ любимцемъ Шампо, но потомъ сдѣлался его противникомъ. Главнымъ образомъ они разссорились на основаніи знаменитаго тогда спора объ общихъ понятіяхъ «universalia». Онъ утверждалъ, что общія идеи сознаніе разума и становятся реальными, только когда относятся къ существующему въ дѣйствительности. Это ученіе, очень близкое къ теоріи Милля, было въ XII вѣкѣ чрезвычайно популярнымъ и занимало, такъ сказать, среднее по-

---

[1]) «Peter Abelard». By Joseph Mc Cabe. London, 1901.

ложеніе между тогдашними учеными, хотя Абеляръ болѣе склонялся къ номинализму. Свою теорію онъ развивалъ съ большимъ искусствомъ; со всѣхъ сторонъ Европы стекались слушатели и ученики. Это было самое блестящее время его карьеры. Кревье говоритъ, что его окружали до пяти тысячъ студентовъ изъ Германіи, Швейцаріи, Испаніи и Италіи. Каждый день въ пять или въ шесть часовъ утра большой соборный колоколъ звонилъ на ученыя занятія, и немедленно собиралась разнообразная толпа слушателей. Въ то время аудиторіей для такой массы служило лѣтомъ огороженное мѣсто на дворѣ, близъ собора, а зимою громадное пустое помѣщеніе, устланное сѣномъ или соломой. Ученики помѣщались на корточкахъ, и колѣни служили имъ пюпитрами, на которыхъ они писали въ своихъ тетрадкахъ, только одинъ проповѣдникъ сидѣлъ за своей каѳедрой. Лекція продолжалась непрерывно пять или шесть часовъ, послѣ чего студенты бѣжали домой и переписывали на пергаментъ текстъ лекцій. Такимъ образомъ Абеляръ имѣлъ въ качествѣ своихъ учениковъ одного папу, девятнадцать кардиналовъ и болѣе пятидесяти епископовъ. Около этого времени у него было много ученицъ, изъ числа которыхъ самой прилежной и способной была Элоиза, племянница каноника Фульбера. Молодые люди пламенно полюбили другъ друга. Близкая связь завязалась между ними, и послѣ рожденія у Элоизы ребенка Абеляръ тайно женился на ней. Изъ мести къ нему, Фульберъ приказалъ подвергнуть его самому позорному наказанію, послѣ чего великій ученый поступилъ въ монастырь Сенъ-Дени, а его жена постриглась въ Аргентельской обители. Однако, вскорѣ по призыву своихъ учениковъ онъ возобновилъ свои публичныя лекціи, и, къ увеличенію его несчастія, проповѣдуемое имъ ученіе о Св. Троицѣ и объ искупленіи было осуждено на двухъ соборахъ. Противъ него особенно возсталъ мистикъ Бернаръ изъ Клерво. Абеляръ тогда удалился снова въ Сенъ-Дени, но опять возбудилъ противъ себя преслѣдованіе, доказывая, что вѣра должна быть результатомъ убѣжденія, основаннаго на свободномъ мышленіи. Наконецъ ему пришлось бѣжать въ Провинъ, гдѣ онъ построилъ небольшую обитель, посвященную Св. Троицѣ. Ученики сбѣжались со всѣхъ сторонъ, и онъ увеличилъ свою обитель, назвавъ ее «Paraclet». Но новыя преслѣдованія смѣнялись одни за другими, и онъ скрылся въ одномъ изъ монастырей Морибана. Но его враги не унимались, особенно св. Бернаръ, и на соборѣ въ Сансѣ было рѣшено отлучить его отъ церкви. Тщетно аппелировалъ онъ въ Римъ, и булла объ его отлученіи была издана. Аббатство Клюни пріютило несчастнаго на нѣкоторое время и добилось отъ папы отмѣны буллы. Тогда Абеляръ окончилъ свои послѣдніе дни въ пріоратствѣ Сенъ-Марсель, на берегу Соны. Все еще до послѣдней минуты своей жизни онъ упорно боролся съ отцами католической церкви и говорилъ: «Они имѣли нахальство меня уничтожить». Его раціонализмъ и краснорѣчіе восторжествовали надъ ними, и онъ побѣдилъ ихъ своею философской системой и діалектикой, примѣненной къ таинствамъ. «Онъ признаетъ догматы непреложными, говоритъ Шмитъ, но онъ считаетъ ихъ не безусловной истиной, а проблемой, могущей быть доказанной разумомъ. Его теоріи близко подходятъ къ современному раціонализму. Его нравственность основана на совѣсти, которая болѣе философская, чѣмъ религіозная. Онъ умеръ въ 1142 году,

и его прахъ перенесенъ въ 1828 году вмѣстѣ съ останками Элоизы на кладбище «Père Lachaise» въ Парижѣ. Безжалостно разъединенные между собою при жизни, знаменитые влюбленные XII вѣка соединены въ гробницѣ.

— Одинъ ученый и два шарлатана XVIII вѣка. Эрнестъ Огривъ въ своемъ сочиненіи: «Чудесное XVIII вѣка», отрывки котораго были напечатаны въ «Revue hebdomadaire», посвящаетъ двѣ главы одному ученому и двумъ шарлатанамъ[1]). Въ эту эпоху борьбы матеріализма съ мистицизмомъ, увлеченіе послѣднимъ доходило до высшей точки. Невѣжды вѣрили во всевозможныя чудеса, тогда какъ, съ своей стороны, люди, занимавшіеся наукой, были въ свою очередь свидѣтелями необыкновенныхъ явленій и любопытныхъ открытій, такъ что перестали вѣрить въ невозможное. Въ это время появляется въ Парижѣ Месмеръ. Его странная для той эпохи способность исцѣлять больныхъ одними лишь излученіями магнетизма, исходящими изъ его глазъ и рукъ, поражала общество, и всѣ сбѣгались на это любопытное зрѣлище. Родившись въ Германіи, въ 1734 г. неизвѣстно, навѣрно, въ какомъ городѣ, въ Вѣнѣ, въ Вейлерѣ, или Мерзебургѣ, онъ въ 1766 г. окончилъ въ Вѣнѣ свое ученіе, получивъ званіе доктора. Месмеръ защищалъ съ успѣхомъ передъ факультетомъ этого города диссертацію, темой для которой послужила весьма смѣлая и новая идея, а именно: «Вліяніе планетъ на человѣческое тѣло». Онъ изучалъ нѣсколько лѣтъ медицину, съ цѣлью отысканія неизвѣстной силы природы, исцѣляющей всѣ болѣзни, чего онъ и достигъ, хотя не довелъ своей работы до конца. Добился онъ этого, благодаря одному іезуиту, отцу Геллю, съ которымъ познакомился въ 1774 году. Послѣдній лѣчилъ больныхъ магнитомъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, они работали вмѣстѣ, излѣчивая, какъ они разсказывали, серіозныя болѣзни посредствомъ магнита и электричества. Но вскорѣ Месмеръ разошелся съ отцомъ Геллемъ и началъ лѣчить по собственному методу, излѣчивая своимъ чудеснымъ средствомъ даже самыхъ трудныхъ, неизлѣчимо больныхъ. Его коллеги, видя, что онъ отъ нихъ отдѣлился, отвергали всѣ его успѣхи. Но его слава распространялась въ особенности за границей. Наконецъ Месмеру надоѣло преслѣдованіе коллегъ, и онъ покинулъ свое отечество. Въ 1778 году онъ отправился въ Парижъ и скромно поселился съ единственнымъ слугою въ маленькомъ домѣ, на Вандомской площади. Вскорѣ его домъ былъ наводненъ вельможами, придворными дамами, военными, аббатами и прочими, явившимися посмотрѣть этого страннаго человѣка, съ энергичной, сильной фигурой и спокойными, благородными чертами лица. Конечно, его успѣху способствовала много загадочность, которою онъ себя окружилъ, оригинальность лѣченія и ненависть остальныхъ докторовъ. Въ первые дни появленія Месмера его открытіе осмѣивали французы, но послѣ нѣсколькихъ удачныхъ излѣченій мнѣніе измѣнилось, и онъ принялся смѣло за лѣченіе. Три мѣсяца спустя послѣ своего пребыванія въ Парижѣ, Месмеръ устроился въ окрестностяхъ его, именно въ Кретейлѣ, чтобы не отвлекаться городскимъ шумомъ отъ своихъ занятій съ больными. Конечно, онъ нажилъ себѣ подобнымъ поведеніемъ множество вра-

[1]) «Le merveilleux au dix-huitième siècle», par Ernest D'Hautrive. «La Revue hebdomadaire» 25 juin—1 juillet 1901.

говъ среди коллегъ, не желавшихъ поближе изучить его способъ, а лишь, какъ это обыкновенно случается, усердно его критиковавшихъ. Такимъ образомъ составились двѣ партіи: первая—общество врачей, осуждавшихъ Месмера за то, что онъ не допускалъ опредѣлять состоянія больныхъ до его лѣченія, ко второй—принадлежалъ самъ Месмеръ, обвинявшій врачей въ нежеланіи сдѣлать осмотръ больнымъ, потому что они были изъ различныхъ классовъ общества. «Во Франціи,—говорилъ Месмеръ,—излѣченіе бѣднаго ничего не значитъ; пять излѣченій простыхъ гражданъ не стоитъ одного маркиза или графа, четыре излѣченія маркизовъ едва равняются излѣченію одного герцога, а четыре излѣченія герцоговъ ничего не значатъ въ сравненіи съ излѣченіемъ одного принца. Какая равница съ моими идеями, которыя достойны вниманія всего міра, если бы даже я исцѣлялъ только собакъ». По счастью для Месмера, онъ зарекомендовалъ себя и другими исцѣленіями, которыя, хотя не примирили его съ обществомъ врачей, но привлекли къ нему еще болѣе благоволеніе публики. Дѣло дошло до того, что ему не хватало времени заниматься съ больными одному, и онъ сошелся съ однимъ молодымъ врачемъ, Делономъ, усвоившимъ его идеи, и ввелъ въ свой способъ лѣченія очень важное измѣненіе, поведшее за собою небывалое развитіе магнетизма. Онъ началъ лѣчить своихъ паціентовъ съ помощью знаменитаго чана, вокругъ котораго собирались больные и большая часть здоровыхъ. Съ этихъ поръ всѣ бросились къ нему. Онъ устроилъ три чана платныхъ и одинъ для бѣдныхъ, безплатный. Платныхъ чановъ не хватало, и заранѣе надо было удерживать мѣста, или приходилось оставлять за собою цѣлый чанъ и приглашать своихъ друзей и знакомыхъ. Вскорѣ его квартира не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ, и онъ поселился въ домѣ Бюлльона, между улицами Монтмартръ и Жанъ-Жакъ-Руссо. Здѣсь его посѣщало еще большее количество публики, въ особенности, съ тѣхъ поръ, какъ Марія-Антуанетта не скрывала своего восхищенія магнетизмомъ. Хотя многіе богачи приглашали Месмера и Делона для лѣченія къ себѣ въ домъ, но все-таки считалось хорошимъ тономъ собираться вокругъ чана у Месмера. Многіе сдѣлались пансіонерами въ домѣ Бюлльонъ за цѣну 10 луидоровъ въ мѣсяцъ. Не имѣя возможности давать личные сеансы всѣмъ желающимъ, Месмеръ сталъ продавать намагнетизированные предметы, которые, хотя не имѣли той силы, какъ его чанъ, тѣмъ не менѣе, облегчали страданія больныхъ. Въ особенности онъ продавалъ много маленькихъ чановъ, на подобіе его большихъ чановъ, но устроенныхъ согласно извѣстнымъ правиламъ, которыхъ онъ не обнаруживалъ, чтобы сохранить тайну. Сотни лицъ, невзирая на то, что имѣли свои чаны, все-таки продолжали посѣщать Месмера, говоря, что его чаны обладаютъ большей силой. Даже бѣдные, которыхъ онъ лѣчилъ даромъ, въ такомъ количествѣ являлись къ нему, что ему приходилось отказывать имъ. Вслѣдствіе этого онъ намагнетизировалъ на бульварѣ, въ концѣ улицы Бонди, дерево, къ которому цѣлыя тысячи людей привязывали себя веревками, остальные нетерпѣливо ожидали своей очереди, сидя на землѣ и тоскливо карауля, когда кто нибудь изъ счастливцевъ наконецъ освободитъ мѣсто. Прохожіе останавливались, одни насмѣхались, другіе съ интересомъ слѣдили, и такъ это продолжалось цѣлые мѣсяцы. Но еще болѣе разжигала страсть къ магнетизму

неловкая несдержанность медицинскаго факультета, враждовавшаго противъ Месмера. Наконецъ Делонъ положилъ конецъ всѣмъ нападкамъ со стороны коллегъ, направленнымъ на него и Месмера, смѣло взявъ на себя защиту системы Месмера. Онъ затѣялъ публичный споръ передъ всѣмъ факультетомъ и потребовалъ контроль трехъ докторовъ, которые съ конца 1779 года слѣдили бы за ихъ работою и объявили бы, семь мѣсяцевъ спустя послѣ испытанія, что случаи, предоставленные ихъ наблюденію, были дѣйствительны, но не достаточно убѣдительны. При этомъ онъ обвинялъ судей въ недобросовѣстности и требовалъ строгаго разслѣдованія, заключавшагося въ томъ, чтобы, взявъ двадцать больныхъ наугадъ, часть ихъ передать Месмеру, а часть оставить на излѣченіе врачамъ, и тогда посмотрѣть результатъ. Факультетъ на это отвѣтилъ яростной обвинительной рѣчью и заявилъ, что если Делонъ будетъ продолжать магнетическіе сеансы, то его исключатъ изъ ученаго общества. Делонъ порвалъ съ ними связь, и народъ еще съ большимъ довѣріемъ и въ большемъ количествѣ бросился къ нему, тѣмъ болѣе, что слухъ прошелъ, будто ему отказали въ серіозномъ изслѣдованіи. Отказъ факультета изслѣдовать внимательно ежедневные факты исцѣленія, вмѣстѣ съ нападками на него ученыхъ медиковъ, на столько непріятно подѣйствовалъ на Месмера, что онъ рѣшилъ покинуть Парижъ, въ августѣ 1780 года. Ужасъ овладѣлъ больными, и они стали его умолять не покидать ихъ. Но послѣдній не поддавался. Тогда прибѣгли къ Маріи-Антуанеттѣ, поклонницѣ магнетизма, разсчитывая, что она настоитъ на вмѣшательствѣ правительства. Несмотря на то, что Людовикъ XVI былъ противникомъ магнетизма, онъ все-таки дозволилъ министру Морепа предложить Месмеру сдѣлать экспертизу, съ обѣщаніемъ, въ случаѣ успѣха, дать ему движимость и 20.000 ливровъ. На отказъ Месмера ему все-таки положили большую пенсію, подъ условіемъ, что онъ не покинетъ Франціи. Но Месмеръ отказался, выразивъ причины въ длинномъ письмѣ къ королевѣ, которая просила его принять королевское предложеніе изъ человѣколюбія къ больнымъ. Къ гнѣву Месмера на докторовъ присоединилась скупость, и, найдя эту сумму недостаточной, онъ отказался и уѣхалъ въ Спа. Этимъ временемъ Делонъ не дремалъ. Толпа больныхъ, оставшись безъ своего цѣлителя, бросилась къ ученику. Тогда Месмеръ понялъ, что его тайна можетъ быть выдана, и, чтобы предупредить опасность, рѣшилъ вернуться въ Парижъ. Онъ рѣшилъ продать ее, какъ можно дороже, и предложилъ тѣмъ, кто умолялъ его возвратиться, условіе, чтобы найти сто человѣкъ учениковъ, которые дали бы каждый по сто луидоровъ, и тогда онъ откроетъ имъ свою науку. Вскорѣ запись была покрыта именами избранныхъ друзей, и Месмеръ возвратился торжественно въ Парижъ. Вскорѣ Месмеръ снова поссорился съ Делономъ, и начиная съ народа до высшаго общества, до королевскаго двора, поднялись безконечные споры, такъ какъ месмеризмъ былъ у всѣхъ на языкѣ, и имъ лѣчилось болѣе восьми тысячъ человѣкъ. Журналы печатали болѣе замѣчательные факты исцѣленія, брошюры за и противъ месмеризма, а также гравюры, воспроизводящія сцены у чана, и каррикатуры распространялись массами въ публикѣ. Подписка, открытая Месмеромъ, еще болѣе привлекла публику. Каждый спѣшилъ вступить въ общество, подъ названіемъ «Ложи Гармоніи». Но Месмеръ осторожно вы-

биралъ учениковъ, останавливаясь на тѣхъ, которые по положенію, образованію или состоянію могли оказать ему важныя услуги. Такъ какъ желающихъ было болѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ имѣть учениковъ, то Месмеръ заставлялъ ждать. Такъ въ 1783 году въ «обществѣ Гармоніи» было только 48 членовъ, изъ которыхъ 18 человѣкъ принадлежали къ высокопоставленнымъ лицамъ, двое—кавалеровъ мальтійскаго ордена, одинъ адвокатъ, четыре доктора, два хирурга, семь банкировъ, два священника и три монаха. Богатые высокопоставленные ученики положили на его имя 240.000 ливровъ. Съ своей стороны онъ требовалъ отъ учениковъ безусловнаго молчанія и разрѣшалъ имъ впослѣдствіи продать секретъ, но съ условіемъ заплатить ему очень дорого и оставить на его долю большую часть прибыли. Лѣченіе магнетизмомъ распространилось и на животныхъ, и съ этой цѣлью открыли клинику въ Шарантонѣ. Такъ въ 1784 году магнетизировали старую лошадь, въ присутствіи принца Генриха Прусскаго, не прикасаясь къ ней, затѣмъ направили къ гортани больного животнаго магнетическія пассы, и лошадь тотчасъ начала кашлять. Доктора заключили, что у нея разстройство дыхательныхъ органовъ, и по вскрытіи оказалась правда. Недовольствуясь чанами, поклонники месмеризма желали имѣть намагнетизированныя вещи, какъ, напримѣръ, деревья въ ихъ садахъ и даже воду. Одинъ послѣдователь предложилъ замагнетизировать воду въ резервуарѣ Шальо и снабдить, такимъ образомъ, всѣ дома благотворной водою, что стоило бы абонентамъ не дороже пятидесяти ливровъ каждому. Месмеризмъ распространился въ провинціи, за границей и даже въ Америкѣ. Ученикъ Месмера, Лафайетъ, завезъ его на островъ св. Доменика, гдѣ негры съ горячностью принялись за него. Во Франціи онъ проникъ въ армію, и офицеры изучали его надъ солдатами. Повсюду стали основываться общества «Гармонія», въ родѣ парижскаго, и въ массонскихъ ложахъ многіе занялись магнетизмомъ. Сведенборгіанцы, мартинисты и прочіе открыто признавали эту науку и изучали ее. Конечно, критика, эпиграммы и пѣсни распространялись во множествѣ, даже театръ принялъ участіе. Въ итальянской комедіи играли «Современныхъ докторовъ», водевиль, направленный противъ Месмера и поднявшій бурю. Каждый вечеръ въ театръ собирались друзья и враги Месмера. Дамы самаго высшаго общества принимали въ этомъ участіе. Наконецъ этотъ шумъ подѣйствовалъ на короля, и по настоянію Делона, требовавшаго давно изслѣдованія магнетизма, была назначена комиссія изъ докторовъ, въ составъ которой входили пять членовъ академіи наукъ, самыхъ знаменитыхъ, какъ Лавуазье, Франклинъ и Байи. Комиссія послѣ долгихъ изслѣдованій вручила королю два рапорта; одинъ изъ нихъ онъ обнародовалъ, второй же остался въ тайнѣ, по случаю своихъ техническихъ и даже скабрезныхъ подробностей. Оба они проредактированы Байи и служили приговоромъ доктринѣ Месмера, которую находили опасной для здоровья и нравственности публики. Это совершенно убило Месмера. Напрасно онъ пробовалъ бороться и увидѣвъ, что все проиграно, покинулъ Францію въ 1785 году. Послѣ короткаго пребыванія въ Англіи, гдѣ Месмеръ былъ дурно принятъ, онъ проѣхалъ черезъ Францію. Въ Греноблѣ его встрѣтили оваціями, и затѣмъ онъ отправился въ Италію и Германію. Отъ времени до времени онъ возвращался въ Францію инкогнито. Говорятъ, что

будто онъ даже присутствовалъ при совершенiи казни надъ своимъ злѣйшимъ врагомъ Байи. Онъ смѣло съ нимъ раскланялся, когда тотъ проходилъ мимо его къ эшафоту. Месмеръ умеръ въ 1815 году. Слѣдующую главу Е. Отривъ посвящаетъ двумъ шарлатанамъ: графу Сенъ-Жермену и Калiостро. Первый сумѣлъ себя такъ обставить, что его происхожденiе, а также годъ рожденiя до сихъ поръ представляютъ только предположенiя. Самымъ достовѣрнымъ изъ нихъ считаютъ, что онъ родился въ началѣ XVIII столѣтiя и былъ сыномъ еврея, банкира въ Бордо, и испанской королевы, вдовы Карла II. Эта нѣмецкая принцесса очень пылкаго темперамента была избрана окружающими короля именно за ея легкiй, свободный нравъ. Они предполагали, что она благопрiятно подѣйствуетъ на настоящую или предполагаемую неспособность короля дать Испанiи наслѣдника, и первый вопросъ маркиза дель-Карпiо, которому было поручено ее принять, было: «Беременна ли она уже? Этого намъ именно и надо». Вотъ это-то двойное происхожденiе отъ банкира и королевы объясняетъ громадныя средства Сенъ-Жермена, источникъ которыхъ былъ неизвѣстенъ. Но это все—предположенiя, вѣрнаго же свѣдѣнiя такъ и не добились, настолько графъ Сенъ-Жерменъ обставилъ себя хитро, зная слабыя стороны человѣчества, на которыхъ онъ прекрасно игралъ. Эта таинственная личность появилась во Францiи еще до Месмера, именно въ 1750 году, послѣ того, какъ онъ посѣтилъ много странъ подъ различными именами. Съ первыхъ же дней Парижъ былъ пораженъ изумительной роскошью, которой графъ Сенъ-Жерменъ окружилъ себя. Затѣмъ пронесся слухъ, что онъ обладаетъ тайной философскаго камня, дѣлаетъ бриллiанты и владѣетъ жизненнымъ элексиромъ, которымъ онъ пользуется уже цѣлые вѣка. Вскорѣ начали распространяться фантастическiя легенды на эту тему. Явились личности, увѣрявшiя, что видѣли его сорокъ лѣтъ назадъ и не находили въ немъ никакой перемѣны. Онъ же поддерживалъ эти иллюзiи, изворачиваясь и отвѣчая разнообразно, согласно съ тѣмъ, кто задаетъ ему вопросъ. Такъ, однажды Помпадуръ спросила его: «который вамъ годъ?» «Я не помню»,—отвѣтилъ онъ.—«Г-жа Герши, жена посланника въ Вѣнѣ, увѣряетъ, что знала васъ тамъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ такимъ же, какимъ вы теперь».—«Это правда».—«Такъ вамъ теперь болѣе ста лѣтъ?» «Ничего нѣтъ невозможнаго».—«О! о!»—«Но еще возможнѣе, что эта дама, которую я уважаю, страшно завирается». Другой разъ г-жа Анживилье слушая, какъ онъ игралъ арiю, спросила его объ имени композитора. «Я не знаю его»,—отвѣтилъ Сенъ-Жерменъ.—«Все, что могу сказать, это то, что я слышалъ ее во время въѣзда Александра Великаго въ Вавилонъ». Прекрасно зная исторiю, Сенъ-Жерменъ, бесѣдуя о какомъ нибудь историческомъ фактѣ или личности, такъ обставлялъ разсказъ, что его принимали за свидѣтеля происшествiя. Отъ времени до времени онъ вставлялъ фразы въ такомъ родѣ: «тогда Францискъ I обернулся ко мнѣ...». Если ему на это ничего не говорили, то онъ продолжалъ разсказъ. Напротивъ, если его собесѣдникъ выражалъ удивленiе, то онъ живо поправлялъ: «къ герцогу такому-то...». «Эти глупые парижане, — говорилъ онъ,— думаютъ, что мнѣ пятьсотъ лѣтъ, и я поддерживаю эту мысль, потому что вижу, какое удовольствiе доставляетъ имъ это». Въ Парижѣ Сенъ-

Жерменъ не протестовалъ противъ всевозможныхъ басенъ, а, напротивъ, способствовалъ ихъ распространенію. Свое долголѣтіе онъ объяснялъ обладаніемъ жизненнаго элексира, который онъ боялся расточать. Однако, въ «London Chronicle» былъ помѣщенъ разсказъ, продиктованный, должно быть, самимъ Сенъ-Жерменомъ, какъ онъ далъ одной высокопоставленной дамѣ, желавшей помолодѣть, этотъ превосходный элексиръ: «берегите его и принимайте нѣсколько капель въ первой четверти новолунія», сказалъ Сенъ-Жерменъ. Осчастливленная дама заперла драгоцѣнную склянку, сказавъ, чтобы отвлечь любопытство своей горничной, что это средство отъ коликъ. Черезъ нѣсколько дней горничная въ одно прекрасное утро вошла въ комнату барыни, совершенно преобразившись: наканунѣ ей было 45 лѣтъ, а теперь едва 16. Дѣло въ томъ, что она почувствовала колики и, вспомнивъ про средство, хранящееся у барыни, выпила все до дна, замѣнивъ элексиръ водою». Сенъ-Жерменъ отлично говорилъ. Его разговоры были интересны и разнообразны. Онъ зналъ все, видѣлъ все, изучалъ все и при этомъ обладалъ рѣдкою памятью. Средняго роста, коренастый, одѣтый всегда со вкусомъ и съ непринужденной простотой, онъ удивлялъ своимъ апломбомъ и очаровывалъ умомъ. Датскій посланникъ, баронъ Глейхенъ, разсказывалъ, что, дѣлая визитъ вдовѣ кавалера Ламберъ, онъ видѣлъ, какъ графъ Сенъ-Жерменъ, котораго онъ еще не зналъ, вошелъ и безъ церемоніи кинулъ свою шляпу и шпагу на постель хозяйки. Затѣмъ онъ бросился въ кресло и закричалъ, перебивая разсказчика: «Вы сами не знаете, что говорите. Я одинъ могу васъ въ этомъ поддержать. Я это постигъ такъ же хорошо, какъ и музыку, которую мнѣ пришлось бросить, такъ какъ я слишкомъ изучилъ ее и не могъ болѣе дѣлать успѣховъ». На другой день Глейхенъ, обѣдая съ нимъ въ томъ же домѣ, говорилъ объ итальянской живописи. «Приходите ко мнѣ, я покажу вамъ нѣсколько картинъ». Дѣйствительно, онъ показалъ ему чудныя картины, а также невообразимую массу драгоцѣнныхъ камней. Ихъ поддѣльность было невозможно замѣтить, хотя они были не вставлены. Сенъ-Жерменъ обожалъ камни, жемчуги и проч. Онъ носилъ ихъ на табакеркахъ, пуговицахъ, пряжкахъ или въ ларцахъ, откуда онъ вынималъ ихъ горстями передъ очарованными зрителями. Иногда онъ относился къ нимъ небрежно, какъ случилось однажды у Помпадуръ, которой онъ показывалъ коробку съ топазами, изумрудами и рубинами на огромную сумму денегъ. Сенъ-Жерменъ бросилъ на столъ маленькій крестикъ, украшенный камнями. Присутствовавшая при этомъ г-жа Оссэ воскликнула отъ удивленія, и Сенъ-Жерменъ предложилъ крестикъ ей. Онъ былъ оцѣненъ впослѣдствіи въ солидную сумму. Сенъ-Жерменъ будто бы умѣлъ увеличивать жемчугъ и придавать ему лучшій отливъ. Такъ, Людовикъ XV совѣтовался съ нимъ объ одномъ бриллiантѣ, испорченномъ пятномъ. Сенъ-Жерменъ похвастался, что исправитъ его. Король прислалъ камень, который оцѣнили въ 10.000 ливровъ безъ пятна и въ 6.000 съ пятномъ. Черезъ мѣсяцъ королю былъ возвращенъ совершенно чистый бриллiантъ, вѣсившій равно столько же, какъ и прежде, и бриллiантщикъ предложилъ за него 9.600. Король относился къ Сенъ-Жермену съ уваженіемъ, къ большой досадѣ интригановъ, а Помпадуръ была съ нимъ на близкой ногѣ, благодаря его

безконечному очарованію въ разговорѣ. Нѣкоторые изъ его современниковъ относились къ разсказамъ о немъ не серіозно. Вольтеръ, напримѣръ, въ своей корреспонденціи говоритъ о немъ въ насмѣшливомъ тонѣ, а Фридрихъ II называлъ его «смѣшной сказкой». Въ 1760 году военный министръ, маршалъ Бель-Иль, хотѣлъ воспользоваться имъ для секретныхъ переговоровъ съ Голландіей безъ вѣдома министра иностранныхъ дѣлъ Шуазеля. Послѣдній раскрылъ заговоръ королю и вырвалъ у него приказъ объ изгнаніи Сенъ-Жермена. Онъ удалился сначала въ Англію, гдѣ возбудилъ такое же сильное любопытство, какъ и во Франціи, затѣмъ отправился въ Россію, гдѣ интриговалъ при дворѣ во время событій 1762 года. Потомъ онъ путешествовалъ по Германіи и Италіи. Повсюду искали его знакомства, такъ какъ онъ отличался даромъ очаровывать разговоромъ, а также своимъ таинственнымъ богатствомъ и роскошью. Впродолженіе нѣкотораго времени онъ совершенно забралъ въ руки маркграфа Анспахскаго, который уважалъ его и приходилъ отъ него въ восторгъ.—«Знаете ли вы этотъ почеркъ?» —сказалъ однажды Сенъ-Жерменъ послѣднему, указывая ему на письмо.—«Да, это отъ Фридриха II». «А печать?»—«Это его частная печать».—«Прекрасно, а вы не узнаете, что въ немъ заключается». И онъ спряталъ письмо въ карманъ. Наконецъ онъ поселился въ Шлезвигскомъ герцогствѣ у ландграфа Карла Гессенскаго, большого покровителя алхиміи, съ которымъ онъ отыскивалъ философскій камень. Онъ умеръ въ 1780 году, на рукахъ четырехъ женщинъ, ухаживавшихъ за нимъ въ послѣдніе годы его жизни, какъ за ребенкомъ. Послѣ его смерти ландграфъ ни за что не хотѣлъ сообщить содержаніе бумагъ, оставшихся послѣ Сенъ-Жермена, и кончилъ тѣмъ, что сжегъ ихъ. Такимъ образомъ не узнали о происхожденіи, а также объ источникѣ богатства Сенъ-Жермена. Можетъ быть, часть его драгоцѣнностей была и поддѣльная; говорили, что будто бы онъ былъ политическій шпіонъ многихъ правительствъ, и это давало ему громадныя средства. Но все это только говорили, а тайна такъ и осталась тайной. Во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ, отличающійся не только ловкостью и прекрасными манерами, но и очаровательнымъ умомъ, и если онъ злоупотреблялъ людскими слабостями, то не съ цѣлью залѣзать имъ въ карманъ. Послѣ графа Сенъ-Жермена самымъ выдающимся шарлатаномъ является Каліостро, настоящее имя котораго Джузеппе Бальзамо. Онъ родился въ Палермо въ 1743 году. Его отецъ, честный купецъ, умеръ, оставивъ Джузеппе мальчикомъ очень юнымъ. Дяди Джузеппе занялись его воспитаніемъ и помѣстили въ семинарію Сенъ-Рошъ, откуда онъ убѣгалъ много разъ. Тринадцати лѣтъ отъ роду онъ вступилъ въ орденъ бенедиктинцевъ, находящійся недалеко отъ Палермо; цѣлью этого ордена было ухаживать за больными. Тамъ, будучи послушникомъ, онъ получилъ отъ аптекаря первые уроки медицины и химіи, которые ему впослѣдствіи пригодились. Какъ образецъ его развратной натуры, авторъ приводитъ слѣдующіе факты: когда его заставляли, въ наказаніе, читать во время завтрака громкимъ голосомъ житіе святыхъ, онъ замѣнялъ ихъ имена именами извѣстныхъ куртизанокъ. Никакія наказанія не дѣйствовали на него, и въ одинъ прекрасный день онъ убѣжалъ изъ монастыря въ Палермо, гдѣ его нашелъ одинъ изъ его дядей. Поведеніе его было отвратительно. Развратникъ, вздор-

ливый, онъ ухитрился смошенничать у всѣхъ, кто его принималъ. Передавая любовныя письма двоюродной сестры къ одному изъ товарищей и обратно, онъ заставлялъ ихъ обоихъ платить себѣ. Введенный въ домъ къ своему родственнику, нотаріусу, онъ сумѣлъ поддѣлать духовное завѣщаніе и обворовалъ дядю, который помѣстилъ его у себя. Наконецъ послѣ всевозможныхъ продѣлокъ онъ покинулъ Палермо и началъ свое странствованіе по бѣлу свѣту, живя чаще всего мошенничествами. Проѣзжая черезъ Мессину, онъ познакомился съ странной личностью, по имени Альтотасъ, и съ нимъ-то онъ посѣтилъ Архипелагъ, Египетъ и другіе восточные города, гдѣ изучилъ кабалистику и тайныя науки. Каліостро зарабатывалъ деньги химіей, продавая разныя чудесныя средства. На Мальтѣ Альтотасъ умеръ, и Каліостро остался одинъ. Онъ досталъ посредствомъ вымогательства у великаго Пинто большую сумму денегъ, передъ тѣмъ какъ вернуться въ Италію. Въ Римѣ онъ встрѣтилъ идеальной красоты дѣвушку, по имени Лоренцу Феличіани, и такъ обошелъ ея родителей, зажиточныхъ купцовъ того города, что они согласились на бракъ дочери. Съ этой минуты у него явился новый источникъ дохода. Онъ принялся за перевоспитаніе этой чистой по природѣ дѣвушки, извративъ ей сердце, чувства и умъ, и кончилъ тѣмъ, что убѣдилъ ее въ томъ, какъ необходимо нравиться всѣмъ мужчинамъ, и что адюльтеръ не есть преступленіе, если женщина отдается изъ интереса. Съ ужасающимъ цинизмомъ онъ толкалъ ее въ объятія богатыхъ людей, а тѣмъ временемъ самъ занимался мошенничествомъ. Но вскорѣ полиція раскрыла его продѣлки, и онъ отправился съ Лоренцой и ея богатымъ любовникомъ, Альята, который платилъ всѣ издержки до Бергама, гдѣ онъ оставилъ эту парочку одну странствовать по Европѣ. Они переѣзжали изъ города въ городъ, останавливаясь то тутъ, то тамъ, согласно тому, гдѣ Каліостро находилъ любовника для своей жены. Этотъ негодяй принуждалъ Лоренцу продолжать постыдное ремесло, и если любовники оказывались не щедры къ ней, онъ угрожалъ имъ шантажемъ. Каліостро, занимаясь воровствомъ, велъ такъ ловко это ремесло и съ такой смѣлостью, что попадался не часто. Однако онъ былъ заключенъ въ тюрьму: разъ въ Палермо, два раза въ Лондонѣ и снова въ Палермо, но всегда кончалъ тѣмъ, что его выпускали на свободу, или онъ убѣгалъ, очаровывая богатыхъ покровителей красотою Лоренцы. Во время послѣдняго своего заключенія въ Палермо, его жена сошлась по его указанію съ сыномъ высокопоставленнаго лица въ Сициліи. Это былъ молодой человѣкъ, очень сильный и буйнаго характера. Онъ взялъ подъ свое покровительство мужа и жену и отправился къ предсѣдателю суда. Прибывъ къ послѣднему, они встрѣтили тамъ адвоката противной стороны, и на отказъ взять обратно жалобу молодой человѣкъ такой далъ ему урокъ, что испуганный предсѣдатель немедленно приказалъ освободить Каліостро. Въ продолженіе многихъ лѣтъ Каліостро кочевалъ по свѣту, подъ разными именами и обманывая всѣхъ. Однимъ онъ продавалъ секретъ дѣлать золото, у другихъ выманивалъ большія суммы денегъ на открытіе воображаемыхъ сокровищъ, на философскій камень, у другихъ кралъ брилліанты и жемчуга, обѣщая придать имъ болѣе вѣсу, и проч. Онъ ослѣплялъ людей своей изумительной роскошью и богатствомъ, источникъ которыхъ былъ для всѣхъ загадкой. Онъ такъ ловко

продѣлывалъ мошенничества, что обманутые имъ люди отказывались жаловаться на него. Въ это время Каліостро побывалъ въ Петербургѣ. Но Екатерина подозрительно отнеслась къ нему. За связь его жены съ Потемкинымъ Каліостро былъ высланъ изъ Петербурга; онъ проѣхалъ черезъ Митаву, Варшаву и Германію въ Страсбургъ. 19 сентября 1790 года цѣлая толпа встрѣчала его на мосту Кель, и когда онъ показался въ великолѣпной коляскѣ въ шесть лошадей, съ своей красавицей женою, послышались громкіе крики восторга. Съ первыхъ дней своего пребыванія, онъ, чтобы овладѣть симпатіей публики, выказалъ себя очень щедрымъ и добрымъ относительно бѣдныхъ. Роскошь его обстановки и загадочность средствъ, такъ какъ никогда не видѣли, чтобы къ нему присылали деньги, или чтобы банкиръ платилъ по векселю, поражали всѣхъ. Жители Страсбурга старались проникнуть въ его интимную жизнь и узнали, что онъ всегда готовъ помочь бѣднымъ и проводить у изголовья больныхъ ночи, посвящая только нѣсколько часовъ сну, и то сидя въ креслѣ. Конечно, эти легенды онъ распустилъ самъ. Успѣхъ его былъ громадный у народа, высшій же классъ, очарованный его манерами и тайной, которая окружала его, старался добиться чести принять его, говорить съ нимъ или только посмотрѣть на него. Но онъ посѣщалъ не всѣхъ. Главная его квартира была у кардинала Рогана, который такъ хорошо къ нему относился и покровительствовалъ ему, что даже послѣ исторіи съ ожерельемъ выражалъ ему свое уваженіе и полное довѣріе. Лафатеръ, желавшій увидѣть Каліостро, пріѣхалъ съ этою цѣлью въ Страсбургъ. Каліостро отвѣтилъ ему слѣдующее: «Если изъ насъ двухъ вы болѣе учены, то я не нуженъ вамъ, если же я болѣе ученъ, то не нуждаюсь въ васъ». Лафатеръ недовольный отвѣтилъ ему: «Откуда ваши познанія? Какъ вы пріобрѣли ихъ? И изъ чего они состоятъ». На это Каліостро написалъ ему: «in verbis, in herbis, in lapidibus». Наружность Каліостро была довольно странная. Онъ былъ средняго роста, нѣсколько толстый, съ короткой шеей и съ смуглымъ цвѣтомъ кожи. На его кругломъ лицѣ красовался вздернутый носъ, глаза были на выкатѣ, но въ общемъ вся его личность была какая-то странная, что еще болѣе усиливалось отъ необычайнаго выраженія глазъ, ихъ проницательность становилась иногда ужасна. Одѣвался онъ всегда очень богато, носилъ кружевныя манжеты, громадные перстни, ослѣпительные часы и цѣпочку, бриллiантовыя пуговицы и запонки и осыпалъ себя всего драгоцѣнными украшеніями, говоря, что камни онъ фабрикуетъ самъ. Впрочемъ онъ не лгалъ, такъ какъ камни были всѣ сфабрикованные. Говорилъ онъ подходящимъ къ костюму языкомъ, мѣшая французскій языкъ съ итальянскимъ, припутывая при каждомъ случаѣ цитаты на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ, который онъ называлъ арабскимъ. Но онъ остерегался переводить смыслъ ихъ, и эта таинственность придавала имъ особую красоту. Каліостро напыщенно говорилъ о своемъ рожденіи, которое, по его словамъ, случилось нѣсколько сотенъ лѣтъ тому назадъ, о своихъ путешествіяхъ по всему свѣту, и въ особенности въ центральной Африкѣ, въ знаменитомъ городѣ, который въ десять разъ больше Парижа, и наконецъ о своемъ вызываніи духовъ. Слава его обѣжала Францію. Увлеченные таинственностью французы массами дѣлались его адептами, главными изъ нихъ были Роганъ, Ми-

роменилъ, Сегюръ, Верженъ, Шолье, Полиньякъ и проч. Онъ устроилъ въ Бордо и Ліонѣ, гдѣ онъ произвелъ нѣсколько кражъ, свою массонскую ложу. Успѣхъ былъ невообразимый, а когда въ 1785 году онъ поселился въ Парижѣ, то публика неистовствовала, она бросилась къ нему съ тѣмъ же жаромъ, какъ нѣкогда къ Месмеру. Въ особенности бѣсновалось высшее общество, и по двѣсти каретъ ежедневно стояло въ той улицѣ, гдѣ онъ жилъ. Онъ вылѣчилъ брата кардинала Рогана, принца Субизъ, который сначала отказался его принять, а потомъ проглотилъ элексиръ, данный Каліостро и выздоровѣлъ. Разговору только и было о Каліостро. Къ его несчастію, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ попалъ въ дѣло объ ожерельѣ. Его роль окончательно не выяснена. По всей вѣроятности, онъ былъ въ союзѣ съ Ла-Моттъ, чтобы надуть Рогана, на умъ котораго Каліостро имѣлъ громадное вліяніе, а плоды мошенничества долженъ былъ раздѣлить съ Ла-Моттъ. Разсчитавшись съ кардиналомъ, онъ принужденъ былъ покинуть Францію. Его отъѣздъ привелъ въ настоящее отчаяніе его адептовъ. Сначала онъ отправился въ Англію, затѣмъ въ Германію, Швейцарію, Италію и наконецъ въ Римъ, гдѣ 27 декабря 1789 г. онъ былъ арестованъ, по приказанію папы. Его преслѣдовали за принадлежность къ массонству и за мошенничество; его приговорили къ смертной казни, 21-го марта 1791 года, подъ настоящимъ именемъ, Джузеппо Бальзамо. Но папа Пій отмѣнилъ казнь и замѣнилъ ее вѣчнымъ заточеніемъ въ крѣпости св. Ангела, гдѣ Каліостро умеръ. Года его смерти навѣрно не знаютъ, предполагаютъ, что онъ умеръ въ 1795 году. Жена его умерла также въ тюрьмѣ.

— Новое происхожденіе марсельезы. Недавно журналистъ, нѣмецкаго происхожденія, по имени Карлъ Блиндъ, помѣстилъ въ іюльской книжкѣ «Ninteenth Century» статью, опровергающую французское происхожденіе «Марсельезы» [1]). Онъ увѣряетъ, что въ 1776 году нѣкій Гольцманъ, регентъ часовни пфальцъ-графства, составилъ мессу «Credo» (Символъ вѣры), который послужилъ мотивомъ для «Марсельезы». Манускриптъ этого мотива существуетъ до сихъ поръ въ церковной библіотекѣ Меерсбурга. Прекрасный мотивъ «Credo» этой мессы такъ понравился музыкантамъ той эпохи, что они не стѣснялись присвоивать его себѣ. Перемѣнивъ слова, они вставляли мелодію въ собственныя религіозныя произведенія. Такъ, напримѣръ, нѣкій органистъ одной швабской деревни, по имени Шерръ, воспользовался мотивомъ Гольцмана около 1830 года для своей рождественской кантаты. Но опоздалъ: выходя изъ церкви, послѣ ея исполненія, онъ встрѣтилъ отставного солдата, принимавшаго участіе въ республиканской арміи, который воскликнулъ, обращаясь къ нему: «Что вы намъ такое пѣли? Вѣдь это «Марсельеза», я узналъ ее съ первыхъ нотъ».—«Марсельеза»?—отвѣтилъ удивленный органистъ:—но я взялъ ее изъ старинной мессы!» Благодаря тому, что красивый мотивъ передавался отъ одного къ другому, онъ пробрался во Францію, прежде революціи. По словамъ Блинда, будто бы этотъ мотивъ исполняли первый разъ въ 1782 году, въ концертахъ г-жи Монтессонъ, пріятельницы Филиппа Орлеанскаго. Есть доказа-

[1]) The Strange origine of the «Marseillaise» Karl Blind. Nineteenth Century. july 1901.

тельства, что этотъ мотивъ былъ извѣстенъ незначительному композитору, жившему въ Сентъ-Омерѣ, гдѣ онъ управлялъ хоромъ въ соборѣ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, съ 1775 по 1787 годъ. Выйдя въ отставку, этотъ композиторъ отдалъ всѣ свои произведенія въ городской архивъ. Въ числѣ ихъ находилась ораторія, интродукція которой заключала мотивъ «Марсельезы»; тамъ его и нашли. Его основаніемъ все-таки служитъ мотивъ «Credo» Гольцмана. Такимъ образомъ выходитъ, что Руже де-Лиль, считавшійся создателемъ «Марсельезы», по словамъ Блинда, въ 1792 году не создалъ мотива для «Марсельезы», а списалъ копію передѣлки Сентъ-Омерскаго композитора, перемѣнивъ лишь слова и придавъ болѣе живой и веселый темпъ.

— Справедливая оцѣнка дѣятельности Каррье. Недавно вышелъ въ свѣтъ новый трудъ Альфреда Лалье, подъ заглавіемъ: «Біографія Каррье, по новымъ документамъ» [1]), который служитъ дополненіемъ ранѣе вышедшему въ свѣтъ его произведенію, относящемуся къ террору въ Нантѣ. Эта біографія Каррье является самой полной и снабженной наибольшимъ количествомъ документовъ, чѣмъ всѣ ранѣе вышедшія произведенія о молодости и дѣятельности Каррье. Будучи членомъ конвента, Каррье во время террора былъ самымъ ярымъ дѣятелемъ въ 1793 г. въ Нантѣ. Впослѣдствіи ему поставили въ вину его же единомышленники въ дѣлѣ террора его дѣятельность говоря, что онъ превысилъ свою власть и старался возстановить королевское достоинство, вызывая своей крайностью ненависть къ республикѣ, и скомпрометировалъ революцію, обезчестивъ терроръ. Но Лалье разсматриваетъ этого дѣятеля революціи съ точки зрѣнія, если не защиты, то желанія отнестись одинаково справедливо ко всѣмъ остальнымъ его соучастникамъ, не взваливая всей тяжести отвѣтственности за кровопролитіе на одного Каррье. При жизни Каррье его коллеги и сообщники обвинили его и предали палачу; когда онъ умеръ, всѣ безъ различія партіи отреклись отъ него, говоря, что онъ одинъ былъ въ отвѣтѣ за преступленія. А это совершенно не точно, говоритъ Лалье. Не обѣляя Каррье, такъ какъ онъ приводитъ факты, не говорящіе въ пользу Каррье, онъ въ то же время представляетъ рядомъ съ ними другіе, тождественные, его сотоварищей. Лалье приводитъ образецъ поведенія самого Каррье. Оба революціонные трибунала, учрежденію которыхъ много способствовалъ Каррье, въ первые дни своего пребыванія въ Нантѣ продолжали работать и каждый день приговаривали къ смерти двухъ, трехъ лицъ, мужчинъ или женщинъ. Это было противно мнѣнію Каррье, и онъ не скрывалъ презрѣнія къ такому способу обузданія въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ однажды Филиппу: «Ба! ба! вамъ, судьямъ, нужно сто свидѣтелей, сто доказательствъ, чтобы судить обвиняемаго. Необходимо ли столько доказательствъ, не лучше ли прямо бросать въ воду? Скоро ты увидишь, какъ будутъ топить женщинъ». О подробностяхъ послѣдующаго затѣмъ потопленія Лалье говоритъ много въ своемъ ранѣе вышедшемъ сочиненіи «Коллективное утопленіе въ Нантѣ». По словамъ Бенабена, процессъ потопленія назывался «отсылать въ водяной замокъ». «Си-

[1]) «J. B. Carrier, représentant au Cantal à la Convention (1756—1794) d'apres de nouveaux documents».

стема Каррье,—говоритъ Лальс,—была дозволять своимъ агентамъ дѣйствовать самостоятельно. Однажды давъ толчекъ мѣрамъ, которыя онъ рѣшилъ предпринять, Каррье не заботился болѣе объ ихъ процессѣ. Революціонный комитетъ заключалъ преступниковъ и пыталъ; революціонный трибуналъ судилъ, осуждалъ и даже оправдывалъ обвиняемыхъ; только два раза Каррье вмѣшался, чтобы обязать Филиппа принять два приговора, о которыхъ ему разсказали. Онъ даже предоставилъ военной комиссіи, въ которой въ дѣйствительности предсѣдательствовалъ Биньонъ, а номинально Гошонъ, раздѣлять съ Ламперти всѣ заботы объ уничтоженіи узниковъ. По возвращеніи изъ Нанта онъ снова занялъ свое мѣсто въ конвентѣ, и никто не думалъ его тревожить. Но вслѣдъ за 9 термидоромъ члены революціоннаго нантскаго комитета были преданы революціонному трибуналу въ Парижѣ, и грозная туча повисла надъ Каррье. Самыя ужасныя обвиненія, подтвержденныя обвиняемыми и свидѣтелями, посыпались на одного Каррье, хотя онъ проливалъ человѣческую кровь не одинъ. Конвентъ боролся, спорилъ, опасаясь создать досадныя послѣдствія для нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Видя, что опасность со дня на день увеличивается, они рѣшили пожертвовать Каррье.

— Другой террористъ. До сихъ поръ не существовало полной біографіи члена конвента Андрэ Жанбона, или, какъ его называли, Жанбона Сентъ-Андрэ, одной изъ интересныхъ личностей той эпохи. Онъ послѣдовательно былъ морякомъ, протестантскимъ пасторомъ въ Кастрѣ, муниципальнымъ чиновникомъ въ Монтобанѣ, депутатомъ отъ Ло въ національномъ конвентѣ, членомъ комитета общественной безопасности, съ Робеспьеромъ и Карно, организаторомъ морского флота во II и III-мъ году, генеральнымъ консуломъ во время директоріи, префектомъ Монъ-Тонерскаго департамента и барономъ имперіи. Теперь этотъ пробѣлъ пополненъ вполнѣ удачно трудомъ Леви-Шнейдера [1]). Какъ пасторъ, Жанбонъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ реформатскихъ юго-западныхъ церквей и въ протестантскомъ движеніи, предшествовавшемъ революціи. Будучи муниципальнымъ чиновникомъ Монтобана, въ то время значительнаго города и какъ членъ демократической партіи, онъ способствовалъ въ широкихъ размѣрахъ уничтоженію прежнихъ правилъ и введенію новыхъ, установленныхъ учредительнымъ собраніемъ. Членъ Горы въ конвентѣ во время процесса короля и ссоръ между жирондистами и членами Горы, онъ своимъ вмѣшательствомъ оказывалъ сильное вліяніе. Выбранный въ комитетъ общественной безопасности, онъ помогалъ Робеспьеру и его сотоварищамъ овладѣть диктатурой. Съ другой стороны, завѣдуя въ комитетѣ морскимъ управленіемъ, вмѣстѣ съ Карно, организаторомъ сухопутныхъ, военныхъ силъ, Жанбонъ возстановилъ морскія силы Франціи. Во II году онъ далъ сраженіе съ Брестскою эскадрою, знаменитой по эпизоду съ кораблемъ «Ванжеромъ». Въ Тулонѣ онъ развилъ въ III г. французскій флотъ Средиземнаго моря. Какъ представитель, Жанбонъ участвовалъ во всѣхъ крупныхъ преніяхъ относительно воспитанія, правъ собственности, допущенія граждан-

---

[1]) Le conventionnel Jeanbon Saint-André (1749—1813), par Lévy-Schneider. 2 vol. Paris. 1901.

ской религіи и конституціонныхъ законовъ. Въ своихъ безконечныхъ миссіяхъ, въ различныхъ пунктахъ территоріи онъ прибѣгалъ къ правительственнымъ средствамъ, до сихъ поръ мало извѣстнымъ, какъ, напримѣръ, устройство революціонныхъ колоній на манеръ коллективистскихъ или коммунистскихъ. Дѣятельность Жанбона въ Монтобанѣ и въ сосѣднихъ мѣстахъ за 1789—1795 г., его участіе во время террора въ Марселѣ и Тулонѣ, въ продолженіе террорійской реакціи, бросаютъ новый лучъ свѣта на исторію революціи на юго-западѣ, въ Бретанѣ, Нормандіи и Провансѣ. Наконецъ тринадцать лѣтъ управленія префектурой въ Майнцѣ даютъ много интереснаго матеріала автору. Леви-Шнейдеръ добросовѣстно отнесся къ личности Жанбона и вывелъ слѣдующія заключенія: «До самой смерти членъ конвента не отрекался ни отъ своихъ идей, ни отъ своихъ правительственныхъ поступковъ; его жизнь текла между самыми разнообразными событіями. Конечно, Жанбонъ не былъ ни обаятельнымъ главою партіи, ни политическимъ геніемъ или блистательнымъ ораторомъ, но изъ толпы людей энергичныхъ и талантливыхъ, которыхъ революція вывела изъ мрака, его можно поставить въ первый рядъ. Этотъ неутомимый труженикъ не былъ великимъ человѣкомъ, но зато его можно считать самымъ усерднымъ слугою страны и демократіи». Онъ умеръ послѣ тринадцатилѣтняго управленія префектурой въ Майнцѣ жертвою своего долга.

— Финляндская монографія французской революціи. Недавно вышла въ свѣтъ интересная монографія французской революціи, написанная на французскомъ языкѣ [1]). Авторъ ея, г-жа Альма Седерхьельмъ, уроженка Финляндіи, воспользовалась этимъ произведеніемъ для своей диссертаціи на степень доктора исторіи при историко-филологическомъ факультетѣ Гельсингфорсскаго университета 28-го марта 1900 г. До сихъ поръ вышелъ только одинъ томъ, такъ какъ она прервала свой трудъ, ради того, чтобы онъ не переступалъ границу обыкновенныхъ университетскихъ диссертацій. Г-жа Седерхьельмъ остановилась на смерти Робеспьера, но она скоро напечатаетъ конецъ, въ которомъ разсмотритъ управленіе прессой «во время Термидорской реакціи и директоріи». Уже появившійся томъ раздѣляется слѣдующимъ образомъ; вступленіе относительно управленія прессой до революціи; 1-я книга: «Періодъ неограниченной свободы (1789—10 августа 1792)», раздѣленная на шесть главъ: Предвѣстники, Рожденіе политической прессы, Вопросъ прессы въ національномъ собраніи, Парижскій муниципалитетъ и газеты, Клубъ якобинцевъ и свобода печати, Публика и свобода печати; II-я книга: «Пресса, какъ служитель партіи» (10 августа 1792—1 термидоръ, годъ II), въ ней только три главы: Борьба между Горой и Жирондой и свобода печати, Клубъ якобинцевъ въ этотъ періодъ и Терроръ и журналисты. Г-жа Седерхьельмъ прекрасно справилась съ своей задачей, написавъ добросовѣстно, точно и методично этотъ трудъ. Она говоритъ: «Я поставила себѣ задачей показать, какъ была организована свобода печати, и какія перемѣны выдержала она, въ продолженіе революціи. Я не ограничилась тѣмъ, чтобы освѣтить только

---

[1]) La règime de la presse pendant rèvolution la française, par Alma Söderhjelm, Helsingfors, 1900.

тѣ условія, какія лишь установлены закономъ, но, такъ какъ въ эту эпоху законъ былъ далекъ отъ того, чтобы вѣрно указывать общественное состояніе, я попробовала, собравъ факты и подробности, дать полное изображеніе теоретическихъ мнѣній, которыя были заявлены, и практическихъ мѣръ, предпринимавшихся въ вопросѣ свободы печати».

— Сынъ маркиза Садъ. Пословица: «яблоко не далеко падаетъ отъ яблони», не всегда имѣетъ вѣрный смыслъ, доказательствомъ чего можетъ служить сынъ маркиза Садъ. Недавно, а именно 3-го іюля 1901 г., въ «Journal» была помѣщена статья [1]) Поля Жинисти, посвященная сыну маркиза Садъ. Въ этомъ году тотъ же самый авторъ написалъ книгу объ его матери, а теперь онъ нашелъ въ военныхъ архивахъ новые документы, до сихъ поръ неизвѣстные, относящіеся къ ея сыну, и на основаніи ихъ составилъ статью. Луи-Мари Садъ, старшій сынъ ужаснаго маркиза, родился 27-го апрѣля 1767 г. и былъ убитъ въ Италіи 7-го іюня 1809 г. Страстно любившій науку и искусства, онъ предавался имъ всей душою, но впослѣдствіи перешелъ на военное поприще, чтобы кровью смыть пятно, тяготѣвшее на его имени, благодаря его отцу. Во время Директоріи и начала Консульства, Луи-Мари существовалъ своими граверными работами. Но судьба не очень милостиво поступила съ нимъ. Въ это же время изданіе «Жюстины», съ скандальными иллюстраціями, все увеличивалось, и на его долю выпала задача гравировать нѣкоторыя изъ этихъ гнусныхъ рисунковъ, составленныхъ для скабрезныхъ произведеній его отца. Понятно, съ какимъ чувствомъ отвращенія, гадливости и ужаса онъ принялся за работу, какое чувство глубокаго горя и оскорбленія ощутилъ онъ отъ поступка человѣка, давшаго ему жизнь. Луи-Мари поклялся съ той минуты стереть пятно стыда съ своего имени. Все это не предположеніе, и числа служатъ свидѣтелями этому романическому случаю. Въ 1801 году, отецъ его маркизъ Садъ сдѣлался гражданиномъ Садъ и былъ арестованъ, по приказанію перваго консула, не простившаго ему памфлета «Золоэ», въ которомъ Жозефина жестоко осмѣивалась подъ легко узнаваемой личиной. Въ тотъ же годъ, Мари-Луи Садъ хлопочетъ, чтобы поступить въ армію. Но поступить во французскую армію у него было мало надежды, такъ какъ въ 1791 году, будучи подпоручикомъ въ полку Рогана-Субизъ и возвращаясь изъ похода «на Американскіе острова», онъ отвергъ присягу, эмигрировалъ, и его имя было ненавистно Бонапарту. Въ это время формировалась польская полубригада для услугъ итальянской республики, и Мари-Луи Садъ поступилъ туда. Съ этой минуты онъ находится въ отдаленныхъ странахъ, переходя изъ гарнизона въ гарнизонъ, скрывая досаду и тщетно отыскивая случай отличиться. Цѣлые годы о немъ не слышно. Но вотъ наступилъ прусскій походъ; генералъ Бомонъ, шталмейстеръ королевы-матери, заинтересовался имъ и принялъ его въ свой главный штабъ. Мечта, что наконецъ онъ можетъ доказать свои доблести, овладѣваетъ Мари-Луи. Онъ ищетъ случая отличиться, чтобы его назвали въ приказѣ императора по имени, и заслужить его взгляда и разговора, доказавъ, что сынъ возвысилъ имя отца, униженное послѣднимъ. Очевидно съ этою цѣлью онъ домогался протекціи

---

[1]) «Le fils du marquis de Sade», par Ginisti, «Journal», 3 juillet. 1901.

генерала Бомона, сенатора, принятаго въ императорской семьѣ. Напрасно при Іенѣ онъ былъ самый смѣлый помощникъ своего начальника, императоръ не замѣтилъ его. Луи-Мари сражался, какъ человѣкъ, у котораго не осталось ни одной капли надежды, но эхо его поступковъ не отозвалось тамъ, гдѣ было желательно. Наполеенъ былъ далеко, а тѣ, кто могъ бы ему засвидѣтельствовать о поступкахъ Мари-Луи, боялись грозно сдвинутыхъ бровей и не смѣли замолвить слова. Существуютъ слѣды прошенія Мари-Луи на переходъ во французскій полкъ. Просьбу не приняли. Онъ добился лишь быть зачисленнымъ во 2-й полкъ польской инфантеріи, колонны Мальзевскаго. При Фридландѣ, находясь въ чинѣ капитана, онъ былъ адъютантомъ генерала Марконье. Его характеръ не терпѣлъ долгой бездѣятельности и, когда армія оставалась иногда до вечера не у дѣлъ, то онъ радовался приказамъ, отданнымъ Маршану и Биссону, выходить изъ лѣса и двигаться сжатыми колоннами подъ сильнымъ огнемъ артиллеріи. Недовольствуясь отдаваніемъ приказаній, онъ вмѣшивался въ самую толкотню противъ натиска русской арміи. Лишь только проникли въ улицы Фридланда, Мари-Луи былъ раненъ. Но онъ не обращалъ вниманія на рану и даже не удерживалъ крови, хлынувшей фонтаномъ, а оставался на полѣ сраженія до 11 часовъ вечера. Только съ послѣднимъ выстрѣломъ онъ упалъ съ лошади, потерявъ послѣднія силы. Его мундиръ былъ весь окровавленъ; онъ оставался всю ночь среди мертвыхъ, которыхъ на другой день должны были побросать въ рѣку. И на этотъ разъ его справедливыя надежды не оправдались. Никакая награда не выпала на его долю. Вторичная просьба быть принятымъ во французскій полкъ не имѣла успѣха. Императоръ еще разъ ничего не узналъ о подвигахъ Сада. Злополучная неудача тяготѣла надъ нимъ; всякій разъ, когда онъ хотѣлъ отличиться своей храбростью, случай отталкивалъ его отъ встрѣчи съ Наполеономъ, милостиваго слова котораго онъ жаждалъ такъ страстно. 3-го сентября 1808 года его извѣстили о зачисленіи въ Изембургскій полкъ, одинъ изъ иностранныхъ отрядовъ, находящихся на службѣ Франціи, сформированныхъ особымъ декретомъ. Этотъ полкъ былъ не изъ любимыхъ, если вѣрить любопытной жалобѣ принца, командовавшаго имъ. Въ моментъ его основанія его форма была уже предусмотрѣна. Она была довольно кокетлива и состояла изъ небесно-голубыхъ панталонъ и куртки, подбитой голубымъ, желтаго воротника, бѣлаго канта и бѣлыхъ пуговицъ, но въ дѣйствительности интендантство нѣсколько забыло его. Принцъ писалъ: «Я былъ бы счастливъ видѣть моихъ солдатъ одѣтыми, хотя бы въ монашескія рясы. Мой 1-й батальонъ изъ четырехсотъ человѣкъ безъ пантолонъ. Треть ихъ находится съ минуты ихъ вступленія въ одной рубашкѣ, парѣ носковъ и сапогъ, остальное совершенно голо»... Этотъ полкъ, по всей вѣроятности, бельгійскій, его офицеры были уроженцы четырехъ новыхъ департаментовъ Рейна, онъ состоялъ изъ французовъ, раскаявшихся въ возстаніи шуановъ и бывшихъ эмигрантовъ. Среди нихъ находился капитанъ Антуанъ-Жозефъ Сенъ-Жюстъ, имя котораго не возбуждаетъ роялистскихъ воспоминаній. Это зачисленіе равнялось изгнанію. Уже съ годъ полкъ отослали изъ Тулона въ Южную Италію, когда Мари-Луи долженъ былъ занять въ немъ мѣсто. Но, прежде чѣмъ отправиться туда, онъ поѣхалъ проститься съ матерью, въ Эшафу, находя-

щійся въ департаментѣ Оры, а также доказать мэру этого маленькаго города, что онъ не былъ бѣглецъ, какъ его обозначили, по ошибкѣ, нѣкоторыя административныя учрежденія. Мари-Луи пришелъ въ отчаяніе, видя, что его цѣль все болѣе удаляется. 2-й батальонъ, въ которомъ онъ былъ въ чинѣ поручика, не объяснилъ ему, какимъ образомъ онъ, капитанъ 2-го польскаго полка, принять въ качествѣ поручика въ Изембургскій полкъ, занимающій отдаленные концы Неаполитанскаго королевства. Послѣ короткаго пребыванія въ Неаполѣ, онъ направился одинъ, какъ бы ища случая рискнуть своею храбростью, черезъ опасную страну, гдѣ должны были встрѣтиться остатки шаекъ Фра-Діаволо, не терявшихъ надежду опять собраться вмѣстѣ. Но не далеко пришлось ему итти. Покинувъ одинъ изъ приваловъ, мѣстечко Меркуліано, онъ попалъ въ одну изъ засадъ неаполитанскихъ революціонеровъ, сторожившихъ приближенія французскаго офицера. Они требовали, чтобы онъ сдался, но Мари-Луи Садъ, вынувъ свой пистолетъ и шпагу, принялся съ безумной страстью сражаться одинъ противъ многихъ и буквально былъ ими изрѣзанъ. Но звѣзда неблагопріятно свѣтила герою, и даже такой превосходный конецъ прошелъ въ темнотѣ неизвѣстности! Только нѣсколько трусливыхъ крестьянъ видѣли, какъ онъ упалъ, обливаясь кровью. Такъ ему и не удалось осуществить свое желаніе. Холодно и сухо похоронили несчастливаго Луи-Мари Садъ, и только офиціальная бумага извѣстила родину о его смерти.

— Добавленіе къ брошюрѣ патера Пирлинга. Извѣстный патеръ Пирлингъ издалъ брошюрою, въ отдѣльномъ видѣ, свою любопытную статью: «Католикомъ ли умеръ Александръ I?» [1]). Онъ не прибавилъ къ ней въ текстѣ рѣшительно ничего, а только добавилъ нѣсколько интересныхъ примѣчаній въ предисловіи и въ послѣсловіи. Въ предисловіи онъ говоритъ, «что свѣдѣнія, какой священникъ пріобщилъ Александра I передъ смертью, подлежатъ спору, и, по его мнѣнію, самое достовѣрное извѣстіе касается до священника православнаго вѣроисповѣданія». Что касается до послѣсловія, то оно относится лишь до старца Ѳедора Кузьмича, о которомъ онъ говоритъ: «набожный народъ его принималъ за Александра Павловича и на могилѣ его начертилъ названіе: «Благословенный». Прилагаемые къ брошюрѣ документы, въ видѣ примѣчанія, напечатаны въ числѣ пяти. Первые изъ нихъ—депеша Нессельродэ отъ 9-го декабря 1825 года къ французскому посланнику, графу Лаферроннэ, извѣщающая его о смерти императора и о томъ, что всѣ члены императорской фамиліи, министры, государственный совѣтъ, служащіе и гвардейскіе полки принимали присягу князю Константину. Этотъ документъ хранится въ французскомъ архивѣ русскихъ дѣлъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Второй актъ составляетъ записку герцогини де-Лаваль-Монморанси, урожденной Констанціи де-Мэстръ, въ которой заключаются двѣ замѣтки; вторая, будучи не подписана, не такъ достовѣрна, какъ первая, которая гораздо важнѣе. Первая замѣтка касается до признанія папы Льва XII главою русской церкви, отъ имени Александра Павловича, генераломъ Мишо. Во второй сказано буквально: «другимъ путемъ я узнала изъ вѣрнаго источ-

---

[1]) Un probleme historique: l'Empereur Alexandre I est il mort catholique? par e P. Pirling.

ника, что императоръ Александръ, во время своей послѣдней болѣзни, былъ пріобщаемъ монахомъ греко-уніатскимъ и на своемъ одрѣ смерти поручилъ царствующей императрицѣ, подругѣ его путешествія въ южныхъ провинціяхъ, тайну, которую она должна была передать императрицѣ матери и сенату въ Петербургѣ. Императрица, отчаиваясь отъ смерти Александра, занемогла на обратномъ пути и постоянно говорила: «Я не буду имѣть времени, чтобы исполнить данное мнѣ Александромъ порученіе». Если дѣйствительно эта записка написана герцогиней Лаваль 2-го мая 1875 года подъ диктовку, то очевидно императрица говорила о воцареніи Николая, а не о чемъ другомъ. Третій документъ—письмо министра, графа Л'Эскарена, къ королю Карлу-Альберту—напечатанъ съ подлинника. Въ этомъ документѣ находятся уже извѣстныя подробности о намѣреніи Александра II принять католическую вѣру. Изъ неизвѣстныхъ фактовъ по этому предмету оказывается только одна новость, извѣстіе о принятіи причастія Александромъ отъ настоятеля Доминиканскаго монастыря, который ему попался по дорогѣ за границу въ его первую поѣздку. «Императоръ, дѣйствительно, говоритъ Л'Эскаренъ, явился въ монастырскую церковь одинъ, въ глухую ночь, и просилъ у настоятеля св. причастія. Послѣдній повиновался. Александръ всталъ на колѣни и нѣсколько времени молился у престола, потомъ попросилъ благословенія. Настоятель благословилъ его и внесъ причастіе. Тогда Александръ припалъ лицомъ къ полу и оросилъ ступени престола слезами. Наконецъ онъ всталъ, поблагодарилъ настоятеля и приказалъ ему хранить тайну». Послѣдній, пятый, документъ заключаетъ въ себѣ отрывки изъ сочиненій графа Браницкаго: «Славянскія національности», письма къ патеру Гагарину. Между ними находятся слѣдующія слова Браницкаго: «Въ знаменитомъ свиданіи Николая I, въ 1842 году, которое касалось преслѣдованій католической церкви въ Россіи, папа Григорій XVI показалъ императору подлинное письмо Александра. Пораженный и расчувствованный письмомъ, которое смутило его гордость, императоръ минуту молчалъ, а потомъ пробормоталъ извиненія».

— Умершіе въ іюлѣ 1901. Давно уже не было такого періода, какъ истекшій мѣсяцъ, въ которомъ столько скончалось замѣчательныхъ людей, стоявшихъ на различныхъ общественныхъ ступеняхъ и имѣвшихъ различныя положенія въ свѣтѣ. Такимъ образомъ Европа хоронила и двухъ высшихъ государственныхъ людей, и императрицу, мать германскаго императора, и жену президента Трансваальской республики, и итальянскаго генерала, и принца Орлеанскаго, предпринимавшаго много путешествій, и великаго изслѣдователя сѣвера, и германскаго журналиста, и итальянскаго художника, и чешскаго либерала и патріота.

Первый изъ скончавшихся—князь Гогенлоэ-Шилингъ-Фурстъ, занимавшій мѣсто германскаго канцлера. Онъ родился 31-го марта 1819 года и принадлежалъ къ католической вѣтви семьи, такъ что его братъ былъ кардиналъ. Онъ воспитывался въ университетахъ Гессингенскомъ и Бонскомъ, и, окончивъ занятія, поступилъ въ прусскіе чиновники, въ Потсдамѣ. Въ 1849 году онъ получилъ, по соглашенію съ старшимъ братомъ, Шилингфурстское владѣніе въ Баваріи и съ тѣхъ поръ назывался князь Гогенлоэ Шилингфурстскій,

такъ какъ до тѣхъ поръ именовался княземъ Ратиборомъ. Покинувъ прусскую службу, онъ поселился въ Баваріи и по праву сдѣлался членомъ верхней палаты. Съ самаго начала, онъ обнаружилъ себя врагомъ ультрамонтанской и австрійской партіи и сталъ ярымъ сторонникомъ либераловъ германскаго единства. Такъ въ 1866 году, во время войны Австріи съ Пруссіей, присоединился къ сторонѣ побѣдителей при Садовѣ, но это не мѣшало ему сдѣлаться первымъ министромъ въ Баваріи и, несмотря на свою католическую вѣру, дѣйствовать противъ папы и противъ претензій ультрамонтанъ. Онъ также стоялъ за антиклерикальныя школы и въ 1869 году подалъ въ отставку изъ первыхъ министровъ, благодаря тому, что палата стала враждебной ему: католической и анти-прусской. Во время прусско-французской войны онъ содѣйствовалъ вступленію Баваріи въ войну, а потомъ въ Германскую имперію. Въ 1871 году Гогенлоэ поступилъ въ нѣмецкій рейхстагъ и присоединился къ прусской гегемоніи, а потомъ ко всѣмъ идеямъ Бисмарка. Онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ и девять лѣтъ оставался тамъ, исполняя воинственную политику Бисмарка, но прикрывая ее бархатными рукавицами. Въ 1889 году онъ былъ назначенъ штатгальтеромъ Эльзасъ-Лотарингіи и держался той же мягкой внѣшности. Оставшись также девять лѣтъ на этомъ постѣ, онъ перешелъ на высшее въ государствѣ мѣсто германскаго канцлера. Конечно, Гогенлоэ не могъ играть большой роли и значительно стушевался. Онъ былъ именно такимъ канцлеромъ, какого надо было Вильгельму: работящимъ, не сопротивлявшимся никогда императору, и напротивъ во всемъ ему повиновавшимся. По причинѣ старости и болѣзни, онъ вышелъ черезъ шесть лѣтъ въ отставку и послѣднее время жилъ въ уединеніи. Онъ былъ женатъ на принцессѣ Маріи Витгенштейнъ, имѣлъ отъ нея трехъ сыновей и одну дочь. Гогенлоэ обладалъ громаднымъ состояніемъ и между прочимъ владѣлъ помѣстьемъ «Верки», близъ Вильно, которое онъ недавно, передъ смертью, продалъ одному еврею за значительную сумму. 6-го іюля онъ умеръ 80 лѣтъ отъ роду.

Совершенно иного рода человѣкъ, но одинаковаго возраста, былъ Франческо Криспи. Онъ родился въ 1819 году, въ Риборѣ, на островѣ Сициліи, и нѣкоторые увѣряютъ, что онъ былъ греческаго, а другіе — албанскаго происхожденія. Если, дѣйствительно, онъ былъ албанскаго происхожденія, то принадлежалъ къ греко-россійской церкви, но, отличаясь постояннымъ равнодушіемъ къ религіознымъ вопросамъ, онъ перешелъ въ католическую вѣру, хотя былъ ярымъ противникомъ клерикализма. Вообще онъ самъ называлъ себя римляниномъ и однажды на смѣхъ Гамбетты по поводу этого вопроса гнѣвно отвѣтилъ: «Я—сициліанецъ? Какъ бы не такъ! Я римлянинъ, romanus sum». Какое бы ни было его происхожденіе, онъ былъ адвокатомъ въ Палермо и Неаполѣ, а также принималъ участіе въ тайныхъ, революціонныхъ обществахъ. Въ 1848 году онъ примкнулъ къ революціи въ Сициліи и былъ министромъ во время республики подъ президентствомъ Ружіеро Сеттимо. Приговоренный къ смерти Бурбонами, онъ бѣжалъ сначала въ Пьемонтъ, гдѣ ему отказали въ гостепріимствѣ, а потомъ—во Францію, гдѣ провелъ десять лѣтъ въ самой крайней нищетѣ со своей первой женой. Тамъ онъ былъ въ постоянныхъ

сношеніяхъ со всѣми изгнанниками, съ которыми сошелся по дорогѣ въ Лондонъ. Въ числѣ ихъ были Мадзини, Орсини и многіе другіе. Онъ до такой степени въ то время нуждался, что, получивъ даромъ два билета въ итальянскую оперу, не могъ пойти, ибо не имѣлъ спичекъ и свѣчекъ, чтобы вечеромъ одѣться, а ночью лечь спать. По этой причинѣ онъ не пошелъ въ оперу, а въ этотъ день было покушеніе Орсини. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ бѣжать въ Англію, и тамъ изучалъ искусство приготовлять бомбы. Въ 1859 году онъ возвращается въ Италію и помогаетъ Гарибальди завоевать Сицилію въ знаменитой экспедиціи Тысячи. Криспи находился въ этомъ знаменитомъ предпріятіи вмѣстѣ съ женою и точно также энергически дѣйствовалъ и при завоеваніи Неаполя. Въ дальнѣйшихъ подвигахъ Гарибальди онъ также принималъ участіе, но въ 1864 году онъ поступилъ въ палату депутатовъ и торжественно заявилъ, что республика «насъ разъединяетъ, а монархія насъ соединяетъ». Съ этихъ поръ онъ совершенно измѣнился и, хотя сначала былъ предводителемъ демократической оппозиціи, но впослѣдствіи сдѣлался ученикомъ и подражателемъ Бисмарка. Изъ заговорщика онъ превратился въ столь же порывистаго и страстнаго монархиста и тирана. Криспи былъ нѣсколько разъ первымъ министромъ, подражалъ во всемъ Бисмарку, заключилъ съ нимъ тройственный союзъ, дѣйствовалъ всячески противъ Франціи, воевалъ съ Африкой самымъ несчастнымъ образомъ и разорилъ Италію чрезвычайными вооруженіями. Наконецъ, пораженіе при Адовѣ свергло его съ министерскаго поста, и съ тѣхъ поръ онъ былъ не у дѣлъ. Мало того, его погубила не только политика, его обвиняли въ неблаговидныхъ продѣлкахъ и хищеніяхъ, вмѣстѣ со второй женой, Линой. Даже Бисмаркъ жаловался на своего ученика, что онъ его обманулъ, увѣривъ при вступленіи въ союзъ, что Италія въ состояніи исполнить всѣ обязательства, но оказалось, что ей самой необходима помощь. Такимъ образомъ, конецъ пламеннаго патріота былъ самый печальный. Что же касается до его первой жены, Розаліи Монмассонъ, которая вышла за него замужъ въ Мальтѣ, то она 24 года была его законной женой и до сихъ поръ жива. Но Криспи съ нею разошелся и женился на Линѣ Барбало, которая вмѣстѣ съ его сыномъ осрамила его разными хищеніями. Наконецъ, послѣ столь полной превратностей жизни, онъ умеръ въ послѣдній день іюля и оставилъ послѣ себя обширные мемуары, которые полны любопытными подробностями. Они, говорятъ, на-дняхъ появятся въ печати. Почти въ одно время съ Криспи, столь много надѣлавшимъ вреда Италіи, умерла одна изъ его главныхъ жертвъ. Это — генералъ Орестъ Баратьери, котораго пять лѣтъ тому назадъ позорно обратили въ бѣгство абиссинцы при Адуѣ. За это онъ былъ отданъ подъ судъ, но оправданъ, потому что оказался во всемъ виноватъ Криспи, личныя распоряженія котораго привели къ катастрофѣ. Съ тѣхъ поръ онъ, однако, подалъ въ отставку и жилъ въ уединеніи. Что касается до предыдущаго его существованія, то онъ родился въ 1841 году, принималъ участіе въ экспедиціи Гарибальди на островъ Сицилію, засѣдалъ въ парламентѣ и былъ чрезвычайно скромнымъ, просвѣщеннымъ человѣкомъ, любившемъ изучать современныя арміи. Но, къ несчастію, онъ слишкомъ понадѣялся на африканскую войну, съ пламеннымъ пыломъ принялъ командо-

ваніе и сначала завоевалъ Кассалу, а потомъ былъ разбитъ при Адуѣ. Онъ умеръ на-дняхъ и, въ видѣ самозащиты написалъ книгу: «Memorie d'Africa».

6-го іюля скончалась жена президента Трансваальской республики, г-жа Крюгеръ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ она дѣлила всѣ радости и горе своего героя-мужа, и по патріотизму осталась съ выдерживающимъ борьбу за независимость народомъ, вдали отъ мужа. Сусанна Крюгеръ родилась въ 1834 году отъ предковъ гугенотовъ и до замужества носила фамилію Дюплесси. Говорятъ, что ея предки происходили изъ аристократической семьи, родственной кардиналу Ришелье. Выходя замужъ въ 1852 году, за фельдкнехта Крюгера, она сказала съ изумительной простотой: «Я умѣю стряпать, шить и держать домъ въ порядкѣ». Она принадлежала такъ же, какъ и мужъ, къ сектѣ допперовъ, отличающейся самой строгой религіозностью. Съ начала войны она изъ образцовой буржуазной хозяйки превратилась въ настоящую героиню. Но, несмотря на всѣ свои подвиги, ей пришлось перенести безконечныя жертвы. Такъ, въ одномъ сраженіи она потеряла семнадцать человѣкъ изъ ста дѣтей, внуковъ и правнуковъ. Но тяжелѣе всего ей было разстаться съ мужемъ и отпустить его въ Европу. Она умерла внезапно отъ воспаленія легкихъ вслѣдствіе простуды. Такимъ образомъ бѣдный Крюгеръ остался совершенно одинъ, безъ надежды на свиданіе съ его доброй, отличавшейся возвышенной душою женой.

23-го іюля скончалась въ своей лѣтней резиденціи, недалеко отъ Франкфурта, въ Фридрихсгофѣ, вдовствующая германская императрица Викторія, жена покойнаго императора Фридриха III и мать царствующаго императора Вильгельма II. Она была старшей дочерью англійской королевы Викторіи и принца Альберта Саксенъ-Кобургъ-Готскаго и родилась въ Лондонѣ 21-го ноября 1840 года. Принцесса Викторія-Аделаида-Марія-Луиза получила не только прекрасное, но и солидное образованіе, подъ руководствомъ своего образованнаго и культурнаго отца, съ которымъ 15 лѣтъ отъ роду изучала конституцію. Въ юности она увлекалась, какъ и ея мать, искусствами, изъ которыхъ она предпочитала скульптуру и живопись. На ея счастье, вступивъ въ бракъ, она могла себя окружать учеными, художниками и писателями, что способствовало еще болѣе ея умственному развитію. 27 января 1859 г. у нея родился сынъ, нынѣ царствующій императоръ Вильгельмъ II. Но ея счастливая жизнь была омрачена безпрестанной борьбой съ Бисмаркомъ. Не даромъ ея отецъ говорилъ, что «у нея будетъ голова мужчины, а сердце женщины». Честолюбивая принцесса восемнадцать лѣтъ боролась съ желѣзнымъ канцлеромъ. Но усилія Бисмарка, чтобы Фридрихъ не царствовалъ, столкнулись съ энергіей стойкой принцессы. Самыя отвратительныя средства употреблялись Бисмаркомъ во время агоніи императора и не привели къ желаемому результату. Но судьба была на сторонѣ Бисмарка; недолго наслаждалась императрица Викторія удовлетвореннымъ честолюбіемъ: тяжелый недугъ императора положилъ конецъ дорого доставшейся побѣдѣ: черезъ три мѣсяца послѣ воцаренія умеръ Фридрихъ II. Но всего печальнѣе для сердца женщины было видѣть что ея сынъ участвовалъ въ интригахъ Бисмарка противъ нея. Пріѣздъ Вильгельма къ матери, 2 марта 1888 г., съ цѣлью вырвать у почти умерающаго

отца отреченіе отъ престола и угрозы, выраженныя ей,—все это возбуждало въ ея сердцѣ чувство горечи. Послѣ паденія Бисмарка отношенія съ сыномъ были нѣсколько лучше, но не надолго. Воспитаніе, полученное ею отъ своей матери, королевы Викторіи, не прошло безплодно. Императрица Викторія была также прекрасная мать. Она не только слѣдила за физическимъ и нравственнымъ воспитаніемъ дѣтей, лично присматривая за ихъ играми, но подъ ея наблюденіемъ кроили имъ платье и приготовляли пищу. Благодаря ея настояніямъ, сыновья съ двѣнадцати и пятнадцати лѣтъ проходили гимназическій курсъ въ Касселѣ, вмѣсто того, чтобы посѣщать только Боннскій университетъ, какъ это дѣлалъ ихъ отецъ. Интриганы не оставили въ покоѣ покойную императрицу даже послѣ смерти. Такъ въ Берлинѣ прошелъ слухъ, что императрица Викторія была обвѣнчана съ ея старымъ оберъ-гофмаршаломъ, графомъ Секкендорфомъ, хотя въ «Berliner Tageblatt» было помѣщено опроверженіе, но ядъ сплетни не оставилъ въ покоѣ уже безжизненое тѣло. Въ послѣдніе годы покойная императрица посвящала себя дѣламъ благотворительности.

28 іюля умеръ принцъ Генрихъ Орлеанскій, старшій сынъ герцога Шартрскаго. Онъ родился въ Англіи 15 октября 1867 г. Въ 1871 году принцъ пріѣхалъ во Францію, послѣ отмѣны закона объ изгнаніи. Онъ получилъ первоначальное образованіе, подъ руководствомъ воспитателя, сначала въ Парижѣ, потомъ въ Люневилѣ и Руанѣ, гдѣ послѣдовательно герцогъ Шартрскій находился въ гарнизонѣ. Блестяще сдавъ два экзамена на бакалавра, онъ въ 1886 году выдержалъ экзаменъ въ военной Сенъ-Сирской школѣ. Въ то же время былъ принятъ законъ противъ принцевъ, принадлежавшихъ къ королевскимъ симействамъ, прежде царствовавшимъ во Франціи. Его работы были ему возвращены, и Сенъ-Сирская школа была для него закрыта. Съ тѣхъ поръ принцъ отдался страсти къ путешествіямъ, изслѣдованіямъ и изученію колоніальныхъ вопросовъ. Въ 1887 г. онъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе. Посѣтивъ Грецію и Египетъ и проведя шесть мѣсяцевъ въ Индіи, онъ возвратился во Францію черезъ Японію и Америку. Къ этому времени относится его первый литературный трудъ: «Шесть мѣсяцевъ въ Индіи». Его длинное и опасное путешествіе съ Бонвилемъ по Тибету въ теченіе семнадцати мѣсяцевъ было вознаграждено Географическимъ обществомъ, предложившимъ смѣлымъ путешественникамъ самую высокую награду. Географическія общества Рима, Вѣны, Берна наградили принца званіемъ почетнаго члена, а собраніе профессоровъ Музеума назвало его «членомъ-корреспондентомъ». Затѣмъ принцъ немедленно снова уѣхалъ въ Тонкинъ, послѣ чего онъ опубликовалъ одинъ томъ весьма основательный объ этой странѣ, что оставило за нимъ прозвище «тонкинца». Въ 1894 г. принцъ отправился въ четвертое путешествіе, длившееся 22 мѣсяца. Послѣ своего пребыванія на Мадагаскарѣ и въ Тонкинѣ онъ предпринялъ трудное и опасное путешествіе прямо изъ Китая въ Индію. Изслѣдовавъ теченіе Меконга и пополнивъ работу Франсиса Гарнье, онъ открылъ источники Ироуади, одну изъ тайнъ азіатской географіи. Возвратясь изъ этого путешествія въ Парижъ, принцъ получилъ крестъ Почетнаго Легіона. Затѣмъ онъ два раза ѣздилъ въ Абиссинію. Послѣ этихъ путешествій принцъ принялся приводить въ порядокъ и соединять

вмѣстѣ всѣ замѣтки, занесенныя во время путешествія, чтобы составить основательный отчетъ по колоніальнымъ вопросамъ. Эти многочисленныя замѣтки сохранялись въ ящикѣ письменнаго стола его скромнаго кабинета. События въ Китаѣ пробудили его страсть къ путешествіямъ. Онъ отправился, но болѣе не возвратился живымъ: тяжелая болѣзнь заставила его слечь въ постель, и онъ умеръ въ Сайгунѣ. Принцъ былъ человѣкъ отважный, смѣлый, увѣренный въ себѣ. Онъ презиралъ опасности и шутя совершалъ самыя опасныя путешествія. Онъ говорилъ, что храбрость—нормальное качество человѣка, а не исключительная добродѣтель. Въ то же время онъ былъ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, что̀ не мѣшало ему много работать.

31-го іюля скончался въ Стокгольмѣ знаменитый путешественникъ, баронъ Адольфъ Эрикъ Норденшельдъ. Покойный былъ русскаго происхожденія, но шведскій поданный и родился 18 ноября 1832 года въ Гельсингфорсѣ. Страсть къ путешествіямъ онъ унаслѣдовалъ у отца, Нильса Норденшельда, прославившагося научными экспедиціями на Уралъ и въ Сибирь и служившаго въ то время въ Финляндіи по горному вѣдомству. Выключенный изъ гимназіи въ г. Борго, онъ 17-ти лѣтъ поступилъ въ 1849 г. въ Гельсингфорсскій университетъ, гдѣ окончилъ въ 1853 г. курсъ и получилъ степень кандидата. По окончаніи курса, онъ занялся геологіей и минералогіей. Черезъ два года Норденшельдъ получиль степень лиценціата за статью по минералогіи. Его труды были замѣчены, и онъ занялъ должность куратора математическо-физическаго факультета въ Гельсингфорсскомъ университетѣ. Потомъ онъ отправился въ Германію, а затѣмъ въ Швецію для научныхъ занятій. Въ Стокгольмѣ ему предложили должность хранителя минералогическихъ коллекцій мѣстнаго національнаго музея, и онъ получилъ профессуру. Съ тѣхъ поръ его дѣятельность перенеслась въ Швецію. Въ 1856 г. снарядили первую арктическую экспедицію на Шпицбергенъ, съ участіемъ Норденшельда, давшую блестящіе результаты. Черезъ три года отправилась новая экспедиція, подъ начальствомъ Тореля. Затѣмъ онъ вовобновилъ свои посѣщенія Шпицбергена, подъ руководствомъ того же Тореля, а въ 1864—1868—1872 самостоятельно. Его главною цѣлью было, какъ можно ближе подойти къ сѣверному полюсу, но ему это не удалось. Изслѣдованіе же группъ острововъ, расположенныхъ на крайнемъ сѣверѣ, онъ произвелъ довольно точно. Въ 1876 г. Норденшельдъ отправился для изслѣдованій въ Гренландію, вмѣстѣ съ тремя учеными естествоиспытателями. Результаты оказались блестящіе для изслѣдованія исторіи развитія земли въ самыя отдаленныя времена. Слѣдующая экспедиція была неудачна. Въ 1875 г. онъ отправился въ многолѣтнюю поѣздку для изученія морей. На осуществленіе этого плана были собраны нѣкоторыми лицами деньги, между ними былъ и меценатъ Сибиряковъ. Въ 1878 г. 4 іюня знаменитое судно «Вега» отправилось съ Норденшильдомъ и другими учеными изъ Гетеборга на сѣверъ и обогнуло мысъ Челюскинъ, самую сѣверную точку стараго свѣта, которая не видала еще ни одного корабля. Затѣмъ Норденшельдъ отправился сѣвернѣе, но 28 августа «Вега» была скована льдами подъ 173° 23″ восточной долготы. Только черезъ 11 мѣсяцевъ удалось освободить «Вегу» изъ льдовъ, близъ Берингова пролива. Въ 1883 г. онъ предпринялъ изслѣдованія Гренландіи и пытался про-

никнуть внутрь материка. Ему удалось пройти такъ далеко, какъ никому изъ посѣтившихъ ее раньше. По возвращеніи онъ занялся изданіемъ атласа. Послѣдней его работой было изслѣдованіе доисторическихъ пещерныхъ обиталищъ близъ Ріо-Монкосъ въ Колорадо. Онъ работалъ до послѣдняго дня жизни. Его произведенія переведены на всѣ европейскіе языки.

Италія сильно оплакиваетъ, умершаго въ послѣдній день іюля мѣсяца, перваго изъ итальянскихъ живописцевъ, Доменико Морелли. Хотя онъ уже былъ старъ, и ему минуло 76 лѣтъ, но слава къ нему пришла только въ 1860 г., когда онъ выставилъ въ Миланѣ свою картину «Тассо передъ Элеонорой д'Эсте». Въ этомъ произведеніи онъ нарушилъ всѣ академическія традиціи и передалъ на холстѣ свои личныя ощущенія, а также старался передать психологическое движеніе, колоритъ и пластику. Изъ самыхъ знаменитыхъ его картинъ отличавшихся реальностью, были: «Положеніе во гробъ», «Бичеваніе Христа», «Искушеніе въ пустынѣ» и т. д. изъ евангельской исторіи. Одна изъ нихъ находится въ Москвѣ въ одной изъ частныхъ галлерей. Въ 1886 году Морелли былъ сдѣланъ сенаторомъ, но никогда не бывалъ въ сенатѣ, а продолжалъ заниматься своимъ искусствомъ. Онъ замѣчателенъ былъ еще тѣмъ, что бралъ за извѣстныя во всемъ свѣтѣ свои произведенія чрезвычайно низкія цѣны.

Въ Чехіи въ то же время умеръ замѣчательный политическій дѣятель, докторъ Іосифъ Кайзель. Извѣстный финансистъ и экономистъ, онъ поступилъ въ парламентъ въ 1855 г., во время кабинета графа Туна былъ австрійскимъ министромъ финансовъ. Сначала онъ принадлежалъ къ партіи старочеховъ, но, выйдя изъ нея, нѣкоторое время онъ числился въ партіи такъ называемыхъ реалистовъ, но обѣ онѣ показались подозрительными, и разъ навсегда онъ вступилъ въ партію младочеховъ. Среди нихъ онъ засѣдалъ и въ рейхстагѣ. Главною его цѣлью было дѣйствовать противъ нѣмецкихъ убѣжденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ работалъ неутомимо въ пользу единства и свободы чешскаго народа. Ему было всего сорокъ семь лѣтъ, и его потеря чрезвычайно чувствительна для всѣхъ либераловъ.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ скончался Францъ Шрейберъ, популярный нѣмецкій журналистъ. Онъ родился въ 1850 г. и по семейнымъ обстоятельствамъ былъ принужденъ оставить занятія юридическими науками. Онъ сдѣлался журналистомъ, именно корреспондентомъ «Rheinische Zeitung», а вскорѣ перешелъ въ редакцію «Франкфуртской газеты», гдѣ оставался сотрудникомъ даже послѣ того, какъ сдѣлался политическимъ редакторомъ «Kleine Presse». Онъ работалъ съ удивительной энергіей и необыковеннымъ талантомъ и служилъ замѣчательной поддержкой демократіи. Онъ былъ преданъ рабочему движенію, неусыпно занимался въ этомъ направленіи, и только болѣзнь сразила его на полезномъ пути изученія общественныхъ вопросовъ дня.

СМѢСЬ.

Открытіе памятника Лермонтову въ г. Пятигорскѣ. 15-го іюля, въ день исполнившагося 60-тилѣтія смерти М. Ю. Лермонтова, совершено на мѣстѣ его дуэли, на сѣверо-западномъ склонѣ Машука, у Перхальской скалы, открытіе временнаго памятника поэту. Открытію предшествовала панихида, совершенная не на мѣстѣ поединка, гдѣ она не разрѣшена была высшимъ духовнымъ начальствомъ, а въ пятигорскомъ Спасскомъ соборѣ, расположенномъ противъ памятника Лермонтову, воздвигнутаго въ 1889 г. по проекту Опекушина въ скверѣ на городской площади. Памятникъ былъ украшенъ флагами. Богослуженіе совершалъ съ многочисленнымъ духовенствомъ при хорѣ пѣвчихъ бывшій настоятель собора 86-тилѣтній протоіерей, о. Василій Ерастовъ, который 60 лѣтъ тому назадъ отказывался хоронить поэта, считая, что по церковному уставу убитые на дуэли приравниваются къ самоубійцамъ, но въ кондѣ концовъ, несмотря на давленіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ особъ, согласился и совершилъ погребеніе. Предъ началомъ панихиды настоятель собора протоіерей о. Михаилъ Закхѣевъ сказалъ слово, посвященное памяти поэта. За богослуженіемъ присутствовали: директоръ кавказскихъ минеральныхъ водъ В. В. Хвощинскій, пятигорскій городской голова Раковъ съ членами управы, атаманъ пятигорскаго отдѣла А. А. Ржеускій, командиръ резервнаго 250-го Ахульгинскаго резервнаго батальона Лосовскій, офицеры батальона и Тенгинскаго полка, въ которомъ служилъ М. Ю. Лермонтовъ, коммиссія по устройству чествованія памяти поэта во главѣ съ предсѣдателемъ Ѳ. В. Гнѣвышевымъ и др. лица, большей частью лѣчащіяся, и туристы. Послѣ панихиды, окончившейся около 4-хъ час. дня, присутствовавшіе при богослуженіи отправились въ экипажахъ къ Перхальской скалѣ. По дорогѣ, украшен-

ной флагами, туда уже шли въ теченіе нѣсколькихъ часовъ толпы народа изъ города. Туда же публика подвозилась изъ Красноводска, Ессентуковъ, Желѣзноводска, станціи «Минеральныхъ водъ» съ нѣсколькими поѣздами, останавливавшимися у перевала близъ Перхальской скалы съ 3-хъ часовъ дня до 11-ти часовъ вечера. Отъ мѣста остановки до памятника вела на разстояніи около версты пѣшеходная дорожка, обозначенная флагами. Къ 5-ти часамъ дня передъ временнымъ памятникомъ поэту собралось до десяти тысячъ человѣкъ. Памятникъ сооруженъ по проекту И. И. Байкова. До настоящаго времени мѣсто смерти М. Ю. Лермонтова отмѣчено было постановкою на кускѣ плиты четырехсторонняго пирамидальнаго камня. Многіе изъ пріѣзжавшихъ больныхъ обращались къ директору водъ съ просьбою поставить на мѣстѣ кончины поэта болѣе достойный его имени памятникъ. Не располагая достаточными для этой цѣли средствами, директоръ предложилъ всѣмъ архитекторамъ управленія минеральныхъ водъ составить проектъ временнаго памятника, который долженъ простоять до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны средства для болѣе солиднаго сооруженія. Одновременно директоромъ для приведенія мѣста дуэли въ порядокъ назначена была комиссія, которая 20-го іюня настоящаго года, разсмотрѣвъ представленные ей мѣстными архитекторами семь мотивовъ временнаго памятника, одобрила проектъ И. И. Байкова и поручила ему произвести самое сооруженіе. Памятникъ сооруженъ въ греческомъ стилѣ. На высокомъ постаментѣ бюстъ поэта, подъ которымъ рельефное изображеніе лиры. На передней и задней сторонѣ постамента сдѣлана надпись: «Здѣсь погибъ на поединкѣ М. Ю. Лермонтовъ 15-го іюля 1841 г.»; ниже изображена цифра 1901. По обѣ стороны постамента устроена изъ колоннъ полукруглая баллюстрада, въ центрѣ которой помѣщена пирамидальная колонка, служившая прежде памятникомъ и указателемъ мѣста поединка поэта; съ обѣихъ сторонъ къ баллюстрадѣ примыкаютъ высокія металлическія курильницы. Такъ какъ постройка всего сооруженія продолжалась лишь около трехъ недѣль, то оно могло быть осуществлено лишь при деревянномъ скелетѣ, съ оштукатуркою его и постановкою нѣсколькихъ лѣпныхъ украшеній, въ видѣ вѣнковъ и пр. Осенью же текущаго года предполагается все сооруженіе закончить детальной отдѣлкой, окрасить масляною краскою и вокругъ него посадить деревья. Памятникъ расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ площади (подошвы Машука), спускающейся къ линіи желѣзной дороги, идущей по долинѣ между Бештау и Машукомъ. Площадь покрыта кустарникомъ, а съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ граничитъ съ довольно густымъ лѣсомъ, по которому проложена дорога вокругъ Машука къ «Провалу». Съ другихъ сторонъ площадь хоть и открыта, но представляетъ весьма уединенное мѣсто, такъ какъ Пятигорскъ заслоненъ Машукомъ, а сосѣднихъ съ нимъ станицъ также не видно. Прямо на западъ возвышается Бештау, къ которому памятникъ обращенъ лицевою стороной; направо раскинулась Зміевая гора, налѣво, далеко на горизонтѣ, виднѣется Эльбрусъ. Перхальская скала съ ея родникомъ, павильономъ и рестораномъ, привлекающими въ обычное время немало посѣтителей, расположена въ нѣсколькихъ саженяхъ съ правой стороны памятника, на опушкѣ лѣса. Прекрасная погода, какъ нельзя болѣе, благопріятствовала торжеству. Около второго часа дня былъ довольно

сильный дождь въ Пятигорскѣ, прибившій всю пыль, а съ трехъ часовъ небо прояснилось и очистилось отъ тучъ. Противъ памятника поставлено было нѣсколько рядовъ скамеекъ, на которыхъ размѣстилась нарядная публика, а за ними стояли толпы простого народа; ниже по самой дорогѣ, въ длинную линію вытянулись экипажи. У баллюстрады памятника заняли мѣста представители администраціи, управленія водъ, города, печати и депутаціи. Съ правой стороны памятника построены были части войскъ Ахульгинскаго резервнаго батальона и Тенгинскаго полка. Въ $5^1/_2$ ч. пополудни по командѣ «Смирно, музыка!» раздались торжественные звуки гимна «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Присутствовавшіе обнажили головы. Съ памятника спала завѣса, и взорамъ публики открылся бюстъ поэта въ офицерскомъ мундирѣ. Директоръ минеральныхъ водъ В. В. Хвощинскій возложилъ къ подножію постамента вѣнокъ отъ дирекціи, съ надписью на лентахъ: «Нашему великому поэту». Командиръ Ахульгинскаго резервнаго батальона Лосовскій обратился къ солдатамъ съ рѣчью, въ которой объяснилъ имъ, «что 60 лѣтъ тому назадъ здѣсь убитъ былъ пронзенный пулею поручикъ 77-го Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовъ, который съ юныхъ лѣтъ одаренъ былъ чуднымъ даромъ поэта и въ своихъ стихахъ между прочимъ воспѣлъ доблести русскаго солдата; съ 17-ти лѣтъ онъ надѣлъ военный мундиръ и не снималъ его до самой смерти. Тенгинскій полкъ, въ рядахъ котораго служилъ поэтъ, совершалъ чудеса храбрости противъ чеченцевъ; русскіе образованные люди чтутъ въ немъ первоклассного пѣвца, мы же, солдаты, чествуемъ въ немъ и неустрашимаго воина. Почтимъ же память его возложеніемъ вѣнковъ отъ Тенгинскаго полка, Ахульгинскаго батальона и, осмѣливаюсь сказать, отъ всей русской арміи». По командѣ «на молитву» началось возложеніе вѣнковъ отъ Тенгинскаго полка съ надписью на лентахъ— «Незабвенному сослуживцу — тенгинцы» и отъ Ахульгинскаго батальона — «Лермонтову — ахульгинцы». Командиръ Лосовскій снова командуетъ: «Накройсь, на музыку, троекратное «ура» памяти доблестнаго пѣвца и неустрашимаго воина». Площадь огласилась единодушными кликами «ура», слившимися со звуками марша Тенгинскаго полка. Началось возложеніе вѣнковъ различными депутаціями. Всѣ вѣнки были изъ живыхъ цвѣтовъ, нѣкоторые съ изображеніемъ лиры. По возложеніи вѣнковъ преподаватель прежде тифлисской, а теперь петербургской гимназіи М. И. Черниковъ произнесъ рѣчь о жизни и значеніи М. Ю. Лермонтова. Затѣмъ студентъ Горбуновъ прочиталъ стихотвореніе въ память поэта, а присяжный повѣренный Петровскій изъ Новочеркасска, отмѣтивъ, что на торжествѣ присутствуютъ представители различныхъ народностей Кавказа, что всѣмъ имъ дорогъ Лермонтовъ, любившій Кавказъ и его сыновъ и воспѣвшій ихъ въ дивныхъ стихахъ, прочиталъ стихотвореніе— «Привѣтъ тебѣ, Кавказъ сѣдой». Преподаватель реальнаго училища въ г. Ровнѣ Г. Н. Макаровъ прочиталъ свои стихи «Памяти Лермонтова», встрѣченные весьма сочувственно публикой. По желанію послѣдней г. Макаровъ прочиталъ другое стихотвореніе. Оркестръ музыки подъ управленіемъ В. П. Зелинскаго исполнилъ романсы: «Ангелъ», «Ночевала тучка золотая», «Выхожу одинъ я на дорогу», «На сѣверѣ дикомъ» и нѣсколько сценъ изъ «Демона».

Памятникъ Глинкѣ. Первое засѣданіе высочайше учрежденной при главной дирекціи императорскаго русскаго музыкальнаго общества комиссіи по сооруженію памятника М. И. Глинкѣ въ С.-Петербургѣ состоялось 8-го іюля, въ помѣщеніи С.-Петербургской консерваторіи. Предсѣдателемъ комиссіи состоитъ августѣйшій вице-предсѣдатель императорскаго русскаго музыкальнаго общества, его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ, вице-предсѣдателемъ—гофмейстеръ А. С. Танѣевъ и членами: сенаторъ А. А. Герке, Э. Ф. Направникъ, графъ И. И. Толстой, В. А. Теляковскій, В. Я. Бахтеяровъ, П. И Леляновъ, Л. И. Шестакова, М. А. Балакиревъ и В. В. Стасовъ. Дѣлопроизводство комиссіи возложено на секретаря главной дирекціи В. Э. Направника. Комиссія подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича намѣтила программу своей дальнѣйшей дѣятельности и постановила составить и опубликовать воззваніе ко всѣмъ русскимъ людямъ о пожертвованіяхъ на памятникъ великому основателю русской музыкальной школы.

Къ юбилею русской печати. Организованное при русскомъ библіографическомъ обществѣ «Рабочее бюро» для подготовительныхъ занятій по выработкѣ программы празднованія предстоящаго въ будущемъ 1902 году 200-лѣтняго юбилея русской печати въ среду 11-го іюля имѣло засѣданіе, въ которомъ участвовали нѣсколько представителей московской печати. Въ засѣданіи этомъ былъ окончательно выработанъ проектъ положенія объ «юбилейномъ комитетѣ по организаціи празднованія 200-лѣтія русской печати», который учреждается въ Москвѣ. Въ составъ юбилейнаго комитета входятъ: начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, попечитель Московскаго учебнаго округа, ректоръ Московскаго университета, московскій городской голова, члены правленія русскаго библіографическаго общества, члены «Рабочаго бюро», представители ученыхъ и литературныхъ обществъ и учрежденій, редакторы столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, а также представители отъ русской періодической печати въ количествѣ, опредѣляемомъ юбилейнымъ комитетомъ. На юбилейный комитетъ возложена обязанность выработать подробную программу празднованія предстоящаго юбилея и сдѣлать подготовительныя работы по его организаціи. Программа празднованія юбилея русской печати пока намѣчена въ засѣданіи слѣдующая: 1) въ день юбилея торжественное засѣданіе въ залѣ университета; 2) составленіе списка русскихъ періодическихъ изданій за 200 лѣтъ; 3) устройство выставки русскихъ періодическихъ изданій съ публичными чтеніями при ней; 4) созывъ перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей русской періодической печати и 5) основаніе въ Москвѣ убѣжища для работниковъ періодической печати, потерявшихъ способность къ труду.

Изъ архива Жуковскаго. Общество любителей россійской словесности, готовясь къ ознаменованію пятидесятилѣтія смерти Жуковскаго, командировало одного изъ своихъ членовъ, г. Грузинскаго, въ Бѣлевскій и Болховскій уѣзды для собиранія матеріаловъ. Какъ сообщаетъ «Орловскій Вѣстникъ», благодаря содѣйствію наслѣдника и близкаго родственника Елагиныхъ, г. Б., г. Грузинскому удалось отыскать въ с. Черни (бывшемъ имѣніи Плещеевыхъ Болховскаго у.) два старинныхъ ларца съ письмами Жуковскаго, рукописями, пор-

третами, а въ с. Бунинѣ (имѣніе Елагиныхъ Болх. у.) и с. Уткинѣ (тоже въ Бѣлевск. у., близъ с. Мишенскаго) въ книгохранилищахъ г-на Б., кромѣ писемъ Жуковскаго, найдены письма Гоголя, Дениса Давыдова, Грибоѣдова, старинные портреты, бюсты, книги съ автографами и замѣтками авторовъ и даже ладонка, которую, какъ полагаютъ, носилъ Жуковскій до самой смерти. Всѣ предметы, касающіеся памяти поэта и могущіе пролить свѣтъ на его поэтическую дѣятельность, любезно предоставлены нынѣшними ихъ владѣльцами во временное пользованіе общества любителей россійской словесности.

Новое письмо Пушкина. Г. Стрендусъ, со словъ С. А. Рачинскаго, котораго онъ посѣтилъ въ его имѣніи, въ с. Татевѣ Смоленской губ., разсказываетъ въ «Новомъ Времени», что графъ С. Д. Шереметевъ въ одномъ доставшемся ему архивѣ нашелъ собственноручное письмо А. С. Пушкина, въ которомъ поэтъ заявляетъ, что приписываемая ему поэма «Гавриліада» написана не имъ, и даже указываетъ автора, князя Горчакова, забытаго теперь поэта его времени.

Археологическая экскурсія. Въ іюнѣ мѣсяцѣ тверская ученая архивная комиссія совершила довольно обширную археологическую экскурсію. 17 іюня, вечеромъ, комиссія, въ составѣ предсѣдателя И. А. Иванова, товарища предсѣдателя В. И. Колосова, правителя дѣлъ комиссіи И. А. Виноградова, 12 членовъ и прибывшаго изъ Петербурга члена археологическаго института Л. Н. Целеби, на казенномъ инспекторскомъ пароходѣ «Тверь», предоставленномъ комиссіи, выѣхала изъ Твери. Первая остановка, согласно маршруту, была въ селѣ Кожинѣ, Кашинскаго уѣзда, родинѣ преподобнаго Макарія Калязинскаго (1406—1483 г.), откуда по осмотрѣ въ мѣстномъ храмѣ гробницъ родителей преподобныхъ Макарія, Василія и Ирины Кожиныхъ (дворянскій родъ, существующій и понынѣ), и супруги его Елены (изъ рода дворянъ Яхонтовыхъ) и другихъ священныхъ реликвій, соединенныхъ съ памятью преподобнаго Макарія, комиссія отправилась въ Кашинъ — древній стольный городъ княжества Кашинскаго. Кашинъ находится въ 188 верстахъ отъ Твери и расположенъ при рѣкѣ Кашинкѣ, которая въ 10 верстахъ отъ города впадаетъ съ лѣвой стороны въ Волгу. Это одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ въ первый разъ въ 1237 году при нашествіи Батыя, когда Кашинъ вмѣстѣ съ Тверью былъ взятъ и разоренъ татарами. При тверскомъ великомъ князѣ Михаилѣ Ярославовичѣ Кашинъ принадлежалъ къ тверскому княжеству. Отъ 1319 до 1382 года Кашинъ представлялъ отдѣльное княжество, а съ 1412 года окончательно вошелъ въ составъ Тверского княжества. Въ 1541 году при великомъ князѣ Иванѣ III Кашинъ вмѣстѣ съ Тверью сдѣлались владѣніями московскаго великаго князя. Въ 1718 году, при Петрѣ, Кашинъ причисляется къ Углицкой провинціи, Московской губерніи, и въ 1776 году—къ тверскому намѣстничеству. Древній городъ располагался на полуостровѣ, образуемомъ извилистою рѣкой Кашинкой. Настоящею поѣздкой члены комиссіи воспользовались, чтобъ точнѣе опредѣлить границы древняго города, которыя оканчивались на перешейкѣ полуострова рвомъ, засыпаннымъ въ 1813 году. Кашинъ по справедливости можетъ быть отнесенъ къ числу живописнѣйшихъ городовъ, чему много способствуетъ извилистое теченіе рѣки Кашинки въ пре-

дѣлахъ города и множество садовъ и церквей; число послѣднихъ доходитъ до 22. Послѣднія и служатъ хранилищемъ предметовъ мѣстной церковной старины, а потому ихъ посѣщеніе входило въ программу экскурсіи. Главную святыню города Кашина представляютъ почивающія въ Воскресенскомъ соборѣ мощи благовѣрной княгини Анны Кашинской, супруги великаго князя тверского Михаила Ярославовича, переселившейся въ Кашинъ изъ Твери, спустя нѣкоторое время по убіеніи въ ордѣ Михаила Ярославовича, по просьбѣ своего сына, удѣльнаго кашинскаго князя Василія Михайловича, который для матери построилъ въ Кашинѣ монастырь. Мощи благовѣрной княгини Анны были открыты въ Кашинѣ для почитанія въ 1650 году въ личномъ присутствіи царя Алексѣя Михайловича, но при патріархѣ Іоакимѣ (1678 г.) согласно соборному постановленію были закрыты, при чемъ было воспрещено почитать княгиню Анну, какъ святую; несмотря на это воспрещеніе, кашинцы чтили и продолжаютъ почитать благовѣрную княгиню Анну, какъ святую. Надъ мощами помѣщены подъ стекломъ пелена и воздухи, вышитые семействомъ царя Алексѣя Михайловича. Въ соборѣ имѣются весьма древнія иконы, изъ которыхъ замѣчательною представляется образъ Спаса Нерукотвореннаго, принадлежавшій князю Василію Константиновичу, павшему въ 1238 году въ Ширинскомъ лѣсу во время битвы съ татарами, и пожертвованный въ соборъ извѣстнымъ собирателемъ старины П. Ф. Карабановымъ. Въ церкви Рождества Богородицы, что̀ на Болотѣ, обращаетъ вниманіе икона Страшнаго Суда. Въ адскомъ пламени среди грѣшниковъ изображены, какъ это видно изъ имѣющихся на иконѣ надписей: императоры Неронъ, Діоклетіанъ, Юліанъ Отступникъ, затѣмъ Оригенъ, Арій, Евтихій, Діоскоръ, «Люторъ», «Калвинъ», «Волтеръ», «Гришка» (Отрепьевъ?), «Менелай» (?!) и другіе. Въ алтарѣ храма помѣщена икона, изображающая бичеваніе Іисуса Христа (поверженный на землю Спаситель привязанъ къ столбу длинною веревкой), а въ самомъ храмѣ икона Іерусалимской Божіей Матери, на ризѣ которой вырѣзана исторія происхожденія этой иконы. Въ весьма древнемъ Дмитровскомъ монастырѣ о. архимандритъ этого монастыря Арсеній обратилъ вниманіе на хранящійся въ ризницѣ синодикъ стольника Михаила Степановича Свѣчина (нач. XVIII в.) и на шитую шелками плащаницу. Нынѣшній громадный монастырскій храмъ построенъ на средства кашинской благотворительницы Ванчаковой. По приглашенію о. архимандрита Ѳеофана, ученая архивная коммиссія посѣтила также весьма древній Клобуковъ монастырь для совмѣстнаго обсужденія вопроса о постройкѣ каменной часовни надъ деревянною кельей преподобнаго Макарія Калязинскаго, первоначально подвизавшагося въ Клобуковѣ монастырѣ. Эта келья — священный памятникъ старины, заслуживающій особыхъ заботъ объ его сохраненіи отъ дѣйствія всеразрушающаго времени, почему намѣреніе архимандрита Ѳеофана — построить надъ кельей каменную часовню-футляръ, заслуживаетъ полнаго сочувствія. Въ Клобуковъ монастырѣ покоится прахъ строителей каменныхъ въ немъ церквей и благотворителей монастыря Сергія и Марѳы Ансимовыхъ (конецъ XVII и начало XVIII в.). Изъ церквей обращаетъ особое вниманіе храмъ во имя Богоотецъ Іоакима и Анны,— единственная въ настоящее время деревянная церковь въ Кашинѣ, построенная въ 1646 году и сохранившая донынѣ свой преж-

ній видъ. Здѣсь множество древнихъ иконъ и другихъ предметовъ (деревянныя царскія врата XVII вѣка и другіе). 19 и 20 іюня въ помѣщеніи Кашинской городской думы, при большомъ стеченіи публики, происходили засѣданія ученой архивной комиссіи, во время которыхъ выслушано много сообщеній, касающихся кашинской старины: товарищъ предсѣдателя В. И. Колосовъ прочелъ докладъ о кашинскихъ князьяхъ, членъ комиссіи М. В. Рубцовъ—о кашинскихъ деньгахъ и члены І. Я. Кункинъ и К. Н. Евреиновъ сообщили много цѣнныхъ и интересныхъ данныхъ о прошломъ города Кашина изъ эпохи XVII и XVIII вѣковъ. Въ то же время въ помѣщеніи думы были выставлены принадлежащія разнымъ лицамъ и учрежденіямъ художественныя вещи и предметы старины. Выставка эта была устроена по иниціативѣ предсѣдателя комиссіи И. А. Иванова, при содѣйствіи члена комиссіи, кашинскаго городского головы, А. А. Носова. Изъ выставленныхъ вещей обратили на себя вниманіе: древній воздухъ, принадлежащій Срѣтенскому женскому монастырю въ городѣ Бѣжецкѣ; древній складень, въ серединѣ котораго помѣщенъ кипарисовый крестъ, а по бокамъ въ квадратныхъ клеймахъ — изображеніе страданій Спасителя; складень этотъ принадлежитъ священнику Молчанову; старинная икона благовѣрной княгини Анны Кашинской, въ старинномъ серебряномъ окладѣ, принадлежитъ А. Я. Ярославцеву; образъ Преображенія, рѣзаный по слоновой кости, принадлежитъ предсѣдателю кашинской земской управы Д. Н. Дубасову; рѣзная кипарисная икона Успенія Божіей Матери, принадлежащая Н. Я. Трофимову; икона всѣхъ святыхъ Тверской епархіи, мысль написать которую уже давно возникала въ архивной комиссіи. Осуществить ее удалось, благодаря, во-первыхъ, почетному члену комиссіи, архіепископу Димитрію, сообщившему списокъ святыхъ епархіи и давшему указанія о подробностяхъ письма каждаго изъ нихъ, и, во-вторыхъ, члену комиссіи І. Я. Кункину, принявшему на себя всѣ заботы по написанію иконы. Икона эта написана иконописцами кашинскаго женскаго Срѣтенскаго монастыря. Заслуживаютъ вниманія два небольшіе колокола изъ кашинской Корсунской церкви. На одномъ изъ нихъ литая надпись на голландскомъ языкѣ: «Peter van den Chein heft mi gheghoten 1594». Вообще въ помѣщеніи думы было выставлено множество весьма интересныхъ древнихъ предметовъ, перечислить которые здѣсь невозможно. Посѣтивъ краснохолмскій Антоніевъ монастырь и отдавъ послѣдній долгъ скончавшемуся наканунѣ ихъ прибытія настоятелю этого монастыря, члены комиссіи отправились въ Бѣжецкъ, а оттуда въ сельцо Островки, Вышневолоцкаго уѣзда, имѣніе князя А. А. Ширинскаго-Шихматова. Въ собраніи иконъ князя Ширинскаго-Шихматова представляются въ особенности замѣчательными: икона «Спасъ Мокрая Брада» новгородскаго письма XV вѣка; образъ Успенія Пресвятой Богородицы — XV столѣтія; древняя икона Архангела Михаила, заслуживающая вниманія по своей художественной эмалевой работѣ, и икона преподобнаго Александра Свирскаго—XV или XVI вѣковъ; большое собраніе старинныхъ крестовъ, часть металлическаго кадила VIII вѣка; три складня «изуграфа» Хомутова половины XVII вѣка, найденные въ селѣ Явлевѣ, Вышневолоцкаго уѣзда, деревянныя царскія врата XVII вѣка, съ изображеніемъ Тайной вечери, и деревянныя же царскія врата художественной рѣзной работы, также XVII вѣка и другія.

Археологическія раскопки. Н. Е. Бранденбургомъ и хранителемъ кіевскаго музея древностей и искусствъ В. В. Хвойко были, по словамъ «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», произведены обширныя раскопки скиѳскихъ кургановъ въ Роменскомъ уѣздѣ, гдѣ они тянутся вдоль нагорнаго праваго берега Сулы на пространствѣ всего уѣзда и далѣе въ предѣлахъ Лебединскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Многіе курганы здѣсь имѣютъ громадные размѣры и въ научномъ отношеніи представляютъ большой интересъ, но большинство изъ нихъ ограблено. Производившіяся въ нынѣшнемъ году въ теченіе двухъ мѣсяцевъ раскопки охватили обширный районъ, въ общемъ раскопано около 50 кургановъ у селеній Волковцы, Великія Будки, Басовка, Аксютинцы, Плавинище, Чебераки и у заштатнаго города Глинска. Всѣ раскопанные курганы оказались типичными скиѳскими; только въ одномъ изъ нихъ было найдено поверхностное вкладное славянское погребеніе. Въ двухъ курганахъ были найдены два замѣчательныхъ бронзовыхъ предмета, имѣющихъ видъ значковъ или музыкальныхъ инструментовъ, обильно украшенные погремушками, звѣриными орнаментами и проч.; обыкновенно ихъ принято считать знаками власти. Кромѣ того, найдено много сосудовъ, греческихъ и скиѳскихъ, оружія, принадлежностей конской сбруи и другихъ предметовъ, такъ что найденное вполнѣ вознаграждаетъ двухмѣсячный трудъ изслѣдователей. Всѣ добытые предметы поступятъ частью въ главный артиллерійскій музей, частью въ кіевскій музей древностей и искусствъ.

Подводный памятникъ. Въ Балахнинскомъ уѣздѣ, близъ деревни Погарнова, въ одной изъ лѣсныхъ дачъ находятся четыре большія озера. Въ одномъ изъ нихъ, по мѣстному названію «Черемисскомъ», крестьяне, по словамъ «Волгаря», во время рыбной ловли неводомъ нашли подъ водой какой-то предметъ, о который неводъ рвался, такъ что съ трудомъ его удалось освободить. Крестьяне заявили о находкѣ бурцевскому волостному старшинѣ Гузанову, который совмѣстно съ другими крестьянами долгое время работалъ на озерѣ, извлекая изъ воды невѣдомый предметъ, но тщетно,—грузя не подавался съ мѣста. За время работъ Гузановъ хорошо изучилъ форму находки. Недалеко отъ берега, по его словамъ, стоитъ въ водѣ огромный «памятникъ», верхняя часть котораго имѣетъ форму креста, нижняя же часть представляетъ довольно широкое основаніе, концы котораго замѣчательно остры, при чемъ при ударахъ о фигуру значительно тупятся багры, такъ что можно думать, что фигура сдѣлана изъ твердаго металла. По измѣреніи, «памятникъ» оказался вышиною въ 5 аршинъ, находится на трехъ-саженной глубинѣ озера. Мѣстное населеніе увѣрено, что не памятникъ открытъ въ водѣ, а какой нибудь сундукъ, въ которомъ должны быть вещи князя Пожарскаго. По берегу озера находятъ разнаго рода древніе предметы изъ жести, камня и проч. По мнѣнію другихъ, находка представляетъ собою часовню, которая вмѣстѣ съ берегомъ будто бы провалилась въ озеро, такъ какъ подобныя явленія провала здѣсь не рѣдки: не особенно давно на другомъ озерѣ, среди лѣсовъ и болотъ, обвалилась большая часть лѣса, и озеро значительно расширилось.

Доисторическіе слѣды человѣка. Въ 5 верстахъ отъ Канева, вверхъ по Днѣпру, на берегу послѣдняго, лежитъ село Селище. Подлѣ него проходятъ два большіе и глубокіе оврага, представляющіе по своимъ склонамъ прекрасныя

обнаженія земныхъ пластовъ и образованій, начиная отъ естественныхъ выходовъ третичныхъ отложеній. Овраги эти тянутся до сосѣдняго села Студенцы. Недавно священникъ села Селище П. М. Дзбановскій сообщилъ администраціи Кіевскаго музея древностей и искусствъ о томъ, что въ этихъ оврагахъ, по мѣрѣ размыванія ихъ обрывовъ дождями, находятъ много костей мамонта и другихъ предметовъ доледниковаго періода. По распоряженію вице-президента Кіевскаго общества древностей и искусствъ Б. И. Ханенко, для осмотра этихъ овраговъ былъ командированъ хранитель музея В. В. Хвойко, на-дняхъ возвратившійся изъ своей поѣздки. Оказалось, что дѣйствительно въ оврагахъ на протяженіи двухъ верстъ въ послѣтретичныхъ отложеніяхъ, на глубинѣ 5 саженъ отъ поверхности земли, залегаетъ грамадное количество костей мамонта, которыя, по мѣрѣ размыванія склоновъ овраговъ, вываливаются наружу. Ниже ихъ, уже въ самыхъ третичныхъ отложеніяхъ, найдено много кусковъ окаменѣвшаго дерева, нерѣдко обгорѣвшаго, куски янтаря, окаменѣвшіе зубы рыбъ, огромное количество ракушекъ и много другихъ продуктовъ доледниковой фауны, представляющихъ собою отложенія третичной эпохи. Надъ слоемъ, гдѣ залегаютъ кости мамонта, возвышается 2-хъ-саженный слой глинисто-слоистыхъ песковъ, а далѣе идетъ 3-хъ-саженная толща лёса. Изслѣдованіе овраговъ пока ограничилось подробнымъ осмотромъ ихъ; никакихъ систематическихъ раскопокъ еще не производилось. Въ обрывахъ овраговъ В. В. Хвойко былъ найденъ бивень мамонта, носящій слѣды употребленія его въ дѣло человѣкомъ, большія берцовыя кости, зубы и т. д. Въ одномъ мѣстѣ найденъ громадный черепъ носорога съ зубами. Ясно выраженныхъ слѣдовъ присутствія человѣка пока не найдено, если не считать бивня. Осенью нынѣшняго года въ указанныхъ оврагахъ будутъ предприняты обширныя раскопки, которыя будутъ производиться подъ руководствомъ Б. И. Ханенко и В. В. Хвойко. Открытіе слѣдовъ мамонта подлѣ Канева представляетъ большой интересъ, показывая, какъ велика была область распространенія этого вида доледниковаго періода въ нынѣшнемъ Приднѣпровьѣ.

Археологическая командировка. Министерство народнаго просвѣщенія, согласно ходатайству директора русскаго археологическаго института въ Константинополѣ академика Ѳ. И. Успенскаго, въ непродолжительномъ времени, какъ сообщаютъ Одесскія Новости, командируетъ въ Константинополь нѣсколько молодыхъ людей, окончившихъ университетъ и духовныя академіи, которые будутъ прикомандированы къ институту для разработки обширнаго матеріала, добытаго при раскопкахъ послѣдняго времени. Командируемыя лица подъ руководствомъ Ѳ. И. Успенскаго будутъ подготовлены къ спеціальнымъ археологическимъ работамъ и впослѣдствіи будутъ оставлены при университетѣ. Министерство народнаго просвѣщенія исходатайствовало для этихъ молодыхъ людей стипендіи. Кромѣ того, министерствомъ также вслѣдствіе ходатайства Ѳ. И. Успенскаго въ настоящее время возбужденъ вопросъ о постройкѣ собственнаго зданія для института, который теперь помѣщается въ наемномъ, крайне тѣсномъ и вообще неудовлетворительномъ зданіи. На сооруженіе собственнаго зданія потребуется расходъ въ 100 тыс. рублей.

НЕКРОЛОГИ.

ГИКА, Д. К. Въ первыхъ числахъ августа въ Москвѣ скончался популярный педагогъ-математикъ Дмитрій Константиновичъ Гика. Покойный въ продолженіе многихъ лѣтъ состоялъ преподавателемъ математики и физики въ различныхъ гимназіяхъ и нѣкоторое время былъ директоромъ Скопинскаго реальнаго училища. Учебники, составленные Д. К. преимущественно совмѣстно съ А. В. Муромцевымъ («Начальная алгебра», «Задачи для начальнаго обученія ариѳметикѣ»' «Элементарная геометрія», «Геометрическія задачи» и др.), выдержали по нѣскольку изданій и пользуются большою популярностью въ средѣ педагогическаго міра. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1901, № 9130).

† **Леманъ, Ю. Я.** 10-го августа скончался въ Спб. талантливый русскій художникъ-портретистъ Юрій Яковлевичъ Леманъ. Покойный родился въ 1834 году; въ концѣ 1850-хъ годовъ учился въ императорской академіи художествъ; получивъ здѣсь двѣ серебряныя медали за живопись съ натуры, онъ въ 1862 г. выступилъ въ конкурсѣ на золотыя медали, и, получивъ малую золотую медаль за програму «Прощаніе съ женихомъ», отказался отъ работы на большую золотую медаль, ушелъ изъ академіи и поселился въ Парижѣ, гдѣ прожилъ большую часть своей жизни, работая почти исключительно въ портретной живописи. Особенно же извѣстенъ покойный, какъ авторъ превосходныхъ женскихъ портретовъ и головокъ-этюдовъ, отличающихся большою виртуозностью письма. Большинство произведеній покойнаго художника хорошо извѣстны по выставкамъ товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ, въ которыхъ, начиная съ 1879 г. до послѣднихъ дней, онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Особенною извѣстностью пользуется картина покойнаго «Дама временъ директоріи», принадлежащая Третьяковской галереѣ. Похороны Ю. Я. Лемана состоялись 13 августа въ присутствіи небольшого кружка близкихъ къ покойному лицъ, на православномъ Смоленскомъ кладбищѣ. (Некрологи его: «Россія» 1901, №№ 824 и 825).

† **Любарскій, И. В.** 4 янв. 1901 г. скончался въ Казани отъ болѣзни сердца врачъ, писатель, сотрудникъ «Историческаго Вѣстника», Иванъ Васильевичъ Любарскій. Потомственный дворянинъ, И. В. родился 13 ноября 1832 г.; по окончаніи Харьковскаго университета, онъ былъ назначенъ въ 1855 г. баталіоннымъ лѣкаремъ въ войска дѣйствующей арміи, расположенныя въ Крыму; перемѣщенный въ 1858 г. въ брестъ-литовскій военный госпиталь младшимъ ординаторомъ, И. В. до назначенія въ Казань въ 1890 г. несъ въ Западномъ краѣ должности старшаго врача, старшаго ординатора госпиталя, секретаря окружнаго медицинскаго управленія, главнаго врача госпиталя и корпуснаго врача. Въ Казани И. В. занималъ должность помощника окружнаго военно-медицинскаго инспектора, каковую оставилъ въ 1898 г. Служебная дѣятельность И. В. завершилась орденомъ св. Станислава 1 ст., знакомъ безпорочной службы за 40 лѣтъ и полной пенсіей.

Какъ врачъ, И. В. спеціализировался по внутреннимъ болѣзнямъ и пользовался заслуженной извѣстностью въ качествѣ опытнаго діагноста. Обладая мягкимъ характеромъ и отзывчивой душой, онъ являлся для подчиненныхъ скорѣе старшимъ сослуживцемъ, чѣмъ начальникомъ, а для сыновей—не только отцемъ, но и истиннымъ другомъ. Любовь и искреннее уваженіе окружающихъ постоянно сопровождали покойнаго на его жизненной стезѣ, и онъ скончался, не имѣя въ теченіе всей своей жизни ни одного врага.

Литературная дѣятельность И. В. началась въ 60-хъ годахъ и продолжалась до самой кончины. Помимо научныхъ медицинскихъ изслѣдованій, перу покойнаго принадлежитъ много произведеній беллетристическаго, общественно-литературнаго, историческаго и бытописательнаго содержанія, помѣщавшихся имъ въ «Голосѣ», «Гражданинѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Обозрѣніи», «Варшавскомъ Дневникѣ», «Бесѣдѣ», а также статей по плодоводству, огородничеству, пчеловодству (И. В. сотрудничалъ во всѣхъ почти пчеловодныхъ изданіяхъ). Писалъ покойный также популярныя статьи по медицинѣ и гигіенѣ (отдѣльной книжкой изданы «Практическія наставленія о сбереженіи здоровья нижнихъ чиновъ», 1898). Кромѣ того, покойный извѣстенъ, какъ талантливый переводчикъ курсовъ пчеловодства Весельскаго и Левицкаго.

Въ «Истор. Вѣстникѣ» И. В. дебютировалъ въ 1890 г. «Воспоминаніями о Харьковскомъ университетѣ» (1850—1855 г.) и въ теченіе десяти лѣтъ помѣстилъ около 65 статей и замѣтокъ. Участіе въ молодые годы въ усмиреніи польскаго мятежа оставило въ немъ до конца жизни самыя живыя воспоминанія, давшія содержаніе нѣсколькимъ разсказамъ: «Въ мятежномъ краѣ» («Ист. Вѣстн.» 1895 г.), «Исповѣдь польскаго повстанца» (1897 г.), «Изъ польскаго возстанія 1863 г.» и «Замѣтка о Жиржинскомъ дѣлѣ 27 іюля 1863 г.» (1899 г.). Нѣтъ нужды говорить, что симпатіи автора не на сторонѣ повстанцевъ... Жизнь въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ въ Польшѣ и Западной Россіи прояснила для И. В. русско-польскія отношенія и укрѣпила въ немъ интересъ къ прошлымъ судьбамъ русскаго племени и православной церкви на западѣ Россіи. Его ясный взглядъ на эти отношенія высказался въ «Историч. справкѣ объ Уніи недоброй памяти» («Русское Обозрѣніе», 1897) и въ рецен-

зіяхъ на нѣкоторыя работы гг. Кипріановича и Харламповича («Истор. Вѣстн.», 1897—1899 гг.). Но Н. В. не былъ врагомъ польской націи самой по себѣ. Интересуясь жизнью польскаго народа («Новоселье въ Польшѣ»), онъ былъ только противникомъ поляковъ-политикановъ съ ихъ анти-историческими увлеченіями и притязаніями.

† **Никольскій, М. М.** 5-го августа, на Охтенскомъ кладбищѣ состоялись похороны журналиста Михаила Михайловича Никольскаго. Покойный родился въ 1870 г., образованіе получилъ въ тульской семинаріи и петербургской духовной академіи, курсъ кончилъ со степенью кандидата богословія.

Еще будучи студентомъ академіи, Никольскій проявилъ склонность къ усидчивому труду изученія иностранныхъ языковъ и ихъ литературы, желая посвятить себя ученой, профессорской дѣятельности. Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ давалъ уроки въ гимназіяхъ мужской (Введенской) и женскихъ (Василеостровской и Коломенской): въ первой онъ преподавалъ латинскій языкъ, а въ женскихъ исторію. Кромѣ того, Никольскій читалъ лекціи по разнымъ предметамъ въ драматической школѣ А. А. Бренко вмѣстѣ съ практическими уроками декламаціи и выразительнаго чтенія. Любя сценическое искусство, М. М. былъ однимъ изъ завсегдатаевъ драматическихъ театровъ, руководилъ молодыми талантами при постановкѣ домашнихъ спектаклей, начитывалъ имъ роли изъ классическихъ пьесъ. Въ литературѣ покойный извѣстенъ, какъ дѣятельный сотрудникъ журнала «Духовное Чтеніе» и «Петербургскаго Листка»; въ послѣдней газетѣ онъ работалъ до самой смерти.

Послѣднимъ трудомъ Никольскаго были составленные имъ въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими спеціалистами театральнаго дѣла учебные планы «драматической консерваторіи», переданные имъ бывшему директору Императорскихъ театровъ князю Волконскому, желавшему реформировать казенное театральное училище.

† **М. Н. Островскій.** 25-го іюля скончался членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Михаилъ Николаевичъ Островскій. Покойный, родной братъ извѣстнаго нашего драматурга А. Н. Островскаго, родился въ Москвѣ въ 1827 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ московской первой гимназіи; въ 1849 г., по окончаніи Московскаго университета со степенью кандидата, покойный состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при симбирскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Съ 1864 года, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, онъ получалъ командировки въ гг. Псковъ, Ревель, Митаву и въ губерніи: Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую и др., для собиранія необходимыхъ свѣдѣній по образованію мѣстныхъ контрольныхъ учрежденій. Въ тайные совѣтники М. Н. произведенъ въ 1871 г., а въ слѣдующемъ назначенъ товарищемъ государственнаго контролера, въ 1882 г. сенаторомъ. Въ статсъ-секретари его императорскаго величества покойный пожалованъ въ 1876 г.; въ 1878 г. назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Опредѣленный къ присутствованію въ департаментѣ государственной экономіи, М. Н. въ 1879 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ особой комиссіи, учрежденной для пересмотра узаконеній о казенныхъ заготовкахъ для арміи и флота, почетнымъ опекуномъ опекунскаго

совѣта учрежденій Императрицы Маріи и членомъ особыхъ комиссій для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ, совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества и комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1881 г. М. Н. получилъ отвѣтственный постъ министра государственнымъ имуществъ, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ, а въ 1883 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Покойный имѣлъ ордена до Владимира 1-й степени включительно.

М. Н. Островскій — человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ — былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ въ такое время, когда это министерство заставляло говорить о себѣ не въ связи съ нуждами сельскаго хозяйства, а скорѣе въ связи съ такъ называемыми «уфимскими хищеніями». Крупною заслугою покойнаго является упорядоченіе оброчныхъ статей и установленіе выгоднаго, какъ для казеннаго, такъ и для народнаго хозяйства, порядка отдачи ихъ въ аренду. М. Н. Островскому принадлежитъ также заслуга относительно проведенія закона 1-го апрѣля 1888 г. объ охранѣ лѣсовъ. Особенно ярко выдѣляются его заботы о сельско-хозяйственномъ образованіи. Оставленіе М. Н. Островскимъ поста министра государственныхъ имуществъ тѣсно связано съ предстоявшимъ тогда преобразованіемъ этого министерства въ министерство земледѣлія.

† **Рагозинъ, В. И.** 9-го августа, близъ Петербурга, на станціи Финляндской желѣзной дороги «Озерки», скончался промышленный дѣятель Викторъ Ивановичъ Рагозинъ. Происходя изъ дворянъ Московской губерніи, покойный родился въ 1833 году и кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по физико-математическому факультету въ 1857 году. Занимаясь различнаго рода промышленными предпріятіями въ Нижегородской губерніи, В. И. въ семидесятыхъ годахъ обратилъ вниманіе на русскую нефть, содѣйствовалъ установленію ея перевозки наливомъ по Волгѣ, а главное—изслѣдовалъ ея химическую природу и первый въ Россіи приготовилъ изъ нея превосходный смазочный матеріалъ. Практическое примѣненіе своему способу Рагозинъ далъ въ 1877 году въ Балахнѣ (Нижегородской губерніи) устройствомъ перваго спеціальнаго завода для приготовленія нефтяныхъ смазочныхъ маслъ, а въ 1879 г. построилъ такой же заводъ въ селѣ Константиновѣ, Ярославской губерніи. Одновременно съ этимъ покойный предпринялъ обширное изслѣдованіе экономическихъ условій волжскаго бассейна, но, къ сожалѣнію, работа осталась недоконченной, и изъ предполагавшихся десяти томовъ этого труда вышли въ свѣтъ только два: «Волга» (Спб., 1880) и «Нефть и нефтяная промышленность» (1884). Кромѣ того, имъ издано разновременно множество брошюръ по разнымъ вопросамъ нефтяного дѣла. За выдающіеся труды по нефти с.-петербургскій технологическій институтъ почтилъ покойнаго рѣдкой наградой — присужденіемъ ему званія почетнаго инженеръ-технолога. (Некрологи его: «Россія» 1901, № 823; «Новое Время» 1901, № 9137).

† **Ромеръ, Ѳ. Э.** 8-го августа, скоропостижно скончался отъ грудной жабы въ Петербургѣ извѣстный писатель по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ Ѳедоръ Эмиліевичъ Ромеръ. Покойный родился въ 1838 г. въ Калужской губерніи, образованіе получилъ въ казанской гимназіи и въ Кіевскомъ уни-

верситетѣ по историко-филологическому факультету. По окончаніи университетскаго курса онъ занялъ мѣсто учителя гимназіи и въ то же время выступилъ, какъ публицистъ въ «Кіевлянинѣ». Первые шаги Ѳ. Э. въ журналистикѣ не были удачны, и онъ вскорѣ уѣхалъ въ Италію, гдѣ женился, прожилъ нѣсколько лѣтъ и затѣмъ, возвратившись на родину, занялся сельскимъ хозяйствомъ въ Карачевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Купивъ небольшое запущенное имѣніе, онъ сумѣлъ его сдѣлать доходнымъ, благодаря тому, что обратилъ вниманіе на садоводство. Его фруктовые сады, популяризируемые въ его же собственныхъ статьяхъ, стали давать довольно значительный доходъ. Ѳ. Э. Ромеръ на этомъ не успокоился. Его заняло скотоводство и, работая въ данномъ направленіи, онъ достигъ чрезвычайно хорошихъ результатовъ. Въ 1875 году онъ былъ избранъ мировымъ судьей, послѣ нѣсколькихъ трехлѣтій сталъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, а въ 1899 г. избранъ почетнымъ мировымъ судьей. Дѣятельность покойнаго, какъ журналиста-публициста и литератора, особенно плодовита была за послѣдній годъ. Какъ публицистъ, онъ сталъ особенно популяренъ съ 1894 года, когда выступилъ въ «Новомъ Времени» съ рядомъ сельско-хозяйственныхъ фельетоновъ. Съ тѣхъ поръ до самой смерти онъ состоялъ дѣятельнымъ сотрудникомъ этой газеты. Какъ беллетристъ, Ѳ. Э. написалъ много разсказовъ и повѣстей (лучшіе изъ нихъ «Послѣдній этапъ» и «Пустое сердце»), печатая ихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Искрѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли», «Русскомъ Богатствѣ» и другихъ изданіяхъ. Отдѣльно имъ изданы романы: «Подъ разными флагами», «Дилетанты», «Нерѣшенныя задачи», «Сказки и правда» и много другихъ. Большинство беллетристическихъ произведеній Ромера отличается своею задушевностью, теплотою и чистотою языка. Въ 1898 г. Ѳ. Э. выпустилъ небольшой томикъ стихотвореній, печатавшихся раньше въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ послѣдній годъ жизни покойный редактировалъ изданія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ: «Сельское хозяйство и лѣсоводство», «Извѣстія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ», а также и «Земледѣльческую Газету». Погребенъ покойный въ своемъ имѣніи въ Карачевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. (Некрологи его: «Новое Время» 1901, № 9134; «Россія» 1901, № 822).

† **Рюминъ, М. В.** 17-го іюля скончался въ Николаевѣ бывшій редакторъ, издатель газеты «Южанинъ», генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, Митрофанъ Васильевичъ Рюминъ. Покойный родился 9-го апрѣля 1840 г. въ Таврической губерніи въ дворянской семьѣ; по окончаніи морского кадетскаго корпуса произведенъ былъ въ гардемарины въ 1856 г., въ мичманы — въ 1859 г., въ лейтенанты — въ 1863 г., а въ 1866 году былъ прикомандированъ къ 1-му черноморскому флотскому сводному экипажу. Въ 1886 году онъ былъ назначенъ и. д. смотрителя Николаевскаго морского госпиталя, а въ слѣдующемъ — и. д. инспектора училища для дочерей нижнихъ чиновъ морского вѣдомства въ гор. Николаевѣ. Три года спустя послѣ этого назначенія состоялось производство его въ полковники по адмиралтейству. Въ 1894 г. М. В. былъ назначенъ старшимъ помощникомъ капитана надъ Николаевскимъ портомъ; въ 1896 году

произведенъ въ генералъ-майоры, а въ текущемъ — въ генералъ-лейтенанты, съ увольненіемъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіею. За время службы покойный послѣдовательно находился въ плаваніи на фрегатѣ «Рюрикъ», корветахъ «Рында» и «Богатырь», липерѣ «Гайдамакъ», пароходѣ «Америка», корветахъ «Ястребъ», «Вепрь» и «Львица», императорской яхтѣ «тигръ» и пароходѣ «Турокъ». Помимо всего этого, онъ неоднократно состоялъ участникомъ и предсѣдателемъ цѣлаго ряда комиссій по спеціальнымъ вопросамъ мореходства. Литературная дѣятельность М. В. началась въ 1884 году, когда онъ сталъ издавать небольшую газету «Николаевскій Листокъ», вскорѣ переименованную въ «Южанинъ», съ расширеніемъ программы по образцу большихъ столичныхъ газетъ. Перу покойнаго принадлежали на столбцахъ ея множество передовыхъ статей и очерковъ по нуждамъ гор. Николаева, который обязанъ ему многими сторонами своего портового благоустройства. (Некрологъ его: «Россія», 1901, № 806).

Святловскій. В. В. 31-го іюля, въ Екатеринославѣ скончался публицистъ, редакторъ мѣстной газеты «Приднѣпровскій Край», Владимиръ Владимировичъ Святловскій. Сынъ военнаго педагога, покойный родился въ 1851 году. По окончаніи курса въ Медико-Хирургической академіи со званіемъ лѣкаря, онъ служилъ нѣсколько лѣтъ военнымъ врачемъ. Поселившись въ Петербургѣ, занялся частной практикой и одновременно сталъ сотрудничать въ нѣсколькихъ петербургскихъ газетахъ. Въ 80-хъ годахъ совмѣстно съ г. Янпольскимъ издавалъ и редактировалъ еженедѣльный журналъ «Медицинскій Вѣстникъ», въ которомъ напечаталъ рядъ своихъ статей по вопросамъ общественнаго здоровья и гигіены. Въ 1884 году сдѣлался фабричнымъ инспекторомъ и служилъ сперва въ харьковскомъ, затѣмъ въ варшавскомъ фабричныхъ округахъ. По службѣ ему пришлось столкнуться съ тѣми условіями, среди которыхъ приходится рабочему жить и трудиться. Для его наблюденій и изученія открылась новая область. Къ этому времени относятся его цѣнныя изслѣдованія, напечатанныя отдѣльными изданіями. Изъ нихъ назовемъ: «Фабричный рабочій» (изслѣдованіе его жизни и здоровья), «Вопросы общественнаго здоровья» (1890 г.), «Фабричная гигіена» (1892 г.) и др. Въ 90-хъ годахъ покойный завѣдывалъ кавказскими минеральными водами, продолжая одновременно сотрудничать въ газетахъ. Между прочимъ рядъ его статей и корреспонденцій былъ напечатанъ въ «Новомъ Времени». Лѣтъ пять назадъ В. В. поселился въ Екатеринославѣ и принялъ на себя редактированіе газеты «Приднѣпровскій Край». При немъ газета замѣтно оживилась и подробно разрабатывала вопросы мѣстнаго интереса. Какъ человѣкъ, покойный отличался добротой и готовностью оказывать посильную помощь въ нуждѣ ближнему. (Некрологъ его: «Нов. Время», 1901, № 9126).

† **Токарскій, А. А.** Скончавшійся 21-го іюля въ селѣ Вешнякахъ, Московской губ., приватъ-доцентъ Московскаго университета по каѳедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, докторъ медицины Ардаліонъ Ардаліоновичъ Токарскій принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ психологовъ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ сочиненій по экспериментальной психологіи, теоріи и практикѣ гипнотизма, создавшихъ ему имя знающаго психіатра, самостоя-

тельнаго и оригинальнаго по взглядамъ и разработкѣ матеріаловъ изъ области нервныхъ и душевныхъ заболѣваній. А. А. родился въ 1859 году, образованіе получилъ въ Дерптскомъ и Московскомъ университетахъ. Въ послѣднемъ кончилъ курсъ со званіемъ лѣкаря. Избравъ своею спеціальностью психіатрію, покойный былъ сперва ординаторомъ при психіатрической клиникѣ Московскаго университета, затѣмъ послѣ защиты въ 1893 году докторской диссертаціи «Меряченье и болѣзнь судорожныхъ подергиваній» читалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Профессура не мѣшала его научнымъ изслѣдованіямъ, и онъ энергично работалъ надъ выясненіемъ вопросовъ психическихъ явленій, печатая свои произведенія въ «Архивѣ психіатріи», «Вѣстникѣ психіатріи», «Трудахъ психологическаго общества», «Вопросахъ философіи и психологіи» и съ 1896 года въ собственномъ изданіи — въ «Запискахъ психологической лабораторіи психіатрической клиники Московскаго университета». Изъ его цѣнныхъ трудовъ назовемъ: «Гипнозъ и внушеніе», «Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія», «Терапевтическое примѣненіе гипноза», «Понятіе о волѣ и свободѣ воли», «Гипнотизмъ въ педагогіи», «О насильственномъ внушеніи», «Психическія эпидеміи», «Къ вопросу объ ассоціаціи идей», «Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ», «О темпераментѣ», «О глупости», «Страхъ смерти» и другіе: (Некрологи его: «Нов. Время» 1901, № 9121; «Россія» 1901, № 807).

† **Троицкій, И. Е.** 2-го августа скончался въ Лѣсномъ, близъ Петербурга, заслуженный профессоръ церковной исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ и С.-Петербургской духовной академіи, докторъ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Егоровичъ Троицкій. Уроженецъ Олонецкой губерніи, сынъ причетника, покойный родился въ 1834 году; образованіе получилъ въ каргопольскомъ духовномъ училищѣ, олонецкой духовной семинаріи и въ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1859 году со степенью магистра богословія, написавъ диссертацію «Изслѣдованіе о янсенизмѣ». Въ томъ же году И. Е. опредѣленъ былъ преподавателемъ логики, психологіи, патристики и латинскаго языка въ олонецкую духовную семинарію, въ 1861 году былъ переведенъ на должность баккалавра по классу греческаго языка въ С.-Петербургскую духовную академію, въ 1869 году началъ тамъ же чтеніе лекцій по новой церковной исторіи; въ 1874 году былъ приглашенъ совѣтомъ университета на каѳедру церковной исторіи; въ 1875 году послѣ защиты диссертаціи утвержденъ въ званіи доктора богословія. Въ 1889 году за выслугой лѣтъ И. Е. вышелъ въ отставку, но не прерывалъ чтенія лекцій ни въ университетѣ, ни въ духовной академіи до послѣдняго времени.

Ученые труды покойнаго подраздѣляются на ученыя изслѣдованія и изданія памятниковъ. Изъ числа первыхъ извѣстны: историко-догматическое изслѣдованіе, удостоенное степени доктора богословія: «Изложеніе вѣры армянскія, начертанное Нарзесомъ, каѳоликосомъ армянскимъ, по требованію боголюбиваго государя грековъ Мануила», «Арсеній, патріархъ никейскій и константинопольскій, и арсениты», а изъ памятниковъ имъ изданы по собственному почину: «Грамота константинопольскаго патріарха Паисія къ московскому

патріарху Никону», въ греческомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ и «Автобіографія императора Михаила Палеолога съ уцѣлѣвшею частью его монастырскаго устава».

Кромѣ того, И. Е. Троицкій принималъ участіе въ изданіяхъ «Византійскихъ историковъ» въ переводѣ С.-Петербургской духовной академіи и въ изданіи «Греческихъ паломниковъ», предпринятомъ православнымъ палестинскимъ обществомъ. Съ 1880 года по 1890 годъ состоялъ редакторомъ и цензоромъ «Христіанскаго Чтенія», гдѣ напечаталъ множество статей и рецензій, а съ 1876 года велъ обозрѣніе церковной жизни на Востокѣ и на Западѣ въ журналѣ «Церковный Вѣстникъ». Погребеніе покойнаго состоялось 4-го августа въ присутствіи многочисленнаго духовенства, делегатовъ отъ университета и профессорскаго персонала духовной академіи, на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Послѣ отпѣванія тѣла было произнесено нѣсколько прощальныхъ рѣчей профессорами: Налимовымъ, Лопухинымъ, Люперсольскимъ и Пальмовымъ, помянувшими покойнаго, какъ искателя научной истины и какъ профессора, посвятившаго тридцать лѣтъ своей педагогической дѣятельности академіи и двадцать пять лѣтъ — университету. (Некрологи его: «Нов. Время» 1901, № 9128; «Россія» 1901, № 816).

† **Энгманъ, Э. К.** 11-го августа скоропостижно скончался военный инженеръ, экстраординарный профессоръ Николаевской инженерной академіи, полковникъ Эрнестъ Карловичъ Энгманъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, родился въ Выборгѣ въ 1860 году, воспитывался въ с.-петербургской второй классической гимназіи и въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, изъ котораго выпущенъ офицеромъ въ желѣзнодорожный батальонъ; прослуживъ здѣсь около трехъ лѣтъ, онъ поступилъ въ Николаевскую инженерную академію, гдѣ окончилъ курсъ первымъ, записанъ на мраморную доску и оставленъ при академіи съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію. Въ 1883 году Э. К. получилъ въ академіи каѳедру фортификаціи и оставался здѣсь до самой кончины; въ то же время онъ читалъ лекціи фортификаціи въ инженерномъ училищѣ, въ воздухоплавательномъ паркѣ и въ Павловскомъ училищѣ. Покойный составилъ нѣсколько учебниковъ, изъ нихъ среди спеціалистовъ пользуются извѣстностью: «Курсъ обороны современныхъ крѣпостей» и «Борьба съ рѣчными флотиліями». Кромѣ того, Э. К. состоялъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Инженернаго журнала» и «Развѣдчика». (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 825).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу одного противорѣчія.

Почтенный Н. К. Шильдеръ въ своемъ извѣстномъ и замѣчательномъ трудѣ: «Императоръ Александръ I-й», говоря объ удаленіи Сперанскаго отъ государственныхъ дѣлъ, пишетъ: «Нужно было подумать, кѣмъ замѣнить Сперанскаго, какъ неподражаемаго редактора всѣхъ манифестовъ, рескриптовъ и указовъ. Выборъ государя готовъ былъ остановиться на Карамзинѣ, къ которому онъ вообще лично благоволилъ, но окончательно восторжествовалъ А. С. Шишковъ, который въ то время вызывалъ въ Петербургѣ восторгъ своимъ разсужденіемъ о любви къ отечеству и народной гордости». И, описывая далѣе, какъ вызванный черезъ фельдъегеря «Шишковъ поѣхалъ во дворецъ и дорогою придумывалъ причины, которыя могли бы подать государю поводъ пригласить его для личнаго свиданія, и ничего не могъ придумать», онъ продолжаетъ: «Опасенія Шишкова оказались напрасными, и, когда его позвали въ кабинетъ государя, Александръ встрѣтилъ его слѣдующими словами: «Я читалъ разсужденіе ваше о любви къ отечеству. Имѣя таковыя чувства, вы можете быть ему полезны». (Т. III-й, стр. 64 и 65).

Изъ приведенныхъ выписокъ слѣдуетъ прямое заключеніе: А. С. Шишковъ — авторъ разсужденія о любви къ отечеству и народной гордости, и ему онъ обязанъ былъ назначеніемъ редакторомъ всѣхъ манифестовъ, рескриптовъ и указовъ. Таковъ историческій фактъ, передаваемый историкомъ на основаніи несомнѣнныхъ документовъ, а потому мы имѣемъ полное основаніе вѣрить ему.

Между тѣмъ спросите какого угодно воспитанника среднеучебнаго заведенія: кто—авторъ разсужденія о любви къ отечеству и народной гордости? и онъ смѣло отвѣтитъ: Карамзинъ. Да иначе онъ и не можетъ отвѣтить. Загляните во всѣ учебники по словесности, въ программы учебныхъ заведеній и въ христоматіи и вездѣ встрѣтите одно и то же указаніе на принадлежность разсужденія о любви къ отечеству и народной гордости Карамзину, и ни одного слова о какомъ либо тождественномъ разсужденіи Шишкова. Такимъ образомъ, вполнѣ довѣряя такому серьезному историку, какимъ является во всѣхъ своихъ трудахъ Н. К. Шильдеръ, мы должны прійти къ мысли, что въ разсматриваемомъ случаѣ ошибка—дѣло школы съ ея преподавателями, программами, учебниками и учебными пособіями. Но при этомъ рождается вопросъ: какъ могла подобная ошибка держаться не нѣсколько лѣтъ, а нѣсколько десятилѣтій? Почему она держится и до настоящаго времени?

Теперь, когда предстоитъ пересмотръ учебныхъ программъ, не мѣшало бы, кажется, выяснить указанное противорѣчіе. **А. Хитровъ.**

От ъ редакціи. Мы можемъ успокоить г. Хитрова. Ни школы съ ихъ преподавателями, программами, учебниками и учебными пособіями, ни гимназисты не дѣлаютъ ошибки, называя Карамзина авторомъ статьи «О любви

къ отечеству и народной гордости». Видѣть въ этомъ ошибку могутъ только люди, плохо знающіе исторію.

Карамзинъ написалъ свою статью «О любви къ отечеству и народной гордости» въ 1802 году. Она вошла въ полное собраніе его сочиненій и, напримѣръ, въ Смирдинскомъ изданіи помѣщена въ 3-мъ томѣ, на стр. 465.

Десять лѣтъ спустя, въ концѣ 1811 года, Шишковъ прочиталъ въ основанномъ имъ обществѣ подъ названіемъ «Бесѣда любителей россійскаго слова» сочиненное имъ «Разсужденіе о любви къ отечеству». Разсужденіе это было напечатано, въ 1812 году, отдѣльной брошюрой (54 стр.), безъ имени автора. Императоръ Александръ обратилъ вниманіе на брошюру, и, узнавъ имя сочинителя, призвалъ его къ себѣ и по поводу ея сказалъ: «имѣя такія чувства, вы можете быть отечеству полезны».

Н. К. Шильдеръ въ своемъ трудѣ «Императоръ Александръ I» и говоритъ именно объ этой брошюрѣ. О ней же и о послѣдствіяхъ ея появленія въ свѣтъ разсказываетъ и самъ Шишковъ въ своихъ «Запискахъ», томъ I, стр. 121.

II.

Къ статьѣ «Завоеваніе Кокана».

Въ статьѣ П. Н. Захарьина (Якунина) «Начало завоеванія Кокана», напечатанной въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», вкралась ошибка, а именно сказано, что съ извѣстіемъ о взятіи Акъ-Мечети въ Петербургъ былъ посланъ адъютантъ В. А. Перовскаго «Ефремовъ», тогда какъ съ этимъ извѣстіемъ былъ посланъ адъютантъ, есаулъ Василій Эдуардовичъ «Эверсманъ», братъ мой. Ефремова же адъютантомъ при В. А. Перовскомъ во время Акъ-Мечетскаго похода не было. Все это мнѣ очень хорошо извѣстно, такъ какъ во время похода я состоялъ врачемъ при В. А. Перовскомъ.

Николай Эверсманъ.

торый онъ только что пробѣжалъ глазами, былъ на непонятномъ для солдатъ языкѣ, то онъ не видѣлъ никакой опасности продолжать изслѣдованіе передъ ними.

Онъ принялся громко разбирать записку. Это было просто объявить обвиняемому смертный приговоръ.

Когда дошли до послѣдняго параграфа, то Шульмейстеръ, ссылаясь на то, что онъ плохо усвоилъ смыслъ, попросилъ прочитать ему документъ очень медленно.

Тогда полковникъ прочиталъ послѣднія фразы, отдѣляя каждое слово.

«Численность наличнаго состава войска 70.000 человѣкъ. Часть его можетъ ускользнуть черезъ Тироль съ Іелачичемъ или къ Богеміи съ эрцъ-герцогомъ; остальные не двинутся. Городъ укрѣпленъ, но, если удержать Эльсингенъ, онъ взятъ».

До конца чтенія Шульмейстеръ оставался съ глазами, устремленными въ глаза мальчика, какъ бы умоляя слушать внимательно слова, читаемыя передъ нимъ чуть не по складамъ, и запечатлѣть ихъ въ памяти, чтобы повторить, когда понадобится.

«Ты хорошо слышишь, что этотъ человѣкъ читаетъ?—казалось, говорилъ онъ мальчику.—Если ты любишь меня, не забывай ни одного слова».

Затѣмъ, когда все было окончено, онъ повернулъ голову и сдѣлалъ видъ, что не смотритъ болѣе въ ту сторону.

Тогда ребенокъ медленно сошелъ съ откоса, на которомъ стоялъ.

Гансъ тотчасъ же понялъ, безъ труда, молчаливый приказъ слушаться. Онъ повиновался. Подъ ясную диктовку, сдѣланную для него, его память послушно записала слово за словомъ.

Что же ему затѣмъ приказалъ отецъ? Удержать ихъ въ памяти? Онъ удержитъ ихъ; это было не трудно!—размышлялъ Гансъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, есть простое средство, и онъ принялся чуть слышно повторять этотъ странный урокъ.

Кому же онъ долженъ позже разсказать его? Онъ еще ничего не зналъ, но что ему до этого? Онъ прервалъ свою работу и сказалъ себѣ: «Мой отецъ Карлъ призналъ, что я не знаю французскаго языка, и однако то, что я учу на память, на этомъ именно языкѣ. Зачѣмъ? Это, должно быть, потому, что не надо обнаруживать способность понимать по-французски, если меня захватятъ здѣсь. Кому же я могу... и долженъ пересказать его?»

И инстинктивная логика здраваго смысла тотчасъ отвѣтила:

«Необходимо, чтобы ты попробовалъ сейчасъ отправиться въ поиски французовъ. Тебя посылаетъ отецъ туда, куда тебя послалъ добрый Родекъ».

Затѣмъ урокъ еще разъ повторился съ начала до конца. Два или три раза произошло колебаніе, надъ которымъ юная память Ганса восторжествовала совершенно. Когда весь текстъ, за-

ключенный въ золотой коробочкѣ, былъ такимъ образомъ отпечатанъ въ самой глубинѣ его памяти, мужественный мальчикъ снова продолжалъ путь къ рѣкѣ.

Какъ только Шульмейстеръ убѣдился, бросивъ тайно взглядъ, что блѣдная головка мальчика исчезла въ темнотѣ ночи, новое спокойствіе овладѣло всѣмъ его существомъ. Его совѣсть была чиста, такъ какъ онъ сдѣлалъ все, что могъ. Своего пріемнаго сына, даже его, онъ посвятилъ родинѣ. «Теперь что будетъ, то будетъ,— сказалъ онъ себѣ.—Однако мнѣ досадно разстаться съ жизнью, не сведя своихъ расчетовъ».

— Послушайте, полковникъ,—сказалъ онъ громко:—я усталъ бороться; я предпочитаю вамъ сказать все. Да, это я набросалъ справки, содержащіяся въ этомъ рапортѣ. Я знаю его. Но подумайте, что одному мнѣ было невозможно ихъ собрать! Это поручикъ Вендъ снабдилъ меня справками и помогалъ мнѣ достать самыя секретныя указанія. Я обѣщалъ ему за это десять тысячъ франковъ; онъ уже получилъ въ счетъ семь тысячъ красивыми золотыми наполеондорами. То, что я говорю, легко провѣрить. Стоитъ только выставить на видъ безполезныя траты, сдѣланныя этимъ человѣкомъ въ продолженіе сорока восьми часовъ за картежнымъ столомъ въ игорномъ домѣ или въ другомъ мѣстѣ...

— Почему вы обвиняете поручика Венда, вмѣсто того, чтобы защищаться?—живо отвѣтилъ полковникъ.—Вы знаете, что это васъ не спасетъ. Впрочемъ, весьма очевидно, что вы хотите отомстить человѣку, только что снявшему съ васъ маску.

— Почему я не защищаю себя, а обвиняю его? Это очень просто,— возразилъ Шульмейстеръ.—Потому что такимъ поступкомъ, напротивъ, надо гордиться, а не защищаться отъ него. Я не изъ вашихъ. Я былъ свободенъ васъ побить и обмануть. Я зналъ, что рискую жизнью, въ случаѣ неудачи, вотъ и все! Хорошо же, такъ какъ я не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, убейте меня: мы будемъ квиты. Но тотъ, другой, которому я заплатилъ, чтобы удерживать ваше войско, онъ продалъ васъ. Слышите ли, полковникъ: продалъ, продалъ, продалъ. Если онъ выдалъ меня сегодня ночью, то потому только, что не надѣялся болѣе ничего отъ меня вытянуть. А, можетъ быть, онъ хотѣлъ опять попробовать всѣ мои деньги присвоить себѣ, въ то время, когда меня стали обыскивать.. Затѣмъ, кто знаетъ, онъ думалъ, безъ сомнѣнія, сгладить свое преступленіе, донося на своего сообщника...

— Такъ нѣтъ же, подобныя преступленія не заслуживаютъ извиненія, и такой сообщникъ, какъ я, не пойдетъ въ могилу одинъ. Я потащу г. Венда за воротникъ съ собою въ могилу! Не имѣйте, полковникъ, никакого сожалѣнія какъ къ одному, такъ и къ другому. Полноте, вы можете мнѣ повѣрить. Въ моемъ положеніи не

лгутъ. Раздавите ту гадину въ то же время, когда будете разстрѣливить шпіона!...

Рѣзкая рѣчь Шульмейстера взволновала полковника, и, порывисто обернувшись къ Венду, онъ спросилъ его:

— Что вы можете на это отвѣтить, поручикъ?... Но гдѣ же онъ?

Вендъ исчезъ.

II.

Прежде всего презрѣнный негодяй придумывалъ средство ловко подтибрить поясъ, наполненный золотомъ и брошенный Шульмейстеромъ передъ своими судьями. Но повелительный жестъ полковника, котораго нельзя было не понять, и которому не повиноваться, было безуміемъ, остановилъ его уже начавшееся инстинктивное движеніе поднять сокровище.

Десять тысячъ франковъ такъ и остались лежать на землѣ до новаго приказанія, и очень возможно, увы, что, по окончаніи допроса, эту сумму подъ хорошимъ надзоромъ, съ короткимъ докладомъ о совершеніи казни надъ приговореннымъ, отошлютъ въ главный штабъ.

Съ этой минуты Вендъ, не имѣя возможности удовлетворить свою алчность, захотѣлъ, по крайней мѣрѣ, упиться местью. Онъ принялся внимательно наблюдать за Шульмейстеромъ. Его ученая и сложная игра въ этомъ поединкѣ шпіонства, въ которомъ онъ слылъ за профессора, возбуждала его невольное восхищеніе, а также отчасти безпокойство. Вставъ въ полутѣнь, Вендъ анализировалъ малѣйшія движенія узника, чтобы предупредить его маневры и предотвратить ихъ.

Какъ и всѣ присутствовавшіе, онъ былъ пораженъ внезапнымъ волненіемъ, выразившимся на лицѣ Шульмейстера, съ тѣхъ поръ, какъ его глаза устремлялись на одну опредѣленную точку. Но этихъ волненій онъ не приписалъ внезапному размышленію, представившемуся въ умѣ его жертвы. Даже онъ не отнесъ этого къ психическому явленію, однако очень понятному у человѣка, видѣвшаго такъ близко смерть. Онъ прозаически искалъ, какое открытіе, самое матеріальное, могло произвести эту перемѣну.

Посредствомъ изслѣдованія окрестностей, изученія малѣйшей игры свѣта, для чего онъ наклонялся, чтобы оріентировать свой взглядъ, Вендъ кончилъ тѣмъ, что увидѣлъ новое лицо. Это было личико ребенка, глаза котораго оставались упорно направлены также на Шульмейстера.

Его полицейскій инстинктъ тотчасъ возстановилъ прямую связь между причиной и дѣйствіемъ, между открытымъ чтеніемъ громкимъ голосомъ обвинителя-документа, потребованнымъ тѣмъ же самымъ человѣкомъ, который его написалъ, и необыкновеннымъ

вниманіемъ мальчика, появленіе котораго въ этотъ часъ и въ этомъ мѣстѣ было такъ странно подозрительно.

Откуда явился этотъ мальчикъ? Кто онъ такой?—задалъ себѣ вопросъ Вендъ.

Это очень важно знать!.. И въ ожиданіи, кто бы онъ былъ, надо было воспрепятствовать, чтобы его глаза не оставались открытыми, и его уши не напрягались относительно зрѣлища, которое не долженъ видѣть ни одинъ посторонній.

Если было слишкомъ поздно, чтобы помѣшать ему смотрѣть и слушать, то простая осторожность указывала, что надо наложить руку на этого стѣснительнаго свидѣтеля.

Вендъ молча маневрировалъ, чтобы мало-по-малу удалиться изъ центра сцены. Совершенно новое недовѣріе, которое онъ внушалъ теперь офицерамъ, своимъ сосѣдямъ, дѣлало его объектомъ ненависти, и молодые люди радовались, что онъ болѣе не съ ними. Они воздержались слѣдовать за нимъ и указывать на его отсутствіе. Онъ ускользнулъ незамѣтно позади солдатъ, собравшихся вокругъ своихъ начальниковъ, вниманіе которыхъ было поглощено трогательной драмой, разыгрывающейся въ ихъ присутствіи; затѣмъ, разъ выйдя изъ круга, освѣщеннаго бивуачнымъ огнемъ, онъ поспѣшилъ по направленію къ деревнѣ. Послѣ длиннаго обхода Вендъ занялъ постъ такимъ образомъ, что отступленіе ребенка было отрѣзано. Онъ видѣлъ теперь, какъ нѣжный силуэтъ мальчика выдѣлился на фонѣ бивуачнаго освѣщенія.

Нѣсколько минутъ спустя, именно въ тотъ моментъ, когда полковникъ удивился, не видя передъ собою Венда, пронзительный крикъ, крикъ ужаса и безсильнаго гнѣва, разсѣкъ воздухъ. Черты лица Шульмейстера приняли земляной оттѣнокъ. Это былъ голосъ Ганса, онъ былъ въ этомъ увѣренъ. Всѣ бросились. Въ недалекомъ разстояніи былъ слышенъ шумъ отъ борьбы: пинки, жалобы, гнѣвный пронзительный зовъ, который былъ прекращенъ грубымъ кулакомъ, приложеннымъ ко рту... Вскорѣ показался Вендъ, шествовавшій впереди двухъ солдатъ, которые держали, несмотря на ихъ возмущеніе, одиннадцатилѣтняго плѣнника.

— Что тамъ такое? — спросилъ полковникъ.—Зачѣмъ ведутъ къ намъ этого мальчишку? Этимъ-то преслѣдованіемъ вы и занимались, поручикъ, между тѣмъ какъ я звалъ васъ!

— Простите, полковникъ, — возразилъ Вендъ: — но я думаю, что сдѣлалъ хорошую добычу. Я увѣренъ, что не обманулся, замѣтивъ взгляды и осмысленные знаки между узникомъ и этимъ ребенкомъ, близкое присутствіе котораго здѣсь никѣмъ не было заподозрѣно. Я не сомнѣваюсь, что эти два существа знаютъ другъ друга. Въ то время, какъ вы читали тому записку, найденную въ его одеждѣ, этотъ слушалъ такъ внимательно, что я рѣшилъ, не осторожнѣе ли будетъ его привести къ вамъ.

— Такъ мы теперь воюемъ съ дѣтьми? И вы полагаете, что я буду задавать вопросы этому ребенку?

— Конечно, нѣтъ, полковникъ! — возразилъ Вендъ съ принужденной улыбкой.—Но, наконецъ, если бы этотъ «ребенокъ» былъ способенъ повторить непріятелю содержаніе захваченнаго письма, которое вы разобрали въ его присутствіи,—стоило ли труда ставить другого въ невозможность вредить намъ?

— Другими словами, я не правъ, что громко читалъ это письмо, не правда ли, потому что онъ могъ услышать?

— О полковникъ, можете ли вы думать, что я намѣренъ?..

— Я ничего не думаю, сударь! Я подтверждаю, что вы исполняете ваше ремесло добросовѣстно, вотъ и все!.. Пусть будетъ такъ. Я исполню свое также. Приблизься, малютка!

Гансъ, еще дрожавшій отъ нервнаго гнѣва, который заставилъ его только что отбиваться отъ рукъ солдатъ, приблизился, однако, безъ колебанія къ начальнику. Густой басъ полковника зазвучалъ въ его ушахъ съ неожиданной сердечностью. Онъ даже не взглянулъ, проходя мимо пламени, на человѣка, котораго двое часовыхъ держали за плечи и кисти рукъ. А между тѣмъ мальчику очень хотѣлось броситься на шею къ узнику!.. Но, нѣтъ, его большіе глаза были устремлены на полковника, говорившаго съ нимъ. Онъ не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть никого, кромѣ его.

— Что ты дѣлалъ въ полѣ среди ночи?—спросилъ полковникъ,

— Я заблудился. Мои родители въ деревнѣ... тамъ, я не знаю ея названія. Мы туда пріѣхали вчера вечеромъ. Когда мы легли спать, то пришли солдаты и помѣстились во всѣхъ углахъ. Я хотѣлъ посмотрѣть, какъ они устраиваютъ лагерь... И затѣмъ я заблудился.

— Тогда?

— Тогда я увидалъ вдали огонь, вотъ тамъ; я приблизился, чтобы спросить, какъ мнѣ пройти... Но, когда я былъ совсѣмъ близко, то понялъ, что меня выгонятъ, если я останусь, такъ какъ въ это время дурно поступали съ однимъ человѣкомъ. Я снова ушелъ, и въ то время меня остановили.

— Какъ зовутъ тебя?

— Меня зовутъ Гансъ.

— У тебя только одно имя?

— Я думаю, что да.

— Какъ ты думаешь! Какъ зовутъ твоего отца?

— Мой отецъ умеръ, сударь!

Это было сказано такъ серіозно и въ то же время такимъ простымъ тономъ, что какое-то уваженіе проникло въ душу солдатъ.

Что касается до Шульмейстера, онъ ничего не говорилъ, ни на что не смотрѣлъ и ничего больше не зналъ. Онъ жилъ только для того, чтобы слушать эти дѣтскія и умныя слова, удареніе которыхъ часто заставляло биться его сердце.

Вендъ не переставалъ наблюдать за нимъ. Онъ пробовалъ подмѣтить со стороны Шульмейстера какой нибудь жестъ и взглядъ, который можно было бы принять за условный сигналъ или совѣтъ, относящійся къ ребенку. Но онъ не могъ доказать, что замѣтилъ хотя одно малѣйшее, подозрительное движеніе.

— Послушай, малютка, я очень хотѣлъ бы вѣрить, что ты тамъ разсказываешь; но, видишь ли, ты долженъ сказать мнѣ всю правду, какъ честный мальчикъ, какимъ ты мнѣ показался...

— Да, сударь.

— Откуда ты пріѣхалъ съ твоими родителями, когда явился въ эту страну?

— Мы пріѣхали изъ Оффенбурга.

— Это на опушкѣ Чернаго Лѣса, въ сторонѣ Рейна... слѣдовательно не очень далеко отъ границы. Вы должны часто видѣть тамъ французовъ?

Гансъ чувствовалъ въ этотъ моментъ, какъ легкое розовое облако покрыло ему щеки. Однако его ясные глаза, устремленные на радушное лицо полковника, не опустились. Едва замѣтное миганье вѣкъ выдавало его волненіе.

— Можетъ быть, и видятъ, когда ихъ знаютъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ты не знаешь ихъ?

— Можетъ быть, да, но я этого навѣрно не знаю.

— Когда говорятъ въ твоемъ присутствіи по-французски, понимаешь ли ты?

— Какъ это, сударь, когда говорятъ по-французски?..

— Ну, такъ, вотъ какъ! Слушай хорошенько, что я буду говорить...

Всѣ глаза, такъ сказать, остановились на глазахъ ребенка, чтобы уловить малѣйшій проблескъ пониманія. Вендъ перестатъ смотрѣть на Шульмейстера. Шульмейстеръ самъ устремилъ свой взглядъ на маленькую бѣлокурую головку.

Полковникъ очень медленно произнесъ по-французски слѣдующія слова:

«Ты мнѣ сказалъ, что у тебя нѣтъ болѣе отца? Твоя мать тоже умерла, не правда ли?»

По счастію, Гансъ приготовился къ вопросу, сдѣланному, чтобы его смутить. Правда, бѣдный ребенокъ не ожидалъ, что онъ будетъ столь жестокимъ; но въ его жизни уже было столько разной печали, и у него было достаточно отваги, чтобы сдержать свое волненіе. Затѣмъ онъ чувствовалъ около себя своего второго отца, котораго онъ любилъ, этого покровителя, нуждающагося теперь въ покровительствѣ. Онъ взглянулъ въ лицо полковника и отвѣтилъ по-нѣмецки:

— Это очень нѣжныя слова, но я не знаю, что они выражаютъ.

Едва сдерживаемый шепотъ пробѣжалъ по рядамъ солдатъ. Полковникъ, дурно скрывая подъ грубой манерой свои угрызенія за испытанія ребенка, пожалъ плечами, оборачиваясь къ своимъ поручикамъ:

— Я спрашиваю васъ, способенъ ли ребенокъ, который въ состояніи понимать то, что я сказалъ, на подобное притворство!

Но Вендъ не былъ съ этимъ согласенъ, потому что онъ уловилъ на лицѣ Шульмейстера радужное отраженіе глубокой, съ трудомъ удерживаемой радости.

Онъ медленно приблизился къ своему начальнику, и Шульмейстеръ понялъ, что мученіе еще не окончилось.

— Позвольте мнѣ сдѣлать еще одно испытаніе, полковникъ?— спросилъ совсѣмъ тихо доносчикъ.

— Какъ! То, которое мы только что сдѣлали, вамъ недостаточно, сударь?.. Что же вамъ нужно болѣе? Да, полно вамъ! Я не допускаю ни малѣйшаго сомнѣнія; но дѣлайте, что хотите.

Вендъ, ничего не говоря, вмѣшался въ группу офицеровъ, между тѣмъ какъ полковникъ съ жестомъ плохо скрываемаго состраданія, казалось, болѣе не интересовался опытомъ.

Прошло нѣсколько секундъ. Затѣмъ поручикъ подошелъ прямо къ ребенку, какъ будто ему было поручено говорить послѣ общаго совѣщанія, и сказалъ ему самымъ естественнымъ тономъ, но по-французски:

— Хорошо! Иди, малютка, ты можешь отправляться!..

Гансъ посмотрѣлъ на него, поднявъ рѣсницы съ вопросительнымъ видомъ, и не двинулся съ мѣста.

— Надо быть безсердечнымъ, чтобы упорствовать!.. произнесъ сквозь зубы полковникъ.

Но онъ рѣшилъ не стѣснять своего подчиненнаго и довольствовался тѣмъ, что слѣдилъ глазами за происходившимъ.

Вендъ положилъ руку на плечо Ганса, который сдѣлалъ быстрое движеніе, чтобы отодвинуться отъ него.

— Ты сердишься на меня?—спросилъ онъ нѣжнымъ голосомъ и все еще по-французски.

Отвѣта не послѣдовало.

Тогда по жесту капитана два солдата, державшіе Шульмейстера, заставили его отодвинуться на нѣсколько шаговъ и спрятаться за ихъ товарищей. Гансъ стоялъ, обернувшись спиною, и не замѣтилъ этой продѣлки. Онъ смотрѣлъ на полковника, молча присутствовавшаго при этой сценѣ, и прочиталъ въ разъяренныхъ глазахъ полковника, что ему приготовляютъ еще какую нибудь горестную неожиданность.

Но вдругъ его умъ необыкновенно прояснился, и онъ все понялъ. Единственный человѣкъ на свѣтѣ, котораго онъ долженъ защищать,—сказалъ себѣ мальчикъ,—этоег о пріемный отецъ, и для

этого надо прикинуться, что его не знаешь. Нѣтъ другого врага на свѣтѣ, какъ Вендъ, и самое важное было не довѣрять, что этотъ человѣкъ говоритъ или дѣлаетъ. Остального не существовало. Только любящія и отважныя души способны на такое самоотверженіе. По счастью Гансъ только что выучилъ хорошо свой урокъ; онъ зналъ его, былъ отваженъ и готовъ на все.

Внезапно его заставили повернуться. Передъ его глазами разстилалась темная долина. Справа нѣсколько человѣкъ сидѣли на травѣ; другіе стоя смотрѣли на него. Часовые стояли неподвижно на караулѣ. Слѣва остатки догорающаго пламени прыгали на красныхъ головешкахъ.

Мѣсто, занимаемое Шульмейстеромъ, было пусто.

Гансъ не волнуясь замѣтилъ эту новую обстановку и спросилъ по-нѣмецки:

— Гдѣ же человѣкъ, который только что былъ?

— Его сейчасъ убили,—отвѣтилъ Вендъ на томъ же языкѣ, такъ какъ онъ отказался на время раскрыть, правда ли ребенокъ притворяется, что не знаетъ французскаго языка.

Ему важнѣе было знать, что этотъ одиннадцатилѣтній мальчикъ зналъ шпіона.

У Ганса замерло сердце, но ни одна слеза не показалась въ его глазахъ, ни одно восклицаніе не соскользнуло съ его губъ. Это мучительное волненіе задержало нѣсколько его невинное замѣчаніе, которое ему наконецъ удалось высказать твердымъ голосомъ:

— Странно! Я думалъ, что солдаты убиваютъ только выстрѣломъ изъ ружей!.. Я ничего не слышалъ.

Гнѣвъ полковника вспыхнулъ.

— Довольно!—сказалъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженія.—Я не хочу, чтобы пытали этого мальчика. Поручикъ, прикажите, пожалуйста, его тотчасъ освободить. И одинъ изъ васъ, господа, пусть укажетъ надежнаго человѣка, знающаго хорошо страну, чтобы показать ему дорогу.

— Въ добрый часъ,—отвѣтилъ мальчикъ, повернувъ съ милой улыбкой голову къ начальнику... Я предпочитаю, чтобы со мною говорили такъ! По крайней мѣрѣ, я понимаю!..

И, замѣтивъ во взглядѣ полковника смутный влажный лучъ, въ которомъ Гансъ узналъ доброту, онъ осмѣлился сказать:

— Это не правда, сударь, что убили бѣднаго человѣка, который былъ тамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, малютка! Это неправда,—отвѣтилъ старый воинъ съ благосклоннымъ ворчаніемъ.—Иди скорѣе спать, иди!..

И какъ эхо, отвѣчающее на слова полковника, дрожащій голосъ закричалъ позади плотно сжатой группы офицеровъ:

— Какой негодяй этотъ Вендъ!

Божественная радость проникла въ сердце одиннадцатилѣтняго

героя при этихъ словахъ, и если бы его черты въ это время не были въ тѣни, то безчестный палачъ увидѣлъ бы въ глубинѣ глазъ выступавшія святыя слезы.

Венда было труднѣе увѣрить, чѣмъ его начальника. Онъ не измѣнилъ своего инстинктивнаго убѣжденія, хотя не могъ окончательно установить, ни совершенно доказать, даже въ своихъ собственныхъ глазахъ, что хитрый мальчикъ одурачилъ всѣхъ. Все, кончая его отважной позой, заставляло призадумываться. Какъ бы ни былъ храбръ и не по лѣтамъ развитъ ребенокъ, какъ допустить въ самомъ дѣлѣ, чтобы среди ночи могъ онъ видѣть не боясь грубую, суровую процедуру военнаго суда, судящаго безъ апелляціи при бивуачномъ огнѣ? Чтобы не взволноваться отъ такой обстановки, надо быть, такъ сказать, дрессированнымъ для самыхъ худшихъ приключеній и въ совершенствѣ знать роль, которую приходится играть въ нихъ. Надо, чтобы онъ уже видѣлъ подобные спектакли и часто былъ замѣшанъ въ такія опасности. И Вендъ вывелъ заключеніе, что вѣритъ болѣе, чѣмъ когда либо, въ соглашеніе, импровизованное или заранѣе устроенное, между двумя существами, которыхъ онъ держалъ въ своихъ рукахъ.

Но приказъ полковника не терпѣлъ никакого сопротивленія, ни даже отсрочки, вслѣдствіе чего Ганса вручили солдату проводить до ближайшей тропинки, ведущей въ Вертингенъ. Вендъ видѣлъ его уходящимъ и не могъ ничего придумать, чтобы удержать.

Въ тотъ моментъ, когда ребенокъ и проводникъ удалялись, тотъ же голосъ закричалъ:

— Прощай, малютка! Я не знаю тебя, но у тебя честное сердце!

Въ темнотѣ послышался глухой шумъ, какъ бы кто-то хотѣлъ насиліемъ заставить человѣка замолчать. Затѣмъ было рѣшено отослать Шульмейстера подъ хорошей стражей въ маленькую деревню, сосѣднюю съ Гогенрейхеномъ, гдѣ находилось назначенное для него помѣщеніе. Тамъ онъ долженъ ожидать военной казни.

— Развѣ его не разстрѣляютъ сейчасъ?—осмѣлился спросить Вендъ, взбѣшенный тѣмъ, что его месть запоздаетъ.

— Это дѣло васъ не касается болѣе, сударь!—рѣзко отвѣтилъ ему полковникъ.—Я понимаю, что вы торопитесь присутствовать при смерти человѣка, который знаетъ о васъ кое-что очень непріятное и въ особенности стѣснительное, но я одинъ здѣсь командую. Прежде чѣмъ убить этого шпіона, я хотѣлъ бы знать, нѣтъ ли у него соообщника, постарше мальчугана, который только что былъ здѣсь, и поважнѣе.

Вендъ сдѣлалъ притворный жестъ...

— Впрочемъ,—окончилъ рѣчь полковникъ, не допуская себя обезоружить этой пантомимой,—мнѣ кажется, что вы покончили здѣсь ваше дѣло. Удалитесь съ пикета, гдѣ должны находиться только офицеры, назначенные мною для почетнаго караула. Добрый вечеръ, сударь!

Поручикъ удалился, не удостоившись ни одного поклона со стороны молодыхъ офицеровъ. Вскорѣ услышали, какъ его лошадь спѣшила рысью къ деревнѣ.

Лишь только онъ уѣхалъ, полковникъ сдѣлалъ порывистое движеніе досады, замѣтивъ, въ которую сторону онъ удалился.

Выпущенный на свободу, ребенокъ отправился по той же дорогѣ только нѣсколькими минутами ранѣе своего обвинителя и палача.

III.

Мы оставили Доротею уѣзжающею изъ Вертингена въ телѣжкѣ Родека, послѣ того, какъ она подверглась оскорбительнымъ любезностямъ юнаго офицера, товарища Венда. Ей пришлось ѣхать недолго. Надорванная длинными переѣздами, прерываемыми рѣдкими отдыхами, въ продолженіе цѣлой недѣли, кобыла начала спотыкаться и фыркать на каждомъ шагу. Затѣмъ она остановилась и отказалась двинуться впередъ, защищаясь изо всѣхъ силъ. Жестокіе удары грубой руки солдата заставили ее наконецъ побѣжать съ безумной быстротою, исчерпывая свои послѣднія силы въ послѣдней роковой попыткѣ. Но вдругъ она повалилась и осталась лежать недвижима между двумя сломанными оглоблями.

Доротея проворно выскочила изъ телѣжки. Она безо всякаго сожалѣнія разсталась съ импровизированнымъ экипажемъ и случайнымъ кучеромъ, однимъ словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что ее обязывало ненавистной протекціей людямъ, врагомъ которыхъ она чувствовала себя. Что стоило ей снова пуститься одной въ привычный путь пѣшкомъ? Ея спутникъ силился поднять животное, привести въ порядокъ экипажъ и довести свою миссію до конца. Онъ умолялъ ее обождать, но она отвѣтила лишь громкимъ смѣхомъ, правда, печальнымъ и продолжала свой путь. Она повернула отъ Вертингена, переполненнаго нѣмцами, засѣвшими въ засадѣ. Удаляясь отъ этихъ долинъ, спускающихся мягкими, волнистыми линіями къ Дунаю, она оставляла позади себя лѣсистые холмы, обрамляющіе горизонтъ съ сѣверной стороны. Здѣсь чужеземные солдаты ожидали день послѣ длинныхъ переходовъ, чтобы произвести атаку и обнаружить наконецъ планъ ихъ начальника. Но все это было ей безразлично.

Она спѣшила въ городъ, гдѣ еще находился, какъ она думала, загадочный сообщникъ ихъ нападенія. Увы, она ошиблась. Этотъ сообщникъ прошелъ совсѣмъ близко отъ нея, о чемъ она даже не подозрѣвала. Онъ шелъ мимо деревни, гдѣ собрались любимыя имъ существа. Шульмейстеру удалось избѣжать разставленныхъ по квартирамъ отрядовъ, и, слѣдуя по уклону полей, онъ приближался къ дружескимъ высотамъ, гдѣ былъ конецъ его пути, и оканчивалась его миссія, какъ бы мало она ни была достигнута. Но по-

зади его и вокругъ его другіе люди тоже шли по одинаковому направленію. Казалось, что въ эту ночь по какому-то секретному предписанію обычно пустынныя дороги заселились людьми. Предупрежденные объ опасности офицеры спѣшили присоединиться къ своимъ войскамъ. На половину проснувшіеся отряды солдатъ направлялись въ безпорядкѣ къ назначенному мѣсту. Эстафеты сновали во всѣ стороны, что есть силы.

Одинъ изъ кавалеристовъ проѣхалъ такъ близко отъ Доротеи, что она почувствовала, какъ вѣтеръ отъ его быстрой ѣзды ударилъ ее по щекамъ. Молодая женщина остановилась. Ея сердце сначала сжалось отъ какого-то мучительнаго предчувствія, затѣмъ ея глаза были поражены сходствомъ. Она увидѣла на сѣрой лошади, цвѣтъ шерсти которой выдѣлялся въ темнотѣ знакомымъ свѣтлымъ пятномъ, характеристичный силуэтъ. Каждая его линія была врѣзана въ ея памяти. Конечно, ни одна черта лица не опредѣлилась въ молніеносной быстротѣ его появленія. Но развѣ необходимо видѣть лицо, когда такая-то поза и примѣченныя при его проѣздѣ форма прически, подробности въ выправкѣ, въ одѣваніи и въ сбруѣ, все указываетъ на неизгладимую въ памяти личность, столько разъ видѣнную.

— Это Вендъ!—сказала она тотчасъ себѣ.

Вендъ!... На дорогѣ!... Въ такой часъ?—разсуждала Доротея.— Куда онъ направляется? Что онъ ищетъ? Кого преслѣдуетъ? Не въ Вертингенъ ли онъ направляется такъ поспѣшно? Что тамъ дѣлать?

Доротея наклонилась къ землѣ, чтобы лучше слышать шумъ галопа. Ей показалось, вмѣсто того, чтобы повернуть направо въ ту сторону, откуда она шла сама, эхо удалялось по прямой линіи къ откосу рѣчного берега. Какъ разрѣшить эту загадку?

Прежде чѣмъ ея умъ отвѣтилъ, она уже дѣйствовала. Инстинктъ, который сильнѣе разсудка, подталкивалъ ее слѣдовать за всадникомъ-привидѣніемъ. Она повернулась и пошла, уже торопясь, сзади его.

Немного далѣе она снова увидѣла околѣвшую лошадь, лежащую около сломанной тележки. Солдата болѣе не было; онъ долженъ былъ возвратиться на свой постъ. Немного далѣе она вышла на перекрестокъ двухъ дорогъ. Одна изъ нихъ спускалась къ Дунаю, тогда какъ другая врѣзалась между первыми стѣнами деревни. Она пошла на удачу въ ту сторону, гдѣ слышала, что топотъ лошади Венда раздается продолжительнѣе. Вскорѣ передъ нею появился вдали, наравнѣ съ землею мерцающій слабый огонь бивуака.

Она остановилась.

Отъ времени до времени проходящія между нею и освѣщенной точкой тѣни совершенно прикрывали его. Она хорошо понимала, что тамъ находились солдаты, безъ сомнѣнія, товарищи тѣхъ, ко-

торыхъ она только что покинула. Но, чтобы убѣдиться въ этомъ, она не смѣла приблизиться болѣе.

Не къ нимъ ли поѣхалъ Вендъ? Но на него не похоже, чтобы онъ отправился на аванпостъ. Это не такой человѣкъ; онъ не поѣдетъ ночью самъ на развѣдки, рискуя спокойствіемъ и жизнью для исполненія долга... Онъ рѣшился бы забыть свою лѣность и пороки только, когда ненависть и алчность довели бы его до этого.

Разсуждая такимъ образомъ, Доротея снова пошла медленно по направленію къ перемежающемуся огоньку. Она присѣла разъ, потомъ другой на большіе камни, оставленные на краю дороги, и принялась перебирать въ умѣ все, что она сдѣлала и видѣла со вчерашняго дня. Она пробовала выпутать ясныя идеи и простыя чувства изъ накопившихся руинъ, произведенныхъ внезапнымъ шкваломъ, перевернувшимъ ея жизнь. Трепещущая отъ искренняго душевнаго волненія, она чувствовала себя брошенной безъ проводника, опоры и надежды въ опасныя приключенія. Смущенная и опечаленная, она снова встала, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ.

Время шло. Сколько времени? Она не могла этого сказать. Ей показалось только, что огонь бивуака становился менѣе яркимъ, хотя она приближалась къ нему.

Внезапно она остановилась и стала прислушиваться: кто-то шелъ. Да, съ этой стороны кто-то шелъ. Она ясно различала шумъ шаговъ двухъ различныхъ людей и слышала минутами два голоса. Вскорѣ Доротея увидѣла двѣ неровныя тѣни. Одна принадлежала мужчинѣ, а другая ребенку.

Она тихонько отодвинулась съ дороги и спряталась, какъ можно лучше, въ травѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги. Тогда она услышала слѣдующій разговоръ:

— Теперь вы можете уходить,—говорилъ дѣтскій голосъ.—Я узналъ первые дома тамъ, на горѣ.

— Да,—отвѣтилъ другой прохожій съ грубымъ солдатскимъ произношеніемъ:—но дорога дѣлаетъ поворотъ, гораздо далѣе. Знаешь ли ты, въ которую сторону повернуть?

— О, полноте, не опасайтесь, я не ошибусь!

— Ну, хорошо! Добрый путь, мальчуганъ! Ты можешь похвастаться, что не струсилъ.

Затѣмъ разговоръ прекратился. Только раздавались тяжелые шаги; ихъ шумъ мало-по-малу уменьшался. Ребенокъ оставался неподвиженъ. Безъ сомнѣнія, онъ смотрѣлъ, какъ исчезалъ въ ночной темнотѣ его проводникъ.

Доротея снова встала и начала приближаться къ мальчику. Она кончила тѣмъ, что узнала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея тонкій силуэтъ сына Шульмейстера. Она осталась неподвижной,

прикованной отъ смущенія, увидѣвъ одинокимъ среди полей мальчика, только что оставленнаго ею около его матери, въ комнатѣ, окруженной стражей.

Что же произошло съ тѣхъ поръ, какъ она уѣхала? Ей было недосугъ изслѣдовать долго эту проблему. Внезапный шумъ донесся къ ней съ берега рѣки. Сначала она не поняла, что означалъ глухой продолжительный шумъ, слышанный ею, но вскорѣ она стала различать повторяющійся тактъ поспѣшной лошадиной рыси. Она направлялась въ сторону Доротеи. Съ каждой минутой шаги лошади становились все слышнѣе и яснѣе; при каждомъ новомъ ударѣ по землѣ они отчетливѣе отдѣлялись одинъ отъ другого. Вдругъ она увидѣла появившееся среди ночной мглы сѣрое пятно, которое все увеличивалось, опредѣлялось и наконецъ поднялось черной тѣнью.

Это былъ всадникъ, только что проскакавшій. Доротея узнала въ немъ Венда.

Первое ея движеніе было приблизиться къ Гансу. Она остановилась.

Ребенокъ ограничился тѣмъ, что подвинулся на край тропинки, гдѣ онъ сидѣлъ, почти исчезнувъ въ окружавшей его ночной тьмѣ.

Всадникъ былъ только въ нѣскольких шагахъ. Повидимому, онъ встрѣтилъ на дорогѣ солдата, возвращавшагося къ своему бивуаку, и узналъ отъ него, на какомъ разстояніи находится маленькій узникъ, такъ какъ, замедляя ходъ лошади, онъ изслѣдовалъ глазами дорогу, чтобы его разыскать.

Наконецъ онъ замѣтилъ мальчика.

— Что ты тамъ дѣлаешь?—спросилъ Вендъ грубо Ганса.

— Я ждалъ вашего проѣзда, чтобы продолжать путь.

— Да!.. Если только не затѣмъ, чтобы возвратиться назадъ и продолжать еще шпіонить, не правда ли?...

Отвѣта не послѣдовало.

— Ты ничего не говоришь,—продолжалъ Вендъ.—Пойдемъ! Я не хочу, чтобы ты оставался здѣсь. Иди передо мною и поживѣе!...

Презрѣнный Вендъ дернулъ рѣзко за одну сторону поводья и направилъ лошадь прямо на мальчика.

Гансъ не шевельнулся.

— Слышалъ ли ты меня, лукавецъ?—спросилъ взбѣшенный капитанъ.

— Я слышала!—отвѣчалъ голосъ, раздавшійся съ другой стороны дороги.

Вендъ сдѣлалъ жестъ удивленія и страха. Ребенокъ однимъ прыжкомъ очутился на ногахъ.

— Да, я слышала!—продолжалъ таинственный голосъ, презри-

тельныя нотки котораго, казалось, служили офицеру пощечинами... Меня не удивляетъ, подлецъ, найти тебя здѣсь пытающимъ беззащитнаго ребенка, послѣ того, какъ я видѣла тебя тогда, вечеромъ, покушающимся на жизнь его отца!...

— Его отца...—зарычалъ, какъ левъ, Вендъ, для котораго это слово послужило лучемъ свѣта, озаряющимъ тьму.

Послѣдовалъ моментъ молчанія. Затѣмъ раздался торжествующій крикъ, за которымъ послѣдовалъ цѣлый потокъ радостныхъ словъ.

— Ахъ!.. Я это прекрасно зналъ; я говорилъ, что эти два существа согласились насъ провести! Полно ты можешь теперь разсказывать все, что пожелаешь, моя бѣдняжка Доротея! Можешь показываться или скрываться, сколько тебѣ угодно! Я прощаю тебѣ твои ругательства и угрозы въ уваженіе за тѣ справки, которыя ты мнѣ сообщаешь!.. Его отецъ!.. Шульмейстеръ — отецъ этого негодяишки!.. А только что они прикинулись, будто не знаютъ другъ друга!.. А маленькій хитрецъ нашелъ средство обмануть насъ всѣхъ!.. Благодарю, Доротея! Благодаря тебѣ, я держу теперь въ рукахъ этого человѣка и его шайку. Наконецъ-то моя месть будетъ полная! Благодарю!

— Ну, пойдемъ же, сынъ шпіона! Надо же намъ возвратиться туда, хитрецъ!.. Ты еще не кончилъ смѣяться...

Вендъ живо соскочилъ съ лошади и, не выпуская изъ рукъ поводьевъ, которые онъ обмоталъ вокругъ кисти руки, протянулъ руку къ плечу ребенка.

Но передъ нимъ поднялась черная фигура, и передъ его глазами явилось блѣдное лицо Доротеи, которое, казалось, преобразилось отъ какого-то неумолимаго рѣшенія.

— Молчи и уходи!—сказала ему Доротея.—Убирайся, убирайся сейчасъ же, презрѣнный предатель! Вспомни, что я говорила тебѣ... Еще есть время... Убирайся!

— Ну, что еще! Что тебя схватываетъ? — сказалъ онъ, издѣваясь. — Ты хочешь, чтобы я удалился?.. Я уѣду, чего же тебѣ больше надо? Я уѣду «сейчасъ же», какъ ты говоришь... Только я хочу отвезти этого ребенка къ его отцу. Это моя идея!.. Почему же ты не сопровождаешь меня? Ты могла бы снова увидѣть на моментъ твоего гостя сегодняшней ночи: это—удовольствіе, которое тебѣ долго не представится!

— Берегись, Вендъ!

— Беречься? Чего? Развѣ ты имѣешь претензію ненарокомъ помѣшать мнѣ исполнить, что мнѣ нравится?.. Сударыня, взяли ли вы ваши пистолеты сегодня ночью на прогулку по полямъ?

— Нѣтъ, у меня нѣтъ съ собою оружія. Но я хочу, чтобы ты оставилъ этого ребенка.

— А! Ты хочешь?

— Да!

— Положительно мой преемникъ ловкій человѣкъ. Онъ умѣетъ привязать къ себѣ... Ты даже покровительствуешь его дѣтямъ!

— Молчи!

— Я замолчу, когда ты меня допустишь взять этого мальчугана... У меня тоже семейный вкусъ; я не хочу, чтобы отдѣляли отца отъ сына...

— Молчи!

— Ты все то же говоришь... Я хочу, чтобы Шульмейстеръ, когда его поставятъ черезъ нѣсколько часовъ на колѣни передъ взводомъ, увидѣлъ въ лицо этого свидѣтеля.

— Молчи, говорю тебѣ.

— И тогда отхлестають сына до крови прежде, чѣмъ разстрѣлять отца, твоего люб...

Онъ не окончилъ: двѣ руки обвились вокругъ его горла.

Онъ сдѣлалъ неистовый жестъ, чтобы ихъ раздвинуть и оторвать отъ себя. Невозможно! Онъ хотѣлъ ударить въ лицо это созданіе, которое пробовало его задушить; но держащія его вытянутыя и закоченѣвшія руки не дозволяли достичь лица непріятеля. Онъ силился вытащить саблю и защищаться ею, какъ придется, остріемъ или рукояткой. Но напрасно онъ размахивалъ по воздуху во всѣ стороны: его блуждающіе пальцы не находили болѣе оружія, висѣвшаго на кушакѣ.

Движенія Венда были безпорядочны, а силы парализованы ужасными объятіями... Эта борьба во тьмѣ представлялась отвратительной! Эти дикія объятія, сжимавшія одно съ другимъ два молодыя, сильныя тѣла, еще наканунѣ соединенныя фантазіей или привычкой, а теперь ринувшіяся другъ на друга, были ужасны.

Однако, несмотря на гнѣвное возбужденіе, Доротея съ трудомъ сопротивлялась безнадежнымъ усиліямъ, которыя дѣлалъ Вендъ для избѣжанія ужаснаго давленія ея рукъ. Вмѣсто того, чтобы дольше разжимать живое ожерелье, душившее его, уже наполовину задохнувшійся негодяй рѣшился наконецъ сжать въ объятіяхъ бюстъ молодой женщины.

Со своей стороны Доротея чувствовала, что ея силы на половину уменьшились. Оцѣпенѣніе, овладѣвшее ея плечами, пробѣжало по всему ея тѣлу, и она поняла, что онъ скоро захватитъ ея руки. Все-таки она продолжала съ энергіей безнадежности давить его горло. Венду казалось, что ея пальцы все глубже и глубже впиваются въ него, пресѣкаютъ доступъ воздуху, останавливаютъ движеніе крови, рискуя прекратить жизнь.

На посинѣвшемъ и въ пятнахъ лицѣ Венда открылся перекошенный конвульсіями ротъ, а красные, распухшіе глаза, казалось, были готовы выскочить, какъ заряженныя пули.

Но и Доротея чувствовала, что вся ея нервная сила скоро изсякнетъ.

Нѣтъ... положительно... она не могла долѣе продолжать это ужасное напряженіе мускуловъ!

Негодяй замѣтилъ, что она ослабѣвала; онъ удвоилъ усилія; пальцы, давившіе его, разжались, однако, не выпуская совершенно добычи.

Немного воздуха вошло въ грудь Венда.

Радость, что онъ наконецъ послѣ долгаго томленія снова нашелъ надежду вздохнуть всѣми легкими и жить, вызвала у Венда хриплый крикъ радости.

Но его часъ пришелъ.

Неожиданно на него поднялся странный врагъ.

Лошадь, уже испуганная конвульсивными движеніями обоихъ борющихся, зацѣпившихъ за ея ноздри, при звукахъ радостнаго рева освобожденнаго Венда, обезумѣла отъ страха. Она попятилась, ударяя копытами, и встала на дыбы почти во весь ростъ. Въ наступающей зарѣ поднялась ея громадная фигура, представляя собою угрозу.

Привязанные къ рукѣ поводья натянулись и повлекли назадъ негодяя, опрокинувъ его навзничь.

Доротея, увлеченная также на землю, упала на колѣни возлѣ него.

Тогда безсознательное животное, притянутое къ землѣ паденіемъ борющихся, опустило свои тяжелыя, подкованныя желѣзомъ копыта на черепъ Венда.

Доротея почувствовала, какъ на ея пальцы потекла горячая кровь. Руки, сжимающія ее, разжались и тяжело скользнули вдоль его бедеръ. Теперь она поняла, что могла отнять свои руки отъ шеи Венда, сдѣлавшейся неподвижной. Послѣдняя дрожь агоніи потрясла распростертое передъ нею тѣло.

Какъ же это случилось? Она убила его, или лошадь, которую она видѣла распрямившеюся во весь ростъ надъ нимъ? Ослѣпленное страхомъ животное послужило орудіемъ правосудію.

Доротея не отдавала себѣ отчета. Она ничего не понимала и ничего не знала.

Молодая женщина медленно поднялась, оцѣпенѣлая отъ совершившагося ужаснаго событія. Ея глаза не могли оторваться отъ этого размозженнаго лица, посинѣлаго и залитаго кровью.

Наконецъ, овладѣвъ собою отъ ужаса, лишь только порывъ борьбы совершенно разсѣялся, она сдѣлала безумный жестъ, и на дорогѣ раздался крикъ ужаса.

При звукахъ его лошадь-убійца, какъ бы со своей стороны охваченная безуміемъ, убѣжала галопомъ въ равнину, таща на поводьяхъ висящій трупъ Венда. Онъ бился у нея по ногамъ и своей тяжестью рылъ въ землѣ безполезную борозду.

При видѣ этого ужаснаго зрѣлища Доротея убѣжала, оглядывая поля и дорогу, освѣщенныя нарождающимся днемъ.

Никто ея не видѣлъ. Она была одна.

И, должно быть, сынъ Шульмейстера давно убѣжалъ, потому что, насколько далеко Доротея могла видѣть, она не замѣчала его болѣе.

По крайней мѣрѣ, пусть этотъ смѣлый, бѣлокурый, блѣдный, маленькій мальчикъ никогда не узнаетъ, что она сдѣлала, защищая его.

IV.

Соображенія генія войны одно за другимъ осуществлялись. 7 октября шесть корпусовъ французской арміи, прибывшихъ по различнымъ дорогамъ на назначенное свиданіе, соединились въ знаменитой долинѣ, по ту сторону горъ Шварцвальда и ихъ вюртембергскихъ отроговъ. Они только что ихъ обогнули, но не перешли.

Наполеонъ безъ боя успѣлъ завладѣть избранной территоріей, что дѣлало побѣду насколько возможно полной.

Ему предшествовала кавалерія Мюрата, который, послѣ того какъ маскировалъ свои движенія, наконецъ могъ снова занять свое обычное авангардное мѣсто въ походѣ. Онъ освѣтилъ ему страну своей неутомимой дѣятельностью, и 8-го числа утромъ ничего болѣе не оставалось, чтобы императоръ могъ считать себя выигравшимъ игру, какъ узнать навѣрно, въ какой степени непріятель былъ обманутъ его маневрами, и вслѣдствіе этого къ какому пункту великая армія должна была направить свои первыя усилія.

По правдѣ, эти послѣднія условія успѣха были также главными условіями.

Если бы Наполеонъ упустилъ изъ вида закрыть выходы, черезъ которые могли скрыться отъ него австрійскія войска, то все пришлось бы начинать сначала.

Если бы онъ не зналъ точнаго, послѣдняго распредѣленія силъ, которыя онъ хотѣлъ захватить, то это было бы, какъ будто онъ ничего не сдѣлалъ.

Конечно, у него было въ рукахъ чѣмъ сражаться и чѣмъ побѣдить сегодня или завтра, но его умъ хотѣлъ видѣть, что будетъ и послѣ этихъ двухъ или трехъ дней. Начальникъ отряда имѣетъ право разсматривать предстоящее сраженіе, глава же арміи и народа долженъ заранѣе опредѣлить движенія, которыя будутъ происходить. Война—драма, въ которой, прежде чѣмъ написать хотя одну строчку, надо составить полную программу. Авторъ долженъ знать, куда онъ идетъ и какъ пойдетъ.

Событіе было подготовлено, но всѣ случайности не могли быть предусмотрѣны.

Что же дѣлалъ Макъ? Гдѣ онъ былъ? Которымъ справкамъ онъ повѣрилъ? Что это было за войско, по правдѣ, немногочисленное, на

присутствіе котораго на берегу Дуная указывала кавалерія Мюрата? Принадлежало ли оно къ отдѣленному корпусу Кинмейера, или къ Ульмскому гарнизону? Кого караулило оно: баварцевъ ли, союзниковъ Франціи, или французовъ, союзниковъ Боваріи?

Удалось ли наконецъ найти въ лагерѣ всю армію, которую хотѣли захватить? Не ускользнула ли она оттуда? Или не приготовляется ли еще она оттуда бѣжать?

Единственный человѣкъ, который могъ бы снабдить Наполеона точными указаніями по всѣмъ этимъ пунктамъ, былъ Шульмейстеръ. Но онъ не подавалъ признака жизни, съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ изъ Страсбурга. Не захватили ли его? Былъ ли онъ убитъ? Во всякомъ случаѣ онъ молчалъ.

Поэтому императоръ 8-го октября, утромъ, послѣ того, какъ принялъ доклады своихъ офицеровъ въ Донауверте, гдѣ онъ проводилъ ночь, выказалъ прескверное настроеніе духа. Онъ могъ вывести изъ противорѣчивыхъ разсказовъ, что въ общемъ ничего не знали о дѣйствительныхъ планахъ непріятеля.

Ланнъ, Сультъ и Ней находились передъ нимъ по обыкновенію въ безмолвіи, пока онъ не обращался прямо къ нимъ съ вопросомъ.

— Мы охотимся на барсуковъ, господа,—сказалъ Наполеонъ, прогуливаясь съ нетерпѣніемъ по скромной школьной залѣ, гдѣ онъ на одно утро устроилъ свой императорскій кабинетъ.—Мы прорыли одинъ ходъ въ ихъ логовище, но самый тонкій изъ васъ не способенъ сказать, обойденъ ли звѣрь, или у него есть еще выходъ для спасенія. Посмотримъ, что ты думаешь объ этомъ, Ланнъ?

— Я думаю, если твой дьяволъ зять... Простите, государь... Я думаю, если его королевское высочество, принцъ Мюратъ, не извѣстилъ насъ точно о позиціи непріятеля, то никто на свѣтѣ объ этомъ ничего не знаетъ, потому что Мюратъ, какъ тактикъ, мозглякъ, но, какъ развѣдчикъ, онъ довольно хорошо знаетъ свое дѣло.

— Зато не совѣта Мюрата я спрашиваю у тебя, головорѣзъ, а твоего. Думаешь ли ты, что австрійцы дѣйствительно остались въ Ульмѣ?

— Можетъ быть, да, можетъ быть, нѣтъ! Не все ли равно, потому что тамъ или въ другомъ мѣстѣ мы ихъ все-таки побьемъ.

— Ты отвѣчаешь, какъ нормандецъ, и доказываешь, какъ гасконецъ. А вы, маршалъ Сультъ, что объ этомъ думаете?

Сультъ командовалъ самымъ многочисленнымъ корпусомъ великой арміи. Это былъ точный, преданный дисциплинѣ, уважаемый и осторожный воинъ. Онъ отвѣтилъ дипломатически:

— Если ваше величество этого не знаетъ, какъ же мнѣ знать? Однако, если надо все сказать, то я думаю, что мы имѣемъ успѣхъ. Когда цѣлая армія отступаетъ передъ другою, то это производитъ большее движеніе, чѣмъ то, на которое намъ указали.

— Очень резонно!—сказалъ императоръ.—А вы, Ней?

Храбрый маршалъ, спрошенный въ свою очередь, побагровѣлъ, что̀ съ нимъ случалось каждый разъ, когда онъ говорилъ передъ Наполеономъ.

Онъ кончилъ тѣмъ, что сказалъ:

— Я, я нахожу, что принцъ Мюратъ заставляетъ себя долго ждать! Ему слѣдовало бы уже отвѣчать на вопросы императора. Какой чортъ, видятъ, что видятъ. Это ему надо смотрѣть и пріѣхать намъ сообщить, въ какомъ мы положеніи. Я не мастеръ воображать вещи, и не мое дѣло говорить, гдѣ непріятель. Пусть мнѣ покажутъ его, а я побью. Вотъ и все!..

— Не много же я узналъ,—сказалъ Наполеонъ, который не могъ удержаться отъ улыбки при этой воинственной выходкѣ и ударилъ Нея по плечу.—По счастью, я слышу, что кто-то пріѣхалъ. Рустанъ, посмотри, что тамъ такое!

До тѣхъ поръ неподвижно стоявшій около открытой двери мамелюкъ едва успѣлъ броситься на дорогу, на которой въ самомъ дѣлѣ былъ слышенъ топотъ лошадей, какъ показался на порогѣ элегантный и воинственный силуэтъ Мюрата.

— Ты очень опоздалъ,—сказалъ ему императоръ.—По крайней мѣрѣ, принесъ ли ты мнѣ новости?

— Я думаю,—отвѣтилъ принцъ: — во всякомъ случаѣ я... доставляю вашему величеству ребенка, который вамъ дастъ ихъ.

— Ребенка?

— Не угодно ли вамъ, государь, взглянуть на эту картину?

Императоръ, сопровождаемый маршалами, направился къ двери.

Онъ увидѣлъ, что одинъ изъ офицеровъ эскорта держалъ передъ собою сидящаго передъ нимъ на сѣдлѣ маленькаго спящаго мальчика.

— Это что такое?.. Гдѣ это ты подобралъ его? Не съ ума ли ты сошелъ, Мюратъ? Мнѣ требуются не мальчишечьи сновидѣнія, а свѣдѣнія о непріятельской арміи.

— Я знаю этого мальчика,—отвѣтилъ, не волнуясь, начальникъ кавалеріи,—а его имя скажетъ вамъ, государь, почему я привелъ его къ вамъ.

— Какъ его зовутъ?

— Гансъ Шульмейстеръ.

— Шульмейстеръ? Ты въ этомъ увѣренъ?.. Вели его разбудить, и пусть онъ придетъ ко мнѣ.

Ахъ, если бы кто нибудь могъ сказать императору французовъ, прежнему первому консулу республики, настоящее имя этого ребенка!

Онъ появился, протирая глаза, нѣсколько мгновеній спустя послѣ того, какъ вошелъ Наполеонъ въ большую совершенно бѣлую залу, гдѣ находились генералы.

Если бы геніальный авантюристъ, достигшій до самой вершины почестей, обреченный судьбою жить еще нѣсколько лѣтъ въ лучахъ побѣдъ, могъ угадать, что подъ этой одеждой крестьянина, явившагося передъ нимъ, скрывается отпрыскъ знаменитой расы, сирота, отца котораго онъ убилъ, принцъ, обаятельное имя котораго онъ уничтожилъ.

Если бы побѣдитель, гордившійся тѣмъ, что онъ воплощалъ всю революцію въ своей маленькой треуголкѣ, зналъ, что потомокъ Кондé, имѣющій въ своихъ венахъ кровь Бурбоновъ, принесъ ему, Бонапарту, залогъ успѣха!

Но никто изъ присутствовавшихъ офицеровъ объ этомъ не зналъ. Рокъ, который подчеркиваетъ впослѣдствіи уроки исторіи, пренебрегаетъ предупредить своихъ героевъ о контрастахъ, ожидающихъ ихъ. Въ душѣ убійцы не было никакихъ угрызеній, въ сердцѣ же жертвы не было никакого содроганія ненависти.

Гансъ смотрѣлъ на внушительныхъ личностей, находившихся передъ нимъ, съ довѣрчивою смѣлостью, присущею его лѣтамъ. Наконецъ-то онъ снова увидѣлъ голубые мундиры. Повернувъ голову въ сторону Мюрата, послѣ того, какъ ихъ разсмотрѣлъ, Гансъ мило улыбнулся ему, какъ бы съ благодарностью.

Но къ нему вернулись тотчасъ же воспоминанія объ ужасныхъ событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, и на его чертахъ обрисовалась горестная мрачность.

Когда французскій часовой увидѣлъ его на зарѣ, изнуреннаго длиннымъ путемъ и торопящагося къ нему, то мальчикъ могъ отвѣтить на обыкновенные вопросы только одними и тѣми же словами, постоянно повторяемыми съ настойчивостью, въ которой замѣчалась растерянность.

— Я хочу видѣть принца Мюрата, чтобы онъ предупредилъ императора о моемъ приходѣ.

Солдатъ началъ съ жалостливой улыбки. Есть же въ поляхъ по утрамъ, думалъ онъ, маленькіе крестьяне, настолько дерзкіе, чтобы имѣть желаніе быть принятыми маршалами и даже «Маленькимъ Капраломъ»!.. Но мальчикъ былъ такъ наивно упрямъ въ своей просьбѣ, въ его произношеніи была такая трагическая тоска, что честный малый кончилъ словами:

— Ну, ладно, проходи, крошка! Черезъ четверть часа, приблизительно, придутъ меня смѣнить. Начальникъ поста увидитъ, что съ тобою дѣлать.

Гансъ пошелъ и сѣлъ съ невиннымъ видомъ на траву передъ часовымъ. Послѣдній ревностный исполнитель дисциплины взялъ на руку штыкъ.

— Убирайся вонъ, мальчуганъ! Запрещено останавливаться ближе, по крайней мѣрѣ, длины пяти кларнетовъ. Съ подобными ногами, какими располагаешь ты, это, по меньшей мѣрѣ, двадцать

шаговъ... Постой, сядь вонъ на этотъ земляной пригорокъ, тамъ, направо и подожди, когда придутъ.

Мальчуганъ повиновался. Онъ пошелъ къ назначенному мѣсту. Его шаги были шатающіеся, какъ у несчастнаго созданія, выбившагося изъ послѣднихъ силъ. Онъ упалъ на склонъ холма, думая только, какъ бы отдохнуть нѣсколько мгновеній. Затѣмъ его мысли смѣшались. Ему казалось, что его душа покинула разбитое тѣло, которое лежало тамъ; его руки и ноги были не его; глаза закрывались, и въ свѣжести сіяющей зари сонъ овладѣлъ имъ цѣликомъ.

Тамъ-то и нашли Ганса, нѣсколько времени спустя, когда пришелъ патруль смѣнить часовыхъ. Онъ продолжалъ спать со сжатыми кулаками. Мальчикъ не проснулся даже, когда солдатъ, котораго очередь стоять на караулѣ миновала, взялъ его на руки, чтобы отнести въ лагерь.

— Вотъ ты и папашей сдѣлался,—говорили ему другіе въ насмѣшку.—Мальчуганъ не очень утрудилъ тебя воспитаніемъ, гмъ!

— Смѣйтесь, сколько хотите,—отвѣчалъ пѣхотинецъ, но когда этотъ маленькій соня смотрѣлъ бы на васъ, какъ онъ смотрѣлъ на меня, то вы признали бы безжалостнымъ покинуть его.

И начальникъ патруля, старый ворчунъ, прикидывающійся жестокимъ, но на самомъ дѣлѣ добрякъ, прибавилъ:

— Все равно мы вернемся на постъ многочисленнѣе, чѣмъ отправились. Капитанъ подумаетъ, что мы дорогою веселились.

Такимъ образомъ Гансъ окончилъ ночь при восходѣ солнца на рукахъ солдатъ. Проснувшись, лишь только его поставили на ноги передъ офицеромъ, онъ тотчасъ же сказалъ своимъ тоненькимъ рѣшительнымъ голоскомъ:

— У меня есть порученіе къ маршалу Мюрату, который меня знаетъ. Не проведете ли меня, пожалуйста, къ нему?

Съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ французскихъ солдатъ, по его, мнѣнію его разукрашенный перьями другъ не могъ находиться далеко отъ нихъ.

— Какъ ты знаешь принца Мюрата?—спросилъ начальникъ поста.

— Онъ пріѣзжалъ къ намъ сначала въ Страсбургъ, а затѣмъ въ Оффенбургъ.

— Гдѣ бумаги, которыя ты принесъ ему?

— У меня нѣтъ бумагъ. Я выучилъ слова на память.

— А! Отъ кого же ты пришелъ?

— Отъ отца. Онъ тамъ въ плѣну у австрійцевъ, и его, быть можетъ, разстрѣляютъ.

— Кто твой отецъ?

— Онъ служитъ императору одинъ... въ ожиданіи вашей помощи.

Отвѣчая такимъ образомъ, ребенокъ казался выше на цѣлый локоть. Его глаза бросали пламя. Его голосъ дрожалъ. Пламенное убѣжденіе, одушевлявшее его, успокоило подозрѣніе допрашивающихъ его.

Тогда одинъ кавалеристъ, принадлежащій къ взводу гусаръ, возвращаясь на мѣсто квартированія, посадилъ его сзади себя на лошадь. Затѣмъ послѣ долгаго пути онъ довѣрилъ Ганса одному офицеру главнаго штаба. Послѣдній, исполнивъ данное порученіе, согласился охотно взять мальчика и отправился разыскивать Мюрата. Наконецъ Гансъ очутился въ присутствіи того, кого хотѣлъ видѣть.

— Какъ, это ты, крошка?—тотчасъ же закричалъ принцъ въ порывѣ расположенія, удивившемъ всѣхъ офицеровъ.—Что ты здѣсь дѣлаешь?

Гансъ принялся, какъ можно яснѣе, разсказывать тихимъ голосомъ, чтобы никто изъ окружающихъ не могъ слышать событія этой ночи. Онъ сообщилъ принцу, какъ его мать, и «потомъ» Родекъ, и «потомъ» Лизбетъ, и «потомъ» онъ самъ пріѣхали наканунѣ послѣ длиннаго пути въ какое-то селеніе, какъ деревня, имени которой онъ не зналъ, но которую сумѣлъ бы разыскать, была наводнена ночью гренадерами. Онъ съ мелочной точностью описалъ мундиры австрійцевъ, свое безумное путешествіе, съ цѣлью предупредить голубыхъ, и встрѣчу съ отцомъ. Онъ разсказалъ, что непріятели удержали отца плѣнникомъ и хотѣли убить, потому что нашли у него письмо, предназначенное императору. Наконецъ онъ передалъ о чтеніи вслухъ «не слишкомъ злого» стараго полковника всего, что было на этомъ маленькомъ клочкѣ бумажки.

Гансъ позабылъ только одну подробность: онъ ничего не сказалъ о своемъ личномъ арестѣ, ни о пыткахъ, которыми хотѣли провѣрить, понимаетъ ли онъ французскій языкъ и знаетъ ли обвиняемаго.

Настоящіе герои, даже будь имъ одиннадцать лѣтъ, не подозрѣваютъ своего героизма.

— И ты помнишь, что читали въ твоемъ присутствіи?—спросилъ его принцъ.

— О, да! Я столько разъ это повторилъ мысленно, сколько могъ, когда шелъ сюда. Я разскажу вамъ, не забывъ ни одного слова.

— Хорошо, скажи мнѣ это!..

Инстинктивная и очаровательная вѣжливость продиктовала ребенку слѣдующій отвѣтъ:

— Вѣдь... письмо было къ императору!

Послѣ кратковременнаго неудовольствія Мюратъ отвѣтилъ съ благосклонной улыбкой.

— Тогда пойдемъ къ императору.

Гансъ былъ счастливъ, что удержалъ тайну до конца. Его посадили на большую лошадь, на которой сидѣлъ самый молодой и самый ловкій адъютантъ принца. Въ такомъ-то видѣ Наполеонъ увидѣлъ его прибывшимъ передъ своей императорской квартирой. Онъ снова заснулъ, убаюкиваемый ѣздою. Но только что его поставили на землю и ввели въ бѣлый залъ школьнаго дома, какъ его глаза прояснились, и память была къ его услугамъ.

— Ты передъ императоромъ Наполеономъ,—сказалъ ему Мюратъ.—Говори теперь.

Искренній и умный взглядъ ребенка обѣжалъ окружающія его лица и узналъ тотчасъ же того, къ которому надо было обратиться. Онъ увидѣлъ въ немъ кое-что иное, чѣмъ въ другихъ присутствующихъ.

— Это вы, сударь, императоръ?

— Да, я. Говори безъ опасенія. Гдѣ ты оставилъ твоего отца?

Наполеонъ сѣлъ и наклонился, чтобы лучше его разсмотрѣть.

Тогда Гансъ снова разсказалъ Наполеону то же, что и Мюрату. Но онъ тотчасъ же видѣлъ, что не одно и то же говорить съ простымъ маршаломъ и съ императоромъ. Въ то время, какъ онъ разсказывалъ о событіяхъ, маленькій, блѣдный, темноволосый человѣкъ, разспрашивающій его, поворачивалъ время отъ времени голову къ столу, гдѣ была разложена карта, и пальцемъ, казалось, слѣдовалъ по дорогѣ, гдѣ бѣжалъ мальчикъ.

— Не правда ли, ты былъ въ Вертингенѣ, когда нѣмецкіе гренадеры явились туда?

Внезапно заданный Наполеономъ вопросъ, напомнилъ ему имя, которое говорилъ полковникъ, приказывая одному изъ солдатъ проводить его.

— Да, да, Вертингенъ. Именно такъ его называли.

— Не помнишь ли ты, съ какой стороны ты пришелъ къ рѣкѣ?.. Шелъ ли ты справа, или слѣва, отъ того мѣста, гдѣ твой отецъ находится плѣнникомъ, когда достигъ нашихъ солдатъ?

Инстинктивно, прежде чѣмъ отвѣтить, Гансъ протянулъ правую руку передъ собою, какъ бы указывая своей памяти дорогу.

— Тамъ,—сказалъ онъ.

— Хорошо.

Наполеонъ обернулся къ Мюрату и сказалъ:

— Помни, что свободенъ проходъ на югъ отъ Гогенрейхена.

Затѣмъ онъ снова обратился къ Гансу.

— Но почему же ты знаешь, что хотятъ убить Шульмейстера? Ты, значитъ, видѣлъ его близко и слышалъ, что говорили вокругъ его?

Тогда потребовалось, чтобы ребенокъ дополнилъ свой разсказъ. Онъ это сдѣлалъ такъ же естественно, какъ и вначалѣ, и казалось, даже не подозрѣвалъ о силѣ души, которую онъ обнаруживалъ во все время допроса.

— Такъ ты сдѣлалъ видъ,—сказалъ улыбаясь Наполеонъ:—что не умѣешь говорить по-французски?

— Да, господинъ императоръ.

— И тебѣ удалось обмануть непріятеля?.. Какъ же они за это принялись? Какіе вопросы тебѣ задавали?

— Полковникъ, говоря со мною по-французски, сказалъ, что умерла моя мать. Онъ хотѣлъ увидѣть, какъ я отвѣчу.

— О!—сказалъ Ланнъ.

— И ты не выдалъ себя?

— Нѣтъ... И, однако, это правда.

— Чортъ возьми!—прогремѣли басомъ, въ одинъ голосъ, маршалы Ланнъ и Ней.

— Замолчите,—сказалъ Наполеонъ, смотря ласковыми глазами на честныхъ генераловъ. — Это очень хорошо, мое дитя,—продолжалъ онъ, возвращаясь къ маленькому развѣдчику: — скажи мнѣ теперь остальное.

Гансъ собрался съ духомъ, чтобы приступить наконецъ къ предмету своей миссіи. Онъ посмотрѣлъ въ глаза Наполеону съ пламеннымъ вниманіемъ и началъ разсказъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

— Хорошо, господинъ императоръ. Люди, собравшіеся вокругъ огня, нашли маленькую коробочку, въ которой лежало письмо къ вамъ. Мой отецъ сказалъ, будто не знаетъ, что въ немъ написано. Тогда ему прочитали вслухъ для доказательства, что онъ знаетъ содержаніе. Во все это время онъ такъ забавно смотрѣлъ на меня. Онъ такъ впился въ меня глазами, что мнѣ казалось, будто его глаза упираются въ мои... Затѣмъ онъ попросилъ полковника прочитать медленнѣе, говоря, что онъ не понимаетъ. Онъ все продолжалъ смотрѣть на меня!.. Тогда я сказалъ себѣ, что и мнѣ такъ же надо внимательнѣе слушать письмо, въ особенности конецъ его. Это было, когда еще не раскрыли моего присутствія, и меня видѣлъ только отецъ. Естественно, я внимательно слушалъ, и когда было окончено чтеніе, я повторилъ мысленно, что слышалъ. Поэтому я и не забылъ... Если вы хотите, я вамъ перескажу.

— Говори, я слушаю.

— Въ началѣ письма мой отецъ Карлъ говорилъ, что ему не стоитъ оставаться болѣе въ Ульмѣ, потому что генералъ... генералъ... Я не помню болѣе его имени...

— Макъ?

— Да, Макъ... О, вы настоящій императоръ: вы знаете всѣ имена!.. Генералъ Макъ вѣрилъ во все, во что вы хотѣли. Затѣмъ было сказано, это-то я на память помню: «Численность наличнаго состава войска 70.000 человѣкъ. Часть его можетъ ускользнуть черезъ Тироль съ Іелачичемъ или къ Богеміи съ эрцъ-герцогомъ;

остальные не двинутся. Городъ укрѣпленъ, но, если удержать Эльсингенъ, онъ взятъ». Вотъ и все!

— Славный ребенокъ!—не могъ удержаться, чтобы не сказать, Ланнъ.

— Да!—сказалъ Наполеонъ, подымая голову:—и ты можешь прибавить къ этому, что это достойный сынъ честнаго отца, такъ какъ мы знаемъ теперь самое важное.

Гансъ, не прерывая, снова началъ свой разсказъ и, закончивъ его, прибавилъ:

— Тогда, господинъ императоръ, если вы довольны, вы воспрепятствуете, чтобы разстрѣляли моего бѣднаго папу Карла?

— Конечно, мы воспрепятствуемъ!

И, повернувъ въ сторону Мюрата, Наполеонъ прошепталъ сурово, даже печально:

— Постарайся!..

V.

Долго сдерживаемый волею человѣка потокъ, плотина котораго въ назначенный часъ открылась, наконецъ устремляетъ свои воды. Подобно ему, великая армія, послѣ столькихъ дней молчаливой ходьбы и терпѣливаго повиновенія, услышала въ это утро изъ устъ своего начальника окончательный приказъ, который давалъ широкій просторъ ея необузданному порыву. Сразу со всѣхъ сторонъ выступила она и принялась развертывать свои полки по дорогамъ къ Лешу, Иллеру и къ Дунаю. Такимъ образомъ великая армія отрѣзала непріятелю отступленіе на Аугсбургъ и Мюнхенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пресѣкла бѣгство въ Мейнингенъ и Тироль. Она запирала мало-по-малу въ кругѣ штыковъ отряды укрѣпленнаго Ульмскаго лагеря, обращеннаго въ бѣгство прежде пораженія.

Всѣ знаменитые начальники, какъ Бернадотъ, Мармонъ, Даву, Ней, Ланнъ, Сультъ, Мюратъ, принялись за эволюціи, какъ фигуры гигантской шахматной доски, управляемыя всемогущею рукою. Одни бросились занимать города, гдѣ непріятель могъ укрѣпиться, другіе овладѣли мостами, которые открывали имъ дороги и закрывали ихъ противникамъ. Упорная иллюзія, которая долго оставляла въ бездѣйствіи сгрупировавшіяся грозныя силы, чтобы побѣдить непріятеля, теперь разсѣялась, но поздно. Каждая завѣса, спадающая передъ глазами генерала Мака, открывала передъ нимъ перерѣзанную дорогу; каждая вѣрная справка возвѣщала ему новую опасность.

Тогда начались битвы.

Вертингенъ, Гюнсбургъ, Ландсберъ, Гальсбахъ, Эльсингенъ — безсмертные дни, которые перевернули и разрушили одну за другою скороспѣлыя преграды, поставленныя, чтобы удержать побѣдные шаги французовъ! Не романисту о нихъ разсказывать. Они

написаны на камнѣ и на мѣди. Они поютъ славу французской арміи, подъ хорошо отражающими звуки тріумфальными арками и въ лѣпныхъ завиткахъ императорскихъ колоннъ.

Приготовленные ловкимъ геніемъ великаго полководца эти дни воодушевили и наполнили героизмомъ солдатъ. Они приготовили невообразимый успѣхъ, который изъ арміи сражающихся сдѣлалъ толпу плѣнниковъ, оставивъ въ рукахъ французовъ двѣсти пушекъ и девяносто знаменъ, шестьдесятъ тысячъ человѣкъ солдатъ, двадцать генераловъ и полторы тысячи офицеровъ.

Обходъ длился шесть дней отъ 8-го до 11-го октября. Маршалы, командовавшіе именемъ императора, чтобы привести свои приказы въ исполненіе, нашли такихъ генераловъ, какъ Эксельманъ, Лакюэ и Дюпонъ. Каждая встрѣча была счастлива; каждая битва приносила побѣду; каждый шагъ впередъ отличался блестящимъ успѣхомъ.

Однако на мгновеніе казалось все потеряннымъ.

Послѣ того, какъ Наполеонъ послалъ Нея, Ланна и Мюрата къ Гюнсбургу, Гогенрейхену и Вертингену, гдѣ его стратегія могла оказать прекрасное дѣйствіе, обезпечивъ ему успѣхъ, такъ какъ ей могло удаться спасти Шульмейстера, которому были обязаны успѣхомъ,—послѣ того какъ Сультъ былъ направленъ на Аугсбургъ, куда онъ нашелъ необходимымъ помѣстить серіознаго начальника и многочисленное войско,—Наполеонъ чувствовалъ необходимость отправиться лично давать объясненія и важныя приказанія другимъ генераламъ. Онъ пустился въ путь, чтобы ускорить передвиженіе арміи и заставить ее сойтись къ одной точкѣ.

Покидая главныя части своей арміи, съ этой минуты имѣющія соприкосновеніе съ непріятелемъ, онъ считалъ долгомъ установить, для порядка операцій, іерархію изъ людей, которыхъ военная градація была одинакова, хотя ихъ талантъ глубоко различался.

Совѣтуясь только съ этикетомъ своего двора, онъ предоставилъ Ланна и Нея подъ начальство Мюрата... Развѣ послѣдній не былъ его зятемъ, чтобы услуги остальныхъ съ этого времени стушевывались.

Ланнъ, можетъ быть, изо всѣхъ его сподвижниковъ отличался наибольшею проницательностью и душею разомъ твердою и наиболѣе отважною. Это былъ начальникъ въ полномъ смыслѣ слова. Съ другой стороны, Ней не имѣлъ себѣ равнаго въ сраженіяхъ для того, чтобы увлекать за собою солдатъ, и всѣ доблести, всѣ смѣлости казались скромными въ сравненіи съ его героизмомъ. Но они оба были отдалены отъ императорскаго трона; они не были «ихъ высочествами», не занимали замѣтнаго мѣста въ императорской семьѣ, а потому должны были стушеваться.

Такова жалкая слабость великаго ума, извращеннаго гордостью.

Услышавъ этотъ приказъ, Ланнъ поблѣднѣлъ и ничего не отвѣтилъ. Ней побагровѣлъ и что-то прошепталъ. Однако, такъ какъ шли въ сраженіе, то каждый изъ нихъ подчинился и приготовился исполнить долгъ.

Что касается Мюрата, то онъ ликовалъ. Императоръ довѣрилъ ему шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, чтобы держать непріятеля въ почтеніи. Теперь онъ имѣлъ право сказать обоимъ маршаламъ Франціи: «Я хочу».

Онъ это тотчасъ же сказалъ.

Его тщеславіе не остановилось, чтобы дать почувствовать свой новый авторитетъ, и какъ только императоръ не былъ болѣе тамъ, онъ разыгралъ роль императора.

— Дорогой маршалъ,—сказалъ онъ Ланну,—я разсчитываю слѣдовать по правому берегу Дуная, поднимаясь по теченію рѣки. Въ то время, какъ маршалъ Ней двинется прямо на Гюнсбургъ, гдѣ онъ овладѣетъ мостами, вы пройдете здѣсь по лѣвому берегу, съ одной изъ вашихъ дивизій и обратите въ бѣгство войска, которыя увидите передъ собою.

— Очень хорошо, принцъ,—отвѣтилъ Ланнъ нѣсколько насмѣшливымъ тономъ: — но на кого и на что я могу опереться, если встрѣчу силы, много превышающія мои?

— Развѣ я не буду тамъ?

— Да!.. на другой сторонѣ рѣки и безъ всякаго моста для перехода.

— Чего же вы опасаетесь?..

— О принцъ! вы знаете, что Ланнъ, какъ мнѣ кажется, ничего не боится.

— Безъ сомнѣнія! Безъ сомнѣнія. Я не то хотѣлъ сказать.

— Тогда что же?

— Наконецъ безполезно оспаривать приказы императора, которые я передаю.

— Такъ это приказъ! Это предписаніе?.. Пусть будетъ такъ! Я приведу въ исполненіе. Только напишите мнѣ, пожалуйста, приказъ.

— Согласенъ. Я сейчасъ пойду...

— О! поторопитесь! Я пришлю сейчасъ одного изъ моихъ ординарцевъ, которому вы вручите его.

Ланнъ вышелъ, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не пожать плечами.

Пришла очередь Нея.

— Вы слышали, маршалъ, что я предписалъ маршалу Ланну?—спросилъ его Мюратъ.

— Вполнѣ.

— Требуете ли и вы, чтобы я далъ приказъ въ настоящей формѣ?

— Безполезно, принцъ! Я нахожу, что эти распоряженія не имѣютъ здраваго смысла, и такъ какъ ихъ необходимо измѣнить, то я предпочитаю, чтобы вы дали мнѣ свободу въ подробностяхъ.

— Но я вовсе не думаю дать ее вамъ!

— А! Вашъ планъ не преложенъ.

— Мой планъ! мой планъ!.. Я привыкъ дѣлать его только въ присутствіи непріятеля. Но я знаю, куда надо итти, и этого вамъ достаточно.

— Мнѣ этого будетъ достаточно, принцъ, съ условіемъ, если вы перестанете со мною такъ говорить. Я не какой нибудь малчишка офицеръ, понимаете ли вы?

— Что я могу на это сказать!—воскликнулъ Мюратъ.

Оба разгнѣванные человѣка приблизились одинъ къ другому, мѣряя другъ друга взглядомъ съ ногъ до головы. Еще одно слово, и жестъ, который Ней съ трудомъ удерживалъ, былъ бы приведенъ въ исполненіе. Тогда, пожалуй, увидѣли бы странный, смертельный поединокъ передъ войскомъ между двумя начальниками, которымъ поручено вести его противъ врага! Никто изъ присутствовавшихъ офицеровъ не смѣлъ вмѣшаться въ ихъ ссору. Случаю было угодно, что въ этотъ самый моментъ у дверей дома раздался дѣтскій голосъ. Это былъ голосъ принесшаго новость маленькаго мальчика, приходъ котораго сейчасъ же перемѣнилъ рѣшеніе императора.

Гансъ, съ нетерпѣніемъ желавшій скорѣе отправиться, ждалъ, чтобы Мюратъ взялъ его съ собою, но, увидавъ дефилирующихъ гренадеръ Удино, онъ забылъ все остальное. Онъ недавно еще любовался ими, когда они проѣзжали въ телѣжкахъ въ Страсбургъ. Гансъ вспомнилъ всѣ подробности этого вечера, которые незадолго предшествовали ужаснымъ приключеніямъ въ деревнѣ. Онъ задумался объ отцѣ и Лизбетѣ, и въ его памяти возникли воспоминанія о слышанныхъ имъ тогда на дорогѣ въ Савернъ припѣвахъ и о телѣгахъ, переполненныхъ солдатами. Невольно, несмотря на свою печаль и смертельную грусть, онъ тихо повторялъ эти припѣвы. Вскорѣ своимъ чистымъ, какъ кристалъ, голоскомъ, немного нерѣшительнымъ, онъ запѣлъ одинъ изъ припѣвовъ.

Оба удивленные маршала повернули головы и увидѣли проходящихъ по дорогѣ солдатъ. Хладнокровіе тотчасъ же вернулось къ нимъ.

— Я повинуюсь, принцъ!—сказалъ Ней еще дрожавшимъ отъ гнѣва голосомъ.—Не здѣсь и не сегодня надо объясняться.

И въ то же время, какъ Мюратъ, плохо владѣвшій собою, чтобы найти радушное слово, которое, не бывъ извиненіемъ, походило бы на него, оставался застывшимъ въ высокомѣрной позѣ,—Ней вышелъ съ краснымъ лицомъ, съ ощетинившимися на щекахъ волосами и глазами, метавшими пламя.

Гансъ смотрѣлъ съ удивленіемъ и ужасомъ на проходившаго Нея и не думалъ болѣе пѣть свою пѣсню.

VI.

Съ того момента, какъ Шульмейстеръ снова увидѣлъ во время допроса грустное и взволнованное лицо своего пріемнаго сына, онъ почувствовалъ такое томленіе, какъ будто онъ разрывался отъ усталости, нравственно безсильный и безнадежный во всѣхъ отношеніяхъ. Въ такомъ настроеніи его заставили австрійцы покинуть лагерь, чтобы запереть въ надежномъ мѣстѣ.

Мало того, что его предпріятіе казалось ему совершенно съ этихъ поръ погибшимъ, благодаря измѣнѣ Венда, но еще онъ увлекъ за собою самыя невинныя, самыя слабыя и любимыя существа, безумно скомпрометировавъ ихъ.

Онъ не могъ окончить свою задачу, а эта задача была маленькій одиннадцатилѣтній мальчикъ, котораго онъ взялся воспитать. Онъ не могъ лично преодолѣть опасности и всю тяжесть ихъ передалъ этому ребенку. Какой хаосъ мыслей былъ у него въ головѣ въ то время, какъ его вели въ Гогенрейхенъ!... Шульмейстера эскортировали восемь человѣкъ, подъ предводительствомъ унтеръ-офицера. Двое изъ нихъ съ ружьями на плечѣ держали концы веревки, связывающей ему руки за спиною. Двое другихъ, съ заряженными ружьями и готовые открыть огонь, сопровождали его. Сержантъ замыкалъ шествіе. Четверо послѣднихъ солдатъ, размѣщенныхъ, какъ стрѣлки, съ каждой стороны тропинки, служили какъ бы передовымъ постомъ вокругъ движущейся крѣпости, гдѣ онъ былъ заключенъ.

Эти мелочныя предосторожности достаточно указывали, какую необыкновенную важность придавали его аресту. Онѣ отстраняли идею о бѣгствѣ. Чувствовалось, что эти предосторожности были предприняты для уничтоженія плана бѣгства. Но развѣ Шульмейстеръ мечталъ ускользнуть? Для людей дѣла, какъ онъ, самыя грозныя обстоятельства ничего не значатъ, когда есть надежда, хотя бы очень слабая, ихъ побороть. Но пока не свѣтитъ хотя ничтожный лучъ надежды, проникающій иногда черезъ толстыя стѣны, пока случай запаздываетъ, они безропотно покоряются и ждутъ.

Почему расположеніе ума измѣнилось тотчасъ, лишь узникъ былъ заключенъ въ деревенскій чуланъ. Его узкое окно было защищено двумя желѣзными перекладинами, положенными на крестъ, а дверь, достаточно внушительная и запертая на ключъ, кромѣ того, охранялась снаружи часовыми съ отвратительными лицами.

Не правда ли, странное противорѣчіе, возрождающее въ душѣ узника слабую надежду, именно въ тотъ моментъ, когда дверь чулана запирается за нимъ!

Однако такъ бываетъ. Едва Шульмейстеръ остался одинъ въ этомъ бѣдномъ и тѣсномъ помѣщеніи, откуда при его появленіи

вынесли всѣ желѣзныя земледѣльческія орудія, всѣ обрывки веревокъ, всѣ куски досокъ и бревенъ, вообще все, что могло бы ему служить для бѣгства, онъ инстинктивно былъ убѣжденъ, что на половину спасенъ.

Сначала онъ сѣлъ на худую скамью, единственную мебель, оставшуюся въ чуланѣ. Онъ сейчасъ же принялся высчитывать вѣроятное время, которымъ онъ еще располагаетъ.

Для кавалериста съ хорошей лошадью необходимо около полутора часа, чтобы проѣхать отъ Вертингена въ Ульмъ. На совѣщаніе главнокомандующаго съ генералами и доставленіе его приказа требовалось два часа, итого три часа съ половиной; въ теченіе этого времени никакая внезапная опасность не угрожаетъ его жизни.

Судя по цвѣту неба, должно быть пять часовъ утра: заря начинаетъ бѣлить отдаленныя части звѣзднаго свода надъ холмами горизонта.

— Пять и три будетъ восемь,—сказалъ Шульмейстеръ.—Если я не освобожусь въ восемь съ половиною часовъ, въ девять я буду мертвъ. Кое-что значитъ знать опредѣленно свою судьбу. Но отдохнемъ немного; я слишкомъ усталъ въ данный моментъ, чтобы имѣть опредѣленныя идеи... Ляжемъ-ка поудобнѣе!

Разстегнувъ куртку, онъ снялъ лѣвый сапогъ и принялся затѣмъ за свою правую ногу.

— Чортъ возьми!—сказалъ онъ, прервавъ тотчасъ же свои занятія.—Что это такое?

Подъ кожанымъ голенищемъ, наполовину распоротымъ и доходившимъ почти до колѣна, пальцы Шульмейстера почувствовали твердое, длинное, цилиндрическое тѣло.

— Ахъ! я забылъ!... Я еще богатъ, у меня тамъ свертокъ въ тысячу франковъ!.. Что значитъ экономія и порядокъ, гмъ! Я угадалъ, что мнѣ предстоитъ «расходовать» много денегъ, чтобы затмить господина Венда. У меня была мысль, что придется употребить на означенное дѣло этотъ маленькій резервъ, который я къ моей радости теперь нашелъ. Тысячу франковъ предстоитъ промотать въ три часа... Я увѣренъ, что у самого банкира Уврара нѣтъ столько денегъ.. Что же я сдѣлаю съ этимъ сокровищемъ?... Я очень голоденъ, но я никогда столько не съѣмъ, чтобы израсходовать ихъ всѣ. У меня страшная жажда, но гдѣ же, чортъ возьми, здѣсь погребокъ?...

Слово «погребокъ», вѣроятно, пробудило въ его умѣ новую мысль, такъ какъ Шульмейстеръ моментально исправилъ равновѣсіе своего туалета и направился къ окну. Для ловкаго и сильнаго человѣка, какъ онъ, было бы шуткой проскользнуть черезъ окно, если бы оно не было снабжено желѣзными перекладинами. Но Шульмейстеръ мечталъ не о томъ. Зная, что не можетъ сдѣлать большаго, онъ ограничился тѣмъ, что тихонько просунулъ голову въ одинъ

изъ маленькихъ квадратовъ, оставленныхъ свободными между крестомъ изъ перекладинъ. Онъ остановился лишь, когда его носъ коснулся камня, довольный тѣмъ, что его глаза обдуло воздухомъ.

Затѣмъ, склоняя голову, то въ одну сторону, то въ другую, онъ взглядомъ изслѣдовалъ окрестности лачуги, гдѣ онъ помѣщался Шульмейстеръ дѣлалъ это, какъ человѣкъ, привыкшій подвергать свои первыя впечатлѣнія строгой логической критикѣ.

— Да, конечно,—говорилъ онъ,—я не вижу ни одной живой души. Простакъ могъ бы заключить, что онъ одинъ здѣсь съ патрулемъ, назначеннымъ его стеречь... Но не будемъ такъ поспѣшны, мы не дѣти, чортъ возьми!...

Послѣ минутнаго размышленія онъ отошелъ отъ окна къ двери. Ему было достаточно для этого путешествія двухъ шаговъ, и онъ принялся стучать кулакомъ въ толстыя доски двери.

— Что! Что тамъ такое?—сказалъ грубый голосъ снаружи.

— Дѣло въ томъ, товарищъ, что я голоденъ и чувствую жажду. Не спросите ли вы патрульнаго офицера, чтобы мнѣ дали ѣсть и пить?...

— Нѣтъ офицера.

— А! Возможно ли это?

Отвѣта нѣтъ.

— Полно, товарищъ!—возразилъ Шульмейстеръ:—я знаю, что австрійская армія самая прекрасная, и дисциплина въ ней лучше, чѣмъ во всей Европѣ. Навѣрно съ той минуты, какъ отряженъ караульный постъ, офицеръ, командующій имъ, приходитъ провѣрять, все ли благополучно, и скорѣе два раза, чѣмъ одинъ.

— Нѣтъ офицера,—отвѣчалъ грубый голосъ часового.

— Вотъ такъ разъ!—сказалъ себѣ заключенный.—Это хорошо знать! Повидимому, гарнизонъ не очень здѣсь многочисленъ.

— Если нѣтъ офицера,—настаивалъ онъ громко:—вы не откажитесь передать мое требованіе сержанту!

— Онъ спитъ.

— Но когда онъ придетъ...

— Онъ не придетъ.

— Какъ! Какъ вы будете меня стеречь все время, и васъ никто не смѣнитъ?

— Это до васъ не касается! Я не долженъ ни разговаривать съ узникомъ, ни позволять ему говорить со мною. Замолчите, или я позову.

— Кого вы позовете?

— Сержанта.

— Хорошо, позовите его; этого именно я и просилъ у васъ.

За дверью послышался грубый смѣхъ.

— «Положительно,—сказалъ себѣ Шульмейстеръ:—нѣтъ никакого сомнѣнія. Я порученъ восьми людямъ, которые привели меня сюда,

и деревенскій гарнизонъ, если только онъ есть, остается безразличенъ къ ихъ дѣйствіямъ».

Послѣ нѣкотораго молчанія Шульмейстеръ пробормоталъ такъ, чтобы его услышали, не замѣтивъ, что онъ это дѣлаетъ нарочно.

— Все равно я окоченѣлъ!. Если бы была возможность достать немного водки, я заплатилъ бы хорошо!

Часовой не отвѣчалъ.. Шумъ, произведенный ружейнымъ прикладомъ, положеннымъ внезапно на землю, позволялъ предполагать, что перспектива утренняго возліянія вина безконечно прельщала часового. Можетъ быть, желаніе, выраженное узникомъ, соотвѣтствовало давно лелѣяннымъ тайнымъ надеждамъ тюремщика. Можетъ быть, онъ нечаянно въ немъ пробудилъ усыпленную жажду? Во всякомъ случаѣ невозможно обмануться: часовой жаждалъ выпить.

Шульмейстеръ предоставилъ ему на одно мгновеніе мечтать, и ничего болѣе не говорилъ. Когда онъ нашелъ, что солдатъ созрѣлъ для новой попытки къ подкупу, онъ принялся снова говорить, какъ бы самъ съ собою.

— Какой я дуракъ! Слишкомъ рано, чтобы достать выпить. Всѣ жители, должно быть, еще спятъ. Подождемъ!

Тяжелые шаги приблизились къ двери, къ которой Шульмейстеръ приложилъ ухо. Голосъ часового внезапно сдѣлался до невозможности нѣжнымъ, и черезъ щель двери послышались слѣдующія слова, которыя Шульмейстеръ слушалъ съ опьяненіемъ.

— Если у васъ есть деньги, чтобы заплатить, то, можетъ быть, удастся достать вамъ бутылку водки. Хозяинъ дома только что проснулся.

— Благодарю, товарищъ!—отвѣчалъ украдкой узникъ:—но я поразмыслилъ, что могу подождать. Полноте! я не хочу, чтобы васъ наказали.

Это притворное благоразуміе раздражило жажду часового.

— Меня не увидятъ. Безполезно стѣсняться.

— Но если придутъ васъ смѣнить въ это время?—возразилъ хитрый Шульмейстеръ.

— Ранѣе, какъ черезъ часъ, не придутъ; у насъ есть время.

— Ладно! вы честный молодецъ! Я согласенъ. Будьте внимательны; я пропущу подъ дверь золотую манету, и вы отправитесь искать нашего хозяина, возьмете все, что есть лучшаго въ его погребѣ, заплатите ему, а мелочь оставите себѣ за труды.

Если бы стѣны имѣли глаза, то они служили бы въ особенности для заключенныхъ, которые насторожѣ отъ малѣйшаго шума. Шульмейстеръ видѣлъ сквозь дверь, какъ его караульный наклонился къ порогу, онъ видѣлъ этотъ жестъ лакомки, съ какимъ солдатъ искалъ блаженную монетку, и озадаченное лицо солдата, когда, спустя нѣсколько минутъ, ничего не показалось изъ-подъ двери.

— Ну, что же!—сказалъ грубый голосъ.—Торопитесь! Я не нахожу....

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13